ИЗЪ ОБЛАСТИ ТАИНСТВЕННАГО.

ПРОСТАЯ РѢЧЬ

О БЫТІИ И СВОЙСТВАХЪ

ДУШИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ,

КАКЪ БОГОПОДОБНОЙ ДУХОВНОЙ СУЩНОСТИ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

разсказовъ и размышленій, приводящихъ къ признанію духовнаго міра вообще.

«*Родъ человѣческій почитаетъ очень важнымъ знаніе вещей земныхъ и небесныхъ; но гораздо болѣе имѣетъ цѣны знаніе насъ самихъ*». (Блаж. Августинъ).

«*Познай самого себя*». (Сократъ).

«*Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?*» (Матѳ. XVI, 26).

«*Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его*». (1 Коринѳ. II, 9).

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Составилъ

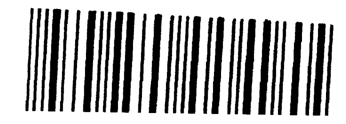
священникъ магистръ Григорій Дьяченко.

Матеріалы для опытной психологіи и естественно-научной апологіи христіанства.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1900.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 14 февраля 1900 года.

Цензор священник *Александр Гиляревский.*



ПРЕДИСЛОВІЕ.

I. Присматриваясь къ тому, на какія области знанія затрачиваетъ человѣкъ свою энергію, не щадя ни силъ своихъ, ни средствъ, ни времени, дабы пріобрѣсть то или другое свѣдѣніе, завоевать то или иное открытіе въ области науки, искусства или промышленности, мы не можемъ не поразиться тѣмъ явленіемъ, что въ большинствѣ случаевъ человѣкъ меньше всего старается узнать самого себя, именно свою внутреннюю, духовную природу, свою богоподобную душу, надѣленную столь великими, столь разнообразными и таинственными силами и свойствами, что, казалось бы, нужно на время все оставить, чтобы сосредоточить все вниманіе на себѣ, на изученіи дивныхъ свойствъ и проявленій той духовной сущности, которая есть носитель нашего духовно-чувственнаго существа. Если природа физическая привлекаетъ къ себѣ пытливый умъ человѣка настолько, что онъ бываетъ способенъ посвятить всю свою жизнь изслѣдованію какихъ-нибудь микроскопическихъ насѣкомыхъ, какого-либо отдѣла минераловъ, или какой-либо области изъ царства растительнаго, — если мы, для пополненія своихъ этнографическихъ свѣдѣній, интересуемся нравами и обычаями людей, живущихъ за морями и океанами, напр., жителями Сандвичевыхъ острововъ и глубины Африки, — если для изученія исторіи земли человѣкъ спускается въ нѣдра ея съ ежеминутною опасностію найти себѣ смерть на каждомъ шагу своихъ изысканій: то не болѣе ли способенъ возбудить нашу любознательность, не болѣе ли интереса и теоретическаго и жизненно-практическаго, представляетъ для насъ нашъ собственный внутренній міръ, природа нашего таинственнаго духа, въ изученіи которой мы можемъ найти ключъ къ разрѣшенію высшихъ таинъ физической природы и собственнаго существованія и жизни?

Изъ глубокой древности давно раздается голосъ философа: «познай самого себя»[1]), «возвратись домой»! Великій учитель западной церкви, блаж. Августинъ, въ познаніи самого себя и своихъ духовныхъ немощей видитъ путь къ нравственному обновленію. «Родъ человѣческій, пишетъ онъ, почитаетъ очень важнымъ знаніе вещей земныхъ и небесныхъ; но гораздо болѣе имѣетъ цѣны знаніе насъ самихъ; гораздо болѣе достоинъ похвалы человѣкъ, которому извѣстна его собственная немощь, чѣмъ тотъ, кто испытываетъ и познаетъ пути звѣздъ, а не вѣдаетъ пути ко спасенію. Мудрецъ предпочитаетъ знаніе знанію, онъ лучше хочетъ знать свое безсиліе, чѣмъ знать огражденія міра, основанія земли и вершины неба, называя это знаніе *произволеніемъ* (De Trin. IV. Proem.). Познай, что ты! Познай себя безсильнымъ, познай грѣшникомъ, познай, что ты запятнанъ. Въ твоемъ исповѣданіи откроется пятно сердца твоего; сознаніе грѣховъ заставитъ искать врача.

Но кто этотъ врачъ? Господь Іисусъ Христосъ. Вотъ высшая цѣль наша: мы должны почаще заглядывать въ собственное сердце для того, чтобы чрезъ познаніе себя самихъ убѣждаться въ нашей немощи и необходимости помощи Бога, Который есть единственный источникъ жизни, просвѣщенія, блаженства.

Душа наша имѣетъ разумъ, гдѣ есть образъ Божій, гдѣ обитаетъ Христосъ. Низойди же въ глубину своей души, и тамъ, во внутреннемъ человѣкѣ, ты ободришься для уподобленія Богу; въ образѣ своемъ познаешь Виновника его. Богъ при насъ; Онъ въ душѣ нашей, и потому истинное познаніе души неразрывно связано съ познаніемъ Бога» («Блаж. Августинъ какъ психологъ» профессора К. Скворцова, Кіевъ, 1870 года, стр. 48—49).

Ежедневный опытъ учитъ насъ, что нѣтъ большаго несчастія, какъ то, которое происходитъ отъ незнанія свойствъ души человѣческой, отъ непониманія тѣхъ основныхъ свойствъ духа, которыми обусловливается зарожденіе и образованіе характеровъ, талантовъ и геніевъ; всемірная исторія, и особенно средневѣковой періодъ ея, показываетъ намъ, что самыя ужасныя преступленія совершались надъ людьми совершенно невинными потому только, что невѣжественная толпа обвиняла ихъ, какъ волшебниковъ, чародѣевъ, вѣдьмъ, хотя предъ нею были люди или

[1]) Надпись на дверяхъ дельфійскаго храма, сдѣлавшаяся главнымъ принципомъ философіи Сократа.

владѣвшіе знаніемъ психофизическихъ законовъ жизни, напр., знаніемъ гипнотизма, животнаго магнитизма и т. п., или больные, истеричные, сомнамбулы, лунатики, загипнотизированные и т. п., которыхъ слѣдовало лѣчить, а не жечь на кострахъ. Страшно сказать: въ средніе вѣка было сожжено на кострахъ и утоплено такихъ невинныхъ людей болѣе девяти милліоновъ! Такова ужасная дань психологическаго невѣжества среднихъ вѣковъ!

Но и въ наше время жестоко страдаютъ люди въ повседневной жизни отъ преступнаго незнанія законовъ и свойствъ душевной жизни человѣка. Въ семьѣ, на службѣ, въ судахъ и др. сферахъ частной и общественной жизни, мы пожинаемъ горькіе плоды незнанія свойствъ духа человѣческаго. Но особенно гибельно отражается такое незнаніе при воспитаніи юношества. Самая величайшая изъ наукъ—наука воспитанія человѣческихъ существъ въ достойныхъ представителей рода человѣческаго, не можетъ имѣть надлежащей правильности и разумности, если въ основу ея не положено широкаго и вѣрнаго знанія свойствъ душевной жизни человѣка. Довольно указать на то, напримѣръ, явленіе психологической жизни, въ послѣднее время англійскими психологами твердо обоснованное и изученное, по которому ни одно впечатлѣніе, полученное человѣкомъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, напр., даже въ первые три мѣсяца младенчества, не пропадаетъ безслѣдно и ложится какъ матеріалъ для склада духовно-нравственной послѣдующей жизни и выработки личности человѣка, чтобы при воспитываніи дѣтей поставить твердое правило—законъ: оберегать ихъ зрѣніе, слухъ, всѣ чувства отъ всего недоброкачественнаго въ духовномъ отношеніи.

Но кромѣ всей неизмѣримо важной пользы знанія душевной жизни человѣка въ практическомъ отношеніи, оно крайне важно и въ религіозно-нравственномъ отношеніи, каковое отношеніе есть, было и будетъ первенствующимъ, что бы ни говорили противъ этого люди легкомысленные. Убѣдившись путемъ изученія экспериментальной психологіи въ существованіи души человѣческой, какъ богоподобной духовной сущности и всѣхъ ея дивныхъ проявленій, человѣкъ никогда не можетъ увлечься тѣмъ грубымъ матеріализмомъ, который, погружаясь въ растительные процессы организма, вслѣдствіе огрубѣнія, одичанія и озвѣренія отъ чувственной жизни, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей доходитъ до того, что, отрицая въ человѣкѣ душу, какъ богоподобную духовную сущность, утверждаетъ свое родство съ животными и безумствуетъ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ» или «мысль выдѣляется изъ мозга такъ же, какъ желчь изъ печени», или: «мысль есть движеніе матеріи». Если око души нашей здраво, не омрачено грѣховными желаніями, то наблюденіе надъ своею собственною душою будетъ все болѣе и болѣе раскрывать для насъ непосредственно присущую нашему духу мысль или вѣдѣніе о Богѣ, что прекрасно выразилъ великій учитель церкви, Климентъ александрійскій: «кто познаетъ самого себя, тотъ познаетъ Бога» (см. «Опытъ прав. догм. богосл.» еп. Сильвестра, т. I, стр. 197). Равнымъ образомъ, безъ знанія силъ и свойствъ своей души невозможна истинно-нравственная дѣятельность по отношенію къ себѣ, другимъ людямъ и Богу, потому что, прежде чѣмъ узнать, что долженъ дѣлать человѣкъ, ему нужно знать, что онъ такое, какія въ немъ силы и способности, къ чему онъ можетъ и долженъ стремиться, какъ къ достижимому, чего долженъ избѣгать, какъ вреднаго, и что долженъ оставить, какъ превышающее его силы и способности.

Познавъ же, насколько возможно, душу свою разумную, духовную, свободную и безсмертную, человѣкъ съ благоговѣніемъ и радостію замѣтитъ, что она служитъ доказательствомъ какъ неизмѣримо высшей предъ всѣми другими существами на землѣ его природы, такъ и существованія духовно-нравственнаго міра, глава коего есть Богъ, то Верховное Существо — духовное, премудрое, всеблагое, свободное, личное и всемогущее, Которое создало весь духовно-чувственный міръ и уготовало загробную участь для безсмертной души человѣка, назначенной къ вѣчному блаженству послѣ тѣлесной его смерти.

Но этого мало: изученіе душевной жизни человѣка, наблюденіе таинственныхъ явленій въ области психизма, можетъ доставить человѣку столь прочное и, можно сказать, опытное убѣжденіе въ бытіи души и ея безсмертіи, что никакія сомнѣнія невѣрія не могутъ поколебать его вѣры. А эта вѣра въ безсмертіе человѣческаго духа осмыслитъ всю его жизнь и наполнитъ ее такою радостію, которая избавитъ его отъ самыхъ ужасныхъ искушеній жизни и гибельнаго пессимизма, часто приводящаго невѣрующихъ къ безотрадному разочарованію жизнію и самоубійству. Послушаемъ, что говоритъ великій писатель Достоевскій: «Статья моя «Приговоръ» касается основной и самой высшей идеи человѣческаго бытія, необходимости и неизбѣжности убѣжденія въ безсмертіи души человѣческой... Безъ вѣры въ свою душу и ея безсмертіе, бытіе человѣка неестественно и невыносимо... На мой взглядъ, въ весьма уже, въ слишкомъ уже большой части интеллигентнаго слоя русскаго... все болѣе и болѣе и съ чрезвычайною прогрессивною быстротою укореняется совершенное невѣріе въ свою душу и ея безсмертіе... Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни человѣкъ, ни нація. А высшая идея на землѣ *лишь одна* и именно—идея о безсмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальныя *высшія* идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, *лишь изъ нея вытекаютъ*»...

«Любовь къ человѣчеству, продолжаетъ онъ нѣсколько далѣе, даже совсѣмъ немыслима, непонятна и *совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой*... Самоубійство при потерѣ идеи о безсмертіи становится совершенною и неизбѣжною даже необходимостью для всякаго человѣка, чуть-чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами. Напротивъ, безсмертіе, обѣщая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ человѣка съ землей. Тутъ, казалось бы, даже противорѣчіе: если жизни такъ много, т.-е., кромѣ земной, и безсмертная, то для чего бы такъ дорожить земною-то жизнью? А выходитъ именно напротивъ, ибо только съ вѣрою въ свое безсмертіе человѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ... Словомъ, идея о безсмертіи, это — сама жизнь, живая жизнь, ея окончательная формула и главный источникъ истины и правильнаго сознанія для человѣчества» («Дневникъ писателя», 1876 г., стр. 319 и далѣе).

При признаніи фактовъ бытія души и загробной жизни большинство нападковъ на религію, основанныхъ якобы на невѣроятности ея фактовъ, потеряетъ свою силу. Вѣра не будетъ болѣе поколеблена усиліемъ человѣческаго ума постичь, какъ жизнь можетъ продолжаться и въ невидимомъ мірѣ, мысль о смерти не будетъ такъ ужасна. Чудеса новаго и ветхаго завѣта не будутъ намъ казаться остатками суевѣрныхъ преданій некультурнаго вѣка. Выиграли бы также и тѣ, кто смотритъ на психическіе феномены исключительно съ научной точки зрѣнія: легче было бы найти отвѣты на многіе, неподдающіеся разрѣшенію научные вопросы, открылись бы новыя области для плодотворныхъ опытныхъ изысканій; философія и психологія получили бы болѣе здоровое и цѣлесообразное направленіе. Болѣе того, результаты изслѣдованій вселили бы въ насъ непоколебимую увѣренность въ солидарности всего человѣчества и въ громадномъ значеніи для насъ невидимаго міра.

Потомъ: вѣра въ бытіе души человѣка, въ его посмертное существованіе, въ страшный судъ Христовъ и вѣчную жизнь съ ея невыразимымъ блаженствомъ для праведныхъ и жестокими муками для нераскаянныхъ грѣшниковъ, такая вѣра безусловно необходима для поднятія упавшихъ въ наше печальное время нравственныхъ идеаловъ, —время, въ которое многіе гоняются лишь за чувственными удовольствіями, не разбирая средствъ для удовлетворенія имъ, причемъ злорѣчіе, осужденіе, шантажъ, клевета, воровство, обманъ всякаго рода, предательство и даже убійство допускаются весьма часто.

Далѣе, только тамъ, гдѣ нѣтъ твердой вѣры въ Бога и духовный міръ, горячей любви, широкаго знанія, —только тамъ можетъ родиться и найти себѣ послѣдователей такое вопіюще дикое ученіе, какъ анархизмъ. Нечего доказывать, что, если бы человѣчество больше работало въ направленіи познанія сущности духа, выиграло бы дѣло братства и любви... Вѣроятно, гонители всякихъ «отсталыхъ» мистическихъ наукъ, подъ которыми они разумѣютъ ученіе о душѣ, о цѣли жизни, о сомнамбулизмѣ, телепатіи, гипнотизмѣ, вѣщихъ снахъ и т. д., очень удивятся, если мы скажемъ, что они-то, эти отрицатели всего таинственнаго и духовнаго, служатъ тормазомъ для человѣческой мысли и духа... Человѣчество, если оно хочетъ избавиться отъ такихъ ужасныхъ призраковъ, какъ анархизмъ, какъ разложеніе семейной жизни, какъ страшная порча нравовъ, какъ гибельное пьянство, какъ издѣвательство надъ нравственными идеалами, какъ оскудѣніе вѣры, любви и надежды христіанской, какъ мрачный ужасный пессимизмъ нашихъ дней,—должно всѣми путями, всѣми средствами стремиться къ гармоническому духовному прогрессу. Прогрессъ же этотъ будетъ не полонъ безъ трудовъ психолого-богослововъ. Уважать человѣка можно лишь вѣря въ его духовно-нравственную природу. Если эта вѣра, подкрѣпленная фактами, будетъ тверда, то сами собою сдѣлаются невозможными убійство, насиліе, племенная или сословная вражда и т. д... У нѣкоторыхъ изъ насъ не только нѣтъ вѣры въ духовную природу, но и нѣтъ терпимости къ людямъ, пытающимся познать духовную природу. Человѣчество какъ бы боится подойти къ той области, которую одинъ писатель (Оуэнъ) назвалъ «спорною между двумя мірами». Не можетъ быть свѣта, когда господствуютъ матеріалистическіе принципы и стремленія; не можетъ быть гуманизма, братства, когда о душѣ думаютъ столько же, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ... Нельзя жить только земнымъ, только матеріальнымъ. Стремленіе забыть о томъ, что кромѣ золота, пьянства, разврата, мишуры, пустыхъ забавъ есть еще иной міръ, болѣе высокій и совершенный, есть стремленіе къ мраку, къ застою, къ смерти. Нельзя дрожать только за одно свое матеріальное благосостояніе: это—эгоистическая, жалкая, животная дрожь. Надобно дрожать за человѣческое достоинство, которое теперь, именно теперь, въ концѣ вѣка, поругано и оскорблено дикими матеріалистами, фарисеями, скотоподобными эпикурейцами, человѣконенавистниками. Надобно дрожать за чистоту духа, которая омрачена малодушіемъ, предательствомъ, эгоизмомъ, свѣтобоязнью, торжествомъ грязныхъ, темныхъ инстинктовъ. Анархизмъ отвратителенъ, но не потому только, что онъ стремится разрушить нашъ кровъ, отнять наше достояніе, истребить огнемъ и мечомъ человѣческую жизнь и все то, что служитъ ей, а потому, что онъ является олицетвореніемъ крайняго преобладанія матеріи надъ духомъ, оборотной стороной истиннаго прогресса, исчадіемъ всего дурного, что таится въ человѣческой природѣ — послѣднимъ словомъ матеріализма и невѣрія въ духовную природу. Только этотъ міръ, только тѣло, только земля признаются

имъ. Отсюда — насиліе, убійство, разрушеніе... Нельзя же смотрѣть на цѣлое движеніе, на громадный трудъ піонеровъ въ психической и богословской области, какъ на непроизвольныя движенія и галлюцинаціи загипнотизированныхъ. Не принимайте ихъ словъ на вѣру, но выслушайте ихъ и провѣрьте потомъ, потому что, если замолчатъ эти немногіе, то кому же останется говорить? Не тѣмъ ли, для которыхъ «жизнь не болѣе, какъ веселое приключеніе», а утроба—все, на чемъ міръ стоитъ?

Вѣра въ безсмертіе души человѣка, вѣра въ посмертное существованіе его за гробомъ, утвержденная не авторитетными только свидѣтельствами Божественнаго откровенія и голосомъ всей христіанской церкви, имѣющими силу убѣдительности только для вѣрующихъ и тѣхъ, кто не зараженъ сомнѣніемъ невѣрія, — не апріорными только соображеніями, но доказываемая, такъ сказать, путемъ опытныхъ данныхъ психологіи и историческихъ явленій душъ умершихъ людей, такая вѣра можетъ устоять противъ всѣхъ нападковъ невѣрія и пессимизма и придать высшій идеальный смыслъ нашей скорбной жизни, гдѣ всѣ апріорные доводы въ пользу продолженія существованія нашей личности по смерти не могутъ итти въ сущности далѣе того, что показываютъ мыслимость, даже вѣроятность этого существованія, и ослабляютъ противополагаемыя этимъ доводамъ сомнѣнія. Само по себѣ это важно и имѣетъ значеніе, но недостаточно; здѣсь, какъ и вообще во всякомъ фактическомъ вопросѣ, желательны доказательства, основанныя на *фактахъ*, на твердо установленной, неоспоримой *реальности*. Только такимъ образомъ упомянутая возможность восходитъ на степень несомнѣнной *дѣйствительности*. Если бы такія фактическія доказательства были найдены, и упомянутая дѣйствительность вполнѣ доказана сообразно съ логическими началами опытнаго естествознанія, то это было бы такимъ результатомъ, съ которымъ *по внутренней силѣ и значенію не сравнился бы ни одинъ изъ встрѣчающихся во всей исторіи цивилизаціи*. Старинный вопросъ о назначеніи человѣка былъ бы такимъ образомъ положительно рѣшенъ, и все сознаніе человѣчества стало бы ступенью выше. *Человѣкъ зналъ бы* то, что открывалось ему до сихъ поръ лишь въ области вѣрованія, предчувствій и теплыхъ надеждъ,—онъ зналъ бы, что онъ членъ вѣчнаго духовнаго міра, въ которомъ будетъ продолжаться его жизнь,—что временное существованіе его на землѣ составляетъ лишь дробную часть будущей вѣчной жизни,—что ему только тамъ сдѣлается вполнѣ доступно пониманіе его назначенія. Пріобрѣтя это глубокое убѣжденіе, человѣчество прониклось бы совершенно новымъ, воодушевляющимъ пониманіемъ своей жизни, идеализмомъ, сильнымъ фактами. Это равнялось бы полной переработкѣ человѣка по отношенію къ его сущности и дѣятельности, было бы нравственнымъ и умственнымъ просвѣтленіемъ. Тотъ, *кто потерялъ внутреннюю увѣренность въ своемъ вѣчномъ назначеніи, вѣру въ вѣчную жизнь*, будетъ ли то отдѣльная личность, цѣлый народъ или извѣстная эпоха, *у того вырванъ съ корнемъ источникъ всякой воодушевляющей силы, способности къ самопожертвованію, къ цивилизаціи*. Онъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ и долженъ тогда быть, эгоистическимъ, чувственнымъ существомъ, погруженнымъ единственно въ заботы самосохраненія. Его культура, его просвѣщеніе имѣютъ тогда цѣлію лишь служить на помощь и украшеніе чувственной жизни или, по крайней мѣрѣ, устранять то, что можетъ вредить ей.

Старинное изреченіе, давно сдѣлавшееся тривіальнымъ: «memento *mori*», превращается въ новое, болѣе серьёзное—«memento *vivere*», т.-е.: помни, что ты навѣрное будешь жить, но твое будущее состояніе прямо опредѣляется общимъ результатомъ здѣшней жизни, каковъ бы онъ ни былъ—радостенъ для тебя или нѣтъ. Этотъ выводъ въ области психизма не маловаженъ, особенно въ такое время, которое издавна привыкло вычеркивать заботу о будущемъ мірѣ изъ списка своихъ повседневныхъ интересовъ... Тотъ, кто свободно, научнымъ путемъ дошелъ до положительныхъ убѣжденій относительно этой высшей проблемы жизни, не имѣетъ права молчать въ такомъ важномъ вопросѣ и въ виду настоятельной потребности его разрѣшенія.

II. Сказавъ о необходимости и важности изученія свойствъ и явленій душевной жизни человѣка, мы должны теперь освѣдомить читателя, что настоящая наша книга не представляетъ строго-научной работы въ области опытной психологіи и не излагаетъ научнымъ, отвлеченнымъ языкомъ законовъ и явленій жизни человѣческаго духа. Мы задались болѣе скромною задачею—представить систематическій сводъ тѣхъ фактовъ и явленій изъ области, такъ называемой, экспериментальной (опытной) психологіи, которые въ послѣднее время подробно изучены, достаточно провѣрены и сдѣлались извѣстными большинству образованныхъ читателей Германіи, Франціи и, особенно, Англіи. Въ нашемъ отечествѣ эти факты и явленія душевной жизни, полные самаго живого интереса, неотразимо разбивающіе матеріалистическія воззрѣнія на духовно-нравственную жизнь человѣка, весьма мало извѣстны и то благодаря только немногимъ переводнымъ трудамъ (напр., «Физіологія ума»—Карпентера, «Опытной психологіи» Гевдинга, «Душѣ и тѣлу», соч. Г. Ульрици, «Философіи мистики» — Дю-Преля, «Телепатическимъ явленіямъ или прижизненнымъ призракамъ»—Гѣрнея, Подмора и Майерса и нѣк. др.), многимъ прекраснымъ статьямъ А. Аксакова, частію печатавшимся въ журналѣ «Ребусъ», гдѣ помѣщено весьма много цѣнныхъ работъ по психизму, частію изданнымъ отдѣльно, и труду про-

фессора Московскаго Университета М. Погодина[1]), издавшаго лѣтъ 30 тому назадъ книгу подъ названіемъ: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ», которая въ настоящее время, въ виду сдѣланныхъ новыхъ наблюденій и открытій въ области экспериментальной психологіи, оказывается весьма неполною и во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительною. Восполнить существующій пробѣлъ въ этомъ отношеніи и доставить читателю доступную для его пониманія книгу, состоящую преимущественно изъ полныхъ глубокаго и живого интереса разсказовъ о душевной жизни человѣка, расположенныхъ въ извѣстной системѣ и снабженныхъ необходимыми пояснительными примѣчаніями и статьями, — было нашей задачею.

Вся наша книга состоитъ изъ трехъ частей и одного приложенія.

Въ первой части изложены разсказы съ необходимыми къ нимъ поясненіями, знакомящіе съ свойствами и явленіями душевной жизни человѣка въ бодрственномъ состояніи. Здѣсь читатель ознакомится съ способностью нѣкоторыхъ душъ предвидѣть ближайшее будущее (предчувствія) и даже отдаленное (второе зрѣніе), созерцать всю протекшую жизнь въ краткое время—въ теченіе нѣскольких минутъ, видѣть себя, слышать голоса и созерцать образъ близкихъ или родныхъ лицъ на дальнемъ разстояніи (телепатія), непосредственно знать то, что происходитъ вдали въ данное время, воспринимать и слышать внутренній голосъ, — съ способностью воли дѣйствовать на разстояніи, угадывать чужія мысли (чтеніе мыслей), чрезъ непосредственное или посредственное прикосновеніе оказывать цѣлительное дѣйствіе на нѣкоторыхъ больныхъ (животный магнитизмъ), припоминать вдругъ весьма давнія событія (скрытая память), оказывать весьма сильное вліяніе духа на тѣло и именно чрезъ вліяніе сознанія на тѣлесную природу человѣка, чрезъ вліяніе воли на ощущенія, чрезъ вліяніе различныхъ состояній духа (эмоцій) на болѣзненные процессы въ тѣлѣ.

Во второй части сгруппированы разсказы, знакомящіе съ явленіями душевной жизни въ обыкновенномъ и глубокомъ снѣ.

Въ частности здѣсь рѣчь идетъ о сновидѣніяхъ, объ усиленіи памяти во снѣ, о скрытой умственной дѣятельности во время сна, о драматическомъ раздвоеніи сознанія во снѣ, о вѣщихъ снахъ, о явленіяхъ сомнамбулизма (ясновидѣнія), гипнотизма, и т. п. таинственныхъ явленіяхъ душевной жизни человѣка.

Въ третьей части помѣщены частію разсказы, частію статьи о явленіяхъ душевной жизни человѣка послѣ его тѣлесной смерти, удостовѣряющіе въ бытіи загробной жизни и посмертномъ существованіи человѣческой личности.

[1]) Мы не забываемъ также и прекрасныхъ работъ проф. бог. Нѣжинскаго лицея, свящ. о. Свѣтлова, и нѣк. другихъ авторовъ.

Въ частности здѣсь говорится о таинственныхъ предзнаменованіяхъ кончины людей, о явленіяхъ душъ умершихъ людей, о смерти, о воскресеніи мертвыхъ, о жизни будущаго вѣка, о спасеніи души и т. п. Назначеніе этого отдѣла привести читателя къ признанію того свойства души человѣческой, по которому она называется безсмертною.

Въ приложеніи къ книгѣ мы помѣстили разсказы, свидѣтельствующіе о бытіи Божіемъ, о бытіи и свойствахъ силъ безплотныхъ—ангеловъ и демоновъ. Не трудно замѣтить тѣсное отношеніе этого приложенія къ нашей книгѣ: признаніе существованія души, какъ самостоятельной духовной сущности, ведетъ къ признанію и силъ безплотныхъ, источника духовной жизни Бога, равно какъ и убѣжденіе въ бытіи Бога и безплотныхъ силъ приведетъ къ признанію той истины, что у человѣка есть разумная, свободная и безсмертная душа, назначенная къ вѣчной жизни.

Если, по прочтеніи настоящей книги, одни читатели укрѣпятъ и оживятъ свою вѣру въ бытіе души и духовнаго міра вообще, другіе отъ равнодушія, маловѣрія или невѣрія придутъ къ признанію истины существованія этого міра и пробудятся отъ грѣховнаго и опаснаго духовнаго сна, то составитель, прося у тѣхъ и другихъ за себя, многогрѣшнаго, св. молитвъ, будетъ несказанно обрадованъ радостію духовною и трудъ свой сочтетъ за достигнувшій своей цѣли.

Здѣсь еще разъ мы должны повторить, что нѣтъ въ мірѣ другого знанія болѣе необходимого и болѣе важнаго, чѣмъ знаніе законовъ жизни и свойствъ души. Отъ незнанія основъ душевной жизни человѣка, отъ забвенія о свойствахъ души и ея высокомъ назначеніи, отъ отрицанія бытія души можно всецѣло извратить и испортить свою временную и погубить вѣчную жизнь. Слово Божіе учитъ насъ, что нѣтъ большей заботы въ мірѣ для человѣка, какъ забота о вѣчномъ спасеніи души. Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что, если бы человѣкъ пріобрѣлъ и весь міръ со всѣми его сокровищами, но погубилъ бы душу свою, то онъ не сдѣлалъ бы для себя никакого пріобрѣтенія, никакой пользы. Такъ драгоцѣнна, по суду Божію, одна человѣческая душа! Какъ же не стараться узнать ея богоподобную природу, ея свойства и способности, ея потребности, ея назначеніе? Нѣкогда, въ вѣчности, мы глубоко, но безплодно будемъ жалѣть, что были невнимательны въ продолженіе временной жизни къ внутренней своей природѣ. Здѣсь мы приведемъ прекрасныя слова одного ученаго, предостерегающія отъ такого поздняго сожалѣнія.

«Слово, призывающее къ самопознанію, — говоритъ онъ, — равносильно съ зовомъ, которымъ дитя, бѣгающее по цвѣтистому лугу и гоняющееся за мотылькомъ, призываютъ домой.

«Нѣтъ, рано еще домой! отвѣчаетъ дитя на призывный голосъ и убѣгаетъ все далѣе по рос-

кошнымъ коврамъ весны. Но вотъ весну смѣняетъ лѣто, за лѣтомъ слѣдуетъ осень, зима; проходитъ годъ, другой; минули десятилѣтія,—и дитя въ пріятномъ самозабвеніи, переходя отъ однѣхъ заботъ къ другимъ, достигаетъ уже зрѣлаго возраста.

«Воротиться бы домой! Но нѣтъ, прекрасенъ свѣтъ со всѣмъ его обаяніями, надеждами и удовольствіями! Куда ни посмотри, вездѣ, вблизи и вдали, какъ будто волшебныя рисуются картины блаженства и манятъ къ наслажденію.

«Не уходитъ человѣкъ съ площади, пока стоитъ прекрасная погода, пока ясно свѣтитъ солнце и до ночного мрака еще далеко. Но вотъ земной свѣтильникъ меркнетъ, тьма скрываетъ изъ глазъ всѣ формы вещей, доставлявшихъ ему удовольствіе, сырость вечерняго воздуха начинаетъ проникать его тѣло, — и онъ спѣшитъ подъ кровъ своей хижины. Увы, уже поздно! Въ ней нѣтъ ни свѣта, ни теплоты, въ ней мракъ ужаснѣе того, отъ котораго онъ ушелъ, и холодъ въ ней—холодъ могильный. Почему было, думаетъ онъ, не возвратиться мнѣ сюда ранѣе, чтобы освѣтить и обогрѣть свою хижину? Теперь я не страшился бы мрачной и холодной ночи и уснулъ бы спокойно, съ надеждою, что завтра встану здоровъ и веселъ.

Такова пора смерти!

«И если въ продолженіе жизни мы, по невнимательности ко внутренней своей природѣ, не прояснили для себя тѣхъ благотворныхъ ея началъ, которыя не знаютъ смерти и не подлежатъ ея законамъ, то это обращеніе наше безконечно ужаснѣе, нежели шествіе преступника на смертную казнь» (см. статью проф. Карпова «О самопознаніи», при сочин. Дж. Мессона о томъ же, стр. 199—200).

III. Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ возраженій, которыя могутъ быть противъ задачи и характера нашего труда, гдѣ говорится о гипнотизмѣ, сомнамбулизмѣ, ясновидѣніи, телепатіи, вѣщихъ снахъ, явленіи умершихъ и т. п. предметахъ, доказывающихъ бытіе и духовность души, надъ которыми, однако же, есть много охотниковъ глумиться, какъ надъ вещами невозможными.

Насъ могутъ, безъ сомнѣнія, нѣкоторые упрекать, что наша книга посвящена такимъ вопросамъ, которыми не слѣдуетъ-де заниматься русскимъ богословамъ, какъ такими, которые-де отличаются характеромъ «суевѣрія» и «мистицизма...»

Враждебное отношеніе «просвѣщенныхъ» противниковъ къ нѣкоторымъ новымъ фактамъ, доказывающимъ бытіе духовнаго міра, хорошо извѣстно: стоитъ припомнить исторію развитія человѣческой мысли, чтобы убѣдиться, что всѣ великія и важныя истины должны были пройти черезъ горнило испытаній, которымъ ихъ подвергали приверженцы ходячаго міровоззрѣнія, не способные отрѣшиться отъ рутиннаго отношенія къ окружающему міру и оріентироваться среди новыхъ явленій, не укладывающихся въ заранѣе составленныя, по однажды зазубреннымъ учебникамъ, рамки.

Всякая непопулярная истина, обыкновенно, сначала едва удостаивается вниманія; затѣмъ, когда среди прогрессивно умножающихся поборниковъ ея уже начинаютъ встрѣчаться выдающіеся представители культурнаго человѣчества, и права ея въ общественномъ мнѣніи, такимъ образомъ, значительно расширяются—противники ея переходятъ тогда изъ состоянія пассивнаго—презрительнаго или снисходительнаго игнорированія, въ активное, выражающееся или въ озлобленныхъ нападкахъ, или въ беззастѣнчивыхъ глумленіяхъ, или же въ апріорныхъ отрицаніяхъ. Потомъ, благодаря постоянно увеличивающемуся числу перебѣжчиковъ изъ лагеря противниковъ въ лагерь приверженцевъ новой истины, торжество ея все болѣе и болѣе растетъ и, наконецъ, завершается окончательной побѣдой.

За примѣромъ ходить недалеко; мы еще не успѣли очнуться отъ недавняго весьма назидательнаго факта признанія наукой права гражданства за гипнотизмомъ. Подъ именемъ животнаго магнитизма, или месмеризма, впродолженіе цѣлаго столѣтія онъ клеймился позорнымъ именемъ шарлатанства; но, наконецъ, по выраженію А. Н. Аксакова, гордые оплоты научнаго ignorabimus'а прорвались, и наука вынуждена была растворить ему двери и усыновить своего отъ вѣка законнаго сына.

Такъ называемыя мистическія науки подверглись такой же участи. Присяжные ученые, а за ними и періодическая пресса, въ угоду имъ и духу времени, пускали въ ходъ все, чтобы предать остракизму ненавистную истину; но побѣдоносный ходъ фактовъ дѣлаетъ-таки свое дѣло, и таинственныя явленія въ области психизма все настойчивѣе и настойчивѣе предъявляютъ свои законныя права предъ лицомъ оффиціальной науки. И вотъ, среди жрецовъ ея, горделиво игнорировавшихъ всѣ явленія названной области, или если и удостоивавшихъ ихъ своего вниманія, то лишь для того, чтобы презрительно обозвать мистическими бреднями больного ума, плодомъ разстроеннаго воображенія,—среди этихъ-то жрецовъ представляется нынѣ такая картина: одни изъ нихъ, между которыми встрѣчаются имена, пользующіяся даже всесвѣтною извѣстностью [1]), съ честнымъ мужествомъ открыто объ-

[1]) Вотъ имена нѣкоторыхъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ фактовъ мистическаго характера, напр., гипнотизма, сомнамбулизма, телепатіи и проч.

Въ Америкѣ: проф. химіи въ Пенсильванскомъ университетѣ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ Робертъ Геръ, проф. Національной академіи Менсъ, проф. Гарвардскаго университета Уилльямъ Джемсъ.

Въ Англіи: извѣстный химикъ и физикъ Круксъ, знаменитый натуралистъ Уоллесъ, физикъ Варлей, профессоръ анатоміи и физіологіи Мейо, астрономъ Гёггинсъ, проф. физики Дублинскаго университета

явили себя сторонниками того, истинность чего еще такъ недавно отрицалась ими; другіе политично молчатъ; третьи же, восторженно встрѣчая то, что, подъ другимъ лишь именемъ, подвергалось ими безпощадному глумленію и гоненію, побѣдоносно возвѣщаютъ міру о яко бы новомъ открытіи (иксъ-лучи, напримѣръ), между тѣмъ, какъ это «новое», на самомъ-то дѣлѣ, давнымъ-давно извѣстно, но лишь приверженцамъ «мистическихъ бредней»; и если нынѣ присяжные ученые открываютъ Америку во второй разъ, то причина этому ихъ научный догматизмъ и научное предубѣжденіе, столь часто, къ прискорбію, тормозившее прогрессъ человѣческихъ знаній Да, несмотря на неоднократные историческіе уроки, мы вновь присутствуемъ при весьма поучительномъ зрѣлищѣ: истины, которыя, поднятыя на смѣхъ, съ позоромъ были выпровожены чрезъ парадныя двери, нынѣ вводятся чрезъ черный ходъ. Гипнотизмъ, телепатія, правдивыя галлюцинаціи—вотъ имена, которыя получаютъ старыя явленія оккультизма при ихъ научномъ крещеніи.

«Мистики, въ общемъ, «нищіе духомъ», хотя въ ихъ среду и попали такіе выдающіеся ученые, какъ Уоллесъ и Бутлеровъ, но оба эти ученые пользуются славой и уваженіемъ не потому, что они были мистиками, а благодаря своимъ чисто-научнымъ заслугамъ».

Какое невдумчивое сужденіе! Ну, не наивно ли требовать, чтобы вначалѣ же, когда только что забрезжилъ свѣтъ новой истины, не пользующейся еще популярностью въ общественномъ мнѣніи, приверженцы ея пользовались «славой и уваженіемъ», въ качествѣ ея защитниковъ?! Вѣдь, было жъ время, когда и знаменитый итальянскій анатомъ и физіологъ д-ръ Гальвани не пользовался ни славой, ни уваженіемъ въ качествѣ открывателя новой отрасли ученія объ электричествѣ, а, между тѣмъ, открытіе это стяжало же ему и то, и другое даже въ потомствѣ.

«На меня нападаютъ», говорилъ Гальвани, «двѣ совершенно противоположныя партіи: ученые и неучи. И тѣ и другіе смѣются надо мною, называя меня лягушечьимъ танцовальнымъ учителемъ; тѣмъ не менѣе, я знаю, что я открылъ одну изъ величайшихъ силъ природы».

Припомнимъ судьбу и другихъ великихъ открытій, а также тотъ пріемъ, который они встрѣчали среди ученыхъ. Развѣ мемуаръ Франклина о громоотводѣ не вызвалъ въ ученомъ собраніи Королевскаго Общества взрыва смѣха? Развѣ ученые Парижской Академіи наукъ не отрицали возможности устройства пароходовъ и паровозовъ? Не осмѣяли ли они знаменитаго астронома Араго за его электрическій телеграфъ? Не высказался ли тотъ же ареопагъ ученыхъ противъ паденія метеоровъ въ своемъ постановленіи, гласившемъ, что, такъ какъ-де на небѣ нѣтъ камней, то и падать они оттуда не могутъ? Не отрицалось ли вліяніе металловъ на организмъ, которое извѣстно теперь въ медицинѣ подъ именемъ металлоскопіи и металлотерапіи? Не отвергалась ли свѣтилами медицины теорія кровообращенія Гарвея? А общественные примѣры Коперника и Галилея?.. Удивительно, право, какъ эти и множество другихъ примѣровъ не образумили противниковъ ненавистнаго имъ мистицизма и не отучили ихъ отъ опрометчиваго сужденія о предметѣ, съ которымъ они, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, знакомы лишь по наслышкѣ.

Для каждаго безпристрастнаго и непредубѣжденнаго ума должно быть ясно, что интересъ заключается не въ томъ, что Уоллесъ и Бутлеровъ, въ качествѣ поборниковъ оккультизма, не пользуются «славой и уваженіемъ», ибо обстоятельство это, какъ мы уже выяснили, въ періодъ разсвѣта многихъ истинъ въ порядкѣ вещей, а то, что такіе «выдающіеся» ученые, какъ Уоллесъ и Бутлеровъ (и много другихъ, какъ мы видѣли ранѣе) попали въ среду оккультистовъ, особенно, если принять во вниманіе чисто положительный характеръ тѣхъ наукъ, представителями которыхъ они являются.

Къ этому мы должны присовокупить, что всѣ выдающіеся изъ русскихъ ученыхъ признавали таинственныя явленія, о которыхъ говорится въ нашей книгѣ, и считали возможнымъ и даже необходимымъ изучать ихъ.

Въ 1897 г., 17 декабря, въ засѣданіи русскаго Общества экспериментальной психологіи предсѣдатель его, заслуженный профессоръ Н. П. Вагнеръ, далъ краткій очеркъ о трудахъ Общества въ теченіе пятилѣтняго его существованія (съ 1890 — 1896 гг.). Въ это краткое время Общество успѣло затронуть почти всѣ выдающіеся

Барретъ, бывшій проф. химіи Эдинбургскаго университета Грегори, проф. математики Лондонскаго университета де-Морганъ (извѣстенъ также какъ философъ и историкъ), проф. Кембриджскаго университета Сиджвикъ, проф. физики Ливерпульскаго университета Оливеръ Лоджъ.

Въ Германіи: проф. астрономіи и физики Лейпцигскаго университета Цölльнеръ и коллеги его Шейбнеръ и Фехнеръ, проф. физики Геттингенскаго университета Веберъ, профессора: Ульрици, Карлъ дю-Прель, Эм. Фихте и Фр. Гофманъ.

Во Франціи: проф. физіологіи медицинскаго факультета въ Парижѣ Ш. Рише, извѣстный натуралистъ, бывшій ассистентъ Пастера, д-ръ Жибье, членъ ученаго комитета министерства просвѣщенія де-Роша, извѣстный астрономъ Фламмаріонъ, физики Мангольфье и Сегенъ и ученый путешественникъ Жаколіо.

Въ Италіи: астрономъ Дж. Скіапарелли и извѣстный психіатръ и криминалистъ Ч. Ломброзо.

Въ Швейцаріи: деканъ естественнаго факультета Женевскаго университета А. Сабатье, проф. физики Женевской академіи наукъ Тюри и проф. естествовѣдѣнія Бернскаго университета Перти.

Наконецъ, у насъ, *въ Россіи:* бывшій проф. химіи С.-Петербургскаго университета Бутлеровъ, извѣстный ученый и писатель А. Аксаковъ, проф. зоологіи С.-Петербургскаго университета Вагнеръ, проф. Харьковскаго университета д-ръ Шилтовъ, бывшій проф. философіи Московскаго университета Юркевичъ, извѣстный историкъ М. Погодинъ, извѣстный русскій математикъ Остроградскій, писатель, д-ръ медицины и хирургіи Даль и мн. др.

вопросы психическихъ явленій и нѣкоторые изъ нихъ разрѣшило въ положительномъ смыслѣ, а именно:

a) Вопросъ о мантевизмѣ (съ котораго Общество начало свою дѣятельность) былъ разрѣшенъ въ засѣданіи, въ которомъ было два представителя двухъ противоположныхъ взглядовъ: И. О. Фельдманъ (который первый далъ названіе «мантевизма» чтенію или угадыванію мыслей) и С. Е. Кожуховъ, доказавшій опытами, что онъ исполняетъ поставленныя ему задачи безсознательно, т.-е. безъ участія какого бы то ни было умственнаго движенія и догадки.

b) Вопросъ о сомнамбулизмѣ и возможности чтенія закрытыхъ писемъ былъ разрѣшенъ утвердительно г-жей М. и пользовавшимъ ее докторомъ А. Н. Ховринымъ. Опытами руководила особая комиссія изъ гг. членовъ Общества.

c) Вопросъ о существованіи медіумизма, представляющій такую спорную область, былъ разрѣшенъ также въ утвердительномъ смыслѣ спеціальной комиссіей, выбранной изъ членовъ Общества. Эта комиссія, въ числѣ шести ея членовъ, была свидѣтельницей излученія изъ тѣла медіума свѣтящихся массъ, принимавшихъ форму человѣческихъ рукъ, производившихъ различныя движенія: стуки, передвиженія, бросаніе предметовъ и т. п.

d) Свѣтовыя медіумическія явленія привели Общество къ заключенію, что съ изученія этихъ явленій должно начаться изслѣдованіе свѣтонесущихъ психическихъ явленій. Вслѣдствіе этого, Общество избрало изъ своей среды комиссію, которая занялась изученіемъ свѣтовыхъ, такъ называемыхъ, одическихъ явленій, и члену этой комиссіи С. Е. Кожухову удалось фотографировать свѣтовыя истеченія изъ полюсовъ искусственнаго магнита.

e) Опыты надъ электрографіей І. А. Наркевича-Іодко привели Общество къ убѣжденію въ необходимости изслѣдовать вліяніе человѣка на свѣченіе гейслеровыхъ трубокъ. При этомъ изысканіи вице-президентъ Общества Ф. Ф. Фишеръ нашелъ возможность полученія свѣтовыхъ явленій съ однимъ проводникомъ, причемъ это свѣченіе измѣнялось различнымъ образомъ, что, повидимому, зависѣло отъ функцій и вліянія человѣческаго организма. (См. письмо въ ред. «Нов. вр.»; сн. «Ребусъ» 1879 г., № 1).

Пойдемъ далѣе.

Филаретъ, митрополитъ московскій, этотъ безспорно геніальный духовный писатель, признавалъ въ человѣкѣ способность проникновенія въ будущее въ различной степени. Разъ, спрошенный Антоніемъ (намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры) о *зрѣніи безъ пространства,* онъ отказался разсуждать объ этомъ: «О зрѣніи безъ пространства разсуждать, вѣроятно, я и не умѣю, и не имѣю свободы разговориться о семъ [1]).

Но въ другой разъ вотъ что онъ пишетъ намѣстнику, весьма, впрочемъ, секретно: «О Петровой мало я вамъ говорилъ потому, что вамъ ея состояніе не казалось хорошимъ, а мнѣ казалось хорошимъ, хотя и не совершеннымъ, и я не хотѣлъ опираться на свое мнѣніе; но я зналъ о ней не мало примѣчательнаго; съ нею бывало такое состояніе, что она видѣла въ духовномъ мірѣ, сохраняя сознаніе видимаго чувственнаго міра, и тогда скрывала видимое въ духовномъ мірѣ, но иногда теряла при семъ сознаніе видимаго міра, и ея необыкновенное состояніе могло быть примѣчено. Для сего старались удалять отъ нея постороннихъ, но одна христіанская подруга ея имѣла къ ней всегда безпрепятственный входъ. Такимъ образомъ, однажды, вошедши къ ней, услышала, что она уговариваетъ султана не начинать войны съ Россіей. Это было гораздо ранѣе посольства князя Меньшикова, когда никто не думалъ о войнѣ съ Турціей. Года за два или за три до кончины покойнаго императора она говорила, что жизнь его не продолжится, и что врачъ не безъ вины будетъ. О видѣніи преп. Сергія въ ризницѣ она мнѣ написала записку, сказавъ, что видѣла во снѣ, какъ обыкновенно выражалась, когда открывала нѣчто изъ своихъ видѣній... Въ первое время болѣзни моей матушки она прислала мнѣ просфору, принесенную за ея здравіе съ запиской, въ которой сказала, что это послѣдняя изъ сорока, ежедневно приносимыхъ, и что это ей велѣно было сдѣлать. Мнѣ примѣтно было, что матушка проходила въ сіе время нѣкоторое душевное состояніе, которому особенно приличествовала молитвенная помощь, которое потомъ перемѣнилось на лучшее. Несомнѣнно вѣрное слово: *пришедшу слову познають пророка* (Іер. XXIII, 9); но при нѣкоторыхъ признакахъ, и прежде исполненія, оставлять безъ вниманія предостерегающее слово едва ли благоразумно. Если слово предостереженія примемъ, какъ посланное, и употребимъ осторожность, то, хотя бы она оказалась ненужною, грѣха и вреда не будетъ; а если оставимъ предостереженіе безъ вниманія, и оно окажется справедливымъ, будетъ и вина и вредъ».

Интересуясь вопросомъ о предсказаніяхъ, намѣстникъ еще разъ вызвалъ Филарета на разсужденіе объ этомъ дарѣ. Вотъ что митрополитъ отвѣчалъ ему: «Вы предлагаете мнѣ вопросъ, на который отвѣчать не дѣло моей малой мѣры: есть ли нынѣ нужда въ пророчествахъ, хотя и частныхъ? И люди великой мѣры возьмутся ли отвѣчать на сіе? Господь, правящій міромъ, вѣдаетъ, нужно ли Ему и нынѣ сіе орудіе, которое Онъ употреблялъ нерѣдко прежде. Пророкъ Амосъ (III гл.) свидѣтельствуетъ: «*не сотворитъ Господь Богъ дѣла, аще не открыетъ наказанія Своего рабамъ Своимъ пророкамъ*». Пророкъ представляетъ какъ бы обычнымъ для Господа, чтобы о всякомъ дѣлѣ, которое Онъ

---

[1]) См. его письма къ Антонію, № 127.

творитъ, открывать рабамъ Своимъ пророкамъ. Того, чтобы Господь прекратилъ сей обычай, въ словѣ Божіемъ, сколько знаю, не видно. Пророчества особенно назначены были, чтобы указать пришествіе Христово; они исполнились во время земной жизни Христовой, но не прекратились. Мы могли бы спросить: есть ли нужда предсказывать апостолу Павлу, что его свяжутъ въ Іерусалимѣ, когда онъ на сіе идетъ, хотя бы его удерживали; однако, Агавъ предсказалъ сіе. Скажете ли, что сіе нужно было для того, чтобы къ назиданію явить апостольскую твердость и готовность на страданіе за истину? Вотъ вы и признали, что есть нужда въ пророчествѣ частномъ. Антоній Великій не предсказалъ ли Аѳанасію Великому конецъ Іуліана Отступника? Ѳеодоръ Освященный не предсказалъ ли ученикамъ міракъ аріанства въ церкви, и потомъ обильный свѣтъ православія? Гдѣ же сему предѣлъ? О. Серафимъ не предсказалъ ли многое многимъ? Если Господь сіе устрояетъ: то должно думать, что сіе на что-нибудь надобно».

«Всякому, подвизающемуся о своемъ спасеніи, можно и должно сказать: *нѣсть ти потреба тайныхъ* (Сир. III, 22): не ищи знать сокровенное или будущее. Для спасенія нужно вѣровать, исполнять заповѣди, очищать сердце, а не любопытствовать; желать знать сокровенное опасно, а желать открывать оное еще опаснѣе. Но все сіе не препятствуетъ тому, чтобы Провидѣніе Божіе открывало тайное и обращало сіе для своихъ благихъ цѣлей, даже и при несовершенствѣ орудія, какъ можно примѣчать на опытѣ. Разсудите сіе и скажите мнѣ лучшее» [1]).

Конечно, только этимъ воззрѣніемъ Филарета, что «Провидѣніе Божіе открываетъ тайное и обращаетъ сіе для своихъ благихъ цѣлей, даже и при несовершенствѣ орудія», можно объяснить ту внимательность, какую показалъ онъ, судя по письмамъ къ Антонію, и къ юродивому Филиппу — позднѣе Филарету же [2]), и къ Ивану Яковлевичу Корейшѣ, о наставленіяхъ котораго онъ не рѣшался произнести своего суда [3]); и къ есаулу Золотареву, прося, чтобы Антоній былъ къ нему милостивъ и споспѣшествовалъ ему въ духовномъ дѣлѣ [4]); и къ Марѳѣ Герасимовнѣ (Хотьковской), о которой онъ думалъ, что «очень можетъ-быть, что самоумерщвленіе и очищеніе образовали ей органъ зрѣнія лучше искусственныхъ орудій дальнозрѣнія [5]), и къ о. Петру, о которомъ Филаретъ нарочито спрашивалъ преосвященнаго Евгенія Ярославскаго [6]). (См. ст.: «Митрополитъ Филаретъ въ его отношеніяхъ къ міру таинственныхъ явленій», помѣщенную въ «Душеп. чт.» 1883 г., ч. II, стр. 21 — 23; 25 — 27).

И другіе русскіе ученые и писатели не считали недостойнымъ себя заниматься, такъ называемыми, мистическими вопросами. Такъ, покойный извѣстный нашъ философъ Ѳ. А. Голубинскій заявлялъ еще въ 50-хъ годахъ съ своей каѳедры въ Московской Духовной Академіи о существенной важности для психологіи подобныхъ же изслѣдованій, какія ставитъ себѣ цѣлью современный оккультизмъ.

Вотъ что, между прочимъ, онъ говорилъ по этому поводу въ одной своей лекціи по умозрительному богословію [1]):

«Общій законъ для всѣхъ способностей нашихъ—усовершимость, потребность расширяться, возрастать, или увеличиваться въ силѣ безъ конца. А какова жизнь, таково и знаніе о ней; по мѣрѣ раскрытія жизни расширяется и самосознаніе. Такъ, изъ исторіи психологіи видно, что младенчествующіе народы первоначально имѣли очень скудныя понятія о душевныхъ силахъ человѣка; въ языкѣ не было словъ для выраженія и опредѣленія многихъ дѣйствій и состояній душевныхъ; по мѣрѣ же возрастанія и выраженія жизни чрезъ мысли и поступки, чрезъ дѣятельность фантазіи въ изящныхъ искусствахъ, человѣкъ раскрывалъ новыя и новыя стороны души своей, а если и тѣ же, то въ новыхъ проявленіяхъ и, такимъ образомъ, время отъ времени, болѣе и болѣе познавалъ себя. Потому и психологія, съ теченіемъ времени, расширялась, и кто положитъ предѣлъ ея развитію? За сто, напримѣръ, лѣтъ философы назвали бы баснею, что человѣкъ, въ состояніи особенномъ, но естественномъ, можетъ видѣть отдаленное отъ него пространствомъ и предчувствовать нѣчто будущее. Опыты сего рода были и прежде, но философы почему-то не хотѣли принять ихъ во вниманіе, довольствуясь только общеизвѣстными всѣмъ, неоспоримыми проявленіями силъ души человѣческой. Опыты же послѣдующаго времени открыли въ ней дальнозрѣніе, предвидѣніе будущаго не изъ свѣта Божественнаго всевѣдѣнія, а только въ особенныхъ состояніяхъ естественныхъ, въ какихъ бываютъ ясновидящіе. Такъ человѣкъ болѣе и болѣе узнаетъ самого себя въ своихъ существенныхъ силахъ. Но можно ли сказать, что для него полное знаніе себя закончится когда-нибудь, положимъ, при концѣ міра, когда всѣ наблюденія надъ дѣйствіями души человѣческой будутъ собраны въ одно? Можно ли сказать, чтобы и тогда, этою совокупностію наблюденій, можно было измѣрить и ограничить будущее раскрытіе самосознанія человѣческаго?»

И въ самое послѣднее время извѣстные ученые признаютъ такія явленія въ области психизма,

---

[1]) См. письма къ Антонію, № 916.
[2]) Ib. №№ 790, 800, 801, 859.
[3]) См. письма къ Антонію, №№ 293, 408, 748.
[4]) Ib., №№ 75, 907.
[5]) Ib., №№ 365, 604.
[6]) Ib., №№ 1056, 1065.

---

[1]) Лекціи по умозрительному богословію прот. Ѳ. А. Голубинскаго, М. 1868 г.

которыя прежде не только отрицались, но даже были предметами глумленія многихъ, считавшихъ ихъ проявленіемъ фокусничества и шарлатанства. Такъ журналъ «Die Uebersinnliche Welt» сообщаетъ, что 12 и 16 января 1896 года проф. Охоровичъ прочелъ въ Варшавѣ двѣ публичныя лекціи передъ многочисленнымъ избраннымъ обществомъ о медіумизмѣ, о его сущности, о его научномъ значеніи и о его будущности. Это первый разъ, — говоритъ журналъ, — когда въ Варшавѣ о такомъ непопулярномъ предметѣ произносятъ рѣчи съ каѳедры. Проф. Охоровичъ говоритъ, что медіумизмъ фактически существуетъ вопреки всякимъ отрицаніямъ; онъ не находится въ противорѣчіи съ природою. Въ заключеніе г. Охоровичъ развилъ свою собственную теорію медіумическихъ явленій, которыя онъ объясняетъ раздвоеніемъ организма медіума. То, что выдѣляется изъ матеріальнаго тѣла, онъ называетъ «динамическимъ организмомъ» (по оккультизму — астральнымъ) и вѣритъ, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ этого динамическаго тѣла, по всей вѣроятности, окажется возможнымъ разъяснить многое изъ того, что остается пока темнымъ въ современной психологіи, и что наши понятія, въ особенности о матеріи и силѣ, должны будутъ подвергнуться большимъ измѣненіямъ. («Die Uebersinnliche Welt»; см. «Ребусъ» 1896 г., № 9).

Мы предвидимъ, что насъ упрекнутъ нѣкоторые за то, что мы помѣстили не мало разсказовъ о явленіяхъ душъ умершихъ людей. Но мы твердо увѣрены въ томъ, что допущеніе этого рода явленій отнюдь не стоитъ въ какомъ-либо противорѣчіи ни съ ученіемъ слова Божія, ни съ ученіемъ святыхъ отцовъ и учителей церкви, ни съ здравымъ смысломъ.

Возможность явленія умершихъ признавали согласно съ словомъ Божіимъ всѣ наши богословы. Извѣстный православный богословъ, епископъ Ѳеофанъ, напримѣръ, приводитъ слѣдующее мѣсто изъ твореній св. Василія Великаго: «*душевная сила двояка, хотя душа одна и та же;* именно же одна — собственно жизненная сила тѣла, а другая—сила созерцающая, которую называютъ также разумною... Но душа, поелику соединена съ тѣломъ *естественно*, вслѣдствіе сего соединенія, а *не произвольно*, сообщаетъ тѣлу жизненную силу. Ибо какъ солнцу возсіявшему невозможно не освѣщать то, на что простерло лучи, такъ невозможно душѣ не оживлять тѣла, въ которомъ пребываетъ. А сила созерцательная приводится въ движеніе *по произволенію*». «Мѣсто это изъ твореній св. Василія Великаго отнимаетъ (говоритъ преосвященный Ѳеофанъ) всякій предлогъ не только къ тому, чтобы душу считать тѣломъ, но и къ тому, чтобы придумывать какое-либо посредство для связи души съ тѣломъ въ нѣкоей тонкой оболочкѣ души. Вѣдь душа есть дѣйствительная, живая сила, хотя и умная, чисто духовная: своею бытовою, такъ сказать, физическою стороною она устрояетъ тѣло, оживляетъ его, движетъ и дѣйствуетъ чрезъ него, а другою стороною, высшею, въ то же время сознаетъ себя, свободно дѣйствуетъ, созерцаетъ пренебесное, размышляетъ о земномъ и стремится къ Божественному и вѣчному. Изъ этого выводится еще и то заключеніе, что если душѣ свойственна сила дѣйствовать на вещественное, пока она въ тѣлѣ, то нѣтъ основанія представлять ее не имѣющей этой силы, когда она разлучится съ тѣломъ, и что какъ ангеламъ свойственна естественная сила дѣйствовать на вещественныя стихіи, такъ свойственна такая же сила и душамъ отшедшихъ и что, слѣдовательно, когда отшедшіе изъ сей жизни являются,—для объясненія этого нѣтъ нужды предполагать, что они суть тѣло, а достаточно убѣдиться, что душѣ естественно свойственна сила дѣйствовать на стихіи, которыя она можетъ привлекать къ себѣ и отрѣвать отъ себя, когда требуется. Помнится мнѣ, что эта мысль пространно изложена у Григорія Нисскаго, въ разговорѣ о душѣ и воскресеніи.» (Еп. Ѳеофанъ: «Душа и ангелъ», М. 1891 г., стр. 53 — 54).

Что явленія умершихъ живымъ возможны и бывали, этого не отрицаетъ само Божественное Откровеніе. Изъ священнаго Писанія видно, что іудеи не сомнѣвались въ возможности явленій умершихъ. У современныхъ Спасителю іудеевъ вѣра въ эти явленія была всеобщею вѣрою. Іисусъ Христосъ предполагалъ ее уже, какъ несомнѣнную, и никогда не говорилъ ничего такого, изъ чего бы можно было заключить, что Онъ не одобрялъ или осуждалъ эту вѣру.

Апостолы не сомнѣвались въ возможности и и дѣйствительности явленій духовъ: увидѣвши Спасителя, идущаго къ нимъ по водамъ озера Геннисаретскаго, они думали сначала, что видятъ духа (Матѳ. XIV, 26). Евангельскій богачъ, находясь въ адскихъ мученіяхъ, проситъ Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тотъ предостерегъ его братьевъ отъ опасности подвергнуться тому ужасному состоянію, какое онъ самъ испытывалъ. Слѣдовательно, онъ не сомнѣвался, что души умершихъ могутъ возвращаться въ міръ, по волѣ Божіей, и являться людямъ. Во время Преображенія Іисуса Христа на Ѳаворѣ, явились Моисей и Илія, давно передъ тѣмъ отшедшіе въ загробный міръ, и бесѣдовали со Христомъ (Матѳ. XVII, 3). По воскресеніи Спасителя, многіе умершіе возстали и явились въ Іерусалимѣ (Матѳ. XXVII, 52—53).

Блаженный Августинъ, говоря о явленіи умершихъ, сознается, что очень трудно найти объясненіе для многаго, происходящаго въ нашей душѣ, какъ въ бодрственномъ, такъ и въ сонномъ состояніи. Но тотъ же Августинъ признаетъ, что часто умершіе являлись живымъ людямъ, указывали имъ мѣста, гдѣ были зарыты ихъ тѣла

безъ должнаго погребенія, и просили для себя таковаго погребенія. При этомъ онъ замѣчаетъ, что часто въ храмахъ, въ которыхъ были похоронены умершіе, слышенъ бываетъ шумъ и раздается пѣніе, и что часто видѣли, какъ мертвые входили въ дома, въ которыхъ они жили на землѣ (Августинъ гл. 10).

Св. отцы и учители церкви не сомнѣвались въ явленіи умершихъ, и не только утверждали эту истину, но сами, такъ сказать, подчинялись видѣніямъ, исполняя то, что требовали отъ нихъ являвшіеся умершіе. Такъ, когда св. Іоанну Златоусту явился въ городѣ Команахъ епископъ Василискъ, за сто лѣтъ до того умершій, и сказалъ: «мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ», — святитель повѣрилъ этому видѣнію, и просилъ стражу на другой день не вести его дальше (это было въ то время, когда его отправляли въ заточеніе), одѣлъ на себя чистыя одежды, пріобщился св. Таинъ, и дѣйствительно, какъ было ему сказано, скончался.

Здѣсь не излишне также припомнить и исторію установленія праздника тремъ святителямъ, которые, явившись послѣ смерти, объявили одному епископу, что вѣрующіе должны прекратить споры объ ихъ достоинствѣ и установить одинъ день въ память ихъ, такъ какъ они передъ Богомъ равны по заслугамъ.

Пастыри нашей православной церкви не только сами всегда вѣрили, что явленія умершихъ возможны и дѣйствительны, но учили своихъ пасомыхъ не отвергать этой истины. Такъ московскій митрополитъ Филаретъ въ одномъ изъ поученій говоритъ: «явленія изъ духовнаго міра неизъяснимы, но неопровержимы», и самъ онъ не только не усомнился въ фактѣ, когда явился умершій отецъ его, который открылъ ему день смерти, но сталъ приготовляться къ отшествію въ загробный міръ («Душеп. чт.» 1876 г., ч. I-я). А равно тотъ же святитель, когда увидѣлъ во снѣ умершихъ, которые ходатайствовали передъ нимъ за одного священника, не только не отнесъ это къ ассоціаціи идей, но уважилъ просьбу явившихся покойниковъ («Странникъ» 1852 г., май).

Величайшій изъ церковныхъ ораторовъ и ученѣйшій мужъ своего времени, Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій, говоритъ: «изъ древнихъ сказаній видно, что вѣра въ безсмертіе души постоянно соединялась съ вѣрою въ явленіе умершихъ. Сказанія о семъ безчисленны... Есть явленія умершихъ или ихъ дѣйствія, кои не подлежатъ сомнѣнію, хотя они рѣдки». (См. Соч. Иннокентія, т. VII).

Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, человѣкъ великаго ума, извѣстный философъ, богословъ и проповѣдникъ, говоря въ одномъ изъ своихъ поученій о загробной жизни и передавъ два случая явленія умершихъ живымъ, утверждаетъ: «такихъ фактовъ можно было бы насчитать не мало, и они имѣютъ полное значеніе достовѣрности для лицъ, которыя о нихъ сообщаютъ, для лицъ совершенно достопочтенныхъ и заслуживающихъ вѣры... Факты достовѣрны, дѣйствительны, возможны»...

Многіе изъ ученыхъ и писателей иностранныхъ и нашихъ отечественныхъ не только сами вѣрятъ въ явленія умершихъ и разсказываютъ необыкновенные случаи изъ собственной жизни, но убѣждаютъ другихъ не сомнѣваться въ этомъ. Такъ, аббатъ Августинъ Калметъ, жившій во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія, извѣстный въ свое время, какъ историческій писатель и какъ толкователь свящ. Писанія, пишетъ: «отвергать возможность и дѣйствительность явленій и дѣйствій отшедшихъ душъ на томъ одномъ основаніи, что они необъяснимы по законамъ земного міра, такъ же совершенно незаконно, какъ незаконно было бы отвергать возможность и дѣйствительность явленій физіологическихъ на томъ основаніи, что они необъяснимы по однимъ законамъ чисто механическихъ явленій» («О явленіи духовъ» — Калмета, ч. І-я, стр. 115).

Англійскіе физики Бальфуръ-Стуартъ и Тэта въ книгѣ: «Невидимый міръ», между прочимъ, говорятъ: «мы признаемъ за истину, что невидимый міръ не есть нѣчто абсолютно отличное отъ видимой вселенной и абсолютно разъединенное съ ней, какъ часто высказывалось въ наукѣ, а, напротивъ, есть міръ, который находится въ тѣсной связи съ настоящимъ».

Эта всеобщая вѣра ученыхъ и неученыхъ, представителей религіи и вѣрующихъ, а, главное, свидѣтельства Свящ. Писанія и отцовъ церкви служатъ ручательствомъ за дѣйствительность явленій умершихъ живымъ. Разсказы объ этихъ явленіяхъ такъ всеобщи и многочисленны, что считать ихъ за вымыселъ было бы очевидною нелѣпостью. Не менѣе странно было бы утверждать, что всѣ разсказщики—люди сумасшедшіе или больные.

Что касается вопроса, въ какихъ тѣлахъ являются умершіе, то Божественное Откровеніе ничего не говоритъ объ этомъ, а разумъ нашъ даже приблизительно не въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ. Нѣкоторые учители церкви имѣли, однако, то мнѣніе, что души и по разлученіи съ тѣломъ сохраняютъ нѣкоторую матеріальную оболочку, потому что одинъ только Богъ безтѣлесенъ (См. подробнѣе въ брош. «Изъ загроб. міра» свящ. Д. Булгаковскаго, изд. 1897 г.). Мнѣніе Ѳеофана затворника, выше нами приведенное, можетъ дать руководящую нить къ рѣшенію только что затронутаго вопроса. Изъ него видно, что не предстоитъ надобности прибѣгать къ гипотезѣ о нѣкоторой матеріальности человѣческихъ душъ.

IV. Для кого мы назначаемъ свою книгу?

Мы посвящаемъ свой трудъ тѣмъ людямъ, которые въ погонѣ за житейскою суетою и призраками земныхъ утѣхъ и удовольствій очень часто забываютъ, что ихъ ожидаетъ за гробомъ другая, несравненно лучшая жизнь, жизнь безко-

нечная;—тѣмъ, кто дальше матеріи и земной жизни ничего не хочетъ видѣть и признавать;—тѣмъ несчастнымъ, которые въ бурномъ плаваніи по житейскому морю, изнывая подъ бременемъ лишеній и житейскихъ невзгодъ, болѣзней, огорченій и всякаго рода тѣлесныхъ и духовныхъ скорбей, падаютъ въ неравной борьбѣ за существованіе, съ воплемъ отчаянія и ропота на Промыслъ Божій; цѣль составителя этой книги будетъ достигнута, если ему удастся согрѣть живительнымъ свѣтомъ вѣры хотя одно человѣческое существо, колеблемое духомъ невѣрія, успокоить и ободрить надеждою на лучшее будущее за гробомъ хотя одно человѣческое сердце, испытывающее страданія, скорби и разочарованіе, сохранить хотя одного человѣка отъ гибельнаго пессимизма и отчаянія, иногда оканчивающагося даже самоубійствомъ,—вдохновить хотя одного никѣмъ не признаннаго и всѣми оставленнаго истиннаго труженика мысли и борца за правду Божію, совѣсть, честь, высокое достоинство человѣка;—побудить хотя одно человѣческое сердце къ подвигамъ св. милосердія и любви, никогда не умирающей, но сторицею вознаграждающей того, кто ей служитъ, кто за нее отдаетъ душу свою, по заповѣди Христа Спасителя міра;—устрашить вѣчными мученіями въ жизни посмертной, несомнѣнно существующей, хотя одного злодѣя, забывшаго стыдъ, совѣсть, страхъ Божій и чувство жалости къ себѣ подобнымъ [1]).

Думаемъ, что, издавая свою книгу, мы идемъ навстрѣчу совершающейся перемѣнѣ въ настроеніи общества, готовящагося вступить въ XX вѣкъ своей эры, — перемѣнѣ, которую внимательный наблюдатель замѣтитъ во всѣхъ областяхъ жизни: въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, религіи и политикѣ. Въ наукѣ она проясняется въ усилившемся стремленіи къ синтезу, обобщеніи грандіознаго фактическаго матеріала, а также въ примиреніи съ философіей, для болѣе успѣшнаго изслѣдованія основныхъ, важнѣйшихъ вопросовъ бытія. Въ литературѣ означенная перемѣна обнаруживается въ усиливающемся пренебреженіи къ внѣшней формѣ, мучительномъ стремленіи къ психологическому анализу, страстномъ исканіи правды въ индивидуальной и общественной жизни и, наконецъ, даже въ смѣшной формѣ декадентства и символизма.

Въ сферѣ религіи тотъ же культурный кризисъ сказывается въ пробужденіи заглохшаго религіознаго чувства. Не находя удовлетворенія этому чувству въ матеріалистическомъ міровоззрѣніи и не имѣя возможности создать новыя, цѣльныя религіозныя представленія, общество жаждетъ вѣры, и мало-по-малу обращается къ религіи, унаслѣдованной отъ предковъ.

Въ области политики, взаимныхъ отношеній народовъ, то же самое настроеніе даетъ себя чувствовать въ замѣтномъ ослабленіи шовинизма и пробужденіи заглохшаго альтруистическаго чувства. Народы, правда, все еще стоятъ грозно вооруженные, готовые ринуться другъ на друга по первому сигналу своихъ вождей, но въ сердцахъ людей нѣтъ уже прежней злобы, шовинистскіе возгласы не вызываютъ болѣе бурныхъ восторговъ, и въ сознаніе массъ все глубже и глубже проникаетъ альтруистическая идея мира и общечеловѣческаго братства. (Вспомнимъ Гаагскую конференцію).

---

[1]) Теперь о проявленіяхъ религіознаго чувства приходится слышать рѣже, за то не прекращаются разсказы противоположнаго характера. Еще недавно авторъ «Сахалинскихъ очерковъ» слѣдующими красками обрисовалъ настроеніе каторжниковъ:

«Помолиться Богу въ тюрьмѣ такъ же стыдно, какъ вообще заняться какими-нибудь пустяками, недостойными взрослаго человѣка. Сахалинскіе священники въ одинъ голосъ жалуются на отсутствіе религіозныхъ чувствъ у каторги. Къ исповѣди и святому причастію приходится чуть не силой гонять—не желаютъ. Въ Д—скую каторжную богадѣльню священникъ даже на Пасху не пошелъ: изъ-за шутокъ, изъ-за озорства. Со святою водой приходишь,—а они нарочно самыя что ни на есть мерзкія озорства выдѣлываютъ».

Далѣе идетъ глубоковозмутительный разсказъ священника на посту Александровскомъ о поведеніи одного изъ трехъ арестантовъ, приговоренныхъ къ повѣшенію, которыхъ онъ готовилъ къ смерти:

«Все о будущей жизни бесѣдовали. Это съ двоими, а третій, старикъ, тотъ все надъ ними хохоталъ и ругался. «Спать только мѣшаете». Мы запоемъ—а онъ: «веселенькое бы что спѣли!» И такъ кощунствовалъ передъ лицомъ смерти, такъ кощунствовалъ! Нераскаянный померъ».

А этотъ старикъ былъ простой русскій крестьянинъ.

Возрастаніе преступности идетъ рядомъ съ упадкомъ религіознаго чувства. Нельзя не задуматься надъ опубликованными недавно Министерствомъ Юстиціи цифрами въ «Итогахъ русской уголовной статистики за 20 лѣтъ». На 100 дѣлъ о религіозныхъ преступленіяхъ, возникшихъ въ пятилѣтіе съ 1874 по 1878 годъ, въ 1894 году приходилось уже 365 дѣлъ, т.-е. въ 20 лѣтъ число ихъ возросло болѣе чѣмъ въ 3½ раза.

Но не одни, такъ-называемыя, религіозныя преступленія могутъ служить мѣриломъ упадка вѣры въ народѣ. Ни одно изъ преступленій не усилилось за то же время до такой степени, какъ лжеприсяга и лжесвидѣтельство. За тотъ же періодъ времени число возникающихъ дѣлъ по этимъ преступленіямъ возросло со 100 до 519! А забвеніе святости присяги не менѣе краснорѣчиво можетъ свидѣтельствовать объ упадкѣ религіознаго чувства.

Подобные факты указываютъ, что нужны общія мѣры для поддержанія религіознаго чувства населенія. Точно также очевидно, что необходимо усилить религіозное воздѣйствіе на тѣхъ несчастныхъ, которыхъ грѣхъ и преступленіе уже довели до тюрьмы.

Никогда не говорилось у насъ такъ много объ исправленіи преступниковъ, какъ говорится теперь. Мы уже не довольствуемся тѣмъ, чтобы выбросить преступника изъ общества и спрятать его въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ, на каторгѣ. Мы хотимъ исправить его и вернуть обществу честнаго, полезнаго и трудолюбиваго человѣка. Теперь все чаще и чаще приходится слышать о заботахъ поднять умственный уровень арестантовъ, объ устраиваемыхъ для нихъ въ разныхъ городахъ чтеніяхъ съ туманными картинами; но гораздо менѣе приходится слышать о заботахъ поднять религіозное чувство заключенныхъ. Какъ будто возможно исправленіе ихъ безъ этого чувства, на почвѣ какой-то отвлеченной морали!

«Жизнь по-прежнему наполняетъ міръ восторгами бытія и муками страданій, упоеніемъ страсти и бѣшенствомъ гнѣва, по-прежнему оглушаетъ насъ побѣдными кликами торжествующихъ и стонами гибнущихъ, но сквозь весь этотъ нестройный гигантскій концертъ борьбы за существованіе до нашего слуха явственно доносится и торжественный гимнъ любви человѣка къ Богу и человѣку... и гимнъ этотъ возносится изъ трущобъ земли къ ясному, безконечному голубому небу!» [1]).

1900 г. 1 февраля. Составитель.

Объясненіе наиболѣе употребительныхъ терминовъ, встрѣчающихся въ нашей книгѣ.

Внушеніе — по своей этимологіи слово это прямо означаетъ фактъ воздѣйствія на другое лицо, съ цѣлью внушить ему какую-либо идею безъ подробнаго ея изложенія, или заставить его совершить какое-либо дѣйствіе. Говорятъ, что извѣстное лицо находится подъ внушеніемъ, когда оно не въ состояніи противиться внушенной идеѣ, или не можетъ не совершить внушеннаго дѣйствія. Бываетъ и *самовнушеніе*, когда субъектъ безсознательно воздѣйствуетъ самъ на себя. Мысленнымъ внушеніемъ называется то, если внушитель не выражаетъ своей мысли или желанія ни словомъ и никакимъ другимъ знакомъ, ощутительнымъ для нашихъ чувствъ и способностей въ ихъ нормальномъ состояніи.

Галлюцинаціи — обманъ чувствъ. Подъ этимъ словомъ понимаются видѣнія или явленія, существующія только въ одномъ воображеніи. Человѣкъ видитъ или слышитъ нѣчто, реально не существующее, тогда какъ подъ **иллюзіей** подразумѣвается хотя тоже обманъ чувствъ, но не чистая фантазія, а лишь искаженное воспріятіе предметовъ и явленій, реально существующихъ (см. «Neue Spiritualistiche Blätter», 1891 г).

Гипнотизмъ — слово введенное Брэдомъ, означаетъ искусственно возбужденный сомнамбулизмъ (sonamboulisme provoqué). Согласно общему пониманію, гипнотизмъ—это сомнамбулизмъ, возбужденный физическими дѣйствіями, тогда какъ магнитизмъ — искусственый сомнамбулизмъ, происходящій отъ личнаго (individuel) вліянія или воли.

Животный магнитизмъ — слово неопредѣленное, употребляемое въ различныхъ смыслахъ, главнымъ же образомъ его относятъ къ способамъ возбужденія сомнамбулизма. Слово: «магнитизмъ» въ своемъ обыкновенномъ смыслѣ означаетъ дѣйствіе на разстояніи, и можетъ прилагаться ко всякимъ дѣйствіямъ съ цѣлію возбужденія сомнамбулизма, напр., къ такъ называемымъ магнитическимъ пассамъ, производящимъ магнитическій сонъ. Магнитическій сонъ — это не что иное, какъ состояніе искусственнаго сомнабулизма, то же самое и сонъ гипнотическій, съ тою, однако, разницею, что происходитъ онъ отъ другой причины, именно, отъ дѣйствій физическихъ, вмѣсто личнаго вліянія (influence individuelle).

Интуиція, т.-е. созерцаніе — высшая степень медіумизма; означаетъ она непосредственное сознаваніе внутреннихъ началъ во внѣшнихъ процессахъ, также какъ и великихъ основныхъ истинъ безъ предварительнаго обсужденія ихъ разумомъ. Со способностью интуиціи соединено нѣкотораго рода духовное ясновидѣніе, такъ что медіумы, пишущіе или говорящіе по интуиціи, видятъ передъ собою проявляемыя картины, которыя представляютъ духовные процессы, заключающіеся въ земныхъ явленіяхъ.

Матеріализація. Этимъ словомъ спириты называютъ способность духовъ образовывать для себя временную матеріальную оболочку, сходную съ ихъ прежнимъ земнымъ тѣломъ, такъ чтобы они могли быть узнаваемы по своему внѣшнему облику.

Если въ данномъ случаѣ не достаточно медіумической силы для образованія даже на нѣсколько минутъ такой отдѣльной фигуры, духи употребляютъ самого медіума, выводя его настолько измѣненнымъ и переряженнымъ, что присутствующіе признаютъ въ немъ образъ отшедшаго лица. Но эти явленія, по мнѣнію строго положительныхъ ученыхъ, съ которыми, конечно, приходится согласиться и намъ, объясняются безъ вмѣшательства духовъ; они формируются собственно духомъ медіума изъ тонкой матеріи, извлекаемой изъ его же тѣла, что, конечно, указываетъ на великую какъ бы творчески-образовательную силу души человѣка. Явленія двойничества вполнѣ подтверждаютъ это объясненіе.

Медіумъ — посредникъ. Такъ называютъ лицъ, черезъ которыхъ «духи» могутъ сообщаться. Это — мнѣніе спиритовъ, а не православной церкви.

Съ своей стороны мы смотримъ на медіумовъ, какъ на лицъ, одаренныхъ тонкою нервною организаціею, весьма чуткихъ къ психическимъ явленіямъ, лицъ такъ называемыхъ сенситивныхъ, чрезъ которыхъ въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ проявить свое вліяніе и духъ-искуситель въ видахъ обольщенія людей, особенно въ случаѣ невысокаго религіозно-нравственнаго уровня медіума.

Психометрія. Такъ называется даръ, присущій нѣкоторымъ личностямъ, направлять духъ

[1]) См. кн. «Духъ и матерія» Ѳ. Страхова. М. 1899 г., стр. 33—34.

свой къ общенію съ внутренними духовными сущностями нѣкоторыхъ вещей (напр., лѣкарствъ), когда они до таковыхъ дотрогиваются, и видѣть такимъ способомъ все имъ соприкасающееся, даже описывать событія, съ ними связанныя. Напр., одному изъ такихъ психометрическихъ личностей даютъ въ руки обломокъ статуи, найденный при раскопкахъ въ Аѳинахъ или въ какомъ-либо древнемъ храмѣ, и черезъ самое непродолжительное время въ его духовномъ видѣніи представляется не только вся статуя и весь храмъ, но и городъ, въ которомъ они находились, со всѣми его окрестностями и даже хижинами, въ одѣяніи той эпохи, и онъ можетъ сказать, какимъ образомъ уничтожена статуя или разрушенъ храмъ: отъ землетрясенія ли, пожара, или нашествія непріятеля. Такъ профессоръ Дэнтонъ далъ двѣнадцати медіумамъ кусочки отъ метеорита, и одиннадцать изъ нихъ сдѣлали совершенно тождественное описаніе планеты, отъ которой оторвался метеоритъ. Если положить въ руку психометрическаго медіума какое-нибудь лѣкарственное вещество, онъ можетъ умственно изслѣдовать его свойства и описать его дѣйствіе на тѣло. Въ будущемъ, очень вѣроятно, явится возможность черезъ прикосновеніе къ окровавленному платью убитаго узнать, какимъ образомъ совершено преступленіе и описать личность убійцы и, такимъ образомъ, передать его въ руки правосудія. Эта медіумическая фаза встрѣчается еще очень рѣдко, ибо она требуетъ въ высшей степени сенситивныхъ[1]) и сверхъ того очень развитыхъ личностей, способныхъ не только видѣть предметы и событія, но и правильно ихъ описывать подходящими выраженіями.

Сомнамбулизмъ — состояніе, подобное сну, но отличающееся отъ него постоянствомъ (persistance) нѣкоторыхъ явленій относительной жизни (de la vie de relation). Онъ отличается отъ состоянія нормальнаго бодрствованія измѣненіемъ личности. Сомнамбулизмъ можетъ быть искусственнымъ и естественнымъ, или самопроизвольнымъ (spontané). Самопроизвольный сомнамбулизмъ (лунатизмъ) явленіе патологическое, болѣе частое у субъектовъ молодыхъ, наступающее всего чаще во время нормальнаго сна. Сомнамбулизмъ искусственный возбуждается то нѣкоторыми пріемами, называемыми магнитическими, дѣйствіе которыхъ еще недостаточно опредѣлено; то внушеніемъ, или же дѣйствіями физическими, какъ-то: устремленіемъ взгляда (fixation) на какой-нибудь блестящій предметъ, мѣрными звуками и проч., или же чаще всего многими совмѣстно дѣйствующими причинами.

Спиритизмъ. Самое слово «спиритизмъ» сбиваетъ съ толка; оно непремѣнно должно быть замѣнено другимъ, болѣе общимъ, не содержащимъ въ себѣ никакой гипотезы, никакого ученія, какъ напримѣръ, слово: «медіумизмъ». Спиритизмъ, въ строгомъ значеніи этого понятія, есть одна изъ трехъ категорій, подъ которыя мы можемъ подвести всѣ медіумическія явленія. Каждая изъ этихъ категорій, выраженная пока въ формѣ гипотезы, имѣетъ право на самостоятельное существованіе и опредѣляетъ собою только извѣстный разрядъ фактовъ.

Эти три категоріи для удобства мы обозначаемъ слѣдующими условными названіями: персонизмъ, анимизмъ и спиритизмъ.

Словомъ *персонизмъ* мы обозначаемъ самое элементарное явленіе медіумизма: разговоръ посредствомъ стола, письма или безсознательной рѣчи въ трансѣ. Явленія, принадлежащія къ этой рубрикѣ, раскрываютъ передъ нами великій фактъ двойственности человѣческаго существа — непосредственность нашего индивидуальнаго, внутренняго, безсознательнаго *я* съ нашимъ внѣшнимъ, сознательнымъ *я*.—Это психическія безсознательныя явленія, коихъ отличительная черта, большею частью, состоитъ въ персонификаціи, т.-е., въ принятіи не только имени, но часто и характера личности, посторонней медіуму. «Духи» здѣсь рѣшительно не причемъ, — необходимо только, чтобы человѣкъ на время отрѣшился отъ своего личнаго *я* и предоставилъ себя всецѣло въ распоряженіе своей внутренней, психической силы.

Анимизмомъ мы обозначаемъ безсознательныя психическія явленія, имѣющія мѣсто внѣ предѣловъ тѣлесной сферы медіума, какъ-то: умственное общеніе между людьми, движеніе предметовъ безъ прикосновенія, явленія прижизненныхъ призраковъ, пластическое дѣйствіе на разстояніи и такъ далѣе.

Всѣ эти явленія мы считаемъ результатомъ безсознательной дѣятельности живого человѣка, или передающей его собственную мысль другому лицу, или воплощающей ее предъ нимъ же въ какой-нибудь опредѣленной формѣ, хотя бы въ формѣ призрака.

Изслѣдованія лондонскаго «Психическаго общества» показали, что большинство явившихся людямъ призраковъ относилось къ числу не умершихъ уже индивидуумовъ, а только умирающихъ. Это очень понятно: мысль умиравшаго субъекта, вѣроятно, сосредоточивалась на какой-нибудь опредѣленной личности, и эта послѣдняя видѣла ее передъ собой уже въ формѣ призрака. Здѣсь «духи» опять таки рѣшительно не при чемъ и въ «анимизмѣ» (anima—душа) мы имѣемъ только кульминаціонное явленіе психическаго раздвоенія.

Словомъ *спиритизмъ* обозначаются тѣ же по внѣшнему виду явленія персонизма и анимизма, когда дѣйствующая причина ихъ находится не только внѣ медіума, но и внѣ нашей сферы бытія: мы имѣемъ здѣсь земныя проявленія нашего индивидуальнаго *я*, уже послѣ отрѣшенія его отъ тѣла. Изъ этого выходитъ, что спири-

[1]) Сенситивное лицо — человѣкъ, одаренный особо тонкою нервною организаціею и чувствительностію.

ическія явленія по своимъ внѣшнимъ формамъ совершенно сходны съ явленіями персонизма и анимизма и отличаются отъ нихъ только по ственному содержанію, свидѣтельствующему о пательствѣ въ нихъ посторонней, самостоятельной личности. Тогда они заключаютъ въ себѣ кія-нибудь несомнѣнныя данныя участія въ немъ ха» умершаго лица: или «духъ» сообщаетъ исутствующимъ какія-либо событія извѣстныя, и дѣлаетъ опредѣленное указаніе и поясненіе фактовъ, также непосредственно.

Вышеприведенное опредѣленіе спиритизма мы заимствовали изъ сочиненій А. Аксакова. Лично мы съ первыми двумя стадіями спиритизма, т.-е. персонизмомъ и анимизмомъ вполнѣ согласны и полагаемъ, что многія таинственныя явленія, совершающіяся на спиритическихъ сеансахъ, происходятъ безъ всякаго участія «духовъ», естественнымъ проявленіемъ еще мало изученной психической силы человѣка. Что касается третьяго положенія въ опредѣленіи спиритизма, спиритизма въ собственномъ смыслѣ, то мы будемъ правы, если, слѣдуя мнѣнію митр. Филарета, проф. Рождественскаго и др., допустимъ, что въ большинствѣ случаевъ здѣсь дѣйствуютъ не души умершихъ, а діаволы, обольщающіе людей. Вотъ почему занятіе собственно спиритизмомъ—весьма опасное занятіе.

Трансфигурація, т.-е. «превращеніе» силою «духовъ» всего внѣшняго вида медіума, напримѣръ, роста, фигуры, чертъ лица, настолько, что его принимаютъ за другую личность. Мы уже сказали, что матеріализація, по нашему мнѣнію, объясняется безъ вмѣшательства духовъ, естественно; слѣд. и трансфигурація, если это не фокусъ, должна быть также объяснена естественными психофизическими силами человѣческой личности.

Трансъ—глубокій магнитическій сонъ. Между полнымъ трансомъ и полутрансомъ существуетъ значительная разница. Во время полутранса медіумъ находится въ полубезсознательномъ состояніи; онъ знаетъ, что долженъ что-то сдѣлать, и дѣлаетъ это непроизвольно, онъ сознаетъ надъ собою какую-то невидимую силу, заставляющую его поступать извѣстнымъ образомъ, но какъ именно, онъ не знаетъ, пока не исполнитъ внушеннаго дѣйствія, точно такъ же, какъ это бываетъ и въ гипнотизмѣ. Сообщенія, получаемыя черезъ медіума, находящагося въ полутрансѣ, не вполнѣ достовѣрны, ибо они всегда болѣе или менѣе перепутаны съ собственными мыслями самого медіума.

Ясновидѣніе. Мы подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ видѣніе посредствомъ духовнаго зрѣнія духовныхъ предметовъ, такъ же какъ и видѣніе происходящаго на разстояніи. Эта способность чаще всего присуща сомнамбуламъ, т.-е. такимъ лицамъ, у которыхъ духовныя чувства бодрствуютъ въ то время, когда тѣлесныя находятся въ умаленіи, будь то при естественномъ сомнамбулизмѣ или при магнитическомъ, но она бываетъ присуща и такимъ личностямъ, которыя, находясь и въ вполнѣ бодрственномъ состояніи, имѣютъ даръ прозрѣнія въ духовный міръ и въ нѣкоторой степени способность переноситься въ духѣ въ отдаленныя мѣстности и видѣть, что тамъ происходитъ. Этихъ личностей называютъ ясновидящими и прозорливцами. Но нерѣдко, такъ называемые, ясновидящіе имѣютъ даръ прозрѣнія не сами по себѣ, а получаютъ сообщенія о духовномъ мірѣ и отдаленныхъ мѣстностяхъ отъ своихъ духовныхъ руководителей.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Подробное содержаніе книги см. конць ея.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЛЕНІЯ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ ВЪ БОДРСТВЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ЧЕЛОВѢКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предчувствія.

Способность предчувствія или предвѣдѣнія дущаго съ различною степенью ясности зародышѣ существуетъ у каждаго челоіка, но особенно обнаруживается въ нѣкорыхъ особенныхъ состояніяхъ. Точнаго и редѣленнаго термина эта способность знать дущее не имѣетъ: ее называютъ то предвствіемъ, то предвѣдѣніемъ, то пророчевомъ и т. д., смотря потому, какъ она обнаживается. Когда будущее болѣе чувствуется, мъ сознается, тогда говорятъ о предчуввіи, предвидѣніи; когда оно и сознается—о едвѣдѣніи, пророчествѣ и т. п. Мы будемъ ворить объ этой способности во всѣхъ ея оявленіяхъ, и просимъ извинить, что, не отребляя какого-нибудь одного опредѣленго названія, будемъ пользоваться разными званіями способности знать будущее, за имѣніемъ въ языкѣ слова, которое могло со всею полностью выражать это понятіе. недостаткомъ такого-то слова мы предпогаемъ употреблять терминъ, входящій, катся, въ употребленіе на западѣ, именно — винація (отъ divinare; напр. Divinationsmögen, la divination и т. п.).

Достовѣрность дивинаціи [1]) выше всякагб инѣнія; для тѣхъ же, которымъ не прилось быть лично ея свидѣтелями, существуъ спеціальные сборники разсказовъ объ ихъ фактахъ; такъ, многое въ этомъ родѣ брано Шплитгерберомъ въ его сочиненіи „Сонъ и смерть", Перти, Ласолемъ [1]), М. Погодинымъ [2]) и др. Изъ этого богатаго матеріала мы представимъ типичные образчики разнаго рода предчувствій и предвѣдѣній будущаго. Чаще всего дивинація проявляется по отношенію къ личной судьбѣ и лицъ близкихъ, рѣже — лицъ чужихъ, еще рѣже— къ судьбѣ народа и всего человѣчества. Содержаніемъ дивинаціи служатъ наиболѣе важные моменты въ жизни личности, ея близкихъ, или въ народной и всемірной исторіи, напр., смерть, опасности, важные перевороты и т. п. Такимъ образомъ дивинація раздѣляется: а) *по лицамъ*, къ которымъ она относится, и б) *по содержанію*, которое она въ себѣ заключаетъ.

1. Предвѣдѣніе своей судьбы [3]). Французская королева Марія Антуанетта за нѣсколько лѣтъ до начала французской революціи гуляла въ паркѣ Тріанона въ одно утро съ своей фрейлиной. Вдругъ встрѣтился съ ней неизвѣстный человѣкъ, который тотчасъ удалился. Однако, взглянувъ на него мелькомъ, королева ощутила въ себѣ какой-то необъяснимый ужасъ, что и высказала фрейлинѣ. Это и былъ именно тотъ пивоваръ Сантеръ, который впослѣдствіи заявилъ себя такимъ врагомъ королевской фамиліи и присутствовалъ при казни короля. Извѣстный Марбургскій профессоръ математики Бемъ однажды, находясь въ пріятномъ обществѣ, вдругъ почувствовалъ неодолимую потребность итти домой, хотя ему тамъ совсѣмъ нечего было дѣлать. Войдя въ свою комнату, онъ почув-

---

Латинское divinatio представляется болѣе прирнымъ въ данномъ случаѣ, чѣмъ всѣ другія назія, по широкому смыслу, заключающемуся въ словѣ; хотя съ этой стороны оно же и небно, потому что обозначаетъ: 1) самую способъ души узнавать будущее на основаніи общноприроды съ богами (deus) и 2) искусство..... авать будущее, пользуясь: а) этоособностьюсщи общеніемъ съ богами.

---

[1]) *Lasaulx*. «Die prophetische Kraft der menschlichen Seele in Dichtern und Denkern» München 1858.

[2]) *М. П. Погодинъ*. Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Изд. 3-е, Москва 1875.

[3]) Примѣры у *Splittgerber'a* (237—239).

ствовалъ новое непреодолимое побужденіе переставить свою кровать съ прежняго мѣста на новое, менѣе удобное, чему подчиняется, хотя и неохотно. Сдѣлавши это, онъ возвращается въ общество, тамъ онъ остался ужинать, а въ 10 часовъ возвратился домой и легъ спать. Въ полночь онъ просыпается отъ сильнаго треска и грохота, встаетъ и видитъ, что тяжелая балка съ досками упала на то мѣсто, гдѣ ранѣе стояла его кровать.

2. **Дивинація, касающаяся близкихъ** [1]. Императрица Жозефина, супруга Наполеона I, славилась чрезвычайно развитою способностью предвидѣть результаты предпріятій своего супруга, именно неудачныхъ. Кромѣ того, она нѣсколько разъ спасала жизнь Наполеона I-го предвѣдѣніемъ грозившихъ ему заговоровъ. Максъ Симонъ говоритъ объ одной своей знакомой, что она во время недолговременнаго отсутствія изъ своего дома поспѣшила домой съ увѣренностью, что ея сестрѣ, которую она оставила совершенно здоровою, грозитъ серьезная опасность. Едва она переступила порогъ дома, какъ ей сказали, что съ ея сестрой случилось сильное кровотеченіе изъ горла, и что ея жизнь въ опасности.

3. **Дивинація, касающаяся чужихъ.** Лихтенбергъ, ложась вечеромъ въ постель, вдругъ почувствовалъ какой-то неодолимый страхъ передъ огнемъ и какъ бы приливъ тепла въ своихъ ногахъ. Вслѣдъ затѣмъ послышался звонъ пожарныхъ колокольчиковъ, но пожаръ былъ въ очень отдаленномъ домѣ. Погодинъ сообщаетъ среди многихъ случаевъ предсказаній чужой судьбы одинъ замѣчательный случай подобнаго рода, когда одному офицеру, Коховскому, предсказалъ судьбу совершенно неизвѣстный ему, призванный имъ по дѣлу, каретникъ (что онъ будетъ повѣшенъ [2]).

4. **Предвѣдѣніе смерти.** Король французскій Генрихъ IV имѣлъ опредѣленное предчувствіе своей насильственной смерти и въ день своей смерти говорилъ своему приближенному Селли: „другъ мой, мнѣ бы не надо совсѣмъ выходить: я знаю, что со мной сегодня случится несчастіе“. Жанъ-Поль-Рихтеръ за 30 лѣтъ предсказалъ мѣсяцъ и день своей смерти. Профессоръ Погодинъ сообщаетъ много замѣчательныхъ случаевъ предсказаній смерти, разсказанныхъ подробно и живо, напримѣръ, про Татищева, изъ временъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны, который, будучи вполнѣ здоровъ, наканунѣ своей смерти причастился Святыхъ Таинъ и велѣлъ рыть себѣ могилу, и др.

5. **Предчувствія разныхъ опасностей и бѣдъ.** Пасторъ Доддъ въ одинъ вечеръ почувствовалъ потребность посѣтить своего друга, жившаго въ разстояніи мили отъ него, самъ не отдавая себѣ отчета въ цѣли своего визита. Всѣ въ домѣ спали при его приходѣ, исключая самого друга, отворившаго ему дверь со словами: „самъ Богъ послалъ васъ ко мнѣ! я растратилъ деньги своихъ дѣтей, и вотъ въ моемъ карманѣ веревка, которою я хотѣлъ покончить съ собой“.—Профессоръ математики въ Роштокѣ послѣ посѣщенія друзей, во время котораго были богословскіе разговоры, идетъ въ библіотеку достать нужную ему для справки книгу. Тутъ онъ вдругъ видитъ самого себя за письменнымъ столомъ на своемъ стулѣ, и это другое его *я* указываетъ пальцемъ на раскрытую передъ нимъ Библію, именно на мѣсто изъ пророка Исаіи: „управь свой домъ, ибо ты умрешь“ (XXXVIII, 1). Испуганный, онъ возвращается въ общество, гдѣ напрасно его стараются успокоить: онъ твердо стоялъ на томъ, что долженъ умереть, и торжественно простился со своими друзьями. Дѣйствительно, на слѣдующій день онъ умеръ [1]. Одинъ молодой человѣкъ, сообщаетъ Максъ-Симонъ, поѣхалъ разъ повидаться со своими родителями, и встрѣтился по дорогѣ съ двумя офицерами, съ которыми онъ условился ѣхать вмѣстѣ на почтовыхъ. Когда онъ долженъ былъ сѣсть въ карету, онъ почувствовалъ какое-то странное чувство, которое какъ бы парализовало его: сѣсть въ карету ему казалось невозможнымъ. Офицеры, замѣтивши измѣненіе въ чертахъ его лица, спросили его, что съ нимъ; онъ объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло. Они предложили ему помочь сѣсть, но молодой человѣкъ отказался окончательно. Офицеры уѣхали, онъ остался, но вскорѣ волненіе прошло у него, и онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы продолжать путь. Когда онъ подъѣхалъ къ берегамъ Эльбы, то увидѣлъ собравшуюся толпу народа, и на его вопросъ, что случилось, ему отвѣтили, что какая-то карета съ лошадьми упала въ рѣку и что два офицера, сидѣвшіе въ ней, утонули. Еще случай. Однажды аббатъ Монтморенъ вошелъ въ церковь св. Людовика и опустился на колѣни, чтобы молиться, какъ вдругъ онъ почувствовалъ сильное желаніе перемѣнить мѣсто. Не находя нужнымъ подчиниться этому чувству, онъ продолжалъ молиться, но, наконецъ, имъ овладѣло такое волненіе, что онъ всталъ и пошелъ на противоположную сторону церкви. Не успѣлъ онъ опуститься на колѣни, какъ упалъ камень со свода на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ прежде. Много

[1] Примѣры у *Splittgerber'a* (239—248).
[2] Этотъ случай разсказывается на страницахъ «Русской Старины» М. Н. Новицкимъ (1874 г. Сентябр. книга, стр. 179).

[1] *Splittgerber'a* p. 267—268.

подобнаго древніе сообщаютъ о Сократѣ. Сократъ принималъ участіе въ неудачной битвѣ подъ Деліемъ и во время отступленія не захотѣлъ вмѣстѣ съ прочими бѣжать по одной изъ трехъ дорогъ, но выбралъ совершенно иную. На вопросъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, Сократъ отвѣчалъ, что его не пускаетъ демонъ; тѣ, которые бѣжали другою дорогою, наткнулись на непріятельскую конницу. Цицеронъ говоритъ, что подобныхъ доказательствъ предвѣдѣнія Сократа (divinatio) собрано многое множество Антипатромъ [1]).

Максъ-Симонъ разсказываетъ слѣдующій случай, бывшій съ его отцомъ. Когда, однажды, онъ возвращался вечеромъ домой, ему пришла мысль, что его домъ горитъ. Эта мысль такъ навязчиво начала преслѣдовать его, что онъ ускорилъ шаги; когда онъ подходилъ къ дому, ему сообщили, что уже полчаса тому назадъ вспыхнулъ пожаръ въ его домѣ. Онъ отсутствовалъ только нѣсколько часовъ.

6. **Дивинація народно и всемірно-историческихъ событій** [2]). Примѣровъ ея множество у разныхъ народовъ и въ разныя времена. По Гомеру *Калхасъ* предсказалъ девятилѣтнюю осаду Трои, *Эсхилъ* въ своемъ „Прикованномъ Прометеѣ" (v. 755 и sq.) — паденіе язычества [3]); *Платонъ* [4]) и Виргилій [5]) пришествіе Логоса, Мессіи; Іосифъ Флавій полководцу Веспасіану предсказалъ, что послѣдній будетъ послѣ Нерона императоромъ [6]). Въ средніе вѣка прорицаніями прославился знаменитый авва *Бернаръ Клервосскій*. Онъ предсказалъ, напр., исходъ второго крестоваго похода, Людовику VI, королю Франціи, враждовавшему съ церковью, смерть его сына. *Данте* († 1321), великій поэтъ среднихъ вѣковъ, въ своей „Божественной Комедіи" предсказалъ паденіе папства и реформацію, за что называется часто „пророкомъ реформаціи" [7]). *Саванаролла* къ отличавшему его дару прозорливости, которому удивлялись современники, присоединялъ даръ пророчества; такъ, онъ предсказалъ, напр., во время полнаго мира между Италіею и Франціею нападеніе на Италію короля французскаго Карла VIII, судьбу Медичисовъ во Флоренціи и т. п. [1]). О *Нострадамусѣ* (род. въ Реми, на югѣ Франціи 1503 г. и умеръ профессоромъ медицины въ Монпелье 1566 г.) существуетъ обширная литература; многія его предсказанія замѣчательны но буквальной точности исполненія (въ отличіе отъ общей характеристической черты дивинаціи—*приблизительности*). Въ своихъ знаменитыхъ четверостишіяхъ онъ предсказываетъ отдаленнѣйшія событія французской исторіи, относящіяся ко временамъ даже второй имперіи; такъ думаютъ, онъ предсказалъ главнѣйшія событія періода времени 1789—1793: французскую революцію, казнь короля, кровопролитіе въ Парижѣ и напрасныя попытки къ возвышенію принца Орлеанскаго [2]). Изъ многихъ новѣйшихъ предсказаній извѣстно предсказаніе *Лейбница* о французской революціи.

Древняя классическая литература (греческая и римская) полна свидѣтельствами всеобщей вѣры древняго міра въ дивинацію. Во-первыхъ, здѣсь, въ сочиненіяхъ Цицерона, Плутарха, Тита Ливія, Ксенофонта, Геродота, Платона и др., собрано множество фактовъ или образчиковъ дивинацій въ древнее время; во-вторыхъ, здѣсь мы находимъ весьма ясно высказанныя мнѣнія о способности человѣческой души къ знанію будущаго.

Не считая нужнымъ приводить эти классическіе образцы дивинаціи, мы остановимся нѣсколько на загадочной личности *Сократа*, поражавшаго всѣхъ древнихъ чрезвычайно развитою способностью проникать въ будущее и служившаго для нихъ нагляднымъ доказательствомъ существованія въ человѣкѣ такой способности, особенно замѣтно проявляющейся лишь у нѣкоторыхъ немногихъ лицъ [3]). И писатели новаго времени посвятили не мало изслѣдованій для рѣшенія загадочнаго вопроса о „демонѣ" Сократа, голосу котораго онъ приписывалъ свои предсказанія, и который руководилъ его поведеніемъ, удерживая отъ неразумнаго и вреднаго. Древніе, какъ и самъ Сократъ, приписывали этотъ голосъ божеству; одни изъ новыхъ видѣли въ немъ голосъ совѣсти, тоже голосъ божества, нисколько не объясняя его пророческаго характера; другіе, съ психологической точки зрѣнія, выдавали голосъ Сократова

---

[1]) Cicero. De divinatione Lib. I, cap. LIV.

[2]) Сборники примѣровъ въ книгѣ *Lasaulx*, у *Splittgerber'a* p. p. 313—380, у Perty B. II, 313—347.

[3]) «Самъ Зевсъ съ Олимпа будетъ свергнутъ съ пришествіемъ лучшаго и сильнѣйшаго его потомка, когда духъ человѣческій освободится отъ своихъ оковъ».

[4]) Apol. Socr. p. 117. 118. De rep. VI, p. 179. 209. Phaed. p. 61. Gorgias p. 58 и въ другихъ мѣстахъ.

[5]) *Virgil.* eclog. IV: «Pollion».

[6]) Свѣдѣнія объ этомъ имѣются не только въ его собственномъ сочиненіи Bellum Jud., но и у римскихъ историковъ: *Dio Cass.* LXVI, 1, *Sueton.* Vesp. c. 5.

[7]) См., напр., *Чистилище* v. 106—111, XXIII, 37—45. Подобныя же пророчества о реформаціи находитъ церковный историкъ Неандеръ у *Гусса:* «Kirchengeschichte» B. VI, 5. 194 595.

[1]) См. примѣры у *Splittgerber'a* 336—337. Протестанты приписываютъ многія предсказанія *Лютеру*; см. ibid. 339—341.

[2]) Въ Cent. III, 49. IX, 11. III, 51; см. о Нострадамусѣ у Splittgerber'a 344—351. Въ Cent. I, 60. VIII, 57. II, 66. VIII, 43, содержатся, по единогласному всѣхъ толкованію пророчества о Наполеонѣ I.

[3]) Въ новое время фамилія Гете отличалась этою родовою чертою, начиная съ дѣда и кончая имъ самимъ. См. у *Perty* B. II, 269 f. f.

демона прежде всего за внушенія его собственнаго высшаго *я*, въ которыхъ обнаруживались и даръ пророческій, и совѣсть [1]); третьи, наконецъ, считаютъ голосъ Сократова демона за простыя слуховыя галлюцинаціи, а пророческое содержаніе этихъ галлюцинацій, слѣдовательно, геніальными мыслями и идеями, возникавшими безъ вѣдома самого Сократа въ глубинѣ его геніальнаго ума [2]). Имѣя передъ собою такое живое доказательство существованія дивинаціи, какимъ былъ Сократъ, древніе поэты и философы не колебались приписывать человѣческой душѣ прирожденную способность предвѣдѣнія и предчувствія будущаго, — всѣ, за небольшими исключеніями. Всѣмъ извѣстно, что въ пиѳагорейской школѣ, по примѣру *Пиѳагора,* не только теоретически признавалась пророческая способность, но и практиковалась мантика въ ея различныхъ видахъ. *Эмпедоклъ* приписывалъ эту способность только избраннымъ душамъ, и то въ спеціальной области: поэту—въ области поэзіи, доктору—медицины и т. д. Вѣра въ предчувствіе у *Сократа* засвидѣтельствована ясно во многихъ мѣстахъ сочиненій Платона и Ксенофонта, его учениковъ [3]). Большею частію Сократъ приписывалъ знаніе людей о будущемъ прямымъ откровеніямъ боговъ [4]), но отчасти основаній для него онъ искалъ въ самой душѣ человѣка, что особенно мы замѣчаемъ у его учениковъ. *Платонъ* для многихъ пророчествъ не считаетъ нужнымъ воздѣйствіе божественное, приписывая ихъ способности души при извѣстныхъ условіяхъ знать будущее; она проявляется въ людяхъ, ведущихъ серьезную, правильную, разумную жизнь, заботящихся больше о духѣ, именно о разумной его части, чѣмъ о тѣлѣ [5]). *Ксенофонтъ* держится мнѣнія, что душа собственными силами способна узнавать будущее въ силу своего родства съ божественнымъ духомъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ своихъ состояніяхъ, напримѣръ, передъ смертью [6]). *Аристотель,* отвергая сверхестественное основаніе для мантики, т.-е. откровеніе боговъ, тѣмъ не менѣе, отчасти признавалъ ее, поскольку она основывается на естественной способности человѣческой души предчувствовать и знать будущее, прирожденной человѣку. По Аристотелю, душа узнаетъ будущее не вслѣдствіе откровенія боговъ, но въ силу своей собственной природы, и эта способность проявляется, по нему, въ нѣкоторыхъ особенныхъ состояніяхъ, напр., во снѣ и передъ смертью [1]), а также въ нѣкоторыхъ психопатологическихъ состояніяхъ, напр., въ меланхоліи и экстазѣ [2]). *Плутархъ* принимаетъ врожденную пророческую способность души, дремлющую въ ней, пока не вызоветъ ее какое-нибудь физическое (нервное) потрясеніе, называя такое состояніе энтузіазмомъ. Въ этомъ состояніи энтузіазма душа подъ вліяніемъ духа пророческаго дрожитъ, какъ струна подъ смычкомъ. Въ такомъ состояніи душа дѣлается орудіемъ Бога, какъ тѣло служитъ орудіемъ души [3]). Идеи Платона, Ксенофонта и Аристотеля болѣе полное развитіе получили въ *стоической* школѣ. Стоики, напр., *Хризиппъ и Посейдоній,* взявшіе подъ свою собственную защиту мантику, между разнообразными основаніями для нея одно указывали въ самомъ духѣ человѣческомъ. Духъ человѣческій въ силу своего родства съ богами, въ тѣхъ состояніяхъ, когда онъ отрѣшается отъ тѣла вполнѣ или отчасти, можетъ безъ помощи боговъ и внѣшнихъ чувствъ узнавать будущее. Такимъ удобнымъ состояніемъ является, между прочимъ, сонъ, въ которомъ душа, отрѣшаясь отъ тѣла и земныхъ заботъ, ближе становится къ богамъ и дѣлается болѣе удобнымъ орудіемъ откровенія боговъ. „Когда душа, говоритъ Посейдоній, во снѣ освобождается отъ общенія и соприкосновенія съ тѣломъ, тогда она вспоминаетъ прошедшее, видитъ настоящее и предвидитъ будущее. Хотя люди по самой природѣ своей, общей съ богами (a natura deorum haustos animos et libatos habent) имѣютъ способность знать будущее, однако, обнаруженію ея въ бодрственномъ состояніи препятствуетъ то обстоятельство, что тогда люди заботятся болѣе о земномъ, чѣмъ о душѣ и божественномъ, и разобщаются съ богами, скованные тѣломъ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ душа, освобождаясь отъ тѣла, погружается въ созерцаніе самой себя,—всего своего содержанія, того, что она отъ вѣчности знаетъ, когда жила въ высшемъ мірѣ духовъ“. Не лишне замѣтить, что по ученію стоиковъ существуютъ три источника для дивинаціи: a) собственная природа человѣческой души, родственная природѣ боговъ; b) прямыя откровенія боговъ; c) соприкосновеніе души съ безчисленнымъ множествомъ безсмертныхъ духовъ, которые наполняютъ собою весь воздухъ и въ которыхъ ясно отпечатлѣны знаки

[1]) Напр. *Splittgerber* p. 262.
[2]) *Max-Simon* p. p. 159—160.
[3]) Plat. *Criton,* 2, 44; *Phaedon,* 60; *Apolog.* 33.
[4]) Xenoph. *Cyrop.* III. 1, 5; *Memorab.* IV. 3, 12; I. 4, 14.
[5]) De republ. IX. p. 572.
[6]) Cyrop. VIII, 7, 21.

[1]) De divinat. per somn. I p. 462, 12 f. t.
[2]) *Cicero.* De divin. I, cap. XXXVIII: Aristoteles quidem eos etiam, qui valetudinis vitio furerent et melancholici dicerentur, censebat habere aliquid in animis praesapiens atque divinum.
[3]) Plut. *Defect orac.,* 40, 48: *De Pyth. orac.,* 21.
[4]) De divin. I, XLIX p. 110 cp. LVII, p. 129; L, p. 113 и LI, p. 115 особ.

истины. Ученіе стоиковъ о дивинаціи находится въ связи съ ихъ ученіемъ о судьбѣ, въ силу котораго увеличивалась способность души проникать въ будущее. По этому ученію міровой порядокъ представляетъ изъ себя необходимое сцѣпленіе причинъ и дѣйствій; но по извѣстнымъ знакамъ можно узнавать существованіе причинъ, изъ которыхъ должны вытекать извѣстныя слѣдствія, такъ что всякимъ событіямъ предшествуютъ извѣстныя знаменія.

Если соединить въ одно цѣлое мнѣнія древнихъ о дивинаціи, то мы получаемъ вполнѣ законченное ученіе о природѣ и происхожденіи ея. Древніе указываютъ точно источники дивинаціи а) въ прирожденной способности магическаго знанія, б) въ общеніи съ сверхчувственнымъ міромъ безтѣлесныхъ существъ и в) въ прямыхъ откровеніяхъ боговъ; они почти вполнѣ исчерпываютъ также вопросъ объ условіяхъ дивинаціи вообще (въ древности существовала для этого особая наука или искусство: теургія или мантика), и въ частности магической способности. Главнѣйшимъ условіемъ, изъ котораго вытекали всѣ другія, они считали нѣкоторое отрѣшеніе души отъ тѣла (ея высшей части), выходя изъ общаго понятія, совершенно вѣрнаго, о превосходствѣ чисто-духовнаго начала передъ матеріальнымъ. Отсюда всѣ состоянія, въ которыхъ духъ отчасти или вполнѣ становится независимымъ отъ тѣла, и духовное начало въ человѣкѣ беретъ перевѣсъ надъ матеріально-чувственнымъ, признавались удобными условіями для проявленія профетическихъ (т.-е. пророческихъ) способностей души и вообще ея высшихъ способностей: сонъ, смерть, экстазъ, меланхолія и тяжелыя болѣзни, понижающія и угнетающія дѣятельность тѣла на счетъ души, являлись именно такими состояніями. Древніе даже владѣли искусствомъ преднамѣренно для тѣхъ или иныхъ цѣлей ставить себя въ положенія, удобныя для обнаруженія высшихъ магическихъ силъ души (мантика). Вообще должно сказать, что, по отношенію къ разсматриваемому нами предмету, древность завѣщала нашему времени и именно спиритуалистической психологіи ученіе, вполнѣ разработанное, не оставляя намъ сказать что-либо новое. Задача новой спиритуалистической психологіи теперь лежитъ не здѣсь, а въ исправленіи и устраненіи нѣкоторыхъ недостатковъ древнеклассической теоріи. Въ христіанской философіи она не можетъ быть принята цѣликомъ уже по тому одному, что носитъ на себѣ общій всѣмъ явленіямъ древности языческій отпечатокъ. Въ частности, у стоиковъ теорія эта имѣетъ пантеистическо-дуалистическую подкладку; кромѣ того ея посылками служатъ и другіе нехристіанскіе элементы древнеязыческой философіи. Подъ одинаковыми словами здѣсь поэтому часто скрывается глубокое и существенное различіе. Вотъ примѣры: стоики справедливо утверждаютъ, что пророческая способность человѣческой души основывается на сродствѣ ея природы съ природою Божественною. Такъ и мы утверждаемъ это сродство на основаніи ученія о сотвореніи человѣка по образу и подобію Божію и о воплощеніи Сына Божія. Однако же, здѣсь разница существенная: у стоиковъ наше богоподобіе представляется пантеистически, у насъ теистически, по стоикамъ—души человѣческія суть части общей міровой души, ея изліянія, по христіански — души относительно самостоятельныя и личныя существа, вызванныя благостію Божества изъ небытія къ бытію (сотворенныя изъ ничего). Стоики относительно проявленія пророческой способности во снѣ говорятъ, что это происходитъ вслѣдствіе большей возможности духу, въ отрѣшеніи отъ тѣла, погружаться въ самого себя и тамъ созерцать, въ своемъ вѣчномъ содержаніи, образы всего сущаго. Очевидно для всякаго, что тайной посылкой этого взгляда служитъ заимствованное съ востока (изъ Индіи) ученіе о вѣчномъ предсуществованіи душъ. Вотъ почему древнеклассическое ученіе о дивинаціи въ христіанской философіи должно быть подвергнуто значительной переработкѣ. Но эта переработка касается не основныхъ положеній его, а ихъ аргументаціи; основныя же положенія объ а) источникахъ и б) условіяхъ дивинаціи могутъ быть приняты цѣликомъ, какъ оно и есть, и съ христіанской точки зрѣнія. Источниками дивинаціи надо признать: а) душу человѣческую; б) Бога и в) воздѣйствіе духовъ. Главное условіе для проявленія пророческой способности души, выставленное древними, должно быть принято, — именно господство духа надъ тѣломъ и его независимость отъ чувственности; а принявъ это условіе, мы должны принять также и слѣдствія, вытекающія изъ него, т.-е. подобно древнимъ признать, что естественная дивинація легче обнаруживается у людей, ведущихъ духовную жизнь, а также вообще во снѣ, передъ смертью, въ экстазѣ и другихъ необыкновенныхъ состояніяхъ организма, напр., въ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ. Во всѣхъ этихъ состояніяхъ болѣе или менѣе нарушается равновѣсіе между духомъ и тѣломъ съ повышеніемъ духовной дѣятельности, что признается, какъ выше видѣли, и современными учеными. (См. кн. „Пророческіе или вѣщіе сны“, свящ. П. Свѣтлова, стр. 93—109, откуда мы заимствовали въ извлеченіи вышеизложенныя свѣдѣнія).

Разсказы о предчувствіяхъ.

1. Въ одномъ заграничномъ журналѣ, издаваемомъ ученымъ докторомъ Эрикуромъ, помѣщенъ весьма любопытный сводъ фактовъ и наблюденій по части предчувствій. О предчувствіяхъ въ Парижѣ много говорили по поводу одного страннаго событія, совпавшаго съ памятнымъ пожаромъ благотворительнаго базара въ улицѣ Жанъ-Гужонъ. Одна изъ жертвъ этой катастрофы, монахиня Марія Магдалина (въ мірѣ Юлія Гаривэ), наканунѣ пожара видѣла во снѣ, что она мечется въ пламени, въ какой-то громадной раскаленной печи. Сонъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе; она все утро ходила подавленная и печальная и, уходя изъ монастыря на базаръ, распростилась съ сестрами самымъ торжественнымъ образомъ, прибавляя, что „больше ихъ не увидитъ". Ее напрасно успокаивали, она стояла на своемъ; а черезъ два часа принесли въ монастырь ея обугленный трупъ. Этотъ случай чрезвычайно поразилъ весь монастырь; всѣ знали, что погибшая сестра Марія Магдалина была очень спокойной женщиной, безъ всякихъ нервностей. Въ роковое утро ея не могли узнать: она была глубоко убѣждена, что идетъ на вѣрную смерть, и ни за что не пошла бы, еслибъ не дала обѣщанія быть тамъ. Въ этомъ странномъ случаѣ предчувствіе выступило чрезвычайно ясно и рѣзко; въ самомъ фактѣ, подтверждаемомъ десятками свидѣтельствъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Вдобавокъ, тутъ приходится отрицать даже нервность, робость, излишнюю впечатлительность, въ виду единогласнаго свидѣтельства о томъ, что покойная не отличалась подобными слабостями.

2. Къ предчувствіямъ близко примыкаютъ такъ называемые телепатическіе случаи. При нихъ предчувствіе овладѣваетъ не самимъ тѣмъ лицомъ, которое потерпитъ на себѣ несчастіе, а кѣмъ-либо изъ его близкихъ. Извѣстенъ громкій историческій фактъ, по этой части, съ Юліемъ Цезаремъ и его женою Кальпурніею. Въ ночь, предшествовавшую убіенію Цезаря, жена видѣла его во снѣ, израненнаго, окровавленнаго, умирающаго у ней на рукахъ; она разсказала ему этотъ вѣщій сонъ и умоляла не ходить въ сенатъ. Онъ только посмѣялся надъ „бабьими страхами", отправился и былъ убитъ заговорщиками. Подобная же исторія повторилась съ Авраамомъ Линкольномъ. Наканунѣ своей трагической кончины онъ видѣлъ во снѣ, что спускается по лѣстницѣ между стѣнъ, задрапированныхъ въ черное. Онъ спросилъ, что это значитъ, и ему отвѣчали: „сейчасъ застрѣлили президента въ оперномъ театрѣ". Сонъ былъ до такой степени яркій, что Линкольнъ тотчасъ проснулся. На утро онъ разсказалъ о своемъ сновидѣніи женѣ, и та умоляла его не ходить въ театръ; но онъ не послушался, „постыдился" послушаться, пошелъ и попалъ подъ пулю Джона Бузса. — Замѣчательный случай сбывшагося пророческаго сновидѣнія былъ съ консисторскимъ совѣтникомъ въ Берлинѣ, Берхарди. Это былъ здоровый, крѣпкій мужчина лѣтъ пятидесяти. Однажды, въ началѣ 1820 г., онъ разсказывалъ одному знакомому свой только-что видѣнный сонъ. Ему снилось, что на него несется масса древесныхъ листьевъ, онъ подобралъ одинъ изъ этихъ листьевъ и увидѣлъ на немъ надпись: свое имя и рядомъ съ нимъ слова: „умеръ 1-го іюня 1820 года". Ни самъ Берхарди, ни его собесѣдникъ не обратили никакого особеннаго вниманія на этотъ сонъ и тотчасъ забыли о немъ. И однакоже Берхарди умеръ какъ разъ 1-го іюня того года. — Баронъ Лазарь Гелленбахъ, однажды, увидѣлъ во снѣ человѣка безъ чувствъ, котораго поддерживали двое слугъ. На утро онъ отправился въ геологическій институтъ (дѣло было въ Вѣнѣ), чтобы повидать знаменитаго минералога Гауера, до котораго у него было какое-то дѣло. Едва онъ вступилъ въ сѣни зданія, какъ предъ нимъ воочію предстало его сновидѣніе: — двое служителей вносили въ переднюю самого Гауера, который только-что отравился синеродистымъ каліемъ. — Докторъ Фонъ-Гудденъ, придворный врачъ душевно-больного короля баварскаго Лудвига II, какъ извѣстно, утонувшій вмѣстѣ съ нимъ въ Штенбергскомъ озерѣ, также видѣлъ передъ тѣмъ вѣщій сонъ, въ ту самую ночь, которая предшествовала его поѣздкѣ къ королю, въ Гогеншвангау. Ему всю ночь грезилось, что онъ барахтается въ водѣ съ какимъ-то человѣкомъ. Онъ разсказалъ тогда этотъ сонъ своей женѣ, а та впослѣдствіи передала его разсказъ депутаціи Мюнхенскаго антропологическаго общества, явившейся къ ней съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу смерти ея мужа, бывшаго члена этого общества.

3. Любопытный случай чрезвычайно сильнаго напряженнаго предчувствія сообщаетъ о себѣ нѣкто Марсель Серизолль. Въ 1885 г. онъ жилъ въ Ардешѣ, въ маленькомъ городкѣ Виварэ. Въ одинъ хорошій зимній день онъ вышелъ прогуляться по окрестностямъ. Онъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа; дѣла его шли въ то время какъ нельзя лучше, и вдобавокъ онъ только-что получилъ письмо отъ своихъ родителей, жившихъ за 700 верстъ въ Керси, полное самыхъ успокоительныхъ извѣстій. И вотъ, во время про-

гулки, среди этого поразительно-невозмутимаго спокойствія и душевнаго равновѣсія, онъ вдругъ былъ точно огорошенъ оглушительнымъ ударомъ по шеѣ. Все его спокойствіе и благодушіе исчезло буквально въ одно мгновеніе и смѣнилось смертельнымъ страхомъ. Одна мысль, внезапно пришедшая, захватила его, и онъ тотчасъ громко, вслухъ, выговорилъ ее: „въ городѣ меня ждетъ телеграмма, сейчасъ случилось несчастіе". Онъ посмотрѣлъ на часы и затѣмъ полетѣлъ домой, не разбирая дороги, почти по прямой линіи. Его словно что подхватило и понесло помимо воли. Прибѣжавъ домой, онъ прямо спросилъ телеграмму, и ему ее тотчасъ подали. Въ ней онъ прочелъ извѣстіе о скоропостижной смерти своего отца отъ аневризма; депеша пришла какъ разъ въ ту самую минуту, когда съ нимъ приключился за городомъ этотъ непостижимый пароксизмъ предчувствія. Тотъ же Серизолль передаетъ другой случай. Однажды утромъ—дѣло происходило въ Гренадѣ — его жена разсказываетъ ему, что она не могла уснуть всю ночь, что ей все казалось, будто около нея была одна ихъ знакомая, больная, умирающая. Эта дама, когда они уѣзжали изъ Франціи, была жива и здорова. Мужъ успокаивалъ ее и самъ скоро забылъ объ этомъ снѣ, но г-жа Серизолль весь тотъ день безпокоилась, ей все казалось, что ея знакомка около нея, все такая же хворая, умирающая. Когда вернулись во Францію, первое письмо, которое имъ попалось въ руки, было извѣщеніе о смерти той особы, помѣченное тѣмъ самымъ числомъ, когда приключилось сновидѣніе.

4. Передадимъ еще любопытный случай, бывшій въ Брюсселѣ. Умеръ одинъ молодой человѣкъ, кончина котораго была на время скрыта отъ его двоюродной сестры. Эта послѣдняя ничего не знала и не подозрѣвала; сама она была совсѣмъ здоровая особа, никогда не проявлявшая особенной нервности, чувствительности и т. п. Въ день смерти, послѣ обѣда, прибирая со стола, она вдругъ увидѣла черезъ окно на улицѣ своего двоюроднаго брата. „Здравствуй, Луль", — сказалъ онъ ей. „Здравствуй, Венанъ", — отвѣтила она и побѣжала отворять ему дверь. Но у двери никого не было. Думая, что кузенъ спрятался ради шутки, она стала громко и весело звать его и въ то же время крикнула своему отцу, что пришелъ кузенъ Венанъ. Отецъ, знавшій о смерти Венана, съ удивленіемъ вышелъ къ ней и спросилъ: въ чемъ дѣло? Она передала ему, ничего не подозрѣвая и ни мало не сомнѣваясь, что сейчасъ только видѣла Венана въ окно и здоровалась съ нимъ. Когда же отецъ сказалъ ей, что Венанъ умеръ, она просто не хотѣла вѣрить, — до такой степени реально совершилось все явленіе.

Эти факты, въ сближеніи съ массою другихъ такихъ же и съ массою случаевъ ясновидѣнія и т. п. явленій, не могутъ быть оставлены въ полномъ пренебреженіи, какъ простыя случайности. Въ этихъ явленіяхъ что-то кроется. Невольно, самъ собою становится вопросъ: точно ли мы обладаемъ только пятью чувствами, нѣтъ ли у насъ еще какихъ-либо самимъ намъ невѣдомыхъ духовныхъ способностей, которыя вступаютъ въ свои таинственныя отправленія лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Кому не случалось вдругъ, безъ всякаго видимаго резона, вспомнить о какомъ-либо лицѣ или о вещи, о которой давно и думать забыли, и какъ разъ вслѣдъ затѣмъ встрѣтить это лицо или увидѣть ту вещь? Кому не приводилось внезапно вспомнить объ отсутствующемъ близкомъ и въ то же время получить отъ него извѣстіе? Всѣ такія совпаденія, очевидно, относятся къ той же группѣ предчувствій. (См. „Вѣст. ин. лит." № 7. 1897 г.).

5. Нижеслѣдующее событіе произошло нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ялтѣ, во время лѣчебнаго сезона. К — кій, богатый человѣкъ, пріѣхалъ въ Ялту со своей семьей полѣчиться виноградомъ. Сначала семья эта жила въ гостиницѣ „Россія", а затѣмъ сняла отдѣльную дачу на берегу моря и тамъ поселилась на нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды, въ лунную августовскую ночь, К — кій, которому по чему-то не спалось, вышелъ изъ дачи и побрелъ по дорогѣ, ведущей къ водопаду Учанъ-Су.

Отойдя на порядочное разстояніе отъ дачи, К — кій сѣлъ на краю обрыва, между двумя кипарисами, и заглядѣлся на картину природы, окружавшую его со всѣхъ сторонъ. Картина была по-истинѣ чудесная. Полная луна, отражаясь въ морѣ, чудными переливами разукрашивала его поверхность. Тихій шепотъ волнъ, полный чарующей таинственности, вызывалъ въ воображеніи цѣлый рой неясныхъ грезъ и волшебныхъ видѣній. Было тихо и свѣтло. На берегу, прячась въ густой зелени парка, очаровательно выглядывали при легкомъ свѣтѣ луны Ливадійскіе дворцы. Съ вершины горы доносился грохотъ водопада, напоминавшій отдаленный говоръ толпы.

Неподвижно сидѣлъ К — кій на краю обрыва, очарованный сказочной прелестью южной ночи.

Вдругъ онъ почувствовалъ какую-то непонятную сердечную тоску. Ему почудилось, что его семья, которая навѣрно спала крѣпкимъ сномъ, находится въ опасности. И едва эта мысль пришла ему въ голову, какъ передъ его глазами предстала вся внутренность

дачи. Вотъ онъ видитъ свою жену, которая спокойно спитъ въ своей кровати; вотъ передъ нимъ и дѣтская, гдѣ также спятъ его дѣти съ гувернанткой; а вотъ онъ и въ кухнѣ. Здѣсь онъ видитъ совсѣмъ иную картину; въ небольшой корзинкѣ тлѣетъ древесный уголь; К—кій слышитъ запахъ дыма и гари. Вотъ раздается трескъ загорѣвшейся корзинки и показывается огонь, отъ котораго загорается закавѣска и деревянная перегородка, отдѣляющая кухню отъ комнаты прислуги. Въ одну минуту огонь распространяется по всей кухнѣ и грозитъ перейти въ слѣдующія комнаты. Лихорадочная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу К — каго, и онъ бросается бѣжать по направленію къ дачѣ.

— Богъ знаетъ, что со мною дѣлается, думаетъ про себя К—кій. Всему виною моя безсонница, завтра же посовѣтуюсь съ врачомъ. Я чувствую, что не совсѣмъ нормаленъ. Вѣдь придетъ же такая глупая фантазія! Я увѣренъ, что дома все благополучно, а самъ бѣгу, какъ сумасшедшій! успокаивалъ К—кій самого себя, не переставая бѣжать сломя голову домой.

Черезъ нѣсколько минутъ К—кій добѣжалъ до воротъ своей дачи и вскрикнулъ отъ ужаса. Дача была объята огнемъ; съ трескомъ и шипѣніемъ вырывались изъ - подъ крыши дома огненные языки; черныя тучи дыма густыми тяжелыми клубами неслись къ небу.

Въ одно мгновеніе К — кій стоялъ у окна спальни, которое онъ вышибъ однимъ ударомъ, и вскочилъ въ комнату. Разбудить жену и помочь ей вылѣзти въ окно для К — каго было дѣломъ одной минуты. То же самое онъ успѣлъ сдѣлать съ дѣтьми и гувернанткой; но когда онъ кинулся впередъ, желая спасти кухарку, спавшую въ задней комнаткѣ, рядомъ съ кухней, онъ вынужденъ былъ, ради спасенія собственной жизни, отказаться отъ своего намѣренія: весь домъ былъ уже въ огнѣ и К—кій самъ чуть было не задохся въ дыму.

Дача сгорѣла до тла. Трупъ сгорѣвшей кухарки нашли на другой только день (Кур. Губ. Вѣд.; сн. „Воскр. день“ 1897 г., № 34).

6. Среди своихъ воспоминаній о жизни въ Дерптѣ Н. И. Пироговъ разсказываетъ фактъ, случившійся въ семьѣ Винклеръ, отецъ и сынъ которой были врачами въ Ревелѣ.

„И отецъ и особенно сынъ считали огонь непріязненною для нихъ стихіею. И старикъ, если я не ошибаюсь, и дѣдъ умерли отъ огня; но особенно огня боялся сынъ-докторъ. Я помню, съ какимъ душевнымъ волненіемъ онъ строилъ себѣ домъ въ Ревелѣ; первымъ дѣломъ считалъ онъ поставить на своемъ домѣ, — скорѣе домикѣ, — громовые отводы, но, поспѣшивъ поставить ихъ нѣсколько, онъ не успѣлъ соединить ихъ съ землею, а тѣмъ временемъ поднялась гроза. Мой Винклеръ былъ внѣ себя отъ ужаса, ожидая ежеминутно разрушенія своего дома; все, однако же, обошлось на этотъ разъ благополучно. Но Винклеру готовилось другое, болѣе сердечное горе; отъ простуды или чего другого, Винклеръ почувствовалъ себя нездоровымъ и легъ въ постель, и на другой же день пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе пріятеля, д-ра Эренбуша (отъ него я и узналъ эту исторію).

„— Другъ! — обратился больной Винклеръ къ Эренбушу, — со мною происходитъ что-то неладное, неестественное. — Эти слова были сказаны таинственно, шепотомъ.

„— Ну, что еще такое, дай пульсъ, — пульсъ ничего, спокойный, жару нѣтъ, что же тутъ неестественнаго?

„— Да не то. Слушай. Вотъ уже вторую ночь сряду я вижу во снѣ діавола, и не только ночью, а и днемъ; лишь закрою глаза, онъ тотчасъ же мнѣ представляется.

„— Да какой же онъ, діаволъ-то твой? — спрашиваетъ Эренбушъ.

„— Ну, черная, страшная фигура сидитъ въ огнѣ, но главное, что меня тревожитъ, это то, что діаволъ держитъ у себя на колѣняхъ моего младшаго ребенка.

„Эта галлюцинація длилась еще нѣсколько дней, потомъ прошла. Винклеръ началъ выѣзжать и уже, казалось забылъ, случившееся, и вдругъ ужасное событіе: ребенокъ Винклера, видѣнный имъ на колѣняхъ у діавола, обжегся, сидя у топившейся печки, на смерть: на немъ загорѣлась рубашка, и онъ прожилъ послѣ обжога только нѣсколько часовъ“. („Изъ записокъ Н. И. Пирогова“).

7. Одной дамѣ, отправившейся въ гости въ деревню, расположенную довольно далеко отъ имѣнія, въ которомъ она жила, пришла вдругъ въ голову мысль, что сестра ея, которую она оставила совершенно здоровой, опасно больна. Она тотчасъ же вернулась домой и узнала, что у сестры было сильное кровохарканье, вызвавшее опасенія за ея жизнь. (Д-ръ Симонъ „Міръ грезъ“. СПБ. 1890 г.).

Что сказать по поводу этихъ фактовъ? Можно ли ихъ объяснить однимъ совпаденіемъ? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это не подлежитъ сомнѣнію, въ другихъ — приписать все случайному совпаденію нельзя. Только при признаніи за душею способности смотрѣть вдаль и замѣчать грядущія событія, съ одной стороны, и вліяніемъ ангела-хранителя съ другой, достаточно объясняются предчувствія. Таково наше мнѣніе на этотъ счетъ.

Вотъ еще нѣсколько случаевъ предчувствія.

8. Во время путешествія лорда Байрона по Греціи, однажды, проводника его стало

вдругъ трясти, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ, и потомъ онъ совсѣмъ ослабѣлъ, такъ что не могъ итти далѣе. Когда лордъ Байронъ сталъ спрашивать его о причинѣ такого внезапнаго припадка, проводникъ ему отвѣчалъ: „господинъ, недалеко отсюда, должно быть, происходитъ что-либо ужасное, остановимся здѣсь на время; два года тому назадъ у меня тоже были конвульсіи, и замедленіе, причиненное ими, спасло мнѣ жизнь; турки вырѣзали деревню, куда я спѣшилъ дойти“.

Скептичный Байронъ усмѣхнулся и нетерпѣливо ожидалъ, пока ноги грека достаточно окрѣпнутъ, чтобы слѣдовать далѣе; черезъ полчаса двинулись въ путь. Версты за три они увидѣли слѣды крови, а далѣе восемь труповъ сейчасъ только убитыхъ людей лежало на землѣ. Байронъ былъ пораженъ, но позднѣе приписывалъ все это случайному совпаденію, хотя все-таки записалъ этотъ случай въ своемъ дневникѣ. (Debay, les mystéres du sommeil. 1889; сн. „Ребусъ“ 1890 г., № 13).

9. Князь и княгиня Радзивиллъ приняли къ себѣ на воспитаніе племянницу свою, графиню Агнесу Ланскоронскую; графиня воспитывалась вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми въ Невѣмскомъ замкѣ, въ Галиціи.

Для перехода изъ той части замка, гдѣ помѣщались дѣти, въ другую его половину, состоящую изъ пріемныхъ комнатъ, и гдѣ жили князь и княгиня, нужно было пройти огромную залу, которая раздѣляла замокъ на двѣ части и занимала середину постройки во всю ея глубину. Шестилѣтняя графиня всегда пугалась и кричала, проходя этотъ залъ, по пути въ гостиную, гдѣ обыкновенно сидѣли князь и княгиня. Когда она настолько подросла, что могла, кое-какъ, объяснить причину своего обычнаго страха, то, дрожа всѣмъ тѣломъ, указала на большую картину, висѣвшую надъ дверями зала и представлявшую Кумскую Сибиллу.

Напрасно дѣвочку старались пріучить къ этой страшной для нея картинѣ, которая однако же не имѣла въ себѣ ничего особеннаго; наконецъ, дядя, видя, что она не можетъ преодолѣть своей боязни, приказалъ вынести Кумскую Сибиллу, несмотря на то, что картина эта была произведеніе Тиціана. Агнеса не переставала бояться, проходя черезъ залъ, и всегда обходила его дворомъ; во время же дождя или снѣга, ее несли въ креслѣ на половину тетки. Такъ продолжалось двѣнадцать или тринадцать лѣтъ. Всѣ друзья и гости Невѣмскаго замка были свидѣтелями того, что я разсказываю. Достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, молодая графиня была въ полномъ смыслѣ красавицей, съ черными волосами и бровями, съ плечами словно выточенными изъ мрамора и съ такими изящными ручками, какія рѣдко можно встрѣтить.

Въ день Рождества Христова въ замкѣ собралось до шестидесяти человѣкъ гостей — сосѣднихъ дворянъ. Молодежь захотѣла повеселиться въ большой залѣ замка. Въ первый разъ графиня Агнеса, входя въ залъ, не выказывала никакого страха. Дядя обратилъ на это вниманіе, замѣтивъ потихоньку женѣ: наконецъ Агнеса поумнѣла; княгиня же отвѣтила, что, по всей вѣроятности, она потому рѣшилась войти въ залъ, что приближается день ея свадьбы, и она знаетъ, что балъ по обычаю долженъ быть въ этой залѣ.

Однакожъ у самыхъ дверей Агнеса остановилась, рѣшимость ея исчезла, и прежній дѣтскій ужасъ овладѣлъ ею; дядя ей сдѣлалъ выговоръ, гости шутили и смѣялись надъ ней, но, не смотря на это, она, схватившись за дверь, далѣе не двигалась. Ее, шутя, втолкнули въ залъ и затворили дверь, чтобы она не могла уйти. Дѣвушка умоляла, чтобы ее выпустили, говоря, что жизнь ея въ опасности, и она сейчасъ же умретъ. Вслѣдъ за этими просьбами послышался сильный трескъ, а затѣмъ наступила мертвая тишина. Оказалось, что картина, которую вновь повѣсили на прежнее мѣсто, сорвалась съ крючка и упала на голову несчастной, причемъ желѣзная вызолоченная стрѣла княжеской короны Радзивилловъ, украшавшей картину, вонзилась въ черепъ дѣвушки, и она была мгновенно убита. Разсказываю этотъ загадочный случай со словъ князя Гогенлоэ („Souvenirs de la marquise de Créquis.“ Paris. 1838, p. 175, v. II).

10. 11 января, 1884 года, Ан. Ал. Б—ская провела очень весело, среди добрыхъ друзей и знакомыхъ. Это былъ день ея рожденія, собрался интимный кружокъ, и засидѣлись до трехъ часовъ утра. Усталая и утомленная, она бросилась въ постель и заснула самымъ крѣпкимъ сномъ. Она вообще вставала поздно, а на этотъ разъ думала проспать чуть не до другого вечера. Былъ девятый часъ утра, когда г-жа Б — ская вдругъ проснулась отъ страшной и необъяснимой боли въ сердцѣ. Какъ и чѣмъ она ни старалась объяснить себѣ приливъ какой-то безотчетной тоски, ничѣмъ объяснить не могла. Между тѣмъ съ каждой минутой сердце ныло все сильнѣе и сильнѣе, и она разразилась истерическими рыданіями. Никто изъ окружающихъ не понималъ, что съ ней дѣлается; наконецъ, она успокоилась, но не надолго; вскорѣ пришла изъ Екатеринославля телеграмма, въ которой увѣдомляли, что 12 января, утромъ, между 8 и 9 часами *скончался ея отецъ*. („Ребусъ“ 1885 г., № 11).

11. Лѣтъ около пятидесяти тому назадъ, какъ сообщается въ газетѣ Wechselblättern, штатъ Миссури выбралъ своимъ представителемъ въ сенатъ доктора Линна, который вслѣдствіе того переѣхалъ вмѣстѣ съ женою на жительство въ Вашингтонъ. Вскорѣ по пріѣздѣ, супруги получили приглашеніе на оффиціальный обѣдъ къ президенту Соединенныхъ Штатовъ въ „Бѣлый домъ". Такъ какъ докторъ Линнъ чувствовалъ себя нездоровымъ, то обратился къ своему сотоварищу, сенатору Вебстеру, съ просьбой сопровождать жену его на обѣдъ, извинивъ его самого предъ президентомъ.

Едва только приглашенные гости сѣли за столъ, какъ мистрисъ Линнъ шепнула своему сосѣду, тому же сенатору Вебстеру, что она очень жалѣетъ о томъ, что рѣшилась оставить больного мужа, и очень бы желала вернуться немедленно домой, еслибъ только возможно было сдѣлать это, не обративъ на себя особеннаго вниманія. Замѣтивъ ея сильное волненіе, Вебстеръ сказалъ шепотомъ нѣсколько словъ президенту, затѣмъ тихо вывелъ мистрисъ Линнъ изъ-за стола и проводилъ до ея кареты. Она приказала кучеру ѣхать, какъ можно скорѣе; по пріѣздѣ въ отель сама отворила дверцу экипажа и поспѣшно бросилась въ комнату мужа. Вотъ что представилось ея глазамъ: Линнъ лежалъ на кровати въ обморокѣ, кругомъ его постельное бѣлье пылало. Еще минута и было бы поздно!.. Причину пожара, онъ, по случаю своего безчувственнаго состоянія, объяснить не могъ, и навѣрно сгорѣлъ бы, еслибъ не непонятное чувство безпокойства, внезапно овладѣвшее его женою („Spiritualistische Blätter"; сн. „Ребусъ" 1884 г., № 36).

12. „Въ дѣтствѣ нашемъ, разсказываетъ г. *Граціанъ де Семюръ*, мы часто видали въ семействѣ нашемъ даму лѣтъ сорока; по фамиліи прозывалась она г-жа де-Сальсъ, мужъ ея былъ богатымъ колонистомъ въ С.-Доминго. Незадолго до революціи они поселились во Франціи. Г. де-Сальсъ много путешествовалъ по островамъ, между тѣмъ какъ супруга его оставалась въ Парижѣ. Г-жа *де-Сальсъ* была женщина очень добрая, очень простая, нисколько не подверженная нервнымъ припадкамъ и не предававшаяся пустымъ мечтамъ воображенія. Во время послѣдняго путешествія своего мужа она находилась въ обществѣ и тамъ играла въ карты. Вдругъ она опрокинулась на спинку кресла и вскричала:

— Г-нъ де-Сальсъ умеръ!..

Ей подали помощь и убѣдили ее, что подобное видѣніе совершенно ложно. Она пришла въ себя; разсудокъ ея одержалъ верхъ надъ мгновенною вспышкою чувствъ. Однако, въ уединеніи, она не могла избавиться отъ ужаснаго предчувствія и съ неизъяснимою тоскою ожидала извѣстій о своемъ мужѣ. Она скоро получила пріятныя извѣстія, только число, означенное на нихъ, было ранѣе того дня, въ который было съ нею предчувствіе.

Наконецъ, съ острова С.-Доминго пришло подъ черною печатью письмо, на которомъ адресъ былъ написанъ не рукою г. де-Сальсъ. Письмо было отъ другого колониста, адресовано на третье лицо, чтобъ смягчить жестокость удара, который г-жа де-Сальсъ должна была бы почувствовать при извѣстіи о такомъ печальномъ событіи. Г. де Сальсъ былъ убитъ неграми въ тотъ самый день, какъ супруга его почувствовала ударъ, поразившій ея мужа. Это двойное событіе, засвидѣтельствованное болѣе нежели двадцатью особами, пользовавшимися большимъ уваженіемъ въ обществѣ, произвело живѣйшее впечатлѣніе на юные наши годы.

13. Въ сочиненіи г-жи *Періе-Конделлъ* находится слѣдующій случай, который также служитъ доказательствомъ того, что предчувствія и предвидѣнія не должно ставить на одномъ ряду съ сумасбродными мнѣніями и сказками.

11 іюля 1793 г. знакомое семейство, жившее въ Парижѣ, пригласило меня на завтракъ. При моемъ входѣ, меня изумило выраженіе надежды и радости, которое отражалось на всѣхъ лицахъ. Я узнала, что получено было письмо отъ жениха дочери хозяевъ дома, молодого человѣка, который находился въ *Портъ-о-Пренсъ* и защищалъ колонію отъ нападеній возмутившихся. Онъ долженъ былъ скоро возвратиться въ Парижъ, чтобы сочетаться бракомъ; невѣста, обрадованная этимъ извѣстіемъ, оживляла своимъ присутствіемъ все общество.

Пробило одиннадцать часовъ, и вдругъ смертная блѣдность покрыла очаровательное лицо ея; она встала съ своего мѣста и спросила брата:

— Братъ! скажи мнѣ, какое ощущеніе производитъ ударъ сабли?

Тотъ, изумленный такимъ страннымъ вопросомъ, отвѣчалъ ей:

— Такое же, какъ будто ледяная стрѣла быстро проходитъ насквозь тѣло.

— Да, именно такъ,—продолжала дѣвушка; стрѣла, холодная какъ ледъ, прошла сквозь мое сердце!.. моего жениха нѣтъ болѣе на свѣтѣ...

Съ этими словами она въ безпамятствѣ упала на руки брата. Прошло восемь мѣсяцевъ послѣ этого предчувствія, когда возвратившійся во Францію корабль *Юпитеръ*, привезъ письмо, въ которомъ увѣдомляли это семейство, что 11 іюля 1793 года, около 11

часовъ утра, оружіе прекратило дни жениха, столь нетерпѣливо ожидаемаго въ Парижѣ. (Д-ръ Дебэ: „Тайны сна и магнитизма", М. 1866 г., стр. 127 — 275).

14. Беремъ слѣдующій разсказъ изъ книги одного отрицателя всего чудеснаго (В. Битнера).

Одинъ молодой человѣкъ Р. былъ приглашенъ на танцовальный вечеръ въ сосѣднее имѣніе. Въ самый разгаръ забавъ, когда, повидимому, ничто не давало повода о чемъ-либо думать, кромѣ удовольствія, имъ вдругъ овладѣло до того сильное безпокойство передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, что ему уже не было возможности продолжать веселиться. Но болѣе всего было удивительно, что это тревожное состояніе имѣло какую-то непостижимую связь съ мыслью о необходимости перенести въ его домѣ кровать изъ одной комнаты въ другую. Несмотря на чрезвычайную странность и кажущееся отсутствіе какихъ бы то ни было разумныхъ мотивовъ возникновенія этой идеи, она была настолько сильна и неотвязчива, что молодой человѣкъ принужденъ былъ извиниться передъ дамою, съ которою танцовалъ кадриль, и уѣхать съ вечера домой. Представляя ей вмѣсто себя другого кавалера, онъ, смѣясь, объяснилъ ей причину своей временной отлучки. Пріѣхавъ домой и приказавъ недоумѣвающимъ слугамъ перенести кровать въ другую комнату, Р. снова принялъ прежнее веселое расположеніе духа и вернулся на вечеръ. Протанцовавъ до утра, совершенно усталый и разбитый, онъ возвратился домой и тотчасъ же повалился на кровать, отъ утомленія не имѣя даже охоты раздумывать о причинахъ своего непонятнаго желанія перемѣнить спальню. Часовъ въ одиннадцать утра, когда, послѣ вчерашняго утомленія, сонъ былъ еще довольно крѣпокъ, Р. вдругъ былъ разбуженъ какимъ-то грохотомъ и трескомъ. Оказалось, что какъ разъ въ той комнатѣ, гдѣ прежде помѣщалась его кровать, обрушился потолокъ или, правильнѣе, вся штукатурка съ него, вмѣстѣ съ деревянною рѣшетчатою основою.

„Ну, вотъ видите, — скажетъ иной читатель, — развѣ тутъ нѣтъ чего-то таинственнаго, сверхъестественнаго"?

„Да, на первый взглядъ, быть-можетъ, этотъ фактъ и производитъ такое впечатлѣніе, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи условій его совершенія, оказывается совсѣмъ ненужнымъ прибѣгать къ помощи чего-либо чудеснаго", говоритъ авторъ (г. В. Битнеръ), отрицающій все сверхъестественное. Довольно прочитать его естественное объясненіе этого факта, чтобы удостовѣриться въ томъ, сколько нужно ухищреній для того, чтобы не видѣть чудеснаго тамъ, гдѣ оно есть.

Въ самомъ дѣлѣ, домъ, въ которомъ произошелъ описанный случай, говоритъ г. В. Битнеръ, представлялъ собою старое деревянное помѣщичье зданіе, въ общемъ довольно еще крѣпкое, но въ которомъ всѣ потолки были усѣяны мелкими трещинками. Ночью, наканунѣ происшествія, былъ сильный вѣтеръ. Весьма вѣроятно, что во время сна, когда бушевала буря, и стропила крыши слегка подавались, приводя въ движеніе и балки, Р. могъ услышать надъ своею головою болѣе или менѣе сильный трескъ потолочной штукатурки. Этого было достаточно, чтобы у него явилась мысль объ опасности быть раздавленнымъ. Проснись Р. въ это время, и ничего бы чудеснаго не произошло. Онъ осмотрѣлъ бы тщательно потолокъ, взвѣсилъ бы, насколько велика опасность, и принялъ бы соотвѣтственныя мѣры къ ея избѣжанію. Но въ данномъ случаѣ пробужденія не послѣдовало. Молодой человѣкъ испытывалъ до крайности тягостное ощущеніе возможности ежеминутно быть убитымъ. Какъ извѣстно, сознаніе большой, неминуемой опасности производитъ, смотря по темпераменту человѣка, двоякое на него дѣйствіе: однихъ — страхъ лишаетъ возможности всякаго движенія, дѣйствія, другимъ — придаетъ энергію, силу къ избѣжанію опасности. Р. принадлежалъ, очевидно, къ послѣдней категоріи людей. Онъ тутъ же нашелъ средство выйти изъ опаснаго положенія. Путь, избранный имъ для этого во снѣ, могъ, конечно, оказаться далеко не лучшимъ, а подчасъ даже и безусловно не достигающимъ цѣли, все же онъ былъ найденъ. Въ волненіи отъ желанія поскорѣе исполнить задуманное, молодой человѣкъ могъ измѣнить положеніе головы, могъ даже совершенно перевернуться на другой бокъ, а этого, какъ извѣстно, часто бываетъ совершенно достаточно, чтобы измѣнить направленіе сновидѣній. Характеръ ихъ, кромѣ того, зависитъ также и отъ степени нагрѣванія той или иной части головы о подушку. Такимъ образомъ возможно, что, съ перемѣною положенія, у Р. сновидѣнія приняли другое направленіе, и мысль объ опасности, вызвавшей рѣшеніе перемѣнить спальню, перестала угнетать молодого человѣка. Но несомнѣнно, что это конечное рѣшеніе, вызванное столь сильною побудительною причиною, должно было оставить въ его мозгу впечатлѣніе, которое готово было выплыть наружу при малѣйшемъ къ тому поводѣ. Проснувшись, Р. вовсе не помнилъ сна, который не оставилъ въ немъ даже обычнаго тяжелаго впечатлѣнія; пріѣхавъ на вечеръ, онъ по примѣру другихъ веселился, танцовалъ, но вдругъ какое-нибудь обстоятельство затронуло въ его мозгу спавшее до сихъ поръ ночное рѣ-

шеніе. Возможно, что это случилось какъ разъ въ то время, когда у него наканунѣ возникла мысль перенести кровать. Послѣдняя идея по характеру своему должна имѣть много общаго, а можетъ-быть и вполнѣ одинакова съ тѣми идеями, которыя возникаютъ въ опредѣленное время подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія въ мозгу экспериментируемыхъ субъектовъ. Въ данномъ случаѣ было самовнушеніе, вызванное мыслью объ опасности. Исполняя внушеніе, субъектъ не только не знаетъ его источника, но въ большинствѣ случаевъ даже и не задумывается надъ подысканіемъ разумныхъ основаній для своего поступка. Это случается тогда только, если на необычайность послѣдняго будетъ обращено вниманіе постороннихъ, которые начнутъ очень допытываться его побудительной причины.

Представимъ себѣ теперь, что на мѣстѣ Р. былъ бы другой субъектъ, который въ опасности теряется; тогда, если въ теченіе дня онъ не испытывалъ бы неопредѣленнаго безпокойства, то возможно, что въ соотвѣтственное время на вечерѣ имъ бы овладѣла тревога. Стало быть, раздави его послѣ того ночью потолокъ, мы имѣли бы новый случай оправдавшагося предчувствія.

Наконецъ, предположимъ еще одинъ случай, когда услышанный во снѣ трескъ вовсе не доказывалъ еще большой ветхости потолка, а происходилъ, допустимъ, оттого, что кто-нибудь прошелъ по чердаку, что-нибудь упало и т. п. Сонная фантазія могла придать этому обстоятельству зловѣщее значеніе. Тогда у насъ имѣлся бы одинъ изъ тѣхъ фактовъ, когда нами овладѣваетъ, повидимому, безпричинная тревога, когда мы находимся „не въ своей тарелкѣ“, или когда мы дѣлаемъ что-нибудь, и сами потомъ удивляемся, спрашивая себя: зачѣмъ это сдѣлано? Навѣрное, не одинъ изъ читателей испытывалъ на себѣ подобное состояніе.

Вотъ простое объясненіе [1]) факта, который могъ казаться на первый взглядъ загадочнымъ.

„Но,—замѣтитъ читатель,—вѣдь это только произвольное предположеніе?“

Конечно, — отвѣчаетъ г. В. Битнеръ. — Однако оно вѣроятно и, во всякомъ случаѣ, не болѣе произвольно, чѣмъ допущеніе вмѣшательства какихъ-либо невѣдомыхъ, таинственныхъ силъ.

Разбирая приведенный случай предчувствія, мы довольно долго испытывали терпѣніе читателя, хотя все-таки не могли, конечно, исчерпать всѣхъ возможныхъ предположеній; тѣмъ не менѣе, смѣемъ надѣяться, что и сказаннаго достаточно для составленія понятія о томъ направленіи, какое можно рекомендовать при объясненіи аналогичныхъ случаевъ предчувствія. При этомъ необходимо помнить, что прежде, чѣмъ что-либо объяснять, нужно предварительно изучить условія, сопровождавшія совершеніе факта. Кромѣ того, имѣя въ виду, что никакая мистическая окраска явленія не должна быть допускаема [1]), слѣдуетъ каждый оправдавшійся случай предчувствія разсматривать конкретно. (В. Битнеръ: „Вѣрить или не вѣрить?“, Спб. 1899 г., стр. 5 — 8).

Мнѣніе составителя этой книги о предчувствіи Р. то, что его спасло отъ несчастія ясновидѣніе его разумной души, находившейся подъ руководствомъ ангела-хранителя. Это объясненіе несравненно проще и правдоподобнѣе, нежели предлагаемое г. Битнеромъ.

15. Въ 1856 году, въ городѣ М..... и его окрестностяхъ свирѣпствовала холера. Въ это время жилъ я тамъ одинъ, по моимъ дѣламъ, а семейство было близъ Тулы. Въ М..... заболѣвало и умирало много людей, дошла очередь и до меня. Сначала я перемогался, употреблялъ всѣ средства, какія были подъ руками, но безъ всякой пользы. Домой не писалъ я потому, что ни телеграфа, ни желѣзной дороги тогда еще не было, а при медленности нашихъ сообщеній по грунтовымъ дорогамъ, пока дошло бы письмо и пріѣхала бы жена за 300 верстъ, я могъ или умереть, или выздоровѣть. Когда же болѣзнь усилилась до того, что я не надѣялся остаться въ живыхъ, явилось непреодолимое желаніе видѣть жену и малютокъ моихъ. Мнѣ казалось, что я умеръ бы спокойно, ежели бы, хотя на минуту, могъ увидѣть ихъ, благословить и проститься съ ними... Проведя цѣлую ночь безъ сна отъ мучительныхъ судорогъ и рвоты, я очень ослабѣлъ и къ утру задремалъ: но каково было мое удивленіе, когда, открывши глаза, увидѣлъ я, не во снѣ, а на яву, передъ собой—жену съ обоими дѣтьми?.. Это меня до того поразило и обрадовало, что, несмотря на слабость, я вскочилъ съ постели. Сильное потрясеніе вызвало переломъ болѣзни; природа взяла верхъ, и я вскорѣ выздоровѣлъ. На вопросъ, какъ это случилось, жена разсказала мнѣ, что, не получая писемъ отъ меня двѣ почты, она сильно встревожилась и на нее напала такая тоска, что, потерявъ терпѣніе, она живо собралась въ дорогу, взяла дѣтей и летѣла на почтовыхъ безъ отдыха двое сутокъ. Чему приписать это предчувствіе, какъ не милости Божіей?.. Опоздай она однимъ днемъ, и меня

[1]) Мы утверждаемъ, что это вовсе не простое, а самое сложное, искусственное и совершенно неправдоподобное объясненіе. (Г. Д—ко).

[1]) Почему же такое гоненіе, такой дикій фанатизмъ къ мистическому? Г. Д.

уже не было бы на свѣтѣ. (См. кн. М. Погодина: „Дополненіе къ простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ“, изд. 1875 г.).

16. Вспоминая рядъ прозаическихъ дежурствъ по О...му военному госпиталю, разсказываетъ одинъ военный докторъ, я, по всей справедливости, не могу не исключить изъ этой категоріи тѣ изъ нихъ, въ которыя случай посылалъ мнѣ собесѣдникомъ одного почтеннаго и многоуважаемаго мною доктора Б...а. Онъ былъ истинный малороссіянинъ, то, что мы, русскіе, называемъ „душа-человѣкъ“. Его свѣтлый, хотя и оригинальный взглядъ на вещи, живая, прямосердечная рѣчь, сообщали особую занимательность его искренней бесѣдѣ, которой доставляли обильные матеріалы—память, обогащенная основательнымъ знаніемъ исторіи и поэтическихъ преданій своей родины, равно какъ и воспоминанія сдѣланной имъ кампаніи и кочевой армейской жизни. Однажды, разговоръ нашъ, переходя отъ одного предмета къ другому, коснулся того еще неразгаданнаго свойства души, которое называется *предчувствіемъ;* я откровенно разсказалъ доктору мои убѣжденія насчетъ этого психологическаго вопроса, и онъ подкрѣпилъ ихъ слѣдующимъ разсказомъ:

— Это случилось,—такъ началъ докторъ,— наканунѣ паденія Варшавы. Полковникъ нашего полка (3-го егерскаго) Л...нъ былъ благообразный мужъ, высокаго роста, съ атлетическими формами; черные, курчавые волосы, высокій лобъ и чудные глаза, которые сверкали, какъ два раскаленные угля, изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей, придавали печать особенной, таинственной мрачности его величавой физіономіи. Товарищи его любили, подчиненные уважали и боялись, онъ пользовался славою отличнаго полкового командира и храбраго офицера. Это отчасти свидѣтельствовали ордена, украшавшіе его высокую, холмистую грудь. Безстрашіе и хладнокровіе его въ дѣлѣ удивляли весь полкъ. Вслѣдствіе особенной внутренней настроенности духа онъ былъ постоянно суровъ и холоденъ въ обращеніи. Говорилъ мало и рѣзко; благородный въ душѣ и поступкахъ, никогда не оскорблялъ умышленно и не зналъ мести; чуждался общества, и только свистъ ядра и трескъ гранаты одушевляли его; тогда онъ весь перерождался: улыбка самодовольствія освѣщала лицо, глаза горѣли огнемъ вдохновенія, рѣчь дышала убѣжденіемъ и энтузіазмомъ; въ эти минуты онъ былъ поистинѣ прекрасенъ, и солдаты готовы были итти въ огонь и воду съ богатыремъ - полковникомъ. Оставивъ молодую жену и дѣтей, онъ посвятилъ себя пользамъ службы и въ ней искалъ забвенія разлуки съ милыми сердцу. Полковая доля сблизила насъ нежданно, незамѣтно. Увѣрившись, что онъ—благороднѣйшая душа, я старался удержать права на его вниманіе; разность обязанностей благопріятствовала сближенію: зависти и эгоизму нечего было дѣлать во вредъ нашей пріязни. Почти всякій день мы дѣлили скромный походный обѣдъ и проводили вмѣстѣ свободное время.

Рано утромъ, въ день штурма Воли, предмѣстья Варшавы, я зашелъ къ полковнику, задумчиво сидѣвшему въ своей палаткѣ; передъ нимъ стоялъ стаканъ недопитаго чая; густые клубы дыма вылетали изъ походной трубки и, сливаясь съ парами утренняго тумана, совершенно закрывали его мрачную физіономію; медленно протянулъ онъ мнѣ руку и молча указалъ мѣсто подлѣ себя. Привыкши видѣть полковника постоянно грустнымъ и задумчивымъ, я не старался, на этотъ разъ, развлечь его и молча взялъ стаканъ чаю, который подалъ мнѣ проворный деньщикъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздался гулъ вѣстовой пушки; полковникъ велѣлъ подать коня, я тоже послѣдовалъ его примѣру. Нѣсколько минутъ ѣхали мы молча; полковникъ первый прервалъ это молчаніе.

— Докторъ,—сказалъ онъ, устремивъ на меня пронипательный взглядъ,— сегодня я буду убитъ! Возвратясь на родину, передайте вѣсть о моей смерти вдовѣ, отвезите дѣтямъ мое родительское благословеніе.

Уничтоженный этими словами, высказанными твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, я едва нашелся отвѣчать на нихъ.

— Полноте, полковникъ,—наконецъ, проговорилъ я съ видимымъ усиліемъ,—что за мрачныя мысли? Кампанія почти кончена; до сихъ поръ Богъ хранилъ васъ среди тысячи смертей... откуда такъ не во время эта безнадежность?..

— Не спрашивайте, докторъ, мнѣ нечего отвѣчать на это; я знаю, что мы должны встрѣчать смерть лицомъ къ лицу и, помяните мое слово, сегодня я ее встрѣчу! Слушайте, докторъ,—прибавилъ онъ повелительнымъ тономъ, судорожно сжимая мою руку,—время дорого, каждая минута сближаетъ меня со смертью; не будемъ терять оставшееся время на безплодныя разсужденія: мои *предчувствія* еще ни разу не были обманчивы! Вотъ мое завѣщаніе: эти золотые часы принадлежатъ по смерти моей вамъ, не откажитесь принять ихъ на память дружбы и разлуки; въ боковомъ карманѣ моего сюртука 5,000 казенныхъ денегъ—объявите это полку; въ жилетѣ 10 цѣлковыхъ,—это мои собственные; отдайте ихъ носильщикамъ; жена и восемь человѣкъ дѣтей въ Москвѣ,—утѣшьте ихъ... я посылаю имъ мое родительское благосло-

веніе — больше ничего. Прощайте, докторъ, исполните послѣднюю волю искренно уважавшаго васъ... Глубокій вздохъ заглушилъ послѣднія слова.

Такова обаятельная сила внутренняго убѣжденія человѣка! Увѣренность, съ которою говорилъ полковникъ, уничтожила меня совершенно; нѣсколько разъ я силился прервать этотъ тягостный разговоръ, но не могъ; мнѣ казалось, что все это происходитъ во снѣ; и когда я опомнился... уже полковникъ былъ далеко: лихой скакунъ унесъ его къ полку; издали донеслись ко мнѣ отголоски привѣтствія, которымъ храбрые егери встрѣтили своего начальника. Но вотъ еще минута, загремѣли выстрѣлы; колонны двинулись въ атаку; густой дымъ повисъ на утреннемъ небѣ и скрылъ сражающихся; время отъ времени онъ прояснялся, и тогда мелькали вдали „образы безъ лицъ“: то пѣхотная колонна, сверкая штыками, вносила смертъ въ ряды противниковъ; то несся въ атаку кавалерійскій полкъ; пламя выстрѣловъ обозначало баталіоны; батареи переносились съ мѣста на мѣсто, подкрѣпляя сражающихся; гулъ, стонъ, побѣдные крики неслись по полю. Не берусь описывать вамъ эту поразительную картину; притомъ, занятый своимъ дѣломъ, я не былъ празднымъ зрителемъ: вооруженный анатомическимъ ножомъ, я боролся со смертію во всѣхъ ея видахъ, и самъ не былъ вполнѣ безопасенъ отъ ея алчности: снаряды, долетая рикошетами, ложились близко отъ перевязочнаго мѣста и задѣвали нѣкоторыхъ носильщиковъ. Сраженіе было въ полномъ разгарѣ; это могъ я замѣтить по безпрерывно увеличивавшемуся числу раненыхъ; едва успѣвалъ я управляться при помощи батальонныхъ лѣкарей, какъ вдругъ приближается куча: скрестивши штыки, омоченные непріятельскою кровью, несли раненаго полковника. Адъютантъ поддерживалъ его отяжелѣвшую голову; мутные глаза, въ которыхъ еще отсвѣчивалось внутреннее бореніе его души, остановились на мнѣ. Онъ силился что-то сказать, но языкъ измѣнилъ; я угадалъ его мысль: онъ хотѣлъ напомнить нашъ послѣдній разговоръ. Оставивъ все, я бросился къ умирающему: правая нога была раздроблена осколкомъ гранаты. Я готовился приступить къ операціи, но онъ слабою рукою отвелъ ланцетъ, сдѣлалъ было усиліе перекреститься, но рука повисла, зрачки мутныхъ глазъ закатились, тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ стѣсненной груди, и не стало храбраго полковника. Такъ сбылось предчувствіе. (Извлеч. въ сокращ. изъ „Троицк. цвѣт.“, 1890 г., № 5, изд. архим. Никона).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мысли профессора Биксби (Bixby).

Несовершенство чувствъ.

Чѣмъ тщательнѣе наука изслѣдуетъ наши пять чувствъ, тѣмъ болѣе она убѣждается въ ихъ ограниченіи и въ томъ, насколько мала та частица всего мірозданія, которую эти наши матеріальные органы способны охватывать и ощущать. При посредствѣ инструмента, названнаго *сиреной*, физикъ сосчитываетъ вибраціи звука, слышимаго человѣческому уху, и, притомъ, убѣждается, что слухъ нашъ не можетъ уловить музыкальную ноту, въ которой менѣе 15 вибрацій въ секунду, а, съ другой стороны, не можетъ уловить и такую ноту, въ которой 42.000 вибрацій въ секунду. И однако, тогда, когда вслѣдствіе еще болѣе быстраго вращенія колеса сирены, наступаетъ полное беззвучіе, мы, тѣмъ не менѣе, знаемъ, что вибрація не прекращается и что, слѣдовательно, звукъ продолжаетъ существовать, и что будь нашъ органъ слуха болѣе утонченъ, болѣе совершененъ, мы могли бы слышать и эти ноты.

Что открываетъ намъ спектроскопъ?

Ту же самую ограниченность нашихъ чувствъ доказываетъ намъ и призма, когда физикъ, разлагая солнечные лучи, наисложнѣйшими и тончайшими научными приспособленіями можетъ опредѣлять быстроту ихъ движенія. При этомъ оказывается, что глазъ нашъ способенъ видѣть только начиная съ тѣхъ лучей, быстрота движенія которыхъ превосходитъ 399.000.000.000 вибрацій въ секунду, до лучей, въ которыхъ не болѣе 831.000.000.000 вибрацій въ секунду. Наукою же доказывается намъ также и то, что вибраціи, производящія свѣтъ, не прекращаются, хотя наше зрѣніе и не способно воспринимать лучи, если вибрацій количествомъ менѣе или болѣе вышесказаннаго числа колебаній въ секунду. Доказывается это тѣмъ, что, достигнувъ ультра-краснаго конца спектра, лучи перестаютъ быть намъ видимыми, а въ это самое время теплота ихъ продолжаетъ воздѣйствовать на аппаратъ, приспособленный къ измѣренію тепла, и тѣмъ еще, что за предѣлами ультра-фіолетоваго цвѣта, флуоресценція, или фото-химическое воздѣйствіе лучей, указываетъ намъ на химическія ихъ свойства. Великое открытіе профессора Рентгена, всеконечно, увеличило число способовъ примѣненія актиническихъ лучей, идущихъ далѣе ультра-фіолетовыхъ, видимыхъ намъ лучей, но, вѣдь, существованіе актиническихъ лучей было извѣстно нѣсколько лѣтъ ранѣе этого открытія. *Селеній*, напримѣръ, разбухаетъ, если актиническіе лучи его пронизываютъ; *карбо-бисульфатъ*, спеціальнымъ образомъ тогда реагируя, заявляетъ о ихъ на него

воздѣйствіи; подъ вліяніемъ этихъ, нами невидимыхъ лучей, чуткая пленочка коллодія, изъ-за неизмѣримо далекихъ междузвѣздныхъ пространствъ, подъ вліяніемъ на нее этихъ лучей, фотографически на себѣ отпечатала туманности и части млечнаго пути, неуловимыя нашими органами зрѣнія даже и при посредствѣ наисильнѣйшихъ изъ телескоповъ.

Наука вѣритъ въ существованіе незримаго нами въ природѣ.

Оказывается, что даже при тончайшихъ и лучшихъ изъ инструментовъ опять-таки наступаетъ новая граница для нашихъ чувствъ. Послѣ того, какъ самый усовершенствованный микроскопъ открылъ намъ существованіе инфузорій, величина которыхъ равняется одной девяносто-тысячной части дюйма, зрѣніе оказалось неспособнымъ видѣть далѣе этого. И тѣмъ не менѣе, если микроскопъ не въ силахъ показать намъ еще болѣе минимальныя единицы, развѣ люди науки допускаютъ невозможность существованія микроорганизмовъ за предѣлами видимаго? Напротивъ того, одна изъ наиважнѣйшихъ отраслей науки, а именно—*химія,* всѣ свои законы и объясненія свои этихъ законовъ основываетъ на обоюдномъ воздѣйствіи, одной на другую, наиминимальнѣйшихъ изъ составныхъ частицъ вещества, которыя настолько объемомъ еще меньше микроба, насколько микробъ меньше слона.

Плотность матеріи, говорятъ намъ ученые,—*только фикція.* Если бы наши глаза вдругъ обогатились необычайною тонкостью зрѣнія, мы получили бы возможность сквозь гранитную глыбу видѣть такъ же свободно, какъ смотримъ мы сквозь проволочную сѣтку; а кольцо, образовавшееся изъ струи табачнаго дыма, тогда являлось бы для насъ не болѣе компактнымъ (плотнымъ), чѣмъ стая летящихъ воробьевъ. Кубическій дюймъ воздуха содержитъ 21.000.000 молекулъ; значитъ, еслибъ весь воздухъ, составляющій видимое намъ подзвѣздное пространство, сгустить настолько, чтобы превратить его въ плотную массу, *весь комъ* ея могъ бы умѣститься въ гротѣ Мамута, что въ Кентуки. Одинъ пузырикъ воздуха, образовавшійся въ стаканѣ воды, содержитъ въ себѣ 50.000.000.000.000 крохотныхъ круглыхъ тѣлецъ, которыя снуютъ туда и сюда, сталкиваясь между собой 80.000.000 разъ въ секунду. Находясь въ непрестанномъ движеніи, каждая малѣйшая перемѣна въ температурѣ воды, а также и получаемые ими электрическіе толчки, измѣняютъ ходъ ихъ пути, превращая кругообразное движеніе ихъ въ эллиптическое, эллиптическое направленіе въ прямолинейное, или наоборотъ.

Всесильный атомъ.

И, однако, эти атомистическія единицы матеріи, эти первичныя основныя точки, изъ которыхъ образовалась наша планета,—эти наукой признанные атомы, на которыхъ зиждутся законы новѣйшихъ открытій въ химіи и физикѣ, были ли онѣ, въ отдѣльности, хотя бы разъ кѣмъ-либо взвѣшаны, ощупаны и по единицѣ до тонкости изслѣдованы? Никѣмъ и никогда. Кто когда-либо уловилъ, хотя бы насколько-нибудь, это непрестанное ихъ движеніе?..

А звукъ, производимый непрестанными столкновеніями ихъ другъ о друга, развѣ когда-либо доходилъ до человѣческаго уха? Люди науки *предполагаютъ,* что для того, чтобы образовать *точку,* достаточно большую, чтобы можно было ее узрѣть при помощи лучшаго и сильнѣйшаго изъ микроскоповъ, надо было бы сгруппировать до двухъ тысячъ самыхъ крупныхъ изъ атомовъ; но, хотя это есть *только предположеніе,* оно нисколько не мѣшаетъ наукѣ признавать существованіе атомовъ вполнѣ установленнымъ фактомъ и толковать о нихъ, не только разсуждая теоретически, но беря ихъ основаніемъ для доказательныхъ выводовъ своихъ на практикѣ.

Это научное *вѣрованіе,* такимъ образомъ, переходитъ границы видимаго, начиная съ молекулъ и доходя до атома, еще менѣе уловимаго, чѣмъ молекула. И развѣ наука на этомъ останавливается? Развѣ она отказывается итти еще далѣе?

Неуловимый эфиръ.

Поговорите съ любымъ профессоромъ оптики, и онъ скажетъ вамъ, что вся теорія его науки обусловливается существованіемъ субстанціи еще несравненно болѣе тонкой и неосязаемой. Отыскивая объясненіе характеристичнымъ явленіямъ свѣтящихся тѣлъ, отраженія свѣта, поляризаціи свѣта и т. д., «ученые» новѣйшаго времени были приведены къ необходимости признать свѣтъ за распространяющимся волнообразнымъ движеніемъ. Но, вѣдь, свѣтъ проходитъ безвоздушное пространство, нисколько, притомъ, не замедляя быстроты своего хода и не теряя силы своего свѣченія... Пробѣгая громадныя, пустыя междузвѣздныя пространства, онъ въ такомъ совершенствѣ сохраняетъ присущія ему характеристичныя особенности и свойства, что по линіямъ его лучей, распознаваемымъ нами посредствомъ спектральнаго анализа, самые газы и металлы, находящіеся на Сиріусѣ или на созвѣздіи Плеядъ, такъ же свободно поддаются нашему анализу, какъ если бъ мы самыя эти планеты положили въ наши химическія реторты. Оказывается, что лучъ свѣта, исходя изъ какой-нибудь звѣзды, тянется оттуда вплоть до нашей земли, изображая вибрирующую струну, извивающуюся въ неисчислимомъ количествѣ волнъ, которыхъ отъ 30.000 до 70.000 въ каждомъ его дюймѣ. Но, такъ какъ вибрировать можетъ *не ничто, а нѣчто,* обладающее способностью вибрировать, то астрономы и профессора оптики принуждены были вывести заключеніе, что всюду, гдѣ проходятъ эти свѣтовыя волны, въ качествѣ основного, волнообразно колеблющагося вещества, долженъ

существовать тончайшій проводникъ, которому они дали названіе *свѣтопроводящаго эфира*. Субстанціи его неисчислимо тоньше самыхъ наитончайшихъ изъ нашихъ газовъ, такъ какъ онъ насыщаетъ собой металлы и кристаллы, пропитывая и пронизывая ихъ насквозь, почему для него не представляютъ никакой преграды стѣнки стеклянныхъ и другихъ сосудовъ, въ которыхъ мы изолируемъ и сохраняемъ наши газовыя вещества. И, однако, такъ какъ Френшель доказалъ намъ, что вибраціи эфира поперечны, а не продольны, то, по существу, приходится отнести его къ тѣламъ плотнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сила растяжимости его должна быть безгранична, судя по тому, что свѣтъ проходитъ въ немъ въ милліонъ разъ быстрѣе, нежели въ воздухѣ проходитъ звукъ. Мы привыкли думать, что землю нашу окружаетъ пустое пространство; въ сущности же, земля и вмѣстѣ съ нею и мы, живущіе на ея поверхности, погружены въ безпредѣльную громаду океана эфира, волны котораго катятся до неподвижныхъ звѣздъ.

Волей—неволей приходится вѣрить.

А если насъ спросятъ, какими *точными* наблюденіями и изслѣдованіями наука гарантируетъ свое *вѣрованіе* въ существованіе океана эфира, въ которомъ наша планета плаваетъ въ видѣ крохотной точки, намъ опять придется отвѣтить:— *никакими*. При всемъ томъ, что эфиръ служитъ проводникомъ свѣта, онъ самъ и вибраціи его еще менѣе поддаются нашему зрѣнію, чѣмъ наименьшій изъ атомовъ. При всемъ томъ, что, въ сущности, онъ плотностью превосходитъ сталь, мы въ немъ свободно вращаемся, не ощущая его. Насколько мы способны наблюдать, онъ, повидимому, не задерживаетъ правильной быстроты хода звѣздъ и планетъ. Несмотря на то, что сила давленія его на одинъ кубическій дюймъ равняется многимъ тысячамъ англійскихъ фунтовъ, вѣсъ его никакими вѣсами опредѣлить нельзя. Хотя онъ не только со всѣхъ сторонъ къ намъ соприкасается, но и проникаетъ весь нашъ организмъ, всецѣло насыщая его своей субстанціей, мы не можемъ ощупать его. Но, послѣ всего этого, на какомъ же основаніи признано существованіе эфирнаго океана? Отвѣтимъ: на основаніи того, что существованіе подобнаго эфира и связанныхъ съ нимъ теорій даетъ единственно наглядное и разумное объясненіе всѣмъ явленіямъ въ области оптики.

Утвержденіе въ силу аналогіи.

Когда мы видимъ, что посредствомъ Иксъ-лучей, сквозь непроницаемый для насъ слой матеріи, пленка коллодія, сообщаясь съ металломъ, содержимымъ въ ящикѣ или въ тѣлѣ человѣка, фотографируетъ на себѣ этотъ металлъ, можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, что нашъ «духъ» обладаетъ подобной же возможностью приходить въ сообщеніе съ душой (во всемъ по свойствамъ ему подобной), не взирая на пространство и другія преграды и препятствія? Чудесныя явленія телепатіи, внушенія мыслей (предчувствія скажемъ отъ себя), исцѣленія посредствомъ внушенія и ясновидѣніе уже признаны избранною горстью людей, изслѣдовавшихъ эти явленія,—дѣйствительно существующими. Принимая во вниманіе вѣскія аналогіи въ недавно сдѣланныхъ открытіяхъ въ области матеріальной стороны законовъ природы, спросимъ: не пришло ли время для этихъ явленій быть признанными всѣми нами? Вѣдь, такъ какъ «духъ» нашъ черезъ громадныя разстоянія способенъ посылать свои мысленныя телеграммы, не нуждаясь ни въ электрическихъ батареяхъ, ни въ проволокѣ, а дѣйствуя единственно въ силу природныхъ своихъ токовъ, развѣ эта способность не указываетъ на сверхъматеріальную сущность души и на то, что она переживаетъ разрушеніе своей земной оболочки? Земная психическая телеграмма развѣ не служитъ указаніемъ на то, что душа, уже переступившая за рубежъ всего земного, «съ того берега» можетъ, если къ тому являются подходящія условія, посылать свои «телеграммы» покинутымъ ею на землѣ близкимъ душамъ, въ утѣшеніе имъ и для ихъ нравственной поддержки?

Новѣйшія открытія науки, близкія къ чудесному, начинаютъ подтверждать все то, что намъ казалось сказочнымъ и легендарнымъ въ древнихъ сказаніяхъ о чудесахъ. Наукой доказывается, что невидимыя и неосязаемыя силы природы самыя могущественныя изъ силъ ея. За предѣломъ того, что телескопъ способенъ показать намъ, начинается *незримая безпредѣльность*, энергіей силъ которой оживляется и содержится все нами видимое. Каждый ничтожнѣйшій дюймъ міроваго пространства служитъ доказательствомъ непреложныхъ, мудрыхъ законовъ Творца.

Присоединяясь сердцемъ къ вѣчной гармоніи, прислушиваясь къ дивнымъ ея ритмамъ, мы возвышаемся душой и, проникаясь разумностью царящей повсюду, мы говоримъ себѣ: «невозможно, нелогично вѣрить въ то, что прогрессъ человѣчества имѣетъ единственною цѣлью пребываніе человѣка только въ земной его сферѣ бытія. Проблески свѣта, намеки на высшее для насъ назначеніе, подтверждаемые научными открытіями новѣйшихъ временъ, зарождаютъ въ насъ увѣренность въ существованіи лучшаго будущаго.

Наступаетъ заря тѣхъ дней, когда нынѣшній скептицизмъ и отрицаніе всего того, что ни осязать, ни взвѣсить невозможно, отойдетъ въ область прошлаго и уже невозвратимаго, тяжелаго сна, обманывавшаго наши чувства и затемнявшаго наше пониманіе сути вещей. («Ребусъ» 1899 года, №№ 5 и 6).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предвидѣніе будущаго.

1. Разсказы Камилла Фламмаріона. Когда-то я находился въ близкой дружбѣ съ однимъ уважаемымъ ученымъ, превосходнымъ математикомъ, бывшимъ директоромъ парижской обсерваторіи, съ 1869 до 1872 года, Шарлемъ Делонэ. Ему предсказали, что онъ утонетъ; подобная же участь уже раньше постигла его отца. Самъ Шарль Делонэ не только никогда не предпринималъ никакихъ морскихъ путешествій, но даже избѣгалъ самыхъ невинныхъ прогулокъ на лодкѣ. Однажды, въ ясный августовскій день 1872 года, его шуринъ, г. Милльо, главный контролеръ почтъ, пригласилъ его поѣхать въ Шербургъ, гдѣ они отправились осматривать молъ съ двумя моряками. На возвратномъ пути съ этой экскурсіи, вообще очень удавшейся, поднялся сильный вѣтеръ, лодка съ четырьмя пассажирами опрокинулась и ни одинъ не спасся.

Въ этомъ случаѣ, пожалуй, можно усмотрѣть простое совпаденіе. Конечно, одинъ фактъ подобнаго рода не имѣетъ еще большого значенія съ точки зрѣнія вопроса о прорицаніи будущаго. Человѣкъ боится воды — и тонетъ. Человѣкъ болѣзненно боится бѣшенства—и какъ разъ его кусаетъ бѣшеная собака, онъ опасается путешествій — и точно нарочно гибнетъ жертвой желѣзнодорожнаго крушенія. Въ жизни часто замѣчаются подобныя совпаденія, но они, можно сказать, ничего еще не доказываютъ.

Дѣйствительно, такъ бы намъ слѣдовало разсуждать, если бъ подобные примѣры были одиночны. Но это не такъ. Ихъ гораздо больше, и они болѣе опредѣленны, чѣмъ на то указываетъ расчетъ вѣроятностей.

Вотъ еще другой фактъ, разсказанный г-жей Леконтъ де-Лиль, невѣсткой поэта.

Нѣкто г. X. вздумалъ посѣтить гадалку. Та на картахъ предсказала ему, что онъ умретъ отъ ужаленія змѣи.

Этотъ г. X, чиновникъ по администраціи, упорно отказывался принять мѣсто на Мартиникѣ именно изъ-за ядовитыхъ змѣй, которыя тамъ водятся. Г. Б., губернаторъ Гваделупы, убѣдилъ его, наконецъ, принять хорошее мѣсто въ этой колоніи, гдѣ вовсе не водится змѣй.

Отбывъ свой срокъ службы на Гваделупѣ, X. возвращался во Францію. Пароходъ, по обыкновенію, остановился на Мартиникѣ, но X., конечно, остерегся сходить на берегъ. Торговки-негритянки явились на пароходъ съ фруктами. Мучимый жаждой, путешественникъ взялъ изъ корзинки апельсинъ; вдругъ онъ отчаянно вскрикнулъ—его ужалила змѣя, скрытая въ листьяхъ корзины. Черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ.

Происшествіе было обнародовано недавно въ „Анналахъ психическихъ наукъ“.

А вотъ еще не менѣе интересный случай предвидѣнія будущаго:

Однажды, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1883 года, лэди А., жившая въ улицѣ Bel-Respiro, въ Парижѣ, замѣтила, что у нея украдена сумма въ 3,500 франковъ. Она даетъ знать полицейскому коммисару, тотъ дѣлаетъ обыскъ, допрашиваетъ слугъ—и ничего не находитъ. Перечисляя своихъ слугъ, лэди А. просила изъять изъ подозрѣній второго лакея, юношу очень ловкаго и смѣтливаго, котораго прозвали „малышъ“, не изъ-за его роста — довольно высокаго, а просто въ доказательство ласковаго расположенія, которое онъ снискалъ отъ домашнихъ своей услужливостью.

Между тѣмъ, въ близкомъ кружкѣ лэди А. разнесся слухъ о нѣкоей дѣвицѣ Е., которая будто бы дѣлала самыя необычайныя предсказанія, гадая на кофейной гущѣ. Г. д'Эрвье изъ любопытства отправился вмѣстѣ съ гувернанткой къ этой особѣ, и она поразила его замѣчательно точнымъ описаніемъ каждой комнаты въ квартирѣ лэди А., перечисленіемъ всѣхъ слугъ; въ концѣ-концовъ она заявила, что не можетъ назвать вора, но что по прошествіи двухъ лѣтъ онъ будетъ гильотинированъ.

Нѣсколько недѣль спустя, „малый“ отказался отъ мѣста у лэди А., а черезъ два года онъ былъ казненъ на эшафотѣ. Этотъ образцовый, любимый слуга былъ не кто иной, какъ Маршадонъ, извѣстный въ Парижѣ убійца.

Выслушайте еще слѣдующую исторію. Нѣкто Туле, профессоръ гимназіи въ Нанси, въ молодости своей былъ въ Пьемонтѣ другомъ и помощникомъ г. Ф., отставного морского офицера, въ то время занимавшагося эксплоатаціей старой сѣрной копи. Они спали въ смежныхъ комнатахъ, причемъ двери между этими спальнями оставались отворенными на ночь. Надо вамъ сказать, что жена г. Ф., жившая тогда въ Тулонѣ, должна была въ скоромъ времени разрѣшиться отъ бремени. Ф. говорилъ объ этомъ своему другу, но при этомъ не обнаруживалъ никакихъ

опасеній; жена его была беременна вторымъ ребенкомъ, и все обстояло благополучно.

Однажды, на разсвѣтѣ, Туле вдругъ вскакиваетъ съ постели, бросается въ спальню своего друга, будитъ его и читаетъ ему телеграмму, извѣщающую о рожденіи дѣвочки. Онъ успѣлъ прочесть, однако, только первыя двѣ изъ шести строчекъ, и затѣмъ депеша вдругъ улетучилась, словно кто вырвалъ ее у него изъ рукъ. Ф. встаетъ, уводитъ пріятеля своего въ столовую, заставляетъ его записать только-что прочтенное имъ, потомъ оба, взглянувъ другъ на друга и замѣтивъ свои болѣе чѣмъ небрежные костюмы, начинаютъ хохотать и возвращаются каждый въ свою постель.

Десять дней спустя, получается та же самая телеграмма, состоявшая изъ шести строчекъ, изъ коихъ двѣ были именно такія же, какія Туле видѣлъ въ своей галлюцинаціи. Спрашивается, какъ можно видѣть впередъ вещь, еще не существовавшую?

Гёте разсказываетъ въ своихъ „Мемуарахъ“ странное видѣніе, явившееся ему въ то время, какъ онъ ѣхалъ изъ деревни, гдѣ только что простился съ Фридрихомъ. „Я увидалъ, не тѣлесными очами, а очами духовными, всадника, ѣхавшаго по той же тропинкѣ въ сторону Сезенгейма; этотъ всадникъ—былъ я самъ, одѣтый въ сѣрый камзолъ, обшитый золотыми галунами,—такой, какого я никогда не носилъ. Я встряхнулся, чтобы отогнать галлюцинацію, и она пропала. Восемь лѣтъ спустя, я очутился на той же самой дорогѣ, ѣдущимъ къ Фридриху и одѣтымъ въ такой именно костюмъ. Должно прибавить, что я облекся въ это платье не по собственной волѣ, а благодаря случайности“.

Опять повторю тотъ же вопросъ: „можно ли видѣть заранѣе вещь, еще не существовавшую?“.

Стараются объяснить это явленіе тѣмъ, что намъ иногда кажется, въ продолженіе одного момента, будто мы уже находились когда-то прежде въ условіяхъ, точь-въ-точь одинаковыхъ съ тѣми, въ какихъ находимся теперь,—это въ родѣ мимолетной галлюцинаціи. Но это объясненіе чистѣйшая гипотеза, которая, впрочемъ, даже и не приложима къ случаямъ, приведеннымъ раньше.

При изученіи этого вопроса главное дѣло въ томъ, чтобы собрать побольше подлинныхъ, достовѣрныхъ фактовъ. Иногда одинъ какой-нибудь провѣренный и точно наблюденный фактъ стоитъ больше тысячи теорій.

Сообщу еще одинъ случай, переданный Груссаромъ, священникомъ церкви св. Радегонды.

Находясь въ пансіонѣ, въ Ніарѣ, 15-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ видѣлъ во снѣ, что находится въ Сенъ-Мэксантѣ,—городѣ, который онъ зналъ только по наслышкѣ,—вмѣстѣ со своимъ учителемъ, что они стоятъ на площади, передъ аптекой, возлѣ колодца, и что дама, которую онъ всего разъ только видѣлъ прежде, подходитъ къ его наставнику, чтобы поговорить о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Нѣсколько дней спустя, его учитель, которому онъ разсказалъ свой сонъ, имѣя дѣло въ Сенъ-Мэксантѣ, поѣхалъ туда, взявъ мальчика съ собою. Каково же было его удивленіе, когда онъ очутился на такой же точно площади, какую видѣлъ во снѣ, съ такой же аптекой и съ колодцемъ, и увидалъ подходившую къ нимъ ту же самую даму, начавшую разговоръ съ учителемъ о томъ же предметѣ, о какомъ снилось мальчику.

У меня имѣется множество аналогичныхъ случаевъ, которыми я не хочу утомлять вниманія читателей, но которые я нахожу, тѣмъ не менѣе, очень интересными съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса. Однако я хочу разсказать еще одно происшествіе, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ былъ человѣкъ мнѣ близко знакомый.

Дѣло идетъ объ одномъ изъ моихъ товарищей и друзей при моихъ начинаніяхъ на поприщѣ журналистики, Эмилѣ де-ла-Бедальерѣ, сотрудникѣ газеты „Siécle“. Обстоятельства, при которыхъ онъ женился, крайне интересны. Къ одной прелестной дѣвушкѣ, жившей въ Шарите-Сюръ-Луаръ, посваталось три жениха. Родители еще не знали ея рѣшенія. Вдругъ ей снится свадьба, и она видитъ передъ собой молодого человѣка въ дорожномъ костюмѣ, въ широкополой соломенной шляпѣ и въ очкахъ. Внутренній голосъ предупреждаетъ ее, что этотъ человѣкъ будетъ ея мужемъ. На другое утро послѣ видѣннаго сна она объявляетъ родителямъ, что не выйдетъ ни за одного изъ трехъ посватавшихся къ ней жениховъ.

Въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ, во время вакацій, молодой Эмиль де-ла-Бедальеръ, путешествуя съ однимъ пріятелемъ, проѣзжаетъ черезъ Шарите, останавливается въ этомъ городѣ и отправляется вмѣстѣ съ другомъ на лѣтній благотворительный балъ. Какъ пріѣзжій, онъ остается въ дорожномъ костюмѣ, въ манильской шляпѣ и очкахъ. Это было въ первый разъ, когда онъ посѣтилъ этотъ край. Молодая дѣвушка сейчасъ же узнала жениха, видѣннаго ею во снѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они повѣнчались.

Да, много есть на свѣтѣ неразгаданныхъ тайнъ! („Нов. вр.“; сн. „Ребусъ“ 1897 года, № 5).

2. **Разсказы о предвидѣніи изъ жизни русскаго народа.** Въ жизни Императора Александра II-го не разъ совершались странныя предзнаменованія ужасной его кончины. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Когда Александръ II родился въ Москвѣ въ 1818 г., Императрица Александра Ѳеодоровна приказала спросить славившагося тогда въ Москвѣ юродиваго Ѳеодора о томъ, что ожидаетъ новорожденнаго? Ѳеодоръ отвѣчалъ: „будетъ могучъ, славенъ и силенъ, будетъ однимъ изъ величайшихъ государей міра, но все таки (произнесъ онъ съ ужасомъ) умретъ въ красныхъ сапогахъ". Трудно было предвидѣть, что оно относилось къ окровавленнымъ и раздробленнымъ ногамъ Царя-мученика.

Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ получаетъ какъ будто свою долю значенія и слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Сергіевской пустыни близъ С.-Петербурга. Въ покояхъ настоятеля этой пустыни находится портретъ покойнаго Императора, писанный съ натуры профессоромъ Лавровымъ. Кромѣ прекраснаго художественнаго исполненія портретъ обращаетъ на себя вниманіе одною особенностью: холстъ портрета составной; другой кусокъ приставленъ ниже колѣней и вотъ по какому случаю.

За 14 лѣтъ до мученической кончины Александра II въ Сергіевской пустыни одинъ послушникъ сошелъ съ ума и былъ отправленъ въ домъ умалишенныхъ. Онъ скоро оправился и воротился въ пустынь, но не на долго: чрезъ нѣсколько времени онъ снова обнаружилъ признаки ненормальнаго состоянія ума и былъ отвезенъ въ тотъ же домъ для излѣченія. Но и на этотъ разъ онъ скоро оправился и, по ходатайству смотрителя дома умалишенныхъ, снова былъ принятъ въ пустынь. Архимандритъ Игнатій принялъ его очень неохотно и уступилъ только просьбамъ смотрителя, который далъ о немъ хорошій отзывъ. Дѣйствительно, послушникъ сталъ вести себя хорошо, усердно исполнялъ свои обязанности и только замѣтно избѣгалъ монастырскаго общества. Но вотъ, однажды утромъ, во время заутрени, этотъ послушникъ пришелъ въ хлѣбопекарню, схватилъ кочергу, раскалилъ ее до красна въ печи и съ какою-то необыкновенною рѣшимостью прибѣжалъ въ покой архимандрита къ портрету императора. Онъ бросился къ этому портрету и раскаленною кочергою выжегъ ноги Императора до колѣней. Потомъ онъ выбѣжалъ на монастырскій дворъ, кричалъ и неистовствовалъ, повторяя одни и тѣ же слова, что теперь съ нимъ могутъ дѣлать все, что угодно. Съ этой минуты послушникъ этотъ окончательно сошелъ съ ума и болѣе уже не приходилъ въ нормальное состояніе. Замѣчательно, что этотъ сумасшедшій выжегъ на портретѣ ноги Императора почти такъ же, какъ, спустя 14 лѣтъ, онѣ были оторваны и разбиты взрывомъ динамитной бомбы въ роковое 1-е марта. Профессоръ Лавровъ снова нарисовалъ ноги на портретѣ, приставивъ новый холстъ, и эта-то приставка надолго останется памятникомъ и свидѣтельствомъ вышеописаннаго, не случайнаго, очевидно, обстоятельства.

Нѣкоему Казиміру Віерцховскому въ 1876 г. пришлось переночевать въ плохой корчмѣ, одиноко стоящей среди поля. Это было въ харьковской губерніи. Хозяинъ корчмы былъ еврей. Около полуночи Віерцховскій почувствовалъ, что его тянутъ за руку. Проснувшись, онъ увидалъ передъ собою три года тому назадъ умершаго брата Юлія, и тотъ говорилъ ему: „Казиміръ, вставай и спасайся: тебя хотятъ убить". Тутъ видѣніе исчезло, и, объясняя его галлюцинаціей, Віерцховскій повернулся на другой бокъ и продолжалъ спать. Черезъ нѣсколько времени онъ снова почувствовалъ, какъ его дергаютъ за руку, и опять, проснувшись, увидѣлъ брата Юлія, повторявшаго съ тревогой: „скорѣй, Казиміръ, вставай скорѣй; говорю тебѣ въ послѣдній разъ: тебя хотятъ зарѣзать"! Съ этими словами привидѣніе исчезло, но Віерцховскій соскочилъ съ кровати и сталъ быстро одѣваться. Въ эту минуту стали ломиться къ нему въ дверь, а едва онъ успѣлъ выскочить въ окно, какъ въ комнату ворвалось трое мужиковъ съ ножами и топорами. Къ счастью, бѣглецу удалось спрятаться въ канавѣ, гдѣ онъ и пролежалъ до утра, а затѣмъ онъ разсказалъ проѣзжавшимъ по дорогѣ людямъ о ночномъ нападеніи. Разбойниковъ задержали, и они признались, что имѣли намѣреніе убить его, если бы онъ отказался выдать имъ большую сумму денегъ, бывшую при немъ. („Moniteur spirite et magnétique", 1898 г. 15-го мая; сн. „Ребусъ" 1899 г. № 15).

3. **Изъ писемъ митрополита Филарета.** „Была нѣкая, которая хаживала въ мою домовую церковь... Она пріѣхала въ Крымъ на свой счетъ, но въ число сестеръ ее не приняли по ея странному нраву и потому, что употребляла вино. Она построила въ Севастополѣ небольшой домъ, для 20 раненыхъ, и ходила за ними. Однажды, пришла она къ одной знакомой своей и выпросила для себя шелковое платье. На вопросъ: для чего? — отвѣчала: нынѣ мой послѣдній день, прощай! Потомъ пошла къ кн. Горчакову и къ графу Сакену,—и сказала тоже. Вожди по обычаю отвѣчали ей желаніемъ многихъ дѣтъ. Отъ

нихъ пошла она на одну изъ батарей, гдѣ ее знали и даже *замѣчали,* что при ея присутствіи не бываетъ убитыхъ. Здѣсь сказала она: поберегите меня нынѣ; если сбережете меня,—сбережете Севастополь,—если меня не будетъ,—и Севастополя не будетъ. Прилетѣла бомба, и разорвало ее на 16 или 18 частей. Это было недѣли за двѣ до оставленія нашими войсками южной стороны Севастополя“ [1]). Повѣствовательница заслуживаетъ довѣрія,—такъ заключилъ свое письмо Филаретъ.

„Еще примѣчательное сказаніе слышалъ я изъ Севастополя“, пишетъ онъ немного позднѣе. „Военный чиновникъ приходитъ къ пріятелю и приноситъ ему свое завѣщаніе, сказывая, что назначенъ въ дѣло и думаетъ, что не возвратится. Когда стали его отводить отъ сей мысли, онъ сказалъ: у меня болѣла рука передъ тѣмъ, какъ быть ей раненой, а теперь болитъ нога, и сильнѣе руки, а потому думаю, что буду раненъ въ ногу и не перенесу. Послѣ сего вечера, жена пріятеля будитъ своего мужа и говоритъ: иди на перевязочный пунктъ; я видѣла во снѣ, что онъ раненъ въ ногу. Мужъ пошелъ, и нашелъ своего друга раненымъ въ ногу. Отъ сей раны онъ вскорѣ и померъ“ [2]).

Еще въ 1836 г. Филаретъ писалъ Антонію, что „времена дико смотрятъ“. Къ такимъ временамъ онъ приглядывался тѣмъ пристальнѣе, чѣмъ болѣе дико они смотрѣли. Такимъ временемъ была наша крымская война. Не мало гаданій всякаго рода вызываютъ собою такія напряженныя времена, и обыкновенно къ нимъ охотнѣе теперь прислушиваются, нежели въ иную пору. Прислушивался къ такимъ гаданіямъ и Филаретъ и сообщалъ о нихъ намѣстнику. „Одинъ русскій, пріѣхавшій изъ Парижа, разсказывалъ мнѣ о живущемъ тамъ престарѣломъ грекѣ, который прежде былъ консуломъ русскимъ въ турецкихъ владѣніяхъ, но во времена несогласій, сильно дѣйствуя на христіанское народонаселеніе въ пользу русскихъ, принужденъ былъ послѣ оставить службу и живетъ пенсіею... Этотъ человѣкъ въ первые мѣсяцы нынѣшняго года (1853) сказалъ нашему священнику въ Парижѣ, что настаетъ время судьбы для Константинополя, что туда посланъ будетъ русскій вельможа и выѣдетъ оттуда съ русскимъ посольствомъ. Когда князь Меньшиковъ выѣхалъ изъ Константинополя, этотъ представитель опять пришелъ къ священнику и сказалъ: видите, сбылось, что я вамъ сказалъ; теперь всѣ будутъ говорить о мирѣ; но будетъ жесточайшая война. Что видимъ и слышимъ донынѣ, то не противорѣчитъ сему предсказанію“ [1]). (См. ст. „митр. Филаретъ въ его отношеніяхъ къ міру таинственныхъ явленій“, помѣщ. въ „Душеп. чт.“ 1883 г., ч. II, стр. 19—20).

[1]) См. письма къ Антонію, № 1065.

[2]) См. письма къ Антонію, № 1068.

[1]) См. письма къ Антонію, № 1068.

4. **Подарокъ нищаго.** „До поступленія въ рижскій политехническій институтъ,—разсказываетъ г. Александровъ,—я съ матерью жилъ въ г. Ярославлѣ, гдѣ учился въ гимназіи. Мой отецъ былъ православнаго исповѣданія, мать лютеранка, урожденная Гильмерсъ. Несмотря на это, она хорошо знакома съ обрядами православной религіи, потому что водила насъ въ церковь и помогала намъ изучать законъ Божій.

У насъ въ Ярославлѣ установлено ежегодно въ первое воскресенье послѣ 1 іюля дѣлать обходъ всего города крестнымъ ходомъ, съ иконою Колчской Божіей Матери. Въ которомъ году это случилось, я не помню, но въ томъ самомъ году, когда въ Москвѣ была всероссійская выставка, подробности же, благодаря своей необычайности, рельефно остались въ моей памяти. Я съ матерью въ день крестнаго хода поѣхалъ въ каѳедральный соборъ. Мать моя была въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Пробыли мы въ соборѣ не до конца богослуженія и вышли ранѣе, чтобы избѣжать толкотни и давки во-первыхъ, а во-вторыхъ, для того, чтобы заблаговременно доѣхать до вала загороднаго сада, мимо котораго долженъ былъ пройти крестный ходъ, и занять на валу повиднѣе мѣсто.

Когда крестный ходъ приближался, сопровождаемый массою народа, то низъ вала и самый валъ вплоть до мѣста слѣдованія, былъ покрытъ такою толпою, что, какъ говорится, пушкой не пробьешь.

Въ то время, когда икона поравнялась съ нами, вниманіе мое было отвлечено толкотней и давкой, происшедшей отъ того, что къ валу по направленію къ намъ пробивался какой-то старикъ-нищій. Полиція не хотѣла его пускать, но, въ народѣ раздались голоса: „пропустите, вѣдь это блаженный“, послѣ чего разступившійся народъ далъ дорогу нищему, который, прямо подойдя къ матери, сказалъ: „милая, не плачь, милость Божья съ нимъ“. — Я не плачу, — возразила мать. „Такъ сегодня же будешь много плакать. Онъ умеръ. Вотъ тебѣ крестикъ, положи его на гробъ, и ему будетъ хорошо. Хотя ты и не нашей вѣры, но душа у тебя добрая, и Богъ послалъ меня дать тебѣ благодать Свою“. Съ этими словами нищій, котораго моя мать не встрѣчала ни до этого, ни послѣ, сунулъ въ руку маленькій кипарисный крестикъ. Когда мать хотѣла вынуть кошелекъ, чтобы дать мелкихъ денегъ, то старичекъ-нищій

сказалъ: „нѣтъ! благодать Божья не продается“. Сказавъ это, онъ скрылся въ толпѣ.

По возвращеніи домой, мать нашла на столѣ телеграмму о смерти своего брата, а моего дяди Гельмерса.

Дядя мой служилъ во флотѣ. Потерявъ на службѣ здоровье, долго лѣчился на казенный счетъ въ Италіи и, поправившись совершенно, былъ назначенъ агентомъ общества „Кавказъ и Меркурій“ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Здоровье его въ послѣднее время было настолько хорошо, что смерть его была неожиданностью, и моя мать, получивъ депешу, была очень огорчена и въ тотъ же день выѣхала въ Нижній хоронить дядю. („Ребусъ“, 1896 г., № 51).

5. **Предувѣдомленіе о смерти.** Два года тому назадъ въ Питсбургѣ (городъ Америки) проживала семья по имени Уильямсъ, состоявшая изъ отца, матери и трехъ дѣтей. Меньшій изъ всѣхъ, восьмилѣтній, необыкновенно живой и смышленый мальчикъ, былъ любимцемъ родителей. Въ одно послѣобѣденное время, когда м-съ Уильямсъ сидѣла въ тѣни своего небольшого садика, бесѣдуя съ пришедшими навѣстить ее сосѣдками, мальчикъ прибѣжалъ спросить у матери позволенья итти играть съ товарищами, что и было ему разрѣшено, но съ условіемъ не подходить къ близъ протекавшей рѣчкѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, одна изъ сосѣдокъ, замѣтивъ у внезапно поблѣднѣвшей м-съ Уильямсъ устремленный, испуганный, помутившійся взглядъ, спросила: что съ нею дѣлается?

— Не понимаю, что со мною дѣлается, — отвѣтила та, поднявъ руку и точно что смахивая съ лица, — передъ глазами у меня, какъ будто туманъ, и я ничего сквозь него не вижу.

Минуту спустя, она подняла руки кверху и вскрикнула:

— Господи!—мальчикъ мой тонетъ!

Одна изъ женщинъ стала ее успокаивать:

— Этого быть не можетъ,—говорила она, когда же ему утонуть, онъ только что ушелъ отсюда.

Быстрымъ, судорожнымъ движеніемъ мать прижала обѣ руки къ бокамъ и простонала: — „говорю вамъ, что онъ утонулъ. Онъ схватилъ меня, вотъ тутъ, обѣими своими рученками, умоляя вытащить его изъ рѣки“.— Проговоривъ это, она упала въ глубокій обморокъ.

Ее отнесли въ домъ и съ немалымъ трудомъ привели въ чувство; смертельно блѣдное лицо ея выражало страшное отчаяніе. Опять стали ее убѣждать, что она навѣрно ошибается, что мальчикъ не могъ утонуть въ такое короткое время, но она продолжала мучительно стонать:

— Мальчикъ мой утонулъ! Я чувствую и теперь, какъ рученки его меня обхватывали, когда онъ умолялъ меня спасти его. Снимите съ меня платье, и вы увидите.

Ей разстегнули лифъ, и, къ великому своему удивленію и ужасу, присутствующія женщины увидали слѣды десяти маленькихъ пальцевъ, по пяти съ каждой стороны, ясно отпечатавшіеся на кожѣ темно-красными полосами, точно такъ, какъ еслибъ потонувшій мальчикъ въ своей предсмертной борьбѣ дѣйствительно уцѣпился за мать, ища у нея спасенія.

Въ эту минуту вошло нѣсколько человѣкъ мужчинъ, неся на рукахъ мертваго ребенка, за полчаса передъ тѣмъ радостно побѣжавшаго играть съ товарищами. Прыгнувъ въ рѣку, мальчикъ ударился объ острый конецъ водосточной трубы, упалъ головою въ воду и тотчасъ захлебнулся, ошеломленный паденіемъ.

Но что всего страннѣе: багровые слѣды пальцевъ отпечатавшіеся на тѣлѣ матери, еще не исчезли, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже два года. Слѣды эти такъ ясны и отчетливы, что всякій невольно приметъ ихъ за дѣйствительные слѣды живыхъ пальцевъ, уцѣпившихся за м-съ Уильямсъ въ минуту смертельной опасности. Предоставляю другимъ сдѣлать выводъ изъ этого страннаго случая („Ребусъ“, 1890 г., № 28).

6. **Удивительный сонъ.** Извѣстный физіологъ, профессоръ берлинскаго университета Дюбуа-Реймондъ, читая черезъ каждые три семестра свои знаменитыя лекціи по антропологіи, на которыхъ онъ, между прочимъ, излагаетъ свою теорію границъ знанія, считаетъ необходимымъ разсказывать своимъ слушателямъ слѣдующій фактъ. Въ какомъ-то городѣ Помераніи одинъ докторъ лѣчилъ молодую женщину отъ внутренней болѣзни, которую онъ точно опредѣлить не могъ. Врачъ онъ былъ серьёзный, притомъ же паціентка была его личнымъ другомъ. Однако же болѣзнь не поддавалась его усиліямъ, и больная медленно приближалась къ смерти. Докторъ перерылъ всю медицинскую литературу, списывался со многими выдающимися профессорами, созывалъ консиліумы, не отходилъ по цѣлымъ днямъ отъ постели больной, но ни онъ самъ, ни кто другой ничего не могли подѣлать. Восемь мѣсяцевъ прошло такимъ образомъ. Докторъ измученный, разбитый вернулся однажды вечеромъ къ себѣ домой въ самомъ мрачномъ настроеніи духа: больная не сегодня-завтра должна была умереть. Порывшись еще въ какой-то книгѣ, докторъ легъ спать. Во снѣ онъ видитъ, будто онъ просматриваетъ одну

вновь вышедшую брошюру и наталкивается въ ней на описаніе болѣзни, къ которой по всѣмъ признакамъ подходитъ болѣзнь его паціентки. Тутъ же онъ находитъ рецептъ, который авторъ рекомендуетъ, какъ очень дѣйствительное средство. Пораженный находкой, докторъ вскакиваетъ, чтобы записать спасительный рецептъ, но тутъ онъ просыпается, сознаетъ, что съ нимъ что-то такое приключилось во снѣ, но ничего не можетъ припомнить. Затѣмъ онъ снова засыпаетъ и снова видитъ тотъ же сонъ. На этотъ разъ онъ хорошо запомнилъ рецептъ, а также параграфъ и страницу, но чтобы не забыть, вскочилъ съ постели и на-скоро набросалъ все это на первомъ подвернувшемся клочкѣ бумаги. Проснувшись утромъ, докторъ почувствовалъ, что онъ какъ будто очнулся отъ кошмара. Онъ одѣлся и намѣренъ былъ уже итти къ своей больной, но, бросивъ взглядъ на письменный столъ, замѣтилъ на одной бумагѣ какія-то каракули. Онъ прочелъ ихъ и вспомнилъ свой сонъ. Немедленно поѣхалъ онъ въ аптеку, заказалъ таинственное лѣкарство и явился съ нимъ къ своей умирающей паціенткѣ. Уже послѣ первыхъ пріемовъ лѣкарства больная стала оживать, а черезъ короткое время и совершенно оправилась. Прошло около года. Однажды, докторъ получаетъ отъ своего берлинскаго книгопродавца вновь вышедшую брошюру по медицинѣ. Просматривая эту брошюру, докторъ наталкивается въ ней на описаніе той самой болѣзни, которою страдала его паціентка. Все, что онъ читаетъ здѣсь, такъ знакомо ему, и все-таки онъ отлично знаетъ, что никогда не читалъ этого. Онъ перелистываетъ далѣе и находитъ тотъ самый рецептъ, который въ прошломъ году спасъ отъ смерти его паціентку. Докторъ начинаетъ припоминать, беретъ свою книжку, куда онъ записалъ свой сонъ, и сравниваетъ: тѣ же дозы, страница, тотъ же параграфъ.

Случай этотъ въ свое время надѣлалъ много шума. Заинтересовавшіяся лица навели точныя справки; оказалось, что, какъ вся брошюра, такъ въ частности описаніе болѣзни и рецептъ въ первый разъ появились на свѣтъ именно черезъ годъ послѣ удивительнаго сна; оказалось также, что авторъ брошюры, живщій совершенно въ другомъ уголкѣ Германіи, ничего рѣшительно не зналъ о померанскомъ докторѣ и его больной.

„Этотъ фактъ, заканчиваетъ обыкновенно Дюбуа-Реймондъ,— достаточно строго провѣренъ, но наша наука не можетъ объяснить его и должна обойти его молчаніемъ". („Ребусъ" 1890 г. № 26).

7. **Предсказаніе факира.** Въ интересномъ сочиненіи: „Воспоминанія охотничьей и военной жизни въ Вестъ-Индіи" (Records of a Sport and Military lipe in Western India), полковникъ Фразеръ, съ свойственной ему точностью и добросовѣстностью, помѣстилъ слѣдующій разсказъ сообщенный ему вдовою одного генерала. Однажды она встрѣтила факира, обратившагося къ ней съ слѣдующими словами: — „Вы жена генерала Санба, у васъ есть сынъ и дочь". — Это правда, но только сынъ мой недавно умеръ. — „Нѣтъ, я говорю вѣрно,— продолжалъ факиръ. Вы скоро поѣдете на родину". (Мужъ мой не разъ говорилъ, что онъ никогда больше не уѣдетъ изъ Индіи).— Благополучно ли мы доѣдемъ домой?— „Да, но черезъ четырнадцать дней послѣ отъѣзда изъ Индіи мужъ вашъ скончается. Черезъ восемнадцать дней отъ сегодняшняго, вы уже будете на пароходѣ, продавъ все ваше имущество, кромѣ одной лошади". — Вотъ конюшня, сказала я, покажи мнѣ эту лошадь.— „Эта",— отвѣчалъ факиръ, указывая мнѣ на сѣраго арабскаго коня, подареннаго мнѣ два дня тому назадъ мужемъ, по случаю дня моего рожденія. — Доѣду ли я домой и увижусь ли съ дочерью? — „Да, по дорогѣ изъ Индіи вы увидите и вашего сына, но не будете говорить съ нимъ. Онъ издали будетъ махать вамъ платкомъ. Денежныя дѣла заставятъ васъ возвратиться въ Индію, но вы опять вернетесь и послѣ нѣкотораго времени получите въ Англіи ваши деньги и будете счастливы".

Въ тотъ самый вечеръ мужъ объявилъ женѣ, что рѣшилъ отправиться домой. Всѣ вещи были проданы, за исключеніемъ арабскаго коня. Когда они проходили мимо Бомбейскаго маяка, то замѣтили лодку, старавшуюся догнать пароходъ, и увидѣли въ ней человѣка, махавшаго платкомъ. Впослѣдствіи дама эта узнала, что это былъ ея сынъ, извѣстія о смерти котораго оказались ложными. Генералъ умеръ скоропостижно на четырнадцатый день плаванія, такъ что каждое слово предсказанія факира сбылось въ точности. (Изъ „Civil and Military Gazette", Lahure; сн. „Ребусъ" 1890 г., № 13).

8. **Вѣщія тѣни.** Въ книгѣ В. Желиховской: „Необъяснимое или необъясненное" мы находимъ слѣдующій весьма интересный разсказъ.

Я никогда не видывала привидѣній, пишетъ она, но нѣсколько разъ случалось мнѣ видѣть, совершенно отчетливо и ясно, какія-то странныя *тѣни*, которыя порой оказывались пророческими. Не стану говорить обо всѣхъ, разскажу только объ одной.

Это было зимой 1876 г. Мы только что перешли изъ гимназіи на частную квартиру. Разъ, поздно вечеромъ, дѣти уже спали, а мы съ Машей (съ горничной, давно переименованной въ няни и даже въ члена семьи)

спѣшили кончать какую-то работу въ единственной большой и не занятой спальнями комнатѣ, въ нашей гостиной. Вдругъ, поднявъ нечаянно глаза на противоположную стѣну, я увидала на ней поразительно отчетливый силуэтъ мертваго ребенка, лежащаго на столѣ, со сложенными пухлыми ручонками...

Я сначала испугалась; но потомъ сообразила, что у меня ужъ нѣтъ такихъ маленькихъ дѣтей, и стала искать, отъ *чего* могла падать такая странная тѣнь?.. Въ комнатѣ было много мебели; сообразить это было довольно трудно. Между тѣмъ, моя перепуганная Маша усердо просила уничтожить *это,* разстроить такое дѣйствительно непріятное зрѣлище. Мы начали съ ней усердно передвигать мебель, приминать и перекладывать всѣ вещи на столахъ и уничтожили этотъ странный эффектъ свѣта и тѣни... Но не далѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, весной того же года мы увидали его опять; только на этотъ разъ онъ не образовался нечаянно, а падалъ отъ дѣйствительно лежавшаго на столѣ ребенка.

Сестра моя, Лиза, неожиданно пріѣхала погостить ко мнѣ съ своимъ мужемъ и десяти-мѣсячнымъ сыномъ, и бѣдный крошка, заболѣвъ дифтеритомъ, умеръ въ теченіе недѣли. Совершенно случайно его положили такъ, что, войдя въ комнату, я была поражена воспоминаніемъ: на той же самой стѣнѣ я увидала повтореніе *тѣни,* предшествовавшей событію. (См. брош. „Необъяснимое или необъясненное“ В. Желиховской, Спб. 1885 г., стр. 73—74).

9. **Таинственное сновидѣніе.** Былъ у меня дорогой другъ,— человѣкъ, какіе въ жизни встрѣчаются единицами: добрый, умный, честный до педантизма, снисходительный ко всѣмъ, кромѣ самого себя; прямодушный до крайности, чуткій ко всему. Онъ далеко не былъ безбожникомъ, даже строго исполнялъ всю обрядовую сторону православія; но не былъ и вполнѣ стойкимъ человѣкомъ въ вопросахъ собственно вѣры. Излишняя добросовѣстность въ служебныхъ трудахъ окончательно подорвала его слабое здоровье. Къ сорока годамъ Дмитрій Ильичъ уже былъ, какъ говорится, „не жилецъ“. Между нимъ и моимъ мужемъ существовало близкое родство; мы видались ежедневно, и чуть, бывало, выберется у него денекъ полегче, онъ самъ приходилъ къ намъ и любилъ, особенно въ послѣднее время своей жизни, заводить со мною отвлеченные разговоры, какъ онъ, бывало, шутя называлъ ихъ: „о Байронѣ и о матеріяхъ важныхъ!..“

— Вы счастливый человѣкъ!.. -говаривалъ онъ обыкновенно въ заключеніе бесѣды. И тутъ же, спохватившись, скептически добавлялъ: если только вы искренни!.. Я никогда не брала на себя труда увѣрять его въ этомъ; я только улыбалась въ отвѣтъ на такое *оскорбленіе,* очень хорошо зная, что Д. И. не можетъ считать меня лицемѣркой.

Но разъ, было это дня за два до его смерти, онъ лежалъ уже въ постели, а я сидѣла возлѣ него, онъ снова серьёзно повторилъ свой вопросъ.

— Скажите мнѣ поистинѣ: — вы точно такъ думаете и чувствуете, какъ говорите?.. Въ васъ нѣтъ сомнѣній? Вы *во все это* твердо вѣрите?..

Я постаралась сосредоточиться, подумать, углубившись въ себя, и черезъ минуту отвѣчала по своему крайнему разумѣнію:

— Мнѣ кажется, что я могу не бояться болѣе сомнѣній... Я надѣюсь на это!.. Я чувствовала бы себя слишкомъ несчастной и ужъ совсѣмъ безпомощной противъ жизни, еслибъ еще и эта опора отнялась у меня!

— А васъ успокоило бы, еслибъ вамъ было послано *удостовѣреніе?..* Что-нибудь такое, что ясно подтвердило бы ваши надежды на будущую жизнь и все, что вы въ ней предполагаете?

— Да, конечно! Хотя я и безъ того увѣрена...

— Хорошо... *Если вы правы,—даю вамъ слово постараться дать вамъ подтвержденіе...* Вы вѣдь знаете, — намъ съ вами что же лицемѣрить — и мнѣ и вамъ отлично извѣстно, что мнѣ осталось жить нѣсколько дней...

— Во-первыхъ, — прервала я, никто не знаетъ ни дня своего, ни часа! А во-вторыхъ, — я постаралась улыбнуться, — вамъ извѣстно, какая я трусиха! Я совсѣмъ не хочу, чтобъ вы приходили меня пугать. Пожалуйста, не безпокойтесь!..

Но шутливый тонъ мнѣ не давался. Больной прервалъ меня серьёзно:

— Перестаньте!. Что за вздоръ? Будто я не сумѣю васъ поберечь?.. Не бойтесь: найду средство напомнить этотъ разговоръ, не испугавъ васъ... *Если только останусь тамъ самимъ собою,* обѣщаю дать вамъ отвѣтъ на наши главные три вопроса!..

— Хорошо. Буду ждать!.. согласилась я, улыбаясь, чтобъ не заплакать.

— Нѣтъ! Вы лучше не ждите, можетъ помѣшаютъ!— прибавилъ онъ добродушно. Но... я попытаюсь!

Онъ взялъ мою руку.

— Хорошо было бы... Я бъ и самъ радъ! Что жъ не такой же я грѣшный человѣкъ, чтобъ бояться будущей жизни?

— Надо думать, что и грѣшнѣйшимъ, чѣмъ вы, лучше въ той жизни, чѣмъ здѣсь! сказала я.

— Ну... дай Боже!.. По правдѣ сказать, трудно!.. Надоѣла эта борьба... Вѣчная борьба всего человѣчества, за... *аттестатъ зрѣлости на поступленіе въ неизвѣстные, „высшіе курсы!“* — сказалъ онъ съ улыбкой, пародируя мои слова и мнѣнія о неизбѣжности всякихъ жизненныхъ испытаній.

Я не стану, да и не могу разсказывать нашего предыдущаго и послѣдующаго разговора, — послѣдняго моего задушевнаго разговора съ этимъ задушевнымъ человѣкомъ! Достаточно сказать для ясности, что то, что онъ называлъ *„нашими тремя главными вопросами“*, о которыхъ мы не разъ съ нимъ бесѣдовали, засиживаясь втроемъ — я, мужъ и онъ — за полночь, была, разумѣется, жизнь будущая, сохраненіе индивидуальности за гробомъ, безсмертіе любви съ христіанской точки зрѣнія и великій смыслъ искупленія человѣчества на крестѣ.

Въ страстной четвергъ, въ ночь, Д. И. скончался.

Мы съ мужемъ много потеряли со смертью этого человѣка въ нравственномъ отношеніи. Его же семья *все* потеряла! Оставались маленькія, непристроенныя дѣти, больная жена... Положеніе было тяжелое, тѣмъ болѣе, что, какъ всѣ люди высшаго нравственнаго закала, онъ ничего не оставилъ семьѣ, кромѣ пенсіи.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Подъ вліяніемъ личныхъ печалей, я совершенно забыла все, не только слова Д. И., но чуть ли и самъ онъ не отошелъ на десятый планъ въ моихъ помыслахъ. Кончалось лѣто, и мы уже собирались вернуться обратно въ городъ съ Манглисской дачи, тѣмъ болѣе, что шли безпрерывные дожди, мѣшавшіе пользоваться прогулками по прелестнымъ лѣсамъ и горамъ. Это было вообще печальное лѣто! Я едва сняла трауръ по отцѣ; мужъ мой болѣлъ все чаще, и было ужъ видно, что болѣзнь его принимаетъ серьёзный, угрожающій характеръ. Въ концѣ лѣта выпало нѣсколько особенно тяжелыхъ, тоскливыхъ дней!.. Я изнывала отъ опасеній и чувствовала себя тѣмъ болѣе несчастной, что изъ всѣхъ моихъ близкихъ, родныхъ и друзей никого возлѣ меня не было! Семья моя, со стороны матери, послѣ смерти дѣда и дяди совсѣмъ оставила Тифлисъ. Братъ и обѣ сестры тоже были далеко. Пріятели какъ-то разбрелись... кто умеръ, кто уѣхалъ; — кто просто отдалился, какъ обыкновенно удаляются люди отъ тѣхъ, которыхъ красные дни прошли!.. Такіе повороты въ жизни своихъ ближнихъ добрые люди всегда чутьемъ угадываютъ и незамѣтно сторонятся... Чѣмъ эти „ближніе“ были счастливѣй, веселѣй, гостепріимнѣй; чѣмъ болѣе „добрые люди“ привыкли пользоваться отъ нихъ тепломъ и свѣтомъ жизни, — тѣмъ вѣрнѣе всѣ отъ нихъ отшатнутся, когда вокругъ нихъ сгустятся сумерки! Тѣмъ полнѣе почувствуютъ внезапную перемѣну и свое полное одиночество въ годину испытаній, подпавшіе „подъ крѣпкую руку Божію...“

Въ одну ночь я легла поздно и едва голова моя коснулась подушки, я сразу заснула.

Переходъ отъ сознанія къ глубокому сну былъ такъ быстръ, что мнѣ показалось, будто я совсѣмъ не сплю, а вдругъ очутилась у какой-то стеклянной двери, прижавшись къ ней лицомъ... Вглядѣвшись, я узнала: это была стеклянная дверь изъ моей спальни въ столовую въ нашей бывшей гимназической квартирѣ, гдѣ прошли лучшіе годы моей жизни! Хорошо!.. Но зачѣмъ я здѣсь опять?!.. Я прекрасно помню, что задала себѣ, во снѣ, этотъ вопросъ, и тутъ же почувствовала неодолимое любопытство посмотрѣть въ нашу бывшую столовую... Я приподняла хорошо знакомую зеленую занавѣску и припала къ стеклу... Что за диво! Это совсѣмъ не наша столовая... совершенно другая комната, но... какая знакомая! Я всматривалась, соображала и вдругъ вспомнила. Ба!.. Да это комната покойнаго Дмитрія Ильича. Нѣтъ только кровати, на которой онъ умеръ, а вотъ его столъ, его соломенное кресло, портреты на стѣнѣ... Даже мелочи на столѣ, бумаги... Но нѣтъ, онѣ исчезли! Письменный столъ его чистъ, и сукно будто на немъ новое, ярко-зеленое и... что это?!..

Я смотрѣла и не вѣрила своимъ глазамъ. Я вполнѣ ясно сознавала, что вѣдь онъ умеръ, — а между тѣмъ *вотъ онъ!* Онъ стоялъ за *своимъ* столомъ и смотрѣлъ на меня пристально и ласково... Какъ на яву, почувствовала я, какъ сердце у меня забилось сильно и часто. Неужели я его испугалась?.. О, нѣтъ! Я отворила быстро дверь и бросилась къ нему; но онъ протянулъ руку и повелительно сказалъ: „не подходите!..“

Я остановилась, не сводя съ него глазъ.

Онъ медленно приподнялъ изъ-за стола другую руку и такъ же медленно, печальнымъ и глубокимъ взглядомъ смотря на меня, опустилъ ее на чистое сукно стола.

„Вотъ... здѣсь... *все!*“ услыхала я.

Призракъ сталъ медленно отодвигаться, не шевелясь ни однимъ членомъ и продолжая ласково на меня смотрѣть, уходилъ будто въ стѣну, блѣднѣя... стушевываясь... По мѣрѣ того, какъ онъ отдалялся, я подходила къ столу, на которомъ *что-то* лежало.

„Правда!.. Ваша правда!!! — услышала я его замиравшій голосъ. Скажите Владиміру... чтобъ зналъ!..“

Голосъ, *его* голосъ умолкъ, и самого его не стало! Не стало *видно,* — но онъ былъ тутъ, возлѣ меня. Я увѣрена въ этомъ такъ же твердо, какъ и въ томъ, что онъ подтвердитъ мнѣ это когда-нибудь самъ.

Я стремительно бросилась къ столу, къ оставленнымъ имъ мнѣ вещамъ.

Это была зеленая (цвѣтъ надежды!) небольшая ладонка и въ ней три вещи, три *символа:* якорь, сердце, въ кольцѣ изъ змѣи, кусающей свой хвостъ; крестъ, съ распятіемъ на немъ.

Надежда, любовь въ вѣчности, вѣра въ распятаго Христа.

„Здѣсь *все!*"—сказалъ онъ.

Да, тутъ было все! Три ясныхъ отвѣта, обѣщанные имъ на три „нашихъ главныхъ вопроса". Для меня это означало, что онъ изъ-за гроба сказалъ мнѣ: „надѣйся на вѣчную любовь и безсмертіе, чрезъ вѣру въ даровавшаго тебѣ ихъ Спасителя". Такъ я истолковала себѣ этотъ сонъ. И какъ впору приснился онъ мнѣ!..

Какъ отрадно мнѣ думать, что въ немъ высказалась забота обо мнѣ, пониманіе моего душевнаго настроенія, *живая* любовь ко мнѣ этого умершаго *тѣломъ* друга!..

Грѣшный человѣкъ! Только этотъ сонъ напомнилъ мнѣ, какъ давно я не видала семейства Д. И. Они жили тоже на Манглисѣ, но въ другомъ концѣ поселенія, далеко отъ насъ. Несмотря на грязь и дождь, я рѣшилась пойти провѣдать ихъ въ то же утро и пошла. Нашла я ихъ такими разстроенными, что испугалась: не боленъ-ли кто?.. Оказалось, что это былъ день рожденія покойнаго Дмитрія Ильича...

— Развѣ вы не помните, что всегда проводили сегодняшній день у насъ?..— сказала мнѣ его жена.

„Такъ вотъ, какъ онъ *самъ* напомнилъ мнѣ свой день!"—подумала я.

— Вы знаете, что я никогда не помню никакихъ дней, ни чиселъ, — отвѣчала я себѣ въ оправданіе. И это была сущая правда.

Я о немъ забыла,—но *онъ* обо мнѣ вспомнилъ, царство ему небесное!.. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн.: „Необъяснимое или необъясненное", В. Желиховской. С.-Пб. 1885 г., стр. 74—82).

10. **Два случая исполнившагося предсказанія.** Однажды пришелъ ко мнѣ для докторскаго совѣта г-нъ S. de Ch., страдавшій неважнымъ нервнымъ разстройствомъ. Его сильно угнетали два обстоятельства: неудачный процессъ и еще одинъ странный случай, о которомъ я сейчасъ разскажу. Въ 1879 году, гуляя по парижскимъ улицамъ, онъ замѣтилъ на одной двери слѣдующую вывѣску: „Г-жа Ленорманъ—гадальщица." Затронутый легкомысленнымъ любопытствомъ, онъ позвонилъ и былъ введенъ въ простую темноватую залу. Вскорѣ вышла сама г-жа Ленорманъ и усадила его возлѣ стола. Затѣмъ, выйдя за чѣмъ-то изъ комнаты, она снова вернулась, стала противъ него и, разсматривая ладонь одной его руки, сказала ему: „Вы потеряете своего отца, ровно черезъ годъ отъ сегодняшняго дня; вскорѣ вы сдѣлаетесь солдатомъ (ему было 19 лѣтъ), но не останетесь долго въ военной службѣ, женитесь молодымъ человѣкомъ, у васъ будетъ двое дѣтей и, наконецъ, вы умрете двадцати шести лѣтъ". На это предсказаніе, которое онъ разсказалъ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ и роднымъ, г-нъ de Ch. сначала не обратилъ особеннаго вниманія; но послѣ того, какъ его отецъ умеръ 27 декабря 1880 г., ровно черезъ годъ послѣ его свиданія съ гадальщицей, на него стало находить раздумье. Когда же онъ сдѣлался солдатомъ, всего на семь мѣсяцевъ, и когда вслѣдъ затѣмъ онъ женился и у него родилось двое дѣтей, то на него напалъ сильный страхъ, какъ бы не исполнилось и послѣднее предсказаніе, тѣмъ болѣе, что ему уже пошелъ двадцать шестой годъ, и ему стало казаться, что ему остается только нѣсколько дней жизни. Въ это-то самое время онъ и пришелъ ко мнѣ, спрашивая, нѣтъ ли возможности измѣнить ожидающую его судьбу, ибо, думалъ онъ, если исполнились уже четыре предсказанія, то и пятое неминуемо должно будетъ исполниться. Замѣчу при этомъ, что у г-на de Ch... явилось убѣжденіе, что онъ долженъ умереть 4 февраля, въ день своего рожденія, хотя г-жа Ленорманъ и не высказала на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго и точнаго. Я предложилъ своему паціенту посовѣтоваться съ однимъ изъ сомнамбуловъ, семидесятилѣтнимъ старикомъ. Предупрежденный мною, сомнамбулъ на вопросъ молодого человѣка: „когда я умру" отвѣчалъ: „вы умрете... вы умрете на сорокъ второмъ году жизни." Дѣйствіе, произведенное этими словами, было почти чудесно. Тотчасъ же мой паціентъ сдѣлался веселъ, разговорчивъ и исполнился самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Когда же прошло и столь страшное для него 4 число февраля мѣсяца, онъ считалъ себя окончательно спасеннымъ.

Я, наконецъ, совсѣмъ забылъ объ этой исторіи, когда вдругъ въ началѣ октября мѣсяца получилъ письмо, извѣщавшее меня, что мой несчастный кліентъ умеръ 30 сентября 1885 года на двадцать седьмомъ году жизни, то, есть, двадцати шести лѣтъ отъ роду, какъ предсказала ему г-жа Ленорманъ.

Чтобы кто не подумалъ, что этотъ разсказъ есть произведеніе моего воображенія,

я до сихъ поръ храню какъ вышеупомянутое письмо, такъ и замѣтку, изъ которой я извлекъ это наблюденіе; это—два письменныя, неопровержимыя свидѣтельства. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ несчастный, посланный пользовавшимъ его врачомъ на минеральныя воды въ Контрексвиль пользоваться отъ желчныхъ камней, принужденъ былъ слечь въ постель вслѣдствіе разрыва какихъ-то сосудовъ, повлекшаго за собою перитонитъ, отъ котораго онъ и умеръ.

Второе наблюденіе сообщено мнѣ очень почтеннымъ человѣкомъ, банкиромъ Г. и Л.

Въ одномъ семействѣ въ окрестностяхъ Нанси занимались нерѣдко гипнотическими опытами, причемъ усыпляли 18-ти лѣтнюю дѣвушку, которую звали Жюли. Эта дѣвушка, приведенная въ состояніе сомнамбулизма, на каждомъ сеансѣ постоянно твердила, точно по какому-то вдохновенію, что одна близкая родственница ихъ семейства, которую она называла по имени, должна вскорѣ умереть и не доживетъ до новаго года. Былъ ноябрь 1883 года. Подобное настойчивое увѣреніе заставило главу семейства убѣдить эту родственницу, чтобы она застраховала свою жизнь за десять тысячъ франковъ, и такъ какъ она пользовалась прекраснымъ здоровьемъ, то и не представилось никакого затрудненія получить отъ доктора установленное свидѣтельство. Чтобы достать эту сумму, обратились къ г-ну Л., и по этому поводу ему было написано нѣсколько писемъ, въ одномъ изъ которыхъ было высказано и побужденіе, вслѣдствіе котораго хотѣли достать эту сумму. Эти письма, которыя г-нъ Л. показывалъ мнѣ, онъ хранитъ у себя, какъ неопровержимыя доказательства событія, заранѣе предсказаннаго. Ко всеобщему удивленію, дѣйствительно, г-жа X., которая должна была умереть до 1 января, скоропостижно скончалась 31 декабря, о чемъ г-нъ Л. былъ извѣщенъ письмомъ отъ 2 января, которое онъ хранитъ у себя, вмѣстѣ съ предыдущими письмами. (Докторъ Льебо.: „Лѣченіе посредствомъ внушенія“).

11. **Предсказаніе передъ смертью.** Въ гор. Брянскѣ (Орловской губ.) случилось недавно слѣдующее поразительное происшествіе: на послѣдній день масленицы мѣстный врачъ Зубковскій присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ игуменьи тамошняго дѣвичьяго монастыря, отличавшейся высоконравственной жизнью. Не особенно впечатлительный, докторъ на этотъ разъ плакалъ, какъ ребенокъ, самъ не отдавая себѣ отчета, какъ онъ объяснялъ потомъ, въ своей чувствительности. „Не плачь,—сказала ему умирающая, благословляя его,—ты сегодня же послѣдуешь за мной“! Сказавъ это, она скончалась. Вечеромъ, въ тотъ же день, докторъ Зубковскій умеръ въ клубѣ отъ разрыва сердца. („Ребусъ“ 1884 г., № 23).

12. **Предсказаніе Казотта** (разсказанное очевидцемъ Лагарпомъ). Осенью 1788 года, незадолго до собранія государственнаго совѣта, въ улицѣ du Bac, въ домѣ академика *** собралось блестящее общество на парадный обѣдъ. Красивыя аристократки, придворные кавалеры, ученые и выдающіеся люди того времени вели оживленный разговоръ за роскошно сервированнымъ столомъ. Тутъ былъ Малербъ—бывшій министръ, де-Кондорсе — знаменитый ученый, де - Шамфоръ — математикъ, Мирабо — рѣзкій и злой мизантропъ. Близъ прелестной герцогини де-Граммонъ сидѣлъ Казоттъ, старикъ очень высокаго роста, бросающійся въ глаза своей благообразной наружностью и бѣлыми длинными волосами, похожій болѣе на патріарха, чѣмъ на автора „le diable amoureux“.

Говорили много, оживленно; перечисляли новыя открытія, радовались успѣхамъ въ области наукъ и привѣтствовали восторженно великое приближающееся будущее, когда права гражданъ будутъ признаны, а короли узнаютъ своя обязанности относительно ихъ. Малербъ поднялъ стаканъ вина и воскликнулъ съ увлеченіемъ: „да здравствуетъ обновленное государство, съ обновленнымъ человѣкомъ, свободнымъ отъ узъ предразсудковъ и притѣсненій“! Когда всѣ чокнулись стаканами, то замѣтили, что одинъ Казоттъ сидѣлъ тихо, съ понуренной головой, и не пилъ. Съ удивленіемъ обратились къ нему съ вопросомъ близъ сидящіе: „что такое съ нимъ“? Принужденный отвѣчать, онъ сказалъ: „я не могу пить и радоваться съ вами. Вещи, которыя кажутся вамъ спасеніемъ и счастіемъ народа, и всѣхъ, для меня предвѣстники страшнаго несчастія. Я предвижу въ будущемъ только кровопролитія, анархію и дикую борьбу страстей, уничтожающія и убивающія всѣхъ, кого втянутъ въ свой водоворотъ. Наши эпиграммы превратятся въ топоры, а наши шутки въ кровавыя слезы и смерть“! Послѣ минутнаго удивленія Кондорсе расхохотался и, шутя, назвалъ его неудачнымъ пророкомъ.

— Не смѣйтесь, Кондорсе, вы прибѣгнете къ яду, чтобы не пасть отъ руки палача!

Шамфоръ, Байлли, Малербъ и Руше толпились около него съ саркастическими замѣчаніями. Казоттъ посмотрѣлъ на нихъ поочередно и сказалъ медленно:

— Господа, я вижу васъ всѣхъ, одного за другимъ, входящими и погибающими на эшафотѣ. Только вы, Шамфоръ, вы сами себя убиваете, чтобы не быть казненнымъ.

— По крайней мѣрѣ, насъ—дамъ, вы помилуете?—спросила его герцогиня Граммонъ.

— Дамъ? — отвѣчалъ все медленнѣе Казоттъ, говоря какъ будто невольно, подъ давленіемъ чьего-то чужого горя: — вы, герцогиня, вы поѣдете однѣ, со связанными на спину руками, въ позорной телѣгѣ, на мѣсто казни!

Пока Казоттъ говорилъ, лицо его постепенно приняло совсѣмъ чуждое ему, страшное выраженіе. Онъ весь поблѣднѣлъ, глаза смотрѣли будто испуганно на что-то, такъ что видъ его, еще болѣе чѣмъ его слова, поразилъ всѣхъ.

Какой-то невольный страхъ охватилъ всѣхъ, наступило молчаніе.

— Казоттъ безъ всякаго милосердія, - говорила герцогиня Граммонъ, принуждая себя улыбаться, — неужели я пойду на эшафотъ одна? Онъ вѣрно позволитъ мнѣ взять моего духовника!

— Нѣтъ, у васъ не будетъ духовника, — сказалъ Казоттъ — *послѣдній,* кому позволятъ быть сопутствоваемымъ духовникомъ, будетъ...

Онъ умолкъ.

— Кто это, кто? - спрашивали всѣ, окружая Казотта.

— Король Людовикъ XVI!

Пораженные ужасомъ, всѣ гости отступили отъ него, какъ будто ихъ ударила электрическая искра. Казоттъ всталъ и хотѣлъ удалиться, но герцогиня удержала его, спрашивая:

— А вы, господинъ пророкъ, какова будетъ ваша участь?

Казоттъ стоялъ нѣсколько времени съ поникшей головой и, наконецъ, сказалъ:

— Поздно, но и меня постигнетъ ваша же участь!

Съ этими словами Казоттъ поклонился и быстро оставилъ залъ. Скоро послѣ него разъѣхались и всѣ гости.

Спустя нѣсколько дней послѣ обѣда въ улицѣ du Bac, Кондорсе встрѣтилъ Казотта и напомнилъ ему, какъ онъ перепугалъ и всполошилъ всѣхъ присутствующихъ. Старикъ замахалъ руками:

— Глупости, глупости, я былъ пьянъ. Неужели полупомѣшательство Казотта могло васъ, умныхъ скептиковъ, испугать? Я вамъ еще разъ повторяю: Казоттъ отъ старости спятилъ съ ума, онъ не знаетъ, что болтаетъ. Правда, если я вижу черныя тучи на небосклонѣ, то могу сказать, что будетъ большая гроза, которая вырветъ съ корнемъ не одно дерево и сломаетъ не одинъ домъ, но если бы я взялся назначить мѣломъ и тѣ деревья, и тѣ дома, которые пострадаютъ, то вы можете сказать: старикъ спятилъ съ ума. Но, впрочемъ, если вы боитесь грозы, испугались моихъ словъ, зачѣмъ же вы не убѣгаете, къ чему же вамъ служатъ ваши молодыя ноги?

— Вы, можетъ-быть, помните,—возразилъ Кондорсе, — что вы себѣ также предсказали кровавый конецъ. Слѣдовательно, зачѣмъ же и вы не спасаетесь?

— Я и занятъ теперь своимъ спасеніемъ. Я оставляю Парижъ. Буря, которая васъ восхищаетъ, не даетъ мнѣ свободно дышать, я и прячусь отъ нея. До свиданія, дружокъ, мы не скоро здѣсь увидимся. Я надолго прощаюсь съ вами!

Казоттъ ушелъ такъ скоро, какъ позволили ему старыя ноги.

Этотъ годъ прошелъ въ безумномъ волненіи. Но послѣ взятія Бастиліи и переселенія двора изъ Версаля въ Парижъ вернулось относительное спокойствіе, и почти два года не было кровавыхъ сценъ.

Народное собраніе царствовало. Оно уничтожило наслѣдственное дворянство, запретило гербы и ливреи, уничтожило имѣнія церкви въ пользу народа. Тогда умеръ Мирабо, тайный союзникъ и поддержка монархіи. Король, который неудачнымъ бѣгствомъ хотѣлъ спастись, ухудшилъ только этимъ свое положеніе. На него уже теперь смотрѣли, какъ на плѣнника.

Волненіе сдѣлалось сильнѣе. Жирондисты, сторонники короля, и якобинцы, отвергавшіе вполнѣ его права, смотрѣли враждебно другъ на друга; дворъ ожидалъ для своего спасенія вмѣшательства другихъ державъ. Въ это время Казоттъ, который до сихъ поръ жилъ почти забытый всѣми въ своемъ имѣніи Эперне, вздумалъ написать своему другу Понтранъ, указывая, какія мѣры принять, чтобы остановить угрожающій ходъ событій.

Взятіе Тюльерійскаго замка послѣдовало 10 августа.

Восемь дней спустя, вооруженные люди остановились передъ домомъ Казотта и приказали ему слѣдовать за ними. Его несчастное письмо было найдено въ канцеляріи короля. Казотта помѣстили сперва въ темницу въ Эперне, а послѣ перевели въ Парижъ. Дочь его слѣдовала вездѣ за нимъ.

Вся власть была въ рукахъ коммуны. Дѣла доходили до послѣдней крайности. Близость непріятеля, возмущеніе въ Вандеѣ, измѣна въ войскѣ, старанія эмигрантовъ возмущать всѣхъ противъ Франціи — показывали, что гибель страны близка. Тогда Дантонъ сказалъ: „надо очистить темницы, убить всѣхъ измѣнниковъ, чтобы не бояться измѣны дома, когда идешь на непріятеля“.

Плѣнники узнали только постепенно, что ихъ ожидало. Двѣнадцать человѣкъ, по характеру скорѣе звѣрей, сидѣли въ Жермен-

скомъ аббатствѣ, у стола, гдѣ лежало, какъ попало, оружіе и бумаги.

Мальяръ, съ перомъ въ рукѣ, съ ножомъ, привязаннымъ сбоку, занималъ мѣсто предсѣдателя. Плѣнныхъ вводили поочередно, давая каждому только нѣсколько минутъ на защиту. Если кто-либо оказывался невиновенъ, то было слышно: *свободенъ! (qu'on etargisse monsieur)*, если же нѣтъ: *à la Force*. Несчастнаго толкали во дворъ, гдѣ толпа палачей или убивала, или стрѣляла въ приговоренныхъ на смерть. Все это дѣлалось быстро, грубо, безчеловѣчно, большею частью при свѣтѣ факеловъ.

Имя Казотта было три раза подчеркнуто. Онъ и не защищался. Его вытолкнули „à la Force“.

Въ это время дочь его бросилась къ нему, обняла его и закричала:

— Прежде убейте меня!

При видѣ этой красивой молодой дѣвушки, опустились ружья, народъ кричалъ: „помилуйте ее“, и палачи отпустили свою жертву.

Внѣ себя отъ радости, дочь увела по трупамъ и лужамъ крови спасеннаго отца. Какъ она была горда, какъ счастлива.

— Назови намъ твоихъ враговъ, старикъ,— сказалъ одинъ простолюдинъ Казотту, — мы ихъ накажемъ.

— Ахъ,— отвѣтилъ Казоттъ,— зачѣмъ вы думаете, что у меня враги, я никому не сдѣлалъ зла.

Казалось бы, что пророчество Казотта, насколько оно его касалось, невѣрно: вѣдь онъ освобожденъ! Но судьи тогдашняго времени были злопамятны. Десять дней спустя, по приказанію Петіона, Казотта опять взяли, потащили въ Консьержери, а дочери запретили туда входъ.

При допросѣ Казоттъ отвѣтилъ съ легкой тѣнью ироніи:

— Вѣдь народъ меня освободилъ, какъ же вы, судьи, именемъ народа, противъ воли народа опять меня взяли?

На эти слова никто не обратилъ вниманія, только Петіонъ сказалъ:

— Недостаточно быть хорошимъ семьяниномъ, надо быть и хорошимъ гражданиномъ! Къ чему вамъ послужила ваша 72-лѣтняя жизнь?

Дочь Казотта не отказалась отъ мысли спасти его. Она завербовала толпу женщинъ, чтобы съ ихъ помощью опять выпросить милость отцу, но объ этомъ узнали, схватили ее и тоже заключили въ Консьержери.

Передъ казнью Казоттъ выпросилъ перо, бумаги, и написалъ своимъ ближнимъ: „не забывайте меня, но и не оплакивайте“. На эшафотъ онъ взошелъ твердымъ шагомъ, просилъ отрѣзать его длинные бѣлые волосы и передать ихъ дочери; послѣ того, обернувшись къ народу, сказалъ:

— Умираю, какъ жилъ, вѣренъ моему Богу и королю.

Минуту спустя его казнили.

Такъ умеръ Казоттъ, авторъ „*Diable amoureux*“ и прелестныхъ волшебныхъ сказокъ. Его пророчество на немъ *первомъ* исполнилось. Скоро за нимъ послѣдовалъ король Франціи, и онъ былъ послѣдній, кому разрѣшили отправиться на мѣсто казни въ сопровожденіи духовника. Послѣ того казнили прекрасную герцогиню Граммонъ; ее везли со связанными на спинѣ руками, послѣ Руше, Бальи, Малербъ.

Но какъ же покончили Кондорсе и Шамфоръ, которымъ Казоттъ предсказалъ въ минуту экстаза, что они сами на себя наложатъ руки, чтобы избѣгнуть руки палача?

Кондорсе перешелъ на сторону революціи. Онъ послѣ 10 августа написалъ заграничнымъ державамъ, оправдывая рѣшеніе Народнаго Совѣта, и былъ въ числѣ судей надъ королемъ, хотя былъ противъ смертной казни.

Уважаемый членъ Конвента, онъ едва только написалъ очеркъ конституціи, который и одобрили, какъ послѣдовалъ переворотъ 31 мая, и окончательная побѣда черной партіи. Конвентъ, окруженный разъяренной толпой, скрылся въ Тюльери и долженъ былъ сдаться. Кондорсе оставили сначала безъ подозрѣнія, но, когда онъ отвергъ конституцію, написанную въ 1793 году, его приговорили 3 октября къ смерти. Принужденный скрываться, онъ нашелъ убѣжище въ домѣ одного друга, женщины, гдѣ онъ восемь мѣсяцевъ жилъ и много писалъ. Тогда вышелъ новый указъ, угрожающій смертью всѣмъ, кто скроетъ у себя приговореннаго. Кондорсе ушелъ отъ своей благодѣтельницы, чтобы не подвергать ее опасности, хотя она и желала удержать его у себя. Онъ ушелъ изъ Парижа въ началѣ марта 1794 года, думая найти убѣжище у своего друга, жившаго въ деревнѣ, но не засталъ его дома. Безъ бумагъ и паспорта, онъ скрывался нѣсколько дней въ каменоломняхъ, но, наконецъ, преслѣдуемый голодомъ, вошелъ въ сельскую гостиницу, выдавая себя за слугу умершаго господина.

Хозяйка, увидя его длинную бороду, одежду въ лохмотьяхъ, дикій видъ, спросила: есть ли у него деньги заплатить за обѣдъ? Кондорсе вынулъ изъ кармана элегантный портфель и изъ него золотой. Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе; членъ комитета, случайно тамъ находившійся, велѣлъ его арестовать и отвезти въ темницу. На другой день приказали привести его къ допросу, но нашли уже мертвымъ. Онъ отравился ядомъ,

который всегда былъ съ нимъ, чтобы избѣжать позорной казни.

Спустя нѣсколько времени арестовали и Шамфора, который рѣзко порицалъ безчеловѣчные поступки Конвента. Его посадили въ темницу, но скоро выпустили. Черезъ мѣсяцъ его опять заключили, и онъ открылъ себѣ вены на рукахъ и ногахъ, чтобы умереть. Около него лежалъ листъ бумаги со словами: „я желаю умереть свободнымъ человѣкомъ, а не рабомъ на эшафотѣ“.

Наука и стараніе его друзей вернули его къ жизни, но онъ все-таки скоро умеръ, а именно въ апрѣлѣ 1794 года.

Такъ и всѣ, къ которымъ относились пророческія слова Казотта, оставили этотъ міръ.

„Такъ должно было случиться! Это было заранѣе имъ предсказано“,— говорилъ донъ-Шовизъ, пережившій ихъ всѣхъ. (См. „Исторію чудеснаго“, А. Фигье, ч. I, 1895 г.).

13. **Замѣчательное предсказаніе.** Въ начинающихъ проникать въ публику „запискахъ“ покойнаго Бисмарка нашлось описаніе слѣдующаго поразительнаго факта.

Въ 1849 году Вильгельмъ, тогда еще прусскій принцъ, былъ въ Лондонѣ, гдѣ въ то время славилась на всю Англію нѣкая гадальщица.

Принцъ отправился къ ней.

Она предсказала Вильгельму, когда онъ сдѣлается императоромъ и когда умретъ.

— Ты будешь царствовать не только надъ своимъ теперешнимъ народомъ, но и надъ всѣми нѣмцами,— сказала гадалка.

— А когда это случится? — перебилъ ее принцъ.

— Сложи цыфры текущаго года съ отдѣльными цыфрами, составляющими этотъ годъ.

$$1849+1+8+4+9=1871.$$

— Вотъ годъ твоего восшествія на императорскій престолъ! — воскликнула гадальщица.

— Но я къ этому времени буду старъ,— замѣтилъ съ досадой будущій императоръ.

— Ты проживешь очень долго, — былъ отвѣтъ гадальщицы.

— Приблизительно, сколько?

— Не приблизительно, а безошибочно ты узнаешь, когда умрешь, если цыфры года твоего восшествія (1871) сложишь съ отдѣльными цыфрами, составляющими этотъ годъ.

$$1871+1+8+7+1=1888.$$

Предсказаніе сбылось въ точности.

Принцъ Вильгельмъ сталъ императоромъ въ 1871 году, а скончался въ 1888. („Ребусъ“ 1898 г., № 34).

14. **Способность силою воли объективировать представленія.** Въ 1874 году, пишетъ нѣкто г. Юрловъ, во время моей службы офицеромъ въ войскахъ гвардіи, я, по порученію покойнаго князя В. Ѳ. Одоевскаго, состоявшаго тогда помощникомъ директора Императорской публичной библіотеки, собиралъ различные факты изъ области (какъ тогда говорили) суевѣрій и предразсудковъ. Нѣкоторые изъ собранныхъ мною таковыхъ матеріаловъ вошли въ статью князя Одоевскаго „*Колдовство XIX столѣтія. — Письма къ графинѣ Растопчиной*“, напечатанную въ журналѣ „Отечественныя записки“.

Отыскивая лицъ, знающихъ подобные факты, я познакомился съ замѣчательною личностью — членомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества Антономъ Марковичемъ *Гамулецкимъ-де-Кола*, жившимъ въ Петербургѣ, въ Почтамской улицѣ, въ домѣ Керстенъ. Квартиру эту занималъ онъ въ теченіе 35 лѣтъ. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени замѣчательный. Происхожденіе его покрыто мракомъ неизвѣстности; по виду его на жительство онъ числился отставнымъ полковникомъ австрійскихъ войскъ. Извѣстно было также, что онъ путешествовалъ вокругъ свѣта и былъ выдающимся ученымъ по части физики и механики. Состоянія его никто не зналъ, но надо полагать, что оно было громадное. Библіотека его занимала нѣсколько большихъ комнатъ и состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ томовъ книгъ и рукописей. Но всего замѣчательнѣе былъ его кабинетъ рѣдкостей, собранныхъ во всѣхъ странахъ свѣта. Многіе предметы представляли чудо механики. Одна же вещь обращала на себя особенное вниманіе всѣхъ ученыхъ и вообще всего Петербурга. Это была фигура ангела, изъ желѣза, вѣсомъ 14 фунтовъ, и держалась она на воздухѣ безъ всякой опоры, противодѣйствующею силою скрытыхъ магнитовъ. Вещь эта была единственною во всей Европѣ, и кабинетъ Гамулецкаго посѣщала даже царская фамилія, а такъ какъ Гамулецкій не бралъ ни съ кого денегъ, то, по волѣ въ Бозѣ почивающей императрицы Александры Ѳеодоровны, была поставлена въ прихожей квартиры Гамулецкаго кружка, въ которую посѣтители клали лепту свою въ пользу какого-то благотворительнаго заведенія. Кружка эта свидѣтельствовалась каждый мѣсяцъ, и всегда находили въ ней, сверхъ прочихъ приношеній, еще десять полуимперіаловъ, которые клалъ самъ Гамулецкій. Въ описываемое мною время, а именно въ 1847 году, Гамулецкому минуло 96 лѣтъ. Но никто не далъ бы столько лѣтъ этому бодрому и подвижному старику, обладавшему чисто юношеской энергіей и, можно сказать, необыкновенной памятью. Разсказы его о своихъ приключеніяхъ и путешествіяхъ были крайне

интересны, а вся его жизнь была, повидимому, посвящена на изученіе мистическихъ явленій. Познакомясь съ Антономъ Марковичемъ чрезъ его пріятеля Н. Е. Цѣдилина, я часто проводилъ у него вечера, и мы нерѣдко засиживались у него до самаго разсвѣта, слушая его поучительные разсказы.

Узнавъ отъ Цѣдилина, что Антонъ Марковичъ обладаетъ, сверхъ всѣхъ своихъ чудесныхъ познаній, еще даромъ показывать въ водѣ грядущія событія, я настойчиво просилъ его сдѣлать при мнѣ опытъ и показать мнѣ мою будущую невѣсту. Послѣ нѣсколькихъ отказовъ, А. М., наконецъ, уступилъ моимъ просьбамъ и назначилъ мнѣ и Цѣдилину прибыть къ нему вечеромъ въ 9 часовъ. Когда мы прибыли въ назначенный день и сгорали отъ желанія поскорѣе увидать замѣчательное явленіе, г. Гамулецкій повелъ насъ въ особую маленькую комнату. Здѣсь на небольшомъ столѣ была поставлена большая, превосходной работы, изъ настоящаго богемскаго хрусталя ваза, наполненная водой, а около, на томъ же столикѣ, лежалъ какой-то гладко полированный темнаго цвѣта камень. Антонъ Марковичъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „прежде всего я долженъ сказать тебѣ, что собственно въ приготовленіяхъ къ опыту нѣтъ ничего чудеснаго: ваза обыкновенная, вода также, вотъ камень, весьма цѣнный и рѣдкій *(турмалинъ)*; камень этотъ сегодня утромъ насыщенъ мною, посредствомъ особаго сильнаго рефлектора, солнечными лучами, и когда я его положу въ воду и вынесу изъ комнаты свѣчи, онъ будетъ свѣтиться и освѣщать вазу съ водой. Въ этомъ тоже нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Затѣмъ самое явленіе въ водѣ призрака твоей невѣсты (если оно послѣдуетъ) будетъ вызвано помощью усилія моей воли, безъ всякихъ заклинаній. Это только кажется чудомъ, но придетъ время, въ которое наука объяснитъ и это, повидимому, чудо". Здѣсь я перебилъ А. М. и спросилъ: „вы говорите: „если послѣдуетъ явленіе", значитъ опытъ можетъ быть и неудачнымъ". Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ онъ.—Дѣло въ томъ, что я могу вызвать только отраженіе тѣхъ будущихъ событій, которыя послѣдуютъ въ твоей жизни ранѣе моей смерти. А такъ какъ мнѣ осталось жить, по старости лѣтъ моихъ, много—что года 2 или 3, то и событіе, которое ты желаешь видѣть, если оно послѣдуетъ послѣ моей смерти, не появится въ вазѣ". Затѣмъ А. М. положилъ камень въ воду и вынесъ свѣчи. Устремивъ въ воду глаза, мы съ Цѣдилинымъ стали наблюдать и увидали, что вода, дѣйствительно, освѣщена какъ бы лунпымъ свѣтомъ, исходящимъ изъ камня. По прошествіи не болѣе 10 минутъ, въ водѣ ясно и съ мельчайшими подробностями отразилась комната; въ ней стоялъ рояль, а за нимъ сидѣла дѣвушка замѣчательной красоты; рядомъ съ нею мужчина, съ блѣднымъ лицомъ и большими волосами, показывалъ что-то въ нотахъ. Картина эта ярко отпечаталась въ моей памяти, и я ее никогда не забуду. Минутъ пять мы оба, я и Цѣдилинъ (видѣвшій то же самое), любовались этою картиною. Послѣ этого послышался въ вазѣ какъ-будто трескъ, и все мгновенно исчезло. Во все это время Гамулецкій сидѣлъ напротивъ насъ въ креслахъ, устремивъ пристальный взглядъ на вазу. Лишь только мы встали, пораженные до крайности всѣмъ видѣннымъ, какъ Антонъ Марковичъ сказалъ мнѣ: „итакъ, милый мой, ты видѣлъ свою невѣсту, но не радуйся, женой она тебѣ не будетъ". „Почему же?"—спросилъ я. „Ну, это мой секретъ", — сказалъ Гамулецкій.

Теперь мнѣ остается сообщить самое главное. Не прошло полгода съ того времени, какъ я познакомился съ семействомъ П—и и среди этого семейства увидалъ самый точный оригиналъ моего видѣнія и былъ помолвленъ. Свадьба была отложена по случаю венгерскаго похода, а когда мы возвратились — увы, невѣста моя была уже за другимъ. Другой же оригиналъ видѣнія, а именно — учитель музыки *(Генрихъ Лауе)* — сдѣлался истиннымъ другомъ моей души и сердца. Это былъ знаменитый артистъ; онъ преподавалъ въ женскихъ институтахъ Петербурга, и уже чрезъ много лѣтъ я горько оплакивалъ смерть этого истиннаго моего друга. („Ребусъ" 1894 г., № 11).

15. **Исполнившіяся предсказанія.** „Modern Society" сообщаетъ слѣдующій разсказъ изъ дѣтскихъ воспоминаній герцогини Алансонской (сгорѣвшей во время пожара въ Парижѣ) и ея сестры, принцессы Маріи, впослѣдствіи королевы неаполитанской.

Обѣ маленькія (будущей герцогинѣ Алансонской было тогда 7 лѣтъ) отправились подъ присмотромъ статсъ-дамы въ окрестности Schlon Possenhofen, въ баварскую резиденцію своего отца — герцога Максимиліана[1]). Онѣ остановились у фермы, чтобы напиться молока. Въ это самое время проходила мимо фермы цыганка и, увидѣвъ маленькихъ принцессъ, попросила у нихъ милостыню, а также и позволенія погадать имъ. Получивъ на это разрѣшеніе, она обратилась къ принцессѣ Маріи, будущей королевѣ неаполитанской, со слѣдующими словами: „ты, прелестное дитя, достигнешь самаго высокаго положенія, какое только можно имѣть на землѣ. Въ ру-

[1]) Впослѣдствіи мексиканскій императоръ, разстрѣлянный мятежниками.

кахъ твоихъ будетъ власть, но процарствуешь ты недолго. Ты далеко не будешь такъ счастлива, какъ можно было бы этого ожидать; страшныя бури разразятся надъ твоей головой, а за твое мужество многіе назовутъ тебя героиней! Ты доживешь до глубокой старости, но остерегайся злыхъ „красныхъ" людей. Красный цвѣтъ принесетъ тебѣ несчастіе". Слова пророческія. Намекъ на гарибальдистовъ, бывшихъ главной причиной того, что супругъ ея лишился короны. Что же касается герцогини Алансонской, цыганка сказала: „тебя, маленькій розанчикъ, ожидаетъ громкая слава, но вмѣстѣ съ тѣмъ много глубокихъ страданій. Ты лишишься трона, но слезы твои осушатся, и ты будешь счастлива многіе годы. Но ты не проживешь такъ долго, какъ та кроткая Fräulein. Твой врагъ не вода, но врагъ воды будетъ и твоимъ врагомъ. Я вижу красное пламя".

Испуганная принцесса расплакалась, и статсъ-дама не позволила цыганкѣ продолжать.

Многіе, знавшіе герцогиню Алансонскую въ молодости, вспоминаютъ это пророчество, говоритъ Modern Society („Modern Society", сн. „Ребусъ" 1898 г., № 37).

16. **Пушкинъ и гадалка Киргофъ.** Однажды утромъ, около 1818 года, Пушкинъ зашелъ вмѣстѣ съ товарищами къ гадалкѣ, старой нѣмкѣ, по фамиліи Киргофъ. Она обратилась прямо къ нему, говоря, что онъ человѣкъ замѣчательный, разсказала вкратцѣ его прошедшую и настоящую жизнь. Она сказала ему, между прочимъ: „вы сегодня будете имѣть разговоръ о службѣ и получите письмо съ деньгами". Пушкинъ не обратилъ вниманія на предсказаніе гадальщицы. Вечеромъ того дня, выходя изъ театра, до окончанія представленія, онъ встрѣтился съ графомъ Орловымъ. Они разговорились. Орловъ коснулся службы и совѣтовалъ Пушкину оставить свое министерство... Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя письмо съ деньгами, которое было оставлено ему однимъ бывшимъ его лицейскимъ товарищемъ — въ уплату карточнаго долга.

Изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ друзей поэта оказывается, что старая нѣмка сказала Пушкину: „ты будешь два раза въ изгнаніи; ты будешь кумиромъ своего народа; можетъ-быть, ты проживешь долго; но на 37 году берегись бѣлаго человѣка, бѣлой лошади или бѣлой головы".

По свидѣтельству Льва Сергѣевича, предсказана была и женитьба.

Поэтъ твердо вѣрилъ предсказанію, хотя иногда шутилъ, вспоминая о немъ.

Такъ, говоря о предсказанной ему народной славѣ, онъ, смѣясь, прибавлялъ:

— А вѣдь предсказаніе сбывается, что ни говорятъ журналисты!

По свидѣтельству покойнаго Нащокина, въ концѣ 1830 года, живя въ Москвѣ, раздосадованный разными неудачами, онъ выразилъ желаніе ѣхать въ Польшу, чтобы тамъ принять участіе въ войнѣ; въ непріятельскомъ лагерѣ находился нѣкто, по имени Вейскопфъ (бѣлая голова), и Пушкинъ говорилъ другу своему:

— Посмотри, сбудется слово нѣмки, онъ непремѣнно убьетъ меня!

Нужно ли прибавлять, что настоящій убійца Пушкина, — дѣйствительно бѣлокурый человѣкъ, и въ 1837 г. носилъ бѣлый мундиръ („Петерб. газ."; сн. Ребусъ" 1899 г., № 24).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣщія видѣнія въ бодрственномъ состояніи человѣка.

1. **Необычайная вѣсть о смерти.** Моя прабабушка, Екатерина Николаевна Левшина, лѣто 1812 года проводила въ своей ярославской вотчинѣ вмѣстѣ съ тремя дочерьми и младшимъ сыномъ Дмитріемъ.

Ея мужъ, екатерининскій генералъ-поручикъ, скончался въ 1808 году, проболѣвъ около года послѣ тяжелаго, испытаннаго имъ удара—смерти старшаго сына Николая, убитаго подъ Фридландомъ.

Оставшись вдовой, прабабушка искала уединенія: удалялась отъ свѣта и жила подолгу въ деревнѣ, лишь глубокою зимою возвращалась въ Москву, гдѣ барышенъ вывозили въ свѣтъ родственницы.

Изъ двухъ оставшихся въ живыхъ ея сыновей старшій, Александръ, служилъ въ гвардіи.

Хотя и не хотѣлось матери отдавать его въ военную службу, но время тогда было такое, что мудрено было для дворянина, да еще сына генерала, не служить въ войскахъ, особенно при пылкомъ и рыцарскомъ характерѣ молодого Левшина; зато младшаго сына Екатерина Николаевна твердо рѣшила на военное поприще не пускать и привела свое рѣшеніе въ исполненіе.

Но приступаю къ разсказу.

26 августа стоялъ ясный и теплый осенній день, столь привлекательный на нашемъ

сѣверѣ. Листва на деревьяхъ уже пожелтѣла, и ея золотистый съ краснымъ отливъ особенно красиво выдѣлялся на изумрудной зелени луговъ, къ осени дѣлающейся ярче.

Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ подъ свѣтло-голубымъ небомъ, и самые отдаленные предметы ясно обрисовывались на горизонтѣ, чуть-чуть окутанномъ синеватою дымкою.

Утромъ въ этотъ день старшая изъ Левшиныхъ, Марья Павловна, рано вышла въ садъ, примыкавшій къ барскому дому, и медленно шла аллеею липъ, срывая по временамъ мальвы и бѣлыя лиліи съ грядокъ, которыя были проведены параллельно деревьямъ въ широкой аллеѣ.

Она, будучи болѣе другихъ дружна съ братомъ Александромъ, тревожилась, такъ какъ отъ него, изъ арміи, давно не было вѣстей. Послѣднее письмо было еще изъ Бѣлоруссіи; въ немъ сообщалось, что молодой офицеръ — благодареніе Богу — здоровъ, проситъ благословенія у матушки, затѣмъ выражалось желаніе въ немедленномъ времени быть въ баталіи съ предерзкимъ корсиканскимъ злодѣемъ, дерзнувшимъ нарушить священные предѣлы Россійской имперіи, высказывались сѣтованія на обиліе тайныхъ измѣнниковъ въ арміи и негодованіе противъ нѣмцевъ, руководившихъ ратью, столь распространенное въ войскѣ, недовольномъ Барклаемъ.

О дальнѣйшемъ движеніи арміи въ семьѣ Левшиныхъ, впрочемъ, было извѣстно. Братъ Екатерины Николаевны, Дмитрій Николаевичъ Дурновъ, писалъ сестрѣ изъ Москвы про отступленіе отъ Смоленска, про назначеніе Кутузова; описывалъ общій энтузіазмъ, вызванный имъ въ первопрестольной, и ожиданія скораго разгрома полчищъ Наполеона въ генеральномъ сраженіи.

Марья Павловна вся погрузилась въ думы о братѣ и не замѣтила, какъ тихонько спустилась по липовой аллеѣ къ берегу небольшой рѣчки, окаймлявшей садъ. Тамъ, подъ старою березой, была скамья, на которую она и опустилась.

За рѣчкою зеленѣлъ большой лугъ, сливавшійся далѣе съ полемъ озими, которое у самаго горизонта было окаймлено лѣсомъ. Сколько видѣлъ глазъ впередъ, нельзя было замѣтить ни одной живой души.

Долго сидѣла Марья Павловна, глядя задумчиво вдаль. Какъ вдругъ она замѣтила, что на горизонтѣ или даже ближе, между ней и лѣсомъ, стало образовываться, сгущаясь, какое-то голубоватое облако. Явленіе ее заинтересовало, и она ближе стала въ него всматриваться.

Облако росло и приближалось. Когда оно оказалось на зеленой полянѣ, тотчасъ же за рѣчкою, облако посерединѣ какъ бы разорвалось пополамъ, и обѣ его части раздвинулись влѣво и вправо, какъ занавѣсъ, держащійся на шнуркѣ и состоящій изъ двухъ полотнищъ. Въ серединѣ этихъ облаковъ молодой дѣвушкѣ теперь ясно представилась картина, которая охватила ее ужасомъ. Она хотѣла крикнуть, но не могла, а продолжала пристально смотрѣть на представившееся ей видѣніе. Она сдѣлала усиліе, стала руками какъ бы отгонять отъ себя это явленіе, но облако и окруженная имъ картина не двигались. Тогда Марія Павловна бросилась опрометью бѣжать вверхъ по аллеѣ къ дому.

На полпути она столкнулась съ сестрою и братомъ, тоже вышедшими гулять въ садъ.

— Катенька, — крикнула она въ ужасѣ, — Митя, взгляните, что тамъ дѣлается, тамъ, за рѣчкою, какія страсти! Братецъ Александръ и гусаръ! Много народу побито. Сраженіе, ядра и французы, много французовъ!

Машенька слыла въ семьѣ за шутницу: она такъ и норовитъ, бывало, придумать какую-нибудь затѣю, разсказать какую-нибудь небывальщину, закутаться во все бѣлое вечеромъ и пугать старушку-гувернантку свою.

Поэтому сестра ея, моя бабушка, болѣе степенная, хоть и младшая, и Митя, не сразу повѣрили ея испугу и возгласамъ, къ которымъ они уже привыкли. Однако, видя, что она блѣдная, бѣлѣе своего платья, какъ потомъ говорила бабушка, и вся дрожитъ, они взяли ее каждый за руку и сбѣжали втроемъ съ горки подъ березу.

Поразившее Марію Павловну явленіе не исчезло. Всѣ трое увидали его совершенно явственно.

На аршинъ отъ луга, какъ бы на живой картинѣ, дѣйствующія лица которой расположились какъ бы на помостѣ, неизвѣстно только чѣмъ поддержанномъ, былъ виденъ уголъ сжатаго поля, по которому, разбросанные тамъ и сямъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, лежали трупы убитыхъ солдатъ: русскихъ и французовъ; влѣво была видна брошенная вмѣстѣ съ передкомъ, у котораго сломалось колесо, пушка. Вдали — французское карре съ примкнутыми штыками, имѣя посерединѣ знамя, на древкѣ котораго былъ одноглавый орелъ, какъ бы замерло, ожидая атаки русской конницы, остановленной, казалось, въ воздухѣ среди бѣшенаго галопа въ самыхъ фантастическихъ позахъ людей и лошадей. Надо всей картиной какъ бы остановилось нѣсколько пролетавшихъ ядеръ. Но болѣе всего поразило зрителей то, что они видѣли на первомъ планѣ картины. На голомъ жнивьѣ, рядомъ съ распростертою, издыхающей бѣлою лошадью, лежалъ молодой офицеръ; киверъ съ него свалился, большіе голубые глаза были устремлены на зрителей;

его круглое лицо съ широкимъ маленькимъ носомъ было блѣдно, какъ полотно, а на лбу, немного ниже того мѣста, отъ котораго начинались густые, отъ природы вьющіеся, бѣлокурые волосы, видно было маленькое темное пятнышко.

Обѣ сестры и братъ сразу признали въ юношѣ своего брата Александра.

Наклонившись надъ нимъ, къ зрителямъ спиною, стоялъ на одномъ колѣнѣ гусарскій офицеръ, снявшій также свой киверъ, въ молитвенной позѣ. Фигура его, очень характерная, была совершенно имъ незнакома. Увидавъ эту картину, и Катенька, и Митя оцѣпенѣли отъ страха и изумленія и еще крѣпче стали жать руки сестры. Нѣсколько минутъ по крайней мѣрѣ простояла эта нѣмая группа, до тѣхъ поръ, пока не подошелъ старикъ-садовникъ, который, увидавъ издали ошеломленныхъ чѣмъ-то барышенъ и барчука, спѣшилъ къ нимъ. Онъ еще успѣлъ попасть подъ березу, когда явленіе было видимо, хотя и стало блѣднѣть, такъ что онъ довольно явственно успѣлъ разсмотрѣть то, что представлялось глазамъ молодыхъ господъ. Вскорѣ однако облака, стоявшія по обѣ стороны картины, стали задергиваться, закрыли ее и какъ бы испарились. За ними было опять озимое поле, чистое небо и слегка дымкою закутанный лѣсъ на горизонтѣ. Съ тяжелымъ впечатлѣніемъ всѣ трое вернулись домой, приказавъ садовнику ничего не разсказывать о видѣнномъ. Рѣшено было все скрыть отъ Екатерины Николаевны и подготовить ее къ новому страшному горю постепенно, потому что они были убѣждены, что странное явленіе не могло предвѣщать ничего иного, кромѣ смерти Александра Павловича.

Однако, разстроенный видъ дочерей и сына, ихъ постоянное стараніе не показываться матери на глаза, неудержимыя слезы при каждомъ ея напоминаніи о старшемъ сынѣ, имя котораго было у нея непрестанно на языкѣ, повели къ тому, что своими настояніями она выспросила все о происшествіи.

Сначала подумали, что молодежи почудилось, попритчилось; было рѣшено отслужить молебенъ святымъ Адріану и Наталіи, память которыхъ праздновалась въ роковой день. Но тревога матери не стихла.

Садовникъ божился, что своими глазами видѣлъ молодого барина на полѣ убитымъ, а передъ нимъ на колѣняхъ какого-то важнаго генерала, всего въ позументѣ.

— Шапку это онъ, значитъ, снялъ и молится за упокой его душеньки, и такъ мнѣ жалостно стало, ажъ заплакалъ.

Такія рѣчи, конечно, еще болѣе тревожили материнское сердце. Екатерина Николаевна написала письмо въ армію, умоляя извѣстить ее о сынѣ, а сама послала нарочнаго въ Москву къ брату, чтобы получить и отъ него какія-либо вѣсти. Посланный вернулся скоро, но привезъ имъ недобрыя вѣсти. На Адріана и Наталію, дѣйствительно, было большое сраженіе, и французъ повалилъ на Москву, откуда всѣ выбираются. Дмитрія Николаевича онъ въ Москвѣ уже не засталъ.

Скоро затѣмъ пришла вѣсть о взятіи самой Москвы, а потомъ черезъ доставленныя кружнымъ путемъ письма и черезъ раненыхъ, наплывъ которыхъ въ Ярославль былъ огромный, пришло страшное извѣстіе: Александръ Павловичъ Левшинъ былъ въ числѣ убитыхъ подъ Бородиномъ. Подробности не сообщались, кромѣ одной, что пуля попала ему прямо въ лобъ и повергла его на мѣстѣ. Новое горе, новый трауръ достался на долю семьи Левшиныхъ. На этотъ разъ, впрочемъ, рѣдкая семья на Руси не оплакивала убитаго или раненаго, и самой Россіи нанесена была глубокая, причинившая ей жестокую боль рана въ сердце ея — Москву, — рана, послужившая къ торжеству нашей родины.

Горячо оплакивали Левшины своего дорогого покойника, котораго смерть они столь страннымъ образомъ видѣли за четыреста верстъ. Марія Павловна, хорошо рисовавшая акварелью, воспроизвела на картинѣ въ точности видѣніе. Таинственный гусаръ былъ нарисованъ съ большимъ сходствомъ, но кто онъ былъ — оставалось долго неизвѣстнымъ.

Прошло четыре года. Громы Наполеоновскихъ войнъ стихли; войска наши вернулись изъ Франціи.

Левшины жили въ Москвѣ, куда пріѣхалъ гусаръ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ [1]).

Онъ очень полюбилъ еще въ Петербургѣ молодого Левшина и подъ Бородиномъ присутствовалъ при его кончинѣ. Пріѣхавъ къ его матери въ Москву, онъ хотѣлъ разсказать ей всѣ подробности этого грустнаго событія.

Когда онъ вошелъ въ гостиную, обѣ барышни такъ и вскрикнули: не было никакого сомнѣнія,—наклонившійся надъ тѣломъ ихъ брата гусаръ былъ именно Михаилъ Григорьевичъ.

Ему показали нарисованную Маріей Павловною картину, и Хомутовъ былъ пораженъ сходствомъ обстановки, при которой онъ въ дѣйствительности стоялъ на колѣняхъ надъ тѣломъ своего любимца, съ тѣмъ, что было нарисовано на картинѣ.

Самое явленіе такъ и осталось необъясненнымъ.

[1]) Впослѣдствіи наказной атаманъ войска Донского.

Картина, написанная Маріей Павловною, которая вышла впослѣдствіи замужъ за Сомова, хранилась у нея. („Нов. вр.“, 25 дек. 1895 г.; сн. „Воскр. день“, 1897 г., № 6).

2. Проѣздомъ изъ нашего малороссійскаго имѣнія, разсказываетъ г-жа Пассекъ, остановилась я на нѣсколько дней у родственниковъ моего мужа въ Х., которые въ это время были сильно огорчены утратой брата, Діомида Васильевича Пассекъ [1]). Послѣ первыхъ дней свиданья, посвященныхъ общему горю и воспоминаніямъ о нашемъ дорогомъ отшедшемъ, старшая сестра его разсказала мнѣ слѣдующее странное явленіе, сообщенное ей священникомъ ихъ прихода, отцомъ Николаемъ, который былъ очень друженъ съ братомъ Діомидомъ и обыкновенно каждое воскресенье, по окончаніи обѣдни, заходилъ къ его семейству прямо изъ церкви напиться чаю и побесѣдовать.

Въ одно изъ лѣтнихъ воскресеній этого года, онъ пришелъ къ нимъ сильно возбужденный и нѣсколько растерянный и сказалъ, что пришелъ сообщить имъ радостную вѣсть, а затѣмъ замолчалъ, видимо, не зная, съ чего начать. — Вѣрно, — продолжалъ онъ, съ нашимъ Діомидомъ Васильевичемъ случилось что-нибудь очень хорошее, онъ опять, должно быть, отличился и получилъ особенную награду, такъ я его странно и хорошо видѣлъ сегодня за обѣдней.

— Какъ, за обѣдней вы видѣли Діомида?— спросила сестра. Въ это время семейство было уже встревожено, не получая писемъ съ Кавказа.

— Случилось со мной что-то очень странное, небывалое,— отвѣтилъ священникъ. Когда я стоялъ у престола, совершая тайны, вдругъ престолъ, алтарь и все, бывшее у меня передъ глазами, исчезло, я увидалъ себя въ дремучемъ лѣсу, совершенно мнѣ неизвѣстномъ, въ такой мѣстности, какой я никогда не видывалъ. Передо мною были горныя скалы, спуски, подъемы, пропасти; дорога мѣстами, какъ будто нарочно, завалена срубленными громадными деревьями и камнями. Среди всего этого, я увидалъ Діомида Васильевича въ длинной, бѣлой, блистающей одеждѣ. Лицо его было тоже сіяющее и такое счастливое, что и словъ у меня нѣтъ описать его. Съ минуту онъ пристально смотрѣлъ на меня, и вдругъ сталъ отдѣляться отъ земли и, подымаясь все выше и выше, исчезъ въ пространствѣ, а я опять увидалъ себя въ алтарѣ передъ престоломъ Божіимъ. Лицо у него было такое довольное и счастливое, что, вѣрно, съ нимъ случилось что-нибудь особенно хорошее. Зная, какъ вы о немъ тревожитесь, я поспѣшилъ сообщить вамъ мое видѣніе.

Матери Д. В. при этомъ не было, а только его три сестры, которыя и передавали мнѣ разсказъ священника. Онъ не обрадовалъ сестеръ, а скорѣе еще болѣе встревожилъ, онѣ предчувствовали недоброе и просили разсказчика не говорить этого матери.

Вскорѣ затѣмъ пришла грустная вѣсть... Императоръ Николай Павловичъ изъявилъ свое сочувствіе къ горю осиротѣвшей матери и осыпалъ ее милостями. Сынъ ея палъ, осѣненный лаврами. Но „лавры не лѣчатъ сердца матери“,—сказалъ одинъ изъ нашихъ талантливыхъ писателей, тепло вспоминая Діомида Васильевича въ своихъ запискахъ. („Ребусъ“, 1886 г., № 1).

3. **Видѣніе Карла XI.** Оффиціальный протоколъ за подписью четырехъ свидѣтелей, вполнѣ достойныхъ довѣрія, утверждаетъ подлинность событія, о которомъ я хочу разсказывать. Прибавлю, что предсказаніе, заключающееся въ этомъ протоколѣ, было извѣстно и служило предметомъ разговоровъ гораздо ранѣе того, когда оно, повидимому, исполнилось.

Карлъ XI, отецъ знаменитаго Карла XII, былъ одинъ изъ наиболѣе деспотичныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе разумныхъ шведскихъ королей. Онъ ограничилъ чудовищныя привиллегіи дворянства, уничтожилъ власть сената, сталъ издавать законы самостоятельно; однимъ словомъ, измѣнилъ все государственное устройство Швеціи, до него олигархическое, заставилъ Государственные Штаты вручить ему самодержавную, неограниченную власть. Былъ онъ при этомъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, храбрымъ, глубоко преданнымъ лютеранской религіи; характера непреклоннаго, холодный, положительный, совсѣмъ лишенный воображенія. Онъ только что лишился жены своей Ульрики-Элеоноры, которую онъ весьма уважалъ, и, повидимому, былъ болѣе огорченъ ея смертью, чѣмъ можно было ожидать отъ его сухого сердца. Послѣ этой потери онъ сдѣлался еще болѣе мрачнымъ и молчаливымъ, чѣмъ прежде, и сталъ такъ ревностно заниматься дѣлами, посвящая всѣ свои часы работѣ, что окружающіе его приписывали этотъ усиленный трудъ потребности отвлекаться отъ тяжелыхъ мыслей.

Подъ конецъ одного осенняго вечера, онъ сидѣлъ въ халатѣ и туфляхъ передъ ярко пылавшимъ каминомъ своего кабинета въ стокгольмскомъ дворцѣ. При немъ находились одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему лицъ, камергеръ графъ де-Браге, и его лейбъ-медикъ Баумгартенъ, любившій хвастаться

[1]) Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, очень извѣстный своей храбростью генералъ, во времена императора Николая, былъ убитъ на Кавказѣ въ Ичкиринскомъ лѣсу, 11 іюля 1845 года, въ такъ называемой *сухарной* экспедиціи, когда наши войска ходили брать Дарго.

своимъ невѣріемъ во все, кромѣ медицины. Въ этотъ вечеръ король, чувствуя себя нѣсколько нездоровымъ, пригласилъ его къ себѣ въ качествѣ врача.

Вечеръ затягивался, но король, противъ своей привычки ложиться рано, не спѣшилъ отпускать своихъ собесѣдниковъ. Склонивъ голову и устремивъ глаза на пылавшій каминъ, онъ давно уже пересталъ разговаривать и сильно скучалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ какой-то непонятный страхъ остаться одному. Графъ де-Браге, конечно, видѣлъ, насколько его общество было въ этотъ разъ въ тягость королю, и нѣсколько разъ намекалъ, что не пора ли Его Величеству отдохнуть, но отрицательный жестъ короля удерживалъ его на своемъ мѣстѣ. Начиналъ и докторъ говорить, что продолжительное бодрствованіе вредно для здоровья. На это Карлъ отвѣтилъ: „останьтесь, я еще не хочу спать".

Скоро затѣмъ онъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Машинально остановился онъ передъ окномъ, выходившимъ на дворъ; ночь была темная, безлунная.

Дворецъ, въ которомъ живутъ теперь шведскіе короли, не былъ еще оконченъ; начавшій строить его Карлъ XI проживалъ въ старомъ дворцѣ, стоявшемъ на вершинѣ Ритергольма и обращенномъ главнымъ фасадомъ на Мелярское озеро. Это было огромное зданіе въ формѣ подковы, кабинетъ короля находился на одномъ концѣ, а на другомъ, напротивъ кабинета, была большая зала, въ которой собирались Штаты, когда призывались для выслушиванія какого-либо сообщенія отъ королевской власти.

Окна этой залы представлялись въ эту минуту ярко освѣщенными, что показалось очень страннымъ королю. Сперва онъ предположилъ, что свѣтъ исходитъ отъ факела какого-нибудь лакея, но зачѣмъ вошелъ онъ въ эту залу, давно уже не отворявшуюся? Да свѣтъ былъ и слишкомъ яркъ для одного факела; можно, пожалуй, приписать его пожару, но дыма не видно, и при этомъ не было слышно никакого шума, освѣщеніе скорѣе походило на праздничную иллюминацію.

Карлъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на эти свѣтлыя окна. Графъ де-Браге протянулъ руку къ звонку, чтобы позвать пажа и послать его посмотрѣть, что это за свѣтъ, но король остановилъ его, сказавъ: „я пойду самъ въ эту залу". Выговоривъ эти слова, онъ страшно поблѣднѣлъ, лицо его выражало нѣчто вродѣ мистическаго ужаса, но вышелъ онъ изъ кабинета твердыми шагами; камергеръ и докторъ послѣдовали за нимъ, взявъ каждый по зажженной свѣчѣ.

Привратникъ, на отвѣтственности котораго были ключи, уже легъ спать; Баумгартенъ пошелъ разбудить его, приказавъ ему именемъ короля тотчасъ же отворить двери въ залу Государственныхъ Штатовъ. Привратникъ очень удивился такому приказанію, однако, поспѣшно одѣвшись, онъ отправился со своей связкой ключей къ королю. Сперва онъ отперъ галлерею, черезъ которую проходили въ залу Штатовъ. Каково же было удивленіе Карла, когда онъ увидалъ всѣ стѣны галлереи обитыми чернымъ.

— Кто приказалъ обить эти стѣны? — гнѣвно спросилъ онъ.

— Никто, государь, сколько я знаю,—отвѣчалъ смущенный привратникъ. — Въ послѣдній разъ, какъ по моему распоряженію выметали эту залу, она была, какъ и всегда, обшита темнымъ дубомъ... Конечно, эта обивка не изъ придворнаго хранилища.

Быстро шагавшій король прошелъ уже болѣе половины галлереи; графъ и привратникъ слѣдовали за нимъ; докторъ же нѣсколько отсталъ, раздумывая, что ему дѣлать. Остаться одному онъ, по правдѣ сказать, боялся, но боялся также подвергнуться послѣдствіямъ такого глупаго, въ сущности, приключенія.

— Не идите дальше, государь, — воскликнулъ привратникъ. — Клянусь Богомъ, тутъ замѣшалось колдовство. Въ эти часы... послѣ кончины ея величества королевы... говорятъ, она сама прогуливается по этой галлереѣ... Да помилуетъ насъ Господь!

— Остановитесь, государь, съ своей стороны, воскликнулъ графъ де-Браге. — Развѣ вы не слышите странный шумъ, идущій изъ залы? Кто знаетъ, какимъ опасностямъ можетъ подвергнуться ваше величество.

— Государь,—сказалъ Баумгартенъ, когда свѣча его погасла отъ порыва вѣтра,— позвольте по крайней мѣрѣ мнѣ сходить за вашими драбантами.

— Войдемъ, — сказалъ король твердымъ голосомъ, останавливаясь передъ дверьми большой залы. — Отвори скорѣе!

При этомъ онъ толкнулъ дверь ногою, и звукъ, повторенный эхомъ сводовъ, раздался по галлереѣ, какъ пушечный выстрѣлъ.

Привратникъ дрожалъ такъ сильно, что никакъ не могъ вложить ключа въ замочную скважину.

— Старый солдатъ и дрожитъ, — сказалъ король, пожимая плечами. — Ну, такъ вы, графъ, отворите намъ эту дверь.

— Государь,—отвѣтилъ де-Браге, невольно пятясь назадъ. — Прикажите мнѣ итти подъ выстрѣлы датскихъ или нѣмецкихъ пушекъ, я, не колеблясь, исполню приказаніе вашего величества, но вы требуете, чтобы я бросилъ вызовъ самому аду!

Король вырвалъ ключъ изъ рукъ привратника. „Вижу,—сказалъ онъ съ замѣтнымъ презрѣніемъ въ голосѣ,—что это касается одного меня!“ И прежде чѣмъ свита успѣла удержать его, онъ отворилъ тяжелую дубовую дверь и вошелъ въ большую залу, проговоривъ при этомъ: „съ Божьею помощью!“ И спутники его, несмотря на свой страхъ, не то изъ любопытства, не то считая невозможнымъ оставить короля одного, всѣ трое послѣдовали за нимъ.

Большая зала оказалась освѣщенной множествомъ факеловъ; черная драпировка, замѣняя собою старинные обои, покрывала всѣ стѣны, однако вокругъ нихъ, какъ и всегда, красовались трофеи побѣдъ Густава Адольфа—нѣмецкія, датскія и московскія знамена, стоявшіе же по угламъ шведскіе флаги были покрыты чернымъ крепомъ.

Многолюдное собраніе занимало скамьи. Всѣ четыре государственныя сословія въ траурныхъ одеждахъ засѣдали каждое на своемъ мѣстѣ. Множество блѣдныхъ человѣческихъ лицъ на черномъ фонѣ драпировки казались свѣтящимися и такъ ослѣпляли глаза, что изъ четырехъ свидѣтелей этой поразительной сцены ни одинъ не узналъ между ними знакомаго ему лица. Такъ актеръ передъ многочисленной публикой видитъ только безразличную массу, никого среди нея не различая.

На высокомъ тронѣ, съ котораго король обыкновенно обращался къ собранію, лежало окровавленное тѣло въ королевскихъ регаліяхъ. Направо отъ него стоялъ ребенокъ въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, налѣво пожилой человѣкъ, или скорѣе другой призракъ, опирался на тронъ. На немъ была парадная мантія, какую носили прежніе правители Швеціи ранѣе того времени, какъ Ваза провозгласилъ ее королевствомъ. Противъ трона нѣсколько лицъ съ мрачной, строгой осанкой въ длинныхъ черныхъ одѣяніяхъ,—повидимому судьи,—возсѣдали за столомъ, покрытымъ огромными фоліантами. Среди залы возвышалась обтянутая чернымъ крепомъ плаха, а возлѣ нея лежалъ топоръ.

Никто въ этомъ нечеловѣческомъ собраніи, казалось, не замѣчалъ Карла и его трехъ спутниковъ. При входѣ въ залу они сперва слышали только невнятный говоръ, среди котораго ухо не различало ни одного раздѣльнаго слова; потомъ старшій изъ судей въ черныхъ одѣяніяхъ, исполнявшій, повидимому, обязанности предсѣдателя, всталъ и три раза ударилъ рукою по одному изъ развернутыхъ передъ нимъ фоліантовъ. Тотчасъ же водворилось глубокое молчаніе. Нѣсколько молодыхъ людей, съ аристократической осанкой и богато одѣтыхъ, со связанными назади руками вошли въ залу черезъ дверь противоположную той, которую отворилъ Карлъ XI. Шедшій вслѣдъ за ними человѣкъ, видимо, отличающійся недюжинной силой, держалъ въ своихъ рукахъ концы веревокъ, связывавшихъ имъ руки. Тотъ, кто былъ впереди всѣхъ, вѣроятно, самый главный изъ осужденныхъ, остановился среди залы передъ плахой и бросилъ на нее гордо-презрительный взглядъ. Въ ту же минуту мертвецъ на тронѣ судорожно вздрогнулъ, и свѣжая струя крови полилась изъ его раны. Молодой человѣкъ, ставъ на колѣни, протянулъ голову; топоръ блеснулъ въ воздухѣ и тотчасъ же опустился съ зловѣщимъ звукомъ. Потокъ крови брызнулъ до самаго возвышенія и смѣшался съ кровью мертвеца; голова, подпрыгнувъ нѣсколько разъ по окровавленному полу, докатилась до ногъ Карла и запачкала ихъ кровью.

До этой минуты онъ молчалъ, пораженный всѣмъ, что видѣлъ, но ужасное зрѣлище развязало ему языкъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ возвышенію и, обращаясь къ фигурѣ, облеченной въ парадную мантію правителя, онъ твердо проговорилъ хорошо извѣстную формулу.

— *Если ты отъ Бога, говори, если же отъ „другого“, оставь насъ въ покоѣ.*

Призракъ отвѣтилъ ему медленно и торжественнымъ голосомъ:

— „Король Карлъ! Кровь эта прольется не въ твое царствованіе... (тутъ голосъ сдѣлался менѣе внятнымъ) но черезъ четыре царствованія, въ пятое. Горе, горе, горе роду Густава Вазы!“

Послѣ этихъ словъ всѣ фигуры засѣдавшихъ на скамьяхъ начали блѣднѣть и изглаживаться, а потомъ и совсѣмъ исчезли, фантастическіе факелы погасли, и свѣчи въ рукахъ спутниковъ короля освѣщали уже лишь старинные обои, слегка колыхаемые вѣтромъ. Нѣкоторое время еще слышался какой-то мелодическій шумъ, напоминавшій, по словамъ одного изъ свидѣтелей, шелестъ вѣтерка между листьями, а по опредѣленію другого, звукъ лопающихся струнъ во время настраиванія арфы. Что же касается продолжительности явленія, то всѣ одинаково опредѣляютъ ее приблизительно въ десять минутъ.

Траурныя драпировки, отрубленная голова, потоки крови, разлившіеся по полу, все исчезло вмѣстѣ съ призраками, только королевская туфля сохранила кровяное пятно, которое должно было напоминать Карлу о событіяхъ этой достопамятной ночи, если бъ онъ могъ когда-либо забыть ихъ.

Возвратясь въ свой кабинетъ, король приказалъ сдѣлать подробное описаніе всего, что они видѣли, подписалъ его самъ и по-

требовалъ подписи своихъ трехъ спутниковъ. Самыя тщательныя предосторожности для скрытія отъ общества и народа содержанія этого страннаго документа ни къ чему не повели, оно сдѣлалось извѣстнымъ еще при жизни Карла XI. Запись эта хранится до сихъ поръ въ государственныхъ архивахъ Швеціи, какъ нѣчто несомнѣнно подлинное. Замѣчательна приписка къ этому описанію, сдѣланная рукою короля: „Если то, что разсказано здѣсь мною за моею подписью, не есть точная, несомнѣнная истина, я отказываюсь отъ всякой надежды на лучшую жизнь, сколько-нибудь заслуженную, быть-можетъ, мною нѣкоторыми добрыми дѣлами, главнымъ же образомъ, моими усиліями способствовать благоденствію моего народа и поддерживать религію моихъ предковъ“.

Теперь, если вспомнимъ смерть Густава III и судъ надъ Анкарстромомъ, его убійцей, то найдется полное соотвѣтствіе между этимъ событіемъ и обстоятельствами разсказаннаго здѣсь страннаго пророчества — видѣнія.

Молодой человѣкъ, обезглавленный въ присутствіи Государственныхъ Штатовъ былъ Анкарстрома.

Мертвецъ въ королевскихъ регаліяхъ — Густавъ III.

Ребенокъ, его сынъ и наслѣдникъ — Густавъ-Адольфъ IV.

Наконецъ, старикъ въ мантіи — герцогъ Зюдерманландскій — дядя Густава IV, бывшій регентомъ королевства, а потомъ и королемъ, по низложеніи его племянника. (Разск. Проспера Мериме, сн. „Ребусъ“ 1897 г., № 43).

4. **Видѣніе герцога Альбани.** Герцогъ Альбани, младшій сынъ англійской королевы Викторіи, скончавшійся въ Каннахъ, незадолго до своей смерти, говорилъ нѣкоторымъ близкимъ друзьямъ своимъ, что онъ имѣлъ слѣдующее видѣніе: къ нему явилась умершая сестра его, принцесса Алиса, и сказала: „страданія твои скоро кончатся; ты скоро прійдешь къ намъ“. Чрезъ 3 дня его не стало. Здоровье герцога въ то время не внушало никакихъ опасеній, и смерть его послѣдовала отъ ушиба, полученнаго имъ при паденіи съ лѣстницы за 2 или 3 дня до его смерти. Видѣніе имѣло мѣсто до паденія. („Ребусъ“ 1884 г., № 37.

5. **Видѣніе императора Павла Петровича.** Въ „Русской старинѣ“ помѣщена статья подъ заглавіемъ „императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ“, составленная по историческимъ даннымъ. Въ ней, между прочимъ, находится слѣдующій разсказъ императора о бывшемъ ему видѣніи:

„Однажды вечеромъ или, пожалуй, уже ночью, я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по петербургскимъ улицамъ, чтобы освѣжиться, сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Разговоръ нашъ былъ не о религіи и не о чемъ-либо серьезномъ, а, напротивъ того, былъ веселаго свойства, и Куракинъ постоянно шутилъ насчетъ встрѣчныхъ прохожихъ. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что можно было читать и, слѣдовательно, тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, я вдругъ увидѣлъ въ глубинѣ подъѣзда высокую, худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза шляпѣ. Она будто ждала кого-то. Только что я миновалъ ее, она вышла и пошла около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова; я не могъ разглядѣть ни одной черты ея лица. Мнѣ казалось, что ноги ея, ступая по плитамъ тротуара, производили странный звукъ, какъ будто камень ударяется о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я ощутилъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнулъ.

Вдругъ изъ-подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздался глухой и грустный голосъ: „Павелъ!“

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и машинально отвѣчалъ: „что вамъ нужно?“

— Павелъ! — сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ, впрочемъ, какъ-то сочувственно, но съ еще большимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать тоже.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! бѣдный князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь?— спросилъ я его.

— Ничего не слышу,— отвѣчалъ тотъ, — рѣшительно ничего.

Что касается меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ; я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнакомца: кто онъ, и что ему нужно?

— Кто я?—Бѣдный Павелъ!—Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ и кто хочетъ, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не долго останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти: для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

Фигура пошла снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. Я шелъ за ней, потому что она теперь направляла меня. Это продолжалось болѣе часа. Гдѣ мы

шли, я не зналъ. Наконецъ, мы пришли къ большой площади... Фигура пошла прямо къ одному, какъ бы заранѣе отмѣченному мѣсту, гдѣ въ то время воздвигался монументъ Петру Великому, я, конечно, слѣдовалъ за ней и, затѣмъ, остановился.

— Прощай, Павелъ! — сказала она. — Ты еще увидишь меня опять здѣсь и еще коегдѣ.

При этомъ, шляпа фигуры поднялась какъ бы сама собою, и глазамъ моимъ представились орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было..." („Русск. старина").

6. **Еще видѣніе императора Павла.** Въ началѣ января 1798 года, когда императрица Марія Θеодоровна готовилась быть матерью десятаго младенца [1]), императору Павлу представлялась въ зимнемъ дворцѣ депутація петербургскихъ старообрядцевъ, для выраженія ему чувствъ признательности за оказываемое имъ покровительство. Купецъ Маловъ поднесъ императору древнюю икону Михаила архангела въ драгоцѣнной золотокованной ризѣ. Государь очень милостиво принялъ депутацію; икона была поставлена въ кабинетѣ государя, и передъ нею затеплена лампада.

Въ сумерки этого дня Павелъ I, возвратясь въ свой кабинетъ съ половины своей супруги, состояніе здоровья которой внушало ему серьёзныя опасенія, въ глубокой задумчивости, сѣлъ въ кресло у стола и устремилъ свои прекрасные голубые глаза на икону, поднесенную ему старообрядцами. Тихій шорохъ пробудилъ его отъ задумчивости; онъ оглянулся: у дверей стоялъ старикъ въ монашеской рясѣ, съ красивымъ лицомъ, изборожденнымъ морщинами, съ длинною сѣдою бородою, съ кроткимъ, привѣтливымъ взглядомъ. Какъ онъ попалъ въ кабинетъ государя?—объ этомъ Павелъ Петровичъ никогда никого не спрашивалъ...

— Что скажешь, сударь?— обратился онъ къ незнакомцу.

— Супруга твоя,—отвѣчалъ тотъ, - подаритъ тебя сыномъ Михаиломъ. Этимъ же именемъ святаго архангела ты наречешь дворецъ, который строишь на мѣстѣ своего рожденія. Помни слова мои: „Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней".

И таинственный гость исчезъ за дверью, какъ показалось государю. 28 января императрица разрѣшилась отъ бремени сыномъ, и, по желанію Павла I, ему дано было имя Михаилъ.

[1]) Михаилъ (28 января 1798 г., † 28 августа 1849 г.).

Въ то самое время, когда грохотъ пушекъ съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, возвѣстилъ жителямъ столицы о приращеніи царской семьи, любимецъ государя, графъ, Кутайсовъ, доложилъ ему, что дежурный по внутреннему дворцовому караулу офицеръ желаетъ сообщить государю по секрету нѣчто важное.

Въ первую минуту Павелъ встревожился; подобно всѣмъ нервнымъ людямъ, при всякомъ внезапномъ извѣстіи, онъ ощущалъ непріятное, болѣзненное чувство. „Пошли его сюда!"—сказалъ онъ, нѣсколько пріободрившись.

— Честь имѣю донести вашему императорскому величеству! — отрапортовалъ офицеръ,—что на посту, занимаемомъ часовымъ нашенбургскаго полка, произошелъ необыкновенный казусъ...

— Какой такой, сударь?

— Часовой, вѣроятно, въ припадкѣ горячки, доложилъ мнѣ о какомъ-то бывшемъ ему видѣніи... Какой-то старецъ, въ монашеской рясѣ, въ самый моментъ разрѣшенія отъ бремени ея императорскаго величества, подойдя къ часовому, сказалъ: „напомните государю, чтобы новорожденный названъ былъ Михаиломъ, а вновь строющійся дворецъ—Михайловскимъ".

— Прислать сюда часового! — крикнулъ государь.

Часовой, дрожа отъ страха, изъ слова въ слово повторилъ то, что дежурный по караулу передалъ императору. Къ удивленію солдата и офицера, государь сказалъ:

— Знаю, знаю... это уже исполнено!

Часовому государь приказалъ выдать щедрую награду, а офицеру пожаловалъ орденъ св. Анны.

На другой же день, онъ потребовалъ къ себѣ архитектора Бренно.

— На главномъ фронтонѣ, обращенномъ къ Итальянской улицѣ — приказалъ ему государь — сдѣлайте надпись эту самую,—онъ подалъ ему лоскутъ бумаги, на которомъ собственною рукою государя было начертано: „Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней".

Историкъ, сообщающій объ этомъ событіи, отмѣчаетъ, что число буквъ (47) вышеприведенной надписи, и донынѣ сохранившейся на фронтонѣ Михайловскаго дворца, равняется числу лѣтъ, прожитыхъ императоромъ Павломъ (1754+1801) („Ребусъ", 1887 г., № 40).

7. **Изъ воспоминаній стараго врача.** На одной изъ желѣзныхъ дорогъ Германіи былъ машинистъ П., состоящій пятнадцать лѣтъ на службѣ и все время ѣздившій по линіи B — Z, туда и обратно. За послѣдніе полтора года, всякій разъ передъ тѣмъ, какъ

въѣхать въ вокзалъ В, онъ видѣлъ около самаго полотна желѣзной дороги маленькую лачужку, которой на самомъ дѣлѣ тамъ вовсе не было, и какъ изъ этого домика (то не было жилище желѣзнодорожнаго сторожа) выходилъ старикъ съ длинными бѣлыми волосами и желтымъ платкомъ на шеѣ и шелъ прямо по рельсамъ. И всякій разъ П. останавливалъ ходъ машины изъ опасенія задѣть старика и услышать его предсмертный крикъ. Его помощникъ, кочегаръ, удивлялся этимъ остановкамъ и говорилъ, что все—и домикъ, и старикъ, ему только мерещится. Но видѣнія продолжались въ теченіе полутора года и довели машиниста до такого нервнаго состоянія, что онъ обратился къ желѣзнодорожному врачу, доктору Д, съ просьбой помочь ему, чтобы не быть вынужденнымъ оставить службу, необходимую для содержанія жены и четверыхъ дѣтей. Докторъ изслѣдовалъ глаза его и весь организмъ и не нашелъ въ немъ ничего болѣзненнаго: отправленія мозга тоже были вполнѣ нормальны. Докторъ зналъ его за человѣка трезваго и добросовѣстнаго служаку; онъ успокоилъ его, сказавъ, что нѣтъ никакого основанія бросать службу, что все это пустяки, обманъ чувствъ, и что такіе случаи бываютъ. Въ то же время онъ совѣтовалъ перемѣнить мѣсто служенія и перевестись на другую линію. Машинистъ послѣдовалъ совѣту врача, который въ продолженіе полугода напрасно ожидалъ отъ своего паціента извѣстія объ улучшеніи состоянія его здоровья. Наконецъ, онъ получаетъ письмо отъ директора тюрьмы въ S, изъ котораго узнаетъ, что П. признанъ виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ, но что онъ отрицаетъ свою виновность и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на него. „Докторъ Д. меня знаетъ, онъ знаетъ, что я не убійца и что я тутъ не при чемъ.“ При этомъ онъ такъ сильно волнуется, что походитъ на безумнаго.

Докторъ Д. немедленно поѣхалъ туда и далъ о немъ благопріятный отзывъ. Кочегаръ, бывшій съ П. на машинѣ утренняго поѣзда 17 іюня, далъ слѣдующее показаніе: „подъѣзжая въ 6 часовъ утра съ товарнымъ поѣздомъ къ станціи Кр., онъ увидалъ, какъ изъ домика, хорошо извѣстнаго ему по пятилѣтней службѣ, направо отъ полотна желѣзной дороги, вышелъ старый человѣкъ, который невѣрной, торопливой походкой спѣшилъ перейти рельсы. „Это всегда запрещается, но все-таки постоянно повторяется,“ — сказалъ кочегаръ, и на разспросы врача о наружности этого человѣка, описалъ его „худощавымъ старикомъ, съ длинными, рѣдкими бѣлыми волосами. А на шеѣ у него былъ надѣтъ, какъ теперь вижу, желтый платокъ. П., казалось, ничего не замѣчалъ и спокойно продолжалъ управлять ходомъ машины. Я ему крикнулъ: „стой!“ Онъ безпокойно обернулся, лицо его было искажено, глаза дико сверкали. — „Стой! — крикнулъ я снова, стой! человѣкъ на рельсахъ!“ — Онъ все еще продолжалъ смотрѣть на меня, съ страшнымъ неподвижнымъ лицомъ. „Гдѣ?“ — произнесъ онъ, скрежеща зубами, не замедляя при этомъ хода машины. — Господи! да тамъ передъ маленькимъ домикомъ; старикъ съ желтымъ платкомъ на шеѣ!“ — „Тотъ!“ — закричалъ онъ, со страшнымъ смѣхомъ, выпрямляясь, съ дикой энергіей; — „вотъ уже два года какъ я переѣзжаю черезъ этого человѣка, и онъ все еще не убитъ“. — И, не переставая смѣяться, онъ наѣхалъ на старика. — Раздался страшный крикъ! Поѣздъ остановился. Поперекъ рельсъ лежало безжизненное тѣло старика, забрызганное кровью и съ отрѣзанной отъ туловища головой съ сѣдыми волосами и широко раскрытыми глазами. П. лежалъ безъ чувствъ. Мнѣ пришлось управлять локомотивомъ, и минуты черезъ двѣ мы были на станціи, гдѣ я разсказалъ все, какъ было. П. арестовали“.

Врачъ сообщилъ директору все, что ему было извѣстно, и пошелъ навѣстить обвиняемаго, котораго едва узналъ, — такъ сильно подѣйствовало на него все происшедшее. Щеки осунулись, глаза ввалились и горѣли блуждающимъ огнемъ. Увидя меня, онъ бросился къ моимъ ногамъ и сталъ молить: „скажите имъ, скажите, что я не убійца, что я здѣсь не виноватъ. Вы знаете, что я хотѣлъ оставить службу ради этого. Вы прислали меня сюда, и вотъ — теперь...“ Въ отчаяніи онъ ударялъ себя въ грудь; врачъ старался его успокоить; онъ сталъ хлопотать о его освобожденіи, и ему удалось достичь этого. Но изъ тюрьмы П. перешелъ въ больницу для умалишенныхъ. Роковое событіе такъ потрясло его, что онъ помѣшался. Мы кончимъ вступительными словами разсказа доктора Д.: „нѣтъ, далеко не все поддается объясненію и истолкованію. Называйте, какъ угодно, но есть вещи, которыя точно смѣются надъ всѣми объясненіями, придумываемыми нами“. („Psychische Studien“, XXI г., кн. 8).

8. **Пророческія видѣнія**. Два студента, весело болтая о всякихъ пустякахъ, возвращались домой съ прогулки верхомъ; вдругъ одинъ изъ нихъ вскрикнулъ, и лошадь его съ испугомъ отскочила въ сторону. Спутникъ его спросилъ, что съ нимъ такое? Испуганный и печальный молодой человѣкъ разсказалъ, что пораженъ былъ, увидѣвъ любимую и единственную свою сестру всю въ бѣломъ и съ разбитой, окровавленной головой.

Нѣсколько дней спустя, получили увѣдомленіе, что въ тотъ вечеръ и часъ, когда братъ ее видѣлъ, молодая дѣвушка лишила себя жизни выстрѣломъ въ голову, вслѣдствіе несчастной любви („Stiling geheimnissvolle Jenseites," Stutgart, 1864 г. Seite 310; см. „Ребусъ" 1890 г. № 25).

Помпей Васильевичъ Пассекъ, разсказывалъ, что много лѣтъ тому назадъ, живя весною съ семействомъ въ своемъ харьковскомъ имѣніи, селѣ Рогани, однажды, вставъ рано утромъ, онъ отправился въ поля, чтобы распорядиться посѣвами. День былъ ясенъ, безъ единаго облачка, погода теплая. Проходя по межѣ, раздѣляющей поля, и осматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, онъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ, ведущей отъ Харькова къ его имѣнію, несутъ на креслахъ его жену больную, ослабѣвшую, между тѣмъ какъ она была совершенно здорова и въ это время находилась въ усадьбѣ. Процессія эта прошла мимо его и потомъ скрылась. Изумленный и встревоженный, онъ поспѣшилъ вернуться домой и нашелъ тамъ все благополучно и всѣхъ здоровыми.

По прошествіи нѣкотораго времени, онъ разъ, сидя въ гостиной, увидалъ въ другой комнатѣ родственника своего, доктора Франковскаго, стоящимъ у рояля, облокотившись и склонивъ голову на руку. Помпей Васильевичъ подошелъ къ нему, такъ ему по крайней мѣрѣ казалось, и спросилъ: „какъ вы ее находите?" — думая о женѣ, между тѣмъ какъ она была тогда совершенно здорова, а Франковскаго въ Рогани не было. Франковскій отвѣтилъ печально, тихимъ голосомъ: „плохо". Далѣе П. В. спросилъ: „есть ли какая надежда на выздоровленье?" Франковскій покачалъ головой и сказалъ: „сомнительно".

Зимой все семейство П. В. переѣхало въ Харьковъ, тамъ жена его родила дочь и послѣ родовъ сильно заболѣла. Весной совѣтовали перевезти ее въ деревню, и такъ какъ она не могла переносить ѣзды въ экипажѣ, то отъ Харькова до Рогани, всѣ 18 верстъ, ее несли въ креслахъ, по той же дорогѣ и въ томъ же болѣзненномъ видѣ, какъ она представилась ему предыдущей весною. Печальное видѣнье повторилось въ дѣйствительности.

Когда жена его лежала больная, П. В. однажды, послѣ обѣда, сидѣлъ съ сосѣдомъ и разсказывалъ ему свое странное видѣніе отсутствовавшаго Франковскаго. Въ это самое время, взглянувъ въ дверь, они оба увидали, что докторъ Франковскій, бывшій въ то время дѣйствительно въ деревнѣ и лѣчившій больную, стоитъ у фортепіанъ въ той же самой позѣ, какъ П. В. видѣлъ его прошедшимъ лѣтомъ. И въ этотъ разъ П. В. подошелъ къ нему и также спросилъ: „какъ вы ее находите?" Тѣмъ же тихимъ голосомъ отвѣтилъ Франковскій: „плохо". На вопросъ, есть ли какая надежда, докторъ отвѣчалъ: „сомнительно".

Сосѣдъ такъ былъ пораженъ тождественностью видѣнія и дѣйствительности, что въ ужасѣ выбѣжалъ изъ комнаты. Жена же П. В. послѣ тяжкой болѣзни скончалась. („Ребусъ" 1885 г., № 34).

9. **Загадочный случай съ матросомъ.** 1868 г. парусное судно „Persian Empire" отправилось изъ порта Аделаиды въ Лондонъ. Одинъ изъ людей экипажа, Клири, наканунѣ отплытія имѣлъ сонъ, въ которомъ ему представилось, что во время сильной бури, когда корабль будетъ проходить въ утро Рождества мимо мыса Горна, его вмѣстѣ съ кѣмъ-то другимъ смоетъ волною, и они утонутъ. Сонъ произвелъ на Клири такое сильное впечатлѣніе, что онъ не хотѣлъ ѣхать, и только съ трудомъ поборолъ свой страхъ. Наканунѣ Рождества, когда они приближались къ мысу Горну, Клири имѣлъ опять тотъ-же сонъ, а на другой день ему пришлось стоять на вахтѣ. Ему было приказано вмѣстѣ съ другими позаботиться закрѣпить шлюпку, висѣвшую у борта. Клири отказался и долженъ былъ итти къ капитану, гдѣ этотъ отказъ былъ занесенъ въ корабельный журналъ. Когда бывшій при этомъ свидѣтелемъ нѣкій Дугласъ взялся за перо, чтобы подписаться, то Клири случайно взглянулъ на него и сказалъ: „я исполню свой долгъ, потому что уже знаю, кто второе лицо моего сна". Нѣсколько минутъ спустя, Клири и Дугласъ работавшіе въ шлюпкѣ, утонули, бывъ выброшены изъ нея громадною волною. (В. Битнеръ, „Вѣрить или не вѣрить"? С.-Пб. 1899 г., стр. 151).

10. **Разсказъ прокурора.** Прокуроръ Бераръ разсказываетъ, что во время своего служенія въ Х. въ качествѣ слѣдователя ему пришлось вести дѣло объ одномъ убійствѣ. Занятій было масса, такъ что „подъ конецъ,—говоритъ Бераръ,—я былъ такъ утомленъ работою и опросомъ безконечнаго ряда свидѣтелей, что даже во снѣ мерещились мнѣ преступленія, кровь, убійства.

„Однажды, заблудившись во время одной экскурсіи пѣшкомъ, я долженъ былъ ночевать недалеко отъ одной маленькой приморской деревушки, въ настоящее время мѣстѣ купанья, тогда же незначительной, скрытой въ лѣсу, деревеньки. Я рѣшилъ помѣститься въ жалкомъ постояломъ дворѣ подъ названіемъ „Au rendez-vous des amis", расположенномъ въ сторонѣ, въ глуши лѣсной. Я нашелъ тамъ хозяина, человѣка геркуле-

говаго сложенія, и хозяйку, маленькую, смуглую, оборванную, съ недовѣрчивымъ и злымъ взглядомъ. Послѣ ужина я потребовалъ комнату; меня повели длиннымъ корридоромъ въ комнатку, находящуюся надъ конюшнею. Кромѣ меня, хозяина и хозяйки въ гостиницѣ, навѣрно, никого не было.

„Моя профессія выработала во мнѣ недовѣрчивость и осторожность, можетъ-быть даже слишкомъ. Поэтому, послѣ удаленія хозяина и закрытія дверей на замокъ, я началъ подробно осматривать помѣщеніе. Я нашелъ тутъ кровать или, вѣрнѣе, ларь, застланный плохою постелью, два хромыхъ стула, въ углу же подъ окномъ едва замѣтныя дверцы, не запертыя на замокъ. Я отворилъ ихъ и нашелъ передъ собою родъ лѣстницы, ведущей внизъ; очевидно, это былъ входъ изъ конюшни. Я поставилъ передъ дверцами столикъ, а на него тазъ, сбоку же оба стула. Такимъ образомъ никто не могъ войти, не надѣлавъ шуму.

„Я крѣпко заснулъ; вдругъ просыпаюсь: мнѣ казалось, что кто-то хочетъ отворить двери, но, почувствовавъ въ устроенной мной баррикадѣ препятствіе, отступаетъ. Я замѣтилъ даже черезъ замочную скважину свѣтъ фонаря. Встревоженный, я вскочилъ съ кровати и крикнулъ: „кто тамъ?". Кругомъ тишина и тьма. Я зажегъ свѣчу и съ револьверомъ въ рукѣ пошелъ осмотрѣть дверцы; я не нашелъ ничего особеннаго. Все было на прежнемъ мѣстѣ. Можетъ-быть, мнѣ только показалось. Я легъ одѣтый, чтобы переждать до утра; нѣсколько часовъ я съ успѣхомъ боролся со сномъ, но подъ утро, когда начинало свѣтать, не выдержалъ. Я заснулъ сномъ тяжелымъ, нездоровымъ, полнымъ ужасныхъ сновидѣній. И вотъ что мнѣ между прочимъ снилось:

„Мнѣ казалось, что вижу комнату, въ которой я спалъ, кто-то лежалъ на кровати. Вдругъ отворяются скрытыя дверцы, входитъ хозяинъ съ длиннымъ ножомъ въ рукѣ, сзади, на послѣднихъ ступенькахъ лѣстницы, стояла хозяйка съ потайнымъ фонаремъ. Хозяинъ тихонько приблизился къ кровати и, освѣщенный направленнымъ на кровать свѣтомъ, убилъ спящаго. Потомъ мужъ взялъ трупъ за ноги, хозяйка за голову, и они снесли тѣло внизъ по лѣстницѣ. На лѣстницѣ у женщины были обѣ руки заняты, поэтому она отдала фонарь мужу, который несъ его въ зубахъ за кольцо, прикрѣпленное сверху.

„Я опять проснулся. Солнце ярко свѣтило. Я вышелъ и нашелъ внизу въ трактирной комнатѣ только одну хозяйку. Черезъ нѣсколько часовъ я былъ дома.

„Прошло три года со времени моего ночлега, о которомъ я совершенно забылъ, когда я прочиталъ въ газетахъ слѣдующее извѣстіе: „Населеніе городка X. сильно встревожено необыкновеннымъ исчезновеніемъ инженера Виктора Арно, который, выйдя на прогулку въ окрестности, не вернулся. Полиція не могла до сихъ поръ найти какихъ-нибудь слѣдовъ". Я прочиталъ это извѣстіе совершенно равнодушно. На слѣдующій день въ той же газетѣ было упомянуто: „Наконецъ, найденъ слѣдъ Виктора Арно. 24 августа проѣзжіе погонщики муловъ видѣли его вблизи лѣсного постоялаго двора подъ названіемъ: „Au rendez-vous des amis". Хозяинъ, опрошенный слѣдователемъ, заявилъ, что Викторъ Арно былъ у него передъ вечеромъ, но ушелъ въ сторону лѣса, ища лучшаго ночлега.

„У меня промелькнула въ головѣ извѣстная мысль. Городъ X.! Постоялый дворъ „Au rendez-vous des amis"! Я тотчасъ же сѣлъ въ вагонъ и черезъ нѣсколько часовъ остановился въ X., гдѣ представился своему товарищу, слѣдователю, который объяснилъ мнѣ, что найденные слѣды вновь затерялись, и что дѣло, по всей вѣроятности, не будетъ выяснено.

— Опрашивали ли вы хозяина „Au rendez-vous des amis"?

— Опрашивалъ, но никакихъ не нашелъ указаній.

— Сдѣлайте это для меня, вызовите ихъ еще разъ.

„На другой день трактирщикъ съ женою явились въ канцелярію слѣдователя. Сначала ввели женщину; я узналъ ее сразу, но она не узнала и потому не обратила на меня вниманія, принимая, очевидно, за судебнаго чиновника. Она отвѣчала на вопросы пискливымъ голосомъ, разсказывала, что постоялый дворъ имѣетъ двѣ комнаты для пріѣзжихъ, обѣ внизу, а онѣ были въ эту ночь заняты погонщиками муловъ, дѣйствительно подтвердившихъ свое прежнее объ этомъ показаніе.

— А третья комната надъ конюшней? — спросилъ я вдругъ.

„Женщина задрожала; она устремила на меня свои непріязненные глаза. Я пользовался впечатлѣніемъ и продолжалъ:

— „Викторъ Арно ночевалъ въ этой комнатѣ. Ночью вы съ мужемъ пришли по лѣстницѣ, ведущей изъ конюшни: ты съ фонаремъ, мужъ съ длиннымъ ножомъ въ рукѣ; вы открыли дверцы въ стѣнѣ; ты осталась съ фонаремъ на послѣдней перекладинѣ лѣстницы, мужъ пошелъ къ кровати и убилъ спящаго...

„Женщина стояла въ нѣмой неподвижности. Мой товарищъ смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, я же продолжалъ описывать свой сонъ, который вспомнился мнѣ во всѣхъ подробностяхъ.

— Потомъ вы взяли трупъ: ты за голову, мужъ за ноги, и снесли тѣло по лѣстницѣ.

— Это неправда!—простонала женщина.

„Я же, подойдя ближе, сказалъ ей прямо въ глаза:

— А мужъ твой несъ фонарь въ зубахъ за кольцо, прикрѣпленное сверху...

„Преступница закрыла глаза, отступила шагъ назадъ и въ величайшемъ испугѣ шептала:

— Все видѣлъ! Все видѣлъ...

„Тотчасъ вывели женщину, а ввели трактирщика. Слѣдователь повторилъ ему все, что я говорилъ старухѣ. Тотъ посмотрѣлъ на насъ, какъ волкъ, запертый въ клѣткѣ, а потомъ, сжимая кулаки, воскликнулъ:

— А, старая вѣдьма, выдала меня! Но я отплачу ей за это!

„Три мѣсяца спустя, оба сложили головы на гильотинѣ. Въ конюшнѣ, подъ толстымъ слоемъ навоза, было найдено тѣло Виктора Арно, а рядомъ скелетъ какого-то англичанина, о таинственномъ исчезновеніи котораго было восемь лѣтъ тому назадъ много говорено въ этой мѣстности.

„Что это было? — заключаетъ разсказъ Бераръ, — какъ объяснить это? Ничего не знаю. Передаю фактъ безъ комментаріевъ, ручаюсь за его подлинность и жажду, чтобы наука выяснила мнѣ загадку...“ („В. Битнеръ: „Вѣрить или не вѣрить“, С.-Пб. 1899 года, стр. 153—155).

11. **Замѣчательное видѣніе**. Г-жа Манасеина сообщаетъ въ письмѣ къ профессору Ш. Рише въ „Annales des sciences psychiques“ за 1895 г. слѣдующій случай видѣнія.

„Это было 4 ноября, въ пятницу, въ десять часовъ утра, въ гостиной, освѣщенной солнцемъ. Г-жа М. разсказывала г-жѣ Михеевой, учительницѣ музыки своей дочери, о вчерашнемъ посѣщеніи собора. Вдругъ разсказчица увидѣла около раскрытаго піанино знаменитаго композитора Антона Рубинштейна. Онъ былъ одѣтъ въ черное, руки держалъ на клавишахъ, а свою львиную голову откинулъ немного назадъ. Г-жа М. видѣла Рубинштейна отъ себя направо, такъ какъ піанино находилось сбоку. Желая хорошенько присмотрѣться къ безтѣлесному піанисту, она повернулась къ нему, но видѣніе постепенно исчезло. Г-жа М. сказала о своей галлюцинаціи дочери и учительницѣ музыки, замѣтивъ при этомъ: „счастье, что г. Рубинштейнъ здоровъ, такъ какъ иначе это видѣніе могло бы вызвать суевѣрныя безпокойства, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько дней передъ смертью государя я видѣла его галлюцинаторный образъ“.

Послѣ этого видѣніе повторилось въ тѣхъ же условіяхъ еще два раза съ небольшими промежутками, каждый разъ расплываясь, подобно дыму въ сыромъ воздухѣ, когда галлюцинатка поворачивалась прямо къ видѣнію. Въ тотъ же день г-жа М. разсказала о своей галлюцинаціи профессору Тарханову, который, вмѣстѣ съ г-жей Михеевой, подтверждаетъ дѣйствительность сообщенія ею факта галлюцинаціи. Пять дней спустя, т.-е. 9 ноября, стало извѣстно, что утромъ въ два часа Антонъ Рубинштейнъ неожиданно умеръ, но чувствовалъ себя нездоровымъ еще *съ пятницы*. Къ этому нужно прибавить, что знаменитый піанистъ былъ въ домѣ г-жи М. только одинъ разъ и вовсе даже не садился къ піанино. (В. Битнеръ: „Вѣрить или не вѣрить?“ Спб. 1899 г., стр. 157—158).

12. **Видѣніе „бѣлой дамы.“** Съ іюня 1786 г. престарѣлый Фридрихъ (знаменитый прусскій король) сталъ прихварывать; старость начинала брать свое; но духъ короля оставался по-прежнему бодрымъ. Смѣясь надъ медициною и докторами, король съ большимъ трудомъ уступилъ неотступнымъ просьбамъ родныхъ, совѣтовавшихъ отдать себя на попеченіе врачей. Вмѣсто ханжи-сидѣлки, которыхъ этотъ непритворный вольнодумецъ терпѣть не могъ, онъ взялъ себѣ стараго гусара, одного изъ своихъ сподвижниковъ при Росбахѣ. И дѣйствительно, старикъ, какъ вѣрный песъ, смотрѣлъ въ глаза дорогого ему короля, ни на шагъ отъ него не отступая, и предупреждалъ малѣйшія желанія. 3 августа 1786 г. одинъ изъ внутреннихъ часовыхъ видѣлъ „бѣлую даму“ и сказалъ объ этомъ гусару, который его выругалъ; но старикъ счелъ все-таки своею обязанностью сообщить о призракѣ государю.

— Чушь!— возразилъ больной. — Часовому не мѣшало бы всыпать сотни двѣ фухтелей... а ты не повторяй вздора. Это какая-нибудь камеръ-медхенъ шла на свиданіе съ пажемъ или камеръ-лакеемъ; или ему просто пригрезилось спросонья.

На другой день вечеромъ, 4 августа, король дремалъ, сидя въ креслѣ; гусаръ сидѣлъ возлѣ и вдругъ замѣтилъ у камина бѣлую фигуру. Не смѣя тревожить короля, онъ уставился на нее и очень явственно различилъ бѣлую женщину.

— Видишь? — спросилъ король хриплымъ голосомъ.

— Кого, государь?

— Бѣлую женщину около камина?

— Вижу, государь!

— Видно, камрадъ, бабьи сказки правду говорятъ, — продолжалъ король, спокойно всматриваясь. — Пусть же убирается туда, откуда пришла!

— Говорятъ, есть такія молитвы...

— Можетъ-быть, но я ихъ не знаю! — усмѣхнулся король.

Онъ опять задремалъ. Видѣніе мало-по-малу исчезло, какъ дымъ. Къ ночи вѣсть о явленіи „бѣлой женщины“ разнеслась по дворцу и всему городу. На слѣдующій день Фридрихъ скончался. Послѣдними его словами были:

— Dieu merci, la montagne a passé!.. (Благодаренье Богу, гора прошла!)

Какая гора? Было ли это символизаціею, подобно тому, какъ въ сонныхъ грезахъ, того физіологическаго процесса, который знаменуетъ переходъ отъ жизни къ смерти, или тутъ скрывалась какая-нибудь мысль? (В. Битнеръ: „Вѣрить или не вѣрить?“ Спб. 1899 г. стр. 159—160).

13. **Таинственное явленіе.** Г-жа Демьяненкова передаетъ о необыкновенномъ случаѣ, происшедшемъ недавно въ черниговской губ., въ 6 верстахъ отъ г. Глухова, въ селѣ Положки, принадлежащемъ теткѣ разсказчицы, Скоропадской.

12 іюня послѣ обѣда сестра моя, г-жа Скоропадская (не владѣющая уже пять лѣтъ ногами) и графиня Е. Кочубей, разговаривая, сидѣли въ гостиной, имѣвшей выходную дверь на балконъ. Больная дремала въ креслѣ. Неожиданно дверь балкона отворилась, и сѣдой старецъ въ сопровожденіи двухъ монаховъ, поддерживающихъ его, вошелъ въ гостиную. Подойдя къ тетушкѣ, онъ остановился и протянулъ руки для благословенія. Монахъ, находящійся съ лѣвой стороны, останавливалъ его, а находящійся съ правой — знаками просилъ благословить, что и было исполнено старцемъ. Вслѣдъ затѣмъ они исчезли, а тетушка моя безъ посторонней помощи твердо встала на ноги и тотчасъ же, упавъ на колѣни передъ образомъ, рыдая, начала молиться. Видѣвшія это, сестра моя и графиня Кочубей, тоже не могли удержаться отъ слезъ. Вѣсть о чудесномъ исцѣленіи быстро распространилась въ окрестности, и сосѣди съѣжались, чтобъ воочію убѣдиться въ этомъ чудѣ. Старецъ же, видимый присутствовавшими, весьма походилъ на образъ св. Митрофанія, который наканунѣ подарила тетушкѣ одна бѣдная женщина, въ благодарность за оказанную ей помощь. Г-жа Скоропадская была не особенно религіозна, но этотъ знаменательный случай оставилъ въ ней сильное и, вѣроятно, неизгладимое впечатлѣніе. („Ребусъ“ 1884 г., № 43).

14. **Второе зрѣніе.** (Изъ воспоминаній графини А. Д. Хлудовой [1]). Есть въ Швеціи одинъ королевскій замокъ Грипсгольмъ, извѣстный цѣлымъ рядомъ сверхъестественныхъ или, по крайней мѣрѣ, необъяснимыхъ видѣній. Батюшка еще знавалъ въ Стокгольмѣ одного стараго господина въ какомъ-то придворномъ чинѣ, который имѣлъ способность предвидѣнія приближающихся въ будущемъ происшествій, то, что шотландцы называютъ second sight — *второе зрѣніе.* Я не помню имени этого человѣка, но о немъ разсказывали много странныхъ случаевъ, и батюшка часто говорилъ объ одномъ изъ нихъ, который я твердо помню. Нѣсколько лѣтъ передъ нашимъ пребываніемъ въ Швеціи, гостилъ у дочери своей, шведской королевы, наслѣдный принцъ Баденскій, послѣ своего пребыванія у другой дочери, императрицы Елизаветы Алексѣевны. Онъ уже собрался ѣхать назадъ на родину. Въ самый день отъѣзда, дворъ вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ въ замкѣ Грипсгольмѣ, и нашъ ясновидецъ тутъ же сидѣлъ за столомъ, почти противъ принца. Во время веселаго разговора, графиня Енгстремъ, кажется, жена министра иностранныхъ дѣлъ, или другая дама, замѣтила, что ясновидецъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, сталъ пристально смотрѣть на принца и пріунылъ. Другіе этого не видали; завтракъ кончился благополучно, придворные простились съ принцемъ, и королевская семья поѣхала провожать его до моря. Пока ожидали ихъ возвращенія, графиня, съ женскимъ любопытствомъ и настойчивостью, не давала покоя ясновидцу, требуя непремѣнно, чтобъ онъ разсказалъ ей, что его смутило; онъ отнѣкивался, она не отставала. Отдѣлившись отъ другихъ группъ, они остались у окна, въ виду большой дороги; тутъ, наконецъ, ясновидецъ рѣшился сказать своей собесѣдницѣ, что плохо принцу придется: во время завтрака онъ увидѣлъ за стуломъ принца его же самого, стоящаго за нимъ, — точно живой двойникъ, но задумчивый и въ другомъ нарядѣ. Настоящій принцъ былъ въ мундирѣ шведскомъ или баденскомъ (не помню), а привидѣніе стояло въ русскомъ мундирѣ.

— Ну, что-же? — спросила графиня. „Не хорошо“, — отвѣчалъ задумчиво тотъ. „Отчего не хорошо? Что же тутъ такого? Чего вы боитесь?“ — „Разумѣется, ничего, все вздоръ; зачѣмъ же вы меня спрашивали?“ Онъ едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ оба они увидѣли въ окно скачущаго опрометью верхового. „Бѣда, бѣда“, — кричалъ онъ, „скорѣе доктора, помощи! Принца опрокинули, онъ

[1]) Графиня Антонина Дмитріевна родилась въ Стокгольмѣ, гдѣ отецъ ея, извѣстный графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, служилъ въ то время совѣтникомъ при посольствѣ. Приводимыя ею здѣсь факты тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что передаются со словъ графа Дм. Ник., человѣка, отличавшагося недюжиннымъ умомъ и образованіемъ. Въ продолженіе своей жизни онъ былъ нѣсколько разъ министромъ и скончался въ 1862 г. предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

крѣпко разбился". Все засуетилось, бросилось на дворъ, на улицу. Принца черезъ нѣсколько часовъ не стало; когда привезли тѣло, онъ былъ въ русскомъ мундирѣ: по какому-то случаю онъ, садясь въ карету, перемѣнилъ платье и надѣлъ русскій мундиръ. Такимъ образомъ, даже и въ этой подробности сбылось предсказаніе ясновидца.

Этотъ случай батюшка слышалъ отъ свидѣтелей-очевидцевъ.

Еще необыкновенный случай разсказывали батюшкѣ очевидцы его. Это уже происходило не въ замкѣ Грипсгольмѣ, а въ Стокгольмѣ, въ королевскомъ дворцѣ. 15 марта 1792 года, братъ короля Густава III, герцогъ Зюдерманландскій, пошелъ въ кабинетъ или библіотеку короля отдохнуть послѣ обѣда и забылъ тамъ свой шарфъ. Вечеромъ, когда была пора отправиться въ маскарадъ, онъ вспомнилъ про шарфъ и послалъ пажа или камердинера за нимъ въ кабинетъ. По прошествіи нѣкотораго времени тотъ воротился, говоря, что никакъ не могъ войти въ комнату: замокъ у двери должно-быть испорченъ, ключъ въ замкѣ, а повернуть никакъ нельзя. Герцогъ самъ пошелъ, и только тронулъ дверь, она отворилась; но онъ отскочилъ, ибо передъ его глазами лежала на диванѣ мужская фигура — вся въ крови, которая текла изъ свѣжей раны. Лица не было видно, но ему казалось, что это или онъ самъ, или король. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ подошелъ къ дивану; но видѣніе уже исчезло. Онъ схватилъ свой шарфъ и поспѣшилъ въ маскарадъ. На этомъ маскарадѣ братъ его, король Густавъ III, былъ смертельно раненъ изъ пистолета графомъ Анкарстромомъ, и раненаго принесли для первой перевязки въ тотъ самый кабинетъ и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ братъ видѣлъ его образъ или тѣнь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

По случаю одной подробности этого происшествія, именно той, что дверь не могъ отворить камердинеръ, а какъ скоро взялъ ключъ герцогъ Зюдерманландскій, она легко отперлась, батюшка разсказывалъ, что знатоки этого дѣла, шведы и шотландцы, ему говорили, что всегда такъ бываетъ: явленіе, привидѣніе изъ духовнаго міра, дается только тому, кто назначенъ судьбою для принятія этой тайны, а для другихъ оно остается не досягаемо, непостижимо. Не то ли бываетъ и вообще въ области духовной? То, что дается какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ инымъ избраннымъ,—и крѣпость вѣры, и пониманіе прекраснаго, и творческая сила поэзіи, и чутье въ оцѣнкѣ людей,—все это недоступно и непонятно дюжиннымъ натурамъ, которымъ нужна грубая осязательность для вѣры, математическая точность для пониманія и очевидность открытыхъ, топорной работы, пружинъ, для объясненія неуловимо-тонкихъ движеній ума и сердца, составляющихъ собою характеръ, т.-е. особенность каждаго человѣка. О самихъ привидѣніяхъ, о явленіи умершихъ и о тѣхъ пророческихъ видѣніяхъ, о которыхъ англичане говорятъ, что идущія намъ навстрѣчу, будущія происшествія *бросаютъ свою тѣнь на землю передъ собою,* можно спорить и дѣлать разныя предположенія; но совершенно отрицать ихъ — точно ли благоразумно? Не все ли великое, не все ли духовное для человѣка необъяснимо? („Русск. арх.", 1889 г., кн. 1).

15. Второе зрѣніе у вестфальцевъ. Вестфалія, моя родина, издавна славится способностью своихъ жителей ко второму зрѣнію, говоритъ Вильгельмъ Людвигъ. Въ ранней молодости, когда я постоянно проводилъ лѣто въ деревнѣ, мнѣ нерѣдко приходилось слышать разсказы, подтверждающіе эту мистическую способность.

Крестьянинъ Бруннингъ, провожая меня какъ-то домой съ охоты, передалъ мнѣ слѣдующее: „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ умерла моя мать; она за послѣднее время прихварывала, но все-таки мы не думали, что конецъ ея такъ близокъ. Незадолго до ея смерти я всталъ рано утромъ и позвалъ работника; тотъ вышелъ изъ своей каморки съ разстроеннымъ лицомъ и спросилъ меня, слышалъ ли я также разбудившее его пѣніе; я отвѣчалъ, что ничего не слыхалъ. По его словамъ, пѣніе, громкое и торжественное, раздавалось въ самомъ нашемъ домѣ; было пропѣто три стиха какого-то хорала, словъ котораго онъ разобрать не могъ, хотя напѣвъ запомнилъ. Я въ тотъ же день взялъ сборникъ хораловъ и сталъ напѣвать ему ихъ, одинъ за другимъ; когда я дошелъ до хорала „Christus, Der ist mein Leben", онъ тотчасъ призналъ его за слышанный имъ въ моментъ пробужденія. Вскорѣ послѣ этого, какъ уже сказано, умерла моя мать. Когда, по здѣшнему обычаю, къ намъ въ домъ явилась школьная молодежь съ канторомъ во главѣ, чтобы отпѣвать тѣло и сопровождать его до могилы, первое, что я услышалъ, было „Christus, Der ist mein Leben"; дѣти пропѣли первые три стиха этого хорала у гроба умершей. Я былъ пораженъ, но постарался скрыть свое волненіе. Послѣ погребенія канторъ сказалъ мнѣ, безъ всякаго повода съ моей стороны, что передъ самымъ началомъ печальной церемоніи ему пришло въ голову велѣть дѣтямъ спѣть „Christus, Der ist mein Leben", вмѣсто хорала, который былъ первоначально назначенъ, такъ какъ ему показалось, что тотъ они еще не достаточно хорошо разу-

чили. Тогда я разсказалъ ему о галлюцинаціи моего работника".

Колонистъ Ротманъ, по общему отзыву много разъ имѣвшій правдивыя галлюцинаціи, сообщилъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее. „Въ безпокойномъ 1848 году разнесся слухъ, что шайка безземельныхъ пруссаковъ собирается сдѣлать на сосѣдей набѣгъ; тогда крестьяне стали выбирать изъ своей среды ночной караулъ, и однимъ изъ первыхъ пришлось караулить Ротману. Однажды, когда онъ во время ночнаго обхода проходилъ съ подручнымъ мимо дома одного пріятеля, ему вздумалось написать на дверяхъ шутливое привѣтствіе мѣломъ, который у него случился въ карманѣ. Онъ уже принялся было писать, какъ вдругъ сквозь дверную щель увидѣлъ свѣтъ; полагая, что кто-нибудь въ домѣ проснулся, онъ сталъ на колѣни и заглянулъ въ отверстіе, сдѣланное въ нижней части двери для куръ. Въ сѣняхъ дома онъ увидѣлъ гробъ, въ которомъ лежалъ трупъ женщины; на крышкѣ гроба, стоявшей тутъ же, обычныя три свѣчи горѣли такъ ярко, что онъ могъ различить бѣлую отмѣтину на лбу у коровы, помѣщавшейся въ хлѣвѣ рядомъ съ сѣнями. Онъ сейчасъ же позвалъ своего спутника, но тотъ ничего не увидалъ, и когда Ротманъ самъ еще разъ посмотрѣлъ въ отверстіе, все въ домѣ было уже темно. Нѣсколько недѣль спустя, хозяйка этого дома умерла, и ея тѣло было положено въ гробъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ его Ротманъ.

Тотъ же свидѣтель имѣлъ однажды правдивую галлюцинацію слуха. Проходя разъ вечеромъ мимо сосѣдняго дома, онъ услышалъ тамъ странный шумъ, точно работали насосами, онъ ясно различалъ мѣрный звукъ накачиванія, журчаніе и всплески воды. Видѣть онъ, однако, ничего не могъ, такъ какъ кругомъ была темнота. Домъ, у котораго ему это послышалось, въ непродолжительномъ времени сгорѣлъ до тла. Ротманъ слыветъ за человѣка весьма разсудительнаго, не суевѣрнаго и не трусливаго; по убѣжденіямъ своимъ онъ, какъ большинство его земляковъ, раціоналистъ.

Съ канторомъ Нидерхаусомъ мнѣ не разъ случалось бесѣдовать о мистическихъ явленіяхъ; изъ сообщенныхъ имъ фактовъ приведу одинъ. Его знакомый крестьянинъ былъ очень удивленъ, однажды вечеромъ услыша, что въ его дровяномъ сараѣ кто-то распиливаетъ доску; подозрѣвая, что къ нему забрался воръ, онъ отправился въ сарай съ ружьемъ, но никого тамъ не нашелъ и шума уже больше не слышалъ. Домашнимъ онъ высказалъ предположеніе, что кто-то надъ нимъ подшутилъ, но они взглянули на дѣло иначе, и вѣсть о дурномъ предзнаменованіи разнеслась по всему селу. Нѣсколько дней спустя, умеръ отецъ этого крестьянина; выйдя изъ дому здоровымъ, онъ болѣе не возвращался, и послѣ долгихъ поисковъ нашли въ лѣсу его трупъ. Когда въ семействѣ вестфальца кто-нибудь умираетъ, зовутъ плотника и велятъ ему тутъ же на мѣстѣ сколотить гробъ, такъ какъ почти у каждаго домовладѣльца есть свой запасъ лѣса; но въ данномъ случаѣ потерявшій отца не желалъ, чтобы исполнилось предзнаменованіе, и потому не позволилъ плотнику работать у себя, а велѣлъ ему взять доски на домъ. Гробъ былъ ужъ почти готовъ, недоставало лишь одного бруска; подмастерье плотника отправился за нимъ въ домъ заказчика, и чтобы не тащить съ собой цѣлую доску, сталъ на мѣстѣ выпиливать брусокъ. Услыша роковой звукъ пилы, крестьянинъ долженъ былъ убѣдиться, что „чему быть, того не миновать".

Поденщикъ Велькеръ имѣлъ въ семидесятыхъ годахъ видѣніе, что около желѣзной дороги, которую тогда проводили мимо его села, появился какой-то новый домъ, потомъ исчезъ, причемъ произошло большое несчастье; онъ говорилъ, что вымѣрялъ шагами длину и ширину этого призрачнаго дома. Вскорѣ на мѣстѣ, указанномъ Велькеромъ, выстроили большой баракъ для желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Когда Велькеръ вмѣстѣ съ мельникомъ Рипе вымѣрялъ его, онъ оказался гораздо меньше, чѣмъ слѣдовало; не прошло однако и двухъ недѣль, какъ баракъ увеличили, и тогда размѣры его, по удостовѣренію Велькера, вполнѣ соотвѣтствовали размѣрамъ дома, явившагося ему въ видѣніи.

Тотъ же Велькеръ видѣлъ, будто похоронная процессія движется не по направленію къ мѣстному кладбищу (въ Остеркапельнѣ), а къ городу Оснабрюку; за гробомъ шелъ впереди всѣхъ человѣкъ, который, проходя мимо извѣстнаго дома, дотронулся рукой до своей бороды. Это видѣніе черезъ нѣсколько времени сбылось: у одного еврея въ Остеркапельнѣ умеръ сынъ, и его не хоронили на мѣстѣ, а повезли въ городъ на еврейское кладбище. Изъ дома, указаннаго Велькеромъ, нѣсколько человѣкъ смотрѣли на процессію и видѣли, что отецъ умершаго, шедшій за гробомъ первымъ, машинально дотронулся рукой до бороды, когда поравнялся съ этимъ домомъ.

Начальникъ мѣстной полиціи Крейенхагенъ, человѣкъ знакомый мнѣ съ лучшей стороны и большой скептикъ по отношенію ко всему сверхъестественному, передалъ мнѣ, что много лѣтъ тому назадъ онъ проходилъ однажды мимо усадьбы Клейнъ-Клусманъ,

одиноко лежавшей на склонѣ горы, и не замѣтилъ тамъ ничего особеннаго. Черезъ нѣсколько минутъ онъ встрѣтилъ человѣкъ двѣнадцать окрестныхъ колонистовъ, бѣжавшихъ куда-то съ ведрами, баграми и проч.— тушить пожаръ. На вопросъ его — гдѣ горитъ?—ему отвѣчали: „въ Клейнъ-Клусманѣ;" всѣ они видѣли изъ долины, какъ изъ-подъ крыши усадьбы показались огненные языки. Напрасно Крейенхагенъ увѣрялъ ихъ, что сейчасъ тамъ проходилъ и никакого пожара не видалъ; они ему не повѣрили, пока своими глазами не убѣдились, что въ Клейнъ-Клусманѣ, дѣйствительно, все благополучно. Однако черезъ нѣсколько недѣль усадьба эта сгорѣла до тла. Этотъ случай интересенъ тѣмъ, что много лицъ имѣло одновременно видѣніе пожара.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ [1]), собранныхъ мной въ короткое время и въ очень небольшомъ районѣ, я пришелъ къ заключенію, что вѣра во второе зрѣніе продолжаетъ существовать въ Вестфаліи и настолько глубоко укоренилась тамъ въ народномъ сознаніи, что еще въ половинѣ нашего просвѣщеннаго вѣка нѣкоторые пасторы находили возможнымъ по просьбѣ своихъ прихожанъ молиться въ церквахъ о томъ, чтобы Богъ избавилъ того или другого отъ опасности, „предзнаменованіе которой Онъ ниспослалъ".

Многое, мнѣ кажется, говоритъ за истинность приведенныхъ мною разсказовъ. Мѣсто дѣйствія и имена свидѣтелей всегда были мнѣ извѣстны, и я лично провѣрялъ каждый случай, да и независимо отъ этого не разъ убѣждался въ правдивости передатчиковъ. Для вестфальскаго крестьянина эта способность вовсе не представляется особымъ отличіемъ; напротивъ, если она рѣзко выражена, онъ считаетъ себя несчастнымъ человѣкомъ и избѣгаетъ дѣлиться своими впечатлѣніями съ другими, отлично зная, какъ къ нимъ отнесутся, и не желая стать предметомъ насмѣшекъ или прослыть за колдуна. Только съ тѣмъ, кто сумѣлъ заслужить его довѣріе, онъ говоритъ объ этомъ предметѣ откровенно.

Правда, болѣе чѣмъ вѣроятно, что множество необыкновенныхъ разсказовъ возникло лишь вслѣдствіе неправильныхъ заключеній о видѣнномъ. Такъ, вполнѣ реальный отблескъ огня можетъ легко быть принятъ за таинственный свѣтъ, и если послѣ того произойдетъ какая-нибудь катастрофа, мнительный и суевѣрный человѣкъ навѣрно увидитъ между обоими явленіями причинную связь. Изъ приведенныхъ случаевъ тотъ, гдѣ говорится о пожарѣ въ Клейнъ-Клусманѣ — можетъ, пожалуй, быть объясненъ такимъ образомъ, хотя трудно предположить, чтобы изъ двѣнадцати человѣкъ съ нормальнымъ зрѣніемъ ни одинъ не могъ отличить свѣта вечерней зари отъ пожара. Но какъ объяснить разсказъ о слышанномъ хоралѣ, или караульномъ, видѣвшемъ за дверью гробъ со свѣчами? Столь ярко выраженные обманы чувствъ не объясняются однимъ тѣмъ, что свидѣтели могли быть суевѣрны; если съ ихъ стороны не было обмана, не остается ничего другого, какъ допустить, что мистическіе факты, дѣйствительно, существуютъ, тѣмъ болѣе, что часто сообщаются такія подробности, предсказать которыя наудачу невозможно. Вотъ еще два примѣра: первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ „Times" отъ 2 декабря 1852 г. и констатированъ судебнымъ порядкомъ. Братъ утонувшаго человѣка предсказалъ, въ какомъ именно мѣстѣ найдется его трупъ — около шлюза въ Оксенхолѣ, и что когда его найдутъ, *мимо будетъ плыть форель;* все это оказалось вѣрнымъ. Другой случай сообщенъ мнѣ моей матерью; въ ея родной деревнѣ былъ работникъ, предсказавшій пожаръ сосѣдняго села и точно опредѣлившій, гдѣ онъ начнется *и гдѣ прекратится.* Нѣкоторые „разсудительные" люди сразу рѣшили, что братъ утонувшаго, вѣроятно, самъ его утопилъ, а подробность о форели, которая будетъ плыть мимо трупа, угадалъ случайно, такъ же какъ и работникъ, наудачу предсказавшій, до которыхъ поръ распространится пожаръ, виновникомъ котораго, конечно, былъ не кто иной, какъ онъ самъ. Одинъ путешественникъ показалъ нѣсколькимъ камерунцамъ фотографію, снятую имъ съ одного изъ нихъ; пораженные вѣрностью изображенія, они пришли къ заключенію, что фотографъ — колдунъ. Неужели мы сочли бы умнѣе того, кто, желая просвѣтить ихъ, сталъ бы увѣрять, что сходство между фотографіей и оригиналомъ не болѣе, какъ простая случайность, и что на самомъ дѣлѣ между ними нѣтъ никакого отношенія. Вѣдь, говоря о колдовствѣ, камерунцы все-таки подразумѣвали причинную связь, хотя и непонятную для нихъ.

Гете въ письмѣ къ Экерману выражается такъ: „Мы всѣ живемъ среди тайнъ и чудесъ; насъ окружаетъ особая атмосфера, о которой мы знаемъ лишь то, что между нашей духовной жизнью и ею есть какая-то связь. Бываютъ такія состоянія, когда душа наша, какъ бы переступая границы тѣла, получаетъ способность предчувствовать, иногда даже и предвидѣть ближайшее будущее". Такая вѣра въ чудесное—не обскурантизмъ, а напротивъ — наступленіе дневного свѣта послѣ ночной тьмы; это зналъ еще Аристо-

[1]) Въ книгѣ г. Людвига приведено 24 случая втораго зрѣнія.

тель, говорившій, что чувство удивленія передъ таинственными явленіями природы должно лежать въ основаніи философіи и всякаго познанія.

Физіологи и психологи имѣютъ, конечно, полное право отнести случаи второго зрѣнія къ галлюцинаціямъ, но они не должны думать, что этимъ все сказано. О причинахъ подобныхъ „галлюцинацій" у людей здоровыхъ тѣломъ и духомъ мы еще до сихъ поръ ничего не знаемъ. Нельзя не задаться вопросомъ, почему именно шотландцы и вестфальцы наиболѣе способны ко второму зрѣнію. Было бы несправедливо полагать, что они даютъ наибольшій процентъ людей необразованныхъ и неразвитыхъ: Шотландія имѣла такихъ выдающихся мыслителей, какъ Дэвидъ Юмсъ, Адамъ Смитъ и Томасъ Ридъ, творецъ „философіи здраваго смысла"; вестфальцы, при всей своей чисто-германской несообщительности и мечтательности, не лишены твердой воли и практической смѣтки, въ чемъ можно убѣдиться, прочтя „Oberhof" Иммермана или „Патріотическія фантазіи" Юстуса Мезера, гдѣ типъ вестфальскаго крестьянина прекрасно обрисованъ. Весьма возможно, что загадочная способность этихъ народностей обусловливается ихъ образомъ жизни; то, что сказалъ о нихъ Тацитъ въ своей „Germania", справедливо и до сихъ поръ: „они любятъ селиться въ одиночку, близъ источниковъ, полей и рощъ; дома въ ихъ селахъ разбросаны на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другого". Это указываетъ на склонность къ сосредоточенности въ самихъ себѣ и къ непосредственному общенію съ природой; вспомнимъ, что почти всѣ пророки вышли изъ такой среды, гдѣ преобладала простая жизнь на лонѣ природы (какъ, напримѣръ, у пастушескихъ племенъ семитовъ), и мы убѣдимся, что это обстоятельство имѣетъ важное значеніе. Можетъ-быть, здѣсь играетъ также роль и мѣстность, въ которой они живутъ; въ своемъ сочиненіи „О духовидѣніи" Шопенгауеръ допускаетъ, что видѣніе призраковъ можетъ быть связано съ опредѣленными мѣстностями.

Объективность мистическихъ явленій не доказывается еще, правда, тѣмъ, что они могутъ быть воспринимаемы нѣсколькими лицами одновременно, но это даетъ поводъ думать, что они имѣютъ свойство сообщаться отъ одного лица другимъ. Вотъ что говоритъ Гете въ „Wahrheit und Dichtung" о своемъ дѣдѣ Текстсрѣ, одаренномъ вторымъ зрѣніемъ: „Замѣчательно, что, когда лица, лишенныя этой мистической способности, находились около него, для нихъ на мгновеніе становилось также возможнымъ предчувствовать, напримѣръ, болѣзнь или смерть людей, находящихся далеко". Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что физическая близость играетъ здѣсь такую же роль, какъ при передачѣ мысли; во всякомъ случаѣ весьма желательно, чтобы изучающимъ гипнотизмъ и сомнамбулизмъ—явленія аналогичныя со вторымъ зрѣніемъ, удалось выяснить физіологическія условія, при которыхъ послѣднее можетъ быть наблюдаемо.

16. **Второе зрѣніе у животныхъ.** Широко распространено мнѣніе, что нѣкоторыя животныя, въ особенности лошади и собаки, одарены вторымъ зрѣніемъ. О собакѣ, напримѣръ, народъ говоритъ, что, когда она безпричинно воетъ, упорно смотря въ одну сторону, это вѣрная примѣта, что она видитъ нѣчто, чего люди не видятъ. Въ юности мнѣ часто разсказывали, что передъ смертью нашего сосѣда-пастора охотничьи собаки моего дѣда каждый день поднимали страшный вой, смотря по направленію пастората; когда же умеръ пасторъ, онѣ немедленно успокоились.

По народному повѣрью, когда въ домѣ кто-нибудь долженъ умереть, лошади безпрестанно потряхиваютъ ушами. Въ подтвержденіе того, что лошади иногда ведутъ себя очень странно, приведу примѣръ, свидѣтелемъ котораго былъ самъ, въ годы моего отрочества. На одной изъ улицъ моего родного города я увидѣлъ однажды двухъ лошадей, запряженныхъ въ пустую подводу; онѣ вдругъ, неизвѣстно почему, остановились передъ какимъ-то домомъ, и никакія понуканія не могли сдвинуть ихъ съ мѣста. Кругомъ не было ничего такого, что могло бы ихъ испугать, и извозчикъ говорилъ, что онѣ уже нѣсколько разъ въ тотъ день безпрепятственно проѣзжали это мѣсто. Принуждены были ихъ отпрячь и провести по параллельной улицѣ, обогнувъ домъ, у котораго онѣ стали; услужливые прохожіе тѣмъ временемъ провезли подводу немного дальше, и когда лошадей снова впрягли, онѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали свой путь. Я разсказалъ о видѣнномъ своимъ домашнимъ, и помню замѣчаніе бывшей при этомъ сосѣдки, что вѣроятно въ домѣ, о которомъ шла рѣчь, скоро будетъ покойникъ, и что лошади, можетъ-быть, видѣли погребальную процессію, мѣшавшую имъ двигаться впередъ. Дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени въ этомъ домѣ умерла женщина, которую знала моя мать; это однако ничуть не поколебало безграничнаго скептицизма, съ которымъ я въ то время относился къ подобнымъ вопросамъ. Достойно также вниманія существующее въ народѣ повѣрье, что видѣніе животнаго передается тому, кто посмотритъ поверхъ его ушей, точно такъ же, какъ

передается и отъ человѣка черезъ прикосновеніе, или если посмотрѣть ему черезъ плечо.

Признавая трансцендентальный способъ познаванія у человѣка, нѣтъ основанія отрицать его въ извѣстной степени и у животныхъ; возможно даже, что отсутствіе нашего рефлективнаго самосознанія дѣлаетъ послѣднихъ способными воспринимать такія впечатлѣнія, которыя обыкновенно для человѣка остаются сверхчувственными. Многія обыденныя, но понятныя для насъ проявленія инстинкта у животныхъ подтверждаютъ это предположеніе; такъ, у Ѳукидида находимъ свѣдѣніе, что во время чумы въ Аттикѣ (въ 430 и слѣд. год. до Р. Х.) птицы, питающіяся мертвыми тѣлами, не только не прикасались къ трупамъ, но совсѣмъ покинули зараженный городъ. О томъ же упоминаетъ и Ливій, передавая подробности о чумѣ, бывшей въ 124 г. до Р. Х. въ Римѣ. У моряковъ замѣчено также, что крысы обыкновенно исчезаютъ съ корабля, которому предстоитъ гибель. Подобные факты собраны профессоромъ Максимильяномъ Перти въ его книгѣ „Психическая жизнь животныхъ" [1]); къ сожалѣнію, этому матеріалу не достаетъ критической провѣрки.

17. **Ретроспективное второе зрѣніе.** Было бы весьма странно, если бы способность, присущая, какъ мы видѣли, не только человѣку, но и животному — изрѣдка отрѣшаться отъ обычныхъ понятій о времени — проявлялась только по отношенію къ грядущимъ событіямъ; между тѣмъ, случаи ретроспективнаго (т.-е. относящагося къ прошедшему) второго зрѣнія были мнѣ почти неизвѣстны, пока я не ознакомился съ замѣчательнымъ сочиненіемъ Шопенгауэра „О духовидѣніи", въ которомъ онъ объясняетъ разбираемыя явленія именно ретроспективнымъ вторымъ зрѣніемъ.

Два подобные случая изъ жизни Сведенборга сообщены Кантомъ [2]), не сомнѣвавшимся въ ихъ достовѣрности; между тѣмъ, его уже никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ критическаго взгляда на вещи.

Отъ г-жи Мартвиль, вдовы голландскаго посланника при шведскомъ дворѣ, требовали уплаты денегъ за серебряный сервизъ, заказанный ея покойнымъ мужемъ; она была убѣждена, что мужъ, отличавшійся аккуратностью въ денежныхъ дѣлахъ, уплатилъ этотъ долгъ, но расписки не могла представить. Не желая понапрасну платить значительную сумму, она просила Сведенборга, какъ человѣка, сообщающагося съ душами умершихъ, спросить ея покойнаго мужа объ этихъ деньгахъ; черезъ три дня онъ пришелъ къ ней съ извѣстіемъ, что деньги, о которыхъ шла рѣчь, мужъ ея уплатилъ за семь мѣсяцевъ до смерти и положилъ расписку въ шкафъ, стоящій въ верхнемъ этажѣ. Г-жа Мартвиль возразила, что изъ этого шкафа все вынули и никакой расписки не нашли; на это Сведенборгъ отвѣтилъ, что, выдвинувъ лѣвый ящикъ этого шкафа и находящуюся подъ нимъ доску, она, по словамъ мужа, найдетъ потайной ящикъ, гдѣ онъ хранилъ свою голландскую корреспонденцію и куда, между прочимъ, положилъ и требуемую расписку. Этотъ потайной ящикъ, о существованіи котораго г-жа Мартвиль не подозрѣвала, дѣйствительно былъ найденъ, а также и расписка. Произошло это въ присутствіи многочисленныхъ гостей, бывшихъ въ то время въ ея домѣ.

Нижеслѣдующіе случаи ретроспективнаго второго зрѣнія провѣрены мной самимъ и не менѣе хорошо обоснованы, чѣмъ многіе факты, на основаніи которыхъ, въ моей юридической практикѣ, на обвиняемыхъ налагались тяжкія наказанія.

Въ 1830 г. въ Гёттингенѣ умерла жена тамошняго библіотекаря Рейса, очень умная и правдивая женщина. За нѣсколько недѣль до своей скоропостижной смерти ей разъ ночью не спалось, и она по своему обыкновенію читала въ постели; книга, описаніе какого - то путешествія, уже никакъ не могла навести ея мысли на привидѣнія, однако она вдругъ увидѣла около своей кровати незнакомую блѣдную женщину маленькаго роста, въ бархатномъ платьѣ старо-французскаго покроя. Г-жа Рейсъ въ испугѣ приподнялась на постели, и привидѣніе исчезло: въ ту же минуту собака, помѣщавшаяся какъ разъ подъ спальней, жалобно завыла. Случай этотъ, назовемъ ли мы его физіологической галлюцинаціей или какъ-нибудь иначе, былъ единственнымъ въ жизни г-жи Рейсъ, особы скептической въ религіозномъ отношеніи и не вѣрившей въ безсмертіе души. На другое утро она сообщила о своемъ видѣніи брату, а онъ впослѣдствіи неоднократно разсказывалъ о немъ своимъ домашнимъ. Такъ какъ мѣстомъ дѣйствія здѣсь былъ очень старый домъ, имѣвшій длинный рядъ обитателей, есть основанія объяснить этотъ случай ретроспективнымъ вторымъ зрѣніемъ; имъ подтверждается также мистическое убѣжденіе, существующее съ незапамятныхъ временъ — что часто близость смерти дѣлаетъ человѣка способнымъ къ воспріятію сверхчувственныхъ впечатлѣній.

Слѣдующій фактъ, убѣдительный именно по своей простотѣ, разсказанъ мнѣ тремя сестрами Х., живущими вмѣстѣ въ Ганноверѣ.

[1]) Русскій переводъ г. Зенгера. Москва, 1866 г.
[2]) «Письмо духовидца», нѣм. изд. Реклама, стр. 72.

Какъ-то онѣ всѣ три вышли утромъ изъ дому; часъ спустя, одна изъ нихъ Клара Х. первая возвращалась домой и, подходя къ воротамъ, увидѣла входившихъ туда двухъ своихъ подругъ, сестеръ Б. У Клары Х. хорошее зрѣніе, и къ тому же эти двѣ особы находились на такомъ близкомъ разстояніи, что нельзя было ошибиться. Обрадованная посѣщеніемъ, Клара Х. спѣшитъ домой, но тамъ, къ изумленію своему, узнаетъ, что гостьи приходили *три четверти часа тому назадъ*, вскорѣ послѣ ухода хозяекъ изъ дому, и сейчасъ же ушли, пожалѣвъ, что не застали ихъ. Клара Х. въ тотъ же день отправилась къ нимъ и тамъ узнала, во-первыхъ, что, горничная сказала правду относительно времени ихъ посѣщенія, во-вторыхъ, что, не заставъ никого дома, онѣ прямо отправились домой и больше въ домъ сестеръ Х. не приходили, и, наконецъ, въ третьихъ, что онѣ были тогда одѣты совершенно такъ, какъ описала ихъ Клара Х.

Оставлять подобные загадочные факты совершенно безъ объясненій значило бы давать скептикамъ право ихъ игнорировать; кромѣ того, уже для успѣшнаго собиранія этихъ фактовъ необходимо выработать себѣ относительно ихъ какую-нибудь теорію, въ ожиданіи того времени, когда будетъ найденъ ключъ для научнаго ихъ объясненія. Поэтому я считаю не лишнимъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ соображенія, которыми я самъ руководствовался въ своихъ „Экскурсіяхъ“.

Тотъ, кто не желаетъ, подобно недальновиднымъ скептикамъ, относить разбираемыя здѣсь мистическія явленія въ область вымысла, долженъ прежде всего отказаться отъ наивно-реалистическаго взгляда на время и пространство; тому и другому слѣдуетъ придавать не абсолютное, а лишь относительное значеніе. Не нужно даже знакомства съ трансцендентальной философіей, обезсмертившей имя Канта, чтобы убѣдиться въ томъ, что наше представленіе о времени находится въ зависимости отъ положенія, занимаемаго нами въ пространствѣ. Въ „Исторіи развитія вселенной“ Дюпрель напоминаетъ намъ о томъ, что звѣздное небо на самомъ дѣлѣ не таково, какимъ оно представляется намъ: лучи отдаленныхъ звѣздъ доходятъ до насъ, какъ извѣстно, лишь черезъ милліоны лѣтъ, слѣдовательно мы наблюдаемъ не настоящее, а давно прошедшее состояніе этихъ свѣтилъ. Только для такого существа, которое могло бы находиться одновременно во всѣхъ частяхъ пространства, не было бы никакого различія между настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ; оно было бы не только вездѣсущимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчнымъ во времени. Извѣстный физіологъ и философъ Фехнеръ весьма талантливо доказываетъ, что если всякая энергія сохраняется, то и духъ человѣка никогда не утрачиваетъ своей индивидуальности. Каждое движеніе (волевой актъ) напоминаетъ паденіе въ воду камня, отъ котораго до самыхъ береговъ распространяюся круги; въ безбрежномъ пространствѣ, какова вселенная, ничто не помѣшало бы этимъ кругамъ распространяться до безконечности. Этимъ объясняется, почему съ лицомъ, находящимся въ сомнамбулическомъ состояніи, происходитъ то же, что и съ наблюдателемъ звѣзднаго неба, т.-е. почему при перемѣщеніи психо-физической границы сознанія, сопровождающемъ сомнамбулизмъ, прошедшее (или будущее) также можетъ представиться настоящимъ.

Несомнѣнно, что второе зрѣніе проявляется только при особомъ физіологическомъ состояніи видящаго. Но, кромѣ этого физіологическаго условія, нуженъ еще особаго рода импульсъ, чтобы вызвать мистическую способность къ дѣйствію. Соглашаясь съ мнѣніемъ Шопенгауэра, что мѣстность играетъ нѣкоторую роль въ подобныхъ случаяхъ, я далекъ, однако, отъ того, чтобы искать въ ней ближайшую побудительную причину явленія: въ каждой части пространства находится, по всей вѣроятности, множество отголосковъ прежнихъ событій и жизней; почему же въ данную минуту именно тотъ, а не другой доходитъ до состоянія человѣка, для котораго, при обычныхъ условіяхъ, весь этотъ міръ тѣней вовсе не существуетъ? Выяснить это будетъ во многихъ случаяхъ весьма трудно. (Извлеч. въ сокращен. изъ „Ребуса“, 1890 года, №№ 38—40).

18. **Замѣчательный случай двойного зрѣнія**. Парижская газета „Фигаро“ отъ 12 дек. 1885 года сообщаетъ объ одномъ странномъ случаѣ *двойного зрѣнія* какъ называетъ она явленіе, испытанное г. Медюль, однимъ изъ профессоровъ парижской консерваторіи, и имъ самимъ разсказанное.

У г. Медюль былъ близкій другъ г. Н., задумавшій купить небольшое помѣстье около Мелена. Другъ этотъ простился съ нимъ, отправляясь туда въ дилижансѣ для совершенія купчей крѣпости. Случилось это лѣтомъ 1799 года. Въ ночь, послѣдовавшую за его отъѣздомъ, Медюль проснулся, когда на ближней церкви пробило два часа, и вдругъ увидалъ въ ногахъ своей кровати друга своего Н., стоящимъ какъ бы въ тѣни, набрасываемой на него подозрительнаго вида горбуномъ съ пучкомъ веревокъ въ рукахъ. Странное видѣніе это такъ взволновало Медюля, что онъ не могъ уже заснуть и всталъ

очень рано. Послѣ нѣсколькихъ дней напрасныхъ справокъ о путешественникѣ, ему, наконецъ, сказали въ полицейскомъ управленіи, что г. Н. взялъ мѣсто въ Меленскомъ дилижансѣ одновременно съ другимъ лицомъ, но ни тотъ, ни другой до мѣста назначенія не доѣхали, и кондукторъ не видалъ, гдѣ и какъ они вышли изъ экипажа; что производится слѣдствіе и проч.

Прошло пять лѣтъ, профессоръ Медюль сдѣлался извѣстнымъ композиторомъ; генералъ Наполеонъ Бонапартъ произвелъ себя въ императоры, а Медюля въ свои капельмейстеры, и странное видѣніе было имъ отчасти забыто, отодвинувшись въ давно минувшее.

Однажды, во время коронаціонныхъ празднествъ, Медюль стоялъ въ толпѣ возлѣ иллюминованнаго фонтана и вдругъ почувствовалъ у себя въ карманѣ руку; крѣпко схвативъ ее, онъ закричалъ: „воръ!“ и передалъ его подоспѣвшему полицейскому; но тутъ, взглянувъ на пойманнаго карманника, онъ къ великому своему удивленію узналъ въ немъ памятный ему образъ, сопровождавшій въ видѣніи его друга, пропавшаго пять лѣтъ тому назадъ.

Медюль пошелъ домой подъ страннымъ впечатлѣніемъ, спалъ онъ очень мало, проснулся при звукѣ двухъ часовъ, пробившихъ на колокольнѣ той же церкви, и опять увидалъ фигуру своего друга.

Это побудило его отправиться на слѣдующее утро къ полицейскому комиссару, которому онъ разсказалъ оба свои видѣнія, обращая его вниманіе на возможность какой-нибудь связи между пойманнымъ воромъ и исчезновеніемъ его друга г. Н. „Не будь я капельмейстеромъ императора, прибавляетъ Мюдель, очень вѣроятно, что комиссаръ только бы насмѣялся надо мною, но тутъ онъ обѣщалъ навести тщательныя справки о прошедшемъ вора. Его посадили въ одиночное заключеніе и подвергли допросу слѣдственнаго судьи, результатомъ котораго было его полное сознаніе“.

Изъ этого сознанія оказалось, что въ 1799 году горбунъ былъ портнымъ и услыхалъ случайно отъ камердинера г. Н., что господинъ его отправляется въ дилижансѣ въ Меленъ для покупки тамъ помѣстья. Тогда портной рѣшилъ попытаться завладѣть его деньгами, для чего отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Меленъ. Ему удалось помѣститься во внутреннемъ отдѣленіи дилижанса вдвоемъ съ г. Н. Вскорѣ онъ притворился спящимъ, а когда убѣдился, что Н., дѣйствительно, уснулъ, то задушилъ его, набросивъ ему на шею петлю изъ припасенной имъ заранѣе веревки. Завладѣвъ затѣмъ портфелемъ убитаго, онъ выбросилъ тѣло изъ экипажа и, выпрыгнувъ самъ, очень удачно скрылъ его, зарывъ въ лѣсу. Все это удалось ему исполнить незамѣтно, пользуясь темнотою, пока они ѣхали лѣсомъ, стукомъ колесъ по неровной дорогѣ и громкимъ пѣніемъ сидѣвшаго рядомъ съ кондукторомъ пассажира.

По указаніямъ убійцы, тѣло Н. было найдено зарытымъ подъ деревомъ, а виновный, согласно французскимъ законамъ, подвергнутъ смертной казни. (Газ. „Фигаро“, сн. „Ребусъ“, 1886 г., № 44).

19. **Предупрежденіе о смерти.** Въ Житомірѣ жена доктора Н. была долго и серьёзно больна; на выздоровленіе не было никакой надежды. Слабость ея дошла до того, что она не могла говорить, не могла поднять руки, чтобъ звонкомъ позвать прислугу. Однажды, въ отсутствіе мужа, прислуга услышала у барыни въ комнатѣ рѣзкій звонокъ, пришла туда и крайне удивилась, заставъ ее одѣтою и сидящею на кровати. Больная приказала служанкѣ итти за ней въ другую комнату, отперла сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ, перебрала всѣ вещи, отложила сверху, что нужно, и сказала: „все отложенное слѣдуетъ надѣть на нее, когда она умретъ“. На заявленіе служанки, что барыня, слава Богу, начала поправляться и конечно выздоравливаетъ, больная разсказала слѣдующее. Она не спала, когда въ комнату вошла женщина, одѣтая въ бѣлое платье, попросила не безпокоиться, не бояться, и заявила, что она пришла „предупредить ее о скорой ея смерти, и совѣтовала приготовить нужное одѣяніе.“ При этомъ строго запретила говорить о видѣнномъ мужу, предупреждая о дурныхъ послѣдствіяхъ; затѣмъ женщина исчезла. Послѣ этого больная почувствовала въ себѣ настолько силы, что могла встать, одѣться и позвать прислугу. Разсказавъ это и запретивъ прислугѣ говорить объ этомъ случаѣ мужу, больная возвратилась въ свою комнату, раздѣлась, легла и опять сдѣлалась такъ же слаба, какъ и была до видѣнія. На другой день она умерла. Когда нужно было одѣть покойницу, то служанка сказала мужу, что барыня сама все приготовила, указала, гдѣ что лежитъ. По этому случаю служанка и разсказала о предсмертномъ видѣніи умершей. (Сообщилъ г. Ки—чъ со словъ доктора Н.; „Ребусъ“ 1886 г., № 2).

20. **Выдающіеся случаи видѣнія будущаго.** а) Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, магистръ московскаго университета, извѣстный одесскій археологъ, былъ очень друженъ съ Михаиломъ Михайловичемъ Кирьяковымъ, воспитанникомъ также московскаго университета, извѣстнымъ дѣятелемъ новороссійскимъ. Кирьяковъ занемогъ опасно въ 1835 г.,

а Мурзакевичу надо было ѣхать въ Ростовъ, по дѣламъ службы, разбирать архивъ. Онъ поѣхалъ. Однажды, случилось ему обѣдать тамъ въ веселомъ обществѣ. Послѣ обѣда вдругъ напала на него тоска, и онъ ушелъ прогуляться въ саду. Слезы полились у него невольно изъ глазъ, оглянулся,—и увидѣлъ погребальную процессію по аллеѣ.

Черезъ нѣсколько времени онъ получаетъ извѣстіе объ отчаянномъ положеніи своего друга, спѣшитъ въ Одессу, и на четвертый день пріѣзжаетъ туда изъ Ростова. Кирьяковъ жилъ на дачѣ, домъ находился въ саду далеко отъ воротъ, за многими дорожками. Мурзакевичъ подъѣхалъ тихо, вышелъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ, остановился на дорогѣ собраться съ духомъ. Кирьяковъ въ эту минуту говоритъ сестрамъ, его окружавшимъ: „Мурзакевичъ пріѣхалъ."—„Нѣтъ," отвѣчаютъ онѣ ему „не пріѣзжалъ"—„Пріѣхалъ", повторяетъ онъ,—и черезъ пять минутъ входитъ, дѣйствительно, Мурзакевичъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, которые разсказали ему послѣ о слышанномъ отъ больного.

Кирьяковъ вскорѣ скончался. Тѣло было вынесено черезъ садъ, и Мурзакевичъ увидѣлъ здѣсь аллею и ту процессію, которая представилась его воображенію за нѣсколько дней. —

б) Отецъ А. И. Кошелева, племянникъ графа А. А. Мусина-Пушкина, бывшаго посломъ въ Лондонѣ, привезъ къ своему дядѣ депеши. Возвратясь отъ него на свою квартиру, въ первую ночь онъ видитъ во снѣ, что его зовутъ къ послу; онъ идетъ и встрѣчается словами: „ну, братъ, отдыхать тебѣ некогда, а долженъ отправиться ты назадъ въ Парижъ съ моими отвѣтами." Онъ видитъ, что пріѣзжаетъ въ Дувръ, но ни одинъ корабль не пускается оттуда въ море, которое сильно взволновалось. Отыскался однакожъ капитанъ, который обѣщался доставить его въ Кале. Они отправились, противный вѣтеръ не унимался, ломается мачта, и корабль подвергается опасности.

Въ эту минуту его будятъ и зовутъ, дѣйствительно, къ послу, который встрѣчаетъ его именно словами, слышанными во снѣ. Далѣе произошло все именно такъ, какъ онъ видѣлъ во снѣ: онъ отправляется изъ Дувра во время бури, корабль подвергается опасности, мачта была, точно, сломана, но, наконецъ, они достигаютъ берега. —

в) „Прослуживъ 5 выборовъ ктиторомъ при церкви Св. Троицы, что на Капелькахъ," пишетъ М. М. Евреиновъ, „оставилъ я эту службу, потому что переселился въ свою подмосковную, гдѣ проживъ довольно долго, возвратился въ Москву; по пріѣздѣ въ свой домъ, спрашивалъ оставшихся въ домѣ людей, нѣтъ ли чего новаго? Мнѣ отвѣчали, что новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что на дняхъ схоронили Татьяну Сергѣевну. Я спросилъ, кто такая Татьяна Сергѣевна, и мнѣ отвѣчали: бывшая при церкви просвирня, о которой я совсѣмъ забылъ, но при этихъ словахъ вспомнилъ я сонъ, который въ ту ночь предъ тѣмъ видѣлъ, будто я вхожу въ эту самую церковь, при которой служилъ, и обратилъ взглядъ на то самое мѣсто, гдѣ я обыкновенно стоялъ, и гдѣ неподалеку отъ меня становилась и вышеупомянутая просвирня. На ея мѣстѣ стоитъ женщина, смуглая и очень высокаго роста. Тогда я спросилъ, что эта за женщина, которая тутъ стоитъ, и мнѣ отвѣчали, что это новая просвирня."

„Когда мнѣ сказали объ умершей, я тотчасъ вспомнилъ видѣнный сонъ, и чтобы провѣрить этотъ сонъ, на другой же день отправился въ ту же церковь, и каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ стоящую ту самую женщину, какую я видѣлъ во снѣ, и которой прежде никогда не видывалъ!" (Погодинъ: „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ", изд. 1884 г., стр. 139—140). —

г) Когда я былъ еще архимандритомъ (до 1865 г.), разсказываетъ еписк. Порфирій (Успенскій), меня въ Александровской лаврѣ посѣтилъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и, между прочимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій необычайный случай съ нимъ.

Я въ молодости своей не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ бытіе души, ни въ загробную жизнь, и даже частенько насмѣхался надъ религіей и надъ служителями ея. А теперь я вѣрю и молюсь. Такой переворотъ къ лучшему совершился во мнѣ по слѣдующему неисповѣдимому случаю. Однажды, я ночью возвращался въ свою квартиру на Невскомъ проспектѣ, у Аничкова моста, и увидѣлъ яркій свѣтъ въ окнахъ своего кабинета. Не зная, отъ чего онъ тутъ, вхожу въ домъ и спрашиваю своего слугу: „кто въ моемъ кабинетѣ?" Слуга сказалъ мнѣ: „тамъ нѣтъ никого",—и подалъ мнѣ ключъ отъ этой комнаты. Я отперъ кабинетъ, вошелъ туда и увидѣлъ, что въ въ глубинѣ этой комнаты сидитъ задомъ ко мнѣ какой-то человѣкъ и что-то пишетъ. Я подошелъ къ нему и, изъ-за плеча его прочитавъ написанное, громко крикнулъ, схватился за грудь свою и упалъ безъ чувствъ; когда же очнулся, уже не видѣлъ писавшаго, а написанное имъ взялъ, скрылъ и до сей поры таю, а передъ смертью прикажу положить со мною въ гробъ и могилу эту тайну мою. Кажется, я видѣлъ себя самого пишущаго. Послѣ этого видѣнія я сдѣлался вѣрующимъ.

Чудное видѣніе! Объясняю его, какъ умѣю. Князь Вяземскій былъ поэтъ. Душа его въ глубокой сущности своей, какъ сдается, была лучше, чище и свѣтлѣе его ума, помраченнаго вольтеріанствомъ; и вотъ она, желая освободиться отъ этого мрака и спастись для вѣчной жизни, силою своею сотворила то, что сотворила: воспроизвела въ глазахъ князя освѣщеніе его кабинета, а изъ всего тѣла его источила электромагнитизмъ и изъ него создала не тѣнь, а неосязаемый автоматъ, который волею же ея могъ писать то, что писалъ. Князь увидѣлъ это писаніе, или грозно-обличительное и устрашающее, или призывающее къ раскаянію, и, изумленный имъ и самымъ видѣніемъ и ослабленный вышедшимъ изъ него токомъ электромагнитизма, упалъ безъ чувствъ, но, когда этотъ токъ возвратился въ него, очнулся, раскаялся и сдѣлался благочестивымъ христіаниномъ (Извлеч. въ сокращ. изъ „Книги бытія моего", еп. Порфирія Успенскаго, стр. 336—367).—

д) Епископъ Карлайль разсказывалъ слѣдующее въ „Contemporary Review" (янв. 1884 г.).

„Сообщившій мнѣ о нижеслѣдующемъ фактѣ, бывшій студентъ Кембриджскаго университета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ уговорился съ товарищемъ встрѣтиться въ извѣстное время въ Кембриджѣ, чтобы вмѣстѣ заниматься. Незадолго до назначеннаго свиданія этотъ студентъ былъ на югѣ Англіи. Проснувшись ночью, онъ увидалъ, какъ ему казалось, друга своего сидящимъ въ ногахъ у его кровати. Онъ очень удивился при первомъ взглядѣ, тѣмъ болѣе, что его другъ промокъ насквозь. Онъ заговорилъ, но привидѣніе (оно такимъ казалось) только качало головой и исчезло. Это явленіе отсутствующаго друга повторилось еще разъ въ теченіе ночи. Вскорѣ были наведены справки, и оказалось, что незадолго до явленія, видѣннаго молодымъ студентомъ, другъ его потонулъ во время купанья".

Узнавъ, что этотъ случай былъ разсказанъ епископу архидіакономъ Фарлеромъ, мы обратились къ нему и получили слѣдующее сообщеніе отъ 9 янв. 1884 г.

„Фактъ моего видѣнія былъ разсказанъ мною на слѣдующее же утро за завтракомъ моему воспитателю, г-ну Джону Кемпе, его женѣ и семейству, - это было за нѣсколько дней до полученія мною извѣстій о смерти друга. Г-нъ и г-жа Кемпе умерли, но можетъ-быть, что члены ихъ семейства помнятъ случай, хотя въ то время всѣ еще были дѣтьми. Я жилъ въ Лонгъ-Аштонъ, въ Сомершайрѣ; другъ умеръ въ Кентѣ. Такъ какъ явленіе меня не испугало, то я скорѣе считалъ его необычайнымъ сномъ.

„Это видѣніе явилось мнѣ 2 или 3 сент. 1878 г., но со мной нѣтъ записной книжки, чтобы удостовѣриться въ этомъ. Явленіе повторилось около 17 числа; это былъ единственный случай такого рода въ теченіе всей моей жизни; я никогда не испытывалъ никакихъ галлюцинацій чувствъ. І. П. Фарлеръ".—

е) Мы получили слѣдующій разсказъ отъ Джона А. Саймондса.

„Я былъ ученикомъ шестого класса въ Геррау; будучи старшимъ въ домѣ г-на Рендаля, я занималъ особенную комнату. Лѣтомъ въ 1858 г. я проснулся до разсвѣта и дотронулся до своихъ книгъ, лежавшихъ на стулѣ между кроватью и окномъ; вдругъ я почувствовалъ, что долженъ повернуть голову въ другую сторону, и тутъ, между мною и дверью, стоялъ докторъ Меклинъ въ черной одеждѣ священника. Онъ немного наклонилъ ко мнѣ худощавое свое лицо и сказалъ: „я ухожу далеко, берегите моего сына". Пока я слушалъ, я вдругъ увидѣлъ дверь на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. Докторъ Меклинъ умеръ въ ту же ночь въ Клифтонѣ (не могу опредѣлить, въ которомъ часу). Мой отецъ, близкій его другъ, былъ при немъ. Я не зналъ, что онъ боленъ серьёзнѣе, чѣмъ обыкновенно; здоровье его постоянно было слабое".

Мы узнали впослѣдствіи, что докторъ Меклинъ скончался въ Клифтонѣ 14 мая 1858 г. въ 5 $^{3}/_{4}$ ч. утра.—

ж) Миссъ Биль, начальница женской коллегіи въ Чельтенгамѣ, сообщаетъ слѣдующій разсказъ, полученный ею нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ миссъ Т. Дж. С.

„Когда мнѣ было лѣтъ 13 или 14, я нѣсколько дней гостила у знакомыхъ, гдѣ занимала комнату съ подругой однимъ годомъ старше меня. Однажды ночью, я случайно проснулась и увидѣла человѣка (одѣтаго въ какомъ-то халатѣ) стоящимъ передъ туалетомъ, спиною къ кровати, и какъ будто ощупью ищущимъ дорогу. Я помню, что протерла глаза, чтобы убѣдиться, что не вижу сна, но, когда я чрезъ нѣсколько минутъ подняла глаза, явленіе исчезло. Это меня поразило, и я разбудила свою подругу. Она однако старалась убѣдить меня, что это былъ ея братъ (единственный въ домѣ мужчина) и что онъ, вѣроятно, вошелъ посмотрѣть, который часъ на большихъ часахъ, стоявшихъ на моемъ туалетѣ, которые въ нашемъ домѣ считались большимъ авторитетомъ. (Я забыла сказать, что мѣсяцъ ярко освѣщалъ комнату). Я этому не совсѣмъ повѣрила, но опять уснула и на другое утро за завтракомъ спросила Ц. (брата моей подруги), зачѣмъ онъ приходилъ въ нашу комнату въ предыдущую ночь. Онъ сказалъ, что онъ, конечно, тамъ не

былъ, но спросилъ что я видѣла, а когда я ему сказала, онъ показался такимъ пораженнымъ и печальнымъ, что я перестала говорить объ этомъ предметѣ.

„Нѣсколько дней спустя, мать его сказала мнѣ, что Ц. видѣлъ въ своей комнатѣ ту самую личность, въ ту самую ночь, когда я ее видѣла, и узналъ въ ней очень близкаго друга и товарища по службѣ. Когда Ц., по причинѣ слабаго здоровья, оставилъ морскую службу, этотъ другъ получилъ отпускъ, чтобы провести съ нимъ нѣсколько дней, а когда они разстались, сказалъ: „кто изъ насъ первый умретъ, явится другому“. Въ тотъ день, когда г-жа Б. разсказала мнѣ про это происшествіе, Ц. узналъ про смерть своего товарища. Она послѣдовала на кораблѣ, противъ испанскаго берега, въ ту самую ночь, когда Ц. и я видѣли явленіе“.—

з) Слѣдующій случай занимаетъ промежуточное положеніе между нормальными случаями и классомъ *неузнанныхъ призраковъ*.

„Въ 1861 г. мои родители жили въ Сого-Скверѣ, и я съ братомъ Альфредомъ, 24-хъ лѣтъ, жили съ ними. 15 октября мой братъ проводилъ вечеръ у бывшаго товарища по школѣ, у котораго онъ иногда и ночевалъ, чтобы не возвращаться поздно. Когда онъ приходилъ позже, чѣмъ легли мои родители, онъ тихо подходилъ къ постели матери, цѣловалъ ее, когда она бодрствовала, а въ противномъ случаѣ оставлялъ шляпу свою на столѣ, въ знакъ того, что вернулся.

„15 октября она легла, не дождавшись его, но послѣ перваго сна внезапно проснулась, и, насколько ей казалось, видѣла его стоящимъ у ея кровати, въ ногахъ; она тихо сказала: „я не сплю, мой милый“, но онъ ушелъ, не поцѣловавъ ее; это, конечно, ее удивило.

„16 октября, утромъ, за завтракомъ она мнѣ сказала: „гдѣ Альфредъ?“ Я отвѣтила: „онъ не приходилъ домой вчера вечеромъ“. Она возразила: „о, нѣтъ, онъ приходилъ, и вошелъ ко мнѣ въ комнату, уже почти раздѣтымъ, но не говорилъ со мной противъ своего обыкновенія“. Черезъ часъ мой братъ вошелъ, и мать спросила его, былъ ли онъ ночью въ ея комнатѣ? Онъ увѣрилъ ее, что его дома не было. Она сказала: „это очень странно, я вполнѣ увѣрена, что кто-то стоялъ у моей кровати, въ ногахъ, когда я ночью проснулась“.

„Около полудня мы получили письмо, извѣщающее насъ, что нашъ двоюродный братъ Франкъ, нѣсколькими годами только старше моего брата, въ 1 ч. ночи умеръ въ Лондонѣ. Мать немедленно воскликнула: „я видѣла Франка! Я мысленно вижу его такимъ же, какъ онъ мнѣ показался ночью, и хотя я въ то время думала, что вижу Альфреда, но я тотчасъ же замѣтила что-то странное въ его наружности, и я не могла понять, зачѣмъ онъ зашелъ ко мнѣ безъ сюртука“.

День смерти, 16 октября, засвидѣтельствованъ въ некрологѣ „Times“. (См. кн. „Прижизненные призраки, или телепатич. явленія“, Гернея, Подмора и Майерса, откуда мы и заимствовали вышеизложенные факты въ сокращеніи).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Видѣнія и попытки къ научному констатированію ихъ.

Камилла Фламмаріона.

Неизвѣстное вчера становится истиною завтра.

Таково, напримѣръ, явленіе умирающаго лицу, находящемуся на болѣе или менѣе далекомъ разстояніи. Позитивисты только пожимаютъ плечами, когда говорятъ о такихъ «нелѣпостяхъ»; заниматься ими хотя бы одну минуту—значитъ не только терять время, но и впадать въ суевѣріе отжившихъ вѣковъ. *Невозможно,* утверждаютъ они, чтобы одинъ человѣкъ явился другому, или чтобы онъ сообщилъ ему о своемъ переходѣ отъ жизни къ смерти. Слово «невозможно» перестало быть французскимъ еще во времена Наполеона. Оно вычеркнуто и изъ философскаго лексикона, послѣ неожиданныхъ и изумительныхъ открытій современной физики. Тотъ, кто позволитъ себѣ въ настоящее время, послѣ фотографіи, пара, телеграфа, телефона, спектральнаго анализа звѣздъ, внушенія и гипнотизма провести границу возможнаго, отстаетъ, по крайней мѣрѣ, на полъ-вѣка отъ самаго маленькаго ученика первоначальной школы.

Нѣкоторые возражаютъ: какимъ образомъ объяснить себѣ явленія такого рода? Мы должны допускать только то, что въ состояніи уяснить себѣ.

Опять-таки заблужденіе. Можете ли объяснить себѣ, почему камень падаетъ? Нѣтъ, конечно. Вамъ неизвѣстна сущность тяжести. Будьте же въ такомъ случаѣ поскромнѣе и не осуждайте тѣхъ, которые стремятся знать больше вашего.

Вопросъ заключается въ томъ, существуютъ ли видѣнія? Если они существуютъ, то и слѣдуетъ ихъ допустить. А объяснимъ мы ихъ потомъ... если сможемъ.

О! они существуютъ не со вчерашняго дня, или, по крайней мѣрѣ, о нихъ не теперь только заговорили. Въ эпоху возникновенія христіанства нечестивые писатели касались не разъ того же вопроса, и вотъ, напримѣръ, очень интересный фактъ, разсказанный Цицерономъ въ его трактатѣ «О Божественности».

«Два пріятеля пріѣзжаютъ въ Мегары и помѣщаются оба на отдѣльныхъ квартирахъ. Едва одинъ изъ нихъ успѣлъ заснуть, какъ передъ нимъ является его спутникъ и сообщаетъ ему съ грустнымъ видомъ, что его хозяинъ имѣетъ намѣреніе убить его, и умоляетъ своего друга притти къ нему на помощь. Тотъ просыпается, но, убѣжденный въ нелѣпости сна, снова засыпаетъ. Пріятель является опять къ нему и умоляетъ его поспѣшить, такъ какъ убійцы готовы уже войти въ его комнату. Нѣсколько смущенный, онъ удивляется упорству этого сна и хочетъ итти къ пріятелю; но усталость и разсудокъ берутъ верхъ, и онъ снова ложится. Тогда пріятель является ему третій разъ, блѣдный, окровавленный и обезображенный. «Несчастный, сказалъ онъ, ты не пришелъ, когда я просилъ тебя! Все кончено; отмсти же теперь за меня. Ты встрѣтишь при восходѣ солнца у городскихъ воротъ телѣгу, наполненную навозомъ, останови ее и прикажи разгрузить; ты найдешь тамъ мой трупъ; прикажи отдать мнѣ погребальныя почести и подвергни преслѣдованію моихъ убійцъ». Такое сильное упорство и подробности не допускали колебанія; пріятель встаетъ, бѣжитъ къ означеннымъ воротамъ, встрѣчаетъ тамъ телѣгу, останавливаетъ смутившагося возницу и находитъ тѣло своего друга».

Вотъ что разсказываетъ Цицеронъ. Конечно, на вопросительный знакъ можно отвѣтить многими гипотезами. Можно сказать, напримѣръ, что Цицеронъ передалъ исторію не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ она случилась; что она дополнена и преувеличена; что друзья, пріѣзжая въ незнакомый городъ, могутъ бояться несчастнаго случая; что, опасаясь за жизнь пріятеля, послѣ утомительнаго пути, посреди ночного безмолвія, иной можетъ и увидѣть сонъ, что тотъ сдѣлался жертвою убійства. Что же касается эпизода съ телѣгой, то пріятелю могла попасть на глаза какая-нибудь телѣга на дворѣ гостиницы, а принципъ ассоціаціи идей приплелъ ее къ сновидѣнію. Да, можно возражать всѣми этими объяснительными гипотезами, но все это только однѣ гипотезы. Допустить, что между мертвецомъ и живымъ человѣкомъ дѣйствительно было общеніе—будетъ также гипотезой.

Но эта гипотеза, быть-можетъ, менѣе другихъ гадательна, судя по количеству достовѣрныхъ фактовъ, которые нынѣ начинаютъ констатировать научнымъ образомъ. Мы можемъ представить нѣсколько такихъ фактовъ на судъ нашихъ читателей. Мы начнемъ со слѣдующаго, помѣщеннаго вмѣстѣ со всѣми документами, подтверждающими его достовѣрность, въ превосходномъ спеціальномъ обозрѣніи, основанномъ именно по поводу такихъ феноменовъ, которое носитъ названіе: «Лѣтописи психическихъ наукъ» доктора Даріекса. Вотъ этотъ фактъ.

1) «Въ первыхъ числахъ ноября 1869 года я уѣхалъ изъ своего родного города Перпиньана въ Монпелье, чтобы продолжать начатый мною курсъ на фармацевта. Семья моя состояла въ это время изъ матери и четырехъ сестеръ. Я оставилъ ихъ довольными и совершенно здоровыми. Двадцать второго числа того же мѣсяца самая младшая и любимая сестра моя Елена, прелестная восемнадцатилѣтняя дѣвушка, пригласила къ себѣ нѣсколькихъ подругъ.

«Около трехъ часовъ пополудни всѣ онѣ отправились въ сопровожденіи матери на прогулку подъ Платаны. Погода была прекрасная. Спустя полчаса, сестра почувствовала себя вдругъ нездоровой. «Мама,—сказала она,—я чувствую, что у меня по всему тѣлу пробѣгаетъ какой-то странный ознобъ, мнѣ холодно, и горло сильно болитъ. Вернемся домой».

«Спустя двѣнадцать часовъ, моя возлюбленная сестра умерла на рукахъ матери, задушенная злокачественной жабой, отъ которой ее не могли спасти призванные доктора.

«Семья моя, — въ которой я былъ единственный мужчина, на которомъ лежала обязанность представительства на похоронахъ, посылала мнѣ телеграмму за телеграммой.

«По какой-то роковой случайности, которую я оплакиваю и до сихъ поръ, ни одна изъ нихъ не была мнѣ доставлена своевременно.

«Между тѣмъ, въ ночь съ 23 на 24 число, т.-е. черезъ восемнадцать часовъ послѣ смерти бѣдной дѣвушки, я сдѣлался жертвой страшной галлюцинаціи.

«Я вернулся къ себѣ около двухъ часовъ ночи, спокойный духомъ и подъ вліяніемъ еще счастливыхъ дней 22 и 23, посвященныхъ увеселительной прогулкѣ. Я легъ въ постель въ очень веселомъ расположеніи духа. Черезъ пять минутъ я крѣпко спалъ.

«Около четырехъ часовъ утра я увидѣлъ передъ собой блѣдную, безжизненную сестру, и въ то же время слухъ мой былъ пораженъ рѣзкимъ, жалобнымъ, повторяющимся крикомъ: «что же ты дѣлаешь, мой Луи? Пріѣзжай же, пріѣзжай!»

«Продолжая тяжелое сновидѣніе, я сѣлъ въ экипажъ, но, несмотря на нечеловѣческія усилія, никакъ не могъ заставить его сдвинуться съ мѣста.

«Все это время я продолжалъ видѣть передъ собой блѣдный и безжизненный образъ сестры, и въ ушахъ раздавался тотъ же рѣзкій, жалобный, повторяющійся крикъ: «что же ты дѣлаешь, мой Луи? Пріѣзжай же, пріѣзжай!»

«Я проснулся вдругъ, весь облитый потомъ. Лицо мое горѣло, голова пылала, въ горлѣ пересохло, дыханіе было короткое и порывистое.

«Я вскочилъ съ постели, стараясь притти въ себя... Черезъ часъ я легъ снова, но уже не могъ заснуть.

«Въ одиннадцать часовъ утра я отправился завтракать подъ гнетомъ непреодолимой тоски. На вопросы товарищей, я разсказалъ имъ фактъ

такъ, какъ я его прочувствовалъ. Это вызвало съ ихъ стороны насмѣшки. Въ два часа я пошелъ въ университетъ, надѣясь найти успокоеніе въ занятіяхъ.

«Выходя въ четыре часа, послѣ лекціи, я увидѣлъ на улицѣ идущую мнѣ навстрѣчу женщину въ глубокомъ траурѣ. Въ двухъ шагахъ отъ меня она подняла вуаль. Я узналъ тогда свою старшую сестру, которая, тревожась за меня, пріѣхала, несмотря на свою естественную скорбь, узнать, что случилось со мной.

«Она сообщила мнѣ о несчастіи, котораго никакъ нельзя было предвидѣть, такъ какъ 22-го я получилъ отъ моей семьи прекрасныя вѣсти.

«Передавая вамъ этотъ разсказъ, я подтверждаю честью его справедливость. Не высказывая никакого мнѣнія, я ограничиваюсь лишь передачей его. *Луи Ноэлль, аптекарь въ Сеттѣ.*

Разсказъ этотъ сопровождается документами, предназначенными для подтвержденія его достовѣрности.

Этотъ случай видѣнія принадлежитъ, повидимому, къ той же категоріи, какъ и видѣніе, разсказанное Цицерономъ.

2) Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1857 года капитанъ 6 драгунскаго англійскаго полка Г... В... уѣхалъ въ свой полкъ, находившійся въ Индіи. Жена его осталась въ Англіи и жила въ Кембриджѣ. Въ ночь съ 14 на 15 ноября 1857 года, она видитъ подъ утро во снѣ своего мужа съ блѣднымъ и страдальческимъ лицомъ; вслѣдъ за этимъ она проснулась въ сильномъ волненіи. Открывъ глаза, она увидѣла снова передъ собой мужа, стоявшаго около ея кровати; онъ явился ей въ мундирѣ и съ прижатыми къ груди руками; волосы его были растрепаны, лицо очень блѣдно, его черные глаза смотрѣли въ упоръ на нее. Онъ казался сильно возбужденнымъ; ротъ былъ искривленъ гримасой, появлявшейся обыкновенно у него въ минуты волненія. Она замѣтила всѣ подробности его одежды такъ отчетливо, какъ никогда не замѣчала ихъ раньше, и вспомнила, что видѣла у него на груди между пальцами рубашку, на которой не было, однако, кровавыхъ пятенъ. Онъ стоялъ, нагнувшись всѣмъ корпусомъ впередъ, со страдальческимъ видомъ и какъ бы усиливался заговорить, но не издалъ ни одного звука. Видѣніе длилось съ минуту и потомъ исчезло.

Первой мыслью ея было удостовѣриться, дѣйствительно ли она проснулась. Она потерла себѣ глаза простыней и почувствовала, что осязаетъ ее. На кровати съ ней спалъ ея маленькій племянникъ; она нагнулась къ спавшему ребенку и стала прислушиваться къ его дыханію. Разслышавъ его шумъ, она окончательно убѣдилась, что видѣнное ею не было сномъ. Нечего и говорить, что она не могла больше заснуть въ эту ночь.

На слѣдующее утро она разсказала все это матери и высказала увѣренность, что капитанъ В... убитъ или смертельно раненъ, несмотря на отсутствіе кровавыхъ пятенъ на одеждѣ, которую она успѣла разсмотрѣть. Реальность этого видѣнія произвела на нее такое сильное впечатлѣніе, что съ этой минуты она начала отказываться отъ всѣхъ приглашеній. Одна пріятельница уговаривала ее спустя нѣсколько времени ѣхать въ концертъ, напоминая ей, что она получила отъ мужа изъ Мальты очень нарядную накидку, которую не надѣвала еще ни разу. Но она рѣшительно отказалась, говоря, что, не зная, не овдовѣла ли она, она не будетъ никуда выѣзжать до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ мужа письма, написаннаго имъ послѣ 14 ноября.

Телеграмма, извѣстившая о плачевной участи капитана В..., получилась въ Лондонѣ въ декабрѣ. Она извѣщала, что капитанъ былъ убитъ подъ Лукновомъ 15 ноября.

Извѣстіе это, сообщенное одной изъ лондонскихъ газетъ, обратило на себя вниманіе адвоката, завѣдывавшаго дѣлами капитана В... Когда ему случилось встрѣтиться спустя нѣсколько времени со вдовой, она сказала ему, что была вполнѣ подготовлена къ этому грустному извѣстію, но что она убѣждена, что мужъ ея былъ убитъ не 15 ноября, потому что онъ явился ей въ ночь съ 14 на 15 того мѣсяца.

3) Еще другой случай, удостовѣренный полковникомъ Викгамомъ и разсказанный его женой въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Одинъ изъ моихъ друзей, офицеръ Гайлендскаго полка, былъ тяжело раненъ въ колѣно, въ сраженіи при Тель-ель-Кебирѣ. Мы были подруги съ его матерью, и когда госпитальный корабль *Карфагенъ* доставилъ его на Мальту, она послала меня на него, чтобы повидаться съ ея сыномъ и сдѣлать нужныя распоряженія о доставкѣ его на сушу. Когда я пріѣхала на корабль, мнѣ объявили, что онъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ больныхъ, и раненъ такъ тяжело, что находятъ невозможнымъ перенести его въ военный госпиталь, и что онъ оставленъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ на суднѣ. Послѣ многихъ упорныхъ настояній, мы съ его матерью добились разрѣшенія посѣщать его и ходить за нимъ. Бѣдный другъ былъ такъ плохъ, что доктора не рѣшались на операцію, боясь, что онъ умретъ подъ ножомъ, и не прибѣгали къ ампутаціи, которая была единственной надеждой на спасеніе его жизни. Нога покрывалась гангреной, но такъ какъ нѣкоторыя части ея не были затронуты, и болѣзнь затягивалась, въ то время какъ онъ чувствовалъ себя то лучше, то хуже, то доктора начали надѣяться, что онъ можетъ поправиться до извѣстной степени, хотя долженъ остаться на всю жизнь хромымъ и умретъ, по всей вѣроятности, отъ истощенія.

«Такъ какъ никакой быстрой перемѣны въ его состояніи не предвидѣлось, мать его увезла меня 4 января 1886 года къ себѣ, чтобы дать мнѣ проспать спокойно ночь, потому что я была не-

здорова и недостаточно сильна для того, чтобы выносить такую усталость. Онъ спалъ уже нѣсколько часовъ, и докторъ сказалъ, что подъ вліяніемъ морфина онъ проспитъ, вѣроятно, до слѣдующаго утра. Я согласилась уѣхать, предполагая вернуться съ разсвѣтомъ, чтобы онъ, проснувшись, нашелъ меня около своей кровати.

«Около трехъ часовъ утра, мой старшій сынъ, спавшій въ моей комнатѣ, разбудилъ меня крикомъ: «смотри, смотри, мама, г-нъ М. Б.». Я поспѣшно вскочила: это было совершенно справедливо, — фигура М. Б. колебалась въ комнатѣ на воздухѣ, на разстояніи полу-фута отъ пола и, улыбаясь мнѣ, исчезла въ окнѣ; но странно, что больная нога, большой палецъ которой былъ уничтоженъ гангреной, была во время этого видѣнія совершенно въ такомъ же видѣ, какъ и другая нога.

«И я, и сынъ мой, мы оба замѣтили это.

«Спустя полчаса, пришли сказать, что М. Б. умеръ въ три часа. Тогда я послала къ его матери, которая подтвердила это извѣстіе. Она разсказала мнѣ, что онъ былъ передъ смертью въ полубезсознательномъ состояніи».

Вотъ наблюдающіеся факты. Мы могли бы легко увеличить ихъ число, но для этого пришлось бы раздвинуть рамку этого этюда и, кромѣ того, сотни наблюденій, подобныхъ предыдущимъ, не прибавили бы ничего или почти ничего. Вопросъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли допускать факты такого рода? Но какимъ образомъ не допускать ихъ? Усомниться въ добросовѣстности и правдивости разсказчиковъ? Мы не имѣемъ на это права, взявъ во вниманіе ихъ полную безупречность и справки, наводившіяся по этому поводу и подтвердившія всѣ ихъ разсказы. Считать все это случайными совпаденіями и приписывать все случаю было бы слишкомъ легкомысленно и неудовлетворительно: слишкомъ много этихъ фактовъ. Бываютъ, правда, удивительныя случайности, но приписывать все имъ — не значитъ рѣшить вопросъ. Намъ кажется, что гораздо разумнѣе и научнѣе попытаться дать себѣ отчетъ въ этихъ феноменахъ, а не отрицать ихъ безъ всякаго изслѣдованія.

Объяснить ихъ гораздо труднѣе. Какъ мы говорили вначалѣ, чувства наши несовершенны и обманчивы и, быть можетъ, они не откроютъ намъ никогда дѣйствительности, а въ этой сферѣ еще меньше, чѣмъ въ другихъ. Все, что мы можемъ думать до сихъ поръ, при сравненіи различныхъ фактовъ этого порядка, такъ это то, что умирающій или умершій не переносится, вѣроятно, къ наблюдающему (мы говоримъ, само собою разумѣется, не о тѣлѣ, а о душѣ, о духѣ, о психическомъ началѣ), но что существуетъ *дѣйствіе одного духа на другой на разстояніи*. Можно допустить, что каждая наша мысль сопровождается атомическимъ мозговымъ движеніемъ, что, впрочемъ, и допускается физіологами. Наша психическая сила порождаетъ воздушное движеніе, которое, какъ и всѣ воздушныя движенія, передается далеко и становится чувствительнымъ гармонирующему намъ духу. Переходъ психическаго дѣйствія въ воздушное движеніе и обратно аналогиченъ, быть-можетъ, тому, что наблюдается въ телефонѣ, гдѣ тождественныя между собой воспринимающая и отражающая пластинки даютъ звуковое движеніе. Дѣйствіе одного духа на другой проявляется различными способами, иногда появленіемъ всего существа, иногда звуками знакомаго голоса или необычнымъ шумомъ, кажущимся передвиганіемъ мебели и другими странными явленіями. Духъ дѣйствуетъ на другой духъ точно такъ же, какъ внушеніе на разстояніи.

Дѣйствіе одного духа на другой на разстояніи, особенно въ такихъ серьёзныхъ случаяхъ, какъ смерть, и тѣмъ болѣе смерть внезапная, не болѣе удивительно, чѣмъ дѣйствіе магнита на желѣзо, притяженіе луны къ землѣ, передача электричествомъ человѣческаго голоса, открытіе химическаго состава звѣзды посредствомъ анализа ея свѣта и всѣхъ чудесъ современной науки. Оно только болѣе возвышеннаго порядка, и можетъ насъ навести на путь познанія психики человѣческаго существа.

Объясненія для появленія *умирающаго* будетъ безъ сомнѣнія иное, чѣмъ для явленія *умершаго*. Но мы ничего не знаемъ объ этомъ. Не станемъ же отрицать. Будемъ наблюдать, анализировать и изслѣдовать. Никто не будетъ отрицать, что мы интересуемся больше всего во всемъ мірозданіи... признаемся въ этомъ... сами собой. «Познай самого себя!» сказалъ Сократъ. Въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, мы научились множеству вещей, кромѣ той, которая больше всего насъ интересуетъ. Мнѣ кажется, что въ настоящее время человѣческій умъ клонится къ исполненію сократовскаго правила и къ изученію самого себя[1]. («Ребусъ» 1897 г., № 6).

---

[1]) Скажемъ отъ себя при этомъ случаѣ слѣдующее: безъ допущенія разумной, свободной и безсмертной души, какъ духовной сущности, правящей тѣломъ и переживающей по смерти свое тѣло, подобные факты необъяснимы никакими гипотезами. Это нужно сказать и о довольно неудачной, грубо-реальнаго характера гипотезѣ К. Фламмаріона. Приводимъ же ее здѣсь за неимѣніемъ лучшей.

Г. Д—ко.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Способность души къ безсознательной разумной дѣятельности.

1. **Безсознательная разумная дѣятельность души.** Приходилось ли вамъ, читатель, задумываться надъ тѣмъ, въ какой мѣрѣ участвуетъ сознаніе въ нашей повседневной дѣятельности? — Большинству этотъ вопросъ, конечно, никогда не приходилъ въ голову, а между тѣмъ рѣшеніе его приводитъ ко многимъ любопытнымъ, если не поучительнымъ, заключеніямъ. Оказывается, что значительная доля нашей дѣятельности не только физической, но и интеллектуальной, какъ напримѣръ, на артистическомъ, поэтическомъ и даже научномъ поприщахъ происходитъ совершенно автоматически, т.-е. безъ участія сознанія. У Карпентера приведены многочисленные примѣры такого рода безсознательной мозговой работы, но изъ нихъ мы позволимъ себѣ привести здѣсь только одинъ.

„Игра на фортепіано, — говоритъ этотъ ученый, — представляетъ самое замѣчательное проявленіе безсознательной мозговой работы. Мы должны одновременно разбирать двѣ отдѣльныя строки іероглифовъ, правая рука слѣдитъ за одной строкой, лѣвая — за другой. Всѣ десять пальцевъ работаютъ съ такою скоростью, на какую они только способны. Умъ переноситъ на клавиши десятки А діезовъ, В бемолей и С бекаровъ, четвертныя, восьмыя, тридцать вторыя, паузы и всѣ другія музыкальныя тайны. Ноги тоже не остаются въ бездѣйствіи, онѣ работаютъ педалями. И во все это время исполнитель или исполнительница — *сознательная* исполнительница — находится на седьмомъ небѣ артистическаго восторга отъ результата всего этого страшнаго труда, или, можетъ быть, всецѣло занята пріятнымъ разговоромъ съ господиномъ, переворачивающимъ ноты и вполнѣ основательно увѣреннымъ, что она отдаетъ ему всю свою душу.“

Говоря объ автоматическихъ актахъ („Mental automatism“ Джексона), которые только тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ дѣйствій, что въ моментъ исполненія акта субъектъ ничего объ этомъ не знаетъ,—Дессуаръ приводитъ одинъ примѣръ, въ которомъ во время интереснаго разсказа навѣстившаго его пріятеля онъ занимался туалетомъ; потомъ, положивъ ключъ въ карманъ, одѣлся и вышелъ изъ дому. Но на улицѣ у него внезапно возникаетъ мысль, что ключъ остался дома. Онъ поспѣшно возвращается, ищетъ и, наконецъ, убѣждается, что ключъ въ карманѣ. Когда онъ объяснилъ свою отлучку домой ожидавшему его на улицѣ пріятелю, то тотъ замѣтилъ:

— Нужно бы было сказать мнѣ объ этомъ раньше; вѣдь я видѣлъ, какъ ты вынулъ связку ключей изъ ящика, отдѣлилъ одинъ ключъ и спряталъ въ карманъ.

Такихъ примѣровъ каждый изъ насъ знаетъ сотни и тысячи, такъ какъ они повторяются на каждомъ шагу.

Всѣ они доказываютъ, что при совершеніи даже весьма сложныхъ дѣйствій вовсе не обязательно участіе сознанія. Какъ часто, читая какую-нибудь книгу, безразлично — вслухъ или про себя, — мы думаемъ совершенно о другомъ и не имѣемъ рѣшительно никакого понятія о прочитанныхъ страницахъ. Дѣлая корректуру, рисуя и составляя тона красокъ, мы ведемъ одновременно всецѣло поглощающій наше вниманіе разговоръ, и т. д. Несомнѣнно, что всѣ подобнаго рода дѣйствія, требующія до извѣстной степени напряженія ума, не могутъ совершаться безъ участія нашего *я*, которое однако уже занято другого рода работою. Это еще болѣе очевидно, когда мы вспомнимъ всѣмъ извѣстную способность Наполеона, Цезаря и др., которые могли одновременно диктовать нѣсколькимъ лицамъ цѣлыя письма, сложныя и остроумныя диспозиціи, рѣшавшія судьбу сраженій, и т. п. Еще болѣе поразительный примѣръ одновременной интеллектуальной работы въ двухъ различныхъ направленіяхъ представляетъ одинъ изъ членовъ лонд. общ. псих. изслѣд. Беркуортъ, который во время самаго оживленнаго разговора, нисколько не ошибаясь и не прерывая послѣдняго, можетъ дѣлать сложеніе огромныхъ колоннъ цыфръ [1]. Для успѣха подобнаго рода опытовъ, кромѣ соображенія, необходима еще и память, т.-е., другими словами, участіе нашего *я* здѣсь безусловно необходимо. Но вѣдь не можетъ же оно, такъ сказать, находиться въ двухъ

[1]) Прибавимъ отъ себя слѣд. примѣръ сложной духовн. дѣятельности: всякій интересующійся астрономіей и слѣдившій въ трубу за движеніемъ какой-либо звѣзды, знаетъ, какъ это дѣлается: наблюдатель одновременно слѣдитъ за прохожденіемъ (очень быстрымъ) звѣзды мимо паутинныхъ нитей, натянутыхъ передъ объективомъ (*зрѣніе*), слушаетъ и считаетъ удары хронометра (*слухъ*), моментально вычисляетъ въ умѣ и записываетъ время прохожденія звѣзды черезъ каждую нить объектива, причемъ точность у болѣе опытныхъ наблюдателей простирается до сотыхъ долей секунды (*умств. дѣятельность*). *Г. Д—ко.*

мѣстахъ одновременно?! Стало-быть, приходится допустить, что наша душа способна къ безсознательной разумной дѣятельности; у насъ, говоря не точно, какъ бы два сознанія. Одно изъ нихъ, при обыкновенныхъ условіяхъ завѣдующее болѣе сложными духовными процессами, Дессуаръ называетъ *„надсознаніемъ“* (Oberbewusstsein), другое, управляющее простѣйшими процессами, — *„подсознаніемъ“* (Unterbewusstsein).

Но если подобнаго рода дѣленіе нашей личности, на основаніи наблюденій, взятыхъ изъ повседневной жизни, способно еще возбуждать большія сомнѣнія, то, при анализѣ патологическихъ состояній нашего духа, эти сомнѣнія понемногу уступаютъ мѣсто увѣренности въ теоретической возможности сложнаго характера личности.

Бываетъ, какъ напримѣръ, въ случаѣ доктора Азама, что субъектъ, находившійся подъ вліяніемъ подсознательной личности, знаетъ все, что совершалось въ нормальный періодъ, между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ состояніи онъ не имѣетъ рѣшительно никакого понятія о происходившемъ во время господства его второго *я*. Фелида X... въ нормальномъ состояніи или, по терминологіи Азама, въ condition prime, мало того, что ничего не знаетъ изъ совершающагося въ condition seconde, какъ Азамъ называетъ состояніе естественнаго сомнамбулизма, въ который по временамъ впадала его паціентка,— но даже самый характеръ послѣдней во время обоихъ періодовъ рѣзко различался. Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже сказали, память второго *я* у Федилы X. обнимала всю жизнь; первое же касалось одного только нормальнаго состоянія, т.-е. здѣсь наблюдалось то же, что обыкновенно замѣчается у гипнотиковъ. Аналогичный случай имѣлъ мѣсто у Дюфе, при чемъ его паціентка Я. L., находясь подъ вліяніемъ подсознательной личности, выражалась относительно своего нормальнаго состоянія крайне неуважительно: „état bête“ — характеризовала она его.

Иногда сознательная и подсознательная личности находятся въ такой тѣсной взаимной связи, и притомъ *безъ подчиненія ихъ другъ другу,* что положеніе субъекта достигаетъ высшей степени драматизма. Жаффе приводитъ въ примѣръ нѣкоего Д., который потерялъ способность различать добро отъ зла по отношенію къ собственнымъ стремленіямъ и дѣлилъ себя на добраго Д. и злого Д., вслѣдствіе чего онъ пытался убить послѣдняго посредствомъ самоубійства [1]).

Лейбницъ въ одномъ мѣстѣ своихъ „Nouveaux Essais“ говоритъ: „еслибъ мы могли предположить, что два различныхъ и раздѣльныхъ сознанія дѣйствуютъ поперемѣнно въ одномъ и томъ же тѣлѣ, одно днемъ, другое ночью, то я спрашиваю, не представляли бы человѣкъ дня и человѣкъ ночи такія же двѣ различныя личности, какъ Сократъ и Платонъ?“ Въ настоящее время этотъ вопросъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ,— между человѣкомъ сна и человѣкомъ бодрствованія установлено различіе, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ необычайной яркости. По большей части оба сознанія чередуются, по крайней мѣрѣ случаи одновременнаго ощущенія въ себѣ двухъ личностей довольно рѣдки. Въ нѣкоторыхъ же патологическихъ состояніяхъ удалось наблюдать совершенное расщепленіе личности. Такой случай приводится французскимъ психіатромъ Баллемъ. Больной S. услышалъ однажды послѣ продолжительнаго обморока голосъ: „лучше ли вамъ сегодня?“ Думая, что это спрашиваетъ кто-нибудь спрятавшійся по близости, больной отвѣчаетъ коротко. На другой день, услышавъ тотъ же голосъ и никого не видя, S. спросилъ: „кто вы такой?“ — Господинъ Габбаджъ,— отвѣчалъ голосъ, и между ними начался разговоръ, въ которомъ выразился весь тотъ разладъ, который существовалъ между двумя сознаніями. Нѣсколько дней спустя S., наконецъ, совершенно ясно увидѣлъ таинственнаго незнакомца, различая въ немъ мельчайшія подробности чертъ лица, складки костюма и т. д. Этотъ случай представляетъ высшую степень расщепленія личности, дошедшаго до ея галлюцинаторной персонификаціи.

Интересный примѣръ послѣдовательной смѣны двухъ *я* приводитъ Мекнайшъ [1]). Одна молодая американка, проснувшись однажды послѣ ненатурально долгаго сна, оказалась въ состояніи столь совершеннаго преображенія личности, что не имѣла понятія ни о чемъ, что ей было прежде, т.-е. въ нормальномъ состояніи, извѣстно: она должна была учиться говорить, читать, даже ходить и т. д. Это былъ субъектъ, душа котораго представляла совершенную tabula rasa. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, опять же послѣ продолжительнаго сна, наступило прежнее нормальное состояніе, которое потомъ снова смѣнялось вторичнымъ періодомъ. Такъ продолжалось въ теченіе 4 лѣтъ, и каждый

---

[1]) Это не мѣшаетъ имѣть въ виду юристамъ, особенно прокурорамъ, въ рукахъ которыхъ иногда бываетъ всецѣло судьба подсудимаго. Если читатель знакомъ съ извѣстнымъ романомъ графа Л. Н. Толстого: «Воскресенье», — то онъ въ настоящемъ случаѣ не будетъ съ нами много спорить. *Г. Д—ко.*

[1]) Macnish въ своей «Philosophy of sleep» (со словъ Mitchell'a и Nott'a) прив. у Дессуара, стр. 8 перв. изд.

разъ переходъ отъ одной личности къ другой обусловливался сномъ.

Профессоръ Барретъ разсказываетъ о сынѣ одного лондонскаго священника, перенесшемъ серьёзную болѣзнь, послѣ чего молодой человѣкъ вдругъ словно пересталъ быть однимъ лицомъ, и въ его особѣ стали, чередуясь, проявляться двѣ личности. Въ одномъ состояніи онъ былъ самимъ собою, признавалъ друзей и родителей и вообще велъ, такъ сказать, нормальное существованіе. Въ другомъ—онъ выдавалъ себя за совсѣмъ другую личность, носящую другое имя, не помнилъ своего прежняго прошлаго, не признавалъ родителей и знакомыхъ и обладалъ музыкальнымъ талантомъ, о которомъ не было и помину въ его обычномъ состояніи. Оба существованія, замѣтимъ, казались нормальными.

Весьма важные аргументы въ пользу дуализма[1]) личности представляютъ изслѣдованія Бине и Фере надъ истеричными. Приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ интересныхъ опытовъ, дающихъ основанія для весьма широкихъ обобщеній.

Завязавъ глаза субъекту, страдающему анестезіею правой руки, помѣщаемъ карандашъ между большимъ и указательнымъ пальцами послѣдней. Оказывается, что, несмотря на нечувствительность руки, оба пальца обхватываютъ карандашъ, а другіе соотвѣтственно сгибаются, какъ для писанія. Между тѣмъ субъектъ ничего объ этомъ не знаетъ: движенія были совершены безъ вѣдома его сознанія. Изъ этого слѣдуетъ, что истеричная особа, несмотря на анестезію, можетъ реагировать на раздраженіе ея нечувствительнаго члена, но все это происходитъ подъ вліяніемъ подсознательной личности, другими словами, анестезія даннаго члена распространяется только на нормальное *я*.

Мало того, если рукою, держащею карандашъ, начать выводить какія-нибудь буквы, цыфры и т. п., то послѣ того, какъ мы ее оставимъ, она сама продолжаетъ писать тѣ или иныя цыфры, буквы, выводить фигуры и опять-таки совершенно безсознательно для субъекта. Стало-быть, независимо отъ подсознательной перцепціи, тутъ видно еще и подсознательное мышленіе.

Но хотя подсознательные процессы и остаются совершенно неизвѣстными сознательному *я*, тѣмъ не менѣе, какъ доказалъ Бине своими опытами („Revue philosophique"), эти процессы не остаются безъ вліянія на послѣднее [2]).

Изъ нормальной психо-физіологіи извѣстно, что осязательныя впечатлѣнія могутъ возбуждать соотвѣтственныя зрительныя представленія [1]). Если насъ, положимъ, коснется что-нибудь холодное, скользкое, то, хотя бы мы его вовсе не видѣли, или держали глаза закрытыми, въ насъ тотчасъ же возникаетъ представленіе о лягушкѣ, жабѣ, и т. п.; прикосновеніе ножа вызываетъ зрительное представленіе о его формѣ, цвѣтѣ и т. д.

Но, понятно, если мы дотронемся до анестезированной поверхности, то такого рода представленіе, повидимому, не должно бы возникнуть. Однако оказывается, что, хотя сознательнаго представленія въ подобныхъ случаяхъ и не бываетъ, тѣмъ не менѣе вліяніе воспринятаго подсознательною личностью впечатлѣнія сказывается на нашемъ *я* въ соотвѣтственной формѣ. Напримѣръ, если экспериментируемой особѣ, вниманіе которой сосредоточиваютъ на буквахъ газеты, начать колоть анестезированную часть тѣла или чертить по ней линіи, то субъектъ видитъ на газетѣ точки или линіи, заслоняющія ему буквы, затрудняя чтеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бине подмѣтилъ еще одинъ очень важный фактъ. Если экспериментаторъ, начертивъ на анестезированной рукѣ истерика, положимъ, квадратъ, предложитъ ему подумать о какой-нибудь вещи, то передъ глазами субъекта является фигура квадрата. Только разница между представленіемъ, возникающимъ совершенно свободно, и подъ вліяніемъ осязательнаго впечатлѣнія, испытываемаго подсознательною личностью, заключается въ скорости возникновенія: въ первомъ случаѣ она мгновенна, во второмъ равняется 2 — 5 секундамъ. Иногда же субъектъ даже говоритъ: „я не знаю, я долженъ еще мгновеніе подумать".

Слѣдующій опытъ даетъ намъ основаніе для сужденія о степени зависимости одного сознанія отъ другого. Если экспериментаторъ, взявъ анестезированную руку паціента, напишетъ ею какую-нибудь цыфру, потомъ подъ нею другую и затѣмъ проведетъ подъ ними черту, то иногда бываетъ, что испытуемый субъектъ самъ отъ себя прибавляетъ подъ этими числами сумму ихъ. На вопросъ о томъ, какія были первыя цыфры, паціентъ отвѣтить не можетъ, но общій результатъ, т.-е. сумма, ему извѣстна. Изъ этого слѣдуетъ, говоритъ Дессуаръ [2]), что „во второмъ сознаніи впечатлѣнія не только отмѣчаются, но и сознательно другъ съ другомъ связываются, что безъ вѣдома индивидуума ведется сложеніе, одинъ только послѣдній

[1]) Это выраженіе, безъ сомнѣнія, не точное — лучше сказать—двойственной силы души. Г. Д.

[2]) Прив. у Дессуара 10—12, перв. изд.

[1]) См. Helmholtz. «Handbuch der physiologischen Optik». S. 449, 1867.

[2]) Стр. 19 второго изд. Дессуара.

членъ котораго, результатъ, переходитъ въ первичное сознаніе".

Резюмируя вышеприведенные факты, приходимъ къ заключенію, что сознаніе спящаго, пьянаго, сомнамбула, эпилептика, во время припадка отличается отъ нормальнаго сознанія; что это второе сознаніе или подсознаніе имѣетъ свою память, свою интеллигенцію. Но эта память не всегда рѣзко отдѣлена отъ жизни нормальнаго *я*.

Переходя теперь къ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, замѣтимъ, что одновременно съ доказательствомъ двойственности личности они бросаютъ свѣтъ и на природу гипноза.

Буррю и Бюро имѣли одну страдавшую большой истеріей паціентку, которая, послѣ сильнаго душевнаго потрясенія, совершенно потеряла память прошлаго; въ ней сохранилось воспоминаніе только объ одномъ періодѣ ея жизни, ограниченномъ двухлѣтнимъ промежуткомъ времени. Когда же больную гипнотизировали, то къ ней возвращалась память всего ея существованія отъ рожденія до вступленія въ госпиталь, не исключая и упомянутыхъ двухъ лѣтъ. Въ то же время измѣнялось и ея физическое состояніе. Тогда какъ во время бодрствованія она страдала частью анестезіей, частью гиперестезіей (повышенною чувствительностью), въ гипнозѣ ея чувствительность была нормальна. Въ послѣднемъ состояніи измѣнялся также и психическій складъ паціентки, выражавшійся во взглядѣ, движеніяхъ, письмѣ и рѣчи. Дессуаръ объясняетъ этотъ случай тѣмъ, что „сильное потрясеніе нарушило равновѣсіе психической жизни и часть ея погрузило въ глубину, которая остается недостижимою для сознанія индивидуума; въ гипнозѣ же возникаетъ состояніе, которое включаетъ эту глубину. Такимъ образомъ гипнозъ можно сравнивать съ подсознаніемъ" [1]).

Итакъ, примѣненіе къ изслѣдованію личности гипнотизма дало въ руки психологовъ возможность непосредственнаго экспериментированія надъ нашимъ подсознательнымъ *я*.

Изъ опытовъ прежде всего выяснилось, что лицо, бывшее въ глубокомъ гипнозѣ, ничего не помнитъ изъ происходившаго во снѣ, и только во время вторичнаго гипноза въ субъектѣ воскресаетъ память о событіяхъ, происходившихъ во время предыдущихъ усыпленій. Вольфартъ разсказываетъ случай, въ которомъ одна дама вспомнила въ гипнозѣ происходившее съ нею во время гипнотическаго сна, въ который она была погружена тринадцать лѣтъ тому назадъ [2]).

[1]) Стр. 20 втор. изд.

[2]) Приводится у Moll'a «Der Hypnotismus» S. 88 Berlin 1889 г., а также и у другихъ, между прочимъ, — у Дессуара.

Говоря о воспоминаніяхъ проснувшагося, мы нарочно не употребляемъ слова „забываетъ", такъ какъ „забыть можно только что-нибудь, бывшее прежде извѣстнымъ", а первое, или нормальное *я*, — говоритъ Дессуаръ, — ничего вѣдь не знаетъ изъ того, что пережило второе, или сомнамбулическое [1]).

Случается иногда, что мы не можемъ припомнить какое-нибуь впечатлѣніе, а на другой день, послѣ сна, мы его вспоминаемъ: это намъ подсказала безсознательная личность въ то время, когда она вышла изъ обычнаго своего подчиненнаго положенія. Но послѣдняя совсѣмъ освобождается изъ-подъ деспотизма сознательнаго *я* только во время сомнамбулизма. Однако и здѣсь робкое и привыкшее къ подчиненности подсознательное *я* не сохраняетъ самостоятельности и немедленно подпадаетъ подъ вліяніе посторонней, бодрствующей, сознательной личности — гипнотизера. Жане приводитъ любопытный примѣръ такой двойственности *я*. Девятнадцатилѣтняя нормальная дѣвушка, по имени Люси, при гипнотизаціи, называла себя Адріеной. Адріена имѣла полное представленіе о Люси, знала такія подробности ея жизни, начиная съ ранняго дѣтства, о которыхъ Люси утратила всякое воспоминаніе. Напротивъ, нормальная Люси не имѣла никакого понятія объ Адріенѣ; гипнотизеръ также не добился отъ нея свѣдѣній о послѣдней. Имя Адріены Люси выбрала, очевидно, съ одной стороны, въ виду сознанія отличности обоихъ *я*, съ другой — по субъективному предпочтенію этого имени и въ виду удобства разговора съ гипнотизеромъ. Люси поддавалась внушеніямъ, въ точности ихъ исполняла, находясь въ какомъ-то смѣшанномъ, не то бодрственномъ, не то гипнотическомъ, состояніи. Такъ напримѣръ, ей приказываютъ встать, ходить, и она это дѣлала, вовсе не сознавая: изъ разговора ея можно было заключить, что ей представлялось, будто она сидитъ; ей приказывали плакать, — и она заливалась слезами, опять-таки не сознавая этого и продолжая вести веселую и беззаботную болтовню.

Тѣмъ не менѣе, хотя второе *я* послушно и некритично, но оно, какъ мы уже видѣли, не лишено способности мышленія. Вотъ еще одинъ примѣръ изъ опытовъ, произведенныхъ д-ромъ Дессуаромъ въ засѣданіи Общества Экспериментальной Психологіи. Г. Д. подвергается постъ-гипнотическому внушенію, которое онъ долженъ исполнить, когда услышитъ, какъ г. Дессуаръ ударитъ 17-й разъ въ ладоши. По пробужденіи Д., д-ръ Молль

[1]) Дессуаръ, 15, изд. перв.

заводитъ съ нимъ разговоръ, во время котораго Дессуаръ 15 разъ хлопаетъ руками. Когда Д. спросили, слышалъ ли онъ хлопанье, онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и къ тому же не имѣетъ понятія о томъ, что должно произойти послѣ 17 ударовъ. Но едва только послѣдніе два удара огласили воздухъ, какъ Д. совершенно автоматически исполнилъ внушеніе. Этотъ опытъ доказываетъ, что подсознаніе не только обладаетъ памятью, но способно и къ интеллектуальной работѣ. Слѣдующій опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ же. Внушаютъ гипнотику, что по пробужденіи онъ исполнитъ извѣстное дѣйствіе послѣ того, какъ двѣ цыфры, сказанныя одна послѣ другой во время разговора, дадутъ въ суммѣ — 7, и внушеніе, дѣйствительно, исполняется [1]).

Пойдемъ, однако, дальше. Навѣрно вамъ, читатель, не разъ случалось, о чемъ-нибудь задумавшись, автоматически чертить по бумагѣ, что попало. То вы нарисуете какую-нибудь рожицу, то ставите цыфры, то безъ конца выписываете какое-нибудь имя, то изобразите треугольникъ, квадратъ, домикъ и т. д. Подобнаго рода безсмысленнаго маранія можетъ быть три степени. Первая изъ нихъ характеризуется тѣмъ, что субъектъ знаетъ, что пишетъ, но дѣлаетъ это непроизвольно, автоматически, и думая о чемъ-нибудь постороннемъ. Вторая, — проявляющаяся тогда, „если подсознаніе развиваетъ большую свободу“, и въ движеніяхъ карандаша является значительная стремительность, такъ что „операторъ теряетъ знаніе содержанія своего собственнаго писанія и съ явнымъ удивленіемъ замѣчаетъ, какъ иногда самыя сокровенныя мысли и чувства являются на свѣтъ Божій“. Когда же духовная двойственность достигаетъ своего апогея, то субъектъ уже вовсе не замѣчаетъ того, что дѣлаетъ его рука, и часто занимается совершенно инымъ дѣломъ, ведетъ оживленный разговоръ и т. д. Тенъ, между прочимъ, наблюдалъ одну особу, которая могла разговаривать и пѣть и въ то же время писать, не смотря на бумагу, послѣдовательныя фразы и даже цѣлыя страницы, не сознавая написаннаго. На мой взглядъ, — говоритъ авторъ, — ее нельзя было заподозрить въ искренности; между тѣмъ она объясняетъ, что, оканчивая страницу, не имѣетъ никакого представленія о написанномъ; когда она переписываетъ, то изумляется, иногда боится написаннаго. Почеркъ у нея при этомъ иной, нежели обыкновенно. Движеніе пальцевъ и карандаша быстрое и кажется автоматическимъ [1]).

[1]) Дессуаръ, 18, изд. перв.
[2]) «De l'intelligence». 3 ed., préf., p. 16—17.

Здѣсь намъ не мѣсто говорить о такъ называемомъ спиритическомъ „непосредственномъ“ письмѣ, но мы не можемъ удержаться отъ невольнаго сравненія автоматическаго, т.-е. подъ вліяніемъ второго *я* писанія, съ аналогичными явленіями, замѣчаемыми во время спиритическихъ сеансовъ.

Во время вышеприведеннаго опыта надъ г. Д., когда послѣдній заявилъ, что онъ ничего не знаетъ относительно хлопанья въ ладоши, ему дали въ руку карандашъ, замѣтивъ, что рука сама будетъ записывать, сколько разъ г. Дессуаръ ударитъ въ ладоши. Д. недовѣрчиво засмѣялся, послѣ чего продолжалъ разговоръ и вовсе не замѣтилъ, какъ карандашъ медленно записалъ „15 разъ“. Когда черезъ нѣкоторое время вниманіе Д. было обращено на написанныя имъ слова, то онъ вовсе не хотѣлъ вѣрить, что это писала его рука. Такимъ путемъ можно гипнотизированнаго заставить написать вещи, которыя онъ вовсе не желалъ бы раскрывать. Тутъ невольно вспоминаются слова Гёте: „zwei Seelen wohnen, ach! in seiner Brust“ [1]).

Примѣненіе автоматическаго письма къ психологическимъ изслѣдованіямъ дало, между прочимъ, возможность выяснить психологическую подкладку такъ называемаго *раппорта* между гипнотизеромъ и усыпленнымъ. Когда послѣднему было внушено никого не слышать, кромѣ экспериментатора, то на всѣ вопросы постороннихъ онъ ничего не отвѣчалъ. Между тѣмъ, когда гипнотизеръ далъ ему карандашъ, сказавъ, чтобы онъ записывалъ имена спрашивающихъ и обращенные къ нему вопросы, то во время самаго оживленнаго разговора рука автоматически записывала содержаніе вопросовъ и фамиліи спрашивавшихъ. Изъ этого Дессуаръ заключаетъ, что „раппортъ представляетъ собою въ данномъ случаѣ не что иное, какъ нормальное воспріятіе извѣстныхъ впечатлѣній высшими сферами соннаго сознанія“ [2]).

Тотъ же опытъ, произведенный по отношенію къ отрицательнымъ галлюцинаціямъ, даетъ аналогичные результаты и, стало-быть, допускаетъ близкое къ раппорту объясненіе. Когда изъ четырехъ картъ посредствомъ внушенія сдѣлали одну изъ нихъ невидимою, то субъектъ называлъ только три остальныя. Ему вложили въ руку карандашъ, объяснивъ, что рука должна записать всѣ карты, и, дѣйствительно, всѣ онѣ были написаны автоматически, между тѣмъ какъ субъектъ продолжалъ все-таки и послѣ того не видѣть четвертой карты. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. В. Битнера: „Вѣрить или не вѣрить?“ Спб., 1899 г., стр. 108—120).

[1]) Двѣ души живутъ въ его груди.
[2]) Дессуаръ, 24.

2. **Примѣръ безсознательной дѣятельности духа.** Однажды у д-ра Дессуара собрался кружокъ пріятелей. Въ то время, когда остальное общество было занято громкимъ разговоромъ, г. W. зачитался какою-то книжкою. Вдругъ одинъ изъ гостей произнесъ фамилію г. X., который очень интересовалъ г-на W. Послѣдній не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что было говорено, но слышалъ только одну фамилію интересовавшаго его лица, а потому обратился къ обществу съ вопросомъ относительно судьбы г. X. Тогда, съ согласія г. W., Дессуаръ усыпилъ его и потребовалъ, чтобы онъ повторилъ все, о чемъ было говорено, когда онъ читалъ. Каково же было удивленіе общества, когда загипнотизированный точно передалъ весь разговоръ. Очевидно, стало-быть, что, несмотря на занятіе чтеніемъ, всецѣло поглощавшее вниманіе г. W., слуховыя впечатлѣнія были имъ воспринимаемы, но они не доходили до того сознанія, которое господствуетъ въ бодрственномъ состояніи, а до другого, играющаго въ нормальномъ состояніи пассивную роль и вызваннаго на свѣтъ Божій, если будетъ позволено такъ выразиться, во время гипноза. (В. Битнеръ: „Вѣрить или не вѣрить"? Спб. 1899 г., стр. 122).

3. **То, что совершалось безсознательно, впослѣдствіи можетъ сказаться въ области сознанія.** Какъ разсказываетъ *Фехнеръ* (Elemente der Psychophysik II, стр. 432, по 1-му изд.), онъ однажды утромъ въ постели былъ пораженъ тѣмъ, что ему представилось бѣлое изображеніе печной трубы, когда онъ закрылъ глаза. Передъ тѣмъ, лежа съ открытыми глазами и размышляя, онъ видѣлъ передъ собой, не сознавая этого, черную печную трубу на бѣломъ фонѣ стѣны, и то, что показалось ему теперь, было только слѣдомъ отъ этого образа [1]). Значитъ, физическое раздраженіе происходило такимъ образомъ, что ощущеніе видѣнія *могло* возникнуть; но, за недостаткомъ вниманія, въ сознаніи явилось не самое ощущеніе, а только болѣе живой слѣдъ отъ него. Точно также, если мы разсѣянно слушали нашего собесѣдника, то лишь долгое время спустя мы можемъ сознать, что онъ говорилъ. Только благодаря нарочитому усиленію вниманія безсознательно воспринятыя впечатлѣнія здѣсь подымаются надъ „порогомъ сознанія", и если вниманіе пробуждается, то это происходитъ отъ того, что полученное раздраженіе производитъ въ насъ представленія, хотя само оно не перешагнуло порога сознанія. Поэтому, если мы въ состояніи вспомнить что-нибудь, то это вовсе еще не доказательство того, что мы въ свое время дѣйствительно усвоили его вполнѣ сознательно. Въ воспоминаніи можетъ быть вновь вызвано и безсознательное впечатлѣніе, благодаря его связи съ воспринятымъ сознательно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ истеріи процессы, протекающіе независимо отъ одновременнаго имъ сознанія, дѣйствуютъ такъ связно и разумно, что допускалось существованіе „низшаго сознанія" (См. у проф. *Г. Гефдинга:* „Очерки психологіи", Спб. 1898 г., стр. 62—63).

4. **Сила унаслѣдованныхъ привычекъ.** Привычки и склонности, которыя усвоили мы сами, или которымъ мы потворствовали, или, наконецъ, которыя завѣщаны намъ прежними поколѣніями, еще долго живутъ послѣ исчезновенія ихъ причинъ. Представленія, чувства и дѣйствія, къ которымъ приводятъ насъ эти склонности, не имѣютъ полнаго объясненія въ самой жизни сознанія. Всегда есть промежуточные члены, которые обыкновенно пропускаются и которые можно открыть только путемъ физіологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій. Сознательные мотивы исчезли, но ихъ послѣдствія еще живутъ. Поэтому, инстинктъ мы опредѣляемъ, какъ цѣлесообразное дѣйствіе, не сопровождаемое сознаніемъ. Сознательное дѣйствіе отчасти опредѣляется безсознательными мотивами и оставляетъ также несознаваемыя послѣдствія. Какъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и у цѣлыхъ народовъ едва ли много значатъ внезапные перевороты; обыкновенно держатся подпольныя склонности, съ которыми можно совладать далеко не сразу. *Геродотъ* (IV, 3—4) разсказываетъ, что рабы скиѳовъ, во время продолжительныхъ и отдаленныхъ походовъ ихъ господъ, поженились на ихъ женахъ и овладѣли властію; когда же господа возвратились, то силою оружія не могли сладить съ молодымъ поколѣніемъ, родившимся отъ этихъ браковъ, но усмирили его только тѣмъ, что стали хлопать бичами, которыми обыкновенно наказывали рабовъ. Этотъ разсказъ можетъ служить, во всякомъ случаѣ, поэтическимъ подтвержденіемъ мысли о силѣ унаслѣдованныхъ привычекъ.—Жизнь выдающихся и пролагавшихъ новые пути людей часто показываетъ намъ, какъ много приходилось имъ бороться съ тѣмъ, что вкоренилось, благодаря впечатлѣніямъ юности и практики (См. у проф. *Г. Гефдинга:* „Очерки психологіи", Спб. 1898 г., стр. 61 [1]).

[1]) Я самъ, говоритъ проф. *Гефдингъ*, сдѣлалъ такое же наблюденіе. Послѣ того, какъ я напряженно глядѣлъ на ясное небо чрезъ открытое окно, я закрылъ глаза, и мнѣ предсталъ свѣтлый крестъ на темномъ фонѣ, изумившій меня. Открывъ затѣмъ глаза, я нашелъ, что это былъ слѣдъ отъ впечатлѣнія оконнаго креста на ясномъ фонѣ. (Слѣдъ былъ здѣсь, какъ и у Фехнера, дѣйствіемъ контраста).

[1]) Сообщаемые здѣсь факты имѣютъ громадное значеніе въ дѣлѣ умственнаго и религіозно-нрав-

5. **Примѣры подсознательной дѣятельности нашей личности.** Нѣкоторыя счастливыя организаціи обладаютъ способностью читать по произволу за десятки и сотни верстъ невысказанныя, иногда даже безсознательныя мысли своихъ друзей, родственниковъ. Въ особенности обладалъ этою замѣчательною способностью Стедъ, небезызвѣстный издатель „The Review of Reviews". Изъ его разсказовъ сотруднику „The Christian Commonwealth'a" мы приведемъ лишь болѣе интересные. Для ясности замѣтимъ, что въ своихъ мысленныхъ сообщеніяхъ съ отсутствующими Стедъ пользуется автоматическимъ письмомъ. Для этого, задавъ мысленно какой-нибудь вопросъ интересующей его личности, онъ беретъ въ руку перо, и рука автоматически пишетъ отвѣтъ.

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, — разсказываетъ этотъ замѣчательный журналистъ, — я былъ въ Рэдкарѣ, на сѣверѣ Англіи. Одна иностранка, сотрудница „Review of Reviews", должна была встрѣтиться тамъ со мною около 3 часовъ дня. Я былъ въ гостяхъ у брата, живущаго въ разстояніи десяти минутъ отъ станціи. Когда уже было безъ двадцати минутъ три, мнѣ пришло въ голову, что фраза ея въ письмѣ „около трехъ" можетъ означать и время до трехъ, поэтому, не имѣя подъ рукою расписанія поѣздовъ, я попросилъ ее мысленно сообщить мнѣ время прихода поѣзда. Это сдѣлалось безъ всякаго предварительнаго сообщенія съ нею. Она немедленно написала свое имя и отвѣчала, что поѣздъ приходитъ на станцію безъ десяти минутъ въ три. Мнѣ нужно было отправляться; но, уходя, я спросилъ ее: гдѣ она въ эту минуту находится? Моя рука написала: „я на станціи Мидлсбро, на дорогѣ изъ Хортяпуля въ Рэдкаръ". Я пошелъ на станцію; тамъ я увидѣлъ въ расписаніи, что поѣздъ приходитъ въ два часа пятьдесятъ двѣ минуты. Но поѣздъ опоздалъ. Было уже три часа, а его еще не было. Въ пять минутъ четвертаго, безпокоясь, я вынулъ клочокъ бумаги изъ кармана и, взявъ карандашъ, спросилъ ее, гдѣ она находится. Въ ту же минуту она написала свое имя [1]) и отвѣчала: „я въ поѣздѣ огибаю кривую передъ Рэдкаромъ; пріѣду черезъ минуту". — Почему вы опоздали? — задалъ я мысленно вопросъ. — „Насъ задержали въ Мидлсбро, — написала рука, — не знаю почему". — Я положилъ бумажку въ карманъ и пошелъ по платформѣ. Поѣздъ уже подходилъ. Едва онъ остановился, я подошелъ къ своей знакомой и спросилъ ее: „вы опоздали, почему это?" — „Не знаю, поѣздъ такъ долго стоялъ въ Мидлсбро, что я думала, онъ никогда не пойдетъ". Тогда я показалъ ей бумажку, и она была крайне удивлена, узнавъ, что это она писала моею рукою. Ранѣе того я только разъ въ жизни видѣлъ ее".

Однажды Стеду нужно было ѣхать въ Престонъ для испытанія печатной машины, которую онъ предполагалъ купить. Однако онъ не поѣхалъ, такъ какъ рука его написала, что машина испортилась. Желая убѣдиться, Стедъ телеграфируетъ ея владѣльцу въ отель, гдѣ тотъ жилъ, хотя, согласно условію, онъ долженъ былъ уже быть въ Престонѣ, и владѣлецъ черезъ нѣкоторое время явился къ Стеду подтвердить уже извѣстную послѣднему непріятную новость.

Другой разъ сынъ Стеда, уѣхавшій на Рейнъ, гдѣ онъ снималъ фотографіи, написалъ отцу письмо, прося прислать ему пластинокъ, запасъ которыхъ у него истощился. Пластинки были высланы, тѣмъ не менѣе рука все-таки нѣсколько разъ писала просьбу прислать ихъ. Стедъ на этотъ разъ усомнился въ правильности сообщеній руки, но, по возвращеніи сына, оказалось, что онъ не получилъ посылки.

„Нѣкоторые мои пріятели, — говоритъ Стедъ — писали мнѣ такимъ образомъ на разстояніи трехсотъ миль подробности своихъ путешествій, время прихода и отхода поѣздовъ, стоимость жизни въ отеляхъ, массу такихъ мелочей, которыхъ я ни въ какомъ случаѣ угадать бы не могъ".

ственнаго образованія и воспитанія. Къ образующимся наклонностямъ и привычкамъ нужно быть крайне внимательнымъ, дабы не допустить недоброкачественныя. *Г. Д-ко.*

[1]) Не мѣшаетъ обратить вниманіе на то, что въ подобныхъ случаяхъ агентъ пишетъ въ началѣ и концѣ всякаго сообщенія свое имя. Объяснить это обстоятельство можно тѣмъ, что при существованіи предполагаемой между агентомъ и перципьентомъ связи, открытіе и прекращеніе дѣйствія, скажемъ, нервнаго тока должно прежде всего вызывать безсознательное представленіе о томъ, кто этотъ токъ посылаетъ, — это будетъ самое элементарное сообщеніе. Если кто-нибудь спроситъ, почему же такое представленіе является не только въ началѣ, но и въ концѣ, то мы позволимъ себѣ напомнить о томъ, что то же явленіе наблюдается и при электрическихъ токахъ: въ началѣ, въ моментъ прекращенія и прерыванія тока получается болѣе сильное ощущеніе. Понятно, что въ началѣ еще ничего не сообщается перципьенту, въ концѣ же уже нечего сообщать, между тѣмъ ощущеніе должно быть въ обоихъ случаяхъ сильнѣе, — вотъ оно и выражается въ положительномъ или отрицательномъ представленіи самого агента. Такимъ образомъ та, если такъ можно выразиться, ѳеирная связь, которая предполагается между послѣднимъ и перципьентомъ, можетъ быть сравнена съ проволокою... Это грубореальное объясненіе воздѣйствія одного духа на другой на разстояніи, взятое изъ книги Битнера, мы вовсе не раздѣляемъ во всей силѣ. Одними матеріальными условіями никогда нельзя объяснить воздѣйствія одной человѣческой души на другую. Приводимъ же это объясненіе ради того, что имъ признаются самые факты сообщеній одной личности съ другой на разстояніи. Для насъ и то уже не маловажно, что такое признаніе находится въ книгѣ матеріальнаго направленія. (Свящ. *Г. Д—ко*).

Изъ этихъ интересныхъ разсказовъ, которые, кстати замѣтимъ, были тщательно провѣряемы, читатель видитъ, что наше второе *я* обладаетъ способностью телепатическаго воспріятія, доходящаго у нѣкоторыхъ субъектовъ до высшей степени своего развитія, граничащей съ однимъ изъ видовъ ясновидѣнія. Но приведенные разсказы вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что наше второе *я* обладаетъ не только способностью телепатическаго воспріятія, но и безсознательнаго воздѣйствія. Какъ то, такъ и другое въ *большинствѣ случаевъ* происходятъ между родственниками и знакомыми, но, очевидно, нѣтъ основаній предполагать, чтобы оба они, т.-е. телепатическое воздѣйствіе и воспріятіе, не могли проявляться и между людьми, вовсе незнающими другъ друга, и притомъ совершенно безъ участія ихъ сознаній.

Такимъ образомъ достаточно, чтобы данный фактъ былъ, вообще, извѣстенъ кому-нибудь на свѣтѣ, и онъ можетъ при благопріятныхъ, но намъ пока неизвѣстныхъ условіяхъ проявиться въ формѣ ли автоматическаго письма, или быть произнесеннымъ медіумомъ въ состояніи такъ называемаго транса, или еще какими другими способами. (Изложенные факты мы извлекли въ сокращ. изъ кн. В. Битнера: „Вѣрить или не вѣрить?“ Спб. 1899 г., стр. 132—134).

6. **Способность души къ безсознательному воспріятію впечатлѣній (парамнезія или ложная память).** Намъ иногда кажется, что мы были уже въ извѣстномъ мѣстѣ, видѣли уже извѣстныхъ лицъ, слышали уже извѣстное слово. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не было. Это называется ложною памятью или парамнезіею [1]).

Извѣстные ученые Моудсли и Виганъ объясняютъ парамнезію тѣмъ, что при ней оба полушарія мозга, работающія обыкновенно попеременно, дѣйствуютъ одновременно, отъ чего получается ощущеніе, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ предметомъ уже знакомымъ. По мнѣнію Анджеля, это явленіе обусловливается *безсознательнымъ* воспріятіемъ, ощущеніе котораго, т.-е. достиженіе до сознанія, наступаетъ нѣсколько позже: мы восприняли нѣчто, но оно не перешло въ область сознанія, представляющаго собою, по мѣткому опредѣленію Спинозы, вниманіе къ тому, что происходитъ въ нашемъ умѣ; когда же мы обратимъ это вниманіе на воспринятое, сознаемъ его, то оно намъ кажется уже знакомымъ. Но иногда бываютъ случаи, когда еще не воспринятое извѣстно намъ уже напередъ. По прибытіи въ какую-нибудь мѣстность, въ которой мы никогда еще не бывали, она намъ не только кажется знакомою, но мы даже въ состояніи описать всѣ предстоящія намъ подробности пути: разные повороты, мостики, перекрестки, овраги, нѣкоторыя замѣчательныя примѣты и т. д. Бываютъ субъекты, которые обладаютъ такою „ложною“ памятью въ высшей степени.

Съ однимъ, напримѣръ, французскимъ военнымъ врачомъ **Ж.** ежедневно происходятъ по два и по три раза случаи пробужденія въ памяти вещей, которыхъ онъ, очевидно, никогда не могъ видѣть. Такъ, однажды въ театрѣ, когда играли совершенно новую пьесу, онъ вдругъ почувствовалъ, что она ему знакома. Сообщивъ объ этомъ бывшему съ нимъ въ ложѣ пріятелю, онъ тотчасъ же доказалъ справедливость своихъ словъ, совершенно безошибочно досказавъ монологъ, только что начатый актеромъ.

Такихъ случаевъ въ литературѣ приводится не мало. Они были извѣстны и въ древности. Платонъ разсказываетъ, что одинъ воинъ, умирая на полѣ сраженія при Платеѣ, почувствовалъ въ это время необыкновенное проясненіе памяти. Его духовный взоръ обратился назадъ за пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ былъ *убитъ* въ сраженіи съ персами. При воспоминаніи тогдашней жизни, въ его памяти воскресла бывшая незадолго до этого сраженія стычка съ непріятелемъ, которая счастливо окончилась для грековъ. Въ ней ему удалось убить непріятельскаго вождя, щитъ котораго, украшенный соотвѣтственною надписью, былъ имъ повѣшенъ въ сосѣднемъ храмѣ. Когда слова умирающаго провѣрили, то оказалось, что, дѣйствительно, въ указанномъ имъ мѣстѣ, на одной изъ колоннъ храма, висѣлъ щитъ, на задней сторонѣ котораго была упомянутая воиномъ надпись...

Читая этотъ странный разсказъ, приводимый однимъ изъ правдивѣйшихъ писателей древности, и сопоставляя его съ кое-какими фактами изъ современной жизни, становится очевиднымъ, что наши взгляды на душевную дѣятельность нуждаются въ большихъ дополненіяхъ. Допускать, подобно нѣкоторымъ спиритамъ и восточнымъ религіямъ, возможность переселенія душъ, на что намекаетъ приведенный разсказъ Платона, является, съ раціональной точки зрѣнія, нелѣпостью; ссылаться же на случайное совпаденіе было бы безполезно и ни для кого не убѣдительно.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно говорить о случайномъ совпаденіи, когда оно повторяется по нѣскольку разъ въ день? Между тѣмъ явленіе парамнезіи, имѣющее столь близкое отношеніе къ вопросу о пророческихъ

[1]) Употребляя терминъ «парамнезія» въ примѣненіи къ подобнымъ случаямъ, мы должны оговориться, что это неточно и примѣняется лишь за отсутствіемъ другого.

видѣніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служащее источникомъ многихъ выводовъ въ крайне мистическомъ направленіи, не должно оставаться не объясненнымъ. Было бы поэтому благоразумнѣе вмѣсто того, чтобы игнорировать многіе общеизвѣстные факты, за неумѣніемъ ихъ объяснить, предложить, конечно, въ видѣ гипотезы, объясненіе, основанное на еще не вполнѣ общепризнанныхъ явленіяхъ.

Въ виду такихъ и подобныхъ соображеній, если мы взглянемъ на случаи, подобные приведенному разсказу Платона, врача Ж., и другіе, какъ на примѣры не ложной, а дѣйствительной памяти, то дѣло представетъ въ нѣсколько иномъ видѣ. Я уже вижу, читатель, на вашемъ лицѣ недоумѣніе, а потому спѣшу выразиться яснѣе.

Дѣло въ томъ, что если извѣстное явленіе не встрѣчаетъ съ точки зрѣнія своей логической возможности никакихъ препятствій, то нѣтъ разумныхъ основаній его игнорировать. Въ этомъ отношеніи всякій существующій предметъ и даже уже совершившееся явленіе не представляютъ ничего невозможнаго для воспріятія ихъ,—какъ?—это другой вопросъ; но намъ важно пока согласиться лишь въ томъ, что существующее или существовавшее въ дѣйствительности, стало - быть, произведшее извѣстное дѣйствіе, можетъ оказать то или иное вліяніе и на нашу психику. Другими словами, это настолько же возможно съ точки зрѣнія логики, какъ невозможно воспріятіе еще несуществующаго.

Условившись относительно этого важнаго пункта, взглянемъ на вопросъ конкретнѣе. Возьмемъ для примѣра случай съ упомянутымъ французскимъ врачомъ Ж., которому новая пьеса оказалась знакомою. Оставляя въ сторонѣ соображеніе о вѣроятности нѣкотораго родственнаго склада ума двухъ личностей, позволяющаго имъ независимо другъ отъ друга создавать въ области ли науки или искусства аналогичныя вещи, а также случайное совпаденіе, вспомнимъ о существованіи весьма рѣдкой способности нѣкоторыхъ лицъ мысленно сообщаться съ другими безъ вѣдома послѣднихъ. Извѣстный журналистъ Стэдъ обладаетъ этой способностью въ довольно сильной степени. Читатели уже знаютъ, что съ нимъ бывали случаи, когда, сосредоточивъ мысль на извѣстной личности, находящейся гдѣ-нибудь далеко, даже за сотни верстъ, и задавъ ей мысленно касающійся ея вопросъ, онъ получаетъ отвѣтъ, который автоматически пишется его рукою. Во время спиритическихъ сеансовъ подобное автоматическое писаніе составляетъ обычное явленіе. Такое телепатическое сообщеніе нашей *подсознательной* личности съ психикой, быть-можетъ, вовсе намъ незнакомыхъ лицъ, вѣроятно, чаще всего случается во время активной дѣятельности нашего *второго я*, т.-е. въ гипнозѣ и сходныхъ съ нимъ формахъ естественнаго сна.

Представимъ себѣ, что врачъ Ж. находился довольно часто въ подобномъ снѣ, благопріятномъ для телепатическаго воспріятія не-вѣсть откуда приходящихъ мыслей, представленій и цѣлыхъ законченныхъ картинъ. Тогда возможно, что авторъ пьесы, показавшейся Ж. настолько знакомой, оказался въ безсознательномъ телепатическомъ общеніи съ послѣднимъ какъ разъ въ то время, когда, съ одной стороны, эта пьеса писалась или обдумывалась, съ другой—Ж. былъ въ благопріятномъ состояніи для воспріятія чужихъ мыслей.

Со мною лично былъ одинъ довольно замѣчательный случай, который, кажется, можетъ быть отнесенъ къ той же категоріи явленій. Когда, по окончаніи гимназіи, я находился въ одномъ спеціальномъ учебномъ заведеніи, то въ первомъ же году заболѣлъ тифомъ. Идя въ лазаретъ, я былъ очень занятъ мыслью о томъ, что, пожалуй, расхворавшись, не успѣю представить къ сроку сочиненіе, которое у меня было окончено и даже переписано, за исключеніемъ конца, который я былъ намѣренъ передѣлать. Тетрадь я взялъ съ собою въ лазаретъ. Первые два дня у меня былъ сильный жаръ, и я бредилъ. На третій день жаръ уменьшился, и я спалъ ночью спокойно. Подъ утро я всталъ, надѣлъ халатъ и туфли, взялъ изъ-подъ подушки тетрадь и прошелъ въ комнату, гдѣ врачи прописывали рецепты, назначали порціи и т. д. Тамъ я усѣлся за столъ и сталъ писать. Нужно замѣтить, что все это я дѣлалъ безсознательно и впослѣдствіи не сохранилъ никакихъ воспоминаній, а о своихъ дѣйствіяхъ я сужу по результатамъ. Сколько времени я писалъ, сказать не могу, но пришедшій истопникъ разсказывалъ потомъ, что онъ меня спрашивалъ, зачѣмъ я такъ рано всталъ и какъ я могу писать почти въ темнотѣ (дѣло было зимою часовъ около пяти утра, а въ лампѣ огонь былъ уменьшенъ до послѣдней степени). Я ему ничего не отвѣчалъ и продолжалъ скоро писать. Онъ затопилъ печь и потомъ сталъ убирать мелкія щепки и соръ. Пламя разгорѣлось, и его отблескъ освѣтилъ меня. Тогда только истопникъ увидѣлъ, что я писалъ съ закрытыми глазами и по временамъ улыбался,

— Баринъ! баринъ! что вы дѣлаете?

Я молчалъ и писалъ. Бѣдняга испугался, бросилъ свою работу и побѣжалъ къ фельдшеру. Черезъ нѣкоторое время они пришли, оба и стали молча наблюдать за мною. Очевидно, я уже кончалъ свою работу. Говорятъ,

я отклонялся назадъ, что-то бормоталъ, потомъ опять писалъ; наконецъ, какъ-то странно засмѣявшись, я сдѣлалъ большой росчеркъ, подобный тѣмъ, какіе дѣлаютъ въ оффиціальныхъ бумагахъ на концѣ каждой страницы (чтобы нельзя было дописать чего-нибудь).

Потомъ фельдшеръ разсказывалъ, что, считая меня „лунатикомъ", онъ боялся окликнуть меня.

Дописавъ прямо набѣло конецъ сочиненія, какъ потомъ оказалось, я помахалъ тетрадью, чтобы засохли чернила (хотя прессъ-бюваръ лежалъ тутъ же), и, сложивъ тетрадь, всталъ со стула. Мимо уступившаго мнѣ дорогу фельдшера я прошелъ спокойною, увѣренною походкою, хотя глаза были все время закрыты.

На другой день, когда старшій врачъ узналъ объ этомъ происшествіи, отъ меня отняли незамѣченную раньше тетрадь и вмѣнили въ обязанность палатной прислугѣ болѣе внимательно слѣдить за мною. Утромъ я чувствовалъ себя хорошо, и температура была почти нормальная. О своемъ ночномъ приключеніи я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Когда же мнѣ о немъ разсказали, то я до тѣхъ поръ не отсталъ отъ врача, пока мнѣ не прочитали написаннаго мною ночью. Я едва вѣрилъ тому, что самъ написалъ окончаніе своего сочиненія въ подобномъ духѣ, но былъ доволенъ имъ, такъ что просилъ сдать его преподавателю.

Послѣдній, заинтересовавшись этимъ случаемъ, хотѣлъ сообщить о немъ въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ, гдѣ онъ сотрудничалъ (не знаю, выполнилъ ли онъ свое намѣреніе). Болѣе всего его поразило, то, что, мѣсяца два спустя, онъ получилъ отъ своего брата, тоже литератора, оттискъ написанной послѣднимъ статьи. Оказалось, что въ ней была одна страница, представлявшая почти слово въ слово повтореніе одного мѣста изъ написаннаго мною ночью окончанія своей работы. По расчету времени выходило, что я, вѣроятно, писалъ въ одно и то же время съ авторомъ упомянутой статьи. Никогда болѣе со мною не повторялось ничего подобнаго. Дня три спустя послѣ этого ночного приключенія, болѣзнь моя настолько ухудшилась, что я долгое время не выходилъ изъ безсознательнаго состоянія.

Приводя этотъ случай, представляющій, надо полагать, примѣръ телепатическаго воздѣйствія одного мозга на другой, конечно, нельзя придавать ему большого значенія, въ виду отсутствія точныхъ данныхъ, подтверждающихъ одновременность писанія обѣихъ работъ; тѣмъ не менѣе, естественность вытекающаго изъ него объясненія нѣкоторыхъ случаевъ парамнезіи, являющейся, такимъ образомъ примѣромъ предшествовавшаго телепатическаго воздѣйствія, не позволяетъ намъ игнорировать подобнаго рода случаи.

Но, какъ легко видѣть, не всегда парамнезія можетъ быть объяснена такимъ образомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда объектомъ ея являются не созданія человѣческаго духа, а предметы неодушевленные, какъ, напр., въ упомянутомъ разсказѣ Платона, приходится прибѣгнуть къ другому объясненію.

Сопоставляя этотъ случай съ тѣми примѣрами парамнезіи, когда въ первый разъ видимая нами мѣстность оказывается уже знакомою, — является необходимымъ, для избѣжанія малоубѣдительнаго допущенія случайныхъ совпаденій, предположить въ человѣкѣ способность восприятія предметовъ, лежащихъ внѣ сферы нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Такою способностью сверхчувственнаго воспріятія, называемаго *ясновидѣніемъ* въ пространствѣ, повидимому, обладаютъ нѣкоторые, весьма, впрочемъ, рѣдкіе субъекты. Во время гипноза эта способность усиливается и дѣлается менѣе исключительною. Возможно, стало-быть, что во снѣ, который, какъ извѣстно, иногда переходитъ въ нѣкоторыя формы гипноза, мы пріобрѣтаемъ даръ такого рода ясновидѣнія.

Многіе ученые и даже цѣлыя общества экспериментальной психологіи трудятся надъ изученіемъ такихъ явленій, постепенно приходя къ убѣжденію въ реальности этого рода ясновидѣнія. Если же, слѣдуя ихъ примѣру, мы допустимъ возможность существованія подобнаго сверхчувственнаго воспріятія, въ пользу чего говорятъ многія данныя, то второй видъ ложной памяти, проявляющейся по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ, становится легко объяснимымъ.

Такимъ образомъ оба вида парамнезіи, разсматриваемой съ этой точки зрѣнія, являются примѣромъ *не ложной*, а дѣйствительной, но безсознательной памяти [1]). (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. В. Битнера: „Вѣрить или не вѣрить?" Спб. 1899 г., стр. 165—172).

7. **Скрытая память.** Въ наше время психологи вообще допускаютъ, какъ ученіе по меньшей мѣрѣ правдоподобное, что *всякая мысль* (идея), *разъ промелькнувшая въ нашемъ умѣ, можетъ быть воспроизведена черезъ какой угодно длинный промежутокъ*

---

[1]) Признавъ даже это объясненіе парамнезіи г. Битнера, мы должны силою логическихъ заключеній дойти и до признанія бытія души человѣческой, какъ самостоятельной духовной сущности, не ограничивающейся пространствомъ, не стѣсняемой внѣшними чувствами, но свободно воспринимающей тѣ впечатлѣнія, которыя удержать она желаетъ, или къ которымъ имѣетъ склонность. *Г. Д—ко.*

времени, посредствомъ связаннаго съ нею представленія. Такое воспроизведеніе нерѣдко бываетъ у людей, когда имъ приходится снова посѣщать мѣста, видѣнныя ими въ дѣтствѣ: возобновленіе впечатлѣній, вызываемыхъ данной мѣстностью, живо напоминаетъ имъ связанныя съ нею событія, — событія, которыя они не только сами забыли, но которыхъ и не припомнили бы, если бы услышали разсказъ о нихъ отъ другихъ людей [1]). Не лишено значенія и то обстоятельство, что основаніе подобныхъ воспоминаній можетъ, повидимому, быть заложено въ самый ранній періодъ жизни, какъ видно изъ двухъ слѣдующихъ примѣровъ, изъ которыхъ первый разсказанъ д-ромъ Эберкромби, а второй сообщенъ автору самимъ дѣйствующимъ лицомъ.

Одна дама въ послѣднемъ градусѣ хронической болѣзни была увезена изъ Лондона въ деревню; сюда къ ней привозили ея *дочь-младенца* и, послѣ краткаго свиданія съ матерью, увезли въ городъ. Черезъ нѣсколько дней дама умерла, а дочь выросла, совершенно не помня матери. Уже взрослой женщиной ей случилось, не зная этого, быть въ той деревнѣ и въ той комнатѣ, гдѣ умерла ея мать; войдя въ комнату, она остановилась, видимо чѣмъ-то пораженная, и на вопросъ подруги о причинѣ ея волненія она отвѣчала: „я ясно помню, что была раньше въ этой комнатѣ; въ томъ углу лежала дама, очень больная, и плакала, наклонившись надо мной“.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ С. Гансардъ, нынѣ ректоръ въ Бетналь-Гринѣ, нѣкоторое время былъ священникомъ въ Герстмонсо, въ Суссексѣ. Онъ отправился однажды съ друзьями въ Певенсейскій замокъ; онъ не помнилъ, чтобы когда-либо раньше случалось бывать въ этомъ замкѣ. Когда онъ подошелъ къ воротамъ, ему живо представилось, что онъ уже видѣлъ ихъ раньше; ему казалось, что онъ видитъословъ подъ аркой и людей надъ воротами. Его увѣренность въ томъ, что онъ былъ какъ-нибудь раньше въ этомъ замкѣ, — хотя у него не осталось ни малѣйшаго воспоминанія объ этомъ посѣщеніи (онъ даже не помнилъ, чтобы до своего пріѣзда въ Герстмонсо ему случалось бывать въ его окрестностяхъ), — побудила его спросить свою мать: не можетъ ли она объяснить ему этого обстоятельства. Тогда она сообщила ему, что, когда ему было около полутора года, она жила въ тѣхъ мѣстахъ, ѣздила въ замокъ съ большимъ обществомъ и брала его съ собою въ корзинѣ на ослѣ; что взрослые закусывали надъ воротами, откуда ихъ было видно снизу, его же оставили внизу съ слугами и ослами. Этотъ случай замѣчателенъ по степени живости впечатлѣнія и по воспроизведенію подробностей, о которыхъ врядъ ли разсказывали припомнившему ихъ, если бы даже ему случалось слышать о самомъ посѣщеніи, какъ о событіи его дѣтства; но онъ не помнитъ, чтобы ему случалось слышать о чемъ-либо подобномъ.

Одна писательница, миссъ Г. Мартино, упоминаетъ о слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ: природный идіотъ, лишившійся матери когда ему не было еще двухъ лѣтъ, и котораго послѣ ея смерти ни разу не могли навести на воспоминаніе о чемъ-либо, относящемся къ ней, умирая тридцати лѣтъ отъ роду, вдругъ повернулъ голову, посмотрѣлъ свѣтлымъ, сознательнымъ взглядомъ и воскликнулъ тономъ, какого никто не зналъ за нимъ раньше: „матушка! Какъ хорошо!“ и упалъ мертвый [1]).

Достовѣрно извѣстно, что самое живое воспроизведеніе ощущеній часто слѣдуетъ за повтореніемъ идейныхъ состояній, съ которыми они были первоначально связаны.

Такъ одинъ католикъ, отправляясь въ первый разъ на исповѣдь, ощущалъ во рту вкусъ сладкаго пирога, который онъ только-что передъ тѣмъ съѣлъ и плохо переварилъ отъ волненія; съ тѣхъ поръ многіе годы, идя на исповѣдь, онъ всякій разъ ощущаетъ во рту тотъ же вкусъ и запахъ. Людямъ, страдающимъ морской болѣзнью, навѣрное приходилось испытывать тошноту при одномъ взглядѣ на волнующееся море, а тѣмъ болѣе при видѣ качающагося на волнахъ судна. Одна дама увѣряла автора, что съ ней сдѣлался припадокъ морской болѣзни только оттого, что она присутствовала при отплытіи одного изъ своихъ знакомыхъ въ бурную погоду. Всѣ подобные факты такъ обыкновенны, что вошли въ пословицу, ибо извѣстное выраженіе „мнѣ тошно подумать объ этомъ“ есть не что иное, какъ выраженіе сензоріальнаго ощущенія, возбужденнаго идейнымъ состояніемъ.

Такое сензоріальное ощущеніе бываетъ иногда столь сильно, что влечетъ за собою то явленіе, которое сопровождало первое

---

[1]) На этомъ основывается важное правило при воспитаніи дѣтей: ничего не дѣлать, ничего не говорить дурного при дѣтяхъ, какъ бы малы они ни были. Но многіе ли сознаютъ эту истину? Пусть же приводимые нами здѣсь факты заставятъ нѣкоторыхъ подумать объ этомъ! Свящ. Гр. Д—ко.

[1]) Этотъ фактъ весьма замѣчателенъ: свидѣтельствуя о блаженствѣ за гробомъ, онъ въ то же время говоритъ, что собственно «душевныхъ» болѣзней нѣтъ, что болитъ лишь тѣло— органъ души. Когда тѣло передъ смертью совершенно ослабѣетъ и уже, такъ сказать, отказывается служить органомъ души, тогда душа свободною и всегда разумною силою, никогда ея не покидающею, заявляетъ о своемъ безсмертномъ существованіи, помимо даже своего тѣлеснаго органа, или по крайней мѣрѣ съ слабымъ его участіемъ. Свящ. *Г. Д—ко.*

возбужденіе этого ощущенія. Такъ, Ванъ-Сватенъ разсказываетъ о себѣ слѣдующее: однажды его вырвало отъ вони, распространяемой разлагающимся трупомъ собаки, валявшейся на томъ мѣстѣ, по которому онъ проходилъ; черезъ нѣсколько лѣтъ ему случилось проходить по тому же самому мѣсту, и воспоминаніе объ этомъ происшествіи такъ сильно подѣйствовало на него, что его опять вырвало. Навѣрное, каждый изъ насъ знаетъ по опыту, что при нѣжномъ или тягостномъ воспоминаніи навертываются слезы; что воспроизведеніемъ въ памяти обстоятельствъ, вызвавшихъ у насъ когда-то румянецъ стыда или оскорбленнаго самолюбія, возбуждается не только то же самое ощущеніе, но и то же выраженіе этого ощущенія, и что смѣхъ такъ же часто вызывается воспоминаніемъ о смѣшномъ происшествіи, какъ и самымъ происшествіемъ. Эти факты такъ обыкновенны, что могутъ показаться не заслуживающими вниманія; но они имѣютъ одинаковое значеніе съ тѣмъ также общеизвѣстнымъ фактомъ, что кашель можетъ быть вызванъ какъ раздраженіемъ горла, такъ и усиліемъ воли, мозговымъ рѣшеніемъ. Всѣ эти факты показываютъ, что непосредственное дѣйствіе нашего чувственнаго (sensational) сознанія всегда то же, будетъ-ли его отдаленной физической причиной дѣйствіе на органы внѣшнихъ чувствъ, проводимое къ сензоріуму посредствомъ периферическихъ нервовъ или измѣненія корковаго мозгового вещества, т.-е. дѣйствіе внутреннихъ чувствъ, передаваемое сензоріуму сверху внизъ центральными нервными волокнами, образующими его мозговую субстанцію.

Одинъ судья недавно сообщилъ о себѣ слѣдующую вещь:

Съ нимъ нерѣдко бывало, что, когда ему случалось вновь разбирать дѣло, которое онъ уже разбиралъ нѣсколько лѣтъ назадъ и о которомъ съ тѣхъ поръ не вспоминалъ,— вдругъ оказывалось, что все первое разбирательство совершенно имъ забылось, и онъ даже не могъ припомнить, что когда-либо слышалъ это дѣло. Однако, во время хода дѣла, благодаря какому-нибудь слову, фразѣ или случаю, все оно ярко вставало въ его памяти; отдергивалась какъ бы завѣса, и вся картина разомъ представлялась его глазамъ. Полнота прежняго забвенія въ приведенномъ примѣрѣ, вѣроятно, зависитъ отъ привычки, пріобрѣтаемой всѣми юристами вслѣдствіе огромнаго количества дѣлъ, проходящихъ черезъ ихъ руки,— сдавши дѣло, тотчасъ забывать о немъ.

Нерѣдко бывало замѣчено возстановленіе въ памяти во время горячечнаго бреда когда-то хорошо знакомаго, но давно забытаго языка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ врачъ сообщилъ слѣдующій случай, который ему пришлось наблюдать самому:

Старый слуга-валліецъ, уѣхавшій изъ Валлиса въ очень раннемъ возрастѣ и пятьдесятъ лѣтъ прожившій въ семействѣ этого господина, до такой степени забылъ свой родной языкъ, что, когда его валлійскіе родственники пріѣзжали къ нему и начинали говорить съ нимъ по-валлійски, онъ совершенно не понималъ ихъ; но семидесяти слишкомъ лѣтъ отъ роду онъ заболѣлъ горячкой и въ бреду бойко говорилъ по-валлійски.

Слѣдующій случай, упоминаемый Кольриджемъ, особенно замѣчателенъ: отличительная его черта та, что паціентка никоимъ образомъ не могла понимать смысла изреченій, произносимыхъ ею въ бреду.

Въ одномъ католическомъ городѣ, въ Германіи, молодая женщина, не умѣвшая ни читать, ни писать, захворала горячкой; священники объявили, что она одержима злымъ духомъ, потому что слышали, какъ она въ бреду говорила по-латыни, по-гречески и по-еврейски. Бредъ ея былъ записанъ, и оказалось, что онъ состоялъ изъ различныхъ изреченій, понятныхъ въ отдѣльности, но не имѣвшихъ между собою никакой связи. Изъ еврейскихъ фразъ только немногія были заимствованы изъ Библіи, большая же часть оказалась на раввинскомъ нарѣчіи. Случай былъ совершенно необъяснимый; долго не могли найти другого объясненія, кромѣ бѣсовскаго наважденія. Наконецъ, тайна была разоблачена однимъ докторомъ, который рѣшился прослѣдить всю исторію молодой женщины и, послѣ многихъ хлопотъ, открылъ, что, когда ей было девять лѣтъ отъ роду, ее пріютилъ у себя старикъ, протестантскій пасторъ, ученый словесникъ древнихъ языковъ, и она жила у него въ домѣ до самой его смерти. По дальнѣйшимъ справкамъ выяснилось, что старикъ имѣлъ привычку расхаживать по коридору, въ который выходила кухня, и читать громко свои книги. Книги были разысканы, и между ними оказалось нѣсколько томовъ греческихъ и латинскихъ отцовъ церкви и собраніе писаній раввиновъ. Многія мѣста въ этихъ сочиненіяхъ оказались тождественными съ изреченіями, записанными у постели молодой женщины, такъ-что не оставалось никакого сомнѣнія относительно ихъ источника[1]. (См.

---

[1]) Всѣ эти факты глубокой памяти ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія ту истину, что память не есть, какъ утверждаютъ матеріалисты, отпечатокъ впечатлѣній на мозгѣ (который, кстати сказать, какъ и все тѣло человѣка, безпрерывно обновляется во всѣхъ своихъ атомахъ), но свойство души, какъ самостоятельной духовной сущности. *Г. Д—ко.*

книгу Карпентера: „Основанія физіологіи ума“, изд. 2-е, 1887 г., стр. 5—8; 11—13).

Совершенно подобные же, хотя и менѣе выраженные, случаи засвидѣтельствованы и въ гипнотической практикѣ различными авторами. Эти свидѣтельства приведены у *Льебо,* Le Sommeil etc. pp. 84—85. Изъ „одержимыхъ“ слѣдуетъ упомянуть объ Оксонскихъ монахиняхъ (1652), поражавшихъ во время своего экстаза необыкновеннымъ знаніемъ латинскаго языка, впрочемъ, имъ нѣсколько извѣстнаго изъ церковной практики. По удостовѣренію Шалонскаго епископа, „всѣ эти дѣвицы какъ свѣтскія, такъ и духовныя, числомъ восемнадцать, обладали даромъ языковъ и отвѣчали заклинателямъ по-латыни, произнося порой цѣлыя рѣчи на этомъ языкѣ“ [1]).

8. **Дѣятельность творческой фантазіи въ безсознательномъ состояніи**. Фантазія можетъ дѣйствовать *почти безсознательно* и *непроизвольно,* приближаясь, такимъ образомъ, къ сознанію во время сна. Сплоченіе элементовъ, изъ которыхъ состоитъ фантастическій образъ, происходитъ, большею частью, подъ порогомъ сознанія, такъ что образъ, готовый въ главныхъ чертахъ, вдругъ всплываетъ въ сознаніи, какъ сознательный результатъ безсознательнаго процесса. *Гёте* разсказываетъ, что его „творческій талантъ нѣсколько лѣтъ не покидалъ его ни на минуту“, — слѣдовательно, онъ былъ въ немъ постоянно, не вызывая сознательныхъ усилій съ его стороны. Вотъ что разсказываетъ онъ по поводу „Страданій Вертера“: „такъ какъ я написалъ эту книжку *почти бозсознательно, точно лунатикъ,* то я самъ удивился, прочтя ее“. Въ введеніи къ одной изъ своихъ поэмъ извѣстный датскій поэтъ *Грундтвигъ* говоритъ: „я пѣлъ, *чего никогда не сознавалъ!*“ Дѣятельность, при помощи которой фантазія завершаетъ трудъ, удовлетворяющій требованіямъ идеала, хотя онъ и не былъ поставленъ сознательною цѣлью, носитъ на себѣ характеръ инстинкта [2]). (Проф. *Г. Гефдингъ:* „Очерки психологіи“, Спб. 1898 г., стр. 151).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Способность души къ разумной жизни

(по блаж. Августину).

Человѣкъ есть микрокосмосъ. Своей внѣшней стороной онъ уподобляется животнымъ и растеніямъ. Онъ имѣетъ тѣло, имѣетъ нѣкую жизнь, которая одушевляетъ и преобразуетъ тѣло; но есть въ немъ нѣчто третье, какъ бы глава или глазъ нашей души, т.-е. разумъ, котораго не имѣютъ животныя [1]). Итакъ, разумомъ Богъ превознесъ насъ надъ животными, хотя въ другихъ отношеніяхъ животныя нерѣдко превосходятъ насъ. Но что значатъ ихъ преимущества въ сравненіи съ нашими? Нѣкоторыя изъ животныхъ сильнѣе насъ, но, несмотря на то, мы ими управляемъ. Нѣкоторыя отличаются искусствомъ, но не понимаютъ своего искусства, и потому постоянно находятся на одной ступени развитія. Они поступаютъ такъ, какъ мы, когда произносимъ слова. Мы не думаемъ тогда, какъ надобно открыть ротъ, поворотить языкъ, но говоримъ инстинктивно; и поэтому ихъ знаніе есть только подобіе знанія [2]).

По внѣшности мы не разнимся отъ животныхъ, развѣ только фигурой тѣла, не наклоненной, но прямой. И потому создавшій насъ заповѣдуетъ намъ, чтобы мы не уподоблялись скотамъ лучшею частію нашей, т.-е. духомъ, чтобы мы не прилѣпляли духа къ тому, что есть превосходнаго въ тѣлахъ: ибо искать въ таковыхъ покоя воли, значитъ унижать духъ [3]).

Такъ разсуждаетъ блаж. Августинъ о способности души къ разумной жизни. Но онъ не ограничивается этимъ, а ищетъ доказательствъ участія нашего разума въ разумѣ божественномъ, нашего богоподобія въ *идеяхъ или понятіяхъ метафизическихъ.*

«Намъ безъ всякаго разсужденія извѣстно, — говоритъ онъ, — что вѣчное должно быть выше временнаго, что добродѣтельный достоинъ награды, а порочный наказанія. Это такія истины, противъ которыхъ не можетъ быть возраженія; это истины высшія, независимыя отъ міра матеріальнаго и чувственнаго, потому что чувства говорятъ намъ о томъ, что преходитъ, а не о томъ, что не преходитъ [4]). Когда я утверждаю, что линія можетъ быть дѣлима въ безконечность, то высказываю истину ясную, неизмѣнную, потому что говорю о линіяхъ идеальныхъ, а не реальныхъ, не о тѣхъ линіяхъ, о коихъ даетъ мнѣ знать тѣлесное око, но о тѣхъ, которыя знаетъ каждый безъ всякихъ опытовъ, единственно по внутреннему представленію [5]). Возьмите тѣло, какое вамъ угодно, вы всегда можете различить въ немъ сторону прямую и кривую, верхнюю и нижнюю, словомъ, множественность. Слѣдовательно, тѣла не могутъ дать вамъ идеи о единицѣ; а для того, чтобы узнать, осуществляется ли въ чувственномъ мірѣ эта идея, надобно чтобы она уже была въ насъ. Гдѣ же вы пріобрѣли ее, если не въ вашемъ разумѣ [6])?

---

[1]) Histoire des diables, p. 57, y Dupouy, Le Moyen âge médical, p. 215.

[2]) Эти факты, говоря о разумности психическаго начала, насъ одушевляющаго, вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ и о независимости души не только отъ тѣла нашего, но даже, во многихъ случаяхъ, и отъ нашего земного сознанія. *Г. Д—ко.*

[1]) De lib. arb. II, 6.—De Gen. ad. litt. VII, 20.

[2]) De quant. an. c. 28.—De ord. II, 19.—De lib. arb. c. 7.

[3]) De Trin. XII, 3.

[4]) Contr. acad. III, 13.

[5]) Solil. I, 4. 5.—Conf. X, 12.

[6]) De lib. arb. II, 8.

Если же эти идеи не суть произведенія опыта, то откуда онѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ у Платона, который смотрѣлъ на идеи какъ на понятія, врожденныя намъ, и называлъ ихъ «истинно сущимъ, вѣчно пребывающимъ, сущностію вещей, первообразами»[1]) и т. п.

Притомъ надобно различать понятія отъ идей. Понятія частны, а идеи всеобщи. Когда я утверждаю, что всѣ люди желаютъ быть мудрыми и счастливыми, что надобно наблюдать справедливость и воздавать каждому свое; то неужели эти истины только я имѣю, а вы не могли бы и знать, если бы я не сказалъ вамъ? Нѣтъ, вы ихъ видите, вы ихъ можете знать и безъ меня; онѣ общи всѣмъ людямъ[2]). Законъ нравственный извѣстенъ всѣмъ, и нѣтъ народа, который не зналъ бы его. Кто не знаетъ, напримѣръ, что надобно дѣлать правду, что совершеннѣйшій долженъ быть предпочитаемъ менѣе совершенному, что преступленіе достойно наказанія? Это истины ясныя для всѣхъ безъ изъятія, потому что разумъ открываетъ ихъ всѣмъ. И нечестивые судятъ, и часто очень хорошо, о дѣйствіяхъ человѣческихъ. По какимъ же правиламъ судятъ они, если не по тѣмъ, по которымъ долженъ жить каждый? Гдѣ написаны эти правила, если не въ книгѣ того свѣта, который называется истиной?.. Вотъ откуда всякій законъ списывается, и переносится въ сердце человѣка, заботящагося о правдѣ, не безслѣдно, но напечатлѣвается въ немъ, подобно тому какъ образъ кольца напечатлѣвается на воскѣ, не оставляя кольца[3]).

Понятія составляются нами и часто измѣняются, а идеи выше нашего духа и вѣчны. Иначе и быть не можетъ. Если бы истина была ниже нашего духа, то мы не судили бы *по ней,* а судили бы *объ ней,* какъ мы судимъ о тѣлахъ, а нерѣдко и самихъ душахъ. Истина не можетъ быть и равна нашему духу; потому что одинъ изъ насъ видитъ болѣе, а другой менѣе, и, слѣдовательно, не одинаково; но истина неизмѣнна, она всегда одна и та же, она будетъ существовать, хотя бы міръ погибъ[4]).

Все это показываетъ, что разумъ есть истинный учитель жизни человѣческой, что онъ по отношенію къ жизни то же, что глазъ по отношенію къ предмету, если никакая болѣзнь, никакая рана не измѣнила его[5]). Разумъ есть то, чѣмъ познаемъ или можемъ познавать Бога, которымъ видимъ небесное и вѣчное, знаемъ неизмѣнныя правила справедливости, уважаемой даже нечестивыми[6]).

Когда проникли эти идеи въ нашъ разумъ? Не существуетъ ли истина въ нашей душѣ, какъ глухое сознаніе предметовъ, которые нѣкогда были извѣстны намъ, какъ припоминаніе вещей, видѣнныхъ душею во время до-мірнаго существованія? «Если душа, — говоритъ Платонъ, — будучи безсмертна и часто раждаясь, все видѣла, и если нѣтъ вещи, которой бы она не знала, то неудивительно, что въ ней есть возможность припоминать то, что ей извѣстно было прежде... Да и въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе и изученіе не есть ли совершенное воспоминаніе? У человѣка, который не знаетъ того, чего можетъ не знать, есть вѣрныя понятія о томъ, чего онъ не знаетъ. Если кто-нибудь начнетъ часто и различнымъ образомъ спрашивать его о томъ, чего онъ не знаетъ, то, наконецъ, этотъ незнающій будетъ знать не хуже вопрошающаго. Т.-е. этотъ человѣкъ почерпаетъ знаніе въ себѣ самомъ; а почерпать знаніе въ себѣ самомъ, не значитъ ли припоминать?»[1]) Бл. Августинъ началъ было допускать эту поэтическую гипотезу Платона, и называлъ ее величественнымъ открытіемъ[2]). Но въ «Трактатѣ» и своихъ «Поправкахъ» онъ рѣшительно отвергъ эту гипотезу, убѣдившись, что ее трудно согласить съ христіанскимъ догматомъ. «Гораздо лучше будетъ, — говоритъ онъ, — если мы существованіе въ душѣ нѣкоторыхъ знаній объяснимъ таинственнымъ участіемъ ея въ вѣчной истинѣ, озареніемъ Слова, постоянно присутствующаго въ нашихъ душахъ»[3]). Если мы хотимъ научиться, то не должны слушать людей, которые называютъ себя нашими учителями; но должны слушать слово Божіе, которое живетъ въ глубинѣ нашей души и которое произноситъ верховный судъ о всемъ, что люди могутъ намъ сказать. Люди открываютъ намъ только мысли, находящіяся въ ихъ духѣ; но для того, чтобы знать, истинны ли онѣ или ложны, мы обязаны вопросить этого внутренняго учителя, который всегда въ насъ, и котораго отвѣты необманчивы[4]).

Итакъ, вотъ гдѣ источникъ идей, обитающихъ въ насъ! Часть души[5]), называемая разумомъ, озаряется высшимъ свѣтомъ. Этотъ высшій свѣтъ, озаряющій человѣческій разумъ, есть Богъ. Если же душа озаряется свѣтомъ Божіимъ, и при этомъ свѣтѣ познаетъ всѣ предметы, то она не только выше всѣхъ земныхъ существъ, но есть *образъ и подобіе Бога*[6]). (Проф. *К. Скворцовъ:* «Блаж. Августинъ какъ психологъ», Кіевъ, 1870 г., стр. 62—64; 66—67; 70—72).

Б. Рѣшеніе возраженій противъ разумности души матеріалистовъ, указывающихъ на то, что есть душевныя болѣзни.

«Что такое душа, которая должна бредить при лихорадкѣ, которую веселитъ стаканъ вина, а два

1) τὸ ὄντως ὤν (Cratyl. 386), *αὐτή ἡ οὐσία* (Tim. 27), *τά παραδείγματα* (Polil. 269).
2) Conf. XII, 25.
3) De Trin. XIV, 15.
4) De lib. arb. II, 9. 10. 12. Solil., II, 2.
5) Ep. 118, c. 3.
6) De Trin. XIV, 8.

1) Maenon. 80—86.
2) Epist. VII.
3) De Trin. XII, 18. Retr. I, 4—8.
4) De Magistro II, 14.
5) Не совсѣмъ точное выраженіе, ибо душа недѣлима. *Г. Д—ко.*
6) In Iohan. Tract. XV, 14.—De quant. an. III.

стакана одуряютъ, которую усыпляютъ и лишаютъ сознанія нѣсколько центиграммовъ опіума или гашиша, которую ведетъ часто къ превратнымъ сужденіямъ малѣйшее разстройство въ организмѣ? Что же такое эти столь прославляемыя свобода, произвольность, самосознаніе, высокая способность мыслить? Не есть ли скорѣе эта душа только мозгъ съ его свойствами?»

Таковы аргументъ и окончательное заключеніе, торжественно провозглашаемые матеріалистическою школою въ подтвержденіе своего ученія. Легко показать, что это далеко не серьёзный и въ сущности ребяческій аргументъ.

Мы говоримъ, что анимическій элементъ (т.-е. духовный) не можетъ обойтись безъ спеціальнаго орудія, органа какъ для того, чтобы вступить въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, такъ и для того, чтобы проявляться въ этомъ послѣднемъ. Отсюда, очевидно, вытекаетъ, что, если, по какой-нибудь причинѣ, это орудіе будетъ или плохо устроено, или временно повреждено или разстроено, то сношенія анимическаго элемента съ внѣшнимъ міромъ, а также его внѣшнія проявленія и отношенія его къ самому себѣ будутъ извращены. Если, напримѣръ, по той или другой причинѣ, пребывающей внутри особи, чувства слуха, зрѣнія, осязанія, органъ памяти бываютъ разстроены или раздражены точно такъ же, какъ если бы они получили раздраженіе отъ какого-нибудь внѣшняго, реальнаго явленія, то ясно, что они будутъ вызывать въ насъ иллюзорно ощущенія и образы, соотвѣтствующіе этому явленію. Всѣ наши умственныя отправленія, всѣ сужденія, даже всѣ наши чувства будутъ искажаться фиктивными или обманчивыми показаніями нашихъ органовъ: посторонній свидѣтель, не знающій, что происходитъ въ насъ, будетъ видѣть только наше помѣшательство, бредъ, опьяненіе... Но есть ли во всемъ этомъ какой-нибудь поводъ къ отрицанію свободы, произвольности и даже самаго существованія единаго мыслящаго начала? Спрашивается, не столь же ли ложно въ этомъ случаѣ относительное сужденіе посторонняго свидѣтеля, какъ и всѣ абсолютныя сужденія этой мыслящей единицы, вводимой въ обманъ тѣмъ аппаратомъ, при помощи котораго она изслѣдуетъ и обрабатываетъ внѣшнія явленія? Не находится ли это начало въ точно такомъ же положеніи, какъ и каждый изъ наблюдателей и ученыхъ, когда его телескопы, вѣсы, термометры бываютъ дурно сдѣланы или испорчены? Нѣсколько центиграммовъ сантонина, принятыхъ внутрь, окрашиваютъ для насъ всѣ предметы въ желтый цвѣтъ; если бы мы не знали этого свойства сантонина и если бы возлѣ насъ не было никого, кто могъ бы сказать намъ, что цвѣтъ предметовъ не измѣнился, то мы стали бы утверждать, что все въ природѣ пожелтѣло. Слѣдуетъ ли изъ этого, что сантонинъ дѣйствуетъ на душу и вводитъ ее въ заблужденіе при воспріятіи цвѣтовъ? И слѣдуетъ ли въ особенности изъ этого, что душа не существуетъ, и что видитъ глазъ, а не душа съ помощію глаза?

Алкоголь, опіумъ, гашишъ, белладонна... различные яды, однимъ словомъ, дѣйствуютъ каждый особымъ образомъ на органы чувствъ или на органъ мысли, вызываютъ въ немъ особыя разстройства, искажаютъ его функціи на болѣе или менѣе долгое время или даже навсегда. Тѣ же самыя или, по крайней мѣрѣ, подобныя же разстройства могутъ происходить сами собою, т.-е. отъ неизвѣстной намъ причины. Индивидуальное анимическое начало, теряя возможность повѣрять свои собственныя дѣйствія, если его чувственный аппаратъ плохо служитъ ему или обманываетъ его, начинаетъ судить ложно, теряетъ здравый разсудокъ, бредитъ какъ во снѣ. Все это, конечно, печально; изъ этого вытекаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ суровый и поздній нравственный урокъ; но это нисколько не говоритъ въ пользу аргумента матеріализма. Этотъ аргументъ остается при всякой гипотезѣ ребяческимъ, и это самое меньшее, что можно сказать о немъ (См. у *Густава Гирна:* «Анализъ вселенной», М. 1898 г., стр. 404—406).

В. Мозгъ есть только орудіе мысли, а не производитель ея.

Робертъ Майеръ (Robert Mayer) [1]), въ рѣчи своей, обращенной къ натуралистамъ, собравшимся въ Инспрукѣ въ 1869 году, между прочимъ, сказалъ нижеслѣдующее:

«Въ теченіе довольно долгаго времени допускалось вообще, что спинной мозгъ и въ особенности головной мозгъ (le cerveau) содержитъ въ себѣ свободный фосфоръ, и воображеніе приписывало этому *свободному фосфору* большую роль въ дѣйствованіяхъ ума. Но новѣйшія и самыя тщательнѣйшія изслѣдованія, дѣлавшіяся въ области органической химіи, показали, что никакой живой организмъ, а, слѣдовательно, и головной мозгъ, не содержитъ въ себѣ живого фосфора. Но, хотя подобныя заблужденія и должны исчезнуть предъ результатами точной науки, тѣмъ не менѣе, установлено, что въ головномъ мозгѣ постоянно производятся матеріальныя модификаціи, видоизмѣненія, которыя обозначаютъ выраженіемъ «молекулярныя дѣятельности», и что дѣйствованія ума всякаго индивидуума тѣсно связаны съ упомянутымъ мозговымъ матеріальнымъ дѣйствіемъ.

«Но отожествлять эти двѣ дѣятельности, происходящія или идущія параллельно, было бы грубымъ заблужденіемъ. Слѣдующій примѣръ вполнѣ выяснитъ вопросъ. Мы знаемъ, что никакая телеграфическая депеша не можетъ осуществиться безъ происходящаго совмѣстно съ нею химическаго дѣйствія. Но *то, что* говорится въ депешѣ,

[1]) *Robert Mayer*, — это тотъ ученый, которымъ былъ установленъ *законъ сохраненія энергіи*.

т.-е. содержаніе депеши, не можетъ, никакимъ образомъ, быть разсматриваемо, какъ функція электро-химическаго дѣйствія. То же самое и еще съ большимъ основаніемъ слѣдуетъ сказать относительно головного мозга и мысли. Головной мозгъ, это — не самъ умъ, а есть не что иное, какъ органъ»[1] (*И. Панаевъ:* «Свѣтъ жизни», Спб. 1893 г., стр. 82—83).

Г. Полная несостоятельность физіологіи въ дѣлѣ объясненія сознанія въ человѣкѣ.

Физіологія, какъ наука, недостаточна для объясненія нашей психики, а для этого должна существовать другая наука. Эта другая наука и есть психологія. Приведемъ мнѣнія двухъ знаменитѣйшихъ физіологовъ нашего вѣка объ этомъпредметѣ. Вотъ что говоритъ Клодъ-Бернаръ о жизненномъ началѣ: «Жизненные механизмы, какъ механизмы, не отличаются оть мертвыхъ механизмомъ. Если въ электрическихъ часахъ отнимать кислоту изъ баттареи, то механизмъ перестаетъ дѣйствовать; но если возвратить кислоту, то снова будетъ дѣйствовать. Изъ этого нельзя заключить, что причина раздѣленія времени на часы, минуты, секунды, указываемые часами, заключается въ свойствѣ кислоты или той мѣди и тѣхъ веществъ, изъ которыхъ составлены стрѣлки и колеса. Точно также, если мы видимъ, что разумность возвращается въ мозгъ и лицо, когда имъ возвращена насыщенная кислородомъ кровь, безъ которой они не могли бы совершить своихъ отправленій, — было бы несправедливо видѣть въ этомъ доказательство, что сознаніе и разумность заключаются въ кислородѣ крови или мозговомъ веществѣ. Жизненные механизмы пассивны, какъ мертвые механизмы, и тѣ и другіе выражаютъ или обнаруживаютъ идею, ихъ задумавшую и создавшую». Тотъ же физіологъ часто повторялъ выраженіе: «вещество обнаруживаетъ явленія, которыхъ оно не производитъ».

Другой физіологъ, Дюбуа-Реймонъ, въ своей знаменитой рѣчи на конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Лейпцигѣ, сказалъ о сознаніи человѣка, между прочимъ, слѣдующее: «Никоимъ образомъ не видно, какъ изъ совокупности дѣйствія атомовъ можетъ возникнуть сознаніе. Еслибъ я захотѣлъ придать самимъ атомамъ сознаніе, то все-таки и сознаніе вообще не было бы объяснено, и ничего не выигралось бы для пониманія единичнаго сознанія въ недѣлимомъ».

Цитированныя только что мнѣнія двухъ свѣтилъ науки рельефно обнаруживаютъ полную несостоятельность физіологіи въ дѣлѣ объясненія сознанія и вообще психическихъ феноменовъ въ человѣкѣ (См. соч. проф. д-ра *А. Шилтова:* «О безсмертіи души», Москва, изд. 2-е, 1898 г., стр. 8—9).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Свобода воли.

Способность души человѣческой къ свободному самоопредѣленію себя къ дѣятельности.

Доказательства свободы воли. а) Главное доказательство свободы воли заключается въ нашемъ самосознаніи. При каждомъ нашемъ свободномъ дѣйствіи мы ясно сознаемъ, что мы сами себя къ нему опредѣляемъ, что оно отъ насъ зависитъ, что какіе бы мотивы ни понуждали насъ къ извѣстному дѣйствію, оно не произошло бы, если бы сами на него не рѣшились. Несмотря на то, что на рѣшенія нашей воли вліяютъ разнаго рода побужденія и понятія разсудка, мы ясно сознаемъ, что они не имѣютъ безусловно принудительнаго для насъ значенія. Мы можемъ противостать сильнѣйшимъ мотивамъ, предпочесть низшее и менѣе желаемое благо высшему, можемъ рѣшиться даже на какое-либо дѣйствіе безъ всякаго мотива, единственно чтобы показать полную самостоятельность нашей воли. Наконецъ, мы ясно отличаемъ свои свободныя дѣйствія отъ несвободныхъ и опредѣляемъ степень участія нашей свободы въ совершеніи того или иного дѣйствія. Такъ, мы не называемъ свободнымъ дѣйствія совершеннаго въ безсознательномъ состояніи (наприм. въ горячкѣ). Такое различеніе свободныхъ и несвободныхъ, болѣе и менѣе свободныхъ дѣйствій было бы невозможно, если бы въ насъ на самомъ дѣлѣ не было свободы. Самаго различія между понятіями свободы и необходимости для насъ не существовало бы, если бы на опытѣ мы не встрѣчали фактовъ такого различія.

б) Дальнѣйшимъ доказательствомъ свободы воли служатъ факты внутренняго опыта, которые были бы необъяснимы безъ предположенія этой свободы.

Во многихъ случаяхъ, прежде чѣмъ приступить къ извѣстному дѣлу, мы размышляемъ, колеблемся, сдѣлать ли его или нѣтъ; какъ бы сильны ни были побужденія, влекущія насъ къ какому-либо поступку, мы всегда

[1]) См. «La physique moderne», par Ernest Naville, pp. 49—50.

можемъ пріостановить нашу рѣшимость на него, разсудить о возможныхъ его послѣдствіяхъ и удержаться отъ его совершенія; можемъ даже рѣшиться на поступокъ совершенно противоположный тому, на который, подъ вліяніемъ первоначальныхъ, болѣе сильныхъ мотивовъ, рѣшились прежде. Не показываютъ ли эти явленія существованія въ насъ свободной воли? Точно также немыслимо было бы для насъ раскаяніе, которое мы часто чувствуемъ по совершеніи извѣстнаго поступка. Такое раскаяніе, сожалѣніе, что мы поступили не такъ, какъ слѣдовало, сопровождаемое увѣренностію, что мы могли бы поступить иначе, было бы совершенно безсмысленнымъ и даже невозможнымъ, если бы не въ нашей власти состояло совершить извѣстный поступокъ или нѣтъ. Необъяснимымъ также въ этомъ случаѣ является фактъ предположенія нами извѣстныхъ дѣйствій въ будущемъ. Какъ часто случается, что мы предпринимаемъ что-либо сдѣлать въ то или иное время, и наши предположенія осуществляются! Возможно ли это было бы, если бы наши дѣйствія состояли не въ нашей власти? Существованіе у всѣхъ народовъ, во всѣ времена, неискоренимаго убѣжденія во вмѣняемости человѣку его поступковъ, убѣжденія, которое лежитъ въ основаніи его понятія о законѣ, правѣ и обязанности, также необъяснимо безъ существованія свободной воли въ человѣкѣ. Какой смыслъ имѣло бы наше уваженіе къ людямъ добродѣтельнымъ, наше негодованіе, осужденіе и презрѣніе поступковъ порочныхъ, если бы наши дѣйствія не отъ насъ зависѣли, а безусловно опредѣлялись случайными или необходимыми внутренними мотивами нашихъ дѣйствій?

Вообще должно замѣтить, что увѣренность въ свободѣ воли составляетъ коренное основаніе нравственности, безъ котораго она невозможна, а потому отрицающее эту увѣренность ученіе детерминистовъ, если бы стало всеобщимъ сознательнымъ убѣжденіемъ и было проведено послѣдовательно, неминуемо привело бы къ полному разрушенію нравственной и общественной жизни. Человѣкъ, увѣренный, что его свобода не болѣе какъ иллюзія, потерялъ бы всякую нравственную энергію, всякое стремленіе къ нравственному усовершенствованію и съ спокойною совѣстью сталъ бы игрушкою чувственныхъ влеченій и страстей, не считая себя отвѣтственнымъ за свои поступки. Вмѣстѣ съ этимъ исчезло бы у него и всякое уваженіе къ законамъ, общественному мнѣнію, предписаніямъ религіи, какъ вполнѣ основаннымъ на ложномъ предположеніи свободной воли въ человѣкѣ и въ сущности нисколько для него необязательнымъ (см. „Начальн. основ. философ.“ В. Кудрявцева, изд. 2-е, 1891 г. стр. 320—324, откуда въ извлеченіи мы привели этотъ §).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. **Свобода воли** (по блаж. Августину).

Существенное свойство нашей воли состоитъ въ томъ, что она *свободна*, т.-е. не подчинена закону необходимости, будетъ ли эта необходимость внутренняя или внѣшняя [1]). Человѣкъ по силѣ своей свободы вполнѣ управляетъ желаніями и дѣйствіями своей души, можетъ дѣлать между предметами какой угодно выборъ, можетъ самъ себѣ предписывать законы. И потому волю можно опредѣлять такъ: «она есть совершенно непринужденное движеніе души къ чему-нибудь такому, чего мы не желаемъ потерять, или что хотимъ пріобрѣсть» [2]).

Что въ насъ есть такого рода способность, объ этомъ ясно и постоянно говоритъ намъ наше *сознаніе*.

Мы такъ же глубоко сознаемъ свою волю, какъ глубоко сознаемъ свое существованіе; и когда мы чего-нибудь желаемъ или не желаемъ, то бываемъ совершенно увѣрены, что это желаніе или нежеланіе происходитъ отъ насъ, а не отъ кого-либо другого, и что, слѣдовательно, въ насъ, а не въ другомъ чемъ надобно искать причины нашей грѣховности [3]). Мы по справедливости говоримъ: не волею старѣемъ, но по необходимости; не волею умираемъ, но по необходимости; но можно ли сказать, что мы и хотимъ невольно? По совершеніи преступленія мы чувствуемъ раскаяніе. Это раскаяніе недостаточно ли показываетъ, что мы могли не совершать преступленія? А иначе въ чемъ же мы раскаиваемся? Если же есть раскаяніе, то есть виновность; а если есть виновность, то есть и воля; если есть воля, то нѣтъ принужденія. Воля была бы немыслима, если бы не имѣла совершенно въ своей власти себя и своихъ дѣйствій [4]).

Есть у бл. Августина и другое доказательство существованія въ насъ свободной воли. Если бы не было свободной воли — говоритъ онъ—то не было бы различія между добрыми и худыми дѣйствіями. Какъ могъ бы Господь дать намъ законъ, предписывать исполненіе его, запрещать нарушеніе, возвѣщать за исполненіе награду, а за нарушеніе наказаніе, если бы не сотворилъ насъ свободными? Божественныя заповѣди не даны были бы человѣку, если бы онъ не имѣлъ свободной воли; если же онѣ даны, то даны для того, чтобы человѣкъ не извинялся невѣдѣніемъ: *аще не бы пришелъ и глаголахъ вамъ, грѣха*

---

[1]) De lib. arb. III, 3.
[2]) De duab. anim. c. 10.
[3]) Conf. VII, 3; VIII, 10.
[4]) De lib. arb. III, 3.—De act. c. Feb. man. II, 8.

не быша имѣли: нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ [1]). Если сказано: не пожелай сего, не пожелай онаго; если заповѣдано: дѣлай это, того не дѣлай, — то не есть ли это самое ясное указаніе на присутствіе въ насъ свободной воли? Можетъ ли желать или не желать тотъ, кто не имѣетъ способности желанія? Не безразсудно ли давать повелѣніе тому, кто не имѣетъ возможности исполнить повелѣніе [2]). Богъ называетъ Своими вѣрными рабами только тѣхъ, кои служатъ ему добровольно; за доброе или дурное употребленіе свободы мы должны будемъ дать отчетъ Ему въ день страшнаго суда; но какъ Онъ будетъ судить насъ, если наши желанія и дѣйствія были несвободны? [3]) Намъ заповѣдано имѣть вѣру, которая есть начало спасенія; но всякій во власти имѣетъ то, что онъ дѣлаетъ, если хочетъ, и отвергаетъ, если не хочетъ. Вѣровать значитъ не иное что, какъ соглашаться на предлагаемую истину; а согласіе есть принадлежность воли [4]). (Проф. *К. Скворцовъ:* «Блаж. Августинъ какъ психологъ», Кіевъ, 1870 г., стр. 124—127).

Б. Разборъ возраженій противъ свободы воли въ человѣкѣ.

По мнѣнію отрицателей свободы человѣческой воли, въ особенности извѣстнаго Бокля, автора «Исторіи цивилизаціи въ Англіи», лучшимъ доказательствомъ того, что не существуетъ свободы воли, что дѣйствія людей не зависятъ отъ ихъ произвола, но исключительно управляются неизмѣнными законами, служитъ та механическая правильность, какую Бокль въ показаніяхъ статистики находитъ въ дѣйствіяхъ людей въ данномъ обществѣ и въ данное время. Ежегодно повторяется при данномъ состояніи общества одинаковое число преступленій, убійствъ, самоубійствъ съ употребленіемъ даже однихъ и тѣхъ же орудій для совершенія ихъ, одинаковое число посланныхъ чрезъ почту писемъ безъ адресовъ, одинаковая пропорція между браками и цѣною на хлѣбъ.

Можно ли на основаніи этихъ данныхъ статистики выводить, что дѣйствія людей не произведенія свободной воли, а естественнаго закона? Ни въ какомъ случаѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ объясненію правильности человѣческихъ дѣйствій безъ ущерба для способности нашего духа къ свободному самоопредѣленію, мы должны указать на то, что Бокль и другіе писатели матеріалистическаго направленія совершенно ложно понимаютъ свободу человѣческой воли. По ихъ мнѣнію свобода — это пустая прихоть, произволъ, ничѣмъ не мотивированный.

Но христіанское ученіе отнюдь не приписываетъ такой свободы человѣку. Человѣкъ непремѣнно опредѣляется къ дѣятельности какими-либо побужденіями, которыя лежатъ или въ немъ самомъ, или внѣ его; его воля отнюдь не абсолютно свободна: каждое дѣйствіе человѣка есть произведеніе многихъ дѣятелей, какъ-то: живущаго внутри насъ голоса нравственнаго закона, или совѣсти, сердца или чувствованій пріятныхъ или непріятныхъ, знаній о предметѣ дѣйствія, или показаній ума, энергіи воли, или практической стороны духа, исполняющихъ ея велѣнія органовъ и видимыхъ, окружающихъ человѣка обстоятельствъ—историческихъ, соціальныхъ, расовыхъ и т. п. Только подъ вліяніемъ этихъ условій воля человѣка проявляетъ себя въ той или другой дѣятельности; только въ зависимости отъ нихъ человѣкъ можетъ такъ или иначе опредѣлять себя въ данномъ случаѣ.

Если совѣсть, умъ, сердце, воля, органы ея и внѣшнія обстоятельства даютъ благопріятное для человѣческой дѣятельности побужденіе—человѣкъ совершенно свободно рѣшается на то или другое дѣйствіе; если же они такъ или иначе представляютъ ему препятствія, — онъ воздерживается отъ дѣятельности; если который-либо изъ указанныхъ факторовъ отсутствуетъ, его дѣятельность такъ или иначе ограничивается или видоизмѣняется. Но человѣкъ всякій разъ сознаетъ себя свободнымъ въ каждомъ актѣ дѣйствія или воздержанія отъ него: *онъ можетъ, если захочетъ,* рѣшиться на какое-либо дѣйствіе или удержаться отъ него, несмотря на всѣ указанія исчисленныхъ нами факторовъ. Но такіе случаи бываютъ рѣдки, и человѣкъ дѣйствуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ зависимости отъ указанныхъ нами условій. Вообще человѣкъ не имѣетъ *абсолютной свободы:* она принадлежитъ только Богу, Который стоитъ внѣ и выше всякихъ ограничивающихъ условій: динамическихъ, пространственныхъ и временныхъ. Истинное понятіе о свободѣ воли заключается въ томъ, что она есть способность человѣка опредѣлять себя, подъ условіемъ извѣстныхъ побужденій отъ окружающихъ его внѣшнихъ или внутреннихъ обстоятельствъ, къ той или другой дѣятельности съ неизбѣжнымъ сознаніемъ своей свободы рѣшиться на нее или удержаться отъ нея, совершать ее такъ или иначе. Такимъ образомъ нравственная статистика можетъ отрицать въ человѣкѣ не абсолютную свободу, которой у него и нѣтъ, но только ту человѣческую, которая у него несомнѣнно есть и какъ такую, въ извѣстной степени ограниченную, какъ ограничено всякое тварное бытіе, особенно подпавшее вліянію грѣха. Чѣмъ же теперь объясняется та правильность человѣческихъ дѣйствій, отрицать которую, въ виду данныхъ статистики, не представляется возможнымъ?

Во-первыхъ, тѣмъ, что природа человѣческая у всѣхъ людей, несмотря на степень развитія, *въ общихъ чертахъ* всегда одинакова, поэтому

[1]) De gr. et lib. arb. lib. un. c. 2.
[2]) De vera relig. c. 14.
[3]) Epist. 214.
[4]) De spir. et litt. c. 33.

и проявляется одинаково; *во-вторыхъ*, соціальныя, историческія и другія внѣшнія обстоятельства, окружающія человѣка въ данное время и въ данномъ обществѣ, для всѣхъ людей этого общества одинаковы; поэтому и человѣкъ, окруженный одинаковыми обстоятельствами, проявляетъ себя всегда *болѣе или менѣе одинаково; въ-третьихъ,* всѣ люди, происходя отъ одного общаго родоначальника, рождаются съ первороднымъ грѣхомъ, съ общею у всѣхъ наклонностію ко грѣху и грѣшной дѣятельности, съ ослабленною уже свободою воли,— поэтому люди, поставленныя въ извѣстныя одинаковыя соблазнительныя условія, болѣе наклонны поддаваться искушенію зла, нежели противостоять ему.

Въ виду этихъ причинъ, производящихъ болѣе или менѣе сильное однообразіе въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, вполнѣ объясняются всѣ статистическія цыфры, свидѣтельствующія объ *относительной* правильности человѣческихъ дѣйствій. Но изъ этой правильности отнюдь не выходитъ того, чтобы у человѣка не было свободы; изъ нея выходитъ только то, что человѣческая свобода при одинаковыхъ обстоятельствахъ проявляется болѣе или менѣе одинаково. Если, напримѣръ, я утверждаю, что $2\times2=4$, утверждаетъ это и другой, третій и т. д. всѣ люди въ мірѣ, то это не потому, что мнѣнія людей, высказывающихъ эту математическую аксіому, не свободны и высказываются ими подъ вліяніемъ неотразимаго закона физической необходимости; но потому, что у всѣхъ людей одинаково устроены умственныя способности, подъ вліяніемъ которыхъ никто не рѣшится серіозно утверждать противоположное, напримѣръ, что $2\times2=5$ и т. д. По ученію Бокля и другихъ матеріалистовъ, понимающихъ свободу человѣческой воли какъ чистый произволъ, свобода въ этомъ случаѣ высказалась бы въ томъ, что одни люди утверждали бы, что $2\times2=4$, а другіе $=5$, третьи $=25$ и т. д. Но это была бы не свобода воли, а безуміе ума или капризъ дѣтей, противорѣчащихъ только для противорѣчія безъ всякаго разумнаго основанія.

Представимъ и еще другіе примѣры. Изъ тѣхъ фактовъ, напримѣръ, что въ возрастѣ отъ 0 до 10 лѣтъ вовсе не бываетъ браковъ ни у кого изъ людей, что въ возрастѣ старше 100 лѣтъ весьма рѣдко, было бы смѣшно выводить то заключеніе, что дѣйствія людей этого возраста, отличаясь всегда безусловною правильностію, исключаютъ всякую мысль о свободѣ воли у людей этихъ возрастовъ. Правильный выводъ былъ бы только тотъ, что они неспособны къ брачной жизни. А гдѣ есть отсутствіе способности, тамъ немыслимо вести рѣчь о такомъ или другомъ обнаруженіи этой способности. Далѣе, всѣ статистическія данныя о числѣ преступленій, характерѣ преступниковъ, времени совершенія преступленій и самаго рода преступленій объясняются не дѣйствіемъ надъ людьми закона физической необходимости, а тѣми окружающими ихъ одинаковыми условіями, отъ которыхъ они получаютъ тѣ или другія побужденія къ дѣятельности, на которую и рѣшаются сообразно съ своими личными въ извѣстной степени тоже одинаковыми наклонностями. Но разъ измѣняются эти условія и наклонности, измѣняется и процентъ преступленій со всѣми ихъ свойствами.

Такъ, во Франціи и Бельгіи, гдѣ школьное образованіе поставлено значительно хуже, нежели въ Германіи, число молодыхъ преступниковъ несравненно больше, нежели въ послѣдней. «Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ государи, вслѣдствіе неправильнаго пониманія своего права помилованія, не позволяютъ исполнять никакихъ смертныхъ приговоровъ, или гдѣ возбужденное состояніе при исполненіи преступникомъ предумышленнаго убійства служитъ для присяжныхъ доказательствомъ невмѣняемости преступленій и основаніемъ къ освобожденію отъ наказанія, убійства увеличиваются въ страшной степени»[1]). Времена войны, революціи и дороговизны весьма замѣчательны въ томъ отношеніи, что преступленія людей увеличиваются подъ ихъ вліяніемъ. «Во время революціи въ 1848—49 году число преступленій вообще увеличилось (такъ во Франціи, въ пять лѣтъ, 1846—1850, было наказано 7.430, а въ слѣдующія пять лѣтъ только 7.104 преступленія); послѣ каждой войны увеличивается число преступленій, сопряженныхъ съ тяжелыми поврежденіями (потому что въ молодомъ поколѣніи болѣе грубыхъ классовъ общества развивается охота драться, притупляется отвращеніе къ пролитію крови»[2]). Подобнымъ же естественнымъ образомъ безъ ущерба свободы воли, но съ допущеніемъ лишь болѣе или менѣе значительной зависимости ея отъ окружающихъ одинаковыхъ для всѣхъ обстоятельствъ, объясняются и факты самоубійства. «Меньшее число самоубійствъ между женщинами вполнѣ объясняется большею чувствительностію и большею трусостью женскаго пола, вслѣдствіе чего самоубійства у нихъ происходятъ большею частію отъ несчастной и нецѣломудренной любви и притомъ нерѣдко въ сообществѣ съ своими любовниками. То обстоятельство, что въ жаркое время года самоубійства случаются чаще, сводится къ тому, что въ этомъ случаѣ разгорячается кровь отъ температуры и отъ питья, вслѣдствіе чего сильнѣе возбуждаются и страсти. Далѣе, что самоубійства мужчинъ чаще случаются въ первые дни недѣли, а женщинъ по воскресеньямъ, это весьма естественно объясняется тѣмъ, что мужчины по воскреснымъ днямъ, а отчасти и по понедѣльникамъ, обыкновенно предаются всякаго рода разгулу и потомъ, при вновь начинающейся борьбѣ съ жизнію, приходятъ въ разочарованіе, между тѣмъ какъ женщины, оставаясь по воскре-

[1]) Апологетика Эбрарда, т. I, стр. 420.
[2]) Ibid. 421 стр.

сеньямъ въ отсутствіи мужей и безъ занятій дома, имѣютъ въ этомъ поводъ предаваться печальнымъ мыслямъ о своемъ горькомъ положеніи. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что къ совершенію преступленія располагаетъ не только грѣховная воля, но и обстановка, равно какъ и встрѣчающіеся поводы»[1]).

Такимъ образомъ однообразіе человѣческихъ дѣйствій свидѣтельствуетъ не о томъ, что у людей нѣтъ свободы воли, а о томъ только, что при одинаковыхъ условіяхъ свобода человѣческаго духа проявляется болѣе или менѣе одинаково, при другихъ условіяхъ она выражается иначе; словомъ, она въ своихъ обнаруженіяхъ не зависитъ отъ закона физической необходимости, который не дозволяетъ никакихъ *самыхъ малѣйшихъ* измѣненій во всѣхъ явленіяхъ ему подчиненныхъ, будутъ ли эти явленія проявляться въ едва замѣтныхъ, малыхъ, среднихъ или самыхъ большихъ размѣрахъ, чего вовсе не замѣчается въ человѣческихъ обществахъ, гдѣ для одного времени и общества существуетъ извѣстная статистическая правильность, для другихъ—иная, для дѣтей, юношей, возмужалыхъ и старцевъ совершенно иная.

Другой выводъ можно было бы сдѣлать, если бы люди при разныхъ обстоятельствахъ, т.-е. какія бы у кого ни были познанія, совѣсть, энергія воли, окружающіе обстоятельства, возрастъ, полъ и т. п. внѣшніе и внутренніе факторы, *всегда совершали одинакія дѣйствія,*—этотъ выводъ былъ бы тогда благопріятенъ матеріалистамъ, отрицающимъ свободу воли въ человѣкѣ. Но опытъ этого вовсе, какъ извѣстно, и не представляетъ. Статистическія данныя говорятъ, что одинаковое число преступленій, ошибочныхъ дѣйствій или заключенія браковъ совершается въ *данное* время, въ *данномъ* обществѣ, за *извѣстный* періодъ времени и при томъ въ *извѣстномъ* сословіи, полѣ и возрастѣ. Ясно, что здѣсь предполагаютъ не одинаковыя обстоятельства безразлично для всѣхъ, а разныя—особенныя для извѣстной группы явленій. Если бы, повторяемъ, люди совершали одинаковыя дѣйствія при разныхъ обстоятельствахъ, тогда бы можно притти къ мысли о томъ, что дѣйствіями человѣческими заправляетъ законъ естественной необходимости, а не свобода воли. Но этого статистика, какъ мы сказали и какъ мы еще повторяемъ, не доказываетъ и не можетъ доказывать.

Но чтобы еще больше уяснить весьма важную истину о томъ, что свобода воли существуетъ въ мірѣ нравственномъ, который въ виду злоупотребленій своей свободы крайне нуждается въ промыслительныхъ божественныхъ дѣйствіяхъ, мы укажемъ на слѣдующіе факты, отрицать которые по ихъ очевидности такъ же нельзя, какъ нельзя противорѣчить математическимъ аксіомамъ.

[1]) Ibid. 422—3 стр.

Мы разумѣемъ слѣдующіе факты, ставящіе существованіе человѣческой свободы выше всякаго сомнѣнія: а) голосъ совѣсти, свидѣтельствующій о существованіи въ человѣкѣ свободы; б) сознаніе каждымъ человѣкомъ своей свободы; в) ученіе Божественнаго Откровенія о бытіи свободы въ человѣческомъ мірѣ; г) ученіе о свободѣ отцовъ и учителей церкви; д) статистическіе факты и е) наконецъ, наблюденія надъ нравственною жизнію людей. Остановимся кратко на каждомъ пунктѣ.

а) Каждый человѣкъ имѣетъ совѣсть, которая, будучи вдохнута въ насъ Богомъ, всегда обращена къ Нему и есть какъ бы намѣстникъ Божій, пребывающій въ сокровеннѣйшемъ существѣ нашего духа. Совѣсть всегда возвѣщаетъ намъ, что должно дѣлать и чего избѣгать, возбуждаетъ къ добру, отвращаетъ отъ зла, награждаетъ насъ душевнымъ миромъ и внутреннимъ счастіемъ въ случаѣ нашей добродѣтельной жизни и наказываетъ насъ мучительнымъ сознаніемъ нашей виновности въ случаѣ нарушенія нами нравственнаго закона и жизни безнравственной.

Сами язычники потому и безотвѣтны предъ Богомъ, что имѣютъ совѣсть, которая является для нихъ какъ судія и законодатель, то оправдывающій ихъ, то обвиняющій.

Спрашивается: какъ же объяснить одобренія и обвиненія живущей въ насъ совѣсти, если у насъ нѣтъ свободы воли? Вѣдь обвинять или награждать только можно за такое дѣяніе, которое совершено нами свободно, безъ принужденія. Неужели голосъ совѣсти, говорящій въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы онъ низко ни упалъ въ нравственномъ отношеніи, даетъ ложныя показанія и есть мечта, обманъ, несомнѣнно живущій въ насъ, но на который не должно обращать вниманія? въ такомъ случаѣ для чего же онъ намъ и данъ? Думали ли объ этомъ когда-либо отрицатели человѣческой свободы?

Если мы что-либо совершаемъ по физической, физіологической или какой-либо иной необходимости, наша совѣсть молчитъ: она ни обвиняетъ насъ, ни награждаетъ, ибо мы въ этомъ случаѣ несвободны. Напр., если мы въ силу физіологическихъ законовъ нашего организма испытываемъ голодъ или жажду и удовлетворяемъ эти ощущенія соотвѣтственнымъ образомъ, совѣсть наша остается при этомъ въ нейтральномъ положеніи; если мы, вслѣдствіе неожиданнаго толчка отъ какой-либо посторонней силы, упали и своимъ паденіемъ причинили безпокойство другимъ, совѣсть наша также не укоряетъ насъ за это послѣднее, ибо опять мы были несвободны и противъ своей доброй воли причинили безпокойство другимъ; напротивъ, она возмущается, если, не понимая несвободы нашего поступка, насъ обвиняютъ, привлекаютъ къ отвѣтственности и не хотятъ удовлетвориться извиненіемъ съ нашей стороны.

б) Вторымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о присущей нашему духу свободѣ, служитъ *непосредственное свидѣтельство нашего сознанія,* которое яснымъ для каждаго человѣка образомъ свидѣтельствуетъ, что мы свободны во всякомъ дѣйствіи, что если мы совершаемъ какое-либо дѣйствіе, то никто насъ къ этому не принуждаетъ, что мы можемъ какъ рѣшиться на извѣстный поступокъ, начать его совершать, такъ и во время одуматься, остановиться и загладить свою невольную ошибку, свое необдуманное увлеченіе какимъ-либо добрымъ дѣломъ. Бокль и другіе отрицатели свободы человѣческой воли хорошо сознаютъ силу показаній нашего сознанія о свободѣ воли и потому ложнымъ, можетъ-быть и совершенно непреднамѣреннымъ толкованіемъ факта сознанія, стараются устранить показанія этого фактора нашей духовной жизни. Бокль даже въ одномъ мѣстѣ своей «Исторіи» прямо отрицаетъ самосознаніе, какъ особую способность духа и соглашается назвать его только «состояніемъ или положеніемъ духа» [1]). Если даже и считать самосознаніе особой способностью, то и тогда, по Боклю, показанія его не заслуживаютъ вниманія, ибо показанія его не суть безусловно истинны: что въ одномъ вѣкѣ сознавалось, какъ истинное, въ другомъ отрицалось, какъ ложное; инымъ людямъ представляются призраки и привидѣнія, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не существуетъ. Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что и показанія сознанія о свободѣ воли не заслуживаютъ вниманія. Такова полемика Бокля противъ сознанія. Кто знакомъ съ основнымъ вопросомъ психологіи — сознаніемъ, тотъ пойметъ, что здѣсь Бокль смѣшиваетъ совершенно различныя вещи: онъ сознаніе считаетъ за познаніе и то, что несомнѣнно относится къ познавательной способности, приписывается имъ сознанію. Отсюда и получаетъ такой странный выводъ о сознаніи, показанія котораго будто бы не имѣютъ научнаго характера.

Правда, нѣкоторыми психологами, какъ-то: сэромъ Вильямомъ Гамильтономъ и большинствомъ нѣмецкихъ психологовъ сознаніе до извѣстной степени приближается къ знанію. Сознаніе, по мнѣнію этихъ психологовъ, покоится на познающей или интеллектуальной сознательности, или, что то же, оно возможно единственно благодаря знанію [2]). Но большинство психологовъ признаютъ сознаніе совершенно самостоятельной центральной способностью нашего духа. Сознаніе есть духовная жизнь, противополагаемая безчувственному или безсознательному состоянію; сознаніе есть отчетливое разграниченіе того, что происходитъ внѣ и внутри насъ, и какъ бы отдѣленіе и противопоставленіе всего, силою представленія, нашему сознающему началу, т.-е. душѣ; оно подобно свѣту, открывающему, озаряющему и себя и вещи; его можно сравнить, какъ намъ кажется, съ зеркаломъ души, чрезъ которое она замѣчаетъ и всѣ свои состоянія, и состоянія тѣсно связаннаго съ нею тѣла, и всѣ духовныя пріобрѣтенія, совершенныя силою представленія, памяти, воображенія, разсудка и другихъ способностей. Нельзя не признать истинности такого воззрѣнія на сознаніе. Имъ вполнѣ объясняется то, что сознаніе, служа центральнымъ отраженіемъ духовной жизни и притомъ отражая ее въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, передаетъ нашей душѣ то и такъ, что и какъ отражается въ ней: если въ сознаніи отпечатлѣваются тѣ или другія познанія внѣшняго міра, то оно и передаетъ ихъ душѣ въ томъ видѣ, какъ они отражаются въ немъ, безъ всякаго ихъ измѣненія. Если мы, слѣдуя ложному методу, пришли къ ложнымъ заключеніямъ въ той или другой области познанія, то сознаніе и передаетъ намъ, т.-е. нашей душѣ, эти заключенія; съ теченіемъ времени мы, обогащенные опытомъ, открываемъ свою ошибку, измѣняемъ свои прежнія воззрѣнія и приходимъ къ другимъ заключеніямъ: сознаніе опять точно отражаетъ то, что совершается въ познавательной дѣятельности. Ясно, что сознаніе и познаніе двѣ различныя и несоизмѣримыя величины; кромѣ того, нельзя изъ сказаннаго не убѣдиться въ томъ, что познанія нашего ума, постепенно развивающагося, могутъ быть ложны, а показанія нашего сознанія объ этихъ ложныхъ познаніяхъ могутъ быть и бываютъ истинны. Но отъ ложныхъ знаній, о которыхъ свидѣтельствуетъ намъ наше сознаніе, нельзя заключать къ ложности показаній нашего сознанія, подобно тому, какъ нельзя заключать о несовершенствѣ показаній зеркала на основаніи того, что предметъ, который отражается въ немъ, не совершенъ. Но Бокль, какъ мы видѣли, упускаетъ изъ виду это различіе сознанія отъ познанія и отъ ложности показаній ума заключаетъ къ ложности показаній сознанія; онъ довольствуется *всякою гипотезою* о силахъ нашей души, которая благопріятствуетъ его воззрѣніямъ.

Если же сознаніе есть вѣрный показатель нашей духовной жизни и если оно свидѣтельствуетъ намъ, что мы, рѣшаясь на тотъ или другой поступокъ, остаемся совершенно свободными, то, значитъ, это показаніе и нужно принять къ рѣшенію вопроса о свободѣ человѣческой воли. Эти показанія нашего сознанія о свободѣ нашей воли тѣмъ болѣе отличаются характеромъ истины, что сознаніе о нашей свободѣ совершается въ нашей душѣ *непосредственно,* гдѣ допустить ошибку немыслимо: здѣсь наша душа путемъ сознанія непосредственно получаетъ знаніе о томъ, что совершается въ нашемъ существѣ; здѣсь объектъ сознанія—сама душа, которая точно и полно со всѣми своими состояніями (и съ чувствомъ своей свободы) отражается въ немъ, какъ въ своемъ зеркалѣ.

[1]) Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. I, стр. 11—12.
[2]) Психологія. Бэнъ, стр. 418.

в) Затѣмъ слово Божіе ясно учитъ о существованіи въ насъ свободы воли.

Такъ Премудрый пишетъ: «Самъ изъ начала сотвори человѣка и остави его въ руцѣ произволенія его; аще хощеши, соблюдеши заповѣди и вѣру сотвориши благоволенія. Предложихъ ти огнь и воду, и на неже хощеши, простреши руку твою. Предъ человѣкомъ животъ и смерть, и еже аще изволитъ, дастся ему» (Сир. XV, 14—17, сн. Быт. II, 16—17). Сюда же относятся всѣ тѣ мѣста св. Писанія, гдѣ говорится о томъ, что человѣкъ можетъ какъ повиноваться, такъ и противиться волѣ Божіей (Быт. III, 2—3, 6; Мѳ. XIX, 17,—XXIII, 30 и др.), можетъ избирать себѣ награды или наказанія (Второз. XXX, 19; Іис. Нав. XXIV, 15—16, 24; Ис. I, 19—20). Наконецъ, вся проповѣдь Іисуса Христа и апостоловъ о покаяніи и исправленіи жизни была бы безполезною, еслибы покаяніе и исправленіе не зависѣло отъ нашей свободы, а ученіе Христа Спасителя и апостоловъ о будущемъ воздаяніи каждому по дѣламъ его было бы прямо несправедливо, еслибы въ своей жизни мы зависѣли отъ законовъ естественной необходимости. Согласно съ св. Писаніемъ учатъ и отцы церкви: «Богъ почтилъ человѣка свободою, говоритъ св. Григорій Богословъ, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, какъ и вложившему сѣмена онаго» [1]). «Богъ изначала создалъ человѣка самовластнымъ, учитъ Іоаннъ Златоустъ: иначе его не слѣдовало бы и наказывать за преступленіе заповѣди и награждать за соблюденіе оной» [2]).

г) Далѣе, о существованіи свободы въ человѣческомъ мірѣ свидѣтельствуетъ та нравственная статистика, изъ которой почерпаютъ свѣдѣнія и для отрицанія этой свободы. Такъ, она свидѣтельствуетъ, что строгой математической правильности въ человѣческихъ дѣйствіяхъ нѣтъ, что сообщаемые статистикою проценты въ дѣйствительности никогда не бываютъ *постоянными*. Весьма поучительны въ этомъ отношеніи слова Эбрарда, которыя мы позволяемъ привести здѣсь дословно. Сказавъ, что нравственная статистика представляетъ данныя, которыя объясняются только свободнымъ самоопредѣленіемъ человѣка, онъ продолжаетъ: «прежде всего представляемые статистикою проценты въ дѣйствительности никогда не бываютъ *постоянными*. Статистическія числа въ отдѣльные годы значительно колеблются то въ ту, то въ другую сторону (такъ число преступленій въ Пруссіи въ теченіе четырехъ лѣтъ колеблется между 2651 и 2714) и еще болѣе представляютъ они колебаній въ отдѣльныхъ провинціяхъ и областяхъ. Число преступленій то увеличивается въ одной провинціи, тогда какъ въ другой уменьшается, то наоборотъ. Вообще упомянутыя почти постоянныя числа получаются только отъ того, что берутъ слишкомъ большія районы; но это постоянство чиселъ тотчасъ исчезаетъ, какъ только спускаются въ конкретную дѣйствительность меньшихъ округовъ. Если при 10-милліонномъ народонаселеніи ежегодно приходится *среднимъ числомъ* 1 преступникъ на 3000, то отсюда еще не слѣдуетъ, что *въ дѣйствительности* на каждыя 3000 такихъ-то и такихъ-то извѣстныхъ человѣкъ ежегодно приходится по 1 преступнику. Изъ числа 4 городовъ, изъ которыхъ въ каждомъ по 3000 жителей, въ одномъ въ извѣстный годъ можетъ-быть окажется 4, а въ трехъ остальныхъ ни одного преступника. Еслибы здѣсь дѣйствовалъ законъ естественной необходимости, то онъ дѣйствовалъ бы одинаково во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, какъ большихъ массахъ, такъ и въ болѣе мелкихъ числахъ, подобно тому, какъ напр., стихіометрическій законъ соединенія O^2 съ C въ углеродѣ съ одинаковою точностью осуществляется какъ въ одномъ граммѣ, такъ и килограммѣ углерода. Указываютъ еще на число *самоубійствъ*; но именно здѣсь-то и оказывается несостоятельность теоріи отсутствія свободы, потому что тотъ фактъ, что между мущинами сомоубійства чаще, чѣмъ между женщинами, тѣмъ менѣе имѣетъ значенія, что здѣсь числа отношеній вовсе не представляютъ постоянства, но сильно колеблются даже въ одной и той же странѣ (напр., 28: 9; 32: 8; 27: 9; 28: 6; 20: 4; 26: 6; 21: 4; 42: 11 и т. д. [1]).

Эти слова одного изъ ученѣйшихъ апологетовъ въ современной западно-европейской богословской литературѣ могутъ всякаго убѣдить въ томъ, что изъ показаній нравственной статистики можно извлечь данныя, говорящія не противъ, но за свободу человѣческой воли.

д) Наконецъ, наблюденія надъ нравственною жизнію людей приводятъ окончательно къ мысли о свободѣ воли.

Здѣсь нерѣдко видимъ примѣры нравственнаго возрожденія; человѣкъ, весь отдавшись порочной жизни и доставлявшій, если такъ можно выразиться, нравственной статистикѣ аккуратно матеріалы изъ своихъ паденій и преступленій, затѣмъ вслѣдствіе ли воздѣйствія на его духъ Промысла Божіа, вслѣдствіе ли чтенія слова Божія, примѣра или наставленія со стороны благочестивыхъ гражданъ, молитвы церкви за него, мало-по-малу возрождается, начинаетъ бороться съ прежними дурными наклонностями, дѣлаетъ усилія къ рѣшенію измѣнить къ лучшему свою жизнь и въ концѣ-концовъ торжествуетъ свою нравственную побѣду. Гдѣ же здѣсь неотразимый законъ физической необходимости? Стоило человѣку воспитать въ себѣ твердое рѣшеніе и онъ, при помощи Божіей, преодолѣваетъ всѣ искушенія и достигаетъ той цѣли, къ которой свободно

[1]) Твореніе св. отцовъ въ рус. пер. т. III, стр. 283.
[2]) На кн. Бытія Бесѣды св. Іоанна Златоуста.

[1]) Апологетика Эбрарда, т. I, стр. 422.

стремился и которая, возникши изъ духа и имъ поставленная, исключаетъ участіе всякаго закона естественной необходимости. Но что возможно въ одномъ человѣкѣ, то возможно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и во множествѣ—въ цѣломъ обществѣ. А въ такомъ случаѣ не нарушится ли самымъ рѣшительнымъ образомъ процентное отношеніе преступленій въ данномъ обществѣ и въ данное время къ числу народонаселенія его?

Итакъ, все убѣждаетъ насъ въ той истинѣ, что человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ не стоитъ подъ вліяніемъ законовъ естественной необходимости, но совершенно, хотя конечно не абсолютно, свободенъ въ нихъ. (См. наше сочиненіе «О приготовленіи рода человѣческаго къ принятію христіанства». Богословское и историко-философское изслѣдованіе свящ. Гр. М. Дьяченко, стр. 20—27).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Духовность души.

1. **О духовности души.** (Изъ соч. блаж. Августина). Все, происходящее въ тѣлѣ, душа чувствуетъ, и чувствуетъ именно въ томъ органѣ его, въ томъ пунктѣ, который подвергся какому-либо видоизмѣненію. Это показываетъ, что она присуща въ одно и то же время во всѣхъ частяхъ тѣла и въ каждой части тѣла находится вся. Но такое вездѣприсутствіе души было бы невозможно при ея тѣлесности [1]). Тѣло ограничивается извѣстнымъ пространствомъ и подлежитъ различнымъ измѣреніямъ; но если душа дѣйствуетъ во всемъ тѣлѣ и при томъ въ одно и то же время, то она не имѣетъ въ себѣ ничего пространственнаго, а подлежитъ только условіямъ времени [2]). Душа дѣйствуетъ во всемъ тѣлѣ независимо отъ него. Жизнь души совершенно отлична отъ жизни тѣла. Совершенство души независимо отъ величины тѣлесныхъ членовъ. Даже нельзя сказать, чтобы душа возрастала съ возрастомъ тѣла; ибо если бы возрастала, то и уменьшалась бы съ уменьшеніемъ его. Тѣлесныя силы уменьшаются въ старости, въ болѣзни, но благоразуміе и знаніе часто бываютъ совершеннѣе. Тѣло состоитъ изъ частей дѣлимыхъ; эти части, даже въ то время, когда представляютъ соединеніе однихъ и тѣхъ же элементовъ, никогда не бываютъ тождественны между собою, а всегда чѣмъ-нибудь разнятся. Кромѣ того, онѣ непостоянны. Наше тѣло безжизненно, недѣятельно; оно неспособно ничего произвесть безъ вліянія внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ. Матерія организма измѣняется каждую минуту, а черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ измѣниться и весь организмъ [3]).

Разсуждая о чувствахъ, бл. Августинъ доказывалъ, что не столько тѣло дѣйствуетъ на душу, сколько душа на тѣло, и, при посредствѣ его органовъ, на внѣшніе предметы. Хотя ощущенія въ тѣлѣ не можетъ быть безъ дѣйствія на него внѣшняго предмета, но это дѣйствіе потому только ощущается, что душа своей жизненной силой оживляетъ чувства и, такимъ образомъ, направляетъ на нихъ свою собственную дѣятельность. Это показываетъ, что тѣлесные органы суть только инструменты для дѣятельности души. Но ни одно тѣло не можетъ дать движенія и чувствованія ни себѣ, ни другому. Ноги ходятъ, руки работаютъ, глаза видятъ. Почему? Потому, что они повинуются душѣ. Я даю извѣстное направленіе своему чувству, и если оно способно принять такое направленіе, то тотчасъ повинуется моему желанію. Но можно ли допустить, чтобы то, что даетъ движеніе моимъ органамъ, было само такимъ же органомъ? Можно ли думать, чтобы преимущество столь дивное, какъ управленіе массой матеріи, принадлежало самой матеріи, или было одною изъ ея частей? Правда, тѣло иногда не совершаетъ извѣстнаго дѣйствія, но въ этомъ-то болѣе всего и видно различіе души отъ тѣла: первая всегда одна и та же, а послѣднее измѣняется. Часть тѣла можетъ быть разбита параличомъ, но душа попрежнему желаетъ и мыслитъ. Часть тѣла можетъ омертвѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и та часть мозга, которая находится въ ней; но душа ничего не потеряла и дѣйствуетъ попрежнему, а если ея намѣренія не исполняются, то причина въ несовершенствѣ орудія [1]).

Если же дѣйствія чувствъ могутъ служить доказательствомъ нематеріальности души, то что сказать о дѣйствіяхъ воображенія, памяти? Возьмемъ во вниманіе даже самую низшую дѣятельность души, т.-е. чувственныя представленія, которыя душа составляетъ во снѣ о матеріальныхъ предметахъ, или которыя она имѣетъ въ бодрственномъ состояніи, предаваясь мыслительной дѣятельности. И они не могутъ быть названы матеріальными, потому что, хотя и имѣютъ

---

[1]) De Gen. ad. litt. VIII, 21, 26.
[2]) Ibid, 20.
[3]) De quant. an. c. 15.

[1]) Sermo 241.

сходство съ дѣйствительными предметами, но суть только образы предметовъ, а не самые предметы [1]).

Если обратимъ вниманіе на то, какъ много представленій душа имѣетъ о пространственныхъ предметахъ въ своей памяти, и можетъ изъ памяти извлекать ихъ и воспроизводить, то представляется вопросъ: какъ она можетъ принять въ себя такое множество предметовъ, если она тѣлесна; ибо тѣло относительно своей пространственности ограничивается своей собственной субстанціей и за нее не выходитъ [2]). Гдѣ берутся эти образы, гдѣ носятся, или гдѣ формируются? Если бы они не превосходили величиной нашего тѣла, то иной сказалъ бы, что въ томъ самомъ тѣлѣ, въ которое заключена душа, она составляетъ и сохраняетъ эти образы. Но что сказать, когда тѣло занимаетъ самую малую часть пространства; а духъ вмѣщаетъ въ себѣ образы неизмѣримыхъ странъ и неба и земли, когда эти образы не могутъ наполнить души, несмотря на то, что кучами входятъ въ нее? Не явно ли, что она не столько овладѣвается образами величайшихъ мѣстъ, сколько сама овладѣваетъ ими? [3])

Мы можемъ представлять и познавать не только чувственное, но и сверхъестественное, духовное, и, слѣд., такіе предметы, которые совершенно просты. Кто, напримѣръ, можетъ доказать вещественность внутреннихъ явленій нашей жизни, каковы: мысль, сомнѣніе, воля, чувства любви, радости, скорби? Кто можетъ сказать, что матеріальна идея о Богѣ, когда предметомъ ея служитъ не тѣло, но самый чистѣйшій духъ? Итакъ, если справедливо, что причина и дѣйствіе находятся во взаимномъ между собою отношеніи, то явно, что душа, которая способна къ такому сверхчувственному познанію, сама есть сверхчувственное, т.-е. безтѣлесное, простое и духовное существо. Когда душа разсматриваетъ мысленно неизмѣняемые предметы, то этимъ показываетъ сходство съ ними [4]).

Наконецъ, какъ познаемъ мы эти сверхъопытные предметы? Когда душа обнаруживаетъ высшую дѣятельность, т.-е. возносится къ познанію высочайшихъ божественныхъ истинъ, тогда она отрѣшается отъ тѣла и заключается въ саму себя; и чѣмъ болѣе отрѣшается отъ тѣла, тѣмъ познаніе ея бываетъ совершеннѣе. Она познаетъ невидимое безъ помощи тѣлесныхъ органовъ; безконечнаго достигаетъ однимъ своимъ разумомъ. Подобное явленіе было бы немыслимо, если бы душа была тѣлесна [5]).

---

[1]) De an. et ej. or. IV, 17. De Gen. ad litt. XII. 2.
[2]) De qu. an. V, 14.
[3]) Contr. ep. man. c. 17.
[4]) De qu. an. 13, 14.
[5]) Enarr. in Psalm. 125, 4.

Такъ бл. Августинъ доказываетъ духовность души, принимая во вниманіе наши высшія истины и способъ ихъ познаванія (См. подробнѣе у проф. *К. Скворцева*: „Бл. Августинъ какъ психологъ“, Кіевъ, 1870 г., стр. 150—155).

2. **Опроверженіе ученія матеріалистовъ, отрицающихъ существованіе души, какъ духовнаго начала.** Повидимому, и поверхностнаго наблюденія надъ самимъ собою достаточно, чтобы убѣдиться, что наша природа состоитъ изъ двухъ существенно-различныхъ элементовъ. Мы видимъ, осязаемъ наше тѣло и его различныя части и органы; при помощи нашихъ внѣшнихъ чувствъ мы можемъ наблюдать и изучать физіологическія отправленія этихъ органовъ; мы находимъ, что наше тѣло, такъ же какъ и внѣ насъ существующіе матеріальные предметы, имѣетъ различныя физическія свойства, — тяжесть, величину, цвѣтъ, запахъ и др. Но въ то же время мы ясно сознаемъ, что въ насъ есть и другого рода жизненныя явленія, которыя рѣшительно недоступны никакому внѣшнему наблюденію и не имѣютъ никакихъ физическихъ свойствъ, взамѣнъ которыхъ выступаютъ другія, совершенно чуждыя предметамъ матеріальнымъ. Такъ, мы мыслимъ, чувствуемъ, представляемъ внѣшніе предметы, свободно начинаемъ и прекращаемъ рядъ извѣстныхъ дѣйствій, но самыхъ этихъ мыслей, чувствъ, представленій, стремленій воли мы не можемъ ни видѣть, ни осязать; ничего подобнаго мы не замѣчаемъ въ предметахъ матеріальныхъ. Противоположность этихъ двухъ родовъ обнаруженій нашей природы заставляетъ насъ предполагать, что и началомъ ихъ служатъ двѣ совершенно различныя сущности, которыя мы обыкновенно называемъ душою и тѣломъ, въ силу чего и утверждаемъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла.

Противъ такого рода воззрѣнія на двойной составъ человѣческой природы вооружается матеріализмъ. Почитая указанныя нами, непосредственно представляющіяся отличія тѣлесныхъ и духовныхъ обнаруженій нашей природы несущественными, онъ не считаетъ необходимымъ предполагать для послѣднихъ какое-либо особое начало. Отрицая существованіе духа, какъ самостоятельнаго и отличнаго отъ матеріи начала, онъ почитаетъ и явленія психическія феноменомъ той же матеріи, которая составляетъ единую сущность всего міроваго бытія,—частнѣе, феноменомъ матеріи, въ той особенной ея комбинаціи и формѣ, какая имѣетъ мѣсто въ человѣческомъ организмѣ. Поэтому, для опроверженія матеріализма и для доказательства духовности души, мы должны: а) сравнить общія свойства ея съ свойствами предметовъ вещественныхъ, затѣмъ б) указать на частныя,

характеристическія свойства нашей души и на невозможность объяснить ихъ съ матеріалистической точки зрѣнія.

Доказательства духовности души изъ сравненія общихъ ея свойствъ съ свойствами предметовъ матеріальныхъ: а) Существенное свойство матеріальныхъ предметовъ, не исключая и нашего тѣла, есть пространственная протяженность. Въ силу этого свойства каждое физическое тѣло должно быть признано дѣлимымъ, имѣющимъ извѣстную величину, форму или очертаніе, занимающимъ опредѣленное мѣсто въ пространствѣ.

аа) Каждое матеріальное тѣло можетъ быть раздѣлено на неопредѣленное множество частей, путемъ ли то механическаго раздробленія или химическаго разложенія. Но можетъ ли кто раздѣлить на части нашу душу или указать на послѣднія недѣлимыя частицы (атомы), изъ которыхъ она состоитъ? Не могутъ быть такъ же отдѣлены отъ души, какъ самостоятельныя части, ея способности, дѣйствія, мысли, чувства; всѣ онѣ соединяются неразрывно въ одномъ общемъ средоточіи нашего *я* и немыслимы существующими отдѣльно отъ него. Вообще, человѣческій духъ, зная самъ себя, ничего не знаетъ о томъ, будто онъ состоитъ изъ реальныхъ частей, тогда какъ, зная чувственныя предметы, онъ находитъ ихъ сложными. Поэтому, если бы душа наша была сложною, то невозможно было бы ей, зная о сложности внѣшнихъ предметовъ, не знать о себѣ самой, какъ о сложной. Непонятно было бы, почему, будучи существомъ сложнымъ (матеріальнымъ), она должна бы являться сама себѣ существомъ простымъ.

бб) Далѣе, съ пространственностію тѣлъ соединяется понятіе объ ихъ величинѣ, которая опредѣляется какъ сравненіемъ ихъ съ другими тѣлами, такъ и сравненіемъ частей того же предмета; одинъ предметъ можетъ быть меньше и больше другого; одна часть въ немъ бòльше и меньше другой. Но можно ли сказать что-либо подобное о душѣ, ея способностяхъ и обнаруженіяхъ? Можно ли говорить о величинѣ души, о томъ, что у одного душа большаго размѣра, чѣмъ у другого, что способность, напримѣръ, памяти занимаетъ въ душѣ столько-то долей кубическаго фута, а способность мышленія столько-то, что надежда во столько-то разъ по объему больше или меньше радости и т. п.? Всѣ подобнаго рода выраженія каждый справедливо назоветъ нелѣпыми. Если мы говоримъ иногда о величіи духа, объ обширности и узкости взгляда на предметъ, о глубинѣ чувства, о высотѣ добродѣтели и низости порока и пр., то каждый хорошо понимаетъ, что это выраженія метафорическія, которыя нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ.

вв) Дальнѣйшее слѣдствіе пространственности тѣлъ состоитъ въ томъ, что каждое тѣло имѣетъ свое внѣшнее очертаніе или фигуру, понятіе о которой мы получаемъ посредствомъ чувствъ зрѣнія и осязанія. Но можемъ ли мы сказать что-нибудь о фигурѣ души? Несмотря на близкое отношеніе души и ея способностей къ организму и извѣстнымъ его частямъ, мы не можемъ опредѣлить внѣшнихъ границъ ея и придать ей какое-либо видимое очертаніе. Наша душа, какъ учили еще древніе философы, безвидна и безòбразна (ἄμορφος).

гг) Наконецъ, свойство протяженности матеріальныхъ предметовъ выражается въ томъ, что два отдѣльныя тѣла, равно какъ и двѣ матеріальныя частицы, не могутъ одновременно помѣщаться въ томъ же пространствѣ, по основному физическому закону непроницаемости. Но ни анатомія, ни физіологія не открыли такого незанятого или пустого мѣста въ организмѣ, гдѣ бы могла помѣститься душа. Напротивъ, опытъ показываетъ, что психическая жизнь разлита по всему организму, что психическія функціи совершаются совокупно съ процессами органическими и механико-химическими, не выдѣляя для себя въ организмѣ какого-либо мѣста, вопреки физическому закону непроницаемости. То же явленіе мы замѣчаемъ и во взаимномъ отношеніи частныхъ актовъ душевной жизни. Способности человѣческаго духа не расходятся и не разъединяются, какъ вѣтви отъ корня или какъ члены въ организмѣ, но *совмѣстно* дѣйствуютъ въ каждомъ психическомъ актѣ.

б) Какъ существенно отличается душа отъ предметовъ матеріальныхъ по отношенію къ пространству, такъ же точно она отлична отъ нихъ и по отношенію къ другой формѣ ограниченнаго бытія — времени. Физіологія говоритъ намъ, что наше тѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно обновляется и одна масса матеріальныхъ частицъ уступаетъ мѣсто другой. Совершенно иное мы замѣчаемъ въ нашей душѣ; наша личность, наше *я*, остается неизмѣннымъ и тожественнымъ среди самыхъ разнообразныхъ измѣненій нашего тѣла; она не увеличивается съ возрастаніемъ и приращеніемъ его, не оскудѣваетъ съ отдѣленіемъ его частей, не измѣняется въ своемъ существѣ со смѣною матеріальныхъ частицъ въ организмѣ. Если бы наша душа была матеріальна или существенно связана съ тѣломъ, то въ теченіе жизни она должна бы постоянно возобновляться вмѣстѣ съ нимъ и, наконецъ, становиться совершенно иною.

Правда, и въ нашей душѣ происходятъ своего рода измѣненія; въ чемъ они состоятъ, знаетъ каждый; иногда они бываютъ такъ значительны, что человѣкъ говоритъ о себѣ: я уже не тотъ, что былъ прежде. Но эти измѣненія касаются не самой сущности души, а ея феноменальной жизни, и имѣютъ совершенно иной характеръ, чѣмъ измѣненія, происходящія въ нашемъ тѣлѣ.

На впечатлѣнія отъ міра внѣшняго душа кладетъ печать своихъ особенныхъ духовныхъ свойствъ,—постоянства и неизмѣнности; силою сознанія и памяти, она удерживаетъ измѣнчивое внѣшнее бытіе; представленіе о предметѣ, образъ его хранится въ душѣ, тогда какъ самый предметъ измѣнился и исчезъ.

Доказательства духовности души изъ разсмотрѣнія частныхъ ея силъ и способностей. Разсматривая силы и способности нашей души, мы замѣчаемъ въ нихъ такія свойства, которыя совершенно отличны отъ свойствъ матеріальныхъ предметовъ и не могутъ быть объяснены при предположеніи ея матеріальности.

а) Наиболѣе характеристическое изъ этихъ свойствъ есть сознаніе, которое на высшей степени развитія является какъ самосознаніе. Ничего подобнаго сознанію мы не замѣчаемъ въ предметахъ матеріальныхъ; оно и не можетъ быть ихъ свойствомъ, такъ какъ это прямо противорѣчило бы понятію о протяженности и сложности вещественныхъ предметовъ. Если бы душа была вещественна, то мы не иначе могли бы представить ее себѣ, какъ въ видѣ совокупности извѣстнаго количества атомовъ или различныхъ химическихъ веществъ, входящихъ въ составъ нашего мозга. Но въ такомъ случаѣ, если бы сознаніе было свойствомъ матеріи, каждый атомъ, какъ отдѣленная отъ другихъ частица матеріи, долженъ бы имѣть свое сознаніе, точно такъ же, какъ каждое отдѣльное химическое вещество. Но въ такомъ случаѣ какъ бы могло образоваться единство нашего сознанія? Затѣмъ, атомы, входящіе въ составъ нашего тѣла, постоянно исчезаютъ и замѣняются новыми; какъ бы могло сохраниться при этомъ тожество нашего сознанія, нашей личности? Еще менѣе можно объяснить съ матеріалистической точки зрѣнія происхожденіе самосознанія, гдѣ душа въ одно и то же время становится и сознающимъ субъектомъ, и существомъ наблюдающимъ, и предметомъ наблюденія. Чтобы объяснить это явленіе, нужно предположить, кромѣ совокупности различныхъ сознательныхъ впечатлѣній, нѣкоторое отличное отъ нихъ существо, которое, съ одной стороны, объединяло бы всѣ эти впечатлѣнія въ одномъ общемъ сознаніи своего *я*, относило бы ихъ къ себѣ, съ другой—имѣло бы способность отличать ихъ отъ себя и наблюдать. Ничего аналогичнаго этому явленію мы не находимъ въ мірѣ матеріальномъ.

б) Другое характеристическое свойство человѣка есть его разумность. Разумность есть слѣдствіе совокупнаго дѣйствія его познавательныхъ способностей—ощущенія, представленія, памяти, воображенія, мышленія. Но каждая изъ этихъ способностей необходимо предполагаетъ существованіе въ человѣкѣ самостоятельнаго, духовнаго начала и не можетъ быть объяснена съ матеріалистической точки зрѣнія. Актъ представленія возможенъ только при предположеніи единаго, самостоятельнаго начала душевной жизни. Иначе мы не можемъ объяснить, какимъ образомъ впечатлѣнія отъ предмета, полученныя различными чувствами, напримѣръ, зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, и въ различное время, не остаются разрозненными и мѣстными впечатлѣніями, но объединяются въ одномъ общемъ образѣ и относятся нами къ одному предмету. Полученныя впечатлѣнія и представленія постоянно, затѣмъ, хранятся въ душѣ и воспроизводятся ею. Но возможно ли было бы это явленіе, если бы душа наша не была началомъ самостоятельнымъ и отличнымъ отъ тѣла, въ частности отъ мозга?

в) Человѣка мы признаемъ существомъ не только разумнымъ, но и свободнымъ. Но свобода, какъ способность начинать и прекращать ряды извѣстныхъ дѣйствій самостоятельно и независимо отъ внѣшнихъ причинъ, не можетъ быть свойствомъ матеріальныхъ предметовъ. Измѣненія или движенія вещественныхъ предметовъ всегда происходятъ отъ дѣйствія на нихъ какихъ-либо другихъ предметовъ. Совершенно иного рода свойство мы замѣчаемъ въ нашей душѣ. При каждомъ дѣйствіи нашемъ мы сознаемъ, что можемъ сдѣлать это и не сдѣлать, сдѣлать такъ и иначе; мы можемъ дѣйствовать не только безъ всякихъ принудительныхъ внѣшнихъ вліяній и побужденій, но даже вопреки имъ, дѣйствуя единственно изъ своего внутренняго начала, какъ послѣдняго основанія своихъ дѣйствій; мы можемъ, напримѣръ, переносить голодъ, преодолѣвать сонъ, усталость, вопреки требованіямъ организма, и пр. Такая способность души производить различнаго рода дѣйствія безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, — способность, ничего подобнаго которой мы не замѣчаемъ въ предметахъ матеріальныхъ, служитъ яснымъ доказательствомъ невещественности нашей души. (Сост. по „Начальн. основ. философіи“ проф. В. Кудрявцева, изд. 2-е, 1891 г., стр. 281—289).

3. Естественныя доказательства невещественности души по изложенію св. Максима исповѣдника. Въ глубокой древности еще были лица, возмущавшія покой христіанъ распространеніемъ ложнаго ученія о тѣлесности души. Архипастырь Кизическій, поборовшись съ ними самъ, на основаніи слова Божія и отеческихъ писаній, обратился къ св. Максиму (исповѣднику) съ просьбою собрать для него естественныя доказательства невещественности души, не касаясь св. писанія и св. отцовъ. Св. Максимъ отвѣчалъ:

„Кто это такіе, которые утверждаютъ, будто ни одной твари нѣтъ невещественной и безтѣлесной? И какія ничтожныя выдумки и мечты противопоставляютъ они высказаннымъ вами непреложнымъ истинамъ".

„Тѣло само по себѣ недвижимо. Если душа — тѣло, хотя бы то наитончайшее, какъ говорятъ, то и она, поколику тѣло, будетъ недвижима. Если же такъ, то откуда у насъ движеніе? Если отъ чего другого, а то другое тоже — тѣло, то опять вопросъ: откуда у того движеніе? И эта цѣпь вопросовъ въ безконечность, пока не дойдемъ до твари невещественной. Если скажутъ, что насъ движетъ Богъ, то должны будутъ признать Божество причиною и тѣхъ неумѣстныхъ и срамныхъ движеній, которыхъ у насъ, какъ извѣстно, очень много.

„Всякое тѣлесное существо опредѣляется по количеству и качеству, массою, видомъ (вещества), формою и цвѣтомъ. Опредѣленіе сихъ сторонъ полагаетъ конецъ изслѣдованію. Теперь, если душа — тѣло, то и она такимъ же образомъ должна быть опредѣляема, — что нелѣпо; слѣдовательно она — не тѣло.

„Если они (спорщики) не сомнѣваются, что душа существуетъ; умъ же, признавая ее существующею, не можетъ приписывать ей качествъ, коими опредѣляется всякое тѣло, — ни цвѣта, ни формы, ни плотности, ни тяжести, ни массы, ни протяженія по тремъ измѣреніямъ, — словомъ, никакихъ свойствъ, подъ коими обыкновенно представляется тѣло, то душа, не имѣя ничего такого, и не будучи чѣмъ-либо изъ таковыхъ, должна быть не тѣло, — невещественна, если существуетъ.

„Если всякое сложеніе и разложеніе и разсѣченіе умѣстно только въ тѣлахъ, а то, что свободно отъ всякаго сложенія, разложенія и разсѣченія, необходимо должно быть признано не тѣломъ, то душа не тѣло, такъ какъ она непричастна ничему такому.

„Если все тѣлесное бываетъ или одушевленно или неодушевленно, то и душа, если она — тѣло, будетъ одушевленное или неодушевленное существо. Если она существо одушевленное, то, конечно, одушевляться она будетъ чѣмъ-нибудь одушевляющимъ, или *существомъ какимъ*, или *силою*, или *принадлежностію*. Но и вообще говорить, что душа одушевляется, какъ и говорить — свѣтъ освѣщается, или огонь согрѣвается, очень смѣшно. Если, далѣе, признаемъ, что *душу одушевляетъ какое-либо существо*, то должны будемъ назвать его опять или тѣломъ, или не тѣломъ. Если назовемъ тѣломъ, то опять вопросъ: что его одушевляетъ, — и должны будемъ тянуть такимъ образомъ безъ конца это изъ неумѣстныхъ неумѣстнѣйшее круженіе совопросничества, пока не признаемъ душу существомъ нетѣлеснымъ. Если же скажемъ, что *душу одушевляетъ какая-либо сила* и способность ея, или какое качество и принадлежность, то, въ такомъ случаѣ, животворителемъ и движителемъ (самостоятельнаго) существа будетъ у насъ то, что само не есть существо (самостоятельное). При этомъ низвратится порядокъ, по которому одно господствуетъ, а другое подчиняется. Душа наша создана быть госпожею тѣла по естеству, какъ существо не тѣлесное; но если она тѣло, по мнѣнію этихъ, то будетъ состоять подъ господствомъ того, что есть не въ качествѣ существа (самостоятельнаго), а въ качествѣ силы и принадлежности; а между тѣмъ она, по общему суду и признанію, самостоятельное и самодѣятельное существо. Если скажемъ, что она есть *тѣло неодушевленное*, то она должна быть безъ чувствъ, безъ воображенія, безъ ума и разсудка. Но все это въ душѣ есть и сознается, итакъ душа—не тѣло. Что она имѣетъ это тѣло, разносущное съ нимъ, признать не отказываемся, зная, что это такъ есть; но признать *смѣлое и невѣжественное положеніе, что она сама— тѣло*, несогласны, зная, что есть большое различіе между: имѣть тѣло и быть тѣломъ.

„Если они не соглашаются признать душу нетѣлесною, изъ опасенія, чтобъ не возвысить ее до равенства съ Богомъ, Котораго исповѣдуютъ не тѣлеснымъ, — боясь такимъ образомъ страха, гдѣ нѣтъ страха, то пусть ужъ, чтобъ эта война ихъ неразумія явилась въ совершенствѣ, отнимутъ у насъ и все прочее, что присвояется намъ, какъ удостоеннымъ быть причастниками Божескихъ благъ, и что, обратно, по заключенію отъ насъ, приписывается Богу, какъ Творцу и Дарователю. Что же именно? Бытіе, жизнь, свѣтъ (сознаніе), благолюбіе, мысль, вѣдѣніе. Ибо какъ мы именуемся существующими, живущими, свѣтами (себя сознающими), благими, мыслящими, разумными, такъ равно и Бога именуемъ сущимъ, живымъ, свѣтомъ, благомъ, умомъ, разумомъ. Ради того, что мы отъ Бога, какъ причины, таковы есмы и

такъ именуемся, — и Богу приписываемъ то же, заимствуя имена отъ нашихъ совершенствъ, кои въ насъ отъ Него суть. Какой же у нихъ (спорщиковъ) смыслъ, если душа, при многомъ другомъ, такова есть и такъ именуется (какъ Богъ), и если не тѣлесною она никакъ быть не можетъ, потому что таковъ Богъ? Надлежало бы ужъ посему или намъ не именоваться ни однимъ изъ показаннымъ прежде именъ, потому что таковъ Богъ, или Бога не именовать таковымъ, потому что мы таковы. Но вѣдь мы таковы и такъ именуемся не какъ равные Богу, но какъ дѣйствіе по причинѣ, какъ причастники благъ по дарователю, какъ получившіе бытіе по источнику его, — не уравнительно или соименно, какъ свойственно единосущнымъ, но подобоименно, или, такъ сказать, по участію только въ имени, тогда какъ дѣйствительность одна отъ другой отстоитъ на безконечное разстояніе; ибо Богъ преестественъ и безконечно выше всякаго естества и всякой дѣйствительности.

„Да какъ же, по мнѣнію ихъ, если т.-е. уступить имъ, что душа — тѣло, сохранится наше преимущество быть по образу Божію, когда допустимъ, что душа не во всемъ подобна первообразу? Какъ образъ мысленнаго, мы называемъ ее мысленною, а какъ образъ безсмертнаго, нетлѣннаго и невидимаго, мы и въ ней признаемъ эти качества. Такимъ же образомъ ничто не препятствуетъ признать ее, какъ образъ нетѣлеснаго, и не тѣлесною, т.-е. чуждою всякой вещественности, всякаго пространственнаго протяженія и измѣренія, хотя въ то же время она будетъ признаваема совершенно отличною отъ него; ибо иначе тутъ было бы не подобіе, а ничѣмъ не различаемое тождество. Въ какихъ чертахъ созерцается первообразъ въ несозданномъ, неизмѣняемомъ и безначальномъ естествѣ, въ такихъ же и тварное разумное естество представляется дѣйствительно являющимся, но никакъ не тождественно, не въ такой же степени и силѣ, а такъ, какъ послѣдній, почти исчезающій отзвукъ эха все еще показываетъ слѣдъ слова. И какъ отъ стройнаго сочетанія того, что есть и бываетъ во вселенной, любомудрый умъ, возносясь помышленіемъ своимъ къ чистому и невещественному, различаетъ движущаго отъ движимаго, и, понимая Его единымъ, простымъ, изъ Себя сущимъ, всегда Себѣ равнымъ, и Творцомъ всяческихъ, при неизмѣнности Своего тождества, признаетъ неприступнымъ для всего прочаго, но вмѣстѣ все содержащимъ, все устрояющимъ, и все прежде бытія вѣдущимъ, по безпредѣльности силы Своей: такъ и чрезъ разнообразное и стройное движеніе частей и членовъ малаго міра (разумѣю человѣка), приникая къ причинѣ, приводящей въ насъ сей механизмъ въ движеніе, познаетъ другое нѣчто, по естеству отличное отъ этого органическаго строя тѣла, и созерцаетъ его не какъ тѣло въ тѣлѣ, какъ кажется новымъ нашимъ мудрецамъ и бездоказательнымъ догматистамъ, но простымъ и нераздѣльно единичнымъ, не опредѣляемымъ формою и предѣлами облежащаго его тѣла“.

Вотъ мудрое философствованіе св. Максима. Не очевидно ли, какъ оно во всѣхъ пунктахъ и съ какою силою опровергаетъ новое ученіе и нашихъ догматистовъ? (См. у еп. Ѳеофана: „Душа и ангелъ“, М. 1891 г., стр. 112—119).

4. **Нѣсколько естественно-научныхъ фактовъ и соображеній, доказывающихъ какъ существованіе въ человѣкѣ нематеріальной (духовной) безсмертной души, такъ и то, что она, а не мозгъ, есть носитель психической (духовной) жизни человѣка.** Сопоставимъ между собою слѣдующіе факты изъ тѣлесной и духовной жизни человѣка:

1 Жизнь человѣческаго тѣла характеризуется постояннымъ обмѣномъ его составныхъ частей: выдѣленіемъ старыхъ и притокомъ новыхъ, такъ что приблизительно въ теченіе 7 лѣтъ весь организмъ человѣка обновляется. Быстрѣе всего это обновленіе совершается въ крови; но, во всякомъ случаѣ, весьма быстро оно должно совершаться и въ мозгу, какъ дѣятельномъ центрѣ, регулирующемъ (приводящемъ въ порядокъ) всѣ функціи (отправленія дѣятельности) организма,—такъ что въ теченіе 7 лѣтъ мозгъ обновится нѣсколько разъ. *Но въ такомъ случаѣ мозгъ не можетъ быть носителемъ психическихъ функцій человѣка.*

Психическое развитіе человѣка основывается на памяти, т.-е. на сохраненіи въ немъ прежде воспринятыхъ впечатлѣній и ихъ воспроизведеніи въ умѣ. Какъ же согласить этотъ послѣдній фактъ съ многократнымъ обновленіемъ массы мозга? Совершается ли это обновленіе такимъ образомъ, что новообразующіяся частицы мозговой матеріи исполняютъ психическія функціи замѣняемыхъ ими мозговыхъ частицъ? Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если новообразовавшаяся часть мозга подлежитъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ обновленная часть прежде воплотила въ себѣ свою психическую функцію. А въ большинствѣ случаевъ эти условія или не бываютъ тѣми же самыми, потому что впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, изъ которыхъ слагается масса нашихъ знаній, измѣнчивы, или совсѣмъ не повторяются, такъ что, если бы мозгъ былъ носителемъ психической жизни человѣка, обновленіе его состава должно было бы вести за собою ис-

чезновеніе изъ памяти всего, прежде воспринятаго. Но на самомъ дѣлѣ этого не случается: довольно указать на тотъ фактъ, что часто впечатлѣнія, воспринятыя еще въ дѣтствѣ и притомъ однажды, сохраняются въ памяти до старости. Но, можетъ быть, мы безсознательно множество разъ вызываемъ въ памяти полученныя впечатлѣнія, почему послѣднія успѣваютъ пріурочиться въ новообразующихся частицахъ мозга? Во многихъ случаяхъ это допустимо, но вѣдь бываютъ и такіе случаи, что разъ воспринятое когда-то и, повидимому, забытое чрезъ нѣсколько времени, даже чрезъ десятки лѣтъ, неожиданно по какому-либо случайному поводу оживаетъ въ памяти (въ которой, слѣд., оно безсознательно дотолѣ хранилось), между тѣмъ какъ составъ мозга за это время, можетъ-быть, обновился уже нѣсколько разъ. Подобное явленіе, не мыслимое съ матеріалистической, объяснимо съ дуалистической точки зрѣнія, признающей въ человѣкѣ, на ряду съ матеріальнымъ, подверженнымъ измѣненіямъ, еще особое устойчивое психическое начало, начало совершенно самостоятельное, независимое отъ начала матеріальнаго.

Если бы мозгъ былъ носителемъ психической жизни человѣка, *то ростъ его увеличивался бы въ точномъ соотвѣтствіи съ психическимъ развитіемъ человѣка. Но въ дѣйствительности такого соотвѣтствія не существуетъ.* Быстрѣе всего мозгъ растетъ въ первые три года жизни младенца: между тѣмъ психическое развитіе послѣдняго въ это время бываетъ сравнительно очень незначительно. Затѣмъ ростъ мозга постепенно ослабляется: психическое же развитіе человѣка усиливается; и, наконецъ, ростъ мозга совсѣмъ прекращается, а духовное развитіе человѣка прогрессируетъ (совершенствуется) безъ конца. Сдѣланныя доселѣ измѣренія массы череповъ, относящихся къ настоящему и давноминувшему времени, показали, что емкость черепа въ общемъ остается теперь такою же, какою она была назадъ тому тысячи лѣтъ. А между тѣмъ человѣчество въ своемъ интеллектуальномъ (умственномъ) развитіи съ того времени далеко ушло впередъ. Если у папуасовъ (дикаго племени) объемъ черепа оказывается нѣсколько меньшимъ, то едва ли это обстоятельство можетъ много значить въ виду того факта, что объемъ черепа въ значительной степени варіируется (разнообразится) даже среди интеллектуальныхъ націй, что многіе выдающіеся представители ихъ имѣли относительно небольшіе черепа, слѣдовательно и сравнительно небольшихъ размѣровъ мозгъ (напр., Фридрихъ Великій, Лессингъ, Ньютонъ и др.).

Если бы мозгъ служилъ носителемъ психической жизни человѣка, то вся масса психическихъ актовъ (дѣйствій) пріурочивалась бы къ его составнымъ элементамъ. И дѣйствительно, ученые съ большею или меньшею вѣроятностію пытаются указать для разныхъ психическихъ способностей человѣка мѣсто въ тѣхъ или другихъ частяхъ мозгового вещества. Пусть такъ; и пусть всѣ частицы мозга съ представляемыми ими психическими актами находились бы въ связи между собою посредствомъ безчисленнаго множества соединительныхъ нервныхъ волоконъ, которыя дѣлали бы возможнымъ ихъ взаимодѣйствіе. *Но гдѣ же искать распорядителя надъ этой массой мозговыхъ частицъ съ сосредоточенными въ нихъ психическими актами? А такой распорядитель есть, и онъ свободно распоряжается здѣсь:* по желанію, вводитъ въ область сознанія тѣ или другіе психическіе акты, комбинируетъ (видоизмѣняетъ) ихъ и дѣлаетъ новые выводы. Этотъ распорядитель, правда, управляетъ мозгомъ, какъ орудіемъ, но чтобы самъ онъ былъ въ то же время матеріальной природы и пребывалъ гдѣ-нибудь въ мозгу — этого никакъ нельзя себѣ представить.

Считая мозгъ производителемъ психической жизни, необходимо будетъ признать, что а) психическія разстройства имѣютъ причину въ разстройствѣ мозга и наоборотъ б) что болѣзни мозга непремѣнно ведутъ за собою психическое разстройство, и, наконецъ, в) что съ разрушеніемъ мозга должна прекратиться психическая дѣятельность. Но дѣйствительность не оправдываетъ этихъ выводовъ.

а) Изъ массы (3084) паціентовъ (больныхъ) одного заведенія для душевно-больныхъ только у двухъ оказались уклоненія въ устройствѣ черепа, у всѣхъ же остальныхъ черепа были совершенно нормальны, слѣдовательно, нужно заключить: былъ нормаленъ и мозгъ, ибо форма черепа, какъ извѣстно, опредѣляется устройствомъ мозга. Анатомическое изслѣдованіе череповъ многихъ умалишенныхъ не обнаружило никакихъ ненормальностей въ мозгу.

б) Разстройства могутъ происходить отъ пораненія, вслѣдствіе удаленія части мозгового вещества, или давленія на него проникшихъ въ полость черепа внѣшнихъ тѣлъ, или гнойныхъ новообразованій въ мозговомъ веществѣ. Физіологи: Нейманъ, Флурансъ, Кабанисъ нашли, что значительныя внѣшнія части мозга (обыкновенно при проломахъ головы сами собою выступавшія наружу) могутъ быть удалены безъ вреда для нормальной умственной дѣятельности человѣка. Фолькманнъ, Ванъ-Свитенъ, Галлеръ, При

чардъ, Соммерингъ и другіе ученые разсказываютъ намъ не мало случаевъ пораненія мозга револьверными пулями, которыя иногда даже засѣдали въ мозговомъ веществѣ, причемъ, по удаленіи значительныхъ пораженныхъ частей послѣдняго, больные выздоравливали безъ всякихъ послѣдствій для ихъ психической жизни, а нѣкоторые даже послѣ становились умственно развитѣе. Д-ръ Брунсъ въ своей „Хирургіи" разсказываетъ о многихъ случаяхъ, когда пули по нѣскольку лѣтъ оставались въ мозгу безъ малѣйшихъ послѣдствій для умственной дѣятельности. Д-ръ Р. Фридрихъ сообщаетъ о случаяхъ опухоли величиною съ орѣхъ въ маломъ мозгу безъ всякаго разстройства умственной дѣятельности больного. Фолькманнъ говоритъ: „затвердѣнія, размягченія въ мозгу — явленія очень распространенныя и ничѣмъ не отражаются въ духовной жизни индивидуума". Анатомы: Нассе, Андраль, Дюранъ, Фардель единогласно утверждаютъ, что мозговыя разстройства рѣдко сопровождаются психическимъ заболѣваніемъ. Фридрихъ, Крувейлье, Магенди, Фехнеръ приводятъ много случаевъ частичнаго и даже полнаго разрушенія одного мозгового полушарія безъ всякаго вреда для нормальной психической жизни человѣка.

в) Если въ послѣднемъ случаѣ можно предположить, что функціи разрушеннаго полушарія продолжаетъ выполнять оставшееся здоровое полушаріе мозга: то что сказать о многихъ другихъ случаяхъ, сообщаемыхъ Фридрихомъ, Циммерманомъ, Бурдахомъ, Шредеромъ, Эннемозеромъ, Бенеке и Гуфландомъ, случаяхъ въ которыхъ при вскрытіи весь мозгъ оказывался совершенно разрушеннымъ — и однако больные до самой смерти сохраняли ясное сознаніе. Не слѣдуетъ ли, въ виду подобныхъ фактовъ, отказаться отъ взгляда на мозгъ, какъ на носителя психической жизни, а видѣть въ немъ лишь орудіе, базисъ (основаніе) для дѣятельности другой, не подлежащей матеріальному разрушенію силы, которая можетъ пользоваться этимъ орудіемъ, даже когда оно частію или всецѣло дѣлается негоднымъ? (Извлечено изъ соч. профессора Schmick: „Die Unsterblichkeit der Seele naturwissenschiftlich und philosophischen bergründet". Zweite Aufg. Leipzig 1881 г.).

5. **О происхожденіи душъ человѣческихъ, какъ доказательствѣ духовности ихъ природы.** Первыхъ людей Богъ создалъ непосредственно, а всѣхъ потомковъ ихъ творитъ посредственно — силою Своего *благословенія*, всегда дѣйствительнаго. — О происхожденіи душъ человѣческихъ отъ Бога говорятъ: Екклезіастъ — *и возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его* (XII, 7); пророкъ Исаія—*тако глаголетъ Господь Богъ, сотворивый небо, и водрузивый е, утверждей землю, и яже на ней, и даяй дыханіе людемъ, иже на ней, и духъ ходящимъ на ней* (XLII, 5; слич. LVII, 16); пророкъ Захарія — *глаголетъ Господь простръй небо, и основаяй землю, и созидаяй духъ человѣка въ немъ* (XII, 1).

На основаніи этого соображенія и мѣстъ св. писанія, св. церковь признаетъ ту мысль, что души человѣческія, какъ и сами люди, творятся Богомъ, чрезъ посредство родителей, совершенно для насъ неизъяснимо (Прав. Испов., ч. 1, отв. на 28 вопросъ). „Церковь, послѣдуя Божественнымъ словамъ, утверждаетъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ, а не такъ, чтобы одна творилась прежде, а другое послѣ" (5-й всел. соб.).

Несмотря на это, касательно происхожденія души въ каждомъ человѣкѣ существовало *три* мнѣнія.—*Одни* (Платонъ, Оригенъ, Синезій и немногіе другіе) *допускали предсуществованіе душъ*, т.-е. говорили, что души человѣческія всѣ существовали еще прежде сего міра, и уже готовыя посылаются въ тѣла, для покаянія въ грѣхахъ своихъ; *другіе* (Аристотель, Иларій, Θеодоритъ, Кириллъ Александрійскій, Іеронимъ) *думали, что души вновь творятся Богомъ*, по мѣрѣ появленія на свѣтъ людей; *третьи* (Тертулліанъ, Григорій Нисскій, Макарій Великій и др.) *утверждали, что* обѣ субстанціи — и *душа и тѣло — вмѣстѣ* и *зачинаются* и совершенствуются. *Перваго мнѣнія—о предсуществованіи душъ* нельзя принять даже за вѣроятное; потому что—а) душа ничего не помнитъ изъ прежней жизни своей, а слѣдовательно, не можетъ и раскаиваться въ тѣхъ грѣхахъ, которыхъ не знаетъ; б) св. писаніе ясно говоритъ, что грѣхъ вошелъ въ міръ человѣческій вмѣстѣ съ преступленіемъ Адамовымъ; если же невинныя души посылаются въ тѣла, то какъ онѣ дѣлаются виновными, и за что страдаютъ въ испорченномъ тѣлѣ? Поэтому мнѣніе это, какъ не основанное на св. писаніи и несообразное съ здравымъ смысломъ, бывъ названо „нелѣпымъ и не церковнымъ" (Григорій Богословъ), „баснословнымъ" (Григорій Нисскій, Θеодоритъ), „еретическимъ" (Августинъ), торжественно осуждено на константинопольскомъ соборѣ въ 541 году. *Второго мнѣнія,*—мнѣнія *о новомъ твореніи душъ,* также нельзя принять, потому что—а) имъ не объясняется переходъ наслѣдственной порчи отъ Адама на его потомковъ, и при немъ вся вина наслѣдственнаго бѣдствія людей, значитъ, возлагается на Творца; б) это мнѣніе не можетъ быть примирено съ покоемъ Творца,

закончившимъ всякое новое созданіе, и при немъ непонятно будетъ, — какъ вочеловѣченіе Сына Божія не было принятіемъ одного только тѣла. Мѣста же св. писанія, указываемыя въ подтвержденіе этого мнѣнія, не заключаютъ въ себѣ мысли о новомъ твореніи душъ: Екклезіаста (XII, 7) можно понимать такъ, что онъ говоритъ вообще о происхожденіи душъ отъ Бога — Творца всего; Ап. Павелъ (Евр. I, 4) говоритъ о существованіи избранныхъ только въ вѣчномъ вѣдѣніи Божіемъ (снес. Іер. I, 5; Іов. I, 21); Моисей (Быт. XXV, 22) и евангелистъ Лука (I, 41) показываютъ только то, что душа жива бываетъ и во чревѣ матери. *Третьимъ мнѣніемъ*,—мнѣніемъ *о рожденіи души вмѣстѣ съ образованіемъ тѣлеснаго организма*, самымъ лучшимъ образомъ объясняются—переходъ порчи Адамовой къ потомкамъ,—сходство дѣтей съ родителями даже по душевнымъ качествамъ,—имъ подкрѣпляется мысль объ общемъ началѣ людей,—въ пользу его говорятъ многія изреченія писанія: Спаситель говоритъ: *рожденное отъ плоти, плоть есть: и рожденное отъ духа, духъ есть* (Іоан. III, 6. Плоть — весь человѣкъ, духъ — духовная жизнь); апостолъ утверждаетъ, что Богъ *сотворилъ есть отъ единыя крове весь родъ человѣчь* (Дѣян. XVII, 26. См. еще: Быт. I, 22—28; V, 3; Матѳ. I, 1 — 16; Евр. VII, 5—10). При этомъ мнѣніи, Богъ все-таки остается Виновникомъ нашей души (Іов. X, 10—11; XII, 10; Пс. XXXII, 6, 15; Захар. XII, 1; Дѣян. XVII, 25), по первоначальному благословенію на чадорожденіе (Быт. I, 28). Повидимому, этимъ мнѣніемъ оскорбляется духовность души; но если пребываніемъ души въ тѣлѣ не оскорбляется ея духовность, то столько же мало оскорбляется та же духовность образованіемъ души во чревѣ матери. Итакъ, въ силу творческаго благословенія, человѣкъ происходитъ отъ человѣка, не только какъ живой отъ живого, но и какъ разумный отъ разумнаго, духовно-тѣлесный отъ духовно-тѣлеснаго, т.-е. каждый человѣкъ по душѣ и по тѣлу происходитъ отъ своихъ родителей. Это мнѣніе принято прав. церковію. Что же касается указанныхъ другихъ мнѣній, которыхъ держались нѣкоторые отцы и учители церкви, то они—мнѣнія частныя, и ни сами виновники ихъ, ни другіе никогда не придавали имъ значенія догмата, или положенія церковнаго. (См. Соч. Іустина, еп. рязанск. и зарайск., т. IV).

6. **Происхожденіе и природа человѣка, какъ указаніе на духовность души его.** „Человѣкъ созидается послѣ всѣхъ видимыхъ тварей. Ибо всеобщій порядокъ видимаго творенія состоялъ въ постоянномъ восхожденіи къ совершеннѣйшему; — человѣкъ есть малый міръ, сокращеніе и какъ бы чистѣйшее извлеченіе всѣхъ естествъ видимаго міра;—всѣ прочія твари сотворены на службу его, и потому онъ вводится въ міръ, какъ владыка въ домъ, какъ священникъ во храмъ, совершенно устроенный и украшенный“ (Записки на кн. Бытія, стр. 32). Итакъ, послѣ созданія животныхъ земныхъ, въ шестой день Богъ увѣнчалъ Свои творенія созданіемъ человѣка, который послѣ всѣхъ явился на землѣ, какъ царь въ своемъ владѣніи,

Изъ св. писанія мы видимъ, что сотворенію человѣка предшествуетъ совѣтъ Бога съ Самимъ Собою: *и рече Богъ: сотворимъ человѣка* (Быт. I, 26). Этимъ ясно высказывается, что съ человѣкомъ начинается нѣчто новое въ видимомъ мірѣ, отличное отъ всего прежде созданнаго. Потомъ, человѣкъ творится не однимъ повелѣніемъ и не однократнымъ дѣйствіемъ, но непосредственнымъ и постепеннымъ образованіемъ: *и созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. II, 7): такъ сотворенъ первый человѣкъ—Адамъ; *и наложи Богъ изступленіе на Адама, и усне: и взя едино отъ ребръ его, и исполни плотію вмѣсто его. И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе ю ко Адаму* (Быт. II, 21—22): такъ сотворена первая жена—Ева. Наконецъ, первые люди созидаютъ по образу и по подобію Самого Творца и получаютъ благословеніе господствовать надъ всею землею: *и сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися на земли* (Быт. I, 27—28). Все это показываетъ, что человѣкъ не есть продолженіе рода созданныхъ до него существъ земныхъ, не есть высшая только порода животныхъ: онъ—*родъ* Божій (Дѣян. XVII, 29), и хотя замыкаетъ собою цѣпь земныхъ твореній, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ въ ней звено, которымъ тварь соединяется съ Творцомъ своимъ. Существованіе окружающихъ его тварей есть только чувственное и временное; а человѣкъ, хотя и въ тѣлѣ, живетъ духомъ,—хотя и во времени, начинаетъ путь къ вѣчности, — хотя и въ царствѣ и надъ царствомъ природы, принадлежитъ въ то же время царству небесному (Фил. III, 20). Такова сущность Моисеева сказанія о происхожденіи первыхъ людей. Смыслъ этого сказанія имѣетъ прежде всего историческое значеніе; это видно изъ его простоты и подробности, изъ связи съ послѣдующею

поколѣнною росписью, изъ духа цѣлой книги Бытія и времени ея происхожденія; притомъ въ другихъ мѣстахъ св. писанія повторяются всѣ главныя мысли сказанія Моисеева о происхожденіи первыхъ людей: также показывается, что человѣкъ созданъ Богомъ (Іов. X, 8; XXXIII, 4; Лук. III, 8), что тѣло его образовано изъ земли (Іов. X, 9; XXXIII, 6; Еккл. XII, 7; Пс. CIII, 29; LXXXVIII, 48; 1 Кор. XV, 45—47), что жена сотворена послѣ мужа, изъ ребра Адамова (1 Тим. II, 13; 1 Кор. XI, 8; Матѳ. XIX, 4; Марк. X, 6—7); въ церкви іудейской принимали сказаніе Моисея за точную исторію (Тов. VIII, 6; Сир. XVII, 1, 2, 5; Прем. II, 23—24; VII, 1; X, 1; XV, 8); Христіанская церковь точно такъ же понимала слова Моисея о происхожденіи людей.—„Кто вѣритъ въ Бога—Творца, тотъ былъ бы невѣрующимъ, если бы не признавалъ за истину то, что написано святыми Его, т.-е. что Адамъ образованъ изъ земли, а Ева сотворена изъ его ребра“, говоритъ бл. Іеронимъ; „изъ видимаго и невидимаго естества Богъ Своими руками сотворилъ человѣка по образу Своему и по подобію, изъ земли образовалъ тѣло, а душу словесную и разумную сообщилъ человѣку Своимъ дуновеніемъ“, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ; „Богъ, изъ сотвореннаго вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь, творитъ какъ бы нѣкоторый второй міръ, въ маломъ великій; поставляетъ на землѣ иного ангела, зрителя видимой природы, таинника твари, созерцаемой умомъ“—пишетъ св. Григорій Богословъ. Затѣмъ, нужно помнить, что, хотя все въ этомъ сказаніи должно понимать въ смыслѣ исторіи, но не все въ смыслѣ буквальномъ. „Когда мы въ Моисеевой исторіи слышимъ, что Богъ взялъ отъ земли персть и образовалъ человѣка, и отыскиваемъ смыслъ сего изреченія..., то разумѣемъ здѣсь—при образованіи тѣла — не дѣйствіе рукъ, но одну волю и величайшую, такъ сказать, внимательность къ сему дѣлу,—человѣческое тѣло по Его волѣ составилось изъ земли, и персть стала плотію..., а потомъ отъ Бога вдунута была душа; подъ именемъ вдуновенія не разумѣется здѣсь какая-либо часть Божественнаго существа, но словомъ симъ обозначается свойство души, какъ существа разумнаго“ (бл. Ѳеодоритъ). „Сіе *вдохновеніе* показываетъ только начало ея бытія, и образъ бытія, отличный отъ тѣхъ душъ, которыя прежде сотворены были словомъ Божіимъ. Творческое вдохновеніе относится преимущественно къ *лицу* человѣка, яко сѣдалищу орудій чувствованія и зеркалу души. Душа отъ перваго видимаго дѣйствія, о ея присутствіи свидѣтельствующаго, называется *дыханіемъ*, и, съ еврейскаго, *дыханіемъ жизней:* ибо человѣкъ, дѣйствительно, совокупляетъ въ себѣ жизнь растеній, животныхъ и ангеловъ, жизнь временную и вѣчную, жизнь по образу Божію. При всемъ томъ *человѣкъ сталъ душою живою,* т.-е. по совокупленіи души съ тѣломъ сдѣлался единымъ существомъ, по внѣшней жизни принадлежащимъ къ кругу животныхъ. Таковъ смыслъ Моисеева сказанія о происхожденіи первыхъ людей. (Записки на кн. Быт., стр. 61—62)“.

Вопреки сказанію Моисея о сотвореніи первыхъ людей Богомъ, лжеименный разумъ и помраченный смыслъ человѣческій усиливается — до сихъ поръ — объяснить первоначальное происхожденіе человѣка или *древнею теоріею самопроизвольнаго зарожденія, или новѣйшею теоріею видоизмѣненія.*

Но недавно появившаяся *теорія видоизмѣненія* (Дарвина и его школы), по которой различіе между человѣкомъ и животнымъ совершенно сглаживается, не лучше древняго представленія епикурейцевъ объ *автохѳонахъ,* т.-е. о самородныхъ людяхъ, возникавшихъ изъ земли подобно растеніямъ. Новая гипотеза только сложнѣе и научнѣе по виду. Она допускаетъ первоначальное существованіе (но отъ кого, или отъ чего,—неизвѣстно) одной или нѣсколько органическихъ формъ, изъ которыхъ будто бы мало-по-малу, въ теченіе милліоновъ лѣтъ, развился міръ растеній и животныхъ до человѣка включительно. Итакъ, по этой теоріи, между отдаленнѣйшими своими потомками человѣкъ долженъ считать мхи и плѣсень, а ближайшимъ родоначальникомъ своимъ — обезьяну. Хоть эта гипотеза не отрицаетъ прямо Божественнаго творенія, но, по самому характеру своему, она, очевидно, не совмѣстима съ понятіемъ о Богѣ, какъ о Творцѣ и Образователѣ міра. Въ основѣ ея лежитъ другая гипотеза — *вѣчнаго существованія матеріи.* Поэтому главное и рѣшительное опроверженіе ея — въ нелѣпости самаго ея основанія. И безъ особенныхъ свѣдѣній въ естественной исторіи можно видѣть всю недостаточность данныхъ, представляемыхъ наблюденіями и опытами этой гипотезы, — для такихъ заключеній, какія изъ нихъ выводятся. Наблюденія и опыты указываютъ только на нѣкоторыя видоизмѣненія въ породахъ животныхъ, а выводы простираются такъ далеко, что весь органическій и животный міръ почитается видоизмѣненіями одной или нѣсколькихъ первобытныхъ формъ жизни [1]). Чтобы яснѣе видѣть всю несостоятельность этой гипотезы, довольно сказать, что нѣтъ ни одного опыта, изъ котораго бы

[1]) Въ частностяхъ теорія эта опровергнута многими учеными, изъ которыхъ болѣе извѣстенъ *Агассицъ.*

можно было убѣдиться, что одинъ родъ животныхъ можетъ производить совершенно другой родъ, напр., левъ — тигра или осла и др., и наоборотъ. При мысли же *о самозарожденіи*, жизнь человѣка представляется безсмысленною, какъ по началу, такъ по продолженію и концу своему. Какъ ни нравится Бюхнеру мысль о самопроизвольномъ зарожденіи, но и новый матеріализмъ не рѣшается заявлять, что природа самопроизвольно творитъ человѣка и слона. Здравое размышленіе должно признать несомнѣннымъ, что человѣкъ созданъ во времени, и, слѣдовательно, Богомъ, — что тѣло его, какъ обращающееся въ землю, должно имѣть начало изъ земли, а что духъ его безсмертный — происхожденія высшаго. Положеніе же, придуманное для подкрѣпленія Епикуровой мудрости, также не умно, столько же недостаточно для рѣшенія вопроса, сколько дико само по себѣ. (См. Сочин. Іустина, еп. ряз. и зарайск., т. IV.)

7. **Ученіе отцовъ церкви о душѣ, какъ особомъ, совершенно отличномъ отъ тѣла, правящемъ въ немъ духовномъ началѣ.** Бытіе въ человѣкѣ души, какъ совершенно отличнаго отъ тѣла его начала духовной жизни прекрасно и, если можно такъ выразиться, рельефно доказываетъ:

Аѳанасій Великій. Онъ говоритъ: „всякій, кто только другъ истины, долженъ сознаться въ томъ, что умъ человѣческій не одно и то же съ тѣлесными чувствами, потому что онъ, какъ нѣчто иное, является судьею самихъ чувствъ, и если чувства чѣмъ бываютъ предзаняты, то умъ обсуждаетъ и пересуживаетъ это, указывая чувствамъ на лучшее. Дѣло глаза—видѣть только, ушей—слышать, устъ — вкушать, ноздрей — принимать въ себя запахъ, рукъ — касаться, но разсудить, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять — не дѣло уже чувствъ, а судятъ объ этомъ душа и ея умъ. Рука можетъ, конечно, взяться и за мечъ, уста могутъ вкусить и ядъ, но они не знаютъ, что это вредно, если не произнесетъ о томъ суда умъ. Чтобы видѣть это въ подобіи, можно взять для уподобленія хорошо настроенную лиру и свѣдущаго музыканта, у котораго она въ рукахъ. Каждая струна въ лирѣ имѣетъ свой звукъ, то густой, то тонкій, то средній, то пронзительный, то какой-либо другой. Но судить объ ихъ согласіи и опредѣлять ихъ стройный ладъ никто не можетъ кромѣ одного знатока (гармоніи), потому что въ нихъ только тогда сказывается согласіе и гармоническій строй, когда держащій въ рукахъ лиру ударитъ по струнамъ и мѣрно коснется каждой изъ нихъ. Подобно сему бываетъ и съ чувствами, настроенными въ тѣлѣ какъ лира, когда управляетъ ими свѣдущій разумъ, ибо тогда душа обсуживаетъ и сознаетъ, что производитъ“. (Contr. gent. n. 81).

„Тогда какъ человѣкъ, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — часто тѣломъ лежитъ на землѣ, умомъ мыслитъ о небесномъ и его созерцаетъ. Часто также, когда тѣло его находится въ состояніи бездѣйствія или сна, онъ внутри себя находится въ движеніи и созерцаетъ существующее внѣ его, а также переселяется и переходитъ изъ страны въ страну, встрѣчается съ своими знакомыми и нерѣдко черезъ это предугадываетъ, что должно случиться съ нимъ на другой день... Тѣло по природѣ смертно, почему же человѣкъ разсуждаетъ о безсмертіи, и не рѣдко изъ любви къ добродѣтели самъ на себя навлекаетъ смерть? Тѣло также временно, почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчное и, устремляясь къ нему, пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами? Тѣло само о себѣ не помыслитъ ничего подобнаго... Необходимо, поэтому, быть чему-либо другому, что помышляло бы о противоположномъ и неестественномъ тѣлу... Опять, если глазу естественно смотрѣть и уху слушать, почему они отъ одного удерживаются, а другое принимаютъ? Кто удерживаетъ глазъ отъ зрѣнія, или кто заключаетъ для слышанія слухъ, способный по природѣ слышать? Или кто нерѣдко отъ естественнаго стремленія удерживаетъ вкусъ, назначенный самою природою для вкушенія? Кто запрещаетъ до иного касаться рукѣ, предназначенной природою къ дѣйствованію? И обоняніе, данное для ощущенія запаха, кто (иногда) удерживаетъ отъ принятія послѣдняго? Кто все это производитъ, наперекоръ тому, что естественно тѣлу? Или почему тѣло, удерживаясь отъ требуемаго природою, склоняется на совѣтъ кого-то другого, и обуздывается его мановеніемъ? Все это не на что-либо указываетъ, какъ только на душу, владычествующую надъ тѣломъ. Тѣло не само себя побуждаетъ къ дѣятельности, а побуждается и приводится въ движеніе другимъ, подобно тому, какъ и конь не самъ собою управляется, а правящимъ его“.

Блаженный Ѳеодоритъ, опровергая тѣхъ древнихъ врачей, которые на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ терпитъ вредъ и приводится въ бездѣйствіе умъ, заключали о тождествѣ души съ тѣломъ, говоритъ слѣдующее: „но имъ надлежало бы разсудить, что и играющій на лирѣ, если лира не настроена хорошо, не покажетъ на ней своего искусства,—потому что, если бываютъ слишкомъ натянутыя или ослабленныя струны

тогда онѣ мѣшаютъ гармоничности въ звукахъ, а если нѣкоторыя изъ нихъ оказываются прерванными, то тогда музыкантъ чрезъ это приводится и въ полное бездѣйствіе. То же самое можно замѣчать на свирѣляхъ и другихъ орудіяхъ. Такъ, протекающая или не искусно устроенная ладья въ ничто обращаетъ искусство кормчаго. Разбитые въ ногахъ и по природѣ медлительные кони, или поврежденная колесница точно также отнимаютъ ловкость у ѣздока. Такъ, конечно, и душѣ нѣкоторыя тѣлесныя болѣзни не позволяютъ выказывать своей разумной дѣятельности. Если поражается болѣзнію языкъ—затрудняется слово, если поражены глаза—перестаетъ въ нихъ обнаруживаться дѣятельность зрительной силы, и если болѣзнь коснется мозговой оболочки, и зловредные пары или соки повредятъ мозгъ, тогда онъ, переполняясь ими, не въ состояніи бываетъ принять въ себя душевной дѣятельности, уподобляясь утопающему въ водѣ, и безполезно машущему руками и ногами и остальными членами. Итакъ, — заключаетъ бл. Ѳеодоритъ, — благосостояніе тѣла не составляетъ существа души, но при благосостояніи тѣла существо души обнаруживаетъ свою мудрость". *Этими словами отвергнуты почти всѣ современныя нападки на духовность души.* (Сост. по „Опыт. прав. догм. Богосл." епископа Сильвестра. Кіевъ, 1884 г., т. III, стр. 222 — 226).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Бытіе въ человѣкѣ отличной отъ тѣла, духовной (не матеріальной) души.

Существуетъ ли душа? Если понимать этотъ вопросъ въ матеріалистическомъ смыслѣ (а такъ вѣдь хотятъ его понимать нѣкоторые философы, сдѣлавшіе для себя матеріализмъ мѣриломъ философскаго мышленія), то онъ будетъ значить слѣдующее: есть ли въ человѣкѣ что-нибудь отличное отъ тѣла, отъ вещества? Не все ли въ немъ матерія?

Но что такое матерія? Прежде всего это есть одно изъ понятій, составляемыхъ нашею душою. Отсюда слѣдуетъ, что неизвѣстно, существуетъ ли сама матерія, то, что мы воображаемъ подъ этимъ понятіемъ, но что, навѣрное, существуетъ душа, то, что составляетъ понятія. Мыслю, слѣдовательно, существую, хотя бы ни въ одной моей мысли не было еще и крупицы истины. Я составляю понятія, слѣдовательно, я существо, способное составлять понятія, хотя бы совершенно было неизвѣстно, годятся ли куда-нибудь эти понятія,—сообразны ли они хоть сколько-нибудь съ дѣйствительностью. Можетъ-быть, всѣ мои мысли—пустая фантазія, бредъ, пустяки, но одно несомнѣнно, что я есть существо, производящее эти фантазіи, этотъ бредъ. Cogito — ergo sum. (Я мыслю, слѣдовательно — существую).

Итакъ, душа есть нѣчто непосредственно извѣстное. Она не есть вещество уже потому, что въ веществѣ всегда можно усомниться, признать его созданіемъ воображенія, а въ душѣ усомниться невозможно. Матерія есть одинъ изъ вопросовъ души; а душа есть нѣчто, стоящее внѣ всякаго вопроса и, напротивъ, производящее всякіе вопросы. Сказать, что душа есть матерія, такъ же нелѣпо, какъ сказать, что вопросъ существуетъ безъ вопрошающаго, или что тотъ, кто спрашиваетъ, не существуетъ, а существуетъ только то, о чемъ спрашивается, то, что подлежитъ сомнѣнію. Если мы думаемъ, размышляемъ, сомнѣваемся, то первое, что мы должны признать существующимъ, есть наша мысль, наше сомнѣніе, а никакъ не тотъ предметъ, о которомъ мы еще только думаемъ, въ существованіи котораго еще сомнѣваемся.

Но обыкновенно разсуждаютъ иначе. Источникъ большей части ошибокъ, какъ самыхъ грубыхъ, такъ часто и весьма тонкихъ, заключается въ томъ, что люди свои мысли принимаютъ за дѣйствительность. Человѣкъ всегда расположенъ къ вѣрѣ, а не къ сомнѣнію. Ошибка матеріализма именно въ этомъ и состоитъ. Первое правило философіи заключается въ томъ, что надобно изслѣдовать, правильно ли мы думаемъ, не ошибается ли душа въ своихъ представленіяхъ? Матеріалисты же идутъ прямо противоположнымъ путемъ: они такъ вѣрятъ въ свои представленія, что не спрашиваютъ объ ихъ правильности, а, наоборотъ, спрашиваютъ, подходитъ ли душа подъ ихъ представленія. Между тѣмъ, сомнѣваться въ душѣ есть нелѣпость; а сомнѣваться въ томъ, имѣютъ ли надлежащій видъ и дѣйствительное значеніе наши понятія, напримѣръ, какой вѣсъ слѣдуетъ приписать понятію *вещества*, есть дѣло вполнѣ философское.

Если мы способны познавать истину, то первое условіе для этого должно состоять въ томъ, чтобы была возможность какъ-нибудь защищаться отъ своихъ понятій, какъ-нибудь провѣрять ихъ, подвергать пробѣ и изслѣдованію. Мало ли что мерещится человѣку, мало ли всякихъ фантазій онъ создаетъ себѣ; люди грубые и неразвитые вѣрятъ во всѣ созданія своей души; люди же просвѣщенные, философствующіе не вѣрятъ всякой мысли, приходящей имъ въ голову, а сперва строго ее изслѣдуютъ. Итакъ, намъ нужно разобрать, есть ли правильный смыслъ и соотвѣтствіе дѣйствительности въ понятіи *вещества*.

Конечно, отсюда не слѣдуетъ, чтобы мы при этомъ имѣли какое-нибудь правильное и ясное понятіе о душѣ; но, несомнѣнно, слѣдуетъ, что душа не есть вещество, такъ какъ знаніе о ней, увѣренность въ ея существованіи возможны и

неизбѣжны и въ томъ случаѣ, когда мы сомнѣваемся въ самостоятельности понятія о веществѣ, или даже вовсе отвергаемъ его существованіе. Вещество не есть ли призракъ, который мы себѣ создаемъ? Возможность и безупречная логичность такого вопроса доказываютъ, что нелѣпо признавать душу веществомъ. Кто это спрашиваетъ, кто предполагаетъ небытіе вещества, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно предполагаетъ другое бытіе, которое уже не есть призракъ, бытіе собственной души. Cogito—ergo sum.

Къ душѣ мы относимъ не только мышленіе, познаніе, сомнѣніе, но и каждое ощущеніе. Въ каждомъ ощущеніи, не исключая и самаго простѣйшаго, повторяется появленіе той неизгладимой черты, которая отдѣляетъ непосредственно достовѣрный душевный міръ отъ всего остальнаго, что существуетъ или можетъ существовать. Возьмемъ что-нибудь самое простое, напримѣръ, *ощущеніе сладкаго*. Это ощущеніе столь же хорошо извѣстно малому ребенку, какъ и ученѣйшему физику, химику, физіологу; оно не зависимо отъ всякихъ понятій о свойствахъ и составѣ сладкихъ веществъ, о нервахъ, мозгѣ и т. д. Мы можемъ тысячу разъ измѣнить химическую формулу сахара, меда и проч., тысячу разъ передѣлать наши представленія объ устройствѣ нервовъ и ихъ дѣятельности, но все это нимало не будетъ касаться ощущенія сладости; въ этомъ ощущеніи мы ничего не можемъ измѣнить, не можемъ ни іоты прибавить къ нему или отнять отъ него, и оно для величайшаго ученаго будетъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ для дикаря или ребенка.

Такимъ образомъ, данное, извѣстное, достовѣрное будетъ въ этомъ случаѣ — *ощущеніе сладкаго*, и правильный вопросъ, правильный ходъ мышленія будетъ такой: что и какъ производитъ это ощущеніе? Отъ извѣстнаго мы должны итти къ неизвѣстному. Извѣстно — ощущеніе, неизвѣстна его причина, т.-е. вещество, нервы и т. д. Матеріализмъ представляетъ совершенное извращеніе логическаго мышленія, такъ какъ оборачиваетъ вопросъ; матеріалистъ говоритъ: существуетъ вещество; какъ объяснить изъ него ощущеніе?

Между тѣмъ слѣдуетъ сказать: существуетъ ощущеніе? какъ объяснить его изъ вещества или изъ чего вамъ угодно? Матеріализмъ принимаетъ за достовѣрное то, что составляетъ еще вопросъ, еще предметъ изслѣдованія, и считаетъ вопросомъ то, что одно достовѣрно, одно можетъ дать намъ право на какіе-нибудь вопросы. Это столь грубая ошибка, что ея не сдѣлаетъ никто, сколько-нибудь понимающій правильные пріемы мышленія, сколько-нибудь умѣющій разсуждать безъ предвзятыхъ понятій, не предполагать существующимъ и достовѣрнымъ то самое, что подлежитъ еще изслѣдованію.

Итакъ, міръ души и міръ вещества различаются тѣмъ, во-первыхъ, что душа непосредственно достовѣрна и должна служить исходною точкою всякаго познанія; вещество же есть нѣчто понимаемое непосредственно, не имѣющее прямой достовѣрности, а подлежащее сомнѣнію, разбору, составляющее предметъ выводовъ и заключеній. Все-таки, могутъ намъ сказать, въ концѣ концовъ можетъ оказаться, что бытіе, представляемое веществомъ, есть то же самое, которымъ обладаетъ душа; вещество познается иначе, чѣмъ душа, но, быть-можетъ, это именно познаніе и открываетъ намъ сущность дѣйствительности. Міръ вещества является намъ посредствомъ выводовъ, заключеній, изслѣдованій; но потомъ мы, можетъ-быть, найдемъ, что въ этомъ мірѣ заключается разгадка и непосредственно извѣстнаго намъ міра души.

Но если мы разсмотримъ понятіе вещества, изслѣдуемъ, какъ оно образуется и что въ себѣ содержитъ, то намъ станетъ вполнѣ ясно, что не только оно не можетъ служить исходною точкою при началѣ изслѣдованія, а и никогда никакое изслѣдованіе не признаетъ его началомъ, изъ котораго можно выводить все существующее.

Вещество есть чистый объектъ. Понятіе вещества образуется такъ, что въ него влагается только то, что можетъ быть объективнымъ и никакой субъективности получить не можетъ. Такимъ образомъ, вещество есть всегда предметъ, нѣчто находящееся внѣ душевнаго міра и не могущее имѣть съ нимъ ничего общаго. Вещество есть то, что познается, но что само познавать не можетъ; вещество мыслится, но само не мыслитъ, ощущается, но само не ощущаетъ, бываетъ видимо, осязаемо и проч., но само не видитъ, не осязаетъ и т. д. Оно не можетъ совершать ничего подобнаго не потому, чтобы это было невозможно для той сущности, которую мы облекаемъ этимъ понятіемъ, а потому, что мы такъ составляемъ самое это понятіе. То, что мы называемъ вещественнымъ міромъ, есть наше представленіе, изъ котораго мы, ради объективности, исключаемъ всякую жизнь, всякое подобіе души. Отсюда слѣдуетъ, что не только душа никакъ не можетъ быть вещественною, но что и то, что находится внѣ души, едва ли подходитъ подъ чистое и строгое понятіе вещества. Декартъ вѣрилъ, что природа только вещественна, но большею частью философы были другого мнѣнія, и весьма основательно. Нельзя думать, что въ природѣ нѣтъ никакой жизни, что она есть голый предметъ, голый механизмъ. Это такое же грубое заблужденіе, какъ вѣра въ неподвижность земли или ея плоскій видъ. Потому, что природа есть нашъ предметъ, есть то, что извѣстнымъ образомъ мыслится и познается, нельзя думать, что она есть только такой предметъ, только нѣчто такъ мыслимое и познаваемое, и ничего больше въ себѣ не заключаетъ. Это значило бы то же самое, что, видя движеніе солнца, думать, что оно имѣетъ именно это видимое движеніе и никакого другого имѣть не можетъ.

Итакъ, мы можемъ ясно видѣть, что такое наше понятіе о веществѣ. Это, очевидно, фикція, которую мы создаемъ ради удобства познанія, ради того, чтобы всякая вещь, которую можно подвести подъ эту фикцію, была какъ можно предметнѣе, объективнѣе. Такъ, человѣкъ естественно считаетъ себя центромъ окружающаго и, плывя по рѣкѣ, воображаетъ, что онъ неподвиженъ, а берега движутся.

Главный теоретическій соблазнъ матеріализма заключается именно въ той *ясности,* которая получается, когда предметъ разсматривается только какъ предметъ, какъ вещество. Но ясность не есть доказательство достовѣрности, а часто лишь поводъ къ заблужденію. Что яснѣе того, что земля неподвижна, а солнце ходитъ? Между тѣмъ мы знаемъ же, что въ дѣйствительности дѣло идетъ иначе. Матеріалистамъ кажется, что сущность міра и всего, что въ немъ совершается, вещественна, т.-е. пространственна и фигурна, можетъ быть, если не видима на самомъ дѣлѣ, то во всякомъ случаѣ нарисована, изображена такъ, какъ она *могла бы быть* видима. Имъ кажется нелѣпостью, чтобы могло существовать что-нибудь менѣе ясное, и кажется несомнѣннымъ, что то, что имѣетъ такое ясное бытіе, существуетъ самымъ полнымъ и достовѣрнымъ образомъ. Но именно стремленіе къ такой грубой и узкой ясности должно бы наводить насъ на мысль о сложности этой точки зрѣнія. Очень легко усмотрѣть *субъективность* матеріализма, то его свойство, по которому онъ подводитъ вещи подъ извѣстныя формы мышленія не по свойству самыхъ вещей, а потому, что отдаетъ этимъ формамъ предпочтеніе передъ всѣми другими.

Когда говорятъ о трудности вывести изъ вещества и его движенія какое бы то ни было душевное явленіе, напримѣръ, ощущеніе, то часто дѣлу даютъ такой видъ, какъ будто это какая-нибудь сложная и запутанная задача. Между тѣмъ, это просто задача невозможная, ни въ какомъ случаѣ неразрѣшимая, подобно тому какъ въ геометріи нельзя найти точки пересѣченія перпендикуляровъ, поставленныхъ на одной и той же прямой линіи. Когда въ самый вопросъ внесено условіе, недопускающее извѣстнаго рѣшенія, тогда это рѣшеніе никогда не будетъ возможнымъ для этого вопроса. Такой именно видъ имѣетъ дѣло въ вопросѣ о веществѣ и ощущеніи. Понятіе *вещества* такъ настроено, въ него внесены такія условія, что изъ него никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ получиться выводъ ощущенія. Итакъ, нечего удивляться трудности и неуловимости этой задачи; это задача невозможная.

Вотъ что легко усмотрѣть при нѣкоторомъ, самомъ элементарномъ философскомъ пониманіи.

Вотъ нѣсколько очень простыхъ соображеній, касающихся вопроса о душѣ. Изъ нихъ совершенно ясно видно и то, что душу нельзя признавать чѣмъ-либо вещественнымъ, и то, что матеріализмъ есть очень грубое, очень явное заблужденіе. И то и другое будетъ несомнѣнно для всѣхъ, кто только вникнетъ въ постановку вопроса, пойметъ ходъ мыслей, котораго слѣдуетъ держаться.

Нѣкоторыя вещи трудно уразумѣть только потому, *что онѣ слишкомъ просты,* что мы приступаемъ къ нимъ съ Богъ знаетъ какими лишними и посторонними предубѣжденіями, а не прямо и открыто. Если найдется какой-нибудь читатель, которому предлагаемыя страницы будутъ новы и которому онѣ помогутъ попасть на настоящую постановку дѣла, то вотъ первое и главное, о чемъ мы будемъ просить такого читателя: пусть онъ повѣритъ — не намъ или кому бы то ни было — пусть онъ *повѣритъ самому себѣ,* пусть не сомнѣвается, что если онъ уразумѣлъ вопросъ, то ему слѣдуетъ *безбоязненно* держаться этого разумѣнія.

Знаете ли, достолюбезные читатели, какое самое сильное возраженіе противъ нематеріальности души? Это возраженіе заключается не въ какихъ-либо доводахъ и фактахъ, касающихся самой души, а въ томъ *страхѣ* передъ иноземною мудростью, подъ которымъ мы живемъ. Вѣдь, тамъ, за границею, есть множество ученыхъ и умныхъ людей, которые проповѣдуютъ матеріализмъ; написано по-французски, по-нѣмецки, по-англійски множество книгъ, въ которыхъ доказывается, что душа матеріальна». Хоть мнѣ и кажется, думаетъ иной, что это вздоръ, но, вѣроятно, есть другіе доводы, другія соображенія, болѣе тонкія и глубокія, которыми подтверждается матеріализмъ. *Тамъ* это, должно быть, лучше извѣстно, и, слѣдовательно, несмотря на всѣ мои разсужденія, я долженъ признать, что душа есть нѣчто вещественное или, по крайней мѣрѣ, что вещественность ея имѣетъ за себя сильнѣйшія основанія».

Вотъ самое сильное доказательство противъ нематеріальности души. Мы живемъ подъ вѣчнымъ страхомъ передъ западной мыслью и западной литературой, и этотъ страхъ мѣшаетъ намъ думать, отнимаетъ вѣру въ собственное разумѣніе. Между тѣмъ причина распространенія матеріализма лежитъ не въ его силѣ, а въ слабости философіи, въ упадкѣ духовной дѣятельности, въ потерѣ всякаго стремленія къ высшимъ интересамъ человѣка. Матеріалисты не занимаются опроверженіемъ философіи и ея взглядовъ на исторію, природу и проч.; они прямо и нахально говорятъ, что они *знать не хотятъ* никакой философіи, никакихъ высшихъ взглядовъ, что они подобными пустяками не занимаются. Они не производятъ себя ни отъ какой философіи, обрываютъ всѣ связи съ тѣмъ умственнымъ, общественнымъ, литературнымъ развитіемъ, которое имъ предшествовало и еще ихъ окружаетъ. Все это имъ не нужно, все это для нихъ лишнее, вотъ въ чемъ ихъ сила. (См. у *Н. Страхова:* «Философскіе очерки». «Изъ споровъ о душѣ», стр. 280—289).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Идея о Богѣ.

1. **Душа человѣка стремится къ Богу.** Одинъ ученый рѣшился произвести такого рода опытъ (скажемъ отъ себя — весьма опасный и вредный) надъ своимъ единственнымъ сыномъ.

Сынъ ни съ кѣмъ не имѣлъ сообщенія кромѣ своего отца. Уроки давались на чистомъ воздухѣ, предъ лицомъ явленій и предметовъ природы. До десяти лѣтъ мальчикъ ни слыхалъ, ни читалъ слова „Богъ". Между тѣмъ, при незнаніи слова „Богъ", у мальчика уже стало пробиваться религіозное чувство. Онъ думалъ найти то, чего смутно искалъ душой, въ солнцѣ. Солнце, это благодѣтельное свѣтило, заходящее послѣ своего дневнаго пути и снова восходящее, чтобы дарованіемъ тепла оживотворить природу,— свѣтило, въ которомъ языческая древность видѣла высочайшее живое существе, слѣлалось предметомъ поклоненія для мальчика. Каждое утро, въ хорошую погоду, онъ таинственно выходилъ въ садъ, чтобы присутствовать при восходѣ дневного свѣтила и выразить ему свои почтительныя чувства.

Отецъ сталъ догадываться. Однажды онъ подстерегъ своего сына въ саду въ ту минуту, когда маленькій язычникъ, склонясь на колѣни, съ обращенными къ небу очами воздавалъ поклоненіе своему божеству и горячо ему молился. Отецъ объяснилъ ему тогда, что такое солнце, и сказалъ, что всѣ эти звѣзды, раскинутыя по безконечному небу, суть безчисленныя солнца. Это открытіе разочаровало мальчика: онъ не зналъ теперь, куда обращаться ему съ своими мольбами и сердечными движеніями. Чтобы утѣшить его, отецъ сталъ говорить ему объ высочайшемъ Умѣ, Устроителѣ вселенной, Творцѣ и Промыслителѣ міра — Богѣ.

Такимъ воспитаніемъ отецъ рѣшилъ высочайшій вопросъ ученыхъ своей страны. Онъ могъ видѣть, какъ человѣческая природа, еще невинная и чистая, зоветъ Бога, и *единаго* Бога, и будучи оставлена безъ всякой помощи въ своемъ исканіи, ищетъ Его въ предметахъ окружающаго чувственнаго міра, подобно предоставленному ходить своими путями язычнику. Да, душа человѣка по природѣ вѣрующая, по природѣ христіанка. (См. Соч. Эрнеста Навиля).

2. **Всеобщность вѣры въ Бога, какъ доказательство врожденности въ человѣкѣ идеи о Богѣ.** Если мы пройдемъ обитаемую нами землю по всѣмъ ея направленіямъ, побывавъ и въ азіатскихъ степяхъ, и на мѣстѣ жительства дикихъ туземныхъ племенъ Америки, — на самомъ холодномъ сѣверѣ и въ раскаленныхъ песчаныхъ пустыняхъ внутренней Африки,—то вездѣ, гдѣ только мы найдемъ человѣческое существо, хотя бы даже въ дикомъ состояніи, взоръ его обращается къ небу,—вездѣ, гдѣ только мыслитъ умъ, хотя бы то находящійся на самой низшей ступени развитія, ему уже присуща мысль о Божествѣ,—вездѣ, гдѣ только бьется человѣческое сердце, оно содрогается, или радостно трепещетъ, предчувствуя бытіе вѣчнаго Существа. Равнымъ образомъ, гдѣ только раздается человѣческая рѣчь, хотя бы то еще слишкомъ бѣдная и грубая, тамъ все-таки есть уже слово для названія Бога. Если мы прослѣдимъ также исторію человѣчества, чрезъ весь рядъ минувшихъ столѣтій, то увидимъ, какъ вполнѣ оправдываются слѣдующія слова Цицерона, высказанныя имъ еще за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени: *нѣтъ ни одного народа, до такой степени грубаго и дикаго, чтобы не было въ немъ вѣры въ Бога, хотя бы онъ и не зналъ Его существа.* Съ тѣхъ поръ открыты и изслѣдованы Америка и Австралія, и въ составъ исторіи вошло безчисленное множество новыхъ народовъ,—а его слова все такъ же остаются непоколебимыми, развѣ только еще болѣе прежняго сдѣлались несомнѣнными и вполнѣ очевидными. Такимъ образомъ, сколько исторія насчитываетъ протекшихъ столѣтій, столько и доказательствъ для этой истины. (См. „Апологет. христ." Геттингера, ч. I. Спб. 1873 г. стр. 66).

3. **Только одинъ истинный Богъ можетъ удовлетворить умъ человѣка, ищущаго Виновника міра.** Однажды, когда былъ уже вечеръ, и солнце начинало закатываться за окраины далекаго горизонта, по берегу одного моря расхаживала высокая фигура какого-то человѣка, съ глубоко серіознымъ и озабоченнымъ видомъ. То былъ бл. Августинъ. Его глаза выражали все его душевное волненіе и безпокойство. Передъ нимъ же, во всемъ своемъ великолѣпіи, разстилалось необъятное море, съ величественно вздымавшимися на немъ волнами. „О, море!"—вскричалъ онъ наконецъ,—„о, природа! Не ты ли мой Богъ? Не ты ли можешь дать миръ и покой душѣ моей?"—но волны бушевали и какъ бы въ отвѣтъ Августину говорили: „ищи того, кто выше насъ, ищи того, кто выше

насъ. Не мы твой Богъ, не мы, золото, и наслажденіе, и вся природа,—нѣтъ; мы только Его твореніе; мы не можемъ дать сердцу твоему мира и покоя; ищи своего Бога выше, ищи выше!" Мало-по-малу солнце закатилось за горизонтъ, и тысячи яркихъ звѣздъ заблестѣли на безоблачномъ небѣ. Августинъ устремилъ глаза свои вверхъ, на ту чудную красоту, которая во всемъ блескѣ сіяла надъ его головою, и воскликнулъ: „да, вы звѣзды, вы мой Богъ; можете ли дать сердцу миръ и покой?"—Но въ отвѣтъ Августину тогда же послышался слѣдующій голосъ, какъ бы издаваемый чудною гармоніею всего неисчислимаго множества звѣздъ: „не мы твой Богъ; мы только Его твореніе; никакая сотворенная красота не можетъ дать мира и покоя твоему сердцу; ищи Бога выше!" И онъ сталъ искать выше. Его умственный взоръ проникъ къ тѣмъ безплотнымъ разумнымъ духамъ, которые предстоятъ предъ Богомъ, и онъ воскликнулъ: „вы ли, великіе духи, вы ли мой Богъ? Можете ли вы дать моему сердцу миръ и покой?.."—Но также и оттуда послышался ему тотъ же самый отвѣтъ: „не мы твой Богъ; мы только Его твореніе: всякое духовное величіе отъ Него происходитъ, и не мы можемъ дать миръ и покой твоему сердцу; ищи Бога выше, ищи выше!" Тогда душа его возносится еще выше, не только выше природы, но и выше всего духовнаго міра, выше всего вообще сотвореннаго, прямо къ престолу Божію, и теперь онъ уже не спрашиваетъ болѣе: Ты ли мой Богъ? а преклоняется предъ Нимъ съ молитвою, и въ его сердцѣ становится спокойно, настаетъ полное безмятежіе, подобное совершенному затишію на морѣ послѣ большой бури. И онъ говоритъ: „мое сердце было неспокойно, пока не успокоилось оно въ Тебѣ. Только Ты одинъ далъ моему сердцу миръ и покой, потому что Ты мой Богъ, и въ Тебѣ мое вѣчное успокоеніе". (См. „Апологію христіанства", Геттингера, ч. I, отд. I. Спб. 1873 г., стр. 274—276).

4. Свидѣтельства св. отцовъ и учителей церкви о томъ, что человѣку врождено чувство вѣры въ Бога. Вѣра въ бытіе Божіе не есть что-либо пріобрѣтенное усиліями людей, она вовсе не зависитъ отъ ихъ воли, а зависитъ отъ влитой въ нихъ нѣкоторой божественной силы, гдѣ ея и родникъ, и откуда она и проистекаетъ. Еще яснѣе и опредѣленнѣе указываетъ на значеніе врожденнаго всѣмъ чувства (или идеи) Божества въ отношеніи ихъ къ вѣрѣ въ Бога *бл. Іеронимъ*, называя „присущее всѣмъ по натурѣ вѣдѣніе Бога" „сѣменемъ Божіимъ", и притомъ такимъ сѣменемъ, которое въ натуральномъ видѣ заключаетъ въ себѣ вѣдѣніе Бога. По мысли Іеронима между врожденною намъ идеею Бога и настоящимъ нашимъ знаніемъ Его, а также и вѣрою въ бытіе Его такое отношеніе, какое между сѣменемъ и развивающимся изъ него растеніемъ. Растеніе происходитъ не изъ чего-либо иного, какъ изъ своего сѣмени, въ которомъ оно всецѣло заключено, хотя въ скрытомъ видѣ. Такъ и болѣе или менѣе ясное и опредѣленное знаніе Бога и такая же вѣра въ Его бытіе проистекаютъ не изъ чего-либо иного, какъ божественнаго сѣмени, которое всаждено Самимъ Богомъ въ природу духа человѣческаго, и въ которомъ они изначала содержатся всецѣло и невредимо, хотя только въ зачаточномъ своемъ состояніи. Другого, слѣдовательно, источника или основанія для вѣры въ Бога и бытіе Его нѣтъ и быть не можетъ, хотя при своемъ развитіи изъ идеи Бога, конечно, она можетъ зависѣть отъ многихъ внѣшнихъ условій, подобно тому, какъ и развитіе растенія изъ сѣмени зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ вліяній. Такого же мнѣнія объ основаніи и происхожденіи вѣры въ бытіе Божіе былъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, учившій, что „въ природѣ каждаго самимъ Богомъ насаждено вѣдѣніе о бытіи Божіемъ." „Къ познанію и точному уразумѣнію истины", говоритъ *св. Аѳанасій*, „имѣемъ нужду не въ комъ другомъ, а только въ себѣ самихъ. Путь къ Богу не такъ далекъ отъ насъ, какъ превыше всего самъ Богъ; онъ не внѣ насъ, но въ насъ самихъ, — и начало его можетъ быть нами найдено, какъ и Моисей училъ, говоря: глаголъ вѣры въ сердцѣ твоемъ есть (Рим, X, 8; Втор. XXX, 14). И Спаситель, давая разумѣть и подтверждая то же самое, сказалъ: царствіе Божіе внутрь васъ есть (Лук. XVII, 21). Внутри же себя имѣя вѣру и царствіе Божіе, можемъ вскорѣ узрѣть и уразумѣть Царя вселенной... (Всѣ мы вступили на путь сей, и всѣмъ онъ открытъ). Да не отговариваются служащіе идоламъ эллины, и никто другой да не обольщаетъ самъ себя, будто бы нѣтъ у нихъ такого пути... Всѣ мы вступили на путь сей, и всѣмъ онъ открытъ, хотя и не всѣ имъ идутъ... А если кто спроситъ, что же это за путь, отвѣчаю: душа каждаго и въ ней умъ, потому что однимъ умомъ можетъ быть созерцаемъ и уразумѣваемъ Богъ" (Orat. contr. gent. c. 30). Мало того: имѣя душу, созданную по образу и подобію Божію, человѣкъ на основаніи свойствъ своей души можетъ заключать о своемъ Творцѣ: „Если ты внемлешь себѣ"... говоритъ *св. Василій Великій*, „то въ себѣ самомъ, какъ бы въ маломъ нѣкоемъ мірѣ, усмотришь великую премудрость своего Создателя.' Изъ безплотности находящейся въ тебѣ души уразумѣ-

вай, что и Богъ безплотенъ. Знай, что Онъ не ограниченъ мѣстомъ, потому что и твой умъ не имѣетъ особеннаго пребыванія въ какомъ-либо мѣстѣ, находится же въ мѣстѣ по причинѣ соединенія съ тѣломъ. Вѣруй, что Богъ невидимъ, познавъ собственную свою душу, потому что и она непостижима тѣлесными очами,—она не имѣетъ ни цвѣта, ни вида, не объемлется какою-либо тѣлесною чертою и узнается только по дѣйствіямъ (См. „Опытъ прав. догм. Богосл.“ еп. Сильвестра. Кіевъ, 1884 г. Т. 1. стр. 179, 180, 201, 214, 215, 185—186, 197).

5. **Способность души человѣческой къ образованію идеи о Богѣ.** „Разсматривая существующія въ нашемъ умѣ представленія и понятія, чтобы открыть ихъ первоначальный источникъ, мы легко находимъ такой источникъ или въ впечатлѣніяхъ міра внѣшняго, или же въ насъ самихъ. Но среди этихъ понятій встрѣчается одно, свойства котораго таковы, что его не легко вывести изъ извѣстныхъ намъ источниковъ познанія. Это идея Бога, Существа безконечнаго и всесовершеннаго. Откуда бы могла возникнуть въ насъ эта идея? Источникомъ ея не могло быть ни воздѣйствіе на насъ впечатлѣній міра внѣшняго, ни комбинація этихъ впечатлѣній при помощи воображенія. Не можетъ она также произойти и изъ внутренняго опыта, такъ какъ человѣкъ есть существо конечное и несовершенное, и нѣтъ въ его духѣ ничего, что могло бы дать ему понятіе о Существѣ всесовершенномъ и безконечномъ. Но, можетъ-быть, я—человѣкъ—что-нибудь больше, чѣмъ думаю о себѣ, и совершенства, которыя я приписываю природѣ Божества, находятся во мнѣ какимъ-нибудь образомъ въ возможности, хотя они не проявились еще и не обнаружили себя дѣйствіями? Дѣйствительно, я знаю по опыту, что мое сознаніе возрастаетъ и усовершается мало-по-малу, и я не вижу ничего, что могло бы воспрепятствовать такому большему и большему его возрастанію даже въ безконечность; не вижу, почему бы, когда оно такимъ образомъ возрастетъ и усовершится, не могъ бы я собственными средствами пріобрѣсть и всѣ другія совершенства Божеской природы, и почему бы возможность или сила, какую я имѣю для пріобрѣтенія этихъ совершенствъ, не была-бы достаточною и для того, чтобы произвести въ моемъ умѣ и ихъ идею.

„Однакоже, всматриваясь ближе, я нахожу, что этого быть не можетъ. Правда, что мои познанія пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ новыя степени совершенства, и что въ моей природѣ гораздо больше заключается въ возможности, чѣмъ сколько я имѣю въ дѣйствительности; но тѣмъ не менѣе эти преимущества никоимъ образомъ не приближаются къ идеѣ божества, въ которой ничего не встрѣчается въ возможности, но все есть въ дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ. И не служитъ ли неопровержимымъ и самымъ вѣрнымъ доказательствомъ моего несовершенства въ сознаніи моемъ даже то, что оно возрастаетъ постепенно, и что мои совершенства умножаются мало-по-малу? Далѣе, хотя мои совершенства умножаются болѣе и болѣе, тѣмъ не менѣе меня не оставляетъ сознаніе, что моя природа никогда не сдѣлается безконечною, потому что никогда не достигнетъ такой степени совершенства, чтобы не была способною пріобрѣтать еще высшее какое-либо совершенство. Но Бога я понимаю дѣйствительно безконечнымъ и въ столь высокой степени, что Онъ ничего уже не можетъ прибавить къ высочайшему совершенству, какимъ обладаетъ [1]).

Если же источникомъ идеи о Богѣ не можетъ быть ни внѣшній, ни внутренній опытъ, то для объясненія ея происхожденія въ насъ мы должны предположить соотвѣтствующее этой идеѣ Высочайшее Существо, которое произвело ее. Такимъ образомъ, самое существованіе въ насъ идеи о Богѣ доказываетъ Его бытіе (См. „Начальн. основ. философ.“ В. Кудрявцева, изд. 2-е, 1891 г., стр. 133—135).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Лучшее доказательство бытія Божія.

Изъ опытныхъ доказательствъ бытія Божія самое сильное есть *сознаніе въ себѣ дѣйствія Божія, когда человѣкъ ведетъ богоподобную жизнь.* Кто живетъ благочестиво, согласно волѣ верховнаго Существа, тотъ чрезъ общеніе своего ума, сердца и воли съ высочайшею истиною, святостію и высочайшимъ благомъ духа своего непрестанно становится ближе, знакомѣе, такъ сказать, съ Нимъ. А это сближеніе, это опытное взаимодѣйствіе, съ одной стороны — привлеченіе силы Божіей, съ другой—подаяніе ея, съ одной стороны вопросъ, съ другой—отвѣтъ, съ одной—исканіе, съ другой—удовлетвореніе, это сближеніе съ Богомъ сдѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ всякое сомнѣніе въ бытіи Его. Какъ чувственный человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ бытіи воздуха, который онъ безпрестанно вдыхаетъ и выдыхаетъ: такъ и духовный человѣкъ не можетъ усумниться въ бытіи Бога, когда изъ Него почерпаетъ жизнь свою. Чрезъ непрестанное возвышеніе къ Богу и оживленіе Имъ, человѣкъ получаетъ столько свѣта, жизни, твер-

[1]) Oeuvres de Deskartes, ed. I. Simon. 1860, p. 85—96.

дости во всѣхъ своихъ поступкахъ, столько господства надъ собою, что онъ осязательно чувствуетъ бытіе Подателя сихъ благъ. Мое собственное бытіе уничтожится, если отнять у меня вѣру въ Бога. Далѣе, кто непрестанно съ возрастающею ясностью и вѣрнѣе слѣдуетъ святому закону, тотъ часъ отъ часу становится въ духѣ своемъ прямѣе, чистосердечнѣе, сильнѣе въ противодѣйствіи всѣмъ обольщеніямъ зла, и такимъ образомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе преображается въ живой, говорящій образъ божества; такой образъ, по указанію самосознанія, часъ отъ часу яснѣе, удобнѣе и вѣрнѣе будетъ представлять Первообразъ, Которому онъ подобенъ. Когда въ человѣкѣ, руководящемся въ жизни этимъ высочайшимъ началомъ, со дня на день прекраснѣе отражается божественное: какъ онъ усумнится въ томъ, что выше его существуетъ то, что отражается въ немъ, что онъ созерцаетъ въ себѣ? Непрестанно возносясь духъ свой выше всего тлѣннаго къ непреходящему, онъ со дня на день болѣе и болѣе пріучается ощущать покой и миръ въ непреходящемъ Богѣ, т.-е., часъ отъ часу не только дѣлается лучше въ нравственныхъ своихъ дѣйствіяхъ, но еще на землѣ предвкушаетъ вѣчную жизнь. Какъ же усумниться ему, что есть вѣчная жизнь и Владыка сей жизни? Вѣчная жизнь имѣетъ свое основаніе только въ Богѣ. Итакъ, кто во временной жизни раскрываетъ въ себѣ начатки жизни вѣчной, тотъ имѣетъ въ нихъ залогъ внутренняго увѣренія въ бытіи Совершителя вѣчной жизни. Кто такъ живетъ, тотъ получаетъ со дня на день новыя сообщенія съ силами Божіими и, укрѣпляяся ими въ вѣрномъ употребленіи принятыхъ даровъ, становясь болѣе и болѣе богоподобнымъ, видитъ, отъ кого приходятъ къ нему эти сообщенія; не относитъ ихъ ни къ самому себѣ, ни къ другимъ какимъ-нибудь условнымъ и конечнымъ причинамъ, а удостовѣряется, что Богъ есть высочайшее благо, любящее сообщать Себя. Для него открывается Богъ необходимо, несомнѣнно существующимъ благомъ, какъ Виновникъ истины и Податель истиннаго познанія, какъ высочайшая святость и правда, Податель святости и правды и мздовоздаятель святости, и, наконецъ, какъ высочайшее блаженство и въ Себѣ самомъ, и для всѣхъ сотворенныхъ существъ. Итакъ, наилучшій путь къ увѣренности въ бытіи Божіемъ можетъ заключаться въ этихъ немногихъ словахъ: *живи такъ, какъ бы жилъ предъ очами Божіими, и ты не усумнишься, что есть Богъ*, содѣлай себя образомъ Божества, и ты будешь видѣть въ образѣ Первообразъ [1]). (См. «Лекц. по умозр. богословію», протоіерея Ѳ. Голубинскаго М. 1868 года).

Б. Способность души человѣческой къ религіозному чувству.

Религія во всѣхъ ея формахъ, а также и строй жизни, опредѣляемый ею, коренится въ особаго рода спеціальной духовной дѣятельности, возникающей изъ самой природы человѣка, внѣ прямой зависимости отъ «внѣшняго» и опыта чувственнаго, наблюденія и изслѣдованія. Этотъ особый родъ дѣятельности, открывающій человѣку прямо и непосредственно объектъ религіи—Божество, обыкновенно называется «религіознымъ чувствомъ», «чувствомъ Божества». Какъ своего рода чувство воспріятія, «религіозное чувство», вмѣстѣ съ другими духовными дѣятельностями, является источникомъ происхожденія въ человѣкѣ идеи всемогущей, всеобъемлющей и всесовершенной Личности, — единственной и несравнимой идеи, составляющей субъективную основу религіи.

Съ чисто богословской точки зрѣнія—вопросъ о существѣ и происхожденіи религіи въ человѣческомъ родѣ рѣшается, какъ извѣстно, такимъ образомъ: религія есть взаимообщеніе, союзъ-завѣтъ личнаго всемогущаго Существа -- Бога, Творца и Промыслителя—съ человѣкомъ, установленный Самимъ Богомъ въ непосредственномъ откровеніи. Рѣшеніе это не есть только продуктъ вѣры: оно оправдывается строго научными изслѣдованіями религіозной жизни человѣчества и, во всякомъ случаѣ, при всѣхъ усиліяхъ отрицательной критики, доселѣ не опровергнуто и, конечно, не можетъ быть опровергнуто.

Весьма распространенная въ настоящее время и модная теорія возникновенія религіознаго сознанія и религіи въ человѣкѣ производитъ ее, въ духѣ эволюціонизма, прямо изъ одухотворенія и олицетворенія природы внѣшней, въ тѣсной связи съ развивающеюся, параллельно съ этимъ одухо-

---

[1]) Эти же доказательства бытія Божія и истинности христіанской религіи излагаетъ другой мыслитель позднѣйшаго времени слѣдующимъ образомъ: «еслибы, говорить онъ, указывая на взятыя мною въ руку сѣмена, я сказалъ, что вотъ это сѣмена и что изъ нихъ происходятъ растенія и плоды, и еслибы кто-нибудь усумнился и не повѣрилъ мнѣ въ этомъ, то не осталось бы другого средства убѣдить его, какъ только посадить эти зерна въ землю и наглядно показать то, въ чемъ онъ сомнѣвается. Точно также нужно поступать и въ отношеніи къ вѣрѣ. Поглубже внѣдри въ свою душу догматы вѣры, эти своего рода сѣмена: живи и носи ихъ въ своей душѣ. Пусть эти сѣмена проникнутъ собою твою жизнь и все то, что ее наполняетъ и движетъ, со всѣми ея случайностями и превратностями, со всѣми ея испытаніями, болѣзнями, печалями и воздыханіями, а также и съ ея надеждами и радостями. Всею своею жизнью поддерживай и сохраняй въ себѣ этотъ животворный зародышъ и припоминай тотъ отвѣтъ, который данъ тебѣ въ немъ на всѣ твои нужды, на всѣ твои сомнѣнія и вопросы. Пусть сѣмя христіанскаго ученія развивается въ тебѣ, при помощи невидимой всевозращающей силы, и эта сила тѣмъ болѣе будетъ тебя осѣнять, чѣмъ болѣе душа твоя будетъ предана Богу.

Поступай такъ, и ты увидишь, какъ произрастетъ сѣмя и какъ вполнѣ справедливъ Господь, когда Онъ сказалъ, что слово Божіе есть сѣмя, и что если оно падаетъ на добрую землю, то, взошедши, приноситъ плодъ сторицею». (См.«Апологію христіанства», соч. Геттингера. Ч. I, отд. 1. Спб. 1873 г. стр. 63—65).

твореніемъ и олицетвореніемъ, вѣрою въ продолженіе бытія и дѣятельности души человѣческой по смерти тѣла. По этой теоріи, человѣкъ, населивши природу невидимыми разумными дѣятелями и душами умершихъ людей, начинаетъ испытывать постоянный страхъ предъ этими созданіями своей фантазіи, чувствуя себя въ полной зависимости отъ нихъ на каждомъ шагу своей жизни и сознавая полное свое безсиліе предъ ихъ незримыми дѣйствіями и вліяніями. Этотъ страхъ, страхъ суевѣрный,—самый сильный изъ всѣхъ формъ страха, подавляющій умственную дѣятельность и возбуждающій фантазію, которая еще болѣе увеличиваетъ мнимыя опасности. Страхъ этотъ заставляетъ человѣка трепетать и падать ницъ предъ всѣми предметами, въ которыхъ онъ предполагаетъ присутствіе воображаемыхъ невидимыхъ существъ, заставляетъ его искать средствъ—узнавать ихъ волю, намѣренія и желанія, путемъ разнаго рода гаданій. Затѣмъ слѣдуютъ усилія всѣми способами задобрить и умилостивить эти таинственныя существа—молитвами, подарками, или жертвами, и т. п. По отношенію къ нимъ человѣкъ, въ этомъ случаѣ, поступаетъ точно такъ же, какъ по отношенію къ сильнымъ и вліятельнымъ людямъ, которыхъ онъ боится. Такимъ образомъ, основою религіи и исходнымъ ея пунктомъ является, съ этой точки зрѣнія, въ сущности, нелѣпый и невѣжественный страхъ и чувство зависимости отъ невидимыхъ разумныхъ существъ, окружающихъ человѣка и созданныхъ его фантазіею; ея первоначальнымъ выраженіемъ служитъ культъ олицетворенныхъ силъ природы и душъ умершихъ людей, состоящій изъ гаданій, прошеній-молитвъ и жертвъ-подарковъ. Всѣ формы религіи развиваются затѣмъ, по этому воззрѣнію, естественно изъ этой первоначальной ея формы и основы, при чемъ весь религіозный процессъ въ человѣчествѣ направляется, видимымъ образомъ, къ уменьшенію въ количествѣ и удаленію отъ человѣка страшныхъ существъ, пока они не сольются въ одно всемогущее существо,—невообразимое, непредставимое,—которое удаляется отъ человѣка въ безконечность и мало-по-малу становится совсѣмъ лишнимъ. Самый страхъ при этомъ ослабляется, нейтрализуется и замѣняется постепенно другими чувствами, которыя тоже постепенно должны потухать. Во всякомъ случаѣ, по этой теоріи, несмотря на всѣ осложненія и усовершенствованія, религія всегда остается, въ сущности, тѣмъ же, чѣмъ она была вначалѣ, т.-е. преклоненіемъ человѣка предъ своими фикціями, созданіями собственной фантазіи, самообманомъ и продуктомъ невѣжества человѣка, незнанія имъ дѣйствительныхъ силъ и основъ бытія,—подлежащимъ рано или поздно полному уничтоженію.

Какъ ни проста, на первый взглядъ, и какъ ни кажется согласною съ фактами эта теорія, утверждающая, что она опирается на прямыхъ наблюденіяхъ явленій религіозной жизни и есть результатъ индуктивнаго ихъ обобщенія,—она вполнѣ несостоятельна и поражаетъ своею поверхностностью всякаго серьезнаго мыслителя. Она принимаетъ за основу и причину совершенно несущественный, внѣшній и побочный элементъ религіи и религіознаго сознанія,—грубое средство и способъ первоначальнаго ея обнаруженія за причину ея—главную и даже единственную. Ея индукціи-обобщенія всѣ безъ исключенія неправильны и недоказательны, опираются на простое перечисленіе притомъ сомнительныхъ и мало изслѣдованныхъ фактовъ (Спенсеръ) изъ жизни современныхъ дикарей. Они держатся въ умахъ своихъ защитниковъ только предвзятою, признанною за несомнѣнную, произвольною мыслію, что человѣкъ развился прямо изъ животнаго, а потому и религія должна возникнуть изъ низшихъ формъ животнаго сознанія—страха, и не можетъ имѣть какихъ-либо болѣе глубокихъ основъ, свойственныхъ духовной природѣ человѣка. (Другія теоріи относительно существа и происхожденія религіи — всѣ почти односторонни и несостоятельны. Таковы, напр.,—теорія Канта, отожествляющаго религію съ нравственною жизнію человѣка, —Гегеля, признающаго ее самосознаніемъ абсолютнаго въ формѣ представленій,—Шлейермахера, видящаго основу и источникъ религіи въ чувствѣ зависимости отъ внѣшней силы,—Макса Мюллера, полагающаго въ основу религіознаго сознанія идею всемогущей безличной силы, и др.).

Обращаясь къ положительному разъясненію основъ и происхожденія религіи, мы должны прежде всего высказать положеніе, которымъ точно опредѣляется религія и выдѣляется изъ всѣхъ другихъ, сродныхъ съ нею явленій человѣческой жизни, именно,— положеніе, что всякая безъ исключенія религія есть въ томъ или другомъ смыслѣ сознаніе человѣкомъ присутствія въ мірѣ всемогущей личной силы т.-е. личнаго Существа всемогущаго, и своей непосредственной связи и соотношенія съ нимъ. Съ этимъ положеніемъ могутъ не согласиться весьма немногіе,— такъ оно очевидно для всякаго сколько-нибудь знакомаго съ явленіями религіозной жизни человѣчества. Дикарь благоговѣетъ предъ своимъ фетишемъ или идоломъ, передъ священнымъ деревомъ или горою и молится имъ, приноситъ жертвы не потому, что чувствуетъ здѣсь присутствіе неопредѣленной таинственной силы, могущей вообще вредить или приносить ему пользу, а потому, что признаетъ здѣсь присутствіе могущаго все сдѣлать личнаго Существа, т.-е. Личности всемогущей, хотя идея эта и не можетъ ясно опредѣляться въ его неразвитомъ умѣ, а скорѣе смутно чувствуется. Обожаніе имъ всѣхъ предметовъ, чѣмъ-нибудь поразившихъ его, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ *чуетъ* эту

силу разлитою повсюду. И какъ только онъ убѣдится, что его фетишъ не всемогущъ,—бросаетъ его и ищетъ другого. Съ другой стороны, всякій разъ, какъ ослабляется чувство и идея всемогущей Личности,—ослабляется и падаетъ религія, и въ такъ называемыхъ пантеистическихъ религіяхъ она прямо совпадаетъ съ философіею, превращается въ философію, при чемъ культъ и молитва остаются какъ слѣды предыдущей формы религіознаго сознанія, опиравшагося на идею личнаго Божества. Потому религія съ безличнымъ богомъ — не есть религія въ собственномъ смыслѣ, а только подобіе и суррогатъ ея, и никогда не можетъ удовлетворить потребности человѣка—чувствовать себя связаннымъ съ всемогущимъ Существомъ и опираться на Него.

Итакъ, въ основѣ религіи лежитъ идея всемогущей личной силы или всемогущей Личности, присущей міру и вызывающей въ человѣкѣ особаго рода волненія—чувства и дѣйствія. Присутствіе ея въ сознаніи, въ той или другой формѣ, съ тою или другою опредѣленностію и ясностію, со всѣми послѣдствіями, есть признакъ существованія у него религіи, хотя бы въ самой зачаточной, грубой и неразвитой формѣ. Всякій народъ, потому, и всякій отдѣльный человѣкъ, на какой бы низкой ступени развитія ни стоялъ онъ, обожаетъ всемогущее личное бытіе или нѣчто, опять личное, такъ или иначе причастное, по его представленію, всемогуществу: въ противномъ случаѣ самое обожаніе, а съ нимъ и религія исчезаетъ, если только возможно такое исчезновеніе въ дѣйствительности, а не въ воображеніи только человѣка. Причина такого основного единства религіозной идеи, ея тождества, въ сущности, у всѣхъ людей, на всѣхъ ступеняхъ развитія и во всѣхъ религіяхъ заключается въ томъ, что идея всемогущей, безконечной, затѣмъ, всесовершенной личности, присущей міру и его объемлющей, возникаетъ въ человѣкѣ необходимо и присуща ему всегда — явно или скрытно — по самой природѣ его духа, по самому строю его внутренней жизни и дѣятельности, или, какъ прежде выражались, прирождена ему. Дѣло въ томъ, что эта идея необходимо и безусловно связана съ самосознаніемъ человѣка, съ идеею его собственной личности, какъ единаго, конечнаго и ограниченнаго, сверхчувственнаго-духовнаго существа, и является неукоснительно и неизмѣнно съ явленіемъ этой послѣдней, существующей, какъ извѣстно, у каждаго нормальнаго человѣка, какъ человѣка. Идея безконечнаго, всемогущаго существа есть собственно составная часть процесса самосознанія, логически необходимая, а потому неустранимая. Въ самомъ дѣлѣ, полагая себя въ самосознаніи, какъ опредѣленное, ограниченное и единое существо мыслящее, дѣйствующее произвольно, или—какъ личность конечную и сверхчувственную-духовную,—человѣкъ тѣмъ самымъ, по основному закону своей мысли, вызываетъ въ себѣ идею личности безграничной и безконечной, а потому всесильной или всемогущей, и противополагаетъ себѣ содержаніе этой идеи, какъ реально и внѣ его сущее. Степень ясности этой послѣдней идеи, потому, всегда пропорціональна степени ясности первой: смутна, неопредѣленна идея собственной личности,—смутна и идея Личности безконечной; ясно, опредѣленно и отчетливо сознается человѣкомъ особность собственной его личности и ея свойства, — ясно, опредѣленно возникаетъ представленіе особности и главныхъ свойствъ Личности безконечной. Это соотношеніе проходитъ чрезъ всю исторію религіознаго сознанія и подтверждается множествомъ фактовъ, которые и приводить нѣтъ нужды, потому что наша идея о Богѣ—Личности безконечной — есть несомнѣнно полное отображеніе—a contrario—нашей собственной—со всѣми ея высшими свойствами. Такое соотношеніе фактически подтверждаетъ дедуктивно установленную связь сознанія Божества съ самосознаніемъ. Можно указать и другіе факты въ пользу этой дедукціи. Люди сосредоточенные въ себѣ, склонные къ самоанализу, къ постоянному наблюденію за собою и надъ собою, слѣдовательно, тѣ, у которыхъ самосознаніе напряжено, обыкновенно отличаются религіозностью. Всякое несчастіе, страданія, повышая самочувствіе и самосознаніе, повышаетъ и религіозное чувство. Люди, погруженные во внѣшнюю дѣятельность, здоровые и счастливые, наоборотъ, большею частію мало религіозны, рѣдко, какъ говорится, думаютъ о Богѣ. Въ уединеніи, старости—религіозное чувство также бываетъ напряжено... Не нужно, конечно, доказывать, что въ началѣ развитія идея собственной личности у человѣка не отличается опредѣленностью, отчетливостью и устойчивостью; то же должно быть и съ идеею безконечной Личности, — и она вначалѣ смутна, темна, неопредѣленна, неустойчива; но она непремѣнно есть, если есть самосознаніе. При первомъ своемъ возникновеніи, на самой низкой ступени развитія, она, по всей вѣроятности, существуетъ въ формѣ простого и общаго противоположенія человѣкомъ своему внутреннему, единому *я*, ограниченному, — всего внѣшняго, какъ тоже единаго, безграничнаго, личнаго, обнимающаго собою и въ себѣ человѣка, его ограничивающаго. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи мало дѣлается наблюденій и изысканій, хотя уже давно существуетъ и часто прилагается такъ называемое психологическое доказательство бытія Божія, доселѣ сводящееся къ простому утвержденію, что человѣку необходимо присуща идея Божества.

Въ виду особенности самаго происхожденія идеи безконечной личности, ея логической необходимости, становится вполнѣ понятнымъ тотъ фактъ что, въ то время, какъ олицетворенія предметовъ внѣшнихъ—для ихъ объясненія—исчезаютъ навсегда, когда узнается ихъ ошибочность, — идея безконечной Личности не можетъ

быть устранена никакими усиліями, и неудержимо возникаетъ въ душѣ такъ называемыхъ атеистовъ, старающихся признать ее тоже ошибочною, какъ простое олицетвореніе безличнаго могущества природы. Дѣйствительно, человѣкъ какъ бы постоянно и непосредственно воспринимаетъ, созерцаетъ безконечную Личность, знаетъ непосредственно, безъ всякихъ доводовъ ея бытіе, и долженъ употребить большія усилія, чтобы ослабить въ себѣ это чувство, не имѣя никакой возможности вовсе его уничтожить—чувство такъ хорошо и во всей чистотѣ выраженное въ еврейскомъ имени Божества «Іегова»—«Онъ есть, Онъ существуетъ».

Такимъ образомъ, первое начало и основа религіозной идеи, — идеи всемогущаго Существа, всемогущей Личности, — находится въ прямой, притомъ, логически необходимой связи съ самосознаніемъ человѣка, съ признаніемъ имъ себя конечною и ограниченною личностію. Отсюда — идея эта, а съ нею и религія и религіозная жизнь человѣка, имѣетъ корни въ самой глубинѣ человѣческаго духа, въ той ея дѣятельности, въ томъ свойствѣ, которыя дѣлаютъ его разумнымъ существомъ и отличаютъ главнымъ образомъ отъ всего живущаго на землѣ. Она возникаетъ въ извѣстный періодъ жизни и развитія души у каждаго отдѣльнаго человѣка самостоятельно, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, и дѣлаетъ всякаго человѣка по природѣ существомъ религіознымъ, непосредственно знающимъ Бога и чувствующимъ «Его присносущную силу и Божество», чувствующимъ Его близость къ себѣ и живую связь съ Нимъ. Эта связь выражается первоначально въ особенномъ, спеціально соединенномъ съ идеею всемогущей и безконечной Личности волненіи, которое похоже на то, что называется благоговѣніемъ къ могущественнымъ и великимъ людямъ, но не тождественно съ нимъ. Это — обнимающій всю душу радостный трепетъ, невыразимый словомъ и неописуемый, но хорошо знакомый всякому, кто, хотя разъ въ жизни, молился въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, — молился безъ словъ и опредѣленной мысли, безъ тѣни какой-либо просьбы и даже благодаренія. Источникомъ радости, удовольствія, осложняющимъ трепетъ передъ необъятнымъ величіемъ Божества, служитъ здѣсь смутное сознаніе открытія и присутствія опоры, потребность которой присуща человѣку изначала и связана съ непосредственнымъ чувствомъ и усмотрѣніемъ своей конечности, ограниченности и слабости. Отсюда уже само собою возникаетъ исканіе Божества, инстинктивное стремленіе познать Его и стать съ Нимъ въ опредѣленныя отношенія, стремленія, — присущее на всѣхъ степеняхъ развитія и, естественно, порождающее безконечное, можно сказать, разнообразіе вѣрованій и формъ богопочитанія или культовъ,—изъ коего слагается содержаніе религіозной жизни человѣчества въ прошломъ и въ настоящее время. (Извлеч. въ сокращ. изъ ст. проф. В. А. Снегирева, помѣщ. въ «Вѣрѣ и Раз.» за 1891 г.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Способность души къ созерцанію всей протекшей жизни въ краткое время.

1. **Непроизвольное возникновеніе въ душѣ давно исчезнувшихъ представленій и образовъ и способность нашего духа къ созерцанію всей протекшей жизни въ краткое время.** Карусъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи *О душѣ* (Psyche), говоритъ, что ключъ къ уразумѣнію существа *сознательной* жизни души лежитъ въ области *безсознательнаго*. Въ своей книгѣ онъ изслѣдуетъ взаимное отношеніе сознательнаго къ безсознательному въ жизни человѣческой и высказываетъ много глубокихъ мыслей. Божественное въ насъ, — говоритъ онъ, — что мы называемъ душою, не есть что-либо разъ остановившееся въ извѣстномъ моментѣ, но есть нѣчто непрестанно преобразующееся въ постоянномъ процессѣ развитія, разрушенія и новаго образованія. Каждое явленіе, бывающее во времени, есть продолженіе или развитіе прошедшаго и содержитъ въ себѣ чаяніе будущаго. Сознательная жизнь человѣка разлагается на отдѣльные моменты времени, и ей доступно лишь смутное представленіе своего существа въ прошедшемъ и будущемъ, настоящая же минута отъ нея ускользаетъ, ибо едва явилась — какъ уже переходитъ въ прошедшее. Приведеніе всѣхъ этихъ моментовъ къ единству, сознаніе *настоящаго,* т.-е. обрѣтеніе истиннаго твердаго пункта между настоящимъ и будущимъ, возможно лишь въ области безсознательнаго, т.-е. тамъ, гдѣ нѣтъ времени, но есть вѣчность. Извѣстные миѳы греческой древности объ *Эпиметеѣ* и *Прометеѣ* имѣютъ глубокое значеніе, и не даромъ греческая мудрость поставляла ихъ въ связь съ высшимъ развитіемъ человѣчества. Вся органическая жизнь напоминаетъ намъ эти двѣ оборотныя стороны творческой идеи въ области безсознательнаго. И въ мірѣ растительномъ, и въ

мірѣ животномъ каждое побужденіе, каждая форма даютъ намъ знать, когда мы вдумываемся, что здѣсь есть нѣчто, возвращающее насъ къ прошедшему, къ явившемуся и бывшему прежде, и предсказываютъ намъ нѣчто имѣющее образоваться и явиться въ будущемъ. Чѣмъ глубже мы вдумываемся въ эти свойства явленій, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что все, что *въ сознательной* жизни мы называемъ памятью, воспоминаніемъ, и все то, въ особенности, что называемъ предвидѣніемъ и предвѣдѣніемъ,—все это служитъ лишь самымъ блѣднымъ отраженіемъ той явности и опредѣлительности, съ которою эти свойства воспоминанія и предвидѣнія открываются *въ безсознательной* жизни.

Въ сочиненіи Каруса изслѣдуются случаи, въ коихъ сознательная жизнь души, пріостанавливаясь, переходитъ иногда внезапно въ область безсознательнаго. Замѣчательно, говоритъ онъ, внезапное и непроизвольное возникновеніе въ нашей душѣ давно исчезнувшихъ изъ нея представленій и образовъ, равно какъ и внезапное исчезновеніе ихъ изъ нашего сознанія, причемъ они сохраняются и соблюдаются однако въ глубинѣ безсознательной души. Представленія о лицахъ, предметахъ, мѣстностяхъ и пр., даже иныя особенныя чувства и ощущенія, иногда въ теченіе долгаго времени кажутся совсѣмъ исчезнувшими, какъ вдругъ просыпаются и возникаютъ снова со всею живостью, и тѣмъ доказываютъ, что въ дѣйствительности не были они утрачены. Бывали отдѣльные очень удивительные случаи, въ коихъ разомъ сознаніе съ необыкновенною ясностью простиралось на цѣлый кругъ жизни со всѣми ея представленіями. Извѣстенъ случай этого рода съ однимъ англичаниномъ, подвергавшимся сильному дѣйствію опіума: однажды, въ періодъ сильнаго возбужденія передъ наступленіемъ полнаго притупленія чувствъ, ему представилась необыкновенно ясно и во всей полнотѣ картина всей прежней его жизни со всѣми ея представленіями и ощущеніями. То же, разсказываютъ, случилось съ одною дѣвицей, когда она упала въ воду и утопала, въ минуту передъ совершенною потерею сознанія.

Карусъ не приводитъ подробностей и не ссылается на удостовѣреніе приведеннаго случая; многимъ, безъ сомнѣнія, доводилось тоже слышать подобные разсказы въ смутномъ видѣ. Но вотъ единственный, намъ извѣстный, любопытный и вполнѣ достовѣрный разсказъ о подобномъ событіи самого того лица, съ коимъ оно случилось.

Это случилось съ очень извѣстнымъ англійскимъ адмираломъ Бьюфортомъ, въ Портсмутѣ, когда онъ въ молодости опрокинулся съ лодкой въ море и пошелъ ко дну, не умѣя плавать. Онъ былъ вытащенъ изъ воды и впослѣдствіи, по убѣжденію извѣстнаго доктора Волластона, записалъ странную исторію своихъ ощущеній. Вотъ этотъ разсказъ во всей его цѣлости.

Описывая обстоятельства, при которыхъ совершилось паденіе, онъ говоритъ: „все это я передаю или по смутному воспоминанію, или по разсказамъ свидѣтелей; самъ утопающій въ первую минуту поглощенъ весь ощущеніемъ своей гибели и бореніемъ между надеждой и отчаяніемъ. Но что за тѣмъ послѣдовало, о томъ могу свидѣтельствовать съ полнѣйшимъ сознаніемъ: въ духѣ моемъ совершился въ эту минуту внезапный и столь чрезвычайный переворотъ, что всѣ его обстоятельства остаются донынѣ такъ свѣжи и живы въ моей памяти, какъ бы вчера со мною случились. Съ того момента, какъ прекратилось во мнѣ всякое движеніе (что было, полагаю, послѣдствіемъ совершеннаго удушенія), — тихое ощущеніе совершеннаго спокойствія смѣнило собою всѣ прежнія мятежныя ощущенія; можно, пожалуй, назвать его состояніемъ апатіи, но тутъ не было тупой покорности предъ судьбою, потому что не было тутъ ни малѣйшаго страданія, не было и ни малѣйшей мысли ни о гибели, ни о возможности спасенія. Напротивъ того, ощущеніе было скорѣе пріятное, нѣчто въ родѣ того тупого, но удовлетвореннаго состоянія, которое бываетъ передъ сномъ послѣ сильной усталости. Чувства мои такимъ образомъ были притуплены, но съ духомъ произошло нѣчто совсѣмъ противоположное. Дѣятельность духа оживилась въ мѣрѣ, превышающей всякое описаніе; мысли стали возникать за мыслями съ такою быстротою, которую не только описать, но и постигнуть не можетъ никто, если самъ не испыталъ подобнаго состоянія. Теченіе этихъ мыслей я могу и теперь въ значительной мѣрѣ прослѣдить — начиная съ самаго событія, только что случившагося, — неловкость, бывшая его причиною, смятеніе, которое отъ него произошло (я видѣлъ, какъ двое вслѣдъ за мною спрыгнули съ борта), дѣйствіе, которое оно должно было произвесть на моего нѣжнаго отца, объявленіе ужасной вѣсти всему семейству, — тысяча другихъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ домашнею моей жизнью: вотъ изъ чего состоялъ первый рядъ мыслей. Затѣмъ кругъ этихъ мыслей сталъ расширяться дальше: явилось послѣднее наше плаваніе со случившимся крушеніемъ, школьная моя жизнь, мои успѣхи, всѣ ошибки, глупости, шалости, всѣ мелкія приключенія и затѣи того времени. И такъ дальше и дальше назадъ, всякій случай прошедшей моей жизни

проходилъ въ моемъ воспоминаніи въ поступательно обратномъ порядкѣ, и не въ общемъ очертаніи, какъ показано здѣсь, но живою картиной во всѣхъ мельчайшихъ чертахъ и подробностяхъ. Словомъ сказать — вся исторія моего бытія проходила передо мной точно въ панорамѣ, и каждое въ ней со мною событіе соединялось съ сознаніемъ правды или неправды, или съ мыслью о причинахъ его и послѣдствіяхъ; удивительно, даже самые мелкіе, ничтожные факты, давнымъ давно позабытые, всѣ почти воскресли въ моемъ воображеніи, и притомъ такъ знакомо и живо, какъ бы недавно случились. Все это не указываетъ ли на безграничную силу нашей памяти[1]), не пророчитъ ли, что мы со всей полнотою этой силы проснемся въ иномъ мірѣ, *принуждены* будемъ созерцать нашу прошедшую жизнь во всей полнотѣ ея? И съ другой стороны — все это не оправдываетъ ли вѣру, что смерть есть только измѣненіе нашего бытія, въ коемъ, стало-быть, нѣтъ дѣйствительнаго промежутка или перерыва? Какъ бы то ни было, замѣчательно въ высшей степени одно обстоятельство — что безчисленныя идеи, промелькнувшія въ душѣ у меня, всѣ до одной обращены были въ прошедшее. Я былъ воспитанъ въ правилахъ вѣры. Мысли мои о будущей жизни и соединенныя съ ними надежды и опасеніе не утратили нисколько первоначальной силы, и въ иное время одна вѣроятность близкой гибели возбудила бы во мнѣ страшное волненіе; но въ этотъ неизъяснимый моментъ, когда во мнѣ было полное убѣжденіе въ томъ, что перейдена уже черта, отдѣляющая меня отъ вѣчности, — ни единая мысль о будущемъ не заглянула ко мнѣ въ душу, я былъ погруженъ весь въ прошедшее. Сколько времени было у меня занято этимъ потокомъ идей, или, лучше сказать, въ какую долю времени всѣ онѣ были втиснуты, не могу теперь опредѣлить въ точности; но, безъ сомнѣнія, не прошло и двухъ минутъ съ момента удушенія моего до той минуты, когда меня вытащили изъ воды.

„Когда стала возвращаться жизнь, ощущеніе было во всѣхъ отношеніяхъ противоположное прежнему. Одна простая, но смутная мысль — жалостное представленіе, что я утопалъ — тяготѣла надъ душой, вмѣсто множества ясныхъ и опредѣленныхъ идей, которыя только что пронеслись черезъ нее; безпомощная тоска, вродѣ кошмара, подавляла всѣ мои ощущенія, мѣшая образованію какой-либо опредѣленной мысли, и я съ трудомъ убѣдился, что живъ дѣйствительно. Утопая, не чувствовалъ я ни малѣйшей физической боли; а теперь мучительная боль терзала весь составъ мой: такого страданія я не испытывалъ впослѣдствіи, несмотря на то, что бывалъ нѣсколько разъ раненъ и часто подвергался тяжкимъ хирургическимъ операціямъ. Однажды пуля прострѣлила мнѣ легкія: я пролежалъ нѣсколько часовъ ночью, на палубѣ, и, истекая кровью отъ другихъ ранъ, потерялъ, наконецъ, сознаніе въ обморокѣ. Не сомнѣваясь, что рана въ легкія смертельна, конечно, въ минуту обморока я имѣлъ полное ощущеніе смерти. Но въ эту минуту не испыталъ я ничего похожаго на то, что совершалось въ душѣ у меня, когда я тонулъ; а приходя въ себя послѣ обморока, я разомъ пришелъ въ ясное сознаніе о своемъ дѣйствительномъ состояніи“. (См. „Московскій сборникъ“, изд. К. П. Побѣдоносцева, 1896 г. стр. 193 — 198).

2. **Факты переживанія человѣческой душею массы впечатлѣній въ нѣсколько минутъ.** Говорятъ, что для совершенія извѣстнаго явленія, событія или цѣлаго ихъ ряда нужно время. Съ другой стороны, для сознательнаго воспріятія впечатлѣній, какъ доказали Гельмгольцъ и Фехнеръ, тоже нуженъ извѣстный срокъ[1]). Между тѣмъ, факты, повидимому, противорѣчатъ подобнаго рода воззрѣнію. Дѣло въ томъ, что бываютъ случаи, когда во снѣ ли, подъ вліяніемъ ли нѣкоторыхъ наркотическихъ веществъ (гашишъ, опіумъ и т. п.), или на яву, въ минуту сильной опасности, грозящей смертью, — человѣкъ переживаетъ въ нѣсколько мгновеній такъ много, что для описанія этого мало цѣлаго дня, даже года, можно исписать томы и все-таки не передать всего испытаннаго. Каждый изъ насъ, навѣрно, имѣлъ не разъ подобнаго рода сновидѣнія, бываютъ обыкновенно подъ вліяніемъ внѣшняго возбужденія (чаще всего это бываетъ отъ паденія съ кровати, какого-нибудь толчка, удара, особаго звука и т. п.), отъ котораго мы пробуждаемся, успѣвъ, однако, въ этотъ короткій моментъ перечувствовать массу разнороднѣйшихъ ощущеній и видѣть цѣлый рядъ событій, въ родѣ, напримѣръ, крушенія поѣзда, съ разлетающимися вдребезги вагонами, изуродованными мертвыми тѣлами, стонами раненыхъ, которымъ оказывается медицинская помощь и т. д.

---

[1]) Эта способность души къ созерцанію всей протекшей жизни въ нѣсколько мгновеній, и притомъ съ критическою оцѣнкою всѣхъ моментовъ жизни, не подтверждаетъ ли ученія слова Божія о томъ, что страшный судъ Божій, когда совѣсть каждаго откроется и произнесетъ свой послѣдній судъ надъ жизнью человѣка, не потребуетъ для своего совершенія много времени, но произойдетъ въ нѣсколько мгновеній? *Г. Д—ко.*

[1]) По изслѣдованіямъ Гельмгольца и Шельске, скорость передачи возбужденія по нерву равняется въ среднемъ 30 метрамъ въ секунду и колеблется въ зависимости отъ вида и даже отъ индивидуума; Гиршъ же нашелъ ее не меньшею 1000 метровъ въ секунду.

Графъ Лавалеттъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ слѣдующее: „однажды ночью, когда я спалъ въ темницѣ, меня разбудилъ замковый колоколъ, бившій двѣнадцать часовъ; я услышалъ, какъ отворили рѣшетку, чтобы смѣнить караулъ, но тутъ я опять заснулъ. Тогда я увидѣлъ странный сонъ“... Здѣсь слѣдуетъ разсказъ о страшномъ видѣніи,— разсказъ, подробности котораго, по мнѣнію разсказчика, заняли бы, по крайней мѣрѣ, пять часовъ ...„какъ вдругъ рѣшетка опять захлопнулась съ большою силою, отчего я и проснулся. Я заставилъ пробить свои карманные часы, и они пробили все-таки двѣнадцать, такъ что этотъ страшный сонъ продолжался всего-на-всего отъ двухъ до трехъ минутъ, т.-е. столько времени, сколько его понадобилось, чтобы смѣнить караулъ (что произошло очень быстро, по причинѣ крайняго холода), отпереть и запереть рѣшетку, каковой расчетъ мой и подтвердилъ на слѣдующее утро привратникъ. А между тѣмъ, я ни за что не припомню ни одного случая изъ своей жизни, въ которомъ я могъ бы опредѣлить время съ такою точностью, въ которомъ лучше запечатлѣлись бы въ моей памяти всѣ подробности происшедшаго и въ которомъ бы я сохранилъ большую ясность сознанія“.

Примѣромъ вліянія наркотическихъ веществъ на возбужденіе мозга можетъ служить одно мѣсто изъ Корана, гдѣ говорится о томъ, какъ Магометъ (который, какъ утверждаютъ, употреблялъ гашишъ), былъ взятъ, по фантастическимъ бреднямъ составителя Корана, съ постели архангеломъ Гавріиломъ, перенесшимъ его на седьмое небо и показавшимъ по пути также и адъ. Пророкъ пробылъ на небѣ такъ долго, что успѣлъ не только все подробно осмотрѣть, но и девяносто разъ побесѣдовать съ Богомъ, послѣ чего ангелъ снова перенесъ Магомета на его ложе. Все это, тѣмъ не менѣе, произошло такъ скоро, что, очутившись снова на постели, пророкъ нашелъ ее еще теплою и успѣлъ поднять опрокинутую имъ во время путешествія глиняную кружку, прежде чѣмъ изъ нея вытекла вся вода.

Потеря способности измѣрять время случается съ нами еще тогда, когда мы чего-либо страстно ожидаемъ, например, въ минуту опасности — спасительной помощи: тогда минуты, говорятъ, кажутся годами; и наоборотъ, когда нашъ умъ и чувства чѣмъ-либо всецѣло поглощены: долгіе часы „пролетаютъ, какъ мгновенья“,— „счастливые часовъ не знаютъ“, говоритъ пословица.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Способность человѣческаго духа къ памяти.

1. **Способность духа объективировать образы, представляемые нашею памятью.** Одинъ изъ моихъ друзей, пишетъ д-ръ Симонъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ неоднократно дѣлалъ попытки объективировать образы, вызываемые памятью. Однѣ попытки не имѣли успѣха, другія удались. Вотъ отрывокъ изъ письма, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ результатъ этихъ любопытныхъ наблюденій. „Желая объективировать образы, сохранившіеся въ моей памяти, я произвелъ нѣсколько опытовъ, которые, надѣюсь, представятъ для васъ нѣкоторый интересъ. Напряженно и долго фиксируя мысленно образъ печати съ перламутровой ручкой, которой я пользуюсь ежедневно, я скоро увидѣлъ ее въ полѣ зрѣнія. Образъ былъ ясенъ, отчетливъ и имѣлъ то положеніе, которое я желалъ ему придать. Всякій разъ, когда я производилъ этотъ опытъ и образъ возникалъ въ полѣ зрѣнія, я не могъ фиксировать его долго: онъ почти тотчасъ же исчезалъ. Но, что любопытно, при неоднократныхъ попыткахъ мнѣ не всегда удавалось объективировать образъ, а иногда въ полѣ зрѣнія можно было различить только вещество, изъ котораго сдѣланъ былъ предметъ. Однажды, желая вызвать въ полѣ зрѣнія образъ печати съ перламутровой ручкой, о которомъ я говорилъ, я увидѣлъ матовый цвѣтъ перламутра со свойственнымъ ему блескомъ, но образъ этотъ былъ совершенно безформенный; нельзя было различить никакихъ контуровъ, никакой опредѣленной формы. При тѣхъ же попыткахъ мнѣ случалось наблюдать и обратное — мысленный образъ выдѣлялся въ полѣ зрѣнія съ вполнѣ опредѣленными очертаніями, но цвѣтъ его и вещество, изъ котораго онъ состоялъ, не соотвѣтствовали воображаемому предмету. Я увидѣлъ однажды печать съ совершенно отчетливыми очертаніями, всѣ подробности формы различались мною ясно, но ручка лишена была окраски, свойственной перламутру. Я видѣлъ крайне блѣдный образъ зеленаго цвѣта, выдѣлявшійся довольно явственно на фонѣ, окрашенномъ въ тотъ же, хотя еще болѣе блѣдный цвѣтъ. Отблескъ, матовая окраска перламутра отсутствовали“.

Въ этихъ опытахъ экспериментатору удавалось воспроизводить только крайне несовершенный образъ предмета, о которомъ онъ думалъ. Иногда въ полѣ зрѣнія возникала только какая-либо одна особенность предмета. Повидимому, нѣкоторыя лица обладаютъ способностью произвольно вызывать образы въ болѣе совершенной степени.

Одному англійскому художнику, о которомъ разсказываетъ Вигандъ, достаточно было увидѣть какое-либо лицо и набросать его портретъ, чтобы потомъ обходиться безъ модели. Онъ, такъ сказать, бралъ его потомъ изъ памяти, ставилъ въ позы, какія желалъ, и работалъ по цѣлымъ часамъ передъ созданными имъ фантастическими образами.

Той же способностью обладала, повидимому, художница, г-жа О. К. Разсказываютъ, что одинъ изъ ея знакомыхъ лишился дорогого ему лица, которое г-жа О. К. видѣла всего одинъ разъ. Она написала по памяти поразительно схожій портретъ этого лица, такъ что и у нея, очевидно, существовала способность, которою въ такой сильной степени обладалъ упомянутый выше художникъ.

Говорятъ также, что Тальма, выходя на сцену, могъ усиліемъ воли заставить исчезнуть для себя многочисленныхъ зрителей, наполнявшихъ театръ; ихъ мѣста занимали въ его воображеніи скелеты. Когда это происходило, его игра достигала такой силы и правдивости, такой жизненности, какой безъ этого, по его мнѣнію, она никогда не могла бы достигнуть.

Эта крайне рѣдкая способность тѣмъ драгоцѣннѣе, что можетъ существовать рядомъ съ полной невредимостью умственныхъ способностей. Замѣчу однако же, что лицамъ, обладающимъ способностью объективировать умственные образы, слѣдовало бы пользоваться ею съ осторожностью, такъ какъ это не лишено своего рода опасности. Въ самомъ дѣлѣ, Вигандъ сообщаетъ, что художникъ, о которомъ мы говорили выше, сталъ впослѣдствіи смѣшивать образы, созданные его волей, съ реальными личностями.

Мы не найдемъ въ этомъ ничего страннаго, если вспомнимъ, что вслѣдствіе усилія воли или даже просто напряженнаго сосредоточенія вниманія на извѣстномъ предметѣ дѣятельность любого изъ органовъ чувствъ можетъ проявляться въ крайнихъ предѣлахъ. Слишкомъ часто повторяющаяся дѣятельность этого рода и такой интенсивности влечетъ, наконецъ, за собой непроизвольную дѣятельность органа, и тогда за крайнею степенью физіологической дѣятельности слѣдуетъ патологическое разстройство, наступаетъ явленіе, относящееся несомнѣнно къ разряду болѣзненныхъ. Значительный свѣтъ на раскрываемый предметъ, безъ сомнѣнія, проливаетъ исторія о *демонѣ Сократа*.

Это — одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, и къ изслѣдованію его мы приступимъ съ особеннымъ вниманіемъ. Помимо интереса, связаннаго съ самимъ явленіемъ, тотъ фактъ, что Сократа, мудрѣйшаго изъ людей, считаютъ возможнымъ заподозрить въ умопомѣшательствѣ, представляется поклонникамъ философіи чѣмъ-то въ родѣ поругательства надъ геніемъ,—оскорбленіе, наносимое этому великому уму, задѣваетъ все человѣчество. Мы подвергнемъ факты тщательному изслѣдованію и, надѣемся, намъ удастся доказать, что оскорбленіе, нанесенное учителю Платона, лишено всякаго основанія. Мы разсмотримъ, можетъ ли Сократъ, какъ это легкомысленно было высказываемо, быть заподозрѣнъ въ помѣшательствѣ на томъ только основаніи, что онъ получалъ указанія отъ своего „генія“. Мы изслѣдуемъ также, въ чемъ состояло это явленіе, игравшее видную роль въ жизни знаменитаго философа.

Чтобы рѣшить оба вопроса, мы должны предварительно привести нѣсколько цитатъ, относящихся къ фактамъ, которые предлагаемъ разсмотрѣть. Мы заимствуемъ цитаты, главнымъ образомъ, у Плутарха и Платона, описавшихъ обстоятельнымъ образомъ и со всѣми подробностями явленіе, наблюдавшееся у Сократа и казавшееся ему результатомъ вмѣшательства *генія* [1]).

„У Сократа,—говоритъ Плутархъ,—повидимому, былъ геній, который уже рано даровалъ ему способность особаго предвидѣнія. Это предвидѣніе руководило его дѣйствіями. Оно освѣщало своимъ свѣтомъ неясныя дѣла, недоступныя человѣческому уму. Въ этихъ случаяхъ демонъ говорилъ съ Сократомъ, и божественное вдохновеніе управляло всѣми его дѣйствіями“.

Особенно поражало современниковъ Сократа то обстоятельство, что онъ, благодаря своему генію, могъ предсказывать будущее, а также еще неизвѣстныя событія; такъ, наприм., онъ предсказалъ гибель аѳинскаго войска въ Сициліи. Аѳинское войско, дѣйствительно, погибло въ Сициліи, незадолго передъ тѣмъ, и въ Аѳинахъ никто рѣшительно объ этомъ не зналъ.

Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что народъ, создавшій цѣлый рядъ существъ, служившихъ посредниками между богами и людьми, считалъ эти случаи предвидѣнія результатомъ указаній сверхъестественнаго существа. Раздѣлялъ ли это мнѣніе Сократъ?

[1]) См. также Лелю «*Le démon de Socrate*», гдѣ авторъ, защищая воззрѣніе противоположное нашему, собралъ всѣ данныя, относящіяся къ любопытному психическому факту, игравшему выдающуюся роль въ жизни Сократа.

Считалъ ли онъ то, что̀ онъ называлъ *голосомъ своего генія,* — голосомъ сверхъестественнаго существа? Это не подлежитъ сомнѣнію, и едва ли можно удивляться тому, что знаменитый философъ раздѣлялъ общепринятые въ его время взгляды.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Сократъ слышалъ голосъ, въ трудныхъ случаяхъ бесѣдовавшій съ нимъ и дававшій ему совѣты, мудрость и справедливость которыхъ впослѣдствіи подтверждалась опытомъ. Мы имѣемъ здѣсь два различныхъ факта — голосъ, слышавшійся Сократу, по его словамъ, и собственный взглядъ Сократа на интересующее насъ явленіе. Разберемъ оба факта, стоящіе другъ къ другу въ тѣсной связи.

Что за голосъ слышалъ Сократъ? Была ли это галлюцинація? Была ли это галлюцинація психическая или чувственная? Являлся ли Сократу зрительный образъ въ то самое время, когда онъ слышалъ голосъ? Какъ, наконецъ, понимать даръ предвидѣнія, которое давали Сократу указанія *голоса?* На всѣ эти вопросы мы постараемся дать отвѣтъ, и задача наша въ значительной степени облегчается той точностью, съ какой знаменитый аѳинянинъ самъ описалъ, что̀ онъ испытывалъ въ тѣ минуты, когда Богъ давалъ ему указанія.

Зрительный образъ, повидимому, никогда не являлся Сократу, какъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ Плутарха: „Я часто бывалъ съ нимъ, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ *Демонѣ Сократа,* когда люди утверждали, будто видятъ боговъ. Сократъ объявлялъ, что это — обманщики. Но если кто-либо говорилъ, что слышитъ голосъ, то онъ внимательно прислушивался и оживленно задавалъ вопросы“.

Слѣдовательно, Сократу не являлись призраки, у него не было галлюцинацій зрѣнія.

О характерѣ слышавшагося Сократу голоса можно довольно вѣрно судить по слѣдующему отрывку: „мнѣ кажется, дорогой Критонъ, говоритъ Сократъ, что я слышу все, что сказалъ, какъ Корибанты убѣждены, что слышатъ звуки роговъ и флейтъ, — и эти слова такъ сильно звучатъ у меня въ ушахъ, что мѣшаютъ мнѣ слышать все прочее“ [1]).

Далѣе Сократъ говоритъ: „мнѣ кажется, что Богъ напомнилъ мнѣ нѣчто... *Плутархъ:* какъ и что? ты мнѣ скажешь, надѣюсь. *Сократъ:* отвѣчать тебѣ буду не я, а божество. Въ ту минуту, когда я хотѣлъ переправиться черезъ воду, мнѣ явилось божественное указаніе, являющееся мнѣ часто и всегда останавливающее меня. Я хотѣлъ уже итти, какъ вдругъ съ этой стороны я услышалъ голосъ, остановившій меня“.

Въ другомъ діалогѣ Сократъ говоритъ: „милость неба надѣлила меня чудеснымъ даромъ, не покидающимъ меня съ дѣтства. Это — голосъ, который, когда я его слышу, отклоняетъ меня отъ моихъ намѣреній и никогда не побуждаетъ меня къ дѣйствію. Если мои друзья сообщаютъ мнѣ о какомъ-либо своемъ намѣреніи, и я слышу голосъ, это — вѣрное указаніе, что голосъ не одобряетъ намѣренія и отклоняетъ отъ него... Вы всѣ, если хотите, можете узнать отъ Клитомаха, брата Тимарха, что̀ сказалъ ему Тимархъ передъ смертью, постигшей его оттого, что онъ не послушался указанія генія. Онъ вамъ скажетъ, что Тимархъ обратился къ нему со слѣдующими словами: „Клитомахъ, я умру потому, что не хотѣлъ вѣрить Сократу“. Что хотѣлъ сказать этимъ Тимархъ? Я вамъ сейчасъ объясню. Когда онъ всталъ изъ-за стола съ Филемономъ, сыномъ Филоменида, отправляясь убить Никія, въ заговорѣ были только они двое. Вставая, онъ сказалъ мнѣ: „что съ тобой, Сократъ?“ Я отвѣтилъ ему:—Не уходи. Я слышалъ голосъ, являющійся мнѣ обыкновенно. — Онъ остановился, но спустя нѣсколько минутъ всталъ и сказалъ мнѣ: „Сократъ, я ухожу“. Я опять услышалъ голосъ и вторично удержалъ его. Наконецъ, въ третій разъ, желая уйти незамѣченнымъ, онъ всталъ, не говоря мнѣ ни слова; мое вниманіе было чѣмъ-то отвлечено, онъ ушелъ и совершилъ то, что привело его къ смерти. Вотъ почему онъ обратился къ брату со словами, которыя я повторяю сегодня, а именно, что онъ умираетъ, потому что не хотѣлъ вѣрить мнѣ. Подобно повивальнымъ бабкамъ, я ничего не рождаю самъ въ дѣлахъ мудрости,— это дѣлаетъ духъ, пребывающій во мнѣ“.

Я увѣренъ, что всякій, сколько-нибудь знакомый съ психофизіологіей, прочитавъ приведенныя выдержки, признаетъ въ голосѣ, который слышался Сократу, — истинную галлюцинацію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть-можетъ, чисто-психическую, въ другихъ — несомнѣнно чувственную. То мѣсто, гдѣ Сократъ говоритъ о Корибантахъ, не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но какъ возникала эта галлюцинація? Какимъ образомъ слова, произносимыя *голосомъ,* получали характеръ чудеснаго предвидѣнія, приводившаго въ изумленіе современниковъ аѳинскаго философа?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо припомнить факты изъ области безсознательной церебраціи. Безсознательная работа мозга совершается у всѣхъ людей, но результаты ея, разумѣется, строго со-

[1]) У Платона.

отвѣтствуютъ высотѣ ума. Нося вульгарный характеръ у обыкновенныхъ людей, она порождаетъ у людей, богато одаренныхъ умственно, благороднѣйшія созданія генія. Она—источникъ вдохновенія поэта, мѣткаго взгляда полководца. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ ранѣе воспринятыми сужденіями, открывающимися уму въ нужный моментъ, или — вѣрнѣе — съ понятіями, элементы которыхъ, такъ сказать, разсѣяны и въ данный моментъ объединяются, появляются неожиданно въ формѣ готоваго сужденія и кажутся тогда плодомъ истиннаго вдохновенія. Эта скрытая работа мысли существуетъ, какъ я уже сказалъ, у всѣхъ людей. Когда мы хотимъ подумать о вопросѣ, рѣшеніе котораго насъ затрудняетъ, то довѣряемся безсознательной работѣ нашего мозга, давая нашему сужденію созрѣть. Къ работѣ того же рода, совершающейся во время сна, мы прибѣгаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда откладываемъ рѣшеніе до слѣдующаго утра, полагаясь на то, что „утро вечера мудренѣе“. Понятно, что время, необходимое для выработки сужденій, приводящихъ къ окончательному заключенію — которое одно только мы и видимъ — будетъ несравненно меньше у ума высшаго порядка, подготовленнаго предварительной работой, и не можетъ быть сомнѣнія, что этого рода быстрыя умозаключенія и диктовали Сократу тѣ рѣшенія, мудрость которыхъ впослѣдствіи подтверждалась опытомъ.

Что касается до голоса, передававшаго Сократу его интуитивныя сужденія, то это явленіе будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, какъ часто наши мысли не только высказываются нами вполголоса, но и слышатся намъ. Повидимому, возбужденіе нервныхъ элементовъ, вызывающее въ нашемъ сознаніи символическіе образы, изъ соединенія которыхъ образуется мысль и сужденіе, распространяется двоякимъ путемъ,—давая, съ одной стороны, толчокъ дѣятельности голосовыхъ мышцъ, съ другой стороны вызывая въ области слуха состояніе, близкое къ галлюцинаціи. Фактъ этотъ особенно рѣзко бросается въ глаза, когда мы читаемъ произведенія знакомаго лица. Во время чтенія, произнося про себя слова книги, слышишь въ то же время звукъ, тембръ голоса автора тѣмъ явственнѣе, чѣмъ болѣе знакомъ намъ его голосъ. Усильте немного этотъ резонансъ мысли—и передъ вами будетъ галлюцинанія въ родѣ той, въ какой являлись Сократу мудрыя сужденія, приписанныя имъ голосу генія. (См. кн. д-ра Симона: „Міръ грезъ“, Спб. 1890 г., стр. 119—126).

2. **Способность духа объективировать представленія (галлюцинировать).** Сильнаго напряженія ума, энергической дѣятельности мысли достаточно, чтобы у лицъ съ извѣстнаго рода организаціей представленія объективировались, относились во внѣшній міръ. Во многихъ случаяхъ, этотъ фактъ составляетъ только крайнюю ступень и какъ бы высшее проявленіе интеллектуальной дѣятельности.

а) Когда Бальзакъ, описывая аустерлицкую битву, слышалъ крики раненыхъ, пушечные выстрѣлы, ружейные залпы, когда Флоберъ, описывая сцену отравленія г-жи Бовари ощущалъ во рту, какъ онъ самъ разсказылъ, вкусъ мышьяка [1]), вызвавшій у него два раза сряду рвоту, — то въ обоихъ этихъ случаяхъ ощущеніе было настолько сильно, что объективировалось.

б) Когда у Гёте въ полѣ зрѣнія возникали образы, преображавшіеся и видоизмѣнявшіеся до безконечности, то здѣсь воля ученаго сообщала созданіямъ его воображенія яркость реальнаго воспріятія. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ знаменитый поэтъ:

„Когда я закрывалъ глаза и, наклоняя голову, воображалъ, будто вижу въ полѣ зрѣнія цвѣтокъ, то цвѣтокъ этотъ не сохранялъ своей формы долѣе мгновенія — онъ тотчасъ же разлагался, и изнутри его возникали другіе цвѣты съ окрашенными, иногда зелеными лепестками. Это были не натуральные цвѣты, а фантастическія фигуры, правильныя, какъ розетки скульпторовъ. Я не могъ фиксировать этихъ созданій моего воображенія, но явленіе продолжалось, пока я этого желалъ, точно также, когда я представлялъ себѣ дискъ, окрашенный въ различные цвѣта, изъ центра къ окружности выростали безпрестанно новые образы, напоминавшіе фигуры калейдоскопа“.

„Я имѣлъ случай, говоритъ Мюллеръ, въ 1828 году бесѣдовать съ Гёте объ этомъ предметѣ, одинаково интересовавшемъ насъ обоихъ. Когда я спокойно лежалъ въ кровати съ закрытыми глазами, не будучи, однако, погруженъ въ сонъ, то часто видѣлъ фигуры, которыя могъ ясно наблюдать. Гёте зналъ объ этомъ и очень интересовался вопросомъ, что̀ я тогда испытывалъ. Я сказалъ ему, что воля не оказываетъ съ моей стороны никакого вліянія ни на возникновеніе, ни на видоизмѣненіе этихъ образовъ, и что я никогда не видѣлъ симметрическихъ фигуръ, ничего такого, что напоминало бы произведенія растительнаго царства. Напротивъ, Гёте могъ по произволу задать себѣ тему, которая затѣмъ преобразовывалась непроизвольно, всегда, однакоже, подчиняясь законамъ гармоніи и симметріи [2])“.

---

[1]) Замѣтимъ, что мышьяковые растворы обыкновенно лишены вкуса; это, впрочемъ, нисколько не уменьшаетъ значенія сообщеннаго факта.

[2]) Müller, *Manuel de physiologie*, trad. par Jourdan.

в) Такого же рода фактъ сообщаетъ нѣмецкій психіатръ Брозіусъ (изъ Бендорфа), произвольно вызвавшій свой собственный образъ. Образъ позировалъ передъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, но исчезъ тотчасъ же, какъ только Брозіусъ перенесъ свою мысль на себя[1]).

Въ обоихъ случаяхъ участіе воли проявляется очевиднымъ образомъ. Она вызываетъ, порождаетъ — такъ сказать — галлюцинаторный образъ. Обыкновенно это явленіе бываетъ результатомъ усиленнаго сосредоточенія мысли на умственныхъ или нравственныхъ вопросахъ.

г) Одна дама принадлежала въ молодости къ числу самыхъ блестящихъ красавицъ двора Людовика XVI. Воспитанная въ строгихъ правилахъ, она часто упрекала себя за то, что дорожитъ своей красотой, что съ удовольствіемъ глядитъ на себя въ зеркало, и нерѣдко сосредоточивалась на мысли о смерти, которая навсегда уничтожитъ ея красоту. Однажды, послѣ такихъ думъ, она, взглянувъ въ зеркало, увидѣла вмѣсто своего лица мертвую голову, замѣнявшую въ ея размышленіяхъ прекрасное лицо, которымъ она гордилась.

д) Обращаясь къ историческимъ фактамъ, мы здѣсь легко найдемъ примѣры галлюцинацій, вызванныхъ усиленной работой мысли въ извѣстномъ направленіи у лицъ, совершенно здоровыхъ въ умственномъ отношеніи. Я позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько случаевъ этого рода.

Быть-можетъ, самымъ знаменитымъ видѣніемъ древности слѣдуетъ считать видѣніе, явившееся Бруту и разсказанное Плутархомъ. Брутъ не только видѣлъ призракъ, но и слышалъ его голосъ, объявившій ему, что онъ — его злой геній и что они встрѣтятся при Филиппахъ.

Если разобрать это видѣніе, то легко убѣдиться, что оно представляетъ результатъ размышленій Брута надъ своимъ положеніемъ и положеніемъ его дѣла. Убійство Цезаря, не принеся пользы дѣлу республики, вызвало междоусобную войну, и было много основаній ожидать, что свобода, которую Брутъ и его друзья хотѣли спасти, должна погибнуть, благодаря средству, избранному ими для ея спасенія. Естественно, что Бруту эти событія являлись въ видѣ непріязненнаго рѣшенія рока. Убѣжденіе это отождествилось въ его умѣ съ идеей о преслѣдующемъ его зломъ геніи, — идеѣ, которая, наконецъ, объективировалась. Что касается до указанной призракомъ мѣстности, гдѣ должна была рѣшиться судьба Брута и республики, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что, какъ всѣ патриціи этой эпохи, Брутъ серьёзно изучилъ военное искусство. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что призракъ, созданный воображеніемъ полководца, указалъ на мѣстность, въ которой по стратегическимъ соображеніямъ должна была, очевидно, произойти встрѣча обѣихъ армій. Относительно полнаго душевнаго здоровья Брута не можетъ быть сомнѣній, такъ какъ появленіе призрака нисколько не повліяло на образъ его дѣйствій.

Въ римской исторіи мы находимъ еще одинъ примѣръ, похожій на вышеописанный. Мы говоримъ о призракѣ, явившемся императору Юліану наканунѣ его смерти. Юліанъ въ персидской войнѣ не обнаружилъ обычной проницательности: онъ неосторожно подвигался впередъ въ непріятельской странѣ, позволилъ перебѣжчикамъ ввести себя въ обманъ и колебался относительно выбора пути. Вскорѣ обнаружился недостатокъ въ продовольствіи, и Юліанъ принужденъ былъ начать отступленіе, при постоянныхъ стычкахъ съ тревожившей его армію непріятельской конницей. Даже въ эту тревожную и опасную пору онъ предавался по ночамъ размышленію и изученію великихъ писателей. Въ одинъ изъ такихъ уединенныхъ часовъ, когда Юліанъ читалъ или писалъ, ему явился геній имперіи, котораго онъ видѣлъ въ Лютеціи, прежде чѣмъ былъ провозглашенъ императоромъ. Геній былъ блѣденъ, грустенъ и удалился печальный, набросивъ покрывало на голову и на бывшій у него въ рукѣ рогъ изобилія. Въ слѣдующій день Юліанъ былъ убитъ въ сраженіи[1]).

И здѣсь происхожденіе галлюцинаціи вполнѣ понятно. Юліанъ, поставившій себѣ цѣлью возстановить учрежденія язычества, падавшія на его глазахъ, предчувствовалъ близкую гибель дорогого ему дѣла. Что касается формы, въ которой олицетворилась эта идея, — то геній имперіи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился Юліану, изображался на всѣхъ монетахъ того времени.

Всѣ знаютъ геройскую и полную несчастій судьбу Колумба. Окруженный тысячью препятствій, подозрѣніями, клеветой враговъ, онъ никогда не теряетъ окончательно вѣры въ торжество своего дѣла. Иногда грусть овладѣвала имъ, но упадокъ духа никогда не бывалъ продолжителенъ; его поддерживаютъ глубина его надеждъ, величіе его взглядовъ, несокрушимая вѣра въ Провидѣніе. По временамъ у этого великаго человѣка задушевныя мысли, въ которыхъ онъ черпалъ силу и бодрость въ печальные часы, принимали осязательную форму, какъ видно изъ

[1]) *Annales médico-psychologiques.*

[1]) Châteaubriand. *Etudes historiques.*

слѣдующаго факта, разсказаннаго Вашингтономъ Ирвингомъ. Во время третьяго своего путешествія, разсказываетъ американскій историкъ, спустя немного времени послѣ того, какъ былъ открытъ заговоръ Гевары и Мохики, и участники его наказаны, Колумбъ, больной, поддался на короткое время отчаянію. Въ ту минуту, когда грустныя мысли тѣснились передъ нимъ, и отчаяніе его достигало крайнихъ предѣловъ, онъ услышалъ голосъ, сказавшій ему: „о, маловѣрный! не бойся ничего, не впадай въ отчаяніе. Я позабочусь о тебѣ... Семь лѣтъ даннаго тебѣ срока еще не прошло; здѣсь, какъ и во всемъ прочемъ, я не оставлю тебя". Въ тотъ же день, пишетъ Колумбъ, я получилъ извѣстіе, что открыта большая область съ богатыми золотыми розсыпями [1]).

Разсказанные нами факты — а подобныхъ фактовъ мы могли бы привести множество — не оставляютъ сомнѣнія въ галлюцинаторномъ характерѣ образовъ, являвшихся Бруту, императору Юліану и Христофору Колумбу. Должны ли мы считать ихъ душевно-больными потому, что они вѣрили въ реальность своихъ видѣній? Разумѣется, нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что ихъ образъ дѣйствій указываетъ на полное ихъ душевное здоровье, слѣдуетъ принять во вниманіе вѣрованія той эпохи, при которыхъ вполнѣ естественно было принять объективированныя созданія воображенія за явленія невидимаго міра. То, что мы теперь, не колеблясь, называемъ *галлюцинаціей*, носило въ прошломъ имя *тѣней* и не слѣдуетъ терять этого изъ виду при оцѣнкѣ историческихъ фактовъ.

Мы должны поэтому допустить, что яркая идея, вопросъ, на которомъ упорно сосредоточено наше вниманіе, картины, проходящія въ воображеніи, могутъ у нѣкоторыхъ натуръ объективироваться при отсутствіи всякой душевной болѣзни [2]). (Д-ръ Симонъ: „Міръ грезъ", Спб. 1890 г., стр. 112—117).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Анализъ памяти и понятія о времени указываетъ на бытіе души.

Мы совершенно не знаемъ еще теперь и, вѣроятно, долго еще не будемъ знать, какъ устроенъ органъ памяти, или, еще того менѣе, какъ онъ функціонируетъ. Но мы можемъ составить себѣ объ этомъ, по крайней мѣрѣ, приблизительное представленіе, можемъ догадываться особенно о томъ, какъ мы имъ пользуемся.

Мы можемъ представить его себѣ въ видѣ какой-нибудь *чувствительной* пластинки, въ родѣ клише фотографа, на которой отпечатываются въ удивительномъ порядкѣ, никогда не смѣшиваясь, тысячи всевозможныхъ изображеній: разные звуки, отъ шума до мелодіи и гармоніи, до членораздѣльныхъ звуковъ; различные цвѣта во всѣхъ возможныхъ сочетаніяхъ, отъ безобразнаго и отвратительнаго до прекраснаго и величественнаго...

Теперь спрашивается, кто припоминаетъ: этотъ ли чудесный органъ или съ помощью его *анимическій элементъ* (т. е. душа), разсматриваемый какъ единица, составляющая *я* живого существа?

Если бы мы давали себѣ трудъ наблюдать себя въ то время, какъ мы мыслимъ; если бы мы чаще анализировали наши элементарные акты, то нелѣпость перваго вопроса показалась бы намъ настолько очевидною, что никакой умъ, болѣе другихъ зараженный духомъ системы, не рѣшился бы задать его.

Замѣтимъ прежде всего, что дѣйствіе памяти далеко не такъ просто, какъ это многимъ, можетъ-быть, кажется. Самое простое *припоминаніе,* стараніе отыскать какое-нибудь слово, вызывается актомъ воли и сопровождается болѣе или менѣе энергическимъ, иногда очень утомительнымъ усиліемъ; что же касается припоминанія фразы или цѣлой рѣчи, то оно требуетъ не только непрерывнаго дѣйствія воли, но и совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ нашихъ способностей; я думаю, нѣтъ надобности доказывать это. Съ точки зрѣнія физіологической единство и совмѣстность дѣйствій всѣхъ спеціальныхъ органовъ, содѣйствующихъ мышленію, составляютъ фактъ рѣшительно неоспоримый. И уже съ одной этой точки зрѣнія нелѣпо утверждать, что припоминаетъ органъ памяти. Но не въ этомъ состоитъ сущность занимающаго насъ вопроса.

Какъ поступаемъ мы, стараясь подыскать какое-нибудь слово (собственное имя, техническій терминъ, названіе предмета...), которое давно не встрѣчалось намъ? — Почти, а можетъ-быть, и совершенно такъ же, какъ и тогда, когда отыскиваемъ книгу, затерявшуюся въ нашей библіотекѣ. Прежде всего мы *знаемъ*, по крайней мѣрѣ, то, что эта книга находилась тамъ, если не находится еще и теперь; стараемся припомнить ея форму, ея цвѣтъ; просматриваемъ всѣ книги на полкахъ и не останавливаемъ ни на одно мгновеніе своихъ взглядовъ на большей части изъ

---

[1]) Washington Irving. *Vie de Christophe Colomb*.

[2]) Приведенные факты галлюцинацій отнюдь не исключаютъ возможности признавать явленія объективно существующихъ призраковъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о явленіяхъ ангеловъ, демоновъ или душъ умершихъ людей, являющихся извѣстнымъ лицамъ по волѣ Божіей. Вышеприведенные факты галлюцинацій указываютъ только на то, что нужно быть особенно осторожнымъ относительно видѣній. И св. церковь наша, не отвергая этихъ явленій, что видно, напр., изъ Чет.-Миней и другихъ духовныхъ книгъ, совѣтуетъ особенную осторожность въ различеніи духовъ, дабы не впасть въ самообольщеніе и признать мечту за дѣйствительность. *Г. Д—ко.*

нихъ, потому что *знаемъ*, что ни одна изъ нихъ не есть та, которую мы ищемъ; иногда намъ кажется, что это она, но мы убѣждаемся, что ошиблись; доходимъ, наконецъ, до отчаянія, и вдругъ взглядъ нашъ останавливается на ней: мы тотчасъ узнаемъ ее. Въ процессѣ припоминанія слова, дня, какого-нибудь факта наблюдаются часто два другихъ явленія, замѣченныхъ, вѣроятно, многими изъ читателей. Подыскивая забытое слово, мы *знаемъ* большею частію, когда приближаемся къ цѣли и когда находимся на ложномъ пути. Другое явленіе еще болѣе поразительно. Очень часто въ то время, какъ мы ищемъ утерянное слово, мы стараемся поймать другое, не имѣющее, повидимому, съ отыскиваемымъ никакой связи, но въ дѣйствительности тѣсно связанное съ нимъ. Я вижу, напримѣръ, зерно; я знаю, что это зерно ползучаго растенія, названіе котораго я забылъ, и я начинаю подыскивать его; въ то время мнѣ припоминается, не знаю почему, опредѣленіе: «Virginica»; существительное я тоже забылъ; знаю только, что дѣло идетъ о деревѣ, настой котораго я пилъ во время нервной болѣзни. Послѣ долгихъ усилій я нахожу, наконецъ, названіе ползучаго растенія: это «Aristolochia Sipho». Послѣ новыхъ усилій я припоминаю и второе слово, забытое существительное къ опредѣленію «Virginica»; это «Serpentaria Virginica». Въ первую минуту я не могу догадаться, почему эти два выраженія связались между собою въ работѣ моей памяти; но, потомъ, припоминаю, что serpentaria (змѣиный корень) есть тоже aristolochia (A. Serpentaria). Органъ памяти можетъ, слѣдовательно, предлагать намъ на выборъ слова, *которыхъ мы не ищемъ*, и онъ дѣлаетъ это только по той причинѣ, что они имѣютъ связь, хотя бы временно и неизвѣстную намъ, съ отыскиваемымъ выраженіемъ. Это тоже, какъ мнѣ кажется, представляетъ поразительный примѣръ *скрытой* работы мысли, работы очень сложной, исполняемой *безъ нашего вѣдома*.

Анализъ каждаго простѣйшаго акта припоминанія приводитъ всякаго добросовѣстнаго человѣка къ заключенію, что память есть въ одно и то же время способность и органическая и психическая. Органъ принимаетъ и сохраняетъ, часто съ поразительною вѣрностію, цѣлые милліоны отпечатковъ, составляемыхъ въ немъ какъ дѣйствіемъ нашихъ чувствъ, такъ и дѣйствіемъ нашего разсудка и воображенія. *Но отыскиваетъ и узнаетъ нужные отпечатки анимическая единица своей сознательной дѣятельностью.* Безъ пріемнаго аппарата психическая память не служила бы, конечно, ни къ чему, но и безъ существа, отыскивающаго изображеніе, органическій аппаратъ не только не припоминалъ бы ничего, но и не дѣйствовалъ бы.

Сказанное нами о памяти распространяется *a fortiori* на всѣ наши другія способности. Всѣ онѣ нуждаются въ органѣ, чтобы дѣйствовать; но дѣйствіемъ каждаго изъ этихъ органовъ завѣдуетъ и контролируетъ особая способность. И эта способность принадлежитъ одной и той же центральной единицѣ.

Если у читателя остается какое-нибудь сомнѣніе въ правильности этого утвержденія, то слѣдующія соображенія разсѣятъ его.

Нѣкоторые философы утверждаютъ, что понятіе о времени (и пространствѣ) пріобрѣтается только опытомъ, путемъ ежедневнаго наблюденія явленій въ ихъ послѣдовательности. Другіе, напротивъ, говорятъ, что это понятіе есть простая интуиція, предшествующая всякому наблюденію. Иные, наконецъ, совершенно отрицаютъ время и пространство; это, разумѣется, самый удобный способъ рѣшать проблемы! Намъ нѣтъ надобности разсматривать это понятіе съ точки зрѣнія его происхожденія; замѣтимъ только, что съ опредѣленіемъ происхожденія этого понятія случилось то же самое, что всегда случается, когда для изслѣдованія функцій и способностей живого существа разрубаютъ его, такъ сказать, на *части*. Одни имѣли въ виду человѣка *безъ тѣла*, безъ чувственнаго орудія; другіе — *тѣло безъ человѣка*, и, произведя такое разсѣченіе, начинали разсуждать. Очевидно, что при такой исходной точкѣ истина убѣгаетъ отъ насъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большимъ жаромъ мы преслѣдуемъ ее.

Разсматривая человѣка на этомъ свѣтѣ въ его настоящемъ видѣ, когда умъ достигаетъ свойственнаго ему развитія,—мы не только находимъ въ себѣ понятіе о продолжительности и промежуткѣ времени въ томъ, что касается явленій въ ихъ послѣдовательности, но имѣемъ, конечно, и чистое понятіе о времени, независимое отъ всякаго явленія, служащаго ему мѣрою. Мы можемъ не только сравнивать приблизительно два равныхъ или неравныхъ промежутка времени, но и можемъ достичь того, чтобы точно опредѣлять величину промежутковъ. Не говоря о музыкальномъ ритмѣ, представляющемъ въ сущности мысленное дѣленіе времени въ его самой возвышенной и самой поэтической формѣ, замѣчу, что послѣ небольшого упражненія мы легко доходимъ до того, что дѣлимъ въ умѣ минуту, наприм., на ея шестьдесятъ секундъ; мы можемъ дойти такимъ образомъ съ нѣкоторымъ терпѣніемъ до того, что будемъ опредѣлять безъ всякой помощи часовъ цѣлые часы съ замѣчательно большимъ приближеніемъ (до двухъ сотыхъ, а часто и еще болѣе точно). Эта мѣра не зависитъ у насъ ни отъ какого реальнаго явленія послѣдовательности; біеніе пульса, напримѣръ, если бы мы обращали на него вниманіе, только портило бы нашу мѣру; мы создаемъ, однимъ словомъ, въ своемъ воображеніи промежутки, независимые отъ всякой объективной реальности, измѣряемъ ихъ, и эта мѣра почти совпадаетъ съ реальнымъ явленіемъ хода часовъ.

Спрашивается, есть ли память времени, подобно памяти образовъ, въ одно и то же время и органическая и психическая способность? Другими словами, нуждаемся ли мы въ какомъ-нибудь органѣ для этой памяти? Этотъ вопросъ рѣшается, какъ мнѣ кажется, тотчасъ, какъ только поставленъ.

Безразлично, будемъ ли мы разсматривать органъ памяти какъ пластинку, на которой отпечатывались послѣдовательно всѣ пріобрѣтавшіеся образы, или, что, можетъ быть, еще ближе къ истинѣ, *какъ среду,* которая можетъ *издавать звуки*, и въ которой всевозможныя впечатлѣнія, какъ приходящія извнѣ, такъ и внутреннія, вызываютъ особыя вибраціи, могущія длиться, сосуществовать и покрывать другъ друга, не приходя въ безпорядокъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ образы, хранящіеся въ немъ *постоянно въ настоящемъ*, потому что мы можемъ вызывать ихъ, когда намъ угодно. Ничто, рѣшительно ничто въ этомъ аппаратѣ, каково бы ни было его устройство, не можетъ заключать въ себѣ, не говоримъ точной мѣры промежутковъ истекшаго времени, но даже простого понятія продолжительности. Никакой органъ, никакой аппаратъ, какъ бы чудесенъ онъ ни былъ, не можетъ *задержать* и *сосредоточить въ себѣ* время, представить въ формѣ какого-нибудь образа, *непремѣнно въ настоящемъ*, промежутки, отдѣляющіе прошедшее отъ настоящаго.

Мы можемъ вообразить себѣ тѣло въ движеніи, летящую птицу, поѣздъ желѣзной дороги, идущій скоро или тихо, и, можетъ - быть, для этого дѣйствія воображенія необходимъ особый органъ; но идея о времени, связывающаяся у насъ съ подобнымъ образомъ, не можетъ зависѣть отъ органа, который только показываетъ намъ движущееся тѣло въ непрерывномъ ряду различныхъ положеній, занимаемыхъ имъ въ каждое мгновеніе.

Однимъ словомъ, врождено ли намъ понятіе о времени, или оно есть результатъ опыта, во всякомъ случаѣ оно составляетъ, вмѣстѣ съ памятью промежутковъ и съ мѣрою этихъ промежутковъ, явленіе чисто психическое: оно составляетъ исключительную принадлежность *анимическаго элемента* и не зависитъ отъ строенія организма. Замѣтимъ здѣсь кстати, что *одно понятіе о времени служитъ полнымъ опроверженіемъ всѣхъ матеріалистическихъ теорій, потому что оно не можетъ принадлежать ни матеріи, ни силѣ, ни одному изъ проявленій этихъ элементовъ въ ихъ связи.*

Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы понятіе о времени въ его обыкновенной формѣ было единственно правильнымъ и единственно доступнымъ нашему пониманію? Я приведу сейчасъ факты, которые клонятся къ доказательству противнаго. Слѣдуетъ ли также изъ этого, чтобы все, что имѣетъ отношеніе къ нашей интуиціи времени, было свободно отъ всякаго вліянія со стороны нашего организма? Нѣтъ! Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что и здѣсь поврежденія организма даютъ себя чувствовать. Чтобы сознаніе и мѣра времени оставались правильными, необходимо общее содѣйствіе всѣхъ нашихъ способностей, и если какая-нибудь изъ нихъ будетъ повреждена или искажена въ томъ органѣ, который служитъ ей орудіемъ проявленія, то это искаженіе отразится и на нашихъ сужденіяхъ о времени. Но даже тогда, когда эти сужденія становятся особенно ошибочными, не трудно бываетъ удостовѣриться, что ошибка принадлежитъ исключительно *анимическому элементу*.

Ежедневно или, лучше сказать, еженочно мы бываемъ свидѣтелями и дѣйствующими лицами въ явленіи, философскія слѣдствія котораго имѣютъ, можетъ-быть, въ обсуждаемомъ нами вопросѣ гораздо больше значенія, чѣмъ самыя важныя соображенія. Прибавлю, что это явленіе поддается объясненію столь же легко, сколь часто повторяется, такъ что, дѣйствительно, странно, что до сихъ поръ не вывели всѣхъ тѣхъ заключеній, которыя сами собою вытекаютъ изъ него.

Каждый изъ насъ могъ тысячу разъ наблюдать, что, когда мы спимъ и видимъ сонъ, наша мѣра времени и пространства претерпѣваетъ глубокія видоизмѣненія. Мы видимъ сонъ, который кажется намъ нескончаемо долгимъ, но, проснувшись, убѣждаемся, что сонъ длился всего нѣсколько минутъ. Будучи въ лихорадкѣ, я стараюсь уснуть, тушу свѣчу и засыпаю; но, вмѣсто укрѣпляющаго сна меня посѣщаетъ томительное сновидѣніе: предо мною тянутся длиннымъ рядомъ различныя сцены моей жизни со всѣми ихъ мученіями, со всѣми непріятностями; лихорадка оказываетъ мнѣ на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, услугу,—будитъ меня. И что же оказывается? Фитиль потушенной свѣчи еще тлѣетъ, не успѣлъ еще погаснуть! Мало этого: кому не случалось быть внезапно разбуженнымъ какимъ-нибудь шумомъ или случайнымъ болѣзненнымъ ощущеніемъ? Мы припоминаемъ сплошь да рядомъ въ такихъ случаяхъ сновидѣніе, въ которое разбудившій насъ шумъ или боль входятъ составною частью. Насъ будитъ, напримѣръ, выстрѣлъ огнестрѣльнаго оружія, и намъ *приснилось*, что мы были на охотѣ, или что при насъ произошелъ взрывъ парового котла и т. п.; каждый изъ насъ *видѣлъ* въ такомъ случаѣ извѣстный сонъ, соотвѣтственно съ его обыкновенными занятіями или заботами. Читатель увидитъ скоро, почему я подчеркнулъ глаголы, стоящіе въ прошедшемъ времени: *приснилось, видѣлъ*. Здѣсь слѣдовало бы употребить будущее. Но привожу примѣръ еще болѣе поразительный, отличающійся большими подробностями. Я беру его изъ замѣчательной книги *Мори* «Сонъ и сновидѣнія» (*М. А. Maury*: «Le sommeil et les rêves»). Выписываю собственныя слова автора:

«Что касается быстроты сновидѣній, то особенно убѣдителенъ слѣдующій фактъ, доказывающій, что достаточно одного мгновенія для очень длиннаго сновидѣнія. Мнѣ нездоровилось, и я лежалъ въ своей комнатѣ, моя мать сидѣла у моего изголовья. Мнѣ снится терроръ; я присутствую при сценахъ убійствъ, являюсь предъ революціоннымъ судилищемъ, вижу Робеспьера, Марата, Фукье-Тэнвиля,—всѣхъ страшныхъ людей этого страшнаго времени; говорю съ ними, наконецъ, послѣ многихъ происшествій, которыя я припоминаю слабо, меня судятъ, осуждаютъ на казнь и везутъ въ телѣжкѣ на площадь Революціи посреди громадной толпы народы; я всхожу на эшафотъ; палачъ привязываетъ меня къ роковой доскѣ, опускаетъ ее, сѣкира падаетъ, и я чувствую, какъ моя голова отдѣляется отъ туловища. Просыпаясь въ смертельномъ томленіи, я чувствую у себя на шеѣ стрѣлку, которая поддерживаетъ обыкновенно пологъ надъ моей кроватью: внезапно оторвавшись, она упала мнѣ на шейные позвонки, какъ сѣкира гильотины! Это случилось въ то самое мгновеніе, когда я проснулся, какъ подтвердила мнѣ и моя мать: а между тѣмъ, это-то внѣшнее ощущеніе послужило исходной точкой для сна, заключавшаго въ себѣ столько послѣдовательныхъ происшествій. Въ то мгновеніе, какъ стрѣлка ударила меня, напоминая о страшномъ орудіи казни и такъ живо представляя его дѣйствіе, она пробудила всѣ картины этого времени, символомъ котораго была гильотина».

Странно было бы объяснять это чудесное совпаденіе удара въ шею оборвавшейся стрѣлки полога съ казнью, составляющею заключеніе сновидѣнія, случайностью, къ которой такъ часто прибѣгаютъ многіе философы, когда требуется объяснить что-нибудь такое, что не входитъ въ ихъ системы. Очевидно, что паденіе на шею стрѣлки послужило причиной сновидѣнія, которое составляетъ моментальное слѣдствіе его, какъ ни казалось оно продолжительнымъ. Для всякаго, кто умѣетъ наблюдать, это представляется несомнѣннымъ.

Взятое въ своей цѣлости, это явленіе доказываетъ намъ, что мы имѣемъ непреодолимую потребность даже во снѣ отыскивать всему причину, хотя бы и нелѣпую! Дѣйствительно, сновидѣніе въ приведенныхъ мною случаяхъ составляетъ не что иное, какъ объясненіе, иногда очень странное, тѣхъ ощущеній, которыя прервали внезапно сонъ.

Но изъ этого явленія вытекаютъ и другія слѣдствія, можетъ-быть еще болѣе важныя.

Въ первомъ изъ приведенныхъ мною примѣровъ сновидѣніе, хотя и очень короткое, имѣло однако же нѣкоторую продолжительность, такъ что всѣ испытанныя впечатлѣнія можно было бы еще, вмѣстѣ съ Мори, объяснить простымъ ускореніемъ мышленія. Во второмъ примѣрѣ мы видимъ больше чѣмъ краткость, мы видимъ *моментальность* и приходимъ невольно къ совершенно иному заключенію.

1. Воображеніе представляетъ намъ въ одно мгновеніе очень сложный, послѣдовательный рядъ картинъ.

2. Съ этой смѣной картинъ, *не имѣющей никакой продолжительности*, мы связываемъ идею нѣкоторой продолжительности.

Какъ бы ни были ложны и обманчивы эти картины, во всякомъ случаѣ это явленіе, взятое въ цѣломъ, исключаетъ уже въ силу одного своего опредѣленія всякую мысль объ органическомъ явленіи и заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ психическимъ: моментальность въ послѣдовательномъ рядѣ картинъ, впечатлѣніе продолжительности отъ того, гдѣ ея нѣтъ,—вотъ два положенія, совершенно несогласимыя съ явленіемъ, зависящимъ отъ органа и, слѣдовательно, отъ движенія матеріальныхъ атомовъ, вызываемаго силою.

Въ противоположность большинству физіологовъ мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что сновидѣніе есть явленіе чисто психическое, хотя оно и вызывается, очевидно, физіологическими условіями. Боль, какое-нибудь мѣстное стѣсненіе, болѣзненное или пріятное состояніе вообще опредѣляютъ сновидѣніе. Лишенное всѣхъ своихъ средствъ дѣятельности вслѣдствіе бездѣйствія большей части чувствъ во время сна, анимическое существо ошибается относительно причины пріятныхъ и непріятныхъ впечатлѣній и придумываетъ сцены то совершенно новыя, то срисованныя съ бывшихъ въ дѣйствительности. Оно создаетъ образы фантазіи, судитъ, размышляетъ, припоминаетъ, большею частію ошибочно, правда, потому что лишено необходимыхъ для всѣхъ этихъ операцій органическихъ орудій. Но этотъ характеръ нелѣпаго, страннаго, смѣшного, лживаго... не только не служитъ къ опроверженію нашего заключенія, но подтверждаетъ его. Въ сновидѣніи *анимическій элементъ* дѣйствуетъ внѣ времени и пространства; онъ проявляетъ свои трансцендентныя свойства, потому что представляетъ себѣ, какъ одновременное, то, что совершенно противоположно одновременности, и связываетъ вытекающее изъ опыта понятіе продолжительности съ тѣмъ, что ея не имѣетъ.

Явленіе сновидѣнія, анализированное надлежащимъ образомъ, доказываетъ намъ еще разъ, что въ этой жизни душа не можетъ правильно дѣйствовать безъ своихъ органическихъ орудій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываетъ также еще разъ, что не эти орудія мыслятъ.

Извѣстная локализація способностей въ организмѣ не только не составляетъ возраженій противъ недѣлимости и единства жизненнаго начала, мыслящей души и ея трансцендентной природы, но, напротивъ, возможно ясно и сильно показываетъ это.

Мы прослѣдимъ теперь этотъ характеръ единства, индивидуальности анимическаго начала и найдемъ его въ томъ же видѣ на низшихъ ступеняхъ лѣстницы организмовъ, какъ мы нашли его на ея вершинѣ.

Врождено ли намъ наше обыкновенное понятіе о времени или возникаетъ изъ опыта, во всякомъ случаѣ, какъ мы сказали, оно есть фактъ психическій; но это отнюдь не мѣшаетъ намъ допустить, что оно относится къ разряду тѣхъ функцій, которыя исполняются живымъ существомъ съ помощью его органическаго орудія, и что если бы это существо имѣло иное орудіе, то и это понятіе было бы другимъ. Истина въ этомъ случаѣ можетъ быть, очевидно, только относительной.

Мы видѣли, что анимическій элементъ можетъ въ извѣстныхъ условіяхъ, благодаря своей трансцендентной дѣятельности, связывать идею продолжительности съ тѣмъ, что ея совсѣмъ не имѣетъ. Мы можемъ, слѣдовательно, допустить, нисколько не погрѣшая противъ здраваго смысла, что и обратно, въ условіяхъ отличныхъ отъ тѣхъ, въ какихъ мы находимся въ этой жизни, мы будемъ способны освобождать отъ идеи продолжительности то, что неразрывно связано съ нею для насъ теперь; что мы будемъ способны видѣть въ настоящемъ то, чего не можемъ освободить теперь отъ идеи послѣдовательности.

Нужно ли говорить объ огромномъ значеніи этого вполнѣ законнаго вывода!

Самое сильное, повидимому, возраженіе, приводимое матеріализмомъ противъ идеи о твореніи, т.-е. противъ идеи о началѣ бытія существъ, состоитъ въ томъ, что *Творецъ* долженъ былъ бы находиться въ покоѣ цѣлую вѣчность до созданія вселенной. Это возраженіе основывается исключительно на нашемъ нормальномъ понятіи о времени: вся его сила зависитъ отъ того характера абсолютности и неизмѣнности, какой мы приписываемъ этому понятію. Но, вотъ, мы приходимъ теперь къ признанію, что понятіе времени не имѣетъ этого характера абсолютности; что даже здѣсь, въ этой жизни, намъ случается воспринимать послѣдовательность явленій совсѣмъ иначе, чѣмъ мы обыкновенно ее воспринимаемъ; что съ другимъ орудіемъ мы видѣли бы въ этой послѣдовательности нѣчто совершенно другое, чѣмъ теперь; что мы были бы способны сознавать въ теченіе одного мгновенія то, что не отдѣлимо теперь для насъ отъ ощущенія продолжительности.

Слѣдовательно, для насъ возраженіе матеріализма теряетъ уже все свое значеніе; тѣмъ болѣе оно не можетъ имѣть никакого существеннаго значенія по отношенію къ *существу*, которое стоитъ по своей природѣ внѣ времени и можетъ сознавать, слѣдовательно, все въ настоящемъ (Извлеч. въ сокращ. изъ соч. *Густава Гирна:* «Анализъ вселенной», М. 1898 г., стр. 423—435).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Двойничество.

1. Случай изъ жизни императрицы Екатерины II. Въ 1828 г. герцогъ de Doudeauville, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ Людовику XVIII, издалъ въ Парижѣ „Mémoires de Louis XVIII въ 12 томахъ. Записки составлены въ видѣ автобіографіи несчастнаго короля, и разсказъ въ нихъ вездѣ ведется отъ его имени. Императрица Екатерина II скончалась, какъ извѣстно, скоропостижно (отъ апоплексіи) утромъ 5 ноября 1796 г. Смерть ея застала Людовика XVIII въ Бланкенбургѣ, небольшомъ городкѣ герцогства Брауншвейгскаго. Людовикъ XVIII былъ очень привязанъ къ русской императрицѣ.

Въ „Mémoires“ находится, между прочимъ, слѣдующій разсказъ:

„За 2 дня до смерти (слѣдов. 2 ноября 1796 г.) фрейлины, дежурившія у дверей спальни ея Величества, увидѣли, что государыня, въ ночномъ костюмѣ и со свѣчей въ рукахъ, выходитъ изъ своей спальни и идетъ по направленію къ тронной залѣ и входитъ туда. Сперва онѣ были очень удивлены такимъ страннымъ и позднимъ выходомъ, а вскорѣ начали тревожиться ея продолжительнымъ отсутствіемъ. Каково же было ихъ изумленіе, когда онѣ услыхали изъ спальни государыни звонокъ, которымъ обыкновенно призывалась дежурная прислуга! Бросившись въ спальню, онѣ увидѣли государыню лежавшею на кровати; Екатерина спросила съ неудовольствіемъ, кто это ей мѣшаетъ спать. Фрейлины замялись, боясь сказать ей правду; но императрица быстро замѣтила ихъ смущеніе и въ концѣ-концовъ заставила-таки разсказать себѣ подробно все происшествіе. Живо заинтересованная разсказомъ, она приказала подать себѣ одѣться и въ сопровожденіи своихъ фрейлинъ отправилась въ тронный залъ. Дверь была отворена — и странное зрѣлище представилось глазамъ всѣхъ присутствующихъ: громадная зала была освѣщена какимъ-то зеленоватымъ свѣ-

томъ. На тронѣ сидѣлъ призракъ — другая Екатерина!..

Императрица вскрикнула и упала безъ чувствъ. Съ этой минуты здоровье ея разстроилось, и два дня спустя апоплексическій ударъ прекратилъ ея жизнь.

Описанное событіе имѣло столькихъ свидѣтелей, что было невозможно скрыть его, и я былъ однимъ изъ первыхъ, кто узналъ объ немъ". (Mémoires de Louis XVIII; сн. „Ребусъ" 1885 г., № 23).

2. **Изъ „Воспоминаній графини А. Д. Блудовой"**. Одинъ изъ родственниковъ дѣда моего, князя Андрея Николаевича Щербатова (никакъ не могу вспомнить его имени), разсказывалъ, какъ очевидецъ, объ извѣстномъ, неразгаданномъ явленіи передъ смертью Анны Іоанновны. Вотъ какъ разсказывалъ мой дѣдъ. Его товарищъ былъ дежурный со взводомъ солдатъ въ караулѣ, вечеромъ за нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны. Это было во дворцѣ на Фонтанкѣ у Аничкина моста, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь Троицкое подворье, въ покояхъ митрополита московскаго. Караулъ стоялъ въ комнатѣ подлѣ тронной залы; часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица уже удалилась *во внутренніе покои*, говоря словами гофъ-фурьерскихъ записокъ. Все стихло; было уже заполночь, и офицеръ усѣлся, чтобы вздремнуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты вскочили на ноги, офицеръ вынулъ шпагу, чтобъ отдать честь. Онъ видитъ, что императрица Анна Іоанновна ходитъ по тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, закинувъ назадъ руки, не обращая вниманія ни на кого. Часовой стоитъ какъ вкопаный, рука на прикладѣ, весь взводъ стоитъ въ ожиданіи; но что-то необычайное въ лицѣ императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной залѣ начинаетъ ихъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что она рѣшительно не собирается итти дальше залы, и не смѣя слишкомъ приблизиться къ дверямъ, рѣшается, наконецъ, пройти другимъ ходомъ въ дежурную женскую и спросить, не знаютъ ли намѣренія императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона и рапортуетъ ему, что случилось. „Не можетъ быть", говоритъ герцогъ: „я сейчасъ отъ императрицы, она ушла въ спальню ложиться".

— Взгляните сами: она въ тронной залѣ.

Биронъ идетъ и тоже видитъ ее. „Это какая-нибудь интрига, обманъ, какой-нибудь заговоръ, чтобы подѣйствовать на солдатъ!" вскричалъ онъ, кинулся къ императрицѣ и уговорилъ ее выйти, чтобы въ глазахъ караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся нѣкоторымъ сходствомъ съ ней, чтобы морочить людей, вѣроятно съ дурнымъ намѣреніемъ: императрица рѣшилась выйти, какъ была, въ пудермантелѣ; Биронъ пошелъ съ нею. Они увидали женщину, поразительно похожую на нее, которая нимало не смутилась. „Дерзкая!" вкричалъ Биронъ, и вызвалъ весь караулъ. Молодой офицеръ, товарищъ моего дѣда, своими глазами увидѣлъ *двѣ Анны Іоанновны*, изъ которыхъ настоящую, живую, можно было отличить отъ другой только по наряду, и потому что она взошла съ Бирономъ изъ другой двери. Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, выступила впередъ, пошла къ этой женщинѣ и спросила: „кто ты, зачѣмъ ты пришла?" Не отвѣчая ни слова, та стала пятиться, не сводя глазъ съ императрицы, отступая въ направленіи къ трону, и, наконецъ, все-таки лицомъ къ императрицѣ, стала подниматься, пятившись, на ступеньки подъ балдахиномъ. „Это дерзкая обманщица! Вотъ императрица! Она приказываетъ вамъ, стрѣляйте въ эту женщину", сказалъ Биронъ взводу. Изумленный, растерявшійся офицеръ скомандовалъ, солдаты прицѣлились. Женщина, стоявшая на ступеняхъ у самаго трона, обратила глаза еще разъ на императрицу и исчезла. Анна Іоанновна повернулась къ Бирону, сказала: „это моя смерть!" затѣмъ поклонилась остолбенѣвшимъ солдатамъ и ушла къ себѣ.

Это одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ разсказовъ о привидѣніи. Очень мнѣ досадно, что я забыла имя офицера, который былъ очень близокъ къ дѣду и самъ передавалъ ему всѣ подробности не долго послѣ этого неразгаданнаго случая. Черезъ нѣсколько дней или часовъ Анна Іоанновна скончалась, я тоже не запомню срока. (Русск. Арх." 1889 г., кн. 1-я).

3. **Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка выражающееся въ появленіи его образа. Появленіе двойника Эмиліи Саже.** На многочисленные факты, наблюдавшіеся во всѣ времена и извѣстные подъ названіемъ появленія двойниковъ, наука никогда не смотрѣла иначе, какъ на чисто субъективныя галлюцинаціи. Но, благодаря трудамъ Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдованій, воздвигшаго себѣ вѣковѣчный памятникъ въ капитальномъ трудѣ своемъ „О прижизненныхъ призракахъ", это дешевое объясненіе не можетъ долѣе удержаться. Сотни фактовъ, собранныхъ Обществомъ и провѣренныхъ со всевозможнымъ тщаніемъ— фактовъ современныхъ, полученныхъ отъ самихъ очевидцевъ—доказываютъ неоспоримо солидарность, существующую между явленіемъ двойника и лицомъ живымъ, имъ изображаемымъ, такъ что, если это и есть галлюцинація, то, во всякомъ случаѣ, галлюцинація

правдивая (veridical, какъ выражаются авторы вышеупомянутаго сочиненія, а по-русски: *вѣщая*), т.-е. соотвѣтствующая психическому дѣйствію, совершившемуся гдѣ-то вдали отъ того, кто видѣлъ явленіе.

Самый драгоцѣнный, самый поучительный фактъ этого рода,—это, разумѣется, фактъ обычнаго раздвоенія Эмиліи Саже, наблюдавшійся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ цѣлымъ пансіономъ молодыхъ дѣвицъ и въ то время, когда сама Эмилія была у нихъ на глазахъ. Мы обязаны этимъ фактомъ Дэль-Оуэну, получившему его изъ первыхъ рукъ отъ одной изъ пансіонерокъ, баронессы Юліи фонъ-Гильденштуббе. Онъ помѣстилъ о нихъ краткую замѣтку въ своемъ сочиненіи „Footfalls on the boundary of on other life", которую Перти не преминулъ цитировать въ своей брошюрѣ: „Realität der magischen Kräfte" (стр. 367).

„Въ 1845 г., въ Лифляндіи, въ тридцатишести миляхъ отъ Риги и полуторѣ мили отъ маленькаго городка Вольмара, существовало (да существуетъ и теперь еще) воспитательное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ подъ именемъ пансіона Пейвельке, пользовавшееся самой лучшей репутаціей. Директоромъ его былъ тогда нѣкто Бухъ.

„Въ этомъ году въ пансіонѣ было сорокъ двѣ воспитанницы, большею частью изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій Лифляндіи, и между ними тринадцатилѣтняя дочь барона фонъ-Гильденштуббе, Юлія.

„Въ то же время въ пансіонѣ была классная дама, дѣвица Эмилія Саже, француженка изъ Дижона. Блондинка сѣвернаго типа, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, свѣтло-голубыми глазами и густыми свѣтло-русыми волосами, худая и стройная, нѣсколько выше средняго роста, она была покойнаго, ровнаго характера, отчасти робкая и нервная по темпераменту. Здоровье у нея, вообще, было хорошее: въ полуторагодовое пребываніе свое въ пансіонѣ она хворала всего только два раза и то не серьёзно. Пансіонское начальство во все время ея пребыванія въ заведеніи было вполнѣ довольно ею, какъ умной и образованной дѣвушкой, ревностно исполнявшей свои обязанности. Въ то время ей было тридцать два года отъ роду.

„Нѣсколько недѣль спустя по пріѣздѣ Эмиліи Саже, странные слухи начали распространяться между воспитанницами. Когда случалось кому-либо, отыскивая ее, спрашивать, не знаетъ ли кто, гдѣ она, нѣкоторыя дѣвицы, отвѣчали, что видѣли ее въ такой-то комнатѣ, на что кто-нибудь другой возражалъ, что этого быть не можетъ, что ее сейчасъ встрѣтили на лѣстницѣ или въ такомъ-то отдаленномъ коридорѣ. Вначалѣ, естественно, предполагали тутъ какую-либо ошибку, но такъ какъ это стало повторяться чаще и чаще, то пансіонерки стали толковать между собою, что это очень странно, и обратились съ своимъ недоумѣніемъ къ другой воспитательницѣ, которая, быть-можетъ, дѣйствительно, не зная, какъ объяснить это, отвѣтила имъ, что все это вздоръ и фантазія, и посовѣтовала не обращать на эти глупые толки вниманія.

„Но вскорѣ стали происходить вещи гораздо болѣе странныя, никакъ уже необъяснимыя фантазіей или ошибкой. Однажды Эмилія, давая урокъ въ классѣ тринадцатилѣтокъ, къ которому принадлежала и баронесса Гильденштуббе, что-то объясняя, писала на большой деревянной доскѣ мѣломъ, а ученицы внимательно слѣдили за нею, и вдругъ, къ великому своему ужасу, увидали двухъ Эмилій Саже, стоящихъ одна возлѣ другой; изъ нихъ одна съ мѣломъ въ рукѣ дѣйствительно писала, а другая только подражала ея движеніямъ.

„Случай этотъ взволновалъ все заведеніе. Было несомнѣнно дознано, что каждая изъ бывшихъ въ классѣ ученицъ видѣла вторую фигуру и описывала ее и ея движенія совершенно такъ же, какъ и всѣ остальныя.

„Вскорѣ послѣ того одна изъ воспитанницъ, Антонина Врангель, получивъ позволеніе отправиться вмѣстѣ съ нѣсколькими подругами на сельскій праздникъ по сосѣдству, доканчивала свой туалетъ, а Эмилія, всегда добрая и услужливая, помогала ей застегнуть назади платье. Обернувшись, Антонина случайно взглянула въ зеркало и увидала тамъ двухъ Саже, застегивавшихъ ея платье. Отъ неожиданности дѣвочка упала въ обморокъ.

„Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а странныя явленія не прекращались. Иногда во время обѣда двойникъ показывался стоящимъ за стуломъ своего оригинала, повторяя всѣ его движенія, только не имѣя ни ножа, ни вилки въ рукахъ. Раздваивалась одна фигура; видѣли ее какъ всѣ сидѣвшія за столомъ, такъ и прислуга.

„Однако двойникъ не всегда повторялъ движенія своего оригинала. Бывало и такъ, что Эмилія вставала со стула, а призракъ показывался сидящимъ на ея мѣстѣ. Однажды Эмилія лежала съ головною болью въ постели, а Антонина Врангель, сидя возлѣ, читала ей вслухъ и замѣтила, что больная вдругъ сильно поблѣднѣла, осунулась, точно собиралась лишиться чувствъ. Испуганная дѣвочка спросила, не хуже ли ей, но воспитательница отвѣтила слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, что она чувствуетъ себя все такъ же. Нѣсколько секундъ спустя Антонина,

взглянувъ вокругъ себя, увидала фигуру Эмиліи, ходившую взадъ и впередъ по комнатѣ. На этотъ разъ дѣвочка настолько овладѣла собой, что ничѣмъ не выдала своего испуга и даже не сказала больной ни одно слова о видѣнномъ, а вскорѣ сошла внизъ, гдѣ обратила на себя общее вниманіе подругъ своимъ поблѣднѣвшимъ личикомъ и тутъ только все имъ разсказала.

„Самый же замѣчательный случай вполнѣ самостоятельнаго дѣйствія обѣихъ фигуръ происходилъ слѣдующимъ образомъ:

„Однажды всѣ воспитанницы, въ числѣ сорока двухъ, были собраны въ одной комнатѣ за классомъ рукодѣлія; сидѣли онѣ въ большой залѣ перваго этажа, съ четырьмя огромными окнами или, скорѣе, зеркальными дверями, выходившими въ довольно обширный садъ. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, около котораго сидѣли пансіонерки всѣхъ классовъ, занятыя различными работами, и съ этого мѣста отлично могли видѣть все, что происходитъ въ саду. Въ этотъ разъ многія изъ нихъ отчетливо видѣли въ окна, какъ Эмилія Саже, стоя около цвѣточной клумбы по близости отъ дома, окапывала небольшой лопатой цвѣты, до которыхъ она была большая охотница. Въ концѣ стола, на хозяйскомъ мѣстѣ, въ большомъ кожаномъ креслѣ сидѣла другая классная дама, наблюдавшая за воспитанницами. Вскорѣ она встала и вышла изъ комнаты, оставивъ кресло незанятымъ, но не надолго; вдругъ на немъ появилась фигура Саже. Пансіонерки посмотрѣли въ садъ и увидали тамъ Эмилію около той же клумбы, продолжавшую работать лопатой, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили, что она двигалась медленно, точно сонная или больная. Опять посмотрѣли онѣ въ кресло и увидѣли ее неподвижно въ немъ сидѣвшую, но на видъ настолько реальную, что не будь она въ то же время у нихъ на глазахъ въ саду и не появись она въ креслѣ вдругъ, не пройдя предварительно черезъ комнату, онѣ были бы убѣждены, что это дѣйствительно она сама. Теперь же, будучи увѣрены, что это не она, и нѣсколько привыкшія уже къ странному явленію, двѣ самыя храбрыя между пансіонерками рѣшились подойти и дотронуться до фигуры и тутъ же заявили, что ощущаютъ нѣкоторое сопротивленіе, какъ бы отъ прикосновенія къ кисеѣ или крепу. Затѣмъ одна изъ двухъ, проходя совсѣмъ близко къ креслу, задѣла фигуру, т.-е. прошла *сквозь* нѣкоторую ея часть. Но видѣніе не исчезло, а продолжало еще сидѣть на томъ же мѣстѣ, и, наконецъ, постепенно какъ-бы испарилось. Тогда молодыя дѣвушки замѣтили, что по исчезновеніи его къ Саже вернулась ея обычная живость и энергія. Всѣ сорокъ двѣ пансіонерки видѣли ту же фигуру и совершенно одинакимъ образомъ.

„Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ спросили Эмилію, не ощущала ли она въ то время чего-либо особеннаго. Она отвѣтила, что помнитъ лишь одно, какъ, увидавъ, что воспитательница вышла, она подумала, что лучше было бы той не уходить; дѣвочки навѣрно перестанутъ работать въ ея отсутствіи и еще надѣлаютъ какихъ-нибудь шалостей.

„Эти странныя явленія продолжались съ различными измѣненіями во все время пребыванія Эмиліи Саже въ Нейвелькѣ, т.-е. около полутора года, съ перерывами на недѣлю, а иногда и на нѣсколько недѣль. Происходили они чаще всего въ то время, когда она была чѣмъ-нибудь особенно занята, на чемъ-нибудь сосредоточена. Было вообще замѣчено, что чѣмъ живѣе, матеріальнѣе являлся двойникъ, тѣмъ слабѣе и неподвижнѣе становилось живое лицо, а по мѣрѣ постепеннаго исчезновенія двойника, къ Эмиліи возвращались ея нормальныя силы.

„По собственному опыту она не имѣла никакого понятія о своемъ двойникѣ, услыхала о немъ въ первый разъ отъ другихъ, а теперь догадывалась о его появленіи по взглядамъ присутствующихъ; сама она никогда не видѣла его и сознательно не ощущала овладѣвающей ею слабости при его появленіи.

„Въ тѣ восемнадцать мѣсяцевъ, когда баронесса Юлія Гильденштуббе, сообщившая мнѣ этотъ случай со всѣми его подробностями, имѣла возможность лично наблюдать явленіе, она никогда не видала и не слыхала отъ другихъ, чтобы оно происходило на большомъ разстояніи отъ своего оригинала, напр., на разстояніи нѣсколькихъ миль. Иногда двойникъ являлся на нѣкоторомъ отдаленіи во время ихъ прогулокъ, но большею частью только внутри дома. Вся прислуга безъ исключенія видѣла его, стало-быть явленіе было доступно всѣмъ, при немъ присутствующимъ.

„Понятно, что такое странное явленіе, продолжавшееся цѣлые восемнадцать мѣсяцевъ, не могло не вредить заведенію. Узнавъ объ этомъ странномъ фактѣ и убѣдившись, что это не басня и не фантазія, и что отъ этого терпитъ здоровье воспитанницъ со слабыми нервами, большинство родителей сочло необходимымъ взять изъ пансіона своихъ дочерей; послѣ вакацій многія изъ нихъ не вернулись. И когда, наконецъ, изъ сорока двухъ воспитанницъ осталось всего двѣнадцать, какъ ни тяжело было пансіонскому начальству разстаться съ личностью вполнѣ

невинною, а только несчастною, всегда заслуживавшею полнаго уваженія и довѣрія, оно увидало себя, однако, въ необходимости отказать Эмиліи Саже отъ мѣста.

„Бѣдная дѣвушка была въ отчаяніи. „Въ девятнадцатый разъ! — воскликнула она въ присутствіи Юліи фонъ-Гильденштуббе, вскорѣ послѣ полученнаго ею отказа, — это слишкомъ тяжело!“ И когда у нея спросили, что означаютъ эти слова, она неохотно объяснила, что ранѣе пансіона Нейвельке она перебывала въ восемнадцати школахъ, начавъ свое воспитательное поприще съ шестнадцати лѣтъ, и отовсюду ее прогоняла ея несчастная способность, хотя во всемъ прочемъ ею всегда бывали довольны и давали ей наилучшіе аттестаты. И все-таки ей приходилось вскорѣ искать себѣ новое мѣсто, какъ можно дальше отъ прежняго.

„Оставивъ Нейвельке, она нѣкоторое время прожила по сосѣдству вмѣстѣ со своей невѣсткой, у которой были маленькія дѣти, и тамъ преслѣдовало ее то же явленіе. Баронесса Юлія, ѣздившая повидаться съ нею, узнала, что трехъ и четырехлѣтнія дѣти всѣ знали о двойникѣ и разсказывали, что видѣли двухъ тетей Эмилій.

„Впослѣдствіи Эмилія Саже уѣхала во внутрь Россіи, и баронесса Гильденштуббе потеряла ее изъ виду.

„Я получилъ всѣ эти подробности отъ самой баронессы Гильденштуббе, любезно давшей мнѣ позволеніе опубликовать ихъ съ обозначеніемъ именъ, мѣста и времени. Она оставалась въ Нейвельке пансіонеркой все время, покуда Эмилія Саже исполняла тамъ обязанности классной дамы, стало-быть имѣла полную возможность наблюдать явленіе во всѣхъ его особенностяхъ“.

Мы видимъ изъ этого случая, что двойникъ Эмиліи Саже имѣлъ, какъ показываетъ пансіонерка, рѣшившаяся до него дотронуться, даже и нѣкоторую плотность. Есть полное основаніе предполагать, что фотографія доказала бы реальную объективность этого раздвоенія. Одинъ изъ случаевъ фотографированія двойниковъ, сообщаемый г. Глендиннингомъ, неожиданно получаетъ разъясненіе въ случаѣ Эмиліи Саже. Г. Глендиннингъ говоритъ: „Однажды получили мы портретъ медіума въ той позѣ, въ которой онъ былъ минутъ десять передъ выставкой пластинки, когда онъ находился на полпути между камерой и фономъ“; далѣе, когда за разъясненіемъ обратились къ планшеткѣ, получился такой отвѣтъ. „Медіумъ оставилъ свой слѣдъ на своемъ мѣстѣ, и если бъ тутъ былъ ясновидящій, то онъ увидалъ бы его на этомъ стулѣ“. И что же мы читаемъ про Эмилію Саже? „Случалось такъ, что, когда она вставала съ своего стула, образъ ея видѣли еще сидящимъ“. Замѣчательное совпаденіе! Эти двѣ строчки даютъ ключъ для пониманія другого случая фотографированія двойника, сообщаемаго г. Пьераромъ въ его „Revue Spiritualiste“ 1864 г., стр. 84. Г. Курціо Паулуччи, фотографъ въ Кіавари, возлѣ Генуи, снималъ однажды группу изъ трехъ персонъ; когда пластинка была проявлена, позади группы появилась четвертая фигура — двойникъ помощника фотографа, который, за нѣсколько минутъ до открытія объектива, находился позади группы, усаживая ее въ надлежащую позу. Г. Гвидо, инженеръ, пріятель г. Паулуччи, сообщая объ этомъ фактѣ г. Пьерару, разсказываетъ и о всѣхъ химическихъ манипуляціяхъ, посредствомъ которыхъ онъ убѣдился, что изображеніе фигуры находилось дѣйствительно на коллодіумѣ, а не на стеклѣ по недосмотру.

Факты прямого экспериментированія въ этомъ направленіи не многочисленны, но они существуютъ. Такъ, г. Кольманъ сообщаетъ, что дочь судьи Эдмонса, миссъ Лаура, „могла иногда по своему желанію проицировать духъ свой и являться во образѣ, передавая сообщенія людямъ, къ которымъ она чувствовала симпатію“. А миссъ Мэпсъ, дочь профессора Мэпса, съ своей стороны подтвердила г. Кольману, „что ея пріятельница, миссъ Эдмонсъ, являлась ей и передавала сообщенія, хотя тѣлесно они жили на разстояніи двадцати миль другъ отъ друга“. Г. Кольманъ передаетъ еще другой случай этого рода (см. его сочиненіе „Spiritualism in America“, стр. 4, и Spiritualist 1873 г., стр. 470.—См. также Ps. St. 1877 г. стр. 193—200).

Болѣе современные случаи экспериментированія упоминаются въ „Прижизненныхъ призракахъ“, т. I, стр. 103—109 и т. II, стр. 671 — 676. (См. подробн. у *А. Н. Аксакова*: „Анимизмъ и спиритизмъ“ ч. II-я, Спб. 1893 г., стр. 608 — 618).

4. **Двойникъ матери у постели умирающаго сына.** „Въ 1880 г., пишетъ полковникъ Броунъ, служащій въ Аллагабадѣ, въ Индіи, я находился такъ же на службѣ, какъ и теперь. Множество европейцевъ болѣли въ тотъ годъ лихорадкою, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, меня послали на станцію желѣзной дороги встрѣтить одного больного офицера, по фамиліи Робертсонъ. Въ провожатые мнѣ былъ данъ докторъ Джонсъ.

На обратномъ пути, Робертсона надо было отвезти на Амбоинъ, мы подвигались очень медленно. Больного несли на носилкахъ нѣсколько человѣкъ *кули*. Каждый вечеръ мы или останавливались ночевать въ

гостиницахъ, или же располагались лагеремъ.

Однажды вечеромъ мы остановились въ палаткѣ, и я отправился смѣнить Джонса у постели Робертсона, которому было такъ дурно, что мы по очереди дежурили около него. Когда я вошелъ въ палатку, Джонсъ отвелъ меня въ сторону и тревожно шепнулъ, что Робертсону такъ скверно, что врядъ ли онъ переживетъ ночь.

Какъ я ни увѣрялъ его, что останусь при больномъ безотлучно, онъ ни за что не хотѣлъ уйти.

Мы усѣлись вдвоемъ у постели Робертсона.

Было около полуночи. Вдругъ больной сталъ метаться и окликнулъ насъ; мы оба встали и тутъ, даже на мой неопытный глазъ, стало ясно, что конецъ близокъ.

Внезапно у входа послышался шорохъ. Джонсъ и я быстро взглянули по направленію къ входу и вдругъ видимъ, что пологъ палатки сталъ тихо-тихо раздвигаться, и въ палатку вошла пожилая женщина. Она быстро подошла къ постели больного, наклонилась нидъ нимъ и, въ отчаяніи ломая руки, горько-горько заплакала. Черезъ нѣсколько минутъ она встала и ушла, но мы хорошо успѣли разглядѣть ея лицо.

Мы съ докторомъ были до такой степени поражены неожиданнымъ появленіемъ незнакомки, что ни одному изъ насъ не пришло въ голову заговорить съ нею. Но какъ только она вышла изъ палатки, я моментально пришелъ въ себя и быстро послѣдовалъ за нею.

Къ моему удивленію, вокругъ и около палатки не оказалось даже и слѣдовъ живого существа.

Робертсонъ умеръ въ ту же ночь.

Необходимо замѣтить, что въ описываемую мною ночь мы находились въ тридцати миляхъ отъ ближайшаго обитаемаго пункта.

На слѣдующее же утро мы тронулись къ Амбоину, везя съ собою тѣло умершаго товарища.

Черезъ три мѣсяца Джонсъ уѣхалъ въ Лондонъ, въ отпускъ и взялъ съ собою шпагу Робертсона, его часы и еще кой-какія вещи, для передачи роднымъ покойнаго.

Когда докторъ пріѣхалъ въ домъ Робертсона, его ввели въ гостиную и просили подождать. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и въ комнату вошла та самая пожилая лэди, которую мы оба видѣли въ джунгляхъ Индіи, — это была мать Робертсона.

Джонсъ, конечно, моментально узналъ ее. Она разсказала доктору, что ей было видѣніе: больной сынъ лежалъ умирающій въ палаткѣ. Она записала число и часъ.

По сравненіи съ памятной книжкой доктора, оказалось, что и число и часъ совпадали буквально.

5. **Прикосновенія рукъ**. Г. Робертъ Куперъ, изъ Истбёрна, сообщаетъ слѣдующій фактъ: „Въ молодости я, будучи сиротою, жилъ въ семьѣ моихъ отдаленныхъ родственниковъ. Они же пріютили одну изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, осиротѣвшую почти одновременно со мною. Она предчувствовала смерть каждаго члена нашей семьи, — на какомъ бы разстояніи онъ ни находился, которая возвѣщалась ей каждый разъ какимъ-нибудь сверхъестественнымъ явленіемъ.

Какъ-то вечеромъ она пошла внизъ въ чуланчикъ за угольями и вдругъ вбѣжала обратно въ комнату съ пустой корзинкой въ рукахъ. Бросивъ корзинку на полъ и опустившись въ первое попавшееся кресло, дѣвушка, видимо, сильно перепуганная, закрыла лицо руками. Оправившись немного, она разсказала мнѣ, что не успѣла она войти въ чуланчикъ, какъ на плечо ея легла совершенно бѣлая и, какъ ледъ, холодная рука. На другой же день умерла наша тетка.

Черезъ нѣсколько времени, когда она преспокойно стояла у окна, ровно ни о чемъ не думая, кто-то взялъ ее за плечи и повернулъ спиною къ окну; въ ту же минуту она увидѣла свою сестру, жившую въ другомъ городѣ. Оказалось, что эта женщина умерла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она явилась своей сестрѣ.

6. **12 человѣкъ видятъ двойниковъ**. Въ 1833 году, сообщаетъ Робертъ Оуэнъ, въ штатѣ Огейо, нѣкто Смитсонъ выстроилъ новый флигель около стараго дома, гдѣ онъ жилъ со всею своею семью. Однажды вечеромъ, часовъ около 7, жена Смитсона увидѣла, что дверь въ новый флигель стоитъ открытою, и около двери, въ креслѣ-качалкѣ, сидитъ ея шестнадцатилѣтняя дочь, Рода, съ четырехлѣтней сестренкой, Люси, на рукахъ. Мать сильно удивилась, такъ какъ только что видѣла обѣихъ дѣвочекъ наверху. Она поспѣшила послать за ними. Дѣвочки прибѣжали и, къ неописанному своему удивленію, *увидѣли самихъ себя*, или, лучше сказать, своихъ двойниковъ, сидящихъ въ креслѣ. Позвали отца, всю семью, — въ количествѣ 12 человѣкъ, — и *всѣ 12 ясно видѣли двойниковъ Роды и Люси, сидящихъ въ креслѣ, въ то время, какъ настоящія Рода и Люси стояли около.*

Дѣти въ креслѣ и настоящія дѣти были какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга, даже платья, передники, ленточки въ косахъ, — все было вполнѣ одинаковое,

Посмотрѣвъ на это странное явленіе минутъ пять, самъ Смитсонъ направился черезъ дворъ къ флигелю, рѣшившись раскрыть тайну.

Не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ Рода-двойникъ встала и, продолжая держать сестру на рукахъ, легла на порогъ. Изумленный отецъ остановился.

Дѣвочка пролежала на порогѣ минуты двѣ и затѣмъ, на глазахъ у всѣхъ, такъ сказать, *ушла въ землю*.

Когда всѣ вошли въ новый флигель, тамъ, разумѣется, не оказалось и слѣда человѣческаго существа.

Обѣ дѣвочки умерли въ томъ же году.

7. **Призракъ живого человѣка, видѣнный одновременно тремя лицами.** Лѣтъ шесть тому назадъ я ѣхала по желѣзной дорогѣ отъ Ніагарскаго водопада до Висячаго моста. Оглянувшись случайно назадъ, на дверь вагона, я увидѣла мать мою; улыбаясь, направлялась она ко мнѣ съ своимъ вѣчнымъ бѣлымъ мѣшочкомъ въ рукахъ. Я вскочила съ мѣста съ радостнымъ возгласомъ: „какъ, матушка! вы здѣсь?" и бросилась къ ней навстрѣчу; но она исчезла такъ же мгновенно, какъ и появилась. Я спросила стоявшаго у дверей вагона кондуктора: — „Куда ушла дама съ бѣлымъ мѣшочкомъ?" Онъ отвѣчалъ, что какъ разъ въ ту минуту, когда онъ увидалъ ее и хотѣлъ предложить ей взять ея мѣшочекъ, она исчезла. Обратившись къ сидѣвшей около меня дамѣ, я спросила: „видѣли ли вы ее?" — „Да", отвѣчала моя сосѣдка, „но она тотчасъ же ушла".

Я была очень этимъ встревожена, предчувствуя недоброе, и по прибытіи на станцію послала телеграмму, спрашивая о здоровьѣ матушки. Мнѣ отвѣтили, что она была серьёзно больна, но теперь начала уже поправляться.

Впослѣдствіи я узнала, что въ тотъ же день и приблизительно въ тотъ же часъ, когда мы трое видѣли ее въ вагонѣ близъ Висячаго моста, она лежала больная въ Уэстерфильдѣ, на разстояніи многихъ миль отъ насъ, и ей снилось, что она находилась со мною въ вагонѣ [1]). („Ребусъ" 1889 г. № 19).

8. **Интересный фактъ въ области летаргическаго сна.** Американская газета „Boston Post" разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Г. В. Лауфманъ, извѣстный торговецъ, въ теченіе двух-суточной летаргіи видѣлъ себя ходящимъ по комнатамъ, слышащимъ все, что въ это время о немъ говорилось, и могъ свободно выходить изъ дому и опять въ него возвращаться.

Онъ говоритъ: „странное это состояніе происходило со мной два года тому назадъ, когда я заболѣлъ въ бытность мою въ Манкато... Декабря 26-го, въ 11 ч. утра, докторъ призналъ меня мертвымъ, и тѣло мое готовили къ погребенію. Пріѣхалъ братъ мой, С. Лауфманъ, вызванный телеграммою о моей смерти. Въ это роковое утро я внезапно почувствовалъ неописуемое ощущеніе: оно началось съ оконечностей ногъ, пронизало меня до самаго темени, сквозь которое оно вышло какъ бы наружу. Ощутивъ вдругъ чувство свободы и облегченія, я увидѣлъ себя въ человѣческой формѣ, стоящимъ посреди комнаты, и въ это же самое время ясно видѣлъ мертвое мое тѣло, лежащее на постели. Выходя изъ комнаты, я въ дверяхъ встрѣтился съ однимъ изъ докторовъ, входящимъ въ нее; но онъ не обратилъ на меня ровно никакого вниманія, что крайне меня удивило. Выйдя изъ дому, я шелъ по Калифорнійскому проспекту, гдѣ увидалъ стараго своего пріятеля г. Блоза. Въ знакъ привѣта, я ударилъ его по плечу, но рука моя прошла сквозь его тѣло. Не говоря ни слова, я еще разъ попробовалъ ударить его, но результатъ былъ одинъ и тотъ же, я тщетно старался обратить его вниманіе на себя. Слѣдя за нимъ, я ясно видѣлъ, какъ, перейдя черезъ улицу, онъ нѣкоторое время простоялъ у окна магазина, разсматривая выставленную тамъ машину"... Кстати замѣтимъ здѣсь, говоритъ газета, что г. Лауфманъ имѣетъ письма и телеграммы въ доказательство того, что г. Блозъ находился въ данное время именно въ томъ городѣ, въ которомъ г. Лауфманъ его видѣлъ, и что г. Блозъ, дѣйствительно, тогда останавливался у окна, разсматривая машину... „Оставя Блоза, я возвратился въ больницу, чтобы посмотрѣть, что сталось съ моимъ тѣломъ. Дверь больницы оказалось запертою, но это не мѣшало мнѣ не только видѣть комнату, но и проникнуть въ нее. Посмотрѣвъ нѣкоторое время на мертваго „себя", я затѣмъ очутился въ комнатѣ, гдѣ доктора обсуждали казусъ, случившійся со мною, и оставался тутъ до

[1]) Этихъ фактовъ, хорошо провѣренныхъ, вполнѣ достаточно, чтобы признать явленіе двойничества. Здѣсь кстати сказать, что явленіе двойниковъ не всегда указываетъ на смерть того лица, которому принадлежалъ двойникъ. Двойничество, какъ психофизіологическое явленіе, ведетъ по нашему мнѣнію къ весьма важнымъ выводамъ: оно указываетъ на возможность матеріализаціи, т. е. явленія, напр., умершихъ въ чувственномъ видѣ, оно говоритъ, что еще при жизни человѣка душа его, формирующая и двигающая двойники, есть великая духовная сила, способная къ формированію изъ вещества тонкихъ, какъ бы эфирныхъ организмовъ, — наконецъ, явленіе двойниковъ даетъ, такъ сказать, возможность наглядно убѣдиться въ несомнѣнномъ бытіи «духовныхъ тѣлъ» прославленныхъ послѣ воскресенія мертвыхъ. *Свящ. Г. Д—ко.*

прибытія моего брата. Вернувшись съ нимъ и съ докторами въ комнату, гдѣ лежало мое тѣло, я увидѣлъ ужасъ, выразившійся на лицѣ брата, когда онъ смотрѣлъ на мое мертвое лицо. Братъ провелъ всю ночь въ этой комнатѣ, гдѣ оставался съ нимъ и я, наблюдая за тѣмъ, какъ, наконецъ, онъ заснулъ. Въ теченіе тридцати семи часовъ и пятидесяти восьми минутъ тѣло мое лежало трупомъ. Я оставался все время тутъ, близъ брата и докторовъ; я слышалъ и помню все, что они говорили. Доктора хотѣли вскрыть тѣло, чтобы узнать причину внезапной смерти, но братъ мой воспротивился этому. Вамъ, конечно, хочется знать, продолжаетъ г. Лауфманъ, какимъ путемъ я вернулся въ мою скорлупу? Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Одинъ изъ врачей-спеціалистовъ пожелалъ испробовать на мнѣ новый электрическій аппаратъ, на что братъ мой далъ свое согласіе, и они отправились къ моему тѣлу; я пошелъ вмѣстѣ съ ними, чтобы наблюдать за дѣйствіемъ машины. Электроды приставили къ ногамъ трупа, и тогда я ясно ощутилъ вліяніе токовъ, стоя посреди комнаты... Слѣдующее затѣмъ ощущеніе было невыносимое страданіе во всемъ моемъ организмѣ, что дало мнѣ понять, что я вновь вернулся въ свое тѣло, такъ какъ оно-то именно и страдаетъ“...

Передавая разсказъ г-на Лауфмана, мы, прибавляетъ газета „Boston Post“, здѣсь, въ Манкато, всѣ хорошо знаемъ о тяжкой болѣзни разсказчика, длившейся мѣсяцы, а также и о его медленномъ послѣ нея выздоровленіи... Мы, вѣримъ, что сонъ, летаргія и смерть суть одно и то же—раздвоеніе человѣка на душу и тѣло. (См. „Ребусъ“ 1898 г., № 43).

9. **Двойникъ полкового командира.** Въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ въ недалекомъ прошломъ случилось крайне загадочное происшествіе. Вотъ разсказъ о немъ со словъ очевидца, бывшаго офицера того полка. Въ полку ожидали пріѣзда вновь назначеннаго полкового командира. Въ одинъ изъ вечеровъ увидали, что приготовленная для него квартира освѣщена. Полковой адъютантъ, давъ знать товарищамъ о пріѣздѣ начальника, поспѣшилъ ему представиться. Его примѣру послѣдовали и другіе офицеры. Когда всѣ собрались въ залѣ, полковой командиръ вышелъ изъ кабинета, поговорилъ съ офицерами и, сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, отпустилъ всѣхъ домой. На другой день утромъ, вновь дали знать о пріѣздѣ полкового командира, и удивленные офицеры опять собрались по вчерашнему въ залѣ. Опять вышелъ командиръ изъ сосѣднихъ дверей, говорилъ то же самое, что вчера, отдалъ тѣ же приказанія и въ сопровожденіи адъютанта, продолжая разговоръ, направился въ кабинетъ.

Подойдя къ дверямъ, онъ вздрогнулъ и, остановясь, спросилъ адъютанта: „видите ли вы?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, командиръ сдѣлалъ рукою знакъ офицерамъ подойти. Когда всѣ приблизились, то увидѣли: за письменнымъ столомъ сидѣлъ другой командиръ полка—его двойникъ. Тогда дѣйствительный командиръ быстро подошелъ къ своему двойнику и, когда послѣдній моментально исчезъ, онъ мертвый упалъ на полъ. Случай этотъ, записанный адъютантомъ и засвидѣтельствованный подписями всѣхъ присутствовавшихъ офицеровъ, хранится въ полковомъ архивѣ. (См. „Разсказы о необыкновенныхъ случаяхъ“ свящ. Булгаковскаго).

10. **Двойникъ одного студента.** Въ концѣ 40-хъ годовъ я воспитывался въ московскомъ коммерческомъ училищѣ, гдѣ въ то время преподавателемъ нѣмецкаго языка и воспитателемъ старшихъ классовъ былъ г. Ш. Это былъ достойнѣйшій и уважаемый человѣкъ. Часто по вечерамъ, въ дни его дежурствъ, послѣ „репетиціи“ онъ собиралъ насъ вокругъ себя и разсказывалъ намъ различные случаи изъ своей, богатой воспоминаніями, жизни. Однажды у насъ зашелъ разговоръ о сверхъестественномъ, и Ш. разсказалъ слѣдующее:

„Давно это было, господа, лѣтъ 20, если не больше, въ бытность мою студентомъ дерптскаго университета. Въ ту памятную для меня осеннюю ночь я возвращался съ одной вечеринки, въ сопровожденіи моего задушевнаго пріятеля и однокурсника Г. Дойдя до дома, гдѣ онъ жилъ, Г. предложилъ мнѣ переночевать у него. Хотя мнѣ было и не далеко итти, но на Маріенгофѣ, гдѣ я тогда жилъ, осенью и весной бывала непролазная грязь,—и я съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе своего пріятеля.

Г. нанималъ маленькій, въ двѣ комнатки, флигелекъ, уединенно стоявшій въ глубинѣ довольно большого двора. Подходя къ флигелю, мы замѣтили, что окна его освѣщены.

— Развѣ къ тебѣ кто-нибудь пріѣхалъ?— спросилъ я, зная, что Г. жилъ совершенно одинъ.

— Нѣтъ, я никого не жду. Да, притомъ, квартира моя заперта, и ключъ отъ нея у меня. Любопытно, кто бы это могъ быть? и какъ онъ попалъ туда? Посмотримъ-ка въ окно!

Мы подошли къ одному изъ освѣщенныхъ оконъ, заглянули внутрь и остолбенѣли...

Прямо противъ насъ, на диванѣ, передъ столомъ, тускло освѣщеннымъ мигающимъ

пламенемъ оплывшей свѣчи, сидѣлъ въ халатѣ и читалъ книгу не кто иной, какъ самъ Г.

Едва удержавъ крикъ изумленія, я взглянулъ на своего пріятеля.

Поблѣднѣвшій, широко раскрытыми, удивленными глазами и съ какимъ то жаднымъ любопытствомъ смотрѣлъ онъ на сидящаго.

Я протеръ глаза и вторично взглянулъ въ окно.

Предъ глазами была опять та же картина.

Я слегка толкнулъ локтемъ.

— Кого ты видѣлъ тамъ? кивнувъ на окно, спросилъ онъ меня, сдерживая волненіе.

— Какъ это ни странно, но я видѣлъ тебя.

— Да, я тоже видѣлъ себя. Какое удивительное сходство! Какъ будто мой двойникъ— задумчиво проговорилъ Г. Очевидно, это чья-нибудь шутка, пойдемъ и убѣдимся въ этомъ. Моему „двойнику“ некуда дѣться: выходъ одинъ.

Войдя въ сѣни, мы зажгли висѣвшій тамъ фонарь, аккуратно заперли входную дверь и вошли въ квартиру.

Опять удивленіе! — Свѣтъ исчезъ, лишь мягкій серебристый свѣтъ луны слабо освѣщалъ комнаты.

Осмотрѣли свѣчу; она была въ такомъ видѣ, какъ будто ее и не зажигали. Предполагая, что мистификаторъ, заслышавъ насъ, успѣлъ куда-нибудь спрятаться,—мы начали его искать. Обыскать квартиру студента — минутное дѣло; но мы такъ тщательно искали, какъ будто отыскивали потерянную иголку. Но всѣ наши поиски ни къ чему не привели—двойникъ какъ сквозь землю провалился.

— Что ты объ этомъ думаешь?—обратился ко мнѣ Г.

— Я самъ хотѣлъ предложить тебѣ этотъ вопросъ.

— По моему мнѣнію, это не что иное, какъ галлюцинація. Хотя странно, что она явилась у насъ одновременно и въ одинаковой формѣ.

— Ну, и успокоимся на этомъ! Завтра, можетъ-быть, найдется рѣшеніе этой загадки. „Утро вечера мудренѣе“, говоритъ пословица. А теперь пора спать! сказалъ я.

— Тебѣ придется лечь на этомъ диванѣ. Ты не боишься? спросилъ меня Г.

— Что за вздоръ!

— Ну, и отлично, а я лягу въ другой комнатѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ.

Лелѣя надежду поскорѣе заснуть, я легъ и загасилъ свѣчу.

Но сна не было. Мысль, помимо моей воли, лихорадочно работала въ одномъ направленіи, стремясь найти хоть какое-нибудь объясненіе заинтересовавшаго меня факта появленія двойника. Какъ ни старался я измѣнить теченіе своей мысли—все было напрасно, и желаннаго сна все не было.

Моему пріятелю, очевидно, тоже не спалось: черезъ тонкую деревянную, раздѣлявшую насъ, перегородку я слышалъ, какъ онъ безпокойно ворочался на своей постели, откашливался и изрѣдка бормоталъ что-то.

Я окликнулъ его.

— Совсѣмъ, братъ, не спится,— отвѣтилъ онъ.—Какое-то безпокойство овладѣло мной; какое-то невыносимо тягостное чувство гнететъ меня. Стыдно сознаться, но мнѣ просто страшно здѣсь. Я перейду къ тебѣ, я не могу оставаться въ этой комнатѣ.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Переходи!

Черезъ нѣсколько минутъ Г. перебрался ко мнѣ; мы закурили трубки и заговорили о происшествіи этой ночи. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался страшный трескъ, сопровождаемый ужасающимъ грохотомъ; послышался сильный стукъ какъ бы отъ паденія чего-то огромнаго, зазвенѣли разбитыя стекла, волна чего-то удушливаго хлынула въ нашу комнату и захватила намъ дыханіе...

Обезумѣвъ отъ страха, растерянные, мы бросились къ дверямъ и остановились на порогѣ, пораженные... Передъ нами высилась безобразная груда обломковъ досокъ, балокъ и мусора: потолокъ вмѣстѣ съ накатомъ рухнулъ и скрылъ подъ собою все, находившееся въ этой комнатѣ... (См. „Ребусъ“ 1890 г., № 45).

11. **Видѣніе себя.** Мнѣ 41-й годъ, разсказываетъ одна дама, я пользуюсь превосходнымъ здоровьемъ, никогда не занималась никакими спиритическими опытами и не страдала нервами.

Въ мартѣ 1891-го года я жила съ своею дочерью, 17 лѣтъ, въ маленькой квартирѣ въ первомъ этажѣ, на Невскомъ, въ домѣ князя Юсупова (№ 84). Вечеромъ 15 апрѣля у насъ былъ въ гостяхъ архитекторъ Г. Уходя въ 11 часовъ вечера, онъ спросилъ: не хотимъ ли и мы прогуляться? Такъ какъ моя дочь очень хотѣла пройтись, то я согласилась.

Я вышла въ свою спальню и тамъ смѣнила на черное платье бывшій на мнѣ *бѣлый капотъ съ синими лентами, завязывавшимися по таліи.*

Мы проводили нашего гостя до Казанскаго моста и возвратились домой, спокойно разговаривая.

Дочь моя, снявъ пальто, прошла первая изъ прихожей въ нашъ маленькій залъ. Въ залѣ этомъ двѣ двери, одна изъ прихожей, другая, наискось отъ нея, ведетъ въ комнату моей дочери.

Я остановилась на минуту въ прихожей сказать что-то прислугѣ, снимавшей съ меня пальто, затѣмъ сдѣлала шагъ впередъ къ дверямъ залы и остолбенѣла: въ дверяхъ, комнаты дочери, лицомъ ко мнѣ, стояла бѣлая фигура. Я усиленно замигала, какъ бы желая разсѣять то, что мнѣ мерещилось, и сдѣлала еще шагъ впередъ. „*Бѣлое*" сдѣлало тоже шагъ впередъ, и я ясно различила, что это *я сама*, т.-е. что привидѣніе, шедшее мнѣ навстрѣчу, была я, — съ своей высокой прической, *въ бѣломъ капотѣ съ синими лентами, падавшими концами отъ пояса почти до полу*. Залъ былъ освѣщенъ большою лампою, и я видѣла себя такъ ясно, до мельчайшихъ подробностей, какъ если бы я стояла передъ большимъ зеркаломъ. Узнавъ себя, я вскрикнула и закрыла лицо руками: дочь моя, не видавши ничего, при моемъ крикѣ бросилась ко мнѣ. Она стояла спиною ко мнѣ у стола и снимала перчатки и шляпу.

Отъ мгновенія, когда я разглядѣла привидѣніе, и моего крика прошло, конечно, гораздо менѣе времени, чѣмъ теперь при описаніи.

Нѣсколько минутъ я ничего не могла отвѣчать ни дочери, ни прибѣжавшей прислугѣ; я только дрожала, вскрикивала и рыдала. На неотступные вопросы дочери я не сумѣла придумать ничего и сказала прямо, что видѣла себя. Разсказывая, я нѣсколько разъ прерывалась и вздрагивала. Испугъ мой сообщился и дочери, и прислугѣ. Черезъ полчаса, выпивъ воды, намочивъ голову, я рѣшилась войти въ комнату дочери; тамъ не было ничего бѣлаго (капотъ оставался въ моей спальнѣ на моей кровати), ничего вообще такого, что могло бы произвести иллюзію. Ночь была безлунная. Дочь моя не рѣшилась лечь спать въ своей комнатѣ и цѣлую недѣлю спала въ залѣ на диванѣ; въ ея же комнатѣ горѣла день и ночь лампада передъ образомъ, и туда ходила только горничная.

Съ тѣхъ поръ въ этой квартирѣ я не имѣла покоя: я часто слышала звонокъ, въ особенности ночью; раздавался онъ до того громко и отчетливо, что я вскакивала съ постели, будила прислугу и шла къ дверямъ, но никого не было. Прислуга очень часто слышала мой голосъ и приходила ко мнѣ, когда я и не думала звать ее.

Нервы мои расшатались, я начала *чувствовать, сознавать* и даже *ощущать* присутствіе въ квартирѣ невидимаго существа. Существо это было *я*, отдѣлившаяся отъ меня часть меня самой, занимающая мѣсто и пространство. Это существо иногда лежало на моей кровати, иногда сидѣло за моимъ рабочимъ столомъ. Присутствіе „его" я немедленно ощущала по особенному холодному трепету, пробѣгавшему по мнѣ; иногда я слышала, какъ „оно" вздыхало.

Какъ человѣкъ здоровый и умственно и физически, я всѣми силами стала бороться съ охватывающимъ меня безуміемъ. Въ апрѣлѣ я перемѣнила квартиру, приняла цѣлый рядъ мѣръ къ возстановленію своего душевнаго равновѣсія. Въ настоящее время я снова имѣю хорошій сонъ, аппетитъ, много читаю, работаю и чувствую себя вполнѣ свободной отъ всякихъ видѣній.

Замѣчательно, что подобныя *видѣнія себя самихъ у насъ въ роду;* мой отецъ, моя бабушка и мой прадѣдъ имѣли тоже видѣнія (при другой характерной обстановкѣ) и подобныя „явленія" не влекли за собою смерть, но послѣдствіемъ этихъ видѣній было какое-нибудь коренное измѣненіе въ судьбѣ, или они служили предостереженіемъ передъ большою опасностью. („Ребусъ" 1891 г. № 47).

12. **Двойственность личности**. Въ „Revue Scientifique" за декабрь мѣсяцъ 1883 года помѣщена статья профессора Azam: „Les altérations de la personalité", представляющая сводъ наблюденій автора надъ фактами, имѣющими глубокій психологическій интересъ.

Авторъ въ началѣ статьи заявляетъ, что онъ разумѣетъ здѣсь лишь личность моральную и интеллектуальную. „У человѣка,— говоритъ онъ, — личность играетъ преобладающую роль. Человѣкъ, какъ духъ и матерія одновременно, имѣетъ двойственную природу, но, какъ духовная личность, онъ единъ.

„Есть много случаевъ, — продолжаетъ онъ,—когда человѣкъ теряетъ понятіе о своемъ *я*, когда онъ воображаетъ себя другимъ лицомъ и совершенно забываетъ, чѣмъ былъ прежде".

Пропускаемъ множество примѣровъ, приводимыхъ авторомъ, которые легко могутъ быть объяснены болѣзненнымъ состояніемъ органовъ, и укажемъ на случаи, гдѣ это объясненіе не такъ очевидно.

а) „У одного молодого человѣка, 17-ти лѣтъ, здороваго тѣлосложенія, проявились истеро-эпилептическіе припадки. Изъ многочисленныхъ болѣзненныхъ симптомовъ одинъ былъ особенно замѣчателенъ. Однажды, послѣ жестокаго припадка, онъ вдругъ забылъ все, что только съ нимъ было прежде, всю свою предыдущую жизнь, и сдѣлался совершенно какъ бы новой личностью. Все въ немъ радикально измѣнилось: характеръ, нравственныя понятія, умственныя силы, привычки. Онъ даже забылъ портняжное ремесло, которому выучился раньше, такъ что нужно было его вновь перевоспи-

тывать. Это состояніе второй личности продолжалось съ нимъ около года. Послѣ же повторенія такого же болѣзненнаго припадка, какой съ нимъ былъ годъ назадъ, его прежняя личность вернулась къ нему вполнѣ, получивъ внезапно всѣ свои прежнія привычки, характеръ, нравственныя понятія и всѣ свои небольшія познанія. Въ то же время онъ совершенно забылъ все, что было съ нимъ въ продолженіе года, когда онъ носилъ въ себѣ вторую личность".

б) „Одинъ полицейскій служитель, вслѣдствіе полученныхъ имъ сильныхъ ударовъ по головѣ, почувствовалъ странную перемѣну въ своемъ сознаніи: не имѣя никакихъ признаковъ сумасшествія, онъ считалъ себя двойною личностью, говорилъ всегда *мы*, говоря о себѣ, и часто говорилъ за обѣдомъ: „я сытъ, но другой еще не насытился". Наконецъ, онъ сдѣлалъ покушеніе на самоубійство, желая убить этого другого, и кончилъ жизнь въ полномъ безуміи. По вскрытіи трупа нашли значительное неравенство между двумя мозговыми полушаріями. Это неравенство можетъ до извѣстной степени объяснить странную идею больного о присутствіи въ немъ двухъ различныхъ личностей. Объясненіе это согласуется съ предположеніемъ Льюиса, который объяснялъ фактъ раздвоенія личности неравномѣрнымъ отправленіемъ мозговыхъ полушарій [1]". (См. „Revue Scientifique", 1883 г., дек. м.)

в) Встрѣчаются иногда субъекты, повидимому, имѣющіе двѣ души [2]), которыя овладѣваютъ ихъ тѣломъ по очереди. Такъ, напр., въ Лондонѣ былъ молодой человѣкъ, служившій на желѣзной дорогѣ; онъ аккуратно посѣщалъ церковь, велъ себя очень скромно, не пилъ, въ карты не игралъ и вообще слылъ за прекраснаго молодого человѣка. Однажды, къ всеобщему удивленію, онъ явился на скамьѣ подсудимыхъ; его обвиняли въ кражѣ со взломомъ. Полиція увѣряла, что онъ былъ соучастникомъ извѣстнаго общества воровъ, друзья же его утверждали, что онъ былъ честнымъ, трудолюбивымъ и вообще примѣрнымъ юношей. За нимъ стали наблюдать и оказалось, что каждую ночь онъ терялъ сознаніе и затѣмъ приходилъ въ себя уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

г) Странный случай произошелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ исправительномъ заведеніи. Магистратъ послалъ туда одного мальчика, наводившаго ужасъ на все заведеніе; онъ былъ жестокъ, дрался, лгалъ и кралъ. Однажды, онъ увидалъ въ полѣ змѣю, отъ страху упалъ безъ чувствъ и, когда проснулся, былъ совсѣмъ другимъ. Онъ сдѣлался кротокъ, правдивъ и услужливъ, но не узнавалъ никого изъ окружающихъ, постоянно сбивался съ пути. Прежде онъ былъ искуснымъ портнымъ, теперь не умѣлъ взять иголку въ руки. Его надо было учить всему, какъ дикаго. По прошествіи одного года у него сдѣлалась сильная головная боль, и тотчасъ послѣ этого онъ снова обратился въ прежняго негодяя. Въ этомъ состояніи онъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, убѣжалъ изъ исправительнаго заведенія. Тутъ начинается самый интересный періодъ его жизни. Въ то время, когда имъ овладѣла его хорошая душа, онъ сдѣлался полицейскимъ, очень исполнительнымъ и хорошимъ, но черезъ годъ большое число совершенныхъ грабежей возбудило подозрѣніе, за нимъ стали слѣдить и схватили его, когда онъ собирался взломать дверь въ магазинѣ ювелира.

д) Оченъ забавенъ разсказъ о двойственной личности, сообщенный однимъ французскимъ медикомъ. Дѣйствующимъ лицомъ является французскій солдатъ; онъ былъ большимъ патріотомъ и постоянно бранилъ нѣмцевъ; каково же было всеобщее удивленіе, когда онъ, однажды, вдругъ сорвалъ съ себя французскій мундиръ, заговорилъ по-нѣмецки и перешелъ французскую границу. Его арестовали и посадили въ тюрьму, гдѣ онъ тотчасъ же впалъ въ глубокій сонъ. На слѣдующій день онъ снова былъ французомъ и былъ крайне удивленъ, когда ему разсказали о его поведеніи. Перемѣны эти, однако, продолжались, и во время франко-прусской войны онъ сражался по очереди то на одной, то на другой сторонѣ. Впослѣдствіи узнали, что отецъ его былъ пруссакъ, а мать француженка, и онъ росъ между двумя противоположными вліяніями.

е) Въ одномъ шотландскомъ городкѣ жилъ не очень давно адвокатъ, который по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ былъ бодрымъ, дѣятельнымъ и разумнымъ человѣкомъ. Вторники же, четверги и субботы онъ проводилъ въ состояніи безпомощной меланхоліи, и его съ трудомъ удерживали отъ самоубійства. (См. „Ребусъ" 1897 г., № 25).

13. **Какъ примирить двойное сознаніе съ одною личностію въ человѣкѣ?** Таунегедъ въ своихъ „Месмерическихъ фактахъ" разсказываетъ замѣчательный случай съ однимъ изъ своихъ субъектовъ, молодымъ человѣкомъ Е. А., у котораго прирожденныя способности и природныя добрыя качества были извращены дурнымъ воспитаніемъ. Несмотря на свою молодость, онъ научился въ Парижѣ полному безвѣрію. Въ сомнамбулизмѣ же все это измѣнялось; онъ имѣлъ совер-

---

[1]) См. ниже примѣчаніе къ § 13.

[2]) Это выраженіе, конечно, не точно. Лучше было бы сказать: «двойственность сознанія».

Г. Д—ко.

шенно правильное понятіе о душѣ, противоположное матеріалистическимъ взглядамъ, обыкновенно имъ высказываемымъ во время бодрствованія. Теорія, что въ минуты сомнамбулизма въ Е. А. отражались лишь мнѣнія магнитизера, не выдерживаетъ критики въ виду того, что о многихъ предметахъ онъ имѣлъ свое вполнѣ самостоятельное мнѣніе и очень твердо и искусно защищалъ его. Не мало и такихъ примѣровъ, въ которыхъ въ сомнамбулическомъ состояніи характеръ субъекта измѣнялся радикально: люди грустные, вспыльчивые, непріятные дѣлались веселыми, кроткими, снисходительными, и наоборотъ, что, по замѣчанію врачей, какъ то Ганемана и доктора Гортона, нерѣдко бываетъ и во время различныхъ болѣзненныхъ состояній, діаметрально иногда измѣнявшихъ нѣкоторыхъ изъ ихъ паціентовъ.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ измѣненія сознанія наблюдался въ началѣ текущаго столѣтія у одной дѣвушки изъ англійской семьи, поселившейся въ окрестностяхъ Мидвилля, по имени Мэри Рейнольдсъ. Подробный разсказъ о ея состояніи, подтвержденный многими несомнѣнными свидѣтельствами, былъ напечатанъ въ *Harper's Magasine* въ майскомъ номерѣ 1860 года, за подписью достопочтеннаго Уильяма С. Плюмера. Въ 1811 году, будучи одиннадцати лѣтъ отъ роду, Мэри впала въ безчувственное состояніе, которое вскорѣ прошло, но затѣмъ она въ продолженіе пятнадцати лѣтъ находилась въ *двойственномъ* сознаніи. Ея анормальное *второе* состояніе представляло ту особенность (отличавшую его отъ всѣхъ, кромѣ одного, извѣстныхъ мнѣ подобныхъ случаевъ), что въ продолженіе его она забывала все, что было ей извѣстно въ *первомъ* нормальномъ состояніи, всѣ пріобрѣтенныя въ немъ познанія совершенно терялись. Она не признавала ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ; не имѣла ни малѣйшаго воспоминанія о своей предыдущей жизни, точно она прежде никогда и не жила. Наткнувшись на гремучую змѣю, она была бы способна играть съ нею, какъ малый ребенокъ, нисколько не подозрѣвая опасности. Но научалась она, однако, очень быстро всему, очень быстро пріобрѣтала всякаго рода познанія. На тридцать пятомъ году переходы ея изъ одного состоянія въ другое прекратились, оставивъ ее *постоянно въ ея второмъ состояніи*. Въ этомъ же она являлась совсѣмъ иною личностію, чѣмъ въ первомъ, между характерами обоихъ не было ничего общаго. Тихая, меланхолическая, трудно мыслившая, лишенная всякаго воображенія въ своемъ первомъ состояніи, во второмъ—она становилась живой, веселой, общительной, большой поклонницей всего поэтическаго, и почеркъ ея замѣтно разнился отъ почерка *номера перваго*.

Явленіе это, говоритъ д-ръ Плюмеръ, представлялось въ такомъ видѣ, какъ бы тѣло Мэри Рейнольдсъ служило обиталищемъ для двухъ душъ, жившихъ въ немъ не одновременно, а поочередно, — то одна, то другая. Несомнѣнно, что тутъ не было и не могло бы никакой поддѣлки. Обѣ жизни были совершенно отдѣльны одна отъ другой: мысли, чувства, познанія и опытность, радости и горести, симпатіи и антипатіи одной жизни не производили ни малѣйшаго вліянія на другую и ни въ чемъ ее не измѣняли. Главные факты всѣхъ послѣдовательныхъ годовъ подтверждаются цѣлымъ рядомъ самыхъ авторитетныхъ свидѣтельствъ. Достопочтенный д-ръ Уэйландъ въ послѣднемъ изданіи своей „Интеллектуальной философіи“ говоритъ о нихъ, какъ о самомъ замѣчательномъ случаѣ изъ всѣхъ подобныхъ, когда-либо до него доходившихъ.

И дѣйствительно, случай чрезвычайно замѣчательный. Кто же изъ двухъ отвѣтственное существо, номеръ *первый*, или номеръ *второй?* Если, какъ говоритъ намъ Локкъ, личность состоитъ въ тождественности (edentity) сознанія, то была ли Мэри Рейнольдсъ личностью? Въ своей физической формѣ она была одно и то же въ своихъ обѣихъ состояніяхъ, но въ умственной области, въ своихъ расположеніяхъ, въ памяти, между ними не было ничего общаго. Что сдѣлалось окончательно съ номеромъ *первымъ?* Былъ ли онъ стертъ, какъ стираютъ неудачный рисунокъ? Былъ ли номеръ второй отдѣльнымъ духовнымъ существомъ (entity)? Если же оба они составляли по своей сущности одно, лишь проявляясь какъ два отдѣльныя сознанія, то почему бы и въ каждомъ изъ насъ не быть отдѣльному сознанію въ скрытомъ состояніи, которое проявится послѣ смерти? Но, если мы потеряемъ наше обычное сознаніе и сдѣлаемся совершенно иными какъ въ нашемъ характерѣ, такъ и въ воспоминаніяхъ, развѣ мы не лишимся своей тождественности (edentity)? Можно ли будетъ признавать насъ тѣмъ же существомъ, которое жило на землѣ? Не будемъ ли мы въ нѣкоторомъ смыслѣ уничтожены?

Единственно возможное рѣшеніе запутаннаго вопроса слѣдующее: Мэри Рэйнольдсъ составляла одно существо, съ единымъ сознаніемъ, но сознаніе это заключало въ себѣ то, что одинъ шведскій философъ называетъ *раздѣльными степенями* (dicrete degrees). Если въ одномъ своемъ состояніи она не имѣла воспоминаній изъ другого, это никакъ не потому, чтобы какое-либо изъ ея душевныхъ

пріобрѣтеній изгладилось: нѣтъ, но въ происшедшемъ въ ней переворотѣ состояніе ея видоизмѣнилось проявленіемъ раздѣльной степени, въ которую вступила душа. Воспоминанія и какъ бы уснувшее сознаніе находились въ душѣ, но въ состояніи покоя и временной пріостановки. Душа, восходя въ этой ли жизни, или въ будущей къ сознанію на столько же высшему противъ *второго*, на сколько *второе* было въ Мэри Рейнольдсъ выше *перваго*, должна содержать въ себѣ все заключающееся въ обѣихъ степеняхъ и присвоивать лучшее изъ каждой—память, оставаясь навѣкъ неизмѣнною[1]). („Ребусъ“ 1887 г., № 40).

14. **Двойственная жизнь.** Предлагаемая выдержка изъ научнаго журнала „The Scientific American“ кажется намъ достойною серіознаго вниманія, въ особенности вниманія лицъ, занимающихся изученіемъ гипнотизма.

Въ замѣткахъ врачей найдется не мало сообщеній о паціентахъ, живущихъ двойною жизнью. Говорится въ нихъ о случаяхъ періодической утраты одной стороны умственной жизни, и какъ бы перерожденіе въ другую личность, нерѣдко совершенно противоположнаго характера. Съ истеричными субъектами, напр., дѣлается припадокъ, послѣ котораго они совершенно утрачиваютъ память о прошломъ. Умственныя способности ихъ не теряются, остаются нетронутыми, но что касается ранѣе пріобрѣтенныхъ знаній, то они равняются дѣтскимъ. Черезъ большій или меньшій промежутокъ времени они научаются говорить, читать и работать, начинаютъ жизнь снова, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявляютъ характеръ, совершенно противоположный прежнему.

Повидимому, физическій организмъ остался тотъ же, но личность окончательно преобразилась, получивъ новый темпераментъ, новыя привычки и новые вкусы.

Такой паціентка остается въ теченіе неопредѣленнаго срока, затѣмъ съ нею дѣлается новый припадокъ, послѣ котораго она снова становится прежней. Все прожитое ею послѣ перваго припадка стушевывается разомъ. Она рѣшительно ничего не помнитъ, такъ что второе ея существованіе, продолжавшееся, можетъ-быть, цѣлые годы, уничтожается въ ея сознаніи, и жизнь ея гладко и невозмутимо течетъ снова по первому руслу, какъ будто бы въ ней никогда не было никакого перерыва. Это продолжается до новаго припадка, возвращающаго ее ко второму ея существованію, которымъ она живетъ снова, не подозрѣвая въ немъ никакого перерыва. Такимъ образомъ, существованіе ея чередуется между двумя жизнями, рѣзко отличающимися между собою и совершенно одна отъ другой независящими, исключая того, что имъ обѣимъ служитъ одно и то же тѣло.

Въ прежнія времена подобныя видоизмѣненія сознанія объяснялись духовнымъ, а иногда діавольскимъ овладѣваніемъ. Предполагали, что тѣломъ управляли два духа, другъ отъ друга независимые, или что въ душу больной вселялся злой или добрый духъ, котораго опредѣляли, смотря по ея настроенію. Въ нашъ болѣе научный, матеріалистическій вѣкъ, эта спиритуалистическая гипотеза имѣетъ мало сторонниковъ, и странное явленіе объясняется болѣе удовлетворяющимъ новыя воззрѣнія образомъ,—предположеніемъ, что духовная жизнь паціентки переносится, частью ли или всецѣло, въ одну изъ половинъ ея двойного мозга. Когда дѣйствіе этой половины прерывается болѣзнью, то бездѣйствующая половина беретъ на себя интеллектуальныя функціи и продолжаетъ дѣйствовать, пока новый припадокъ не передастъ опять умственную отвѣтственность первой половинѣ. Такимъ образомъ обѣ жизни чередуются вмѣстѣ съ чередующеюся дѣятельностю обоихъ мозговыхъ полушарій.

Причина, почему такія жизни бываютъ лишь двойственныя, а не болѣе, заключается конечно въ томъ, что у насъ только два независимыхъ мозговыхъ полушарія, а не болѣе [1]).

Послѣдній извѣстный случай такого рода представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что въ немъ полный перерывъ сознанія проявляется только при возвращеніи къ тому состоянію, въ которомъ началась жизнь паціентки. Случай этотъ сообщенъ со всѣми подробностями въ „*Revue Scientifique*“ профессоромъ Адамомъ изъ Бордо, гдѣ паціентка проживаетъ. Она женщина замужняя, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, и начала жить двойною жизнью съ четырнадцатилѣтнаго возраста.

Для краткости мы будемъ означать буквой А. ея первобытное состояніе съ его повтореніями, а буквой Б.—второе.

Сначала Б. появлялось по нѣскольку разъ въ день и продолжалось не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ были два трехлѣтніе

---

[1]) Сообщаемые здѣсь факты двойственности сознанія весьма важны въ юридическомъ отношеніи, именно въ дѣлѣ сужденія о виновности или невиновности даннаго лица. *Г. Д.*

[1]) Подобное объясненіе, строго физіологическое, нужно принимать какъ гипотезу — не болѣе, притомъ едва ли удачную, такъ какъ здѣсь совершенно упускается изъ виду психическій факторъ. *Г. Д.*

перерыва — отъ семнадцати до двадцати лѣтъ, а потомъ отъ двадцати четырехъ до двадцати семи.

Въ послѣднее время она большею частью жила жизнью Б., а состояніе А. появлялось черезъ два-три мѣсяца, только на нѣсколько часовъ. Прежде переходъ этотъ совершался во время крѣпкаго сна, слѣдовавшаго за сильной болью въ вискахъ, теперь онъ совершается почти мгновенно. Въ состояніи А. паціентка всегда тиха, молчалива, даже угрюма; въ Б. напротивъ всегда жива, весела, привѣтлива. Въ А. она не помнитъ происходившаго съ ней въ Б.; находясь же во второмъ состояніи, вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ своей жизни въ обоихъ. Будучи Б. и узнавая тогда о пробѣлахъ своего сознанія, она приходитъ отъ того въ крайнее отчаяніе; впрочемъ, надо замѣтить, что практическое неудобство такого отсутствія памяти, довольно чувствительное прежде, стало значительно уменьшаться съ тѣхъ поръ, какъ состояніе Б. преобладаетъ въ ея жизни. Въ иныхъ рѣдкихъ случаяхъ, выходя изъ состоянія Б., паціентка переживаетъ короткій періодъ волненія и какого-то страха, причемъ сознаніе ея не вполнѣ ясно; въ другое время въ ней незамѣтно никакого видимаго разстройства, за исключеніемъ симптомовъ, свойственныхъ истеричныхъ больнымъ.

При переходѣ отъ Б. къ А., по наблюденію профессора Адама, больная не имѣетъ вида пробуждающейся отъ сна и не ощущаетъ особенной перемѣны. Могъ бы пройти, прошелъ бы часъ, или пролетѣли цѣлые мѣсяцы, она этого не сознаетъ; цѣлый періодъ исчезъ изъ ея существованія.

Такое двойственное состояніе можетъ вызвать множество запутанныхъ вопросовъ при различныхъ случаяхъ жизни подобнаго субъекта, тѣмъ болѣе, что такое состояніе мало извѣстно и совсѣмъ почти не изслѣдовано. (См. „Revue scientifique“, сн. „Ребусъ“ 1892 г., № 18).

15. **Степени раздвоенія личности**. Я уже давно была знакома, говоритъ г-жа Сабурова, съ фактомъ раздвоенія, когда въ 1891 г. въ мои руки попала книга доктора Жибье (Gibier) „Analyse des choses“. Выводы подобные моимъ, со стороны недюжиннаго ученаго [1]) удивили меня и несказанно обрадовали. Д-ръ Жибье, долго и серьёзно изслѣдовавшій явленія того, что онъ называетъ „гипномагнитизмъ“, считаетъ гипнотическое состояніе первою ступенью къ состоянію раздвоенія (dédoublement). Перевожу здѣсь часть IV-ой главы его „Трансцендентальной психологіи“, какъ самъ Жибье называетъ указанное мною сочиненіе:

„Субъекты, надъ которыми изучаютъ *псевдо-сонъ* [1]), постепенно проходятъ рядъ различныхъ фазисовъ, не всегда, однако, съ такою правильностью слѣдующихъ одинъ за другимъ, какъ то описываютъ авторы сочиненій по этой отрасли науки. Тѣмъ не менѣе, эти факты или состоянія большею частью наступаютъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Состояніе очарованія (état de charme, по терминологіи Льебо — Liébault) или легковѣрія (état de credulité, по выраженію де-Роша — de Rochas).

2) Состояніе каталепсіи.

3) Состояніе сомнамбулизма.

4) Состояніе летаргіи.

Это, такъ сказать, тѣ классическія состоянія, достигнутыя посредствомъ внушенія сна или вслѣдствіе пристальнаго взгляда, упорно направленнаго на субъекта.

Но, если на субъекта воздѣйствуешь магнитическими пассами, при содѣйствіи, сколько возможно, издаваемой изъ себя силы воли (чего достичь иначе нельзя, какъ дѣйствуя съ импульсомъ, съ увлеченіемъ), вскорѣ получаешь доказательство того, что вышепоименованныя состоянія суть не что иное, какъ ступени, ведущія къ состоянію раздвоенія, но *не личности, а самаго существа*. Если субъектъ пріобрѣлъ привычку впадать въ это состояніе, оно можетъ наступать почти что разомъ, т.-е. не бывъ предшествуемо тѣми четырьмя первоначальными, постепенными состояніями; однако до раздвоенія все-таки наступаетъ *пятое* состояніе, знакомое нѣкоторымъ *магнитизерамъ* и ими названное „бодрствующимъ сомнамбулизомъ“. *Шестое* состояніе можно назвать экстатическимъ [2]) и, наконецъ, наступаетъ то, что я называю „состояніемъ раздвоенія“. Впадая въ это послѣднее состояніе, внѣшній видъ субъектовъ бываетъ различенъ, смотря по личнымъ свойствамъ человѣка. Иные погружены въ состояніе мнимой смерти; другіе — словно окаменѣютъ съ широко открытыми глазами, зрачки которыхъ расширились, остановившись на одной точкѣ. Такого рода субъекты иногда говорятъ о вещахъ, какъ бы видя то, что происходитъ на далекомъ разстояніи. Нерѣдко оказывается, что эти видѣнія опи-

---

[1]) Желающихъ убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли д-ръ Жибье можетъ быть причисленъ къ числу людей науки, отсылаю къ книгѣ его «Spiritisme Fakirisme Occidental», въ концѣ которой есть длинный перечень его научныхъ сочиненій по медицинѣ, ветеринаріи, бактеріологіи и др.

[1]) Потому, вѣроятно, Жибье говоритъ «*псевдосонъ*», что гипнотическое состояніе есть совсѣмъ *особенное* состояніе, отличное отъ простого сна, такъ какъ при гипнотическомъ усыпленіи субъектъ *слышитъ*, тогда какъ при обыкновенномъ снѣ люди ровно ничего не слышатъ.

[2]) Отъ слова extase — экстазъ: восторгъ, восхищеніе.

бочны или же не совсѣмъ вѣрны только въ томъ, что касается времени и мѣста; но бываетъ и такъ, что все въ дѣйствительности вѣрно, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда видѣнное происходило на разстояніи нѣсколькихъ миль. Подобное состояніе можно назвать „говорящимъ экстазомъ“ (extase parlante). („Ребусъ“ 1898 г., № 16).

16. **Двойственность человѣка и проблески сверхнормальныхъ способностей, кроющихся въ его существѣ.** Профессоръ д-ръ Жибье сообщаетъ слѣдующій, очень интересный фактъ.

Г-нъ Ю., бѣлокурый, высокаго роста молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати. Отецъ его былъ родомъ шотландецъ, а мать—русская. Отецъ былъ одаренъ *выдающимися* медіумическими способностями; мать тоже медіумична. Но, хотя молодой Ю. и родился въ средѣ спиритуалистовъ, самъ онъ, какъ говоритъ, никогда спиритизмомъ не занимался, и ничего анормальнаго съ нимъ не случалось до „приключенія“, какъ назвалъ онъ это, по поводу котораго, въ началѣ 1887 года, онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы потолковать и посовѣтоваться. Г-нъ Ю. разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Всего нѣсколько дней тому назадъ, вернувшись въ 10 час. вечера къ себѣ домой, я вдругъ почувствовалъ ничѣмъ необъяснимую и особенную какую-то слабость; не намѣреваясь, однако, ложиться спать, я зажегъ лампу, поставилъ ее на столикъ возлѣ кровати и, закуривъ объ нее сигару, сѣлъ, или, скорѣе, прилегъ на кушетку.

„Не успѣлъ я откинуть голову на подушку кушетки, какъ всѣ окружающіе предметы завертѣлись передо мной, и я почувствовалъ, что впадаю какъ бы въ обморокъ, ощущая въ себѣ *странное* чувство пустоты. Вдругъ я очутился посреди комнаты. Удивленный такимъ безотчетнымъ для меня перемѣщеніемъ, я оглядывался вокругъ себя и удивленіе мое возросло до-нельзя.

„*Я увидѣлъ себя лежащимъ на кушеткѣ,* съ сигарой въ рукѣ!.. Сначала я подумалъ, что я заснулъ и что все это происходитъ со мною во снѣ, но никогда ничего подобнаго я во снѣ не видалъ и, къ тому же, я отдавалъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что состояніе мое было настоящею, реальною, въ высшей степени интенсивною жизнью. А потому, ясно сознавъ, что это не сонъ, другое объясненіе пришло мнѣ тутъ въ голову, а именно, что я умеръ. Вспомнивъ слышанное мною о томъ, что существуютъ *духи,* я подумалъ, что и я сталъ „духомъ“, и всѣ объясненія подобнаго состоянія предстали предо мной съ большею быстротой, нежели той, съ какой вообще работаетъ мысль. Вся моя жизнь предстала передо мной какъ бы въ формулѣ... Страшная тоска и сожалѣніе о неоконченныхъ мною работахъ [1]) охватили меня.

„Я подошелъ къ самому себѣ, т.-е. къ тѣлу моему или, лучше сказать, къ тому, что я уже считалъ своимъ трупомъ, и крайне удивился: тѣло мое дышало!.. Болѣе того, я могъ видѣть внутреннее его и наблюдать за медленнымъ и слабымъ, но ровнымъ біеніемъ сердца. Я видѣлъ мою ярко-красную, какъ огонь, кровь, текущую по сосудамъ. Тутъ я рѣшилъ, что, значитъ, со мной случился особаго рода обморокъ. „Но, вѣдь, люди, бывшіе въ обморокѣ, ничего потомъ, по пробужденіи своемъ, не помнятъ изъ того, что съ ними было во время ихъ безсознательнаго состоянія“... подумалъ я, и мнѣ такъ стало жаль, что я, когда приду въ себя, не въ состояніи буду припомнить все то, что теперь ощущаю и вижу...

„Немного успокоенный касательно того, что я еще живъ, я задавалъ себѣ вопросъ, какъ долго можетъ продлиться такое мое состояніе, и пересталъ обращать вниманіе на *мое второе я,* продолжающее безмятежный свой сонъ на кушеткѣ. Оглянувшись на лампу и замѣтивъ, что она настолько близко стояла къ занавѣсамъ кровати, что они могли бы загорѣться объ нее, я взялся за кнопку винта лампы, намѣреваясь ее погасить, но, о, новое удивленіе! Хотя я и ощупывалъ кнопку и даже могъ *провидѣть* малѣйшія изъ молекулъ, ее составляющія, одни только пальцы мои вращались вокругъ кнопки, но не въ силахъ были на нее воздѣйствовать: я тщетно старался повернуть винтъ.

„Поэтому я сталъ разглядывать и ощупывать себя, сознавая себя въ тѣлѣ, но настолько эфирномъ, что я могъ бы, кажется, рукой пронизать его насквозь, и оно, насколько помню, было окутано во что-то бѣлое. Затѣмъ я всталъ противъ зеркала, но, вмѣсто того, чтобы увидѣть въ немъ свое отраженіе, я замѣтилъ, что, по мѣрѣ моего желанія, *сила зрѣнія* моего увеличивалась настолько, что я проникалъ имъ сквозь зеркало сначала до стѣны, а затѣмъ и сквозь стѣну, по ту ея сторону, гдѣ я увидѣлъ изнанку картинъ, висящихъ на ней въ помѣщеніи моего сосѣда, комнаты и мебель котораго ясно предстали моему взору. Ясно отдавая себѣ отчетъ въ отсутствіи освѣщенія въ этихъ комнатахъ, я, однако, прекрасно видѣлъ всѣ предметы и тутъ обратилъ вниманіе на тонкую струю свѣта, исходящую изъ подложечной моей области, освѣщавшей все вокругъ меня.

[1]) Ю. былъ хорошимъ граверомъ, по словамъ *Жибье.*

„Я не былъ знакомъ съ моимъ сосѣдомъ, живущимъ объ стѣну со мной, но зналъ, что онъ въ отъѣздѣ изъ Парижа. И не успѣлъ я почувствовать желаніе проникнуть въ его квартиру, какъ я уже очутился тамъ. Какимъ путемъ?.. Не знаю, но мнѣ казалось, что я *проникъ* сквозь стѣну такъ же безпрепятственно, такъ же свободно, какъ туда сначала проникъ мой взоръ. Словомъ, я *впервые* находился въ комнатахъ моего сосѣда. Я осматривалъ ихъ размѣщеніе, стараясь запомнить подробности ихъ обстановки и, подойдя къ библіотечному шкафу, я особенно въ памяти своей отмѣчалъ заглавія нѣкоторыхъ книгъ, стоящихъ на тѣхъ полкахъ, которыя приходились въ уровень съ моими глазами.

„Достаточно было одного моего желанія, чтобы я, безъ всякаго съ моей стороны усилія, уже былъ тамъ, куда потянуло меня.

„Но съ этого момента мои воспоминанія дѣлаются крайне смутны. Я знаю, что уносился далеко, очень далеко, кажется, въ Италію, но не могу себѣ отдать отчета въ томъ, что именно тамъ дѣлалъ.

„Какъ бы потерявъ всякую власть надъ своею мыслью, я слѣдовалъ за ней, перенося то сюда, то туда, смотря по тому, куда направлялась она. Она увлекала меня за собой прежде, нежели я успѣвалъ овладѣть ею...

„Проснулся я въ 5 час. утра, чувствуя себя измученнымъ и какъ бы окоченѣлымъ. Я лежалъ въ той самой позѣ, въ которой съ вечера прилегъ на кушетку, и пальцы руки моей не выронили недогорѣвшую сигару. Лампа потухла, закоптивъ стекло. Я улегся въ постель, но долго не могъ заснуть отъ дрожи, пробѣгавшей по всему тѣлу. Наконецъ-таки, сонъ охватилъ меня, и было уже далеко за полдень, когда я проснулся.

„Посредствомъ придуманнаго мною невиннаго предлога, мнѣ въ тотъ же день удалось уговорить нашего консьержа[1]) вмѣстѣ со мной отправиться въ квартиру моего сосѣда, чтобы посмотрѣть, „не случилось ли тамъ чего-нибудь“ и, такимъ образомъ, я убѣдился въ томъ, что мебель, картины и заглавія книгъ, мною видѣнныя, все именно тамъ было такъ, какъ я видѣлъ предыдущею ночью непонятнымъ для меня путемъ...

„Я, всеконечно, о всемъ этомъ никому ничего не говорилъ, а то вѣдь сочтутъ меня *за полоумнаго*, или скажутъ, что у меня былъ припадокъ *бѣлой горячки*“...

Окончивъ свой разсказъ, г. Ю. спросилъ меня: „ну, какъ же, докторъ, объясните вы это странное со мной приключеніе?..

„Я,— говоритъ Жибье, — нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что, попадись этотъ разсказъ на глаза человѣка, еще никогда не слыхавшаго о подобныхъ „случаяхъ“ и вовсе не знакомаго съ трансцендентальной философіей, ему „инцидентъ“ г. Ю. покажется неправдоподобнымъ. Но я и не стараюсь увѣрять его въ реальности такого явленія, а только скажу: по существу подобное явленіе возможно. („Ребусъ“ 1898 г., № 19).

17. **Появленіе двухъ двойниковъ.** (Письмо въ редакцію *Messager,* № 3, отъ августа 1897 г.). Одинъ пріятель сообщилъ мнѣ то, что въ сочиненіи А. Н. Аксакова сказано, по поводу телепатическихъ явленій, о дочеряхъ-близнецахъ г. Болтина. Я могу подтвердить достовѣрность упоминаемыхъ фактовъ: одна изъ сестеръ — моя жена, другая — вдова знаменитаго русскаго писателя Михаила Салтыкова (Щедрина). Хотя способность сообщаться между собою на разстояніи, нерѣдко присущая близнецамъ, какъ говорятъ, слабѣетъ съ годами, однако, женѣ моей случается иногда и теперь говорить: „у Лизы должно быть какое-нибудь горе, мнѣ что-то грустно“.

Но сегодня я собираюсь говорить о болѣе выдающемся явленіи.

Моя свояченица, живущая въ Петербургѣ, всякій годъ пріѣзжаетъ къ намъ. Въ сентябрѣ 1892 года она была у насъ. Однажды, послѣ затрака, жена моя пошла въ нашъ небольшой садикъ. Едва вошла она въ него, какъ услыхала шаги кого-то, шедшаго вслѣдъ за нею. Это оказалась ея сестра, которая, приблизившись и жалобно взглянувъ на нее, грустно проговорила по-русски: „бѣдная Анна“! Жалобный взглядъ и слова раздосадовали жену. Она отвѣтила: „почему ты называешь меня бѣдной? я себя бѣдной не считаю“. — „Я хочу сказать, что ты жалка. Впрочемъ, мы обѣ старыя и жалкія“. И, повернувшись, пошла къ дому. Шаги ея послышались по песку и на лѣстницѣ.

Минуту спустя вернулась изъ сада и моя жена и нашла сестру, разговаривавшую въ столовой съ няней. Онѣ отправились обѣ въ публичный садъ, находящійся подъ нашими окнами, и усѣлись на скамейкѣ.

— Почему, — спросила жена, — приходила ты въ нашъ садъ и жалобно сказала мнѣ: „бѣдная Анна“?

— Я была въ саду, я тебѣ сказала: бѣдная Анна? Но я все время была въ столовой, гдѣ ты меня застала, и разговаривала съ няней!

— Какъ, ты не приходила въ садъ, не говорила со мной, и я тебѣ не отвѣчала? Однако, я тебя отлично видѣла и слышала.

— Въ такомъ случаѣ, — съ ужасомъ сказала свояченица, — намъ угрожаетъ великое несчастіе!

[1]) Швейцара или дворника дома.

Была ли права моя свояченица въ своемъ испугѣ, и были ли слова ея двойника пророческими? Случившееся нѣсколько времени спустя заставляетъ меня именно такъ думать. Жена моя вскорѣ почувствовала нѣкоторое разстройство зрѣнія и сперва не обратила на него вниманія, увѣренная, что это пустяки. Однако, со временемъ потемнѣніе усиливалось, и прошлаго года она замѣтила, что лѣвымъ глазомъ не различаетъ мелкія ноты. Испуганная, она перестала заниматься своими композиціями, и не позволяла себѣ попрежнему много читать. Послѣ трехъ поѣздокъ въ Парижъ для совѣта съ знаменитыми окулистами, она исполняетъ предписанія доктора Пано. Ученый академикъ ручается за сохраненіе праваго глаза, представлявшаго нѣкоторые опасные симптомы, но не увѣренъ въ возможности уничтожить пятно на лѣвомъ зрачкѣ, признанное всѣми докторами.

Вы понимаете мою жестокую тревогу? А какъ объяснить теперь это явленіе? Галлюцинаціей? Только сумасшедшіе принимаютъ галлюцинацію за дѣйствительность [1]).

Возвратясь домой, сестры отправились въ нашъ садикъ и стали совершенно такъ, какъ стояла жена рядомъ съ призракомъ во время его появленія. Всмотрѣвшись и сосредоточивъ свое вниманіе, жена убѣдилась, что призракъ былъ нѣсколько ниже ростомъ и свѣтлѣе ея сестры.

Лѣтъ тридцать тому назадъ у жены моей было сходное съ этимъ явленіе, только вмѣсто сестры тогда былъ призракъ ея матери. Она жила тогда вмѣстѣ съ отцомъ и матерью въ ихъ имѣніи въ Нижегородской губерніи.

Однажды, проходя мимо комнаты, гдѣ стоялъ библіотечный шкафъ, она увидѣла тамъ свою мать, читающей какую-то книгу, что очень ее удивило; книга и по формату, и по цвѣту была ей незнакома; а сверхъ того замокъ въ шкафу былъ испорченъ, и она не понимала, какъ могла мать отпереть его. Однако она не сказала ни слова и пошла далѣе, пока не нашла мать, сидящей въ другой комнатѣ, и та очень удивилась, услыхавъ о случившемся.

Какъ и первое, и это видѣніе не прошло даромъ, а получило свое значеніе. Три года спустя скончался ея отецъ, и она узнала въ рукахъ дьячка, читавшаго надъ покойникомъ псалтирь, ту самую книгу, которую видѣла въ рукахъ призрака. (См. „Ребусъ“ 1898 г., № 2).

---

[1]) Самымъ удобнымъ объясненіемъ въ данномъ случаѣ будетъ, кажется, допущеніе явленія двойника, чрезъ котораго ясновидящая душа того лица, чей былъ двойникъ, предупредила объ опасности родственниковъ. *Г. Д—ко.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Факты, устанавливающіе существованіе двойной личности въ живомъ человѣкѣ. — Различные виды ея проявленія.

Нѣтъ-ли въ человѣческомъ организмѣ такого начала, которое, отдѣляясь отъ тѣла, когда это послѣднее умираетъ, сохраняетъ еще на нѣкоторое время индивидуальную человѣческую дѣятельность? Многіе факты показываютъ, что это начало существуетъ и что оно обнаруживается иногда и при жизни, представляя признаки, одинаково принадлежащіе личности живой и личности посмертной. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

1. Во время переѣзда автора въ Ріо-Жанейро, ему былъ сообщенъ слѣдующій фактъ. Это было въ 1858 году. Семейство изъ Эльзаса, состоявшее изъ мужа, жены и маленькой дочери, отправлялось въ Ріо-Жанейро. Переѣздъ былъ дологъ, жена захворала и скончалась въ пути. Въ день кончины своей она впала въ обморокъ, а когда пришла въ себя, сказала мужу: «теперь я успокоилась, я была въ Ріо-Жанейро, я нашла улицу и домъ нашего друга Фритца; онъ былъ на крыльцѣ; я ему поручила нашу малютку; я увѣрена, что по пріѣздѣ твоемъ онъ ее узнаетъ и не оставитъ». Въ этотъ самый день и часъ плотникъ Фритцъ находился на крыльцѣ дома своего въ Ріо-Жанейро и видѣлъ, какъ чрезъ улицу проходила землячка его съ маленькой дѣвочкой на рукахъ. Она смотрѣла на него умоляющими глазами и какъ бы поручала ему ребенка, котораго несла Исхудавшее лицо ея напоминало ему черты Лотты, жены пріятеля и земляка его Шмидта. Спустя нѣсколько времени онъ видитъ, что землякъ Шмидтъ идетъ къ нему съ дѣвочкой на рукахъ. Прежде чѣмъ тотъ выговорилъ слово, онъ сказалъ ему: «я знаю все; жена твоя скончалась на пути; она приходила ко мнѣ, чтобы поручить мнѣ свою малютку; вотъ день и часъ».

2. Въ 1830 году, офицеръ англійской арміи возращался изъ Индіи въ Англію; послѣ двухдневнаго плаванія онъ подходитъ однажды къ капитану и говоритъ ему:

— Видно, у васъ, на кораблѣ есть незнакомецъ, котораго вы прячете?

— Вы шутите?

— Нисколько; я его отлично видѣлъ, но только онъ болѣе не показывается.

— Что хотите вы сказать? Объяснитесь.

— Извольте. Я ложился спать, когда увидалъ незнакомаго человѣка, входящаго въ гостиную: онъ обошелъ ее, затѣмъ заглянулъ въ каждую каюту и каждый разъ отрицательно моталъ головой. Подойдя къ моей, раздвинулъ занавѣску, взглянулъ на меня, и, не находя во мнѣ того, кого искалъ, онъ тихонько удалился и исчезъ.

— Удивительно! Можете вы дать его примѣты?

Офицеръ описалъ ихъ до малѣйшей подробности.

— Помилуй Боже!—воскликнулъ капитанъ.— Если бъ только слова ваши не были чистымъ вздоромъ, то это былъ бы не кто иной, какъ мой отецъ.

Когда капитанъ прибылъ въ Англію, онъ узналъ, что отецъ его скончался позже того дня, когда появлялся этотъ призракъ; но что въ этотъ самый день и часъ, будучи уже боленъ и находясь въ бреду, онъ сказалъ: «я сейчасъ былъ на морѣ, былъ на кораблѣ моего сына, обошелъ всѣ каюты, заглянулъ въ каждую и не нашелъ его». Гужено-дэ-Муссо, изъ книги котораго (Les hauts phenomènes de la magie) заимствованъ этотъ фактъ, говоритъ, что онъ переданъ ему старымъ капитаномъ англійской арміи въ Индіи, а этому послѣднему—семействомъ самого капитана корабля.

Въ этомъ разсказѣ насъ поражаетъ мгновенность передвиженія флюидическаго человѣка. Прижизненный призракъ движется съ такою же быстротой, какъ и посмертный. Другое обстоятельство достойно вниманія: появленіе призрака совершилось въ то время, когда больной былъ въ «бреду»; быть-можетъ это былъ не бредъ, а обморокъ. Состояніе обморока, повидимому, самое благопріятное для появленія прижизненнаго призрака; иногда это раздвоеніе происходитъ и во снѣ; таковъ слѣдующій примѣръ.

3. Робертъ Брюсъ, подшкиперъ корабля, направлявшагося къ Новой Землѣ, занимался однажды вычисленіями, когда за конторкой капитана увидалъ какую-то незнакомую личность что-то писавшую на аспидной доскѣ.

— Кто такой за вашей конторкой?—спрашиваетъ онъ капитана.

— Никого нѣтъ!

— Кто-то есть. Посмотрите.

Они сходятъ, но никого не находятъ; смотрятъ на доску, на ней написано: «держите къ сѣверо-западу». Всѣ пассажиры приглашаются написать ту же фразу; ни одинъ почеркъ не подходитъ. Капитанъ дѣлаетъ попытку держаться по указанному направленію. Три часа спустя встрѣчается корабль затертый льдомъ, шедшій изъ Квебека въ Ливерпуль. Всѣ его пассажиры перевозятся въ шлюпкахъ на корабль, въ то время какъ одинъ изъ нихъ поднимается вдоль борта, Брюсъ, къ великому изумленію своему, узнаетъ въ немъ незнакомца, котораго онъ видѣлъ за грифельной доской. Его просятъ написать ту же фразу; почеркъ оказался тотъ же. Изъ разспросовъ выяснилось, что въ этотъ день утромъ онъ крѣпко уснулъ и, проснувшись, говорилъ: «мы будемъ спасены, я видѣлъ во снѣ корабль, идущій къ намъ на помощь» — и при этомъ описалъ этотъ корабль такъ вѣрно, что бѣдствующій экипажъ тотчасъ узналъ его, какъ только онъ показался.

Въ этомъ случаѣ являвшійся пассажиръ не помнитъ всего, что съ нимъ происходило, — не помнитъ, чтобы онъ писалъ что на аспидной доскѣ. Это неудивительно. Явленія раздвоенія представляютъ многочисленные оттѣнки, начиная отъ сна и до появленія полнаго, живого человѣческаго образа. Эти разности, очевидно, зависятъ отъ степени нравственной энергіи индивидуума, напряженія его ума къ извѣстной цѣли, его физическаго сложенія, возраста и, вѣроятно, другихъ причинъ, которыхъ мы не знаемъ. Въ связи съ этимъ находится и воспоминаніе того, что происходило во время раздвоенія.

Безчисленные факты, засвидѣтельствованные съ далекой древности и до нашего времени, доказываютъ существованіе въ человѣкѣ другой личности,—внутренней. Анализъ ея различныхъ проявленій дозволяетъ намъ проникнуть въ ея природу. Снаружи это точный образъ лица, котораго онъ является дополненіемъ; внутренно она воспроизводитъ подобіе всѣхъ органовъ, образующихъ человѣческое тѣло. Крайняя тонкость ея составныхъ частицъ позволяетъ ей проникать сквозь двери и стѣны. Отсюда и названіе призрака, которымъ она обыкновенно обозначается. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ она связана съ своимъ тѣломъ какой-то невидимой сосудистой сѣтью, она можетъ по волѣ своей привлечь къ себѣ, какъ бы нѣкоторымъ всасываніемъ, большую часть живыхъ силъ, оживляющихъ это тѣло. Тогда, по какому-то странному извращенію, жизнь какъ бы покидаетъ тѣло, окоченѣвающее подобно трупу, и все переносится на призракъ, который уплотняется иногда настолько, что пускается въ борьбу съ тѣми лицами, которымъ онъ является. При жизни онъ показывается только въ исключительныхъ случаяхъ; но какъ только смерть разрываетъ узы, которые привязываютъ его къ нашему организму, онъ окончательно отдѣляется отъ него и образуетъ призракъ посмертный [1]). («Позитивизмъ въ области спиритуализма», А. Аксакова, стр. 17—25).

---

[1]) Этотъ призракъ не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ тѣломъ человѣка, имѣющимъ быть по воскресеніи мертвыхъ, которое будетъ совершенно инымъ, будетъ столь тонкимъ и маломатеріальнымъ, что св. апостолъ Павелъ называетъ его даже «духовнымъ тѣломъ» (хотя, безъ сомнѣнія, прекрасно доказываетъ возможность его существованія). Оно будетъ вѣчно существовать вмѣстѣ съ безсмертной душой или въ вѣчномъ свѣтѣ и блаженствѣ, или адскомъ мракѣ и его невыразимыхъ мукахъ. Между тѣмъ, флюидическій посмертный призракъ есть, такъ сказать, простая, хотя утонченная матерія нашего тѣла, находящаяся подъ вліяніемъ духовнаго начала—души человѣческой. Сами спириты, допускающіе существованіе флюидическихъ призраковъ, утверждаютъ, что они подъ вліяніемъ разныхъ физическихъ условій, какъ-то: свѣта, теплоты, электричества и другихъ силъ, постепенно разрушаются и уничтожаются. Не таково «прославленное тѣло» по ученію христіанскому: оно вѣчно будетъ существовать съ душою. *Свящ. Г. Д—ко.*

Б. Объективація двойниковъ.

Всѣ приведенные въ настоящей главѣ случаи устанавливаютъ *безспорность самого факта появленія двойниковъ:* перципіэнтъ, дѣйствительно, видитъ и воспринимаетъ настоящій призракъ (εἴδωλον). Но тогда возникаетъ вопросъ, насколько эти двойники объективны? Вѣдь остается еще доказать, что перципіэнтъ видитъ реальный фантомъ, объективно проектированный въ пространствѣ внѣ его, и что видѣніе это не есть ни оптическій обманъ зрѣнія его глаза — *иллюзія*, ни также продуктъ психической работы его мозга — *галлюцинація,* хотя бы даже подъ вліяніемъ телепатическаго воздѣйствія агента.

Наука въ настоящее время уже выработала методы, помогающіе въ каждомъ данномъ конкретномъ случаѣ узнать, съ какимъ изъ поименованныхъ родовъ явленій, т.-е. иллюзіей или галлюцинаціей, мы въ испытуемомъ случаѣ имѣемъ дѣло. Мы можемъ даже посредствомъ анализа доказать, имѣется ли, вообще, передъ нами фактическое явленіе или злонамѣренная и даже невольная мистификація симулянта. Къ сожалѣнію, всѣ эти, такъ сказать, лабораторные способы изслѣдованія по понятнымъ причинамъ не приложимы къ этимъ мимолетнымъ и совершенно случайнымъ феноменамъ.

Ясно, что для доказательства объективности наблюденныхъ двойниковъ нужно прибѣгнуть не къ экспериментальнымъ даннымъ, а къ косвеннымъ, такъ сказать, логическимъ умозаключеніямъ.

По нашему мнѣнію, лучшимъ логическимъ доказательствомъ фактической объективности фантомовъ естественныхъ двойниковъ могутъ служить *взаимныя* и *коллективныя* наблюденія такихъ фантомовъ.

1. Взаимными двойниками можно назвать такія видѣнія фантомовъ, когда не только *воспринимающій видитъ агента,* но когда *одновременно* съ этимъ и *самъ агентъ видитъ ясно своего перципіэнта* и даже видитъ, какое впечатлѣніе его двойникъ производитъ на послѣдняго.

Вотъ прекрасный примѣръ чистаго взаимнаго видѣнія двойниковъ.

Сообщеніе Г. Дж. Т. Мильвардъ Пейерсъ. (Phantasms, p. 298).

«Я живу въ Небраскѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, занимаюсь скотоводствомъ и пр. Я сдѣлалъ предложеніе одной дѣвицѣ, которая живетъ въ Янктонѣ въ Дакотѣ, за 25 миль къ сѣверу.

Въ концѣ октября 1884 г. я ловилъ лошадь, и она ударила меня копытомъ по лицу; еще на одинъ палецъ или на два выше — и мой черепъ былъ бы разбитъ. Я все-таки *потерялъ два зуба и получилъ жестокій ударъ въ грудь.* Кругомъ было не мало людей. Я не оробѣлъ и сначала даже не почувствовалъ боли: нужно было беречься, какъ бы она не лягнула другой разъ. Съ минуту никто не говорилъ ни слова. Я прислонился къ стѣнѣ конюшни и тутъ увидѣлъ рядомъ со мной, по лѣвую руку, ту молодую дѣвицу, о которой я говорилъ; ея лицо было блѣдно. Я не замѣтилъ какъ она была одѣта, но *обратилъ вниманіе на ея глаза; въ нихъ виднѣлся испугъ и безпокойство. Я видѣлъ не только лицо, но всю ее, какъ живую.* Въ эту минуту мой управляющій спросилъ, не раненъ ли я. Отвѣчая ему, я повернулъ голову, и когда посмотрѣлъ снова — ея уже не было. Лошадь не очень сильно ушибла меня. Мой умъ былъ совершенно ясенъ: тотчасъ послѣ того я прямо отправился въ свою контору, чертилъ планы и дѣлалъ вычисленія для новаго дома, — трудъ, требующій яснаго и сосредоточеннаго ума.

Мысль о видѣніи такъ тревожила меня, что на слѣдующее утро я поѣхалъ въ Янктонъ. Моя невѣста при встрѣчѣ со мною съ первыхъ же словъ сказала: «а, вѣдь, я васъ ждала вчера весь день; мнѣ показалось, что я видѣла васъ. *Ваше лицо было блѣдно и все въ крови*». (Я долженъ упомянуть, что мой ушибъ не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ). Крайне пораженный, я спросилъ ее, когда это было. Она отвѣтила: «тотчасъ послѣ завтрака». Случай произошелъ какъ разъ послѣ завтрака».

2. Второй случай еще интереснѣе, такъ какъ здѣсь можно видѣть, какъ мысль одного — *бредъ больного и желаніе его* быть помѣщеннымъ на лужайкѣ подъ деревомъ отца, исполненіе котораго онъ ясно перечувствовалъ, *была фактически воспринята его сестрою,* увидѣвшей его двойникъ на этой лужайкѣ. Такимъ образомъ, его двойникъ объективно находился на этомъ мѣстѣ.

Сообщеніе миссъ Кресси. (Phantasms, p. 282).

«Мой младшій братъ былъ въ Австраліи, и въ теченіе 4-хъ или 5-ти мѣсяцевъ семья не получала отъ него писемъ, почему мать заключила, что онъ умеръ. Однажды утромъ около 11 часовъ я съ ней и сестрой сидѣла въ столовой за нѣмецкими упражненіями. Я подняла глаза, громко произнося нѣмецкое слово, *и вдругъ въ окно увидала моего брата, стоящимъ на лужайкѣ и, повидимому, смотрящимъ на насъ.* Я вскочила, говоря матери: «не пугайтесь, маменька, вотъ возвратился Томъ, совсѣмъ здоровымъ». — «Гдѣ? — спросили мать и сестра, — мы его не видимъ». — «Онъ тамъ, — сказала я, — я его видѣла; онъ пошелъ къ главному подъѣзду», и мы всѣ туда побѣжали. Отецъ мой, сидѣвшій въ своей библіотекѣ, услыхавъ переполохъ, отворилъ свою дверь, чтобы узнать причину.

Я къ этому времени успѣла отомкнуть дверь и, не увидавъ брата, подумала, что онъ, вѣроятно, шутитъ и спрятался въ кустахъ. «Иди, Томъ, иди! — воскликнула я, — полно дурачиться; это можетъ убить бѣдную мать». Никто не от-

вѣчалъ, и тогда мать моя воскликнула: «о, ты не дѣйствительно его видѣла; онъ умеръ, я знаю, что онъ умеръ!» Эти слова меня озадачили, я не могла понять, что онъ умеръ: *онъ казался пышащимъ здоровьемъ*». Я, правду сказать, все еще думала, что онъ въ саду; однако, его тамъ не было, но *онъ и не умеръ*.

Черезъ годъ онъ вернулся домой и, разсказавъ про разныя непріятности, онъ упомянулъ, что былъ очень боленъ и что въ бреду просилъ своихъ товарищей положить его подъ большое кедровое дерево на лужайкѣ отца; затѣмъ, обратившись къ отцу, онъ продолжалъ: «повѣришь ли, отецъ дорогой, что *мнѣ казалось, какъ-будто я вижу старое любимое мѣсто точно такъ ясно, какъ и теперь!*» — «Когда это было»?— спросилъ отецъ. Онъ назвалъ число, и мать, которая записала день моего видѣнія, сказала: «какъ! вѣдь, это тотъ самый день, когда твоя сестра увѣряла, что видитъ тебя на лужайкѣ».— «Да,—подтвердилъ отецъ,—а мать тебя похоронила», и тутъ всѣ отъ души смѣялись надо мной.

«Этотъ братъ не былъ особеннымъ моимъ любимцемъ. Мнѣ было тогда 25 лѣтъ. Я помню, что *видѣла брата одѣтымъ такъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ намъ изъ Лондона*. На немъ была высокая шляпа и полная пара чернаго платья; онъ ничего этого не бралъ съ собою въ Австралію. Я очень похожа на брата, и относительно здоровья мы были подвержены одинаковымъ страданіямъ».

Коллективными видѣніями двойниковъ должно признать тѣ случаи, когда *одинъ и тотъ же фантомъ въ одинъ и тотъ же моментъ видятъ нѣсколько лицъ*, находящихся въ одномъ или въ разныхъ даже отдаленныхъ мѣстахъ. Послѣдній случай даже доказательнѣе, такъ какъ онъ устраняетъ возможность возраженія, будто коллективность видѣнія была только заразительной галлюцинаціей или внушенной идеей со стороны одного настоящаго перципіэнта на остальныхъ его сенситивныхъ сосѣдей.

3. Мы здѣсь приведемъ два примѣра коллективнаго видѣнія призрака, притомъ лица, неизвѣстнаго видѣвшимъ, гдѣ теорія заразительной галлюцинаціи вслѣдствіе этого непримѣнима.

Сообщеніе миссисъ Черлотте Е. Сквайръ.

а) Впечатлѣніе миссъ Ч. Сквайръ. (Phantasms, p. 104).

«Я съ братомъ ѣхала изъ Кельна въ Флемингъ. Мы были въ вагонѣ одни, когда вдругъ мой братъ, передъ тѣмъ задремавшій, сказалъ, что имъ овладѣло весьма странное *представленіе*, какъ-будто въ *вагонѣ сидитъ еще кто-нибудь напротивъ меня*. Меня поразило то же самое представленіе раньше, чѣмъ онъ заговорилъ.

Несмотря на то, что *я держала ноги на противоположной скамейкѣ, я была увѣрена, что тамъ кто-то сидитъ*, хотя я бодрствовала и не видѣла ни малѣйшаго признака чьего-либо присутствія. Это представленіе продолжалось одинъ только моментъ, но странно было совпаденіе нашихъ мыслей».

b) Впечатлѣніе В. Барклай Сквайръ.

«Фактъ случился на второй недѣлѣ февраля 1884 г. Я съ сестрой былъ въ Ганноверѣ, откуда обратнымъ путемъ ѣхалъ черезъ Флемингъ. Мы сидѣли одни въ вагонѣ перваго класса; я лицомъ, а она спиною къ ломокотиву, въ углахъ по діагонали. Вечеромъ, когда мы уже приближались къ Флемингу, я дремалъ, или, лучше сказать, находился въ томъ полусонномъ состояніи, въ которомъ грезы сливаются съ дѣйствительностью и вещественные предметы съ картинами сна.

Изъ этого состоянія я внезапно проснулся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, *что какая-то фигура сидитъ въ углу вагона напротивъ моей сестры*, т.-е. на другомъ концѣ занятой мною скамейки. Впечатлѣніе было только моментальное, но до того яркое, что я совершенно проснулся, хотя *призракъ былъ неопредѣленный и темный, какъ-будто закутанный въ плащъ, и черты лица невозможно было отличить*.

Я тотчасъ же сказалъ про эту галлюцинацію сестрѣ, на что она отвѣтила, что съ ней было то же самое. Я намѣренно замѣтилъ, что на скамейкѣ, на которой показалось явленіе, не было ни багажа, ни свертковъ, могущихъ при живомъ воображеніи превратиться въ подобный призракъ». (См. у *д-ра медиц. Погорѣльскаго:* «Письма о животномъ магнитизмѣ»).

В. **Абитуріенты—двойники (т.-е умершихъ людей).**

Изъ многочисленныхъ примѣровъ появленій двойниковъ — абитуріентовъ, мы остановимся только на тѣхъ, которые могутъ имѣть тотъ или другой спеціальный интересъ и которые въ то же самое время всѣ въ совокупности дадутъ ясную картину постепенности процесса образованія и сложенія въ опредѣленный образъ (*персонизмъ*), степени ихъ матеріальной консолидаціи и ихъ динамическій эффектъ (*анимизмъ*), наконецъ, самой цѣли ихъ телефанированія роднымъ и близкимъ. Въ послѣднемъ уже сказывается наличность въ этихъ фантомахъ индивидуальнаго психическаго или духовнаго «*я*» и потому это уже доказываетъ въ нихъ *спиритуализмъ*. Вотъ эти примѣры.

1. Фантомы абитуріентовъ, являющихся непосредственно перципіентамъ, *о которыхъ*, повидимому, *умирающіе думали и заботились въ послѣднія минуты жизни*, но посторонніе лица не видятъ этихъ фантомовъ.

а) Сынъ видитъ образъ матери, умершей скоропостижно на улицѣ. Онъ хотя не узналъ приз-

рака, но совпаденіе моментовъ появленія фантома и наступленія смерти убѣждаетъ его въ томъ, что это былъ призракъ его матери.

Сообщеніе преп. Роберта Би. (Phantasms, p. 87).

«18-го декабря 1873 г. я поѣхалъ въ Линкольнширъ къ родителямъ моей жены, оставивъ дома въ Саутпортѣ моихъ родителей вполнѣ здоровыми. На другой день, послѣ пріятной прогулки по мѣстечку, я съ женой игралъ въ шахматы, но сдѣлалъ нѣсколько очень глупыхъ ошибокъ. *Глубокая меланхолія овладѣла мною*, и мы бросили играть. Около $7^1/_2$ и моя жена вдругъ замѣтила: «мнѣ очень тоскливо сегодня вечеромъ, я пойду внизъ къ мамѣ на нѣсколько минутъ».

«Скоро послѣ ухода жены и я всталъ и пошелъ къ двери. Тутъ я простоялъ одну минуту, а потомъ вышелъ на площадку лѣстницы.

«Тогда было ровно безъ 10 м. 8 ч. Я одну минуту простоялъ на площадкѣ, когда *вышла изъ сосѣдней спальни и прошла мимо меня* дама, которая, судя по костюму, собралась вытти по какому-нибудь дѣлу. *Я не ясно видѣлъ ея лицо. Фигура спустилась внизъ по винтовой лѣстницѣ,* и въ ту же минуту вернулась моя жена, такъ что она должна была пройти совсѣмъ близко отъ незнакомки, которую она, по всей вѣроятности, даже должна была задѣть. Я почти немедленно воскликнулъ: «кто та дама, съ которой ты только что встрѣтилась?» Никогда я не забуду отвѣта жены: «я никого не встрѣтила», сказала она, а, между тѣмъ, *я ясно видѣлъ, какъ она прошла мимо жены*. Мы съ женою спустились внизъ; я разсказалъ о происшедшемъ матери моей жены. Она подтвердила, что во всемъ домѣ кромѣ насъ никого нѣтъ.

«На завтра я получилъ телеграмму отъ сестры Юліи о внезапной *смерти моей матери* отъ порока сердца. Это было *ровно безъ 10 минутъ 8 часовъ вечера*. Она захворала *на улицѣ,* такъ что ее перенесли въ домъ нашего сосѣда, въ магазинъ Смитсона въ Генсбораy, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего дома. Призракъ въ точности походилъ на мою мать въ отношеніи роста, одежды и, вообще, наружности, но все-таки въ тотъ моментъ онъ не напомнилъ мнѣ ея. Не такъ было темно, чтобы я не узналъ своей матери, если бы она въ дѣйствительномъ тѣлѣ прошла мимо меня».

b) Призракъ отца является сыну моряку и долго остается съ нимъ на палубѣ.

Сообщеніе Эдуарда Синкса. (Phantasms, p. 387).

«Я разстался съ моимъ отцомъ въ страстную пятницу (30-го марта 1877 г.), онъ былъ въ добромъ здоровьѣ. Насъ прихватило вѣтромъ и мы вошли въ Гумберъ; приготовили большой якорь. Я стоялъ у колеса и водилъ судно. *Онъ (отецъ) подходилъ ко мнѣ раза три или четыре,* ударялъ меня по плечу и говорилъ: *„берегись руля, Джо!"*. (Это было обычное обращеніе отца, когда я у него учился мореходному искусству). Я сказалъ капитану, что отецъ утонулъ или что-нибудь съ нимъ случилось.

«Послѣ остановки, когда я былъ на вахтѣ, *онъ ходилъ со мною вдоль и поперекъ*. Онъ оставался *со мною на палубѣ* цѣлый часъ и я не могъ дольше выносить этого; тогда я спустился внизъ и сказалъ товарищу, что не могу больше оставаться наверху. Товарищъ сталъ на мое мѣсто. Я не могъ говорить съ отцомъ, что-то все мѣшало. О его смерти я узналъ черезъ недѣлю. Мать и сестра, бывшія при его смертномъ одрѣ, говорили мнѣ, что отецъ много разъ *спрашивалъ, „не въ портѣ ли я?"*

c) Фантомы-вѣстники. Говоря вообще, всякое появленіе кому-либо двойника умирающаго, какъ и появленіе прижизненныхъ призраковъ, чаще всего происходитъ отъ того, что мысль агента въ данный моментъ занята личностью перципіента. Само собою понятно, что идеи о призываніи на помощь, или дать знать о своемъ несчастіи, или желаніе попрощаться и, вообще, свидѣться въ послѣдній разъ во всѣхъ этихъ критическихъ моментахъ являются преобладающей мыслью, которой можетъ быть занятъ мозгъ абитуріента. Но наивысшей степенью объективаціи этихъ идей должно признать, когда абитуріентъ является своему корреспонденту не только «ipsa persona» (самолично), а перципіентъ одновременно съ призракомъ новопреставленнаго воспринимаетъ еще призраки его спутниковъ.

Особенность данной группы фантасмовъ заключается въ томъ, что вѣстники-спутники не всегда на самомъ дѣлѣ реально присутствуютъ у тѣла абитуріента и такимъ образомъ и *призракъ самого спутника можетъ быть, пожалуй, продуктомъ работы мысли того же абитуріента,* на что, по нашему мнѣнію, указываетъ тотъ фактъ, что сопровождающіе агентовъ спутники обыкновенно оказываются близкими ему родственниками. Вотъ примѣры этихъ удивительныхъ комбинацій фантасмовъ со спутниками.

1. Сообщеніе г-жи Бесси Саундерсъ. (Phantasms, p. 161).

«10-го января 1885 г. къ утру я *сознавала, что у моей кровати стоитъ* женщина, *одѣтая въ сѣрое платье и подаетъ мнѣ на рукахъ* ребенка. *Женщина горько плакала и сказала*: «ахъ, г-жа Саундерсъ, я въ такой бѣдѣ!» Я сейчасъ узнала г-жу Ц. Р. Семуръ (которая находилась въ Новой Зеландіи) и только что хотѣла ее спросить, что съ ней, когда меня разбудилъ мужъ, почему я такъ безпокоилась (онъ внезапно проснулся и увидѣлъ, что я сижу на постели, наклонившись впередъ). Я взволнованная сказала ему, что видѣла очень печальный сонъ: Фанни Гуддель (дѣвичья фамилія Семуръ) стояла тутъ совсѣмъ близко ко мнѣ и съ отчаяніемъ держала на рукахъ ребенка, но я не могу сказать, чего ей было нужно. Это было такъ

реально, что я почти осязала ее, но тутъ ты разбудилъ меня.

12-го марта я узнала, что у Фанни дѣйствительно *умерла ея маленькая Дотти»*.

2. Призракъ живой дочери *сопровождаетъ* свою умершую мать. Перципіентомъ оказалась внучка умершей и дочь живой.

Сообщеніе Кэти Ротжерсъ. (Phantasms, p. 274).

«Въ 1878 г. я гостила въ Колнбрукѣ, Букингемшайръ, и однажды вечеромъ, когда я ложилась и вполнѣ еще бодрствовала, мнѣ вдругъ показалось, какъ *будто кто-то въ комнатѣ*. Я поднялась съ кровати, чтобы посмотрѣть, кто тамъ, и *увидала мою бабушку* въ клѣтчатомъ плащѣ, который она обыкновенно носила, *опирающеюся на руку моей матери*. Я оглянулась въ комнатѣ, не было ли явленіе вызвано рефлексомъ зеркалъ, и пока я смотрѣла, *оба призрака* тихо обошли комнату и потомъ исчезли. Впослѣдствіи я узнала, что моя бабушка умерла въ Лондонѣ около того времени, когда я въ Букингемшайрѣ видѣла явленіе».

3. Фантасмы (призраки) умершихъ.

a) Троекратное въ одинъ день видѣніе призрака человѣка, умершаго въ тотъ же день; между первымъ и послѣднимъ видѣніемъ прошло около 9-ти часовъ.

Сообщеніе Маріи Эллисъ (записано г-жей Портеръ). (Phantasms, p, 321).

«Въ сентябрѣ (19-го) 1878 г., когда я жила въ Іоркъ-Таунѣ, я три раза въ одинъ день совершенно ясно видѣла одного стараго знакомаго, г на Джемса Стефенсона, который, какъ мы узнали на завтра, *умеръ въ тотъ день въ Эверслеѣ, за пять миль отъ меня*. Въ первый разъ это случилось около $10^1/_2$ ч. утра, а въ послѣдній около 6-ти ч. вечера, когда я встала изъ-за стола послѣ чая (когда я объ этихъ видѣніяхъ разсказывала мужу и одному знакомому, Свойни). Я знала, что онъ боленъ, но не подозрѣвала, что онъ такъ близокъ къ смерти».

b) Фантасмъ новопреставленнаго, явившійся своей подругѣ около $^1/_2$ часа послѣ смерти, констатированной врачомъ. Послѣдній, возвратившись отъ умершаго, наблюдалъ перципіентку во время самой бесѣды съ невидимымъ имъ фантасмомъ.

Сообщеніе г-жи Стелла. (Phantasms, p. 279).

«Когда мнѣ было около 15-ти лѣтъ, я гостила у доктора І. Г. въ Твайфордѣ и очень подружилась съ его двоюроднымъ братомъ, 17-лѣтнимъ мальчикомъ. Однажды ночью попросили г. Г. къ двоюродному брату, который вдругъ захворалъ воспаленіемъ легкихъ; бѣдный юноша скончался въ слѣдующую ночь. Мнѣ не говорили, что онъ такъ боленъ, и я опасности не подозрѣвала и нисколько не безпокоилась.

«Въ вечеръ его смерти г. Г. съ сестрой пошли къ своей тетѣ, а я одна осталась въ гостиной. Огонь въ каминѣ горѣлъ ясно и, какъ всѣ молодыя дѣвушки, я любила сидѣть у камина и заниматься чтеніемъ. Такъ какъ мнѣ одной было скучно, то я заинтересовалась чтеніемъ книги «M-r Verdant Green» и отъ души смѣялась надъ какой-то остротой, какъ *вдругъ дверь отворилась, и* Берти (мой другъ) вошелъ. *Онъ прошелъ по комнатѣ къ стѣнѣ напротивъ камина и сѣлъ*. Я вскочила, чтобы пододвинуть ему кресло къ огню, такъ какъ *мнѣ казалось, что ему холодно, и на немъ не было верхняго платья;* снѣгъ шелъ, и я стала бранить его, что онъ не надѣлъ шинели. *Онъ ничего не сказалъ*, но подвелъ руку къ груди и покачалъ головой; я въ этомъ видѣла знакъ, что у него отъ простуды болитъ грудь, и что онъ охрипъ, чему былъ подверженъ. Итакъ, я снова упрекнула его въ неосторожности и начала зажигать свѣчи.

«Пока я говорила, г. Г. вошелъ и спросилъ меня, съ кѣмъ я говорю. «Вотъ съ этимъ несноснымъ мальчикомъ, сказала я, который пришелъ безъ шинели, несмотря на то, что такъ сильно простудился; одолжите ему пальто и пошлите его домой». Я никогда не забуду ужаса и удивленія доктора, которому было извѣстно, что бѣдный юноша умеръ полчаса тому назадъ. (Докторъ послѣ кончины племянника оставался при немъ минутъ 20, да около $^1/_4$ часа должно было пойти на ходьбу отъ дома Берти). Сначала онъ подумалъ, что я уже все знаю и сошла съ ума. Онъ меня вывелъ изъ комнаты, и нѣсколько минутъ мы разговаривали, не понимая другъ друга, а потомъ только онъ объяснилъ мнѣ, что со мною была оптическая галлюцинація».

c) Посѣщеніе духомъ умершей черезъ $^1/_2$ года послѣ смерти. Перципіентомъ самого фантасма былъ четырехлѣтній спящій сынъ умершей, но свѣтовой фотосфенъ отъ этого призрака былъ въ то самое время наблюдаемъ проснувшимся и бодрствовавшимъ воспитателемъ сиротъ. Послѣдній къ тому же безъ словъ уразумѣлъ цѣлую фразу, произнесенную фантомомъ.

Сообщеніе преп. Ч. Джеппа, перципіента. (Phantasms, p. 431).

«Нѣкто умеръ въ 1875 г., оставивъ жену и шестерыхъ дѣтей; троихъ изъ нихъ, старшихъ, приняли въ пріютъ. Черезъ три года умерла и вдова; тогда помѣстили въ пріютъ и остальныхъ дѣтей; младшему было 4 года. Однажды, приблизительно черезъ полгода *послѣ поступленія дѣтей*, поздно вечеромъ явилось неожиданно нѣсколько посѣтителей. Смотритель согласился помѣститься въ спальнѣ малолѣтнихъ, гдѣ было десять кроватей, изъ нихъ девять занятыхъ. Утромъ за завтракомъ смотритель, преп. Джеппъ, разсказалъ слѣдующее:

«Я заснулъ приблизительно въ 11 ч. и спалъ очень крѣпко. Вдругъ безъ видимой причины я *проснулся, и что-то заставило меня обернуться и взглянуть на дѣтей*, я лежалъ лицомъ къ стѣнѣ. Прежде чѣмъ обернуться, я

открылъ глаза и *замѣтилъ въ комнатѣ мягкій свѣтъ*; я думалъ, что это отъ газоваго рожка изъ коридора, но скоро замѣтилъ, что это не такъ. Обернувшись, я увидѣлъ нѣчто поразительное: надъ второй отъ меня кроватью, *въ которой спалъ младшій изъ шести сиротъ*, въ обыкновенномъ освѣщеніи лунной ночи *вилось свѣтовое облачко въ видѣ кольца изъ луннаго свѣта*.

«Я сѣлъ на постели, желая лучше разсмотрѣть странное явленіе, и, взявъ часы, замѣтилъ, что стрѣлки показывали безъ *пяти минутъ часъ*. Все было спокойно, дѣти крѣпко спали. Мнѣ пришла мысль встать и потрогать это вещество, но меня удержала какая-то невидимая сила: я не услышалъ, а почувствовалъ и вполнѣ уразумѣлъ слѣдующія слова *„лежите, съ вами не будетъ ничего худого“*. Я тотчасъ исполнилъ это; вскорѣ заснулъ и всталъ въ $5^1/_2$, въ обыкновенное время.

«Въ 6 ч. я занялся одѣваніемъ дѣтей; когда очередь дошла до самаго младшаго, я разбудилъ его, посадилъ къ себѣ на колѣни и началъ одѣвать. Вдругъ ребенокъ, только что разговаривавшій съ другими, замолкъ. Затѣмъ, глядя на меня съ особеннымъ выраженіемъ, онъ сказалъ: *„ахъ, г-нъ Джеппъ, въ эту ночь ко мнѣ приходила моя мать; вы видѣли ее?“* Мальчикъ никогда болѣе не говорилъ объ этомъ». (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. «О животномъ магнитизмѣ» *д-ра медиц. Погорѣльскаго*).

Г. Психическая причина порожденія двойниковъ.

На основаніи многочисленныхъ данныхъ, полученныхъ нами путемъ опыта и наблюденія, мы имѣемъ полное право заключить, что независимо отъ личной, субъективной воспріимчивости къ явленіямъ видимыхъ призраковъ,—необходимо еще извѣстное психическое соотношеніе, какъ бы связующее лицо, видящее призракъ, съ тѣмъ лицомъ, призракъ котораго является въ данную минуту. Появленіе призрака (двойника) *непроизвольное* обусловливается сильнымъ желаніемъ со стороны являющагося лица, напряженной заботой объ отсутствующемъ, глубокой тоской по немъ, а появленіе двойника *произвольное* (т.-е. въ зависимости отъ воли проявляющагося лица) бываетъ результатомъ ясно созрѣвшаго въ немъ желанія. Повидимому, всякое сильное напряженіе воли, хотя бы оно происходило не только помимо сознанія, а иногда даже и противъ воли являющагося лица, — можетъ выразиться появленіемъ его двойника.

Подобный случай произошелъ во время одного судебнаго процесса въ городѣ Гласго, въ Великобританіи, причемъ двойникъ могъ бы послужить къ открытію преступника, если бы юристы имѣли какое-нибудь понятіе о такого рода явленіяхъ.

1. «Ученикъ мѣстнаго хирурга находился въ близкихъ отношеніяхъ съ одной служанкой, которая въ одинъ прекрасный день неожиданно исчезла; однако ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія въ ея исчезновеніи не коснулась упомянутаго ученика. Черезъ нѣсколько времени утренній патруль нашелъ ученика за городомъ, лежащимъ въ травѣ. Зная его хорошо въ лицо, солдаты спросили, почему онъ не въ церкви? На что тотъ отвѣтилъ: «я несчастный человѣкъ! Посмотрите въ воду!» Не разспрашивая болѣе, они подошли къ близъ-лежащему пруду и увидали тамъ всплывшій трупъ женщины, который и отнесли въ городъ. Въ эту самую минуту изъ церкви выходили молящіеся и между ними упомянутый ученикъ. Слѣдовательно, патруль видѣлъ лишь двойника его. Найденный трупъ оказался пропавшей недавно дѣвушкой, убитой, какъ это выяснилось при слѣдствіи, хирургическимъ инструментомъ. Молодой человѣкъ, на основаніи сдѣланнаго имъ самимъ признанія патрулю, былъ арестованъ и подвергнутъ допросу, однако же это признаніе его не было принято судомъ за доказанное, на основаніи свидѣтельства, что онъ находился въ церкви отъ начала службы и до самаго конца, и на основаніи этого свидѣтельства судьи, въ юридическихъ книгахъ которыхъ не говорится ни слова о трансцендентально-психическихъ явленіяхъ, признали убійцу невиновнымъ».

Многіе, пожалуй, усумнятся въ подлинности разсказаннаго нами случая, на томъ основаніи, что самоосужденіе выходило изъ устъ призрака. Но мы къ этому находимъ два объясненія. Неоднократно было замѣчено, что душѣ труднѣе видимо проявлять себя въ формѣ мысленной, чѣмъ въ пластическомъ образѣ, напримѣръ, *двойника*. Такое же проявленіе ея часто принимаетъ сомнамбулическій характеръ, причемъ самообвиненіе соотвѣтствуетъ разговору человѣка во снѣ. Въ явленіяхъ же сомнабулизма нерѣдко ясно выражается антагонизмъ между нашимъ чувственнымъ и трансцендентальнымъ сознаніемъ, происходящій отъ различія сферъ, присущихъ этимъ двумъ сторонамъ нашего существа. Поэтому въ данномъ случаѣ скорѣе можно допустить, что самообвиненіе это совершается въ силу сознательнаго, трансцендентальнаго намѣренія. Сомнамбулы почти единогласно утверждаютъ, что, если въ низшей степени своего магнитическаго состоянія они способны подчиняться человѣческимъ слабостямъ, то въ высшей степени они совершенно неспособны произнести какую бы то ни было ложь. Дѣйствительно, самообвиненіе во время сомнамбулизма представляетъ настолько частое явленіе, что магнитизеры нерѣдко пользуются имъ для провѣрки сказаннаго субъектами раньше, если сомнѣваются почему-либо въ ихъ словахъ. Загипнотизированные также очень склонны высказывать свои тайныя мысли. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что современемъ сомнамбулическое состоя-

ніе будетъ примѣняемо, какъ юридическая мѣра, для приведенія преступника къ полному сознанію.

Въ виду же возможности ложнаго самообвиненія, проистекающаго изъ *внушенія* или передачи мысли отъ магнитизера магнитизируемому, будетъ, конечно, требоваться, чтобы самообвиненіе подтверждалось несомнѣнными данными, — присягою свидѣтелей или же матеріальными подробностями, согласующимися съ высказаннымъ преступникомъ самообвиненіемъ, и т. д. Изслѣдованія послѣдняго времени по вопросу о гипнозѣ доказали, что сомнамбулы не только исполняли по пробужденіи приказанія магнитизера, но, сохраняя внушенныя имъ мысли подъ вліяніемъ непреодолимаго стремленія, признавались въ вымышленныхъ преступленіяхъ.

Кто читалъ исторію развитія человѣческихъ знаній, тотъ понимаетъ, какъ нужно много времени для того, чтобы новыя идеи получили права гражданства, и не удивляется тому, что въ наше время всякій, кто допускаетъ примѣненіе сомнамбулизма къ открытію преступленій, — подвергается всеобщимъ насмѣшкамъ; однако, неизбѣжная необходимость приведетъ этотъ вопросъ къ положительному результату, именно тогда, когда въ современномъ обществѣ, глубоко проникнутомъ матеріализмомъ, количество преступленій возрастетъ до такихъ размѣровъ, что обыкновенныхъ полицейскихъ мѣръ не хватитъ для ихъ раскрытія и обузданія, и придется позаботиться о новыхъ, болѣе подходящихъ.

2. Чтобы показать, какъ мало современные юристы знакомы съ явленіями, о которыхъ идетъ рѣчь, приведу слѣдующій характерный случай.

Года два тому назадъ мнѣ писали изъ Ниццы, что одинъ изъ тамошнихъ жителей обратился къ помощи проживавшаго въ то время въ Ниццѣ парижскаго магнитизера Роберта, для отысканія украденныхъ у него вещей, а равно и преступника. Одинъ юноша, замагнитизированный Робертомъ, указалъ вора и открылъ мѣстонахожденіе украденныхъ вещей. Показанія его подтвердились на дѣлѣ. Полицейскій префектъ заподозрилъ самого юношу на томъ основаніи, что такія точныя свѣдѣнія могли быть извѣстны только сообщнику вора или укрывателю похищенныхъ вещей, и ни въ чемъ неповинному субъекту, оказавшему своею способностью не мало услугъ наукѣ, пришлось спасаться бѣгствомъ изъ города отъ такой неожиданной благодарности.

3. Видѣніе призрака той личности, о которой мы думаемъ и желаемъ свидѣться, принадлежитъ къ числу весьма частыхъ явленій, изъ чего можно предположить, что явленіе это зависитъ именно отъ степени энергіи имѣющагося желанія. Ванъ-Гельмонтъ упоминаетъ объ одномъ мальчикѣ, который, вслѣдствіе сильнѣйшаго желанія увидать свою отсутствующую мать, впадалъ въ экстазъ, причемъ ему казалось, что онъ переносится къ ней и затѣмъ снова возвращается въ себя, и въ доказательство истины своего заявленія, онъ разсказывалъ множество подробностей и обстоятельствъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ бывалъ во время своего экстаза. Это пылкое стремленіе къ свиданію бываетъ по большей части у тѣхъ лицъ, которымъ передъ разлукою не удалось проститься съ дорогими сердцу. Вотъ что разсказываетъ Шопенгауэръ: «Недавно здѣсь, во Франкфуртѣ, умерла ночью въ еврейскомъ госпиталѣ одна дѣвушка. На другой день, рано утромъ, къ директору госпиталя пришли сестра и племянница умершей, изъ которыхъ первая жила въ городѣ, а вторая—на разстояніи цѣлой мили отъ Франкфурта; онѣ явились справиться о больной, такъ какъ она, по ихъ словамъ, явилась имъ обѣимъ въ эту ночь. Надзиратель госпиталя, со словъ котораго я привожу это извѣстіе, утверждаетъ, что подобные случаи бываютъ нерѣдко».

4. Рошъ на 18-мъ съѣздѣ «Общества нѣмецкихъ врачей и естествоиспытателей» упоминаетъ въ своемъ рефератѣ о слѣдующемъ происшествіи: «Недавно, около 11 часовъ вечера, жена главнаго доктора Зейффера, принадлежащаго къ членамъ нашего съѣзда, увидала, какъ передъ нею внезапно погасла свѣча; явленіе это повторилось дважды, и при второмъ разѣ послышался сильный ударъ въ столъ. Зейфферъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ одной своей старой пріятельницей, у которой бывалъ въ домѣ очень часто, когда еще учился въ Канштадтѣ, въ *Латинской школѣ;* эта дама, хорошо знакомая съ филологіей, репетировала съ нимъ его уроки. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; за послѣднія нѣсколько недѣль Зейфферъ ни разу не навѣстилъ эту даму, какъ вдругъ утромъ, около пяти часовъ, восьмидесятилѣтняя старуха появилась передъ его постелью, какъ живая. Зейфферъ окликнулъ жену, но та ничего не видала. Видѣніе стало понемногу блѣднѣть и, наконецъ, исчезло. Какъ разъ въ этотъ самый часъ старуха умерла, а передъ смертью часто вспоминала о немъ и очень желала его видѣть».

Случай этотъ заключаетъ въ себѣ много замѣчательнаго. Погашеніе огня—одна изъ подробностей, повторяющаяся очень часто, и поэтому можно предположить одно изъ двухъ: или свѣтовые лучи препятствуютъ тому химическому процессу, на которомъ основано появленіе призрака (наоборотъ, звуковыя волны—напр., музыка—содѣйствуютъ ему), или же, по крайней мѣрѣ, свѣтъ мѣшаетъ призраку сдѣлаться видимымъ, такъ что самъ онъ стремится устранить это препятствіе. Часто слышимые въ этихъ случаяхъ удары—явленіе, объясняемое на основаніи трансцендентальной физики во главѣ о законахъ превращенія силъ. Большинство обыкновенныхъ образованныхъ людей на оба эти объясненія посмотрятъ какъ на нѣчто, нестоющее вниманія; не считая возможнымъ допустить, чтобы духъ человѣ-

ка занимался «подобными пустяками», они готовы отрицать и самыя явленія. Основываясь на законѣ приспособляемости, ясно, что наше матеріальное тѣло необходимо намъ, чтобы жить и дѣйствовать въ матеріальномъ мірѣ сообразно физическимъ законамъ, тогда какъ тѣло призрака, находясь въ нашемъ мірѣ, не чувствуетъ себя въ своей родной сферѣ, и если дѣйствія его ограничены и «черезчуръ просты» на взглядъ нѣкоторыхъ, то именно только благодаря ненормальности для него этой среды. Если бы трансцендентальное существо могло дѣйствовать чудотворно, не соображаясь съ физическими законами, среди которыхъ находится, то это дало бы намъ право предъявлять ему наши требованія и называть ничтожнымъ или нестоющимъ вниманія то, что только кажется намъ таковымъ. Упрекъ этотъ если и имѣетъ смыслъ въ устахъ человѣка, вѣрящаго чудесному (а образованные люди не захотятъ, конечно, сознаться въ этомъ), то тѣ, кто не вѣритъ въ него, высказывая такой упрекъ, впадаютъ въ ошибку противъ логики. Поэтому гораздо будетъ раціональнѣе, если мы начнемъ изучать эти явленія, вмѣсто того, чтобы относиться къ нимъ презрительно: только этимъ путемъ можно надѣяться проникнуть въ темную область трансцендентальной физики.

5. Понятно, что существо трансцендентальнаго характера, какимъ нельзя не признать двойника, если оно лишено тѣхъ способовъ дѣйствія, какими обладаетъ человѣкъ, должно по необходимости пользоваться всякимъ представляющимся ему средствомъ, чтобы обратить на себя наше вниманіе. Г-ну Л., совѣтнику при посольствѣ, явилась однажды его больная мать, жившая очень далеко; случилось это такъ: сначала находившаяся въ комнатѣ собака начала проявлять признаки безпокойства, затѣмъ послышались стуки и шорохъ въ разныхъ углахъ комнаты, и, наконецъ, Л. увидалъ передъ своей кроватью туманный обликъ, въ которомъ онъ тотчасъ же призналъ свою мать и успѣлъ даже различить лиловую ленту на ея чепцѣ. Видѣніе исчезло или, вѣрнѣе сказать, перестало быть видимымъ, лишь только онъ вскочилъ съ постели, а на мѣстѣ призрака показались свѣтовые лучи. Оказалось, что въ этотъ самый часъ мать его дѣйствительно чувствовала себя очень тоскливо и недвижимо лежала въ постели. Спустя нѣсколько времени, она настойчиво разспрашивала, не являлся ли ея призракъ сестрѣ ея или сыну, потому что, по ея словамъ, она съ особенной тоской думала о сынѣ. Лиловая лента, видѣнная на призракѣ, была дѣйствительно на ея чепцѣ въ это время. (См. Moritz., Magasin für Erfahrungsseelenkunde, VI, 78, Perty II, 139).

6. Нерѣдки случаи, когда призракъ живого лица опережаетъ своего оригинала въ томъ мѣстѣ, куда тотъ усиленно стремится и встрѣчаетъ какую-нибудь задержку. Натуралистъ Линней разсказываетъ случай, гдѣ онъ самъ являлся въ видѣ двойника. «Мои комнаты,—говоритъ онъ,—были расположены по одну сторону общей залы, а комнаты жены — по другую. Однажды она, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, слышала, какъ я прошелъ черезъ залу, отперъ мой кабинетъ, вошелъ въ него, и, выйдя оттуда, заперъ дверь; она думала, что я оставилъ тамъ шляпу и палку и тотчасъ войду къ ней; однако никто не явился. Тогда жена моя сказала: «сейчасъ придетъ мужъ!» Случалось это не разъ, передъ моимъ возвращеніемъ домой, даже когда я уѣзжалъ въ Стокгольмъ (Linné, Nemesipdivina)».

7. Совѣтникъ медицинскаго департамента Шиндлеръ разсказываетъ слѣдующее: «нѣкто Роммеръ, во время своего путешествія, сидѣлъ какъ-то разъ въ номерѣ гостиницы и думалъ съ тоскою о своей женѣ. Онъ чувствовалъ, что ему стоитъ только сильно пожелать, и онъ тотчасъ же перенесется къ ней... Вдругъ онъ, дѣйствительно, увидалъ ее сидящею передъ столомъ съ рукодѣльемъ въ рукахъ; онъ сѣлъ, по обыкновенію, у ея ногъ на маленькой скамейкѣ, а она старалась спрятать отъ него свою работу. Нарочный, вскорѣ посланный женою, извѣстилъ его, что она въ указанный часъ видѣла мужа именно въ этой самой позѣ. Сдѣланное имъ подробное описаніе ея рукодѣлья доказываетъ, что онъ дѣйствительно переносился къ ней въ видѣ двойника». (Шиндлеръ, «Духовно-магическая жизнь», 168).

8. Баварскій штабъ-медикъ Мейеръ разсказываетъ слѣдующее: «у одного очень образованнаго духовнаго лица была очень далеко жившая сестра, о которой въ продолженіе десяти лѣтъ не было никакихъ извѣстій.

Когда это духовное лицо, однажды, проснувшись утромъ, еще лежало въ постели, вдругъ пологъ надъ кроватью раздвинулся, и передъ нимъ явилась отсутствующая сестра, которая, протянувъ руки, чтобы обнять его, воскликнула: «да благословитъ тебя Богъ, любезный братъ!» и затѣмъ исчезла. Онъ передалъ это видѣніе своей женѣ, описавъ подробно наружность и одежду сестры. Во время завтрака, когда разговоръ шелъ именно объ этомъ видѣніи, внезапно отворяется дверь, и въ комнату входитъ давно отсутствующая сестра и бросается въ объятія брата со словами: «да благословитъ тебя Богъ, любезный братъ!» Костюмъ ея совершенно соотвѣтствовалъ одеждѣ призрака, явившагося нѣсколько часовъ назадъ. Оказалось, что сестра, сильно стосковавшись по немъ, отправилась въ путь, не увѣдомивъ брата, на дорогѣ была застигнута бурей и вынуждена была остановиться на нѣсколько часовъ въ деревнѣ, недалеко отъ города».

Въ этомъ разсказѣ многое не вполнѣ ясно. Представляла ли себѣ мысленно сестра сцену свиданія? Не формулировала ли она уже впередъ слова, произнесенныя ею при встрѣчѣ съ бра

томъ, и не опредѣлила ли такимъ образомъ сама дѣйствія и рѣчь призрака? Или же онъ дѣйствовалъ самостоятельно, предугадывая сцену свиданія, или же это совпаденіе было чисто случайнымъ? Трудно отвѣтить на эти вопросы, и всякій согласится, что, пока подобныя сообщенія дѣлаются въ такой неопредѣленной формѣ, — едва ли можно ими пользоваться для научнаго объясненія фактовъ.

9. Шплитгерберъ («Schlaf und Tod», I, 301) разсказываетъ, что онъ однажды, еще бывши ученикомъ перваго класса, увидалъ на улицѣ одного своего стараго знакомаго, который въ это время, какъ онъ навѣрное зналъ, находился на разстояніи 15 миль отъ города. Когда видѣніе черезъ минуту скрылось, онъ пошелъ къ сыну этого знакомаго, своему товарищу по гимназіи; оказалось, что тотъ объ отцѣ ничего не знаетъ. Черезъ нѣсколько дней совершенно неожиданно пріѣхалъ отецъ навѣстить сына, о которомъ получилъ встревожившія его извѣстія».

Всѣ вышеприведенные примѣры мы можемъ охарактеризовать слѣдующими словами Ван-Гельмонта: «Существуетъ,—говоритъ онъ,—нѣкоторая экстатическая сила, которая, будучи возбуждена пылкимъ желаніемъ или чрезвычайно живымъ представленіемъ, можетъ переносить нашъ духъ къ предметамъ, находящимся на значительномъ отъ насъ разстояніи». Знаменитѣйшіе естествоиспытатели среднихъ вѣковъ, богословы, философы, врачи сходились въ этомъ отношеніи. Кто признаетъ нераздѣльность душевныхъ функцій, — долженъ необходимо допустить переносъ мыслей вмѣстѣ съ призрачнымъ (астральнымъ) тѣломъ.

10. Возвратясь къ занимающему насъ вопросу, мы увидимъ, что появленіе двойника не всегда обусловливается внутреннимъ, особенно сильнымъ напряженіемъ воли: нерѣдки и такіе случаи, гдѣ для его появленія оказывалось достаточнымъ простого желанія или даже помышленія. Директоръ гимназіи Музаусъ разсказываетъ, что его отецъ въ качествѣ проповѣдника долженъ былъ посѣщать пять отдѣльныхъ приходовъ; и очень часто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его видали за часъ или два раньше, чѣмъ онъ дѣйствительно являлся туда, т.-е. когда онъ былъ въ дорогѣ. Его видали, какъ онъ переходилъ дорогу, приближался къ дверямъ дома, какъ будто собирался войти,— и затѣмъ быстро исчезалъ, какъ только кто-нибудь выходилъ къ нему навстрѣчу [1]).

Г-нъ Ф., земскій судья, послалъ своего письмоводителя въ сосѣднюю деревню, по одному дѣлу. Спустя нѣсколько времени, вдругъ письмоводитель входитъ въ комнату, приближается къ шкапу и, вынувъ оттуда какую-то книгу, начинаетъ ее перелистывать. Судья, разсердившись за промедленіе, спрашиваетъ его, почему онъ не пошелъ по его порученію? При этомъ вопросѣ письмоводитель исчезъ, и книга упала на полъ. Пораженный этимъ случаемъ, судья взялъ книгу и положилъ ее на столъ открытой, какъ поднялъ. Вечеромъ письмоводитель, вернувшись домой, разсказалъ, что на дорогѣ онъ встрѣтился съ знакомымъ и во время пути у нихъ возникъ споръ по поводу опредѣленія одного найденнаго ими растенія; онъ былъ такъ увѣренъ въ правотѣ своихъ словъ, что обѣщалъ, придя домой, тотчасъ справиться объ этомъ растеніи у Линнея, причемъ сказалъ, что можетъ даже указать страницу, гдѣ о немъ упоминается. Оказалось, что упавшая изъ шкапа книга была именно сочиненіе Линнея и была открыта какъ разъ на той самой страницѣ (Кернеръ, Blätter aus Prevorst, IV, 122).

11. У того же автора мы встрѣчаемъ другой подобный разсказъ: «одинъ молодой человѣкъ поѣхалъ въ Геттингенъ, чтобы писать тамъ диссертацію, пользуясь тамошней обширной библіотекой. Когда его работа уже значительно подвинулась впередъ, онъ вспомнилъ, что въ числѣ книгъ, видѣнныхъ имъ у отца, была одна монографія, необходимая ему, какъ матеріалъ для его работы. Онъ тотчасъ написалъ отцу, чтобы тотъ какъ можно скорѣе выслалъ ему эту книгу, но получилъ отвѣтъ, что, несмотря на всѣ старанія, отцу не удалось найти названное сочиненіе. Нѣсколько дней спустя, отецъ молодого человѣка работалъ въ своей библіотекѣ; и когда всталъ съ мѣста, чтобы достать съ полки какую-то книгу,—вдругъ увидалъ сына, стоявшаго рядомъ и протянувшаго руку, чтобы снять съ верхней полки нужную ему монографію. «Откуда это ты взялся?» вскричалъ онъ въ изумленіи. Но видѣніе мгновенно исчезло. Когда потомъ, успокоившись, отецъ поискалъ въ библіотекѣ въ томъ мѣстѣ, куда была протянута рука сына, онъ тотчасъ же нашелъ искомую монографію и поспѣшилъ отослать ее въ Геттингенъ, а въ то же время получилъ письмо, въ которомъ сынъ подробно описываетъ, гдѣ и на какой полкѣ должна находиться упомянутая книга: именно тамъ, гдѣ отецъ передъ тѣмъ и нашелъ ее».

12. Особенно сильное напряженіе воли можетъ иногда замѣняться постоянною, продолжительною мыслію о данномъ предметѣ, — мыслію, которая на столько вкореняется, что становится постоянной привычкой.

Гаппахъ разсказываетъ весьма замѣчательный и даже трогательный примѣръ появленія двойника, происходившаго не вслѣдствіе напряженной воли, а постоянной, направленной на одинъ и тотъ же предметъ мысли и привычки исполнять свою обязанность, сдѣлавшейся какъ бы второй натурой. У автора этого разсказа была старая служанка,—образецъ аккуратности,—всегда чрезвычайно огорчавшаяся, когда ей случалось сдѣлать хотя бы малѣйшее упущеніе въ сферѣ сво-

[1]) Perty, Blicke in das verborgene Leben.

ихъ обязанностей. Ежедневно въ три часа утра она приносила ему чай, причемъ подавала также и часы, висѣвшие подъ зеркаломъ,—сама она не умѣла узнавать время по стрѣлкамъ. Однажды она подошла къ двери такъ тихо, какъ будто шла въ однихъ чулкахъ, приблизилась съ часами къ его постели, затѣмъ повернулась и ушла, не отвѣтивъ ни слова, когда онъ ее окликнулъ. Тогда онъ поднялся съ постели, подошелъ къ двери, оказавшейся запертою, и поднялся къ служанкѣ во второй этажъ; тамъ онъ нашелъ ее крѣпко спящею, такъ что ему съ трудомъ удалось ее разбудить. Спустя нѣсколько дней повторилась та же исторія. Съ этихъ поръ, услышавъ ея шаги, онъ началъ ее окликать; и когда это была дѣйствительно она сама,—то откликивалась, когда это былъ призракъ—то отвѣта не получалось. Когда же онъ съ вечера просилъ ее не проспать, а принести ему чай въ назначенный часъ, то призракъ являлся около часа позднѣе ея дѣйствительнаго прихода, иногда же случалось и такъ, что двойникъ приходилъ до двухъ разъ. Всѣхъ такихъ появленій Гаппахъ насчиталъ болѣе сотни, и такъ привыкъ къ нимъ, что интересовался только ихъ загадочностью.

Когда дѣятельность двойника ограничивается обычными дѣйствіями его оригинала, подобно тому, какъ это часто бываетъ съ лунатиками, продѣлывающими во снѣ то же, что и на яву, едва ли будетъ не правильно заключить, что оба эти явленія имѣютъ одну и ту же психическую основу, какъ и пробужденіе человѣка въ заранѣе назначенный имъ себѣ часъ; все это — отдѣленіе астральнаго тѣла въ явленіи двойниковъ, воздѣйствіе на моторные центры нервной системы въ лунатизмѣ, или, наконецъ, пробужденіе въ назначенное время, благодаря такъ называемымъ «головнымъ часамъ» (Kopfuhr), играющимъ важную роль въ явленіяхъ лунатизма,—все это, говоримъ, зависитъ отъ степени энергіи воли, не перестающей дѣйствовать и во время сна. Возраженіе, что произвольное пробужденіе случается чаще, чѣмъ лунатизмъ, а лунатизмъ—чаще, чѣмъ явленіе двойниковъ, — тогда какъ усиленное напряженіе воли должно бы вызывать явленія въ обратномъ порядкѣ, объясняется слишкомъ еще недостаточнымъ наблюденіемъ фактовъ, благодаря тому, что явленіе двойника часто не оставляетъ по себѣ воспоминанія у его оригинала, а въ постороннихъ свидѣтеляхъ его требуетъ нѣкоторой доли воспріимчивости, или сенситивности. Мы, конечно, не можемъ знать, какое мѣсто занимаютъ упомянутые «головные часы» въ этомъ ряду явленій; но едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что лунатизмъ требуетъ большаго напряженія воли, чѣмъ проявленіе двойника, — ибо въ лунатизмѣ субъектъ увлекаетъ съ собою и свое матеріальное тѣло, а двойникъ оставляетъ его на своемъ мѣстѣ. Правда, лунатизмъ проявляется чаще, нежели двойники, но такъ какъ не всѣ случаи двойниковъ кѣмъ-нибудь наблюдаются, то весьма возможно, что въ дѣйствительности двойники представляютъ явленіе болѣе частое, чѣмъ лунатизмъ.

13. Сказанное нами, что проявленіе двойника, какъ не оставляющее въ субъектѣ воспоминанія, сверхъ того часто никѣмъ не констатированное, такъ что явленіе остается незамѣченнымъ, встрѣчается чаще, чѣмъ мы это думаемъ, мы заключаемъ еще изъ того, что порой двойникъ бываетъ видимъ не тѣмъ лицомъ, для котораго онъ явился, а совершенно постороннимъ, случайнымъ свидѣтелемъ, одареннымъ способностью видѣть такія явленія. Два купца путешествовали вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ ночью увидалъ, что къ его спящему товарищу приблизился призракъ его матери и наклонился надъ изголовіемъ сына. Въ ту же ночь эта женщина умерла. (Perty, «Мистическія явленія», II, 153). Въ этомъ случаѣ явленіе было видимо свидѣтелемъ, одареннымъ воспріимчивостью, тогда какъ сынъ, къ которому мать являлась, не видалъ призрака, благодаря глубокому сну; но мы не знаемъ, не видалъ ли онъ ея во снѣ. Лунатики и сомнамбулы обыкновенно теряютъ при пробужденіи всякое воспоминаніе о своихъ дѣйствіяхъ, а въ иныхъ случаяхъ дѣйствительность кажется имъ сновидѣніемъ, также и тотъ, чей двойникъ являлся другимъ, не сохраняетъ воспоминанія о своей дѣятельности во время этого явленія, а если и вспоминаетъ что-нибудь, то чрезвычайно смутно, считая это за сновидѣніе. Такъ случилось съ проповѣдникомъ Вилькиндомъ, умершимъ въ 1800 году. Будучи еще юношей, онъ, какъ это сохранилось въ его памяти, путешествуя, во снѣ явился своей матери; она же, принявъ это за дурное предзнаменованіе, воскликнула: «ты умеръ, сынъ мой!» Передъ тѣмъ она слышала, что кто-то подошелъ къ дому и старался отворить запертую дверь, и послѣ неудачной попытки перешелъ къ задней двери; затѣмъ передъ ней явился сынъ. Какъ мать, такъ и самъ онъ запомнили и явленіе, и произнесенныя при этомъ матерью слова. Она тотчасъ же написала ему, прося скорѣе увѣдомить о себѣ, и успокоилась только по полученіи его отвѣта. Слѣдовательно, двойникъ можетъ возникать во время крѣпкаго сна своего оригинала; повидимому это состояніе оказывается даже болѣе благопріятнымъ, чѣмъ состояніе бодрствованія, ибо самосознаніе играетъ въ этомъ явленіи только пассивную роль, и скорѣе можетъ препятствовать ему, нежели содѣйствовать.

Скажемъ въ заключеніе, что выраженіе: *anima est, ubi odit vel amat* (гдѣ любовь или ненависть, тамъ и душа) заключаетъ въ себѣ болѣе истины, чѣмъ мы привыкли это думать, и относительно мысли мы должны отказаться отъ представленія о силѣ безъ матеріи. Если эти столь матеріально видимые образы лишь въ исключительныхъ случаяхъ достигаютъ до на-

шего чувственнаго воспріятія, то это зависитъ отъ неспособности нашихъ органовъ чувствъ къ такому воспріятію. Въ области мистики, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ измѣненными (modifizierten) способностями воспріятія, мы можемъ найти болѣе солидныя основы для такого воззрѣнія. (См. ст. К. Дю-Преля въ журналѣ «Сфинксъ» 1886 г., кн. 10-я; сн. «Ребусъ» 1890 г., №№ 40—43, откуда мы и извлекали вышеизложенные факты съ необходимыми сокращеніями).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Телепатія.

А. Способность души человѣческой дѣйствовать при помощи воли на разстояніи.

1. **Что такое телепатія?** *Телепатіею* называется сношеніе одного субъекта съ другимъ безъ всякаго внѣшняго посредства чувственнаго или воспріятіе совершающагося въ чужой душѣ (чувствъ, идей) сверхчувственнымъ и непосредственнымъ способомъ. Очевидно, что такимъ образомъ понимаемая телепатія обнимаетъ обширную область фактовъ, куда входитъ такъ называемое *перенесеніе* или *чтеніе мыслей* и *умственное внушеніе*, когда одинъ (агентъ) задумываетъ, напримѣръ, какую-нибудь карту, число, фигуру и т. п. (*умственное внушеніе* съ одной стороны), а другой (перципіентъ) отгадываетъ задуманное, находясь въ другой комнатѣ (*чтеніе мыслей*—съ другой стороны, т.-е. *переносъ мыслей* = *умственное внушеніе* + *чтеніе мыслей*; надобно замѣтить, что точно установившейся терминологіи пока не наблюдается). Самый терминъ *телепатія* (отъ τέλος и πάσχω, т.-е. воспріятіе или чувство на разстояніи или воспріятіе далекаго) предложенъ *Майерсомъ* и при всей своей неопредѣленности вытѣснилъ болѣе точный терминъ *Майергофера* — *телэстезія* (τέλος и αἴσθησις) [1].

2. **Возможность телепатіи**. Изобрѣтеніе письменъ, давшее возможность организаціи почты и устранившее необходимость посвященія посланнаго въ тайну передаваемаго извѣстія, подвинуло способъ сообщенія мысли на разстояніи уже значительно впередъ, а разнаго рода телеграфы и телефонъ поставили это искусство на столь высокую степень совершенства, дальше котораго возможно будетъ итти развѣ только послѣ того, когда будетъ усовершенствованъ способъ телеграфированія безъ помощи проволокъ и изобрѣтенъ фотофонъ, который долженъ передавать свѣтовыя явленія на разстояніи. Но что подумали бы вы, читатель, еслибы вамъ сказали, что мы обладаемъ средствомъ мгновенной передачи нашихъ даже невысказанныхъ мыслей на сотни и тысячи верстъ, безъ всякаго дорого стоющаго матеріальнаго сообщенія и какихъ-либо механическихъ приспособленій? Мало того, не только наша мысль способна передаваться черезъ громадное пространство, но даже та обстановка, при какой она намъ явилась, и тѣ слова, которыя при этомъ были высказаны, сообщаются лицу, часто никогда насъ не видѣвшему и находящемуся на другомъ концѣ земного шара. И все это даетъ намъ сама природа, а намъ остается только изучить тѣ условія, въ которыхъ такая чудодѣйственная передача мысли и образовъ возможна! Правда, до сихъ поръ мы въ этомъ отношеніи *почти* ничего не знаемъ, но самый *фактъ возможности сверхчувственнаго сообщенія мысли другому лицу уже не подлежитъ никакому сомнѣнію.*

Вамъ, читатель, конечно, приходилось слышать и вѣроятно наблюдать, что у людей, находящихся въ частомъ общеніи другъ съ другомъ, напримѣръ, влюбленныхъ, нерѣдко одна и та же мысль возникаетъ почти одновременно. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ, что едва только одинъ начинаетъ говорить, какъ другой заявляетъ: „я тоже хотѣлъ это сказать..." Извѣстная игра, въ которой, держа даннаго субъекта за руку, заставляютъ его путемъ мысленнаго внушенія продѣлать задуманное обществомъ дѣйствіе, — представляетъ собою простѣйшій примѣръ экспериментальнаго изслѣдованія такого чисто психическаго воздѣйствія индуктора на перципьента [1]). Правда, относительно такого рода опытовъ было не разъ высказываемо возраженіе, будто они не могутъ служить доказательствомъ дѣйствія одной воли на другую, такъ какъ при нихъ возможны непроизвольныя мышечныя сокра-

[1]) См. подробнѣе о телепатіи въ соч. «Мистицизмъ XIX вѣка» проф. богословія Нѣжинскаго лицея, свящ. П. Свѣтлова, откуда мы заимствовали формулировку понятія «телепатія».

[1]) Индукторомъ, агентомъ, операторомъ, въ частности магнитизеромъ, называется то лицо, чья мысль или впечатлѣніе сообщается другому лицу, носящему названіе перципьента, паціента, субъекта, перцептора и т. п.

щенія, сопровождающія всякое мысленное внушеніе; но это возраженіе не выдерживаетъ критики въ виду того, что иногда бываетъ достаточно одного *только прикосновенія* для возбужденія опредѣленной галлюцинаціи, представленія или идеи въ субъектѣ, не поддававшемся внушенію. Въ настоящее время возможность дѣйствія воли на разстояніи, мысленнаго внушенія и вообще всякаго сверхчувственнаго психическаго переноса уже никѣмъ *серьёзно* не отрицается. Всѣ подобныя явленія получили общее названіе телэстезіи или, болѣе распространенное – *телепатіи*, частнымъ случаемъ которой является *телефанія*.

Они были извѣстны уже во времена глубокой древности, хотя опытное ихъ изслѣдованіе началось только около 1825 г. (во Франціи). Но такъ какъ отношеніе тогдашняго ученаго міра къ явленіямъ, такъ или иначе связаннымъ съ магнитизмомъ, было очень неблагопріятно этимъ изслѣдованіямъ, то до 1873 — 1875 гг. они не только не имѣли никакой опредѣленной программы, но даже и вовсе игнорировались большинствомъ ученыхъ. Только послѣ того, какъ Барретъ въ своемъ отчетѣ, представленномъ „Британской ассоціаціи“ въ Глазговѣ, сообщилъ о существованіи фактовъ передачи мысли безъ помощи гипнотизированія, — началось обсужденіе этого вопроса въ спеціальной и общей печати, а опытамъ дано было систематическое направленіе. Вскорѣ было замѣчено, что соприкосновеніе агента съ перципьентомъ вовсе не обязательно для сообщенія впечатлѣнія, что путемъ сосредоточенія мысли оператора на опредѣленномъ предметѣ или мѣстности, которые находятся гдѣ-нибудь далеко и совершенно неизвѣстны паціенту, является возможность вызвать въ послѣднемъ настолько ясное представленіе о задуманномъ, что онъ въ состояніи описать его во всѣхъ подробностяхъ. Мало того, не только мысль и представленіе способны передаваться перципьенту черезъ пространство, но даже разныя вкусовыя, осязательныя и т. п. ощущенія, и притомъ съ такою силою, что часто граничатъ съ вполнѣ реальными ощущеніями.

Для того, чтобы дать понятіе о такого рода опытахъ, приведемъ здѣсь примѣръ, взятый нами изъ французскаго сокращеннаго перевода сочиненія: „Phantasms of the living“, откуда мы почерпнули значительную часть матеріала для настоящаго очерка.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Англіи, Америкѣ, Франціи и даже въ Австраліи (Сидней) былъ произведенъ рядъ опытовъ надъ передачей вкусовыхъ, обонятельныхъ и осязательныхъ ощущеній, и полученные результаты вполнѣ подтвердили возможность такой передачи. Такъ напримѣръ, изъ 20 опытовъ угадыванія мѣста боли въ 10 случаяхъ паціентъ указалъ его совершенно точно, въ 6-ти — опредѣленіе было почти вѣрно и только въ одномъ случаѣ совершенно неправильное.

Что касается передачи представленій и мысли въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова, то въ этомъ отношеніи было сдѣлано довольно большое число опытовъ, рѣшившихъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Среди такого рода изслѣдованій большого вниманія заслуживаютъ работы Ш. Рише и разныхъ спеціальныхъ комиссій отъ ученыхъ обществъ, занимающихся изученіемъ вопросовъ психической жизни человѣка. Большая часть этихъ опытовъ производилась надъ угадываніемъ чиселъ, именъ, картъ и рисунковъ. Самая постановка опытовъ была очень разнообразна и исключала возможность всякаго обмана, еслибъ даже его возможно было предположить при томъ составѣ вполнѣ достойныхъ довѣрія лицъ, которыя входили въ составъ комиссіи. Усадивъ, напримѣръ, паціента въ запертой комнатѣ и приставивъ къ нему для наблюденія за его дѣйствіями одного изъ членовъ, остальные члены комиссіи располагаются въ другой комнатѣ. Кто-нибудь вынимаетъ, положимъ, изъ колоды карту и кладетъ ее открыто на столъ. Стукъ въ дверь даетъ знать перципьенту, что карта вынута, и онъ долженъ угадать ее. Если отвѣтъ невѣренъ, то одинъ изъ участниковъ опыта громко говоритъ: „нѣтъ“. Перципьентъ опять пробуетъ угадать ту же карту, послѣ чего, каковъ бы ни былъ его отвѣтъ, карта мѣняется. Послѣ удачнаго угадыванія, о чемъ паціентъ извѣщается однимъ только словомъ: „такъ“,— вынимается новая карта. Во все продолженіе опыта сохраняется безусловное молчаніе, и раздаются съ одной стороны только названія картъ, съ другой — слова: *такъ* или *нѣтъ*. При той же обстановкѣ производились опыты надъ угадываніемъ именъ или чиселъ, на которыхъ кто-нибудь изъ членовъ комиссіи сосредоточивалъ вниманіе. Правильность отвѣта повѣрялась посредствомъ сличенія съ предварительно записаннымъ словомъ или числомъ. Иногда, впрочемъ, перципьентъ оставался въ той же комнатѣ, но онъ былъ обернутъ лицомъ къ стѣнѣ, имѣлъ завязанные глаза и т. д. При такихъ условіяхъ опыты всегда давали гораздо лучшіе результаты.

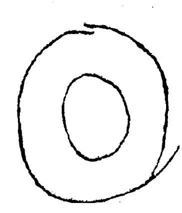
Телепатическая передача рисунковъ.

Угадываніе рисунковъ, въ большинствѣ случаевъ, представлявшихъ собою простыя

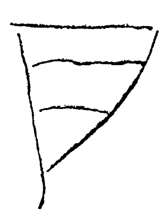
фигуры, производилось или въ той же комнатѣ, причемъ индукторъ держалъ за руку перципьента, усиленно думая о данномъ рисункѣ, или испытуемый субъектъ находился въ другой комнатѣ. Въ послѣднемъ случаѣ опыты съ обыкновенными паціентами давали значительно худшіе результаты, *почти* граничившіе съ простою случайностью, на болѣе же чувствительныхъ субъектовъ, такъ называемыхъ, сенситивовъ, какъ, напримѣръ, нѣкій Смитъ, — такая изолировка, не оказывала столь большого вліянія.

Очень интересные опыты надъ воспроизведеніемъ рисунковъ были сообщены извѣстнымъ ученымъ М. Дессуаромъ. Они производились въ домѣ барона Равенсбурга, жена котораго служила въ нихъ перципьентомъ.

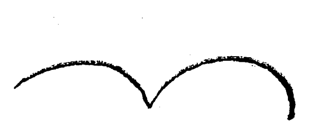
Чтобы читатель могъ себѣ составить нѣкоторое понятіе о результатахъ многочисленныхъ изслѣдованій „чтенія“ и „переноса“ мысли на разстояніи, приведемъ здѣсь нѣсколько цыфровыхъ данныхъ. Въ одномъ, напримѣръ, сеансѣ, состоявшемъ изъ 27 опытовъ надъ угадываніемъ картъ, ни одна изъ нихъ не была названа правильно; въ другомъ — на 25 вопросовъ получилось 2 вѣрныхъ отвѣта, и такой же результатъ имѣлъ третій сеансъ, состоявшій изъ 10 задачъ. Во время этихъ опытовъ перципьентъ находился въ другой комнатѣ. Когда же его вводили въ помѣщеніе, гдѣ засѣдала комиссія, то получались гораздо болѣе удачные результаты. Такъ, въ одной серіи опытовъ надъ угадываніемъ чиселъ, картъ и именъ,



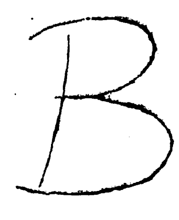
№ 1. Оригиналъ.



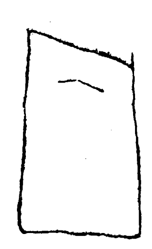
Первая передача.



Вторая передача.



№ 2. Оригиналъ.



Первая передача.

Вторая передача.

Дессуаръ чертилъ наудачу разныя фигуры, стараясь о томъ, чтобы г-жа Равенсбургъ не только не могла ничего видѣть, но даже чтобы не было слышно звуковъ карандаша. Тогда онъ и баронъ сосредоточивали все вниманіе на изображеніи, а сидящая за другимъ столомъ баронесса пыталась воспроизвести его; это обыкновенно совершалось въ теченіе 20—45 секундъ. Первый опытъ, въ которомъ баронъ не участвовалъ, какъ видно изъ прилагаемой копіи оригинальныхъ и воспроизведенныхъ фигуръ, совершенно не удался. Въ третьемъ опытѣ баронесса сдѣлала исправленіе ранѣе, чѣмъ ей показали оригиналъ. Въ послѣднемъ испытаніи она сказала: „снаружи кругъ, а внутри его еще что-то; потомъ, послѣ короткой паузы, прибавила: „треугольникъ“. Тогда она нарисовала эту фигуру, прибавивъ, что кругъ, къ сожалѣнію, не удался.

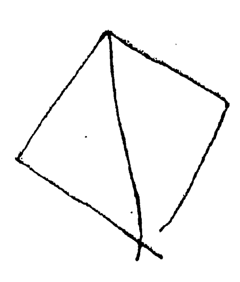
изъ 382 задачъ 127 были рѣшены сразу, 56—въ два пріема и 19 въ три пріема. Въ тѣхъ случаяхъ, когда паціентъ помѣщался въ той же комнатѣ, но за ширмою, процентъ вѣрныхъ отвѣтовъ значительно понижался: изъ 109, напримѣръ, опытовъ было получено правильныхъ рѣшеній 19 сразу и 7—послѣ одной ошибки. Ш. Рише изъ 2.997 опытовъ получилъ 789 удачныхъ случаевъ, въ то время какъ, по теоріи вѣроятностей, должно бы было ихъ быть 732. Послѣ того было произведено 17,633 опыта, давшихъ 4.760 вѣрныхъ рѣшеній, т.-е. на 347 болѣе противъ вѣроятной цыфры.

Докторъ Охоровичъ получилъ изъ 101 опыта 21 совершенно удачный отвѣтъ и 7 только отчасти вѣрныхъ. Наконецъ, въ опытахъ профессора Сиджуика съ упомянутымъ Смитомъ надъ угадываніемъ чиселъ было получено 117 вѣрныхъ рѣшеній на

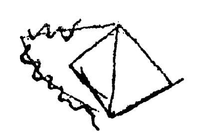
644 вопроса; когда же перципьентъ находился въ другой комнатѣ, то изъ 227 опытовъ только 8 увѣнчались успѣхомъ, т.-е. результаты получились почти въ *шесть разъ слабѣе.*

Примѣромъ замѣчательной способности къ чтенію чужихъ мыслей и вреднаго вліянія матеріальныхъ преградъ на передачу послѣднихъ—можетъ служить любопытный случай, сообщаемый д-ромъ Кентаромъ.

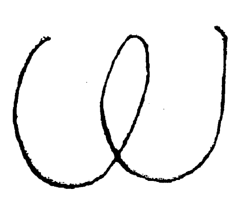
Въ одномъ семействѣ города Анжера сталъ обращать на себя вниманіе шестилѣтній мальчикъ, который съ необыкновенною легкостью и быстротою рѣшалъ въ умѣ самыя трудныя задачи. Сначала всѣ думали, что этотъ ребенокъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ знаменитаго пастуха Жака Иноди, замѣчательныя математическія способности котораго года четыре тому назадъ надѣлали столько шуму въ Парижѣ и во всемъ ученомъ мірѣ. Вскорѣ однако отецъ замѣтилъ, что для успѣшности рѣшенія задачъ необходимо было присутствіе матери. Мало того, оказалось, что для этого нужно было не одно только присутствіе матери, но также, чтобы она сама знала окончательный отвѣтъ. Мысль о томъ, что здѣсь дѣло было не въ дѣйствительномъ рѣшеніи задачи, а въ угадываніи отвѣта, стала вполнѣ очевидною, когда оказалось, что ребенокъ безошибочно угадывалъ карты, вынимаемыя изъ колоды, указывалъ мѣста, гдѣ спрятаны безъ его вѣдома тѣ или иные предметы, сообщалъ содержимое кошелька, если спрашивающій самъ зналъ это. Всѣ эти отвѣты легче всего получались, если ихъ знала мать ребенка. Достаточно ей было подчеркнуть въ книгѣ ногтемъ какую-нибудь фразу, чтобы мальчикъ тотчасъ же повторилъ ее; самые сложные, длиннѣйшіе періоды, смыслъ которыхъ былъ ребенку, конечно, непонятенъ, точно повторялись имъ, если только мать имѣла написанное передъ глазами. Эта точность доходила до такого совершенства, что даже орѳографія словъ



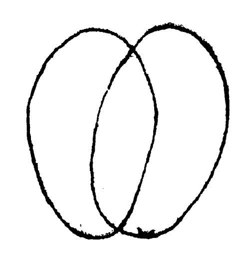
№ 3. Оригиналъ.



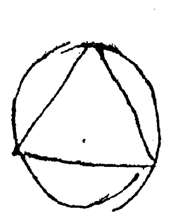
Передача его съ сдѣланной поправкой.



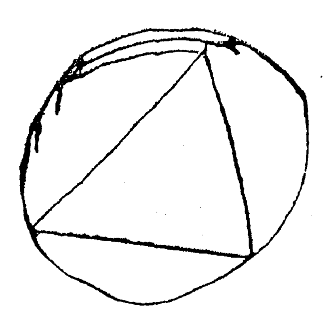
№ 4. Оригиналъ.



Передача.



№ 5. Оригиналъ.



Передача.

была безошибочною. Самые трудные диктанты мальчикъ писалъ безъ малѣйшей ошибки, если мать диктовала, находясь недалеко. Но достаточно ей было удалиться за ширму, какъ тотчасъ же тетрадь переполнялась грубѣйшими ошибками.

Эти факты были подтверждены многочисленными свидѣтелями, врачами и людьми науки, спеціально занимавшимися ихъ провѣркою.

Нельзя не упомянуть здѣсь о довольно извѣстномъ въ Европѣ, а отчасти уже и у насъ—фокусникѣ г-нѣ Делонэ, жена котораго съ поразительною скоростью угадываетъ мысли мужа. Завязавъ ей глаза, Делонэ идетъ къ публикѣ, гдѣ ему показываютъ самые разнообразные предметы: портсигары, платки, монеты, медали, бумажныя деньги и т. п.; взявъ какой-нибудь предметъ въ руки или только взглянувъ на него, фокусникъ спрашиваетъ оставшуюся на сценѣ жену: что это такое? причемъ онъ даже къ ней не оборачивается, и та безошибочно отвѣчаетъ. Отвѣты слѣдуютъ съ поразительною быстротою, и только тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ длинными рядами цыфръ, перципьентъ отвѣчаетъ медленно, раздѣляя тысячи, сотни и т. д. небольшими промежутками, соотвѣтствующими тѣмъ мысленнымъ раздѣленіямъ, которыя дѣлаетъ г. Делонэ для облегченія воспріятія его мысли. (См. соч. В. Битнера: „Вѣрить или не вѣрить?“, Спб. 1899 года, стр. 47—55).

3. **Разсказы о дѣйствіяхъ воли на разстояніи.** Д-ръ Шилтовъ приводитъ слѣдующіе опыты, подтверждающіе дѣйствіе воли человѣческой на разстояніи:

а) Замѣчательный опытъ д-ра медицины Дюфе, о которомъ онъ дѣлалъ докладъ обществу физіологической психологіи въ Парижѣ. Дѣло въ томъ, что у паціентки д-ра Дюфе каждый мѣсяцъ во время менструацій появлялись жестокія головныя боли. Онъ каждый разъ избавлялъ ее отъ страданій тѣмъ, что усыплялъ ее. Разъ ему представилась надобность уѣхать надолго изъ города, и онъ рѣшился усыпить свою паціентку издали во время самыхъ страданій. Послушаемъ лучше, какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ. „Однажды мнѣ необходимо было уѣхать на цѣлыхъ шесть недѣль, такъ что періодъ менструацій, сопровождающійся самыми сильныи припадками, долженъ былъ пройти въ мое отсутствіе. Поэтому между мною и господиномъ К., мужемъ моей паціентки, было условлено, что онъ меня тотчасъ извѣститъ телеграммой, лишь только начнутся припадки мигрени, что послѣ полученія телеграммы я сдѣлаю попытку сдѣлать издали то, что мнѣ такъ хорошо удавалось вблизи, и что по прошествіи пяти часовъ я постараюсь мысленно ее разбудить, о чемъ онъ долженъ также извѣстить меня второй телеграммой. Мужъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, хотя я не совсѣмъ былъ увѣренъ, сама же госпожа К. и не подозрѣвала о моемъ отъѣздѣ. Однажды утромъ жалобы и стоны жены возвѣстили мужу, что припадокъ начался. Не заходя въ ея комнату, онъ отправился на телеграфную станцію и посылаетъ мнѣ телеграмму, которую я получилъ въ десять часовъ. Войдя къ себѣ въ этотъ самый часъ, онъ увидѣлъ, что жена уснула и болѣе не жаловалась. Въ четыре часа я пожелалъ ее разбудить, и въ 6 часовъ вечера получилъ слѣдующую телеграмму: „результатъ вполнѣ удачный, пробужденіе въ 4 часа. Благодарю“. Я былъ въ это время въ Сюлли на Лоарѣ, въ 28 миляхъ или 112 километрахъ отъ Блуа.

б) 10 октября 1885 года было условлено между мною (т.-е. профессоромъ Жане) и д-ромъ Жиберомъ внушить мысленно Леоніи (извѣстный сенситивъ) слѣдующее приказаніе: „завтра въ полдень вы запрете на ключъ всѣ двери дома“. Внушеніе это записано на клочкѣ бумаги, который я спряталъ себѣ въ карманъ и не показывалъ никому. Самый опытъ внушенія былъ произведенъ слѣдующимъ образомъ: усыпивъ Леонію, д-ръ Жиберъ, во время нахожденія ея въ летаргическомъ фазисѣ гипноза, не произнося ни единаго слова, приблизилъ свой лобъ къ ея лбу и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ упорно сосредоточивалъ свои мысли на внушаемомъ приказаніи. На другой день въ полдень я пришелъ въ домъ, въ которомъ жила Леонія: весь домъ былъ баррикадированъ, и входная дверь заперта на ключъ. Когда я спросилъ Леонію, почему она это сдѣлала, она отвѣчала мнѣ, что чувствовала себя очень утомленной и боялась, что я приду и начну ее опять усыплять. Леонія находилась въ эту минуту въ чрезвычайно веселомъ, возбужденномъ состояніи: она блуждала по саду, сорвала розу и затѣмъ отправилась къ ящику для писемъ, придѣланному у входной двери. Весьма замѣчательно, что какъ разъ эти дѣйствія (хожденіе по саду, срываніе розы, приближеніе къ почтовому ящику) мы съ д-ромъ Жиберомъ предполагали наканунѣ внушить ей на сеансѣ.

в) Въ апрѣлѣ 1886 года въ Гавръ съѣхались нѣкорые иностранные ученые спеціально съ цѣлью присутствовать на опытахъ съ Леоніею (покойный м-ръ Герни, м-ръ Майерсъ, братъ его д-ръ Майерсъ, д-ръ Охоровичъ и др.). Вечеромъ 22 апрѣля, пишетъ м-ръ Майерсъ, мы обѣдали у д-ра Жибера, и за обѣдомъ было рѣшено, что онъ произведетъ

опытъ усыпленія Леоніи на разстояніи: не покидая своего дома, заставить ее прійти къ себѣ. Въ 8 ч. 55 мин. вечера онъ удалился въ свой кабинетъ, а д-ръ Охоровичъ, братъ мой, проф. Жане и д-ръ Марилье отправились къ павильону, въ которомъ жила Леонія, и начали ожидать около него на улицѣ, въ такомъ мѣстѣ, что ихъ изъ этого павильона замѣтить было невозможно. Въ 9 ч. 22 м. д-ръ Майерсъ увидѣлъ, какъ Леонія прошла половину разстоянія отъ павильона до воротъ, но затѣмъ вернулась обратно. Лица, наблюдавшія ее на болѣе близкомъ разстояніи, замѣтили, что она находилась въ сомнамбулическомъ состояніи, блуждала по двору и бормотала что-то. Въ 9 ч. 25 м. она вышла, наконецъ, изъ воротъ (съ плотно закрытыми глазами, насколько можно было замѣтить), быстро прошла мимо проф. Жане и д-ра Марилье, не замѣтивъ ихъ, и двинулась къ дому д-ра Жибера, но не по кратчайшей дорогѣ. Идя по улицѣ, Леонія обходила фонарные столбы, тумбы и пр., но шла какъ-то странно, переходя по нѣскольку разъ улицу взадъ и впередъ. Слѣдившія за нею лица двигались за ней слѣдомъ на нѣкоторомъ разстояніи. Минутъ чрезъ восемь или десять шаги ея сдѣлались весьма неувѣренными, и она остановилась, какъ бы собираясь упасть. Д-ръ Майерсъ взглянулъ на часы: было 9 ч. 35 м. вечера. Чрезъ 5 минутъ она оправилась и въ 9 ч. 45 м. вечера достигла, наконецъ, дома, гдѣ живетъ д-ръ Жиберъ. Она вошла въ него, встрѣтилась съ нимъ, но не узнала его и начала блуждать по комнатамъ перваго этажа. Наконецъ, д-ръ Жиберъ взялъ ее за руку, — тогда она узнала его и успокоилась. Д-ръ Жиберъ, *до сообщенія ему отчета о происходившемъ съ Леоніей въ павильонѣ и на улицѣ,* разсказалъ своимъ гостямъ слѣдующее: отъ 8 ч. 55 м. до 9 ч. 20 м. онъ думалъ о Леоніи напряженно; отъ 9 ч. 20 м. до 9 ч. 35 м. онъ думалъ уже менѣе сосредоточенно; въ 9 ч. 35 м. пересталъ вовсе думать и началъ играть на билліардѣ (это былъ моментъ остановки Леоніи на улицѣ), но чрезъ нѣсколько минутъ онъ началъ снова сосредоточивать свои мысли на предметѣ опыта, и продолжалъ это дѣлать до входа Леоніи въ его домъ.

Всѣ эти опыты доказываютъ неопровержимо, что мысль и воля одного человѣка могутъ воздѣйствовать на разстояніи какомъ угодно: незначительномъ или громадномъ, на мысль и волю другого; только здѣсь необходимо оговорить, что для подобнаго воздѣйствія требуется, какъ непремѣнное условіе, какое-то неизвѣстное и непонятное пока сродство между двумя субъектами — экспериментаторомъ и воспринимающимъ или субъектомъ, иначе воздѣйствіе одного человѣка на другого даетъ незначительный эффектъ. Но для насъ важно то, что существуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ взаимное сродство и воздѣйствіе воли, т.-е. положительные факты, а отрицательные случаи не въ состояніи умалять значеніе этихъ положительныхъ фактовъ. (См. кн. професс. д-ра медиц. А. Шилтова: „О безсмертіи души“, изд. 2-е, 1898 г., откуда мы взяли вышеизложенные факты).

4. **Значеніе фактовъ дѣйствія воли на разстояніи въ вопросѣ о бытіи души, какъ самостоятельнаго начала духовной жизни въ человѣкѣ.** Опыты подобнаго рода намъ доказываютъ, что въ иныхъ случаяхъ воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній возможно и помимо нашихъ пяти чувствъ, а потому извѣстный афоризмъ сенсуалистовъ: nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu (т.-е. все, что явилось въ сознаніи, сначала было въ ощущеніи) — оказывается вѣрнымъ далеко не всегда. Экспериментаторъ, предъявляющій субъекту мысленное требованіе, не дѣйствуетъ на его внѣшнія чувства; ни зрѣніе, ни слухъ, ни осязаніе, ни обоняніе субъекта ничего не воспринимаютъ отъ экспериментатора во время опыта, а между тѣмъ мысленная задача исполняется имъ въ точности какъ въ бодрственномъ состояніи, такъ и въ глубокомъ снѣ. Крайне важно обратить здѣсь вниманіе на то обстоятельство, что мысленная задача исполняется всегда со стороны субъекта помимо его воли, безсознательно, какъ въ бодрственномъ, такъ и въ сонномъ состояніи. Что послѣднее обстоятельство не подлежитъ никакому сомнѣнію, на это указываетъ слѣдующее: когда субъектъ впадаетъ въ глубокій, сомнамбулическій сонъ, то мозгъ его и вся нервная система окончательно лишаются всякой чувствительности, а, слѣдовательно, и способности функціонировать, что доказывается тѣмъ, что подобныхъ субъектовъ можно подвергать пыткамъ въ родѣ прокалыванія руки булавкой, сильнаго раздраженія обонятельныхъ нервовъ и пр., и несмотря на это они не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ чувствительности и продолжаютъ спать глубокимъ сномъ. И среди подобнаго мертвецкаго сна они съ поразительною точностію исполняютъ всѣ мысленныя требованія экспериментатора. Теперь посмотримъ, какъ исполняются мысленныя требованія субъекта въ бодрственномъ состояніи; здѣсь казалось бы, что, такъ какъ субъектъ не спитъ, и сознаніе его находится въ нормальномъ состояніи, то оно должно было бы участвовать въ рѣшеніи мысленной задачи, между тѣмъ факты пока-

зываютъ совершенно обратное. Бодрствующіе субъекты всѣ мысленныя требованія экспериментатора исполняютъ такъ же, какъ и находящіеся въ сомнамбулическомъ снѣ—помимо своей воли, безсознательно, и всѣ производимыя ими движенія во время опыта носятъ характеръ насильственный или автоматическій. Субъектъ совершенно не сознаетъ своихъ дѣйствій, а если онъ производитъ тѣ или другія движенія тѣла, то лишь потому, что онъ бываетъ вынужденъ къ тому какою-то силой, толчкомъ, даннымъ ему извнутри. Здѣсь мозгъ—только слѣпой проводникъ различныхъ движеній, побуждаемый къ тому безсознательной душевной силой. Какъ бы ни старались матеріалисты и позитивисты доказывать всемогущество и монопольныя права мозга—этого куска мертвой матеріи,—ихъ тщетныя усилія ни къ чему ни поведутъ. Мертвое всегда остается мертвымъ. Въ томъ и заключается наше несчастіе, что господа отрицатели издали рѣшаютъ міровыя задачи, приводя односторонніе и ошибочные доводы, въ то же время открещиваясь отъ всякихъ провѣрокъ вопроса опытнымъ путемъ.

Всѣ описанные опыты, при которыхъ свидѣтелями были люди науки — натуралисты, врачи и профессора университета, относившіеся крайне скептически къ подобнымъ явленіямъ, какъ чтеніе мысли, дѣйствіе воли и пр., были поставлены строго и со всѣми предосторожностями, такъ что не было мѣста сомнѣнію или подозрѣнію. Задачи, предлагаемыя всегда свидѣтелями, писались на клочкѣ бумаги и прочитывались всѣми молча, причемъ до опыта испытуемый субъектъ удалялся въ отдаленныя комнаты. Не нужно забывать, что мы всѣ—какъ я, такъ и мои товарищи по наукѣ — прежде всего интересовались истиною, а потому для насъ имѣлъ цѣну вѣрный результатъ, каковъ бы онъ ни былъ — положительный или отрицательный.

Теперь вдумайтесь хорошенько въ смыслъ описанныхъ опытовъ: при мысленныхъ задачахъ мозгъ ничего не воспринимаетъ въ себя черезъ внѣшнія чувства, а слѣдовательно, и не можетъ сознательно исполнять предъявляемыхъ требованій. А если это такъ, то возникаетъ слѣдующій вопросъ: если мозгъ не принимаетъ участія въ разрѣшеніи мысленныхъ задачъ, такъ кто же въ такомъ случаѣ исполняетъ всѣ мысленныя требованія экспериментатора, обнаруживая при этомъ исполненіи удивительную цѣлесообразность и разумность? *Я полагаю, что безсознательныя дѣйствія субъекта во время опытовъ, далѣе безсознательное рѣшеніе имъ мысленныхъ задачъ — можно отнести, съ громадною вѣроятностью, единственно лишь къ безсознательной душевной силѣ, другими словами—къ дѣятельности нашего внутренняго „я“*. Мнѣ кажется, если я не ошибаюсь, едва ли тутъ можно придумать другой отвѣтъ. Если въ опытахъ дѣйствія воли на близкомъ разстояніи, когда испытуемый знаетъ, что онъ служитъ объектомъ для экспериментовъ, нѣкоторыя склонны подыскать неудачныя объясненія—въ родѣ тождественныхъ вибрацій мозговыхъ атомовъ и пр., то подобныя объясненія не могутъ имѣть мѣста въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разстояніе между экспериментаторомъ и субъектомъ значительное, а тѣмъ болѣе громадное, или же, когда субъекту неизвѣстно, что въ данную единицу времени онъ служитъ предметомъ опыта.

Въ литературѣ психизма описаны сотни случаевъ телепатическаго воздѣйствія; въ этомъ отношеніи поучительно капитальное сочиненіе въ двухъ томахъ трехъ англійскихъ ученыхъ—Гёрнея, Майерса и Подмора, носящее названіе Phantasms of the living, въ которомъ собранъ громадный фактическій матеріалъ строго провѣренныхъ случаевъ телепатіи.

Что касается гипотезъ относительно сущности передачи мысли, дѣйствія воли на разстояніи или телепатіи, то многіе склонны допустить какой-нибудь физическій агентъ. Такъ, извѣстный химикъ Рейхенбахъ утверждалъ о повсемѣстномъ распространеніи въ природѣ особой тонкой матеріи, которую онъ назвалъ ódою (Odkraft). Знаменитый философъ Гартманъ всѣ вышеизложенныя явленія пытался объяснять нервною силой. Ноульсъ передачу мысли отожествляетъ съ особаго рода движеніемъ (мозговыя волны—broiu naves), передающимся съ помощью эфира. Извѣстный психопатологъ Маудсли главную роль придаетъ такъ называемому имъ „мысленосному эѳиру“ (mentiferous ether). Д-ръ Барети допускаетъ излученія изъ различныхъ частей организма тонкой нервной силы, которую можно отражать зеркалами, сосредоточивать при помощи линзъ и пр. Въ 1886 году я сдѣлалъ (говоритъ д-ръ Шилтовъ) докладъ на первомъ Пироговскомъ съѣздѣ врачей въ Петербургѣ о лучистой силѣ человѣка, выдѣляемой изъ нѣкоторыхъ частей тѣла при напряженіи мысли и воли. Д-ръ Охоровичъ полагаетъ, что при передачѣ мысли проводникомъ служитъ электрическая сила, при чемъ онъ допускаетъ, что нервная и электрическая силы могутъ превращаться одна въ другую. *Такіе знатоки дѣла, какъ англійскіе ученые Майерсъ и Гёрней, полагаютъ, что въ основѣ телепатіи лежатъ духовные процессы.*

Такъ или иначе, для насъ крайне важны самые факты, а съ объясненіями ихъ можемъ

повременить, такъ какъ въ современной нашей наукѣ есть многое множество фактовъ доселѣ еще не объясненныхъ, но, тѣмъ не менѣе, давно получившихъ въ ней полное право гражданства. (Извл. въ сокращ. изъ кн. „О безсмертіи души“ проф. д-ра А. Шилтова, изд. 2-е; М. 1898 г., стр. 68—80).

Б. Способность души слышать голоса близкихъ или родныхъ лицъ на дальнемъ разстояніи.

Факты, подтверждающіе существованіе этой способности души человѣческой. 1. Нѣкто Р. Фрайеръ разсказываетъ слѣдующее. Въ теченіе осени 1879 г. случилось странное явленіе. Одинъ изъ моихъ братьевъ отлучился изъ дома на три или четыре дня; въ это время, однажды вечеромъ, въ половинѣ шестого, я съ удивленіемъ услышалъ, что меня зовутъ: мое имя было произнесено совершенно отчетливо; я узналъ голосъ брата и бросился искать его по всему дому. Не найдя его нигдѣ и сообразивъ, что онъ находится за сорокъ миль, я счелъ этотъ случай за обманъ своего воображенія и пересталъ о немъ думать. Братъ пріѣхалъ на шестой день и разсказалъ, между прочимъ, что счастливо отдѣлался отъ большой бѣды. Онъ, оказывается, поскользнулся, выходя изъ вагона, упалъ во весь ростъ на платформу и не расшибся лишь благодаря тому, что успѣлъ быстро вытянуть руки; его только сильно встряхнуло. „Замѣчательно,— присовокупилъ онъ, —когда я почувствовалъ, что падаю, я крикнулъ твое имя“. Сначала это не поразило меня, но когда я спросилъ, въ какое время это случилось, онъ указалъ именно тотъ часъ, когда я услышалъ его зовъ.

Г. Фрайеръ сообщилъ, что не разъ спорилъ съ своимъ братомъ по поводу его привычки соскакивать съ поѣзда до остановки; такимъ образомъ, его братъ могъ по ассоціаціи идей вспомнить о немъ и совершенно непроизвольно произнести его имя.

2. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сообщаетъ нѣкто Джо Пайкъ, я ѣхалъ ночью съ почтовымъ поѣздомъ изъ Карлайля въ Гайбери, въ отдѣленіи вагона кромѣ меня никого не было, и я растянулся во весь ростъ на сидѣньи съ намѣреніемъ выспаться,— предварительно попросивъ кондуктора разбудить меня на станціи Кэмденъ-Таунъ. Скоро меня охватилъ глубокій сонъ; когда такъ крѣпко спится, пробужденіе бываетъ почти мучительнымъ. Меня внезапно разбудилъ кондукторъ (безцеремонно и нетерпѣливо,— такъ какъ поѣздъ опоздалъ), и я, проснувшись, помнилъ, какъ мнѣ снилось, будто теперь утро (такъ было и на самомъ дѣлѣ), я у себя въ спальной одѣваюсь, а въ тотъ моментъ, когда меня разбудили, я будто бы стоялъ на площадкѣ, звалъ служанку, окликнувъ ее два раза по имени „Сара“, и приказывалъ принести мнѣ горячей воды. Возвратясь домой, я узналъ, что служанка въ тотъ самый моментъ, когда мнѣ снилось, будто я зову ее, совершенно отчетливо слышала, какъ я *два раза* окликнулъ ее по имени, и она, позабывъ, что меня нѣтъ дома, заторопилась, бросила свое дѣло—она приготовляла завтракъ—и пошла ко мнѣ наверхъ, затѣмъ также скоро возвратилась „блѣдная, какъ привидѣніе“, по описанію, сдѣланному дѣтьми; послѣднія въ изумленіи смотрѣли на ея поступки и, такъ какъ сами не слышали зова, понятно, недоумѣвали, что бы все это значило. Сара, какъ она впослѣдствіи заявила мнѣ, такъ перепугалась, не найдя меня въ комнатѣ, что сдѣлалась „совсѣмъ больна“.

3. Пять разъ въ жизни мнѣ случалось,— говоритъ г-жа Уайтъ,—слышать голосъ, повелительно звавшій меня, называя по имени, и всегда выходило, что кто-нибудь нуждался въ помощи и призывалъ меня: каждый разъ, когда я слышала подобный зовъ, непремѣнно умиралъ кто-нибудь изъ родныхъ, приблизительно въ то самое время. Ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ со мною не было галлюцинацій. Первые два раза я слышала зовъ въ минуту смерти моихъ двухъ тетокъ, которыя заботились о мнѣ во время моего дѣтства, когда мои родители были въ Индіи. Въ обоихъ случаяхъ я не могу поручиться, въ тотъ ли самый день я слышала зовъ, или нѣтъ, но несомнѣнно, разница была не болѣе нѣсколькихъ дней.

Въ слѣдующій разъ — тогда я была поражена всего сильнѣе — это случилось въ минуту смерти моей матери въ Индіи, 8 ноября 1864 года. Я жила тогда у двоюродной сестры, г-жи Гарнетъ (Saint John's Wood.). Утромъ мы сидѣли въ комнатѣ вдвоемъ съ г. Гарнетомъ и вполнѣ *ясно услышали голосъ съ улицы, звавшій меня.* Я тотчасъ вышла посмотрѣть, кто меня зоветъ, но никто изъ домашнихъ этого не дѣлалъ, да кромѣ моей двоюродной сестры тамъ никто не называлъ меня просто по имени; всѣ наши поиски и усилія разъяснить эту загадку оказались тщетными. Г-нъ Гарнетъ, зная, что нѣчто подобное случилось уже во время кончины моихъ тетокъ, записалъ день. Недѣли черезъ три послѣ того мы получили извѣстіе, что моя мать умерла въ Индіи, пролежавъ недѣлю больною, и г. Гарнетъ такъ же, какъ и я, былъ увѣренъ въ томъ, что смерть произошла въ тотъ самый день, когда я услышала зовъ.

Затѣмъ такой же случай произошелъ со мною въ Врайтонѣ; это былъ единственный разъ, когда я узнала голосъ. Утромъ, по пробужденіи, я услышала голосъ адмирала Уайта, моего свекра, который умеръ еще раньше моей матери; онъ звалъ меня точно такъ, какъ часто дѣлалъ это при жизни. Черезъ день или два его вдова прислала мнѣ письмо о смерти своего сына, своднаго брата моего мужа. Я знала, что онъ сильно боленъ, но не особенно тревожилась за него.

Пятый случай произошелъ въ іюнѣ 1876 г.; вслѣдъ затѣмъ я узнала о смерти моей племянницы, ребенка 9 мѣсяцевъ. Я знала о ея болѣзни. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ я не увѣрена, совпадалъ ли зовъ со днемъ смерти, но, если полнаго совпаденія не было, то все же разница во времени была очень мала. (См. кн. „Прижизн. призраки и др. телепатич. явленія", Гёрнея, Подмора и Майерса, перев. съ англ. 1893 г., стр. 363—368).

В. **Взаимное сочувствіе душъ, раздѣленныхъ пространствомъ.**

Факты этого рода. 1. Жена одного офицера имперіи, живя уединенно въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ, во время нахожденія мужа ея въ арміи, всякій разъ, какъ онъ получалъ рану, чувствовала въ правой сторонѣ груди колючую боль, которая обнаруживалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ опаснѣе была рана. Офицеръ въ разныхъ сраженіяхъ былъ раненъ одиннадцать разъ, и столько же разъ повторялся симпатическій феноменъ въ груди жены его

2. Два друга, молодые люди, изъ которыхъ одинъ вступилъ въ военную службу, другой сдѣлался адвокатомъ, неоднократно испытывали очень сильныя симпатическія дѣйствія. Однажды адвокатъ, находясь на вечерѣ, вдругъ почувствовалъ въ груди столь сильную боль, что безъ чувствъ упалъ на руки окружавшихъ его, чрезъ минуту онъ пришелъ въ себя, но напрасно старался объяснить себѣ причину этой боли. Врачъ, находившійся возлѣ него, объявилъ, что припадокъ этотъ произошелъ, вѣроятно, отъ давленія на нервную нить, причиненную сильнымъ сжатіемъ мускуловъ. На другой день адвокатъ получилъ письмо, въ которомъ увѣдомляли его, что другъ его наканунѣ вечеромъ былъ тяжело раненъ на дуэли.

3. Вотъ еще случай такого же рода. Сцена происходила въ палаткѣ, въ Африкѣ, послѣ пѣсенъ и нѣсколькихъ выпитыхъ стакановъ, чтобъ прогнать скуку бивачной жизни. Я и товарищъ мой заснули, довольные настоящимъ и не безпокоясь о будущемъ. Въ самую полночь былъ я пробужденъ сердце-раздирающими вздохами, прерывистыми стонами и жалобнымъ крикомъ, сопровождавшимся словами:

„Боже мой, какъ я страдаю! Мнѣ кажется, что я долженъ умереть..."

Я тотчасъ всталъ, спросилъ моего товарища о причинѣ его припадка, которымъ онъ вдругъ былъ пораженъ, и получилъ въ отвѣтъ:

— Я чувствую ужасную головную боль; мнѣ кажется, что желѣзная рука роется въ моемъ черепѣ и переворачиваетъ мозгъ мой; лихорадочная дрожь пробѣгаетъ во мнѣ отъ головы до ногъ... Я впадаю въ разслабленіе, которое описать не могу, можетъ-быть это мой послѣдній часъ.

Въ испугѣ я смотрѣлъ на него: глаза его были неподвижны; его лицо, не показывая никакой болѣзненной перемѣны, носило на себѣ отпечатокъ глубокой печали. Чрезъ десять минутъ послѣ этого припадка наступило совершенное спокойствіе; онъ опять уснулъ крѣпко до утра. При своемъ пробужденіи онъ не чувствовалъ никакой боли и былъ такъ же здоровъ, какъ вчера. Онъ удивился, когда я сталъ ему разсказывать о страданіяхъ, которыя поразили его ночью, какъ громовой ударъ, и потомъ исчезли почти столь же скоро.

— Это странно! —сказалъ онъ.— Страдать такъ много безъ всякой причины и на утро не чувствовать ни малѣйшей боли! Быть-можетъ, это былъ сонъ?

Черезъ двѣ недѣли было получено подъ черною печатью письмо, въ которомъ извѣщали его, что въ этотъ самый день и часъ умерла мать его, и что ея смертная борьба продолжалась не болѣе десяти минутъ.

Феномены, происходившіе въ приведенныхъ нами случаяхъ, должны имѣть причины; точныя, до малѣйшихъ подробностей доходящія изслѣдованія надъ особами, съ которыми случались эти факты, можетъ-быть, доказали бы существованіе этой скрытой, неосязаемой силы, этого неизвѣстнаго чего-то, называемаго иногда *электро-нервною жидкостью,* по причинѣ ея замѣчательныхъ дѣйствій и быстроты теченія, которое можетъ быть сравнено только съ электричествомъ [1]).

Слѣдующіе факты доказываютъ, что по различію дѣйствующей причины различны и самыя дѣйствія.

4. Густавъ Б., незаконный сынъ одного знатнаго человѣка, до тридцати лѣтъ жилъ въ довольствѣ. Въ это время отецъ его умеръ;

[1]) Всѣ подобныя гипотезы объяснить взаимодѣйствіе душъ, отдѣленныхъ большимъ пространствомъ, какъ грубо-матеріалистическія, никогда не будутъ имѣть успѣха безъ допущенія духовности души съ ея способностями предчувствія, ясновидѣнія и т. п. свойствъ. *Г. Д—ко.*

тогда между нимъ и законными наслѣдниками возникли споры на счетъ имѣнія и вовлекли его въ разорительные процессы. Будучи супругомъ и отцомъ, Густавъ, несмотря на то, что трудился до глубокой ночи, былъ едва въ состояніи содержать свое семейство, онъ проклиналъ свое рожденіе и несовершенство нашихъ законовъ; его характеръ сдѣлался мрачнымъ, и глубокая печаль выражалась на лицѣ его. Наконецъ, завязался послѣдній процессъ; несчастный видѣлъ себя близкимъ къ нищенскому рубищу. Собравшись съ послѣдними силами, онъ отправился въ столицу, гдѣ должно было рѣшиться его дѣло. Искусный адвокатъ защищалъ его, и онъ не только выигралъ процессъ, но и получилъ обратно часть имѣнія, которая прежде была отнята у него. При этомъ рѣшеніи суда онъ не въ силахъ былъ выдержать своей радости, упалъ въ обморокъ, и жизнь его находилась въ опасности. Его жена, которая долгое время со слезами и страхомъ ожидала объ немъ извѣстія, въ тотъ же самый часъ ощутила неизъяснимое чувство счастія. Слезы ея остановились, сердце билось необыкновенно; въ ней происходило столь чрезвычайное движеніе, что она обнимала дѣтей и съ воодушевленіемъ говорила:

— „Богъ услышалъ молитвы наши, любезныя дѣти! и странное движеніе, ощущаемое мною, заставляетъ меня предчувствовать что-то счастливое. Будемъ надѣяться!"

Черезъ три дня Густавъ Б. былъ въ ея объятіяхъ, и счастливое семейство предавалось чувствамъ живѣйшей радости.

5. Одинъ морякъ и военноплѣнный, который три года томился въ англійскихъ понтонахъ, нашелъ какъ-то случай убѣжать. Достигнувъ предѣловъ своего отечества, онъ вскричалъ:

— Привѣтствую тебя, прекрасная Францiя! я опять увижу мою жену и дѣтей моихъ!

Онъ побѣжалъ изо всѣхъ силъ, чтобъ увидѣть поскорѣе свою деревню, находившуюся на морскомъ берегу въ трехъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ онъ вышелъ на землю.

Жена его въ ту самую минуту, какъ онъ высаживался изъ судна, кормила младшаго изъ дѣтей. Долгое время проводила она въ печали и въ слезахъ, вдругъ напалъ на нее конвульсивный смѣхъ, котораго она никакъ не могла преодолѣть. Отъ сильнаго чувства необыкновенной радости, она пришла въ безсознательное состояніе, но все продолжала хохотать.

Сосѣдка, бывшая съ нею и испуганная такимъ бурнымъ проявленіемъ восторга, позвала деревенскаго лѣкаря. Послѣ напрасныхъ попытокъ унять этотъ судорожный смѣхъ, тотъ подумалъ, что она сошла съ ума... Вдругъ вошелъ морякъ, бросился на шею своей жены, и смѣхъ въ то же мгновеніе превратился въ потоки радостныхъ слезъ. (См. соч. д-ра Дебэ: „Тайны сна и магнитизма", М. 1866 г., стр. 309 — 313).

Г. Способность души человѣческой къ воспріятію впечатлѣній на разстояніи.

Факты воспріятія впечатлѣній на разстояніи. Какъ типъ явленій этого рода,—пишетъ А. Н. Аксаковъ,—я приведу здѣсь слѣдующій случай, сообщенный мнѣ изъ первыхъ рукъ—моей давнишней знакомой В. И. Прибытковой, въ правдивости словъ которой я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія. Вотъ ея разсказъ, переданный мнѣ письменно:

1. „Въ 1860 году, я проводила лѣто въ селѣ Бѣлая Колпь (московской губерніи), принадлежащемъ князю А. В. Шаховскому. Мать его, княгиня С. Г. Шаховская, имѣла обыкновеніе лѣчить гомеопатіей приходившихъ къ ней больныхъ крестьянъ сосѣднихъ деревень. Однажды къ ней привели больную дѣвушку; недоумѣвая, какое дать ей лѣкарство, княгиня вздумала спросить черезъ столикъ совѣта у Ганемана, противъ чего я сильно возставала, утверждая, что нельзя рисковать лѣчить больную со словъ какого-то невѣдомаго существа. Однако меня усадили за столикъ вмѣстѣ съ воспитанницей Шаховскихъ, Н. Я. Ковалевой (я въ то время гомеопатіи не вѣрила и была такого мнѣнія, что серьёзно больную дѣвушку надо послать въ городъ къ доктору). Несмотря на мое внутреннее сопротивленіе — орудовать руками я себѣ не позволяла — выстукалось ножкой имя Ганемана, что очень меня раздосадовало, и я стала сильно желать, чтобы онъ отказался дать совѣтъ. Первая фраза была, *что онъ совѣта дать не можетъ*. Тогда въ свою очередь разсердилась княгиня, сказала, что я мѣшаю, и удалила меня изъ-за стола. Кто замѣнилъ меня, сама ли княгиня или кто другой, не помню. Я же сѣла къ окну, аршинахъ въ двухъ или трехъ отъ столика, и напрягала всю мою волю на то, чтобы выстукалась тутъ же задуманная мною фраза, которую я, понятно, никому не сообщила. На вопросъ княгини по моемъ удаленіи: „почему Ганеманъ не можетъ дать совѣта?" столикъ выстукалъ: „потому что я, какъ врачъ, рехнулся съ той поры, какъ выдумалъ гомеопатію" (фраза была задумана и выстукана по-французски: „parce que je suis devenu fou comme médecin, depuis que j'ai inventé l'homéopathie"). Я диктовала эту фразу, сосредоточивая мои мысли и волю на каждой очередной буквѣ; помню, что не произошло ни одной

ошибки, столикъ опредѣленно останавливался на каждой требуемой буквѣ. Но только что кончилась диктовка, у меня сильно разболѣлась голова [1])".

Здѣсь мы имѣемъ положительное доказательство, что одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій спиритизма — выражающееся въ движеніи стола — можетъ-быть вызвано умственнымъ вліяніемъ живого человѣка, на разстояніи, ибо оно было вызвано его *внѣшнимъ сознаніемъ*, т.-е. совершенно сознательно, въ состояніи нормальномъ; между тѣмъ, какъ обыкновенно эти явленія вызываются дѣйствіемъ внутренняго сознанія, о которомъ сознаніе внѣшнее не имѣетъ понятія.

Теперь я приведу нѣсколько случаевъ сообщеній отъ лицъ живыхъ, сдѣланныхъ ими во время своего сна. Начну съ факта, полученнаго мною также изъ первыхъ рукъ, отъ нашего извѣстнаго писателя Вс. С. Соловьева, и также переданнаго мнѣ письменно. Вотъ его разсказъ:

2. „Это было въ самомъ началѣ 1882 г. Передъ этимъ я испытывалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ странную потребность брать въ лѣвую руку карандашъ и писать. Всегда писалось справа налѣво, такъ что можно было читать только на свѣтѣ или въ зеркало. Писалось обыкновенно чрезвычайно быстро и красивымъ почеркомъ. Какъ-то очень поздно вечеромъ, часовъ около двухъ, я съ близкими мнѣ людьми засидѣлся въ разговорѣ и вдругъ почувствовалъ потребность писать. Я взялъ карандашъ, попросивъ одну мою пріятельницу, г-жу П., взять карандашъ вмѣстѣ со мною. Такимъ образомъ мы стали писать вдвоемъ, У насъ вышло „Вѣра". Мы спросили: что такое „Вѣра?" Тогда написалась фамилія одной моей молодой родственницы, съ семействомъ которой, послѣ продолжительнаго перерыва, я возобновилъ родственныя отношенія. Мы еще болѣе удивились и спросили: та ли это В. М.? Отвѣтъ получился: „да, я сплю, но я здѣсь и пришла сказать, что мы завтра увидимся въ три часа въ Лѣтнемъ саду". Тогда я бросилъ карандашъ, и мы разстались. На другой день около часа ко мнѣ пришелъ А. Н. М-овъ и, просидѣвъ у меня до двухъ съ половиной часовъ, сталъ собираться уходить. Такъ какъ въ тотъ день я еще не выходилъ на воздухъ, то и вызвался провожать его. Мы вышли вмѣстѣ и продолжали разговаривать. Я машинально шелъ туда, куда онъ шелъ. Жилъ я тогда на углу Спасской и Знаменской. Шли мы по Спасской, по Пантелеймоновской, черезъ Цѣпной мостъ. Тутъ онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что ему пора, что онъ долженъ взять извощика. Я простился съ нимъ и опять-таки машинально вошелъ въ открытыя ворота Лѣтняго сада. Обыкновенно я въ Лѣтнемъ саду никогда зимой не гулялъ. Нужно сказать, что я совершенно забылъ о вчерашнемъ писаніи. Первое, что случилось, когда я вошелъ въ Лѣтній садъ, это, что я лицомъ къ лицу столкнулся съ В. М. и ея компаніонкой. В. М., увидя меня, была видимо очень смущена и совсѣмъ растерялась. Я тоже, ибо вспомнилъ вчерашнее; мы молча пожали другъ другу руки и быстро разошлись. Вечеромъ я къ нимъ отправился, и ея мать сказала мнѣ, что В. большая фантазерка, что когда она вернулась изъ Лѣтняго сада, то находилась въ возбужденномъ состояніи, и какъ о чудѣ какомъ объявила, что меня встрѣтила, что она видѣла меня во снѣ, будто была у меня, и сказала мнѣ, что встрѣтитъ меня въ три часа въ Лѣтнемъ саду. Черезъ нѣсколько дней повторилась подобная же исторія, при такихъ же обстоятельствахъ. Моя рука написала „В.", и затѣмъ было объявлено, что на слѣдующій день В. пріѣдетъ къ намъ въ два часа. Въ два часа на слѣдующій день она, дѣйствительно, была съ матерью у насъ. Послѣ этихъ двухъ случаевъ ничего подобнаго не повторялось".

Явленія этого рода разсѣяны тутъ и тамъ въ литературѣ; такъ напр., мы находимъ въ статьѣ проф. Перти: „Новое изслѣдованіе въ области мистическихъ фактовъ", напечатанной въ „Ps. Studien "1879 г. (стр. 295), слѣдующій случай:

3. „Въ 1858 году, вечеромъ 20-го іюля молодая дѣвушка Софія Свобода, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, сидѣла за столомъ, вполнѣ спокойная и довольная, и только немного уставшая отъ дневныхъ занятій, по случаю предстоявшаго на другой день какого-то семейнаго празднества; но вдругъ она вспомнила, что не сдѣлала перевода съ французскаго на нѣмецкій языкъ, совсѣмъ забывъ про него, а ея учительница В. должна притти на урокъ къ ней завтра, рано утромъ. Что дѣлать? приняться за работу сейчасъ же—поздно, уже одиннадцатый часъ; къ тому же ей сейчасъ трудно работать, она такъ устала. Задумавшись объ этомъ, сильно смущенная и озабоченная, Софія уходитъ отъ своихъ въ сосѣднюю комнату и садится тамъ одна, въ углу, все думая о столь непріятной для нея небрежности по отношенію къ занятіямъ съ любимой ею учительницей. Но вотъ Софія, нисколько сама тому не удивляясь, стоитъ передъ своею учительницей

[1]) Этотъ фактъ служитъ прекраснымъ доказательствомъ того, что такъ называемыя «сообщенія духовъ» въ большинствѣ случаевъ (но, конечно, не всегда) суть телепатическія сообщенія живыхъ личностей, т.-е. зависятъ отъ дѣйствія воли на разстояніи. *Г. Д—ко.*

г-жею В. и говоритъ съ нею, шутливо объясняя и свою досаду, и свое горе, и причину всего этого. Затѣмъ видѣніе исчезаетъ такъ же быстро, какъ и появилось; а Софія, успокоенная, возвращается къ своимъ и разсказываетъ имъ то, что случилось. На слѣдующее утро приходитъ г-жа В. и, едва поздоровавшись, говоритъ, что ей извѣстно уже о томъ, что урокъ, заданный ею Софіи, не приготовленъ. Въ присутствіи ея матери учительница разсказываетъ слѣдующее: „вчера вечеромъ, часу въ одиннадцатомъ, я взяла карандашъ для автоматической бесѣды со своимъ покойнымъ мужемъ, который часто разговариваетъ со мною такимъ образомъ; но на этотъ разъ, вмѣсто желаемаго и ожидаемаго имени, мой карандашъ сталъ писать по-нѣмецки и почеркомъ, въ которомъ я узнала почеркъ Софіи; карандашъ написалъ нѣсколько шутливыхъ выраженій неудовольствія на себя и досады по поводу не сдѣланнаго, по забывчивости, перевода". Г-жа В. показала и бумагу, на которой написались эти выраженія, и Софія убѣдилась въ томъ, что какъ почеркъ ея собственный, такъ и фразы—тѣ самыя, которыми она вчера въ своемъ видѣніи говорила съ учительницей. Софія удостовѣряетъ, что г-жа В. — личность высокоправдивая, нисколько неспособная на обманъ".

4. Въ сочиненіи баронессы Адельмы фонъ Фай „Studien über die geisterwelt" находимъ главу: „Медіумическія сообщенія духа живого человѣка" (стр. 327 и слѣд.). Сообщенія исходили отъ двоюроднаго брата баронессы, графа В., находившагося въ сраженіи при Кенигсгрецѣ; на другой день послѣ сраженія онъ сообщилъ ей во время своего сна, что онъ остался живъ, что и оказалось вѣрнымъ, несмотря на то, что имя его появилось въ спискѣ убитыхъ.

5. Г. Томасъ Эвериттъ, пользующійся среди лондонскихъ спиритуалистовъ безупречной репутаціей, и жена котораго хорошій медіумъ, въ записи, прочитанной имъ передъ британской ассоціаціей спиритуалистовъ въ ноябрѣ 1875 года, подъ заглавіемъ: „Доказательства двойственной природы человѣка", между прочимъ говоритъ:

„Для спиритуалистовъ не рѣдкость получать сообщенія отъ лицъ, находящихся еще въ живыхъ. Подобные случаи часто происходили у насъ дома и въ особенности бывало это при нашемъ первомъ знакомствѣ съ спиритизмомъ. Сообщенія эти (стуками или письмомъ) по своему характеру и складу рѣчи вполнѣ соотвѣтствовали личностямъ, которыя себя заявляли этимъ путемъ. Такъ, одинъ нашъ пріятель, самъ обладавшій медіумическими способностями, часто бесѣдовалъ съ нами черезъ мою жену, давая намъ сообщенія, вполнѣ соотвѣтствующія его личности. Въ письмахъ своихъ онъ часто справлялся, вѣрны ли были тѣ сообщенія, которыя онъ, въ свою очередь, получалъ отъ г-жи Эвериттъ во время ея сна; нерѣдко бывало, что сообщенія, полученныя нами отъ него, а имъ отъ жены моей и передававшіяся стуками, письмомъ, или медіумическою рѣчью, оказывались совершенно вѣрными". Далѣе Эвериттъ разсказываетъ всѣ подробности, какъ на одномъ сеансѣ онъ получилъ сообщеніе рукою жены своей отъ своего пріятеля Мирса (также медіума) мѣсяцъ спустя послѣ его отъѣзда въ Новую Зеландію [1]).

6. Извѣстная англійская писательница Флоренсъ Марріэтъ разсказываетъ о слѣдующемъ фактѣ сообщенія, полученнаго ею отъ одного лица во время его сна:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я была хорошо знакома съ однимъ господиномъ, который еще до нашей первой встрѣчи лишился нѣжно любимой сестры. Онъ часто говорилъ мнѣ объ ней, и я узнала всѣ подробности ея жизни и смерти. Обстоятельства разлучили насъ, и въ продолженіе одиннадцати лѣтъ я не имѣла никакихъ сношеній съ моимъ знакомымъ. И вотъ, однажды я сидѣла за столомъ для медіумическаго сообщенія отъ одной извѣстной мнѣ личности, какъ вдругъ выстукалось имя сестры моего пріятеля—это была ея первая попытка войти со мною въ сношеніе. Между нами произошелъ слѣдующій разговоръ: — „Чего вы желаете отъ меня, Эмили"? – Я пришла, чтобы сказать вамъ, что мой братъ находится въ Англіи и очень бы желалъ повидаться съ вами. Напишите ему, адресуя въ клубъ города С., и укажите ему, гдѣ бы онъ могъ увидать васъ.—„Это было бы для меня трудно, Эмили. Уже много времени какъ мы не видались, и, быть-можетъ, онъ не пожелалъ бы возобновить знакомство."—Нѣтъ, онъ желаетъ, онъ часто думаетъ о васъ. Напишите ему.—„Я должна имѣть сперва доказательство, что онъ этого дѣйствительно желаетъ".— Онъ самъ вамъ скажетъ такимъ же способомъ. Садитесь опять въ двѣнадцать часовъ. Онъ будетъ тогда спать, и я приведу духъ его сюда [2])".

„Согласно сему въ двѣнадцать часовъ я сѣла опять. Эмили явилась снова и сказала:—

---

[1]) Слѣдовательно, почти всѣ подобнаго рода сообщенія чрезъ такъ называемое «непосредственное письмо» на спиритическихъ сеансахъ сводятся не къ дѣйствію «духовъ», а къ простой телепатіи. *Г. Д—ко.*

[2]) Подобныя выраженія спиритическаго характера нужно понимать въ иномъ видѣ — ближе къ дѣйствительности, т.-е. относя къ явленіямъ телепатическимъ. Во избѣжаніе недоразумѣній отсылаемъ читателя къ предисловію, гдѣ изложенъ нашъ взглядъ на спиритизмъ. *Г. Д—ко.*

Я привела своего брата, онъ здѣсь, спрашивайте его сами. — Я спросила:—„Правду-ли говоритъ Эмили, утверждая, что вы желаете видѣть меня?“ —Да, принесите карандашъ и бумагу.—Когда я исполнила его требованіе, онъ продолжалъ: — Напишите, что я вамъ буду диктовать. — И мною было написано слѣдующее:—Правда, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ; но годы, какъ они ни долги, не могутъ уничтожить воспоминанія о прошедшемъ. Никогда я не переставалъ думать о васъ и молиться за васъ.—Немного погодя онъ добавилъ:—Сохраните этотъ листокъ и напишите мнѣ, адресуя въ клубъ города С.—Я настолько не довѣряю своему собственному медіумизму, что десять дней прошло прежде, чѣмъ я рѣшилась написать къ своему пріятелю, о нахожденіи котораго въ Англіи и адресѣ я до этого никогда не слыхала. Со слѣдующею же почтою, однако, я получила отвѣтъ, и онъ содержалъ тѣ самыя слова, которыя за десять дней до этого были мнѣ продиктованы.

„Можетъ ли наука объяснить, какимъ образомъ слова, написанныя 5 декабря въ Лондонѣ, были перенесены естественнымъ путемъ на мозгъ живого человѣка, на разстояніи 40 англійскихъ миль, а 15 числа того же мѣсяца въ точности повторены имъ въ своемъ письмѣ? И то были факты еще не совершившіеся, но имѣющіе совершиться десять дней спустя.

7. Случалось, что сообщенія отъ живыхъ получались и черезъ уста говорившаго въ трансѣ медіума. Положительное свидѣтельство о фактѣ такого рода мы находимъ у судьи Эдмонса, который въ своихъ *Spiritual tracts*, въ спеціальной главѣ „О медіумическихъ сообщеніяхъ съ живыми“, говоритъ:

„Однажды, когда я былъ въ Роксбюри, ко мнѣ явился черезъ дочь мою Лауру, какъ медіума, духъ человѣка, съ которымъ я когда-то былъ очень хорошо знакомъ, но не видалъ его пятнадцать лѣтъ. Это былъ человѣкъ съ очень своеобразнымъ характеромъ, столь рѣзко отличавшимся своею оригинальностью отъ всѣхъ, кого я когда-либо зналъ, что ошибиться въ его личности не было возможности. Я вовсе о немъ не думалъ тогда, а медіумъ вовсе не зналъ его. Онъ проявился не только со всѣми особенностями свойственнаго ему характера, но и говорилъ о предметахъ, извѣстныхъ только мнѣ и ему. Я такъ и порѣшилъ, что онъ умеръ, а впослѣдствіи былъ не мало удивленъ, узнавъ, что онъ еще живъ. Я не могу теперь входить во всѣ подробности нашей бесѣды, длившейся болѣе часа. Я былъ увѣренъ, что я не обманывался, и что это было точно такое же спиритическое явленіе, какъ и многія другія, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ или о которыхъ слыхалъ отъ другихъ. Но какъ же могло это происходить — вотъ вопросъ, долго занимавшій меня. Впослѣдствіи я былъ свидѣтелемъ многихъ подобныхъ явленій.

8. Изъ русскихъ случаевъ сообщеній, полученныхъ медіумически отъ людей живыхъ во время ихъ сна, можно привести слѣдующій, напечатанный въ „Ребусѣ“ 1884 г. стр. 57:

„На одномъ изъ сеансовъ говорившій съ нами назвался сыномъ нашей сосѣдки-помѣщицы, живущей отъ насъ въ 8-ми верстахъ. Молодой человѣкъ этотъ, отъ имени котораго велся разговоръ, состоитъ на службѣ въ одной изъ южныхъ губерній. Утромъ въ день сеанса одинъ изъ насъ видѣлъ его мать, и о пріѣздѣ его не было и рѣчи, а, между тѣмъ, бесѣдуя съ нами, онъ заявилъ, что два часа тому назадъ пріѣхалъ въ имѣніе. На вопросъ же нашъ, какимъ путемъ онъ можетъ разговаривать съ нами, отвѣтилъ: „я сплю“.

„Заинтересованные этой, какъ намъ казалось, мистификаціей, двое изъ насъ рано утромъ поѣхали къ сосѣдкѣ. Пріѣзжаго мы нашли еще въ постели и узнали отъ него, что онъ неожиданно по дѣламъ службы ѣдетъ въ Петербургъ, а по дорогѣ заѣхалъ на одни сутки къ матери; наканунѣ же вечеромъ, утомленный дорогою, вскорѣ по пріѣздѣ, легъ спать“.

9. Изъ случаевъ такого рода извѣстенъ еще одинъ: г-жа К., передавала мнѣ, что однажды на домашнемъ сеансѣ, на которомъ присутствовали только ея сестра и мать, въ то время какъ получались ея рукою обычныя сообщенія, карандашъ, которымъ она писала, вдругъ остановился, и послѣ минутной паузы началъ писать порывисто и совершенно другимъ почеркомъ. Было написано всего нѣсколько словъ, довольно мелко, ихъ тотчасъ не прочитали, но написавшаяся вслѣдъ затѣмъ подпись двумя крупными буквами была немедленно узнана и всѣхъ поразила. То была подпись родного брата медіума, находившагося въ Ташкентѣ. Первая мысль была, что онъ умеръ и пришелъ извѣстить объ этомъ. Стали разбирать написанное и прочитали: „я скоро пріѣду“. Это очень удивило всѣхъ домашнихъ, тѣмъ болѣе, что не задолго до этого случая было получено отъ него письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что надѣется пріѣхать сюда курьеромъ, но не скоро, ибо, состоя на очереди шестнадцатымъ, не можетъ выѣхать ранѣе года. Былъ замѣченъ день и часъ этого страннаго сообщенія; это было 11 мая 1882 г., въ 7 часовъ вечера. Оно тогда же было показано многимъ знакомымъ г.г. К. Въ началѣ іюня братъ

медіума, дѣйствительно, пріѣхалъ. Ему показали необычайное извѣщеніе, на основаніи котораго его почти что ожидали. Онъ сейчасъ призналъ свою подпись и пояснилъ, что въ этотъ самый день онъ пустился въ путь; по вычисленію разницы часовъ оказалось, что въ то время, когда получилось это сообщеніе, онъ крѣпко заснулъ въ тарантасѣ, а передъ этимъ все время думалъ о своихъ домашнихъ и о томъ сюрпризѣ, который доставитъ имъ своимъ пріѣздомъ. Я видѣлъ подлинникъ этого сообщенія и сличалъ его подпись съ подписью г. К.; сходство было несомнѣнное.

Задолго *до спиритизма* возможность умственнаго сверхчувственнаго общенія между людьми была доказана фактами животнаго магнитизма. Находясь въ 1870 г. въ Парижѣ, я имѣлъ возможность, благодаря г. Донато и его прекрасному субъекту, произвести такого рода опытъ передачи мысли, какой, сколько мнѣ извѣстно, еще никогда не былъ продѣланъ; онъ удался вполнѣ. Отчетъ о немъ напечатанъ въ журналѣ *la Revue Magnetique*, отъ 16 февраля 1879 г. Г. Охоровичъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „De la suggéstion mentale“ (о мысленномъ внушеніи), Paris, 1887 г., сдѣлалъ мнѣ честь привести этотъ опытъ цѣликомъ. Русскій переводъ помѣщенъ въ „Ребусѣ“ 1883 г., стр. 286. Въ этомъ же году начались опыты Лондонскаго Общества псих. изслѣд. надъ передачею мысли, и они установили этотъ фактъ неоспоримо; опыты проф. Рише и нѣкоторыхъ другихъ французскихъ ученыхъ подтвердили тотъ же фактъ иными способами (см. Revue Philosophique).

Такимъ образомъ факты, здѣсь упомянутые, представляютъ только другой видъ явленія умственнаго общенія; они намъ доказываютъ, что дѣйствительно нѣкоторыя обыкновенныя явленія — сообщенія столомъ, письмомъ и словомъ могутъ быть приписаны причинѣ, *внѣ медіума* находящейся, и что эту причину можно искать въ сознательномъ или безсознательномъ дѣйствіи живого человѣка, находящагося иногда даже внѣ кружка. Эти факты драгоцѣнны, ибо мы можемъ тутъ связать причину со слѣдствіемъ путемъ непосредственнаго наблюденія (См. соч. *А. Н. Аксакова:* „Анимизмъ и спиритизмъ“ ч. II-я, Спб. 1893 г., стр. 580—601).

Д. Раздвоеніе личности или дѣйствіе на разстояніи живыхъ лицъ.

Факты раздвоенія личности: Журналъ „Psychische Studien“ поставилъ себѣ главною задачею—изслѣдованіе мало знакомыхъ явленій душевной жизни. Всѣмъ этимъ явленіямъ даютъ одно имя: мистическихъ, т.-е. непостижимо таинственныхъ. У всѣхъ явленій этого рода — одно общее начало: магическія силы духа; поэтому, какъ бы ни были разнообразны явленія, всѣ они родственны между собою; всѣ мистическія явленія связаны другъ съ другомъ однимъ общимъ началомъ. Разсмотримъ факты, обнаруживающіе способность видѣть и дѣйствовать внѣ тѣла, — однимъ словомъ, факты раздвоенія личности.

1. Однажды, въ августѣ 1853 года, молодая дѣвушка Софія Свобода [1]) (ей было тогда лѣтъ 20), страдая сильною головною болью, прилегла послѣ обѣда на диванъ, въ комнатѣ своей матери, и — заснула. И вотъ ей кажется, что въ то время, какъ мать осторожно вышла изъ комнаты, она проснулась. Проснувшись, Софія чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, ни тяжести въ головѣ, ни боли — нѣтъ; она быстро встаетъ, желая поскорѣе догнать мать и сказать ей о такой благопріятной перемѣнѣ въ своемъ здоровьѣ. Софія находитъ мать уже въ третьей комнатѣ, сидящею за вязаньемъ противъ отца, который читаетъ ей книгу „Мистическія ночи Бонавентуры“. Софія стала возлѣ родителей, выжидая пріостановки въ чтеніи, чтобы заговорить съ ними; но родители какъ бы не замѣчали ея присутствія, хотя оба часто поднимали головы и глаза, перерывая чтеніе разговоромъ другъ съ другомъ о прочитанномъ. Очень удивленная ихъ невниманіемъ къ ней, Софія отошла въ сторону и стала въ оконной нишѣ, слушая ихъ чтеніе. Но скоро мать поднялась съ мѣста, говоря: „безпокоитъ меня нездоровье Софіи, пойду взглянуть на нее“. Тогда Софія быстро вышла изъ ниши и подошла къ матери, думая сейчасъ же успокоить ее; но мать на нее и не взглянула, продолжая торопливо итти къ той комнатѣ, гдѣ она оставила Софію, и дверь которой была затворена. Чтобы мать, наконецъ, ее замѣтила, Софія задумала опередить ее и, ставъ у этой двери лицомъ къ ней, встрѣтить ее тамъ поцѣлуемъ; но и тутъ тревога матери нисколько не разсѣялась. Съ тѣмъ же безпокойствомъ вошла она быстро въ комнату въ ту минуту, когда туда же входила изъ другой двери сестра Софіи — Тереза. Софія слышитъ грустный голосъ и тоскливое восклицаніе матери: „какъ она блѣдна!“ и обращаетъ свой взглядъ въ ту сторону, куда направлены глаза матери. Въ крайнемъ изумленіи она видитъ тамъ, на диванѣ, саму себя, лежащею съ закрытыми глазами и съ лицомъ мертвенно блѣднымъ. Видитъ Софія и то, какъ мать и сестра, въ сильнѣйшей тревогѣ, наклонились надъ нею и зовутъ ее по имени. Необходимо, однако, чтобъ онѣ, на-

[1]) О ней упоминалось выше, см. 148 стр. § 3.

конецъ, увидали ее, и вотъ — она подходитъ къ нимъ и къ дивану совсѣмъ близко, такъ что касается его, но въ то же мгновеніе ощущаетъ какъ бы толчокъ, которымъ ее точно бросило на диванъ. Она открываетъ глаза, тяжело и съ трудомъ поднимая вѣки, и при помощи матери и сестры поднимается съ своего ложа; нѣсколько времени какъ бы отдыхаетъ, приходя въ себя и собираясь съ мыслями. Вполнѣ оправившись, Софія разсказываетъ своимъ родителямъ обо всемъ, только что ею испытанномъ. Родители — внѣ себя отъ изумленія, когда слышатъ, какъ дочь повторяетъ имъ не только то, что они читали, но и что при этомъ высказывали другъ другу, повторяетъ иное изъ ихъ разговора буквально тѣми же самыми словами, а между тѣмъ для матери — внѣ всякаго сомнѣнія и то, что дочь все это время спала на диванѣ, въ ея комнатѣ, съ затворенною дверью, притомъ отдѣленною отъ той, гдѣ она съ отцомъ читали, двумя другими комнатами. О возможности — отнести все это явленіе къ области сновидѣній—не можетъ быть и рѣчи; но я именно думаю, что, во время своего глубокаго сна, дочь, духомъ, вполнѣ реально была съ своими родителями, для которыхъ духъ дочери оставался, конечно, невидимъ. Но въ 1856 году, 6-го ноября, съ тою же личностью произошло явленіе обратное: братъ Софіи — Даніилъ видѣлъ ее въ Бирюбау въ то время, когда она, заболѣвъ въ Вѣнѣ, лежала тамъ у себя въ постели, и, казалось, заснула глубокимъ сномъ.

2. Въ 1858 году, 9-го апрѣля, за три дня до смерти горячо любимой ею матери, врачъ объявилъ Софіи, что ея дорогая больная безнадежна и проживетъ не болѣе нѣсколькихъ дней. Софія сѣла у постели уснувшей больной и, въ своемъ горѣ, думала о своемъ братѣ Даніилѣ. Этотъ братъ находился тогда на мѣстѣ своего служенія, на станціи Леттовицы, въ Моравіи. Думая о Даніилѣ, Софія живо представила его себѣ мысленно и невольно сказала, полушепотомъ, какъ бы обращаясь къ брату: „о, Даніилъ, наша милая, дорогая мать умираетъ!“ Черезъ нѣсколько дней Даніилъ извѣстилъ ее, что въ тотъ самый день и часъ ему пришлось итти по желѣзнодорожному полотну къ Брюссау, и онъ вдругъ услыхалъ голосъ Софіи, который шепотомъ, но весьма явственно, выражая глубокое горе, произнесъ эти самыя слова.

Въ послѣднихъ числахъ іюля того же года Софія пріѣхала къ Даніилу погостить и провела у него на станціи Трибицы, въ Моравіи, недѣли двѣ. Она получила приглашеніе отъ семейства начальника станціи Леттовицы, въ Моравіи же, пріѣхать къ нимъ и погостить у нихъ хоть нѣсколько дней. Уѣзжая отъ Даніила 8-го августа, Софія рѣшила остаться въ Леттовицахъ до 13-го или 14-го, и потомъ уже ѣхать домой, въ Вѣну. Уговорившись такимъ образомъ, братъ и сестра разстались. Но, когда Софія уже уѣхала въ Леттовицы, ей такъ неудержимо захотѣлось быть скорѣе у своихъ, въ Вѣнѣ, что она передумала и рѣшила выѣхать изъ Леттовицъ въ Вѣну на слѣдующее же утро. Это рѣшеніе Софіи не измѣнилось и въ Леттовицахъ, гдѣ, обрадовавшись ей, всячески старались удержать ее долѣе. Какъ ни радушенъ былъ пріемъ, ей оказанный, какъ ни привлекательно было общество ея пріятельницъ, молодыхъ дѣвушекъ, дочерей хозяина, желаніе скорѣйшаго свиданія съ родными оказалось сильнѣе, и утромъ слѣдующаго дня, т.-е. 9-го августа, Софія выѣхала изъ Леттовицъ въ Вѣну. Такимъ образомъ уговоръ ея съ братомъ Даніиломъ ею нарушенъ, и она оказалась ѣдущею въ Вѣну гораздо раньше того срока, о которомъ онъ зналъ. Въ 7-мъ часу вечера поѣздъ, съ которымъ ѣхала Софія, миновавъ станцію Флоридсдорфъ, подходилъ къ мосту черезъ Дунай и, вдругъ неожиданно для всѣхъ, на самомъ мосту остановился; раздались восклицанія испуганныхъ пассажировъ, звавшихъ кондукторовъ для объясненія остановки; кондукторы, съ блѣдными лицами, сообщали, что локомотивъ, вслѣдствіе какой-то порчи въ колесахъ, сошелъ съ рельсовъ, такъ что необходимо телеграфировать въ Вѣну о высылкѣ на мѣсто происшествія другого локомотива. Всѣ начали выходить изъ вагоновъ, вышла и Софія и направилась впередъ по мосту; подойдя къ локомотиву, она остановилась, какъ вкопаная, отъ охватившаго ее ужаса: она увидала, что сошедшій съ рельсовъ локомотивъ стоялъ на мосту у самаго края, не имѣвшаго въ этомъ мѣстѣ даже и перилъ; до края оставалось разстояніе не болѣе фута, такъ что — опоздай машинистъ хотя на секунду замѣтить опасность — онъ не смогъ бы уже во время остановить движеніе поѣзда, и локомотивъ неминуемо увлекъ бы за собою поѣздъ въ волны Дуная. Всѣ подошедшіе сюда пассажиры стояли, глубоко потрясенные зрѣлищемъ; а у Софіи сейчасъ же мысли обратились къ брату Даніилу, который, конечно, въ эту минуту не безпокоится о ней: онъ считаетъ ее въ Леттовицахъ, стало-быть не можетъ имѣть ни малѣйшаго предчувствія объ ожидавшей ее какой-либо опасности. И вотъ — въ то время, какъ она вся была погружена въ мысль о братѣ, а ея глаза смотрѣли на пѣнящіяся волны Дуная, съ ней вдругъ происходитъ слѣдующее: она у брата, на платформѣ на его станціи Трибицы, и видитъ Даніила, тревожно шагающаго изъ

конца въ конецъ по платформѣ; она чувствуетъ, что его безпокойная ходьба происходитъ отъ глубокаго волненія, что заботитъ его она, волнуетъ предчувствіе какой-то опасности съ нею, такъ что онъ не можетъ совладать съ своимъ безпокойствомъ. Голоса кондукторовъ, извѣщавшихъ, что локомотивъ прибылъ изъ Вѣны, и приглашавшихъ садиться, привели ее въ себя. А на другой день, уже въ Вѣнѣ, братъ Софіи — Антонъ получаетъ письмо отъ Даніила, съ просьбою, какъ можно скорѣе успокоить его извѣстіемъ о Софіи. Въ этомъ письмѣ Даніилъ увѣдомляетъ Антона, что, вопреки рѣшенію Софіи прожить нѣсколько дней въ Леттовицахъ, гдѣ она и должна теперь находиться, онъ не можетъ отдѣлаться отъ увѣренности въ томъ, что сестра уже въ Вѣнѣ. Къ этому Даніилъ прибавляетъ, что вчера, въ седьмомъ часу пополудни, онъ подвергся внезапно возникшей въ немъ мучительной тревогѣ: ему стало казаться, что Софіи, на пути въ Вѣну, грозитъ въ это время смертельная опасность; внезапное безпокойство его было такъ велико, что онъ не могъ продолжать своего занятія по службѣ, все бросилъ, вышелъ на платформу и до тѣхъ поръ шагалъ по ней изъ конца въ конецъ, пока почувствовалъ себя нѣсколько спокойнѣе; вслѣдствіе чего онъ ждетъ—не дождется извѣстій о томъ, что такое было съ Софіею вчера въ седьмомъ часу. „Такимъ образомъ, — добавляетъ сама Софія, — между мною и моимъ братомъ, кромѣ телеграфной проволоки, есть еще какая-то, совсѣмъ особенная, по которой моя душевная тревога моментально передается его сознанію, хотя и не съ тою обстоятельностію, какъ передалъ бы ее телеграфъ“.

Этотъ случай обнаруживаетъ симпатическое сродство двухъ личностей, очень близкихъ другъ другу, соединенное въ одной изъ нихъ, именно въ Софіи, со способностью видѣнія на разстояніи.

3. Чрезвычайно поучителенъ еще одинъ случай, къ которому я сейчасъ и перейду. Въ немъ наблюдается интересная комбинація такого рода: духъ переносится черезъ пространство въ иную мѣстность и обстановку и дѣйствуетъ въ ней черезъ находящагося тамъ медіума [1]). Конечно, этотъ случай поучителенъ только при условіи его несомнѣнной достовѣрности, въ которой я вполнѣ убѣжденъ на основаніи полученныхъ мною точныхъ документовъ. Въ Троицынъ день, 21-го мая 1866 года, Софія, жившая тогда въ Вѣнѣ, провела все утро на Пратерѣ на сельско-хозяйственной выставкѣ; вернулась она домой усталая и съ головной болью; наскоро чего-то закусивъ, она отказалась отъ обѣда и ушла спать въ свою комнату, думая такимъ образомъ и отдохнуть, и получить облегченіе отъ головной боли. Легла она около трехъ часовъ пополудни, и вотъ, еще не заснувъ, она почувствовала себя сегодня особенно способной, къ такъ называемому раздвоенію, „т.-е. способной, оставивъ свое тѣло, нисколько отъ него не зависѣть“. Устало сомкнулись ея вѣки, и сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ Софія увидала себя въ извѣстной ей комнатѣ, принадлежащей извѣстной ей личности. Увидя въ комнатѣ эту личность, Софія пожелала сдѣлать себя ей видимою, но это не удалось. Тогда Софія возвращается въ свою комнату и, чувствуя въ себѣ еще достаточно силы, она задумываетъ посѣтить тестя брата Антона, г-на Стратиль, зная, что этимъ доставитъ ему большое удовольствіе. Съ быстротою мысли, ощущая въ себѣ полную свободу передвиженія, лишь мимолетно взглянувъ внизъ на Вѣну и ея горы, она перенеслась въ красивую мѣстность, окружающую Медлингъ, и очутилась въ отлично ей извѣстномъ кабинетѣ г-на Стратиль, гдѣ увидала его самого и еще другое тоже хорошо ей знакомое и очень уважаемое ею лицо—г-на Густава Б., и остановилась возлѣ нихъ. Тутъ ей пришло желаніе дать г-ну Б. осязательное доказательство независимой дѣятельности духа, въ возможности которой, какъ ей было извѣстно, онъ постоянно сомнѣвался. Возбужденная и пріятно настроенная быстротою своего полета, Софія чувствовала себя отлично, ничто ее не безпокоило и не угнетало. (Считаю не лишнимъ сравнить ея блаженное состояніе съ испытываемымъ обыкновенно въ магнитическомъ снѣ, когда тоже является сознаніе особенной легкости, независимости и полнаго отсутствія болевыхъ ощущеній). Веселое настроеніе Софіи выразилось въ шуточномъ тонѣ ея бесѣды съ г-мъ Б., къ которому она прямо обратилась, и продолжала съ нимъ разговаривать, какъ вдругъ въ Вѣнѣ, въ дѣтской ея маленькихъ племянниковъ и племянницъ, бывшей рядомъ съ ея спальней, раздается громкій крикъ одного изъ дѣтей и внезапно пробуждаетъ Софію. Съ очень тяжелымъ ощущеніемъ досады и недовольства открываетъ она глаза на постели въ своей комнатѣ въ Вѣнѣ и не можетъ уже припомнить подробности своего разговора въ Медлингѣ, такъ не кстати прерваннаго дѣтскимъ крикомъ. Къ счастью, г-нъ Б., во время бесѣды, велъ протоколъ

[1]) Что такое медіумъ, см. въ предисловіи къ нашей книгѣ, гдѣ объяснено это понятіе. Здѣсь напомнимъ, что мы подъ медіумомъ разумѣемъ человѣка, нервная организація котораго весьма тонка и чувствительна, вслѣдствіе чего онъ очень воспріимчивъ ко всѣмъ впечатлѣніямъ, т. е. сенситивенъ.

Г. Д—ко.

всего говорившагося, и протоколъ этотъ г-нъ Стратиль присоединилъ къ коллекціи получаемыхъ и сохраняемыхъ имъ духовныхъ сообщеній. (Слѣдовательно, бесѣда Софіи велась тѣмъ же способомъ и вызвала у собесѣдниковъ тотъ же пріемъ, какой употребляютъ спиритуалисты, когда духъ пишетъ рукою медіума). Свѣдѣнія, сообщаемыя ниже, взяты изъ упомянутаго протокола.

4. Въ числѣ друзей Софіи была г-жа N. и дочь ея Ирма, прекрасная піанистка. Въ игрѣ Ирмы было столько чувства, что Софія всегда съ восхищеніемъ ее слушала. Въ 1869 году, въ одинъ зимній вечеръ, Софія сидѣла у г-жи N., рядомъ съ ней на диванѣ, а Ирма, въ другомъ концѣ комнаты, играла на роялѣ Баховское „Fruhlingberwachen". Софія, занимавшаяся рукодѣльемъ, оставила работу, прислонилась къ спинкѣ дивана и закрыла глаза, чтобы сосредоточеннѣе насладиться музыкой. И вотъ тотчасъ же появилось у нея ощущеніе свободы отъ земной оболочки и почувствовалось, что все вокругъ нея становилось свѣтлѣе. Она поднялась съ своего мѣста (конечно, въ духѣ) и подошла къ играющей Ирмѣ; но вдругъ ее потревожило движеніе г-жи N., которая, посмотрѣвъ на нее съ большимъ удивленіемъ, сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ оглянулась направо отъ себя, на то мѣсто дивана, гдѣ сидѣла возлѣ нея Софія. Тогда и эта послѣдняя взглянула туда же, и увидала себя прислонившеюся къ спинкѣ дивана съ закрытыми глазами. Софія поспѣшно вернулась въ свое тѣло и быстро открыла глаза, желая поскорѣе избавить отъ тревоги любимую ею, какъ мать, г-жу N., которая тутъ же разсказала ей, какъ она сейчасъ только видѣла ее, стоявшую возлѣ Ирмы у рояля, и къ великому своему изумленію, взглянувъ около себя на диванъ, увидала ее же, сидящею тутъ рядомъ съ собою, а потомъ стоявшая у рояли Софія исчезла въ ту минуту, какъ сидѣвшая на диванѣ открыла глаза. Ирма, вполнѣ поглощенная игрой, не видала ничего изъ случившагося. (Раздвоеніе личности или присутствіе ея одновременно въ двухъ мѣстахъ съ присоединеніемъ къ этому видѣнія самой себя!).

5. 1-го іюня 1869 года Ирмѣ понадобилось уѣхать изъ Вѣны къ одной больной пріятельницѣ, которая находилась на водахъ миляхъ въ сорока отъ Вѣны. Въ то же утро Софія рѣшила, что около полудня она пойдетъ навѣстить мать Ирмы, г-жу N., которая, вѣроятно, чувствуетъ себя особенно тоскливо въ эти первые часы своего одиночества. Но къ полудню у Софіи такъ невыносимо разболѣлась голова, что ей пришлось лечь въ постель, и она сказала себѣ, что, полежавъ, пойдетъ къ г-жѣ N. въ три часа. Головная боль однако къ тремъ часамъ не утихла, и Софія итти не могла, но, къ великому своему огорченію, осталась въ постели. Вскорѣ впадаетъ она въ полусонное состояніе, въ которомъ ей кажется, что она—въ домѣ г-жи N. и идетъ изъ залы въ ея спальню; и, остановясь въ дверяхъ ея, видитъ въ ней г-жу N., сидящей, наклонивъ голову надъ рукодѣльемъ и прилежно работающей. Самой же Софіи, стоя въ дверяхъ, приходитъ въ голову, что она присутствуетъ здѣсь только духомъ — вѣдь она же лежитъ въ постели, и что поэтому никакъ не должна видимо проявлять себя г-жѣ N., но что ей слѣдуетъ, ничѣмъ себя не выдавая, вернуться скорѣе домой. Въ это мгновеніе г-жа N. поднимаетъ голову и изумленно взглядываетъ на нее съ восклицаніемъ: „*Fieles!*"—имя, данное Софіи г-жею N., которымъ она всегда ее привѣтствовала. Это восклицаніе пробуждаетъ Софію, и, проснувшись, она видитъ себя въ своей комнатѣ, на своей постели. Черезъ день послѣ этого Софія отправилась къ г-жѣ N. Въ передней встрѣчаетъ ее горничная словами: барыня увѣрена, что вы, барышня, были у насъ третьяго дня. Потомъ и сама г-жа N. сообщаетъ Софіи, что третьяго дня, въ три часа, она видѣла ее у дверей своей спальни и даже окликнула ее словами: „Fieles, ты это?"—при которыхъ Софія и исчезла.

Большая часть явленій, подобныхъ только что описанному, происходитъ во время сомнамбулическаго или обыкновеннаго сна, а сознанію дѣйствующихъ лицъ представляется какъ бы сновидѣніемъ. Случается это и преднамѣренно, съ участіемъ ихъ воли, и непроизвольно, непосредственно вытекая въ такомъ случаѣ изъ законовъ той магической способности, которая проявляется у личности внезапно, безъ ея вѣдома и внѣ ея власти. *Августа Мюллеръ*, (Мистическія явленія, т. I, 282), сомнамбула въ Карлсруэ, могла переноситься въ иныя мѣстности, напр., къ любимому брату въ Вѣну; она выражалась объ этотъ такъ: „я направляю на него духъ свой". Однажды посѣтила она въ духѣ городъ Фрейбургъ и увидала тамъ, умершимъ, тестя г-на Б., на чьи вопросы она въ этотъ разъ отвѣчала. Она имѣла также способность дѣйствовать въ другомъ мѣстѣ. Ту же возможность имѣли: *Гауффе*, ясновидящая изъ Преворста, *Терези фонъ Б.*, *Визерманнъ* и нѣкоторые другіе. (См. „Мистическія явленія, т. II", 122 ff). Особенно выдающійся примѣръ такого рода сообщенъ Юнгомъ Штиллингомъ на стр. 123. Въ „*Blieken in das verborgene Leben des Menschengeistes*" (стр. 137), разсказывается

о нѣкоей *La Cadière*, которая пришла ночью духомъ въ монастырь, къ монахинямъ, извѣстивъ ихъ днемъ о своемъ ночномъ посѣщеніи. *Эмма*, сомнамбула Haddock'а, имѣла точно также способность переноситься въ другія мѣста, и приносимыя ею оттуда извѣстія оказывались вѣрными („Мистическія явленія" I, 231—2). Сомнамбула *Вернера* сказала однажды: когда моя душа оставляетъ тѣло, поле зрѣнія у нея значительно расширяется, но она пребываетъ преимущественно тамъ, гдѣ дѣйствуетъ, познаетъ, или чувствуетъ; все это только три различныя названія одного и того же состоянія. („Мистич. явл." I. 234).

Люди разнообразно ощущаютъ магическую дѣятельность своего духа: одни увѣрены, что находились въ это время въ бодрственномъ состояніи и дѣйствовали вполнѣ сознательно и по своей собственной волѣ; другіе же считаютъ свою магическую дѣятельность за сновидѣніе. Книга „*Der jetzige Spiritualismus und verwandte Erfahrungen der Vorgangenheit und Gegenwart*" (Leipzig 1877) приводитъ много случаевъ явленій живыхъ людей и ихъ дѣйствій на разстояніи.

6. Одна англичанка писала мнѣ изъ Лондона отъ 21-го марта 1878 года: „Научившись этому впервые отъ г-жи Блаватской въ Америкѣ, я могу уже, послѣ нѣкотораго упражненія, преднамѣренно являться во время сна лицамъ, имѣющимъ даръ духовидѣнія, могу говорить съ ними громко и вполнѣ для нихъ понятно и потомъ исчезнуть. Пока мнѣ удалось это разъ шесть или семь. Одинъ разъ я вѣрно спѣла латинскій гимнъ, точно такъ, какъ онъ исполняется за католической мессой. Мой другъ—католикъ, мнѣ же вполнѣ чужды и месса, и латынь. Можетъ-быть, я слыхала когда-нибудь этотъ гимнъ, но спѣть его, въ моемъ обычномъ состояніи, я рѣшительно не могла бы". Она думаетъ, — и вполнѣ основательно — что мы далеко еще не знаемъ всѣхъ силъ нашего собственнаго существа, и что—во многихъ случаяхъ, нѣтъ никакой надобности объяснять ихъ дѣйствіемъ черезъ насъ чужого духа, а не нашего собственнаго, хотя есть и такіе случаи, гдѣ нужно признать другое объясненіе. „Однажды — говоритъ она далѣе — одинъ мой хорошій знакомый объявилъ мнѣ, что сегодня онъ не придетъ на вечернее засѣданіе нашего комитета. Въ половинѣ засѣданія онъ однако же вдругъ появляется. Очень удивленная этимъ, я спрашиваю его послѣ засѣданія: „почему вы такъ неожиданно пришли, когда рѣшили не приходить?" Онъ отвѣтилъ: „почему? потому что вы меня вызвали. Послѣ чаю, я закурилъ трубку и только что принялся за свою работу, вдругъ вы являетесь въ моей комнатѣ и говорите, озабоченно на меня глядя: „докторъ! идите къ намъ, сегодня говоритъ въ засѣданіи антипатичный мнѣ г-нъ М. и я просто выносить его не могу". Затѣмъ вы исчезли". — Но въ это время, продолжаетъ моя корреспондентка, я была занята дѣломъ и, конечно, не спала. Легко могло статься, что я мысленно обращалась къ доктору въ такихъ точно выраженіяхъ, но вовсе не сосредоточивалась на этихъ мысляхъ. Эта возможность проявлять себя другимъ не есть ли однако страшное и опасное оружіе?"

7. Другая дама, личность мнѣ близкая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прислала мнѣ письмо съ слѣдующимъ разсказомъ: „Въ 1866 году 8-го сентября утро было чудесное, и мы рѣшили имъ воспользоваться для предстоявшей намъ поѣздки всей семьей. Мы уговорились, что двое старшихъ дѣтей отправятся по желѣзной дорогѣ съ отцомъ изъ его конторы, двое младшихъ оставались при мнѣ, и я должна была выѣхать съ ними изъ дома, какъ успѣю. Мой старшій мальчикъ, которому было тогда 12 лѣтъ, пришелъ за старшей сестрой, чтобы проводить ее къ отцу въ контору. Я ждала только его прихода и сейчасъ же отправилась съ маленькими на поѣздъ. Старшую дочь, имѣвшую тогда 17 лѣтъ, нѣсколько задержало какое-то домашнее дѣло, и братъ, поджидая ее, стоялъ въ длинномъ коридорѣ нашей квартиры, въ который выходило семь дверей отъ нашихъ различныхъ комнатъ. Этотъ сынъ мой былъ сильный, здоровый мальчикъ, безъ малѣйшей наклонности къ суевѣрію,—натура практическая и вовсе не мечтательная. Въ ту минуту, когда сестра, совсѣмъ готовая, вышла изъ своей комнаты къ нему въ коридоръ, онъ вдругъ судорожно ухватился за нее и, толкая ее назадъ къ двери, проговорилъ сдавленнымъ голосомъ: „смотри, смотри туда!" Лицо его выражало ужасъ, отъ котораго волосы становятся дыбомъ; глаза его были прикованы къ той изъ дверей, которая вела въ мою спальню. Съ полминуты онъ оставался въ оцѣпенѣніи. Потомъ вдругъ испустилъ крикъ дикаго ужаса и бросился бѣжать, какъ безумный, зажавъ рукою глаза и неистово махая своею палкой вокругъ себя. Такъ пробѣжалъ онъ по коридору, мимо моей двери, къ выходу, а тамъ разразился припадкомъ истерическаго плача. И, наконецъ, его напуганная, растерявшаяся, но не видѣвшая ничего особеннаго сестра услыхала отъ него, въ чемъ было дѣло. Онъ видѣлъ женскую фигуру, странно, какъ бы по-ночному, одѣтую и съ распущенными волосами, производившую впечатлѣніе вытащенной изъ

воды; эта фигура высунулась всею верхнею частью своего тѣла изъ двери моей спальни, поглядѣла ему въ лицо пристально и скорбно, и тогда, къ невыразимому ужасу, онъ узналъ въ ней свою мать, т.-е. меня, которая, за нѣсколько минутъ до того—онъ самъ это видѣлъ—ушла изъ дома. Я же, промѣшкавъ дома въ ожиданьѣ, чтобъ онъ пришелъ за сестрой, опоздала на утренній поѣздъ, но домой все-таки не вернулась, а прошла пѣшкомъ съ двумя меньшими дѣтьми къ вечернему поѣзду въ Гессельлойе (близъ Мюнхена). Такимъ образомъ, старшіе сынъ и дочь провели очень тревожный день. Въ 9 часовъ вечера мы, наконецъ, пріѣхали къ нимъ. Завидѣвъ насъ, мой бѣдный мальчикъ стремглавъ бросился бѣжать ко мнѣ и такъ крѣпко меня обнялъ, точно не хотѣлъ никогда выпустить меня изъ своихъ рукъ. Такія объятія и такая нѣжность были вовсе не въ его характерѣ; но все объяснилось, когда онъ, почти плача, разсказалъ мнѣ случившееся съ нимъ утромъ. Это видѣніе не имѣло никакихъ послѣдствій. Но, сталкиваясь съ такими случаями, не стоимъ ли мы тоже въ нѣкоторомъ коридорѣ передъ семью запертыми дверями, черезъ которыя духъ ищетъ прорваться, чтобы отыскать намъ путь къ истинѣ. По моему мнѣнію, весь этотъ случай съ мальчикомъ нельзя приписать только галлюцинаціи. Галлюцинаціи не возбуждаютъ такого ужаса. Скорѣе слѣдуетъ допустить, что мальчикъ видѣлъ безсознательно двойника своей матери, съ тою особенностью, что безсознательно появившаяся фигура изображала не настоящее, а какое-нибудь прошедшее время.

Во всѣхъ приведенныхъ здѣсь, равно какъ и позднѣйшихъ случаяхъ того же рода, обратившихъ на себя вниманіе, дѣйствуетъ разнообразно, въ различныхъ формахъ и направленіяхъ, одна и та же *магическая сила* духа. У живыхъ она выступаетъ изъ своего скрытаго состоянія (aus ihrer Latenz) и проявляется во время экстаза, при нѣкоторомъ, конечно не полномъ, отдѣленіи духа отъ матеріальнаго организма, происходящаго иногда не только въ сомнамбулическомъ и обыкновенномъ снѣ, но даже и въ бодрственномъ состояніи. Въ такомъ экстазѣ находятся и медіумы. У умершихъ дѣйствіе духа еще менѣе ограничено, еще болѣе свободно, особенно, если имѣются на лицо живые люди, способные къ экстазу:—сомнамбулы, медіумы, духовидцы [1]) (Проф. Бернскаго унив. М. Перти; сн. „Ребусъ" 1889 г., № 33—34, 36—37).

[1]) Само собою разумѣется, что приводимое здѣсь объясненіе нужно признать какъ одну изъ гипотезъ, которую, быть можетъ, придется скоро оставить, замѣнивъ ее другой. *Г. Д—ко.*

Е. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ появленіи его образа, съ нѣкоторыми аттрибутами тѣлесности.

1. **Явленія тѣлесности на разстояніи (факты телепластическіе).** Въ этой рубрикѣ внѣтѣлесное дѣйствіе человѣка получаетъ наивысшую объективность, ибо оно проявляется здѣсь и умственно, и физически, и пластически.

а) Хронологически первое наблюденіе этого рода восходитъ, сколько извѣстно, къ 1855 г., когда оно было сдѣлано случайно на одномъ изъ темныхъ сеансовъ Давенпортовъ для физическихъ явленій. Полицейскій чиновникъ „въ ту минуту когда сеансъ былъ въ полномъ ходу, вдругъ открылъ фонарь, который обдалъ всю комнату яркимъ свѣтомъ. Тутъ началась странная сцена: отецъ Давенпортовъ вскочилъ на ноги и въ величайшемъ возбужденіи заявлялъ, что „видѣлъ своего сына Айра, стоявшаго у стола и игравшаго на одномъ изъ тамбуриновъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда комната освѣтилась, и что онъ видѣлъ, какъ онъ скользнулъ къ своему стулу". Отецъ былъ внѣ себя отъ негодованія; но каково было его удивленіе, когда, „какъ только возстановилась нѣкоторая тишина, до двадцати человѣкъ торжественно заявили, что не только они ясно видѣли фигуру стоявшаго у стола двойника или призрака Айра Давенпорта, но точно также, въ то же самое время, видѣли и его самого во плоти, спокойно сидѣвшаго на своемъ стулѣ между двумя лицами. Призракъ скользнулъ къ сидѣвшему мальчику, но, насколько было видно, не достигъ до него, исчезнувъ приблизительно футахъ шести отъ его мѣста" (см. The Davenport brothers, a biography, by Randolph. Boston, 1869 г., стр. 198 — 199).

б) Въ той же книгѣ мы читаемъ, какъ проф. Мэпсъ удостовѣрился, что физическія явленія производятся двойниками Давенпортовъ: „Когда гитара принеслась ко мнѣ, я тщательно ощупалъ то, что принималъ за молодого Давенпорта, свободно ощупывая его отъ головы до ногъ, но удержать его не могъ, ибо онъ или *это нѣчто* выскальзывало изъ моихъ рукъ или растаивало съ величайшею, повидимому, легкостью". Именно, по совершенно особенному платью молодого Давенпорта Мэпсъ удостовѣрился, что онъ хорошо узналъ его въ темнотѣ; но свѣтъ, немедленно потребованный, доказалъ, что молодой Айра сидѣлъ на своемъ стулѣ и оставался связаннымъ точно такъ, какъ это было тщательно сдѣлано самимъ профес-

сбромъ. На сеансѣ у себя на дому, Мэпсъ и его дочь еще разъ убѣдились въ раздвоеніи рукъ и рукавовъ платья медіума (см. тамъ же, стр. 185 — 186).

Мы имѣемъ также свидѣтельство и фотографіи о фактѣ раздвоенія. Извѣстно, что Кэти Кингъ поразительно походила на своего медіума, миссъ Флоренсъ Кукъ. И фотографіи Кэти, снятыя Круксомъ, неоспоримо о томъ свидѣтельствуютъ.

Фактъ раздвоенія подтверждается также и посредствомъ отпечатковъ, получавшихся на закопченой бумагѣ, и, наконецъ, полное доказательство его намъ дано въ параффиновыхъ формахъ и гипсовыхъ отливкахъ. Между прочимъ, извѣстенъ опытъ съ Эглинтономъ, на которомъ получилась форма его ноги въ то время когда эта нога была на виду у комитета, производившаго опытъ. Г. Гаррисонъ утверждаетъ то же самое относительно слѣпковъ съ матеріализованныхъ рукъ. („Spiritualist", 1876, I, p. 298).

в) Превосходный телепластическій *опытъ*, первый въ этомъ родѣ, былъ произведенъ въ 1889 г., испанскимъ докторомъ Отеро Асеведо, нарочно поѣхавшимъ въ Неаполь, чтобы убѣдиться въ подлинности явленій, происходящихъ въ присутствіи медіума—Евзапіи Паладино, нынѣ прославившейся своими сеансами съ проф. Ломброзо. Опытъ, о которомъ я говорю, состоялъ въ слѣдующемъ: г. Асеведо желалъ получить отпечатокъ на глинѣ при несомнѣнныхъ условіяхъ достовѣрности. Для этой цѣли имъ была приготовлена тарелка съ сырой глиной. По окончаніи сеанса и обычныхъ явленій, сама Евзапія заявила, что хочетъ продѣлать и задуманный опытъ. По ея желанію тарелка съ глиной была поставлена передъ нею на стулъ, на разстояніи приблизительно двухъ метровъ отъ нея. Это было исполнено самимъ Асеведо, который, удостовѣрившись, что поверхность глины была совершенно гладкая, накрылъ ее своимъ платкомъ. Это было при *полномъ свѣтѣ*. Всѣ смотрѣли на Евзапію; протянувъ руку и три пальца по направленію къ тарелкѣ, послѣ нѣсколькихъ непередаваемыхъ судорожныхъ движеній, она воскликнула: „сдѣлано!" Когда отняли платокъ, на глинѣ оказался явственный отпечатокъ трехъ пальцевъ (см. „Revue Spirite", 1889 г., стр. 587). Г. Асеведо выразилъ свое полное убѣжденіе въ реальности этихъ фактовъ, а приступилъ онъ къ ихъ изслѣдованію, будучи ярымъ матеріалистомъ.

Различіе въ степени тѣлесности призраковъ было часто наблюдаемо на сеансахъ матеріализаціи; такъ, напр., г. Круксъ свидѣтельствуетъ о призракахъ, производившихъ физическія дѣйствія, въ слѣдующихъ словахъ:

„Въ сумеркахъ, на сеансѣ съ Юмомъ у меня на дому оконныя занавѣски, находившіяся футахъ въ восьми отъ Юма, стали двигаться на нашихъ глазахъ. Всѣ присутствующіе увидали темную полупрозрачную фигуру, похожую на человѣческую, стоявшую возлѣ окна и своею рукою шевелившую занавѣски. Въ то время пока мы смотрѣли, фигура исчезла и занавѣски перестали двигаться".

г) Слѣдующій случай еще болѣе поразителенъ. Медіумомъ какъ и въ тотъ разъ, былъ Юмъ. „Призрачная фигура показалась изъ угла, взяла въ руки гармонику и, скользя по комнатѣ, стала играть на ней. Фигура была видима всѣмъ присутствующимъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; въ то же время мы видѣли и Юма. Когда призракъ подошелъ къ дамѣ, сидѣвшей въ сторонѣ отъ прочихъ, она слегка вскрикнула, и призракъ исчезъ". (Crookes, Researches, p. 94).

д) Подъ пару этому рѣдчайшему явленію мы можемъ указать и на русскій случай, опубликованный д-ромъ Кузнецовымъ въ „Ребусѣ" (1892 г., стр. 97): онъ видѣлъ, какъ, при полусвѣтѣ, „плавно пронеслась по воздуху дѣтская фигура, лѣтъ пяти, съ прекраснымъ профилемъ и курчавыми волосами, державшая въ протянутой впередъ рукѣ свѣтящуюся спичечницу, которую фигура повѣсила на корешокъ филодендрона, причемъ цвѣтокъ сильно зашумѣлъ листьями". На сеансѣ дѣтей не было, и участниковъ всего было трое: г. Кузнецовъ, г-жа и г. М. Послѣдній, когда фигура проносилась между г. Кузнецовымъ и имъ, „хотѣлъ быстро схватить ее, но рука разсѣкла только воздухъ".

Есть разумное основаніе предположить, что степень плотности двойника уменьшается соотвѣтственно его разстоянію отъ того организма, который служитъ ему источникомъ.

Профес. Даумеръ, въ своемъ сочиненіи „Царство духовъ" („Das Geisterreich", Dresden, 1867 г.), въ главѣ: „Духоподобныя явленія живыхъ" цитируетъ изъ „Магикона" Юстинуса Кернера случай автосомнамбулы Сусанны В., двойникъ которой явился д-ру Руфли и потушилъ его свѣчку.

е) Вотъ болѣе современный случай, сообщенный надежнымъ свидѣтелемъ, покойнымъ г. Уэджвудомъ, бывшимъ членомъ Лонд. Общ. психическихъ изслѣдованій.

„Около конца сентября, я былъ въ гостяхъ у миссисъ Т., одной медіумичной дамы изъ моихъ близкихъ знакомыхъ, мужъ которой ежедневно ѣздитъ по своимъ дѣламъ за двадцать миль, въ Бирмингамъ. Однажды въ субботу, за двѣ недѣли до моего пріѣзда и минуты за двѣ до того, какъ мужъ ея

долженъ былъ вернуться со станціи, миссисъ Т. стояла въ своей спальнѣ у окна, выходящаго на дорогу, когда увидала мужа, отворявшаго садовую калитку и идущаго по дорожкѣ, въ рукахъ у него было нѣсколько свертковъ, и она подумала еще, что такое онъ несетъ. Побѣжавъ внизъ, чтобы отворить ему, она встрѣтила своего деверя, остановилась поговорить съ нимъ и сказала ему, что сейчасъ видѣла мужа, вошедшаго въ садовую калитку съ нѣсколькими свертками въ рукахъ. Пока они разговаривали, она услыхала стукъ мужа въ парадную дверь, стукъ настолько явственный, что она была убѣждена, что и деверь слышалъ его; однако тотъ ничего не слыхалъ. Между тѣмъ горничная, бывшая въ кухнѣ возлѣ передней, слышала стукъ и, приписавъ его возвратившемуся хозяину, поспѣшила въ переднюю, но была предупреждена миссисъ Т., которая подошла къ двери прежде нея. Отворивъ дверь и не найдя тамъ никого, она бросилась въ столовую, по другую сторону дома, думая, что мужъ вошелъ туда черезъ стеклянную дверь; горничную же послала къ выходу во дворъ. Когда она возвращалась послѣ своихъ напрасныхъ поисковъ, горничная пришла ей сказать, что м-ръ Т. входитъ въ большую калитку. Она пошла къ нему навстрѣчу и тотчасъ же спросила, зачѣмъ онъ, войдя въ садъ, вернулся назадъ. Онъ отвѣтилъ, что ничего подобнаго не дѣлалъ и пришелъ теперь прямо со станціи. „Какъ со станціи, я слышала твой стукъ и видѣла, какъ ты шелъ съ двумя свертками въ рукахъ". Онъ очень удивился, такъ какъ изъ ея словъ было видно, что она принимаетъ отвѣтъ его за шутку. У него въ дѣйствительности оказалось два свертка въ рукахъ, точно такъ, какъ это ей привидѣлось. Деверь, смотрѣвшій изъ своего окна, слышалъ, какъ горничная сказала, что въ то время, когда м-съ Т. видѣла своего мужа на садовой дорожкѣ, она слышала его обычный стукъ. Она сама меня въ томъ лично увѣряла, и слова ея подтверждаются тѣмъ, что она пошла отворять дверь. Такимъ образомъ несомнѣнно, что стукъ былъ настолько объективенъ, что его слышали два лица, находившіяся на двухъ разныхъ концахъ дома и не имѣвшія никакого общенія между собою. („Light", 1883 г., стр. 458).

„Этотъ разсказъ переданъ мнѣ самими свидѣтелями, двѣ недѣли спустя послѣ случившагося, и тутъ же, съ ихъ словъ, былъ мною записанъ".

ж) Г-жа Гардинжъ-Бриттенъ въ своей запискѣ о явленіи двойниковъ, напечатанной въ „Banner of Light" 1875 г., отъ 6-го ноября и 11-го декабря, разсказываетъ слѣдующій случай, воспроизведенный М. А. Oxon въ своей статьѣ „О внѣтѣлесномъ дѣйствіи человѣческаго духа", напечатанной въ „Human nature", 1876 г., стр. 118, откуда мы ее и заимствуемъ:

„Въ то время, когда одинъ извѣстный кружокъ собирался на сеансы въ Нью-Іоркѣ, покойный глубокоуважаемый пасторъ Беннингъ часто принималъ въ нихъ участіе. Въ одну субботу, когда онъ долженъ былъ по приглашенію говорить проповѣдь въ городѣ Троѣ въ штатѣ Нью-Іоркъ, у него наканунѣ сдѣлался такой сильный припадокъ головной боли, что онъ очутился въ невозможности исполнить на утро свое обѣщаніе. Поэтому онъ написалъ предсѣдателю пригласившаго его общества извинительное письмо. Вечеромъ, однако, онъ почувствовалъ себя лучше и рѣшился отправиться на сеансъ въ помянутый выше кружокъ. Находясь тамъ, онъ сталъ раздумывать, получится ли его письмо во-время, чтобы общество въ Троѣ успѣло пригласить другого проповѣдника. Сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ пришелъ къ заключенію, что письмо его не можетъ притти во-время, и по свойственной ему добросовѣстности очень этимъ смущался. Сознавая, что помочь уже нечѣмъ, онъ, тѣмъ не менѣе, настолько былъ этимъ озабоченъ, что не могъ слѣдить за происходившимъ на сеансѣ. Въ этомъ кружкѣ явленія двойниковъ были зауряднымъ фактомъ; г-нъ Беннингъ объ этомъ вспомнилъ, и ему пришло въ голову— не удастся ли ему, настойчиво думая объ ожидавшихъ его въ Троѣ друзьяхъ, передать имъ о своемъ затрудненіи. Такая попытка не выразилась для него ни въ какомъ опредѣленномъ результатѣ, кромѣ смутнаго чувства озабоченности, не покидавшаго его часть вечера. Вдругъ это чувство исчезло, и съ того времени онъ предался занятіямъ кружка съ обычнымъ интересомъ и свойственной ему ясностью ума.

„Теперь перенесемся въ Трою и посмотримъ, что тамъ происходило. Тамъ, какъ и въ Нью-Іоркѣ, существовалъ кружокъ, котораго достопочтенный Беннингъ былъ также членомъ. Кружокъ насчитывалъ восемнадцать членовъ. Такъ какъ г. Беннингъ часто посѣщалъ Трою для воскресныхъ проповѣдей, то и было рѣшено имѣть сеансъ въ субботу вечеромъ; такимъ образомъ ему было бы вполнѣ удобно на немъ участвовать. Въ означенный вечеръ собралось на сеансѣ 17 членовъ, но Беннингъ, котораго ожидали непремѣнно по случаю приглашенія его сказать на утро проповѣдь въ Троѣ, не явился.

„Прошло болѣе 30 минутъ послѣ назначеннаго для сеанса часа, когда послышался обычный стукъ въ дверь, возвѣщавшій о

прибытіи членовъ. Кружокъ помѣщался въ нанятой комнатѣ, во второмъ этажѣ. Было постановлено, что члены должны постучать въ дверь условнымъ образомъ, чтобы никто, кромѣ ихъ, не допускался. Какъ только раздался хорошо извѣстный стукъ, г. А., чья на этотъ вечеръ была очередь отворять дверь, сошелъ внизъ, отперъ ее и при яркомъ лунномъ свѣтѣ увидалъ г. Беннинга. А. началъ тотчасъ укорять опоздавшаго и торопилъ его скорѣе войти, ибо его нетерпѣливо ожидаютъ. Къ его удивленію, г. Беннингъ какъ будто вовсе не собирался входить, а стоялъ на порогѣ въ какой-то нерѣшимости и только глухо проговорилъ нѣсколько словъ о томъ, что не можетъ сказать завтра проповѣди. Г. А., раздраженный этою нерѣшительностью, схватилъ г. Беннинга за плечо и силкомъ втолкнулъ его въ домъ, жалуясь при этомъ на повалившій въ отворенную дверь холодъ; пригласивъ затѣмъ г. Беннинга итти наверхъ, онъ поспѣшно заперъ дверь и по обыкновенію, когда всѣ 18 членовъ были уже на лицо, положилъ ключъ въ карманъ. Между тѣмъ кружокъ пришелъ въ нетерпѣніе отъ такой проволочки и послалъ двухъ своихъ членовъ внизъ узнать, за чѣмъ дѣло стало. Эти двое, встрѣтивъ г-на Беннинга на лѣстницѣ, стали также укорять его за опозданіе. Беннингъ сталъ извиняться передъ ними тѣмъ же глухимъ голосомъ, но не въ томъ, что опоздалъ на сеансъ, а бормоталъ что-то о невозможности сказать завтра проповѣдь. „Хорошо, хорошо", отвѣтилъ г. В., „только входите скорѣй, мы ужъ довольно васъ пождали". Говоря эти слова, онъ хотѣлъ взять Беннинга подъ руку, но, къ великому его удивленію, Беннингъ быстро отстранилъ его, оттолкнулъ остальныхъ двухъ спутниковъ своихъ, сбѣжалъ съ лѣстницы прямо къ наружной двери и сильно захлопнулъ ее за собой. Удивленные непостижимымъ поведеніемъ своего высокоуважаемаго друга, члены кружка не разъ впродолженіе вечера возвращались къ этому странному случаю. Онъ былъ занесенъ со всѣми подробностями въ протоколъ засѣданія, и никто не могъ найти для него ни малѣйшаго объясненія. И только, когда по окончаніи сеанса всѣ спустились внизъ, и дверь оказалась запертою, стало закрадываться подозрѣніе, не случилось ли тутъ чего-нибудь, выходящаго изъ обычнаго порядка вещей.

„На другой день нѣкоторые изъ членовъ кружка отправились въ залу чтеній на проповѣдь въ надеждѣ отъ самого г. Беннинга получить разъясненіе этой загадки. Отсутствіе уважаемаго проповѣдника еще болѣе усугубило таинственность этого случая. Здѣсь они узнали, что вслѣдствіе запозданія поѣзда письмо г. Беннинга было получено только въ 10 час. вечера; но такъ какъ на конвертѣ стояло слово „спѣшное", то почтмейстеръ любезно доставилъ его по назначенію въ воскресенье утромъ. Но все-таки оно получилось только двѣнадцать часовъ спустя послѣ того, какъ таинственный посѣтитель вчерашняго вечера самъ сообщилъ находившееся въ немъ извѣстіе.

„Пишущая эти строки не только слышала этотъ разсказъ отъ самого почтеннаго и правдиваго г. Беннинга, но онъ былъ подтвержденъ ей и тѣми двумя лицами, которыя видѣли, узнали и трогали этотъ призракъ на лѣстницѣ; они увѣряли ее, что какъ бы ни былъ призраченъ образъ ихъ посѣтителя, его рука была достаточно сильна, чтобы одного изъ нихъ оттолкнуть, а другого едва не сбросить съ лѣстницы".

з) Вотъ другой, еще болѣе замѣчательный случай, такъ какъ двойникъ производилъ и физическія дѣйствія. Я заимствую его изъ „Spiritual Magazine" 1862 г., стр. 535, гдѣ онъ былъ перепечатанъ изъ Бостонскаго журнала „The Herald of Progress":

„Этотъ случай сообщенъ одной дамой, правдивость словъ которой внѣ всякаго сомнѣнія. У этой дамы прошлую зиму, находилась въ услуженіи молодая дѣвушка, нѣмка, родители которой съ своими другими дѣтьми продолжаютъ жить въ Германіи. Со времени пріѣзда сюда она иногда переписывалась съ своими близкими въ отечествѣ съ помощью своей хозяйки, писавшей за нее письма. Прошлой зимою Барбара заболѣла перемежающейся лихорадкой и слегла въ постель. Такъ какъ у нея бывалъ легкій бредъ, то ея госпожа обыкновенно приходила по ночамъ навѣщать ее, кромѣ того, въ одной комнатѣ съ нею спала молоденькая нянька. Это продолжалось цѣлыя двѣ недѣли, и больная часто восклицала приходившей навѣстить ее хозяйкѣ: „о, миссисъ М., я каждую ночь бываю въ Германіи у своихъ!" Двѣ ночи въ особенности бредъ ея доходилъ до изступленія; разъ она вскочила, собрала со своей кровати всѣ одѣяла и унесла ихъ въ сосѣднюю комнату. Въ другой разъ она старалась стащить съ кровати няньку.

„Она, однако, выздоровѣла, и о болѣзни ея болѣе не думали до полученія письма изъ Германіи отъ ея родныхъ, въ которомъ значилось, что мать о ней сильно сокрушается, такъ какъ въ теченіе пятнадцати ночей она стучала въ дверь своего далекаго отеческаго дома; ее впускали, видѣли и узнавали всѣ члены семьи, не исключая и матери, которая часто восклицала: „о, моя бѣдная Барбара, видно, она умерла!" Однажды видѣли, какъ она схватила съ кровати одѣяло и перенесла

въ другую комнату, а въ другую ночь, обхвативъ сестру руками, пыталась стащить ее съ постели. Письмо это повергло дѣвушку въ глубокое смущеніе. Она сказала, что въ Германіи ее назвали бы колдуньей, и по настоящее время воздерживается отъ всякаго намека на этотъ случай".

Факты, изложенные здѣсь хотя и безъ надлежащей полноты и систематичности представляются однакоже достаточными для достиженія своей цѣли, а именно, для нагляднаго подтвержденія тѣхъ двухъ важныхъ заключеній, которыя мы должны вывести изъ изученія медіумическихъ явленій. Мы знаемъ теперь, что человѣкъ можетъ дѣйствовать психически за предѣлами своего тѣла, можетъ воздѣйствовать на психическую дѣятельность другого организма и вызывать въ немъ свои собственныя впечатлѣнія, мысли, ощущенія, и, наконецъ, какъ бы переноситься къ нему во образѣ. Онъ можетъ даже дѣйствовать физически на неодушевленные предметы на разстояніи; эта внѣтѣлесная дѣятельность доходитъ до того, что организмъ можетъ даже раздваиваться, представляя какъ бы подобіе себя самого, дѣйствующее нѣкоторое время независимо отъ своего прототипа, и обнаруживая при этомъ несомнѣнные признаки тѣлесности.

Такимъ образомъ, мы пришли къ факту неслыханному до сихъ поръ, но которому со временемъ суждено сдѣлаться однимъ изъ *блестящихъ пріобрѣтеній антропологической науки*. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что *физическая и психическая дѣятельность человѣка не ограничивается периферіей его тѣла*.

Если мы допускаемъ, что въ человѣкѣ есть два сознанія — одно внѣшнее, нормальное, другое внутреннее, котораго нормальный человѣкъ не вѣдаетъ, но которое, тѣмъ не менѣе, обладаетъ собственной волей и собственнымъ разумомъ, — что это послѣднее дѣйствуетъ или проявляется не только, когда первое усыплено, но даже когда оно находится и въ полной дѣятельности, такъ что оба сознанія дѣйствуютъ хотя и одновременно, но независимо другъ отъ друга; если, далѣе, внѣтѣлесная дѣятельность человѣка связана преимущественно съ дѣятельностью внутренняго сознанія (ибо, вообще, эта внѣтѣлесная дѣятельность не подчинена власти внѣшняго сознанія), и подобно внутреннему сознанію, можетъ функціонировать одновременно съ нормальной дѣятельностью тѣла и проявляться независимо отъ него; если, наконецъ, это внутреннее сознаніе располагаетъ средствами воспринятія впечатлѣній внѣшняго міра, не прибѣгая къ обычному посредству тѣлесныхъ органовъ (сверхчувственное зрѣніе и т. п.) — то не должны ли мы заключить изъ всего этого, что человѣческая природа двойственна, что въ человѣкѣ есть два сознательныхъ, другъ отъ друга независимыхъ существа:[1]) существо внѣшнее, обусловленное нормальными функціями нашего тѣла, и существо внутреннее, не подчиненное условіямъ тѣлеснымъ, — которое можетъ хотѣть, дѣйствовать и воспринимать впечатлѣнія помимо тѣла; что, слѣдовательно, это тѣло не есть условіе *sine qua non* (безусловно необходимое) для проявленій этого внутренняго существа и что, слѣдовательно, это существо, по сущности своей, совершенно независимо отъ тѣла; что если тутъ и есть нѣкоторая зависимость, то она только случайная, кажущаяся, — что тутъ просто только временное сосуществованіе. Если такъ, то, съ устраненіемъ тѣла, внутреннее существо должно сохранить свою независимость.

Вотъ аргументація въ пользу пакибытія, которую мы въ правѣ построить на данныхъ, представляемыхъ намъ фактами сомнамбулизма и анимизма (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. *А. Н. Аксакова*: „Анимизмъ и спиритизмъ", ч. II-я, Спб. 1893 года, стр. 618—642).

2. Различные случаи телепатіи.

а) Докторъ Дюпрель приводитъ слѣдующій разсказъ д-ра Шарпиньона: сомнамбула, усыпленная въ Орлеанѣ, выразила желаніе перенестись мысленно къ своей сестрѣ въ Блуа. Достигнувъ (мысленно) Мёнга, она заявила, что видитъ тамъ нѣкоего Жуано, одѣтаго въ праздничную одежду. Такъ какъ нѣкоторые изъ присутствующихъ знали его, то и спросили письменно, не былъ ли онъ въ указанный часъ въ этомъ мѣстечкѣ, что тотъ и подтвердилъ".

б) „Автосомнамбула С... спросила своего брата Готфрида, въ то время, когда онъ собирался уѣзжать, не желаетъ ли онъ, чтобы она посѣтила его. Тотъ, очень хорошо понимая, о какомъ посѣщеніи она говорила, тѣмъ не менѣе, не испугался и выразилъ свое согласіе, тѣмъ болѣе, что она обѣщала, что въ этомъ посѣщеніи ничего непріятнаго быть не можетъ. Спустя нѣкоторое время, когда она однажды была въ магнитическомъ снѣ, она выразила намѣреніе посѣтить брата, а спустя нѣкоторое время объявила, что братъ заснулъ въ своемъ креслѣ. Нѣсколько дней спустя, получено было отъ него письмо,

[1]) Правильнѣе будетъ сказать, что у человѣка, кромѣ тѣлесной его природы и внѣшняго его сознанія, есть духовная природа съ внутреннимъ сознаніемъ, обращеннымъ въ духовный міръ, т. е. есть духъ безсмертный, разумный и свободный, переживающій по смерти свое тѣло со всѣми его силами, необходимыми для земной жизни, и назначенный для вѣчной жизни со Христомъ.
(Свящ. *Г. Д—ко*).

въ которомъ онъ извѣщалъ родителей, что, заснувъ однажды въ креслѣ, онъ очень явственно увидѣлъ свою сестру, которая приблизилась къ его креслу, посмотрѣла на него пристально и затѣмъ исчезла. Въ другой разъ она сдѣлала такое же предувѣдомленіе доктору Р. Нѣсколько дней спустя, когда онъ уже былъ въ постели, и когда жена со свѣчою въ рукѣ вошла въ комнату, неожиданно открылась дверь, и сомнамбула въ ночномъ костюмѣ и туфляхъ вошла въ комнату и затѣмъ потушила свѣчу. Докторъ Р. и его жена не спали и совершенно отчетливо видѣли призракъ. Докторъ Р. немедленно же написалъ объ этомъ случаѣ родителямъ сомнамбулы, и эти послѣдніе удостовѣряютъ, что въ данный моментъ ихъ дочь спала въ глубокомъ магнитическомъ снѣ, будучи совершенно подобна безжизненному трупу. („Ребусъ" 1898 г. № 2).

в) Во время послѣдней нашей войны съ турками с.-петербургскій гренадерскій короля Фридриха Вильгельма III полкъ стоялъ, въ числѣ другихъ войскъ, подъ Плевною.

Была тихая, осенняя ночь. Войска спали. Спалъ и герой нашего разсказа, подполковникъ Иванъ Никитичъ Тимошенко, бывшій въ то время завѣдующимъ хозяйствомъ въ полку.

И снится ему оригинальный сонъ, до того врѣзавшійся въ его память и сдѣлавшій на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ, вставъ по утру, немедленно занесъ его въ свой дневникъ.

Вотъ этотъ разсказъ, какимъ мы его слышали отъ одного изъ товарищей покойнаго полковника Тимошенко.

Ивану Никитичу приснилась его старая няня, прожившая въ семьѣ его родителей много лѣтъ.

— Я пришла къ тебѣ проститься, сказала старушка, явясь къ своему бывшему питомцу.

— А давненько мы, няня, съ тобой не видѣлись!

— Давненько, милый, давненько — ровно четырнадцать лѣтъ. Да, четырнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я отъ васъ ушла, ну, а теперь и совсѣмъ ухожу; а пришла я къ тебѣ, чтобы проститься съ тобой и сказать тебѣ, что *ровно черезъ четырнадцать лѣтъ* мы съ тобою опять увидимся. Прощай.

Съ этими словами старушка скрылась, а Иванъ Никитичъ проснулся, весь подъ впечатлѣніемъ своего поразительно живого, реальнаго сна.

Война окончилась.

Подполковникъ Тимошенко, уже въ чинѣ полковника, вернулся въ Россію и былъ сдѣланъ командиромъ 4-го варшавскаго крѣпостного батальона.

Но время не изгладило впечатлѣнія, полученнаго отъ видѣннаго сна. Онъ зналъ, что его бывшая няня жила въ Ардатовѣ, и послалъ письмо къ ея родственникамъ, желая узнать, что съ нею. Въ отвѣтъ получилось извѣстіе о смерти старушки и, по справкѣ въ дневникѣ, оказалось, что въ тотъ день, когда она приходила прощаться со своимъ питомцемъ, она простилась и съ нашимъ грѣховнымъ міромъ.

Наступилъ 1891 годъ, и вотъ, совершенно здоровый, одаренный сильнымъ и крѣпкимъ организмомъ полковникъ Тимошенко заболѣваетъ и, проболѣвъ около двухъ недѣль, умираетъ совершенно неожиданно для своихъ родныхъ и друзей.

Старушка сказала правду: явившись своему воспитаннику *въ 1877 году*, она обѣщала ему свидѣться съ нимъ ровно черезъ *четырнадцать лѣтъ*. И вотъ, въ 1891 году И. Н. Тимошенко уходитъ въ тотъ же міръ, куда ровно четырнадцать лѣтъ назадъ удалилась его старушка няня.

Покойный горячо вѣрилъ въ существованіе многаго такого въ природѣ, чего не въ состояніи объяснить ни одинъ мудрецъ („Ребусъ" 1892 г., № 43).

г) Нѣкто г. Бреттъ, англо-американскій торговый агентъ, живущій въ Лейпцигѣ (Софіа-Штрассе, д. № 14), разсказываетъ слѣдующую исторію о явившемся ему двойникѣ.

„Я сидѣлъ вечеромъ совершенно одинъ",— Бреттъ одинокій человѣкъ,— „прислуга ушла за покупками, я расположился въ кабинетѣ за столомъ и читалъ самую юмористическую часть „Пикквикскаго клуба".

Было около десяти часовъ, какъ вдругъ моя кошка, мирно дремавшая у меня на плечѣ, соскочила на полъ и, вся ощетинившись, какъ сумасшедшая, бросилась къ двери и начала бѣшено скрестись въ нее.

Думая, не мошенники ли забрались ко мнѣ, я вышелъ въ кухню. У очага, наклонившись впередъ, уронивъ руки на колѣни и вперивъ грустный взглядъ прямо въ огонь, сидѣла женщина, въ глубокомъ траурѣ. Удивленный тѣмъ, что она вошла совершенно не слышно, я подошелъ къ ней, чтобы посмотрѣть, кто она.

Женщина повернула ко мнѣ блѣдное, изможденное лицо.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

Таинственная гостья встала, не говоря ни слова. Не сводя съ меня грустнаго, пристальнаго, какъ бы молящаго взгляда, она стала отодвигаться къ стѣнѣ, все ближе и ближе, и, наконецъ, *пропала въ стѣнѣ*. Я былъ изумленъ, но страха не чувствовалъ никакого и сталъ разсуждать, что могло вызвать это видѣніе. Обѣдъ у меня былъ самый лег-

кій, кромѣ чаю я ничего не пилъ, а книгу читалъ такую, что все время смѣялся.

На слѣдующее утро, когда я пришелъ на службу, мнѣ подали телеграмму. Въ конторѣ забыли мой адресъ и поэтому не переслали депешу ко мнѣ на домъ.

Думая, что она дѣловая, я тутъ же прочелъ ее.

Оказалось, что моя любимая двоюродная сестра, живущая недалеко отъ Лейпцига, съ которой я не видѣлся почти годъ, находится при смерти и зоветъ меня къ себѣ.

Я немедленно отправился къ ней.

Мнѣ отворила дверь племянница и, горько плача, разсказала, что мать ея умираетъ.

— „А вчера, дядя, *около десяти часовъ вечера,* я думала, что она умретъ, такъ ей было дурно! Она почти не подавала признаковъ жизни, ну, а потомъ ей опять, слава Богу, стало легче“.

Я поспѣшилъ наверхъ, къ сестрѣ. Она лежала при послѣднемъ издыханіи. Я наклонился надъ нею и увидѣлъ лицо той самой женщины, которая сидѣла у меня въ кухнѣ вчера вечеромъ. Такъ страшно измѣнилась моя бѣдная сестра, что я бы ни за что не узналъ ее. Не мудрено, что наканунѣ, когда ей было такъ дурно, и когда ея двойникъ явился мнѣ,—я ее не узналъ. Она хотя и была въ сознаніи, но не имѣла силы сказать мнѣ, что бы то ни было. Въ тотъ же вечеръ бѣдняжка скончалась на моихъ рукахъ“. („Ребусъ“ 1892 г., № 43).

д) „Мнѣ извѣстны“, пишетъ г-нъ Стэдъ, „два случая явленій призраковъ въ зеркалѣ. Госпожа Чайльдъ, (Лондонъ, Коммерсіаль Родъ, Робартсъ Террасъ, домъ № 3), разсказываетъ, что, будучи семнадцатилѣтней дѣвушкой, она какъ-то вечеромъ вернулась съ прогулки и, снявъ шляпу, стала приглаживать волосы передъ зеркаломъ. Вдругъ, къ ея удивленію и ужасу, она увидѣла въ зеркалѣ черезъ плечо, что на нее пристально смотритъ какой-то мужчина.

„Я быстро обернулась,—говоритъ она,—недоумѣвая, кто могъ осмѣлиться войти въ мою спальню и, судите о моемъ изумленіи—ни души! Сейчасъ же осмотрѣла всю комнату, подъ кроватью, въ шкапахъ—нигдѣ никого.

Я спустилась внизъ къ мамѣ и, разсказывая ей о случившемся, вдругъ припомнила, чье лицо я видѣла въ зеркалѣ: это былъ братъ моей матери, мой дядя, жившій въ то время въ Калькуттѣ. Со слѣдующею же почтою мы получили изъ Индіи извѣстіе о смерти дяди. Онъ умеръ въ Калькуттѣ въ тотъ же самый день и въ тотъ же часъ, разумѣется, соблюдая разницу между временемъ въ Индіи и Англіи,—когда я видѣла его въ зеркалѣ“.

Другой случай сообщенъ г-жею Гарнеръ: „моя сестра,—разсказываетъ она,—молоденькая дѣвушка, жила въ пансіонѣ. Какъ-то, вечеромъ, она стояла передъ зеркаломъ и причесывалась на ночь. Вдругъ она видитъ въ зеркалѣ, что позади ея стоитъ наша мать въ рубашкѣ и юбкѣ.

— Мама!—воскликнула она, быстро обернувшись. И что же? Въ комнатѣ никого не было. Недоумѣвая, почему воображеніе ея сыграло съ нею такую штуку, такъ какъ въ данный моментъ она даже не вспоминала объ отсутствующей матери, сестра моя снова принялась за свой туалетъ. Но не прошло и пяти минутъ, какъ она снова увидѣла въ зеркалѣ мать, грустно на нее смотрящую, и когда она оглянулась—та же исторія: въ комнатѣ снова никого не было. Тогда сестра моя страшно перепугалась и побѣжала въ общій дортуаръ къ своимъ подругамъ. Всѣ запомнили и записали часъ этого страннаго явленія. На другой же день она получила телеграмму о смерти матери. Оказалось, что она скончалась въ тотъ самый моментъ, когда ея призракъ явился къ ея любимицѣ-дочери. („Ребусъ“ 1892 г., № 43).

е) Господинъ Д., мэръ одной общины въ департаментѣ Приморскихъ Альповъ, разсказывалъ мнѣ въ 1889 году слѣдующее происшествіе, бывшее съ его отцомъ. Однажды вечеромъ его отецъ, сидя возлѣ камина, въ своемъ домѣ, услышалъ яростный лай собаки и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелые шаги, приближавшіеся къ дому. Онъ подумалъ, что, безъ сомнѣнія, собака лаяла на кого-нибудь, подходящаго къ дому, какъ вдругъ дверь его комнаты отворилась и въ комнату вошелъ человѣкъ, въ которомъ г. Д. тотчасъ узналъ своего брата, умершаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Г. Д., не смѣя ни пошевельнуться, ни вѣрить своимъ глазамъ, сидѣлъ неподвижно передъ „покойникомъ“, своимъ братомъ, который ему сказалъ: „братъ, прошу тебя, съѣзди въ Ниццу заплатить за пару ботинокъ, за которыя я долженъ сапожнику X., живущему въ такой-то улицѣ, въ такомъ-то номерѣ“. Вслѣдъ за тѣмъ онъ исчезъ, оставивъ своего брата въ состояніи крайняго изумленія. Нѣсколько дней спустя г. Д. отправился въ Ниццу, разыскалъ указаннаго ему сапожника, который подтвердилъ, что братъ г. Д. дѣйствительно остался ему должнымъ за пару ботинокъ, обстоятельство, раньше совершенно неизвѣстное г. Д., равно какъ и существованіе указаннаго ему сапожника („Revue Spirite“; сн. „Ребусъ“ 1892 г., № 51).

ж) Два факта, о которыхъ я хочу разсказать, говоритъ г-нъ Гупиль, случились лично со мною прошлымъ лѣтомъ въ Тунисѣ. Одна-

жды вечеромъ, часовъ около 10, я находился въ своей комнатѣ въ гостиницѣ и былъ уже въ постели. Я еще не спалъ и прилегъ на кровать, чтобы немного отдохнуть; причемъ на ночномъ столикѣ горѣла свѣча. Закрывъ на мгновеніе глаза, я отчетливо увидѣлъ почтовую карточку открытаго письма съ нѣсколькими написанными на немъ строчками незнакомаго мнѣ почерка. Буквы ярко выдѣлялись на темномъ фонѣ, и характеръ почерка и расположеніе строкъ очень рѣзко запечатлѣлись въ моей памяти. Мнѣ тотчасъ же пришло на мысль, что я не ожидалъ въ это время ни письма, ни тѣмъ менѣе почтовой карточки, и что я не думалъ до этого времени о чемъ-нибудь подобномъ. Желая вглядѣться хорошенько въ представлявшееся моимъ взорамъ видѣніе и прочесть написанное, я сдѣлалъ къ тому усиліе, но оно стало блѣднѣть и, наконецъ, исчезло. Не значитъ ли это, что я долженъ получить открытое письмо? подумалъ я. Съ этою мыслью я отправился на другое утро въ коммерческую кофейню, черезъ которую я получалъ въ то время свою корреспонденцію. Ничего, однако, на мое имя не было получено, и я пересталъ уже объ этомъ думать, когда на другой день, проходя мимо кофейни, я былъ остановленъ хозяиномъ ея, который передалъ мнѣ открытое письмо, только что полученное на мое имя. Письмо было отъ редактора „Revue Spirite“, и какъ почеркъ, такъ и расположеніе строкъ до малѣйшей подробности совпадали съ моимъ видѣніемъ.

Вотъ другой случай.

Однажды я игралъ на билліардѣ съ однимъ французомъ, живущимъ въ Тунисѣ. Сыгравъ одну партію, онъ извинился, что не можетъ продолжать игры, такъ какъ ожидаетъ посѣщенія доктора, котораго онъ пригласилъ къ своему 7-лѣтнему племяннику. Я спросилъ его, чѣмъ боленъ его племянникъ? Я не думаю, отвѣчалъ онъ, чтобы у моего племянника могла быть какая-нибудь серьёзная болѣзнь, но вчера съ нимъ случилась очень странная галлюцинація. Ему показалось, что какая-то женщина стояла возлѣ колыбели моей маленькой внучки, которая всего мѣсяцъ какъ родилась, и собиралась унести ее съ собою, и сталъ звать на помощь, упрашивая насъ, чтобы мы воспрепятствовали этой женщинѣ унести его маленькую кузину. Это произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что цѣлую ночь и все сегодняшнее утро онъ сильно волновался, и теперь чувствуетъ себя очень слабымъ. На вопросъ мой о внучкѣ, онъ отвѣтилъ, что та совершенно здорова и что съ племянникомъ его до этого случая никогда не было галлюцинацій. Это заставило меня думать, не была ли эта галлюцинація предвѣщаніемъ, но я это только подумалъ, но не сказалъ своему собесѣднику.

Всякій день я справлялся у него при встрѣчѣ о здоровьѣ его дѣтей, и всякій разъ получалъ отъ него въ отвѣтъ, что они совершенно здоровы, такъ что его стало даже удивлять такое настойчивое любопытство.

Прошло дней десять, и я уже три дня не видѣлъ своего знакомаго, какъ вдругъ встрѣчаю его на перекресткѣ двухъ улицъ, причемъ опять задаю обычный вопросъ о здоровьѣ.

— Представьте себѣ, отвѣчаетъ онъ, я потерялъ свою маленькую внучку; она въ нѣсколько часовъ умерла отъ крупа.

— Я не зналъ этого, отвѣчалъ я ему, — но я сильно подозрѣвалъ возможность такого событія, послѣ того, какъ вы разсказали мнѣ о галлюцинаціи, которую имѣлъ вашъ племянникъ.

Простыя ли это совпаденія, или нѣчто большее, — я этого не знаю, но факты переданы совершенно вѣрно. („Revue Spirite“; сн. „Ребусъ“ 1892 г., № 51).

з) Приглашенный единодушно всѣмъ приходомъ, я принялъ въ 1852 году пасторское мѣсто въ Восточномъ Девонѣ. Однажды, по просьбѣ одного изъ прихожанъ, мистера Е., провести у него вечеръ, я отправился къ нему въ Вестъ-Хиль возлѣ Оттери.

Была чудная майская погода, когда я шелъ по верхней дорогѣ, направляясь къ дому, занимаемому этимъ господиномъ. И вдругъ вниманіе мое остановилось на густой аллеѣ сикоморъ, ведущей въ красиво выстроенную ферму. Хотя я много разъ проходилъ по этой мѣстности, но никогда не замѣчалъ такой аллеи. Когда я остановился, издали разсматривая ферму, мнѣ послышался голосъ, говорившій мнѣ: „иди туда и скажи, что я прикажу тебѣ“. Пораженный неожиданностью, но нисколько не испуганный, я громко сказалъ: „куда мнѣ итти? Я не знаю живущихъ въ этомъ домѣ“.—„Иди туда и выскажи то, что внушу тебѣ“, отвѣтилъ мой внутренній собесѣдникъ.

Не колеблясь болѣе, я повернулъ къ фермѣ, все время размышляя о томъ, какъ я объясню свой приходъ. На мой нѣсколько нерѣшительный стукъ молоткомъ въ входную дверь, она быстро распахнулась передо мной, и на порогѣ появилась высокаго роста женщина, съ крупными, точно мужскими чертами лица. Она удивленно посмотрѣла на меня и на мой смиренный вопросъ: „не позволите ли вы мнѣ почитать съ вами слово Божіе?“ рѣзко отвѣтила: — „Хорошо, войдите“ и отворила дверь, ведущую въ скромно, но чисто меблированную гостиную.

— Садитесь,—сказала она,—сама же продолжала стоять предо мною, и на мое замѣчаніе, почему она тоже не сядетъ, отвѣтила: „нѣтъ, я лучше постою“.

Открывъ евангеліе на XIV главѣ отъ Іоанна, я началъ читать: „да не смущается сердце ваше“... и далѣе. Какъ вдругъ женщина прервала меня. „Остановитесь... Господь прислалъ васъ. Я ранѣе видѣла васъ“.

— Неужели! Я не помню, чтобы когда-нибудь встрѣчалъ васъ.

— Я и не думаю, чтобы вы меня видѣли, но я видѣла васъ прошедшею ночью въ моей спальнѣ.

— Я же увѣренъ, что вы меня не видали и видѣть не могли. Я никогда прежде не былъ въ этомъ домѣ,—горячо возразилъ я.

— Вы меня не понимаете... Вы не знаете, кто я такая. Я самая презрѣнная тварь во всемъ мірѣ. Я выгнала свою единственную дочь изъ дому за то, что она вѣрующая и желаетъ присутствовать на религіозныхъ собраніяхъ мистера Е. Я ненавидѣла религію и считала всѣхъ поющихъ религіозные гимны лицемѣрами. Да, я ее выгнала, а м-ръ Е. послалъ за ней и далъ ей убѣжище въ своемъ домѣ. Послѣ того какъ это дошло до меня, слабый лучъ свѣта просвѣтилъ мою ожесточенную душу. Я надѣялась увидать бѣдную дѣвочку сегодня вечеромъ у мистера Е., но, продолжала женщина, я все таки мать и люблю мою дочь. И вотъ прошедшимъ вечеромъ я стала думать о ней, раскаиваться въ своей поспѣшности. Я поняла, что я злая, дурная женщина. Наконецъ, я пошла въ свою спальню и, преклонивъ колѣни около кровати, стала молиться о прощеніи, но небо оставалось глухо къ моей молитвѣ. Я чувствовала, что Господь не услышитъ такую испорченную тварь, какъ я. Удрученная горемъ, я встала на ноги и, бросившись на постель, уснула тревожнымъ сномъ. И вотъ мнѣ приснилось, что ко мнѣ пришелъ ангелъ; у него было ваше лицо, я тотчасъ же узнала васъ. Ангелъ сказалъ: „да не смущается сердце ваше, и да не устрашается“— слова, которыя вы сейчасъ прочли мнѣ. Проснувшись, я почувствовала себя утѣшенной. Вы, конечно, нашли меня очень рѣзкой, когда я встрѣтила васъ у двери, а я была только поражена удивленіемъ. Да, Господь послалъ васъ!..

— И я такъ же думаю,— отвѣтилъ я ей,—и разсказалъ, какъ слышалъ голосъ, который считаю голосомъ свыше. Не сядете ли вы, чтобы я могъ докончить чтеніе начатой главы, а потомъ мы вмѣстѣ помолимся. Когда по окончаніи молитвы мы поднялись съ колѣней, лицо ея было въ слезахъ. Я постарался ее успокоить и потомъ сказалъ: „я иду къ м-ру Е. и, вѣроятно, увижу вашу дочь, не сказать ли мнѣ ей, чтобы она вернулась домой?“

— Да, пожалуйста, будьте такъ добры, скажите ей, что ея бѣдная мать тоже ищетъ своего Спасителя.

На слѣдующей недѣлѣ я уѣхалъ изъ той мѣстности, и нѣсколько лѣтъ не могъ узнать о послѣдствіяхъ этой странной исторіи; но однажды лѣтомъ, когда я гостилъ въ Доверѣ, я узналъ въ женѣ досточтимаго барона Гарта, пастора Сіонской часовни, дочь мистера Е. и спросилъ ее о миссисъ Принсъ, той особѣ, о которой идетъ мой разсказъ.

— О, отвѣтила миссисъ Гартъ, она сдѣлалась самой серьёзной и глубоко вѣрующей христіанкой. Она состоитъ членомъ конгрегаціонной церкви въ Вестъ-Гилѣ и щедро поддерживаетъ ее своими средствами. („Ребусъ“ 1898 г., № 32).

и) „Лѣто 1885 года, сообщаетъ г. Теннисонъ, мы провели близъ Бармута, въ небольшомъ мѣстечкѣ Фрайогъ, въ пансіонѣ г-жи Джонсъ.

18 августа, мы (т.-е. я, моя жена, дочь, сынъ и наша знакомая, миссъ Гринъ) отправились на вершину Cader Idres.

На обратномъ пути мы какимъ-то образомъ заблудились и, прежде чѣмъ выбраться на настоящую дорогу, довольно долго проблуждали по склону горы.

Когда мы, наконецъ, попали на проѣзжую дорогу, солнце успѣло уже сѣсть, и на небо взошелъ полный, яркій мѣсяцъ. Вечеръ былъ тихій, теплый и такой ясный, что мы могли видѣть всю окрестность, какъ среди бѣлаго дня.

Мы шли, раздѣлившись на двѣ партіи: впереди шла миссъ Гринъ съ моими дѣтьми, а я и жена слѣдовали за ними, на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ.

На крутомъ поворотѣ дороги мы на минуту потеряли ихъ изъ виду, а когда они снова показались передъ нами, то мы увидѣли, что съ ними идутъ двое мужчинъ, въ крестьянской одеждѣ, похожіе на пастуховъ.

Я обрадовался этой встрѣчѣ, тѣмъ болѣе, что мы проблуждали нѣсколько миль, не встрѣтивъ ни одной живой души, а тутъ эти пастухи могли указать намъ кратчайшую дорогу въ Фрайогъ.

Зная, что скоро будетъ поворотъ съ большой дороги на проселочную, мы не нагоняли нашихъ, увѣренные въ томъ, что они сами подождутъ насъ на поворотѣ.

Въ теченіе болѣе чѣмъ получаса, дѣти съ миссъ Гринъ и двумя пастухами шли впереди насъ, и на нашихъ глазахъ.

Вдругъ — легкій поворотъ дороги, и дѣти исчезаютъ изъ нашихъ глазъ.

Черезъ минуту мы увидѣли ихъ снова, но пастуховъ съ ними больше не было.

Прибавивъ шагу, мы догнали дѣтей и спросили, кто были ихъ спутники, и въ какую сторону они направились.

Каковъ же былъ нашъ испугъ, когда миссъ Гринъ и дѣти изумленно отвѣчали намъ, что они все время шли одни, что никто къ нимъ не подходилъ, и что, вообще, во всю дорогу они не видѣли и не слышали ничего особеннаго.

Пройдя еще съ полчаса, мы, наконецъ, добрались до дому здравы и невредимы и безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Въ Фрайогѣ намъ сказали, что призраки двухъ пастуховъ — явленіе обычное, и что существуетъ повѣрье, утверждающее, что въ давнія времена на этой дорогѣ были убиты два пастуха.

Самое интересное обстоятельство заключается въ томъ, что два лица одновременно видѣли призраковъ".

і) Одинъ изъ корреспондентовъ г. Стэда пишетъ ему изъ Соутпорта слѣдующее:

„Нѣсколько времени тому назадъ, въ одинъ воскресный вечеръ, я возвращался домой послѣ класса закона Божія, который я имѣю обыкновеніе усердно посѣщать. Насъ шло пятеро или шестеро рабочихъ вмѣстѣ, а съ нами было два негра, съ западнаго берега Африки. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ больше рѣдѣла наша компанія; когда я остался, наконецъ, вдвоемъ съ двумя неграми, мнѣ вдругъ подумалось: „отчего бы не пригласить моихъ темнокожихъ друзей къ себѣ домой, на чашку чаю?" Я зналъ, что жена моя всегда готова принять всякаго, кто бы ни пришелъ со мною изъ класса, но почему-то мнѣ ужасно не хотѣлось пригласить къ себѣ именно этихъ двухъ личностей.

„Хороша твоя послѣдовательность, — внутренно упрекалъ я самого себя;—вѣчно проповѣдуешь всеобщее равенство, а самъ не приглашаешь этихъ людей къ себѣ только потому, что у нихъ черная кожа".

Потомъ я сталъ думать о томъ, какъ бы отнеслась къ этому моя жена, и почему-то мнѣ пришло въ голову, что она сказала бы мнѣ непремѣнно слѣдующее:

— *Тебѣ не слѣдовало приводить ихъ сюда не предупредивъ меня. Вѣдь я могла страшно испугаться.*

Передумавъ все это, я распрощался съ моими спутниками и вернулся домой.

Жена встрѣтила меня на порогѣ, говоря:

— Ты не можешь себѣ представить, что со мною было! Сижу я на диванѣ, совсѣмъ не сонная, и вдругъ вижу, что ты входишь въ комнату, а съ тобою два негра.

Я изумился и спросилъ ее, знаетъ ли она этихъ негровъ въ лицо?

— Одного знаю,—отвѣтила она;—недавно онъ говорилъ на митингѣ, и мы его слушали!

Это было совершенно вѣрно, но я не показалъ виду и просто спросилъ:

— Ну, а другой?

— Другого я никогда не видѣла раньше, но сейчасъ я тебѣ его опишу: онъ очень красивъ, и совсѣмъ непохожъ на негра, только что черный. У него прямой носъ, невьющіеся волосы, и ростомъ онъ гораздо выше своего товарища.

Тогда я разсказалъ ей, съ кѣмъ я возвращался изъ класса.

— Позволь, я еще не договорила, — прервала меня жена. — Какъ только ты вошелъ со своими неграми, я сейчасъ же подумала:

— *Не слѣдовало приводить ихъ сюда, не предупредивъ меня. Вѣдь я могла страшно испугаться!..*

Послѣ этого факта въ моемъ до того времени крайне скептически настроенномъ умѣ мелькнула идея о возможности передачи мыслей на разстояніи, и съ тѣхъ поръ я ни разу не имѣлъ случая усомниться въ этомъ предположеніи. Самая незначительная доля личнаго опыта стоитъ массы самыхъ вѣскихъ доводовъ, какъ бы мы ни были расположены вѣрить послѣднимъ". („Ребусъ" 1892 г., № 31).

к) Исаакъ Вальтонъ сообщаетъ весьма интересный и вполнѣ достовѣрный фактъ дѣйствія человѣческой психи на разстояніи. Объ этомъ явленіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія много говорилось въ нѣмецкой печати, за и противъ его возможности.

Докторъ Донне жилъ вмѣстѣ съ женою у сэра Роберта Друри въ Друрилэнѣ въ качествѣ его домашняго врача. Царствовавшій въ то время король Іаковъ I назначилъ своимъ посломъ къ французскому двору лорда Гайе. Сэръ Робертъ Друри, попавъ въ число посольской свиты, рѣшился сопутствовать лорду. Ему удалось уговорить доктора Донне ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, хотя тому приходилось оставить въ Англіи жену въ послѣднемъ періодѣ беременности.

Дня черезъ два по пріѣздѣ въ Парижъ, послѣ обѣда съ нѣсколькими друзьями, сэръ Робертъ ушелъ вмѣстѣ съ ними, оставивъ доктора Донне одного въ столовой. Возвратясь черезъ полчаса, онъ былъ крайне удивленъ, найдя доктора сильно измѣнившимся, блѣднымъ, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. На вопросъ, что случилось въ его короткое отсутствіе, Донне отвѣтилъ не сразу. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, взволнованнымъ голосомъ онъ разсказалъ слѣдующее: „я видѣлъ мою дорогую жену... вотъ

здѣсь... она два раза прошла мимо меня съ распущенными волосами, падавшими ей на плечи, и съ мертвымъ ребенкомъ на рукахъ".

— Вы вѣрно вздремнули, мой милый докторъ,—возразилъ, улыбаясь, сэръ Робертъ,— и это вамъ приснилось. Но теперь вы проснулись, и я отъ души желаю, чтобы вы скорѣй забыли вашъ тяжелый сонъ.

Но докторъ отвѣтилъ ему очень серьёзно: „вы ошибаетесь, я не спалъ, я вполнѣ увѣренъ, что то, что я видѣлъ, было на яву. Проходя мимо меня во второй разъ, жена остановилась, пристально посмотрѣла на меня, и — исчезла".

Прошла ночь, но и на слѣдующее утро докторъ Донне не измѣнилъ своего убѣжденія и съ такою увѣренностью утверждалъ о дѣйствительности явленія его жены, что сэръ Робертъ пересталъ возражать, онъ сдѣлалъ болѣе того: онъ отправилъ одного изъ своихъ слугъ въ Англію, въ Друрилэнъ, узнать о здоровьи мистриссъ Донне.

Посланный вернулся на двѣнадцатый день съ вѣстью, что жена доктора очень больна, и что онъ оставилъ ее еще въ постелѣ. Роды мистриссъ Донне были очень опасные; послѣ долгихъ и тяжкихъ страданій, она родила мертваго ребенка, и это случилось въ тотъ самый день и часъ, когда мужъ видѣлъ ее передъ собою.

Если для души, связанной съ тѣломъ, возможно подобное явленіе, то почему же невозможно оно для души, освобожденной отъ земныхъ узъ? — прибавляетъ лейпцигское изданіе („Спиритуалистическіе листки"), изъ котораго мы заимствуемъ этотъ разсказъ. („Ребусъ" 1883 г., № 32).

л) Въ 1874 году мнѣ случилось на берегахъ Саоны бесѣдовать съ однимъ изъ высшихъ офицеровъ нашей арміи. Во время нашей бесѣды, очень живо интересовавшей моего собесѣдника, я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ, весьма, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, иногда и духъ живого человѣка можетъ являться и даже давать совѣты вдали отъ своей тѣлесной оболочки. „Въ такомъ случаѣ, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, — я могу теперь объяснить то, что съ 1854 г. составляло для меня непонятную загадку и тайну. Я былъ въ Крыму подъ стѣнами осажденнаго Севастополя, служа поручикомъ въ корпусѣ волонтеровъ, и былъ назначенъ съ отрядомъ стрѣлковъ въ траншеи, въ которыхъ долженъ былъ оставаться въ продолженіе 48 часовъ. Едва прибывъ на назначенное мнѣ мѣсто, я увидѣлъ своего отца, который сказалъ мнѣ, что я долженъ слѣдовать его совѣтамъ относительно размѣщенія людей, и что въ такомъ случаѣ никто изъ нихъ не будетъ ни убитъ, ни раненъ. Онъ пробылъ съ нами довольно долгое время, указывая мѣста, гдѣ я долженъ помѣстить людей, и затѣмъ исчезъ, по всей вѣроятности, невидимый никѣмъ, за исключеніемъ меня. Спрашивается, какъ онъ могъ явиться и исчезнуть? Онъ былъ тогда въ Дофине и, какъ я узналъ по возвращеніи во Францію, былъ въ этотъ день ненормально сонливъ, казался углубленнымъ въ свои мысли, но совершенно здоровъ. Во многихъ письмахъ я разсказывалъ объ этомъ случаѣ своей женѣ, ломая себѣ голову надъ разрѣшеніемъ такой непонятной загадки, и вотъ, наконецъ, 21 годъ спустя, я слышу отъ васъ о возможности подобнаго случая".

На другой день я видѣлся съ женою своего собесѣдника, которая отъ слова до слова подтвердила мнѣ разсказъ своего мужа, письма котораго, относящіяся до этого случая, у нея до сихъ поръ еще сохранились. („Revue Spirite" 1892 г., № 4; сн. „Ребусъ" 1892 г., № 23).

м) Вторая половина текущаго столѣтія ознаменовалась открытіемъ, которое, очень возможно, впослѣдствіи въ жизни человѣческихъ обществъ произведетъ обширнѣйшій переворотъ.

Мы говоримъ объ установленіи факта индукціи психическихъ движеній и состояній,— факта, извѣстнаго теперь всему образованному міру.

Всякое психическое движеніе или состояніе даннаго индивидуума, при извѣстныхъ условіяхъ, съ пропорціональною напряженностью возбуждается и воспроизводится на другомъ индивидуумѣ, помимо воли его, съ передачею притомъ на разстоянія.

Явленіе это ежедневно мы можемъ наблюдать вокругъ себя всюду. Заразительность веселости, смѣха, печали, раздраженности есть явленіе индукціи. Сплошь и рядомъ случается, что два или нѣсколько находящихся вмѣстѣ человѣкъ обнаруживаютъ у себя одновременное появленіе одной и той же мысли. Очень часто въ обществѣ нѣсколькихъ человѣкъ заводится рѣчь объ извѣстномъ лицѣ, и послѣднее появляется въ среду засѣдающихъ въ самый разгаръ разговора: съ приближеніемъ отсутствующаго, очевидно, у собесѣдниковъ возбуждается представленіе о немъ. Явленіе слишкомъ обыкновенно и притомъ возбуждается по большинству лишь извѣстными лицами, такъ что какъ самое явленіе, такъ и производящее его лицо, народное наблюденіе отмѣтило выраженіемъ: „легокъ на поминѣ". Значительная часть сновидѣній, отличающихся на столько упорнымъ постоянствомъ въ предшествіе извѣстнымъ событіямъ, что породила въ массахъ не только вѣру въ свое свойство предзнаме-

новывать, но даже цѣлую литературу сонниковъ, объясняется также индукціей психическихъ движеній и состояній. Я сплю, но такимъ сномъ, что мозгъ мой не исключаетъ возможности воспріятій. Другое лицо напряженно думаетъ въ это время о свиданіи со мною на завтра. Мысль индуцируется, и въ результатѣ я имѣю сновидѣніе, въ которомъ фигурируетъ думающее обо мнѣ лицо; наутро, къ моему удивленію, то же самое лицо я вижу наяву! Цѣлая область предчувствій, безапелляціонно отрицаемая просвѣщеннымъ большинствомъ, имѣетъ однако реальное бытіе и несомнѣнную вѣрность, при извѣстныхъ условіяхъ. Злой замыселъ противъ меня, назрѣвающій у моихъ враговъ, такъ же какъ и добрый замыселъ друзей или людей близкихъ, индуцируясь на мнѣ, выражается соотвѣтственно чувствами безотчетнаго страха или же необъяснимой радости. Словомъ, всюду и ежедневно примѣровъ массы.

Не ссылаясь на множество разительныхъ историческихъ примѣровъ, я разскажу читателямъ одинъ, особенно разительный случай изъ современной жизни.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ я, говоритъ мой знакомый г. П., служилъ на одной станціи Оренбургской желѣзной дороги. Въ одной изъ ближайшихъ будокъ, стоявшей не вдалекѣ отъ мѣстной рѣченки Чечерки (если авторъ не ошибается), былъ будочникомъ крестьянинъ Ѳедоръ; жилъ онъ съ женою; у жены его была сестра, которая приходила въ будку по временамъ. Обѣ онѣ отличались особенною неряшливостью. Въ самой будкѣ вѣчно царила непролазная грязь и пыль; помимо этого, видъ обѣихъ сестеръ былъ отвратителенъ, и обѣ онѣ отталкивали своею внѣшностью. Жена почему-то ненавидѣла своего тихаго и скромнаго мужа, и злоба ея въ той или другой формѣ нерѣдко прорывалась наружу. Однако жъ Ѳедоръ на бабьи капризы не обращалъ вниманія. Въ чемъ лежала причина ненависти жены, было неизвѣстно. Дня такъ за три, за четыре предъ смертью, Ѳедоръ, придя на станцію, съ чувствомъ безотчетной тоски разсказалъ мнѣ видѣнный въ эту ночь сонъ. *Видѣлъ я, говоритъ, будто на льду, на Чечеркѣ, около проруби заклевали меня какія-то страшныя птицы съ длинными носами.* Понятно, ни разсказу, ни самому сновидѣнію я не придалъ никакого значенія. Ѳедоръ однако же продолжалъ *тосковать*. Черезъ четыре дня, около уже полуночи, я по какому-то дѣлу по линіи дороги возвращался на станцію. Поравнявшись съ будкой, въ которой жилъ Ѳедоръ, я увидѣлъ въ окошко слабоватый свѣтъ огня, что, въ виду слишкомъ поздняго времени и отсутствія поѣздовъ, меня удивило, и я рѣшилъ изъ любопытства зайти въ будку. Дверь оказалась незапертой. Войдя, я прежде всего изумился чистотѣ пола; никогда раньше неряшливая хозяйка его не мывала. Свѣтъ проникалъ изъ другой половины помѣщенія, изъ-за печи. Двинувшись далѣе, я прежде всего замѣтилъ нѣсколько стоявшихъ на лежанкѣ жестяныхъ ковшей, въ которыхъ почти вездѣ на желѣзныхъ дорогахъ разводятъ краски. Ковши были съ бѣлилами. За ними увидѣлъ я жену Ѳедора которая, мокая кисть въ краску, обѣляла заново надъ кроватью стѣну. Видя постель пустою и не замѣчая нигдѣ Ѳедора, я обратился къ женѣ съ вопросомъ:

— Гдѣ же Ѳедоръ?

И — странное, непостижимое дѣло!.. Тутъ же, совершенно безсознательно, по невѣдомому внушенію, какъ бы шутя, дополнилъ вопросъ.

— *Ужъ ты не убила ли его?*

— Что-о-о?! зарычала баба, страшно глядя на меня, такимъ тономъ, *что у меня даже волосы встали дыбомъ, и по кожѣ пробѣжалъ морозъ.*

— Влекомый какою-то невѣдомой силой, я, не говоря далѣе ни слова, *въ безотчетномъ страхѣ* поспѣшилъ вонъ и почти бѣгомъ направился домой.

Черезъ нѣсколько дней трупъ Ѳедора, страшно изрубленный и зашитый въ куль, случайно былъ вытащенъ изъ проруби на Чечеркѣ! Его зарубила топоромъ на постели, при помощи сестры, жена въ то время, какъ онъ вечеромъ легъ спать. Струи и потоки крови обдали стѣну и полъ. Поэтому-то, когда ночью я зашелъ въ будку, полъ оказался вымытымъ, убійца же закрашивала на стѣнѣ кровавыя полосы и пятна. Сестра ея, какъ оказалось послѣ, при входѣ моемъ, заслышавъ шаги, спряталась за печь. Разумѣется, по дѣлу у слѣдователя я былъ первымъ свидѣтелемъ. Когда убійцы были уже арестованы и въ преступленіи сознались, я спросилъ жену Ѳедора, что она думала и чувствовала въ то время, когда я ночью входилъ къ нимъ въ будку?

— *Я съ сестрой и тебя хотѣла зарубить,* да у окна съ улицы стояли какіе-то люди, отвѣтила мнѣ убійца.—На самомъ же дѣлѣ въ то время у оконъ никто не стоялъ.

Сестеръ-убійцъ сослали въ каторгу“.

Читатель видитъ, во-первыхъ, что здѣсь сбылся сонъ Ѳедора, предзнаменовавшій насильственную смерть; во-вторыхъ, изумляется вмѣстѣ съ разсказывавшимъ г. П—мъ, откуда у послѣдняго, когда онъ не нашелъ въ будкѣ Ѳедора, явился предложенный вопросъ: *ужъ ты не убила ли его?* Наконецъ, обуявшій вопросчика безотчетный страхъ и поспѣш-

ное, безсознательное удаленіе изъ будки. — Ясно, что, когда въ головѣ сестеръ планъ убійства близился къ осуществленію, представленія о томъ индуцировались на Ѳедорѣ, — ночью, сначала, въ формѣ сновидѣнія съ страшными птицами, а днемъ, потомъ, въ формѣ тоски.

Точно также индуцировалось на вошедшемъ въ будку г. П—мъ и выразившееся вопросомъ представленіе о совершенномъ убійствѣ, а затѣмъ въ видѣ страха и желанія удалиться индуцировался и замыселъ новаго убійства.

Нѣтъ сомнѣнія, что сплошь и рядомъ совершаются вещи и болѣе, повидимому, чудесныя, объяснимыя однако только одной психической индукціей. Этотъ интересный законъ, мы увѣрены, обѣщаетъ человѣчеству множество другихъ разоблаченій въ областяхъ, которыя или считаются необъяснимыми, или отрицаются совсѣмъ. Помимо поднятія таинственныхъ покрововъ, открытое свойство мысли и чувствъ индуцироваться на разстояніяхъ, чрезъ много вѣковъ, весьма вѣроятно, можетъ вытѣснить не только телеграфы и телефоны, но и самый языкъ, какъ средство обмѣна мыслей. Тогда въ жизни человѣчества наступитъ новая, дивная эра. Но до нея, если она и наступитъ когда, вѣроятно, еще слишкомъ далеко. („Совр. изв." 1887 г., № 87).

Ж. Предсмертныя телепатическія явленія душъ умирающихъ людей.

Факты, устанавливающіе существованіе прижизненной и вмѣстѣ посмертной духовной человѣческой личности (души). 1. Телепатическое общеніе въ моментъ смерти. Во второй половинѣ января 1888 года, когда я воспитывался въ кіевской гимназіи, мой братъ захворалъ скарлатиной. Мнѣ пришлось переселиться къ нашему хорошему знакомому, штабсъ-капитану Трипол...му, чтобы не внести заразы въ гимназію. Съ моимъ домомъ я былъ совершенно разобщенъ; только денщикъ Трипол...го приносилъ иногда письма отъ родныхъ.

3-го февраля, въ 2 ч. 30 м. утра я внезапно проснулся и почувствовалъ присутствіе больного брата въ моей спальной (часы пробили половину и этимъ обратили на себя вниманіе; лунный яркій свѣтъ позволилъ разсмотрѣть время). Мнѣ показалось, что въ снопѣ лунныхъ лучей, падающихъ чрезъ форточку, стоитъ фигура брата, какъ бы сотканная изъ тѣхъ же лучей. Чрезъ нѣкоторое время фигура растаяла, оставивъ свѣтлыя нити, слившіяся потомъ съ луннымъ свѣтомъ. Все существо мое было полно какого-то непонятнаго трепета, но не страха. Мы вели безмолвный разговоръ и понимали другъ друга. Когда призракъ брата исчезъ, я быстро соскочилъ съ постели, разбудилъ Трипол...го и около часу проговорилъ съ нимъ. Трипол...ій доказывалъ мнѣ, что все видѣнное мной — грёза, воображеніе; но не могъ меня убѣдить. Все видѣнное не могло быть во снѣ, такъ какъ я замѣтилъ время и сидѣлъ все время на постели, сознавая окружающее. На слѣдующій день къ вечеру я получилъ извѣстіе о смерти брата. Меня поразило совпаденіе, но еще больше я былъ ошеломленъ, когда узналъ отъ матери, что братъ умеръ въ день ея именинъ, 3-го февраля, въ 2 ч. 30 м. утра, т.-е. въ тотъ моментъ, когда я его видѣлъ.

Разсказанное мной событіе живо помнятъ мои родные и Трипол...ій, такъ что они могутъ подтвердить дѣйствительность явленія.

Моя сестра утверждаетъ, что предъ всякимъ выдающимся событіемъ въ ея жизни она чувствуетъ присутствіе покойнаго брата: „Сережа приходилъ предупредить",—вотъ ея фраза въ такихъ случаяхъ. („Ребусъ" 1897 г., № 26).

2. **Явленіе кардинала лотарингскаго Екатеринѣ Медичи.** Въ 1574 году Генрихъ III находился въ Авиньонѣ съ королевой Екатериной Медичи. Вечеромъ 23 декабря Екатерина ушла спать ранѣе обыкновеннаго, а передъ тѣмъ провела время въ обществѣ короля, архіепископа ліонскаго и другихъ придворныхъ. Въ спальню королеву проводили придворныя дамы де-Рецъ, де-Лигнере и де-Совъ. Едва она легла въ постель, какъ въ сильномъ испугѣ, закрывъ глаза рукой, позвала къ себѣ на помощь, увѣряя, что кардиналъ лотарингскій (въ это время опасно больной) стоитъ въ ногахъ ея кровати, хочетъ приблизиться и протягиваетъ къ ней руки. При этомъ королева кричала: „Monsieur le cardinal, je n'ai que faire de vous!"[1]). Королю доложили объ этомъ странномъ происшествіи, и онъ немедленно послалъ одного изъ окружавшихъ его дворянъ въ квартиру кардинала. Принесено было извѣстіе, что кардиналъ умеръ въ то самое время, какъ его призракъ явился королевѣ. Достовѣрность этого явленія подверждаетъ и Добинье въ своей „Histoire universelle d'Aubigné". Онъ говоритъ, что слышалъ объ этомъ отъ трехъ дамъ, бывшихъ при королевѣ во время явленія призрака. („Ребусъ" 1885 г., № 1).

3. **Появленіе въ минуту смерти.** Подъ этимъ названіемъ въ журналѣ „The theosophist" за сентябрь 1883 г. напечатанъ разсказъ шотландскаго дворянина о томъ, что

[1]) «Кардиналъ, вы мнѣ не нужны».

въ Шотландіи нерѣдко встрѣчаются люди, у которыхъ способность къ ясновидѣнію наслѣдственна, переходя отъ отца къ сыну. Въ его же родѣ эта способность передается черезъ поколѣніе, отъ дѣда внуку.

Дѣдъ автора разсказа былъ ясновидящимъ, самъ же онъ родился не въ Шотландіи, отъ матери саксонки, и надѣялся избѣжать наслѣдственнаго ясновидѣнія, хотя всѣ его братья унаслѣдовали эту рѣдкую способность. 14-лѣтнимъ мальчикомъ, находясь далеко отъ мѣстопребыванія отца, и считая его вполнѣ здоровымъ, онъ неожиданно увидѣлъ его стоящимъ въ своей комнатѣ и опирающимся рукою на выступъ камина. Юноша бросился къ отцу, но призракъ мгновенно исчезъ. Это такъ поразило сына, что онъ упалъ въ обморокъ и сильно захворалъ. Чрезъ 3 дня было получено письмо съ извѣстіемъ о смерти отца, именно въ то время, когда онъ видѣлъ его стоящимъ близъ камина, въ своей комнатѣ.

Въ другой разъ, когда ему было уже 22 года, онъ, лежа на постели, услышалъ легкіе, женскіе шаги, приближающіеся къ его постели. Зная, что двери заперты и никакой женщины въ его квартирѣ не было, онъ съ удивленіемъ оглянулся. Шумъ шаговъ стихъ у его кровати; онъ увидалъ блѣдное меланхолическое лицо дѣвушки, въ которую влюбленъ былъ пять лѣтъ тому назадъ. Дѣвушка эта, вѣрившая въ возможность появленія послѣ смерти, обѣщала ему, что, если раньше умретъ, то явится къ нему. Чрезъ 10 дней, онъ получилъ письмо, изъ котораго узналъ, что дѣвушка скоропостижно умерла, именно въ тотъ день и часъ, когда явилась къ нему. („Ребусъ“ 1884 г., № 12).

4. **Случай изъ жизни извѣстнаго ученаго Джоржа Смизса.** Знаменитый англійскій ассиріологъ Джорджъ Смизсъ, скончался въ Алеппо (въ Сиріи) 7 авг. 1876 г. въ 6 часовъ вечера. Его другъ и сотрудникъ, знаменитый германскій ассиріологъ, д-ръ Фридрихъ Деличъ, находился въ это время по своимъ дѣламъ въ Лондонѣ. Около 6 ч. вечера онъ случайно проходилъ близъ дома, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе останавливаться Смизсъ, когда пріѣзжалъ въ Лондонъ (домъ Крогсъ-Лэйдъ Родъ). Вдругъ онъ услышалъ свое имя, произнесенное съ такимъ поражающимъ воплемъ, что, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ потрясенъ до мозга костей. Какъ разъ въ этотъ день и часъ скончался его другъ въ далекой Сиріи. Д-ръ Деличъ удостовѣряетъ, что въ моментъ происшествія онъ вовсе не думалъ о своемъ далекомъ другѣ. Описанный случай былъ въ свое время опубликованъ въ знаменитомъ „Таймсѣ“. Не лишнее будетъ добавить, что д-ръ Деличъ—ученый, замкнутый въ тѣсномъ кругу своей спеціальности, и ничего общаго съ вѣрою въ подобныя явленія неимѣющій. („Ребусъ“ 1885 г., № 30).

5. **Разсказы изъ записокъ Николая Ивановича Греча.** а) „Вскорѣ по выпускѣ въ офицеры, дядя мой, Логинъ Ивановичъ Гречъ, отправился къ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, былъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ и въ 1772 г. умеръ отъ моровой язвы въ Яссахъ. Онъ былъ любимецъ своей матери, и, какъ говоритъ семейное преданіе, явился ей въ минуту своей смерти. Бабушка однажды, послѣ обѣда, легла отдохнуть, вскорѣ выбѣжала она изъ своей спальни, встревоженная, и спрашивала у домашнихъ: „гдѣ жъ онъ? Что жъ онъ не вошелъ ко мнѣ? Я еще не спала“.—„Кто“?—„Какъ кто? Сынъ мой, Логинъ Ивановичъ. Я начала было засыпать, вдругъ услышала шорохъ, открыла глаза, и вижу, что онъ проходилъ бережно, съ остановкой, мимо дверей спальни, чтобъ не разбудить меня! Гдѣ онъ? Не прячьте его“. Ее увѣрили, что Л. И. не пріѣзжалъ, что ей такъ пригрезилось, и она со слезами убѣдилась въ своей ошибкѣ. Въ это время вошелъ въ комнату зять ея Безакъ. Узнавъ о случившемся, онъ призадумался, вынулъ изъ кармана записную книжку и записалъ день и часъ этого случая. Чрезъ двѣ недѣли получено было письмо, что въ этотъ самый часъ Логинъ Ивановичъ скончался“.

б) „У Авдотьи Петровны Елагиной занемогъ сынъ Рафаилъ. Мальчику, горячо ею любимому, было около двухъ лѣтъ. Онъ сильно страдалъ, сидя въ своей кроваткѣ, и мать, подлѣ него, не сводила съ него глазъ. Нечаянно взглядываетъ она на дверь, и въ это мгновеніе видитъ такъ живо входящую Марью Андреевну Мойеръ (урожденную Протасову), подругу своего дѣтства, (любимицу Жуковскаго, на которой онъ желалъ нѣкогда жениться), что вскакиваетъ вдругъ со стула, и бѣжитъ къ ней навстрѣчу съ восклицаніемъ: „Маша!“—Но въ дверяхъ уже никого не было. Съ Авдотьей Петровной сдѣлалось дурно. Въ эту самую ночь и въ этотъ самый часъ Марья Андреевна скончалась въ Дерптѣ, какъ послѣ было получено извѣстіе“.

в) Вице-директоръ почтоваго департамента, Александръ Павловичъ Яковлевъ, былъ однажды въ одномъ изъ петербургскихъ театровъ съ женою своею, урожденною Карпенко. Во время представленія пьесы, на которое было обращено все ея вниманіе, она увидѣла вдругъ, что передъ нею промелькнула тѣнь ея сестры, Прокоповичъ-Антонской, жившей въ Москвѣ. Прежде было извѣстіе объ ея болѣзни, но опаснаго ничего не предвидѣлось. Вскорѣ было узнано, что въ то самое

время, какъ г-жа Яковлева увидѣла передъ собою тѣнь сестры, г-жа Прокоповичъ-Антонская скончалась". (См. кн. проф. М. Погодина: „Простая рѣчь о мудрыхъ вещахъ", стр. 189—190).

6. **Разсказъ священника.** „Одна моя покойная прихожанка, — говоритъ одинъ священникъ, — отличалась довольно страннымъ характеромъ; въ особенности къ могиламъ она питала не совсѣмъ нормальный интересъ. Два дня послѣ ея смерти, случившейся 8 мая 1885 г. послѣ полудня, я услышалъ, что одинъ садовникъ видѣлъ ее на кладбищѣ въ ту самую ночь. Я послалъ за нимъ, и онъ описалъ мнѣ то, что видѣлъ, очень ясно и съ большими подробностями. Садовникъ разсказалъ слѣдующее: „возвращаясь съ работы домой, я всегда прохожу чрезъ кладбище. Въ пятницу, 8 мая 1885 г., войдя по обыкновенію на кладбище, я сталъ искать корову и осла, которые обыкновенно лежали у самаго входа; при этомъ я взглянулъ въ сторону четвероугольнаго склепа, гдѣ былъ погребенъ мужъ покойной. Тутъ я увидѣлъ ее, опирающуюся на рѣшетку. Одѣта она была такъ же, какъ обыкновенно: въ черную кофточку, окаймленную крепомъ, и въ черное платье; на головѣ у нея была шляпа, похожая по формѣ на „корзину для угля". Она смотрѣла мнѣ прямо въ лицо и на видъ казалась очень блѣдною, гораздо болѣе блѣдною, чѣмъ обыкновенно. Я хорошо зналъ ее, такъ какъ одно время находился у нея въ услуженіи. У меня немедленно явилась мысль, что пришла она съ тѣмъ, чтобы, по своему обыкновенію, посмотрѣть на склепъ, можетъ быть, отпереть его и войти туда. „Ужъ не находится ли,—подумалъ я,— внутри склепа каменьщикъ, чтобы что-нибудь тамъ поправить"? Не спуская глазъ съ этой женщины, я сталъ обходить склепъ, чтобы посмотрѣть, открытъ ли входъ. Она повернулась лицомъ ко мнѣ и слѣдила за мной глазами. Я прошелъ между церковью и могилою и взглянулъ впередъ, чтобы посмотрѣть, отпертъ ли склепъ, такъ какъ не могъ этого видѣть изъ-за стоявшей предо мною женщины; при этомъ я лишь на минуту перестаю смотрѣть на нее, такъ какъ споткнулся о газонъ. Но когда я поднялъ глаза, ея уже не было. Она не могла выйти изъ кладбища, такъ какъ, чтобы дойти до одного изъ двухъ выходовъ, ей нужно было пройти предо мной. Я, дѣйствительно, былъ увѣренъ, что она быстро вошла въ склепъ. Къ моему великому удивленію, я нашелъ, что входъ въ него, который я ожидалъ видѣть открытымъ, запертъ и даже никогда отпертъ не былъ; въ скважинѣ не было ключа. Я все-таки подумалъ, что мнѣ удастся заглянуть внутрь склепа, поэтому, вернувшись назадъ, сильно толкнулъ дверь, чтобъ убѣдиться, что она заперта, но очевидно было, что внутри никого не было. Тутъ я сильно испугался и взглянулъ на часы: было $9^1/_2$ часовъ. Вернувшись домой, я былъ почти увѣренъ, что видѣнное мною было плодомъ моего воображенія. Однако, я разсказалъ женѣ о своемъ видѣніи.

Когда на слѣдующій день я услышалъ отъ сына, что видѣнная мною женщина умерла, я вздрогнулъ отъ удивленія, смѣшаннаго со страхомъ, и товарищъ мой замѣтилъ это". Священникъ прибавляетъ, что извѣстіе о смерти его прихожанки могло дойти до мѣста жительства садовника только на другой день, утромъ 9 мая. Умерла же она въ $7^1/_2$ часовъ вечера 8 мая.

7. **Разсказъ матери о смерти сына.** Мать разсказываетъ о томъ, какъ она предчувствовала смерть своего сына. „Происходило это въ Вербное воскресенье; утромъ я была у обѣдни, но не была въ состояніи слѣдить за службой, такъ какъ испытывала какое-то смутное и трудно-опредѣлимое безпокойство. Послѣ завтрака я вошла въ комнату, служившую намъ гостиною; надъ фортепіано висѣлъ портретъ сына. Я нечаянно взглянула на него и чуть было не упала навзничь: этотъ портретъ, правда, очень похожій, казался мнѣ какъ бы одушевленнымъ и живымъ. Мнѣ казалось, что глаза моргали, и губы двигались; въ особенности поразилъ меня одинъ изъ глазъ, выступавшій впередъ и какъ будто хотѣвшій выскочить изъ орбиты. Это впечатлѣніе заставило меня сильно страдать: оно было столь сильно, что, когда, въ теченіе слѣдующихъ дней, мнѣ случалось входить въ комнату и смотрѣть на портретъ, мнѣ казалось, что я продолжаю видѣть на лицѣ сына то же выраженіе; вотъ почему я, наконецъ, приказала покрыть картину крепомъ. Послѣ полудня мы отправились на прогулку, но, несмотря на всѣ старанія мужа развлечь меня и на великолѣпную панораму, разстилавшуюся передъ нами, я ни на минуту не могла избавиться отъ завладѣвшаго мною мрачнаго предчувствія.

Помню, какъ въ четыре часа пополудни я стояла, опершись на ограду, и разсѣянно глядѣла предъ собою. Мнѣ казалось, что я вижу предъ собою стѣну, солдатъ и сына надъ стѣною. „Сегодня происходитъ битва,— сказала я мужу,— у меня мрачное предчувствіе: сынъ нашъ будетъ убитъ или раненъ". Другъ убитаго выслушалъ отъ нея же слѣдующія восклицанія вскорѣ послѣ этого случая (это еще полнѣе опредѣляетъ нѣкоторыя обстоятельства): „милый мой, у меня горестное предчувствіе: я лишусь сына. Сегодня

утромъ, войдя въ комнату, гдѣ висѣлъ его портретъ, чтобы мысленно привѣтствовать сына, какъ то я дѣлала каждый день, я увидѣла совершенно отчетливо, что одинъ глазъ у него выколотъ, и по лицу его течетъ кровь. Сынъ мой убитъ!" Что же оказалось? Предчувствіе въ полнѣйшей точности совпало съ обстоятельствами смерти убитаго. Сынъ упомянутой матери, отличавшійся въ высшей степени пылкимъ характеромъ и одаренный большою храбростью, былъ сперва раненъ въ правую руку при атакѣ. Тогда онъ схватилъ шпагу въ лѣвую руку и продолжалъ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля во главѣ солдатъ, но тутъ пуля попала ему въ глазъ и убила его на мѣстѣ. Глазъ, который видѣла мать на портретѣ истекающимъ кровью, былъ дѣйствительно тотъ самый, въ который попала пуля; это узнали впослѣдствіи отъ унтеръ-офицера, служившаго въ отрядѣ убитаго и находившагося подлѣ него во время приступа.

8. **Вѣщее видѣніе**. Не мало извѣстно и такихъ случаевъ, когда въ особенно важные, большею частью грозящіе опасностью для жизни или здоровья кого-либо моменты, лицо это является другому, какъ бы въ видѣ двойника его, прося помощи, заступничества и проч. Вотъ примѣръ этому. Жена одного священника, сидя однажды вечеромъ за чайнымъ столомъ, вдругъ восклицаетъ: „Господа! смотрите, тамъ по дорожкѣ бѣжитъ къ нашему дому женщина, наша недалекая сосѣдка! Она придерживаетъ платокъ у глазъ и какъ будто кричитъ! Что могло съ ней случиться и побудить ее притти къ намъ въ это время? Я бѣгу отворить ей дверь!" Но за дверью никого не оказалось. Однако же жена священника была твердо убѣждена, что видѣла свою знакомую, и что видѣніе это предвѣщало что-нибудь недоброе, приключившееся съ нею; поэтому немедленно отправились къ той женщинѣ. Дверь дома была притворена, никто на зовъ не отвѣчалъ, въ нижнемъ этажѣ никого не оказалось, а когда взошли наверхъ, то нашли тамъ почти умирающую эту женщину, въ лужѣ крови. Ея мужъ, въ припадкѣ сумасшествія, набросившись на нее, нанесъ ей нѣсколько ранъ и, вообразивъ, что убилъ ее, утопился въ прудѣ. Благодаря медицинской помощи, поданной ей во-время, она оправилась, и такимъ образомъ двойникъ ея спасъ ей жизнь. (См. „Холмско-Варшавскій вѣстникъ"; сн. журн. „Паст. собесѣдн." 1892 г., №№ 10 и 11, откуда мы заимствовали эти разсказы о телепатическихъ явленіяхъ).

9. **Благословеніе сына только что умершей матерью.** Въ 1858 году, находясь на службѣ въ Москвѣ, я, пишетъ В. Энгельгардтъ, въ началѣ февраля былъ командированъ въ Архангельскъ по дѣламъ службы. Февраля 5, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, я написалъ письмо поздравительное матушкѣ моей, жившей въ Петербургѣ; ей 8 февраля должно было исполниться 80 лѣтъ. Кромѣ пожеланія ей Господней благодати, я убѣдительнѣйше просилъ матушку о родительскомъ ея благословеніи, безъ котораго—писалъ я—не совершить мнѣ благополучно этого дальняго пути. Отправивъ письмо на почту, я сѣлъ въ повозку и поѣхалъ. До Ярославля дорога была сносная; пробывъ въ этомъ городѣ сутки, я отправился дальше. Отъ Ярославля до Вологды дорога была невообразимо дурна: подобныхъ страшныхъ ухабовъ я не воображалъ возможными, точно волны морскія, внезапно окаменѣвшія отъ сильнаго мороза! Разбитый до крайности отъ подобной ужасной качки, я на ночь остановился на одной станціи, чтобы до разсвѣта перевести духъ и расправить мои сильно помятые и усталые члены. Одѣтый, какъ былъ, только безъ шубы, я растянулся на диванѣ и, не имѣя счастливой способности скоро засыпать, занялся чтеніемъ; но чтеніе шло плохо и разсѣянно; я всталъ съ дивана и погасилъ свѣчу,—въ надеждѣ, что въ темнотѣ скорѣе засну, — но не успѣлъ я снова лечь на диванъ, какъ вдругъ, къ крайнему моему удивленію, вижу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня матушку мою въ сопровожденіи сестры моей, скончавшейся еще въ 1846 году. Пораженный этимъ непостижимымъ видѣніемъ, я не могъ ни шевельнуться, ни тронуться съ мѣста, но пристально, и признаюсь, съ какимъ-то непонятнымъ страхомъ смотрѣлъ на явившихся мнѣ дорогихъ лицъ. Матушка, совершенно какъ живая во плоти, заботливо и нѣжно глядя, крестнымъ знаменіемъ благословила меня, а сестра, — хотя ее вполнѣ узнать можно было, имѣла видъ болѣе, такъ сказать, эфирный, спокойный, просвѣтленный. Я внезапно взялъ тутъ лежащую спичку и зажегъ свѣчу, и въ свѣтлой комнатѣ не стало уже видѣнія!..

Это событіе произошло ночью между 12 и 13 февраля 1858 года, въ третьемъ часу утра.

Пробывъ въ Архангельскѣ недѣлю, я получилъ письмо отъ зятя, которымъ онъ меня извѣщалъ, что въ эту самую ночь матушка моя въ Петербургѣ скончалась!.. И я твердо вѣрую, что Всемилосердый Отецъ небесный дозволилъ чадолюбивой матери *видимо, лично* благословить сына, который такъ настоятельно умолялъ ее о томъ передъ ея кончиною. (См. кн. „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ" проф. М. Погодина, стр. 192).

10. **Случай изъ жизни писателя Кельсіева.** Журналъ „Ребусъ“ передаетъ разсказъ извѣстнаго умершаго писателя Кельсіева объ одномъ замѣчательномъ случаѣ въ его дѣтствѣ.

Это было давно, когда я еще учился въ коммерческомъ училищѣ, разсказывалъ Кельсіевъ. Я жилъ на квартирѣ, недалеко отъ училища, а отецъ мой съ семействомъ жилъ на Васильевскомъ островѣ. Онъ служилъ чиновникомъ при таможнѣ и занималъ казенную квартиру около биржи. Занятый службою, онъ посѣщалъ меня рѣдко. Однажды ночью, когда я еще не ложился спать и читалъ какую-то книгу, бывши одинъ въ комнатѣ, вижу—моя дверь отворяется, и въ комнату входитъ мой отецъ, блѣдный, такой печальный. Я нисколько не удивился его приходу, объясняя его естественною отцовскою заботливостью обо мнѣ. Прямо подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „Вася, я пришелъ тебя благословить... живи хорошенько и не забывай Бога“. Сказавъ это, онъ благословилъ меня, какъ слѣдуетъ, и скрылся, т.-е. вышелъ въ ту же дверь. Это посѣщеніе не произвело на меня никакого впечатлѣнія, какъ вещь обыкновенная. Но каково же послѣ было мое удивленіе? Немного спустя, послѣ ухода моего отца, ко мнѣ стучатъ въ дверь (такъ какъ я заперся, чтобы ложиться спать). Отворивъ дверь, я увидѣлъ кучера, пріѣхавшаго за мною. Онъ мнѣ сказалъ, что отецъ мой только что скончался. И дѣйствительно, какъ оказалось, онъ умеръ не болѣе часа тому назадъ, и именно, почти въ то самое время, когда я видѣлъ его у себя въ комнатѣ. Тутъ для меня стало все ясно: благословлялъ меня отецъ умершій.

11. **Явленіе умершаго родственника.** У моей жены, пишетъ Дж. Гаррисъ, изъ Велингтона на Новой Зеландіи, былъ дядя, капитанъ на торговомъ кораблѣ; онъ очень любилъ ее, когда она была ребенкомъ. Когда онъ бывалъ дома, въ Лондонѣ, онъ часто бралъ ее на колѣни и гладилъ по головкѣ. Она отправилась съ своими родителями въ Сидней, а ея дядя продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ въ другихъ частяхъ свѣта. Однажды, года черезъ три или четыре послѣ того, она пошла въ свою комнату одѣваться къ обѣду. Она распустила волосы и вдругъ почувствовала, какъ чья-то рука опустилась на ея голову и быстро провела по волосамъ отъ маковки до плечъ. Въ испугѣ она обернулась, говоря: „ахъ, мама, зачѣмъ ты такъ меня пугаешь?“—Она подумала, что ея мать хотѣла съ ней пошутить, но въ комнатѣ никого не оказалось. За обѣдомъ, когда она разсказала объ этомъ происшествіи, одинъ знакомый посовѣтовалъ записать день и число. Такъ и сдѣлали. Немного времени спустя пришло извѣстіе, что г. Уильямсъ, дядя моей жены, умеръ въ тотъ самый день и, если принять въ расчетъ географическую долготу, почти въ тотъ самый часъ, когда она почувствовала руку на своей головѣ.

12. **Двойникъ матери является умирающей дочери.** Елена Александеръ, горничная лэди Уалдгревъ, тяжко заболѣла тифозной лихорадкой, и я ухаживала за ней, сообщаетъ сидѣлка Франциска Реддель. 4-го октября 1880 г., около 4 ч. утра, я стояла у ея постели и наливала ей лѣкарство. Я услыхала звонокъ въ передней (это уже два раза случалось ночью на той же недѣлѣ) и обратила вниманіе на отворяющуюся дверь и входящую особу, въ которой я тотчасъ же предположила мать больной. Она въ рукахъ держала мѣдный подсвѣчникъ; на ней была надѣта красная шаль и фланелевая юбка съ дырой въ переднемъ полотнищѣ. Я посмотрѣла на нее, желая выразить ей, что я рада ея пріѣзду, но женщина посмотрѣла на меня строго, какъ будто говоря мнѣ: „зачѣмъ за мной раньше не послали“? Я дала лѣкарство Еленѣ Александеръ, а потомъ повернулась, чтобы поговорить съ вошедшею, но никого не было; женщина исчезла. Она была небольшого роста, очень полная, брюнетка. Около 6 ч. утра Елена Александеръ скончалась. Чрезъ два два ея родители и одна сестра прибыли въ Антони, между 1 и 2 ч. утра; я и другая служанка впустили ихъ, и меня ужасно поразилъ живой портретъ того явленія, которое мнѣ представилось двѣ ночи тому назадъ. Я про это явленіе разсказала сестрѣ больной, и она нашла, что описаніе костюма вполнѣ согласно съ костюмомъ ея матери, и что у нихъ дома есть мѣдные подсвѣчники, въ точности похожіе на тотъ, который я описала. Между матерью и дочерью не было ни малѣйшаго сходства. (См. кн. „Прижизненные призраки и другія телепат. явленія“, Гёрнея, Майерса и Подмора, перев. съ англійск. В. Соловьева).

13. **Видѣніе лица, оставшагося живымъ.** Въ ноябрѣ 1864 г. на пути въ Индію, разсказываетъ г-жа Эльджи, я остановилась въ Каирѣ, и вотъ какое странное приключеніе произошло со мною.

Благодаря необыкновенному наплыву путешественниковъ, мнѣ и бывшей на моемъ попеченіи молодой особѣ (дѣвицѣ Денисъ) вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ остальныхъ пассажировъ индѣйскаго парохода пришлось остановиться въ малоизвѣстной гостиницѣ. Мы съ дѣвицею Д. заняли большую, мрачную комнату съ высокимъ потолкомъ. Плохенькая обстановка состояла изъ двухъ небольшихъ кроватей, поставленныхъ почти на

срединѣ комнаты и совсѣмъ не касавшихся стѣнъ, изъ двухъ или трехъ плетеныхъ стульевъ, крошечнаго туалета и огромнаго старомоднаго дивана, закрывавшаго одну половинку большихъ входныхъ дверей; онъ былъ такъ тяжелъ, что его можно было сдвинуть развѣ двоимъ или троимъ. Входъ въ комнату былъ черезъ другую половинку дверей, прямо противъ двухъ кроватей. Я была въ довольно грустномъ расположеніи духа, подъ вліяніемъ какого-то страннаго чувства, а дѣвица Д. была вообще нервная особа; поэтому я заперла двери и ключъ положила себѣ подъ подушку, а когда дѣвица Д. замѣтила, что навѣрное есть другой ключъ, которымъ можно отворить дверь снаружи, я приставила къ двери стулъ, а на него положила мой саквояжъ, такимъ образомъ, что при малѣйшемъ толчкѣ снаружи, или стулъ, или саквояжъ, или то и другое вмѣстѣ должны были упасть и надѣлать достаточно шуму, чтобы разбудить меня. Затѣмъ мы легли спать; я выбрала постель ближе къ единственному окну комнаты, его створки доходили почти до полу. По случаю жары я оставила окно открытымъ, предварительно убѣдившись, что въ него нельзя влѣзть. Окно открывалось на отдѣльный балкончикъ, и отъ него до земли было цѣлыхъ три этажа.

Я внезапно пробудилась отъ глубокаго сна съ такимъ впечатлѣніемъ, какъ будто меня кто-то звалъ; я сѣла на постели и, къ моему безпредѣльному изумленію, увидѣла при ясномъ утреннемъ свѣтѣ, проникавшемъ черезъ упомянутое большое окно, моего стараго, глубоко уважаемаго друга, который, какъ я знала, находился въ Англіи. Онъ, повидимому очень желалъ заговорить со мною, и я сказала ему: „Господи, какъ вы сюда попали!“ Видѣніе было такъ отчетливо, что я замѣтила каждую подробность его одѣянія, даже три запонки изъ оникса, которыя онъ постоянно носилъ. Онъ ступилъ одинъ шагъ ко мнѣ, потомъ вдругъ показалъ пальцемъ въ противоположный конецъ комнаты, и, обернувшись, я увидѣла дѣвицу Д.; она сидѣла на постели и смотрѣла на призракъ съ выраженіемъ глубокаго ужаса. Я снова обернулась, — мой другъ, кивая головою, медленно, шагъ за шагомъ удалялся къ двери и какъ будто проникъ сквозь ту половинку двери, передъ которой стоялъ диванъ. Я не знаю, что потомъ со мною было, помню только, какъ всю комнату заливали ослѣпительные солнечные лучи, врывавшіеся въ окно. Мало-по-малу я вспомнила о происшедшемъ, и въ моемъ умѣ возникъ вопросъ: грезила я, или меня посѣтилъ кто-то изъ другого міра? Присутствіе моего друга въ его настоящемъ видѣ было совершенно немыслимо. Вспомнивъ, что дѣвица Д., повидимому, также наблюдала явившуюся фигуру, я рѣшила разспросить ее, чтобы узнать, что это было, сонъ или видѣніе, но нарочно не говорила съ ней объ этомъ, ожидая, не скажетъ ли она сама. Такъ какъ она, очевидно, еще спала, я встала и тщательно осмотрѣла дверь; стулъ и саквояжъ оказались на своемъ мѣстѣ, а ключъ подъ подушкою, диванъ былъ не тронутъ, и эта половинка двери, очевидно, не открывалась цѣлые годы.

Спустя немного, дѣвица Д. проснулась, осмотрѣлась вокругъ и, бросивъ взглядъ на стулъ съ саквояжемъ, проронила замѣчаніе, что это не много помогло. „Что вы хотите сказать?“ спросила я. Она отвѣтила: „но вѣдь тотъ человѣкъ, который былъ въ комнатѣ утромъ, долженъ же былъ выйти такъ или иначе“. Затѣмъ она принялась описывать мнѣ точь въ точь то же самое, что видѣла я. Я не сказала ей о томъ, что я видѣла, и разсердила ее, притворно приписывая все это ея воображенію. Я показала ей ключъ, еще лежавшій у меня подъ подушкою, на стулъ и саквояжъ, стоявшіе на своемъ мѣстѣ; затѣмъ, такъ какъ она была вполнѣ увѣрена, что видѣла въ комнатѣ кого-то, я спросила у нея, знаетъ ли она, кто это былъ. „Нѣтъ, сказала она, я никогда не видѣла его раньше и даже не знаю никого похожаго на него“. „Вы никогда не видали его портрета?“ спросила я. „Нѣтъ“, отвѣтила она. Дѣвица Д. совсѣмъ не знала, что я видѣла, и тѣмъ не менѣе, дала третьему лицу точное описаніе того, что мы обѣ видѣли.

У меня естественно явилась мысль, что мой другъ умеръ, однако я не угадала. Я встрѣтилась съ нимъ спустя четыре года и, не говоря о происшествіи, бывшемъ со мною въ Каирѣ, спросила его, не можетъ ли онъ припомнить, что онъ дѣлалъ вечеромъ такого-то числа, въ ноябрѣ 1864 г. „Вотъ прекрасно, сказалъ онъ, вы требуете отъ меня слишкомъ хорошей памяти“. Однако, подумавъ немного, онъ прибавилъ: „но вѣдь именно въ этотъ день я такъ безпокоился, не зная — рѣшиться или нѣтъ взять мѣсто, которое мнѣ предлагали; какъ я жалѣлъ, что васъ нѣтъ со мной и намъ нельзя вмѣстѣ поговорить объ дѣлѣ. Я засидѣлся у камина до глубокой ночи, усиливаясь угадать, какъ бы вы посовѣтовали мнѣ поступить“. Нѣсколько дальнѣйшихъ вопросовъ и сравненіе чиселъ выяснили замѣчательный фактъ; его размышленія у камина и моя галлюцинація, принявъ въ расчетъ разницу въ часахъ между Англіей и Каиромъ, произошли въ одно время. Я разсказала ему вышеприведенные факты и спросила, не замѣтилъ ли онъ въ себѣ особеннаго непріятнаго чувства. Онъ

сказалъ, что не замѣтилъ, а только сильно желалъ видѣть меня.

14. **Явленіе умиравшей бабушки, неузнанной видѣвшимъ.** Вечеромъ 26 октября 1872 г. я внезапно почувствовалъ себя нездоровымъ и легъ въ постель около половины десятаго, часомъ раньше обыкновеннаго. Почти тотчасъ же я заснулъ и увидѣлъ сонъ; онъ былъ такъ живъ и произвелъ на меня столь сильное впечатлѣніе, что я по пробужденіи сказалъ о немъ женѣ и боялся, что мы скоро получимъ дурныя вѣсти. Мнѣ представилось, будто я сижу съ книгой за столомъ въ залѣ. Вдругъ передо мной явилась старая дама; она также сидѣла за столомъ съ другой стороны. Не говоря ни слова и не шевелясь, она пристально смотрѣла на меня, а я смотрѣлъ на нее; это продолжалось по крайней мѣрѣ минутъ двадцать. Меня поразила ея наружность: у нея были сѣдые волосы, чрезвычайно черныя брови и проницательный взглядъ. Я не узналъ ее и счелъ за совсѣмъ чужую. Затѣмъ мое вниманіе было привлечено отворившейся дверью: вошла моя тетка и, видя, какъ старая дама и я смотримъ другъ на друга, съ крайнимъ удивленіемъ сказала укоризненнымъ тономъ: „Джонъ, развѣ ты не знаешь кто это?“ и, не давъ мнѣ времени отвѣтить, продолжала: „вѣдь это твоя бабушка“; тогда безплотная посѣтительница неожиданно встала со стула, обняла меня и исчезла; въ эту минуту я проснулся. Впечатлѣніе было такъ сильно, что я взялъ свою книжку и записалъ этотъ странный сонъ, въ полномъ убѣжденіи, что онъ предвѣщаетъ дурныя вѣсти. Тѣмъ не менѣе прошло нѣсколько дней, а никакихъ непріятныхъ вѣстей не было. Наконецъ, однажды вечеромъ я получилъ письмо отъ моего отца: онъ сообщалъ мнѣ о внезапной кончинѣ моей бабушки; она умерла въ ту самую ночь, когда я видѣлъ сонъ, и въ тотъ же часъ—въ половинѣ одиннадцатаго.

Мѣсяца черезъ четыре послѣ ея смерти я отправился на островъ Уайтъ, гдѣ она жила, желая узнать отъ родныхъ, какова была въ дѣйствительности моя бабушка. Тетка и двоюродная сестра подробно описали мнѣ ея наружность, и ихъ описаніе удивительнымъ образомъ совпадало съ наружностью того лица, которое явилось мнѣ во снѣ. У бабушки были сѣдые волосы и черныя брови, а это именно и поразило меня всего болѣе во время моего сновидѣнія. Какъ я узналъ далѣе, она очень занималась своимъ чепчикомъ и всегда внимательно наблюдала, чтобы все до послѣдней ленточки было на своемъ мѣстѣ и,—весьма любопытная вещь,—во время сновидѣнія я замѣтилъ, какъ она время отъ времени нервно трогала ленточки на своемъ чепчикѣ, какъ будто боялась, что онѣ не на мѣстѣ. Моя двоюродная сестра, находившаяся при бабушкѣ въ минуту ея смерти, говорила мнѣ, что за нѣсколько времени до смерти съ нею былъ бредъ. Однажды, въ этомъ состояніи, она обвила руками шею моей двоюродной сестры, потомъ, открывъ глаза и придя въ сознаніе, сказала съ удивленнымъ видомъ: „ахъ, Полли, это ты? я думала, что это кто другой“. Послѣднее обстоятельство кажется мнѣ весьма замѣчательнымъ, такъ какъ она сдѣлала это самое передъ тѣмъ, какъ исчезла изъ зала. Необходимо прибавить, что я не видалъ моей бабки четырнадцать лѣтъ. Когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, у нея были черные волосы; они мало-по-малу посѣдѣли, а брови остались черными. Я могу утверждать, что никто не говорилъ мнѣ объ этой особенности. Дж. Г. У.

15. **Переходный случай видѣнія въ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ.** 21 октября 1881 г., сообщаетъ г. Марчентъ, около двухъ часовъ утра, когда я въ совершенно бодрствующемъ состояніи смотрѣлъ на лампу, горѣвшую на моемъ умывальномъ столѣ, кто-то вошелъ въ мою комнату, какъ я полагалъ, по ошибкѣ, и остановился, смотря въ зеркало на столѣ. Затѣмъ мнѣ скоро представилось, что по одеждѣ и прическѣ длинныхъ волосъ на затылкѣ это Робинсонъ Кельсей. Когда я приподнялся въ постели, и крикнулъ, явленіе немедленно исчезло. На другой день я сказалъ нѣкоторымъ друзьямъ объ этомъ странномъ явленіи. Въ слѣдующую среду человѣкъ, который прежде служилъ у меня пастухомъ, пришелъ и сказалъ мнѣ, что Робинсонъ Кельсей скончался. Сильно желая узнать, когда онъ умеръ, я обратился за извѣстіемъ къ г. Вуду, семейному гробовщику въ Линкфильдѣ; онъ узналъ отъ деверя покойнаго, что онъ скончался въ 2 ч. утра. Мнѣ никогда прежде не приходилось испытывать чего-нибудь подобнаго. Мнѣ семьдесятъ два года отъ роду, я никогда не чувствую себя нервнымъ; я не боюсь ни покойниковъ, ни ихъ призраковъ. Передаю вамъ набросокъ плана спальни, и т. д.

Въ отвѣтъ на разспросы г. Марчентъ пишетъ:

„Съ Робинсономъ Кельсей случилось несчастіе. Онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и съ тѣхъ поръ казался временами неспособнымъ къ дѣлу. У него была ферма въ Пен-Шерстѣ въ Кентѣ. Пріятели уговорили его покинуть ее. Тогда онъ переселился въ свое собственное имѣніе Батнорсъ - Голъ, въ Линкфильдскомъ приходѣ, въ Суррей. Я не вспоминалъ и не говорилъ о немъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Такъ какъ призракъ прошелъ между

моей кроватью и лампой, я видѣлъ его совершенно ясно; нельзя было ошибиться. Когда онъ остановился передъ зеркаломъ, я съ нимъ заговорилъ, и онъ тихо исчезъ. Вѣроятно прошло дней десять, пока я чрезъ г-на Вуда узналъ часъ его смерти.

16. **Явленіе призрака умершаго другу.** а) Однажды, разсказываетъ г. Раулинсонъ, въ декабрѣ 1881 г. утромъ, когда я одѣвался, мною вдругъ овладѣло твердое убѣжденіе, что есть кто-то въ моей уборной. Оглянувшись, я никого не увидалъ, но затѣмъ мгновенно возникли (передъ моимъ умственнымъ взоромъ, я полагаю) всѣ черты лица и вся фигура стараго моего друга X. Вы можете вообразить, что это произвело на меня глубокое впечатлѣніе; я немедленно пошелъ въ комнату жены и сообщилъ ей о случившемся, высказавъ притомъ, что боюсь, не умеръ ли X. Мы этого предмета коснулись еще нѣсколько разъ въ тотъ день. Въ слѣдующее утро я получилъ письмо отъ брата X., бывшаго тогда главнымъ консуломъ въ Одессѣ, о пребываніи котораго въ Англіи мнѣ не было извѣстно; онъ увѣдомилъ меня о смерти брата, послѣдовавшей въ то самое утро въ три четверти девятаго. Именно въ это время явленіе показалось въ моей уборной. Надо прибавить, что два мѣсяца тому назадъ мы узнали, что X. заболѣлъ ракомъ, однако мы еще не такъ скоро ждали его кончины. Никогда въ другихъ случаяхъ у меня не было никакихъ галлюцинацій чувствъ, и я твердо убѣжденъ, что никогда не будетъ.

б) „14 мая 1861 г., нашъ сынъ Джорджъ, прекрасный и набожный 19-лѣтній молодой человѣкъ, изъ сего міра былъ переведенъ въ міръ духовъ. Когда уже приближались его послѣднія минуты, я и мать его одни сидѣли у его постели, и когда онъ испустилъ послѣдній вздохъ, я тихо проговорилъ: „онъ умеръ“. Жена спросила: который часъ, и затѣмъ, замѣтивъ, что утреннее солнце свѣтитъ сквозь шторы комнаты, выходящей на востокъ, она сказала: „смотри! солнце поднимается какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нашъ дорогой сынъ поднимается къ небу!“ Я нарочно упоминаю о восходѣ солнца въ моментъ его смерти.

Г-нъ Уилліамсъ, весьма образованный и достойный человѣкъ, женатъ на нашей старшей дочери. Въ то время онъ жилъ въ своемъ домѣ, въ Сити. Онъ спалъ въ комнатѣ, выходящей на востокъ. Онъ подтверждаетъ, что онъ крѣпко спалъ, когда вдругъ ему показалось, какъ будто кто-то схватилъ и крѣпко сжималъ ему руки. Онъ моментально поднялся съ постели, около которой увидалъ Джорджа, державшаго ему руки и улыбающагося ему особенно кротко и нѣжно. Казалось, какъ будто Джорджъ въ ночномъ костюмѣ. Г-нъ Уилліамсъ совсѣмъ не испугался; онъ понялъ, что это духъ Джорджа, и присутствіе послѣдняго вызвало въ немъ спокойное чувство мира и счастія, продолжавшееся нѣсколько часовъ. Такъ они держались за руки и глядѣли одинъ на другого въ теченіе минуты или болѣе, затѣмъ явленіе выпустило руки друга, и духъ Джорджа исчезъ.

Г-нъ Уилліамсъ замѣтилъ, что солнце сквозь шторы освѣщало его комнату. Онъ былъ и остается подъ впечатлѣніемъ, что видѣлъ Джорджа только при этомъ свѣтѣ, а не при другомъ освѣщеніи. Въ 8 часовъ г. Уилліамсъ пошелъ въ комнату своей жены и сказалъ ей въ присутствіи матери и няни, что Джорджъ умеръ. „Слышалъ ли ты это отъ отца?“ — спросила она его. „Нѣтъ, я видѣлъ Джорджа, онъ утромъ зашелъ на минуту до восхода солнца!“ — „О, глупости! это ты видѣлъ во снѣ, Джемсъ!“

„Во снѣ? Я никогда такъ не бодрствовалъ! я не только видѣлъ его, но чувствовалъ, какъ его руки сжимали мои“. „Пустяки, Джемсъ; я знаю, что онъ, бѣдный, очень боленъ, но отецъ не ожидаетъ еще смерти“. Г-нъ Уилліамсъ спокойно отвѣтилъ: „вотъ увидимъ, моя дорогая, навѣрно сейчасъ отъ отца придетъ письмо или посыльный“. Часъ спустя, г. Уилліамсъ получилъ ожидаемое письмо.

Г-нъ Уилліамсъ и Джорджъ были очень привязаны другъ къ другу; во всѣхъ тревогахъ и заботахъ его дѣтства Джемсъ былъ ему другомъ и наперсникомъ. Джорджъ Бартъ“.

17. **Слухъ и видѣніе на разстояніи.** „9 сентября 1848 г., во время осады Мултана, мой мужъ, генералъ-маіоръ Ричардсонъ, С. В., состоявшій тогда адъютантомъ въ своемъ полку, былъ тяжело и опасно раненъ; онъ думалъ, что умираетъ, и попросилъ одного изъ бывшихъ при немъ офицеровъ снять съ его пальца кольцо и послать его женѣ, которая въ то время была въ Ферозепорѣ, на разстояніи 150 миль. 9 сентября 1848 г. ночью я лежала въ своей кровати въ переходномъ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ, когда я ясно увидѣла, какъ моего мужа уносятъ съ поля сраженія серьёзно раненымъ, и слышала его слова: „возьмите это кольцо съ моего пальца и отошлите его моей женѣ“. Весь слѣдующій день я не могла забыть ни явленія, ни голоса. Въ свое время я узнала, что генерала Ричардсона серьёзно ранили при осадѣ Мултана. Онъ, однако, выздоровѣлъ и нынѣ еще живъ. Нѣкоторое время послѣ осады, я узнала чрезъ полковника Л., который помогъ унести моего

мужа съ поля сраженія, что послѣдній, дѣйствительно, обратился къ нему съ просьбой насчетъ кольца, въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя я слышала въ Ферозепорѣ въ тотъ самый моментъ. М. А. Ричардсонъ". Генералъ Ричардсонъ вполнѣ подтверждаетъ это событіе.

18. **Призракъ сообщаетъ о своемъ переходѣ въ загробную жизнь.** Вотъ разсказъ миссъ Госмеръ, знаменитой скульпторши.

„Молодая итальянка, по имени Роза, служила у меня въ теченіе нѣкотораго времени, но, наконецъ, должна была вернуться домой, по причинѣ плохого здоровья. Когда я, по своему обыкновенію, ѣздила верхомъ, я часто заѣзжала къ ней. Однажды я заглянула къ ней около 6 часовъ вечера и нашла ее гораздо свѣжѣе прежняго. Я давно потеряла надежду на ея выздоровленіе, но въ ея наружности не было никакихъ признаковъ, которые могли бы произвести впечатлѣніе близкой опасности. Я уѣхала отъ нея, думая, что буду у ней часто бывать. Она пожелала бутылку какого-то особеннаго вина, которую я обѣщала привезти ей на слѣдующее утро.

„Не помню, чтобы, простившись съ Розой, я вспомнила о ней въ продолженіе вечера. Я легла спать здоровая и спокойная. Но послѣ крѣпкаго сна я проснулась удрученной чувствомъ, что кто-то находится въ комнатѣ; но я разсудила, что кромѣ моей прислуги никто не можетъ войти; у ней былъ ключъ къ одной изъ двухъ дверей, ведущихъ въ мою комнату, которыя обѣ были замкнуты. Я смутно различала мебель въ комнатѣ. Моя кровать стояла въ серединѣ комнаты, а вокругъ нея, въ ногахъ, стояли ширмы. Полагая, что, можетъ-быть, кто-то за ширмами, я спросила: „кто тамъ?" но отвѣта не получила. Въ этотъ же моментъ часы въ сосѣдней комнатѣ пробили 5, и я увидала Розу стоящею около моей постели, и не знаю какимъ образомъ, а можетъ-быть и *не* посредствомъ словъ, она сообщила мнѣ слѣдующее: „Adesso son felice, son contenta" [1]; и на этомъ образъ исчезъ.

„За завтракомъ я сказала подругѣ, которая занимала со мной одну комнату: „Роза умерла". „Что вы этимъ хотите сказать? — спросила она. — Вѣдь вы сказали, что вчера нашли ее гораздо лучше прежняго". Я разсказала ей утренній случай и прибавила, что я убѣждена, что Роза умерла. Она смѣялась и сказала, что я вѣроятно видѣла это во снѣ. Я увѣрила ее, что я совершенно бодрствовала. Она продолжала шутить и надоѣдала мнѣ настойчивостью, съ которой увѣряла, что это, должно-быть, было сновидѣніе, когда я ясно знала, что бодрствовала. Чтобы рѣшить вопросъ, я позвала посыльнаго и послала его къ Розѣ узнать о ея здоровьѣ. Онъ вернулся съ извѣстіемъ, что она умерла въ это же утро въ 5 часовъ.

„Я въ то время жила въ виллѣ Бамбувино. (Г-жа Госмеръ не можетъ съ точностью опредѣлить, когда этотъ случай произошелъ, но полагаетъ, что это было въ 1856 или 1857 г.).

19. **Посмертное явленіе.** Слѣдующій фактъ былъ сообщенъ г-мъ Тимоѳеемъ Куперъ.

„Отецъ мой былъ священникъ баптистъ въ Согемъ, Кембриджшайръ. Въ 1849 г. я, какъ членъ многочисленнаго семейства, оставилъ отцовскій домъ и пустился въ борьбу съ жизнью. Искренняя любовь связывала меня съ матерью. Послѣ годового отсутствія, вдругъ второпяхъ призвали меня къ дорогой матери, которую считали умирающей. Я получилъ отпускъ на недѣлю, возвратился домой, и наканунѣ моего отъѣзда изъ отцовскаго дома, сидя у кровати матери, сказалъ ей: „когда вамъ придется умереть, дорогая матушка, не найдете ли вы возможности явиться мнѣ и увѣдомить меня?" — „Приду, если только будетъ возможно", сказала она. 7-го октября 1850 г., утромъ я проснулся, и мнѣ показалось, какъ будто мягкая рука меня трогаетъ, и знакомый голосъ говоритъ: „я умерла!" и что-то находящееся рядомъ со мной исчезло. Я разбудилъ молодого человѣка, который спалъ со мной въ одной комнатѣ, и сказалъ ему: „моя мать умерла! она только что была у меня, и сама сказала"; въ этотъ моментъ часы на лѣстницѣ пробили 3 ч. Я получилъ извѣстіе, что моя мать умерла въ 3 ч. безъ 5 минутъ. Тимоѳей Куперъ".

20. **Предуказаніе смерти друга.** Слѣдующій фактъ разсказываетъ г-жа Сёммербелъ, которая никогда не подвергалась галлюцинаціи.

Въ теченіе многихъ лѣтъ я находилась въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ голландскаго дворянина, жительствующимъ въ Голландіи. Въ началѣ іюля 1881 года я отъ старшей дочери его получила письмо, извѣщающее меня о серьёзной болѣзни ея отца. Съ тѣхъ поръ меня ежедневно извѣщали о его состояніи. 27 іюля я получила открытое письмо съ сообщеніемъ, что онъ чувствуетъ себя немного лучше. Я въ то время находилась въ „Spa, Tunbridge, Wells" и сильно страдала невралгіей. Въ ночь на 27, я лежала и не могла уснуть отъ боли; я, конечно, отъ времени до времени дремала, но я навѣрно знаю, что я бодрствовала въ то время, когда происходилъ случай, который собираюсь разсказать. Начинало раз-

[1] Т.-е. «теперь я счастлива, я довольна».

свѣтать, и я ясно различала всѣ находящіеся въ комнатѣ предметы. Не знаю, надо ли упомянуть о томъ, что въ Голландіи, въ случаѣ смерти знатной особы, нанимается такъ называемый „prieur d'enterrement". Этотъ человѣкъ одѣтъ весь въ черномъ, во фракѣ, въ короткихъ штанахъ, въ треугольной шляпѣ, съ полей которой висятъ креповыя ленты. Его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы явиться ко всѣмъ знакомымъ покойника и извѣстить ихъ о его смерти. Въ упомянутое мною утро я видѣла, что отворяется дверь моей комнаты, и входитъ „prieur d'enterrement". Онъ ничего не сказалъ, но стоялъ, держа въ рукахъ длинную бумагу. Я ясно помню, что спрашивала себя, не уснула ли я и не вижу ли сонъ; я оглянулась, посмотрѣла на окружающіе предметы, на окно, въ которое проникалъ слабый свѣтъ сквозь спущенную штору. Я посмотрѣла на мои часы, было около пяти часовъ, затѣмъ взглянула по направленію вошедшаго человѣка, но его уже не было. Прошло около 6 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ прожила нѣсколько времени въ Голландіи, и я уже успѣла забыть про этотъ обычай извѣщать о смерти, или, скорѣе, не вспоминала о немъ уже нѣсколько лѣтъ. — Оказалось что другъ г-жи Сёммербелъ умеръ приблизительно за $1^1/_2$ ч. до ея видѣнія.

21. **Видѣніе умершей.** Слѣдующій случай сообщилъ г-нъ Т. У. Гудьиръ.

Я долженъ замѣтить съ самаго начала, что мои друзья считаютъ мои нервы желѣзными, что я страстный охотникъ до атлетическихъ игръ, и что воображеніе или страхъ никогда не первенствуютъ въ моихъ чувствахъ. Но хотя я безъ хвастовства могу утверждать, что я страха почти не знаю, однако я чрезвычайно легко поддаюсь умственнымъ вліяніямъ; т.-е. я часто, гуляя съ другими, отгадываю, что происходитъ въ ихъ мысляхъ (особенно у моей жены); мнѣ это удается въ такой степени, что я даже испугалъ двухъ или трехъ особъ, предлагая сказать имъ, о какомъ предметѣ онѣ думаютъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже, *какъ* именно онѣ о немъ думаютъ. Правда, эта способность встрѣчается довольно часто, но я хочу разсказать вамъ о слѣдующемъ фактѣ.

„Вотъ съ чего началось дѣло. Я изъ своего дома пошелъ въ лавку, которую содержалъ мой братъ, а когда я прошелъ половину дороги, меня настигъ сильный дождь. Я зашелъ къ знакомой мнѣ дамѣ, обождалъ немного, но погода не прояснялась, и такъ какъ я боялся, что не застану больше брата, то я сказалъ, что все-таки пойду. Я всталъ, пошелъ въ сѣни, а моя знакомая бросилась вверхъ по лѣстницѣ за зонтикомъ, оставляя меня въ потьмахъ. Верхняя часть двери была стеклянная, и вдругъ я въ потьмахъ за этимъ стекломъ увидалъ лицо. Лицо было мнѣ хорошо знакомо, но въ эту минуту я не узналъ его, такъ какъ оригиналъ находился оттуда въ 300 миляхъ. Я немедленно отворилъ дверь, никого не нашелъ и затѣмъ обыскалъ плющъ, которымъ домъ и дверь были увиты. Я ничего не нашелъ, и убѣдившись, что въ такое короткое время никто не могъ успѣть отойти, я въ первый разъ спросилъ себя, чье же именно лицо я видѣлъ. Я припомнилъ, что это было лицо замужней золовки моей жены, и всему семейству разсказалъ про этотъ случай, какъ только пришелъ домой; судите объ нашемъ изумленіи, когда мы чрезъ письмо узнали, что она умерла въ тотъ же часъ, когда я ее видѣлъ. Въ понедѣльникъ я видѣлъ лицо, а въ среду, пока мы сидѣли за обѣдомъ, пришло письмо".

22. **Различныя телепатическія явленія.**

а) „18 декабря 1864 г. послѣ обѣда, мой свекоръ, г-нъ Б., мой мужъ и я, говоритъ г-жа Б., сидѣли въ столовой. Комната была большая въ 26 и 30 ф., въ одной стѣнѣ былъ каминъ, и съ обѣихъ сторонъ двери; напротивъ камина три окна, а если стать спиной къ камину, то въ концѣ комнаты, направо отъ насъ, было еще два окна, а налѣво пустая стѣна. Эти окна находились выше пола на 7 футъ, а можетъ-быть, и болѣе, такъ что нельзя было въ нихъ смотрѣть иначе, какъ ставши на стулъ. Было темно, и мы сидѣли около огня, но ставни не были закрыты. Г-нъ Б. сидѣлъ напротивъ двухъ оконъ, я по ту сторону камина, спиной къ тѣмъ же окнамъ, мой мужъ какъ разъ напротивъ камина, между нами. Вдругъ г-нъ Б. сказалъ: „кто это смотритъ въ окно?" и указалъ на болѣе отдаленное изъ двухъ оконъ. Мы смѣялись, такъ какъ знали, что никто не можетъ смотрѣть въ окно, потому что тамъ не было на что встать. Г-нъ Б. настаивалъ на сказанномъ имъ, говоря, что видитъ блѣдную женщину съ черными волосами; что лицо кажется ему знакомымъ, но онъ имени не можетъ вспомнить; онъ уговорилъ моего мужа обойти домъ съ одной стороны, пока онъ пошелъ съ другой. Однако они никого не видѣли. Я посмотрѣла который часъ, когда они вышли, и замѣтила что было $5\ ^3/_4$ вечера.

„На слѣдующій вторникъ я узнала про смерть моей матери, г-жи Ренкингъ, скончавшейся въ Ст. Питерсъ-Портъ, Гернсей, какъ разъ въ $5\ ^3/_4$ *послѣ обѣда, въ воскресенье 18 декабря*, въ тотъ же моментъ, когда лицо явилось за окномъ. Она до смерти была безъ сознанія и жалостно меня звала. Какъ только г-нъ Б. узналъ о ея смерти,

онъ воскликнулъ: „я въ воскресенье видѣлъ за окномъ лицо г-жи Ренкингъ" (онъ только 2 или 3 раза видѣлъ ее). Мы даже не знали, что моя мать опасно больна. Я не осмѣливаюсь объяснить этотъ фактъ ученымъ образомъ, но я твердо убѣждена, что мысли моей матери были заняты мною, старшею ея дочерью. Я вышла замужъ только два мѣсяца передъ тѣмъ, и она меня не видала со дня свадьбы.

Я, говоритъ авторъ цит. ниже книги, изъ которой мы взяли этотъ разсказъ, имѣлъ весьма удовлетворительное свиданіе съ г-жею Б., которую считаю очень разсудительной свидѣтельницей. Она показала мнѣ фотографическій снимокъ дома, по которому оказывается, что лицо за окномъ не могло быть лицомъ живого человѣка. Даже головы высокаго мужчины нельзя было бы видѣть съ того мѣста въ комнатѣ, гдѣ они сидѣли, такъ какъ выступъ былъ въ 6 футахъ отъ земли, и подъ окномъ ничего не было, на что можно было бы упираться ногами, чтобы взлѣзть. Однако свекоръ все подтверждалъ, что видѣлъ живое лицо, хотя не могъ объяснить его явленія. Онъ былъ увѣренъ, что это лицо ему извѣстно, но не могъ вспомнить чье оно. Онъ только два раза видѣлъ г-жу Ренкингъ. Оказывается, что съ нимъ никогда не было галлюцинацій, онъ и это явленіе такимъ не считалъ. Смерть послѣдовала внезапно послѣ диссентеріи. Г-жа Б. ясно помнитъ, что было $5^3/_4$, когда мужъ и отецъ обыскивали домъ. Огонь въ каминѣ ярко освѣщалъ комнату.

б) Характерная черта двухъ слѣдующихъ случаевъ есть постепенное образованіе призрака и замедленное его опознаніе со стороны субъекта. Въ Church Quarterly Review (апр. 1877, стр. 210—211) появился слѣдующій разсказъ:

Въ домѣ, гдѣ были написаны эти страницы, большое и широкое окно на лѣстницѣ, выходящее на сѣверъ, съ боку освѣщаетъ входъ въ большую семейную комнату въ концѣ коридора, проходящаго почти вдоль по всему дому. Много лѣтъ тому назадъ, зимой, послѣ обѣда, авторъ этихъ строкъ вышелъ изъ своего кабинета, также выходящаго на этотъ коридоръ, и направился въ столовую обѣдать. День былъ нѣсколько пасмурный, но туманъ былъ не густой, однако за дверью, въ концѣ коридора, лежало какъ будто облако. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался, туманъ этотъ склубился въ одно мѣсто, темнѣлъ и сталъ образовать контуръ человѣческой фигуры; голова и плечи все болѣе и болѣе выдѣлялись, между тѣмъ какъ остальная часть тѣла казалась какъ будто обернутой въ сбористый газовый плащъ, такой длинный, что закрывалъ ноги и, дотрогиваясь выстланнаго плитнякомъ пола, своею шириною изображалъ базисъ пирамиды. Яркій свѣтъ падалъ въ окно на этотъ предметъ, который казался такимъ тощимъ и тонкимъ въ своемъ составѣ, что свѣтъ, играющій на вновь лакированной двери, виднѣлся сквозь нижнюю часть одежды. Призракъ казался безцвѣтнымъ, подобно статуѣ, изваянной изъ тумана. Авторъ этихъ строкъ былъ до того пораженъ, что не знаетъ, двинулся ли онъ впередъ, или остановился. Онъ скорѣе удивился, чѣмъ испугался, такъ какъ ему сначала казалось, какъ будто онъ въ первый разъ видитъ неизвѣстную ему по сихъ поръ игру свѣта съ тѣнью. Онъ не видѣлъ тутъ ничего сверхъестественнаго, пока голова не обернулась къ нему, и онъ узналъ черты лица весьма дорогого ему друга. Его наружность дышала тихимъ спокойствіемъ, и кроткое доброе выраженіе, свойственное ему въ жизни, (на сколько помнитъ авторъ), сосредоточилось въ одинъ прощальный взглядъ, полный глубокой привязанности. А потомъ, въ одинъ мигъ, все исчезло. Авторъ только можетъ сравнить образъ исчезновенія съ тѣмъ, какъ улетучивается облако дыма при прикосновеніи холоднаго воздуха. Результатомъ этого явленія было большое изумленіе, но не ужасъ, такъ что вмѣсто того, чтобъ вернуться въ свой кабинетъ, онъ пошелъ по направленію къ двери, около которой стояло явленіе, и отворилъ ее.

„Онъ, конечно, не могъ не признавать значенія того, что видѣлъ; а на слѣдующій или на второй день мы съ почтой получили извѣстіе, что другъ его тихо скончался, въ то время, когда его видѣлъ авторъ. Надо замѣтить, что смерть была неожиданная, что авторъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ничего о немъ не слыхалъ и въ день кончины про него не упоминалъ".

в) „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разсказываетъ одна дама, я съ однимъ своимъ другомъ заключила избитый договоръ, что тотъ изъ насъ, кто первый умретъ, явится и посѣтитъ другого. Нѣсколько лѣтъ спустя я попросила сестру этого друга напомнить ему обо мнѣ, и спросить, не забылъ ли онъ своего обѣщанія; я получила отвѣтъ, что помнитъ отлично и надѣется, что явится онъ ей, а не она ему, — и забыла про всю исторію. Мой другъ былъ въ Новой Зеландіи, а мѣсто пребыванія его сестры было мнѣ неизвѣстно. Однажды ночью я проснулась съ ощущеніемъ, что кто-то въ комнатѣ. Должна сказать вамъ, что у меня на столикѣ, около кровати, всегда горитъ свѣча. Я оглянулась и увидала что-то за столикомъ; со мной сдѣлался ознобъ, однако я не испугалась, протерла глаза, чтобы убѣдиться, что бодрствую, и упорно стала всматри-

ваться. Мало-по-малу человѣческая голова и плечи стали выдѣляться ясно, но какъ будто изъ какого-то туманнаго матеріала, если можно употребить это выраженіе. Голову и черты лица можно было различить, но все явленіе казалось не вещественнымъ и не цѣлымъ; оно, дѣйствительно, походило на облако, изображающее человѣческую голову и плечи. Сначала я смотрѣла и спрашивала себя: кто это? должно-быть, тутъ кто-то въ комнатѣ, но кто? Потомъ, судя по очертанію головы и лба (особенно выступающаго въ лицѣ моего друга), я воскликнула: „капитанъ W.“ — явленіе исчезло.

„Я встала и записала число, и ждала, пока не было возможности получить извѣстіе изъ Новой Зеландіи. Я старалась узнать про моего друга, но уже не сомнѣвалась, что онъ умеръ. Отвѣтъ былъ все одинъ и тотъ же: „извѣстія нѣтъ!“ А наконецъ писали: „мы такъ безпокоимся; давно ничего не слыхали. Мы дождемся слѣдующей почты; пишите по извѣстному вамъ адресу“. Затѣмъ я получила извѣстіе на простомъ клочкѣ бумаги: „я упалъ изъ кареты; не могу писать; голова все еще болитъ“. Больше ничего не было сказано, но это я привожу слово въ слово, насколько помню. Въ данное время мы обо всемъ узнали подробнѣе. Онъ упалъ изъ кареты и находился безъ сознанія, а потомъ все-таки воспоминанія остались еще смутными. Я никогда не сомнѣвалась въ томъ, что, пока онъ былъ безъ сознанія, духъ его явился ко мнѣ. Моментъ явленія совпадалъ съ моментомъ безсознательности. Кромѣ этого одного случая, со мной никогда не было никакихъ явленій“.

г) Авторъ слѣдующаго разсказа, г-жа Бишопъ, рожд. миссъ Бердъ, весьма извѣстная путешественница и писательница. Агентомъ явленія былъ г. Неджентъ, извѣстный подъ именемъ Маунтинъ Джимъ (онъ былъ наполовину краснокожій индѣецъ).

„Въ тотъ день, когда я разставалась съ „Mountain Jim“, онъ былъ очень тронутъ и взволнованъ. Я долго разговаривала съ нимъ о земной жизни и о безсмертіи души и кончила библейскою цитатою. Это произвело на него сильное впечатлѣніе, онъ былъ очень взволнованъ и воскликнулъ: „я, можеть-быть, не увижу васъ въ этой жизни, но несомнѣнно увижу послѣ смерти“. Я мягко упрекала его за горячность, но онъ тѣмъ болѣе выходилъ изъ себя, прибавляя: „я никогда не забуду словъ, сказанныхъ вами, и клянусь, что, умирая, увижу васъ“.

„Затѣмъ мы разстались, и въ теченіе нѣкотораго времени я слышала, что онъ ведетъ себя лучше, потомъ, что онъ возвратился къ необузданному своему образу жизни, что онъ боленъ вслѣдствіе раны, нанесенной ему во время драки, а наконецъ, что онъ здоровъ и только мечтаетъ о мести. Послѣднюю вѣсть я получила въ гостиницѣ Интерлакенъ, когда я съ госпожею Клейтонъ и съ семьей Керъ была въ Интерлакенѣ, въ Швейцаріи.

„Вскорѣ послѣ того, въ сентябрѣ 1874 г., я лежала на своей постели около 6 ч. утра и писала своей сестрѣ, какъ вдругъ увидала „Mountain Jim“, стоящимъ передо мной и пристально смотрящимъ на меня; когда я взглянула на него, онъ тихо, но ясно сказалъ: „ я пришелъ какъ обѣщалъ“; затѣмъ махнулъ мнѣ рукою и сказалъ: „прощайте“.

„Когда г-жа Бесси Керъ зашла ко мнѣ въ комнату, неся мнѣ завтракъ, мы записали случай, число и часъ. Въ свое время мы получили извѣстіе о его смерти, и число, принявъ во вниманіе разницу долготы, совпадало съ его явленіемъ“.

Въ отвѣтъ на разспросы г-жа Бишопъ сообщаетъ, что никогда не была подвержена галлюцинаціямъ, что она въ послѣдній разъ видѣла „Mountain Jim“ въ Ст.-Луизъ, Колорадо, 11 декабря 1873 г., и что онъ умеръ въ Фортъ-Коллинсъ, Колорадо. Она надѣется на возможность показать намъ дневники, въ которыхъ записанъ фактъ; но она писала изъ чужой страны и второпяхъ.

Мы достали копію съ протокола, написаннаго въ Фортъ-Коллинсъ во время слѣдствія, по которому оказывается, что смерть послѣдовала 7 сентября около 2 или 3 часовъ послѣ обѣда, что приблизительно соотвѣтствуетъ 10 час. вечера въ Интерлакенѣ. Итакъ, совпаденіе не можетъ быть такимъ близкимъ, какъ воображаетъ г-жа Бишопъ. Если явленіе было 8 сентября, то оно показалось черезъ 8 часовъ послѣ смерти.

д) Слѣдующій случай сообщенъ г-жею Болландъ.

„Въ мартѣ 1875 г. въ Гибралтарѣ произошелъ со мной такой случай. Я по воспоминаніямъ описала его въ 1878 г. Это описаніе въ августѣ мѣсяцѣ того же года было напечатано въ „All the year Round“.

„Однажды въ прекрасный свѣтлый день я послѣ обѣда прилегла въ своей гостиной и занялась чтеніемъ статьи: „О мѣловыхъ ложахъ“, въ „Kingsley's Miscellanies“, когда вдругъ почувствовала, что кто-то желаетъ со мной заговорить. Я взглянула и увидала человѣка, стоящаго возлѣ кресла, въ 6 ф. отъ меня. Онъ пристально на меня смотрѣлъ, съ необыкновенно серьёзнымъ выраженіемъ глазъ, но какъ только я встала и направилась къ нему, онъ исчезъ.

„Комната имѣла около 18 ф. длины, а въ задней ея части я видѣла нашего слугу (Пирсонъ), державшаго дверь открытой, какъ

будто онъ кого-то впустилъ. Полагая, что можетъ-быть и онъ только галлюцинація, я обратилась къ нему съ вопросомъ, пришелъ ли кто? на что онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, барыня“, и ушелъ. Послѣ этого я стала спрашивать себя, бодрствую ли я или сплю, такъ какъ пролежала еще 10 минутъ. Я повторила про себя читанное мною, снова прочитала главу и въ десять минутъ дошла до того же мѣста, на которомъ остановилась.

Затѣмъ я думала, что все кончилось. Лицо было мнѣ вполнѣ извѣстно, хотя я и не могла припомнить чье оно, но одежда очень напоминала мнѣ костюмъ, который мой мужъ, годъ тому назадъ, подарилъ одному слугѣ по имени Рамсей. Этотъ человѣкъ былъ отставной солдатъ, котораго я нашла умирающимъ въ Инвернессѣ, и который, послѣ выхода изъ больницы, поступилъ къ намъ въ услуженіе. Но онъ велъ себя нехорошо, и я должна была уволить его до нашего переселенія въ Гибралтаръ (въ февралѣ 1875 г.); онъ поступилъ половымъ въ клубъ въ Инвернессѣ, и я не имѣла никакой причины безпокоиться о немъ, такъ какъ я полагала, что онъ здоровъ и служитъ хорошо, и что пріобрѣтенная имъ прежде опытность поможетъ ему удержаться на своемъ мѣстѣ.

„Когда мужъ вошелъ, я разсказала ему о томъ, что я видѣла; объ этомъ же я сообщила и женѣ полковника (нынѣ леди Лефенъ), но не записала дня. Послѣ этого въ такой короткій срокъ, въ какой только могло притти письмо изъ Инвернесса, мой мужъ получилъ письмо отъ бывшаго своего сержанта, извѣщающаго его о смерти Рамсея, не упоминая о подробностяхъ. На это мой мужъ отвѣтилъ, что сожалѣетъ и желалъ бы узнать „подробности о болѣзни и смерти“. Онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Рамсей умеръ въ больницѣ, въ бреду и безпрестанно звалъ г-жу Болледнъ“.

„Я только еще прибавлю, что лицо призрака напоминало мнѣ черты Рамсея въ то время, когда я впервые видѣла его умирающимъ въ больницѣ. Но видя его каждый день въ моемъ услуженіи здоровымъ, я забыла это лицо или, по крайней мѣрѣ, не находила сходства между нимъ и моимъ явленіемъ.

„Должна упомянуть, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была я очень слаба здоровьемъ, но въ данный моментъ чувствовала себя бодрѣе, чѣмъ когда-либо; теплый климатъ такъ хорошо повліялъ на меня, что я чувствовала особенную силу и радость, независимую отъ прочихъ условій жизни, что было для меня чрезвычайно пріятнымъ ощущеніемъ. Кетъ Е. Болледнъ“.

е) Г-жа Алломъ (18, Батумъ-Гарденсъ. Уестъ Кенситтонъ Паркъ, W.) сообщаетъ:

„Въ октябрѣ 1852 г. я отправилась въ школу въ Эльзасъ; мнѣ было 17 лѣтъ, и я покинула мать въ весьма неудовлетворительномъ состояніи здоровья. 14 мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда, около Рождества, я узнала, что моей матери хуже, но не подозрѣвала опасности. Въ послѣднее воскресенье февраля мѣсяца 1854 г., между 1 ч. и 2, я читала въ большой классной, когда вдругъ образъ моей матери явился мнѣ въ другомъ концѣ комнаты. Она лежала какъ будто *въ постели, въ ночномъ костюмѣ*. Лицо нѣжно улыбалось мнѣ, одна рука была поднята и указывала къ небу.

„Затѣмъ явленіе стало тихо подвигаться по комнатѣ, въ то же самое время приподымаясь, и, наконецъ, исчезло. Тѣло и лицо показались мнѣ исхудалыми отъ болѣзни въ такой степени, какъ никогда еще этого не бывало въ жизни, и она была страшно блѣдна.

„Въ тотъ моментъ, когда я увидала явленіе матери, я почувствовала убѣжденіе, что моя мать умерла. Это впечатлѣніе такъ подѣйствовало на меня, что я не могла предаться своимъ занятіямъ, и мнѣ грустно было видѣть, что младшая моя сестра играетъ и веселится со своими подругами.

„Черезъ два или три дня моя наставница позвала меня къ себѣ послѣ молитвы. Какъ только мы вошли въ ея комнату, я сказала: „вамъ не нужно говорить мнѣ; я знаю, что моя мать умерла!“ Она спросила, какимъ образомъ я могла это узнать; я объясненія не дала, но только сказала, что уже три дня объ этомъ знаю. Впослѣдствіи, я убѣдилась, что моя мать умерла въ то воскресенье, во время явленія, и что она скончалась *въ безсознательномъ состояніи*, которое началось уже за два или три дня до ея смерти.

ж) Подполковникъ Джонсъ пишетъ:

„Въ 1845 г. я съ полкомъ стоялъ въ мѣстечкѣ Мульмейнъ въ Бурма. Въ то время прямого почтоваго сообщенія не было, мы письма получали при помощи кораблей, то массу заразъ, а то цѣлыми мѣсяцами оставались безъ всякихъ извѣстій.

„24 марта 1845 г. я съ другими знакомыми обѣдалъ у пріятеля; сидя на верандѣ послѣ обѣда и разговаривая съ другими гостями о мѣстныхъ дѣлахъ, я вдругъ ясно увидѣлъ передъ собой открытый гробъ, въ которомъ лежала любимая моя сестра, повидимому мертвая; она въ то время находилась дома. Я конечно замолкъ, и всѣ посмотрѣли на меня съ удивленіемъ и стали спрашивать, что со мною. Я, смѣясь, разсказалъ о своемъ видѣніи, къ которому отнеслись, какъ къ шуткѣ.

„Поздно вечеромъ я пошелъ домой въ сопровожденіи офицера, гораздо старше ме-

ня (покойнаго отставного генералъ-маіора Джорджа Бригса, бывшаго въ то время капитаномъ), который возобновилъ разговоръ объ этомъ предметѣ и спросилъ, имѣлъ ли я извѣстія о здоровьи сестры. Я отвѣчалъ, что послѣднія письма изъ дому получилъ три мѣсяца тому назадъ. Онъ просилъ меня записать явленіе, такъ какъ онъ уже прежде слыхалъ про подобные случаи. Я записалъ и показалъ ему замѣтку, сдѣланную мною на полѣ календаря противъ даннаго числа. 17 мая я получилъ письмо изъ дому, извѣщающее меня о смерти сестры, послѣдовавшей въ тотъ именно день, т.-е. 24 мая 1845 г. Р. Уаллеръ Джонсъ".

з) Капитанъ Г. Ф. Рёссель Кольтъ, изъ Гартшерри Котбриджъ N. B. сообщаетъ слѣдующее:

„Я проводилъ праздники съ отцомъ и матерью въ старинномъ имѣніи нашего семейства въ Mid-Lothian, названномъ Inveresk-House, въ домѣ, выстроенномъ какимъ-то праотцомъ еще во время Маріи, королевы шотландской. Моя спальная была странная комната, длинная и узкая, съ окномъ въ одномъ концѣ и съ дверью въ противоположномъ. Моя кровать стояла налѣво отъ окна, противъ дверей. У меня былъ любимый братъ (старшій) Оливеръ, поручикъ 7-го Ея Величества пѣхотнаго полка. Ему было въ то время около 19 лѣтъ, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ простоялъ подъ Севастополемъ. Я часто съ нимъ переписывался; и однажды, послѣ письма, написаннаго имъ въ грустномъ настроеніи духа, я отвѣтилъ, что онъ непремѣнно долженъ ободриться, но что, въ случаѣ какого-либо несчастія, долженъ явиться мнѣ въ моей комнатѣ, гдѣ мы во время дѣтства такъ часто вмѣстѣ сидѣли, наслаждаясь веселымъ разговоромъ. Онъ это письмо получилъ (какъ я узналъ впослѣдствіи) въ ту минуту, когда собрался итти къ священнику для принятія святыхъ тайнъ; впослѣдствіи этотъ же священникъ разсказалъ мнѣ о происшедшемъ. Затѣмъ братъ пошелъ къ шанцамъ, откуда больше не вернулся, такъ какъ нѣсколько часовъ спустя уже начался штурмъ Редана. Когда капитанъ его роты палъ, то онъ замѣнилъ его и храбро велъ своихъ людей. Онъ только что перешелъ съ ними шанцы, хотя уже получилъ нѣсколько ранъ, когда пуля ударила его въ правый високъ, и онъ палъ вмѣстѣ со многими другими; 36 часовъ спустя его нашли стоящимъ на колѣнахъ (такъ какъ онъ былъ окруженъ другими трупами). Онъ умеръ. или, скорѣе, палъ (смерть, можетъ-быть, послѣдовала не моментально) 8 сентября 1855 г.

„Въ ту же ночь я внезапно проснулся и увидалъ у моей постели, лицомъ къ окну, стоящаго на колѣняхъ брата среди какого-то легкаго фосфорическаго тумана. Я хотѣлъ заговорить съ нимъ, но не могъ. Я спряталъ голову подъ простыню не отъ страха (такъ какъ никто изъ насъ не боялся духовъ или привидѣній), но просто чтобы собраться съ мыслями; я о немъ не думалъ и не видѣлъ его во снѣ и забылъ все, что писалъ ему двѣ недѣли тому назадъ. Я рѣшилъ, что я это только вообразилъ и что, вѣроятно, мѣсяцъ освѣтилъ какое-то полотенце, или тому подобный предметъ, не лежащій на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ. Но взглянувъ, я опять увидалъ его, смотрящаго на меня нѣжнымъ, умоляющимъ, грустнымъ взоромъ. Я снова хотѣлъ заговорить, но языкъ былъ связанъ, и я не могъ произнести ни звука. Я вскочилъ съ постели, посмотрѣлъ въ окно, и видѣлъ, что луннаго свѣта не было; напротивъ того, было очень темно, и шелъ сильный дождь; капли били въ окно. Я обернулся, и все еще видѣлъ бѣднаго Оливера. Закрывъ глаза, я прошелъ сквозь привидѣніе къ дверямъ комнаты и, повернувъ ручку, еще разъ оглянулся. Явленіе повернулось ко мнѣ головой и снова посмотрѣло на меня нѣжнымъ и озабоченнымъ взглядомъ; тогда только я замѣтилъ на правомъ вискѣ рану, изъ которой текла кровь. Лицо было блѣдно какъ воскъ, но казалось прозрачнымъ, какъ и красная струйка, текущая съ виска. Нѣтъ возможности описать этого образа, но я никогда его не забуду. Я пошелъ въ комнату моего друга, гдѣ пролежалъ на диванѣ остальную часть ночи, и сказалъ ему о причинѣ. Я и другимъ въ домѣ о своемъ явленіи разсказалъ, но отецъ запретилъ мнѣ повторять такія глупости, и особенно велѣлъ не говорить о случившемся передъ матерью.

„Въ слѣдующій понедѣльникъ [1]) отецъ получилъ отъ г-на Александра Мильна записку, извѣщающую его объ осадѣ Редана, но не упоминающую о подробностяхъ. Я попросилъ пріятеля увѣдомить меня, если онъ раньше меня найдетъ имя брата въ спискѣ убитыхъ и раненыхъ. Недѣли двѣ послѣ этого, онъ въ домѣ своей матери въ Athole Crescent, въ Эдинбургѣ, зашелъ ко мнѣ въ спальню съ весьма серьёзнымъ видомъ. Я сказалъ: „ты, навѣрно, хочешь сообщить мнѣ о грустной вѣсти, которую я ожидаю", и онъ отвѣтилъ: „да". Полковой командиръ и два или три офицера видѣли трупъ и подтвердили, что его видъ соотвѣтствовалъ моему описанію, и что смертельная рана находилась точно тамъ, гдѣ я ее видѣлъ. Но никто не могъ сказать, умеръ ли онъ въ тотъ самый моментъ. Въ послѣднемъ случаѣ я видѣлъ его явленіе нѣ-

[1]) Телеграфное сообщеніе съ Крымомъ производилось въ то время только по одной части дороги.

сколько часовъ послѣ кончины, такъ какъ оно показалось въ началѣ 3 часа утра. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя возвратили намъ въ Инверескъ маленькій молитвенникъ и *писанное мною письмо,* которые нашли во внутреннемъ карманѣ мундира, надѣтаго на немъ въ моментъ смерти. Я еще ихъ сохраняю".

и) Г. Гастонъ Фурнье въ Парижѣ (21, Rue de Berlin) сообщаетъ:

„21 февраля 1879 года меня позвали на обѣдъ мои хорошіе знакомые Б. Войдя въ гостиную, я замѣтилъ, что недостаетъ г. д'Э., постояннаго гостя гг. Б.; я встрѣчался съ нимъ почти каждый разъ, когда обѣдалъ у нихъ. На мое замѣчаніе по этому поводу, г-жа Б. объяснила, что д'Э. служитъ въ одной большой банкирской конторѣ и въ послѣднее время, должно-быть, сильно занятъ, такъ какъ не показывается уже два дня. Затѣмъ объ д'Э. больше рѣчи не заходило. Обѣдъ прошелъ очень весело, и въ г-жѣ Б. не видно было ни малѣйшаго признака озабоченности. За обѣдомъ мы рѣшили итти кончать вечеръ въ театръ. За дессертомъ г-жа Б. встала изъ-за стола и отправилась въ свою комнату одѣваться, оставивъ дверь въ столовую полуоткрытою. Мы съ Б. нѣсколько минутъ оставались за столомъ и курили сигары, какъ вдругъ услышали страшный крикъ. Предположивъ какое-нибудь несчастіе, мы бросились въ комнату и нашли г-жу Б. совсѣмъ присѣвшею и почти въ обморокѣ. Мы захлопотали около нея; она понемногу пришла въ себя и разсказала намъ слѣдующее:

„Оставивъ васъ, я начала одѣваться для выхода и, стоя передъ зеркаломъ, собиралась завязать ленточки у шляпки, какъ вдругъ увидѣла въ зеркалѣ, что въ дверь вошелъ д'Э. Онъ не снималъ шляпы и былъ блѣденъ и печаленъ. Не оборачиваясь, я сказала ему: „ну, вотъ и вы, д'Э., садитесь же", и такъ какъ онъ не отвѣчалъ, то я обернулась, но уже ничего не увидала. Тогда я въ ужасѣ закричала, какъ вы слышали".

Б., чтобы успокоить жену, принялся подтрунивать надъ нею, представляя видѣніе простою нервною галлюцинаціею и говоря, что д'Э. будетъ весьма польщенъ, узнавъ, до какой степени онъ занимаетъ ея мысли. Затѣмъ, такъ какъ г-жа Б. все еще дрожала всѣмъ тѣломъ, мы, чтобы сразу покончить съ ея безпокойствомъ, предложили ей отправиться тотчасъ же, говоря, что иначе мы пропустимъ начало пьесы. „Я ни разу не вспомнила о д'Э. съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Ф. спросилъ меня, отчего его нѣтъ", сказала намъ г-жа Б. „Я не труслива и никогда не имѣла галлюцинацій; увѣряю васъ, тутъ есть что-то сверхъестественное и, что касается меня, я не выйду, пока не получу свѣдѣній о д'Э. Умоляю васъ, сходите къ нему, это единственный способъ успокоить меня".

Я посовѣтовалъ Б. уступить желанію его жены, и мы оба отправились къ д'Э.; онъ жилъ очень недалеко. Дорогою мы немало шутили между собою насчетъ страховъ г-жи Б.

Придя къ д'Э., мы спросили швейцара: „дома г. д'Э?" „Да, сударь, они весь день не выходили".

Д'Э. жилъ въ маленькой холостой квартирѣ; прислуги у него не было. Мы поднялись къ нему и нѣсколько разъ принимались звонить, но отвѣта не было. Звонимъ сильнѣе, потомъ стучимъ изо всей силы—успѣха не больше. Б., противъ воли взволнованный, говоритъ мнѣ: „это нелѣпо! швейцаръ ошибся; онъ вышелъ. Сойдемте внизъ". Но швейцаръ снова утверждаетъ, что д'Э. не выходилъ,—въ этомъ онъ совершенно увѣренъ. Испугавшись не на шутку, мы опять идемъ вмѣстѣ съ нимъ наверхъ и снова пытаемся добиться, чтобы намъ отворили; потомъ, не слыша въ квартирѣ ни звука, посылаемъ за слесаремъ, отворяемъ двери и находимъ лежащее на постели тѣло д'Э., пробитое двумя выстрѣлами изъ револьвера.

Врачъ, котораго мы тотчасъ же пригласили, констатировалъ, что д'Э. сначала пытался отравиться, выпилъ стклянку опіума, а потомъ, найдя вѣроятно, что ядъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно, сдѣлалъ въ себя два выстрѣла изъ револьвера, направивъ его прямо въ сердце. По медицинскому освидѣтельствованію, смерть послѣдовала приблизительно за часъ передъ тѣмъ. Хотя я и не могу съ полною точностью опредѣлить времени, но оно почти совершенно совпадаетъ съ мнимою галлюцинаціею г-жи Б. На каминѣ оказалось письмо, которое должно было сообщить г. и г-жѣ Б. о его рѣшеніи.

і) Преп. Ф. Баркеръ, бывшій ректоръ въ Коттенэмѣ, Кэмбриджъ, сообщаетъ:

„6 декабря 1873 г. около 11 час. вечера, когда я только что легъ въ постель и еще не спалъ, даже не задремалъ, я страшно испугалъ мою жену, громко застонавъ, и, на ея вопросъ о причинѣ, отвѣтилъ: „я только что видѣлъ мою тетку; она пришла, стала около меня, улыбнулась своей обыкновенной доброй улыбкой и исчезла". Тетка, которую я нѣжно любилъ, сестра моей матери, была въ это время на Мадерѣ для поправленія здоровья съ племянницей, моей двоюродной сестрой. Въ эту минуту у меня не было повода предполагать, что она серьёзно больна; но испытанное мною впечатлѣніе было такъ глубоко, что на другой день я разсказалъ ея роднымъ (между прочимъ и моей матери) о томъ, что видѣлъ. Черезъ недѣлю мы узнали,

что она умерла въ ту самую ночь и, принимая въ расчетъ географическую долготу, почти въ ту самую минуту, когда мнѣ явилось видѣніе.

„Моя кузина, остававшаяся все время при ней, услышавъ о томъ, что я видѣлъ, сказала: „я не удивляюсь этому, такъ какъ она звала васъ во все время агоніи".

„Это былъ единственный разъ, что мнѣ пришлось испытать нѣчто въ этомъ родѣ. Быть-можетъ, этотъ разсказъ изъ первыхъ рукъ представитъ для васъ нѣкоторый интересъ. Могу упомянуть только, что живое впечатлѣніе, испытанное мною въ ту ночь, никогда не покидаетъ меня. Фредерикъ Баркеръ".

к) Генералъ-лейтенантъ Альбертъ Фитчъ сообщаетъ:

„Замѣчательный случай, произведшій глубокое впечатлѣніе на мое воображеніе, былъ со мной въ Моульмэнѣ. Я видѣлъ призракъ, видѣлъ собственными глазами при полномъ дневномъ свѣтѣ; могу принять въ этомъ присягу. У меня былъ старинный товарищъ. Мы были вмѣстѣ сначала въ школѣ, потомъ въ коллегіи и жили въ тѣснѣйшей дружбѣ. Между тѣмъ намъ не пришлось видѣться много лѣтъ. Разъ утромъ, я только что всталъ съ постели и началъ одѣваться, какъ вдругъ мой старый пріятель вошелъ ко мнѣ въ комнату. Я встрѣтилъ его самымъ сердечнымъ образомъ и сказалъ, чтобы онъ велѣлъ принести себѣ чашку чаю на веранду, обѣщая немедленно присоединиться къ нему, затѣмъ поспѣшно одѣлся и отправился на веранду, но не нашелъ тамъ никого. Я не могъ повѣрить своимъ глазамъ и позвалъ часового, стоявшаго передъ домомъ, но, оказалось, въ это утро онъ не видѣлъ никакого незнакомаго господина; вся прислуга также объявила, что въ домъ никто не входилъ. Я былъ увѣренъ, что видѣлъ моего друга. Я не думалъ о немъ въ ту минуту, однако не былъ особенно удивленъ, такъ какъ пароходы и другія суда часто приходили въ Моульмэнъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ того я узналъ, что онъ умеръ за 600 миль оттуда, около того самаго времени, какъ я видѣлъ его въ Моульмэнѣ".

л) Въ 1882 году, въ Свѣтлое Воскресенье я, говоритъ С. Дж. Мастерсъ, отправился спать, какъ только пробило 11 часовъ. Идя по коридору, ведущему въ мою комнату (дверь спальной моихъ родителей находилась прямо передо мною, на разстояніи 10 или 12 футовъ, а дверь моей комнаты еще фута на два правѣе, такъ что мнѣ приходилось пройти въ свою комнату мимо ихъ двери), я увидѣлъ, что дверь открыта, и такъ и приросъ къ мѣсту: въ дверяхъ прямо передо мною стояла фигура женщины. Я не могъ разсмотрѣть ея платья, но отлично видѣлъ черты лица и въ особенности глаза. Должно быть, я стоялъ по крайней мѣрѣ 20 секундъ, такъ какъ моя мать, слыша, что я внезапно остановился, не дойдя до своей комнаты, открыла дверь внизу и спросила, что случилось; тогда я сошелъ и оставался съ моими родителями до тѣхъ поръ, пока всѣ не разошлись. Фигура исчезла, лишь только мать позвала меня, и свѣча, которую я держалъ въ рукѣ, черезъ открытую дверь освѣтила комнату до противоположной стѣны: *привидѣніе загораживало свѣтъ, какъ осязаемое тѣло*.

Лишь въ слѣдующую среду моя мать, читая мѣстный двухнедѣльный журналъ, увидѣла извѣщеніе о смерти одной молодой особы, съ которою я одно время имѣлъ недолгое знакомство. Наведя справки, я узналъ, что она умерла почти въ ту самую минуту, когда мнѣ явился ея призракъ. Я убѣжденъ, что это была она, такъ какъ глаза имѣли то же выраженіе, какъ у нея, только въ ту минуту я ея не узналъ. Не видѣвши ея шесть мѣсяцевъ, я почти забылъ объ ея существованіи. Она умерла отъ чахотки, чѣмъ и объясняется, почему ея не было видно въ городѣ.

м) Г-жа Клеркъ въ Лондонѣ (Clifton Lodge, Farquhar Road, Upper Norwood S. E.) пишетъ:

Въ августѣ 1864 года, въ 3 или 4 часа пополудни, я сидѣла на верандѣ нашего дома въ Барбадосѣ и читала. Негритянка катала по саду въ коляскѣ мою маленькую дочь, которой было года полтора. Я не замѣчала вокругъ ничего особеннаго и черезъ нѣсколько времени встала и хотѣла итти въ комнаты. Тогда негритянка сказала мнѣ: „барыня, кто этотъ господинъ, что сейчасъ съ вами разговаривалъ?"—„Со мной никто не говорилъ", отвѣтила я. „Ахъ, какъ же, барыня, очень блѣдный высокій господинъ, онъ съ вами говорилъ, и вы обошлись съ нимъ неучтиво, ничего ему не отвѣтили". Я повторила, что никого не было, и даже разсердилась на эту женщину. Она упрашивала меня записать этотъ день, такъ какъ она увѣрена, что кого-то видѣла. Я такъ и сдѣлала, а черезъ нѣсколько дней узнала о смерти моего брата въ Тобаго. Странно то, что я его не замѣтила, а она (для него совсѣмъ чужая) видѣла, и, по ея словамъ, онъ какъ будто старался обратить на себя мое вниманіе. Мэй Клеркъ.

н) Особа, сообщившая нижеприведенный разсказъ, жена смотрителя на большой Сѣверной желѣзной дорогѣ, живетъ въ Ноттингемѣ (4 Taylor's Cottages, London Road).

23 апрѣля 1883 г.

„Нѣсколько дней тому назадъ мы получили письмо съ просьбою, чтобы я сообщила вамъ разсказъ о смерти нашей милой маленькой дочери, случившейся 17 мая 1879 года. Прежде всего я должна сказать, что событіе сохранилось въ моей душѣ такъ живо, какъ будто съ тѣхъ поръ прошло всего нѣсколько дней. Было очень веселое утро, солнце свѣтило такъ ярко, какъ я, кажется, никогда не видала. Моей дочери было 4 года 5 мѣсяцевъ, она была очень хорошенькая дѣвочка. Въ началѣ 12-го она вбѣжала въ кухню и сказала мнѣ: „мама, можно мнѣ итти играть?"—„Да", отвѣтила я, и она пошла. Немного спустя послѣ того я пошла взять ведро воды изъ спальной; когда я переходила дворъ, дитя прошло передо мною, какъ будто свѣтлая тѣнь. Я остановилась посмотрѣть на нее, повернула голову направо и увидѣла, какъ она исчезла. Я вылила воду изъ ведра и хотѣла воротиться назадъ, но меня позвалъ братъ мужа, жившій у насъ, и сказалъ: „Фанни сейчасъ задавили". Я бросилась въ комнаты, выбѣжала на улицу и тамъ нашла ее. Она подвернулась подъ лошадь булочника, ударъ копытомъ сбилъ ее съ ногъ, и колесо телѣги проломило ей черепъ около затылка. Черезъ нѣсколько минутъ она умерла на моихъ рукахъ". (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. Гернея, Майерса и Подмора: „Прижизненные призраки и др. телепат. явленія", перев. съ англ. В. Соловьева. 1893 г.).

о) Много лѣтъ тому назадъ, командиръ 12 роты одного изъ полковъ 3 гвардейской пѣхотной дивизіи, расположенной въ Варшавѣ, капитанъ Шумилинъ, отправилъ на излѣченіе въ варшавскій уяздовскій военный госпиталь одного изъ своихъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, Антона Бархатова, заболѣвшаго скоротечною чахоткою.

Ротный командиръ навѣщалъ больного солдата довольно часто. Къ концу мѣсяца состояніе больного ухудшилось и почти не оставалось сомнѣній въ зловѣщемъ исходѣ.

Однажды, передъ вечеромъ, капитанъ Шумилинъ ѣхалъ на извозчикѣ съ однимъ изъ офицеровъ, знавшихъ лично Бархатова. Они ѣхали въ гости и оба были въ хорошемъ настроеніи духа.

Уже темнѣло. Когда они въѣхали въ уяздовскую аллею, то увидѣли передъ собою на темномъ фонѣ деревьевъ обрисовавшуюся отчетливо фигуру Бархатова; она обозначалась настолько ясно, что они оба закричали въ одинъ голосъ: „Бархатовъ, ты зачѣмъ здѣсь? Какъ твое здоровье?"

Отвѣта на ихъ вопросы не послѣдовало, и фигура Бархатова, простоявши на мѣстѣ еще нѣсколько секундъ, медленно исчезла... Тогда только оба офицера поняли, что это было видѣніе.

Такъ какъ уяздовскій госпиталь находится вблизи уяздовской аллеи, въ которой они увидѣли тѣнь Бархатова, то оба офицера рѣшили немедленно заѣхать въ госпиталь, гдѣ лежалъ больной, чтобы провѣдать его и узнать, не случилось ли съ нимъ чего особеннаго.

Едва они взошли въ палату, гдѣ лежалъ Бархатовъ, какъ палатный служитель доложилъ имъ, что Бархатовъ скончался нѣсколько минутъ тому назадъ, т.-е. именно тогда, когда Шумилинъ и его товарищъ видѣли тѣнь Бархатова. Бархатовъ передъ смертью, по удостовѣренію находившагося при немъ служителя, вспоминалъ своего ротнаго командира и высказывалъ желаніе его повидать.

п) Болѣе 35 лѣтъ тому назадъ, въ Варшавѣ, во время самаго разгара польскаго мятежа, сообщеніе въ губерніяхъ Привислинскаго края, гдѣ бродили вооруженныя шайки мятежниковъ, было сопряжено съ большими опасностями. Поэтому, для переѣзда изъ одного города въ другой, дожидались оказіи, т.-е. передвиженія отрядовъ войскъ, къ которымъ и присоединялись тѣ лица, которымъ нужно было поѣхать въ ту сторону.

Въ то время на службу въ губерніи царства польскаго призывали какъ офицеровъ на разныя административныя должности, такъ и лицъ гражданскихъ русскаго происхожденія. Въ числѣ таковыхъ находился молодой человѣкъ, Константинъ Никитинъ, который былъ вызванъ на службу, кажется, въ г. Радомъ или Калишъ, въ канцелярію губернатора.

Никитинъ, уроженецъ калужской губерніи, холостой молодой человѣкъ, пріѣхалъ въ Варшаву въ сопровожденіи матери и сестры. Никитинъ, получившій образованіе въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ и пошедшій потомъ далѣе по гражданской службѣ, имѣлъ въ средѣ офицеровъ много знакомыхъ; нѣкоторые его друзья жили въ Александровской цитадели (крѣпость подъ Варшавою).

Изъ Варшавы Никитинъ долженъ былъ ѣхать, „съ оказіею", въ Радомъ, а провожавшія его до Варшавы мать и сестра собирались вернуться изъ Варшавы домой. До „оказіи" оставалось три или четыре дня. Стояла теплая, прекрасная погода, былъ праздничный день. Никитинъ поѣхалъ въ Александровскую цитадель, чтобы навѣстить друзей, а мать и сестра въ большой компаніи отправились на прогулку, за городъ, въ „Виляново", чтобы осмотрѣть роскошный виляновскій дворецъ, принадлежавшій графамъ

Потоцкимъ, находящійся въ 8—10 верстахъ отъ Варшавы, въ противоположной отъ Александровской цитадели сторонѣ.

Компанія, осмотрѣвши виляновскій дворецъ, сѣла въ одной изъ бесѣдокъ отдохнуть въ тѣни и потребовала себѣ молока. Среди веселаго и оживленнаго разговора всѣ члены этой компаніи вдругъ ясно и отчетливо услышали: „мама и Оля, прощайте!“ Всѣ тотчасъ же узнали голосъ молодого Никитина; мать и сестра его бросились изъ бесѣдки по тому направленію, откуда раздавался голосъ; каково же было ихъ удивленіе, когда во всемъ виляновскомъ саду онѣ не могли нигдѣ найти и слѣдовъ своего милаго Кости.

Обстоятельство это произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Всѣ находились точно подъ гнетомъ ожиданія чего-то непріятнаго.

Понятно, что у всѣхъ веселое расположеніе духа исчезло, и вся компанія поспѣшила скорѣе возвратиться домой; нѣкоторые замѣтили нарочно время, когда раздался голосъ Никитина. Было ровно $7^1/_2$ часовъ вечера.

Въ самомъ грустномъ настроеніи мать и сестра Никитина явились домой. Оказалось, что Костя еще не возвращался. Не вернулся онъ домой и на слѣдующее утро. Нечего и говорить о томъ, какъ тревожно провели ночь мать и сестра. Только на другой день, около полудня, несчастныя узнали прискорбную дѣйствительность. Друзья Кости дали имъ знать, что, гуляя съ нимъ на валахъ Александровской цитадели, они, около $7^1/_2$ часовъ вечера, присѣли отдохнуть на валу. Костя сказалъ имъ, что сойдетъ на минутку въ крѣпостной ровъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ послышался его крикъ: „мама и Оля—прощайте“, и затѣмъ раздался пистолетный выстрѣлъ. Они вскочили и подбѣжали ко рву; имъ представилась слѣдующая страшная картина: Костя лежалъ весь въ крови съ раздробленнымъ черепомъ: онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ ротъ и за моментъ до самоубійства произнесъ тѣ прощальныя слова, которыя мать и сестра, а также и всѣ лица, окружавшія ихъ, отчетливо слышали и именно въ тотъ моментъ. А между тѣмъ ихъ раздѣляло разстояніе въ 12—15 верстъ. („Петерб. лист.“).

р) Февраля 20-го 1899 года я по дѣламъ поѣхалъ въ Аграмъ, разсказываетъ д-ръ Гай. Пріѣхавъ туда, я вечеромъ отправился на Елачичъ плацъ въ „Narodna Kovana“, усѣлся за одинъ изъ столиковъ и спросилъ себѣ закусить. Молодой человѣкъ, очень представительный и красивый, подошелъ ко мнѣ и отрекомендовался докторомъ Владиміромъ Марнъ. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ попросилъ позволенія раздѣлить мою компанію и, усѣвшись, сообщилъ:

Позвольте мнѣ разсказать вамъ случай со мной, очень недавно происшедшій и не поддающійся никакому объясненію. Коллеги мои утверждаютъ, что это—галлюцинація, но меня это мнѣніе нисколько и ни въ чемъ не убѣждаетъ.

Будучи еще студентомъ, я влюбился въ чудную дѣвушку. Хотя любовь моя была встрѣчена взаимностью, но намъ пришлось, тѣмъ не менѣе, семь лѣтъ бороться съ различнаго рода препятствіями; наконецъ, наша неизмѣнная любовь все преодолѣла, и 8-го февраля 1897 года нашъ союзъ былъ благословленъ церковью. Я прожилъ съ этимъ ангеломъ два года въ безоблачномъ счастіи, и затѣмъ судьба безжалостно разлучила насъ: моя Милька умерла 24-го января нынѣшняго года. Она всегда была некрѣпкаго сложенія, и рожденіе ребенка стоило ей жизни.

„8-го февраля, въ годовщину нашей свадьбы, я съ отцомъ моимъ былъ на ея могилѣ и положилъ на нее вѣнокъ. Вернулся я домой около половины восьмого: поужинавъ, какъ и всегда, легъ въ постель въ половинѣ десятаго и тотчасъ же крѣпко заснулъ“.

„Сколько я проспалъ—я не знаю, но проснулся я отъ очень непріятнаго ощущенія: какая-то тяжесть давила мнѣ ноги, поднимаясь ко мнѣ все выше и выше... Я повернулся на другой бокъ, къ стѣнѣ, рѣшивъ, что это начинался кошмаръ. Давленіе, однако, продолжалось и мѣшало мнѣ спать; я повернулся къ комнатѣ, желая узнать, въ чемъ дѣло, и—представьте себѣ!—я увидѣлъ мою Мильку, но не блѣдную, худую, жалкую, какая она была послѣдніе мѣсяцы своей жизни, а цвѣтущую, прекраснѣй, чѣмъ когда-либо. Она была въ подвѣнечномъ платьѣ, въ которомъ ее и похоронили, и стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей кровати.—„Мнѣ это кажется“, подумалъ я, нѣтъ! фигура все стоитъ, ясная, отчетливая. Невыразимый ужасъ объялъ меня. Привидѣніе, какъ бы желая успокоить меня, улыбнулось, три раза кивнула своей милой головкой и подошла ко мнѣ, наклонилась и поцѣловала въ лобъ! Я совершенно ясно ощутилъ прикосновеніе холодныхъ губъ къ моему лбу, и ледяной холодъ пронизалъ меня. Она отступила, все улыбаясь, подошла къ двери комнаты, въ которой спитъ моя мать съ нашимъ ребенкомъ, три раза перекрестила эту дверь и исчезла. Я былъ страшно потрясенъ и поутру чувствовалъ необыкновенную слабость. Такъ какъ моя мать всегда затворяетъ дверь своей комнаты часа въ три ночи, чтобы ребенку было теплѣе, и такъ какъ дверь была затворена, когда жена крестила ее, то изъ этого я заключаю, что видѣніе было часу въ четвертомъ утра“.

„Вотъ буквально то, что со мной случилось. Что это не галлюцинація—я прекрасно знаю, потому что, проснувшись, я нисколько не думалъ о женѣ, а просто только желалъ объяснить причину непріятнаго ощущенія, и уже когда я повернулся и внезапно увидѣлъ привидѣніе, тогда только ужасъ охватилъ меня. Я не могу не быть увѣреннымъ въ реальности того, что я видѣлъ, и счастливъ былъ бы какому-нибудь удовлетворительному объясненію видѣннаго мною".

— Во первыхъ,— отвѣтилъ я — позвольте взять съ васъ честное слово, что все разсказанное вами случилось именно такъ, какъ вы передаете, потому что, хотя я увѣренъ, что вы не позволите себѣ шутить памятью дорогого вамъ человѣка, но я желалъ бы имѣть ваше слово, какъ подтвержденіе этому случаю въ глазахъ другихъ.

Д-ръ Марнъ очень охотно подалъ мнѣ руку, подтвердивъ честнымъ словомъ сообщенное имъ, и разрѣшилъ мнѣ предать гласности этотъ случай. Д-ръ Марнъ живетъ въ Аграмѣ на Senoa-Gasse, № 6. („Psychishe Studien", сн. „Ребусъ" 1899 г., № 41).

с) Г-жа Pathier изъ Парижа сообщаетъ, что одинъ изъ друзей ея отца пошелъ въ монахи по слѣдующему случаю. Разъ, ночью, онъ увидѣлъ во снѣ свою умершую сестру, которая стояла, опершись рукой на буфетъ, и горько жаловалась на свою загробную судьбу. Сонъ этотъ нисколько не повліялъ на брата, но, проснувшись, онъ увидѣлъ на буфетѣ ясный отпечатокъ женской руки, что и заставило его посвятить остатокъ своей жизни молитвамъ за сестру.

т) Г-жа Марія Тило, д-ръ медицины, изъ Сентъ-Имье (въ Швейцаріи) сообщаетъ слѣдующій случай. Одинъ молодой русскій офицеръ, подверженный, вообще, галлюцинаціямъ, находясь однажды въ большомъ обществѣ, пѣлъ и аккомпанировалъ себѣ на роялѣ. Вдругъ онъ всталъ, сильно поблѣднѣвъ, и на вопросы окружающихъ отвѣчалъ, что видитъ на порогѣ необычайно красивую женщину, которая манитъ его къ себѣ. Никто, кромѣ него, этой женщины не видалъ. Убѣдившись, что ея не слушаютъ, она стала на колѣни и со слезами умоляла офицера послѣдовать за ней. Онъ, наконецъ, рѣшился и, вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими, послѣдовалъ за видѣніемъ. Выведя всѣхъ ихъ за городъ, при чемъ женщина неоднократно оборачивалась, чтобы посмотрѣть, идутъ ли за нею, она повела всю компанію по большой дорогѣ, а затѣмъ, минутъ черезъ двадцать или тридцать, свернула въ сторону, подвела ихъ къ небольшой ямѣ со свѣжевырытой землею и исчезла. Отмѣтивъ камнями это мѣсто, офицеръ вернулся въ городъ и, взявъ съ собою нѣсколько солдатъ, привелъ ихъ къ ямѣ и велѣлъ рыть землю, при чемъ были найдены два свѣжихъ трупа—молодого человѣка и той самой красавицы, которая являлась къ офицеру. При слѣдствіи было открыто, что трупы эти принадлежатъ новобрачнымъ, которыхъ въ предыдущую ночь убилъ и ограбилъ ямщикъ. Онъ тотчасъ же былъ арестованъ и понесъ заслуженное наказаніе. („Ребусъ" 1899 г., № 39).

у) Въ январской книжкѣ „Историческаго вѣстника" за 1899 г. г. С. И. Уманецъ помѣстилъ свои воспоминанія о недавно скончавшемся поэтѣ Я. П. Полонскомъ, съ которымъ былъ очень друженъ его отецъ. Г. Уманецъ, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующій интересный фактъ.

„Въ 1874 году мы всей семьей ѣздили за границу и проѣздомъ чрезъ Петербургъ, конечно, видѣлись съ Яковомъ Петровичемъ, который былъ уже въ это время вторично женатъ, а въ 1875 году свидѣлись снова, но при очень грустныхъ обстоятельствахъ: въ апрѣлѣ этого года скоропостижно скончался въ Петербургѣ мой отецъ, въ бывшей гостиницѣ Соболева, у Синяго моста (теперь гостиница „Россія"). За нѣсколько часовъ до смерти, мой отецъ провелъ цѣлый вечеръ съ Яковомъ Петровичемъ, и, прощаясь, старые друзья не думали, конечно, что разстаются навсегда. Вернувшись домой, Яковъ Петровичъ, немного спустя, легъ спать въ совершенно спокойномъ расположеніи духа. Подъ утро онъ вдругъ проснулся, словно отъ какого-то толчка, и увидѣлъ, какъ разгораживавшая его рабочій кабинетъ на двѣ половины тяжелая занавѣска, за которой стояла кровать, тихо колыхалась, будто отъ дуновенія вѣтра, и одновременно совершенно явственно услышалъ надъ самымъ ухомъ чей-то тихій голосъ, почти шепотомъ, медленно и протяжно проговорившій странную фразу: „тѣнь руки шевелила занавѣской твоей"... Въ это самое время въ передней звякнулъ звонокъ: пришли изъ гостиницы, чтобы увѣдомить Якова Петровича о внезапной кончинѣ моего отца. Объ этомъ удивительномъ случаѣ Яковъ Петровичъ, никогда не отвергавшій области сверхъестественнаго и неразрѣшимо загадочнаго, много разъ передавалъ мнѣ потомъ во всѣхъ подробностяхъ".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Попытки къ объясненію телепатіи.

Явленія телепатіи были извѣстны еще въ глубочайшей древности, и попытокъ научнаго ихъ объясненія существуетъ безчисленное множество. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

1. Еще знаменитый *Месмеръ* объяснялъ магнитизирующее дѣйствіе пассовъ, взгляда и т. д. истеченіемъ изъ тѣла магнитизеровъ особаго невѣсомаго «магнитическаго флюида», подчиняющагося механическимъ законамъ. *Гмеленъ, Бюрдахъ, Дю-Поте, Пассаванъ* искали ключъ къ явленіямъ жизненнаго, органическаго или животнаго магнитизма въ существованіи «нервнаго флюида», «нервнаго эфира» и т. п. агентовъ, *Кизеръ* — въ присутствіи въ природѣ особой «теллурической силы», отличной отъ всѣхъ другихъ силъ природы [1]).

Знаменитый *баронъ Рейхенбахъ* училъ о повсемѣстномъ распространеніи во вселенной особой «одической» или «одиллической» силы (Otkraft), находящейся въ тѣснѣйшемъ соотношеніи съ силами физическаго міра; этой-то силѣ онъ и приписывалъ явленія органическаго магнитизма [2]).

Перейдемъ теперь къ новѣйшему времени. «Смотря на нервную силу, какъ на особый видъ физической энергіи, говоритъ знаменитый *Карпентеръ*, не представляется невозможнымъ... допустить дѣйствіе ея на разстояніи. Большое число опытовъ, произведенныхъ съ соблюденіемъ величайшихъ предосторожностей, было бы потребно для того, чтобы установить вѣроятность возможности подобнаго рода явленій. Но имѣетъ ли право кто-либо изъ людей науки сказать, что онѣ *невозможны*»? (курсивъ подлинника) [3]). Идея подобнаго же рода «нервной силы» проведена и въ извѣстной брошюрѣ знаменитаго *Гартманна* Der Spiritismus, а также и во множествѣ другихъ сочиненій сроднаго характера лондонскаго журнала The Niheteedth Century. *М-ръ Ноульсъ* смотритъ на процессъ телепатической передачи мыслей, какъ на особый видъ движенія («brain waves» или мозговыя волны), передающійся чрезъ посредство эфира [4]). *Перроне* прибѣгаетъ къ подобному же термину — «ондуляціоннизмъ»; извѣстный англійскій психопатологъ *д-ръ Моделей* говоритъ о «мысленосномъ эфирѣ» (mentiferous ether») [5]). *Д-ръ Барети изъ Ниццы* утверждаетъ, что изъ глазъ, оконечностей пальцевъ и пр. излучается особая нервная сила, могущая быть отражаемой зеркалами, сосредоточиваемой посредствомъ линзъ и т. д. Сила эта, въ которой онъ ищетъ ключъ къ явленіямъ месмеризма и передачи мыслей, представляетъ собою лишь «особый видъ движенія того тончайшаго вещества, которое физики называютъ эфиромъ» [1]). Извѣстный изобрѣтатель гипноскопа *д-ръ Охоровичъ* полагаетъ, что передача мыслей совершается чрезъ посредство электричества. Исходнымъ пунктомъ его гипотезы служитъ допущеніе, что «нервная сила» и электрическая энергія могутъ превращаться одна въ другую [2]). Весьма недавно знаменитый туринскій антропологъ, профессоръ Чезаре Ломброзо примкнулъ къ группѣ ученыхъ, смотрящихъ на явленія телепатіи съ чисто физической точки зрѣнія [3]),

Нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ дошли даже до того, что начали видѣть въ «нервномъ контагіи» нѣчто *грубо-вещественное!* [4]).

2. Въ попыткахъ чисто физическаго объясненія явленій телепатіи нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, и попытки эти весьма естественны и законны, хотя къ нимъ и слѣдуетъ относиться съ чрезмѣрной степенью осторожности. Такіе глубокіе знатоки предмета, какъ покойный *Эдмондъ Гэрни* и нынѣшній ученый секретарь Лондонскаго психическаго Общества *м-ръ Майерсъ*, изъ всего своего глубокаго знакомства съ явленіями какъ экспериментальной, такъ и самопроизвольной телепатіи, выносятъ такого рода заключеніе, что объяснить эти таинственныя явленія чисто физическими гипотезами — врядъ ли когда-либо представится возможность, и что гораздо вѣроятнѣе разсматривать ихъ, какъ явленіе по преимуществу характера *духовнаго* [5])

Съ этой точки зрѣнія на нихъ смотрѣли уже и многіе старинные авторы. *Пюисегюръ, Делезъ, д-ръ Юстинусъ Кернеръ* — объясняли явленія месмеризма дѣйствіемъ особой «психической силы» или «воли магнитизера»; *аббатъ Фіаръ, аббатъ Тиссо, д-ръ Тесте, графъ Ре* - вліяніемъ «духовъ» и пр.; къ этой послѣдней крайней спиритуалистической школѣ примкнули впослѣдствіи и *Дю-Поте съ Делезомъ* [6]).

---

[1]) Многіе старинные магнитизеры не дѣлали, повидимому, никакого различія между магнитизированіемъ на близкихъ разстояніяхъ посредствомъ пассовъ, прикосновенія и пр., и на далекихъ, чисто телепатическимъ путемъ. См. по этому поводу статью «О научномъ изученіи сверхъестественныхъ явленій», помѣщенную въ *Русскомъ Богатствѣ*, за май 1889 г., стр. 248—249.

[2]) Вотъ его главнѣйшія соч. 1) Physikalisch-physiologische Untersuchungen über Dynamide des Magnetismus und der Electricität in ihrer Beziehungen zur Lebenskraft. 3 тома. 2) Der sensitive Mensch. and sein Verhalteu zum Ode. 2 тома. 3) Die Pflanzenwelt in ihre Beziehungen zur Sensitivität und zum Ode.

[3]) *Carpenter* Principles of mentol Physiology. 6-е изд. 1881, стр. 634. Увы! подобнаго рода фанатическими, *апріорными* отрицателями кишмя кишитъ современный ученый міръ.

[4]) The Nineteenth Century № 64 (June 1882) стр. 900—901.

[5]) Proceedings of the Society for psychical research. X, стр. 178.

[1]) *Dr. Barety.* Sur la force neurique rayonnante. 1882.

[2]) *Ochorowicz.* De la suggestion mentole. 1887.

[3]) *Sphinx.* Monatsschrift für Seelen und Geisterleben. 1882, *апрѣль*, стр. 147 и слѣд. и *іюнь*, стр. 382—383.

[4]) См. по этому поводу статью д-ра Яковенко «индуцированное помѣшательство», помѣщенную въ *Вѣстникѣ психіатріи* за 1887 г., вып. I, стр. 114.

Подобнаго рода дикую нелѣпость повторилъ весьма недавно французскій ученый д-ръ Корръ (Suicide et criminalité, 1892).

[5]) Phantasms of the Living, т. I. Введеніе, стр. L и т. II, стр. 315; сравн. Proceedings of the S. P. R. — X., стр. 174 и XII, стр. 233, подстр. прим. См. также статью въ *Русскомъ Богатствѣ* за май 1889, стр. 251 и слѣд., а также брошюру «О дѣйствіи воли на разстояніи» (Спб. 1892).

[6]) *Dr. Schneider.* Der neuere Geisterglaube. 1882, стр. 73.

Въ ученіи о телепатіи слѣдуетъ, какъ извѣстно, имѣть ключъ къ уразумѣнію особаго класса ясновидѣнія, такъ называемаго телепатическаго или, какъ выражались старинные авторы, *симпатическаго*.

Существуетъ, однакожъ, еще другая его форма, такъ называемое *непосредственное*, *прямое* или *абсолютное*, необъяснимое съ точки зрѣнія телепатической гипотезы. Тѣмъ не менѣе, какъ мы сейчасъ это покажемъ, первую форму возможно разсматривать, какъ простой частный случай второй.

Читателямъ, конечно, извѣстно, что, по взглядамъ современной науки, наша духовная жизнь находится въ какой-то тѣснѣйшей зависимости или связи съ физическимъ состояніемъ нервной системы. Мало того, еще весьма недавно въ психологіи ясно преобладало стремленіе разсматривать ее, эту жизнь, какъ непосредственный результатъ физическихъ измѣненій, происходящихъ въ нервной системѣ, другими словами, считать мысль лишь какъ особый видъ физической энергіи или движенія вещества (припомнимъ знаменитый афоризмъ Карла Фохта—«мысль выдѣляется мозгомъ подобно тому, какъ желчь — печенью») [1]).

Что душевная дѣятельность находится въ какой-то тѣснѣйшей зависимости съ физическими измѣненіями, происходящими въ нервной системѣ—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, воспринимая сознаніемъ какое-нибудь чувственное впечатлѣніе—зрительное или слуховое — мы, въ сущности, апперцепируемъ лишь физическія измѣненія, происходящія въ зрительномъ или слуховомъ аппаратѣ.

Яркой иллюстраціей этого положенія служатъ—такъ называемыя *галлюцинаціи чувствъ*: если зрительный, слуховой или иной какой-либо сенсоріальный аппаратъ будетъ, напримѣръ, происходящимъ въ немъ болѣзненнымъ процессомъ приведенъ въ состояніе раздраженія, соотвѣтствующее тому, въ которомъ онъ находится во время акта нормальнаго чувственнаго воспріятія, то мы по ассоціаціи заключаемъ, что раздраженіе аппарата вызвано какимъ-либо внѣшнимъ факторомъ—свѣтовой или звуковой волной—и испытываемъ мнимое ощущеніе или галлюцинацію, т.-е. какъ бы видимъ свѣтъ или какъ бы слышимъ звукъ. Подобныя же явленія можемъ мы при подобныхъ же условіяхъ испытывать и въ другихъ сферахъ душевной дѣятельности, какъ, напримѣръ, въ области эмоцій.

Припомнимъ теперь, что факты непосредственнаго ясновидѣнія [2]) заставляютъ допустить существованіе у человѣка какой-то трансцендентной способности непосредственнаго, внѣчувственнаго познаванія окружающаго его физическаго міра и происходящихъ въ немъ измѣненій.

Какъ мы сейчасъ замѣтимъ, получая впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, мы, въ сущности, апперцепируемъ лишь измѣненія, происходящія въ нашей нервной системѣ. Но нервная система наша, и другихъ лицъ, также представляетъ собою не что иное, какъ крошечную часть физическаго міра. А отсюда слѣдуетъ, что каждый человѣкъ путемъ непосредственнаго ясновидѣнія можетъ познавать также и измѣненія, происходящія въ нервныхъ системахъ другихъ лицъ, т.-е., другими словами, можетъ трансцендентнымъ путемъ познавать ихъ впечатлѣнія или мысли.

Замѣтимъ мимоходомъ, что, разъ мы станемъ на эту точку зрѣнія, намъ не представится уже затруднительнымъ распространить понятіе о телепатіи и на процессы, такъ называемой, безсознательной душевной дѣятельности (церебраціи). Разсматривая гипотезы, проводимъ, такимъ образомъ, параллель между полученіемъ какого-либо впечатлѣнія обыкновеннымъ физіологическимъ путемъ, полученіемъ его путемъ телепатическимъ и явленіями непосредственнаго ясновидѣнія.

Пользуясь случаемъ укажемъ здѣсь на очень интересный опытъ, опубликованный недавно извѣстнымъ французскимъ психологомъ д-ромъ Альфредомъ Бинѐ [1]). Къ совершенно нечувствительному затылку истерички прикладывается неизвѣстная ей медаль съ весьма сложнымъ рельефнымъ на ней рисункомъ — и истеричка *рисуетъ* довольно точно выгравированное на медали изображеніе, хотя и совершенно не чувствуетъ ея прикосновенія. Здоровые же субъекты, съ которыми Бинѐ продѣлывалъ тотъ же самый опытъ, бывали въ состояніи нарисовать лишь контуръ округлаго диска медали. «Не поможетъ ли этотъ экспериментъ уяснить сущность такъ называемаго перемѣщенія ощущеній въ магнитическомъ снѣ?», спрашиваетъ по этому поводу французскій ученый [6]). Безъ сомнѣнія, да; но какъ объяснить съ этой точки зрѣнія такого рода случаи, когда «ясновидящіе» узнавали прикладывавшіеся къ поверхности ихъ тѣла совершенно *гладкіе* рисунки, какъ, напримѣръ, фотографіи? [3]).

---

[1]) Эта знаменитая (по своей нелѣпости, прибавимъ отъ себя) фраза находится въ его «Физіологическихъ письмахъ», появившихся ровно полвѣка тому назадъ.

[2]) Краткій очеркъ нашихъ современныхъ свѣдѣній о ясновидѣніи и описаніе новѣйшихъ надъ нимъ опытовъ см. въ брошюрѣ «О дѣйствіи воли на разстояніи» 1892, стр. 66—84. См. также небольшую статью о ясновидѣніи въ *Недѣлѣ* за 1892 г. № 4. О непосредственномъ ясновидѣніи см. статью Дю-Преля въ *Sphinx*'ѣ за іюль—августъ 1892 г.

[1]) *D. A. Binet.* Les altérations de la personnalité 1892, стр. 191—192.

[2]) Loc. cit. стр. 192.

[3]) Описаніе подобнаго рода опытовъ см. въ этюдѣ «О дѣйствіи воли на разстояніи» стр. 77 и 80.

Нѣкоторые факты, однакожъ, какъ будто бы говорятъ въ пользу того предположенія, что и въ случаяхъ подобнаго рода дѣло не обходится безъ вмѣшательства чисто физіологическихъ факторовъ. Ибо какъ иначе объяснить, напр., то обстоятельство, что ясновидящая, надъ которою экспериментировала научная комиссія Мюнхенскаго Психологическаго Общества, даже и на фотографіяхъ лучше

Въ заключеніе этой замѣтки обратимъ вниманіе на одно очень важное обстоятельство.

Какъ мы видѣли выше, понятіе о телепатіи можно значительно расширить, такъ какъ факты заставляютъ допустить, что телепатическимъ путемъ могутъ передаваться не только мысли, на которыхъ въ данную минуту сосредоточено вниманіе индукторовъ, но также и процессы такъ называемой безсознательной душевной дѣятельности (церебраціи).

Можетъ, напримѣръ, случиться, что индукторъ будетъ совершенно не въ состояніи припомнить *почерка* того или иного умершаго своего родственника или знакомаго, и, тѣмъ не менѣе, это позабытое зрительное впечатлѣніе (почеркъ) сообщится телепатическимъ путемъ «медіуму» и этотъ послѣдній автоматически воспроизведетъ его, этотъ забытый почеркъ. Или же медіумъ сообщитъ какой-нибудь эпизодъ изъ земной жизни этого родственника или знакомаго, о которомъ индукторъ не сохранилъ ни малѣйшаго воспоминанія [1]).

различала крупныя детали, чѣмъ мелкія, хотя впрочемъ, опыты удавались одинаково хорошо и при свѣтѣ, и въ темнотѣ. («О дѣйствіи воли на разстояніи», стр. 77).

[1]) Нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ, допускающихъ подобнаго рода толкованіе, было наблюдено извѣстнымъ лондонскимъ физикомъ профессоромъ Лоджемъ на сеансахъ съ американскимъ трансфигураціоннымъ трансъ-медіумомъ мистрисъ Пайперъ. Она сообщила ему отъ имени его умершаго много лѣтъ тому назадъ дяди такія подробности изъ юныхъ лѣтъ его (дяди) жизни, точность которыхъ удалось провѣрить лишь путемъ разспросовъ другого оставшагося въ живыхъ дяди (Proceedings of the S. P. R. XVII, стр. 503, 515 и 517, а также стр. 450). Сеансы эти имѣли мѣсто въ Лондонѣ два года тому назадъ. Могутъ, конечно, возразить, что случаи этого рода допускаютъ и совершенно иное толкованіе: можно предположить, что проф. Лоджъ *дѣйствительно* никогда и ни отъ кого не слышалъ о сообщенныхъ ему эпизодахъ, и что они, эти эпизоды, были сообщены медіуму телепатическимъ путемъ, напр., какимъ-либо лицомъ, знавшимъ о нихъ и случайно въ эту минуту о нихъ подумавшимъ, другими словами, что медіумъ какъ бы *поймалъ* телепатическимъ путемъ эти, такъ сказать, случайно бродившія въ эту минуту мысли. Не слѣдуетъ, однако жъ, упускать изъ виду *двухъ* обстоятельствъ: во-первыхъ, того, что, какъ показываютъ факты, въ опытахъ надъ телепатическимъ взаимодѣйствіемъ разстояніе играетъ, повидимому, извѣстную роль (см. по этому поводу ст. въ «*Русскомъ Богатствѣ*» за іюнь 1889, стр. 248; см. также Proceedings of the S. P. R. X, стр. 177). Покойный Э. Гэрни пытался даже дать этому факту чисто психологическое объясненіе, не прибѣгая къ допущенію ослабленія телепатическаго вліянія съ разстояніемъ. (См. Phantasms of the Living m II, стр. 265). Во-вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что въ настоящее время ученіе о такъ называемой безсознательной душевной дѣятельности (церебраціи) вступаетъ въ совершенно новый фазисъ своего развитія. Новѣйшіе успѣхи опытной психологіи показали, какъ извѣстно, что существуютъ цѣлые обширные виды душевной дѣятельности (церебраціи), протекающіе, повидимому, совершенно безсознательно, но въ дѣйствительности сопровождаемые сознаніемъ и являющіеся *без*-сознательными лишь по отношенію, такъ сказать, къ нормальному, обыкновенному сознанію. Такъ, напр., въ цитированномъ въ текстѣ опытѣ д-ра Вине съ медалью истерична, повидимому, совершенно не ощущала прикосновенія этой медали съ находившемся на ней рисункомъ, въ дѣйствительности же ощущеніе это имѣло мѣсто и протекало *без*-сознательно лишь по отношенію къ ея нормальному, обыкновенному сознанію. (Лицъ, желающихъ познакомиться съ современными взглядами опытной психологіи на такъ называемую безсознательную душевную дѣятельность или церебрацію, отсылаемъ къ послѣднимъ выпускамъ Proceedings of the Society for psychical research, а также къ монографіямъ *Prof. Janet* L'automatisme psychologique 1889 г. *Binet* Les altérations de la personnalité. 1892). Лицъ, желающихъ познакомиться съ фактомъ оживленія въ памяти давно позабытыхъ впечатлѣній, отсылаемъ къ статьѣ «Чудеса памяти», помѣщенной въ «*Недѣлѣ*» за 1892 годъ № 8. Не слѣдуетъ упускать изъ виду еще того обстоятельства, что, допуская защищаемое здѣсь расширеніе понятія о телепатіи, мы тѣмъ самымъ допускаемъ возможность сообщенія телепатическимъ путемъ «медіуму» впечатлѣній, полученныхъ когда-то предками индуктора, и притомъ безъ вѣдома этого послѣдняго, не проявившись въ его (нормальномъ) сознаніи или же, по крайней мѣрѣ, ускользнувши отъ его вниманія.

Болѣе подробно о явленіяхъ наслѣдственной памяти см. Journal of the Society for psichical research за мартъ 1890 г. и статью извѣстнаго англійскаго спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ доктора Лейкока, помѣщенную въ Revue Scientifique за 1876 г., №№ отъ 5 и 19 августа. Богатѣйшій казуистическій матеріалъ по вопросу о разсматриваемомъ здѣсь расширеніи понятія о телепатіи находится въ отчетахъ о сеансахъ съ новымъ американскимъ медіумомъ мистр. Пайперъ, опубликованныхъ лондонскимъ психическимъ обществомъ въ XVII и XXX выпускахъ издаваемыхъ имъ Proceedings. Нѣкоторые изъ членовъ его, экспериментировавшихъ съ мистр. Пайперъ, прямо высказываются въ пользу предположенія о распространеніи понятія о телепатіи и на такъ называемые безсознательные (или, какъ теперь обыкновенно выражаются, *под*-сознательные, душевные акты. (См. Proceedings, XVII. стр. 564).

Мы видимъ отсюда, съ какимъ чрезмѣрнымъ скептицизмомъ слѣдуетъ относиться ко всѣмъ этимъ якобы неопровержимымъ доказательствамъ проявленія въ этомъ мірѣ вліянія «духовъ» умершихъ.

Итакъ, факты заставляютъ допустить, что между двумя или болѣе лицами можетъ установиться, помимо наружныхъ органовъ чувствъ, такого рода общеніе, что всѣ акты душевной дѣятельности (церебраціи) одного изъ нихъ, именуемаго индукторомъ—какъ сознательные, такъ и безсознательные — будутъ отражаться въ душевной сферѣ (въ мозгу) другаго — перцептора или медіума. Подобнаго рода общеніе носитъ названіе телепатіи. Телепатическая способность познаванія можетъ быть разсматриваема, какъ простой частный случай другой трансцендентной способности познаванія—способности такъ называемаго прямого, абсолютнаго или непосредственнаго ясновидѣнія.

3. Вотъ еще нѣкоторыя возможныя телепатическія гипотезы: 1) Можно предположить, что телепатическія взаимодѣйствія происходятъ непосредственно между высшими нервными центрами (мозгами) вовлеченныхъ въ *rapport* лицъ, при посредствѣ какого - либо физическаго агента. 2) Можно предположить, что въ актахъ этого рода происходитъ непосредственное взаимодѣйствіе между духовными началами вовлеченныхъ въ телепатическій rapport лицъ. 3) Между предыдущими двумя крайними гипотезами возможны и компромиссы. Можно предположить,

что въ актѣ телепатическаго взаимодѣйствія мы имѣемъ дѣло съ непосредственнымъ дѣйствіемъ духовнаго начала индуктора на высшіе мозговые центры перцептора или же наоборотъ, что въ актѣ этомъ духовное начало перцептора воспринимаетъ какимъ-то трансцендентнымъ путемъ (непосредственное ясновидѣніе) физическія измѣненія, происходящія въ высшихъ центрахъ индуктора во время акта мышленія, подобно тому, напр., какъ въ актахъ нормальнаго чувственнаго воспріятія начало это воспринимаетъ измѣненія, происходящія въ собственныхъ его (перцептора) центрахъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что при критической оцѣнкѣ гипотезъ этой послѣдней, третьей, группы, не слѣдуетъ упускать изъ виду того капитальнѣйшаго, коренного измѣненія прежнихъ взглядовъ на сущность вещества, которое происходитъ мало-по-малу въ современной наукѣ [1]). («Ребусъ» 1893 г., №№ 5, 7).

Б. Значеніе телепатіи.

Авторы «Прижизненныхъ призраковъ» - сочиненія, не разъ нами цитированнаго, избѣгаютъ объясненій телепатическихъ фактовъ, не дѣлаютъ вытекающихъ изъ нихъ выводовъ, важныхъ для религіи и философіи; но и они не могли иногда умалчивать совершенно о религіозно-философскомъ значеніи телепатическихъ явленій,—настолько оно очевидно.

1. Прежде всего факты этого рода имѣютъ непосредственное отношеніе къ философіи: они служатъ несомнѣнно опорою спиритуализма и совершенно ниспровергаютъ психологическій матеріализмъ и полу-матеріализмъ (позитивизмъ). Причинная связь тѣла и духа или ихъ неразрывность становятся невозможнымъ предположеніемъ въ виду этихъ фактовъ, говорящихъ о возможности самостоятельной и независимой отъ тѣла, его органовъ внѣшнихъ чувствъ, психической дѣятельности, какъ познаніе: въ телепатіи мы видимъ актъ чисто-духовной сверхчувственной познавательной дѣятельности и, конечно, должны неизбѣжно допустить для него духовное же начало, каковою является душа въ смыслѣ самостоятельнаго духовнаго существа. Всѣ факты телепатіи могутъ найти свое объясненіе единственно на почвѣ спиритуалистической психологіи и необходимо предполагаютъ ее. Точно также, кромѣ самостоятельности и духовности души, телепатическія явленія, именно посмертныя, вопреки мнѣнію авторовъ, несомнѣнно предполагаютъ, какъ единственно естественное свое объясненіе, неразрушимость или безсмертіе души.

[1]) См. по этому поводу этюдъ: «О дѣйствіи воли на разстояніи» 1892, стр. 88 и слѣд. Всѣ приведенные въ нашей книгѣ факты телепатіи объяснимы вполнѣ удовлетворительно только при допущеніи въ человѣкѣ души, какъ самостоятельной, независимой отъ тѣла, духовной субстанціи. Для уясненія этой мысли см. также слѣдующую статью подъ букв. Б. (Г. Дьяченко).

2. Служа опорою спиритуализма, факты телепатіи тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ значеніе и для христіанской религіи; но они имѣютъ къ ней и болѣе близкое отношеніе. Въ нихъ богословъ-апологетъ почерпаетъ положительныя психологическія основанія христіанскаго ученія или понятія о самой религіи, какъ живомъ сверхчувственномъ общеніи между Духомъ божественнымъ и духомъ человѣческимъ. Телепатія говоритъ намъ, что духъ человѣческій способенъ отражать въ себѣ идущія отвнѣ воздѣйствія на него безъ всякихъ внѣшнихъ чувственныхъ средствъ, именно воздѣйствія на него другой души; слѣдовательно въ ней мы имѣемъ на лицо уже фактъ, вполнѣ аналогичный съ тѣмъ, который лежитъ въ основѣ религіознаго взаимообщенія между Богомъ и человѣкомъ. Въ виду такого наглядного доказательства возможности и дѣйствительности непосредственнаго общенія душъ, не остается никакихъ причинъ отвергать возможность и дѣйствительность религіи въ смыслѣ дѣйствительнаго живого союза Бога и человѣка. „Всѣ предположенія, высказываемыя наукой противъ возможности духовнаго общенія, въ настоящее время несостоятельны и, такъ какъ нельзя уже утверждать, что нашъ духъ лишенъ возможности отражать на себѣ какое-либо вліяніе, за исключеніемъ вліяній, идущихъ путемъ органовъ чувствъ, то матеріалистъ долженъ согласиться, что не пустою мечтою, а вполнѣ серьезною научною возможностію представляется то положеніе, что, если въ дѣйствительности существуютъ разумныя силы, отличныя отъ духа живого человѣка, то вліянія этихъ силъ могутъ быть обнаружены на нашемъ духѣ и могутъ оставаться либо на порогѣ сознанія, либо возрастать до опредѣленнаго сознанія, согласно присутствію или отсутствію соотвѣтственныхъ стимуловъ или другихъ причинъ, хотя бы и неизвѣстныхъ намъ“ [1]).

Само-собою очевидно, что кромѣ ученія о религіи, какъ живомъ взаимообщеніи между человѣкомъ и Богомъ, въ фактахъ телепатіи получаютъ фактическое оправданіе и научно-психологическое освѣщеніе другія однородныя истины христіанскаго вѣроученія, какія обнимаются въ общемъ положеніи о связи міра невидимаго съ міромъ видимымъ, о единствѣ церкви небесной и церкви земной,—таковы: ученіе о служеніи ангеловъ людямъ, объ ангелахъ-хранителяхъ, о вліяніи злыхъ духовъ на людей, о призываніи и почитаніи святыхъ, объ общеніи живыхъ съ умершими и др. Отнынѣ всѣ возраженія протестантскаго *раціонализма* противъ этихъ догматовъ православной церкви совершенно теряютъ всякій вѣсъ и устраняются безъ всякаго труда однимъ простымъ указаніемъ на факты телепатіи, т.-е. непосредственнаго и внѣчувственнаго взаимообщенія духовъ, а православнымъ богословамъ въ курсахъ и системахъ такъ

[1]) *Прижизненные призраки*, стр. XX f.

называемаго обличительнаго богословія облегчается весьма сложная и неблагодарная работа—разрушать и распутывать тонкую паутину хитросплетеній протестантскаго богословія въ его борьбѣ противъ православнаго ученія по указаннымъ пунктамъ. Наглядный примѣръ этого упрощенія задачи богослововъ-полемистовъ, дѣлающаго самый трудъ болѣе плодотворнымъ, можетъ быть сейчасъ же приведенъ здѣсь.

Противъ православнаго ученія о призываніи святыхъ протестантское богословіе выдвигаетъ, между прочимъ, такое возраженіе, — какъ бы то ни было—нуждающееся въ опроверженіи. Святые и ангелы, какъ существа все-таки ограниченныя и необладающія всевѣдѣніемъ и вездѣприсутствіемъ, не могутъ, говорятъ, слышать наши молитвы, знать нужды наши, а потому и молитвенное призываніе святыхъ становится невозможнымъ. Наше богословіе на защиту ученія выступаетъ съ цѣлымъ арсеналомъ блистательныхъ и тонкихъ теоретическихъ соображеній, въ концѣ-концовъ доказывающихъ возможность знанія святыхъ о нашей молитвѣ къ нимъ и нашихъ нуждахъ. Но это легче, конечно, достигается однимъ простымъ указаніемъ на факты телепатіи или ихъ только изложеніемъ. Есть, говорятъ эти факты, въ душѣ человѣческой силы, побѣждающія время и пространство, есть возможность знать совершающееся на громадныхъ отъ насъ разстояніяхъ,—*слышать безъ ушей, видѣть безъ очей*... И эти силы наблюдаются у людей средняго или даже низкаго духовнаго уровня,—тѣмъ естественнѣе встрѣтить ихъ въ бо́льшихъ даже размѣрахъ у людей духа, каковы святые, или у ангеловъ, существъ духовныхъ [1]... Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интересны и поучительны *слуховыя* телепатическія галлюцинаціи, гдѣ агентъ мысленно или вслухъ произноситъ слова, а перципіентъ *слышитъ* эти слова за сотни верстъ... Привожу въ сокращеніи разсказъ д-ра Николаса, графа Гонемиса на Корфу: «Во 1869 г. состоя врачомъ въ греческой арміи, я былъ прикомандированъ военнымъ министерствомъ къ гарнизону на островѣ Занте и отправился на новую должность. По дорогѣ къ острову, мили за двѣ отъ берега, я услышалъ внутренній голосъ, говорившій мнѣ безъ перерыва по-итальянски: «повидайся съ Вольтеррою». Фраза повторялась такъ долго, что я былъ почти оглушенъ. Хотя я былъ въ эту минуту совершенно здоровъ, однако встревожился явленіемъ, которое принялъ за галлюцинацію слуха. У меня не было никакого повода думать о г. Вольтерра; онъ жилъ на Занте, и я не былъ даже съ нимъ знакомъ, хотя видѣлъ его однажды, за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Я пробовалъ затыкать уши, разговаривалъ со своими спутниками, но ничто не помогало. Голосъ слышался попрежнему. Наконецъ, мы причалили; я отправился прямо въ гостиницу и занялся разборкою своихъ чемодановъ, но голосъ докучалъ мнѣ неотступно. Спустя немного времени явился слуга съ докладомъ, что у дверей стоитъ господинъ, который желаетъ немедленно переговорить со мною. «Кто такой»? спросилъ я. «Г. Вольтерра», былъ отвѣтъ. Г. Вольтерра вошелъ, заливаясь слезами, въ полномъ отчаяніи, и сталъ умолять меня итти съ нимъ посмотрѣть его сына, который сильно боленъ“ [1]).

Для кого не ясно, что этими и подобными фактами наша вѣра выводится здѣсь за свои границы и вступаетъ въ область научно-эмпирическаго знанія, не переставая, однако, быть вѣрою при обиліи таинственнаго и непостижимаго и въ этой области? Равнымъ образомъ, едва ли въ виду этихъ фактовъ настоитъ надобность въ долгомъ и настойчивомъ разъясненіи необходимости примѣненія ихъ къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ въ богословіи, даже догматическомъ, въ интересахъ лучшаго раціональнаго освѣщенія и обоснованія цѣлой группы истинъ, обнимаемыхъ въ основномъ ученіи о связи двухъ міровъ — видимаго и невидимаго.

Таково *положительное* значеніе изученія телепатіи для богословія.

Но факты телепатіи, при злоупотребленіи, могутъ получить иное значеніе по отношенію къ христіанской религіи,—именно отрицательное. Безъ сомнѣнія, рано или поздно, невѣріе не замедлитъ искать въ нихъ себѣ опору въ борьбѣ съ христіанствомъ, при томъ въ важнѣйшемъ пунктѣ, относящемся къ самому основанію христіанства,— къ вѣрѣ въ чудесное трехдневное воскресеніе Христово. Факты телепатіи могутъ показаться весьма благопріятными въ настоящее время самой популярной въ «отрицательной критикѣ» и образованномъ обществѣ раціоналистической теоріи, такъ называемыхъ, *объективныхъ видѣній* въ отличіе отъ *субъективныхъ видѣній* или галлюцинацій (*визіонерной* теоріи Ренана и другихъ). Эта новая теорія все болѣе и болѣе вытѣсняетъ другія и представляется опаснѣе всѣхъ другихъ сама по себѣ по своей большой, *хотя только кажущейся*, правдоподобности. (См. кн. свящ. о. П. Свѣтлова «Мистицизмъ конца XIX в.», Спб. 1897 г., стр. 66—72 [2]).

---

[1]) Ср. мнѣніе по данному вопросу у *арх. херс. Иннокентія* въ *Сборникѣ профессоровъ Кіевской Д. А.* К. 1865, привод. въ кн. свящ. П. Свѣтлова: *Пророческіе или вѣщіе сны* стр. 72—73, 109.

[1]) «Прижизненные призраки» стр. 372.

[2]) Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ противъ излишняго опасенія передъ злоупотребленіями телепатіей. Нравственно-идеальный характеръ І. Христа, предсказавшаго за много времени какъ о Своихъ страданіяхъ, такъ и тридневномъ воскресеніи изъ мертвыхъ, увѣряетъ насъ, что Онъ воскресъ и по тѣлу,—достовѣрнѣйшія евангельскія свидѣтельства о воскресеніи І. Христа, явленія воскресшаго Господа Савлу близъ Дамаска и затѣмъ цѣлому сонму св. мучениковъ на протяженіи болѣе двухъ вѣковъ, исполнившіяся предсказанія І. Христа о разрушеніи Іерусалима и храма и о судьбѣ Его церкви и многое другое въ связи съ обновленіемъ христіанствомъ всего міра, уничтожаютъ всю силу означеннаго опасенія. Фактъ воскресенія І. Христа, какъ и все вообще евангеліе, ни на волосъ не можетъ быть поколеблено никакими теоріями. Истинность воскресенія Христова и всего евангельскаго ученія доказывается всей исторіей христіанской церкви и внутреннимъ свидѣтельствомъ совѣсти и разума всѣхъ людей. *(Свящ. Г. Д—ко).*

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Психометрическая способность души.

А. Способность знанія душею безъ предварительнаго ознакомленія, какъ бы чрезъ внутренній голосъ, отдаленныхъ лицъ, событій, предметовъ и т. п. при посредствѣ какого-либо физическаго явленія, или даже безъ посредства его.

Психометрія. Слово „психометрія“ (опредѣленіе души) далеко не соотвѣтствуетъ понятію, въ немъ заключающемуся. Но очень трудно придумать правильное названіе особымъ дарамъ природы, необъяснимымъ въ нашемъ земномъ мірѣ. Мы постараемся разъяснить нѣсколькими примѣрами, что именно подразумѣвается подъ психометріей, но сперва скажемъ, что душа—(ψυχή-*психи*)—при нѣкоторыхъ присущихъ ей условіяхъ владѣетъ способностью ставить себя въ нѣкотораго рода связь съ болѣе или менѣе отдаленными событіями, оставившими свой, такъ сказать, духовный слѣдъ на предметахъ, къ которымъ прикасается психометръ. Такимъ предметомъ можетъ быть рука, часть одежды, камень, кусокъ дерева, осколокъ отъ древнихъ развалинъ, монета, письмо или конвертъ; однимъ словомъ, всякій предметъ, посредствомъ соприкосновенія съ которымъ психометръ входитъ въ духовное соотношеніе *(rapport)* со всѣмъ его окружающимъ, равно какъ и съ эпохой, съ которой данный предметъ связанъ, и становится нѣкоторымъ образомъ причиною къ возбужденію у психометра способности видѣть своимъ духовнымъ зрѣніемъ какъ бы проходящими передъ нимъ въ панорамѣ извѣстныя событія и ощущать внутреннія впечатлѣнія, съ ними связанныя. Слѣдующіе примѣры пояснятъ лучше, что подразумѣвается подъ психометріей.

Разсказы о психометрической способности человѣка.

1. Опыты отгадыванія дѣйствія лѣкарствъ. Въ медицинской школѣ нѣкоторые товарищи обратили особенное вниманіе на студента и студентку, отличавшихся своею чрезвычайной сенситивностью, и рѣшились сдѣлать съ ними нѣсколько психометрическихъ опытовъ, для чего выбрали два медикамента и налили нѣсколько капель тинктуры арники, идущей изъ Германіи, на ладонь студента и нѣсколько капель тинктуры ипекакуаны на руку студентки. Оба описали дѣйствіе медикаментовъ на человѣческій организмъ такъ правильно, что другіе присутствующіе при этомъ студенты узнали, по ихъ словамъ, какія это были лѣкарства. Но это еще не все: каждый изъ нихъ описалъ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ растеніе, послужившее для тинктуры, было сорвано; относительно арники—Тюрингенскія горы близъ Инзельберга, а для ипекакуаны—тропическія страны Бразиліи, и такъ подробно и ярко, что мы ихъ точно сами видѣли. Опыты наши мы дѣлали большей частью съ дѣвушкой, какъ съ еще болѣе сенситивнымъ субъектомъ, а со студентомъ только опредѣляли лѣкарства, наливая ихъ ему на ладонь. Съ *пульсатилой* и *секаль-корнутомъ* описаніе ихъ дѣйствія на мужской и женскій организмъ вышло такъ ярко, что можно было подумать, что самъ описывающій принималъ ихъ въ большихъ дозахъ. Калифорнское средство отъ лихорадки *Canchilagua*, въ то время еще мало извѣстное, произвело всѣ симптомы перемежающейся лихорадки, хотя студентъ никогда не слыхалъ даже имени этого растенія. Студентка же была настолько сенситивна, что я разъ попробовалъ дать ей въ руку пузырекъ съ лѣкарствомъ, и какъ только она дотронулась однимъ пальцемъ до пробки, симптомы его тотчасъ же обозначились, сперва медленно и слабо, но вскорѣ такъ же сильно и опредѣленно, какъ и при непосредственномъ соприкосновеніи съ лѣкарствомъ. Другой врачъ положилъ ей однажды въ руку нѣсколько корпіи, и она вскорѣ описала желѣзнодорожнаго рабочаго и полученныя имъ поврежденія, описала хирургическую операцію и мѣстность, гдѣ случилось съ нимъ несчастіе.

2. Подробное описаніе мѣстностей, построекъ и лицъ, въ нихъ проживавшихъ, по куску камня. Профессоръ Букананъ, открывшій психометрическую силу, производилъ опыты съ сотнями сенситивныхъ женщинъ, больше же всего съ своей женою, и достигъ истинно чудесныхъ результатовъ. Небольшой кусокъ надгробнаго камня съ могилы одного индуса и нѣсколько мраморныхъ обломковъ изъ различныхъ греческихъ развалинъ, какъ только попадали въ руки медіума, вызывали подробныя описанія мѣстностей, построекъ и лицъ, въ нихъ проживавшихъ, описанія бывшихъ тамъ сраженій и проч. Достаточно было оторваннаго отъ письма лоскутка бумаги чтобы установить духовную связь между медіумомъ и авторомъ письма, и деревяннаго

обломка, выброшеннаго моремъ, чтобы медіумъ увидалъ и описалъ страшную картину кораблекрушенія.

3. **Описаніе планеты по куску метеорита.** Въ заключеніе мы вспомнимъ поразительные результаты, достигнутые профессоромъ Дентономъ съ метеоритами. Профессоръ Дентонъ много путешествовалъ по всему земному шару для геологическихъ изслѣдованій. Однажды ему удалось вырыть изъ земли метеоритъ, упавшій у его ногъ; какъ только тотъ нѣсколько остылъ, онъ отбилъ отъ него кусокъ и увезъ съ собою, потомъ разломалъ его на двѣнадцать кусочковъ и разослалъ ихъ къ двѣнадцати психометрическимъ медіумамъ, большинство которыхъ другъ друга совсѣмъ не знали, и врядъ ли могли угадать, что имъ было прислано запечатаннымъ въ бумагѣ. Одиннадцать изъ двѣнадцати психометровъ описали небесное тѣло, внезапно уничтоженное со всѣми животными, растеніями и человѣческими существами, похожими на земныхъ людей, которыя во время катастрофы обитали на немъ; описали силы, тамъ дѣйствовавшія, и тѣла жителей той эпохи, достигнувшія до высокой степени совершенства. Нѣкоторые изъ медіумовъ оказались способными прослѣдить событія, совершавшіяся вплоть до ея разрушенія, на той планетѣ, чьи осколки вращались теперь вокругъ солнца въ видѣ метеоровъ, путь которыхъ пересѣкается землею въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Если психометръ, взявъ кого-нибудь за руку, воспринимаетъ отъ него какъ физическія, такъ и душевныя впечатлѣнія, то въ будущемъ, когда психометрія разовьется, она должна будетъ играть важную роль въ діагнозѣ болѣзней, ибо посредствомъ ея можетъ быть изслѣдовано умственное, духовное и физическое состояніе больного не только въ данную минуту, но и во всѣ предшествующія, со всѣми его самыми отдаленными причинами и слѣдствіями; однимъ словомъ, полная исторія болѣзни будетъ ясна для врачующаго, тогда какъ въ настоящее время умственное и духовное состояніе больного мало извѣстны и еще менѣе обращаютъ на себя вниманіе. (См. „Ребусъ“ 1892 г., № 50, откуда мы извлекли вышеприведенные факты).

4. **Случай изъ жизни препод. Сергія.** Современникъ преп. Сергія Радонежскаго, св. Стефанъ, просвѣтитель Перми, будучи въ царствованіе В. князя Дмитрія Ивановича епископомъ обращеннаго имъ въ христіанство зырянскаго края, спѣшилъ въ 1390 г. въ Москву просить князя обуздать своихъ чиновниковъ, угнетавшихъ его паству тяжкими поборами. На пути въ Москву онъ проѣзжалъ въ девяти верстахъ отъ Троицы, гдѣ подвизался преп. Сергій. Св. Стефанъ всей душой стремился повидаться съ нимъ, но, спѣша въ Москву, отложилъ свиданье до обратнаго пути, на этотъ же разъ послалъ подвижнику свое привѣтствіе издали. Остановивъ лошадей въ виду Сергіевой обители, онъ слѣзъ съ повозки, сотворилъ молитву и, духовно созерцая великаго подвижника, поклонился ему до земли. Въ этотъ моментъ св. Сергій вмѣстѣ съ братіей сидѣлъ за трапезой и, прозрѣвъ духовное привѣтствіе Стефана, тотчасъ всталъ и отвѣтилъ ему такимъ же привѣтствіемъ, торжественно сказавъ изумленной братіи: „учитель шествуетъ“. Таково народное преданіе о заочномъ свиданіи двухъ великихъ подвижниковъ (См. житіе преп. Сергія, сост. архим. Никономъ).

5. **Ясновидѣніе писателя Цшокке.** Въ интересномъ сочиненіи Эдуарда фонъ-Гартмана: „Спиритизмъ“, въ главѣ „о чтеніи мыслей“ упоминается объ извѣстномъ нѣмецкомъ писателѣ Генрихѣ Цшокке [1]), обладавшемъ замѣчательною способностью „наглядно представлять себѣ всѣ главные моменты жизни человѣка при *первомъ* взглядѣ на него и при слышаніи его голоса“ Подобною же способностью, въ большей или меньшей степени обладали и нѣкоторыя другія личности, здоровыя физически и умственно.

Эту удивительную анормальность въ человѣческой психикѣ нельзя, такимъ образомъ, причислить къ легіону многообразныхъ психическихъ разстройствъ (имъ же нѣсть нынѣ числа), которыми иные такъ любятъ объяснять всякое изъ ряда вонъ выходящее явленіе въ области духовной природы человѣка.

Цшокке сообщаетъ о своемъ дарѣ ясновидѣнія въ своей интересной автобіографіи (H. Zschokke. „Eine Selbstchau“ Aarau, Sauerländer, 1872. T. I, стр. 310—14).

Съ большими опасеніями приступаетъ онъ къ разсказу о своей способности ясновидѣнія. Не того, конечно, опасается онъ, что его сочтутъ суевѣрнымъ, а боится онъ главнымъ образомъ того, что своимъ признаніемъ онъ укрѣпитъ въ суевѣріи тѣхъ, которые предрасположены къ тому. Такова, впрочемъ, участь всѣхъ, такъ называемыхъ, таинственныхъ явленій. Большинство или рѣшительно отрицаетъ существованіе этихъ явленій, считая ихъ ничего не стоющимъ вздоромъ и „фантазіей“, или открещивается отъ нихъ съ суевѣрнымъ страхомъ, точно отъ нечистой

[1]) Генрихъ Цшокке (1770—1848) одинъ изъ блестящихъ нѣмецкихъ писателей первой половины XIX-го вѣка, игравшій немаловажную политическую роль въ исторіи Швейцаріи конца прошлаго и начала настоящаго вѣка. Но особенно извѣстенъ онъ у нѣмцевъ своими религіозно-нравственными сочиненіями. Его «Stunden der Andacht» (Часы благоговѣнія) пользуются большой популярностью въ Германіи и Швейцаріи.

силы. А между тѣмъ эти „таинственныя явленія“ представляютъ рядъ глубоко интересныхъ фактовъ, имѣющихъ громадную цѣнность не только для опытной психологіи, но и для всего нашего научнаго и этическаго міросозерцанія. Быть-можетъ, ближайшее изученіе этихъ „явленій“ и приведетъ насъ къ рѣшенію нѣкоторыхъ „проклятыхъ“ вопросовъ, съ давнихъ временъ волнующихъ человѣческій умъ. Перейдемъ теперь къ разсказу Цшокке.

Зачастую, когда онъ молча вслушивался въ рѣчь незнакомаго ему дотолѣ человѣка, или всматривался въ черты его лица, передъ его умственнымъ взоромъ проносилась, точно ясный и отчетливый сонъ, вся прошлая жизнь говорившаго въ мельчайшихъ ея подробностяхъ; по временамъ же — отдѣльныя лишь событія. Длилось это странное явленіе обыкновенно лишь нѣсколько минутъ, и нисколько не зависѣло оно отъ его воли и желанія. Обыкновенно, Цшокке такъ всецѣло погружался въ разсматриваніе проносившейся передъ нимъ картины чужой жизни, что подъ конецъ черты лица незнакомца расплывались, точно въ туманѣ, и онъ переставалъ ясно различать даже голосъ, до того служившій ему какъ бы комментаріемъ къ чертамъ лица. Долгое время Цшокке считалъ эти мимолетныя видѣнія игрою фантазіи. Къ этому побуждала его еще та особенность, что въ картинѣ видѣнія онъ ясно различалъ одежду и движеніе дѣйствующихъ лицъ, комнаты и убранство ихъ со всѣми подробностями. Случай заставилъ Цшокке серьёзнѣе отнестись къ его страннымъ видѣніямъ. Шутки ради онъ однажды позволилъ себѣ въ интимномъ семейномъ кругу разсказать тайную исторійку одной швеи, только что удалившейся изъ комнаты. Всѣ удивились и были убѣждены, что Цшокке прекрасно знаетъ всю подноготную бѣдной швеи, такъ какъ все разсказанное имъ оказалось чистѣйшей правдой. Между тѣмъ, онъ видѣлъ эту швею въ первый разъ. Легко себѣ представить изумленіе самого Цшокке, когда онъ увидѣлъ, что его видѣнія согласуются съ дѣйствительностью. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ внимательнѣе слѣдить за этой странной своей особенностью и, если только приличія позволяли, онъ разсказывалъ тѣмъ, чья жизнь проносилась передъ нимъ, содержаніе своихъ видѣній, чтобы добиться отрицанія или подтвержденія. Всякій разъ, однако, слѣдовало подтвержденіе, къ немалому смущенію подтверждавшихъ.

Для иллюстраціи этой психической особенности своей, Цшокке приводитъ слѣдующій примѣръ, по его мнѣнію ярче другихъ рисующій объемъ и содержаніе возникавшихъ въ его умѣ видѣній:

„Разъ, въ базарный день, въ Вальдсгутѣ, я завернулъ въ Ребштокскую гостинницу. Со мной были два моихъ спутника по лѣсной экскурсіи, предпринятой мною тогда по лѣсамъ кантона. Мы ужинали въ многолюдной столовой. Разговоръ ужинавшихъ вертѣлся преимущественно на странностяхъ и особенностяхъ швейцарцевъ, месмеризмѣ, физіогномикѣ Лафатера и т. п. Всѣ эти предметы подвергались безпощадному глумленію. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, національная гордость котораго была сильно задѣта, просилъ меня возразить что-нибудь, въ особенности одному сидѣвшему vis-à-vis насъ молодому человѣку, яростнѣе всѣхъ глумившемуся надъ таинственными и загадочными явленіями человѣческой души. Какъ разъ въ эту минуту предо мною пронеслась его жизнь. Я обратился къ нему съ вопросомъ, дастъ ли онъ мнѣ правдивый отвѣтъ, если я, будучи съ нимъ совершенно незнакомъ, разскажу ему все тайное и сокровенное изъ его жизни. „Надо допустить, — прибавилъ я — что подобный кунстштюкъ далеко оставляетъ за собою физіогномику Лафатера, надъ которой вы такъ издѣваетесь“. Онъ обѣщался откровенно признаваться во всемъ, если я только буду говорить правду. Я сталъ передавать свои видѣнія, и все присутствовавшее общество узнало исторію молодого купца, его годы ученія, его маленькія заблужденія и, наконецъ, маленькій грѣшокъ, совершенный имъ по отношенію къ кассѣ его принципала. Я подробно описывалъ ему нежилую комнату съ выбѣленными стѣнами, гдѣ вправо отъ черной двери на столѣ стоялъ черный денежный ящикъ и т. д. Глубокое молчаніе царило во все время разсказа, изрѣдка прерывавшагося моими вопросами о правдивости сообщаемаго мною. Молодой человѣкъ съ глубокимъ смущеніемъ всякій разъ давалъ утвердительный отвѣтъ, даже на послѣдній. Тронутый его откровенностью, я дружески протянулъ ему руку и закончилъ разсказъ“.

Несмотря на многія доказательства, долженствовавшія убѣдить его въ томъ, что ему присуща эта странная психическая особенность, Цшокке долго еще находился въ сомнѣніи. Такъ оно, впрочемъ, и слѣдовало. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ вообще въ области психизма, гдѣ такъ трудна провѣрка и прочная установка несомнѣнности факта, разумная доза сомнѣнія не только простительна, но и обязательна. Сначала Цшокке пробовалъ объяснить этотъ феноменъ то игрою случая, то сходствомъ представленій, возникавшихъ въ умѣ слушателя, съ его собственными. Но частая повторяемость случаевъ и безусловная вѣрность всѣхъ мельчайшихъ деталей въ картинѣ видѣнія съ дѣйствительностью устра-

няли всякую резонность подобныхъ объясненій. Наконецъ, онъ остановился на метафизическомъ объясненіи. Исходя изъ убѣжденія, что человѣкъ состоитъ изъ трехъ элементовъ: тѣла, души и духа [1]), онъ приписываетъ эту способность духовному элементу, проявляющемуся въ нѣкоторыхъ случаяхъ невѣдомымъ и непонятнымъ для насъ путемъ.

Собственно говоря, при современномъ состояніи нашихъ знаній, нѣтъ еще возможности представить строгое научное объясненіе явленій психизма. Возможны только болѣе или менѣе остроумныя догадки. („Ребусъ“ 1887 г., № 2).

6. Разсказы о психометрическихъ способностяхъ м-ссъ Коффанъ.

а) „Однажды моя пріятельница, — пишетъ въ своемъ дневникѣ м-ссъ Коффанъ,—не допускающая возможности психическаго привидѣнія (percir tion), написала какія-то слова въ бумажкѣ, послѣ чего потушила свѣтъ, закрыла мнѣ глаза и положила мнѣ на голову свою записку. Я тотчасъ же стала описывать незнакомую мнѣ женщину и, охарактеризовавъ ее самымъ точнымъ образомъ, добавила, что эта личность очень больна. Въ ту самую минуту я почувствовала страшный толчокъ въ затылокъ, отозвавшійся вдоль всей спины, и должна была сказать еще, что больная страдаетъ болѣзнью спинного мозга. Испытываемое мною ощущеніе было такъ непріятно, что я должна была сбросить съ головы эту бумажку. Мнѣ никогда не приходилось ни встрѣчать эту личность, ни что-либо о ней слышать, а между тѣмъ мое описаніе оказалось безусловно вѣрнымъ.

б) Въ другой разъ генералъ Г. передалъ мнѣ письмо, но такъ, что я не видѣла почерка, которымъ оно было написано. Я сразу сказала, что оно написано на иностранномъ языкѣ, описала физическія и душевныя свойства его автора, объяснила цѣль письма и объявила, наконецъ, что написавшій скоро предприметъ путешествіе. Дѣйствительно, письмо было написано по-испански, на незнакомомъ мнѣ языкѣ, и путешествіе было предпринято въ теченіе того же мѣсяца.

в) Докторъ Л. далъ мнѣ бѣлый камень со слѣдами рѣзьбы, и полученное впечатлѣніе заставило меня выразиться слѣдующимъ образомъ: „Вижу бѣлыя колонны, съ рѣзьбой наверху. Кусокъ этотъ составлялъ часть верхняго стѣнного карниза. У основанія стѣны вижу мозаичный полъ, состоящій изъ чудныхъ, разноцвѣтныхъ камней. Стѣна эта составляла прежде часть зданія, стоящаго на горѣ, отъ котораго теперь видны однѣ развалины! Надъ ними разстилается ярко голубое небо, и воздухъ тамъ удивительно чистъ и прозраченъ. А вотъ я вижу его и при лунномъ свѣтѣ. Это былъ императорскій дворецъ“.—Затѣмъ, послѣ минутнаго колебанія, я продолжала:

„Это дворецъ цезарей въ Римѣ“. — Вѣрность этого впечатлѣнія подтвердилъ докторъ Л., самъ нашедшій этотъ камень въ вышеописанныхъ развалинахъ.

Вслѣдъ за этимъ докторъ подалъ мнѣ кусокъ темно-краснаго мрамора. Приложивъ его ко лбу, я получила такое представленіе. „Это взято съ древнихъ развалинъ на горѣ; когда-то онѣ были окружены густой темно-зеленой рощей. Камень этотъ взятъ изъ стѣны, окружающей зданіе, не бывшее ни дворцомъ, ни храмомъ, но предназначенное для народныхъ собраній. Вижу колесницы и конскія ристалища. А вотъ и человѣкъ съ величественной, благородной осанкой, одѣтый въ чудное пурпуровое платье съ золотой каймой. На плечахъ у него наброшена мантія, въ рукѣ у него трость съ какимъ-то украшеніемъ на верхушкѣ, а на головѣ вѣнецъ, въ родѣ архіерейской митры. Онъ обращается къ толпѣ, и я слышу слова: побѣдитель, побѣда!.. Здѣсь лилась кровь, а человѣкъ этотъ великій ораторъ“... Поданный мнѣ кусокъ былъ обломкомъ амфитеатра, построеннаго Цицерономъ. Докторъ далъ мнѣ еще камень, показавшійся мнѣ обломкомъ пола въ какомъ-то священномъ мѣстѣ. Воображеніе перенесло меня въ обширный соборъ — одно изъ величайшихъ зданій въ мірѣ, такой громадный, что глубина его исчезаетъ во мракѣ. Надъ нимъ высится огромный куполъ, а вокругъ средней его части тянется рядъ маленькихъ часовенъ. Массы народа входятъ и выходятъ оттуда. Вижу процессію священниковъ съ зажженными факелами. Мнѣ думается, что это соборъ св. Петра въ Римѣ.

И здѣсь докторъ подтвердилъ точность моего опредѣленія.

г) Мужъ мой подалъ мнѣ визитную карточку; не взглянувъ даже на нее, я положила ее себѣ на лобъ и сказала, что на ней стоитъ мужское имя, что этотъ человѣкъ весьма сомнительныхъ правилъ, и что преобладающими чертами его характера есть лицемѣріе и жажда къ наживѣ. Стараясь вовлекать другихъ въ раззорительныя предпріятія, онъ обогащается насчетъ ихъ ошибокъ. Онъ не американецъ, а скорѣе жидъ или полякъ, съ черными глазами, крупнымъ носомъ и громадными ногами. Занимается денежными и торговыми оборотами. Во время

---

[1]) Во 2 т. своей автобіографіи (Welt und Gottanschauung) онъ подробно развиваетъ это положеніе, служащее краеугольнымъ камнемъ его міросозерцанія. Онъ, между прочимъ, приходитъ къ убѣжденію въ неуничтожаемости нашего духа, отличающагося сверхъ-нормальными способностями и освобождающагося отъ нашего тѣла въ моментъ смерти.

этого описанія ни я, ни мужъ мой не имѣли ни малѣйшаго понятія объ этой личности, и только наведя о ней справки у знакомыхъ, узнали факты, вполнѣ подтверждавшіе точность моихъ впечатлѣній". („Ребусъ" 1892 г. № 21).

7. **Внутренній голосъ.** (Письмо въ редакцію „Ребуса"). Причисляя себя къ естествоиспытателямъ, для которыхъ долженъ имѣть значеніе всякій фактъ, какъ бы мало онъ ни поддавался объясненію съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ теорій, считаю своею обязанностью сообщить редакціи „Ребуса" о слѣдующемъ загадочномъ случаѣ, происшедшемъ вчера и поразившемъ меня лишь сегодня.

Въ 70-хъ годахъ, проживая въ Кіевѣ, я, говоритъ г. Шпачинскій, изрѣдка встрѣчалъ у моихъ знакомыхъ профессора анатоміи мѣстнаго университета В. А. Беца. Знакомство мое съ нимъ никогда не было близкимъ, а начиная съ 1876 года, когда я часто мѣнялъ мѣсто жительства, хотя и бывалъ въ Кіевѣ, встрѣчался съ нимъ крайне рѣдко, быть-можетъ, нѣсколько разъ за все время, и то не у упомянутыхъ знакомыхъ, гдѣ онъ пересталъ бывать, а на улицѣ, причемъ мы обмѣнивались лишь поклономъ. Могу съ увѣренностью сказать, что въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ, а въ особенности съ 1891 года, т.-е. съ тѣхъ поръ какъ живу безвыѣздно въ Одессѣ, я *никогда* не думалъ о проф. Бецѣ, не зная даже, живъ ли онъ, состоитъ ли попрежнему профессоромъ университета, и пр. Хотя я и получаю кіевскія газеты и иногда ихъ пробѣгаю, но не помню, чтобы хотя разъ встрѣтилъ въ нихъ какое-либо извѣстіе, касающееся названнаго лица. Поэтому-то меня довольно поразила вчера утромъ фраза: „Бецъ умеръ", произнесенная гдѣ-то внутри моего я, въ тотъ моментъ, когда я просыпался. Это не былъ сонъ, не былъ голосъ, и я не могу даже сказать, на какомъ языкѣ это извѣстіе было передано моему сознанію. Я тотчасъ же разсказалъ своимъ домашнимъ объ этомъ странномъ фактѣ и просилъ жену слѣдить за кіевскими газетами, говоря, что „чего добраго, можетъ и дѣйствительно проф. Бецъ умеръ". Это было 1-го октября 1894 г., и когда прибыли кіевскія газеты, мы убѣдились, къ крайнему нашему удивленію, что проф. Бецъ скончался наканунѣ, т.-е. 30-го сентября.

Вотъ то, чего я рѣшительно не умѣю понять и что считаю не лишнимъ предать гласности, какъ голый фактъ. Къ этому позволю себѣ прибавить, что не причисляю себя къ спиритамъ, никогда не присутствовалъ ни на какихъ сеансахъ, и что это первое событіе въ моей жизни, которое я по-неволѣ долженъ причислить къ разряду необыкновенныхъ. Примите и пр. (Редакторъ-издатель „Вѣстника опытной физики" Эр. Шпачинскій. 2-го октября 1894 г.; сн. „Ребусъ" 1895 г., № 1).

8. **Предостереженіе объ опасности.** Замѣчательное проявленіе высшей интуитивной, психометрической или пророческой способности спасло отъ страшнаго желѣзнодорожнаго несчастія. Дѣло было такъ:

Поѣздъ, наполненный путешественниками, отправлявшимися изъ Спрингфильда провести 4 іюля (1891 г.) въ Чикаго, вышелъ изъ упомянутаго города по Центральной Иллинойской желѣзной дорогѣ. Шелъ онъ со скоростью тридцати миль въ часъ, когда машинистъ Горасъ. Сивей, самъ не зная почему, началъ уменьшать ходъ; вслѣдъ затѣмъ онъ очень живо ощутилъ овладѣвшую имъ психометрическую силу. Вотъ его собственныя слова:

„Въ одну секунду я ясно увидалъ предъ собою очертанія мѣстности, въ которой, на разстояніи двухъ миль отъ проѣзжаемаго нами пункта, находится мостъ надъ крутымъ оврагомъ, такъ ясно, какъ будто она дѣйствительно была предо мною. Картина эта блеснула мнѣ, какъ молнія. Я сказалъ себѣ: „моста нѣтъ, я знаю, что нѣтъ". Со мной бывало нѣчто подобное и прежде, и я не могъ не полагаться на свои предчувствія. Такъ поступилъ я и въ этотъ вечеръ съ полнымъ убѣжденіемъ, что мостъ уничтоженъ.

Я остановилъ поѣздъ на разстояніи тридцати футовъ отъ моста. Кочегаръ и я, мы оба смотрѣли, какъ одурѣлые. Моста дѣйствительно не было; мы соскочили съ паровоза и стали осматривать мѣстность. Тамъ, гдѣ былъ пролетъ, лежала цѣлая груда тлѣвшей золы, отъ моста остались одни рельсы, висѣвшіе надъ оврагомъ, все еще скрѣпленные своими болтами.

Подъѣзжали къ мосту съ той и съ другой стороны крутыми насыпями. Кочегаръ спросилъ меня, какъ мнѣ удалось остановить поѣздъ, я ничего не могъ ему отвѣтить, я и самъ не знаю. Одно, что я могу сказать: я *зналъ*, что моста нѣтъ. Кондукторъ Эдуардъ Коллинзъ пришелъ посмотрѣть, что случилось, и, когда увидѣлъ висящіе на воздухѣ рельсы, такъ поразился, что не могъ выговорить слова. Мы всѣ благодарили отъ всей души невидимое вліяніе или силу, спасшую жизнь двумъ стамъ человѣкамъ". („Light" № 512, сн. „Ребусъ" 1894 г., № 31).

9. **Открытое убійство, благодаря психометрической способности.** Лѣтомъ 1682 г. въ Ліонѣ было совершено убійство, взволновавшее весь городъ; убитыхъ было двое—мужъ

и жена, содержавшіе на новомъ городскомъ рынкѣ винный погребъ. Въ немъ и были найдены трупы; тутъ же по близости лежалъ окровавленный топоръ—орудіе преступленія, совершеннаго съ цѣлью грабежа, такъ какъ взломанная касса оказалась пустою. Несмотря однако на тщательно произведенное слѣдствіе, не удалось найти преступниковъ. Тогда одинъ изъ сосѣдей убитаго обратилъ вниманіе полиціи на человѣка, могущаго, по его словамъ, способствовать отысканію виновныхъ — а именно на одного крестьянина, жившаго въ горахъ Дофинэ (старой французской провинціи). Этотъ крестьянинъ, по имени Жакъ Эмаръ, славился своимъ умѣніемъ находить скрытыя въ землѣ сокровища, обнаруживать всякаго рода обманы и открывать воровъ; онъ достигалъ всего этого, слѣдя за наклоненіями простого прутика, придерживаемаго на груди скрещенными руками. Увѣряли, что прутикъ никогда не ошибался, и молва о крестьянинѣ - чудодѣѣ разнеслась далеко за предѣлы той мѣстности, гдѣ онъ жилъ.

Жакъ Эмаръ охотно согласился пріѣхать въ Ліонъ и помочь правосудію найти виновниковъ двойного убійства. Прежде всего Эмара привели въ тотъ погребъ, гдѣ было совершено убійство, и дали ему прутикъ, срѣзанный съ перваго попавшагося дерева. Едва Эмаръ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ былъ поднятъ трупъ виннаго торговца, какъ имъ овладѣло замѣтное волненіе, и всѣ увидѣли, что прутикъ наклонился впередъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ прежде трупъ женщины, повторилось то же самое въ еще болѣе рѣзкой степени. При этомъ Эмаръ, какъ казалось, былъ близокъ къ обмороку. Это предварительное испытаніе убѣдило полицейскихъ чиновниковъ, что они имѣютъ дѣло не съ обманщикомъ.

Разъ напавъ на слѣдъ преступниковъ, прутикъ, подобно чуткой охотничьей собакѣ, уже не потерялъ его. Руководимый имъ, Эмаръ поднимается изъ погреба въ лавку, направляется къ ограбленной кассѣ, затѣмъ выбѣгаетъ на улицу; побродивъ нѣкоторое время по двору архіепископскаго дома, онъ идетъ дальше, переходитъ черезъ мостъ и продолжаетъ свой путь за чертой города, вдоль праваго берега Роны. Дойдя до дома садовника, стоявшаго тутъ же на берегу, онъ уже не сомнѣвается, что преступниковъ было трое, что они входили туда, сидѣли тамъ за столомъ; онъ указываетъ даже бутылку, изъ которой они пили. Садовникъ не зналъ объ этомъ ничего, но въ комнату вошли дѣти его, 9-ти и 10-ти лѣтъ, и прутикъ опять пришелъ въ движеніе. Отъ дѣтей узнали, что въ одно воскресенье утромъ, когда они были дома одни, какіе-то три человѣка входили въ домъ и пили тамъ вино.

Судебный слѣдователь, сопровождавшій Эмара, не зналъ, на что рѣшиться: итти дальше или прекратить поиски, грозившіе завести ихъ вглубь Франціи, такъ какъ преступники повидимому убѣжали далеко. Условились подвергнуть Эмара еще одному опыту: зарывъ въ саду топоръ, найденный окровавленнымъ на мѣстѣ преступленія, и, кромѣ того, нѣсколько другихъ совершенно схожихъ съ нимъ, предложили ему найти тотъ, которымъ было совершено убійство. На это потребовалось всего нѣсколько минутъ: какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ подъ слоемъ земли было скрыто орудіе преступленія, волшебный прутикъ пришелъ въ движеніе. Опытъ этотъ повторили еще при другихъ условіяхъ: завязавъ Эмару глаза, водили его по разнымъ направленіямъ, стараясь сбить его съ толку, но онъ неизмѣнно возвращался къ одному и тому же мѣсту. Всѣ эти подробности, вмѣстѣ со многими другими, находятся въ отчетѣ объ этомъ дѣлѣ, поданномъ королевскому прокурору и напечатанномъ въ оффиціальной французской газетѣ „Le Mercure", въ августѣ 1692 года,—слѣдовательно, болѣе или менѣе заслуживаютъ довѣрія.

Послѣ того, какъ Эмаръ столь блистательно выдержалъ трудное испытаніе, его просили продолжать поиски, въ сопровожденіи полицейскаго комиссара и жандарма. Продолжая итти вдоль берега Роны, они вскорѣ дошли до того мѣста, гдѣ преступники, по словамъ Эмара, сѣли въ лодку, и не замедлили послѣдовать ихъ примѣру. Вездѣ, гдѣ они сходили на берегъ, тамъ причаливалъ и Эмаръ со своими спутниками; входя въ тѣ гостиницы, гдѣ они останавливались, онъ указывалъ, гдѣ именно они спали, изъ какихъ стакановъ пили и проч., приводя въ изумленіе всѣхъ присутствовавшихъ. Приблизившись къ лагерю близъ села Саблона (на Мозелѣ), Эмаръ пришелъ въ сильное волненіе, — преступники были, очевидно, неподалеку; но тутъ имъ внезапно овладѣлъ страхъ; онъ бросилъ свой волшебный прутикъ и обратился въ бѣгство: „что, если онъ найдетъ убійцъ въ арміи короля?—думалось ему;—вѣдь солдаты не поцеремонятся съ обличителемъ изъ крестьянскаго сословія!.." Явившись съ повинной въ Ліонѣ, онъ объяснилъ, почему не довелъ до конца начатаго дѣла; его успокоили, снабдили рекомендательными письмами и подъ усиленнымъ конвоемъ отправили вторично въ Саблонъ. Но увы, на этотъ разъ онъ опоздалъ: войска покинули уже лагерь, генералъ Катинэ повелъ ихъ черезъ Альпы. Однако Эмаръ бросился за ними вслѣдъ; дойдя до города Бокэра, онъ убѣждается, что слѣды

убійцъ раздѣлились, и выбираетъ то направленіе, по которому сильнѣе наклоняется прутикъ. У городской тюрьмы съ нимъ дѣлается лихорадочный приступъ. Нимало не колеблясь, онъ объявляетъ, что стѣны этой тюрьмы скрываютъ одного изъ убійцъ; и дѣйствительно, среди 15-ти заключенныхъ, прутикъ указалъ на горбатаго человѣка, посаженнаго въ острогъ всего часъ тому назадъ за мелкую кражу. Онъ былъ немедленно отправленъ въ Ліонъ, а Эмаръ съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся отыскивать другихъ сообщниковъ; въ Тулонѣ выяснилось, что они сѣли на корабль. Приходилось преслѣдовать ихъ по морю, но даже и это не остановило ревностную французскую полицію; судно направляли по указаніямъ Эмара, и нѣсколько разъ высаживались, слѣдуя за бѣглецами по пятамъ. Наконецъ достигли границы королевства; итти дальше полиція не имѣла права, и Эмаръ не рѣшился продолжать путешествія по генуэзской области. По его мнѣнію, еслибъ они не опоздали на сутки въ своемъ преслѣдованіи, не миновать бы законнаго возмездія и товарищамъ схваченнаго злодѣя.

Что же касается послѣдняго, онъ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ и приговоренъ къ казни (колесованію). Вначалѣ онъ стоялъ на томъ, что никогда даже не былъ въ Ліонѣ, но уличить его было нетрудно: во всѣхъ гостиницахъ, гдѣ, по словамъ Эмара, онъ останавливался, между Бокэромъ и Ліономъ, его узнавали, и, наконецъ, онъ долженъ былъ признаться, что съ нимъ было двое товарищей. Подтвердивъ всѣ подробности, касавшіяся ихъ бѣгства, онъ старался убѣдить судей, что оставался простымъ свидѣтелемъ, когда одинъ изъ товарищей убивалъ мужа, а другой—жену. Но по заявленію одного современника, противъ него было такъ много уликъ и кромѣ добытыхъ Эмаромъ, что не могло быть никакого сомнѣнія въ его виновности.

Нельзя умолчать о томъ, что, когда впослѣдствіи Эмара привезли въ Парижъ для производства научныхъ опытовъ надъ нимъ, онъ уже въ значительной степени утратилъ свою чудесную способность. Многіе объяснили это перемѣной среды и образа жизни, благодаря которой, говорятъ, и Орлеанская дѣва утратила способность къ ясновидѣнію. („Ребусъ" 1890 г., № 45 [1]).

[1]) Разумѣется, не самъ по себѣ прутикъ могъ указывать направленіе пути, по которому слѣдовало искать убійцъ, но его наклоненіе въ извѣстномъ мѣстѣ и направленіи вызывалось безсознательными нервными и мускульными движеніями лица, въ рукахъ котораго онъ находился, дѣйствовавшаго такъ незамѣтно для себя самого, подъ вліяніемъ психометрической способности души. Г. Д—ко.

10. **Смерть герцога Орлеанскаго въ Парижѣ, видѣнная въ Шотландіи.** Г-жа Броутонъ, знакомая одного изъ корреспондентовъ лондонскаго общества психическихъ изслѣдованій, разсказала слѣдующій случай. Однажды,—это было въ 1844 году въ Эдинбургѣ,—она проснулась ночью и принялась будить своего мужа, говоря, что во Франціи случилось что-то ужасное. Мужъ подумалъ, что она видѣла страшный сонъ, уговаривалъ ее снова заснуть и просилъ не мѣшать ему спать. Она увѣряла его, что видѣла это не во снѣ. Вотъ что она видѣла: во-первыхъ, сломанный экипажъ, сбѣгается толпа народа, бережно поднимаютъ какое-то тѣло и несутъ его въ сосѣдній домъ. Затѣмъ видитъ она тѣло, лежащее на кровати, и въ немъ узнаетъ герцога Орлеанскаго. Мало-по-малу у кровати собираются друзья; между ними нѣсколько членовъ французскаго королевскаго дома — король, королева. Всѣ молча со слезами стоятъ у изголовья умирающаго герцога. Какой-то человѣкъ (она видѣла его спину, но не могла узнать его),—это былъ докторъ, — нагнулся надъ герцогомъ и щупаетъ его пульсъ, въ другой рукѣ онъ держитъ часы. Затѣмъ все исчезло. Какъ только наступило утро, г-жа Броутонъ записала свое видѣніе въ памятную книжку.

Электрическаго телеграфа въ то время еще не было, и нѣсколько дней прошло прежде, чѣмъ „Times" сообщилъ о смерти герцога Орлеанскаго.

Посѣтивъ Парижъ вскорѣ послѣ этого, г-жа Броутонъ тотчасъ же узнала мѣсто, гдѣ произошелъ несчастный случай; скоро также получила она объясненіе своего видѣнія: докторъ, призванный къ умирающему герцогу, былъ ея старымъ другомъ, и когда онъ стоялъ у кровати герцога, мысли его все время были заняты ею и ея семействомъ. („Ребусъ" 1892 г., № 52).

Б. Способности души человѣческой непосредственно знать то, что происходитъ на дальнемъ разстояніи въ данное время (факты дальновидѣнія) [1]).

Вотъ нѣсколько типичныхъ образчиковъ этой удивительной способности, собранныхъ у *Перти*:

1. Королева Маргарита (въ Mémoires de Marguerite de Valois, reine de Navarre. Pa-

[1]) Примѣры дальновидѣнія у сомнамбулъ и др. въ изобиліи сообщаетъ *Перти* B. I, 228—234; B. II, 257—265. Въ сущности это и есть такъ называемое второе зрѣніе (das zweite Gesicht, segond sight), т.-е. способность видѣть съ закрытыми глазами, такъ сказать, одними духовными очами. Эта способность постоянно обнаруживается въ сомнамбулизмѣ такъ, что послѣдній безъ нея немыслимъ.

ris 1658) разсказываетъ: „моя мать, королева (Катерина Медичи), лежала опасно больная въ Мецѣ. У ея постели сидѣлъ король Карлъ, мой братъ, моя сестра и мой другой братъ, герцогъ Лотарингскій, нѣсколько сановниковъ и дамъ, не хотѣвшихъ покидать ее, несмотря на безнадежность ея положенія. Въ изступленіи она кричала, что видитъ сраженіе, видитъ, какъ всѣ бѣгутъ, а сынъ ея одержалъ побѣду. „Ахъ, Боже мой! поднимите моего сына,—кричала она,—онъ лежитъ на землѣ. Видите ли вы вонъ тамъ принца Конде мертваго?“ Всѣ присутствующіе думали, что она бредитъ. Однако, когда на слѣдующій день ей докладывали о сраженіи, она сказала: „я это вчера видѣла.

2. Шведенборгъ, подобно древнему Сократу, отличался сильнымъ развитіемъ магическихъ способностей, между прочимъ, дальновидѣніемъ. Сидя въ одномъ обществѣ въ Амстердамѣ въ 1762 году, онъ увидѣлъ оттуда смерть императора Петра III въ Петербургѣ. Вдругъ среди разговора лицо его измѣнилось, и всѣ поняли, что съ нимъ происходитъ что-то необыкновенное. Пришедши въ себя, онъ, наконецъ, на разспросы присутствующихъ пояснилъ: „въ этотъ самый часъ умеръ императоръ Петръ III“. Вскорѣ газеты подтвердили это.

3. Кернеръ объ одной сомнамбулѣ пишетъ: въ состояніи дальновидѣнія Каролина однажды со смѣхомъ сказала: „вотъ я вижу госпожу аптекаршу въ кухнѣ ея, она стоитъ и приказываетъ служанкѣ разводить огонь“ (аптека была очень далеко отъ сомнамбулы). Госпожа X. тотчасъ потихоньку послала съ запиской къ аптекаршѣ. Посланная шла улицей, которая не могла быть видна сомнамбулѣ, но вдругъ сомнамбула закричала: „а вонъ дѣвушка бѣжитъ съ записочкой въ аптеку. Теперь она входитъ въ домъ, а вотъ теперь она уже въ кухнѣ предъ аптекаршей, а эта читаетъ записочку. Умора! Они спрашиваютъ, правда ли, что госпожа аптекарша только что развела огонь?—Конечно, говоритъ она. А вотъ дѣвушка опять на улицѣ, а теперь она входитъ сюда“. Все это впослѣдствіи подтвердила аптекарша. Вообще Кернеръ объ этой сомнамбулѣ говоритъ: „въ своемъ ясновидѣніи она переносилась то въ одно мѣсто, то въ другое, и говорила о своихъ знакомыхъ, — о томъ, что они дѣлаютъ во всякій данный моментъ“. Лично самъ Кернеръ подвергалъ испытанію разными способами дальновидѣніе Каролины. (См. кн. „Пророческіе или вѣщіе сны“ свящ. П. Свѣтлова, стр. 73—75, откуда извлечены приведенные разсказы.

4. Слѣдующій разсказъ принадлежитъ г-жѣ Мьюръ.

„Въ 1849 году я жила въ Эдинбургѣ. Однажды въ воскресенье около $10^1/_2$ часовъ, когда я одѣвала своего второго (5-лѣтняго мальчика), чтобы идти съ нимъ въ церковь, онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „мама, сестрица Джени умерла“. Я спросила его, про которую Джени онъ говоритъ, и онъ отвѣтилъ: „двоюродная сестрица Джени въ Капштадтѣ,—она умерла!“ Я уговаривала его объяснить мнѣ, почему онъ это думаетъ, но онъ только повторилъ сказанное. Эта кузина Джени была 16-лѣтняя дѣвушка, прежде жившая въ Эдинбургѣ, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ переселившаяся въ Капштадтъ съ родителями. Она очень любила моихъ мальчиковъ и часто съ ними играла. Меня поразила упорность, съ которой ребенокъ повторилъ свое утвержденіе, такъ что я записала день и часъ и сообщила матери и сестрамъ. Чрезъ нѣкоторое время мы по почтѣ изъ Капштадта получили извѣстіе о смерти дѣвушки, послѣдовавшей именно въ то воскресенье. Она сильно обожглась наканунѣ и промучилась до двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня. Алиса Мьюръ“.

5. Весьма схоже съ описаннымъ слѣдующее происшествіе, первый отчетъ о которомъ сообщаетъ г-нъ Ч. Б. Кёртисъ.

„Случай, про который я собираюсь разсказать, произошелъ 18 лѣтъ тому назадъ. Моя жена въ то время гостила у своей сестры, около 300 миль отъ Нью-Іорка. Въ тридцати миляхъ отъ этого мѣста жилъ ея братъ съ семействомъ, въ числѣ котораго былъ 12-лѣтній сынъ Давидъ. „Однажды послѣ обѣда моя жена сидѣла съ сестрой, въ то время какъ трехлѣтняя дочка послѣдней играла въ другой части комнаты. Вдругъ ребенокъ бросилъ игру, подбѣжалъ къ моей женѣ и вскрикнулъ: „тетенька, Давидъ утонулъ!“ Такъ какъ на ребенка не сейчасъ обратили вниманіе, онъ повторилъ слова: „Давидъ утонулъ“. Тетя, полагая, что невѣрно слышитъ, спросила мать, что сказалъ ребенокъ, и тѣ самыя слова были повторены. Однако никто въ то время больше объ этомъ не думалъ, и мать только сказала, что вѣроятно ребенокъ повторяетъ слышанное отъ другихъ.

„Чрезъ нѣсколько часовъ получили телеграмму съ извѣстіемъ, что, около того времени, когда эти слова были сказаны, въ 40 миляхъ потонулъ двоюродный братъ ребенка, Давидъ, вмѣстѣ съ братомъ старше его годомъ или двумя, во время катанья на конькахъ. Чарльсъ Б. Кёртисъ“.

6. Слѣдующій случай представляетъ очень сильный примѣръ въ своемъ родѣ. Разсказъ принадлежитъ преп. А. Аронделю, писавшему въ 1884 г. изъ Колорадскихъ Ключей, С.-Америк. Соед. Штат.

„Въ исходѣ 1875 г. я предпринялъ небольшую поѣздку въ Медисонъ, въ штатѣ Огайо, на острова Джонсонъ и Келли, и въ другія сосѣднія мѣстности. Насъ было 9 человѣкъ, и мы ѣхали на парусной лодкѣ. Въ одно воскресенье утромъ мы переправились изъ Седаръ-Пойнтъ въ Сандуски къ церковной службѣ. Въ продолженіе службы поднялась сильная буря, и, когда мы на обратномъ пути спустились къ пристани, озеро порядочно бушевало. Однако мы рѣшились попробовать переѣхать, что, наконецъ, намъ и удалось, но во время усилій мы чуть не погибли. Мы проѣхали только половину дороги, какъ весьма сильный порывъ вѣтра подхватилъ нашъ корабликъ и опрокинулъ его на бокъ. Вода ворвалась, и уже казалось невозможнымъ поддержать судно на поверхности воды; тогда мы изо всѣхъ силъ уперлись въ бортъ, который былъ еще внѣ воды, и ежеминутно думали, что будемъ залиты. Посредствомъ почти сверхчеловѣческихъ усилій, тѣ изъ насъ, у которыхъ хватило присутствія духа, отрѣзали всѣ паруса, и лодка какъ разъ стала настолько прямѣе, что можно было вычерпать воду. Наконецъ, послѣ безнадежной борьбы, намъ удалось достигнуть берега. Въ моментъ самой большой опасности, когда спасеніе казалось невозможнымъ, я вспомнилъ про жену и дѣтей, которыя находились въ 100 миляхъ отъ насъ. Я думалъ о нихъ какъ въ предсмертномъ мученіи и чувствовалъ, что покинуть ихъ невозможно. Если былъ когда-нибудь крикъ сердца къ любимымъ существамъ, то въ этотъ моментъ; это случилось въ воскресенье послѣ обѣда.

„Я вернулся домой въ слѣдующую субботу послѣ обѣда. Такъ какъ въ воскресенье я долженъ былъ держать проповѣдь, я въ это утро съ женой не разговаривалъ, и не раньше какъ въ воскресенье послѣ обѣда мы нашли досугъ для бесѣды. Какъ только я собрался описывать свою поѣздку, моя жена сказала: „кстати, со мной случилось что-то странное въ прошлое воскресенье въ эту самую пору дня. Я отдыхала на кушеткѣ, какъ вдругъ меня сильно поразило ощущеніе, что я тебѣ нужна, и мнѣ даже представилось, что ты меня зовешь. Я вскочила и, прислушиваясь, вышла на крыльцо и смотрѣла на дорогу, и вообще была очень взволнована“.

„Насколько мы могли опредѣлить сравненіемъ записокъ, это случилось какъ разъ въ то время, когда я упирался въ бортъ утопающаго судна и видѣлъ передъ собою влажную могилу. Я не думаю, чтобы это было только совпаденіе, полагаю, что это нужно объяснить иначе. Альфредъ Арондель, пасторъ при У. Е. церкви“.

7. Слѣдующій случай хорошо извѣстенъ, какъ напечатанный *въ жизнеописаніи епископа Уильберфорса*, т. I, стр. 397.

„Епископъ сидѣлъ въ своей библіотекѣ въ Кеддесдонѣ, съ тремя или четырьмя лицами изъ своего духовенства, которые писали съ нимъ за однимъ столомъ. Епископъ вдругъ поднесъ руку къ головѣ и воскликнулъ: „я увѣренъ, что что-то случилось съ однимъ изъ моихъ сыновей“. Впослѣдствіи узнали, что именно въ это время у его старшаго сына (который находился на морѣ) отъ несчастной случайности на кораблѣ сильно раздробило ногу. Епископъ самъ разсказываетъ это обстоятельство въ письмѣ къ г-жѣ Ноэль отъ 4 марта 1874 г. „Странно, что во время этого случая меня такъ охватило подавляющее убѣжденіе, что какое-то несчастіе постигло моего сына Эрберта, что, наконецъ, на третій день, 13 числа, я записалъ, что я не въ состояніи избавиться отъ этого впечатлѣнія, и сдѣлалъ замѣтки для памяти“.

8. Слѣдующее сообщеніе было доставлено профессору Баррету, хорошо знающему разсказчика.

„Я вышелъ изъ своего дома, въ 10 миляхъ отъ Лондона, по обыкновенію утромъ, и въ тотъ же день, находясь на пути въ Викторія Стритъ, Уестминстеръ, при переходѣ чрезъ дорогу, грязную и скользкую отъ поливки, я упалъ и чуть не былъ раздавленъ каретой, ѣхавшей съ противоположной стороны. Паденіе и испугъ порядочно меня потрясли, но я не ушибся. Дома я засталъ жену, ожидающую меня съ безпокойствомъ, и вотъ что она мнѣ разсказала: она въ кухнѣ вытирала чашку, которую внезапно уронила, воскликнувъ: „Боже мой! онъ ушибленъ!“ Находившаяся вблизи г-жа С. услыхала крикъ, и обѣ онѣ согласны относительно времени и другихъ подробностей. Я часто спрашивалъ жену, отчего она крикнула, но она не въ состояніи объяснить своихъ ощущеній и только говоритъ: „не знаю почему, я сознавала, что тебѣ грозитъ большая опасность“. Т. В. Смиттъ 1876 г.

9. „Сынъ мой Россъ, — пишетъ г-жа Гетсъ,—состоитъ учителемъ музыки при заведеніи для душевно-больныхъ, близъ Бата. Въ понедѣльникъ (въ ноябрѣ 1882 г.) послѣ обѣда, сидя въ кругу своего семейства, я замѣтила своему зятю, г-ну Эвилинъ-Дерингъ: „я такъ безпокоюсь сегодня о Россѣ, я только о немъ и думаю. Какъ я, должно-быть, всѣмъ надоѣдаю!“

Вскорѣ я отъ сына получила письмо, въ которомъ онъ пишетъ: „я едва спасся въ понедѣльникъ послѣ обѣда; одинъ изъ нашихъ больныхъ, по имени Руммель, бросился на меня со стуломъ. Послѣ отчаянной борь-

бы я засвисталъ, и ко мнѣ явилась помощь изъ сосѣдней комнаты. Хотя насъ много, но въ этотъ моментъ другіе служащіе были въ отсутствіи, но, благодаря Бога, я не былъ раненъ"; и т. д. Это случилось какъ разъ въ то время, когда меня мучили тѣ странныя ощущенія". (Извлеч. изъ кн. „Прижизн. призр. и другія телепат. явленія" Гёрнея, Майерса и Подмора, пер. съ англ., 1893 г.)

В. Графологія.

Факты изъ области графологіи. Графологія есть искусство отгадывать по почерку характеръ лицъ и даже физическій обликъ ихъ. Мы нашли удобнымъ это явленіе психики отнести къ психометріи.

1. Вотъ фактъ, перепечатанный изъ „Ребуса" (№ 15, 1883 г.) въ декабрьскомъ приложеніи къ журналу „Природа и люди" 1896 г.

„Въ Брюсселѣ, въ 1882 г., былъ убитъ антверпенскій адвокатъ Берней. Убійца обдѣлалъ свое дѣло, какъ говорится, такъ чисто, что сыщики сбились съ ногъ, отыскивая его, и, наконецъ, рѣшили отказаться отъ безплодныхъ попытокъ; убійца какъ въ воду канулъ. Знали только, что онъ былъ извѣстенъ подъ вымышленной фамиліей Воганъ; но въ рукахъ слѣдствія имѣлся клочокъ бумаги, исписанный имъ, и вотъ онъ-то и открылъ ловкаго преступника. Когда всѣ средства были исчерпаны, судьи вспомнили о графологіи, — и одинъ изъ послѣдователей этой науки, Бергамотта, взялся опредѣлить по почерку не только нравственный, но и физическій обликъ Вогана. Послѣ нѣсколькихъ часовъ усидчиваго труда, этотъ графологъ вынесъ слѣдующее заключеніе: „темпераментъ горячій, пылкій, сангвиническо-желчный; кость большая, мускулы развитые; возрастъ средній; обращеніе недружелюбное; наклонность къ гнѣву, къ сплину, къ мизантропіи; въ состояніи гнѣва, Воганъ блѣднѣетъ; походка правильная; человѣкъ положительный, точный, не любитъ споровъ; больше надменности, чѣмъ самолюбія; любитъ порядокъ во всемъ и считаетъ хорошо; лично эгоистъ, гордецъ, честолюбецъ, говоритъ мало, тонкій дипломатъ, рѣдко говоритъ то, что думаетъ; учился, понимаетъ искусство; лишенъ всякихъ религіозныхъ чувствъ; лицо—смуглаго цвѣта; глаза—скорѣе всего сѣрые; носъ слегка горбатый; руки маленькія, съ тонкими пальцами; зубы хорошіе; прищуриваетъ глаза; произношеніе не совсѣмъ чисто; на правой рукѣ средній палецъ феноменально неразвитъ".

„Это заключеніе было передано инспектору полиціи, и чрезъ десять дней убійца былъ въ рукахъ правосудія".

2. Вотъ другой фактъ, перепечатанный тамъ же изъ „Новаго времени" (1881 г.).

„Жилъ еще недавно въ Москвѣ нѣкто Чижовъ, честнѣйшая личность, искренно-религіозный человѣкъ. У него былъ особый талантъ: узнавать людей по ихъ почерку. Разъ былъ онъ въ Кіевѣ, заходитъ къ преосвящ. Ѳеофилу (теперь уже покойному) и застаетъ у него членовъ педагогическаго совѣта духовной академіи. „Затрудняемся, разсказываютъ ему, рѣшить вопросъ, кому изъ трехъ студентовъ дать первый дипломъ: у всѣхъ одинаковыя отмѣтки"... Чижовъ беретъ лежащія тутъ же на столѣ сочиненія этихъ студентовъ, смотритъ, сличаетъ почерки и говоритъ: „Авторъ этого бѣлокурый, худой... этого — красивый, живой, энергичный брюнетъ... этому и дайте первенство, онъ стоитъ"...

„Удивился педагогическій совѣтъ: Чижовъ вполнѣ вѣрно описалъ примѣты студентовъ"...

— Какъ это вы узнаете по почерку человѣка? — приставали друзья и знакомые къ Чижову. „Самъ не знаю, — отвѣчалъ онъ, — самъ не знаю,—по наитію"...

Является мысль, что какъ этотъ Чижовъ, такъ и тотъ спеціалистъ-графологъ Бергамотта постигали характеръ и всѣ особенности кого-либо не посредствомъ графологическихъ признаковъ; графологамъ только кажется, что они изъ почерка собственно черпаютъ знаніе, на самомъ дѣлѣ источникомъ знанія графологовъ служитъ индивидуальный отпечатокъ отъ автора рукописи, которымъ пропитана бываетъ исписанная бумага. Если другая какая-либо вещь даетъ сомнамбулѣ возможность проникнуть и въ характеръ, и въ состояніе здоровья того, кому эта вещь принадлежитъ, то тѣмъ болѣе эту возможность должна давать рукопись. Пиша, мы своею мыслью, такъ сказать, пропитываемъ бумагу.

3. Вотъ графологъ-дѣвушка, объясненія которой о своей способности какъ нельзя лучше подтверждаютъ основательность этого мнѣнія. Въ статьѣ Гр. Ф—та „Какъ узнать характеръ человѣка" читаемъ:

... „Она только отчасти пользуется графологическими признаками"... „Во многихъ случаяхъ эта дѣвушка не въ состояніи дать объясненія, она судитъ тогда по тому настроенію, которое вызывается у нея общимъ впечатлѣніемъ, производимымъ почеркомъ, „почеркъ внушаетъ мнѣ то-то", говоритъ она тогда.

„Значительные, выдающіеся характеры дѣвушка скорѣе и легче разгадываетъ, чѣмъ незначительные, обыденные; мужскіе—легче, чѣмъ женскіе. Съ натурами, живущими въ мірѣ своихъ идей, грезъ и мечтаній, дѣвушка

чувствуетъ какое-то духовное родство; ей доставляетъ какое-то особое наслажденіе слѣдить за каждой черточкой и точкой ихъ почерка. Почерки такихъ людей она разгадываетъ играючи, шутя. „Существуютъ богатые и бѣдные почерки, говоритъ она, есть люди съ сильно выраженною индивидуальностью, а между ними такіе, которые обладаютъ магнитною силою; это позитивы или „дающіе“ (творящіе) и ихъ легче отгадывать, чѣмъ негативы или воспринимающихъ, желающихъ, которые больше берутъ, чѣмъ даютъ, излучаютъ. Большинство людей постольку же позитивны, поскольку негативны“. Мистическія воззрѣнія сенситива лучше всего характеризуются ея собственными словами: „существуютъ состоянія, говоритъ она, въ которыхъ зрѣніе, слухъ, осязаніе приводятъ къ одному: проникновенію въ природу и ея законы духовнымъ взоромъ. Во время сновидѣнія я въ состояніи слышать рукою. Языкъ души выражается одинаково, какъ въ сновидѣніи, такъ и въ почеркѣ“.

„Свѣженаписанную рукопись я разбираю легче и быстрѣе, чѣмъ старую, пролежавшую уже нѣсколько лѣтъ“, говоритъ дѣвушка (стр. 195). („Ребусъ“ 1897 г., № 41).

Г. **Хиромантія**.

Хиромантія — искусство опредѣлять по линіямъ руки характеръ человѣка и даже въ извѣстной степени событія прошедшія и даже грядущія въ его жизни. Мы также причисляемъ ее къ психометріи и полагаемъ, что безъ предположенія о томъ, что магнитическія излученія изъ организма дѣйствуютъ на нервно-психическую организацію психометра, — хиромантія, какъ и графологія, есть абсурдъ. Послѣ этихъ замѣчаній приведемъ нѣсколько фактовъ хиромантіи.

1. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, — сообщаетъ журн. Light, — намъ удалось присутствовать при очень интересныхъ опытахъ изъ области наиболѣе презираемой вѣтви тайныхъ наукъ, презираемой вѣроятно потому, что доселѣ она еще слишкомъ мало изслѣдована, именно при опытахъ изъ области хиромантіи. Результаты нашего сеанса съ однимъ господиномъ, который учился у Дебаролля, отца и создателя хиромантіи, оказались истинно поразительны. Хиромантъ нашъ не только опредѣлялъ съ удивительной точностью и вѣрностью отличительныя черты характеровъ, вкусовъ и наклонностей, но также и вѣрно указывалъ нѣкоторыя событія изъ прошлаго и даже сдѣлалъ нѣсколько предсказаній относительно будущаго, вскорѣ поразительно оправдавшихся.

Дебаролль, поработавшій болѣе всѣхъ въ пользу хиромантіи, съ цѣлью вывести ее изъ области шарлатанства, недавно перешелъ въ иной міръ [1]), Дюма-сынъ произнесъ надъ его могилой надгробную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что Дебаролль сдѣлалъ для руки то, что Галль и Спурцгеймъ сдѣлали для мозга: онъ научно выработалъ хиромантію, какъ они выработали френологію, и научилъ насъ познавать наши свойства по указаніямъ, почерпаемыхъ въ формѣ и линіяхъ руки. Дебаролль напалъ на этотъ путь сорокъ лѣтъ назадъ во время своего путешествія по Испаніи въ сообществѣ обоихъ Дюма, отца и сына. Наведенъ былъ онъ на него удачными предсказаніями цыганки, гадавшей по рукѣ ему и его товарищамъ. Его главное сочиненіе, носящее заглавіе: „*Les Mistères de la main*“ (Тайны руки), заключаетъ въ себѣ до 600 страницъ, наполненныхъ остроумными соображеніями и толкованіями [2]). Во время ихъ странствій по горамъ и доламъ, товарищи нерѣдко встрѣчали таборы кочующихъ гитаносовъ (испанскихъ цыганъ), къ которымъ, вслѣдствіе своей любви ко всему живописному и необыкновенному, присоединялись на нѣсколько дней.

Какъ извѣстно, гаданіе по рукѣ составляетъ одинъ изъ главныхъ промысловъ цыганокъ, заявляющихъ, что ихъ таинственное искусство перешло къ нимъ по преданію отъ ихъ прямыхъ предковъ, египетскихъ жрецовъ Изиды. Такое заявленіе не могло не заинтересовать Дебаролля, сверхъ того не разъ пораженнаго вѣрностью ихъ гаданія. Просьба его о посвященіи въ таинственную науку была охотно исполнена.

Дюма описалъ ихъ странствованіе въ своемъ интересномъ разсказѣ: „*Отъ Парижа до Кадикса*“. Живое воображеніе романиста было сильно поражено сообщеніями Дебаролля о его хиромантическихъ опытахъ. По возвращеніи въ Парижъ онъ представилъ Дебаролля капитану д'Арпентиньи, который тоже изучалъ руку, но выводилъ свои заключенія по ея внѣшнему складу, а не по линіямъ на ладони; свою систему онъ называлъ „хирогноміей“. Познакомившись съ нею, Дебаролль нашелъ, что она легко можетъ быть согласована съ хиромантіей, что, въ сущности, одна подтверждаетъ другую по всѣмъ пунктамъ. Съ этого времени онъ оставилъ всѣ другія занятія и сталъ посвящать все свое время и вниманіе изслѣдованію великой задачи. Справедливо разсудивъ, что теоріи требуютъ подтвержденія практикой, онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ давалъ даровыя кон-

[1]) Статья эта была написана въ февралѣ 1886 г.

[2]) Сочиненіе это появилось въ русскомъ переводѣ въ «Прибавленіи къ Газетѣ Гатцука» за 1885 годъ.

сультаціи, тщательно наблюдая во время ихъ всѣ внѣшніе симптомы, указывавшіе на тѣ или другія физическія или нравственныя свойства, и находилъ ихъ тожественными почти у всѣхъ подвергавшихся его изслѣдованію. Убѣдившись такимъ путемъ въ вѣрности хиромантіи, онъ пожелалъ узнать, согласуются ли ея указанія съ указаніями физіогномики и френологіи; къ великому своему удовольствію онъ убѣдился, что системы Галля и Лафатера вполнѣ согласуются съ его собственной. Не доставало только одного камня для укрѣпленія всего зданія, именно — графологіи, или искусства опредѣлять характеръ по формѣ и особенностямъ почерка. Нѣкто Адольфъ Генце изъ Лейпцига установилъ уже свою теорію, основанную на вліяніи мозга на руку. Дебаролль поѣхалъ къ нему въ Германію и, зная хорошо нѣмецкій языкъ, вскорѣ вполнѣ ознакомился и съ этой новой отраслью знанія. Результатомъ его изслѣдованій была послѣдняя его книга „Revetations completes“ (Полныя откровенія). Въ ней онъ авторитетно доказываетъ соотношеніе между хиромантіей, хирогноміей, физіогномикой, френологіей и графологіей.

Любители чудеснаго—а имя имъ легіонъ—вѣроятно найдутъ въ его книгѣ много для себя интереснаго, если даже и не убѣдятся въ несомнѣнности авторскихъ выводовъ. Дебаролль никакъ не допускаетъ, чтобы система его была бы простымъ времяпровожденіемъ; онъ намѣтилъ для нея цѣли гораздо болѣе серьёзныя: по его мнѣнію, она даетъ возможность не только направлять воспитаніе дѣтей на путь наиболѣе подходящій къ способностямъ каждаго, но и составлять себѣ болѣе точное понятіе о характерѣ и расположеніяхъ нашихъ ближнихъ.

Конечно, большинство относится къ такому предмету не иначе, какъ съ естественнымъ скептицизмомъ. Дебаролль отлично понимаетъ это, но очень любитъ имѣть дѣло съ отчаянными скептиками. Однажды Дюма-сынъ привелъ его съ собою на вечеръ къ д-ру Шарко, въ общество, состоявшее изъ товарищей по профессіи хозяина дома. Насмѣшливая улыбка, появившаяся на лицѣ каждаго изъ гостей при видѣ Дебаролля, не испугала безстрашнаго адепта таинственной науки; храбро обошелъ онъ ученое собраніе, поочередно составляя гороскопъ каждаго доктора, и тѣ между ними, кого не удалось ему убѣдить, были, во всякомъ случаѣ, удивлены до крайней степени. Подобный же успѣхъ выпалъ на его долю въ Швеціи три года тому назадъ. Услыхавъ, что король Оскаръ, человѣкъ съ очень пытливымъ умомъ, желаетъ ознакомиться съ его системой, Дебаролль тотчасъ же отправился въ Швецію и въ самомъ непродолжительномъ времени посвятилъ ученаго монарха въ свои воззрѣнія. Въ знакъ уваженія и благодарности король наградилъ его орденомъ. Дальнѣйшее торжество ожидало Дебаролля въ Упсалѣ, гдѣ встрѣтилъ его цѣлый сонмъ профессоровъ, и многіе изъ нихъ согласились съ выводами хироманта. („Light“; сн. „Ребусъ“ 1887 г., № 41).

2. Въ „Историч. вѣстникѣ“ (1888 г., кн. I) Л. Н. Павлищевъ сообщаетъ слѣдующіе факты изъ жизни матери своей Ольги Сергѣевны, сестры поэта Александра Сергѣевича Пушкина.

„Однимъ изъ любимыхъ занятій Ольги Сергѣевны въ молодые годы ея, было изученіе физіогномистики и френологіи, такъ что сочиненія Лафатера и Галля сдѣлались ея настольными книгами, съ помощью которыхъ она, какъ говорила, безошибочно распознавала характеръ людей; занялась она и хиромантіей, сама иногда изумляясь своимъ предсказаніямъ, изъ которыхъ привожу два примѣра. Однажды Александръ Сергѣевичъ, вскорѣ послѣ выпуска своего изъ лицея, убѣдительно сталъ просить ее посмотрѣть его руку. Ольга Сергѣевна долго не соглашалась на это, но, уступивъ, наконецъ, усиленной просьбѣ брата, взяла его руку, долго на нее смотрѣла и, залившись слезами, сказала ему, цѣлуя эту руку:

— Зачѣмъ Александръ, принуждаешь меня сказать тебѣ, что боюсь за тебя?.. Грозитъ тебѣ насильственная смерть и еще не въ пожилые годы.

Предсказаніе сбылось въ 1837 году.

3. Подобную же насильственную кончину Ольга Сергѣевна предсказала своему родственнику А. Г. Батурину, поручику лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Онъ, за два дня до своей кончины, провелъ у Пушкиныхъ, родителей Ольги Сергѣевны, вечеръ, въ полномъ цвѣтѣ здоровья и юношескихъ силъ. Разговоръ зашелъ о хиромантіи, и Ольга Сергѣевна, посмотрѣвъ его руку, сказала:

— По рукѣ вашей, вы не умрете естественною смертью, впрочемъ не вѣрьте моимъ хиромантическимъ показаніямъ.

На третій же день послѣ этого предсказанія, Батуринъ палъ отъ руки убійцы. Солдатъ полка, въ которомъ служилъ Батуринъ, пылая местью къ наказавшему его жестокому фельдфебелю, рѣшился его умертвить, а для ободренія себя къ злодѣянію напился допьяна и, ворвавшись въ казарменную комнату, гдѣ думалъ встрѣтить намѣченную жертву, бросился съ ножомъ на Батурина, принявъ его за предметъ своей мести. Батуринъ тутъ же испустилъ духъ“. См. „Историч. Вѣстн.“ кн. 1-ю за 1888 г.).

Д. Возвышенная чувствительность [1]).

Факты этой способности. Корреспондентъ Нью-Іоркской газеты „Sunday Mercury“ („Воскресный Меркурій“) пишетъ:

По приглашенію д-ра Ньютона изъ Гокей Грикъ, я посѣтилъ вмѣстѣ съ нимъ его сосѣдей, м-ра и м-съ Коллинзъ, о которыхъ предварительно слышалъ отъ доктора, что они поселились въ этой мѣстности лѣтъ десять тому назадъ, а лѣтъ за пять передъ тѣмъ сынъ ихъ Джонъ, въ то время десятилѣтній мальчикъ, заболѣлъ тифомъ и пролежалъ безъ всякаго сознанія двадцать одинъ день. По выздоровленіи, доктора признали у него *гиперестезію*, т.-е. повышеніе чувствительности. Когда мы пришли къ Коллинзамъ, отецъ, между прочимъ, разсказалъ слѣдующій примѣръ поразительной чувствительности сына: мѣсяцъ тому назадъ, говорилъ онъ, мальчику приснился, по его словамъ, странный сонъ: видѣлъ онъ двухъ человѣкъ, прохаживавшихся по нашему дому съ большимъ узломъ въ рукахъ, видѣлъ онъ ихъ очень ясно, даже слышалъ ихъ разговоръ между собою объ узлѣ, который имъ предстояло куда-нибудь спрятать. Сонъ произвелъ на Джона сильное впечатлѣніе, и онъ разсказалъ намъ его за завтракомъ, а въ двѣнадцать часовъ къ намъ пришло нѣсколько человѣкъ полицейскихъ, разыскивавшихъ воровъ, обокравшихъ въ эту ночь одну изъ деревенскихъ лавокъ. Услыхавъ о кражѣ, Джонъ сказалъ полицейскимъ, что видѣлъ во снѣ двухъ человѣкъ съ узломъ, и узелъ этотъ, какъ ему показалось, заключалъ въ себѣ краденыя вещи. Описаніе имъ этихъ людей вполнѣ подошло къ двумъ личностямъ, которыхъ въ тотъ вечеръ видѣли недалеко отъ обокраденной лавки. Тутъ Джонъ вспомнилъ, что во снѣ онъ слышалъ, какъ одинъ говорилъ другому, что имъ лучше всего спрятать свой узелъ въ пустой хижинѣ у подножья близъ-лежащей горы. Полицейскіе отправились въ указанную хижину и захватили тамъ и самихъ воровъ, и украденныя ими вещи и деньги.

Самъ мальчикъ разсказываетъ о своей странной способности, что со времени своей болѣзни онъ видитъ вокругъ себя какую-то атмосферу, распространяющуюся на неопредѣленное пространство, и въ предѣлахъ этой атмосферы всѣ лица и предметы представляются ему такъ ясно, какъ если бы они находились совсѣмъ возлѣ него.

Я пожелалъ самъ сдѣлать опытъ вмѣстѣ съ докторомъ Ньютономъ, и родители Джона согласились на мое желаніе.

Докторъ вышелъ, а я остался съ мальчикомъ, который сталъ разсказывать мнѣ постепенно все, что Ньютонъ дѣлалъ. Онъ говорилъ, что видитъ его садящимся въ свою одноколку и ѣдущимъ въ какую-то мѣстность, потомъ, поящимъ свою лошадь, вынимающимъ изъ кармана футляръ и кладущимъ его подъ подушку, а, затѣмъ, опять влѣзающимъ въ одноколку и ѣдущимъ обратно. Вскорѣ Ньютонъ вернулся и буквально подтвердилъ разсказъ Джона. Затѣмъ, когда докторъ вышелъ въ другую комнату, мальчикъ сталъ разсказывать, что тотъ, стоя посреди комнаты, свѣряетъ свои карманные часы со стѣнными, потомъ беретъ съ камина статуетку, разсматриваетъ ее и ставитъ на прежнее мѣсто, что, по возвращеніи Ньютона, оказалось совершенно вѣрнымъ.

Тогда я, въ свою очередь, вышелъ изъ комнаты, а докторъ помѣстился возлѣ мальчика, имѣя передъ собою часы, листъ бумаги и карандашъ. Я сѣлъ въ одноколку, отъѣхалъ на разстояніе 500 ярдовъ, повернулъ и, вышедши изъ телѣжки, сѣлъ на лошадь верхомъ и, такимъ образомъ, вернулся, пробывъ въ отсутствіи семнадцать минутъ. Все, что я дѣлалъ, было записано по минутамъ и оказалось вполнѣ вѣрнымъ. Отдавая самъ отчетъ о томъ, что дѣлалъ, я намѣренно пропустилъ нѣкоторыя мелкія подробности, но онѣ всѣ были записаны мальчикомъ, и онъ сказалъ мнѣ: „но вы вышли изъ одноколки тамъ, гдѣ колесная дорога поворачиваетъ въ лѣсъ, привязали лошадь къ старому пню, прошли пѣшкомъ до скалы и вернулись къ одноколкѣ“. Все это было вѣрно, и я остался вполнѣ доволенъ своимъ опытомъ. („Ребусъ“ 1885 г., № 45).

2. Вотъ еще подобный фактъ.

Въ своемъ сочиненіи о Египтѣ мистеръ Варбуртонъ описываетъ свой опытъ съ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ мѣстныхъ чародѣевъ. Мистеръ Варбуртонъ пригласилъ этого чародѣя къ себѣ въ гостиницу, съ цѣлью самому провѣрить неподдѣльность явленія, а тотъ позвалъ съ улицы мальчика, сдѣлалъ таинственный знакъ на его ладони и приказалъ ему пристально смотрѣть на этотъ знакъ. Мальчикъ исполнилъ требуемое; однако прошло десять минутъ, и никакого результата не послѣдовало. Тогда чародѣй позвалъ другого мальчика и повторилъ съ нимъ ту же манипуляцію. Второй мальчикъ, будучи болѣе чувствительнымъ къ его вліянію, вскорѣ впалъ въ полумесмерическое состояніе, произведенное дѣйствіемъ на него таинственнаго знака на его рукѣ. Чародѣй предложилъ

[1]) Возвышенная чувствительность есть свойство нашей психо-физической природы, благодаря которому можно созерцать отдаленныя событія, предметы и лица какъ бы вблизи. Явленія этого рода мы также отнесли къ отдѣлу психометрическихъ. (Г. Д—ко).

м-ру Варбуртону вызвать, кого онъ желаетъ, и тотъ вызвалъ покойнаго лорда Дерби. Мальчикъ тотчасъ же воскликнулъ: „вотъ онъ, я вижу старика въ очкахъ, и въ длинной черной одеждѣ, лежащаго на кушеткѣ“. Затѣмъ м-ръ Варбуртонъ вызвалъ покойнаго лорда Нельсона. Мальчикъ сказалъ: „онъ здѣсь, я вижу военнаго съ одной рукой“. Потомъ были вызваны еще многія другія лица, и мальчикъ всѣхъ ихъ подробно описывалъ, чѣмъ очень удивлялъ Варбуртона и его друзей.

Вся суть явленія состояла въ томъ, чтобы заставить мальчика отрѣшиться отъ своихъ сомыслительныхъ способностей на столько, чтобы впасть въ полумесмерическое состояніе и, такимъ образомъ, войти въ сношеніе (en rapport) съ Варбуртономъ, когда тотъ вызывалъ разныя лица. Образы, проходившіе черезъ мозгъ м-ра Варбуртона, при вызываніи этихъ лицъ, являлись мальчику какъ бы въ картинѣ, что и доказываетъ сильное развитіе дара ясновидѣнія. („Public opinion“ отъ 6 апр. 1894 г.; сн. „Ребусъ“ 1894 г., № 19).

Е. Ясновидѣніе.

Опыты ясновидѣнія. Миссъ Кора Морзъ сообщаетъ м-ру Ходжсону о своихъ опытахъ ясновидѣнія:

„Когда въ 1881 году я жила въ семействѣ м-ра Рофа, мои психометрическія способности подвергались почти ежедневно самымъ тщательнымъ изслѣдованіямъ. Вотъ два такихъ опыта. М-ръ Рофъ имѣлъ привычку, когда приносили съ почты письма, не распечатывая ихъ и не прочитывая даже адреса, держать ихъ нѣкоторое время у меня на лбу.

1. „Однажды, когда онъ держалъ нераспечатанный конвертъ на моемъ лбу, я сказала: „въ письмѣ этомъ пишутъ о болѣзни, и пришло оно отъ кого-то изъ Ватсеки. Да, теперь вижу, дочь ваша миссисъ А. очень больна“. Тутъ она сообщила нѣкоторыя подробности о болѣзни и прибавила: „завтра вы получите телеграмму, призывающую васъ къ больной, но она не умретъ, и мы должны уложиться, такъ чтобы быть готовымъ къ поспѣшному отъѣзду“. Письмо распечатали и въ немъ оказалось все, что я говорила. На слѣдующее утро пришла телеграмма, и встревоженные родители выѣхали въ тотъ же день. Больная выздоровѣла, все случилось такъ, какъ оно отразилось въ моемъ впечатлѣніи. Она сама или родители ея охотно засвидѣтельствуютъ мои слова въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

2. „Когда въ другой разъ м-ръ Рофъ держалъ письмо у моего лба, я залилась вдругъ слезами и воскликнула: „письмо это ко мнѣ, отдайте мнѣ его. Кто-то умеръ, я читаю слѣдующія слова: звоните въ колокольчикъ потише, развѣ не видите крепа на двери“. Онъ отдалъ мнѣ письмо, разорвавъ конвертъ; я тотчасъ же увидала прочитанную мною ранѣе заглавную фразу. Письмо было отъ моей матери, извѣщавшее меня о смерти племянника, сына моего старшаго брата.

3. „Въ вечеръ 21 мая 1881 года въ присутствіи м-ра Р., его жены и жены ихъ сына, готовыхъ подтвердить мой разсказъ, случилось слѣдующее. Сидя у окна ихъ дома въ штатѣ Іова, я увидала два большихъ свѣтовыхъ шара, пролетавшихъ мимо окна въ сопровожденіи краснаго шарфа настолько длиннаго, что, казалось, ему никогда не будетъ конца. Я встала съ мѣста и пошла въ столовую, гдѣ нѣкоторые изъ членовъ семьи пили въ то время чай; разсказавъ имъ, что видѣла, я прибавила мое убѣжденіе, что видѣніе это предвѣщаетъ какое-нибудь народное бѣдствіе. Шары означаютъ смерть, а длинный шарфъ кровь, брызнувшую на всю націю. Тогда я увидала еще высокаго, крѣпко сложеннаго брюнета, подавшаго мнѣ какую-то бумагу, и сказала: узнаемъ мы объ этомъ бѣдствіи отъ молодого человѣка, похожаго на описаннаго сейчасъ мною. По мѣрѣ того, какъ проходило время, видѣніе мое постепенно забывалось, и вотъ, въ одинъ изъ іюльскихъ дней того же года, когда всѣ мы сидѣли за шитьемъ, мимо окна прошелъ молодой человѣкъ, и я узнала видѣннаго мною въ майскомъ видѣніи. Быстро вскочивъ, я побѣжала ему навстрѣчу, а онъ подалъ мнѣ телеграмму объ убійствѣ Гарфильда[1]), или, лучше сказать, о выстрѣлѣ, бывшемъ причиной его смерти. Телеграмма эта первая сообщила намъ о происшествіи.

„Миссисъ Р. послѣ говорила, что, увидавъ, какъ я стремительно бросилась къ двери, она думала, что къ намъ шелъ одинъ изъ моихъ близкихъ друзей, а это былъ только двойникъ моего видѣнія“. (Изъ сообщеній Лондонскаго общества психич. изслѣдованій, помѣщ. въ „Ребусѣ“ 1899 г., № 20).

4. „Недавно, при первомъ гипнотическомъ своемъ усыпленіи, субъектъ-юноша, глаза котораго остолбенѣли вслѣдствіе контрактуры ихъ двигательныхъ мускуловъ, сталъ ясновидящимъ: сидя ко мнѣ спиной, онъ отгадывалъ различные цвѣта бумаги, которую я, подходя къ нему сзади, клалъ ему на темя. При второмъ разѣ гипноза я попробовалъ положить мои часы ему на темя: послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, молодой человѣкъ могъ совершенно точно опредѣлить часъ. Зная о томъ, что гипнотики, большею

[1]) Въ президента Гарфильда выстрѣлили 2 іюля, а скончался онъ 20 сентября 1881 года.

частью, обладаютъ знаніемъ времени дня, я намѣренно переставилъ часы свои на 20 минутъ назадъ". („Ребусъ" 1898 г., № 18).

Ж. Ясновидѣніе при помощи кристалловъ.

Вѣра, что различнаго рода галлюцинаціи могутъ быть возбуждены различными формами кристалловъ, имѣетъ чрезвычайно обширное распространеніе. Слѣды этого вѣрованія мы находимъ въ древнемъ Перу, въ Фецѣ, Мадагаскарѣ, въ Сибири, у индѣйцевъ Америки, у чернокожихъ Австраліи и въ Полинезіи. Тѣ же вѣрованія мы встрѣчаемъ въ древней Греціи (Павзаній), Римѣ (Варронъ), въ древней Индіи и Египтѣ.

До изслѣдованія миссъ Х. никому, повидимому, не пришло въ голову, что вѣрованіе, столь всеобщее, должно, вѣроятно, имѣть основаніе въ какихъ-нибудь фактахъ. Миссъ Х. производила лично многочисленные опыты, и на основаніи этихъ опытовъ она дѣлаетъ слѣдующую классификацію видѣній, представляющихся въ кристаллахъ или чернилѣ:

1) Воскреснувшія воспоминанія о давно забытыхъ фактахъ, исходящія изъ безсознательной сферы нашего существа.

2) Идеи и образы, сознательно или безсознательно объективируемые въ умѣ перципіента.

3) Видѣнія телепатическія или имѣющія своимъ источникомъ ясновидѣніе, необъяснимыя при помощи нормальныхъ способовъ воспріятія.

Съ тѣхъ поръ, какъ миссъ Х. обратила вниманіе на этотъ предметъ, многочисленные опыты поставили внѣ всякаго сомнѣнія фактъ, что значительный процентъ лицъ, вполнѣ здоровыхъ и нормальныхъ, обладаетъ способностью видѣть различные пейзажи и фигуры людей въ движеніи въ стеклянныхъ шарахъ или иными способами. Способность эту докторъ Паришъ приписываетъ вліянію „диссоціаціи", въ сущности же гипнозу. Но онъ говоритъ это по предположенію, никогда не видѣвши ни одного опыта. Теперь я,—говоритъ Андрю Лангъ, — хочу описать рядъ опытовъ съ стекляннымъ шаромъ, произведенныхъ подъ моимъ собственнымъ наблюденіемъ, во время которыхъ нѣкоторыя вещи были, повидимому, познаны путями не обычными. Я лично совершенно убѣжденъ въ отсутствіи при этомъ какого-либо обмана, не только вслѣдствіе особаго характера всѣхъ фактовъ, о которыхъ пойдетъ рѣчь, но и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ. Въ послѣднее время, въ продолженіе 1897 года, я познакомился съ молодою дамою, которая разсказала мнѣ о трехъ или четырехъ галлюцинаціяхъ, видѣнныхъ ею, правдивость которыхъ была достаточно провѣрена. Она совершенно незнакома съ явленіями психизма, мыслитъ трезво, и пользуется совершенно удовлетворительнымъ здоровьемъ. Я пріобрѣлъ стеклянный шаръ и присутствовалъ въ то время, когда она глядѣла въ него въ первый разъ. Я помню, что она видѣла внутренность одного дома съ портретомъ во весь ростъ незнакомой особы. Тутъ было, я полагаю, нѣсколько образовъ фантазіи въ обычномъ родѣ. Въ это время развилась у нея способность видѣть мѣстности и лица, совершенно ей незнакомыя, но знакомыя тѣмъ лицамъ, по большей части, иностранцамъ, среди которыхъ она жила по обстоятельствамъ. Это служитъ примѣромъ того, что называется „передачею мыслей". Въ то время относительно реальности этого явленія я колебался между сомнѣніемъ и вѣрою, въ настоящее же время вѣсы склонились окончательно въ сторону вѣры. Привожу здѣсь нѣсколько случаевъ изъ опытовъ миссъ Ангусъ. Первый случай имѣлъ мѣсто наканунѣ того дня, когда она впервые познакомилась съ употребленіемъ стекляннаго шара. Вотъ, что она пишетъ:

1. „Одна дама попросила меня увидѣть одного своего пріятеля, о которомъ она думаетъ. Почти тотчасъ же я вскричала: „вотъ старая, престарая дама, которая смотритъ на меня съ улыбкою. Выдающійся носъ ея чуть не сходится съ подбородкомъ. Все лицо ея покрыто морщинами, въ особенности въ углахъ глазъ, что придаетъ ей видъ, будто она готова сейчасъ разсмѣяться. Она одѣта въ небольшую бѣлую шаль съ черною каймою. Но, не можетъ быть, чтобы она была такъ стара, имѣя совершенно черные волосы. Тѣмъ не менѣе, съ виду она выглядитъ очень старою". Образъ этой старой женщины вскорѣ исчезъ, и дама, моя собесѣдница, сказала мнѣ, что я совершенно вѣрно описала мать ея друга вмѣсто его самого, и что это была шутка со стороны семейства старой дамы, вслѣдствіе которой она должна была выкрасить свои волосы, чтобы казаться такою брюнеткою, и что старой дамѣ восемьдесятъ два года. Затѣмъ моя собесѣдница спросила меня, достаточно ли отчетливо было мое видѣніе, чтобы я могла по фотографіи сына узнать его мать, съ которою онъ имѣетъ сходство. На другой день она показала мнѣ множество фотографическихъ портретовъ, между которыми я безъ всякаго колебанія указала сына видѣнной мною старой дамы, вслѣдствіе поразительнаго его сходства со своею матерью".

Дама-собесѣдница словесно подтвердила мнѣ совершенную справедливость описаннаго выше факта.

2. „Однажды послѣ полудня я находилась въ обществѣ одной дамы, которую раньше никогда не встрѣчала и никогда о ней не слышала. Она спросила меня, не можетъ ли она посмотрѣть въ мой кристаллъ. Въ то время, когда она смотрѣла, я случайно взглянула поверхъ ея плеча и увидѣла корабль, борющійся съ огромными волнами, несмотря на то, что видна была земля. Затѣмъ все исчезло, и внезапно я увидѣла небольшой домъ съ пятью или шестью ступеньками лѣстницы у входной двери. На второй ступенькѣ сидѣлъ старикъ, читавшій газету. Передъ домикомъ простирался небольшой лужокъ, покрытый густою и сочною травою, на которомъ паслось нѣсколько ягнятъ, или скорѣе овецъ, очень мелкаго росту. Когда эта картина исчезла, дама сказала мнѣ, что я точно описала одно мѣсто на островѣ Шетландѣ, куда она собирается поѣхать со своею матерью на нѣсколько недѣль".

Миссъ Ангусъ разсказала мнѣ этотъ эпизодъ дня два спустя послѣ того, какъ онъ случился, и та дама, о которой въ этомъ разсказѣ шла рѣчь, совершенно подтвердила мнѣ словесно точность вышеприведенныхъ фактовъ, и потомъ вторично сдѣлала это въ декабрѣ 1897 г. Обѣ дамы до этого случая были совершенно незнакомы между собою. Старикъ былъ, очевидно, школьный учитель. На островѣ Шетландѣ овцы и пони отличаются своимъ малымъ ростомъ.

3. Нижеслѣдующій разсказъ принадлежитъ другой дамѣ, миссъ Розѣ.

Миссъ Роза пишетъ: „Мой первый опытъ съ кристалломъ былъ не изъ пріятныхъ, какъ покажетъ нижеслѣдующее описаніе, излагаемое настолько точно, насколько позволяетъ мнѣ память. Я попросила у своей пріятельницы, миссъ Ангусъ, позволенія посмотрѣть въ ея кристаллъ, и, взглянувъ въ него, я вскорѣ возвратила, говоря, что первый опытъ меня не удовлетворяетъ. Я видѣла хорошо освѣщенную комнату, кровать, закрытую занавѣсками, и какихъ-то людей, которые то входили, то выходили, но я не могла опредѣлить, что это были за люди. Я возвратила кристаллъ миссъ Ангусъ, прося посмотрѣть вмѣсто меня. Вскорѣ она сказала: „я вижу постель съ человѣкомъ, лежащимъ на ней, а возлѣ постели даму въ черномъ платьѣ". Ничего больше не говоря, миссъ Ангусъ продолжала смотрѣть въ кристаллъ, и по прошествіи нѣкотораго времени я попросила у нея позволенія посмотрѣть еще разъ. Но лишь только я взглянула, я вздрогнула, какъ отъ электрическаго разряда. Въ ярко освѣщенной комнатѣ я увидѣла въ постели старика, повидимому, мертваго. У меня въ это время гостили мои двоюродныя сестры, а на другой день, въ субботу, мы получили извѣстіе о смерти отца одной изъ нихъ. Правда, мнѣ извѣстно было о его болѣзни, но въ то время, когда я смотрѣла въ кристаллъ, я совершенно о немъ не думала. Я должна также сказать, что я не распознала лица стараго джентльмена, о смерти котораго узнала на другой день".

4. Нижеслѣдующій случай засвидѣтельствованъ другою знакомою миссъ Ангусъ.

Въ четвергъ, не помню котораго числа марта 1897 года, я была на вечерѣ у нашихъ знакомыхъ Ангусъ, и у насъ зашла рѣчь о кристаллахъ и о томъ, что нѣкоторыя лица имѣютъ способность видѣть сквозь нихъ различныя видѣнія. Заговорили же объ этомъ потому, что миссъ Ангусъ недавно получила отъ г. Андрью Ланга одинъ изъ подобныхъ кристалловъ. Я попросила ее показать мнѣ этотъ кристаллъ, а затѣмъ посмотрѣть въ него, желая удостовѣриться, можетъ ли она увидѣть лицо, о которомъ я стану въ это время думать. Тогда я стала усиленно думать объ одномъ своемъ знакомомъ, молодомъ военномъ, въ Лондонѣ, полагая, что опытъ будетъ весьма убѣдителенъ по причинѣ не совсѣмъ обычной формы моего знакомаго, о которомъ къ тому же миссъ Ангусъ не могла ни знать, ни слышать. Вскорѣ послѣ того, какъ я сосредоточила свою мысль на упомянутомъ лицѣ, миссъ Ангусъ, заявивъ сначала о видѣніи какихъ-то туманныхъ и неопредѣленныхъ фигуръ, наконецъ, вскричала: „теперь я очень ясно вижу человѣка на лошади; онъ одѣтъ какъ-то странно, ахъ, да это солдатъ въ своей формѣ, только это не офицеръ". Мое удивленіе было такъ велико, что я не могла сосредоточить своей мысли на другѣ, и видѣніе исчезло и больше не появлялось".

5. Я могу въ нѣсколькихъ словахъ описать опытъ, произведенный 21-го декабря 1897 г. Одинъ господинъ пріѣхалъ изъ Англіи въ шотландскій городокъ, гдѣ жила миссъ Ангусъ. Онъ обѣдалъ у нея вмѣстѣ съ ея семействомъ, и около десяти съ половиною вечера она предложила посмотрѣть въ кристаллъ, чтобы видѣть сцену или лицо, о которомъ онъ думалъ. Онъ вызвалъ мысленно картину бала, на которомъ онъ недавно присутствовалъ, и образъ молодой особы, которой онъ былъ представленъ на этомъ балу. Онъ не въ состояніи былъ, однако, ясно вызвать зрительный образъ сказанной особы, и миссъ Ангусъ говорила только, что видитъ пустой бальный залъ съ блестящимъ паркетомъ и яркимъ освѣщеніемъ. Тогда господинъ постарался сдѣлать новое усиліе и вызвалъ, наконецъ, въ своей памяти образъ молодой особы. Миссъ Ангусъ стала тогда описывать

другую комнату, комфортабельно меблированную, но только не бальный залъ, и въ этой комнатѣ молодая особа съ черными волосами, одѣтая въ бѣлую блузу, фасонъ которой также былъ описанъ, собиралась читать или писать при свѣтѣ, горѣвшемъ въ стеклянномъ шарѣ безъ абажура. Описаніе лица, роста, сложенія согласовалось съ воспоминаніемъ господина, о которомъ идетъ рѣчь, но онъ никогда не видѣлъ свою мимолетную знакомую въ другомъ костюмѣ, кромѣ бальнаго. Онъ и миссъ Ангусъ посмотрѣли на часы, которые показывали $10^1/_2$, и вышеупомянутый знакомый миссъ Ангусъ обѣщался при первой встрѣчѣ съ интересовавшей его молодой особой спросить ее, что она дѣлала въ это самое время. Какъ нарочно, на другой день, 22-го декабря, онъ встрѣтилъ ее на другомъ балу, и отвѣтъ ея вполнѣ согласовался съ тѣмъ, что видѣла миссъ Ангусъ въ своемъ кристаллѣ. Она писала въ этотъ вечеръ письмо и была одѣта въ бѣлую блузу такого самаго фасона, какъ описывала миссъ Ангусъ, сидя подъ газовымъ рожкомъ, покрытымъ стекляннымъ шаромъ безъ абажура. Особа эта была совершенно незнакома миссъ Ангусъ, и помянутый господинъ видѣлъ ее единственный разъ на балу, и оба они письменно засвидѣтельствовали мнѣ вѣрность сообщеннаго здѣсь факта.

6. Вскорѣ послѣ этого случая я убѣдилъ миссъ Ангусъ сдѣлать слѣдующій опытъ. Индукторъ долженъ написать на листкѣ состояніе своихъ мыслей и вручить мнѣ свою записку въ запечатанномъ конвертѣ; то же самое должна сдѣлать и миссъ Ангусъ относительно своего видѣнія въ кристаллѣ, при чемъ между ними не должно быть никакого сообщенія. Въ нашемъ опытѣ индукторъ былъ г-нъ Пэмброкъ, который явился съ цѣлью познакомиться съ миссъ Ангусъ, и который былъ случайнымъ гостемъ въ нашемъ городѣ. Вотъ, что онъ написалъ раньше, чѣмъ узналъ, что такое видѣла миссъ Ангусъ въ кристаллѣ: „Въ субботу, 23-го января 1898 г., въ то время, какъ миссъ Ангусъ смотрѣла въ кристаллъ, я думалъ о своемъ братѣ, который находился тогда, я полагаю, гдѣ-нибудь между Сабату (въ Пенджабѣ) и Египтомъ. Я очень интересовался знать, въ какомъ мѣстѣ своего пути онъ теперь находится“.

Видѣніе миссъ Ангусъ записано слѣдующимъ образомъ: „Длинная дорога, очень бѣлая, съ большими деревьями съ одной стороны. Съ другой — рѣка или озеро съ сѣроватаго цвѣта водою. Голубое небо, на которомъ горитъ огонь солнечнаго заката. Недалеко стоитъ большой черный корабль на якорѣ, а на палубѣ я вижу лежащаго человѣка, который, кажется, дурно себя чувствуетъ. Это человѣкъ сильный, красивый и очень загорѣлый. Семь или восемь англичанъ, одѣтыхъ очень легко, стоятъ на дорогѣ, близъ корабля. 23-го января 1898 года“.

Большой черный корабль, стоящій на якорѣ, на рѣкѣ или озерѣ, внушаетъ, безъ сомнѣнія, мысль о Суэцкомъ каналѣ, гдѣ въ дѣйствительности братъ г-на Пэмброка находился въ то время, какъ доказываетъ письмо, полученное восемь дней спустя послѣ опыта, 31-го января. Во время опыта г-нъ Пэмброкъ не догадывался, что могла означать рѣка, видѣнная въ кристаллѣ, и не зналъ хорошенько, въ какомъ мѣстѣ находится его братъ.

7. Въ февралѣ 1898 года миссъ Ангусъ возвратилась въ ту мѣстность, гдѣ я въ то время жилъ. Мы вмѣстѣ посѣтили мѣсто одного историческаго преступленія, и миссъ Ангусъ захотѣла посмотрѣть въ кристаллъ. Такъ какъ обстоятельства этого преступленія (убійство кардинала Бэтона) болѣе или менѣе общеизвѣстны, то я предполагалъ, что миссъ Ангусъ увидитъ въ кристаллѣ сцену этого убійства; но она увидѣла вмѣсто того высокую и блѣдную даму, лѣтъ около 40, съ черными волосами, взбитыми надъ лбомъ, стоящую возлѣ кресла, поставленнаго на возвышеніи. Подробное описаніе костюма этой дамы совершенно соотвѣтствуетъ обычному женскому костюму, который носили въ 1546 году, когда совершилось это историческое убійство, такъ что я тотчасъ же сказалъ: „я полагаю, что это Маріотъ Огильви“, особа, до которой историческія познанія миссъ Ангусъ, какъ и большинства публики, не простирались. Маріотъ была дама сердца кардинала и находилась въ замкѣ въ день убійства, какъ объ этомъ говоритъ историкъ Кноксъ. Мысль о ней могла промелькнуть въ моей головѣ и, согласно теоріи передачи мысли, могла отъ меня сообщиться уму миссъ Ангусъ, но я никогда не думалъ о костюмѣ Маріотъ.

8. Нижеслѣдующій фактъ имѣлъ мѣсто въ томъ же городѣ. Дама, сообщившая мнѣ его, хорошо мнѣ извѣстна, и фактъ этотъ устно былъ подтвержденъ мнѣ самою миссъ Ангусъ, которой дама, ея племянникъ и все, ихъ касающееся, было совершенно незнакомо.

„Я очень безпокоилась, будетъ ли мой племянникъ въ этомъ году посланъ въ Индію, и по этой причинѣ сказала миссъ Ангусъ, что я думаю объ одной вещи и прошу ее посмотрѣть въ кристаллъ. Она посмотрѣла, но тотчасъ же отвела свои взоры и стала смотрѣть въ окно на море, говоря: „я видѣла такъ явственно корабль, что подумала, что это отраженіе“. Потомъ она снова стала смотрѣть въ кристаллъ и сказала: „это гро-

мадное судно, и оно проходитъ близъ высокой скалы, на которой стоитъ маякъ. Я не могу разсмотрѣть, кто есть на суднѣ, но небо очень ясно и голубого цвѣта. Теперь я вижу большое строеніе, что-то вродѣ клуба, и передъ нимъ толпа людей сидящихъ и ходящихъ. Я думаю, что это, должно - быть, какая-нибудь чуждая страна, такъ какъ люди одѣты очень легко и тамъ, повидимому, очень жарко. Я вижу молодого человѣка, сидящаго на стулѣ съ протянутыми впередъ ногами; онъ не говоритъ, но, кажется, слушаетъ что-то. Онъ брюнетъ, строенъ, не очень большого роста, съ черными и рѣзко очерченными бровями". Я не имѣла удовольствія раньше встрѣчаться съ миссъ Ангусъ, и она ничего не знала о моемъ племянникѣ, но, тѣмъ не менѣе, описанный молодой человѣкъ совершенно походилъ на него, какъ своею наружностью, такъ и своею манерою сидѣть".

Въ отношеніи этого случая гипотеза передачи мысли вполнѣ достаточна. Дама думала о своемъ племянникѣ въ связи съ Индіею, и нѣтъ основанія заключать о пророческомъ характерѣ вызваннаго образа. (См. Ann. des Sc. psych. 1898 г.. № 3; сн. „Ребусъ" 1898 г., №№ 45—47).

3. Духовное прозрѣніе.

Чистое, просвѣщенное свыше око пустынныхъ старцевъ видѣло мысли людей, прозирало въ будущее, созерцало свѣтлый міръ добрыхъ ангеловъ, проникало и въ темный міръ духовъ злобы. Мы можемъ указать на преподобнаго Анувія, который подробно разсказывалъ мысли, желанія и образъ жизни посѣтителей, приходившихъ къ нему, который не разъ видалъ ангеловъ и демоновъ, видѣлъ и свѣтлыя обители рая и мрачные затворы ада („Чет.-Мин." іюня 5); на преподобнаго Нифонта, который видѣлъ, какъ души разлучаются съ тѣлами („Чет.-Мин." декаб. 23); на преподобнаго Андрея, который видѣлъ въ храмѣ, какъ Матерь Божія молится за родъ человѣческій („Чет.-Мин." окт. 1); на преподобнаго Пахомія, который не зналъ греческаго языка, но, при помощи свыше, вдругъ сталъ понимать инока грека, пришедшаго къ нему, и отвѣчать ему на греческомъ языкѣ („Чет.-Мин." мая 15), или на преподобнаго Ора, который въ пустынѣ читалъ, никогда не учившись читать („Чет.-Мин." авг. 7). Такихъ примѣровъ такъ много, что о нихъ можно было бы написать цѣлую книгу.

Вотъ еще выдающіеся случаи духовнаго прозрѣнія:

1. Преподобный Зосима, соловецкій чудотворецъ, прибывъ въ Новгородъ ходатайствовать за свой соловецкій монастырь, отъ котораго слуги новгородскихъ бояръ отнимали угодія, необходимыя для содержанія братіи, приглашенъ былъ къ обѣду знаменитою въ то время Мареою, посадницею новгородскою, которая вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, по неразумію, своекорыстію и гордости, не благопріятствовала основанію монастыря на Соловецкомъ островѣ. Во время стола, осмотрѣвъ сидящихъ, преподобный видитъ, что шесть знаменитыхъ бояръ новгородскихъ сидятъ безъ головъ. Пораженный этимъ видѣніемъ, онъ прослезился и не могъ вкушать ни пищи, ни питія. Никому онъ въ это время ничего не сказалъ, но послѣ открылъ эту тайну ученику своему Даніилу. Вскорѣ видѣніе преп. Зосимы оправдалось совершившимся событіемъ: Новгородъ былъ взятъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, и тѣ бояре, которыхъ преподобный видѣлъ безъ головъ, были казнены,— сама Мареа была сослана въ заточеніе, домъ ея былъ разрушенъ, и самое мѣсто запустѣло („Чет.-Мин." 17 апр.).

2. Ѳеодоръ новгородскій, Христа ради юродивый, отличенъ былъ отъ Господа особеннымъ даромъ прозорливости. Онъ съ молодыхъ лѣтъ отрекся отъ родства и отъ постояннаго жилища; въ жестокіе морозы ходилъ босой и полунагой по улицамъ торговой стороны, переносилъ насмѣшки и оскорбленія отъ дерзкихъ людей; все, что получалъ отъ добрыхъ и сострадательныхъ людей, раздавалъ бѣднымъ. Господь наградилъ его за добровольныя страданія даромъ прозорливости. Случалось, что онъ повторялъ всѣмъ встрѣчнымъ: „берегите хлѣбъ", и наступалъ голодъ; въ другое время говорилъ, указывая на извѣстныя улицы: „тутъ чисто будетъ, хорошо будетъ сѣять рѣпу", и вскорѣ пожаръ опустошалъ эти улицы. (См. „Краткіе очерки истор. русск. церкви", Москва, изд. 1890 г., стр. 116).

3. Однажды къ преподобному Димитрію прилуцкому пришелъ родной братъ его, переяславскій купецъ. Онъ торговалъ неудачно и впалъ въ долги, два раза онъ приходилъ къ брату подвижнику за благословеніемъ и послѣ перваго раза уплатилъ долги, а послѣ второго разбогатѣлъ. Но когда пришелъ въ третій разъ, преподобный не далъ благословенія и совѣтовалъ довольствоваться тѣмъ, что пріобрѣлъ. Собиратель богатства не послушался братняго совѣта, отправился къ дикимъ поморамъ и тамъ погибъ безъ вѣсти.

Занимаясь однажды работою съ братіею, Димитрій сказалъ со вздохомъ: „мы, братія, строимъ земныя тлѣнныя дѣла, а великій князь Димитрій уже не печется о суетной жизни". Чрезъ нѣсколько дней пришло из-

вѣстіе, что великій князь скончался въ тотъ самый день и часъ. (Оттуда же, стр. 112).

4. Во время крестнаго хода, іюня 2-го 1451 года, при нападеніи на Москву татаръ св. Іона, митрополитъ московскій, увидѣлъ благочестиваго инока Чудова монастыря, Антонія, и сказалъ: „братъ Антоній, помолись прилежно Богу объ избавленіи города и всего православія отъ безбожныхъ агарянъ“. Антоній отвѣчалъ: „ты великій архіерей Божій, твоей молитвы не презритъ Богородица; агаряне будутъ прогнаны, и я одинъ буду уязвленъ ими“. Едва произнесъ онъ эти слова, какъ непріятельская стрѣла поразила его, и онъ въ ту же минуту умеръ. Предсказаніе страдальца исполнилось: ночью враги убѣжали отъ Москвы,— услышали великій шумъ и думали, что великій князь пришелъ съ войскомъ. (Оттуда же, стр. 122—3).

5. Укажемъ теперь нѣсколько современныхъ намъ примѣровъ духовнаго прозрѣнія, изъ жизни о. Серафима, саровскаго подвижника.

Однажды является къ нему за благословеніемъ въ далекій путь одинъ господинъ, который былъ очень добръ, только о св. иконахъ ложно думалъ, полагая, что иконы одинаковое имѣютъ достоинство, какъ чудотворныя, такъ и не чудотворныя. О. Серафимъ, въ первый разъ видѣвшій этого господина, благословилъ его и сказалъ: „что, батюшка, мое грѣшное благословеніе? Проси помощи у Царицы небесной, вотъ въ тепломъ у насъ соборѣ есть икона „живоноснаго Источника“, отслужи ей молебенъ, вѣдь она чудотворная; она тебѣ поможетъ“. Потомъ съ улыбкою продолжалъ: „читалъ ли ты, батюшка, житіе Іоанникія Великаго? Я совѣтую тебѣ прочитать. Это былъ очень добрый и хорошій человѣкъ, да только сначала въ иконахъ-то заблуждался, какъ и ты“. Послѣ того еще далъ ему нѣсколько наставленій.

У одного крестьянина украли лошадь. Бѣдный прибылъ въ Саровскую пустынь, и, увидѣвъ тамъ одного инока, бросился къ нему въ ноги и сказалъ: „батюшка! ты что ли Серафимъ?„—„Я не Серафимъ,—отвѣчалъ ему инокъ, — а на что тебѣ онъ?“—„Да говорятъ, онъ угадываетъ, — отвѣчалъ простодушный крестьянинъ, — а у меня лошадь украли“. О. Серафимъ въ это время подлѣ своей кельи складывалъ дрова въ полѣнницу. Когда инокъ указалъ крестьянину о. Серафима, крестьянинъ бросился ему въ ноги. О. Серафимъ поднялъ его и ласково спросилъ: „что ты пришелъ ко мнѣ, убогому?“—„Батюшка,— отвѣчалъ крестьянинъ,— у меня лошадь украли, и я теперь безъ ней совсѣмъ нищій, а ты, говорятъ, угадываешь“. О. Серафимъ взялъ его за голову, и, приложивъ ее къ своей, сказалъ: „огради себя молчаніемъ и поспѣши теперь въ село (онъ назвалъ ему это село), и когда будешь подходить къ селу, то свороти съ дороги вправо, и пройди задами четыре дома, тамъ ты увидишь калиточку; войди въ нее, отвяжи лошадь свою отъ колоды и выведи молча“. Крестьянинъ по такому указанію, дѣйствительно, нашелъ свою лошадь. Подобныхъ примѣровъ въ жизни о. Серафима было очень много.

Вотъ еще одинъ: любимый имъ инокъ, о. Іоаннъ, услышавъ отъ другихъ, что о. Серафимъ бываетъ иногда въ духовномъ восхищеніи и видитъ обители небесныя, пришелъ къ нему, чтобы узнать объ этомъ отъ него обстоятельнѣе. Только что онъ хотѣлъ просить его, какъ въ ту же минуту о. Серафимъ закрылъ уста его своею рукою и сказалъ: „огради себя молчаніемъ“. Потомъ началъ ему говорить о пророкахъ, апостолахъ, мученикахъ и другихъ святыхъ; потомъ нѣсколько разъ повторилъ ему: „радость моя! молю тебя, стяжи мирный духъ“, и затѣмъ сказалъ: „вотъ я тебѣ скажу объ убогомъ Серафимѣ; я услаждился словомъ Господа моего Іисуса Христа, гдѣ онъ говоритъ: *въ дому Отца Моего обители многи суть.* На этихъ словахъ Христа Спасителя я, убогій, остановился, и возжелалъ видѣть оныя небесныя обители и молилъ Господа моего Іисуса Христа, чтобъ Онъ показалъ мнѣ эти обители, и я былъ восхищенъ. А о той радости и сладости небесной, которую я вкушалъ, сказать тебѣ невозможно“. За этими словами старецъ вдругъ замолчалъ; глаза его закрылись; голова поникла внизъ; лицо просвѣтлѣло; на устахъ и на всемъ лицѣ выражалась необыкновенная радость. Такое таинственное молчаніе продолжалось около получаса. Потомъ старецъ Божій открылъ глаза, и съ радостію сказалъ: „ахъ, если бы ты зналъ, возлюбленнѣйшій мой о. Іоаннъ, какая радость, какая сладость ожидаетъ душу праведника на небѣ, то ты рѣшился бы во временной жизни переносить всякія скорби, гоненія и клевету съ благодареніемъ. Если бы эта келья полна была червей, и если бы эти черви ѣли плоть нашу во всю временную жизнь, то со всякимъ желаніемъ надобно было бы на это согласиться, чтобы только не лишиться небесной радости“. (См. книгу „Минуты пастырскаго досуга“, еп. Гермогена, т. II, стр. 26—30).

6. Въ „Совр. изв.“ г. В. Казанцевъ, сообщая нѣсколько разсказовъ изъ міра необъяснимаго, упоминаетъ, между прочимъ, о случаѣ съ отцомъ своимъ, человѣкомъ, вообще мало заботившимся о религіозныхъ обязан-

ностяхъ и случайно попавшимъ въ скитъ Николаевской Песношской пустыни, верстъ за 80 отъ Москвы, во время успенскаго поста.

„Вхожу въ храмъ, разсказывалъ отецъ г. Казанцева,— вижу много говѣльщиковъ, беру свѣчку и дожидаюсь прибытія духовника; наконецъ, въ храмъ былъ введенъ подъ руку о. Савватій, управлявшій скитомъ. Онъ былъ слѣпъ. Какъ теперь вижу его словно восковое лицо и длинную, сильно пожелтѣвшую бороду. Сотворивъ обычное правило и приложась къ святымъ иконамъ, онъ надѣлъ епитрахиль и, введенный подъ руки послушникомъ на амвонъ, сталъ громко на память читать молитву предъ исповѣдью. Дойдя до половины, голосъ его прервался, и онъ, сдѣлавъ два земныхъ поклона предъ иконою Спасителя, снова начинаетъ читать, но опять голосъ его прервался, и онъ, обратясь лицомъ къ народу, сказалъ:

— Чада святой нашей матери церкви! Межъ вами есть одинъ не сынъ ея. Подойдите каждый и скажите ваши имена порознь. Говѣльщиковъ было около 60 человѣкъ; всѣ подходили и говорили. Когда очередь дошла до меня, только я сказалъ свое имя, какъ лицо о. Савватія сдѣлалось величественно-грознымъ и какъ бы просвѣтлѣло.

— Выйди вонъ, ты не сынъ церкви, ты пренебрегъ тѣломъ и кровію Христовыми, отринулъ таинство покаянія, не соединился со Христомъ, предаешь твою душу діаволу. Я стоялъ, какъ пораженный громомъ; въ глазахъ у меня потемнѣло; не помню, какъ я вышелъ изъ церкви; опомнился я уже сидящимъ на землѣ, около забора скита; слезы душили меня. Нѣсколько богомольцевъ съ участіемъ окружало меня, а подошедшій, какъ оказалось, іеромонахъ изъ пустыни, уговаривалъ меня итти въ монастырь, гдѣ обѣщался исповѣдывать меня и пріобщить святыхъ таинъ, но я отказался на отрѣзъ, такъ какъ желалъ всею душою исповѣдаться у о. Савватія. Но тщетно два дня я напрасно умолялъ; онъ былъ непреклоненъ. Наконецъ, въ дѣло вступился настоятель монастыря. По его увѣщанію о. Савватій согласился исповѣдать и пріобщить, но съ тѣмъ, чтобы я недѣлю провелъ съ нимъ въ его кельѣ.

Нечего и говорить, что о пренебреженіи къ религіозн. обрядамъ съ тѣхъ поръ и помину не было". („Совр. Изв." сн. „Ребусъ" 1885 г., № 3).

И. Двойное зрѣніе.

Понятіе объ этой способности и факты изъ области ея. Подъ двойнымъ зрѣніемъ подразумѣвается способность различать доступные только одному зрѣнію предметы 1) съ завязанными глазами или чрезъ непропускающій свѣта экранъ, 2) безъ помощи глазъ, другими частями тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ говорятъ о *перенесеніи чувствъ*, т.-е. предполагаютъ, что зрительная способность перемѣщается изъ глазъ въ другіе органы.

1. „Вотъ (говоритъ Люисъ своимъ слушателямъ) опытъ, показывающій до какой степени можетъ быть обострена способность зрѣнія.

Это вотъ — очки, снабженные боковой арматурой и состоящіе изъ двухъ твердыхъ и непропускающихъ свѣта выпукловинъ. Они могутъ быть прилажены къ глазнымъ яблокамъ, которыхъ очертаніямъ точно соотвѣтствуютъ. Все это закрыто черной бумагой и совершенно непроницаемо для свѣта. Для большей предосторожности на глаза и вокругъ очковъ наложены куски ваты, чтобы заполнить пустоту и закрыть скважины. Снарядъ поддерживается посредствомъ резиновой нитки, окружающей голову.

При такихъ условіяхъ я даю Эсѳири (особѣ, обладающей двойнымъ зрѣніемъ) сегодняшнюю газету, старательно заботясь о томъ, чтобы послѣдняя была освѣщена какъ при чтеніи въ нормальныхъ условіяхъ, и послѣ этихъ предосторожностей вы видите, что, къ нашему большому удивленію, субъектъ воспринимаетъ свѣтъ и бѣгло читаетъ двѣ или три строки изъ упомянутой газеты. Въ этомъ для меня одно изъ самыхъ странныхъ явленій изощренія зрительной способности, котораго физіологическое объясненіе слѣдуетъ еще найти. Мы здѣсь въ области безконечно малыхъ силъ, дѣйствующихъ на нервную систему, доведенную до безпримѣрной степени возбудимости, и если не предположить, что свѣтовыя колебанія проникаютъ сквозь непрозрачные очки на подобіе того, какъ звуковыя колебанія проникаютъ сквозь перегородки, я до сихъ поръ не вижу другого вѣроятнаго объясненія для этого страннаго явленія зрительной гиперстесіи" [1]).

„Сомнамбулическіе субъекты (говоритъ Люисъ въ другомъ мѣстѣ) способны даже читать сквозь деревянную доску толщиной въ пять миллиметровъ и, такимъ образомъ, представлять рядъ экстрафизіологическихъ обнаруженій изощренности чувствъ, которое превосходитъ все, въ чемъ мы считаемъ себя свѣдущими относительно естественныхъ причинъ, обусловливающихъ функціональную дѣятельность нервныхъ элементовъ".

2. Хорошо удостовѣрены также факты такъ называемаго „перенесенія зрѣнія".

„У нѣкоторыхъ истеричныхъ (говоритъ Бине) [2]) осязательныя ощущенія особенно часто принимаютъ форму зрительныхъ обра-

[1]) Leçons cliniques, p. 129.
[2]) Les Altérations de la personnalité, p. 191.

зовъ. Зрительный образъ становится, по словамъ больныхъ, столь же ослѣпительнымъ, какъ ощущеніе, производимое электрическимъ свѣтомъ, онъ объективируется и можетъ заслонить внѣшніе предметы подобно галлюцинаціи...; когда субъекты достигаютъ до этой степени чувствительности, то самыя легкія раздраженія тотчасъ же имъ представляются въ зрительной формѣ, и иногда бываетъ, что имъ кажется, будто они *видятъ* раздраженіе, полученное ихъ кожею".

Это свое замѣчаніе Бине подтверждаетъ слѣдующимъ опытомъ. Къ шеѣ одной истеричной (къ тому же анестесичной) онъ приложилъ мѣдный жетонъ съ выпуклымъ изображеніемъ, больная стала жаловаться, что у нея въ глазахъ ослѣпительныя круглыя пятна, дѣлавшіяся тѣмъ ярче, чѣмъ сильнѣе Бине придавливалъ жетонъ. Чтобы своими вопросами не дѣлать ей безсознательныхъ внушеній, онъ попросилъ ее нарисовать карандашомъ то, что она видитъ. Хотя больная была бѣдная дѣвица, никогда не учившаяся рисовать, и у которой къ тому же руки были атрофированы, она нарисовала фигуру поразительно близкую къ реальной. Опытъ, повторенный черезъ три года (когда Бине случайно вновь увидалъ больную), далъ еще болѣе удовлетворительные результаты. Тѣ же самые опыты были произведены надъ здоровыми, но, по сравненію съ первыми, совсѣмъ безуспѣшно. Бине поясняетъ всѣ эти опыты весьма поучительными рисунками, наглядно свидѣтельствующими объ этой разницѣ.

„Возможно (говоритъ онъ въ заключеніе), что эти опыты даютъ ключъ къ явленію, которое часто описывали подъ именемъ *перенесенія чувствъ*, и которое будто бы состоитъ въ способности нѣкоторыхъ лицъ видѣть посредствомъ органовъ осязанія. Изложенныя нами подробности показываютъ, что, хотя перенесеніе чувствъ есть, строго говоря, иллюзія, оно однако результатъ психологическаго явленія вполнѣ реальнаго — именно внушенія образовъ". (См. кн. проф. А. Гилярова: „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко", Кіевъ 1894 г.. стр. 268—272).

3. „Вотъ человѣкъ совершенно слѣпой, но, несмотря на это, могущій видѣть", сказалъ А. С. Уайтъ, представляя Генри Гендриксона одному изъ своихъ знакомыхъ. Слова его оказались вполнѣ справедливыми. М-ръ Гендриксонъ можетъ видѣть, или, вѣрнѣе, различать предметы, хотя лишился зрѣнія шести мѣсяцевъ отъ роду. Онъ родился въ Норвегіи сорокъ три года тому назадъ и прожилъ въ Америкѣ сорокъ лѣтъ. Онъ воспитывался въ институтѣ для слѣпыхъ въ Джэнсвиллѣ, Уиск., и по выходѣ изъ этого заведенія занимался различными ремеслами, преимущественно дѣланіемъ метелъ; онъ написалъ книгу озаглавленную „Изъ мрака". Сочиненіе это содержитъ нѣкоторое объясненіе двойного зрѣнія, имѣющагося у м-ра Гендриксона, хотя авторъ не можетъ уяснить себѣ эту способность удовлетворительнымъ образомъ или на основаніи естественныхъ наукъ.

Онъ хорошо воспитанъ, довольно блестящій собесѣдникъ, и благодаря темнымъ очкамъ, скрывающимъ его совершенно закрытые глаза, трудно догадаться, что онъ слѣпъ. За послѣднія двадцать лѣтъ онъ рѣдко ходилъ съ провожатымъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда очень спѣшилъ или отправлялся въ совершенно незнакомую мѣстность. Слѣдуетъ помнить, что онъ совершенно слѣпъ и не видалъ свѣта съ шестимѣсячнаго возраста. Между тѣмъ онъ можетъ сказать, какъ и всякій зрячій, когда подходитъ къ внезапному возвышенію тротуара, можетъ повернуть за уголъ, сказать, когда проходитъ мимо подъѣзда, весьма хорошо и легко опредѣлить приблизительную высоту зданій на улицѣ, но не можетъ сказать, когда приближается къ внезапному пониженію тротуара. Этого онъ объяснить не можетъ. Многіе, наблюдавшіе его свободные переходы съ мѣста на мѣсто, сомнѣваются въ его слѣпотѣ, но тѣ, которые испытывали его зрѣніе, убѣждены въ томъ, что онъ ничего не видитъ.

„Находясь въ поѣздѣ на всемъ ходу", говорилъ м-ръ Гендриксонъ, „я свободно различаю и считаю телеграфные столбы, и нерѣдко дѣлаю это для времяпрепровожденія или для опредѣленія быстроты нашего хода. Конечно, я ихъ не вижу, но догадываюсь о нихъ. Это — ощущеніе; конечно, моимъ распознавательнымъ способностямъ ни мало не мѣшаетъ моя слѣпота. Я не могу этого объяснить, но я никогда не бываю въ полномъ мракѣ: въ полдень, какъ и въ полночь, меня всегда окружаетъ одинаковый яркій свѣтъ. Однажды меня ужалила пчела, и я на мгновеніе почувствовалъ какъ бы оглушеніе и сталъ слѣпымъ, т.-е. я долженъ бы сказать, очутился въ полномъ мракѣ, не могъ ни различать, ни ощущать ничего".

Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ было произведено практическое испытаніе этого необъяснимаго двойного зрѣнія. На голову слѣпого наброшено было толстое тяжелое сукно, свѣшивавшееся со всѣхъ сторонъ и доходившее до пояса сидѣвшаго м-ра Гендриксона. Сквозь это сукно ровно ничего не было видно. Затѣмъ передъ испытуемымъ или сзади него держали палку, перемѣняя ея положеніе. На вопросы въ родѣ слѣдующихъ: — „въ горизонтальномъ ли она положеніи или въ вертикальномъ?" — или — „какъ я держу ее?" —

онъ давалъ быстрые и правильные отвѣты, ни разу не ошибаясь, иногда опредѣляя подъ прямымъ или косымъ угломъ держатъ палку. „Это простое проявленіе моей способности отгадывать“, сказалъ слѣпой, „и я не могу объяснить этого иначе“. Это покрывало — простая формальность, оно чистая безсмыслица. Мои зрительныя или распознавательныя ощущенія получаются мною не этимъ путемъ. Я никогда въ жизни не видѣлъ глазами ни одного предмета, ни даже малѣйшей его тѣни. Вотъ вамъ доказательство моихъ словъ. Приведите меня въ незнакомую комнату, въ которой я никогда не бывалъ, и о которой никогда не слыхалъ, и какъ бы темно ни было, я весьма точно опредѣлю вамъ размѣры ея. Я не ощупываю стѣнъ, ничего не трогаю, ничего не вижу, но по какому-то странному закону отгадыванія узнаю размѣры и фигуру комнаты“.

„Въ 1878 г.“, продолжалъ онъ, „я отправился въ Нью-Іоркъ и зашелъ къ Брикъ Померою въ его контору на Уніонъ Сквэрѣ. Тамъ собралось нѣсколько лицъ, и мы пріятно побесѣдовали. Я былъ безъ провожатаго. М-ръ Померой пригласилъ меня къ себѣ на квартиру и спросилъ, найду ли я дорогу. Я сказалъ, что по его описанію смогу найти его домъ; гости его стали смѣяться. Состоялось пари, и я отправился пѣшкомъ—остальные послѣдовали за мною, кто въ экипажахъ, кто тоже пѣшкомъ. Я прямо пришелъ къ дому м-ра Помероя на Сорокъ первой улицѣ, пройдя длинное разстояніе, и ни разу не ошибся ни на одномъ поворотѣ. Дѣйствительно, я узналъ домъ, подойдя къ нему; я его не видѣлъ, а, между тѣмъ, узналъ и выигралъ пари. Я учусь у м-ра Уайта стенографіи, и такъ какъ имѣю очень хорошій слухъ, то надѣюсь сдѣлаться искуснымъ стенографомъ. Сперва мнѣ было нѣсколько трудно писать, но теперь я могу писать очень хорошо“.

„Знаете ли“, вмѣшался м-ръ Уайтъ, „что если я стану здѣсь въ комнатѣ и примусь дѣлать протянутымъ указательнымъ пальцемъ движенія, словно отбиваю тактъ передъ пѣвческимъ хоромъ, описывая при этомъ фигуры буквъ, онъ сможетъ сказать, какія буквы я пишу, и прочтетъ слова, написанныя мною такимъ образомъ“.

„Произведемте этотъ опытъ“, попросили мы.

„Съ удовольствіемъ“, отвѣчалъ, улыбаясь, м-ръ Гендриксонъ. Затѣмъ одинъ изъ присутствующихъ выразилъ желаніе накрыть голову слѣпца, хотя въ его слѣпотѣ онъ и не сомнѣвался.

„Хорошо“, сказалъ слѣпой, и сукно снова появилось на сцену. Затѣмъ м-ръ Уайтъ всталъ и сталъ, быстро разсѣкая воздухъ, писать буквы.

„Ну-съ, вы меня вотъ что спросили“, сказалъ м-ръ Гендриксонъ, поднимая сукно, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ. „Можете ли вы видѣть, что я пишу?“ „Я отвѣчу и да, и нѣтъ. Я не вижу, но знаю“.

„Кстати“, прибавилъ м-ръ Гендриксонъ, „я отличный конькобѣжецъ и, скользя быстро по льду, вижу малѣйшую частичку на льду, каждую царапинку и шероховатость, какъ бы мала или незамѣтна она ни была. Чѣмъ скорѣе я бѣгу, тѣмъ яснѣе вижу. Я не хочу сказать, что вижу, но угадываю, или нѣчто въ этомъ родѣ. Мнѣ это ясно, и я все различаю“.

„Ошибались ли вы, полагаясь на это своего рода зрѣніе?“

— „Никогда“. („Chicago Gerald“; сн. „Ребусъ“ 1888 г., № 45).

I. Криптоскопія или способность видѣть скрытые предметы.

Нѣкоторые ясновидящіе обладаютъ способностію открывать и указывать, по требованію магнитизера, предметы, скрытые въ самыхъ тайныхъ мѣстахъ.

Такъ, напримѣръ, магнитизеръ, оборотясь къ одной дамѣ, сказалъ ей: позвольте мнѣ, не нарушая скромности, спросить васъ, сударыня: могу ли я заставить магнитизируемую мною разсказать, какія вещи находятся въ вашемъ карманѣ?

Дама согласилась.

— Юлія, назовите вещи, которыя находятся въ карманѣ этой дамы.

— Батистовый платокъ, душистая подушечка, запонка, колечко и маленькая коробочка.

— Что находится въ коробочкѣ?

— Вызолоченныя булавки, зубочистка изъ слоновой кости и ножичекъ для обрѣзыванія ногтей.

— Сколько денегъ въ кошелькѣ и какія онѣ?

— Двадцать пять новыхъ монетъ въ четверть франка.

Вещи, находившіяся въ карманѣ, были высыпаны на столъ, и зрители собственными глазами увѣрились, что Юлія не ошиблась.

— Юлія, разскажите, въ какое одѣтъ платье и какія имѣетъ при себѣ вещи господинъ, къ которому я прикасаюсь въ эту минуту, — сказалъ магнитизеръ, положивъ руку на плечо самаго невѣрующаго изъ всего общества.— Вы будете вычислять предметы изнутри наружу, начинайте же.

— Жаконетовая сорочка, застегнутая спереди двумя золотыми пуговками; галстукъ

съ синими полосами по бѣлому грунту; черный атласный жилетъ съ двумя карманами, изъ которыхъ въ одномъ плоскіе серебряные часы безъ цѣпочки, а въ другомъ счетъ за обѣдъ въ рестораціи, желтоватаго цвѣта панталоны безъ штрипокъ; въ правомъ карманѣ панталонъ находятся: алжирскій кошелекъ, двѣ завернутыя въ бумажку золотыя монеты и три пятифранковыя, въ другомъ карманѣ нѣтъ ничего. Сюртукъ изъ зеленаго сукна, сшитый по смѣшному, я хочу сказать, модному покрою; въ боковомъ карманѣ портфель, наполненный визитными карточками, письмами и разными бумагами. Наконецъ, этотъ господинъ носитъ вызолоченные очки и два золотыя кольца, изъ которыхъ одно, съ брилліантомъ, надѣто на безыменный палецъ лѣвой руки.

Повѣрка доказала, что всѣ вещи исчислены были съ строжайшею правильностію и точностью. (См. „Тайны сна и магнитизма", д-ра Дебэ).

К. Чтеніе мыслей.

1. Перти сообщаетъ объ одномъ прозорливцѣ, Zschokke, его собственными словами:

„При встрѣчѣ съ какимъ-нибудь незнакомымъ мнѣ лицомъ, когда я молча слушалъ его, иногда случалось, что вся его прошлая жизнь проходила предъ моими умственными очами, какъ яркій сонъ, въ нѣсколько минутъ со многими ея мелочами, или только отдѣльныя изъ нея сцены". Когда Zschokke разсказывалъ нѣсколькимъ лицамъ о томъ, что онъ увидѣлъ въ нихъ, и они все подтверждали, на него самого нападалъ ужасъ. Однажды онъ, встрѣтившись въ лѣсу съ незнакомымъ ему молодымъ человѣкомъ, отгадалъ изъ его жизни важный секретъ, какъ этотъ человѣкъ однажды совершилъ кражу изъ кассы своего принципала, при чемъ точно описалъ эту кассу и комнату, въ которой она была. Тотъ подтвердилъ все это. Обыкновенно прозорливость Zschokke проявлялась по отношеніи къ лицамъ ему незнакомымъ и постороннимъ [1]). Изъ этой исторіи явствуетъ, что чтеніе мыслей, объясняемое иными игрою мускуловъ, совершается какъ разъ вопреки требованію теоріи Мори и Либо,—чтобы оно имѣло мѣсто не только между знакомыми, но даже родственными душами. Кромѣ того, постояннымъ камнемъ преткновенія теоріи какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ примѣрахъ прозорливости является то обстоятельство, что угадываются чтецами не только наличныя душевныя состоянія человѣка, но и прошлая его жизнь, даже съ подробностями, можетъ-быть, имъ самимъ позабытыми; спрашивается, на основаніи какихъ мускуловъ будетъ тогда производиться такое чтеніе? Да и возможно ли, вообще, предполагать какую-нибудь игру мускуловъ, въ которой отражались бы ряды сложныхъ состояній настоящаго и прошедшаго въ жизни лица? Есть ли какія-либо мускульныя движенія, по которымъ можно было бы узнавать Zschokke и ему подобнымъ, какъ зовутъ N, гдѣ онъ жилъ, въ какихъ мѣстахъ былъ, съ какими людьми знался, въ какомъ платьѣ ходилъ и т. п. Одинъ прозорливецъ докторъ во время визита больному, продолжительно посмотрѣвъ на него, сказалъ, что онъ два раза покушался на жизнь жены и теперь еще не оставляетъ своего намѣренія... Паціентъ поблѣднѣлъ и во всемъ сознался [1]). Какія мускульныя движенія существуютъ, спрашивается, для выраженія такого сложнаго состоянія, какъ намѣреніе убить свою жену? Потребовались бы особыя мускульныя движенія для выраженія намѣренія вообще убивать, а во-вторыхъ,—убивать именно женъ; кромѣ того, надо было бы предполагать существованіе точныхъ отпечатковъ, или слѣдовъ, прежнихъ двукратныхъ попытокъ паціента на убійство жены. Въ дѣйствительности, какъ бы далеко ни простиралась игра мускуловъ, вообще способность мускульнаго воплощенія душевныхъ состояній, во всякомъ случаѣ, она не можетъ отражать все мелкое и случайное: можно легко узнать преступника или намѣревающагося совершить преступленіе, можетъ-быть, есть, пожалуй, нѣкоторый приблизительный типъ убійцы — и только. Вышеуказанный докторъ, по условіямъ научной теоріи чтенія мыслей, самое большее—могъ бы только найти своего паціента подозрительнымъ, заподозрить его въ намѣреніи совершить что-то дурное, напримѣръ, убійство. Остальное не умѣщается въ ея рамки,— и въ этомъ-то ея и непригодность. (См. „Пророч. или вѣщіе сны", свящ. Свѣтлова, стр. 88—90).

2. Обыкновенно мирное, тихое теченіе жизни шведскаго города Готенбурга было нарушено въ апрѣлѣ 1894 г. пріѣздомъ туда угадывателя или чтеца мыслей и, по видимому, ясновидящаго англичанина Тиндаля. Онъ былъ приглашенъ туда однимъ лицомъ, интересовавшимся этимъ психическимъ явленіемъ; но почти тотчасъ же по пріѣздѣ г. Тиндаль сдѣлался предметомъ испытаній цѣлаго кружка лицъ, а, затѣмъ, подвергся публичному всенародному испытанію. Опуская подробности объ опытахъ съ г.

[1]) *Perty* B. II. 266. См. выше, стр. 193—195.

[1]) *Perty* B. II. 266.

Тиндалемъ въ частныхъ кружкахъ, которые доказали, что г. Тиндаль обладаетъ, дѣйствительно, весьма замѣчательнымъ даромъ отгадыванія мыслей, переходимъ къ тому опыту, который поднялъ на ноги населеніе всего города. Комитетъ, организовавшійся изъ представителей мѣстной печати и другихъ лицъ, рѣшилъ произвести съ г. Тиндалемъ слѣдующій опытъ: одному изъ членовъ комитета было поручено разыграть вора, стащить у кого-нибудь какой-нибудь предметъ (это оказался впослѣдствіи серебряный кофейничекъ) и спрятать его гдѣ-нибудь, по усмотрѣнію. Захвативъ кофейничекъ, „воръ", въ сопровожденіи другого члена комитета, вышелъ изъ отеля, гдѣ засѣдалъ комитетъ, и, слѣдуя по одиннадцати улицамъ, весьма спутаннымъ маршрутомъ, дошелъ до дома одного богатаго коммерсанта, фруктовая торговля котораго помѣщалась въ томъ же домѣ. Войдя въ квартиру коммерсанта, „воръ" спряталъ кофейничекъ, безъ вѣдома хозяина дома, въ одну изъ большихъ мраморныхъ вазъ, украшающихъ парадную лѣстницу. Простившись съ любезнымъ хозяиномъ, „воръ" и его спутникъ вернулись въ отель, гдѣ ихъ ждали остальные члены комитета. О томъ, гдѣ спрятана вещь и какая вещь — комитету ничего не было сказано. Вслѣдъ затѣмъ былъ введенъ г. Тиндаль, едва пробравшійся чрезъ громадную толпу народа, которая собралась у подъѣзда отеля (дѣло было днемъ). Тиндалю была наложена на глаза повязка, абсолютная непрозрачность которой была провѣрена комитетомъ. Тиндаль казался очень взволнованнымъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только повязка была надѣта на него, онъ схватилъ за руку своего, такъ называемаго, „медіума" (сенситива), г. Меллера (инженеръ), и быстро направился съ нимъ къ выходу изъ отеля: здѣсь, у подъѣзда, ожидалъ его шарабанъ, запряженный парой лошадей. Въ одно мгновеніе Тиндаль вскочилъ на козлы, схватилъ вожжи и погналъ лошадей, члены комитета и въ числѣ ихъ „воръ" и его спутникъ едва успѣли занять свои мѣста въ шарабанѣ. Тиндаль пожелалъ, чтобы одинъ изъ членовъ комитета сѣлъ съ нимъ рядомъ (это оказался не „воръ" и не его спутникъ) и приложилъ бы пальцы своей лѣвой руки къ его затылку, а пальцы правой—къ ладони его правой руки. Ѣхали, несмотря на массы толпившейся на пути публики, такъ скоро, что владѣлецъ лошадей, испугавшись, на одномъ перекресткѣ схватился за вожжи и нечаянно поворотилъ лошадей налѣво, въ то время, какъ Тиндаль желалъ поворотить направо (оказалось потомъ, что направо былъ путь, по которому несли вещь). Вслѣдствіе тѣсноты улицы нельзя было поворотить назадъ экипажъ, и Тиндаль, погнавъ лошадей дальше, вернулся, проѣхавъ по нѣкоторымъ улицамъ, къ той улицѣ, по которой была пронесена вещь. Слѣдуя въ точности тому запутанному маршруту двухъ членовъ комитета, онъ остановился передъ домомъ негоціанта и, соскочивъ съ козелъ, все съ завязанными глазами, вошелъ во фруктовую лавку. Тутъ онъ подошелъ было къ внутренней двери, ведущей въ помѣщеніе домохозяина, но она оказалась запертой. Тиндаль повернулъ назадъ, пошарилъ мимоходомъ во фруктахъ, вышелъ изъ лавки, попалъ въ сосѣднюю лавку куафера, посѣтители котораго были крайне удивлены, увидѣвши человѣка съ повязанными глазами, вышелъ и оттуда и на этотъ разъ вошелъ въ парадныя сѣни, ведущія въ квартиру хозяина дома. Тутъ онъ мигомъ остановился у мраморной вазы и вынулъ изъ нея серебряный кофейничекъ, къ великому удивленію домохозяина. Тѣмъ же путемъ Тиндаль, не снимая повязки, возвратился въ отель, сопровождаемый громкими аплодисментами публики и тысячными „ура" толпы; въ отелѣ онъ моментально подошелъ къ „вору" и указалъ также на его спутника, и послѣ этого только Тиндалю сняли съ глазъ повязку.

Изъ другихъ опытовъ интересенъ опытъ съ разноцвѣтными ленточками: присутствовавшіе навязывали на рукавъ, въ отсутствіи Тиндаля, ленточку, каждый разнаго цвѣта. Было записано, у кого какого цвѣта была ленточка; затѣмъ ленточки снимались, перепутывались въ клубокъ, и введенному Тиндалю предоставлялось повязать каждому свою ленточку, что Тиндаль и исполнялъ безошибочно.

Всѣ опыты съ лицами, которыя могутъ сосредоточить свои мысли на задуманномъ, на загаданномъ, удаются у Тиндаля безусловно. Напротивъ, опыты съ людьми разсѣянными, забывающими скоро то, что они должны были помнить, и переносящимися мыслями на другое, не всегда и не такъ скоро удавались. Былъ произведенъ такого рода опытъ: условлено было, что двое загадаютъ одно и то же. Затѣмъ одного изъ загадавшихъ напоили допьяна, и загаданная мысль не могла быть прочтена Тиндалемъ; когда же ввели второго субъекта, трезваго, Тиндаль тотчасъ же отгадалъ безошибочно задуманное.

Отличительной чертой Тиндаля является крайняя быстрота всѣхъ движеній, крайняя нервность. По-видимому, и воспріятіе и сознаніе его чувствами и мозгомъ впечатлѣній и представленій чужихъ мыслей тоже совершается съ необычайной быстротой. (Изъ Шведскихъ газетъ; сн. „Ребусъ" 1894 г., № 22).

Л. Таинственное возникновенiе образовъ въ душѣ художника во время его работы.

Тиссо и его картины. Джемсъ Тиссо, замѣчательныя картины котораго „Изъ жизни Христа“ привлекли на себя всеобщее вниманiе въ Парижѣ и Лондонѣ и произвели тамъ столь сильное впечатлѣнiе, по натурѣ своей, говоритъ репортеръ „Leterary Degest“, мистикъ и ясновидецъ. О путешествiяхъ Тиссо по востоку и о тщательномъ изученiи имъ восточной топографiи и костюмовъ было много говорено и написано; въ мартовскомъ же номерѣ „Mc Clure's Magazine“ M. Moffet даетъ еще новыя интересныя подробности о самомъ методѣ работы Тиссо:

„Тиссо имѣетъ обыкновенiе набрасывать нѣсколькими штрихами карандаша свои впечатлѣнiя и фантазiи въ маленькiй альбомъ, величиною не болѣе почтовой карточки. Выбравъ изъ этихъ набросковъ что-либо для картины, онъ опять дѣлаетъ набросокъ,— такъ сказать, только скелетъ картины, но уже въ увеличенномъ по желанiю размѣрѣ; это просто нѣсколько грубыхъ линiй: полуовалъ для лица, двѣ-три черты для торса и т. д. Затѣмъ происходитъ нѣчто удивительное, мы бы сказали невѣроятное, если бы ничего не знали о глубокихъ тайникамъ человѣческаго духа. Ученые называютъ это явленiе „гиперестезiей“ или „гипертрофiей нервовъ“, но, какъ бы оно ни называлось, это явленiе у Тиссо постоянное, неизмѣнно повторяющееся въ каждой его картинѣ. Тиссо, придя въ нѣкое особенное состоянiе и предварительно составивъ себѣ идею о томъ, что именно онъ будетъ воспроизводить, наклоняется надъ листомъ съ едва обозначенными точками и пристально смотритъ на него. И вотъ, цѣлая картина постепенно выростаетъ въ его воображенiи; онъ видитъ лица, одежды, цвѣта, малѣйшiя подробности; онъ закрываетъ глаза въ восхищенiи и бормочетъ: „Превосходно! Поразительно! О, только бы не забыть... Только бы удержать въ памяти!..“ Напрягая всю силу воли, чтобы запечатлѣть видѣнiе въ своемъ воображенiи, онъ беретъ кисть и воспроизводитъ видѣнное на память“.

„Большинство картинъ Тиссо написаны такимъ образомъ, но многiя и лучшiя не могли быть написаны: ослѣпительное видѣнiе проносилось, какъ чудный сонъ, и не возвращалось, несмотря ни на какiя усилiя. „Да! вздыхаетъ онъ — это было слишкомъ хорошо, чтобы запомнить!“

„Однако, я долженъ оговориться, что это явленiе видѣнiй не представляетъ собою ненормальности. Тиссо просто обладаетъ въ высокой степени сенситивностью образовъ и красокъ — сенситивностью, которою одарены очень многiе художники. Все дѣло сводится къ причинамъ и слѣдствiямъ, какъ и сновидѣнiя нерѣдко вызываются извѣстными причинами. Причина видѣнiй у Тиссо: сосредоточенность, молитва и артистическiй темпераментъ. Его видѣнiя не всегда вызываются пристальнымъ созерцанiемъ листа бумаги, они случаются съ нимъ и на улицѣ. Однажды, напримѣръ, по дорогѣ въ Парижъ, около Булонскаго лѣса, Тиссо вдругъ видитъ передъ собой массивную каменную арку, которую валитъ огромная толпа народа въ восточныхъ костюмахъ, съ тюрбанами на головахъ. Народъ, сильно жестикулируя, указываетъ на балконъ, на высокой стѣнѣ изъ желтаго камня; на балконъ римскiе солдаты тащатъ плѣнника въ красномъ позорномъ одѣянiи. Съ балкона спускается ярко расшитый коверъ, къ этому ковру грубыя руки солдатъ наклоняютъ лицо плѣнника, показывая его народу, лицо это Iисуса Христа. Это видѣнiе Тиссо точно передалъ на полотно съ надписью „Ecce Homo“. („Се, Человѣкъ“).

„Непремѣнное условiе такой работы Тиссо—уединенiе. Онъ говоритъ: „чтобы хорошо писать, я долженъ думать и чувствовать себя въ полномъ одиночествѣ“. („Light“ 1899 г. № 955; см. „Ребусъ“ 1899 г., № 37).

М. Инстинктивное рѣшенiе трудныхъ математическихъ задачъ.

Это явленiе психической жизни человѣка мы также относимъ къ психометрiи.

Одинъ инженеръ рѣшалъ трудныя алгебраическiя задачи, напримѣръ, могъ прямо написать, чему равняется корень какой угодно степени, изъ числа написаннаго во всю школьную доску, но какъ онъ дѣлалъ то, чего другiе и лучшiе ученики достигали долгимъ рѣшенiемъ трудной задачи посредствомъ логариѳмовъ — онъ самъ объяснить не могъ; онъ говорилъ, что это для него такъ же ясно, какъ дважды-два — четыре. Этотъ инженеръ, такъ сказать, инстинктивно рѣшалъ эти трудныя задачи и, мало того, когда его окончательный выводъ не сходился съ тѣмъ, который былъ найденъ посредствомъ долгихъ и сложныхъ вычисленiй, онъ оспаривалъ вѣрность своего вывода, ошибку же приписывалъ другимъ — и замѣчательно то, что всегда оказывался правымъ. Къ сожалѣнiю, этотъ инженеръ не былъ замѣчателенъ ничѣмъ, кромѣ своихъ необыкновенныхъ вычисленiй. (См. соч. Сумарокова „О спиритизмѣ“).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Попытки къ объясненію чтенія мыслей.

А. Профессоръ Н. П. Вагнеръ о «чтеніи мыслей».

Разсказавъ («Новое время» № 3141) о прежнихъ своихъ опытахъ въ этой области, упомянувъ о возможности вліянія воли одного субъекта на другого и сославшись на извѣстные опыты лондонскаго психическаго общества надъ «чтеніемъ мыслей», профессоръ Вагнеръ говоритъ:

«Эти опыты прямо приводятъ насъ къ заключенію, что отгадываніе чужихъ мыслей можетъ быть и безъ прикосновенія или непосредственнаго матеріальнаго сообщенія между экспериментаторомъ и субъектомъ, подвергнутымъ опыту. Первый можетъ и не касаться послѣдняго.

Объясненія, приводимыя противниками этой возможности, мнѣ кажутся болѣе чѣмъ странными. Если, дѣйствительно, существуетъ нѣчто, передающееся отъ человѣка къ человѣку—будетъ ли это воля или мысль—все равно, ихъ передача не можетъ совершаться по грубо матеріальнымъ частицамъ. Если мы допускаемъ гипотезу свѣтовыхъ колебаній эфира, то тѣмъ необходимѣе допустить подобную же гипотезу для тѣхъ колебаній, которыя во всякомъ случаѣ тоньше и менѣе матеріальны, чѣмъ эфиръ.

Во всякомъ случаѣ строить здѣсь ту или другую гипотезу еще слишкомъ преждевременно и, прежде всего, мнѣ кажется, необходимо діагнозировать самое явленіе.

По моему убѣжденію, основанному на фактахъ, оно принадлежитъ къ области *психическаго гипнотизма;* но для объясненія этого названія необходимо изложить мое воззрѣніе на гипнотизмъ вообще.

При тѣхъ явленіяхъ, которыя обыкновенно называются гипнотическими — гипнотикъ, вслѣдствіе утомленія вниманія или вслѣдствіе культивированной уже привычки къ гипнотическому засыпанію — погружается въ гипнотическій сонъ *подъ вліяніемъ воли гипнотизатора.* При этомъ снѣ воля гипнотика удаляется, всѣ аппараты, которые служатъ для произвольныхъ движеній, угнетаются, и воля гипнотизатора распоряжается всѣмъ нервно-мышечнымъ механизмомъ субъекта, какъ автоматомъ. Мнѣ удалось доказать опытами, что при этомъ гипнотизмѣ пассы не играютъ той физіологической роли, которую приписываетъ имъ Гайденгайнъ и вслѣдъ за нимъ другіе физіологи. Явленія сокращенія мышцъ каталептическаго состоянія вызываются у гипнотика осмысленной волей гипнотизатора.

Такова сущность явленій при обыкновенномъ гипнотизмѣ, который можно назвать *животнымъ* или *физіологическимъ*.

Совсѣмъ другое представляетъ намъ гипнотизмъ, который можно назвать *психическимъ гипнотизмомъ.* При немъ гипнотизаторъ дѣйствуетъ такъ же своей волей на психическій организмъ субъекта, но онъ дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ не на волю или психическія способности гипнотика, а на его нервно-мышечныя стороны. При этомъ дѣйствіи психическій организмъ субъекта становится болѣе свободнымъ и можетъ видѣть и слышать ясно то, что было непроницаемо для его органовъ чувствъ и для его мозговыхъ центровъ. Онъ можетъ входить въ сообщеніе съ умственною дѣятельностью гипнотизатора или другихъ лицъ и болѣе или менѣе свободно читать ихъ мысли.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ собственная воля гипнотика усиливается волей гипнотизатора и волей тѣхъ лицъ, которыхъ психическій складъ или психическое настроеніе совпадаютъ съ его собственнымъ.

Состоянія и степени *психическаго гипнотизма* могутъ быть различны, и здѣсь еще широкое, нетронутое поле для психолога. Психогипнотъ или психогипнотическій сонъ можетъ быть полнымъ, когда организмъ субъекта находится въ каталептическомъ состояніи. Онъ можетъ быть легкимъ, когда гипнотикъ владѣетъ своими физическими органами. И вотъ, при такомъ легкомъ гипнозѣ—гипнотикъ можетъ освободиться отъ зависимости отъ физическаго организма на столько, что онъ становится способнымъ проникать мысли и желанія другого лица.

Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что чтеніе чужихъ мыслей совершается именно при такомъ легкомъ гипнотическомъ состояніи. Ненормальность этого состоянія доказывается замѣшательствомъ въ отправленіяхъ нервно-мускульной системы, въ неправильномъ дыханіи, въ усиленномъ сердцебіеніи и т. п.

Отгадываніе чужихъ мыслей, желаній, задуманныхъ мелодій есть первая легкая степень того гипноза, который обыкновенно называется *ясновидѣніемъ* и который до сихъ поръ игнорируется или не признается научной физіологіей и психологіей. Для меня существованіе этого состоянія лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. На одной изъ моихъ публичныхъ лекцій о гипнотизмѣ я представилъ фактъ ясновидѣнія, который случился при моихъ опытахъ съ Ганзеномъ. Онъ совершился на глазахъ тридцати свидѣтелей. Онъ былъ ясенъ, несомнѣненъ, и къ нему не можетъ быть приложено ни одно изъ тѣхъ толкованій, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ лица, невѣрящіе подобнымъ фактамъ.

Въ теченіе весны и лѣта 1883 года, я сдѣлалъ рядъ опытовъ съ психическимъ гипнозомъ. На одномъ изъ нихъ, гипнотизируемый субъектъ (дама) во время сна, на мой вопросъ: завязать ли ей глаза? отвѣтила: нѣтъ, и потомъ продолжала:

— Но есть такой человѣкъ въ Англіи, которому завязываютъ глаза и онъ, взявши васъ за руку, говоритъ вамъ ваши мысли.

Затѣмъ, спустя нѣсколько времени, она спросила меня:

— Вы знаете, какъ этотъ человѣкъ читаетъ въ мысляхъ? Знаете?

И когда я, обращаясь къ ея матери, сидѣвшей возлѣ, тихо сказалъ:

— Это у ней теперь вѣроятно idée fixe, она поглощена ею, — то загипнотизированная быстро возразила:

— Это не идея, а фактъ.

— Не можете ли вы,—спросилъ я,—сказать намъ имя этого человѣка?

— Нѣтъ.

Это случилось гораздо ранѣе, чѣмъ иностранныя газеты заговорили о Кумберлэндѣ. Было ли это очень странное совпаденіе, или было дѣйствительно указаніе на то лицо, вовсе неизвѣстное спящей, и которое находилось въ Англіи? Этого вопроса я не берусь рѣшить.

Я разсказываю объ этомъ фактѣ, который случился у меня на глазахъ, при моихъ психо-гипнотическихъ опытахъ, съ цѣлью показать желающимъ заняться опытами съ чтеніемъ чужихъ мыслей одинъ изъ тѣхъ концовъ, къ которому могутъ привести такіе опыты.

Можетъ-быть, мнѣ возразятъ, что господа, читающіе чужія мысли или отгадывающіе задуманныя мелодіи, желанія и цыфры, не находятся въ состояніи ясновидѣнія, что это не есть ясновидѣніе. Дѣйствительно, здѣсь есть одна разница, по видимому, весьма существенная. Субъекты, отгадывающіе мысли или желанія другого лица, пользуются тѣмъ матеріаломъ, который находится въ мозгу этого лица; тогда какъ ясновидящій узнаетъ и разсказываетъ вещи, о которыхъ никто не знаетъ, кромѣ его. Но эта разница едва ли существуетъ въ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи съ Кумберлэндомъ, Бишопомъ или другимъ подобнымъ субъектомъ, вполнѣ показали бы возможность ясновидѣнія и при томъ легкомъ гипнозѣ, при которомъ совершаются такіе опыты.

Замѣчу кстати, что при опытахъ съ отгадываніемъ чужихъ мыслей повязка на глазахъ такъ же необходима, какъ и при опытахъ ясновидѣнія, т.-е. необходимо, чтобы функція физическаго органа зрѣнія была удалена и не мѣшала бы субъекту видѣть, но чѣмъ?

Во всякомъ случаѣ, тамъ и здѣсь, такъ же какъ и при всякихъ психическихъ или психофизіологическихъ явленіяхъ, огромную роль играетъ упражненіе или культивировка явленія. Субъектъ, часто гипнотизируемый, доходитъ, наконецъ, до возможности самоусыпленія безъ участія гипнотизатора. Субъектъ, культивирующій свою способность отгадывать чужія мысли и желанія, можетъ развить ее до замѣчательныхъ результатовъ. Если при этомъ онъ будетъ стараться сдерживать тѣ болѣзненныя явленія, какъ, напримѣръ, дрожаніе, конвульсивныя движенія и т. п., то и здѣсь онъ можетъ дойти до полнаго самообладанія...» («Ребусъ» 1884 г., № 49).

Б. Объясненіе проф. А. Гилярова.

Подъ чтеніемъ мыслей подразумѣвается способность узнавать содержаніе мыслей присутствующаго лица, не выраженныхъ ни словомъ, ни сознательнымъ жестомъ.

Эта способность сводится къ двумъ элементарнымъ фактамъ: 1) къ психофизіологическому закону, по которому всякое духовное состояніе, каково бы оно ни было, идея, волненіе, желаніе и пр., всегда сопровождается соотвѣтствующимъ тѣлеснымъ обнаруженіемъ и 2) къ чрезвычайной изощренности чувствъ, дозволяющей различать эти необыкновенно уловимыя измѣненія.

«Подобно тому какъ при помощи буквъ и образованныхъ изъ нихъ словъ пріобрѣтается, благодаря этимъ знакамъ, способность понимать содержаніе письма, точно такъ же по нѣкоторымъ невольнымъ сокращеніямъ и растяженіямъ мускуловъ, по нѣкоторымъ мимолетнымъ выраженіямъ лица, по нѣкоторымъ звукамъ, незамѣтнымъ никому другому, сомнамбулы доходятъ до истолкованія въ другомъ идей, обозначаемыхъ этими знаками» [1]).

Лучшимъ образцомъ чтенія мыслей, можетъ служить слѣдующій, приведенный у Бонжана [2]).

Въ сентябрѣ 1888 года весь Вервье былъ сильно занятъ одной сомнамбулой, которую показывалъ въ балаганѣ на ярмаркѣ гипнотизеръ. Послѣдній усыплялъ сомнамбулу, затѣмъ обращался къ присутствующимъ, предлагая написать что-нибудь на бумагѣ и показать ему. Написавшій клалъ свою руку на руку или плечо сомнамбулы, а гипнотизеръ громко у нея спрашивалъ, повторяя вопросъ нѣсколько разъ: «что написалъ этотъ господинъ?» Сомнамбула угадывала тотчасъ же, безъ ошибки и запинки, сколь бы ни трудна была написанная фраза, напр.: *autour des dolmens*, *sur ces hautes cimes* или *Un lot blousses à fournir lundi prochain* или *Si je tirais un sanglier à la prochaine traque* и т. д. Точно также неизмѣнно удавались опыты и съ монетами. Стоило гипнотизеру взглянуть на ту или другую монету, показанную ему зрителемъ, и сомнамбула безъ промедленія говорила какая монета, когда и гдѣ отчеканена, напр.: *république française, an XI, Bonaparte, premier consul*. Не менѣе удивляло толпу и безошибочное угадываніе имени. «Не можетъ ли m-lle (обращался гипнотизеръ къ одной изъ присут-

---

1) Liebeault, Thérapeutique suggestive, pp. 273—274.
2) L'Hypnotisme, pp. 261—316.

ствующихъ) сказать потихоньку, какъ только возможно тише, свое имя или имя другого лица?» M-lle, у которой спрашивали, говорила на углу эстрады гипнотизеру на ухо такъ тихо, что ее не могли слышать самые близкіе сосѣди. Но сомнамбула, какъ скоро до нея дотрогивались рукой, тотчасъ же начинала: «вы спрашиваете имя. Имя, которое вы сказали: *Генріетта*».

Всѣ эти опыты поражали тѣмъ болѣе, что казались совершенно непостижимыми. Никакого обмана предположить было нельзя: все происходило при яркомъ дневномъ свѣтѣ, на глазахъ у тысячи зрителей, въ непосредственномъ присутствіи того, кто предлагалъ вопросъ.

Путь къ рѣшенію загадки былъ указанъ д-ромъ Боланомъ, долго изучавшимъ способъ обученія глухонѣмыхъ.

Руководясь его указаніями, Бонжанъ пришелъ къ заключенію, что сомнамбула «на своей эстрадѣ просто-на-просто читала... на губахъ своего гипнотизера фразы, годы монетъ, имена, сказанныя шепотомъ ему на ухо на углу эстрады» [1]). «Когда ее усыпляли, у нея появлялась гиперстесія зрѣнія. Хотя глаза у нея были закрыты — герметически закрытыми они только казались на первый взглядъ — она видѣла все, что происходило на эстрадѣ, и видѣла лучше, много лучше, чѣмъ громадное большинство окружавшихъ ее лицъ» [2]).

Въ правильности этого объясненія Бонжанъ убѣдился при помощи слѣдующаго опыта. Когда онъ передъ началомъ опыта попросилъ гипнотизера отвернуться къ стѣнѣ, тотъ смутился и отказался, и какъ скоро Бонжанъ заслонилъ его лицо своей фигурой, сомнамбула осталась безмолвной. На настойчивые вопросы гипнотизера она хотя и стала отвѣчать, но не то, что слѣдовало, т.-е. не то, что задумалъ Бонжанъ.

Быть-можетъ, однако, предположенное Бонжаномъ объясненіе не исчерпываетъ вопроса. Возможно, что указателемъ служатъ не однѣ губы, но и все лицо. Возможно также, что зрѣнію помогаетъ и слухъ.

«Во время глубокаго сна, въ которомъ находилась моя сомнамбула, — сообщаетъ д-ръ Бурдонъ на гипнотическомъ конгрессѣ 1889 г., — я ее спросилъ: «о чемъ я думаю?» — О томъ-то и томъ-то,—отвѣчала она; — я слышала, какъ вы думали... и то, что она сказала, было вполнѣ вѣрно. Нѣсколько времени спустя мнѣ писалъ д-ръ А. Руссо: «не трудно объяснить мнимо-мысленное внушеніе. Невозможно мыслить безъ того, чтобы глотка не говорила—хотя и втихомолку—но говорила... Такимъ образомъ, всѣ эти необыкновенныя явленія мысленнаго или лжемысленнаго внушенія на дѣлѣ не что иное, какъ явленія *чрезвычайной изощренности слуха*» [3]).

[1]) p. 297.
[2]) p. 291.
[3]) Premier Congrès International de l'Hypnotisme, pp. 215—216.

Наблюденіе это подтверждается не только общимъ психофизіологическимъ закономъ, что всякому духовному состоянію соотвѣтствуетъ внѣшнее выраженіе, но и тѣснымъ взаимоотношеніемъ между словомъ и мыслью, вслѣдствіе котораго мысль безъ слова такъ же немыслима, какъ слово безъ мысли.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнамбулѣ могло помогаетъ и мысленное внушеніе. Извѣстный невродогъ Грассе, производившій надъ ней эксперименты въ Монпелье, свидѣтельствуетъ, что она порою угадывала и тогда, когда гипнотизеръ оставался внѣ балагана, но сильно сосредоточивалъ свою мысль на угадываемомъ словѣ. Въ балаганѣ между тѣмъ записывали то, что говорила сомнабула. Въ такихъ случаяхъ, по словамъ Грассе, *наряду съ крупными неудачами были весьма любопытныя удачи* [1]).

Бонжанъ говоритъ о своемъ «открытіи» съ большимъ торжествомъ, которое, несомнѣнно, было бы меньше, если бы автору было извѣстно, что предлагаемый Боланомъ и имъ способъ объясненія уже давно былъ указанъ Бэларже и другими изслѣдователями [2]).

На чтеніе мыслей впервые обратилъ всеобщее вниманіе въ 1884 году своими опытами Кумберлэндъ. Онъ приглашалъ одного изъ присутствовавшихъ спрятать ту или другую вещь, затѣмъ бралъ спрятавшаго за руку и, если у того не было намѣренія ввести экспериментатора въ обманъ, по большей части приходилъ вмѣстѣ съ нимъ къ мѣсту спрятанной вещи. Съ тѣхъ поръ это одна изъ любимыхъ игръ въ Англіи. Въ настоящее время общепризнанный фактъ, что въ этомъ случаѣ не экспериментаторъ ведетъ субъекта, какъ съ перваго взгляда кажется, а, наоборотъ, субъектъ своими безсознательными движеніями руководитъ экспериментаторомъ. Эти явленія «психическаго автоматизма» подробно и наглядно изложены и истолкованы у *Pierre Janet*, l'Automatisme psychologique, Paris, 1889 и *Binet*, Les Altérations de la personnalité, Paris, 1892. (См. у Проф. *А. Гилярова*: «Гипнотизмъ по ученію школы Шарко», Кіевъ, 1894 г., стр. 284—287).

Наше личное мнѣніе, какъ составителя этой книги, то, что душа здѣсь непосредственно, безъ всякихъ физіологическихъ условій, о которыхъ говоритъ проф. Гиляровъ, одною своею духовною силою, въ силу прирожденнаго ей Богоподобія, читаетъ сокровенныя мысли людей. Что у обыкновенныхъ мірскихъ людей считается необыкновеннымъ, то у святыхъ, достигшихъ высшаго духовно-нравственнаго совершенства и приближенія къ Богу, составляетъ обычное явленіе. Вотъ почему въ житіяхъ святыхъ такъ часты случаи

[1]) Bonjean, l'Hypnotisme, pp. 313—314 (письмо Грассе).
[2]) Liebeault, Le Sommeil, p. 106.

духовной прозорливости, предузнанія будущаго, чтенія мыслей, ясновидѣнія и т. п. таинственныхъ явленій. При этомъ мы должны оговориться, что не отрицаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно допустить внушеніе мыслей, какъ средство для прочтенія ихъ. Но это, очевидно, не можетъ относиться ко всѣмъ случаямъ. (Свящ. *Г. Д—ко).*

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Способность человѣка къ проявленію магнитическихъ вліяній (животный магнитизмъ).

А. Способность человѣческаго организма къ одическимъ излученіямъ.

1. **Токи лучистой энергіи, исходящіе изъ человѣческаго тѣла.** Магнитизеры давно уже утверждали, что изъ человѣческаго тѣла безпрерывно вытекаютъ токи лучистой энергіи, которую они называли магнитическою жидкостью, нервною силой, токами ода и т. п. Увѣряютъ, будто загипнотизированные явственно различаютъ токи этой энергіи, вытекающіе изъ пальцевъ и разсыпающіеся во всѣ стороны, словно струйки воды изъ садовой лейки. Цвѣтъ этихъ лучистыхъ токовъ различенъ для правой и лѣвой стороны тѣла. Онъ оказывается краснымъ у правой и синимъ у лѣвой руки. Подобные же лучистые токи усматриваются и на полюсахъ магнита, а также надъ жидкостью, гдѣ происходитъ какое-нибудь химическое дѣйствіе и т. п. Вообще людьми, находящимися въ состояніи гипноза, замѣчается будто бы у всѣхъ организованныхъ существъ выдѣленіе лучистыхъ токовъ. Упомянемъ при этомъ кстати, что на древнихъ индійскихъ монументахъ встрѣчаются изображенія Вишну съ огоньками, выходящими изъ оконечностей пальцевъ.

Положительная наука относилась къ утвержденіямъ загипнотизированныхъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Въ данномъ случаѣ, однако, имѣлась возможность подвергнуть ихъ экспериментальной провѣркѣ. Если токи этой таинственной формы лучистой энергіи дѣйствуютъ на сѣтчатую оболочку гипнотизированнаго глаза, отчего бы имъ не дѣйствовать также и на свѣточувствительную пластинку фотографическаго аппарата, которая, какъ извѣстно, воспринимаетъ многое, ускользающее отъ нашего глаза? Опыты фотографированія лучистой энергіи, исходящей изъ пальцевъ, были дѣйствительно произведены, но оказалось возможнымъ приписать полученные результаты давленію, производившемуся пальцами на пленку желатины, пропитанной бромистымъ серебромъ. Выяснилось, что, замѣнивъ пальцы простыми палочками, можно было получить во всѣхъ случаяхъ подобныя же изображенія. Необходимо было измѣнить условія опыта, дабы выяснить, существуютъ ли токи лучистой энергіи въ дѣйствительности или только въ воображеніи загипнотизированныхъ. Шарль Брандтъ предложилъ не дотрогиваться пальцами до чувствительной пленки, а класть ихъ на стекло съ противоположной стороны пластинки. Если изъ нихъ, дѣйствительно, исходятъ токи лучистой энергіи, то эти токи проникнутъ сквозь стекло и будутъ восприняты чувствительной пленкой. Оказалось, что, если продержать десять минутъ пальцы на чистой стеклянной сторонѣ свѣточувствительной пластинки, лежавшей на маленькихъ деревянныхъ подставкахъ въ ванночкѣ, на днѣ которой налитъ былъ слой проявляющей жидкости такъ, чтобы смачивать чувствительную пленку — получалось совершенно явственное изображеніе: на черномъ фонѣ выдѣляются пять оконечностей пальцевъ, вокругъ которыхъ распространяются во всѣ стороны множество лучей. Изображеніе получается очень отчетливое и чрезвычайно интересное.

Попытались было приписать это изображеніе воздѣйствію тепловыхъ лучей на чувствительную пластинку, но удалось доказать неосновательность подобнаго истолкованія. Пальцы перчатки, налитой ртутью, нагрѣтой до 40°, не оказали ни малѣйшаго воздѣйствія на чувствительную пластинку. Подобные же отрицательные результаты получились также и при попыткахъ фотографированія такимъ путемъ различныхъ неодушевленныхъ предметовъ, за исключеніемъ однихъ только магнитовъ, полюсы которыхъ давали характерныя изображенія, довольно точно напоминавшія фигуры, получающіяся на бумагѣ, посыпанной желѣзными опилками, когда подъ ней держатъ магнитъ.

При такихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ, по-видимому, признать, что при опытахъ Брандта, дѣйствительно, получаются изображенія лучистыхъ токовъ какой-то таинственной энергіи, исходящей изъ человѣческихъ пальцевъ. Необходимо замѣтить, что каждый фотографъ-любитель легко можетъ воспроизводить эти изображенія. Сколько можно судить, мы стоимъ въ данномъ случаѣ лицомъ

къ лицу съ неизслѣдованными до сихъ поръ явленіями, какъ нельзя болѣе заслуживающими вниманія. Результатъ этотъ имѣетъ настолько громадное научное значеніе для того, чтобы его можно было немедленно же принять безъ всесторонней критической провѣрки, но если онъ благополучно выдержитъ таковую, то, безъ сомнѣнія, пріобрѣтаетъ величайшую важность для біологической физики.

Во всякомъ случаѣ, фотографированіе токовъ лучистой энергіи, и при томъ при всевозможныхъ состояніяхъ здоровья, безъ сомнѣнія, дастъ средство отличать другъ отъ друга разныя болѣзненныя состоянія и послужитъ тогда большимъ подспорьемъ для медицинскаго діагноза. Безъ сомнѣнія, могутъ обнаружиться также и многіе иные, совершенно неожиданные факты. (См. „Вѣстникъ иностр. лит." 1897 г., № 12, стр. 245).

2. **Свойство человѣческаго организма испускать свѣтъ въ видѣ полярной энергіи.** Приведемъ другую статью о томъ же предметѣ съ иной точки зрѣнія, дабы хотя нѣсколько выяснить себѣ это весьма интересное явленіе. Извѣстно, что еще съ прошлаго вѣка, со временъ Месмера возникъ вопросъ: *выдѣляется ли изъ человѣческаго организма нематеріальная сила, которая можетъ воздѣйствовать на окружающихъ лицъ, или нѣтъ?* Другими словами: существуетъ ли животный магнитизмъ, или физіологическая полярная энергія, какъ отдѣльный родъ энергіи? Или это дѣйствіе есть результатъ шарлатанства, легковѣрія, вѣры и т. п., до внушенія и самовнушенія включительно.

Извѣстно также, что этотъ вопросъ раздѣлилъ всѣхъ мыслящихъ врачей, естествоиспытателей и философовъ на два враждующихъ лагеря: одни признаютъ реальность магнитизма, а другіе даже suggestion (внушеніе) считаютъ вздоромъ. Кромѣ того, этотъ же разладъ среди ученыхъ послужилъ въ срединѣ этого столѣтія къ возрожденію мистицизма, но на научныхъ началахъ; я говорю о медіумизмѣ и спиритуализмѣ, которые къ концу XIX вѣка стали твердой ногою и имѣютъ адептовъ среди самыхъ сильныхъ мыслителей и естествоиспытателей нашего вѣка.

Несмотря на то, что идея объ истеченіи нематеріальной силы изъ человѣческаго организма, а именно спеціальной цѣлебной силы изъ рукъ, было извѣстно въ самой глубокой древности и практиковалось въ египетскихъ храмахъ-госпиталяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ папирусы, а свѣдѣнія объ этомъ имѣются уже у самыхъ древнихъ авторовъ, какъ Гомеръ (Иліада), Плиній, Цельсъ, Аполлоній Тіанскій, Тацитъ.

При этомъ указываются даже извѣстныя лица, обладавшія этой способностью исцѣлять больныхъ посредствомъ наложенія рукъ, какъ-то: Симонъ-Магъ, Пирръ, Веспасіанъ и даже цѣлый малоазіатскій народъ—Ophiogenes [1]), подобный современнымъ намъ карликамъ Курумби, живущимъ въ горахъ Нильгири въ Индостанѣ и такъ прекрасно описаннымъ Блаватской. Затѣмъ на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ встрѣчаются исторически достовѣрныя лица, обладавшія этимъ чуднымъ даромъ, какъ-то: разные французскіе короли отъ Франциска I до Карла X, разные епископы, монахи и многіе др. Тѣмъ не менѣе, современные матеріалисты и мысли не допускаютъ о существованіи такой силы.

Это тѣмъ болѣе странно, что въ могущественномъ вліяніи ручныхъ пассовъ одного человѣка на другого всякій можетъ убѣдиться изъ ежедневнаго опыта. Всѣмъ извѣстно инстинктивное поглаживаніе руками съ цѣлью ласкать и успокоить людей и животныхъ. На этомъ основана балассировка лошадей при ковкѣ, оффиціально принятая въ австрійской арміи. Несомнѣнно также, что даже физическая боль отъ ушибовъ или головная у дѣтей и взрослыхъ очень скоро проходитъ безслѣдно отъ поглаживанія больного мѣста. Возможно также, что львиная доля въ полезномъ дѣйствіи массажа должна принадлежать вліянію рукъ самого массера.

И вотъ, хотя Рейхенбахъ еще въ срединѣ этого столѣтія доказалъ на опытѣ, что при

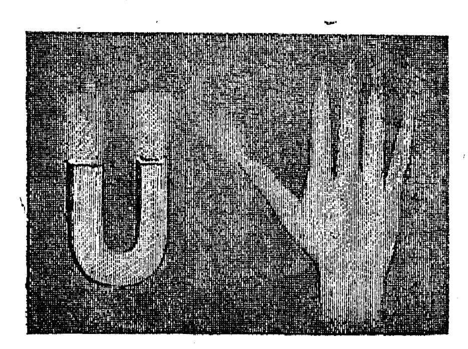


Рис. 1. Фосфоресценція магнита. Рис. 2. Фосфоресценція руки.

особыхъ условіяхъ, напр. при долгомъ пребываніи въ темнотѣ, нѣкоторыя лица, называемыя сенситивами, видятъ, какъ съ пальцевъ рукъ у извѣстныхъ лицъ, точно такъ же, какъ и съ полярныхъ концовъ магнита истекаетъ энергія, дающая свѣтъ, какъ это представлено на рисункахъ 1 и 2, это, однако, нисколько не могло подвинуть рѣшеніе вопроса впередъ.

Замѣчательно, что самый фактъ истеченія изъ нѣкоторыхъ лицъ энергіи въ видѣ свѣта извѣстенъ съ самой глубокой древности, и

[1]) Это *греческое* названіе дословно значитъ «родъ змѣиный».

слѣды объ этомъ имѣются даже въ Библіи, въ разсказѣ о сіяніи лица у Моисея [1] (Исход. XXIV, 29—35). У многихъ, такъ называемыхъ, электрическихъ женщинъ и свѣтовыхъ медіумовъ отдѣленіе отъ нихъ фотосфенъ представляется самымъ частымъ феноменомъ. Очень часто лица, введенныя въ *магнитическій трансъ,* видятъ своего магнитизера буквально плавающимъ въ такомъ свѣтѣ. Вокругъ же головы его волнующаяся свѣтовая атмосфера, видимая ими, нерѣдко достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ, до 3—4 футовъ въ вышину.

Мы, съ своей стороны, для демонстраціи самого процесса истеченія энергіи изъ человѣческаго организма придумали слѣдующій опытъ. Листъ чистой бѣлой бумаги покрывается какимъ-нибудь фосфоризирующимъ веществомъ, напримѣръ, Бальменовой краской. Такой листъ послѣ предварительной экспозиціи на свѣтъ солнечный, электрическій или отъ горѣнія магнезіальной ленты издаетъ въ темнотѣ характерный фосфорическій свѣтъ. Если къ такому свѣтящемуся листу приложить какую-нибудь обнаженную часть тѣла, какъ-то: руку, щеку, лобъ, губы, носъ, или любой предметъ, какъ ножикъ, ключъ и т. п., и подержать неподвижно нѣкоторое время, то на фонѣ листа остается потомъ весьма красивый отпечатокъ, въ видѣ болѣе ярко свѣтящагося рисунка, очень напоминающаго по формѣ энергографическіе рисунки. Этотъ рисунокъ, свѣтящійся весьма ярко сначала — хотя яркость эта различна для различныхъ лицъ — мало-по-малу тускнѣетъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, и свѣтъ фона становится опять однообразнымъ.

Это явленіе, по нашему, должно объяснить слѣдующимъ образомъ. Фосфоризирующія вещества потому и свѣтятъ, что способны впитать въ себя энергію, имѣющую волны извѣстнаго ритма, которую затѣмъ и возвращаютъ въ видѣ свѣта. Физіологическая энергія, какъ намъ извѣстно, способна фосфоризировать, т.-е. ея волны какъ разъ имѣютъ тотъ ритмъ, а потому, понятно, она должна поглощаться тѣмъ веществомъ, которымъ мы покрыли листъ. Но въ такомъ случаѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ физіологическая энергія впиталась, общая сумма фосфоресцирующей энергіи увеличится, а потому эти мѣста засвѣтятъ ярче, и это продолжится до тѣхъ поръ, пока не израсходуется избытокъ энергіи.

Можно даже микроскопически шагъ за шагомъ прослѣдить самый процессъ поглощенія истекающей изъ человѣка энергіи и засвѣчиванія отъ этого фосфоризирующей массы. Для этого слѣдуетъ лишь положить на листъ руку плашмя и растопырить пальцы, тогда видно, какъ свѣтъ постепенно начинаетъ какъ бы выползать изъ-подъ пальцевъ и, мало-по-малу, вырастаетъ въ длинныя свѣтящіяся тѣни, сохраняющія контуры этихъ самыхъ пальцевъ.

Правда, въ этомъ опытѣ трудно устранить возраженіе, что болѣе яркое свѣченіе массы въ извѣстныхъ мѣстахъ можетъ быть и результатомъ оживленія фосфоресценціи подъ вліяніемъ теплоты, выдѣляемой тѣломъ, такъ какъ извѣстно, что фосфоресценція отъ нагрѣванія усиливается. Съ этой точки зрѣнія, безспорно, опытъ не можетъ быть названъ безукоризненнымъ, особенно когда еще самое существованіе физіологической энергіи считается спорнымъ, и это требуется лишь доказать.

Но если обратить вниманіе на интенсивность и характеръ фосфоресценціи отпечатковъ въ различныхъ мѣстахъ рисунка, то уже сразу не трудно замѣтить существованіе закона полярностей сагиттальной, медіанной, вторичной, третичной и даже сексуальной, если на листы одновременно положить другъ противъ друга руки лицъ разныхъ половъ. Такъ какъ такая полярность врядъ ли можетъ быть объяснима разницей въ температурахъ кожи на столь близкихъ смежныхъ участкахъ, то, помимо разныхъ другихъ соображеній, должно будетъ допустить, что этотъ феноменъ обязанъ своимъ происхожденіемъ полярной энергіи.

Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ по своей чрезвычайной простотѣ, легкости воспроизведенія и демонстративности уже съ одной своей феноменальной стороны заслуживаетъ вниманія экспериментатора.

Но для вящаго подтвержденія фактическаго существованія трактуемой нами физіологической полярной энергіи, намъ удалось, на основаніи нѣкоторыхъ другихъ, чисто теоретическихъ соображеній, построить два чрезвычайно простыхъ аппарата, съ помощью которыхъ можно демонстрировать эту энергію въ самый моментъ истеченія и выдѣленія ея изъ человѣческаго организма. Само собою разумѣется, что при конструированіи этихъ аппаратовъ все наше стараніе было обращено на то, чтобы при разборѣ и толкованіи производимыхъ съ ними опытовъ нельзя было допускать и мысли о возможности вліянія какихъ бы то ни было другихъ физическихъ агентовъ, кромѣ нашей энергіи, истекающей изъ собственныхъ организмовъ экспериментаторовъ.

Вотъ краткое описаніе аппаратовъ и нѣкоторыхъ производимыхъ надъ ними опытовъ.

---

[1]) Сіяніе лица св. пророка Моисея св. наша церковь, точнѣе касаясь первой причины, изъясняетъ, какъ результатъ продолжительнаго пребыванія Боговидца Моисея въ области Божественнаго свѣта. (*Г. Д—ко*).

1. *Энергофоръ* (рис. 3) состоитъ изъ простой металлической проволоки, на концы которой посредствомъ пробокъ насаживаются стеклянныя пробирки, наполненныя чистой водою. Едва два человѣка возьмутъ въ руки по одному такому концу,— мы назовемъ ихъ „динамодами",— то спустя самое короткое время оба или одинъ изъ экспериментаторовъ почувствуютъ *особыя ощущенія*, весьма различныя для различныхъ лицъ, какъ-то: покалываніе, онѣмѣніе, подергиваніе, ощущеніе переливанія чего-то или прохожденія тока и т. д. Эти ощущенія обыкновенно иррадіируютъ и отъ мѣста прикосновенія руки къ динамоду распространяются на кисть, локоть, плечо и т. д., достигая иногда самыхъ отдаленныхъ пунктовъ организма. Если эти ощущенія испытываютъ оба участника опыта, то обычно у одного изъ нихъ они гораздо живѣе выражены, нежели у другого.

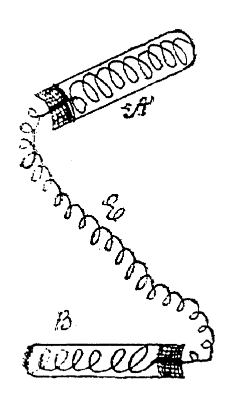


Рис. 3.

Эти ощущенія и происходятъ отъ взаимнаго обмѣна физіологической полярной энергіи, присущей организмамъ каждаго изъ экспериментаторовъ. Испытуемыя ощущенія тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ больше разница въ количествахъ присущихъ имъ энергій. Когда разница достигаетъ весьма значительнаго напряженія, то лицо, обладающее *большимъ потенціаломъ*, можетъ служить „магнитизаторомъ" по отношенію къ тому, у кого этотъ *потенціалъ меньше*. Послѣдній тогда будетъ „сенситивомъ", и при достаточномъ продолженіи опыта онъ можетъ даже впасть въ разныя степени транса.

Для *устраненія* возможности вліянія *внушенія* необходимо строго соблюдать правило: ни передъ, ни во время эксперимента ничего не сообщать испытуемымъ лицамъ о характерѣ ожидаемыхъ явленій, но всецѣло предоставить описаніе ощущеній собственной ихъ иниціативѣ. Если опытъ идетъ вяло, то слѣдуетъ у одного изъ испытуемыхъ перемѣстить динамодъ изъ одной руки въ другую.

Но всѣ описанныя ощущенія далеко не всегда и не у всѣхъ такъ рельефны. Для этого требуется, чтобы разность напряженій энергій была значительна, т. е. необходима наличность хорошаго магнитизера или сенситива. Да при всемъ томъ эти ощущенія носятъ скорѣе характеръ субъективности и, если не наступаетъ транса или рѣзкаго, непріятнаго отталкиванія одного субъекта отъ другого, то весь опытъ для посторонняго наблюдателя совершенно не убѣдителенъ.

Въ виду этого мы и занялись модификаціей этого аппарата съ цѣлью добиться такихъ эффектовъ, которые могли бы быть демонстрированы цѣлой аудиторіи. Этого результата мы и достигли въ нашемъ

2. *Фотосфенофорѣ* (рис. 4), состоящемъ изъ соединенія нѣсколькихъ энергофоровъ въ одинъ сложный, посредствомъ собранія по одному динамоду отъ каждаго изъ нихъ въ одинъ общій кабель. Если свободные динамоды A, B, C... раздать въ руки отдѣльнымъ лицамъ, а общій кабель L оставить лежать на столѣ или, еще лучше, поставить его вертикально свободнымъ концомъ вверхъ къ зениту, тогда физіологическая энергія, выдѣляющаяся изъ лицъ, держащихъ динамоды, по проводамъ скопляется въ кабелѣ, гдѣ черезъ 15—20 минутъ отъ начала сеанса накопляется столько энергіи, что она вполнѣ способна дать фотосфены, ясно свѣтящіеся въ темнотѣ.

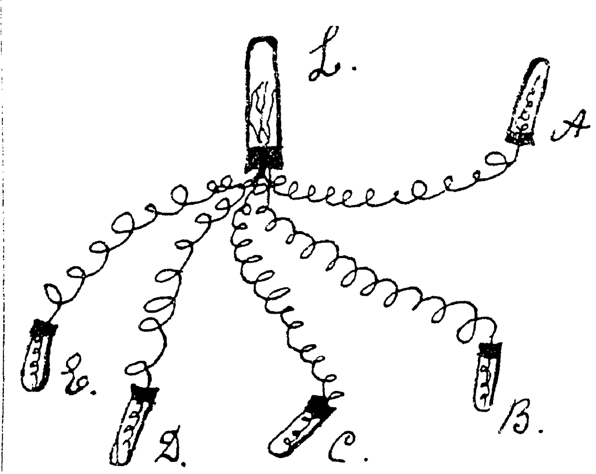


Рис. 4.

Появляющійся свѣтъ имѣетъ всѣ характерныя особенности настоящей фосфоресценціи: малая продолжительность и незначительная интенсивность — онъ самъ свѣтитъ, но плохо освѣщаетъ, отчего его легко проглядѣть, особенно если въ моментъ появленія свѣта смотрѣть въ другую сторону. Ощущеніе отъ него холодное, дующее.

Этотъ свѣтъ нерѣдко озаряетъ всю колбочку, въ которой находится кабель, и иногда еще на разстояніе одного и болѣе футовъ рѣетъ надъ нею въ видѣ волнующагося бѣлесоватаго или молочнаго цвѣта облачка — это снопы энергіи, выдѣляющейся изъ колбы въ окружающее пространство. Бываетъ, что и проволоки проводовъ начинаютъ фосфоризировать въ видѣ свѣтящихся нитей или по нимъ отъ времени до времени проскакиваетъ змѣевидная искра. Такія же

искры, сопровождаясь трескомъ, щелканіемъ или шипѣніемъ, очень часто выдѣляются изъ самой колбочки. Онѣ иногда принимаютъ видъ катящагося шарика или плавающей звѣздочки, которые, медленно испаряясь съ периферіи, постепенно таютъ и, наконецъ, совершенно исчезаютъ.

Изъ условій, благопріятствующихъ удачѣ опытовъ, нужно отмѣтить слѣдующія: помѣщеніе должно быть *прохладное* и въ немъ должна быть устроена *абсолютная темнота*, какъ при всѣхъ физическихъ опытахъ надъ фосфоресценціей. Участвующіе должны быть *люди здоровые*, цвѣтущаго возраста, отъ 20 до 50 лѣтъ, *различныхъ половъ* и, если возможно, слегка *нервнаго темперамента*. Люди старые и слабые могутъ быть только наблюдателями, но не должны держать динамодовъ, дабы не отвлекать къ себѣ энергіи.

Къ ожидаемымъ явленіямъ должно отнестись спокойно и терпѣливо и во все время опыта должно стараться поддержать *общее хорошее настроеніе*. Съ этой цѣлью можно рекомендовать вести негромкія бесѣды, декламаціи или общее хоровое пѣніе. Должно избѣгать споровъ и громкихъ разговоровъ.

Сеансъ длится 20—30 минутъ и потомъ необходимо устроить перерывъ для отдыха; это особенно необходимо, если опытъ былъ безуспѣшенъ. При неудачныхъ опытахъ иногда полезно произвести нѣкоторыя перемѣщенія въ порядкѣ сидящихъ. Лучше сидѣть полукругомъ съ лицами, обращенными на *сѣверъ* или *востокъ*, но слѣдуетъ избѣгать южнаго и западнаго направленія.

Самыя появленія фотосфенъ или истеченіе физіологической энергіи происходятъ не непрерывно, а текутъ волнами съ временными пріостановками, когда фосфоресценція вовсе прекращается, очевидно, вслѣдствіе истощенія энергіи, которая потомъ опять возбуждается, что производитъ новый приливъ фотосфенъ. Поэтому не должно слишкомъ злоупотреблять экспериментами, такъ какъ частые сеансы нерѣдко доводятъ участниковъ до полнаго утомленія. Послѣднее можетъ неблагопріятно отозваться на здоровьи лицъ, особенно нервнаго темперамента. (См. у д-ра Погорѣльскаго: „Электрофотосфены и энергографія". Спб., 1899 г., стр. 89—98).

3. Нервный флюидъ. Приводимъ еще статью о томъ же предметѣ одного французскаго ученаго, Роша, который освѣщаетъ вопросъ съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Не такъ давно въ Парижѣ появилась весьма интересная и поучительная книга: „L'Exteriorisation de la sensibilité par Al. de Rochas, administrateur de l'école polytéchnique". Авторъ ея опытнымъ путемъ доказываетъ связь между процессомъ гипноза и невидимою оболочкой человѣческой души. Указывая на выдѣленіе изъ тѣлъ (человѣка, животныхъ, магнитовъ, цвѣтовъ) особыхъ свѣтовыхъ лучей, Роша утверждаетъ, что лучи эти ясно видимы для чувствительныхъ субъектовъ, приводимыхъ въ гипнотическое состояніе, производя впечатлѣніе голубыхъ (когда исходятъ съ сѣвернаго полюса магнитовъ и правой стороны человѣческаго тѣла) и алыхъ (при исхожденіи съ южнаго полюса магнитовъ и лѣвой части человѣческаго тѣла). Свѣтъ лучей, выдѣляемый зрачками глазъ, наиболѣе ярокъ, и истеченіе его продолжается у человѣка даже нѣсколько часовъ послѣ смерти.

Роша послѣдовательно объясняетъ процессъ истеченія изъ тѣлъ этой чувствительности или нервной энергіи (флюидъ), которую, по его весьма основательному мнѣнію, и изображаютъ эти лучи. До сихъ поръ, однако, въ своихъ опытахъ ему не удалось установить закономѣрную причину цвѣта лучей.

Происхожденіе этихъ флюидовъ могло бы быть объяснено колебательнымъ движеніемъ частицъ, непрерывно выдѣляющихся изъ человѣческаго тѣла. Еще въ XVII в. было установлено, что изъ 8-ми фунтовъ пищи, принимаемой въ общей сложности человѣкомъ въ сутки, онъ теряетъ до 5-ти фунтовъ въ испареніяхъ. Зимой здоровый организмъ мужчины теряетъ въ 24 часа болѣе 50-ти унцій испареній, а въ одну ночь во время спокойнаго сна теряется до 40 унцій; тревожный сонъ уменьшаетъ эту потерю испареній на 5 унцій.

Человѣкъ, приведенный въ состояніе экстеріоризаціи своей чувствительности, окружается тремя контурами, въ общихъ изгибахъ своихъ соотвѣтствующими человѣческому тѣлу. Изъ глазъ, ушей, зубъ и ноздрей выдѣляются болѣе замѣтные конусы свѣтовыхъ лучей.

Разстояніе между свѣтовыми контурами составляетъ 6—7 сантиметровъ, а первый изъ нихъ отдѣленъ отъ тѣла субъекта разстояніемъ вдвое меньшимъ (3 — 4 сантиметра). Здѣсь возникаютъ три насущныхъ вопроса: чѣмъ вызывается такая экстеріоризація? Отчего чувствительность оказывается спеціализованною? Отчего флюидъ этотъ располается прерывчатыми слоями? Роша допускаетъ, что пассы играютъ роль электрическаго тока, оріентируя частицы тѣла такъ, что эксцессъ жизненнаго флюида вмѣсто того, чтобы изойти изъ конечностей, исходитъ равномѣрно изъ всей периферіи кожи. Отвѣчая на второй вопросъ, можно было бы по аналогіи указать, что всякая струна даетъ вибрацію лишь подъ вліяніемъ основныхъ нотъ и гармоничности того порядка, для котораго она настроена.

Нервный флюидъ субъекта, охваченный чужимъ флюидомъ, настраивается соотвѣтственно вибраціямъ этого флюида, и только послѣ того, какъ частицы изъ статическаго состоянія приведены въ динамическое — флюидъ субъекта всецѣло проникается колебаніями магнитизирующаго и передаетъ только ихъ. Слои флюида несомнѣнно соотвѣтствуютъ двумъ важнѣйшимъ ритмическимъ движеніямъ человѣческаго тѣла: сердцебіенію и дыханію, причемъ по времени первое въ 3 раза короче второго. Остерегаясь дѣлать какія бы то ни было окончательныя заключенія, Роша приводитъ въ связь разстояніе свѣтовыхъ контуровъ съ различными скоростями дыханія здороваго и больного субъекта.

Многія сверхъестественныя явленія имѣютъ весьма интересную историческую связь съ повѣрьями, которыя вѣками существовали у народовъ Стараго и Новаго Свѣта.

Въ Китаѣ, въ Гуань-си и Гуанъ-дунѣ, существуетъ до сихъ поръ слѣдующій обычай: если воръ, убѣгая изъ обворованнаго имъ дома, на землѣ запечатлѣетъ слѣды своихъ ногъ, то пострадавшіе зовутъ опытнаго бонзу, который забиваетъ въ мѣсто, на которомъ оставленъ слѣдъ, бамбуковый колъ и, сосредоточившись, внушаетъ бѣглецу неотразимое желаніе вернуться къ мѣсту преступленія. Нѣкто Леонъ Геренъ (sous-procureur de la Grande Chartreuse) разсказываетъ, что въ бытность его въ 1864—67 годахъ въ Китаѣ ему доводилось слышать, что съ благословенія бонзъ туземцы нерѣдко прибѣгали съ помощью восковыхъ фигурокъ къ умерщвленію недоброжелателей на разстояніи, путемъ внушенія. О такихъ колдовствахъ упоминается въ глубокой древности; мы находимъ ихъ въ культѣ индусовъ, египтянъ, о чемъ уже говорятъ Платонъ, Овидій, Горацій, Тертулліанъ и другіе классическіе писатели. Всю эту быль можно прослѣдить въ жизни среднихъ и новыхъ вѣковъ Европы: о ней свидѣтельствуютъ арабскіе историки XIV в., и во всемъ этомъ есть возможность установить извѣстную закономѣрность, несомнѣнны:

1) Воля колдующаго, какъ исходная сила, и

2) Физическій актъ, матеріальный слѣдъ, оставленный тѣмъ объектомъ, на котораго направлена дѣятельность колдующаго.

Роша отнесся весьма серьёзно къ преданіямъ старины. Онъ произвелъ рядъ интереснѣйшихъ опытовъ съ восковыми изображеніями, подносилъ ихъ къ гипнотизированному субъекту, и всѣ уколы, производимые на восковой фигурѣ, отзывались на гипнотизированномъ. Опыты эти первоначально удавались лишь на разстояніи 5 — 6 метровъ, но впослѣдствіи были съ полнымъ успѣхомъ повторяемы и на большемъ разстояніи.

Вопросы, затрогиваемые этими новыми пріемами изслѣдованій вѣковыхъ явленій, обѣщаютъ относительно скорый и быстрый отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ, это благодарная почва для соприкосновенія съ тѣмъ таинственнымъ востокомъ, гдѣ незыблемо живетъ и растетъ великая наука самосозерцанія („С. П. В.“; см. „Ребусъ“ 1896 г., № 15).

4. **Электрографія г. Я. О. Наркевичъ-Іодко.** Въ виду общаго интереса ученаго міра къ лучамъ Рентгена, кстати будетъ вспомнить объ аналогичныхъ съ этимъ открытіемъ опытахъ польскаго ученаго Якова Наркевича-Іодко.

Объ опытахъ его по части электричества очень много сообщалось въ заграничной прессѣ. Особенное вниманіе обратилъ французскій ученый міръ на открытія Наркевича-Іодко въ области вліянія на человѣческій организмъ атмосфернаго электричества и животнаго магнитизма.

„Bulletin Officiel d'Electroterapie française“ № 5 сообщаетъ, что парижское общество электротерапіи, послѣ тщательной провѣрки его метода изслѣдованія нервныхъ болѣзней, признало этотъ способъ блестящимъ содѣйствіемъ и открытіемъ въ діагностикѣ и электротерапіи нервныхъ болѣзней, избравъ г-на Наркевича-Іодко своимъ почетнымъ членомъ и сотрудникомъ. Институтъ практическаго изученія магнитизма избралъ его тоже своимъ почетнымъ сотрудникомъ. Профессора: Richet, D'Arsonval, Vidal, de Rochas, Любимовъ и другіе высказались вполнѣ одобрительно о трудахъ нашего ученаго.

Наркевичъ-Іодко, проѣздомъ изъ своего имѣнія въ Минской губерніи черезъ Варшаву въ Ниццу, устроилъ сеансъ въ области электричества и изобрѣтенной имъ *„электрографіи“*.

Съ ея помощью изобрѣтатель достигъ возможности, безъ участія объектива и солнечнаго свѣта, обнаружить, съ помощью свѣточувствительныхъ фотографическихъ пластинокъ, свойственную человѣческому организму силу радіаціи свѣтовыхъ лучеиспусканій и взаимодѣйствія вліянія организмовъ.

Электрографическіе снимки г. Наркевича, такъ сказать, наглядно иллюстрируютъ невидимо дѣйствующую силу токовъ въ окружающей насъ сферѣ воздуха, внутри нашего организма, даютъ видимый рисунокъ закона притяженія и отталкиванія, симпатіи и антипатіи, ассимиляціи невидимыхъ, но обнаруженныхъ электрографіей флюидовъ.

На фотографіи, сдѣланной безъ объектива, мы видимъ, напримѣръ, отпечатокъ рукъ мужчины и женщины, коихъ лучеиспусканія въ видѣ свѣтовыхъ волнъ или вполнѣ взаимно

поглощаются, или же, наоборотъ, какъ будто бы отталкиваются и втягиваютъ въ себя обратно милліоны звѣздочекъ магнитическихъ радіацій.

Нужно видѣть эти работы, чтобы имѣть понятіе объ удивительныхъ тайнахъ природы.

Электрографіи г. Наркевича-Іодко наглядно показываютъ происходящія въ насъ и внѣ насъ тайны обмѣна жизненныхъ силъ, энергіи нашей нерво-психической дѣятельности, нашихъ впечатлѣній, воспріимчивости и проч.; эти снимки приподнимаютъ занавѣсъ таинственнаго міра гипнотизма, даютъ возможность констатировать нѣкоторыя патологическія измѣненія въ функціяхъ нервной системы: все это является ключомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ чудесъ природы.

Г. Наркевичъ показывалъ намъ письмо француз. астронома Фламмаріона, который, между прочимъ, пишетъ ему: „Ваши теоріи объ электричествѣ особенно насъ интересуютъ. Вы видите природу въ ея таинственныхъ проявленіяхъ. Присылайте намъ ваши изслѣдованія; это — блистательное разъясненіе въ пользу науки“. („Ребусъ“ 1896 г. № 20).

5. Одическія излученія изъ человѣческаго организма. Съ незапамятныхъ временъ, какъ въ Индіи, такъ равно и Египтѣ, этихъ двухъ важнѣйшихъ культурныхъ центрахъ древняго міра, а затѣмъ уже евреямъ и другимъ позднѣйшимъ народамъ было извѣстно, что изъ человѣческаго тѣла выдѣляется особая свѣтящая въ темнотѣ субстанція. Нося различныя названія у разныхъ народовъ, она, тѣмъ не менѣе, всѣми признавалась за видимое проявленіе *міровой души*, которая въ ихъ представленіи болѣе или менѣе сближалась со свѣтомъ (пламенемъ), подчасъ даже съ нимъ отождествляясь. Каббалисты говорили, напримѣръ, что „душа дѣлится на искры“. Впрочемъ, и въ настоящее время въ народѣ существуетъ мнѣніе, что, такъ называемые, „блуждающіе огни“ представляютъ собою души людей, погибшихъ неестественною смертью. Не останавливаясь на древнѣйшемъ періодѣ исторіи открытія радіаціи человѣческаго тѣла, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ лишь объ относительно недавнемъ времени, съ котораго, строго говоря, только и началось научное изученіе интересующихъ насъ явленій.

Первый, кому по справедливости принадлежитъ честь включенія явленій свѣченія человѣческаго тѣла въ темнотѣ въ сферу научнаго изученія, былъ извѣстный ученый, химикъ, баронъ Рейхенбахъ. Въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ мы находимъ весьма тщательную и серьёзную разработку этого вопроса, и если тогдашній ученый міръ встрѣтилъ открытія Рейхенбаха съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ, бывшимъ причиною слишкомъ поспѣшнаго ихъ отрицанія, то это только лишній разъ подтвердило всѣмъ извѣстную истину, что самый консервативный элементъ въ мірѣ это — ученые. Но нужно отдать справедливость, въ послѣднее время наука, достигшая путемъ горькаго опыта до надлежащей оцѣнки мысли, высказанной еще Ньютономъ, что „*вѣрить* всему — безуміе, изучать же все — мудрость“, начала въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей дѣлать шаги на пути изученія донынѣ „запретнаго“. Однимъ изъ такихъ явленій, включенныхъ въ область запретнаго для всякаго „серьёзнаго“ ученаго, дорожащаго этимъ эпитетомъ, были явленія радіаціи человѣческаго тѣла и другихъ организмовъ, составлявшей главный предметъ забытыхъ работъ барона Рейхенбаха; вотъ къ нимъ-то и обратились многіе современные ученые, найдя даже возможнымъ положить ихъ въ основу своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ виду такого рода значенія трудовъ австрійскаго ученаго, прежде, чѣмъ говорить о достигнутыхъ въ настоящее время результатахъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ его „Odischmagnetische Briefe“.

„Введите, — говоритъ онъ, — сенситива въ темноту; возьмите съ собою кошку, птицу, мотылька, если вы можете его достать, и нѣсколько горшковъ съ цвѣтами. Пробывъ нѣсколько часовъ въ темнотѣ, вы отъ него услышите странныя вещи: цвѣты выступятъ изъ темноты и сдѣлаются замѣтными; сначала они выдѣляются изъ черноты всеобщей тьмы въ видѣ сѣраго облака; потомъ образуются болѣе свѣтлыя точки; наконецъ, каждый цвѣтокъ начнетъ отдѣляться, и формы станутъ все болѣе и болѣе казаться отчетливыми. Однажды я поставилъ одинъ изъ этихъ горшковъ передъ Эндлихеромъ, замѣчательнымъ профессоромъ ботаники, который былъ порядочнымъ сенситивомъ; онъ вскрикнулъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ испугомъ: „это голубой цвѣтокъ, это глоксинія“. Въ самомъ дѣлѣ, это была Gloxinia speciosa, var. coerulea, которую онъ увидѣлъ въ абсолютной темнотѣ, отличивъ по формѣ и цвѣту.

„Но безъ свѣта невозможно что-либо видѣть во мракѣ; нужно было присутствіе свѣта, чтобы увидѣть растеніе съ тою очевидностью, при которой узнана не только форма, но еще и цвѣтъ. Откуда исходилъ этотъ свѣтъ? Онъ шелъ отъ самого растенія, которое свѣтилось: завязи, пыльники, пестики, лепестки, стебли, все оказалось вполнѣ освѣщеннымъ; можно было даже замѣтить листья, хотя нѣсколько темнѣе. Все казалось словно слабо раскаленнымъ: производитель-

ные органы были наиболѣе блестящи, потомъ стволъ и, наконецъ, листья.

„Вашъ мотылекъ, ваша кошка, ваша птица, всѣ также выдѣлятся изъ темноты, извѣстныя части этихъ животныхъ станутъ свѣтящими. Вскорѣ сенситивъ вамъ объявитъ, что онъ видитъ васъ самихъ... Обратите его вниманіе на руки; сначала онѣ будутъ имѣть слабое сходство съ сѣрымъ дымомъ, потомъ онѣ начнутъ походить на силуэтъ на слабо освѣщенномъ фонѣ, наконецъ, пальцы окажутся имѣющими собственный свѣтъ; онъ увидитъ у всякаго пальца сіяющее продолженіе, которое иногда можетъ казаться столь же большимъ, какъ и самъ палецъ. Когда первое изумленіе по отношенію къ оставшейся до сихъ поръ неизвѣстною способности всѣхъ людей свѣтиться пройдетъ, и когда вы пожелаете направить вниманіе вашего сенситива на частности этого излученія, вы услышите, быть-можетъ, съ новою неожиданностью, что цвѣта въ различныхъ частяхъ тѣлъ не одинаковы, что правыя руки излучаютъ голубоватое пламя, въ то время какъ лѣвыя руки являются желто-красными, и что, вслѣдствіе этого, первыя кажутся болѣе темными, чѣмъ вторыя, что то же различіе существуетъ для обѣихъ ногъ, что даже вся правая сторона вашей фигуры и даже цѣлаго тѣла голубовата и болѣе темна, чѣмъ лѣвая, которая красновато-желтая и замѣтно кажется свѣтлѣе другой“.

Рис. 1. Свѣтъ, истекающій изъ человѣческаго тѣла.

Дѣлая при подобныхъ же условіяхъ, т.-е. въ темнотѣ, наблюденія надъ магнитами, Рейхенбахъ убѣдился, что „съ каждаго конца магнитной плиты выдѣляется свѣтящееся, пылающее, дымящее и искрящееся пламя, голубое у сѣвернаго полюса и желто-красное у южнаго. — Если вы поставите магнитъ вертикально южнымъ полюсомъ кверху, то сенситивъ вамъ скажетъ, что пламя увеличивается. Если магнитъ достаточной силы, то пламя подымается до потолка и образуетъ тамъ свѣтящійся кругъ отъ одного, двухъ, до трехъ футовъ въ діаметрѣ, настолько свѣтлый, что сенситивъ, если онъ достаточно чувствителенъ, можетъ вамъ описать подробности на потолкѣ“. Но при этомъ Рейхенбахъ предупреждаетъ, что темнота должна быть абсолютная, а глаза сенситива слѣдуетъ подготовить нѣсколько-часовымъ пребываніемъ въ полнѣйшемъ мракѣ, иначе онъ ничего не увидитъ, „вы проработаете безполезно, и точность моихъ увѣреній подвергнется риску незаслуженнаго подозрѣнія“.

Во второмъ письмѣ, гдѣ описывается первое наблюденіе Рейхенбаха надъ излученіемъ кристалловъ, онъ разсказываетъ, что сенситивъ Анжелика Штурманъ очень скоро, по введеніи въ совершенно темную комнату, гдѣ былъ помѣщенъ кусокъ прекраснаго горнаго хрусталя, указала мѣсто его нахожденія. „Она мнѣ сказала, — говоритъ ученый, — что весь кристаллъ былъ насквозь проникнутъ нѣжнымъ свѣтомъ, и что изъ его остроконечія подымалось голубое пламя величиною съ руку, постепенно волнуясь, иногда искрясь, въ формѣ тюльпана, и теряясь вверху въ легкомъ парѣ. Когда я перевернулъ кристаллъ, она увидѣла надъ тупымъ концомъ влажный красно-желтый дымъ“.

Нѣкоторые опыты Рейхенбаха были повторены Дюрвиллемъ, профессоромъ въ парижскомъ институтѣ магнитизма и массажа и профессіональнымъ магнитизеромъ, который, желая привлечь къ нимъ вниманіе публики, написалъ даже объ этомъ интересную книгу. Лондонское Общество психическихъ изслѣдованій въ свою очередь произвело рядъ опытовъ, давшихъ благопріятный для Рейхенбаха результатъ. Во Франціи провѣркою опытовъ этого ученаго, при новой обстановкѣ, занялись Де-Роша, Шазаренъ и Декль, Люи и многіе другіе серьёзные ученые. Всѣ они пришли къ тому заключенію, что свѣтящіяся волны, выдѣляемыя человѣкомъ и другими животными и нѣкоторыми тѣлами, вполнѣ реальны. Въ особенности блестящимъ тому подтвержденіемъ явились снятыя съ нихъ фотографіи. Съ тѣхъ поръ стало очевиднымъ

что человѣкъ обладаетъ особою силою, которую одни называютъ магнитическимъ флюидомъ (новѣйшіе месмеристы), животною теплотою (Жюсье), жизненнымъ электричествомъ (Патетенъ), нервною силою (Барети), психическою силою (Круксъ) и т. д. Рейхенбахъ же назвалъ ее одомъ или біодомъ. Происхожденіе этого слова онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. „*Va*, по-санскритски, означаетъ *дуть*, по-латыни *Vado;* на старомъ языкѣ сѣвера *Vada* значитъ: *я иду скоро, я бѣгу; я быстро теку;* отсюда *Vodan* въ старогерманскомъ языкѣ означаетъ идею вещества, которое все проникаетъ. Слово превращается въ различныхъ идіомахъ въ Woudan, Odan, Odin, гдѣ оно выражаетъ силу, которая все проникаетъ и которая въ концѣ-концовъ проявилась въ лицѣ германскаго божества. Одъ представляетъ собою также выраженіе для динамида, который все проникаетъ и пульсируетъ во всей природѣ съ непрестанною силою“.

Что же представляетъ собою этотъ *одъ?* Рейхенбахъ считаетъ его занимающимъ „*середину между магнитизмомъ, электричествомъ и тепломъ*, но его нельзя приравнивать ни къ одному изъ этихъ трехъ“.

Рис. 2. Одическія волны, истекающія изъ человѣческаго тѣла.

Теорія, опыты и наблюденія барона-ученаго настолько интересны и остроумны, что трудно себѣ отказать въ удовольствіи остановить на нихъ вниманіе читателя, даже нѣсколько долѣе предполагавшагося по плану настоящей главы. Но, къ счастью или несчастью,— сказать трудно, — эти опыты настолько многочисленны и разнообразны, что поневолѣ приходится ограничиться только лишь очень немногими изъ нихъ, бросающими нѣкоторый свѣтъ на природу *ода*.

Большого въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаютъ наблюденія Рейхенбаха надъ свойствомъ разныхъ спектральныхъ лучей. Имъ было замѣчено, что сенситивъ легко отличаетъ предметъ, находившійся въ сферѣ вліянія лучей, выдѣляемыхъ сѣвернымъ ли полюсомъ магнита, положительнымъ ли концомъ кристалла, правою ли стороною человѣческаго тѣла,— вообще, предметъ, подвергавшійся дѣйствію голубыхъ лучей, отъ ему подобнаго, но находившагося подъ вліяніемъ желтыхъ и красныхъ, составляющихъ принадлежность противоположнаго, отрицательнаго полюса. Такое же неуловимое для обыкновенныхъ людей различіе въ свойствахъ лучей солнечнаго спектра, но легко ощущаемое сенситивами, было констатировано Рейхенбахомъ при помощи разнаго рода опытовъ. Оказалось, что если подвергнуть чувствительнаго субъекта вліянію однихъ только голубыхъ лучей, полученныхъ отъ разложенія солнечнаго свѣта или выдѣленныхъ положительнымъ полюсомъ магнита и т. п., то сенситивъ будетъ чувствовать въ себѣ пріятную свѣжесть; напротивъ, желто-красные лучи, обладающіе „теплымъ дыханіемъ“ [1]), производятъ въ немъ ощущеніе непріятное, тягостное, даже и опасное.

Если, взявъ два стакана съ водою, одинъ изъ нихъ помѣстить „въ отраженномъ свѣтѣ“ (разсѣянномъ), а другой — въ „проходящемъ“, т.-е. одинъ въ тѣни, другой же на полномъ свѣту, то сенситивъ „тотчасъ же скажетъ, что вода отраженнаго свѣта свѣжа и немного кисловата, насыщенная же проходящимъ свѣтомъ слегка горьковата и тепла“. То же наблюдается, если кто-нибудь возьметъ въ обѣ руки по стакану съ водою: сенситивъ тотчасъ же отличитъ подвергавшуюся вліянію положительнаго ода по ея свѣжему, пріятному вкусу, въ то время, какъ насыщенная отрицательнымъ одомъ до того противна, что возбуждаетъ черезъ нѣкоторое время даже рвоту.

Относительно наружныхъ свойствъ ода, всѣ сенситивы Рейхенбаха увѣряютъ, что выдѣляемый тѣлами біодъ напоминаетъ собою пламя не только своею способностью свѣ-

[1]) Всякій художникъ, не будучи даже сенситивомъ, отлично различаетъ свойства теплыхъ и холодныхъ тоновъ.

титься, но и другими свойствами. Если, напримѣръ, надъ магнитомъ помѣстить, положимъ, кастрюлю, то одическое пламя обтекаетъ ее подобно обыкновенному огню; достаточно дунуть, и пламя заколеблется точно такимъ же образомъ, какъ и настоящее и т. д.

Въ тридцатомъ письмѣ, имѣющемъ заглавіе „Одическій дуализмъ", Рейхенбахъ говоритъ, что всюду, „куда ни взглянешь, въ природѣ встрѣчается двойная оппозиція. Ея не лишена и земля, которую мы обитаемъ". Этими словами ученый желаетъ выразить мысль о всеобщей биполярности въ природѣ. „Одическая полярность внѣшняго міра,— говоритъ онъ въ концѣ этого письма, —установлена". Что касается человѣка, то онъ дѣлится по ширинѣ на правую и лѣвую симметричныя половины, обладающія свойствами полюсовъ магнита; но наше тѣло обладаетъ еще и другими одическими осями, которыя однако уже не столь легко замѣчаются, какъ предыдущая: одна изъ нихъ дѣлитъ насъ по длинѣ на верхнюю и нижнюю половины; другая, проходя отъ одного бока къ другому, раздѣляетъ наше тѣло въ отношеніи полярности на переднюю и заднюю половины. Наконецъ, мужчина и женщина находятся въ одно-полярной оппозиціи другъ къ другу.

Наше отрывочное изложеніе воззрѣній Рейхенбаха мы закончимъ описаніемъ одного его опыта. Взявъ пустой желѣзный шаръ такой величины, чтобы его можно было обнять руками, ученый повѣсилъ его въ своей темной комнатѣ на шелковомъ шнуркѣ. Черезъ шаръ былъ пропущенъ желѣзный стержень, обмотанный мѣдною проволокою, которую можно было соединить съ аппаратомъ Вольта, образованнымъ, по Шенецу и Юнгу, изъ цинка и серебряныхъ плитъ. „Въ моментъ, когда я обращалъ стержень въ электро-магнитъ, — говоритъ Рейхенбахъ, — мои сенситивы видѣли во мракѣ висящій шаръ свѣтящимся разными цвѣтами; вся его поверхность горѣла свѣтомъ небосклона; части шара около сѣвернаго полюса были голубыя, около сѣверо-запада были зеленыя, на западѣ—желтыя, около юго-запада—желто-красныя, къ югу — красно-зеленыя, около юго-востока — красно-сѣрыя, къ востоку — сѣрыя, около сѣверо-востока — исполосованныя краснымъ съ возвратомъ къ голубому... Легко видѣть, что при помощи этого шара я предполагалъ подражать земному глобусу, съ сѣвернымъ и южнымъ полюсами, отражающими свойственныя ему магнитическія силы, которыя въ опытѣ представились въ видѣ одическаго свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчается, что результаты напоминаютъ собою сѣверныя и южныя сіянія на нашей планетѣ".

Вѣроятно читателю пришлось не разъ слышать о старомъ и далеко не рѣшенномъ спорѣ натуралистовъ относительно существованія у многихъ животныхъ и даже дикарей, такъ называемаго, чувства направленія. Одни считаютъ его несуществующимъ, другіе продолжаютъ признавать его реальность, и, нужно замѣтить, что тѣ и другіе имѣютъ свои основанія. Споръ этотъ, конечно, рѣшить не легко. Но если читатель обратитъ вниманіе на указанное, давно подмѣченное Рейхенбахомъ, соотношеніе полярности нашего тѣла и земного шара, то, быть-можетъ, извѣстные факты, обыкновенно приписываемые нѣкоторыми упомянутому шестому чувству, предстанутъ въ нѣсколько иномъ освѣщеніи.

Итакъ, по мнѣнію Рейхенбаха, существованіе ода не подлежитъ сомнѣнію; если же его долгое время не хотѣли признать, то это объясняется его способностью „проникать всякія субстанціи и всякія пространства и не накопляться, не конденсироваться" въ ощутительной степени.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ главнѣйшія данныя, съ которыми мы считали нужнымъ познакомить читателей прежде, чѣмъ перейти къ изложенію новѣйшихъ въ томъ же направленіи изслѣдованій.

Едва ли не самою важною достигнутою въ настоящее время гарантіею успѣха дальнѣйшихъ въ этой интересной области наблюденій является возможность экспериментированія безъ посредства весьма рѣдко встрѣчающихся сенситивовъ, такъ какъ оказывается, что субъектъ, загипнотизированный, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, можетъ сослужить ту же службу. Но въ то время, какъ для сенситива непремѣннымъ условіемъ наблюденія описанныхъ явленій излученія человѣческаго тѣла, магнитовъ и т. п. является мракъ или, въ лучшемъ случаѣ, полумракъ, для гипнотика это все необязательно, — онъ видитъ свѣтовыя истеченія болѣе или менѣе ясно, въ зависимости отъ индивидуальной чувствительности, — даже и при полномъ дневномъ свѣтѣ. При этомъ замѣчено: 1) что способность видѣть эти любопытныя свѣтовыя явленія съ наступленіемъ глубокаго гипноза прекращается; 2) что у очень чувствительныхъ субъектовъ, дѣйствуя магнитически на какой-нибудь членъ и оставляя остальное тѣло въ нормальномъ состояніи, можно произвести раппортъ только въ этомъ членѣ, въ частности, напримѣръ, въ глазахъ [1]); 3) что при этихъ

[1]) Де-Роша, этюдомъ котораго мы между прочимъ пользуемся для представленія современнаго состоянія вопроса объ излученіяхъ организмовъ, — раппортомъ называетъ ту слабую степень гипноза, когда субъектъ можетъ различать упомянутыя свѣтовыя явленія и вообще не теряетъ связи съ внѣшнимъ міромъ.

условіяхъ извѣстные субъекты пріобрѣтаютъ временную гиперестезію зрѣнія, позволяющую видѣть при полномъ свѣтѣ занимающія насъ въ настоящую минуту истеченія.

Одинъ изъ такихъ субъектовъ Альбертъ L...,-надъ которымъ экспериментировали Люи и Роша, обладая высшею степенью способности къ временному возбужденію чувствительности зрительныхъ органовъ, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по профессіи художникъ. Такимъ образомъ, благодаря столь счастливому соединенію обѣихъ способностей, явилась возможность замѣнить не вполнѣ точное описаніе рисунковъ въ краскахъ. Состояніе повышенной чувствительности зрѣнія, въ которое субъектъ для этого отъ времени до времени приводился, было независимо отъ самихъ, замѣтимъ, достаточно краснорѣчивыхъ результатовъ, еще констатировано профессоромъ Люи при помощи офтальмоскопа, обнаружившаго въ основаніи глаза высшую степень сосудистаго эретизма. Производя наблюденія съ помощью Альберта L..., Люи удалось подмѣтить, что „лѣвая сторона человѣческаго тѣла представляетъ голубую окраску. Глаза, уши, ноздри, ротъ выдѣляютъ лучи того же цвѣта, и эти излученія тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе субъектъ. Правая сторона выдѣляетъ посредствомъ органовъ чувствъ красныя волны, и ихъ интенсивность варіируетъ въ зависимости отъ состоянія субъекта“.

Въ этомъ описаніи читателя прежде всего поразитъ весьма существенное несогласіе его съ вышеприведенными наблюденіями Рейхенбаха, сенситивы котораго указывали на голубую окраску правой, а не лѣвой стороны. Но оказывается, что даже одинъ и тотъ же субъектъ въ разное время и въ зависимости отъ нѣкоторыхъ условій можетъ давать относительно этого обстоятельства различныя показанія, въ которыхъ одно лишь постоянно и не подлежитъ сомнѣнію, это то — что всѣ сенситивы во всѣхъ случаяхъ получаютъ свѣтовое ощущеніе. Существуютъ однако и другія условія, которыя зависятъ уже не отъ индивидуальныхъ особенностей сенситива, а отъ самого объекта наблюденій. Такъ замѣчено, что полярность лѣвшей обратная, т.-е. положительною стороною у нихъ является правая, а не лѣвая, какъ у большинства обыкновенныхъ людей. Кромѣ того, какъ впервые показалъ Люи, у истериковъ, мужчинъ и женщинъ, окраска свѣтовыхъ волнъ правой стороны становится фіолетовою, а въ случаяхъ онѣмѣнія, паралича, обусловливаемыхъ исчезновеніемъ нервной дѣятельности, свѣтоносныя излученія кожи прерываются черными точками.

Читая и слушая описанія, дѣлаемыя всевозможными сенситивами, легко замѣтить, несмотря на кажущееся значительное ихъ различіе, что всѣ субъекты говорятъ объ излученіяхъ, какъ о пламени, которое, если оно выходитъ изъ всего тѣла, то имѣетъ округленную форму, если же истекаетъ изъ оконечностей, то образуетъ соотвѣтственныя удлиненія. Окраска этихъ удлиненныхъ излученій всѣмъ безъ исключенія сенситивамъ представляется весьма различною для обѣихъ половинъ тѣла и симметричныхъ конечностей. При этомъ достойно вниманія, что всѣ наблюдатели указываютъ на двоякаго рода излучаемость. Если мы имѣемъ, положимъ, дѣло съ сильнымъ прямымъ или подковообразнымъ магнитомъ, то, въ какомъ бы положеніи — горизонтальномъ, вертикальномъ или наклонномъ — онъ ни находился, волны отходятъ отъ его оконечностей въ видѣ ихъ продолженій. То же замѣчается и у пальцевъ. Въ другихъ же тѣлахъ, гдѣ волны слабѣе, онѣ имѣютъ вертикальное направленіе, но, въ зависимости отъ степени ихъ интенсивности, могутъ быть и промежуточныя формы.

Что касается длины, силы и окраски волнъ, то собранныя объ этомъ данныя показали здѣсь ту же зависимость отъ индивидуальности субъектовъ и степени ихъ впечатлительности. Въ то время, какъ одинъ гипнотикъ видитъ излученія сильнаго магнита простирающимися до 20—30 сантиметровъ, другой опредѣляетъ ихъ длину въ 4—5 метровъ. Интенсивность волнъ подлежитъ такимъ же колебаніямъ. Относительно же окраски излученій хотя и существуютъ значительныя разногласія, тѣмъ не менѣе, они не распространяются на всѣ цвѣта спектра, а на одни лишь промежуточные между краснымъ и голубымъ. Большинство, какъ уже было сказано, видитъ на одномъ полюсѣ красныя волны, на другомъ голубыя, причемъ иногда возникаютъ разногласія относительно взаимнаго ихъ расположенія. Другіе субъекты, встрѣчающіеся однако значительно рѣже, видятъ вмѣсто красныхъ желтые или, иногда, зеленые лучи, а вмѣсто голубыхъ — фіолетовые. Впрочемъ, не только различные субъекты могутъ давать разныя показанія относительно длины, интенсивности и окраски волнъ, но, какъ уже было упомянуто, даже одно и то же лицо, сообразно съ состояніемъ и степенью гипноза, представляетъ нѣкоторыя въ этомъ отношеніи колебанія, хотя и въ опредѣленныхъ границахъ.

Естественно, что подобнаго рода несогласія и колебанія въ описаніи явленія могутъ внушать нѣкоторое сомнѣніе относительно его объективности. Съ цѣлью разсѣять всякія

въ этомъ отношеніи сомнѣнія былъ предпринятъ цѣлый рядъ опытовъ, которые велись по особой спеціально выработанной программѣ и дали результаты, уничтожившіе возможность подозрѣній въ субъективности всѣхъ описанныхъ явленій излученія.

Всѣ эти изслѣдованія описанныхъ свѣтовыхъ феноменовъ были производимы въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Кажется, всѣ, какіе только оказалось возможнымъ примѣнить, приборы были при этомъ употреблены въ дѣло: спектроскопъ, разнаго рода призмы, зеркала, линзы, фотометры,— словомъ, цѣлый арсеналъ оптическихъ инструментовъ былъ примѣненъ съ цѣлью окончательнаго констатированія объективности свѣтоносныхъ излученій.

Однако достойно замѣчанія, что всѣ субъекты, съ которыми приходилось имѣть дѣло де-Роша, Люи и другимъ ученымъ, повторяя въ большинствѣ случаевъ заявленія сенситивовъ Рейхенбаха, что положительный полюсъ магнитовъ, элементовъ, кристалловъ и т. п. свѣтится голубымъ свѣтомъ, а отрицательный — краснымъ, — отличаютъ кромѣ того желтый свѣтъ индукціонной бобины.

Но, какъ ни убѣдительны были эти опыты, все же до тѣхъ поръ, пока не были сняты фотографіи, явленія казались, хотя и несомнѣнно существующими, но недостаточно осязательными.

Теперь многіе другіе ученые, въ особенности во Франціи, занимаясь изученіемъ психофизіологіи и главнымъ образомъ спеціальнаго ея отдѣла, невропатологіи, примѣняютъ къ своимъ изслѣдованіямъ фотографію. Этотъ новый путь далъ уже блестящіе результаты, но отъ него можно ожидать еще гораздо большаго.

Теперь позволимъ себѣ предложить читателю присмотрѣться къ двумъ прилагаемымъ здѣсь рисункамъ (3 и 4). Первый изъ нихъ представляетъ снимокъ поверхности тѣла женщины въ совершенно темной комнатѣ. Читатели видятъ, что кожа выдѣляетъ свѣтящіе лучи не равномѣрно, а мѣстами свѣтлѣе, причемъ эти свѣтлыя области, распредѣленныя по всей поверхности тѣла, представляются, какъ увѣряютъ сенситивы, чѣмъ-то вродѣ свѣтящихся точекъ звѣздочекъ и шариковъ (boulets vitaux, какъ называютъ ихъ французскіе ученые). На другой фотографіи, еще болѣе любопытной и къ тому же снятой при чрезвычайно рѣдкихъ условіяхъ съ рукъ двухъ влюбленныхъ другъ въ друга субъектовъ, — легко видѣть стремленіе излученій на обѣихъ рукахъ къ соединенію. При этомъ не мѣшаетъ обратить вниманіе на разницу въ характерѣ радіаціи мужской и женской руки, въ то время, какъ у мужчины лучи исходятъ изъ пальцевъ равномѣрно и густо, у женщины они мѣстами почти отсутствуютъ; кромѣ того, и сами излученія мужской руки гораздо тоньше, нѣжнѣе, у женщины же они очень грубы. Конечно, изъ этого нельзя дѣлать какихъ-нибудь общихъ выводовъ, такъ какъ, снимая съ другихъ субъектовъ или, можетъ-быть, съ тѣхъ же самыхъ, но при другихъ условіяхъ, можно получить иные результаты. Тѣмъ не менѣе, при сличеніи значительнаго

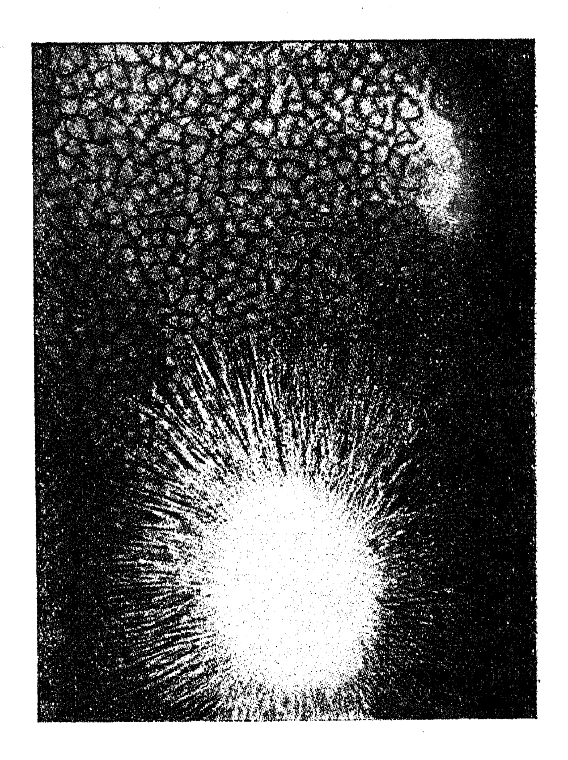


Рис. 3.

Рис. 4.

количества снимковъ, является возможность дѣлать интересныя сопоставленія и заключенія.

Если вы теперь, читатель, обратите вниманіе на слѣдующіе рисунки (здѣсь помѣщены только 5 и 6 рис.), представляющіе

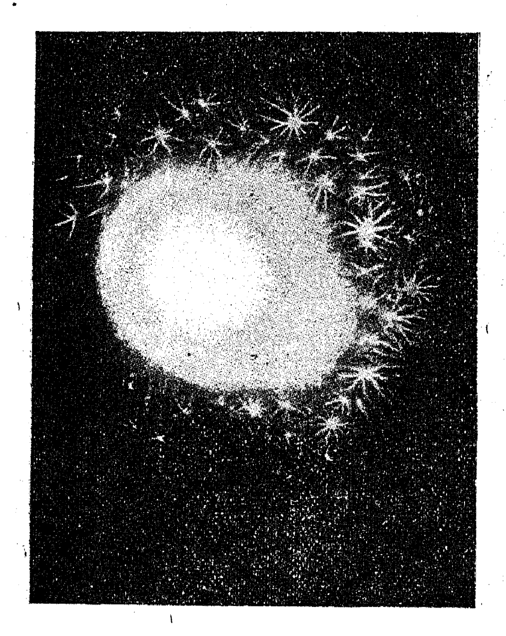


Рис. 5.

собою снимки излученій отдѣльныхъ мѣстъ человѣческаго тѣла, то въ первомъ изъ нихъ вы замѣтите вышеупомятую звѣздчатую форму boulets vitaux; въ остальныхъ же, составляющихъ серію снимковъ излученій одного и того же шейнаго нервнаго узла 22-хъ-лѣтней истеричной дѣвушки, васъ поразитъ большое

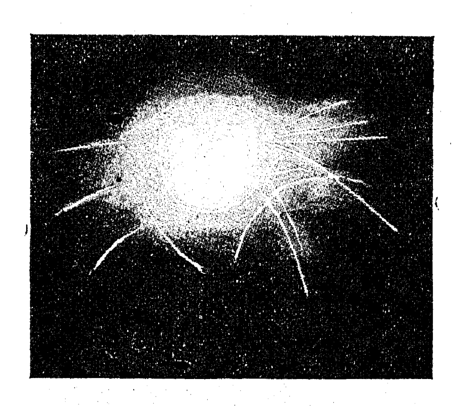


Рис. 6.

ихъ несходство между собою. Всмотрѣвшись однако внимательнѣе, видно, что до начала лѣченія излученія представляютъ нѣчто неопредѣленное, расплывчатое, неправильной формы; далѣе же, по мѣрѣ лѣченія, безпорядочность теряется, и постепенно устанавливается правильное, густое излученіе, характеризующее здоровое состояніе организма (рисунокъ 6, представляетъ снимокъ во время лѣченія). Конечно, если бъ мы могли представить здѣсь всѣ послѣдовательные снимки излученій даннаго нервнаго узла, то это было еще нагляднѣе, но, надѣемся, и помѣщенныхъ будетъ достаточно для составленія нѣкотораго понятія о формѣ радіаціи человѣческаго тѣла въ здоровомъ и патологическомъ состояніяхъ.

Послѣ всего только что сказаннаго и внимательнаго разсмотрѣнія рисунковъ, читатель найдетъ, вѣроятно, вполнѣ естественнымъ предположеніе, что, быть-можетъ, существованіе несомнѣнной аналогіи между электрическими разрядами и излученіями человѣческаго тѣла указываетъ на общность причины этихъ явленій; или, другими словами,—нѣтъ ничего невозможнаго предположить, что причиною радіаціи организмовъ является ихъ собственное электричество. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. „Вѣрить или не вѣрить?“ В. Битнера, Спб. 1899 г., стр. 177 –196).

Б. **Животный магнитизмъ.**

1. **Нематеріальный способъ лѣченія больныхъ.** Болѣе трехъ десятковъ вѣковъ тому назадъ въ египетскихъ храмахъ, посвященныхъ богамъ Тоту или Хунсу (Hermes Trismegistos) и Имхотепу (Aisclepios), — какъ это можно еще видѣть на рисункахъ, сохранившихся въ корнакскомъ храмѣ въ Ѳивахъ или въ домѣ Сета (въ Некрополѣ) Мемфиса, а также на основаніи дошедшихъ до насъ папирусовъ, можно убѣдиться, что египетскіе жрецы въ цѣляхъ исцѣленія обращавшихся къ нимъ больныхъ пользовались largo manu, „пассами и усыпленіемъ“. Оттуда этотъ методъ перешелъ и къ грекамъ, и свѣдѣнія объ этомъ имѣются даже у Гомера и, должно полагать, пользовался большимъ почетомъ у асклепіадеевъ, такъ какъ намъ извѣстно, что всякій серьёзно заболѣвавшій человѣкъ отправлялся въ храмъ Эскулапа, какъ тогда выражались, „на спанье“. Отсюда до сихъ поръ еще первоначальный періодъ всякой болѣзни называется на врачебномъ діалектѣ „incubatio“.

Этотъ нематеріальный способъ лѣченія больныхъ не прекращался во все теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и исторія намъ сохранила имена многихъ лицъ, обладавшихъ дивнымъ даромъ исцѣлять болящихъ однимъ возложеніемъ своихъ рукъ [1]). Такими, напри-

[1]) Само собою разумѣется, что эти возложенія рукъ на больныхъ нѣкоторыми болѣзнями, преимущественно, если не исключительно даже, нервнаго происхожденія, не имѣютъ ничего общаго съ чудеснымъ исцѣленіемъ больныхъ людьми святыми; въ этомъ послѣднемъ случаѣ *безусловно всякія болѣзни*

мѣръ, были Симонъ-магъ (Acta Apost. VIII), Веспасіанъ (Svetonius: vita Vesp. cap. VII); было даже цѣлое племя въ Малой Азіи, Ophiogenes (Plinius, Hist. Nat. I, 7) пользовавшееся славой такихъ цѣлителей. Послѣдніе нѣкоторымъ образомъ напоминаютъ нашихъ цыганъ, которые, впрочемъ, имѣютъ славу пользующихся дурнымъ глазомъ. Въ мрачные и суевѣрные средніе вѣка лица, обладавшія такимъ даромъ, считались чародѣями и подвергались довольно жестокимъ преслѣдованіямъ, что, однако, не могло задушить въ Европѣ эту отрасль медицины.

Только начиная съ Парацельса и Ванъ-Гельмонта начинается поворотъ къ возрожденію этой отрасли на болѣе научныхъ началахъ. О выдающемся представителѣ этого направленія на рубежѣ прошлаго и текущаго столѣтій — Месмерѣ всякому извѣстно. Извѣстна также его печальная участь, такъ какъ академія оффиціально возстала противъ него (неоффиціально она признавала его ученіе), и онъ погибъ, какъ и всѣ новаторы.

Однако за текущее столѣтіе написано объ этомъ предметѣ столько сочиненій, что полное собраніе ихъ потребовало бы весьма обширное книгохранилище, и тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ еще до сихъ поръ считается спорнымъ. Весь споръ вертится вокругъ вопроса: существуетъ ли дѣйствительно возможность нематеріальнаго воздѣйствія одного человѣка на другого, или весь результатъ извѣстныхъ безспорныхъ исцѣленій происходитъ лишь отъ психическаго настроенія самого больного. Огромное большинство допускающихъ возможность такого воздѣйствія вообще, признаютъ только одно послѣднее предположеніе, и только очень немного врачей еще колеблются и нерѣшительно высказываются за возможность и перваго допущенія. Послѣдніе могутъ найти опору для своихъ убѣжденій въ открытіи нашихъ дней, обнародованномъ, между прочимъ, д-ромъ Погорѣльскимъ, въ области фотографіи, такъ какъ, по его глубокому убѣжденію, разработанная имъ электрическая фосфоресценція и энергографія составляютъ двѣ стороны одной и той же медали: онѣ другъ друга восполняютъ какъ опытъ и теорія, а обѣ вмѣстѣ ставятъ вопросъ о существованіи въ человѣческомъ организмѣ особой нематеріальной силы, названной д-ромъ Погорѣльскимъ физіологической полярной энергіей (alias животный магнитизмъ, месмеризмъ, оды, астральная сила etc.), внѣ всякаго сомнѣнія.

Дѣло въ томъ, что, занимаясь около 15 лѣтъ изученіемъ этого вопроса, д-ръ Погорѣльскій пришелъ къ убѣжденію, что при нематеріальномъ воздѣйствіи одного человѣка на другого существуютъ оба эти фактора, но ихъ слѣдуетъ строго отличать другъ отъ друга. Въ однихъ случаяхъ весь центръ тяжести взаимнаго воздѣйствія, дѣйствительно, лежитъ въ самомъ объектѣ экспериментовъ. Это будутъ случаи чистаго гипноза, правильнѣе Suggestio, гдѣ все зависитъ отъ субъективной способности человѣка къ воспріятію внушенія (Suggestibilitas), и дѣло можетъ дойти до степени самовнушенія (Auto-suggestio). Но такихъ субъектовъ, вообще говоря, не такъ уже много на бѣломъ свѣтѣ.

Въ преобладающемъ же большинствѣ случаевъ дѣло, наоборотъ, всецѣло и исключительно зависитъ отъ нематеріальнаго воздѣйствія личности самого оператора, и это воздѣйствіе достигается только пассами, взглядомъ (Fascinatio) очарованіе звукомъ, (Incantatio) — пѣніемъ (Давидъ на Саула!), словомъ, тономъ и даже — что, впрочемъ, бываетъ очень рѣдко, — особымъ напряженіемъ мысли и воли (Suggestio mentalis et voluntatis). Самъ же объектъ экспериментовъ и его личность играетъ въ этомъ процессѣ совершенно второстепенную, пассивную роль, и можно выставить за правило, что на свѣтѣ нѣтъ такого субъекта, для котораго не нашелся бы другой человѣкъ, способный на него воздѣйствовать и подчинить своей волѣ.

Это достигается непосредственнымъ воздѣйствіемъ истекающей изъ оператора (магнитизера) находящейся въ немъ части физіологической полярной энергіи, которая, переходя на даннаго человѣка (сенситива), и вызываетъ въ немъ соотвѣтствующіе эффекты, какъ Suggestio, Catalepsia, Somnambulismus, Lethargia, а также достигается необходимое ему исцѣленіе [1]). (См. брошюру д-ра Погорѣльскаго:

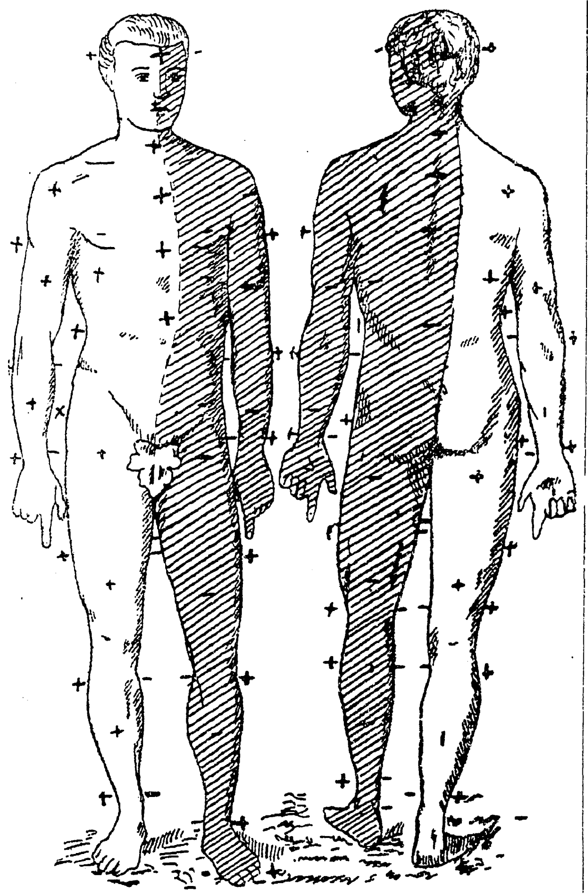
проходили безслѣдно. И это уже одно, не говоря о молитвѣ и призываніи помощи Божіей, говоритъ за то, что исцѣленіе святыми чрезъ возложеніе рукъ не есть дѣйствіе животнаго магнитизма, но благодатной силы Божіей. Но лѣченіе нервныхъ болѣзней при помощи животнаго магнитизма указываетъ несомнѣнно на высшія свойства человѣческой природы, вышедшей изъ рукъ Творца весьма богато одаренной. Если-бы не грѣхъ, то природа человѣка была бы безъ сомнѣнія еще чудеснѣе въ своихъ проявленіяхъ. *(Г. Д—ко).*

[1]) Всѣ тѣла природы и всѣ виды матеріи обладаютъ извѣстнымъ количествомъ физіологической энергіи, которую они вѣчно эманируютъ изъ себя. Точно также всѣ извѣстныя намъ физическія силы, какъ гравитація, электричество, тепло, свѣтъ, химизмъ могутъ служить и источникомъ — генераторомъ этой энергіи и возбудителемъ — стимуляторомъ для проявленія ея изъ тѣхъ тѣлъ, въ коихъ она уже имѣется. Такая универсальность этой энергіи можетъ быть сравнима лишь съ невѣсомымъ міровымъ эфиромъ, если только она не есть одно изъ свойствъ послѣдняго. Во всякомъ случаѣ, пока эфиръ остается еще гипотезой, физіологическая энергія должна уже быть признана реально существующимъ агентомъ.

Сама энергія эта есть родъ волнообразнаго движенія, лучи коего обладаютъ всѣми аттрибутами такого рода движенія, но въ то же самое время эта энергія совершенно точно и опредѣленно отличается

„Электрофотосфены и энергографія“, Спб. 1899 г., стр. 1—7 откуда въ сокращеніи взяты предложенныя здѣсь свѣдѣнія).

отъ извѣстныхъ уже намъ родовъ физической энергіи. Главнѣйшая отличительная особенность этой энергіи—ея полярность, т.-е., что при извѣстныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ условіяхъ она неизмѣнно даетъ тотъ или діаметрально - противоположный эффектъ. Такимъ образомъ, на человѣческій организмъ энергія реагируетъ пріятнымъ или непріятнымъ образомъ, способна вызвать возбужденіе или успокоеніе, притягиваетъ къ источнику энергіи или отталкиваетъ отъ него и т. д. У нервныхъ и чувствительныхъ особъ (они называются сенситивами)



Топографія полярностей у человѣка. (Схема).

посредствомъ этой энергіи можно вызвать сонъ, сомнамбулизмъ, каталепсію и летаргію или, наоборотъ, вывести изъ этихъ состояній, когда субъектъ впалъ въ таковыя.

Топографическое распредѣленіе полюсовъ въ матеріальныхъ источникахъ, эманирующихъ энергію, вполнѣ закономѣрно и обыкновенно постоянно. Такъ, для *животнаго* организма можно установить такую схему полярностей: части тѣла аналогичныя и симметричныя всегда реагируютъ какъ противоположные полюсы (P. Heteronom), части же гомологичныя реагируютъ какъ одноименные полюсы (P. Isonom).

Въ *человѣческомъ* организмѣ, напримѣръ, въ зависимости отъ направленія плоскостей сѣченія получаются слѣдующіе противоположно регирующіе полюсы: 1) Сагиттальное сѣченіе дѣлитъ на двѣ половины правую — положительную и лѣвую — отрицательную. 2) Фронтальное сѣченіе: передъ положительный, тылъ отрицательный. 3) Горизонтальное сѣченіе: верхняя половина положительная и нижняя — отрицательная. 4) Отъ медіаннаго сѣченія руки, ноги, отдѣльныхъ пальцевъ: ульнарная сторона положительна, а адріальная—отрицательна. Даже 5). Въ сексуальномъ смыслѣ: мужчины положительны по отношенію къ женщинамъ, которыя отрицательны.

Въ *растеніяхъ* верхнія части положительны относительно ниже лежащихъ, напримѣръ, стволъ относительно корня, цвѣтокъ и листъ относительно черенка. Въ *минеральномъ* царствѣ полюсъ зависитъ отъ характера кристаллографическихъ данныхъ.

Даже въ нематеріальныхъ *физическихъ агентахъ* можно уловить полярность рождаемой ими физіологической энергіи, что, вѣроятно, зависитъ отъ сочетаній: ритма колебаній, фазъ волны и количества энергіи. Такъ, напримѣръ, свѣтъ солнца реагируетъ положительно, а луны — отрицательно и т. д.

Изъ физическихъ свойствъ этой энергіи необходимо отмѣтить слѣдующія: она способна производить механическое движеніе (гравитація), фосфорецируетъ и флуоресцируетъ, т.-е. разлагаетъ фотографическую пластинку и можетъ произвести звуковые эффекты (фотосфены и фонофены).

2. Физіологическая фосфоресценція. Этотъ родъ фотосфенъ, происходящій въ мірѣ животныхъ и растеній, имѣетъ для насъ рѣшающее значеніе въ томъ смыслѣ, что здѣсь появленіе свѣта не можетъ быть объяснено рѣшительно ничѣмъ другимъ, какъ присущей этимъ органическимъ тѣламъ физіологической энергіей. Фосфоресценція эта называется еще произвольной, такъ какъ животныя, испускающія ее, могутъ по произволу засвѣтиться или потухнуть и по произволу же мѣняютъ и силу блеска своего свѣта.

Изъ животныхъ особенно сильный блескъ обнаруживаютъ нѣкоторыя насѣкомыя, какъ челоносы (изъ семейства цикадъ) и свѣтляки. Особенно богаты такими представителями тропическія страны. Свѣченіе свѣтляковъ въ темныя лѣтнія ночи всѣмъ извѣстно; извѣстно также, какъ они по произволу гасятъ свой фонарь. Свѣтятъ у нихъ яички, которыя и сами по себѣ, даже удаленныя изъ организма, обыкновенно, сохраняютъ свою фосфоричность довольно долго, иногда цѣлую недѣлю. Если раздавить такое яичко, изъ него вытекаетъ жидкость, продолжающая свѣтиться, пока она не высохнетъ.

Такой же свѣтящейся способностью обладаютъ нѣкоторыя породы рыбъ, какъ Trachypterus Iris, который при фосфоресценціи имѣетъ видъ огненнаго меча, нѣкоторые виды селедокъ и другія. Добываемые или выпускаемые изъ этихъ рыбъ свѣтящіеся соки и жидкости, будучи примѣшаны къ морской водѣ, дѣлаютъ и послѣднюю сильно свѣтящейся. Здѣсь процессъ свѣченія приписывается окисленію этихъ жидкостей отъ соприкосновенія съ воздухомъ. Съ момента наступленія гніенія и выдѣленія амміака фосфоресценція прекращается.

Уже Библія (Исход. XXIV, 29—35) разсказываетъ, что у Моисея лицо сіяло лучами, такъ что онъ даже всегда носилъ покрывало [1]). За-

[1]) См. выше, на стр. 222-й, наше замѣчаніе по этому поводу. (*Г. Д—ко*).

тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ священнаго писанія имѣются описанія появленія свѣтового сіянія вокругъ головы въ видѣ ореоловъ и на этомъ основано самое традиціонное изображеніе святыхъ съ ореолами.

Если даже опустить всѣ болѣе или менѣе достовѣрные разсказы всѣхъ прошедшихъ вѣковъ, то за одно наше XIX столѣтіе наберется около десятка случаевъ появленія людей, распространявшихъ вокругъ себя явный свѣтъ въ видѣ свѣтящейся вокругъ нихъ атмосферы, въ родѣ огней св. Эльма (рис. 1). Замѣчательно, что всѣ эти зарегистрированные случаи имѣли фатальное значеніе для этихъ лицъ, такъ что самый этотъ свѣтъ какъ бы предшествовалъ смерти. Впрочемъ, возможно и обратное толкованіе, что смерть послѣдовала вслѣдствіе истощенія организма отъ этой фосфоресценціи.

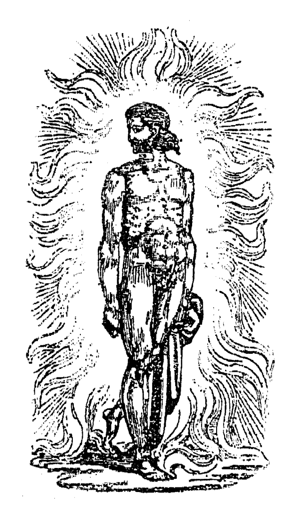


Рис. 1.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы постараемся доказать, что явленіе фосфоресценціи людей вовсе не такое рѣдкое въ природѣ явленіе, а что все затрудненіе констатированія его заключается только въ самыхъ условіяхъ наблюденій, и потому мы и разберемъ самыя эти условія и попытаемся получить этотъ свѣтъ изъ человѣческаго организма опытнымъ порядкомъ.

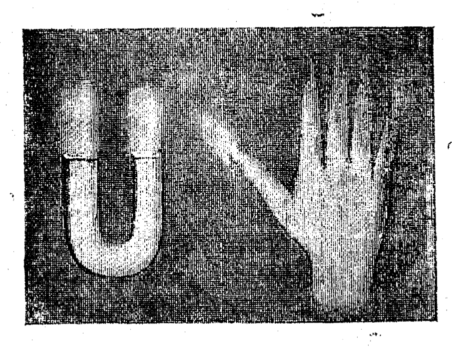


Рис. 2. Рис. 3.

Уже въ началѣ этого столѣтія Deleuze, а позднѣе Despine и Charpignon указали, что многіе сомнамбулы въ извѣстныхъ стадіяхъ своего транса видятъ разные предметы свѣтящимися, особенно это относится къ магниту и нѣкоторымъ металламъ, какъ золото и серебро. Рейхенбахъ даетъ слѣдующіе (2 и 3) рисунки, изображающіе истеченіе свѣта изъ концовъ магнита или руки, какими ихъ видятъ сенситивы во время транса. Но самый сильный свѣтъ сенситивы видятъ вокругъ ихъ магнитизера, который въ ихъ глазахъ не только самъ свѣтитъ, но дѣлаетъ свѣтящимся все, къ чему онъ ни дотронется или даже лишь направитъ свою руку туда. Въ особенно глубокихъ трансахъ имъ кажется, что весь человѣкъ буквально окутанъ свѣтящейся атмосферой, и онъ какъ бы плаваетъ въ пламени.

Предлагаемый на стр. 236-й рис. 4, представляетъ тотъ видъ, какимъ казался авторъ студенту сенситиву Л. Ф—ну. Рисунокъ составленъ на основаніи точнаго его описанія и нѣсколько разъ провѣрялся черезъ показыванія его Л Ф—ну, какъ во время транса, когда онъ сравнивалъ его, такъ сказать, съ оригиналомъ, такъ и послѣ транса, въ нормальномъ состояніи его. Дѣло въ томъ, что студентъ Ф—нъ принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыя и послѣ пробужденія прекрасно сохраняютъ въ памяти всѣ мельчайшія подробности изъ пережитаго ими во время сомнамбулизма. По его словамъ, свѣтъ, который онъ видалъ надъ моей головой, говоритъ д-ръ Погорѣльскій, казался ему весьма интенсивнымъ; всегда самое яркое мѣсто помѣщалось *сзади* головы, нѣсколько выше макушки. Вверхъ свѣтовая атмосфера иногда подымалась на 3—4 фута, а съ боковъ она спускалась лишь до плечъ и никогда не ниже ихъ. При обращеніи мною вниманія его на *цвѣтъ* этого сіянія, онъ *часто*, но не всегда, видалъ и различные цвѣта: съ правой — красный, а съ лѣвой — голубой оттѣнокъ этого свѣта, чѣмъ и подтверждается наблюденіе Albert de-Rochas.

Въ совершенной объективности этихъ явленій для сомнамбуловъ нынѣ сомнѣваться нельзя и это можно доказать экспериментально цѣлой аудиторіи посредствомъ опытовъ надъ цвѣтами этого сіянія по способу, предложенному нами, или же при помощи полярископа, какъ это дѣлалъ Rochas. Но то, что вполнѣ объективно для сенситива, для остальныхъ людей останется мало доказательнымъ. Во-первыхъ, потому, что они сенситивы, т.-е., люди съ не вполнѣ уравновѣшенной нервной и психической организаціей, и, во-вторыхъ, потому, что по свойственной человѣку логикѣ онъ не вѣритъ другому въ томъ, въ чемъ онъ лично *не можетъ* убѣдиться, хотя бы правдивость лица, сообщающаго неизвѣстный фактъ, стояла бы выше всякаго подозрѣнія.

При этомъ немаловажную роль играетъ тутъ и внушеніе и самовнушеніе. Сколько важныхъ идей и принциповъ, какъ достовѣрныхъ, такъ и ложныхъ, крѣпко сидитъ въ народномъ сознаніи только потому, что „всѣ“ увѣрены, что они истина свя-

тая. Образованные классы въ этомъ отношеніи нисколько не выше, чѣмъ невѣжественная толпа. Не всѣ вѣдь провѣрили на опытѣ законы всемірнаго тяготѣнія или шаровидность земли и, однако, никто теперь въ этомъ не сомнѣвается и не осмѣлится заподозрить достовѣрность этихъ истинъ только потому, что это нынѣ стало общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. А вѣдь забываютъ, что до Галилея такіе же „всѣ образованные люди" съ не меньшей самоувѣренностью отстаивали, что земля есть плоскость, плавающая на безбрежномъ океанѣ, а также всю прежнюю Птоломеевскую систему круговращеній тѣлъ, и именно „эту систему" больше всѣхъ прочувствовалъ на себѣ самъ Галлилей. Да и въ настоящее еще время китайское астрономическое министерство и знать не хочетъ иныхъ системъ міpового порядка.

Впрочемъ, вся исторія человѣческаго знанія полна эпизодами то трагическаго, то комическаго содержанія, какъ „новыя истины" боролись со „старыми предразсудками" и какъ затѣмъ „новѣйшія открытія", въ свою очередь, обращали еще недавнюю новую истину въ такой же старый предразсудокъ. Очевидно, что истина абсолютная и истина общепризнанная — вещи совершенно различныя.

Мы поэтому должны быть очень признательны Рейхенбаху, показавшему способъ, какимъ образомъ эти свѣтовыя истеченія опытнымъ порядкомъ могутъ быть сдѣланы видимыми и для не-сенситивовъ. Его методъ очень часто практикуется спиритами и извѣстенъ у нихъ подъ именемъ *темныхъ сеансовъ*. (Д-ръ Погорѣльскій; см. „Ребусъ" 1898 г., № 33).

3. **Полярность глазъ.** Человѣческій глазъ очень часто бываетъ одаренъ способностью магнитическаго воздѣйствія. Если и исключить цѣлыя племена въ родѣ описанныхъ Радда-Бай (Блаватской) карликовъ Курумби въ Нильгири или всѣмъ извѣстное непріятное дѣйствіе взгляда большинства кочующихъ венгерскихъ и румынскихъ (бессарабскихъ) цыганъ, то все же каждый изъ насъ можетъ привести въ примѣръ какого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, который, по общепризнанному окружающими мнѣнію, имѣетъ, такъ называемый, *дурной глазъ*. Что бы ни говорили скептики, а всякій безпристрастный наблюдатель не можетъ не подтвердить, что далеко не рѣдкость такіе люди — женщины чаще, нежели мужчины,—взоръ которыхъ производитъ непріятное впечатлѣніе.

Рис. 4. Магнитическій ореолъ (портретъ д-ра Погорѣльскаго).

Послѣднее тѣмъ сильнѣе, чѣмъ объектъ воспринимающій представляетъ менѣе сопротивляемости (locus minoris resistentiae); вотъ почему *сглазенью* легче поддаются выздоравливающіе послѣ изнурительныхъ болѣзней. и въ особенности слабыя и нервныя дѣти Они прямо инстинктивно боятся и бѣгутъ такихъ лицъ; а если послѣднія возьмутъ ихъ на руки, то, несмотря на обычныя ласковость и повадливость такихъ дѣтей ко всякому встрѣчному, на рукахъ у лицъ, имѣющихъ *дурной* глазъ, они всегда подымаютъ страшный крикъ и плачъ, какъ будто имъ причиняютъ физическую боль. Послѣ ухода такихъ лицъ ребенокъ очень долго мечется, безпричинно и неистово плачетъ, и долго еще не можетъ успокоиться. Единственное средство успокоить такихъ возбужденныхъ дѣтей — это пассировать ихъ, проводя пассы съ головы до ногъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, что, впрочемъ, и дѣлается всегда инстинктивно нянькамп. Ребенокъ обычно быстро впадаетъ въ нервный прерывистый сонъ, который мало-по-малу переходитъ въ

нормальный, крѣпкій и спокойный, и черезъ нѣсколько часовъ онъ встаетъ совершенно здоровымъ, до новой встрѣчи съ тѣмъ лицомъ.

Впрочемъ, названіе *дурной* глазъ здѣсь не совсѣмъ правильно. Дѣйствіе такихъ глазъ далеко не всегда бываетъ *дурное,* а лишь интенсивное. *Зло* же, происходящее иногда отъ такого взгляда, зависитъ исключительно не отъ свойствъ глаза, а отъ случайныхъ стеченій обстоятельствъ для лица, подвергшагося такому взгляду. Иначе лица, имѣющія дурной глазъ, составляли бы проклятіе Божье и не могли бы быть принятыми ни въ какое человѣческое общество.

Поясню примѣромъ. Объ одномъ знаменитомъ пѣвцѣ разсказывали, что онъ во время пѣнія долженъ былъ всегда смотрѣть въ пустое пространство: иначе, на кого онъ ни посмотритъ, всегда съ тѣмъ случится несчастіе. Въ доказательство приводятъ фактъ, что разъ подъ вліяніемъ его взгляда театральный плотникъ свалился съ лѣсовъ и убился, и нѣкоторые другіе разсказы въ этомъ родѣ. На самомъ же дѣлѣ несчастіе, вѣдь, произошло только отъ того, что плотникъ находился на лѣсахъ. Потому что, будь онъ въ это время на полу и посмотри на него тотъ же пѣвецъ, то даже при полномъ каталептическомъ оцѣпенѣніи плотника онъ бы лишь опустился на землю, а не слетѣлъ бы съ высоты, и, слѣдовательно, никакого несчастія не приключилось бы.

Что данное свойство взгляда происходитъ именно отъ магнитизма, а не отъ какой-нибудь другой энергіи, это доказывается ея полярностью, напр., въ слѣдующемъ опытѣ. Сядьте *противъ* сенситива и смотрите спокойно ему на грудь: онъ почувствуетъ пріятное ощущеніе легкости и свѣжести и прекрасное успокоеніе. Если сенситивъ стоялъ, то онъ невольно подается впередъ (притягивается). Присядьте теперь сзади этого же сенситива и уприте взоръ на его лопатки, эффектъ получится противоположный: онъ почувствуетъ жаръ, сердцебіеніе, давленіе; а если онъ притомъ стоитъ, то почувствуетъ легкій толчекъ. Происходитъ все это отъ того, что въ первомъ случаѣ каждый отдѣльный глазъ направляетъ свой взоръ на разноименную половину тѣла сенситива, а во второмъ случаѣ, наоборотъ, на одноименную часть тѣла. Этимъ же именно и объясняется, почему очень многіе чувствуютъ непріятное безпокойство, если кто-либо смотритъ на нихъ въ упоръ сзади, въ затылокъ. Такой человѣкъ непремѣнно обернется назадъ посмотрѣть, и безошибочно въ самой большой толпѣ отгадаетъ, кто это такъ на него смотрѣлъ. (Д-ръ Погорѣльскій, см. „Ребусъ" 1898 г. № 13).

4. **Полярность рта.** Особую магнитическую роль играетъ и *ротъ,* такъ какъ здѣсь происходитъ довольно сложный перекрестъ полярной энергіи, происходящій отъ трехъ различныхъ факторовъ.

Первый факторъ это собственная полярность самыхъ губъ. Оказывается, что въ этомъ отношеніи *верхняя* губа имѣетъ характеръ *положительнаго,* а *нижняя—отрицательнаго* полюса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно погладить нѣсколько разъ ту или другую губу однимъ какимъ-либо пальцемъ — мизинцемъ или толстымъ; зная полярный знакъ каждаго пальца (*третичная* полярность), мы по ощущенію изономіи или гетерономіи и заключаемъ о характерѣ полюса изслѣдуемой губы. Еще лучше это вамъ скажутъ сенситивы, которые въ темнотѣ всегда видятъ, какъ верхняя губа свѣтитъ голубымъ концомъ спектра, а нижняя — его краснымъ концомъ.

Второй факторъ въ полярности рта, это встрѣча на губахъ внутренней слизистой оболочки съ наружнымъ кожнымъ покровомъ, изъ коихъ первая реагируетъ магнито-отрицательно, а вторая магнито-положительно.

Наконецъ, третій факторъ—это наше дыханіе, которое тоже имѣетъ различную полярную реакцію, смотря потому, дышимъ ли мы только, или дуемъ.

Ясно, при такой сложности полярной энергіи нашего рта—въ частности отверстія губъ, что и нашъ поцѣлуй получилъ такую важную роль во внѣшнемъ выраженіи нашихъ душевныхъ ощущеній — эмоцій (Дарвинъ, Спенсеръ, Ломброзо), и даже въ Библіи уже отмѣчены различные характеры поцѣлуевъ отъ родительскихъ, братскихъ, родственныхъ и любовныхъ до измѣнническихъ и даже смертельныхъ включительно. Впрочемъ, какъ частность можно указать, что поцѣлуй напечатлѣнный на лѣвой щекѣ пріятнѣе, чѣмъ данный въ правую щеку, такъ какъ верхняя губа играетъ болѣе активную роль въ актѣ поцѣлуя, чѣмъ нижняя, а лѣвая щека съ нею будетъ гетерономной, правая же—изономной.

Сказанное о биполярности губъ у ртового отверстія относится и къ другимъ отверстіямъ организма, окруженнымъ кожными складками. Такъ, напримѣръ, у глазного отверстія верхнее вѣко положительно, а нижнее отрицательно.

Чтобы закончить о топографіи магнитической поляризаціи въ человѣческомъ организмѣ, мы должны упомянуть, что есть опыты, доказывающіе существованіе разницы въ полярной энергіи мужского и женскаго пола въ общемъ. Самый простой опытъ слѣдующій. Если мы поставимъ рядомъ два индивида одного и того же пола, то для каждаго изъ нихъ

обоихъ совершенно безразлично, гдѣ кто стоитъ: съ правой или лѣвой стороны (положеніе – Heteronom.). Но за то обыкновенно чувствуютъ особенную неловкость, если они, стоя рядомъ, обращены каждый лицомъ въ противоположныя стороны (положеніе — Isonom.). У индивидовъ же разныхъ половъ дѣло обстоитъ далеко не такъ просто; уже при одномъ помѣщеніи женщины *съ правой* стороны мужчины оба чувствуютъ себя не совсѣмъ ловко, и только при помѣщеніи женщины *съ лѣвой* стороны мужчины, оба чувствуютъ себя хорошо. Но такъ какъ въ обѣихъ этихъ позиціяхъ мы имѣемъ неизмѣнно разноименное расположеніе, то единственное удовлетворительное объясненіе можно найти, предполагая, что *въ общемъ* мужчина представляется *болѣе магнито-положительнымъ*, а женщина *болѣе магнито-отрицательной*, и что оба вмѣстѣ они такимъ образомъ образуютъ физіологическую магнитную пару или баттарею. Тогда въ первомъ случаѣ общій токъ въ баттареѣ (отъ+къ—), слѣва направо, будетъ обратный, чѣмъ въ каждомъ элементѣ, тогда какъ во второй позиціи общій токъ совпадаетъ съ токомъ каждаго элемента — справа налѣво.

Въ этомъ также лежитъ разгадка, почему намъ, мужчинамъ, обыкновенно пріятнѣе вести даму съ лѣвой стороны (какъ это дѣлается по всей Европѣ), тогда какъ при гуляніяхъ съ другими мужчинами, за рѣдкими исключеніями, мы на то не обращаемъ ни малѣйшаго вниманія. (Д-ръ Погорѣльскій, см. „Ребусъ“ 1898 г., № 13).

5. **О сущности начала, составляющаго основанія явленія, такъ называемаго, животнаго магнитизма**. Врачь Вас. О. Михайловъ сообщаетъ нѣсколько замѣчательныхъ опредѣленій извѣстными людьми науки основныхъ началъ магнитическихъ явленій которыя мы приводимъ здѣсь, предполагая, что они обратятъ вниманіе читателей, заинтересованныхъ вопросомъ о магнитизмѣ.

„Докторъ Wurtz, въ своемъ сочиненіи „Prospectus d'un nouveau cours théor. et pratique de magn. animal“, утверждаетъ, что висящая желѣзная цѣпь, подъ вліяніемъ взгляда и силы воли, поворачивается вокругъ своей оси въ ту или другую сторону.

Robiano, въ своемъ сочиненіи „Neururgie, ou le magn. animal devant une science phys.—mathematique“ (Brux., 1846), также утверждаетъ, что онъ силою одного простого взгляда производилъ явленія притяженія и оттолкновенія надъ разнаго рода тѣлами, и что гальванизмъ есть сущность того, что называли животнымъ магнитизмомъ. Это онъ доказываетъ тѣмъ, что гальваническія кольца ускоряли въ извѣстныхъ ему случаяхъ магнитическій сонъ, во время магнитизированія, что обыкновенный сонъ переходитъ въ магнитическій, если надѣть на палецъ спящаго человѣка гальваническое кольцо и т. п.

Thilorier и Lafontaine, въ сочиненіи „L'art du magnetiseur“, par Lafontaine (pag. 28 et suiv.), доказываютъ, что въ человѣческомъ организмѣ существуетъ особаго рода нервный токъ, которымъ человѣкъ можетъ управлять помощію одной только своей воли; вліяніемъ этого тока они, говорятъ, заставляли отклоняться стрѣлку гальванометра. Подобные опыты приводитъ и Picart. Въ его сочиненіи „du magnetisme“, онъ увѣряетъ, что по своему желанію простому желѣзу онъ сообщалъ свойства магнита и опять уничтожалъ ихъ, проводя желѣзо надъ грудью своихъ сомнамбуловъ.

Ни одна изъ извѣстныхъ силъ природы, взятыхъ ли порознь, или въ совокупности, недостаточна сама по себѣ, безъ участія человѣческаго духа, чтобы составить дѣйствительную причину явленій животно-магнитическихъ.

Оставивъ вопросъ — проливаютъ ли болѣе свѣта на этотъ вопросъ опредѣленія различными авторами того, что извѣстно подъ названіемъ животнаго магнетизма? — да, или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ, опредѣленія эти выражаютъ личные взгляды на этотъ предметъ людей, спеціально слѣдившихъ за этого рода явленіями, и потому мы приводимъ нѣсколько изъ такихъ извѣстныхъ опредѣленій.

Chargignon говоритъ, что „животный магнитизмъ есть совокупность законовъ, управляющихъ токомъ, выработаннымъ нервною системой живого человѣка“.

Delaage понималъ животный магнитизмъ, какъ какое-то „воспроизведеніе насъ самихъ, управляемое волею“.

Полное поэтическаго воодушевленія опредѣленіе Paul'я Auguez есть слѣдующее: магнитизмъ есть „мимолетное проявленіе первобытнаго господства человѣка надъ матеріею, моментный возвратъ къ прошедшему царству Адама, предвкушеніе будущаго христіанскаго царства“ [1]...

Какъ болѣе, кажется, близкое къ истинѣ понятіе объ этомъ выражается въ опредѣленіяхъ Deleuze'а и Morin, хотя основныя идеи того и другого почти противоположны между собою.

Deleuze говоритъ, что магнитизмъ есть свойственная человѣку *способность вліять* цѣлебнымъ образомъ на ему подобныхъ, своею волею направляя на нихъ *начало, заставляю-*

[1]) Намъ остается къ этому прибавить, что такой взглядъ на животный магнитизмъ весьма радуетъ сердце каждаго христіанина. *Г. Д—ко.*

щее его жить. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ понятіе о магнитизмѣ, какъ „о вліяніи существа духовнаго на духовное существо и чрезъ него — на организованную матерію". (Déleuse, du magnetisme, p. 26).

Въ этомъ понятіи, какъ и въ другихъ, приведенныхъ выше, во всякомъ случаѣ пробиваются убѣжденія въ существенномъ проявленіи самостоятельнаго духа человѣческой природы, составляющаго собою какъ бы основное начало, основную точку исхода всему ряду разбираемыхъ явленій.

Morin, со всѣми стремленіями его не сдѣлать шагу съ избранной имъ почвы безусловнаго матеріализма, даетъ такое опредѣленіе тому же самому началу: „животный магнитизмъ есть наука, разсматривающая дѣйствіе, производимое человѣкомъ надъ ему подобными, — дѣйствіе, производимое живымъ существомъ надъ другими существами, безъ примѣси способовъ обыденныхъ отношеній... Это есть искусство производить измѣненія въ физикѣ человѣка *посредствомъ дѣйствія, предварительно направленнаго имъ на его нравственную сторону*". (Morin., pp. 10 и 343—344).

Итакъ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ противниковъ существованія какой бы то ни было силы, или особеннаго тока, особеннаго вліянія, отъ которыхъ бы зависѣли разбираемыя явленія, утверждающій, что всѣ эти явленія суть только порожденія воображенія данной личности человѣка, Morin признаетъ въ этихъ явленіяхъ дѣйствіе, производимое человѣкомъ надъ ему подобнымъ, такое дѣйствіе, которое производитъ физическія измѣненія черезъ вліяніе на нравственную сторону, слѣдовательно, черезъ вліяніе души на душу... Это взглядъ и выводъ такого рода, что, по формѣ выраженія его, въ сущности онъ едва ли чѣмъ разнится отъ сущности взгляда Mirville'я, Perty, Deleuze'а, разсматривающихъ дѣло съ точки зрѣнія совершенно противоположной, потому что и Mirville и Perty доказываютъ, что основой этого рода явленіямъ служитъ вліяніе воли и души одного человѣка на душу другого.

Рейсъ и Левенталь, занимавшіеся въ Москвѣ разслѣдованіемъ этого рода явленій, въ 1849 г., въ брошюрѣ своей „Experiences sur le magn. animal", высказываютъ ихъ понятіе о сущности силы этой, „неправильно названной животно-магнитическою", что „она есть продуктъ, эманація, исходный токъ самой жизни. Дѣйствіе этого тока, введеннаго въ живыя тѣла, подобно дѣйствію самой жизни, это дѣйствіе врачующей силы природы"... („Ребусъ" 1895 г., № 20).

6. **Факты изъ области магнитизма.** Заимствуемъ „Изъ воспоминаній" Ольги N („Русскій Вѣстникъ", ноябрь 1887 года) нѣсколько интересныхъ фактовъ. Касаясь магнитизма, авторъ говоритъ:

Вопросъ о немъ вызывалъ еще недавно насмѣшки медиковъ и ученыхъ людей вообще, но теперь его серьёзно разрабатываютъ эти самые ученые и медики. Такова участь всякаго великаго открытія.

1. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были доктора магнитизеры, и, можетъ-быть, не лишнимъ будетъ разсказать о тѣхъ замѣчательныхъ успѣхахъ ихъ въ лѣченіи болѣзней, которые они совершали надъ личностями, коротко мнѣ знакомыми, между прочимъ, надъ княжной Шаховской, родной племянницей писателя и театрала, кн. Александра Александровича Шаховского.

Она родилась глухонѣмая, но передавала знаками свои мысли и вела живые разговоры съ членами семейства. Съ ней дѣлались нервные припадки, и докторъ Бюргермейстеръ ее магнитизировалъ и заставлялъ говорить въ магнитическомъ снѣ. Разъ княжна заснула, и въ продолженіе трехъ сутокъ не могли ее разбудить. Чтобъ войти въ ея комнату, надо было держать за руку магнитизера, иначе она волновалась и вскрикивала. Лежала она спиной къ стѣнѣ, и когда ее о чемъ-нибудь спрашивали, вопросы писали пальцемъ на обнаженной по локоть рукѣ. На вопросъ: какимъ средствомъ ее разбудить? — она показала знаками, что надо ей отрѣзать косу. Послали за парикмахеромъ, но какъ только онъ прикоснулся до княжны, она его оттолкнула и вскрикнула, и опять знаками объяснила, чтобъ каждый членъ семейства. поочередно, отрѣзалъ ей волосы, каждый по пряди, затѣмъ чтобъ ихъ сожгли, но такъ, чтобъ она объ этомъ не знала, и когда сгоритъ послѣдній волосъ, она проснется. Ея желаніе исполнили буквально, и какъ скоро волосы сгорѣли, она открыла глаза и быстро поднялась съ постели.

2. Очень извѣстный въ то время докторъ Левенталь магнитизировалъ А. К. Благову, родственницу моей бабушки, у которой она жила. Она страдала нервной болѣзнью и находилась въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что нѣсколько лѣтъ не могла причаститься. Благова была очень набожна; церковное пѣніе и причастный стихъ такъ сильно на нее дѣйствовали, что она начинала рыдать, и съ ней дѣлался нервный припадокъ.

Необходимо замѣтить, что ея образованіе было крайне ограниченно; она читала бѣгло по-русски, но писала безграмотно и дѣтскимъ почеркомъ. Разъ въ магнитическомъ снѣ она назвала на латинскомъ языкѣ лѣкарство, которое, по ея словамъ, должно было ей по-

мочь. Озадаченный Левенталь не скоро понялъ, что она требовала. Надо было отыскать въ ботаническомъ словарѣ средство, назначенное ею. Оказалось, что оно давнымъ давно вышло изъ употребленія въ медицинѣ; однако, его добыли, и оно принесло ей видимую пользу. Неоднократно она диктовала рецепты по-латыни, и докторъ повиновался безусловно ея предписаніямъ.

Одинъ изъ ея родственниковъ смотрѣлъ на магнитизмъ, какъ на грѣшное дѣло, и намѣревался побывать у ней и уговорить ее отказаться отъ такого способа лѣченія. Она сообщила во снѣ его намѣреніе и предупредила, что свиданіе съ нимъ причинитъ ей большой вредъ. Вскорѣ затѣмъ родственникъ явился къ моей бабушкѣ и открылся, не обинуясь, въ цѣли своего посѣщенія, но бабушка строго ему запретила вмѣшиваться въ дѣло, и онъ уѣхалъ, не повидавшись съ больной.

Она лишилась сестры, которую страстно любила, и, несмотря на свои религіозныя убѣжденія, была въ такомъ отчаяніи, что помышляла о самоубійствѣ. „Докторъ,—сказала она во снѣ Левенталю, —унесите изъ моей комнаты стклянку съ уксусомъ четырехъ разбойниковъ“.—„Зачѣмъ?“—„Я покушаюсь его выпить, чтобы отравиться“.

Флаконъ съ уксусомъ унесли. Въ тотъ же день Благова стала его искать въ порывѣ отчаянія, и, не находя нигдѣ, пришла въ себя, и убѣдилась, что Богъ ее не допустилъ до грѣха. Она говорила безошибочно который часъ, когда часы ей клали на сердце.

Левенталь спросилъ у ней, какой силой она предсказываетъ, прописываетъ рецепты на незнакомомъ языкѣ, и узнаетъ чужія мысли.

Она отвѣчала: „ко мнѣ приходитъ во время сна тетка моя, Анна Ивановна Леонтьева, и подсказываетъ все, что я говорю“.

Анны Ивановны Леонтьевой тогда уже давно не было на свѣтѣ.

Левенталь такъ вѣрилъ въ силу ясновидѣнія Благовой, что въ затруднительныхъ положеніяхъ прибѣгалъ къ ея совѣтамъ.

Она во снѣ и предсказала, между прочимъ, день и часъ смерти своей пріятельницы, фонъ-Визиной.

На вопросъ: чѣмъ больна фонъ-Визина? старушка отвѣчала: „мнѣ тяжело объ этомъ говорить; я вижу ея внутренность, она вся въ ранахъ“. („Русскій Вѣстникъ“ 1887 г., ноябрь).

3. Прежде всего я разскажу, сообщаетъ г-жа де-Морганъ, жена бывшаго проф. математики при Лондонскомъ университетѣ, объ одномъ случаѣ, доказывающемъ дѣйствіе месмерической или магнитической силы на тѣлесные мускулы, предоставляя физіологамъ объяснить способъ этого дѣйствія на нервы, или посредствомъ ихъ. Однажды мать принесла мнѣ своего десятинедѣльнаго ребенка, родившагося съ ненормально постановленными ступнями, и просила меня научить ее бинтовать ножки по предписанію одного извѣстнаго хирурга. Маленькія ступни висѣли безсильно въ одну линію съ голенями. Пока я разсматривала бинтъ и обдумывала, какъ удобнѣе его накладывать, мнѣ пришло въ голову поучить мать магнитическимъ пассамъ, которые, какъ я была въ томъ увѣрена, ни въ какомъ случаѣ не могли повредить ребенку, а скорѣе, судя по моимъ предыдущимъ опытамъ, должны были послужить къ укрѣпленію суставовъ. Но я сама никакъ не ожидала полученнаго мною результата. Сдѣлала я очень небольшое количество пассовъ отъ колѣна до ступни, самое большее двадцать. Послѣ первыхъ шести пассовъ ступни начали приподниматься и стали въ нормальное положеніе. Я, конечно, продолжала, и мускулы укрѣпились окончательно; излѣченіе было полное, и совершилось оно приблизительно минутъ въ пять. Бинтъ возвратили въ госпиталь, и, когда пришло время, ребенокъ началъ ходить самъ, какъ будто никогда и не былъ боленъ.

4. Другой ребенокъ, магнитизируемый мною отъ сильныхъ головныхъ болей, неожиданно представилъ мнѣ случай наблюденія надъ очень интереснымъ состояніемъ, называемымъ *„общностью ощущеній“*. Состояніе это, по утвержденіямъ, полученнымъ черезъ невольное, механическое письмо, даетъ ключъ къ нѣкоторымъ изъ тайнъ духовнаго воздѣйствія, какъ счастливая случайность нахожденія греческой надписи съ ея двумя египетскими дубликатами на камнѣ въ Розеттѣ дала ключъ къ объясненію дотолѣ непонятныхъ гіероглифическихъ знаковъ. Явленіе общности ощущеній заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователей по возможности объясненія черезъ него, по аналогіи, многаго въ этой таинственной области, хотя внутренняя его причина и недоступна еще нашему познаванію.

„Пока мальчикъ во время своего магнитическаго усыпленія говорилъ со мною о своей головной боли, кто-то, проходившій мимо, случайно задѣлъ меня за руку. Прикосновеніе было самое легкое, и однако ребенокъ воскликнулъ: „кто толкнулъ мою руку?“ Заключивъ изъ этого, что онъ находится въ томъ состояніи, о которомъ я не разъ слыхала, но ни разу не видѣла его, я попробовала сдѣлать нѣсколько опытовъ и надъ другими ощущеніями; такъ я положила себѣ въ ротъ кусокъ сахару, и мальчикъ тотчасъ же за

явилъ о сладкомъ вкусѣ; я отвѣдала горчицы, и онъ сталъ жаловаться на горечь; уколъ моей руки концомъ пера причинилъ ему довольно сильную боль. Нѣкоторое непродолжительное, впрочемъ, время, онъ, по-видимому, раздѣлялъ всѣ мои физическія ощущенія. Однажды мы поставили мальчика послѣднимъ въ цѣпь, составленной изъ восьми или девяти липъ, державшихъ другъ друга за руки. Когда первое лицо въ цѣпи понюхало табаку, мальчикъ чихнулъ и сказалъ, что мы положили ему табаку въ носъ, но, конечно, не такъ какъ въ электрической цѣпи, не всѣ составлявшіе нашу цѣпь, а онъ одинъ почувствовалъ табакъ.

5. Многіе между моими паціентами говорили о свѣтѣ, который они видѣли истекающимъ изъ моихъ пальцевъ. Описаніе этого явленія различествовало, смотря по субъектамъ. Его видѣли не менѣе восьми лицъ въ періодъ нѣсколькихъ недѣль, нѣкоторые изъ нихъ въ магнитическомъ, а другіе и въ нормальномъ состояніи. Мальчикъ, о которомъ я говорила, а также и мать десятинедѣльнаго ребенка—послѣдняя, не подвергавшаяся магнитизированію,—видѣли свѣтъ совершенно ясно. Мать видѣла свѣтящееся облако на ногѣ ребенка, пока я его магнитизировала. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ такой способности видѣнія (perception) относится къ одной дамѣ, занимающей довольно важное мѣсто въ одномъ изъ благотворительныхъ учрежденій. Дама эта, когда смотрѣла пристально на пальцы сильнаго магнитизера, видѣла струи свѣта изъ нихъ истекающія, а когда пальцы его направлялись внизъ къ стакану, наполненному водою, струи казались ей каждая отдѣльно какъ бы солнечнымъ лучомъ съ серебряною полоскою въ центрѣ. Струи опускались въ воду, постепенно наполняя ее собою, затѣмъ поднимались кверху, и стаканъ представлялся ей наполненнымъ чѣмъ-то въ родѣ тумана. Тогда, говорила она, вода начинала представляться ей какъ бы движущеюся, или кипящею, постепенно подымавшеюся кверху, на подобіе волнъ крошечнаго моря, и это было до тѣхъ поръ, пока волненье или кипѣнье достигало своего апогея. Затѣмъ наступало постепенное затишье, продолжавшееся ровно столько же минутъ, какъ и возроставшее кипѣніе. Конечно, не имѣвшіе этой способности видѣнія ничего подобнаго не видѣли. Между магнитизированными лицами иные видѣли въ водѣ движеніе частицъ, другимъ же вода казалась только свѣтлѣе и болѣе блестящей. Одна замагнитизированная дѣвочка, видѣвшая это, говорила, что микроскопическія насѣкомыя въ водѣ валятся какъ пораженныя электричествомъ; къ сожалѣнію, это не могло быть провѣрено, такъ какъ никто, кромѣ ея, не могъ различать такихъ крошечныхъ инфузорій. Отчетъ объ этомъ явленіи появился своевременно въ журналѣ „*The Zoist*", посвященномъ магнитическимъ изслѣдованіямъ; впослѣдствіи оно было подтверждено въ томъ же періодическомъ изданіи двумя уважаемыми пасторами, которые имѣли случай каждый отдѣльно повторить тотъ же самый опытъ.

Однажды я попробовала сдѣлать нѣсколько пассовъ надъ искривленной спинной костью одной маленькой дѣвочки и спросила ее: чувствуетъ ли она мои пассы? Она отвѣтила: „нѣтъ, я ничего не чувствую кромѣ теплоты, но мнѣ это непріятно, такъ какъ я боюсь молніи, а теперь я вижу надъ собою молнію". Свѣтящіяся явленія въ водѣ и свѣтлые лучи, исходящіе изъ рукъ, приведены мною въ доказательство вѣрности утвержденія, что флюидическій токъ или сила исходитъ изъ рукъ магнитизера и можетъ быть видима лицами *сенситивными,* или находящимися въ особенномъ состояніи, называемомъ магнитическимъ или сомнамбулическимъ.

6. А вотъ указаніе на тотъ особенный свѣтъ, который видѣлъ, во время своего магнитическаго состоянія, наполняющимъ и проникающимъ во всѣ предметы, знаменитый американскій ясновидецъ Андрю Джаксонъ Девисъ, въ первый разъ, когда онъ былъ замагнитизированъ докторомъ Ляйнсомъ.

Въ большей части случаевъ впадающіе въ магнитическій сонъ по пробужденіи забываютъ все ими видѣнное. Такъ было сперва и съ Девисомъ, но впослѣдствіи, при достиженіи имъ способности самобытнаго ясновидѣнія, т.-е. безъ воздѣйствія магнитизера, онъ, со всей отчетливостью, припомнилъ все имъ видѣнное и испытанное прежде въ безсознательномъ ясновидѣніи.

„Все бывшее въ нашей комнатѣ — описываетъ онъ—вмѣстѣ съ находившимися въ ней лицами, просіяло удивительнымъ свѣтомъ. Каждое человѣческое тѣло сверкало разнообразными, болѣе или менѣе блестящими, магнитическими цвѣтами. Фигура каждаго изъ присутствующихъ была окружена свѣтлою, исходившею изъ нея атмосферою. Этотъ лучистый свѣтъ простирался на руки и на все тѣло. Вокругъ ногтей были особые лучистые кружки, кругомъ волосъ—другого рода лучи, возлѣ ушей, такъ же какъ и вокругъ глазъ, свои лучистые круги. Голова освѣтилась во всемъ объемѣ. Ея лучистая атмосфера была шире, сравнительно съ такою же атмосферою прочихъ частей тѣла — и захватывала, у разныхъ лицъ, отъ 4-хъ вершковъ до такого же числа футовъ. Полная неожиданность этого зрѣлища поразила меня изумленіемъ, ошеломила меня. Я не могъ

постичь видѣннаго, чувствовалъ себя смущеннымъ, потеряннымъ и не былъ вполнѣ убѣжденъ, что все еще нахожусь на землѣ. Казалось, что вся земля, со всѣми ея обитателями, внезапно превратилась въ эдемъ. Я не находилъ словъ, чтобъ передать мои впечатлѣнія. Поэтому, я даже не пытался выразить свои чувства восклицаніемъ или рѣчью, а продолжалъ наблюдать съ чувствомъ несказанной радости и благоговѣнія. Черезъ нѣсколько минутъ, я могъ видѣть не только внѣшность находившихся въ комнатѣ лицъ, облеченныхъ свѣтящеюся атмосферою, но съ такою же легкостью разсмотрѣлъ ихъ внутренности и затѣмъ скрытые источники тѣхъ магнитическихъ свѣтлыхъ лучей. Въ моемъ обыкновенномъ или естественномъ состояніи, я никогда прежде не видалъ внутреннихъ человѣческихъ органовъ, но теперь, съ величайшею легкостью, могъ видѣть всѣ эти органы и ихъ отправленія: печень, селезенку, сердце, мозгъ... всѣ безъ исключенія. Все человѣческое тѣло сдѣлалось для меня прозрачно. какъ кусокъ стекла, оно было устроено съ рѣдкою, роскошною, одухотворенною красотою, и сверкало какъ бы огнями фейерверка. У каждаго органа былъ свой особый центръ свѣта, и, сверхъ того, каждый органъ былъ окруженъ еще общимъ для всего тѣла свѣтомъ. Я различалъ физическіе органы съ ихъ формою, видомъ и цвѣтомъ, наблюдая только своеобразные окружавшіе ихъ лучи. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ сердце, окруженное общею огнисто-радужною пеленою, среди которой разсѣяны были отдѣльныя свѣтящіяся точки. Система легкихъ также освѣщена была призматическими огнями различной величины и цвѣта; дыхательные пути походили на химическія лабораторіи. Отличавшее ихъ пламя производило мгновенныя измѣненія въ крови, протекавшей по близъ лежавшимъ сосудамъ, и большой симпатическій нервъ, корни котораго проходили черезъ нижнія внутренности и который крайними своими вѣтвями терялся въ высшихъ слояхъ мозга, походилъ на живой столбъ, трепетавшій нѣжнымъ серебристымъ огнемъ. И мозгъ также былъ освѣщенъ призматическимъ свѣтомъ. Каждый органъ большого мозга и мозжечка свѣтился свойственнымъ ему пламенемъ. Я легко могъ различить форму и величину органа по очертанію и блеску его лучей. Живо припоминаю, что это возбудило во мнѣ сильное удивленіе, но я былъ въ столь глубокомъ магнитическомъ трансѣ и былъ такъ бѣденъ словами, что не выказалъ даже удовольствія и не описывалъ ничего мною видѣннаго. Я замѣтилъ, что изъ нѣкоторыхъ частей мозжечка исходятъ сѣроватые, а изъ другихъ частей — болѣе темные, густые лучи того же цвѣта, въ многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ — отъ пламени яснаго до пламени темнаго, почти чернаго. Съ другой стороны, я замѣтилъ въ высшихъ слояхъ большого или верхняго мозга пламенѣющія струйки, похожія на игру брилліантовъ. Сначала я не понималъ причины этой изящной игры цвѣтовъ, но скоро удостовѣрился, что это были, такъ сказать, внѣшнія проявленія мыслей присутствующихъ лицъ, касательно странныхъ феноменовъ, проявлявшихся въ моемъ собственномъ состояніи. Я продолжалъ свои наблюденія. Верхніе органы большого мозга трепетали мягкимъ лучистымъ пламенемъ, но это пламя не походило на струи обыкновеннаго пламени. Поистинѣ, мозгъ походилъ на великолѣпную сіяющую корону, украшенную радужными огнями и сверкающими брилліантами. Мозгъ каждаго изъ посѣтителей былъ отличнымъ отъ всѣхъ другихъ — въ оттѣнкахъ, степеняхъ и сочетаніяхъ красокъ и пламени — но у всѣхъ казался прекраснымъ и величественнымъ! Изъ мозга — я видѣлъ — проходили по всему организму токи жизненнаго магнитическаго огня. Кости казались коричневыми или совершенно темными; мускулы издавали багровый свѣтъ; нервы—мягкое золотистое пламя; венозная кровь оттѣнялась темнымъ пурпуровымъ свѣтомъ, артеріальная имѣла черножелтыя, огнистыя пятна, напоминавшія мнѣ электрическія явленія на облачномъ небѣ. Словомъ, я видѣлъ каждую жилу, каждый нервъ, всѣ сосуды и фибры, освѣщенные магнитическими центрами живого пламени, обличавшими присутствіе духовной субстанціи.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что всѣ эти факты, указывающіе на важную роль свѣта въ явленіяхъ, какъ месмерическихъ, такъ и медіумическихъ, даютъ нѣкоторый ключъ къ уразумѣнію условія, требующаго удаленія нашего свѣта при тѣхъ и другихъ сеансахъ. Ибо и во время магнитизированія обыкновенно затемняютъ комнату, гдѣ оно происходитъ. Опираясь на эти факты, позволительно, какъ намъ кажется, выставить слѣдующую гипотезу: нашъ свѣтъ мѣшаетъ свѣту иного порядка, подобно тому, какъ свѣтъ солнечный мѣшаетъ свѣту огня. (См. „Ребусъ“ 1884 г., №№ 44—46).

В. Цѣлительныя способности духа.

Знахарство и цѣлительство. Сомнамбулы, исцѣляющіе больныхъ силою внушенія, примыкаютъ къ широкому разряду лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ знахарей и цѣлителей. Эти врачеватели лѣчатъ частью различными

снадобьями, частью заговорами, частью однимъ прикосновеніемъ. Разсказы объ успѣшныхъ исцѣленіяхъ, достигаемыхъ такими средствами, общеизвѣстны. Прежде въ успѣхахъ знахарей и цѣлителей видѣли простую случайность; въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія, что за исключеніемъ лѣченія снадобьями, которыя могутъ имѣть дѣйствительную силу — не забудемъ, что почти всѣ травы и коренья, употребляемые современной рецептурой, взяты по указанію народной медицины, всѣ остальные случаи должны быть объяснены на почвѣ ученій, примыкающихъ къ теоріи гипнотизма и внушеній. Сила заговоровъ лежитъ, очевидно, всецѣло на внушеніяхъ. Относительно исцѣленія прикосновеніемъ мнѣнія расходятся. На взглядъ представителей физіологической и психологической школъ слѣдуетъ искать объясненія во внушеніяхъ, на взглядъ флюидистовъ — въ животномъ магнитизмѣ. Вопросъ пока еще не можетъ считаться рѣшеннымъ.

Знахарство и цѣлительство такъ же старо, какъ человѣческій родъ, и его можно прослѣдить по всей исторіи, отъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Впрочемъ, оно до сихъ поръ не привлекало къ себѣ вниманія изслѣдователей, и потому свѣдѣнія о немъ вообще скудны. Въ былое время (какъ и теперь среди простонародья) на знахарей смотрѣли какъ на сообщниковъ діавола и жгли ихъ на кострахъ, притомъ по самымъ ничтожнымъ причинамъ. Напримѣръ, въ извѣстномъ Malleus Maleficarum Шпренгера, служившемъ общепринятымъ руководствомъ для всѣхъ іезуитовъ и палачей, начиная со второй половины XVI вѣка, указаны слѣдующіе четыре отличительныхъ признака исцѣленій при помощи діавола: 1) когда цѣлители догадываются о неизвѣстной имъ причинѣ болѣзни, 2) когда они лѣчатъ только отъ одной болѣзни или порчи, а не ото всѣхъ; 3) когда при лѣченіи дѣлаютъ оговорки, что при извѣстныхъ условіяхъ не могутъ вылѣчить; 4) когда обставляютъ лѣченіе суевѣрными церемоніями [1]). Поэтому отъ большинства знахарей не осталось даже имени. Зато исторія сохранила довольно обстоятельныя свѣдѣнія о цѣлителяхъ, въ которыхъ народная вѣра усматривала особый даръ Божій. Изъ такихъ цѣлителей первое мѣсто, несомнѣнно, занимаютъ Грэтрэксъ въ XVII в. и Гасснеръ въ XVIII в. [2]).

1. **Цѣлитель Грэтрэксъ.** По происхожденію ирландскій дворянинъ, посвятившій юность военной службѣ, онъ получилъ (по собственному разсказу) въ 1642 г. откровеніе, что обладаетъ даромъ лѣчить золотуху. Хотя его скромность отъ этого страдала, однако, повинуясь откровенію, онъ рѣшилъ притронуться къ нѣсколькимъ золотушнымъ и ихъ исцѣлилъ. Немного спустя, въ его провинціи разразилась эпидемическая лихорадка. Грэтрэксу снова было откровеніе, что онъ можетъ лѣчить и эту болѣзнь; онъ и на этотъ разъ попыталъ свои силы, и опять не безъ успѣха. Затѣмъ одно откровеніе быстро слѣдовало за другимъ. Въ апрѣлѣ 1665 г. внутренній голосъ ему возвѣстилъ, что онъ обладаетъ даромъ исцѣлять раны, нарывы, водянку, конвульсіи и пр. Успѣхи Грэтрэкса возбудили противъ него духовенство, которое воспретило ему лѣчить, однако уже поздно, такъ какъ слава о немъ распространилась по всему королевству. Во всѣхъ областяхъ, чрезъ которыя онъ проходилъ, магистраты городовъ и бурговъ выходили къ нему навстрѣчу, прося его прикасаться къ больнымъ въ ихъ домѣ. Прикосновеніе было единственнымъ способомъ его лѣченія.

„Наложеніемъ своей руки (свидѣтельствуетъ одинъ весьма почтенный очевидецъ, ученый епископъ Жоржъ Рэстъ) онъ удалялъ боль, прогоняя ее въ конечности. Дѣйствіе было иногда очень быстро, и я видѣлъ, какъ нѣкоторыя лица были исцѣлены словно волшебствомъ... Эти исцѣленія не давали мнѣ повода думать, чтобы въ нихъ было что-нибудь сверхъестественное. Не думалъ этого и онъ, и его способъ исцѣлять доказываетъ, что здѣсь не было ни чуда, ни божественнаго дѣйствія. По видимому, изъ его тѣла исходило болеутолительное и цѣлебное вліяніе. Многія болѣзни уступали только повторительнымъ прикосновеніямъ, нѣкоторыя и вовсе не поддавались его стараніямъ. Грэтрэксъ думаетъ, что способность, которою онъ обладаетъ, есть даръ Божій. Онъ иногда самъ удивляется своей силѣ и доходитъ даже до того, что сомнѣвается, не иллюзія ли все это. Однако въ убѣжденіи, что Богъ явилъ къ нему особую милость, онъ всецѣло себя посвятилъ облегченію больныхъ.

То же самое засвидѣтельствовано и двумя знаменитыми въ то время врачами, Фэрклоу и Эстеліемъ. „Я видѣлъ (говоритъ, между прочимъ, послѣдній) одного ребенка, настолько покрытаго золотушными опухолями, что онъ не могъ сдѣлать никакого движенія: Грэтрэксъ устранилъ большую часть этихъ опухолей простымъ наложеніемъ руки; наиболѣе значительныя онъ открылъ ланцетомъ и исцѣлилъ раны прикосновеніемъ, иногда обмачивая ихъ своей слюной“.

---

[1]) По франкфуртскому изданію 1580 г., pp. 616—617.

[2]) Дальнѣйшее по Figuier, Histoire du Merveilleux, v. 3, 3 éd., 1881, pp. 128—144, гдѣ приведены и источники.

Всѣ свидѣтели сходятся въ признаніи кротости, смиренія, человѣколюбія и совершеннаго безкорыстія Грэтрэкса.

2. **Цѣлитель Гасснеръ.** Если Грэтрэксъ старался сооообщать больнымъ даръ Бога, то Гасснеръ (католическій священникъ въ Клэстерли, 1727—1799) поставилъ себѣ задачей изгонять изъ нихъ бѣса. Первый опытъ онъ произвелъ на себѣ самомъ. Онъ былъ долгое время боленъ, и ему не могли помочь никакіе врачи и никакія лѣкарства. Поэтому ему пришло на мысль, что причина его упорной болѣзни должна быть сверхъестественная и что имъ овладѣлъ бѣсъ. На всякій случай онъ приказалъ именемъ Іисуса бѣсу выйти изъ его тѣла, и бѣсъ вышелъ. Послѣ этого Гасснеръ исцѣлился столь совершенно, что, по его увѣренію, не нуждался въ теченіе шестнадцати лѣтъ ни въ какомъ средствѣ, ни духовномъ, ни тѣлесномъ.

Этотъ успѣхъ привелъ его въ раздумье: исцѣленіе всѣхъ вообще болѣзней не есть ли слѣдствіе изгнанія бѣсовъ? Ни ученые богословы, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ, ни толстыя книги, въ которыхъ онъ по этому вопросу рылся, не были, по видимому, противъ этого мнѣнія. Поэтому онъ остался при убѣжденіи, что большая часть болѣзней порождаются и поддерживаются злымъ духомъ.

Опыты Гасснера надъ больными его прихода были настолько успѣшны, что слава о немъ быстро промчалась по всей Швабіи, Швейцаріи и Тиролю. Его призывали со всѣхъ сторонъ, и онъ долженъ былъ оставить свой маленькій приходъ въ Клэстерли, гдѣ ежегодно принималъ отъ 400 до 500 больныхъ. Онъ переходилъ съ одного мѣста на другое, повсюду исцѣляя больныхъ, и, наконецъ, поселился въ Регенсбургѣ, подъ покровительствомъ епископа этого города. Здѣсь скопленіе больныхъ было настолько велико, что, говорятъ, одно время около 10.000 больныхъ расположилось въ палаткахъ вокругъ Регенсбурга.

Въ тѣ времена раздѣленіе болѣзней на естественныя и бѣсовскія навожденія было ходячимъ, и Гасснеръ, изгоняя бѣсовъ, остался лишь вѣрнымъ обычаю, широко распространенному въ средніе вѣка и въ его время еще не совсѣмъ позабытому.

Чтобы рѣшить, къ какому разряду принадлежитъ болѣзнь, Гасснеръ прибѣгалъ къ предварительному заклинанію (*exorcismus probatorius*), которое должно было открыть бѣсовское присутствіе, если оно было. Однако, вслѣдствіе лукавства злого духа, испытаніе иногда оставалось сомнительнымъ. Тогда со всею силою одушевлявшей его вѣры Гасснеръ приказывалъ бѣсу обнаружить болѣзнь самыми жестокими припадками. Онъ заставлялъ его производить у субъекта *пляшущіе*, *скачущіе* и *плачущіе* кризисы, длившіеся до тѣхъ поръ, пока заклинатель не выгонялъ бѣса.

Послѣ этихъ предварительныхъ опытовъ, Гасснеръ приступалъ къ настоящему заклинанію, т.-е. къ окончательному изгнанію бѣса, производившаго болѣзнь. Заклинаніе не всегда удавалось съ перваго раза, иногда нужно было нѣсколько часовъ и даже дней.

Тріумфомъ Гасснера считается исцѣленіе 19-лѣтней Эмиліи, дочери придворнаго офицера одного германскаго князя. Эта больная одно время страдала жестокими истерическими конвульсіями, повторявшимися нѣсколько разъ въ день и иногда длившимися по нѣскольку часовъ. Ее вылѣчилъ одинъ страсбургскій врачъ, но Гасснеръ ее увѣрилъ, что бѣсъ въ ней только притворяется, и доказалъ это на предварительномъ испытаніи. Окончательное заклинаніе, по желанію Гасснера, происходило публично, въ присутствіи двадцати избранныхъ лицъ, удостовѣрившихъ своею подписью то, что мы сейчасъ услышимъ. Среди свидѣтелей былъ придворный хирургъ и профессоръ математики Вюрцбургскаго университета.

Гасснеръ началъ съ увѣщанія, чтобы Эмилія положилась на Іисуса Христа, Котораго могущество преодолѣетъ силу діавола и будетъ единственной причиной ея будущаго выздоровленія. Затѣмъ онъ ее посадилъ на стулъ и обратился къ ней съ слѣдующими заклинаніями[1]), изъ которыхъ мы передаемъ только главнѣйшія:

Praecipio tibi, in nomine Jesu, ut minister Christi et Ecclesiae, veniat agitatio brachiorum, quam antecedenter habuisti (т. е. приказываю тебѣ, во имя Іисуса, какъ служитель Христа и церкви, да явится трясеніе рукъ, какъ это было ранѣе); у Эмиліи затряслись руки.

Cesset paroxystmus (т. е. пусть пройдетъ припадокъ); вдругъ она поднялась съ мѣста и казалась веселой и здоровой.

Paroxystmus veniat iterum vehementius, ut ante fuit, et quidem per totum corpus (т. е. припадокъ пусть сдѣлается снова сильнѣе, какъ былъ прежде, и даже (распространится) по всему тѣлу); припадокъ начался снова. Хирургъ освидѣтельствовалъ пульсъ Эмиліи и нашелъ его ускореннымъ и перемежающимся. Ноги поднялись выше стола: руки и пальцы окоченѣли; всѣ ихъ мускулы и сухожилія натянулись, такъ что

[1]) Заклинанія производились на латинскомъ языкѣ, и доселѣ употребляемомъ въ богослуженіи римско-католической церкви. Мы перевели ихъ возможно ближе къ подлиннику. *Г. Д—ко.*

двое сильныхъ мужчинъ оказались неспособными согнуть руки, и увѣряли, что легче ихъ сломать, чѣмъ согнуть. Глаза были открыты, но закачены, и голова казалась такой тяжелой, что ее нельзя было сдвинуть, не сдвинувъ всего тѣла. Заклинатель продолжалъ:

Cesset paroxysmus in momento (да прекратится припадокъ въ мгновеніе); Эмилія тотчасъ же снова стала здоровой и веселой.

Paroxysmus sit in ore, in oculis, in fronte (т. е. пусть конвульсіи будутъ на устахъ, на глазахъ, на лбу); она упала навзничь, конвульсіи исказили губы, движенія ея глазъ внушали страхъ. *Cesset* снова привело ее въ прежнее положеніе.

Paroxysmus afficiat nares (пусть судороги поразятъ ноздри); носъ вздернулся, ноздри раздулись, ротъ скривился и остался нѣкоторое время въ этомъ положеніи.

Sit quasi mortua (да будетъ какъ мертвая); лицо сдѣлалось мертвенно блѣднымъ, ротъ страшно раскрылся, носъ вытянулся, закаченные глаза смотрѣли, но ничего не видѣли; послышалось хрипѣніе; голова и шея словно пристали къ стулу, на которомъ сидѣла Эмилія, такъ что самые сильные мужчины не могли сдвинуть ихъ; пульсъ былъ такъ слабъ, что хирургъ его едва ощущалъ.

Modo iterum ad se redeat, ad statum suum (снова пусть придетъ въ себя, въ свое обыкновенное положеніе), тотчасъ же чувства къ ней возвратились, и она стала улыбаться.

Pulsus adsit ordinarius, sit modo lenis, sit intermittens (т. е. пусть будетъ пульсъ обыкновеннымъ, слабымъ, перемежающимся); и пульсъ подвергся всѣмъ этимъ измѣненіямъ.

Затѣмъ Гасснеръ вызвалъ апоплексію языка и всей лѣвой стороны, потомъ всего тѣла и т. д. Всѣ эти припадки устранялись по слову *cesset*.

Послѣ этихъ испытаній Гасснеръ приступилъ къ исцѣляющему заклинанію. Онъ далъ Эмиліи нѣсколько наставленій, какъ ей на будущее время исцѣлять себя, такъ какъ онъ обладалъ способностью сообщать этотъ даръ больнымъ. Чтобы закончить лѣченіе, онъ спросилъ больную, не можетъ ли она пожаловаться еще на какую-нибудь болѣзнь. Эмилія отвѣчала, что ее одно время мучилъ кашель. Заклинатель вызвалъ кашель, затѣмъ снова его устранилъ. Для окончательнаго его изгнанія, онъ повторилъ исцѣляющее заклинаніе. Наконецъ, онъ оставилъ больную, заявивъ всѣмъ присутствующимъ, что все, что произошло, исполнилось исключительно по могуществу Божію и служитъ для подтвержденія евангельской истины.

Подвигамъ Гасснера положилъ предѣлъ императоръ Іосифъ II, „врагъ всякихъ бѣсовскихъ исцѣленій и менѣе суевѣрный, чѣмъ любой энциклопедистъ", заставивъ его удалиться въ одну обитель близъ Регенсбурга.

„Нѣтъ нужды (говоритъ Фигье) настаивать на томъ, что въ этихъ заклинаніяхъ Гасснера не было ничего, кромѣ магнитическихъ манипуляцій".

Вѣрнѣе было бы сказать, что эти заклинанія могутъ служить очень хорошимъ примѣромъ покорности истеричныхъ внушеніямъ, притомъ наяву [1]).

На почвѣ магнитическихъ теорій объяснялъ пріемы Гасснера и высшій тогдашній авторитетъ по этому вопросу, Месмеръ, отозвавшійся о знаменитомъ цѣлителѣ, что тотъ „производилъ дѣйствительные факты, но не зналъ ихъ причины". Эту причину Месмеръ, ничего въ свою очередь не знавшій о внушеніяхъ, видѣлъ въ животномъ магнитизмѣ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что всякаго рода знахарей и цѣлителей можно встрѣтить и въ наши дни, и при томъ не только въ странахъ мало просвѣщенныхъ, но и въ самыхъ передовыхъ по борьбѣ съ суевѣріемъ.

Во Франціи еще недавно производилъ удивительныя исцѣленія простой солдатъ изъ зуавовъ Яковъ, о которомъ разсказывали чудеса.

„Непризнанными цѣлителями (говоритъ Кюллеръ) [2]) кишитъ вся Франція. Ихъ считаютъ союзниками діавола, и довѣріе къ нимъ существуетъ не въ однихъ только невѣжественныхъ или сельскихъ классахъ. Крестьяне питаютъ безусловную вѣру въ могущество этихъ чудотворцевъ низкой пробы, образующихъ своего рода династіи, передающія полномочія отъ отца къ сыну". (См. у проф. А. Гилярова: „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко", Кіевъ 1894 г., 308—314, откуда въ сокращеніи мы извлекли сообщенные здѣсь факты).

3. **Бернадетта Лурдская**. Въ новѣйшее время чудеса въ католическомъ мірѣ связываются съ именемъ Бернадетты лурдской [3]) (1844—1878). Ей въ 1858 году было видѣніе въ пещерѣ близъ Лурда, тамъ затѣмъ открылся источникъ, который признали чудодѣйственнымъ, начались исцѣленія, продолжающіяся и доселѣ, теперь туда ежегодно

---

[1]) Но этими объясненіями отнюдь не исключаются дѣйствительные случаи одержанія демонами. Исцѣленія бѣсноватыхъ І. Христомъ внѣ всякаго перетолкованія утверждаютъ ту истину, что одержаніе человѣка демонами возможно и дѣйствительно бываетъ. Нерѣдки и въ настоящее время безусловно удостовѣренные случаи такого одержанія. Ихъ никакъ нельзя смѣшать съ истеріей, эпилепсіей и т. п. нервными припадками, несмотря на нѣкоторое внѣшнее сходство этихъ страданій. *(Свящ. Г. Д—ко).*

[2]) Magnétisme, p. 33.

[3]) Подробности о Бернадеттѣ см. въ статьѣ «Религіозный дальтонизмъ въ изящной литературѣ». «Богослов. Вѣстн». 1894. № 12. См. также ром. Э. Золя: «Лурдъ».

паломничаютъ отъ 200 до 300 тысячъ человѣкъ, и изъ больныхъ, говорятъ, исцѣляются до 10%.

4. **Американскій цѣлитель Шлаттеръ.** Нѣсколько времени тому назадъ, въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ появились статьи, сообщающія, что по ту сторону океана (въ Америкѣ) появился пророкъ и чудотворецъ Шлаттеръ, совершающій исцѣленія совершенно будто бы подобныя тѣмъ, о которыхъ намъ повѣствуетъ евангеліе, и хотя оказалось, что чудотворецъ исчезъ ранѣе, чѣмъ о немъ заговорили, о немъ продолжаютъ — правда, уже не такъ горячо и много — говорить и спорить и теперь. Свѣтскіе люди заинтересовались страннымъ чудотворцемъ и отъ богослововъ начали требовать, чтобы они высказали о немъ свое мнѣніе. Настоящая статья и представляетъ собою удовлетвореніе этого требованія.

Двѣ большія русскія газеты посвятили двѣ большія статьи американскому пророку. Прежде всего о немъ заговорило „Новое Время". Парижскій корреспондентъ газеты помѣстилъ въ ней статью „Американскій пророкъ" [1]), представляющую сокращеніе статьи Фино въ „Revue des Revues"—„Шлаттеръ — человѣкъ чудесъ". Вотъ что Фино, а затѣмъ г. Носиловъ разсказываютъ намъ объ этомъ человѣкѣ. Шлаттеръ родился въ Эльзасѣ въ 1855 г., когда Эльзасъ принадлежалъ еще французамъ. Переселясь въ Америку, онъ занимался разными ремеслами до тѣхъ поръ, пока, проснувшись однажды утромъ, не почувствовалъ себя святымъ человѣкомъ. Босой, съ открытой головой, въ странной одеждѣ, съ распущенными длинными волосами, съ восторженнымъ видомъ онъ пошелъ тогда въ пустыни Америки, проповѣдуя любовь къ Богу и миръ душамъ. Онъ говорилъ про себя, что онъ простой посланникъ неба. Его посадили въ тюрьму. Арестанты сначала глумились надъ его проповѣдью, но видя, что онъ продолжаетъ молиться и въ тюрьмѣ, какъ онъ это дѣлалъ повсюду на своемъ пути, видя, что онъ исцѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, они пришли въ недоумѣніе. Онъ былъ освобожденъ. Тогда онъ направился прямо въ пустыни Техаса. Его странный костюмъ, длинные волосы, босыя ноги во всякое время года, обнаженная голова, постоянная молитва на устахъ, сіяющее лицо необыкновенно привлекали къ нему народныя толпы.

Дополнительныя свѣдѣнія къ сообщеннымъ въ „Новомъ Времени" находимъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" [2]). Редакція послѣдней газеты, однако, оговаривается, что печатаемое ею письмо получено еще въ ноябрѣ, но что сообщившій его въ редакцію не желалъ воспользоваться имъ для печати ранѣе, чѣмъ въ Россіи заговорятъ объ американскомъ цѣлителѣ. Статья въ „Новомъ Времени" дала ему на это право. Относительно исчезновенія Шлаттера, говоритъ авторъ письма изъ Америки, многіе думаютъ, что онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ, но многіе — большинство — у насъ думаютъ, что онъ еще появится. Вы напрасно называете, продолжаетъ авторъ, Шлаттера пророкомъ. Онъ никогда ни о чемъ не пророчествовалъ и ничему не поучалъ; онъ вообще говорилъ очень мало, больше довольствуясь отвѣтами на предлагаемые ему вопросы. Называйте его цѣлителемъ, это будетъ вѣрно. Исцѣлялъ онъ на глазахъ у тысячъ народа тысячи больныхъ. И не только просто больныхъ временными недугами, но страдавшихъ хроническими, многолѣтними болѣзнями и уродствами: глухихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, горбатыхъ. Онъ исцѣлялъ, не спрашивая ни о лицахъ, ни о болѣзняхъ, онъ бралъ за руку или клалъ руку на голову приходившихъ и молился; если больной былъ далеко, онъ молился надъ какою-либо вещью: надъ перчаткой его, надъ платкомъ и, возвращая ихъ, возвращалъ вмѣстѣ съ ними и здоровье. Онъ исцѣлялъ всѣхъ и вездѣ. На вопросъ — кто онъ и какою силою творитъ чудесныя исцѣленія, онъ отвѣчалъ: „Францискъ Шлаттеръ, родомъ изъ Эльзаса; но во мнѣ духъ Божій,—онъ исцѣляетъ и творитъ чудеса. Ваша вѣра и моя вѣра творятъ ихъ, а не я! Всѣ мы — дѣти одного Отца!" послѣднія слова его любимое выраженіе. — „Какъ вы это дѣлаете"? спросилъ Шлаттера человѣкъ, котораго онъ взялъ за руку, и который почувствовалъ, что по всѣмъ членамъ его струится тепло, будто токи электричества пробѣгаютъ по тѣлу. — „Что? — съ всегдашней невозмутимой кротостью спросилъ Шлаттеръ,—я только молюсь и вѣрю, твердо зная, что исцѣленіе придетъ. Впрочемъ, тутъ нѣтъ моей силы. Когда Отецъ даетъ ее мнѣ, я ее имѣю; когда не даетъ, я не буду ее имѣть. Господь—податель всяческихъ, все зависитъ отъ Его даяній". (См. брош. проф. М. Д. Академіи, С. Глаголева: „Больной цѣлитель", изд. 1896 г.).

Взглядъ на цѣлителей съ точки зрѣнія христіанскаго ученія. Въ виду всего вышеизложеннаго нѣтъ возможности отрицать факты мгновеннаго или скораго исцѣленія отъ трудно излѣчимыхъ или совсѣмъ неизлѣчимыхъ болѣзней, причемъ единственными исцѣляющими средствами являются прикосновеніе или слово. Разумный анализъ этихъ фактовъ, намъ кажется, долженъ при-

[1]) «Новое Время» 27-го февраля (10 марта) 1896 г. № 7183.

[2]) Письмо изъ Америки о Шлаттерѣ. 1896 г. № 83, 27 марта.

вести къ такимъ выводамъ: 1) что многіе изъ нихъ не могутъ быть признаны чудесами; 2) что они не даютъ основаній для отрицанія чудесъ вообще.

Усвоивъ издавна нѣкоторымъ событіямъ названіе чудесъ, люди хотѣли этимъ показать, что эти событія чудны, необычны, неестественны. Естественныя событія суть тѣ, которыя являются необходимымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ имъ условій. Мы можемъ не знать, какъ извѣстный фактъ связывается съ произведшими его причинами, и даже каковы эти причины, но мы твердо убѣждены, что таковыя причины существуютъ, и потому называемъ фактъ естественнымъ. Мы смутно догадываемся о причинахъ града или зодіакальнаго свѣта, но мы нисколько не сомнѣваемся, что эти причины могутъ быть найдены. Необъясненныя явленія мы не называемъ чудесами, мы только ждемъ ихъ объясненія. Но кромѣ явленій необъясненныхъ мы допускаемъ еще существованіе явленій необъяснимыхъ, такихъ, которыя нельзя представить, какъ необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ условій; этотъ кругъ явленій носитъ имя чудесъ. Допущеніе ихъ возможности опирается на вѣру въ существованіе Творца и на вѣру въ существованіе свободы у созданныхъ тварей. Въ всемогущемъ Творцѣ мы видимъ достаточную причину для произведенія чудесъ, въ свободѣ конечныхъ тварей— побужденіе для ихъ совершенія. Конечно-разумныя существа въ своемъ выборѣ склоняются и направо и налѣво, т.-е. на сторону добра и на сторону зла, и разъ они допускаютъ зло, они оказываются не въ силахъ уничтожить его собственными средствами. Зло, разъ явившись, разрастается само собою, какъ само собою разрастается пламя пожара, какъ разрастается дурная трава и какъ сами собою усиливаются эпидеміи. Наблюдая и на своемъ собственномъ сердцѣ, и на общественныхъ отношеніяхъ, и на цѣлой природѣ, какъ умножается и растетъ зло, человѣчество издавна вѣрило, что это зло, несмотря на свою способность къ саморазвитію и саморазмноженію, безсильно въ борьбѣ съ Божественнымъ Промысломъ. Однимъ изъ чрезвычайныхъ орудій этого Промысла человѣчество всегда считало чудеса, которыя ослабляютъ и уничтожаютъ зло, утверждаютъ добро и ведутъ людей къ добру. Съ своей внѣшней стороны чудеса крайне различны. Одни изъ нихъ крайне поражаютъ, представляя собою осуществленіе словъ чудотворца безъ всякаго участія посредствующихъ причинъ. Таковы чудеса Господа Іисуса Христа (сотвореніе бренія при исцѣленіи слѣпорожденнаго, понятно, имѣло символическое, а не терапевтическое значеніе. Іоан. IX, 6—7). Въ другихъ чудесахъ какъ бы участвуетъ естественный элементъ. Таково дѣйствіе вѣтра при осушеніи Чермнаго моря (Исх. XIV, 21). Вслѣдствіе этого взору человѣка одни чудеса представляются, такъ сказать, болѣе чудесными, другія менѣе чудесными, а нѣкоторыя по своему внѣшнему виду таковы, что человѣкъ не видитъ различія между ними и естественными явленіями и готовъ ихъ отнести къ разряду послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ плохо знаетъ природу вещей и далеко не можетъ опредѣлить, гдѣ лежитъ граница, отдѣляющая необъясненное отъ необъяснимаго. Вслѣдствіе этого не рѣдко фокусъ принимался за чудо, и чудо объявлялось фокусомъ. Нѣкоторые могутъ задуматься надъ вопросомъ о томъ, почему Провидѣніе оставляетъ людей какъ бы въ безпомощномъ состояніи, предоставляя имъ собственными силами рѣшать— чудеса ли дѣла, совершаемыя тѣми или иными лицами, или нѣтъ. Отвѣтъ на это данъ девятнадцать вѣковъ тому назадъ человѣчеству. Онъ данъ въ словахъ св. Павла: „если бы мы, или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема“ (Галат. I, 8). Важно не то, что совершаетъ Шлаттеръ, а чему онъ учитъ, и какія бы великія чудеса и знаменія онъ ни совершилъ, но если онъ объявилъ, что онъ — Христосъ, то не за нимъ нужно слѣдовать, а его нужно вести въ больницу. Ненадежна и нецѣнна та вѣра, которая возникаетъ вслѣдствіе того, что поражено воображеніе, но цѣнна только та вѣра, которая возникаетъ въ начавшемъ очищаться сердцѣ человѣка. Господь Іисусъ Христосъ отказывалъ въ знаменіи просившимъ знаменія. Чудеса не дѣйствуютъ на ожесточенныя сердца: фараонъ былъ раздраженъ и озлобленъ чудесами Моисея (Исх. VII—XIV), но не убѣжденъ ими; Ахазъ отказался принять знаменіе, которое ему предлагалъ пророкъ (Исаіи VII); о евреяхъ позднѣйшаго времени Авраамъ въ притчѣ Господа засвидѣтельствовалъ: „если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то, если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ“ (Лук. XVI, 31). Насколько неустойчиво и скоропреходяще впечатлѣніе производимое на народъ чудесами, мы можемъ видѣть изъ исторіи св. ап. Павла. Павлу и Варнавѣ, исцѣлившимъ хромаго въ Листрѣ, жители хотѣли принести жертву, какъ богамъ. Тѣ убѣдили ихъ не дѣлать этого. И немного погодя, мы видимъ, тѣ же жители „побили Павла камнями и вытащили за городъ, почитая его умершимъ“ (Дѣян. XIV, 8—19). Если чудеса не обращаютъ сердца ожесточенныя, то, наоборотъ, сердца, начавшія

смягчаться, ищутъ евангельской правды, а не чудесъ. Успѣхъ проповѣди св. ап. Павла зависѣлъ не отъ чудесъ, но отъ того, что въ его проповѣди открывались явленія духа и силы (1 Коринѳ. II, 4; ср. 2 Коринѳ. XII, 9). Сверхъестественныя дѣла являются, такъ сказать, естественнымъ признакомъ святости (Марк. XVI. 17—18), они открываютъ, что ходъ міровой жизни можетъ итти и не по тому пути, по которому идетъ нынѣ, и можетъ управляться болѣе совершенными законами, чѣмъ тѣ, которыми управляется теперь. Они утверждаютъ вѣрующихъ въ надеждѣ, что нѣкогда явится новое небо и новая земля (2 Петр. III, 13) и произойдетъ совершенное торжество правды.

Но писаніе строго заповѣдуетъ намъ, чтобы мы остерегались довѣрять внѣшней поразительности событія, и чтобы мы не спѣшили усвоивать признакъ посланничества съ неба тѣмъ, кто производитъ эти событія. Іанній и Іамврій превратили свои жезлы въ змѣй, и однако они не были посланниками Божіими (Исх. VII, 11—12 и 2 Тимоѳ. III, 8). На предыдущихъ страницахъ мы указали на нѣсколько лицъ, о которыхъ засвидѣтельствовано, что они обладали способностью исцѣленій, многіе однако,—даже и въ давно прошедшее время—усматривали въ ихъ дѣлахъ не чудеса, а результатъ особаго полученнаго ими дара или — точнѣе, присущей имъ способности. Современная наука, если еще и не выяснила свойствъ этой способности и причинъ исцѣленій, то во всякомъ случаѣ установила ихъ естественный характеръ и нашла правильный методъ для ихъ изслѣдованія. Современная наука съ несомнѣнностію установила два положенія 1) что духъ можетъ имѣть *очень сильное* вліяніе на тѣло; 2) что духъ одного человѣка можетъ *непосредственно* и *сильно* вліять на духъ другого человѣка. Разъяснимъ эти положенія. Мы знаемъ, что духъ вліяетъ на тѣло. Я рѣшаю поднять палецъ на правой рукѣ и поднимаю его. Я не знаю, *какъ* это дѣлается, но я знаю, что это дѣлается по *моей* волѣ. Въ обычныхъ случаяхъ сфера вліянія духа на тѣло имѣетъ довольно опредѣленныя и далеко неширокія границы. Только сокращеніе и расширеніе поперечно-полосатыхъ мускуловъ зависитъ отъ воли человѣка, гладкіе мускулы (arrectores pili) не подчиняются нашей волѣ, отправленія желудка, усвоеніе питательныхъ веществъ, кровообращеніе, все это происходитъ въ насъ, но независимо отъ насъ. У насъ есть мышцы (ушныя, на лбу), которыя не подчиняются нашей волѣ, но у животныхъ находятся въ ихъ свободномъ распоряженіи. При болѣзняхъ сфера вліянія духа на тѣло еще болѣе ограничивается: отмороженный палецъ не дѣйствуетъ, пораженная параличемъ сторона тѣла остается неподвижной. Всѣ болѣзненныя новообразованія (нарывы, опухоли) находятся совершенно внѣ нашей власти. Точно также человѣкъ не можетъ противодѣйствовать волею разрушенію тканей и органовъ, происходящему въ его организмѣ. Все это въ обычныхъ случаяхъ. Но α) сфера и сила вліянія духа на тѣло можетъ быть значительно увеличена упражненіемъ; β) у нѣкоторыхъ лицъ она постоянно далеко переходитъ обычные предѣлы, а у нѣкоторыхъ она переходитъ эти предѣлы при какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ. Воля человѣка тогда оказывается въ состояніи и возбуждать и прекращать нѣкоторые значительные болѣзненные процессы въ тѣлѣ и управлять въ организмѣ тѣмъ, что обычно ей не подчинено. Во имя какихъ-либо основаній паралитикъ приходитъ къ убѣжденію, что онъ можетъ своей больною рукою дѣйствовать такъ же, какъ здоровою, и онъ начинаетъ дѣйствовать ею, сила его убѣжденной воли двигаетъ его рукою точно такъ же, какъ сила той же воли поднимаетъ мой палецъ. Различіе здѣсь въ размѣрахъ вліянія воли, но не въ сущности дѣла. Мы не знаемъ истинныхъ границъ вліянія духа на тѣло, но современная медицина хорошо знаетъ, что обычныя границы могутъ быть далеко переступаемы.

Другой основной фактъ, который долженъ быть положенъ въ основу сужденій объ исцѣленіяхъ прикосновеніемъ и словомъ, состоитъ въ томъ, что духъ одного человѣка можетъ непосредственно вліять на духъ другого: свою настроенность и убѣжденность человѣкъ можетъ передавать другому безъ словъ или посредствомъ словъ, самихъ въ себѣ не заключающихъ никакой силы. Всѣ мы читали про отгадывателей мыслей, не всѣ изъ этихъ отгадывателей шарлатаны. Ихъ тонкая организація отпечатлѣваетъ на себѣ наше душевное состояніе точно такъ же, какъ на фотографической пластинкѣ отпечатываются черты нашего лица, и они говорятъ намъ то, что мы думаемъ. Не всякій человѣкъ въ одинаковой мѣрѣ способенъ вліять силою своего духа на духъ другого, одни въ этомъ отношеніи являются очень могущественными, другіе, напротивъ, совершенно безсильными, точно также духъ не всякаго человѣка способенъ къ воспріимчивости или порабощенію, особенно способны подчиняться люди больные, страдающіе истеріей. На этихъ началахъ утверждаются современная гипнотерапія, лѣченіе внушеніемъ и гипнотизмомъ. Паралитика убѣждаютъ, что онъ здоровъ, и это убѣжденіе возвращаетъ ему здоровье. Во мно-

гихъ случаяхъ, гдѣ корень болѣзни кроется въ нервахъ, гипнотизмъ и внушеніе съ успѣхомъ могутъ приходить на помощь.

Кромѣ взаимодѣйствія души и тѣла и вліянія духа одного человѣка на духъ другого должно признать еще вліяніе духа одного человѣка на тѣло другого. Основаніемъ для этого признанія являются исцѣленія дѣтей (напримѣръ, вышеприведенныя исцѣленія: Грэтрэкса, Шлаттера по сообщенію корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей"); дѣти не могутъ себѣ сознательно усвоить убѣжденіе, что ихъ болѣзнь исцѣлится, но, принимая во вниманіе, что человѣкъ живетъ не только сознательною, но и безсознательною духовною жизнью, можно допустить, что и въ такихъ случаяхъ внушеніе цѣлителя усвояется безсознательно духомъ ребенка, и духъ его безсознательно исцѣляетъ тѣло. Подобнымъ же образомъ можно объяснять исцѣленія въ тѣхъ случаяхъ, когда существуютъ серьёзныя сомнѣнія въ томъ, чтобы исцѣляемый раздѣлялъ убѣжденія и довѣрялъ исцѣляющему (подобное, намъ кажется, имѣло мѣсто при исцѣленіи въ Москвѣ отъ сикоза г-на Д.)[1]).

Какъ объяснить тѣ основные факты, изъ которыхъ всѣ эти явленія выводятся, какъ неизбѣжныя слѣдствія? Не скоро, конечно, эта темная область озарится яркимъ свѣтомъ. Но изъ того, что она темна и необъяснена, не слѣдуетъ, что она и необъяснима. Психофизіологическія изслѣдованія и нѣкоторыя аналогіи въ мірѣ физическомъ уже въ настоящее время даютъ намъ нѣкоторый матеріалъ для таковыхъ объясненій. Въ настоящее время нѣкоторыми мыслителями по вопросу о взаимоотношеніи души и тѣла развивается ученіе, представляющее собою крайность противоположную матеріалистической теоріи шестидесятыхъ годовъ. Тогда говорили: душа есть функція тѣла, она относится къ тѣлу, какъ гармонія къ лирѣ, разламывается лира, исчезаетъ и гармонія; какъ печень производитъ желчь, и мочу выдѣляютъ почки, такъ и мозгъ выдѣляетъ мысль, безъ фосфора нѣтъ мысли. Теперь говорятъ: тѣло есть функція души, оно создается разумомъ, какъ паутина паукомъ. По этой теоріи тѣло есть внѣшнее выраженіе внутренней духовной жизни, послѣдняя отражается въ немъ, какъ въ зеркалѣ отражается находящійся передъ нимъ образъ, тѣло говоритъ о жизни души точно такъ же, какъ ртуть въ термометрѣ говоритъ о температурѣ окружающей среды. Значитъ, перестаетъ болѣть духъ, перестаетъ болѣть и тѣло, сила воли лѣпитъ изъ тѣла все, что ей угодно, какъ рука скульптора лѣпитъ все, что ей угодно, изъ глины. Эта теорія представляетъ собою крайній спиритуализмъ. Между крайнимъ спиритуализмомъ и матеріализмомъ находится теорія, имѣющая для себя несомнѣнную фактическую основу, полнаго параллелизма душевныхъ и тѣлесныхъ явленій. По этой теоріи каждому состоянію духа соотвѣтствуетъ опредѣленное состояніе тѣла, и наоборотъ, каждое измѣненіе въ душѣ влечетъ за собою измѣненіе въ состояніи тѣла, и измѣненіе въ состояніи тѣла влечетъ за собою измѣненіе въ душѣ. Все, происходящее въ тѣлѣ, доводится до свѣдѣнія души, и на каждый атомъ тѣла душа можетъ имѣть вліяніе. Душа можетъ не сознавать впечатлѣній, получаемыхъ отъ тѣла, и безсознательно вліяетъ на тѣло, какъ по только что изложенной теоріи она безсознательно создаетъ тѣло. Въ XVII столѣтіи это незнаніе душою того, какъ она дѣйствуетъ на тѣло, подало поводъ къ развитію ученія, отрицающаго связь души съ тѣломъ, ибо „quod nescis, quomodo facias, non facis" (т. е. про что не знаешь, какъ дѣлается, того не дѣлаешь). Но и матеріальные атомы безсознательно притягиваютъ и отталкиваютъ другіе атомы, и связь матеріи съ матеріей такъ же мало понятна, какъ и связь матеріи съ духомъ. Дѣло въ томъ, что содержаніе нашего „я" гораздо обширнѣе того, сколько мы о себѣ знаемъ, сфера сознательныхъ явленій душевной жизни несравненно уже всей душевной жизни человѣка: у насъ есть безсознательное мышленіе, процессы котораго ускользаютъ отъ нашего вниманія, а выводы являются, какъ внезапное озареніе, у насъ есть безсознательная воля, проявленіе которой насъ поражаетъ, а сущность которой остается отъ насъ скрытой. Безсознательнымъ и могучимъ образомъ воля можетъ вліять на тѣло, и поразительные результаты этого вліянія представляются чудесами, но они — чудеса лишь постольку, поскольку психологія не изучала и не изслѣдовала душевныхъ силъ человѣка и поскольку физіологія не опредѣлила вліянія душевной жизни на физіологическіе процессы.

Многіе, однако, думаютъ, что усиленнымъ вліяніемъ духа на тѣло и взаимодѣйствіемъ душъ нельзя объяснить всѣхъ фактовъ исцѣленія, о которыхъ свидѣтельствуетъ прошедшее и о которыхъ говорятъ въ настоящемъ,

---

[1]) При этомъ не нужно забывать, что простая русская женщина, имѣвшая такое значеніе въ исцѣленіи отъ сикоза г. Д, обладала силою вѣры и молитвы. А эти факторы гораздо болѣе значатъ, чѣмъ одно внушеніе или одно довѣріе къ цѣлителю. Многіе медицинскіе авторитеты въ спорахъ по поводу этого исцѣленія съ однимъ моск. профессоромъ высказались, что безъ допущенія чуда, безъ признанія благодатной силы Божіей въ этомъ исцѣленіи нѣтъ никакой возможности объяснить его естественнымъ путемъ. (*Свящ. Г. Д—ко*).

Предполагаютъ, что нѣкоторымъ людямъ присуща особая сила, которою они воздѣйствуютъ на другихъ и сообщаютъ другимъ исцѣленія. Впервые это положеніе высказалъ въ прошедшемъ столѣтіи Месмеръ. Въ настоящее время ревностнымъ сторонникомъ теоріи особой силы, которой усвоено имя лучистой нервной силы, является Барети. Нужно признать, что эта теорія хорошо соглашается съ нѣкоторыми фактами исцѣленій [1]). Выше мы привели свидѣтельства о Грэтрэксѣ и Шлаттерѣ, что отъ нихъ на исцѣляемыхъ какъ бы исходила успокоивающая, болеутоляющая и исцѣляющая сила. Больныхъ охватывалъ жаръ, у нихъ появлялась испарина, и послѣ этого являлись успокоеніе и выздоровленіе. Кто знаетъ — можетъ-быть въ недалекомъ будущемъ наука откроетъ новую физіологическую силу, какъ она теперь работаетъ надъ выясненіемъ свойствъ новооткрытой физической силы? Въ декабрѣ прошедшаго года Рентгенъ опубликовалъ объ открытіи имъ лучей, которые дѣлаютъ видимымъ невидимое. Изслѣдованія Ленара, Лебона и многихъ второстепенныхъ ученыхъ расширили это открытіе. Они показали, что въ природѣ существуетъ какая-то сила, обладающая отчасти свойствами свѣта, отчасти электричества, но не тождественная ни съ электричествомъ, ни съ свѣтомъ, сила, дѣйствія которой по-видимому не могутъ пріостановить никакія преграды, и физическія и физіологическія примѣненія которой, судя по всему, должны быть очень разнообразными. Лучи Рентгена случайно получили терапевтическое примѣненіе. Оказалось, что они обладаютъ свойствомъ оживлять обмершихъ (опыты съ утопленными мышами). Выраженіе, что открыта или открывается новая сила, требуетъ нѣкотораго разъясненія. Физика признаетъ существованіе лишь единой силы, различными проявленіями или модификаціями которой являются магнитизмъ, тепло, электричество, и новыя модификаціи которой, обладающія доселѣ еще неизвѣстными намъ свойствами, могутъ быть открываемы. Точно также физіологическія силы не должны быть разграничиваемы отъ силъ физическихъ. Электрическая сила ската или угря, являющаяся слѣдствіемъ метаморфозы у нихъ нѣкоторыхъ мышцъ, есть простая физическая сила. То же самое должно сказать о недавно открытомъ магнитизмѣ и электричествѣ нѣкоторыхъ растеній. Въ лучистой нервной силѣ, если она дѣйствительно присуща нѣкоторымъ людямъ, также нѣтъ нужды видѣть что-то особое, исключительное, чему ничто не соотвѣтствуетъ въ физической природѣ. Можетъ-быть эта сила представляетъ собою нѣчто подобное электрической, и если электричество успѣшно излѣчиваетъ нѣкоторыя болѣзни, то эта сила, можетъ быть, исцѣляетъ несравненно большее ихъ число (Извлеч. въ сокращ. изъ брош. С. Глаголева: „Больной цѣлитель“, изд. 1896 г.).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Духовидѣніе.

Духовидцы и видѣнія историческихъ лицъ.

1. **Тѣнь умершаго графа Штакельберга.** Въ царствованіе императрицы Екатерины II было нѣсколько таинственныхъ случаевъ, записанныхъ современниками. Сама государыня со своимъ яснымъ, здравымъ и практическимъ умомъ, конечно, не придавала значенія такимъ повѣствованіямъ и относилась къ нимъ крайне скептически. Такъ, во время пребыванія двора въ Царскомъ Селѣ въ 1767 году много разговоровъ возбудило приключеніе, случившееся съ фрейлиной императрицы, графиней Штакельбергъ, впослѣдствіи вышедшей замужъ за графа В. Г. Орлова. Штакельбергъ, утромъ, во время своего туалета, въ присутствіи нѣсколькихъ молодыхъ подругъ, вдругъ увидѣла въ окнѣ лицо своего отца, который находился въ Ригѣ. И вотъ, молодая графиня съ радостью бѣжитъ въ садъ и кричитъ:—батюшка пріѣхалъ, онъ подходилъ къ окну!— Вмѣстѣ съ Штакельбергъ побѣжали въ садъ и ея подруги, но, какъ ни искали графа, не нашли его нигдѣ. Молодая Штакельбергъ такъ ясно видѣла отца, что ничуть не сомнѣвалась въ его пріѣздѣ, и какъ ни старались разувѣрить ея подруги, что видѣніе было слѣдствіемъ ее думы и игры воображенія, но она все-таки увѣряла, что ясно видѣла отца, — и стала тосковать. За обѣденнымъ столомъ у императрицы, фрейлины перешептывались между собою по поводу видѣнія. Императрица пожелала узнать подробности объ этомъ, и князь И. С. Барятинскій разсказалъ все государынѣ.—Успокойся,—сказала Екатерина, — отца

[1]) См. помѣщенныя въ началѣ этой главы статьи, цѣль которыхъ была доказать въ человѣческомъ организмѣ особой, называемой животнымъ магнитизмомъ, силы, со свойствами цѣлительнаго воздѣйствія магнитизера на магнитизируемаго.
Г. Д—ко.

твоего нѣтъ въ Петербургѣ; онъ не могъ бы пріѣхать сюда безъ моего позволенія. Тебѣ такъ показалось; совѣтую, однако же, для любопытства, записать это видѣніе. Черезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе изъ Риги о кончинѣ графа Штакельберга въ тотъ самый день и часъ, когда онъ явился дочери.

2. **Разсказы о Сведенборгѣ.** Въ екатерининское время въ высшемъ обществѣ, съ легкой руки масоновъ, сильно интересовались сношеніями съ духовнымъ міромъ. Сочиненія Сведенборга были любимымъ чтеніемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ вельможъ. Особенно много разсказывалъ про Сведенборга графъ Мусинъ-Пушкинъ, нашъ посланникъ при шведскомъ дворѣ. Разсказъ его о томъ, какъ Сведенборгъ узналъ о пожарѣ Стокгольма въ бытность свою въ Англіи, произвелъ большую сенсацію въ обществѣ.

Другой его разсказъ о томъ, какъ шведская королева Луиза-Ульрика, желая убѣдиться въ его духовидѣніи, спросила Сведенборга, можетъ ли онъ поговорить съ недавно умершимъ ея братомъ, принцемъ Вильгельмомъ, и спросить его, о чемъ у нихъ былъ разговоръ въ послѣднемъ съ нимъ свиданіи передъ его отъѣздомъ изъ Стокгольма. Сведенборгъ отвѣтилъ, что черезъ нѣсколько дней онъ ей принесетъ отвѣтъ и, дѣйствительно, въ назначенный день онъ передалъ ей разговоръ ея съ принцемъ со всѣми подробностями мѣста, времени и обстоятельствъ, при которомъ онъ происходилъ. Изумленная королева такъ была поражена отвѣтомъ Сведенборга, что въ первый моментъ чуть не упала въ обморокъ и только чрезъ нѣсколько минутъ пришла въ себя. („Трудъ" 1893 г. № 12; сн. „Ребусъ" 1894 года №№ 26—27).

3. **Призракъ въ древнія времена.** Въ Плиніевыхъ письмахъ, переведенныхъ м-ромъ Люйсомъ, встрѣчается слѣдующее мѣсто.

Плиній Суру (Sura).

Мнѣ очень желательно знать ваше мнѣніе о томъ, существуютъ ли въ дѣйствительности такъ называемые призраки, имѣющіе особенный, имъ свойственный, образъ и нѣкоторую сверхъестественную силу, или они суть не что иное, какъ порожденіе нашей фантазіи, разыгравшейся въ минуты страха. Я, впрочемъ, расположенъ вѣрить въ ихъ дѣйствительное существованіе.

Въ Аѳинахъ былъ очень обширный и удобный домъ, имѣвшій дурную славу и вредный для здоровья. Посреди ночи тамъ слышался странный шумъ, напоминавшій отзвукъ желѣза; если же къ нему внимательно прислушивались, то онъ обращался въ очень ясный звукъ цѣпей, сначала доходившій какъ бы издалека, а потомъ все болѣе и болѣе приближавшійся. Вскорѣ затѣмъ обыкновенно появлялся призракъ изнуреннаго старика, съ длинной бородой и щетинистыми волосами. На рукахъ и ногахъ у него были оковы и цѣпи, и онъ сильно потрясалъ ими. Понятно, что жильцы отъ страха проводили всѣ ночи безъ сна, такъ что, наконецъ, домъ опустѣлъ; никто не соглашался въ немъ жить.

Однако, хозяинъ рѣшился вывѣсить объявленіе, въ надеждѣ, что кто-нибудь, неслыхавшій о репутаціи дома, согласится купить его или нанять. Въ это время философъ Аѳенорусъ пріѣхалъ въ Аѳины и прочелъ объявленіе. Узнавъ объ условіяхъ найма, показавшихся ему подозрительными по своей дешевизнѣ, онъ навелъ самыя тщательныя справки, которыя, впрочемъ, не только не помѣшали ему, а скорѣе побудили его нанять домъ. Какъ только наступилъ вечеръ, онъ приказалъ перенести для себя диванъ въ переднюю часть дома, и приготовилъ на столѣ свои письменныя принадлежности, свѣтильникъ и свои записки. Прислугѣ онъ приказалъ оставаться во внутреннихъ покояхъ, а самъ погрузился всею душою въ свое сочиненіе, чтобы умъ, оставаясь празднымъ, не натолкнулъ воображеніе на фантастическіе образы, о которыхъ онъ такъ много слышалъ. Сначала царствовала обычная ночная тишина, но вскорѣ послышался звукъ желѣза и бряцаніе цѣпей, но Аѳенорусъ ни разу не оторвался отъ своего дѣла, устремилъ въ него все свое вниманіе, мѣшая ушамъ своимъ слышать. Но звуки усиливались и приближались; теперь они слышались уже у самой двери, а вскорѣ и въ той комнатѣ, гдѣ онъ сидѣлъ. Тогда онъ осмотрѣлся, увидалъ и узналъ фигуру, о которой ему разсказывали. Она стояла возлѣ и дѣлала рукою знакъ, какъ бы приглашая его итти за собою. Онъ же показалъ ей рукою, чтобы она подождала, и опять погрузился въ свои занятія. Послѣ этого фигура начала потрясать цѣпями надъ его головою, а онъ все писалъ. Посмотрѣвъ на нее снова, онъ увидалъ ее дѣлающею все тотъ же знакъ. Тогда, не медля болѣе, онъ взялъ свѣтильникъ и послѣдовалъ за нею. Фигура двигалась медленно, точно изнемогая подъ тяжестью цѣпей, и, повернувъ во дворъ, прилегавшій къ дому, внезапно исчезла. Оставшись одинъ, философъ замѣтилъ травой и прутьями то мѣсто, гдѣ фигура исчезла. На слѣдующее утро онъ обратился къ городскому начальству и потребовалъ, чтобы указанное имъ мѣсто было разрыто. Желаніе его было исполнено, и тамъ нашлись человѣческія кости, обвитыя приросшими къ нимъ цѣпями. Кости эти были собраны и похоро-

нены на общественный счетъ, и съ той минуты духъ, успокоенный подобающимъ ему погребеніемъ своихъ земныхъ останковъ, перестал появляться.

Убѣдительно прошу васъ приложить вашу глубокую ученость къ данному вопросу. По своему серьёзному значенію, онъ достоинъ обратить ваше вниманіе; я же считаю себя не недостойнымъ воспользоваться относительно его плодами вашей мудрости... („Ребусъ“ 1885 г., № 36).

4. **Явленіе призрака рыцаря.** Въ „Русскомъ Архивѣ“ печатался очень интересный дневникъ В. А. Муханова, въ которомъ разсказывается о явленіи призрака. Случай этотъ произошелъ въ одной изъ западныхъ губерній, въ имѣніи, нѣкогда принадлежавшемъ князю Зубову, съ графомъ Сухтеленъ, женатымъ на графинѣ Зубовой, племянницѣ владѣльца имѣнія.

Однажды гр. Сухтеленъ стоялъ со своею бригадою недалеко отъ этого помѣстья, куда долженъ былъ съѣздить по дѣламъ службы. На второй или третій день его пріѣзда онъ пожелалъ, чтобы ему устроили въ близкомъ разстояніи отъ дома бесѣдку или павильонъ, гдѣ онъ могъ бы находить убѣжище отъ дневного зноя. Начали работать, и на другой день управляющій пришелъ сказать графу Сухтелену, что рано поутру на томъ мѣстѣ, гдѣ строится павильонъ, нашли скелетъ рыцаря, покрытаго боевыми доспѣхами и бронею. Снявъ со скелета всѣ металлическія принадлежности, Сухтеленъ велѣлъ положить его въ гробъ и въ присутствіи священника съ молитвою опустить въ землю на кладбищѣ. Вечеромъ графъ разсматривалъ доспѣхи, рылся въ книгахъ и желалъ опредѣлить, къ какому вѣку принадлежалъ воинъ-мертвецъ. Настало время сна. Оставя доспѣхи и книги, онъ легъ въ постель, отпустилъ человѣка и погасилъ свѣчу. При тихомъ мерцаніи мѣсяца, лучи котораго проникали въ комнату, графъ вскорѣ увидѣлъ приближающагося къ нему рыцаря. Онъ вздрогнулъ и позвонилъ; вошелъ человѣкъ со свѣчею, и рыцарь исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ огонь былъ опять погашенъ. Призракъ снова явился, наклонился къ Сухтелену и, прикоснувшись ледяными устами къ губамъ его, снова исчезъ (вѣроятно, приходилъ благодарить за молитву). Графъ разсказывалъ объ этомъ событіи, присовокупляя, что никогда ранѣе чувство страха не обладало имъ въ такой степени, какъ въ эту ужасную ночь.

Мухановъ передаетъ этотъ разсказъ со словъ гр. Николая Дмитріевича Зубова, которому самъ Сухтеленъ разсказывалъ про этотъ случай. („Русск. Арх.“, сн. „Ребусъ“ 1897 г., № 29).

5. **Бересфордскій призракъ.** Въ октябрѣ 1693 года сэръ Тристамъ и лэди Бересфордъ поѣхали погостить къ сестрѣ ея, лэди Максилль въ Гилль-Голлѣ. Однажды утромъ сэръ Тристамъ всталъ рано, пока жена его спала, и пошелъ гулять до завтрака. Когда лэди Бересфордъ вышла къ столу, было уже очень поздно, и всѣ обратили вниманіе на ея измученный и растерянный видъ, особенно же мужъ ея, который заботливо сталъ разспрашивать ее о здоровьи, и позже, оставшись съ нею наединѣ, освѣдомился, отчего рука ея перевязана черной лентой? Лэди Бересфордъ серьёзно просила мужа никогда не спрашивать ее объ этомъ, „потому что,— прибавила она,— вы никогда не увидите меня безъ этой повязки“.—„Если вы такъ серьёзно объ этомъ просите, то я обѣщаю никогда не спрашивать васъ больше объ этомъ“,— отвѣчалъ сэръ Тристамъ. Поспѣшно окончивъ свой завтракъ, лэди Бересфордъ съ безпокойствомъ стала спрашивать: пришла ли почта? но почта еще не приходила, и сэръ Тристамъ спросилъ: „отчего вы съ такимъ интересомъ ждете писемъ именно сегодня?“— „Оттого, что я должна получить письмо съ извѣщеніемъ о смерти лорда Тайрона, который скончался во вторникъ“.—„Ну,— замѣтилъ сэръ Тристамъ,— вы никогда не были суевѣрны, вѣроятно, васъ напугалъ какой-нибудь страшный сонъ“.

Вскорѣ послѣ того прислуга принесла письма; одно изъ нихъ было съ черною печатью. „Я отгадала,— воскликнула лэди Бересфордъ,— онъ умеръ!“ Письмо было отъ управляющаго лорда Тайрона, увѣдомлявшаго ихъ, что хозяинъ его скончался въ Дублинѣ, во вторникъ 14 октября, въ 4 часа пополудни. Сэръ Тристамъ утѣшалъ жену свою и просилъ ее не слишкомъ огорчаться, но она увѣрила его, что теперь, получивши подтвержденіе случившагося, ей гораздо легче, и затѣмъ прибавила: „теперь я могу сообщить вамъ пріятную новость:— я беременна, и ребенокъ будетъ мальчикъ“. Дѣйствительно, въ іюнѣ мѣсяцѣ у нихъ родился сынъ, а черезъ шесть лѣтъ послѣ этого сэръ Тристамъ умеръ. Послѣ его смерти лэди Бересфордъ продолжала жить со своимъ семействомъ въ его помѣстьѣ въ графствѣ Дерри и очень рѣдко выѣзжала. Она не видалась почти ни съ кѣмъ, кромѣ мистера и мистриссъ Джаксонъ въ Колерайнѣ. Наступилъ день рожденія лэди Бересфордъ; она захотѣла пригласить къ себѣ гостей; послала за своимъ старшимъ сыномъ, сэромъ Маркусомъ Бересфордъ, которому было уже 20 лѣтъ, и за своей замужней дочерью лэди Риверстонъ; пригласила также доктора Кинга, архіепископа Дублинскаго (своего стараго

друга) и еще старичка священника, который крестилъ ее и въ продолженіе всей ея жизни оставался близкимъ ея человѣкомъ. Все это общество собиралось отпраздновать день ея рожденія. Въ это утро лэди Бересфордъ, разговаривая со священникомъ, сказала: „знаете, вѣдь мнѣ сегодня исполнилось 48 лѣтъ“.— „Нѣтъ, вы ошибаетесь, — возразилъ онъ, — вамъ только 47 лѣтъ; я помню, какъ однажды у меня съ вашей матерью былъ споръ по этому поводу; я послалъ тогда за метрической книгой и теперь могу смѣло увѣрить васъ, что вамъ сегодня исполнилось не 48, а 47 лѣтъ“. — „Вы, значитъ, подписали мой смертный приговоръ, — воскликнула она; — оставьте меня, пожалуйста, мнѣ недолго осталось жить, а многое еще нужно привести въ порядокъ. Пришлите мнѣ немедленно дочь мою и сына“. Священникъ исполнилъ ея желаніе; онъ сейчасъ же послалъ сэра Маркуса и сестру его къ ихъ матери и велѣлъ передать архіепископу и нѣкоторымъ другимъ знакомымъ, что праздникъ отложенъ. Когда дѣти лэди Бересфордъ пришли къ ней, она встрѣтила ихъ слѣдующими словами: „милыя дѣти, имѣю сообщить вамъ передъ смертью нѣчто очень важное. Вамъ извѣстно, какая сердечная дружба существовала съ ранней молодости между мною и лордомъ Тайрономъ. Въ тяжеломъ состояніи сомнѣнія мы дали другъ другу обѣщаніе, что, кто первый изъ насъ умретъ, долженъ, если возможно, явиться другому и объявить, которая религія угодна Всевышнему. Однажды ночью, много лѣтъ спустя послѣ этой обмѣны обѣщаній, я спала въ Гилль-Голлѣ, какъ вдругъ проснулась и увидала лорда Тайрона, сидящимъ на краю кровати. Я закричала и старалась разбудить мужа, сэра Тристамъ, но тщетно! „Лордъ Тайронъ, — сказала я, — скажите, зачѣмъ вы здѣсь и какъ попали сюда ночью?“ „Развѣ вы забыли наше обѣщаніе, данное другъ другу въ ранней молодости? Я умеръ во вторникъ въ четыре часа. Мнѣ позволено было явиться вамъ, чтобы увѣрить васъ, что существующая христіанская религія истинна и ведетъ насъ ко спасенію. Мнѣ также разрѣшено объявить вамъ, что вы беременны и родите сына, что сэръ Тристамъ проживетъ недолго, вы вторично выйдете замужъ и умрете отъ послѣдствій родовъ 47-ми лѣтъ отъ роду“. Я просила его дать мнѣ какое-нибудь доказательство своего посѣщенія, чтобы, когда настанетъ утро, я не сочла бы это сномъ. Онъ раздвинулъ занавѣски моей кровати и зацѣпилъ ихъ за желѣзный крюкъ какимъ-то совсѣмъ необыкновеннымъ образомъ. Мнѣ этого было мало; тогда онъ написалъ свое имя въ моемъ портфелѣ, но и этого мнѣ было недостаточно; тогда онъ взялъ меня за руку повыше кисти; рука его была холодна, какъ мраморъ, и отъ ея прикосновенія жилы и нервы моей руки омертвѣли и засохли въ этомъ мѣстѣ. „Пусть, пока вы живы, никто не увидитъ этого мѣста на рукѣ вашей“,—сказалъ онъ и исчезъ. Пока я говорила съ нимъ, я была спокойна, но, когда онъ исчезъ, мною овладѣло сильное волненіе и страхъ; на лбу выступилъ холодный потъ. И я опять старалась разбудить мужа, но напрасно. Я расплакалась; слезы облегчили меня, и я крѣпко уснула. Утромъ отецъ вашъ всталъ, не разбудивши меня; онъ не замѣтилъ страннаго положенія занавѣсокъ кровати. Начавши одѣваться, я поспѣшила достать изъ коридора метлу, съ помощью которой, съ великимъ трудомъ, отцѣпила занавѣски, боясь, что необыкновенное ихъ положеніе возбудитъ удивленіе и разспросы домашнихъ. Руку свою я повязала черной лентой и спустилась къ завтраку. Волненіе мое было, однако же, всѣми замѣчено...

Когда я умру, милыя дѣти, то я хочу, чтобы вы одни развязали черную ленту и увидали, въ какомъ видѣ моя рука“. Затѣмъ лэди Бересфордъ попросила, чтобы ее оставили одну и дали бы ей собраться съ мыслями. Дѣти ея удалились, оставивъ при ней сидѣлку, которой было приказано тотчасъ увѣдомить ихъ, если въ положеніи больной явится какая-нибудь перемѣна. Черезъ часъ прозвонилъ колокольчикъ, и дѣти поспѣшили въ спальню матери; все уже было кончено. Сынъ и дочь опустились на колѣни у кровати, и лэди Риверстонъ развязала ленту на рукѣ матери; дѣйствительно, какъ и говорила лэди Бересфордъ, и жилы и нервы въ этомъ мѣстѣ совершенно высохли.

Архіепископъ дублинскій похоронилъ ее въ соборѣ св. Патрика въ Дублинѣ, гдѣ прахъ ея и покоится донынѣ. („Public Opinion“, 1897 г., 15 окт.; см. „Ребусъ“ 1898 г., № 6).

6. **Комната привидѣній.** Въ одинъ ненастный осенній день 1858 года, разсказываетъ одинъ инженеръ, выѣхавъ раннимъ утромъ изъ одного небольшого мѣстечка въ Галиціи, я послѣ утомительнаго путешествія прибылъ вечеромъ въ городокъ Освѣцимъ. Служилъ я въ это время инженеромъ въ областномъ городѣ Львовѣ. Тотъ, кто путешествовалъ въ этихъ краяхъ тридцать лѣтъ тому назадъ, согласится со мною, что въ тѣ времена подобный переѣздъ былъ тяжелъ во многихъ отношеніяхъ и сопряженъ съ большими неудобствами, а потому понятно, что я пріѣхалъ въ упомянутое мѣстечко сильно усталый, тѣмъ болѣе, что цѣлый день не имѣлъ горячей пищи.

Хозяинъ гостиницы, въ которой я остановился, г. Лове, былъ извѣстенъ за лучшаго

трактирщика во всемъ городѣ, и, кромѣ того, содержалъ въ вокзалѣ буфетъ, съ достоинствами котораго я имѣлъ возможность ознакомиться во время своихъ частыхъ странствій по этому краю. Поужинавъ въ общей столовой и напившись по польскому обыкновенію чаю, я спросилъ себѣ комнату для ночлега. Молодой слуга свелъ меня въ первый этажъ древняго монастыря, превращеннаго, благодаря меркантильному духу нашего времени, въ гостиницу. Пройдя обширную залу, вѣроятно, служившую нѣкогда трапезною для монаховъ, а въ настоящее время играющую роль танцовальнаго зала для освѣцимской золотой молодежи, мы вышли въ длинный монастырскій коридоръ, по сторонамъ котораго были расположены нѣкогда кельи монаховъ, нынѣ спальныя комнаты для путешественниковъ. Мнѣ отвели комнату въ самомъ концѣ длиннаго коридора, и, за исключеніемъ меня, въ это время не случилось въ гостиницѣ ни одного проѣзжающаго. Заперевъ дверь на ключъ и на защелку, я легъ въ постель и потушилъ свѣчку. Прошло, вѣроятно, не болѣе получаса, когда при свѣтѣ яркой луны, освѣщавшей комнату, я совершенно ясно увидѣлъ, какъ дверь, которую передъ этимъ я заперъ на ключъ и на защелку, и которая приходилась прямо напротивъ моей кровати, медленно открылась, и въ дверяхъ показалась фигура высокаго вооруженнаго мужчины, который, не входя въ комнату, остановился на порогѣ, подозрительно осматривая комнату, какъ бы съ цѣлью обокрасть ее. Пораженный не столько страхомъ, сколько удивленіемъ и негодованіемъ, я не могъ произнести ни слова, и прежде чѣмъ я собрался спросить его о причинѣ столь неожиданнаго посѣщенія, онъ исчезъ за дверью. Вскочивъ съ постели въ величайшей досадѣ на подобный визитъ, я подошелъ къ двери, чтобы снова запереть ее, но тутъ, къ крайнему своему изумленію, замѣтилъ, что она попрежнему заперта на ключъ и на защелку.

Пораженный этою неожиданностью, я нѣкоторое время не зналъ, что и думать; наконецъ, разсмѣялся надъ самимъ собою, догадавшись, что все это было, конечно, галлюцинаціею или кошмаромъ, вызваннымъ слишкомъ обильнымъ ужиномъ. Я улегся снова, стараясь какъ можно скорѣе заснуть. И на этотъ разъ я пролежалъ не болѣе получаса, какъ снова увидѣлъ, что въ комнату вошла высокая и блѣдная фигура и, войдя въ комнату крадущимся шагомъ, остановилась близъ двери, оглядывая меня маленькими и пронзительными глазами. Даже теперь, послѣ тридцати лѣтъ, протекшихъ съ того времени, я какъ живую вижу передъ собою эту странную фигуру, имѣвшую видъ каторжника, только что порвавшаго свои цѣпи и собирающагося на новое преступленіе. Обезумѣвъ отъ страха, я машинально схватился за револьверъ, лежавшій на моемъ ночномъ столикѣ. Въ то же самое время вошедшій человѣкъ двинулся отъ двери и, сдѣлавъ, точно кошка, нѣсколько крадущихся шаговъ, внезапнымъ прыжкомъ бросился на меня съ поднятымъ кинжаломъ. Рука съ кинжаломъ опустилась на меня, и одновременно съ этимъ грянулъ выстрѣлъ моего револьвера. Я вскрикнулъ и вскочилъ съ постели, и въ то же время убійца скрылся, сильно хлопнувъ дверью, такъ что гулъ пошелъ по коридору. Нѣкоторое время я ясно слышалъ удалявшіеся отъ моей двери шаги, затѣмъ на минуту все затихло.

Еще черезъ минуту хозяинъ съ прислугою стучались мнѣ въ дверь со словами:

„Что такое случилось? Кто это выстрѣлилъ?“

— Развѣ вы его не видали? — сказалъ я—„Кого?“ — спросилъ хозяинъ.—„Человѣка, по которому я сейчасъ стрѣлялъ.“—„Кто же это такой?“ опять спросилъ хозяинъ.—„Не знаю“,— отвѣтилъ я.

Когда я разсказалъ, что со мною случилось, г. Лове спросилъ, зачѣмъ я не заперъ дверь.—„Помилуйте, отвѣчалъ я, развѣ можно запереть ее крѣпче, чѣмъ я ее заперъ?“— „Но какимъ образомъ, несмотря на это, дверь все-таки открылась?“ — „Пусть объяснитъ мнѣ это кто можетъ, я же рѣшительно этого понять не могу,“—отвѣчалъ я.

Хозяинъ и прислуга обмѣнялись значительнымъ взглядомъ. „Пойдемте, милостивый государь, я вамъ дамъ другую комнату, вамъ нельзя здѣсь оставаться“. Слуга взялъ мои вещи, и мы оставили эту комнату, въ стѣнѣ которой нашли пулю моего револьвера.

Я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы заснуть, и мы отправились въ столовую, теперь пустую, такъ какъ было уже за полночь. По моей просьбѣ хозяинъ приказалъ подать мнѣ чаю, и за стаканомъ пуншу разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Видите ли, - сказалъ онъ,— данная вамъ по моему личному приказанію комната находится въ особенныхъ условіяхъ. Съ тѣхъ поръ какъ я пріобрѣлъ эту гостиницу, ни одинъ путешественникъ, ночевавшій въ этой комнатѣ, не выходилъ изъ нея, не будучи испуганъ. Послѣдній человѣкъ, ночевавшій здѣсь передъ вами, былъ туристъ изъ Гарца, котораго утромъ нашли на полу мертвымъ, пораженнымъ апоплексическимъ ударомъ. Съ тѣхъ поръ прошло два года, въ продолженіе которыхъ никто не ночевалъ въ этой комнатѣ. Когда вы пріѣхали сюда, я подумалъ, что вы человѣкъ смѣлый и рѣ-

шительный, который способенъ снять очарованіе съ этой комнаты, но то, что случилось сегодня, заставляетъ меня навсегда закрыть эту комнату". („Annales des sc. Psych". 1891 г., № 1, сн. „Ребусъ" 1892 г., № 24).

7. **Призракъ королевы Елизаветы.** Въ одной спиритической газетѣ, издаваемой во Франціи, разсказывалося, что одному молодому англійскому офицеру, стоявшему на караулѣ въ „Windzor Castle", явился духъ королевы Елизаветы. Сказка эта была передана по телеграфу, и пресса объявила ее нелѣпою. Но одна лондонская солидная газета, исходя изъ того мнѣнія, что дыма безъ огня не бываетъ, стала разслѣдовать обстоятельства дѣла и дозналась, что стоявшій въ караулѣ офицеръ, которому было видѣніе,— поручикъ Глинъ, племянникъ епископа Петерборо. Молодой офицеръ въ настоящее время находится съ гарнизономъ въ Аргайльшайрѣ, а епископъ, распространившій эту исторію, живетъ на континентѣ, такъ что непосредственнаго разслѣдованія произвести было нельзя. Наконецъ, удалось разыскать мать офицера, почтенную г-жу Сидней-Глинъ. Несмотря на изумленіе ея при появленіи репортера, она съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ, въ отвѣтъ на его вопросъ о приключеніи съ ея сыномъ, объяснила ему, что тутъ есть своя доля правды. „Совершенно вѣрно, что съ моимъ сыномъ случилось нѣчто ненормальное. Онъ разсказывалъ мнѣ, что сидѣлъ въ библіотекѣ Виндзорскаго замка и былъ занятъ ничуть не волнующимъ чтеніемъ дорсетмайрской исторіи. Вдругъ онъ замѣтилъ, что кто-то вошелъ во внутреннія помѣщенія библіотеки. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ женскую фигуру въ черномъ и съ черными кружевами на головѣ, спускавшимися ей на плечи. Фигура прошла поперекъ, черезъ библіотеку, къ одному углу, котораго сынъ не могъ видѣть съ своего мѣста. Онъ не обратилъ на это явленіе особаго вниманія, полагая, что это былъ кто-нибудь, кто читаетъ во внутреннихъ покояхъ. Было четыре часа пополудни. Вскорѣ явился чиновникъ для закрытія библіотеки. Сынъ мой спросилъ, кто такая дама, которая работаетъ во внутреннихъ комнатахъ, но чиновникъ отвѣтилъ, что, кромѣ него, въ библіотекѣ никого нѣтъ. Сынъ мой сталъ увѣрять, что только-что передъ тѣмъ какая-то дама прошла во внутреннія комнаты библіотеки.

„— Кто же это могъ быть? — спросилъ чиновникъ, удостовѣрившись, что въ сосѣднихъ комнатахъ никого не было.

„— Она прошла тамъ въ углу черезъ дверь, — сказалъ сынъ мой, указывая на уголъ, въ который на его глазахъ исчезла дама.

„— Да вѣдь тамъ нѣтъ никакой двери,— возразилъ чиновникъ.

„Глинъ ни слова не сказалъ о своемъ инцидентѣ, да и самъ не задумался надъ нимъ, пока его не спросилъ о томъ библіотекарь, мистеръ Гольмсъ, извѣщенный чиновникомъ о случившемся. Когда, по просьбѣ мистера Гольмса, онъ описалъ подробнѣе явившуюся ему женщину, библіотекарь заявилъ, что ему являлась королева Елизавета. Мистеръ Гольмсъ присовокупилъ, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, королеву видѣли въ прежнія времена нѣсколько разъ въ этомъ мѣстѣ, но что онъ, мистеръ Глинъ, первый современникъ, которому она явилась. Виндзорскій деканъ, равно какъ и члены королевской фамиліи, разспрашивали моего сына объ этомъ случаѣ. Говорятъ, что мистеръ Гольмсъ послѣ того дневалъ и ночевалъ долгое время въ библіотекѣ, но появленіемъ королевы удостоенъ не былъ".

Въ концѣ вышеприведенной бесѣды мистриссъ Сидней-Глинъ съ репортеромъ „Daily Mail", въ комнату вошелъ отецъ молодого офицера, достопочтенный Сидней Карръ Глинъ, ветеранъ крымской кампаніи. Онъ заявилъ: „если сынъ мой говоритъ, что онъ что-то видѣлъ, вы можете быть увѣрены, что онъ, дѣйствительно, что-то видѣлъ. Это честный молодой англичанинъ, который ни на волосъ никогда не преувеличитъ". Затѣмъ родители поручика, съ его согласія, разрѣшили напечатать объ этомъ случаѣ.

Представитель „Daily Mail" обратился затѣмъ къ библіотекарю замка Гольмсу, который показалъ ему самое мѣсто, гдѣ проходило „привидѣніе". „Онъ указалъ мнѣ,— говоритъ репортеръ, — стулъ, на которомъ сидѣлъ поручикъ Глинъ, стоявшій на восточной сторонѣ комнаты, и на который я самъ сѣлъ. Прямо передо мной былъ большой глобусъ. Глядя мимо него, можно было видѣть нѣсколько ступенекъ, ведущихъ въ галлерею, съ книгами по стѣнамъ. На лѣвой сторонѣ— окна, на правой — рядъ книгъ и оконъ, изъ которыхъ видна терраса и большая водная поверхность, вслѣдствіе поднятія уровня воды, окружающая въ настоящее время Виндзоръ. Въ концѣ галлереи находится башня съ двумя окнами на западъ, сквозь которыя проходитъ масса свѣта, такъ что особа, проходящая черезъ галлерею, должна ярко выдѣляться своимъ силуэтомъ. На южной сторонѣ галлереи, построенной королевой Елизаветой и обращенной ею въ картинную галлерею, гдѣ она прохаживалась и обдумывала шедевры государственной политики, которую она довела до теперешняго ея положенія, помѣщается прекрасный каминъ съ бюстомъ королевы, съ извѣстною строгостью

во взорѣ. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ и увидѣлъ мистеръ Глинъ призракъ, какъ онъ отъ него прошелъ вдоль галлереи, затѣмъ круто повернулъ вправо и скрылся во мглѣ, изъ которой въ былыя времена вела лѣстница на террасу, гдѣ королева любила прогуливаться.

По словамъ Гольмса, за галлереей этой съ незапамятныхъ временъ сохраняется легенда, что она посѣщается королевой. („Нов. Вр.“, сн. „Ребусъ“ 1897 г., № 11).

8. **Призракъ пастора.** Докторъ Стефенсонъ жившій въ Лондонѣ, (улица Беккеръ, № 17), разсказываетъ исторію о явившемся ему призракѣ конгрегаціонистскаго пастора Оллэна.

„Всего за нѣсколько дней до вышеупомянутаго случая“,—говоритъ докторъ Стефенсонъ, — „пасторъ Оллэнъ былъ у насъ въ гостяхъ и, покуривая свою обычную коротенькую трубочку, просидѣлъ у насъ весь вечеръ.

Черезъ два дня послѣ своего визита къ намъ онъ захворалъ, и я отправился навѣстить его. Убѣдившись, что нѣтъ никакой опасности, я просидѣлъ у него съ полчаса, а потомъ спокойно отправился домой.

Въ ту-же ночь произошло необычайное явленіе, которое и составляетъ предметъ моего разсказа. Я проснулся рано утромъ и вдругъ вижу: въ ногахъ моей кровати стоитъ пасторъ Оллэнъ, въ шляпѣ, надвинутой на самые глаза. Я тотчасъ-же разбудилъ жену и говорю ей:

„— Смотри-ка, пасторъ Оллэнъ! Что это значитъ?

Я видѣлъ его такъ ясно, что ни на одну секунду не счелъ его за привидѣніе.

„— Да что ты, Богъ съ тобой!—возразила жена.—Гдѣ ты его видишь? Навѣрное, онъ тебѣ приснился!

„— Господи, да вотъ онъ стоитъ, въ ногахъ кровати! Неужели ты его не видишь?

„— Нѣтъ,—отвѣтила мнѣ жена.

„— Ну, значитъ, пасторъ Оллэнъ умеръ. Въ этомъ ты можешь быть увѣрена.

„— Скажите Джуліи“...—слабо проговорилъ призракъ и исчезъ, не договоривъ своей фразы.

„Джулія“—имя старшей дочери пастора. Страннѣе всего въ этомъ явленіи было то обстоятельство, что позади фигуры пастора виденъ былъ все время большой шкафъ-библіотека, набитый книгами, который исчезъ одновременно съ самимъ призракомъ.

Я записалъ часъ и минуту явленія призрака.

Тотчасъ-же послѣ перваго завтрака, жена моя не вытерпѣла и, браня саму себя „за глупое суевѣріе и любопытство“, отправилась къ пастору Оллэну. Подходя къ дому, она увидѣла, что всѣ ставни закрыты, а навстрѣчу ей выбѣжала плачущая служанка и сказала, что пасторъ Оллэнъ скончался рано утромъ и при этомъ назвала то самое время, когда призракъ покойнаго явился мнѣ, стоя въ ногахъ моей кровати. („Ребусъ“ 1892 г. № 49).

9. **Разсказъ священника.** „30-го сентября 1891 года“,—пишетъ г-ну Стэду священникъ маленькаго прихода N, въ окрестностяхъ Лондона,—„меня пригласилъ къ себѣ одинъ изъ моихъ прихожанъ, лежавшій на смертномъ одрѣ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ грудною болѣзнью. Я исповѣдалъ его и, посидѣвъ у него нѣсколько времени, ушелъ, обѣщавъ причастить его на слѣдующее утро.

До моего дома было мили двѣ разстоянія, и я прошелъ ихъ совершенно незамѣтно. Когда я вернулся домой, сумерки еще не наступали; велѣвъ служанкѣ приготовить мнѣ чай, я сѣлъ читать газету. Не успѣлъ я развернуть ее, какъ вдругъ совершилось нѣчто удивительное: стѣна, противъ которой я сидѣлъ, какъ будто совершенно исчезла, и я совершенно отчетливо и ясно увидѣлъ бѣдняка Джона,—того самаго больного, котораго я только что исповѣдалъ,—лежавшаго на своей убогой постели. Джонъ вдругъ сѣлъ на постели и устремилъ на меня пристальный, молящій взглядъ. Я видѣлъ его такъ-же ясно, какъ газету, которую только что держалъ передъ собою. Я былъ изумленъ и пораженъ до крайности, но не испугался нисколько. Я сидѣлъ и смотрѣлъ на видѣніе, по крайней мѣрѣ, пять секундъ; потомъ оно стало постепенно исчезать, какъ будто таять въ воздухѣ, и, наконецъ, передо мною снова появилась стѣна, а видѣніе пропало совершенно.

На слѣдующее утро, когда я вошелъ въ церковь для совершенія богослуженія, ко мнѣ бросилась жена Джона и съ громкимъ плачемъ воскликнула:

— О, отецъ мой! Сердце мое разбито, разбито! О, отецъ мой! Джонъ умеръ! Умеръ такъ неожиданно! Полчаса послѣ вашего ухода онъ сѣлъ на постели и говоритъ мнѣ:

— Молли, отецъ ушелъ?

— Господи, Джонъ, да вѣдь ты-же самъ простился съ нимъ!

— Да, да! Но мнѣ такъ худо! Ахъ, какъ я хочу его видѣть! Я умираю! Пусть онъ отслужитъ по мнѣ мессу. Не забудь, Молли, скажи это отцу...

И, съ вашимъ именемъ на устахъ, онъ откинулся назадъ и умеръ“.

Джонъ умеръ отъ разрыва сердца.

„Прошу вѣрить моему разсказу“,—прибавляетъ почтенный пасторъ,—„даю вамъ

мое слово, что я написалъ одну только чистую правду, и что, въ качествѣ служителя церкви, я никогда не позволилъ бы себѣ забыться до такой степени, чтобы распространять ложныя свѣдѣнія". („Ребусъ" 1892 г. № 45).

10. **Изъ-за могилы.** „У меня есть знакомая ирландка", пишетъ В. Стэдъ, „бывшая замужемъ за однимъ виднымъ почтовымъ чиновникомъ въ Дублинѣ.

Овдовѣвъ, она черезъ нѣсколько времени снова вступила въ бракъ, оказавшійся крайне неудачнымъ. Второй мужъ ея, инженеръ, былъ необыкновенно талантливый человѣкъ, отличавшійся блестящимъ умомъ. Къ несчастью, честность не находилась въ числѣ его блестящихъ качествъ. Въ одинъ далеко непрекрасный для нея день, моя пріятельница узнаетъ, что ея мужъ уже женатъ и,— мало этого, — что первая жена его жива и здорова. Моя пріятельница — женщина съ сильнымъ характеромъ. Узнавъ роковую для нея вѣсть, она тотчасъ же оставила мужа и уѣхала въ Лондонъ.

Ирвингъ Ф., ея мужъ, узнавъ только черезъ два года, что она живетъ въ Лондонѣ, бросилъ свою семью, съ которой онъ находился въ Италіи, и пріѣхалъ къ своей второй, страстно любимой женѣ. Сцены, происходившія въ это время между ними, были крайне тяжелы и даже грозили окончиться трагически. Къ счастью, обманутая имъ женщина, хотя то же безумно любила его, но обладала настолько твердымъ характеромъ, что, несмотря на цѣлый рядъ бурныхъ сценъ, наотрѣзъ отказалась сойтись съ нимъ снова. Отвергнутый снова уѣхалъ въ Италію, осыпая ее горькими упреками.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его отъѣзда, моя пріятельница пришла ко мнѣ и сказала, что она боится, что съ ея „мужемъ" случилось что-нибудь дурное, потому что наканунѣ, вечеромъ, его голосъ громко позвалъ ее изъ-за окна, а ночью она ясно видѣла его самого у себя въ комнатѣ. Бѣдная женщина была сильно опечалена этимъ событіемъ. Я посмѣялся надъ ея впечатлительностью и приписалъ все это галлюцинаціи, вызванной пережитыми бурными сценами при разставаніи съ любимымъ человѣкомъ. Но не прошло и недѣли, какъ она получила изъ Италіи письмо, извѣщавшее ее, что Ирвингъ Ф. скончался скоропостижно въ такой-то день и часъ.

Потомъ я узналъ, что несчастный человѣкъ былъ въ страшномъ отчаяніи отъ разлуки со второй женою и все время по возвращеніи изъ Лондона въ Италію пилъ мертвую. Въ пьяномъ же видѣ онъ вышелъ какъ-то изъ дому и былъ найденъ мертвымъ въ тотъ самый вечеръ, когда его голосъ звалъ изъ-за окна любимую жену. Никто не знаетъ, умеръ ли онъ естественною смертью, или же лишилъ себя жизни самъ.

На-дняхъ я написалъ лэди Д. Ф., прося ее письменно изложить мнѣ, на сколько она можетъ подробнѣе, все, что она видѣла и слышала во время этого оригинальнаго событія".

Вотъ письмо лэди Д. Ф.

„Въ концѣ лѣта 1886 года, такъ начинаетъ свое письмо лэди Джорджина Ф., мы съ Ирвингомъ находились въ Италіи, на берегу Неаполитанскаго залива. Жили мы въ гостиницѣ „Вашингтонъ", въ комнатѣ № 46.

Въ это счастливое для меня время я еще считала себя законною женою Ирвинга, и мы крѣпко любили другъ друга. Семья его была противъ нашего брака, и вотъ, какъ-то утромъ, разговорившись о нашихъ семейныхъ дѣлахъ, мы давали другъ другу клятвы въ томъ, что никогда и ничто не разлучитъ насъ: ни бѣдность, ни клевета, ни преслѣдованія его родныхъ, словомъ, ничто земное. Оба мы говорили, что согласимся скорѣе умереть, чѣмъ разстаться другъ съ другомъ.

Отъ жизни земной разговоръ нашъ перешелъ на загробную, и мы долго бесѣдовали о будущей жизни душъ умершихъ людей. Я недоумѣвала, могутъ ли души умершихъ сообщать о своемъ переходѣ въ лучшій міръ пережившимъ ихъ друзьямъ. Въ концѣ концовъ, мы дали другъ другу торжественную клятву, въ случаѣ возможности возвращенія душъ на землю, что тотъ изъ насъ, кто умретъ первымъ, явится къ пережившему его.

Вскорѣ послѣ этого я узнала, что онъ женатъ, и, какъ вамъ извѣстно, мы разстались. Я оставила его, а въ 1888 году онъ пріѣхалъ за мною въ Лондонъ. Во время его пребыванія въ Лондонѣ, я какъ-то спросила его, помнитъ ли онъ данное обѣщаніе явиться мнѣ послѣ смерти?

— О, Джорджи! Тебѣ нечего напоминать мнѣ объ этомъ! воскликнулъ онъ. Вѣдь моя душа — частица твоей, и никогда и ничто, даже въ самой вѣчности, не можетъ разъединить ихъ. Никогда, даже и теперь, когда ты относишься ко мнѣ съ такою жестокостью. Если даже ты будешь женою другого, души наши все-таки останутся слитыми въ одно. Когда я умру, моя душа явится къ тебѣ.

Въ началѣ августа 1888 года Ирвингъ уѣхалъ изъ Лондона въ Неаполь.

Послѣднія слова его ко мнѣ были, что я никогда больше не увижу его; увижу, но уже не живымъ, такъ какъ онъ не можетъ жить съ разбитымъ сердцемъ, и самъ положитъ конецъ своей разбитой жизни.

Послѣ своего отъѣзда онъ не писалъ мнѣ ни разу, но я никогда не вѣрила, что онъ лишитъ себя жизни.

Въ ноябрѣ я писала ему письмо въ Сарно, но отвѣта не получила. Думая, что онъ или уѣхалъ изъ Сарно, или боленъ, или же путешествуетъ, и поэтому не заходилъ въ почтамтъ, я успокоилась на этомъ и даже не подумала о возможности его смерти.

Время шло и до 28 ноября со мною не случилось ничего особеннаго.

Въ эту ночь я сидѣла за столомъ около камина и усердно просматривала классныя тетради. Было около половины перваго. Оторвавъ случайно глаза отъ рукописи, я взглянула на дверь и, вдругъ, на порогѣ увидѣла Ирвинга. Одѣтъ онъ былъ такъ, какъ я его видѣла въ послѣдній разъ: въ пальто и цилиндрѣ; руки были опущены, по свойственной ему привычкѣ. Онъ держался очень прямо, какъ всегда, голова его была поднята къ верху; на лицѣ—выраженіе серьёзное и полное достоинства. Лицо его было обращено ко мнѣ и вдругъ приняло странное, скорбное выраженіе и сдѣлалось блѣдно, какъ у мертвеца. Казалось, онъ страдалъ отъ невозможности заговорить или шевельнуться.

Въ первую минуту я подумала, что онъ живой, и, смертельно испуганная, съ громко бьющимся сердцемъ, дрожащимъ голосомъ вскрикнула: о!

Но звукъ моего голоса еще не замеръ въ воздухѣ, какъ фигура его начала таять и, страшно сказать, *какъ* таять: онъ самъ скрылся сперва, а довольно долгое время спустя исчезли его пальто и шляпа. Я побѣлѣла и похолодѣла отъ ужаса и была до того напугана, что не могла ни встать, ни позвать на помощь. Страхъ до такой степени овладѣлъ мною, что я просидѣла всю ночь, не смѣя тронуться съ мѣста, не смѣя ни на секунду оторвать глазъ отъ двери, у которой мнѣ показался призракъ Ирвинга.

Съ невыразимымъ облегченіемъ увидѣла я проблески разсвѣта и услышала рядомъ движеніе другихъ жильцовъ.

Несмотря, однако, на все случившееся, я ни на минуту не подумала, что онъ умеръ, и что это исполненіе его обѣщанія. Я старалась стряхнуть съ себя овладѣвшее мною нервное состояніе и объясняла себѣ это явленіе галлюцинаціей зрѣнія, такъ какъ передъ этой ночью я нѣсколько ночей подъ рядъ провела за работой.

„А, все-таки, это странно“, думалось мнѣ иногда „очень ужъ все это было реально“.

Прошло три дня.

Какъ-то вечеромъ, я снова сидѣла одна и занималась, какъ вдругъ голосъ Ирвинга, громкій и ясный, позвалъ меня изъ-за окна.

„Джорджи! Ты здѣсь, Джорджи?“ спрашивалъ этотъ голосъ.

Убѣжденная въ томъ, что Ирвингъ вернулся въ Англію,—я не могла ошибиться, я слишкомъ хорошо знала его голосъ, встревоженная и смущенная, я выбѣжала на улицу.

Никого.

Страшно разочарованная вернулась я въ свою комнату. Я тревожилась за его судьбу въ послѣднее время и, дѣйствительно, была бы рада, если бы на этотъ разъ онъ самъ пріѣхалъ бы ко мнѣ.

— Нѣтъ, это онъ, думала я. Это *долженъ* быть Ирвингъ. Вѣдь я же своими ушами слышала, какъ онъ позвалъ меня. Навѣрное, онъ спрятался въ одномъ изъ сосѣднихъ подъѣздовъ, чтобы посмотрѣть, выйду ли я къ нему навстрѣчу, вообще, что я буду дѣлать. Я надѣла шляпку и прошла до конца улицы, заглядывая въ каждый подъѣздъ, гдѣ бы онъ могъ спрятаться.

Никого.

Позднѣе, ночью я поразительно ясно слышала, какъ Ирвингъ кашлялъ подъ моимъ окномъ, и кашлялъ нарочно, какъ это дѣлаютъ, желая привлечь чье-нибудь вниманіе.

И вотъ, начиная съ этой ночи, въ теченіе девяти недѣль, я постоянно слышала голосъ Ирвинга: иногда ежедневно, въ теченіе цѣлой недѣли, потомъ три раза въ недѣлю, потомъ черезъ двѣ ночи, потомъ черезъ три или четыре ночи. Начиная съ полуночи, а иногда и позже, голосъ его говорилъ со мною въ теченіе цѣлой ночи:

„Джорджи! Это я!“—говорилъ онъ иногда. Или же:

„Джорджи! Ты дома? Поговори съ Ирвингомъ“.

Потомъ наступала длинная пауза, послѣ которой раздавался глубокій, странный, нечеловѣческій вздохъ.

Иногда онъ не говорилъ ничего, кромѣ: „Ахъ, Джорджи, Джорджи!“

И это цѣлую ночь.

Однажды ночью, во время страшнаго тумана, Ирвингъ позвалъ меня такъ громко и ясно, что я моментально встала съ постели, увѣренная, что это не галлюцинація.

— „Онъ *долженъ* быть здѣсь,—говорила я самой себѣ.— Онъ живетъ здѣсь, гдѣ-нибудь по близости, это ясно, какъ Божій день. А если его здѣсь нѣтъ, то это только значитъ, что я схожу съ ума“.

Я вышла на улицу. Густѣйшій, черный туманъ стоялъ вокругъ меня непроницаемою стѣною.

Нигдѣ ни огонька.

Я громко крикнула:

— Ирвингъ! Ирвингъ! Иди сюда ко мнѣ! Вѣдь я знаю, что ты прячешься, чтобы испугать меня! Вѣдь я же сама видѣла тебя! Иди сюда и перестань дурачиться!

И вотъ, клянусь вамъ моею честью, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, изъ тумана, его голосъ крикнулъ мнѣ:

„— Это только я, Ирвингъ!

Потомъ глубокій, страшный вздохъ замеръ въ отдаленіи.

Каждую ночь я продолжала слышать кашель, вздохи и стоны.

Въ концѣ девятой недѣли я получила обратно мое письмо, съ помѣткою на немъ неаполитанскаго консула: „Signor O'Neille'e morto“.

Ирвингъ О'Нейлль умеръ 28 ноября 1888 г., *въ тотъ день, когда онъ мнѣ явился.*

Страннымъ во всей этой исторіи является то обстоятельство, что какъ только я узнала чисто-земнымъ способомъ о смерти Ирвинга, его страждущій духъ, казалось, успокоился; по крайней мѣрѣ, съ этого дня я больше никогда не слышала его голоса. Точно онъ зналъ, что никто не извѣщалъ меня о его смерти, и самъ онъ всѣми силами стремился увѣдомить меня о ней. Я была такъ поражена его появленіемъ 28 ноября 1888 года, что нарочно записала это число, съ намѣреніемъ написать ему объ этомъ. Я и написала, но мое письмо пришло въ Сарно уже послѣ его смерти. Что голосъ былъ его, въ этомъ для меня нѣтъ никакихъ сомнѣній, потому что у него былъ совсѣмъ особенный голосъ, какого я никогда и ни у кого не слышала. И при жизни, раньше чѣмъ постучать въ дверь и войти, онъ всегда прежде звалъ меня въ окно.

Когда его голосъ говорилъ: „ахъ, Джорджи!“,—это звучало такъ ужасно, такъ безнадежно грустно, вздохъ его говорилъ о такомъ безграничномъ отчаяніи, что сердце обливалось кровью отъ невозможности облегчить его, чувствуя при томъ его близость.

Но, какъ я уже сказала, съ полученіемъ матеріальнаго извѣщенія о его смерти, всѣ явленія прекратились.

Вотъ все, что я могу вамъ сообщить о бывшемъ со мною сверхъестественномъ случаѣ“. Джорджина Ф. („Ребусъ“ 1892 г. № 42).

11. **Видѣніе ребенка.** Въ воскресенье, 12 января 1891 года, около шести часовъ пополудни, нашъ маленькій сынъ Эрнестъ, сидя на колѣняхъ у отца передъ кухонной печью, вдругъ началъ волноваться и съ крикомъ: „наверхъ пошла дама“, соскочилъ съ колѣней и побѣжалъ на лѣстницу, куда за нимъ послѣдовали и мы, взявъ въ руки свѣчу. Онъ прямо направился къ кровати, на которой за три съ половиной мѣсяца передъ тѣмъ скончалась его бабушка. Не найдя ея на кровати, онъ сталъ искать по всей комнатѣ и, наконецъ, увидавъ ее около окна, бросился туда съ радостнымъ крикомъ: „бабушка, моя прелестная бабушка!“, протягивая къ окну свои маленькія ручёнки, но видѣніе перешло въ другой уголъ комнаты: ребенокъ, преслѣдуя его съ мѣста на мѣсто, опять вернулся къ окну, гдѣ оно исчезло пока мальчикъ посылалъ ему воздушные поцѣлуи, говоря: „прощай, прелестная бабушка! ушла, я ничего не вижу. Пойдемте внизъ!“

На слѣдующій день ребенокъ нѣсколько разъ ходилъ наверхъ въ бабушкину комнату, но ничего не видѣлъ. На третій день мать понесла его туда на рукахъ. Осмотрѣвъ кругомъ комнату, мальчикъ опять что-то увидалъ и съ восторгомъ вскрикнулъ: „моя милая, моя прелестная бабушка!“ Послѣ этого въ продолженіе недѣль двухъ онъ постоянно ходилъ наверхъ, но ничего уже не видалъ.

Эрнесту было немногимъ больше двухъ лѣтъ, когда умерла его бабушка; онъ очень любилъ ее, но никогда не видалъ иначе, какъ въ постели, гдѣ она пролежала около года, сильно страдая.

Эрнестъ не развитѣе и не нервнѣе дѣтей своего возраста. Когда его спрашиваютъ, гдѣ бабушка, онъ отвѣчаетъ, что она ушла въ рай, явно не понимая значенія этого слова. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней до этого событія, при ребенкѣ о покойницѣ ничего не говорили.

Священникъ Сентъ-Обеновской церкви прибавляетъ къ этому разсказу: — „Свидѣтельствую, что выше помѣщенное сообщеніе получено непосредственно отъ родителей ребенка и ими подписано; удостовѣряю при этомъ моей совѣстью, что, зная ихъ хорошо, считаю неспособными даже слегка измѣнить то, что по ихъ убѣжденію—истинно.

„Отецъ ребенка—сельскій рабочій, мать содержитъ мелочную лавочку; всѣ трое пользуются полнымъ здоровьемъ, ни родители, ни ребенокъ никогда не страдали нервами.

„Отецъ разсказывалъ мнѣ, что когда онъ ходилъ съ ребенкомъ наверхъ, то чувствовалъ особенный запахъ той кислоты, какая постоянно употреблялась во время болѣзни бабушки, жена же его ничего не чувствовала.

„Въ этомъ году и отецъ и мать оба говорили мнѣ, что отъ времени до времени въ разныхъ частяхъ дома слышится тиканье часовъ, причину котораго они никакъ не могутъ угадать; впрочемъ, они не придаютъ этому обстоятельству никакого особеннаго

значенія". („Annales des Sciences Psychiques" 1894 г. № 1).

12. **Явленіе призрака.** Г-жа Е. И. Раевская въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" за 1896 годъ, приводитъ слѣдующій случай, происшедшій въ Тулѣ въ 1859 г.:

„Сестра моего зятя, молодая баронесса М. М. Менгденъ, была замужемъ за графомъ Дмитріемъ Январьевичемъ Толстымъ. Графъ былъ добрѣйшей души человѣкъ; мужъ мой и мы всѣ его очень любили. У нихъ было два сына, старшему два года, меньшому нѣсколько мѣсяцевъ, когда отецъ ихъ заболѣлъ унаслѣдованною отъ матери чахоткою. Врачи отправили его на Іерскіе острова, на югъ Франціи. Осенью 1858 г. молодая графиня проводила мужа до границы и принуждена была возвратиться въ свое имѣніе къ малюткамъ дѣтямъ, которыхъ немыслимо было подвергнуть такому дальнему путешествію.

Чтобы понять, что ниже слѣдуетъ, я должна сдѣлать небольшое отступленіе и описать кабинетъ моего зятя въ Тулѣ. Къ нему вела дверь изъ передней; направо отъ этой двери, вдоль стѣны, стоялъ длинный, широкій, обитый темнозеленымъ сафьяномъ покойный диванъ, на которомъ сестра и я всегда помѣщались послѣ обѣда, пока мужское общество тутъ-же курило, разговаривало, иногда расхаживая по просторной комнатѣ или сидя на разставленныхъ въ ней покойныхъ креслахъ. Противъ окна стоялъ большой письменный столъ барона, длиной поперекъ комнаты, а налѣво небольшая, огороженная перилами лѣстница вела внизъ въ просторную же комнату, уборную барона, гдѣ ночевалъ мужъ мой (эта комната нижняго этажа находилась подъ самымъ кабинетомъ).

8-го ноября 1858 г. баронъ Менгденъ и мужъ мой провели вечеръ у князя В. А. Черкасскаго. Много они тамъ вмѣстѣ шутили, смѣялись и возвратились домой въ двѣнадцатомъ часу въ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа. Мужъ мой сошелъ къ себѣ внизъ, но еще не раздѣвался, а баронъ Владимиръ Михайловичъ, напѣвая какую-то пѣсню, подошелъ къ письменному столу, гдѣ горѣли двѣ свѣчи, и сталъ заводить свои карманные часы. Вдругъ, по какому-то непреодолимому чувству, онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на сафьянный диванъ, стоявшій у стѣны напротивъ стола. Что-жъ онъ видитъ! Зять его, графъ Толстой, блѣдный и худой лежитъ на диванѣ и полными грусти глазами на него смотритъ...

— Jean! — вскрикнулъ баронъ такимъ тревожнымъ голосомъ, что мужъ мой, на зовъ его, стремглавъ бросился къ нему вверхъ по лѣстницѣ...

Но образъ графа, мгновенно блѣднѣя, уже испарялся и, когда мужъ мой вбѣжалъ въ кабинетъ, отъ него оставалось лишь легкое, прозрачное облако, которое исчезало, поднимаясь къ потолку...

Мужъ мой любилъ Толстого. Проплакавъ всю ночь, онъ рано утромъ пришелъ наверхъ, гдѣ я съ дѣтьми помѣщалась.

— Толстого ужъ нѣтъ болѣе въ живыхъ!— сказалъ онъ мнѣ со слезами и разсказалъ мнѣ про видѣніе.

— Ни слова сестрѣ!—воскликнула я.—Вы знаете, до чего она нервна! У нея у самой были видѣнія, и она ихъ ужасно боится. А въ теперешнемъ ея положеніи всякое потрясеніе опасно. Къ тому же мы съ ней каждый день отдыхаемъ на этомъ самомъ диванѣ, который для нея самый покойный въ домѣ. Чтожъ будетъ съ ней, если она узнаетъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ...

— Правда, — отвѣчалъ мужъ, — мы съ Менгденомъ уже объ этомъ говорили...

На этомъ и порѣшили. Сестрѣ не сказали ни слова.

Только три мѣсяца спустя получена была съ Іерскихъ острововъ телеграмма, извѣщающая о внезапной кончинѣ графа Д. Я. Толстого. Итакъ, онъ былъ еще живъ, когда зять мой видѣлъ въ Тулѣ его печальный обликъ...

13. **Видѣніе А. С. Пушкина.** Однажды Пушкинъ сидѣлъ и бесѣдовалъ съ гр. Ланскимъ, при чемъ оба подвергали религію самымъ ѣдкимъ и колкимъ насмѣшкамъ. Вдругъ къ нимъ въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, котораго Пушкинъ принялъ за знакомаго Ланского, а Ланской за знакомаго Пушкина. Подсѣвъ къ нимъ, онъ началъ съ ними разговаривать, при чемъ мгновенно обезоружилъ ихъ своими доводами въ пользу религіи. Они не знали даже, что сказать, и, какъ пристыженныя дѣти, молчали, и, наконецъ, объявили гостю, что совершенно измѣнили свои мнѣнія. Тогда онъ всталъ и, простившись съ ними, вышелъ. Нѣкоторое время собесѣдники не могли опомниться и молчали; когда же заговорили, то выяснилось, что ни тотъ, ни другой незнакомца не знаетъ. Тогда позвали многочисленную прислугу, и тѣ заявили, что никто въ комнату не входилъ. Пушкинъ и Ланской не могли не признать въ приходѣ своего гостя чего-то сверхъестественнаго, тѣмъ болѣе, что онъ при первомъ же появленіи внушилъ къ себѣ какой-то страхъ, обезоружившій ихъ возраженія. Съ этого времени оба они были гораздо осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ относительно религіи.

14. **Бѣлая женщина**. Въ Гарцѣ, близъ небольшого городка Бланкенберга, пріютившагося у подошвы Бланкенштейна, расположенъ старинный замокъ, принадлежащій герцогамъ Брауншвейгскимъ. Трудно представить себѣ мѣстность болѣе очаровательную и романическую. Отъ самыхъ стѣнъ замка террасами спускается старинный вѣковой паркъ. Глубоко внизу чернѣетъ сѣренькій, скученный городокъ. Прямо передъ окнами замка, среди холмовъ, тянется рядъ скалъ, носящихъ названіе *Чортовой стѣны.* Справа и слѣва замокъ окруженъ глухимъ лѣсомъ, убѣжищемъ краснаго оленя и вепря. Съ фронта передъ замкомъ разстилается одна изъ тѣхъ обширныхъ равнинъ, съ бѣлѣющими тамъ и сямъ уединенными деревушками и чернѣющими дикими глыбами скалъ, которыя столь свойственны этой мѣстности.

Вилльямъ Уоттсъ, одинъ изъ піонеровъ спиритуализма въ Англіи, много лѣтъ тому назадъ посѣтилъ этотъ замокъ и видѣлъ въ немъ, между прочимъ, портретъ знаменитой „Бѣлой женщины“ призракъ которой появляется время отъ времени въ этомъ и во многихъ другихъ замкахъ Германіи, и появленіе котораго предвѣщаетъ обыкновенно смерть владѣтельной особы или кого-либо изъ придворныхъ.

Въ V томѣ *„Театра Европы“* Меріанъ разсказываетъ, что въ 1652 и 1653 годахъ она часто являлась въ берлинскомъ замкѣ; нерѣдко видали ее и въ карлсрускомъ. Что касается послѣдняго, то существуютъ два достовѣрныхъ разсказа, именно, какъ одна придворная дама, прогуливаясь въ сумерки по саду карлсрускаго замка съ своимъ мужемъ и нисколько не думая о бѣлой женщинѣ,— вдругъ увидала ее на дорожкѣ возлѣ себя и такъ ясно, что могла вполнѣ разглядѣть ея лицо. Сильно испугавшись, она перебѣжала на другую сторону, а привидѣніе исчезло. Мужъ ея привидѣнья не видалъ, но замѣтилъ смертельную блѣдность жены, равно какъ и то, что пульсъ ея бился лихорадочно. Вскорѣ послѣ того умеръ одинъ изъ членовъ семьи этой дамы.

Затѣмъ видѣлъ ее въ галлереѣ карлсрускаго же дворца, идущую къ нему навстрѣчу, одинъ изъ придворныхъ. Въ первую минуту онъ принялъ видѣніе за желавшую подшутить надъ нимъ придворную даму, и попробовалъ схватить его, но оно мгновенно исчезло.

Прошло уже почти триста пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она явилась въ первый разъ въ нейгаускомъ замкѣ, и первое время показывалась тамъ очень часто. Не разъ видали, и при томъ въ самый полдень, какъ она выглядывала изъ окна верхней, необитаемой башни. Появлялась она обыкновенно въ бѣлой одеждѣ, имѣя на головѣ вдовье покрывало съ большими бантами, была высокаго роста и съ добрымъ выраженіемъ красиваго лица.

Извѣстны только два ея явленія, во время которыхъ она говорила.

Одна изъ придворныхъ дамъ вошла въ свою уборную для примѣрки платья и спросила у горничной: который часъ? Въ это время изъ-за ширмъ вышла „Бѣлая женщина“ и отвѣчала: „десять часовъ, милостивая государыня“. Дама, конечно, очень испугалась, а черезъ нѣсколько недѣль занемогла и вскорѣ умерла.

Слова, сказанныя привидѣніемъ въ другой разъ, имѣли болѣе глубокое значеніе. Это было въ Берлинѣ, въ декабрѣ 1628 года. Явившись, бѣлая женщина произнесла полатини: „veni, judica vivos et mortuos; iudicium mihi adhuc superest“, то-есть: *приди, суди живыхъ и мертвыхъ—мнѣ еще предстоитъ судъ.*

Изъ многочисленныхъ явленій „Бѣлой женщины“ есть еще одно, особенно замѣчательное. Въ нейгаускомъ замкѣ существуетъ очень старинный обычай угощать въ великій четвергъ всѣхъ приходящихъ бѣдныхъ *сладкою кашей,* приготовляемой изъ овощей и меда, и еще давать имъ пива и каждому по семи кренделей. Когда въ тридцатилѣтнюю войну шведы, завладѣвъ городомъ и замкомъ, этого обычая не исполнили, то въ замкѣ началась такая суматоха, шумъ, гвалтъ по ночамъ, что не было никакой возможности тамъ оставаться. Часовымъ являлись разныя страшныя привидѣнія, невидимая сила повергала ихъ на землю, стаскивала офицеровъ съ ихъ кроватей. Несмотря ни на какія розыски, явленія продолжались, пока шведскій комендантъ, по совѣту одного изъ нейгаускихъ жителей, не исполнилъ древняго обычая, и не накормилъ бѣдныхъ *сладкой кашей;* тогда только все успокоилось.

Долго напрасно трудились надъ разгадкой, кто это таинственное существо, пока іезуитъ Болдуинъ не извлекъ изъ многихъ старинныхъ бумагъ и актовъ слѣдующую весьма вѣроятную исторію *Бѣлой женщины.*

Между портретами древнѣйшаго и славнаго рода Розенберговъ нашли одинъ, очень сходный съ бѣлой женщиной. Это портретъ Перхты или Берты фонъ-Розенбергъ. Она изображена на немъ одѣтою по модѣ того времени, вся въ бѣломъ. Родилась между 1420 и 1430 годами. Отецъ ея, Ульрихъ II фонъ-Розенбергъ, былъ оберъ-бургъ-графомъ Богеміи и, по соизволенію папы, главнымъ предводителемъ католическихъ войскъ противъ гусситовъ, а мать—Катерина Бартенбергъ, умершая въ 1436 году. Берта въ

1449 году вступила въ бракъ съ Іоанномъ фонъ-Лихтенштейнъ, богатымъ и знатнымъ барономъ *Штейерморкскимъ,* но была съ нимъ очень несчастлива, такъ что вынуждена была искать у своихъ родственниковъ защиты отъ различныхъ оскорбленій и притѣсненій развратнаго мужа, послѣ смерти котораго она жила вмѣстѣ съ братомъ своимъ Генрихомъ IV Розенбергомъ, вступившимъ въ управленіе Богеміей въ 1451 году и умершимъ безъ наслѣдниковъ въ 1457 г. Берта до самой смерти своей не могла примириться съ памятью мужа и перешла въ тотъ міръ непримиренной.

Послѣ смерти брата Берта жила въ Нейгаузѣ и построила тамошній замокъ, стоившій огромныхъ трудовъ ея поданнымъ. Ободряя ихъ труды, она обѣщала имъ сверхъ честной расплаты деньгами, по окончаніи постройки, угостить работниковъ и ихъ семьи *сладкою кашей,* что и было ею исполнено. Во время великолѣпнаго пира, заданнаго ею всѣмъ окрестнымъ крестьянамъ, она, желая увѣковѣчить память о ихъ усердіи, установила ежегодное въ этотъ день угощепіе бѣдныхъ. Впослѣдствіи ея наслѣдники нерепесли его на великій четвергъ.

Въ точности неизвѣстно, когда умерла Берта, но полагаютъ, что въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. Портреты ея сохранились во многихъ замкахъ въ Богеміи, и на всѣхъ она изображена въ бѣломъ вдовьемъ платьѣ съ покрываломъ на головѣ. Изображеніе это очень напоминаетъ *Бѣлую женщину.*

Она является во всѣхъ замкахъ, гдѣ живутъ ея потомки, и всегда ея появленіе предвѣщаетъ или чью-нибудь смерть, или какое-нибудь несчастіе. (См. „Теорію науки о духѣ, Юнга Штиллинга"; сн. „Ребусъ" 1884 г., № 12).

15. Разсказъ Р. Оуэна объ отцѣ, умершемъ въ Европѣ, который явился сыну въ Америкѣ.

> «Для ума, не омраченнаго ходячими предразсудками, будетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ фактъ привидѣній признавался бы такъ единодушно во всѣхъ странахъ, если бы ихъ никто никогда не видѣлъ». — Джоржъ Страганъ.

Одинъ изъ замѣчательныхъ видовъ скептицизма, это — отрицаніе того, что допускалось во всѣ вѣка, — возможнаго появленія такъ называемыхъ у насъ мертвецовъ. Фантастическія принадлежности ходячихъ сказокъ о привидѣніяхъ, — страшныя лица, обнаженные скелеты, звонъ цѣпей, запахъ сѣры, синеватое пламя, — немало поспособствовали этому новѣйшему саддукейству. Ложныя представленія и болѣзненныя чувства, вызываемыя явленіемъ смерти, помутили не только наше сужденіе, но и наши ощущенія. Тѣхъ, кого мы любили въ этомъ мірѣ, мы пріучились бояться тотчасъ по переходѣ ихъ въ другой. Мы помышляемъ съ ужасомъ о возможности ихъ появленія; пожалуй, лишаемся чувствъ, когда они внезапно предстанутъ, потому что страхъ ослѣпляетъ: это — отецъ суевѣрія.

Въ дѣтской, или при домашнемъ очагѣ, дѣти наши слушаютъ страшные разсказы о привидѣніяхъ и трепещутъ отъ ужаса. Это духовный ядъ, гибельный равно и для душевнаго спокойствія и для трезваго религіознаго чувства. Если ужъ сообщать что-нибудь дѣтямъ о духахъ, то будемъ лучше говорить имъ такъ же спокойно, какъ говоримъ о любомъ естественномъ явленіи, что всѣ мы тоже будемъ современемъ духами; что только часть нашей жизни протекаетъ здѣсь, а остальную мы будемъ проводить въ другомъ мірѣ, котораго теперь не видимъ, но который совершеннѣе и прекраснѣе нашего. Надо бы прибавлять, что, можетъ-быть, мы будемъ въ состояніи приходить обратно изъ того міра и являться нѣкоторымъ своимъ старымъ друзьямъ; что, можетъ-быть, и имъ, нашимъ дѣтямъ, выпадетъ такое счастье, что, прежде своего ухода, они увидятъ кого-нибудь изъ отшедшихъ раньше, — увидятъ то, что люди называютъ духомъ или привидѣніемъ.

Очень вѣроятно, что нервы ихъ были бы нѣсколько потрясены, если бы это дѣйствительно случилось. Точно такъ громъ, когда его слышатъ въ первый разъ, можетъ повергать въ трепетъ. Но, если дѣти хорошо воспитываются, они скоро пріобрѣтутъ способность наблюдать, безъ напраснаго волненія, и то и другое явленіе. Когда бы люди, въ общей ихъ массѣ, достигли такого духовнаго строя, и привидѣнія стали бы, вѣроятно, явленіемъ болѣе обычнымъ. Духи, читая наши мысли, часто, конечно, воздерживаются отъ проявленія себя людямъ, такъ какъ видятъ, что, проявившись, вызвали бы только ужасъ.

О привидѣніяхъ самопроизвольныхъ ограничусь только однимъ примѣромъ. — Разсказъ свой могу подкрѣпить означеніемъ имени, мѣста и времени. Это одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ появленія близкаго лица вскорѣ послѣ смерти.

Въ 1862 году, г. Брэдгёрстъ Шиффлинъ (Bradhurst Schieffelin), членъ извѣстной фирмы Шиффлинъ и К° въ Нью-Іоркѣ, очень любезно доставилъ мнѣ этотъ разсказъ, при слѣдующей запискѣ:

„Нью-Іоркъ. Іюня 12, 1862 г.

„М. Г. Вмѣняю себѣ въ удовольствіе сообщить вамъ прилагаемое при семъ письмо о. Фредерика Штэйнса (rev. Frederick Steins), гдѣ онъ говоритъ о фактѣ явленія ему отца. г. Штейнсъ, нѣмецъ и въ высшей степени почтенная личность, служитъ пасторомъ при пресвитеріанской церкви на Madison-street, въ этомъ городѣ, и завѣдуетъ очень обширною приходскою общиной изъ нѣмцевъ".

Вотъ приложеніе къ письму.

„Нью-Іоркъ. Іюня 10, 1862 г.

„Согласно вашей просьбѣ, выраженной въ письмѣ, я передаю вамъ обстоятельства, непосредственно связанныя съ фактомъ явленія моего отца.

„13 декабря 1847 года, я гулялъ съ двумя моими старшими сыновьями на Grand-street, въ Нью-Іоркѣ. Дѣло было днемъ, передъ полуднемъ, и панель была полна народа. Тутъ мнѣ предстала вдругъ фигура моего отца. Онъ былъ въ своей обычной одеждѣ, съ своею, хорошо знакомою мнѣ, шляпой на головѣ, съ всегдашнею трубкою въ рукѣ, — и смотрѣлъ на меня очень серьёзно; затѣмъ такъ же внезапно исчезъ.

„Я былъ очень испуганъ и немедленно написалъ домой о происшедшемъ. Чрезъ нѣсколько времени ко мнѣ пришло письмо отъ одного изъ братьевъ, изъ Нейкирхена, въ прирейнской Пруссіи, гдѣ жило наше семейство. Братъ извѣщалъ меня, что утромъ 13 декабря отецъ мой тамъ скончался. Еще за завтракомъ въ этотъ день онъ былъ въ своемъ обычномъ здоровьи, и говорилъ обо мнѣ, выражая на мой счетъ большое безпокойство. Послѣ завтрака онъ уходилъ изъ дому и, воротившись назадъ, упалъ мертвымъ, пораженный вдругъ апоплексическимъ ударомъ.

„Я узналъ потомъ, что въ моментъ смерти на немъ была та самая одежда, въ которой я его видѣлъ, та же шляпа на головѣ, и трубка, по обыкновенію, въ рукѣ.

„Съ истиннымъ почтеніемъ...

„Ф. Штэйнсъ".

Забота объ отсутствующемъ сынѣ, которую отецъ выражалъ непосредственно передъ смертью, — черта очень замѣчательная въ этомъ примѣрѣ. (Робертъ Дэль Оуэнъ: „Спорная область между двумя мірами", С.-Пб. 1881 г., стр. 191—194).

16. **Два историческихъ разсказа о привидѣніяхъ.** а) Въ примѣчаніи къ одному изъ своихъ стихотвореній Вальтеръ Скоттъ упоминаетъ о привидѣніи, видѣнномъ леди Феншау. Въ недавно изданныхъ запискахъ леди Феншау, упоминая о зимѣ 1650—51 г., проведенной ею въ Ирландіи съ сэромъ Ричардомъ Феншау, она говоритъ: „мы поѣхали къ леди Оноръ О'Бріанъ, младшей дочери графа Томанда, и пробыли у нея три дня. Въ первую ночь, около часу пополуночи, я была разбужена какимъ-то голосомъ. Раздвинувъ занавѣсы постели, я при свѣтѣ луны увидѣла женщину всю въ бѣломъ, съ рыжими волосами и блѣднымъ страннымъ лицомъ, лежащую на подоконникѣ и смотрящую къ намъ въ окно. Проговоривъ три раза такимъ голосомъ, какого я никогда не слыхивала въ жизни: *лошадь!* она исчезла со вздохомъ, болѣе похожимъ на порывъ вѣтра, нежели на человѣческое дыханіе, при чемъ вся ея фигура показалась мнѣ болѣе похожей на густое облако, нежели на человѣческое существо. Я стала толкать и щипать моего мужа, спящаго крѣпкимъ сномъ; мнѣ удалось, однако, разбудить его, и онъ чрезвычайно удивился, увидѣвъ меня въ такомъ страхѣ, и былъ пораженъ еще болѣе, когда я ему разсказала о случившемся и показала, что окно было открыто. Въ остальную часть ночи ни одинъ изъ насъ не сомкнулъ глазъ, и мужъ разсказалъ мнѣ, что въ Ирландіи приходится имѣть дѣло съ подобными явленіями чаще, чѣмъ въ Англіи. Около пяти часовъ насъ пришла навѣстить хозяйка дома, говоря, что она не ложилась во всю ночь, такъ какъ двоюродный братъ ея О'Бріанъ, предки котораго владѣли когда-то этимъ домомъ, просилъ ее не оставлять его до послѣдней минуты его жизни, и умеръ въ два часа ночи. Затѣмъ она прибавила: „надѣюсь, что васъ ничто не обезпокоило, такъ какъ здѣсь обыкновенно такъ бываетъ, что передъ смертью какого-нибудь члена семейства въ окнѣ начинаетъ каждую ночь появляться женщина. Много лѣтъ тому назадъ эта несчастная имѣла ребенка отъ хозяина дома. Этотъ послѣдній убилъ ее въ своемъ саду и бросилъ въ рѣку, протекающую подъ окномъ. Даю вамъ слово, что я не подумала объ этомъ. когда отводила вамъ эту комнату, какъ самую лучшую въ домѣ". Ничего не отвѣтивъ ей на это, мы поспѣшили убраться оттуда". (Lady Fanshaw's Memoirs).

б) Въ Кнебвортѣ, родовомъ помѣстьѣ лорда Литтона, есть комната, называемая „комнатой желтаго мальчика". Разсказываютъ, что лордъ Кастльри (о которомъ упомянуто у Байрона) былъ однажды въ гостяхъ у отца покойнаго лорда Литтона. Ему отвели комнату „желтаго мальчика", ни о чемъ не предупредивъ его. На слѣдующее утро лордъ Кастльри разсказалъ м-ру Бульверу, что былъ разбуженъ ночью самымъ непріятнымъ и поразительнымъ образомъ. — Я чувствовалъ себя очень усталымъ,—сказалъ лордъ—и скоро заснулъ. Не знаю, что разбудило меня,—я посмотрѣлъ

по направленію камина и увидѣлъ, что тамъ сидѣла, повернувшись ко мнѣ спиною, какъ будто фигура мальчика съ длинными желтоватыми волосами. Когда я на него взглянулъ, мальчикъ всталъ, направился ко мнѣ и, отдернувъ одной рукой занавѣсъ въ ногахъ моей постели, пальцами другой руки провелъ два или три раза себѣ по горлу. Я видѣлъ его такъ ясно, какъ вижу теперь васъ,— прибавилъ лордъ.—Вы, должно-быть, видѣли это во снѣ,—сказалъ Бульверъ.—Нѣтъ, я совершенно проснулся въ то время.—М-ръ Бульверъ *не нашелъ нужнымъ* сообщить лорду Кастльри, что „желтый мальчикъ" всегда появлялся людямъ, которымъ было предназначено умереть насильственной смертью, и что при этомъ онъ всегда указывалъ на родъ этой смерти. (Автобіографія и воспоминанія Trrith'а: Trith Autobiography and Reminiscences, vol. II, p. 309; сн. „Ребусъ" 1889 г., № 31).

17. **Видѣніе каноника краковскаго Якова Гурскаго.** Яковъ Штенбергъ Гурскій, каѳедральный каноникъ краковскій, бывшій восемь разъ избираемъ ректоромъ краковской академіи, по желанію короля Стефана Баторія выбранъ былъ архіепископомъ Маріинской церкви въ Краковѣ. На второй годъ своего служенія онъ сидѣлъ, однажды, поздно ночью у себя дома и разговаривалъ со своимъ клирикомъ Микульскимъ у стола, нагруженнаго книгами и бумагами, которыя Микульскій приводилъ въ порядокъ; онъ ему говорилъ: „сегодня я утомился, диктуя, но хотѣлъ докончить это дѣло; меня поддерживало желаніе борьбы въ защиту моего бывшаго когда-то ученика, теперь друга Соколовскаго. Виртембергскій профессоръ Крузнушъ, можетъ, еще не уступитъ сразу, но..."

Но тутъ епископъ внезапно умолкъ и вперилъ взоръ свой въ сторону двери, а рукой перекрестился, а черезъ минуту, какъ будто отвѣчая на какую-то рѣчь, промолвилъ прежде: „итакъ, въ награду", потомъ: „радостная вѣсть, прими, Господь, мою благодарность"; при этихъ словахъ онъ сталъ на колѣни и молился. Клирикъ смотрѣлъ на него удивленными глазами, и хотя не зналъ, что все это значитъ, но не могъ продолжать своего чтенія: какая-то невольная сила, возбуждавшая въ немъ чувство глубокаго уваженія и почитанія, заставляла его молчать. Только когда старецъ послѣ краткой молитвы всталъ и, приблизившись къ нему, спросилъ: „и ты тоже видѣлъ и слышалъ его?"—онъ ему едва могъ отвѣчать дрожащимъ голосомъ: „только вашу с...". „Твой дрожащій голосъ показываетъ страхъ, удали его отъ себя, а со мной вмѣстѣ радуйся, что я удостоился такой великой милости Божіей..., и то, что Господь инымъ хорошаго только во снѣ объявляетъ, я самъ на яву, своими глазами видѣлъ". Такъ говорилъ почтенный старецъ, а глаза его полны были слезъ благодарности и восторга, невыразимымъ свѣтили блескомъ, который освѣщаетъ душу въ минуты вдохновенія, когда она полна прекрасными мыслями, приближающими ее къ Богу, и такъ преобразилось лицо епископа, что передать этого нельзя; Микульскій, невольно пораженный до глубины души его видомъ, палъ на колѣни и цѣловалъ его ноги.

— Встань, встань, милый мой, съ этимъ благословеніемъ, которое первому тебѣ даю, въ этихъ послѣднихъ минутахъ своей земной жизни ты первый услышишь, что мнѣ приказано объявить людямъ.

Послушавъ его приказа, клирикъ всталъ, и вотъ что услышалъ отъ епископа гурскаго: „истину словъ моихъ подтвердитъ смерть наша, объявленная устами благословеннаго Леополиты, очи наши его видѣли и слышали мы слѣдующія слова: „когда второй разъ солнце засвѣтитъ на небѣ, Господь позоветъ васъ на хвалу. Чтобы не думали, что эта смерть предсказана мною, недостойнымъ служителемъ Матери Божіей, объяви людямъ мои слова". Сказавъ эти слова, онъ исчезъ, оставивъ во мнѣ невѣроятно радостное чувство".

Тогда клирикъ Микульскій взялъ его руку и, орошая ее слезами и цѣлуя, воскликнулъ: „о, неисповѣданныя судьбы Божіи!" „о, неисповѣданныя",—повторилъ за нимъ епископъ и, не давъ ему болѣе говорить, удалилъ его и остался одинъ.

На другой день онъ объявилъ о своемъ видѣніи и, ожидая предсказанной смерти, исповѣдался и пріобщился, чтобы умереть, какъ жилъ, добрымъ христіаниномъ. Умеръ онъ, какъ было ему объявлено, при восходѣ солнца на другой день. („Часъ", ежемесячное приложеніе 1857 г., т. VIII, стр. 473. Іосифа Мончинскаго; сн. „Ребусъ" 1898 г., № 15).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ природѣ много необъяснимаго.

(Мысли К. Фламмаріона).

Конецъ нашего столѣтія имѣетъ сходство съ концомъ прошлаго. Умъ утомился положительными умозаключеніями философіи, называющей себя позитивной. Явились смутныя догадки, что она заблуждается. Послѣ Вольтера и школы XVIII столѣтія увлекались Месмеромъ, Лафатеромъ, Сведенборгомъ, Сенъ-Мартеномъ (неизвѣстнымъ философомъ), Дюпонъ-Немуромъ и другими мыслителями мистическаго пошиба: впрочемъ, всѣ они

имѣли болѣе серьёзное научное значеніе, нежели вообще думаютъ. Месмеръ, напримѣръ, зналъ гораздо больше всей академіи наукъ о теоріи волнъ эѳира, т.-е. о самой основѣ современной физики. Но болѣе всего жаждали узнать что-нибудь новое о силахъ природы; вокругъ колыбели животнаго магнитизма носились разнообразныя мечты о будущемъ и какъ бы надежды на физическое перерожденіе человѣчества. То же самое и въ наше время. Казалось, Огюстъ Контъ и Литтре окончательно намѣтили путь для науки, а именно указали ей направленіе позитивное. Допускать только то, что мы видимъ, осязаемъ, слышимъ, словомъ то, что поддается непосредственному удостовѣренію нашихъ чувствъ, и не стараться познавать неудобопознаваемое — вотъ правило науки за послѣднія тридцать - сорокъ лѣтъ.

Но вотъ въ чемъ дѣло. Анализируя свидѣтельство нашихъ чувствъ, мы убѣждаемся, что они обманываютъ насъ на каждомъ шагу. Мы видимъ, что солнце, луна и звѣзды вращаются вокругъ насъ: это невѣрно. Мы видимъ, что земля неподвижна:—опять невѣрно. Мы видимъ, что солнце восходитъ надъ горизонтомъ, но оно еще подъ нимъ. Мы прикасаемся къ твердымъ тѣламъ: ихъ нѣтъ. Мы слышимъ гармоническіе звуки, но это не такъ: воздухъ передаетъ только волнообразныя колебанія, которыя нѣмы сами по себѣ. Мы любуемся эффектами свѣта и красокъ, оживляющихъ въ нашихъ глазахъ великолѣпное зрѣлище природы: въ сущности же нѣтъ ни свѣта, ни красокъ, а только безцвѣтныя движенія эфира, которыя, поражая нашъ зрительный нервъ, даютъ намъ впечатлѣніе свѣта. Мы обжигаемъ ноги у огня: но вѣдь только въ мозгу нашемъ отзывается ощущеніе обжога. Говорится о жарѣ и о холодѣ: во всей вселенной нѣтъ ни жара, ни холода, а есть только движенія. Итакъ, наши чувства обманываютъ насъ насчетъ дѣйствительности. Ощущеніе и дѣйствительность — двѣ вещи разныя.

Но это еще не все. Кромѣ того, наши жалкія пять чувствъ очень недостаточны. Они позволяютъ намъ воспринимать лишь самое ограниченное число движеній, составляющихъ жизнь вселенной. Чтобы дать объ этомъ понятіе, я повторяю здѣсь то, что писалъ въ «Lumen'ѣ» двадцать лѣтъ назадъ: «между послѣднимъ акустическимъ ощущеніемъ, воспринятымъ нашимъ ухомъ, благодаря 38.850 колебаній въ секунду, и первымъ оптическимъ впечатлѣніемъ, воспринятымъ нашимъ зрѣніемъ благодаря 458.000.000.000.000 колебаній въ равную единицу времени, мы ничего не можемъ воспринять. Здѣсь громадный интервалъ, съ которымъ никакое чувство не приводитъ насъ въ общеніе. Если бъ у насъ были другія струны на нашей лирѣ—десять, сто, тысяча, то гармонія природы передавалась бы полнѣе, приводя ихъ въ колебаніе». Съ одной стороны наши чувства обманываютъ насъ; съ другой—они передаютъ намъ не все, что происходитъ вокругъ насъ. Слѣдовательно, тутъ нечѣмъ особенно гордиться и возводить въ принципъ мнимую позитивную философію.

Вотъ одинъ предметъ — явленіе умирающихъ людямъ, находящимся отъ нихъ въ большемъ или меньшемъ отдаленіи. Позитивисты пожимаютъ плечами, когда услышатъ о подобномъ; заняться этимъ хоть на минуту — значитъ, по ихъ мнѣнію, терять даромъ время и, вдобавокъ, вернуться къ суевѣріямъ давно минувшихъ вѣковъ. *Невозможно*, утверждаютъ они, чтобы одно существо являлось другому въ видѣніи или сообщило ему какимъ бы то ни было образомъ, что оно переходитъ изъ жизни въ иной міръ. Слово «невозможно» уже исчезло изъ философскаго лексикона со времени поразительнаго и неожиданнаго развитія современной физики. Послѣ открытія фотографіи, пара, телеграфа, телефона, спектральнаго анализа свѣтилъ, внушенія мыслей и гипнотизма, — всякій, кто захотѣлъ бы провести границу возможному, — отсталъ бы, по крайней мѣрѣ, на полвѣка отъ самаго маленькаго ученика элементарной школы.

На это возразятъ: какъ объяснить себѣ подобныя отношенія? Мы можемъ допустить только то, что въ состояніи объяснить.

Но это большая ошибка. Можете вы объяснить себѣ, почему камень падаетъ? Нѣтъ, не правда ли? Вы не знаете сущности тяготѣнія. Въ такомъ случаѣ, будьте скромнѣе и не осуждайте тѣхъ, кто хочетъ знать объ этомъ немного болѣе. Бываютъ ли видѣнія? Вотъ въ чемъ вопросъ. Если они бываютъ, то слѣдуетъ ихъ допустить. Объяснимъ ихъ послѣ... если можемъ [1]).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Свойство нѣкоторыхъ людей накоплять въ себѣ электричество.

Нельзя сомнѣваться, говоритъ „Петербургская Газета", въ томъ, что существуютъ электрическіе люди, организмъ которыхъ представляетъ настоящую электрическую машину, продуцирующую электричество въ неизмѣримо большемъ количествѣ, чѣмъ организмъ электрическихъ скатовъ, угрей и т. п. животныхъ.

[1]) Признаніе посмертнаго существованія человѣческой личности, о чемъ учитъ христіанская религія, а равно признаніе явленій душъ умершихъ людей живымъ, что бываетъ всякій разъ по допущенію Промысла Божія для какихъ-либо высшихъ

1. Это замѣчательное явленіе въ первый разъ, кажется, было открыто у молодой дѣвушки Анжелики Коттэнъ, изъ деревни Бовиньи, близъ Перьера (въ департаментѣ Орнъ, во Франціи). Дѣвушка была по виду очень здоровая, крѣпкая, но крайне апатичная, такъ что производила впечатлѣніе полудурочки. 15 января 1846 года она занималась въ обществѣ троихъ подругъ обычнымъ своимъ дѣломъ — вязаніемъ шелковыхъ перчатокъ. Время близилось уже къ вечеру. На улицѣ была сильная гроза. Молніи то и дѣло бороздили покрытое густыми тучами небо. Раскаты грома не умолкали. Вдругъ раздался одинъ сильнѣйшій ударъ, и комнату озарилъ яркій свѣтъ. Въ то же время стоявшій около Анжелики Коттэнъ тяжелый дубовый столикъ, къ которому была прикрѣплена основа шелковой ткани, вздрогнулъ, какъ бы отъ удара, и зашатался во всѣ стороны. Испуганныя невиданнымъ явленіемъ, трое подругъ Коттэнъ съ ужасомъ бросились вонъ изъ дома. На крикъ ихъ сбѣжались сосѣди, которые, не видя ничего подозрительнаго, побранили дѣвушекъ за безпокойство и велѣли имъ приняться за работу. Но едва Коттэнъ, слѣдуя примѣру подругъ, взялась за ткань, какъ дубовый столикъ снова зашатался, отлетѣлъ въ сторону и опрокинулся. Свидѣтели этой сцены единогласно заявили тогда, что Анжелика — колдунья, продавшая свою душу діаволу, и что единственное средство вырвать ее изъ власти сатаны, — это молитвы благочестиваго кюрэ. Позвали священника. Къ счастью, послѣдній оказался просвѣщеннымъ человѣкомъ. Внимательно выслушавъ разсказъ про необыкновенныя явленія и заставивъ дѣвушку при себѣ повторить ихъ, онъ сразу понялъ, что имѣетъ дѣло съ какою-то таинственною физическою болѣзнью, требующею помощи врача. Этотъ почтенный человѣкъ успокоилъ подозрѣнія односельчанъ и даже взялъ бѣдную дѣвушку подъ свое покровительство, заинтересовавшись желаніемъ разгадать эти таинственныя явленія. Между тѣмъ послѣднія продолжались, усиливаясь съ каждымъ днемъ. Съ приближеніемъ дѣвушки, столикъ качался, несмотря на всѣ усилія нѣсколькихъ человѣкъ удержать его. Пробовали привязывать конецъ перчатки, надъ которою работала Анжелика, къ тяжелой колодѣ около 5 пудовъ вѣса, но и она приходила въ сильное движеніе, хотя соединялась съ дѣвушкой лишь шелковою тканью. При нечаянномъ прикосновеніи ея платья, таганъ, щипцы, лопатки летали въ разныя стороны, словно кто нарочно раскидывал ихъ. Висѣвшія на поясѣ Анжелики ножниц раскачивались, подобно маятнику, изъ сто роны въ сторону. Явленія стали распростра няться и на живыхъ лицъ: едва кто прибли жался къ дѣвушкѣ, даже не касаясь ея, как чувствовалъ сильное подергиваніе мускулов въ поджилкахъ.

Затѣмъ всякія явленія прекратились н $3\frac{1}{2}$ сутокъ, но по истеченіи этого проме жутка возобновились съ большею силою Стулья, столы, скамейки, кровать — все в хаотическомъ безпорядкѣ приходило въ дви женіе вокругъ Анжелики, едва она прибли жалась къ чему-нибудь. Всякое занятіе ока залось невозможнымъ для нея: если он хотѣла шить, иголка вонзалась ей въ руку хотѣла разрѣзывать что-нибудь,— ножъ впи вался въ тѣло, бралась за вилку, — та про калывала ей щеку. Бѣдная дѣвушка не могл даже сѣсть на мѣсто, такъ какъ всѣ стуль отлетали отъ нея на разстояніе нѣсколькихъ метровъ. Отчаявшись занять мѣсто на мебели она принуждена была расположиться на по лу. Чтобы развлечь ее и занять ея время ей поручили разбирать корзину фасоли. Н и это занятіе оказалось невозможнымъ; едв только она засунула въ корзину руку, как вся фасоль мгновенно разсыпалась и затан цовала по полу, а корзина сдѣлала нѣскольк большихъ прыжковъ.

Видя, что явленія принимаютъ нешуточ ный характеръ и грозятъ большимъ безпо койствомъ, родные Анжелики обратились въ ближайшій городъ Мамеръ за врачебною по мощью. Но мамерскіе медики, изъ боязни ли взяться за неизвѣстную болѣзнь, или, мо жетъ-быть, считая болѣзнь Коттэнъ простымъ притворствомъ, отказались даже видѣть дѣ вушку, которая была предоставлена таким образомъ на волю таинственной силы.

Многіе мѣстные интеллигенты, заинтере совавшись Анжеликой, старались опредѣлит природу ея явленій. По общему мнѣнію, дѣ вушка обладала большою электрическою си лою, но опредѣлить эту силу, при помощ извѣстныхъ тогда электроскоповъ, не удава лось. Между тѣмъ, для всѣхъ очевидно было что они имѣютъ дѣло въ полномъ смысл съ электрической дѣвушкой, организмъ кото рой развиваетъ сильный электрическій токъ Это предположеніе подтверждалось всѣмъ ха рактеромъ явленій.

Интересъ, возбужденный необыкновенною дѣвушкою, былъ такъ великъ, что многіе издалека спеціально пріѣзжали въ Бовиньи чтобы посмотрѣть на нее. Въ числѣ ихъ были гг. Оливье, инженеръ въ Мортани, д-ръ Верже, д-ръ Бомонъ-Шардонъ и др., которые произвели тщательныя изслѣдованія дѣвушки.

религіозно-нравственныхъ цѣлей, напр. для обличенія господствующаго невѣрія и нечестія, забывающаго о бытіи духовнаго міра, есть, на нашъ взглядъ, самое разумное объясненіе явленій духовидѣнія. *Свящ. Г. Д—ко.*

Прежде всего они изслѣдовали, что будетъ, если стулъ или кресло, на которые должна сѣсть дѣвушка, изолировать помощью стеклянныхъ подставокъ. Оказалось, что тогда дѣвушка могла спокойно садиться, если еще положить подъ ея ноги стеклянную бутылку. Въ такомъ положеніи Анжелика могла даже работать, если изолировать и столъ, на которомъ лежала ея работа.

Потомъ наблюдатели постарались опредѣлить, что испытываетъ сама дѣвушка, когда происходятъ съ нею электрическія явленія. Съ этою цѣлью они клали свои пальцы на руку дѣвушки, послѣдовательно, начиная съ кисти и кончая локтемъ. Анжелика чувствовала тяжелое состояніе, выражавшееся въ подергиваніи мускуловъ, но боль была не настолько значительна, чтобы она не могла переносить ее. Но когда приближали палецъ къ ея локтю, то дѣвушка съ крикомъ боли бросалась въ сторону. Такое же тяжелое ощущеніе она испытывала, когда приближали палецъ къ затылку или позвоночному столбу. Напротивъ, приближеніе пальца къ лицевымъ частямъ головы не производило никакого дѣйствія. Вообще состояніе, которое испытывала дѣвушка, было точь въ точь такое, какое бываетъ, когда касаешься разрядника электрической машины. Вмѣсто пальца можно было прикасаться къ тѣлу Анжелики сургучною или стеклянною палочкою, потертыми о сукно, — дѣйствіе было одинаковое: Анжелика чувствовала сильный уколъ. Напротивъ, если эти предметы были разъэлектризованы или не натерты, то дѣвушка не испытывала отъ прикосновенія ихъ ничего.

Наконецъ, произвели интересный опытъ съ магнитомъ. Когда послѣдній приближали къ лѣвой рукѣ или къ головѣ дѣвушки, то у нея являлось крайне непріятное чувство бѣгающихъ по тѣлу мурашекъ. Простое, не намагниченное желѣзо не производило этого дѣйствія. Далѣе, магнитная стрѣлка, повѣшенная на шелковинкѣ къ потолку, приходила въ дрожаніе и отклонялась отъ своего нормальнаго положенія, едва къ ней приближалась лѣвая рука Анжелики.

Видя, что дѣвушка все больше и больше интересуетъ публику, родители стали эксплоатировать ее и показывали только за деньги, а чтобы заработать побольше, 10 февраля привезли ее въ Парижъ. Расчетъ ихъ вполнѣ оправдался: необыкновенную дѣвушку осаждали толпы любопытныхъ, простыхъ смертныхъ и ученыхъ. Между прочимъ, ее посѣтили знаменитый Араго, бывшій тогда секретаремъ академіи наукъ, и д-ръ Танху, который произвелъ рядъ интересныхъ изслѣдованій.

Оказалось, что явленія усиливались обыкновенно къ вечеру, часамъ къ 7—9. Подергиваніе мускуловъ и сотрясеніе въ тѣлѣ дѣвушка чувствовала больше всего на передней сторонѣ тѣла и только съ лѣвой стороны. Лѣвая рука ея постоянно дрожала и казалась болѣе горячей, чѣмъ правая. Пульсъ ея измѣнялся отъ 105 до 120 ударовъ въ минуту. Когда къ этой рукѣ приближали сѣверный полюсъ магнита, то Анжелика чувствовала страшное сотрясеніе; южный же полюсъ не производилъ такого дѣйствія. Такимъ образомъ дѣвушка, закрывъ глаза, могла точно опредѣлить магнитные полюсы. Во время пароксизмовъ Анжелика не могла ни до чего дотронуться лѣвою рукою: все перевертывалось вверхъ ногами и летѣло въ разныя стороны.

Послѣ этихъ опытовъ Араго сдѣлалъ докладъ въ академіи наукъ и, по его предложенію, назначили комиссію, въ которую вошли ученѣйшіе люди Франціи: самъ Араго, Беккерель, Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, Баденъ и др. Комиссія, вооружившись всевозможными физическими приборами, принялась тщательно изслѣдовать дѣвушку, но ничего не открыла. Было очевидно, что таинственная сила, тратившаяся въ теченіе 2 мѣсяцевъ, истощилась, и нужно было дать организму время возобновить ее. Къ сожалѣнію, ученая комиссія не сдѣлала этого и поспѣшила притти къ тому заключенію, что никакихъ электрическихъ явленій у Анжелики Коттэнъ и не существовало. Такимъ образомъ она голословно отвергла факты, удостовѣренные цѣлымъ рядомъ добросовѣстныхъ наблюденій!

Можно было бы, конечно, сомнѣваться въ способности человѣческаго организма продуцировать электричество, продолжаетъ „Петербургская Газета“, если бы Анжелика Коттэнъ была единственнымъ феноменомъ въ своемъ родѣ. Но электрическія явленія были удостовѣрены цѣлымъ рядомъ добросовѣстныхъ свидѣтелей и многихъ другихъ лицъ.

2. Парижская газета „Le Siècle“, въ номерѣ отъ 4 марта 1846 г., разсказываетъ про одну четырнадцатилѣтнюю дѣвушку, жившую въ улицѣ Декартъ. Однажды, въ началѣ декабря 1845 г., раскрашивая какую-то картину, эта дѣвушка замѣтила, что столъ, за которымъ она сидѣла, сталъ издавать какіе-то странные звуки. Вслѣдъ затѣмъ кисть, бывшая у ней, вырвалась изъ рукъ и побѣжала по комнатѣ. Потомъ все пошло вверхъ дномъ: стулья задвигались, столы завертѣлись въ безпорядкѣ, пюпитръ поднялся на воздухъ. Въ то же время у дѣвушки проявилась вдругъ необыкновенная сила: достаточно было легкаго прикосновенія ея платья,—

и тяжелая мебель сдвигалась съ мѣста или поднималась на воздухъ. Разъ, такимъ образомъ, она подняла тяжелаго мужчину, вмѣстѣ со стуломъ, на которомъ онъ сидѣлъ. Эти необыкновенныя явленія продолжались безпрерывно въ теченіе 12 дней, затѣмъ прекратились,—и дѣвушка возвратилась къ нормальной жизни.

3. Въ декабрѣ 1848 г., по сообщенію газеты „Constitutionnel", все населеніе общины Гильомвиль (округа Оржеръ, въ Швейцаріи) было взволновано чудесными явленіями съ одной дѣвушкой, служившей у мельника Доллеана. Адольфина Бенуа, — такъ звали ее, — въ первый разъ проявила свои необыкновенныя способности, укачивая хозяйскаго ребенка. Внезапно обѣ дверки запертаго на ключъ шкафа отворились сами собой, и бывшее тамъ бѣлье вылетѣло, какъ бы выброшенное невидимой рукой. Въ то же мгновеніе платье, лежавшее на постели, спрыгнуло оттуда на няньку и такъ пристало къ ней, что съ большимъ трудомъ могли снять его. Подъ конецъ этого дня необыкновенныя явленія усилились. Едва Адольфина оставалась въ комнатѣ, какъ вся мебель приходила въ страшное движеніе, а мелкія вещи летѣли ей въ спину и карманы.

4. Въ пятидесятыхъ годахъ нѣкто докторъ Пино разсказывалъ о молоденькой дѣвушкѣ, Гоноринѣ Сегэнъ, жившей въ ученьи у одной бѣлошвейки въ гор. Э. и тоже обладавшей таинственною электрическою силой.

Однажды, дѣло было въ началѣ декабря 1857 года, когда Гонорина работала около хозяйки, стоявшій передъ ними столъ вдругъ зашатался безъ всякой видимой причины. Испуганныя этимъ чудеснымъ явленіемъ, обѣ женщины бросились бѣжать. Но столъ бросился въ догонку за Гонориной и, пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, опрокинулся. То же самое стало дѣлаться и съ прочею мебелью,—стульями, кушетками, кроватями и т. п., если Гонорина касалась ихъ своимъ платьемъ. Такія странныя явленія повторялись каждый день безпрерывно, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

5. Наконецъ, въ 1880 г. въ американскомъ журналѣ „Phrenological Magazine" появилось извѣстіе еще объ одной электрической дѣвушкѣ (изъ Канады), представлявшей изъ себя настоящую ходячую электрическую батарею. Всякій, кто касался ея или опускалъ свою руку, вмѣстѣ съ нею, въ стаканъ воды, испытывалъ сильное сотрясеніе, какъ бы отъ лейденской банки. Дѣвушка обладала замѣчательной притягательной силою: если она хотѣла шить, — иголка колола ей руку, брала въ руку ножъ, — онъ приставалъ къ ладони, какъ къ магниту. При входѣ ея въ комнату, всѣ бывшіе тамъ чувствовали себя неловко: одни засыпали, другіе, напротивъ, приходили въ сильное возбужденіе. Дѣти пробуждались при ея приближеніи, но достаточно было одного ласковаго жеста ея руки,—и они снова засыпали. Даже животныя были подвержены вліянію этой необыкновенной дѣвушки: собаки и кошки по цѣлымъ часамъ оставались при ней неподвижными, какъ мертвыя. Дальнѣйшая судьба этой дѣвушки неизвѣстна.

6. Д-ръ Дюрвиль въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Traité experimental du magnetisme" (Опытный трактатъ о магнитизмѣ) говоритъ:

Въ январѣ 1869 года въ Сентъ-Урбенѣ родился ребенокъ, проявившій необычайные электрическіе феномены. Онъ всегда былъ заряженъ, какъ лейденская банка, и никто не могъ близко пройти возлѣ него, не ощутивъ болѣе или менѣе сильнаго толчка; отъ времени до времени свѣтящіеся лучи исходили изъ его пальцевъ. По мѣрѣ того какъ ребенокъ росъ, феномены эти усиливались и появлялись новые. Небольшіе предметы, какъто: наперстки, коробочки съ иголками, ложки, даже тарелочки, передвигались, когда ребенокъ къ нимъ приближался, а иногда колыбель его ярко освѣщалась лучами. Ребенокъ, по видимому, былъ здоровъ; но, когда ему минуло восемь мѣсяцевъ, онъ сдѣлался очень нервнымъ, очень впечатлительнымъ и, мѣсяцъ спустя, скончался. Недѣли за двѣ до его смерти явленія усилились въ значительной степени. Какъ только кто-нибудь проходилъ вблизи ребенка, то получалъ сильный толчокъ, иногда настолько сильный, что падалъ на полъ. Ребенокъ и колыбель испускали такіе длинные и широкіе свѣтовые лучи, что ими ярко освѣщалась вся комната. Домашнія кошки и собаки бѣжали изъ дому. Ребенокъ скончался безъ страданій; въ минуту его смерти свѣтовые лучи усилились, по крайней мѣрѣ, въ три раза противъ обыкновеннаго и не исчезали нѣсколько минутъ послѣ наступленія смерти. („Light" № 854).

7. Въ журналѣ „Banner of Light" пишутъ: городъ Атланта въ штатѣ Георгіи былъ сильно занятъ толками объ удивительныхъ представленіяхъ, въ присутствіи двухтысячной публики, которыя давала г-жа Лили Хурстъ (Lulu Hurst), прозванная электрической дѣвушкой. Такъ, напримѣръ, изъ среды публики было вызвано нѣсколько человѣкъ, извѣстныхъ въ городѣ своею физическою силою, которые крѣпко держали кресло. Но едва миссъ Хурстъ прикоснулась пальцами къ его спинкѣ, какъ оно увлечено было на середину сцены съ такою силою, что держащіе отлетѣли въ сторону.

къ обыкновенному дождевому зонтику было прикрѣплено нѣсколько веревокъ, за которыя держалось нѣсколько человѣкъ изъ среды публики. Едва миссъ Хурстъ прикоснулась къ ручкѣ зонтика, какъ онъ развернулся и сталъ кружиться, увлекая за собою людей, державшихъ его, которые и кружились, пока зонтикъ не изломался окончательно.

Прикасаясь слегка къ обыкновенной трости, она вырывала ее изъ рукъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые, несмотря на всѣ свои усилія, не могли ее удержать. Всѣ убѣждены, что миссъ Хурстъ одарена сверхъестественной способностью, которую никто не можетъ объяснить. Сама миссъ Хурстъ утверждаетъ, что она не знаетъ, что это такое. Одни говорятъ по этому поводу объ электричествѣ, другіе о магнитизмѣ, нѣкоторые о духахъ, и, наконецъ, нѣкоторые, правда очень немногіе, о діавольской силѣ. Несомнѣнно одно, что молодая дѣвушка имѣетъ необъяснимую способность приводить въ движеніе неодушевленные предметы, не исключая и тѣхъ, которые не служатъ проводникомъ электричества, какъ стекло, мраморъ и друг., способность, которую наукѣ предстоитъ еще объяснить современемъ, если только она въ силахъ („Banner of Light“; сн. „Ребусъ“ 1884 г., № 34).

8. Въ извѣстномъ франц. медицинскомъ журналѣ „le Progrès Médical“ отъ 5-го іюня 1884 г. *д-ръ Фере* сообщаетъ новый случай крайне рѣдкой и поразительной болѣзни, такъ называемаго, *электрическаго невроза*. Подъ наблюденіемъ д-ра Фере находится молодая женщина, лѣтъ 29, крайне нервная и впечатлительная. Еще дѣвушкой она замѣтила, что волоса ея издаютъ въ темнотѣ искры, причемъ является трескъ. Впослѣдствіи явленіе это усилилось и теперь существуетъ постоянно, за исключеніемъ сырой погоды. Пальцы больной притягиваютъ къ себѣ мелкіе предметы — кусочки бумажекъ, обрѣзки ленточекъ и т. д. Прикосновеніе бѣлья къ тѣлу сопровождается также трескомъ и свѣтомъ. Самое бѣлье часто пристаетъ къ тѣлу такъ сильно, что мѣшаетъ движеніямъ. Если больную заставить потереть руками, разъ 12-ть, шерстяную матерію и т. п., то матерія заражается электричествомъ, пристаетъ къ мебели и начинаетъ издавать искры до $^1/_2$ дюйма длиною. Выдѣляемое больной электричество *всегда* положительное. Психическіе аффекты (испугъ и т. п.) вызываютъ болѣе сильные разряды электричества, особенно на голеняхъ, при чемъ является чувство непріятнаго покалыванія. Когда больная сильно „заряжена“, она находится въ состояніи сильнаго возбужденія. Въ противоположномъ состояніи она жалуется на крайнюю слабость. Подъ вліяніемъ электрическихъ ваннъ, состояніе больной нѣсколько улучшилось. („Ребусъ“ 1894 г. №№ 49—52).

Перечисливъ вышеописанные примѣры, можно, кажется, несомнѣнно полагать, что электрическіе люди — явленіе дѣйствительно реальное. Но отчего происходитъ оно? Гдѣ находится собственно электрическій органъ этихъ людей? — эти вопросы остаются еще открытыми. Наука еще слишкомъ мало занималась этимъ интереснымъ явленіемъ, чтобы дать о немъ какое-нибудь рѣшительное заключеніе. Намъ остается только предполагать, на основаніи аналогичныхъ явленій съ электрическими рыбами, что и въ организмѣ электрическихъ людей есть какой-нибудь органъ, спеціально приспособленный для продукціи электричества. Очень возможно, что этотъ органъ существовалъ раньше у многихъ (если не у всѣхъ) людей, но съ теченіемъ времени почему-нибудь исчезъ, а возстановленіе его стало уже патологическимъ явленіемъ, присущимъ только людямъ съ ненормально развитой нервною системою. Этимъ только и можно объяснить появленіе электрической силы преимущественно у женщинъ, нервная система которыхъ, вообще говоря, болѣе развита, чѣмъ у мужчинъ. Открыть электрическій органъ людей — и составляетъ задачу современной физіологической науки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Способность къ левитаціи, т.-е. къ произвольному уменьшенію вѣса собственнаго тѣла.

1. **Необыкновенный случай.** Въ 1837 году, сообщаетъ г. Юрловъ, мнѣ было восемь лѣтъ отъ роду. Я былъ тогда хотя и крайне впечатлительнымъ и нервнымъ ребенкомъ, но обладалъ вообще прекраснымъ здоровьемъ.

Однажды лѣтомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда все семейство наше жило въ сельцѣ Спешневкѣ, Сенгилеевскаго уѣзда Симбирской губерніи, я спалъ въ своей дѣтской, находившейся во второмъ этажѣ очень большого дома, причемъ дверь изъ комнаты

этой выходила на незапертый и открытый балконъ, обращенный фасадомъ своимъ въ садъ, близъ котораго протекала рѣка Свіяга.

Ночь, о которой пишу я, была довольно темная и душная, собиралась гроза, слышались отдаленные раскаты грома, и блистала сильная молнія. Разбуженный громомъ, я сѣлъ на постель и вдругъ, когда молнія озарила комнату, къ ужасу моему увидалъ, что въ двухъ шагахъ отъ моей кровати на балконѣ, держась за ручку стеклянной двери, стоитъ высокій, сѣдой лысый старикъ, съ сѣдою бородою, въ длинной синей рубашкѣ и босикомъ. Пораженный мгновенно непобѣдимымъ паническимъ страхомъ, я стремглавъ бросился бѣжать, внизъ по лѣстницѣ, въ садъ, и побѣжалъ по направленію къ рѣкѣ. Разбуженный шумомъ моихъ шаговъ, за мною бросился бѣжать спавшій рядомъ въ прихожей, лакей Василій Кондаковъ и другая прислуга. Что было со мною далѣе, я не помню,—но бѣжавшіе за мною нашли меня въ безсознательномъ состояніи на той сторонѣ рѣки Свіяги, переплывъ ее вплавь. Свіяга въ сказанномъ мѣстѣ шириною 12 саженъ и глубиною до сажени, причемъ ближайшій мостъ находится въ трехъ верстахъ отъ дома. Я лежалъ въ кустахъ ракитника — какъ былъ со сна, въ одной рубашкѣ и совершенно сухой. Привели меня въ сознаніе очень скоро вспрыскиваніемъ воды, и случай этотъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій для моего здоровья не имѣлъ. Описанное въ высшей степени загадочное происшествіе было записано въ календарѣ отца моего и помѣчено 1837 годомъ, 18-го іюня, 24 минуты перваго часа пополуночи. Бѣжавшіе за мною люди Василій Кондаковъ и Ѳедоръ Плотниковъ, а въ особенности садовникъ Николай Ермаковъ и кузнецъ Архиповъ, переплывшіе вплавь Свіягу, клятвенно удостовѣрили, что они ясно видѣли, какъ я быстро по воздуху переносился чрезъ рѣку почти наравнѣ съ водою. Они только не могли точно опредѣлить мѣста, гдѣ я упалъ, но нашли меня въ кустахъ не болѣе какъ минутъ черезъ десять по переправѣ черезъ Свіягу, такъ какъ безпрерывно блиставшая молнія хорошо освѣщала всю ближайшую мѣстность. („Ребусъ" 1884 г. № 27).

2. **Факты левитаціи.** Профессоръ Келларъ въ настоящее время считается однимъ изъ первыхъ престидижитаторовъ въ Сѣв. Америкѣ. Для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ онъ около пятнадцати лѣтъ путешествовалъ по Индіи и Африкѣ и недавно помѣстилъ въ журналѣ *North American Review* результаты своихъ наблюденій надъ факирами и магиками.

Вотъ, напр., что разсказываетъ Келларъ.

1. „Зимою 1875 года, какъ извѣстно, происходилъ цѣлый рядъ народныхъ праздниковъ въ честь принца Уэльскаго. Опытъ, о которомъ я хочу разсказать, говоритъ профессоръ Келларъ, былъ продѣланъ въ присутствіи принца и почти пятидесяти тысячъ зрителей. Сдѣлавъ глубокій поклонъ принцу, старый факиръ водрузилъ въ землю три шпаги, остріями вверхъ, на глубину около шести дюймовъ, причемъ острія были до послѣдней степени отточены, въ чемъ я могъ убѣдиться впослѣдствіи.

Болѣе молодой факиръ приблизился и по знаку своего господина легъ на землю, скрестивши на груди руки. Послѣ двухъ или трехъ магнитическихъ пассовъ со стороны стараго факира онъ казался безжизненнымъ и окоченѣвшимъ. Вслѣдъ за симъ появился третій факиръ, который взялъ лежавшаго за ноги, тогда какъ старый поднялъ его за голову, и положили его на острія шпагъ, безъ всякаго вреда для него. Остріе первой шпаги упиралось въ затылокъ, второй—между плечами, а третьей—въ концѣ спинного хребта, ноги же не имѣли никакой точки опоры. Въ такомъ положеніи тѣло оставалось неподвижнымъ, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону съ математической правильностью.

Спустя нѣкоторое время, при помощи прислужника, онъ вынулъ первую шпагу, подрывъ подъ нею землю, причемъ не произошло ни малѣйшаго измѣненія въ положеніи тѣла. Такимъ же точно образомъ были вынуты и двѣ другія шпаги, и, несмотря на это, тѣло продолжало висѣть въ воздухѣ въ горизонтальномъ положеніи, на глазахъ у тысячей зрителей. По прошествіи нѣкотораго времени старшій факиръ позвалъ своего помощника, и съ помощью его взяли висѣвшее въ воздухѣ тѣло и положили его на землю. Послѣ нѣсколькихъ магнитическихъ пассовъ молодой человѣкъ проснулся и поднялся совершенно здоровый и бодрый, какъ будто съ нимъ ничего и не было".

2. Другой разсказъ Келлара относится ко времени пребыванія его въ Африкѣ въ странѣ зулусовъ. Онъ много разъ слышалъ о необыкновенномъ искусствѣ одного стараго зулусскаго магика, и ему захотѣлось удостовѣриться въ правдивости этихъ слуховъ. Старый колдунъ сначала не хотѣлъ показывать своего искусства передъ чужеземцемъ, но, уговариваемый своими земляками, наконецъ, согласился. Онъ взялъ толстую дубину и привязалъ къ ея концу ремешокъ длиною около двухъ футовъ. Молодой зулусъ, одѣтый атлетомъ, который во время этихъ приготовленій смотрѣлъ на своего господина съ выраженіемъ почтенія и вмѣстѣ боязни, взялъ свою дубину, привязавши къ ней такой же реме-

шокъ. Послѣ этихъ приготовленій, оба, при свѣтѣ костра, начали съ большою быстротою вращать свои палки вокругъ головы, причемъ я замѣчалъ нѣчто въ родѣ молніи, перебѣгавшей съ одной палки на другую, въ то время когда онѣ сближались.

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ оборотовъ раздался трескъ; массивная палка молодого зулуса разлетѣлась въ дребезги, и самъ онъ упалъ замертво. Тогда старый зулусъ наклонился къ землѣ, вырвалъ пучекъ травы длиною около трехъ футовъ и сталъ вертѣть его вокругъ головы молодого человѣка, лежавшаго неподвижно, какъ мертвый. Тотчасъ же трава загорѣлась, хотя до костра было не ближе двадцати шаговъ. Приближаясь все ближе и ближе къ лежащему молодому человѣку, онъ сталъ медленно вращать пучекъ горящей травы близъ лица молодого человѣка на разстояніи около одного фута. Къ неописуемому моему удивленію, тѣло стало отдѣляться отъ земли и плавало въ воздухѣ на разстояніи около трехъ футовъ отъ земли, отъ которой оно то отдалялось, то приближалось, въ зависимости отъ быстроты вращенія горящей травы. Когда трава догорѣла, тѣло опять опустилось на землю, и послѣ нѣсколькихъ магнитическихъ пассовъ молодой человѣкъ поднялся совершенно здоровымъ. (См. Annales des Sc. psych. 1895 г., № 4; сн. „Ребусъ" 1896 г., № 5).

3. **Опыты д-ра Гросса.** Въ нѣмецкомъ журналѣ „Die übersinne Welt" профессоръ Максъ Зелингъ (Max Seiling) описываетъ очень интересные опыты, демонстрированные докторомъ Р. Гроссъ (Dr. R. Gross), оккультистомъ и очень сильнымъ магнитизеромъ.

Въ видахъ устраненія всякой возможности внушенія, было рѣшено произвести опытъ надъ предметомъ неодушевленнымъ. Выбрали для опыта обрывокъ листа золотой бумаги. Но опытъ удался только при помощи металла: д-ръ Гроссъ взялъ въ руки большую булавку, и тогда листъ началъ подпрыгивать по направленію къ этой булавкѣ, находившейся на разстояніи $^1/_2$ сант. отъ него. По окончаніи опыта, когда случайно листъ золотой бумаги очутился около тонкаго конца булавки, замѣтили отталкиванія.

Д-ръ Штребель (Strebel) въ журналѣ „Uebersinne Welt" (стр. 232) сообщаетъ, что д-ръ Арнгардъ (Arnhard) изобрѣлъ два аппарата, при помощи которыхъ можетъ быть безусловно доказана левитація; даже степень ея можетъ быть вычислена на граммы. („La Lumière", № 223; сн. „Ребусъ" 1899 г., № 36).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Попытки къ объясненію левитаціи.

Несчастные нервно-больные среднихъ вѣковъ, благодаря невѣжественному фанатизму среди тогдашнихъ теологовъ, сгорали на кострахъ или погибали въ страшныхъ мученіяхъ пытки, стремившейся вырвать признаніе въ мнимыхъ сношеніяхъ съ діаволомъ.

Чтобы читатель могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о количествѣ лицъ, павшихъ жертвою опеки западно-европейскаго духовенства надъ ихъ душами [1]), замѣтимъ, что *девять съ половиною милліоновъ* является, по вычисленію Сольдана, *минимальнымъ числомъ осужденныхъ* на смерть. Но эта цыфра, конечно, значительно ниже дѣйствительной, такъ какъ указываетъ лишь на количество людей, которыхъ судили по всѣмъ правиламъ духовнаго судопроизводства. А сколько лицъ пало въ тѣ времена жертвою разъяренной невѣжественной толпы? Вѣдь если отголоски этого ужаснаго народнаго самосуда порою доходятъ до насъ еще и теперь изъ разныхъ медвѣжьихъ уголковъ не только Россіи, но и западной Европы, то тогда подобные факты должны были составлять вполнѣ обычное явленіе, не стоившее даже упоминанія. Тѣмъ не менѣе, и приведенная цыфра оказывается настолько внушительною, что невольно вызываетъ на нѣкоторыя размышленія и сопоставленія невеселаго свойства.

Не желая утомлять читателя цыфрами, но вмѣстѣ съ тѣмъ считая довольно важнымъ имѣть увѣренность въ томъ, что приведенное число осужденныхъ на смерть оцѣнено имъ по достоинству, скажемъ только, что за все время войнъ Юлія Цезаря, Александра Македонскаго и Наполеона, этихъ славнѣйшихъ людобоевъ, погибло людей въ полтора раза менѣе, чѣмъ ихъ было во «славу Божію» сожжено на кострахъ. Читая описаніе этихъ отвратительныхъ казней, совершавшихся надъ больными людьми, трудно удержаться отъ восклицаній негодованія и омерзѣнія...

Но довольно! Все это было и быльемъ поросло. Если же мы напоминаемъ объ этихъ мрачныхъ временахъ въ исторіи человѣческой культуры, то только потому, что громадность цыфръ должна служить, такъ сказать, кумулятивнымъ, употребляя медицинское выраженіе, доказательствомъ вѣроятности нижеприводимыхъ фактовъ.

Вѣдь трудно, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться въ явленіи, о которомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и даже тысячелѣтій твердятъ многочисленные свидѣтели, лѣтописцы, историки, которое совершалось чуть ли не ежедневно на глазахъ

[1]) Не нужно никогда забывать, что въ данномъ случаѣ римско-католическое духовенство, или, лучше сказать, нѣкоторая часть его совершенно извратила ученіе евангелія о любви къ человѣку и незаконности употребленія огня и меча для охраненія его истинъ въ борьбѣ съ ересями. Св. православная церковь можетъ только осуждать такое злоупотребленіе евангеліемъ. (*Г. Д—ко*).

тысячной толпы, которое, наконецъ, повторяется и въ настоящее время, не возбуждая, впрочемъ, къ себѣ большого довѣрія... Словомъ, мы хотимъ сказать о такъ называемой *левитаціи* людей и предметовъ и объ уменьшеніи и увеличеніи ихъ вѣса безъ видимой причины.

Мы только что говорили о сожиганіи людей на кострахъ за ихъ сношенія съ діаволомъ, давшимъ имъ силу колдовства. Но такъ какъ съ цѣлью избавленія отъ неудобнаго лица, сведенія съ нимъ старыхъ счетовъ, мести, ничего не стоило обвинить его въ мнимомъ колдовствѣ, то нужно было найти какіе-нибудь вѣрные признаки, по которымъ можно бы было безошибочно отличать дѣйствительныхъ чародѣевъ, вѣдьмъ и т. п. помощниковъ и замѣстителей діавола на землѣ отъ людей, оклеветанныхъ ихъ врагами. Такимъ признакомъ являлось съ незапамятныхъ временъ подмѣченное уменьшеніе вѣса нѣкоторыхъ субъектовъ, доходящее до того, что, съ виду, самый обыкновенный человѣкъ вѣсилъ всего какихъ-нибудь нѣсколько лотовъ.

«Когда недавно здѣсь, въ Сегединѣ, нѣсколько лицъ было арестовано по обвиненію въ чародѣйствѣ, — говорится въ № 67 «Weinerische Zeitung» за 1728 г., — то, согласно здѣшнему обычаю, ихъ подвергли испытанію. Именно, послѣ того, какъ они плавали на водѣ подобно туфельному дереву [1]), ихъ положили на вѣсы, чтобы свѣсить; при этомъ, удивительно, что большая, толстая женщина вѣсила не болѣе $1^1/_2$ лота, ея мужъ, который тоже былъ не изъ маленькихъ, имѣлъ $1^1/_4$ лота, остальные, въ общемъ, вѣсили отъ $1^3/_4$ лота или даже еще менѣе».

Въ приведенномъ отрывкѣ кое-что можетъ для непосвященныхъ быть недостаточно ясно, поэтому, прежде чѣмъ продолжать наше изложеніе, считаемъ умѣстнымъ остановить здѣсь вниманіе читателя на нѣкоторыхъ пояснительныхъ данныхъ.

Дѣло въ томъ, что, такъ какъ всякое непонятное, мало-мальски выдѣляющееся изъ ряда вонъ явленіе физическаго міра обязательно разсматривалось въ тѣ времена съ теологической точки зрѣнія, то уменьшеніе вѣса человѣческаго тѣла не могло укрыться отъ проницательнаго ока средневѣковыхъ теологовъ, которые, конечно, пытались подыскать этому явленію остроумныя объясненія. Но если и въ настоящее время въ затруднительныхъ случаяхъ мы подчасъ не прочь кое-что приписать дѣйствію темной силы, то въ тѣ времена безъ нея дѣло, положительно, никакъ обойтись не могло. Однимъ изъ такихъ затруднительныхъ вопросовъ являлась уже съ древнихъ временъ подмѣченная легкость колдуній, вѣдьмъ и чародѣевъ. Долгое время ученые не могли согласиться въ объясненіи этого явленія и довольствовались однимъ лишь констатированіемъ факта, что вѣдьмы не тонутъ въ водѣ, чѣмъ и пользовались, какъ діагностическимъ средствомъ. Для уничтоженія же сомнѣній въ томъ, не погружается ли испытуемый субъектъ въ воду, вслѣдствіе произвольныхъ движеній его членовъ, у него, въ большинствѣ случаевъ, связывали большой палецъ правой руки съ большимъ же пальцемъ лѣвой ноги, и наооборотъ. Въ такомъ положеніи онъ, понятно, не могъ шевельнуться и, стало-быть, если не тонулъ, то его, несомнѣнно, поддерживалъ на водѣ діаволъ. Это было самое первоначальное, но недостаточно «научное» объясненіе явленія. Марбургскій профессоръ Скрибоніусъ постарался придумать болѣе удовлетворительную «механическую» теорію дѣйствія злого духа на обитаемый имъ человѣческій организмъ. Исходя изъ того безспорнаго положенія, что діаволъ легокъ, какъ воздухъ, ученый заключаетъ, что эта легкость должна сообщаться и связанной съ нимъ субстанціи, которая вслѣдствіе этого поддерживается на водѣ. Но, вѣроятно, не чувствуя подъ собою достаточно твердой научной почвы, Скрибоніусъ сталъ впослѣдствіи подкрѣплять свою теорію «ненавистью вѣдьмъ къ водѣ», въ которой онѣ были крещены, а потомъ отреклись отъ этого таинства. Англійскій король Яковъ въ своей «Демонологіи», признавая справедливость послѣдняго соображенія Скрибоніуса, говоритъ: «вода не принимаетъ колдуній потому, что онѣ, отрекшись отъ Бога и Христа, стряхнули съ себя воду крещенія». Тѣмъ не менѣе вопросъ о причинахъ явленія оставался все-таки открытымъ, такъ какъ нѣкоторые теологи держались другихъ мнѣній и защищали ихъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ.

Мы вскользь упомянули о двоякаго рода испытаніи, которому подвергали подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, а именно — о взвѣшиваніи на вѣсахъ и бросаніи въ воду. До какой степени было распространено подобнаго рода испытаніе, можно судить по тому, что Карлъ V даровалъ городу Оудеватеру въ видѣ привиллегіи право обратить городскіе вѣсы въ спеціальные вѣсы для чародѣевъ. Лица, подозрѣваемыя въ колдовствѣ и желавшія очиститься отъ подозрѣнія, добровольно являлись бургомистру и судьѣ надъ чародѣями и просили взвѣсить ихъ на вѣсахъ. Если при этомъ оказывалось, что испытуемое лицо вѣсило меньше предварительно опредѣленнаго на глазъ вѣса, то возбуждался процессъ о чародѣйствѣ. Слава оудеватерскихъ вѣсовъ была настолько велика, что на нихъ взвѣшивались не только арестованные и добровольно являвшіяся лица изъ окружающей мѣстности, но также и изъ многихъ другихъ городовъ. До 1693 г. эти знаменитые вѣсы дѣйствовали безпрестанно. Во Франціи, Англіи, Нидерландіи и нѣмецкихъ земляхъ суды надъ колдунами были

[1]) Во многихъ мѣстностяхъ западной Европы и даже кое-гдѣ у насъ, въ Россіи, напримѣръ, у латышей, туфли состоятъ изъ деревянной подошвы, къ которой сверху прибиваютъ небольшіе куски кожи, въ видѣ передовъ (союзки). Встрѣчаются, впрочемъ, и цѣлыя туфли, выдолбленныя изъ дерева.

очень распространены, но къ концу семнадцатаго столѣтія вѣра въ безошибочность опредѣленія прикосновенности къ колдовству посредствомъ взвѣшиванія начинаетъ падать, хотя еще въ 1754 г. двое обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ были подвергнуты взвѣшиванію.

Но этотъ способъ испытанія, по своей мѣшкотности, былъ на практикѣ неудобенъ, въ особенности, когда приходилось имѣть дѣло *съ очень большимъ числомъ* обвиняемыхъ, что случалось нерѣдко, а потому его обыкновенно замѣняли стариннымъ способомъ,—испытаніемъ водою. Онъ былъ извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ индусамъ, египтянамъ и другимъ народамъ древности, отъ которыхъ перешелъ къ грекамъ и римлянамъ. Кельты, франки, лангобарды и норманны, повидимому, знали этотъ способъ самостоятельно. Въ актахъ, относящихся къ процессамъ о чародѣйствѣ, говорится объ одновременномъ испытаніи цѣлыхъ сотенъ лицъ, которыхъ бросали въ воду разъ по пяти и держали по получасу, но, несмотря на столь продолжительное пребываніе на водѣ, большая часть обвиняемыхъ не погружалась въ воду и плавала, подобно кускамъ пробки. Все это совершалось на глазахъ многочисленной толпы народа.

Такъ какъ въ средніе вѣка еретичество и чародѣйство считались одинаково діавольскаго происхожденія, то, понятно, и сектанты - экстатики тоже должны были не тонуть въ водѣ. Такому испытанію подвергали всѣхъ сомнительныхъ еретиковъ.

У бѣсноватыхъ замѣчается иногда подобная же легкость тѣла, вслѣдствіе чего они не тонули въ водѣ. Одну подобную больную привели ко гробу св. Усмара, и священникъ посадилъ ее въ освященную воду; едва, однако, были произнесены надъ нею заклинанія, какъ она была, подъ протянутыми надъ ней руками священника, поднята изъ воды вверхъ, такъ что ее должны были схватить и опять положить къ ногамъ.

Бѣсноватая Анетта Трекуръ во время одного изъ пароксизмовъ бросилась, въ началѣ настоящаго столѣтія, въ глубокую воду, но вмѣсто того чтобы утонуть, она осталась на поверхности, подобно куску пробки.

Въ 1836 г. на полуостровѣ Гела, въ рыбачьей деревнѣ Цейнова, крестьяне бросили въ воду одну старую женщину, считавшуюся колдуньею, и когда она не погрузилась, убили ее кольями.

Въ средніе вѣка случаи, въ которыхъ удѣльный вѣсъ людей оказывался, повидимому, меньше воды, были до того обычны, а, стало-быть, сожиганіе на кострахъ, на основаніи этого указанія, было до того часто, что нѣкоторые нѣмецкіе ученые въ концѣ - концовъ стали подумывать о томъ, не слѣдуетъ ли приговаривать тѣхъ, кто погружался въ воду, а освобождать остающихся на ея поверхности. Нашлись, наконецъ, многіе, которые стали вообще относиться къ этому способу критически и предлагали изгнать его вовсе изъ употребленія, замѣнивъ пыткою. Основаній для такого мнѣнія было очень много. Съ одной стороны, указывалось на всѣмъ извѣстные примѣры изъ св. писанія о хожденіи по водамъ Спасителя и св. ап. Петра, стало - быть, являлся вопросъ, не связано ли у людей непогруженіе въ воду съ ихъ святостью; съ другой — было извѣстно, что нѣкоторыя лица, находясь въ состояніи такъ называемаго лунатизма, которое даже и тогда немногіе рѣшались приписывать діаволу, производятъ иногда такія дѣйствія, что невольно возникаетъ подозрѣніе въ отсутствіи въ это время тяжести у подобныхъ субъектовъ. Наконецъ, въ экстатическомъ состояніи, особенно въ религіозномъ экстазѣ, нѣкоторые люди до такой степени «теряли въ вѣсѣ», что подымались на воздухъ.

Всякій, кто начинаетъ знакомиться съ литературою вопроса о перемѣнчивости вѣса человѣческаго тѣла, поражается какъ ея богатствомъ, такъ и многочисленностью приводимыхъ въ ней фактовъ, большая часть которыхъ хотя и засвидѣтельствована достойными во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ довѣрія историками, попала все - таки въ число такъ называемыхъ курьезовъ прошлаго или «заблужденій, отмѣченныхъ печатью тѣхъ временъ».

Мы не станемъ останавливаться ни на фактахъ изъ области демонологіи, ни на свидѣтельствахъ путешественниковъ по Индіи, Африкѣ и другимъ странамъ востока, такъ какъ часть этого матеріала предполагается извѣстною читателю. Объ экстазѣ неоплатониковъ и чудесахъ Аполлонія Тіанскаго, несмотря на всю ихъ заманчивость, мы тоже не станемъ распространяться. Но мы считаемъ не безполезнымъ обратить вниманіе читателя на приводимый Еунапіусомъ разсказъ о томъ, какъ извѣстный александрійскій философъ, глава сирійской школы неоплатонизма, Ямвлихъ, однажды поднялся въ присутствіи своихъ послѣдователей на воздухъ. При этомъ онъ оставался въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно того, что съ нимъ произошло, и *смѣялся* надъ своими учениками, когда они потомъ разсказывали ему объ этомъ.

Еще болѣе замѣчательный случай сообщается относительно нѣкоего Мауруса, одного изъ учениковъ св. Бенедикта изъ Нурсіи. Увидѣвъ тонущаго мальчика, Маурусъ устремился къ нему на помощь, схватилъ его и побѣжалъ обратно на берегъ. «Только вернувшись на землю, онъ пришелъ въ себя и посмотрѣлъ назадъ. Когда же онъ увидѣлъ, что пробѣжалъ по водѣ, то испугался и удивился происшедшему» (Грегоріусъ).

О знаменитомъ медіумѣ Юмѣ между прочими диковинками разсказывается, что однажды, поднявшись на воздухъ и облетѣвъ комнату, онъ потомъ вылетѣлъ въ горизонтальномъ положеніи черезъ окошко и въ другое влетѣлъ въ комнату

обратно, произведя эту процедуру на высотѣ двадцати пяти футовъ надъ землею. Когда же его объ этомъ случаѣ спрашивали въ «Діалектическомъ Обществѣ», онъ отвѣчалъ, подобно многимъ экстатикамъ, что не помнитъ, леталъ ли онъ изъ окна въ окно, такъ какъ «былъ въ безсознательномъ состояніи; но многіе были свидѣтелями этого». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые профессіональные медіумы, какимъ былъ Юмъ и восточные кудесники, иногда въ состояніи произвольно подыматься на воздухъ, но это, обыкновенно, продолжается недолго, такъ что трудно сказать, теряютъ ли они въ это время сознаніе; когда же явленіе левитаціи происходитъ болѣе долгое время, то, вѣроятно, оно сопровождается потерею сознанія, хотя опять-таки тутъ могутъ быть разныя степени.

Объ Орлеанской Дѣвѣ, которая, впрочемъ, никогда высоко не поднималась надъ землею, а только по временамъ, играя съ подругами, взлетала надъ нею, разсказываютъ, что она даже и при ходьбѣ едва касалась земли, словно плыла по ней, на подобіе того, какъ это бываетъ во время купанія въ рѣкѣ, когда мы стараемся итти по дну на довольно глубокомъ мѣстѣ.

Одинъ лунатикъ, вставъ ночью, пробѣжалъ по морю двѣ мили и проплылъ, не просыпаясь, полторы, пока, наконецъ, его не поймали; при этомъ его едва удалось привести въ сознаніе и разубѣдить, что онъ находится не на кровати. Бакстеръ говоритъ о случаѣ съ одною «меланхолическою» женщиною, которая во время припадка бросилась въ воду и пролежала на ней три часа. «Когда ее нашли и принесли домой, ея тѣло было легко, какъ солома, и она вернулась къ здоровью». Многіе субъекты, которые въ обыкновенномъ состояніи плаваютъ, какъ говорится, подобно топору, во время сомнамбулизма чувствуютъ себя на водѣ совершенно въ своей сферѣ; они удаляются въ море на очень большое разстояніе, такъ что присутствующіе принуждены принять мѣры къ удерживанію ихъ ближе къ берегу на случай внезапнаго пробужденія, могущаго имѣть печальныя послѣдствія. Такихъ примѣровъ разсказывается множество, какъ у старинныхъ, такъ и у новѣйшихъ авторовъ.

О знаменитой ясновидящей изъ Превоста Кернеръ разсказываетъ, что, когда онъ приказывалъ класть свою паціентку въ ванну въ магнитическомъ состояніи, всѣ части ея тѣла пріобрѣтали какую-то «эластичность», выталкивавшую ее постоянно изъ воды, такъ что помощницы доктора употребляли всѣ свои силы, чтобы удерживать ее подъ водою, но это имъ было крайне трудно. Въ рѣкѣ она также оставалась на поверхности воды. Профессоръ Беръ говоритъ, что одна его сомнамбула, купаясь въ Эльбѣ, не погружалась въ воду. Сама она объ этомъ говорила, что «магнитизмъ можетъ уменьшать и увеличивать вѣсъ... Еслибы лунатика во время его странствій свѣсить, то оказалось бы, что онъ ничего не вѣситъ». И, дѣйствительно, тѣ непостижимые фокусы, которые иногда продѣлываютъ лунатики, только и понятны, если допустить уменьшеніе ихъ тяжести. Сомнамбула Кернера въ припадкѣ сумасшествія выпрыгнула изъ окна второго этажа безъ всякихъ для себя послѣдствій. Въ Шармѣ одна семнадцатилѣтняя лунатичка прыгнула съ высоты сорока футовъ на мостовую, не сдѣлавъ себѣ ни малѣйшаго вреда.

Весьма любопытенъ разсказъ одного стариннаго писателя Тритгейма, который говоритъ, что въ юности онъ спалъ въ одной кровати съ тремя учениками. Изъ нихъ одинъ былъ лунатикъ. «Онъ въ третій разъ всталъ съ кровати, ходилъ по насъ, топталъ насъ ногами, но это намъ нисколько не причиняло боли, словно на насъ вскакивала маленькая обезьянка... онъ полѣзъ на домъ, шутя взобрался на крышу. Я говорю, что самъ видѣлъ, и не напрасно много разъ объ этомъ слышалъ».

Приводя этотъ случай, Дю-Прель говоритъ, что, еслибъ поставить кровать крѣпкоспящаго лунатика на вѣсы, то, въ зависимости отъ глубины сна, автоматически записывающій аппаратъ, вѣроятно, отмѣтилъ бы измѣненіе вѣса тѣла. Къ сожалѣнію, подобнаго опыта никто до сихъ поръ не производилъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что мы обладаемъ одними только эмпирическими данными о перемѣнчивости вѣса человѣческаго тѣла въ зависимости отъ его состоянія, — имѣется уже, правда, пока еще незначительное количество и экспериментальныхъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ прежде всего указать на опыты Лафонтена: онъ клалъ сомнамбулу на вѣсы и начиналъ ее магнитизировать, причемъ оказалось, что, по мѣрѣ увеличенія числа пассовъ, она теряла въ вѣсѣ. Теперь займемся разсмотрѣніемъ вышеприведенныхъ фактовъ.

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ случаяхъ, когда паціентъ бывалъ опущенъ на воду, причемъ онъ оставался на ея поверхности,—достаточно было протянуть надъ нимъ руки, чтобы приподнять его на воздухъ (напримѣръ, бѣсноватая у гроба св. Усмара). Съ другой стороны, какъ уже было сказано, магнитизированіе, выражающееся въ производствѣ пассовъ, уменьшаетъ вѣсъ паціента. Врачъ Шарпиньонъ говоритъ даже о случаѣ, когда паціентъ, находившійся въ состояніи сомнамбулизма, поднялся въ горизонтальномъ положеніи на воздухъ, когда операторъ держалъ руки надъ солнечнымъ (или чревнымъ) сплетеніемъ (Plexus solaris), и о вертикальной левитаціи, такъ что образовалось свободное пространство подъ ногами, — послѣ того, какъ руки были наложены субъекту на голову. Профессоръ Кизеръ разсказываетъ о поднятіи сомнамбулы съ земли отъ прикосновенія концовъ большихъ пальцевъ магнитизера.

У Целльнера же былъ случай, когда, сидя на стулѣ, на спинку котораго положилъ руку Слэдъ, ученый былъ приподнятъ на одной ножкѣ стула и сталъ потомъ слѣдовать за рукою медіума то въ томъ, то въ другомъ направленіи, словно притягиваемый магнитомъ.

Сопоставляя съ этими фактами все ранѣе сказанное, читатель легко пойметъ, что здѣсь вся суть не въ чемъ иномъ, какъ въ электромагнитномъ воздѣйствіи, являющемся вслѣдствіе сближенія разноименныхъ полюсовъ двухъ организмовъ. Но, понятно, это только одна сторона вопроса, или, точнѣе, здѣсь мы видимъ лишь частный случай явленія, которое можетъ совершаться безъ всякаго даже участія посторонняго лица. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ большей части вышеприведенныхъ примѣровъ субъекты теряютъ въ вѣсѣ и подымаются на воздухъ сами по себѣ, безъ всякаго на нихъ вліянія кого бы то ни было; стало-быть, о притяженіи здѣсь и рѣчи быть не можетъ, напротивъ, здѣсь дѣло въ отталкиваніи...

Для того же, однако, чтобы читатель могъ отнестись съ большимъ довѣріемъ къ нижеприведеннымъ соображеніямъ и лучше вникнуть въ природу явленія уменьшенія вѣса живого организма, необходимо постараться доказать *возможность* всѣхъ вышеописанныхъ фактовъ. Какъ же это сдѣлать? Вѣдь сколько бы мы ни приводили новыхъ фактовъ, — ихъ и безъ того не мало, — но отъ этого дѣло ни на волосъ не двинется впередъ. Суть, значитъ, не въ фактахъ, а въ довѣріи къ нимъ, которое, какъ легко понять, весьма деликатная матерія. На этомъ основаніи никакія ссылки на свидѣтельства и мнѣнія самыхъ почтенныхъ спиритовъ и антиспиритовъ здѣсь были бы неумѣстны, такъ какъ оба эти лагеря, въ качествѣ сторонъ воюющихъ, не могутъ быть вполнѣ объективны. Правда, еслибъ намъ удалось дать упомянутымъ явленіямъ естественное объясненіе, этимъ доказывалась бы и ихъ возможность, но это — способъ, имѣющій цѣну лишь въ совокупности съ другими... Поэтому мы нашли наиболѣе цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ обратиться къ голосу, который всѣми въ достаточной степени признавался бы авторитетнымъ, а, относясь къ предмету, преслѣдующему спеціальныя цѣли, не могъ бы быть заподозрѣнъ въ какихъ-либо партійныхъ тенденціяхъ.

Такимъ авторитетомъ является, по нашему мнѣнію, одинъ изъ корифеевъ нашей ортодоксальной науки, мнѣніе котораго, высказанное по поводу чисто спеціальнаго вопроса о симулированіи эпилепсіи, должно имѣть для насъ особенное значеніе. Дѣло въ томъ, что, такъ какъ всѣмъ наружнымъ проявленіямъ падучей можно до извѣстной степени подражать, то профессоръ Ковалевскій задался цѣлью найти какой-нибудь признакъ, по которому можно бы было отличить притворную отъ дѣйствительной болѣзни. «Наблюдая припадки эпилепсіи, — говоритъ профессоръ, — невольно приходитъ на мысль — изслѣдовать вѣсъ тѣла эпилептика до и послѣ припадка. Разница въ вѣсѣ тѣла и будетъ видимымъ признакомъ и доказательствомъ припадка эпилептическихъ судорогъ». У симулянта же, какъ бы онъ хорошо ни имитировалъ судороги, какъ бы онѣ ни казались бурны, паденіе вѣса не можетъ быть значительно, такъ какъ «у эпилептиковъ вѣсъ тѣла падаетъ не на счетъ только однѣхъ судорогъ, а еще *на счетъ чего-то другого,* какъ напр., при эпилептическомъ головокруженіи» (Epilepsie petit-mal).

До чего можетъ быть велико уменьшеніе вѣса эпилептика, показываютъ слѣдующія цыфры. При эпилептическомъ головокруженіи паденіе вѣса бываетъ отъ 2 до 9 фунтовъ, а «при эпилептическихъ судорогахъ (epilepsie grand mal) бываютъ наибольшія потери вѣса изъ всѣхъ видовъ моторной или соматической эпилепсіи, а именно, до 12 фунтовъ». Въ случаяхъ же «эпилепсіи, комбинированной явленіями со стороны душевной сферы или психической эпилепсіи (epilepsia psychica), паденіе вѣса тѣла бываетъ крайне велико и находится въ зависимости отъ напряженности и длительности припадка психической эпилепсіи: иногда *эти потери равняются $^1/_4$ вѣса тѣла*». Не лишено также значенія и то обстоятельство, что «вознагражденіе въ потерянномъ вѣсѣ послѣ припадковъ идетъ очень быстро» (Ковалевскій).

Такимъ образомъ *возможность* паденія вѣса тѣла, вслѣдствіе какихъ-то измѣненій въ состояніи нервной системы, можно считать доказанною, и, стало-быть, мы теперь уже съ болѣе легкимъ сердцемъ можемъ заняться объясненіемъ вышеописанныхъ фактовъ.

Прежде всего напомнимъ, что наряду со случаями «уменьшенія вѣса» имѣются указанія на поднятіе тѣла на воздухъ, т.-е. если бъ здѣсь, дѣйствительно, происходило паденіе вѣса, то оно должно было дойти до такой степени, что тѣло сдѣлалось бы легче воздуха. Думая такимъ образомъ, мы бы повторили лишь ошибку врача Шарбонье, который говоритъ: «средніе вѣка, упуская изъ виду надуваніе (живота) газами у истериковъ, осуждали ихъ на сожженіе, потому что быть легче воды было бы сверхъестественно». Дю-Прель, вполнѣ основательно, приводитъ эти слова, какъ примѣръ слишкомъ легкаго отношенія къ весьма серьёзнымъ вопросамъ. Но съ нашей стороны было бы не менѣе легкомысленно слѣдовать по стопамъ тѣхъ, которые думаютъ, что явленіе левитаціи и другія описанныя выше менѣе рельефныя проявленія той же силы всецѣло обусловливаются дѣйствительною потерею матеріи, вслѣдствіе ея выдѣленія изъ нашего тѣла.

Что такое излученіе или испареніе матеріи дѣйствительно происходитъ, въ этомъ не можетъ

быть сомнѣнія, но оно ни въ какомъ случаѣ не могло служить причиною поднятія человѣка на воздухъ. Стало-быть, слѣдуетъ искать эту причину въ чемъ-нибудь другомъ, и у насъ имѣются основанія думать, что она принадлежитъ къ числу уже извѣстныхъ намъ силъ, а именно — заключается въ электричествѣ нашего тѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду, что земля наэлектризована отрицательно, а наше тѣло биполярно, то, въ случаѣ нарушенія въ немъ электрическаго равновѣсія,—безразлично отъ какихъ причинъ, — должны происходить явленія увеличенія или уменьшенія вѣса, — сообразно съ тѣмъ, какое изъ электричествъ преобладаетъ въ организмѣ въ данный моментъ. Предположимъ, напримѣръ, что вслѣдствіе ли магнитизированія, болѣзненнаго ли состоянія субъекта, или, наконецъ, по его волѣ [1]), — положительное электричество будетъ выдѣлено изъ организма. Тогда, вслѣдствіе одноименности электрическаго состоянія земли и человѣческаго тѣла, должно произойти отталкиваніе послѣдняго отъ земли, причемъ, чѣмъ положительнаго электричества осталось въ организмѣ меньше, тѣмъ это отталкиваніе будетъ сильнѣе, стало-быть, вѣсъ тѣла меньше, или даже оно можетъ совсѣмъ отдѣлиться отъ земли. Въ томъ случаѣ, когда тѣло хотя и потеряло въ вѣсѣ, но еще остается на поверхности земли, достаточно иногда малѣйшаго внѣшняго импульса въ видѣ, напримѣръ, возложенія рукъ въ разноименномъ положеніи, магнитическихъ пассовъ и т. п., чтобы оно отдѣлилось отъ земли. Вода, какъ среда, хорошо проводящая электричество и наэлектризованная, подобно землѣ, на поверхности которой она находится, отрицательно,—способствуетъ увеличенію электрическаго потенціала организма. Легко понять, что если взаимное равновѣсіе обоихъ электричествъ въ тѣлѣ человѣка уже нѣсколько нарушено въ сторону преобладанія отрицательнаго электричества, то вода, какъ электро-отрицательная среда, притягивая положительное электричество, будетъ удалять его изъ тѣла, а, значитъ, упомянутое неравновѣсіе перейдетъ еще болѣе на сторону отрицательнаго электричества, вслѣдствіе чего произойдетъ усиленіе отталкиванія тѣла отъ воды. Этимъ объясняется давно подмѣченное многими наблюдателями явленіе вліянія воды на погруженіе субъектовъ въ магнитическое состояніе, причемъ нѣкоторые изъ нихъ впадаютъ въ сомнамбулизмъ даже уже при приближеніи къ морю,—что, впрочемъ, объясняется насыщеніемъ воздуха вблизи послѣдняго парами воды.

Изъ этого само собою вытекаетъ предположеніе, что *магнитизированіе и погруженіе субъекта въ сомнамбулическій сонъ есть не что иное, какъ искусственное нарушеніе электрическаго равновѣсія въ организмѣ путемъ уменьшенія въ немъ положительнаго электричества.*

Въ подтвержденіе высказаннаго нами предположенія приведемъ здѣсь результаты опытовъ профессора Штейгленера въ Ингольштадтѣ. Приказавъ сдѣлать два совершенно одинаковыхъ латунныхъ цилиндра и доведя ихъ на хорошихъ вѣсахъ до полнаго равенства въ вѣсѣ, онъ наполнилъ ихъ однимъ и тѣмъ же количествомъ воды. Затѣмъ, отложивъ одинъ изъ сосудовъ въ сторону, но оставивъ въ той же комнатѣ, Штейгленеръ снялъ другой съ вѣсовъ и сталъ его электризовать вмѣстѣ съ водою въ теченіе часа. Когда послѣ того оба сосуда были поставлены на тѣ же вѣсы, то оказалось, что электризованный вѣсилъ на 12 гранъ менѣе. Въ другомъ опытѣ тотъ же профессоръ положилъ на чашку вѣсовъ птицу и сталъ ее электризовать. Во время этой операціи онъ замѣтилъ, что животное дѣлалось съ каждою минутою легче, и къ концу двухчасовой электризаціи вѣсъ птицы уменьшился на нѣсколько гранъ; «но я не могъ,— говоритъ экспериментаторъ,— опредѣлить точную величину, потому что она мѣнялась въ зависимости отъ состоянія машины и воздуха». Эта разница въ вѣсѣ колебалась между 8 и 12 гранами. Аббатъ Нолле пришелъ почти къ тѣмъ же результатамъ. Электризуя кошку въ теченіе 5—6 часовъ, онъ уменьшалъ вѣсъ ея на 66—70 грановъ, а голубь за такой же промежутокъ времени терялъ въ вѣсѣ отъ 15 до 20 грановъ.

Но, понятно, если въ нашемъ тѣлѣ будетъ вслѣдствіе чего-нибудь преобладать не отрицательное, а положительное электричество, то произойдетъ увеличеніе вѣса, могущее дойти до того, что субъекта, притягиваемаго землею, нельзя будетъ сдвинуть съ мѣста. Такого преобладанія положительнаго электричества въ паціентѣ можно достигнуть путемъ того же магнитизированія, но съ соблюденіемъ условія, чтобы субъектъ постепенно наэлектризовывался положительно, что возможно достигнуть, отнимая отъ него отрицательное электричество, прибавляя положительное, или производя то и другое одновременно. Встрѣчаются, впрочемъ, субъекты, которые обладаютъ способностью произвольнаго управленія своею электрическою силою, вслѣдствіе чего они могутъ, по желанію, дѣлать себя настолько «тяжелыми», что ихъ никто не въ состояніи ни поднять, ни даже сдвинуть съ мѣста. Замѣтимъ, что эту способность можно опять-таки выработать посредствомъ соотвѣтственнаго упражненія. Но одновременное обладаніе обѣими способностями — произвольнымъ уменьшеніемъ вѣса, доводящимъ до левитаціи, и утяжелѣніемъ до «приростанія къ землѣ»,— если и встрѣчается въ одномъ субъектѣ, то, вѣроятно, чрезвычайно рѣдко, по крайней мѣрѣ, намъ не пришлось объ этомъ когда-либо слы-

[1]) Упражненіе можетъ выработать способность произвольнаго выдѣленія того или другого электричества даже въ извѣстномъ направленіи.

шать, и мы даже сомнѣваемся, возможно ли оно [1]).

Если теперь, послѣ всего, что было сказано, читатель возьметъ на себя трудъ подумать надъ значеніемъ электричества въ нашемъ организмѣ, то онъ, вѣроятно, придетъ къ заключенію, что многія явленія, которыя прежде толковали, не принимая во вниманіе этого важнаго агента, въ настоящее время уже не могутъ быть объясняемы безъ указанія его роли, и даже возможно, что не одно изъ нихъ окажется, если и не въ полнѣйшей причинной связи съ электричествомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ большой отъ него зависимости. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ всѣмъ извѣстное явленіе паралича движеній вслѣдствіе страха, или чувство необычайной ихъ легкости въ нѣкоторыхъ случаяхъ,— не могутъ быть обусловливаемы соотвѣтственнымъ состояніемъ организма по отношенію къ электричеству? Да и что такое, въ сущности, параличъ движеній, отчего онъ происходитъ? Вѣдь физіологія даетъ намъ, строго говоря, одно только механическое объясненіе явленія... Между тѣмъ, если принять во вниманіе электрическую теорію,—назовемъ такъ для краткости защищаемую нами гипотезу,—то многое станетъ гораздо болѣе яснымъ.

Что ужасъ долженъ сопровождаться выдѣленіемъ электричества, это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ столь сильная эмоція не можетъ не повліять на усиленіе электрическаго излученія. Въ этомъ, съ одной стороны, убѣждаютъ насъ опыты профессора Тарханова, съ другой—всѣмъ извѣстное явленіе вставанія волосъ «дыбомъ». Сопоставляя съ этимъ обстоятельство, что въ случаяхъ крайней опасности часто, особенно у женщинъ, «прирастаютъ ноги къ землѣ», у насъ невольно возникаетъ мысль объ упомянутой выше электрической причинѣ этого явленія. Конечно, здѣсь приходится имѣть въ виду и прежнее объясненіе — параличъ двигательныхъ центровъ, но вопросъ въ томъ, нѣтъ ли тутъ причинной связи между обоими явленіями.

Съ точки зрѣнія электрической теоріи, всѣмъ знакомое чувство тяжести въ ногахъ, являющееся, какъ говорятъ, «ни съ того, ни съ сего», но, на самомъ дѣлѣ, если наблюдать за собою, — связанное съ предшествовавшими нравственными потрясеніями или иными причинами, дѣйствующими на нервную систему, — заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Здѣсь, какъ и въ страхѣ, должно происходить выдѣленіе отрицательнаго электричества. И наоборотъ, легкость движеній, повидимому, указываетъ на равновѣсіе обоихъ электричествъ въ организмѣ или даже преобладаніе въ немъ отрицательнаго электричества.

Чувство, связанное съ преобладаніемъ въ организмѣ отрицательнаго электричества, сопровождающаго, по нашей теоріи, сомнамбулическое, экстатическое и другія сродныя состоянія, не исключая и такъ называемаго медіумическаго транса, очень, какъ говорятъ испытавшіе ихъ субъекты, пріятно. Какая-то необычайная «легкость» во всемъ тѣлѣ, какое-то чувство отсутствія связи съ послѣднимъ, — словомъ, что-то освобождающее насъ отъ бреннаго организма, со всѣми его тягостями, характеризуетъ высшія степени преобладанія отрицательнаго электричества въ человѣческомъ тѣлѣ. Это и есть то «блаженное» состояніе, о которомъ такъ часто приходится читать въ старинныхъ сочиненіяхъ по оккультизму. Удовольствіе, испытываемое людьми, погружающимися въ подобное состояніе, объясняетъ, почему, несмотря на крайнюю степень вреда, причиняемаго частыми нарушеніями электрическаго равновѣсія, они все-таки не рѣшаются отказаться отъ занятій «спиритизмомъ»,— какъ обыкновенно публика называетъ опыты, связанные съ возбужденіемъ односторонней электрической дѣятельности организма [1]). Состояніе медіумическаго транса до того, должно-быть, пріятно, что одна дама, извѣстная медіумъ г-жа Юргенсонъ, говоритъ, что она «безъ этого жить не можетъ».

Но если небольшія, однако частыя нарушенія равновѣсія могутъ быть вредны, то большія тѣмъ болѣе, такъ какъ при нихъ *развиваются нѣкоторыя нервно-патологическія измѣненія, повидимому, находящіяся въ функціональной связи съ подобными нарушеніями.* Отсюда понятно, что *не всегда* психически больные, которые иногда выражаютъ опасеніе, что ихъ можетъ «унести вѣтромъ», страдаютъ галлюцинаціями мускульнаго чувства. Вообще, пока вопросъ о роли электричества въ нашей нервно-мозговой дѣятельности не будетъ въ достаточной степени разработанъ, до тѣхъ поръ мы не будемъ въ состояніи ни правильно относиться и понимать сущность душевныхъ болѣзней, ни ихъ лѣчить.

---

[1]) Но если эта двойная способность врядъ ли встрѣчается въ одномъ субъектѣ въ зависимости отъ его воли, то этого нельзя сказать, когда онъ подчиняется вліянію чужой воли, когда его магнитизируютъ. Мирвилль («Des Esprits», 1858 p. 300) говоритъ, что, по волѣ магнитизера, сомнамбула, которую авторъ несъ на плечахъ, дѣлалась то безконечно легкою, то невыразимо отягощала плечи. Иногда магнитизеръ, находившійся на другомъ концѣ комнаты, заставлялъ однимъ движеніемъ сомнамбулу «прирасти» къ полу носками ногъ, и тогда четыре человѣка не могли ее сдвинуть хоть на волосъ. Фактовъ подобнаго рода масса, стоитъ только порыться въ литературѣ. Мы же только отмѣчаемъ ихъ существованіе.

[1]) Какъ извѣстно, большинство спиритовъ и факировъ Индіи кончаетъ сумасшествіемъ, что объясняется, помимо постояннаго философскаго блужданія и мнимаго общенія съ духами, еще и частыми нарушеніями равновѣсія, вслѣдствіе котораго ненормальное состояніе дѣлается въ концѣ-концовъ настолько обычнымъ, что уже не разберешь ничего...

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія вопроса объ уменьшеніи вѣса человѣческаго тѣла въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволимъ себѣ привести здѣсь въ качествѣ иллюстраціи случай, передаваемый «Ребусомъ» (1894 г. № 51), но мы приводимъ его по переводу «Annales des sciences psychiques [1]).

Молодой человѣкъ, только что произведенный въ мичманы, проводя лѣто въ Павловскѣ, въ въ кругу своей семьи, состоявшей изъ отца, матери и горячо любимой сестры, получилъ предписаніе отправиться въ мѣсячное плаваніе. Всѣ родные провожали его до порта, гдѣ онъ сѣлъ на корабль.

Въ моментъ отъѣзда, молодой морякъ, котораго съ малыхъ лѣтъ связывала съ сестрою самая нѣжная, доходившая до обожанія, взаимная привязанность, сказалъ:

— Не забывай обо мнѣ, ты называешься Вѣра, а вѣра насъ спасаетъ... думай обо мнѣ, и все пойдетъ хорошо.

— Будь покоенъ,—отвѣчала ему молодая дѣвушка, — я буду часто думать о тебѣ... но не очень рискуй на морѣ, оно такое страшное!

Отецъ постарался шуткой прекратить эту печальную сцену разставанія.

Проходили недѣли. Отъ молодого моряка получались частыя письма, совершенно успокоившія семью, которая начинала уже считать дни до возвращенія. Погода была все время хороша; но вдругъ она перемѣнилась, небо покрылось тучами, и начались дожди. Одинъ день выдался особенно сквернымъ, съ утра шелъ проливной дождь, и дулъ сильный вѣтеръ. Весь этотъ день Вѣра была крайне нервна и возбуждена, вслѣдствіе безпокойства о братѣ. Къ вечеру она до такой степени разстроилась, что родители предложили ей лечь.

Въ десять часовъ все въ домѣ было спокойно, но буря бушевала съ полною силою. Вдругъ изъ комнаты молодой дѣвушки раздался страшный крикъ. Оказалось, что она находилась въ сильномъ припадкѣ истеріи или, можетъ-быть, въ состояніи такъ называемаго медіумическаго транса, такъ что ее едва удалось успокоить.

Потомъ дѣвушка разсказала, что, несмотря на то, что она, повидимому, не спала, ей пришлось видѣть страшную вещь. «Вначалѣ все казалось покрыто ужаснымъ облакомъ, буря свирѣпствовала вокругъ меня, и громъ оглушалъ меня своими раскатами. При свѣтѣ молніи я различила взволнованное и покрытое пѣною море. Вдругъ оно на мгновеніе освѣтилось краснымъ свѣтомъ, и я увидѣла своего брата борющимся съ волнами; послѣ этого наступилъ опять мракъ. Немного погодя, вторая молнія прорѣзала тучи, и, при ея свѣтѣ, я опять увидѣла моего брата лежащимъ на скалѣ, съ головою, покрытою кровью... страхъ и ужасъ разбудили меня»...

На другой день была получена слѣдующая телеграмма: «Живъ, здоровъ, спасибо Вѣрочкѣ. Пріѣду на слѣдующій день. Вашъ сынъ Н.»

Прочитавъ послѣ того на другой день утромъ въ газетѣ извѣстіе о крушеніи корабля, на которомъ служилъ молодой человѣкъ, его отецъ тотчасъ отправился въ Кронштадтъ, гдѣ нашелъ своего сына живымъ, но съ раною на головѣ.

Молодой человѣкъ приблизительно разсказалъ отцу слѣдующее.

Въ день крушенія корабль находился въ виду Аландскихъ острововъ; все предвѣщало близкую бурю. Послѣ восьми часовъ, напившись чаю и одѣвшись теплѣе, мичманъ вышелъ на палубу, чтобы наблюдать бурю, которая, дѣйствительно, была настолько сильна, что судно не могло бороться съ волнами и должно было отдаться ихъ теченію. Не разъ молодой человѣкъ думалъ въ это время о своихъ, о родительскомъ домѣ, и, думая такимъ образомъ, онъ просилъ сестру молиться за него и его товарищей противъ почти неизбѣжной смерти. Вдругъ среди шума урагана раздался страшный трескъ,—это судно налетѣло на скалу. Сотрясеніе было такъ сильно, что всѣ попадали на полъ, а мичманъ Н. вылетѣлъ за бортъ. Въ надеждѣ на помощь онъ пытался бороться съ волнами, направляясь къ кораблю. Вѣтеръ донесъ къ нему команду: «всѣ на палубу!» Красный лучъ прорѣзалъ мракъ, и раздался выстрѣлъ изъ пушки. Вскорѣ Н. убѣдился въ тщетности борьбы съ громадными волнами... и, предавъ себя въ руки Всемогущаго, позволилъ имъ нести себя вдаль, когда внезапно онъ замѣтилъ приближеніе къ нему легкаго свѣтлаго тумана, который понемногу сталъ принимать человѣческую форму, и въ этомъ бѣломъ видѣніи онъ узналъ свою сестру Вѣру. Она улыбалась ему, протягивая руки, словно показывая опредѣленное мѣсто. Братъ слѣдовалъ за призракомъ сестры... Онъ не помнилъ, сколько времени и куда плылъ такимъ образомъ... Вдругъ онъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ и потерялъ сознаніе.

На другой день его нашли рыбаки на песчаной землѣ, въ разстояніи 10 миль отъ мѣста крушенія корабля, оказавшагося еще на водѣ, но покинутаго экипажемъ, который, спасаясь на шлюпкѣ, сталъ добычею моря.

Въ этомъ примѣрѣ читатель, знакомый съ предыдущими главами, въ особенности тою изъ нихъ, гдѣ была рѣчь о телепатіи, не найдетъ здѣсь много для себя безусловно необъяснимымъ (насколько удовлетворительно, — это другой вопросъ), а экстатическо-сомнамбулическое, подъ

---

[1]) 1895, № 4 pp. 230—233 статья: «Délivré de la mort par une apparition».

вліяніемъ явленія и дѣйствія воды, состояніе Н., сдѣлавшее его легкимъ—должно дополнить остальное...

«Въ данномъ случаѣ не немыслимо допустить,—говорится въ видѣ дополненія къ разсказу,—что утопающій, подъ вліяніемъ мучительнаго впечатлѣнія опасности, впалъ въ сомнамбулизмъ; видѣніе его сестры, съ которою онъ былъ въ тѣсной симпатической связи, дѣлаетъ гипотезу еще болѣе вѣроятною» [1]). (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. В. Битнера: «Вѣрить или не вѣрить?», Спб. 1899 г., стр. 245—267).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Телекинетія, или способность человѣка на дальнемъ разстояніи производить движенія предметовъ.

1. **Опыты физика Рейхенбаха.** Подъ словомъ телекинетія разумѣется столоверченіе и др. движенія предметовъ безъ прикосновенія къ нимъ. Здѣсь прежде всего опишемъ опыты со столоверченіемъ знаменитаго физика Рейхенбаха.

„Общество, состоявшее изъ восьми сенситивовъ,—разсказываетъ Рейхенбахъ,—имѣло терпѣніе предварительно выждать въ теченіе двухъ часовъ, пока всѣ члены совершенно ясно стали видѣть одическій свѣтъ, и тогда только оно было приведено мною къ приготовленному большому круглому столу для верченія... Свѣтящіеся пальцы, положенные на столъ, распространяли по немъ двѣ длинныя, прямыя, свѣтлыя полосы, каждый палецъ особо. Кругомъ, съ краевъ, образовалось широкое свѣтящееся кольцо, столь широкое, насколько были длинны руки. Въ срединѣ стола образовалось большое, круглое, свѣтлое пятно, въ которомъ соединялись полосы пальцевъ. Свѣтъ отъ него и кольца увеличивался, оба становились больше, росли въ направленіи другъ къ другу, соединились, и вся верхняя доска стола, казалось, свѣтилась, словно была покрыта бѣлою салфеткою. Теперь наступило время, когда столъ началъ скрипѣть, трещать, качаться и тутъ же открылъ свое движеніе. Въ моментъ, когда онъ вступилъ въ движеніе, его свѣтъ былъ самый сильный. Нога стола свѣтилась, и ея подножки въ то время, когда онѣ скользили по полу, оставляли на немъ широкія свѣтящія полосы, на которыя ступали люди, слѣдуя за столомъ. Въ теченіе этого времени стали постепенно свѣтиться и участники, они получили видъ одѣтыхъ въ бѣлоснѣжныя одежды, со своими бѣломраморными руками и лицами они казались подобны живымъ статуямъ и были настолько отчетливы, что люди по чертамъ лица узнавали другъ друга“.

„Прежде, чѣмъ столъ пришелъ въ движеніе, и люди еще сидѣли вокругъ него, изъ его среды поднялся свѣтящійся клубокъ, который расположился на его плоскости. Сначала онъ былъ по величинѣ сравниваемъ одними съ колоколомъ воздушнаго насоса, другими—съ дыней, затѣмъ третьими—съ кочаномъ капусты, потомъ онъ сталъ все болѣе расти въ вышину, наконецъ, достигъ потолка и грозно стоялъ посрединѣ, подобно красивой, свѣтящей, таинственной, круглой колоннѣ. На потолкѣ образовалось бѣловатое, величиною въ столъ, свѣтлое пятно, вокругъ него вѣнокъ изъ свѣтлыхъ кружковъ, которые были произведены головами кругомъ сидѣвшихъ. Не зная, что это за чрезвычайное явленіе, я заставилъ моихъ сенситивовъ отнять всѣ ноги отъ ноги стола и задвинуть ихъ сколь возможно дальше подъ стулья; немедленно свѣтовая колонна поблѣднѣла, и прежде, чѣмъ прошла одна минута, она почти совсѣмъ исчезла. Когда ноги были выдвинуты впередъ, потомъ убраны назадъ, колонна встала опять и поднялась къ потолку, чтобы потомъ снова исчезнуть. Теперь я позволилъ приложить къ ногѣ стола однѣ только правыя ноги; колонна встала опять, но теперь она была блѣдно-голубая. Я заставилъ правыя ноги убрать, а лѣвыя выдвинуть впередъ къ столовой ногѣ: голубое исчезло, и колонна блестѣла теперь яркимъ красновато-желтымъ свѣтомъ“.

Въ предыдущихъ главахъ мы старались показать, что нашъ организмъ съ внѣшней стороны представляетъ собою нѣчто вродѣ крайне сложной элекрической машины, дѣйствіемъ которой обусловливаются выдѣляемыя организмомъ свѣтящія излученія, названныя Рейхенбахомъ *одическими*. Въ настоящее время, послѣ открытія x-лучей случайно сдѣлавшимся знаменитостью Рентгеномъ, оказывается, что нѣчто похожее уже было извѣстно Рейхенбаху, который описалъ его свойства и до извѣстной степени даже предугадалъ возможное значеніе для медицины. Со временемъ, говоритъ онъ, можно

---

[1]) Помѣщаемъ это объясненіе левитаціи г. Битнера какъ весьма правдоподобное; но вообще съ г. Битнеромъ, большею частью, не смотря на силу, живость и изящный слогъ его изложенія, при его грубо-реальныхъ воззрѣніяхъ на психику человѣка, мы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ согласны. (*Г. Д—ко*).

будетъ достигнуть того, что „ткани нашего тѣла сдѣлаются прозрачными и доступными зрѣнію... по крайней мѣрѣ, счастливо организованныхъ личностей“, которыя способны видѣть лучи ода черезъ различные въ обыкновенномъ смыслѣ непрозрачные предметы.

Г-жа Рейхель вполнѣ ясно различала черезъ плотно закрытыя ставни все, что находилось снаружи, хотя для обыкновенныхъ людей въ комнатѣ было совершенно темно, и въ ставнѣ не было ни малѣйшей щелочки, черезъ которую могло бы проникать лунное освѣщеніе.

Рейхенбахъ выносилъ изъ комнаты всевозможныя вещи, дѣлалъ ими различныя движенія, переставлялъ ихъ и т. д., и г-жа Рейхель при лунномъ сіяніи все вполнѣ ясно различала, словно окно, вмѣсто закрывавшей ее и освѣщенною луною мѣдной пластинки, было снабжено обыкновеннымъ стекломъ. Замѣняя мѣдный листъ желѣзомъ, цинкомъ и т. д., результаты получались тѣ же, но если металлъ покрывался слоемъ извести то ясность уменьшалась. Изъ всѣхъ, испытанныхъ Рейхенбахомъ металловъ, олово оказалось менѣе всего прозрачнымъ для одическихъ лучей.

Все это вполнѣ согласуется съ новѣйшими наблюденіями профессора Рентгена, который говоритъ, что „олово уже при толщинѣ 1,5 m. m. становится непрозрачнымъ для x-лучей“.

Рейхенбахъ приводитъ много случаевъ такого рода видѣнія черезъ непрозрачную среду. Одинъ, напримѣръ, сенситивъ до такой степени ясно видѣлъ черезъ обитый жестью ставень, что ему даже казалось, будто въ немъ находится отверстіе, въ отсутствіи котораго онъ принужденъ былъ убѣждаться при помощи осязаніи. Онъ увѣрялъ, что прекрасно видитъ не только освѣщенный луною Дунай, съ его мостами и окружающими деревьями, но даже окрестныя горы. Вообще нельзя не обратитъ вниманія, что значительное большинство встрѣчающихся въ литературѣ случаевъ подобнаго рода видѣнія имѣетъ мѣсто во время луннаго освѣщенія, которое, по замѣчанію Рейхенбаха, имѣетъ много одическихъ лучей.

Съ другой стороны, этотъ ученый обратилъ вниманіе, что не только металлы, но бумага, картонъ, дерево и другія вещества болѣе или менѣе прозрачны для лучей ода, и степень этой прозрачности вполнѣ согласуется съ наблюденіями Рентгена и другихъ современныхъ ученыхъ. Мало того, въ настоящее время, какъ извѣстно, x-лучи получаются не только черезъ пропусканіе индуктивныхъ токовъ черезъ круксовы трубки, но и отъ электрической машины, а также отъ нѣкоторыхъ природныхъ тѣлъ или многихъ свѣтящихъ животныхъ. Рейхенбахомъ было сдѣлано указаніе на выдѣленіе ода электрическою машиною. „Г-жа К., — разсказываетъ онъ,—любила прикасаться тыльною стороною пальцевъ руки къ кондуктору электрической машины, такъ что электрическій токъ проходилъ сквозь ногти, при этомъ, по ея словамъ, пальцы ея руки казались ей настолько прозрачными, что она могла различать въ нихъ... нервныя волокна, вены, сухожилія, связки и т. п.“.

Сходство одическихъ лучей съ x-лучами доходитъ до мелочей, но мы не станемъ на нихъ останавливаться, а укажемъ только на главнѣйшія черты. До недавняго времени полагали, что рентгеновскіе лучи не могутъ преломляться, то же можно сказать и по отношенію къ одическимъ лучамъ [1]).

Говоря однако объ одѣ, какъ синонимѣ x-лучей, слѣдуетъ имѣть въ виду, что послѣдніе, строго говоря, представляютъ собою лишь составную часть излученій нашего организма, подобно тому, какъ они входятъ въ составъ искры статической электрической машины. Другими словами, x-лучи могутъ уподобляться оду лишь въ извѣстномъ отношеніи, именно, въ смыслѣ проницаемости его черезъ разныя „непрозрачныя“ тѣла и т. д., въ дѣйствительности же одическія излученія представляютъ собою явленіе сложное. Это видно уже изъ того, что они обладаютъ, какъ уже извѣстно читателямъ, полярностью.

„Когда я предложилъ, — говоритъ Рейхенбахъ,—положить на столъ однѣ только правыя руки, убравъ всѣ лѣвыя, то свѣтовыя явленія сдѣлались болѣе сѣроватыми до голубоватости; когда я заставилъ вмѣсто того убрать всѣ правыя руки и положить однѣ только лѣвыя, то общее освѣщеніе усилилось, яркость выиграла въ интенсивности, сѣроватоголубой оттѣнокъ исчезъ, и его мѣсто заняла желто-красная окраска во всѣхъ одическихъ свѣтовыхъ явленіяхъ“... Во время опыта цѣпь изъ рукъ не была замкнута, руки не соприкасались. Изъ этого опыта между прочимъ видно, что „...съ началомъ движенія стола интенсивность одическаго свѣта значительно увеличивается не только въ столѣ, но и въ участвующихъ лицахъ; что эти свѣта доходятъ до радужныхъ; что отъ мужскихъ рукъ они темнѣе, отъ женскихъ свѣтлѣе“...

Изъ прекрасныхъ, оставленныхъ намъ Рейхенбахомъ описаній явленій, сопровождающихъ столоверченіе, очевидно, что движеніе стола обязано своимъ происхожденіемъ вы-

---

[1]) Теперь это мнѣніе по видимому, измѣняется, но для стекла и многихъ другихъ, обычно употребляемыхъ съ этой цѣлью, веществъ эта непреломляемость остается несомнѣнно фактомъ.

дѣляемой нашимъ организмомъ силѣ, т.-е. представляетъ собою явленіе физическое[1]).

Гаспаренъ въ своемъ сочиненіи „Les tables tournantes“ приводитъ много примѣровъ того, какъ столъ выстукивалъ кѣмъ-нибудь задуманное число ударовъ; при этомъ опыты производились такимъ образомъ, что желаемая цыфра записывалась, и ее показывали только одному изъ участвующихъ въ цѣпи лицъ, при томъ тому, которое сидѣло противъ стучащей ножки, а, стало быть, не могло на нее дѣйствовать руками. Задуманное число всегда точно выстукивалось. Когда же разъ, къ удивленію присутствующихъ, столъ, несмотря на долгое ожиданіе, ничего не хотѣлъ стучать, то оказалось, что на бумагѣ было написано *О*. Если среди участниковъ опыта двое задумаютъ разныя числа, то столъ будетъ повиноваться тому, чья воля сильнѣе; напримѣръ, одинъ задумалъ, положимъ, десять ударовъ, другой — пятнадцать, — если первый обладаетъ болѣе сильною волею, то столъ простучитъ только 10, когда же будетъ наоборотъ, то послѣ того, какъ столъ простучитъ десять разъ, слѣдующіе пять ударовъ будутъ уже гораздо слабѣе. При большемъ числѣ лицъ, принимающихъ активное психическое участіе въ опытѣ, происходятъ и разныя соотвѣтственныя комбинаціи.

Направленіе и характеръ движеній стола, кромѣ психическаго воздѣйствія, зависятъ также и отъ способа держанія рукъ. Если, по замѣчанію Рейхенбаха, экспериментирующіе расположатся не вокругъ стола, но займутъ одну только его сторону и положатъ пальцы на столъ параллельно другъ другу, то произойдетъ не вращеніе стола, а прямое его движеніе.

Дознано, что, расположивъ соотвѣтственнымъ образомъ руки на тѣлѣ человѣка, можно заставить его вертѣться подобно безжизненному столу. Мало того, это движеніе можетъ быть согласовано съ волею экспериментаторовъ, такъ что человѣкъ будетъ безсознательно производить разныя движенія, число которыхъ строго соотвѣтствуетъ задуманному.

Одинъ изъ моихъ товарищей, — разсказываетъ дю-Поте, — послѣ того, какъ онъ положилъ руку на лопатки г. М., привелъ его, несмотря на его сопротивленіе, во вращеніе. Обращая вниманіе на происходящее съ нимъ,—говорилъ М.,— онъ сначала почувствовалъ вращательное движеніе въ головѣ, которое вскорѣ охватило его тѣло и принудило его къ послушанію. Нѣкоторыя испытываемыя лица, когда ихъ магнитизируютъ, дѣйствуютъ подобнымъ же образомъ, какъ и столы. Какъ и послѣдніе, они отвѣчаютъ посредствомъ стуковъ или инымъ условленнымъ способомъ. Дѣйствуютъ, напримѣръ, на горизонтально протянутую руку субъекта. На вопросъ, напримѣръ: сколько монетъ имѣю я при себѣ? сколько лѣтъ мнѣ? который часъ на моихъ часахъ? рука поднимается и отвѣчаетъ опредѣленнымъ числомъ стуковъ. Какъ и со столами, отвѣты часто бываютъ вѣрны, но иногда ошибочны. Когда субъектъ освобожденъ, онъ не сохраняетъ ни малѣйшаго воспоминанія о происшедшемъ.

Въ числѣ условій, благопріятствующихъ столовращенію, теплота рукъ и комнаты, въ которой происходитъ опытъ, и нагрѣваніе верхней доски стола заслуживаютъ особеннаго вниманія, точно такъ же, какъ и здоровье участниковъ опыта: временное нездоровье и нерасположеніе кого-нибудь изъ нихъ можетъ совершенно парализировать успѣхъ. Половые эксцессы тоже оказываютъ большое вліяніе на столоверченіе. Не менѣе замѣчательно также, что если на столъ поставить стаканъ съ водою, то это незначительное обстоятельство парализуетъ его движенія. Вообще сухость употребляемаго для опыта предмета является непремѣннымъ условіемъ успѣха.

Если теперь читатель возьметъ на себя трудъ резюмировать все до сихъ поръ сказанное относительно вопроса о столоверченіи, то врядъ ли будетъ въ состояніи согласиться съ мнѣніемъ, согласно которому единственною причиною движенія стола является механическое давленіе пальцевъ. Эту теорію, какъ извѣстно, предложилъ Фарадей, и во многихъ случахъ, когда движеніе совершается посредствомъ наложенія рукъ, предположеніе о существованіи безсознательнаго механическаго давленія многимъ можетъ казаться довольно вѣроятнымъ. Но такъ какъ оказывается, что это движеніе совершается и безъ всякаго соприкосновенія, стало-быть, о механическомъ давленіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, а приходится искать другого объясненія, то очевидно, что и въ первомъ случаѣ дѣло вовсе не въ непосредственномъ давленіи. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. д-ра Битнера: „Вѣрить или не вѣрить?“)

2. **Телекинетическіе опыты физика Крукса.** Долгое время вопросъ о возможности телекинетіи рѣшался отрицательно, и всякіе объ этомъ разсказы встрѣчались со снисходительною улыбкою. Правда, Лондонское Діалектическое Общество занялось его изученіемъ, и полученные результаты совершенно

[1]) Нельзя въ данномъ случаѣ не поблагодарить г. Битнера, книгою котораго мы въ настоящемъ случаѣ пользуемся, за то, что онъ, вооруженный естественно-научными данными, далъ, кажется, удовлетворительное объясненіе загадочному явленію столоверченія; чрезъ это узко понимаемому спиритизму, видѣвшему здѣсь духовъ, нанесенъ значительный ударъ. *(Г. Д—ко).*

подтвердили точность этихъ разсказовъ, но заключенія комиссій, изслѣдовавшихъ эти явленія, не получили большого распространенія, да къ тому же и не произвели бы особаго впечатлѣнія на ученыхъ, такъ какъ слишкомъ расходились съ установившимися взглядами. Только теперь, когда за положительное рѣшеніе этого вопроса одновременно раздалось много весьма авторитетныхъ голосовъ, можно вспомнить и объ опытахъ этого общества.

Нѣсколько членовъ послѣдняго, ставъ на колѣни на стульяхъ, со спинками обращенными къ столу, вокругъ котораго расположились экспериментаторы, протянули впередъ руки такъ, чтобы онѣ были на разстояніи нѣсколькихъ дюймовъ отъ верхней доски стола. Черезъ нѣкоторое время было замѣчено, что изъ рукъ выдѣлялись фосфоресцирующія облака, и когда кто-нибудь трясъ рукою, то съ нея летѣли „искры", подобно водянымъ каплямъ. Никто изъ экспериментаторовъ, какъ уже сказано, не прикасался къ столу, однако столъ пришелъ въ движеніе... Круксъ говоритъ, что онъ много разъ провѣрялъ опыты комиссій этого общества, причемъ, бывало, тяжелый столъ *при полномъ свѣтѣ* приходилъ въ движеніе, хотя никто къ нему не прикасался, а спинки стульевъ, со стоявшими на послѣднихъ на колѣняхъ экспериментаторами, отстояли отъ стола на разстояніи одного фута, и самъ Круксъ ходилъ кругомъ, чтобы хорошо видѣть каждаго на своемъ мѣстѣ.

Вообще этотъ знаменитый ученый, являющійся однимъ изъ первыхъ изъ числа оффиціальныхъ представителей науки, который открыто призналъ фактъ возможности приведенія въ движеніе предметовъ безъ соприкосновенія съ ними,—сдѣлалъ массу научно обставленныхъ опытовъ, которые представляютъ собою наиболѣе яркіе изъ извѣстныхъ въ Европѣ проявленій, такъ называемой, психической силы [1]). Для объясненія этихъ явленій Круксъ предложилъ даже особую теорію четвертаго, лучистаго состоянія матеріи, но она, несмотря на рядъ сдѣланныхъ имъ строго научныхъ опытовъ, съ цѣлью доказать апріорное предположеніе Фарадея, не встрѣтила сочувствія въ ученыхъ сферахъ, и только теперь начинаютъ вновь раздаваться голоса въ ея защиту [1]).

Не имѣя возможности приводить здѣсь всю ту массу опытовъ, которые были произведены Круксомъ въ направленіи, интересующемъ насъ въ настоящей главѣ, мы укажемъ только на нѣкоторые изъ нихъ.

Въ опытахъ Крукса принимали участіе Вильямъ Гюйгенсъ и Эд. Коксъ, двѣ научныя знаменитости Англіи. „Пять разъ,—говоритъ Круксъ,—при различныхъ условіяхъ я призналъ, что предметы, вѣсившіе 25—100 фунтовъ, подвергались временно такого рода вліянію, которое дѣлало чрезвычайно труднымъ для меня и присутствующихъ лицъ поднятіе ихъ съ земли".

Для удостовѣренія въ томъ, что это явленіе вполнѣ реально, а *не внушено*, Круксъ примѣнилъ такого рода приборъ: краснаго дерева дощечка была однимъ концомъ подвѣшена на крючкѣ обыкновенныхъ пружинныхъ вѣсовъ, другой же ея конецъ лежалъ на столѣ. Медіумъ, служившій для опытовъ, знаменитый Юмъ, дотрогивался концами пальцевъ до коробки со спичками, колокольчика и т. п. предметовъ, находившихся на томъ концѣ дощечки, который лежалъ на столѣ [2]). Игла, соединенная со стрѣлкою вѣсовъ, чертила по закопченой стеклянной пластинкѣ линію, выражающую разницу въ вѣсѣ; часовой же механизмъ передвигалъ пластинку въ горизонтальномъ направленіи. Такимъ образомъ, пока пальцы Юма не касались прибора, на пластинкѣ получалась прямая горизонтальная линія, но едва онъ дотрогивался до звонка или коробки со спичками, *безъ всякаго нажатія*, какъ Гюйгенсъ указалъ на увеличеніе тяжести съ 3 фунтовъ (нормальный вѣсъ дощечки) до $6\frac{1}{2}$—9, т.-е. на 300%. Между тѣмъ, когда самъ Круксъ, взойдя на столъ, *сталъ обѣими ногами* на концѣ дощечки въ томъ мѣстѣ, гдѣ раньше Юмъ только *дотрогивался пальцами*, то Гюйгенсъ указалъ на уве-

[1]) Многіе изъ товарищей Крукса въ первое время даже объявили его психически больнымъ,—до того страшно и нелѣпо казалось имъ признать возможность явленій медіумизма; но когда этотъ психически больной человѣкъ вновь представилъ блестящія работы въ области «чистой науки», тогда, не имѣя возможности ссылаться на его «болѣзнь», гг. доктринеры начали дѣлать разныя придирки по поводу постановки опытовъ Крукса. Кое-что изъ замѣченнаго, дѣйствительно, заслуживало *нѣкотораго* вниманія, но большая часть нападокъ была основана на полнѣйшемъ незнаніи предмета, о которомъ эти господа рѣшались судить, даже не видѣвши ни одного изъ проявленій неизвѣстной

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что до 1816 года матерію представляли себѣ въ твердомъ, жидкомъ или газообразномъ состояніяхъ. Но въ это время Фарадей высказалъ гипотезу, что должно существовать еще четвертое ея состояніе. Основаніемъ для такого предположенія служитъ всѣмъ извѣстное уменьшеніе различія между существующими простыми тѣлами, когда они приближаются къ жидкому состоянію, и *почти* полное уничтоженіе этого различія, при переходѣ въ газообразное. Въ четвертомъ же состояніи и этихъ различій не имѣется: здѣсь существуетъ *абсолютно* только *одна матерія*, переходомъ которой въ другія, высшія состоянія обусловливается образованіе различій, дающихъ основаніе для установленія понятія объ элементахъ и т. п.

[2]) Эти предметы клались для того, чтобы быть въ увѣренности, что дѣло не въ давленіи на дощечку,—было бы неудобно давить, такъ какъ предметъ легко можетъ сдвинуться, его можно раздавить (спичечная коробка) и т. д.

личеніе тяжести тогда только, когда Круксъ всѣмъ своимъ 140-фунтовымъ тѣломъ нарочно произвелъ сотрясеніе доски, и то лишь на $1^1/_2$—2 фунта.

Тѣмъ не менѣе, для уничтоженія всякаго сомнѣнія въ томъ, что Юмъ можетъ производить механическое давленіе, на концѣ дощечки былъ поставленъ сосудъ съ водою, а въ него помѣщался другой значительно меньшій сосудъ, тоже наполненный водою. Верхній сосудъ, въ который Юмъ долженъ былъ погружать свои пальцы, соединялся посредствомъ пробитыхъ въ днѣ его отверстій съ большимъ сосудомъ. При такомъ устройствѣ, какъ легко понять, передача непосредственнаго, механическаго давленія на воду верхняго сосуда дощечкѣ оказывается безусловно невозможною, а между тѣмъ, когда Юмъ погрузилъ въ него пальцы, игла указателя начертила кривую, соотвѣтствовавшую 5.000 грановъ (около 325 граммовъ).

Мы не станемъ болѣе утомлять читателя описаніемъ другихъ опытовъ Крукса, такъ какъ сказаннаго достаточно для составленія о нихъ понятія. Прибавимъ только, что они производились при полномъ свѣтѣ и въ присутствіи не только упомянутыхъ знаменитостей, но и другихъ не менѣе извѣстныхъ лицъ. Во время своихъ изслѣдованій медіумизма англійскій ученый замѣтилъ, что, когда сила невелика, свѣтъ оказываетъ вредное вліяніе на нѣкоторыя ея проявленія. Но съ Юмомъ, обладавшимъ громадною силою, можно было производить опыты при полномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что самъ медіумъ отказывался производить ихъ въ темнотѣ, говоря, что, если нѣкоторыя явленія при свѣтѣ и не будутъ имѣть той интенсивности, зато возможность наблюдать ихъ въ благопріятныхъ условіяхъ вполнѣ вознаграждаетъ этотъ недостатокъ.

Изучая вліяніе разнаго рода свѣта на медіумическую силу, Круксъ испыталъ свѣтъ лампы, свѣчи, газа, электрическій, лунный, солнечный и т. п. Лучше всего опыты удавались при лунномъ свѣтѣ.

Что касается источника этой силы, то, видя Юма, не разъ лежащаго на землѣ, блѣднаго и неспособнаго произнести слово, Круксъ заключаетъ, что эта сила исходитъ изъ нервной системы, и ей „сопутствуетъ пропорціональное израсходованіе жизненной силы"; ею, „по всей вѣроятности, обладаютъ всѣ человѣческія существа, хотя субъекты, обладающіе ею въ высшей степени, понятно, очень рѣдки".

Обращаясь къ свойствамъ „психической силы" Крукса, нельзя не обратить вниманія на то, что она производитъ дѣйствіе даже и черезъ воду.

Производя опыты съ Юмомъ, Круксъ замѣтилъ, что передъ началомъ проявленій медіумической силы всегда происходитъ пониженіе температуры окружающаго воздуха. „Подъ его (Юма) вліяніемъ,—говоритъ этотъ ученый,—я видѣлъ приподниманіе листовъ бумаги и паденіе термометра на нѣсколько градусовъ. Въ другихъ обстоятельствахъ я не замѣчалъ никакого движенія воздуха, но холодъ былъ настолько интенсивный, что я его могу сравнить только съ тѣмъ, когда протягиваютъ руку на разстояніи нѣсколькихъ дюймовъ надъ замерзшею ртутью".

„Во время поднятій на воздухъ или левитацій я,—говоритъ Юмъ,—не испытываю въ себѣ ничего особеннаго, исключая того обыкновеннаго чувства, причину котораго я приписываю большому накопленію электричества въ моихъ ногахъ". Несмотря на то, что Юмъ иногда высоко поднимался на воздухъ, онъ не испытывалъ при этомъ боязни, исключая перваго съ нимъ случая, происшедшаго, когда Юму было всего только девятнадцать лѣтъ. Тогда медіумъ, дѣйствительно, сильно испугался, о чемъ свидѣтельствовали: трепетъ всего тѣла, измѣнившійся голосъ и т. п. „Сила самоподнятія, — говоритъ Круксъ въ статьѣ о различіи между явленіями, производимыми медіумизмомъ Юма и Ев. Палладино, — почти никогда не сообщается сосѣдямъ медіума; тѣмъ не менѣе, однажды моя жена была поднята вмѣстѣ со стуломъ, на которомъ она сидѣла".

3. **Опыты съ Евзапіей Палладино.** Теперь перейдемъ къ крайне интереснымъ опытамъ съ Евзапіей Палладино.

Начнемъ наше описаніе медіумизма Евзапіи съ наблюденій надъ нею, производившихся съ 20 по 29 сентября 1895 года въ виллѣ Аньеля, принадлежащей де-Роша. Предпочтеніе, оказываемое нами этимъ наблюденіямъ передъ другими, основывается на томъ соображеніи, что они были производимы позже всѣхъ остальныхъ, а, стало-быть, участники этихъ сеансовъ—Сабатье, Дарьексъ, де-Роша, де-Уатвилль, Максуэлль и де-Грамонъ,—могли пользоваться опытомъ своихъ предшественниковъ въ отношеніи изученія медіумизма Евзапіи Палладино. Принимая во вниманіе замѣчанія критики предыдущихъ сеансовъ въ Неаполѣ, Миланѣ, Варшавѣ, Кембриджѣ и т. д., экспериментаторы въ Аньеля приняли всевозможныя мѣры предосторожности для избѣжанія обмана. Но прежде, чѣмъ описывать постановку опытовъ, мы разскажемъ объ одномъ фактѣ, который своей убѣдительностью долженъ заставить скептически настроеннаго читателя относиться къ явленіямъ медіумизма съ тою серьёзностью, какой они, по справедливости, заслуживаютъ.

28 сентября въ 6 часовъ вечера поименованныя выше лица, за исключеніемъ Дарьекса, собрались передъ обѣдомъ въ залѣ, *прекрасно освѣщенномъ* стоящею на столѣ лампою. Опыты предполагалось начать только послѣ обѣда. Вдругъ, де-Грамонъ спросилъ Евзапію, бывшую въ нормальномъ состояніи, не согласилась ли бы она тутъ же сдѣлать одинъ опытъ, который бы ихъ всѣхъ убѣдилъ. Опытъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы Евзапія произвела, не дотрогиваясь, давленіе на круглую площадку обыкновенныхъ вѣсовъ для писемъ. Эти вѣсы, привезенные съ собою Грамономъ, состоятъ, главнымъ образомъ, изъ площадки, на которую кладутся письма, производящія своею тяжестью давленіе на послѣднюю, отчего подымается противовѣсъ, а стрѣлка указываетъ на дугообразномъ циферблатѣ величину этого давленія. Евзапія сказала, что готова попробовать. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что она вовсе не ожидала подобнаго предложенія, такъ какъ все это вышло, такъ сказать, экспромптомъ, и во все то время, пока не были принесены вѣсы, и въ теченіе опыта съ нея не спускали глазъ. Вѣсы поставили на столъ въ 60 сант. отъ лампы; всѣ стали кругомъ, слѣдя внимательно за каждымъ движеніемъ медіума.

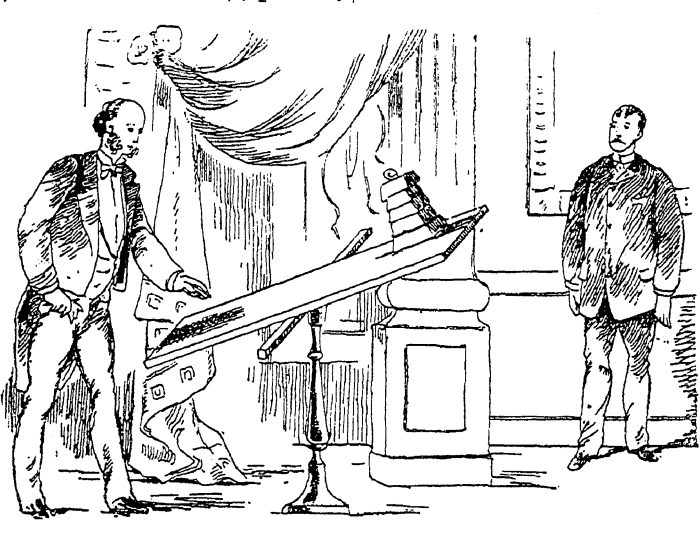


Рис. 1. Телекинетическіе опыты.

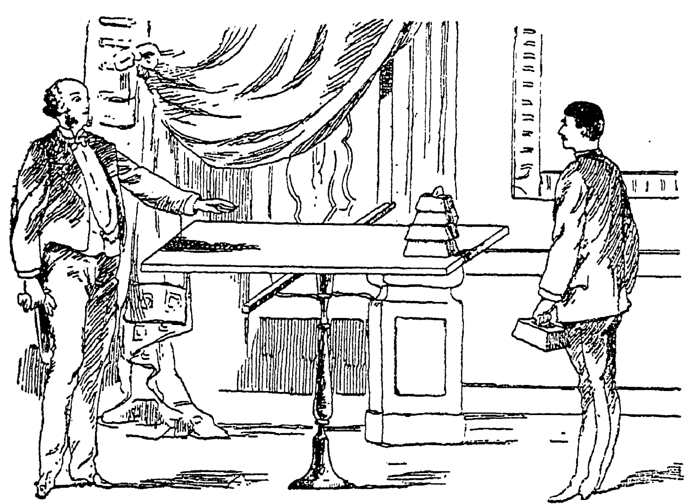


Рис. 2. Телекинетическіе опыты.

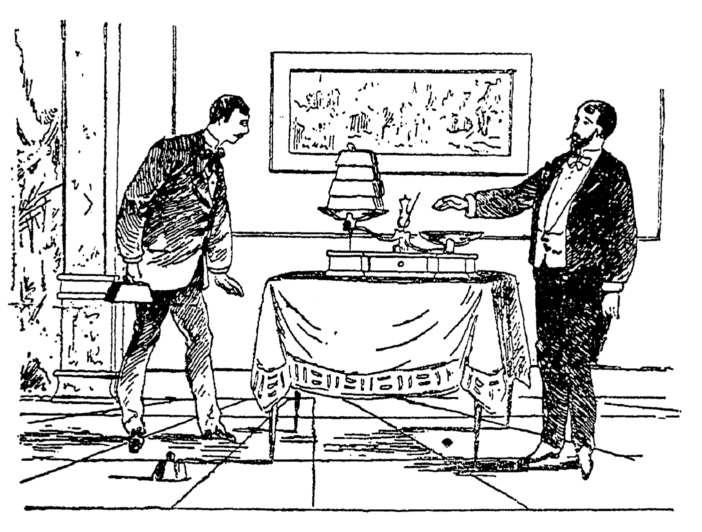


Рис. 3. Телекинетическіе опыты.

Сначала Евзапія попробовала привести въ движеніе площадку вѣсовъ одною рукою, которую она расположила надъ вѣсами въ разстояніи нѣсколькихъ сантиметровъ; но когда это не удалось, то, соединивъ пальцы каждой руки, она расположила послѣднія по обѣимъ сторонамъ площадки на разстояніи *не менѣе* 3 или 4 сант. отъ послѣдней и сдѣлала послѣ того нѣсколько слабыхъ движеній сверху внизъ. Нужно ли говорить, что она не только ничѣмъ не касалась вѣсовъ, но даже тончайшій волосъ или шелковинка были бы при такомъ сильномъ освѣщеніи непремѣнно замѣчены, тѣмъ болѣе, что и условія для контроля были очень благопріятны. Сначала площадка вѣсовъ была неподвижна; вскорѣ она стала одновременно съ руками колебаться сверху внизъ. Наконецъ, когда Евзапія опустила руки, площадка опустилась до конца, т.-е. насколько позволяетъ устрой-

ство вѣсовъ, и потомъ поднялась. Этотъ опытъ былъ продѣланъ вторично также и въ присутствіи Дарьекса, который его не могъ видѣть. Въ третій разъ Евзапія повторила его при тѣхъ же условіяхъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями контроля. Наконецъ, когда всѣ разошлись, и остались только Сабатье, де-Роша со своею женою и дочерью, Евзапія расположила обѣ свои раскрытыя ладони въ двухъ вертикальныхъ и параллельныхъ плоскостяхъ съ двухъ сторонъ вѣсовъ и стала двигать руками, но теперь уже въ горизонтальномъ направленіи, словно желая вызвать въ вѣсахъ общее движеніе и передвинуть ихъ. Послѣ двукратнаго повторенія такого движенія рукъ, находившихся на разстояніи 5 — 6 сант. отъ вѣсовъ, послѣдніе, повинуясь невидимому толчку, стали скользить по столу, сначала колеблясь и медленно, а потомъ скорѣе, и, наконецъ, упали со стола на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Вѣсы вѣсили 125 грам. и находились до начала опыта на разстояніи 30 сант. отъ края стола.

Этотъ опытъ, совершавшійся въ условіяхъ, не оставляющихъ желать бóльшаго, долженъ, по мнѣнію упомянутыхъ ученыхъ, имѣть рѣшающее значеніе. Съ научной точки зрѣнія совершенно безразлично, передвинутъ ли одинъ золотникъ, 125 граммовъ или 10 пудовъ,—здѣсь разница не качественная, а лишь количественная, которая можетъ зависѣть отъ индивидуальной силы, условій времени, мѣстности, атмосферныхъ и т. п. Намъ остается лишь изучить эти условія, чтобы впослѣдствіи получить изъ этого знакомства съ ними не только теоретическіе выводы, но и извлечь практическую пользу.

Какъ далеко она можетъ зайти, даже предвидѣть теперь трудно.

Прочитавъ сдѣланное нами описаніе опыта съ вѣсами, скептически настроенный читатель можетъ сдѣлать не мало возраженій, главнымъ образомъ основанныхъ на томъ, что онъ „самъ этого не видѣлъ“, а потому, естественно, имѣетъ право сомнѣваться.

„Тутъ могла быть,—пожалуй, скажетъ такой скептикъ,—внушенная коллективная галлюцинація“.

Конечно, могла быть, но, судя по всему, *не была*. Впрочемъ, о такого рода внушеніяхъ коллективныхъ галлюцинацій лицамъ бодрствующимъ что-то не слышно... да, наконецъ, и скептицизму должны быть границы. Не нужно забывать, что фактовъ телекинетіи слишкомъ много, а потому, если нельзя полагаться на каждый изъ нихъ въ отдѣльности, то должно, по крайней мѣрѣ, признать значеніе доказательства, основаннаго на совокупномъ свидѣтельствѣ фактовъ.

Перейдемъ теперь къ описанію условій, въ которыхъ совершались наблюденія въ Аньеля. Вилла де-Роша, расположенная вдали отъ другихъ построекъ, была занята исключительно одною только семьею ученаго, Евзапія была привезена изъ Парижа самимъ Дарьексомъ, такъ что не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь сообщникахъ. Общее устройство для производства наблюденій было болѣе или менѣе обычное въ такихъ случаяхъ. Легкій, бѣлаго дерева (кухонный) столъ; за стуломъ Евзапіи глубокая оконная ниша, закрытая нѣсколько раздвинутою толстою портьерою; въ нишѣ кресло, на которомъ лежалъ игрушечный о двѣнадцати клавишахъ рояльчикъ, вѣсящій 900 граммовъ; кромѣ того, на нѣкоторомъ разстояніи, буфетъ.

Передъ началомъ наблюденій Евзапію раздѣла и тщательно осматривала г-жа де-Роша. Во время сеансовъ горѣла лампа, хотя и уменьшеннымъ свѣтомъ, тѣмъ не менѣе достаточнымъ для того, чтобы читать мелкую печать [1]). Для записыванія замѣчаній комиссіи назначался каждый день новый членъ ея, который сидѣлъ за дверями комнаты. Все, что происходило во время сеанса, диктовалось ему, не исключая условій контроля и обстоятельствъ, сопровождавшихъ явленія. Эти, по необходимости, быстрыя и краткія замѣчанія послѣ сеанса читались передъ всею комиссіею, члены которой дѣлали къ нимъ дополненія; ночью секретарь придавалъ этимъ отрывочнымъ замѣткамъ болѣе литературную форму, а къ утру каждый экспериментаторъ получалъ одинъ экземпляръ отчета, дѣлалъ на поляхъ его замѣтки, дополненія, поправки. Затѣмъ все это сводилось въ одинъ общій отчетъ, который потомъ читался передъ всею комиссіею, окончательно его уже редактировавшею. Во время сеансовъ иногда снимались фотографіи при магніевомъ освѣщеніи. Эти снимки дополняли описаніе.

Изъ этого можно судить, насколько серьёзно относились экспериментаторы къ дѣлу. Что же касается остальныхъ подробностей контроля, то, боясь наскучить читателю, мы будемъ упоминать о нихъ лишь при описаніи нѣкоторыхъ опытовъ.

Желая дать предварительное понятіе о явленіяхъ, наблюдавшихся въ Аньеля, мы сначала ихъ перечислимъ, а потомъ уже сдѣлаемъ самый разборъ.

Въ числѣ явленій, здѣсь наблюдавшихся, чаще всего повторялись: левитація стола; движенія безъ прикосновенія такихъ, напримѣръ, предметовъ, какъ стулья, занавѣски, кресло, игрушечный рояльчикъ, ключъ въ

[1]) Свѣтъ уменьшался лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, о которыхъ скажемъ ниже.

дверцахъ буфета, самыя дверцы и т. д.; разные звуки, удары въ столѣ, стуки въ буфетѣ, игра на рояльчикѣ; холодное вѣяніе; левитація медіума. Что же касается явленій, такъ называемой, матеріализаціи, то экспериментаторы видѣли тѣни рукъ, недостаточно хорошо сформированную голову, а также и другіе, напримѣръ, разнаго рода свѣтовые феномены, не наблюдавшіеся въ Аньеля, но которые были замѣчены въ другихъ мѣстахъ.

Замѣчанія и заключенія комиссіи относительно медіумизма Евзапіи не отличаются новизною и смѣлостью. Стремясь до конца сохранить объективизмъ и выдержать серьёзный научный тонъ, комиссія не высказываетъ никакихъ предположеній о природѣ явленій, но описаніе послѣднихъ, съ сопровождающими ихъ обстоятельствами, даетъ не мало данныхъ для заключеній. Понятно, тѣ выводы, которые мы здѣсь сдѣлаемъ на основаніи совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ медіумизма, ни къ чему не обязываютъ ни читателя,—буде онъ съ ними согласится,—ни насъ самихъ, такъ какъ дальнѣйшія ведущіяся въ научномъ направленіи наблюденія могутъ нѣсколько измѣнить наши взгляды.

Итакъ, попробуемъ ближе присмотрѣться къ этимъ явленіямъ. Комиссія въ Аньеля обратила вниманіе на то, что опыты сильно изнуряютъ Евзапію, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже очень страдаетъ: она стонетъ, потѣетъ, попеременно блѣднѣетъ и краснѣетъ, часто ея руки дѣлаются холодными, какъ ледъ. Все это подтверждаетъ сдѣланное Круксомъ заключеніе о нервномъ происхожденіи медіумическихъ явленій. По мѣрѣ утомленія, Евзапія проситъ объ уменьшеніи свѣта и *образованіи цѣпи изъ присутствующихъ*, которые, такимъ образомъ, служатъ къ поддержанію истощающагося запаса нервной энергіи, а, стало-быть, должны, подобно медіуму, уставать. Такъ, дѣйствительно, и бываетъ: если присутствующіе соединяются съ Евзапіей, то они настолько расходуютъ свои силы, что нѣкоторые (напримѣръ, Дарьексъ и Максуэллъ) должны во время сеанса по нѣскольку разъ отдыхать. При вызываніи явленій телекинетіи, медіумъ производитъ слабыя движенія руками и ногами; эти движенія въ нѣкоторыхъ трудныхъ случаяхъ, а также при началѣ явленія усиливаются, такъ что Евзапія проситъ держать ее крѣпче. Они имѣютъ очень много общаго съ тѣми *синергическими* движеніями, которыя мы невольно дѣлаемъ, смотря на трудную физическую работу кого-нибудь, кому хотѣлось бы помочь.

Во время сеансовъ съ Евзапіею, Юмомъ и др. медіумами замѣчается пониженіе температуры и какое-то холодное вѣяніе... Это ощущеніе, испытываемое сидящими при медіумѣ, сильно напоминаетъ ощущеніе отъ электростатической, напримѣръ, Гольцевской машины. У Евзапіи выдѣленіе холода особенно замѣтно изъ лѣвой стороны головы, гдѣ остался шрамъ отъ удара. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вокрухъ медіума и электрическихъ людей въ окружающемъ воздухѣ замѣчается иногда присутствіе озона. Все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ заключить, что тутъ дѣло въ электричествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что оно выдѣляется изъ организма пропорціонально дѣлаемому нами усилію, безразлично, — умственному или физическому (опыты Дюбуа-Реймона, Тарханова), стало-быть, при синергическихъ движеніяхъ, представляющихъ собою, скажемъ, психическій рефлексъ, должно возрастать количество выдѣляемаго электричества, которое облегчаетъ выполненіе работы,—будетъ ли она съ прикосновеніемъ къ предмету или на разстояніи. Оно выдѣляется, кромѣ того, въ большей степени изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кожа бываетъ обнажена или не успѣла вполнѣ возстановиться, какъ, напримѣръ, у Евзапіи на головѣ. У подобныхъ субъектовъ очень часто замѣчается движеніе складокъ одежды, словно отъ какого-то дуновенія. Едва одежда коснется предмета, напримѣръ, стола, на которомъ положены руки медіума, какъ наступаетъ левитація предмета, — только у такихъ сильныхъ медіумовъ, какъ, напримѣръ, Юмъ, не замѣчалось соприкосновенія одежды со столомъ.

Наблюдая явленія телекинетіи, экспериментаторы замѣтили, что, разъ движеніе предмета началось, каждому сильному синергическому движенію соотвѣтствуетъ одновременное ускореніе движенія предмета, которое не имѣетъ ровнаго характера, а происходитъ толчками, съ неправильными промежутками. Иногда Евзапія, взявъ руку контролера, начинаетъ тереть ее сильно между своими руками, и въ это время движеніе предмета ускоряется. На одномъ, напр., сеансѣ, когда происходило движеніе кресла, она стала, такимъ образомъ, сильно тереть руку Максуэлля, и кресло „поспѣшило къ столу". До чего сильны иногда бываютъ подобныя телекинетическія явленія, можно судить по тому, что кресло, на которомъ сидѣлъ Сабатье, было вмѣстѣ съ нимъ опрокинуто. Но не слѣдуетъ думать, что синергическія движенія членами способны вызывать одни только подобныя грубыя телекинетическія явленія; напротивъ, нерѣдко медіумъ производитъ на разстояніи разныя тонкія движенія, напр., перебираетъ клавиши рояля, причемъ „каждому движенію стопы соотвѣтствуетъ нота, играе-

мая на инструментѣ". Въ Аньеля „Евзапія беретъ одною рукою лѣвую кисть Сабатье, а пальцами другой руки окружаетъ его указательный палецъ. Она производитъ вокругъ этого пальца попеременныя круговыя движенія, которымъ соотвѣтствуютъ звуки ключа, одновременно поворачивающагося то въ ту, то въ другую сторону".

4. Опыты Макъ-Нэба и Пеллетье. Настоящую главу мы закончимъ описаніемъ опытовъ Макъ-Нэба и Пеллетье. Изслѣдованія перваго ученаго, при ихъ простотѣ и легкости контроля, обладаютъ еще весьма цѣннымъ свойствомъ служить ключомъ къ пониманію не только опытовъ Пеллетье, но и природы всѣхъ явленій телекинетіи.

Макъ-Нэбъ пользовался всегда однимъ медіумомъ. Сеансы производились въ присутствіи 5—6 лицъ и всегда удавались, за исключеніемъ одного, когда *погода была холодная и дождливая.* Опытъ, о которомъ будетъ рѣчь, производился при полномъ свѣтѣ. Медіумъ садился, держа палку стоймя между ногъ, потеръ ее руками, потомъ медленно раздвигалъ ихъ и оставлялъ неподвижными. Палка осталась стоять немного наклонно къ груди медіума и трясясь на подобіе того, какъ это бываетъ съ магнитною иглою, если ее держать стоймя надъ однимъ изъ полюсовъ магнита вдоль линіи силы.

Медіумъ сидѣлъ совершенно неподвижно, между тѣмъ, по его волѣ, палка наклонялась впередъ, назадъ, въ стороны. При этомъ она становилась подъ угломъ 60^0 къ землѣ и снова по желанію медіума принимала вертикальное положеніе. Само собою понятно, что здѣсь не было никакихъ нитокъ, волосъ или чего-нибудь подобнаго, чѣмъ можно бы было подражать этимъ движеніямъ. Опытъ повторялся нѣсколько разъ съ тремя различными палками: одною очень легкою, другою орѣховою, съ пропущеннымъ чрезъ сердцевину стальнымъ прутомъ, и третьею тяжелою камышевою. Послѣдняя дала наилучшіе результаты.

Еще интереснѣе былъ опытъ съ двумя палками. Въ то время, какъ первая была въ равновѣсіи, другая, бамбуковая, положенная на полу въ десяти сантиметрахъ отъ нея, не лежала, какъ бы слѣдовало ожидать, неподвижно, но вращалась вокругъ себя, катаясь по полу, и кончила тѣмъ, что прижалась къ первой, словно подъ вліяніемъ притяженія. Во время этого опыта медіумъ продолжалъ сидѣть неподвижно, а трость, повинуясь его волѣ, продѣлывала упомянутыя движенія.

Этого рода опыты повторялись съ одинаковымъ успѣхомъ во время нѣсколькихъ сеансовъ, но были и неудачные случаи. Макъ-Нэбъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что даже столь несложный приборъ, какъ электростатическая машина, не всегда даетъ электричество, такъ какъ дѣйствіе ея обусловливается, кромѣ чисто техническихъ требованій, еще и состояніемъ атмосферы. Въ случаѣ, когда трость находится въ равновѣсіи, это замѣчательно напоминаетъ равновѣсіе фигурки изъ бузинной сердцевины, находящейся въ электрическомъ полѣ: то и другое явленія происхожденія одинаковаго. Но когда являются движенія въ различныхъ направленіяхъ, въ зависимости отъ воли, тогда, очевидно, самъ медіумъ становится частью прибора. Въ своихъ движеніяхъ трость повинуется: 1) дѣйствію тяжести, 2) магнитической силѣ нервнаго поля медіума, проектированной наружу и 3) сознательной волѣ. Послѣдняя, по мнѣнію Макъ-Нэба [1]), должна быть разсматриваема, какъ магнитическая сила, дѣйствующая въ трехъ направленіяхъ, въ то время, какъ центры электрической силы дѣйствуютъ въ одномъ лишь направленіи; они представляютъ собою центры молекулярной силы первой степени произвольности, а свободная воля—третьей степени [2]).

Очень интересенъ опытъ французскаго ученаго Ораса Пеллетье, которымъ мы и закончимъ настоящій очеркъ.

Положивъ на столикѣ объ одной ногѣ какіе-нибудь два легкихъ предмета, напр., куколки изъ бузинной сердцевины, на разстояніи двухъ дюймовъ другъ отъ друга, онъ располагаетъ вокругъ стола нѣсколько сенситивовъ или загипнотизированныхъ, которые, взявшись за руки, окружаютъ столъ въ разстояніи трехъ футовъ отъ него. Черезъ нѣкоторое время Пеллетье говоритъ куколкамъ: „обнимитесь!"—Онѣ тотчасъ приближаются и соприкасаются. „Раздѣлитесь!"—Онѣ разъединяются и удаляются другъ отъ друга на всю ширину столика. „Еще разъ сойдитесь!" Онѣ сближаются. „Разойдитесь снова!" Онѣ отдѣляются другъ отъ друга. Потомъ, обращаясь къ одной изъ куколокъ, онъ приказываетъ: „разбѣгись и подпрыгни!" Фигурка отступаетъ, бѣжитъ и подпрыгиваетъ. Такіе опыты-представленія ученый показывать многимъ лицамъ, причемъ у него по командѣ вертѣлись вокругъ себя даже аллюминіевыя ручки для письма...

Понятно, что-нибудь вродѣ стола, пера, кусочка пробки и т. п. предметовъ, не при-

[1]) Взглядъ грубо-матеріальный, ничѣмъ не доказанный. *Г. Д.*

[2]) Если анимическій элементъ (душа) проявляется во внѣ чрезъ посредство динамическаго (въ данномъ случаѣ электричества), то ее ни въ какомъ случаѣ нельзя отождествлять съ послѣднимъ, какъ нельзя отождествлять телеграфную проволоку съ депешею, идущею по ней, и съ лицомъ, пославшимъ эту депешу. *(Свящ. Г. Д.).*

способленныхъ къ членораздѣльнымъ движеніямъ, можетъ подниматься, скользить, падать... но и только. Если же въ нашемъ распоряженіи имѣется механическая кукла или неоконченѣвшій трупъ насѣкомаго, то ихъ можно заставить двигаться, какъ автоматовъ. У Пеллетье, напр., ползало такимъ образомъ мертвое насѣкомое.

Резюмируя все сказанное въ этихъ главахъ, приходимъ къ заключенію, что какъ левитація, такъ и явленія телекинетическія, очевидно одного происхожденія, а именно: электрическаго, тѣмъ не менѣе нужно сознаться, что многое здѣсь еще очень неясно. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. В. Битнера „Вѣрить или не вѣрить?“ Спб. 1899 г., стр. 272—287; 302—305).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ явленіяхъ физическихъ (явленія телекинетическія—движенія предметовъ на разстояніи).

Разъ признавши, что физическія явленія (изъ коихъ самыя наглядныя и убѣдительныя — движенія предметовъ безъ прикосновенія къ нимъ) существуютъ, мы должны признать безспорнымъ, что человѣкъ одаренъ способностью физическаго дѣйствія на разстояніи. Такъ какъ физическое дѣйствіе по себѣ безлично, то невозможно утверждать, что данное физическое явленіе, наприм., движеніе какого-нибудь предмета безъ прикосновенія къ нему, произошло черезъ А. или черезъ Б. Принято приписывать его спеціально присутствію извѣстнаго лица, называемаго медіумомъ, и для насъ всего важнѣе убѣдиться, что это дѣйствительно такъ; остальное будетъ только вопросомъ количества и качества. Что возможно для А., то можетъ также, болѣе или менѣе, быть возможнымъ и для Б., присутствующаго или отсутствующаго на сеансѣ; и что возможно для А. на маломъ разстояніи, то можетъ быть возможнымъ для Б. на большомъ разстояніи. Разъ фактъ умственнаго проявленія на разстояніи существуетъ, физическое дѣйствіе также на разстояніи есть только его естественное дополненіе, и наоборотъ.

Опыты, продѣланные внѣ спиритизма, съ цѣлью доказать возможность внѣтѣлеснаго дѣйствія посредствомъ явленія физическаго, немногочисленны.

М-ръ Уэджвудъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ словахъ объ опытѣ подобнаго рода, произведенномъ миссисъ де-Морганъ, женою покойнаго проф. де-Моргана и авторомъ книги: *Отъ матеріи къ духу* («From Matter to Spirit»).

1. «Что при извѣстныхъ условіяхъ внѣтѣлесная сила духа способна вызывать физическія дѣйствія, это можетъ быть доказано примѣромъ, о которомъ я неоднократно слышалъ отъ миссисъ де-Морганъ. У нея лѣчилась магнитизмомъ больная дѣвочка, у которой проявилась способность къ ясновидѣнію; она иногда провѣряла эту способность тѣмъ, что посылала ее во время сомнамбулическаго сна въ различныя мѣста посмотрѣть и разсказать, что тамъ дѣлается. Однажды она пожелала, чтобы дѣвочка пошла къ себѣ домой. «Хорошо, — отвѣтила она, — вотъ я пришла и сильно ударила въ ихъ дверь». Когда на другой день миссисъ де-Морганъ наводила справку о томъ, что тамъ въ данную минуту дѣлалось, ей на это отвѣтили, и тутъ же хозяйка прибавила: «какіе-то озорники, сильно стукнувъ въ дверь, удрали» («Light» 1883 г., стр. 458; срав. «Human nature» 1877 г., стр. 264).

2. Вотъ что мы находимъ у проф. Перти объ извѣстной ясновидящей изъ Преворста: «г-жа Гауфе могла заявлять себя своимъ знакомымъ ночью посредствомъ стуковъ, которые раздавались какъ бы въ воздухѣ, хотя глухо, но совершенно явственно. Однажды, когда она ночью постучала у Кернера (врачъ, спеціально ею занимавшійся и издавшій ея біографію), о чемъ онъ ей ничего не говорилъ, она на другой день спросила его, не надо ли постучать опять» (Перти: «Мистическія явленія» 1872 г., т. II, стр. 124).

3. Подобные же случаи встрѣчаются и внѣ спиритизма и внѣ месмеризма. Вотъ что мы находимъ также у Перти. Швейцарецъ-студентъ въ Базелѣ такъ часто посѣщалъ одно изъ тамошнихъ семействъ, что приходъ его узнавали по звонку. Позднѣе, будучи въ Берлинѣ и захворавъ корью, онъ съ тоскою вспоминалъ о своихъ базельскихъ друзьяхъ, а въ ихъ домѣ, въ это самое время, услыхали его звонокъ, такъ что всѣ подивились его возвращенію. Когда же отперли дверь, то никого не оказалось. Этотъ случай послужилъ поводомъ къ тому, что о студентѣ навели справки въ Берлинѣ. (Перти, тамъ же, стр. 125).

4. Вотъ примѣръ стуковъ, произведенныхъ вдали больной, которая спала и видѣла во снѣ, что она стучитъ; г. Гаррисонъ заимствуетъ его изъ сочиненія Генри Спайсера «Sights and Sounds»:

«У миссисъ Лауриссонъ (фамилія нѣсколько измѣнена), проживающей въ Лондонѣ, есть сестра, живущая въ Соусамтонѣ. Однажды, когда послѣдняя въ полуденное время сидѣла у себя въ комнатѣ за работой, послышались три легкихъ стука въ дверь. «Войдите», сказала она, но никто не появился. При повторившихся стукахъ она встала и отворила дверь, опять никого не оказалось. Какъ разъ въ то время, когда раздались стуки, болѣзнь миссисъ Лауриссонъ достигла кризиса, и она впала въ безсознательное состояніе. Придя въ себя, больная разсказала, что, находясь подъ вліяніемъ сильнаго желанія видѣть сестру передъ своей смертію, она увидала во снѣ, что отправилась въ Соусамтонъ и постучала въ дверь сестриной комнаты; что при вторичномъ ея

стукѣ сестра показалась въ дверяхъ, но невозможность подойти къ ней такъ взволновала больную, что она пришла въ себя («Spirits before our eyes», стр. 146).

5. Здѣсь же можно упомянуть про стуки, приписываемые лицамъ, *умирающимъ* вдали отъ своихъ родственниковъ или друзей, такъ какъ стуки эти совпадали съ послѣдними минутами ихъ жизни.

Такъ г. Босъуэль, проживая въ Эдинбургѣ, трижды былъ разбуженъ ночью сильными стуками въ наружную дверь; вставши посмотрѣть, онъ никого не увидалъ. Позднѣе онъ получилъ извѣстіе о смерти брата своего въ Калькуттѣ, и было дознано, что эти стуки раздавались именно въ тотъ часъ, когда братъ его былъ опасно раненъ (см. подробности въ «Light'ѣ» 1884 г., стр. 505).

6. Профессоръ Перти цитируетъ многочисленные факты этого рода въ вышеупомянутомъ сочиненіи своемъ, въ главѣ «О дѣйствіи умирающихъ на разстояніи», (томъ II, стр. 125 и слѣд.). Въ сочиненіи «Современный спиритизмъ» онъ цитируетъ по Даумеру «случай, гдѣ умирающій дѣдъ находящуюся у его постели дочь свою посылаетъ за ея сыномъ, чтобы тотъ за него помолился, такъ какъ самъ уже сдѣлать этого не въ состояніи, и въ то же самое время самъ духомъ переносится къ внуку, сильно стучитъ въ его дверь, называетъ его по имени и зоветъ къ себѣ, вслѣдствіе чего тотъ одѣвается и на лѣстницѣ встрѣчаетъ мать, шедшую за нимъ; оба спѣшатъ къ дѣду, который встрѣчаетъ внука съ улыбкой, проситъ его молиться за него и черезъ два часа тихо умираетъ» (стр. 209).

Можно возразить, что факты подобнаго рода не болѣе какъ галлюцинаціи слуха и ощущенія. Можетъ-быть, но во всякомъ случаѣ это будутъ галлюцинаціи телепатическія, т.-е. вызванныя психическимъ и внѣтѣлеснымъ дѣйствіемъ находящагося на разстояніи агента, а въ этомъ вся суть; но когда имѣешь подъ рукой медіумическіе факты, нельзя утверждать положительно отсутствіе всякаго физическаго дѣйствія въ подобнаго рода явленіяхъ.

Есть основаніе предполагать, что часть явленій, въ, такъ называемыхъ, непокойныхъ домахъ, могла бы быть отнесена къ этой рубрикѣ. Это могло бы послужить предметомъ очень интереснаго изслѣдованія; насколько мнѣ помнится, оно еще ни разу не было предпринято съ этой точки зрѣнія.

Такъ, въ извѣстномъ сочиненіи Горреса «Мистика» (томъ III французскаго перевода, стр. 325) въ главѣ: «Стучащій духъ въ Тэдворсѣ», мы читаемъ, что по признанію нищаго, посаженнаго въ тюрьму, это онъ производилъ въ Тэдворсѣ, въ домѣ г. Монпесана, весь тотъ гвалтъ и безпорядокъ, которые такъ обстоятельно описаны Гланвилемъ въ его извѣстномъ сочиненіи «Sadducismus triumphatus», вслѣдствіе чего случай этотъ и сдѣлался классическимъ (*А. И. Аксаковъ:* «Анимизмъ и спиритизмъ», ч. II, Спб. 1893 г., стр. 601—606).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Способность человѣческаго духа влiять на свое тѣло, производя въ немъ тѣ или другія измѣненія.

А. Разсказы о силѣ вліянія сознанія (особенно воображенія) на ощущенія и непроизвольное мышленіе.

1. Наиболѣе простой примѣръ анэстезіи (т.-е. нечувствительности къ боли), обусловленный извѣстнымъ состояніемъ духа, это— когда вниманіе настолько сильно сосредоточено въ извѣстномъ направленіи, что болѣзненныя раздраженія, причиняемыя тѣлу, остаются незамѣченными. Разъ намъ пришлось заставить себя выдернуть зубъ: мы просили дантиста дать намъ для усыпленія закиси азота, но, вслѣдствіе непредвидѣнной случайности, дантистъ не могъ прибѣгнуть къ этому средству. Извлеченіе зуба тѣмъ не менѣе состоялось, причемъ мы достигли того, что почти не чувствовали никакой боли, стараясь представить себѣ смѣшныя вещи и постоянно повторяя самимъ себѣ: „какъ это пріятно! какъ это пріятно!“ (См. „Духъ и тѣло“, Хэкъ-Тьюка, перев. съ англ. стр. 4).

2. Въ январѣ 1883 года въ Guy's Hospital'ѣ была молодая дѣвушка, признанная M. Price'емъ, госпитальнымъ врачомъ, субъектомъ, очень удобнымъ для гипнотическаго воздѣйствія. Во время ея усыпленія мы наблюдали, что всѣ части ея тѣла попеременно становились чувствительными или нечувствительными, смотря по тому, какія идеи ей внушались. Ей укололи руку булавкой; сначала она ничѣмъ не обнаружила чувства боли. Мы внушили ей мысль, что уколъ былъ болѣзненъ, и непосредственно за тѣмъ она обнаружила обычные признаки страданія. Напротивъ, какъ только мы внушили ей, что наша операція безвредна, она тотчасъ же дѣлалась нечувствительной къ уколамъ. Опытъ повторялся нѣсколько разъ. Пробудившись, молодая дѣвушка не сохранила никакого воспоминанія о происходившемъ. (Ibid. стр. 4).

3. M. Woodhouse Braine, обязанность котораго анэстезировать больныхъ въ Charing Cross Hospital'ѣ, имѣющій столь большую опытность въ этомъ дѣлѣ, любезно сообщилъ намъ замѣчательные случаи психической или воображаемой анэстезіи. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ:

„Въ 1862 г., разсказываетъ онъ, меня позвали хлороформировать одну молодую дѣвушку очень нервную, глубоко истеричную, которой нужно было удалить двѣ опухоли съ волосистой части головы. Уже по приходѣ въ операціонный залъ замѣтили, что пузырекъ съ хлороформомъ былъ отправленъ обратно въ аптеку. Я осмотрѣлъ ингаляторъ, которымъ въ то время имѣлъ обыкновеніе пользоваться, онъ оказался пустымъ и отъ него даже не пахло хлороформомъ. Я послалъ отыскать хлороформъ, а тѣмъ временемъ, чтобы пріучить молодую дѣвушку къ маскѣ аппарата, положилъ ее къ ней на лицо. Тотчасъ же она стала дышать черезъ нее. Спустя полъ-минуты, она произнесла: „я чувствую, какъ я умираю!“ Пузырекъ съ хлороформомъ еще не приносили. Больной предложили дышать потише, но въ тотъ же моментъ ея рука, остававшаяся скрещенной на груди, соскользнула на сторону. Такъ какъ она ее снова не подняла, мнѣ пришла въ голову мысль слегка ущипнуть у нея руку, чтобы видѣть, какую степень боли позволяло ей переносить ея истерическое состояніе. Къ слабому ущипленію она осталась равнодушной; я ущипнулъ настолько сильно, насколько могъ, къ великому моему изумленію, она, казалось, совсѣмъ ничего не чувствовала. Эта случайность представилась мнѣ благопріятной, я попросилъ хирурга начинать, онъ сдѣлалъ разрѣзъ по одной изъ опухолей, и такъ какъ киста не имѣла сращеній, вылущилъ ее. Съ этого момента я снялъ маску. Желая видѣть, какъ далеко заходило воображеніе молодой дѣвушки, я сказалъ хирургу, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ удаленію второй опухоли: „подождите минутку, она какъ будто приходитъ въ себя“. Тотчасъ дыханіе, совершенно спокойное до того времени, измѣнило свой характеръ и сдѣлалось столь же скорымъ, какъ и при первомъ прикладываніи ингалятора. Молодая дѣвушка принялась шевелить руками. Я снова приложилъ аппаратъ; дыханіе опять тотчасъ же успокоилось. Вторая операція окончилась безъ малѣйшаго движенія со стороны больной. Въ то время, какъ обмывали раны и накладывали повязку, я спросилъ у нея, чувствовала ли она что-нибудь: „нѣтъ, сказала она, я не знаю, что было“. По выходѣ изъ госпиталя она крѣпко вѣрила въ силу того анэстезическаго средства, которое ей было назначено.

Кто изучалъ исторію различныхъ анэстезическихъ средствъ, долженъ признать, что возможно безъ боли производить тяжелыя и обыкновенныя операціи, или спеціально повергая больного въ искусственный глубокій сонъ, или просто дѣлая его нечувствительнымъ къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, находящимся въ связи съ извѣстной идеей или съ извѣстнымъ рядомъ идей (Ibid., стр. 6).

4. Профессоръ Gregory сообщаетъ одинъ изъ случаевъ, нерѣдкихъ въ настоящее время, гдѣ, посредствомъ внушенія, субъектъ испытываетъ самыя разнообразныя ощущенія. „Дѣлаютъ нечувствительной одну руку, обѣ руки, все тѣло. Внушаютъ субъекту, что онъ дотрогивается до очень горячаго ножа, что мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, также горячо, онъ поднимается, ему внушаютъ, что самый полъ также горячъ, такъ что онъ былъ вынужденнымъ прыгать, стремился снять свою обувь, находя, что она горитъ. Его заставляли соглашаться, что температура комнаты была необыкновенно высока, и онъ дышалъ соотвѣтственно этой высокой температурѣ; потомъ ему внушали, что она низка, тотчасъ онъ застегивался, принимался ходить и потирать руки. На протяженіи какихъ-нибудь пяти минутъ руки у него дѣйствительно холодѣли, какъ на холодѣ“ [1].

5. Lauzanus разсказываетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который, насмотрѣвшись на больного, страдавшаго плевритомъ, въ то время какъ ему дѣлали кровопусканіе изъ руки, два часа спустя послѣ этой операціи, самъ ощущалъ живую боль въ рукѣ, въ мѣстѣ, соотвѣтствовавшемъ уколу, и около двухъ дней страдалъ отъ нея [2]). Это замѣчательный примѣръ изъ категоріи невралгій, причиняемыхъ вліяніемъ мозгового возбужденія на чувствительные нервы. Въ этомъ и послѣдующемъ фактѣ невозможно въ точности отграничить участія эмоцій.

6. Gratiolet сообщаетъ, что одинъ студентъ юристъ, присутствуя въ первый разъ въ своей жизни при хирургической операціи, состоявшей въ удаленіи небольшой опухоли уха, самъ почувствовалъ въ этотъ моментъ въ своемъ ухѣ столь живую боль, что невольно занесъ къ нему руку и началъ кричать. Gratiolet, свидѣтель этого факта, не говоритъ точно, на той ли самой сторонѣ ухо было поражено болью, на которой производилась и операція, но онъ заставляетъ объ этомъ догадываться. Здѣсь мы имѣемъ превосходный примѣръ простой боли, причиненной тѣмъ, что обыкновенно называютъ

---

1) Gregory, Letter: to a candid inquirer on animal Magnetism, 1851, p. 353.

2) I.—B. Demangeon, De l'Imagination, 1829, p. 154.

симпатіей, т.-е. одновременнымъ ощущеніемъ. Тотъ же фактъ съ одинаковымъ правомъ можно взять за примѣръ вліянія эмоціи (Ibid., стр. 11—12).

7. Существуетъ значительное количество случаевъ, въ которыхъ физическое дѣйствіе происходитъ согласно закону, выражающемуся въ слѣдующихъ основныхъ данныхъ: если извѣстное представленіе, возникающее въ настоящій моментъ въ умѣ, уже ранѣе возникало въ сопутствіи особеннаго ощущенія, то повтореніе этого представленія снова вызоветъ то же самое ощущеніе, пока послѣднее не укрѣпится настолько, чтобы образовать прочную связь съ первымъ.

Gratiolet разсказываетъ [1]), что онъ, будучи ребенкомъ, имѣлъ слабое зрѣніе, такъ что нужно было носить очки. Давленіе, производимое ими, было для него столь несноснымъ, что онъ долженъ былъ перестать пользоваться ими. Двадцать лѣтъ спустя онъ не могъ видѣть кого-нибудь въ очкахъ безъ того, чтобы снова не испытать ощущенія, столь непріятнаго ему въ дѣтствѣ.

8. M. W. Clark разсказалъ намъ, что онъ сильно обжегся горячимъ масломъ, и что послѣ этого случая, которому уже нѣсколько лѣтъ минуло, онъ не могъ слышать запаха горячаго масла, не испытывая при этомъ тошноты. Легкій ожогъ головы, причиненный ему парами эфира, вызывалъ у него, по ассоціаціи идей, такое же, но только болѣе слабое ощущеніе. (Ibid., стр. 12).

Сознаніе производитъ на сердце и гладкія мышцы то же самое вліяніе, какъ и на произвольныя или полосатыя мышцы; оно вызываетъ здѣсь правильныя движенія, спазмы или параличи.

9. Если мысль направлена на сердце, она вообще нарушаетъ правильность его отправленій. Правда, эмотивныя состоянія имѣютъ болѣе значительное и непосредственное вліяніе; тѣмъ не менѣе достаточно обратить вниманіе на біенія сердца, чтобы вызвать обыкновенно легкое, а иногда мучительное возбужденіе.

Вотъ почему медицинскіе студенты, которымъ приходится, при ихъ занятіяхъ, думать о сердцѣ, часто страдаютъ нарушеніемъ дѣятельности этого органа.

Обыкновенно говорятъ, что врачи часто умираютъ отъ тѣхъ самыхъ болѣзней, изученію которыхъ они спеціально себя посвятили [2]).

Существуетъ много интересныхъ наблюденій относительно нарушеній сердечной функціи, причиняемыхъ извѣстнымъ состояніемъ духа; но не легко отдѣлить здѣсь интеллектуальное вліяніе отъ эмотивнаго. Пусть, напримѣръ, извѣстное лицо подвергается операціи мнимаго кровопусканія и пусть, вслѣдствіе убѣжденія, что оно упадетъ въ обморокъ, обморокъ дѣйствительно случится, можно еще задать вопросъ, въ какой степени страхъ былъ тому причиной. Одинъ медицинскій студентъ въ Парижѣ, которому пришлось имѣть дѣло съ обрядовыми таинствами масонской ложи, былъ подвергнутъ операціи, о которой только что шла рѣчь. Ему завязали глаза, перевязали руку, сдѣлали обычныя приготовленія къ кровопусканію. Ему мнимымъ образомъ открыли вену, заставляя течь струю воды въ чашку, отъ чего происходилъ звукъ, похожій на теченіе крови, котораго ожидалъ студентъ. Въ результатѣ было то, что черезъ нѣсколько минутъ онъ поблѣднѣлъ, и тотчасъ упалъ въ обморокъ. Gratiolet, сообщающій этотъ фактъ, не говоритъ, удалось ли ему отыскать, въ какой пропорціи обморокъ былъ назначаемъ въ качествѣ испытанія при поступленіи въ тайное общество. Разсказываютъ, что одному человѣку присудили до тѣхъ поръ дѣлать кровопусканіе, пока не послѣдуетъ смерть. Такимъ образомъ, ему завязали глаза, сдѣлали видъ, что производятъ операцію и заставили течь воду ему на руку, чтобы произвести на него впечатлѣніе кровотеченія. Думая, что онъ вотъ, вотъ умретъ, этотъ человѣкъ умеръ на самомъ дѣлѣ. Воображеніе привело къ тому же результату, какъ и сама дѣйствительность; но невозможно сказать, насколько здѣсь участвовалъ страхъ. Безъ сомнѣнія, участіе послѣдняго было велико, какъ это было съ тѣмъ человѣкомъ, которому отмѣнили казнь въ моментъ, когда онъ положилъ голову на роковую плаху. Помилованіе пришло слишкомъ поздно. Ожиданіе близкой смерти остановило дѣятельность сердца. Предсказанія, влекущія за собой смерть, принадлежатъ къ этой же категоріи фактовъ, гдѣ страхъ играетъ большую роль. Тѣмъ не менѣе, кажется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе зависитъ отъ идеи, сильно запечатлѣвшейся въ умѣ, безъ примѣси страха. Нельзя сказать, слѣдовательно, до какой степени остановка сердца служитъ причиной смерти, хотя это кажется наиболѣе обыкновеннымъ.

---

[1]) Gratiolet. De la Phisionomie, 1865, p. 297.

[2]) Недавно переводчику цитируемаго сочиненія пришлось сдѣлать довольно курьезное наблюденіе надъ самимъ собою. Изучая различные виды разстройства походки у нервныхъ больныхъ, онъ началъ замѣчать, что временами у него самого вдругъ наступаетъ разстройство походки: является кое-то странное пошатываніе и неувѣренность въ ногахъ при движеніи и стояніи. Первое время онъ было, задумался надъ значеніемъ подобныхъ припадковъ, но съ тѣхъ поръ, какъ уяснилъ себѣ ихъ чисто психическое происхожденіе, они болѣе его не безпокоятъ.

10. Функція дыханія находится въ такой тѣсной связи съ функціей сердца, что мы вправѣ изслѣдовать здѣсь же вліяніе, оказываемое сознаніемъ на первую изъ нихъ, хотя бы въ дѣятельности этой функціи участвовали произвольныя или, лучше сказать, полу-произвольныя мышцы.

Д-ръ Weir Mitchell сообщилъ замѣчательные факты дыхательнаго спазма, крупознаго характера, наблюдавшіеся въ 1880 г. въ „The Pennsylvania University Hospital". Болѣли дѣти въ приходскомъ пріютѣ; припадки у нихъ происходили отъ подражательности другъ другу. У одного десятилѣтняго ребенка появились всѣ признаки крупа; у него было затрудненное, прерывистое дыханіе, афонія; въ горлѣ жестокое сжатіе. Когда спазмодическій припадокъ проходилъ, достаточно было приближенія служителя съ лѣкарствомъ или визита директора въ больницу, чтобы вызвать его снова. Шестеро или семеро другихъ дѣтей страдали точно такимъ же образомъ: они быстро поправились, какъ только ихъ разсѣяли по другимъ госпиталямъ [1]). Болѣзненная подражательность въ данномъ случаѣ вполнѣ очевидна.

11. Сэръ Н. Holland говоритъ, что не безъ основанія считаютъ, будто вниманіе иной разъ усиливаетъ кровотеченіе, напр., простое носовое кровотеченіе. Не легко опредѣлить, происходитъ ли это отъ возбужденія движеній сердца или отъ непосредственнаго вліянія вниманія на кровоточащіе сосуды. Сосредоточеніе вниманія кромѣ того часто заставляетъ замѣчать мѣстное ощущеніе, происходящее отъ артеріальныхъ пульсацій, которыя до того времени не ощущались. Оно производитъ или усиливаетъ шумъ, жужжаніе въ ушахъ, что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ капиллярнаго кровообращенія.

Здѣсь умѣстно повести рѣчь о стигматахъ, наблюдаемыхъ у нѣкоторыхъ субъектовъ; это замѣчательное явленіе, когда оно натурально и не вызвано механическимъ раздраженіемъ, приписывается нѣкоторыми авторами вліянію сознанія на капиллярное кровообращеніе посредствомъ сосудодвигательныхъ нервовъ.

Мы въ особенности остановимся на фактѣ, которымъ въ недавнее время много занимались: это Луиза Лато, стигматизованная изъ Bois-d'Haine (Бельгія), молодая дѣвушка, имѣвшая 24 года во время, когда у нея появились внѣшніе знаки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Бельгійская королевская медицинская академія назначила комиссію, предоставляя рѣшить, можетъ ли появиться въ изданіяхъ академіи мемуаръ M. Charbonnier'a, озаглавленный: „La maladie des mystiques, Louise Lateau". Комиссія, составленная изъ г.г. Fossion'a (не принимавшаго никакого участія въ ея работахъ), Mascart'a и Warlomont'a, пришла къ заключенію, что для составленія удовлетворительнаго мнѣнія необходимо непосредственно изслѣдовать Луизу Лато. Она производила свои изслѣдованія въ теченіе пяти мѣсяцевъ, и ея отчетъ представляетъ наилучшее ручательство, которое мы только можемъ имѣть о дѣйствительности подобныхъ фактовъ [1]). Подлинно ли были стигматы? Если да, какъ комиссія ихъ объясняетъ? Ея объясненія имѣютъ ли связь съ принципами, прилагаемыми въ этомъ трудѣ къ объясненію другихъ явленій?

Необходимо сначала сказать, что съ дѣтства Луиза Лато постоянно предавалась набожности. Особенное благоговѣніе она имѣла къ страданіямъ на Голгоѳѣ. „Задолго передъ первой своей исповѣдью, на которой она была 11 лѣтъ, она уже умѣла разсуждать о великихъ таинствахъ, хотя никто не училъ ее этому. Совсѣмъ маленькой, она любила повторять сладчайшія имена Іисуса и Маріи; она съ большимъ благоговѣніемъ относилась къ страданіямъ Спасителя, часто бывала на крестныхъ ходахъ, усердно посѣщала обѣдни, и уже давно молилась по четкамъ" [2]). Ночью 15 апрѣля 1868 г. она впала въ экстатическое состояніе, не переставая произносить благочестивыя слова. Она видѣла Пресвятую Дѣву и многихъ святыхъ. Такое состояніе продолжалось до 21. Вотъ тутъ-то показались стигматы. Кровь текла изъ лѣваго бока въ пятницу 24; она текла изъ того же бока, равно какъ изъ ногъ, слѣдующую пятницу. На слѣдующей недѣлѣ то же самое сдѣлалось съ ладонями. Наконецъ, каждую пятницу, эти явленія продолжали повторяться до 25 сентября, время, въ которое въ первый разъ кровь показалась также и на лбу. Припадки, какъ ихъ называли, сначала продолжались отъ 7 до 8 часовъ, но ко времени занятій комиссіи они продолжались только по $2\frac{1}{2}$ часа. Все время припадка Луиза Лато, „дѣлалась нечувствительной къ внѣшнимъ возбужденіямъ; казалось, что она присутствуетъ при событіи на Голгоѳѣ, она принимала знаменательныя позы и тѣмъ пробуждала эмоціи, отъ которыхъ страдала ея душа" [3]).

Отчетъ комиссіи появился 18 сентября 1874 г. Warlomont первымъ дѣломъ осторожно удалилъ засохшую кровь на лбу и

[1]) Weir Mitchell, Lectures on diseases of the nervous system, specilly in women, 1881, p. 71—74.

[1]) Warlomont принимаетъ за правило наставленіе Декарта: «не считайте никогда вещь за истинную, пока хорошо ея не узнаете; въ особенности производите вѣрно и въ совершенствѣ вычисленія, чтобы быть увѣреннымъ, что ничего не пропустили».

[2]) Louise Lateau, La stigmatisée de Bois d'Haine Bruxelles, Clossor et C°, 1873, p. 13.

[3]) Louise Lateau, ibid. p. 15.

изслѣдовалъ въ лупу кожу. Онъ не открылъ никакихъ царапинъ; онъ увидалъ только нѣсколько темныхъ точекъ, казавшихся частицами свернувшейся крови. Кожа, послѣ того какъ ее обмыли, была чистой и свѣтлой всю остальную часть дня. На рукахъ кровавыя пятна, но кровь текла въ то время постоянно, такъ что трудно было видѣть дно раны. При изслѣдованіи въ лупу, кожные сосочки оказались красными, вздутыми, похожими на мясистые прыщи. Ноги не были изслѣдованы столь же старательно; бокъ вовсе не былъ изслѣдованъ. На правомъ плечѣ была рана, представлявшая нѣсколько капель сыворотки, слегка окрашенной кровью. Пришелъ священникъ съ причастіемъ; Луиза Лато съ закрытыми глазами преклоняется на каменномъ полу, скрещиваетъ руки, надъ которыми протягиваютъ покрывало. Съ этого момента она впала въ экстатическую фазу гипноза. Неподвижная, съ закрытыми глазами, она походила на мраморную статую. Раздвинувъ вѣки, нашли зрачки широко расширенными, неподвижными, нечувствительными къ свѣту. Начинаютъ дотрогиваться вокругъ ранъ; эти части, которые до того времени были чувствительны и болѣзненны, ничѣмъ не указывали теперь на боль. Ущипываніе кожи не давало никакихъ признаковъ ощущенія. На самомъ дѣлѣ, повсюду была полная анэстезія, за исключеніемъ роговицы, оставшейся слегка чувствительной. Пульсъ, въ началѣ дававшій 120 ударовъ, падалъ до 100. Когда Луиза Лато пришла въ сознаніе, казалось, что она выходитъ изъ состоянія глубокаго сна. Кровь продолжала сочиться изъ ранъ. Чувствительность постепенно возвращалась. Пульсъ поднялся до 120. Мышечное чувство функціонировало неправильно: Луиза Лато не могла, не глядя, опредѣлять положеніе, въ которое приводились ея члены.

Она впадала въ экстазъ въ заранѣе извѣстный моментъ, часа два спустя послѣ полудня. До этого момента, зрачки у нея были слегка сокращены; вѣки почти закрыты, глаза безъ выраженія. Но когда экстатическое состояніе начиналось, глаза, открытые и задумчивые, устанавливались неподвижно вверхъ и вправо; зрачки расширялись и были почти нечувствительны къ свѣту. Въ теченіе двухъ часовъ Луиза Лато оставалась чуждой къ происходившему вокругъ нея. Это первый періодъ. Второй состоялъ въ колѣнопреклоненіи, причемъ она складывала руки и оставалась въ теченіе извѣстнаго времени въ состояніи созерцанія. Въ третій періодъ, она простиралась по землѣ, безъ признаковъ оцепенѣлаго состоянія мышцъ. По истеченіи минуты, она дѣлала быстрое движеніе, протягивала руки въ формѣ креста, оставаясь въ этомъ положеніи въ продолженіе $1^1/_2$ часа.

Во время экстаза, обильный потокъ крови вытекалъ изъ стигматъ, кожа оставалась нечувствительной.

Пульсъ падалъ до 70 въ третьемъ періодѣ и былъ едва ощутимъ. Дыханіе становилось очень медленнымъ, а дыхательный шумъ слабымъ.

M. Critchett присутствовалъ при одномъ изъ изслѣдованій комиссіи. Его сынъ, M. G.—A. Critchett, говорилъ намъ, что онъ былъ убѣжденъ въ подлинности явленія.

M. Warlomont построилъ аппаратъ, въ который онъ заключалъ правую руку стигматизованной, оставляя ее въ такомъ положеніи въ теченіе двадцати часовъ предъ появленіемъ раны; кажется, онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать Луизѣ Лато касаться своихъ рукъ, онъ также очень коротко обрѣзалъ ей ногти. Тѣмъ не менѣе геморрагія имѣла мѣсто; кровь была изслѣдована подъ микроскопомъ.

По заключенію комиссіи, что касается экстаза и стигматъ, всякая мысль о симуляціи должна быть исключена. „Стигматы и экстатическое состояніе подлинны. Ихъ можно объяснить физіологически[1]“.

Объясненіе, предложенное Warlomont'омъ, совершенно согласно съ извѣстными намъ психо-физическими законами. Оно заставляетъ считаться также съ идеей, подсказанной M. Critchett'омъ. Мы можемъ прибавить, что M. Warlomont въ письмѣ, недавно написанномъ къ намъ, говоритъ, что онъ не видитъ никакого основанія измѣнять своего мнѣнія.

Такимъ образомъ, вначалѣ прошелъ долгій подготовительный періодъ, въ который молодая, нервная, истерическая дѣвушка сосредоточивала постоянно свой умъ на одной группѣ представленій, опредѣленнымъ образомъ относившихся къ извѣстнымъ точкамъ тѣла. За этой локализованной концентраціей мысли, послѣдовали сосудо-двигательныя разстройства, съ приливами къ тѣмъ частямъ, къ которымъ всего сильнѣе устремлялась мысль. Подъ конецъ, не только могла произойти пассивная транссудація крови, но еще причиненное этимъ раздраженіе неизбѣжно должно было вызвать красноту кожи и сильно благопріятствовать наклонности къ кровотеченію. Кромѣ того, экстатическое состояніе должно было содѣйствовать усиленію прилива крови къ пораженнымъ частямъ, не только вслѣдствіе особенностей кровообращенія у загипнотизированныхъ, какъ это показалъ Braid, но также вслѣдствіе ассоціаціи идей, установившейся въ умѣ Луизы

---

[1]) Louise Lateau, ibid., p. 193.

Лато, между этимъ состояніемъ и стигматами.

Періодическое появленіе стигматъ раціонально объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что между извѣстными днями недѣли и опредѣленными представленіями установилось нѣчто вродѣ ассоціаціи, такъ что каждую недѣлю мысли и чувства принимали одно и то же направленіе.

12. M. Quain сообщилъ, въ Вестминстерскомъ медицинскомъ обществѣ, слѣдующій фактъ, поразительнымъ образомъ доказывающій вліяніе невольнаго вниманія: „одинъ господинъ, бывшій свидѣтелемъ всѣхъ тѣхъ страданій, которыя приходилось испытывать одному изъ его друзей вслѣдствіе суженія пищевода, настолько перечувствовалъ впечатлѣнія этого рода, что, по истеченіи нѣкотораго времени, и самъ началъ испытывать, подобно своему другу, стѣсненіе при глотаніи. Въ концѣ-концовъ онъ умеръ отъ спазмодическаго суженія пищевода только потому, что ему пришлось думать о страданіи другого“ [1]).

Д-ръ Durand сообщаетъ [2]) опытъ, произведенный надъ одной группой больныхъ въ госпиталѣ, который доказываетъ, что желудокъ можетъ выбросить свое содержимое подъ вліяніемъ чисто психическаго момента. Этимъ больнымъ назначали безразличное вещество изъ сахарной воды. Затѣмъ обнаружили большое безпокойство, утверждая, что, по недосмотру, произошла ошибка, что вмѣсто сиропа дали рвотное. Кто знакомъ съ вліяніемъ воображенія, легко можетъ предвидѣть, каковъ былъ результатъ. У $^4/_5$ изъ этихъ больныхъ сдѣлалась рвота. Неизвѣстно, сколько изъ остальныхъ страдало тошнотой. Нельзя, однако, поощрять обманы подобнаго рода; нужно даже пожалѣть, что для такого опыта столько лицъ пострадали безъ пользы для себя. [3])

13. Вліяніе представленія на слюнныя железы настолько замѣчательно, что его часто приводятъ въ примѣръ. Извѣстно, что достаточно одной лишь мысли о пищѣ, чтобы вызвать дѣятельность этихъ железъ. Желая добыть слюну въ достаточномъ количествѣ для своихъ опытовъ, Eberle живо представлялъ себѣ кислые плоды.

14. Опыты, сдѣланные надъ людьми и животными, страдавшими желудочными фистулами, доказываютъ, что представленіе о пищѣ увеличиваетъ выдѣленіе желудочнаго сока.

15. Что касается отдѣленій печени, то здѣсь можно упомянуть о головной боли особаго рода, называемой „желчной“, которая появляется отъ слишкомъ большой усидчивости при занятіяхъ. Всѣ тѣ, кто много занимается, знакомы съ первымъ періодомъ этого рода цефальгіи. D-r Latham изъ Кэмбриджа въ своемъ мемуарѣ подъ заглавіемъ: „Clinical lectures on nervous or sick-headaches [1]) пишетъ, что онъ встрѣчалъ многихъ съ такимъ нездоровьемъ, довольно значительнымъ для того, чтобы вызвать необходимость лѣченія, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Но въ университетскихъ городахъ, гдѣ большое количество людей ведетъ сидячую жизнь и занимается, эта болѣзнь встрѣчается у мужчинъ чаще, нежели гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Болѣзненныя состоянія, о которыхъ говоритъ D-r Latham, вызваны были „продолжительной умственной работой, постояннымъ умственнымъ возбужденіемъ, усиленнымъ напряженіемъ нравственной воспріимчивости“. Припадокъ, очевидно, можетъ появиться во время работы и точно также можетъ остановиться съ прекращеніемъ умственныхъ занятій.

Не слѣдуетъ непремѣнно относить причину болѣзненныхъ этихъ явленій къ пищеварительному каналу, иначе говоря, не слѣдуетъ приписывать ихъ дѣйствительному разстройству внутреннихъ органовъ. Цефальгія можетъ точно также произойти подъ вліяніемъ мозгового истощенія; кромѣ того, она еще является субъективнымъ признакомъ неопредѣленнаго разстройства, появляющагося въ центрахъ воспріятія, которые находятся въ корѣ головного мозга.

16. Идеи вліяютъ на секретную функцію кожи, почекъ и кишечныхъ железъ. На этомъ основано употребленіе воображаемыхъ потогонныхъ, мочегонныхъ и слабительныхъ средствъ, распространяемыхъ въ видѣ медикаментовъ, долженствующихъ возбудить перисталитическую дѣятельность кишекъ.

Продолжительныя и чрезмѣрныя умственныя занятія, несомнѣнно, могутъ произвести діабетъ. Подобное вліяніе умственныхъ занятій было очевидно въ одномъ случаѣ быстро развившагося діабета, такъ быстро развившагося, какъ намъ почти не приходилось встрѣчать. D-r Richardson приводитъ три случая, „гдѣ первое сахарное выдѣленіе и обильное выдѣленіе мочи произошло подъ вліяніемъ сильнаго напряженія мозга“; онъ прибавляетъ, что случаи подобнаго рода безнадежны; опас-

---

[1]) Д-ръ Moore, The power of the soul over the body 1846, p. 237.

[2]) Durand (de Gros) Essais de physiologie philosophique.

[3]) Знаніе всѣхъ подобныхъ психофизіологическихъ явленій, помѣщаемыхъ въ нашей книгѣ, крайне важно не только для юристовъ, медиковъ и воспитателей, но также и для пастырей церкви, становящихся въ самыя разнообразныя отношенія къ своей паствѣ при религіозно-нравственномъ своемъ воздѣйствіи на нее. *Свящ. Г. Д—ко.*

[1]) British medical Journal, 23 march 1872.

ность появляется вдругъ, ходъ болѣзни быстрый, и смерть неминуема [1]).

D-r Byasson изучалъ выдѣленіе почекъ при двухъ противоположныхъ состояніяхъ, при покоѣ и при дѣятельности мозга. Вотъ сокращенное изложеніе тѣхъ результатовъ, которыхъ онъ добился [2]).

а) Умственное упражненіе вызывало увеличеніе количества мочи. Число 1157 представляло въ кубическихъ сантиметрахъ количество мочи въ дни покоя; 1320 — въ дни мозговой дѣятельности.

б) Количество мочевины видимо увеличивалось, что указывало на увеличеніе молекулярнаго разрушенія. Въ дни мозговой работы ея на три грамма было больше, нежели въ дни бездѣйствія, причемъ D-r Byasson не сомнѣвается въ томъ, что разница оказалась бы еще больше, если бы былъ абсолютный покой. Опыты были расположены такимъ образомъ, что день мозговой дѣятельности смѣнялся днемъ покоя, а иногда третій день посвященъ былъ физическому труду. Во всѣхъ этихъ опытахъ существовало замѣчательное согласіе въ результатахъ.

в) Во время мозговой дѣятельности существуетъ незначительное, но постоянное увеличеніе фосфатовъ и сульфатовъ. Ангидридъ фосфорной кислоты выражался въ дни покоя цыфрой 1,51, а въ дни работы мозга, цыфрой 1,98.

г) Являлись измѣненія въ плотности, кислотности, количествѣ мочевой кислоты, извести, магнезіи и поташа. Было уменьшеніе хлористой извести.

D-r Byasson утверждаетъ, что, проанализировавъ одну лишь мочу, онъ могъ бы сказать, какимъ образомъ провелъ день субъектъ, въ состояніи ли покоя, умственной дѣятельности, или же въ мускульномъ упражненіи, лишь бы пищевой режимъ былъ однообразенъ, а внѣшнія условія не измѣнялись въ продолженіе трехъ дней, такимъ образомъ проведенныхъ.

Мало того, что приходится сказать о постоянномъ вліяніи, какое состоянія сознанія имѣютъ на питаніе. Эта функція, очевидно, упражняется лишь въ томъ случаѣ, когда сама жизненная сила болѣе могуча, нежели силы противоположныя ей. Изъ этого вытекаетъ, что всякая умственная дѣятельность, понижающая жизненность, должна пропорціонально этому вредить питанію и вообще здоровью [3]).

Говоря же вообще, всякая усиленная работа сознанія вредитъ питанію. Каждый разъ при перечисленіи вредныхъ послѣдствій, которыя занятія производятъ на тѣло, невозможно точно опредѣлить, насколько вреденъ при этомъ недостатокъ движенія, воздуха и т. д. Но несомнѣнно, что эти вредныя вліянія существуютъ во многихъ случаяхъ. Они настолько обращаютъ на себя вниманіе, что вполнѣ оправдываютъ слова Шекспира, сказанныя по поводу худобы и изнуреннаго вида Кассія: „He thinks too much“ [1]). По правдѣ сказать, эта фраза скорѣе относится къ заботамъ о заговорѣ, къ изученію тѣхъ средствъ, которыя могли бы погубить стоящаго поперекъ дороги врага, вообще такія заботы, которыя уничтожаютъ здоровый видъ, и которыя, вообще, можно выразить еще такъ: „Such men are dangerous“ [2]). Слѣдуетъ прибавить, что, напротивъ, задержка умственнаго труда, когда онъ сдѣлался уже привычкой, также вредно дѣйствуетъ на здоровье. Разсказываютъ про Петрарку, что „его пріятель, епископъ Кавальонскій, боясь, чтобы его слишкомъ большое рвеніе къ наукѣ окончательно не пошатнуло его здоровья, уже довольно разстроеннаго, отобралъ у него ключъ отъ его библіотеки, немедленно заперъ его книги и другія принадлежности его занятій и сказалъ ему: „я лишаю васъ на десять дней перьевъ, чернилъ, бумаги и книгъ“. Очень огорченный Петрарка тѣмъ не менѣе этому подчинился. Первый день онъ наиболѣе скучалъ, на второй у него, не переставая, болѣла голова, на третій у него сдѣлалась лихорадка. Епископъ сжалился надъ нимъ, отдалъ ему ключъ, а вмѣстѣ съ нимъ возвратилъ и прежнее здоровье [3]).

Какъ бы ни вліяла на здоровье умственная работа, преклонный возрастъ, котораго достигли многіе знаменитости, доказываетъ, что вліяніе это не мѣшаетъ долговѣчности даже тогда, когда мускулы отъ недостатка движенія совершенно ослабѣваютъ.

17. Комиссія Академіи наукъ, назначенная французскимъ королемъ въ 1784 году для изслѣдованія случаевъ животнаго магнитизма, замѣтила, что подвергнутый изслѣдованію субъектъ даже тогда, когда его еще не трогали и вообще не употребляли никакихъ средствъ, уже чувствовалъ боль и сильный жаръ просто отъ одного ожиданія.

---

[1]) The journal of mental Science, 1868.

[2]) Byasson, Thèse de Paris, 1868.

[3]) Крайне важно имѣть въ виду это явленіе сторонникамъ (особенно въ западной Европѣ) строгихъ экзаменовъ, когда сознаніе и мозгъ учащихся работаютъ чуть не 20 часовъ въ сутки. О, когда наступитъ время, когда драгоцѣннѣйшее въ мірѣ живое существо-человѣкъ, съ своей созданной по образу Божію душою, будетъ болѣе значить, чѣмъ мертвыя педагогическія системы обученія, мѣняющіяся чуть не чрезъ каждыя 10—15 лѣтъ! Безъ всесторонняго образованія, безъ глубоко и прочно развитаго чувства христіанской любви, не скоро наступитъ это время. *Свящ. Г. Д—ко.*

[1]) Онъ слишкомъ много думаетъ.

[2]) Люди съ такимъ видомъ опасны.

[3]) Sweetser, Mental hygiene, 1884, p. 4.

Страхъ, очевидно, можетъ не только вызывать субъективное ощущеніе холода, но можетъ и на самомъ дѣлѣ понижать температуру.

У многихъ людей тягостныя чувства вызываютъ охлажденіе ногъ, причемъ теплота скоро появляется, если радость или надежда смѣняютъ „холодный ужасъ".

Всѣмъ извѣстно дѣйствіе стыда на наружное ухо и на щеки. Выраженіе „жгучій стыдъ", не одна простая фигура: оно имѣетъ свой смыслъ и происходитъ отъ реальнаго ощущенія теплоты.

18. *Эразмъ Дарвинъ* приводитъ слѣдующій фактъ, изъ котораго ясно видно, какъ къ простудѣ, захваченной холодной ночью, присоединилось дѣйствіе страха, которое, продолживъ болѣзненное ощущеніе, приняло затѣмъ совершенно субъективный характеръ:

„Молодой фермеръ изъ Warwickshiere замѣтилъ, что ломаютъ и таскаютъ палки изъ его ограды, и рѣшился изловить вора. Дѣло происходило въ холодное время года. Онъ провелъ въ ожиданіи нѣсколько самыхъ холодныхъ часовъ ночи, спрятавшись за стогомъ сѣна. Наконецъ, онъ увидалъ старуху, похожую на вѣдьму, которая стала таскать дрова. Онъ дождался, когда она связала вязанку и готова была уйти, чтобы лучше уличить ее въ воровствѣ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ засады, схватилъ ее и осыпалъ ужасными угрозами. Она стала было противиться, но ея ноша упала на землю. Тогда она стала на колѣни на вязанку дровъ, и, поднявъ глаза на луну, которая сіяла въ полномъ своемъ блескѣ, сказала фермеру, уже дрожавшему отъ холода: „пусть небо сдѣлаетъ такъ, чтобы вамъ отнынѣ никогда не было тепло!" Послѣ этого, молодой человѣкъ весь слѣдующій день жаловался на холодъ; онъ одѣлся потеплѣе; нѣсколько дней спустя ему пришлось одѣться еще теплѣе, а черезъ двѣ недѣли онъ слегъ въ постель, жалуясь что ничто его не согрѣвало. Онъ укрывался грудой одѣялъ, пряталъ голову въ подушки, но ничто не помогало. И въ продолженіе двадцати лѣтъ, пока преслѣдовала его эта безумная идея, онъ оставался въ постели, боясь холода; и такъ до самой смерти" [1]).

19. Докторъ Rush замѣтилъ, что солдаты, счастливые на войнѣ, относительно нечувствительны къ дѣйствію холода. Во время американской войны за независимость, солдаты филадельфійскаго ополченія, привыкшіе къ удобствамъ городской жизни, спали, послѣ битвы подъ Трентономъ, въ палаткахъ, подъ овинами, и даже на чистомъ воздухѣ; тѣмъ не менѣе, въ продолженіе шести недѣль только двое изъ нихъ заболѣли, изъ которыхъ одинъ умеръ. Докторъ Rush говоритъ, что онъ находитъ одно лишь возможное объясненіе здоровому состоянію такого большого количества людей и при такихъ обстоятельствахъ:—это то, что побѣда подъ Трентономъ, такъ хорошо повліяла на нихъ, что сдѣлала ихъ организмы неуязвимыми къ обычнымъ причинамъ, вызывающимъ болѣзнь.

20. Представленіе, несомнѣнно, обладаетъ способностью видоизмѣнять, обострять и притуплять ощущенія голода и жажды. Такъ, когда ребенокъ слышитъ разговоръ о водѣ, онъ изъявляетъ желаніе напиться. У пьяницы представленіе о рюмкѣ водки вызываетъ особенную жажду, знакомую людямъ, одержимымъ этой страстью. Часто случается такъ, что чувствуешь жажду, но достаточно измѣнить направленіе мыслей, чтобы это ощущеніе исчезло.

Бываютъ случаи, гдѣ кровообращеніе почти неизмѣнно, а между тѣмъ главнымъ и первоначальнымъ симптомомъ болѣзни является сильная боль, происходящая, очевидно, отъ страха заболѣть самому, или отъ вида страданій у другихъ.

21. Gratiolet приводитъ довольно извѣстный фактъ, бывшій въ Парижѣ во время возстанія. Группа солдатъ и національныхъ гвардейцевъ, занимавшихъ улицу Planche Mibray, была одинъ моментъ подвергнута со всѣхъ сторонъ дѣйствію смертоноснаго огня. Въ это время одинъ изъ сражающихся былъ легко контуженъ въ плечо пролетѣвшей мимо пулей, на что онъ почти не обратилъ никакого вниманія. Но послѣ стычки, все-таки чувствуя боль въ задѣтомъ мѣстѣ, онъ съ ужасомъ вообразилъ, что получилъ опасную рану, и тутъ же почувствовалъ цѣлую струю крови, хлынувшую изъ нея на грудь. „Онъ ощущалъ это реально, несмотря на то, что на кожѣ не было даже царапины" [1]).

22. Gratiolet разсказываетъ еще о двухъ студентахъ, которые занимались надъ трупомъ. Одинъ изъ нихъ, шутя, ударилъ другого скальпелемъ по среднему пальцу. Послѣдній,

[1]) Darwin. Zoonomia or the Laws of organic life, 1796. Этотъ фактъ послужилъ темой для поэмы Wordsworth'a: goody Blake and Harri Gill. Мы съ своей стороны должны къ этому прибавить, что объяснить описанное выше болѣзненное явленіе — ощущеніе холода—одною навязчивостію идеи едва ли доказательно и справедливо: разумнѣе здѣсь можно допустить, что дѣйствительно это было небесное наказаніе за крайнее безсердечіе богатаго фермера къ бѣдной женщинѣ, быть можетъ, умиравшей отъ холода въ лютые морозы, и рѣшившейся на дурной поступокъ въ силу горькой крайности, а потому заслуживавшей, конечно, не оправданія своего поступка, но христіанскаго снисхожденія и прощенія. Развѣ для наученія великой истинѣ любви человѣка къ человѣку нельзя допустить урокъ неба? *Свящ. Г. Д-ко.*

[1]) Gratiolet. De la Physionomie, Paris, p. 286.

испугавшись, и воображая, что его порѣзали, испустилъ ужасный крикъ, и когда увидѣлъ свою ошибку, то увѣрялъ, что онъ почувствовалъ такую сильную боль, что былъ убѣжденъ въ томъ, что инструментъ порѣзалъ ему палецъ до самой кости [1]).

Одинъ изъ нашихъ друзей, узнавъ, что кто-то изъ его родственниковъ былъ раненъ пистолетомъ въ палецъ, почувствовалъ въ томъ же мѣстѣ такую сильную боль, какъ будто бы его самого подстрѣлили, и даже поблѣднѣлъ (Хэкъ-Тьюкъ, стр. 105).

23. Профессоръ Bennett приводитъ случай съ мясникомъ, который хотѣлъ подвѣсить тяжелую тушу мяса, поскользнулся, самъ зацѣпился рукавомъ за крючекъ и повиснулъ. Его высвободили и испуганнаго отвели къ аптекарю, причемъ онъ жаловался на жестокую боль. Крючекъ, между тѣмъ, разорвалъ только платье, рука была невредима, но мясникъ не переставалъ кричать, жалуясь на боль, въ то время, какъ разрѣзали рукавъ, чтобъ осмотрѣть руку (Ibid., стр. 105).

24. Докторъ Noble цитируетъ случай Whitehead'a, который можетъ послужить примѣромъ, какимъ образомъ подъ вліяніемъ эмотивнаго возбужденія, страха, возникаетъ ложное ощущеніе. „Нѣкто Boutibonne, присутствуя при битвѣ подъ Wagram'омъ, принималъ въ ней дѣятельное участіе. Сраженіе продолжалось съ полудня почти до самой ночи. Ряды вокругъ него очень порѣдѣли подъ дѣйствіемъ непріятельскихъ пуль, такъ что ко времени захода солнца онъ остался почти одинъ. Въ то время, какъ онъ заряжалъ свое ружье, онъ задѣтъ былъ ядромъ. По полученному имъ ощущенію ему представилось, что ядро прошло слѣва направо черезъ голени подъ колѣнями, которыя и оторвала отъ бедеръ. Онъ тутъ же опустился на землю, и ему показалось, что онъ на футъ уменьшился въ длинѣ. Затѣмъ онъ совершенно растянулся, и чувства его были парализованы отъ сотрясенія. Онъ оставался въ такомъ положеніи остальную часть ночи, боясь сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобы не вызвать этимъ гибельныхъ послѣдствій. Онъ не чувствовалъ особенной боли и приписывалъ свою нечувствительность къ страданію оглушенію мозга и нервной системы вообще. „Мои товарищи, говоритъ онъ, лежали вокругъ меня, они содрогались отъ боли, но я не смѣлъ прошептать слова или сдѣлать движенія; я боялся, чтобы не раскрылись разорванные сосуды и чтобы не послѣдовало рокового кровотеченія. Я зналъ, что кровеносные сосуды, раненые такимъ образомъ, даютъ изобильное кровотеченіе только тогда, когда наступаетъ реакція. На зарѣ слѣдующаго дня я былъ разбуженъ, послѣ безпокойнаго сна, хирургомъ, пришедшимъ на помощь раненымъ. „Что случилось, товарищъ?“—сказалъ онъ мнѣ. „Ахъ,—отвѣчалъ я,—трогайте меня потише, прошу васъ; пушечнымъ выстрѣломъ оторвало мнѣ ноги“. Онъ началъ разсматривать мои бедра и голени, ударилъ меня и, засмѣявшись отъ души, сказалъ: „вставайте, вы здоровы“. Я всталъ, ужасно изумленный, и стоялъ крѣпко на ногахъ, которые считалъ навѣкъ потерянными. Я чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какимъ никогда не былъ во всю свою жизнь. У меня не было никакой раны. Я былъ, дѣйствительно, опрокинутъ огромнымъ ядромъ, но снарядъ вмѣсто того, чтобы ранить мои колѣни, какъ я это думалъ, прошелъ подъ ногами. Оно вырыло въ землѣ яму по крайней мѣрѣ въ одинъ футъ глубины, куда я свалился, что и вызвало во мнѣ такое ощущеніе, какъ будто у меня оторваны были ноги. Вотъ что дѣлаетъ сила воображенія“ [1]) (Ibid., стр. 105—106).

Б. **Вліяніе духа на тѣло при помощи эмоцій (чувствованій).**

Подъ словомъ „эмоція“ мы разумѣемъ или простое, хотя и исключительное, состояніе удовольствія или страданія нашего духа, или же болѣе сложное состояніе сознанія, заключающее въ себѣ одновременно извѣстное впечатлѣніе и то представленіе, которое его вызвало. Говоря о чувствѣ нравственнаго страданія, мы называемъ его просто эмоціей до тѣхъ поръ, пока намъ извѣстно, что его вызвало, но если состояніе это является слѣдствіемъ опасенія какого-либо несчастія, то это уже будетъ эмоція опредѣленная, которую мы называемъ страхомъ. Но, говоря объ опредѣленныхъ эмоціяхъ, а не объ удовольствіи и страданіи вообще, намъ уже необходимо приходится имѣть дѣло съ представленіями и ихъ вліяніемъ на свойство той или другой эмоціи.

Удовлетвореніе желаній даетъ въ результатѣ душевное удовольствіе,—радость. Обманутое ожиданіе, напротивъ, вызываетъ душевное страданіе, — огорченіе или печаль. Такова по существу природа эмоцій, но онѣ бываютъ весьма различны по своей интенсивности. Онѣ могутъ быть слабы, какъ легкая зыбь на поверхности воды, или непреоборимы, какъ волны. Ихъ продолжительность также различна. Такимъ образомъ, очевидно, что ихъ вліяніе на организмъ должно видо-

[1]) Gratiolet, ibid.

[1]) D-r Noble, The human Mind in its relations vith the Brain and nervous system 1858, p. 120.

измѣняться сообразно ихъ разнообразнымъ свойствамъ.

Можно различнымъ образомъ классифицировать тѣ состоянія сознанія, которыя вызываютъ эмоціи; но всѣ эти классификаціи всегда болѣе или менѣе произвольны. Мы, поэтому, воздержимся отъ новой классификаціи и ограничимся главнымъ образомъ тѣми состояніями сознанія, которыя суть: горе, отчаяніе, ужасъ или страхъ, гнѣвъ и блаженство, радость, надежда и др.

а) **Вліяніе эмоцій на органы чувствъ.** 1. *Обоняніе*. — Во времена царствованія Карла I, когда парламентъ велъ борьбу съ королемъ, въ обществѣ распространился слухъ о важныхъ заговорахъ и, между прочимъ, собраніе предупреждали, что готовятся взорвать на воздухъ всѣхъ его членовъ. Такого заговора на самомъ дѣлѣ не существовало, но въ тотъ моментъ, когда объ немъ докладывали собранію, „двое изъ депутатовъ весьма тучнаго сложенія" въ безпокойствѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Подъ ихъ тяжестью лопнула доска на галлереѣ, и трескъ былъ такъ силенъ, что всѣ повѣрили въ то, что заговоръ приведенъ въ исполненіе, а John Ray началъ даже кричать, что онъ слышитъ запахъ пороха. Въ парламентѣ и въ самомъ Лондонѣ распространилась паника, и вслѣдъ затѣмъ отрядъ вооруженныхъ людей направился къ Вестминстеру, чтобы защищать собраніе отъ воображаемаго взрыва.

2. *Зрѣніе*. — Braid приводитъ фактъ, который служитъ прекраснымъ доказательствомъ вліянія страха и воображенія на чувство зрѣнія и слуха у совершенно здороваго индивидуума.

„Два капитана купеческаго корабля, пріѣхавъ въ гавань въ одно и то же время, отправились въ гостиницу, гдѣ обыкновенно останавливались. Но хозяйка имъ заявила, что, къ сожалѣнію, не можетъ ихъ пріютить, потому что единственная комната, которой бы она могла располагать для нихъ, занята тѣломъ только что умершаго человѣка. Предпочитая остаться въ этой гостиницѣ, при какихъ угодно условіяхъ, лучше нежели итти куда-нибудь еще, они изъявили согласіе переночевать въ комнатѣ, гдѣ лежалъ трупъ. Когда оба капитана улеглись въ постели, одинъ изъ нихъ, большой враль, завелъ разговоръ съ своимъ товарищемъ и спросилъ его, случалось ли ему когда-нибудь спать въ одной комнатѣ съ мертвецомъ. „Нѣтъ", отвѣчалъ другой. „Знаете ли вы, продолжалъ первый, тотъ замѣчательный фактъ, что послѣ полуночи, въ такомъ случаѣ, комната наполняется летающими птицами, которыя восхитительно поютъ?" Его товарищъ выразилъ изумленіе, но почти въ тотъ же моментъ ему пришлось быть свидѣтелемъ осуществившагося факта. Лишь только потушена была свѣча, ему послышались музыкальные звуки, какъ будто бы комната и въ самомъ дѣлѣ наполнена была поющими птицами. Испуганный, онъ не только слышалъ эти звуки, но, увѣрялъ, что видѣлъ самихъ птицъ, летающихъ по всѣмъ направленіямъ комнаты, и даже чувствовалъ, какъ онѣ падали на него самого. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, волненіе его дошло до такой степени, что онъ, не потрудившись даже одѣться, побѣжалъ внизъ и разсказалъ о случившемся удивленной прислугѣ. Онъ увѣрялъ, что комната была наполнена птицами, что онъ могъ засвидѣтельствовать это собственными чувствами, такъ какъ не только ихъ слышалъ, но видѣлъ ихъ и чувствовалъ, какъ онѣ надъ нимъ бились своими крыльями" [1]). Этому капитану извинительно было утверждать, что онъ слышалъ пѣніе птицъ, хотя онъ ихъ и не видѣлъ и не чувствовалъ, потому что его товарищъ подражалъ ихъ пѣнію, опустивъ трубочку въ воду.

Pettigrew, слѣдуя д-ру Reid'у, приводитъ въ примѣръ женщину, которая почти ослѣпла отъ страха, когда увидѣла эпилептическій припадокъ своего мужа ночью. Въ одномъ глазу зрѣніе совершенно пропало, въ другомъ оно стало перемежающимся и, какъ выражалась эта женщина, „оно появлялось и исчезало какъ солнце, на которомъ появляются облака" [2]).

3. *Слухъ*. — Вотъ случай глухоты, происшедшей отъ страха. Онъ взятъ у Astley Cooper'а и цитированъ Pettigrew'омъ. „Дѣвочка десяти лѣтъ приготовляла свои уроки, и ей нужно было очинить грифель. Она, въ потемкахъ, отправилась въ классъ, чтобы взять свой перочинный ножикъ, какъ вдругъ одна изъ подругъ испугала ее, спрятавшись за дверь. Она очень перепугалась и почувствовала головную боль. На другой день она оглохла въ такой степени, что не слышала словъ, сказанныхъ громко. Astley Cooper видѣлъ ее три мѣсяца спустя послѣ этого случая; она продолжала быть въ такомъ же печальномъ положеніи" [3]).

Dalby, который наблюдалъ много замѣчательныхъ случаевъ глухоты, происшедшей отъ нравственнаго вліянія, дѣлаетъ слѣдующее сообщеніе въ рѣчи, которую произнесъ въ качествѣ президента секціи „ушныхъ болѣзней", на международномъ конгрессѣ въ 1881 году:

---

[1]) I. Braid, Magic Witchcraft, Animal magnetism, Hypnotism und Electro-Biology, 1852.

[2]) Pettigrew. On superstitions connencted with the hystory and practice of medicine and surgery, 1844, p. 101.

[3]) Pettigrew, ibid, p. 99.

„Я знаю лицъ, по видимому, совершенно здоровыхъ, которыя почти совсѣмъ потеряли слухъ, одни отъ вида внезапно умирающихъ близкихъ родственниковъ, другія отъ дурныхъ извѣстій. У нѣкоторыхъ женщинъ это произошло: отъ страха, при крикѣ пожаръ; отъ безпокойства при видѣ воровъ, забравшихся въ домъ; отъ ужаснаго зрѣлища человѣка, перерѣзывающаго себѣ горло; однажды это произошло отъ неожиданнаго извѣстія о полученіи богатаго наслѣдства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ способность слышать была совершенно невредима до момента катастрофы: непосредственно послѣ нея, наступала глубокая глухота, которая, по всей вѣроятности, происходила мгновенно". Dalby предполагаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ внезапную гиперэмію или одной части головного мозга или же, можетъ-быть, продолговатаго, гдѣ начинаются слуховые нервы [1]).

Мы не предполагаемъ здѣсь гиперэміи, намъ скорѣе кажется, что здѣсь должно было произойти внезапное молекулярное измѣненіе въ нервныхъ тканяхъ, которое мгновенно нарушило проводимость слухового нерва. Если же даже измѣненіе произошло въ сосудистой системѣ, то оно, безъ сомнѣнія, заключалось въ спазмѣ капилляровъ. Во всякомъ случаѣ трудно объяснить гиперэміей стойкость случая. Каково бы ни было объясненіе, оно не даетъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, почему сильно волнующее впечатлѣніе, получаемое органомъ зрѣнія, производитъ разстройства въ органѣ слуха.

Профессоръ Ball объясняетъ эти случаи спазмомъ или *судорогой* сосудовъ, производящихъ мозговую ишэмію. Онъ передаетъ слѣдующій фактъ:

„Въ маѣ 1879 года, G. D. 26 лѣтъ, обыкновенно здоровый человѣкъ, сильно разсердился вслѣдствіе какого-то разногласія съ тещей. Возвратившись домой и весь дрожа отъ волненія, онъ хотѣлъ разсказать своей женѣ о случившемся, но къ своему ужасу узналъ, что сталъ глухъ и нѣмъ: онъ не могъ ни говорить, ни слышать, что говорятъ. Испуганный своимъ состояніемъ, онъ написалъ на кускѣ бумаги адресъ доктора, доказавъ этимъ совершенную ясность своего ума. На другой день, въ четыре часа дня, способность рѣчи къ нему внезапно возвратилась. Онъ, однако, остался совершенно глухимъ на оба уха, причемъ лѣвая сторона тѣла была лишена чувствительности. Чувство вкуса и осязанія также исчезли на этой же сторонѣ, а зрѣніе было ослаблено. При этомъ лѣвая сторона лица была немного парализована и лѣвая рука ослаблена. Языкъ также отклонился къ лѣвой сторонѣ.

Лѣченіе гальванизаціей уничтожило припадокъ. Осязаніе возвратилось прежде всего. Во время четвертаго сеанса, больной услышалъ сильный трескъ въ правомъ ухѣ, какъ будто что-нибудь лопнуло въ головѣ, и слухъ тотчасъ же возвратился. Въ это же время геміанэстезія исчезла, и больной почувствовалъ себя совершенно излѣченнымъ.

Нужно прибавить, что на слѣдующій годъ у больного былъ возвратъ тѣхъ же симптомовъ, безъ всякой эмотивной причины, и снова состояніе его улучшилось, благодаря тому же способу лѣченія. Спустя два мѣсяца, вслѣдствіе сильнаго душевнаго волненія, припадки возвратились, и онъ снова сдѣлался въ теченіе трехъ мѣсяцевъ глухъ и нѣмъ съ анэстезіей лѣвой стороны. Но то же лѣченіе опять возвратило ему здоровье" [1]).

b) **Вліяніе эмоцій на мускульную силу.** 1. Вотъ случай *судорогъ* эмотивнаго происхожденія; мы приведемъ сообщеніе, сдѣланное докторомъ Althaus'омъ [2]).

Марія В... 16 лѣтъ.—У матери было пятнадцать дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ не страдалъ припадками. Сама же она испытала во время беременности этой дѣвочкой цѣлый рядъ испуговъ. Первый припадокъ молодая дѣвушка получила подъ вліяніемъ испуга, который произошелъ въ погребѣ, гдѣ она играла съ другими дѣтьми въ привидѣнія. Ей было тогда пять лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, она еще разъ испугалась; какая-то женщина подошла къ ней на улицѣ въ то время, какъ она тамъ играла, и наговорила ей оскорбленій. Съ этого дня она имѣла отъ времени до времени явные судорожные припадки, которые начинались крикомъ. Имъ сопутствовало головокруженіе, слюна появлялась у рта, языкъ былъ прикушенъ, часто бывало и изверженіе мочи. Судороги длились отъ четырехъ до пяти минутъ, въ продолженіе которыхъ абсолютная потеря сознанія. Послѣ припадка больная спала полчаса и просыпалась съ страшной головною болью, причемъ у нея появлялась неясная рѣчь въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Никакой ауры не предшествовало припадкамъ, которые повторялись между двумя или тремя недѣлями. Иногда проходило пять или шесть недѣль, иногда же только двѣ или три со дня припадка. Припадки petit mal повторялись чаще; ихъ бывало иногда отъ тридцати до сорока въ день; рѣдко проходило безъ нихъ три или четыре дня. Четыре мѣсяца лѣченія бромистымъ каліемъ избавили ее отъ

[1]) Transactions of the international Congress, 1883, 3 vol. p. 340.

[1]) L' Encephale, nº 1, 1881, p. 16.

[2]) Medical Times and Gazette, 24 april 1869.

припадковъ. Petit mal уступила лѣченію электричествомъ, производимому два раза въ недѣлю, причемъ электроды ставились надъ сосцевидными отростками и затылкомъ.

Въ другомъ случаѣ, также наблюдавшемся докторомъ Althaus'омъ, больной приписывалъ свое состояніе цѣлому ряду безпокойствъ. Его первый припадокъ явился слѣдствіемъ большого испуга; онъ былъ разбуженъ тревожными криками о пожарѣ.

Trousseau разсказываетъ о мужчинѣ 36 лѣтъ, котораго онъ пользовалъ отъ эпилепсіи. Этотъ человѣкъ былъ неожиданно разбуженъ ночью и испуганъ „ужасными криками своей жены; спустя нѣсколько дней съ нимъ сдѣлался первый припадокъ“ [1]).

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что при эпилепсіи эмотивнаго происхожденія страшный случай, бывшій причиной перваго припадка, временами очень живо представляется сознанію, а иногда даже становится постоянной идеей при послѣдующихъ припадкахъ, даже такихъ, которые вызваны бываютъ совершенно иными обстоятельствами. Trousseau заимствуетъ случай подобнаго рода у J. Falret'a, съ которымъ и замѣчаетъ: „многіе стали эпилептиками послѣ сильнаго нравственнаго потрясенія, послѣ большого ужаса, и при каждомъ послѣдующемъ припадкѣ въ ихъ сознаніи, передъ ихъ глазами, снова возникаютъ тѣ страшныя сцены или печальныя обстоятельства, которыя произвели первый припадокъ“. Вотъ случай, передаваемый Trousseau:

Ребенокъ 11 лѣтъ лишился матери. Горе его было такъ сильно, что съ нимъ стали дѣлаться эпилептическіе припадки. Ему было 17 лѣтъ, когда его помѣстили для излѣченія въ больницу, гдѣ замѣтили, что по окончаніи каждаго изъ припадковъ, которыми онъ страдалъ въ теченіе шести лѣтъ, ужасный случай каждый разъ неизмѣнно представлялся его сознанію. „Это,— говорилъ онъ,— захватываетъ мои мысли“, и объяснялъ, что его преслѣдуетъ все одна и та же мысль, постоянно возвращающаяся къ постигшему его несчастію [2]).

Конечно, ошибаются тѣ, кто эмотивной причинѣ приписываетъ большинство судорогъ чисто эпилептическаго происхожденія. Но, несмотря на преобладаніе другихъ причинъ, нельзя не признать то важное значеніе, какое имѣетъ сильное душевное волненіе въ этіологіи этой болѣзни. Romberg придерживается мнѣнія, что душевныя вліянія болѣе, нежели органическія поврежденія, бываютъ причиной эпилепсіи; онъ напоминаетъ, что изъ сорока четырехъ случаевъ, причину которыхъ старательно изслѣдовалъ Cazauvielh, тридцать одинъ произошли въ зависимости отъ душевныхъ вліяній. Онъ прибавляетъ: „ни одна болѣзнь такъ легко не возникаетъ подъ вліяніемъ страха, какъ эта; она можетъ быть вызвана даже однимъ видомъ эпилептическаго припадка. Чаще же всего наблюдается вліяніе страха. Прежде это вліяніе еще больше замѣчали въ то время, когда кормилицы разсказывали такъ много исторій о выходцахъ съ того свѣта и домовыхъ [1]). Гнѣвъ также относится къ этому ряду случайныхъ причинъ болѣзни. Подражаніе эпилепсіи можетъ дѣйствовать такъ же, какъ и душевное вліяніе, и, какъ говорятъ, переходитъ иногда въ настоящую болѣзнь“.

„Форма эпилепсіи, происшедшая подъ вліяніемъ страха,—говоритъ Marshall Hall,—по существу неизлѣчима [2]). Изъ 67 случаевъ, причины которыхъ опредѣлилъ Leuret, онъ нашелъ, что въ 35, по крайней мѣрѣ, симптомы болѣзни показались вслѣдствіе страха. Надо думать, что такой внимательный изслѣдователь, какъ Leuret, провѣрилъ, насколько промежутокъ между испугомъ и припадкомъ былъ невеликъ, чтобы не видѣть въ этомъ совпаденіи простой случайности. Trousseau, который, какъ намъ кажется, наклоненъ умалять частоту этой причины, признается тѣмъ не менѣе, что онъ самъ нѣсколько разъ убѣждался въ достовѣрности этого факта. Заимствуемъ у него слѣдующее наблюденіе.

„Недавно,—говоритъ онъ,—со мною совѣтовался бразилецъ, первый припадокъ котораго, казалось, явно развился подъ вліяніемъ страха. Во время длиннаго путешествія, предпринятаго имъ внутрь своей страны, онъ зашелъ въ уединенную хижину, гдѣ былъ свидѣтелемъ ссоры между многими вооруженными людьми, которые отъ словъ перешли къ дракѣ. Одинъ изъ этихъ людей, смертельно раненый выстрѣломъ изъ ружья и ударомъ ножа, упалъ, умирая на его глазахъ. Эта картина произвела на него ужасное впечатлѣніе [3]). Черезъ нѣсколько дней послѣ того, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ у одного изъ своихъ друзей, съ нимъ сдѣлалось эпилептическое головокруженіе. Начиная съ того времени, въ продолженіе пяти лѣтъ, эти припадки повторялись почти ежедневно. Они

[1]) Trousseau. Clinique médicale, tome II, page 126.
[2]) Trousseau. Clinique médicale, tome II, page 126.

[1]) Пусть матери, отцы и воспитатели обратятъ вниманіе на этотъ фактъ: чрезъ это отъ массы несчастій избавятъ они своихъ дѣтей и себя отъ ужасныхъ нравственныхъ страданій при видѣ больныхъ своихъ дѣтей. *Свящ. Г. Д—ко.*
[2]) Marshall Hall. Practical observations in medicine, 1845, p. 39.
[3]) Если бы родители и воспитатели уяснили себѣ значеніе подобныхъ фактовъ, часто гибельно вліяющихъ на нервную, воспріимчивую природу дѣтей, они меньше водили бы ихъ на театральныя и цирковыя зрѣлища, гдѣ очень часто бываютъ сцены рѣзни и выстрѣлы. *Свящ. Г. Д—ко.*

выражались ощущеніемъ сильнаго жара, который начинался у пупка, достигалъ спины и оканчивался полной потерей сознанія, продолжавшейся приблизительно двѣ минуты. Эти головокруженія бывали иногда такъ быстры и такъ скоропроходящи, что присутствующіе ничего не замѣчали. Пять лѣтъ спустя появились сильные припадки, которые сначала принимали за апоплексію, и которые возвращались снова черезъ каждые двадцать или тридцать дней. Головокруженія не появлялись больше. Врачъ въ Ріо-Жанейро назначилъ лѣченіе, послѣ котораго у больного четыре года и одиннадцать мѣсяцевъ не было ни одного припадка. По истеченіи этого времени сильные припадки появились снова, такіе же интенсивные и такіе же правильные, какъ и прежде; такъ они продолжались шесть лѣтъ. Они стали нѣсколько слабѣе, но появлялись чаще, а иногда бывали ночью. Никогда и никто изъ его родныхъ, какъ утверждалъ больной, не былъ подверженъ подобнаго рода припадкамъ“ [1]).

Изъ этого случая видно, что эмотивное возбужденіе не сразу вызвало эпилептическія судороги, но оно сильно подѣйствовало на мозгъ и породило тѣ болѣзненныя условія, которыя характеризуютъ petit mal.

Въ обычаяхъ обитателей Сандвичевыхъ острововъ встрѣчаются замѣчательные примѣры, которые доказываютъ, какимъ образомъ вліяніе душевнаго волненія и воображенія на тѣло производитъ судороги эпилептивидной формы. M. Ellis намъ передавалъ: когда жрецъ вообразитъ себя проникнутымъ богомъ, онъ приходитъ въ сильное возбужденіе: тѣло его вздувается, члены объяты судорогами, черты лица искажаются, а взглядъ становится безумнымъ. Часто онъ катается по землѣ съ пѣной у рта, и тогда, среди пронзительныхъ криковъ, онъ выбрасываетъ нѣсколько словъ, которыя принимаются за приговоръ божества. Въ этотъ моментъ припадокъ обыкновенно оканчивается, и жрецъ становится сравнительно спокойнѣе.

M. Ellis разсказываетъ еще про двухъ дѣтей, посланныхъ къ сосѣду за корнями клещинца. Такъ какъ этого сосѣда не было дома, дѣти одни отправились на его поле, чтобы нарыть тамъ корней этого растенія. Онъ возвратился прежде, нежели они оттуда ушли, и такъ какъ онъ считался колдуномъ, то и произнесъ противъ нихъ самыя ужасныя проклятія, угрожая „pifao“ (что означаетъ страданіе вслѣдствіе одержимости бѣсомъ, страданіе, равное тому, какое причиняетъ рана, нанесенная копьемъ или косой). Дѣти возвратились домой. Немного времени спустя, одинъ изъ нихъ заболѣлъ болѣзнью, которую разсматривали какъ послѣдствіе этого проклятія. Лежа на полу, онъ корчился отъ боли съ пѣной у рта, глаза у него выходили изъ орбитъ, лицо было искажено, а члены содрогались отъ жестокихъ конвульсій. Онъ вскорѣ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Хотя и говорятъ, что дѣти, по видимому, не обратили никакого вниманія на угрозу, но этотъ важный фактъ слѣдовало бы установить болѣе положительнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, люди суевѣрные, ихъ окружавшіе, вѣроятно не преминули обратить ихъ вниманіе на опасность, которой они подвергались, и наиболѣе легковѣрный, наиболѣе впечатлительный изъ нихъ сталъ жертвой страха.

Въ общемъ же, если въ этомъ и другихъ аналогичныхъ случаяхъ изслѣдовать происхожденіе симптомовъ болѣзни и ихъ однообразіе, то несомнѣнно будетъ, что смерть часто слѣдовала подъ вліяніемъ страха и ожиданія, вредно отразившихся на органическихъ функціяхъ. Къ такому же выводу приходитъ и самъ внимательный изслѣдователь, которому мы обязаны знаніемъ этихъ подробностей, и съ которымъ мы имѣли возможность бесѣдовать о его путешествіяхъ въ Полинезіи.

2. *Дрожательный параличъ* (Paralysis agitans). Медицинскій опытъ вполнѣ подтверждаетъ замѣчаніе, сдѣланное Marshall Hall'емъ о томъ, что эмоція въ большинствѣ случаевъ служитъ началомъ paralysis agitans, а также и то, что подъ ея вліяніемъ болѣзнь эта усиливается. Мускульныя движенія въ этой болѣзни успокоиваются во время сна. Marshall Hall приводитъ случай съ однимъ аббатомъ, который во время террора во Франціи остановленъ былъ чернью; на него кричали: „на фонарь!“ Ему удалось убѣжать, „но съ тѣхъ поръ въ ногахъ у него сдѣлалось сильное дрожаніе“. Тотъ же авторъ разсказываетъ о господинѣ, у котораго болѣзнь произошла отъ заботъ, вызванныхъ разорительными тратами, которыя онъ сдѣлалъ для того, чтобы быть избраннымъ въ парламентѣ. Онъ сдѣлался совершенно неспособенъ ходить одинъ, но ходилъ очень хорошо, „лишь только его жена слегка брала его за руку“. Онъ совершенно терялъ способность управлять своими движеніями, какъ только возбуждался чѣмъ-нибудь или волновался. Въ третьемъ случаѣ, болѣзнь послѣдовала отъ безпокойства вслѣдствіе денежныхъ дѣлъ; однажды сынъ больного посланъ былъ въ банкъ для помѣщенія большой суммы денегъ и опоздалъ возвращеніемъ домой, отправившись въ театръ, вслѣдствіе чего симптомы болѣзни настолько усились, что дѣло дошло почти до гемиплегіи. Marshall Hall, который считалъ paralysis

[1]) Trousseau. Clinique médicale, tome II, p. 104.

agitans эмотивною болѣзнью по преимуществу, прибавляетъ, что онъ могъ бы привести еще и другіе случаи, подобные вышеописаннымъ [1]).

Труссо приводитъ другой случай paralysis agitans, вызванный „глубокимъ душевнымъ волненіемъ" [2]).

Одинъ адвокатъ почти годъ усердно ухаживалъ за больной женой, которую потомъ потерялъ. Горе и безсонныя ночи его ослабили. Послѣ этого онъ сдѣлался такъ нервно раздражителенъ, что не могъ слышать звона колоколовъ и не могъ выносить ни малѣйшаго шума. Скоро ему показалось, что рука у него стала слегка дрожать, и что движеніе всего члена, и въ особенности кисти, дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Вскорѣ онъ почувствовалъ неловкость и въ ногѣ на той же сторонѣ, и дѣла пошли все хуже и хуже, причемъ лѣченіе не помогало; затѣмъ больной пересталъ писать. *Труссо* говоритъ, что онъ походилъ на паралитика, но, хорошенько изслѣдовавъ его, онъ увидалъ, что параличъ былъ только кажущійся.

Извѣстно, что общественныя волненія часто вызывали припадки этой тяжелой болѣзни. Во время возстаній въ Бристолѣ, въ 1833 году, воображеніе гражданъ было возбуждено событіями и, подъ вліяніемъ страха, произошло много случаевъ хореи. Докторъ Карпентеръ говоритъ, что въ то время, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, въ госпиталѣ принято было большое количество лицъ, страдавшихъ этою болѣзнью. Онъ передаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ случай, гдѣ очень незначительное душевное волненіе произвело необыкновенную судорогу членовъ и лица. „Больной, человѣкъ умный и образованный, очень добраго и кроткаго нрава, не могъ пройти по улицѣ, чтобы не подвергнуться припадку этого рода, который зависѣлъ отъ причинъ, весьма трудно предугадываемыхъ. Такъ, напримѣръ, съ нимъ сдѣлался однажды припадокъ при видѣ человѣка, который, какъ ему показалось, сломалъ ногу, вылѣзая изъ омнибуса. Пріятное волненіе, вызванное собраніемъ друзей, обыкновенно производило подобное же дѣйствіе. Сила этихъ припадковъ видоизмѣнялась, сообразно съ общимъ состояніемъ здоровья [3]).

Труссо разсказываетъ о молодой дѣвушкѣ 18-ти лѣтъ, болѣзнь которой, признанная истерической, произошла подъ вліяніемъ страха. Она необыкновенно заикалась и быстро и долго повторяла, не останавливаясь, послѣдніе слоги слова, которое она старалась произнести, что ей не удавалось сначала. Замѣчательно, что она не заикалась, когда пѣла, такъ что невозможно было даже подозрѣвать какой бы то ни было недостатокъ въ ея рѣчи. Тотъ же авторъ передаетъ другой случай, который произошелъ отъ сильнаго горя вслѣдствіе потери сестры. Больная, 19-ти лѣтъ, представляла, какъ главные симптомы болѣзни, странныя движенія головы и рукъ. Когда Труссо видѣлъ ее въ первый разъ, она казалась очень здоровой, но вся лѣвая сторона у нея подвержена была жестокимъ хореическимъ подергиваніямъ. Она каждую минуту ударялась о мебель и еще больше разстраивалась, когда, думая остановить ея волненіе, ей протягивали руку. Но было почти магическое средство прекратить у нея припадокъ: игра на фортепіано. Она могла проводить часъ и два за инструментомъ, играя въ совершенствѣ, совершенно правильно соблюдая тактъ и не пропуская ни одной ноты. По словамъ Труссо, уже этого одного факта достаточно для того, чтобы показать, за недостаткомъ другихъ доказательствъ, что это случай истерической хореи, а вовсе не настоящая пляска св. Витта. Когда больная желала взять какой-нибудь предметъ, она хватала его сразу и не выпускала изъ рукъ [1]).

3. Слѣдующій случай, взятый изъ Annales medico-psychologiques, 1849 года (стр. 50), вполнѣ указываетъ *вліяніе душевнаго волненія на спазмы глотки и горла* (asthme thymique).

Одна женщина лишилась ребенка, которому было уже восемь лѣтъ, и котораго она очень любила. Горе, причиненное ей этимъ случаемъ, вызвало у нея мучительное ощущеніе сжатія въ горлѣ, причемъ малѣйшее душевное волненіе усиливало это ощущеніе въ такой степени, что вызывало значительное стѣсненіе дыханія. Однажды припадокъ былъ такъ жестокъ, что лицо у нея совершенно посинѣло, въ продолженіе двухъ часовъ она была безъ голоса, почти безъ сознанія, какъ бы въ состояніи задушенія. На другой день послѣ этого припадка, она поступила въ Hotel Dieu въ Ліонѣ, въ отдѣленіе доктора Lavirotte'a. Она хворала уже семь мѣсяцевъ и оставалась въ госпиталѣ приблизительно три недѣли. Ее лѣчили простыми средствами, она вышла оттуда съ нѣкоторымъ улучшеніемъ, но не вылѣченная вполнѣ.

4. *Икота*. Romberg приводитъ случай совсѣмъ не прекращающейся икоты, вызванной душевнымъ волненіемъ. Одна польская еврейка, 21 года, жестоко испугалась во время революціи въ г. Краковѣ, и вслѣдствіе

[1]) Marshall Hall. Practical observations in medicine, 1845, p. 23.
[2]) Trousseau. Clinique médicale, Paralysie agitante, page 442, tome II.
[3]) Carpenter, Human Phisiology 1853, p. 791.

[1]) Trousseau. Clinique médicale, t. II, p. 238.

этого стала икать. Три года спустя послѣ этого она была принята въ поликлинику, въ Берлинѣ, вслѣдствіе осложнившагося спазма въ глоткѣ; икота была громкая и звонкая. Во время припадка она конвульсивно откидывала голову назадъ, что указывало на участіе еще другихъ нервовъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣли прямое дѣйствіе на икоту.

Судороги рѣчи, лепетаніе и заиканіе, всегда увеличиваются при скромности, между тѣмъ какъ смѣлость и необходимость говорить заставляютъ ихъ исчезнуть. Это испыталъ Карлъ I-й. Онъ заикался, но тѣмъ не менѣе совершенно освобождался отъ своего недуга, когда ему пришлось говорить во время своего процесса. „Заиканія почти не существовало бы безъ душевнаго волненія“, говоритъ Marshall Hall, который сравниваетъ его съ нервнымъ дрожаніемъ, отчего многіе неспособны бываютъ публично подписать свое имя. Мы не могли найти случая постояннаго заиканія, которое бы происходило отъ эмотивнаго возбужденія.

5. *Водобоязнь.* Страхъ, соединенный съ представленіемъ о водобоязни, часто вызывалъ судорожныя сокращенія мускуловъ глотки. Случаи этого рода прекрасно подтверждаютъ вліяніе воображенія на тѣло. Вызывающая ихъ идея такъ часто происходитъ подъ вліяніемъ душевнаго волненія и настолько усиливается этимъ послѣднимъ, что, какъ мы уже имѣли случай говорить, часто бываетъ невозможно отдѣлить одно отъ другого и изучать отдѣльно вліяніе воображенія. Въ слѣдующемъ случаѣ волненіе страха дѣйствовало, какъ очевидная причина:

Romberg, слѣдуя Chomel'ю, разсказываетъ объ одномъ ліонскомъ врачѣ, который присутствовалъ при вскрытіи страдавшихъ водобоязнью и вообразилъ, что заразился трупнымъ ядомъ. Онъ лишился сна и аппетита, и когда попробовалъ пить, то съ нимъ сдѣлались припадокъ удушья и судорога глотки. Въ продолженіе трехъ дней онъ бродилъ по улицамъ, въ страшномъ отчаяніи, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, его друзьямъ не удалось убѣдить его, что его болѣзнь воображаемая [1]). Trousseau говоритъ, что онъ зналъ многихъ врачей, людей умныхъ и добрыхъ, весьма знакомыхъ съ необходимыми условіями для развитія бѣшенства, которые въ продолженіе мѣсяцевъ и даже лѣтъ, послѣ того какъ лѣчили людей одержимыхъ водобоязнью, или же вскрывали трупы подобнаго рода, сдѣлались предметомъ болѣе или менѣе мучительныхъ припадковъ дисфагіи, единственно потому, что они вспоминали о тѣхъ ужасныхъ сценахъ, которыхъ были свидѣтелями. Время избавило ихъ отъ этого нервнаго расположенія, которое выражалось судорогами глотки. Они сами себя вылѣчили, вспоминая объясненіе болѣзни, и стараясь пить всякій разъ, когда чувствовали свое болѣзненное настроеніе [1]). Нужно прибавить вмѣстѣ съ Trousseau, что при нервной водобоязни бываетъ только дисфагія, не бываетъ общихъ судорогъ, спазмы ограничиваются пищеводомъ, и дыханіе свободно. Если дисфагія продолжается болѣе четырехъ дней, то она вѣроятно зависитъ не отъ отравленія, а отъ одного воображенія.

Мемуары королевской Академіи въ Монпелье содержатъ исторію двухъ сестеръ, укушенныхъ бѣшеной собакой. Одна изъ нихъ уѣхала въ Голландію, откуда вернулась только черезъ десять лѣтъ. Возвратившись, она узнала, что ея сестра умерла отъ водобоязни; это такъ на нее повліяло, что она также заболѣла этой болѣзнью и умерла [2]).

6. *Каталепсія.* Эта болѣзнь очень рѣдко встрѣчается за исключеніемъ искусственной каталепсіи, вызванной брэдизмомъ.

Мы не хотимъ разсматривать нѣкоторыхъ случаевъ душевнаго разстройства, при которомъ члены принимаютъ болѣе или менѣе каталептическое положеніе. Если бы мы помѣстили ихъ на ряду со случаями каталепсіи, къ которымъ они весьма подходятъ, мы могли бы привести въ примѣръ многихъ больныхъ, которыхъ сильное душевное волненіе повергало въ состояніе умственнаго оцѣпенѣнія съ каталептическими симптомами.

Докторъ Crichton приводитъ, по Bunet'у, слѣдующій случай, который онъ относитъ къ „каталепсіи“: „Георгій Грокатскій, польскій солдатъ, дезертиръ, который ушелъ изъ полка лѣтомъ 1677 года, былъ найденъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, въ кабакѣ нижняго этажа, гдѣ онъ пилъ и очень веселился. Въ ту минуту, какъ его арестовали, онъ пришелъ въ такой ужасъ, что громко закричалъ и немедленно потерялъ способность рѣчи. Приведенный на военный дворъ онъ былъ не въ состояніи выговорить ни слова; мало этого, онъ сталъ неподвиженъ какъ статуя и, по видимому, ничего не сознавалъ. Въ тюрьмѣ, куда его отвели, онъ не могъ ни пить, ни ѣсть. Сначала ему угрожали, затѣмъ пробовали его успокоить: всѣ старанія были напрасны. Онъ остался нечувствителенъ и неподвиженъ. Съ него сняли кандалы, вывели изъ тюрьмы, но онъ не шевелился. Такимъ образомъ онъ провелъ двадцать дней и двадцать ночей, во время которыхъ не принималъ никакой пищи и

[1]) Romberg, Lehrbuch der Nervenkrankheiten des Menschen. Berlin, 1857.

[1]) Trousseau. Clinique médicale de l'Hotel-Dieu, 7-e edition. Paris 1885, tom. V, p. 442.

[2]) Demangeon, De l'imagination.

совсѣмъ не испражнялся. Онъ постепенно опускался и умеръ“ [1]).

„Medical Times and Gazette“ отъ 23 мая 1868 года вкратцѣ передаетъ замѣчательный случай паралича, вызваннаго страхомъ. Дѣло было во время засѣданій суда въ Лимерикѣ, гдѣ двое мужчинъ обвинялись въ убійствѣ одного изъ родственниковъ. Тотъ, который жаловался, указалъ на своего отца, какъ на свидѣтеля. Мать арестантовъ, до крайности раздраженная тѣмъ, что, на основаніи показанія этого человѣка, ея сыновья были осуждены на заключеніе въ тюрьму, выразила свои чувства проклятіемъ, пожелавъ, чтобы въ ту минуту, какъ онъ выйдетъ изъ залы суда, старикъ былъ разбитъ параличомъ. И онъ, дѣйствительно, упалъ разбитый параличомъ, такъ что его должны были отвезти въ госпиталь. Такъ какъ эта необыкновенная болѣзнь не поддавалась легко обыкновеннымъ способамъ лѣченія, то попросили женщину взять назадъ свое проклятіе, плюнувъ на больного, но она съ жестокостью отказалась это сдѣлать, и больной остался въ госпиталѣ [2]).

Весьма древнимъ синонимомъ паралича является афазія, которая указываетъ, что при этомъ болѣзненномъ состояніи бываетъ затрудненіе или потеря рѣчи. Это явленіе часто бываетъ при параличѣ эмотивнаго происхожденія, но, естественно, можетъ присоединиться и къ самымъ разнообразнымъ разстройствамъ нервной системы, какъ параличъ языка, мышцъ пищевода, потеря памяти и т. п.

7. *Нѣмота,* причиненная ужасомъ или инымъ душевнымъ возбужденіемъ, можетъ, какъ мы уже сказали, относиться къ различнымъ патологическимъ условіямъ. Но обыкновенно ее можно отнести къ потрясенію двигательныхъ центровъ, отчего происходитъ временный парезъ ядеръ въ исходѣ нервовъ, которые возбуждаютъ или мускулы артикуляціи слова, или мускулы образованія звуковъ, или же тѣ и другіе вмѣстѣ. Нервы не подчиняются больше волѣ, но при этомъ остается языкъ жестовъ и письма. Вотъ случай, который недавно имѣлъ мѣсто въ Алдерсготѣ; онъ разсказанъ маіоромъ Миллеръ, смотрителемъ военной тюрьмы, и касается дѣйствія гнѣва у человѣка, сдѣлавшагося жертвой проклятій, которыя онъ посылалъ другимъ. „Одинъ арестантъ, которому сдѣлалъ выговоръ во время работъ сторожъ, пожелалъ, „чтобы всемогущій Богъ сдѣлалъ этого сторожа нѣмымъ“. Въ ту же минуту сторожъ сдѣлался нѣмымъ, и это продолжалось семь дней. Въ продолженіе всего этого времени онъ былъ совершенно неспособенъ выговорить слова. Онъ не притворялся, потому что казался очень несчастнымъ и озабоченнымъ“ [1]).

Докторъ Handfield Jones цитируетъ по *Касперу* случай съ матросомъ, принятымъ Paulini на корабль, гдѣ онъ былъ хирургомъ. Однажды случилась страшная буря, угрожавшая смертью цѣлому экипажу. Одинъ матросъ, здоровый датчанинъ, 30 лѣтъ, бѣлокурый и съ бѣлымъ цвѣтомъ лица, пришелъ въ такой ужасъ, что нѣмымъ свалился на палубу. Затѣмъ у него выступилъ кровавый потъ, что увеличиваетъ интересъ этого случая, о чемъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Прибавимъ лишь, что симптомъ этотъ исчезъ, одновременно рѣчь возвратилась, и матросу стало гораздо лучше, какъ только буря прекратилась.

Въ случаяхъ, приведенныхъ нами, сильное душевное волненіе потрясло двигательный центръ, функція котораго заключается въ выраженіи мыслей при помощи мускуловъ рѣчи. Способность произношенія болѣе не существовала, но нѣтъ причины предполагать, чтобы эти больные не могли выражаться помощью жестовъ или письма,

Todd приводитъ слѣдующій случай:

„Больному было отъ 50—60 лѣтъ; онъ былъ раздражительнаго и ипохондрическаго темперамента. Однажды вечеромъ, въ его семьѣ говорили о чемъ-то, не имѣвшемъ особеннаго значенія, причемъ одинъ изъ присутствовавшихъ слишкомъ ему противорѣчилъ. Онъ сильно возражалъ, противникъ отвѣчалъ тѣмъ же, и, наконецъ, пришелъ въ такое сильное возбужденіе, что совершенно потерялъ способность говорить... Больной прекрасно пользовался своими мускулами, вполнѣ владѣлъ движеніями рукъ и ногъ, могъ подписать чекъ, и вообще его умственныя способности, казалось, были невредимы. Но онъ не могъ говорить, а когда пробовалъ, то попытки его ограничивались однимъ лишь крикомъ. Афазія продолжалась приблизительно недѣлю. По истеченіи этого срока больной поправился, а когда сталъ говорить, способ-

[1]) Crichton, An Inquiry into the nature and origin of Mental Derangement, 1798, p. 24.

[2]) Подобные случаи, гдѣ рѣчь идетъ о проклятіи и послѣдовавшемъ несчастіи, не всѣ могутъ быть объяснены естественнымъ чувствомъ страха и, какъ результатомъ его — параличомъ извѣстной группы нервовъ. Есть много засвидѣтельствованныхъ случаевъ, когда дерзкій и непочтительный сынъ, совершенно безстрашно относившійся ко всякаго рода замѣчаніямъ своихъ родителей, подвергался вдругъ полному разслабленію тѣла или какого-либо важнаго органа, послѣ проклятія родителей, возмущенныхъ какимъ-либо необычайно грубымъ проступкомъ сына. Ясно, что эмоція страха здѣсь недостаточна, какъ причина, объясняющая параличъ. Разумнѣе допустить, что съ словами проклятія, какъ и благословенія, Господь соединилъ особенную силу. Такой взглядъ и проводится во всей Библіи. *Свящ. Г. Д—ко.*

[1]) Goodwords, september 1870.

ность рѣчи вполнѣ возстановилась въ короткое время“.

8. Душевное волненіе можетъ настолько повліять на нервы *сердца*, что произойдетъ сильное сокращеніе, тоническая судорога этого органа. Появленіе же судороги въ органѣ, столь важномъ для жизни, можетъ повести за собой смерть. Трудно бываетъ опредѣлить, зависитъ ли подобный результатъ отъ потери равновѣсія въ распредѣленіи нервной силы, или же это прямое дѣйствіе нервной силы на мышцы.

Hunter умеръ отъ грудной жабы, причиненной припадкомъ гнѣва. Интересно вспомнить здѣсь обстоятельства его смерти и результаты вскрытія его тѣла. Администраторы госпиталя св. Георгія, которымъ онъ былъ сотоварищемъ, утвердили по отношенію къ студентамъ правило, которое, по видимому, имѣло цѣлью исключить соотечественниковъ Hunter'а. Послѣдній попросилъ однажды у совѣта разрѣшенія принять двухъ молодыхъ людей, чего нельзя было сдѣлать на основаніи новаго правила. Передъ собраніемъ, говоритъ его біографъ, онъ выражалъ одному изъ друзей свои опасенія относительно того, что произойдутъ непріятные споры и то, убѣжденіе, которое онъ имѣлъ, что споры эти будутъ имѣть для него навѣрное роковое значеніе. Пріѣхавъ въ госпиталь, онъ нашелъ совѣтъ собравшимся: онъ вошелъ въ залу засѣданій, представилъ прошенія молодыхъ людей и сталъ ихъ сильно отстаивать. Тогда онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, на которыя одинъ изъ его товарищей нашелъ нужнымъ сдѣлать немедленныя и сильныя возраженія. Hunter моментально пересталъ говорить, всталъ изъ-за стола, за которымъ сидѣли члены собранія и, стараясь сдерживать свой гнѣвъ, поспѣшно удалился въ сосѣднюю комнату. Не успѣлъ онъ войти туда, какъ испустилъ глубокій стонъ и безъ чувствъ упалъ на руки доктора Robertson'а, одного изъ госпитальныхъ врачей, случайно находившагося тамъ. Сдѣлали все возможное, чтобы возвратить его къ жизни, надѣясь, что у него только обморокъ или слабость, аналогичная тѣмъ, которыя часто съ нимъ бывали, но все было напрасно: онъ дѣйствительно умеръ. При вскрытіи нашли его сердце глубоко измѣненнымъ. Органъ былъ малъ, до нѣкоторой степени разслабленъ и сильно сокращенъ. Въ полостяхъ лѣваго предсердія были *бѣлыя бляшки*. Вѣнечныя артеріи были перерождены въ *окостенѣвшія трубочки*, которыя трудно было рѣзать, заслонка также была значительно окостенѣвшей. Двустворчатая заслонка значительно окостенѣла. Въ аортѣ, сонныхъ артеріяхъ и ихъ развѣтвленіяхъ, одинаково были бѣлыя пятна и большое количество окостенѣвшихъ точекъ.

Вѣроятно, что при такомъ тяжеломъ состояніи, какъ то, о которомъ сейчасъ была рѣчь, сильныя и продолжительныя судороги сердца должны иногда причинять смерть. Но также вѣроятно, съ другой стороны, и то, что эмотивное возбужденіе можетъ повести къ тому же смертельному исходу, опредѣляя совершенно другое состояніе мышечной ткани сердца. Въ этомъ случаѣ органъ перестаетъ сокращаться; онъ растягивается и становится инертнымъ. Въ мускулахъ произвольнаго движенія часто происходятъ эти два противоположныхъ состоянія подъ вліяніемъ эмоцій, такимъ образомъ рука можетъ сократиться, оставаясь способной къ дѣйствію, или быть парализованной. Единственное различіе, существующее между судорогами и параличомъ сердца, это то, что слѣдствія не одни и тѣ же, потому что рука не есть существенный органъ для жизни [1]).

Докторъ Peacock, мнѣніе котораго имѣетъ большое значеніе благодаря продолжительной опытности, которой онъ достигъ въ лѣченіи болѣзней сердца, намъ сообщалъ, что ему часто приходилось наблюдать, что у женщинъ сердцебіенія и вслѣдствіе этого расширеніе сердца шли рядомъ съ душевными безпокойствами и другими эмотивными вліяніями. Онъ никогда не встрѣчалъ случаевъ разрыва сердца вслѣдствіе душевнаго волненія.

Говоря о перемежающемся пульсѣ, докторъ Richardson замѣчаетъ: „я никогда не видалъ случаевъ, гдѣ бы болѣзнь не была слѣдствіемъ безпокойства, нравственнаго потрясенія, страха, горя, или другихъ подобныхъ впечатлѣній. Я встрѣчалъ много случаевъ, когда самъ больной, будучи въ состояніи замѣтить перемежающійся пульсъ, могъ указать въ точности моментъ, когда онъ почувствовалъ то разстройство, которое было причиной этого [2]).

Неудивительно, что въ наше время, когда безпокойная жизнь и напряженіе чувствъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ значительно повышены, приходится наблюдать съ несомнѣнной очевидностью умноженіе сердечныхъ припадковъ. Изъ недавнихъ работъ доктора Quain'а о сердцѣ намъ извѣстно, что „въ продолженіе двадцати послѣднихъ лѣтъ, количество смертей у мужчинъ всѣхъ возрастовъ, вслѣдствіе болѣзней сердца, поднялось съ 5,746

[1]) Описанный несчастный случай вслѣдствіе сильнаго гнѣва показываетъ, какъ справедливо евангеліе, съ одной стороны запрещающее гнѣвъ, а съ другой — предписывающее со всѣми обращаться кротко, любовно, снисходительно, дабы никого не раздражать. Наука на каждомъ шагу подтверждаетъ истину евангелія. *Свящ. Г. Д—ко.*

[2]) The Journal of mental science, oct. 1869.

въ 1851 году до 12,428 въ 1870. Число болѣзней сердца, на 1.000 живыхъ людей простиралось до 0,755 съ 1851 по 1855; оно поднялось до 1,085, начиная съ 1866 по 1870. Нужно замѣтить, между прочимъ, что увеличеніе заболѣваній падаетъ на тѣ годы, когда индивидуумъ работаетъ и вообще принимаетъ активное участіе въ общественной жизни. Не существуетъ измѣненія въ числѣ смертей относительно этой причины у мужчинъ до двадцатипятилѣтняго возраста. Отъ 20 до 45 л. число смертей возросло съ 0,553 на 0,709. Пропорціональное увеличеніе смертности отъ болѣзней сердца едва замѣтно у женщинъ въ 25 лѣтъ жизни, продолжительность которой отъ 21 до 45"[1]).

Разстройство дѣятельности сердца, выражающееся обморокомъ, есть явленіе обыкновенное, какъ послѣдствіе эмотивнаго возбужденія. Легко понять, что, если сердце здорово, то отъ этого не можетъ произойти ничего важнаго; но если оно больное и функція его уже надорвана, оно падаетъ подъ вліяніемъ сильной и бурной страсти. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы находимъ, что подобные результаты являются послѣдствіемъ весьма противоположныхъ эмоцій, радости и страха напримѣръ, которыя, тѣмъ не менѣе, сходны въ томъ отношеніи, что онѣ быстры и внезапны [2]).

Дѣйствительно, *внезапная радость, по видимому, имѣетъ такое же сильное вліяніе, какъ и страхъ или горе*. Казалось бы, трудно понять, какимъ образомъ, если одно изъ двухъ лицъ подвергнуть дѣйствію подавляющей эмоціи, а другое дѣйствію возбуждающей, первое останется спокойнымъ, въ то время какъ второе упадетъ въ обморокъ. А между тѣмъ, такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. John Hunter'у передавалъ лордъ Eglinton, что, когда двое солдатъ бывали присуждены къ разстрѣлянію, и одинъ изъ нихъ долженъ былъ получить прощеніе послѣ того, какъ разстрѣляютъ перваго, тотъ, который получалъ помилованіе и слѣдовательно отсрочку, обыкновенно падалъ въ обморокъ, въ то время какъ осужденный на смерть оставался спокоенъ. Сэръ Philip Francis говоритъ по поводу одного важнаго событія своей жизни: „Въ то время какъ мое разореніе только еще предстояло, я чувствовалъ безконечно большее душевное разстройство, нежели тогда, когда оно дѣйствительно совершилось. Положеніе безусловно очевидное, заставляющее человѣка немедленно дѣйствовать, приводитъ его къ принятію какого-нибудь рѣшенія, и самый фактъ этой рѣшимости придаетъ силу характеру". Въ только что описанномъ случаѣ, какъ кажется, сознаніе, послѣ того какъ оно было, такъ сказать, приковано къ факту неизвѣстности, немедленно ослабѣваетъ, лишь только не представляется ничего, имѣющаго интересъ въ будущемъ или настоящемъ, что могло бы остановить или упрочить вниманіе. Но, напротивъ, пока грозитъ катастрофа, сознаніе относится къ нему стойко, и обморока не происходитъ. Можно было бы, можетъ-быть, сказать, что проницающее возбужденіе непріятной эмоціи дѣйствительно мѣшаетъ обмороку, въ то время, какъ пріятная эмоція, напротивъ, благопріятствуетъ ему, разслабляя нервную систему.

Исторія Люкреціи Давидсонъ, молодой американки, такъ рано обнаружившей счастливое дарованіе къ поэзіи, и умершей 17 лѣтъ, служитъ доказательствомъ того, что припадки слабости могутъ произойти отъ большой радости. Она была, какъ говорятъ, такъ сильно впечатлительна, и настолько развито было въ ней чувство прекраснаго, что ей сдѣлалось дурно только оттого, что она слушала нѣкоторыя мелодіи Moor'a, очень нравившіяся ей. И несмотря на такую наклонность, могущую имѣть серьёзныя послѣдствія, она просила повторенія этихъ мелодій: настолько были пріятны доставляемыя ей ощущенія.

Радость, дѣйствіе которой такъ благотворно, когда она умѣренна, становится, напротивъ, вредной, когда она чрезмѣрна. Мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ читали разсказъ объ ирландскихъ каторжникахъ, осужденныхъ навѣчно, которые умерли, узнавъ, что ихъ помиловали.

Два слѣдующіе факта хорошо извѣстны: Валерій Максимъ разсказываетъ, что двѣ римлянки умерли отъ радости, увидавъ своихъ сыновей, возвратившихся здоровыми и невредимыми съ битвы при Тразименскомъ озерѣ. Одна изъ нихъ умерла, обнимая сына; другая же была поражена, внезапно увидавъ появленіе своего сына въ ту минуту, какъ она приходила въ отчаяніе, считая его мертвымъ.

Изъ исторіи извѣстно, что Софоклъ, достигнувъ преклоннаго возраста, но еще вполнѣ владѣя всѣми своими интеллектуальными способностями, сочинилъ трагедію, которая была увѣнчана, и успѣхъ ея былъ такъ великъ, что онъ умеръ отъ радости. Хилонъ изъ Лакедемоніи умеръ отъ радости, обни-

[1]) Britich medical Journal, March 23 rd. 1872.

[2]) И здѣсь ученіе слова Божія о томъ, чтобы сердце наше не прилѣплялось къ міру и его преходящимъ благамъ, а стремилось къ источнику всякаго блага, истины и красоты—Богу, также предохраняетъ человѣка отъ сильныхъ и вредныхъ сердечныхъ движеній, когда почему либо человѣкъ чувствуетъ глубокую горесть и страхъ, или испытываетъ сильную радость. *Свящ. Г. Д—ко.*

мая сына, выигравшаго призъ на олимпійскихъ играхъ. Juventius Thalma, которому оказывали почести за покореніе Корсики, умеръ у подножія алтаря, гдѣ онъ приносилъ благодареніе. Fouquet, какъ говорятъ нѣкоторые авторы, внезапно умеръ, узнавъ, что Людовикъ XIV возвратилъ ему свободу. Къ этимъ фактамъ можно еще присоединить Діагора, родосскаго атлета, умершаго при видѣ своихъ трехъ сыновей, возвратившихся увѣнчанными съ олимпійскихъ игръ, и Діонисія, второго тирана этого имени, который умеръ, узнавъ, что его трагедія выиграла призъ за поэзію.

Нерѣдко приходится видѣть, какъ возбужденіе при страхѣ усиливаетъ энергію все время, пока оно дѣйствуетъ; но какъ только оно прекращается, организмъ стремится къ реакціи. Многіе изъ людей въ виду опасности производятъ героическіе поступки; но лишь только опасность миновалась, они начинаютъ съ того, что падаютъ въ обморокъ. Это такъ извѣстно, что, кажется, не требуетъ подтвержденія въ примѣрахъ. Между тѣмъ вотъ случай, передаваемый Hunter'омъ; онъ такъ сюда подходитъ, что мы не можемъ удержаться отъ желанія его цитировать. „Одна барыня ложилась въ постель, какъ вдругъ увидала, что дверь въ ея спальню отворилась, и одинъ изъ домашнихъ лакеевъ вошелъ въ комнату съ пистолетомъ въ рукѣ. Она немедленно потушила свѣчу, отодвинула кровать отъ стѣны, спрятавшись въ образовавшійся такимъ образомъ проходъ. Въ потемкахъ лакей уронилъ столъ, который стоялъ посрединѣ комнаты. Это его взволновало. Тогда барыня вышла изъ своей засады и достигла дверей, которыя она имѣла присутствіе духа запереть за собою на ключъ. Она разбудила прислугу, но, какъ только увидала себя внѣ опасности и получила помощь, такъ немедленно лишилась чувствъ, и никто не зналъ въ чемъ дѣло, пока она не пришла въ себя. Тогда отыскали преступника, который въ свою очередь лежалъ въ обморокѣ".

Нѣкто Froud, 52 лѣтъ, житель Лондона, въ продолженіе многихъ лѣтъ служившій чиновникомъ при военномъ министерствѣ, пришелъ въ сильное возбужденіе послѣ совѣта кабинета 23 февраля 1874 года. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, онъ заболѣлъ, и въ постели уже читалъ рѣчь, произнесенную Дизраэли въ графствѣ Букингамъ. Тогда онъ пришелъ въ необыкновенное возбужденіе и сталъ выражать свою радость отъ успѣха консерваторовъ, причемъ поднялся съ постели и направился къ женѣ, которая была тутъ же въ комнатѣ. Послѣдняя обняла его и стала было успокоивать, но онъ вырвался у нея изъ рукъ и упалъ мертвый на полъ. Во время слѣдствія, докторъ P. Travers Stain представилъ, что онъ дѣлалъ вскрытіе трупа, признавая, что смерть, ускоренная возбужденіемъ, произошла отъ болѣзни сердца.

Какъ примѣръ вліянія страха или ожиданія на сосудистую систему, мы прежде всего приведемъ слѣдующій фактъ [1]); онъ касается чрезвычайно интеллигентной дамы. Несмотря на то, что испытанное ею душевное волненіе касалось другой особы, она тѣмъ не менѣе сама подверглась его вліянію.

Однажды она прогуливалась около одного публичнаго учрежденія и увидала ребенка, которымъ особенно интересовалась, выходившаго изъ желѣзной двери. Затѣмъ она увидала, что, отворивъ эту дверь, ребенокъ ее не придерживалъ, такъ что она готова была захлопнуться за нимъ; ей даже казалось, что это непремѣнно сдѣлается и съ достаточной силой, чтобы раздавить ребенку ногу, но тѣмъ не менѣе ничего подобнаго не случилось. „Мнѣ невозможно было, говоритъ она, сказать или дѣйствовать достаточно быстро, чтобы помѣшать тому, чего я боялась; затѣмъ я почувствовала, что не могу больше двигаться: такая сильная боль развилась въ моей ногѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, я думала, будетъ раненъ ребенокъ, такъ что я могла лишь приложить руку, чтобы уменьшить необыкновенную чувствительность. Я убѣждена въ томъ, что не сдѣлала никакого движенія, которое могло бы мнѣ причинить вывихъ, или растяженіе. Возвращеніе домой (мнѣ нужно было пройдти приблизительно четверть мили) было весьма тяжело. Когда я сняла чулки, то увидала вокругъ ладыжки кругъ, какъ бы окрашенный блестящей жидкостью; съ другой стороны было широкое пятно того же цвѣта. На другой день, вся нога распухла, и я должна была остаться въ кровати нѣсколько дней".

Докторъ Marmisse (изъ Бордо) приводитъ случай очень похожій на этотъ. Дѣло касается одной служанки, которая видѣла, какъ пускали кровь ея госпожѣ, за которой она давно и усердно ходила. Она почувствовала такое сильное волненіе, что въ моментъ, когда хирургъ вонзилъ ланцетъ въ руку больной, она почувствовала въ локтевой складкѣ ощущеніе укола, и вскорѣ послѣ этого на этомъ мѣстѣ появился кровоподтекъ [2]).

Вотъ случай, гдѣ смѣна безпокойства радостію, очевидно, произвела смерть. Случай этотъ касается сорокатрехлѣтней жен-

[1]) См. Bucknil and Tuke, Manual of Psychological Medicine, 4 t. edit. p. 229.

[2]) Marmisse. Union médicale, 1862.

щины, дочь которой ѣхала по желѣзной дорогѣ въ тотъ день, когда произошло столкновеніе двухъ поѣздовъ, причемъ многіе путешественники были ранены. Извѣстіе объ этомъ тревожномъ случаѣ пришло какъ разъ въ то время, когда мать на станціи встрѣчала свою дочь. Послѣдняя недолго спустя прибыла здоровой и невредимой. Порывъ радости, смѣнившій безпокойство, былъ свыше того, что могъ перенести организмъ бѣдной женщины. Послѣ того, какъ она заключила свою дочь въ объятія, съ ней сдѣлался апоплексическій ударъ, и она умерла двѣнадцать часовъ спустя. Этотъ случай напоминаетъ наблюденіе, сдѣланное Haller'омъ, который говоритъ, что внезапная и сильная радость часто убиваетъ, усиливая кровообращеніе, и вызывая такимъ образомъ настоящую апоплексію [1]).

Во многихъ случаяхъ смерти, послѣдовавшей отъ эмотивнаго возбужденія, невозможно бываетъ, вслѣдствіе недостатка свѣдѣній, опредѣлить въ сердцѣ ли, или въ головномъ мозгу произошло поврежденіе, вызвавшее роковой конецъ. Такъ было съ Изократомъ, о которомъ Мильтонъ говоритъ въ своихъ стихахъ: извѣстіе о безчестной побѣдѣ при Хоронеѣ, роковой для свободы, убило этого краснорѣчиваго человѣка.

9. *Разрывъ легочныхъ сосудовъ.* — Descuret говоритъ о женщинѣ 64 лѣтъ, подверженной сильнымъ припадкамъ гнѣва. Онъ видѣлъ ее во время одного изъ нихъ: „ея маленькіе глазки сверкали, лицо было налитое, вены на шеѣ широко растянуты; при этомъ сильный припадокъ кашля, заставившій ее выплюнуть багроваго цвѣта кровь“. Ей помогли, сдѣлавъ кровопусканіе.

Здѣсь слѣдуетъ напомнить разсказъ объ одномъ венеціанскомъ дожѣ. François Foscari, въ 1547 году, внезапно умеръ отъ кровохарканія, услыхавъ, какъ звонили въ колоколъ св. Марка въ знакъ пріѣзда его намѣстника [2]).

10. *Кровавый потъ.* — Между дѣйствіемъ эмотивныхъ возбужденій нужно включить разрывъ кожныхъ капилляровъ, или просачиваніе чрезъ ихъ стѣнки количества крови, достаточнаго, чтобы произвести *кровянистую транспирацію.*

Мы ограничимся приведеніемъ одного лишь факта этого рода. Онъ касается тридцатилѣтняго матроса, который, полный ужаса во время бури, не только упалъ на полъ безъ словъ, но еще на лицѣ у него появились капли пота ярко кроваваго цвѣта. Сначала думали, что кровь идетъ изъ носу, или же что матросъ былъ раненъ во время паденія, но, вытирая блестящія капли, хирургъ былъ удивленъ, видя, какъ новыя ихъ замѣняли. Этотъ окрашенный потъ вытекалъ изъ различныхъ частей лба, щёкъ и подбородка, но дѣло не ограничивалось этимъ, потому что, когда разстегнули одежду, нашли то же самое на шеѣ и груди. Вытирая и изслѣдуя старательно кожу, хирургъ ясно видѣлъ, что жидкость выступала изъ отверстій потовыхъ железокъ. Эта жидкость такъ сильно пачкала, что когда брали въ руки платокъ, которымъ вытирали, то всѣ пальцы были въ крови. Когда этотъ кровавый потъ прекратился, человѣкъ этотъ снова получилъ возможность говорить.

11. *Волосы.* — Вообще думаютъ, что горе или страхъ заставляютъ сѣдѣть волосы.

Существуетъ мнѣніе, болѣе основанное на общественномъ убѣжденіи, нежели на физіологіи, что это можетъ произойти въ одну ночь. Несомнѣнно, что нравственныя причины могутъ постепенно заставить посѣдѣть, и это въ достаточной степени служитъ доказательствомъ вліянія духа на питаніе волосъ. Мы наблюдали измѣненіе цвѣта волосъ, то въ каштановый, то въ сѣрый, соотвѣтственно здоровому или нездоровому состоянію духа. Нѣкоторыя лица сомнѣваются въ томъ, чтобы можно было внезапно посѣдѣть; вотъ интересное доказательство этого: случай былъ наблюдаемъ M. W. P. Cocks'омъ,

Thomas W... приблизительно двадцати лѣтъ, сынъ молочника, былъ большой, хорошо сложенный и здоровой наружности малый, нѣсколько смугловатый, съ черными, слегка вьющимися волосами на головѣ. Его общій видъ былъ видъ здороваго и хорошо сложеннаго человѣка; занятіе его, не трудное, заставляло его быть постоянно на воздухѣ. Одинъ изъ его товарищей безразсудно обманулъ его, будто бы одна молодая дѣвушка изъ города хочетъ на слѣдующій день итти въ судъ съ жалобой на него въ томъ, что онъ былъ отцомъ ея ребенка. Бѣдный W. онѣмѣлъ отъ изумленія. Эта новость сильно потрясла весь его организмъ; горькая злоба наполнила его сердце, и душевное настроеніе его было глубоко потрясено. Онъ поспѣшилъ возвратиться домой и легъ въ постель, чтобы отдохнуть. Но сонъ бѣжалъ отъ него; голова его горѣла, изъ всѣхъ угловъ его комнаты, какъ ему казалось, надвигались несчастія. Вотъ каково было дѣйствіе плохой шутки. Наступленіе утра не принесло ему покоя; онъ казался подавленнымъ горемъ и безпокойствомъ, и его волоса потеряли свой обыкновенный цвѣтъ и обратились въ свѣтлосѣрые, цвѣта желѣза. Онъ не понималъ, какъ это могло произойти. На другой день безтолковая

[1]) The Lancet, 16 nov. 1867.
[2]) Sismondi et Daru, Histoire de wenise, I m.

шутка объяснилась, но дурныя ея дѣйствія долго продолжались. Почти двадцать лѣтъ спустя, несмотря на его хорошее здоровье, способности его ума сохранили слѣды жестокаго потрясенія, которое ему пришлось испытать: его волоса были совершенно сѣды, и стало очевиднымъ, что онъ понесетъ до могилы признаки своего сумасшествія [1]).

Мы знаемъ одного капитана корабля, сорока приблизительно лѣтъ, претерпѣвшаго два кораблекрушенія. Первый разъ онъ потерялъ всякую надежду спастись, и его волоса быстро побѣлѣли; въ другой разъ, послѣ извѣстнаго промежутка времени, они еще больше побѣлѣли. Онъ не могъ рѣшиться возвратиться обратно въ море и вышелъ въ отставку.

Bichat, который не признавалъ скептицизма Haller'а, увѣрялъ, что онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, пять или шесть примѣровъ, когда волоса потеряли свой цвѣтъ меньше чѣмъ въ недѣлю; онъ привелъ въ примѣръ одно лицо изъ своей семьи, которое въ одну ночь совершенно посѣдѣло, вслѣдствіе дурной новости. Нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ фактѣ, что, подъ вліяніемъ печали, у Маріи Антуанетты быстро посѣдѣли волосы. Монтескье самъ про себя разсказываетъ, что его волосы посѣдѣли въ продолженіе одной ночи, потому что онъ получилъ новости о своемъ сынѣ, которыя очень его встревожили. Еще недавно въ архивѣ *Вирхова,* докторъ Laudois, изъ Грефсвальда, приводилъ случай быстраго посѣдѣнія волосъ. Но мы не имѣемъ въ нашемъ распоряженіи никакихъ иныхъ свѣдѣній объ этомъ фактѣ, кромѣ того, что, старательно изслѣдуя эти волосы, онъ нашелъ въ самой толщѣ ихъ большое количество пузырьковъ воздуха.

Pouchet, собравшій большое количество фактовъ, относящихся къ сѣдѣющимъ волосамъ, пишетъ слѣдующее: „Тщательныя наблюденія, сдѣланныя выдающимся физіологомъ Brown-Sequard'омъ надъ самимъ собою, не оставляютъ больше никакого сомнѣнія; когда пришелъ извѣстный моментъ, достаточно менѣе дня для того, чтобы волосы наполнились частицами воздуха и приняли свой бѣлый цвѣтъ. Докторъ Cassan сообщилъ исторію одной дамы Leclère, которая была вызвана въ палату пэровъ въ качествѣ свидѣтельницы по процессу Louvel'а, и которая испытала при этомъ такое нравственное потрясеніе, что въ продолженіе одной ночи ея волосы совершенно побѣлѣли. Наконецъ, мы имѣемъ еще болѣе интересное изъ всѣхъ другихъ и рѣшительное наблюденіе доктора Parry, старшаго хирурга въ Индіи. Дѣло касается одного возставшаго сипая (индійскій солдатъ), который былъ забранъ англійскими войсками въ 1858 году и котораго разстрѣляли. Вдругъ одинъ изъ солдатъ замѣтилъ, что волоса плѣнника сѣдѣли на глазахъ всѣхъ, и обратилъ на это вниманіе маіора; этотъ послѣдній могъ слѣдить за прогрессивнымъ обезцвѣченіемъ волосъ, совершенно закончившимся въ теченіе того промежутка времени, который понадобился для допроса этого несчастнаго, приблизительно въ полчаса... Голландскій медикъ Junius разсказываетъ про одного испанскаго сеніора, застигнутаго въ монастырѣ и осужденнаго Фердинандомъ Католикомъ на обезглавіе; онъ совершенно посѣдѣлъ въ ночь, слѣдующую за этимъ осужденіемъ. Самъ кастильскій король, вслѣдствіе этой причины, отмѣнилъ уголовную кару. То же, говорятъ, случилось и съ Людовикомъ Сфорца, въ тотъ день, когда онъ попалъ въ руки Людовика XII. Генрихъ IV разсказывалъ, что во время Варѳоломеевской ночи онъ оставался двадцать четыре часа уничтоженный, держась руками за голову, и что, по прошествіи этого времени, борода и волоса его посѣдѣли на подбородкѣ и вискахъ, гдѣ онъ опирался руками. Утверждаютъ, что сэръ d'Andelot, скомпрометтированный въ дѣлѣ графовъ Egmont'а и Horn'а, когда узналъ о казни своего брата Петра, оставался нѣсколько часовъ подрядъ, склонивъ голову на одну руку; когда онъ ее поднялъ, часть его бороды и одной брови на той же сторонѣ были совершенно бѣлы. Наиболѣе трогательная изъ всѣхъ этихъ исторій — это исторія Guarini, профессора греческаго языка въ Веронѣ, человѣка наиболѣе возвышеннаго ума эпохи Возрожденія. По разсказамъ Virunio, волосы Guarini вдругъ посѣдѣли, при извѣстіи о потерѣ въ морѣ ящика съ манускриптами, за которыми онъ самъ ѣздилъ въ Константинополь“ [1]).

Pouchet доказываетъ, что въ случаяхъ этого рода нервное вліяніе поражаетъ пигментъ, и это на основаніи того дѣйствія, которое производитъ на животныхъ сѣченіе нервовъ и послѣдовательное обезцвѣченіе при этомъ той ихъ части, въ которой продолжается иннервація. Если, напримѣръ, взять рыбу палтусъ, покрытую черными пятнами, сдѣлать ей перерѣзку нервовъ и посадить въ акваріумѣ на песчаное дно, то все тѣло ея

---

[1]) Подобныя «шутки», и даже худшія, допускаются многими 1 апрѣля, причемъ нерѣдко влекутъ за собою грустныя послѣдствія; только нравственная одичалость, умственное убожество и совершенное незнаніе психофизіологическихъ состояній человѣка объясняютъ возможность существованія такихъ нелѣпыхъ шутокъ. Долгъ пастыря церкви разъяснять всю ихъ неумѣстность и могущій быть отъ нихъ вредъ. *Свящ. Г. Д—ко.*

[1]) Pouchet, Revues des Deux Mondes, janvier 1872, page 73.

поблѣднѣетъ, за исключеніемъ той части, которая болѣе не подвергается вліянію головного мозга. Нервы здѣсь весьма несложны и слѣдуютъ за артеріями. Если посрединѣ тѣла палтуса отдѣлить два или три изъ этихъ нервовъ, то на кожѣ получается поперечная черная полоса, соотвѣтствующая происхожденію этихъ нервовъ. Если разрѣзать личной нервъ, то палтусъ, который сталъ блѣднымъ, носитъ черную маску, что имѣетъ очень странный видъ. Рыба эта, какъ извѣстно, живетъ на пескѣ, среди котораго съ трудомъ различима, благодаря своему сѣрому цвѣту, но лишь только приближается къ ней какой-либо предметъ, на тѣлѣ ея немедленно появляются широкія черныя пятна. Тотъ же фактъ доказываетъ *Листеръ* въ своихъ изслѣдованіяхъ надъ пигментированными клѣтками кожи лягушки.

12. *Молоко*. Извѣстно вліяніе эмотивныхъ возбужденій на выдѣленіе молочной железы, и не трудно найти категорическія доказательства этого. Достаточно привести нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ.

Descuret приводитъ случай, какъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, одна молодая женщина внезапно потеряла своихъ двухъ дѣтей и одного грудного, потому что кормила ихъ грудью немедленно послѣ припадковъ сильнаго гнѣва [1]). Онъ говоритъ также, что и Parmentier и Deyeux констатировали, что послѣ сильнаго эмотивнаго возбужденія молочныя железы выдѣляютъ лишь серозную, невкусную и желтоватую жидкость, вмѣсто бѣлой, пріятной и сладкой [2]). Copland заимствуетъ у Graëfe исторію женщины, которая сильно испугалась недѣлю спустя послѣ родовъ. За этимъ послѣдовала потеря молока во первыхъ, а затѣмъ брюшная и общая водянка.

Мы остановимся подольше на выдѣленіи молока, потому что измѣненіе въ его количествѣ и составѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ обнаруживается на ребенкѣ въ разстройствѣ его пищеварительной системы, представляющей для испытанія качества молока болѣе чувствительный аппаратъ, нежели всевозможные химическіе аппараты. Сэръ Астлей Куперъ приводитъ слѣдующія положенія, какъ результатъ обширныхъ и внимательныхъ изслѣдованій.

a) „Выдѣленіе молока происходитъ лучше въ спокойномъ состояніи ума, при веселомъ расположеніи духа, тогда молоко отдѣляется въ достаточномъ количествѣ и бываетъ полезно ребенку. Наоборотъ—тревожное состояніе уменьшаетъ количество молока, дѣлаетъ его жидкимъ и серознымъ, и разстраиваетъ желудокъ и кишки ребенка, причиняя внутренній жаръ и рѣзи. Припадки гнѣва у матери дѣлаютъ молоко творожистымъ, что отражается на ребенкѣ рѣзями и зелеными испражненіями. Горе матери имѣетъ также вредное вліяніе на кормленіе и на ребенка. Потеря близкихъ или непріятная перемѣна денежныхъ обстоятельствъ часто до такой степени уменьшаютъ количество молока, что дѣлаютъ необходимой постороннюю пищу для поддержки ребенка. Тревожное состояніе ума также уменьшаетъ количество и портитъ качество молока. Полученіе непріятнаго письма внезапно прекращаетъ приливъ молока, и грудь становится пустою. Если ребенокъ боленъ, и мать безпокоится о немъ, она жалуется своему доктору, что у нея мало молока, и что у ребенка рѣзи и частыя зеленыя, пѣнистыя испражненія. Страхъ имѣетъ очень сильное вліяніе на выдѣленіе молока. Мнѣ разсказывалъ врачъ, много практиковавшій между бѣдными, что опасеніе грубаго обращенія пьянаго мужа совершенно останавливало приливъ молока на нѣкоторое время. Когда это случается, грудь становится почти пустою, а то небольшое количество молока, которое продолжаетъ еще выдѣляться, имѣетъ въ высшей степени раздражающія свойства, и проходитъ довольно много времени прежде, чѣмъ возстановится нормальное выдѣленіе. Ужасъ, т.-е. сильный и внезапный страхъ, мгновенно прекращаетъ выдѣленіе молока. Сэръ Астлей Куперъ разсказываетъ два поразительныхъ случая, въ которыхъ выдѣленіе молока, передъ тѣмъ вполнѣ нормальное, было совершенно прекращено этой эмоціей.

Есть даже свидѣтельства въ пользу того заключенія, что молоко пріобрѣтаетъ ядовитыя свойства подъ вліяніемъ сильнаго умственнаго возбужденія; многія явленія, которыя иначе пришлось бы приписать простому совпаденію, подтверждаютъ такое заключеніе, если ихъ сопоставить съ фактами менѣе поразительнаго, но столь же рѣшающаго характера, о которыхъ упоминалось выше.

b) „Одинъ плотникъ поссорился съ солдатомъ, поставленнымъ къ нему на постой, и солдатъ бросился на него съ обнаженной саблей. Жена плотника, въ первую минуту онѣмѣвшая отъ ужаса, вдругъ бросилась между ними, вырвала саблю изъ рукъ солдата, разломала ее въ куски и швырнула въ уголъ. Во время свалки пришли сосѣди и розняли дерущихся. Въ этомъ состояніи сильнаго волненія мать вынула ребенка изъ колыбели, гдѣ онъ лежалъ совершенно здоровый, она дала ему грудь и этимъ рѣшила его участь. Чрезъ нѣсколько минутъ ребенокъ

[1]) Знаютъ ли этотъ фактъ мужья, когда приводятъ въ гнѣвъ своихъ женъ въ періодъ кормленія дѣтей грудью? Вотъ дѣйствительное подтвержденіе словъ св. ап. Павла: «Любяй жену свою, самого себя любитъ». *Свящ. Г. Д—ко.*

[2]) Descuret, la médicine des passions, p. 56 et 57.

перестал сосать, сталъ безпокоиться, тяжело дышать и вскорѣ опустился мертвый на руки матери. Докторъ, за которымъ тотчасъ же послали, нашелъ ребенка лежащимъ въ колыбели и какъ бы спящимъ со спокойнымъ лицомъ, но всѣ его усилія возвратить его къ жизни остались тщетными—ребенокъ умеръ".

Въ этомъ интересномъ случаѣ молоко претерпѣло, по видимому, перемѣну, придавшую ему сильное усыпительное дѣйствіе на чувствительную нервную систему ребенка.

с) Подобные факты разсказываются и другими авторами. М-ръ Вардропъ разсказываетъ, что однажды ему случилось вырѣзывать опухоль за ухомъ одной кормящей; все шло хорошо, но она вдругъ страшно разсердилась, и ребенокъ, вскорѣ послѣ того пососавшій грудь, умеръ въ конвульсіяхъ. Въ другой разъ его позвали къ ребенку, съ которымъ сдѣлались конвульсіи послѣ того, какъ онъ пососалъ грудь кормилицы, которой сдѣлали передъ тѣмъ строгій выговоръ, и сэръ Ричардъ Крофтъ говорилъ ему, что видѣлъ много подобныхъ случаевъ. Бурдахъ (Physiologie) разсказываетъ еще три такихъ же случая.

Слѣдующій случай, взятый изъ личныхъ наблюденій автора, окажется, быть-можетъ, одинаково цѣннымъ для физіолога, какъ примѣръ равно пагубнаго вліянія эмоціи другого характера, и можетъ послужить вмѣстѣ съ предшествующими полезнымъ предостереженіемъ матерямъ, заставивъ ихъ поменьше останавливаться на печальныхъ мысляхъ и вообще не предаваться сильнымъ волненіямъ.

d) Одна дама, у которой было нѣсколько человѣкъ дѣтей (изъ которыхъ ни одинъ не обнаруживалъ расположенія къ болѣзнямъ мозга, и младшій былъ здоровый ребенокъ, нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду), услыхала о смерти (отъ острой головной водянки) грудного ребенка одной своей знакомой, съ которой была очень дружна, и семья которой увеличивалась почти одновременно съ ея собственной. Этотъ случай, естественно, сдѣлалъ на нее сильное впечатлѣніе, и она особенно много думала о немъ потому, что была въ то время разлучена съ остальной семьей и часто оставалась одна со своимъ груднымъ ребенкомъ. Разъ утромъ, покормивъ ребенка, она положила его въ колыбель спящаго и, по видимому, совершенно здороваго; вскорѣ вниманіе ея было привлечено какимъ-то шумомъ; подойдя къ колыбели, она нашла ребенка въ конвульсіяхъ, которыя продолжались нѣсколько минутъ и окончились смертью ребенка.

Хотя въ этомъ примѣрѣ вліяніе эмоціи обнаруживается менѣе явственно, нежели въ предыдущихъ, оно все же едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; естественно, что въ душѣ матери при подобныхъ обстоятельствахъ самымъ сильнымъ чувствомъ должно было быть опасеніе за своего ребенка, страхъ, что ея собственное дитя можетъ умереть такъ, какъ умерло дитя ея подруги, и, весьма вѣроятно, что эта мысль особенно сильно мучила ее въ минуту кормленія въ то утро.

Общій выводъ изъ сказаннаго.

I. Пріятныя эмоціи имѣютъ благопріятное вліяніе на функціи питанія. Такимъ образомъ, впечатлѣнія этого рода, приспособленныя такъ, чтобы дѣйствовать на опредѣленную точку тѣла, могутъ способствовать къ возстановленію здоровья.

II. Сильныя эмоціи могутъ разстроить питаніе. Такимъ образомъ эмотивныя разстройства являются первой причиной различныхъ болѣзней воспалительнаго характера или тѣхъ, при которыхъ процессъ питанія замедляется или вовсе пріостанавливается.

III. Что касается отдѣленій, то эмоціи, вызывая болѣе значительный притокъ крови къ железамъ, увеличиваютъ чувствительность и повышаютъ температуру; онѣ, такимъ образомъ, возбуждаютъ эту функцію. Онѣ могутъ произвести этотъ эффектъ, прямо дѣйствуя на нервы, прилегающіе къ железамъ.

IV. Тяжелыя эмоціи могутъ видоизмѣнить количество отдѣленій, то-есть относительную пропорцію тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ ихъ составъ.

V. Эмоціи могутъ пріостановить отдѣленія, или слишкомъ ускоряя потокъ крови въ железахъ, или же, напротивъ, уменьшая приливъ, или же, наконецъ, прямо дѣйствуя на железы. Вообще же дѣятельность железъ, находящихся въ спеціальномъ соотношеніи съ той или иной эмоціей, растетъ въ прямомъ отношеніи къ силѣ этой эмоціи, но, тѣмъ не менѣе, если эмоція слишкомъ сильна, процессъ отдѣленія пріостанавливается.

VI. Пріятныя эмоціи дѣйствуютъ вообще одинаково, онѣ увеличиваютъ дѣятельность отдѣленія, но непріятныя могутъ или возбуждать, или вовсе остановить функцію. Такъ горе раздражаетъ слезныя железы, а гнѣвъ слюнныя. Чрезмѣрное горе останавливаетъ отдѣленіе слезъ, страхъ останавливаетъ отдѣленіе слюны, безпокойство задерживаетъ отдѣленія желудочныя. Изъ ряду выходящій страхъ возбуждаетъ выдѣленіе пота.

B. Вліяніе воли на ощущенія и вообще на тѣло.

1. Ньютонъ могъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и безъ всякаго усилія воли ясно представить себѣ образъ солнца, когда объ

этомъ думалъ. Мы можемъ прибавить здѣсь, что докторъ Wigan упоминаетъ о семействѣ, каждый изъ членовъ котораго „могъ *произвольно,* закрывъ глаза, представить себѣ добровольно какой-нибудь предметъ и нарисовать его на память болѣе или менѣе вѣрно".

2. Докторъ Guy разсказываетъ, что, будучи совсѣмъ еще ребенкомъ, отличался худобой и слабымъ здоровьемъ и имѣлъ способность произвольно создавать себѣ весьма ясныя видѣнія. „Я могъ, говоритъ онъ, нарисовать въ маленькомъ видѣ, на черномъ фонѣ, наиболѣе сложныя картины, дополнять одинъ послѣ другого всѣ предметы, придавая имъ ихъ настоящія очертанія и цвѣтъ. Въ этотъ періодъ воображеніе мое необыкновенно сильно работало во время сна, что заставляло меня видѣть самыя ужасныя сновидѣнія. Когда мое здоровье поправилось, я потерялъ эту способность произвольно создавать себѣ видѣнія; потомъ съ семилѣтняго возраста это не повторялось, несмотря на то, что, при различныхъ обстоятельствахъ, я страдалъ ложными впечатлѣніями чувства слуха [1]).

Гёте также могъ имѣть произвольныя видѣнія.

3. Одинъ медикъ изъ нашихъ друзей, нынѣ умершій, имѣлъ замѣчательную способность добровольно представлять себѣ лица знакомыхъ ему особъ или другихъ. Такъ какъ онъ прекрасно рисовалъ, мы предложили ему нарисовать лица, которыя онъ такимъ образомъ видѣлъ и, въ 1874 году, представили его рисунки въ годичномъ засѣданіи лондонскаго медико-психологическаго общества. Слѣдующій случай указываетъ вліяніе воли на нормальное ощущеніе: въ провинціи Анверъ есть извѣстный врачъ, который можетъ во всякое время дня, и въ какой угодно части своего тѣла, произвольно вызвать болѣе или менѣе сильную боль различной интенсивности. Онъ производитъ ее болѣе или менѣе легко въ различныхъ частяхъ тѣла. Отъ суставовъ боль распространяется на всѣ нижнія части органа, начиная съ шейной области, на всю голову; начинаясь въ спинѣ, она сообщаетъ груди ощущеніе сжатія; отъ почекъ боль распространяется къ животу. Но наиболѣе выраженныя ощущенія сила воли производитъ въ ладоняхъ рукъ. Во всѣхъ другихъ частяхъ боль исчезаетъ, лишь только воля, которая ее произвела, перестаетъ дѣйствовать, но въ рукахъ она долго остается, и она даже очень сильна здѣсь, такъ что паціенту нужно очень сильно развлечься, чтобы онъ могъ отъ нея избавиться. Нужно прибавить, что въ то время, когда этотъ врачъ воспроизводитъ, такимъ образомъ, боль, пульсація сосудовъ гораздо замѣтнѣе въ тѣхъ частяхъ, гдѣ чувствуется боль [1]).

4. Воля можетъ прямо дѣйствовать на выполненіе, или, по крайней мѣрѣ, на подражаніе различнымъ формамъ дыхательныхъ движеній, вздоху, зѣвотѣ, рыданію, смѣху, кашлю и чиханію. Когда эти движенія не зависятъ отъ мѣстнаго раздраженія, они обыкновенно бываютъ вызваны умственными возбужденіями, которыя мы изучали въ главѣ объ эмоціяхъ.

Это фактъ, доказательства котораго намъ даетъ Hunter, не только въ своихъ работахъ, но и въ тѣхъ припадкахъ, которые онъ самъ испыталъ. У него однажды былъ замѣчательный припадокъ, во время котораго онъ могъ силою воли заставить себя продолжать дышать. И въ самомъ дѣлѣ, въ его біографіи можно прочитать, что у него однажды была такимъ образомъ весьма опасная судорога, нѣчто вродѣ *остановки* біенія сердца, продолжавшаяся три четверти часа, несмотря на энергичное лѣченіе, употребленное докторомъ Hunter'омъ, сэромъ George Bacer'омъ и проч... Сильная эмоція была непосредственной причиной этого приступа. Во все время припадка, чувствительность и произвольныя движенія находились въ нормальномъ состояніи, и Hunter могъ усиліемъ воли дышать, съ твердымъ намѣреніемъ сохранить жизнь, и однако, какъ онъ говоритъ дальше, эта стойкость дыханія была вѣроятно безполезна, потому что кровообращенія больше не происходило [2]).

5. John Hunter наблюдалъ фактъ, указывающій на вліяніе воли на противоположные рефлекторные акты:

„Одна женщина, 46 лѣтъ, нѣсколько лѣтъ страдала судорожной кривошеей (torticolis). Когда она обращала вниманіе, то всегда могла предупредить судорогу больного sternocleido-mostoldeus, вызывая сокращеніе мускула на противоположной сторонѣ. Этотъ мускулъ не сокращался самъ по себѣ, нужно было, чтобы она слегка заставляла его сокращаться, тогда онъ продолжалъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока приходилъ вполнѣ въ состояніе, въ которое его желали привести".

6. Весьма интересно, съ точки зрѣнія физіологической, разобрать, какимъ образомъ воля можетъ, при случаѣ, имѣть прямое дѣйствіе на сердце и гладкія мышцы. Но если даже признать это прямое дѣйствіе, то оно, по крайней мѣрѣ, слишкомъ рѣдко

[1]) D-r Guy, Hooper's Physician's Vade mecum.

[1]) Цитировано Warlamont'омъ, въ его докладѣ о *Луизѣ Лато.*

[2]) John Hunter, Oeuvres; перевод. Biehelot. Paris, 1843

встрѣчается для того, чтобы имѣть большое практическое значеніе.

Одинъ выдающійся членъ королевскаго лондонскаго общества, M. Fox, недавно умершій 79 лѣтъ, намъ говорилъ, что онъ могъ, усиліемъ воли, увеличивать отъ десяти до двадцати въ минуту число ударовъ пульса. По нашей просьбѣ, онъ сдѣлалъ опытъ, не безъ колебанія, потому что чувствовалъ, что это было небезопасно, или, по меньшей мѣрѣ, потому, что былъ убѣжденъ въ томъ, что его здоровье могло отъ этого пострадать. Мы его заставили сѣсть и изслѣдовали пульсъ, имѣвшій 63 пульсаціи, онъ былъ мягкій и правильный. Приблизительно черезъ двѣ минуты, число пульсацій достигло 82. Мы спросили его, какимъ образомъ онъ достигъ этого результата, на это отвѣтилъ онъ намъ, что ему трудно опредѣлить свойство его усилій, но что онъ думаетъ, что они зависятъ „отчасти отъ особеннаго рода импульса, сопровождающагося внутренней дрожью, а отчасти отъ дѣйствія на дыханіе". Однако, такъ какъ достаточно бываетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, просто направить вниманіе на сердце для того, чтобы увеличить число его ударовъ, то нѣтъ необходимости предполагать, чтобы воля прямо дѣйствовала на сердечные мускулы, такъ же, какъ мы говоримъ, она дѣйствуетъ на волевые мускулы [1]).

Часто цитировали случай полковника Townsend'а, какъ примѣръ вліянія воли на отправленіе движеній сердца. Вотъ что объ немъ говорятъ: „у него была замѣчательная способность впадать по желанію въ летаргію. Сердце, силою его воли, переставало, по видимому, биться; дыханіе казалось остановившимся; все тѣло было холодно, какъ ледъ, и неподвижно, какъ у мертваго, лицо блѣднѣло и морщилось; глаза становились неподвижными, стекловидными и страшными на видъ; самосознаніе переставало обнаруживаться. Въ продолженіе всего летаргическаго припадка онъ, казалось, терялъ сознаніе такъ же, какъ тѣло живость. Полковникъ оставался въ такомъ положеніи нѣсколько часовъ подъ рядъ, послѣ этого времени странныя явленія исчезали, и онъ приходилъ въ свое обыкновенное состояніе" [2]). При другихъ обстоятельствахъ докторъ Cheyne, д-ръ Baynard и M. Skrine думали, что жизнь угасла; они уже были готовы оставить полковника, когда признаки жизни снова появились. Наблюдатели изслѣдовали пульсъ. „Онъ былъ,—говоритъ д-ръ Cheyne, — достаточно замѣтенъ, хотя слабъ и нитевиденъ; сердце билось нормально. Полковникъ легъ на спину и оставался спокойнымъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; я нашелъ, что пульсъ его постепенно слабѣлъ до того, наконецъ, что, несмотря на мое весьма напряженное вниманіе, я уже не могъ его больше ощупать. Докторъ Baynard не могъ, съ своей стороны, чувствовать малѣйшаго движенія груди, а M. Skrine не видалъ ни малѣйшаго пятна, произведеннаго дыханіемъ на блестящей поверхности зеркала, которое онъ держалъ у рта полковника. Каждый изъ насъ по очереди изслѣдовалъ руку, сердце и дыханіе, но, несмотря на строжайшее и самое тщательное изслѣдованіе, мы не могли открыть ни малѣйшаго признака жизни". Они подождали нѣкоторое время, и какъ мы уже сказали, видя, что такое состояніе не измѣнялось, были готовы удалиться, убѣжденные въ томъ, что полковникъ дѣйствительно умеръ, когда легкое движеніе тѣла ихъ успокоило. Они снова начали изслѣдовать пульсъ и сердце, въ которыхъ снова нашли движенія, мало-по-малу полковникъ пришелъ въ себя. Эта кажущаяся смерть продолжалась полчаса; она снова произошла въ девять часовъ утра, послѣ чего полковникъ разговаривалъ о дѣлахъ съ своимъ повѣреннымъ. Онъ внезапно умеръ въ шесть часовъ вечера. Изслѣдовали тѣло, не представлявшее, за исключеніемъ правой почки, никакого слѣда болѣзни [1]).

Разсказываютъ о человѣкѣ,—говоритъ д-ръ *Дарвинъ*, — который могъ произвольно и мгновенно остановить движенія своего сердца; еще говорятъ объ особѣ, которая усиліемъ воли такъ хорошо порождала перистальтическія движенія кишекъ, что могла заставить ихъ дѣйствовать менѣе нежели въ полчаса [2]).

На ряду съ этими фактами можно указать на продолжительную остановку жизнедѣятельности у факировъ, достовѣрно наблюдавшуюся англійскими офицерами и врачами. Braid и Carpenter ее вызывали, и наблюденіе ихъ важно потому, что эта остановка, вѣроятно, зависитъ отъ усилія воли, которая концентрируетъ вниманіе на мысленномъ предметѣ и приводитъ субъекта въ состояніе жизни, аналогическое, въ нѣкоторомъ отношеніи, состоянію полковника Townsend'а.

7. Брюшныя мышцы, содѣйствующія акту рвоты, во всякомъ случаѣ подчинены болѣе или менѣе вліянію воли, но различіе этого акта отъ полуволевыхъ актовъ, такихъ, какъ испражненіе, совмѣстно съ которымъ его часто изучаютъ, происходитъ отъ того, что

[1]) Проф. *Тархановъ* нѣсколько лѣтъ тому назадъ также описалъ три случая произвольнаго увеличенія сердцебіенія независимо отъ увеличенія числа дыханій и эмотивнаго вліянія. *Прим. перев.*

[2]) Macnish. The philosophy of sleep, 1836, page 231.

[1]) Symonds. Miscellanées, 1871, page 160.

[2]) D-r Darvin. Zoonomia, or the Laws of Organic Life tome I page 39.

не каждому присуща способность въ какое угодно время произвести его произвольно. Это зависитъ отъ того, что нѣкоторыя изъ мышцъ, способствующихъ его произведенію, совершенно гладкія. Bishat, по словамъ Romberg'a, имѣлъ способность произвольно вызывать рвоту. Richerand цитируетъ аналогичный фактъ. Было бы интересно узнать, происходила ли въ этого рода случаяхъ рвота безъ какого-либо предварительнаго чувства тошноты.

Мы слышали отъ доктора Nobl'a изъ Манчестера, который самъ представляетъ собою примѣръ того, что Richerand называетъ человѣческой жвачкой. Онъ говоритъ: „я принадлежу къ тѣмъ, которые могутъ, въ какое угодно время, произвольно выдѣлять рвоту, и у меня этому акту никогда не предшествуетъ ни малѣйшей тошноты. Я достигаю этого, втягивая произвольно діафрагму при посредствѣ брюшныхъ мускуловъ, и не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго нездоровья".

Примѣры, которые цитируются для доказательства дѣйствія воли на сердце, желудокъ, пищеводъ, такъ рѣдки, что могутъ, самое большее, быть разсматриваемы, какъ исключенія изъ общаго правила, причемъ изъ нихъ нельзя извлечь никакихъ практическихъ указаній.

Способность, которой обладаютъ нѣкоторыя особы, суживать и расширять зрачекъ по желанію, еще указываетъ на вліяніе воли на гладкіе мускулы. Профессоръ Laycock зналъ одну особу, обладавшую этой способностью; онъ не говоритъ, было ли дѣйствіе воли прямое, или же происходило при посредствѣ представленій. (См. кн. „Духъ и тѣло" Хэкъ-Тьюка).

8. Присоединимъ сюда разсказы о вліяніи злой воли человѣка на другихъ, заимствованные нами изъ другихъ источниковъ. Вотъ случай, разсказанный въ книгѣ: „Загадочныя племена" Е. П. Блаватской, изъ котораго видно, что нѣкоторые люди одарены одни таинственною цѣлительною силою, другіе — вредно-разрушительною силою. Этотъ случай былъ очень недавно, и его всѣ помнятъ въ Нильгири (въ Индіи).

Англо-индійскимъ „бара-саабамъ" негдѣ встрѣчаться съ полудикими, грязными курумбами, (племя, славящееся своимъ „дурнымъ глазомъ") какъ только въ лѣсу, то-есть, изъ десяти разъ девять во время охоты.

Мистеръ К***, какъ мы назовемъ героя этого происшествія, поѣхалъ на охоту съ нѣсколькими пріятелями, нѣсколькими *шикарями* и многочисленною прислугою. Убили слона, и только тогда замѣтили, что забыли взять съ собой особенный для вырѣзыванія клыковъ ножъ. Рѣшили, оставивъ животное подъ присмотромъ четырехъ баддагъ-охотниковъ, чтобъ охранить его отъ дикихъ звѣрей, самимъ отправиться завтракать въ сосѣднюю плантацію. Оттуда К*** долженъ былъ вернуться часа черезъ два за клыками...

Программа не трудная и, казалось, совершенно удобоисполнимая. Несмотря на это, не успѣлъ К*** вернуться, какъ нашелъ одно маленькое затрудненіе. На слонѣ сидѣло человѣкъ десять курумбовъ, которые усердно работали надъ клыками. Не обращая вниманія на сановника, они ему хладнокровно объявили, что такъ какъ слонъ убитъ на ихъ землѣ, то они и считаютъ какъ его самого, такъ и его клыки своею собственностью. Дѣйствительно, ихъ землянки оказались въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда.

Понятно, какъ долженъ былъ быть взбѣшонъ такою наглостью высокомѣрный англичанинъ. Онъ приказалъ имъ убираться, пока они цѣлы, иначе онъ прикажетъ людямъ разогнать ихъ нагайками. Курумбы нагло разсмѣялись и продолжали работу, даже не взглянувъ на *бара-сааба.*

Тогда К*** закричалъ слугамъ, чтобъ они прогнали карликовъ силой.

Съ нимъ было человѣкъ двадцать охотниковъ въ полномъ вооруженіи; самъ К*** былъ рослый, красивый мужчина, лѣтъ тридцати пяти, извѣстный своимъ цвѣтущимъ здоровьемъ и богатырскою силою столько же, какъ и своею вспыльчивостью. Курумбовъ было еле десятокъ, почти голыхъ и безъ всякаго оружія. Четыре баддага, оставленные при слонѣ, конечно, разбѣжались, въ отсутствіе прочихъ, при первомъ требованіи курумбовъ. Казалось, было болѣе чѣмъ достаточнымъ трехъ человѣкъ, чтобы разогнать хищниковъ-карликовъ. Однакоже приказаніе К*** осталось безъ послѣдствій, ни одинъ человѣкъ не пошевелился...

Всѣ стояли, дрожа отъ страха, позеленѣвшіе, съ понуренными головами. Нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ прятавшіеся въ кустахъ баддаги, бросились бѣжать и исчезли въ лѣсной чащѣ.

Муллу-курумбы, покрывавшіе, словно букашки, трупъ слона, глядѣли на англичанина смѣло, оскаливъ зубы и какъ бы вызывая его на дѣйствіе.

Мистеръ К*** окончательно вышелъ изъ себя.

— Прогоните ли вы, наконецъ, этихъ бродягъ, подлые трусы? — зарычалъ онъ.

— Нельзя, саабъ, — замѣтилъ сѣдой *шикари,*—нельзя... Это намъ вѣрная смерть... Они на своей землѣ...

На сердитое восклицаніе поспѣшно слѣзавшаго съ лошади К***, вождь курумбовъ, безобразный какъ воплощенный грѣхъ, вдругъ,

вскочивъ на ноги на головѣ слона, сталъ, кривляясь, прыгать на ней, скаля зубы и щелкая ими, какъ шакалъ. Потрясая уродливою головою и кулаками и выпрямившись во весь крошечный ростъ, мулла-курумбъ обвелъ злыми, сіяющими, какъ у змѣи, впалыми глазками присутствующихъ и прокричалъ:

— Кто первый дотронется до *нашего* слона, *скоро вспомнитъ насъ въ день своей смерти*. Ему не видать новой луны... Угроза была, впрочемъ, напрасная. Слуги чиновника словно превратились въ каменныя изваянія.

Тогда взбѣшенный К***, перехлеставъ на пути толстою нагайкою правыхъ и виновныхъ, бросился съ проклятіями на курумба и, схвативъ его за волосы, швырнулъ далеко отъ себя на землю. Остальныхъ, которые, цѣпляясь какъ вампиры за уши и клыки мертваго слона, было воспротивились, онъ переколотилъ нагайкой и разогналъ ихъ въ одну минуту.

Уходя, они остановились въ шагахъ десяти отъ К***, который затѣмъ принялся самъ вырѣзать клыки. По словамъ его слугъ, во все время операціи, *они не спускали съ него глазъ*.

Окончивъ работу, К*** отдалъ клыки людямъ отнести домой, а самъ уже было собрался занести ногу въ стремя, когда его взглядъ снова встрѣтился со взглядомъ побѣжденнаго имъ старшины курумбовъ.

— Глаза этой гадины произвели на меня впечатлѣніе взгляда отвратительной жабы... Я почувствовалъ, буквально, тошноту...—разсказывалъ онъ въ тотъ же вечеръ за обѣдомъ собравшимся у него гостямъ. — Я не могъ удержаться — добавилъ онъ съ дрожью отвращенія въ голосѣ, — и ударилъ его еще нѣсколько разъ нагайкой... Карликъ, лежавшій до того времени неподвижно въ травѣ, на мѣстѣ, куда я его бросилъ, быстро вскочилъ на ноги, но, къ моему удивленію, не убѣжалъ, а только отошелъ немного далѣе и продолжалъ смотрѣть на меня, не спуская глазъ...

— Напрасно вы не удержались, К***,— замѣтилъ кто-то,—эти уроды рѣдко прощаютъ.

К*** расхохотался.

— Въ этомъ меня увѣряли и *шикари*. Они ѣхали домой, точно приговоренные къ смерти... *Глàза* боятся!.. Глупый, суевѣрный народъ. Имъ давно слѣдовало открыть глаза насчетъ этого *глàза*. Знаменитый „змѣиный взглядъ“ возбудилъ во мнѣ только болѣе аппетита...

И онъ продолжалъ смѣяться надъ суевѣріемъ индусовъ во весь остальной вечеръ.

На другое утро, подъ предлогомъ, что онъ очень усталъ наканунѣ, К***, встававшій, какъ и всѣ въ Индіи, очень рано, проспалъ далеко за-полдень. Вечеромъ у него сильно разболѣлась правая рука.

— Старый ревматизмъ, замѣтилъ онъ, — черезъ нѣсколько дней пройдетъ.

Но на второе утро онъ почувствовалъ такую слабость, что еле могъ ходить, а на третій день—совсѣмъ слегъ. Врачи не находили у него никакой болѣзни. Не было даже лихорадки, а одна непонятная слабость и какое-то странное утомленіе во всѣхъ членахъ.

— Словно въ меня влитъ свинецъ, вмѣсто крови, говорилъ онъ знакомымъ.

Аппетитъ, возбужденный въ его мнѣніи „змѣинымъ взглядомъ“, разомъ пропалъ; больного стала мучить безсонница. Не помогали никакія усыпительныя средства. Здоровый, какъ быкъ, румяный и атлетическій К*** превратился въ четыре дня въ скелетъ. На пятую ночь, которую онъ проводилъ по обыкновенію, со дня охоты, съ открытыми глазами, онъ разбудилъ домашнихъ и спавшаго въ сосѣдней комнатѣ врача громкимъ крикомъ:

— Прогоните эту грязную гадину!.. кричалъ онъ.—Кто смѣлъ впустить ко мнѣ это животное?.. Чтò ему нужно?.. Зачѣмъ онъ такъ смотритъ?..

Собравъ послѣднія силы, онъ швырнулъ, по направленію ему одному видимаго предмета, тяжелый подсвѣчникъ и, попавъ въ зеркало, разбилъ его въ дребезги.

Врачъ рѣшилъ, что у больного начался бредъ. К*** кричалъ и стоналъ до самаго утра, увѣряя, что видитъ предъ кроватью, у ногъ, побитаго имъ курумба. Къ утру видѣніе исчезло, но мистеръ К*** стоялъ на своемъ:

— То былъ не бредъ, еле лепеталъ онъ,— карликъ какъ-нибудь прокрался... я его *видѣлъ во плоти*, а не въ воображеніи.

На слѣдующую ночь, хотя ему было еще хуже, и съ нимъ сдѣлался дѣйствительно бредъ, онъ не видалъ болѣе никого. Врачи ничего не понимали и рѣшили, что то былъ одинъ изъ многочисленныхъ, неуловимыхъ видовъ „болотистой лихорадки“ (*jungle fever*) Индіи.

На девятый день у К*** отнялся языкъ, а на *тринадцатый день онъ умеръ*.

Если „сила *суевѣрнаго* воображенія убиваетъ въ назначенное время *глупаго бѣдняка*“, то какая же это сила убила *не вѣрившаго ни во чтò*, богатаго и образованнаго джентльмена? Странное совпаденіе, отвѣтятъ намъ, простая случайность. Все возможно. Только ужъ слишкомъ много такихъ *случайностей* въ лѣтописяхъ Нильгири, чтобъ онѣ сами собой не представляли страннаго, болѣе самой истины, явленія. Пусть невѣ-

рующіе прежде поразспросятъ серьёзно такихъ старожиловъ на этихъ горахъ, какъ генералъ Морганъ и другіе очевидцы, и только затѣмъ дѣлаютъ свои заключенія.

Наивная теорія, что одна грязная, отвратительная наружность курумбовъ, внушая этотъ общій, раздѣляемый всѣми племенами туземцевъ страхъ, отворяетъ широко двери суевѣрію, очень неудовлетворительна. Многіе изъ кхотовъ и эрулларовъ, и даже баддаговъ, столь же грязны и часто отвратительнѣе тѣхъ, кого они такъ страшатся. Если бывали случаи, когда люди умирали вслѣдствіе одного воображенія и страха, то вѣдь нельзя и не слѣдуетъ превращать исключеніе въ непреложное правило. А въ томъ и главная задача, что, по сознанію многихъ англичанъ, не было еще случая, чтобы попавшій подъ „змѣиный взглядъ" разсерженнаго курумба туземецъ, а особенно баддагъ, остался цѣлъ и невредимъ. Одно въ такихъ случаяхъ, по ихъ словамъ, спасеніе: „отправиться *въ первые три часа* послѣ *встрѣчи* къ тоддамъ (также обладающее замѣчательными психофизіологическими знаніями индійское племя, считающееся среди туземцевъ „добрыми" колдунами) и молить о помощи. Тогда, если *тералли* дастъ на то согласіе, всякому тоддѣ легко *выманить* ядъ изъ отравленнаго *глазомъ* человѣка". Но горе тому, кто находится послѣ *глаза* далѣе, нежели на трехъ-часовомъ разстояніи отъ тодды, или, если послѣдній, посмотрѣвъ на *сглаженнаго*, почему-либо откажется „выманивать ядъ". Въ такомъ случаѣ, больному грозитъ вѣрная смерть.

Тотъ фактъ, что тодды всегда вылѣчиваютъ, если разъ возьмутся за это, и что *сглаженные*, отъ которыхъ они отказываются, всегда умираютъ, доказываетъ, что это не пустое повѣрье.

Какъ объяснить такую странность?

Само-собою разумѣется, что гг. ученые и скептики всегда легко выйдутъ изъ этого затрудненія. Они, напримѣръ, скажутъ, что самый заявляемый нами фактъ не только еще не доказанъ, но что его совсѣмъ нѣтъ. Такъ они поступали въ отношеніи ко всякому заявляемому *не ими* открытію; такъ поступаютъ и теперь, касательно гипнотическихъ и месмерическихъ феноменовъ. Для нихъ самая неправдоподобная, но истекающая изъ *научнаго* якобы источника гипотеза всегда будетъ милѣе всякой истины, если она не освящена ихъ одобреніемъ. Это ничего, что ихъ гипотезы почти всегда только въ теоріи бываютъ весьма научны и красивы, но что на практикѣ и примѣненныя къ фактамъ, онѣ натыкаются на нихъ, какъ на рогъ дилеммы, и обыкновенно разбиваются объ него вдребезги...

Дѣйствительно, каждый разъ, когда простому голому факту приходится заявлять о себѣ, онъ встрѣчается сперва и борется съ мнѣніемъ вліятельнаго большинства, заносчиваго пропорціонально своему самомнѣнію и глупости. Но когда дѣло доходитъ до борьбы съ оффиціальною наукой, то лучше ему разомъ откланяться и, до поры до времени, исчезнуть. Иначе всѣ жрецы ея, всѣ нахватавшіеся верховъ, всѣ консерваторы, рутинеры, все это поднялось бы горой за попранныя права академій, и фактъ былъ бы прогнанъ въ область „бабьяго суевѣрія", галлюцинацій да „гистеро-эпилепсіи" (*style Charcot*)...

Не взирая на такой пріемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, изгнанные было факты снова всплыли, какъ потопленный трупъ, на поверхность житейскаго моря, и заявили о себѣ громче прежняго, такъ громко, что даже многіе изъ серьёзныхъ людей науки увидѣли себя вынужденными призаняться ими... Но не станемъ забѣгать впередъ.

Было на свѣтѣ много такихъ необъяснимыхъ или, скорѣе, не объясняемыхъ нашими учеными истинъ и фактовъ, отъ которыхъ только пресса — еще слѣдуя въ этомъ рабо-лѣпно тому классу ханжей науки, о которыхъ д-ръ Шарко говоритъ съ такимъ заслуженнымъ презрѣніемъ, въ книгѣ д-ра П. Ришера, — отворачивается съ трепетомъ напускной брезгливости и бѣжитъ отъ нихъ, какъ нечистая сила отъ ладона. Бываютъ, однако, случаи, когда и нашей саркастической прессѣ приходится нехотя взглянуть непріятному факту въ лицо и даже серьёзно призаняться имъ. Это случается каждый разъ, когда вслѣдствіе, такъ называемаго, *суевѣрнаго* страха предъ колдовствомъ и чарами какой-нибудь одной личности, цѣлая деревня сжигаетъ ее, какъ вѣдьму или колдуна. Тогда, законности ради и для удовлетворенія общаго любопытства, газеты начинаютъ распространяться о грустномъ проявленіи „столь печальнаго и *непонятнаго* суевѣрія въ нашемъ народѣ."

Такой случай былъ года три-четыре тому назадъ въ Россіи, когда судили и *оправдали* цѣлую деревню (человѣкъ шестьдесятъ, если не ошибаюсь), за сожженіе старой, полоумной бабы, возведенной мужиками-сосѣдями въ достоинство вѣдьмы. Такимъ же непріятнымъ вопросомъ пришлось призаняться недавно и мадрасской печати. Только наши гуманные пріятели островитяне оказались менѣе снисходительными, чѣмъ русскіе присяжные: человѣкъ сорокъ курумбовъ и баддаговъ были въ прошломъ году повѣшены.

Всѣмъ памятна ужасная трагедія на Нильгирійскимъ высотахъ, происходившая въ де-

ревнѣ Эбанаудѣ, всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Уттакаманда. Заболѣлъ у старосты ребенокъ и сталъ медленно умирать. Такъ какъ уже было нѣсколько таинственныхъ смертныхъ случаевъ въ теченіе прошедшаго мѣсяца, то и болѣзнь ребенка была тотчасъ же приписана баддагами „змѣиному взгляду" курумба. Староста въ отчаяніи упалъ въ ноги суду, то-есть, подалъ жалобу. Надъ нею англо-индійцы хохотали три дня, а *монегара* прогнали изъ суда въ шею. Тогда бюргеры-баддаги рѣшились на самосудъ: сжечь всю деревню курумбовъ до послѣдняго человѣка. Они умоляли одного тодда итти съ ними поджигать: безъ тодда-де ни одинъ курумба ни въ огнѣ не сгоритъ, ни въ водѣ не потонетъ. Такое ужъ у нихъ повѣрье, и ихъ въ противномъ не увѣришь. Собравъ совѣтъ, тодды согласились. Сопровождаемые однимъ тоддомъ, баддаги отправились, и вотъ въ одну темную, вѣтряную ночь они зажгли разомъ лачуги карликовъ. Ни одинъ не спасся. По мѣрѣ того, какъ курумба выскакивалъ, баддаги бросали его назадъ въ пламя вилами, убивали топорами. Спаслась только старая старуха, спрятавшись во время смятенія въ кусты: она и донесла. Арестовали много баддаговъ и съ ними тодда, перваго преступника, съ основанія Утти, изъ этого племени. Но имъ не довелось повѣсить его. Наканунѣ смертной казни, онъ неизвѣстно куда пропалъ, а человѣкъ двадцать баддаговъ успѣли умереть *отъ распухшихъ животовъ* въ тюрьмѣ...

Точно такая же драма разыгралась года три назадъ въ Катагири. Напрасно защитники и даже правительственный адвокатъ настаивали на смягчающихъ обстоятельствахъ, глубокой вѣрѣ всѣхъ туземцевъ въ колдовство и совершаемое надъ ними безнаказанно курумбами зло. Они требовали если не помилованія, то хоть отмѣненія смертной казни. Все оказалось тщетнымъ. Законъ, который, всего двѣсти лѣтъ тому назадъ, приговаривалъ ежегодно столько тысячъ колдуновъ и колдуній къ костру и пыткѣ, до сихъ поръ здравствуетъ въ Англіи. Онъ остается безъ употребленія, но до сего дня еще не отмѣненъ. Когда является необходимость, вродѣ желанія удовлетворить самодурную публику, въ лицѣ ханжей и такихъ атеистовъ, какъ профессоръ Ланкастеръ, наказавъ американца медіума (Слееда), то этотъ древній законъ вызывается изъ пыли забвенія и примѣняется къ неповинному ни въ чемъ, кромѣ непопулярности, „преступнику". Но въ Индіи этотъ законъ безполезенъ. Онъ могъ бы даже сдѣлаться вреднымъ, напротивъ, показавъ туземцамъ, что было время, когда и ихъ владыки раздѣляли ихъ „суевѣріе". Такова сила общественнаго мнѣнія въ Англіи, что передъ нимъ пасуетъ даже законъ!..

Чему приписать, напримѣръ, тотъ странный фактъ, что между дикими племенами „Голубыхъ Горъ", которыя никогда и не слыхивали про нашихъ русскихъ вѣдьмъ, существуютъ во всѣхъ подробностяхъ, отъ заклинаній въ устахъ русскихъ знахарей до особенной фармацевтики, составовъ зелій и пр., совершенно тѣ же повѣрья, какія находимъ и въ русскихъ деревняхъ? Тѣ же, какъ по духу, такъ и по буквѣ „суевѣрія", мы открываемъ въ англійской, французской, нѣмецкой, итальянской и испанской, какъ и въ славянскихъ народностяхъ. Латинскія расы подаютъ руку славянскимъ, а арійскія и туранскія—семитамъ въ ихъ общей вѣрѣ въ магію и чары, въ ясновидѣнія и предвидѣнія, въ злыхъ и добрыхъ духовъ, въ древнихъ, средневѣковыхъ и современныхъ вѣдьмъ. Называя эти повѣрья „тождественными", употребляю слово въ его буквальномъ, а не въ относительномъ смыслѣ. Это ужъ не просто вѣра или суевѣріе въ колдовство въ его общемъ, отвлеченномъ смыслѣ, а экземпляры одного и того же изданія международной науки съ ея неизмѣнными законами, формулами и т. д. въ ихъ примѣненіи на практикѣ. (См. кн. „Изъ пещеръ и дебрей Индостана" Е. П. Блаватской, стр. 130—144).

9. Еще наглядный примѣръ.

Недавно, а именно въ концѣ іюля, въ гостиной мистриссъ Т***, пріятельницы „О. К." (О. А. Новиковой), собралось человѣкъ тридцать ученыхъ и аристократовъ. Сэръ А. Ф*** разсказывалъ мнѣ во всеуслышаніе и даже похвалялся о своемъ фатальномъ дарѣ *убивать людей на разстояніи и одною недоброю мыслію*. Онъ назвалъ, въ присутствіи ученыхъ профессоровъ-психистовъ, нѣсколько хорошо извѣстныхъ въ лондонскомъ обществѣ лицъ, которыхъ онъ, къ своему сожалѣнію, *умертвилъ нечаянно* только потому, что, разсердясь, пожелалъ имъ „нехорошаго". Въ трехъ различныхъ случаяхъ, пріятели скептики дѣлали съ нимъ опыты и убѣдились въ его силѣ. Одна молодая, здоровая и очень красивая дама лучшаго общества, которую онъ тутъ же и назвалъ, желая помѣшать ему быть выбраннымъ въ парламентъ, стала клеветать на него. Узнавъ объ этомъ, онъ воскликнулъ въ ярости: „женщина, обладающая такимъ ядовитымъ языкомъ, достойна смерти!" По собраннымъ справкамъ, она въ тотъ же день заболѣла, а чрезъ мѣсяцъ *умерла*.

— Да это чистое колдовство, черная магія, по нашему!—воскликнула я въ негодованіи.— Это ужасно!..

— Извините,—учтиво перебилъ меня сидѣвшій возлѣ меня кембриджскій профессоръ „психистъ", — мы не вѣримъ въ Европѣ въ колдовство, тѣмъ менѣе — въ *магію*... Если это было такъ, какъ сэръ А. разсказываетъ, а у насъ записано много такихъ случаевъ, то мы называемъ такое дѣйствіе на разстояніи *зловреднымъ психическимъ токомъ*, дѣйствующимъ на подобіе месмерическихъ токовъ...

Разучившись въ Индіи великосвѣтскимъ манерамъ, я чуть было не расхохоталась почтенному профессору въ лицо.

Дѣло не въ названіи, а въ неоспоримой тождественности изучаемыхъ нами явленій (Ibid).

Всѣ эти случаи воздѣйствія духа на тѣло чрезъ сознаніе, чувство и волю несомнѣнно удостовѣряютъ въ той истинѣ, что въ человѣкѣ есть душа, какъ самостоятельная духовная сущность, которая, какъ мы видѣли изъ переданныхъ фактовъ о вліяніи духа на тѣло, не только не зависитъ отъ тѣла, но даже сама можетъ дѣйствовать на него. *Г. Д—ко.*

Г. Вліяніе различныхъ состояній духа на болѣзненные процессы въ тѣлѣ.

Различныя состоянія духа сильно вліяютъ на тѣло. Объяснимъ это примѣрами.

1. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — говоритъ M. Skey, — когда я былъ менѣе опытенъ въ распознаваніи истерическихъ страданій, мнѣ пришлось вмѣстѣ съ M. Stenley пользовать одну молодую дѣвушку 19 лѣтъ, страдавшую весьма болѣзненнымъ пораженіемъ колѣннаго сустава. Мой собратъ и я приписывали болѣзнь воспаленію и прибѣгали къ обычнымъ средствамъ, употребляемымъ такъ часто наугадъ во всѣхъ мучительныхъ страданіяхъ суставовъ. Нѣсколько недѣль прошло безъ улучшенія, и я помню, что мы съ безпокойствомъ разсуждали о вѣроятномъ исходѣ въ нагноеніе съ разрушеніемъ связокъ, всасываніемъ хрящей и, наконецъ, ампутаціей конечности. Однажды моя больная заявила мнѣ, что ея сестра выходитъ замужъ, и что она рѣшилась во что бы то ни стало присутствовать на свадьбѣ. Я ужаснулся при этомъ заявленіи. Несмотря на всю силу моихъ словъ, я совершенно напрасно старался объяснить больной послѣдствія столь безразсуднаго поступка; на случай я рѣшился сдѣлать суставъ неподвижнымъ наложеніемъ гипсовой повязки. На другой день я посѣтилъ больную. Она сказала мнѣ, что во время свадебнаго обряда оставалась на ногахъ, присутствовала за завтракомъ и вернулась домой, не чувствуя ни малѣйшей боли, ни малѣйшаго недомоганія въ суставѣ. Черезъ недѣлю она совершенно выздоровѣла" [1]).

Кому не доводилось слышать разсказа объ исторіи одной дамы, страдавшей плевритической болью и прописаннаго ей рецепта? Врачъ, вручая ей рецептъ, заявилъ: „приложите это къ боку"; больная, вмѣсто того, чтобы позаботиться о пластырѣ, приложила самый рецептъ, но, несмотря на недоразумѣніе, она и отъ этого почувствовала значительное облегченіе.

2. *Эпилепсія.* Sweetser разсказываетъ объ одной молодой дѣвушкѣ крѣпкаго здоровья, страдавшей въ теченіе четырехъ лѣтъ въ сильной степени падучею болѣзнью. Припадки повторялись три или четыре раза на недѣлѣ, продолжались каждый разъ по нѣскольку часовъ и оставляли больную въ состояніи отупѣнія. Тщетно было испробовано множество лѣкарствъ, болѣзнь считалась неизлѣчимой, какъ вдругъ, однажды, больная узнала, что ея сестра живой сгорѣла; нравственное потрясеніе, причиненное ей этимъ ужаснымъ случаемъ, всецѣло положило конецъ ея страданію [2]).

3. *Коклюшъ.* Испугъ — народное средство противъ этой болѣзни: случалось, что клали больного ребенка въ мельничный ящикъ, стараясь испугать его видомъ и шумомъ необычнаго помѣщенія. Приводятъ случай извлеченія коклюша однимъ назначеніемъ тѣлеснаго наказанія [3]).

4. *Истерическія контрактуры.* — Нѣтъ врача, который бы не зналъ истерической контрактуры пальцевъ. У нѣкоторыхъ молодыхъ женщинъ пальцы такъ сильно согнуты въ ладони, что нѣтъ никакой возможности разогнуть ихъ. Всѣ обычныя фармацевтическія средства могутъ быть безполезно испробованы противъ этой болѣзни, даже когда настоящая ея природа извѣстна и когда ее не смѣшиваютъ ни съ воспаленіемъ сухожилій или сухожильныхъ влагалищъ, ни съ органической мозговой болѣзнью. А между тѣмъ ее можно излѣчить въ нѣсколько минутъ дѣйствіемъ воображенія, вызывая внезапную волну надежды или увѣренности, которая преодолѣваетъ тоническую судорогу и возвращаетъ пальцамъ ихъ подвижность. D-r Bertrand зналъ женщину, рука которой въ теченіе тридцати восьми лѣтъ была сжата столь же крѣпко, какъ у какого-нибудь боксёра; чтобы ее разжать требовалось значительное усиліе. И вотъ эта самая рука открывается по приказанію m-me Saint-Amour.

---

[1]) Medical Times and Gazette, 22 sempt 1886.

[2]) Sweester, Mental hygiene, 1844, p. 28.

[3]) Frazer's Magasine, mai 1873. Въ рукахъ невѣжественныхъ людей подобное средство можетъ оказаться гибельнымъ. Лучше его вовсе не употреблять. *Свящ. Г. Д—ко.*

Неизвѣстно, пришла ли она впослѣдствіи въ свое прежнее состояніе, но, по крайней мѣрѣ, въ теченіе первыхъ трехъ дней она оставалась гибкой и могла служить подобно здоровой.

5. *Параличъ.*—Одинъ интеллигентный, знакомый намъ морякъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ заброшенъ съ нѣсколькими товарищами на одинъ изъ Крозетскихъ острововъ, совершенно необитаемыхъ въ Южномъ морѣ; ему пришлось тамъ много вынести. „Съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, говоритъ онъ, случилась странная болѣзнь; они были точно искалѣчены; нѣкоторые садились и клали голову на колѣни; они не чувствовали боли, пока ихъ не трогали, или пока они сами не пробовали пошевелить своими членами". Наконецъ, неожиданно показался корабль; были зажжены большіе костры и поданы сигналы о гибели. „Больные, продолжаетъ разсказчикъ, наполовину выздоровѣли при видѣ прекраснаго судна; нѣкоторые поползли на четверенькахъ собирать все, что можно было сжечь, чтобъ поддержать огонь". Надо полагать, что въ этомъ случаѣ больные были поражены скорбутомъ. Теперь мы займемся случаями, гдѣ параличъ былъ вполнѣ выраженъ.

D-r Bouchut сообщаетъ, что въ 1849 году къ нему привели молодую дѣвушку, Луизу Паргенъ, онѣмѣвшую и получившую параличъ всѣхъ членовъ вслѣдствіе сильнаго испуга. „Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ врачи напрасно старались улучшить ея положеніе. Отецъ повезъ ее въ Парижъ, считая это послѣднимъ средствомъ. Дѣвушка, наслышавшаяся однѣхъ нелѣпостей о большомъ городѣ, о его знаменитыхъ врачахъ, о его госпиталѣ „Hotel Dieu", пріѣхала туда убѣжденная, что выздоровѣетъ. Мнѣ показали ее въ самый вечеръ ея пріѣзда; она была нѣма и въ параличѣ. Недовольный тѣмъ, что подобнаго рода больная помѣщена въ госпиталь, я не сдѣлалъ никакого назначенія. На другое утро она была въ томъ же состояніи; я все еще не принимался лѣчить ее и въ этотъ день. Въ продолженіе дня она стала говорить, на другой день стала двигать ногами, а на третій уже ходила по заламъ, совершенно здоровая. Ея увѣренность выручила ее". Извѣстенъ фактъ, приписываемый сэру Humphrey Davy: излѣченіе паралича въ этомъ случаѣ зависѣло отъ чувства надежды и ожиданія. Онъ помѣстилъ термометръ подъ языкъ больного, просто чтобы измѣрить температуру. Такъ какъ въ эту минуту больной почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, то эту процедуру продолжали въ теченіе двухъ недѣль и тогда прекратили ее, потому что больному стало лучше. Этотъ фактъ интересенъ тѣмъ, что термометръ былъ приложенъ не къ больному мѣсту; стало-быть мѣстное возбужденіе было не при чемъ въ лѣченіи, и вниманіе было скорѣе отвлечено отъ пораженнаго члена, чѣмъ направлено на него [1]).

6. *Запоръ.* Въ Bibliothèque choisie de Médecine [2]) разсказывается примѣръ вліянія воображенія, во время сна, на дѣятельность кишекъ. Дочь гановерскаго консула, 18 лѣтъ, должна была на другой день принять слабительное, ревень, къ которому чувствовала особенное отвращеніе; ей приснилось, что она уже приняла ненавистное лѣкарство. Подъ вліяніемъ этого воображаемаго ревеня, она проснулась и совершенно свободно испражнялась разъ пять или шесть кряду. Тотъ же результатъ произошелъ въ случаѣ, разсказанномъ Demangeon'омъ: одинъ монахъ долженъ былъ принять слабительное на другой день; онъ увидѣлъ во снѣ, что уже принялъ лѣкарство, и вслѣдствіе этого проснулся, побуждаемый естественными позывами: у него было послѣ того восемь обильныхъ испражненій [3]).

7. *Астма.*—Вотъ что разсказываетъ д-ръ Муръ: „Одинъ офицеръ индійской арміи не вставалъ съ постели вслѣдствіе удушья и могъ дышать только выпрямившись. Отрядъ маграттовъ сдѣлалъ нападеніе на лагерь. Изъ страха вѣрной смерти больной всталъ съ изумительной быстротой, сѣлъ на коня и съ большимъ успѣхомъ дрался шпагой, хотя наканунѣ едва имѣлъ силу вынуть оружіе изъ ноженъ [4]).

8. *Бородавки.*—Вліяніе воображенія на бородавки кажется совсѣмъ невѣроятнымъ, а между тѣмъ это дѣйствительно любопытная страница изъ исторіи подобнаго вліянія, употребленнаго въ качествѣ исцѣляющаго дѣятеля. Бородавки такъ легко распознать, что не можетъ быть ошибки относительно ихъ присутствія или исчезновенія. Въ нѣкорыхъ случаяхъ, извѣстныхъ лично намъ самимъ, исчезновеніе ихъ такъ тѣсно совпадало съ примѣненіемъ физическаго лѣченія, что мы не рѣшаемся приписать его исключительно этому лѣченію. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ дѣло идетъ объ одномъ нашемъ родственникѣ, имѣвшемъ на рукѣ чрезвычайно докучливую бородавку, противъ которой нами были употреблены безуспѣшно всѣ обыкновенныя мѣстныя средства. Мы уже отказались что-либо сдѣлать, и бородавка оставалась нѣсколько времени въ одномъ и томъ же положеніи, какъ вдругъ какой-то

[1]) D-r Paris, Life of Davy, стр. 74.
[2]) Томъ VI стр. 84.
[3]) Demangeon, «de l'Imagination», 1829, стр. 149.
[4]) Moore, The Power of the soul over the body, 1846 г стр. 309.

чародѣй въ нѣсколько дней вывелъ ее. Одинъ хирургъ разсказывалъ намъ, что у его дочери было, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ дюжину бородавокъ на рукахъ. Онѣ у нея были уже полтора года, и отецъ ея тщетно лѣчилъ ихъ прижигающими и другими средствами. Однажды, приходитъ какой-то господинъ и, подавая руку молодой дѣвушкѣ, замѣчаетъ, что вся рука ея обезображена. Онъ спрашиваетъ ее, сколько у нея бородавокъ. Она отвѣчаетъ, что навѣрное не знаетъ, но думаетъ, что ихъ должно быть дюжина. „Сосчитайте ихъ", сказалъ онъ. Затѣмъ онъ беретъ клочекъ бумаги, торжественно записываетъ найденное ею число и прибавляетъ: „послѣ воскресенья у васъ не будетъ никакихъ бородавокъ". Фактъ же тотъ, что въ назначенный день бородавки окончательно исчезли.

Во время посѣщенія нами одной провинціальной больницы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наше вниманіе обратили на себя больные и больничные служители, покрытые бородавками. Мы торжественнымъ голосомъ сказали этимъ субъектамъ, что въ такое-то время они будутъ отъ бородавокъ избавлены. Мы ужъ совсѣмъ забыли этотъ инцидентъ, какъ вдругъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, снова посѣтивъ эту самую больницу, мы нашли, что употребленный нами пріемъ возымѣлъ полное дѣйствіе, и что насъ тамъ считали истинными благодѣтелями. Вотъ почему правъ Карпентеръ, говоря, что, „излѣченіе бородавокъ колдовствомъ самаго грубаго свойства входитъ въ разрядъ *дѣйствительныхъ фактовъ*, какое бы объясненіе этому ни давали" [1]).

9. *Скорбутъ*.—Не однѣ только нервныя болѣзни поддаются вліянію воображенія или ожиданія; болѣзни крови точно также его воспринимаютъ. Часто упоминалось, что во время осады Бреды, въ 1625 году, скорбутъ былъ излѣченъ единственно этимъ способомъ. Въ то самое время, какъ городъ по необходимости уже готовъ былъ сдаться на капитуляцію, принцъ Оранскій велѣлъ сказать больнымъ, что они скоро выздоровѣютъ, и что онъ имъ доставитъ лѣкарство, неминуемо помогающее отъ скорбута. „Каждый врачъ получилъ три маленькія стклянoчки лѣкарства; его было едва достаточно для излѣченія двухъ больныхъ. Тогда объявили, что довольно трехъ или четырехъ капель, чтобъ сообщить цѣлой бочкѣ воды его цѣлебныя свойства. Вотъ мы и принялись, говоритъ разсказчикъ, докторъ Frederic van der Mey, раздавать нашу чудотворную жидкость; сами начальствующіе не были посвящены въ секретъ обмана, придуманнаго для солдатъ. Всѣ стекались къ намъ; всякій просилъ свою долю. На всѣхъ лицахъ снова появилась радость; довѣріе къ превосходнымъ свойствамъ лѣкарства было полнѣйшее. Дѣйствіе этой иллюзіи было по истинѣ изумительно; многіе исцѣлились быстро и окончательно. Иной уже съ мѣсяцъ не могъ пошевелить ногами, теперь его стали встрѣчать на улицахъ, идущаго бодро и по видимому совершенно здороваго. Всѣ прославляли исцѣленія средствомъ принца, многіе, увѣрявшіе, что ихъ болѣзнь только ухудшалась отъ средствъ, употребляемыхъ ранѣе, выздоровѣли въ нѣсколько дней; они были отъ этого въ неописанной радости, и удивленіе было всеобщее, ибо довольно было только одинъ разъ дать больнымъ, довольно было даже только снести къ нимъ то, что мы называли „лѣкарствомъ нашего всемилостивѣйшаго принца" [1]). Д-ръ Van der Mey, присутствовавшій при осадѣ, удостовѣряетъ, что до этой счастливой попытки положеніе было совершенно отчаянное. „Мысль объ этомъ ужасномъ положеніи сдѣлалась источникомъ множества бѣдствій; въ результатѣ появлялись воспаленія, водяныя, самыя разнообразныя болѣзни, причинявшія большую смертность".

Вышеизложенные результаты показываютъ, что, какъ мы уже сказали, дѣйствіе воображенія не ограничивается одной нервной системой. John Hunter того же мнѣнія; онъ говоритъ, что вполнѣ естественно ожидать отъ воображенія хорошихъ дѣйствій какъ и въ нервныхъ болѣзняхъ, такъ и въ тѣхъ, гдѣ нарушены функціи органовъ, а не конституція ихъ; но что, между тѣмъ, есть и другія болѣзни, мало имѣющія связи съ нервной системой, на которыя все-таки состоянія духа сильно вліяютъ.

10. *Подагра*. „Посмотрите на подагрика, говоритъ Abercrombie, онъ не можетъ пошевелиться безъ боли; но потрясите его нервную систему, сказавъ ему, что въ домѣ пожаръ, и вы увидите, какъ онъ побѣжитъ съ быстротой зажигальщика фонарей".

Въ фактахъ этого рода совершенно безразлично, произойдетъ ли испугъ отъ реальной или отъ воображаемой причины: въ обоихъ случаяхъ замѣчательно то, хотя это и общеизвѣстно, что очень живая мысль, очень сильное впечатлѣніе вливаютъ новую бодрость въ нервную систему и въ мускулы. Страхъ, который у лица здороваго можетъ произвести чрезвычайное сокращеніе мускуловъ, конвульсіи, у безсильнаго же подагрика, наоборотъ, придаетъ энергію его членамъ и дѣлаетъ его способнымъ бѣжать отъ опасно-

[1]) Carpenter, Human Physiology, стр. 984.

[1]) D-r Lind, On the scurry, стр. 352.

сти. Однако мы не можемъ выставить этого, какъ доказательство излѣченія подагры; причина, препятствовавшая движенію, временно устранена, но болѣзнь остается. Тѣмъ не менѣе, во второмъ изъ фактовъ, которые мы сейчасъ приведемъ, по видимому, произошло и настоящее излѣченіе.

„Капитанъ одного военнаго англійскаго корабля, говоритъ д-ръ Rusch, давно уже былъ пригвожденъ къ своей каютѣ сильными припадками подагры въ ногахъ; онъ внезапно выздоровѣлъ, услышавъ крики, что корабль горитъ. Мы заимствуемъ этотъ фактъ у лица, бывшаго ему очевидцемъ. Въ медицинскихъ сочиненіяхъ встрѣчается множество подобныхъ фактовъ. Въ другомъ мѣстѣ я приведу одинъ изъ нихъ, въ которомъ исцѣленіе вслѣдствіе испуга было полное, и организмъ навсегда избавился отъ болѣзни.

Вотъ этотъ второй фактъ, разсказанный д-ру Rusch'у его братомъ Judge Rusch'емъ:

„Петръ Фетеръ, больной, о которомъ идетъ рѣчь, еще живъ; это одинъ отецъ семейства изъ Ридинга; ему 73 года, это человѣкъ крѣпкаго сложенія. Первый его припадокъ подагры случился приблизительно въ 1773 г.; съ тѣхъ поръ вплоть до 1785 г., съ нимъ бывалъ припадокъ подагры регулярно каждую весну; на ногахъ, рукахъ и локтяхъ у него были большія опухоли; припадки продолжались долго и были очень мучительны. Въ особенности послѣдній припадокъ въ 1785 г. былъ такъ серьёзенъ, что больной боялся, что не вынесетъ его, какъ вдругъ одинъ случай исцѣлилъ его. Онъ лежалъ въ маленькой комнатѣ, выходившей позади дома на дворъ; одинъ изъ его сыновей, поворачивая повозку, такъ сильно ударилъ дышломъ въ окно, около котораго старикъ лежалъ на своей постели, что и рама, и стекла окна разлетѣлись вдребезги. Больной былъ такъ перепуганъ шумомъ и сильнымъ сотрясеніемъ, что немедленно соскочилъ съ постели, забывъ, что обыкновенно нуждался въ костыляхъ, и съ живостью спросилъ, что такое случилось. Жена его прибѣжала въ комнату на шумъ и не мало была удивлена, видя, что онъ стоитъ на ногахъ и громко кричитъ на виновника всей этой кутерьмы. Съ этой минуты онъ совершенно избавился отъ своей подагры, съ нимъ не случалось больше ни малѣйшаго припадка; теперь онъ пользуется хорошимъ здоровьемъ, имѣетъ отличный аппетитъ и говоритъ, что никогда не чувствовалъ себя болѣе крѣпкимъ... Я знаю, что зубная боль, мигрень, коклюшъ, и другія болѣзни часто проходятъ отъ внезапнаго испуга и потомъ опять возвращаются. Но совсѣмъ другое дѣло, когда субъектъ, истощенный подагрой, внезапно становится бодрымъ; когда въ организмѣ въ одно мгновеніе, такъ сказать, совершается полнѣйшая и окончательная перемѣна; когда болѣзнь самая застарѣлая, самая неизлѣчимая, радикально уничтожается; нельзя не согласиться, что этотъ фактъ одинъ изъ самыхъ невѣроятныхъ. Если бы немощный, больной и убогій старикъ умеръ отъ испуга, никто бы не удивился; но что онъ совершенно выздоровѣлъ, что онъ точно обновился, это фактъ необычайный; неоспоримая очевидность заставляетъ меня вѣрить ему, но я совершенно неспособенъ его объяснить“ [1]).

11. *Водянка.*—Можно сказать, что страхъ есть самое дѣятельное изъ нашихъ психическихъ средствъ. Дѣйствуя на всю совокупность жизненныхъ силъ, онъ возбуждаетъ кровообращеніе и облегчаетъ поглощеніе жидкостей. Извѣстенъ случай, разсказанный Abernethy, касающійся бѣдной женщины, вполнѣ излѣчившейся вслѣдствіе испуга, причиненнаго ей собакою; посредникомъ выздоровленія были въ этомъ случаѣ почки. Д-ръ Johnson, о которомъ говоритъ сэръ John Hawkins, былъ такимъ образомъ освобожденъ отъ 10-ти литровъ жидкости; предполагаютъ, что страхъ смерти, а равно, конечно, и воздержаніе, которому онъ себя подвергъ, способствовали его излѣченію.

Вотъ фактъ, разсказанный д-ромъ John Pennington'омъ, изъ Эдинбурга: „Одинъ матросъ, страдавшій брюшной водянкой, упалъ съ высоты мачты въ море; погода была тихая, и его вытащили здравымъ и невредимымъ; но, говоря словами этого матроса, который разсказывалъ мнѣ свою исторію, онъ былъ ни живъ, ни мертвъ отъ испуга, и когда его вытащили изъ воды, то онъ испустилъ болѣе четырехъ литровъ мочи. Д-ръ Pennington прибавляетъ: „седативное дѣйствіе испуга несомнѣнно было причиной выздоровленія“.

Д-ръ Rusch разсказываетъ о молодой женщинѣ 19-ти лѣтъ, которая ради излѣченія отъ брюшной водянки, безуспѣшно испробовала всѣ обыкновенныя средства. Она обратилась къ д-ру, который немедленно предложилъ ей сдѣлать проколъ брюшной полости. Она отказалась, но страхъ, возбужденный въ ней неожиданнымъ предложеніемъ этой операціи, былъ такъ великъ, что она стала обильно мочиться и въ нѣсколько дней избавилась отъ своей болѣзни. Тотъ же авторъ разсказываетъ объ одной дамѣ изъ Филадельфіи, страдавшей водянкою, которая была страшно перепугана, когда ей сказали, что проколъ необходимъ. „Я увидалъ ее черезъ

[1]) Rusch, Medical Inquiries and Observations, т. II, стр. 180.

два дня, говоритъ Rusch; она сіяла отъ радости и сказала мнѣ, что надѣется выздоровѣть и безъ прокола, потому что, на другой день послѣ того, какъ мы ей объявили, что она должна рѣшиться на операцію, она выдѣлила два литра воды. А въ предыдущіе дни она выдѣляла ея только полъ-литра въ сутки" [1]).

12. *Перемежающаяся лихорадка.*—Можно бы написать цѣлую главу единственно о разныхъ волшебныхъ чарахъ, считающихся дѣйствительными противъ лихорадки. Въ былое время употребляли средство, состоявшее въ томъ, что носили на шеѣ таинственное слово „абракадабра", написанное особеннымъ образомъ.

Извѣстно, что Ферраріусу превосходно удавалось излѣчивать лихорадки, внушая увѣренность больнымъ. Въ одинъ только годъ, онъ вылѣчилъ пятьдесятъ человѣкъ, просто на просто давая имъ полосу бумаги, на которой писалъ слово: „противолихорадочное"; онъ предписывалъ больнымъ отрѣзать отъ нея по буквѣ въ день. Одинъ испанскій поручикъ выздовѣлъ, дойдя до шестой буквы [2]). John Hunter говоритъ: „Волшебныя чары излѣчивали лихорадки, когда употреблялись съ глубокимъ убѣжденіемъ, что это наилучшее средство отъ нихъ. Я склоненъ думать, что и паутина, принятая противъ лихорадки, точно также можетъ вылѣчить ее: въ одномъ случаѣ я употребилъ это средство, не предупредивъ о томъ больного, и оно не имѣло никакого дѣйствія; но когда больного убѣдили, что онъ принялъ паутину, то дѣйствіе произошло, или, по крайней мѣрѣ, болѣзнь болѣе не возвращалась" [3]).

13. *Опьяненіе.*—Къ средствамъ противъ опьяненія д-ръ Rusch причисляетъ страхъ. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ исторію однихъ молодыхъ коммерсантовъ, которые въ состояніи опьяненія сѣли въ лодку на рѣкѣ Джемсъ и были унесены внезапной прибылью воды, послѣ обильныхъ дождей. Теченіемъ ихъ отнесло за нѣсколько миль; они подвергались большой опасности и, вѣроятно, были въ немаломъ страхѣ. „Когда они достигли берега, гдѣ были спасены, то всѣ уже отрезвились". Въ качествѣ средства, Rusch приводитъ еще возбужденіе припадка гнѣва и сообщаетъ, со словъ д-ра Witherspvon'а, исторію одного шотландца, котораго всегда можно было отрезвить, возбудивъ въ немъ гнѣвъ. Способомъ же раздражить его было не порицать его наклонность къ пьянству, но начать при немъ дурно отзываться о религіи.

Пьяница можетъ быть вылѣченъ отъ своего порока ассоціацiей идей. Каждый разъ при употребленіи алкоголя одинъ индивидуумъ чувствовалъ болѣзненный припадокъ ревматизма. На самомъ дѣлѣ влажность производила припадокъ. Но у индивидуума установилось нѣчто вродѣ ассоціаціи между его болѣзнью и тѣми напитками, которые онъ употреблялъ, и съ этого времени онъ почувствовалъ отвращеніе къ алкоголю. И каждый разъ, какъ только онъ думалъ о винѣ, его воображеніе рисовало ему тѣ боли въ суставахъ, которыя онъ испытывалъ; его отвращеніе, такимъ образомъ, было болѣе автоматическое, нежели разумное. Докторъ Rush указываетъ намъ, что Моисей основывался на томъ же принципѣ нашего душевнаго строя, когда заставлялъ пить израильтянъ противную и горькую жидкость раствореннаго золотого тѣльца; ассоціируя идею напитка съ грѣхомъ идолопоклонства, онъ заставлялъ ихъ ненавидѣть пьянство. Еще большимъ доказательствомъ того вліянія, которое состояніе сознанія имѣетъ на обыкновенное дѣйствіе опьяняющихъ напитковъ, служитъ то обстоятельство, что, когда вниманіе или чувства поглощены чѣмъ-нибудь интереснымъ, то индивидуумъ можетъ выпить большее количество вина, не почувствовавъ разстройства чувствительности или движенія, что произошло бы въ другомъ случаѣ.

14. *Водобоязнь.* Несомнѣнно то, что воля можетъ реагировать противъ болѣзни, независимо отъ вліянія воображенія или концентраціи вниманія.

Нѣкогда, передъ королевской медицинской академіей въ Парижѣ, докторъ Barthelemy выразилъ убѣжденіе, что симптомы водобоязни у человѣка вообще зависятъ отъ воображенія и впечатлительности больного. Онъ представилъ какъ доказательство то, что случилось съ нимъ самимъ. Онъ вложилъ въ пасть бѣшеной собаки палецъ и вытащилъ его оттуда покрытымъ пѣнистой слюной. Когда онъ вытирался, то замѣтилъ маленькую ссадину и прижегъ ее слегка, но, спустя десять дней, онъ почувствовалъ въ горлѣ чувство сжиманія, которое его встревожило. Затрудненіе при глотаніи дошло до того, что онъ не могъ ничего пить, а самый видъ воды причинялъ ему судороги. Но онъ сдѣлалъ энергичное усиліе воли; симптомы постепенно уменьшались, и по прошествіи недѣли онъ выздоровѣлъ [1]).

Случай изъ жизни электризатора Andrew Crosse замѣчательнымъ образомъ указываетъ

[1]) Rush. Medical Inquiries and Observations, tome II, стр. 114.
[2]) The Zoist, 1850 г. стр. 161.
[3]) John Hunter, сочиненія.

[1]) Demangeon, De l'Imagination, page 140.

вліяніе воли на угрожающую болѣзнь. M. Crosse былъ жестоко укушенъ кошкой, въ тотъ же день умершей отъ водобоязни. Онъ сначала мало обратилъ вниманія на это обстоятельство, которое нисколько не разстроило его воображенія или нервной системы; но, три мѣсяца спустя послѣ этого случая, онъ почувствовалъ однажды утромъ сильную боль въ рукѣ, и въ то же время сильную жажду. Онъ спросилъ стаканъ воды. „Въ ту минуту, говоритъ онъ, какъ я хотѣлъ поднести стаканъ къ своимъ губамъ, я почувствовалъ сильную судорогу въ горлѣ. Моимъ сознаніемъ немедленно завладѣло страшное убѣжденіе въ томъ, что со мною дѣлается водобоязнь, вслѣдствіе укушенія кошки. Страхъ, который я испытывалъ въ продолженіе часа, невозможно описать; идея о столь ужасной смерти отъ водобоязни была для меня почти невыносима; мученія самаго ада не могли превосходить того, какъ я страдалъ. Я чувствовалъ боль, которая начиналась въ рукѣ, доходила до локтя и, наконецъ, плеча, угрожая распространиться еще далѣе. Я сознавалъ, что всякая человѣческая помощь была безполезна, и что я долженъ былъ умереть. Наконецъ, я сталъ обдумывать мое положеніе. Я говорилъ себѣ, что могу умереть и не умереть; и что если мнѣ придется умереть, то я лишь подвергнусь тому, чему подвергались еще и другіе, и подвергнутся еще многіе, и что, слѣдовательно, мнѣ нужно презирать это, какъ подобаетъ мужчинѣ. Съ другой же стороны, если и была какая-либо надежда сохранить жизнь, то единственнымъ шансомъ являлось лишь укрѣпленіе въ своихъ разсужденіяхъ, презирать боль и дѣлать энергическія усилія надъ своимъ духомъ. Итакъ, понимая, что мнѣ необходимо какъ интеллектуальное, такъ и физическое упражненіе, я взялъ свое ружье и отправился на охоту, несмотря на страшную боль въ рукѣ. Я не встрѣчалъ дичи, но я ходилъ *цѣлыхъ полдня, упражняя съ каждымъ шагомъ, который я дѣлалъ, усиліе мощнаго духа противъ болѣзни*. По возвращеніи домой мнѣ стало на самомъ дѣлѣ лучше; за обѣдомъ я могъ ѣсть и пить воду, какъ обыкновенно. На другое утро боль прошла вплоть до локтя; на слѣдующій день она исчезла до кисти руки, а на третій день я совершенно отъ нея избавился. Я разсказалъ о случившемся доктору Kinglake, который на это отвѣтилъ мнѣ, что, по его убѣжденію, у меня несомнѣнно былъ припадокъ водобоязни, который могъ сдѣлаться роковымъ, еслибы я энергично не реагировалъ на него мощнымъ усиліемъ моего духа“ [1]).

[1]) Andrew Grosse, Memoires, page 125.

15. *Холера*. Чтобы показать вліяніе воли на болѣзнь, кстати будетъ, какъ намъ кажется, привести здѣсь разсказъ одного замѣчательнаго человѣка, Edward'a Irving'a, о холерѣ, приключившейся съ нимъ самимъ [1]). Во время эпидеміи холеры въ 1832 году съ нимъ сдѣлался опасный припадокъ этой болѣзни, въ чемъ не сомнѣвались и доктора, съ которыми онъ совѣтовался. Онъ всталъ здоровымъ въ обыкновенное время. Во время завтрака онъ почувствовалъ ознобъ и сильныя боли. Его видъ поразилъ его друзей. Появилась рвота, и онъ корчился отъ боли [2]), онъ былъ такъ слабъ, что не могъ сидѣть и долженъ былъ лежать въ постели завернутымъ въ одѣяла. Такимъ образомъ онъ оставался до одиннадцати часовъ, время, когда онъ долженъ былъ сказать проповѣдь. Онъ выпилъ немного алкоголя и арроруту, но не чувствовалъ себя лучше. Со впалыми глазами, блѣдными щеками и съ видомъ привидѣнія, онъ отправился, покачиваясь, въ храмъ, находившійся за четверть мили, и нашелъ другого пастора, который служилъ за него. Онъ покушался уйти, но овладѣлъ собой, велѣлъ позвать церковнаго сторожа, котораго послалъ сказать своему коллегѣ, что онъ хочетъ черезъ минуту занять свое мѣсто. Въ ожиданіи, онъ растянулся на трехъ стульяхъ передъ топившейся печкой въ ризницѣ. „Всякій разъ, какъ я шевелился, говоритъ онъ, я сильно страдалъ и былъ почти вынужденъ поднимать ноги, чтобы укротить боль. Тѣмъ не менѣе, когда я всталъ, чтобы итти на каѳедру, и готовъ былъ подняться на ступени, мнѣ казалось, что боль проходитъ“. Зрѣніе у него помрачилось, голова кружилась, онъ съ трудомъ дышалъ. Сильно опираясь на каѳедру, онъ внимательно смотрѣлъ вокругъ себя, очень занятый тѣмъ, что должно было произойти съ нимъ. Наступилъ критическій моментъ. „Въ эту минуту, говоритъ онъ дальше, холодный потъ, ледяной, какъ рука мертвеца, распространился по всему моему тѣлу, стекая крупными каплями съ моего лба и рукъ. Съ этого момента мнѣ показалось, что я оживаю“. Онъ говорилъ болѣе часа съ бо́льшимъ умиленіемъ, нежели обыкновенно. Послѣ службы онъ возвратился домой и поѣлъ весьма мало. Вечеромъ онъ снова проповѣдывалъ передъ многочисленной аудиторіей, а на другой день всталъ до свѣта, чтобы

[1]) Нужно замѣтить, что въ своихъ проповѣдяхъ онъ поддерживалъ такое мнѣніе, что болѣзнь есть грѣхъ, и что вѣрующій долженъ избѣжать ее.

[2]) Одинъ врачъ намъ передаетъ, что, судя потому, что ему извѣстно, у Irving'a была сильная діаррея, и что состояніе его характеризовалось въ особенности очень опаснымъ колляпсомъ.

съ новою силою продолжать исполнять свои обязанности [1]).

16. Возможно бываетъ породить весьма опредѣленныя чувства надежды, и сообщить имъ опредѣленное направленіе, заставляя больного ждать вѣрнаго результата отъ употребленія лѣкарствъ, въ которыя онъ вѣритъ, но которыя сами по себѣ совершенно безразличны.

Вотъ факты, доказывающіе, что эта практика можетъ имѣть полный успѣхъ.

Докторъ Lisle — одинъ изъ французскихъ врачей, въ особенности признавшихъ, что важно бываетъ дѣйствовать на воображеніе. Оно составляетъ,—говоритъ онъ,—болѣе могущественное и болѣе цѣнное средство, нежели всѣ лѣкарства [2]). Онъ принялъ способъ лѣченія, единственно основанный на употребленіи шариковъ изъ хлѣбнаго мякиша; результаты, которыхъ онъ достигалъ, таковы, что мы можемъ ихъ предвидѣть на основаніи изложенныхъ нами принциповъ. Пилюли, которыми онъ пользовался, покрыты были тонкимъ слоемъ серебра и раздѣлялись на двѣ группы: посеребренныя пилюли анти-нервныя, и пилюли слабительныя. Ему пришлось лѣчить ипохондрика, который воображалъ себя жертвой упорнаго запора, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ отправленія его кишекъ были правильны. Этотъ больной принималъ всевозможныя слабительныя и, какъ онъ увѣрялъ, никогда не достигалъ никакого результата. Докторъ Lisle отказался прописать ему другія лѣкарства, вслѣдствіе чего ему пришлось постоянно выносить отъ этого больного несправедливую докуку. Однажды, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія онъ, казалось, сдался на его просьбы и объявилъ, что намѣревается дать ему наиболѣе сильное слабительное изъ извѣстныхъ ему, которое навѣрное очень повредитъ больному. Ипохондрикъ съ величайшимъ удовольствіемъ послушался назначеній доктора Lisle, прописавшаго ему пять своихъ слабительныхъ пилюль, черезъ четверть часа одну послѣ другой. Послѣ третьей дѣйствіе было полное и въ продолженіе семи часовъ больной болѣе двадцати разъ имѣлъ стулъ. Больной былъ въ восторгѣ отъ успѣха этого новаго слабительнаго, несмотря на то, что его слабило до того, что онъ впалъ въ состояніе глубокаго коллапса, который докторъ Lisle сравниваетъ съ наиболѣе интенсивнымъ припадкомъ холерины. Нужно прибавить, что это происшествіе произвело кризисъ въ состояніи больного и послужило для него началомъ выздоровленія отъ его помѣшательства.

[1]) The Life of Edward Irving, vol. II, pages 309—313.
[2]) См. L'Union médicale des 24 et 26 octobre 1861.

Сэръ John Forbes закончилъ замѣчательную статью о *Новой медицинѣ* [1]) нѣкоторыми практическими указаніями: „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда лѣкарства прописываются для формы, чтобы успокоить душевное состояніе больныхъ, а не съ цѣлью прямо произвести терапевтическое дѣйствіе, всегда нужно стараться поощрять назначеніе самыхъ простыхъ, слабыхъ и даже совершенно безразличныхъ лѣкарствъ, которыя не могли бы разстроить организма“.

17. Можно съ точностью направить вниманіе на больную часть тѣла, достигая одновременно съ этимъ вѣрнаго результата, и не прибѣгая даже къ употребленію безразличныхъ лѣкарствъ.

Докторъ *Карпентеръ* приводитъ этому множество превосходныхъ доказательствъ. Одинъ господинъ, немного ипохондрикъ, принималъ ежедневно слабительное, чтобы вылѣчить запоръ, который являлся у него, какъ послѣдствіе сидячаго образа жизни. Такъ какъ лѣкарства болѣе не дѣйствовали, больной отправился за совѣтомъ къ доктору, который посадилъ его передъ собою, обнажилъ ему животъ, и велѣлъ ему обратить особенное вниманіе на тѣ ощущенія, которыя онъ будетъ испытывать. Этотъ врачъ дѣйствовалъ на ожиданіе, увѣряя больного, что кишки начинаютъ функціонировать; онъ сталъ водить пальцами по направленію петель ободочной кишки и тонкой, такимъ образомъ, чтобы направить и самыя идеи въ ту же сторону. Опытъ весьма скоро удался, и въ продолженіе нѣкотораго времени кишки продолжали свободно функціонировать, такъ что не нужно было прибѣгать къ лѣкарствамъ. (См. кн. Хэкъ-Тьюка: „Духъ и тѣло“, изд. 1888 г.).

Въ заключеніе этихъ разсказовъ о силѣ психологическаго лѣченія мы отъ себя должны сказать, что есть такія поврежденія организма, такія болѣзни и страданія, которыя никакою силою воображенія не могутъ быть излѣчены: только одна всемогущая сила Божія исцѣляетъ эти болѣзни. Факты психологическаго исцѣленія нѣкоторыхъ болѣзней (далеко не всѣхъ, которыя поэтому иногда повторяются снова), указываютъ на то, что Господь такъ премудро устроилъ духъ и тѣло человѣка, что вполнѣ допустимо воздѣйствіе духа на тѣло, — возможно соотношеніе, на почвѣ котораго могутъ проявиться самыя разнообразныя дѣйствія и вліянія Божественнаго Промысла на душу и тѣло человѣка. *Свящ. Г. Д—ко.*

---

[1]) British and foreign medical Review, january 1846.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. О взаимодѣйствіи между душою и тѣломъ.

(По ученію блаж. Августина).

Бл. Августинъ почитаетъ посредниками между душою и тѣломъ свѣтъ и эѳиръ. Говоря такимъ образомъ, онъ дѣлаетъ нѣсколько понятнѣйшимъ для насъ отношеніе души къ грубой матеріи, но вопроса объ отношеніи души вообще къ матеріи онъ не рѣшаетъ удовлетворительно, потому что свѣтъ и эѳиръ, несмотря на свою утонченность, признаны предметами матеріальными. Естественнѣе предположить, что душа дѣйствуетъ на тѣло посредствомъ физическихъ силъ, которыя хотя не иначе дѣйствуютъ какъ въ матеріи, но не заключаютъ въ себѣ ничего матеріальнаго. Одну изъ такихъ силъ, именно *электричество,* и почитаютъ теперь началомъ, производящимъ движеніе въ нервахъ. «Во всѣхъ частяхъ нервной системы всякаго животнаго проходятъ,—говоритъ Дюбуа-Реймонъ [1], — электрическіе токи; то же самое совершается и во всѣхъ мускулахъ животнаго. Эти токи претерпѣваютъ опредѣленныя измѣненія въ ту минуту, когда въ нервѣ имѣетъ мѣсто процессъ, посредствующій при движеніи и ощущеніи, а въ мускулѣ—при сокращеніи».

Подобнаго предположенія бл. Августинъ не могъ сдѣлать потому, что естественная наука въ его время ничего не знала объ электричествѣ. Но, несмотря однакожъ на этотъ недостатокъ, система его, во всякомъ случаѣ, можетъ быть названа лучшею не только Аристотелевой, но и тѣхъ системъ, которыя были придуманы по возрожденіи философіи, именно Декартомъ и Лейбницемъ. (См. соч. проф. *К. Скворцова:* «Бл. Августинъ какъ психологъ», Кіевъ, 1870 г., стр. 175—176).

Б. Для чего дано тѣло?

«Если въ основѣ всего мірозданія лежитъ не матеріальная, а духовная сущность, а слѣдовательно, и мы живы не матеріей, «не хлѣбомъ единымъ», а тою внутреннею сущностью, называемою человѣкомъ въ себѣ душою, то для чего тогда намъ дано тѣло? Если весь смыслъ жизни человѣческой не въ тѣлѣ, а въ душѣ, не въ отысканіи и удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей, а въ раскрытіи нравственныхъ идеаловъ, заставляющихъ человѣка пренебрегать своимъ тѣломъ — убивать его медленной смертью, то не лучше ли вмѣсто того, чтобы умерщвлять его постепенно, убить его сразу?»

Тѣло у человѣка играетъ по отношенію къ его душѣ такую же роль, какую свѣча по отношенію къ своему пламени, такъ что тѣло у человѣка существуетъ для того же, для чего у свѣчи стеаринъ. И какъ весь смыслъ свѣчи не въ стеаринѣ, а въ пламени, такъ и весь смыслъ человѣческой жизни коренится не въ тѣлѣ, а въ духѣ. Можетъ-быть, и было бы лучше, если бы огонь могъ проявлять себя, т.-е. свѣтить людямъ и согрѣвать ихъ безъ затраты горючаго матеріала, а какъ-нибудь иначе; можетъ-быть, и было бы лучше, если бы наша духовная сущность, проявляющаяся въ насъ въ видѣ любви и разума, могла бы проявлять себя, т.-е. осмысливать и улучшать нашу жизнь, безъ затраты нужнаго для нея матеріала, т.-е. безъ самоотверженія и самопожертвованія, а какъ-нибудь иначе... Но какъ нѣтъ на землѣ силы, которая проявлялась бы и развивалась безъ затраты соотвѣтствующаго матеріала, такъ и извѣстное намъ отношеніе духа къ матеріи, души къ тѣлу, остается неизмѣннымъ и непоколебимымъ.

Но могутъ сказать, что мой примѣръ свѣчи есть только сравненіе, указывающее на данное отношеніе тѣла къ душѣ, а не доказывающее его необходимость; что, пожалуй, еще можно допустить, чтобы тѣло играло роль матеріала, но по отношенію къ чему еще неизвѣстно, ибо мало ли что, кромѣ любви къ ближнему, служитъ причиной самопожертвованія? Можетъ-быть, это слава, страсти или, наконецъ, желаніе освободить духъ отъ оковъ тѣла?

Но какъ свѣча или дрова могутъ уничтожаться отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ назначеніемъ этихъ предметовъ, напримѣръ, могутъ быть истребляемы мышами или пожаромъ, гніеніемъ и т. п., также и «плоть и кровь» человѣческія, тоже могутъ уничтожаться людьми подъ вліяніемъ постороннихъ причинъ — страстей, пресыщенія, скуки, — и, такимъ образомъ, человѣкъ будетъ умирать полуживотной, а не человѣческой смертью. Что же касается до вопроса о самоубійствѣ, то какимъ бы способомъ оно ни производилось, умышленнымъ или неумышленнымъ, все же оно сводится не къ чему иному, какъ къ преступному уничтоженію или пренебреженію матеріаломъ, Самимъ Богомъ предназначеннымъ въ пищу духа.

Высшая мудрость, неисповѣдимая для человѣка въ своихъ начертаніяхъ, завязала въ насъ узелъ земной нашей жизни и, не открывъ тутъ же, для чего ей самой нуженъ этотъ узелъ, ясно и внятно для всякаго вложила въ нашъ разумъ и совѣсть *знаніе* способа его развязывать, т.-е. знаніе истиннаго смысла жизни; а мы, вмѣсто того, чтобы покорно и терпѣливо исполнять эту высшую волю, хотимъ разрубить узелъ, оправдываясь однимъ лишь незнаніемъ его абсолютнаго смысла. Какъ будто незнаніе назначенія предмета, выдѣлываемаго, напримѣръ, рабочимъ на фабрикѣ по точному указанію хозяина, можетъ служить рабочему достаточнымъ стимуломъ для уничтоженія этого предмета. («Духъ и матерія» Ѳ. Страхова, М. 1899 г., стр. 66—68).

---

[1]) Untersuch. über thier. Electric. 1, 15.

В. Зависятъ ли психическія явленія отъ физическихъ?

Самый главный аргументъ противъ матеріализма заключается въ слѣдующемъ. Мы видимъ, что физіологія приводитъ множество фактовъ, указывающихъ на то, что *между явленіями физическими и между явленіями психическими есть постоянная связь;* можно сказать, что нѣтъ ни одного психическаго акта, который не сопровождался бы какими-либо физіологическими; отсюда матеріалисты дѣлали тотъ выводъ, что психическія явленія *зависятъ* отъ физическихъ. Но такое толкованіе можно было бы давать только въ такомъ случаѣ, если бы психическія явленія были бы *слѣдствіями* физическихъ процессовъ, т.-е. если бы между тѣми и другими существовало такое же причинное отношеніе, какъ между двумя явленіями физической природы, изъ которыхъ одно есть слѣдствіе другого. На самомъ же дѣлѣ это вовсе невѣрно. *Между физическими и психическими процессами не существуетъ никакого причиннаго отношенія.* Процессы сознанія не суть *слѣдствія* физическихъ процессовъ.

«По закону причинности [1]), вездѣ принятому въ естественныхъ наукахъ, мы можемъ говорить о причинной связи двухъ явленій только въ томъ случаѣ, когда *дѣйствіе изъ причины можетъ быть выведено по опредѣленнымъ законамъ.* Такое выведеніе въ собственномъ смыслѣ возможно только въ *однородныхъ* процессахъ. Это выведеніе возможно провести во всей области естественныхъ наукъ или, по крайней мѣрѣ, такое выведеніе мыслимо, потому что расчлененіе этихъ явленій постоянно приводитъ къ процессамъ движенія, въ которыхъ дѣйствіе въ томъ смыслѣ эквивалентно своей причинѣ, что при соотвѣтствующихъ условіяхъ причинное отношеніе можно обратить, т.-е. слѣдствіе можно сдѣлать причиной, а причину слѣдствіемъ. Такъ, напримѣръ, паденіе какой-либо тяжести съ опредѣленной вышины производитъ двигательное дѣйствіе, посредствомъ котораго тяжесть такой же величины можетъ быть поднята на ту же высоту. Ясно, что *о такой эквивалентности между нашими психическими дѣятельностями и между сопровождающими ихъ физіологическими* процессами не можетъ быть и рѣчи. Дѣйствіями послѣднихъ всегда могутъ быть только процессы *физическаго* характера. Только благодаря этому и возможна въ природѣ та *замкнутая причинная связь,* которая находитъ свое полное выраженіе въ *законѣ сохраненія энергіи; этотъ законъ нарушался бы всякій разъ, когда тѣлесная причина производила бы духовное дѣйствіе.*

Физическій процессъ въ мозгу образуетъ замкнутую въ себѣ причинную связь, нигдѣ не наступаетъ членъ, который не былъ бы физической природы. Напримѣръ, какой-либо человѣкъ переходитъ чрезъ улицу; вдругъ его называютъ по имени; онъ поворачиваетъ голову къ тому, кто его зоветъ. Физіологъ весь этотъ процессъ могъ бы построить чисто механически; онъ показалъ бы, какимъ образомъ воздѣйствіе звуковыхъ волнъ на слуховой органъ возбуждаетъ въ слуховомъ нервѣ опредѣленный нервный процессъ, какимъ образомъ этотъ процессъ распространяется къ центральному органу, который, наконецъ, приходитъ къ иннерваціи извѣстныхъ группъ двигательныхъ нервовъ, конечнымъ результатомъ которыхъ оказалось движеніе головы въ томъ направленіи, откуда шли звуковыя волны. Всѣ эти процессы приходятъ къ физическому прогрессу безъ всякаго *перерыва.* Но, кромѣ того, здѣсь происходитъ еще и другой процессъ, котораго фізіологъ въ своихъ объясненіяхъ не долженъ принимать въ расчетъ, но о которомъ онъ, какъ мыслящій и объясняющій свои мысли человѣкъ, говоритъ: слуховыя *ощущенія* вызвали представленія и чувства, позванный услышалъ свое имя, онъ обернулся, чтобы узнать, кто его позвалъ, и затѣмъ онъ увидѣлъ тамъ своего стараго знакомаго. Эти *процессы совершаются рядомъ съ физическимъ процессомъ, но не вмѣшиваются въ него. Воспріятіе и представленіе не образуютъ членовъ физическаго причиннаго ряда* [1]). Они не вмѣшиваются въ процессы физическіе. «Животное или человѣческое тѣло, — говоритъ физіологъ Герингъ,—не измѣнится въ глазахъ физика отъ того, что животное способно чувствовать удовольствіе или боль, что съ матеріальными отправленіями тѣсно связаны радости и страданія духа, живое воображеніе и сознаніе. Для него тѣло остается все тою же массою матеріи, которая подлежитъ тѣмъ же несокрушимымъ законамъ, которымъ подлежитъ и вещество камня и вещество растенія. *Ни впечатлѣніе, ни представленіе, ни даже сознательная воля не могутъ составлять звена этой цѣпи матеріальныхъ обстоятельствъ, образующихъ физическую жизнь организма.* Если я отвѣчаю на заданный мнѣ вопросъ, то матеріальный процессъ, совершающійся въ это время между нервными волокнами органа слуха и мозговъ, долженъ оставаться только матеріальнымъ, чтобы достигнуть двигательныхъ нервовъ голосового аппарата. Процессъ этотъ не можетъ, достигши извѣстной части мозга, внезапно *обращаться въ нѣчто невещественное,* чтобы по прошествія извѣстнаго времени въ другой части снова принять форму вещественнаго проявленія» [2]).

Если бы теорія матеріалистовъ была правильна, то нужно было бы ожидать, что физическій процессъ въ извѣстныхъ пунктахъ обнаруживаетъ

[1]) См. *Вундтъ*: Cm. gehirn u. Seele въ его Essays.

[1]) *Паульсонъ*: «Введеніе въ философію», 85—86.

[2]) Цитир. у Остроумова, стр. 77—78.

перерывъ и именно тамъ, гдѣ въ качествѣ членовъ причинной связи выступаютъ *психическія событія.* Если бы нервное движеніе было *причиной* ощущенія, то оно, какъ таковое, должно было бы уничтожаться, а взамѣнъ его должно возникнуть *ощущеніе.* Но мы легко можемъ убѣдиться въ томъ, что это невозможно, если примемъ въ соображеніе, что можетъ порождать движеніе вообще. Напримѣръ, движеніе шара *A* имѣетъ своимъ слѣдствіемъ *движеніе* шара *B.*, т.-е. первое движеніе пропадаетъ, вмѣсто него возникаетъ опредѣленное движеніе второго шара. Извѣстное движеніе вызываетъ теплоту, т.-е. движеніе пропадаетъ, вмѣсто него появляется опредѣленное количество теплоты; то же самое должно было бы быть и въ нашемъ случаѣ: *вмѣсто уничтожившагося движенія должно было бы возникнуть ощущеніе* или представленіе, какъ его эквивалентъ. Но представленіе не есть что-либо матеріальное; поэтому для физики причинная связь имѣла бы здѣсь пробѣлъ, въ физическомъ процессѣ отсутствовало бы звено. Это противорѣчило бы непрерывности физическихъ процессовъ, наблюдаемыхъ во всей природѣ. *Допущеніе превращенія движенія не въ другую форму движенія, не въ потенціальную физическую энергію, но въ нѣчто, что физически вообще не существуетъ, есть предположеніе, котораго физикъ не можетъ допустить. Превращеніе движенія или физической энергіи въ мысль, въ чистые процессы сознанія, — для натуралиста было бы равносильно уничтоженію энергіи. Слѣдовательно, матеріализмъ невозможенъ съ точки зрѣнія естествознанія* [1]).

Поэтому, ради послѣдовательности, матеріалисту остается признать ощущеніе первичнымъ свойствомъ всякой матеріи или, по крайней мѣрѣ, свойствомъ матеріи организованной, но, ставъ на эту точку зрѣнія, матеріализмъ отказывается отъ своего основного положенія.

Вотъ почему Бюхнеръ, желая отстоять свои прежнія воззрѣнія, сталъ на новую точку воззрѣнія, которая не можетъ быть названа матеріалистической въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ послѣднемъ изданіи своего «Stoff und Kraft» онъ находитъ, что признаніе матеріи безжизненной совершенно ни на чемъ не основано. По его мнѣнію, матеріи, какъ таковой, должны быть приписаны на ряду съ *физическими* свойствами и свойства *психическія.* Здѣсь мы у него находимъ вставки, находящіяся въ прямомъ противорѣчіи съ положеніемъ чистаго матеріализма, что *мысль есть функція матеріи,* что можно было бы признать въ томъ случаѣ, если бы мы допустили одну субстанцію въ мірѣ—матеріальную.

У Бюхнера мы находимъ признаніе субстанціи, но не матеріальной. «Мышленіе и протяженность, — говоритъ онъ, — могутъ быть разсматриваемы, какъ двѣ стороны или способы явленія *одного и того же единичнаго существа,* каковое существо, однако, по своей природѣ остается неизвѣстнымъ». *Духъ и природа въ концѣ-концовъ одно и то же.* Эта *монистическая* точка зрѣнія, которая никакъ не можетъ быть связана съ матеріализмомъ и къ которой долженъ былъ прибѣгнуть Бюхнеръ, чтобы отстоять частности матеріалистическаго ученія, — по нашему мнѣнію, самымъ неопровержимымъ образомъ доказываетъ полную несостоятельность этого ученія въ его ходячей формѣ. (Прив.-доц. *Г. Челпановъ:* «Мозгъ и мысль» (критика матеріализма). «Міръ Божій» 1896 г., февр.).

Г. Свойство души, — ей природна схема вещей міра — ясно свидѣтельствуетъ о ея духовности и разумности.

Воспитаніе и обученіе слѣпорожденныхъ и изумительные результаты, достигаемые этимъ воспитаніемъ и обученіемъ, не могутъ не свидѣтельствовать о прирожденномъ человѣческому сознанію идіомѣ схемъ [1]). При отсутствіи такого идіома въ человѣческомъ сознаніи, добываемые воспитаніемъ и обученіемъ успѣхи не были бы возможны. Человѣческій міръ оставался бы, въ весьма мно-

---

[1]) Ср. съ этимъ мнѣніе *Дюбуа-Реймона,* Ueber die Grenzen des Naturer-Kenntniss, 1891 г., стр. 41.

Теперь читатель легко можетъ видѣть, въ какой связи находится матеріализмъ и естествознаніе. Можно сказать, что данныя естествовѣдѣнія совсѣмъ не подтверждаютъ положеній матеріализма. И даже, наоборотъ, наиболѣе выдающіеся представители естествознанія высказывались противъ возможности матеріалистическаго толкованія душевныхъ явленій. Назовемъ такія имена, какъ *Гельмгольцъ, Дюбуа-Реймонъ, Фирордтъ, Лудвигъ, Фиккъ.* Одинъ изъ нашихъ русскихъ физіологовъ, открывая въ 1871 г. курсъ физіологіи, во вступительной лекціи доказывалъ, что мнѣніе объ особенной связи физіологіи съ матеріализмомъ основано на невѣжествѣ и что, напротивъ, естествознаніе скорѣе способно указать слабыя стороны матеріализма (см. *Ибервегъ-Гейнце:* «Ист. филос.» 1890 г., стр. 549). Англійскій физикъ *Тэтъ* въ книгѣ: «Новѣйшіе успѣхи физическихъ знаній» говоритъ: «существуетъ многочисленная группа людей, которые утверждаютъ, что воля и сознаніе — чисто физическія явленія. Это заблужденіе обусловлено тѣмъ легковѣріемъ, которое характеризуетъ невѣжество и бездарность». Изъ этого легко видѣть, что *матеріализмъ есть порожденіе естествовѣдовъ, а не естествовѣдѣнія.*

[1]) «Когда я представляю себѣ треугольникъ, я не назначаю ему воображеніемъ величину опредѣленную, но представляю себѣ процессъ, которымъ могу провести въ пространствѣ какія-либо три линіи, встрѣчающіяся между собою въ трехъ точкахъ. Вотъ это будетъ *схема.* Не существуетъ, напримѣръ, изображенія треугольника, которое когда-либо могло бы быть подходящимъ къ концепту треугольника вообще. Изображеніе треугольника есть, дѣйствительно, всегда изображеніе треугольника или прямоугольнаго, или остроугольнаго, и пр., между тѣмъ какъ схема треугольника обнимаетъ всѣ эти фигуры. *Схема,* стало-быть, можетъ существовать не иначе, какъ въ мысли. *Изображеніе* есть эмпирическій продуктъ производительнаго воображенія, *схема* есть продуктъ чистаго воображенія, которое само дѣлаетъ возможнымъ изображеніе».

гомъ, совершенно чуждымъ слѣпорожденному. Здѣсь нельзя не вспомнить о долженствующей быть извѣстной ученому міру *Лаурѣ Бриджмэнъ*, почти съ самаго рожденія слѣпой, глухонѣмой и лишенной обонянія дѣвушкѣ [1]).

Разумное, благодѣтельное и любящее воспитаніе и обученіе (пріютъ для слѣпыхъ въ г Бостонѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ) сдѣлали то, что она, своевременно, выучилась не только читать и писать, но была ознакомлена съ грамматикой, ариѳметикой, алгеброй, исторіей, географіей. Она писала свой дневникъ. Прожила Лаура около шестидесяти лѣтъ (род. 1829 г.; сконч. 1889 г.).

По окончаніи своего воспитанія и обученія она жила, въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, въ дружескихъ, интимныхъ отношеніяхъ съ бывшей своей учительницей, мистриссъ Ламсонъ. Время онѣ проводили въ рукодѣліи и въ чтеніи, которое Лаура *страстно* любила. Мистриссъ Ламсонъ даетъ по этому предмету слѣдующія подробности:

«Меня, можетъ-быть, спросили бы: какимъ образомъ вы читаете книги Лаурѣ? Представьте себѣ, что я сижу съ лѣвой стороны ея, держа книгу своею лѣвою рукой и складывая слова моею правою рукой. Вотъ то, что приходится мнѣ дѣлать: все остальное—это уже дѣло Лауры. При пособіи своей правой руки, которою она слегка шелеститъ около моихъ пальцевъ, и шелеститъ всегда не настолько сильно, чтобы препятствовать или мѣшать ихъ движеніямъ, она складываетъ, или, скорѣе, *читаетъ* слова. При этомъ она кажется не болѣе имѣющею сознанія о каждой буквѣ, чѣмъ и мы, когда читаемъ нашими глазами. Какъ бы быстро ни говорили пальцами, быстрота никогда не оказывается для Лауры настолько великою, чтобы она не могла понимать, а я говорю ей съ быстротою, вѣроятно, большею той быстроты, съ какою глазъ можетъ читать слова. Говоря въ продолженіе года болѣе моими пальцами, чѣмъ моимъ языкомъ, я пріобрѣла такую привычку, что могла убѣдиться на опытѣ въ слѣдующемъ: когда какое-либо лицо, сидя близъ меня, читаетъ громко, — я не могу переводить чтеніе этого лица пальцами съ такою скоростію, съ какою оно читаетъ; но если то же лицо читаетъ предъ многочисленнымъ собраніемъ слушателей, то я могу слѣдовать за читающимъ и повторять Лаурѣ каждое слово при пособіи моихъ пальцевъ. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, складывать — есть не болѣе актъ сознанія для насъ, какъ и тогда, когда мы, нормальные люди, читаемъ нашими глазами».

Слѣпая и глухо-нѣмая отъ рожденія Лаура *страстно интересовалась* чтеніемъ! Не ясно ли, поэтому, что она, Лаура, недоступная ни свѣту, ни звуку, лишенная почти отъ рожденія главнѣйшихъ проводниковъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, имѣла, однако, представленіе о немъ, подобное тому представленію, какое имѣемъ мы, обладающіе всѣми чувствами? Иначе, какимъ образомъ Лаура могла бы *страстно интересоваться* чтеніемъ о томъ, что, во всякомъ случаѣ, касается нашего человѣческаго міра или къ нему относиться?..

Диккенсъ, въ «Очеркахъ» своего путешествія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, говоритъ, подробно и съ большимъ одушевленіемъ, о Лаурѣ (Лорѣ) Бриджмэнъ (которую видѣлъ дѣвочкой 12 лѣтъ) и объ ея воспитаніи [1]).

«Я сидѣлъ въ другой комнатѣ, противъ слѣпой, глухо-нѣмой и лишенной обонянія дѣвочки,— прекраснаго существа, полнаго всѣхъ человѣческихъ способностей, заключенныхъ въ нѣжномъ тѣльцѣ, но владѣющаго только однимъ изъ пяти чувствъ — чувствомъ осязанія. Вотъ она, передо мною, какъ мраморная статуя, недоступная ни свѣту, ни звуку. Пока я такъ смотрѣлъ на нее, ей подали что-то. Лицо ея освѣтилось удовольствіемъ. Волосы, собственною рукою ея, были заплетены и заложены вокругъ головы, развитіе и мыслительныя способности которой ясно выражались изящными линіями черепа и высокимъ открытымъ лбомъ; платье ея, сшитое ею самою, могло служить образчикомъ опрятности и простоты; работа ея, вязанье, лежала близъ нея, а тетрадка, ея же, находилась на столѣ, на который она облокотилась. Изъ среды лишеній поднялось это кроткое, нѣжное, непорочное, благодарное существо!..

«Подобно всѣмъ другимъ, на глазахъ у нея была надѣта зеленая повязка. Кукла, одѣтая ею, лежала тутъ же, на полу. Я поднялъ ее и увидѣлъ, что дѣвочка и ей на глаза надѣла такую же повязку. Лаура сидѣла въ небольшомъ углубленіи комнаты и писала свой дневникъ. Наскоро окончивъ это занятіе, она дѣятельно принялась дѣлать разныя сообщенія, насчетъ чего-то, сидѣвшей рядомъ съ ней учительницѣ... Имя ея великаго друга, учителя и благодѣтеля — Гоуэ (Hove). Онъ — докторъ. Разсказывая о воспитаніи Лауры, онъ написалъ, между прочимъ, нижеслѣдующее:

«Но безсмертная душа ея не могла умереть, не могла быть изувѣчена или искажена, и хотя многіе проводники сообщенія ея съ внѣшнимъ міромъ и были уничтожены, тѣмъ не менѣе,

---

[1]) Ученые нашего времени, — большинство которыхъ состоитъ изъ сторонниковъ механическаго объясненія явленій жизни, — какъ бы умышленно игнорируютъ Лауру Бриджмэнъ. Книга «The Life and education of Laura Dewey Bridgman», несмотря на свое чрезвычайно интересное для ученаго содержаніе, весьма мало распространена. Опасаются, вѣроятно, встрѣтиться съ неоспоримыми фактами, которые не поддаются механическому объясненію и явно находятся въ противорѣчіи съ теоріями механическаго объясненія явленій жизни. Истинная наука беретъ въ соображеніе всѣ представляющіеся ей факты, а не устраняетъ тѣ изъ нихъ, которые не укладываются въ намѣченныя напередъ рамки.

[1]) См. «Американскіе очерки», Диккенса. Переводъ. Москва. 1883 г.

внутренняя жизнь стала проявляться посредствомъ другихъ». (См. соч. *И. Панаева:* «Свѣтъ жизни», Спб. 1893 г., стр. 50—55).

Д. Критическій взглядъ на эволюціонную теорію.

О Дарвинѣ и дарвинизмѣ теперь въ обществѣ распространены весьма невѣрныя понятія.

Теоріи Дарвина въ сущности сводятся къ двумъ главнымъ положеніямъ: *о происхожденіи видовъ* и *о происхожденіи человѣка.* По первой теоріи возможно допустить, что изъ мыши или крысы могъ образоваться слонъ или бегемотъ; по второй — что человѣкъ, быть-можетъ, находится въ близкомъ, хотя и не особенно пріятномъ, родствѣ не только съ обезьяной, но даже хуже того — съ крысой, мышью, со всѣмъ, съ чѣмъ хотите, наконецъ, съ пресловутою *протоплазмой.*

Допустимъ, что все это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Эволюціонная теорія предлагаетъ прежде всего весьма большое количество времени. Но все это противорѣчитъ ли Библіи?

Въ первой главѣ книги Бытія о сотвореніи міра говорится: «И рече Богъ: «да будетъ свѣтъ!» И бысть свѣтъ. И бысть утро, и бысть вечеръ, день первый» и т. д.

До не особенно давняго времени наши богословы понимали *дни творенія* не иначе, какъ только буквально, въ смыслѣ *земныхъ* дней. Но справедливо ли *исключительно* такое пониманіе?

Библейскій разсказъ о сотвореніи земли и человѣка гласитъ слѣдующее:

«Вначалѣ (не было ни дней, ни времени, когда) Богъ сотворилъ небо (т.-е. невидимый міръ, а затѣмъ) и землю. Земля была *невидима* и неустроена, и (животворящій) Духъ Божій носился надъ водою (которая выше названа землей и вливалъ въ нее живоносную силу).

«И сказалъ Богъ: «Да будетъ свѣтъ!» И сталъ свѣтъ. Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы; свѣтъ назвалъ днемъ, а тьму ночью. И бысть вечеръ, и бысть утро,—день единъ.

«Во второй день Богъ сказалъ: «Да будетъ твердь посреди воды».

«Въ третій день Богъ сказалъ: «Да соберется вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто, и да явится суша».

«Въ четвертый день Богъ сказалъ: «Да будутъ свѣтила на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю», и только въ этотъ день, по библейскому сказанію, появились «солнце, луна и звѣзды».

Очевидно, что первые четыре дня творенія отнюдь нельзя понимать въ смыслѣ нашихъ *земныхъ* дней, ибо, при отсутствіи солнца, нельзя же было считать время солнечными днями. Поэтому подъ днями творенія надо понимать цѣлые *періоды*, которые могли длиться хоть бы десятки и сотни милліоновъ, даже милліардовъ лѣтъ.

Существованіе *періодовъ* можно допустить еще по многимъ причинамъ:

1) Въ Библіи прямо сказано: «У Господа единъ день, яко тысяча» (Пс. LXXXIX, 5). Это значитъ, что для Бога между тысячью дней и однимъ днемъ нѣтъ существенной разницы.

2) Математика съ совершенною точностью доказываетъ намъ, что между ста милліонами *лѣтъ* и одной стамилліонной *секунды* нѣтъ никакой разницы при сравненіи этихъ величинъ съ *вѣчностью.* Въ высшей математикѣ доказывается, что даже *параллельныя* линіи сходятся... въ *безконечности. Постичь* это намъ трудно, но неумолимая математическая логика побуждаетъ насъ это *допустить.* И какъ часты, какъ необходимы эти допущенія, когда мы становимся лицомъ къ лицу съ тѣми непонятными для насъ словами, каковы: *вѣчность, безконечность!* Въ этотъ безбрежный и таинственный океанъ многіе бросаются, очертя голову. И лишь изученіе того, что Гумбольдтъ назвалъ «космосомъ», всего краснорѣчивѣе убѣждаетъ насъ, что если міръ такъ божественно прекрасенъ и въ великомъ, и въ маломъ, то не можетъ же быть, чтобъ и мы, разумныя существа, появились на землѣ случайно. Зачѣмъ же намъ быть *утопленниками* въ этомъ безбрежномъ океанѣ вѣчности?

Но вернемся къ Дарвину. Пусть наша земля и все, на ней живущее, развивались милліарды лѣтъ. Но въ дѣлѣ мірозданія милліардъ лѣтъ не болѣе одной милліардной доли секунды. (Многимъ эта величина покажется невѣроятною, даже нелѣпою; однако сочтите, сколько верстъ проходитъ въ секунду свѣтъ или электричество, и въ какую долю секунды — одну версту или вершокъ, — и тогда вамъ станетъ понятною «одна милліардная доля секунды»).

Если допустить существованіе Бога (а это будетъ видно изъ дальнѣйшаго), то совершенно непонятнымъ является, зачѣмъ же надо было *торопиться* Богу, Который располагаетъ цѣлою вѣчностью, и предъ Которымъ одна наша земная секунда равна нашимъ же земнымъ милліардамъ лѣтъ?

Перейдемъ къ возраженіямъ болѣе спеціальнымъ. Дарвинъ говоритъ, что *одни виды, путемъ эволюціи, произошли изъ другихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ.* Допустимъ, что это все вѣрно. Но что же изъ этого слѣдуетъ и можетъ слѣдовать?

Да ровно ничего. Пусть слонъ произошелъ отъ мыши или крысы путемъ эволюціи, длившейся, положимъ, сто милліоновъ лѣтъ. И что мы можемъ сказать на это? Одно: и пусть себѣ слонъ происходитъ отъ мыши! Намъ-то какое до этого дѣло?

Важнѣе вопросъ о происхожденіи *человѣка.* Дарвинъ здѣсь роднитъ насъ и съ обезьянами и, если хотите, даже съ пресловутою протоплазмой.

Родня не особенно пріятная, однако ничего страшнаго тутъ нѣтъ. Вѣдь все тутъ сводится лишь къ нашей матеріальной организаціи, а она— увы! — очень неказиста и мало чѣмъ отличается отъ организаціи животныхъ. «Inter faeces et urinam nascimur», жаловался блаженный Августинъ. «Земля еси и въ землю отыдеши»,—вотъ послѣднее напутствіе православной церкви умершимъ. Очевидно, что намъ нечего стыдиться родни, хотя бы даже и съ обезьяной, если только вспомнить слова Библіи: «и сотворилъ Богъ человѣка *изъ земли и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни*».

Вотъ въ этомъ-то божественномъ „дыханіи жизни" и состоитъ вся суть человѣческой жизни, а не въ той бренной оболочкѣ, которая «одинакова» съ оболочкой самыхъ гнусныхъ гадовъ, но въ которой мы должны существовать и проявлять свое существованіе.

Теорія Дарвина чисто *практическая* и условная. Развѣ не дарвинисты всѣ наши коннозаводчики, садоводы, цвѣтоводы, сельскіе хозяева? Чистѣйшіе дарвинисты! Они строго охраняютъ породу, выводятъ новыя разновидности плодовъ, гибридные цвѣтки и т. д. Говорятъ, что всѣ эти новыя разновидности имѣютъ наклонность возвращаться къ первоначальному типу. Но для того, чтобъ это увѣреніе считать за фактъ, мы попросили бы произвести эти опыты въ теченіе, напр., ста тысячъ или милліоновъ лѣтъ. Почемъ знать, быть-можетъ, новыя разновидности настолько закрѣпились бы, что не стали бы возвращаться къ «типу». Но не все ли равно, если бы онѣ и возвратились? Пусть медвѣдь, положимъ, происшедшій отъ собаки, снова превращается въ собаку. Какая въ томъ бѣда? Было время, когда на землѣ атмосфера была обильна углекислотой, и тогда земля была покрыта роскошною растительностью. Возвратись прежнія времена, будь прежнія *условія,* — можетъ вернуться и прежняя жизнь. Законы природы неизмѣнны, и никогда не бываетъ здѣсь ничего, что противорѣчило бы имъ, согласно даннымъ *условіямъ жизни.* Смѣшно было бы требовать, чтобъ, если бы на землѣ исчезла вода, рыбы стали пастись на лугахъ. Жизнь мѣняется соотвѣтственно измѣненію условій жизни.

Не въ дарвинизмѣ, а вотъ въ этомъ-то именно вопросѣ о жизни и заключается суть дѣла. Если мы происходимъ отъ обезьяны, это еще не особенная бѣда. Было, да прошло!

Эти вопросы издавна занимали умы мыслителей. Извѣстно мнѣніе Сократа.

«Если, — говоритъ онъ, — есть жизнь за гробомъ, то нечего бояться этого человѣку съ чистою совѣстью. Если же смерть есть вѣчный сонъ, то чего же лучше? Развѣ часы сна не лучшіе въ нашей жизни?»

Вполнѣ ясно, что если нѣтъ загробной жизни, если со смертью мы превратимся въ ничто, то и жизнь не представляетъ рѣшительно никакого интереса. Вѣчный, безмятежный сонъ, конечно, гораздо пріятнѣе тѣхъ треволненій, которыя намъ постоянно приходится переживать.

Отъ этого вопроса не можетъ избавить насъ вопросъ даже о бытіи Бога. Пусть Богъ существуетъ; но если для насъ жизнь кончается безповоротно со смертью нашего тѣла, то не все ли намъ равно, есть ли Богъ, или же нѣтъ Его?

Однако вопросъ о существованіи души человѣка и загробной жизни тѣсно связанъ и съ вопросомъ о Богѣ, Котораго мы представляемъ какъ существо всемогущее, всевѣдущее, всеправедное, вездѣсущее. Если такого Существа нѣтъ, то не можетъ быть и вопроса о существованіи человѣческой души, никогда не умирающей; изъ этого отрицанія можетъ быть сдѣланъ лишь тотъ выводъ, что все составляетъ результатъ лишь *случайнаго* сочетанія гипотетическихъ атомовъ. А въ такомъ случаѣ лучше не жить, чѣмъ жить случайно и *безцѣльно.*

Отрицаніе существованія души и Бога имѣетъ еще болѣе важное соціальное значеніе. Тогда были бы совершенно нелѣпыми старанія сообразоваться съ «какою-то тамъ» этикой, съ «какими-то» требованіями нравственности. Зачѣмъ было бы все это? Почему не убить человѣка, если я увѣренъ въ томъ, что это выгодно для меня, и что это все сойдетъ мнѣ съ рукъ? Да если и не сойдетъ, чего же проще запастись нѣсколькими гранами, напр., стрихнина, чтобъ избѣжать полагающихся по закону каръ? И при всемъ этомъ *никакого* риска: если я совершу преступленіе и буду не открытъ, хорошо; если, паче чаянія, все раскроется, приму стрихнина и безъ всякихъ непріятностей отправлюсь въ область «небытія»,—и удобно, и спокойно.

Гипотетическіе альтруизмъ, гуманность и т. д., при отрицаніи Бога и безсмертія души, не имѣютъ никакого смысла. Напротивъ, ставъ на эту точку зрѣнія, мы неизбѣжно должны притти къ тому же заключенію, къ какому приходилъ одинъ римскій императоръ, выражавшій желаніе отрубить голову всему человѣчеству, если бы только у всего человѣчества была одна голова, а не у каждаго человѣка отдѣльно. И это было бы *благодѣяніемъ,* лучшимъ выраженіемъ «альтруизма», такъ какъ избавило бы человѣчество отъ совершенно безцѣльныхъ страданій, а равно и отъ столь же безцѣльныхъ наслажденій.

Не правда ли, было бы гораздо *разумнѣе* сколь можно скорѣе прекратить это «толченіе воды въ ступѣ», и величайшими благодѣтелями человѣчества пришлось бы признать... разбойниковъ?

Кто же дѣлаетъ поправки къ этому мрачному міровоззрѣнію? Эти поправки даютъ намъ естественныя науки, изученіе коихъ ставитъ

насъ лицомъ къ лицу съ очевиднымъ противорѣчіемъ.

Не отвлеченныя, фактически ни на чемъ не обоснованныя разсужденія убѣждаютъ насъ въ томъ, что все мірозданіе есть чудо изъ чудесъ, а именно *естествознаніе*[1]).

Естествознаніе, точно удостовѣряющее разумность мірозданія, такъ же точно удостовѣряетъ и то, что наша жизнь не случайна. Мы, естествоиспытатели, во всякую секунду, при самыхъ совершенныхъ способахъ изслѣдованія, убѣждаемся лишь въ томъ, что мы по существу ничего не знаемъ, кромѣ того, что міръ устроенъ хорошо.

Отмѣтимъ также, что именно естествознаніе всего болѣе научаетъ насъ быть скромными, несмотря на всѣ успѣхи, достигнутые, такъ называемыми, «точными» науками, особенно за послѣднее столѣтіе.

Математика, какъ извѣстно, считается самою точною наукой, и, однако, стоитъ только взглянуть въ высшую математику, какъ предъ нами является рядъ загадокъ. Вотъ, напримѣръ, кажется вполнѣ ясно, что двѣ параллельныя линіи сойтись не могутъ. Однако, математики доказываютъ, что и параллельныя линіи обязательно сходятся... въ безконечности. Знакъ послѣдней ∞ сильно путаетъ самые хитроумные расчеты. Если мы будемъ пользоваться *телескопомъ*, приходится убѣдиться, что весь нашъ земной шаръ, въ сравненіи со вселенной, представляетъ собою пылинку столь ничтожную, что о ней даже и говорить почти не стоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже какой-нибудь микробъ, видимый въ микроскопъ при увеличеніи въ 600 и болѣе разъ, *соизмѣримъ* съ земнымъ шаромъ, ибо все-таки, хотя этотъ микробъ и измѣряется микромиллиметрами, а земля милями, но каждая изъ этихъ величинъ точна, и между ними можно дѣлать сравненіе. Между тѣмъ астрономія показываетъ намъ, что наши земныя понятія о пространствѣ *несоизмѣримы* съ міровыми, ибо предѣльное не можетъ быть соизмѣримо съ безпредѣльнымъ. Разстояніе до Сиріуса теоретически исчислено въ 58,000,000,000,000 миль. Объ этомъ разстояніи мы можемъ имѣть гораздо меньшее представленіе, чѣмъ о микромиллиметрахъ, коими измѣряются микроскопическія инфузоріи, переносящія насъ въ міръ *микрокосмоса*. Допускаемое химиками дробленіе матеріи лишь на атомы совершенно условно, ибо нашъ умъ не можетъ представить себѣ такой величины, которую нельзя было бы еще раздѣлить.

Не менѣе сложны вопросы о времени. Мало того, здѣсь путаница еще больше, ибо у насъ нѣтъ вполнѣ точнаго мѣрила времени, нѣтъ «аршина». Есть ли разница между милліономъ лѣтъ и милліонною долей секунды? Математика точно доказываетъ, что тутъ *нѣтъ никакой разницы*, если при сравненіи ввести знакъ ∞,— знакъ безконечности.

Еще болѣе непріятностей причиняетъ недостаточность нашей организаціи, несовершенство ея и нашихъ чувствъ, а вѣдь только чувства и даютъ намъ матеріалъ для раціоналистскихъ сужденій. Однако, насколько наши чувства несовершенны!

И вотъ получается результатъ, на первый взглядъ могущій показаться страннымъ. Одни десятки лѣтъ тратятъ на изученіе *микрокосмоса;* другіе столько же лѣтъ занимаются *медіакосмосомъ* (міръ, какъ онъ представляется намъ, сообразно нашимъ чувствамъ); третьи исписываютъ цыфрами томы и переводятъ стопы бумаги, изучая *макрокосмосъ*. А что же въ концѣ-концовъ? Ровно ничего! Мы лишь узнали много новыхъ фактовъ, но не ихъ смыслъ.

Какъ и прежде, когда методы изслѣдованія были совершенно примитивны, и нынѣ много естествоиспытателей по прежнему задаются тѣмъ же вопросомъ къ природѣ:

На проклятые вопросы дай прямые мнѣ отвѣты!

Весьма интересно отмѣтить измѣненіе общаго настроенія естествоиспытателей (я разумѣю не верхоглядовъ, а дѣйствительно свѣдущихъ лицъ).

Divide et impera (разъединяй и властвуй) и *union fait la force* (въ единеніи сила) — вотъ два девиза, раздѣляющіе не только политическихъ, но и научныхъ дѣятелей.

Что же мы видимъ въ наукѣ?

Общее стремленіе *къ единенію*.

Теорія всемірнаго тяготѣнія объединяетъ множество явленій, до не особенно давняго времени не имѣвшихъ объясненія.

Химическія теоріи также весьма интересны, напоминая старый вопросъ о пресловутомъ «философскомъ камнѣ». Съ одной стороны, открываются новые «элементы» (въ родѣ новой составной части воздуха, кромѣ кислорода и азота, — *аргона)*. Съ другой стороны, все болѣе проявляется и другой взглядъ,—что матерія имѣетъ *единство,* и что число, такъ называемыхъ, элементовъ все болѣе будетъ не увеличиваться, а уменьшаться. Нѣкоторые «фантазеры» доходятъ даже до предположенія, что все въ концѣ-концовъ сведется къ *одному* элементу, разнообразныя сочетанія и комбинаціи коего составляютъ весь видимый нами міръ. Если бы такая *первоматерія* была найдена не теоретически, а практически, то и вопросъ о философскомъ камнѣ рѣшился бы весьма просто. Интересно, что о такомъ рѣшеніи вопроса о философскомъ камнѣ нынѣ мечтаютъ не средневѣковые схоластики, а патентованные ученые.

Но еще интереснѣе, что естествоиспытатели теперь и на самый смыслъ жизни стали смотрѣть

[1]) Здравая философствующая мысль и богословскія науки ранѣе естествознанія приводятъ каждаго мыслящаго человѣка къ этому выводу. *Г. Д—ко.*

иначе. Для доказательства этого я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ статьи одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, проф. харьковскаго университета Иринарха Полихроніевича Скворцова, подъ заглавіемъ «Борьба или миръ управляютъ жизнью и всѣмъ міромъ».

«Въ настоящее время, — пишетъ проф. И. П. Скворцовъ, — въ наукѣ и жизни сдѣлали изъ *борьбы за существованіе* какой-то культъ. Въ такихъ случаяхъ очень легко сами по себѣ вѣрныя мысли и воззрѣнія доводятся до абсурда, до нелѣпости, въ родѣ, напримѣръ, борьбы за существованіе среди міровъ вселенной.

«Однако, чтобы не злоупотреблять словомъ, нужно точно опредѣлить связываемое съ нимъ понятіе или представленіе. *Что такое борьба?* Борьбой мы называемъ такое дѣятельное взаимное соотношеніе двухъ (или болѣе) предметовъ, которое клонится къ вытѣсненію одного изъ нихъ другимъ, обладающимъ какими-либо преимуществами, съ большимъ или меньшимъ подрывомъ, а то даже и съ полнымъ уничтоженіемъ существованія перваго.

«Что мы видимъ въ *природѣ?* Видимъ, что въ ней все созидается, видоизмѣняется и поддерживается не борьбою силъ и вещей, а ихъ взаимодѣйствіемъ вообще, которое часто сопровождается и разрушеніемъ, но сущность дѣла не въ отрицательной, а въ положительной сторонѣ послѣдняго, т.-е. не въ разрушеніи, а въ созиданіи, не въ соперничествѣ, а въ содѣйствіи.

«Не въ борьбѣ, *а въ согласіи, въ содѣйствіи* сила и залогъ существованія всей природы, всей жизни. Сопротивленіе, препятствія, столкновенія, борьба — неизбѣжныя явленія въ мірѣ и жизни, но они *мѣшаютъ,* а не способствуютъ движенію и спеціально развитію жизни.

«Борьба за существованіе есть вторичное явленіе въ области жизни. Она прежде всего зависитъ не отъ качества, а отъ количества жизни — и на томъ же количествѣ существеннымъ образомъ сказывается ея вліяніе. Борьба — явленіе внѣшнее для жизни, которое можетъ лишь подать поводъ ко внутреннимъ измѣненіямъ, само не производя ихъ и даже имѣя лишь условное вліяніе на ихъ направленіе. Но каждый шагъ собственно въ развитіи жизни, каждая новая форма проявленія послѣдней есть слѣдствіе не борьбы, а взаимнаго содѣйствія, взаимной помощи, сожитія. Само это сожитіе вызывается тѣмъ же стремленіемъ къ самосохраненію каждой живой формы, которое, по видимому, ведетъ и къ борьбѣ за существованіе, но только первое принадлежитъ къ существенной внутренней сторонѣ жизни, а вторая — ко внѣшней. Наше духовное развитіе основано не на борьбѣ впечатлѣній, представленій или понятій, стремленій или желаній, а на созидающей дѣятельности ума и сознательнаго чувства.

«Борьба родитъ ожесточеніе, разжигаетъ страсти, которыя затемняютъ умъ и извращаютъ волю, — и тѣмъ, очевидно, не повышаетъ, а понижаетъ уровень душевной жизни. Поэтому человѣчество въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей — единичныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ — подвигалось впередъ дѣлами, словами, мыслями не вражды, ненависти, укоризны, а согласія, любви, прощенія».

«Все, что пріобрѣтено человѣчествомъ добраго, пріобрѣтено миромъ и любовью.

«*Что* всегда и вездѣ вызывало и вызываетъ наиболѣе споровъ, вражды, борьбы и вообще раздоровъ между людьми? Нетерпимость въ мысли и чувствѣ, порабощеніе въ духѣ.

«Что подарила человѣчеству нетерпимость мысли? — Можетъ-быть, на сто заблужденій одну истину и — подавленность, отупѣніе ума.

«Что дала человѣчеству нетерпимость чувства? — Ссоры и споры безъ конца, вынужденный миръ и извращеніе, иногда чуть не гибель, духовнаго, нравственнаго чувства.

«Что является слѣдствіемъ *порабощенія человѣческаго духа* вообще? — Тайное и явное недовольство собой и другими — не только въ средѣ порабощенныхъ, но и въ средѣ поработителей. Живя въ такомъ недовольствѣ и будучи пропитаны имъ, люди не замѣчаютъ всей великости и постоянства этого зла во всѣхъ путяхъ своей жизни. Всеобщность его въ человѣчествѣ такъ велика, что нашлись люди, которые на немъ, на этомъ злѣ, строили и строятъ не только прошедшія, но и будущія судьбы людей, и даже судьбы всей жизни, чуть не всего міра.

«Что даетъ каждому отдѣльному человѣку происходящая въ немъ борьба чувствъ, мыслей, желаній? — Въ извѣстныхъ границахъ борьба приноситъ пользу, какъ упражненіе духа. Но когда она излишне продолжительна и напряжена, то слѣдствіемъ ея являются неустойчивость, разочарованіе, отчаяніе, создавшія древній фатализмъ и новѣйшій пессимизмъ. Только умиротворенный внутренно человѣкъ представляетъ дѣятельную гармонію духовныхъ силъ, полную мысли и чувства. Нѣтъ въ такомъ человѣкѣ почвы ни для недовѣрія къ себѣ и другимъ, ни для безучастнаго равнодушія.

«То же, что отдѣльный человѣкъ, представляютъ и цѣлыя общества людей, гдѣ умиротворенность выражается въ томъ, что отдѣльные его члены и группы взаимно поддерживаютъ другъ друга, сочувствуютъ, содѣйствуютъ другъ другу. Но это чуть не идеалъ, едва достижимый. Въ мірѣ человѣческомъ и теперь постоянно стремятся къ борьбѣ, во что бы то ни стало. Въ немъ чуть не каждый человѣкъ, каждое общество, государство, каждый культъ, каждое ученіе считаютъ себя лучше и выше другихъ и стремятся всѣми силами подчинить другихъ своей волѣ. Эта гордыня духа есть слѣдствіе распущенности, не

обузданности, духовной слѣпоты, нравственнаго идіотизма, — словомъ, это отрицаніе основного жизненнаго мотива, выражаемаго афоризмомъ: «въ единеніи — сила». Въ немъ же, этомъ единеніи, и самый смыслъ жизни во всѣхъ формахъ ея проявленія, а тѣмъ болѣе въ наивысшей ея формѣ—въ человѣкѣ, этомъ образѣ и подобіи Бога, Который, по выраженію Іоанна Богослова, есть Любовь».

Итакъ, мы видимъ, что взводимыя на естествознаніе обвиненія лишены основаній. Мало того, атеизмъ созданъ *отнюдь не естествоиспытателями*, что доказываетъ исторія. Всѣ разрушительныя теоріи имѣютъ въ своей основѣ отрицаніе бытія Божія и составляютъ неизбѣжный выводъ изъ атеизма.

Но мы видимъ, что именно естествознаніе доказываетъ необходимость Божія бытія, а, слѣдовательно, является врагомъ всѣхъ разрушительныхъ теорій. Вѣра и наука не враги, но подруги и союзницы въ общемъ дѣлѣ. (Dr. *М. Н. Глубоковскій*. См. «Рус. Листокъ» 1900 г., № 33).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Способность человѣческаго духа воспринимать внушенія.

Направленіе вниманія опредѣляется двумя группами причинъ; съ одной стороны, *внѣшними* впечатлѣніями, передаваемыми органами чувствъ, съ другой — *внутреннимъ* содержаніемъ сознанія, представленіями, проникнутыми сильными чувствами. Въ первомъ случаѣ говорятъ, что вниманіе привлекается невольно, во второмъ—что оно направляется на данныя представленія по произволу самого лица. При обыкновенныхъ условіяхъ, а, слѣдовательно, въ обыденной жизни, оба фактора всегда дѣйствуютъ попеременно. Иногда вниманіе наше помимо воли привлекается внѣшними раздраженіями, иногда же мы по произволу направляемъ его на свои собственныя мысли или наблюденія и углубляемся въ нихъ. Опытъ доказываетъ намъ, что въ этомъ отношеніи существуетъ большая индивидуальная разница. Одни очень мало владѣютъ своимъ вниманіемъ, и потому оно у нихъ привлекается внѣшними раздраженіями, —такъ бываетъ у дѣтей, у дикарей. Произвольное направленіе вниманія всегда зависитъ отъ содержимаго сознанія индивидуума, т.-е. отъ состава мыслей и чувствъ, которыя даютъ вниманію то или иное желательное направленіе. Чѣмъ менѣе данныхъ для этого въ содержаніи сознанія, тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи и о произвольномъ управленіи вниманіемъ. У ребенка вся дѣятельность вниманія непроизвольна; если ребенокъ заплачетъ о чемъ-нибудь, то не перестаетъ до полнаго утомленія, или пока его вниманіе не перейдетъ на другіе предметы. Въ содержаніи своего собственнаго сознанія ребенокъ не находитъ матеріала для подавленія аффекта. Если же извнѣ явится представленіе противоположнаго характера, то онъ не можетъ сохранить существующаго настроенія, и плачъ сейчасъ же перейдетъ въ смѣхъ. По мѣрѣ развитія ребенка и обогащенія его сознанія, способность произвольнаго управленія вниманіемъ увеличивается. Наибольшую противоположность ребенку мы имѣемъ въ зрѣломъ, образованномъ и разсудительномъ человѣкѣ, вниманіе котораго только изрѣдка поглощается внѣшними раздраженіями и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣднія слишкомъ сильны, или когда онъ допускаетъ это по своему желанію.

Чѣмъ меньше власть человѣка надъ его вниманіемъ и чѣмъ чаще и сильнѣе имъ завладѣваютъ внѣшнія впечатлѣнія, тѣмъ больше его „воспріимчивость къ внушенію". Внушеніемъ же называется внѣшнее раздраженіе, вторгающееся въ сознаніе и съ особою силой приковывающее къ себѣ вниманіе. Такимъ образомъ дикари и дѣти особенно воспріимчивы къ внушенію, т.-е. особенно чувствительны къ раздраженіямъ, идущимъ изъ внѣшняго міра. Чѣмъ, напротивъ, богаче и разнообразнѣе содержаніе духовной жизни человѣка, тѣмъ менѣе вліянія имѣютъ на него внушенія со стороны. Итакъ, способность воспринимать внушенія есть нормальная способность, болѣе или менѣе присущая всякому человѣку. Такъ какъ произвольное управленіе вниманіемъ требуетъ волевого акта, а непроизвольное сосредоточеніе его происходитъ безъ усилія со стороны индивидуума, то всегда бываетъ легче отдаться во власть внѣшнихъ вліяній, т.-е. подвергнуться внушенію. Вслѣдствіе этого воспріимчивость къ внушенію у дѣтей развита въ высшей степени; съ теченіемъ лѣтъ она уменьшается, но никогда не покидаетъ человѣка вполнѣ.

Изъ всего сказаннаго о внушеніи мы легко можемъ понять и самое его дѣйствіе. Если вниманіе приковано къ какому-нибудь одному представленію, то ничто не проникаетъ въ сознаніе извнѣ, кромѣ того, что прочно ассоціонировано съ этимъ представленіемъ; таковыми могутъ быть другія представленія,

движенія, или органическія измѣненія. Поэтому внушеніе можетъ имѣть послѣдствіемъ возникновеніе опредѣленныхъ состояній сознанія, или вызываетъ соотвѣтственныя движенія и поступки или, наконецъ, измѣненія въ организмѣ. Тотъ или другой эффектъ зависитъ отъ природы внушенія. Впослѣдствіи мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ наблюдается то или другое дѣйствіе, а теперь необходимо изслѣдовать факторы, такъ или иначе вліяющіе на способность воспринимать внушенія.

Каждый человѣкъ, не живущій въ полномъ одиночествѣ, испытываетъ наибольшее воздѣйствіе на всѣ свои мысли и дѣла со стороны другихъ людей, поэтому способность къ воспріятію внушеній всего яснѣе выражается при сношеніяхъ съ людьми, что, конечно, не исключаетъ вліянія и другихъ природныхъ явленій.

Проходя въ жаркій лѣтній день мимо прозрачнаго ключа и слыша его журчаніе, мы, навѣрное, почувствуемъ жажду, хотя бы передъ тѣмъ и не думали о питьѣ. Въ этомъ случаѣ, видъ ключа дѣйствуетъ какъ внушеніе и побуждаетъ насъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ или, по крайней мѣрѣ, рождаетъ извѣстныя желанія. Головокруженіе, испытываемое многими лицами на большой высотѣ, есть также слѣдствіе внушенія; видъ пропасти возбуждаетъ представленіе о паденіи въ нее и можетъ сдѣлать его настолько интенсивнымъ, что на самомъ дѣлѣ повлечетъ прыжокъ съ высоты, поэтому поэты не даромъ говорятъ о „влекущей силѣ бездны". Всего отчетливѣе это чувство выражается тамъ, гдѣ нѣтъ перилъ; проходъ по узкому карнизу надъ пропастью для многихъ совершенно невозможенъ. Если же на высотѣ груди человѣка протянутъ шнурокъ, хотя бы настолько слабый, что онъ не можетъ выдержать тяжести человѣческаго тѣла, то головокруженіе исчезаетъ: шнурокъ дѣйствуетъ какъ контръвнушеніе, вызывая чувство безопасности.

Втягивающая сила бездны дѣлается почти неодолимой, если слѣдить глазами за падающимъ предметомъ; такое дѣйствіе, напримѣръ, обнаруживается при наблюденіи большихъ водопадовъ. Въ очень интересной работѣ—„Внушеніе и гипнотизмъ въ психологіи народовъ" (Лейпцигъ, 1894) — Столль пишетъ о Ніагарскомъ водопадѣ: „видъ огромной массы воды, низвергающейся безпрерывно съ отвѣсной скалы въ пучину, дѣйствуетъ на многіе умы, какъ чрезвычайно сильное внушеніе, такъ что только большимъ усиліемъ воли они удерживаются отъ желанія спрыгнуть въ потокъ и унестись съ нимъ въ бездну"... Одна швейцарка, съ которой я разговаривалъ объ этомъ предметѣ, увѣряла меня, что чарующая власть водопада подѣйствовала на нее при его посѣщеніи такъ сильно, что ея спутникъ — мужчина только силою удержалъ ее отъ безумнаго прыжка. Эти примѣры и многіе другіе подобные доказываютъ, что и *явленія природы могутъ дѣйствовать какъ внушеніе.*

Однако, всего сильнѣе и чаще внушенія исходятъ отъ людей, частью черезъ поступки, частью посредствомъ слова (примѣръ заразителенъ). Значеніе человѣческой рѣчи на томъ именно и основано, что она болѣе, чѣмъ что-либо другое, даетъ возможность вліять на поступки и мысли другихъ людей и давать имъ опредѣленное направленіе. „Рѣчь получила свое развитіе спеціально для того, чтобы служить средствомъ внушенія", пишетъ Столль. Способность воспринимать внушенія, какъ показываетъ опытъ, колеблется въ весьма широкихъ размѣрахъ у разныхъ лицъ и по отношенію къ разнымъ лицамъ: отъ однихъ внушеніе принимается легко, другіе оказываются совершенно безсильными, что, главнымъ образомъ, зависитъ отъ чувствъ, которыя мы къ нимъ питаемъ. Всякія проникнутыя сильными аффектами представленія имѣютъ свойство привлекать къ себѣ вниманіе. Человѣкъ, бывши свидѣтелемъ какого-нибудь непріятнаго происшествія, весьма долго не можетъ отдѣлаться отъ тяжелаго чувства, и многіе говорятъ о немъ до тѣхъ поръ, пока это чувство совершенно не притупится. Когда мы наблюдаемъ тотъ фактъ, что остроумное слово въ теченіе нѣсколькихъ дней обходитъ весь городъ, то это явленіе имѣетъ подобную же причину: всякій, кто его слышитъ, не можетъ удержаться, чтобы не разсказывать его дальше до тѣхъ поръ, пока оно ему самому не надоѣстъ. Поэтому же и люди, сильно затрогивающіе наши чувства, способны производить на насъ сильное внушеніе, тогда какъ другіе не имѣютъ никакого вліянія. Впрочемъ, не всѣ чувства дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ одинаково. Такъ какъ предрасположеніе къ воспріятію внушенія зависитъ отъ непроизвольнаго прикрѣпленія нашего вниманія, то именно тѣ ощущенія, которыя привлекаютъ къ себѣ вниманіе, усиливаютъ воспріимчивость къ внушенію, тогда какъ она, напротивъ, понижается ощущеніями, отталкивающими насъ отъ даннаго человѣка. Желаніе и уговоры „любезныхъ" или любимыхъ нами людей легко производятъ впечатлѣнія на наши мысли и чувства, тогда какъ тѣ же воздѣйствія совершенно теряютъ значеніе, если они исходятъ отъ лицъ непріятныхъ или намъ несимпатичныхъ. Такимъ образомъ, любовь повышаетъ впечатлительность къ внушенію, а нерасположеніе дѣйствуетъ

обратно. Въ томъ же направленіи, т.-е. повышая воспріимчивость къ внушенію, дѣйствуетъ довѣріе, уваженіе и страхъ.

Если мы получаемъ совѣтъ отъ лица, которому довѣряемъ, то это ощущеніе довѣрія привлекаетъ на себя наше вниманіе и непосредственно опредѣляетъ наши мысли и поступки. Если же этотъ самый совѣтъ данъ намъ лицомъ сомнительнымъ, то мы подвергаемъ его критикѣ и слѣдуемъ ему только тогда, когда сами убѣдимся въ его правильности, да и то не всегда. Довѣріе располагаетъ насъ къ немедленному исполненію совѣта, т.-е. повышаетъ способность воспринимать внушенія. Въ такомъ же направленіи дѣйствуетъ чувство уваженія, напримѣръ, подчиненнаго къ начальнику, младшаго къ старшему и т. д. Если привычка повиноваться уже разъ установилась, то послушаніе невольно является и тамъ, гдѣ высшее лицо ничего не приказываетъ. Вездѣ, гдѣ замѣшано чувство почтенія, напримѣръ, у дѣтей къ родителямъ и учителямъ, у прислуги къ господамъ и т. п., воспріимчивость къ внушенію различнымъ образомъ повышена. И не только прямыя приказанія и совѣты, но и поступки дѣйствуютъ въ качествѣ внушенія. На этомъ основано значеніе примѣра. Наклонность и стремленіе къ подражанію существуетъ не только у дѣтей, не даромъ говорится: „каковъ пастырь, таковы и пасомые". По обращенію служащихъ, напримѣръ, въ конторѣ, всегда можно заранѣе предсказать, какъ отнесется къ намъ хозяинъ. Примѣръ такъ же легко заражаетъ, какъ самая заразительная бацилла. И какъ противъ извѣстной болѣзни дѣлаются прививки той же болѣзненной матеріи, такъ же и примѣръ можетъ дѣйствовать устрашающимъ образомъ. На этомъ, однако, сходство останавливается: иммунитетъ достигается посредствомъ прививки ослабленныхъ разводокъ; напротивъ, для того чтобы устрашить, примѣръ долженъ быть усиленъ, доведенъ до каррикатуры.

Изъ всѣхъ аффектовъ страхъ, можетъ-быть, всего болѣе повышаетъ воспріимчивость къ внушенію. Если мы кого-нибудь боимся, т.-е. ожидаемъ отъ него чего-нибудь непріятнаго, то наше вниманіе напряженно слѣдитъ за всѣми его дѣйствіями, чтобы своевременно уклониться отъ послѣдствій его непріязненнаго отношенія. Въ виду такого постояннаго и сильнаго вліянія его на наши мысли и поступки, всякое малѣйшее дѣйствіе его имѣетъ силу внушенія, и человѣкъ долженъ обладать большою самостоятельностью и самообладаніемъ, чтобы отбросить всякое предвзятое мнѣніе и подозрѣніе относительно особы, которой онъ боится; рѣдкія исключенія только подтверждаютъ правило. Очевидно, что тотъ, кого мы боимся, обладаетъ извѣстною силой для вреда или пользы, — безъ этого его нечего было бы и бояться. Но для возможности внушенія совершенно безразлично, обладаетъ ли устрашающее лицо дѣйствительно этой силой, или она существуетъ только въ нашемъ воображеніи. На этомъ фактѣ основано то могущество, которымъ обладали во всѣ времена колдуны и прорицатели. Приписываемыя имъ силы были вполнѣ фантастичны, и вся реальная власть ихъ заключалась въ высоко развитой способности дѣлать неотразимыя внушенія. При моихъ волшебныхъ опытахъ я имѣлъ случай испытать, съ какимъ почтеніемъ, не свободнымъ даже отъ примѣси страха, относились къ моимъ дѣйствіямъ даже образованные люди. У молодыхъ дамъ я могъ вызывать частичную каталепсію только взявъ ихъ за руку и смотря на нихъ въ упоръ. Когда я предлагалъ имъ отнять руку, то это оказывалось неисполнимымъ: рука была какъ бы парализована.

Подъ вліяніемъ страха, внушеніе можетъ принять совершенно непредвидѣнное направленіе, вызвавъ эффектъ совершенно противоположный задуманному. Такое явленіе называется *обратнымъ внушеніемъ*. Всего чаще примѣры такого рода мы видимъ при запрещеніяхъ. Мысль о запрещенномъ до такой степени завладѣваетъ вниманіемъ, что у субъектовъ, склонныхъ къ внушенію, переходитъ въ неудержимую потребность нарушить запрещеніе [1]).

Приведу примѣръ изъ своего дѣтства. 11 лѣтнимъ мальчикомъ я имѣлъ учителя, видъ котораго внушалъ мнѣ такое отвращеніе, какого я не испытывалъ никогда въ жизни; кромѣ всего прочаго у него были такіе „острые" глаза, что они невольно приковывали къ себѣ мое вниманіе. Однажды, къ концу урока онъ вдругъ прервалъ объясненія и строго приказалъ тому, кто щелкалъ языкомъ, прекратить это занятіе, такъ какъ онъ не выноситъ этого звука. Я былъ совершенно неповиненъ въ этомъ, потому что видъ учителя такъ устрашалъ меня, что я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. Однако внушеніе подѣйствовало. Опасаясь, чтобы какъ-нибудь не произвести запрещеннаго звука, я всѣ силы ума сосредоточилъ на актѣ проглатыванія слюны, которое при нормальныхъ условіяхъ совершается рефлекторно. Я такъ усиленно старался подавить всякое движеніе глотанія, что ротъ переполнялся слюною, и, будучи принужденъ, наконецъ, проглотить ее, я громко щелкнулъ языкомъ. Конечно,

[1]) Крайне важное замѣчаніе для воспитателей.

меня наказали, но зато всякій разъ въ присутствіи этого учителя я испытывалъ страшное стѣсненіе при глотательныхъ движеніяхъ. Это типическій примѣръ обратнаго внушенія.

Запрещеніе вызываетъ какъ разъ запрещенное дѣйствіе въ силу повышенія воспріимчивости къ внушенію, обусловленнаго страхомъ. Аналогично съ довѣріемъ къ кому-либо дѣйствуетъ и убѣжденіе въ правильности извѣстнаго воззрѣнія. Каждая вѣра, каждое глубокое убѣжденіе, безразлично въ какой-либо области: религіозной, философской, политической, ведетъ къ тому, что все, совпадающее съ нею безъ дальнѣйшихъ разсужденій считается истиннымъ, все противорѣчащее ложнымъ. Такой эффектъ зависитъ отъ чувствъ, возбуждаемыхъ въ насъ согласіемъ или несогласіемъ, т.-е. чувствъ удовольствія или неудовольствія. Эти чувства у большинства людей служатъ почти всегда единственнымъ доказательствомъ истины какого-нибудь положенія. Завладѣвъ вниманіемъ человѣка, эти чувства непосредственно входятъ въ его сознаніе и получаютъ вліяніе на его мысли и поступки; отъ противоположныхъ представленій вниманіе отстраняется, вслѣдствіе внушаемаго ими непріятнаго чувства. Другими словами, опредѣленное вѣрованіе или убѣжденіе повышаетъ способность къ воспріятію всякаго внушенія, которое съ нею совпадаетъ, въ то же время уменьшая ее по отношенію ко всему противоположному. Такъ называемое пристрастіе есть не что иное, какъ извѣстное выраженіе подобныхъ психическихъ отношеній; оно есть, такъ сказать, ихъ интеллектуальное слѣдствіе. Если мы пристрастны къ чему-нибудь, то мы замѣчаемъ лишь то, что совпадаетъ съ нашимъ мнѣніемъ, и будемъ игнорировать противоположные факты.

Усиленіе воспріимчивости къ внушенію, обусловленное извѣстнымъ вѣрованіемъ, влечетъ за собою еще другія интересныя явленія. Опытъ учитъ насъ, что внушенія, воспринятыя при такомъ повышенномъ предрасположеніи, могутъ влiять не только на мысли и поступки даннаго лица, но и на всѣ его физическія и духовныя функціи. Наблюдательная дѣятельность органовъ измѣняетъ свой характеръ, воспоминанія перестраиваются, мысли получаютъ новыя направленія, совершаются поступки, совершенно несогласные съ нормальнымъ характеромъ субъекта, физіологическія функціи измѣняются, въ извѣстныхъ, конечно, границахъ, даже болѣзни могутъ быть вызваны или излѣчены и т. д. Примѣръ такого рода мы уже имѣли при описаніи обратнаго внушенія. Всѣ перечисленныя явленія, обыкновенно, вызываются воздѣйствіемъ другихъ людей и могутъ быть вызваны извнѣ, со стороны, но они могутъ быть также вызваны внутреннею психическою работою даннаго лица и носятъ тогда названіе *самовнушеній*. Послѣднія также возможны только на почвѣ повышенной воспріимчивости къ внушенію, являющейся слѣдствіемъ извѣстной вѣры или убѣжденія.

Какъ примѣръ, опишемъ одно изъ „симпатическихъ“ средствъ, употребляемыхъ противъ бородавокъ: бородавку натираютъ красною полевою улиткою и послѣднюю накалываютъ на шипъ растенія. Когда улитка высохнетъ и свалится, отваливается и бородавка. Средство это очень употребительно въ Цюрихскомъ кантонѣ, въ Ирландіи и кое-гдѣ въ Германіи. Сокъ улитки не имѣетъ никакихъ цѣлебныхъ свойствъ, еще меньше, конечно, можетъ имѣть значенія смерть несчастнаго животнаго, но если это средство примѣняется съ твердою вѣрою въ него, то, подъ вліяніемъ самовнушенія, бородавка, на самомъ дѣлѣ, исчезаетъ. Слѣдовательно, здѣсь, какъ и въ очень многихъ случаяхъ, дѣятельная сила есть вѣра.

Если одновременно будутъ дѣйствовать нѣсколько факторовъ, увеличивающихъ воспріимчивость къ внушенію, то она можетъ достигнуть громадныхъ размѣровъ. Это, напримѣръ, бываетъ, когда одно лицо, пользующееся полнымъ довѣріемъ другого, побуждаетъ его къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, согласнымъ съ его собственнымъ вѣрованіемъ. Вѣра и довѣріе настолько повышаютъ воспріимчивость къ внушенію, что, дѣйствуя вмѣстѣ, могутъ повести къ необыкновеннымъ результатамъ. Всѣ мы знаемъ, какія въ самомъ дѣлѣ чудесныя дѣйствія, какъ хорошія, такъ и худыя, совершаются опытными наставниками, учителями и т. д., умѣющими заслужить довѣріе своихъ воспитанниковъ.

Столль приводитъ много такихъ примѣровъ. Вотъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ: „Въ Англіи нѣкоторый чувственный фанатикъ, Генри Джемсъ Прайсъ, до того отуманилъ своихъ послѣдовательницъ, что имѣлъ возможность въ основанномъ имъ „Храмѣ любви“ (Агапемоне), при полномъ собраніи вѣрующихъ, лишить невинности красивую дѣвушку, миссъ П., причемъ онъ заранѣе объявилъ, что во имя Бога сдѣлаетъ женою прекрасную дѣву и совершитъ это не въ страхѣ и стыдѣ, не въ скрытомъ мѣстѣ, при запертыхъ дверяхъ, а среди дня, при полномъ собраніи вѣрующихъ обоихъ половъ. Невѣроятная церемонія была, дѣйствительно, исполнена“. Комментаріи излишни, однако такой фактъ далеко не единиченъ въ исторіи религіозныхъ сектъ. Всякій нормальный человѣкъ долженъ понять, какое неизмѣримо сильное внушеніе долженъ былъ производить Прайсъ и его ученіе на мысли и чувства

всей общины, чтобы заставить вѣрующихъ присутствовать при подобной церемоніи.

Этотъ потрясающій примѣръ не только доказываетъ всю силу внушенія, но указываетъ намъ на тотъ новый фактъ, что очень многіе люди одновременно могутъ получить внушеніе въ одинаковомъ направленіи. Такія „массовыя" внушенія въ исторіи человѣческаго рода играли, конечно, не малую роль. Первый и пятый крестовые походы представляютъ собою несомнѣнно результатъ массоваго внушенія, что ясно видно изъ каждаго сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія ихъ возникновенія. Какъ исходная точка суевѣрій, массовое внушеніе имѣетъ также большое значеніе, его можно найти вездѣ въ основѣ тѣхъ случаевъ, когда многіе люди имѣютъ одни и тѣ же галлюцинаціи. Къ сожалѣнію, явленіе массоваго внушенія еще очень мало разъяснено, вслѣдствіе трудности примѣнить къ нему методъ экспериментальнаго изслѣдованія. Въ своемъ небольшомъ, но интересномъ сочиненіи „Psichologie des foules" (Парижъ, 1895), Лебонъ историческимъ путемъ доказалъ, что толпа всегда болѣе склонна къ внушенію, чѣмъ отдѣльные люди[1]). (См. „Исторію суевѣрій и волшебства" д-ра Леманна, М. 1890 г., вып. 9-й, стр. 527—533).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Способность человѣческаго духа къ сознанію.

1. **Объясненіе терминовъ сознанія и самосознанія.** „Сознаніемъ" называется всякое измѣненіе души подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій, т.-е. превращеніе физическаго и физіологическаго процесса въ психологическій или душевный. Сознаніе въ этомъ смыслѣ значитъ то же, что ощущеніе, воспріятіе, и прямо замѣняется этими терминами. Когда, при существованіи физическихъ и физіологическихъ условій такого или другого душевнаго измѣненія, это послѣднее почему-нибудь не является, — что бываетъ весьма часто, — то это состояніе называется „несознаваемымъ" или „безсознательнымъ". Такой смыслъ имѣютъ слова „сознательность", „сознаніе", „сознавать", когда говорится, что раненый солдатъ, въ пылу сраженія, не сознаетъ полученной раны; что дитя, находясь на краю пропасти, не сознаетъ опасности своего положенія. При этомъ душевное состояніе, какъ вполнѣ готовое возникнуть, представляется какъ бы существующимъ и только невоспринимаемымъ душою...

Сознаніе, какъ явленіе превращенія физическаго въ психическое, какъ основное, поэтому, свойство души, отличающее ее отъ физическаго и явленія душевныя отъ физическихъ, сознаніе, какъ самооткрытіе душевнаго, есть фактъ первичный, космическій, неразложимый и необъяснимый, какъ природа души. Онъ не подлежитъ дальнѣйшему изслѣдованію. Сознаніе, какъ отнесеніе даннаго явленія къ себѣ, знаніе о немъ, какъ о своемъ собственномъ, состоя въ сочетаніи явленія душевнаго съ идеей личности, или „я", предполагаетъ эту идею и есть сложный умственный актъ, который отчасти отличается отъ другихъ видовъ сознанія особымъ названіемъ, именно,—называется „самосознаніемъ". Его изслѣдованіе, потому, цѣликомъ принадлежитъ теоріи умственной дѣятельности. (См. „Психологію" В. Снегирева, Харьковъ, 1893 г., стр. 180, 182).

2. **Факты сознанія.** Существуютъ три факта, которые рѣшительно подрываютъ основу матеріалистическаго воззрѣнія. Это именно факты духовнаго, нравственнаго и религіознаго сознанія.

Первый фактъ есть фактъ мысли и особенно самосознанія. Если все есть только произведеніе мозга, то какимъ же образомъ происходитъ самое мышленіе? Мозгъ есть только органъ — кто же приводитъ этотъ органъ въ движеніе? Для этого необходима сила, которая сама не есть опять чувственнаго свойства. Эта движущая сила должна соотвѣтствовать своей дѣятельности, т.-е. должна быть духовнаго свойства. Но высшее дѣйствіе этой духовной силы мысли есть самосознаніе. Какъ можно считать его лишь простымъ актомъ мозга, когда оно скорѣе есть духовное дѣло человѣка, которое во всемъ остальномъ земномъ существованіи не имѣетъ ничего себѣ равнаго? Нѣчто соотвѣтствующее мысли или сужденію можно находить также у животныхъ; но самосознаніе есть нѣчто специфическое, есть совершенно новый принципъ, который выводитъ человѣка далеко за область остальной земной

---

[1]) Не будь въ человѣческой душѣ способности воспринимать внушенія, у педагоговъ, законодателей, пророковъ и посланниковъ Божіихъ не было бы духовныхъ основъ для насажденія въ человѣческихъ обществахъ правилъ, законовъ, повелѣній, а безъ нихъ не было бы никакого прогресса ни въ умственномъ, ни соціально-экономическомъ, ни религіозно-нравственномъ отношеніи. Так. обр. эта способность весьма цѣнна. Злоупотребленіе ею ничего не говоритъ противъ нея, потому что злоупотреблять всѣмъ можно. *Г. Д—ко.*

жизни, — есть самое духовное, что только существуетъ на землѣ, въ чемъ человѣкъ самъ себя отрѣшаетъ отъ всего, что онъ имѣетъ въ себѣ, и понимаетъ и мыслитъ себя въ своемъ чистомъ единствѣ съ самимъ собою. И это самосознаніе остается тѣмъ же самымъ при всякихъ измѣненіяхъ, которыя, вообще, могутъ происходить съ человѣкомъ, какъ совнѣ, такъ и внутри. Было бы рѣшительно смѣшно называть его продуктомъ вещества, такъ какъ оно находится въ отрѣшенности отъ всякаго вещества.

Другой фактъ есть фактъ нравственнаго сознанія. Нравственное сознаніе, совѣсть, есть такой же фактъ, какъ и наше тѣло. Оно не есть что-либо навязанное намъ, что-либо привитое, внушенное, но всякому нравственному проявленію совнѣ внятнымъ отголоскомъ отвѣтствуетъ внутренній нравственный голосъ. Насколько человѣкъ остается человѣкомъ, въ немъ неизмѣнно существуетъ это нравственное сознаніе. Оно можетъ быть помрачено, извращено, но всегда существуетъ и продолжаетъ служить основой нравственной жизни даже и при всякомъ извращеніи!

Въ неменьшемъ смыслѣ есть фактъ и религіозное сознаніе. Это внутреннее стремленіе человѣка къ высшему существу, которое отображается въ его сознаніи и неизмѣнно проявляется повсюду, гдѣ только существуютъ люди, такой же фактъ духовной жизни, какъ и всякій другой. И даже если бы смотрѣли на него какъ на заблужденіе, во всякомъ случаѣ фактъ его существованія нужно признать и умѣть объяснить самую возможность его. Но онъ былъ бы невозможенъ, если бы мы все считали только произведеніемъ матеріи.

На этихъ трехъ фактахъ между тѣмъ и основывается вся высшая жизнь человѣка. Матеріализмъ старается отвергнуть ее. Но то, что онъ самъ предлагаетъ на мѣсто ея, есть въ концѣ-концовъ озвѣреніе человѣчества. Только-де высокомѣрная заносчивость человѣка и служитъ причиной того, что онъ такъ высоко ставитъ себя надъ животнымъ міромъ, полагаетъ матеріализмъ. А между тѣмъ, какъ происшедшіе отъ животныхъ, мы въ дѣйствительности оказываемся-де высшаго и болѣе благороднаго происхожденія, чѣмъ какъ происшедшіе изъ праха, — учатъ Дарвинъ, Геккель и др., имѣя въ виду, съ одной стороны свое ученіе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, и съ другой—библейское ученіе о происхожденіи человѣка изъ земли. (См. „Апологію христіанства“ Лютарда, русск. перев. изд. 1892 г., стр. 86—87).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Душа и тѣлесные органы ея.

Анализируя человѣческую душу, мы убѣждаемся, что въ этомъ мірѣ она руководствуется органами чувствъ и мыслитъ при помощи мозга. Отсюда ясно, что дѣятельность души въ прямой связи съ нашимъ тѣломъ, но изъ этого не слѣдуетъ то, что утверждаютъ матеріалисты, а именно, что познаютъ, воспринимаютъ и чувствуютъ органы чувствъ, а не душа, и что мыслитъ опять-таки самый мозгъ, а не сокрытая въ насъ интеллектуальная сила. Несомнѣнно, что душа, тѣсно связанная съ органическимъ тѣломъ, можетъ чувствовать и мыслить только черезъ посредство его. Между органами чувствъ и душой существуетъ соотношеніе, которое можно сравнить съ дѣйствіемъ очковъ на глаза. Очками, какъ извѣстно, обусловливается не самое зрѣніе, а то или другое свойство его, такъ, напримѣръ, увеличеніе, приближеніе или отдаленіе предметовъ, ослабленіе свѣта и проч. Точно также и органами чувствъ обусловливается не само познаваніе или воспріятіе, а только тотъ или другой родъ ощущеній, такъ что органы чувствъ и мозгъ являются для нашей души какъ бы очками, которыя мы сбрасываемъ въ моментъ смерти. Вотъ по скольку правы матеріалисты. Наше сознаніе распространяется только на мозговыя представленія, сталобыть наше сознательное мышленіе во всякомъ случаѣ не исходитъ непосредственно отъ души и, конечно, измѣнится послѣ смерти, подобно тому, какъ измѣняется свойство зрѣнія въ самую минуту, когда снимаютъ съ глазъ очки. Въ силу постояннаго употребленія очковъ, человѣкъ забываетъ и, въ концѣ-концовъ, даже перестаетъ сознавать природное свойство своего зрѣнія. Таково же и отношеніе его къ своей душѣ, пока мы живемъ на этой землѣ и обладаемъ аппаратомъ для познаванія и воспріятія, — я разумѣю мозгъ и органы чувствъ или, что то же, духовныя очки, — наше субъективное я, обусловливаемое непосредственно душой, ускользаетъ отъ нашего сознанія. Вотъ почему духовныя отправленія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ нашей тѣлесной оболочкой, т.-е., если такъ можно выразиться, самая сущность нашей души, пока еще совершенно неизвѣстны намъ. Эта-то сокрытая, неизвѣданная сила человѣческой души и не можетъ подлежать смерти. Что же касается до чувствилища, тѣсно связаннаго съ нашимъ тѣломъ, то оно вполнѣ подлежитъ притязаніямъ матеріализма, и мы смѣло можемъ предоставить ему эту область. (См. «Крестъ надъ глетчеромъ» Карла дю-Преля, Спб. 1893 г., стр. 189—190).

Б. Человѣческій духъ способенъ къ самостоятельной чисто-духовной дѣятельности при посредствѣ лишь нервнаго аппарата.

Все что доказала новѣйшая физіологія, такъ это—тѣсную зависимость психической жизни отъ физіологическихъ процессовъ, болѣе тѣсную связь между душевными явленіями и строеніемъ и функціями разныхъ частей нервнаго механизма, чѣмъ это предполагалось прежде. Но матеріальный характеръ психическихъ явленій остался недоказаннымъ и нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ когда-нибудь былъ доказанъ.

Мы будемъ излагать свои мысли въ связи съ разборомъ мнѣній проф. физіологіи Н. О. Ковалевскаго по поводу его рѣчи: «Какъ смотрятъ физіологи на жизнь вообще и психологическую въ особенности»? Казань 1876 г.

Н. О. Ковалевскій, какъ и большая часть физіологовъ одного съ нимъ направленія, убѣжденъ, что для доказательства матеріальности какого-нибудь психическаго процесса достаточно указать, что происходитъ въ тѣхъ или другихъ частяхъ нервнаго механизма. По его взгляду, устройство нервной машины, связь ея отдѣльныхъ частей и тѣ молекулярныя движенія, которыя распространяются между ними, составляютъ самое существо психической жизни. Такимъ образомъ для него нѣтъ существеннаго различія между нервнымъ и психическимъ процессомъ, и, поэтому, этотъ послѣдній матеріаленъ. Но это убѣжденіе, которое и прямо высказывается и сквозитъ во всѣхъ разсужденіяхъ автора, не имѣетъ за себя основаній. Оно принято имъ какъ особаго рода «credo» помимо всякихъ доказательствъ. Все что Н. О. Ковалевскій говоритъ объ органахъ чувствъ, о мозговыхъ клѣткахъ и ихъ вибраціяхъ, о рефлексахъ простыхъ и сложныхъ, касается одной только стороны дѣла,—именно физіологическихъ условій психической жизни. Но тотъ фактъ, что вмѣстѣ или параллельно съ этими нервными возбужденіями и ихъ распространеніемъ по нервнымъ путямъ идетъ рядъ психическихъ состояній,—состояній особаго рода, не похожихъ на молекулярныя движенія, остается неприкосновеннымъ. Двойственность физіологическихъ и психическихъ процессовъ, или дуализмъ духа и вещества, утверждаемый психологами, твердо стоитъ противъ всѣхъ усилій автора стушевать одинъ изъ членовъ этого контраста. Всѣ его выраженія, вродѣ: «нервная память есть общее свойство матеріи» и т. п. просто лишь прикрываютъ психологическую сторону нервныхъ процессовъ, нисколько не доказывая ея матеріальности. Чтобы наше обвиненіе не показалось голословнымъ; мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ тѣхъ психическихъ явленій, матеріальность которыхъ авторъ считаетъ доказанной.

1. Онъ говоритъ, напримѣръ, что *утомленіе* есть чисто физіологическій, или физико-химическій процессъ и доказываетъ это экспериментомъ надъ вырѣзанной мышцей. Но на самомъ дѣлѣ авторъ предлагаетъ лишь объясненіе, и объясненіе, конечно, весьма цѣнное—тѣхъ условій, которыми вызывается въ насъ чувство утомленія. Правда, чувство усталости обусловливается химическимъ разложеніемъ мышечнаго вещества, но само есть психическій фактъ, въ существѣ дѣла, нисколько не похожій на молекулярныя измѣненія мышечной ткани. Мышца, отдѣленная отъ организма, представляетъ всѣ химическія явленія описанныя авторомъ, но не имѣетъ и, насколько мы знаемъ, не можетъ имѣть *чувства* утомленія.

2) То же слѣдуетъ сказать и объ *ощущеніи*. Все что авторъ говоритъ о внѣшнихъ агентахъ, вызывающихъ нервный процессъ въ органахъ чувствъ, а также о приспособленіи этихъ послѣднихъ къ воспріятію тѣхъ или другихъ впечатлѣній, касается лишь физіологическихъ условій, которыя нужны для того чтобы произошло ощущеніе. Но чтобы ощущеніе было то же самое, что и всѣ эти нервныя раздраженія и движенія, это—не доказано. Ощущеніе краснаго цвѣта есть фактъ особаго рода, не похожій на волнообразныя движенія въ сѣтчаткѣ, распространяющіяся по зрительному нерву и передаваемыя въ соотвѣтствующую часть мозга. Ощущеніе температуры гораздо меньше имѣетъ сходства съ движеніями въ нервахъ и нервныхъ центрахъ, чѣмъ эти движенія съ волнообразными движеніями распространяемыми нагрѣтымъ тѣломъ. Ощущеніе не есть движеніе, не есть перемѣщеніе частицъ матеріи съ одного мѣста на другое, но есть особаго рода фактъ, который мы наблюдаемъ въ себѣ непосредственно. Поэтому нельзя сказать, чтобы ощущеніе было матеріально, такъ какъ оно не имѣетъ тѣхъ свойствъ, которыя мы приписываемъ матеріи.

3. Н. О. Ковалевскій, безъ сомнѣнія, знаетъ лучше, чѣмъ авторъ этой замѣтки, сколько психологическихъ фактовъ входитъ въ образованіе *пространственныхъ представленій*. Недостаточно, чтобы образъ предмета отразился на сѣтчаткѣ, недовольно, чтобы молекулярныя движенія, соотвѣтствующія каждой точкѣ свѣтового изображенія распространились на тѣ гангліи, въ которыхъ теряется оптическій нервъ. Каждое изъ возбужденій вызванныхъ въ пестикахъ ретины служитъ лишь знакомъ (Localzeichen), который долженъ быть еще истолкованъ въ его отношеніи къ другимъ подобнымъ же знакамъ, для того чтобы въ насъ возникло представленіе протяженнаго предмета. Н. О. Ковалевскому, безъ сомнѣнія, извѣстны факты, такъ называемыхъ, безсознательныхъ заключеній завитыхъ въ воспріятіи предметовъ внѣшняго міра. Онъ знаетъ всѣ новѣйшія изслѣдованія относительно контраста цвѣтовъ и долженъ согласиться, что если послѣ

впечатлѣнія краснаго цвѣта мы видимъ на бѣлой бумагѣ его дополнительный цвѣтъ, то это явленіе включаетъ въ себѣ психологическій фактъ безсознательнаго сужденія. Если параллельныя линіи, соединенныя попарно косвенными поперечными линіями, направляющимися то вверхъ то внизъ, намъ кажутся расходящимися, то впечатлѣнія на органъ зрѣнія получаются такія, которыя даются линіями параллельными, почему же, спрашивается, мы видимъ ихъ непараллельными? Отчего кругъ, при извѣстныхъ условіяхъ, кажется намъ составленнымъ изъ четырехъ дугъ не одного круга? Отчего одну и ту же линію мы считаемъ то короче, то длиннѣе? Н. О. Ковалевскій отвѣтитъ, что при воспріятіи предметовъ внѣшняго міра происходитъ болѣе тонкая механическая работа мозга, чѣмъ предполагалось прежде новѣйшихъ изслѣдованій, констатировавшихъ всѣ приведенные факты. Но не подлежитъ сомнѣнію, что одной этой механической работой безъ психическихъ фактовъ сравненія однихъ впечатлѣній съ другими, ихъ различенія, запоминанія и т. п. невозможно объяснить даже такого, по видимому, простого факта, какъ воспріятіе предмета въ его трехъ измѣреніяхъ. Почему образъ, рисующійся на сѣтчаткѣ лишь въ двухъ измѣреніяхъ, истолковывается нами какъ предметъ, имѣющій протяженіе не только въ длину и ширину, но еще и въ глубину. Н. О. Ковалевскій знаетъ, что для этого воспріятія третьяго измѣренія нужны опыты, предполагающіе цѣлый рядъ сравненій и заключеній. Но всѣ сравненія, всѣ усмотрѣнія сходства и различія, всѣ заключенія отъ дѣйствительныхъ впечатлѣній къ впечатлѣніямъ возможнымъ, все это—психологическіе факты. Они предполагаютъ, правда, нѣкоторую работу мозга, но не исчерпываются ей, и смѣшивать ихъ съ молекулярными движеніями мозгового вещества нѣтъ никакого основанія. Тотъ дуализмъ, который авторъ старается сгладить, данъ уже въ фактѣ чувственнаго воспріятія или ощущенія. Посмотримъ, напримѣръ, что такое съ физіологической стороны различеніе. Мы имѣемъ впечатлѣніе А, имѣемъ вмѣстѣ съ нимъ, или вслѣдъ за нимъ впечатлѣніе В и чувствуемъ между ними разницу. Мы должны ее чувствовать, потому что иначе ни то, ни другое изъ впечатлѣній не будетъ сознано нами, не приметъ того особаго характера, который дѣлаетъ его ощущеніемъ. Впечатлѣнію А соотвѣтствуетъ нѣкоторое физіологическое состояніе; впечатлѣнію В соотвѣтствуетъ другое, отличающееся отъ перваго, состояніе нервовъ и мозга. Какимъ образомъ усматривается различіе между этими нервными состояніями? Одно состоитъ въ движеніяхъ извѣстнаго рода, другое состоитъ изъ движеній нѣсколькихъ различныхъ, но какимъ образомъ одно движеніе знаетъ, что оно больше или меньше другого? Н. О. Ковалевскій скажетъ, что онъ не берется объяснить сознанія,—а мы ему отвѣчаемъ, что въ такомъ случаѣ одними матеріальными причинами онъ не можетъ объяснить и ощущенія, потому что ощущеніе предполагаетъ непостижимое для него чувство различія. Все, что онъ можетъ сдѣлать, такъ это указать органическія условія происхожденія ощущеній. Но самый фактъ ощущенія онъ долженъ признать явленіемъ, въ которомъ дано участіе другого фактора, котораго нельзя смѣшивать съ физіологическимъ процессомъ, потому что это значило бы смѣшивать условіе наступленія явленія съ самымъ явленіемъ.

4. Но пойдемъ дальше: посмотримъ, какъ съ физіологической точки зрѣнія объясняется *память*. Память для физіолога есть не больше, какъ повтореніе частичныхъ колебаній нервныхъ клѣтокъ. Но съ психологической точки зрѣнія это возобновленіе нервныхъ вибрацій, или оживленіе слѣдовъ, которые остаются въ тѣхъ или другихъ частяхъ мозга послѣ оригинальнаго впечатлѣнія, опять-таки есть не больше, какъ условіе для психическаго факта памяти. Память предполагаетъ не только возобновленіе извѣстнаго возбужденія, но и сознаніе, что мы имѣли это возбужденіе, или испытывали это состояніе прежде. Это отнесеніе настоящаго къ прошлому, это узнаваніе въ извѣстномъ направленіи прежняго оригинальнаго ощущенія есть фактъ sui generis, совершенно различный отъ физіологическихъ слѣдовъ и отъ ихъ повторенія. Одна только привычка постоянно имѣть въ виду лишь одну сторону дѣла и оставлять безъ вниманія другую,—привычка, впрочемъ, весьма понятная въ физіологѣ,—заставляетъ смѣшивать эти два факта, изъ которыхъ одинъ служитъ условіемъ другого, но которые радикально различны между собой. Я видѣлъ какой-нибудь предметъ, т.-е. получилъ отъ него извѣстныя зрительныя впечатлѣнія. Эти впечатлѣнія уступаютъ мѣсто другимъ, но не исчезаютъ безслѣдно. Они измѣнили нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствующія части мозга. Когда я опять вижу тотъ же предметъ, или когда представленіе о немъ всплываетъ во мнѣ въ силу ассоціаціи, то съ физіологической стороны это значитъ, что возникаетъ снова такое же вибраціонное движеніе, которое производилъ предметъ прежде. Но во всякомъ случаѣ, строго говоря, оно не есть *то же самое* состояніе, которое я испытывалъ прежде. Оно сходно съ первымъ, сходно можетъ быть до неразличимости, но есть фактъ, по крайней мѣрѣ, численно различный съ первымъ. Назовемъ оригинальное впечатлѣніе предмета на мозгъ А; назовемъ повторившееся мозговое состояніе сходное съ первымъ или соотвѣтствующее первому A' и посмотримъ, что происходитъ съ субъективной стороны. Я имѣю не только представленіе a', но вмѣстѣ съ тѣмъ я его отношу къ ощущенію a, отождествляю его съ нимъ, или сознаю, что то, что я вижу сейчасъ, я видѣлъ прежде. Вотъ эта

черта, это убѣжденіе, что настоящее ощущеніе было испытываемо мною прежде, что теперешнее представленіе воспроизводитъ предметъ, который когда-то былъ наблюдаемъ мной, и составляетъ то что называется воспоминаніемъ. Если бы мы тысячу разъ имѣли ощущеніе, или представленіе a', но каждый разъ не относили его къ прежнимъ такимъ же состояніямъ, то мы не имѣли бы того, что въ строгомъ смыслѣ называется памятью. Если металлическая доска продолжаетъ нѣкоторое время звучать послѣ удара, то каждая вибрація, слѣдующая за другой, не чувствуется самой доской, какъ повтореніе предыдущей вибраціи. Это чувствуемъ мы, которые слышимъ продолжающійся звукъ, или видимъ повторяющіеся колебанія частицъ металла. Но это чувство, это сличеніе настоящаго впечатлѣнія съ непосредственно предшествовавшимъ и есть память въ психологическомъ смыслѣ. Называть явленія повторяющихся сотрясеній матеріальныхъ частицъ «непосредственной памятью случившагося», значитъ — приписывать веществу фактъ психической жизни, котораго оно не имѣетъ и, насколько мы знаемъ, не можетъ имѣть. Приписать память вибраціямъ колокола или доски можно лишь въ смыслѣ аллегорическомъ,—въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ о желѣзѣ можно сказать, что оно притягивается къ магниту вслѣдствіе страстнаго желанія соединиться съ нимъ. Тѣ колебательныя движенія, которыя по новѣйшимъ изслѣдованіямъ составляютъ нервный процессъ, въ существѣ дѣла такія же механическія движенія, какъ и вибраціи звучащей доски; и какъ мы не имѣемъ права сказать, чтобы доска сознавала колебанія своихъ частицъ, какъ звукъ, и помнила, что каждое колебаніе есть повтореніе предыдущаго, такъ мы не имѣетъ права говорить о памяти мышцъ, или нервныхъ волоконъ,—не можемъ сказать, что мозговое вещество сознаетъ свои сотрясенія, какъ цвѣтъ или звукъ, и припоминаетъ, что оно имѣло когда-то эти сотрясенія. Н. О. Ковалевскій, конечно, скажетъ, что физіологія не берется объяснить сознанія, но мы спросимъ, что же она объясняетъ? механизмъ мозга? Эти объясненія принадлежатъ ей по праву, но механическій процессъ въ мозгу не составляетъ памяти, какъ онъ не составляетъ и ощущенія. Память, какъ и ощущеніе, предполагаетъ сознаніе, и если физіологія отказывается объяснить сознаніе, то она отказывается, значитъ, объяснить психическіе факты ощущенія и памяти. Но какимъ образомъ можно сказать, какъ утверждаетъ Н. О. Ковалевскій, что изъ основного свойства нервной памяти, именно — изъ способности нервной системы сохранять слѣды прежнихъ впечатлѣній и при извѣстныхъ условіяхъ снова приходить въ такое же состояніе, снова имѣть такія же движенія, «физіологія въ состояніи вывести всѣ сложные психическіе процессы». «Вывести» простѣйшаго психическаго явленія, — самаго слабаго свѣтового впечатлѣнія, самаго легкаго чувства неловкости положенія и т. п.—изъ движеній и перемѣщеній молекулъ мозга физіологія не въ силахъ. Какимъ же образомъ она можетъ «вывести» изъ свойствъ матеріи такіе, наприм., факты, какъ отождествленіе настоящаго впечатлѣнія съ прежнимъ, процессы мышленія, обобщенія и заключенія, дѣятельность творческой фантазіи, или чувства эстетическое, моральное и религіозное? Непостижимо!

Психологъ, близко знакомый со всѣми новѣйшими изслѣдованіями физіологіи относительно физіологической стороны душевной жизни, долженъ согласиться, что связь между душевными явленіями и физіологическими процессами гораздо тѣснѣе, глубже, многостороннѣе, чѣмъ признавалось это прежде. Прежде признавали возможнымъ, такъ называемое, чистое мышленіе, то-есть, умственную дѣятельность помимо работы мозга, независимо отъ затраты молекулярныхъ силъ, сосредоточенныхъ въ этомъ органѣ. Прежде не знали всѣхъ тонкихъ, чрезвычайно сложныхъ приспособленій органовъ чувствъ; отсюда ощущеніе считалось самымъ простымъ психическимъ явленіемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно оказывается весьма сложнымъ процессомъ. Задолго до открытія мозговыхъ клѣтокъ и соединяющихъ ихъ волоконъ были извѣстны законы ассоціаціи, но физіологическія изслѣдованія не только подтвердили результаты психологическаго анализа, но во многихъ отношеніяхъ дополнили и исправили его. И прежде были извѣстны многіе факты вліянія умственной и эмоціональной жизни на органическіе процессы. Новѣйшія изслѣдованія физіологіи въ этой области не только указали множество новыхъ фактовъ этого вліянія, но привели къ болѣе научному объясненію всѣхъ этихъ фактовъ. Кто станетъ отвергать заслуги физіологовъ и громадное значеніе физіологическихъ методовъ изученія психическихъ явленій? Но развѣ одно и то же изучать зависимость психической жизни отъ молекулярныхъ движеній въ нервныхъ тканяхъ и утверждать, что душевные процессы матеріальны? Физіологія есть положительная наука, она принимаетъ факты, какъ они даются намъ на опытѣ, и старается свести ихъ къ общимъ однообразіямъ и законамъ. Въ настоящемъ случаѣ она имѣетъ два ряда явленій, изъ которыхъ одни происходятъ въ нервной системѣ и подлежатъ наблюденію внѣшними чувствами и экспериментаціи. Другіе феномены, сопутствующіе этимъ, открываются лишь въ сознаніи. Они не имѣютъ механическихъ, химическихъ и др. свойствъ веществъ. Объ нихъ нельзя сказать, чтобы они имѣли тяжесть, плотность, чтобы они состояли изъ частицъ, двигались или вибрировали извѣстнымъ образомъ. Ихъ нельзя разсматривать въ микроскопъ, разлагать химически и т. п. Задача физіологіи установить связь между явленіями того и другого

рода, и чѣмъ дальше и чѣмъ глубже будетъ проведена эта связь, тѣмъ больше мы будемъ знать психическую жизнь со стороны ея физіологическихъ условій. «Физіологъ», говоритъ Du Bois-Reymond, «не обольщаясь ни миѳами, ни догмами, ни гордыми философемами, составляетъ путемъ индукціи свое собственное мнѣніе объ отношеніи между тѣломъ и духомъ. Въ тысячѣ случаевъ онъ видитъ, какъ *матеріальныя условія* вліяютъ на психическую жизнь. Онъ видитъ, какъ человѣческій духъ какъ бы растетъ вмѣстѣ съ мозгомъ и усвояетъ даже существенныя формы своего мышленія лишь чрезъ посредство внѣшнихъ воспріятій. Онъ видитъ, что во снѣ и въ сновидѣніяхъ, въ обморокѣ, въ опьяненіи и наркозисѣ, въ горячечномъ бреду и истощеніи отъ голода, въ маніи, эпилепсіи, идіотизмѣ, микроцефаліи и другихъ безчисленныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ душа находится въ зависимости отъ продолжающагося, или скоропроходящаго состоянія органовъ» (Ueber die Grenzen etc. p. 29—31). Все это—законное поле изслѣдованій физіологіи. Но какъ скоро физіологъ начинаетъ утверждать, что психическіе процессы матеріальны, что свойства, приписываемыя психологами душѣ, суть свойства матеріи, онъ перестаетъ уже быть физіологомъ, а становится метафизикомъ. Матеріализмъ есть метафизическая доктрина, которая предлагается, какъ цѣльное міровоззрѣніе, взамѣнъ прежняго, которое признается несостоятельнымъ. Метафизическое ученіе матеріализма отличается такимъ же догматизмомъ, какъ и другія метафизическія доктрины. Матеріализмъ такъ же догматически отрицаетъ существованіе чего бы то ни было кромѣ матеріи и силы, какъ старая метафизика догматически утверждала существованіе того, что недоступно наблюденію и опыту... Матеріализмъ принимаетъ безъ всякой критики абсолютную реальность вещества, атомовъ и ихъ движеній разныхъ формъ и величинъ, изъ которыхъ онъ думаетъ объяснить ощущеніе, представленіе и всѣ процессы мышленія. Онъ не обращаетъ вниманія на происхожденіе тѣхъ понятій, которыя постоянно употребляются въ наукѣ. Онъ забываетъ, что атомъ есть абстракція, возникшая изъ ощущеній,— группа поблекшихъ и утратившихъ многія частности ощущеній предметовъ, протяженныхъ и сопротивляющихся. Говоря о силахъ, обнаруживающихся въ веществѣ, матеріалистъ опускаетъ изъ виду, что это понятіе предполагаетъ чувство сопротивленія. Говоря о движеніи атомовъ, о ихъ вибраціяхъ, онъ забываетъ, что въ понятіе движенія входитъ уже значительное число психическихъ фактовъ, что колебаніе вещества сначала наблюдается посредствомъ осязанія или зрѣнія, а затѣмъ переносится на атомы. Игнорируя такимъ образомъ, что понятія атомовъ, силъ, волнообразнаго движенія, включаютъ уже въ себѣ психическіе процессы ощущенія, сравненія однихъ ощущеній съ другими, процессы отвлеченія, обобщенія и т. п., матеріалистъ думаетъ объяснить всю психическую жизнь посредствомъ атомовъ и ихъ движенія. Тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, ощущеніе и другіе психическіе факты могутъ объяснить происхожденіе понятія атомовъ и ихъ движенія, но не наоборотъ: ощущеніе и факты нашей умственной жизни не могутъ быть объяснены посредствомъ атомовъ и ея движеній. Эти разсужденія могутъ показаться слишкомъ метафизическими, слишкомъ утонченными. А на самомъ дѣлѣ эта критика понятій не только не относится къ метафизикѣ, или онтологіи, но доказала невозможность всякой метафизики, въ смыслѣ науки, о томъ что существуетъ отдѣльно отъ ощущеній и опыта. Матеріализмъ признаетъ относительность знанія лишь въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, когда ему нужно устранить нѣкоторые неудобные для него вопросы. Но онъ опускаетъ изъ виду эту относительность, когда онъ смѣшиваетъ духъ и вещество,—психическую жизнь съ физіологическими процессами нервной системы.

Можно говорить что угодно, но, какъ научную истину, слѣдуетъ высказывать лишь то, что можетъ быть доказано. Но мнѣніе о матеріальности психической жизни не только не доказано, а просто немыслимо, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Утверждать, что психическія явленія матеріальны—то же самое, что говорить о квадратномъ кругѣ, или о кругломъ квадратѣ. Можно допускать зависимость душевныхъ явленій отъ физіологическихъ процессовъ и въ то же время отстаивать различный характеръ какъ самихъ явленій, такъ и тѣхъ законовъ, которымъ они слѣдуютъ. Вообще, въ видахъ методологической строгости изслѣдованія физіологическихъ условій тѣхъ или другихъ психическихъ процессовъ, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду обѣ стороны— и физіологическую и психологическую. Исключительное вниманіе къ однимъ только фактамъ нервной механики, съ цѣлью открытія такимъ путемъ законовъ психическихъ явленій, грѣшитъ противъ требованій здраваго метода. Вести такимъ образомъ изслѣдованія значило бы выходить изъ предзанятаго убѣжденія, что законы духа и вещества одни и тѣ же. Результатъ будетъ тотъ, къ которому, дѣйствительно, и пришелъ Н. О. Ковалевскій, именно — полное смѣшеніе психическихъ явленій съ ихъ физіологическими условіями. Если бы нашъ почтенный физіологъ имѣлъ въ виду, что воспоминаніе съ психической стороны есть узнаваніе прежнихъ впечатлѣній, онъ не сказалъ бы, что память есть общее свойство матеріи. Онъ сдѣлалъ бы тогда весьма важную поправку: именно, онъ сказалъ бы, что способность нервнаго вещества къ повторенію, при нѣкоторыхъ условіяхъ, прежнихъ вибрацій представляетъ условіе для психическаго акта

воспоминанія. Опускать изъ виду психологическіе процессы неудобно въ томъ еще отношеніи, что изслѣдователь можетъ легко принять описаніе только нѣкоторыхъ частей нервнаго механизма и ихъ функцій за полное объясненіе психическихъ явленій, отличающихся большой сложностью. Такъ, напримѣръ, *теченіе нашихъ мыслей опредѣляется не только законами ассоціаціи, возможность для которыхъ дана органическими соединеніями мозговыхъ клѣтокъ*. Мы можемъ произвольно останавливать вниманіе на одномъ какомъ-нибудь представленіи, которое вызоветъ затѣмъ другія представленія по закону ассоціаціи. Но съ даннымъ представленіемъ ассоціировано не одно, а множество другихъ представленій. Порядокъ, въ которомъ они будутъ слѣдовать, будетъ опредѣляться тѣмъ интересомъ, который въ данный моментъ мы имѣемъ въ представленіяхъ извѣстнаго рода, или тѣми чувствами удовольствія и страданія, которыя связаны съ ними. Голодный вспомнитъ кусокъ мяса, это представленіе вызоветъ другую идею, которая также отвѣчаетъ его интересу. Все теченіе идей будетъ слѣдовать, можетъ быть съ нѣкоторыми перерывами, въ этомъ направленіи, опредѣляемомъ чувствомъ голода. Въ своемъ физіологическомъ объясненіи воспроизведенія идей, Н. О. Ковалевскій упустилъ изъ виду это важное значеніе чувствъ удовольствія и страданія, которыми направляется теченіе идей. Онъ говоритъ, что воспроизведеніе слѣдуетъ нервной иррадіаціи «роковымъ образомъ», что ощущеніе, или представленіе вызываетъ другое въ силу установившихся посредствомъ упражненія органическихъ сообщеній между клѣтками». Такимъ образомъ нервному механизму съ его цѣпями, закрѣпляемыми упражненіемъ, придано больше значенія чѣмъ онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Теченіе идей оказывается «роковымъ»; предполагается, что каждое представленіе связано необходимымъ образомъ съ какимъ-нибудь однимъ представленіемъ, такъ что за наступленіемъ перваго неминуемо должно наступить и послѣднее, тогда какъ на самомъ дѣлѣ такой роковой связи между представленіями большею частью не существуетъ: т.-е. она далеко не составляетъ общаго закона нашей психической жизни. Психологія учитъ не о роковой связи между идеями, а о тенденціи одной идеи вызывать другія и—не одну, а нѣсколько идей. Въ силу повторенія эта тенденція можетъ дѣлаться въ одну сторону сильнѣе, чѣмъ въ другую, но не всегда принимаетъ роковой характеръ. Представленіе мяса не всегда вызываетъ представленіе другого блюда, но можетъ напомнить корову, луга и т. п., или деньги, которыя за него заплачены и т. п., смотря по характеру лица и его настроенія въ данную минуту. Если бы теорія Н. О. Ковалевскаго о роковомъ распространеніи иррадіаціи по установившимся уже путямъ была справедлива, то человѣкъ былъ бы дѣйствительно похожъ на автомата, какимъ авторъ силится представить его съ исключительной точки зрѣнія нервнаго механизма, притомъ не совсѣмъ вѣрно понятаго въ данномъ случаѣ. Эта ошибка хорошо указываетъ намъ, что физіологу не мѣшаетъ знакомиться съ психологическимъ анализомъ, о которомъ Н. О. Ковалевскій говоритъ съ такимъ презрѣніемъ.

То же стремленіе какъ можно крѣпче заковать психическую жизнь «цѣпями нервнаго механизма» мы наблюдаемъ и въ теоріи *произвольныхъ движеній*. Н. О. Ковалевскій называетъ ихъ рефлексами, отличающимися отъ обыкновенныхъ большею сложностью. Это опредѣленіе не указываетъ разницы между движеніями инстинктивными и произвольными. Впрочемъ, опытная психологія можетъ принять всѣ открытія физіологіи относительно рефлективныхъ движеній и ихъ преобразованія въ движенія произвольныя. Настолько мы можемъ согласиться съ Н. О. Ковалевскимъ, не поднимая метафизическаго вопроса о свободѣ воли. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ его положеніемъ, что произвольныя движенія составляютъ лишь частный случай ассоціаціи чувственныхъ впечатлѣній. Кромѣ впечатлѣній и ихъ воспроизведеній, вызывающихъ одно другое по законамъ ассоціаціи, въ произвольной дѣятельности важную роль играютъ чувства удовольствія и страданія и духовныя волненія. Они-то собственно и служатъ пружинами произвольныхъ дѣйствій, они обыкновенно поддерживаютъ нашу активность и даютъ ей направленіе. Не принимая въ расчетъ этого эмоціональнаго характера представленій или образовъ, невозможно дать научное объясненіе произвольнымъ дѣйствіямъ. Это обстоятельство отнимаетъ у этихъ дѣйствій тотъ роковой характеръ, который имѣютъ чистые рефлексы, и который мы должны бы приписать имъ, если бы была справедлива механическая теорія воспроизведенія идей, изложенная г. Ковалевскимъ. Кромѣ того, произвольныя движенія включаютъ много и другихъ психологическихъ фактовъ, которые легко пропустить, если разсматривать ихъ съ одной физіологической точки зрѣнія. Напримѣръ, движеніе, слѣдовавшее первоначально за какимъ-нибудь воспроизведеніемъ, можетъ слѣдовать за другимъ, которое связано съ первымъ по закону ассоціаціи, причемъ послѣднее опускается, т.-е. перестаетъ возникать въ сознаніи. Опять, кромѣ представленій и чувствъ удовольствія или страданія, въ болѣе сложные формы произвольной активности входятъ желаніе, колебаніе, обдумываніе и конфликтъ мотивовъ. Является въ высшей степени важный вопросъ объ образованіи характера, а также—насколько мы въ состояніи измѣнить свой характеръ? Спеціальнаго изученія требуютъ вопросы, касающіеся нравственной жизни и т. п. Конечно, Н. О. Ковалевскій не имѣлъ своей задачей полнаго изложенія физіологической

теоріи воли и произвольныхъ движеній. Но, во всякомъ случаѣ, кромѣ законовъ нервной механики, кромѣ простыхъ и сложныхъ рефлексовъ, эта теорія предполагаетъ много и другихъ фактовъ, открываемыхъ самонаблюденіемъ и психологическимъ анализомъ. Весьма вѣроятно, что феномены желанія, обдумыванія или колебанія и рѣшимости поступить извѣстнымъ образомъ имѣютъ физіологическую сторону, предполагаютъ нѣкоторыя взаимно подкрѣпляющіяся или противодѣйствующія движенія въ нервной системѣ. Во всякомъ случаѣ, непосредственно они извѣстны намъ чрезъ сознаніе и поэтому могутъ быть предметомъ наблюденія и психологическаго объясненія. Физіологія, думающая обойтись безъ психологическихъ изслѣдованій, можетъ просмотрѣть многіе изъ этихъ психическихъ фактовъ и во всякомъ случаѣ представить ихъ въ другомъ видѣ, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ. Физіологія, принимаясь за изслѣдованія физіологической стороны психической дѣятельности, или должна принять результаты психологическаго анализа за исходный свой пунктъ, или сдѣлать его снова, но въ послѣднемъ случаѣ она превратилась бы въ психологію. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ отдѣламъ психической жизни.

Всѣ ли психическіе процессы, для объясненія которыхъ спиритуалисты обращались къ гипотезѣ психической силы, объяснилъ Н. О. Ковалевскій съ своей точки зрѣнія? Мы думаемъ, что далеко не всѣ. Онъ обратилъ вниманіе только на простѣйшія душевныя явленія, — ощущенія, память и первыя начала умственной и произвольной дѣятельности, зависимость которыхъ отъ физіологическихъ условій очевидна. Но онъ оставилъ безъ объясненія высшіе психическіе акты, напримѣръ, логическіе законы, всеобщія и необходимыя убѣжденія, дѣятельность творческой фантазіи, чувство эстетическое, моральное и религіозное. Онъ ни слова не сказалъ въ объясненіе единства сознанія, которое спиритуалисты всегда считали главнымъ основаніемъ принимать особое психическое начало. Но, какъ мы видѣли, и въ простѣйшихъ процессахъ душевной жизни, кромѣ возбужденія нервовъ и мозга, существуетъ дѣятельность необъяснимая изъ строеній и функцій нервной системы и предполагающая участіе другого фактора кромѣ матеріи и ея силъ. Если бы мы не боялись слишкомъ растянуть нашу критику, мы могли бы привести свидѣтельства замѣчательныхъ физіологовъ нынѣшняго времени въ подтвержденіе того, что посредствомъ однихъ измѣненій въ структурѣ нервовъ и мозга физіологія не можетъ объяснить даже ощущенія. Какъ Н. О. Ковалевскій замѣтилъ въ своей рѣчи, въ настоящее время дознано, что процессъ нервнаго возбужденія есть не что иное какъ особый характерный видъ молекулярнаго движенія. Весьма вѣроятно, что волнообразныя движенія органа зрѣнія, вызываемыя чрезвычайно быстрыми дрожаніями свѣтового эфира, имѣютъ иную форму чѣмъ движенія слухового нерва, возбуждаемыя сравнительно медленными вибраціями воздуха. Но во всякомъ случаѣ физіологія не можетъ объяснить, почему одни движенія нервнаго вещества сознаются какъ цвѣтъ, другія — какъ звукъ, и т. д. Она не можетъ указать, почему вообще движенія нервныхъ молекулъ сопровождаются психологическимъ фактомъ сознанія въ формѣ ощущенія того или другого рода. Но, не говоря уже объ этой окончательной непостижимости, простой, повидимому, фактъ ощущенія внѣшняго предмета предполагаетъ участіе психической дѣятельности различной отъ нервнаго возбужденія. Это возбужденіе происходитъ въ насъ самихъ, въ нашихъ органахъ. Почему же мы приписываемъ собственныя состоянія предметамъ внѣшняго міра? Какимъ образомъ вибрація оптическаго нерва и оптическихъ центровъ мозга, сознаваемая нами какъ цвѣтъ особаго качества, сознается какъ свойство предмета, существующаго внѣ насъ? Физіологія, которая указываетъ органическую сторону ощущеній свѣта, звука, формы, протяженія и т. п., не можетъ объяснить, какимъ образомъ всѣ эти свойства соединяются нами въ представленіе одного предмета, существующаго внѣ насъ. Синтезъ чувственныхъ качествъ въ одну группу, составляющую нѣкоторое единство, не можетъ быть объясненъ безъ помощи психической дѣятельности, въ существѣ дѣла различной отъ движеній, происходящихъ въ нервахъ и мозгѣ. Простое сравненіе двухъ ощущеній есть новый фактъ совершенно иного характера чѣмъ вибраціи нервныхъ волоконъ и клѣтокъ. Простое воспроизведеніе прежняго впечатлѣнія включаетъ въ себѣ актъ убѣжденія, что это впечатлѣніе мы имѣли прежде. Логическій процессъ отвлеченія и обобщенія непонятенъ безъ сравненія отдѣльныхъ ощущеній, или цѣлыхъ ихъ группъ между собою,—безъ усмотрѣнія сходства и различія между ними. Произвольныя движенія, по крайней мѣрѣ въ нѣсколько развившейся формѣ, предполагаютъ представленіе цѣли этихъ движеній и тѣхъ средствъ, которыми она можетъ быть достигнута. Мы не говоримъ уже о высшихъ проявленіяхъ психической жизни, какую мы находимъ у человѣка на довольно уже высокой степени культуры. Какимъ образомъ однимъ нервнымъ механизмомъ и его чисто-физіологическими модификаціями объяснить ту психическую дѣятельность, которая выражается въ научныхъ открытіяхъ, въ созданіяхъ искусства, въ фактахъ морали, права и т. п.? Мы не хотимъ сказать, чтобы физіологія положительно была безсильна оказать помощь психологіи, а чрезъ нея и всѣмъ наукамъ о человѣкѣ, даже относительно этихъ высшихъ фактовъ человѣческой жизни. Психическая жизнь опирается на жизни органической; чисто духовная дѣятельность безъ матеріальнаго субстракта невозможна для человѣка при настоящихъ условіяхъ

его существованія. Поэтому всѣ открытія физіологіи относительно физіологическихъ условій психической жизни будутъ имѣть важное значеніе для наукъ о человѣкѣ. Но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что матеріализмъ и физіологія не одно и то же. Физіологическія изслѣдованія объясняютъ психическую жизнь, на сколько они проливаютъ свѣтъ на зависимость ея отъ органическихъ процессовъ тѣла. Но дальше этого физіологія не должна итти, если она желаетъ сохранить свой естественно-научный характеръ, если она хочетъ быть наукой, изслѣдующей явленія, ихъ отношенія къ другимъ явленіямъ и законы этихъ отношеній. Но неужели отрицаніе своеобразнаго характера психической жизни можно назвать научнымъ? Неужели всякія попытки стушевать это различіе посредствомъ искаженія фактовъ, натянутыхъ объясненій, ничего не говорящихъ фразъ, можно назвать строго-научнымъ объясненіемъ фактовъ психической жизни? Намъ могутъ говорить, что психическая дѣятельность матеріальна, что ощущенія то же что и вибраціи частицъ матеріи, что логическіе процессы есть не больше, какъ наложеніе или суммированіе однородныхъ вибрацій. Такими выраженіями можно озадачить, можно внушить ложную мысль, что наконецъ-то современной наукѣ удалось постичь тѣ тайны, надъ которыми безполезно трудились философы. Дѣло, по видимому, ясно: вся психическая жизнь есть продуктъ матеріи, матеріальныхъ силъ, которыми производятся всѣ явленія вещественнаго міра, которыми строится животный организмъ и вызываются всѣ жизненные его процессы. Зачѣмъ отдѣлять психическую жизнь отъ другихъ біологическихъ явленій, придумывать для его объясненія разныя энтелехіи, психическія силы и т. п.? Но какъ скоро мы попробуемъ дѣйствительно сопоставить тѣ два рода явленій, которые признаются однородными, какъ скоро мы рѣшаемся въ самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только, понять какимъ образомъ психическая дѣятельность производится мозгомъ, то мы вынуждены сознать свое безсиліе и, допустивши тѣсную зависимость душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ условій, все-таки признать ихъ явленіями особаго нематеріальнаго характера. Одинъ древній мыслитель говорилъ, что прежде, чѣмъ принять какое-нибудь предположеніе за истинное, нужно прослѣдить его во всѣхъ его послѣдствіяхъ,—нужно устранить всѣ трудности, связанныя съ этимъ предположеніемъ,—дать отвѣтъ на всѣ возраженія, какія могутъ быть противъ него высказаны. Но это еще не все: слѣдуетъ допустить, что это предположеніе можетъ быть и невѣрно, принять на время справедливость другой, противоположной гипотезы и ея достовѣрность испытывать такимъ же точно образомъ. Только послѣ всѣхъ этихъ сомнѣній и колебаній и этой повѣрочной оцѣнки можно принять одно предположеніе за истинное, а другое отвергнуть, какъ ложное (Платонъ). Но такъ ли поступаютъ матеріалисты, какъ требовалъ великій философъ? Прежде чѣмъ признать вѣрной свое предположеніе о матеріальности психической жизни, они должны отвѣтить на возраженія вродѣ слѣдующихъ: какимъ образомъ аггрегатъ частицъ матеріи сознаетъ себя однимъ и тѣмъ же существомъ, когда съ теченіемъ времени всѣ эти частицы смѣняются другими? Какимъ образомъ волнообразное движеніе матеріальныхъ частицъ дѣлается цвѣтомъ, звукомъ, запахомъ и т. п.? Какимъ образомъ рядъ этихъ волнъ открываетъ, что онъ существовалъ когда-то прежде, и предвидитъ, что будетъ существовать и послѣ въ той же самой, или другой формѣ? Какимъ образомъ вибрація частицъ матеріи знаетъ, что происходитъ въ другой сосѣдней вибраціи, сравниваетъ высоту, или скорость ея колебаній съ своими собственными? Конечно, на всѣ эти затруднительные вопросы можно дать очень простой и очень короткій отвѣтъ, что физіологія не можетъ объяснить сознанія изъ молекулярныхъ движеній нервнаго вещества. Но этотъ отвѣтъ есть одно и то же, что и признаніе въ безсиліи объяснить психическую жизнь посредствомъ матеріальныхъ силъ. На какомъ же основаніи послѣ этого можно утверждать матеріальность психическихъ процессовъ,—говорить, что большая часть свойствъ, приписываемыхъ психологами особому началу психической жизни, суть свойства матеріи? Свойства матеріи мы знаемъ изъ опыта, и наука сводитъ ихъ къ нѣкоторымъ простѣйшимъ выраженіямъ. Свойства, приписываемыя психологами духовному началу, мы знаемъ непосредственно, наблюдая ихъ въ себѣ самихъ. Свойства эти суть: ощущеніе, сравненіе однихъ ощущеній съ другими, ихъ воспроизведеніе, умственная дѣятельность и т. п. Сравнивая эти духовныя явленія съ свойствами матеріи, мы поражаемся не сходствомъ между ними, а глубокимъ различіемъ. Можетъ-быть, матеріалистъ находитъ тѣ и другія свойства не только сходными, но совершенно тождественными; можетъ-быть, онъ усматриваетъ, что свойства души суть свойства матеріи,—это его дѣло. Какимъ образомъ можно разувѣрить его? Для него все ясно тамъ, гдѣ для другихъ величайшая тайна, какая останавливала только человѣческій духъ въ его стремленіи дать себѣ отчетъ во всѣхъ явленіяхъ и свести эти явленія къ одному общему принципу. Тамъ, гдѣ ничего не могли сдѣлать усилія величайшихъ мыслителей, какихъ производило только человѣчество, матеріалистъ рѣшаетъ дѣло однимъ изреченіемъ, при томъ включающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Величайшая тайна — это какимъ образомъ группа частицъ матеріи можетъ чувствовать дѣйствіе на нее другихъ подобныхъ же ей группъ? Какимъ образомъ рядомъ съ движеніями, которыя въ ней происходятъ, тянется особый рядъ явленій не имѣющихъ съ движеніями никакого сходства, явленій психическихъ? Какимъ

образомъ эта группа колеблющихся, вибрирующихъ частицъ матеріи чувствуетъ радость и горе, думаетъ и обдумываетъ, помнитъ свои прежнія состоянія и предвидитъ состоянія будущія? И что же даютъ намъ матеріалисты въ видѣ отвѣта на эти вопросы? «Вы не понимаете какъ чувствуетъ группа атомовъ? Для насъ это ясно: она чувствуетъ, потому что «ощущеніе есть ея свойство». И то же самое — относительно всѣхъ остальныхъ недоумѣній. Вы недоразумѣваете, какъ частица матеріи можетъ помнить свое прежнее дрожаніе? Но это—потому что «память есть всеобщее свойство матеріи». Вы хотите знать, какъ она предвидитъ будущее? Но развѣ вы не знаете, что ея частицы расположены извѣстнымъ образомъ, что онѣ начинаютъ качаться, когда другія вещественныя частицы, передадутъ имъ свое движеніе; что эти движенія внутри органической группы распространяются по нѣкоторымъ путямъ; что они легче идутъ по знакомымъ дорогамъ, поступаютъ въ нѣкоторыя скопленія частицъ, называемыя клѣтками, идутъ отъ клѣтки къ клѣткѣ и, отражаясь въ мускулы, приводятъ и ихъ въ движеніе? Неужели послѣ всего этого для васъ неясно, какъ матерія чувствуетъ, мечтаетъ, радуется или плачетъ, обдумываетъ движенія и, наконецъ, ихъ совершаетъ съ извѣстною цѣлью»? Не въ правѣ ли мы сказать съ своей стороны, что не то хотѣлось намъ знать, не то, что происходитъ въ тѣлѣ, когда мы чувствуемъ или думаемъ, а какимъ образомъ возможно чувствовать и думать, если въ насъ нѣтъ ничего, кромѣ матеріальныхъ частицъ и ихъ движеній? На это мы не получимъ отвѣта, или вмѣсто его получимъ признаніе въ невѣдѣніи. Но что же мы подумали бы о нашемъ собесѣдникѣ, если бы и послѣ этого онъ сталъ настаивать, что наши чувства, память, мысли и произвольная дѣятельность все-таки матеріальны, что сама матерія чувствуетъ, помнитъ, думаетъ, строитъ планы, или — что для объясненія всѣхъ этихъ явленій ничего не нужно кромѣ матеріи и ея силъ? (Извлеч. въ сокращ, изъ брошюры А. Смирнова: «Механическое міровоззрѣніе и психическая жизнь». Казань. 1876 г.).

В. **Есть ли душа у животныхъ?**

Представленіе сознанія, какъ *единственной основы* душевной жизни, необходимо вызываетъ вопросъ о душѣ животныхъ, потому что сознаніе имѣютъ и животныя. Очень многіе метафизики-богословы считаютъ возможнымъ говорить только о душѣ человѣка, но ни въ какомъ случаѣ не о душѣ животныхъ. При этомъ нѣкоторые метафизики-богословы допускаютъ такіе удивительные извороты, которые потому только и не могутъ вредить богословію, что они допускаются по очевидному недоразумѣнію. Такъ, напримѣръ, Т. Веберъ, допуская у животныхъ сознаніе и мысль, чувство и волю, считаетъ эти явленія не *психическими*, а только *субъективными*, такъ какъ у животныхъ нѣтъ души и *всѣ явленія сознанія у нихъ производятся матеріальнымъ организмомъ* (*Weber*, Metaphysik, eine wissenschafliche Begründung d. Ontologie d. positiven Christenthums, Gotha 1888, B. I, s. 241—242, 260, 266, 300). *Но если это вѣрно, что матеріальный организмъ животнаго можетъ производить явленія сознанія, то само собою разумѣется, что и человѣческій организмъ можетъ производить всѣ эти явленія*, и въ такомъ случаѣ было бы весьма интересно узнать, что же собственно дѣлаетъ душа въ человѣкѣ, да и почему же именно допускается у человѣка ея существованіе? Опираться въ рѣшеніи этого вопроса на почву библейскаго ученія для такихъ богослововъ, какъ Веберъ, едва ли возможно, потому что, хотя въ Библіи и сказано: «да *произведетъ вода* пресмыкающихся, душу живую» и «да *произведетъ земля* всякую душу живую» (Быт. I, 20—21), но вѣдь на этомъ основаніи можно говорить только *о происхожденіи* животной души, а вовсе не о томъ, что ея нѣтъ совсѣмъ. Если бы ея не было совсѣмъ, какъ связанной съ міромъ живой энергіи, то земля и вода и не могли бы ее произвести, какъ не могли онѣ произвести личной души человѣка. И душа человѣка, съ точки зрѣнія Библіи, есть тоже энергія, только не изначала созданная съ міромъ, а присоединенная къ міру особымъ дѣйствіемъ Бога (Быт. II, 7), почему она и можетъ существовать какъ въ условіяхъ даннаго міра, такъ и внѣ его необходимыхъ условій. Слѣдовательно, на почвѣ библейскаго ученія можно говорить лишь объ отличіи души человѣка отъ души животныхъ, а вовсе не о томъ, что одинъ только человѣкъ имѣетъ въ себѣ душу живую. (См. кн. проф. В. Несмѣлова: «Наука о человѣкѣ», т. I. Казань, 1898 г., стр. 213—214).

Г. **Кантъ о нравственномъ законѣ.**

Извѣстно изреченіе Канта въ заключеніи къ его критикѣ практическаго разума: «Два предмета наполняютъ душу все новымъ и возрастающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и дольше размышленіе занимается ими: это—звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ» (S. W. изд. Hartenstein, V, 767). О сущности и природѣ совѣсти срав. объясненіе въ Frank System dez christl. Gewischeit I, 88: «подобно тому, какъ естественное ухо такъ устроено, чтобы ощущать звуковыя волны тоновъ, позволяя напирающимъ извнѣ колебаніямъ продолжаться въ существующихъ для того органахъ, такъ и совѣсть человѣка, какъ органъ нравственнаго восприятія, сама по себѣ не рождаетъ нравственной идеи, но сознаетъ ее вслѣдствіе того соотношенія, въ которое вступаютъ съ него нравственныя силы, такимъ образомъ она предста-

вляетъ собою нѣкоторый резонансъ, въ силу котораго нравственныя колебанія изъ области объективной реальности отдаются въ субъектѣ». Посредствомъ органа, однороднаго съ природою нравственныхъ реальностей, субъектъ, постоянно имѣя въ виду совершаемые имъ поступки, прислушивается къ той нормѣ, которая показываетъ ему, соотвѣтствуетъ ли и насколько соотвѣтствуетъ его поведеніе высшей цѣли его личной жизни, и которою, слѣдовательно, опредѣляется абсолютное значеніе его личности. «Чувствовать эту нормирующую идею своего существа вовсе не предоставлено простому произволу субъекта; онъ видѣлъ ее добровольно или противъ воли, другими словами, въ немъ она является объективною нравственною силою, которая точно такъ же навязывается органу его воспріятія, какъ и чувственныя реальности насильственно сообщаются органамъ физическаго воспріятія». (Его же Syst. der christl. Wahrh I, 562, 77; сн. «Аполог---. христ.» Лютарда, изд. 1892 г., стр. 912—913).

Д. Происхожденіе совѣсти.

Происхожденіе совѣсти—этого голоса Божія въ сердцѣ человѣка, нельзя иначе объяснить какъ отъ верховнаго Законодателя—Бога.

Вотъ рядъ фактовъ, которые доказываютъ, что совѣсть насаждена въ человѣческой душѣ Богомъ.

а) По справедливому замѣчанію одного англійскаго ученаго (Тэйлора), *не было открыто доселѣ ни одного даже дикаго народа, который былъ бы чуждъ тѣхъ или другихъ понятій о нравственно-добромъ и зломъ,* объ обязательности перваго и недозволительности второго. Впрочемъ, если бы и нашлось какое-нибудь наиболѣе грубое племя, у коего не замѣчается ясно формулированныхъ понятій о томъ, что такое нравственно-доброе и злое, все-таки было бы опрометчиво заключать на этомъ основаніи, будто бы это племя не различаетъ добра отъ зла. У всякаго, даже самаго грубѣйшаго, дикаго племени найдемъ какіе-либо обычаи, которымъ члены племени подчиняются въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но въ обычаѣ, по словамъ Вундта, и заключается вся сумма нравственныхъ идей у многихъ некультурныхъ народовъ. Всѣ народы и племена не только вообще имѣютъ понятіе о добромъ и зломъ въ нравственномъ отношеніи, высоко цѣнятъ добро и гнушаются зломъ, но большей частью сходятся въ своихъ взглядахъ на сущность того и другого. Многія даже дикія племена стоятъ столь же высоко по своимъ чистымъ понятіямъ о добрѣ и злѣ, сколь высоко стоятъ лучшіе изъ культурныхъ народовъ. Даже у тѣхъ племенъ, у которыхъ возводятся на степень добродѣтели и дѣянія, неодобрительныя съ господствующей точки зрѣнія, замѣчается въ остальномъ, касающемся нравственныхъ воззрѣній, полное согласіе со всѣмъ человѣчествомъ.

Внимательно и безпристрастно обсуждая самыя уклоненія отъ господствующей нравственной нормы, находимъ, что они также не нарушаютъ ея, какъ не нарушаютъ законовъ біологіи разныя ненормальныя явленія, встрѣчаемыя въ средѣ животныхъ. Такимъ образомъ, присущность всѣмъ людямъ нравственной нормы не подлежитъ сомнѣнію.

б) *Всѣ народы и писатели смотрѣли и смотрятъ на совѣсть, какъ на голосъ Божій, какъ на требованіе Божества, на источникъ нравственнаго закона.* Безспоренъ тотъ фактъ, что человѣчество всегда видѣло и видитъ въ нравственныхъ требованіяхъ, сознаваемыхъ и чувствуемыхъ имъ, не иное что, какъ требованія самого Божества, заложенныя въ душу человѣка и непрестанно предъявляемыя ему. Прислушиваясь къ голосу совѣсти, къ этому внутреннему источнику нравственныхъ требованій, и язычники выражались, что это est Deus in nobis (Богъ живетъ въ насъ). Видя въ нравственныхъ предписаніяхъ волю самого Божества, люди собственно поэтому почитали и почитаютъ ихъ безусловно обязательными для себя, и въ упрекахъ совѣсти, въ случаѣ нарушенія ихъ, усматривали и усматриваютъ угрозы Божества же.

в) *Нѣкоторымъ и изъ философовъ*, какъ напр., Сократу, принадлежитъ мысль, что нельзя объяснить существованія въ людяхъ нравственныхъ идей или нормъ, коль скоро упускается изъ виду верховный нравственный Законодатель. Изъ новѣйшихъ натуралистовъ, разсуждавшихъ о происхожденіи нравственнаго закона въ людяхъ и возводившихъ его къ Богу, какъ истинному Виновнику, укажемъ для примѣра на знаменитаго Уоллэса. Обсуждая гипотезу Дарвина касательно происхожденія человѣка, онъ призналъ, что никакъ нельзя объяснить безъ особаго дѣйствія Божія происхожденіе въ человѣкѣ и совѣсти.

г) *Анализъ отправленій совѣсти, какъ нравственной силы души человѣческой, показываетъ, что происхожденіе ея нельзя объяснить самимъ человѣкомъ, но нужно возвести ее къ верховному Законодателю-Богу.* Совѣсть не только говоритъ человѣку о томъ, что само по себѣ хорошо или дурно въ нравственномъ отношеніи, но и обязываетъ его непремѣнно дѣлать хорошее и избѣгать дурного, сопровождая добрыя дѣйствія чувствомъ особаго довольства, радости, блаженства, а дѣйствія злыя, порочныя—чувствомъ грызущаго стыда, великаго позора, душевной муки. Въ этихъ функціяхъ, свойственныхъ совѣсти, обнаруживаются познавательная, чувствовательная и желательная или волевая стороны. Совѣсть указываетъ, что такое добро и зло, требуетъ отъ насъ, чтобы мы совершали первое и избѣгали второго, и поста-

вляетъ насъ въ необходимость испытывать пріятныя или непріятныя чувствованія. Но, несмотря на присутствіе въ совѣсти элементовъ, свойственныхъ разуму, чувству и волѣ, есть ли основаніе смѣшивать ее съ ними или видѣть въ ней не болѣе, какъ только проявленіе и дѣйствіе ихъ?

аа) Самъ по себѣ разумъ не можетъ разсматривать одни дѣйствія, какъ нравственно-добрыя, а другія, какъ нравственно-дурныя. Ему свойственно находить тѣ или другія изъ нашихъ и чужихъ дѣйствій умными или глупыми, цѣлесообразными или нецѣлесообразными, выгодными или невыгодными, и только. Между тѣмъ, почему-то самъ разумъ побуждается иногда противопоставлять самыя, по видимому, умныя, цѣлесообразныя, выгодныя дѣйствія нравственно хорошимъ, безусловно осуждать первыя, а послѣднія одобрять. Онъ усматриваетъ въ нѣкоторыхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ не плохой только расчетъ, не ошибку только, подобную ошибкѣ въ математическихъ вычисленіяхъ или въ чемъ-нибудь другомъ, но нѣчто гнусное, являющееся преступнымъ и безусловно недолженствующее быть. Не очевидно ли изъ всего этого, что и познавательная функція совѣсти отнюдь не есть дѣло только разума? Послѣдній, безъ способности человѣка къ нравственному сужденію, не могъ бы и создавать нравственныхъ идей, идеаловъ или нормъ.

бб) Обращаясь къ *желательной* или волевой сторонѣ совѣсти, мы также не можемъ признать, чтобы эта сторона была проявленіемъ только свойственной человѣку воли. Послѣдняя есть способность желать чего-либо, но не повелѣвать человѣку, не предъявлять ему безусловныхъ требованій къ исполненію. Воля человѣческая, сколько мы ее знаемъ въ себѣ и въ другихъ людяхъ, если не всегда, то весьма часто борется съ требованіями нравственнаго закона и силится вырваться изъ стѣсняющихъ ее оковъ его. Если повелѣвающій элементъ совѣсти былъ лишь обнаруженіемъ человѣческой воли, въ такомъ случаѣ рѣшительно не существовало бы указаннаго явленія. Съ другой стороны, тогда воля наша, испытавъ стѣснительность для нея велѣній нравственнаго закона, или видоизмѣнила бы ихъ на разные благопріятные для себя лады, или совсѣмъ бы отбросила ихъ. Между тѣмъ, велѣнія нравственнаго закона безусловно тяготѣютъ надъ нашею волею. Она можетъ не исполнять ихъ, какъ свободная, но никогда не въ состояніи отрѣшиться отъ нихъ. Впрочемъ, и самое неисполненіе волею требованій нравственнаго закона не проходитъ для нея безнаказанно.

вв) Наконецъ, и *чувствовательная функція* совѣсти не должна быть разсматриваема, какъ функція только сердца человѣческаго, только чувствовательной способности человѣка. Сердце ищетъ пріятныхъ чувствованій и отвращается отъ противоположныхъ имъ. Между тѣмъ, съ нарушеніемъ требованій нравственнаго закона нерѣдко бываютъ связаны самыя сильныя душевныя муки, отъ коихъ какъ бы разрывается человѣческое сердце, и отъ которыхъ мы никакъ не можемъ избавиться, какъ бы ни желали и ни старались. Къ тому же, это душевныя муки человѣка, поправшаго нравственный законъ, и по качественной своей сторонѣ существенно отличаются отъ душевныхъ терзаній, наприм., скупца, какъ-нибудь потерявшаго накопленное въ теченіе десятилѣтій имущество. Несомнѣнно, что и чувствовательная функція совѣсти не должна быть разсматриваема, какъ проявленіе только обычной чувствовательной способности.

Имѣя все это въ виду, не обязываемся ли мы признать, что совѣсть является въ качествѣ нѣкоей, какъ будто особой отъ насъ, силы, стоящей выше человѣка и господствующей надъ его разумомъ, волею и сердцемъ, хотя и заключенной или живущей въ немъ? Но все это не служитъ ли твердымъ и неоспоримымъ доказательствомъ свойственнаго человѣчеству и его лучшимъ представителямъ убѣжденія, что совѣсть, взятая во всѣхъ своихъ коренныхъ функціяхъ, есть голосъ Божій въ человѣкѣ, а не плодъ самого же человѣка или цѣлой совокупности людей? (Сост. по кн. проф. А. Гусева: «Религіозность, какъ основа нравственности», стр. 84—88).

Е. Факты мучительнаго состоянія человѣка вслѣдствіе угрызенія виновной совѣсти.

1. Тиверій, римскій императоръ, могъ безъ преувеличенія говорить, что владѣетъ всѣмъ міромъ. Это былъ, дѣйствительно, могущественнѣйшій изъ людей того времени, неограниченнѣйшій и полновластнѣйшій правитель всего, что было лучшаго и богатѣйшаго изъ земныхъ царствъ. Власть его простиралась чуть не на полміра, богатства были несмѣтны и удовольствія неограниченны. Для достиженія полнѣйшаго самоуслажденія, онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ одну изъ самыхъ великолѣпныхъ мѣстностей на поверхности земной, подъ тѣнью дремлющаго вулкана, на очаровательномъ островѣ, отличавшемся восхитительнѣйшимъ климатомъ въ мірѣ. И чѣмъ же все это кончилось? Историкъ Плиній называетъ его самымъ несчастнѣйшимъ изъ людей. Изъ этого острова, мѣста своихъ позорныхъ дѣяній, гдѣ онъ хотѣлъ испытать, до чего можетъ дойти счастье человѣка, облеченнаго неограниченною властью и потворствующаго всѣмъ своимъ прихотямъ, клонящимся исключительно къ себялюбивымъ заботамъ о самоуслажденіи,—онъ писалъ своему раболѣпному и развратному сенату, что чувствуетъ себя крайне несчастнымъ, что онъ не знаетъ, о чемъ писать ему или какъ писать и просить всѣхъ боговъ и богинь уничтожить его разомъ, жалуясь, что ему гораздо хуже чувствовать, что его организмъ разрушается ежедневно.

Рѣдко можно видѣть такое поразительное доказательство того, что всѣ богатѣйшіе дары міра обращаются со временемъ въ прахъ и тлѣнъ,— что самыя величественныя зданія, служащія для личнаго удовольствія и великолѣпія, не могутъ защитить отъ вторженія несчастій и не болѣе устойчивы, какъ постройки изъ песку дѣтьми, противъ напора морского прилива.

Такъ грустно и печально оканчивается грѣховное обладаніе всякими богатствами и всякою властью. Виновная совѣсть служитъ достаточной мстительницей и, если бы весь міръ состоялъ изъ одного слитка золота и принадлежалъ намъ, то онъ ни на одинъ часъ не могъ бы утѣшить нашихъ внутреннихъ терзаній и хотя бы отчасти вознаградить ихъ. Но кто сталъ наслѣдникомъ царства небеснаго, тотъ дѣлается господиномъ надъ болѣе обширнымъ и вещественнымъ міромъ, онъ безконечно счастливъ, ибо безконечно чистъ. (См. кн.: «Жизнь І. Христа» Фаррара, въ пер. Фейгина. Москва. 1888 г. стр. 69—70).

2. Греческій императоръ Константинъ имѣлъ брата Ѳеодосія, котораго велѣлъ патріарху Павлу насильственно постричь и посвятить въ діаконы; послѣ самъ не разъ пріобщался св. крови изъ его рукъ. Въ 659 году императоръ велѣлъ его умертвить, опасаясь его, вѣроятно, какъ своего соперника по власти, но съ тѣхъ поръ постоянно сталъ видѣть его во снѣ: убитый братъ его являлся ему во снѣ съ чашею дымившейся своей крови и, подавая ее царю, говорилъ: «напейся, братъ, моей крови!» Не находя покоя отъ такихъ ужасныхъ видѣній, онъ рѣшился перейти на жительство въ Римъ, и въ 662 году, оставивъ жену и дѣтей въ столицѣ, отправился на западъ. Но нигдѣ не нашелъ несчастный царь покоя своей душѣ. Только смерть (насильственная, по попущенію Божію онъ былъ убитъ въ банѣ) прекратила его страданія (См. «Лѣтопись церковныхъ событій», архим. Арсенія. Выпускъ 2, изд. 1870 г., стр. 42).

Ж. Совѣты о храненіи совѣсти.

1. Св. авва Дороѳей пишетъ: «въ нашей волѣ или засыпить совѣсть, или дать ей свѣтиться въ насъ и просвѣщать насъ, если будемъ повиноваться ей. Ибо когда совѣсть наша говоритъ намъ сдѣлать что-либо, а мы пренебрегаемъ симъ, и когда она снова говоритъ, а мы не дѣлаемъ, но продолжаемъ попирать ее, тогда мы усыпляемъ ее, и она не можетъ уже явственно говорить намъ отъ тяготы, лежащей на ней, но какъ свѣтильникъ, сіяющій за завѣсою, начинаетъ показывать намъ вещи темнѣе и темнѣе. И какъ въ водѣ, помутившейся отъ многаго ила, никто не можетъ узнать лица своего, такъ и мы, по преступленіи, не разумѣемъ, что говоритъ намъ совѣсть наша, такъ что намъ кажется, будто ея вовсе нѣтъ у насъ. Однако, нѣтъ человѣка, не имѣющаго совѣсти, ибо она есть нѣчто божественное и никогда не погибаетъ. Итакъ, отнюдь не будемъ попирать ее ни въ чемъ, хотя бы то было и самое малое. Знаете, что отъ пренебреженія сего малаго и въ сущности ничтожнаго мы переходимъ и къ пренебреженію великаго». (Авва Дороѳ. «Поуч. и посл.» 1856 г. поуч. о совѣст., стр. 50—51).

2. Должно постоянно упражнять совѣсть испытаніемъ предъ ней дѣлъ своихъ. «Посади въ своей совѣсти судіею разумъ, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ, и поставь предъ его судилищемъ всѣ дѣла твои, изслѣдуй всѣ грѣхи души твоей, потребуй отъ нея со всею строгостію подробнаго отчета. Вводи ее какъ можно чаще въ этотъ подвигъ. Каждый день открывай для нея это судилище, требуй отъ себя и за малыя погрѣшности строгаго отчета, дабы когда-либо не приблизиться къ большимъ грѣхамъ. Если ты будешь каждодневно это дѣлать, то съ дерзновеніемъ предстанешь предъ страшное судилище». (Св. Іоаннъ Злат. бесѣд. 42 на св. Мѳ.)

3. Основанія психологическаго доказательства бытія Божія.

Декартъ въ своемъ построеніи психологическаго доказательства бытія Божія говоритъ: «не удивительно, что Богъ, создавая меня, придалъ мнѣ идею о Себѣ, такъ что она является какъ бы знакомъ художника, напечатлѣнномъ на его произведеніи, *и нѣтъ никакой необходимости для того, чтобы этотъ знакъ былъ чѣмъ-нибудь отличнымъ отъ самаго произведенія;* но изъ того одного, что Самъ Богъ создалъ меня, весьма вѣроятно, что я произошелъ нѣкоторымъ способомъ по образу и по подобію Бога, и что то подобіе, въ которомъ содержится идея Бога, я представляю себѣ при помощи той же способности, которою я представляю себя самого. Именно, когда я обращаю всю остроту моего ума на меня же самого, я не только понимаю, что я несовершенная и зависимая отъ другого вещь, и притомъ вещь безпредѣльно воздыхающая все о большемъ и большемъ или лучшемъ, но въ то же самое время я также понимаю, что Тотъ, отъ Котораго я нахожусь въ зависимости, имѣетъ въ Себѣ все это большее и при томъ имѣетъ не въ возможности только и неопредѣленно, а реально и безпредѣльно. *И я признаю невозможнымъ чтобы я существовалъ съ такою природой, съ какою существую, именно имѣя въ себѣ идею Бога, если бы на самомъ дѣлѣ Богъ не существовалъ* (De prima philosophia, Meditatio III p. 24). О дѣйствительномъ существованіи Бога внѣ человѣка Декарту говорило не одно только существованіе въ человѣческомъ сознаніи идеи Бога, а главнымъ образомъ существованіе самого человѣка съ такою природой, которая сама по себѣ прямо указываетъ человѣку на дѣйствитель-

ное бытіе Бога. — Яснѣе раскрылъ эту мысль *Якоби*. Vond. qöttlichen Dinqenund ihrer Offenbarung § 277; «мы созданы по образу Божію; Богъ въ насъ и выше насъ, Онъ первообразъ и отображеніе, Онъ отдаленъ отъ насъ и вмѣстѣ нераздѣльно соединенъ съ нами. *Въ этомъ состоитъ познаніе, которое мы имѣемъ о Немъ, единственно возможное познаніе, чрезъ которое Богъ открывается человѣку жизненно, постоянно, во всѣ времена.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Способность нѣкоторыхъ лицъ къ обнаруженію такъ называемыхъ медіумическихъ явленій, т.-е. анимизмическихъ и спиритическихъ.

1. **Разнообразныя медіумическія явленія вообще, по разсказамъ и наблюденіямъ разныхъ ученыхъ.** Для точнаго разграниченія я, говоритъ А. Аксаковъ, предлагаю обозначать вообще словомъ *анимизмъ* (отъ слова *anima* — душа), всѣ умственныя и физическія явленія, заставляющія признать въ человѣческомъ организмѣ способность производить какія-либо дѣйствія на разстояніи, безъ обычнаго посредства внѣшнихъ органовъ, и въ особенности всѣ медіумическія явленія, которыя могутъ объясниться дѣйствіемъ живого человѣка за предѣлами его тѣла[1]).

Слово же *спиритизмъ* будетъ обозначать только тѣ явленія, которыя, не объясняясь всецѣло ни одной изъ всѣхъ предшествующихъ гипотезъ, представятъ достаточно данныхъ для обращенія къ гипотезѣ взаимообщенія съ отшедшими. Если притязанія этой послѣдней гипотезы оправдаются, то слово *анимизмъ* будетъ прилагаться къ спеціальному виду явленій, производимыхъ началомъ анимическимъ (душевнымъ, — какъ самостоятельно мыслящимъ и организующимъ), поколѣ оно связано съ тѣломъ, а подъ словомъ *спиритизмъ* будутъ разумѣться явленія, приписываемыя дѣйствію того же самаго начала, отрѣшеннаго отъ тѣла. Слово же *медіумизмъ* будетъ обнимать всѣ явленія, анимическія и спиритическія, безъ спеціализаціи гипотезъ.

Объективность силы, дѣйствующей при медіумическихъ явленіяхъ, проявляется не однимъ стукомъ, а и другими совершенно наглядными и осязательными результатами. Я не буду говорить о различныхъ видахъ прямого приложенія этой силы къ движенію внѣшнихъ предметовъ безъ всякаго видимаго къ нимъ прикосновенія кого бы то ни было;— если же проявленія этого движенія бываютъ иногда и вполнѣ разумны (какъ въ случаяхъ непосредственнаго письма), то мы точно также допустили, что они могутъ быть отнесены къ нашей собственной разумной дѣятельности, хотя и безсознательной; но укажу на еще болѣе интересныя и сложныя явленія, когда эта сила дѣлается на столько конкретною, что сама принимаетъ видимые образы, сама творитъ временное вещественное тѣло для произведенія подобныхъ движеній. Видимое и осязаемое появленіе рукъ на сеансахъ началось очень скоро послѣ, такъ называемыхъ, „рочестерскихъ стуковъ“ и продолжается и по сю пору. Исписано объ этомъ масса. Но совершенно достаточно обратиться хоть къ свидѣтельству Крукса, изслѣдованія котораго въ области спиритизма считаются, и не безъ основаній, авторитетными.

Вотъ что онъ говоритъ въ своихъ „Изысканіяхъ въ области спиритическихъ явленій“ (Researches in the phenomena of spiritualism. London, 1874) [1]): „Прикосновеніе рукъ довольно часто *ощущается* на темныхъ сеансахъ, или при такихъ условіяхъ, когда ихъ нельзя видѣть. Рѣже мнѣ случалось *видѣть* ихъ. Я не буду приводить здѣсь случаевъ, когда это явленіе происходило въ темнотѣ, но я выберу нѣсколько изъ тѣхъ многихъ, когда я видѣлъ руки при свѣтѣ.

[1]) Слово *анимизмъ* было впервые, если не ошибаюсь, пущено въ ходъ Шталемъ; въ построенной имъ медицинской системѣ *душа* (anima) принимается за жизненное начало, тѣло не только создается душою, но и всѣ жизненныя отправленія совершаются ею. Въ наше время это слово употреблено Тэйлоромъ, въ его сочиненіи: «Первобытная культура» («Taylor, Primitive Culture». Русское изданіе въ переводѣ Коробчевскаго, Спб. 1872 г.), для обозначенія очень широкаго понятія, обнимающаго не только ученіе о душѣ (какъ самостоятельной сущности) и разныхъ видахъ ея прижизненнаго и посмертнаго проявленія, но также ученіе и о всякаго рода другихъ духовныхъ существахъ или духахъ. Мною же, говоритъ А. Аксаковъ, это слово принято въ болѣе тѣсномъ, совершенно опредѣленномъ смыслѣ. Слово *психизмъ* могло бы обозначать то же самое, что *анимизмъ*, но въ виду *спиритизма* лучше уже придержаться латинской этимологіи для обоихъ словъ, и этимъ ясно обозначить двѣ отдѣльныя рубрики для сходственныхъ по формѣ, но совершенно различныхъ по источнику явленій. Къ тому же прилагательное *психическій* имѣетъ теперь различныя не установившіяся значенія.

[1]) См. русскій переводъ, изданный г. Румиловымъ въ 1882 г. «Изысканія въ области спиритическихъ явленій».

„Маленькая, весьма красивая ручка поднялась изъ отверстія, оставленнаго въ раздвижномъ обѣденномъ столѣ, и подала мнѣ цвѣтокъ; три раза она появлялась и затѣмъ снова исчезала, что дало мнѣ полную возможность убѣдиться, что она была на видъ столь же реальна, какъ моя собственная. Это произошло при свѣтѣ, въ моей комнатѣ, и покуда я держалъ и руки, и ноги медіума.

„Въ другой разъ появилась маленькая ручка (кисть и локоть), точно дѣтская, играя около дамы, сидѣвшей возлѣ меня. Затѣмъ она перешла ко мнѣ, потрогала мою руку и нѣсколько разъ дернула меня за сюртукъ.

„Однажды мнѣ случилось видѣть появленіе двухъ пальцевъ — большого и указательнаго—которые обрывали лепестки у цвѣтка въ петлицѣ г. Юма и клали ихъ на столъ передъ сидѣвшими возлѣ него лицами.

„Неоднократно случалось мнѣ и другимъ лицамъ видѣть руку, перебиравшую клавиши гармоники, въ то время какъ обѣ руки медіума были видимы, а иногда ихъ держали лица, сидѣвшія возлѣ него.

„Эти руки и пальцы не всегда казались мнѣ плотными и живыми. Иногда они скорѣе походили на туманное облако, частью сгущенное въ образъ руки. И это не всѣ видятъ одинаково. Напримѣръ, цвѣтокъ или другая небольшая вещица приходитъ въ движеніе; одинъ изъ присутствующихъ видитъ надъ ней свѣтящееся облачко; другой различаетъ туманный контуръ руки; остальные же ничего не видятъ, кромѣ движущагося предмета. Что касается до меня, то я неоднократно видѣлъ сперва движеніе предмета, затѣмъ свѣтящееся облачко, образующееся надъ нимъ, потомъ это облачко сгущалось, принимало опредѣленныя очертанія и становилось наконецъ отлично сформированной рукой. Въ это время рука видима для всѣхъ. И это не только одна форма руки, но рука какъ будто совершенно живая и даже изящная, пальцы ея движутся, и тѣло кажется такимъ же человѣческимъ, какъ любого изъ присутствующихъ. У запястья или локтя она дѣлается туманной и теряется въ свѣтящемся облачкѣ.

„На ощупь руки эти кажутся иногда холодными, какъ ледъ, и мертвыми, а въ другое время теплыми и живыми, и онѣ крѣпко жали мою руку, какъ жметъ старый другъ.

„Однажды я удержалъ такую руку въ своей, въ твердой рѣшимости не выпускать ее. Она не сдѣлала ни малѣйшей попытки или усилія, чтобъ освободиться, но стала какъ бы постепенно испаряться, и такимъ образомъ исчезла изъ моей крѣпко сжатой руки". (стр. 92).

Однажды, на сеансѣ, происходившемъ въ темнотѣ, Круксъ видѣлъ свѣтящуюся руку, которая, спустившись какъ бы съ потолка, взяла изъ его руки карандашъ, и, написавши въ его глазахъ на бумагѣ сообщеніе, поднялась опять кверху и исчезла. Въ это время обѣ руки медіума были въ его рукѣ (стр. 93).

Изъ личнаго моего опыта, говоритъ А. Аксаковъ, могу упомянуть только объ одномъ случаѣ, когда мнѣ удалось видѣть и разсматривать матеріализованную руку. Послѣ Крукса можно говорить объ этомъ смѣлѣе. Когда я искалъ медіумовъ для нашей комиссіи, мнѣ хотѣлось найти такого, у котораго обыкновенныя физическія явленія происходили бы при свѣтѣ, а если темнота и занавѣска уже непремѣнно требовались, то хоть такого медіума, который сидѣлъ бы не за занавѣской, а передъ нею, на виду у всѣхъ присутствующихъ. Такихъ медіумовъ мнѣ и удалось найти въ Ньюкастлѣ, въ семействѣ простыхъ мастеровыхъ Петти. Явленія происходили въ пустомъ углу, который я самъ отгораживалъ отъ комнаты посредствомъ небольшой занавѣски, подвѣшенной къ желѣзному пруту. Медіумы же—дѣти г. Петти—сидѣли *передъ занавѣской*, при свѣтѣ болѣе или менѣе достаточномъ. При этихъ условіяхъ, на сеансѣ 3 октября 1875 года, всѣ предметы, положенные мною самимъ прямо на полъ, пришли въ движеніе, производя слабый шумъ и стукъ; на почтовой бумагѣ, которую я положилъ туда же, послышалось писаніе, тутъ стуками была потребована азбука и сказано: „ступайте, осмотрите, заперта ли дверь"—что и такъ всегда дѣлалось, во избѣжаніе внезапной помѣхи: дверь была единственная—прямо на лѣстницу. Я выразилъ желаніе, чтобъ бумага, если на ней что написано, была мнѣ подана; занавѣска немного распахнулась, и въ разрѣзѣ ея, на высотѣ двухъ аршинъ отъ полу, показалась бумага, я подошелъ и взялъ ее, за занавѣской во весь разрѣзъ ея виднѣлось что-то бѣлое. Сѣвши на мѣсто, я призналъ свою бумагу, на ней карандашомъ было написано „Emma" и еще нѣсколько словъ. Занавѣска опять немного распахивается, и за ней что-то бѣлое показывается и скрывается; по временамъ мелькаетъ въ разрѣзѣ рука. Спрашиваю: могу ли взять ее въ свою руку? — Да. — Подхожу къ занавѣскѣ; въ разрѣзѣ ея, позади, стоитъ во весь ростъ какъ бы человѣческая фигура, съ головы до ногъ покрытая чѣмъ-то бѣлымъ; она протягиваетъ руку, голую до локтя, и кладетъ ее въ мою, приподымаетъ ее, поворачиваетъ ладонью вверхъ, я ощупываю и разсматриваю ее: свѣта было достаточно, чтобъ разсмотрѣть ее отчетливо. Это была совершенно пластичная, живая,

довольно красивая женская рука, нѣсколько влажная, холодная. Ставши бокомъ къ занавѣскѣ, я въ то же время ясно видѣлъ всѣхъ сидѣвшихъ, провѣряя тотъ комплектъ, въ которомъ мы сѣли. Я подозвалъ одного изъ приглашенныхъ, г. Гера, съ которымъ уже прежде былъ знакомъ, передалъ ему эту руку — онъ точно также ощупалъ и разсмотрѣлъ ее; и рука опять возвратилась ко мнѣ. На вопросъ мой: чья это рука, та ли, которая подписалась на моей бумагѣ? — она отвѣтила троекратнымъ мановеніемъ. Она оставалась, такимъ образомъ, на виду и въ рукахъ нашихъ минутъ пять. По окончаніи сеанса, я тотчасъ отдернулъ занавѣску, осмотрѣлъ вещи и полъ. Свидѣтельство Гера напечатано въ „Medium'ѣ", 1875 г., № 290.

Что появленіе подобныхъ рукъ не галлюцинація, это доказывается тѣмъ, что реальность ихъ удостовѣрена многими путями, съ нихъ получались слѣпки и оттиски; извѣстны опыты Цельнера въ этомъ родѣ (см. статью А. М. Бутлерова въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1879 г.). Н. П. Вагнеру, между прочимъ, удалось получить, при посредствѣ одного изъ медіумовъ, у себя на дому, фотографію находящагося въ трансѣ медіума и руки, виднѣющейся надъ головой его, — руки, которая для глаза была невидима. Опытъ производился при дневномъ освѣщеніи и самимъ Н. П. Вагнеромъ, при помощи фотографа-любителя.

Отсюда весьма естественный переходъ къ матеріализаціи цѣлыхъ человѣческихъ фигуръ, которыя, къ сожалѣнію, благодаря требовавшимся условіямъ темноты и уединенія медіума, не замедлили породить столько шарлатанства. Но это не мѣшаетъ факту оставаться несомнѣннымъ; къ тому же онъ является и *логическимъ* послѣдствіемъ частичной матеріализаціи. Тысячи самыхъ разнообразныхъ наблюденій были сдѣланы надъ этимъ явленіемъ, но и здѣсь мы должны отдать первое мѣсто свидѣтельству Крукса. Хотя онъ обнародовалъ всего три письма объ этомъ предметѣ, но и ихъ достаточно, ибо, прочитавши ихъ, нельзя не притти къ заключенію, что пріемы Крукса должны удовлетворить всякаго непредубѣжденнаго скептика, и явленіе приходится признать абсолютно доказаннымъ, — если не желать отдѣлаться пустыми словами [1]). (См. Позитивизмъ въ области спиритизма, А. Аксакова).

2. **Медіумизмъ грудныхъ и маленькихъ дѣтей.** Приведемъ нѣсколько случаевъ дѣтскаго медіумизма, такъ какъ они рѣдки и драгоцѣнны.

1. Маленькая внучка барона Сеймура Киркупа писала, когда ей было девять дней. Вотъ письмо барона къ г. Іенкену:

„Дочь моя была медіумомъ двухъ лѣтъ отъ роду; теперь ей двадцать одинъ годъ, а ея дочь, моя внучка, стала писать, когда ей было всего девять дней. Ея писаніе цѣло, и я пришлю вамъ съ него фотографію. Она родилась семи мѣсяцевъ и была непомѣрно мала. Мать придерживала ее одной рукой на подушкѣ, а другой рукой держала книгу съ лежавшимъ на ней листомъ бумаги; карандашъ былъ вложенъ въ ручку ребенка неизвѣстно кѣмъ, и Валентина, таково ея имя, держала его въ кулачкѣ. Сперва она написала заглавныя буквы именъ своихъ руководителей: Р. А. Д. И. Тутъ карандашъ упалъ, и я думалъ, что кончено. Дочь моя, Имогена, воскликнула: „карандашъ опять у нея!" И ребенокъ быстро написалъ нетвердымъ почеркомъ по прежнимъ буквамъ слѣдующія слова: „non mutare, questa e buona prova, fai cosa ti abbiamo detto, addio" (ничего не мѣняй, это хорошее доказательство, сдѣлай то, что мы тебѣ сказали, прощай). Вы все это увидите на фотографіи. Я также составилъ протоколъ, который вамъ посылаю. Ребенка отправили, по совѣту невидимыхъ руководителей, на другой же день вмѣстѣ съ кормилицей въ деревню, но мы послали за нимъ опять, чтобы попробовать получить фотографію, такъ какъ я былъ знакомъ съ медіумомъ-фотографомъ. Мы отправились къ нему, я старался, чтобъ ребенокъ держалъ карандашъ, надѣясь снять его пишущимъ, но онъ карандашъ бросилъ; посылаю вамъ портретъ его, какимъ онъ удался, но за то на немъ вышелъ образъ его бабушки Реджины, которая умерла двадцать лѣтъ тому назадъ, девятнадцати лѣтъ. Сходство полное, дочь и внучка тоже очень похожи". Іенкенъ отъ себя прибавляетъ: „къ письму, полученному мною отъ барона Киркупа изъ Легхорна (Kirkup of Leghorn), были приложены: фотографія съ написанныхъ ребенкомъ словъ, протоколъ за подписью семи человѣкъ свидѣтелей и очень хорошая спиритическая фотографія бабушки ребенка, извѣстной Реджины (см. „Спиритуалистъ" 1875 года, томъ I, стр. 222). Къ сожалѣнію, здѣсь не пояснено, какого

[1]) Какъ видитъ читатель, подъ матеріализаціей на медіумическихъ сеансахъ мы, согласно съ А. Аксаковымъ, признаемъ не явленіе духовъ, напр. душъ умершихъ людей, а временное образованіе разумной, свободной, духовной субстанціей (т. е. душой) медіума вещественныхъ фигуръ для проявленія ея (субстанціи) во внѣ. Такого же взгляда держится и извѣстный духовный писатель, епископъ Порфирій Успенскій, см. его «Книгу бытія моего», гдѣ онъ подобнымъ же образомъ объясняетъ извѣстное пророческое видѣніе шведскаго короля Карла XI. Конечно, не будетъ никакого противорѣчія сказанному допустить, что и демоны могутъ проявлять себя въ видѣ матеріализованныхъ фигуръ (см. Ч.-Мин., въ которыхъ есть много разсказовъ о явленіи демоновъ въ видѣ страшныхъ еѳіоповъ и разныхъ животныхъ). *Свящ. Г. Д—ко.*

рода былъ медіумизмъ матери ребенка; по видимому, она не была медіумомъ для физическихъ явленій, и въ такомъ случаѣ не была причастна писанію ребенка, ибо такое писаніе черезъ ребенка равнялось бы физическому дѣйствію.

2. Въ „Медіумѣ“ 1875 г., стр. 647, находимъ статью: *Еще ребенокъ-медіумъ,* гдѣ говорится о семинедѣльномъ Артурѣ Омеродъ, личико котораго въ день смерти его дѣда преобразилось, принявъ черты умершаго. Онъ отвѣчалъ на вопросы, открывая и закрывая глаза условное число разъ, отвѣчалъ улыбками, киваньемъ головы и пожатіемъ руки. Ни о какихъ слѣдахъ медіумизма въ семействѣ не упоминается.

3. Въ „Banner of Light“ за 1876 годъ упоминается о слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ непосредственнаго письма черезъ двухлѣтняго ребенка, перепечатанномъ впослѣдствіи въ „Спиритуалистѣ“ 1876 г., т. II, стр. 211. „Духъ Эсси Моттъ, дочери Ж. М. Моттъ, въ Мемфисѣ (Миссури), покинулъ послѣ продолжительной болѣзни свое бренное тѣло, 18 октября, пяти лѣтъ одиннадцати мѣсяцевъ отъ роду. Эсси была ребенкомъ, духовно развитымъ не по лѣтамъ, и черезъ ея медіумизмъ получилось не мало убѣдительнѣйшихъ фактовъ. Будучи двухъ лѣтъ отъ роду, ей случалось держать совершенно одной грифельную доску подъ столомъ и получать такимъ образомъ писанныя на ней сообщенія въ отвѣтъ вопрошавшимъ, когда сама она не знала ни единой буквы азбуки. За послѣдніе два года родители не позволяли употреблять ее въ качествѣ медіума, считая это вреднымъ для ея крайне нѣжнаго здоровья. Я былъ вызванъ телеграммой изъ Айова, чтобы присутствовать на ея похоронахъ. — *Уарренсъ Чезъ*“. Это свидѣтельство достопочтеннаго Уарренса Чеза достаточно для ручательства въ подлинности явленія.

Позднѣе я случайно нашелъ показаніе г. M. Call Black'а, который былъ убѣжденъ въ истинахъ спиритизма именно тѣмъ фактомъ, что получалъ сообщенія черезъ двухлѣтняго ребенка. (См. „Religio-Philosophical Journal“ 1890 г. отъ 25 января).

Заканчивая сообщенія о медіумизмѣ дѣтей, я не могу не замѣтить, что случаи, когда маленькія дѣти видятъ привидѣнія—не рѣдки; для примѣра сошлюсь на случай ребенка двухъ съ половиною лѣтъ, игравшаго своими игрушками вмѣстѣ съ духомъ своей маленькой покойной сестры (Light 1882 г., стр. 337); я лично знаю случай, какъ двухлѣтній ребенокъ извѣстнаго русскаго медіума, во время явленій отцу его знакомой ему личности, также видѣлъ ее и, потирая отъ удовольствія свои пальчики, повторялъ, указывая на видѣніе: „тётя, тётя!“ [1]).

Здѣсь кстати упомянуть о тѣхъ дѣтяхъ,—въ числѣ ихъ были и грудныя,—которыя, во время гоненія протестантовъ во Франціи, исполнялись „духа“, какъ выражались въ то время, и говорили, и пророчествовали, и проповѣдывали на хорошемъ французскомъ языкѣ, тогда какъ вокругъ нихъ, въ глухихъ деревняхъ Севенскихъ горъ, всѣ говорили на провинціальномъ *patois*. Одинъ изъ свидѣтелей, Жанъ Вернэ, разсказываетъ: „когда мы прибѣжали, тринадцатимѣсячный ребенокъ лежалъ спеленатый въ колыбелькѣ, и до этого онъ никогда не произносилъ ни одного слова и не ходилъ. Когда я вошелъ съ моими пріятелями, онъ отчетливо говорилъ по-французски, голосомъ для возраста своего довольно громкимъ, такъ что его свободно можно было слышать во всей комнатѣ. Онъ проповѣдывалъ, какъ и другіе, которыхъ я видѣлъ, подъ наитіемъ духа, „о дѣлахъ покаянія“. (См. „Figuier, Histoire du merveilleux“, Paris, 1860, т. II, стр. 267, 401, 402).

„Весьма замѣчательно, — говоритъ самъ Фигьэ,—то обстоятельство, что вдохновленные всегда выражались въ своемъ экстазѣ на чистомъ французскомъ языкѣ, а не на мѣстномъ нарѣчіи, не имѣющемъ ничего общаго съ первымъ. Это было результатомъ той моментальной экзальтаціи умственныхъ способностей, которая составляетъ одну изъ принадлежностей болѣзни севенскихъ экстатиковъ“ (стр. 402). Но, по нашему мнѣнію, никакая „экзальтація умственныхъ способностей“ не можетъ служить объясненіемъ подобнаго явленія. („Критика гипотезъ галлюцинацій“ А. Аксакова; сн. „Ребусъ“ 1891 г., № 45).

3. **Разсказы о матеріализаціи фигуръ человѣческаго тѣла.** До недавняго времени, въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ на всякаго, кто вздумалъ бы спросить васъ серьёзно о томъ, вѣрите ли вы въ факты, сообщаемые спиритуализмомъ, посмотрѣли бы, какъ на психически или умственно разстроеннаго. Теперь дѣло стоитъ нѣсколько иначе, и въ дѣйствительно образованномъ обществѣ такой вопросъ встрѣчаетъ иную оцѣнку... Тѣмъ не менѣе, если относительно этого предмета и существуетъ какое-нибудь единство взглядовъ, то развѣ только въ лагерѣ спиритуалистовъ, остальная же часть общества держится самыхъ разнообразныхъ воззрѣній, начиная отъ отрицанія, скептицизма и кончая полнѣйшимъ отсутствіемъ какого-либо мнѣнія: „я не знаю, что и ду-

[1]) Явленія «духовъ» въ данномъ случаѣ могутъ быть, кажется, объяснены, коллективными телепатическими галлюцинаціями. *Свящ. Г. Д-ко.*

мать объ этомъ", обыкновенно говорятъ люди послѣдней категоріи.

Причиною такого страннаго разброда взглядовъ на вопросъ о спиритическихъ (правильнѣе, медіумическихъ) явленіяхъ и главнымъ образомъ о „духахъ" является, съ одной стороны, необычайность этихъ явленій, связанная со стремленіемъ придать имъ несимпатичную для научно-развитого ума окраску [1]), съ другой—необходимость признанія абсолютной реальности этой „чертовщины". Пусть, сколько угодно, говорятъ о многочисленныхъ разоблаченіяхъ обмановъ профессіональныхъ и непрофессіональныхъ медіумовъ, все-таки приходится сознаться, что есть факты неопровержимые, засвидѣтельствованные всѣми находящимися въ нашемъ распоряженіи физическими средствами.

Не желая утомлять читателя сообщеніемъ многочисленныхъ примѣровъ явленій, такъ называемыхъ, трансцендентальныхъ существъ и доказательствъ реальности послѣднихъ, мы ограничимся приведеніемъ двухъ-трехъ наиболѣе типичныхъ фактовъ. Для ясности замѣтимъ, что обстановка опытовъ матеріализаціи „духовъ", о которыхъ здѣсь рѣчь, въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Медіумъ помѣщается въ темной или полутемной комнатѣ, за перегородкою, занавѣскою и т. п., — здѣсь важно только, чтобы было какое-нибудь слабо или вовсе не освѣщенное помѣщеніе,—достаточно даже оконной ниши; комната, гдѣ располагаются свидѣтели, бываетъ слегка затѣнена, напримѣръ, надѣтымъ на лампу краснымъ абажуромъ,—хотя это не составляетъ строгой необходимости, а лишь благопріятствуетъ успѣху; медіума усаживаютъ и, для увѣренности въ томъ, что онъ не можетъ принимать активнаго участія въ предстоящихъ явленіяхъ, его привязываютъ всѣми возможными способами, опечатываютъ, держатъ за руки и ноги, соединяютъ съ разнаго рода электрическими аппаратами, сажаютъ въ мѣшокъ, иногда даже привязываютъ нитками за отверстія, сдѣланныя въ ушахъ для серегъ,—словомъ, испробованы, кажется, всѣ способы, какіе только сумѣли придумать для лишенія возможности медіума не только выйти изъ „кабинета", но даже двигаться... И при всѣхъ этихъ условіяхъ присутствующіе ощущаютъ прикосновеніе невидимыхъ рукъ, если дѣло происходитъ въ темнотѣ, видятъ эти руки производящими разныя дѣйствія; иногда появляется какое-нибудь лицо, цѣлая фигура, начиная отъ слабой туманной формы до вполнѣ реальной личности, ничѣмъ не отличаемой отъ живого человѣка; она ходитъ, садится участникамъ на колѣни, позволяетъ себя взвѣшивать на вѣсахъ, причемъ вѣсъ ея въ разное время колеблется въ весьма значительныхъ предѣлахъ, даетъ куски своей одежды, даже разговариваетъ, пишетъ и т. д. Перейдемъ, однако, къ примѣрамъ.

а) Двое извѣстныхъ ученыхъ нашего времени, профессоръ Круксъ и Варлей, желая рѣшить вопросъ, находится ли миссъ Кукъ (медіумъ) внутри „кабинета" въ то время, когда Кэти (матеріализованная фигура) появляется присутствующимъ, вздумали пропускать черезъ тѣло медіума слабый гальваническій токъ во все время опыта. О состояніи цѣпи они имѣли возможность судить по включенному въ нее необыкновенно чувствительному отражательному гальванометру, находившемуся въ комнатѣ.

„Опытъ, о которомъ идетъ рѣчь, происходилъ въ домѣ мирового судьи Луксмора въ Лондонѣ. Задняя гостиная была отдѣлена отъ передней посредствомъ тяжелой занавѣски и имѣла цѣлью служить темнымъ кабинетомъ. Комната была осмотрѣна до начала сеанса, и затѣмъ двери въ нее заперты. Передняя гостиная освѣщалась лампой за экраномъ. Гальванометръ былъ поставленъ на каминъ въ разстояніи отъ десяти до одиннадцати футовъ отъ занавѣски. Присутствовали: г. Луксморъ, г. Круксъ, г-жа Круксъ, г-жа Кукъ съ дочерью, г. Таппъ, г. Гаррисонъ и Варлей.

„Миссъ Кукъ посадили въ задней гостиной; два золотыхъ съ припаянными къ нимъ платиновыми проволоками были прикрѣплены посредствомъ резины въ рукахъ медіума немного выше запястья. Между монетами и тѣломъ была положена тройная простилка изъ толстой бѣлой пропускной бумаги, смоченной растворомъ азотно-кислаго аммонія. Платиновыя проволоки были проведены вдоль рукъ до самыхъ плечъ и прикрѣплены къ рукамъ тесемками, такъ что движеніе рукъ оставалось свободнымъ. Къ каждой платиновой проволокѣ была прикрѣплена тонкая, обвитая бумажной ниткой мѣдная проволока, которая была выведена въ переднюю гостиную, гдѣ находились присутствовавшіе. Проволоки были соединены съ двумя элементами Даніеля и провѣрочнымъ кабельнымъ аппаратомъ. Когда все было готово, занавѣски были опущены, медіумъ (миссъ Кукъ) остался въ темнотѣ, и слабый электрическій токъ проходилъ черезъ его тѣло во все время сеанса... Токъ протекалъ изъ обоихъ элементовъ черезъ гальванометръ, черезъ элементы сопротивленія, черезъ миссъ Кукъ

[1]) Православные богословы смотрятъ на медіумическія явленія или какъ на вмѣшательство злой силы (митр. Филаретъ), или какъ на самообманъ при недостаточномъ наблюденіи психо-физическихъ явленій, или какъ на явленіе естественное, свидѣтельствующее о бытіи души. *Свящ. Г. Д-ко.*

и затѣмъ обратно въ батарею". (Аксаковъ. „Анимизмъ и спиритизмъ").

Такимъ образомъ вся суть опыта заключалась въ возможности слѣдить за медіумомъ по гальванометру, наблюдая происходящія измѣненія сопротивленія, представляемаго тѣломъ субъекта. Малѣйшее движеніе медіума, необходимо влекущее за собою перемѣщеніе полюсовъ батареи, должно было отразиться на измѣненіи сопротивленія. При такихъ условіяхъ, для одного только освобожденія рукъ приходилось перемѣстить полюсы къ плечамъ, а это отражалось на измѣненіи сопротивленія, выражавшемся 40 дѣленіями гальванометра. И несмотря на это, Кэти все-таки показалась изъ-за занавѣски и подняла вверхъ оголенныя руки...

„При повтореніи этого опыта, по случаю отсутствія Варлея, самъ Круксъ руководилъ имъ. Онъ получилъ одинаковые результаты, но при этомъ такъ мало оставилъ свободной проволоки, что медіумъ, еслибъ сталъ двигаться, могъ бы показаться только у отверстія занавѣски. Кэти же выступила изъ-за занавѣски на шесть или восемь футовъ; никакихъ проволокъ на рукахъ ея не было, и за все это время показанія гальванометра были превосходны. Кромѣ того г. Круксъ попросилъ Кэти, чтобы она опустила свои руки въ сосудъ съ растворомъ іодистаго калія, что она и сдѣлала, но это не вызвало никакихъ движеній въ стрѣлкѣ гальванометра; еслибы проволоки были гдѣ-нибудь прикрѣплены къ Кэти, то жидкость укоротила бы путь для тока и увеличила бы отклоненіе гальванометра".

„Кэти давала—говоритъ Круксъ [1],—сеансы у меня на дому каждый вечеръ, чтобы доставить возможность сфотографировать ее при искусственномъ освѣщеніи. Пять полныхъ фотографическихъ снарядовъ были изготовлены для этой цѣли, чтобы можно было скоро и безъ задержекъ дѣлать одну за другой фотографіи.

„Моя библіотека служила темнымъ кабинетомъ. Дверь изъ нея отворяется въ лабораторію; вмѣсто одной ея половинки, снятой съ петель, была повѣшена занавѣска, чтобы Кэти могла свободно входить и выходить изъ кабинета. Наши знакомые, присутствовавшіе на сеансахъ, помѣщались въ лабораторіи противъ занавѣски, а камеры находились нѣсколько позади ихъ, готовыя фотографировать Кэти, когда она выйдетъ изъ кабинета, а также фотографировать и все, находившееся внутри его, когда занавѣска будетъ для этой цѣли отдернута. Каждый вечеръ было отъ трехъ до четырехъ выставокъ въ пяти камерахъ, такъ что на каждомъ сеансѣ получалось до пятнадцати различныхъ фотографій. Входя въ кабинетъ, миссъ Кукъ обыкновенно ложилась на полъ, клала голову на подушку и скоро впадала въ трансъ. Во время фотографическихъ сеансовъ Кэти окутывала голову своего медіума шалью, чтобы свѣтъ не падалъ на ея лицо. Мнѣ часто случалось отдергивать занавѣску съ одного бока, когда Кэти стояла возлѣ нея, и нерѣдко всѣ семь или восемь человѣкъ, находившіеся въ лабораторіи, видѣли миссъ Кукъ и Кэти одновременно, при полномъ блескѣ электрическаго свѣта. Правда, въ этихъ случаяхъ мы не видали лица медіума, закрытаго шалью, но видѣли его руки и ноги; видѣли, какъ миссъ Кукъ безпокойно шевелилась подъ вліяніемъ сильнѣйшаго свѣта, и слышали, какъ она иногда стонала. Я имѣю одну фотографію обѣихъ вмѣстѣ, но сидящая Кэти закрываетъ собою голову миссъ Кукъ".

Несмотря на довольно большое сходство Кэти съ миссъ Кукъ, онѣ все-таки различаются: „ростъ Кэти мѣняется; у себя я видѣлъ ее на шесть дюймовъ выше миссъ Кукъ. Вчера вечеромъ, съ босыми ногами, она была на четыре съ половиною дюйма выше миссъ Кукъ; шея Кэти была обнажена; кожа ея была совершенно гладкая на видъ и ощупь, между тѣмъ какъ на шеѣ миссъ Кукъ большой рубецъ, который ясно видѣнъ и ощущаемъ. Уши Кэти не проняты, между тѣмъ какъ миссъ Кукъ обыкновенно носитъ серьги. Волоса у Кэти бѣлокурые, а у миссъ Кукъ темнорусые. Пальцы Кэти значительно длиннѣе, чѣмъ у миссъ Кукъ, и лицо ея гораздо больше... Русые волосы миссъ Кукъ настолько темны, что кажутся черными, а лежащій передо мною локонъ Кэти—золотисто-русый; съ ея позволенія я самъ его отрѣзалъ отъ ея роскошныхъ косъ, добравшись сперва до самыхъ корней волосъ и убѣдившись, что они дѣйствительно тутъ росли".

Это различіе между медіумомъ и Кэти было доказано Круксомъ фотографіей, сдѣланной съ миссъ Кукъ, стоявшей рядомъ съ ученымъ въ той-же позѣ и одеждѣ, какую имѣла Кэти, когда ее сфотографировали вмѣстѣ съ Круксомъ.

б) Вотъ еще описаніе условій снятія фотографіи съ матеріализованной фигуры вмѣстѣ съ медіумомъ (Эглинтономъ). „Запылалъ магній, — разсказываетъ Аксаковъ, — хозяинъ открылъ объективъ, и я увидѣлъ при ослѣпительномъ освѣщеніи фигуру Эглинтона, какъ бы спокойно спавшаго, со скрещенными передъ собою руками; на лѣвомъ плечѣ его виднѣлась третья рука съ частью бѣлой драпировки, а на головѣ его, у самаго лба,

[1]) Цитируется по Аксакову.

виднѣлась четвертая рука—живыя, натуральныя руки, не имѣвшія той поразительной бѣлизны, какъ въ Петербургѣ. Когда выставка кончилась, руки не отнялись, но оттянули Эглинтона назадъ, и онъ скрылся за занавѣской... Черезъ нѣсколько секундъ показывается Эглинтонъ, выходитъ весь, а за нимъ выступаетъ еще фигура въ бѣломъ—та самая, которую мы сейчасъ видѣли; оба становятся передъ занавѣской, и чей-то голосъ говоритъ: „light" (свѣтъ). Вторично запылалъ магній, и я съ изумленіемъ смотрѣлъ на высокую фигуру, лѣвой рукой своей обхватывавшую и поддерживавшую Эглинтона; онъ былъ въ глубокомъ трансѣ и едва держался на ногахъ; я сидѣлъ въ пяти шагахъ и при ослѣпительномъ свѣтѣ могъ совершенно ясно разсмотрѣть удивительнаго пришельца: это былъ вполнѣ живой человѣкъ; я хорошо видѣлъ живую кожу лица его, совершенно натуральную черную бороду, густыя прямыя брови и проницательные глаза, все время смотрѣвшіе сурово, неподвижно, прямо въ огонь, который горѣлъ секундъ пятнадцать. Вся фигура была въ бѣломъ одѣяніи, спускавшемся до самаго пола, на головѣ было что-то вродѣ бѣлаго тюрбана. Лѣвой рукой она охватывала Эглинтона, правой рукой она придерживала свою драпировку... Изготовленныя на спѣхъ на другой же день фотографіи оказались весьма удачными; особенно первая, на которой видны руки на Эглинтонѣ. Не такъ, какъ въ Петербургѣ, онъ сидѣлъ подъ ослѣпительнымъ блескомъ горѣвшаго магнія совершенно спокойно, поэтому и руки на немъ вышли очень отчетливо". На второй фотографіи „Эглинтона можно легко узнать, хотя голова его и закинута нѣсколько на обхватывающую его руку; рядомъ съ нимъ стоитъ та высокая фигура, которую мы видѣли полною жизни; борода, брови вышли хорошо, глаза тусклы; характерная черта этой фигуры—короткій носъ, совершенно отличный отъ эглинтоновскаго. На обѣихъ фотографіяхъ видны въ углу мои помѣтки. Всѣ негативы находятся у меня".

Какъ отражаются подобные опыты на здоровьи медіума, можно судить по тому, что Эглинтонъ, послѣ описаннаго сеанса, долгое время не приходилъ въ себя. Лежа на полу, съ выступившею на губахъ кровью, онъ страшно корчился и, несмотря на растираніе, нюханье спирта и т. п., оставался въ этомъ положеніи съ 1/4 часа. Но не ранѣе какъ черезъ часъ онъ настолько оправился, что кое-какъ могъ доплестись до подземной желѣзной дороги, впрочемъ, съ помощью взявшагося проводить его N. Дома съ Эглинтономъ „сдѣлался вторичный припадокъ дурноты съ легочнымъ кровоизліяніемъ".

Художникъ Тиссо приводитъ случай, когда въ то время, какъ Эглинтонъ лежалъ на полу въ глубокомъ трансѣ, явилась фигура молодой женщины, когда-то бывшей художнику очень дорогою, но уже нѣсколько лѣтъ какъ умершей. Въ моментъ, когда Тиссо поспѣшно началъ дѣлать набросокъ видѣнія, оно удвоилось появленіемъ сзади фигуры самого медіума. Оба призрака свѣтились фосфорическимъ свѣтомъ и потомъ исчезли наподобіе того, какъ расплывается дымъ, наполнявшій только что лопнувшій мыльный пузырь.

Самымъ вѣскимъ доказательствомъ реальности появляющихся во время сеансовъ фигуръ, по справедливости, слѣдуетъ считать полученіе парафиновыхъ формъ рукъ, ногъ и другихъ матеріализованныхъ органовъ. Разница между разнаго рода отпечатками на мукѣ, глинѣ, закопченномъ стеклѣ или бумагѣ, а также и другими тѣлесными дѣйствіями, какъ, напримѣръ, оставленіемъ призракомъ какихъ-нибудь рисунковъ, письма и т. п.,—и полученіемъ парафиновыхъ или иныхъ формъ цѣлыхъ органовъ заключается въ томъ, что послѣднія не легко получить во время сеанса, даже при условіи недостаточнаго контроля за дѣйствіями медіума. Мы говоримъ „не легко", а не невозможно, въ виду того, что для полученія парафиновой формы можно воспользоваться желатинною. Объяснимся, однако, понятнѣе. Такъ какъ вся трудность полученія парафиновой формы какой-нибудь, положимъ, руки съ согнутыми пальцами заключается въ невозможности вынуть послѣднюю изъ формы, не повредивъ ея, то необходимо чѣмъ-нибудь замѣнить руку. Изъ свидѣтельства, выданнаго извѣстнымъ американскимъ скульпторомъ О'Бріеномъ, по поводу полученныхъ на одномъ сеансѣ формъ, видно, что представленныя ему гипсовыя отливки могутъ быть, по мнѣнію этого скульптора, получены только посредствомъ разборчатыхъ формъ, а для уничтоженія слѣдовъ швовъ нуженъ искусный граверъ. Въ спиритической литературѣ намъ также не пришлось встрѣтить упоминаній о желатинныхъ формахъ, а потому, хотя мы и не придаемъ этому способу особеннаго значенія, тѣмъ не менѣе, не мѣшаетъ все-таки упомянуть здѣсь объ этомъ. Дѣло въ томъ, что если опустить руку въ густой теплый растворъ желатина въ водѣ и потомъ вынуть, то по остываніи получается точнѣйшая форма въ видѣ перчатки. Послѣднюю можно снять не только съ руки, но даже съ твердыхъ предметовъ, разрѣзавъ или даже разорвавъ форму только настолько, чтобы черезъ отверстіе могла пройти самая толстая часть предмета; разныя же выпуклости и вогнутости послѣдняго, бла-

годаря эластичности желатина, нисколько не помѣшаютъ формѣ сняться. По снятіи перчатки съ руки, форма послѣдней будетъ сохранена въ неприкосновенности, задѣлать же снаружи мѣста разрыва, края котораго до тонкости сходятся другъ съ другомъ, не представляетъ трудности. Самый способъ полученія парафиновыхъ формъ на спиритическихъ сеансахъ заключается въ слѣдующемъ. Въ приготовленные два сосуда наливаютъ воды,—въ одинъ холодной, въ другой горячей, на поверхности которой плаваетъ слой расплавленнаго парафина. Матеріализованная рука опускается на секунду въ парафинъ, послѣ того въ холодную воду, повторяя эту операцію нѣсколько разъ. Когда рука дематеріализуется, то въ холодной водѣ будетъ плавать точная форма ея; въ нее можно налить гипсу и, когда онъ отвердѣетъ, опустить все въ горячую воду, въ которой парафинъ растопится, оставивъ точный слѣпокъ руки. Того же самаго можно достигнуть, опуская въ парафинъ желатиновую перчатку достаточной толщины. Снаружи ничего не будетъ замѣтно; когда же гипсъ, налитый въ полученную такимъ образомъ форму, отвердѣетъ, то горячая вода не только растопитъ парафинъ, но и растворитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и желатинъ, уничтоживъ такимъ образомъ послѣдніе слѣды обмана.

Стало-быть, для полученія во время сеанса парафиновыхъ формъ безъ участія матеріализаціи и дематеріализаціи даннаго органа, нужно только принести съ собою желатинныя формы. Допустимъ, что, при недостаточной тщательности обыска, это удалось бы сдѣлать. Но какъ теперь дѣлать дальше? — При ниже приводимыхъ условіяхъ производства опытовъ, полученіе формъ, даже пользуясь принесенными съ собою желатинными перчатками, является дѣломъ почти столь же, а можетъ-быть и болѣе чудеснымъ, чѣмъ самъ процессъ матеріализаціи и дематеріализаціи.

Какъ мы уже сказали, въ спиритической литературѣ нѣтъ, насколько намъ извѣстно, указаній на возможность обмана посредствомъ желатиновыхъ формъ, а потому, понятно, мѣры, принимаемыя контролемъ, имѣютъ въ виду другія предположенія. Тѣмъ не менѣе, условія опытовъ настолько строги, что исключаютъ возможность какихъ бы то ни было сомнѣній.

Прежде всего, конечно, для устраненія возможности производства упомянутыхъ формъ самимъ медіумомъ, его сажали въ мѣшокъ и завязывали у шеи. Съ другой стороны, такъ какъ было высказано предположеніе, что парафиновыя формы дѣлаются не во время сеанса, а приносятся готовыми, то парафинъ предъ началомъ опытовъ и по окончаніи ихъ взвѣшивался. Оказывалось, что вѣсъ полученныхъ формъ и оставшейся парафиновой массы въ точности равнялся вѣсу послѣдней до начала сеанса. Наконецъ, для устраненія возраженія о возможности участія кого-либо изъ присутствующихъ въ обманѣ, пробовали самые сосуды съ водой и парафиномъ помѣщать въ запираемый на замки и опечатываемый ящикъ. Стѣнки его дѣлались изъ одного куска довольно частой проволочной сѣтки, такъ что можно было наблюдать за тѣмъ, что̀ происходило въ ящикѣ. „Когда всѣ удостовѣрились въ надежности ящика, м-ръ Уэтерби взялъ ведро чистой холодной воды, предварительно осмотрѣнное всѣми присутствующими, и поставилъ его въ ящикъ. Полковникъ Попъ взялъ ведро горячей воды, покрытое сверху жидкимъ слоемъ растопленнаго парафина, и, по освидѣтельствованіи его, поставилъ также въ ящикъ. Крышку закрыли, задвинули засовами и заперли. Для полнѣйшаго обезпеченія наложили сверхъ того печати на обѣ замочныя скважины, вдоль пазовъ крышки сверху и по бокамъ, хотя эта мѣра и была совершенно лишней: медіумъ все время оставался у насъ на виду. Въ комнатѣ было свѣтло, и мы всѣ видѣли сквозь сѣтку, что въ ящикѣ ничего другого, кромѣ ведеръ и ихъ содержимаго не было. Чтобы дать требуемую для явленія темноту, на ящикъ набросили суконную скатерть и въ комнатѣ нѣсколько уменьшили свѣтъ, но его оставалось однако достаточно, чтобы видѣть часы и различать лица и движенія присутствующихъ, въ томъ числѣ и медіума. М-съ Гарди (медіумъ) сѣла впереди кружка, предъ узкою стороною ящика, а м-ръ Гарди все время находился въ отдаленіи, позади всего общества . . . . . Наконецъ, минутъ черезъ сорокъ раздалось частое веселое постукиваніе, извѣщавшее объ успѣхѣ. Всѣ мы встали со своихъ мѣстъ, сняли съ ящика сукно и, посмотрѣвъ сквозь проволочную сѣтку, увидали, что въ ведрѣ съ холодной водой плаваетъ цѣльная форма большой руки, затѣмъ освидѣтельствовали печати — онѣ оказались не поврежденными. Мы снова тщательно осмотрѣли всѣ стѣнки ящика: дерево и проволока— все было въ цѣлости и порядкѣ. Снявъ печати, мы отперли замки, отодвинули засовы, поднявъ крышку, вынули изъ ящика ведро и взяли форму. Мы не видѣли и теперь не видимъ другого выхода, какъ притти къ заключенію, что эта форма была сдѣлана и положена въ ведро какою-то силою, способною матеріализировать органы человѣческаго тѣла, совершенно отличнаго отъ тѣла медіума“. (Аксаковъ).

Не находя возможнымъ долѣе останавливаться на доказательствахъ реальности того,

что спириты называютъ духами, считаемъ, тѣмъ не менѣе, возможнымъ признать полную дѣйствительность этого явленія, — по крайней мѣрѣ никто до сихъ поръ не въ состояніи былъ сдѣлать честнаго и разумнаго возраженія противъ постановки наиболѣе доказательныхъ опытовъ.

Итакъ, стало-быть, фактъ возможности появленія матеріализованныхъ фигуръ слѣдуетъ считать установленнымъ.

Перебирая въ умѣ приведенные здѣсь примѣры явленій „духовъ", читатели могли замѣтить, что призраки должны быть раздѣлены на двѣ категоріи: одни болѣе или менѣе походятъ на самого медіума, это, такъ называемые, *гомологичные* двойники, другіе совершенно отъ него отличаются и потому носятъ названіе *гетерологичныхъ* двойниковъ.

Когда мы начинаемъ вдумываться въ сущность только что описанныхъ явленій, то у насъ, естественно, возникаетъ вопросъ: откуда эти призраки? — происходятъ ли они извнѣ, или составляютъ часть самого медіума? — Еслибъ мы имѣли дѣло съ одними только гомологичными двойниками, то, минуя всякаго рода трудности, представляемыя новизною предмета (конечно, для оффиціальной науки), можно бы было считать, что призраки представляютъ собою раздвоеніе личности медіума; когда же мы убѣждаемся, что существуютъ нерѣдкіе случаи, когда являющаяся фигура не только сильно отличается отъ медіума по внѣшности и возрасту, но даже принадлежитъ къ другому полу, то невольно закрадывается сомнѣніе въ одинаковости происхожденія обоихъ родовъ явленій.

Весьма важнымъ и, по своимъ послѣдствіямъ, цѣннымъ является наблюденіе, сдѣланное въ 1889 году инженеромъ Макъ-Нэбомъ. Во время одного сеанса, снимая фотографіи сопровождавшихъ его явленій, экспериментаторъ получилъ снимокъ призрака дѣвушки, появившагося рядомъ съ медіумомъ, который находился тогда въ летаргіи. Показавъ послѣднему, по его пробужденіи, эту фотографію, Макъ-Нэбъ былъ крайне удивленъ, когда медіумъ узналъ въ снимкѣ воспроизведеніе одного древняго рисунка, изъ прошлыхъ столѣтій, который когда-то поразилъ воображеніе медіума. Это изображеніе, пребывая въ подсознаніи субъекта, объективировалось въ состояніи транса не въ формѣ галлюцинаціи, какъ это бываетъ во снѣ, а въ видѣ матеріализованной фигуры.

Фактъ этотъ чрезвычайно поучителенъ. Сопоставляя его съ тѣми случаями, когда во время сеансовъ являются „духи" Донъ-Кихота, Евгенія Онѣгина и т. п. личностей, никогда въ дѣйствительности не существовавшихъ, а созданныхъ, подобно вышеприведенному рисунку, фантазіей художника, мы уже имѣемъ, такъ сказать, путеводную нить въ нашихъ блужданіяхъ съ цѣлью уясненія себѣ природы явленія „духовъ". Несомнѣнно, послѣдніе обязаны своимъ происхожденіемъ самому медіуму, его воображенію, но, конечно, подсознательному. Здѣсь мы, такимъ образомъ, подходимъ къ вопросу о идеопластіи, идеоматеріализаціи или, еще иначе, телепластіи [1]). По видимому, медіумъ въ состояніи транса выдѣляетъ изъ себя нѣчто, которое, подъ вліяніемъ безсознательной воли субъекта, принимаетъ болѣе или менѣе законченную форму и плотность. Разсмотримъ этотъ вопросъ нѣсколько подробнѣе.

Читатель, вѣроятно, еще не забылъ приведеннаго нами въ предыдущихъ главахъ прекраснаго описанія явленій, сопровождающихъ „столоверченіе", сдѣланнаго Рейхенбахомъ. Во время такихъ сеансовъ лица, участвующія въ опытѣ со столикомъ, выдѣляютъ свѣтящія волны, которыя, концентрируясь посрединѣ стола, вначалѣ принимаютъ форму какого-то клубка, который потомъ постепенно превращается въ колонну, возвышающуюся до потолка. Въ своемъ мѣстѣ мы старались опредѣлить природу этого свѣтового явленія, признавъ за нимъ электрическія свойства, но это только одна его сторона; тамъ же было замѣчено, что это явленіе имѣетъ сложный характеръ, такъ какъ въ немъ играетъ роль *нѣчто*, оставленное безъ разсмотрѣнія. Теперь мы намѣрены посвятить этому вопросу исключительное вниманіе.

Сознавая, что, несмотря на громадную цѣнность электрографическихъ работъ г. Наркевича-Іодко для доказательства реальности излученій организма, у читателя все-таки могутъ быть сомнѣнія, благодаря невозможности разграничить посредствомъ этого метода долю участія организма и внѣшняго электрическаго возбужденія,—я (д-ръ Битнеръ) задался цѣлью получить фотографіи человѣческаго тѣла въ *абсолютной темнотѣ, безъ всякихъ электрическихъ аппаратовъ*. Испробовавъ безуспѣшно едва ли не всѣ лучшіе изъ употребительныхъ проявителей и пластинокъ, я, наконецъ, во время моего пребыванія въ 1897 году за границей, обратился къ представителю извѣстной мнѣ фирмы Аншюцъ въ Берлинѣ [2]), прося приготовить мнѣ самыя, какія только возможно, чувствительныя пластинки.

Не стану описывать тѣхъ неудачъ, какія сопровождали мои опыты даже и съ

[1]) Послѣдній терминъ впервые былъ употребленъ профессоромъ Coues на психологическомъ конгрессѣ въ Чикаго.

[2]) Изобрѣтатель разнаго рода камеръ и затвора, дающаго возможность сократить выставку до $^{1}/_{1000}$ секунды.

этими превосходными пластинками, а также съ разными панхроматическими (эозиновыми, ціаниновыми и хлорофиловыми, изъ которыхъ послѣднія пришлось приготовлять самому),—

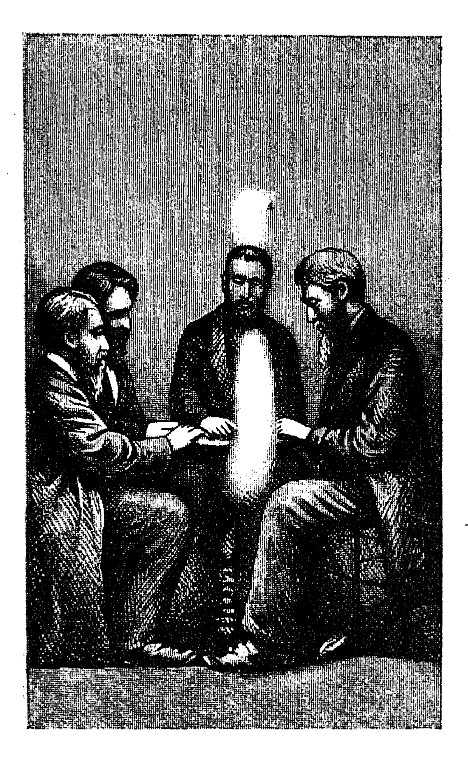


Рис. 1. къ стр. 361-й.

скажу только, что, наконецъ, мои усилія увѣнчались успѣхомъ: я получилъ первую фотографію въ темнотѣ.

Обстановка опытовъ у меня слѣдующая. Замагнитизировавъ субъекта (наилучшій результатъ дала 11-лѣтняя дѣвочка, темная брюнетка, вылѣченная мною отъ эпилепсіи), я навожу аппаратъ, вставляю касету, тушу лампу, открываю объективъ и касету, другую же пластинку, взятую изъ той же коробки, кладу невдалекѣ открытою,—для контроля абсолютности темноты комнаты. Опыты производятся всегда, начиная часовъ съ 10 вечера, при закрытыхъ ставняхъ, спущенныхъ шторахъ и кромѣ того за занавѣскою, протянутою для полнаго убѣжденія поперекъ комнаты со стороны оконъ. Въ сосѣднихъ комнатахъ тоже не зажигается огня. Впрочемъ, доказательствомъ отсутствія какого бы то ни было свѣта въ комнатѣ для опытовъ служитъ постоянная чистота контрольныхъ пластинокъ (нельзя только класть ихъ близко отъ субъекта, потому что можетъ получиться вуаль). На полученныхъ снимкахъ можно было различить общее туманное очертаніе головы, шеи и части груди. Три болѣе темныхъ пятна соотвѣтствовали носу и глазнымъ впадинамъ. Слѣва и справа находятся неправильныя свѣтлыя полосы, выдѣляющіяся изъ окружающаго мрака. Изъ дальнѣйшихъ опытовъ выяснилось: 1) что чѣмъ глубже гипнозъ, тѣмъ свѣта получается болѣе, причемъ иногда, въ особенности слѣва отъ субъекта, образуются неправильныя свѣтовыя пятна и довольно обширныя пространства; 2) что въ бодрственномъ состояніи, если и получается какой-то свѣтъ, то очень слабый, съ боковъ головы, и имѣющій волнистую форму,—о какомъ-либо изображеніи нѣтъ и помину; 3) что излученія тѣла даже въ гипнозѣ настолько слабы, что только, ставя аппаратъ очень близко, не далѣе 2—3 футовъ отъ субъекта, удается получить изображеніе лица, но очень туманное и до крайности неясное; 4) что иногда, вслѣдствіе еще невыяснившихся причинъ, никакого изображенія не получается; 5) что, ставя аппаратъ на такомъ разстояніи, чтобы могла выйти вся фигура, ни малѣйшихъ признаковъ ея очертаній не получается, а образуется темное расплывчатое пространство, соотвѣтствующее положенію тѣла, съ боковъ же двѣ свѣтлыхъ полосы; 6) если загипнотизированныхъ субъектовъ на одной пластинкѣ сразу снимается двое, сидящихъ не далѣе фута другъ отъ

Рис. 2.

друга, то темное пространство, соотвѣтствующее обѣимъ фигурамъ, соединяется, раздѣляясь лишь между головами свѣтлымъ промежуткомъ; съ внѣшнихъ же сторонъ образуется

по свѣтлой полосѣ, которыя, посредствомъ полутѣни надъ каждою головою, соединяются съ раздѣляющимъ ихъ свѣтлымъ промежуткомъ, еще большая тѣнь соотвѣтствуетъ тому мѣсту, гдѣ находятся выступающія (при сидячемъ положеніи) колѣни, но она все-таки свѣтлѣе остальной части обѣихъ фигуръ, и, наконецъ, 7) что сильный, молодой субъектъ даетъ свѣту болѣе, чѣмъ какой-нибудь анемичный, хотя бы онъ находился въ болѣе глубокой стадіи гипноза, при томъ дѣвушки, при равенствѣ прочихъ условій, образуютъ болѣе сильныя излученія, чѣмъ женщины.

Всѣ эти выводы, основанные хотя и на довольно большомъ числѣ опытовъ, но еще *незаконченныхъ*, не имѣютъ большого значенія; единственное неоспоримое заключеніе, которое можно изъ нихъ сдѣлать, это безусловная реальность выдѣленія изъ насъ въ гипнотическихъ состояніяхъ тѣхъ свѣтоносныхъ истеченій, о которыхъ разсказываетъ Рейхенбахъ. Что же касается излученій нашего тѣла въ состояніи бодрствованія, то, вслѣдствіе малочисленности опытовъ [1]) и недостаточной рельефности полученныхъ результатовъ, приходится обождать съ выводами. Впрочемъ, въ настоящую минуту для насъ важно имѣть только увѣренность въ томъ, что упомянутыя истеченія не плодъ воображенія какихъ-нибудь истеричныхъ, а представляютъ собою вполнѣ реальное явленіе. Условившись относительно этого важнаго

Рис. 4.

Рис. 3.

пункта, мы уже можемъ перейти къ описанію весьма интересныхъ и поучительныхъ опытовъ Битти.

Причиною, побудившею этого „разсудительнаго, искуснаго и свѣдущаго фотографа", котораго въ дѣлѣ фотографіи не легко обмануть, и „совершенно неспособнаго обманывать другихъ",—заняться „спиритическою фотографіею", — было „убѣжденіе въ подложности всѣхъ видѣнныхъ имъ спиритическихъ фотографій" и желаніе „изслѣдовать этотъ вопросъ собственнымъ опытомъ". Кромѣ Битти, столь „опытнаго фотографа-портретиста, — какъ отзывается о немъ другое лицо, — и джентльмена, въ искренности и честности котораго никому и въ голову не придетъ усомниться", въ опытахъ участвовало еще четверо лицъ, близко знавшихъ другъ друга. Въ томъ числѣ былъ одинъ медіумъ Бутландъ, пріятель Битти. Нужно замѣтить, что съ этимъ медіумомъ нельзя было получать физическихъ явленій и матеріализаціи, чѣмъ и объясняется незаконченность и неясность полученныхъ изображеній; но для насъэто гораздо важнѣе всякихъ отчетливыхъ и рельефныхъ снимковъ „духовъ", такъ какъ даетъ возможность прослѣдить постепенность образованія тѣхъ матеріализованныхъ

[1]) Въ бодрственномъ состояніи просидѣть неподвижно въ общемъ около трехъ часовъ чрезвычайно трудно, а потому не легко найти подходящихъ субъектовъ. Да и вообще не легко найти послѣднихъ.

фигуръ, о которыхъ была рѣчь выше. Перейдемъ, однако, къ описанію самихъ опытовъ.

„Я имѣю въ Лондонѣ, — разсказываетъ Битти, — пріятеля, который, однажды, бывъ

Рис. 5.

у меня, показалъ мнѣ, такъ называемыя, „спиритическія фотографіи". Я ему тотчасъ сказалъ, что онѣ не были таковыми, и пояснилъ ему, какимъ образомъ онѣ были сдѣланы; видя, однако, что многіе вѣрили въ возможность подобныхъ вещей, я сказалъ, что не прочь сдѣлать нѣсколько опытовъ, такъ какъ я зналъ одного хорошаго „медіума"—г. Бутланда". „... Камера, съ объективомъ Росса, была такого устройства, что можно было имѣть три негатива на одной пластинкѣ. Свѣтъ былъ затѣненъ, чтобы можно было продолжать выставку до четырехъ минутъ... Фонъ былъ обыкновенный, ежедневно употреблявшійся, темнокоричневый, и *стоялъ вплоть къ стѣнѣ.* Медіумъ сидѣлъ къ нему спиною, съ маленькимъ столомъ предъ собою. Д-ръ Томпсонъ и г. Томми сидѣли съ одной стороны за тѣмъ же столикомъ, а я, во время выставки, съ другой".

Изъ прилагаемыхъ образцовъ полученныхъ во время сеансовъ фотографій, которые мы подобрали съ такимъ расчетомъ, чтобы они могли довольно полно иллюстрировать постепенность развитія человѣческой фигуры изъ первоначально какого-нибудь одного-двухъ свѣтлыхъ пятенъ, читатель легко догадается, что и тутъ главную роль играетъ тотъ же одъ. Но когда между участниками опыта нѣтъ медіума для матеріализаціи, который бы обладалъ способностью концентрировать одъ, выдѣляемый всѣми соединенными въ цѣпи лицами, то явленіе совершается такъ, какъ его описалъ Рейхенбахъ, т.-е. безъ всякой тенденціи къ образованію духовидныхъ фигуръ; когда же въ цѣпи участвуетъ подобнаго рода субъектъ, начинается матеріализація.

Изъ упомянутаго опыта Макъ-Нэба мы уже знаемъ, что медіумъ можетъ создать даже такую фигуру, которая никогда не существовала; опыты Битти имѣли цѣлью выяснить вопросъ о спиритической фотографіи, которую обыкновенно представляютъ себѣ въ видѣ изображеній духовъ; поэтому и Бутландъ всѣми силами старался получить нѣчто подобное: въ его подсознаніи постоянно смѣнялись преимущественно образы духовъ. На снимкахъ съ № 1 по № 5 мы видимъ постепенное развитіе человѣческой фигуры. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что и подлинныя фотографіи получались въ той же постепенности, напротивъ, онѣ чередовались съ изображеніями звѣздъ, конусовъ, флягъ, летающихъ птицъ, „взрывовъ свѣта"; иногда въ фигурахъ замѣчались мѣста болѣе интен-

Рис. 6.

сивнаго свѣта, „какъ если бы зажженная проволока магнія была опущена въ каждое изъ этихъ изображеній" (рис. 9); случалось, что медіумъ ничего не видѣлъ изъ-за обра-

зовавшагося густого „тумана“, какъ это видно изъ рис. 6; на слѣдующемъ рисункѣ видимъ рядъ какихъ-то туманныхъ угловъ, напротивъ, 8-й и 9-й, очевидно, представляютъ изображенія человѣческой фигуры. Въ качествѣ образчика болѣе законченнаго идеопластическаго изображенія можетъ служить рис. 10-й, сдѣланный при другихъ условіяхъ.

Рис. 7.

„На основаніи помянутыхъ опытовъ можно считать доказаннымъ, — говоритъ Битти въ заключеніе, — что есть въ природѣ какая-то тонкая, эѳирная субстанція, которая при нѣкоторыхъ условіяхъ сгущается и въ этомъ состояніи дѣлается видима для сенситивовъ; и когда испускаемые ею лучи касаются чувствительной пластинки, то сила ея вибрацій такова, что вызываетъ могущественную химическую реакцію, каковую могло бы вызвать только самое сильное солнечное дѣйствіе. Мои опыты доказываютъ и нѣчто большее, а именно, что есть личности, нервная организація которыхъ такова, что служитъ ближайшей (въ физическомъ смыслѣ) причиной этого явленія, и что въ ихъ присутствіи образуются такого рода реальныя формы, которыя доказываютъ существованіе невидимой разумной силы, т.-е. души [1])... Эта субстанція въ рукахъ невидимыхъ разумныхъ существъ принимаетъ различныя формы, подобно глинѣ въ рукахъ художника, каковыя формы или фигуры, будучи выставлены передъ объективомъ, могутъ быть фотографированы — будутъ ли то изображенія человѣческихъ существъ или чего другого. Людьми, глазъ которыхъ способенъ воспринимать подобныя впечатлѣнія, эти формы *могутъ быть описаны въ точности, прежде чѣмъ онѣ станутъ доступны для обыкновеннаго глаза на проявленной пластинкѣ*“ (Аксаковъ).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что организующимъ началомъ всѣхъ этихъ (т.-е. внѣшняго ихъ вида) фигуръ является психическая сила самого медіума [1]), а источникомъ, откуда черпается матеріалъ для матеріализаціи безсознательныхъ идей медіума, является весь организмъ и, можетъ-быть, отчасти даже и окружающіе одушевленные (и пожалуй неодушевленные) предметы. Но главнымъ источникомъ матеріализаціи является все-таки самъ медіумъ.

Мы уже знаемъ, что иногда онъ самъ проситъ объ образованіи цѣпи изъ присутствующихъ, которые при этихъ условіяхъ быстро устаютъ. Нѣкоторые медіумы, чувствуя упадокъ силъ, подходятъ къ участникамъ

Рис. 8.

[1]) Это доказательство можетъ убѣдить въ существованіи души у человѣка даже матеріалистовъ, съ ихъ грубо эмпирическими воззрѣніями на природу человѣка. *Г. Д—ко.*

[1]) Именно, его разумная, безсмертная, свободная и богоподобная душа, каковою она проявляется не у медіума только, но и у всякаго человѣка. *Г. Д—ко.*

опыта и, посредствомъ направленныхъ къ себѣ пассовъ надъ головами послѣднихъ, стараются, словно, вобрать въ себя выдѣляемую тѣми силу (кажется, если не ошибаюсь, такъ поступалъ иногда Эглинтонъ). Когда же медіумъ изолируется отъ остального общества, то, очевидно, единственнымъ источникомъ вещества, нужнаго для матеріализаціи, является онъ самъ, его тѣло. Доказательствомъ этого апріорнаго предположенія являются факты дематеріализаціи медіума. При этомъ могутъ быть три случая: 1) Невидимая матеріализація, которую улавливаетъ только фотографія или глазъ сенситива; ей соотвѣтствуетъ такая же невидимая дематеріализація медіума, продолжающаго оставаться, по наружности, неизмѣнившимся. 2) Видимая матеріализація, но частичная, неполная, какъ по формѣ, такъ и существу; она связана съ такою же частичною и неполною дематеріализаціею медіума, который остается невидимымъ, хотя иногда не весь. 3) Матеріализація видимая, полная, находящаяся въ связи съ полною дематеріализаціею медіума, который перестаетъ быть видимымъ.

Читая эти строки, всякій, кому не приходилось близко познакомиться съ литературою трактуемаго здѣсь вопроса, пожалуй, подумаетъ, что имѣетъ дѣло съ бредомъ сумасшедшаго, — до того необычайныя, можно сказать, дикія мысли приходится здѣсь слышать. Но это кажется такъ только съ перваго взгляда; въ дѣйствительности же дематеріализація медіума является логическимъ послѣдствіемъ матеріализаціи „духовъ". Разъ

Рис. 9.

Рис. 10.

мы признали ихъ реальность, — а этого нельзя было не признать, — то должны допустить также и возможность дематеріализаціи, такъ какъ изъ ничего нельзя создать что-нибудь. Впрочемъ фактъ дематеріализаціи можно считать столь же хорошо доказаннымъ, какъ и возможность матеріализаціи.

Чтобы не утомлять читателя сообщеніемъ многихъ фактовъ въ этомъ направленіи, мы приведемъ только одинъ случай, описываемый Аксаковымъ въ книгѣ, спеціально посвященной вопросу о дематеріализаціи. 11 декабря 1893 года г-жа Д'Эсперансъ, возвращаясь изъ Петербурга въ Швецію, остановилась въ Гельсингфорсѣ, гдѣ, несмотря на нѣкоторое нездоровье, она согласилась дать одинъ сеансъ. И вотъ какого рода замѣчательное явленіе произошло съ нею. Мы приведемъ разсказъ объ этомъ по ея собственному письму къ Аксакову.

Сеансъ имѣлъ мѣсто въ домѣ инженера Сейлинга, гдѣ собралось общество изъ 14 лицъ. „Явленія были вполнѣ чрезвычайныя; и такъ какъ я полагала, что описаніе ихъ васъ заинтересуетъ, то просила г-жу Сейлингъ и генерала Топеліуса сдѣлать описаніе

ихъ и послать вамъ [1]). Характеристическая сторона этого сеанса заключается въ томъ, что половина моего тѣла исчезла, что я открыла только случайно. У меня болѣла голова или, скорѣе, затылокъ, и я его поддерживала скрещенными руками, что, казалось, немного облегчало боль. Мои руки устали въ этомъ положеніи; желая ихъ положить на колѣна, я открыла, что они болѣе не существуютъ, и что мои руки вмѣсто того опустились на стулъ. Это меня испугало, и я захотѣла знать, было ли это дѣйствительностью, или я грезила. Свѣтъ былъ достаточный, и я обратила вниманіе моего сосѣда на это обстоятельство; онъ осмотрѣлъ стулъ точно такъ же, какъ и четыре ассистента, и всѣ утверждали, что только одна верхняя часть моего тѣла дѣйствительно существовала.

„Сидѣнье было пусто за исключеніемъ моей одежды; руки, плечи, грудь были на своихъ мѣстахъ надъ сидѣньемъ. Я могла говорить, двигать головою и руками, пить воду и даже чувствовать свои колѣни и ноги, хотя они отсутствовали. Во все это время формы являлись и скрывались, но онѣ только показывались; руки разной формы и величины трогали лицъ наиболѣе близкихъ къ кабинету.

„Я полагаю, это продолжалось болѣе часу съ того времени, какъ я открыла мое исключительное состояніе, что было достаточно для констатированія и въ особенности для меня, хотѣвшей знать, буду ли я когда-нибудь обладать своими ногами и способна прійти въ себя, что дѣлало меня очень нервною“...

„Зная автора этого письма, — говоритъ Аксаковъ, — какъ безусловно правдивую личность, я не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ этихъ словахъ“...

Не находя нужнымъ приводить здѣсь пространныя свидѣтельства участниковъ опыта и описанія его постановки, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ необходимымъ прибавить для ясности, что медіумъ, какъ видно изъ приложенныхъ къ упомянутой книгѣ фотографій, сидѣлъ на виду у всѣхъ, впереди занавѣски, за которой въ той же комнатѣ былъ устроенъ кабинетъ для явленій матеріализаціи. Послѣднія, какъ упомянуто въ письмѣ, заключались въ появленіи изъ-за занавѣски разнаго рода рукъ, которыя трогали тѣхъ изъ присутствующихъ, которые сидѣли по близости послѣдней.

Этотъ замѣчательный и едва ли не единственный случай столь ясно выраженной частичной дематеріализаціи, понятно, имѣетъ громадное теоретическое значеніе. Что же касается полной дематеріализаціи медіума, то объ этомъ было не мало писано, хотя значительная часть подобнаго рода сообщеній приводилась, какъ доказательство того, что явленія производились самимъ ушедшимъ съ мѣста медіумомъ.

Несомнѣнно, что подобные случаи бываютъ, но когда матеріализованная фигура слишкомъ отличается отъ медіума, причемъ иногда вѣсъ ея составляетъ только половину, даже треть вѣса медіума, то нѣтъ уже никакой возможности признавать идентичность обоихъ.

Тогда тѣ изъ такъ называемыхъ антиспиритовъ, которые, признавъ фактъ матеріализаціи, все-таки недоумѣваютъ, если убѣдятся что медіума нѣтъ на занимаемомъ имъ стулѣ въ темномъ кабинетѣ, — оказываются болѣе спиритами, чѣмъ сами спириты, такъ какъ, очевидно, хотятъ, чтобы матерія медіума сохранилась, а все-таки матеріализованная фигура создалась,—но изъ чего же? (См. кн. В. Битнера: „Вѣрить или не вѣрить?“ Спб., 1899 г., стр. 321—350, откуда мы въ сокращеніи заимствовали изложенные здѣсь факты и рисунки, ранѣе, впрочемъ, помѣщенные въ соч. А. Аксакова: „Анимизмъ и спиритизмъ“).

Изъ всего изложеннаго ясно, что безъ допущенія души, т.-е. разумной духовной силы, немыслимо объяснить явленія медіумизма, невозможно понять сущность и свойства матеріализаціи, которая несомнѣнно существуетъ; противъ этого ничего не говорятъ нѣсколько случаевъ замѣченныхъ обмановъ, допущенныхъ нѣкоторыми профессіональными медіумами съ цѣлью наживы. Вѣдь если встрѣчается фальсификація, напр., пищевыхъ продуктовъ, то отсюда еще нельзя дѣлать вывода, что всѣ пищевые продукты поддѣланы и всѣ продавцы — обманщики. Въ виду важности этого вопроса мы помѣщаемъ далѣе рядъ статей съ цѣлью выяснить его насколько возможно лучше. *Г. Д—ко.*

4. Подлинность медіумическихъ явленій. Рядъ сеансовъ, произведенныхъ при участіи медіума Евзапіи Паладино: сперва въ Римѣ, во время медицинскаго конгресса, а потомъ въ имѣніи проф. Ришэ, на островѣ Рубо, на югѣ Франціи, куда Ришэ пригласилъ ученыхъ изъ числа участвовавшихъ на парижскомъ академическомъ съѣздѣ,— несомнѣнно доказалъ дѣйствительность медіумическихъ явленій. На сеансахъ въ Римѣ приняли участіе: Ришэ, д-ръ Шренкъ-Нотцингъ, профессоръ харьковскаго университета Данилевскій и варшавскій врачъ Добскій, а въ имѣніи Ришэ участвовали: проф. Лоджъ, предсѣ-

[1]) Эти лица дѣйствительно прислали подробный отчетъ о происшествіи, но мы его не станемъ приводить.

датель лондонскаго психическаго общества, проф. Сиджвикъ и его жена, извѣстная филантропка, проф. Майерсъ, гипнотизеръ д-ръ фонъ Шренкъ-Нотцингъ, извѣстный варшавскій ученый д-ръ Охоровичъ, тулонскій морской врачъ, авторъ сочиненія о гипнотизмѣ, профессоръ д-ръ Сегардъ, извѣстный піонеръ магнитизма во Франціи д-ръ Беррета, и, наконецъ, самъ Ришэ. Послѣдствія этихъ сеансовъ весьма важны: всѣ участники признали медіумическія явленія неподдѣльными. Даже такой непримиримый скептикъ, какимъ былъ раньше Шренкъ-Нотцингъ, выступавшій даже печатно противъ миланской медіумической комиссіи, долженъ былъ теперь наравнѣ съ другими учеными признать реальность медіумизма. Во французскомъ журналѣ „Annales des sciences psychiques" III, 27, по поводу сеансовъ съ Паладино Ришэ восклицаетъ: „C'est un monde nouveau ouvert à nous" [1]), а профессоръ Ѳиджвикъ, игнорировавшій раньше вопросъ о медіумизмѣ за неимѣніемъ сильнаго медіума, что и отзывалось въ свою очередь на дѣятельности лондонскаго психическаго общества,—нынѣ совершенно измѣнилъ свой взглядъ въ пользу медіумизма.

Въ отчетѣ о сеансахъ въ имѣніи Ришэ профессоръ Лоджъ, между прочимъ, говоритъ, что при тѣхъ строгихъ мѣрахъ, какія были приняты на сеансахъ, всякія гипотезы объ обманѣ, о галлюцинаціи, или предположеніе, что участники загипнотизированы и поэтому ошибочно воображаютъ, что контролируютъ медіума, а на самомъ дѣлѣ будто бы медіумъ не сидитъ тамъ, гдѣ они его видятъ и осязаютъ—на своемъ стулѣ у стола, а свободно двигается по комнатѣ и производитъ разныя явленія—подобныя гипотезы и предположенія, говоритъ Лоджъ, покажутся совершенно безсмысленными всякому принимавшему участіе въ опытахъ.

На сколько же, послѣ такого авторитетнаго слова, какое представляетъ собою слово проф. Лоджа и ученыхъ соучастниковъ его въ сеансахъ, покажутся безпочвенными мнѣнія лицъ, старающихся доказать:—одни, что медіумическія явленія—обманъ, другіе—галлюцинація, а третьи, что участники сеансовъ загипнотизированы! („Ребусъ" 1895 г., № 14).

5. **Отношеніе медіума къ матеріализованной фигурѣ.** Солидарность медіума съ матеріализованной формой становится очевидной и вполнѣ понятной,—говоритъ А. Аксаковъ.—Наблюдалось много разъ, какъ физическія впечатлѣнія, ощущаемыя матеріализованной фигурой, отражаются на медіумѣ. Въ моемъ „Анимизмѣ" (стр. 137) я привелъ интересный случай пораненія ножомъ матеріализованной руки, боль отъ котораго ощутилась медіумомъ. На сеансахъ м-съ Эсперансъ много разъ наблюдалось, какъ уколы матеріализованныхъ рукъ чувствовались медіумомъ. Я самъ присутствовалъ на одномъ сеансѣ, когда фигура погрузила свою руку въ горячій парафинъ, а медіумъ воскликнулъ въ то же время, что его обожгло! Мы имѣемъ, наконецъ, единственный случай, сообщенный пятью свидѣтелями, замѣчательно поясняющій эту солидарность. На одномъ изъ сеансовъ съ Монкомъ образовалась мужская фигура на глазахъ присутствующихъ; выйдя изъ лѣваго бока медіума, она при хорошемъ освѣщеніи оставалась все время на виду; фигура была вполнѣ матеріализована, а лицо ея, руки и ноги при полномъ газовомъ освѣщеніи тщательно изслѣдованы, сверхъ того она дала образчикъ своей силы, поочередно поднимая присутствующихъ съ ихъ стульевъ. Это, замѣчу мимоходомъ, доказываетъ намъ, что гипотеза почти полной дематеріализаціи медіума, соотвѣтствующей полной матеріализаціи фигуры, изложенная выше, вѣрна не безусловно, ибо здѣсь медіумъ оставался тѣлесно видимъ и осязаемъ. Вотъ этотъ случай, привожу его буквально: „Тогда былъ предложенъ опытъ единственный въ своемъ родѣ, именно, чтобы фигура выпила стаканъ воды. Когда она исполнила это передъ нами, такъ что мы это видѣли и слышали, то это же самое количество воды тотчасъ же *вылилось изо рта медіума*:—новое доказательство того, на сколько общаго бываетъ, иногда, если не всегда, между вкусомъ и ощущеніями психической фигуры и медіума, изъ котораго она образовалась". („Спирит." 1877 г., т. II, стр. 287).

Существуетъ преданіе, что призраки боятся меча. Даже во времена, болѣе близкія къ намъ, встрѣчаются факты, подтверждающіе это повѣрье. Такъ въ XVII вѣкѣ у Гланвиля въ разсказѣ, озаглавленномъ: „Тедвортскій демонъ", мы читаемъ, что лакей г. Момпесона (въ чьемъ домѣ демонъ не давалъ никому покоя), будучи ночью преслѣдуемъ призракомъ, бралъ въ руки свою шпагу, и призракъ исчезалъ. Въ другой разъ призракъ хотѣлъ отнять у него шпагу, и между ними возникла борьба, но какъ только лакей овладѣвалъ шпагой,—призракъ исчезалъ. „Было замѣчено, что онъ всегда старался избѣгать ее". (Гланвиль, Saducismus triumphatus, изданіе 1688 г., стр. 345 и 346).

Согласно современнымъ наблюденіямъ въ новой таинственной области гипнотизма, чувствительность кожи переносится съ ея

[1]) Передъ нами открылся новый міръ.

поверхности на нѣкоторое отъ нея разстояніе, образуя какъ бы чувствительный слой вокругъ тѣла загипнотизированнаго; такъ, если прямо уколоть кожу, онъ ничего не чувствуетъ, а если уколоть воздушный слой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кожи, онъ чувствуетъ уколъ. Эти явленія носятъ теперь названіе *экстеріоризаціи чувствительности*. (См. „Les états profonds de l'hypnose" (Глубокія состоянія гипноза) par de Rochas d'Aiglun Paris 1892, стр. 57 и „La force vitale, notre corps vital fluidique" (Жизненная сила, наше жизненное, флюидическое тѣло) par le d-r Baraduc, Paris, 1893, глава IX: „Exteriorisation complète du corps vital psychique", стр. 117. (Полная экстеріоризація жизненнаго психическаго тѣла). Мы видѣли, что то же самое происходитъ въ явленіи матеріализаціи, которое и можетъ быть признано за самое полное развитіе экстеріоризаціи. Такимъ то образомъ преданіе и современный опытъ подаютъ руку другъ другу. (См. статью А. Аксакова: „Выдающееся явленіе въ области матеріализаціи", помѣщ. въ „Ребусѣ" 1896 г. № 17).

6. **Личныя ощущенія медіума во время матеріализаціоннаго сеанса по его собственнымъ показаніямъ** [1]). Миссисъ Эсперансъ — единственный мнѣ извѣстный медіумъ, не впадающій въ трансъ въ матеріализаціонныхъ сеансахъ.

Находясь въ Готенбургѣ въ 1890 году, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить медіуму рядъ вопросовъ относительно его физическаго и умственнаго состоянія во время матеріализаціонныхъ сеансовъ. Миссисъ Эсперансъ самымъ любезнымъ образомъ согласилась исполнить мое желаніе. Я предлагалъ вопросы, а м-ръ Фидлеръ [2]) стенографировалъ отвѣты медіума. Затрудняясь въ то время согласовать это совершенное раздвоеніе тѣла медіума, — эту, говоря языкомъ современнаго гипнотизма, полную экстеріоризацію съ яснымъ сознаніемъ медіума, что онъ сидитъ на своемъ мѣстѣ въ кабинетѣ, — я не рѣшился тогда опубликовать эти отвѣты. Теперь же, послѣ гельсингфорскаго явленія, служащаго нагляднымъ примѣромъ того, что можетъ произойти на еще высшей ступени этой фазы медіумическихъ явленій, я считаю себя вправѣ предать гласности нижеслѣдующіе матеріалы, въ убѣжденіи, что придетъ время, когда они будутъ оцѣнены по достоинству.

Вотъ вопросы и отвѣты медіума.

1-й вопросъ. Что вы чувствуете тѣлесно и умственно, сидя въ темномъ кабинетѣ, когда явленіе начинается?

Отвѣтъ. Въ самомъ началѣ, когда я усядусь и занавѣски задернутся, я чувствую потребность знать—сидятъ ли члены кружка, какъ слѣдуетъ, по своимъ мѣстамъ. Когда занавѣски задернуты, мое вниманіе обращено на присутствующихъ, и если среди нихъ безпорядокъ, то я чувствую себя возбужденной, и пока все не устроится, я не достаточно покойна для того, чтобы могли начаться явленія.

Когда же наступаютъ полная тишина и спокойствіе, я чувствую, что ни о чемъ болѣе не забочусь, даже о себѣ самой. И чѣмъ долѣе я сижу, тѣмъ менѣе забочусь о чемъ бы то ни было, заявляю же я, что кто-то находится въ кабинетѣ лишь потому, что считаю своимъ долгомъ извѣщать о томъ присутствующихъ, а совсѣмъ не отъ того, что это имѣетъ какой-либо интересъ для меня самой.

Когда въ кружкѣ кто-либо двигается или мѣняетъ мѣсто, то какъ будто разрываетъ этимъ какую-то связь и причиняетъ остановку въ явленіяхъ. Въ послѣднемъ сеансѣ я почувствовала, что кто-то ушибся, но кто это былъ и насколько силенъ ушибъ — этого я не знала.

Первое, что я чувствую, когда покойно усядусь въ кабинетѣ, это какъ бы паутину на лицѣ и на рукахъ, и тру тогда лицо и руки. Чувство это проходитъ, и я начинаю ощущать, какъ воздухъ наполняется какимъ-то веществомъ, и мнѣ становится тяжело дышать. Когда же и это проходитъ, я знаю, что фигура сформировалась. Начинаются явленія ощущеніемъ паутины, которое въ продолженіе всего сеанса уже не возвращается, и только въ одномъ случаѣ, если сеансъ прерывается, ощущеніе паутины является снова.

Когда сеансы не удаются, я замѣчаю, что паутина все время не исчезаетъ, и повидимому, не является ни фигуры, ни другихъ признаковъ матеріализаціи. Если черезъ занавѣску проходитъ ко мнѣ хотя небольшой свѣтъ, я могу видѣть бѣлую парообразную массу, движущуюся вокругъ, какъ паръ изъ локомотива. Я часто вкладывала въ него руку, чтобы изслѣдовать, что это такое, такъ сказать, ощутить этотъ паръ, но ни разу не имѣла такого ощущенія, что рука моя до чего-нибудь дотрогивается. Вижу я это не такъ часто, да и въ очень рѣдкихъ случаяхъ проявляется у меня достаточно любопытства изслѣдовать, что такое этотъ движущійся паръ. Меня это до нѣкоторой степени интересуетъ лишь потому, что другіе могутъ быть

---

[1]) Эта статья составляетъ одну изъ главъ разслѣдованія А. Н. Аксакова о гельсингфорскомъ сеансѣ миссисъ Эсперансъ, напечатаннаго въ его нѣмецкомъ журналѣ «Psych. Studien».

[2]) Хозяинъ дома, гдѣ происходили готенбургскіе сеансы.

этимъ заинтересованы, иначе я бы оставалась вполнѣ равнодушной.

Послѣ того, какъ этотъ паръ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, а, можетъ-быть, и получаса, клубится и двигается во всѣ стороны, онъ вдругъ останавливается, и я знаю, что возлѣ меня уже стоитъ живое существо. Движеніе пара можетъ продолжаться не болѣе минуты, и живое существо уже появляется.

Одновременно съ ощущеніемъ паутины я начинаю испытывать чувство пустоты, но замѣчаю его только въ самомъ началѣ, хотя и позднѣе, какъ мнѣ кажется, оно меня не покидаетъ. Когда я пробую двинуться, то не сознаю разстоянія. Я не могу сказать, насколько далеко я подвинула палецъ; когда же онъ двинулся, я не могу сказать, гдѣ прекратится его движеніе. Это можно сравнить съ движеніемъ членовъ въ водѣ. Законы тяжести, какъ будто, пріостановлены. Я знаю, что становлюсь, такъ сказать, все болѣе и болѣе безчувственной, и хотя я знаю, что между мною и концомъ кабинета очень небольшое разстояніе, мнѣ представляется, что кабинетъ исчезъ и нѣтъ тутъ никакого предѣла. Когда приходитъ Іоланда [1]), мнѣ кажется, что она пришла очень издалека.

2-й вопросъ. Замѣтили ли вы, что прежде матеріализуется: тѣло или одѣяніе? Имѣли ли вы возможность наблюдать, какъ одѣвается Іоланда? Не замѣтили ли вы, что для своего одѣянія она пользуется вашими вещами? .

Отвѣтъ. Когда паръ превращается въ живое существо, я никогда не могу опредѣлить, что сперва образуется: сама ли фигура или ея одѣяніе. Превращеніе происходитъ такъ быстро, можно сказать, мгновенно, что я не могу сказать, что появляется прежде — тѣло или одежда. Іоланда, большей частью, подходитъ ко мнѣ, какъ только матеріализовалась. Ея приближеніе всегда возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторый къ ней интересъ, хотя я рѣдко имѣю случай ее видѣть. Появленіе ея всегда неожиданно, отъ того ли, что я утрачиваю чувство своей предѣльности, и всякое появленіе представляется мнѣ идущимъ издалека, что и возбуждаетъ мое любопытство.

Я клала на нее руку и трогала ея волосы, но никогда не было у меня желанья внимательно ихъ изслѣдовать. На послѣднемъ сеансѣ она положила голову ко мнѣ на колѣни, и я чувствовала у себя на рукахъ ея волосы; плечи ея, локти и руки были голые. Насколько я знаю, она никогда не брала ничего изъ моего туалета для своей одежды. Однажды, г-жа Фидлеръ замѣтила, что отдѣлка ея юбки совершенно походила на мою, но, тщательно осмотрѣвъ эту отдѣлку, мы убѣдились, что она была чиста, сплоена и лежала въ комодѣ нетронутая. Послѣ этого случая я во время сеансовъ всегда надѣвала юбки съ темной отдѣлкой, такъ какъ Іоланда всегда появлялась въ бѣломъ.

Когда Лейлу [1]) фотографировали, я замѣтила при вспышкѣ магнія, что на ней была такая же шаль, какая есть у меня, подаренная моему отцу султаномъ Абдулъ-Азисомъ за какую-то оказанную ему услугу во время Крымской кампаніи. Тотчасъ же послѣ сеанса я пошла отыскивать свою шаль, и нашла ее тщательно сложенною на ея обычномъ мѣстѣ, въ комодѣ, подъ замкомъ.

3-й вопросъ. Когда Іоланда появляется между занавѣсокъ, ясно ли вы ее видите? Что вы тогда чувствуете, и почему не отвѣчаете на вопросы?

Отвѣтъ. Когда Іоланда стоитъ въ разрѣзѣ занавѣски, и я могу ее видѣть, я чувствую себя сонливой и равнодушной ко всему, что происходитъ; вѣроятно, причина тому моя слабость, полное безсиліе чѣмъ-нибудь заняться.—Когда ко мнѣ обращаются съ вопросомъ, мнѣ нужно, такъ сказать, собрать мои мысли и силы, чтобы быть въ состояніи отвѣтить. Я чувствую и думаю смутно, какъ бы во снѣ. Я могу думать и чувствовать, но не двигаться, будучи какъ бы парализованной.

4-й вопросъ. Движенія тѣла, рукъ, ногъ Іоланды производятъ ли какое воздѣйствіе на ваше собственное тѣло?

Отвѣтъ. Всякое сколько-нибудь рѣзкое движеніе Іоланды производитъ во мнѣ испарину. Я не знаю, гдѣ она двигается, только чувствую, что двигается, потому что знаю по опыту, что всякое усиліе съ ея стороны болѣе истощаетъ меня, чѣмъ мое собственное.

Часто по окончаніи сеансовъ я нахожусь въ такой испаринѣ, что бываю вынуждена все на себѣ перемѣнить. Въ нормальномъ же состояніи у меня, можно сказать, никогда не бываетъ испарины. Когда я беру турецкія ванны, то необходимо сильно нагрѣть ихъ, чтобы вызвать испарину.

5-й вопросъ. Когда Іоланда находится совсѣмъ внѣ кабинета, знаете ли вы это? Что вы тогда чувствуете? Существуетъ ли какое-либо отношеніе, какая-либо связь между ею и вами? Когда кто-нибудь изъ присутствующихъ до нея дотрогивается, или она сама кого-нибудь трогаетъ, чувствуете ли вы это?

Отвѣтъ. Когда Іоланда внѣ кабинета, я это знаю, но, можетъ-быть, потому, что ви-

[1]) Названіе, данное являвшейся матеріализованной фигурѣ.

[1]) Имя одной изъ матеріализованныхъ фигуръ, появлявшихся на цѣлой серіи сеансовъ, данныхъ миссисъ Эсперансъ г. Хедлунду въ 1889 году въ Готенбургѣ.

дѣла, какъ она вышла. Когда она дематеріализируется внѣ, я чувствую, что становлюсь сильнѣе, и заключаю изъ этого, что она ушла, но не могу сказать, что знаю это какъ нѣчто несомнѣнное. Когда она дематеріализируется внѣ моего помѣщенія, я не знаю, совсѣмъ ли она исчезла, или вошла въ кабинетъ, такъ что я этого не видала. Все, что я чувствую, когда она находится внѣ кабинета, это нервный страхъ за нее, за то, что она теперь дѣлаетъ, такъ какъ, ускользнувъ изъ подъ моего надзора, она можетъ сдѣлать то, чего не слѣдуетъ дѣлать. Я никогда не думаю о себѣ, а только о ней, точно какъ бы она была ребенокъ, ввѣренный моему попеченію. Этого никогда не бываетъ относительно другихъ матеріализованныхъ фигуръ, до тѣхъ мнѣ нѣтъ дѣла, онѣ для меня ничто, нѣсколько интересуютъ меня, пожалуй, но нисколько не безпокоятъ.

Когда Іоланда, находясь внѣ кабинета, до кого-нибудь дотрогивается, или кто до нея дотрогивается, я всегда это чувствую. Я не знаю, когда она просто трогаетъ какой-нибудь предметъ, напримѣръ, книгу, столъ, но если она что-нибудь схватитъ, я чувствую, какъ мои мускулы напрягаются, какъ будто схватила это я сама.

Когда она окунула руку въ растопленный парафинъ, я почувствовала ощущеніе обжога [1]). Во время сеансовъ у м-ра Хедлунда я помню одинъ вечеръ, въ который онъ приподнялъ занавѣску по серединѣ кабинета, по видимому, въ эту минуту Іоланда попала ногой на гвоздь, я точасъ же почувствовала боль въ ногѣ, а она ничего не чувствовала. Позднѣе боль прошла; вернулась лишь въ концѣ сеанса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ньюкастлѣ она держала въ рукахъ розанъ и укололась шипомъ, я тотчасъ же почувствовала уколъ въ пальцѣ.

За исключеніемъ боли (когда Іоландѣ случалось ощущать ее) я не чувствую, чтобы между нею и мною существовала *какая-нибудь связь*, что касается до моего личнаго я. Я отлично чувствую, что ничего не потеряла, кромѣ чувства тѣлесности; я знаю, что въ присутствіи Іоланды я не теряю ни способности мыслить, ни способности разсуждать, напротивъ, разсудокъ мой еще болѣе проясняется. Хотя она беретъ часть моего тѣла, но я однако знаю, что она не завладѣваетъ моими мыслями и способностями.

[1]) Это происходило на одномъ изъ моихъ сеансовъ; я приготовилъ парафинъ, растопленный въ горячей водѣ, чтобы попробовать получить форму руки Іоланды.

6-й вопросъ. Были ли вы когда въ состояніи видѣть Іоланду, когда она находится въ комнатѣ вдали отъ кабинета?

Разъ шесть я совершенно ясно видѣла Іоланду внѣ кабинета; однажды въ Ньюкастлѣ она подошла ко мнѣ черезъ третье отдѣленіе кабинета, пройдя по всей комнатѣ. Я видѣла, какъ она вышла, и тогда потеряла ее изъ виду и ничего уже не знала о ней, пока она не приблизилась ко мнѣ на разстояніе нѣсколькихъ футовъ. *Я пошла съ нею*, она обняла меня за талію и помогла мнѣ дойти до органа. Иногда она матеріализовалась возлѣ меня внѣ кабинета, и тогда я могла ее видѣть такъ же, какъ и остальные присутствующіе.

7-й вопросъ. Замѣчаете ли вы во время сеансовъ какія-нибудь измѣненія въ вашемъ состояніи тѣлесномъ или умственномъ, которыя соотвѣтствовали бы явленіямъ?

Отвѣтъ. Соотвѣтственно образованію призраковъ, ихъ исчезновенію или движенію, я испытываю тѣлесныя впечатлѣнія, какъ, напримѣръ, ощущеніе пустоты или парализаціи, но ощущенія эти тотчасъ же проходятъ, какъ только призракъ исчезаетъ. Что касается моего умственнаго состоянія, то это совершенно напротивъ: живость въ моихъ впечатлѣніяхъ несравненно сильнѣе въ первой фазѣ явленія, чѣмъ въ нормальномъ состояніи, въ которомъ не бываетъ ни матеріализаціи, ни призраковъ.

Я знаю и чувствую все, что происходитъ внѣ кружка. Я видѣла, что вы отлучились [1]); я знаю, когда кто-нибудь ходитъ въ какой бы то ни было части дома, и знаю это гораздо яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи. Я слыхала бой часовъ на церковной башнѣ, могу слышать свистки пароходовъ въ гавани, также и шумъ отъ проходящихъ поѣздовъ, что невозможно въ нормальномъ состояніи.

8-й вопросъ. Слышите ли вы, что говорятъ между собою присутствующіе, въ особенности, если рѣчь идетъ объ Іоландѣ?

Отвѣтъ. Я слышу разговоры присутствующихъ, и мнѣ кажется, что я даже знаю, что они думаютъ: когда кто-нибудь говоритъ съ

[1]) Это относится къ слѣдующему случаю: на одномъ изъ сеансовъ, когда все уже было готово, миссисъ Эсперансъ въ кабинетѣ, занавѣси опущены, всѣ по своимъ мѣстамъ, освѣщеніе установлено, только дверь еще не заперта на ключъ, чѣмъ я воспользовался, чтобы выйти на минуту изъ комнаты, не дѣлая ни малѣйшаго шума. Когда я вернулся, мнѣ сказали, что миссисъ Эсперансъ воскликнула: «нельзя начинать, г-нъ Аксаковъ вышелъ». Прибавляю, что медіумъ сидѣлъ въ кабинетѣ ко мнѣ спиною, благодаря тому, что такъ стояло его кресло. Насъ раздѣляла одна занавѣска, но мой стулъ находился около лѣваго угла кабинета, немного позади кресла медіума, такъ что онъ не могъ меня видѣть, даже если бъ въ занавѣскѣ былъ просвѣтъ.

съ Іоландой, на какомъ бы то ни ни было языкѣ, мнѣ сдается, что я какъ будто знаю, что они хотятъ сказать. Я узнаю не потому, что они дѣлаютъ, а потому, что они думаютъ.

9-й вопросъ. Дотрогивается ли до васъ когда Іоланда, и что вы въ такомъ случаѣ ощущаете?

Отвѣтъ. Когда я трогаю Іоланду, я чувствую, какъ будто я трогаю самое себя, но такъ какъ при этомъ я ощущаю четыре руки, то и заключаю, что руки эти не мои. Въ одномъ изъ сеансовъ, когда она взяла обѣ мои руки, одну, чтобы держать гитару, а другую для игры на струнахъ, у меня было такое ощущеніе, что я играю моими собственными руками. Единственная разница только въ томъ, что ея руки были холоднѣе моихъ.

10-й вопросъ. Дотрогиваетесь ли вы до Іоланды всегда, когда желаете, и настолько, насколько желаете? Очень естественно вамъ желать убѣдиться, что передъ вами настоящее тѣло.

Отвѣтъ. Я никогда не ищу дотронуться до Іоланды.

Я пробую дотрогиваться до Іоланды только въ началѣ сеанса, позднѣе всякая къ тому охота, всякій интересъ пропадаетъ. *Когда я протягиваю руку, чтобы до нея дотронуться, я ровно ничего не ощущаю,* точно какъ будто тутъ ничего нѣтъ. Когда занавѣси раскрыты, я конечно вижу, что есть здѣсь что-то, или кто-то, но позднѣе, когда она матеріализуется полнѣе, я перестаю чѣмъ-либо интересоваться, однако, когда она меня трогаетъ, я могу ее чувствовать.

Я не помню, чтобъ когда-нибудь находила Іоланду у себя на колѣняхъ; въ большей части случаевъ она садится на полъ у моихъ ногъ и кладетъ голову ко мнѣ на колѣни, тогда она находится впереди меня и какъ будто проходитъ между мной и занавѣсками, и хотя тутъ не болѣе пространства, какъ три или четыре дюйма, но она проходитъ, и я при этомъ ничего не чувствую. Когда она становится на мои ноги или на мои колѣни, *я не чувствую никакой тяжести.*

Живая личность ростомъ съ Іоланду никогда бы не могла двигаться, какъ между занавѣсками и мною, безъ того, чтобы я этого не замѣтила.

11-й вопросъ. Видѣли ли вы когда, чтобы Іоланда матеріализовалась или дематеріализовалась въ разрѣзѣ занавѣсокъ, какъ мы однажды это видѣли? Что вы тогда чувствовали?

Отвѣтъ. Я никогда не видала, чтобы Іоланда дематеріализовалась, а только предполагала это по ощущенію возврата моихъ силъ. Я ясно помню, какъ, во время пребыванія моего въ Христіаніи, у меня было такое ощущеніе, что въ комнатѣ недостаетъ воздуха и мнѣ трудно дышать, и вотъ раза два или три, когда я усиливалась глубже вдыхать въ себя воздухъ, то присутствующіе говорили: „теперь она (фигура) опускается въ полъ“. Однажды я нарочно съ этой цѣлью начала глубоко дышать и услыхала, какъ г-жа Фидлеръ сказала: „вотъ она опять уходитъ въ полъ“.

12-й вопросъ. Когда въ концѣ сеанса Іоланда готовится уходить, чувствуете ли вы что особенное въ своемъ тѣлѣ? Что вы чувствуете до и послѣ сеанса?

Отвѣтъ. Въ концѣ сеанса я всегда думаю, какъ бы хорошо было взять ванну, такъ какъ обыкновенно я чувствую себя очень нехорошо по той, полагаю, причинѣ, что Іоланда для матеріализаціи заимствуетъ и у присутствующихъ нѣкоторое количество субстанцій, которыя отчасти возвращаются тоже мнѣ и производятъ это чувство недомоганія. Теперь я всегда беру ванну до сеанса, но тогда я брала ее послѣ, и не думаю, чтобы это мнѣ вредило, а, впрочемъ, навѣрно не знаю.

Всегда передъ сеансомъ, даже часовъ восемь — девять ранѣе, я чувствую, какъ у меня по всему тѣлу пробѣгаютъ мурашки; когда я знаю, что сеансъ готовится, то ощущаю въ пальцахъ особеннаго рода покалыванія, какъ бы отъ прикосновенія къ электрической батареѣ; меня ничто уже не интересуетъ, думать о чемъ-либо только утомляетъ, такъ что я предпочитаю не знать ранѣе о приготовляющемся сеансѣ.

Послѣ сеанса у меня обыкновенно бываетъ тошнота со рвотой, происходитъ это отъ того, что я поглощаю нѣкоторые изъ элементовъ присутствующихъ [1]), заимствованныхъ Іоландой для своей матеріализаціи. Въ продолженіе дня, передъ сеансомъ, я, насколько возможно, воздерживаюсь отъ пищи.

13-й вопросъ. Пробовали ли вы когда удержать руками саму Іоланду или ея вуаль? Очень естественно желать добыть кусочекъ ея одѣянія.

Отвѣтъ. Вотъ именно, на этихъ дняхъ, когда я взяла ножницы, чтобы отрѣзать у нея прядь волосъ, мнѣ не удалось съ ней справиться, она сильнѣй меня. Впрочемъ, я никогда не пробовала ее удерживать, когда она сжимала мнѣ кисти рукъ такъ, что я не могла пошевельнуть ими, мнѣ было интереснѣе испытать ея силу, чѣмъ что другое.

[1]) Недавно миссисъ Эсперансъ разсказала мнѣ, что во время опытовъ въ Христіаніи, въ 1893 году, она была очень удивлена тѣмъ, что не испытывала своихъ обычныхъ страданій; члены кружка воздерживались отъ вина и табаку. *А. А.*

14-й вопросъ. Видѣли ли вы когда Іоланду лицомъ къ лицу?

Отвѣтъ. Когда она бывала со мною внѣ кабинета, *лицо ея всегда было закрыто вуалью,* такъ что я не могла ее видѣть; но въ Ньюкэстлѣ я видѣла ее въ среднемъ отдѣленіи кабинета, когда занавѣска распахнулась и свѣтъ прямо упалъ на нее. Я видѣла тогда ея плечи и руки такъ же ясно, какъ руки и плечи всякаго другого лица. Было это во время одного изъ дневныхъ сеансовъ. *Я видѣла француженку,* [1]) *и впечатлѣніе у меня было такое, какъ будто я смотрѣла въ зеркало: такъ она была похожа на меня.*

15-й вопросъ. Узнаете ли вы себя въ Іоландѣ: по лицу, по рукамъ или по какимъ-либо другимъ сходствамъ, тѣлеснымъ или умственнымъ?

Отвѣтъ. Я никогда не замѣчала сходства со мною въ чертахъ лица Іоланды, или, лучше сказать, я никогда не имѣла случая судить о немъ.

16-й вопросъ. Не чувствуете ли вы когда, что вы, какъ будто, находитесь въ Іоландѣ, что ваше сознаніе, какъ будто, переносится въ нее? Или вы постоянно сознаете себя отдѣльно отъ нея, всегда самой собою, на своемъ мѣстѣ въ кабинетѣ? Можете ли думать и судить о томъ, что происходитъ вокругъ васъ?

Отвѣтъ. Когда она до меня дотрогивается, у меня такое же ощущеніе, какъ будто я сама себя трогаю. Я не чувствую себя частью Іоланды, напротивъ, чувствую, что она составляетъ какъ бы часть меня самой. Гдѣ бы ни была Іоланда, я, однако, знаю, что я — я, и нахожусь на моемъ мѣстѣ, въ кабинетѣ. Это для меня ясный и непреложный фактъ, и никто въ мірѣ не можетъ поколебать эту увѣренность, такъ она тверда во мнѣ, это болѣе, чѣмъ простая вѣра. Но хотя я это знаю и сознаю себя здѣсь, и что эта часть меня самой, дышащая и исходящая изъ меня, какъ будто освобождается изъ подъ моей власти, она все-таки сознается мною какъ нѣчто мнѣ принадлежавшее и перешедшее въ распоряженіе другого лица. Я не могу сказать вполнѣ отчетливо, что потеряла, я знаю, однако, что не лишилась никакой части моего существа, но что все-таки это новое существо принадлежитъ мнѣ.

18-й вопросъ. Проявлялась ли когда Іоланда какимъ-нибудь другимъ способомъ, кромѣ сеансовъ съ кабинетомъ?

Отвѣтъ. Сколько я знаю, Іоланда никогда не проявлялась иначе, какъ на моихъ сеансахъ съ кабинетомъ для матеріализаціи.

---

[1]) Такъ называли фигуру, являвшуюся на сеансахъ.

Дополнительное примѣчаніе.

Не могу лучше дополнить эти интересныя свѣдѣнія, какъ указавъ читателю на живое и вмѣстѣ съ тѣмъ такое простое описаніе самой миссисъ Эсперансъ всего того, что она видитъ, думаетъ и чувствуетъ во время матеріализаціоннаго сеанса, сидя внѣ кабинета предъ глазами присутствующихъ,—описаніе, сообщенное ею въ журналѣ *Медіумъ* (за 1892 и 1893 гг.) въ цѣломъ рядѣ статей подъ заглавіемъ: *Что чувствуетъ медіумъ во время матеріализаціи духовъ.*

Здѣсь же считаю нужнымъ привести изъ нихъ одно мѣсто, имѣющее прямое отношеніе къ содержанію этой статьи и дающее вполнѣ ясное представленіе о томъ состояніи раздвоенія, въ которомъ находится медіумъ, сохраняя при этомъ свое самосознаніе. Миссисъ Эсперансъ говоритъ здѣсь сама, и надо замѣтить, что написано это было ранѣе гельсингфорскаго событія.

„Является фигура, маленькая и худенькая, съ распростертыми объятіями. Въ дальнемъ концѣ кружка кто-то встаетъ, подходитъ къ ней, и они обнимаются. Слышны неясные возгласы: „Анна! о, Анна! дитя мое! мое милое дитя!“ Встаетъ еще кто-то и обнимаетъ фигуру, слышатся рыданія, возгласы, благословенія. Я же чувствую, что шатаюсь изъ стороны въ сторону, въ глазахъ у меня темнѣетъ. Чувствую, какъ чьи-то руки обнимаютъ меня, чье-то сердце бьется на моей груди. Я чувствую, что что-то совершается... Возлѣ меня никого нѣтъ, никто не обращаетъ на меня вниманія, глаза и мысли всѣхъ устремлены на эту стройную, бѣлую фигуру, которую обнимаютъ двѣ женщины въ черномъ.

Вѣроятно, сердце, біеніе котораго я такъ ясно слышу, мое собственное, но, навѣрно, есть же какія-то руки, меня обнимающія; никогда еще никакое прикосновеніе не было для меня такъ ощутительно. Я начинаю спрашивать себя: кто же я? Эта ли бѣлая фигура или та, что сидитъ на стулѣ? Мои ли руки обнимаютъ шею старой дамы, или мои руки тѣ, что лежатъ передо мной на моихъ колѣняхъ? Я ли призракъ, или я не знаю, какъ должна я называть ту, что сидитъ на стулѣ.

Вѣдь губы, которыя онѣ цѣлуютъ, навѣрно мои губы, мое лицо мокро отъ слезъ, обильно проливаемыхъ этими добрыми женщинами. Но какъ же это можетъ быть? Какое ужасное чувство—потеря собственной самоличности. Я жажду протянуть одну изъ безсильно лежащихъ рукъ, чтобы до кого-нибудь дотронуться и рѣшить, наконецъ, существую ли я, или я только призракъ.—Я ли Анна,

или моя личность слилась съ нею, исчезла въ ней?

Я чувствую дрожащія руки старушки, ея поцѣлуи, ея слезы, ласки и благословенія сестры, и мною овладѣваетъ смертельный страхъ, сколько времени это можетъ продлиться? Долго ли насъ будетъ двѣ? Чѣмъ это кончится? Буду ли я Анной, или Анна будетъ мною?

Затѣмъ я чувствую какъ кто-то кладетъ двѣ маленькія ручки въ мои оцѣпенѣлыя руки, что даетъ мнѣ какъ бы новую точку опоры, и я съ радостью начинаю сознавать, что я все еще я сама, и что маленькая Джутта [1]), которой надоѣло оставаться за тремя большими фигурами никѣмъ незамѣченной, тяготится своимъ одиночествомъ и ищетъ общества.

Какъ меня успокоиваетъ прикосновеніе даже этой дѣтской руки! Всѣ мои сомнѣнія въ томъ, гдѣ я и кто я—разсѣялись. Пока я все это думаю и чувствую, бѣлая фигура Анны исчезаетъ въ кабинетѣ, и обѣ дамы возвращаются на свои мѣста, взволнованныя, въ слезахъ, но очень счастливыя". („Медіумъ", 1893 г. стр. 146; сн. „Ребусъ" 1897 г., №№ 45—47).

7. Нѣсколько словъ о моей медіумичности.

(М-съ Эсперансъ).

„Другіе люди видятъ подобныя же вещи, но они несомнѣнно сумасшедшіе", вотъ тѣ слова доктора, которыя меня преслѣдовали и въ теченіе многихъ лѣтъ отравляли мою жизнь! Я боялась моихъ друзей изъ „страны тѣней" и боялась самой себя! Я боялась оставаться одна, боялась оглянуться и увидѣть ихъ. Если долго не видала ихъ, то мнѣ становилось легче на душѣ, я свободнѣе вздыхала, предполагая что зачатки сумасшествія исчезли, но если затѣмъ кто-либо изъ моихъ друзей опять появлялся, то боязнь сумасшествія мною вновь овладѣвала съ неимовѣрной силой.

Каждое мое слово, каждое движеніе возбуждало во мнѣ опасеніе, что меня могутъ признать сумасшедшею.

Помощью усиленнаго труда и развлеченій мнѣ удалось побороть эти мучительныя мысли, и я удивляюсь, что при такомъ настроеніи умственныя мои способности остались нетронутыми. Молодость обладаетъ несомнѣнно большою силою сопротивленія и въ теченіе нѣсколькихъ дней, даже часовъ, удается успокоить самыя чувствительныя впечатлѣнія горя. Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что въ теченіе послѣдующаго года или двухъ мое вниманіе должно было сосредоточиться надъ школьными работами, и невольно мои мысли о моихъ друзьяхъ изъ „страны тѣней" и о страхѣ къ сумасшествію отодвинулись на задній планъ.

Во время дѣтства моего и первыхъ дѣвичьихъ лѣтъ я была подвержена ночнымъ странствованіямъ, и мои сомнамбулическія путешествія причиняли не мало хлопотъ, чтобы меня охранить отъ несчастья. За очень малыми исключеніями, со мной во время ночныхъ странствованій ничего не случалось, такъ какъ странствованія эти ограничивались прогулкой по нѣкоторымъ комнатамъ нашего стариннаго большого дома, или же садомъ и паркомъ. Я должна была упомянуть объ этомъ лишь потому, что это даетъ нѣкоторую возможность объяснить нижеслѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто, когда я была еще дѣвушкой.

Моему классу въ школѣ, гдѣ я обучалась, было задано нѣсколько темъ для письменной работы воспитанницъ. Работа эта должна была быть разсмотрѣна во время репетиціи курса передъ полупубличнымъ собраніемъ родителей и родственниковъ. Мнѣ и еще четыремъ воспитанницамъ задано было сочиненіе на тему „Природа". Изъ всѣхъ пяти я была самая младшая и, какъ мнѣ казалось, менѣе всѣхъ прилежная, такъ какъ, получая за всѣ свои занятія среднія отмѣтки, всегда находилась въ большомъ затрудненіи, когда дѣло касалось письменныхъ самостоятельныхъ работъ. Въ такихъ случаяхъ я находила помощь у одной моей подруги, которую, въ свою очередь, я выручала переводами и рисованіемъ, такъ какъ она по этимъ предметамъ была слабѣе меня.

Въ данномъ случаѣ мы обязались честнымъ словомъ передъ школьнымъ начальствомъ и между собою въ томъ, что одна другую выручать не будетъ не только работой, но и совѣтомъ.

Время уходило, и въ результатѣ имѣлись: испорченная бумага, головная боль и слезы, но работа моя не подвинулась ни на шагъ, и неудача эта сильно меня тревожила. Я начала уже сомнѣваться, въ состояніи ли я что-либо написать на заданную тему. Просыпаясь утромъ и засыпая вечеромъ, я только и думала о моемъ сочиненіи, но ни одна дѣльная мысль не приходила въ голову.

Когда до назначеннаго срока оставалось только три дня, а работа моя даже не начата была какъ слѣдуетъ, я въ отчаяніи стала на колѣни и начала усердно молить Бога, прося Его ниспослать на меня благословеніе и просвѣтить мою мысль.

Отправляясь въ этотъ вечеръ въ спальню, я захватила съ собою свѣчу, бумагу и карандашъ, намѣреваясь въ то время, когда

[1]) Ребенокъ, находящійся между присутствующими.

всѣ уснутъ, заняться писаніемъ. Но, къ величайшему моему горю, другія воспитанницы не пожелали, чтобы горѣла свѣча, и я, проливая слезы отчаянія, наконецъ, утомилась и уснула.

Проснувшись на слѣдующее утро, я начала подбирать разбросанную на полу бумагу, причемъ къ немалому удивленію замѣтила, что листы эти исписаны мелкимъ почеркомъ, а прочитавъ, увидѣла, что это было хорошо написанное сочиненіе на тему „Природа". По обсужденіи этого случая, мнѣ разрѣшено было эту работу представить, какъ мой собственный трудъ. Все сочиненіе было написано моимъ почеркомъ, но выраженныя въ немъ мысли принадлежали болѣе развитому уму, и приведенные взгляды не соотвѣтствовали моему возрасту.

Разсказъ мой о томъ, какъ я молилась, прося ниспослать подходящія мысли, въ связи съ моими сомнамбулическими припадками, приняты были за достаточное объясненіе этого весьма страннаго случая. Инспекторъ нашей школы разсказалъ намъ при этомъ, какъ знакомый его студентъ, утомленный отъ усиленнаго труда, во снѣ написалъ ученую медицинскую статью, которая впослѣдствіи послужила темою для многотомныхъ научныхъ работъ. Я съ радостью слушала этотъ разсказъ инспектора, но не размышляла о немъ. Въ данное время главный интересъ мой состоялъ въ томъ, что мнѣ удалось такъ ловко вывернуться изъ весьма тяжелаго положенія.

Я была старшею дочерью въ многочисленной семьѣ и имѣла много домашнихъ занятій. Когда же вышла замужъ и у меня явилось не мало свободныхъ часовъ, которыми я могла располагать по своему усмотрѣнію, то мои друзья изъ „страны тѣней" стали вновь проявляться, и тогда снова меня одолѣвалъ страхъ о возможности болѣзненнаго состоянія моего мозга. Я никому не сообщала о моихъ видѣніяхъ, изъ опасенія, чтобы меня не признали умственно больною. Однако тайна эта меня очень мучила. Въ это время до меня доходили кое-какіе слухи о спиритуализмѣ, и меня почти что наталкивали на него, но я не поддавалась. Мое воспитаніе было строго религіозное, и мнѣ не приходило даже на умъ усомниться въ томъ, чему меня учили.

Одинъ изъ моихъ друзей увлекся этимъ новымъ ученіемъ и тѣмъ причинилъ мнѣ много горя. Выслушивая его доказательства въ пользу спиритическихъ воззрѣній и защиту, такъ называемыхъ, феноменовъ, я относилась ко всему этому съ презрительнымъ недовѣріемъ. Для столоверченія я допускала воздѣйствія на него животнаго магнитизма участниковъ сеанса; для обнаруживающейся же при его движеніяхъ осмысленности, находила я объясненія въ неизслѣдованной пока еще совокупной дѣятельности мозга присутствующихъ лицъ. Не спорю, что это крайне сложный вопросъ, но во всякомъ случаѣ подобное объясненіе явленій мнѣ было болѣе по душѣ, чѣмъ спиритическая гипотеза, которая однимъ взмахомъ совершенно уничтожала все то, чему меня учили.

Въ противоположность этому, я особенно интересовалась „ясновидѣніемъ" и усердно читала все, что только писалось о немъ. Сознаніе, что эта сила естественна, и что она составляетъ свойство извѣстныхъ личностей, было для меня величайшей находкой, которая давала мнѣ возможность избавиться отъ страха, который меня не покидалъ съ момента разговора моего съ докторомъ. Съ этихъ поръ я стала радоваться, что обладаю чуднымъ даромъ ясновидѣнія, и, переставъ въ немъ сомнѣваться, признавала полную реальность сценъ, разыгрывающихся передъ моими глазами. Такое настроеніе, вѣроятно, благодѣтельно повліяло на меня, и мое ясновидѣніе стало проявляться болѣе рельефно, нежели въ моемъ дѣтствѣ. Многія изъ видѣнныхъ мною сценъ оказались дѣйствительно случившимися въ другомъ мѣстѣ, какъ это мнѣ впослѣдствіи сообщили, и именно въ то время, когда я эти сцены видѣла, или же видѣнія мои относились къ фактамъ прошедшаго времени, извѣстнымъ нѣкоторымъ членамъ нашего кружка.

Въ видѣніяхъ моихъ нѣтъ ничего подходящаго подъ спиритуалистическую теорію и нѣтъ въ нихъ подтвержденій этой теоріи. Но совсѣмъ другое приходилось мнѣ испытать, когда рука моя, по собственному влеченію, начала писать посланія различнымъ личностямъ, или же длинныя сочиненія на заданную тему, а чаще всего отвѣты на научные вопросы, о коихъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія; и тогда я находилась въ крайне затруднительномъ положеніи объяснить все это естественнымъ образомъ.

Тутъ-то я вспомнила о загадочномъ появленіи моей статьи въ школѣ, и, сравнивая этотъ случай съ новѣйшими явленіями, послѣднія получили совершенно иное освѣщеніе. Не только въ моихъ друзьяхъ, но и во мнѣ самой писанія эти возбуждали большой интересъ. Содержаніе ихъ касалось часто такихъ предметовъ, которые находились далеко за границею моихъ познаній. Все это, однако, было весьма поучительно.

Въ то же самое время я пользовалась и моимъ незначительнымъ талантомъ для рисованія и дѣлала наброски портретовъ такихъ личностей, которыя появлялись мнѣ во

время ясновидѣнія. Обыкновенно я рисовала въ потьмахъ, находя, что темнота дѣйствовала въ видѣ фона, на которомъ мельчайшія особенности срисовываемыхъ фигуръ особенно рельефно воспроизводились. Сначала и я вмѣстѣ съ прочими была поражена, когда при такихъ условіяхъ мнѣ удавалось набросать до извѣстной степени правильный рисунокъ. Какимъ образомъ это дѣлалось, я не могла объяснить; я только одно сознавала, что темноты для меня не существовало. Большая часть такихъ портретовъ признаны были сходными съ лицами, извѣстными моимъ знакомымъ, которые и оставляли ихъ у себя, такъ что изъ числа сотенъ мною сдѣланныхъ портретовъ у меня осталось не болѣе полдюжины и то лишь личностей, неузнанныхъ присутствующими.

Послѣ того, какъ эти опыты продолжались отъ 5-ти до 6-ти лѣтъ, мнѣ однажды сдѣлано было предложеніе, въ формѣ скорѣе шутливой, чѣмъ серьёзной, чтобы я рѣшилась на опытъ въ кабинетѣ (фасъ-сеансъ) въ виду того, что писаніе и рисованіе такъ хорошо удавались. Я положительно отказалась, и вмѣсто меня въ кабинетѣ сѣла одна изъ дамъ, присутствовавшихъ въ кружкѣ. Мы разсѣлись, по обыкновенію, кругомъ кабинета и пѣли. Это продолжалось весьма недолго, такъ какъ дама эта вскорѣ выбѣжала изъ кабинета, утверждая, что въ немъ находится что-то живое, что до нея дотрогивались, и ни за что не рѣшилась войти снова въ кабинетъ. Обращаясь же ко мнѣ, сказала: „если ты такая храбрая, то войди сама въ кабинетъ".— Вотъ, я и пошла туда. Послѣ того, какъ я нѣкоторое время посидѣла въ кабинетѣ, я почувствовала, что въ немъ что-то двигается, или, лучше сказать, я сознавала, что воздухъ въ кабинетѣ чѣмъ-то приведенъ въ движеніе. Мною овладѣлъ страхъ, и я тоже съ поспѣшностью вышла изъ него. Мы тщательно осмотрѣли кабинетъ, состоящій изъ углубленія въ стѣнѣ, задрапированнаго занавѣской, и нашли его совсѣмъ пустымъ.

Послѣ этого, собираясь по два раза въ недѣлю на подобные сеансы, присутствующіе замѣтили, что въ разрѣзѣ занавѣси сперва появилась рука, а послѣ этого и лицо. Я же, находясь въ темномъ кабинетѣ, ничего не замѣчала и не придавала такимъ сообщеніямъ особой вѣры. Однако, выходя изъ кабинета, я, къ не малому удивленію, чувствовала, что еле-еле могу держаться на ногахъ.

Въ слѣдующій сеансъ я и сама, находясь въ какомъ-то странномъ и обезсиленномъ состояніи, видѣла какое-то лицо. При этомъ меня сильно тревожило сознаніе, что я нахожусь гдѣ-то далеко въ пространствѣ, какъ бы въ другомъ мірѣ. Движеніе и говоръ лицъ, окружающихъ кабинетъ, доносились до моего слуха какъ бы изъ очень отдаленнаго мѣста.

На одномъ изъ послѣдующихъ сеансовъ матеріализованная фигура вышла изъ кабинета и предстала передъ присутствующими.

Съ этого момента настала новая фаза моей медіумичности. Хотя, весьма понятно, я и интересовалась дальнѣйшимъ развитіемъ подобной способности, но если бы продолжать сеансы зависѣло отъ личнаго моего желанія, то врядъ ли я охотно принимала въ нихъ участіе, тѣмъ болѣе, что сама я лишена удовольствія видѣть явленія, а, между тѣмъ, положеніе медіума сопряжено съ массою непріятностей. Единственно, что побуждаетъ меня продолжать опыты въ теченіе двадцати пяти лѣтъ—это убѣжденіе, что человѣкъ, обладающій медіумичностью, обязанъ предоставлять пользоваться ею для общаго блага. („Light", № 829; сн. „Ребусъ" 1897 г., №№ 17 20).

8. **Медіумизмъ Д. Д. Юма.** (Замѣтки м-ра В. Крукса[1]) по поводу отчета д-ра Лоджа о Евзапіи Паладино). Благодаря любезности профессора Лоджа, мнѣ удалось познакомиться съ его отчетомъ еще въ корректурныхъ листахъ. Читая его, я подумалъ, что, можетъ-быть, нѣкоторыя мои замѣтки относительно разницы, подмѣченной мною между явленіями, происходящими въ присутствіи Евзапіи Паладино и тѣми, которыя я когда-то наблюдалъ при Д. Д. Юмѣ, могутъ заинтересовать читателей.

Во-первыхъ, бóльшая часть явленій, если не всѣ, происходятъ, когда Евзапія находится въ трансѣ, и чѣмъ глубже трансъ, тѣмъ поразительнѣе явленія. Съ Юмомъ же не всегда бывало такъ. Правда, самыя поразительныя явленія, видѣнныя мною въ его присутствіи, опыты съ огнемъ и появленіе видимыхъ фигуръ, происходили, когда онъ впадалъ въ трансъ, но не легко было опредѣлить наступленіе этого состоянія; онъ ходилъ и говорилъ какъ всегда, только его движенія были болѣе увѣренны, манеры и выраженіе лица болѣе торжественны, и говорилъ онъ про себя въ третьемъ лицѣ, называя себя „Данъ".

а) Опыты съ огнемъ.

Я нѣсколько разъ видѣлъ опыты съ огнемъ и у себя, и въ другихъ домахъ. Однажды онъ подозвалъ меня къ себѣ, подошелъ къ камину и сказалъ, чтобы я наблюдалъ со вниманіемъ. Дѣйствительно, онъ протянулъ руку въ каминъ и сталъ трогать и перево-

---

[1]) Извѣстный англійскій физикъ, членъ Королевскаго Общества (соотвѣтствуетъ нашей Академіи наукъ), много занимавшійся изслѣдованіемъ медіумическихъ явленій.

рачивать горящіе уголья такимъ образомъ, что, вздумай я подражать ему, я бы страшно обжегся. Въ другой разъ онъ при мнѣ подошелъ къ камину съ ярко пылавшими дровами и, взявъ большой кусокъ обуглившейся головешки, положилъ его на ладонь одной руки, прикрылъ другой и сталъ дуть въ эту импровизированную печь, пока уголь не разгорѣлся настолько, что пламя стало лизать его руки. На нихъ, однако, не осталось никакихъ слѣдовъ обжога.

b) Поднятіе на воздухъ.

Самые поразительные случаи поднятія Юма на воздухъ я наблюдалъ въ своемъ собственномъ домѣ. Однажды онъ отдалился и сталъ въ комнатѣ отдѣльно отъ всѣхъ; простоявъ неподвижно съ минуту, онъ сказалъ намъ, что поднимается на воздухъ. Я видѣлъ, какъ онъ медленно и плавно поднялся и остановился на разстояніи шести дюймовъ отъ пола и черезъ нѣсколько секундъ тихо спустился. Никто изъ насъ не двигался съ мѣста. Въ другой разъ онъ просилъ меня подойти къ нему, когда онъ находился на высотѣ восемнадцати дюймовъ отъ пола; я провелъ руками кругомъ него, подъ его ногами и надъ его головой, пока онъ находился на воздухѣ.

Нѣсколько разъ Юмъ поднимался вмѣстѣ со стуломъ, на которомъ сидѣлъ. Обыкновенно, это происходило очень спокойно; иногда Юмъ подбиралъ ноги на сидѣнье стула и поднималъ руки такъ, чтобы мы всѣ ихъ видѣли. Однажды я нагнулся и убѣдился, что всѣ четыре ножки стула находились одновременно на воздухѣ, а ноги Юма были на стулѣ. Рѣже, но случалось, что и близъ него сидѣвшіе поднимались на воздухъ. Однажды моя жена была поднята вмѣстѣ со своимъ стуломъ. Юмъ всегда возставалъ противъ темноты, и, обыкновенно, на нашихъ сеансахъ бывало очень свѣтло. Я пробовалъ разнаго рода освѣщенія комнаты. Однажды я освѣтилъ ее Гесслеровыми трубками, но результатъ оказался неудовлетворительнымъ, мерцаніе свѣта отвлекало наше вниманіе. Въ другой разъ я освѣтилъ комнату спиртовой лампой, пламень которой окрасилъ желтоватымъ оттѣнкомъ съ помощью соды.

Это придало всѣмъ намъ мертвенный видъ, но явленія были очень сильны, и мнѣ было сказано, что это освѣщеніе вполнѣ подходяще для опытовъ. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ сеансовъ происходилъ при свѣтѣ полной луны. Съ поднятыми шторами и портьерами было настолько свѣтло, что можно было читать мелкую печать.

---

c) Движеніе разныхъ предметовъ.

Одно изъ самыхъ обычныхъ явленій на нашихъ сеансахъ было передвиженіе съ мѣста на мѣсто цвѣтовъ и другихъ легкихъ предметовъ. Иногда присутствующіе видѣли пальцы или цѣлую руку, переносившую разныя вещи, но нерѣдко вещи эти двигались сами собой, безъ всякой видимой поддержки. Руки наощупь были теплыя, какъ у живыхъ людей, когда же пробовали ихъ удержать, онѣ какъ будто таяли; но никогда ихъ не выдергивали изъ моей руки.

Одно изъ наиболѣе поразительныхъ явленій этого типа, т.-е., передвиженіе легкихъ предметовъ, было, по моему мнѣнію, поднятіе со стола на воздухъ графина съ водой и стакана. Въ комнатѣ было много свѣта отъ двухъ спиртовыхъ лампъ съ солью. Руки Юма были далеко. Графинъ и стаканъ плыли по воздуху надъ серединой стола. Я спросилъ, могутъ ли отвѣчать на вопросы, стуча стаканомъ о графинъ. Тремя стуками отвѣтили: „да“. Стаканъ и графинъ продолжали двигаться на разстояніи отъ шести до восьми дюймовъ надъ столомъ, приближаясь то къ одному, то къ другому изъ присутствующихъ, ударяясь одинъ объ другой и отвѣчая такимъ образомъ на вопросы. Явленіе это продолжалось минутъ пять, и въ это время мы вполнѣ могли убѣдиться, что Юмъ оставался совершенно пассивенъ и, несомнѣнно, не прибѣгалъ къ помощи веревокъ, проволокъ и т. п. Самая мысль о такой поддѣлкѣ представлялась верхомъ нелѣпости: дѣло происходило у меня въ домѣ, и никто не могъ устроить что-либо заранѣе въ моей комнатѣ; Юмъ вошелъ въ нее лишь вмѣстѣ съ нами передъ началомъ сеанса. Въ другой разъ я просилъ написать что-нибудь карандашомъ въ моемъ присутствіи, безъ помощи чьей-либо руки. На столѣ лежала бумага, карандашъ и небольшая деревянная дощечка. Карандашъ поднялся надъ бумагой и, по видимому, пробовалъ писать. Дощечка тоже поднялась, какъ бы съ цѣлью поддержать его, но затѣмъ было сказано, что для исполненія моего желанія недостаточно силы.

d) Соотвѣтственныя движенія.

Я никогда не наблюдалъ соотвѣтственныхъ (Sympathetic) движеній въ рукахъ или въ тѣлѣ Юма, когда двигались предметы вдали отъ него. Я увѣренъ, что большею частью, когда Юмъ не находился въ трансѣ, онъ столько же зналъ о томъ, что должно затѣмъ случиться, какъ и всѣ присутствующіе. Онъ отлично умѣлъ говорить и не молчалъ во время сеанса. Часто онъ смотрѣлъ совсѣмъ въ другую сторону, занятый оживлен-

нымъ разговоромъ, и когда начинались явленія, приходилось обращать на нихъ его вниманіе, какъ и другихъ присутствующихъ. Все происходившее доставляло ему, можно сказать, дѣтское удовольствіе, и онъ всегда говорилъ, что не имѣетъ никакой власти надъ явленіями.

Общій разговоръ шелъ во время сеанса, и часто Юмъ не сразу замѣчалъ начавшіяся явленія. Мы гораздо чаще указывали ему на нихъ, чѣмъ онъ намъ. Иногда его равнодушіе ко всему происходившему сердило меня. Когда сеансъ былъ удачный, мы имѣли полную возможность внимательно наблюдать и изслѣдовать явленія. Они часто повторялись по нашей просьбѣ, а небольшіе предметы, цвѣты и т. д., двигались въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, переходя отъ одного изъ присутствующихъ къ другому. Мнѣ всегда позволяли переходить съ мѣста на мѣсто и изслѣдовать внимательно все происходившее. Насъ только просили не вставать съ мѣста внезапно, не предупредивши, такъ какъ это на короткое время останавливало явленія.

e) Присутствіе постороннихъ.

Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что профессоръ Лоджъ говоритъ о постороннихъ лицахъ на сеансахъ. Я считаю ихъ необходимымъ зломъ; нѣкоторые очень хорошіе сеансы были испорчены напрасными и весьма прозрачными попытками постороннихъ обмануть насъ. Однажды все обѣщало хорошій сеансъ. Присутствовало очень важное лицо, по собственному желанію. Мы сидѣли цѣлый часъ, но ничего не выходило, кромѣ разныхъ стуковъ и движеній стола, очевидно произведенныхъ моимъ гостемъ. Наконецъ, онъ ушелъ; тогда мы получили сообщеніе такого рода, что „ждали, чтобы м-ръ пересталъ разыгрывать шута". Послѣ чего послѣдовалъ очень удачный сеансъ. Позднѣе я узналъ, что нашъ гость вездѣ говорилъ о насъ, какъ объ очень довѣрчивыхъ людяхъ. Онъ утверждалъ, что удачно обманывалъ насъ поддѣльными стуками и движеніями стола, и что Юмъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы показывать какіе-либо „фокусы" въ его присутствіи.

f) Сеансы никогда не происходили въ темнотѣ.

По-видимому, главнымъ препятствіемъ къ точному наблюденію явленій, происходящихъ въ присутствіи Евзапіи, было слишкомъ слабое освѣщеніе ея сеансовъ; вслѣдствіе чего являлась необходимость принимать особыя предосторожности противъ возможнаго обмана. При лучшемъ свѣтѣ не приходилось бы вырабатывать методы, какъ держать руки ея и ноги, не было бы возможности и предполагать, что сосѣдъ ея съ другой стороны выпустилъ ея руку. Юмъ же никогда не соглашался устраивать сеансы въ темнотѣ. Онъ говорилъ, что при извѣстной настойчивости и терпѣніи можно добиться тѣхъ же явленій при свѣтѣ и, что даже, если бы нѣкоторыя изъ нихъ оказались и не такъ сильны, какъ въ темнотѣ, то гораздо удобнѣе убѣдиться собственными глазами въ ихъ неподдѣльности. На всѣхъ моихъ сеансахъ съ Юмомъ было совершенно достаточно свѣта, чтобы ясно видѣть все происходившее и не только записывать все, что я видѣлъ, но и безъ труда читать написанное. Юмъ очень старался убѣдить каждаго изъ присутствующихъ, что онъ не поддѣлывалъ происшедшаго явленія. По-моему, онъ даже слишкомъ заботился объ этомъ, часто прерывая правильное развитіе явленій просьбой, чтобы кто-нибудь изъ присутствующихъ скептиковъ подошелъ къ нему и держалъ его руки и ноги, чтобы такимъ образомъ убѣдиться, что не онъ производитъ явленія.

Иногда онъ со своимъ стуломъ отодвигался отъ стола въ то время, когда разные предметы начинали по немъ двигаться, и просилъ сидѣвшихъ отъ него дальше подойти и убѣдиться, что эти движенія происходятъ безъ его участія. Я часто просилъ его оставаться спокойнымъ, будучи самъ твердо увѣренъ, что, если только онъ не будетъ двигаться и волноваться изъ желанія доказать намъ свою правдивость, явленія такъ усилятся, что дальнѣйшее сомнѣніе въ ихъ неподдѣльности будетъ невозможно.

g) Юмъ всегда поощрялъ всякаго рода наблюденія и изслѣдованія.

Во все мое знакомство съ Д. Д. Юмомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я никогда не замѣтилъ ничего, что заставило бы меня заподозрить его въ обманѣ. Онъ былъ очень щепетиленъ въ этомъ отношеніи и никогда не обижался на всевозможныя предосторожности, принимаемыя противъ обмана.

Въ первое время нашего знакомства онъ говорилъ мнѣ иногда передъ началомъ сеанса:

— Пожалуйста, Уильямъ, дѣйствуйте такъ, какъ будто я извѣстный фокусникъ, собирающійся васъ обманывать, продѣлывать всевозможныя штуки. Принимайте всѣ предосторожности, какія только можете придумать, переходите съ мѣста на мѣсто, заглядывайте подъ столъ и всюду, гдѣ считаете нужнымъ. Не обращайте вниманія на меня. Я не обижусь. Я знаю, что, чѣмъ внимательнѣе будутъ наблюдать за мною, тѣмъ болѣе всѣ убѣдятся, что всѣ эти сверхъестественныя явленія не мои продѣлки".

На такихъ именно сеансахъ, въ присутствіи одной моей семьи, произошли нѣкоторыя изъ самыхъ убѣдительныхъ явленій.

h) **Полная искренность и прямота Юма.**

Мнѣ представляется жестокой насмѣшкой судьбы, что человѣкъ, одаренный такими поразительными способностями и всегда не только готовый, но и желавшій подвергнуться изслѣдованіямъ людей науки, такъ много лѣтъ жилъ въ Лондонѣ, и никто изъ ученаго міра (за однимъ или двумя исключеніями) не поинтересовался даже изслѣдовать, подлинны или ложны тѣ явленія, о которыхъ со всѣхъ сторонъ говорилось въ обществѣ.

Для всѣхъ, знавшихъ Юма, онъ былъ чрезвычайно симпатичнымъ человѣкомъ, правдивость и честность котораго были внѣ всякаго сомнѣнія; незнавшіе же его называли его шарлатаномъ, тѣ же, кто вѣрилъ ему, считались чѣмъ-то въ родѣ помѣшанныхъ.

Въ заключеніе м-ръ Круксъ выразилъ свое удовольствіе, что такой извѣстный ученый, какъ профессоръ Лоджъ, опубликовалъ мнѣнія и заключенія, къ которымъ онъ самъ пришелъ много лѣтъ тому назадъ. При этомъ м-ръ Круксъ отнесся съ глубокимъ уваженіемъ къ мужеству, выказанному м-ромъ Лоджемъ тѣмъ, что онъ прямо, не стѣсняясь, высказалъ свое убѣжденіе. („Light“ 1895 г., январь; сн. „Ребусъ“ 1897 г., №№ 45, 46).

9. **Графъ А. К. Толстой**[1]) **о медіумѣ Юмѣ (1856—1863 гг.).** Въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1897 г. (апрѣль, май, іюнь) помѣщены выдержки „Изъ переписки графа Толстого“, къ сожалѣнію, въ очень сокращенномъ видѣ и безъ обозначенія лица, къ кому письма эти были адресованы. Вотъ, что мы читаемъ на 285 страницѣ майской книжки.

Лондонъ, 13 іюня.

Два часа ночи. Я только что вернулся отъ Юма, и несмотря на огорченіе, которое причиняетъ мнѣ наша разлука, я не жалѣю о моемъ путешествіи въ Лондонъ, такъ какъ *сеансъ былъ поразительный*. Боткинъ (В.)[2]) увѣровалъ, хочетъ завтра запереться, не выходить цѣлый день, чтобы обдумать все, что онъ видѣлъ...

Насъ было: я, Боткинъ, жена Юма, г-жа Миллеръ-Гибсонъ (жена кабинетъ-министра), одна дама-компаньонка и потомъ Штейнбокъ. Прежде всего были явленія, которыя тебѣ извѣстны; послѣ этого продолжали въ полутемнотѣ; вся мебель задвигалась, передвинулась; одинъ столъ сталъ на другой; диванъ сталъ посреди комнаты, колокольчикъ гулялъ по всей комнатѣ и звонилъ въ воздухѣ и т. д. Потомъ произвели полную темноту. Фортепіано заиграло само собой, браслетъ былъ снятъ съ руки г-жи Гибсонъ и упалъ на столъ, *испуская лучи свѣта*. Юмъ былъ поднятъ на воздухъ, и я щупалъ его ноги, пока онъ леталъ надъ нашими головами. Руки обняли мои колѣни и брали мои руки, и, когда я хотѣлъ задержать одну руку, она растаяла.

На столѣ лежали карандаши и бумага; одинъ листъ бумаги самъ всунулся мнѣ въ руку, и азбука сказала (вѣроятно, посредствомъ стуковъ въ столъ), что я долженъ его передать Юму; на немъ было написано: „любите ее всегда“. „Н. Кроль“. (Aimez la toujours. N. Kroll). Почеркъ былъ совершенно схожъ съ почеркомъ матери m-me Юмъ, и мы его сравнивали съ ея письмами. Очень слабый голосъ послышался во время игры на фортепіано. Стукъ сильный, точно удары молота, послышался въ столѣ, подъ руками Боткина. Подушка упала мнѣ на голову. Что меня всего больше убѣдило, если бы я не вѣрилъ, — это руки, которыя я чувствовалъ, которыя жали мои руки, хлопали по моимъ рукамъ, и которыя таяли, когда я хотѣлъ ихъ уловить. Холодный вѣтеръ дулъ очень чувствительно вокругъ насъ; мы почувствовали ароматы, а у Юма послѣ сеанса руки горѣли и слезы лились изъ его глазъ. Жена его и онъ постоянно видѣли звѣзду на одномъ изъ стульевъ, но я не видалъ ее. *Видимыя* руки скользили около окна, слабо освѣщеннаго газомъ снаружи.

Разсказъ графа напоминаетъ намъ слышанное много лѣтъ тому назадъ отъ одной иностранки, француженки или англичанки, теперь не припомнимъ, которая провела нѣсколько мѣсяцевъ у Толстыхъ въ ихъ Пустынкѣ. Очень заинтересовали ее замѣченныя ею на потолкѣ высокой залы деревенскаго дома нѣсколько написанныхъ карандашомъ словъ. Что за фантазія,—думалось ей,—приставлять лѣстницу, писать, и затѣмъ, что это означаетъ? Любопытство ея такъ разыгралось, что она рѣшила, наконецъ, спросить графиню, какъ и кѣмъ было это сдѣлано? „Юмомъ,—отвѣтила графиня,—когда онъ гостилъ у насъ. Въ одинъ изъ сеансовъ, впавъ въ трансъ, т.-е. въ медіумическій сонъ, Юмъ поднялся кверху и сталъ летать по комнатѣ надъ нашими головами, потомъ спустился, взялъ со стола карандашъ и, поднявшись до потолка, написалъ намъ на память эти нѣсколько словъ“. („Вѣстн. Евр.“ 1897 г., май; сн. „Ребусъ“ 1897 г., № 35).

---

[1]) Извѣстный писатель.

[2]) Василій Петровичъ — писатель, старшій братъ доктора, пріятель Тургенева и многихъ другихъ литераторовъ того времени.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Краткая исторія спиритизма.

Подъ спиритизмомъ вообще разумѣется методическое производство опытовъ съ цѣлью вызвать нѣкоторыя чрезвычайныя явленія и вступить въ сношеніе съ душами умершихъ, которыя признаются причиною этихъ явленій. Въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ спиритизмъ есть религіозно-философское ученіе о невѣдомыхъ доселѣ тайнахъ загробной жизни и мірового бытія, «основанное на существованіи, проявленіи и наставленіи духовъ» [1]). Какъ ученіе «духосообщенное», откровенное свыше, спиритизмъ усвояетъ себѣ высокую провиденціальную задачу для будущности человѣчества, обѣщаетъ ослабить вліяніе матеріализма и произвести блестящую эпоху для развитія науки; онъ хочетъ просвѣтить человѣчество «новымъ откровеніемъ», побороть въ немъ зло и возродить къ добру, морализовать родъ человѣческій и вторично искупить его отъ обладанія злого духа. Будучи проникнутъ реформаторскими стремленіями, онъ называетъ себя новою міровою религіею, третьимъ откровеніемъ закона Божія.

Современный спиритизмъ не внезапно возникъ въ мірѣ. Уже въ древнія времена были извѣстны разнаго рода волхвованія, съ которыми спиритизмъ имѣетъ много общаго. Такъ, древнимъ вавилонянамъ (по Хвольсону) были извѣстны факты матеріализаціи духовъ, появлявшихся въ дыму жертвеннаго огня. У грековъ, по свидѣтельству Павзанія, были особыя святилища для вызыванія душъ умершихъ (некромантіоны). По свидѣтельству Анастасія Никейскаго, Симонъ волхвъ заставлялъ двигаться статуи, бросался въ пламя и не горѣлъ, леталъ по воздуху, превращался въ змѣя; мебель въ его домѣ двигалась сама собою. Еще болѣе чудесные разсказы передаются объ Аполлоніи Тіанскомъ. По свидѣтельству Тертулліана, въ древности также были извѣстны вертящіеся и отвѣчающіе столы. Обаятели, вызывавшіе духовъ, строго обличаются въ ветхомъ завѣтѣ (Втор. XVIII, 9—12). Современные спириты только воскресили забытые на многіе вѣка древніе способы вызыванія мертвыхъ и сообщили новый характеръ своей доктринѣ, преобразовавши ее примѣнительно къ христіанскимъ воззрѣніямъ.

Ближайшимъ предшественникомъ новаго спиритизма, опредѣлившимъ его главные моменты, былъ животный магнитизмъ или месмеризмъ. Въ 1775 году вѣнскій врачъ Месмеръ провозгласилъ открытіе новой, дотолѣ невѣдомой міру, чисто физической силы, таинственно дѣйствующей во всей природѣ и особенно въ человѣкѣ. Эта сила названа имъ магнитическимъ флюидомъ. Управляя этою силою и вліяя на нее своею волею, человѣкъ, по убѣжденію Месмера, можетъ вызывать многія необычайныя явленія. Произведенные затѣмъ самимъ Месмеромъ и его учениками опыты магнитизированія и усыпленія нервозныхъ личностей обнаружили у нихъ нѣкоторыя необычайныя способности, какъ-то: видѣть внутри своего организма, а равно на огромномъ разстояніи предметы, писать съ закрытыми глазами, читать сокровенныя мысли магнитизера, проникать въ тайны прошедшаго и будущаго, угадывать болѣзни свои и чужія и узнавать цѣлебныя средства противъ нихъ и т. п. Повсемѣстное распространеніе теоріи Месмера вызвало за собою цѣлый рядъ новыхъ наблюденій. Многіе писатели, особенно Іустинъ Кернеръ, Баадеръ, Мейеръ, Кизеръ, — повѣствуютъ, что въ присутствіи нѣкоторыхъ нервозныхъ личностей происходили сами собою многія необычайныя явленія: слышались звуки и тоны, совершенно непонятные по своему происхожденію, раздавались стуки какъ бы отъ ходьбы многихъ людей въ деревянныхъ башмакахъ, или отъ паденія камней, наблюдалось самопроизвольное движеніе матеріальныхъ предметовъ, главнымъ образомъ, мебели, слышалось дрожаніе оконныхъ стеколъ, звонъ бросаемыхъ металлическихъ вещей или разбитыхъ зеркалъ; иногда появлялись свѣтящіяся фигуры у постелей больныхъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна «ясновидящая изъ Преворста», въ присутствіи которой металлическія вещи плыли по воздуху, то направляясь къ ней, то удаляясь и исчезая. При погруженіи въ магнитическій сонъ, она бесѣдовала съ духами, которые открывали ей, что дѣлается вдали, а равно сообщали тайны прошедшаго и будущаго [1]). Замѣчательно и то, что непонятные по своему происхожденію стуки условленнымъ количествомъ ударовъ удачно отвѣчали на вопросы, не только высказанные, но и задуманные присутствующими наблюдателями явленій [2]). Въ большей части разсказовъ таинственныя манифестаціи, обличающія присутствіе въ нихъ какой-то разумной и цѣлесообразно дѣйствующей силы, были связаны съ опредѣленнымъ мѣстомъ, а иногда, напротивъ, съ извѣстными личностями, преимущественно женскаго пола, частью въ дѣтскомъ возрастѣ.

Въ то время какъ одни изслѣдователи-натурфилософы — причину этихъ явленій полагали въ непонятномъ интеллектуальномъ принципѣ, отождествленномъ ими съ безсознательною духовною жизнью нервозныхъ личностей, превращавшихъ при помощи магнитическаго флюида психическіе акты въ физическія явленія, — другіе — мистики полагали ее въ дѣйствіяхъ духовъ. Такъ, Сентъ-Мартенъ (1743—1803 г.), Лафатеръ (1741—1801), Шардель († 1826 г.), и др. видѣли въ

---

[1]) См. «Правосл. Соб.» 1871 г., т. I, стр. 196.

[1]) Реальность большинства указанныхъ здѣсь фактовъ удостовѣрена авторомъ «Жизни Іисуса» Дав. Штраусомъ въ его рецензіи на книгу Іуст. Кернера объ «ясновидящей изъ Преворста».

[2]) «Reweis des Glaubens», 1878 г. стр. 414—415.

состояніяхъ сомнамбулизма и ясновидѣнія, вызванныхъ магнитизированьемъ, дѣйствія небесныхъ духовъ, или же души человѣка, вошедшей въ общеніе съ міромъ духовнымъ; въ самомъ организмѣ сомнамбулъ, въ частности—въ магнитическомъ флюидѣ, они видѣли средство для вызова духовъ. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія магнитная жидкость была признана многими мыслителями оболочкою души, невидимымъ духовнымъ тѣломъ. По этому воззрѣнію, душа въ состояніи магнитическаго сна выходитъ изъ тѣла, облеченная какъ бы свѣтоноснымъ покрываломъ, и вступаетъ въ общеніе съ духами, которые и производятъ чрезъ сомнамбулъ необычайныя явленія. Такимъ образомъ, въ самой человѣческой природѣ была найдена дверь для выхода въ таинственный міръ и для общенія съ нимъ. На этой почвѣ, подготовленной Месмеромъ, частью теоріями Сведенборга и Юнга Штиллинга, и развилось мистическое движеніе, извѣстное подъ именемъ спиритизма.

Первоначальною родиною современнаго спиритизма признается Сѣверная Америка. Здѣсь въ мартѣ 1848 года, въ Ньюйоркскомъ штатѣ, въ селеніи Гайдесвиль, въ одномъ «безпокойномъ» домѣ, только что занятомъ семействомъ гражданина Фокса, подъ вліяніемъ какой-то таинственной силы стали слышаться стуки разнаго рода и скрипъ въ стѣнахъ. Обитатели дома, недоумѣвая о причинахъ загадочныхъ явленій, начали предлагать таинственной силѣ вопросы, и посредствомъ условленнаго числа ударовъ обнаружилось, что стуки происходятъ по дѣйствію духа прежняго хозяина дома. Духъ сообщилъ при этомъ, что онъ принадлежитъ убитому человѣку, имѣвшему 31 годъ, и что тѣло его зарыто въ этомъ домѣ. Произведенныя затѣмъ раскопки ничего не обнаружили, и только по возобновленіи ихъ чрезъ полгода, по разсказамъ самихъ спиритовъ, найдены были въ указанномъ мѣстѣ человѣческія кости. Немного спустя было обнаружено, что и во многихъ другихъ домахъ въ разныхъ городахъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ личностей, названныхъ впослѣдствіи медіумами, происходили подобные же стуки, а равно наблюдалось движеніе домашней мебели и другихъ предметовъ.

Прошло не болѣе четырехъ лѣтъ, какъ манифестаціи духовъ стали всеобщими: духи стучали, двигали мебель и нѣкоторые домашніе приборы, играли на музыкальныхъ инструментахъ, поднимали людей на воздухъ—во всѣхъ уголкахъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Такъ какъ причина этихъ явленій полагалась въ дѣйствіяхъ духовъ, то и самыя явленія были названы спиритическими. Скоро найдены были средства экспериментально вызывать, при посредствѣ медіумовъ, необычайныя явленія и вступать въ переговоры съ духами. Нѣкоторымъ наблюдателямъ этихъ явленій пришла счастливая мысль скомбинировать буквы алфавита по числу таинственныхъ стуковъ — получился родъ духовнаго телеграфа, и таинственныя существа могли бесѣдовать съ присутствующими. При этомъ особенно употребительными оказались вертящіеся и гадательные столы. Но такъ какъ этотъ способъ переговоровъ съ духами былъ все-таки довольно затруднителенъ, то не замедлило послѣдовать упрощеніе его—при помощи аппарата, названнаго психографомъ. Стержень послѣдняго, укрѣпленный на дощечкѣ, двигаясь, при наложеніи рукъ, по кругу, указывалъ опредѣленныя буквы, изъ коихъ слагались отвѣты духовъ. Независимо отъ этого, откровенія духовъ получались при помощи карандаша, прикрѣпленнаго къ ножкѣ стола, къ корзинкѣ, или къ дощечкѣ, которыя, двигаясь при наложеніи рукъ, заставляли карандашъ писать. Скоро карандашъ перешелъ въ руку самого спирита-медіума, и чрезъ это духи оказались болѣе говорливыми и умственно производительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ къ производству опытовъ и къ переговорамъ съ духами распространялся эпидемически Уже въ 1852 году въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается до 30.000 медіумовъ и нѣсколько милліоновъ убѣжденныхъ спиритовъ [1]). Нѣкоторые медіумы печатали свои адреса и часы сеансовъ въ газетахъ — на ряду съ торговыми объявленіями, а нѣкоторые имѣли даже вывѣски.

Съ теченіемъ времени стали обнаруживаться новыя явленія: на листахъ бумаги, положенныхъ, по требованію духовъ, въ темномъ мѣстѣ, стали появляться изреченія и афоризмы, иногда за подписью духовъ, тяжелые предметы то двигались, то поднимались и опускались сами собою; въ темныхъ залахъ замѣчались искры и сіянія различныхъ формъ и перемѣнныхъ цвѣтовъ, а равно слышались то громкіе удары, то гармоническіе звуки музыкальныхъ инструментовъ. Между медіумами появляются психомантическіе ораторы, при посредствѣ которыхъ духи свободнѣе могли удовлетворять желаніямъ смертныхъ,—называя себя разными громкими именами. Такъ, самъ будто бы апостолъ Павелъ внятно читалъ свои посланія — съ обширными на нихъ комментаріями, евангелисты дополняли недосказанное въ ихъ письменныхъ евангеліяхъ и примирялись въ своихъ мнимыхъ разногласіяхъ; отцы церкви вели свои бесѣды по истолкованію священ. писанія. Сведенборгъ произносилъ мистическія вдохновенныя рѣчи. Шекспиръ, Байронъ, Шенье и другіе поэты превосходно декламировали свои произведенія. Произносимыя духами слова раздавались гдѣ-либо въ воздухѣ, или надъ самымъ ухомъ

[1]) Нашлись, однако, и скептики, которые, не рѣшаясь отрицать реальности необычайныхъ явленій, смущались относительно ихъ подлинной причины. Они-то въ составѣ 14.000 человѣкъ подали въ 1852 году въ федеральный конгрессъ сѣверо-американскаго союза, адресъ съ просьбою о научномъ разъясненіи необычайныхъ явленій. Въ виду новости самыхъ явленій, просьба эта не могла быть удовлетворена.

слушателей, при посредствѣ, однако, гортани медіума [1]).

Изъ Америки спиритизмъ почти одновременно распространился въ Англіи, Франціи и Германіи, выразившись сначала въ формѣ духостучанія и столоверченія, а позже въ формѣ столописанія и непосредственныхъ духосообщеній. Самые выдающіеся люди науки, какъ напримѣръ: Араго, Фарадей, Тиндаль, Шеврель, Фламмаріонъ, физикъ Де-Морганъ, химики Круксъ и Гюйгенсъ, ученые Варлей и Коксъ, сотрудникъ Дарвина Уоллесъ, писатели Теккерей и Троллопъ, обратились къ изученію спиритическихъ явленій, послѣ чего многіе изъ нихъ стали убѣжденными спиритами. Не замедлили также образоваться въ Западной Европѣ многочисленныя ассоціаціи и общества — съ корифеями науки во главѣ, — поставившія своею задачею изслѣдованіе спиритическихъ фактовъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: Діалектическое общество въ Лондонѣ, ученое общество для психическихъ изслѣдованій въ Парижѣ, общество трансцендентальной физики и психологіи въ Берлинѣ и др.

Годъ появленія спиритизма въ Россіи, за недостаткомъ данныхъ, нельзя указать съ точностью. Можно, однако, думать, что спиритизмъ сталъ у насъ извѣстенъ одновременно съ появленіемъ его на западѣ, при томъ въ довольно сложной формѣ. Уже въ 1853 году митрополитъ Филаретъ обличалъ стологанаданіе, какъ дѣло преступное и языческое. Профессоръ Бутлеровъ сообщаетъ, что ему въ 1854 году случилось быть подъ Москвою въ одномъ извѣстномъ и уважаемомъ семействѣ (С. Т. А-ва), гдѣ онъ встрѣтился впервые съ однимъ изъ сложныхъ медіумическихъ явленій [2]). По свидѣтельству профес. Вагнера, въ 50 годахъ «разговоры съ духами» сильно интересовали нашу публику, вызывая постоянныя занятія психографіей. Спиритическія экзерциціи сдѣлались пріятнымъ и моднымъ препровожденіемъ времени для легковѣрныхъ людей не только въ столицахъ, но и въ провинціи, — въ послѣдней даже въ большей степени. Такъ, по Вагнеру, медіумическіе сеансы происходили въ 1853 въ Херсонѣ, Воронежѣ, Уфѣ и другихъ городахъ, гдѣ ими увлекались лица, видныя по своему общественному положенію [3]).

Пробужденіе серьёзнаго интереса къ спиритизму относится къ началу 60 годовъ, когда на сторонѣ спиритизма оказались такіе серьёзные ученые, какъ авторъ «Толковаго Словаря», писатель В. И. Даль, профессоръ Юркевичъ, извѣстный математикъ и академикъ М. В. Остроградскій и др. Въ это же время глава русскаго спиритическаго движенія Ал. П. Аксаковъ предпринялъ рядъ популярно-научныхъ статей съ цѣлію ознакомленія русской публики съ спиритическимъ движеніемъ и привлеченія сочувствія къ нему. В. И. Даль изрѣдка помогалъ ему въ переводахъ спиритическихъ сочиненій, Юркевичъ, внимательно изучавшій сочиненія американскаго мистика-спирита Дэвиса, хлопоталъ, хотя и безуспѣшно, объ устраненіи цензурныхъ препятствій къ обнародованію трудовъ Аксакова. Однако, литературно-научная популяризація спиритизма, несмотря на всѣ хлопоты Аксакова, не удалась, послѣ чего онъ перенесъ свою дѣятельность въ Германію, гдѣ и издаетъ съ 1874 журналъ, «Psychische Studien».

Значительное оживленіе въ области спиритическаго движенія начинается со времени прибытія въ Россію знаменитаго медіума Дан. Юма [1]). Въ 1870 году Юмъ далъ въ С.-Петербургѣ три сеанса предъ ученою комиссіею, собранною для изслѣдованія происходящихъ въ его присутствіи явленій. Эти сеансы не привели къ положительнымъ результатамъ; явленія большею частью не удавались, и комиссія должна была разойтись, не узнавши ничего существенно-важнаго о смыслѣ и характерѣ явленій. Однако, сеансы Юма дали толчокъ движенію и вызвали въ публикѣ увлеченіе спиритизмомъ. Въ началѣ 1872 года Юмъ снова прибылъ въ Россію и давалъ сеансы въ присутствіи Аксакова и профессоровъ С.-Петербургскаго университета Бутлерова и Вагнера, а равно пріѣзжавшаго изъ Москвы проф. Юркевича. Послѣ этого Бутлеровъ и Вагнеръ, оба—выдающіеся ученые, стали не только ревностными прозелитами, но и вліятельными распространителями новаго ученія. Они немедленно сообщили въ цѣломъ рядѣ статей о своихъ наблюденіяхъ въ области медіумизма. Сообщенія ихъ, особенно Вагнера, произвели большой эффектъ въ публикѣ и вызвали остроумныя и мѣткія нападки фельетонной печати, оживленную полемику на страницахъ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ, и въ спиритическихъ кружкахъ самыя сангвиническія ожиданія.

Въ началѣ 1875 г. прибылъ въ Россію медіумъ Бредифъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ давалъ въ С.-Петербургѣ сеансы, на которыхъ присутствовали Вагнеръ и Аксаковъ. Эти сеансы часто посѣщались Бутлеровымъ, Полонскимъ, Цебриковой и другими извѣстными лицами. По разсказамъ Вагнера, необразованный и невѣжественный французъ Бредифъ на своихъ сеансахъ произносилъ цѣлыя фразы изъ твореній Гете и другихъ незнакомыхъ ему авторовъ, а разъ на вопросъ одного изъ участниковъ сеанса отвѣтилъ строфою

[1]) «В. и Раз.» 1886 г., кн. 18, стр. 306.
[2]) «Странникъ» 1884 г., т. 1, стр. 627.
[3]) См. «Русск. Вѣстн». 1876 г., т. 119, стр. 928—931.

[1]) Первый разъ онъ былъ въ С.-Петербургѣ въ 1858 году, гдѣ и женился на сестрѣ одной русской графини. Спиритическая литература (у Перти, Вагнера и др.) сообщаетъ о немъ много удивительныхъ фактовъ: еще будучи дитятей, онъ разговаривалъ съ духами, часто слышалъ небесную музыку; его колыбель качалась сама собою, и его игрушки сами приближались къ нему. Во время своихъ путешествій по разнымъ государствамъ онъ приводилъ въ изумленіе самыхъ ярыхъ скептиковъ необычайными явленіями, происходившими въ его присутствіи.

философскихъ стиховъ Гете, которая касалась самыхъ тонкихъ психологическихъ движеній совопросника, совершенно неизвѣстныхъ медіуму. На сеансахъ былъ вызываемъ духъ Шопенгауэра и другихъ великихъ людей [1]).

Такъ какъ спиритизмъ все болѣе привлекалъ къ себѣ вниманіе общества, вызывая не только любопытство, но и увлеченіе, то въ томъ же 1875 году физическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ, по инціативѣ проф. Менделѣева, признало необходимымъ заняться изученіемъ спиритическихъ явленій. А. Н. Аксаковъ любезно предложилъ свои услуги по организаціи явленій: имъ были приглашены три англійскихъ медіума: братья Петти и госпожа Клайеръ. Въ составъ ученой комиссіи, открывшей свои занятія подъ предсѣдательствомъ Менделѣева, вошли: Петрушевскій, Краевичъ, Квитка, Мясоѣдовъ, Фанъ-деръ-Флитъ, Вагнеръ, Бутлеровъ, Аксаковъ и др. Несмотря на точное соблюденіе комиссіей предъявленныхъ медіумами условій, нерѣдко деспотически подавлявшихъ свободу изслѣдованія, сеансы шли неудачно, и комиссія большинствомъ голосовъ, пришла къ отрицательнымъ результатамъ: спиритическія явленія она признала результатомъ безсознательныхъ мышечныхъ движеній участниковъ сеанса, частью сознательнаго обмана медіумовъ, а самый спиритизмъ назвала суевѣріемъ. Это заключеніе ученой комиссіи не ослабило спиритическаго движенія. Среди членовъ комиссіи нѣкоторые (Бутлеровъ и Вагнеръ) остались при своемъ мнѣніи относительно реальности явленій и пытались выяснить ихъ факторы, а Аксаковъ предпринялъ полемику противъ заключеній комиссіи.

Новому оживленію спиритическаго движенія содѣйствовали сеансы американскаго медіума г. Слэда, данные въ С.-Петербургѣ въ 1878 г. Интересъ къ спиритизму и увлеченіе имъ продолжались и и въ 80 годахъ, что и дало поводъ русскимъ спиритамъ ходатайствовать въ 1881 году объ основаніи такъ называемаго Спиритуалистическаго общества для изслѣдованія медіумическихъ явленій [2]). Это ходатайство не увѣнчалось успѣхомъ. Прибытіе въ С.-Петербургъ въ 1886 году медіума Эглинтона еще разъ на время оживило спиритическое движеніе. Послѣ этого замѣчается ослабленіе интереса къ спиритизму, хотя еще въ 1893 году проф. Вагнеръ на страницахъ «Новаго Времени» защищалъ спиритизмъ, чѣмъ и вызвалъ обмѣнъ мнѣній въ литературѣ. Въ 1894 году медіумъ Самборъ давалъ сеансы въ С.-Петербургѣ, но уже не имѣлъ успѣха своихъ предшественниковъ [3]). О состояніи спиритизма въ наши дни можно судить на основаніи сообщеній журнала «Ребусъ», по которымъ спиритическіе сеансы регулярно происходятъ въ Варшавѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ, хотя, какъ кажется, ограничиваются незначительными кружками. Кромѣ того, разсказы о разныхъ привидѣніяхъ и призракахъ, двойникахъ, явленіяхъ умершихъ, о безпокойныхъ домахъ, въ которыхъ происходятъ самопроизвольныя медіумическія явленія, служатъ любимою темою для разговоровъ въ обществѣ и матеріаломъ для литературныхъ произведеній. Во многихъ городахъ и селеніяхъ часто указываются дома, подверженные таинственнымъ явленіямъ, которыя большею частію приписываются душамъ умершихъ. Отсюда ясно, что спиритизмъ, хотя и ослабѣлъ въ наши дни, но не заглохъ окончательно и снова можетъ дать почувствовать свое существованіе. (См. ст. преп. Моск. Д. Сем. М. Вержболовича: «Спиритизмъ предъ судомъ науки и христіанства», помѣщ. въ «Душеп. чтеніи» 1900 г., май, стр. 24—34).

Б. **Медіумизмъ въ научныхъ трудахъ по психологіи.**

Медленнымъ, но твердымъ шагомъ медіумизмъ идетъ впередъ и занимаетъ мѣсто въ ряду научныхъ вопросовъ. Стародавнее явленіе, извѣстное подъ именемъ *одержанія*, стало поддаваться научному изслѣдованію со времени открытія искусственнаго сомнамбулизма и «измѣненія личности», наступающихъ въ магнитическомъ снѣ. Оно уже давно описывалось и изучалось магнитизерами, но ихъ и слушать не хотѣли. Еще менѣе хотѣли слушать объ этихъ «измѣненіяхъ», наступающихъ въ медіумическомъ трансѣ. Гипнотизмъ круто повернулъ дѣло. Автоматическое письмо, автоматическая рѣчь стали изучаться, какъ явленія «раздвоенія личности». (См. Janet, „L'automatisme psychologique", Труды Лонд. Общ. псих. явленій и др. соч.). Извѣстный американскій психологъ, профессоръ Гарвардскаго университета, — *Уилльямъ Джэмсъ*, въ капитальномъ трудѣ своемъ «Основы психологіи», появившемся въ 1890 г. и обратившемъ на себя особенное вниманіе компетентныхъ критиковъ, отводитъ особую рубрику и «медіумизму или одержанію» [1]), въ главѣ о личности и ея измѣненіяхъ. Говоря о различныхъ степеняхъ раздвоенія личности, онъ прибавляетъ: «на основаніи многихъ наблюденій надъ однимъ медіумомъ, говорящимъ въ трансѣ, я лично убѣдился, что «одержащая личность» («control») можетъ быть совершенно отлична отъ сознательнаго *я* медіума въ бодрственномъ его состояніи». Но Джэмсъ идетъ еще далѣе, онъ говоритъ: «многія лица нашли вполнѣ доказаннымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ «одержаніе»

[1]) «Русск. Вѣстн.» 1876 г., т. 119, стр. 922--925.

[2]) См. «Прав. об.» 1881 г., т. 2, стр. 512.

[3]) О сеансахъ того же Самбора, данныхъ въ январѣ текущаго года въ С.-Петербургѣ, своевременно сообщалось въ газетахъ. См. «Русск. Лист.» янв. 1900 г. № 13, 17 и др.

[1]) По нашему личному мнѣнію, медіумизмъ и одержаніе далеко не одно и то же. Одержаніе принято относить къ злому духу, какъ причинѣ; медіумизмъ есть особая, еще не изслѣдованная достаточно форма раздвоенія личности человѣка.

Свящ. Г. Д—ко.

(«control»), дѣйствительно, идетъ отъ заявляющаго себя духа отшедшаго... Случай съ Лоренси Венномъ (Lorancy Vennum) представляетъ, пожалуй, высшую степень, какую только можно найти, подобнаго современнаго «одержанія».

Нѣсколько позднѣе Джэмсъ напечаталъ сокращенное изданіе своихъ «Основъ психологіи» подъ заглавіемъ: «Text book of Psychology»; это послѣднее только что появилось въ русскомъ переводѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ. *Уилльямъ Джэмсъ, профессоръ Гарвардскаго университета. Психологія. Переводъ съ англійскаго И. И. Лапшина. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Философское значеніе психологическихъ воззрѣній Джэмса“.*

Въ этомъ изданіи (стр. 165 — 167) Джэмсъ нашелъ нужнымъ повторить, съ нѣкоторыми сокращеніями, все существенное, сказанное имъ о медіумизмѣ. Приводимъ это мѣсто.

«Въ медіумизмѣ наступленіе и исчезновеніе вторичнаго состоянія совершается довольно внезапно; это состояніе бываетъ, обыкновенно, непродолжительнымъ — отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ часовъ. Если вторичное состояніе выразилось въ достаточно сильной степени, то, придя въ нормальное состояніе, паціентъ совершенно утрачиваетъ всякое воспоминаніе о происходившемъ во время «транса». Испытуемый субъектъ въ теченіе вторичнаго состоянія говоритъ, пишетъ или дѣйствуетъ, какъ будто онъ былъ одушевленъ посторонней личностью, и часто называетъ себя инымъ лицомъ и разсказываетъ его исторію. Это чуждое, «вліяющее» начало въ старину называлось, обыкновенно, «демонъ» и называется такъ и теперь въ нѣкоторыхъ религіозныхъ сектахъ, придерживающихся этого вѣрованія. Обыкновенно оно выдаетъ себя за духа нѣкоего умершаго лица, извѣстнаго или неизвѣстнаго присутствующимъ, и въ такихъ случаяхъ паціентъ является, такъ называемымъ, «медіумомъ». Медіумическое состояніе во всѣхъ его степеняхъ представляетъ, повидимому, особый вполнѣ естественный видъ измѣненія личности, и въ нѣкоторыхъ формахъ воспріимчивость къ нему составляетъ далеко не исключительное явленіе у лицъ, не представляющихъ въ другихъ отношеніяхъ никакихъ бросающихся въ глаза аномалій. Явленіе это очень сложно, и его лишь недавно начали изучать строго научнымъ образомъ. Слабѣйшую степень медіумическаго состоянія представляетъ автоматическое письмо; слабѣйшимъ проявленіемъ послѣдняго являются тѣ случаи, когда субъектъ сознаетъ тѣ слова, которыя пишетъ, но чувствуетъ какой-то внѣшній импульсъ, принуждающій его писать. Далѣе слѣдуетъ безсознательное письмо, производимое даже во время чтенія или разговора. Къ низшимъ фазамъ медіумизма относятся также рѣчь и игра на музыкальныхъ инструментахъ «подъ наитіемъ»; здѣсь также нормальная личность субъекта сознательно принимаетъ участіе въ рядѣ дѣйствій, хотя ихъ иниціатива исходитъ какъ-будто откуда-то со стороны. Въ высшей фазѣ наступаетъ полный трансъ: видоизмѣняются въ медіумѣ голосъ, характеръ рѣчи etc., и при пробужденіи не сохраняется о минувшемъ трансѣ никакихъ воспоминаній до наступленія новаго транса. Характернымъ свойствомъ рѣчей, произносимыхъ медіумами въ трансѣ, является ихъ общее сходство у различныхъ индивидовъ. У насъ, въ Америкѣ, «одержаніе» обнаруживается особенно часто въ видѣ курьезной болтливой личности, говорящей на своеобразномъ жаргонѣ, въ видѣ «индѣйца», который называетъ дамъ — «squaw's», мужчинъ — «brawe's», домъ — wigwam» etc; иногда попадается личность «интеллигентная», болѣе высокаго полета — тогда ея рѣчь переполнена туманнымъ, водянистымъ философствованіемъ оптимистическаго пошиба, въ которомъ на каждомъ шагу встрѣчаются фразы о духѣ, гармоніи, красотѣ, законѣ, прогрессѣ, развитіи etc. Несмотря на разнообразные характеры медіумовъ, добрая половина рѣчей, произносимыхъ ими въ трансѣ, до того стереотипна, что, кажется, будто всѣ онѣ принадлежатъ одному автору. Медіумическій трансъ въ началѣ неотличимъ отъ дѣйствій гипнотическаго внушенія. Испытуемый субъектъ входитъ въ роль медіума просто потому, что присутствующіе ожидаютъ отъ него дѣйствій, соотвѣтствующихъ данной обстановкѣ. Наклонность производить эти дѣйствія онъ вызываетъ въ себѣ съ большею или меньшею быстротою, соотвѣтственно своей впечатлительности. Странно только то обстоятельство, что лица, незнакомыя со спиритическими традиціями, въ состояніи транса производятъ то же самое, говорятъ отъ имени умершихъ, переживаютъ эмоціи своихъ предсмертныхъ агоній, сообщаютъ свѣдѣнія о своей счастливой жизни въ «странѣ вѣчнаго лѣта» и изобличаютъ недостатки у лицъ, участвующихъ въ сеансѣ.

Я не имѣю никакой теоріи, которую могъ бы дать для объясненія многихъ фактовъ, видѣнныхъ собственными глазами. Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ однимъ медіумомъ въ состояніи транса, что «контроль» можетъ быть совершенно непохожимъ на нормальную личность субъекта. Могу указать на одинъ случай, гдѣ «духомъ» былъ нѣкій французскій докторъ, который, какъ я убѣдился, зналъ всевозможныя обстоятельства, а также живыхъ и умершихъ родныхъ и знакомыхъ безчисленнаго множества участниковъ сеансовъ, которыхъ женщина-медіумъ никогда не встрѣчала прежде и не знала даже по имени. Я высказалъ мое голословное, не подтвержденное никакими доказательствами мнѣніе по этому вопросу не ради того, чтобы склонять другихъ въ пользу моихъ взглядовъ, но вслѣдствіе убѣжденія, что

серьезное изученіе явленій транса представляется крайне важнымъ для психологіи. Я надѣюсь, что мое личное заявленіе такого рода побудитъ, можетъ-быть, двухъ-трехъ читателей подвергнуть изслѣдованію эту область явленій, которую, такъ называемые, «жрецы науки» обыкновенно не удостоиваютъ вниманія». (*А. Аксаковъ*; см. «Ребусъ» 1897 г., № 1).

В. Матеріалы для изученія психическихъ явленій (проф. Леметра).

Чтобы придать своему изложенію болѣе опредѣленности, я раздѣлю наблюдавшіяся нами явленія на пять категорій, которымъ не слѣдуетъ, однако, придавать слишкомъ безусловнаго значенія, такъ какъ одно и то же явленіе, смотря по взглядамъ, можетъ быть причислено къ той или другой категоріи. Вотъ эти пять категорій или разрядовъ:

1) Явленія, которыя *могутъ* быть объяснены чтеніемъ въ мысляхъ или впечатлѣніяхъ присутствующихъ лицъ.

2) Явленія, которыя можно объяснить впечатлѣніями, нѣкогда испытанными медіумомъ въ его нормальной жизни.

3) Явленія, которыя невозможно объяснить ни чтеніемъ въ мысляхъ присутствующихъ, ни прежними впечатлѣніями медіума.

4) Воплощеніе (персонификація) умершихъ людей неизвѣстныхъ медіуму, но извѣстныхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ изъ присутствующихъ, и наконецъ,

5) Воплощеніе умершихъ лицъ неизвѣстныхъ ни медіуму, ни присутствующимъ.

Разсмотримъ теперь поближе явленія каждой изъ вышеприведенныхъ категорій.

1) *Явленія, которыя могутъ быть объяснены чтеніемъ въ мысляхъ присутствующихъ лицъ*. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, что я говорю: *могутъ быть объяснены*, а не необходимо объясняются, такъ какъ я не настаиваю здѣсь на той или другой гипотезѣ, а имѣю въ виду прежде всего факты. Этотъ разрядъ очень богатъ ими, и намъ нерѣдко приходилось присутствовать на сеансахъ, когда медіумъ до малѣйшей черты описывалъ умершаго родственника или близкаго человѣка, котораго никогда не зналъ и о которомъ никогда не слышалъ. Разумѣется, я принимаю во вниманіе лишь сеансы разумно веденные, когда присутствующіе малѣйшимъ намекомъ избѣгаютъ дать медіуму какія-нибудь указанія.

Передача мысли есть объясненіе въ высшей степени вѣроятное во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мнимый духъ говоритъ сообразно съ особеннымъ духовнымъ складомъ лицъ, составляющихъ кружокъ, то какъ ревностный католикъ, то какъ раціоналистъ, то какъ простой болтунъ, если только не приписывать воображенію медіума этихъ quasi — загробныхъ откровеній. Нерѣдко медіумъ обнаруживаетъ ваши сокровенныя мысли, о которыхъ онъ не имѣлъ раньше ни малѣйшаго подозрѣнія, и даже болѣе того, нерѣдко онъ открываетъ такія ваши мысли, которыми вы были заняты прежде, но о которыхъ въ данную минуту вы совсѣмъ не думаете. Вотъ примѣръ. Одинъ мой знакомый, очень мною любимый, по случаю своей болѣзни внушалъ мнѣ сильныя опасенія въ продолженіе двухъ дней, понедѣльника и вторника. Въ среду послѣдовало значительное облегченіе, а въ четвергъ онъ уже казался внѣ всякой опасности. Я навѣстилъ его еще въ пятницу и субботу, хотя онъ былъ совершенно здоровъ, но я не былъ у него въ воскресенье, день нашего сеанса. Ни медіуму, ни кому-нибудь изъ участниковъ сеанса ничего не было извѣстно относительно опасеній, внушенныхъ состояніемъ здоровья моего знакомаго, и я самъ больше объ этомъ не думалъ. Тѣмъ не менѣе, едва мы устроили сеансъ, какъ медіумъ замѣтилъ на моемъ плечѣ черный шаръ, величиною съ апельсинъ. Затѣмъ этотъ шаръ перемѣстился къ области сердца, а за моими плечами неясно обрисовалася человѣческая фигура. Шаръ скоро принимаетъ форму сердца, сначала чернаго, потомъ краснаго, съ разрывомъ внизу, что заставило медіума заявить, что человѣкъ, котораго онъ видитъ, вѣроятно, сильно боленъ. Впослѣдствіи этотъ господинъ, совершенно незнакомый медіуму, умеръ отъ болѣзни сердца.

По поводу этого и другихъ сходныхъ случаевъ я замѣчу, во-первыхъ, что если медіумъ и читалъ въ моихъ мысляхъ, то это не были мои настоящія мысли, а прошедшія.

Во-вторыхъ, что мнѣ вовсе не приходило въ голову представлять свои опасенія въ формѣ чернаго шара, превращающагося въ сердце. У нашего медіума очень часто получаются сообщенія въ символической или аллегорической формѣ, что было весьма обыкновеннымъ способомъ выраженія мыслей въ древней Греціи и Римѣ, особенно же на востокѣ, откуда вышелъ и самый спиритизмъ.

2) Не останавливаясь на примѣрахъ второй категоріи, могущихъ быть объясненными давними впечатлѣніями медіума, перехожу къ слѣдующимъ.

3) Къ третьей категоріи мы отнесли явленія, которыя не могутъ быть объяснены ни чтеніемъ въ мысляхъ присутствующихъ лицъ, ни впечатлѣніями, нѣкогда испытанными медіумомъ. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ этой категоріи. Медіумъ видитъ насъ какъ бы въ утреннемъ туманѣ, пронизанномъ лучами солнца. Въ то же самое время онъ ощущаетъ очень сильный запахъ сѣры. Затѣмъ возлѣ окна обрисовывается крупная человѣческая фигура. Это человѣкъ, возлѣ котораго находятся три большихъ каменныхъ глыбы, изъ которыхъ одна, по словамъ медіума, величиною съ наше фортепіано, двѣ другихъ величиною съ кресло. Крупный человѣкъ сидитъ

на одномъ изъ камней, упираясь ногами въ другой и прислонясь спиною къ самому большому. Одежду его трудно разсмотрѣть, но у него свѣтлые глаза и волосы. Теперь (продолжаетъ медіумъ описывать свои впечатлѣнія) онъ поворотился къ намъ спиною и смотритъ на гору, вѣроятно, Салевъ. На головѣ его нѣтъ шапки. Правою рукою онъ показываетъ на подошву горы. Столъ приходитъ въ движеніе и выстукиваетъ слѣдующую фразу: «это я, это Жанъ». Затѣмъ слѣдуетъ небольшая пауза, въ продолженіе которой мы спрашиваемъ себя: о какомъ это Жанѣ тутъ идетъ рѣчь? Столь снова приходитъ въ движеніе и диктуетъ: «Жанъ Ле-Карьеръ». Мы спрашиваемъ, есть ли это фамилія или названіе ремесла этого никому неизвѣстнаго Жана? На это намъ отвѣчено, что ле карьеръ означаетъ профессію. Затѣмъ столъ передаетъ: «скажите ей, что съ недавняго времени я имѣю удовольствіе ее видѣть». — «Кого видѣть», спрашиваемъ мы, «не медіума ли?» — «Нѣтъ». Затѣмъ мы стали называть по очереди всѣхъ присутствующихъ, на что неизмѣнно получали отрицательный отвѣтъ. Тогда мы спросили, не относится ли это къ кому-нибудь изъ бывающихъ въ этомъ домѣ, на что было отвѣчено утвердительно и добавлено: «она сама вамъ разскажетъ, кто я такой».

Медіумъ спрашиваетъ у насъ, не есть ли та часть горы, которую онъ видитъ передъ собою, Большой Салевъ (гдѣ медіумъ никогда не бывалъ раньше)?

Человѣкъ же по прежнему неподвижно сидитъ на томъ же мѣстѣ, а столъ сообщаетъ: «скажите ей, что я очень радъ буду видѣть ее здѣсь, посреди васъ. Жанъ ле карьеръ». Но къ кому же, наконецъ, относится это сообщеніе, спрашиваемъ мы вторично, не къ кому ли нибудь изъ присутствующихъ? Столъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, я ее здѣсь не вижу». Изъ дальнѣйшихъ нашихъ вопросовъ, однако, выясняется, что Жанъ былъ камнетесомъ въ Салевѣ, а особа, интересующая его, — г-жа Надо, знакомая мнѣ дама, которая иногда присутствовала на нашихъ сеансахъ, но которую медіумъ никогда не встрѣчалъ въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ ея не было съ нами и изъ насъ, четырехъ присутствующихъ, не было никого, кто бы когда-нибудь слышалъ о Жанѣ Карьерѣ и объ его отношеніи къ г-жѣ Надо. Оставалось провѣрить справедливость этого сообщенія. Дня три спустя я видѣлся съ г-жею Надо и спросилъ, не знаетъ ли она загадочную личность, проявившуюся на нашемъ сеансѣ. Оказалось, что видѣніе медіума было справедливымъ до малѣйшихъ подробностей. Личность, видѣнная медіумомъ, оказалась нѣкимъ Жаномъ Боне (я называю настоящее его имя, тогда какъ г-жа Надо—псевдонимъ). Еще дѣвочкой, въ періодъ отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, она очень хорошо знала этого Жана Боне, который былъ работникомъ у ея отца, также занимавшагося каменоломнымъ дѣломъ и жившаго въ деревнѣ N., гдѣ родилась г-жа Надо. Жанъ Боне, какъ хорошо помнитъ г-жа Надо, никогда не носилъ шапки, а только изрѣдка надѣвалъ небольшой колпакъ. Онъ былъ съ просѣдью, высокаго роста, съ широкими плечами и одаренъ геркулесовскою силою. Онъ лишился дочери, дѣвочки однихъ лѣтъ съ г-жою Надо, которую послѣдняя часто навѣщала во время ея предсмертной болѣзни, чѣмъ и объясняется привязанность Жана къ г-жѣ Надо, которую онъ однажды въ какой-то праздникъ принесъ на своихъ плечахъ на самую вершину Салева. Запахъ сѣры, ощущавшійся медіумомъ въ началѣ сеанса, имѣетъ свое основаніе въ пропитанныхъ сѣрою фитиляхъ, употребляемыхъ при каменоломныхъ работахъ, и г-жа Надо очень хорошо помнитъ цѣлые вороха такого фитиля у своего отца въ его каменоломнѣ. Что касается прозвища: *карьеръ*, то оно имѣетъ также свое основаніе. Г-жа Надо сообщила мнѣ, что въ каменоломняхъ работники раздѣляются на различныя спеціальности, смотря по роду своихъ занятій, и слово *карьеръ* было названіемъ одной изъ такихъ спеціальностей.

По поводу этого примѣчательнаго сеанса позволю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній, которыя прежде всего рекомендую вниманію моихъ собратьевъ-скептиковъ.

Г-жа Надо, уважаемая особа несомнѣнной честности и правдивости, самымъ положительнымъ образомъ увѣряетъ, что она никогда никому изъ насъ не разсказывала объ этомъ Жанѣ Боне, о которомъ она уже около 20-ти лѣтъ и сама давно позабыла, и о существованіи котораго мы никогда бы не узнали, если бы медіумъ не увидѣлъ его въ своемъ видѣніи. Слѣдовательно, ни въ собственныхъ своихъ воспоминаніяхъ, ни въ воспоминаніяхъ трехъ остальныхъ присутствовавшихъ на сеансѣ лицъ, медіумъ не могъ безсознательно почерпнуть подробностей своего видѣнія.

Другое мое замѣчаніе заключается въ томъ (никакая мелочь не будетъ излишня, когда дѣло идетъ о такомъ глубоко загадочномъ по своей природѣ фактѣ), что г-жа Надо въ день и часъ нашего сеанса проходила по одной улицѣ, находящейся въ разстояніи около 500 метровъ отъ моего дома, и что она задавала себѣ въ это время вопросъ, есть ли у насъ сегодня собраніе? Отсюда можно вывести, правда, довольно смѣлую гипотезу, что при посредствѣ эфира мозговыя колебанія, соотвѣтствовавшія извѣстной мысли, могли передаться изъ мозга г-жи Надо въ мозгъ медіума. Къ несчастію, г-жа Надо не могла съ точностью опредѣлить время, когда она проходила по близости насъ.

Даже допустивъ подобное предположеніе, сколько непроходимыхъ затрудненій представляетъ мысль, чтобы посредствомъ эфира могло передаться въ мозгъ медіума воспоминаніе, давно по-

гребенное въ пучинѣ забвенія. Замѣтимъ еще, что въ настоящемъ случаѣ чувства обонянія было аффектировано раньше другихъ чувствъ: запахъ сѣры предшествовалъ виду каменоломни. Точно также бывали случаи, когда чувство слуха аффектировалось прежде другихъ чувствъ, но въ большинствѣ случаевъ первенство принадлежало зрительному чувству.

4) Перехожу теперь къ четвертой категоріи, которую мы озаглавимъ: *Воплощеніе (персонификація) умершихъ людей* [1], *неизвѣстныхъ медіуму, но извѣстныхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ изъ числа присутствующихъ.* Выраженіе *воплощеніе*, конечно, можно оспаривать, но я не нашелъ лучшаго выраженія для того особаго состоянія, въ продолженіе котораго медіумъ какъ бы перестаетъ быть самимъ собою и воспроизводитъ съ совершенною точностью манеры, жесты, голосъ и, до извѣстной степени, даже черты умершаго лица. Въ продолженіе года я былъ свидѣтелемъ четырехъ воплощеній умершихъ лицъ, совершенно неизвѣстныхъ медіуму, но извѣстныхъ одному или двумъ лицамъ изъ числа присутствовавшихъ. Однажды это была мать одного изъ присутствовавшихъ, извѣстная ему лишь одному и воспроизведенная, по словамъ этого лица, съ удивительною вѣрностью. Судя по довольно пространнымъ діалогамъ ея къ сыну, это, вѣроятно, была женщина довольно живого нрава и любившая чистоту. Въ другой разъ проявилась также мать одного изъ присутствовавшихъ, но такъ какъ я не зналъ эту даму, которая оказалась настолько же несловоохотливою, насколько первая была болтлива, то я относительно ея сдѣлаю только два замѣчанія. 1) Въ положеніи руки медіума сынъ узналъ два пальца, характерно загнутые, какъ это дѣлала постоянно его мать. 2) Медіуму сильно захотѣлось войти въ комнату, сосѣднюю съ тою, гдѣ происходилъ нашъ сеансъ, и войдя туда, онъ долго смотрѣлъ на довольно простенькій комодъ. Оказалось, что этотъ комодъ былъ единственною мебелью, которая осталась у сына послѣ матери.

Я остановлюсь далѣе на воплощеніи одной дамы, которую я зналъ, и которая дважды, 17-го февраля и 12-го мая 1895 года, говорила устами медіума. Медіумъ совершенно не былъ знакомъ съ этою дамою и никогда ея не видѣлъ. Самособою разумѣется, что раньше, чѣмъ наступило воплощеніе (персонификація), медіумъ постепенно выходилъ изъ своего нормальнаго состоянія. Такъ, въ протоколѣ сеанса 17-го февраля, при первомъ олицетвореніи дамы, о которой я выше упомянулъ и которую буду называть г-жею Дюбуль, я отмѣтилъ въ состояніи медіума слѣдующіе постепенные фазисы. Рука его сначала отяжелѣла и сдѣлалась нечувствительна. Онъ заявляетъ, что чувствуетъ давленіе въ вискахъ; вскорѣ онъ засыпаетъ. Наконецъ, онъ пересталъ насъ слышать, глаза неподвижны и зрачки расширены, такъ что поднесенная къ самому глазу зажженная спичка не производитъ никакой реакціи. Было 8 час. 40 минутъ; мы спрашиваемъ: видитъ ли медіумъ кого-нибудь? Отвѣтъ посредствомъ стуковъ: да —Кого?— «Г-жу Дюбуль». Мы хотимъ продолжать наши вопросы, но столъ сообщаетъ: тише! Мы ждемъ. Въ 9 час. 17 минутъ медіумъ склоняется немного къ г-ну Дюбуль и поднимаетъ лѣвую руку, какъ бы собираясь говорить, но, спустя двѣ минуты, рука снова падаетъ. Въ 9 час. 22 мин. медіумъ встаетъ, переходитъ въ смежную комнату, затѣмъ возвращается. Отъ 9 час. 30 мин. до 9 час. 45 мин. медіумъ бесѣдуетъ съ г-номъ Дюбуль. Разговоръ носитъ слишкомъ частный характеръ, чтобы можно было его здѣсь передать, скажу только, и это главное, что какъ я, такъ и г-нъ Дюбуль совершенно признали какъ манеру, жесты, такъ и особенный характерный звукъ голоса, свойственные г-жѣ Дюбуль при жизни. Немного позже (въ 10 часовъ) медіумъ просыпается. Мы спрашиваемъ его, не видѣлъ ли онъ чего-нибудь во снѣ? — Да, отвѣчаетъ медіумъ, я видѣлъ даму, которая по временамъ казалась возлѣ меня, временами же казалась мною самимъ. Я не могу въ точности объяснить вамъ этого впечатлѣнія.

При слѣдующемъ олицетвореніи той же дамы, спустя три мѣсяца послѣ описаннаго случая, медіумъ велъ себя подобнымъ же образомъ, и какъ я, такъ и г-нъ Дюбуль опять узнали голосъ, манеры и жесты г-жи Дюбуль съ тою единственною разницею, что на этотъ разъ, послѣ своего пробужденія, медіумъ не сохранилъ никакихъ воспоминаній.

Отсюда слѣдуетъ, что медіумъ способенъ отрѣшиться отъ своей личности въ такой степени, что становится способнымъ изобразить состояніе души умершаго лица съ удивительнымъ совершенствомъ. Откуда почерпаетъ онъ такую способность, которой можетъ позавидовать даже великій актеръ, въ родѣ г-на Коклена? Несмотря на то, что онъ не зналъ изображаемой личности, онъ, тѣмъ не менѣе, воскрешаетъ ее въ выраженіи лица, складѣ рѣчи, манерахъ, жестахъ и голосѣ, свойственныхъ ей при жизни, которые тотчасъ же признаютъ какъ мужъ, такъ и всѣ знавшіе ее при жизни. Гдѣ же пребываетъ внѣ человѣческаго тѣла это *нѣчто*, что можетъ говорить какъ человѣкъ, какъ женщина?

5) Согласно предположенной нами программѣ, остается разсмотрѣть послѣднюю категорію явле-

---

[1] Здѣсь мы должны оговориться, что подобное выраженіе лично нами не одобряется, такъ какъ никакого «воплощенія» умершихъ мы не признаемъ, допуская только временное явленіе по попущенію Божію умершихъ въ видимомъ образѣ для достиженія какихъ-либо важныхъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, напр., обличенія матеріалистическаго невѣрія въ загробную жизнь. Описываемыя же здѣсь явленія могутъ быть объяснены или загадочнымъ раздвоеніемъ личности медіума, или его ясновидѣніемъ, въ связи съ безсознательнымъ гипнотическимъ внушеніемъ. *Прот. Г. Д—ко.*

ній, а именно: *воплощеніе лицъ неизвѣстныхъ ни медіуму, ни присутствующимъ*. Здѣсь идетъ рѣчь о лицахъ, умершихъ давно, часто нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Намъ приходилось наблюдать очень интересныя воплощенія лицъ, жившихъ въ эпоху Людовика XVI и революціи, но, къ сожалѣнію, такъ какъ дѣло здѣсь касается и нѣкоторыхъ еще живущихъ лицъ, то мы лишены возможности распространиться здѣсь объ этихъ случаяхъ; эта же причина лишаетъ насъ возможности сообщенія самыхъ интересныхъ изъ наблюдавшихся нами явленій. Я остановлюсь здѣсь на не менѣе интересномъ воплощеніи молодой дѣвушки, жившей въ Аравіи въ концѣ XIV вѣка и сдѣлавшейся въ 1401 году женою индійскаго принца или раджи. Дѣвушку звали Симадини, а принца Сиврука Найяса. Они жили преимущественно въ г. Чадрагири провинціи Канара, въ Индостанѣ. Когда умеръ Сиврука, бѣдная Симадини должна была испытать участь знатныхъ индусскихъ вдовъ: она была сожжена на кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ своего мужа.

Что вы думаете, читатель, объ этой драмѣ, происшедшей въ отдаленную эпоху въ одномъ изъ наименѣе извѣстныхъ уголковъ англійской Индіи? Не плодъ ли это воображенія медіума, или же мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ? И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не слѣдуетъ ли полагать, что медіумъ лишь олицетворилъ то, что онъ создалъ въ своемъ воображеніи или вычиталъ въ какомъ-нибудь историческомъ сочиненіи? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, разсмотримъ обстоятельнѣе самые факты.

Прежде всего необходимо замѣтить, что въ исторіи Симадини, точно такъ же, какъ и въ другомъ еще болѣе богатомъ интересными подробностями фактѣ воплощенія, но котораго по вышеупомянутымъ причинамъ я не могу здѣсь передать, явленія воплощенія или олицетворенія, происходившія въ продолженіе многихъ сеансовъ, не слѣдовали обычному, привычному для насъ порядку. Когда разсказываютъ жизнь какого-нибудь лица, то слѣдуютъ обыкновенно хронологическому порядку: отъ дѣтства переходятъ къ юности, затѣмъ къ зрѣлому возрасту и, наконецъ, къ старости. Совершенно наперекоръ этому обычному порядку, нашъ медіумъ олицетворилъ Симадини сначала на кострѣ, на сеансѣ, 10-го марта 1895 г., затѣмъ Симадини супругу—7-го апрѣля 1895 г. и послѣдующихъ сеансахъ въ маѣ и іюнѣ, и, наконецъ, Симадини—дитя 27-го октября 1895 г. Правда, что мы имѣли сверхъ этого еще сеансы, на которыхъ проявлялась Симадини, но то были лишь отдѣльные эпизоды изъ ея жизни.

Другое замѣчаніе. Мы довольно долгое время оставались въ невѣдѣніи, дѣйствительно ли существовалъ когда-либо принцъ Сиврука Найяса и принцесса Симадини, дѣйствительно ли они жили въ Чадрагири и вступили въ бракъ въ 1401 году. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ одинъ изъ насъ открылъ, кажется, въ нашей публичной библіотекѣ старый, никѣмъ не читаемый томъ «Исторія Индіи Марлеса 1828 г.». Въ этомъ томѣ можно прочесть слѣдующія строки: «Канара и смежныя съ нею провинціи могутъ считаться Грузіею Индіи; тамъ, говорятъ, самыя красивыя женщины въ Индостанѣ. Чадрагири есть обширная крѣпость, построенная въ 1401 году раджею Сиврука Найяса». Слова эти находятся въ 1 томѣ, на стр. 268. Если Марлесъ правду говоритъ, то нужно думать, что дѣйствительно существовалъ индійскій принцъ Сиврука Найяса, который въ 1401 году построилъ въ провинціи Канара крѣпость Чадрагири. Что касается до имени его жены Симадини, то не думаю, чтобы удалось найти въ какомъ-нибудь сочиненіи упоминаніе о ней, и намъ, вѣроятно, никогда не удастся провѣрить, дѣйствительно ли она жила въ дѣтствѣ въ Аравіи, а въ зрѣлыхъ годахъ сдѣлалась жертвою костра.

Быть-можетъ, читатель скажетъ, что все это не что иное, какъ измышленія медіума. Чего проще: онъ вычиталъ въ старомъ сочиненіи нѣсколько строкъ, относящихся къ Сиврукѣ Найяса, придумалъ имя Симадини для его предполагаемой жены, при чемъ съ нѣкоторою правдоподобностью опредѣлилъ для этой бѣдной женщины обычную судьбу всѣхъ индійскихъ вдовъ — смерть на кострѣ — и дѣло въ шляпѣ.

Тѣмъ, которые захотятъ заподозрить добросовѣстность нашего медіума, я замѣчу, что въ сеансахъ, относящихся къ Сиврукѣ и Симадини, дѣло не ограничивалось однимъ видѣніемъ медіума, а происходило олицетвореніе и произносились цѣлыя фразы на языкѣ, близкомъ къ санскритскому, и притомъ такомъ мелодичномъ, что, если бы не существовало греческаго, я назвалъ бы этотъ языкъ самымъ благозвучнымъ изъ всѣхъ языковъ человѣчества. Насколько было возможно, мы записывали звучныя фразы Симадини и оріенталисты признали въ этихъ словахъ санскритскіе корни, но не всегда классическій санскритъ, что заставляетъ думать, что жена Сивруки (предполагая ея дѣйствительное существованіе) говорила на одномъ изъ многочисленныхъ нарѣчій Индостана.

Что же намъ думать объ этомъ индусскомъ разговорѣ? Попробуйте, если вы даже изучали языки, разговаривать свободно по-санскритски, разставлять правильно ударенія и притомъ вести разговоръ свободно, безъ принужденія, безъ всякаго колебанія и запинки. А между тѣмъ медіумъ, изъ устъ котораго такъ свободно лилась эта звучная санскритская рѣчь, совсѣмъ не знаетъ иностранныхъ языковъ, и никогда не изучалъ даже латинскихъ или греческихъ корней, а не то что санскрита!

Вотъ еще доводъ. Во время своихъ олицетвореній Симадини медіумъ жилъ жизнью древней Аравіи и Индіи съ такимъ совершенствомъ, что въ состояніи сконфузить знатока древняго востока. Молодою супругой она играетъ съ маленькою обезьяною, которую любитъ и ласкаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Mama Kana sour Mitidjo — Kana Mitidjo!» и когда та убѣгаетъ, она приподнимаетъ воображаемую портьеру, чтобы видѣть, куда она скрылась. Затѣмъ она снова ее беретъ, и сидя, по-мусульманскому обычаю, на коврѣ, она держитъ ее у себя на колѣняхъ. Вскорѣ входитъ Сиврука, который не понимаетъ, вѣроятно, возможности такъ глупо забавляться, и который обращается къ женѣ съ длинною рѣчью, на которую Симадини отвѣчаетъ: Adaprati tava Sivrouka... no simifo sinonyedo и т. д. Я не стану утомлять читателя изложеніемъ дальнѣйшихъ разговоровъ, и такъ какъ невозможно всего передать, я закончу сценою на кострѣ. Для уразумѣнія этой послѣдней сцены необходимо замѣтить, что въ то время, когда медіумъ олицетворяетъ какую-нибудь отшедшую личность, онъ весь принадлежитъ этой личности, за исключеніемъ мизинца руки, движеніемъ котораго медіумъ бесѣдуетъ съ нами посредствомъ условленнаго алфавита, точно такъ же, какъ бесѣдуютъ посредствомъ стола, только гораздо скорѣе. Теперь перенесемся мысленно на нашъ удачный сеансъ 10-го марта 1895 г. Четверть десятаго вечера. Медіумъ встаетъ. Мы задаемъ ему вопросы, и онъ отвѣчаетъ намъ движеніемъ мизинца, причемъ одно движеніе означаетъ — «да», а два движенія — «нѣтъ».

— «Видитъ ли Симадини костеръ»?—«Да».— «Зачѣмъ убѣгаетъ она, развѣ она уже на краю гибели»? — «Да». — «Есть ли тутъ люди, которые тащутъ ее на костеръ»?—«Да».—Находится ли на кострѣ трупъ». — «Да». — «Горитъ ли костеръ?»—«Нѣтъ».—Скоро ли его зажгутъ?»— «Скоро». — «Бросится ли вдова сама на костеръ?» — «Нѣтъ». — Бросятъ ли ее насильно?»—«Да».

Такъ какъ Симадини складываетъ въ это время умоляюще руки, то мы спрашиваемъ, не проситъ ли она о пощадѣ?

— «Да». — «Умретъ она?» — «Да». — «Скоро?» — «Да».—«Она упадетъ?» — «Да». — «Назадъ?» — «Нѣтъ». — «Впередъ?» — «Да». — «Зачѣмъ Симадини отступаетъ?» — «Потому что ее хватаютъ». Она поднимается на носки и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ этомъ неудобномъ положеніи. — «Ведутъ ли ее на костеръ?» — «Да». — «Положатъ ли ее на костеръ?» — «Нѣтъ». — «Оставятъ ли ее стоя?» — «Да». — «Не должны ли мы ее поддерживать?»—«Нѣтъ».

Продолжая все стоять на noскахъ, медіумъ то подвигается впередъ, то отступаетъ. Въ 9 ч. 30 м. Симадини внезапно падаетъ на колѣни и рыдаетъ, уткнувши голову въ кресло между руками. — «Не горитъ ли она уже?» — «Да». — «Скоро казнь окончится?» — «Да».

Дыханіе становится короткимъ и порывистымъ, и мы присутствуемъ при агоніи. — «Умерла ли вдова?» Нѣтъ отвѣта. — «Она въ агоніи?» — «Да». Затѣмъ въ продолженіе нѣкотораго времени дыханіе совсѣмъ останавливается. Затѣмъ очень глубокій вздохъ. — «Медіумъ теперь можетъ проснуться?» — Нѣтъ отвѣта. Нѣсколько минутъ спустя мы задаемъ тотъ же вопросъ и получаемъ отвѣтъ: — «Да». —«Страдаетъ ли онъ еще?» — «Да». — «Умерла ли вдова?» — «Да».

Въ 9 ч. 38 минутъ медіумъ встаетъ, затѣмъ, послѣдовательно переходя черезъ состоянія каталепсіи и летаргіи, приходитъ, наконецъ, въ себя. Онъ припоминаетъ, что видѣлъ человѣка на кострѣ и женщину, которую хотѣли бросить на костеръ, несмотря на ея сопротивленіе. Но онъ не можетъ припомнить, удалось ли преодолѣть ея сопротивленіе, или она спаслась отъ костра.

Эта послѣдняя подробность достойна вниманія. Нужно сопоставить ее съ впечатлѣніемъ, испытаннымъ медіумомъ во время перваго олицетворенія г-жи Дюбуль, когда ему казалось, что эта дама по временамъ находилась возлѣ него, временами же въ немъ самомъ. Отсюда слѣдуетъ, каково бы ни было наше представленіе о будущемъ субстанціальномъ или же чисто мысленномъ посмертномъ существованіи,—что призракъ видимъ медіумомъ въ нѣкоторыя минуты, по временамъ же проникаетъ или сливается съ нимъ, какъ бы по временамъ происходитъ родъ экстеріоризаціи и интеріоризаціи.

Было бы весьма важно узнать съ точностью, предшествуетъ ли экстеріоризація интеріоризаціи или слѣдуетъ за нею. Въ первомъ случаѣ слѣдовало бы заключить въ пользу спиритической гипотезы, а во второмъ въ пользу гипотезы психологической. Другими словами, или медіумъ проэктируетъ внѣ себя результаты своего чтенія чужихъ мыслей, свои историческія познанія, болѣе или менѣе скрытыя въ глубинѣ его памяти, или же онъ получаетъ изъ сверхчувственнаго источника, отъ безплотнаго духа, способнаго воплотиться во всемъ или въ части организма медіума—свои трансцендентныя познанія и свойства, которыми онъ временами обладаетъ.

Я воздержусь отъ разрубанія этого Гордіева узла, но замѣчу, что въ моихъ тетрадяхъ находятся образчики арабскаго письма, полученнаго нами на сеансахъ, и медіумическаго внѣ-земного (extra — terrestre) языка.

По-арабски медіумъ написалъ въ то время, когда находился въ одномъ изъ тѣхъ промежуточныхъ состояній, которыя нерѣдко приходилось у него наблюдать, когда онъ, сохраняя ясное сознаніе окружающихъ лицъ и обстановки, въ то же время обнаруживалъ признаки дополнительныхъ видѣній, соотвѣтствующихъ другой лич-

ности, которая на этотъ разъ, вѣроятно, была частичнымъ или неполнымъ воплощеніемъ Симадини. Вы, вѣроятно, помните, что молодая дѣвушка прежде, чѣмъ сдѣлалась женою индійскаго принца Сиврука Найяса, жила въ Аравіи. На сеансѣ, состоявшемся 27-го октября 1895 г., медіумъ, послѣ очень интересныхъ видѣній арабскихъ сценъ, обращается къ своему отцу (отцу Симадини) съ слѣдующими словами: «идите сюда, я хочу разговаривать съ вами», и минуту спустя онъ прибавляетъ: «ахъ, какой хорошенькій рисуночекъ!» Такъ какъ этотъ рисунокъ для насъ невидимъ, то мы, вручивъ медіуму листъ бумаги и карандашъ, просимъ срисовать этотъ рисунокъ. Медіумъ продолжаетъ: «какой хорошенькій зеленый листокъ! — отъ какого это растенія?» Затѣмъ нерѣшительно онъ осматриваетъ карандашъ и перебираетъ его пальцами, наконецъ, начинаетъ списывать какія-то письмена, совершенно незнакомыя намъ. Онъ говоритъ намъ, что это посланіе написалъ ему отецъ Симадини, послѣ чего медіумъ впалъ въ глубокій сонъ.

На другой же день я отнесъ одному ученому профессору тарабарскую грамоту, полученную нами, и въ которой мы предполагали арабское письмо, хотя оно и писано отъ лѣвой руки къ правой. И дѣйствительно, письмена оказались арабскими, съ правописаніемъ, употребляемымъ въ Сѣверной Африкѣ, причемъ профессоръ далъ намъ дословный переводъ полученнаго сообщенія.

Былъ ли это отецъ Симадини, представившій передъ глазами медіума арабскія письмена, которыя тотъ срисовалъ, или же медіумъ когда-нибудь имѣлъ ихъ передъ глазами, хотя и вскользь, но въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы впечатлѣніе это сохранилось въ какомъ-нибудь отдаленномъ уголкѣ мозга медіума? Все это покуда покрыто глубокимъ мракомъ. Какъ бы то ни было, все это на долгое время останется еще открытымъ полемъ для изслѣдователей въ области психизма.

Точно также куда слѣдовало бы отнести и то, мало знакомое даже оріенталистамъ, нарѣчіе санскритскаго языка, на которомъ такъ свободно объяснялся медіумъ? Я не думаю, чтобы медіумъ во время своей настоящей жизни слышалъ хоть пару словъ на этомъ санскритскомъ нарѣчіи. Пусть даже ему была извѣстна сотня, даже тысяча словъ, то и отсюда еще далеко до возможности такого бѣглаго, непринужденнаго и безошибочнаго разговора. Попробуйте выучить сотню, другую китайскихъ или испанскихъ словъ и побесѣдуйте съ китайцемъ или испанцемъ, не сдѣлавши ни одной ошибки, ни одного невѣрнаго ударенія, и вы сами убѣдитесь, легко ли это. (См. «Annales des Sc. psych.» 1897 г., № 2, сн. «Ребусъ» 1897 г., № 48—51).

Г. Взглядъ на спиритизмъ [1]).

(Карла дю-Преля).

Словомъ «спиритизмъ» обозначаютъ (хотя, будь сказано мимоходомъ, и не вполнѣ точно), нѣкое міровоззрѣніе, нашедшее себѣ за послѣднее время много послѣдователей, но которое опредѣлилось пока еще въ основныхъ только чертахъ, такъ что нельзя еще рѣшить, какую положительную форму приметъ оно со временемъ. Основными пунктами этого міровоззрѣнія можно назвать слѣдующіе: 1) безсмертіе человѣка, 2) вѣра, что умершіе, такъ называемые духи, могутъ быть для насъ видимыми при подходящихъ для этого условіяхъ, 3) вѣра, что эти духи имѣютъ, до нѣкоторой степени, возможность дѣйствовать въ нашемъ мірѣ.

Называя спиритизмъ новѣйшимъ американскимъ шарлатанствомъ, противники его доказываютъ только свое невѣжество; онъ скорѣе такъ же старъ, какъ само человѣчество, и составляетъ, не только въ смыслѣ простого вѣрованія въ безсмертіе, но даже въ той именно формѣ, въ какой мы знаемъ его теперь, существенную часть древней индійской философіи, равно какъ и александрійской философіи Ямвлиха, Порфирія, Плотина и т. д.; былъ онъ несравненно болѣе выработанъ въ средніе вѣка, чѣмъ теперь, въ видѣ и бѣлой и черной магій, никѣмъ въ тѣ времена не отвергаемыхъ. Послѣдняя изъ нихъ приписывалась колдунамъ и вѣдьмамъ.

Ученые, занимающіеся спеціальными отраслями естествознанія, очень склонны видѣть въ спиритизмѣ только обманъ и суевѣріе; тѣ же, напротивъ, которые ставятъ изученіе исторіи и философіи выше другихъ ограниченныхъ знаній, смотрятъ на него съ совершенно другой точки зрѣнія. Не простая же это случайность, что при появленіи спиритизма многіе нѣмецкіе философы, какъ-то: Фихте, Гофманъ, Ульрици, Перти, Геленбахъ, а въ послѣднее время и Эдуардъ фонъ-Гартманъ, тоже признающій реальность его фактовъ, хотя и объясняющій ихъ по своему, высказались въ пользу спиритизма.

Итакъ, если спиритизмъ основывается на фактахъ, т.-е. можетъ быть причтенъ къ числу наукъ, поддающихся изслѣдованію, то надо ожидать, что всѣ естествоиспытатели, лишь только они отдѣлаются отъ предвзятаго отвращенія къ занятію столь противнымъ для нихъ теперь предметомъ, необходимо выскажутся въ его пользу. Такъ оно и есть: тѣ изъ естествоиспытателей, которые добросовѣстно изслѣдовали спиритизмъ, всегда высказывались за него, тѣ-же, которые не хотѣли его изслѣдовать, становились на сторону его отрицателей. Къ числу первыхъ

[1]) Читатель не долженъ забывать, что спиритическая гипотеза входитъ, какъ часть, въ гипотезу медіумизма. См. первую статью этой главы.
Г. Д—ко.

принадлежатъ многіе знаменитые ученые. Называя между ними Крукса, Уоллэса, Цёльнера, Фехнера, Вебера, я упомянулъ только самыя извѣстныя имена, записанныя неизгладимыми буквами на страницахъ исторіи науки. Это равно вѣрно и по отношенію къ обыкновеннымъ смертнымъ; кто изъ нихъ хотя сколько-нибудь изучилъ и изслѣдовалъ эту область, несомнѣнно признаетъ реальность спиритическихъ явленій, тогда какъ можно биться объ закладъ, что отъ отрицателей ихъ всегда услышимъ, что они не изучали и не изслѣдовали этой области. Заслуживаетъ немалаго вниманія и тотъ фактъ, что между разъ убѣдившимися нѣтъ отступниковъ; я по крайней мѣрѣ ни одного такого не знаю.

При этихъ условіяхъ дѣло спиритизма быстро подвигается: число противниковъ его рѣдѣетъ, число приверженцевъ растетъ съ каждымъ днемъ. Всеобщее признаніе его есть только вопросъ времени, и мы можемъ еще надѣяться дожить до той минуты, когда новая истина [1]), причисленная сперва къ безсмысленнымъ парадоксамъ, въ концѣ-концовъ сдѣлается общимъ мѣстомъ.

Такъ какъ истина, подтверждаемая фактами, существующими въ природѣ, несомнѣнно должна, какъ таковая, въ своей борьбѣ за существованіе понятій остаться побѣдительницей безъ всякой сторонней помощи, то казалось бы излишнимъ выступать защитникомъ спиритизма; но я имѣю въ виду высказать, на сколько необходимо для его пользы изъять его, какъ можно скорѣе, изъ рукъ неподготовленнаго къ нему общества и передать въ руки людей науки, способныхъ, если они серьёзно посвятятъ себя его разслѣдованію, очистить его отъ вредной примѣси различныхъ суевѣрій, заслоняющихъ собою присущую ему истину.

Спиритическія явленія связаны съ присутствіемъ, такъ называемаго, медіума. Но было бы слишкомъ поспѣшно утверждать, что онъ-то и есть причина этихъ явленій; не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что медіумъ составляетъ лишь необходимое условіе ихъ проявленія; впрочемъ, хотя вопросъ этотъ пока и остается еще открытымъ, точный отвѣтъ на него врядъ ли невозможенъ. Каждая сила природы измѣняема, т.-е. можетъ превращаться въ соотвѣтствующее количество другихъ силъ; такъ и сила, истекающая изъ медіума, вѣроятно можетъ переходить въ равномѣрное количество другихъ силъ. Точно также и въ спиритическихъ явленіяхъ, которыя бываютъ частью физическаго свойства, какъ-то: стуки, свѣтовыя явленія, передвиженіе тяжелыхъ предметовъ и т. д., частью психическаго: говорящіе и пишущіе медіумы, — частью спиритуалистическаго въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: — матеріализація, т. е. появленіе, такъ называемыхъ, духовъ, которые въ свою очередь опять-таки говорятъ, пишутъ, или производятъ механическія дѣйствія.

Большую часть этихъ явленій упрекаютъ въ недостаточной серьёзности, нерѣдко даже просто въ нелѣпости; говорятъ, что духи ведутъ себя не такъ, какъ бы подобало серьёзнымъ и разумнымъ существамъ. Конечно, было бы гораздо лучше, если бъ духи, вмѣсто того чтобы появляться скользящими призраками, приходили бы разговаривать съ нами, какъ наши обычные собесѣдники; или вмѣсто двиганья столами, подниманія стульевъ, стучанья въ стѣны и царапанья по столешницѣ, они объясняли бы намъ загробную жизнь и открывали бы новыя истины. Вопросъ въ томъ, возможно ли это? Сверхчувственный міръ не могъ бы быть предметомъ спора, если бъ онъ былъ тѣсно связанъ съ нашимъ такою неоспоримою связью, какъ наши каналы и телеграфныя проволоки. Но связь между этими двумя мірами, столь различныхъ свойствъ, весьма ограничена и приходится пользоваться тѣми немногими нитями, которыя даны намъ для общенія, а не требовать отъ спиритизма, чтобъ онъ творилъ чудеса вмѣсто тѣхъ явленій, которыя подвластны законамъ природы. Если бъ, напримѣръ, я не имѣлъ иной возможности заявить о своемъ присутствіи обитателю Марса, какъ только стуками или передвиженіями находящейся на немъ мебели, я и сталъ бы двигать ее и стучать. Обитателю же Марса предоставлялся бы выборъ: или считать меня существомъ весьма ограниченнымъ въ умственномъ отношеніи, или же признать весьма ограниченной возможность сообщенія съ его міромъ. Наука доказываетъ, что наше матеріальное тѣло приспособлено къ чувственному міру, изъ чего слѣдуетъ, что тѣло призрака къ нему не приспособлено, т.-е. очень ограничено въ способности проявлять себя въ немъ.

Нельзя отрицать того, что духи, проявляющіе себя письменно или устно, весьма мало обогатили сокровища нашего знанія. Въ томъ-то и ошибка, что нѣкоторые спириты мечтаютъ черезъ сообщенія выработать новыя религіозныя и философскія воззрѣнія [1]). Спиритическія сообщенія часто противорѣчатъ одно другому, сходятся они лишь на одномъ — на безсмертіи. Есть еще одно, въ чемъ эти обитатели никогда не противорѣчатъ одинъ другому: всѣ они проповѣдуютъ нравственность, что, конечно, не можетъ ни въ какомъ случаѣ повредить человѣчеству; но нравственныя правила, если они не опираются

---

[1]) Мы уже ранѣе сказали, что спиритизмъ не можетъ быть названъ истиною, хотя онъ несомнѣнно содержитъ въ себѣ нѣкоторую долю истины, доказывая бытіе загробной жизни, безсмертіе и духовность души, бытіе демоновъ, и указывая на особенныя, еще не изслѣдованныя свойства психической силы человѣка. См. объ этомъ ниже. *Г. Д—ко.*

[1]) Въ этомъ мы вполнѣ согласны съ ученымъ спиритомъ Карломъ Дю-Прелемъ. Послѣ откровенія, принесеннаго І. Христомъ, никакого другого откровенія, само собою разумѣется, быть не можетъ. Большинство спиритовъ опасно заблуждается, желая получить новыя откровенія. *Г. Д—ко.*

на факты, существующіе въ природѣ, то оставляютъ ничтожный слѣдъ въ умахъ и рѣдко исполняются, а потому, по крайней мѣрѣ на первое время, опытное изслѣдованіе спиритизма гораздо существеннѣе, чѣмъ собираніе сообщеній изъ міра духовъ. *Нравственность, проповѣдуемая новымъ завѣтомъ, такъ высока и непреложна, что никакой другой не требуется, если бъ только ей слѣдовали.* Но большинство образованныхъ людей, среди нашего матеріалистическаго вѣка, вѣрящаго только фактамъ, потеряло вѣру въ безсмертіе, а вмѣстѣ съ нею и нравственное сознаніе. Возвратить имъ то и другое могутъ спиритическіе факты, научно изслѣдованные и доказанные.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что спиритизмъ неизбѣжно расширитъ наши знанія, но только посредствомъ нашего собственнаго труда. Опытныя изслѣдованія подвинутъ насъ впередъ какъ въ физикѣ, такъ и въ химіи; давно уже застывшая психологія на своей настоящей точкѣ развитія, чисто физіологической, получитъ отъ нихъ новый толчокъ. Прибавимъ еще разумно-доступную надежду, что эти изслѣдованія доведутъ до признанія нашего безсмертія, основаннаго на фактахъ, со всѣми его желаніями, послѣдствіями, несомнѣнно долженствующими имѣть благодѣтельное вліяніе на нашу соціальную жизнь, столь больную въ самыхъ корняхъ своихъ. Развѣ этого одного не достаточно съ точки зрѣнія даже чисто практической?

Самое замѣчательное изъ спиритическихъ явленій несомнѣнно — матеріализація, вслѣдствіе чего оно и отрицается самымъ энергическимъ образомъ. Противники его не изъ ученаго лагеря утверждаютъ, что появленія духовъ[1]) не что иное, какъ переодѣванія медіума, — противники изъ ученой среды видятъ въ нихъ субъективныя фантазіи, галлюцинаціи медіума, переносимыя на участниковъ сеанса. Неученые противники упрекаютъ всѣхъ медіумовъ въ обманѣ съ цѣлью наживы, — но на этотъ пунктъ возразить не трудно: теорія обмана разбивается частными медіумами. Что же до нихъ касается, то весьма понятно, почему они тщательно скрываютъ свои способности въ такое время, когда всѣхъ медіумовъ считаютъ за обманщиковъ, а всѣхъ спиритовъ — за одураченныхъ ими. Но ученые и неученые противники по видимому и не подозрѣваютъ того, что число частныхъ (непрофессіональныхъ) медіумовъ, проявляющихъ свои способности большею частью въ своемъ собственномъ семейномъ кружкѣ, значительно превосходитъ число профессіональныхъ, и что, какъ мнѣ это извѣстно и по полученнымъ мною свѣдѣніямъ, и по собственному опыту, въ ихъ-то присутствіи и происходятъ самыя выдающіяся явленія.

[1]) Мы уже имѣли случай замѣтить, что, допуская появленіе матеріализованныхъ фигуръ на медіумическихъ сеансахъ, мы вовсе не вынуждаемся допускать явленія «духовъ» въ спиритическомъ пониманіи этого слова. *Г. Д—ко.*

Равно легко опровергнуть и теорію, основанную на галлюцинаціяхъ. Быть вводиму въ заблужденіе разыгравшейся фантазіи — есть преимущество одного человѣка. Кромѣ того, неорганическая природа свободна отъ этого недуга и фотографическая пластинка не подвержена такимъ болѣзненнымъ явленіямъ. А такъ какъ духи, т.-е. появляющіяся фигуры, бывали не разъ фотографированы, между прочимъ Круксомъ (см. Psychische Studien II, 19,) — то они неминуемо должны быть нѣчто объективное. Я не отвергаю возможности галлюцинацій во время спиритическихъ сеансовъ, но сфотографированныя матеріализованныя фигуры не могутъ быть простыми галлюцинаціями. Что же можно возразить противъ заявленія о вредѣ спиритизма для науки? Если бъ онъ даже и опрокинулъ въ основаніи всю нашу науку, — чего, впрочемъ, быть не можетъ, то разрушилъ бы навсегда только модныя въ настоящее время матеріалистическія воззрѣнія, а чѣмъ скорѣй это случится, тѣмъ полезнѣй будетъ для человѣчества.

Теорія галлюцинацій опровергается еще и тѣмъ, что невѣдомые дѣятели производятъ *неисчезаемыя* матеріальныя дѣйствія. Самое замѣчательное изъ этого рода явленій, служащее вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ доказательствомъ безсмертія и сохраненія личности, — это, безъ сомнѣнія, такъ называемое, самописаніе или психографія. Въ виду предупрежденія какой-либо поддѣлки происходитъ оно въ большей части случаевъ внутри складныхъ, запирающихся ключемъ грифельныхъ досокъ, или другихъ обыкновенныхъ досокъ, связанныхъ вмѣстѣ и припечатанныхъ, между которыми кладется кроніечный кусочекъ грифеля. Достаточно сказать, что при такихъ условіяхъ получаются совершенно подходящіе писанные отвѣты на вопросы эспериментирующихъ, на языкахъ, извѣстныхъ имъ или медіуму, или же на совершенно незнакомыхъ обоимъ. Ради краткости указываю читателю мою брошюру: «Задача для фокусниковъ» (Бреславль, 1885). Въ ней я самымъ точнымъ образомъ описалъ, между прочимъ, опытъ, происходившій при полномъ свѣтѣ и при условіяхъ, исключающихъ возможность какого-либо обмана, когда между двумя складными грифельными досками — вполнѣ подходящій и связный отвѣтъ, изъ 84 словъ, былъ полученъ мною при медіумѣ Еглинтонѣ, спеціальность котораго и есть именно явленія такого рода. Каждому, кто прочтетъ описаніе такого рода опытовъ, къ сожалѣнію очень рѣдкихъ, останется одно — или признать подлинность явленія, или заподозрѣть меня въ сообщничествѣ съ Еглинтономъ, отъ котораго я получаю за то, вѣроятно, какія-либо выгоды. Противники спиритизма, не находя никакихъ болѣе вѣскихъ доводовъ, указываютъ на то, что я не человѣкъ науки, не спеціалистъ, не профессоръ университета. Это, конечно, правда, но къ чему послужила бы моя спеціальность въ одной изъ давно извѣстныхъ

наукъ передъ явленіемъ совершенно новымъ, ни въ одинъ изъ отдѣловъ наукъ всецѣло не входящимъ? Для спиритизма нужны спеціалисты въ его собственномъ отдѣлѣ. Этимъ спеціалистомъ я признать себя еще не могу, но я все-таки гораздо болѣе знакомъ съ нимъ, чѣмъ его противники. Признаваемая за профессорами способность болѣе точнаго сужденія можетъ быть весьма полезной для *объясненія* спиритическихъ явленій, но для утвержденія ихъ реальности достаточно свидѣтельства всякаго нормальнаго человѣка. Когда я вижу неподвижно лежащія руки медіума, и въ то же время слышу писаніе въ запертой доскѣ, для меня нѣтъ никакой необходимости принадлежать къ профессурѣ, для того чтобы понять, что дѣйствуютъ тутъ не руки медіума, а руки другого существа. Если я крѣпко держу обѣ руки медіума въ своихъ, и при этомъ мнѣ показываются матеріализированныя руки, то не нужно быть Аристотелемъ, а достаточно владѣть хотя небольшой долей здраваго разсудка, для того, чтобы вывести логическое заключеніе, что медіумъ, имѣющій только двѣ руки, не можетъ показать четырехъ, и что, слѣдовательно, тѣ другія двѣ руки принадлежатъ другому существу, а такъ какъ онѣ движутся, то принадлежатъ несомнѣнно существу живому, ибо если появляются руки, то остальная часть организма можетъ только оставаться для насъ невидимой. А потому я позволяю себя считать явленіе, мною выше описанное, неопровержимымъ, пока ученымъ не удастся его опровергнуть.

Итакъ, доказано, что призраки реальны, что они существа мыслящія и что часто имѣютъ поразительное сходство съ нашими перешедшими въ другой міръ близкими. Какъ же объяснить этотъ фактъ? Слѣдуетъ ли признать въ этихъ явленіяхъ дѣятельность нашихъ отшедшихъ друзей? Для такого утвержденія нѣтъ еще достаточно данныхъ, и сами спириты не признаютъ его вполнѣ доказаннымъ. Тождественность личности при явленіяхъ матеріализаціи врядъ ли будетъ когда доказана съ точки зрѣнія философской, на столько твердо, на сколько это было бы желательно.

Когда я рѣшился приступить къ изученію спиритизма, для меня, вслѣдствіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ одному соображеній, на которыя я намекалъ въ брошюрѣ «Обитатели планетъ», сдѣлалось ясно, что спиритизмъ, изучаемый въ отдѣльности, понятъ быть не можетъ, и что ключъ къ его уразумѣнію находится въ сомнамбулизмѣ. Вотъ почему я прежде всего напечаталъ о результатахъ моихъ изслѣдованій сего послѣдняго въ книгѣ «Философія мистики» (Лейпцигъ, Ernst Günther, 1885 г.). Сомнамбулизмъ неопровержимо доказываетъ, — какъ училъ о томъ въ свое время еще Аристотель — что душа не только обладаетъ способностью мыслить, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ организмъ, къ тому приспособленный, и далѣе: что, какъ существо мыслящее, она не индентична съ нашимъ нормальнымъ сознаніемъ, а владѣетъ несравненно большимъ числомъ разнородныхъ способностей; иначе сказать, нашимъ самосознаньемъ не исчерпывается все наше существо. Слѣдовательно, мы можемъ говорить о двойственности нашего духовнаго существа, о нормальномъ и сверхъ-нормальномъ сознаніи, изъ которыхъ послѣднее проявляется только въ исключительныхъ состояніяхъ, какъ наприм., въ сомнамбулизмѣ. При этомъ двойственность эта находится въ одномъ и томъ же индивидуумѣ. Попробую объяснить это примѣромъ. Когда мнѣ снится, что я, сидя на экзаменѣ, не умѣю отвѣтить экзаменатору на заданный имъ мнѣ вопросъ, на который тутъ же бойко отвѣчаетъ вызванный вслѣдъ за мною другой ученикъ, моя собственная личность, такимъ образомъ, отдѣляется при происходящемъ дѣйствіи отъ двухъ другихъ — экзаменатора и ученика; а весь этотъ сонъ происходитъ во мнѣ одномъ, но въ немъ моя личность дѣлится на три лица. Подобные сны весьма часты и доказываютъ, что множественность лицъ можетъ содержаться въ единичномъ субъектѣ. Въ снахъ фактъ этотъ психологическій, а внѣ ихъ можетъ быть фактомъ метафизическимъ. Тотъ фактъ, что въ нашемъ нормальномъ состояніи мы ничего не знаемъ объ этой двойственности, никакъ не можетъ служить неоспоримымъ опроверженіемъ данной идеи; ибо и личности нашихъ сновъ, съ своей стороны, ничего не знаютъ о своемъ субъективномъ тождествѣ со сновидцемъ.

Различіе между личностью и субъектомъ было уже признано Кантомъ. Въ сомнамбулизмѣ же мы знакомимся съ нимъ путемъ опыта, хотя лишь только по отношенію къ способностямъ души, напримѣръ, въ ясновидѣніи. Ничто, однако, не даетъ намъ права утверждать, что нашъ субъектъ имѣетъ только одну эту духовную сторону, и что послѣ тѣлесной смерти отъ насъ остается только одно мыслящее существо. Не вѣрнѣе ли будетъ предположеніе, что, подобно тому какъ наше чувственное сознаніе связано съ организмомъ тѣла, такъ и сверхчувственное будетъ имѣть свой организмъ. Вѣдь спиритическіе призраки являются въ тѣлесной формѣ, но ихъ тѣло образуется изъ иного матеріала, чѣмъ наше, сосостоящее изъ органическихъ клѣточекъ. Вотъ почему выраженіе «спиритизмъ» далеко не точно, такъ какъ о духахъ (spirits), какъ таковыхъ, мы ничего не знаемъ.

Слѣдовательно, сомнамбулизмъ и спиритизмъ пополняютъ другъ друга. Первый доказываетъ сознаніе независимое отъ организма, — второй существованіе организма для сознанія сверхчувственнаго. Такимъ образомъ существованіе въ человѣкѣ субъекта доказано, или, по крайней мѣрѣ, доказательство это представляется возможнымъ.

Еще сильнѣе доказывается это съ древнихъ временъ извѣстными фактами о двойникахъ. Здѣсь я не буду входить въ разсужденія объ этомъ предметѣ; читатель найдетъ много примѣровъ въ одной изъ предыдущихъ главъ (10-й) настоящей книги. Приведемъ лишь одинъ изъ множества. Лордъ Байронъ разсказываетъ, что въ то время, когда онъ лежалъ въ горячкѣ въ Патрасѣ (Греція), нѣсколько человѣкъ видѣли его въ Лондонѣ, по поводу чего даже составлялись пари. Большей частью во всѣхъ явленіяхъ двойниковъ тѣлесный человѣкъ находится обыкновенно въ безсознательномъ состояніи, и по степени этой безсознательности его духовная личность переходитъ въ его двойника то лишь частью, а то и вполнѣ. То же самое различие замѣчаемъ мы и въ спиритическихъ призракахъ, иногда выступающихъ передъ нами какъ будто въ сонномъ состояніи, въ другіе же раза какъ живыя существа, владѣющія полнымъ сознаніемъ. Изъ этого мы можемъ заключить, что эти призраки не суть собственно то, что переживаетъ въ человѣкѣ его физическую смерть, но нѣчто подобное его двойнику, причемъ присвоеніе личности совершается и призраками въ разной степени и нерѣдко такъ же слабо, какъ и въ появленіяхъ земныхъ двойниковъ. А если присвоеніе личности слабо, то и тожественность призрака съ отшедшимъ не можетъ быть вполнѣ установлена. Во всякомъ случаѣ установленіе этой тожественности какъ у двойниковъ, такъ и въ матеріализаціяхъ можетъ быть только пропорціонально усвоенію ими личности, которую они собою представляютъ, что, кажется, никогда не доходитъ до полнаго слиянія, такъ что отвѣтить на вопросъ лорда Байрона, гдѣ же находилось въ то время его *я* — еще слишкомъ трудно.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что мы должны признать за душою съ присущей ей способностью проявлять въ тѣлесной формѣ своего двойника и переносить въ нее нѣкоторую часть своего сознанія, два отправленія (функціи), а именно: мысли и организаціи. Разсмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія земное рожденіе, и мы увидимъ, что оно есть не что иное какъ отправленіе организующей души, которая образуетъ на землѣ своего двойника изъ органическихъ клѣточекъ, черезъ перенесеніе въ него нѣкоторой части своей личности; сверхъ-нормальное сознаніе, проявляющееся въ сомнамбулизмѣ, доказываетъ возможность усиленія этого перенесенія. Слѣдовательно, во время земной жизни мы составляемъ только нѣкоторую часть нашего существа (Wesen), которому имѣемъ полное право приписывать, если не форму, то по крайней мѣрѣ способность (Macht) воспринятія формы. Когда человѣкъ умираетъ, эта способность должна несомнѣнно переживать его; самъ человѣкъ не умираетъ, точно такъ же, какъ не умираетъ часовщикъ, когда уничтожаются сдѣланные имъ часы. И что же можетъ мѣшать этой способности къ воспринятію формы проявлять себя всякій разъ, когда нужныя къ этому условія на лицо? Рожденіе вѣдь та же матеріализація, отличающаяся отъ другихъ большей продолжительностью, употребленіемъ прочнаго матеріала и усиленнымъ воспринятіемъ личности. Взирая на этотъ выдающійся изъ всѣхъ прочихъ фактъ матеріализаціи, какъ на нѣчто будто бы вполнѣ объяснимое, и вмѣстѣ съ тѣмъ относясь къ медіумическому призраку какъ къ явленію, совершенно непонятному, мы доказываемъ только свою полную неспособность къ философскому мышленію. Существованіе одного человѣка гораздо чудеснѣе, чѣмъ цѣлаго десятка призраковъ.

Рожденіе, двойникъ и матеріализація суть, слѣдовательно, три факта одной и той же категоріи.

Я не утверждаю, чтобы такое рѣшеніе загадки, представляемой человѣчествомъ, было бы вполнѣ правильнымъ, но я говорю, во-первыхъ, что оно во всякомъ случаѣ логическое и мыслимое представленіе, не заключающее въ себѣ ничего противорѣчиваго, а во-вторыхъ, что каждая изъ составляющихъ его частей открыта посредствомъ фактовъ, основанныхъ на опытѣ. Двойственная природа человѣческаго существа по отношенію къ его сознанію, проявляющаяся въ снахъ и въ сомнамбулическомъ состояніи, доказывается ими; а что та же двойственность и по отношенію къ тѣлесной формѣ можетъ имѣть мѣсто, какъ нѣчто реальное, а не призрачное какъ сны, доказывается явленіемъ двойниковъ. Слѣдовательно, предлагаемое здѣсь рѣшеніе загадки, представляемой человѣчествомъ, основывается на двухъ фактахъ, лежащихъ внѣ спиритизма. Меня нисколько не удивляетъ то, что третій фактъ, приводящій къ тому же рѣшенію матеріализаціи, нашелся именно въ спиритизмѣ. Совершенно естественно, что душа, одаренная и послѣ тѣлесной смерти способностью воспринимать форму, хотя бы только временную и изъ другого матеріала образованную, пользуется иногда данной способностью, проявляя въ этой временной формѣ, быть-можетъ, и не свою дѣйствительную личность, а только двойника, такъ образованнаго, чтобы сдѣлаться ощутимымъ внѣшнимъ чувствамъ земныхъ существъ. Исчезновеніе этого двойника врядъ ли можетъ навести кого-либо на предположеніе, что образовавшій его духъ вмѣстѣ съ нимъ уничтожился; а развѣ не точно также мало смысла и въ предположеніи, что распаденіе нашего физическаго тѣла на его составныя части должно имѣть своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе нашего индивидуума?

Такимъ образомъ серьёзное изслѣдованіе сомнамбулизма, какъ и спиритизма приближаетъ насъ къ рѣшенію загадки, называемой человѣкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ фактически доказываетъ его безсмертіе, а это главное.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, привѣтствовать спиритизмъ. То, что въ

немъ достойно осужденія, какъ, напримѣръ, нѣкоторые прилипшіе къ нему наросты и суевѣрія[1]), исчезнетъ со временемъ, когда наши ученые сознаютъ свое истинное назначеніе. Вѣдь, издавна, живя болѣе въ своемъ рабочемъ кабинетѣ нежели среди общества, они менѣе заявляли себя открытіями совсѣмъ новыхъ явленій, чѣмъ научнымъ изслѣдованіемъ и объясненіемъ уже открытыхъ и признанныхъ, которыя, однако, только черезъ ихъ труды дѣлались дѣйствительною собственностью человѣчества.

Спиритическое движеніе можетъ и должно быть направляемо наукой. Остановить же его во всякомъ случаѣ невозможно ни осужденіемъ толпы, отвергающей все, чего она не понимаетъ, — ни приговоромъ тѣхъ изъ людей науки, которые своими раціоналистическими ножницами готовы отрѣзать все безъ разбора, только бы освободить себя отъ труда объясненія трудно объясняемаго. («Ueber Land und Meer» 1886 г., № 22; см. «Ребусъ» 1886 г., №№ 30—31)[2]).

Д. Столоверченіе, какъ физическая проблемма[3]).

Карла дю-Преля.

Столоверченіе, распространившееся въ 50-хъ годахъ по Европѣ, словно эпидемія, одно изъ малозамѣтныхъ открытій, но которое, однако, повело бы несомнѣнно къ важнымъ физическимъ познаніямъ, если бы только оно не появилось такъ тихо и скромно. Открытіе это было принято, какъ дѣтская забава, и, какъ таковая, давно потеряла свое значеніе. Отчасти была и другая причина, почему люди не остановились на физическихъ явленіяхъ этого открытія, это то, что стали замѣчать, что на задаваемые столу вопросы получались отвѣты посредствомъ ритмическаго подъема и опусканія ножки стола. Позже пустили въ ходъ столы эллиптической формы, такъ называемыя «планшетки» на трехъ ножкахъ, изъ коихъ одну замѣнялъ карандашъ, и тогда отвѣты на вопросы получались письменные. Этимъ путемъ очень быстро приблизились къ спиритизму, и тѣмъ самымъ была положена для ученыхъ какъ бы преграда: они вылили купель вмѣстѣ съ младенцемъ, ибо возникшее явленіе, т.-е. столоверченіе, есть чисто физическая проблемма, и ея неясность не должна насъ удержать отъ изслѣдованія. Наука разсматриваетъ, какъ одну изъ своихъ задачъ, отвлеченіе людей отъ суевѣрія. Но этого не можетъ случиться, когда лишь осмѣиваютъ явленія, а только тогда, когда обнаружатъ естественныя силы, свойственныя этимъ явленіямъ. Если эти силы окажутся достаточными для объясненія феноменовъ, то намъ и спиритизма не нужно; если же, напротивъ того, онѣ недостаточны, то мы должны ограничиться спиритическимъ объясненіемъ, по крайней мѣрѣ въ подобающихъ явленіяхъ.

Наша проблемма имѣетъ свое начало въ очень глубокой старинѣ и разсматривалась, какъ явленіе мистическое. Въ мистеріяхъ Самотраки мы уже находимъ оракула въ видѣ «бога-стола»[1]). Китайцы знаютъ столоверченіе уже давно[2]). Сергентъ нашелъ столоверченіе у индійцевъ въ пустыняхъ Ява[3]). Ямблихусъ разсказываетъ про боговъ, дающихъ предметамъ неодушевленнымъ — душу, неподвижнымъ — движеніе, неразумнымъ — разумъ, такъ что можно думать, что они имѣютъ познаніе о будущемъ, которое они открываютъ[4]). О цѣпи изъ рукъ и прорицающихъ столахъ приводится въ третьемъ столѣтіи у Тертулліана[5]), а его комментаторъ, разсказывая, что столы съ помощью демоновъ «говорятъ», намекаетъ, по видимому, на стуки въ столахъ. Гермессъ разсказываетъ про искусство «дѣлать боговъ», состоящее въ томъ, что ихъ статуи двигаются. Минуцій Феликсъ говоритъ о таинственномъ движеніи неодушевленныхъ предметовъ, какъ о примѣрѣ демоническаго прорицанія. Далѣе, въ девятомъ столѣтіи письмена упоминаютъ о столоверченіи Гинкмаръ изъ Реймса и «объ ученіи двѣнадцати апостоловъ» во второмъ вѣкѣ[6]). У Марцеліануса находимъ вполнѣ точно описанный спиритическій сеансъ для цѣлей прорицанія[7]). Израильтянамъ этотъ предметъ былъ давно знакомъ[8]). Въ одной книгѣ 1665 года, названіе которой, къ сожалѣнію, не указано, изображенъ рисунокъ движущагося стола, на которомъ образована цѣпь изъ рукъ сидящихъ людей[9]). Медіумическая сторона феномена упоминается уже у Гомера, гдѣ золотые триподы (столъ на 3 ножкахъ, на который идолопоклонники ставили кадильный сосудъ съ аро-

---

[1]) Сюда относятся: желаніе знать будущее, получать новыя религіозныя откровенія, имѣть непосредственное сношеніе съ умершими и т. д. *Г. Д—ко.*

[2]) Печатаемъ эту статью не потому, чтобы мы были во всѣхъ пунктахъ согласны съ авторомъ, но потому что она служитъ для выясненія труднаго вопроса о спиритизмѣ. *Г. Д—ко.*

[3]) Хотя о столоверченіи уже была у насъ краткая рѣчь въ главѣ о телекинетіи, но такъ какъ на спиритическихъ сеансахъ то или другое движеніе столовъ и различныхъ предметовъ—неизбѣжная принадлежность, объясняемая односторонними спиритами дѣйствіемъ «духовъ», то здѣсь совершенно не лишне привести статью о томъ же предметѣ ученаго спирита, въ которомъ движеніе столовъ объясняется безъ вмѣшательства духовъ. Пролить же свѣтъ истиннаго знанія въ эту область весьма важно. *Г. Д—ко.*

[1]) Carus: «Die Wahrsagung aus den Bewegungen lebloser Körper». 280.

[2]) Perty: «Die mystischen Erscheinungen». 11, 16. Perty: Die sichtbare und unsichtbare Welt». 20. Des Moussaux: les médiateurs. 60—63.

[3]) Perty: «Die mystischen Erscheinungen». 11, 1.

[4]) Gamblichus: de myst. Aegypt.

[5]) Tertullian. Apoll., c. 23.

[6]) Kiesewetter: «Die Geheimwissenschaften» 371.

[7]) Ammianus Marcellinus XIX. 1—2. Soomzenos: hist. Eccl. VI, 35. Lonares Annal. III. Paulus Diaconus: de gest. Long. XII.

[8]) Delitzsch: «Biblische Psychologie» 313. Anmerkung 4. Harles: «Das Buch von den egyptischen Mysterien». 130—132.

[9]) Du Potet: «Journal du magnétisme». XII, 536.

матами) Гефестоса въ собраніи боговъ - сами собою двигались туда и обратно [1]).

Кто пожелалъ бы писать исторію столоверченія, тотъ найдетъ о томъ сообщеніе во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ. Въ Европѣ этотъ древній феноменъ сталъ распространяться лишь тогда, когда о немъ написалъ возвратившійся изъ Америки д-ръ Андре. Заслуга же въ дальнѣйшемъ распространеніи этого извѣстія принадлежитъ «Allgemeinen Zeitung» [2]). Тогда, впрочемъ, рѣчь шла о столоверченіи, какъ явленіи физическомъ, т.-е. о движеніи стола, когда вокругъ него садятся нѣсколько человѣкъ, кладя ладони рукъ на столъ, съ образованіемъ цѣпи и безъ нея. Ученые, конечно, живо дали объясненіе этому явленію. Рейхенбахъ говоритъ: «въ то время, какъ спокойно наблюдающіе люди изумляются явленіямъ, ясность которыхъ можетъ поспорить съ дневнымъ свѣтомъ, физики, физіологи, механики, и весь хоръ естествоиспытателей въ одинъ голосъ объяснили это ошибкою, заблужденіемъ, безразсудствомъ и обманомъ, а когда великій ученый Фарадей сталъ во главѣ этого хора, эти господа вообразили себя въ правѣ подвергнуть новое явленіе осмѣянію, какъ нѣчто безумное нашего вѣка. Подобная невѣжественная наглость едва ли когда-либо случалась на свѣтѣ» [3]). Оъясненіе Фарадея безсознательною мускульною силою [4]) было признано неоспоримымъ. Также и Бредъ, открывшій гипнотизмъ, присоединился къ этому мнѣнію и оспаривалъ уже тогда извѣстное анемо-магнитическое толкованіе. Онъ говоритъ: «сила воображенія и ожиданія того, что должно послѣдовать, можетъ вліять и, дѣйствительно, вліяетъ на кровь, нервы и мускулы» [5]). Такъ это мнѣніе въ ходу и по настоящее время: неизвѣстныя минимальныя мускульныя движенія служатъ научнымъ объясненіемъ феномена.

Если бы изслѣдовали дѣло безпристрастно, то обнаружили бы не что иное, какъ новую силу природы, и это было бы несомнѣнно открытіемъ великой важности. Уже тогда раздавались голоса въ этомъ смыслѣ. Медицинскій совѣтникъ Шиндлеръ говорилъ въ 1857 году: «такъ часто осмѣянное столоверченіе укажетъ путь, по которому глубочайшія проблеммы человѣческой природы найдутъ разрѣшеніе; уничтожитъ всякое суевѣріе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ считавшагося суевѣріемъ кое-что придется вновь вернуть въ ряды естественныхъ явленій магически - созидательной силы человѣческаго духа. Презираемое нынѣ столоверченіе — слово, произносить которое всякій просвѣщенный человѣкъ стыдится — послужитъ нѣкогда для философовъ и физіологовъ вспомогательнымъ средствомъ къ рѣшенію величайшихъ проблеммъ» [6]).

1) Glias, XVIII, 373.
2) «Allgemeine Zeitung» 23, IV. 1853.
3) Reichenbach: Carus, die Wahrsagung. S. 116.
4) Carus, die Wahrsagung. S. 116.
5) Preyer. Der Hypnotismus. 235.
6) Schindler. Das magische Geistesleben. 300.

Сказанное можетъ съ виду показаться преувеличеннымъ, но, изучивъ физическую сторону проблеммы, приходится отдать справедливость Шиндлеру; ибо сила, приводящая столъ въ движеніе, лежитъ въ человѣкѣ и тѣмъ намъ способствуетъ къ познанію человѣческаго существа. Раза два въ Германіи были уже близки попасть на слѣдъ этой самой силы, опережая извѣстіе, привезенное изъ Америки. Іоганнъ Готфридъ Цейдлеръ въ его «Пантомистеріумѣ» (1700) и Христіанъ Шефферъ въ его «Опыты съ безпрерывнымъ носителемъ электричества» (1784) описываютъ интересные опыты, сдѣланные надъ движеніемъ неодушевленныхъ предметовъ подъ вліяніемъ человѣка. Имъ бы нужно было прибавить къ своимъ сочиненіямъ одну лишь главу въ отношеніи столоверченія, и ихъ объясненіе даннаго предмета стояло бы высоко надъ легкомысленнымъ разсужденіемъ нашего времени. Страсть все объяснять не всегда стоитъ въ уровень съ способностью къ объясненіямъ, и похвальнѣе всего поступилъ въ этомъ случаѣ Александръ Гумбольдъ, который, на придворномъ обѣдѣ въ 1853 году, закончилъ свою бесѣду о столоверченіи такъ: факты безспорны, но объясненіе остается въ долгу за наукой [1]).

Былъ сдѣланъ шагъ впередъ рядомъ опытовъ, при которыхъ ни механическое вліяніе, ни минимальныя мускульныя движенія не могли оказывать какого-либо воздѣйствія. Кернъ разсказываетъ объ опытѣ, когда привинченный къ лодкѣ столъ, на которомъ были положены руки, привелъ въ движеніе самую лодку [2]). Гаспаринъ [3]) и другіе доказываютъ, что движеніе стола достигается однимъ прикосновеніемъ къ краямъ покрывающей столъ скатерти или къ свободно-висящимъ концамъ снурковъ, прикрѣпленныхъ къ столу. Этимъ было доказано, что движеніе стола производится силою, истекающею изъ рукъ. Кто знакомъ съ животнымъ магнитизмомъ, тотъ не можетъ не попасть самъ на настоящее объясненіе. Было бы несравненно легче констатировать магнитизмъ въ столоверченіи, нежели въ магнитизированіи человѣка, гдѣ возможно допустить и вліяніе внушенія. Но, къ сожалѣнію, физическое начало феномена все больше оставляется безъ вниманія по мѣрѣ того, какъ его замѣняютъ стуки въ столѣ и писаніе столомъ. Только Рейхенбахъ вернулся къ разгадкѣ феномена. Рейхенбахъ уже раньше открылъ въ другихъ областяхъ силы, лежащія въ основѣ этого феномена, и столоверченіе дало ему лишь подтвержденіе тому ученію, которое онъ уже держалъ въ рукахъ. То, что называлось до сихъ поръ животнымъ магнитизмомъ, Рейхенбахъ перекрестилъ въ «одъ», и онъ былъ правъ, установивъ новое названіе, потому что этотъ «одъ» не только свойственъ человѣческому организму,

1) Reichenbach: Obische Begebenheiten 57.
2) Kerner: Die somnambulen Tische. Vorrede.
3) Gasparin: les tables tournantes.

но онъ распространенъ во всей природѣ. Движеніе столовъ основано, по Рейхенбаху, на скопленіи «ода», при этомъ онъ доказываетъ, что вращательное движеніе столовъ есть результатъ уравновѣшивающихъ одна другую соединенныхъ силъ соучастниковъ. Сила сама по себѣ дѣйствуетъ по прямой линіи. Когда изслѣдователи садятся не вокругъ стола, а на одной какой-либо сторонѣ и пальцы кладутъ на столъ параллельно другъ къ кругу, тогда движеніе бываетъ прямое, а не вращательное [1]). Затѣмъ, для глазъ сенситивныхъ людей, «одъ» проявляется въ видѣ свѣтового феномена. Рейхенбахъ попалъ на идею, что столоверченіе должно быть успѣшнѣе въ темнотѣ, при этомъ, дѣйствительно, оказалось, что скопленіе «ода» проявляется на столѣ въ видѣ свѣта, пальцы изслѣдователей подъ его освѣщеніемъ какъ бы удлиняются, одическій свѣтъ распространяется надъ столомъ [2]), причемъ обнаруживается и поляризація этого одическаго истеченія изъ рукъ.

Рейхенбахъ не былъ въ силахъ убѣдить своихъ современниковъ, что въ столоверченіи скрывается весьма важная проблемма. Ему стояла на пути вѣра въ авторитетность, благодаря которой мы, по словамъ Гете, ни въ какой отрасли не можемъ шагу ступить впередъ. Толчокъ впередъ получило это дѣло только чрезъ діалектическое общество въ Лондонѣ.

Что человѣческій организмъ есть источникъ того движенія, сила котораго противопоставляется силѣ тяготѣнія — доказывается еще и тѣмъ, что сенситивность служитъ не только для проявленія свѣта ода, но и для передачи его силы. Рейхенбахъ говоритъ, что при несенситивныхъ столы не вращаются вовсе, а въ смѣси сенситивныхъ и несенситивныхъ — они вращаются слабо, но, когда кладутъ руки на столъ первые — онъ вращается быстро [3]). Столоверченіе удается лучше или хуже по мѣрѣ вліянія на одъ теплоты, т.-е. скопленіе ода бываетъ сильнѣе, когда нагрѣты: столешница, комната и руки участниковъ, какъ это бываетъ и при магнитизированіи. Употребленіе вина оказывается вспомогательнымъ средствомъ для усиленія столоверченія и подвыпившія сенситивныя лица выглядываютъ совершенно огненными. Половая невоздержность, связанная съ потерею одической силы, напротивъ того, уменьшаетъ одическій свѣтъ и, сообразно тому, способность двигать столомъ. Еще и другія явленія сенситивной жизни находятъ подтвержденіе въ столоверченіи: болѣзни или просто дурное расположеніе духа дѣлаютъ неспособнымъ къ столоверченію даже и такихъ лицъ, которыя въ здоровомъ состояніи имѣютъ наибольшія способности.

Въ виду того, что человѣческій одъ тождественъ съ тѣмъ, что Месмеръ назвалъ животнымъ магнитизмомъ, при столоверченіи часто бываютъ такія явленія, какія уже извѣстны изъ месмерической практики. Лица, чувствительныя къ магнитизму, способны также и для столоверченія. Такъ какъ вліянію магнитизма подвергаются не одни только люди, но и растенія, и неодушевленные предметы, то не только столы, но и всякіе другіе предметы могутъ быть приведены въ движеніе, какъ шляпы, коробки, тарелки и т. п. Можно двигать и людей. Эти опыты уже сдѣланы давно. Д-ръ Флейнике въ Прагѣ сообщаетъ: «я пробовалъ вмѣсто стола вертѣть одного изъ участниковъ нашего кружка. Мы замкнули около одного изъ нашихъ цѣпь, положивъ наши руки ему на спину, на плечо и на грудь. Спустя нѣсколько мгновеній онъ сталъ испытывать невыразимое чувство и сильнѣйшее давленіе, уступая которому, верхняя часть его тѣла, изгибаясь во всю длину отъ запада къ востоку, — медленно качалась. Однимъ изъ насъ была порвана цѣпь на спинѣ качавшагося безъ его вѣдома, но сейчасъ же вновь замкнута. Качавшійся моментально это почувствовалъ и заявилъ, что давленіе на него прекратилось съ одной стороны и началось въ противоположное направленіе. Этотъ опытъ мы повторяли на каждомъ изъ насъ въ отдѣльности, и всякій испыталъ одно и то же: такая же точно уступчивость невидимой загадочной силѣ. Этому давленію вертѣться можно успѣшно сопротивляться, но безъ сопротивленія верченіе непремѣнно наступаетъ. Мы пробовали прикасаться другъ къ другу руками, и послѣдствія были тѣ же, самое легкое прикосновеніе платья или волоса, и когда субъектъ этого вовсе даже не замѣчалъ, — вызывало такую же чувствительность и вмѣстѣ съ тѣмъ верченіе» [1]).

Подобные опыты дѣлали даже съ покойниками, стало-быть здѣсь объясненіе—посредствомъ внушенія—недопустимо. Д-ръ Лонгетъ взялъ въ свои руки голову умершаго отъ холеры и, по его желанію, какъ это бываетъ при столоверченіи, поднялась сперва лѣвая, а потомъ правая рука покойника отъ 5 до 6 сант. [2]).

Наконецъ, употребили людей для того, чтобы получить отвѣты на вопросы. Гаспаринъ разсказываетъ: «мы видали, какъ человѣкъ, котораго хотѣли привести въ движеніе, поблѣднѣлъ и постепенно впадалъ въ нѣчто въ родѣ безпамятства. Мы видали, какъ онъ вертѣлся, начиная отъ верхней части тѣла, и только тогда двинулъ съ мѣста ноги, когда уже иначе нельзя было. Мы видали, какъ требованіе произвести опредѣленное число стуковъ онъ исполнилъ такъ, что не ногами стучалъ, а балансировалъ тѣломъ направо и налѣво; при этомъ онъ утверждалъ, что на его движеніе не имѣло вліянія никакое механическое давленіе, и что слегка положенные на

[1]) Reichenbach: Odische Lohe 112.
[2]) Reichenbach: Aphorismus 69. 70.
[3]) Reichenbach: des sens. Mensch. 1. 821. II. 69.

[1]) Du Potet: Journal du magnetisme XIII, 619—621.
[2]) Kerner: Die somnambulen Tische, 28.

него кончики пальцевъ онъ чувствовалъ точно «огненными точками» [1]).

Здѣсь, однако, физическая проблемма уже переходитъ въ психологическую и поэтому требуетъ особаго разсмотрѣнія. (См. «Ребусъ» 1895 г. №№ 44—46).

E. Психическое значеніе столоверченія.

Въ различнѣйшихъ своихъ трудахъ Рейхенбахъ неоднократно указывалъ на то, что въ ученіи объ «одѣ» нѣтъ возможности рѣзко разграничить физическое отъ психическаго. Одовыдѣленіе у человѣка несомнѣнно находится въ зависимости отъ психическаго его состоянія и не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. При столоверченіи замѣчено, что столъ, насыщенный одомъ, не только производитъ вообще движеніе, но, по желанію участниковъ опыта, движеніе принимаетъ опредѣленное направленіе. Въ этомъ случаѣ «одъ» является физическимъ проводникомъ для переноса воли—фактъ неоспоримый. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходима, разумѣется, полнѣйшая увѣренность въ отсутствіи какого-либо механическаго вліянія или воздѣйствія безсознательнаго движенія мышцъ.

Чтобы дать объясненіе этому изумительному факту, не будемъ останавливаться надъ простѣйшими его формами, а изслѣдуемъ болѣе сложныя формы, объясненія которыхъ заключаютъ въ себѣ также и объясненія для простѣйшихъ формъ, но отнюдь не наоборотъ. Движеніе стола въ требуемомъ направленіи составляетъ самую простую форму психическаго дѣйствія, высшая же форма этого дѣйствія есть переносъ мысли съ одного мозга на другой. Остановимся затѣмъ на этой послѣдней формѣ. Переносъ мыслей былъ наблюдаемъ неоднократно, и читатель не удивится, что я признаю переносъ мыслей фактомъ неоспоримымъ. Такой переносъ можно объяснить слѣдующими тремя предположеніями: 1) Мысль сама по себѣ, не измѣняя своего первоначальнаго характера на всемъ пути слѣдованія, переселяется изъ одного мозга въ другой. 2) Предположивъ, что это переселеніе относится къ чисто физическимъ свойствамъ, оно должно, стало-быть, оставаться по всей линіи слѣдованія и у мѣста назначенія такимъ же, какимъ было у своего источника.

3) Третье предположеніе могло бы состоять въ томъ, что какое-либо физическое свойство, производящее воздѣйствіе отъ мозга на мозгъ, получаетъ у самаго своего исхода психическое измѣненіе, которое сохраняется на всемъ пути слѣдованія въ пространствѣ и по достиженіи назначенія проявляется вновь въ видѣ мысли на подобіе исходной [2]).

[1]) Gasparin, les tables tournantes 1, 79.

[2]) Не нужно упускать изъ виду, что все это одни предположенія, которыя должно принимать съ крайнею осторожностью въ виду того, что область человѣческаго духа представляетъ великую загадку. *Г. Д—ко.*

Въ первомъ случаѣ мы имѣли бы чисто психологическую силу безъ физической подкладки. Во второмъ случаѣ, наоборотъ, воздѣйствіе психическаго фактора крайне ограничено и остается поэтому необъясненнымъ, какимъ образомъ колебанія воспринимаютъ проявляемую волю агента. Третье же предположеніе требуетъ психической силы съ физическимъ проводникомъ. Это третье предложеніе объясняетъ всѣ явленія лучше всего, и оно легко допустимо, ибо мы знаемъ о существованіи такой среды (Dinamid), въ которой нѣтъ рѣзкихъ границъ между психическими и физическими свойствами [1]). Этой средой и есть «одъ». Въ силу сказаннаго, наивысшая форма дѣйствія на разстояніи—переносъ мысли, имѣетъ своимъ основаніемъ психическо-одическую силу, которая въ другихъ, болѣе знакомыхъ намъ явленіяхъ можетъ быть названа также психо-магнитическою силою. При актѣ магнитизированія мы видимъ ясно, что «одъ» перемѣщается не только какъ физическое средство, но и какъ носитель жизненной силы, а слѣдовательно, въ физіологически измѣненномъ видѣ. Больной магнитизеръ оказываетъ вредное дѣйствіе — онъ заражаетъ больного; здоровый же магнитизеръ, напротивъ того, оказываетъ благотворное дѣйствіе. Онъ также заражаетъ воспринимающаго субъекта, но своимъ здоровьемъ. Еще нагляднѣе обнаруживается онъ въ качествѣ носителя жизненной силы въ томъ случаѣ, когда организмы находятся въ продолжительномъ магнитическомъ соотношеніи: вслѣдствіе постояннаго одическаго смѣшенія является наружное сходство организмовъ между собою. Такъ, Донато имѣлъ темнорусые волосы, а его сомнамбула Люцилла свѣтлорусые. Съ теченіемъ времени свѣтлорусые волосы Люциллы становились темнѣе и, наконецъ, даже черты лица сомнамбулы постепенно перемѣнились до того, что ее можно было по сходству принять за сестру Донато [2]). Впрочемъ, на успѣхъ магнитизированія имѣютъ весьма важное значеніе и психическіе факторы; успѣхъ зависитъ отъ душевнаго расположенія магнитизера; если магнитизеръ разсѣянъ, его вліяніе будетъ ничтожно. Магнитическіе пассы безъ воли остаются безъ послѣдствій, напротивъ того, энергическая воля можетъ благотворно подѣйствовать даже безъ пассовъ.

Такимъ образомъ «одъ» является чисто физическимъ агентомъ только въ неодушевленной природѣ, въ растительномъ же царствѣ онъ уже измѣняется, и поэтому добытыя изъ растеній цѣлебныя средства дѣйствуютъ не только химически, но и одически. Вся наша терапія тогда только вступитъ на настоящій путь, когда вслѣдъ за парацельзистами и гомеопатами въ ней будетъ принята за основаніе вмѣсто фармакохиміи фарма-

[1]) Едва ли съ этимъ можно согласиться: психическая, т. е. духовная, природа рѣзко отличается отъ физической, хотя-бы и самой утонченной, природы. Пропасть между ними непроходима. *Прот. Г. Д—ко.*

[2]) E. Cavailhon: la fascination magnétique. 120.

кодинамика. Что же касается человѣческаго организма, то въ немъ одъ принимаетъ то физіологическое, то психическое измѣненіе. Первое обнаруживается при магнитизированіи, а послѣднее въ переносѣ мыслей. Словомъ, вся суть нашего существа есть одическая.

Такимъ образомъ, движеніе стола, вообще, можетъ-быть объяснено физическимъ вліяніемъ ода. Если же, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія медіума, движеніе стола оказывается вялымъ, то тутъ имѣемъ уже дѣло съ физіологически измѣненнымъ одомъ, а когда движеніе происходитъ въ желаемомъ направленіи, тогда одъ является психически измѣненнымъ, какъ въ переносѣ мыслей. Собственно переносъ мыслей можетъ произойти только между двумя мозгами. Напротивъ того, на столъ можно только перенести психически измѣненный одъ, съ помощью котораго столъ можетъ проявить нашу мысль или волю, но въ той только формѣ, какая свойственна неодушевленнымъ предметамъ, т.-е. посредствомъ движенія. Оживить столъ невозможно, онъ можетъ лишь временно проявить признаки оживленія. Если потребовать отъ стола, на которомъ положены руки, проявить веселое настроеніе, онъ это выразитъ посредствомъ неуклюжихъ прыжковъ. На требованіе кому-либо поклониться, столъ приблизится къ указанному лицу и поклонится. Можно съ успѣхомъ приказать столу сложить по буквамъ опредѣленное слово, обусловливая каждую букву извѣстнымъ числомъ стуковъ ножкою стола. Точно также и планшетка со вставленнымъ карандашомъ въ состояніи писать, т.-е. двигаться въ желаемомъ направленіи.

Что при этихъ опытахъ безсознательное движеніе мускуловъ никакой роли не играетъ, легко убѣдиться, устранивъ непосредственное вліяніе медіума на столъ, какъ, напр., въ случаѣ, когда столъ выстукиваетъ слово, задуманное лицомъ, находящимся внѣ цѣпи экспериментаторовъ. Что движеніе стола основано на одическомъ теченіи, а не на мускульномъ движеніи, доказывается еще и другимъ способомъ. Для этого образуютъ цѣпь надъ столомъ. Магнитическій токъ пройдетъ по этой цѣпи. Если въ то же время лицо, избранное посредникомъ, задумаетъ опредѣленную фразу при пассивномъ отношеніи остальныхъ соучастниковъ, то проходящій по цѣпи одъ получитъ психическое впечатлѣніе только отъ этого посредника, и тогда столъ выстучитъ или напишетъ задуманную фразу. Еще способнѣе, нежели столъ, къ воспріятію вліянія психомагнитическаго тока считается включенный въ одическое теченіе мозгъ лица, обладающаго надлежащей сенситивностью, если медіумъ при оживленной мысли направилъ свою волю на этотъ мозгъ. Кернеръ описываетъ случай, при которомъ одъ былъ перехваченъ на пути своего теченія по цѣпи, образованной изъ трехъ мужчинъ и двухъ дѣвицъ, изъ коихъ одной было 16, а другой 18 лѣтъ. Старшій изъ мужчинъ былъ избранъ посредникомъ, и задуманныя имъ подрядъ четыре фразы были каждый разъ отгаданы кѣмъ-либо изъ соучастниковъ. Первая фраза: «Beatus ille qui procul negotiis» была повторена младшею дѣвицей. Вторая фраза: «Генералъ Кавеньякъ въ іюнѣ 1848 г. оказалъ своему отечеству важныя услуги» отгадана старшей дѣвицей. Остальныя фразы: «L'homme propose et Dieu dispose» и «Honny soit qui mal y pense» были повторены участниками мужчинами [1]).

Столоверченіе и писаніе съ помощью планшетки въ началѣ ихъ открытія были примѣняемы не въ томъ видѣ, какъ мною указано выше, т.-е. не въ видѣ психологическаго, а скорѣе спиритическаго опыта. Задавали вопросы, на которые никто изъ присутствовавшихъ не былъ въ состояніи отвѣчать, но такъ какъ отвѣты все же получались, то изъ этого коротко заключили о присутствіи незримаго дѣятеля. Такое заключеніе должно считать скороспѣлымъ [2]). Переносъ мыслей совершается нерѣдко и помимо сознательной воли агента, даже помимо его сознанія, какъ напр., въ телепатіи, при сновидѣніи или при смерти, и когда столъ даетъ отвѣтъ именемъ умершаго, то и это ничего еще не доказываетъ. Въ сновидѣніи, гдѣ безсознательное также превращается въ живую дѣйствительность, всегда является драмматическое раздвоеніе собственной душевной жизни, при чемъ на наши вопросы мы получаемъ отвѣты изъ чужихъ устъ. Такимъ же точно образомъ могутъ обнаруживаться и собственныя не сознаваемыя нами мысли и изъ скрытыхъ сферъ проявиться посредствомъ стола. Чудеснымъ могло бы это быть только тогда, если безсознательное было бы на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ желаютъ его сдѣлать матеріалисты или Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Но если въ безсознательномъ кроется корень человѣческой индивидуальности, то и проявленіе скрытыхъ мыслей вещь вполнѣ возможная. А такъ какъ это послѣднее на самомъ дѣлѣ и бываетъ, то отсюда выводъ, что наше безсознательное тоже индивидуально.

Доказательство сказанному можетъ быть получено опытомъ, при которомъ испытуемое лицо безсознательно получаетъ мысленныя внушенія, которыя остаются скрытыми до поры до времени въ его безсознательномъ, а впослѣдствіи эти внушенія могутъ обнаружиться, но только для другихъ лицъ, а не для самого испытуемаго субъекта. Въ сущности это тотъ же процессъ, что и столописаніе, и поэтому совершенно нелогично одно явленіе подвергать сомнѣнію, а другому приписывать научное значеніе.

Безсознательное, обнаруживающееся при подобныхъ случаяхъ, какъ равно и при столописа-

[1]) Kerner: dis Somnambulen Tische 30.

[2]) Съ этими словами нужно согласиться, и такое признаніе дѣлаетъ великую честь К. дю-Прелю, который держится спиритическихъ воззрѣній.

Г. Д—ко.

ніи, ясно доказываетъ, что оно не сознается лишь лицомъ, подвергнутымъ опыту, но само по себѣ это безсознательное обладаетъ сознаніемъ; оно проявляетъ всѣ признаки личности: сознаніе, волю и память, а слѣдовательно отнюдь не похоже ни на безсознательное по понятіямъ матеріалистовъ, ни на таковое по понятіямъ Гартмана.

Послѣ всего вышесказаннаго еще можно разсуждать о «двойномъ я» и о «сознательномъ» человѣка, по скольку ихъ функціи вращаются въ области физіологической психологіи. Но если бы обнаружились еще и другія функціи «безсознательнаго» — функціи, которыя, однако, физіологически объяснить невозможно? — Въ такомъ случаѣ выраженіе «двойное я» было бы недостаточно: — безсознательное превратилось бы тогда въ «душу», къ физіологической психологіи присоединилась бы еще и трансцендентальная, и вся задача человѣчества получила бы совершенно иной видъ. Ибо при физіологическомъ «двойномъ я» обѣ половины нашего существа одинаково подвержены смерти. Если же, напротивъ того, безсознательное могло бы обнаружиться въ видѣ трансцендентальнаго субъекта съ функціями, не находящими себѣ объясненія въ тѣлѣ человѣка, тогда смерть могла бы только причинить раздвоеніе обѣихъ половинъ, причемъ послѣдовало бы уничтоженіе одной темной лишь половины.

Послѣ сказаннаго, вопросъ о доказательствахъ проявленія трансцендентально-психологическихъ способностей нашего безсознательнаго получаетъ особенно важное значеніе. При столоверченіи неоднократно убѣдились, что получались сообщенія и о будущемъ, и, приписывая ихъ незримымъ существамъ, поспѣшили остановиться на умершихъ. Но и здѣсь слѣдуетъ не забывать обязанности надлежащимъ образомъ изслѣдовать: нѣтъ ли возможности найти для указанныхъ сообщеній объясненіе въ трансцендентальномъ субъектѣ.

Въ старину движеніе неодушевленныхъ предметовъ примѣнялось для предсказательныхъ цѣлей и по этимъ движеніямъ судили о степени вліянія внушеній. Шопенгауеръ призналъ это возможнымъ, что и заслуживаетъ тѣмъ больше вниманія, что въ его системѣ нѣтъ мѣста трансцендентальному субъекту. Онъ говоритъ: «если кто-либо прибѣгаетъ къ совѣтамъ стучащихъ столовъ, въ качествѣ оракула, и столы даютъ вѣрныя свѣдѣнія объ отсутствующемъ и даже о будущемъ, то это объясняется тѣмъ, что извѣстное данному лицу безсознательно становится посредствомъ стола достояніемъ его сознанія. Въ насъ скрывается тайный пророкъ, который заявляетъ о своемъ существованіи въ сомнамбулизмѣ и въ сновидѣніи. Онъ извѣщаетъ насъ о томъ, что было и что будетъ, чего мы въ бодрственномъ состояніи не сознавали. По всей вѣроятности это и есть всевѣдѣніе того самаго пророка, что посредствомъ стуковъ стола проявляется въ нашемъ сознаніи и даже тогда, когда вопрошающій и не прикасается къ столу, ибо въ силу единства вещества, присущаго всему одушевленному міру, онъ одинаково вліяетъ на столъ чрезъ тѣхъ, кто къ нему прикасается»[1]). Здѣсь Шопенгауеръ, откровенно говоря, шагнулъ слишкомъ далеко. Во всѣхъ другихъ случаяхъ для Шопенгауера вещь по себѣ слѣпа—безсознательная воля, въ настоящемъ же случаѣ вещь вдругъ получаетъ у него сознаніе, даже признается имъ всевѣдущей. По опыту дознано, что подобное всевѣдѣніе неодушевленныхъ оракуловъ не существуетъ вовсе, хотя изрѣдка и случаются вѣрныя сообщенія о будущемъ, зато ложныя — составляютъ какъ бы правило. Опыты даютъ намъ право заключать лишь о существованіи агента, знанія коего, правда, отличаются отъ человѣческихъ знаній, но и онъ не свободенъ отъ погрѣшностей. Такимъ агентомъ и есть трансцендентальный субъектъ, а не «воля» Шопенгауера и не «безсознательное» Гартмана. (См. «Ребусъ» 1895 г., №№ 48—49).

Ж. Опасность излишняго увлеченія спиритизмомъ.

Когда занятіе медіумизмомъ переступаетъ границы науки и обращается въ систему вызыванія душъ умершихъ людей для бесѣды съ ними, съ цѣлію полученія какъ новыхъ откровеній въ области религіи и нравственности, такъ и разныхъ сообщеній относительно будущихъ событій, тогда такія занятія являются дѣломъ не только ненаучнымъ, но и прямо противохристіанскимъ. Все, что нужно знать человѣку о Богѣ и своемъ отношеніи къ Нему, открыто въ христіанской религіи; новаго откровенія быть не можетъ, такъ что, если, по словамъ ап. Павла, онъ самъ, или ангелъ съ неба благовѣстилъ бы что-либо новое по отношенію къ уже открытому въ христіанствѣ, то это новое не должно принимать.

Помимо шарлатанства и самообольщенія, самовнушенія, безсознательнаго заблужденія вслѣдствіе недостатка наблюденія[2]), или иллюзій и галлюцинацій въ гипнотическомъ снѣ, помимо неправильнаго объясненія матеріализаціи и др. явленій, бывающихъ на медіумическихъ сеансахъ происходящихъ отъ неизученныхъ еще свойствъ психической силы человѣка, здѣсь есть явная опасность принять за явленія умершихъ явленія злыхъ духовъ и подпасть тонкому и опасному обольщенію со стороны этихъ враговъ всякой истины.

Въ виду сего св. церковь воспрещаетъ вызываніе духовъ. Бывали благодатныя явленія ангеловъ Божіихъ святымъ подвижникамъ, когда они

---

[1]) Lindner Fraunduenstädt: Arthur Schopenhauer 455.

[2]) Выходящее въ свѣтъ соч. д-ра Лемана подъ названіемъ: *«Исторія суевѣрій и волшебства»* содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ указаній на недостатокъ или ошибочность наблюденій во время спиритическихъ сеансовъ. Впрочемъ, не со всѣми выводами автора можно согласиться. *Г. Д—ко.*

достигали высшаго на землѣ совершенства и дѣлались сами уже какъ бы безплотными: бывали имъ и тяжкія искушенія, во время подвига, отъ духовъ лукавыхъ, и такого рода двоякія явленія признаетъ церковь, никогда не дозволяя, однако, домогаться вступать въ явное общеніе съ духами, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Да и тѣ изъ угодниковъ Божіихъ, которые удостоивались благодатныхъ явленій, съ недовѣрчивостью ихъ встрѣчали, смиренно опасаясь искушенія отъ духа лести, могущаго, по словамъ апостола, преобразиться въ ангела свѣта.

Послѣдователи же спиритизма, безъ всякаго страха, входятъ въ общеніе со всякаго рода духами, надѣясь на опытность своихъ *медіумовъ* (или посредниковъ) въ различеніи добраго или дурного качества этихъ духовъ, судя по тому, что они будутъ говорить. Отуманенные самолюбіемъ забыли, что разумъ человѣческій, оставленный на собственный произволъ, можетъ подпасть такому же искушенію, какому подверглись наши праотцы, когда, по внушенію духа лести, сами возмечтали, *яко боги*, различать доброе отъ лукаваго.

Посмотрите въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, до какой степени сами апостолы отвергали такого рода общенія и всякія волхвованія и гаданія, которыя даже, казалось, имъ благопріятствовали. Когда апостолы Павелъ и Сила проповѣдывали въ Македоніи, въ городѣ Филиппахъ, за ними многіе дни слѣдовала нѣкая дѣвица, которая имѣла въ себѣ духа *пытливаго* и гаданіями много доставляла дохода господамъ своимъ. Она взывала къ народу объ апостолахъ: «люди сіи суть служители Бога Вышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія». Что, казалось, могло быть благоговѣйнѣе такого свидѣтельства истины и передъ язычниками? и можно ли было ожидать, чтобы не добрый, а пытливый духъ говорилъ устами дѣвицы? Это могло бы обольстить неопытныхъ спиритовъ нынѣшняго времени. Однако, апостолъ Павелъ, исполненный иного вдохновенія, обратившись къ духу пытливому, говорившему устами дѣвицы, сказалъ: запрещаю тебѣ именемъ Іисуса Христа: «изыди изъ нея», и духъ немедленно вышелъ. Не страшное ли это обличеніе для самонадѣянныхъ? Такъ, однако, засвидѣтельствовалъ о томъ свидѣтель событія, евангелистъ Лука, написавшій книгу Дѣяній (XVI, 16. 17 и 18).

Хотите ли вы видѣть изъ той же книги Дѣяній, до какой степени опасно входить въ общеніе съ духами даже съ призываніемъ имени Господа Іисуса, но безъ власти апостольской надъ ними? Нѣкоторые изъ іудеевъ, видя знаменія и исцѣленія, какія творилъ Павелъ, дерзнули сами призывать имя Господне надъ людьми, одержимыми отъ духовъ нечистыхъ, и говорили такъ: «заклинаемъ васъ Іисусомъ, Котораго проповѣдуетъ Павелъ». Между этими заклинателями были даже семь сыновей одного первосвященника іудейскаго, слѣдовательно, люди просвѣщенные и высокопоставленные. Что же отвѣчалъ имъ духъ лукавый? «Іисуса знаю и Павла также, вы же кто?» И человѣкъ, въ которомъ былъ злой духъ, устремившись на нихъ и одолѣвъ, взялъ надъ ними такую силу, что они, обнаженные и избитые, бѣжали изъ того дома. Это произвело на всѣхъ ужасъ, и многіе изъ тѣхъ, которые занимались тайными знаніями, собрали всѣ свои книги и сожгли ихъ, цѣною на 50.000 драхмъ серебра. «Такъ сильно возрастало и дѣйствовало слово Божіе», заключаетъ дѣеписатель евангелистъ Лука (Дѣян. XIX, 10—20).

Слѣдовательно, слово Божіе воспрещаетъ такое призываніе и всякаго рода волхвованія, которыя были воспрещены и въ ветхомъ завѣтѣ, въ книгахъ Моисеевыхъ, гдѣ вопрошенія мертвыхъ и всякаго рода волхвованія и чародѣйства называются *мерзостію языческою,* за которую Господь истребилъ хананеевъ (Второзак. XVIII, 9—12).

Мы видимъ еще въ ветхомъ завѣтѣ, изъ первой книги Царствъ (XXVIII), до какой степени было дѣло отверженное и преступное заниматься волхвованіями и вызывать души умершихъ. Саулъ, предъ своею послѣднею битвою съ филистимлянами, уже отверженный Богомъ, когда Господь не отвѣчалъ ему ни во снѣ, ни въ явленіяхъ, ни чрезъ пророковъ, рѣшился обратиться къ волшебницѣ, чтобы вызвать тѣнь Самуила. Волшебница сперва не смѣла приступить къ волхвованіямъ, зная, что самъ Саулъ прежде сего казнилъ смертію всѣхъ чародѣевъ. Когда же, по слову царя, приступила она къ чарамъ, то увидѣла какъ бы боговъ, восходящихъ отъ земли, и предсталъ нѣкто въ видѣ Самуила: — палъ какъ мертвый предъ нимъ Саулъ, и скорая смерть постигла его въ битвѣ: такъ страшно совѣщаться съ душами усопшихъ!

Бываютъ и теперь случаи безвременной кончины предавшихся спиритизму, а еще чаще случаи помѣшательства, которое весьма естественно постигаетъ людей, съ такимъ нравственнымъ напряженіемъ посвятившихъ себя столь необычайной наукѣ, каково общеніе съ міромъ невидимымъ.

Возьмемъ ради примѣра одинъ изъ разсказовъ, обнародованныхъ Вагнеромъ въ журналѣ: «Psychische Studien», издававшемся А. Аксаковымъ въ Лейпцигѣ [1]). Описываются нѣсколько медіумическихъ сеансовъ, происходившихъ въ началѣ 1876 года, какъ кажется, въ Петербургѣ. На одномъ изъ этихъ сеансовъ духъ передалъ, посредствомъ постукиванія ножкою стола, слѣдующую фразу:

Я страдаю, потому что ты не вѣришь!

Вопросъ: Къ кому относятся эти слова?

---

[1]) См. также «Zöllner» Wissenschaftliche Abhandlungen, III p. 219—399.

Отвѣтъ: Къ Екатеринѣ Л.

Вагнеръ прибавляетъ отъ себя: дѣвица Екатерина Л. присутствовала при этомъ сеансѣ. До того времени ея убѣжденія были чисто матеріалистическія. Положенія извѣстнаго русскаго публициста Писарева она считала неопровержимыми догматами, но сила медіумическихъ явленій поколебала и, наконецъ, совершенно сломила эти убѣжденія.

Вопросъ Екатерины Л: Кто ты таковъ?

Отвѣтъ духа: Я твоя подруга, Ольга Н.

Ольга Н., по убѣжденіямъ тоже атеистка, была задушевною пріятельницею Екатерины Л. Она умерла около года предъ тѣмъ, поэтому сообщенія духа глубоко взволновали Екатерину Л. Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ дневника Екатерины Л., доставленнаго Вагнеру послѣ ея смерти.

29 марта, 1876 г. $1^1/_2$ ч. ночи.

Едва С. и я легли спать, какъ у изголовья моей кровати послышался стукъ въ стѣнѣ [1]). Я сначала подумала, что кто-то идетъ по лѣстницѣ, расположенной за стѣною, но чрезъ минуту повторился стукъ и съ такою силою, что и С. обратила на это вниманіе и меня спросила, не я ли стучу. Теперь я догадалась въ чемъ дѣло: «вѣроятно, это моя Олинька пришла ко мнѣ», сказала я себѣ. Какъ бы въ подтвержденіе моихъ словъ раздался глухой стукъ въ стѣну, какъ отъ удара молота, обвязаннаго чѣмъ-то мягкимъ.

— Ты ли, Ольга? — спросила я громко духа.

Три равномѣрные удара послужили отвѣтомъ.

— Могу ли я спокойно спать эту ночь?

Опять три подобные удара.

30 марта $6^3/_4$ часовъ вечера.

— Зачѣмъ ты, Олинька, стучала вчера въ стѣну?

— Злые духи мѣшаютъ тебѣ приступить къ причастію. Ты сперва хотѣла говѣть, но потомъ раздумала. Я приходила вчера, милая моя, предупредить тебя, чтобы ты имъ не повиновалась. Я всю эту недѣлю не приду. У меня много дѣлъ. Въ четвергъ, послѣ причастія, я тебя навѣщу.

— Итакъ, ты придешь ко мнѣ послѣ причастія?

— Да, и я сдѣлаю тебѣ подарокъ.

— Какой же это будетъ подарокъ?

— Ты можешь его всѣмъ показывать.

— Ты это мнѣ подаришь въ день причастія?

— Да, въ церкви!

1 апрѣля.

Сегодня я исповѣдывалась.

Послѣ причастія я отошла на свое мѣсто и сѣла. Въ моихъ рукахъ вдругъ очутился букетъ цвѣтовъ: бѣлая роза и миртовыя вѣтви, перевязанныя локономъ волосъ, мнѣ хорошо извѣстныхъ!

Въ этомъ состоялъ обѣщанный подарокъ.

Возвратившись домой изъ церкви, мы сѣли вокругъ стола.

Нашъ небесный другъ былъ уже между нами. Его первыя заявленія были слѣдующія:

— Всѣхъ васъ поздравляю! я радуюсь за васъ. Душенька моя, довольна ли ты моимъ подаркомъ?

— Какое значеніе ты придаешь розамъ и миртамъ?

— Чистая любовь, вѣчность!

Съ трудомъ только я могла удержать слезы.

Затѣмъ разсказывается, какъ въ одномъ изъ слѣдующихъ сеансовъ духъ Ольги Н. объявилъ, что совершится полная его матеріализація, при посредствѣ самаго сильнаго изъ присутствовавшихъ медіумовъ, а именно Софіи Э. Дѣйствительно, въ назначенный день обычные члены кружка собрались. Вскорѣ Софія Э. впала въ каталептическое состояніе (trance). Ее положили на диванъ и закрыли занавѣскою. Чрезъ нѣсколько времени изъ-за занавѣски выплыла Ольга Н., вся въ бѣломъ; она ступала ровно, спокойно, подошла къ Екатеринѣ Л., взяла ее за руку, обняла и погладила лицо рукою, затѣмъ обернулась и исчезла въ воздухѣ. На одномъ изъ слѣдующихъ сеансовъ, происходившихъ въ темнотѣ, обликъ Ольги Н. опять явился и при прощаніи покрылъ Екатерину Л. газовымъ вуалемъ.

Послѣ этого Екатерина Л. не долго жила. Она умерла чахоткою, но до самой смерти сохраняла букетъ и газовый вуаль, какъ дорогія воспоминанія о своей подругѣ, и велѣла ихъ даже похоронить вмѣстѣ съ собою, но ея мать — женщина строгихъ религіозныхъ правилъ, считавшая всѣ яяленія медіумизма дѣломъ нечистой силы — выхватила изъ гроба букетъ и газовый вуаль и выбросила ихъ, какъ вещи опасныя для душевнаго спасенія умершей дочери.

Замѣтимъ здѣсь прежде всего, что опыты, подобные описаннымъ, рѣдко проходятъ даромъ для лицъ участвующихъ въ нихъ; они сильно разстраиваютъ нервы и влекутъ часто за собою болѣзненные припадки и даже смерть. Такъ, Екатерина Л., получившая отъ духа Ольги Н. букетъ и вуаль, умерла вскорѣ потомъ отъ изнурительной чахотки; такъ, Софія Э., служившая медіумомъ, чувствовала себя нездоровою цѣлыхъ восемь дней послѣ сеанса, и на лѣвомъ боку у ней оказалось большое багровое пятно.

Замѣтимъ еще, что въ приведенномъ выше примѣрѣ заявленія духовъ сохраняли совершенно приличный характеръ: не было ни щипанія, ни бросанія камней или обливанія водою, ни битья мебели и посуды, ни игранія на гармоникѣ или звенѣнія въ колокольчикъ. При обиліи спирити-

[1]) Мы уже видѣли, что стуки могутъ быть произведены на разстояніи психическою силою человѣка (см. выше главы о магнитизмѣ, одическихъ излученіяхъ и телепатіи). Несомнѣнно, что и злой духъ можетъ производить подобные стуки.

Г. Д—ко.

ческой литературы, мы имѣемъ въ этомъ отношеніи громадный матеріалъ.

Насколько бываютъ справедливы показанія духовъ, читатели увидятъ изъ слѣдующихъ двухъ случаевъ, передаваемыхъ графомъ А. Толстымъ.

«Однажды вечеромъ мы сидѣли въ домѣ моей тещи, княгини Волконской. Наканунѣ теща моя съ младшею дочерью, тогда еще дѣвицею, была гдѣ-то на балѣ. Стали искать бриллиантовыхъ серегъ, которыя наканунѣ надѣвала молодая княжна, но нигдѣ не могли найти ихъ. Намъ предложили, въ видѣ шутки, погадать объ нихъ на тарелкѣ. Вышелъ слѣдующій довольно длинный рядъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Вопросъ: Куда дѣвались серьги?

Отвѣтъ: Украдены.

Вопросъ: Кто укралъ?

Отвѣтъ: Дуняша.

Нужно замѣтить, что въ числѣ прислуги было нѣсколько женщинъ съ именемъ Авдотьи; одну изъ нихъ, няню дѣтей нѣкоихъ Грязевыхъ, всегда звали по отчеству Савельевной и почти не помнили имени, даннаго ей при крещеніи. Мы продолжали опытъ.

Вопросъ: Какая Дуняша?

Отвѣтъ: Савельевна.

Вопросъ: Куда спрятала?

Отвѣтъ: Отдала племяннику.

Всѣ знали старуху-няню за честную женщину, но изъ любопытства справились и узнали, что часа за два предъ тѣмъ приходилъ къ ней мальчикъ, племянникъ, пробылъ недолго и ушелъ въ большомъ смущеніи. Невольно возбудилось подозрѣніе противъ Савельевны.

Между тѣмъ воротилась домой уѣзжавшая на цѣлый день старшая сестра жены моей А. П. Грязева. «О чемъ вы тутъ хлопочете, чего ищете?» спросила она. Мы разсказали ей исторію о серьгахъ. «Онѣ у меня въ шкатулкѣ,— сказала она, засмѣявшись.— Я увидала ихъ поутру на столѣ и нарочно заперла, чтобы не пропали».

Дѣйствительно, серьги оказались въ шкатулкѣ. Мы всѣ были поражены искусно сплетенною клеветой, въ которой не забытъ и мальчикъ, поспѣшившій уйти отъ строгаго выговора тетки за какую-то шалость. Съ того дня такая забава намъ опротивѣла, и мы ее бросили.

Другой опытъ случился недавно въ Петербургѣ, въ квартирѣ зятя моего, князя В. Д. Голицына. Тамъ собиралось нѣсколько молодыхъ людей, пріятелей хозяина, которые занимались спиритизмомъ. Отвѣты на вопросы получались чрезъ удары подъ столомъ, на которомъ лежали руки участниковъ опыта.

Когда невѣдомый духъ далъ знать стукомъ о своемъ присутствіи, ему предложили вопросъ: кто ты? — «Я Іосифъ Мудрый», отвѣчалъ онъ. Когда ты умеръ? «Въ началѣ 1516 года». Что ты намъ скажешь? — «Любите Бога и святыхъ Его».

Тѣ, которымъ духъ давалъ эти отвѣты, ничего не знали объ Іосифѣ Мудромъ. Спросили меня. Я припомнилъ, что нѣкоторые изъ учениковъ преп. Іосифа Волоколамскаго называли его Іосифомъ Мудрымъ, и что указанный годъ близокъ ко времени его кончины. Навели справку, и оказалось, что преставленіе преп. Іосифа означено въ святцахъ подъ 9 сентября 1515 года. Разница въ годѣ могла зависѣть или отъ ошибки считавшихъ, или отъ счета съ новолѣтія съ 1 сентября.

Видимо, что говорившій съ нами духъ хотѣлъ выдать себя за богоугоднаго праведника, много потрудившагося въ защитѣ православной вѣры противъ ересей.

Но какъ узнать, правду ли онъ говоритъ, или обманываетъ? Апостолъ Іоаннъ подаетъ намъ вѣрный способъ для распознаванія духовъ; онъ говоритъ: „не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста» (Іоан. IV, 1—3). Основываясь на этихъ священныхъ словахъ, я попросилъ вступившихъ въ общеніе съ духомъ спросить его, исповѣдуетъ ли онъ Сына Божія, во плоти пришедшаго? Этотъ вопросъ остался безъ отвѣта, а когда повторили его, тяжелый орѣховый столъ съ трескомъ двинулся почти на аршинъ впередъ[1]).

А вотъ отрывокъ изъ замѣчательнаго разсказа Кускова, помѣщеннаго въ «Странникѣ» 1885 г., т. III:

«Придя домой, я взялъ бумагу и карандашъ и сѣлъ къ столу. Одной минуты не прошло, какъ карандашъ началъ писать: «Ты опять пристаешь, прошу теб...», карандашъ вдругъ остановился и пересталъ писать, потому что въ это время я началъ мысленно читать молитву: *Да воскреснетъ Богъ*.

Переставши читать молитву, я спросилъ: что же ты остановился? почему не пишешь? — «Я писалъ тебѣ, что б...», началъ было писать карандашъ, но опять вдругъ остановился, потому что я опять началъ читать ту же молитву.

— Что же ты не пишешь? — спросилъ я, — или ты боишься молитвы?

Отвѣта не послѣдовало.

— Напиши, кто ты такой? Если тебя молитва устрашаетъ и не позволяетъ писать, значитъ ты не кто другой, какъ тотъ, кто искушалъ Бога въ пустынѣ?

И на этотъ вопросъ отвѣта не было.

Тогда я сказалъ: именемъ Бога Всемогущаго требую написать, кто ты...

---

[1]) Не трудно видѣть, что въ этихъ случаяхъ отъ лица умершихъ дѣйствовалъ духъ зла, клеветы и невѣрія, т.-е. діаволъ. *Г. Д—ко.*

Карандашъ началъ тихо наклоняться къ бумагѣ и медленно написалъ: *да, я тотъ, кто искушалъ Бога въ пустынѣ.*

Это неожиданное открытіе такъ меня поразило, что я вскочилъ изъ-за стола и бросилъ карандашъ [1]). Жена спросила: что такое случилось?

Я сказалъ ей, кто писалъ намъ карандашомъ, который опять тутъ же взялъ и требовалъ написать: «кто именно производилъ стуки въ столѣ, приводилъ его въ движеніе и отвѣчалъ на вопросы?

Карандашъ написалъ: *я, злой духъ.*

— Я требую, — сказалъ я, чтобы ты оставилъ насъ. Съ этого времени мы оставляемъ занятія со столомъ и карандашомъ.

Карандашъ медленно, и какъ бы удаляясь, написалъ: «Не приду»; первую букву большую, вторую меньше и т. д.; послѣдняя буква «у» написана была очень маленькая.

Сдѣлавши такое неожиданное открытіе, мы рѣшили немедленно сообщить о томъ нашимъ знакомымъ, которые, подобно намъ, занимались спиритизмомъ, и чтобы уничтожить и слѣды нашихъ занятій, я собралъ всѣ свои записки вродѣ дневника и листки, на которыхъ духъ писалъ карандашомъ, и все сжегъ.

И на какомъ основаніи, кромѣ ихъ собственнаго льстиваго увѣренія, принимаютъ спириты лукавыхъ духовъ этихъ за мнимыя души усопшихъ, ими вызываемыя? Не такъ свободно общеніе съ ними, какъ они предполагаютъ, если только хотятъ вѣровать въ евангеліе.

Мы знаемъ, изъ священнаго писанія, о многократныхъ явленіяхъ ангеловъ человѣческому роду, которые всѣ, по словамъ апостола Павла, «суть служебные духи, посылаемые на служеніе тѣмъ, которые наслѣдуютъ спасеніе» (Евр. I, 14); но они являются въ видимыхъ образахъ и возвѣщаютъ волю Божію языкомъ человѣческимъ, какъ достойно словеснаго творенія, а не какимъ-либо бездушнымъ стукомъ, изъ котораго надобно отгадывать буквы, или странными письменами безъ сознанія пишущаго карандаша или стола. Въ противоположность ангельскимъ явленіямъ, мы слышимъ также предостереженіе апостола Петра, который говоритъ, чтобъ мы бодрствовали, ибо «противный намъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ищущій кого бы поглотить» (1 Петр. V, 8). И апостолъ Павелъ предостерегаетъ насъ также: «что наша брань не съ кровію и плотію, но съ міроправителями тьмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными» (Ефес. VI, 12). Но никто изъ апостоловъ не внушаетъ намъ о какомъ-либо общеніи съ душами усопшихъ, которое бы могло служить намъ руководствомъ въ этой жизни.

Мы, православные христіане, признаемъ благодатное явленіе и ангеловъ и святыхъ — людямъ, удостоеннымъ особенной благодати отъ Бога, но никакъ не можемъ вѣрить, чтобы *каждый человѣкъ* или, по крайней мѣрѣ, *каждый медіумъ* могъ бы *по произволу,* какъ бы по звуку колокольчика, *извѣстной формулой* вызывать кого ему угодно изъ царства мертвыхъ, злыхъ и добрыхъ, и даже святыхъ, и тѣ должны непремѣнно являться, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то чародѣйства. Это недостойно ни святыхъ, ни Самого Бога. И вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не оказывается какое-либо *шарлатанство,* а дѣйствительно является что-либо необычайное въ отвѣтахъ, — мы это приписываемъ не душамъ усопшихъ, а лести демоновъ, за нихъ отвѣчающихъ. Но демоны эти намъ не страшны, и напрасно насъ насмѣшливо обвиняютъ въ такой боязни послѣдователи спиритизма, потому что мы вооружены противъ ихъ лести крестнымъ знаменіемъ и самою молитвой Господней: «Отче нашъ», въ которой, несмотря на ея краткость, есть и предостереженіе противъ діавола, — въ ея послѣднемъ прошеніи: «и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго».

Если бы чаще о томъ помышляли упражняющіеся въ спиритизмѣ, то они были бы осторожнѣе въ своихъ сношеніяхъ съ домашними духами.

Нельзя однако же сказать, чтобы слишкомъ разборчивы были спириты насчетъ своихъ духовъ, во множествѣ вызываемыхъ.

Любопытно видѣть, до какой степени несвѣдущи въ текстахъ евангелія и какъ искажаютъ ихъ не только ученики, но и самые загробные учители, такъ, напримѣръ, докторъ Грандъ съ восторгомъ описываетъ свое изумленіе при первомъ откровеніи одного духа, который *разумными звуками* простучалъ слѣдующую фразу: «мужайся, даже и послѣ чуда, потому что невѣрующіе изгонятъ тебя, какъ іудеи прогнали слѣпорожденнаго отъ святого Іоанна Крестителя»; тутъ даже выставлено и откуда этотъ текстъ — Іоан. гл. 9. Не угодно ли открыть эту главу и найти въ ней хотя одно слово объ Іоаннѣ Крестителѣ? Дѣло идетъ объ исцѣленіи слѣпорожденнаго Самимъ Господомъ. Кто же тутъ ошибся, — духъ или авторъ?

Однако, онъ въ своихъ примѣчаніяхъ свидѣтельствуетъ, какъ отчетливо каждый стукъ выражаетъ извѣстную букву, и что изъ этихъ буквъ составляются слова, хотя и медленнѣе, но даже отчетливѣе тѣхъ, которыя пишутся на бумагѣ подъ вліяніемъ духа. Итакъ, въ этомъ случаѣ, духъ пролгался, а вѣрующій ему авторъ, не уступая ему въ невѣжествѣ въ познаніи священнаго писанія, такъ и пустилъ въ печать свою

[1]) Писаніе карандаша въ рукахъ медіума съ измѣненіемъ его почерка и даже на незнакомомъ ему языкѣ можетъ быть объяснено подсознательною дѣятельностью пишущаго медіума, или телепатическою передачею мыслей участниковъ сеанса. Тутъ причины, хотя мало изученныя, но все-же психофизіологическаго характера. Но, какъ мы видимъ, и демоны могутъ воспользоваться этимъ для своего проявленія, съ злою цѣлью обольщенія людей.

Прот. Г. Д—ко.

нелѣпость, которую съ благоговѣніемъ пріемлютъ спириты [1]). Между тѣмъ упомятый докторъ Грандъ изумляется духовнымъ познаніямъ своего домового, говоря, что эти указанія на священное писаніе, съ значеніемъ самыхъ главъ и стиховъ, свидѣтельствуютъ о познаніяхъ мнимаго духа по сему предмету: «ибо физически невозможно пишущему медіуму запомнить всѣ эти числа» (стр. 39). Каково же обличеніе невѣжественному духу, или тѣмъ, кто ему вѣритъ!

Я здѣсь привелъ только ошибочное указаніе на евангеліе, сдѣланное духами. Но страшно видѣть, какъ они искажаютъ, въ свою пользу, не одни лишь слова, но и самый смыслъ изреченій Спасителя. Они хотятъ основать на евангеліи свой языческій догматъ о переселеніи душъ и многократномъ ихъ перевоплощеніи, потому что сами не уразумѣли спасительной заслуги Сына Божія, Котораго искупительная кровь одна только можетъ очистить грѣхи наши. Какой же евангельскій текстъ приводятъ себѣ во свидѣтельство? Бесѣду Господа съ Никодимомъ и, собственно, слова Христовы о томъ, что необходимо родиться отъ воды и духа, чтобы войти въ царствіе небесное. Самъ глава новой секты, Кардекъ, указывалъ на этотъ текстъ, не понимая его таинственнаго смысла, и говорилъ, что ученіе о *перевоплощеніи* душъ, которому должны всѣ покориться, заимствовано не у язычниковъ и даже не у христіанскаго какого-либо автора, а изъ самыхъ словъ Іисусовыхъ, и весьма ясно выражено въ евангеліи Іоанна.

Желательно бы знать, какое отношеніе имѣютъ къ переселенію душъ слова Господни: «Истинно, истинно говорю тебѣ, если кто не родится свыше, не можетъ видѣть царствія Божія». Слово *свыше,* вѣрно переведенное съ греческаго подлинника (ἄνωθεν), переведено на французскомъ языкѣ *снова,* что даетъ ему иной смыслъ. Когда же Никодимъ спрашиваетъ: «какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ?» Господь очень ясно указываетъ на таинство крещенія, говоря: «если кто не родится *водою и духомъ,* не можетъ войти въ царство небесное». Такимъ образомъ каждый христіанинъ рождается *свыше* въ благодатныхъ водахъ крещенія, и тутъ нѣтъ уже ни малѣйшаго намека на переселеніе душъ изъ тѣла въ тѣло и съ планеты на планету. Можно ли столь хульно искажать священный текстъ и лгать на Самого Іисуса Христа?

Вотъ и другой текстъ изъ евангелиста Матѳея, приводимый Кардекомъ. Въ главѣ 17 сказано: «Ученики спрашивали Господа: почему книжники говорятъ, что Иліи подобаетъ притти прежде; Іисусъ же отвѣчалъ: Илія уже пришелъ, и не познали его, но сотворили съ нимъ, что хотѣли, такъ и Сынъ человѣческій отъ нихъ пострадаетъ. Тогда уразумѣли ученики, что Онъ имъ говорилъ о Іоаннѣ Крестителѣ (ст. 12, 13)». Изъ этого заключаетъ Кардекъ, что, такъ какъ Іоаннъ Креститель былъ то же, что и Илія, то душа Иліи воплотилась снова въ тѣлѣ Іоанновомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, одной жизни недостаточно для исполненія судебъ Божіихъ.

Читалъ ли Кардекъ у евангелиста Луки (гл. 1, ст. 17), что предсказалъ архангелъ, явившійся въ храмѣ отцу Іоанна, священнику Захаріи, о рожденіи его дивнаго сына, что «онъ многихъ изъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ къ Господу Богу ихъ, и предыдетъ предъ Нимъ (т.-е. Мессіею) *духомъ и силою Иліиною*». Это пророчество осталось въ памяти у іудеевъ, поэтому они спрашивали, когда Іоаннъ сталъ проповѣдывать въ пустынѣ, не онъ ли есть Илія? Іоаннъ же прямо отвѣчалъ имъ: «нѣтъ» (Іоанн. гл. 1, ст. 21). Кажется, ясно такое свидѣтельство, и не слѣдуетъ объяснять его иначе. Надобно вспомнить еще, что, по свидѣтельству священнаго писанія, святой пророкъ Илія не разлучался съ тѣломъ, не умиралъ, слѣдовательно, не могъ и принять новаго тѣла.

Я привожу всѣ эти тексты изъ евангелія для вѣрующихъ, т.-е. для православныхъ христіанъ, для того, чтобы ихъ не сбивали лжеучители искаженными текстами, въ которыхъ не каждый можетъ подмѣтить обманъ. Для тѣхъ же, которые увлекаются всякимъ вѣтромъ ложнаго ученія, нѣтъ пользы ни въ доказательствахъ противъ спиритизма, ни въ самыхъ текстахъ евангельскихъ. Если они слѣпо убѣждены, что съ ними бесѣдуютъ духи, и духи добрые, то можетъ ли быть принято ими какое-либо человѣческое слово, когда даже и евангельскія слова искажаютъ, по своему произволу, ихъ духовные учители съ того свѣта?

Невольно вспоминаются здѣсь слова одного германскаго мыслителя: «Остерегайтесь имѣть дѣло съ *тьмой,* уже потому, что вы не знаете, что можетъ скрываться во тьмѣ, и потому что *тьма сама себя не знаетъ*[1]).

3. Еще предостереженіе отъ занятія спиритизмомъ.

Главнѣйшее основаніе ученія спиритовъ,—сообщенія духовъ, представляетъ собою нѣчто... весьма странное...

По словамъ Спасителя и ученію нашей церкви, умершіе продолжаютъ жить и за гробомъ, сообразно ихъ земной жизни: грѣшники въ мукахъ, а праведники – въ небесныхъ селеніяхъ. Сердеч-

[1]) Конечно, здѣсь рѣчь идетъ не объ ученыхъ спиритахъ, въ родѣ нѣмецкаго ученаго Карла дю-Преля, англійскаго Крукса, русскихъ Аксакова, Бутлерова, Вагнера и др., которые чужды суевѣрій спиритизма. Если они занимаются имъ, то съ цѣлью изучить таинственныя явленія въ области человѣческаго духа, съ цѣлью доказать бытіе его и посмертное его существованіе. Едва ли можно порицать ихъ за это. *Г. Д—ко.*

[1]) См. «Духовную бесѣду» 1863 года. «Православ. обозр.» 1881 года. «Душеполезн. чтеніе» 1883 года.

ныя молитвы живыхъ за усопшихъ доходятъ до Господа и ослабляютъ мученія страждущихъ, и они, уже очищенные этими молитвами и претерпѣнными муками, явятся предъ Господомъ въ день суда Его. По ученію спиритовъ, во время загробной жизни души умершихъ могутъ имѣть общеніе, видимое и невидимое, съ живущими на землѣ, и могутъ «на спиритическихъ сеансахъ» говорить съ людьми, или видимо, «матеріализуясь» въ свою имѣвшуюся при жизни на землѣ форму, или невидимо, посредствомъ постукиванія столомъ, напримѣръ, писанія карандашомъ или вожденіемъ блюдечка по бумагѣ съ написанными буквами азбуки... Такимъ-то путемъ, посредствомъ сообщенія духовъ «на сеансахъ», и «было сообщено» спиритамъ ученіе о перевоплощеніи человѣка. Эти сообщенія невидимыхъ духовъ, какъ говорятъ спириты, давались или сыномъ умершимъ, или покойною дочерью, женою, сестрою говорящаго спирита, «и даже ангеломъ Ѳедоромъ и архангелами»; какое же значеніе могутъ имѣть такимъ путемъ даваемыя сообщенія?

Общеніе человѣка съ загробнымъ міромъ не отрицается, какъ уже сказано, нашею церковью, и въ ея лѣтописяхъ встрѣчаются описанія болѣе яркихъ случаевъ такого общенія многихъ подвижниковъ церкви во дни ихъ земной жизни. Такъ, многіе изъ нихъ видѣли въ дивныхъ образахъ въ часы бодрствованія и въ вѣщихъ снахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ и Пресвятую Богородицу (напримѣръ св. Сергій радонежскій), но точно такъ же имъ приходилось видѣть, какъ указываютъ жизнеописанія многихъ, и злого искусителя въ видѣ прекрасной женщины, полной сладострастья... Поэтому не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что и общеніе духа и принятіе имъ, временно, тѣлесной формы человѣка возможно *только* для чистѣйшей и совершеннѣйшей святости, или для абсолютнаго зла; къ какой же категоріи духовъ принадлежатъ тѣ, которые «на сеансахъ» говорятъ подъ разными именами и выдѣлываютъ всякія штуки, отъ подъема стола до бросанія всякихъ предметовъ и звона въ колокольчикъ включительно?

Они даютъ ложныя толкованія святому евангелію и сообщаютъ спиритамъ о перевоплощеніи человѣка, т.-е. распространяютъ ученіе несогласное съ завѣтами Іисуса Христа, съ ученіемъ православной церкви; а слѣдовательно, это духи тьмы, а не свѣта, отъ которыхъ каждый вѣрующій христіанинъ долженъ отстраниться съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Такимъ образомъ, въ своихъ исканіяхъ чудеснаго изъ подъ блюдечка или изъ подъ-ножки стола спириты могутъ встрѣтить такія новыя чудеса, что окончательно запутаются въ своихъ вѣрованіяхъ. Чтобы избѣгнуть этого результата необходимо бросить опасные «сеансы», или относиться къ сообщеніямъ духовъ крайне осторожно и, прежде чѣмъ слѣдовать ихъ указаніямъ—поразмыслить о томъ, насколько слова и совѣты духовъ согласуются съ ученіемъ Спасителя и съ постановленіями Его святой церкви. Непріятіе этой необходимой предосторожности поведетъ за собою послѣдствія несомнѣнно зловредныя.

Часто «на сеансахъ» духи ведутъ, повидимому, религіозно-нравственную бесѣду съ довѣрчивымъ спиритомъ, но въ ихъ сообщеніяхъ всегда бываютъ тѣ ядовитыя вставки, которыя въ будущемъ вызовутъ у спирита новую мысль, сомнѣніе и противохристіанскіе выводы.

Въ виду всего сказаннаго ясно, что каждое сообщеніе невидимаго собесѣдника необходимо провѣрять выводами *своего* ума, голосомъ *своего* сердца и чистѣйшими вѣрованіями *своей* души, живой и чувствующей, а не вѣрить безусловно неизвѣстному духу, какимъ бы ангеломъ онъ ни объявлялся; зачѣмъ ожидать и просить его указаній, когда въ св. евангеліи всѣ мы имѣемъ указанія простыя, ясныя, всѣмъ понятныя, притомъ указанія Сына Божія, Спасителя нашего Іисуса Христа?

Сущность спиритизма заключается въ стремленіи человѣка къ нравственному самоусовершенствованію. Между тѣмъ въ настоящее время флагомъ спиритизма прикрывается не это нравственное стремленіе, а простое любопытство по страсти къ чудесному, и «спиритомъ» называетъ себя каждый, кто занимается «на сеансахъ», одинъ или вмѣстѣ съ другими, упражненіями со столомъ, съ блюдечкомъ или карандашомъ, получая «сообщенія» и ожидая «явленій» и «матеріализаціи»... Такимъ образомъ нравственное начало и высокая цѣль спиритизма исчезли и замѣнились такимъ препровожденіемъ времени, которое можно бы назвать только пустымъ, еслибы оно не вело къ дурнымъ, вреднымъ послѣдствіямъ, въ родѣ убѣжденія о необходимости моленій за Іуду, Каіафу, и вѣрованія въ перевоплощеніе человѣка и т. п. Допуская возможность общенія живыхъ съ душами умершихъ, что не отвергается и нашею церковію [1]), допуская даже, становясь на точку зрѣнія спиритовъ, возможность участія умершихъ «въ сеансахъ», нельзя не допустить и возможности участія въ нихъ такихъ умершихъ (напримѣръ, развратниковъ, грабителей и убійцъ), отъ которыхъ и при ихъ жизни слѣдовало сторониться каждому порядочному человѣку, какъ отъ вѣрныхъ служителей злу, а не добру и правдѣ. Служа злу при жизни, эти люди и послѣ смерти остаются въ распоряженіи злой воли, а потому ничему доброму и полезному научить не могутъ и не пожелаютъ, участвуя, въ качествѣ незримыхъ собесѣдниковъ, «на сеансахъ» съ живыми.

Въ виду всего сказаннаго, каждому, считающему себя спиритомъ только вслѣдствіе своего довѣрія къ откровеніямъ посредствомъ столовер-

[1]) Булгаковскій: «Изъ загробнаго міра», стр. 5, 7 и др.

ченія, хожденія блюдечка или карандашныхъ упражненій, необходимо выяснить себѣ: 1) что одно участіе въ подобныхъ «сеансахъ» не даетъ человѣку возможности сдѣлаться истиннымъ спиритомъ; 2) что если порядочный человѣкъ гнушается безнравственнаго общества живыхъ, то, по уваженію къ себѣ, онъ долженъ гнушаться и безнравственныхъ незримыхъ умершихъ собесѣдниковъ; 3) что сообщеніе «духовъ» о перевоплощеніи человѣка противно ученію Христа и категорически опровергается апостоломъ Павломъ, который говоритъ, что «человѣкамъ положено однажды умереть» (а слѣдовательно и однажды родиться). Посл. къ Евр. IX, 27.

«Одна каждому смерть, стало-быть одно и рожденіе, говоритъ епископъ Ѳеофанъ... Какой духъ иначе будетъ проповѣдывать и обѣщать другое рожденіе и другую смерть, тотъ антихристовъ» (Ѳеофанъ. Поученія. См. Рус. палом. 1894 г. № 19).

И. Митрополитъ Филаретъ въ его отношеніяхъ къ міру таинственныхъ явленій.

Насколько Филаретъ былъ строго послѣдовательнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ на теченіе явленій въ жизни и значеніе ихъ послѣдняго смысла и цѣли,—проявленій и воздѣйствій свѣтлыхъ или темныхъ силъ, — можно видѣть изъ того, что, кажется, для него не существовало *ничего безразличнаго*. «Нѣкоторые благословно говорятъ, что человѣкъ мало дѣлаетъ однимъ собою, но болѣе или вышнею помощію, или вмѣшательствомъ преисподнимъ. Изобрѣтать орудія, усиливающія убійство и гибель, или безъ нужды угождающія нетерпѣливости и ненасытной корысти человѣческой,—конечно, не ангелы помогали. Думаютъ ли это нынѣшніе ежедневные изобрѣтатели золъ» [1]?

Если, въ виду такихъ явленій и событій, Филаретъ усматривалъ за ними нѣчто такое, что большинство пропускаетъ безъ вниманія, не дѣлая изъ нихъ дальнѣйшихъ выводовъ, — тѣмъ болѣе онъ останавливался мыслію на явленіяхъ, выходящихъ изъ ряда обычныхъ и многими хотя и замѣчаемыхъ и объясняемыхъ, но опять какъ только явленія не обычныя, безъ попытокъ уловить для себя, по крайней мѣрѣ, ихъ смыслъ.

Въ эту темную атмосферу Филаретъ пытался проникнуть своимъ острымъ глазомъ и тѣмъ болѣе, что при случаяхъ ея обнаруженій и сужденій объ обнаруживающихъ себя силахъ онъ наталкивался на одинъ вопросъ и такъ или иначе рѣшалъ его для себя.

По поводу извѣстія о посѣщеніи однимъ умершимъ монахомъ своего живого родителя, онъ выразился. «Пріятно усматривать случаи, гдѣ видимое и невидимое *не чуждаются* другъ друга. Господь все сотворилъ единымъ» [2]. Въ другой разъ по случаю таковаго же видѣнія изъ области свѣта, онъ восклицалъ: «Утѣшительно и прекрасно единство и союзъ церкви небесной и сущей на земли» [1]! Чтобы быть послѣдовательнымъ, ему слѣдовало признать воздѣйствіе на людей не однихъ только свѣтлыхъ, добрыхъ и темныхъ, злыхъ силъ, но и душъ умершихъ. Это мы и встрѣчаемъ въ его письмахъ. «Что души умершихъ подъ проклятіемъ и нѣкоторыя другія приражаются иногда къ живущимъ и производятъ родъ бѣснованія, сему встрѣченный вами примѣръ не единственный, *Мнѣ извѣстны* три съ признаками *достовѣрности.* Одну женщину безпокоилъ такой духъ и наименовалъ свою мать, отъ которой онъ, кажется, лишилъ себя жизни, и селеніе, гдѣ она живетъ. Силою креста Твоего, сохрани насъ, Господи» [2].

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ у насъ началъ довольно сильно распространяться спиритизмъ. Митрополитъ долженъ былъ обратить на это явленіе свое вниманіе. Какъ же онъ относился къ нему? Тѣ же его письма къ Антонію позволяютъ нѣсколько отвѣтить на этотъ вопросъ.

«Помнится, я говорилъ вамъ, пишетъ онъ намѣстнику, что нынѣ путемъ изслѣдованія природы заходятъ въ область волшебства. Прочитайте примѣръ сего въ фельетонѣ подъ заглавіемъ о гадательныхъ машинахъ. Мнѣ приходитъ на мысль,—не снестись ли съ начальствомъ, чтобы не учили народъ *суевѣрію*; но и то думаю, что гадательныя книги много лѣтъ печатаются и продаются, и Свят. Сѵнодъ не обращалъ на сіе вниманія» [3]. Но немного позднѣе онъ говоритъ уже нѣсколько иначе. «Слышите, думаю, о ворожбѣ столами? Въ Петербургѣ, Парижѣ и Москвѣ столы говорятъ, что черезъ нихъ говорятъ умершіе. Посылаю вамъ выписку изъ письма, которое мнѣ случилось писать о семъ въ Петербургъ. Скажите мнѣ, какъ это вамъ покажется, и годится ли, чтобы сдѣлать сіе извѣстнымъ для остереженія могущихъ принять остереженіе. На сихъ дняхъ мнѣ попалась французская книга, въ которой пишется, что въ Америкѣ стологадатели считаются многими тысячами и соединены въ общества, что столы проповѣдуютъ преобразованіе христіанства и государства такъ, какъ мудрецы 1848 года. Выписку изъ письма о стологаданіи думаю напечатать и раздать священникамъ. Напечатать ли потомъ въ вѣдомостяхъ, пусть разсуждаютъ владыки вѣдомостей» [4].

Письмо о стологаданіи было напечатано въ остереженіе могущихъ принять остереженіе, и многіе вразумились словомъ Филарета. Но нельзя не опасаться, думалъ митрополитъ, что люди, которые суть не чада послушанія, не оставятъ слѣдовать любопытству и страстямъ, и трудно

[1] См. Письма къ Антонію, № 1021.
[2] ib., № 416.

[1] ib., № 360.
[2] ib., № 360.
[3] ib., № 939.
[4] ib., № 946—947.

угадать — куда дойдутъ. Самъ же лично онъ, если и не слѣдовалъ страстямъ и любопытству, — интересовался столограданіемъ и свѣдѣніями о немъ. Ему присылаютъ французскія книги съ письмами о вызываніи духовъ. Эти письма онъ внимательно читаетъ и сообщаетъ о содержаніи ихъ намѣстнику. «Писатель говоритъ, что онъ повѣрилъ возможности сего только по строгому личному изслѣдованію. Разсказываетъ примѣръ, что посредствомъ стола одинъ, за двѣнадцать лѣтъ умершій, просилъ отслужить за него семь литургій. Въ заключеніе сей писатель говоритъ, что открывается для изслѣдованія новый океанъ, который имѣетъ свои бури и бездны, и что кто пустится безъ компаса и управленія и будетъ водиться любопытствомъ и страстями, тотъ попадетъ въ руки духовъ обмана и зла и погибнетъ. Въ слѣдующемъ письмѣ писатель обѣщаетъ указать средства противъ обмана» [1]).

Назвавъ выше фельетонную статью распространеніемъ суевѣрія, напечатавъ свою тетрадку о столограданіи, онъ, однакожъ, собираетъ о немъ всякіе слухи. «Пріѣзжій изъ Петербурга разсказалъ мнѣ слѣдующее: одинъ русскій, находящійся въ Америкѣ при консульствѣ, невѣрующій, увидѣлъ на домѣ надпись: *здѣсь можно говорить съ умершими,* и, вошедъ въ домъ, нашелъ старика съ гадательнымъ столомъ, который не писалъ, а отвѣчалъ стукомъ. Испытующій, устраняя обманъ, отставилъ столъ въ сторону и, спрашивая, получилъ отвѣты, что съ нимъ говоритъ умершій его дядя, что онъ находится не въ лучшемъ состояніи, въ шестой степени воздуха, и что за него надобно молиться. На вопросъ: кто долженъ молиться? — вопрошающій произнесъ нѣсколько именъ и получилъ неясные отвѣты, а когда наименовалъ свою мать, столъ трижды ударилъ ногою и вспрыгнулъ. Съ сего времени испытатель сдѣлался вѣрующимъ. Какъ вы о семъ разсуждаете?» [2]).

Ни о чемъ, относящемся къ области таинственнаго, не говоритъ такъ часто Филаретъ въ своей перепискѣ съ Антоніемъ, какъ о снахъ и видѣніяхъ въ полусонномъ и полубодрственномъ состояніи. Иногда — это только краткія замѣтки; иногда же онъ довольно подробно описываетъ, особенно, свои сны. Эти сны или разсматривались имъ какъ предостереженія тѣмъ, кому они снились, или какъ благія знаменія и вѣсти изъ невидимой области о тѣхъ, которые снились [3]). Иногда Филаретъ беретъ на себя слегка толкованіе самыхъ сновъ. «Видѣніе... примѣчательно. Пойметъ ли онъ, что значитъ долгій черный языкъ? Вѣроятно, ему сіе положится на мысль. А если сего не примѣтно будетъ, — я думаю, надобно подать ему мысль» [4]). Иногда же онъ желалъ

[1]) Ib., № 957—960.
[2]) Ib., № 964.
[3]) Ib., № 89, 810.
[4]) Ib., № 89, 360.

найти толкователя своимъ снамъ въ Антоніи. Такъ, разсказавъ довольно подробно о своемъ снѣ и разговорѣ съ умершимъ кн. Голицынымъ, Филаретъ заканчиваетъ письмо словами: «сей есть сонъ, а какое разсужденіе его?» [1]).

Только ли мистицизмомъ, въ обычномъ значеніи этого слова, какъ извѣстной степени недостаткомъ, должно назвать такое отношеніе Филарета къ различнымъ явленіямъ въ природѣ и человѣкѣ? Можно ли ставить ему въ упрекъ, какъ это дѣлали, мистицизмъ *такого* рода? Но если такъ судить, то мистикомъ нужно признать и того, кто сказалъ, уча другихъ: «небеса проповѣдуютъ славу Божію, и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь. День дню передаетъ рѣчь и ночь ночи открываетъ знаніе. Нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчія, гдѣ не слышался бы голосъ ихъ. По всей землѣ проходитъ звукъ ихъ, и до предѣловъ вселенной слово ихъ» (Пс. XVIII, 2—5). Нужно назвать мистикомъ того, кто всюду слышалъ гласъ Господень (Пс. XXVIII [2]), и трезвымъ мыслителемъ того, кто затыкаетъ уши свои и не слышитъ голоса заклинателя, самаго искуснаго въ заклинаніяхъ (Пс. LVII, 5—6).

Но такое сужденіе едва ли будетъ вѣрнымъ, еще менѣе того христіанскимъ. (См. ст. «Митр. Филаретъ въ его отношеніяхъ къ міру таинственныхъ явленій», помѣщ. въ «Душеп. чт.» 1883 г., ч. II, стр. 31).

I) Н. П. Гиляровъ-Платоновъ о спиритизмѣ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ московской еженедѣльной газетѣ «Русское Дѣло» № 17 за 1887 г. помѣщена заимствованная изъ «Современныхъ Извѣстій» 1884 года, горячая полемика по поводу спиритизма, въ которой принималъ участіе и покойный ихъ издатель Гиляровъ - Платоновъ, всегда, какъ хорошо извѣстно москвичамъ, интересовавшійся спиритическимъ вопросомъ и охотно дававшій ему мѣсто на страницахъ своей газеты. Полемику эту, какъ очень длинную, мы не перепечатываемъ, а приводимъ только конецъ частнаго письма покойнаго Никиты Петровича къ одному изъ полемистовъ, помѣщеннаго въ томъ же номерѣ «Русскаго Дѣла» съ указаніемъ, что оно нигдѣ еще не было напечатано.

«Сущность спиритизма заключается въ положеніи, что *между тѣмъ міромъ и здѣшнимъ возможно и бываетъ сообщеніе.* Это есть основаніе, а далѣе идетъ разноголосица и толкованія. Алланъ Кардекъ, Оуенъ, Вагнеръ, каждый придумываетъ свою теорію. Я, положимъ, имѣю свою догадку, хотя въ ней не увѣренъ, а тѣмъ менѣе согласенъ съ Кардекомъ. Вопросъ въ томъ, есть ли, бываютъ ли сообщенія? Несомнѣнные факты спиритизма, которыхъ безчисленное множество, означаютъ ли реальное вступленіе умершихъ, или собственное наше, потенцированное

[1]) Ib., № 458.
[2]) См. Письма къ Антонію, № 1026.

видѣніе? Я себѣ ставлю такъ вопросъ и, признаюсь, не берусь рѣшать его. Покойный В. И. Даль получилъ «откровеніе» (назову такъ) отъ умершаго Вышеславцева (въ первый разъ слышанная имъ фамилія), съ просьбою написать извѣстнаго рода утѣшеніе здравствующему сыну такому-то, въ такомъ-то селѣ (ни то ни другое не было Далю извѣстно); Даль написалъ письмо къ лицу, въ существованіи котораго не былъ увѣренъ, и въ село, не знамо, дѣйствительное, или мнимое. Написалъ и получилъ отвѣтъ. Вотъ вамъ фактъ изъ ряда безчисленныхъ, мнѣ лично извѣстныхъ. Фактъ фактомъ, а объясненіе стройте, какое угодно». («Русск. Дѣло» 1887 г., № 17).

К. Спиритизмъ и христіанство.

Въ извѣстной «Христіанской апологетикѣ» проф. Н. П. Рождественскаго (Спб. 1884 г.) встрѣчается, между прочимъ, слѣдующій компетентный отзывъ о современномъ спиритизмѣ по отношенію къ христіанству.

...«Въ настоящее время къ спиритизму примыкаютъ многіе естествовѣды, не только въ Америкѣ (напр. Robert Hare и др.), но также и въ Англіи (Круксъ, де-Морганъ, Уоллесъ), во Франціи (К. Фламмаріонъ, Babinet, Linais и др.), въ Германіи (Цельнеръ, недавно умершій, и Веберъ) и у насъ (Бутлеровъ Аксаковъ и Вагнеръ). Всѣ они по крайней мѣрѣ высказываются за реальность спиритическихъ феноменовъ. Даже нѣкоторые изъ новѣйшихъ философовъ, именно Фихте младшій, Фехнеръ и др., открыто признали въ нѣкоторыхъ явленіяхъ спиритизма обнаруженіе высшаго не матеріальнаго міра. ...Слѣдуя апостольскому внушенію: «Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они» (Іоанна IV, 1), мы должны отличать въ спиритическомъ воззрѣніи то, что въ немъ есть прямо противнаго христіанству, отъ того, въ чемъ оно не противорѣчитъ послѣднему... такова въ спиритизмѣ вѣра въ бытіе сверхчувственнаго міра вообще, въ возможность сверхъестественныхъ явленій и въ личное безсмертіе человѣческой души. Защищая эти дорогія вѣрованія противъ общаго врага всѣхъ ученій и направленій, признающихъ самостоятельность духовнаго начала, и противъ враговъ всякой положительной религіи, особенно же христіанской, спиритизмъ до нѣкоторой степени искупаетъ предъ христіанствомъ свои заблужденія и суевѣрія»... [1].

Л. Проф. А. Гиляровъ о спиритизмѣ.

Судьбу гипнотизма былыхъ временъ теперь раздѣляетъ съ нимъ не рѣдко связываемый спиритизмъ. Среди представителей науки къ нему вообще отношеніе двоякое: одни имъ беззавѣтно увлекаются, другіе отъ него презрительно отворачиваются. Ни то, ни другое не можетъ быть оправдано передъ трезвымъ взглядомъ критики. Безспорно, что спиритами въ ихъ сочиненіяхъ не поставленъ внѣ сомнѣнія ни одинъ изъ тѣхъ фактовъ, на которые они ссылаются, и отчеты объ ихъ опытахъ часто служатъ скорѣе доказательствомъ ихъ своеобразнаго духовнаго настроенія, чѣмъ дѣйствительности признаваемыхъ ими явленій. Тѣмъ не менѣе успокоиться на предвзятой увѣренности, что все въ этихъ опытахъ самообманъ, было бы опрометчивымъ. Если спиритизмъ есть только слѣдствіе своеобразнаго духовнаго настроенія, то по своей глубинѣ и распространенности заслуживаетъ внимательнаго анализа самое это настроенія, которое до сихъ поръ еще не удалось, какъ слѣдуетъ, разложить на основные психологическіе элементы. Если же спиритизмъ не есть только самообманъ, и въ основаніи его лежитъ какой либо реальный фактъ, то этотъ фактъ напрашивается на изученіе уже потому, что анализъ его можетъ обнаружить новыя, еще неизвѣданныя способности нашего организма, до сихъ поръ лишь скользившія предъ научнымъ взоромъ, но которыя могутъ быть уловлены настойчивыми пріемами экспериментальной методы.

Самодовольство несвойственно вѣчно тревожному духу науки, неустанно жаждущему новыхъ истинъ. Ссылаться, какъ дѣлаетъ въ насмѣшливомъ апострофѣ по поводу современныхъ «оккультистовъ» одно изъ философскихъ свѣтилъ, на «неизмѣнные законы вселенной Коперника, Галилея и Ньютона, Лейбница и Канта», которымъ будто бы ученія «оккультистовъ» противорѣчатъ, значитъ запугивать авторитетами и забывать, что *ни предѣлы собственнаго разумѣнія, ни объемъ современнаго знанія не служатъ предѣломъ и объемомъ разумѣнія и знанія вообще.* Кто можетъ утверждать, что ему извѣстны *всѣ* міровые законы? (Проф. А. Гиляровъ: «Гипнотизмъ», стр. 394).

М. Наше личное мнѣніе о медіумизмѣ вообще и въ частности о спиритизмѣ.

Что касается нашего личнаго мнѣнія, какъ составителя этой книги, относительно медіумическихъ и въ частности спиритическихъ явленій, то мы къ сказанному объ этомъ въ предисловіи должны присовокупить слѣдующее:

Факты, приведенные въ книгѣ д-ра Битнера («Вѣрить или не вѣрить?») показывающіе, что фотографическая пластинка закрѣпляла дѣйствительно матеріализованныя фигуры, и тѣ предосторожности, которыя были употребляемы на медіумическихъ сеансахъ такими учеными, какъ Круксъ, Аксаковъ, Бутлеровъ, Карлъ дю-Прель и др., а равно многочисленныя свидѣтельства частныхъ медіумическихъ кружковъ, гдѣ обманъ вовсе не имѣлъ мѣста — заставляютъ насъ признать, что дѣйствительно на медіумическихъ сеансахъ могутъ образовываться матеріализованныя

---

[1]) Въ настоящее время число послѣдователей спиритизма во всѣхъ странахъ міра насчитывается до 25 милліоновъ (стр. 115).

фигуры, и что къ явленіямъ этого рода нельзя относиться такъ скептически, какъ это дѣлаютъ многіе отрицатели всего сверхъ-естественнаго изъ нашихъ современниковъ. Это мы утверждаемъ, несмотря на то, что намъ извѣстны опубликованные случаи обмана нѣкоторыхъ «профессіональныхъ медіумовъ», а равно и всѣ тѣ недостатки наблюденій медіумическихъ явленій, которые вполнѣ основательно раскрыты д-ромъ Леманомъ въ только что вышедшемъ трудѣ его: «Исторія суевѣрій и волшебства».

Но, признавая полную реальность матеріализованныхъ фигуръ, мы отнюдь не намѣрены думать, что эти фигуры нарушаютъ законы природы, составляютъ чудо и образуются душами умершихъ людей, желающихъ войти чрезъ матеріализацію въ сношенія съ живыми людьми. Нѣтъ, въ статьѣ д-ра Битнера, стоящаго на матеріалистической почвѣ, съ которымъ мы вообще не согласны, дано, какъ бы въ видѣ исключенія, довольно обстоятельное объясненіе явленія матеріализованныхъ фигуръ. Онѣ образуются наподобіе двойниковъ; ихъ формируетъ изъ тонкой, взятой изъ организма медіума и участниковъ сеанса одической матеріи духъ человѣка, въ частности душа медіума. Въ этомъ мы видимъ высокое достоинство богоподобной души человѣческой и доказательство ея господства надъ матеріей и вмѣстѣ съ тѣмъ ея духовности.

Относительно столоверченія даетъ вполнѣ раціональный отвѣтъ статья К. дю-Преля. Столы вертятся подъ вліяніемъ одической матеріи, которою, конечно, заправляетъ духъ живыхъ людей. Духовъ (т.-е. душъ умершихъ) опять не для чего допускать здѣсь. Ихъ задача, безъ сомнѣнія, болѣе благородная, нежели верченіе столовъ, для полученія часто невѣрныхъ или ничтожныхъ сообщеній.

Что въ данномъ случаѣ можетъ быть иногда вліяніе злыхъ силъ для обольщенія людей, какъ думаютъ митрополитъ Филаретъ, профес. Рождественскій и др., этого отрицать нельзя. Но въ большинствѣ случаевъ можно признать, что предсказанія идутъ отъ духа человѣка.

Въ виду этого на занятіе столоверченіемъ нужно смотрѣть, какъ на опасное занятіе, дозволительное только для серьёзныхъ цѣлей, а не для удовлетворенія празднаго любопытства.

Протоіерей Гр. Дьяченко.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Способность духа человѣческаго проявлять въ своей природѣ и дѣятельности образъ и подобіе Божіе [1]).

1. Образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ. Самое важное преимущество человѣка въ ряду прочихъ созданій Божіихъ состоитъ въ томъ, что Творецъ благоволилъ украсить его Своимъ образомъ и подобіемъ. „*И рече Богъ,* — повѣствуетъ священный Бытописатель, — *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію... И сотворилъ Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ*“.

Въ чемъ же въ насъ состоитъ образъ Божій?—„Церковное ученіе,—отвѣчаетъ на подобный вопросъ св. Епифаній, — вѣруетъ, что человѣкъ вообще сотворенъ по образу Божію, но въ какой именно части его существа находится образъ Божій, не опредѣляетъ“. Потому-то сами отцы и учители церкви рѣшали предложенный вопросъ не одинаково, хотя мнѣнія и мысли ихъ и не исключаютъ одна другой, ибо каждый изъ нихъ касается только разныхъ сторонъ одного и того же предмета. Напротивъ, если свести эти мысли вмѣстѣ и расположить при свѣтѣ правильнаго понятія о Богѣ, какъ о нашемъ первообразѣ, то со всею полнотою и опредѣлится, что мы должны почитать въ себѣ за образъ Божій.

1) Богъ, по природѣ Своей, есть чистѣйшій Духъ, не облеченный никакимъ тѣломъ и непричастный никакой вещественности. Слѣдовательно, и образъ Божій надобно полагать не въ тѣлѣ человѣка, а въ его невещественной душѣ.

2) Богъ, какъ Духъ, имѣетъ и существенныя свойства Духа—умъ, свободу—и по самой природѣ своей безсмертенъ, потому, въ частности, можно полагать образъ Божій въ умѣ человѣка,—въ его свободной волѣ,—въ неразрушимости и въ безсмертіи души.

3) Богъ, по отношенію ко всѣмъ другимъ существамъ, есть ихъ Господь, Царь и Владыка, поэтому можемъ сказать, что образъ Божій состоитъ и въ дарованной человѣку, при твореніи, царственной власти и владычествѣ надъ всѣми земнородными,—тѣмъ болѣе, что такая мысль согласна съ ходомъ словъ Самого Создателя, Который лишь только изрекъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію, непосредственно присовокупилъ: и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрями, и скотами, и всею землею, и всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ. Но очевидно,

[1]) Разумность, память, духовность, предвидѣніе, ясновидѣніе и мн. другія черты образа Божія въ человѣкѣ уже были разсмотрѣны.

что владычество человѣка надъ земнородными есть только слѣдствіе и внѣшнее выраженіе образа Божія, находящагося въ самой душѣ человѣка, въ разумѣ, въ ея свободѣ, которые одни даютъ намъ полное преимущество передъ всѣми животными неразумными.

Слѣдовательно, можно сказать, что не въ какой-либо одной части, или силѣ, или способности, но во всемъ человѣкѣ болѣе или менѣе, отражается образъ Божій. (См. „Догм. Бог.“ Макарія, митр. моск., т. I, стр. 456).

Есть ли различіе между образомъ и подобіемъ Божіимъ въ человѣкѣ, или нѣтъ?

Наибольшая часть отцовъ и учителей церкви отвѣчала, что есть, и говорили именно, что образъ Божій находится въ самой природѣ нашей души, въ ея разумѣ, въ ея свободѣ, а подобіе—въ надлежащемъ развитіи и усовершенствованіи этихъ силъ человѣкомъ — въ совершенствѣ его разума и свободной воли, или того и другой вмѣстѣ, къ добродѣтели и святости, въ стяжаніи даровъ Святаго Духа. Слѣдовательно, образъ Божій получаемъ мы отъ Бога вмѣстѣ съ бытіемъ, а подобіе должны пріобрѣтать сами, получивши къ этому отъ Бога только возможность. Это мнѣніе о различіи между образомъ и подобіемъ Божіимъ въ человѣкѣ имѣетъ основаніе и въ св. писаніи.

Такъ: а) изображая совѣтъ Тріvпостаснаго о сотвореніи человѣка, Моисей свидѣтельствуетъ: и рече Богъ: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и *по подобію*“ (Быт. I, 26); а говоря вслѣдъ затѣмъ о самомъ сотвореніи, выражается: „и сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его“ (Быт. 1. 27). Почему же,—спрашиваетъ св. Григорій Нисскій,—не сдѣлано того, что было въ намѣреніи? Почему не сказано: и сотвори Богъ человѣка по образу Божію и по подобію? Обезсилѣлъ Творецъ? Но такъ говорить нечестиво. Перемѣнилъ намѣреніе Совѣщавшійся? Но нечестиво такъ и подумать. Нѣтъ, ни писаніе не говоритъ этого, ни Создатель не обезсилѣлъ, ни намѣреніе не осталось безъ исполненія. Какая же причина умолчанія? Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію. Первое мы имѣемъ по сотворенію, а послѣднее мы сами совершаемъ по произволенію. Быть по образу Божію свойственно намъ по первому нашему сотворенію, но сдѣлаться по подобію Божію зависитъ отъ нашей воли. И это, зависящее отъ нашей воли, существуетъ въ насъ только въ возможности; пріобрѣтается же нами на самомъ дѣлѣ посредствомъ нашей дѣятельности. Если бы Господь, намѣреваясь сотворить насъ, не сказалъ предварительно: сотворимъ и по подобію, и если бы не даровалъ намъ возможности быть по подобію, то мы собственною силою не могли бы быть по подобію Божію. Теперь же мы въ сотвореніи получили возможность быть подобными Богу. Но, давъ намъ эту возможность, Богъ намъ самимъ предоставилъ быть дѣятелями нашего подобія съ Богомъ, чтобы удостоить насъ пріятной награды за дѣятельность, чтобы мы не были подобны изображеніямъ бездушнымъ, дѣлаемымъ живописцами.

б) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священнаго писанія предполагается, что образъ Божій есть и въ падшемъ человѣкѣ, каково, напримѣръ, изреченіе Бога къ Ною послѣ потопа: „кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка, ибо человѣкъ созданъ по образу Божію“ (Быт. IX, 6),— а между тѣмъ заповѣдуетъ христіанамъ „отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, а обновиться духомъ ума вашего и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины“ (Ефес. IV, 22 — 24). Что же это значитъ, если не то, что въ первомъ случаѣ разумѣется собственно образъ Божій, положенный въ самой нашей природѣ, не отдѣльный отъ нея, подобно ей неизмѣнный; а въ послѣднемъ разумѣется только подобіе Божіе или уподобленіе Богу, зависящее отъ нашей воли, которое, слѣдовательно, мы можемъ пріобрѣтать, но можемъ и терять чрезъ свои грѣхопаденія.

„Образъ Божій, — говоритъ св. Димитрій Ростовскій, — есть и въ невѣрнаго человѣка душѣ, подобіе же токмо въ христіанинѣ добродѣтельномъ; и егда согрѣшаетъ смертнѣ христіанинъ, тогда подобія токмо лишается Божія, а не образа. И аще въ муку вѣчную осудится, образъ Божій той же въ немъ во вѣки, подобіе же уже быть не можетъ“.

„Въ самомъ моемъ сотвореніи, — разсуждаетъ св. Григорій Нисскій,—я получилъ— по образу, а по произволенію бываю — по подобію... Одно дано, а другое оставлено недовершеннымъ, дабы ты, усовершивъ самъ себя, содѣлался достойнымъ мздовоздаянія отъ Бога. Какъ же мы дѣлаемся по подобію?— Чрезъ евангеліе.— *Что есть христіанство?— Уподобленіе Богу, сколько то возможно для природы человѣческой. Если ты рѣшился быть христіаниномъ, то старайся сдѣлаться подобнымъ Богу, облечься во Христа*“. (См. Догм. Бог. Макарія, митр. моск., т. I, стр. 453 — 458).

2. **Ученіе объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ Филарета, митрополита московскаго.** Объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ митрополитъ Филаретъ изложилъ весьма обстоятельное ученіе въ своихъ проповѣдяхъ. Для уразумѣнія того, въ чемъ состоитъ образъ

Божій, „прибѣгнемъ къ сравненію сотвореннаго по образу съ первообразнымъ". Понятіе о Богѣ первообразѣ намъ уже извѣстно, поэтому, при сравненіи съ Нимъ созданнаго по образу Божію, слѣдуетъ обратить вниманіе на послѣдняго. Такъ какъ „Богъ безтѣлесенъ, слѣдственно человѣкъ сотворенъ по образу Божію въ душѣ", „образа Божія (прежде всего) можно искать *въ существѣ человѣческой души, духовномъ и безсмертномъ*". (Зап. на Быт. I, 2 1; Сл. и рѣчи, изд. 1884 г. II, 279). Дѣйствительно, душа — „невидимая тонкая сила", чужда матеріальности, она — „существо духовное и безсмертное". (Катих. 25. Зап. на Быт. II, 9). Тогда какъ „тѣло само изъясняетъ свою смертность, поелику очевидно на части дѣлится и разрушается: душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и несліянномъ единствѣ, никакъ не совмѣстномъ съ свойствами дѣлимаго вещества".

Тогда какъ „тѣло еще въ продолженіе жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую—душа во все продолженіе жизни чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни какъ бы поневолѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію: душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, независимую отъ тѣла, жизнь и дѣятельность" (Сл. и рѣчи, изд. 1848 г. I, 81). Но духовность и безсмертіе души — „черты слишкомъ общія", потому, образа Божія ищутъ далѣе, „въ силахъ или способностяхъ души". Дѣйствительно, въ человѣкѣ есть „умъ, безъ котораго не существовали бы для него ни истина, ни мудрость" (тамъ же, II, 270; Зап. на Быт. I, 22). Первый человѣкъ особенно обнаружилъ свой умъ въ нареченіи именъ животнымъ (Быт. II, 19—20).

Нареченіе именъ предполагаетъ въ человѣкѣ даръ слова. „Первоначальный языкъ существовалъ прежде сотворенія жены, не требуя много времени и труда для своего составленія и образованія, подобно какъ дарованіе языковъ апостоламъ. Человѣкъ получилъ оный вмѣстѣ съ бытіемъ; можетъ-быть, усовершилъ его знаніе бесѣдою Творца посредствомъ чувственныхъ звуковъ и дополнилъ отъ себя по внушенію же отъ Бога, предопредѣлившаго человѣка для общежитія" (Зап. на Быт. I, 47). Въ словѣ, какъ органѣ ума, необходимо долженъ отражаться образъ Божій. Спросимъ себя: „гдѣ начало слова?"— На небесахъ, превыше небесъ, въ вѣчности, въ Богѣ (Іоан. I, 1). Какое достоинство слова? Достоинство Божественное: *Богъ бѣ Слово*. Сынъ Божій, для выраженія Своихъ Божественныхъ свойствъ, не нашелъ въ языкѣ человѣческомъ лучшаго наименованія, какъ наименованіе слова: *нарицается имя Его Слово Божіе* (Апок. XIX, 13). Какую силу имѣетъ слово? Силу *вседѣтельную: вся тѣмъ быша*"... Въ словѣ человѣка „долженъ быть нѣкій образъ слова Божія и силы Его". Дѣйствительно, „слово поставило человѣка на лѣстницѣ твореній выше всего земного, и выше луны и солнца, слово соединило людей въ общества, создало города и царства; въ словѣ живетъ и движется знаніе, мудрость, законъ; словомъ образуется, поощряется и распространяется добродѣтель; слово въ молитвѣ восходитъ къ Богу, бесѣдуетъ съ Нимъ и пріемлетъ отъ Него просимое" (Сл. и рѣчи, изд. 1861 г. III, 305; изд. 1848 г., 1, 164)...

Такъ какъ „Богъ сотворилъ человѣка существомъ нравственнымъ, имѣющимъ тонкое внутреннее чувство различенія добра и зла", то „необходимою и высокою чертою образа Божія" непремѣнно должна быть, далѣе, свобода (Сл. и рѣчи, изд. 1848 г. II, 234; Зап. на Быт. 1, 43; ср.—1877 г. III, 132). „Любомудріе учитъ, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и дѣлать лучшее, и что она по естеству есть достояніе каждаго человѣка".—„Истинная свобода есть дѣятельная способность человѣка, не порабощеннаго грѣху, не тяготимаго осуждающею совѣстію,—избирать лучшее при свѣтѣ истины Божіей и приводить оное въ дѣйствіе при помощи благодатной силы Божіей" (Сл. и рѣчи, изд. 1861 г. III, 253—4). Всѣ силы нашего духа объединяются въ нераздѣльномъ единствѣ душевной жизни. Въ этомъ отношеніи „наша душа есть образъ троичнаго божественнаго единства" (Сл. и рѣчи, изд. 1843 г. I, 278).

3. **Черты образа Божія въ человѣкѣ.** *Образъ* есть нѣчто больше, нежели *слѣдъ*. Всѣ бытія показываютъ слѣды Творца, и какъ бы *задняя Божія: образъ лица* Божія находится только въ человѣкѣ.

Такъ какъ Моисей не изъясняетъ, въ чемъ состоитъ образъ Божій, то для уразумѣнія сего прибѣгнуть можно къ сравненію сотвореннаго по образу съ первообразнымъ. Итакъ, образа Божія можно искать:

а) въ *существѣ* человѣческой души, духовномъ и безсмертномъ;

б) въ *силахъ* или способностяхъ души. Амвросій, Августинъ и Дамаскинъ находятъ образъ св. Троицы въ памяти, разумѣ и волѣ;

в) *въ соединеніи души съ тѣломъ.* Душа въ тѣлѣ, подобно какъ Богъ въ природѣ, будучи невидима, вся во всемъ присутствуетъ, дѣйствуетъ въ немъ, оживляетъ его, правитъ имъ и сохраняетъ его;

г) *въ отношеніи человѣка къ міру.* Богъ есть владыка всего, и человѣкъ поставленъ владыкою видимаго міра. Этою чертою описываютъ образъ Божій Златоустъ и Ѳеодоритъ, которые слова совѣта Божія о владычествѣ человѣка принимаютъ за объясненіе образа Божія, что, впрочемъ, сомнительно.

Должно тщательно замѣтить, что черты сходства не всегда суть черты образа. Но, какъ черты образа Божія въ человѣкѣ не опредѣляются словомъ Божіимъ съ числительною точностію, какъ будто для того, чтобы онъ и въ этомъ отношеніи былъ образомъ неограниченнаго и неописаннаго Существа, то и не нужно принимать сей образъ слишкомъ въ тѣсномъ знаменованіи. Можно согласиться, что общее основаніе его находится въ существѣ и способностяхъ души; существенныя и живѣйшія черты состоятъ въ отраженіи божественной истины и благости, или въ *святости истины,* преимущества же человѣка болѣе внѣшнія и относительныя суть дополненія и слѣдствія его.

а) *Человѣкъ есть духовно-тѣлесное существо.* По библейскому воззрѣнію, человѣкъ представляетъ собою единство тѣла и души. Тѣло составляетъ существенную принадлежность полноты его бытія: человѣкъ есть духовно-тѣлесное существо. Что мы тѣлесныя существа — это фактъ непосредственнаго опыта; что мы имѣемъ въ себѣ душу, духовную силу нашей жизни — это предметъ непосредственнаго сознанія. Св. писаніе прежде всего указываетъ на тѣло, какъ на матеріальную основу. То же самое всегда повторяется при происхожденіи человѣка. Какъ тѣлесное существо, человѣкъ находится въ связи съ тѣлеснымъ міромъ, какъ вѣнецъ его. Его тѣло есть воспроизведеніе вещественной природы. Ея различныя области повторяются здѣсь на высшей ступени и соединяются въ одинъ художественный живой организмъ. Отличительная особенность библейскаго воззрѣнія состоитъ въ томъ, что хотя оно и не полагаетъ сущности человѣка въ тѣлѣ, однако смотритъ на тѣло, какъ на существенную составную часть человѣка, принадлежащую къ полнотѣ его бытія. Такимъ образомъ, оно занимаетъ средину между тѣмъ воззрѣніемъ, которое относится съ полнымъ пренебреженіемъ къ тѣлу, такъ что жизнь послѣ смерти переходитъ въ состояніе мрачнаго существованія въ видѣ тѣни, какъ это мы видимъ у Гомера, слѣдствіемъ чего тогда необходимо является нравственность, выражающаяся въ языческой мудрости: „будемъ ѣсть и пить, потому что завтра умремъ“, и тѣмъ другимъ спиритуалистическимъ воззрѣніемъ Платона, которое считаетъ тѣло темницей и узами, такъ что блаженство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ нихъ и перейти въ чистое духовное бытіе, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ближайшимъ слѣдствіемъ чего затѣмъ является стоическая мудрость, требовавшая самоубійства. По библейскому воззрѣнію, тѣло принадлежитъ къ существенному составу человѣка, равно какъ служитъ и условіемъ полноты его благосостоянія, какъ теперь, такъ и въ будущемъ его состояніи. Какъ нарушеніе тѣлеснаго бытія или ослабленіе связи между тѣломъ и душой въ извѣстныхъ состояніяхъ есть нѣчто болѣзненное, есть разрушеніе истиннаго благосостоянія человѣка, такъ, вѣроятно, можно сказать, что и полное разлученіе ихъ и низведеніе на чисто духовное существованіе въ смерти въ извѣстномъ смыслѣ есть высшая болѣзнь человѣка, и человѣкъ истинно здоровъ бываетъ опять только тогда, когда въ немъ возстановляется истинная гармонія тѣла и души.

Но тѣло не только присуще для человѣка, но и имѣетъ существенное значеніе для него. Вся духовная жизнь коренится на этой тѣлесной основѣ, и въ этомъ органѣ тѣлеснаго организма находитъ посредство для своего проявленія. Всякая жизнедѣятельность духа совершается не сама по себѣ, а только въ тѣлѣ и чрезъ тѣло. Его проявленіе находится въ зависимости отъ послѣдняго. Тѣло есть необходимый органъ духа. Отсюда слѣдуетъ, что всякое нарушеніе тѣла оказываетъ разрушающее воздѣйствіе и на внѣшнее проявленіе духа. То, что мы называемъ душевною болѣзнью, такъ какъ при этомъ нарушается способъ проявленія духа, въ сущности есть тѣлесная болѣзнь. Она есть разстройство тѣлеснаго органа, вслѣдствіе чего нарушается и самая духовная жизнь. Если струны извѣстнаго инструмента разстроены, то и музыкальная піеса исполняется невѣрно. Музыкальная піеса сама по себѣ остается одна и та же, и исполнитель можетъ играть совершенно вѣрно, но разстроенъ самый инструментъ. Такъ же мы должны понимать и духовное ослабленіе въ старости. Тѣлесный организмъ отказывается исполнять свою службу, вслѣдствіе чего духъ проявляется лишь весьма несовершенно. Онъ уходитъ въ самого себя, въ свой сокровенный міръ, и чрезъ тѣло выступаетъ лишь весьма мало. Самъ по себѣ онъ не сдѣлался меньше, не состарѣлся. Все зависитъ отъ

посредства и проявленія его въ человѣческомъ организмѣ.

Такое, слѣдовательно, значеніе, по библейскому воззрѣнію, имѣетъ тѣло. Это воззрѣніе не есть спиритуалистическое. Оно признаетъ извѣстную истину и въ томъ воззрѣніи, которое придаетъ надлежащее значеніе матеріи.

Но не менѣе, во всякомъ случаѣ, оно признаетъ въ человѣкѣ и душу, которая въ немъ есть самостоятельный духовный принципъ, а не простая функція тѣлесныхъ органовъ, въ чемъ и состоитъ родство человѣка съ Богомъ и его связь съ Нимъ. Къ этому положенію приводитъ самое простое наблюденіе. Человѣкъ представляетъ двѣ различныя стороны для разсмотрѣнія: одна есть внѣшняя, чувственная, которая проявляется вовнѣ, другая есть внутренній міръ чувствованій и мыслей, которая уводитъ за предѣлы чувствъ и указываетъ на связь человѣка съ сверхчувственнымъ міромъ духа, центръ котораго есть Богъ. Ученіе о существованіи души есть необходимое предположеніе не только всякой религіи, но также и всякой нравственности, даже, вообще, всякаго высшаго духовнаго взгляда на человѣческую жизнь. Если у человѣка нѣтъ души, то нѣтъ также души и въ жизни человѣчества,—души поэзіи, души всякаго высшаго чувствованія, души взаимообщенія сердецъ, высшаго нравственнаго сознанія и стремленія, и, наконецъ, жизни для Бога и въ Богѣ. Весь міръ станетъ тогда лишь зеленѣющимъ кладбищемъ. Но мы имѣемъ непосредственную увѣренность въ томъ, что у насъ есть душа, т.-е. самостоятельный принципъ духовной жизни, который, правда, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ тѣлеснымъ, но поэтому еще не тождественъ съ нимъ или не представляетъ простого проявленія его.

Но говорятъ, что это обманъ, что все есть только жизнь матеріи. Многимъ, быть-можетъ, еще памятенъ тотъ оживленный споръ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ шелъ по этому вопросу, возбужденному нападеніемъ Рудольфа Вагнера на матеріалистическое воззрѣніе и отвѣтомъ на него Карла Фохта, и который до настоящаго времени живо занимаетъ умы и не разъ обсуждался въ печати. Остановимся нѣсколько на разсмотрѣніи этого психологическаго матеріализма.

Идея души имѣетъ всеобщій характеръ. Мы находимъ ее у всѣхъ народовъ, на всякой ступени цивилизаціи. Она, слѣдовательно, есть необходимая, а не случайная идея. Откуда же происходитъ она, если она не есть выраженіе соотвѣтствующей дѣйствительности, слѣдовательно, истина? Нѣтъ еще ничего такого, въ чемъ бы мы имѣли большую увѣренность, чѣмъ въ существованіи души. Какъ мы увѣрены въ существованіи Бога, такъ увѣрены мы и въ существованіи души. Напрасно пытаются отвергать ее. Именно мое сомнѣніе и мое отрицаніе и указываютъ на силу мысли во мнѣ, слѣдовательно, на духовный принципъ, который мыслитъ. Но какъ издавна пытались отрицать Бога, что, однако же, оказалось невозможнымъ, такъ то же самое и съ душой. И это отрицаніе сдѣлалось исходнымъ пунктомъ полнаго матеріалистическаго міросозерцанія.

Это воззрѣніе извѣстно было уже древнему міру, и оно только подновлено было въ концѣ прошлаго столѣтія. Корни его лежатъ въ сенсуализмѣ, т.-е. въ томъ философскомъ воззрѣніи, которое всю истину основываетъ на воспріятіи чувствъ. Въ основѣ его лежитъ общее положеніе, что только чувственное есть дѣйствительность и истина, слѣдовательно, только чувственное воспріятіе есть источникъ познанія истины. Фейербахъ придалъ этому воззрѣнію связную философскую форму. Защитники матеріализма въ области естествознанія только повторили положеніе Фейербаха; въ сочиненіяхъ этихъ ученыхъ едва ли можно найти хотя бы одно положеніе, которое уже не высказано было раньше Фейербахомъ. Общее основное положеніе этого воззрѣнія есть отрицаніе всего сверхчувственнаго, какъ въ этомъ, напр., признается Вирховъ; естествовѣдъ знаетъ только тѣла и свойства тѣлъ; что выше этого, онъ называетъ трансцендентнымъ и трасценденціею, т.-е. сверхчувственнымъ, и на трансценденцію, т.-е. сверхчувственное, онъ смотритъ какъ на заблужденіе человѣческаго духа. Поэтому, все, что мы называемъ духомъ, есть только дѣятельность матеріи, такъ называемая душа есть только коллективное названіе для суммы нервныхъ процессовъ, есть „куча мусора“, какъ назвалъ ее одинъ физіологъ, „которая такъ же разсыпается, какъ она и собрана“, въ самой основѣ своей матеріальна и смертна, какъ и тотъ органъ, функцію котораго она составляетъ. Мысли-де суть произведеніе мозга, потому что свойство мозга имѣетъ опредѣляющее значеніе и для свойства мыслей. У негра менѣе обработанный мозгъ, поэтому у него менѣе и ума; у ребенка мозгъ еще мало развитъ, поэтому мало развито у него и мышленіе; у старика мозгъ изсушенъ, а поэтому сухо и его мышленіе; у женщинъ онъ имѣетъ меньше объема и вѣса, поэтому и мышленіе ихъ не можетъ равняться съ мышленіемъ мужчинъ. Болѣзнь, поражающая мозгъ, поражаетъ также и мышленіе. Страданіе мозга есть душевная болѣзнь. У живот-

ныхъ отнимали различныя части мозга, вмѣстѣ съ чѣмъ отнимались и части ихъ духовныхъ способностей, слѣдовательно, какъ бы по частямъ отнималась ихъ душа. Слѣдовательно, то, что мы называемъ мышленіемъ, душой, духомъ, есть-де только функція мозга, подобно тому какъ желчь есть произведеніе печени и т. д. Мозгъ выдѣляетъ изъ себя мысли, и мыслитъ собственно фосфоръ въ мозгу, такъ что „безъ фосфора нѣтъ и мысли“. Слѣдовательно, все сводится на свойство, а поэтому на питаніе мозга, вообще, на питаніе человѣка. „Что человѣкъ ѣстъ, то онъ и есть“. „Человѣкъ есть сумма родителей и кормилицы, мѣста и времени, воздуха и воды, звука и свѣта, пищи и одежды; его воля есть необходимое слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ и находится въ зависимости отъ закона природы... Мысль есть движеніе матеріи, трата мозгового вещества, равно какъ и сознаніе есть не что иное, какъ извѣстная принадлежность матеріи. Грѣхъ заключается въ неестественномъ, а не въ наклонности дѣлать зло“, учитъ Молешоттъ. Собственно говоря, не существуетъ-де никакого грѣха, а слѣдовательно не существуетъ и права на наказаніе. „Все понимать—значитъ все прощать“. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, прекращается всякая нравственность, и ученіе о нравственности превращается въ своего рода обѣденное меню.

Правда, есть и такіе защитники матеріализма, которые воздерживаются отъ крайнихъ выводовъ его; такіе ученые, какъ Вирховъ, Бурмейстеръ, Тиндаль, Альб. Ланге, Эгеръ и др., полагаютъ, что они могутъ примирять съ своимъ ученіемъ нравственную свободу и отвѣтственность. Хотя эта непослѣдовательность и дѣлаетъ честь ихъ сердцу, однако же она отъ этого не перестаетъ быть непослѣдовательностью. Пока въ принятіи сверхчувственнаго будутъ видѣть только заблужденіе человѣческаго духа, до тѣхъ поръ всякая попытка избѣгнуть слѣдствія матеріалистическаго принципа будетъ напрасной.

Матеріалистическое воззрѣніе распространено гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Оно находится въ тѣсной связи съ чувственными наклонностями нашего времени вообще. Нельзя отрицать, что въ настоящее время и въ практической жизни господствуетъ матеріалистическое направленіе, движущей силой котораго является эгоизмъ. Самый матеріализмъ есть какъ бы научное оправданіе этого направленія. Поэтому, то и другое находится въ тѣсной дружбѣ между собою.

Матеріализмъ исходитъ изъ двухъ основныхъ мыслей: всякое познаніе происходитъ изъ чувственнаго воспріятія, и все, что мы называемъ духомъ и т. п., есть дѣятельность матеріи. Но оба эти положенія суть только легкомысленное утвержденіе.

Если всѣ мысли считать только произведеніемъ чувственныхъ воспріятій, то въ сущности и не будетъ никакихъ мыслей, а только представленія. Но такъ какъ мы, однако же, имѣемъ мысли о сверхчувственномъ, то у насъ есть и чистыя понятія, которыя ничего не имѣютъ общаго съ матеріальнымъ, которыя совершенно духовной природы, такъ какъ мы имѣемъ даже мысль объ абсолютномъ, которая всецѣло выходитъ за предѣлы вещей и чувствъ. Кромѣ того, мы составляемъ сужденія и выводы, которые даютъ возможность видѣть самостоятельную способность въ духѣ; мы даже критически относимся къ чувственнымъ явленіямъ, слѣдовательно носимъ въ себѣ такія увѣренности, которыя противоположны чувственному впечатлѣнію, и мы мыслимъ не только о чувственномъ, но и о самомъ нашемъ мышленіи, которое, однако же, есть нѣчто совершенно сверхчувственное. Слѣдовательно, мысли не просто результатъ чувственныхъ впечатлѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ результатъ самостоятельнаго духовнаго принципа.

Затѣмъ, матеріализмъ еще говоритъ: то, что мы называемъ духомъ, душою, мыслью и т. д., есть произведеніе мозга; отъ свойства мозга зависитъ и свойство мысли; душа есть только функція тѣлеснаго организма. Но при такомъ взглядѣ, какъ справедливо возражали на это, всякое мышленіе есть нѣчто необходимое; потому что, какъ я не въ состояніи измѣнить моего мозга, такъ не въ состояніи измѣнить и моего мышленія. А въ такомъ случаѣ нужно отказаться отъ желанія измѣнять въ человѣкѣ мнѣніе, приводить его къ другимъ мыслямъ, такъ какъ онъ не можетъ мыслить иначе, чѣмъ именно мыслитъ въ его головѣ его мозговая матерія. Въ такомъ случаѣ трудно понять, зачѣмъ матеріалисты и пишутъ свои книги, имѣющія цѣлью навязывать намъ свои воззрѣнія: мы, вѣдь, не можемъ ничего дѣлать противъ свойства нашего мозга. Они должны бы постараться какъ-нибудь иначе дѣйствовать на наши мысли. Но не есть ли логика одна и та же для всѣхъ людей и всѣхъ отношеній, для всѣхъ климатовъ и всѣхъ образовъ жизни и т. д.? Не есть ли, слѣдовательно, мышленіе нѣчто такое, что не зависитъ отъ свойства мозга? Не есть ли религіозная и нравственная истина одна и та же для всякаго возраста и возможность ея существеннаго познанія одинакова для всѣхъ? Мы даже знаемъ, что въ преклонномъ возрастѣ, часто даже при смерти,

когда мозгъ, слѣдовательно, совершенно сморщенъ и уже начинаетъ отказываться отъ исполненія своего назначенія, могутъ имѣть мѣсто поразительнѣйшія проявленія духа, и послѣднимъ словамъ умирающихъ во всѣ времена придавалось особенно важное значеніе. Это наглядно показываетъ, что душа не есть одно и то же съ функціей мозга. Конечно, мозгъ есть органъ мышленія, орудіе духа. Но всякій инструментъ требуетъ того, который играетъ на немъ, иначе онъ будетъ нѣмъ, хотя бы въ его струнахъ и заключались всѣ звуки, и всѣ музыкальныя идеи могли находить въ немъ свое выраженіе. Матеріализмъ смѣшиваетъ необходимыя условія дѣятельности съ причиной ея. Мозгъ есть необходимое условіе духовной мыслительной дѣятельности, но не причина ея и не принципъ самаго духа. Въ основѣ этого ученія лежитъ коварная мысль, что органы духовной жизнедѣятельности дѣлаются причиной самой духовной жизни. Такъ какъ мы мыслимъ только чрезъ мозгъ, то отсюда выводятъ, что самый мозгъ и есть то, что̀ мыслитъ,—своего рода „логическій обманъ", на который именно и указали Либихъ въ своихъ „Химическихъ письмахъ" и Гельмгольцъ въ своихъ „Физіологическихъ лекціяхъ". Правда, Фохтъ говоритъ: „пусть покажутъ намъ душу!" Но въ такомъ случаѣ мы можемъ также сказать ему: „пусть онъ покажетъ намъ свой умъ!" Такъ какъ подъ микроскопомъ нельзя разсмотрѣть никакого духа, то будто бы его и не существуетъ совсѣмъ. Откуда же мы знаемъ, что міръ микроскопа и есть весь міръ? Нельзя ли именно микроскопъ считать познавательнымъ средствомъ для духа? Развѣ не существуетъ привязанности, вѣрности, сыновней любви, дружбы среди людей, никакой душевности и т. д., потому только, что анатомъ съ своимъ ножомъ не находитъ въ человѣческомъ тѣлѣ никакого слѣда этихъ невещественныхъ величинъ? Имѣетъ ли ктолибо право чувственное воспріятіе дѣлать мѣркой всѣхъ вещей?

Въ наше время проявляется справедливое стремленіе всѣ теоріи обосновывать на фактахъ; отсюда именно и возникла особая философія, такъ называемый позитивизмъ, Огюста Конта во Франціи. Это направленіе повсюду имѣетъ своихъ учениковъ, которые признаютъ только факты, и ничего болѣе не хотятъ знать о простыхъ теоріяхъ и отвлеченныхъ умозрѣніяхъ прежняго періода. Но область факта не заканчивается только въ области чувственнаго. Есть также и другіе факты, которые не менѣе несомнѣнны, чѣмъ и факты чувственнаго опыта. И это именно три факта, которые рѣшительно подрываютъ основу матеріалистическаго воззрѣнія. Это именно факты духовнаго, нравственнаго и религіознаго сознанія [1]).

б) *Человѣкъ имѣетъ мысли.* Что онъ имѣетъ мысли, это есть нѣчто божественное въ человѣкѣ. Животное имѣетъ ощущенія, представленія, влеченія и т. д.; но мысли, въ собственномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ только человѣкъ. Мысль есть именно то, что̀ лежитъ въ основѣ всякаго бытія, такъ какъ вѣчныя мысли Бога и нашли свое самоосуществленіе въ мірѣ. Отсюда, въ томъ именно и заключается нѣкоторое богоподобіе въ человѣкѣ, что у него есть мысли, которымъ онъ можетъ давать осуществленіе. Поэтому человѣкъ имѣетъ также и языкъ. Что онъ говоритъ, это есть внѣшнее проявленіе того, что онъ думаетъ, такъ какъ мышленіе есть внутреннее говореніе духа, которое воплощается въ словѣ. Животныя не говорятъ, потому что они не мыслятъ. Ихъ языкъ есть только общее выраженіе ощущенія, такъ какъ ихъ душевная жизнь не выходитъ за предѣлы ощущенія, между тѣмъ какъ человѣкъ мыслитъ. Но его мышленіе имѣетъ не просто индивидуальное значеніе, такъ какъ онъ носитъ въ своихъ мысляхъ также и всеобщія истины. Логическія истины имѣютъ всеобщее значеніе. Здѣсь человѣкъ выходитъ за предѣлы своей отдѣльной жизни и поднимается въ область общей жизни духа, „живетъ ею въ своей духовной жизни, мыслитъ ее и выражаетъ его существенные законы въ логическихъ истинахъ". Да и не только эти формальные законы общей духовной жизни, но человѣкъ мыслитъ также и матеріальныя истины ея, общія идеи истиннаго, добраго и прекраснаго. Человѣкъ признаетъ и мыслитъ міръ идей, происхожденіе которыхъ лежитъ въ самомъ Богѣ, и которыя осуществляются въ этомъ духовномъ мірѣ, въ доказательство того, что его родина не просто этотъ міръ, но именно высшій сверхчувственный міръ. Онъ мыслитъ о вѣчности, мыслитъ о Богѣ, и эти высочайшія мысли служатъ признакомъ того, что онъ существуетъ для вѣчности, существуетъ для Бога. Такъ мышленіе человѣка поднимается съ низшей ступени на самую высшую и, однако же, при всемъ томъ остается въ себѣ самомъ, поддерживаетъ единство съ самимъ собою: человѣкъ мыслитъ себя самого и, такимъ образомъ, воспроизводитъ свое собственное бытіе, какъ фактъ своего сознанія. Въ этомъ сознаніи человѣкъ постигаетъ самого себя; въ этомъ подобіи творчества и можетъ быть познаваемо богоподобіе человѣка.

[1]) См. выше, въ главѣ о сознаніи человѣка, гдѣ была уже рѣчь объ этихъ фактахъ сознанія.

Человѣкъ имѣетъ мысли,— мысль о Всевышнемъ и мысль о себѣ самомъ. Это есть одна сторона его богоподобія. Другая сторона состоитъ въ томъ, что у него есть свободная воля.

в) *Свободная воля человѣческаго духа* [1]. Животное имѣетъ влеченія, человѣкъ имѣетъ волю, т.-е. онъ опредѣляется въ своихъ движеніяхъ не просто чѣмъ-то чуждымъ, не простымъ воздѣйствіемъ совнѣ или отъ собственной природы, но свой послѣдній пунктъ его дѣйствіе находитъ въ немъ самомъ. Онъ носитъ въ себѣ пунктъ свободы, куда не проникаетъ никакое воздѣйствіе совнѣ, и никакое возбужденіе его собственной природы, хотя бы оно было самое сильное и страстное, никакое дѣйствіе его индивидуальной особенности, никакая сила привычки не въ состояніи заставить человѣка хотѣть и дѣйствовать непремѣнно такъ, а не иначе, такъ что онъ не могъ бы уже дѣлать ничего иначе. Хотя бы внѣшнія обстоятельства, или внутреннее возбужденіе, или побудительныя причины и дѣйствовали на человѣка, въ концѣ-концовъ, однако же, результатъ зависитъ отъ собственнаго рѣшенія человѣка. Уже то, что человѣкъ можетъ дѣйствовать произвольно, доказываетъ его свободу, которая продолжаетъ существовать и тогда, когда онъ позволяетъ опредѣлять себя въ своемъ дѣйствіи причинами и обстоятельствами. Вѣдь все-таки не эти же обстоятельства и причины хотятъ за него, такъ что его хотѣніе и дѣйствованіе было бы только формой, въ которой совершается законъ необходимости, но это есть дѣло собственнаго свободнаго самоопредѣленія, по которому человѣкъ свое хотѣніе примѣняетъ къ обстоятельствамъ, а не устраняется отъ нихъ. Послѣднимъ рѣшающимъ актомъ всегда бываетъ то, что человѣкъ именно рѣшается сдѣлать то или другое: онъ дѣлаетъ не потому, что безусловно долженъ, а потому, что онъ хочетъ, и нѣтъ такой силы, которая могла бы заставлять хотѣть. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ можетъ и не хотѣть, можетъ хотѣть иначе, чѣмъ онъ хочетъ, можетъ дѣлать выборъ. Хотѣть—значитъ быть свободнымъ въ своемъ рѣшеніи, и эта свобода есть способность имѣть возможность дѣйствовать и иначе, имѣть способность выбора. На этомъ основывается вся отвѣтственность и нравственная вмѣняемость. Вѣдь то, что я дѣлаю, я могу также и не сдѣлать, и могу сдѣлать, чего не дѣлаю; мое дѣло есть мое собственное свободное рѣшеніе. Въ этомъ человѣкъ подобенъ Богу. Вѣдь высшее, что можно сказать о Богѣ, есть то, что Онъ есть Свой собственный Властелинъ. Такъ и человѣкъ, въ видѣ отобраза, есть свой собственный господинъ чрезъ свою волю.

Но въ этой свободной волѣ самая первая ступень есть сила воли, въ которой мы прежде всего и нуждаемся. Недостаточно имѣть мысли, быть одареннымъ умомъ: нужно имѣть также и волю, быть сильнымъ въ волѣ. Слабость воли есть несчастіе, и если она составляетъ отличительный признакъ извѣстнаго времени, извѣстнаго поколѣнія, то это—общественное несчастіе. „Только въ волѣ совѣтъ и помощь". Вѣдь воля есть сила дѣйствія, и только та жизнь истинна, которая состоитъ въ дѣйствительности. Нужно воспитывать и развивать въ себѣ силу воли. Вдвойнѣ это необходимо въ такія времена, какъ наше, когда „блѣднота мысли" разъѣдаетъ жизнь, и постоянно критическая рефлексія, какъ разрушительная ржавчина, насѣдаетъ на металлъ воли и отнимаетъ у нея всякую остроту и энергію, или неумѣренность умствованія заставляетъ ее разсѣиваться и лишаетъ ее той сосредоточенности, въ которой она нуждается для энергической дѣятельности.

г) *Господство человѣка въ мірѣ.* Человѣкъ, какъ состоящій изъ тѣла и души, какъ духовно-тѣлесный организмъ и свободная личность, занимаетъ двоякое положеніе: онъ находится въ извѣстномъ отношеніи къ міру и въ отношеніи къ Богу, причемъ по отношенію къ міру выступаетъ какъ господинъ, а по отношенію къ Богу — какъ его отобразъ. Онъ занимаетъ средину между двумя мірами, какъ связующая нить этихъ міровъ: міра чувственнаго и міра сверхчувственнаго.

Онъ есть сосредоточенное воспроизведеніе міра, микрокосмъ, маленькій міръ въ себѣ, но въ то же время есть высшее сочетаніе міра въ личности, и поэтому свободный господинъ его. Уже внѣшность его обнаруживаетъ въ немъ властелина. Конечно, въ дѣйствительности, человѣкъ часто оказывается въ жалкомъ и печальномъ состояніи, но и въ этомъ искаженномъ его состояніи еще можно распознать лежащія въ глубинѣ его черты, и эти черты обнаруживаютъ въ немъ царя. Правда, мы зависимъ отъ силъ естественной жизни и оказываемся по отношенію къ этимъ естественнымъ силамъ слабыми и немощными; но при всей своей слабости и зависимости мы, однако же, имѣемъ сознаніе внутренней свободы: мы побѣдоносно торжествуемъ въ духѣ и, даже повергнутые въ прахъ, возносимся въ духѣ превыше всѣхъ звѣздъ. Человѣкъ есть господинъ всего. Онъ господинъ уже вслѣдствіе своего познанія. Вѣдь познаніе есть знакъ и осуществленіе

[1] О свободѣ воли см. выше гл. пятая.

владычества. Чрезъ познаніе извѣстной вещи я внутренно овладѣваю ею и дѣлаю ее мнѣ подчиненною и подвластною. Благодаря своему познанію, человѣкъ занимаетъ пророческое положеніе въ мірѣ. Его духъ проникаетъ въ сущность вещей и доискивается послѣднихъ основаній ихъ; онъ переводитъ предметы чувственно являющагося міра во внутренніе духовные образы, въ которыхъ обнаруживается истина, заключающаяся въ чувственной скорлупѣ; онъ идетъ за предѣлы чувственнаго и переходитъ въ міръ духовныхъ идей, которыя суть основные типы всего чувственнаго, и такимъ образомъ все преходящее постигаетъ въ его вѣчной истинѣ. Это познаніе теперь смутно, и остается въ теченіе жизни неполнымъ, отрывочнымъ, но и въ этой разрозненности проявляется пророческій духъ, который быстрѣе, чѣмъ свѣтъ, пробѣгаетъ по путямъ міра на крыльяхъ мысли, и изъ времени переносится въ вѣчность. Нѣтъ ничего такого, къ чему бы не могъ приблизиться познающій духъ человѣка, и нѣтъ ничего такого, что бы было закрыто для него. Было бы недоразумѣніемъ, если бы кто хотѣлъ ради христіанства и спасенія души полагать извѣстные предѣлы потребности знанія и границы самому знанію. Само знаніе не надмевается, а надмевается только то знаніе, которому недостаетъ истиннаго, смиреннаго, несебялюбиваго чувства правды. Весь міръ отданъ человѣку, чтобы онъ господствовалъ надъ нимъ, и ближайшимъ обнаруженіемъ этого господства является то, что мы познаемъ міръ во всѣхъ его явленіяхъ.

Но другая форма этого господства состоитъ въ томъ, что человѣкъ фактически подчиняетъ себѣ свой міръ. Съ знаніемъ связывается сила дѣйствія. Познаніе, даваемое умомъ, дѣлается въ рукѣ человѣка скипетромъ, который повелѣваетъ и сокровеннѣйшимъ явленіямъ природы, чтобы они подчинялись его волѣ и, какъ послушные кони, впрягались въ его колесницу, на которой онъ совершаетъ свое торжественное шествіе по землѣ, и не прежде успокоивается, какъ проникнувъ въ самые отдаленнѣйшіе тайники и смиривъ также самыя непокорныя силы природы. Такъ его мысль и его воля властвуютъ надъ міромъ, и его знаніе и сила воли подчиняютъ міръ ему. И этотъ міръ, который онъ такимъ образомъ въ силу познанія и въ силу воли подчиняетъ себѣ, онъ въ то же время переноситъ въ свое внутреннее бытіе, воспроизводитъ тамъ въ своей фантазіи и опять отображаетъ въ своемъ чувствованіи. Какъ міръ образовъ, какъ міръ звуковъ, какъ міръ ощущеній и чувствованій, онъ носитъ его въ себѣ самомъ. Весь внѣшній міръ находитъ себѣ отголосокъ въ маленькомъ мірѣ внутренняго бытія въ человѣкѣ, и воспроизводится затѣмъ въ разнообразныхъ формахъ художественнаго изображенія въ образѣ, тонѣ и словѣ, и, какъ духовный отобразъ этого міра, является просвѣтляющимъ, одухотворяющимъ, украшающимъ и согрѣвающимъ по отношенію къ внѣшней его дѣйствительности. Въ этомъ духовномъ творчествѣ человѣкъ уподобляется Творцу, и въ отобразѣ опять создаетъ міръ, который раньше его создалъ великій Творецъ міра (См. Апологія христіанства, Лютарда).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Научныя доказательства безсмертія души.

Показанія здраваго разума съ несомнѣнностью удостовѣряютъ насъ въ томъ, что земнымъ существованіемъ не оканчивается бытіе человѣка, и что кромѣ настоящей жизни есть жизнь будущая, загробная.

Въ природѣ матеріальной ничто не уничтожается. То, что называютъ разрушеніемъ, есть только перемѣна формы, фигуры. Дерево, напр., сожигается огнемъ; но на самомъ дѣлѣ огонь только разрушаетъ дерево, только разлагаетъ его на частицы болѣе или менѣе тонкія, какъ-то: на пепелъ, паръ, газъ. Если бы возможно было соединить всѣ эти частицы и взвѣсить ихъ вмѣстѣ, то мы получили бы вѣсъ, равный вѣсу дерева. Слѣдовательно, дерево не исчезаетъ. Тѣло животнаго тоже разлагается, и частицы, какія составляли его, служатъ для составленія другихъ тѣлъ. Если бы можно было соединить и взвѣсить всѣ эти частицы, то мы увидѣли бы, что они равны по вѣсу съ прежнимъ тѣломъ. Слѣдовательно, и тѣло животнаго не уничтожено. Искусству человѣческому невозможно обратить въ ничтожество самую малую частицу матеріи. Это очевидно. И между многочисленными изслѣдованіями, произведенными надъ природой, нѣтъ ни одного, которое послужило бы доказательствомъ, что частицы матеріи могутъ быть уничтожены.

То, что мыслитъ въ насъ, именно душа, есть существо. Каково это существо? Если бы мы подумали, что оно матеріально, то и въ такомъ случаѣ оно не можетъ быть уничтожено, какъ и всякій другой предметъ матеріальный. А какъ оно духовно, то еще менѣе подвержено уничтоженію: мыслящее и выше и лучше не мыслящаго, слѣдовательно, уничтоженіе его немыслимо. Такъ какъ нѣтъ ничего въ насъ и вокругъ насъ такого, что было бы уничтожаемо, то какъ же выйдетъ, что душа есть единственное существо, подверженное уничтоженію? Тѣло мое сохраняется, а душа, которая мыслитъ, любитъ, дѣйствуетъ,

которая есть образъ Божій, почему она не сохранится?

Разсматривая внимательно душу, мы замѣчаемъ, кромѣ того, что она не можетъ быть разрушена подобно тѣлу, ни разложена, какъ тѣло, на составныя части, потому что душа есть существо простое, не матеріальное, не составленное изъ какихъ-либо частицъ матеріи. Оттого душа не подвержена измѣненіямъ, коимъ подвержено тѣло, и причины, которыя дѣйствуютъ на тѣло, чтобы измѣнить или разложить его, не могутъ дѣйствовать на душу, потому что она не матеріальна. Мы разсмотримъ тѣ доказательства, какими наука утверждаетъ безсмертіе души и убѣждаетъ насъ, что душа, будучи существомъ совершенно отмѣннымъ отъ матеріи, не можетъ быть разрушена тѣмъ, что разрушаетъ существо матеріальное.

1-е доказательство. Тѣло подвержено постояннымъ измѣненіямъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Въ тѣлѣ человѣка, достигшаго двадцати лѣтъ, не существуетъ уже ни одной изъ тѣхъ частицъ, какія составляли его 20 лѣтъ назадъ [1]). Все, что это тѣло имѣло прежде изъ твердыхъ и жидкихъ частицъ, вошло въ составъ другихъ тѣлъ, людей, животныхъ, растеній, минераловъ, точно такъ же, какъ послѣ смерти какого-либо человѣка тѣло его, разлагаясь, входитъ въ составъ новыхъ тѣлъ. Но, несмотря на это, душа сохраняетъ свою личность, т.-е. знаетъ, что она та же, какъ была за двадцать лѣтъ назадъ. Если же душа остается та же въ то время, когда тѣло измѣняется совершенно, то изъ этого слѣдуетъ, что душа есть существо отличное отъ тѣла, что она не матеріальна, и продолжаетъ существовать, несмотря на совершенное измѣненіе, происшедшее въ тѣлѣ, съ которымъ она соединена. Какое различіе существуетъ между тѣмъ, что происходитъ съ тѣломъ въ то время, когда душа соединена съ нимъ, и тѣмъ, что происходитъ съ тѣломъ, послѣ того какъ душа отдѣлится отъ него въ часъ смерти? Послѣ смерти разложеніе тѣла болѣе быстрое, до смерти оно медленнѣе, постепеннѣе, незамѣтнѣе, но для души это одно и то же, то-есть душа существуетъ и безъ тѣла, съ которымъ она была соединена прежде. Не служитъ ли это доказательствомъ того, что ея существованіе отлично и независимо отъ существованія тѣла?

2-е доказательство. Если бы матерія одарена была способностію мыслить, то всякая частица матеріи должна бы мыслить, и мы чувствовали бы, что въ насъ столько мыслящихъ существъ, сколько въ нашемъ тѣлѣ частицъ матеріи. Мы однако же чувствуемъ совсѣмъ противное; мы чувствуемъ, что начало мыслящее въ насъ одно и всегда то же. Съ возрастомъ и увеличеніемъ тѣла человѣкъ не пріобрѣтаетъ болѣе мыслящихъ способностей, его способность чувствовать тоже остается одна. Опять, лишается ли человѣкъ котораго либо изъ членовъ, ноги или руки или глаза, онъ съ этимъ не теряетъ способности мыслить.

3-е доказательство. Мысль не можетъ быть произведена никакимъ искусствомъ человѣческимъ. Пусть устраиваютъ, приготовляютъ, слагаютъ вещества въ тысячи различныхъ формъ, пусть въ продолженіе мѣсяцевъ, годовъ, столѣтій, прибавляютъ туда сколько угодно матеріальныхъ стихій, газовъ, песку, плоти, крови, костей и т. д., — никогда не вспыхнетъ ни одна искра мысли, не вспыхнетъ, хотя бы мы исчерпали всевозможныя смѣшенія матеріи и подвергали ее всѣмъ законамъ химіи, физики и механики.

4-е доказательство. Всякая матерія занимаетъ пространство, а мы чувствуемъ, что начало, мыслящее въ насъ, не имѣетъ пространства, потому что оно существуетъ простымъ и нераздѣлимымъ среди безчисленнаго множества ощущеній и мыслей всякаго рода, рождающихся въ нашей душѣ. Въ одно и то же время я вижу текущую у ногъ моихъ чистую волну, слышу пѣніе птицъ, ощущаю пріятную свѣжесть, обоняю запахъ цвѣтовъ, ощущаю вкусъ плода, размышляю о важномъ предметѣ, и всѣ эти чувства и мысли не смѣшиваются въ душѣ моей, и то, что во мнѣ мыслитъ, не отлично отъ того, что во мнѣ слышитъ, ощущаетъ и видитъ. Но если бы душа была матеріальна и имѣла бы протяженіе, какъ матерія, то эти ощущенія, эти мысли смѣшались бы, невозможно было бы различить ихъ другъ отъ друга, онѣ составили бы смѣсь. Нѣсколько красокъ, соединенныхъ вмѣстѣ, составятъ одну краску, и при томъ совершенно отличную отъ всѣхъ, входящихъ въ составъ ея. Тѣло, подверженное толчку многихъ другихъ тѣлъ, которыя дѣйствуютъ на него вдругъ въ различныхъ направленіяхъ, не уступаетъ направленію ни однихъ, ни другихъ тѣлъ, а идетъ по направленію, происходящему отъ соединенія частныхъ толчковъ. Итакъ, единство и разнообразіе мыслей, поражающихъ душу, свидѣтельствуютъ, что она не имѣетъ протяженія, и, слѣдовательно, не есть матерія. Если бы душа была матерія, то каждое ощущеніе или поражало бы всю душу, или одну только часть этой души. Если бы оно поражало всю душу, тогда было бы нѣчто вродѣ единства, но единства неяснаго, и не было бы разнообразія. Если бы каждое ощущеніе поражало одну извѣстную часть души, то было было разнообразіе, но не единство. Существо, которое можетъ обнимать мыслію и сравнивать прошедшее, настоящее и будущее, не матеріально, ибо тогда одна и та же мыслящая сила не могла бы вмѣстить всѣхъ трехъ этихъ предметовъ, не исказивши и не разрушивши ихъ. А если бы было нѣсколько мыслящихъ силъ, тогда гдѣ была бы точка, соединяющая и постигающая всѣ эти три предмета?

[1]) Въ послѣднее время доказано, что всѣ составы тѣла перемѣняются въ теченіе почти 2 лѣтъ.
Прот. Г. Дьяченко.

5-е доказательство. Если бы душа была матеріальна, то можно было бы дѣйствовать на нее и заставить ее желать того, чего она не желаетъ, точно такъ же, какъ можно принудить руку человѣка сдѣлать извѣстное движеніе. А между тѣмъ ни одинъ тиранъ не можетъ восторжествовать надъ волею добраго человѣка и заставить его посредствомъ самыхъ страшныхъ мученій согласиться совершить преступленіе. Если бы душа была матеріальна, какъ тѣло, то деспотъ покорилъ бы и изнурилъ душу, какъ покоряютъ и изнуряютъ тѣло. Палачъ можетъ обратить въ пепелъ тѣло, но онъ не имѣетъ никакой власти надъ душой, она остается независимой отъ всѣхъ силъ физическихъ, дѣйствующихъ на нее. Воля не можетъ быть разбита, какъ матерія, цѣлая армія не могла бы принудить благочестиваго человѣка къ дурному поступку, если бы даже подвергла его жестокимъ мученіямъ. Цѣлый міръ менѣе силенъ, чѣмъ воля, эта могущественная способность нашей души.

6-е доказательство. Одно доказательство каждодневнаго опыта можетъ служить къ утвержденію того, что душа невещественна, это — борьба души противъ тѣла, чувственности, страстей. Когда сильныя страсти волнуютъ насъ, когда сильныя движенія чувственности и плоти влекутъ ко злу, душа умѣряетъ ихъ, побѣждаетъ. Слѣдовательно, она имѣетъ совершенно отличную природу. Если бы плоть, кровь, физическія склонности господствовали въ насъ, то было бы невозможно противиться имъ, онѣ господствовали бы надъ нами, онѣ управляли бы, какъ имъ угодно, и дѣйствовали бы по законамъ матеріи, чисто физическимъ. Тогда не было бы свободы въ человѣкѣ, не было бы ни добродѣтели, ни долга, ни нравственности, ни религіи. Мы были бы принуждены дѣйствовать по законамъ физическимъ, были бы, подобно свѣтиламъ, принуждены двигаться въ пространствѣ по силѣ законовъ движенія, тяготѣнія и проч. Представьте себѣ человѣка, котораго наклонности влекутъ ко всѣмъ излишествамъ, и который, однако жъ, съ помощью благодати божественной, есть образецъ благоразумія, и вы согласитесь, что внѣшніе предметы матеріи не имѣютъ надъ нимъ власти непреодолимой,— а это было бы неизбѣжно, если бы душа не отличалась отъ матеріи.

7-е доказательство. Если бы все было матеріально въ насъ, то чувства были бы почти одинаковы у всѣхъ людей, по причинѣ сходства тѣлеснаго устройства ихъ. При видѣ картины, при слушаніи пѣнія, при извѣстіи о несчастіи, люди испытывали бы одинаковыя чувства восторга или удовольствія, или грусти, какъ они испытываютъ одинаковыя физическія ощущенія, когда огонь жжетъ ихъ, когда камень падаетъ и ранитъ ихъ. А мы однако же знаемъ, что одинъ остается холоденъ и невозмутимъ при видѣ зрѣлища, которое трогаетъ и волнуетъ другихъ до слезъ.

8-е доказательство. Изъ вещественности души вытекало бы еще то, что сужденіе, размышленіе, совѣсть, понятіе долга не служили бы ни къ чему въ человѣкѣ, ощущеніе составляло бы все. А мы, однако, знаемъ, что размышленіе часто уничтожало опасное дѣйствіе чувственности, что совѣсть часто порицаетъ дѣло, къ которому влечетъ человѣка чувственность, что ради долга и добродѣтели онъ удерживаетъ себя отъ этого чувствованія. Это было бы невозможно, если бы душа была матеріальна, какъ тѣло.

Представимъ еще нѣсколько доказательствъ безсмертія души, которыя заимствуются изъ нравственной природы человѣка.

Замѣтьте прежде всего, что желаніе жить и жить всегда, которое находится въ сердцѣ каждаго человѣка, дано Создателемъ не безъ цѣли. Это есть какъ бы первое указаніе на безсмертіе души, какъ бы первое побужденіе готовиться къ жизни будущей.

Желаніе жить связано съ желаніемъ счастія, коего жаждетъ всякій. Эта жажда счастія не утоляется здѣсь, слѣдовательно, должна быть жизнь будущая, гдѣ бы могло исполниться это пламенное желаніе нашего сердца. Мы видимъ, что Богъ, влагая въ природу человѣка извѣстныя желанія, даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средства къ удовлетворенію ихъ.

Мучимые жаждой, мы можемъ напиться; голодъ можемъ утолить пищей; уставши отъ труда, мы чувствуемъ нужду подкрѣпить и обновить свои силы покоемъ, и благодѣтельный сонъ подкрѣпляетъ ихъ и обновляетъ. Но счастія мы ищемъ непрестанно, и никто намъ не можетъ дать его. Ужели же это счастіе нигдѣ не существуетъ? Ужели Богъ вложилъ въ насъ это желаніе, не имѣя намѣренія удовлетворить его когда-нибудь? Нѣтъ, промыслъ Божій, который доставляетъ нашему тѣлу всѣ блага земныя, не можетъ навсегда оставить нашу душу алчущею счастія. И такъ какъ счастіе не находится здѣсь, то оно должно существовать за предѣлами настоящей жизни, въ жизни будущей, въ нѣдрахъ Божіихъ.

Есть другое желаніе, близкое желанію счастія, это — желаніе усовершенствованія, которое, по кратковременности нашей земной жизни, не можетъ быть удовлетворено здѣсь. Намъ кажется разумнымъ думать, что Богъ, даровавшій намъ это желаніе, удовлетворитъ ему въ жизни будущей. Замѣтьте, что въ этой жизни способности нашего разума и нашего сердца не развиваются и не усовершенствуются до такой степени, до какой могли бы развиваться и усовершенствоваться. Но Богъ не оставляетъ Своихъ произведеній не полными, не оконченными. Слѣдовательно, надобно предполагать, что по Своей премудрости Онъ бережетъ для нашего духа другую жизнь, гдѣ человѣкъ содѣлается тѣмъ, чѣмъ можетъ быть.

Человѣкъ способенъ пріобрѣтать каждый день новыя познанія. Отъ дѣтства до старости сколько успѣховъ онъ можетъ сдѣлать въ наукахъ! Какъ онъ можетъ усовершенствовать себя въ благочестіи! Однако же онъ умираетъ, и его умственное и нравственное образованіе остается не оконченнымъ.

Онъ могъ бы еще болѣе усовершиться въ томъ и другомъ, онъ могъ бы лучше изучить чудесныя явленія міра Божія, онъ хочетъ совершенно искоренить въ своемъ сердцѣ пороки, и на мѣсто ихъ насадить добродѣтели, — словомъ, могъ бы еще болѣе приблизиться къ тому идеалу, который указанъ Самимъ Богомъ. Но смерть останавливаетъ человѣка, прежде чѣмъ онъ окончитъ тотъ путь, который долженъ былъ бы пройти! Въ такомъ случаѣ Богъ оставилъ бы Свое дѣло не оконченнымъ, скажемъ болѣе, Онъ попустилъ бы человѣку умереть навсегда въ ту минуту, когда человѣкъ наиболѣе способенъ усовершаться! Но можно ли представить, чтобы мудрый строитель набросалъ кучу песку на мраморный фундаментъ, вмѣсто того, чтобы окончить зданіе? Можно ли представить, чтобы отецъ, давши превосходное начальное воспитаніе своему сыну, заперъ бы его на остальное время жизни въ четырехъ стѣнахъ, вмѣсто того, чтобы дозволить ему продолжать ученіе и собрать плоды этого перваго воспитанія? Такъ и здѣсь. Невозможно, чтобы человѣкъ, который любитъ добро, который стремится къ совершенству, коего идея и чувство даны ему Богомъ, былъ остановленъ на пути своего усовершенствованія. У кого изъ насъ нѣтъ желанія узнать лучше чудеса природы, законы, по коимъ Промыслъ управляетъ міромъ? У кого нѣтъ желанія узнать лучше Виновника всего существующаго? Какое дитя не желаетъ видѣть отца, котораго оно знаетъ только по благодѣяніямъ, полученнымъ отъ него? Развѣ Богъ далъ бы намъ возможность возноситься мыслію къ Нему, если бы мы не должны наслаждаться болѣе яснымъ созерцаніемъ Его природы, Его совершенствъ, конечной цѣли творенія міра и т. п.

Прекрасенъ образъ души, совершенствующейся въ истинѣ и добродѣтели! Ужели Богъ уничтожилъ бы ее, прежде чѣмъ это усовершенствованіе будетъ окончено? Совершенство, какъ и счастіе, есть растеніе не здѣшняго міра; оно принадлежитъ другому царству.

Всякое растеніе имѣетъ почву, климатъ, ему свойственный, но для совершенства нѣтъ здѣсь родины. Гдѣ же она, если не въ будущей жизни? Человѣкъ есть вѣнецъ всего земного творенія, но это твореніе не окончено. Мы — только камни, предназначенные войти въ сооруженіе великолѣпнаго зданія, мы находимся въ приготовительной школѣ, гдѣ получаются только начатки ученія, мы проходимъ только дѣтскій возрастъ того длиннаго вѣка, котораго имя «вѣчность». Смерть только совлечетъ съ насъ земную и грубую оболочку, недостойную нашего будущаго существованія.

Когда мы припомнимъ, что люди, имѣвшіе самое чистое сердце, непрестанно боровшіеся съ врагами духовными, и прославившіе себя множествомъ побѣдъ, какъ, напр., святой апостолъ Павелъ, не были увѣрены и послѣ непрерывныхъ трудовъ, что достигли совершенства, къ которому стремились, когда подумаемъ, что Господу должно же быть пріятно видѣть тѣ успѣхи, какіе дѣлаютъ въ благочестіи Его созданія, пріятно видѣть, какъ они все болѣе и болѣе приближаются къ уподобленію Ему: тогда не можемъ вообразить, чтобы Богъ оставилъ ихъ на половинѣ пути къ добродѣтели, чтобы Онъ въ награду за ихъ отличныя заслуги даровалъ имъ смерть, уничтоженіе. — Это было бы ужасно, это было бы несообразно съ благостію и мудростію божественною!

Очень сильное и даже поразительное доказательство безсмертія души есть безпорядокъ, царствующій въ мірѣ нравственномъ, гдѣ часто добрый человѣкъ страдаетъ, а злой блаженствуетъ.

Іоаннъ Креститель былъ обезглавленъ въ темницѣ, по желанію нечестивой Иродіады. Иродъ избиваетъ виѳлеемскихъ младенцевъ, а самъ умираетъ, какъ царь. Вообще, исторія полна примѣровъ счастливыхъ пороковъ и несчастныхъ добродѣтелей. — Но если бы мы были отличены достаточною властію, то, конечно, наградили бы человѣка добродѣтельнаго и наказали бы порочнаго. Если же мы, будучи злы по природѣ, сдѣлали бы это, то не тѣмъ ли болѣе долженъ сдѣлать Богъ? Тотъ, Кто вложилъ въ наше сердце чувство справедливости, ужели Самъ содѣлается виновникомъ несправедливости? И такъ какъ добродѣтель не награждается здѣсь вполнѣ, а порокъ не наказывается достойно, то не должна ли быть другая жизнь, гдѣ всякому воздано будетъ по дѣламъ его?

Пусть не говорятъ, что человѣкъ добродѣтельный, какъ бы онъ ни былъ несчастливъ, хотя бы былъ въ узахъ, на эшафотѣ, на крестѣ, все-таки получаетъ здѣсь свою награду въ одобреніи внутренняго голоса, который говоритъ ему: это хорошо! Пусть не говорятъ, что злой человѣкъ, хотя бы увѣнчанъ былъ честью и славою, хотя бы возсѣдалъ за великолѣпной трапезой, жилъ среди наслажденій, получаетъ въ угрызеніяхъ совѣсти достойную награду за свои злодѣянія. Правда, что совѣсть одобряетъ или порицаетъ; но этотъ голосъ не есть достаточное воздаяніе: одобреніе есть поощреніе преуспѣвать въ добрѣ; порицаніе есть предостереженіе отъ зла. Если праведникъ переноситъ жестокія мученія, одобреніе совѣсти не препятствуетъ ему чувствовать ихъ и быть подверженнымъ жестокой скорби. Если злой человѣкъ мучимъ совѣстью, то ему легко разсѣяться среди свѣтскихъ удовольствій, коимъ онъ предается, и онъ не чувствуетъ острія

совѣсти, пронзающей его. Если что способно поддерживать вѣрующаго въ его горестяхъ, такъ это надежда вѣнца, обѣщаннаго на небѣ тѣмъ, которые на землѣ *теченіе скончали и вѣру соблюли*. Если бы эта надежда не осуществилась, то добрый человѣкъ былъ бы созданіе несчастное и неразумное. И для чего бы онъ страдалъ? Для пустого имени, для ничтожества; онъ былъ бы жертвою своей вѣры, своей честности, своей добродѣтели. Злой человѣкъ былъ бы тогда самымъ умнымъ человѣкомъ, и онъ избралъ бы благую часть, удовлетворяя своимъ страстямъ, поступая, какъ внушало ему сердце, какъ казалось его испорченнымъ глазамъ. И если бы онъ достигъ до того, чтобы заглушить свою совѣсть и ожесточить свое сердце, если бы онъ пилъ неправду, какъ воду, и наслаждался бы такимъ образомъ спокойно плодами своихъ пороковъ,— то онъ достигъ бы высшей степени мудрости. Это такія вещи, которыя отвратительны для всѣхъ чувствъ души человѣческой. Легко сказать: «добродѣтель получаетъ здѣсь свою награду», когда философствуешь, сидя спокойно за обильнымъ столомъ, но праведникъ, который находится въ узахъ, въ сырой, мрачной темницѣ, котораго въ будущемъ ожидаетъ только эшафотъ, или костеръ, — получаетъ ли онъ соотвѣтственное и дѣйствительное вознагражденіе въ сознаніи того, что онъ былъ вѣренъ Богу, добродѣтели, и преуспѣвалъ до конца? Нѣтъ, Богъ не ограничитъ этой малой, этой жалкой и почти ничтожной наградою труды и болѣзни человѣка добродѣтельнаго. Богъ, Который дозволилъ расти плевеламъ среди доброй пшеницы на полѣ этой жизни, не для одинаковаго употребленія предназначилъ плевелы и пшеницу. Если Онъ дозволилъ, чтобы въ этомъ мірѣ было смѣшеніе благъ и несчастій, то это для того, чтобы побудить человѣка къ высокимъ добродѣтелямъ. Онъ никогда не попустилъ бы, чтобы одинаковая участь постигла вѣрнаго исполнителя законовъ правды и ужаснаго преступника. Будетъ другая жизнь! душа должна быть безсмертна!

Есть еще одно сильное доказательство безсмертія въ привязанности, которую имѣютъ родители къ дѣтямъ; вотъ какъ мы разсуждаемъ въ этомъ случаѣ: отецъ и мать любятъ своихъ дѣтей и, находясь у смертнаго одра своего дитяти, они хотѣли бы не только возвратить его къ жизни, но сдѣлать такъ, чтобы оно жило всегда, хотѣли бы создать ему рай и устроить его счастіе на вѣки. А что сдѣлали бы родители, то не тѣмъ ли болѣе сдѣлаетъ Богъ, — Богъ, отъ Котораго родители получили эту привязанность къ дѣтямъ,—Богъ, Который не можетъ желать уничтоженія того существа, которое создано по Его образу, — Богъ, Который даже и тогда, когда является судьею, не перестаетъ быть милостивымъ отцомъ!?... [1]).

[1]) Воскр. чт. 1866 г. Чт. въ обществѣ люб. дух. просв. 82 г.

Если бы все должно было окончиться для насъ въ могилѣ, то мы не дали бы себѣ отчета въ цѣли, для которой Богъ даровалъ человѣку понятіе о смерти; не лучше ли было бы, чтобы Онъ сокрылъ ее отъ насъ, какъ сокрылъ отъ животныхъ, которыя имѣютъ только инстинктъ самохраненія, но не знаютъ, что такое умереть. Зачѣмъ напрасно пугать людей? Развѣ не довольно одной потери жизни? Но если мы предположимъ существованіе за гробомъ и безсмертіе души, тогда это для насъ понятно. Богу угодно было дать человѣку понятіе о смерти не для того, чтобы она была для него источникомъ страха, но чтобы она внушила ему серьезныя размышленія о жизни, о ея цѣли, о необходимости приготовить себя къ существованію, которое должно послѣдовать за настоящимъ существованіемъ. То понятіе, какое мы имѣемъ о смерти, мнѣ кажется побужденіемъ не бояться ея. Могу ли я повѣрить, чтобы Богъ извлекъ насъ изъ ничтожества для того, чтобы заставить насъ бояться его въ продолженіи всей нашей жизни, потомъ снова ввергнуть насъ въ ничтожество навсегда. При такомъ предположеніи мы имѣли бы право сказать Виновнику всего: «зачѣмъ Ты создалъ насъ такимъ образомъ? Отними отъ насъ этотъ свѣтильникъ, который освѣщаетъ нашу несчастную участь». О, человѣкъ! если ты долженъ погибнуть навсегда, то сойди съ престола этого міра: ты болѣе не владыка, позавидуй участи животнаго, которое не предвидитъ и не боится смерти: оно счастливѣе тебя. Но, Боже вѣчный! Ты не для того обогатилъ насъ Своими драгоцѣнными дарами, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе нашихъ бѣдствій; эта мысль оскорбительна для Твоей благости! Ты содѣлалъ насъ способными понимать смерть для того, чтобы она служила для нашего поученія; это какъ бы откровеніе другой жизни, это какъ бы указаніе на то, что по смерти мы не перестанемъ существовать [1]).

[1]) *Мысли Иннокентія, архіеп. херс., о безсмертіи души.*

Человѣка не видно до рожденія, и мы говоримъ, что онъ не существовалъ. Его не видно по смерти; зачѣмъ же мы будемъ говорить, что онъ существуетъ? Случаи равны, равное должно быть и заключеніе.

Если бы была жизнь за гробомъ, то отчего бы такъ прятать и скрывать ее? Не видно цѣли въ скрытности.

Животныя явно суть подобіе человѣка, и нѣкоторые очень близки къ нему; но мы о всѣхъ ихъ утверждаемъ, что они не безсмертны. Зачѣмъ же исключеніе въ пользу одного человѣка?—Это несправедливость, эгоизмъ человѣческій.

Въ человѣкѣ нѣтъ желанія безсмертія; есть только охота пожить подолѣе. Но, долго живши, онъ наскучилъ бы жить; вѣчность для него невыносима. Если въ насъ теперь не является этой скуки отъ бытія, то причиною этого сонъ: въ немъ мы кончаемъ бытіе и опять принимаемъ; безъ него, несмотря на краткость жизни, мы наскучили бы ею.

Если бы человѣку суждено было жить всегда, то зачѣмъ и къ чему смерть? Она не была бы въ порядкѣ вещей. Какъ конецъ бытія, смерть умѣстна; а иначе—абсурдъ.

Доказательство отъ духовности души ничего не доказываетъ въ пользу безсмертія, ибо мы не знаемъ

Б. Ученіе св. Григорія Богослова о духовной и тѣлесной природѣ человѣка.

1. Что такое разумная душа въ человѣкѣ?

«Она, — разсуждаетъ св. Григорій Богословъ, — не есть истребительный огонь, потому что пожирающее не можетъ оживлять пожираемое». Она — не воздухъ, то выдыхаемый, то вдыхаемый и никогда не остающійся въ покоѣ; она— не кровавый токъ, пробѣгающій въ тѣлѣ, и не гармонія составныхъ частей организма, приводимыхъ въ единство, «потому что природа плоти и безсмертной формы не одинакова». При томъ, если бы добродѣтель или порокъ въ людяхъ происходили отъ соединенія стихій, то люди добродѣтельные не имѣли бы никакого преимущества предъ самыми порочными. Кромѣ того, если разумная душа есть гармонія частей тѣла, то ее необходимо признать и у животныхъ, такъ какъ и у нихъ есть гармонія формы и тѣла; по этому принципу выходило бы, что лучшій будетъ тотъ, въ комъ лучше и совершеннѣе гармонія частей организма. Наконецъ, душа не есть какая-нибудь общая, раздѣленная между всѣми и разлитая въ воздухѣ, сущность, потому что, въ противномъ случаѣ, всѣ бы вдыхали и выдыхали одинаковую душу, и всѣ живущіе на свѣтѣ, послѣ своей смерти, жили бы въ другихъ. Что такое душа? Она, по ученію св. Григорія, есть «дыханіе Божіе», или, какъ онъ еще выражается, «струя невидимаго Божества».

Само собою разумѣется, что, называя такъ человѣческую душу, св. Григорій Богословъ не приписываетъ природѣ души самую божественность, а только выражаетъ ея близость и сродство съ божественнымъ, или такую способность и пріемлемость ея къ божественному, по которой она въ надлежащемъ своемъ состояніи одушевляется или живится Духомъ Святымъ и просвѣщается сіяніемъ Тріединаго Бога; потому что, въ противномъ случаѣ, нужно было бы признать, что душа человѣка, по своей божественной природѣ, существовала уже прежде его рожденія. Но св. Григорій отвергаетъ какъ Пиѳагорову теорію метемпсихоза, такъ и Оригеново ученіе о предсуществованіи душъ. Еще менѣе можно допустить, чтобы св. Григорій соединялъ съ упомянутыми наименованіями души человѣческой представленіе о матеріальномъ отдѣленіи Божества,— ни о чемъ онъ такъ ни старался, какъ именно о томъ, чтобы представить христіанское понятіе о Богѣ безусловно чистымъ и чуждымъ всякихъ матеріальныхъ и ограниченныхъ идей.

Несомнѣнно, что, называя человѣческую душу «дыханіемъ», «струею», или «частицею Боже-

---

природы души. Слова: духъ, матерія, суть чисто относительныя и условныя, мы не знаемъ природы ни того, ни другого, слѣдовательно, и не можемъ брать изъ нея твердыхъ заключеній.

Ученіе о небезсмертіи человѣка можетъ имѣть практически-полезныя стороны: заставитъ дорожить жизнью, не терпѣть притѣсненій и самовластія, стремиться къ равенству и безобидному раздѣлу благъ жизни и проч. и проч.

Усилиться ученію о безсмертіи помогли нужды и безпорядки этого міра. Будучи недовольны настоящимъ, люди естественно обращаются къ будущему. Чего сильно желаютъ, то кажется существующимъ.

Вотъ все, что можно возразить противъ безсмертія. Нѣкоторыя возраженія особенно могутъ смущать. Но на сторонѣ истины есть довольно средствъ къ уничтоженію всѣхъ этихъ возраженій.

Что имѣло начало, то будетъ имѣть конецъ. Такъ обыкновенно говорятъ, но почему такъ говорятъ? Всѣ причины сводятся къ тому, что на опытѣ такъ бываетъ: имѣвшее начало, потомъ имѣетъ и конецъ. Дѣйствительно, окружающее насъ представляетъ большею частью это явленіе. Большею частью—но не всегда. Земля, явно, имѣла начало, но будетъ ли имѣть конецъ? — этого опытъ не говоритъ. Небо имѣло начало, но будетъ ли имѣть конецъ?—этого опытъ не показываетъ. Вообще міръ имѣлъ начало; но послѣдуетъ ли конецъ? — этого по опыту нельзя сказать. Такимъ образомъ самый опытъ, откуда добыто извѣстное правило, что имѣющее начало, имѣетъ и конецъ, подтверждаетъ его только по частямъ, а не вообще. Вообще говоря, опытъ показываетъ, что многое, имѣющее начало, не имѣетъ конца.

Если за этимъ отъ опыта перейти къ умозрѣнію, то окажется совершенно противное. Надобно сказать, что все, возымѣвшее начало, вѣчно, такъ какъ не должно имѣть конца. Почему?—Потому что конецъ противоположенъ началу, такъ же какъ минусъ плюсу, какъ холодъ жару, какъ тьма свѣту. Какъ одно выйдетъ изъ другого? это невозможно. Тутъ, вообще, тотъ же законъ, по коему физики утверждаютъ, что тѣло, коему сообщено движеніе, вѣчно должно двигаться въ ту сторону, куда двинуто, доколѣ не встрѣтитъ препятствія.

Если бы человѣкъ созданъ былъ для земли, и не продолжалъ жить за гробомъ, то онъ въ правѣ жаловаться, что не попеклись хорошо помѣстить его. Зачѣмъ ему тогда было давать такія желанія и мысли? Зачѣмъ не дать то, что нужно для удобства земной жизни? Теперь онъ можетъ переносить эти неудобства благодушно, въ чаяніи вѣчной жизни; а коль скоро вознагражденія нѣтъ, то онъ въ правѣ роптать и обвинять. Скажутъ: ему все дано, что нужно. Нѣтъ, очевидно, недостаетъ многаго.

Безсмертіе никто не можетъ сдѣлать очевиднымъ,—правда, но кто можетъ очевиднымъ сдѣлать и небезсмертіе?—Доказательства матеріалистовъ нерѣшительны; все сводится къ тому, что тѣло умершаго истлѣваетъ, и мы перестаемъ видѣть его. Для насъ его болѣе нѣтъ, но есть ли оно само для себя, — этого мы не можемъ отвергать рѣшительно, уже потому, что не можемъ видѣть, какъ душа уничтожается. Скажутъ: есть причина подозрѣвать, что нѣтъ, коль скоро не видимъ. Такъ, но есть причина подозрѣвать, что есть. Какая причина?—Не только нравственная,—даже матеріальная, напр., присутствіе полной души предъ самою смертью, когда тѣло уже, можно сказать, полуразрушилось.

Я не былъ и не существовалъ,—а, очевидно, началъ быть, существую: cogito ergo sum. Была какая-то сила, которая вызвала меня отъ небытія къ бытію, и которая потомъ содержитъ меня доселѣ въ бытіи.

Такъ какъ я прежде не былъ, то могу и опять не быть, но такъ какъ не былъ, и сталъ быть, то по опыту уже заключаю, что могу опять прійти въ небытіе, и снова быть вызванъ—тою же силою—къ бытію. Это чистая и прямая логика!

Какъ же нѣкоторые думаютъ, что я, если потерялъ бытіе, напр., въ смерти, то уже потерялъ его навсегда и невозвратно? — Тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ логики... Кто бы Онъ ни былъ, но, воззвавши меня изъ совершеннаго небытія, то-есть когда я вовсе не существовалъ, — какимъ образомъ не въ состояніи воззвать меня изъ временнаго небытія, въ которое, положимъ, приведетъ меня смерть? Но и это чистое предположеніе. Сроднѣе, по мнѣ, думать, что разъ получившее бытіе должно уже существовать,—въ такомъ или другомъ видѣ,—вѣчно.

ства», великій учитель вѣры хотѣлъ этимъ выразить не что иное, какъ только особенную близость духовной природы человѣка къ Богу, подобно тому, какъ, очевидно, въ той же самой мысли, онъ не затруднялся сказать, что «ангелъ есть нѣкоторая струя Перваго Свѣта», а человѣкъ — «персть, соединенная съ Божествомъ». Но самое лучшее понятіе о душѣ человѣка св. Григорій даетъ, называя ее, согласно съ Писаніемъ, «образомъ Божества».

Какъ образъ Божій, душа человѣка, очевидно, должна обладать, — конечно, не въ абсолютномъ смыслѣ, — свойствами Божества; если Богъ есть безконечный Духъ, то и душа человѣческая есть существо духовное, а не вещественное; если Богъ — чистѣйшій разумъ, то и душа человѣческая разумна; если Богъ — существо свободное и ни отъ кого независимое, то и душа должна быть свободною; наконецъ, «образъ Безсмертнаго» — душа человѣческая должна быть безсмертною.

2. Какова природа человѣка?

Св. Григорій Богословъ говоритъ, что человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ двѣ природы — духовную и матеріальную, которыя, при существенномъ отличіи и совершенной противоположности другъ другу, соединены въ немъ таинственнымъ и неизъяснимымъ образомъ. Св. Богословъ стремился испытующимъ умомъ проникнуть въ самую тайну связи души съ тѣломъ, и это желаніе его тѣмъ сильнѣе и томительнѣе, чѣмъ темнѣе и загадочнѣе предметъ его. Но, въ сознаніи своего безсилія объяснить его, онъ проникается глубокимъ благоговѣніемъ къ творческой премудрости, проявившейся въ столь таинственномъ сопряженіи души съ тѣломъ, и, оставляя всякія попытки проникнуть въ сущность этой тайны, онъ только съ изумленіемъ останавливается предъ ея, по видимому, непримиримыми и несоединимыми контрастами. «Кто сотворилъ такъ премудро человѣка?» — спрашиваетъ онъ въ одномъ своемъ словѣ. «Кто соединилъ противоположное, сочеталъ персть съ духомъ, составилъ живое существо, видимое и невидимое, временное и вѣчное, земное и небесное, стремящееся къ Богу, но не постигающее Его, приближающееся къ Нему, но далеко отъ Него отстоящее!»

Но если для человѣка непостижима тайна соединенія въ немъ двухъ противоположныхъ природъ въ ея сущности, то, по крайней мѣрѣ, въ какомъ отношеніи находятся между собою эти природы, насколько можно судить по проявленіямъ ихъ въ настоящемъ, земномъ состояніи человѣка, и въ чемъ должна заключаться дѣятельность человѣка по отношенію къ той или другой природѣ?

При рѣшеніи этихъ вопросовъ весьма важное значеніе имѣетъ взглядъ на матеріальное начало въ человѣкѣ вообще. Древнѣйшее восточное міросозерцаніе съ понятіемъ о матеріи соединяло понятіе о началѣ зломъ, грубомъ и несовершенномъ. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ на матерію вообще, и въ человѣкѣ тѣло считалось началомъ злымъ, причиною всякихъ недостатковъ, несовершенствъ и пороковъ. Отсюда съ логическою необходимостью вытекало стремленіе къ уничтоженію тѣла, выражавшееся въ дѣйствительности, какъ извѣстно, въ самыхъ разнообразныхъ способахъ самоуничтоженія.

Это грубое понятіе о матеріи, какъ началѣ зломъ, было значительно смягчено греческой (Платоновой) философіей. Но оно не было разрушено ею до основанія: почти у всѣхъ греческихъ философовъ матерія представляется то активнымъ, то пассивнымъ началомъ раздѣленія, множественности, измѣнчивости, и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ ошибокъ, слабостей и всякаго рода несовершенствъ въ человѣкѣ. Отсюда, если древнѣйшая идея самоуничтоженія должна была потерять свое значеніе, то взамѣнъ ея выступила идея ограниченія плоти, стремленіе къ освобожденію духа отъ пагубнаго вліянія плоти, хотя и здѣсь не закрывался совершенно путь къ всевозможнымъ средствамъ къ ограниченію и умерщвленію плоти. Но собственно христіанское воззрѣніе на тѣлесную природу человѣка чуждо всякихъ крайностей, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ.

Тѣло человѣка, по мнѣнію христіанскихъ богослововъ, не есть начало злое, но премудро созданный Богомъ организмъ духа; поэтому только естественное его ограниченіе можетъ считаться для него необходимымъ и быть благодѣтельнымъ для него. Какъ начало низшее, противоположное духу и ограничивающее его въ возвышенныхъ стремленіяхъ, оно нерѣдко противоборствуетъ духу и является причиною тѣхъ или другихъ ошибокъ, слабостей и недостатковъ въ человѣкѣ. Отсюда необходимо ограниченіе и сокращеніе его посредствомъ тѣхъ или другихъ аскетическихъ подвиговъ, чтобы только подчинить его духу.

Съ такимъ именно воззрѣніемъ на природу человѣка мы встрѣчаемся у св. Григорія Богослова. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, нельзя упустить изъ виду той разности, какая замѣчается въ воззрѣніяхъ на данный предметъ въ различныхъ его произведеніяхъ: въ своихъ стихотвореніяхъ св. Григорій является по отношенію къ вопросу о природѣ человѣка, по видимому, совершенно инымъ, нежели въ «словахъ». Стоитъ только прочитать тѣ изъ его поэтическихъ произведеній, въ которыхъ онъ касается двойственной природы человѣка, чтобы видѣть, какимъ грустнымъ и скорбнымъ чувствомъ проникнутъ Богословъ-поэтъ во взглядѣ на этотъ неравный и, по его воззрѣнію, обременительный союзъ двухъ совершенно разнородныхъ элементовъ въ человѣкѣ. Онъ, по видимому, не можетъ и говорить объ этомъ союзѣ иначе, какъ со слезами и истиннымъ сокрушеніемъ, называя его «пагубнымъ сопряженіемъ». «Кто сдѣлалъ тебя», — го-

воритъ онъ, обращаясь къ душѣ своей,—трупоносительницею? Кто крѣпкими узами привязалъ тебя къ жизни? Какъ ты, будучи духомъ, соединилась съ чувственностью, ты, будучи умомъ, соединилась съ плотью, ты — легкая, сложилась съ бременемъ? Все это противоположно и противоборствуетъ одно другому... Какъ пагубно для меня такое соединеніе!»

Въ другомъ мѣстѣ св. Богословъ, говоря о связи души съ тѣломъ, прямо называетъ душу «свѣтомъ», заключеннымъ въ пещерѣ. И, вообще, насколько глубоко проникнутъ онъ любовію и уваженіемъ къ своей душѣ, этому «небесному и божественному образцу», настолько же сильно, по видимому, его пренебреженіе къ плоти, — къ «земному бремени».

Онъ не можетъ иначе и представить себѣ послѣднюю, какъ въ постоянномъ противленіи духу, не можетъ иначе и назвать ее, какъ постояннымъ и непримиримымъ врагомъ духа, его узами и корнемъ всякихъ страстей и пороковъ. «Къ тебѣ обращаюсь, плоть моя,—взываетъ онъ, проникнутый скорбнымъ сознаніемъ тяжелыхъ бѣдствій, обуревающихъ земную жизнь каждаго смертнаго,— къ тебѣ, настолько неисправимой, къ тебѣ, льстивому моему врагу и противнику, никогда не прекращающему нападенія. Ты—злобно-ласкающійся звѣрь, ты, что всего страннѣе, охлаждающій огонь». Или въ другомъ мѣстѣ: «Пагубная плоть, черная волна злокозненнаго царя тьмы, корень разнообразнѣйшихъ страстей, подруга земного, скоротечнаго міра, противница небесной жизни! Плоть мой врагъ и другъ. . . . , бреніе, грязная цѣпь, тяжелый свинецъ, неукротимый звѣрь. . . . гробъ и узы своего царя, небеснаго образа, полученнаго отъ Бога! Ужели ты, окаянная злоумышленница, не прекратишь безстыдныхъ пороковъ, не покоришься духу и сѣдинѣ? Уважь же меня, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду къ душѣ моей».

Но всего яснѣе и полнѣе выраженъ его взглядъ на тѣло человѣка и, вообще, двухсоставную природу человѣческаго существа въ слѣдующихъ словахъ: «Не понимаю,—говоритъ онъ,—какъ я соединился съ тѣломъ, и какъ, будучи образомъ Божіимъ, смѣшался съ бреніемъ. Это тѣло, находясь въ хорошемъ состояніи, затѣваетъ борьбу, а когда съ нимъ воюютъ, поражаетъ скорбію. Я и люблю его, какъ сослужителя, и отвращаюсь отъ него, какъ отъ врага; бѣгу отъ него, какъ отъ узъ, и почитаю его, какъ сонаслѣдника. Если я рѣшусь истомить его, въ такомъ случаѣ не будетъ у меня никакого сотрудника въ добрыхъ дѣлахъ, а я знаю, для чего я вызванъ къ бытію, знаю, что я долженъ восходить къ Богу посредствомъ дѣлъ. Если, напротивъ, буду щадить его, какъ сотрудника, то не знаю, какъ избѣгнуть его нападеній, и боюсь, какъ бы мнѣ, обремененному узами, приковывающими къ землѣ, не отпасть отъ Бога. Тѣло,—это ласковый врагъ и коварный другъ. Чудное соединеніе и раздвоеніе! Что за премудрость открывается на мнѣ, и что за великая тайна! Быть-можетъ, Богу угодно, чтобы мы, будучи Его частію и происходя отъ Него, не вздумали гордиться и превозноситься своимъ достоинствомъ, и не пренебрегли Творцомъ, но чтобы, въ борьбѣ и брани съ тѣломъ, постоянно обращали къ Нему взоры, и чтобы присоединенная къ намъ слабость держала въ предѣлахъ наше достоинство, чтобы мы знали, что мы въ одно и то же время и велики и ничтожны, перстны и небесны, смертны и безсмертны, наслѣдники свѣта и огня или тьмы, смотря по тому, куда направимъ себя. Такъ устроенъ составъ нашъ, и это, по моему разумѣнію, для того, чтобы, если бы мы вздумали гордиться образомъ Божіимъ, земное естество смиряло насъ».

Вотъ истинный взглядъ Богослова на низшую физическую природу человѣка, на ея назначеніе и отношеніе къ ней самого человѣка. Тѣло, дѣйствительно, есть ограниченіе, необходимое человѣку для достиженія имъ высшаго нравственнаго совершенства, созданное божественной премудростію въ предотвращеніе возможной въ человѣкѣ гордости и превозношенія сродствомъ и близостью къ Богу по его духовной природѣ. Отличаясь существенно отъ начала духовнаго, тѣло совершенно противоположно ему и по своимъ стремленіямъ: душа, какъ элементъ небесный, постоянно стремится къ горнему, а плоть, какъ нѣчто земное, обращено къ дольнему. Отсюда естественно должно происходить несогласіе и борьба между этими двумя противоположными другъ другу элементами человѣческаго существа. Но вліяніе плоти на духъ можетъ и должно быть ослабляемо, и по возможности совершенно уничтожаемо единственно посредствомъ различныхъ нравственныхъ упражненій и подвиговъ, при чемъ, безъ сомнѣнія, необходимо удерживаться отъ крайностей, чтобы чрезмѣрно суровыми подвигами не дѣлать ее неспособною къ дѣятельной жизни и, такимъ образомъ, не лишиться сотрудника въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія и восхожденія къ Богу.

В. Назначеніе человѣка.

1. *По отношенію къ Богу назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы онъ познавалъ своего Создателя и прославлялъ Его.* Соотвѣтственно этому и Спаситель заповѣдалъ намъ: «Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрыя дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ» (Мат. Ѵ, 16). На эту цѣль человѣка, какъ на самую главную, указывали и древніе св. отцы церкви.

Василій Великій: «Ты, сосудъ благоустроенный, получившій бытіе отъ Бога, прославляй своего Создателя. Ибо для того только ты и созданъ, чтобы быть достойнымъ орудіемъ славы Божіей, и весь этотъ міръ для тебя какъ бы живая

книга, которая проповѣдуетъ славу Божію и возвѣщаетъ тебѣ, имѣющему разумъ, о сокровенномъ и невидимомъ величіи Божіемъ, чтобы ты познавалъ Бога истины. Храни твердо въ памяти мною сказанное» [1]).

Григорій Богословъ: «Надлежало, чтобы поклоненіе Богу не ограничивалось одними горними, но были и долу нѣкоторые поклонники, и все исполнилось славы Божіей (потому что все Божіе): для сего созидается человѣкъ, почтенный рукотвореніемъ и образомъ Божіимъ» (слово на св. свѣты явленій Господн., въ тв. св. отц. III, 262—263).

Іоаннъ Златоустъ: «Богъ далъ намъ зрѣніе, уста и слухъ для того, чтобы всѣ члены наши служили Ему, чтобы мы и говорили угодное Ему и дѣлали, Ему воспѣвали непрестанныя пѣсни, Ему возсылали благодаренія» [2]) (Бесѣд. на ев. Матѳ. II, 4, стр. 33, Москва, 1843).

2. *По отношенію человѣка къ самому себѣ назначеніе его то, чтобы онъ, какъ созданный по образу Божію съ нравственными силами, старался постоянно развивать и усовершать эти силы чрезъ упражненіе ихъ въ добрыхъ дѣлахъ* и, такимъ образомъ, болѣе и болѣе уподоблялся своему Первообразу: «Будите убо совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Матѳ. V, 48).

Изъ св. отцовъ объ этой цѣли человѣка ясно говорятъ:

а) Григорій Богословъ: «Мы сотворены на дѣла благія, чтобъ славить и хвалить Сотворшаго, и сколько возможно, подражать Богу» (Слов. на св. свѣты явл. Господн., въ тв. св. отц. III, 257).

б) Василій Великій: «Устроеніе тѣла твоего есть для тебя училище о цѣли, для которой ты сотворенъ; ты сотворенъ прямымъ для того, чтобы не влачилъ ты жизни своей на землѣ, но взиралъ на небо и на сущаго тамъ Бога, и чтобы не гонялся за скотскимъ наслажденіемъ, но, согласно съ даннымъ тебѣ разумомъ, жилъ небесною жизнію» (Христ. чт. 1841, IV, 29).

[1]) Orat. 11 de homin. structura, in Opp. T. I, p. 338, ed. Sarnier въ «Христ. чт.», 1841, IV, 6. Это же слово приписывается и св. Григорію нисскому издателемъ его твореній, Морелемъ (Opp. T. I, p. 153—166).

[2]) Въ другомъ мѣстѣ (въ XXXI бесѣдѣ на ев. Іоанна) св. I. Златоустъ говоритъ о назначеніи человѣка: «Не для того Богъ ввелъ насъ въ настоящую жизнь и вдунулъ въ насъ душу, чтобы мы пользовались только настоящимъ, но для того, чтобы все дѣлали для жизни будущей, ибо только безсловесныя созданы для одной настоящей жизни. А мы получили безсмертную душу для того, чтобы вполнѣ приготовиться къ будущей жизни. Если кто спроситъ: какое назначеніе коней, ословъ, быковъ и другихъ животныхъ, то мы скажемъ, что не другое, какъ только то, чтобы они служили намъ въ настоящей жизни. А о насъ нельзя сего сказать, для насъ есть лучшее состояніе послѣ настоящей жизни, и намъ все надобно дѣлать такъ, чтобы тамъ просіять, ликовать съ ангелами, предстоять Царю небесному всегда, въ безконечные вѣки. Для того и душа наша создана безсмертною, да и тѣло будетъ безсмертно, чтобы мы наслаждались безконечными благами».

в) Златоустъ: «Мы не для того родились, чтобы ѣсть, и пить, и облекаться въ одежду, но чтобы, пріявъ божественное любомудріе, избѣгать зла и подвизаться въ добродѣтели; ибо, созидая человѣка, Богъ сказалъ: «Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію», а подобными Богу мы содѣлываемся не тогда, когда ѣдимъ, пьемъ и облекаемся въ одежды (потому что Богъ ни ѣстъ, ни пьетъ, ни облекается въ одежды), но когда блюдемъ правду, показываемъ человѣколюбіе, бываемъ снисходительны и кротки, милуемъ ближняго и украшаемся всякою добродѣтелію» (Apud. Damascen. tom. cit. pag. 313).

3. Но такъ какъ, по мѣрѣ преуспѣянія человѣка въ добродѣтели, онъ достигаетъ блаженства, которое есть слѣдствіе добрыхъ дѣлъ и награда за нихъ, по ученію Самого Спасителя о блаженствахъ (Мат. V, 16), то можно выражаться, что *человѣкъ, созданный на дѣла благая* (Еф. II, 10), *съ тѣмъ вмѣстѣ созданъ и для блаженства*, и что, слѣдовательно, блаженство составляетъ одну изъ цѣлей человѣка, разсматриваемаго по отношенію къ самому себѣ. И на эту цѣль человѣка указывали иногда св. отцы.

а) Григорій Богословъ: «Мы получили бытіе, чтобы благоденствовать; и благоденствовали послѣ того, какъ получили бытіе; намъ ввѣренъ былъ рай, чтобы насладиться; намъ дана была заповѣдь, чтобы, сохранивъ ее, заслужить славу» (Слово на св. Пасху, въ тв. св. отц. IV, 182).

б) Григорій нисскій: «Надлежало, чтобы человѣкъ, созданный для наслажденія божественными благами, имѣлъ въ природѣ своей нѣчто родственное съ тѣмъ, чѣмъ будетъ наслаждаться, потому онъ и надѣленъ жизнію, и разумомъ, и мудростію, и всѣми богоподобными свойствами» (Cathech. cap. 5).

в) Іоаннъ Дамаскинъ: «Какъ благій, Богъ сотворилъ насъ не для того, чтобы наказывать, но чтобы мы были причастниками Его благости» (Точн. излож. прав. вѣры, кн. II, гл. 29 стр. 128 по русск. перев.).

4. Затѣмъ, назначеніе человѣка по отношенію ко всей окружающей его природѣ ясно опредѣляется въ словахъ Самого тріѵпостаснаго Создателя: «Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрьми, и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли» (Быт. I, 26) [1]). *Какъ образъ Божій,*

[1]) Несмотря на потерю власти надъ природой одушевленною и неодушевленною послѣ паденія, человѣкъ, тѣмъ не менѣе, возвращаетъ себѣ эту власть надъ нею, если при содѣйствіи благодати Божіей достигаетъ святости. Вотъ нѣсколько примѣровъ повиновенія человѣку природы *неодушевленной* и *животныхъ*.

I. Св. Іоаннъ Креститель, будучи еще младенцемъ, скрылся отъ Ирода съ своею матерію, праведной Елисаветой, въ одной горѣ; надъ этой горой выросло финиковое дерево съ плодами, и когда они чувствовали голодъ, оно преклоняло вѣтви свои къ землѣ, чтобы они удобно могли срывать финики, а

какъ сынъ и наслѣдникъ въ дому небеснаго Отца, человѣкъ поставленъ быть какъ бы посредникомъ между Творцомъ и тварію земною. Св. отцы и учители церкви говорили объ этомъ назначеніи человѣка быть царемъ и владыкою окружающей его природы весьма часто, особенно когда рѣшали вопросъ, почему человѣкъ созданъ послѣднимъ. Вотъ, напримѣръ, слова:

а) св. Амвросія: «По достоинству (человѣкъ) явился послѣднимъ, какъ цѣль природы, созданный для правды, чтобы быть провозвѣстникомъ правды между прочими животными; справедливо онъ явился послѣднимъ, какъ вѣнецъ всего творенія, какъ причина міра, для котораго создано все» (Epist. XLIII, n. 13, 19, in Patrolog. curs. compl. T. XVI, p. 1133, 1135).

б) Григорія Богослова: «Если послѣднимъ явился въ міръ человѣкъ, почтенный Божіимъ рукотвореніемъ и образомъ, то сіе нимало не удивительно: ибо для него, какъ для царя, надлежало приготовить царскую обитель, и потомъ уже ввести въ нее царя въ сопровожденіи всѣхъ тварей» (Слово на недѣлю новую, въ тв. св. отцовъ IV, 144).

когда они удовлетворяли чувству голода, оно опять поднимало вѣтви вверхъ (Чет.-Мин., іюн. 24). Скажутъ: «то былъ Іоаннъ, Креститель Христовъ, — мужъ, о которомъ Самъ Спаситель сказалъ: «*Не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя*» (Матѳ. XI, 11). Такъ, но вотъ еще нѣсколько примѣровъ.

Преп. Онуфрію въ пустынѣ нечѣмъ было питаться, и вотъ, по молитвѣ его, подлѣ его пещеры выросло финиковое дерево съ 12 вѣтвями, каждая вѣтвь питала его плодами въ теченіе мѣсяца, а потомъ дѣлалась безплодной, и это продолжалось 30 лѣтъ, до самой кончины угодника Божія (Чет.-Мин., іюл. 12).

Преп. Іоанникій, истощенный постомъ и молитвою, обыкновенно опирался на посохъ, но разъ посохъ этотъ какъ-то выпалъ у него изъ рукъ и упалъ въ глубокую пропасть. Жаль стало угоднику Божію такой необходимой для него вещи, но, какъ скоро воззвалъ онъ къ Богу, посохъ поднялся изъ пропасти къ нему (Чет.-Мин., нояб. 4).

При городѣ Мелетинѣ весной рѣка такъ широко разливалась, что иногда затопляла много домовъ. Жители обратились къ преп. Акакію съ просьбой пособить имъ въ этомъ горѣ. Акакій взялъ камень, положилъ его на берегъ рѣки и сказалъ, чтобы рѣка не разливалась далѣе камня, и рѣка повиновалась его слову (Чет.-Мин., апр. 17).

Преп. Іулію нужно было переправиться чрезъ одну глубокую рѣку: онъ разостлалъ по водѣ свою мантію, и на ней, какъ на лодкѣ, переплылъ, куда ему нужно было, употребивъ свой посохъ вмѣсто весла (Чет.-Мин., іюн. 21).

Что, кажется, безчувственнѣе камней? А и они слушали святыхъ: по слову преп. Іакова низибійскаго, камень распался на части и превратился въ персть (Чет.-Мин., янв. 13); по слову св. Григорія неокесарійскаго, камень сдвинулся съ мѣста (Чет.-Мин., нояб. 17); преп. Антоній римлянинъ на камнѣ переплылъ изъ Рима къ Новгороду (Чет.-Мин., авг. 3). Въ мірѣ подобныя событія не только не совершаются, но даже кажутся невѣроятными, а въ пустынѣ они повторялись не разъ, и кто знаетъ, можетъ-быть, повторяются и въ наше время, только невѣдомы міру. Такъ природа, по волѣ Бога всемогущаго, служила и служитъ святымъ (изъ кн. «Минуты паст. досуга» еп. Гермогена, т. II, стр. 14—17).

II. Великіе изъ святыхъ угодниковъ, до высшей степени прояснившіе въ себѣ образъ Божій богомысліемъ и строгой жизнію, поразительно обладали животными. Иногда одинъ взглядъ ихъ на звѣря укрощалъ звѣрскую свирѣпость. Здѣсь, прежде всего, должны мы вспомнить о Ноѣ: праведный Ной столь долгое время былъ окруженъ въ ковчегѣ цѣлымъ царствомъ животныхъ и не потерпѣлъ никакой опасности ни отъ одного изъ нихъ.

Святые употребляли звѣрей на житейскія услуги для себя, напр., заставляли ихъ приносить себѣ воду (Лугъ дух., гл. 106). Сами согрѣвались около нихъ зимой на ночлегѣ (тамъ же, гл. 166). Когда встрѣчали звѣрей на дорогѣ, звѣри давали имъ дорогу, и при этомъ отстранялись иногда въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ, что требовалась особенная сообразительность, чтобы разойтись. Такъ со св. Діонисіемъ (это былъ священникъ) встрѣтился левъ между плетнями, гдѣ едва могъ пройти человѣкъ безъ всякой ноши. Святой не побѣжалъ назадъ отъ звѣря, звѣрь же, по тѣснотѣ мѣста, совсѣмъ не могъ воротиться или потѣсниться. И вотъ, звѣрь всталъ на заднія ноги и сдѣлалъ усиленное наклоненіе своего тѣла въ сторону. Тогда святой прошелъ мимо, задѣвъ звѣря своей спиной (Лугъ дух., гл. 179).

Звѣри служили имъ и послѣ того, какъ они умирали, и какъ, слѣдовательно, образъ Божій уже не столь живо или ясно отражался въ нихъ, напр., Антоній В. не имѣлъ у себя ни лопаты ни топора, чтобы вырыть могилу для преп. Павла ѳивейскаго, и вдругъ, двое проходившихъ львовъ подошли и когтями вырыли для мертвеца могилу (Чет.-Мин., 15 янв.).

Св. мученикъ Неофитъ, съ ранняго дѣтства отличавшійся необыкновеннымъ благочестіемъ, разъ въ юности пришедши къ горѣ Олимпу, вошелъ тамъ въ одну пещеру, гдѣ встрѣтилъ его огромный левъ. Неофитъ сказалъ льву: «выйди отсюда и найди себѣ другую пещеру, а въ этой мнѣ велѣлъ жить Господь». И левъ тотчасъ изъ пещеры удалился. Но это примѣръ не единственный.

Іуліанъ-столпникъ приказалъ льву, опустошавшему киликійскія окрестности, удалиться изъ этой страны, и звѣрь удалился (Лимонар., гл. 58).

Св. Пахомій Великій плавалъ по рѣкамъ на крокодилахъ (15 мая).

Іоанникій и св. Пахомій жили и спали въ пещерахъ ядовитыхъ змѣй и гіенъ (4 ноября).

Къ мученику Маманту звѣри собирались цѣлыми стадами и оставались при немъ до тѣхъ поръ, пока не получали приказанія разойтись (2 сент.).

Преп. Сергій радонежскій и блаженный Серафимъ саровскій изъ своихъ рукъ кормили дикихъ медвѣдей, приходившихъ къ нимъ изъ лѣсу.

Павелъ египетскій не боялся брать змѣй и скорпіоновъ въ руки, а св. Петръ іерусалимскій разъ принесъ въ полѣ въ свой монастырь двухъ львенковъ, взятыхъ имъ изъ пещеры львиной.

Однажды пр. Зосима финикійскій отправился въ дорогу, взявши съ собою осла, на котораго навьючилъ всю поклажу. На дорогѣ встрѣтилъ его левъ и, схвативши осла, потащилъ въ пустыню. Пр. Зосима спокойно пошелъ за львомъ, настигъ его на мѣстѣ, гдѣ онъ ѣлъ осла, и обратился къ нему съ такими словами: «Что, другъ, путешествіе мое остановилось; я слабъ отъ старости и не могу нести ноши, которая была на ослѣ. Неси же мою ношу до мѣста, если хочешь, чтобы я тебя не безпокоилъ». Левъ позволилъ положить на себя вещи и несъ ихъ вслѣдъ за святымъ съ покорностью, свойственною домашнему животному.

Жизнеописатели святыхъ, приводя подобные примѣры власти святыхъ надъ звѣрями, разсуждаютъ: «Это не значитъ, чтобы звѣри имѣли разумную душу, но что такъ-то вотъ они находились въ полномъ послушаніи у Адама» (Лугъ духовн., гл. 106).

Отсюда ясно, что человѣкъ не безусловно потерялъ власть надъ животными и можетъ возвратить ее. Черезъ что же? Очевидно, чрезъ обращеніе къ тому состоянію, въ какомъ былъ и первый человѣкъ до грѣхопаденія, чрезъ обращеніе къ чистотѣ, правдѣ, благочестію. Чѣмъ удерживалъ Адамъ власть надъ животными, живя въ раю? Конечно, чистотою души своей, своимъ пребываніемъ въ правдѣ и истинѣ. Измѣнилъ послѣднимъ, лишился и власти. А изъ этого понятно, что, возврати человѣкъ чистоту души, будь вѣренъ истинѣ, возвратится и власть.

в) блажен. Ѳеодорита: «Богъ всяческихъ, по сотвореніи видимой и невидимой твари, произвелъ напослѣдокъ человѣка, поставивъ его, какъ бы нѣкоторый Свой образъ, среди тварей неодушевленныхъ и одушевленныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, дабы твари неодушевленныя и одушевленныя приносили ему пользу, какъ нѣкую дань, а естества невидимыя, имѣя попеченіе о человѣкѣ, свидѣтельствовали симъ свою любовь къ Творцу» (на кн. Быт. вопр. 20, въ «Христ. чт.», 1843, III, 348).

5. «Послѣдняя цѣль человѣка,—говоритъ преосвященный Ѳеофанъ, — *въ Богѣ, въ общеніи или живомъ союзѣ съ Богомъ.* Созданный по образу и подобію Божію, человѣкъ по самой природѣ своей есть нѣкоторымъ образомъ Божескаго рода. Будучи же рода Божія, онъ не можетъ не искать общенія съ Богомъ, не только какъ съ своимъ началомъ и первообразомъ, но и какъ съ верховнымъ благомъ. Потому-то сердце наше и бываетъ довольно только тогда, когда обладаетъ Богомъ и бываетъ обладаемо отъ Бога. Ничто, кромѣ Бога, не успокоиваетъ его. Соломонъ много зналъ, многимъ обладалъ и многимъ наслаждался; но все это, наконецъ, долженъ былъ признать суетою и крушеніемъ духа (Еккл. I, 8. 17. 18; III, 10—11; VIII, 17). Одинъ покой для человѣка въ Богѣ. *Что ми есть на небеси и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли*; *исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, часть моя, Боже, во вѣкъ* (Пс. LXXVII, 25—26). «Въ Богѣ жизнь,—учитъ Василій Великій,—отчужденіе и удаленіе отъ Бога есть зло несноснѣйшее даже будущихъ геенскихъ мученій, — зло самое тяжкое для человѣка, какъ для глаза лишеніе свѣта и для животнаго отнятіе жизни» («Хр. чт.», 1824 г., ч. XIII. Богъ не есть виновникъ зла). И еще: «Что было для души преимущественнымъ благомъ? Пребываніе съ Богомъ и единеніе съ Нимъ посредствомъ любви. Отпавъ отъ Него, она стала страдать» (Тв. св. от. Вас. Вел., т. 4, стр. 154).

Посему-то намъ внушается: *взыщите Господа, взыщите лица Его выну* (Пс. XXVIII, 6). Пророкъ Моисей поставлялъ зрѣніе лица Божія краемъ своихъ желаній и послѣ того уже, какъ Богъ явилъ чрезъ него и въ немъ столько чрезвычайныхъ дѣйствій Своей благости и всемогущества: «*аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя*» (Исх. XXXIII, 13),—молился онъ. Съ какимъ страхомъ взывалъ ко Господу пророкъ Давидъ: *не отвержи мене отъ лица Твоего* (Пс. L, 13), зная, что *удаляющіе себе* отъ Него *погибнутъ!* (Пс. LXXII, 27). Съ какимъ желаніемъ устремлялся онъ всегда къ Богу: *возжада душа моя къ Богу*... (Пс. LXII, 2); *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!* (Пс. XLI, 2). Съ какой теплотой упокоивался въ Немъ единомъ: *мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть*! (Пс. LXXII, 28).

Но не въ этомъ одномъ устремленіи всѣхъ желаній къ Богу наше благо. Жажда безъ утоленія, алчба безъ насыщенія, потребность безъ удовлетворенія есть скорбь, болѣзнь, мученіе. Ища Бога, мы хотимъ обрѣсти Его, хотимъ обладать Имъ и быть обладаемыми отъ Него, пріискренно пріобщиться Его, быть въ Немъ и Его имѣть въ себѣ (Макарія Великаго посланіе... въ началѣ. Москва, 1852 г., стр. 429). Въ этомъ-то живомъ, внутреннемъ, непосредственномъ общеніи Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ и есть его послѣдняя цѣль.

Такимъ это общеніе изображается въ словѣ Божіемъ. Такъ, Самъ Богъ объ однихъ говоритъ: *не имать духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане плоть суть* (Быт. VI, 3), а другимъ обѣщаетъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (1 Кор. VI, 16). «Внимай,—говоритъ на сіе мѣсто св. Златоустъ,—кто обитаетъ въ тебѣ? Ты Бога носишь въ себѣ». Спаситель обѣщаетъ внутреннѣйшее, нѣкое вселеніе Бога въ сердце человѣческое когда говоритъ: *къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Св. Іоаннъ Богословъ учитъ, что, когда кто пребываетъ въ любви, то не только онъ пребываетъ въ Богѣ, но и Богъ въ немъ пребываетъ (1 Іоан. IV, 16). У св. отцовъ живое общеніе съ Богомъ возводится до обоженія человѣка. Такъ св. Григорій Богословъ изображаетъ человѣка «живымъ существомъ, чрезъ стремленіе къ Богу достигающимъ обоженія» (Тв. св. отц., ч. III, стр. 243; еще ч. II, стр. 96).

Ѳеодоръ, епископъ едесскій, такъ учитъ о цѣли человѣка: «цѣль жизни нашей есть блаженство, или, что все равно, царство небесное или царство Божіе, которое состоитъ не только въ томъ, чтобы зрѣть царственную, такъ сказать, Троицу, но и въ томъ, чтобы получать божественное вліяніе и какъ бы принимать обоженіе, и въ семъ вліяніи находить исполненіе и совершеніе всѣхъ недостатковъ и несовершенствъ. Въ семъ-то состоитъ пища умныхъ силъ, т.-е. въ исполненіи недостатковъ посредствомъ Божественнаго онаго вліянія» («Хр. чт.», 1825, XVII, 190). У св. Макарія почти въ каждой бесѣдѣ можно находить напоминаніе о живомъ общеніи души съ Богомъ. Такъ въ 46 бесѣдѣ онъ учитъ, что «Богъ сотворилъ душу человѣка такою, чтобы быть ей невѣстою и сообщницею Его, и чтобы Ему быть съ нею единымъ раствореніемъ и единымъ духомъ» (§ 6). Посему, «если душа прилѣпляется Господу, то и Господь, милосердіемъ и любовію подвигнутый, къ ней приходитъ и ей прилѣпляется, и тако единъ духъ, и едино раствореніе, и единъ разумъ бываетъ душа и Господь» (§ 8). «Для человѣка нужно,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (посл., стр. 429, моск. издан., 1852), — чтобы не только самъ онъ былъ въ Богѣ, но и Богъ былъ въ немъ».

Не подумалъ бы кто, однако жъ, что живой союзъ съ Богомъ есть исчезновеніе души въ Богѣ съ насиліемъ ея самостоятельности и свободы. Нѣтъ, хотя душа, дѣйствительно, стоитъ при семъ подъ Божественнымъ вліяніемъ, прикасается нѣкоторымъ образомъ Богу и проникается Его силою, однако жъ, не перестаетъ быть душою, существомъ разумно-свободнымъ, подобно тому, какъ раскаленное желѣзо или уголь, проникаясь огнемъ, не перестаютъ быть желѣзомъ и углемъ. Она пріобрѣтаетъ только чрезъ это общеніе полнѣйшую и скорѣйшую силу дѣйствовать по волѣ Божіей свободно, но и безпрекословно.

Съ другой стороны, и то невѣрно, если бы кто сталъ думать, что когда Богообщеніе поставляется послѣдней цѣлью человѣка, то человѣкъ сподобится его послѣ, въ концѣ, напримѣръ, всѣхъ трудовъ своихъ. Нѣтъ, оно должно быть всегдашнимъ, непрерывнымъ состояніемъ человѣка, такъ что, коль скоро нѣтъ общенія съ Богомъ, коль скоро оно не ощущается, человѣкъ долженъ сознаться, что стоитъ внѣ своей цѣли и своего назначенія. Состояніе, въ которомъ человѣкъ сознаетъ, что Богъ истинный есть его Богъ, и самъ онъ есть Божій, т.-е. говоритъ въ сердцѣ своемъ Богу: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. XX, 28), какъ апостолъ Ѳома, и къ себѣ самому: *Божій есмь, Божій есмь* (Исх. XLIV, 5), такое состояніе есть единое истинное состояніе человѣка, есть единый рѣшительный признакъ присутствія въ немъ начала истинно-нравственной и духовной жизни.

Итакъ, далеки отъ истины тѣ, кои поставляютъ послѣдней цѣлью человѣка самого же человѣка, какими бы пышными названіями они ни украшали ее, развитіемъ, напр., духовныхъ силъ или стремленіемъ къ усовершенствованію. При такой цѣли люди разъединяются заботою только о себѣ и привыкаютъ все обращать въ средство, не исключая даже и Самого Бога, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, человѣкъ, какъ и все сотворенное, есть средство въ десницѣ Божіей для цѣлей Его Божественнаго промысла. *Вся созда Господь Себе ради* (Притч. XVI, 4). Посему *о Немъ живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. XVII, 28), *яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая* (Рим. XI, 36).

Несправедливо послѣдней цѣлью человѣка поставлять и одно благо ближнихъ, т.-е. людей, даже и въ томъ смыслѣ, что вся забота его должна быть обращена на благосостояніе общества. Содѣйствовать общему благу есть безпрекословно долгъ человѣка, но не первый и не исключительный. Если поставить это первымъ долгомъ, то всякій человѣкъ мысль и сердце обратитъ на другихъ, а не къ Богу, и, слѣдовательно, всѣ въ совокупности составятъ общество людей, сомкнутыхъ въ себѣ, но душой отторгнутыхъ отъ Бога. Это будетъ тѣло безъ главы. Напротивъ, при Богообщеніи, всѣ люди, сходясь въ сей единой цѣли, не мысленно только, но самымъ дѣломъ соединяются, и всѣ, единымъ духомъ и единою силою преисполняясь, составляютъ единое, живое и стройное тѣло. Подъ этимъ только условіемъ и можетъ созидаться и истинный и надежный союзъ между людьми (См. кн. «Начертаніе христіанск. нравоученія», еп. Ѳеофана. Москва, 1891 г., стр. 32—37).

Г. Мысли о конечной цѣли человѣческой жизни.

а) *Цѣль жизни.*

Въ евангеліи, именно въ рѣчахъ Господа Іисуса, произнесенныхъ Имъ предъ народомъ, или въ тѣсномъ кругу ближайшихъ учениковъ, а также въ Его молитвенныхъ воззваніяхъ къ Богу Отцу, мы находимъ много мѣстъ, относящихся къ вопросу о конечной цѣли человѣческой жизни. Взятыя въ совокупности мѣста эти даютъ совершенно полный и ясный отвѣтъ на названный вопросъ. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія: «въ домѣ Отца Моего обителей много; а если бы не такъ, Я сказалъ бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто вамъ. И когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто, пріиду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были, гдѣ Я» (Іоан. XIV, 2 — 3). «Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отнынѣ знаете Его и видѣли Его. Видѣвшій Меня, видитъ Отца» (Іоан. XIV, 6. 7. 9). «Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мной. И Я открылъ имъ имя Твое, и открою, да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ» (Іоан. XVII, 24—26). «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ» (Мѳ. V, 8. 11. 12). «Пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ сложенія міра» (Мѳ. XXV, 24). На ряду съ этими изреченіями Господа могутъ быть поставлены, какъ повторяющія и раскрывающія ихъ, такія, напр., изреченія изъ писаній апостоловъ: «наше жительство на небесахъ» (Филип. III, 20). «Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его» (I Кор. II, 9). «Возлюбленные, мы теперь дѣти Божіи, но еще не открылось, что будетъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что видимъ Его, какъ Онъ есть» (1 Іоан. III, 2). «Ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. Жизнь ваша сокрыта съ Христомъ въ Богѣ (Колос. III, 2—3).

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что въ ученіи о конечной цѣли человѣческой жизни евангеліе,

повторяемое и раскрываемое въ писаніяхъ апостоловъ, выставляетъ на первомъ планѣ вѣчную жизнь. По евангельскому ученію, жизнь человѣческая не прекратится всецѣло здѣсь, на землѣ; могила и гробъ для нея не границы. Земная жизнь есть лишь первая стадія жизни вообще; она продолжится и за предѣлами гроба навѣки, причемъ сознаніе, личность каждаго отдѣльнаго человѣка останутся неприкосновенными. И вотъ тамъ-то, за гробомъ, а не здѣсь, на землѣ, конечная цѣль человѣческой жизни, и тамъ-то она вполнѣ будетъ достигнута. Въ чемъ же эта цѣль? Въ преискреннемъ, тѣснѣйшемъ общеніи и единеніи съ живымъ и личнымъ Богомъ, Существомъ безконечно премудрымъ и благимъ, Богомъ истины и любви.

Но не слишкомъ ли отвлеченно, не слишкомъ ли высоко это ученіе? Оно едва по силамъ философскому уму, но уму простому едва ли доступно. И можетъ ли неразвитый умственно человѣкъ соединить съ евангельскимъ ученіемъ о конечной цѣли жизни какое-либо опредѣленное и живое представленіе и, такимъ образомъ, найти въ немъ успокоеніе и отраду? По видимому, въ этомъ позволительно усомниться. Да, ученіе евангельское о цѣли жизни, дѣйствительно, возвышенно, но въ то же время и просто, и если философскій умъ затрудняется уяснить и воспринять его, то его правда непосредственно сказывается самой простой и смиренной душѣ и съ радостью пріемлется ею. Дѣло въ томъ, что ученіе, о которомъ у насъ рѣчь, отвѣчаетъ самымъ кореннымъ запросамъ и потребностямъ человѣческаго духа, и потому онъ можетъ найти въ немъ полное удовлетвореніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ отраду и покой.

«Неужели со смертію моего тѣла окончательно прекратится моя жизнь, съ послѣднею искрою свѣта въ потухающихъ глазахъ потухнетъ послѣдній лучъ сознанія, замрутъ навсегда мои чувства, стремленія, моя мысль и моя личность обратятся въ ничто?» Такіе вопросы невольно возникаютъ въ умѣ каждаго при мысли о концѣ земного бытія, при видѣ могилъ, постоянно поглощающихъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ. И когда на эти вопросы намъ шепчутъ безотрадное «да», сердце наше невольно сжимается отъ боли и, возмущаясь, отвѣчаетъ: «нѣтъ», это ложь: удѣлъ человѣка—безсмертіе; за предѣлами гроба его ожидаетъ вѣчная жизнь, свидѣтельствуя такимъ воплемъ — отвѣтомъ, что потребность безсмертія, чаяніе вѣчной жизни прирождены человѣку. И, отзываясь на эту потребность, почти всѣ древнія религіи говорили своимъ послѣдователямъ о загробной жизни, и многіе изъ языческихъ мыслителей настаивали на безсмертіи. Но религіозныя представленія древнихъ о загробной жизни были крайне неясны, очень грубы и нелѣпы, и принимать ихъ на вѣру было трудно и тяжело; философскія же ученія о безсмертіи имѣли колеблющійся характеръ предположеній и также не возбуждали къ себѣ полнаго довѣрія, и потому ни тѣ, ни другія не въ состояніи были удовлетворить насущной потребности сердца. Отсюда страхъ смерти омрачалъ всю жизнь людей древняго міра, и отъ этого страха смерти они, по слову апостола, чрезъ всю жизнь были подвержены рабству (Евр. II, 15). Смертный страхъ отравлялъ всѣ ихъ радости, заставлялъ погружаться въ скорбныя думы даже такихъ веселыхъ и шутливыхъ людей, какимъ былъ поэтъ Анакреонъ, и такихъ трезвыхъ мыслителей, какъ Цицеронъ. Послѣдній, между прочимъ, сознавался, что принятый имъ способъ изслѣдованій—считать смерть концомъ естественнаго и необходимаго теченія вещей—располагаетъ къ скорби и дѣлаетъ жизнь еще болѣе несчастною. Какъ тяжело было древнему человѣку, при неискоренимой потребности въ безсмертіи, не имѣть въ немъ твердой увѣренности, ясно видно, между прочимъ, изъ дошедшей до насъ исповѣди одного писателя II вѣка, перешедшаго въ христіанство изъ язычества. Въ этой исповѣди мы читаемъ: «съ ранней юности скорбь и безпокойство угнетали мой духъ, потому что мнѣ, не знаю и самъ какимъ образомъ, приходила мысль о смерти и я спрашивалъ себя: настанетъ ли для меня жизнь по смерти, или я превращусь въ ничто, откуда произошелъ? Буду ли помнить послѣ смерти объ этой жизни, или безконечное время унесетъ все въ бездну забвенія, такъ что изгладится у насъ даже послѣднее воспоминаніе о ней? Между тѣмъ какъ эти и подобныя мысли безпрестанно носились въ моей душѣ, я ощущалъ невыразимую тоску, и мои силы измѣняли мнѣ. Но что особенно было прискорбно, такъ это то, что какъ только я пытался иной разъ подавить это безпокойство, то оно только еще съ большею силой обуревало меня. Это потому, что во мнѣ жило нѣчто такое, что не дозволяло мнѣ успокоиться, именно требованіе безсмертія. Я посѣщалъ тогда школы философовъ, чтобы отъ нихъ позаимствоваться знаніемъ. Но здѣсь я не нашелъ ничего, кромѣ безпрестаннаго утвержденія и отрицанія положеній и нескончаемыхъ споровъ. Если высказывалось въ этихъ школахъ положительное ученіе, что душа безсмертна, то я чувствовалъ себя счастливымъ; напротивъ того, я выходилъ со скорбію вонъ, коль скоро приводились возраженія и утверждалось, что она смертна. Но ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ мнѣній я не былъ убѣжденъ вполнѣ. Глубоко опечаленный, я говорилъ тогда самому себѣ: зачѣмъ ты мучишься напрасно, коль скоро все будетъ имѣть конецъ? Если я не буду существовать по смерти, то къ чему тогда всѣ заботы? Если же меня по смерти ожидаетъ жизнь, то я буду жить благочестиво, чтобы не терпѣть мукъ въ мрачномъ тартарѣ. Но противъ этого я опять возражалъ себѣ: все это басня» [1]). Подобнаго же рода признанія мы

[1]) Геттингеръ: «Апологія христіанства», т. II, стр. 6—8.

находимъ въ писаніяхъ Іустина мученика и Татіана. Ясно, такимъ образомъ, что вопросъ о безсмертіи есть не отвлеченный вопросъ, а вопросъ жизни, и евангеліе удовлетворяетъ насущной потребности души человѣческой, ставя выше всякаго сомнѣнія вѣчную жизнь за предѣлами гроба. (Изъ брош. проф. богословія, прот. Н. А. Елеонскаго «О конечной цѣли человѣческой жизни»).

б) Для чего созданъ человѣкъ?

(Изъ сочиненій прот. о. Іоанна Кронштадтскаго).

Человѣкъ созданъ на дѣла благія, то-есть на дѣла святости, вѣрности, правды, любви и милосердія, на дѣла самоотверженія и мужества, воздержанія, многосторонняго и разнообразнаго ученія, для служенія многообразнымъ нуждамъ церкви и отечества. Человѣкъ созданъ не для себя одного, а для служенія обществу, какъ и общество, въ свою очередь, служитъ ему. Всякій изъ насъ есть членъ, съ одной стороны, церкви или благодатнаго царства Божія на землѣ, члены коего должны преуспѣвать непрестанно въ вѣрѣ, правдѣ и благочестіи, съ другой стороны — членъ гражданскаго общества или великаго политическаго тѣла, называемаго государствомъ. Тому и другому обществу, церковному и гражданскому, каждый изъ насъ обязанъ вѣрно служить и во всемъ повиноваться его властямъ въ предѣлахъ правды и закона; общественное благо предпочитать своему частному и, въ случаѣ нужды, не щадить для него своего здоровья, силъ, спокойствія, имущества, даже самой жизни. *Мы, сильные,* — пишетъ святой апостолъ Павелъ, — *должны сносить немощи безсильныхъ и не себѣ угождать, ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ* (Рим. XV, 1—3). Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о множествѣ вѣрующихъ, какъ о единомъ тѣлѣ Христовомъ, онъ говоритъ: *какъ одно тѣло, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, такъ и Христосъ. Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, іудеи или эллины, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ. Богъ соразмѣрилъ тѣло, внушивъ о менѣе совершенномъ* (въ немъ) *большее попеченіе, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ—страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ—съ нимъ радуются всѣ члены. И вы тѣло Христово, а порознь члены* (1 Кор. XII, 12. 13. 24—26).

Такое употребленіе дара жизни на пользу другихъ, согласно съ волею Божіею, есть лучшая благодарность Ему, являемая не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ.

в) Послѣдняя цѣль человѣка въ земной жизни.

1. Обладаніе землею и наслажденіе ея благами не есть послѣдняя цѣль человѣка, потому что съ земною жизнію не оканчивается бытіе его. Правда, человѣкъ сотворенъ не на скорби и страданія и никогда не узналъ бы такихъ скорбей и лишеній, если бы пребылъ вѣренъ заповѣди Божіей. Творецъ съ любовію устрояетъ и внѣшнее его благосостояніе. Самъ созидаетъ для него райское жилище и поставляетъ его владыкою надъ нимъ. Природа юная, блистающая красотою, еще не оскверненная и не омраченная грѣхомъ человѣка, какъ картинная галлерея, доставляетъ чистѣйшія наслажденія его уму и сердцу. Съ сотвореніемъ жены Богъ открываетъ человѣку новый источникъ благословенныхъ радостей. Но внѣшнее благосостояніе человѣка необходимо условливается его внутреннимъ величіемъ, такъ что съ потерею сего величія человѣкъ лишается и внѣшняго благосостоянія. Адамъ падшій, какъ неспособный и недостойный жить въ раю, изгоняется изъ него и осуждается на труды, лишенія и скорби. *Ищите прежде царствія Божія и правды его,* заповѣдуетъ Спаситель, *и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33), т.-е., Промыслъ не оставитъ васъ и безъ внѣшнихъ благъ, потребныхъ вамъ, если вы будете достойны Его попеченій исканіемъ царствія Божія,— преуспѣяніемъ и усовершеніемъ въ добрѣ. Богъ является Соломону и говоритъ ему: *проси, что хощешь себѣ.* Соломонъ проситъ мудрости. Господь даетъ Соломону высокую мудрость; но въ награду за его любовь къ мудрости и за предпочтеніе ея всѣмъ благамъ земнымъ вмѣстѣ съ мудростію Господь даетъ ему и всѣ блага, которыхъ онъ не просилъ (3 Цар. III, 5 — 10, 2 Паралип. I, 11—12).

2. *Ищите прежде царствія Божія;* а оно не далеко отъ васъ. *Се бо царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21), т.-е., въ вашихъ душахъ есть способность къ жизни царствія Божія, возможность блаженства съ Богомъ. Искать царствія Божія— значитъ раскрывать эту способность къ нему, осуществлять возможность блаженнаго единенія съ Богомъ возвышеніемъ въ добродѣтели. Внутреннѣйшее основаніе этой возможности есть образъ Божій, положенный въ существо души человѣческой. *Возвышать образъ къ Первообразу стремленіемъ къ Нему, уподобленіемъ Ему, возможно полнѣйшимъ отраженіемъ на себѣ Его совершенствъ, святостію жизни,* — вотъ послѣдняя цѣль человѣка въ земной жизни. *Благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. IV, 8). *Того есмы твореніе, создани въ Христѣ Іисусѣ на дѣла благая, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходимъ* (Еф. II, 10). *Избра насъ*

въ Немъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви (Еф. I, 4). Посему-то заповѣдуетъ Богъ: *будите святи, яко святъ есмь Азъ Господь* (Лев. XI, 45). *Будите вы совершени,* внушаетъ Сынъ Божій, *якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. V, 48). *По звавшему васъ Святому,* пишетъ апостолъ, *и сами святи во всемъ житіи будите* (1 Петр. I, 15).

3. Но нравственное преуспѣяніе и усовершеніе, возможное въ земной жизни, есть только предуготовленіе къ будущей вѣчной славѣ и блаженству человѣка. Слава эта такъ велика, что въ сравненіи съ нею ничего не значатъ всѣ скорби и страданія настоящей жизни. «Я считаю,—пишетъ апостолъ, — что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ» (Римл. VIII, 18). Будущее блаженство человѣка не только не можетъ быть сравнимо ни съ какими земными радостями, но теперь не можетъ быть объято и мыслію человѣка. Не только ничего подобнаго ему человѣкъ не знаетъ по опыту, но и вообразить не можетъ. *Ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор, II, 9). Сіе блаженство есть возможно близкое для ограниченнаго существа единеніе съ Богомъ, и возможно полное участіе въ Божескомъ блаженствѣ. Для человѣка первозданнаго путь къ сему блаженству былъ проложенъ въ рай, свѣтлый, безболѣзненный, не преграждаемый смертію, но человѣкъ потерялъ райскій путь и идетъ къ небесному отечеству путемъ земного, тяжкаго странствія, путемъ смерти, тлѣнія и воскресенія. Пути различны, но ведутъ къ одной цѣли —къ вѣчному блаженству съ Богомъ. Это-то блаженное единеніе съ Богомъ въ вѣчности и есть цѣль, для которой созданъ человѣкъ. Апостолъ, показывая будущую близость человѣка къ Богу, говоритъ: *видимъ убо нынѣ якоже зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. XIII, 12), т.-е., тогда человѣкъ такъ будетъ близокъ къ Богу, какъ теперь Богъ близокъ къ человѣку. Спаситель, отходя на страданія, въ молитвѣ къ Отцу Своему единеніе вѣрующихъ съ Собою и Богомъ Отцомъ представляетъ послѣднею цѣлію Своего искупительнаго служенія. *Не о сихъ же* (объ апостолахъ) *молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ. Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хощу, да, идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною: да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ, яко возлюбилъ Мя еси прежде сложенія міра* (Іоан. XVII, 20. 21. 24). Апостолъ сравниваетъ благодатныя права вѣрующихъ въ будущей жизни съ естественными правами дѣтей въ домѣ родительскомъ. Какъ въ домѣ отца дѣти его — наслѣдники его имущества, такъ въ дому Отца небеснаго вѣрующіе наслѣдники Его блаженства, и сонаслѣдники Единороднаго Сына Его. *Самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія. Аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, сонаслѣдницы же Христу* (Римл. VIII, 16—17). Тотъ же апостолъ, изображая послѣднія судьбы настоящаго міра, воскресеніе мертвыхъ, кончину міра, низложеніе всѣхъ враговъ подъ ноги Сына Божія, истребленіе послѣдняго врага — смерти, говоритъ, что Сынъ Божій, оканчивая и представляя Отцу Своему возложенное Имъ на Него дѣло искупленія совершенно оконченнымъ, приведетъ воскрешенныхъ въ вѣчное и блаженное единеніе съ Богомъ, изъ котораго ниспалъ человѣкъ грѣхомъ, и въ которое возвращенъ смертію Искупителя. *Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и Самъ Сынъ покорится Покоршему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV, 23 — 26). (См. кн. «Премудр. и благ. Божія» профес. Ѳ. А. Голубинск., М., 1885 г., стр. 66—70).

Д. Нравственная статистика не доказываетъ отсутствія свободы воли.

Нравственная статистика усердно стала разрабатываться въ новѣйшее время, особенно послѣ знаменитыхъ изслѣдованій Кетле (Sur l'homme et le développement de ses facultés, 2 tomes. Paris 1835. Du système sociale, Paris 1841, deutsch von Adler, 1856. — Sur la statist. morale въ Mémoires de l'Acad. royale de sciences de Belge, t. 21, Brux. 1848). Фактами, собранными этой статистикой, скоро сталъ пользоваться матеріализмъ. Такъ, Фишеръ (Ueber die Freih. des menschl. Willens, Lpz. 1858) видитъ въ ней выраженіе естественнаго закона; а Данквардтъ (Psychol. und Criminalrecht, 1863) прямо говоритъ и подчеркиваетъ слова, что «человѣкъ не свободенъ; что его столь мало можно считать отвѣтственнымъ за свои дѣйствія, какъ камень за то, что онъ, слѣдуя закону тяжести, разбиваетъ намъ голову; что преступное дѣло есть необходимое дѣйствіе закона природы». Адольфъ Вагнеръ, напротивъ (Ueber die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen Handlungen, Hamb. I, II, 1, 1864), хотя и говоритъ (I, 41), что «общество подготовляетъ преступленіе, что преступникъ есть только орудіе, приводящее это преступленіе въ исполненіе», но въ сущности онъ оставляетъ самую проблемму неразрѣшенною (I, 48). Онъ признаетъ, что изъ фактовъ нельзя прямо заключать къ дѣйствительнымъ причинамъ, что поэтому нельзя прямо говорить о принудительныхъ законахъ природы, которыми отмѣняется собственная отвѣтственность,

что для того, чтобы изслѣдовать всѣ дѣйствующіе факторы и вычислить ихъ математическую формулу, для этого необходимо обладать «божественной ариѳметикой», что сознаніе отвѣтственности и нравственной свободы въ отдѣльныхъ случаяхъ есть «фактъ», который «для разума имѣетъ такое же значеніе, какъ и всѣ эти законосообразности», что весь вопросъ есть только древняя проблемма въ новой формѣ, которой никогда не въ состояніи будетъ разрѣшить статистика. Возбужденный этими интересными статистическими работами и указаніями, вопросъ много разъ обсуждался съ богословской, какъ и съ философской стороны, въ интересѣ оправданія человѣческой свободы воли. Въ первомъ отношеніи можно указать на апологетическую статью въ Erlanger Zeitschr. für Protestantism. und Kirche, 1865, April: Zur Apologetik IV, стр. 199—238, а въ послѣднемъ отношеніи можно указать на сочиненіе Дробиша, Die moralische Statistik, 1867; трактатъ Форлендера «о нравственной статистикѣ и нравственной свободѣ» (Zeitschr. f. Staatswissensch. 1866, 4, стр. 477 и слѣд.; Carrière въ Augsb. Allg. Zeitung. 1867 Nr. 113 Beilage: Natürl. und sittliche Weltordnung). Не нужно — напоминаетъ это богословское разсужденіе — смѣшивать свободы съ беззаконіемъ, случая съ произволомъ, что было бы атомистически - индивидуалистическимъ воспроизведеніемъ пелагіанскаго воззрѣнія, которое отрѣшаетъ человѣка отъ его историческихъ соотношеній. Эти историческія соотношенія содержатъ въ себѣ поводы, но не представляютъ собою принудительной необходимости. Отношенія опредѣляютъ отдѣльное лицо, и послѣднее позволяетъ опредѣлять себя. Тѣ, которые не позволяютъ себя опредѣлять ими, но вопреки препятствій, заключающихся во внѣшнихъ обстоятельствахъ (дороговизнѣ и т. п.), напр., вступаютъ все - таки въ бракъ, поэтому отнюдь не свободнѣе. Слѣдовательно, статистически указываемая зависимость большей или меньшей повторяемости извѣстныхъ человѣческихъ дѣйствій отъ внѣшнихъ причинъ не есть еще доказательство въ пользу несвободы этихъ дѣйствій. Такія вліянія на свободное самоопредѣленіе имѣютъ мѣсто повсюду. Чрезъ то, что нѣчто есть результатъ разумнаго размышленія, оно не перестаетъ быть актомъ свободы. Во внѣшнихъ отношеніяхъ и ихъ воздѣйствіи совершается равнымъ образомъ божественное міроправленіе. Въ правомѣрности проявляется божественная причинность, «тайная воля» Бога. Конечно, вопросъ становится труднѣе при нравственно сомнительныхъ дѣйствіяхъ. Но то, что здѣсь статистика называетъ «ближайшей причиной», обыкновенно состоитъ изъ весьма многаго. Возрастъ, полъ и т. д. отнюдь не составляютъ причинъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; сами эти причины неуловимы для статистики. Вліяніе этихъ причинъ по своей силѣ различно, смотря по возрасту и т. д. Но это не уничтожаетъ свободы. Вѣдь и нравственное состояніе субъекта, рѣшающаго дѣло, само есть продуктъ нравственныхъ рѣшеній. Въ своемъ же внѣшнемъ дѣйствіи человѣкъ сообразуется съ состояніемъ отношеній и силъ, которыя разнообразно опредѣляютъ внѣшній характеръ его дѣйствія. Богъ, правда, предоставилъ человѣку свободу быть даже безбожнымъ, но не для того, чтобы водворять хаосъ произвола, такъ какъ Онъ создаетъ порядокъ, правильность, законосообразность даже и въ процессѣ грѣховнаго развитія. Рука Божія направляетъ нити такъ, что и въ ткани грѣха просвѣчиваетъ законъ, соблюденіе котораго сохраняетъ свое царственное значеніе также и въ человѣческомъ произволѣ и грѣхѣ. Цыфры статистики въ своей правильности суть только лучи, изъ которыхъ просвѣчиваетъ фактъ таинственной міроуправляющей воли Божіей съ ея законосообразностью. Дробишъ также указываетъ на то, что нужно различать между человѣческой, относительной, небезусловной свободой воли и произволомъ, и что не бываетъ хотѣнія безъ извѣстнаго побужденія. Онъ только сильнѣе указываетъ на опредѣляемость рѣшенія частью личнымъ характеромъ, частью внѣшними обстоятельствами, такъ что отдѣльная сила воли является какъ необходимый результатъ этихъ различныхъ факторовъ. Этимъ возможность произвола отрицается, по нашему мнѣнію, сильнѣе, чѣмъ можно допустить это. — Форлендеръ весьма удачно указываетъ на то, что не безъ логическихъ скачковъ можно заключать отъ внѣшнихъ эмпирическихъ фактовъ къ негативнымъ послѣдствіямъ для вопроса о внутренней свободѣ воли, и равнымъ образомъ выдвигаетъ на видъ естественныя границы въ опредѣленіяхъ воли. — Каррьеръ показываетъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ изъ крестьянской жизни, какъ легко изъ извѣстныхъ фактовъ, случайныхъ соціальныхъ причинъ которыхъ не знаетъ статистикъ, дѣлать принципіально ложные выводы, и указываетъ на фактъ нравственнаго сознанія. Отсюда онъ справедливо отвергаетъ извѣстное положеніе Бокля (въ его «Исторіи цивилизаціи Англіи»), которое можно привести здѣсь для того, чтобы показать, какъ сторонники этого воззрѣнія смотрятъ на вещи: «при опредѣленномъ состояніи общества извѣстное число людей должны сами покончивать съ своей жизнью. Это всеобщій законъ; частный вопросъ, кто именно долженъ совершить это преступленіе, естественно зависитъ отъ особыхъ законовъ, которые, однако же, въ своей совокупности должны находиться въ зависимости отъ этого всеобщаго закона. И сила всеобщаго закона настолько непреодолима, что ни любовь къ жизни, ни страхъ загробнаго міра не въ состояніи оказать ни малѣйшаго вліянія на задержку этого преступленія». Справедливо Каррьеръ отрицаетъ первое изъ этихъ положеній, говоря, что «принудительнаго закона здѣсь совершенно нѣтъ». Весьма богатый и важный мате-

ріалъ даетъ профессоръ Эттингенъ въ Дерптѣ въ первой части своей соціальной этики: «Die Moralstatistik. Inductiver Nachweis der Gesetzmässigkeit sittlicher Lebensbewegung im Organismus der Menschheit». 2 Aufl. Erl. 1874. Тамъ онъ приводитъ много фактовъ и показываетъ (ср. то же въ Dorpater theol. Zeitschr. 1867, 4), съ одной стороны, что не существуетъ свободы безпричиннаго самоопредѣленія, но что духовная жизнь существенно опредѣляется тѣмъ, что отдѣльная личность и въ своемъ дѣйствіи всегда оказывается въ связи съ цѣлымъ обществомъ, такъ что происходитъ постоянное взаимодѣйствіе между отдѣльною личностью и коллективною личностью, вслѣдствіе чего нравственный міръ не менѣе движется по божественнымъ законамъ, какъ и міръ физическій (Quételet, système social, p. 9: «у меня нѣтъ другой цѣли, какъ показать, что существуютъ божественные законы и принципы жизни въ нравственномъ мірѣ, гдѣ столь многіе другіе не хотятъ находить ничего, кромѣ безпорядочнаго хаоса»); но, съ другой стороны, эта законосообразность соотвѣтствуетъ сущности этого нравственнаго міра безъ ущерба для свободы, что, слѣдовательно, изъ просто фактической правильности нельзя прямо заключать о естественной необходимости и безусловной зависимости, что послѣдовательность и одновременность нельзя смѣшивать съ причинною связью, и нельзя отсюда создавать «естественныхъ законовъ», однимъ словомъ, что законосообразность и свобода не составляютъ противорѣчія между собою, а взаимно обусловливаютъ другъ друга.—Почему нравственная статистика преимущественно занимается преступленіями и гораздо меньше или даже совсѣмъ не занимается добрыми дѣлами? Достаточно этого одного соображенія, чтобы доказать случайность построяемыхъ на ней выводовъ. (См. Апологет. христ. Лютарда, стр. 868—870).

Е. Субстанціальность душевнаго начала.

1. *Самоочевидность истины бытія души.* Истина бытія особаго, самостоятельнаго начала, лежащаго въ основѣ явленій внутренней жизни человѣка, иначе—бытія душевной субстанціи, относится къ разряду небольшого количества необходимыхъ истинъ, которыя, будучи ясно и отчетливо понятны, становятся очевидными, несомнѣнными безъ всякихъ доказательствъ. Онѣ не требуютъ доказательствъ, а потому нисколько не теряютъ своей силы отъ того, что ихъ нельзя доказывать. Такова истина бытія внѣшнихъ предметовъ, самой матеріи, математическія аксіомы и т. п. Сомнѣніе въ истинѣ бытія души, какъ субстанціи, какъ особаго существа, равно и всѣхъ необходимыхъ истинахъ, зависитъ, потому, не отъ недостатка доказательствъ, а просто отъ неяснаго представленія самой истины, отъ неумѣнья или нежеланья сознать самоочевидность и несомнѣнность.

2. *Средства здраваго смысла къ сознанію очевидности этой истины.* Есть два главные пути или средства довести умъ до яснаго представленія истины бытія души и съ тѣмъ вмѣстѣ сознанія ея очевидности и необходимости. Одинъ изъ нихъ такъ называемый здравый смыслъ—путь, которымъ всегда шло и идетъ обыкновенное человѣческое мышленіе, при томъ съ полнымъ успѣхомъ, какъ это видно изъ всеобщности представленія души особеннымъ существомъ и подавляющаго большинства людей всѣхъ временъ, націй и состояній. Путь этотъ открывается непосредственнымъ сознаніемъ каждымъ человѣкомъ присутствія въ себѣ силы мыслящей, волнующейся, желающей, приводящей въ движеніе тѣло, а чрезъ него и внѣшніе предметы, сознаніемъ себя недѣлимымъ центромъ этой силы. Это простое, непосредственное самооткрытіе души самой себя. Обыкновенно оно называется техническимъ терминомъ: «свидѣтельство сознанія», т.-е. о бытіи души, какъ особаго существа. Это свидѣтельство для простого ума, не анализирующаго явленія своего сознанія и непривыкшаго къ тонкостямъ изслѣдованія, очень убѣдительно, неотразимо, и изъ него у всякаго возникаетъ сама собою, и даже безъ посторонняго вліянія должна возникнуть идея души, какъ особаго существа. Къ свидѣтельству сознанія у всякаго мыслящаго человѣка присоединяется наблюденіе прямо даннаго и необходимо бросающагося въ глаза факта внутренней жизни, называемаго технически «единствомъ или тожествомъ личности». Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что, при измѣненіи организма до неузнаваемости, при измѣненіи всей внѣшней обстановки и т. п., человѣкъ все-таки сознаетъ и признаетъ себя, — въ здоровомъ состояніи, — однимъ и тѣмъ же существомъ, тѣмъ же, что и прежде. Такъ, юноша, ставши мужемъ, мужъ старикомъ, полный жизни — дряхлымъ, умирающимъ, — признаетъ себя, въ сущности, неизмѣнившимся, тѣмъ же; человѣкъ изуродованный, лишившійся рукъ и ногъ, глазъ и т. п., сознаетъ себя неизмѣнившимся отъ этого внутренно, въ своемъ существѣ; человѣкъ, у котораго измѣнились знанія, вѣрованія, убѣжденія и пр., сознаетъ себя все-таки въ сущности неизмѣнившимся. Это наблюденіе для простого сознанія очень убѣдительно, и ясно до очевидности показываетъ человѣку, что, при измѣненіи одной части его, внутри его всегда остается неизмѣнною, всегда себѣ равною какая-то другая часть, другое существо, отличное отъ его тѣла. Къ свидѣтельству сознанія и наблюденію тожества личности обыкновенно присоединяются менѣе постоянные, но не менѣе убѣдительные, опять для простого сознанія, факты видѣнія во снѣ, почти каждымъ человѣкомъ, людей умершихъ, видѣнія многими призраковъ людей умершихъ, знакомыхъ и нерѣдко вовсе незнакомыхъ и неизвѣстныхъ,—пусть это будутъ простые обманы чувствъ нор-

мальныхъ — иллюзіи, или продуктъ болѣзненнаго разстройства ихъ—галлюцинаціи; наконецъ, самыя сновидѣнія, каждымъ испытываемыя, — въ которыхъ душа является дѣйствующею, перемѣняющею мѣсто и т. п., при полной неподвижности тѣла, видящая безъ глазъ, слышащая безъ ушей, говорящая безъ помощи языка и т. п. Соединяясь вмѣстѣ, проясняя и подкрѣпляя другъ друга, всѣ эти свидѣтельства, наблюденія и явленія, совершенно понятнымъ для всякаго образомъ, создаютъ въ простомъ, незнакомомъ съ философіею и наукою человѣкѣ непоколебимую, стихійную, такъ сказать, увѣренность въ бытіи души, ясное, спокойное, ничѣмъ несмущаемое созерцаніе этой истины во всей ея очевидности и необходимости, стоящей выше всякаго сомнѣнія и доказательствъ.

3. *Недостаточность ихъ для анализирующаго ума.* Описанныя средства здраваго смысла на пути къ сознанію очевидности и необходимости истины субстанціональнаго бытія души послужили матеріаломъ для системы схоластическихъ доказательствъ бытія души, которыя дополнены въ недавнее время соображеніями относительно невозможности произвести мысль изъ дѣятельности мозга и матеріи. Но, неотразимыя при извѣстныхъ субъективныхъ условіяхъ, именно, при условіяхъ непосредственности, простоты, непритязательности, ума,—они теряютъ всю свою силу и значеніе въ другой обстановкѣ, въ другихъ формахъ, при другихъ условіяхъ, именно—ирп условіяхъ воспріятія ихъ умомъ анализирующимъ, оцѣнивающимъ доказательства и дающимъ себѣ отчетъ, а тѣмъ болѣе умомъ скептическимъ: становятся второстепенными, имѣющими смыслъ въ связи съ другими, болѣе сильными средствами убѣжденія, и, слѣдовательно, не имѣютъ абсолютной доказательной силы. Этой участи не избѣгаетъ и новое, добавочное къ схоластическимъ, доказательство, опирающееся главнымъ образомъ на невозможности представить переходъ матеріальнаго движенія въ мысль и сознаніе: и оно оказывается вовсе неубѣдительнымъ, особенно для матеріалиста. Дѣло въ томъ, что свидѣтельство сознанія можетъ быть заподозрѣно, потому что непосредственное сознаніе очень часто и даже грубо обманываетъ насъ. Непосредственное сознаніе говоритъ намъ, что солнце движется около земли, а въ дѣйствительности — какъ разъ наоборотъ; сознаніе можетъ говорить глупому человѣку, что онъ непризнанный геній, — лишенному фантазіи, что онъ поэтъ и т. п.

Такимъ образомъ, свѣжесть, яркость и сила очевидности свидѣтельства души о себѣ самой для ума простого неизбѣжно блѣднѣетъ и теряетъ силу подъ вліяніемъ ума, развитого научно. Очевидность и необходимость истины исчезаетъ, и можетъ быть возстановлена на той же основѣ только путемъ сложныхъ приспособленій и отвлеченій.

4. *Путь отвлеченно-философской мысли къ убѣжденію въ реальности особаго душевнаго начала.* Этимъ путемъ, въ той или другой формѣ шли къ непоколебимой увѣренности въ реальности особаго начала душевнаго — Платонъ, основатель господствующаго въ Европѣ и, вообще, въ цивилизованномъ мірѣ дуализма, очищеннаго и подтвержденнаго христіанствомъ, — Декартъ, отецъ новой философіи, опирающейся на противоположности духа и матеріи, освободившій ученіе о духѣ отъ религіозныхъ примѣсей,—Кантъ, провозгласившій истину бытія души неотразимымъ требованіемъ разума, его постулятомъ, и множество другихъ мыслителей всѣхъ временъ и народовъ. Благодаря испытываемой при этомъ необходимости признавать особую субстанцію въ основѣ душевной жизни, отличную отъ матеріи и ей противоположную,—убѣжденіе въ этомъ является такимъ господствующимъ и между людьми образованными.

5. *Невозможность съ точки зрѣнія идеализма доказать реальность внѣшняго міра.* Всякому знакомому съ философіею извѣстно, что доказать бытіе внѣшняго міра, т.-е. существованіе внѣ нашей мысли самыхъ привычныхъ намъ предметовъ міра физическаго и даже собственнаго тѣла—невозможно. Все, что мы знаемъ о свойствахъ, такъ называемыхъ, матеріальныхъ предметовъ—это наши ощущенія, т.-е. состоянія внутреннія, состоянія сознанія. Самое чувство ихъ внѣшности, нахожденіе ихъ внѣ насъ, есть то же внутреннее состояніе, и при томъ очень сложное. Цѣлый предметъ есть связка ощущеній —идея; цѣлые классы существъ, предметовъ и явленій—суть наши идеи о нихъ; ихъ отношенія для насъ существуютъ только, какъ отношенія нашихъ идей, ряды, группы этихъ идей. Такъ называемые законы природы — наши отвлеченія и обобщенія собственныхъ же состояній, ощущеній, идей. Словомъ, всякая попытка найти внѣшній міръ приводитъ, съ этой точки зрѣнія, къ ясному убѣжденію, что мы не знаемъ ничего, кромѣ своихъ состояній—идей. Весь міръ внѣшній есть система нашихъ идей и только. За вычетомъ ихъ, остается какая то таинственная, невѣдомая, никакъ недоступная уму сила, какъ причина всѣхъ этихъ состояній, но и эта сила опять-таки есть состояніе нашего духа, наша мысль, идея, и ея бытіе внѣ насъ ничѣмъ не оправдывается и не можетъ быть доказано. Всѣ усилія въ этомъ направленіи доселѣ не привели ни къ чему рѣшительно. Постоянное сосредоточеніе мысли на этомъ процессѣ анализа внѣшняго міра, постоянныя усилія ума какъ бы выйти изъ себя, могутъ довести человѣка до того, что онъ искренно убѣдится въ томъ, что внѣ его нѣтъ ничего, что міръ внѣшній есть созданіе его духа, есть призракъ, сцѣпленіе образовъ внутреннихъ; реально, дѣйствительно существуетъ одна мысль и духъ мыслящій,—матерія и матеріальное оказываются имѣющими только призрачное бытіе... Человѣку, незнакомому съ философскимъ мышле-

ніемъ и съ исторіею умственной жизни человѣчества, все это можетъ показаться метафизическимъ фокусомъ и курьезомъ. Но это вовсе не фокусъ и не праздная игра отвлеченія, это необходимость нашей мысли, выраженіе ея ограниченности и относительности. Въ полной необходимости выводовъ этого процесса и въ дѣйствительной невозможности доказать реальность внѣшняго путемъ умозаключеній и фактовъ можетъ всякій самъ убѣдиться собственнымъ опытомъ. Человѣкъ, пытаясь понять внѣшній міръ, какъ реальность, независимую отъ него, вывести его бытіе и доказать по законамъ мысли, находитъ, очевидно, существующими для него только свои идеи и духъ, ихъ испытывающій и производящій: и чѣмъ напряженнѣе старается онъ разрѣшить эту задачу, тѣмъ дальше уходятъ отъ него матеріальное и матерія, разрѣшаясь въ процессы духа, не имѣющіе объективной реальности, разрѣшаются въ призракъ, въ процессъ субъективный. Все это построеніе называется идеализмомъ.

Но, освобождаясь отъ этой въ высшей степени естественной философской грезы, человѣкъ встрѣчается съ дѣйствительностью: внѣшній міръ вторгается насильственно, даже болѣзненно со всѣхъ сторонъ и вынуждаетъ съ неотразимою силою признать свое бытіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и бытіе своей основы. Не имѣя возможности доказать, что существуетъ что-нибудь реальное внѣ его мысли, человѣкъ, однако же, сознаетъ полную невозможность сомнѣваться въ этомъ. Истина бытія внѣшняго міра и его начала — матеріи, инертнаго, сопротивляющагося, дѣлимаго, движущагося и открывающагося въ безчисленныхъ формахъ, постепенно мѣняющагося, истина эта является его уму необходимою, неизбѣжною и потому очевидною и нетребующею доказательства.

6. *Аналогичность матеріалистическихъ умозрѣній съ идеалистическими (при діаметрально-противоположномъ направленіи).* Сосредоточеніе вниманія на внѣшнемъ, матеріальномъ мірѣ и веществѣ, преимущественное занятіе изслѣдованіемъ явленій внѣшняго міра и вещества, увеличивая все болѣе и болѣе очевидность реальности, могутъ привести умъ къ другой, діаметрально противоположной крайности, такъ называемому, матеріализму. Такъ было въ Греціи до Сократа и Платона у такихъ мыслителей, какъ Ѳалесъ, Анаксименъ, Гераклитъ, Емпедоклъ, Демокритъ. Или же эта крайность является какъ реакція крайнему увлеченію идеализмомъ, когда мыслящій человѣкъ начинаетъ относиться съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ тому, что онъ понялъ уже, какъ крайность, и мало-по-малу забываетъ то, что было истиннаго и необходимаго въ этой крайности, умышленно избѣгаетъ той точки зрѣнія, которая дала поводъ къ развитію отрицанія матеріи. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ забываетъ то яркое, отчетливое сознаніе реальности мыслящаго духа, какое неизбѣжно возникаетъ при этомъ, или даже вовсе не испытываетъ этого сознанія, потому что почти забываетъ о духовномъ, перестаетъ сосредоточиваться на своемъ внутреннемъ мірѣ. Таковы условія явленія и развитія современнаго матеріализма, который прямо вышелъ изъ гегеліанства. Когда при такихъ условіяхъ ставится вопросъ о явленіяхъ душевныхъ или духовныхъ и ихъ послѣдней причинѣ, онъ сразу превращается въ вопросъ объ ихъ реальности, т.-е. умъ по отношенію къ душевному и душѣ становится на ту точку зрѣнія, на какую при другихъ условіяхъ онъ становится къ міру матеріальному и матеріи: онъ сомнѣвается въ реальномъ ихъ бытіи и съ неотразимою логикою приходитъ тоже къ выводу, что доказать бытіе ихъ никакъ нельзя. Разница только въ томъ, что здѣсь исходнымъ пунктомъ бываетъ чистое предположеніе реальнаго бытія всего матеріальнаго — вѣра въ него; тогда какъ въ идеализмѣ исходнымъ пунктомъ является наблюденіе, слѣдовательно, фактъ опыта. Начинается рядъ умозрѣній, очевидно, аналогичныхъ съ умозрѣніями, приводящими къ отрицанію матеріальнаго міра, только въ направленіи діаметрально противоположнымъ. Явленія душевныя существуютъ въ связи съ физическими и осуществляются, очевидно, только въ матеріи и чрезъ матерію. Мы и вообразить ихъ не можемъ безъ матеріальной основы, безъ организма и нервной системы: они, по видимому, матеріальны и производятся силами матеріи, какъ причинами.

7. *Матеріализмъ-метафизическая греза.* Подобно крайнему идеализму, приходящему къ отрицанію матеріи и матеріальныхъ явленій, признающему ихъ призракомъ и продуктомъ дѣятельности духа, и его антиподъ, матеріализмъ, можетъ распространяться и распространяется эпидемически, увлекая массы мыслящихъ людей, которые и не умѣютъ и не хотятъ стать на другую точку зрѣнія. Только не было въ исторіи народа, который бы положилъ эту односторонность въ основу своего міросозерцанія и своей жизни. Такого народа и не будетъ никогда, вѣроятно, потому что моментъ всеобщаго утвержденія матеріалистическаго міросозерцанія неизбѣжно будетъ началомъ паденія и гибели, разложенія общества. Фактъ этотъ весьма знаменателенъ. Онъ можетъ служить доказательствомъ, что матеріализмъ не допускаетъ провѣрки опытомъ жизни, тогда какъ идеализмъ, заключающій въ себѣ большую долю истиннаго, можетъ осуществляться въ жизни — настолько, конечно, насколько въ немъ истины. Во всякомъ случаѣ, и матеріализмъ, какъ и крайній идеализмъ, есть метафизическая греза, чистое отвлеченіе. И опять, когда человѣкъ пробуждается отъ этой грезы, спускается изъ области отвлеченія, — которое въ томъ и другомъ случаѣ такъ стройно и увлекательно, — въ дѣйствительную жизнь, онъ видитъ ясно, что его чувства — страданія и наслажденія — никакъ не призраки, что онъ

страдаетъ реальнѣйшимъ образомъ; что его идеи, мысли, каждая отдѣльно и въ цѣломъ, несомнѣнно существуютъ, приводятъ въ движеніе его тѣло, какъ сила живая, составляютъ содержаніе и сущность его жизни, что человѣческая мысль есть сила необъятнаго могущества, превращаетъ матерію и повелѣваетъ ею, что она воплощается даже во внѣ и живетъ вѣка, тысячелѣтія и т. п. Словомъ, человѣкъ прямо, непосредственно воспринимаетъ душевное, какъ реальное, сознаетъ себя личностью, особымъ, отличнымъ отъ тѣла существомъ, особою силою, которая тщетно пытается разложить себя въ рядъ призраковъ, потому что въ самомъ этомъ процессѣ саморазложенія, такъ сказать, и самоуничтоженія дѣйствующею является она же сама. Отождествить свою личность съ тѣломъ онъ никакъ не можетъ и вынуждается признавать ее особымъ существомъ, бытіе котораго такъ же очевидно для него, какъ и бытіе матеріи.

8. *Выводы изъ умозрѣній крайняго идеализма и матеріализма: требованіе признанія духа и матеріи въ силу одинаковости основаній утвержденія и отрицанія ихъ.* Имѣя предъ собой два противоположные процесса мысли, лежащіе въ основѣ двухъ міросозерцаній, два процесса, одинаково возможные и постоянно возникающіе, одинаково законные и правильные логически въ своихъ конечныхъ результатахъ, — мы можемъ и должны сравнить эти процессы и выводы изъ нихъ, потому что въ нихъ дана вся совокупность того, что умъ можетъ сдѣлать въ своихъ усиліяхъ понять ихъ независимое отъ него бытіе. Очевидно, здѣсь получаются два положенія, одинаковаго достоинства и одинаковой силы, одинаково необходимыя при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстной точкѣ зрѣнія: а) бытіе самостоятельное матеріальнаго и матеріи не можетъ быть доказано, — матеріи, потому, нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, она можетъ быть мыслима какъ нѣчто несуществующее само по себѣ, какъ продуктъ дѣятельности духа; б) бытіе самостоятельное духовнаго не можетъ быть доказано, — души нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, ее можно мыслить какъ несуществующую въ себѣ, какъ продуктъ дѣятельности матеріи. Въ то же время оба эти начала кажутся, при непосредственномъ воспринятіи въ ихъ проявленіяхъ, очевидно, существующими. Выводъ отсюда какъ нельзя болѣе простъ, какъ въ самыхъ простыхъ математическихъ операціяхъ, — это: или нѣтъ ни духа, ни матеріи, такъ какъ они оба могутъ быть отрицаемы, или они оба существуютъ, но не могутъ быть сведены одно на другое, какъ противоположные по своимъ свойствамъ, но недоступные уму въ своемъ абсолютномъ бытіи, въ силу ограниченности этого ума. Первый выводъ представляетъ очевидный абсурдъ: онъ равенъ положенію — все есть ничто, или ничего, собственно, нѣтъ. Были люди, которые останавливались на этомъ выводѣ и признавали необходимость сомнѣнія во всемъ, но ихъ очень немного, и они не оставили никакого почти слѣда въ умственной жизни человѣчества. Много — что они способствовали разъясненію понятія ограниченности ума человѣческаго. Остается послѣдній выводъ, какъ вполнѣ необходимый и очевидный: духъ и матерія — два отдѣльныя, самостоятельныя начала, оба несомнѣнно существуютъ, но оба непостижимы въ своей сущности для человѣческаго ума. Примѣняясь къ существующему направленію умственной дѣятельности, сосредоточенной на изслѣдованіи вещества, вслѣдствіе чего бытіе начала матеріальнаго признается какъ нѣчто вполнѣ очевидное и несомнѣнное, принимая также во вниманіе навыкъ мысли, вообще, принужденной болѣе сосредоточиваться на матеріальномъ и внѣшнемъ, чѣмъ на внутреннемъ и духовномъ, и представляющей все матеріальное яснѣе, раздѣльнѣе и опредѣленнѣе, — можно очевидность бытія души или духа, какъ особеннаго начала, выразить въ такой формулѣ: если существуетъ матеріальная субстанція, то необходимо нужно признать и бытіе субстанціи духовной. При полной одинаковости условій образованія идей матеріи и духа, при одинаковости основаній утвержденія и отрицанія ихъ бытія, признавая бытіе одной, нужно признать бытіе другой съ такою же логическою необходимостью, съ какою, признавая, что $2+2=4$, необходимо признать что и $4=2+2$. Выводъ этотъ и соображенія, какими онъ постепенно добытъ для науки о душѣ, имѣетъ, прежде всего, тотъ очевидный практическій результатъ, что даетъ ей право говорить о душевной субстанціи съ такою же опредѣленностью и увѣренностью, съ какой физическія науки говорятъ о существѣ. Конечно, можно еще предположить, что и духъ и матерія суть проявленіе одного основного начала, но это предположеніе не имѣетъ уже никакого фактическаго основанія и должно быть, потому, прямо устранено.

9. *Элементы принудительности въ признаніи особой субстанціи основою душевныхъ явленій.* Положеніе, что основа душевныхъ явленій есть особое самостоятельное начало, отличное отъ основы физическихъ явленій, особая субстанція, — назовите ее душою, духомъ, психическимъ началомъ — все равно — заключаетъ въ себѣ элементы необходимости: оно съ неотразимою силою навязывается, какъ неразвитому, такъ и самому развитому философскому уму, хотя и различными путями, принуждаетъ признавать свою истинность. Въ послѣднемъ случаѣ принужденіе это вполнѣ равно по своей силѣ — принужденію признавать особую основу физическихъ явленій — субстанціею матеріальною. Если все это, дѣйствительно такъ, то мы, прежде всякаго изслѣдованія — a priori — должны уже ожидать, что діаметрально ему противоположное и исключающее его положеніе, — основа душевныхъ явленій

та же, что и физическихъ — матерія, это положеніе не заключаетъ въ себѣ принудительной силы для ума и не имѣетъ никакихъ признаковъ необходимости. Самая поверхностная критика его, въ самомъ дѣлѣ, убѣждаетъ въ полной вѣрности этого предположенія и ожиданія. Едва ли нужно и говорить о томъ, что для неразвитого ума это положеніе совершенно непонятно, выраженное же въ формѣ отрицанія бытія особаго, одушевляющаго тѣла, начала, оно прямо покажется ему абсурдомъ, нелѣпостью, которая противорѣчитъ самымъ очевиднымъ для него фактамъ. О какомъ-нибудь принужденіи, сознаніи необходимости отрицать бытіе души, конечно, при этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но никакихъ элементовъ необходимости это положеніе, какъ въ формѣ утвердительной, такъ и въ отрицательной не заключаетъ въ себѣ и для ума самаго развитого, привыкшаго къ отвлеченному мышленію. Единственнымъ основаніемъ считать душевное свойствомъ и продуктомъ вещества, отрицая всякую другую основу, кромѣ матеріи, — служитъ фактъ, что душевныя явленія всегда наблюдаются въ связи съ физическими, въ зависимости отъ нихъ, безъ нихъ не существуютъ. Случаевъ, подтверждающихъ этотъ фактъ, множество, но самъ онъ ничего не доказываетъ, кромѣ существованія связи между душевнымъ и физическимъ. Взятый во всемъ его объемѣ, со всѣмъ безчисленнымъ множествомъ случаевъ, его подтверждающихъ, онъ вынуждаетъ правильно и строго мыслящаго человѣка признавать за несомнѣнное, что душевныя явленія въ нашемъ опытѣ всегда происходятъ и возникаютъ подъ вліяніемъ физическихъ, матеріальныхъ, даже зависятъ отъ нихъ — и только. При этомъ нѣтъ никакой необходимости дѣлать отсюда выводъ, что душевное производится, создается, порождается матеріальнымъ, матеріею. Мало того, выводъ этотъ не законенъ, не правиленъ и, съ строго научной логической точки зрѣнія, невозможенъ, хотя эта невозможность не для всякаго очевидна. Но къ очевидности его невозможности легко прійти путемъ сопоставленія случаевъ соотношенія явленій, сходныхъ съ тѣми, изъ которыхъ онъ дѣлается. Такъ, мы не можемъ наблюдать свѣтъ безъ воздуха, даже въ разрѣженномъ воздухѣ наступаетъ тьма: никому же не придетъ въ голову, теперь, сдѣлать отсюда выводъ, что свѣтъ производится воздухомъ. Для человѣка, знакомаго съ законами вывода, не требуется и такихъ объясненій. Изъ факта постоянной связи душевнаго съ физическимъ нельзя даже сдѣлать вывода, что душевное не можетъ существовать безъ матеріальнаго, что матерія совершенно необходима для обнаруженія душевныхъ явленій. Такой выводъ опирался бы на очевидно нелѣпомъ предположеніи, что противоположнаго тому, что постоянно наблюдается, и быть не можетъ.

Измѣривши, такимъ образомъ, доказательную силу двухъ возможныхъ представленій объ основѣ душевныхъ явленій, мы уже не можемъ колебаться въ выборѣ между ними. Итакъ, основа душевныхъ явленій есть особое начало, особая субстанція. (Извлеч. въ сокращ. изъ «Психологіи» проф. В. Снегирева, Харьковъ, 1893 г., стр. 35 – 50).

Ж. Философское обоснованіе спиритуализма.

Человѣкъ никогда не сознаетъ и не можетъ сознавать себя, какъ *это* впечатлѣніе или впечатлѣніе вообще, какъ *это* представленіе или представленіе вообще, какъ *это* понятіе или понятіе вообще, словомъ — никогда не сознаетъ и не можетъ сознавать себя, какъ *явленіе* сознанія, а всегда сознаетъ и можетъ сознавать себя только какъ ощущающаго, представляющаго, мыслящаго, т.-е., непремѣнно какъ дѣятельнаго, т.-е., обязательно какъ сущаго. Поэтому, *азъ есмь сый — это единственное фактическое выраженіе всего содержанія Я, и потому спиритуалистъ имѣетъ полное право сказать, что Я человѣка по своему содержанію не явленіе сознанія, а данный въ сознаніи идеальный образъ безусловной сущности сознанія, какъ бытія*[1]).

Но если бы можно было удалить изъ сознанія всю сумму тѣхъ фактовъ, изъ содержанія которыхъ слагается мыслимое содержаніе не — Я, то вмѣстѣ съ этими фактами необходимо исчезли бы и всѣ факты чувствованій и всѣ поводы хотѣній, и живое Я человѣка необходимо превратилось бы въ ничто. Это необходимое соотношеніе между отдѣльными фактами сознанія и сознаніемъ Я даетъ основаніе думать, что реальность сознанія выражается собственно не сознаніемъ Я, а простымъ положеніемъ тѣхъ фактовъ, изъ соотношенія которыхъ слагается дѣйствительный про-

[1]) Справедливость метафизическаго толкованія *я* лучше всего можно выяснить путемъ сопоставленія этого толкованія съ толкованіемъ позитивистическимъ. Примѣръ послѣдняго толкованія можно указать у *Д. С. Милля* въ XII главѣ его *Обзора философіи Гамильтона.* Вѣдая объ однихъ только явленіяхъ и потому не считая себя въ правѣ говорить о субстанціяхъ, Милль полагаетъ, что *я* человѣка есть *„рядъ состояній сознанія,"* связанный фактомъ памяти въ единство конечной личности и въ этой связи могущій итти въ безконечность. Очевидно, такое толкованіе *я* вполнѣ утверждаетъ собою всѣ тѣ слѣдствія, которыя необходимо вытекаютъ изъ метафизическаго толкованія природы духа, какъ субстанціи, т.-е., вполнѣ утверждаетъ и единство личности и ея безсмертіе, и все - таки едва ли найдется такой метафизикъ, который согласился бы съ толкованіемъ Милля—не потому, что это толкованіе не метафизично, а потому, что оно рѣшительно противорѣчитъ той самой опытной дѣйствительности, которую объясняетъ. Фактически ни одинъ человѣкъ не сознаетъ и не можетъ сознавать себя, какъ рядъ состояній сознанія, а потому, если онъ мыслитъ о себѣ, какъ о такомъ рядѣ, то въ мышленіи его, очевидно, выражается не то я, которое фактически существуетъ въ сознаніи его, а другое *сочиненное* я. Въ метафизическомъ толкованіи такого сочинительства не допускается, и въ этомъ заключается несомнѣнное преимущество метафизическаго толкованія даже предъ такими толкованіями *опытной* науки и философіи, которыми утверждаются всѣ необходимые выводы изъ метафизики духа.

цессъ сознанія, вмѣстѣ же съ этимъ процессомъ и всякая вообще дѣйствительность оказывается простымъ положеніемъ психическихъ явленій — *явленій въ себѣ самихъ, явленій абсолютныхъ,* потому что они сами себя полагаютъ и себѣ же самимъ являются. Въ такомъ случаѣ, конечно, и собственное Я человѣка есть тоже явленіе, но только явленіе удивительно странное. Оно именно есть не объективное явленіе, существующее само по себѣ, а явленіе субъективное, представляющее собою лишь простое отраженіе связи и соотношенія объективно данныхъ явленій, т.-е., оно собственно выражаетъ собою не дѣйствительную реальность, а лишь нѣкоторую видимость реальности. Поэтому все содержаніе человѣческой жизни представляетъ собою какой-то непостижимый сонъ съ богатымъ развитіемъ всякихъ великихъ и чудныхъ грезъ, но безъ всякой сущности, которая бы видѣла этотъ удивительный сонъ, и безъ всякой реальной жизни, о которой грезится во снѣ [1]). Между тѣмъ, основнымъ и единственнымъ содержаніемъ этого удивительнаго призрака служитъ указаніе на субстанціальное бытіе, и потому *человѣческая* мысль совершенно не можетъ мыслить явленія иначе, какъ только въ связи съ мышленіемъ субстанціональнаго бытія, которому нѣчто является. Въ силу же этой рѣшительной невозможности обойтись въ мышленіи бытія безъ понятія о сущности, критическому мыслителю необходимо приходится сдѣлать одно изъ двухъ: или допустить, что не все есть явленіе, или же объявить, что и сама мысль есть лишь странный сонъ о познаніи бытія. Но такъ какъ принять это послѣднее положеніе значитъ прямо и безусловно отвергнуть всякую правду всякаго мышленія и рѣшительно отнять у себя всякую возможность, чтобы утверждать или отрицать что-нибудь, то даже самые крайніе поборники феноменализма фактически всегда допускаютъ, что въ дѣйствительности не все есть явленіе, потому что они мыслятъ явленія не какъ явленія, а какъ метафизическія вещи о себѣ [2]).

На основаніи *явленій* сознанія мысль необходимо обращается къ мышленію *бытія въ себѣ самомъ* и естественно находитъ это невѣдомое бытіе въ самомъ же сознаніи, потому что во всемъ содержаніи своемъ мысль есть и можетъ быть только мышленіемъ данныхъ сознанія, какъ явленій бытія. Но въ виду того, что фактическое содержаніе сознанія въ одной своей части принудительно относится къ бытію внѣ сознанія, а въ другой своей части опредѣляется этимъ отношеніемъ, мысль также естественно утверждаетъ и другое бытіе внѣ сознанія и, на основаніи принудительнаго отношенія къ этому бытію огромной массы различныхъ явленій сознанія, *предполагаетъ* его въ качествѣ послѣдней основы для самого сознанія. Желаніе оправдать это предположеніе естественно заставляетъ мысль отыскивать постоянныя связи и соотношенія между явленіями сознанія и содержаніемъ чувственно-представляемаго бытія и толковать эти связи и соотношенія, какъ выраженія необходимыхъ причинныхъ отношеній со стороны явленій представляемой реальности къ собственнымъ явленіямъ сознанія. Если, напр., наблюденіе показываетъ, что пониженіе или разстройство мозговой дѣятельности обязательно влечетъ за собою пониженіе или разстройство, а въ нѣкоторыхъ тяжкихъ случаяхъ даже и совершенную потерю сознанія, возстановленіе же нормальной дѣятельности головного мозга, наоборотъ, сопровождается возстановленіемъ и нормальной дѣятельности сознанія, то отсюда, будто бы, съ несомнѣнной очевидностію слѣдуетъ, что явленія сознанія не только стоятъ въ связи и даже въ зависимости отъ физической дѣятельности мозга, но и развиваются изъ этой самой дѣятельности, т.-е., представляютъ собою лишь нѣкоторыя особыя формы явленій физическихъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, сознаніе оказывается не бытіемъ, а только явленіемъ бытія въ качествѣ особой функціи мозга, и потому самосознаніе должно говорить человѣку не о какой-нибудь метафизической сущности, а лишь о простой координаціи психическихъ явленій, какъ спеціальныхъ выраженій мозговой работы [1]). Слѣд., все бытіе и содержаніе человѣческой личности путемъ простыхъ *толкованій,* чѣмъ *должно* быть это бытіе и содержаніе, сводится къ бытію и содержанію физической основы жизни, и, такимъ

---

[1]) Изложеніе доктрины феноменализма у *Фихте,* Die Bestimmung d. Menschen, S. Werke herausg. von I. H. Fichte, B. II, S. 245.

[2]) Для примѣра можно указать на философское ученіе профессора физики *Маха* въ его Beitrage zur Analyse der Empfindungen, Iena 1886, S. 1—25. Рѣшительно отвергая всякія тѣни метафизическихъ сущностей Махъ вообразилъ себя побѣдоноснымъ противникомъ метафизики и поборникомъ положительной науки, а на самомъ дѣлѣ онъ только одно и сдѣлалъ, что замѣнилъ одно метафизическое понятіе вещи о себѣ другимъ метафизическимъ понятіемъ впечатлѣнія per se (чрезъ себя). Правда, онъ утверждаетъ относительность впечатлѣнія, какъ существующаго только для насъ и въ насъ самихъ, но если само *я* человѣка для познающей мысли есть лишь комплексъ впечатлѣній и всякая представляемая вещь въ мірѣ есть лишь комплексъ впечатлѣній, то для этой познающей мысли впечатлѣніе, очевидно, есть впечатлѣніе per se—метафизическая субстанція. Благодаря этой именно *вѣрѣ* въ субстанціональность впечатлѣнія, для Маха и оказалось возможнымъ считать впечатлѣнія *конечными элементами самой познаваемой реальности,* но въ такомъ случаѣ впечатлѣнія *по своему значенію,* очевидно, совершенно ничѣмъ не отличаются отъ метафизическихъ вещей въ себѣ, а ужъ насколько такія субстанціональныя впечатлѣнія легче и удобнѣе мыслить сравнительно съ метафизическими вещами о себѣ, говорить едва ли нужно.

[1]) *Рибо,* Болѣзни личности, стр. 179: «реальная личность—это организмъ и его высшій представитель головной мозгъ, въ которомъ содержится все то, чѣмъ мы были, и возможность всего того, чѣмъ мы будемъ»; срав. стр. 90, гдѣ это самое ученіе излагается съ характернымъ добавленіемъ: «конечно, это тоже *гипотеза,* но, она, по крайней мѣрѣ не имѣетъ ничего сверхъестественнаго».

образомъ, доктрина абсолютнаго феноменализма замѣняется доктриной чистаго матеріализма.

Но утверждая свое толкованіе психической дѣятельности, какъ дѣятельности физической, поборники матеріализма обыкновенно забываютъ сдѣлать одну очень важную оговорку. Оговорка эта заключается въ томъ, что явленія сознанія даны *непосредственно*, мышленіе же физическаго міра есть мышленіе его *посредствомъ* представленія, т.-е., посредствомъ объективаціи тѣхъ же самыхъ явленій сознанія, которыя даны непосредственно. Поэтому содержаніе внѣшняго міра все и цѣликомъ можетъ быть переведено на содержаніе сознанія, содержаніе же сознанія, въ силу его непосредственности, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть переведено на содержаніе внѣшняго міра, потому что мысль сама развивается только въ предѣлахъ сознанія и, слѣд., — отрѣшиться отъ сознанія, какъ отъ своего конечнаго факта, она не можетъ. Даже и въ томъ случаѣ, если бы можно было, согласно ученію матеріализма, усмотрѣть въ мірѣ не объектъ сознанія, а само сознаніе, какъ чистый объектъ, для мысли все-таки разрѣшился бы міръ въ сознаніе, а не сознаніе въ міръ, потому что, если бы мы увидѣли въ мірѣ вмѣсто вещей и явленій представленія и впечатлѣнія, то ясное дѣло, что міръ и оказался бы для насъ только самопредставленіемъ нѣкотораго абсолютнаго сознанія, а вовсе не основой его. Если же такого самопредставленія сознанія фактически мы не можемъ мыслить въ силу внутренняго противорѣчія въ самомъ понятіи самопредставленія, то по той же самой причинѣ и о представленіи сознанія, какъ физической дѣятельности, мы можемъ только языкомъ говорить, фактически же осуществить это представленіе въ своемъ мышленіи мы безусловно не можемъ. Я могу видѣть нервы, я могу видѣть мозгъ, и если бы можно было какъ-нибудь усилить мою зрительную впечатлительность до необычайныхъ размѣровъ, я, вѣроятно, могъ бы не только *гадать* объ отправленіяхъ нервнаго и мозгового вещества, но и прямо *наблюдать* эти отправленія, и все таки сознанія въ этихъ отправленіяхъ я бы не увидѣлъ, потому что сознаніе есть *мое* бытіе и представить его *внѣ меня* это значитъ — въ моментъ представленія мнѣ нужно перестать сознавать, перестать быть [1]).

Слѣд., *утвержденіе тождества нервной дѣятельности съ дѣятельностію сознанія есть собственно не изложеніе дѣйствительнаго факта, а лишь простое предположеніе насчетъ возможнаго объясненія факта сознанія, и предположеніе это такого сорта, что оно никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано фактически, т.-е., на вѣки вѣчные оно должно оставаться только чистымъ предположеніемъ.* Вотъ это именно обстоятельство и должны непремѣнно оговаривать проповѣдники матеріализма при всякомъ изложеніи своихъ воззрѣній, потому что это обстоятельство вполнѣ точно опредѣляетъ собою и настоящее мѣсто матеріализма, и подлинное значеніе его [1]).

Если физическое объясненіе сознанія есть и можетъ быть только вѣчной гипотезой, то само собою разумѣется, что для научной мысли нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній поддерживать такое объясненіе, которое не можетъ допускать для себя никакихъ оправданій, потому что поддерживать такое объясненіе значитъ намѣренно или ненамѣренно обманывать себя однимъ только призракомъ объясненія. Поэтому, какъ только человѣкъ приходитъ къ ясному сознанію вѣчной гипотетичности матеріализма, такъ въ его мысли немедленно же начинается обратный поворотъ въ сторону спиритуализма. Для критической мысли становится въ высшей степени яснымъ, что то самое оружіе, какимъ матеріализмъ поражаетъ и можетъ поражать доктрину спиритуализма, въ дѣйствительности убиваетъ только его самого. Вѣдь самое главное возраженіе противъ спиритуалистической доктрины заключается въ томъ, что эта доктрина допускаетъ существованіе дѣятеля *сверхъестественнаго*, т.-е., такого дѣятеля, который не можетъ быть воспринятъ въ чувственномъ наблюденіи, какъ предметъ представленія, и о которомъ *поэтому* будто бы невозможно положительно знать, что онъ, дѣйствительно, существуетъ. Но если критеріемъ дѣйствительнаго знанія служитъ только

---

[1]) *Рибо*, op. cit. стр. 92: «психологъ, сосредоточивающійся на внутреннемъ наблюденіи, видитъ одинъ лишь узоръ и шитье, теряясь въ предположеніяхъ, и старается угадать, что подъ ними находится; если бы онъ, *перемѣнивъ позицію, посмотрѣлъ изнанку*, то избѣжалъ бы многихъ безполезныхъ заключеній и узналъ бы гораздо болѣе». Каждый спиритуалистъ вѣроятно весьма бы желалъ посмотрѣть на нервы и мозгъ, какъ на изнанку сознанія, но способность этого удивительнаго смотрѣнія, должно-быть, принадлежитъ однимъ только поборникамъ матеріализма, а они лишь говорятъ о перемѣнѣ позиціи, научить же невѣдущихъ людей, какъ бы можно было устроить эту таинственную перемѣну, почему-то не догадываются. Поэтому совершенно естественно, что у каждаго спиритуалиста, когда ему приходится выслушивать проповѣдниковъ матеріализма, неизбѣжно возникаетъ одна и та же мысль: если существованіе духа допускать *не желательно*, потому что духъ есть дѣятель *сверхъестественный* (ужасающее слово, имѣющее самый безобидный смыслъ; сверхъестественный значитъ — *нематеріальный, невоспринимаемый чувственно)*, то посмотрѣть на мозгъ, какъ на духъ, хотя и было бы желательно, однако *совершенно невозможно*, потому что это смотрѣніе противорѣчитъ природѣ сознанія, т.-е., оно оказывается *противоестественнымъ*.

[1]) Сознаніе необходимости этой оговорки привело одного изъ наиболѣе даровитыхъ поборниковъ новѣйшаго матеріализма, Генриха Чольбе, къ такому заявленію: «матеріализмъ, которымъ все выводится изъ одной только матеріи, и въ который самъ я прежде вѣрилъ отчасти, оказывается совершенно ложнымъ пониманіемъ дѣйствительности, и потому я считаю вполнѣ основательнымъ отказаться отъ него». *Czolbe*, die Grenzen und d. Ursprung d. menschlichen Erkenntniss im Gegensatze zu Kant und Hegel, 1865, s. 297.

наличность чувственнаго представленія о предметѣ познанія, то всякій поборникъ спиритуализма совершенно законно можетъ возвратить сдѣланное ему возраженіе назадъ къ матеріализму. Онъ можетъ именно выразить свое крайнее недоумѣніе по тому поводу, что матеріализмъ допускаетъ *сверхъестественныя* отправленія *естественнаго* мозга, т.-е., такія отправленія, которыя не могутъ быть восприняты въ чувственномъ наблюденіи, и о которыхъ, стало-быть, по собственной логикѣ матеріализма, нельзя положительно знать, существуютъ ли въ мозгѣ такія отправленія. И это возраженіе въ отношеніи матеріализма, дѣйствительно, будетъ убійственнымъ, потому что матеріализмъ самъ признаетъ чувственное представленіе, какъ удостовѣреніе реальности, и, слѣд., неимѣніе этого удостовѣренія для поборниковъ матеріализма должно служить обязательнымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ несостоятельности ихъ доктрины. Между тѣмъ для поборниковъ спиритуалистической доктрины невозможность чувственнаго представленія не имѣетъ ровно никакого значенія и ровно ни къ чему ихъ не обязываетъ, потому что, имѣя дѣло съ явленіями сознанія— съ явленіями, которыя одни только несомнѣнно существуютъ, и которыя все-таки непредставимы, спиритуалистъ не можетъ стремиться къ чувственному познанію духа и если утверждаетъ его существованіе, то утверждаетъ, разумѣется, не въ качествѣ предмета чувственнаго представленія, а именно только въ качествѣ субъекта сознанія, которое само по себѣ сверхчувственно. Если же матеріалистъ, опираясь на свой критерій достовѣрнаго познанія, заблагоразсудитъ потребовать солидныхъ доказательствъ въ пользу дѣйствительнаго существованія субъекта сознанія, то этимъ требованіемъ своимъ онъ можетъ привести въ смущеніе однихъ только людей маломысленныхъ. Критически же мыслящій человѣкъ хорошо это вѣдаетъ, что *требованіе доказательствъ въ пользу дѣйствительнаго существованія духа покоится на чистомъ недоразумѣніи, а потому и никакого исполненія по этому требованію послѣдовать не можетъ.*

Доказывать дѣйствительное существованіе какого-нибудь предмета мысли значитъ критически изслѣдовать тѣ основанія, по силѣ которыхъ некритическая мысль *допускаетъ* его существованіе, и выяснить полную логическую достаточность или недостаточность этихъ основаній *для вывода* изъ нихъ такого слѣдствія, что мыслимый предметъ дѣйствительно существуетъ. Между тѣмъ, существованіе духа — личности — субъекта сознанія— самого сознанія, какъ бытія, не допускается мыслію въ качествѣ слѣдствія изъ нѣкоторыхъ разумныхъ основаній, а непосредственно дано для мысли въ качествѣ факта дѣйствительности. На это именно непосредственное бытіе сознанія и опирается мысль, какъ на единственное основаніе въ построеніи всякихъ доказательствъ, и реальность всякаго мышленія утверждается не чѣмъ-либо другимъ, а только дѣйствительнымъ бытіемъ самого сознанія. Поэтому бытіе субъекта, какъ единственное бытіе, непосредственно извѣстное себѣ самому, необходимо лежитъ внѣ цѣпи всѣхъ возможныхъ доказательствъ, такъ какъ всякое доказательство имѣетъ свое приложеніе не въ отношеніи субъективнаго бытія, т.-е., бытія непосредственно сознаваемаго, а исключительно только въ отношеніи объективнаго міра, извѣстнаго субъекту лишь подъ формою представленія. Только объ этомъ одномъ мірѣ можно, дѣйствительно, спрашивать, существуетъ ли онъ и такимъ ли онъ существуетъ, какимъ представляется субъекту, субъектъ же непосредственно есть, и потому доказывать его существованіе совершенно невозможно. Вѣдь помимо сознанія своего собственнаго бытія мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ основаній для нашихъ размышленій и сужденій о бытіи, потому что внѣ содержанія и границъ нашего сознанія никакой дѣйствительности *для насъ* не существуетъ и существовать не можетъ. Если же мы утверждаемъ дѣйствительное существованіе внѣшняго міра и нервовъ и мозга, то это лишь потому, что мы не въ состояніи уничтожить въ себѣ самихъ тѣхъ непосредственныхъ явленій сознанія, которыми необходимо обосновывается для насъ это утвержденіе внѣшняго существованія. Слѣд., для нашей мысли быть непосредственнымъ фактомъ сознанія и существовать въ дѣйствительности — это совершенно одно и то же, и потому, если субъектъ сознанія непосредственно есть, то онъ есть въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ есть внѣшній міръ, есть мозгъ, есть нервы, только внѣшнее бытіе утверждается самою мыслію, бытіе же субъекта дано для мысли. Во всякомъ случаѣ, различіе между бытіемъ субъекта и бытіемъ внѣшняго міра заключается не въ мышленіи ихъ бытія, а лишь въ способѣ ихъ отношенія къ мысли.

Между тѣмъ, на основаніи этого различія въ отношеніи къ мысли субъективнаго и объективнаго бытія, довольно часто утверждается *различный смыслъ* ихъ существованія, такъ что если въ отношеніи одного бытія утверждается смыслъ предметно-метафизическаго субстанціональнаго существованія, то въ отношеніи другого бытія ужъ необходимо утверждается только дѣйствительное существованіе преходящаго явленія. Такимъ путемъ возникаетъ или абсолютный идеализмъ, когда предметно-метафизическое существованіе приписывается одному только духу, или же чистый матеріализмъ, когда предметно-метафизическое существованіе приписывается одному только физическому міру. Но если философа-идеалиста можно еще убѣждать въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра и во всякомъ случаѣ можно привести его къ необходимости преобразованія субъективнаго идеализма въ объективный, то философа-матеріалиста совсѣмъ даже и убѣ-

ждать нельзя въ дѣйствительномъ существованіи мыслящаго духа, потому что для этого убѣжденія со стороны матеріализма требуется совершенно невозможное условіе. Ученый матеріалистъ желаетъ воспринять духъ, какъ предметъ представленія, т.-е., если ужъ не руками его пощупать, то хоть глазами его увидѣть, какъ нѣкоторую тѣнь чувственно воспринимаемаго предмета, и пока не исполнится это желаніе матеріалиста, ему всегда будетъ казаться, что, можетъ-быть, духа еще и нѣтъ. Но выражая это желаніе свое, ученый матеріалистъ очевидно забываетъ, что предметы представленія воспринимаются сознаніемъ, такъ что если бы само сознаніе сдѣлалось предметомъ представленія, то воспринять его было бы некому, потому что быть одновременно и собою самимъ и внѣшнимъ для себя предметомъ чувственнаго представленія можно только въ неразумныхъ желаніяхъ дѣтски капризной мысли, а не въ дѣйствительномъ бытіи и не въ критическомъ мышленіи бытія: *по самой природѣ своей духъ, какъ субъектъ сознанія, можетъ сознавать себя не посредствомъ представленія, а только непосредственно.* Поэтому возражать противъ дѣйствительнаго существованія духа только на томъ основаніи, что онъ не подлежитъ чувственному воспріятію, можно лишь по чистому недоразумѣнію.

Гораздо скорѣе можно возражать противъ дѣйствительнаго существованія духа на основаніи анализа самой психической дѣйствительности, хотя и на этомъ основаніи отрицаніе духа въ концѣ-концовъ приводитъ только къ чистому недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что самый обстоятельный анализъ душевной жизни показываетъ намъ одни лишь впечатлѣнія, представленія, чувствованія, хотѣнія — словомъ, показываетъ огромную массу самыхъ разнообразныхъ фактовъ сознанія, но рѣшительно не обнаруживаетъ такого факта, въ которомъ бы исключительно выражалось сознаніе духа, каковъ онъ есть въ себѣ самомъ. На этомъ именно основаніи, какъ извѣстно, Кантъ и построилъ свое отрицательное заключеніе, что для критической философіи и положительной науки совершенно невозможно дѣлать какихъ бы то ни было утвержденій о духѣ, потому что непосредственныя явленія душевной жизни говорятъ собственно не о духѣ, а только о себѣ самихъ [1]). Но, вѣроятно, и самъ Кантъ не пришелъ бы къ такому заключенію, если бы по какой-то странной случайности онъ не забылъ подумать о томъ, почему именно въ содержаніи душевной жизни онъ нигдѣ не увидѣлъ духа. Случилось же это потому, что онъ мыслилъ о духѣ, какъ о Ding an sich — какъ о бытіи въ себѣ, а искалъ это *бытіе въ себѣ* между *явленіями,* тогда какъ для критической философіи это должно быть до очевидности ясно, что если духъ есть бытіе въ себѣ, то онъ ужъ не можетъ сознавать себя ни какъ явленіе, ни какъ сумму явленій, потому что всѣ явленія душевной жизни могутъ быть только выраженіями дѣятельности духа, а не самимъ духомъ. Поэтому скептическое заключеніе Канта могло бы считаться справедливымъ въ томъ только случаѣ, если бы все содержаніе сознанія цѣликомъ выражалось лишь подъ формою воззрѣнія времени, т.-е., исключительно слагалось изъ однихъ только явленій. Но этого *если бы* въ дѣйствительности нѣтъ, потому что время создается только отношеніемъ сознанія къ міру явленій, само же сознаніе, какъ бытіе, лежитъ внѣ воззрѣнія времени, и Кантъ самъ признавалъ это положеніе сознанія, когда толковалъ самосознаніе, какъ неизмѣнное выраженіе бытія сознанія, и въ этомъ сознаніи бытія видѣлъ не какое-нибудь явленіе сознанія, а само бытіе сознанія въ себѣ самомъ. Правда, содержаніе этого бытія, по Канту, будто бы не дано вмѣстѣ съ сознаніемъ его, но въ такомъ случаѣ, значитъ, и сомнѣваться можно все-таки не въ бытіи духа, а только въ познаніи его. *Фактъ же бытія человѣческой личности, какъ вещи о себѣ, непосредственно данъ въ самосознаніи человѣческомъ, и потому, если человѣкъ думаетъ о себѣ не какъ о явленіи, а какъ о бытіи въ себѣ—какъ о сущности, съ точки зрѣнія критической философіи онъ думаетъ вѣрно.* (См. кн.: «Наука о человѣкѣ» проф. В. Несмѣлова, Казань, 1898 г., стр. 221—233)

3. Мысли о безсмертіи души человѣка.

а) *Ученіе о безсмертіи души св. Аѳанасія Великаго.*

Думаю, учитъ св. Аѳанасій Великій, сказаннымъ доселѣ доказано, что въ людяхъ есть разумная душа. Но... надобно знать, что душа и безсмертна... Если въ словѣ нашемъ доказано, что душа не одно и то же съ тѣломъ, тѣло же по природѣ смертно, то необходимо душѣ быть безсмертною, по тому самому, что она неподобна тѣлу. И опять, если душа движетъ тѣло, а сама ничѣмъ другимъ не приводится въ движеніе, то слѣдуетъ изъ сего, что душа самодвижна, и по сложеніи съ себя тѣла въ землю опять будетъ сама себя приводить въ движеніе... Если бы душа приводима была въ движеніе тѣломъ, то по разлученіи съ движущимъ ее, ей слѣдовало бы умереть. А если душа движетъ и тѣло, то тѣмъ паче необходимо ей приводить въ движеніе и себя. Приводя же себя въ движеніе, по необходимости, будетъ она жить и по смерти тѣла; потому что движеніе души есть не что иное, какъ жизнь ея».—(Самодвижность души есть разительнѣйшее доказательство не безсмертія только, но паче того, что она не есть какое-либо тѣло утонченное, эѳирное. Косность, неподвижность есть неотъемлемая принадлежность вещества.

[1]) Въ прибавленіи къ четвертому паралогизму, kritik d. rein. Vern. s. 605—607.

Электричество пребудетъ въ бездѣйствіи вѣкъ, если не возбудить его; и эѳиръ не свѣтитъ, если не приводится въ сотрясеніе, или, какъ говорятъ, дрожательное состояніе. Но и то и другое производится воздѣйствіемъ совнѣ. Самодѣятельности и слѣда нѣтъ въ этихъ, по видимому, очень тонкихъ веществахъ. Откуда же возьмется самодѣятельность въ душѣ, если она по естеству — эѳиръ? И если она самодѣятельна, не значитъ ли это, что она не эѳиръ? И опять, всякое вещество, будучи приведено въ движеніе, движется въ данномъ направленіи, и, вообще, движеніе въ веществѣ опредѣлено однообразною формою, отъ которой отступленіе немыслимо. Посмотрите на дѣятельность души,—какая тутъ неисчерпаемость разнообразія!.. Что дѣлается, напримѣръ, когда душа разсуждаетъ? Сводитъ представленія, пріобрѣтенныя нерѣдко неизвѣстно — когда и какъ; ставитъ одно подлѣ другого совершенно различное — и открываетъ сходство, или совершенно сходное, и—открываетъ различіе; отвлекаетъ то или другое свойство и только его разсматриваетъ независимо отъ предмета; нерѣдко разлагаетъ весь предметъ на его черты и потомъ снова слагаетъ ихъ въ яснѣйшемъ уже представленіи цѣлаго; къ дѣйствію пріискиваетъ причину, часто невидимую и безвѣстную, а изъ дѣйствующаго начала выводитъ слѣдствія, которыхъ слѣдовъ нѣтъ еще на опытѣ; построиваетъ цѣпь причинъ и дѣйствій, средствъ и цѣлей; иногда, отвлекаясь отъ всего опытнаго, разнообразнаго, созерцаетъ все въ единомъ цѣломъ и проч. Въ какомъ веществѣ, самомъ тонкомъ и возбудительномъ, можно видѣть что-либо подобное? Одна и та же сила, — скажемъ, примѣняясь къ видимымъ движеніямъ въ веществѣ, — движется прямо и косвенно, отъ себя и къ себѣ, вверхъ и внизъ, вправо и влѣво, кругообразно, эллиптически, діагонально, подъ углами, зигзагами, волнами и проч., все это измѣняя во мгновеніе ока и переходя отъ одной противоположности къ другой, безъ потрясеній, имѣя при томъ возможность самое разгоряченное и разнообразное движеніе прекратить и снова начать. Если бъ указалъ кто подобную физическую силу, тогда можно бы сравнить съ нею самодѣятельную душу. Но и тогда, можетъ-быть, можно было бы указать на то, что ни одна физическая сила не оставляетъ въ себѣ слѣда прошедшихъ движеній, тогда какъ душа хранитъ въ себѣ всю свою разнообразную дѣятельность, и ея издѣліями питаетъ себя, и отъ того крѣпнетъ, полнѣетъ, совершенствуется, и — что еще?—чаетъ быть одобренною, или осужденною отъ Владыки всяческихъ на судѣ Его нелицемѣрномъ... Всѣ такія проявленія возможны ли въ какомъ-либо веществѣ? Конечно, нѣтъ. Ну, такъ и надо бросить мысль, будто душа есть тѣло — эѳиръ). (Епископъ Ѳеофанъ: «Душа и ангелъ», М. 1891 г., стр. 80—83).

б) *Всеобщность вѣры въ безсмертіе души.*

О всеобщности вѣры въ безсмертіе см. Lüken, Die Traditionen, стр. 407 и слѣд. Edm. Spiess, Entwicklungsgesch. der Vorstellungen vom Zustand nach dem Tod auf Grund vergleichender Religionsforschung. Jena 1877. Индійская вѣра во всякомъ случаѣ основывается на пантеистическомъ міросозерцаніи. Для нея видимый міръ есть только уклоненіе отъ высшей истины и дѣйствительности духа. Поэтому собственно родина духа находится только въ загробномъ мірѣ, а настоящій міръ, напротивъ, есть лишь мѣсто испытанія и очищенія. Душа постоянно должна все въ новыхъ формахъ вступать въ «суету» этого міра, чтобы, пройдя нѣсколько различныхъ тѣлъ, послѣ долгаго времени, наконецъ, достигнуть цѣли совершенства, которое индійскій духъ, конечно, представляетъ себѣ какъ уничтоженіе индивидуальной жизни въ океанѣ божества, подобно тому какъ капля исчезаетъ въ морѣ (см. Lüken, стр. 417 и слѣд.). Свободнѣе отъ этого пантеистическаго элемента, а поэтому и выше въ нравственномъ отношеніи, было ученіе древнихъ персовъ, какъ оно изложено въ Зендавестѣ. Непосредственно послѣ смерти злые и добрые духи борются между собою въ теченіе трехъ дней изъ-за души умершаго: души добрыхъ переходятъ чрезъ высокій и узкій мостъ, ведущій чрезъ ужасную бездну «изъ міра скорбей» въ блаженное обитаніе Ормузда и Амшаспандъ (добрыхъ духовъ), между тѣмъ какъ души злыхъ повергаются въ мѣсто наказанія. — Египетъ еще и теперь въ своихъ муміяхъ и пирамидахъ и другихъ гробовыхъ памятникахъ представляетъ краснорѣчивое свидѣтельство о вѣрѣ въ безсмертіе. Всѣ обряды при погребеніи тѣлъ выражали эту именно вѣру: судъ надъ мертвыми, рѣшавшій вопросъ о бальзамированіи умершихъ; плаваніе на лодкѣ въ городъ мертвыхъ, каковой имѣлся во всѣхъ большихъ городахъ Египта, — все это было отображеніемъ загробной жизни. У египтянъ убѣжденіе въ безсмертіи души было такъ сильно, что греческій историкъ Геродотъ отъ этого народа именно производитъ вообще происхожденіе этой вѣры (см. Lüken, стр. 140 и слѣд.). Но эта вѣра встрѣчается также у народовъ, у которыхъ незамѣтно никакого египетскаго вліянія. Самъ Геродотъ (IV, 94) свидѣтельствуетъ, что одинъ жившій во Ѳракіи народъ, геты, «вѣрилъ въ безсмертіе души». Этотъ народъ жилъ и умиралъ въ радостной вѣрѣ, что души храбрыхъ отправляются къ Богу его отцовъ. И еще позже римскіе поэты ставили этотъ народъ въ примѣръ своему собственному (срав. Curtius, Göttinger Festreden, 1864, стр. 150, какъ и вообще всю эту рѣчь о Bedeutung des Unsterblichkeitsglaubens bei den Griechen и т. д. 1861). Та же самая вѣра встрѣчается у германскихъ народовъ сѣвера, о религіи которыхъ

намъ сообщаетъ Эдда. Только храбрые, павшіе въ битвѣ, по вѣрѣ этого воинственнаго народа, отправлялись въ Валгаллу, обиталище Одина, чтобы тамъ продолжать земную жизнь на высшей ступени, между тѣмъ какъ остальные вступали въ печальное обиталище Гела. Эта именно надежда на Валгаллу и давала нѣмецкимъ ордамъ кимвровъ и тевтоновъ небоявшееся смерти мужество въ борьбѣ съ римлянами. Затѣмъ ту же самую вѣру мы встрѣчаемъ въ Китаѣ и у народовъ новооткрытаго міра, и именно не только какъ мнѣніе, но какъ силу, имѣющую значеніе въ настоящей жизни. Не менѣе мы встрѣчаемъ ее у самихъ грековъ и римлянъ (объ этомъ см. особенно сочиненіе Курціуса). Греки составляютъ рѣшительную противоположность индѣйцамъ. Для нихъ земной міръ представляетъ все, и видимый міръ былъ полнымъ выраженіемъ всей внутренней жизни. Такъ прежде всего мы это видимъ у грековъ Гомера. Для нихъ настоящая жизнь есть истинная жизнь, а загробная есть міръ сумрака и скорби. Адъ есть ненавистнѣйшій среди боговъ; со скорбью отправляются туда души. Ахиллесъ желалъ бы лучше быть поденщикомъ при свѣтѣ солнца, чѣмъ царемъ въ царствѣ тѣней, которыя ведутъ безцвѣтную жизнь въ мрачномъ уединеніи. Но уже тогда въ сознаніи народа жили и другія представленія, которыя, хотя еще и подавленныя, однако же, не были совершенно отвергаемы, и особенно выступали у тѣхъ поэтовъ, которые находились въ связи съ Дельфами, какъ у Гезіода и другихъ подобныхъ. Здѣсь господствуетъ болѣе серьёзное воззрѣніе на жизнь, чувство житейской тягости, потребность въ примиреніи съ божествомъ, и загробная жизнь вступаетъ въ ближайшее отношеніе къ настоящей. И это ученіе не было лишь тайнымъ ученіемъ жрецовъ, а отчасти входило и въ народное сознаніе. Исторія знаетъ примѣры не только тупого отчаянія, но и радостнаго настроенія во время послѣдняго издыханія, и не только у такихъ нравственныхъ великановъ, какъ Сократъ, но и у лицъ гораздо менѣе высокаго нравственнаго полёта. Доказательствомъ этого служитъ также святость священныхъ законовъ по отношенію къ мертвымъ и оказывавшіяся почести имъ, равно какъ искусство и поэзія. Хотя и не были писаны тѣ законы, которыми бы предписывались обязанности по отношенію къ мертвымъ, но они считались непосредственно данными отъ боговъ. И Антигона ради исполненія такого долга не смутилась даже нарушить противоположный законъ властелина и подвергнуться наказанію (Soph. Antig. V, 71—77). Конечно, въ общественной жизни эта вѣра въ значительной степени подавлялась, и софистика заглушала ее. Но она находила себѣ убѣжище въ мистеріяхъ, которыя собирали своего рода религіозную общину около вѣры въ безсмертіе, поддерживали ее особыми священнодѣйствіями и такимъ образомъ старались удовлетворить нравствеенной потребности, не находившей себѣ удовлетворенія въ общественномъ богослуженіи. У римлянъ вѣра въ безсмертіе исчезла только во время Цицерона и Цезаря. Цицеронъ подтверждаетъ древность этой вѣры. Lael. de amic. 4. Въ отношеніи этой вѣры Цицеронъ могъ съ одинаковымъ правомъ говорить о consensus gentium, какъ и въ отношеніи вѣры въ Бога: Tusc. I, 16 ut deos esse natura opinamur, qualesque sint ratione cognoscimus sic permanere animos arbirtramur consensu omnium nationum («Что боги существуютъ, объ этомъ мы имѣемъ понятіе отъ самой природы, каковы они—познаемъ разумомъ; также, что духъ живетъ вѣчно, объ этомъ узнаемъ изъ согласнаго свидѣтельства всѣхъ народовъ») [1]).

в) *Безсмертіе души.*

Современная оппозиція ученію о безсмертіи наводитъ на мысль, что это ученіе представляетъ сплошное недоразумѣніе, что оно можетъ быть только предметомъ вѣры. Но, если разложить его на составныя его части, то въ результатѣ анализа получатся слѣдующіе два вопроса, на которые придется дать утвердительный отвѣтъ:

1) Можетъ ли живое существо продолжать свое существованіе по смѣнѣ формы своей?—Конечно, можетъ уже потому, что это имѣетъ мѣсто даже въ области органической жизни земной, въ явленіи всѣмъ хорошо извѣстнаго превращенія червяка въ бабочку.

2) Можетъ ли живое существо, утративъ свое сознаніе, продолжать свое существованіе съ пребывавшимъ въ немъ дотолѣ въ скрытномъ состояніи сознаніемъ?—Конечно, можетъ, и вотъ почему: уже въ чередованіи сна и бодрствованія мы имѣемъ смѣну сознаній и попеременность животныхъ и растительныхъ функцій. Еще явственнѣе обнаруживается дуализмъ сознанія въ гипнотизмѣ и сомнабулизмѣ.

Итакъ, безсмертіе души возможно и съ физіологической и съ психологической точки зрѣнія. Къ этимъ двумъ его возможностямъ присоединяется его логическая необходимость, вытекающая изъ того, что человѣкъ есть продуктъ организующей въ немъ силы (Д-ръ *Карлъ Дюпрель:* «Загадочность человѣческаго существа» М. 1898 г., стр. 86).

И. Жизненно-практическое значеніе вѣры въ безсмертіе души.

Свѣтлый взглядъ на вѣчность составляетъ все достоинство христіанской вѣры, всю опору нашего существованія, всю науку нашей жизни. Кто вполнѣ увѣренъ въ безсмертіи, тотъ не сомнѣвается уже и въ бытіи Божіемъ, въ Его промыслѣ, премудрости, всемогуществѣ, правосудіи и благости. Какія бы ни постигли его горькія испытанія или невзгоды — лишенія, позоръ, изгнаніе,

[1]) См. Апологію христ. Лютарда.

ссылка. онъ, какъ скала среди моря, обуреваемая волнами, будетъ стоять неподвижно, останется вѣренъ церкви, совѣсти, царю и отечеству. Но если противная тому мысль западетъ въ чью душу, она, какъ ядовитое испареніе, тотчасъ проникнетъ и въ семейный, и общественный бытъ, и во всѣ народные слои, и убьетъ жизненное начало; тогда не ищите между согражданами искренности и простоты, вы найдете хитрость, притворство и обманъ; не ищите постоянства и вѣрности между супругами; не ищите святости и единодушія въ обществѣ; не ищите правды въ судахъ; не ищите преданности царю и отечеству въ вождяхъ.

Въ этомъ вполнѣ были убѣждены даже и лучшіе изъ язычниковъ, и у нихъ тоже временная жизнь связывалась съ загробною: оттого отличались они иногда и твердостью характера, безкорыстіемъ и умѣренностію, и великодушіемъ, и честностію, и самоотверженіемъ.

Но нигдѣ и никогда съ такою силою не сказывается жизненно-практическое значеніе вѣры въ безсмертіе, какъ въ послѣднихъ минутахъ земной жизни каждаго человѣка. Иначе отнесется къ смерти человѣкъ, увѣренный въ бытіи души ко ту сторону гроба, и иначе, очевидно, тотъ, что не имѣетъ этой увѣренности; и замѣчательно, нто эти отношенія обладаютъ устойчивымъ, почти меизмѣннымъ характеромъ. Первое ученіе съ сапыхъ древнихъ временъ приводило и до сихъ соръ приводитъ ко взгляду, что смерть не такъ птрашна, какъ кажется, или, по крайней мѣрѣ, *не должна быть* страшной для насъ, несмотря на свои видимыя ужасныя проявленія; что она есть не болѣе, какъ переходъ нашей жизни изъ одного состоянія въ другое, хотя, быть-можетъ, этотъ переходъ и имѣетъ свои непріятныя, тяжелыя стороны. Второе ученіе даетъ не столь утѣшительный результатъ. Правда, оно усиленно стремится освободить человѣка отъ важной тревоги за исходъ жизни; настаивая, что смерть есть послѣдняя непріятность, послѣдня горечь, которую предстоитъ испытать каждому изъ насъ, оно совѣтуетъ не отравлять спокойствія мыслію объ этомъ: а между тѣмъ отъ совѣта до дѣла далеко, смерть продолжаетъ оставаться для людей не простою горечью, предъ которой достаточно было бы лишь поморщиться, но и дѣйствительнымъ бѣдствіемъ, наводящимъ ужасъ и трепетъ. Оба названныя ученія имѣютъ въ исторіи своихъ героевъ, на жизни которыхъ очень удобно провѣрить достоинства каждаго изъ нихъ.

Въ 399 г. до Р. Х. въ одной аѳинской тюрьмѣ, исполняя судебный приговоръ, умиралъ престарѣлый человѣкъ. Ему было уже 70 лѣтъ. Съ виду онъ былъ весьма некрасивъ. На широкоплечемъ, плотномъ, но не высокомъ и неуклюжемъ туловищѣ его была насажена объемистая голова, покрытая рыжими волнистыми волосами. Подъ его высокимъ лбомъ, точно съ намѣреніемъ выкатиться, свѣтилась пара глазъ. Маленькій приплюснутый носъ съ вздутыми ноздрями чрезвычайно вредилъ впечатлѣнію, котораго можно было бы ожидать отъ внушительнаго лба. Общая дурнота старика дополнялась небольшимъ ростомъ, тучностью и безобразнымъ животомъ. Но въ мышцахъ этого некрасиваго лица, въ блескѣ этихъ словно не на своемъ мѣстѣ посаженныхъ глазъ выражалась другого рода красота—красота ума и вдохновенія. Когда старикъ пользовался свободой, за нимъ неотступно слѣдовала толпа людей, но не съ цѣлью потѣшиться надъ недостатками его наружности, а съ жадностію желая что-нибудь услышать отъ него. Въ тюрьмѣ старикъ былъ также не одинъ. Его окружали нѣсколько человѣкъ друзей и учениковъ, собравшихся сюда раздѣлить грустныя, предсмертныя его минуты. Ихъ привлекло въ тюрьму то самое, что раньше всегда собирало вокругъ старика толпу слушателей: его необыкновенное остроуміе, дружелюбное отношеніе къ людямъ и—благодушное къ жизни, затѣмъ высота философскаго ученія и жизнь, вполнѣ согласная съ нимъ. Имя старику—Сократъ, это извѣстный греческій философъ, которому суждено было совершить въ человѣческой мысли переворотъ, имѣющій всемірное значеніе. Онъ несправедливо осужденъ былъ согражданами на смерть. Приближалось время казви. Казалось, весь воздухъ тюрьмы былъ пропитанъ тяжелыми ожиданіями смертнаго часа. Убитыя лица учениковъ, видъ жены и дѣтей, послѣдній разъ приходившихъ взглянуть на отца, потрясающая сцена прощанія, рыданія Ксантиппы, которая была уже вдовой еще при живомъ мужѣ—вотъ что долженъ былъ видѣть и слышать умиравшій. Но, прислушиваясь къ шагамъ приближавшейся смерти. Сократъ не падалъ духомъ. Неумолимый ударъ уже былъ занесенъ надъ его жизнью, онъ зналъ и видѣлъ это, а между тѣмъ спокойный, попрежнему, ясный, проницательный и неторопливый взглядъ его умныхъ глазъ изобличалъ неустрашимое мужество. Предъ лицомъ смерти Сократъ не растерялся, онъ держалъ себя спокойно и строго. Въ назначенный часъ явился посланный отъ властей: онъ извѣстилъ, что время казни наступило, трогательно простился съ осужденнымъ и покинулъ его. Тѣ, которые должны были остаться въ живыхъ, не могли удержаться отъ слезъ и въ раздирающемъ отчаяніи горько заплакали, тогда какъ Сократъ хладнокровно разспрашивалъ служителя, какъ поступить съ приготовленнымъ для него ядомъ. Выслушавъ немногосложное наставленіе на этотъ счетъ, онъ взялъ смертоносное питье и, моля боговъ, «чтобы переходъ его въ иной міръ совершился счастливо», твердо, безъ жалобъ, проклятій или колебанія выпилъ отраву. Чрезъ нѣсколько мгновеній философа не стало.

Изъ этого краткаго разсказа ясно, что было причиною мужественной встрѣчи Сократомъ смерти. Онъ вѣрилъ, что духъ человѣка будетъ жить вѣчно, и не хотѣлъ видѣть въ смерти бѣдствія

или зла. Тридцать дней оставался онъ въ тюрьмѣ, ожидая развязки, и въ этотъ томительный мѣсяцъ у него не вырвался ни одинъ стонъ, не раздалась ни одна жалоба на участь. «Я не испытывалъ,—говоритъ одинъ очевидецъ,—того чувства сожалѣнія, которое естественно овладѣваетъ человѣкомъ въ виду смерти друга, напротивъ, когда я смотрѣлъ на него и слушалъ его, мнѣ казалось, что онъ совершенно счастливъ: такъ спокойно и съ такимъ достоинствомъ онъ держалъ себя. И я думалъ, что онъ оставляетъ этотъ міръ подъ покровительствомъ боговъ, по опредѣленію которыхъ, его ожидаетъ въ будущемъ нечеловѣческое блаженство» [1]).

Разсмотримъ теперь отношеніе къ смерти тѣхъ, кто за гробомъ ничего не ждетъ для себя.

Образцомъ такого рода людей можетъ служить Неронъ, римскій императоръ. Этотъ человѣкъ оставилъ по себѣ въ исторіи страшную извѣстность; но на сколько онъ былъ ужасенъ, когда пользовался властью, на столько же былъ жалокъ, когда лишился ея. Въ своей нравственной личности онъ носилъ отраженіе всѣхъ наиболѣе выдающихся чертъ современности. То была пора, которая давала возможность уживаться самымъ противорѣчивымъ понятіямъ. Къ этому времени человѣческая мысль успѣла выработать весьма высокія нравственныя начала, и къ чести человѣка надо сказать, что тогда они пользовались почти всеобщимъ признаніемъ. Но они занимали странное положеніе: въ Римѣ были мѣста, какъ, напримѣръ, зданіе сената, а въ общественной жизни случаи, когда на словахъ каждый считалъ обязательнымъ объявлять себя сторонникомъ ихъ; между тѣмъ гораздо больше, несравненно больше было такихъ мѣстъ и случаевъ, когда прямое нарушеніе ихъ являлось лучшимъ выборомъ. Словомъ, то была нравственность указовъ и различныхъ оффиціальныхъ рѣчей, которые никого ни къ чему не обязывали. Неронъ, въ силу обстоятельствъ своей жизни, проникся ею болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Пока онъ учился, старикъ Сенека въ скучные часы обязательнаго урока развивалъ подраставшему властителю вселенной возвышенныя мысли благороднѣйшей философіи, а кровавое господство при дворѣ его матери, свирѣпой Агриппины, и общая распущенность окружающихъ внушали вкусы и наклонности самаго низменнаго свойства. Наглая лесть низкопоклонниковъ довершала остальное.

Изъ этой безпорядочной атмосферы, которая окружала дѣтство Нерона, императоръ вынесъ слѣдующія качества: умѣнье говорить длинныя красивыя рѣчи, всегда полныя похвальныхъ мыслей и великолѣпныхъ нравственныхъ признаній, подъ которыми, не краснѣя, подписался бы и Сенека, привычку никогда не исполнять превосходныхъ рѣчей и забывать ихъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не согласовались съ какимъ-либо дикимъ, безобразнымъ влеченіемъ, и, наконецъ, убѣжденіе въ собственномъ величіи и геніальности. Вся послѣдующая жизнь и дѣятельность Нерона вытекаетъ изъ этихъ качествъ, какъ изъ своего главнаго и непосредственнаго источника. Когда ему подали подписать первый смертный приговоръ, онъ воскликнулъ: «какъ желалъ бы я не умѣть писать вовсе!» Но слова были произнесены — слушатели пришли въ восторгъ, и этимъ дѣйствіе ихъ оканчивалось. Дальше выступали наружу настоящія потребности, дѣйствительныя желанія, изъ которыхъ слагалась вся нравственная жизнь и дѣятельность Нерона. Эти потребности и желанія коренились въ его низменныхъ, чувственныхъ влеченіяхъ, которыхъ воспитаніе не только не подавило, а, напротивъ, еще усилило; безопасныя въ началѣ, они впослѣдствіи произвели изверга. Это случилось очень просто. Умѣренность была давно уже забыта въ Римѣ, и при Неронѣ едва ли кто считалъ нужнымъ соблюдать ее, по крайней мѣрѣ тщетны были бы попытки найти ее среди знати, стоявшей непосредственно у двора. Неронъ не былъ исключеніемъ между современниками и предавался нечистымъ наслажденіямъ со всѣмъ пыломъ еще здоровой молодости. Но не надолго хватило, разумѣется, свѣжести и силъ, для человѣка, вѣчно забывавшаго границы. Скоро незамѣтно подоспѣлъ тотъ страшный душевно-тѣлесный недугъ, которому имя «пресыщеніе». Потребовались чрезвычайныя возбужденія, пришлось изобрѣтать что-нибудь небывалое, поразительное и, наконецъ,—чудовищное, самый кругъ удовольствій надо было расширить. Неронъ сталъ предаваться необузданному разгулу, грязному разврату и окружилъ себя самыми позорными лицами. Въ стѣнахъ своего дворца или въ городскихъ притонахъ срывалъ онъ полной рукой цвѣты удовольствій, какіе только хотѣлъ. А выступая на сцену столичныхъ цирковъ и театровъ въ качествѣ несравненнаго наѣздника, пѣвца, музыканта, поэта и пр., онъ всюду встрѣчалъ знаки удивленія своему генію. Большаго Неронъ не требовалъ отъ жизни; получая такимъ образомъ отъ нея все, онъ не имѣлъ причинъ быть ею недовольнымъ. Когда приближеннымъ, изъ разныхъ видовъ, удалось заронить въ душу императора подозрѣніе, его сердце болѣзненно сжалось отъ ужаса, что — если у него отнимутъ власть и жизнь, которая такъ щедра къ нему, и которой онъ такъ дорожитъ. *Пресыщеніе* жизнью и въ то же время *трепетъ* за нее — вотъ что овладѣло душой Нерона. Столкнувшись въ первый разъ съ мыслью о возможности умереть, онъ не ощутилъ въ себѣ никакихъ другихъ потребностей, кромѣ тѣхъ, которыя сопряжены были съ чувственностью, никакихъ чаяній, которыя могли бы поднять его духъ и побѣдить естественный страхъ передъ могилой. Дни подозрительныхъ людей были сочтены: всѣхъ, кого онъ имѣлъ основаніе бояться, или

[1]) Федонъ.

кто мѣшалъ ему, хотя бы однимъ своимъ молчаніемъ, ожидала одинаковая участь: они должны были умереть. Въ трусливой душѣ Нерона не нашлось ни одного человѣколюбиваго движенія, тамъ бродили лишь несчастные отрывки благородныхъ словъ и возвышенныхъ изреченій, заученныхъ на память на урокахъ Сенеки. Одинъ за другимъ должны были умереть по приказанію перепугавшагося императора —братъ, мать, Сенека, нѣсколько императрицъ и затѣмъ множество несчастныхъ, за одно неосторожное слово, за зѣвокъ и скуку въ театрѣ, когда на сценѣ отличался самъ великій артистъ и пр. Какъ долженъ былъ встрѣтить Неронъ собственную смерть, изъ предыдущаго ясно. Онъ безпощадно казнилъ людей изъ опасенія погибнуть отъ нихъ, и когда самъ очутился лицомъ къ лицу съ необходимостію умереть, задрожалъ и совсѣмъ потерялъ разсудокъ. Исторія записала подробности предсмертной безсильной борьбы Нерона съ грозной необходимостью. Доведенный до крайности, Римъ возсталъ противъ изверга. Спасаясь отъ руки мстителей, онъ бѣжалъ въ загородный домъ своего любимца, отпущенника Фаона. Дорогой кто-то узналъ бѣглеца, онъ едва не лишился чувствъ отъ ужаса. Когда до дома отпущенника осталось нѣсколько десятковъ саженъ, Неронъ дѣлаетъ совершенно безполезныя вещи. Чтобы скрыть отъ враговъ свое убѣжище, онъ вмѣстѣ съ Фаономъ ползкомъ, то и дѣло раня себя колючими кустарниками, добирается до заднихъ частей дома. Неронъ боялся разбудить рабовъ и отказался входить воротами. Отпущенникъ принужденъ былъ сдѣлать подкопъ подъ одну изъ стѣнъ, чтобы дать возможность императору проникнуть во дворъ. Въ ожиданіи конца работы Неронъ прилегъ на плащъ отдохнуть, попробовавъ сначала освѣжить себя глоткомъ грязной воды, которую зачерпнулъ горстью изъ лужи; ползкомъ пробравшись затѣмъ черезъ подкопъ, императоръ въ изнеможеніи повалился на первую попавшуюся постель, на которой ничего не было кромѣ гнилой соломы. Фаонъ предложилъ ему немного воды и хлѣба, вода была тепла, хлѣбъ былъ гнилой. Неронъ выпилъ воды, но ѣсть отказался. Между тѣмъ убѣжище не спасло императору жизни. Ускользнувъ изъ Рима, онъ только развязалъ руки врагамъ, которые стали дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе. Приходилось умирать, но надо было выбирать между позорной смертью по суду, т.-е. казнью, и самоубійствомъ. Достоинство императора требовало, по понятіямъ вѣка, послѣдняго. Какая тяжелая, мучительная обязанность собственноручно вырвать жизнь, когда отъ нея еще можно было взять такъ много. Императоръ былъ жалокъ. Онъ началъ безполезно тянуть время. Было отдано приказаніе вырыть могилу, и Неронъ, глядя на собственное подземное жилище, обливался слезами. Но ничто не могло остановить времени — могилу приготовили. Тогда Неронъ приказалъ выложить ея внутренность мраморомъ, положить дровъ и поставить воды, какъ того требовалъ обычай, а самъ продолжалъ плакать, отъ времени до времени восклицая: «боги, какой артистъ погибаетъ во мнѣ!» Разстаться съ жизнью онъ все еще не былъ въ силахъ. Въ это время томительнаго колебанія изъ Рима пришло письмо, въ которомъ говорилось, что Неронъ приговоренъ къ казни «по обычаю предковъ». Когда ему растолковали, въ чемъ состоитъ эта постыдная казнь, онъ, наконецъ, рѣшился вспомнить о двухъ кинжалахъ, которые захватилъ съ собою изъ Рима, и сталъ пробовать ихъ лезвіе. Но покончить съ жизнью ему казалось еще рано, и онъ отложилъ ихъ въ сторону. Мужество совсѣмъ покинуло Нерона. Смертельная тоска давила его душу, и онъ просилъ своего спутника Спора стонать и плакать, жаловался, что никто не хочетъ показать ему примѣръ самоубійства, и, наконецъ, началъ проклинать свою гнусную жизнь, желая тѣмъ вынудить послѣднее усиліе воли, а, между тѣмъ, воля по-прежнему бездѣйствовала. Раздался конскій топотъ — то мчались всадники съ приказаніемъ отъ новаго императора схватить прежняго. Неронъ понялъ значеніе этихъ звуковъ и, поколебавшись немного, приставилъ кинжалъ къ горлу. Но осужденный императоръ былъ въ силахъ сдѣлать только неглубокій надрѣзъ, и посланные могли застигнуть его еще живого: чужая рука освободила его отъ этого позора. Одинъ изъ отпущенниковъ надавилъ кинжалъ, послѣ чего онъ додѣлалъ начатое. — Такъ разставался съ жизнью тотъ, кто видѣлъ въ ней все, и для кого она кончалась вслѣдъ за послѣднимъ вздохомъ.

Если мы сопоставимъ другъ съ другомъ приведенные примѣры различной встрѣчи смертнаго часа, то ясно будетъ, какому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Наше сочувствіе несомнѣнно остановится на Сократѣ, какъ на представителѣ человѣчества, вѣрившаго въ безсмертіе души. Только между такими людьми и можетъ быть спокойное, безбоязненное отношеніе къ смерти.

Но если даже язычнику надежда загробной жизни могла внушить безбоязненное отношеніе къ смерти, то христіанину вѣра въ безсмертіе даетъ кончину умиротворенную.

Исторія христіанской церкви изобилуетъ примѣрами умиротворенной кончины, и замѣчательно, чѣмъ несправедливѣе и ужаснѣе является, на нашъ взглядъ, смерть истиннаго христіанина, тѣмъ больше въ самомъ умирающемъ вызываетъ она радости и успокоенія. Обратимся къ тѣмъ мрачнымъ временамъ, когда христіанству приходилось проникать въ человѣчество труднымъ, кровавымъ путемъ, рѣчь идетъ о временахъ гоненія. Изъ множества случаевъ ужасной мученической кончины христіанъ этого времени остановимся на самомъ, кажется, ужасномъ — на смерти Перепетуи. Эта женщина была привязана къ жизни

всѣми нитями, какія только возможны для человѣческой природы, и многія изъ нихъ самыя чувствительныя. Она была дочь богатаго отца, стало-быть, ей совершенно была неизвѣстна нужда и бѣдность, которыя способны на половину уронить цѣну жизни. То обстоятельство, что семейство, изъ котораго происходила она, принадлежало къ знатному роду, еще болѣе должно было усиливать прелесть жизни: какъ благородная, Перепетуя занимала, несомнѣнно, видное положеніе въ обществѣ и пользовалась уваженіемъ окружавшихъ. Правда, въ жизни Перепетуи были не одни ясные дни: Провидѣніе опредѣлило ей испытать радости счастливой супружеской жизни, но на короткое время — двадцати двухъ лѣтъ отъ роду оно была уже вдовой. Однако, кто бы могъ подумать, что изъ ранняго вдовства Перепетуи рождалась новая потребность жизни: она была матерью единственнаго дитяти, что не только являлось утѣшеніемъ въ потерѣ мужа, но и съ избыткомъ вознаграждало за нее. Ко всему этому нужно присоединить еще образованность, красоту, молодые годы и заботливую нѣжность отца, который до замужества отличалъ свою дочь особенною любовію, и теперь, послѣ понесеннаго ею несчастія, удвоилъ ее.

Перепетуя только что приняла христіанство, т.-е. послѣдовала ученію, которое навлекло преслѣдованіе властей и злобное презрѣніе со стороны общества и даже нерѣдко близкихъ родныхъ. Въ такомъ положеніи застигъ ее указъ императора Севера 202 года, и Перепетуя, въ числѣ многихъ другихъ, должна была умереть. Она взята была подъ стражу и заключена въ тюрьму. Нужно знать языческую тюрьму, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, что должны были испытывать заключенные.

Языческое общество не знало состраданія, столь свойственнаго христіанамъ. Если не было особенной какой-нибудь причины щадить арестованнаго, то его бросали въ ужасную темницу, которая нерѣдко находилась подъ землею. Ни свѣтъ, ни свѣжій воздухъ не проникали туда. Тамъ заключенныхъ часто томили голодомъ и жаждою. Тяжелое впечатлѣніе произвела тюрьма на юную исповѣдницу.

— Я ужаснулась, — говоритъ она. — Прежде я никогда не была въ такой темнотѣ. Тяжелый день. Страшная жара отъ множества заключенныхъ, жестокое обращеніе солдатъ и, наконецъ, мучительная тоска о моемъ ребенкѣ!

Церковь дѣлала все, что могла, для того, чтобы облегчить участь заключенныхъ. Это ей нерѣдко удавалось, благодаря подкупности тюремныхъ сторожей. Можетъ-быть, и сами языческія власти смотрѣли сквозь пальцы на сношенія христіанъ, оставшихся на свободѣ, съ своими заключенными братьями, надѣясь, что ласки и услуги родственниковъ и друзей смягчатъ упорство заключенныхъ.

Посѣтили вѣрующіе и Перепетую, тосковавшую болѣе всего о своемъ младенцѣ. Діаконы купили ей большую свободу, она могла нѣсколько часовъ въ день проводить въ болѣе удобномъ мѣстѣ и поспѣшила воспользоваться этимъ облегченіемъ для того, чтобы кормить грудью свое дитя. Такъ прошло нѣсколько времени. Наконецъ, ей позволено было взять свое дитя въ тюрьму.

— Темница теперь стала для меня дворцомъ, — говорила обрадованная мать, лаская своего малютку.

Какая мать не пойметъ этой радости!

Однажды среди мертвой тишинѣ темницы, Перепетуя забылась сномъ, и вотъ видитъ она во снѣ золотую лѣстницу, достигающую до самаго неба. Но эта лѣстница была такъ узка, что только одному можно было всходить по ней. По бокамъ лѣстницы находились разнаго рода орудія пытки, а внизу, у первой ступеньки, лежало страшное чудовище, которое грозило пожрать всякаго, кто осмѣлился бы приблизиться къ нему. Она устремляетъ свои взоры наверхъ — и тамъ, среди отверстаго неба, видитъ своего брата Сатура, который въ то время еще не былъ схваченъ, но потомъ добровольно предалъ себя. Взоры сестры и брата, смотрѣвшаго внизъ, встрѣтились...

— Перепетуя, я жду тебя, — восклицаетъ Сатуръ. — Но смотри, чтобы чудовище не повредило тебѣ.

— Во имя Господа Іисуса Христа, — отвѣчаетъ Перепетуя, — оно не сдѣлаетъ мнѣ никакого вреда.

Чудовище, какъ бы страшась всходившей по лѣстницѣ, медленно и грозно поднимаетъ свою голову, Перепетуя безъ малѣйшаго колебанія всходитъ на первую ступеньку и раздробляетъ голову врагу. Она поднимается все выше и выше и, наконецъ, достигаетъ до самаго неба. Здѣсь, предъ ея взорами разстилается на необозримое разстояніе садъ, посреди котораго сидитъ Старецъ съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами, весьма большого роста. На Немъ была надѣта одежда пастыря стадъ, и Онъ доилъ Своихъ овецъ. Вокругъ Него стояли многія тысячи одѣтыхъ въ бѣлыя блестящія одежды. Онъ обратилъ на Перепетую благосклонный взоръ и сказалъ:

— Здравствуй, дочь Моя!

Затѣмъ Онъ позвалъ ее къ Себѣ и подалъ кусокъ сыру, приготовленнаго Имъ Самимъ. Она приняла его съ благоговѣніемъ и стала ѣсть, и всѣ стоявшіе кругомъ воскликнули:

— Аминь!

Во время этого восклицанія, Перепетуя пробуждается, продолжая ощущать невыразимую пріятность райскаго вкушенія.

Такъ, подкрѣпившись свыше, св. мученики и во мракѣ тюрьмы почерпали небесную радость.

Но гораздо опаснѣе и страшнѣе, чѣмъ всѣ лишенія заключенія, были увѣщанія и просьбы родныхъ-язычниковъ, обращенныя къ исповѣдни-

камъ. Оригенъ говоритъ, что мученичество тогда достигаетъ своей вершины, когда нѣжнѣйшія просьбы родныхъ соединяются съ насиліемъ мучителей для того, чтобы поколебать мужество исповѣдниковъ. «Если мы,— говоритъ онъ,— въ продолженіе всего времени испытанія не допустили діаволу внушить намъ духъ слабости и колебаній, если мы перенесли всѣ ругательства, всѣ мученія отъ нашихъ противниковъ, всѣ ихъ насмѣшки и оскорбленія, наконецъ, перенесли состраданіе и мольбы нашихъ родныхъ, называвшихъ насъ глупыми и безсмысленными, если, наконецъ, ни любовь дорогой супруги, ни милыхъ дѣтей не убѣдили насъ дорожить этой жизнью, если, напротивъ, отрѣшившись отъ всѣхъ земныхъ благъ, мы вполнѣ предались Богу и жизни, отъ Него исходящей, только тогда мы достигли высшаго совершенства, высшей степени мученичества». Да, любовь къ роднымъ была однимъ изъ величайшихъ испытаній для мучениковъ. Мученики церкви не были людьми, заглушившими въ себѣ все человѣческое въ угоду любимой идеѣ. Но мученикамъ приходилось разрывать самыя близкія узы родства, какъ скоро онѣ становились въ противорѣчіе съ высшимъ закономъ человѣческой совѣсти. На этотъ разъ послѣдователи Христа должны были представить своимъ поведеніемъ и выразить истину словъ Господа: «Аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестры, еще же и душу свою, не можетъ быти Мой ученикъ».

Вотъ предъ нами глубоко трогательное зрѣлище. Въ темницу къ дочери является престарѣлый отецъ. Перепетуя должна вынести сильнѣйшія испытанія. Отецъ истерзался отъ душевныхъ мукъ, онъ уже но приказываетъ, нѣтъ, — онъ проситъ, умоляетъ, наконецъ, бросается на колѣни предъ дочерью...

— Дитя мое! Умилосердись надъ моею сѣдиной, пожалѣй своего отца, если я еще достоинъ этого имени... Вспомни, какъ я носилъ тебя на рукахъ своихъ, какъ лелѣялъ тебя, пока ты не расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ, какъ я всегда предпочиталъ тебя твоимъ братьямъ; не сдѣлай меня предметомъ поруганія... посмотри на свою мать, братьевъ, сына, которому не жить безъ тебя... Не дѣлай насъ несчастными!

И несчастный отецъ снова бросается предъ дочерью, называетъ ее своей царицей, госпожей, снова цѣлуетъ и обливаетъ слезами ей руки.

Съ невыразимой тоской смотритъ мученица на отца. Но лучъ рѣшимости, покорности волѣ Божіей снова блеститъ во взорѣ.

— Батюшка, все случится по волѣ Божіей. Наша жизнь не въ нашей власти, мы всѣ въ рукѣ Божіей.

Открывается судъ надъ заключенными, является проконсулъ. Кругомъ громадная толпа окружаетъ свои жертвы, какъ бы сторожитъ ихъ, опасаясь, чтобы онѣ не исчезли изъ ея кровожадныхъ рукъ. Наступаетъ рѣшительная минута. Отецъ съ младенцемъ на рукахъ протискивается сквозь толпу и снова является предъ дочерью.

— Пожалѣй своего ребенка,—восклицаетъ онъ раздирающимъ душу голосомъ.

Но тутъ не мѣсто для родственныхъ увѣщаній. Заключенные предъ лицомъ власти. Проконсулъ даетъ знакъ, и солдаты палками гонятъ несчастнаго отца съ его внукомъ. «Скорбью пронзилось мое сердце, — пишетъ Перепетуя, — какъ будто мнѣ самой наносили удары, мнѣ больно было видѣть несчастнаго старца».

Теперь прокураторъ обращается къ мученицѣ.

— Пощади сѣдину отца, сжалься надъ своимъ ребенкомъ, принеси жертву цезарю.

— Ни за что на свѣтѣ!

— Итакъ, ты—христіанка?

— Да, я—христіанка.

Вотъ сущность допроса. Больше ничего не нужно. Отвѣтъ полученъ утвердительный, преступленіе доказано. Теперь долженъ состояться приговоръ. Перепетуя была приговорена на съѣденіе дикимъ звѣрямъ въ ближайшіе праздники.

По старинному обычаю, тѣмъ, которые осуждены были на съѣденіе звѣрей, наканунѣ смерти готовили пиршество. Еще одинъ разъ, послѣдній разъ въ жизни они могли воспользоваться свободой и насладиться дарами жизни. Перепетуя и ея осужденные товарищи по темничному заключенію, мужчины и женщины, отправляли вечерю любви, агапу, и своды мрачной темницы оглашались гимнами въ честь Христа.

Наконецъ, насталъ послѣдній день. Но христіане отправились изъ темницы какъ будто не на смертную казнь, но на небо, съ такимъ спокойствіемъ и достоинствомъ шли они изъ темницы къ амфитеатру [1]); и хотя они дрожали, но не отъ страха, а отъ восхищенія. Когда они приблизились къ воротамъ, хотѣли принудить ихъ надѣть другія платья: на мужчинъ красныя мантіи жрецовъ Сатурна, на женщинъ — бѣлыя повязки жрицъ Цереры. Это были остатки кроваваго пуническаго культа Ваала. Но Перепетуя отъ лица всѣхъ остальныхъ возстала противъ этого.

— Мы добровольно пришли сюда не для того, чтобы быть лишенными своей свободы; мы своей жизнью жертвуемъ для того, чтобы не испытывать ничего подобнаго.

Войдя въ амфитеатръ, осужденные обратились къ народу и указывали на судъ Божій. Раздраженный этимъ народъ потребовалъ, чтобы ихъ бичевали, и это кровожадное требованіе было исполнено, но страдальцы радовались, что Господь удостоилъ ихъ этой части Своихъ страданій.

Мужчинъ отдали на съѣденіе леопардовъ, медвѣдей и дикихъ звѣрей. Перепетуя и ея подруга Фелицитата должны были подвергнуться растерзанію отъ дикой коровы. Съ нихъ сняли ихъ

[1]) Мѣсто, гдѣ давались зрѣлища.

платье и надѣли сѣть. Но ихъ стыдливость произвела впечатлѣніе даже на эту толпу, сошедшуюся для кроваваго зрѣлища. На нихъ снова надѣли одежду. При первомъ ударѣ животнаго, Перепетуя упала навзничъ. Но такъ какъ болѣе всего она опасалась, чтобы не раскрылось ея платье, то поспѣшила закрыться, думая болѣе о цѣломудріи, чѣмъ о мукахъ. Она старалась завязать и прибрать свои волосы, ей не хотѣлось страдать съ распущенными волосами: это знакъ печали, а не радости и торжества. Потомъ она поднялась, подошла къ своей сестрѣ по страданіямъ, Фелицитатѣ, подала ей руку, и обѣ вновь стояли твердо и спокойно.

Толпа увидѣла себя побѣжденной, и обѣ подвижницы были отведены назадъ изъ амфитеатра. Здѣсь принялъ Перепетую въ свои объятія одинъ изъ оглашаемыхъ, Рустикъ; она приходила въ сознаніе какъ бы послѣ самаго глубокаго сна. Потомъ, къ великому удивленію присутствовавшихъ, спросила: когда ее поставятъ противъ дикой коровы? И когда ей сказали, что это уже было, она не хотѣла вѣрить, пока не увидѣла слѣдовъ на своемъ тѣлѣ и одеждѣ. Затѣмъ, обратясь къ присутствующимъ, произнесла слѣдующія слова:

— Будьте тверды въ вѣрѣ, любите другъ друга, наши страданія да не устрашаютъ васъ.

По обыкновенію, гладіаторы убивали тѣхъ, которые оставались живыми послѣ звѣрей. Перепетую долженъ былъ убить молодой, еще неопытный гладіаторъ. Рука гладіатора, дѣлая непривычное движеніе, дрогнула, и его мечъ далъ промахъ, тогда мученица сама помогла юношѣ нанести себѣ смертельный ударъ.

Смерть Перепетуи представляетъ образецъ христіанской кончины, замѣчательной по той широтѣ земныхъ, житейскихъ отношеній, какія она обнимала собой. Въ лицѣ этой мученицы разставалась съ жизнью молодость, мать, дочь, счастливая гражданка, наконецъ, женщина, которой улыбались всевозможныя земныя радости. Сколько поводовъ заключалось во всемъ этомъ къ сѣтованію, къ жалобамъ на судьбу, къ ужасу передъ преждевременной смертью. Но Перепетуя ни разу не пожалѣла о жизни, и это происходило не изъ равнодушія къ бѣдствію или какого-нибудь отвлеченнаго философскаго вдохновенія,—нѣтъ, своимъ отношеніемъ къ сыну и отцу она показала, что ей были вполнѣ свойственны нѣжныя чувства матери, дочери и, наконецъ, вообще, мягкія стороны человѣческой природы. Разгадка ея спокойной, даже радостной кончины заключается въ томъ, что она была христіанкой, т.-е. носила въ себѣ божественную благодать и умирала съ вѣрой въ Бога и надеждой на безконечное блаженство въ загробной жизни (см. «Странникъ» за 1894 г., іюнь).

I. Самобытность (независимость отъ философіи) христіанскаго догмата о безсмертіи души.

Было бы безуміемъ серьёзно думать, что то немногое, слабое и колеблющееся, что сказалъ греч. философъ Платонъ о душѣ, и въ истинѣ чего прежде всего усумнился онъ самъ, могло лечь въ основу великаго христіанскаго ученія о безсмертіи души, какъ нѣкоторые думаютъ.

Что даровало человѣчеству христіанство своимъ ученіемъ о безсмертіи?

1. Господь силою Своего всемогущества сотворилъ человѣка состоящимъ изъ души и тѣла и предназначилъ его къ безсмертію.

2. Человѣкъ сотворенъ свободнымъ, вслѣдствіе чего онъ отвѣтственenъ за свои поступки.

3. Злоупотребивъ своею свободою, человѣкъ палъ и тѣмъ исказилъ свою природу, слѣдствіемъ чего была смерть, сдѣлавшаяся общимъ достояніемъ всего живущаго.

4. По закону смерти, тѣло разрушается, разлагаясь на свои составныя части, и обращается во власть земныхъ стихій, душа же продолжаетъ свое бытіе, оставаясь сама собою, сохраняя свою личность и самосознаніе, и въ этомъ лежитъ ея безсмертіе.

5. Душа безсмертна не по природѣ своей, потому что единъ есть имѣяй безсмертіе Господь (1 Тим. VI, 16), но по милости и благости Божіей. Душа не есть жизнь, но только причастна жизни до тѣхъ поръ, пока угодно это Господу.

6. Разлученіе души отъ тѣла, причиняемое смертію, есть временное. Въ послѣдній день міра тѣло, умершее и разрушившееся, возстанетъ изъ праха и соединится съ своею душою.

7. Чудо воскресенія тѣла совершится Господомъ Іисусомъ Христомъ,—только Его всемогущею силою Божественною, которою совершено и Его собственное по плоти изъ мертвыхъ воскресеніе.

8. Животворящее дѣйствіе воскресенія простретсм на всѣхъ умершихъ праведниковъ и неправедниковъ. Коснется оно и тѣхъ, которыхъ пришествіе Господа застанетъ въ живыхъ. Въ этихъ послѣднихъ оно обнаружится особеннымъ измѣненіемъ ихъ тѣлеснаго организма.

9. По существу своему и основнымъ элементамъ воскресшія тѣла будутъ тѣ же самыя, которыя жили на землѣ, въ свойствахъ же своихъ и состояніи своемъ будутъ отличнѣйшія и превосходнѣйшія,—соотвѣтствующія духовной природѣ человѣка.

10. По мѣрѣ нравственнаго совершенства людей и тѣла воскресшія будутъ различны по своему достоинству.

11. Цѣль воскресенія есть требованіе высочайшей справедливости и правды. Такъ какъ тѣло есть существенная половина человѣческаго состава, то необходимо, чтобы оно раздѣлило послѣднюю судьбу человѣка. Итакъ, если душа будетъ на-

слаждаться блаженствомъ за добрыя дѣла, то необходимо, чтобы и тѣло раздѣляло съ нею это блаженство. Если же душа осудится на вѣчное мученіе за злыя дѣла, и тѣло должно участвовать въ немъ [1]).

На основаніи изложенныхъ выше положеній мы имѣемъ право сдѣлать такія заключенія.

1. Христіанское ученіе о безсмертіи не есть естественная эволюція ученія языческой философіи и въ частности платонизма.

2. Христіанское ученіе о безсмертіи есть истинно богооткровенное, во всей полнотѣ своей открытое Самимъ Господомъ.

Доказательства этихъ положеній слѣдующія:

1. Въ христіанскомъ ученіи есть моменты существенно новые, которыхъ нельзя вывести генетическимъ путемъ изъ предшествующихъ стадій развитія, потому что они отрицаютъ собою то, что имъ предшествовало. Сюда относятся: а) мысль о творчествѣ Божества, создавшаго все изъ ничего могуществомъ силы Своей, тогда какъ въ языческомъ міровоззрѣніи міръ совѣченъ Богу, или, что то же самое, міръ есть тотъ же богъ; б) душа человѣческая, какъ и весь міръ, сотворена Богомъ изъ ничего, и потому имѣетъ начало своего бытія; в) человѣкъ созданъ состоящимъ изъ души и тѣла, которыя въ своемъ дивномъ союзѣ составляютъ единую, нравственно-разумную, чувственно-духовную личность, при самомъ сотвореніи своемъ назначенную Господомъ къ блаженству и безсмертію, тогда какъ въ системѣ платонизма душа человѣка одна существуетъ отъ вѣчности, тѣло же дается ей случайно, временно, въ видѣ особаго наказанія; г) по ученію христіанскому, душа человѣческая наслѣдуетъ безсмертіе не въ силу своей безначальной природы, но по милости и благости Божіей, потому что одинъ только есть имѣяй безсмертіе — Господь (1 Тим. VI, 16); въ языческомъ же міровоззрѣніи души безсмертны по самой природѣ своей, какъ безначальныя; д) по ученію христіанскому, человѣческое тѣло вновь соединится съ своею душою и возстанетъ для жизни вѣчной и безсмертной, смотря по заслугамъ человѣка, по взгляду же языческому тѣло умретъ навѣки, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало; е) по ученію христіанскому, душа человѣка послѣ смерти тѣла сохраняетъ свою личность и самосознаніе, таковою же предстанетъ она и на судѣ и войдетъ въ жизнь вѣчную, въ системѣ же платонизма нѣтъ мѣста понятію о личности и индивидуальности, и безсмертіе, какое обѣщаетъ онъ, не есть безсмертіе личной, индивидуальной души, а безсмертіе рода, безсмертіе души міра, ибо человѣческая душа есть искра міровой души.

Итакъ, христіанское ученіе о безсмертіи, какъ не имѣющее для себя почвы въ предшествующихъ стадіяхъ развитія, есть даръ Божій, дѣло сверхъестественнаго Божественнаго Откровенія.

2. Христіанское ученіе о безсмертіи есть сверхъестественное, богооткровенное ученіе. Это видно еще изъ того высокаго, благотворнаго вліянія, какое оказываетъ оно на человѣка. Всѣ силы человѣческаго духа находятъ въ этомъ ученіи полное удовлетвореніе и успокоеніе. Его нравственное чувство удовлетворено обѣтованіемъ полнаго и справедливѣйшаго воздаянія, нелицепріятнаго и совершеннѣйшаго. Его сердцу обѣщано созерцаніе красоты совершеннѣйшей, предъ которой блѣднѣютъ радости здѣшней жизни. Уму человѣка обѣщано знаніе всеобъемлющее, вѣдѣніе самой истины полное и непосредственное. Всему самосознанію человѣка, какъ существа духовнаго и чувственнаго, какъ индивидуальной личности, свободной среди другихъ, и отличной отъ всѣхъ другихъ, для которой дорого все родное, свое, отличительное, выработанное собственною самодѣятельностію, усиліями своей воли и затратою лучшихъ силъ, — обѣтовано сохраненіе индивидуальности и личности, со всѣми дорогими для нея задатками и стремленіями. (Извлечен. въ сокращ. изъ журн. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г.)

К. Краткій критическій разборъ возраженій невѣрующихъ противъ истины безсмертія души.

1. Первичное основаніе для вѣрованія человѣчества въ безсмертіе души новѣйшая анимистическая гипотеза (во главѣ со Спенсеромъ) указываетъ въ томъ, что наружный видъ умершихъ людей, а также ихъ духовная физіономія, ихъ характеръ, ихъ образъ жизни и дѣятельности сохраняются въ представленіи и воспоминаніи живыхъ людей, близкихъ къ умершимъ. По временамъ же, какъ напримѣръ, во снѣ, умершіе являются предъ нами со всею опредѣленностью живыхъ существъ. Это именно, по предположенію названной гипотезы, и послужило начальною основою для того вѣрованія, что душа человѣческая безсмертна.

Но при всей кажущейся психологической естественности гипотеза эта страдаетъ однако же существеннымъ недостаткомъ въ томъ отношеніи, что ею не объясняется первоначальное происхожденіе самаго понятія о существованіи въ насъ души, какъ субстанціи отличной и отдѣльной отъ тѣла. Такое понятіе о душѣ не дается намъ образами умершихъ людей, представляемъ ли мы себѣ ихъ наяву или видимъ ихъ во снѣ. Какъ наяву, такъ и во снѣ мы не видимъ собственно душъ умершихъ людей. Въ воспоминаніяхъ на-

[1]) Существенные моменты христіанскаго ученія о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ признаны нами по руководствамъ: 1) Догматическое Богословіе Православной Каѳолической Восточной Церкви архим. Антонія; 2) Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка (О конечныхъ причинахъ). Ѳ. А. Голубинскаго. Третье дополненное изданіе. Москва. 1885 г.; 3) Опытъ православнаго Догматич. Богословія Епископа Сильвестра.

шихъ объ умершихъ и въ нашихъ сновидѣніяхъ воображеніе наше воспроизводитъ конкретные образы жившихъ нѣкогда людей въ ихъ тѣлесномъ видѣ, но отнюдь не ихъ души. Слѣдовательно, представленія живыхъ людей объ умершихъ, сами по себѣ, не могли еще дать первымъ твердой точки опоры для вѣры въ безсмертіе души.

Для того, чтобы притти къ мысли о томъ, что во время сновидѣній, въ которыхъ намъ представляются образы умершихъ людей, мы имѣемъ общеніе именно съ ихъ душами, *надобно предварительно имѣть уже понятіе о душѣ*, какъ о чемъ-то особенномъ, отличномъ отъ тѣла. Только имѣя это понятіе, мы можемъ толковать явленія намъ покойниковъ во снѣ въ смыслѣ явленія намъ ихъ душъ и дѣлать отсюда дальнѣйшее заключеніе о безсмертіи и неразрушимости души. Безъ этого же никакія сновидѣнія не могли бы привести людей къ вѣрѣ въ безсмертное назначеніе души и тѣмъ болѣе не могли бы сдѣлать эту вѣру всеобщимъ, твердымъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ человѣчества. Ежедневный опытъ каждаго удостовѣряетъ, что сонъ есть сонъ, а не дѣйствительность. Если даже допустить невѣроятное, что въ первобытномъ младенческомъ состояніи простоты и невѣдѣнія человѣкъ еще не догадывался, что сонъ отличается отъ дѣйствительности, то никакъ уже нельзя согласиться, что и при большей зрѣлости мысли человѣкъ продолжалъ оставаться въ этомъ заблужденіи и сохранять понятія, добытыя посредствомъ ложнаго толкованія сновъ. А между тѣмъ понятіе о безсмертіи души есть понятіе не однихъ необразованныхъ или дикихъ племенъ, но и высоко развитыхъ въ умственномъ отношеніи народовъ. Отсюда необходимо заключить, что оно произошло изъ болѣе прочныхъ и твердыхъ основъ, чѣмъ смутная и шаткая область сонныхъ грезъ и мечтаній.

Основы эти заключаются: а) въ самопознаніи и б) въ религіи, врожденныхъ человѣческому духу.

а) Человѣкъ, какъ есть полное основаніе утверждать, всегда, какъ и нынѣ, чувствовалъ въ себѣ единое внутреннее начало, управляющее разнообразными движеніями его тѣла. Если не въ формѣ яснаго понятія, то въ формѣ непосредственнаго ощущенія и первобытный человѣкъ долженъ былъ чувствовать и смутно сознавать невидимое начало, живущее въ видимой матеріальной оболочкѣ, т.-е., въ его тѣлѣ. Отсюда естественно произошло убѣжденіе, что кромѣ тѣла человѣкъ имѣетъ душу—сущность отличную отъ тѣла. Убѣжденіе это есть естественный плодъ личнаго самосознанія человѣка. Дикіе народы представляютъ себѣ душу въ видѣ тѣни, въ видѣ пара и подъ другими, болѣе или менѣе конкретными, образами, но во всякомъ случаѣ отличаютъ ее отъ тѣла, какъ нѣчто гораздо болѣе тонкое и ѳироподобное. Отсюда естественно произошло то воззрѣніе, что когда тѣло лишается оживляющаго его внутренняго начала, то это начало не разрушается подобно тѣлу и не превращается въ ничто, но отдѣляется отъ тѣла и въ видѣ легкой тѣни отлетаетъ въ неизвѣстную область. Отсюда и то представленіе, что души умершихъ могутъ являться живымъ людямъ во время сна. Представленіе это составляетъ послѣдствіе того убѣжденія, что у человѣка есть безсмертная душа, но не причину, породившую это самое убѣжденіе.

б) Уже одинъ тотъ фактъ, что вѣра въ безсмертіе человѣческой души у всѣхъ народовъ самымъ тѣснымъ образомъ соединяется съ религіею и составляетъ существенную составную часть почти всѣхъ исторически извѣстныхъ религій, указываетъ на то, что не только въ самосознаніи вообще, но именно въ религіозномъ сознаніи человѣка скрывается самый глубокій корень идеи безсмертія. Идея эта не безъ основанія признается болѣе глубокими мыслителями (Платономъ, Декартомъ и др.) врожденною человѣческому духу. По крайней мѣрѣ нельзя не признать, что она возникаетъ изъ глубочайшихъ, неоспоримо врожденныхъ человѣческому духу способностей: изъ самосознанія и религіознаго чувства. Религіозное убѣжденіе, что союзъ, соединяющій человѣка съ Богомъ, не можетъ расторгнуться и уничтожиться по смерти человѣка, но есть вѣчный союзъ, который долженъ продолжаться всегда, составляетъ самый вдохновляющій догматъ религіи, безъ котораго она не имѣла бы жизненной силы. Вѣра въ безсмертіе есть одно изъ исконныхъ вѣрованій въ человѣческомъ родѣ: она такъ же древня, какъ самъ человѣкъ и его религія. Эта вѣра, справедливо замѣчаетъ одинъ изъ древнихъ философовъ, существуетъ съ первобытныхъ временъ, и мы такъ же мало знаемъ о времени ея происхожденія, какъ и о томъ, кто первый пришелъ къ мысли о безсмертіи; вѣра эта сохраняется въ человѣческомъ родѣ съ незапамятнаго времени (Аристотель у Плутарха въ «Consolat. ad Appollon». n. 27). (Сн. «Христ. аполог.» Рожд. т. I, стр. 413—414).

2. Другіе мыслители оспариваютъ *самый фактъ всеобщности вѣры въ безсмертіе.*

Но оспаривать фактъ всеобщности вѣры въ безсмертіе—очень трудно. Нѣтъ ни одной религіи, которая не включала бы вѣру въ безсмертіе въ общую систему вѣрованій. Нѣтъ племени, даже самаго грубаго, у котораго не проявлялась бы она въ той или другой формѣ. Если и указываютъ на нѣкоторыхъ дикарей, не имѣвшихъ яко бы такой вѣры, то эти указанія дѣлаются обыкновенно на основаніи однихъ поверхностныхъ наблюденій со стороны путешественниковъ. Вотъ что пишетъ Людвигъ Каро по этому поводу. «Разсказы путешественниковъ, откуда почерпаются эти свѣдѣнія, очень иногда сомнительны. Если не вполнѣ вѣрными оказываются ихъ описанія

орудій, жилищъ, обычаевъ, племенныхъ особенностей и произведеній мѣстностей, то какъ осторожно должны мы принимать свидѣтельства о религіозномъ и моральномъ состояніи племенъ, посѣщаемыхъ ими! Эти идеи очень смутны и неясны въ самыхъ душахъ ихъ, да и высказываются онѣ ими на самыхъ бѣдныхъ и неразвитыхъ нарѣчіяхъ, а на языкѣ неразвитомъ трудно выражаются истины отвлеченныя, какъ бы просты онѣ намъ ни казались. Притомъ большая часть дикарей не любятъ, когда ихъ спрашиваютъ объ ихъ убѣжденіяхъ. Кажется, суевѣрныя мнѣнія дикихъ для нихъ дѣлаются болѣе страшными, когда они выражаютъ ихъ словами, и вмѣстѣ съ тѣмъ они боятся, чтобы насмѣшки бѣлыхъ людей не коснулись вѣрованій, которыми они дорожатъ всего болѣе» (Revue des deux mondes. 1875, 12. сн. «Кр. курсъ лекц. по пр. Богосл.» Прот. А. Кудрявцева, стр. 38).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЯВЛЕНІЯ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ ВО СНѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Жизнь души во снѣ.

1. **Могутъ ли души разумно сообщаться между собою во время сна?** [1]) Наука рѣдко отваживалась вторгаться въ таинственную область сновидѣній. Принято думать, что вполнѣ здоровый сонъ никогда сновидѣніями не сопровождается. Когда же мы видимъ сны, то это, согласно общепринятому мнѣнію, служитъ симптомомъ какого-нибудь физическаго разстройства. Печень наша, когда она удаляется отъ своей нормальной функціи, вторгаясь въ область сновидѣній, ей законно не подлежащую, дѣлается и поэтомъ, и ораторомъ, и любовникомъ, даже государственнымъ человѣкомъ. Недоваренныя овощи, слишкомъ поздній ужинъ, несвѣжій кусокъ мяса могутъ выпустить на волю этотъ органъ, что и обусловитъ фантасмагорію сновидѣній.

Но есть еще другой взглядъ на данный предметъ, которому наука не довѣряетъ, даже не берется его анализировать. Никакое органическое разстройство не могло дать Кондорсе во время его сна ключа къ рѣшенію трудной задачи, не дававшейся ему въ часы бодрствованія. Затрудненное пищевареніе могло бы, пожалуй, породить въ воображеніи Тартини звуки „Devil's sonat'ы", но ни въ какомъ случаѣ не внушило бы математику чего-либо новаго въ дифференціальномъ счисленіи. Если даже неправильное пищевареніе и владѣетъ неограниченными поэтическими возможностями для спящаго ума, то оно презираетъ во всякомъ случаѣ область точнаго мышленія и неспособно въ ней дѣйствовать.

Сэръ Бенжаменъ Броди, *Психологическія изслѣдованія* котораго представляютъ очень интересный и полезный вкладъ въ науку, съ принятой имъ на сновидѣнія точки зрѣнія считаетъ слишкомъ опрометчивымъ отвергать a priori всякую возможность иной функціи сна, кромѣ общеизвѣстной, т.-е. оживленія нашей мысли во время бодрствованія. Самъ лордъ Бэконъ признавалъ, что, хотя толкованіе сновъ и сопряжено съ многочисленными нелѣпостями, но нельзя отвергать возможности со временемъ найти въ нихъ доказательства существованія природнаго закона, о точномъ дѣйствіи котораго мы въ настоящую минуту не имѣемъ никакого понятія.

Размышленія эти внушены мнѣ однимъ страннымъ сновидѣніемъ, извѣстнымъ мнѣ изъ первыхъ рукъ, сновидѣніемъ, никакъ не подходящимъ, насколько я ихъ знаю, ни подъ одно изъ объясненій ни Карпентера, ни Броди.

1867 годъ былъ особенно веселымъ годомъ въ Европѣ, годомъ Парижской выставки. Политическія волны, взбаломученныя краткой, но важной по своимъ послѣдствіямъ Австро-Прусской кампаніей, улеглись; черныя тучи другой убійственной войны—Франко-Германской еще не надвигались; Европа пользовалась глубокимъ миромъ и праздновала его необычнымъ оживленіемъ всѣхъ своихъ водяныхъ мѣстечекъ и морскихъ купаній. Я никогда дотолѣ и послѣ не видалъ въ одинъ сезонъ такого множества американскихъ туристовъ, къ числу которыхъ принадлежало и наше небольшое общество, состоявшее, кромѣ меня, изъ двухъ джентльменовъ и ихъ женъ. Въ отелѣ Бауеръ, на Цюрихскомъ озерѣ, мы познакомились съ одной англичанкой, женою банкира въ Лемингтонѣ, сопровождаемой двумя дочерьми. Молодыя

[1]) Статья эта заимствована журналомъ «Light» изъ «Mind in nature» (Духъ въ природѣ).

дѣвушки были очень хорошо воспитаны, отличались умственнымъ развитіемъ и практическимъ здравымъ смысломъ. Мы очень быстро сблизились и рѣшились продолжать наше путешествіе вмѣстѣ. Проѣхавъ по берегамъ Рейна, мы завернули въ Эмсъ, чтобы пробыть тамъ недѣлю.

Эмсъ стоитъ на небольшой рѣчкѣ Ланнъ, притокѣ Рейна. Публичный садъ растянулся по ея берегу, бесѣдочки и живописные тѣнистые уголки, скрывающіе васъ отъ всѣхъ глазъ, наполняютъ его. Въ одномъ изъ этихъ уголковъ, пользуясь прелестнымъ августовскимъ утромъ, сидѣла одна изъ нашихъ молодыхъ лемингтонскихъ спутницъ съ романомъ въ рукахъ и крѣпко вздремнула. Ей приснился сонъ, который по своимъ страннымъ послѣдствіямъ и служитъ предметомъ настоящей статьи. Привидѣлась ей одна изъ ея подругъ, находившаяся въ то время въ сѣверной Италіи. Онѣ съ дѣтства знали другъ друга, были вмѣстѣ въ школѣ большими пріятельницами. Выѣхавъ вмѣстѣ изъ Англіи, онѣ разстались въ Кельнѣ: съ тѣхъ поръ не встрѣчались и даже, переѣзжая постоянно съ мѣста на мѣсто, не переписывались. Во снѣ отсутствующая подруга сѣла возлѣ дремавшей на ея лавочку и, по обычаю молодыхъ дѣвушекъ, начала тотчасъ же разсказъ обо всемъ съ ней случившемся со времени ихъ разлуки. Приключенія эти были очень интересны и произвели сильное впечатлѣніе на спавшую. Характерная подробность сна та, что видѣвшая его дѣвушка съ своей стороны ничего о себѣ подругѣ не разсказывала. Я встрѣтилъ ее въ саду тотчасъ же послѣ ея пробужденія; подъ впечатлѣніемъ своего сна, она подробно разсказала мнѣ его.

Недѣли черезъ двѣ-три, наше маленькое общество разсѣялось въ разныя стороны. Большинство вернулось въ Англію, я же съ однимъ изъ моихъ друзей и его женою отправился въ Миланъ. И вотъ, разъ, возвращаясь съ прогулки, я засталъ на терассѣ жену моего пріятеля въ живой бесѣдѣ съ незнакомой мнѣ молодой особой, которой она поспѣшила представить меня. Названная фамилія тотчасъ же напомнила мнѣ личность, которую наша эмская спутница видѣла во снѣ. Когда вечеромъ мы разговорились въ общемъ салонѣ съ миссъ Р., она, дѣйствительно, оказалась ея школьной подругой и очень обрадовалась вѣстямъ, которыя я могъ сообщить ей о ея другѣ. Открытіе это тотчасъ же настолько сблизило насъ, что я рѣшился немедленно разсказать ей о странномъ снѣ, дѣйствующимъ лицомъ котораго была она. Прежде чѣмъ я кончилъ свой разсказъ, лицо ея выразило живѣйшее удивленіе. „Какъ это странно“, воскликнула она и, извинившись передо мною, поспѣшно вышла изъ комнаты. Вернулась она минутъ черезъ пять съ небольшимъ портфелемъ въ рукахъ и, открывъ его, показала мнѣ нѣсколько десятковъ исписанныхъ почтовыхъ листковъ, служившихъ ей нѣкотораго рода дневникомъ. При этомъ она объяснила, что разсказанный мною сонъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ея собственному. Въ тотъ же день и часъ, когда подруга ея задремала въ саду на берегахъ Ланна, она тоже заснула и видѣла сонъ. И что въ высшей степени замѣчательно, оба сна буквально подтверждаютъ другъ друга. Ей снилось, что она сидитъ рядомъ съ подругой и разсказываетъ ей о своемъ путешествіи, разсказываетъ все, что та слышала во снѣ и сообщала мнѣ въ Эмсѣ, причемъ миссъ Р. вѣрно описала бесѣдку, въ которой сидѣла ея подруга съ книгой въ рукахъ, костюмъ ея, даже бывшую на ней шляпку, и затѣмъ, отыскавъ въ портфелѣ запись того дня, показала мнѣ ее съ малѣйшими подробностями словъ и обстановки, мною слышанными въ Эмсѣ.

Впослѣдствіи мнѣ удалось убѣдиться, что подруги, дѣйствительно, не переписывались и не имѣли никакихъ сообщеній между собою со времени этого сна и до моей встрѣчи съ миссъ Р. въ Миланѣ. Въ странномъ случаѣ этомъ не было и не могло быть никакой поддѣлки; стало быть, единственный изъ него выводъ, это—возможность для двухъ человѣческихъ существъ имѣть во снѣ сообщеніе другъ съ другомъ, несмотря ни на какое разстояніе, ихъ раздѣляющее. („Light“, № 307, сн. „Ребусъ“, 1887 г., № 46).

2. **Гипнагогическія галлюцинаціи**. Гипнагогическими называются тѣ галлюцинаціи, которыя являются въ промежутокъ времени, предшествующій глубокому сну или полному пробужденію. Всѣмъ знакомо промежуточное состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, когда мы сознаемъ еще свое бытіе, но чувства приносятъ намъ только смутныя впечатлѣнія изъ окружающаго міра, воля не дѣйствуетъ, всякое движеніе становится почти невозможнымъ. Это—такъ сказать, среда гипнагогической галлюцинаціи, моментъ, наиболѣе благопріятствующій ея появленію. Въ ней принимаютъ участіе почти всѣ чувства.

Зрѣніе. „Однажды, — говоритъ д-ръ Симонъ,—послѣ обѣда у друга, гдѣ я сидѣлъ рядомъ съ дамой, наружность которой произвела на меня сильное впечатлѣніе, я увидѣлъ вечеромъ фигуру этой дамы въ гипнагогической галлюцинаціи. Образъ былъ очень отчетливъ. Скоро однако же нижняя часть лица стушевалась, я видѣлъ только

верхнюю его половину, потомъ и она поблѣднѣла и исчезла.

Иногда галлюцинаторный образъ исчезаетъ путемъ метаморфозы. Части фигуры мѣняются въ цвѣтѣ, въ отдѣльныхъ мѣстахъ ея очерчиваются новыя формы, и прежній образъ уступаетъ мѣсто новому видѣнію.

Видѣнія, входящія въ составъ гипнагогическихъ галлюцинацій, большею частью состоятъ изъ человѣческихъ фигуръ различной величины, воспроизводимыхъ памятью или создаваемыхъ воображеніемъ. Но довольно часто въ гипнагогическихъ галлюцинаціяхъ представляются и *неодушевленные предметы*. Мори разсказываетъ, что въ Барцелонѣ гипнагогическая галлюцинація была только частичнымъ воспроизведеніемъ видѣннаго имъ въ тотъ день ландшафта—ему представился домъ въ кварталѣ Барцелонета. Тотъ же авторъ передаетъ, что въ Эдинбургѣ, Мюнхенѣ, Брестѣ гипнагогическія галлюцинаціи воспроизводили передъ нимъ пейзажи окрестностей этихъ городовъ.

Я,—говоритъ д-ръ Симонъ,—помню одну гипнагогическую галлюцинацію такого рода. Вечеромъ на меня произвелъ сильное впечатлѣніе видъ зеркальной, сверкающей поверхности Роны, на которую косвенно падали солнечные лучи. Въ слѣдующую же ночь, незадолго до пробужденія я увидѣлъ чудный дворецъ, всѣ колонны, стѣны, кровли котораго сверкали блескомъ, доставившимъ мнѣ такое наслажденіе наканунѣ. Здѣсь на цѣлый образъ была перенесена особенность, ему несвойственная.

Чаще всего гипнагогическая галлюцинація бываетъ только зрительная. Мы видимъ образъ, позирующій передъ нашими глазами болѣе или менѣе продолжительное время и затѣмъ исчезающій.

Слухъ. Слуховая гипнагогическая галлюцинація, являясь сравнительно съ зрительной галлюцинаціей гораздо рѣже, встрѣчается тѣмъ не менѣе довольно часто. Въ однихъ случаяхъ она состоитъ изъ простыхъ шумовъ, въ другихъ — изъ членораздѣльныхъ звуковъ. Въ послѣднемъ случаѣ это обыкновенно — краткія слова. Лицо, у котораго является галлюцинація этого рода, слышитъ, что кто-то его зоветъ. Въ другихъ случаяхъ слышатся смутные голоса, произносимыхъ ими словъ нѣтъ возможности разобрать, но слуховое впечатлѣніе вполнѣ отчетливо.

Что касается до шумовъ, то они, понятно, могутъ быть крайне разнообразны. Въ однихъ случаяхъ это будутъ пистолетные выстрѣлы, въ другихъ — крики, звукъ колокольчика. Одинъ студентъ, подверженный гипнагогическимъ галлюцинаціямъ, разсказывалъ, что нѣсколько разъ онъ слышалъ, засыпая, звонокъ колокольчика. Ощущеніе было настолько отчетливо и сильно, что онъ не разъ полагалъ, что кто-то, дѣйствительно, звонитъ, и вставалъ отперетъ дверь.

Иногда звуки представляются болѣе связными. Раздаются мелодіи, воспроизводятся музыкальныя фразы, слышанныя въ состояніи бодрствованія. Мори разсказываетъ, что послѣ вечера, проведеннаго имъ у Поля Делароша, на которомъ одинъ изъ величайшихъ французскихъ композиторовъ, Амбруазъ Тома, сыгралъ нѣсколько пьесъ на фортепіано, онъ вечеромъ, засыпая, слышалъ нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ. Въ другомъ случаѣ тотъ же авторъ услышалъ мелодію, которую днемъ наигрывалъ слѣпой на дудкѣ. Оба эти факта показываютъ, что въ просонкахъ ряды слуховыхъ образовъ могутъ быть вполнѣ связаны и послѣдовательны. Но такія, нѣсколько сложныя, галлюцинаторныя воспріятія рѣдки.

Зрительныя гипнагогическія галлюцинаціи, подобно образамъ сновидѣнія, часто возникаютъ подъ вліяніемъ чувственныхъ впечатлѣній или возбужденій органическаго характера. Едва ли не излишне упоминать, что выводъ, оказавшійся вѣрнымъ для зрительныхъ образовъ, остается вѣрнымъ и для слуховыхъ фантастическихъ образовъ. Не предполагая входить въ обстоятельное разсмотрѣніе вопроса, ограничимся однимъ примѣромъ такого происхожденія слуховыхъ гипнагогическихъ галлюцинацій.

Однажды вечеромъ, прежде чѣмъ лечь спать, я случайно вдохнулъ амміачные пары, дыхательные пути были раздражены, но кашля не было. Засыпая съ чувствомъ нѣкотораго стѣсненія дыханія, я скоро услышалъ въ гипнагогической галлюцинаціи частый кашель. Сознаніе мое было еще настолько ясно, что я могъ признать раздавшіеся въ моихъ ушахъ звуки за явленіе галлюцинаторное.

Вкусъ. Гипнагогическія галлюцинаціи вкуса и обонянія довольно рѣдки. Вкусовая галлюцинація состоитъ въ воспроизведеніи вкусового впечатлѣнія, воспринятаго большею частью незадолго до появленія галлюцинаторнаго образа. Часто она бываетъ связана съ особымъ состояніемъ пищеварительныхъ путей. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ она, по видимому, зависитъ исключительно отъ сосредоточенія мысли на извѣстномъ предметѣ. Такъ, Мори передаетъ, что, путешествуя по Испаніи, онъ однажды вечеромъ передъ сномъ почувствовалъ во рту вкусъ прогорклаго масла, хотя ему не случалось ѣсть приготовленныхъ на немъ блюдъ. Легендарная, въ настоящее время можетъ-быть ни на чемъ не основанная, репутація испанской кухни вызвала, очевидно, у путешественника это мнимо-ощущеніе.

Все, сказанное о происхожденіи вкусовыхъ галлюцинацій, относится и къ галлюцинаціямъ обонятельнымъ. Эти галлюцинаціи часто стоятъ въ очевидной связи съ различными органическими состояніями, точно также онѣ могутъ возникать или отъ сосредоточенія мысли на извѣстномъ предметѣ, или подъ вліяніемъ недавняго воспріятія. Я зналъ одну особу, часто ощущавшую въ гипнагогической галлюцинаціи запахъ дыма въ своей спальнѣ. Частое появленіе у нея этого мнимо-ощущенія очень просто объясняется тѣмъ, что она чрезвычайно боялась пожара. Макаріо сообщаетъ, что одна дама, страдавшая жестокой коликой, ощущала въ гипнагогической галлюцинаціи запахъ чеснока—здѣсь мнимо-ощущеніе тѣсно связано съ органическимъ страданіемъ.

Замѣтимъ, что вкусовыя и обонятельныя галлюцинаціи, въ виду недостаточной опредѣленности вкусовыхъ и обонятельныхъ образовъ вообще, трудно поддаются анализу.

Осязаніе. Мори утверждаетъ, что гипнагогическихъ осязательныхъ галлюцинацій не существуетъ. Я (д-ръ Симонъ) не могу присоединиться къ этому мнѣнію. Неоднократно мнѣ приходилось наблюдать галлюцинаціи этого рода у самого себя. Не подлежитъ сомнѣнію, что сравнительно съ зрительными галлюцинаціями онѣ встрѣчаются гораздо рѣже, но онѣ не уступаютъ въ частотѣ появленія галлюцинаціямъ другихъ чувствъ. Было бы даже странно, если бы чувство осязанія сравнительно съ другими чувствами рѣже давало поводъ къ возникновенію тѣхъ регрессивныхъ воспріятій, которыя и составляютъ сущность галлюцинаціи. Напротивъ того, есть основанія думать, что осязательныя гипнагогическія галлюцинаціи признаются рѣдкими только потому, что многіе факты, отнесенные къ явленіямъ иной категоріи, не были достаточно внимательно и серьёзно анализированы.

Брилья-Саваренъ [1]) описалъ одно пріятное ощущеніе, испытанное имъ во время сна, въ которомъ однако же легко признать гипнагогическую галлюцинацію. „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—говоритъ этотъ авторъ,—я во время сна испыталъ ощущеніе, доставившее мнѣ необычайное наслажденіе. Оно состояло въ нѣжномъ и удивительно пріятномъ сотрясеніи всего моего существа. Что-то, какъ будто щекотаніе кожи всего моего тѣла съ головы и до ногъ, проникало до мозга моихъ костей. Вокругъ головы у меня было какъ бы фіолетовое пламя.

Состояніе это, которое я отчетливо сознавалъ, продолжалось, по крайней мѣрѣ, полминуты, и я проснулся изумленный, слегка испуганный“.

Привожу это наблюденіе, чтобы показать, какъ часто галлюцинаціи общаго чувства могутъ быть невѣрно истолкованы. Я имѣлъ однако же въ виду другіе факты, говоря, что есть явленія, оказывающіяся при тщательномъ изслѣдованіи несомнѣнными гипнагогическими галлюцинаціями, хотя обыкновенно ихъ относятъ къ явленіямъ иной категоріи. Это—тѣ въ высшей степени любопытныя ощущенія, частью патологическаго свойства, но являющіяся и въ нормальномъ состояніи, совокупность которыхъ получила наименованіе *нервнаго головокруженія.*

Нервное головокруженіе является въ крайне разнообразныхъ видахъ, какъ въ болѣзненномъ, такъ и въ физіологическомъ состояніи. Я займусь здѣсь исключительно той его формой, которая представляетъ, по моему мнѣнію, истинную гипнагогическую галлюцинацію общаго чувства. Мой отецъ, страдавшій этой формой нервнаго головокруженія, описалъ ее, самъ я подверженъ ей и считаю себя потому достаточно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ. Состоитъ она въ слѣдующемъ. Когда вы ляжете — ощущеніе это является только при горизонтальномъ положеніи — и закроете глаза, то, спустя нѣсколько минутъ, чувствуете, что вы вовлечены въ какое-то болѣе или менѣе быстрое движеніе. Въ извѣстныхъ случаяхъ движеніе совершается все въ одномъ и томъ же направленіи, вначалѣ ускоряясь, а потомъ замедляясь; въ другихъ случаяхъ оно совершается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Наконецъ, иногда это движеніе вращательное: кровать, на которой вы лежите, вращается вокругъ своей оси. Любопытно, что воля оказываетъ вліяніе на направленіе движенія — часто можно заставить его совершаться въ желательномъ направленіи, однако, это удается не всегда. Вотъ въ общихъ чертахъ ощущеніе, о которомъ я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ.

Какова природа этого явленія? Для меня несомнѣнно, что это галлюцинація. Въ самомъ дѣлѣ, чувственное впечатлѣніе, воспринимаемое помимо всякаго вызывающаго его внѣшняго объекта, не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ галлюцинаціи. А моментъ возникновенія этого мнимо-ощущенія заставляетъ насъ отнести его къ разряду гипнагогическихъ галлюцинацій, изученіе которыхъ мы этимъ и заканчиваемъ. (См. кн. д-ра Симона: „Міръ грезъ“, Спб. 1890 г., стр. 127—144).

3. Безсознательная дѣятельность души во снѣ. а) Кондильякъ разсказываетъ, что въ то время, когда онъ приготовлялъ къ изданію свой *Cours d'étude,* если ему случалось лечь

[1]) Brillat-Savarin, «Physiologie du goût».

спать, прежде чѣмъ извѣстный отдѣлъ былъ вполнѣ обработанъ, онъ находилъ по пробужденіи, что во время сна въ умѣ его сложилась окончательная редакція отдѣла.

б) Вольтеръ передаетъ, что однажды во снѣ онъ сложилъ цѣлую пѣснь *Генріады*, носившую совершенно иной характеръ, чѣмъ написанная имъ пѣснь. Онъ замѣчаетъ по этому поводу: „я говорилъ во снѣ вещи, которыя едва ли могъ бы сказать въ состояніи бодрствованія. Такимъ образомъ у меня были мысли, сложившіяся помимо моей воли и безъ всякаго участія съ моей стороны. Я былъ лишенъ и воли и свободы, и въ комбинаціи идей проявлялся талантъ, даже извѣстный геній". Въ этомъ случаѣ рѣзко проявилась безсознательная дѣятельность мысли, которая представляетъ только результатъ дѣятельности, первоначально направлявшейся волею, результатъ того теченія мысли, которое совершалось въ состояніи бодрствованія. Вольтеръ, конечно, много разъ обдумывалъ „Генріаду", и планъ, задуманный въ состояніи бодрствованія, но носившій тогда несовершенный и отрывочный характеръ, вылился во время сна въ окончательную форму, достигъ полнаго совершенства.

в) Бурдахъ сообщаетъ, что много разъ во время сна у него являлись идеи по разнымъ вопросамъ науки, составлявшей предметъ его изысканій, — идеи, которыя едва ли явились бы у него въ состояніи бодрствованія. „Часто, говоритъ Бурдахъ, у меня во снѣ возникали идеи, казавшіяся мнѣ настолько важными, что я просыпался. Во многихъ случаяхъ онѣ относились къ вопросамъ, которыми я въ ту пору занимался, но содержаніе ихъ было для меня совершенно ново. Такъ, когда я писалъ свое большое сочиненіе о мозгѣ,[1] у меня явилась во снѣ мысль, что искривленіе, образуемое спиннымъ мозгомъ въ мѣстѣ перехода его въ головной, указываетъ на антагонизмъ этихъ двухъ органовъ, такъ какъ оси ихъ перекрещиваются и ихъ токи встрѣчаются подъ угломъ, въ болѣе значительной степени приближающимся къ прямому у человѣка, чѣмъ у животныхъ, а это въ достаточной степени объясняетъ существованіе у человѣка способности стоять. 17 мая 1818 года мнѣ снилось, что въ головномъ мозгу существуетъ сплетеніе для пятой пары головномозговыхъ нервовъ, соотвѣтствующее поясничному и плечевому сплетеніямъ. 11 октября того же года у меня явилась во снѣ мысль, что форма свода съ тремя ножками зависитъ отъ формы лучистаго вѣнца (corona radiata). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако же, эти идеи касались вопросовъ, надъ которыми я до той поры не размышлялъ, и тогда онѣ были еще смѣлѣе. Такъ, напр., въ 1811 году, когда я еще держался общепринятыхъ взглядовъ на кровообращеніе и занимался вопросами изъ совершенно иной области, у меня явилась во снѣ мысль, что кровь течетъ подъ вліяніемъ присущей ей силы, что она вызываетъ сердечныя сокращенія, такъ что считать сердце причиной кровообращенія такъ же нелѣпо, какъ приписывать теченіе ручья мельницѣ, которую онъ приводитъ въ движеніе. Изъ этихъ идей на-половину вѣрныхъ, которыя доставляли мнѣ столько наслажденія во время сна, приведу еще одну, такъ какъ она представляетъ въ зародышѣ взгляды, впослѣдствіи мною развитые: 17 іюня 1822 года во время послѣобѣденнаго сна у меня явилась мысль, что сонъ, какъ и разслабленное состояніе мышцъ, представляетъ возвращеніе къ естественному состоянію и зависитъ отъ подавленія антагонистической дѣятельности. Полный радости отъ яркаго свѣта, который этотъ взглядъ, казалось мнѣ, проливалъ на цѣлый рядъ жизненныхъ явленій, я проснулся, но вскорѣ все сдѣлалось опять столь же неяснымъ, какъ прежде, до такой степени этотъ взглядъ шелъ въ разрѣзъ со всѣми моими тогдашними представленіями"[1].

г) Въ сочиненіяхъ Бернарда-де-Палисси мы находимъ поразительный примѣръ тѣхъ особенностей, которыя представляютъ сновидѣнія, возникающія подъ вліяніемъ привычнаго и дѣйствующаго въ данный моментъ направленія мысли. Одно изъ произведеній Палисси имѣетъ своимъ предметомъ, какъ извѣстно, земледѣліе и, по преимуществу, садоводство. Ему доставляетъ безконечное наслажденіе перечислять все, что онъ считаетъ полезнымъ соединить въ хорошо устроенномъ саду. Острова, ручейки, гроты, бесѣдки и т. д. составляютъ въ его книгѣ предметъ описаній наивныхъ, геніальныхъ и въ то же время удивительно законченныхъ; эти представленія въ такой сильной степени занимали умъ художника, что являлись ему во снѣ въ яркихъ и живыхъ образахъ. „Часто мнѣ случалось видѣть во снѣ, пишетъ онъ, будто я нахожусь въ саду. Такъ, на прошлой недѣлѣ, мнѣ снилось, будто мой садъ уже готовъ въ томъ видѣ, въ какомъ я тебѣ его раньше описалъ, будто я ѣмъ уже фрукты изъ этого сада и отдыхаю въ немъ[2]". Затѣмъ слѣдуетъ описаніе различныхъ растеній, кустарниковъ, овощей и плодовъ, кото-

[1]) Burdach. *Vom Bau und Leben des Gehirns und Rückenmarks*. Leipzig, 1818—25.

[1]) Burdach. *Traité de physiologie*, trad. Jourdan. Paris, 1839, tome V, p. 213.

[2]) Bernard de Palissy. *Oeuvres*.

рыми онъ любуется въ этомъ саду, и которые онъ описываетъ въ выраженіяхъ, обрисовывающихъ какъ бы физіономію предмета, специально ему свойственныя черты, какъ онъ воспроизводилъ ихъ въ своемъ геніальномъ трудѣ, который мы и теперь еще перечитываемъ съ наслажденіемъ.

д) Къ этой же категоріи относятся сновидѣнія, гдѣ другое лицо излагаетъ спящему соображенія, по которымъ онъ долженъ поступить такъ или иначе, совершить какой-либо поступокъ или отказаться отъ него, одобряетъ и успокоиваетъ его. Видную роль въ этихъ сновидѣніяхъ играетъ нравственный элементъ: провозглашаемыя дѣйствующимъ въ сновидѣніи лицомъ истины принадлежатъ къ числу самыхъ возвышенныхъ, и рѣчь его гармонируетъ съ величіемъ высказываемыхъ идей. Несомнѣнно, что эти идеи, эти доводы неоднократно являлись уму спящаго во время бодрствованія, и что во снѣ онѣ являются только болѣе могущественными, болѣе убѣдительными. Слѣдующій сонъ, видѣнный знаменитымъ итальянскимъ скульпторомъ, Бенвенуто Челлини, кажется мнѣ типическимъ въ этомъ отношеніи.

Брошенный врагами въ отвратительную темницу, Бенвенуто, лишенный самаго необходимаго, изнуренный болѣзнью, проводилъ все свое время за чтеніемъ Библіи, и это доставляло ему столько наслажденія, что, какъ онъ говорилъ, онъ ничего другого, если бы могъ, не дѣлалъ. Библія была его единственнымъ утѣшеніемъ. „Я впадалъ, продолжаетъ онъ, въ такое отчаяніе, когда сумерки лишали меня возможности читать, что лишилъ бы себя жизни, если бы у меня было подъ рукой оружіе“. Эта мысль покончить съ собой становилась съ каждымъ днемъ все упорнѣе и навязчивѣе, такъ что Челлини совершилъ разъ попытку самоубійства, къ счастью окончившуюся неудачей. Въ слѣдующую ночь онъ увидѣлъ во снѣ прекраснаго юношу, который сказалъ ему съ упрекомъ: „ты знаешь, Кто даровалъ тебѣ жизнь, и ты хочешь преждевременно разстаться съ нею?“ Я отвѣтилъ ему, кажется, продолжаетъ Бенвенуто, что съ благодарностью признаю всѣ благодѣянія Господа. „Почему же ты хочешь, возразилъ онъ, разрушить ихъ? Отдайся Его руководству, не теряй вѣры въ Его божественную благость“. Я убѣдился, говоритъ Челлини, что ангелъ былъ правъ, и, увидѣвъ кусочки кирпича, заострилъ ихъ треніемъ одного о другой и при помощи ржавчины, снятой зубами съ замка, изъ которой приговилъ нѣчто вродѣ чернилъ, написалъ на разсвѣтѣ на поляхъ моей библіи слѣдующій діалогъ между моей душой и тѣломъ:

Тѣло.

„Отчего ты хочешь покинуть меня, душа моя? развѣ небо, соединивъ насъ, дало тебѣ право покидать меня, когда тебѣ вздумается? Не уходи, гнѣвъ неба прошелъ“.

Душа.

„Небо требуетъ этого, и я буду еще нѣкоторое время твоей спутницей. Придутъ счастливые дни; я вижу, какъ занимается ихъ заря... [1]“

Я привелъ вмѣстѣ со сновидѣніемъ Челлини этотъ діалогъ, чтобы показать, каково было его душевное состояніе. Мысль о самоубійствѣ возникала у него, навѣрное, много разъ, и онъ искалъ доводовъ, которые могли бы отклонить его отъ нея. Слова ангела были, конечно, только результатомъ его думъ, выраженіемъ его вѣрованій. Написанный имъ діалогъ между душой и тѣломъ передаетъ тѣ же думы, тѣ же вѣрованія въ иной формѣ.

Мы переходимъ къ сновидѣніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ художественными или нравственными представленіями, занимающими умъ спящаго, но приближающимся къ разсмотрѣннымъ нами сновидѣніямъ по сходству или даже тождеству способа ихъ возникновенія. Я имѣю здѣсь въ виду сны, относящіеся къ событіямъ, представляющимъ большую важность для спящаго и возникающимъ тогда, когда это событіе долго и въ сильной степени поглощало его вниманіе. Эти сновидѣнія состоятъ обыкновенно изъ рядовъ образовъ, составляющихъ сцены, въ которыхъ спящій находитъ рѣшеніе загадки, тщетно отыскиваемое имъ во время бодрствованія. И здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ автоматической дѣятельностью мозга, совершающеюся подъ вліяніемъ предшествовавшей дѣятельности воли. Движеніе здѣсь продолжается и достигаетъ окончательнаго результата, когда воля—первая возбудительница этого движенія — давно уже перестала дѣйствовать.

е) „Одинъ изъ моихъ друзей, разсказываетъ Аберкромби, служившій кассиромъ въ одномъ изъ главнѣйшихъ глазговскихъ банковъ, находился въ конторѣ, когда къ нему обратилось одно лицо, требуя уплаты шести фунтовъ. Въ конторѣ находилось нѣсколько лицъ, явившихся раньше и дожидавшихся очереди, то этотъ господинъ былъ такъ назойливъ, такъ шумѣлъ, въ особенности же такъ надоѣлъ всѣмъ своимъ заиканіемъ, что одинъ изъ присутствующихъ попросилъ кассира удовлетворить его, чтобы поскорѣй отъ него избавиться. Кассиръ исполнилъ просьбу съ

[1]) Lamartine. *Benvenuto Cellini.*

нетерпѣливымъ жестомъ и не сдѣлалъ у себя отмѣтки объ уплатѣ. Къ концу года—спустя восемь или девять мѣсяцевъ — оказалась трудность въ подведеніи счетовъ: недоставало шести фунтовъ. Мой пріятель въ продолженіе нѣсколькихъ дней и ночей старался открыть причину дефицита, но безуспѣшно. Усталый онъ вернулся домой, легъ спать и увидѣлъ во снѣ, что находится въ конторѣ, что къ нему является заика, и всѣ обстоятельства этого случая всплыли передъ нимъ съ замѣчательной ясностью. Онъ просыпается съ мыслью объ этомъ сновидѣніи и въ надеждѣ, что ему удастся открыть то, что онъ такъ долго и безуспѣшно старался выяснить. Порывшись въ книгахъ, онъ, дѣйствительно, нашелъ, что выданная заикѣ сумма не была внесена въ счетную книгу, и что она въ точности соотвѣтствовала дефициту"[1]).

Въ приведенномъ случаѣ то, что спящій открылъ, благодаря сновидѣнію, было, въ сущности говоря, ему извѣстно, но воля его долгое время была не въ силахъ пробудить воспоминаніе, погребенное въ тайникахъ памяти. (См. кн. д-ра Симона: „Міръ грезъ", Спб. 1890 г., стр. 41—49).

4. **Скрытая умственная дѣятельность души.** Слѣдующее происшествіе, представляетъ замѣчательный примѣръ возвращенія затерявшейся идеи послѣ глубокаго сна.

1. Въ одномъ большомъ городѣ, въ Іоркширѣ, директоръ банка потерялъ двойной ключъ, отпиравшій всѣ несгораемые шкафы и столы въ конторѣ. Обыкновенно ключъ лежалъ въ какомъ-нибудь потайномъ мѣстѣ, извѣстномъ только самому директору и его помощнику. Такъ какъ помощникъ былъ въ отпуску, въ Валлисѣ, на время праздниковъ, то первою мыслью директора было, что, вѣроятно, тотъ, по ошибкѣ, взялъ ключъ съ собою; онъ написалъ помощнику и узналъ, къ своему удивленію и огорченію, что тотъ не бралъ ключа и ничего о немъ не знаетъ. Разумѣется, мысль, что ключъ, дававшій доступъ ко всѣмъ банковымъ цѣнностямъ, былъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей, взявшихъ его съ цѣлью воспользоваться имъ, въ высшей степени разстроила директора банка. Онъ искалъ повсюду, стараясь припомнить всѣ мѣста, въ которыхъ могъ бы оказаться ключъ, и не находилъ его. Вызвали помощника директора, спрашивали опять и его, и всѣхъ служащихъ въ банкѣ, но никто изъ нихъ не зналъ и не могъ придумать, гдѣ могъ быть ключъ. Хотя до сихъ поръ не произошло еще никакой кражи, однако было опасеніе, что кража будетъ сдѣлана, какъ только утихнетъ суматоха, и ослабленная бдительность представитъ для этого болѣе удобный случай. Изъ Лондона выписали первоклассснаго сыщика и дали ему полную возможность разслѣдовать дѣло; онъ допросилъ служащихъ въ банкѣ, употребилъ всѣ средства разслѣдованія, извѣстныя искуснымъ людямъ этого класса и, наконецъ, пришелъ къ директору и сказалъ: „я увѣренъ, что въ банкѣ никто ничего не знаетъ о пропавшемъ ключѣ. Навѣрное, вы сами заложили его куда-нибудь, но васъ такъ утомила мысль объ этомъ ключѣ, что вы забыли, куда положили его. Пока вы будете такъ тревожиться, вы ни за что этого не вспомните, постарайтесь сегодня заснуть съ увѣренностью, что завтра ключъ найдется, выспитесь хорошенько, и весьма вѣроятно, что завтра вы вспомните, куда положили его". Все произошло точь въ точь такъ, какъ было предсказано. На слѣдующее утро ключъ нашелся въ какомъ-то необыкновенно безопасномъ мѣстѣ, о которомъ директоръ совершенно забылъ, но куда, какъ онъ увѣренъ въ этомъ теперь, онъ самъ положилъ его.

2. Есть сильное основаніе думать, что лучшими своими сужденіями умъ нашъ часто, особенно въ трудныхъ случаяхъ, бываетъ обязанъ безсознательнымъ выводамъ, разрѣшающимъ всѣ затрудненія въ то время, когда (послѣ предварительнаго внимательнаго разсмотрѣнія) вопросъ бывалъ предоставленъ самому себѣ. Слѣдующее извлеченіе изъ лекціи, недавно читанной авторомъ, обнаружитъ не только его личныя наблюденія, но и все, собранное имъ изъ чужихъ наблюденій:

„Много разъ мнѣ бывало нужно рѣшить какую-нибудь важную перемѣну или въ моихъ планахъ, или въ жизни членовъ моего семейства, — перемѣну, по поводу которой многое можно было сказать и за, и противъ. Я слыхалъ, какъ одинъ натуралистъ выразился, говоря о классификаціи: „очень легко имѣть дѣло съ бѣлымъ и чернымъ, но съ сѣрымъ очень трудно". Такъ и въ жизни. Съ чернымъ и бѣлымъ имѣть дѣло очень легко, есть вещи очевидно справедливыя и очевидно несправедливыя, очевидно благоразумныя и очевидно неблагоразумныя; но представляется много случаевъ, въ которыхъ даже справедливое и несправедливое оказывается спорнымъ, или противуположные мотивы, вѣрные сами по себѣ, уравновѣшиваются такимъ образомъ, что трудно бываетъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ наша обязанность, такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ трудно бываетъ сказать, что благоразумнѣе, и я думаю, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, если намъ не зачѣмъ торопиться рѣшеніемъ,

[1]) Brierre de Boismont, *Des Hallucinations*, 3-me édition, Paris 1862.

лучше всего предоставить рѣшеніе вопроса безсознательной мозговой дѣятельности, вызвавъ предварительно въ нашемъ умѣ, какъ можно полнѣе, все, что можетъ быть высказано съ обѣихъ сторонъ. Мы обсуждаемъ вопросъ въ семейномъ кругу, затѣмъ идемъ къ друзьямъ, которые высказываютъ соображенія, быть-можетъ, не приходившія намъ раньше въ голову, но силу которыхъ мы чувствуемъ лучше, чѣмъ они, и послѣ этого самое лучшее отложить вопросъ въ сторону на мѣсяцъ или на два (если позволяютъ обстоятельства) и направить теченіе мыслей и чувствъ на другой путь. Удивительно иногда бываетъ, какъ, возвратившись къ обсуждаемому вопросу послѣ такого промежутка времени, умъ, не колеблясь больше, тяготѣетъ къ тому или другому рѣшенію. Я убѣжденъ, что въ хорошо дисциплинированной натурѣ этотъ безсознательный мозговой процессъ, уравновѣшивающій различныя соображенія, приводящій, такъ сказать, въ порядокъ матеріалы и вырабатывающій результаты, гораздо вѣрнѣе приведетъ насъ къ правильному рѣшенію, нежели продолжительное обсужденіе и аргументація; потому что, если намъ кажется, что съ одной стороны аргументы слишкомъ сильны, то мы заставляемъ себя выставить что-нибудь и съ другой стороны, такимъ образомъ начинается внутренняя борьба, и равновѣсіе не можетъ быть возстановлено до тѣхъ поръ, пока не уляжется возбужденіе, а когда оно уляжется, то наклонъ вѣсовъ опредѣлится всѣмъ предшествующимъ воспитаніемъ и дисциплиною нашего ума, которая приведетъ насъ къ болѣе или менѣе вѣрному рѣшенію, соразмѣрно съ тѣмъ, насколько мы привыкли постоянно и настойчиво сообразовать ходъ нашей сознательной дѣятельности съ высшими цѣлями".

3. Авторъ получилъ отъ одного извѣстнаго прелата слѣдующій отчетъ объ его часто повторявшемся наблюденіи другого вида того же рода дѣятельности.

„Въ теченіе многихъ лѣтъ я привыкъ дѣйствовать по вашему принципу „безсознательной мозговой дѣятельности" и всегда съ удовлетворительнымъ результатомъ. Мнѣ часто приходится, какъ вамъ должно быть извѣстно, говорить проповѣди на тотъ или другой случай. Когда мнѣ предстоитъ такая задача, я обыкновенно сажусь и обдумываю имѣющійся матеріалъ, не приводя его сначала въ связную схему. Затѣмъ я откладываю на время свой умственный набросокъ и направляю свой умъ на что-нибудь другое; и когда, черезъ недѣлю или двѣ, я принимаюсь писать проповѣдь, я всегда нахожу, что отложенные въ сторону матеріалы пришли въ порядокъ сами собою, такъ что я тотчасъ же начинаю развивать ихъ по тому новому плану, въ которомъ они мнѣ представляются".

4. Слѣдующій примѣръ, приводимый Венделль Гольмсомъ, интересенъ тѣмъ, что индивидуумъ все время сознавалъ ходъ скрытой умственной работы, хотя работа эта не достигла уровня отчетливаго идейнаго состоянія.

„Съ недѣлю назадъ мнѣ разсказывали объ одномъ дѣловомъ человѣкѣ въ Бостонѣ, которому пришлось на нѣкоторое время отложить обсужденіе одного очень важнаго вопроса, потому что вопросъ этотъ сильно утомилъ его. Но онъ продолжалъ чувствовать, что въ его мозгу идетъ какая-то работа, и это ощущеніе было для него такъ непривычно и такъ тягостно, что возбудило въ немъ опасеніе, не угрожаетъ ли ему параличъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ такого тревожнаго состоянія, всѣ его затрудненія и сомнѣнія сразу окончились естественнымъ разрѣшеніемъ мучившаго его вопроса, явившагося, какъ результатъ этой темной, тревожившей его умственной работы".

5. Та же безсознательная работа ума въ широкой мѣрѣ участвуетъ въ процессѣ изобрѣтенія, артистическаго или поэтическаго, научнаго или механическаго. Всѣ изобрѣтатели (артисты, поэты и механики) непремѣнно испытывали, что когда въ ихъ работѣ ихъ останавливала какая-нибудь трудность, то путаница мыслей вѣрнѣе распутывалась, если вниманіе ихъ было отвлечено въ другую сторону, чѣмъ при помощи самыхъ продолжительныхъ усилій. Авторъ пользовался каждымъ представлявшимся ему случаемъ разспрашивать творцовъ въ различныхъ отрасляхъ искусства и науки объ ихъ личномъ опытѣ по отношенію къ встрѣчаемымъ и преодолѣваемымъ ими трудностямъ, и отвѣтъ ихъ почти всегда оказывался одинъ и тотъ же. Прежде всего они сосредоточивали вниманіе на результатѣ, который хотѣли получить, такъ точно, какъ дѣлаемъ мы, когда стремимся припомнить что-нибудь забытое, думая о томъ, что вѣрнѣе всего можетъ напомнить намъ это; но если имъ не удавалось сразу, они откладывали вопросъ въ сторону на время, или старались дать своему уму полный отдыхъ, или освѣжали его перемѣной занятія, и всегда оказывалось, что послѣ этого искомая идея „приходила имъ въ голову сама собою".

Такъ, о покойномъ м-рѣ Аппольдѣ, изобрѣтателѣ центробѣжной помпы, привлекавшей столько вниманія на международной выставкѣ 1851 г. (такъ же, какъ о многихъ другихъ

остроумныхъ примѣненіяхъ научныхъ принциповъ къ практическимъ цѣлямъ), разсказываютъ слѣдующее.

Онъ имѣлъ привычку, когда передъ нимъ вставало затрудненіе, внимательно обсуждать точный результатъ, котораго онъ добивался, и, удовлетворивъ себя на этотъ счетъ, онъ направлялъ свое вниманіе на простѣйшіе способы, посредствомъ которыхъ онъ могъ его достигнуть. Съ этою цѣлью онъ вызывалъ въ своемъ умѣ въ продолженіе дня всѣ факты и принципы, относящіеся къ данному случаю, и обыкновенно разрѣшеніе задачи приходило къ нему рано поутру, тотчасъ послѣ сна. Если вопросъ былъ трудный, онъ спалъ безпокойно, но послѣ отдыха, со свѣжей головой и въ тишинѣ ранняго утра, когда внѣшнія вліянія не отвлекали его вниманія, результатъ всѣхъ извѣстныхъ ему принциповъ, относящихся къ данному вопросу, ясно представлялся его уму".

6. Слѣдующее описаніе способа, посредствомъ котораго было сдѣлано одно важное открытіе, было сообщено автору самимъ изобрѣтателемъ, м-ромъ Венгамомъ, оптикомъ-любителемъ, съ большими свѣдѣніями, посвятившимъ много времени и вниманія на сооруженіе микроскопа и придумавшимъ много полезныхъ улучшеній какъ въ самомъ инструментѣ, такъ и въ соединенныхъ съ нимъ аппаратахъ.

Первая форма двойного микроскопа, основаннаго на принципѣ стереоскопической комбинаціи двухъ разнородныхъ перспективъ, открытой Ветстономъ, была придумана Наше по плану, который легко могъ притти въ голову всякому, знающему оптику, если бы онъ только обратилъ вниманіе на требованія даннаго случая, а именно: онъ раздѣлилъ конусъ лучей, идущій отъ объектива, на правую и лѣвую половины, вставивъ въ него равноугольную призму и подвергнувъ затѣмъ каждую половину второму преломленію, давшему ей требуемое направленіе. Это сооруженіе было прекрасно въ теоріи, но имѣло два практическіе недостатка; первый тотъ, что оба полуконуса были подвержены двумъ преломленіямъ и передачѣ черезъ четыре поверхности; каждая изъ этихъ перемѣнъ вела за собою извѣстную потерю свѣта и возможность ошибки; второй — тотъ, что инструментъ могъ употребляться только, какъ двойной микроскопъ.

М-ру Вегнаму пришло въ голову, что, можетъ-быть, можно раздѣлить конусъ лучей такъ, чтобы одна половина его шла прямо, не прерываясь, и только другая отклонялась бы одною призмою, проходя только двѣ поверхности, посредствомъ чего достигалась бы бо́льшая отчетливость прямого изображенія; съ удаленіемъ же призмы, инструментъ могъ бы употребляться обыкновеннымъ способомъ для цѣлей, для которыхъ не годился двойной микроскопъ. Онъ долго думалъ объ этомъ, но не могъ придумать нужной ему формы призмы. Какъ-то ему пришлось заняться своимъ инженернымъ дѣломъ, и онъ отложилъ недѣли на двѣ свои изслѣдованія устройства микроскопа. Однажды вечеромъ, по окончаніи дневной работы, когда онъ читалъ какой-то глупый романъ, совсѣмъ не думая о своемъ микроскопѣ, форма призмы, вполнѣ отвѣчавшая его цѣли, ясно представилась его уму. Онъ досталъ свои математическіе инструменты, вынулъ діаграмму и начертилъ требуемые углы; на другое утро онъ сдѣлалъ призму и нашелъ, что она вполнѣ отвѣчаетъ своей цѣли; съ тѣхъ поръ по этому плану у насъ дѣлаются всѣ двойные микроскопы для обыкновеннаго употребленія.

Нужно замѣтить, что такимъ способомъ совершается не только интеллектуальная работа; ибо выяснено, что эмоціональныя состоянія, или, вѣрнѣе, состоянія, образующія эмоцію, съ той минуты, какъ мы начинаемъ сознавать ихъ, развиваются по тому же способу, такъ что наши чувства къ людямъ или предметамъ могутъ претерпѣвать важныя перемѣны, о которыхъ мы можемъ ничего не подозрѣвать до тѣхъ поръ, пока вниманіе наше не направится на нихъ. Характерный примѣръ этого рода дѣятельности представляетъ явленіе въ высшей степени обыкновенное въ обыденной жизни и постоянно воспроизводимое въ поэзіи, а именно, ростъ могущественнаго чувства привязанности между индивидуумами разныхъ половъ, о которомъ ни одинъ изъ нихъ не подозрѣваетъ, и сила котораго открывается ихъ сознанію только тогда, когда обстоятельства угрожаютъ разлукой, или оба они подвергаются общей опасности. Тогда наступаетъ взаимное просвѣтленіе; любовь, которую до тѣхъ поръ оба безсознательно питали другъ къ другу, подобно тлѣющему огню, вырывается наружу полнымъ пламенемъ. Часто существованіе взаимной склонности между двумя лицами становится очевиднымъ для лица третьяго (въ особенности, если наблюдательность его изощряется ревностью, которая способствуетъ интуитивному объясненію многихъ мельчайшихъ обстоятельствъ, остающихся безъ всякаго значенія для обыкновеннаго наблюдателя) прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлалъ это открытіе, какъ относительно себя, такъ и относительно любимаго предмета; тутъ мозговое состояніе проявляется въ дѣйствіяхъ, хотя и не достигло отчетливой сознательности,—не достигло главнымъ образомъ потому, что, такъ какъ все вниманіе

занято настоящимъ ощущеніемъ счастья, то нѣтъ мѣста для внутренняго анализа. (См. „Основ. физіол. ума", Карпентера, т. II).

5. **Усиленіе памяти во снѣ.** Находясь въ бодрственномъ состояніи, мы обладаемъ скрытою памятью, обнаруживающей предъ нами свое содержаніе во время нахожденія нашего во снѣ; обнаруженіе это часто сопровождается вспоминаніемъ, часто же нѣтъ. Важно доказать, что, тогда какъ во время нашего бодрствованія память наша всегда отдаетъ предпочтѣніе имѣющимъ для насъ наибольшій интересъ нашимъ представленіямъ, во время нашего сна она относится ко всѣмъ нашимъ представленіямъ безразлично.

Часто во снѣ воспроизводятся нами такія представленія, которыя во время нашего бодрствованія, вслѣдствіе незначительности ихъ интереса для насъ, погружаются въ нѣдра нашего безсознательнаго, нами забываются тотчасъ послѣ ихъ въ насъ возникновенія. Даже предметы, хотя и воспринимаемые нашимъ тѣлеснымъ окомъ, но не удостоивающіеся нашего вниманія, а потому и не вызывающіе въ насъ ясныхъ представленій во время нашего бодрствованія, во время нашего сновидѣнія являются предъ нами съ осязательною наглядностью. Часто этотъ процессъ совершается въ безпорядочной формѣ: въ сознаніи спящаго являются клочки сценъ изъ прошлой его жизни и сейчасъ изъ него исчезаютъ. Но безразличное отношеніе скрытой нашей памяти къ нашимъ представленіямъ обнаруживается еще больше въ томъ случаѣ, когда ихъ въ насъ возникновеніе не сопровождается ихъ нами вспоминаніемъ, или когда первое не только не слѣдуетъ непосредственно за вторымъ, но, какъ это часто бываетъ, является уже послѣ нашего пробужденія.

1. Гервей видѣлъ во снѣ толпу проходившихъ предъ нимъ людей, возвращавшихся, повидимому, съ праздника. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ и удержалъ въ памяти своей одно изъ лицъ даже по своемъ пробужденіи. Только пробудясь, онъ началъ вспоминать, что—какъ это подтвердилось впослѣдствіи—это лицо было точнымъ воспроизведеніемъ лица, видѣннаго имъ на картинѣ, въ одномъ модномъ журналѣ, перелистовывавшемся имъ за нѣсколько дней до этого сна. Такимъ образомъ, здѣсь къ воспроизведенію сновидцемъ созерцавшагося имъ во время его бодрствованія образа присоединилась творческая дѣятельность его фантазіи, ибо неподвижный образъ человѣка, находившійся въ журналѣ, превратился въ его сновидѣніи въ живое и дѣятельное существо.

2. Въ другой разъ Гервей увидѣлъ во снѣ одну молодую блондинку въ обществѣ съ его сестрой. Во снѣ ему показалось, что онъ узнаетъ въ ней одну особу, съ которою онъ часто встрѣчался прежде, но вслѣдъ за этимъ онъ на минуту проснулся, причемъ видѣнный имъ во снѣ и оставшійся въ его памяти и по его пробужденіи образъ былъ совершенно ему незнакомъ. Когда онъ уснулъ опять, предъ нимъ опять предстала та же особа и показалась ему опять знакомою; но теперь у него осталось въ сознаніи то обстоятельство, что, проснувшись нѣсколько мгновеній тому назадъ, онъ не могъ ее вспомнить. Удивленный вторичнымъ исчезновеніемъ у него во снѣ такой его забывчивости, онъ подходитъ къ дамѣ и спрашиваетъ ее: не имѣетъ ли онъ удовольствія быть съ нею знакомымъ? Она даетъ утвердительный отвѣтъ и напоминаетъ ему о порникскихъ купаньяхъ. Пораженный этими словами, онъ окончательно просыпается и вспоминаетъ мельчайшія обстоятельства, которыми сопровождалось знакомство его съ видѣнною имъ во снѣ особою. При первомъ пробужденіи Гервея имѣвшее у него мѣсто во снѣ кратковременное усиленіе памяти пошло на убыль, но не исчезло, т.-е. у него прекратился процессъ вспоминанія, но въ немъ уцѣлѣлъ продуктъ воспроизведенія. Съ продолженіемъ сновидѣнія Гервея продолжается и его вспоминаніе, въ сознаніи его является вдругъ представленіе мѣста купанья, но такъ какъ это представленіе упало въ его сознаніе изъ области его безсознательнаго, то его сновидѣніе принимаетъ драмматическую форму: внезапное паденіе въ его сознаніе представленія выражается въ соотвѣтственныхъ словахъ дамы. Сила этого паденія произвела то, что и послѣ вторичнаго пробужденія Гервея вспоминаніе его не только не начало ослабѣвать, но продолжало усиливаться, пока, наконецъ, въ памяти его не возстановились мельчайшія подробности имъ вспоминавшагося. Замѣтимъ здѣсь, что въ настоящемъ случаѣ вторичное пробужденіе сновидца было только слѣдствіемъ внѣзапнаго паденія въ его сознаніе представленія, слѣдствіемъ удара по клавиши его памяти, въ силу ассоціаціи вызвавшаго въ его сознаніи цѣлый рядъ представленій, въ свою очередь вызвавшій въ немъ, въ силу опять-таки ассоціаціи между представленіями и психическими состояніями, состояніе бодрствованія.

3. Сюда же относится и случай, бывшій съ однимъ изъ друзей Гервея, отличнымъ музыкантомъ, услышавшимъ во снѣ замѣчательную, пропѣтую странствующимъ хоромъ пѣвцовъ музыкальную пьесу. По пробужденіи своемъ, онъ все еще держалъ въ памяти своей приснившуюся ему мелодію и, нахо-

дясь подъ вліяніемъ музыкальнаго вдохновенія своего, положилъ ее на ноты. Хотя черезъ много лѣтъ послѣ этого ему попалась въ руки тетрадь съ старинными музыкальными пьесами, между которыми онъ, къ удивленію своему, нашелъ и ему приснившуюся, но онъ никакъ не могъ вспомнить, слышалъ ли онъ ее, или только прочитывалъ[1]). Какъ бы то ни было, а одна уже драмматическая форма, въ которой онъ слышалъ во снѣ пьесу, доказываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ воспроизведеніемъ.

4. Еще легче объяснить себѣ воспроизведеніе нами во снѣ представленій, хотя нами и позабытыхъ, но имѣвшихъ для насъ большое значеніе. Рейхенбахъ говоритъ: „наяву я, несмотря на всѣ старанія мои, не могу возстановить ясно въ памяти моей черты лица моей жены, умершей около двадцати лѣтъ назадъ. Но когда она является мнѣ во снѣ, образъ ея пріобрѣтаетъ такую отчетливость, что я вижу малѣйшія подробности ея выразительнаго лица во всей ихъ плѣнительности“[2]).

5. Пфаффъ началъ писать масляными красками портретъ своего отца, но долженъ былъ оставить его неоконченнымъ, такъ какъ отецъ его умеръ, а нарисованнаго имъ для окончанія его работы было недостаточно. По прошествіи многихъ лѣтъ, онъ увидѣлъ во снѣ отца своего съ такою ясностью, что, проснувшись, вскочилъ съ постели и окончилъ имъ начатое[3]).

6. Фихте говоритъ, что одинъ любитель музыки, съ успѣхомъ занимавшійся и композиторствомъ, принужденъ былъ однажды прекратить писаніе носившейся въ его умѣ пьесы на такой продолжительный срокъ, что она была имъ забыта совершенно. Въ концѣ-концовъ она приснилась ему съ такою отчетливостью и такъ полно инструментованною, что онъ удержалъ ее въ памяти и по своемъ пробужденіи[4]).

7. Большею легкостью воспроизведенія нами представленій во время нахожденія нашего во снѣ и независимостью такого нашего воспроизведенія представленій отъ ихъ для насъ интереса объясняются многіе случаи, которые, если не держаться такого воззрѣнія, легко могутъ привести къ суевѣрію. Одна семилѣтняя дѣвочка, скотница, помѣщалась въ каморкѣ, отдѣлявшейся только тонкою стѣною отъ комнаты скрипача, часто предававшагося далеко за полночь своей страсти къ музыкѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣвочка поступила на другое мѣсто. Она пробыла на немъ уже два года, какъ вдругъ, по ночамъ, въ комнатѣ ея часто стали раздаваться звуки, совершенно походившіе на звуки скрипки, но производившіеся самою спавшею дѣвочкою. Нерѣдко это продолжалось по цѣлымъ часамъ подърядъ, при чемъ иногда она останавливалась съ тѣмъ, чтобы произвести звуки, въ точности воспроизводившіе звуки настраиваемой скрипки, и потомъ снова принималась за свое пѣніе, начиная его съ мѣста, на которомъ останавливалась. Такъ продолжалось, съ неравными перерывами, два года, по истеченіи которыхъ больная начала воспроизводить во снѣ и звуки фортепіано, на которомъ играли въ семействѣ ея хозяина; затѣмъ она начала говорить во снѣ, причемъ разсуждала съ удивительнымъ остроуміемъ о предметахъ политики и религіи, часто обнаруживая замѣчательный сарказмъ и таковую же эрудицію, а также спрягала латинскіе глаголы, или говорила такъ, какъ говоритъ съ учениками учитель. Во всемъ, что дѣлала во снѣ эта совершенно невѣжественная дѣвочка, воспроизводилось ею только то, что она слышала въ домѣ своего хозяина.

8. Многіе случаи исключаютъ сомнѣніе въ предшествованіи воспроизведенію нами во снѣ представленій продолжительнаго періода ихъ забвенія и тѣмъ заставляютъ признать фактъ моментальнаго усиленія у насъ памяти во время сна. Часто бываетъ такъ, что во снѣ мы говоримъ на полузабытыхъ нами языкахъ свободнѣе, чѣмъ наяву. Что въ основаніи этого явленія не всегда лежитъ обманъ, это обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наступаетъ въ очень усиленной степени. Сэръ Астлей Куперъ разсказываетъ, что одинъ матросъ вслѣдствіе поврежденія головы впалъ въ продолжавшееся цѣлый мѣсяцъ безпамятство и только послѣ произведенной надъ нимъ въ госпиталѣ операціи поправился на столько, что снова получилъ даръ слова, но, когда онъ заговорилъ, то его никто не могъ понять. Загадка объяснилась только тогда, когда въ госпиталь была принята валлисская молочница, объяснившая, что матросъ—уроженецъ Валлиса, изъ котораго онъ выѣхалъ тридцать лѣтъ назадъ, и что онъ говоритъ на языкѣ своей родины. Говоря вполнѣ свободно по-валлисски, онъ не могъ припомнить ни одного слова изъ какого-либо другого языка; когда же онъ вполнѣ выздоровѣлъ, то опять забылъ совершенно валлисскій языкъ и снова заговорилъ по-англійски[1]). То же самое разсказываютъ и объ одной валлисской дѣ-

[1]) Hervey: Les rêves. 304—306.
[2]) Reichenbach: Der sensitive Mensh. II. 694.
[3]) Pfaff: Das Traumleben. 24. Potsdam 1873.
[4]) J. H. Fichte: Psychologie I. 543.

[1]) Georges Moore: Die Macht der Seele über den Körper. Deutsch von Susemihl. 210.

вушкѣ [1]). Д-ръ Рёшъ (Rush) упоминаетъ объ одномъ итальянцѣ, говорившемъ въ началѣ своей болѣзни по-англійски, затѣмъ по-французски, въ день же смерти своей только на родномъ своемъ языкѣ [2]). (См. кн. Дю-Преля: „Философія мистики“, 1895 г.).

6. **Драмматическое раздвоеніе сознанія во снѣ.** а) Босвелль разсказываетъ въ своемъ жизнеописаніи Джонсона, что послѣдній вступилъ съ явившимся ему во снѣ лицомъ въ споръ и досадовалъ, что его собесѣдникъ обнаруживаетъ больше, чѣмъ онъ, остроумія [3]). Здѣсь нѣтъ никакого чуда: спавшій Джонсонъ раздвоился на два лица, одно изъ которыхъ дѣйствовало съ безсознательнымъ талантомъ, а другое—съ сознательною рефлексіею, почему и имѣло неуспѣхъ.

б) Подобный же примѣръ находится и у Бертрана. Во снѣ у него спросилъ нѣкто, знаетъ ли онъ происхожденіе слова дама. Онъ далъ отрицательный отвѣтъ, но когда вопрошавшій пригласилъ его подумать, то онъ, по истеченіи нѣкотораго времени, отвѣтилъ, что это слово должно происходить отъ латинскаго слова domina. Незнакомецъ не согласился съ этимъ и посмотрѣлъ на него такъ, какъ если бы радовался его затрудненію. Когда, наконецъ, Бертранъ отказался отъ разрѣшенія загадки, то собесѣдникъ его сказалъ ему со смѣхомъ: да развѣ вы не понимаете, что оно происходитъ отъ латинскаго слова damnare (осуждать)? вѣдь по милости женщины мы всѣ подверглись вѣчному осужденію [4]).

в) Итакъ, всякій интеллектуальный процессъ, который отличается неожиданностью и при которомъ сознаніе является не производящимъ, а воспринимающимъ, сопровождается во снѣ драмматическимъ раздвоеніемъ, слѣдовательно, таковымъ должны сопровождаться и часто совершающіеся внезапно акты вспоминанія: здѣсь процессъ нахожденія искомаго долженъ также облекаться въ драмматическую форму. Мори разсказываетъ, что однажды ему внезапно пришло на умъ слово Муссиданъ. Онъ зналъ, что это одинъ изъ французскихъ городовъ, но забылъ, гдѣ именно онъ находится. Черезъ нѣсколько времени онъ повстрѣчался во снѣ съ какимъ-то незнакомымъ ему человѣкомъ, заявившимъ, что онъ изъ Муссидана. На вопросъ сновидца, гдѣ находится этотъ городъ, незнакомецъ отвѣтилъ, что это главный городъ департамента Дордони. Проснувшись, Мори вспомнилъ о своемъ сновидѣніи, навелъ справки и, къ крайнему удивленію своему, нашелъ, что лицо, бесѣдовавшее съ нимъ во снѣ, было болѣе свѣдуще, чѣмъ онъ, въ географіи [5]). Мори замѣчаетъ совершенно правильно, что, очевидно, онъ только вложилъ въ чужія уста свое собственное вспоминаніе; но почему именно въ такихъ случаяхъ наступаетъ драмматическое раздвоеніе,—это можетъ объяснить только психофизическій порогъ.

г) Студентамъ извѣстны сновидѣнія, въ которыхъ они, спустя уже много лѣтъ по окончаніи гимназическаго курса, присутствуютъ на выпускномъ экзаменѣ и не могутъ отвѣчать на задаваемые имъ вопросы. Да и самому мнѣ снится иногда и теперь, спустя 25 лѣтъ по окончаніи курса, что мнѣ въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ держать экзаменъ, и что я сознаю недостаточность моей къ нему подготовки. Часто бываетъ, что на такомъ экзаменѣ на вопросъ, обращенный къ намъ, даетъ отвѣтъ нашъ по школьной скамьѣ сосѣдъ. Ванъ Гёнсъ (Van Goens) разсказываетъ слѣдующее: „мнѣ снилось, что я сижу на урокѣ латинскаго языка, что учитель задалъ перевести латинскую фразу, что я нахожусь въ первомъ разрядѣ и рѣшился, во что бы то ни стало, удержаться на этомъ мѣстѣ. Но когда очередь отвѣчать дошла до меня, то я остался безгласнымъ и надъ пріисканіемъ отвѣта тщетно ломалъ себѣ голову. Между тѣмъ я замѣтилъ, что сидѣвшій подлѣ меня товарищъ обнаруживаетъ нетерпѣніе быть спрошеннымъ и что, слѣдовательно, онъ можетъ дать отвѣтъ. Мысль о необходимости уступить ему занимаемое мною мѣсто приводила меня въ ярость, но я тщетно рылся въ своей головѣ и никакъ не могъ понять смысла заданной для перевода фразы. Наконецъ, учителя утомило ожиданіе отвѣта отъ меня, и онъ сказалъ моему сосѣду: теперь очередь за тобой. Спрошенный тотчасъ же объяснилъ смыслъ фразы, и это объясненіе было такъ просто, что я ни за что не могъ потомъ понять, какъ я не далъ отвѣта“ [6]).

д) Гервею приснилось однажды очень явственно, что онъ повстрѣчалъ одного молодого человѣка, показавшагося ему знакомымъ. Онъ подходитъ къ нему, жметъ ему руку, оба внимательно смотрятъ другъ на друга, но юноша говоритъ: „я вовсе васъ не знаю“ и удаляется, вслѣдъ за тѣмъ смущенный Гервей сознается, что и онъ его не знаетъ [7]). Это сновидѣніе очень поучительно: въ немъ имѣетъ мѣсто воспроизведеніе представленія, но сновидецъ не можетъ узнать этого представленія и только въ первый мигъ неясно его вспоминаетъ. Сознаніе сновидца воспро-

[1]) Passavant: Untersuchungen über Lebensmagnetismus. 153.
[2]) Körner: Magikon. V. 364.
[3]) Schindler: Das magische Geistesleben. 25.
[4]) Bertrand: Traité du somnambulisme. 441.

[5]) Maury: Le sommeil et les rêves. 142.
[6]) Moritz: Magazin zur Erfahrungsseelenkunde. XI. 2. 88.
[7]) Hervey: Les rêves etc. 317.

изводитъ представленіе, но свѣтъ его сознанія еще не освѣтилъ всей глубины его памяти, оставивъ во мракѣ нѣкоторую ея часть. Вотъ психологическое объясненіе тому, что неудавшееся вспоминаніе сновидца находитъ соотвѣтственное выраженіе въ словахъ являющагося ему въ его снѣ посторонняго лица, т.-е. словесно драмматизируется, ибо всякій разъ, какъ драмматизируется во время нашего сновидѣнія какой-нибудь внутренній процессъ нашъ, поверхность излома нашего *я* совпадаетъ съ преградою, отдѣляющею наше сознательное отъ нашего безсознательнаго.

е) О такомъ же сновидѣніи разсказываетъ и Лейбницъ. „Я думаю, говоритъ онъ, что часто въ нашихъ сновидѣніяхъ воскресаютъ старыя мысли наши. Послѣ того, какъ Юлій Скалигеръ воспѣлъ въ своихъ стихахъ знаменитыхъ веронскихъ мужей, ему явился во снѣ нѣкто по имени Бругнолусъ, родившійся въ Баваріи, а впослѣдствіи поселившійся въ Веронѣ, и жаловался на то, что преданъ забвенію. Хотя Юлій Скалигеръ и не могъ припомнить, чтобы до того времени ему приходилось что-нибудь слышать о Бругнолусѣ, однако послѣ этого сновидѣнія онъ не преминулъ написать въ честь Бругнолуса элегію въ стихахъ. Наконецъ, сынъ Скалигера, Іосифъ, въ одно изъ своихъ путешествій по Италіи узналъ случайно, что когда-то въ Веронѣ жилъ одинъ, много способствовавшій возрожденію въ Италіи наукъ, знаменитый грамматикъ или ученый критикъ. Это событіе разсказывается въ сборникѣ стихотвореній Скалигера-отца, содержащемъ въ себѣ и вышеупомянутую элегію, и въ письмахъ Скалигера-сына“ [1]). Конечно, Лейбницъ правъ, когда онъ дѣлаетъ предположеніе, что Скалигеръ зналъ раньше о Бругнолусѣ, во снѣ же только отчасти о немъ вспомнилъ. (См. „Философію мистики“ Дю-Преля, изд. 1895 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сновидѣнія.

(По блаженному Августину).

Что такое сновидѣніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ у Аристотеля, но отвѣтъ матеріалистическій. Этотъ философъ думалъ, что сновидѣніе есть игра одного воображенія и притомъ бываетъ только во время легкаго сна. Въ водѣ мутной не отражается ничего; въ водѣ текущей отражаются предметы, но не совсѣмъ правильно, въ видѣ большемъ или меньшемъ; только чистая и стоячая вода отражаетъ предметы въ ихъ естественной величинѣ и ясно, какъ въ зеркалѣ. То же бываетъ,—говоритъ Аристотель,—и во время сна. Когда фантазія возмущена, душа не представляетъ ничего, не видитъ сновъ. Это обыкновенно случается съ дѣтьми и тѣми, кои спятъ крѣпко. Но по мѣрѣ того, какъ испаренія, происходящія отъ пищи, перевариваемой въ желудкѣ, становятся тоньше и легче, душа начинаетъ фантазировать. Это бываетъ обыкновенно во время легкаго сна и при пробужденіи [1]). Бл. Августинъ очень хорошо понимаетъ, что съ допущеніемъ этой теоріи можно встрѣтить сильныя возраженія противъ догмата о духовности и безсмертіи души. Если разумъ,—говорятъ матеріалисты,—не принимаетъ никакого участія въ дѣйствіяхъ души во время сна, если душа перестаетъ мыслить въ то время, когда перестаетъ ощущать, то ясно, что идеи суть продукты ощущенія, и что если не будетъ этихъ ощущеній, то не будетъ и души: somnus est simillima mortis imago (т.-е., сонъ есть точнѣйшій образъ смерти).

Имѣя въ виду подобныя сужденія, бл. Августинъ доказываетъ, что сонъ не есть параличъ органовъ чувствъ и способности воображенія, а есть отдохновеніе первыхъ и бодрствованіе послѣдняго [2]). Человѣкъ ничего не видитъ во снѣ изъ окружающихъ предметовъ, но въ его душѣ еще остается свѣтъ, — это необходимое условіе для того, чтобы видѣть. Пробудившись отъ сна, мы вспоминаемъ цвѣта, запахъ, звукъ, вообще то, что получается посредствомъ чувствъ; слѣдовательно, мы не были совершенно лишены способности чувствовать, когда воображали подобные предметы. Мы различали тогда одинъ предметъ отъ другого, одушевленное отъ неодушевленнаго, и, слѣдовательно, не были лишены способности пониманія [3]).

«Часто ложныя видѣнія убѣждаютъ спящаго въ томъ, въ чемъ не могутъ убѣдить бодрствующаго и истинныя. Гдѣ же бываетъ тогда разумъ, который во время бодрствованія противустаетъ обольщенію? Неужели и онъ засыпаетъ вмѣстѣ съ тѣлесными чувствами? Нѣтъ, онъ дѣйствуетъ и тогда, потому что во снѣ мы часто противимся увлеченіямъ и, помня свою рѣшимость противиться обольщеніямъ, не обнаруживаемъ никакого къ нимъ сочувствія [4]). Со мною самимъ,—говоритъ бл. Августинъ,—часто случалось, что я во время сна сознавалъ, что вижу грезы, а не дѣйствительные предметы, но только не было во мнѣ яснаго сознанія о томъ, что я такимъ образомъ разсуждаю во время сна, а не въ бодрственномъ состояніи» [5]).

Этого мало; душа можетъ дѣйствовать во время сна еще свободнѣе и легче. «Хотя и въ тѣлѣ часто бываетъ причина сновидѣній, но не тѣло

---

[1]) Leibniz: Neue Abhandlungen über den menschlichen Verstand Kap. 3. § 23.

[1]) De sens. et sensib.
[2]) Enarr. in. Psal. 62, 4.
[3]) De anim. et ej. orig. c. 18.
[4]) Conf. X, 30.
[5]) De Gen. ad. litt. XII, 2.

производитъ ихъ, потому что тѣло не имѣетъ такой силы, чтобы образовать что-либо духовное. Но когда загражденъ путь вниманію души, которымъ обыкновенно управляются движенія чувственныя, тогда она или въ себѣ самой производитъ образы, подобные тѣлеснымъ, или созерцаетъ образы духовные. Въ первомъ случаѣ бываетъ фантазія, а во второмъ видѣнія» (assensiones) [1]).

Предметомъ видѣнія можетъ быть или то, что совершается въ мірѣ высшемъ, небесномъ, или то, что имѣетъ совершиться въ мірѣ нашемъ, земномъ. Какимъ образомъ бываютъ подобныя видѣнія, — этого бл. Августинъ не берется объяснить изъ законовъ естественныхъ.

«Нѣкоторые хотятъ, чтобы человѣческая душа имѣла въ себѣ самой способность предвидѣть будущее. Но если такъ, то почему она не всегда можетъ пророчествовать, когда хочетъ? Не потому ли, что не всегда получаетъ пособіе? Но если получаетъ пособіе, то отъ кого и какимъ образомъ? Не видитъ ли она въ себѣ чего-либо такого, что невидимо для нея въ бодрственномъ состояніи, подобно тому, какъ мы не всегда созерцаемъ заключающееся въ памяти? Или, освобождаясь отъ препятствій, она своею силою открываетъ то, что должно быть предметомъ видѣнія?.. Что изъ этого вѣрно, сказать не могу утвердительно. Не сомнѣваюсь только въ томъ, что тѣлесные образы, которые созерцаются духомъ, не всегда бываютъ знаменіемъ *иныхъ* вещей [2]). Мы видимъ во время сна безчисленные образы вещей, непостигаемыхъ тѣлесными чувствами. Но кто можетъ объяснить, какимъ образомъ и какою силою это бываетъ? Кто осмѣлится сказать что-либо опредѣленное объ этихъ рѣдкихъ и необыкновенныхъ явленіяхъ? Я не берусь объяснить это, потому что не могу понять даже того, что бываетъ съ нами въ бодрственномъ состояніи. Когда я пишу къ тебѣ это письмо, то созерцаю тебя духовно и знаю при этомъ, что ты не при мнѣ. Но какъ это происходитъ въ душѣ, постигнуть не могу. Я только увѣренъ, что необыкновенныя видѣнія, дѣйствительно, бываютъ, и потому разскажу тебѣ слѣдующій случай. Братъ нашъ Геннадій, извѣстный почти всѣмъ и любимѣйшій нашъ медикъ, нерѣдко задавалъ себѣ вопросъ: есть ли жизнь по смерти тѣла? Но такъ какъ онъ творилъ дѣла милосердія, которыя были угодны Богу, то однажды явился ему во снѣ прекрасный юноша и сказалъ: слѣдуй за мною. Когда онъ послѣдовалъ за юношей, то достигъ нѣкоего града, съ правой стороны котораго доходили до его слуха звуки пріятнѣйшаго пѣнія. На вопросъ: что это такое? Геннадій получилъ отвѣтъ: это гимны блаженныхъ святыхъ. Что было на лѣвой сторонѣ града, — этого онъ не помнилъ хорошо» [1]).

Не находя возможнымъ объяснить подобныя явленія изъ причинъ естественныхъ, бл. Августинъ глубоко вѣрилъ, что есть причины ихъ сверхъестественныя; онъ очень часто говоритъ о вліяніи на нашу душу какъ добрыхъ, такъ и злыхъ духовъ, и даже старается изъ началъ разума доказать возможность такого вліянія.

Однажды Невридій обратился къ нему съ вопросомъ: «Какимъ образомъ высшія силы могутъ имѣть вліяніе на наши сновидѣнія? Какими дѣйствуютъ машинами, инструментами, медикаментами? Можетъ-быть, онѣ наполняютъ нашу душу своими мыслями, или показываютъ намъ то, что дѣлается въ ихъ тѣлѣ или въ ихъ фантазіи? Но если допустить первое, то отсюда будетъ слѣдовать, что мы имѣемъ внутри себя еще другіе глаза тѣлесные, которыми видимъ то, что дѣлается въ ихъ тѣлѣ. Если же духи не прибѣгаютъ къ помощи тѣла, а показываютъ намъ то, что въ ихъ фантазіи, то почему же я своей фантазіей не могу подобнымъ образомъ подѣйствовать на твою фантазію?» [2]) Бл. Августинъ отвѣчаетъ Невридію такъ: всякое движеніе души оставляетъ нѣкоторый отпечатокъ въ тѣлѣ. Хотя намъ не всегда замѣтно, какъ отпечатлѣвается мысль въ тѣлѣ, но для существъ эфирныхъ, которыхъ чувства несравненно острѣе нашихъ, легко замѣтенъ подобный отпечатокъ. И если движеніе нашихъ членовъ бываетъ (напримѣръ, отъ дѣйствія музыкальныхъ инструментовъ) изумительно, то почему не допустить, что духи своимъ эфирнымъ тѣломъ могутъ произвести въ нашемъ тѣлѣ движенія, какія имъ угодно, а посредствомъ этихъ движеній произвесть въ насъ и извѣстныя чувства, мысли? [3]) (См. соч. проф. *К. Скворцова:* «Бл. Августинъ какъ психологъ», Кіевъ 1870 г., стр. 98—103).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣщіе сны.

Разсказы о пророческихъ сновидѣніяхъ [3]). 1. Вѣра въ серьёзное значеніе сновидѣній по отношенію опредѣленія характера болѣзней и ихъ лѣченія имѣла въ древности очень широкое распространеніе, и въ исторіи приводится не мало примѣровъ счастливаго примѣненія съ этою цѣлію сна.

Александръ Македонскій, сильно озабоченный болѣзнію одного изъ своихъ военa-

1) De Gen. ad. litt. XII, 2.
2) Ibid., 13.
3) Первую серію разсказовъ мы заимствуемъ изъ соч. г. Битнера: «Вѣрить или не вѣрить?» Пусть самъ читатель увидитъ, насколько несостоятельны его естественныя объясненія характера вѣщихъ сновъ.

1) Epist. Evodio. 159.
2) Epist. VIII.
3) Epist. IX.

чальниковъ, увидѣвъ во снѣ средство къ излѣченію послѣдняго, по пробужденіи, приказалъ тотчасъ же примѣнить указаніе свыше, и больной былъ спасенъ.

У знаменитой Аспазіи, подруги Перикла, развившаяся на подбородкѣ язва была излѣчена лѣкарствомъ, которое посовѣтовала сама Венера, явившаяся гетерѣ во снѣ въ видѣ голубя.

Впрочемъ, подобные случаи исцѣленія, строго говоря, заслуживаютъ упоминанія только въ качествѣ иллюстрацій къ міросозерцанію древнихъ; искать же въ нихъ чего-либо болѣе серьёзнаго, конечно, нѣтъ смысла. Гораздо большаго въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаютъ тѣ изъ тогдашнихъ воззрѣній на сонъ, съ которыми и въ настоящее время наука находитъ нужнымъ считаться.

Лучшіе умы древности, съ Аристотелемъ и Демокритомъ во главѣ, отрицая чудесное происхожденіе сновидѣній, смотрѣли на нихъ, какъ на освобожденіе, всплываніе на поверхность многочисленныхъ впечатлѣній, которыя во время бодрствованія были подавлены мыслію и другими болѣе сильными ощущеніями, подобно „слабому огоньку въ присутствіи большого свѣта". Имѣя въ виду этотъ взглядъ на причину сновидѣній, котораго держались Гиппократъ, Галенъ и др., нетрудно понять, почему они допускали возможность смотрѣть на нѣкоторыя сновидѣнія, какъ на предвѣстники болѣзней. Подобно тому, какъ различныя слабыя впечатлѣнія внѣшняго міра во время бодрствованія не доходятъ до нашего сознанія, заглушаемыя болѣе сильными, точно такъ же и процессы нашей внутренней, растительной жизни совершаются безъ участія сознанія. „Не чувствовать своего организма, — говоритъ Тургеневъ,—признакъ полнаго здоровья". Во время болѣзни, когда нарушеніе правильной дѣятельности организма достигаетъ извѣстной степени интенсивности, страданія вынуждаютъ насъ обратить вниманіе на совершающіеся внутри насъ патологическіе процессы. Но, само собою понятно, что въ состояніи бодрствованія для привлеченія нашего вниманія, которое постоянно отвлекается шумнымъ міромъ мыслей, страстей, образовъ, чувствъ и желаній, необходимо значительное развитіе болѣзни; во время же сна, когда внѣшнія возбужденія низводятся до минимума, и человѣкъ живетъ почти одними только старыми впечатлѣніями, всякое даже довольно незначительное нарушеніе обычной дѣятельности органовъ вызываетъ соотвѣтственное отраженіе въ сновидѣніяхъ. Послѣднія, въ значительной степени завися отъ индивидуальности субъекта, пережитыхъ имъ впечатлѣній и внѣшнихъ во время сна воспріятій, имѣютъ тѣмъ не менѣе довольно опредѣленный характеръ, обусловливаемый тѣми или иными внутренними ощущеніями.

Жена генерала Слимэна въ то время, когда онъ преслѣдовалъ въ Индіи дзеггіевъ, однажды обратилась къ нему съ настойчивою просьбою перенесть разбитый наканунѣ бивуакъ на другое мѣсто, потому что ей всю ночь снились преслѣдовавшіе ее мертвецы. Какъ разъ въ тотъ же день были получены извѣстія, вслѣдствіе которыхъ генералъ приказалъ рыть землю, и на мѣстѣ расположенія палатки его жены было найдено 14 труповъ — жертвъ дзеггіевъ.

Въ этомъ случаѣ, приводимомъ Карпентеромъ, отвратительный запахъ разлагавшихся труповъ, дѣйствуя на безсознательную мозговую дѣятельность спящей, вызвалъ тяжелый сонъ.

Во время бодрствованія подобная повышенная чувствительность если и встрѣчается, то лишь у очень рѣдкихъ натуръ. Въ извѣстномъ сочиненіи Делеза „Histoire critique du Magnétisme animal" (1813) приводится разсказъ Эрмана объ одномъ изъ такихъ чувствительныхъ субъектовъ, восемнадцати-лѣтнемъ кандидатѣ богословія Биллингѣ, который бывалъ у извѣстнаго баснописца Пфеффеля, родственника Эрмана.

Однажды слѣпой поэтъ предложилъ молодому человѣку пройтись съ нимъ по саду. Держась во время прогулки за руку Биллинга, Пфеффель замѣтилъ, что каждый разъ, когда они проходили по одному мѣсту, рука молодого человѣка начинала дрожать. Сначала Биллингъ отказывался сообщить причину такого непонятнаго безпокойства, но потомъ, уступивъ настоятельной просьбѣ Пфеффеля, объяснилъ, что, вѣроятно, на этомъ мѣстѣ похоронено чье-нибудь тѣло, такъ какъ онъ испытывалъ какое-то тревожное чувство, которое всегда овладѣвало имъ, вблизи трупа. Вечеромъ того же дня, опять гуляя съ баснописцемъ, молодой человѣкъ видѣлъ надъ тѣмъ же мѣстомъ свѣтящуюся, прозрачную фигуру женщины. Тогда Пфеффель, котораго Биллингъ не рѣшился сопровождать, подошелъ къ призраку и сталъ поражать его палкою, которая разсѣкала фигуру, не нарушая ея очертаній. Въ слѣдующій вечеръ, въ присутствіи многихъ родственниковъ поэта, изъ которыхъ никто ничего не замѣчалъ, Биллингъ опять видѣлъ ту же фигуру. Нѣсколько дней спустя, по приказанію Пфеффеля и безъ вѣдома Биллинга, на замѣченномъ мѣстѣ была вырыта глубокая яма, на днѣ которой, подъ слоемъ

извести, оказался человѣческій скелетъ. Удаливъ его оттуда, яму опять засыпали и заровняли. Черезъ три дня Пфеффель опять отправился въ садъ, взявъ съ собою Биллинга, который ничего не зналъ объ открытіи, но на этотъ разъ молодой человѣкъ уже не испытывалъ никакого безпокойства.

Въ числѣ примѣровъ, иллюстрирующихъ постепенное развитіе сонныхъ ассоціацій, Шернеръ обращаетъ вниманіе на сновидѣнія, которыя связаны съ ощущеніемъ переполненія мочевого пузыря. Въ такихъ случаяхъ представленія о водѣ въ разныхъ видахъ занимаютъ въ нашихъ грезахъ первое мѣсто. Намъ снятся: то купаніе въ рѣкѣ, то наводненія, то катаніе на лодкѣ, то кораблекрушенія... Всѣ эти сонныя ассоціаціи, связанныя съ органическимъ ощущеніемъ, имѣютъ много общаго съ явленіемъ, такъ называемаго, обратнаго рефлекса (Дохманъ). Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя душевныя волненія вызываютъ, какъ извѣстно, соотвѣтственныя непроизвольныя, отраженныя движенія внутри нашего организма. Изъ нихъ едва ли не самое рельефное и чаще всего замѣчаемое, особенно среди учащихся передъ экзаменомъ, — это усиленная перистальтика кишекъ, возбуждаемая чувствомъ боязни и страха; ощущеніе непріятнаго запаха, а у нѣкоторыхъ даже воспоминаніе о немъ возбуждаетъ чувство тошноты; видъ людей, пытающихся поднять или сдвинуть какой-нибудь тяжелый предметъ, вызываетъ въ насъ желаніе помочь, сопровождаемое соотвѣтственнымъ сокращеніемъ мускуловъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рефлективное движеніе является слѣдствіемъ опредѣленной эмоціи. Во снѣ же происходитъ обратное явленіе. Различныя разстройства пищеваренія, обыкновенно сопровождаемыя ощущеніемъ тошноты, вызываютъ сновидѣнія, въ которыхъ мы видимъ трупы, присутствуемъ при ихъ вскрытіяхъ, попадаемъ въ помойныя ямы и т. п. При катарральномъ состояніи кишекъ, сопровождаемомъ поносомъ, чувство страха играетъ главную роль въ сновидѣніи. У многихъ въ первомъ періодѣ заболѣванія брюшнымъ тифомъ замѣчено, что въ это время они бываютъ въ своихъ сонныхъ грезахъ пугаемы видомъ змѣй. Измѣненіе въ состояніи мускуловъ и ихъ возбужденіе вызываетъ во снѣ представленіе о летаніи, бѣганіи, паденіи.

Изъ вышесказаннаго читатель, такимъ образомъ, уже можетъ видѣть, что взглядъ древнихъ мыслителей и врачей на нѣкоторыя сновидѣнія, какъ предвѣстники болѣзней, имѣетъ весьма серьёзныя основанія, признаваемыя современною наукою. „Есть болѣзни, — говоритъ Дохманъ, — обладающія долгимъ промежуткомъ скрытаго теченія, когда единственнымъ признакомъ является только измѣненіе въ характерѣ и настроеніи больного... Мнѣ кажется, вообще трудно подыскать заболѣваніе, — кромѣ развѣ травматическихъ поврежденій, — гдѣ бы не было скрытаго теченія...“ Сонъ, по выраженію Шюле, можетъ являться самымъ точнымъ и непосредственнымъ истолкователемъ сокровеннѣйшихъ молекулярныхъ процессовъ, и опытный, внимательный врачъ долженъ постараться подъ аллегорическою окраскою уловить указаніе на совершающіяся внутри организма скрытыя патологическія измѣненія. Старые врачи, незнакомые съ современными методами изслѣдованія болѣзней, по необходимости должны были болѣе обращать вниманія на сновидѣнія, какъ на важное діагностическое средство.

Въ „De somnis“, — книгѣ, приписываемой Гиппократу, — въ сочиненіяхъ Галена, Кордано, Дюгальда, Стюарта, Моро де-ля Сарта, Макаріо, Пуркинье, Грасіоле и многихъ другихъ работахъ старыхъ и новыхъ врачей мы встрѣчаемъ массу примѣровъ, иллюстрирующихъ значеніе сновидѣній для предсказанія развитія, теченія и даже исхода болѣзней.

У Арно де-Вильнева образовался на боку карбункулъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ ему наканунѣ пригрезилось во снѣ, его укусила черная кошка. Рожеру, рыцарю арміи Дугласа, который легъ спать совершенно здоровымъ, приснилось, что зачумленный человѣкъ напалъ на него и изрыгнулъ ему чуму въ ротъ. Черезъ три дня рыцарь дѣйствительно умеръ отъ чумы.

Одному больному, который страдалъ падучею, незадолго до припадка приснилось, что напавшіе на него разбойники выбивали у него молоткомъ изъ головы мозгъ.

Другому эпилептику тоже передъ приступомъ казалось во снѣ, что его раздираетъ тигръ.

Больной, который черезъ двѣ недѣли былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ, имѣлъ цѣлый рядъ ужасныхъ сновъ, въ одномъ изъ которыхъ онъ былъ скальпированъ индѣйцами.

Конраду Геснеру приснилось, что змѣя укусила его въ грудь съ лѣвой стороны; черезъ нѣкоторое время въ томъ же мѣстѣ, дѣйствительно, явилось весьма серьёзное глубокое страданіе.

Одинъ субъектъ видѣлъ во снѣ, что его домъ и самъ онъ, сгорая, превращаются въ пепелъ; черезъ нѣсколько дней онъ заболѣлъ воспаленіемъ мозга.

Тестъ, бывшій министромъ у Луи-Филиппа, видѣлъ во снѣ, что его поразилъ

апоплексическій ударъ, и, спустя три дня, онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ отъ удара.

Макаріо передаетъ случай, когда ему самому приснилось, что у него болитъ горло; проснувшись, онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, но черезъ нѣсколько часовъ у него открылось крайне болѣзненное воспаленіе миндалевидныхъ железъ. Морель говоритъ, что многіе больные передъ развитіемъ у нихъ помѣшательства видятъ страшные сны и какъ бы знаютъ, что они должны потерять разсудокъ. То же подтверждаетъ и Пинель. Явленія, связанныя съ разстройствомъ грудной и брюшной полостей, вызываютъ сновидѣнія, въ которыхъ на грудь спящаго садится какое-нибудь чудовище, которое иногда угрожаетъ даже его жизни. Подобные кошмары особенно часто являются при переполненіи кишекъ газами. При незначительныхъ лихорадочныхъ или безлихорадочныхъ разстройствахъ, не выражающихся опредѣленными признаками, въ сновидѣніяхъ являются какія-нибудь отвратительныя фигуры, или особенно неотвязчивыя идеи, которыя всю ночь такъ или иначе преслѣдуютъ спящаго. По наблюденіямъ Гиппократа, сны шумные, оживленные бываютъ признакомъ возбужденнаго состоянія нервной системы, тихіе и пріятные — предвѣщаютъ въ нервныхъ горячкахъ хорошій исходъ болѣзни, а страшные — часто сопровождаются приливами крови къ головѣ и бредомъ. Видящій во снѣ чудовищъ, строющихъ ему гримасы, рискуетъ подвергнуться болѣзни кишекъ или печени. Манія предвѣщается снами, въ которыхъ больной переплываетъ рѣки, сражается съ врагами, видитъ себя окруженнымъ вооруженными людьми, чудовищными, страшными предметами. У Галена указываются, какъ на предвѣстникъ многихъ кровотеченій, кровавые („красные“) сны. Онъ же приводитъ случай, въ которомъ одинъ изъ его паціентовъ черезъ нѣсколько дней послѣ приснившагося ему превращенія его ноги въ камень былъ пораженъ параличомъ той же ноги.

Мы бы никогда не кончили, если бы вздумали приводить многочисленные примѣры такого рода вѣщихъ сновъ. Всѣ они, какъ мы уже видѣли, не имѣя въ сущности въ себѣ ничего пророческаго, представляютъ собою вполнѣ естественное явленіе, дальнѣйшее изученіе котораго можетъ, по мнѣнію врачей, имѣть очень важное значеніе въ дѣлѣ предсказанія и предупрежденія заболѣваній.

2. Обратимся теперь къ другой категоріи сновъ, которые претендуютъ на званіе настоящихъ пророческихъ видѣній, такъ какъ предсказываютъ разныя чисто внѣшнія событія.

Нѣкто Симонидъ, которому нужно было на другой день ѣхать на кораблѣ въ Делосъ, найдя на дорогѣ трупъ человѣка, позаботился о его погребеніи. Ночью ему приснился этотъ покойникъ, который предупреждалъ его не садиться на корабль, гдѣ ему было уже приготовлено даже мѣсто, потому что его ожидаетъ гибель. Сонъ произвелъ на Симонида сильное впечатлѣніе, и онъ перемѣнилъ намѣреніе. Черезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе, что корабль со всѣми пассажирами, дѣйствительно, потонулъ.

Почти аналогичный случай, но окончившійся трагически, имѣлъ мѣсто въ наше время.

Одна дама, проживавшая въ Кохинхинѣ, должна была уѣхать изъ Сайгуна на правительственной канонеркѣ. Наканунѣ отъѣзда въ теченіе ночи ей снились кораблекрушенія, пожары, взлетающіе на воздухъ суда, борющіеся съ волнами пассажиры и т. п. ужасныя сцены, отъ которыхъ она не разъ просыпалась.

Тѣмъ не менѣе уѣхать ей все-таки пришлось. Но случилось несчастіе, жертвою котораго и пала дама. Котелъ канонерки лопнулъ, причинивъ сильные обжоги путешественницѣ, которая вскорѣ отъ нихъ умерла.

Оба эти случая врядъ ли требуютъ особыхъ комментаріевъ, въ особенности, если прибавить, что о плохомъ состояніи паровыхъ котловъ на правительственныхъ канонеркахъ знала вся колонія. Впрочемъ, приготовленія къ морскому путешествію, представляющему и до настоящаго времени, а тѣмъ болѣе въ древности, не мало опасностей, не могли не вызывать опасеній, которыя во снѣ, сообразно съ обстоятельствами, приняли ту или иную форму.

Однажды ночью принцессѣ Конти приснилось, что одинъ изъ ея аппартаментовъ, служившій спальнею ея дѣтямъ, готовъ обрушиться. Дрожа отъ ужаса за участь своихъ дѣтей, она просыпается и зоветъ дамъ, спавшихъ въ уборной, которымъ приказываетъ принести дѣтей. Попытки успокоить принцессу старинной поговоркой: „tous songes sont mensonges“ (всѣ сны обманчивы) не приводятъ ни къ чему, и онѣ показываютъ видъ, что отправляются въ комнаты маленькихъ принцевъ, но вскорѣ возвращаются съ заявленіемъ, что тѣ спятъ такимъ сладкимъ сномъ, что жаль ихъ будить. Тогда принцесса, которой казалось, что несчастье уже случилось, и отъ нея стараются скрыть его, приказываетъ подать себѣ платье и хочетъ сама итти за дѣтьми, но дамы не допускаютъ до этого,—онѣ приносятъ принцевъ къ матери. Едва только

онѣ успѣли войти въ комнату принцессы, какъ потолокъ въ дѣтской обрушился.

„*Извѣстныя сужденія*, — говоритъ Симонъ,—опирающіяся на безсознательно усвоенныя нами представленія, *формируются, вырабатываются въ тайникахъ мозга, причемъ до сознанія доходитъ только конечный результатъ этого процесса—заключеніе*, и эти вполнѣ законченныя сужденія, опирающіяся на доводы и посылки, которыхъ мы не знаемъ, производятъ впечатлѣнія чего-то сверхъестественнаго“ [1]). Смѣло можно сказать, что добрая половина нашихъ поступковъ въ жизни основана на безсознательныхъ сужденіяхъ, которыя въ свою очередь основываются на данныхъ, пріобрѣтенныхъ тоже безъ участія сознанія. Съ этой точки зрѣнія многіе случаи предчувствія, не поддающіеся иному раціональному объясненію, могутъ быть легко поняты, не выходя изъ предѣловъ строго научныхъ воззрѣній.

Сужденія, въ большинствѣ случаевъ, по видимому, являются у насъ раньше, чѣмъ подыскано для нихъ основаніе. При этомъ замѣчательно, что самая сложная по составу и охватываемому времени мысль способна возникнуть мгновенно: она лежитъ внѣ условій времени. Въ особенности это подтверждается свидѣтельствами людей, жизни которыхъ угрожала какая - нибудь большая опасность. Въ такихъ случаяхъ въ одинъ мигъ передъ ихъ духовнымъ взоромъ проносилась вся жизнь. То же явленіе замѣчается иногда и во снѣ. Еще Кантъ замѣтилъ, что, во время послѣдняго, человѣкъ можетъ въ одну минуту видѣть болѣе, чѣмъ въ другое время въ теченіе цѣлаго дня.

Такимъ образомъ мы видимъ, что ни для возникновенія, ни для совершенія мысли времени не нужно.

Итакъ, стало-быть, какъ предчувствіе, такъ и тѣсно съ нимъ связанные пророческіе сны во многихъ случахъ являются выраженіемъ упомянутой безсознательной дѣятельности мозга и связанныхъ съ нею сужденій и рѣшеній [2]).

[1]) Безъ допущенія ясновидѣнія души подобныя объясненія пророческихъ сновидѣній едва ли кого убѣдятъ. Боязнь г. Битнера признать въ человѣкѣ бытіе духовной, безсмертной и разумной души съ ея дивными свойствами заставляетъ его прибѣгать къ самымъ натянутымъ объясненіямъ, лишь бы только устранить все сверхчувственное.

Прот. Г. Д—ко.

[2]) Предчувствія и пророческіе сны ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать безсознательной дѣятельности мозга: здѣсь въ слѣдствіяхъ гораздо больше дано, чѣмъ въ причинахъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ изъ безсознательной, чисто механической дѣятельности мозга могутъ получаться ясные пророческіе сны и опредѣленныя предчувствія? Но если мы допустимъ разумную и ясновидящую душу въ человѣкѣ, способную къ непосредственному знанію скрытаго и отдаленнаго, то предчувствія и пророческіе сны становятся совершенно понятны.

Прот. Г. Д—ко.

3. Но бываютъ случаи, къ которымъ подобный способъ объясненія или вовсе непримѣнимъ, или недостаточенъ. Такого рода фактовъ, кстати сказать, относящихся уже къ другой категоріи явленій, встрѣчается въ жизни не мало. Они были замѣчены также и въ древности, о чемъ имѣются вполнѣ достовѣрныя историческія свидѣтельства.

Одинъ изъ подобныхъ фактовъ, имѣвшій мѣсто въ наше время, передаетъ Морицъ. Пастору Ульричи другъ его, исполнявшій тѣ же обязанности въ сосѣдней деревнѣ, однажды сказалъ о предчувствуемой имъ смерти, несмотря на полное здоровье. Ульричи, который не придалъ особаго значенія словамъ друга, попытался однако его успокоить. Спустя нѣсколько дней, въ шесть часовъ утра, Ульричи приснилось, что его другъ, котораго понесла лошадь, падаетъ и разбиваетъ голову о дерево. Онъ просыпается въ слезахъ. Весь день пасторъ былъ въ волненіи, убѣжденный въ смерти своего друга. Дѣйствительно, скоро стало извѣстно, что наканунѣ страшнаго сна, въ пять часовъ вечера, пасторъ умеръ какъ разъ при той же обстановкѣ, какая представилась Ульричи во снѣ. (В. Битнеръ: „Вѣрить или не вѣрить?“ Спб. 1899 г., стр. 11—26).

Въ газетѣ „Кіевлянинъ“ сообщаютъ о слѣдующемъ странномъ случаѣ. Козелецкаго уѣзда, Быковской волости, въ селѣ Петровкѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, неизвѣстно куда дѣвалась собственница Фотина Костенкова. Розыски мѣстныхъ властей о неизвѣстной отлучкѣ изъ дома Фотины Костенковой не дали никакого результата. Съ 14 на 15 ноября дѣвочкѣ лѣтъ 12, совершенно въ противоположной сторонѣ того же села, снится, что Фотина Костенкова пришла къ ней и проситъ кусокъ хлѣба, на что дѣвочка отвѣтила: „у меня самой мало хлѣба, а ты гораздо богаче меня, да еще и хлѣба просишь“, потомъ спросила: „Фотина, гдѣ ты теперь живешь?“ Фотина отвѣчала: „я живу въ пустой хатѣ, въ тѣсномъ мѣстѣ подъ лавкою; сходи и скажи моему сыну, пусть меня ищетъ“. Дѣвочка, проснувшись, разсказала сонъ сначала матери, потомъ отцу, которые и не замедлили передать объ этомъ сыну Костенковой. Взявши жену и свидѣтелей, тотъ пошелъ съ заступомъ въ пустую хату и началъ копать подъ лавкою; увидѣвъ ноги матери своей, спросилъ жену: „а се що?“ Жена, въ испугѣ, ставъ на колѣни, сказала: „еще на третьей недѣлѣ великаго поста, когда говѣли, а я съ свекровью оставалась дома, мы повздорили; свекровь ударила меня два раза по лицу, за что я толкнула свекровь въ грудь такъ, что она упала и ударилась затылкомъ о прилавокъ.

Замѣтивъ, что свекровь не поднимается, я ушла было въ церковь, но, раздумавъ на дорогѣ, воротилась домой, и тогда, увидѣвъ, что свекровь уже умерла, сначала спрятала ее подъ печь и прикрыла соломою. На другой день, когда снова всѣ ушли изъ дома, я выкопала въ пустой хатѣ подъ лавкою яму и убитую свекровь перенесла черезъ сѣни и схоронила". („Простая рѣчь о мудрен. вещахъ", М. Погодина, изд. 1884 г.).

Дорогою, когда Ломоносовъ плылъ моремъ изъ-за границы въ свое отечество, случилось съ нимъ происшествіе, которое онъ никогда не могъ забыть. Михаилъ Васильевичъ видѣлъ во снѣ своего отца, выброшеннаго кораблекрушеніемъ и лежавшаго мертвымъ на необитаемомъ, неизвѣстномъ островѣ на Бѣломъ морѣ, но памятномъ ему съ юности, потому что онъ нѣкогда былъ прибитъ къ нему бурею съ отцомъ своимъ. Лишь только онъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, какъ поспѣшилъ справиться объ отцѣ у своихъ земляковъ и узналъ, что онъ еще прошлою осенью отправился на рыбную ловлю и съ тѣхъ поръ не возвращался, а потому полагаютъ, что съ нимъ случилось несчастіе. Ломоносовъ такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ прежде своимъ сновидѣніемъ, и далъ себѣ слово отправиться на родину, отыскать тѣло несчастнаго отца на томъ самомъ островѣ, на которомъ онъ ему приснился, и съ честію предать землѣ. Но такъ какъ занятія въ С.-Петербургѣ не позволяли Ломоносову исполнить это намѣреніе, то онъ съ купцами, возвращающимися изъ С.-Петербурга на его родину, послалъ къ тамошнимъ роднымъ своимъ письмо и поручилъ брату исполнить это предпріятіе. Желаніе его было исполнено въ то же лѣто: холмогорскіе рыбаки пристали къ указанному острову, дѣйствительно отыскали мертвое тѣло Василія Ломоносова, похоронили и взвалили большой камень на могилу. (Исторія Импер. Акад. Наукъ, въ С.-Петербургѣ, т. II, стр. 312).

Въ числѣ многихъ писемъ, оставшихся послѣ смерти ярославскаго преосвященнаго Евгенія, умершаго на 94 году жизни, сохранилось одно весьма интересное—касательно перемѣщенія его изъ Пскова въ Тобольскъ.

Изъ письма его къ одному іерарху, давно уже умершему, открывается, что причиною просьбы его о перемѣщеніи въ Тобольскъ было таинственное видѣніе. Вслѣдствіе этого видѣнія преосвященный поспѣшилъ обратиться къ первенствующему члену св. синода, митрополиту Серафиму, съ письмомъ, прося представить его къ замѣщенію тобольской каѳедры, но не открывая причины своей просьбы. Такое же письмо онъ писалъ къ другому члену синода, архіепископу ярославскому Аврааму. Оба члена синода были изумлены тѣмъ, что Евгеній, неизвѣстно почему, просится изъ лучшей епархіи въ худшую и отдаленную, и отвѣчали ему отказомъ. Евгеній снова обратился къ нимъ съ просьбою о ходатайствѣ предъ Государемъ Императоромъ о перемѣщеніи его въ Тобольскъ, присовокупляя, что, если и на сей разъ получитъ отъ нихъ отказъ, самъ будетъ просить Государя о перемѣщеніи въ Тобольскъ. На сей разъ Евгенію удалось расположить помянутыхъ членовъ синода въ свою пользу, но одинъ изъ нихъ, архіепископъ Варлаамъ, просилъ Евгенія объяснить ему конфиденціально причину настойчиваго желанія промѣнять одну каѳедру на другую. Евгеній не скрылъ отъ него этой причины въ отвѣтномъ письмѣ. Вотъ что онъ сообщилъ: „весь просвѣщенный свѣтъ смѣется снамъ. Духовный регламентъ не велитъ производить въ священники тѣхъ, кои вѣрятъ снамъ. А я долженъ открыть В. В., что не иная причина моего перемѣщенія. Это безъ сомнѣнія изумитъ Васъ, но прошу выслушать, какого сорта мой сонъ.

„Ихъ было три—первый и второй черезъ два дни, одинъ послѣ другого, третій послѣ второго спустя три дни. Въ первомъ видится покойная моя матушка; сонъ очень ясенъ. „Я, говоритъ, пришла къ тебѣ нарочно посовѣтовать, чтобы ты просился изъ псковской епархіи". Много было разговоровъ *и за и противъ*, но заключила она тѣмъ: я этого отъ тебя требую и непремѣнно приказываю, —этого требуетъ польза души твоей". Съ этими словами она простилась со мной, и что потомъ снилось, не помню".

Проснувшись, я этимъ нимало не занялся. Спустя два дня, видится мнѣ отецъ, покойный же, коего я во снѣ никогда не видалъ: будто стоитъ у церкви на паперти и говоритъ: „Евгеній, поди сюда". Я подошелъ: онъ меня благословилъ и поцѣловался. Потомъ говоритъ:

— Была у тебя мать?

— Я отвѣчаю—была.

— Что же ты ее не послушалъ? Ее я послалъ къ тебѣ.

— Зачѣмъ же мнѣ изъ Пскова? Мнѣ здѣсь хорошо.

— Для того-то и выдь, что хорошо,—этого требуетъ польза души твой.

— Куда же мнѣ вытти?

— Теперь много архіерейскихъ вакансій. Послушайся, прости же, мнѣ время служить.

И, простясь, ушелъ въ церковь, а я проснулся.

Этотъ сонъ сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе. Я думалъ и передумывалъ, и

окончилъ тѣмъ, что основываться на снѣ было бы странно, а другихъ резоновъ, чтобы проситься, не могъ придумать.

Спустя три дни видится мнѣ митрополитъ Платонъ, будто ко мнѣ взошелъ въ кабинетъ. Я очень смѣшался, что мнѣ не сказали. Хватаюсь за рясу и камилавку. Онъ мнѣ говоритъ:

— Не заботься о пустомъ. Я пришелъ о дѣлѣ съ тобой поговорить: что не слушаешься отца и матери?

— Въ чемъ?

— Для чего не просишься изъ Пскова?

— Куда же проситься? Вакансіи епископскія—неужели о пониженіи.

— Неправда, есть высшая—Тобольская.

— Ваше Высокопреосвященство — это Сибирь.

— Но ты недостоинъ и епископской. Повинуйся, я тебѣ повелѣваю именемъ Божіимъ (при сихъ словахъ я весь задрожалъ).

— Повинуюсь, но къ кому я пошлю просьбу?

— Къ Аврааму.

— Что напишу?

— Ничего, только просись.

— Но если не уважатъ безъ резона?

— И будетъ принята, и исполнится.

Потомъ онъ снялъ со стѣны образъ и, подавая, сказалъ: „цѣлуй въ знакъ клятвы“. Я поцѣловалъ, и потомъ онъ благословилъ меня и сказалъ: „теперь ежели не послушаешь, будешь подъ клятвой“, и вышелъ вонъ съ послѣдними словами. Я проснулся, и повѣрите ли, почтеннѣйшій архипастырь, *я слышалъ ихъ, проснувшись, и видѣлъ его выходящаго изъ двери.* Я вскочилъ посмотрѣть далѣе, но болѣе уже ничего не видалъ. Вотъ вамъ исповѣдь моя совершенная. Посудите, могъ ли я противиться?“ (См. кн. свящ. Булгаковскаго: „Изъ области таинствъ.“).

Въ 1796 году, 5 ноября, цесаревичъ Павелъ Петровичъ обѣдалъ на Гатчинской мельницѣ, въ пяти верстахъ отъ своего дворца. Передъ обѣдомъ, когда собрались гости, составлявшіе гатчинское общество, цесаревичъ и супруга его разсказывали Плещееву, Кушелеву, графу Віельгорскому и Бибикову свое сновидѣніе въ ту ночь. Павелъ Петровичъ во снѣ сознавалъ, что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, но опять засыпалъ и опять былъ разбужаемъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, примѣтивъ, что Марія Ѳеодоровна не спала, пересказалъ ей сонъ свой и узналъ, что и она то же самое неоднократно видѣла во снѣ. Послѣ обѣда онъ получилъ извѣстіе о внезапной смерти императрицы Екатерины, постигшей ее утромъ того же дня. Итакъ, обѣ эти души во снѣ предузнали свое неожиданное возвышеніе, по волѣ живущаго на небѣ Царя царствующихъ, куда возносила ихъ какая-то невидимая сила въ часы сна ихъ. (Извлеч. въ сокращ. изъ „Книги бытія моего“ епископа Порфирія Успенскаго, стр. 337—341).

Ночью снилось мнѣ, — разсказываетъ епископъ Порфирій Успенскій, — будто я былъ у Константина Сербиновича, служившаго при Св. Синодѣ, и онъ училъ меня разрѣзывать снѣди для гостей на малые кусочки.

Время объяснило это вѣщее сновидѣніе. Синодальное начальство, которое во снѣ моемъ представлялъ Сербиновичъ, недовольное тѣмъ, что я уѣхалъ изъ Кіева въ Іерусалимъ (23 марта), не дождавшись рѣшенія его, тогда какъ оно намѣревалось вызвать меня оттуда въ Петербургъ, чего я не зналъ, прекратило высылку мнѣ жалованья и столоваго оклада моего изъ синодальныхъ суммъ въ теченіе всего 1852 года. Это лишеніе стѣсняло меня въ первыхъ потребностяхъ жизни. Мнѣ приходилось довольствоваться кусочками. Не разъ я напоминалъ Синоду и министерству иностранныхъ дѣлъ объ удержаніи моихъ денежныхъ окладовъ, и едва-едва получилъ ихъ уже 8 мая 1853 г., да и тѣ только со дня выѣзда моего изъ Одессы въ Константинополь (30 марта), какъ будто я съ сентября 1852 г. по этотъ день не состоялъ на службѣ. Кромѣ сего, за весь 1853 г. на содержаніе меня и ввѣренной мнѣ миссіи выслали только первую треть нашихъ окладовъ, и ту очень поздно, во время разрыва мира съ Турціей. Я получилъ ее 9 сентября. Въ такихъ обстоятельствахъ благоразуміе понудило меня отослать жившаго на моемъ иждивеніи іеродіакона изъ грековъ и сократить расходы столовые, такъ что миссія довольствовалась кусочками.

Вѣщее сновидѣніе! Замѣчательное сновидѣніе! Душа моя предвидѣла лишенія и скорби мои еще тогда, когда Синодъ намѣревался вызвать меня изъ Кіева въ Питеръ, слѣдовательно, и не думалъ лишать меня окладовъ моихъ, а къ помянутому разрыву еще не было ни малѣйшаго повода. Какъ же она предузнала то, что еще не существовало и что воспослѣдовало, спустя долгое время? Какъ она въ 8 день февраля 1852 г. своеобразно предрекла будущую скудость мою, продолжавшуюся до 9 сентября 1852 г., тогда какъ нельзя было и думать, чтобы могли рѣшиться наказать меня ни за что, ни про что, вычетомъ изъ жалованья моего. На эти вопросы одинъ отвѣтъ: душа одарена богоподобною способность видѣть будущее,

какъ настоящее, и мѣтко творить для него пристойные образы[1]). (Оттуда же).

Приведемъ теперь нѣсколько сновидѣній этой категоріи изъ англійской жизни,—случаевъ, вполнѣ удостовѣренныхъ.

Слѣдующій разсказъ полученъ профессоромъ Барретъ въ 1875 г. отъ г-жи Линкольнъ.

„Утромъ 7 февраля 1855 года въ Маунтъ-Плезентъ Скверъ въ Дублинѣ, гдѣ я тогда жила, я проснулась послѣ тяжкаго сна, воскликнувъ: „Джонъ умеръ".—„Спи, — сказалъ мужъ, — ты бредишь!"— Я уснула, но вторично проснулась съ тѣми же словами и попросила мужа посмотрѣть, который часъ; онъ сказалъ мнѣ, что два часа. Этотъ сонъ сильно подѣйствовалъ на меня, и я на другой день отправилась въ городъ, гдѣ пошла въ контору за извѣстіями; г. Джонъ Ц. весь предыдущій мѣсяцъ провелъ въ Дендрумѣ (онъ не былъ мнѣ родственникомъ, но очень близкимъ пріятелемъ). Когда я подошла къ дому, я увидала, что онъ запертъ, и стоящій у дверей человѣкъ сказалъ мнѣ: „барыня, г. Джонъ умеръ!" -„Когда онъ скончался?"— спросила я.—„Сегодня, въ 2 часа утра". Я до того была поражена страхомъ, что ему пришлось проводить меня въ переднюю и принести мнѣ воды. Я ничего ве знала про болѣзнь г. Ц., съ которымъ разговаривала двѣ недѣли тому назадъ: тогда онъ жаловался на легкую простуду, но надѣялся, что ему поможетъ пребываніе въ Дендрумѣ, откуда скоро думалъ вернуться. Послѣ этого я болѣе съ нимъ не встрѣчалась и ничего про него не слыхала, пока не увидала тотъ сонъ.

„Когда я была десятилѣтней дѣвочкой,— сообщаетъ г-жа Джарретъ, — старый другъ нашего семейства, особенно дорогой мнѣ, датчанинъ (бывшій преподаватель датскихъ принцевъ, а впослѣдствіи учитель языковъ въ высшей школѣ въ Санъ-Франциско), думалъ улучшить свое положеніе переселеніемъ въ городъ Мехико. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда, я видѣла во снѣ, что онъ сидитъ въ конторѣ моего отца, что я немедленно побѣжала къ нему, воскликнувъ: „какъ я рада, что вы вернулись". Онъ поднялъ руку, какъ будто желая слегка оттолкнуть меня, и серьёзно сказалъ: „не приближайся ко мнѣ, я умираю въ Мехикѣ отъ горловой болѣзни и пришелъ извѣстить объ этомъ твоего отца". Я отступила печальная и пораженная ужасомъ, и проснулась. На другой день я всѣмъ разсказала про свой сонъ, и надо мной много смѣялись. Но мой отецъ уже съ нѣкотораго времени ничего не слыхалъ про нашего друга, и только чрезъ три недѣли я случайно уловила слѣдующія слова, сказанныя ему однимъ господиномъ: „скажите, докторъ, слышали ли вы про своего друга Г.?" Отецъ отвѣтилъ отрицательно, и господинъ продолжалъ: „мнѣ говорили, что онъ умеръ въ Мехико, три недѣли тому назадъ, отъ горловой болѣзни".

„Въ понедѣльникъ, 31 іюля 1854 г.,— сообщаетъ Андр. Джюксъ,—я былъ въ Уоркшопѣ у господина Геннинга, агента герцога Ньюкэстльскаго. Какъ только я проснулся въ то утро (а нѣкоторые утверждаютъ, что это было во снѣ), я услыхалъ голосъ стараго моего товарища по школѣ (Ц. Ц.), умершаго года два тому назадъ, который сказалъ мнѣ: „вашъ братъ Маркъ и Генріетта умерли". Эти слова звучали у меня въ ушахъ, когда я проснулся. Мнѣ казалось, что я ихъ слышу наяву. Мой братъ тогда былъ въ Америкѣ, и оба были здоровы, когда я въ послѣдній разъ слыхалъ про нихъ; но слова, относившіяся къ нему и къ его женѣ, такъ сильно на меня подѣйствовали, что я, при выходѣ изъ своей спальни, тутъ же на мѣстѣ ихъ записалъ на клочкѣ старой газетной бумаги, не имѣя другой бумаги подъ рукою. Въ тотъ же самый день я вернулся въ Гель, упомянулъ женѣ о случившемся и записалъ въ дневникъ, который еще сохраняю, фактъ, произведшій на меня столь глубокое впечатлѣніе. Я совершенно увѣренъ, что эта замѣтка въ дневникѣ какъ бы копія съ вышеупомянутаго клочка газетной бумаги.

„18 августа (тогда атлантическій телеграфъ не былъ еще проведенъ) я получилъ отъ 1 августа письмо отъ жены моего брата, въ которомъ она сообщаетъ мнѣ, что Маркъ только что умеръ отъ холеры; прочитавъ проповѣдь въ воскресенье, онъ заболѣлъ холерой въ понедѣльникъ и умеръ во вторникъ утромъ; она также писала, что она сама больна, и что, въ случаѣ ея смерти, она желаетъ, чтобы дѣтей взяли въ Англію. Она умерла черезъ два дня послѣ мужа, 3 августа. Я тотчасъ же отправился въ Америку и привезъ дѣтей домой.

„Голосъ, который мнѣ послышался, и про который сначала я думалъ, что слышу его во снѣ, такъ на меня повліялъ, что, хотя уже звонили къ завтраку, я не могъ сейчасъ спуститься въ другой этажъ. Весь день и еще въ теченіе нѣкоторыхъ другихъ я не могъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Я имѣлъ самое сильное впечатлѣніе и даже убѣжденіе, что мой братъ умеръ".

„Я долженъ, можетъ-быть, прибавить, что мы не имѣли понятія о томъ, что холера свирѣпствуетъ въ сосѣдствѣ прихода моего

---

[1]) Вотъ естественное и вполнѣ разумное объясненіе вѣщихъ сновидѣній, съ которымъ мы вполнѣ согласны. *Прот. Г. Д—ко.*

брата. По произведенному на меня впечатлѣнію, я думалъ что, если голосъ говоритъ правду, то они оба вѣроятно погибли отъ несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ или на пароходѣ. Но замѣтьте, что въ ту минуту, когда я слышалъ голосъ, мой братъ еще не умеръ. Онъ умеръ рано на другое утро, 1 августа, а его жена двумя днями позже, 3 августа. Я не берусь объяснить — я просто привожу факты и явленія. Но произведенное на меня впечатлѣніе было самое глубокое, и совпаденіе довольно замѣчательное". (См. кн. Гёрнея, Майерса и Подмора: „Прижизненные призраки и др. телеп. явленія", перев. съ англ. Вл. Соловьева, изд. 1893 г.).

Вотъ еще нѣсколько разсказовъ о томъ же.

Одинъ изъ сотрудниковъ журнала „Intelligence" (Разумъ) разсказываетъ слѣдующій случай:

У меня есть дядя, единственный братъ моей матери, строитель и управляющій пороховыми и динамитными заводами Нобель и К° въ Парижѣ. Такъ какъ онъ очень много путешествуетъ, мы часто не имѣемъ о немъ никакихъ извѣстій; молчаніе его иногда насъ не на шутку безпокоитъ. Однажды ночью, въ февралѣ 1897 года, въ то самое время, когда мнѣ снился совершенно обыкновенный незначащій сонъ, я вдругъ услыхалъ ужасный трескъ, точно пушечный выстрѣлъ, и увидѣлъ вспышки то зеленаго, то синяго пламени, сверкавшаго во всѣхъ направленіяхъ какъ молнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ, какъ бы уничтоженнымъ. Потребовалось нѣсколько минутъ для того, чтобы прійти къ сознанію, что я живъ, и что все это былъ только сонъ; потомъ уже мнѣ пришла въ голову мысль о дядѣ и подумалось, что одинъ изъ его пороховыхъ заводовъ взорвало.

На другое утро за завтракомъ я разсказалъ брату это замѣчательное видѣніе, не имѣвшее ничего общаго съ предыдущимъ пустымъ сномъ, и прибавилъ предположеніе, что одинъ изъ дядиныхъ заводовъ взорвало. Два дня спустя мы прочли въ газетахъ телеграмму о взрывѣ порохового завода Нобеля въ Шотландіи, близъ Айршира, причемъ погибло около шести человѣкъ, и всѣ окна, на протяженіи 40 миль въ окружности, оказались выбитыми. По наведеніи справокъ мы узнали, что заводъ взорвало именно въ то время, какъ я видѣлъ свой замѣчательный сонъ, принимая во вниманіе разницу во времени между Небраска и Шотландіей. Дяди же, слава Богу, тогда не было на заводѣ — онъ уѣзжалъ во Францію.

Мнѣ кажется, что здѣсь не должно быть и рѣчи объ обыкновенной телепатіи, такъ какъ самъ дядя во время моего видѣнія еще не зналъ о взрывѣ на своемъ заводѣ и не могъ передать мнѣ извѣстія телепатически[1]). („Light", № 901; сн. „Ребусъ" 1898 г., № 42).

Передадимъ замѣчательный вѣщій сонъ основательницы и первой игуменьи Спасо-Бородинскаго женскаго монастыря Маріи, въ міру генеральши Маргариты Тучковой. Маргарита Тучкова, урожд. Нарышкина, родилась 1781 и скончалась 1852 г. Это была женщана крайне нервнаго темперамента, и въ дѣтствѣ родители звали ее „блуждающимъ огонькомъ". Первый бракъ ея былъ несчастливъ, и она была разведена съ своимъ мужемъ. Въ 1806 г. она вышла за генерала Александра Тучкова и сопровождала мужа своего въ шведскомъ походѣ и вмѣстѣ съ нимъ возвратилась въ Россію. Наступилъ знаменитый 1812 г. Тучковъ съ своимъ полкомъ стоялъ въ Минской губ., когда получилъ приказъ двинуться къ Смоленску. На этотъ разъ молодой женщинѣ было невозможно сопровождать мужа, и было рѣшено, что она вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ и француженкою гувернанткой, м-мъ Бовари, проводитъ полкъ только до Смоленска и затѣмъ вернется къ родителямъ своимъ въ Костромскую губ. Недалеко отъ Смоленска, въ одной деревушкѣ, полкъ былъ остановленъ на ночевку. Генералу съ его семействомъ была отведена небольшая избушка. Будучи крайне утомлена долгой и трудной дорогой, г-жа Тучкова вскорѣ заснула и увидѣла сонъ. Ей снилось, что надъ ея головой виситъ рамка, въ которой написана кровавыми буквами слѣдующая надпись: „Ton sort se decidera à Borodino" (твоя судьба рѣшится въ Бородинѣ). Большія капли крови отдѣлялись отъ буквъ и струились по бумагѣ. Несчастная женщина испустила крикъ ужаса и соскочила съ кровати. Генералъ и гувернантка въ страхѣ бросились къ ней. Она была блѣдна и стонала, какъ въ лихорадкѣ. „Гдѣ Бородино, мой милый, тебя убьютъ въ Бородинѣ!"—„Бородино?— повторилъ генералъ,—я первый разъ въ жизни слышу это имя". И дѣйствительно, Бородино въ то время никому не было извѣстно. Тогда г-жа Тучкова разсказала свой сонъ. Мужъ и м-мъ Бовари начали утѣшать ее, говоря, что Бородино—просто вымышленное имя, и хотя во снѣ было сказано, что ея участь *рѣшится* въ Бородинѣ, отчего же генералъ будетъ непремѣнно тамъ убитъ? Слѣдовательно, толкованіе ея является совершенно произвольнымъ. „Твои нервы разстроены, дорогая,— сказалъ въ заключеніе генералъ.—Постарайся

[1]) Этотъ случай можетъ быть легко объясненъ какъ съ помощью гипотезы, что душа человѣка во время его сна можетъ находиться въ любой мѣстности, такъ и при допущеніи ея ясновидѣнія, которое не ограничивается пространствомъ. *Г. Д.*

лучше заснуть!“ Утѣшенная спокойнымъ видомъ мужа, г-жа Тучкова скоро опять уснула. Но снова увидѣла тотъ же сонъ: та же рамка, та же надпись, тѣ же капли крови. Но на этотъ разъ, кромѣ того, близъ рамки она видитъ стоящаго священника, отца ея Нарышкина и брата Кирилла. Она проснулась въ такомъ ужасѣ, что генералъ и м-мъ Бовари были не на шутку испуганы. Истощивъ всѣ средства успокоить жену, генералъ предложилъ посмотрѣть ей военную карту Россіи, чтобы убѣдиться, что никакого Бородино въ Россіи нѣтъ. Немедленно же былъ отправленъ гонецъ въ полковой штабъ. Дежурный офицеръ, испуганный требованіемъ карты среди ночи, привезъ ее самъ. Генералъ беретъ карту, развертываетъ ее на столѣ, но самое тщательное изученіе ея не открываетъ и слѣдовъ Бородина! „Судя по его гармоничному имени,—сказалъ тогда генералъ, — Бородино, должно-быть, какое-нибудь итальянское названіе. Но крайне невѣроятно, чтобы война была перенесена туда: слѣдовательно, ты можешь успокоиться“. Но несчастная женщина была неутѣшна, и когда настала минута разлуки, она была въ сильномъ отчаяніи. Нарышкины уѣхали въ свою деревню близъ Кинешмы. Но г-жа Тучкова, чтобы имѣть свѣжія новости съ театра военныхъ дѣйствій, предпочла остаться въ Кинешмѣ, гдѣ и наняла съ сыномъ и м-мъ Бовари маленькій домикъ. Всякій почтовый день она ждала съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Генералъ писалъ очень аккуратно. Наступило (13) 1 сентября, день ея ангела. Возвратившись отъ обѣдни, г-жа Тучкова сѣла къ столу и погрузилась въ глубокую думу. Вдругъ, голосъ ея отца заставилъ ее очнуться. Первою ея мыслью было то, что г. Нарышкинъ пріѣхалъ изъ деревни, чтобы поздравить ее съ днемъ ангела. Она подняла голову, передъ ней стоялъ отецъ ея съ маленькимъ сыномъ на рукахъ и священникъ. Всѣ страшныя подробности рокового сна мигомъ воскресли въ ея памяти. Недоставало только брата для пополненія картины. „А Кириллъ...— прошептала она въ ужасѣ. Въ это мгновеніе онъ показался на порогѣ. — „Онъ убитъ!“—закричала она въ отчаяніи и лишилась чувствъ. Когда она пришла въ себя, близъ нея хлопоталъ отецъ и братъ. „Было страшное сраженіе близъ Бородина“,— сказалъ ей сквозь слезы братъ, который былъ адъютантомъ Барклай-де-Толли и по дорогѣ въ армію заѣхалъ въ деревню нарочно, чтобы извѣстить семью о постигшемъ ея горѣ. Какъ только позволили ей силы, г-жа Тучкова отправилась на поле сраженія, чтобы отыскать тѣло своего мужа. Ночью, сопровождаемая лишь старымъ, сѣдымъ монахомъ, освѣщавшимъ ей путь факеломъ, бродила она по Бородинскому полю и рылась среди массы труповъ, преграждавшихъ ей дорогу. Но тщетны были всѣ ея поиски; мѣсто, гдѣ палъ генералъ, было приблизительно извѣстно, и здѣсь, въ память мужа, г-жа Тучкова воздвигла женскій монастырь во имя Спасителя. Императоръ Александръ I прислалъ ей 10.000 р. для этой цѣли. Она была первой игуменьей монастыря, удостоилась похвалы императора Николая I и умерла въ 1852 г., оставивъ по себѣ самую святую память во всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ только случай знать ее. Монастырь существуетъ и по сіе время.

Сонъ игуменьи Спасо-Бородинскаго монастыря въ свое время напечатанъ во многихъ русскихъ журналахъ. Предлагаемый разсказъ есть самый вѣрный изъ всѣхъ, такъ какъ составленъ г-жей Тольской со словъ Маріи Тучковой (племянницы генерала), слышавшей его отъ самой игуменьи столько разъ, что, по ея словамъ, даже и самыя выраженія запечатлѣлись въ ея памяти. Въ книгѣ „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“ Погодина тоже упомянуто объ этомъ снѣ, но авторъ прибавляетъ, что не помнитъ хорошо разсказа, такъ какъ затерялъ гдѣ-то подлинное письмо игуменьи, написанное къ нему по этому поводу. (См. „Прост. рѣчь о мудр. вещ.“ М. Погодина; сн. „Ребусъ“ 1889 г., № 37).

Ѳ. А. Гиляровъ, редакторъ московской газеты „Вѣстникъ“, сообщаетъ слѣдующій вѣщій сонъ, видѣнный его близкою родственницею, дѣвицею, года за полтора до ея кончины, послѣдовавшей въ исходѣ декабря 1884 года.

Снится ей: является къ ней ея родной дядя, умершій, когда она была еще ребенкомъ, и потому едва ли особенно часто приходившій ей въ голову, тѣмъ больше, что она и весьма рѣдко видѣла его.

— Люба! тебѣ пора къ намъ, — говоритъ пришедшій, а самъ такой нарядный и веселый.

— Неужели вы *оттуда?* — спрашиваетъ она его.

— Да, *оттуда,*—отвѣчаетъ пришедшій.— Пора и тебѣ.

— Мнѣ бы не хотѣлось, возражаетъ она,— неужели нельзя погодить?

— Немного-то, пожалуй, можно, — соглашается тотъ, — и то, если ты не будешь предпринимать далекаго путешествія.

Сонъ этотъ произвелъ на родственницу г. Гилярова весьма сильное впечатлѣніе. Она тогда же разсказала о немъ матери своей, родному брату и сестрѣ, которые послѣ ея кончины вспомнили этотъ сонъ и передали о немъ г. Гилярову.

Мать дѣвицы постоянно предостерегала свою дочь при ея выѣздахъ изъ дому, вспоминая этотъ страшный сонъ.

Черезъ полтора года сонъ этотъ сбывается при обстоятельствахъ, рѣзко его подчеркивающихъ. Родственница г. Гилярова внезапно умираетъ *отъ той же самой болѣзни, отъ которой скончался и явившійся ей ея покойный дядя* (отъ разрыва сосуда въ мозгу). Кончина послѣдовала не у себя дома, а въ домѣ двоюроднаго брата покойной, доктора, къ которому та пришла за медицинскимъ совѣтомъ. Двоюродный же братъ покойной— *сынъ явившагося ей дяди.*

Скажутъ: случайность, прибавляетъ г. Гиляровъ. Но при другихъ обстоятельствахъ сонъ этотъ могъ бы и забыться. Внезапность кончины внѣ дома, и при томъ при столь кратковременной отлучкѣ покойной, не могла не напомнить сна съ его вѣщимъ характеромъ. („Ребусъ" 1885 г., № 16).

Вотъ полный глубокаго интереса случай изъ жизни митрополита Филарета. Г. Листовскій въ № 10 „Русскаго Архива" 1885 г. въ статьѣ „Разсказы изъ недавней старины" приводитъ слѣдующій интересный фактъ изъ жизни московскаго митрополита Филарета.

„Противъ одного священника, говоритъ г. Листовскій, было много обвиненій. Журналъ консисторіи о запрещеніи ему служить былъ поданъ Филарету на утвержденіе. Это было на страстной недѣлѣ. Филаретъ проживалъ тогда въ Чудовѣ монастырѣ. Онъ взялъ уже перо, чтобъ подписать журналъ, но почувствовалъ какую-то тяжесть въ рукѣ, какъ-будто бы перо ослушалось его. Онъ отложилъ подписаніе журнала до слѣдующаго дня. Ночью видитъ онъ сонъ: передъ окнами толпа народа разнаго званія и возраста о чемъ-то громко толкуетъ и обращается къ нему. Митрополитъ подходитъ къ окну и спрашиваетъ, чего имъ надо. „Оставь намъ священника, не отстраняй его!" проситъ толпа. Впечатлѣніе этого сновидѣнія было столь сильно, что митрополитъ не могъ отдѣлаться отъ него по пробужденіи и велѣлъ позвать къ себѣ осужденнаго священника. „Какія ты имѣешь за собой добрыя дѣла, открой мнѣ", обращается онъ къ нему. „Никакихъ, владыко", отвѣчалъ священникъ, „достоинъ наказанія". Но владыка съ настойчивостью убѣждаетъ его подумать. „Поминаешь ли ты усопшихъ?" спрашиваетъ Филаретъ. — „Какъ же, владыко; да у меня такое правило: кто подастъ разъ записочку, я ужъ постоянно на проскомидіи вынимаю по ней частицы, такъ что и прихожане ропщутъ, что у меня проскомидія дольше литургіи, а я ужъ иначе не могу". Филаретъ ограничился переводомъ этого священника на другой приходъ, объяснивъ ему, кто былъ за него ходатаемъ. Это такъ тронуло священника, что онъ приложилъ стараніе къ исправленію своему и отличался потомъ примѣрною жизнію".

Вѣщій сонъ о. Іоанна Кронштадтскаго. 14 декабря 1895 года исполнилось 40-лѣтіе служенія въ священническомъ санѣ отца Іоанна. Въ этотъ день, послѣ поздней литургіи, высокочтимый юбиляръ въ своемъ словѣ, обращенномъ къ предстоящимъ въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ, между прочимъ, разсказалъ о своемъ вѣщемъ снѣ, видѣнномъ за 15 лѣтъ до назначенія въ Кронштадтъ, куда онъ былъ опредѣленъ въ 1855 году. „Велико было мое удивленіе, — сказалъ о. Іоаннъ,—когда я увидѣлъ сіяющую внутренность обновленнаго къ тому времени храма, давно уже мнѣ знакомую по сновидѣнію въ отрочествѣ. Да, лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ я видѣлъ дивный сонъ, въ которомъ мнѣ показана была эта самая внутренность храма, съ этими вновь сдѣланными иконостасами. Этотъ сонъ запечатлѣлся въ душѣ моей навсегда, оставивъ во мнѣ радость неземную. Это было мнѣ знаменіе отъ Бога, что я буду священствовать въ этомъ храмѣ, ибо тогда уже я видѣлъ себя входящимъ и исходящимъ изъ сѣверныхъ и южныхъ вратъ, — такъ, какъ бы я былъ свой человѣкъ". („Ребусъ" 1896 г., № 1).

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1889 г. книж. 10) помѣщены „Воспоминанія стараго библіотекаря" (В. И. Собольщинова). Заимствуемъ изъ этой статьи разсказъ автора о его сновидѣніи, которое подтвердилось и наяву (стр. 86—87).

„Вспоминая начало моей архитекторской дѣятельности въ библіотекѣ [1]), не могу не разсказать одного необыкновеннаго психическаго явленія, мною тогда испытаннаго. Снилось мнѣ однажды, что въ темномъ углу 6-ой залы происходитъ пожаръ. Сновидѣніе было не страшное, но я до того отчетливо запомнилъ всѣхъ людей, которые были на пожарѣ, и всѣ слова, которыя они говорили, что даже разсказалъ свой сонъ женѣ. Спустя нѣсколько дней снился мнѣ тотъ же пожаръ и въ томъ же углу 6-ой залы, но съ такой тревогой и такой бѣготней, что я даже проснулся отъ волненія. Второй сонъ я также разсказалъ женѣ. Прошло еще, можетъ-быть, съ недѣлю, какъ тотъ же зловѣщій сонъ представился мнѣ, но уже въ размѣрахъ ужасающихъ: я видѣлъ пожарную команду, государя. Съ крикомъ вскочилъ я съ постели и, придя въ библіотеку, отправился прямо въ 6-ую залу, чтобы осмотрѣть темный ея уголъ. Надъ

[1]) Императорская Публичная Библіотека.

шкафомъ, по стѣнѣ, тянулась темная полоса копоти. Такія полосы бываютъ у душниковъ, но, хотя подъ этой полосой дѣйствительно былъ душникъ, она показалась мнѣ чернѣе, и я просилъ эконома приказать не топить коробовой печи, стоявшей въ подвалѣ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ тревожные признаки были обнаружены. Одну печь можно было перестать топить, потому что было такое время года, что холодовъ ужъ можно было не бояться. Съ наступленіемъ времени ремонтныхъ работъ я разобралъ шкафъ и, въ соединеніи стѣны съ плитной выстилкой подъ шкафами, нашелъ щель, сквозь которую огонь проникалъ изъ дымовой трубы прямо подъ шкафъ. Нижняя сторона нижней полки уже превратилась въ уголь, недоставало небольшого отверстія, чтобы раздуть пламя. Сдѣлали все, что было нужно, чтобы совершенно устранить опасность. Экономъ не рѣшился доложить директору ни о грозившей бѣдѣ, ни о мѣрахъ, принятыхъ къ ея устраненію. Дѣйствительно, случай этотъ могъ сильно встревожить директора и произвести такую исторію, отъ которой пострадалъ бы, можетъ-быть, и строитель зданія, Щедринъ, между тѣмъ какъ, по справедливости, его никакъ нельзя было обвинять. Строителю не было никакой возможности усмотрѣть то, что я нашелъ совершенно случайно. Могъ ли строитель, или его помощникъ, наблюдать, какъ клали плитную настилку, которая, со множествомъ другихъ, болѣе важныхъ работъ, производилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ одно и то же время. Поднявъ плиту, я нашелъ разбитую шайку, сломанныя носилки и рогожу. Все это было уже сгорѣвшее, и только по группамъ угля можно было угадать, какіе это были предметы".

„Такъ называемые сны, предугадывающіе будущее, не только не поддаются объясненіямъ Ломброзо, но даже выходятъ изъ предѣловъ естественнаго и объяснимаго".

Предпославъ эти строки, „Петербургскій листокъ" печатаетъ одинъ изъ такихъ сновъ:

„Присяжный повѣренный К—въ во время пребыванія своего въ Новороссійскомъ университетѣ занималъ небольшую комнату на окраинѣ Одессы. Однажды, это было осенью, онъ возвращался домой очень поздно. Шелъ проливной дождь. Тьма была страшная; все это дѣйствовало на г. К—ва удручающимъ образомъ и ухудшало и безъ того скверное расположеніе его духа. Придя домой, онъ быстро раздѣлся, легъ въ постель и крѣпко заснулъ. Прошло не болѣе часа, какъ онъ былъ разбуженъ громкимъ стукомъ, исходящимъ изъ угла комнаты. Открывъ глаза, г. К—въ увидѣлъ передъ собою высокую фигуру старика, одѣтую въ крестьянское платье. Слыхавъ ранѣе о привидѣніяхъ, г. К—въ сразу догадался, что за гость посѣтилъ его. Но, странное дѣло, онъ нисколько не испугался и только съ любопытствомъ разглядывалъ фигуру.

Старикъ поднялъ руку и, пристально глядя на лежащаго К — ва, повелительно проговорилъ:

— Встань и иди за мной, я покажу тебѣ вещи, которыхъ еще никто не знаетъ, но о которыхъ завтра заговоритъ весь городъ...

Г. К — въ проворно всталъ, одѣлся и пошелъ за старикомъ. Входныя двери квартиры распахнулись безъ шума, и они очутились на площадкѣ.

Старикъ сталъ спускаться съ лѣстницы, г. К—въ слѣдовалъ за нимъ. Они прошли два этажа и остановились передъ запертою дверью.

Эта дверь вела въ квартиру купца, уѣхавшаго по дѣламъ въ Константинополь и оставившаго дома для присмотра свою кухарку.

Въ это мгновеніе мимо нихъ прошмыгнула какая-то тѣнь, одѣтая въ сѣрый костюмъ. Несмотря на быстроту, съ какою эта тѣнь побѣжала внизъ, г. К—въ, тѣмъ не менѣе, запомнилъ черты ея лица.

Спутникъ г. К—ва началъ дѣлать передъ стѣною пассы, и она постепенно стала расплываться. Наконецъ, старикъ сдѣлалъ послѣдній энергичный жестъ рукою и громко крикнулъ: смотри!..

Г. К—въ взглянулъ и обомлѣлъ... Передъ его глазами представилась кухня; въ углу стояла кровать, а на ней лежала женщина съ перерѣзаннымъ горломъ; кровь лилась фонтаномъ и наполняла кухню. Надъ женщиной стояла какая-то фигура въ сѣромъ костюмѣ и злорадно улыбалась. Г. К—въ, къ удивленію своему, узналъ въ ней ту тѣнь, которая нѣсколько минутъ передъ тѣмъ прошмыгнула на лѣстницѣ.

Г. К—въ увѣрялъ, что видъ зарѣзанной женщины не произвелъ на него никакого впечатлѣнія, и онъ смотрѣлъ на трупъ совершенно равнодушно.

Таинственный старикъ, сопровождавшій г. К—ва и показавшій ему эту картину, сталъ постепенно расплываться вмѣстѣ съ трупомъ и, образовавъ туманное пятно, исчезъ.

Г. К—въ открылъ глаза и съ удивленіемъ осмотрѣлся... Передъ нимъ была та же обстановка его комнаты, и въ окно врывались уже первые проблески начинающагося разсвѣта. Тогда онъ понялъ, что это былъ не болѣе, какъ сонъ.

Что-то неудержимо толкало его посмотрѣть квартиру въ бель-этажѣ. Онъ всталъ, одѣлся

и спустился внизъ, но дверь была заперта по прежнему, и г. К—въ отправился по своимъ дѣламъ.

Тамъ онъ узналъ, что въ городѣ совершено звѣрское преступленіе: зарѣзана кухарка. Предполагая связь этого преступленія со своимъ сномъ, г. К—въ поспѣшилъ домой и увидѣлъ на улицѣ толпу народа. Онъ вошелъ въ квартиру, гдѣ была зарѣзана кухарка, и засталъ тамъ полицію и слѣдователя.

Г. К—въ былъ пораженъ сходствомъ обстановки съ видѣнною имъ во снѣ и разсказалъ объ этомъ властямъ. При разборѣ вещей убитой было найдено нѣсколько фотографій, и въ одной изъ нихъ К — въ безъ труда узналъ старика, показавшаго ему ночью картину убійства. Это былъ отецъ зарѣзанной кухарки.

Въ коллекціи же полицейскихъ фотографій, показанныхъ г. К — ву при разслѣдованіи дѣла, онъ нашелъ одно лицо, замѣчательно похожее на фигуру, стоявшую надъ тѣломъ убитой и злорадно улыбавшуюся. Заявленіе г. К—ва было принято, и по фотографіи очень скоро нашли убійцу, сознавшагося въ преступленіи и понесшаго справедливую кару" („Петерб. лист."; сн. Ребусъ 1898 г. № 44).

Передадимъ знаменательное сновидѣніе матери о судьбѣ ея сына. Въ январской книжкѣ „Историческаго Вѣстника", за 1895 г., въ въ небольшой статьѣ подъ заглавіемъ: „Сонъ Рылѣевой", разсказывается о томъ, какъ мать казненнаго декабриста Кондратія Рылѣева заранѣе предвидѣла печальную судьбу своего сына, на основаніи одного вѣщаго, знаменательнаго сна. Вотъ что она сама разсказывала (какъ сообщаетъ о томъ г-жа Савина — авторъ статьи, напечатанной въ „Историч. Вѣстн.") въ кругу своихъ знакомыхъ объ этомъ знаменательномъ снѣ.

„Конѣ было всего три года, когда онъ, дорогой, любимый мой мальчикъ, опасно, безнадежно занемогъ. Вѣроятно, то былъ крупъ или дифтеритъ, — доктора не объяснили мнѣ; они, созванные на консиліумъ, только качали головой, сознавая всю невозможность выздоровленія ребенка. Онъ не проживетъ и до утра, — сказали они нянѣ, плакавшей о Коничкѣ. Мнѣ, видя мое полное отчаяніе, они не рѣшались говорить объ этомъ, но развѣ я не замѣчала сама всей опасности положенія бѣдняжки. Онъ, задыхаясь, метался по постелькѣ, сжимая тоненькія исхудавшія, блѣдныя ручки, уже не узнавая меня, своей матери.

„Радость, счастье, сокровище мое, неужели ты уйдешь отъ меня!? Уйдешь!.. Нѣтъ, это невозможно, немыслимо!.. Развѣ могу я пережить тебя! — шептала я, обливая слезами эти дорогія мнѣ ручки. — Развѣ нѣтъ спасенія!.. Есть оно, есть... Спасеніе — одно милосердіе Божіе... Спаситель, Царица небесная возвратятъ мнѣ моего мальчика, возвратятъ, и снова онъ, здоровенькій, весело улыбнется мнѣ!.. А если нѣтъ!.. О, Боже, поддержи меня несчастную!..

„И въ страшномъ отчаяніи своемъ упала я предъ ликами Спасителя и Богородицы, освѣщенными мерцающимъ свѣтомъ лампады, и жарко, горячо молилась о выздоровленіи моего крошки. Молилась такъ, какъ никогда потомъ не могла пламенно сосредоточиться на молитвѣ. Тогда я всю душу свою вложила въ слова незаученнаго обращенія къ Господу.

„Не знаю, сколько времени длился молитвенный экстазъ мой... Помню только, что всѣмъ существомъ моимъ овладѣла какая-то непонятная, свѣтлая радость, какое-то тихое чувство покоя... Меня точно что-то убаюкивало, навѣвая сонъ. Вѣки мои отяжелѣли. Я едва поднялась съ колѣнъ и, сѣвъ у кровати больного, облокотясь на нее, тотчасъ же забылась легкимъ сномъ. До сихъ поръ не могу отдать себѣ отчета, былъ ли то сонъ, или я дѣйствительно услыхала... О, какъ ясно услышала я чей-то незнакомый, но такой сладкозвучный голосъ, говорящій мнѣ:

„— Опомнись, не моли Господа о выздоровленіи... Онѣ, Всевѣдущій, знаетъ, зачѣмъ нужна теперь смерть ребенка... Изъ благости, изъ милосердія Своего хочетъ Онъ избавить его и тебя отъ будущихъ страданій... Что, если я тебѣ покажу ихъ... Неужели и тогда будешь ты, все-таки, молить о выздоровленіи!..

„— Да... да... буду... буду... все... все... отдамъ... приму сама какія угодно страданія, лишь бы онъ, счастіе моей жизни, остался живъ!.. — говорила я, съ мольбой обращаясь въ ту сторону, откуда слышался голосъ, тщетно стараясь разглядѣть, кому онъ можетъ принадлежать.

„— Ну, такъ слѣдуй за мной...

„И я, повинуясь чудному голосу, шла, сама не зная куда. Предъ собой видѣла я только длинный рядъ комнатъ. Первая изъ нихъ по всей обстановкѣ своей была та же самая, гдѣ теперь лежалъ мой умирающій ребенокъ.

„Но онъ уже не умиралъ... Не слышно было болѣе свиста, или какъ бы предсмертнаго хрипа, выходившаго изъ горлышка. Нѣтъ, онъ тихо, сладко спалъ, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, улыбаясь во снѣ... Кроника мой былъ совсѣмъ здоровъ! Я хотѣла подойти къ кроваткѣ его, но голосъ звалъ ужъ меня въ другую комнату.

„Тамъ крѣпкій, сильный, рѣзвый мальчикъ; онъ начиналъ уже учиться, кругомъ на столѣ лежали книжки, тетради.

„Далѣе, постепенно, видѣла я его юношей, затѣмъ взрослымъ... на службѣ...

„Но вотъ ужъ предпослѣдняя комната. Въ ней сидѣло много совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ лицъ. Они оживленно совѣщались, спорили, шумѣли. Сынъ мой съ видимымъ возбужденіемъ говоритъ имъ о чемъ-то. Но тутъ снова слышу я голосъ, и въ звукахъ какъ бы болѣе грозныя, рѣзкія ноты.

— „Смотри: одумайся, безумная!.. Когда ты увидишь то, что скрывается за этимъ занавѣсомъ, отдѣляющимъ послѣднюю комнату отъ другихъ, будетъ уже поздно!.. Лучше покорись, не проси жизни ребенку, теперь еще такому ангелу, не знающему житейскаго зла...

„Но я съ крикомъ: „нѣтъ, нѣтъ, хочу, чтобъ жилъ онъ"... задыхаясь, спѣшила къ занавѣсу. Тогда онъ медленно приподнялся,— и я увидѣла висѣлицу!..

„Я громко вскрикнула и очнулась. Первымъ движеніемъ моимъ было наклониться къ ребенку, и, какъ выразить удивленіе мое..., онъ спокойно, сладко спалъ, ровное, тихое дыханіе смѣнило болѣзненный свистъ въ горлѣ; щечки порозовѣли, и вскорѣ, просыпаясь, онъ протянулъ ко мнѣ ручки, зовя „маму". Я стояла, какъ очарованная, и ничего не могла понять и сообразить.. Что это такое?.. Все тотъ же ли сонъ, или радостная дѣйствительность?.. Но вѣдь все точно какъ было во снѣ тамъ, въ первой комнатѣ!..

„Все еще не довѣряя глазамъ своимъ, я кликнула няню и вмѣстѣ съ нею убѣдилась въ чудѣ исцѣленія приговореннаго къ смерти младенца. Няня передала мнѣ рѣшеніе докторовъ о невозможности его выздоровленія. И надо было видѣть изумленіе одного изъ этихъ эскулаповъ, пріѣхавшаго на другой день освѣдомиться о часѣ кончины мальчика, когда няня вмѣсто трупа показала ему спокойно сидящаго на постелькѣ Коню, здороваго и веселаго.

„— Да вѣдь это жъ чудо, чудо!.. — твердилъ онъ.

„Время шло, а сонъ мой исполнялся съ буквальною точностью во всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ подробностяхъ... и юность его и, наконецъ, тѣ тайныя сборища.

„Болѣе не могу продолжать!.. Вы поймете... эта смерть... висѣлица... О, Боже!.."

Трудно съ достовѣрностью рѣшить вопросъ о томъ, дожила ли злополучная мать до окончательнаго исполненія своего знаменательнаго сна, какъ предполагаетъ г-жа Савина, или же не дождалась она завершенія трагической судьбы своего сына и скончалась за годъ — два ранѣе его казни, какъ явствуетъ это изъ замѣтки г. Можаева, напечатанной въ февральской книжкѣ „Историч. Вѣстника" по поводу „Сна Рылѣевой". Но, при томъ или иномъ рѣшеніи этого вопроса, достовѣрность и нравственное значеніе самаго разсказа остаются въ одинаковой силѣ.

Воспитанная въ семьѣ кн. Валентина Михайловича Шаховскаго, — разсказываетъ г-жа Ковалева, — я привязалась ко всѣмъ его членамъ, какъ къ самымъ близкимъ, дорогимъ роднымъ. Не менѣе прочихъ любила я всегда его меньшого сына, князя Гавріила, котораго носила ребенкомъ на рукахъ, и онъ всегда относился ко мнѣ самымъ дружескимъ образомъ, хотя, по свойственной этому возрасту шаловливости (ему было тогда 16 лѣтъ), часто пугалъ меня, дразнилъ своими представленіями. Часть зимы 1862—1863 года, онъ проводилъ съ матерью въ деревнѣ, ихъ наслѣдственномъ имѣніи, селѣ Бѣлая Колпь, Московской губ., Волоколамскаго уѣзда, гдѣ я по сію пору проживаю. Катаясь на ледяныхъ горахъ, онъ простудился и началъ покашливать; лѣтомъ состояніе его ухудшилось (легочная чахотка), и врачи отправили его за границу. Въ это послѣднее лѣто, которое мы проводили вмѣстѣ въ деревнѣ, онъ нерѣдко начиналъ говорить о смерти, которой совсѣмъ не боялся. И вотъ, однажды онъ говоритъ мнѣ — какъ будто шутя, а можетъ быть и серьезно, вѣрно опредѣлить не умѣю: — „когда я умру, приду къ тебѣ проститься". — „Пожалуйста только не наяву, а во снѣ, а то я испугаюсь", — отвѣтила я. — „Ну, хорошо, во снѣ", — сказалъ онъ и больше разговора объ этомъ не было. Его вскорѣ увезли за границу; я поѣхала къ сестрѣ въ Нижній и никогда объ этомъ разговорѣ не думала, не придавая ему особеннаго значенія.

Въ слѣдующемъ августѣ, вернувшись домой въ деревню, я вскорѣ узнала, что больной пріѣхалъ въ Москву, что лучше ему не было, но близкой опасности для жизни никто не предвидѣлъ, что княгиня искала себѣ квартиру, чтобы провести зиму въ Москвѣ, боясь для больного сына петербургскаго климата. И вотъ, въ ночь съ 29 на 30 августа 1864 года мнѣ приснилось, что я стою въ своей спальнѣ и вижу передъ собою на высотѣ князя Гавріила, всего въ бѣломъ, слегка улыбающагося, руки распростертыя, кругомъ его какъ будто облако. Я все разглядывала его лицо; казалось, онъ киваетъ головой, улыбку же его хорошо помню. Продолжалось это, по моему впечатлѣнію, съ минуту, потомъ я проснулась. 30 я пошла къ обѣднѣ, по окончаніи которой разсказала священнику свой сонъ, прибавивъ: — „не скончался ли князь Гавріилъ, не улетѣлъ ли на небо, какъ я видѣла его летящаго?.." Священникъ только

посмѣялся моему предположенію, указывая на неправдоподобность такой быстрой кончины, когда едва прошла недѣля послѣ его пріѣзда, и ему ищутъ зимнюю квартиру.

Прошло не болѣе часа, и мы получили телеграмму съ извѣстіемъ, что больной скончался наканунѣ, т.-е. 29 августа въ 4 часа пополудни. (См. „Ребусъ", 1893 г., № 10).

Въ книгѣ подъ заглавіемъ „Необъяснимое или необъясненное" В. Желиховской, мы находимъ слѣдующій весьма интересный разсказъ. „Въ 1860 г. я поѣхала въ Тифлисъ, а въ 1862 г. возвратилась на короткое время въ Псковъ и Ругодево. Я тогда только что вышла замужъ вторично. Мужъ мой былъ молодой, энергическій человѣкъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ своихъ недюжинныхъ способностей, но на хорошей дорогѣ, съ большими надеждами на служебную карьеру. Въ то время я была проникнута убѣжденіемъ въ его сильной волѣ и увѣрена, что онъ совершенно здоровъ, —здоровъ физически и нравственно. Я пріѣхала въ деревню повидаться съ отцомъ, уговорить его переѣхать къ намъ въ Тифлисъ, расчитывала пробыть въ Псковѣ недолго и, безпрестанно получая письма, была совершенно спокойна за мужа и за жизнь свою вообще.

Въ первую же ночь по пріѣздѣ въ Ругодево я увидала сонъ, отъ котораго проснулась въ ужасѣ, о которомъ двадцать лѣтъ спустя вспомнила со страхомъ и тоскою, въ особенности, когда увидала, что онъ начинаетъ какъ бы сбываться...

Я видѣла, что иду по трудной, узкой дорожкѣ, среди безплодныхъ скалъ и камней. Мнѣ было страшно тяжело! Ноги мои были избиты; голову давилъ какой-то удушливый туманъ. Кругомъ была полутьма, среди которой моя трудная дорога едва виднѣлась все въ гору и гору... Я еле передвигала ноги, но чувствовала, что не могу остановиться, что должна взбираться выше и выше.

И вдругъ я очутилась въ небольшой, почти пустой, незнакомой комнатѣ. Кто-то сидѣлъ передо мною въ большомъ креслѣ, весь въ бѣломъ, исхудалый, блѣдный, съ лицомъ изможденнымъ страданіемъ... Ужасъ и невыразимое отчаяніе были на лицѣ этого насчастнаго человѣка, котораго я не сразу признала. Онъ протянулъ ко мнѣ безпомощныя, дрожащія руки и отчаянно прошепталъ: „Вѣра! Вѣра!.. Молись за меня!.." Тутъ только, въ этомъ странномъ призракѣ, я узнала своего мужа.

Я вскрикнула и проснулась вся въ холодномъ поту. Когда, почти двадцать лѣтъ спустя, долгая болѣзнь моего мужа заставила его рѣшиться поступить въ больницу, войдя въ первый разъ въ его небольшую комнату, куда перевезли его вещи и нѣкоторую мебель, я остановилась на порогѣ, пораженная воспоминаніемъ: *это была та самая комната,* которую я видѣла въ своемъ пророческомъ снѣ! И мужъ мой, точно такой же блѣдный, слабый, измученный, одѣтый весь въ бѣлое, сидѣлъ въ своемъ высокомъ креслѣ и протягивалъ мнѣ безпомощно руки...

Кто показываетъ намъ такія картины изъ нашего далекаго, невѣдомаго будущаго?..

Въ нашей семьѣ почти не было примѣровъ, чтобъ потеря близкихъ лицъ не была намъ возвѣщена, такъ или иначе, заранѣе. Нѣкоторыя изъ этихъ предупрежденій могутъ быть сочтены скептиками только случайностями, — но вѣдь это всегда такъ говорится! Вотъ одна изъ этихъ *случайностей.* Я была въ Кіевѣ въ 1860 году, когда въ Тифлисѣ скончалась бабушка моя, Е. П. Фадѣева. Къ величайшей тревогѣ моей я уже нѣсколько дней ощущала, когда о ней молилась, странное чувство недостаточности, пустоты молитвы. Это меня очень пугало, но я молчала, боясь напрасно встревожить тетку. Разъ она встала сама, очень испуганная вѣщимъ сномъ о своей матери... Тогда и я призналась, что мнѣ не по себѣ, и мы отправились въ Лавру отслужить молебенъ. Но и во время заздравнаго молебна я не могла молиться, какъ ни старалась себя настроить!.. Въ горѣ и тревогѣ стала я на колѣнахъ предъ иконой Божіей Матери, и, наконецъ, пришелъ мнѣ на умъ отчаянный вопросъ:

„Господи! Да какъ же мнѣ молиться о ней?"

Въ эту минуту священникъ возглашалъ: „Еще молимся о здравіи и долгоденствіи болярыни Елены!.."

„Не такъ! Не такъ!" словно шептало мнѣ что-то. Но я боялась выговорить передъ самой собою тѣ слова, которыми хотѣлось мнѣ молиться за мать моей матери... Въ отчаяніи я чуть не громко воскликнула: „Пресвятая Богородица! Научи меня, какъ молиться!" Я подняла глаза на образъ... Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, были слова:

За упокой!

Они были вырѣзаны на плоскомъ ободкѣ висѣвшей передъ иконой Божьей Матери лампады.

Черезъ нѣсколько дней, на возвратномъ пути въ Тифлисъ, мы прибыли въ Одессу. Тамъ насъ встрѣтилъ дядя, Ю. Ѳ. Витте, нарочно пріхавшій къ намъ навстрѣчу съ извѣстіемъ о бабушкиной кончинѣ. („Необъяснимое или необъясненное" В. Желиховской, Спб. 1885 г. стр. 53—60).

Считаемъ не лишнимъ сообщить объ одномъ интересномъ фактѣ. Одинъ музыкантъ, віо-

лончелистъ по профессіи, никакъ не могъ достигнуть правильнаго исполненія на віолончели нѣкоторыхъ трудныхъ пассажей стаккато, что очень его огорчало, но, наконецъ, ему удалось достигнуть желаемаго, получивъ указаніе во снѣ.

Въ одну изъ субботъ ночью или, вѣрнѣе сказать, утромъ въ воскресенье, онъ увидалъ себя во снѣ въ бесѣдѣ съ знаменитымъ віолончелистомъ Джономъ Дьюнъ и спросилъ его, какъ должно исполнять неудававшіеся ему трудные пассажи. Сначала Дьюнъ не хотѣлъ отвѣчать, но, спрошенный во второй разъ, указалъ, какъ дѣйствовать. На слѣдующее утро музыкантъ проснулся подъ глубокимъ и совершенно яркимъ впечатлѣніемъ своего сна и, взявшись за віолончель, къ великой своей радости убѣдился, что можетъ исполнять трудные пассажи такъ, какъ ему было показано во снѣ. („Light", № 779, сн. „Ребусъ" 1897 г., № 2).

Не такъ давно уѣзднымъ исправникомъ въ городѣ Глуховѣ былъ отставной полковникъ М. В. С. Жена его, происходящая отъ извѣстнаго рода Б., женщина умная, интеллигентная, была совсѣмъ не суевѣрна. Въ одну ночь г-жа С. видитъ во снѣ, что ей необходимо итти по узкой тропинкѣ, лежащей такъ, что съ одной стороны высокая, гладкая кирпичная стѣна, а съ другой обрывъ и глубокая пропасть. Мѣсто, куда ей слѣдовало пройти—ровная поляна, и на ней стоитъ крестъ. Съ величайшимъ страхомъ, опираясь о стѣну, прошла г-жа С. по тропинкѣ и тотчасъ проснулась въ волненіи и страхѣ, подъ вліяніемъ котораго боялась остаться одна въ той комнатѣ, ушла въ другую, гдѣ спалъ ея мужъ, и легла на диванѣ. Утромъ слѣдующаго дня, войдя въ свою спальню, г-жа С. увидѣла, что вся кровать ея покрыта упавшей съ потолка штукатуркой, въ толщину почти вершка. Такая тяжесть или убила, или искалѣчила бы г-жу С. („Ребусъ„ 1885 г., № 19).

Іезуитъ Мальдонатъ, въ то время когда работалъ надъ комментаріями къ четыремъ евангеліямъ, видѣлъ во снѣ, нѣсколько ночей къ ряду, человѣка, который, совѣтовалъ ему спѣшить окончаніемъ этого труда. Таинственный человѣкъ прибавилъ, что по окончаніи работы онъ вскорѣ умретъ, указывая при этомъ ученому іезуиту на одну часть своего желудка. И дѣйствительно, Мальдонатъ вскорѣ по окончаніи работъ почувствовалъ боль въ томъ именно мѣстѣ желудка, на которое указывалъ ему человѣкъ въ сновидѣніи. Болѣзнь эта быстро усилилась, и онъ умеръ (Bizouard Josef. Des rapports de l'homme avec le demon. Paris. 1863. V. 2. p. 86; сн. „Ребусъ"1885 г., № 11).

Біографъ покойнаго митрополита Иннокентія И. П. Барсуковъ опубликовалъ въ С.-Петербургскомъ Духовномъ Вѣстникѣ подлинный рукописный разсказъ (сохранившійся въ бумагахъ митрополита Иннокентія) нѣкоей и донынѣ здравствующей помѣщицы О. Д. Цыганковой-Куриленковой, изъ котораго можно усмотрѣть, какъ угоденъ былъ Богу тотъ, кому тысячи язычниковъ были обязаны своимъ духовнымъ рожденіемъ и приведеніемъ въ чудный свѣтъ вѣры Христовой.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, какъ разсказываетъ вышеупомянутая г-жа Цыганкова-Куриленкова, она сдѣлалась очень больна,—много лѣчилась, пользуясь совѣтами знаменитыхъ врачей, но лучше себя не чувствовала, и потому начала впадать въ отчаяніе и тоску. Вдругъ у нея является мысль, которая стала преслѣдовать ее постоянно—просить о себѣ молитвъ митрополита московскаго Иннокентія. Одна мысль уже облегчала ея страданія, но, лишь только она уклонялась отъ нея, ей дѣлалось хуже. Такъ продолжалось около трехъ лѣтъ. Не имѣя силъ лично съѣздить къ высокопреосвященному, она хотѣла послать ему письмо, уже составляла его и чувствовала при этомъ возобновленіе силъ и прекращеніе страданій. Видя себя бодрѣе, она уничтожала написанное, объясняя состояніе своего здоровья разными причинами. Между тѣмъ болѣзнь ея развивалась и дошла до того, что не поддавалась никакимъ медицинскимъ средствамъ и уложила ее въ постель. Находясь въ такомъ положеніи, она, заснувъ, однажды была пробуждена голосомъ: *три года собиралась къ митрополиту, а черезъ три недѣли будетъ уже поздно*. Испугавшись этого голоса, она окончательно рѣшилась ѣхать къ митрополиту и при этой рѣшимости чувствовала, какъ возстановлялись ея силы, такъ что она безъ посторонней помощи могла встать и сама одѣться.

1 марта 1879 года митрополитъ Иннокентій привѣтливо и ласково принялъ ее. „Долго не рѣшалась я высказать владыкѣ, пишетъ она, какъ и что привело меня къ нему. Между тѣмъ онъ началъ простую и ласковую бесѣду со мною, интересовался подробностями моего образа жизни". „Что же вы такъ поздно вздумали побывать ко мнѣ? спросилъ онъ. Вѣдь я давно уже нахожусь въ Москвѣ". Этотъ вопросъ вынудилъ меня передать ему въ подробностяхъ о причинѣ моего пріѣзда къ нему.

Молча выслушавъ меня, онъ сказалъ: *по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ*.

Возвратясь домой, больная начала быстро поправляться.

Спустя 28 дней послѣ 1 марта, на седьмой недѣлѣ великаго поста, за три дня до праздника Пасхи, вышеозначенная г. Куриленкова, упавъ на каменный полъ, такъ сильно разбилась, что долгое время не могла поднять руки, чтобы перекреститься, о чемъ она особенно скорбѣла во время утрени великой субботы.

Засыпая съ такими мыслями, она трижды видѣла у своей постели митрополита Иннокентія, который говорилъ ей: „я помогу тебѣ перекреститься", и она вставала и крестилась. На утро она встала совершенно здоровою, чѣмъ немало удивила окружающихъ ее, но еще болѣе была поражена сама, когда узнала, что во время утрени владыка Иннокентій скончался. (Изъ „Церк. Вѣд." 1895 г., № 18).

Въ запискахъ извѣстнаго врача, доктора Александра Ивановича Ильинскаго — „За полстолѣтія (1841—1892), воспоминанія о пережитомъ", — печатаемыхъ въ „Русской Старинѣ", встрѣчается слѣдующій разсказъ о немедленно сбывшемся послѣ пробужденія снѣ (августъ 1894 г., стр. 12—13).

А. И. Ильинскій, занимавшій въ 1864 году должность главнаго лѣкаря кѣлецкаго военно-временнаго госпиталя, получилъ приглашеніе отъ генералъ-штабъ-доктора И. П. Агафонова (въ Варшавѣ) занять мѣсто помощника главнаго доктора въ госпиталѣ Александровской цитадели въ Варшавѣ. Это же мѣсто было обѣщано ему и директоромъ департамента Ѳ. С. Цыцуринымъ, во время поѣздки его въ Петербургъ. Но, по возвращеніи Ильинскаго въ Кѣльце „прошло двѣ, три недѣли и мѣсяцъ, а назначенія нѣтъ и нѣтъ. Я, говоритъ Ильинскій, посылаю телеграмму и жду отвѣта; наступившую ночь провожу тревожно и передъ утромъ вижу во снѣ, что получилъ отвѣтъ на телеграмму, которая гласитъ, что *я не буду назначенъ въ Александровскій госпиталь, а что туда назначенъ докторъ Деньковскій*. Сновидѣніе не успѣло еще окончиться, какъ меня будятъ и *вручаютъ телеграмму. Она гласила слово въ слово то, что я прочелъ въ телеграммѣ во время сновидѣнія*". („Рус. Стар." 1894 г., авг.).

Городской лѣсничій Гюрхе изъ Сандау воспользовался даннымъ ему 21 іюля отпускомъ, чтобы посѣтить своего престарѣлаго отца. Въ ночь съ 25 на 26 іюля ему приснилось, что онъ находится дома—въ Сандау, на такъ называемомъ „островѣ чаекъ", и видитъ въ одной изъ тамошнихъ сточныхъ ямъ плавающій трупъ своего сына Карла — старшаго изъ 6 дѣтей. Утромъ лѣсничій отправился въ обратный путь домой, не переставая думать противъ воли о своемъ грозномъ снѣ. По пріѣздѣ въ Сандау, онъ разсказалъ о немъ своей женѣ, одному учителю изъ Гамбурга, жившему въ его домѣ на дачѣ, а также сообщилъ бургомистру, радуясь въ то же время, что всѣ его домашніе здоровы.

Послѣ обѣда онъ послалъ съ какимъ-то порученіемъ своего сына Карла вмѣстѣ съ его пятилѣтнимъ братомъ, и къ семи часамъ вечера малютка вернулся домой въ слезахъ, говоря, что Карлъ, несмотря на запрещеніе, вздумалъ выкупаться въ одной изъ сточныхъ ямъ и, не умѣя плавать, пошелъ ко дну. Отецъ тотчасъ бросился туда и вынулъ изъ воды трупъ сына. Такъ какъ лѣсничій сообщилъ о своемъ сновидѣніи нѣсколькимъ лицамъ еще при жизни мальчика, то подлинность описаннаго событія не подлежитъ никакому сомнѣнію. („Kleine Journal" 1893 г., 1 августа).

Въ Житомірѣ, во время послѣдней турецкой войны, жило семейство военнаго доктора Ш., который находился при госпиталѣ въ Бухарестѣ. Проведя однажды вечеръ въ семействѣ Ш., на другой день я встрѣтилъ г-жу Ш. на улицѣ куда-то спѣшившею. На мой вопросъ она отвѣтила, что идетъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ, хочетъ ѣхать къ мужу. Я удивился, что вчера она объ этомъ ничего не говорила, и получилъ въ отвѣтъ, что вчера она и сама не думала объ этомъ, а утромъ рѣшилась сразу, и непремѣнно уѣдетъ. На другой день она уѣхала. Причину отъѣзда я узналъ только впослѣдствіи, по ея возвращеніи. Никогда и нигдѣ не бывшая за границей Ш. видитъ во снѣ, что въѣзжаетъ въ Бухарестъ, видитъ зданіе, встрѣчаетъ людей, спрашиваетъ о госпиталѣ, ей указываютъ; входитъ въ госпиталь, спрашиваетъ о мужѣ, ее ведутъ длиннымъ коридоромъ, подводятъ къ двери и говорятъ, что мужъ ея боленъ тифомъ. Входитъ въ комнату мужа, застаетъ его одного, больного, въ извѣстной уже ей обстановкѣ. Впослѣдствіи оказалось, что видѣнныя во снѣ лица, зданія, разговоры, обстановка именно тѣ, которые оказались и въ дѣйствительности. (Сообщено г-омъ Ки—чичемъ). („Ребусъ" 1886 г., № 4).

Изъ Таганрога въ газету „Югъ" сообщаютъ, что неподалеку отъ с. Номикосова, въ одномъ изъ ближайшихъ къ нему хуторовъ, разыгралась кровавая драма, представляющая не мало таинственнаго и загадочнаго, благодаря обстоятельствамъ, при которыхъ она была обнаружена.

Одинъ изъ крестьянъ с. Номикосова имѣетъ земельный участокъ, находящійся верстахъ въ шести отъ села. На участкѣ жилъ сынъ этого крестьянина съ женою и дочерью. Въ ночь ужаснаго происшествія отецъ, находившійся въ с. Номикосовѣ, проснулся вдругъ

въ полночь, чрезвычайно встревоженный и испуганный видѣннымъ имъ сномъ. Взволнованный, онъ вышелъ на дворъ, гдѣ ночевалъ съ лошадьми знакомый ему цыганъ. Разбудивъ цыгана, старикъ разсказалъ ему, что сейчасъ видѣлъ во снѣ, будто бы сынъ его на хуторѣ снимаетъ кожу съ живой овцы. Цыганъ посовѣтовалъ старику сейчасъ же ѣхать на хуторъ, такъ какъ сонъ этотъ, по его мнѣнію, означаетъ несчастіе. Совѣтъ былъ принятъ; отецъ, работникъ и цыганъ, осѣдлавъ лошадей, спѣшно помчались на хуторъ. Лошадь подъ цыганомъ была лучше, чѣмъ у остальныхъ всадниковъ, и онъ пріѣхалъ на хуторъ первымъ. Въѣхавъ на дворъ, цыганъ замѣтилъ свѣтъ въ избѣ, и когда взглянулъ въ окно, то его глазамъ представилась слѣдующая ужасная картина: сынъ хозяина висѣлъ на крючкѣ, захваченный имъ за ребро, вокругъ несчастнаго стояли четыре разбойника, требуя денегъ. Разбойники, надрѣзавъ кожу на шеѣ, угрожали своей жертвѣ снять ее съ живого въ случаѣ отказа. Нерастерявшійся цыганъ, пустивъ предварительно свою лошадь къ лошадямъ злодѣевъ, взялъ попавшійся ему подъ руку желѣзный засовъ и сталъ у дверей. Припущенная къ лошадямъ злодѣевъ, лошадь цыгана заржала. Услышавъ ржаніе, одинъ изъ убійцъ выскочилъ на дворъ, но цыганъ ударомъ засова положилъ его на мѣстѣ. На продолжавшееся ржанье лошадей выбѣжалъ второй преступникъ, но и второго постигла та же участь: цыганъ положилъ его на мѣстѣ. Въ это время въѣхали на дворъ отецъ и работникъ, и тогда всѣ трое бросились въ избу. На вошедшаго впередъ цыгана бросился одинъ изъ злоумышленниковъ, но цыганъ засовомъ такъ сильно ударилъ его по головѣ, что черепъ оказался расколотымъ на двѣ части, четвертаго же разбойника они схватили и связали. Несчастную жертву злодѣевъ — сына хозяина — сняли съ крючка въ безсознательномъ состояніи. Злоумышленниками оказались татары, занимающіеся развозной торговлей и впущенные въ эту ночь въ избу на ночлегъ. („Ребусъ", 1894 г. № 14).

Въ описаніи жизни Гарибальди, составленномъ синьоромъ Гвигони, помѣщенъ, между прочимъ, нижеслѣдующій разсказъ, записанный со словъ самого знаменитаго политическаго дѣятеля:

„Я находился въ морѣ; былъ боленъ ревматизмомъ и однажды, среди бури, заснулъ въ своей каютѣ. Во снѣ я вижу себя перенесеннымъ на свою родину. Но только, вмѣсто благословеннаго неба Ниццы, я вижу себя окруженнымъ мрачной атмосферой кладбища. Вдали я увидѣлъ печальную процессію женщинъ, несшихъ гробъ; похороны медленно двигались по направленію ко мнѣ. Полный роковыхъ предчувствій, я сдѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы избѣжать встрѣчи съ погребальнымъ шествіемъ — но все тщетно: казалось, что гора лежала у меня на груди. Печальный кортежъ достигъ, наконецъ, моего ложа, поставилъ около меня гробъ — и исчезъ. Тщетно старался я подняться на свои руки: я былъ весь подъ вліяніемъ страннаго кошмара. Когда же, наконецъ, получивъ вновь способность двигаться, я началъ чувствовать близъ себя страшный холодъ мертваго тѣла, то узналъ въ трупѣ дорогія мнѣ черты матери. Я пробудился, но на рукѣ моей все еще сохранялось впечатлѣніе отъ прикосновенія ледяной руки. Въ этотъ же самый день и часъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, скончалась моя возлюбленная мать". („Ребусъ" 1884 г., № 14).

4. Въ заключеніе приведемъ разсказы объ явномъ откровеніи воли Божіей чрезъ сновидѣнія. Преподобный Пахомій видѣлъ сонъ, будто роса сошла съ неба въ его правую руку и сдѣлалась какъ медъ, и въ то же время слышалъ голосъ, что это означаетъ благодать, которая будетъ ниспослана на него (Чет.-Мин. 15 мая). И дѣйствительно, благодать Божія такъ обильно излилась на него, что онъ и чудеса творилъ, и названъ церковью Великимъ.

Св. царь Константинъ Великій предъ войною съ Максентіемъ видѣлъ наяву крестъ на небѣ, слившійся изъ свѣта, и съ надписью „симъ побѣждай!" а потомъ въ слѣдующую ночь увидѣлъ во снѣ Самого Спасителя, Который явился ему съ тѣмъ же знаменіемъ креста и сказалъ, что этимъ знаменіемъ онъ побѣдитъ врага. И дѣйствительно, императоръ Константинъ, соорудивъ знамя, украшенное крестомъ, окончательно поразилъ своего врага — Максентія.

Препод. Мароа, когда еще жила въ мірѣ, видѣла во снѣ св. Іоанна Предтечу, который предсказалъ ей, что отъ нея родится сынъ Симеонъ, что онъ будетъ великій и святой человѣкъ, и отъ нея дѣйствительно родился св. Симеонъ, извѣстный подъ именемъ Дивногорца (Чет.-Мин. 24 мая).

У благочестивыхъ жителей города Едесса, Симеона и Маріи, была только одна дочь, а имъ хотѣлось имѣть и сына; вотъ, они начали молиться о томъ Богу, и въ одну ночь оба видятъ во снѣ, будто они въ какой-то церкви, будто сюда же являются св. ап. Павелъ и св. великомученикъ Ѳеодоръ Тиронъ; св. Ѳеодоръ будто говоритъ апостолу: „вотъ они просятъ себѣ сына, будь ихъ ходатаемъ". Апостолъ послѣ того будто бы положилъ имъ на руки младенца мужского пола, а св.

великомученикъ Ѳеодоръ сказалъ: „пусть будетъ имя ему Ѳеодоръ“. И это сбылось: отъ нихъ родился сынъ Ѳеодоръ, который впослѣдствіи былъ св. епископъ Едесскій (Чет.-Мин. 9 іюля).

Одной благочестивой дѣвицѣ, жившей въ городѣ Казани, явилась во снѣ Царица небесная и сказала: „въ такомъ-то мѣстѣ, въ землѣ, зарыта Моя икона, объяви объ этомъ; пусть отроютъ ее и вынутъ“. Она разсказала, и ей не повѣрили. Но тотъ же сонъ повторился еще, и когда та дѣвица стала рыть въ указанномъ мѣстѣ землю, то дѣйствительно нашла тамъ икону Божіей Матери. Эта икона извѣстна у насъ подъ именемъ Казанской (Чет.-Мин. 8 іюля).

Преподобный Даніилъ видѣлъ разъ во снѣ высокій столбъ, на которомъ будто бы стоялъ и спасался св. Симеонъ столпникъ съ двумя ангелами; ангелы будто бы звали его къ себѣ, и когда Даніилъ сказалъ, что онъ не можетъ туда подняться, ангелы сами будто бы подняли его на столпъ, а св. Симеонъ принялъ его и обнялъ. Такъ и случилось: впослѣдствіи Даніилъ, подобно Симеону, тоже сталъ спасаться на столпѣ (Чет.-Мин. 11 декабря).

Однажды, по сообщенію самого бл. Августина, мать его, св. Моника, видѣла во снѣ, что она стоитъ на длинной и узкой чертѣ и погружена въ глубокую скорбь; вдругъ ей явился ангелъ и съ участіемъ спросилъ, о чемъ она плачетъ. „Я плачу о погибели души сына“,—отвѣчала она. „Успокойся“,— сказалъ ей ангелъ,— „гдѣ ты стоишь, тутъ и увидишь его“ (т.-е. онъ впослѣдствіи будетъ раздѣлять съ тобою одни и тѣ же христіанскія вѣрованія).

Св. *Евагрій* самъ сообщаетъ объ одномъ бывшемъ ему снѣ во время сильнаго искушенія, переживавшагося имъ (чувственная склонность къ женѣ одного знатнаго гражданина въ Константинополѣ). „Богъ сжалился, — разсказываетъ онъ, — надо мною и послалъ мнѣ сонъ. Я видѣлъ себя въ глубокомъ и темномъ подземельѣ, и мнѣ явился ангелъ и сказалъ: „здѣсь ты погибнешь, если сейчасъ же не убѣжишь. Поклянись мнѣ св. евангеліемъ завтра оставить городъ, и я помогу тебѣ бѣжать!“ Я поклялся и проснулся, но по пробужденіи въ моихъ ушахъ стояли еще слова: „здѣсь ты погибнешь“. Св. Евагрій бѣжалъ въ Іерусалимъ и побѣдилъ свою склонность.

На далекомъ востокѣ, на границахъ Китая, въ г. Кяхтѣ проживаетъ еще и нынѣ одно семейство, въ средѣ котораго произошло по истинѣ замѣчательное чудо милости Божіей, испрошенное молитвами Кронштадтскаго пастыря (о. Іоанна). Сестра консула, состоящаго на русской государственной службѣ, страдала долго и глубоко тяжкимъ недугомъ, отъ котораго, по видимому, не было никакой надежды когда-либо избавиться. Болѣзнь была столь тяжка, что страдалица замыслила даже отравиться, и вотъ, подъ вліяніемъ этой страшной мысли, ей снится сонъ. Видитъ она себя на краю мрачной и ужасной бездны; желала бы она уйти отъ нея, но какая-то роковая сила толкаетъ ее впередъ и влечетъ въ пропасть, откуда нѣтъ спасенія, и гдѣ ее ждетъ неминуемая смерть. Ужасъ овладѣваетъ страдалицею, холодный потъ выступаетъ на ея лицѣ, сердце ея трепещетъ отъ смертельнаго страха, но почва колеблется подъ нею, и она чувствуетъ, что ноги ея скользятъ къ самому краю бездонной пропасти, надъ которой разстилается зловѣщій мракъ, а въ глубинѣ бурлитъ и клокочетъ цѣлый адъ. Наконецъ, она теряетъ подъ собою почву, и тѣло ея повисаетъ въ воздухѣ съ тѣмъ, чтобы стремительно ринуться въ объятія смерти, широко распахнувшей свой ужасный зѣвъ... Спасенья, по видимому, нѣтъ, и послѣдняя мысль, мелькнувшая въ ея сознаніи, была о Спасителѣ, распятомъ на крестѣ!.. Въ то же мгновеніе точно въ облакахъ появился предъ нею священникъ, съ печатью кротости и милосердія на челѣ... „Именемъ Спасителя нашего даруется тебѣ жизнь!“—проговорилъ онъ и, могучей, твердой рукой схвативъ ее, опять поставилъ на твердую почву. Затѣмъ онъ показалъ ей до того незамѣтную тропинку, по которой она могла бы удалиться отъ бездны, и напутствовалъ ее такими словами: „иди и воздай благодареніе Богу за дарованное тебѣ спасеніе!“ Проснувшись, страдалица разсказала брату и всѣмъ своимъ близкимъ о своемъ чудномъ снѣ, причемъ съ подробностью описала видѣннаго ею во снѣ священника, образъ котораго рѣзко запечатлѣлся въ ея воображеніи. Кто таковъ былъ привидѣвшійся ей священникъ, на это никто не могъ дать объясненія.

Прошло нѣкоторое время послѣ этого сновидѣнія, всѣ посторонніе забыли о немъ, да и сама страдалица все меньше и меньше вспоминала о немъ, хотя и таила въ душѣ убѣжденіе, что вѣщій сонъ ея долженъ имѣть какое-нибудь особенное значеніе. И вдругъ совершенно случайно ей довелось увидѣть портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, о внѣшнемъ видѣ котораго она до того времени не имѣла никакого понятія, хотя и многое слышала о немъ, такъ какъ слухомъ о немъ полнится вся русская земля. Представьте же ея и всѣхъ близкихъ ея удивленіе, когда въ портретѣ о. Іоанна она узнала того самаго священника, который спасъ ее отъ гибели,

въ ея сновидѣніи! Она немедленно же телеграфировала о. Іоанну въ Кронштадтъ, прося его молитвы и ходатайства предъ престоломъ Царя царей. О. Іоаннъ не замедлилъ исполнить ея просьбу, отслужилъ молебенъ о ея здравіи, о чемъ и увѣдомилъ ее своевременно. Съ тѣхъ поръ неизлѣчимая болѣзнь, грозившая неизбѣжною смертью страдалицѣ, приняла благопріятный оборотъ, и въ скоромъ времени больная окончательно выздоровѣла. Она была такъ признательна, что, по выздоровленіи, не устрашилась далекаго, долговременнаго и труднаго путешествія и вмѣстѣ съ братомъ пріѣзжала изъ Кяхты въ Кронштадтъ, чтобы лично поблагодарить добраго пастыря, испросившаго ей своими молитвами милосердіе Божіе [1]).

Сюда же принадлежитъ сонъ Грачева въ связи съ его чудеснымъ исцѣленіемъ, взволновавшій недавно Петербургъ. Въ г. С.-Петербургѣ, на такъ называемой Петербургской сторонѣ, въ приходѣ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, у супруговъ Грачевыхъ 3 декабря родился сынъ Николай, наименованный такъ въ честь святителя и чудотворца Николая, ближайше къ сему числу празднуемаго церковью 6 декабря. Отъ самаго рожденія Николай былъ слабый и больной ребенокъ, до 7-лѣтняго возраста не ходилъ и вообще перенесъ въ дѣтствѣ много болѣзней. Въ 1886 году одновременно скончались родители Николая, и онъ остался на попеченіи сестры своей, благочестивой молодой дѣвицы. Въ день похоронъ матери сдѣлался съ нимъ первый припадокъ падучей болѣзни, и онъ сталъ подвергаться припадкамъ, въ началѣ рѣдко, затѣмъ все чаще и чаще. Во время этихъ припадковъ онъ постоянно подергивался и надувался, истерически рыдалъ, его ломало, изгибало, подбрасывало иногда на пол-аршина, сбрасывало со стула, съ кровати. Тѣло его принимало, говоритъ сестра, такое неестественное положеніе, что можно было усомниться, есть ли у него кости. Благочестивая, любящая сестра его употребила всевозможныя средства къ его излѣченію, и всѣ они были напрасны. Длинная, тяжелая исторія его лѣченія подробно сообщается въ собственноручномъ свидѣтельствѣ сестры. Восемь разныхъ врачей и разными способами лѣчили его: и аллопатіей, и гомеопатіей, и терапевты и психіатры, употребляли морскія ванны, и дома лѣчили, и клали въ лѣчебницы. Въ числѣ врачей указываются первыя знаменитости медицинской науки въ С.-Петербургѣ. Но не только не было исцѣленія, даже облегченія болѣзни, напротивъ,—положеніе больного дѣлалось все хуже. Въ ноябрѣ 1890 года у больного отнялись руки и ноги, онъ былъ не въ состояніи уже принимать лѣкарства, припадки повторялись по 6, по 7, по 8 разъ въ сутки; единственнымъ избавленіемъ отъ страданій представлялась смерть. Истощивъ всѣ средства, видя брата, лежащаго безъ рукъ и ногъ, и сестра подумала, что ему уже не долго жить, и пригласила своего духовнаго отца исповѣдать брата и причастить святыхъ Таинъ въ напутствіе жизни вѣчной. Въ это время полнаго сознанія немощи человѣческой и безнадежности болящаго, Господу, дивному въ дѣлахъ Своихъ, и благоугодно было подать больному Свою Божественную помощь. Послѣдовало дивное явленіе ему Царицы небесной, святителя Николая и еще святого въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ. Царица небесная, обращаясь къ болящему, сказала: „Николай, поѣзжай въ часовню, гдѣ упали монеты, 6 декабря ты получишь исцѣленіе, но ранѣе никому не говори“. И здѣсь сколько испытано было недоумѣній и страховъ, прежде чѣмъ повелѣніе Царицы небесной было исполнено! Вотъ, наконецъ, 6 декабря, въ день ангела, больного съ большимъ трудомъ одѣли, снесли съ лѣстницы и повезли въ часовню. Разстояніе отъ дома жительства до часовни около семи верстъ. На дорогѣ былъ съ нимъ припадокъ. Лишь только внесли его въ часовню, припадокъ возобновился; положили его на полъ передъ святой иконой. Во время чтенія евангелія больной пришелъ въ сознаніе. При пѣніи „Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице“, приподняли его и приложили къ святой иконѣ. Въ ту же минуту онъ перекрестился и всталъ на ноги, какъ здоровый, и еще разъ со всѣмъ усердіемъ благодарной любви приложился къ святой иконѣ. Съ тѣхъ поръ отрокъ совершенно здоровъ. (Изъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ 1891 года).

[1]) Изъ «Русскаго Паломника» 1891 г. № 15.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Какъ христіанинъ долженъ относиться къ сновидѣніямъ?

Еще языческіе мудрецы различно судили о снахъ. Одинъ языческій мудрецъ (Протагоръ) говорилъ: «каждый сонъ имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ, и для человѣческой жизни полезно обращать на сны вниманіе». Другой же языческій мудрецъ (Ксенофанъ) объяснялъ, что всѣ сны пусты и обманчивы, и что заблуждается тотъ, кто обращаетъ на нихъ вниманіе и устрояетъ по нимъ свои дѣла.—Истины нужно искать въ срединѣ, т.-е., *во-первыхъ, не на всѣ сны надобно обращать вниманіе, но, во-вторыхъ, не всѣ сны надобно презирать, считать ихъ пустыми.*

Во-первыхъ,—говоримъ,— не на всѣ сны надобно обращать вниманіе. Самъ Богъ увѣщеваетъ людей чрезъ Моисея «не гадать по снамъ» (Лев. XIX, 26). «Безразсудные люди, говоритъ Сирахъ, обманываютъ самихъ себя пустыми и ложными надеждами; кто вѣритъ снамъ, тотъ подобенъ обнимающему тѣнь или гоняющемуся за вѣтромъ; сновидѣнія совершенно то же, что отображеніе лица въ зеркалѣ» (XXXIV, 1—3). Большая часть сновъ суть только естественное слѣдствіе возбужденнаго воображенія человѣка. О чемъ человѣкъ днемъ думаетъ, чѣмъ онъ сильно заинтересованъ, чего онъ страстно желаетъ или не желаетъ, это и снится ему. Св. Григорій разсказываетъ объ одномъ человѣкѣ, который безразсудно вѣрилъ снамъ, и которому во снѣ обѣщалась долгая жизнь. Онъ собралъ много денегъ, чтобы имѣть чѣмъ благополучно прожить долгую жизнь свою,—но вдругъ заболѣлъ, и вскорѣ умеръ,— и, такимъ образомъ, не могъ сдѣлать никакого употребленія изъ своего богатства, и въ то же время не могъ взять съ собою въ вѣчность никакихъ добрыхъ дѣлъ. Слѣдовательно, есть много сновъ пустыхъ и обманчивыхъ, которые ничего не значатъ, и на которые не надобно обращать вниманія.

Но, во-вторыхъ, есть и такіе сны, которые имѣютъ значеніе для насъ, и на которые надобно обращать вниманіе. Укажемъ для примѣра на сонъ Іосифа, одного изъ двѣнадцати сыновей патріарха Іакова. Іосифу снилось, что онъ съ отцомъ и братьями жнетъ въ полѣ пшеницу: снопъ Іосифа стоялъ прямо, а снопы отца и братьевъ окружили его и поклонились ему. Этотъ сонъ точно исполнился: по истеченіи нѣкотораго времени, Іосифъ, проданный братьями въ Египетъ, сдѣлался владыкою Египта, и пріѣхавшіе въ Египетъ отецъ и братья его должны были кланяться ему и почитать его. Точно также сбылся пророческій сонъ фараона, царя египетскаго. Если бы фараонъ не обратилъ вниманія на этотъ сонъ и не сдѣлалъ большихъ запасовъ хлѣба въ урожайные годы для годовъ неурожайныхъ, то онъ горько раскаивался бы: жители Египта, а также отецъ и братья Іосифовы, умерли бы голодною смертію.

И многіе изъ людей, а можетъ-быть и изъ находящихся среди насъ, имѣютъ причину раскаиваться въ томъ, что не обратили вниманія на нѣкоторые сны свои. Вотъ для примѣра одинъ разсказъ. Одинъ безпутный юноша, не слушавшій увѣщаній своихъ лучшихъ друзей, направлявшихъ его на другую, лучшую дорогу, увидѣлъ однажды во снѣ своего отца, который строго повелѣвалъ ему оставить безпутную и безбожную жизнь и жить лучше; но—согласно изреченію Іисуса Христа — «если не слушаютъ закона, то не послушаютъ и того, кто бы воскресъ изъ мертвыхъ»— юноша не обратилъ никакого вниманія на свой сонъ. Тогда онъ снова видитъ такой же сонъ: ему снова снится отецъ, который заявляетъ сыну, что если онъ не перемѣнитъ своей жизни, то въ такой-то день его застигнетъ смерть, и онъ предстанетъ на судъ Божій. Юноша разсказалъ шуточно о снѣ своемъ подобнымъ же ему товарищамъ, и не только не думалъ объ исправленіи жизни, но даже какъ бы хотѣлъ посмѣяться надъ угрозою, полученною во снѣ. Именно — на тотъ день, въ который во снѣ отецъ угрожалъ сыну смертію, онъ назначилъ большую пирушку съ товарищами. И что же? Среди винопитія сына поражаетъ внезапно апоплексическій ударъ, и онъ чрезъ нѣсколько минутъ умираетъ! Изъ приведенныхъ здѣсь разсказовъ мы видимъ, что не всѣ сны обманчивы и пусты, есть сны, которые, дѣйствительно, исполняются въ жизни.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько совѣтовъ о томъ, какъ нужно относиться къ сновидѣніямъ.

а) Если сны побуждаютъ насъ къ добру и удерживаютъ отъ зла, то считайте эти сны перстомъ Божіимъ, указывающимъ вамъ на небо и отклоняющимъ васъ отъ дороги къ аду. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ одной книгѣ свящ. писанія:

«Богъ говоритъ однажды, и, если того не замѣтятъ, въ другой разъ: во снѣ, въ ночномъ видѣніи, когда сонъ находитъ на людей, во время дремоты на ложѣ. Тогда Онъ открываетъ у человѣка ухо и запечатлѣваетъ свое наставленіе, чтобы отвесть человѣка отъ какого-либо предпріятія и удалить отъ него гордость, чтобы отвесть душу его отъ пропасти и жизнь его отъ пораженія мечомъ» (Іов. XXXIII, 14—18).

«Когда увидишь во снѣ образъ креста, учитъ преп. Варсанофій, знай, что этотъ сонъ истиненъ и отъ Бога, но постарайся отъ святыхъ получить истолкованіе значенія его, а не вѣрь своему помыслу» («Руковод. къ дух. жизни» Варсанофія и Іоанна, стр. 368).

б) Если же вы не увѣрены, или не имѣете разумной причины думать, что сонъ происходитъ отъ Бога, въ особенности если сонъ касается неважныхъ, безразличныхъ предметовъ, тогда нѣтъ надобности обращать вниманіе на сны и устроять по нимъ свои дѣйствія; будьте осторожны, дабы, обращая вниманіе на каждый сонъ, не сдѣлаться суевѣрными и не подпасть опасности согрѣшить.

в) Если, наконецъ, сонъ соблазняетъ человѣка на грѣхъ, то онъ есть слѣдствіе нашего испорченнаго, разстроеннаго воображенія, нашей фантазіи, или же онъ происходитъ отъ того, отъ кого да сохранитъ насъ Богъ Своею благодатію, т.-е. отъ діавола. (Прот. Гр. Дьяченко).

Б. Взглядъ на вѣщія сновидѣнія.

Подъ именемъ *вѣщихъ* сновъ въ тѣсномъ смыслѣ разумѣются сны съ предвѣщаніемъ или предсказаніемъ будущаго, а въ широкомъ смыслѣ—всѣ необыкновенные правдивые или имѣющіе

смыслъ и значеніе сны въ отличіе отъ обыкновенныхъ, какъ пустой игры воображенія, неуправляемаго разумомъ (songe и rêve на фр. яз.). Такъ, нерѣдко случается во снѣ находить разрѣшеніе научныхъ философскихъ и др. задачъ, неразрѣшенныхъ днемъ, вспоминать о событіяхъ и лицахъ, давно забытыхъ, получать свѣдѣнія о вещахъ затерянныхъ; еще поразительнѣе, хотя и рѣже, сны съ предсказаніемъ прямымъ или символическимъ (подъ покровомъ образовъ) будущаго, каковы: грозящая спящему или знакомымъ ему лицамъ опасность, болѣзнь, смерть, а также (очень рѣдко) особенно поразительные сны съ живымъ изображеніемъ отдаленнаго будущаго всей судьбы человѣка въ подробностяхъ. Нашимъ читателямъ уже извѣстны многія подобныя сновидѣнія. Многіе изъ «вѣщихъ» сновъ или правдивыхъ гипнотическихъ галлюцинацій въ психологіи объясняются дѣйствіемъ во снѣ воображенія, — случайнымъ произведеніемъ механическаго движенія представленій по законамъ ассоціаціи, оживленіемъ во снѣ памяти, усиленіемъ внутренняго органическаго чувства, воспринимающаго всѣ совершающіеся въ организмѣ и незамѣчаемые на яву процессы, какъ начало болѣзни и т. п. Но многіе сны не укладываются въ рамки этихъ объясненій и предполагаютъ въ качествѣ своей основы существованіе въ нашей душѣ особенныхъ свойствъ и способностей, такъ называемыхъ магическихъ, какъ ясновидѣніе, прозорливость и т. п., непроявляющихся вполнѣ въ бодрственной жизни души. Не одни послѣдователи мистической философіи Шеллинга и не простые любители чудеснаго, но въ настоящее время и научная психологія, и многіе серьезные богословы допускаютъ существованіе въ душѣ нашей большаго запаса силъ, чѣмъ какой намъ извѣстенъ. Душевная жизнь, какъ для всякаго замѣтно, заключается въ двухъ, взаимно смѣняющихся или чередующихся состояніяхъ: бодрствованія или полнаго сознанія и въ состояніяхъ безсознательныхъ и полусознательныхъ, какъ сонъ, экстазъ, безуміе и т. п. Въ душѣ, короче сказать, двѣ стороны, — *свѣтлая*, освѣщенная сознаніемъ, какъ бодрственная нормальная ея жизнь, и *темная*, лежащая за порогомъ нашего сознанія, невѣдомая, таинственная, населяемая часто призраками испуганнаго воображенія и невѣжественной фантазіи, какъ жизнь души во снѣ, въ обморокѣ, особенно въ отдѣльности отъ тѣла — *за гробомъ*... Извѣстный богословъ *Фр. Деличъ* въ своей «Системѣ библейской психологіи» проводитъ именно этотъ взглядъ и справедливо говоритъ, что «роковая ошибка большей части современныхъ психологовъ въ томъ, что они ограничиваютъ душу и ея жизнь предѣлами *сознанія*, но душа, какъ это теперь начинаютъ болѣе и болѣе признавать, заключаетъ въ себѣ гораздо большее богатство силъ и обнимаетъ большій кругъ отношеній, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она можетъ представиться въ бодрственной сознательной жизни» [1]).

Научная *физіологическая* (а въ сущности — матеріалистическая) психологія не хочетъ, конечно, видѣть въ вѣщихъ снахъ совершенно новые психологическіе факты, выходящіе за предѣлы подлежащаго ея вѣдѣнію круга явленій психической жизни. Она пускаетъ въ ходъ всѣ средства, завѣщанныя ей еще Аристотелемъ, къ доступному *ей* объясненію этихъ и другихъ загадочныхъ психическихъ фактовъ изъ законовъ и элементовъ *изучаемой ею* области психическихъ явленій, и старается во что бы то ни стало и вѣщіе сны разрѣшить въ явленія этой категоріи. А образованная масса, пробавляющаяся предразсудками своей среды, безъ всякаго критическаго къ нимъ отношенія, вслѣдъ за наукою и какъ бы отъ имени ея поставляетъ въ особенную честь своего образованія повторять и провозглашать на разные лады общеизвѣстный популярный взглядъ на пророческіе или вѣщіе сны, что вѣра въ нихъ есть остатокъ первобытнаго грубаго и унизительнаго суевѣрія и недостойна даже опроверженія и обсужденія (это уже прибавляется «сверхъ науки»).

Оцѣнка этого популярнаго взгляда на вѣщіе сны и выясненіе должнаго къ нему отношенія составляютъ безотлагательную и прямую задачу прежде всего христіанской апологетики въ виду его очевиднаго отношенія къ христіанской религіи.

Этому, столь ясно выраженному и смѣло выдвигаемому популярно - научному воззрѣнію на пророческіе сны противостоитъ, столь же ясно выраженное, древнее воззрѣніе на пророческіе сны въ библіи. Вѣра въ пророческіе сны, несомнѣнно, какъ и во всѣхъ религіяхъ историческихъ, въ христіанской религіи является однимъ изъ составныхъ ея элементовъ, правда не имѣющимъ догматической важности, но за то важнымъ въ другомъ отношеніи. Во-первыхъ, библія, которая есть слово Самого Бога, признаетъ существованіе пророческихъ сновъ и заключаетъ въ себѣ двадцать семь сновъ этого рода; во-вторыхъ, она разсматриваетъ пророческіе сны, какъ одинъ изъ многочисленныхъ способовъ божественнаго откровенія людямъ, общенія Божества съ людьми [2]). Этого достаточно, чтобы вопросъ о снахъ пророческихъ получилъ въ глазахъ всякаго, понимающаго дѣло, не только научную, но и религіозную важность — именно въ виду вышеуказаннаго популярно-научнаго воззрѣнія на пророческіе сны и приговора науки надъ вѣрою въ нихъ, въ силу котораго она объявляется суевѣріемъ. Какіе выводы изъ этого слѣдуютъ, можно было бы и не говорить, но всякій довѣрчивый къ наукѣ, про себя, конечно, долженъ будетъ сдѣлать выводъ: значитъ,

---

[1]) Fr. Delitzsch: *System der biblischen Psyhologie*. Aufl. 2-te. p. 228.

[2]) Іоиль II, 28; Втор. XIII, 1—3; Сир. XXXIV, 6; Іова XXXIII, 14—18.

христіанская вѣра поддерживаетъ и распространяетъ суевѣріе. Возможность же и даже неизбѣжность такого вывода для богослова дѣлаютъ обязательнымъ рѣшеніе вопроса: есть ли вѣра въ сны суевѣріе и права ли въ своемъ воззрѣніи на нее наука? Рѣшеніе этого вопроса для апологетической богословской науки становится насущною задачею; указывая на противорѣчіе вѣры въ сны съ наукою и важность ея въ общей системѣ вѣрованій христіанскихъ, многіе, выражаясь вульгарнымъ языкомъ, бросаютъ перчатку христіанскимъ богословамъ-апологетамъ, какъ бы приглашая ихъ этимъ самымъ оправдать и такъ или иначе объяснить это библейское воззрѣніе на пророческіе сны. «Вѣра въ пророческіе сны,—говоритъ одинъ изъ такихъ писателей,— не только не отвергается въ христіанской религіи, но эта религія даже предполагаетъ ее, какъ составную часть своего ученія. Если въ настоящемъ столѣтіи эта вѣра отчасти ослабѣла, то это не вслѣдствіе сомнѣній въ существованіи твердыхъ основаній для нея въ священномъ писаніи, а вслѣдствіе общаго упадка догматизма, который характеризуетъ наше время». Указавъ на нѣкоторые библейскіе пророческіе сны, авторъ продолжаетъ: «но изъ всѣхъ сновъ, передаваемыхъ священными писателями, первый по своей несравненной важности и очевидно божественному происхожденію есть тотъ, на которомъ преимущественно основана сама тайна божественнаго воплощенія. Попробуйте выбросить сонъ, въ которомъ Іосифъ получилъ извѣщеніе о сверхъестественномъ зачатіи Св. Маріи отъ Духа Святаго (Мѳ. I, 20),—и эта тайна будетъ исключительно зависѣть отъ исторіи о благовѣщеніи архангела Дѣвѣ Маріи, по необходимости передаваемой Самою Дѣвою Маріею (Лк. I, 35). Но въ такомъ щекотливомъ случаѣ, по очевиднымъ основаніямъ, не можетъ быть абсолютно достовѣрнаго показанія. Это еще не все. Именно во снѣ маги были предупреждены о козняхъ Ирода, и, благодаря также сну, была спасена жизнь новорожденнаго Христа въ общемъ избіеніи невинныхъ младенцевъ (Мѳ. II, 12—13). О христіанствѣ, такимъ образомъ, можно сказать, что оно обязано своимъ существованіемъ небеснымъ откровеніямъ, даваемымъ въ сновидѣніяхъ, и христіане не могутъ совмѣстно съ остальными своими вѣрованіями принимать какія-нибудь теоріи, ведущія къ отрицанію священнаго и пророческаго характера сновъ» [1]). Конечно, здѣсь преувеличено значеніе въ христіанской религіи вѣры въ пророческіе сны (такъ какъ истина воплощенія, что должно быть извѣстно и автору англійскому, основывается не на одномъ приведенномъ имъ мѣстѣ); но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что, въ виду такихъ заявленій, какъ это, вопросъ о пророческихъ снахъ, дѣйствительно, долженъ получить весьма большую важность въ апологетической богословской наукѣ.

Разсматриваемый классъ загадочныхъ психическихъ явленій представляетъ не только полемическій, но и *положительный* интересъ другою своею стороною, и при томъ не для одного христіанскаго богословія, но и для философіи (спиритуалистической).

Темная сторона душевной жизни вообще заключаетъ въ себѣ много данныхъ, подтверждающихъ библейско-спиритуалистическое воззрѣніе на душу, какъ субстанцію духовную, самостоятельную и безсмертную, такъ какъ факты, относящіеся къ этой сторонѣ духовнаго существованія, могутъ объясняться удовлетворительно лишь на почвѣ библейско-спиритуалистической, но никакъ не матеріалистической психологіи. Въ западной богословско-философской литературѣ мы находимъ попытки эксплуатаціи этой темной стороны душевной жизни въ цѣляхъ религіозно-апологетическихъ, а капитальнѣйшій въ этомъ отношеніи опытъ принадлежитъ перу ученаго протестантскаго богослова *Франца Шплиттгербера,* воспользовавшагося явленіями *сна* и *смерти* для цѣлей религіозно-апологетическихъ. Шплиттгерберъ такъ опредѣляетъ задачу своего въ высшей степени интереснаго ученаго труда «Сонъ и смерть или таинственная область душевной жизни»:—«послужить двумъ основнымъ задачамъ всякаго психологическаго изслѣдованія, именно—насколько можно глубже заглянуть въ существо человѣческой души и лучше доказать ея вѣчное назначеніе. А для этого особенно пригодны сонъ и смерть, вмѣстѣ съ другими аналогичными имъ явленіями, такъ какъ сущность души въ этихъ психическихъ состояніяхъ полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, открывается, потому что въ нихъ душа отдѣляется до извѣстной степени отъ тѣлеснаго организма и погружается въ свои собственныя внутреннія глубины, такъ что ее можно тогда наблюдать въ болѣе ей свойственномъ видѣ. Въ то время, какъ въ бодрственномъ состояніи человѣка душа дѣйствуетъ лишь при посредствѣ тѣла, во снѣ она болѣе или менѣе освобождается отъ матеріальныхъ узъ плоти и тогда раскрываетъ передъ нами свои скрытыя силы, дремлющія въ бодрственномъ состояніи. Эти силы однако полнѣе выражаютъ истинную природу души, чѣмъ тѣ, которыя проявляются ею въ бодрственномъ состояніи, когда къ ея дѣятельности примѣшивается посредство чуждой дѣятельности организма тѣлеснаго, а потому ничто столь не пригодно къ опроверженію матеріалистической психологіи, какъ тщательное изученіе души во снѣ и другихъ аналогичныхъ состояніяхъ, когда чище и полнѣе проявляется ея природа» [1]).

[1]) *Viscount Amberley* «Analysis of Religious Belief» vol. I—II. London, 1877. vol. I, p. 127 ff.

[1]) Splittgerber: *Schlaf und der Tod oder die Nachtseite des Seelenlebens nach ihren häufigsten Erscheinungen im Diesseits und an der Schwelle des Ienseits. Eine psychologisch-apologetische Erörterung.* I—II. Aufl. 2. Halle, 1881. Th. I, p. 7 f.

Въ концѣ своего сочиненія авторъ выражаетъ надежду, что безпристрастный читатель закроетъ его книгу подъ впечатлѣніемъ, что «есть въ насъ что-то, кромѣ плоти и крови, что-то высшее, неземное, непреходящее, божественное, — однимъ словомъ, что есть личный, безсмертный духъ» [1]). Такимъ образомъ Шплиттгерберъ пользуется загадочными феноменами сна, какъ матеріаломъ для апологіи библейско-спиритуалистической психологіи, увеличивая запасъ аргументовъ въ пользу ея. (См. кн. профес. Кіевскаго университета свящ. о. Свѣтлова. «Мистицизмъ конца XIX в.», Спб. 1897 г., стр. 73—79).

[1]) Ibidem, p. 304.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сомнамбулизмъ.

1. **Сомнамбулизмъ и сомнамбулическое видѣніе.** Мы едва ли найдемъ въ физіологіи вопросъ, который бы возбуждалъ въ такой сильной степени любопытство публики, какъ то своеобразное состояніе нервной системы, которое получило наименованіе сомнамбулизма (лунатизма).

Явленіе это состоитъ въ томъ, что сомнамбулы, будучи погружены въ глубокій сонъ, ходятъ, предаются своимъ обычнымъ занятіямъ, выполняютъ часто очень сложныя дѣйствія съ тою же увѣренностью и точностью, какъ это они дѣлаютъ въ состояніи бодрствованія.

Сомнамбулическіе приступы обыкновенно происходятъ ночью, послѣ нѣсколькихъ часовъ сна. Они длятся болѣе или менѣе долгое время. Потомъ больной опять ложится—или его укладываютъ окружающіе — и по пробужденіи не сохраняетъ рѣшительно никакого воспоминанія о происшествіяхъ своей ночной жизни. Иногда сомнамбулическіе приступы происходятъ и днемъ. Въ такихъ случаяхъ приступу предшествуетъ болѣе или менѣе глубокій сонъ, или же приступъ наступаетъ внезапно, и тогда, по окончаніи припадка, больной засыпаетъ и, проснувшись, ничего не помнитъ о случившемся.

У различныхъ лицъ, страдающихъ сомнамбулизмомъ, приступы носятъ крайне разнообразный характеръ, явленіе представляетъ различныя, бросающіеся въ глаза всякому, степени интенсивности. Одни лунатики во время приступовъ остаются на мѣстѣ и не совершаютъ никакихъ движеній. Они ведутъ длинные, связные разговоры, нерѣдко выдаютъ свои тайны, не сохраняя объ этомъ ни малѣйшаго воспоминанія по пробужденіи. Эта форма сомнамбулизма всего болѣе приближается къ нормальному сну. Другіе, разговаривая, совершаютъ движенія, но точно также не покидаютъ кровати.

Франкъ, подъ названіемъ „somniatio“, описываетъ случай, представляющій одинъ изъ самыхъ чистыхъ примѣровъ этой формы сомнамбулизма. Одна молодая дѣвушка въ 1812 году была перепугана французскими солдатами, угрожавшими ея отцу смертью и смягчившимися только тогда, когда ихъ требованія были исполнены. На слѣдующій день послѣ этой сцены у нея явился сомнамбулическій приступъ, повторявшійся затѣмъ правильно каждый вечеръ. Она испускала глубокій вздохъ и впадала въ сонъ. Ее клали на диванъ, причемъ наблюдались нѣкоторые каталептическіе симптомы, а затѣмъ больная воспроизводила ужасную, сильно потрясшую ее сцену, которая была причиной наблюдавшихся у ней припадковъ. Правой рукой она вынимала патронъ изъ патронташа, будто бы находившагося у нея на боку, дѣлая это съ такой силой, что почти рвала на себѣ платье. Потомъ она клала патроны въ ротъ и правой же рукой сыпала порохъ на большой палецъ лѣвой руки, какъ на полку ружья, затѣмъ, забивала шомполомъ зарядъ въ ружье и вставляла пыжи. По временамъ больная, совершенно незнакомая съ французскимъ языкомъ, произносила вслухъ: „marche, où est le baron?“, сопровождая эти слова бранью на французскомъ же языкѣ. Забивъ зарядъ, она перебирала пальцы, точно высчитывая на нихъ условія пощады. Эту сцену она повторяла три раза кряду, въ одномъ и томъ же порядкѣ. Потомъ она сжимала кулаки, холодный потъ выступалъ у нея по всему тѣлу, она впадала въ почти коматозное состояніе и потомъ просыпалась, ничего не помня о случившемся [1]).

Есть, наконецъ, сомнамбулы, которые встаютъ съ постели, предаются обычнымъ занятіямъ, читаютъ, пишутъ, сочиняютъ стихи, производятъ вычисленія, совершаютъ очень сложныя работы. Это—сомнамбулизмъ въ самой сильной формѣ.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ *о состояніи чувствъ во время сомнамбулическихъ припадковъ*. Вопросъ этотъ очень сложенъ, и при рѣшеніи его мы наталкиваемся на многочисленныя затрудненія. При внимательномъ изслѣдованіи удается, однако-же, опредѣлить степень возбудимости различныхъ органовъ чувствъ въ этомъ своеобразномъ состояніи.

Слухъ. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что звуковыя впечатлѣнія воспри-

[1]) J. Frank. *Pathologie interne*.

нимаются сомнамбулами, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они соотвѣтствуютъ представленіямъ, занимающимъ умъ сомнамбулъ во время приступа. Благодаря этому, нерѣдко удается заставить сомнамбулъ совершить извѣстные поступки, внушить имъ извѣстныя идеи. Прибавлю, что, обыкновенно, если назвать лунатика по имени, онъ поворачивается, пристально всматривается, но ничего не видитъ. Очевидно, онъ слышалъ зовъ; звуки, во всякомъ случаѣ, были имъ восприняты.

Вкусъ и обоняніе. Точно также лица, находящіяся въ сомнамбулическомъ состояніи, воспринимаютъ вкусовыя ощущенія. Одинъ лунатикъ потребовалъ водки, и когда ему подали воды, то онъ, поднесши стаканъ къ губамъ, оттолкнулъ его. Воспринимаются равнымъ образомъ и обонятельныя ощущенія. По крайней мѣрѣ, одинъ субъектъ, по разсказу наблюдавшаго его д-ра Анконтра [1]), по видимому, руководился обоняніемъ въ своихъ ночныхъ путешествіяхъ. Обонятельныя воспріятія встрѣчаются, впрочемъ, у сомнамбулъ рѣдко.

Осязаніе. Это чувство у сомнамбулъ особенно живо, что характеристично до нѣкоторой степени для состоянія, въ которомъ находится нервная система субъекта во время сомнамбулическаго приступа.

Одинъ лунатикъ, о которомъ говоритъ Франкъ, при спазматически закрытыхъ глазахъ различалъ осязаніемъ цвѣта. Быть-можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести интересное наблюденіе д-ра Дюфэ [2]) надъ больнымъ, который въ темнотѣ точно сортировалъ матеріи по оттѣнкамъ цвѣтовъ. Во время сомнабулическихъ приступовъ больные часто пишутъ, рисуютъ, исполняютъ тонкія работы — и это опять-таки ясно показываетъ, что у сомнамбулъ осязаніе можетъ воспринимать тончайшія впечатлѣнія.

Зрѣніе. Во время сомнамбулическихъ приступовъ глаза большею частью бываютъ открыты, иногда они закрыты. Если изслѣдовать открытые глаза лунатика во время приступа, то можно убѣдиться, что они неподвижны, что зрачокъ обыкновенно расширенъ и нечувствителенъ къ свѣту. Впрочемъ, д-ръ Дюфэ у г-жи Р. Л. могъ констатировать, что усиленіе или ослабленіе интенсивности свѣта вызывало сокращеніе или расширеніе зрачка, какъ бываетъ и въ нормальномъ состояніи. Однако это наблюдается, по видимому, рѣдко.

Видятъ ли сомнамбулы? Рѣшить этотъ вопросъ крайне затруднительно, существующія на этотъ счетъ показанія въ высшей степени противорѣчивы и сбивчивы.

Теперь же считаемъ нужнымъ привести одинъ случай сомнамбулизма, причемъ постараемся, чтобы онъ содержалъ всѣ тѣ особенности, которыя придаютъ сомнамбулизму чудесный характеръ, производящій такое сильное впечатлѣніе на зрителей [1]).

Одинъ молодой священникъ вставалъ всякую ночь, бралъ бумагу, сочинялъ и писалъ проповѣди. Написавъ страницу, онъ перечитывалъ ее вслухъ отъ начала до конца (если можно назвать перечитываніемъ то, что онъ дѣлалъ безъ содѣйствія глазъ). Если ему какое-либо мѣсто не нравилось, онъ вычеркивалъ его и сверху дѣлалъ поправки всегда на надлежащихъ мѣстахъ. Въ одной проповѣди имъ была сдѣлана поразительная въ этомъ отношеніи поправка. Сначала авторъ поставилъ слова: *ce divin enfant* этотъ (божественный ребенокъ), потомъ, перечитывая рукопись, онъ рѣшилъ замѣнить слово *divin* словомъ *adorable* (ублажаемый): онъ вычеркнулъ первое и вверху надъ самымъ этимъ словомъ написалъ *adorable*. Тогда онъ замѣтилъ, что слово *ce*, вполнѣ умѣстное передъ *divin*, не можетъ предшествовать слову *adorable*, и удачно приписалъ *t* къ предшествующимъ буквамъ, такъ что получилось: *cet adorable enfant*. Желая убѣдиться, пользуется ли лунатикъ глазами, къ лицу его поднесли листъ картона, совершенно закрывавшій для него лежавшую на столѣ бумагу. Онъ продолжалъ писать, совсѣмъ не замѣчая картона. Чтобы узнать, на чемъ основано его представленіе о предметахъ, находящихся у него подъ глазами, нѣсколько разъ тихонько брали бумагу, на которой онъ писалъ, и замѣняли ее другой,—но онъ тотчасъ же замѣчалъ это, такъ какъ листы были другого формата. Когда же найдена была бумага, ничѣмъ не отличавшаяся отъ той, на которой онъ писалъ,—онъ принялъ ее за свою и *дѣлалъ поправки на мѣстахъ, соотвѣтствующихъ мѣстамъ вынутаго оригинала.* Благодаря этой хитрости удалось достать нѣсколько его ночныхъ писаній.

Всего изумительнѣе было видѣть, продолжаетъ авторъ статьи, какъ онъ пишетъ музыкальныя ноты. Тросточка замѣняла ему линейку. При помощи ея онъ наносилъ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга пять линій, разставлялъ на надлежащихъ мѣстахъ ключъ, бемоли и діэзы. Затѣмъ онъ вычерчивалъ ноты, которыя сначала дѣлалъ бѣлыми, а потомъ зачерчивалъ тѣ, которыя должны были быть черными. Слова онъ

[1]) D-r Encontre, *Journal de Médicine de Bordeaux.*
[2]) D-r Dufay. *Revue scientifique* 15 juillet 1876.

[1]) Мы заимствуемъ описаніе этого случая почти цѣликомъ изъ статьи *Сомнамбулизмъ* въ *Энциклопедіи XVIII вѣка.*

писалъ снизу. Однажды онъ писалъ ихъ слишкомъ крупными буквами, такъ что слова не приходились подъ соотвѣтствующими нотами. Онъ скоро замѣтилъ это, вымаралъ рукой все, что написалъ, и написалъ вторично эту строчку, разставляя слова съ почти идеальной точностью.

Не менѣе замѣчателенъ другой фактъ въ совершенно иномъ родѣ. Однажды ночью во время зимы онъ вообразилъ, будто прогуливается по берегу рѣки и видитъ, что въ нее падаетъ и начинаетъ тонуть ребенокъ. Несмотря на страшный холодъ, онъ, не медля ни минуты, бросается къ нему на помощь и ложится на кровать въ позѣ плавающаго человѣка, воспроизводя всѣ движенія послѣдняго. Спустя нѣсколько минутъ, утомленный долгимъ плаваніемъ онъ замѣтилъ въ углу кровати одѣяло, сбившееся въ комокъ, принялъ его за ребенка, схватилъ его одной рукой и, дѣйствуя другой, сталъ плыть къ берегу воображаемой рѣки. Благополучно достигнувъ его, онъ кладетъ на берегъ свою ношу и выходитъ изъ воды, весь дрожа и стуча зубами, какъ человѣкъ, дѣйствительно вышедшій изъ полузамерзшей рѣки. Онъ говоритъ присутствующимъ, что страшно прозябъ, что онъ умретъ отъ холоду, что вся кровь въ немъ застыла; чтобы согрѣться, онъ приказываетъ подать водки. Водки не было, и ему подали воды; онъ поднесъ ее къ губамъ, но тотчасъ же замѣтилъ обманъ и еще настойчивѣе потребовалъ водки, указывая на угрожающую ему опасность. Ему принесли стаканъ ликеру; онъ пьетъ его съ наслажденіемъ и говоритъ, что чувствуетъ себя значительно лучше, но не просыпается, ложится и продолжаетъ спать самымъ спокойнымъ образомъ [1]).

Такимъ образомъ этотъ лунатикъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто бы онъ бодрствовалъ, какъ будто бы онъ видѣлъ. Въ литературѣ описанъ цѣлый рядъ сходныхъ случаевъ. Основываясь на нихъ, многіе авторы, подобно доктору Лелю, допускаютъ существованіе у сомнамбулъ реальныхъ зрительныхъ воспріятій.

„Сомнамбулы,—говоритъ Макаріо,—воспринимаютъ впечатлѣнія отъ предметовъ, представляющихъ какое-либо отношеніе къ ихъ мыслямъ и чувствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они не видѣли, какъ могли бы они избѣжать паденія въ страшныя пропасти, которыя однако жъ они обходятъ? Какъ могли бы они брать нужные имъ предметы, какъ могли бы садиться на лошадь, какъ могли бы читать, писать и т. д.? Мы принуждены допустить, что сомнамбулы отчетливо видятъ и различаютъ предметы, имѣющіе отношеніе къ ихъ представленіямъ“ [1]).

Увѣренность, какую обнаруживаютъ сомнамбулы въ своихъ дѣйствіяхъ, точная соразмѣрность производимыхъ ими движеній поражаетъ всѣхъ наблюдателей и заставляетъ признать существованіе зрительныхъ воспріятій въ сомнамбулическомъ состояніи. Все это, по нашему мнѣнію, подтверждаетъ ту истину, что душа можетъ проявлять себя и безъ посредства внѣшнихъ чувствъ. (См. кн. д-ра Симона: „Міръ грезъ“, Спб. 1890 г., стр. 145—153).

2. Замѣчательные случаи сомнамбулизма. 1. У одного высокопоставленнаго лица спросили совѣта относительно очень важнаго и труднаго дѣла, и онъ принялся за изученіе этого дѣла съ особеннымъ тщаніемъ. Послѣ того, какъ нѣсколько дней онъ былъ занятъ такимъ образомъ, жена его разъ ночью замѣтила, что онъ всталъ съ постели, подошелъ къ письменному столу, стоявшему въ спальнѣ, усѣлся за столъ и долго писалъ; затѣмъ заботливо спряталъ въ столъ исписанную имъ бумагу и вернулся въ постель. На слѣдующее утро онъ сказалъ женѣ, что видѣлъ необыкновенно интересный сонъ: ему снилось, что онъ подалъ ясное, блестящее мнѣніе о затрудняющемъ его дѣлѣ, и онъ дорого далъ бы, чтобы возстановить цѣпь мышленія, проходившую въ его умѣ во время этого сна; тогда жена направила его къ столу, гдѣ онъ нашелъ свое полно и ясно изложенное мнѣніе, оказавшееся впослѣдствіи вполнѣ правильнымъ.

2. Слѣдующій случай былъ разсказанъ его преподобіемъ Джономъ де-Лифде, какъ бывшій съ однимъ изъ его товарищей, священникомъ, на правдивость котораго онъ вполнѣ полагается.

„Я былъ студентомъ меннонитской семинаріи, въ Амстердамѣ, и слушалъ лекціи математики профессора Ванъ-Свиндена. Однажды банкъ предложилъ профессору разрѣшить одинъ вопросъ, требовавшій труднаго и пространнаго вычисленія. Ученый математикъ нѣсколько разъ пробовалъ рѣшить проблему, но такъ какъ для полученія результата нужно было исписать цыфрами нѣсколько листовъ бумаги, то профессоръ при каждой попыткѣ дѣлалъ гдѣ-нибудь ошибку. Не желая утомлять себя болѣе, онъ сообщилъ свое затрудненіе десяти студентамъ,—и мнѣ въ томъ числѣ,—и просилъ насъ попытаться разрѣшить его. Мое честолюбіе не позволило мнѣ откладывать въ долгій ящикъ. Въ тотъ

[1]) *Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des arts, des sciences et des métiers par une Société de gens des lettres,* mis en ordre et publié par M. M. Diderot et d'Alambert, Genève 1776.

[1]) Macario. *Du Sommeil, des Rêves et du Somnambulisme.* Paris 1856.

же вечеръ я усѣлся за работу, но безуспѣшно. Слѣдующій вечеръ былъ опять посвященъ моему предпріятію, и опять безплодно. На третій вечеръ я снова принялся за свои цыфры. Была зима, я вычислялъ до половины второго утра, и все напрасно! Результатъ былъ невѣренъ. Съ уныніемъ въ душѣ я бросилъ грифель, которымъ исписалъ уже цѣлыхъ три доски. Я раздумывалъ, не начать ли мнѣ мое вычисленіе сначала, такъ какъ я узналъ, что профессору къ утру нуженъ былъ отвѣтъ, но къ сожалѣнію свѣча моя догорала, а лица, съ которыми я жилъ, давно уже легли спать. Тогда я тоже улегся въ постель, съ головой, наполненной цыфрами, и скоро уснулъ. Утромъ я проснулся только-только во время, чтобы одѣться и итти на лекцію. Я былъ очень огорченъ, что не могъ рѣшить задачи и дать удовлетворительный отвѣтъ своему наставнику. Но, о чудо! — подойдя къ письменному столу, я нашелъ на немъ бумагу, покрытую цыфрами, писанными моимъ почеркомъ, и (можете судить о моемъ удивленіи!) заключавшую рѣшеніе моей задачи, совершенно правильное, безъ единой ошибки. Я хотѣлъ-было спросить свою хозяйку, не входилъ ли кто въ мою комнату, но меня остановило свидѣтельство собственнаго моего почерка. Впослѣдствіи я разсказалъ ей о томъ, что случилось; она очень удивлялась и увѣряла меня, что въ мою комнату никто не входилъ. Итакъ, очевидно, я сдѣлалъ свое вычисленіе во снѣ и въ полнѣйшей темнотѣ; но замѣчательнѣе всего то, что выкладка была такъ проста и сжата, что то, что лежало теперь передо мною на одномъ листѣ in folio, едва умѣстилось у меня наканунѣ на трехъ доскахъ, исписанныхъ съ обѣихъ сторонъ. Профессоръ Ванъ-Свинденъ былъ пораженъ этимъ происшествіемъ и объявилъ мнѣ, что, когда онъ пробовалъ вычислять самъ, ему ни разу не пришло въ голову такое простое и сжатое рѣшеніе".

3. Вотъ другой случай подобнаго же рода: „Отецъ мой, будучи студентомъ богословія въ Базелѣ, долженъ былъ составить публичную рѣчь на заданный текстъ изъ священнаго писанія. Всѣ способы овладѣть предметомъ, по видимому, покинули его; цѣлые дни онъ проводилъ въ состояніи нервнаго безпокойства, не будучи въ силахъ написать ничего, что бы его удовлетворяло. Наканунѣ испытанія онъ сочинилъ кое-что и легъ спать, совершенно недовольный своимъ произведеніемъ. Онъ уснулъ, и ему приснился новый способъ обработки и иллюстрированія заданной ему темы; проснувшись, онъ вскочилъ, чтобы записать свою мысль, но, открывъ свой столъ, нашелъ ее уже записанной его собственнымъ почеркомъ и, очевидно, записанной недавно, потому что чернила едва успѣли просохнуть".

Однако, обыкновенный недостатокъ умственныхъ операцій этого состоянія тотъ, что, благодаря самой ихъ напряженности и исключительности, вниманіе индивидуума отвлекается отъ соображеній, которыя могли бы видоизмѣнить ихъ; и они не могутъ оказать на умственныя отправленія своего исправляющаго вліянія.

4. Важную характерную черту состоянія сомнамбулизма составляетъ то явленіе, что ни проходящій въ умѣ лунатика ходъ мышленія, ни являющіяся результатами его дѣйствія не оставляютъ по себѣ воспоминаній въ состояніи бодрствованія, а если какое-нибудь воспоминаніе и сохраняется, то только въ видѣ слѣда обыкновеннаго сновидѣнія. Но и ходъ мышленія, и вытекающія изъ него дѣйствія въ состояніи сомнамбулизма нерѣдко съ величайшею живостью вспоминаются при возвращеніи этого состоянія, даже послѣ долгаго промежутка времени, причемъ промежутокъ этотъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, совершенно не сознается. То же самое, только гораздо рѣже, случается и въ обыкновенномъ состояніи сновидѣній; спящій вспоминаетъ иногда прежній сонъ и даже продолжаетъ его,—явленіе, указывающее на тѣсную связь этого состоянія съ состояніемъ сомнамбулизма, такъ какъ сновидѣніе обнаруживаетъ стремленіе къ возвращенію только въ томъ случаѣ, если оно обладаетъ опредѣленностью и связностью, характеризующими послѣднее состояніе. Слѣдующій случай представляетъ очень хорошій примѣръ „сновидѣнія въ дѣйствіи" и перенесенія изъ одного періода этого состоянія въ другой впечатлѣнія, о которомъ не сохранилось въ состояніи бодрствованія ни малѣйшаго воспоминанія.

У одной служанки, подверженной припадкамъ сомнамбулизма, пропала ея гребенка; не найдя ее послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, она обвинила другую служанку, спавшую съ нею въ одной комнатѣ, въ томъ, что та взяла гребенку. Но утромъ она проснулась съ гребенкой въ рукѣ, такъ что не могло быть сомнѣнія въ томъ, что наканунѣ ночью она спрятала ее куда-нибудь, не сохранивъ объ этомъ никакого воспоминанія въ состояніи бодрствованія, и что нашла она гребенку тогда, когда съ возвращеніемъ того состоянія, въ которомъ она спрятала ее, къ ней вернулось воспоминаніе и о мѣстѣ, гдѣ она была спрятана. (*Карпентеръ*, „Основанія физіологіи ума", т. II).

5. Докторъ Грассэ, занимающій въ клиникѣ Монпелье профессорскую кафедру по медицинскому факультету, сообщилъ въ спе-

ціально медицинской газетѣ „La Semaine Medicale" (№ 56) очень интересный и вполнѣ доказательный опытъ ясновидѣнія.

Докторъ Ферруль, изъ Нарбонны, по словамъ проф. Грассэ, разсказалъ ему, что знаетъ одну женщину ясновидящую, продѣлывающую удивительныя вещи, и предложилъ Грассэ устроить съ нею строгонаучно обставленный опытъ „чтенія черезъ непрозрачные предметы". Проф. Грассэ, возвратившись изъ Нарбонны въ Монпелье, не сказавъ ни слова д-ру Феррулю, оставшемуся въ Нарбоннѣ, написалъ на полулистѣ бумаги слѣдующія слова:

„Le ciel profond reflète en étoiles nos larmes, car nous pleurons, ce soir, de nous sentir trop vivre. Уэков. Kaiser Montpellier 28 октября 1897 г.".

Свернувъ эту бумагу написанной стороной внутрь и плотно завернувъ ее въ оловянный листъ, какимъ окружаютъ шоколадъ, онъ вложилъ ее въ конвертъ и заклеилъ гуммиарабикомъ. Такъ какъ д-ръ Ферруль предупредилъ проф. Грассэ, что перевязка конверта шнуркомъ мѣшаетъ иногда его ясновидящей прочитывать то, что находится внутри конверта, то профессоръ продѣлъ черезъ конвертъ англійскую безопасную булавку въ видѣ петли, накапалъ на булавку массу сургуча и припечаталъ собственной печатью. Къ этому пакету проф. Грассэ приложилъ свою карточку съ просьбой предложить ясновидящей прочесть то, что онъ написалъ, безъ вскрытія конверта, и вложить то и другое въ одинъ общій конвертъ, адресованный по почтѣ на имя д-ра Ферруля въ Нарбоннѣ 28 октября (нов. ст.).

30 октября утромъ полученъ слѣдующій отвѣтъ отъ д-ра Ферруля: „при полученіи вашего письма утромъ моей ясновидящей не было возлѣ меня. Я вскрылъ первый конвертъ и нашелъ въ немъ вашу карточку, Будучи обязанъ сдѣлать нѣсколько визитовъ, я зашелъ и къ ясновидящей, чтобы попросить ее зайти ко мнѣ часамъ къ четыремъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, она предложила мнѣ приступить сейчасъ же къ опыту чтенія. Вашъ же конвертъ съ черной печатью *лежалъ въ моемъ кабинетѣ на столѣ, на разстояніи около 30 метровъ отъ мѣста жительства ясновидящей.* Опираясь съ ней на край одного и того же стола, я провелъ рукой по глазамъ моего субъекта, и вотъ что онъ мнѣ сказалъ, не видѣвъ вашего пакета:

— Ты вскрылъ конвертъ?

— Да, но письмо, которое надо прочесть, внутри и находится въ другомъ запечатанномъ конвертѣ.

— Съ большой черной печатью?

— Да, читай.

— Тамъ серебряная бумага... Вотъ что написано: „Le ciel profond reflète en étoiles nos larmes, car nous pleurons, le soir, de nous sentir vivre. Затѣмъ тамъ есть такія буквы (рисуетъ буквы и кончиками пальцевъ показываетъ длину ихъ около сантиметра): Д. Е. К... Потомъ имя, котораго я не знаю, и Montpellier 28 октября 1897.

Вотъ, дорогой учитель, результатъ опыта, который я обѣщалъ произвести надъ моей ясновидящей. Весь опытъ длился не болѣе полуторы минуты. Сейчасъ же отсылаю вамъ вашъ конвертъ съ моимъ письмомъ. Преданный д-ръ Ферруль. 29 октября 1897 г."

Итакъ, продолжаетъ проф. Грассэ, я получилъ обратно свой совершенно нетронутый пакетъ, но съ прочитанной въ немъ надписью, несмотря на покрывавшіе ее слой олова, бумаги и даже сургуча, не представлявшихъ нигдѣ и слѣдовъ какого бы то ни было вскрытія.

Ясновидящая видѣла и русскія буквы, указала пальцами, что онѣ были больше другихъ, и даже нарисовала ихъ насколько могла, она замѣтила и нѣмецкое слово и, не понимая его, заявила только, что оно было меньшей величины, чѣмъ русское слово. Наконецъ, она ясно опредѣлила число, годъ и мѣсто.

Такимъ образомъ, заявляетъ проф. Грассэ, опытъ удался самымъ блестящимъ образомъ, и мы лицомъ къ лицу съ опытомъ чтенія не только черезъ непрозрачные предметы, но и на разстояніи. Имѣя полное довѣріе къ д-ру Феррулю, который самъ просилъ обставлять опыты наистрожайшимъ образомъ, и которому проф. Грассэ не говорилъ ни слова о сдѣланной имъ надписи, такъ же, какъ и никому другому, профессоръ заключаетъ, что возможность чтенія черезъ непрозрачные предметы представляется установленной и, слѣдовательно, ясновидѣніе черезъ непрозрачные предметы, по мнѣнію проф. Грассэ, вполнѣ научно доказано.

Придя къ такому заключенію, онъ 29 ноября представилъ въ засѣданіе академіи наукъ въ Монпелье невскрытый пакетъ свой съ надписью, вскрылъ его въ присутствіи всѣхъ и разсказалъ о происшедшемъ. Академія назначила комиссію съ цѣлью произвести, съ согласія Ферруля, подобнаго же рода опытъ съ ясновидящей, причемъ посылаемые въ Нарбонну профессора не должны знать о содержаніи пакета и ни на одну минуту не должны выпускать его изъ вида.

Академикъ Тархановъ [1]) разсказывая въ

[1]) Тотъ самый проф. Тархановъ, который въ 1881 году съ такимъ недовѣріемъ отнесся къ первымъ опытамъ чтенія мыслей и гипнотизаціи, стремясь въ своей брошюрѣ доказать невозможность подобныхъ явленій.

„С.-Петербургскихъ Вѣд.“ этотъ замѣчательный научный опытъ, прибавляетъ:

„Нельзя не сознаться, что эта вся исторія, попавшая на страницы спеціальныхъ медицинскихъ органовъ и дебатируемая уже учеными и въ ученыхъ коллегіяхъ, возбуждаетъ много сомнѣнія и недовѣрія. Тѣмъ не менѣе, истины ради, не слѣдуетъ останавливаться, — по завѣту такихъ великихъ учителей, какъ Клодъ Бернаръ и Дарвинъ,— ни передъ какими опытами, какъ бы они ни казались съ виду безсмысленными и противорѣчащими всему установленному. Иногда самыя великія открытія вытекали именно изъ подобнаго рода опытовъ. Привѣтствую отъ души рѣшеніе монпельеской академіи наукъ изслѣдовать возможно точнѣе фактъ, представленный ей проф. Грассэ. Стоитъ вспомнить, что было почти на-дняхъ: съ какимъ недовѣріемъ еще недавно были встрѣчены первые слухи о фотографированіи х-лучами Рентгена черезъ непрозрачные предметы, для того, чтобы понять, какъ слѣдуетъ осторожно относиться не только къ утвержденію, но и къ отрицанію тѣхъ или иныхъ новыхъ явленій“. (См. „Ребусъ“, 1898 г., № 1).

6. *Тамбовская ясновидящая.* Подъ этимъ заглавіемъ въ № 8066 „Нов. вр.“ напечатано нижеслѣдующее:

Въ концѣ прошлаго года, когда наблюденія проф. Грассэ и комиссіи медицинской академіи въ Монпелье надъ ясновидѣніемъ на разстояніи, съ субъектомъ, указаннымъ докторомъ Ферруль въ Нарбоннѣ, — вызвали столько толковъ въ обществѣ и печати, мы привели указанія на попытки изслѣдованія русскими врачами интереснаго субъекта, г-жи М. въ Тамбовѣ, также проявлявшей способность ясновидѣнія. Мы тогда же выражали сожалѣніе, что наблюденія доктора Ховрина надъ его тамбовской ясновидящей такъ мало заинтересовали русскихъ психологовъ и физіологовъ. Въ недавно вышедшемъ 2 вып. за 1898 г. (апрѣль — іюнь) „Вопросовъ нервно-психической медицины“— журнала, издаваемаго подъ редакціей кіевскаго профессора И. А. Сикорскаго — мы находимъ первую часть полнаго отчета докт. Ховрина о его „экспериментальныхъ наблюденіяхъ надъ усиленной различительной способностію“, или надъ „рѣдкой формой гиперестезіи высшихъ (?!) органовъ чувствъ“, или въ переводѣ на общедоступный языкъ „надъ способностью ясновидѣнія г-жи М.“. Почтенный докторъ заявляетъ, что способность г-жи М. читать письма въ закрытыхъ непрозрачныхъ оболочкахъ—является фактомъ безспорно установленнымъ, при условіяхъ, безусловно исключающихъ всякую фальсификацію и обманъ; но способность эту не должно смѣшивать съ „ясновидѣніемъ“, какъ мистической способностью оккультистовъ, въ силу которой субъекты, обладающіе таковой, воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія безъ посредства органа ихъ чувствъ. Во всякомъ случаѣ и какъ бы мы ни называли эту способность — теперь она пріобрѣла право на вниманіе науки, вошла въ область ея изслѣдованій и, по всей вѣроятности, какъ и долго оспаривавшійся фактъ гипноза — научно признанная способность ясновидѣнія поможетъ объяснить и раскрыть не мало явленій, ускользавшихъ доселѣ отъ наблюденія и объясненія.

Тѣ, которые ближе интересуются этимъ вопросомъ, конечно, дадутъ себѣ трудъ прочесть статью доктора Ховрина полностью. Здѣсь же мы ограничимся указаніемъ, что наблюденія его интересны не только въ томъ отношеніи, что устанавливаютъ способность г-жи М. читать фразы, написанныя и вложенныя въ запечатанныя непрозрачныя оболочки—этимъ способность г-жи М. не ограничивается. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она не давала въ своихъ отвѣтахъ текста написанной фразы, но давала рѣшенія задачъ галлюцинаторнымъ путемъ, т.-е., вмѣсто подлиннаго текста она видѣла образы или картины, соотвѣтствующіе тексту, причемъ проходитъ рядъ галлюцинацій не только зрительныхъ, но и слуховыхъ. Такъ, напримѣръ, одинъ опытъ продолжался въ теченіе 9 сеансовъ, происходившихъ болѣе недѣли — и путемъ послѣдовательныхъ частичныхъ отвѣтовъ г-жа М., передавая свои зрительныя и слуховыя ощущенія, установила въ мельчайшихъ подробностяхъ эпизодъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій тому, что было записано въ контрольномъ, запечатанномъ письмѣ, а именно: „Большой залъ, ярко освѣщенный люстрами и лампами, въ немъ расхаживаютъ группами кавалеры и дамы въ бальныхъ костюмахъ. Одна изъ дамъ въ бальномъ костюмѣ, съ вѣеромъ въ рукахъ, взошла на эстраду, всѣ остановились; она начинаетъ пѣть весьма симпатичнымъ голосомъ арію „Въ бурю, во грозу“. Публика аплодируетъ“. Въ другомъ случаѣ, также послѣ цѣлаго ряда сеансовъ, продолжавшихся съ 24 іюня до 13 августа, г-жа М. давала отрывочныя указанія въ галлюцинаторныхъ образахъ, изъ которыхъ должно было сложиться рѣшеніе задачи. Сначала ея зрительныя галлюцинаціи сбивчивы, темны, но мало-по-малу онѣ принимаютъ болѣе опредѣленные и точно повторяющіеся образы. Ей видятся сучья, деревья странной формы, бѣлое пятно, не то снѣгъ, не то песокъ, вода; она „слышитъ“ журчаніе воды. Въ концѣ-концовъ, послѣ цѣлаго ряда сеан-

совъ, она пишетъ на обратной сторонѣ конверта, заключающаго заданіе: „мнѣ ясно представляется слѣдующая картина: большое пространство песчаной степи, песокъ необыкновенно бѣлый. На правой сторонѣ я ясно видѣла три высокія дерева съ широкой листвой, такихъ деревьевъ я никогда не видала, какъ только на картинахъ. Подъ деревьями ручей; я ясно слышала журчанье воды. Все это освѣщено яркимъ свѣтомъ, небо ясное, но солнца не видѣла. Подлинный текстъ письма не прочла и воспроизвести не могу. С. М — ва".

Въ подлинной запискѣ, по распечатаніи конверта, какъ оказалось, была написана слѣдующая фраза: „въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли три гордыя пальмы высоко росли, родникъ между ними журча пробивался". Тутъ интересно, что галлюцинаторные образы, появляющіеся у М., относились не только къ этому отрывку изъ стихотворенія Лермонтова, но и къ другимъ моментамъ всего стихотворенія. Такимъ образомъ, хотя г-жа М. для отгадыванія — словесно или путемъ галлюцинаторныхъ образовъ — требовала всегда, чтобы ей давали держать въ рукахъ запечатанный конвертъ, но „гиперестезія" ея чувствъ переходила предѣлы начертаннаго на бумагѣ, что и указываетъ, по видимому, что тутъ имѣется наличность болѣе сложнаго явленія, психическая сторона котораго ускользаетъ еще отъ наблюдателей, пока сосредоточивающихся на „гиперестезіи", на „изощренности" высшихъ (?) органовъ чувствъ.

Но и это уже большой шагъ впередъ... („Нов. вр."; сн. „Ребусъ" 1898 г., № 35).

7. Одинъ вѣнскій профессоръ, въ своей лѣчебницѣ для нервныхъ больныхъ, усыпивъ магнитическимъ сномъ одну изъ своихъ паціентокъ, вынулъ изъ кармана нераспечатанное письмо отъ своего лондонскаго корреспондента и положилъ его ей въ руку, приказывая прочитать сквозь конвертъ его содержаніе. Она отвѣтила, что видитъ писаніе, но такъ какъ оно по-англійски, то понять его не можетъ, тогда профессоръ сказалъ: „хочу, чтобы вы знали по-англійски", послѣ чего сомнамбула прочла англійское письмо, какъ могла бы это сдѣлать природная англичанка. „Теперь, — продолжалъ профессоръ, — переводите его по-нѣмецки"

Переводъ оказался вполнѣ точнымъ и яснымъ, хотя въ письмѣ говорилось о какомъ-то физіологическомъ вопросѣ, причемъ употреблялось не мало техническихъ выраженій.

Затѣмъ, магнитизеръ попросилъ ее описать лицо, писавшее письмо, что она тотчасъ же исполнила, прибавивъ, что лицо это сидитъ у стола въ своемъ кабинетѣ, который тутъ же описала.

Профессоръ обратился къ своему англійскому корреспонденту съ просьбой прислать ему свою фотографическую карточку и фотографію своего кабинета. И описаніе сомнамбулы вполнѣ подтвердилось. Такого рода опыты происходили съ тѣмъ же субъектомъ не менѣе десяти разъ и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ.

Въ этомъ случаѣ полученныя свѣдѣнія о содержаніи письма были никому неизвѣстны, кромѣ его автора, и письмо получено сомнамбулой изъ вторыхъ рукъ; откуда же она узнала незнакомый ей языкъ? Полагаемъ, такое постиженіе происходитъ съ помощію всемогущей силы, составляющей психическій центръ каждой духовной личности. (См. „Ребусъ" 1896 г., № 30).

8. *Открытіе преступниковъ при содѣйствіи сомнамбулъ.* Въ газетѣ *Gil Blas* нѣкто г. Эдмондъ Ле-Руа слѣдующимъ образомъ описываетъ свою бесѣду на вышеуказанную въ заглавіи тему съ одною извѣстною сомнамбулою.

— Возможно ли, сказалъ онъ, чтобы сомнамбулизмъ могъ дать подобные результаты?

— Не сомнѣвайтесь въ этомъ, сказала на это сомнамбула. Очень часто не безъ успѣха совѣтуются съ нами для открытія воровъ, пропавшихъ вещей и даже убійцъ, и наши способности въ этомъ отношеніи простираются гораздо дальше, чѣмъ обыкновенно думаютъ объ этомъ въ нашъ скептическій вѣкъ.

Между многими другими, два нижеслѣдующіе факта, которые очень легко провѣрить, въ особенности могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго: это исчезновеніе г. Лекока де-Буабомонъ, секретаря Жюля Фавра, въ 1868 г., и исчезновеніе извѣстнаго Гуффе два года тому назадъ.

Въ концѣ октября г. Лекокъ де-Буабомонъ, адвокатъ и секретарь Жюля Фавра, предпринялъ поѣздку въ Пьемонтъ. Вскорѣ послѣ этого отъ него перестали доходить вѣсти и только семь мѣсяцевъ спустя, 12 мая 1869 г., его семья получила депешу, извѣщавшую объ отысканіи его трупа въ окрестности того мѣста, откуда было получено его послѣднее письмо.

Обстоятельство, представляющее особенную странность въ этой драмѣ, то, что *почти тотчасъ* за его убійствомъ, еще съ первыхъ чиселъ ноября мѣсяца, уже было извѣстно, какимъ образомъ онъ былъ убитъ.

Безпокоясь молчаніемъ своего сына и подозрѣвая какое-нибудь несчастіе, отецъ, мать и сестра г. Лекока принялись за его поиски, но, проѣздивъ напрасно почти цѣлый мѣсяцъ,

они принуждены были возвратиться ни съ чѣмъ.

Узнавъ о безплодности этихъ поисковъ, адвокаты, товарищи г. Лекока, отправились посовѣтоваться съ знаменитою парижскою сомнамбулою г-жею А..., которая имъ сказала: 1) что г. Лекокъ былъ убитъ въ такой-то день, въ такой-то часъ и такимъ-то образомъ; 2) что убійца,—человѣкъ прилично одѣтый, путешествовавшій вмѣстѣ съ нимъ и нанесшій ему три удара кинжаломъ, въ шею, въ плечо и въ грудь; 3) что Лекокъ защищался своимъ ножомъ, но подоспѣвшій крестьянинъ добилъ его ударомъ палки по головѣ, и что оба убійцы обокрали его послѣ этого. Сомнамбула дала затѣмъ подробное описаніе мѣста убійства, вещей, бывшихъ съ убитымъ, и примѣты убійцъ. Справедливость указаній относительно одежды и вещей, бывшихъ при убитомъ, была тогда же подтверждена родными его. Тогда шесть адвокатовъ, друзей Лекока, отправились въ Италію на поиски. Но и эти поиски не увѣнчались никакимъ результатомъ. Вторично они совѣтовались съ сомнамбулою, которая дала еще подробнѣйшее описаніе мѣста убійства, но и на этотъ разъ не получилось успѣха, такъ какъ трупъ Лекока былъ покрытъ грязью и листьями. Только въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ того какъ растаяли горные снѣга, удалось его найти. Слѣдствіе подтвердило, что молодой секретарь Жюля Фавра былъ, дѣйствительно, убитъ.

Замѣчательно также слѣдующее обстоятельство: пять или шесть дней спустя послѣ исчезновенія Поля Лекока, во время отсутствія родителей его, отправившихся на поиски за своимъ сыномъ, въ квартиру ихъ позвонилъ какой-то иностранецъ. Такъ какъ никого изъ хозяевъ не было дома, то онъ спросилъ адресъ кого-нибудь изъ другихъ родственниковъ пропавшаго безъ вѣсти, и ему дали адресъ дяди его—директора школы живописи. Онъ явился къ этому послѣднему, рекомендовался попутчикомъ Лекока и особенно интересовался узнать, дѣлаются ли какія-нибудь попытки разыскать пропавшаго. Впослѣдствіи обнаружилось, что примѣты этого посѣтителя какъ разъ совпадали съ примѣтами убійцы, описанными сомнамбулою, и даже утверждали впослѣдствіи, что нѣкоторыя изъ вещей убитаго были замѣчены на этомъ таинственномъ посѣтителѣ.

Всѣ эти факты вы можете найти въ газетахъ того времени, но достаточно прочесть номеръ газеты *Lanterne* отъ 14 августа 1889 года, чтобы видѣть, какимъ образомъ та же самая сомнамбула г-жа А... способствовала разъясненію дѣла Гуффе[1]). Два редактора газеты „Lanterne“ явились къ ней за совѣтомъ, принеся съ собою перчатку и галстукъ исчезнувшаго судебнаго пристава. Сомнамбула, будучи загипнотизирована своимъ сыномъ, сказала, что пропавшій приставъ былъ завлеченъ въ ловушку и убитъ въ Парижѣ въ кварталѣ Маделены, затѣмъ уложенъ въ большой чемоданъ или сундукъ и отправленъ въ провинцію, въ окрестности одного большого города, по всей вѣроятности Ліона, и будетъ найденъ 23 августа. Все это происходило 12 августа.

Между тѣмъ какой-то совершенно уже разложившійся трупъ былъ найденъ брошеннымъ на дорогѣ возлѣ небольшого лѣска въ Мильери, въ окрестностяхъ Ліона. Послѣ долгихъ сношеній между полиціей и судебными властями Парижа и Ліона было установлено, что найденное мертвое тѣло можетъ быть признано за трупъ пропавшаго пристава Гуффе. Для того, чтобы окончательно въ этомъ удостовѣриться, рѣшено было произвести судебно-медицинское вскрытіе. Только въ концѣ октября найденный трупъ былъ оффиціально признанъ за тѣло Гуффе. Но въ дѣйствительности онъ былъ найденъ еще 23 августа, какъ предсказала сомнамбула, будучи убитъ и отправленъ въ маленькій городишко близъ Ліона. Было также доказано, что онъ былъ убитъ Мишелемъ Эйро и Габріэлью Бонпаръ въ Парижѣ, въ улицѣ Тронсонъ, близъ Маделены.

18 октября того же года г-жа Ландри и дѣвица Гуффе, сестра и старшая дочь покойнаго, въ свою очередь, взявъ съ собою шапку покойнаго, явились посовѣтоваться съ сомнамбулою, которая, будучи усыплена, тотчасъ же сказала, что съ нею уже однажды совѣтовались по этому дѣлу, и объявила рѣшительно, что трупъ, найденный въ Мильери, есть трупъ убитаго Гуффе, для подтвержденія чего она указала на то, что у покойнаго Гуффе недоставало третьяго коренного зуба съ правой стороны, котораго недостаетъ и въ найденномъ трупѣ, что и дѣйствительно было установлено впослѣдствіи. Она пошла еще дальше въ своихъ открытіяхъ, такъ какъ объявила, раньше чѣмъ объ этомъ заговорили газеты, что покойный имѣлъ легкій недостатокъ въ одномъ глазѣ — и нѣкоторый родъ невроза въ ногѣ, заставлявшій его слегка прихрамывать. Сверхъ всего этого, она объявила, что убійцы будутъ арестованы въ одинъ изъ трехъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за консультаціею, и что они отправились въ Америку. И дѣйствительно, день въ день, черезъ три мѣсяца послѣ этой консультаціи г-жа Бонпаръ была уже въ рукахъ г. Лозе, префекта полиціи, объявивъ, что она только что прибыла изъ Америки, гдѣ оставила сво-

[1]) Извѣстное дѣло въ Парижѣ объ убійствѣ судебнаго пристава.

его сообщника Эйро. Такимъ образомъ, все сказанное сомнамбулою дѣйствительно впослѣдствіи оправдалось, до мельчайшихъ подробностей; такъ, напр., ею было сказано, что трупъ былъ зашитъ въ мѣшокъ изъ сѣраго холста, и что этотъ мѣшокъ былъ сшитъ молодою и красивою женщиною, знавшею, съ какою цѣлью она шьетъ этотъ мѣшокъ. Этою женщиною оказалась прекрасная Габріэль Бонпаръ, которая съ помощью Эйро зашила трупъ Гуффе въ мѣшокъ. „Не удивительно ли все это, говоритъ дальше авторъ, и не доказываетъ ли—какія огромныя услуги можетъ принести хорошая сомнамбула для раскрытія преступленія“!.

Сомнамбула, о которой выше говорится,—вдова, г-жа Афингеръ. Эта дама доставила недавно новое доказательство своего ясновидѣнія, благодаря двойному убійству на бульварѣ *Тампль* въ Парижѣ. Вотъ что читаемъ по этому поводу въ газетѣ „Lanterne“ отъ 28 декабря 1891 года.

Интересная консультація у сомнамбулы. Читатели „Lanterne“ вѣроятно еще помнятъ удивительную консультацію, данную г-жею Афингеръ, сомнамбулою, нашимъ редакторамъ по дѣлу объ убійствѣ г. Гуффе. Все, что она сказала тогда, дѣйствительно впослѣдствіи подтвердилось. Нѣсколько дней спустя послѣ преступленія на бульварѣ Темпль, нашъ же редакторъ отправился къ г-жѣ Афингеръ съ бинтомъ, служившимъ для первой перевязки несчастной Дельфины Губръ. Едва сомнамбула была усыплена, какъ тотчасъ объявила, что убійца былъ другомъ семейства Делляръ, что онъ давно уѣхалъ изъ Парижа, и что онъ будетъ арестованъ въ недѣлю Рождества. Эти заявленія г-жа Афингеръ повторила на другой день въ десять часовъ вечера въ редакціи „Lanterne“ въ присутствіи двухъ друзей семейства Делляръ и многихъ изъ нашихъ сотрудниковъ. На этотъ разъ г-жа Афингеръ прибавила еще, что убійца былъ молодой человѣкъ, недавно оставившій военную службу, что онъ былъ вооруженъ двумя ножами, однимъ длиннымъ, другимъ карманнымъ, что убійца въ тотъ вечеръ оставался въ томъ же кварталѣ, гдѣ совершено убійство, что онъ послѣ убійства отправился въ сторону площади Бастиліи, чтобы замыть кровавыя пятна на своей одеждѣ, и что онъ на другой день проходилъ мимо этого дома въ обществѣ другого молодого человѣка, похожаго на него.

На вопросъ одного изъ друзей семьи Делляръ, перемѣнилъ ли убійца свою одежду послѣ убійства, она отвѣчала: да.—Не солдатъ ли это былъ?—Да, отвѣчала она.—Не укралъ ли онъ чего?—Да, онъ унесъ различныя цѣнныя бумаги, но не деньги.

Таковы свѣдѣнія, доставленныя сомнамбулою, и читатели, знакомые съ дѣломъ объ убійствѣ на бульварѣ Тампль, знаютъ, что все это впослѣдствіи подтвердилось въ дѣйствительности. („Messager“ 1892 г., № 17; сн. „Ребусъ“ 1892 г., № 23).

9. Дадимъ свѣдѣнія еще объ одной сомнамбулѣ, г-жѣ Самье. Сомнамбулизмъ г-жи Самье въ своемъ развитіи представляетъ два фазиса.

Въ первомъ изъ нихъ она опредѣляетъ болѣзни присутствующихъ, приведенныхъ въ магнитическое соотношеніе съ ней, причемъ діагнозъ ея поражаетъ всѣхъ своею точностью.

Во второмъ фазисѣ явленіе ясновидѣнія или двойного зрѣнія не менѣе поразительно. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ присутствовавшихъ на сеансѣ просилъ г-жу Самье перенестись мысленно въ свой домъ, находящійся въ Пюто. По прошествіи нѣкотораго времени г-жа Самье сказала: „въ этомъ домѣ находится какое-то фабричное заведеніе; я вижу какія-то вращающіяся машины, между которыми нѣкоторые снабжены какими-то большими зубцами; это, вѣроятно, суконная фабрика“. Затѣмъ г-жа Самье дала подробное описаніе положенія зданія и расположенія его комнатъ, причемъ спрашивающее лицо признало полную точность даннаго описанія.

На другомъ сеансѣ, инкогнито присутствовавшій редакторъ одного журнала просилъ г-жу Самье описать его собственный домъ въ Лилѣ. Ясновидѣніе и на этотъ разъ не измѣнило ей. „Вашъ домъ прекрасенъ и величественъ,—сказала она.—Это деревенскій домъ, построенный совершенно не такъ, какъ другіе: архитектура его очень древняго стиля. Большая лѣстница раздѣляется на двѣ вѣтви, ведущія одна направо, другая налѣво“.

Г-жа Самье описала затѣмъ всѣ комнаты и всѣхъ въ нихъ живущихъ, давъ такое точное описаніе ихъ наружности, что всѣ они тотчасъ были узнаны. При этомъ интересно то обстоятельство, что когда спрашивающій сосредоточилъ свои мысли и волю на архитектурѣ лѣстницы, дабы побудить сомнамбулу дать ея описаніе, та, вопреки его желаніямъ, стала говорить о растеніяхъ и цвѣтахъ, которыя она видѣла на этой лѣстницѣ, такъ какъ растенія и цвѣты она очень любила. Спрашивающій съ удивленіемъ заявилъ, что онъ ни о растеніяхъ ни о цвѣтахъ вовсе и не думалъ. Доказательство, что разумное я, или душа сомнамбулы, перенесясь въ этотъ домъ, сохранила вполнѣ свою независимость, несмотря на волю экспериментирующаго лица.

Для серьезнаго наблюдателя всѣ эти факты служатъ достаточными доказательствами существованія души и ея независимости отъ тѣла. Эти факты разрушаютъ то положеніе матеріалистической философіи, которое утверждаетъ, что душа есть функція мозга. Коль скоро доказано, какъ въ настоящемъ случаѣ, что душа думаетъ и дѣйствуетъ внѣ тѣла, то какимъ образомъ можетъ она быть результатомъ отправленій матеріальныхъ органовъ? Вмѣсто того, чтобы быть простою функціею, она скорѣе является независимой причиной, дѣятельной волею, предшествующею дѣятельности физическихъ органовъ. Этими фактами доказывается не только ея существованіе, но и безсмертіе. Если въ продолженіе жизни, во время магнитическаго сна она обнаруживаетъ свою независимость: видитъ, думаетъ, и дѣйствуетъ внѣ своего тѣла, то тѣмъ съ большимъ правомъ можно заключить о ея независимости послѣ смерти. (Bevue spirite; сн. „Ребусъ", 1883 г., № 40).

10. Миссъ Джени Хаганъ сообщаетъ слѣдующій замѣчательный случай ясновидѣнія, съ цѣлью доказать, что оно было свободнымъ проявленіемъ высшей духовной способности, а не передачею мыслей.

„По вопросу о ясновидѣніи, говоритъ миссъ Хаганъ, извѣстно, что существуютъ индивидуумы, которыхъ одни называютъ медіумами, другіе ясновидящими, и которые обладаютъ способностью видѣть мѣстности и лица, отдаленныя отъ нихъ на огромныя разстоянія. Съ изумительной яркостью и точностью воспроизводятъ они событія, имъ совершенно неизвѣстныя.

Не такъ давно я слышала отъ лица вполнѣ достовѣрнаго случай ясновидѣнія, дѣйствительно замѣчательный, если вообще что-либо можно назвать замѣчательнымъ.

Одинъ джэнтельменъ, находясь вдали отъ своего города и оставившій тамъ свою больную жену въ постели, отправился къ ясновидящей, у которой бывалъ прежде, и спросилъ ее, кого она видитъ въ его домѣ.

Она описала ему всѣ комнаты, расположеніе ихъ, вполнѣ точно и прибавила.

— Я вижу на дворѣ пожилую женщину, собирающую опилки: на головѣ у нея мужская соломенная шляпа, а на плечахъ накинутый, наподобіе платка, кусокъ клѣтчатой фланели.

Джэнтельменъ былъ восхищенъ этимъ быстро сдѣланнымъ, но изумительнымъ по своей яркости описаніемъ: дѣйствительно, у него была пожилая слабоумная сестра, любившая носить его старыя шляпы и собирать опилки на дворѣ, гдѣ работали плотники.

— Теперь я васъ попрошу еще разъ посмотрѣть, что происходитъ въ самомъ домѣ.

Она исполнила его желаніе и, описывая комнату за комнатой, дошла, наконецъ, до спальни и сказала:

— Здѣсь постель не прибрана!

— Почему же?—спросилъ онъ.

— На это я не могу вамъ отвѣтить.

— Развѣ вы никого не видите на этой постели?

— Никого не вижу.

Это его чрезвычайно изумило: онъ зналъ, что его жена больна и не можетъ вставать.

— На этотъ разъ вы ошиблись, сказалъ онъ:—я оставилъ свою жену больною.

Какъ оказалось впослѣдствіи, ясновидящая была права.

Этотъ разговоръ происходилъ утромъ, на другой день по отъѣздѣ джэнтельмена изъ дому. Его жена все еще была больна, но ихъ домашній докторъ нашелъ, что для нея было бы полезно встать, походить и даже прокатиться. И за четверть часа до описаннаго разговора больная встала, одѣлась и уѣхала.

Вотъ почему ясновидящая и не могла найти ее въ домѣ.

Повторяю: такъ какъ вопрошавшій былъ убѣжденъ, что его жена больна и лежитъ въ постели, то очевидно, что описанный фактъ ясновидѣнія не могъ быть результатомъ посторонняго внушенія". („Light" 1890 г., № 487).

11. Въ городѣ Гефле (Швеція) недавно имѣлъ мѣсто слѣдующій рѣдкій случай ясновидѣнія. Одинъ изъ пассажировъ II класса, ѣхавшій съ ночнымъ поѣздомъ Сѣверной желѣзной дороги, недалеко отъ станціи Сундевилля, былъ найденъ въ вагонѣ убитымъ и ограбленнымъ. Полиція немедленно приступила къ розыскамъ виновника этого загадочнаго преступленія, но всѣ ея старанія оказались безуспѣшными; она не только не поймала убійцы, но не узнала даже обстоятельствъ, при которыхъ совершено было преступленіе. Вдругъ полицеймейстеръ получилъ письмо отъ какой-то женщины изъ города Гефле, которая во снѣ „видѣла" всѣ подробности преступленія. Въ своемъ письмѣ она сообщаетъ слѣдующее: „мнѣ снилось, что я ѣду въ Сундевилль и сижу въ вагонѣ II класса, въ которомъ кромѣ меня находятся какіе-то два господина. Такъ какъ ихъ присутствіе меня стѣсняло, то я вошла въ слѣдующій вагонъ второго же класса. Я помѣстилась въ углу и скоро замѣтила, что въ противоположномъ углу спалъ какой-то господинъ. Спустя нѣсколько времени открылась дверь, и въ вагонъ вошелъ человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, средняго роста и съ рыжей бородой. Вошедшій осторожно оглянулся вокругъ себя, вынулъ

изъ кармана красный носовой платокъ съ бѣлыми пятнышками, вложилъ въ одинъ изъ концовъ его свинцовый шарикъ и, завязавъ этотъ конецъ, со всего размаху ударилъ имъ спавшаго въ високъ. Затѣмъ онъ сталъ тащить висѣвшую на плечахъ у послѣдняго сумку. Замѣтивъ, что спавшій при этомъ нѣсколько очнулся, онъ вторично ударилъ его тѣмъ же концомъ платка по темени и покончилъ съ нимъ. Послѣ этого онъ вытащилъ изъ сумки всѣ цѣнныя бумаги и деньги и, вынувъ изъ кармана своего жилета маленькій ножикъ, сдѣлалъ имъ небольшой прорѣзъ въ изнанкѣ своего пальто и вложилъ туда похищенныя имъ бумаги. Потомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, гдѣ я сидѣла. Я такъ сильно испугалась, что вскрикнула и проснулась". Полиція отнеслась къ показаніямъ этой „очевидицы" довольно серьёзно и, руководствуясь ими, поймала дѣйствительнаго виновника этого преступленія. „Свидѣтельница" лично явилась, затѣмъ, къ полицеймейстеру. Это простая женщина, лѣтъ 55, вполнѣ здоровая, мужъ ея столяръ, и съ времени своего замужества она безотлучно живетъ въ Гефле и никогда не бывала въ Сундевиллѣ. Среди массы фотографическихъ карточекъ она немедленно узнала карточку убійцы, котораго видѣла во снѣ. Замѣчательнѣе всего то, что этотъ сонъ ей снился какъ разъ въ тотъ моментъ, когда было совершено преступленіе. Убійца сознался во всемъ. Показанія свидѣтельницы вполнѣ оправдались. (См. „Ребусъ" 1895 г., № 29).

12. „Будучи принуждены покинуть свою родину для пропитанія своей небольшой семьи, разсказываетъ г-жа Р. изъ департамента Гаронны, мы взяли эту ферму. Однажды старшій изъ сыновей сильно поссорился со своимъ отцомъ и ушелъ отъ насъ. Прошло уже не мало времени, и мы ни разу не получали отъ него никакого извѣстія. Однажды, не въ силахъ будучи дольше выносить этой неизвѣстности, я стала горячо молиться Богу. Я вспомнила слова: „просите и дастся вамъ" и сказала себѣ: „это правда, Господи, вспомни Твое обѣщаніе, укажи мнѣ, гдѣ мой сынъ, и я пойду за нимъ хоть на край свѣта!" Я легла спать съ полною вѣрою въ то, что моя молитва будетъ услышана. Во снѣ я увидѣла своего сына въ городѣ С. въ одномъ домѣ, который хорошо запомнила, и говорила долго съ нимъ. Сновидѣніе было такъ живо, что, проснувшись, я долго не могла вѣрить, что это было во снѣ. Я разсказала свой сонъ своему мужу и сказала ему: я хочу туда итти, и я убѣждена, что найду тамъ его. „Ты съ ума сошла, сказалъ мнѣ на это мужъ, ты хочешь итти въ С., когда онъ, быть-можетъ, въ В. Ты никогда не была въ С. и не знаешь дороги туда, ты заблудишься въ пути". Я продолжала, однако, стоять на своемъ, такъ что принуждены были уступить мнѣ".

Далѣе г-жа Р. разсказала, какъ она пріѣхала въ С. „Полная вѣры, я стала спрашивать на вокзалѣ, но никто не зналъ моего сына; цѣлый день я бродила по городу, тщетно разспрашивая о своемъ сынѣ, преимущественно у людей, болѣе подходящихъ къ нему по своему соціальному положенію, но, наконецъ, измученная безплодными поисками, я уже рѣшилась возвратиться на вокзалъ, какъ вдругъ, продолжая оглядываться по сторонамъ, я увидѣла тотъ самый домъ, въ которомъ я во снѣ видѣла своего сына. Это было какое-то кафе, полное посѣтителей, и, когда я приблизилась къ этому дому, изъ него вышла какая-то дама, къ которой я и обратилась съ вопросомъ о своемъ сынѣ. Дама, оказалось, знаетъ его очень хорошо и тотчасъ же указала мнѣ, гдѣ его найти".

Этотъ разсказъ совершенно согласенъ со всѣми свѣдѣніями, собранными для разъясненія и провѣрки этого факта. Нужно только замѣтить, что въ то время, когда г-жа Р. пріѣхала въ С., ея сына тамъ уже не было, но ей указали его новое мѣстопребываніе возлѣ М., гдѣ она его и нашла; однако въ то время, когда ей приснился ея знаменательный сонъ, сынъ ея былъ еще въ С., и хотя и не жилъ въ томъ домѣ, въ которомъ она видѣла его во снѣ, но бывалъ тамъ чуть не ежедневно. (Ann. des sciences psych. 1892 г. № 1; сн. „Ребусъ" 1892 г., № 23.

13. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ окрестностяхъ Бостона, въ Америкѣ, появилась одна ясновидящая, сразу привлекшая вниманіе публики своими сверхъестественными, всегда совпадающими съ дѣйствительностью видѣніями. Поль Бурже во время своего путешествія по Америкѣ заѣзжалъ къ ней, и знаменитый писатель-психологъ, несмотря на свое скептическое отношеніе къ этому явленію, былъ тѣмъ не менѣе пораженъ ея способностью отгадывать. Онъ принесъ ей дорожные часы одного умершаго друга, и яснобидящая, держа ихъ въ рукѣ, разсказала ему о различныхъ подробностяхъ изъ прошлаго этого человѣка, объ его помѣшательствѣ и самоубійствѣ.

Съ тѣхъ поръ г-жа Пинерсъ, такъ зовутъ ее, проявила еще большіе успѣхи въ ясновидѣніи. Въ научномъ мірѣ она пользуется теперь большою извѣстностью. Четверо ученыхъ особенно стоятъ за нее: профессоръ Кембриджскаго университета Мейерсъ, извѣ-

стный не только какъ экспериментаторъ, но и какъ моралистъ и философъ, затѣмъ проф. Джемсъ, издающій „Nouvelle Psychologie“, проф. Лоджъ и, наконецъ, докторъ Ходжеонъ, извѣстный своими разоблаченіями и преслѣдованіями, направленными противъ недобросовѣстныхъ спиритовъ.

Г-жа Пинерсъ простого, мѣщанскаго происхожденія. Ей тридцать восемь лѣтъ, она замужемъ и имѣетъ нѣсколькихъ дѣтей. Въ ея наружности нѣтъ ничего напоминающаго классическую колдунью. Ея занятія придаютъ ей немного утомленный видъ; взглядъ ея безпокойный, голосъ медленный, пѣвучій. Она засыпаетъ безъ всякаго посторонняго внушенія, держа пришедшаго къ ней за руку; послѣ нѣсколькихъ вздоховъ и вздрагиваній, она перестаетъ быть г-жей Пинерсъ и воображаетъ себя другою личностью. По словамъ д-ра Ходжеона, ясновидящая въ одинъ изъ его визитовъ назвала себя Жоржемъ Пеламъ. Этотъ Ж. Пеламъ, умершій за нѣсколько недѣль до этого при паденіи съ лошади, былъ большой другъ доктора; онъ былъ адвокатомъ и состоялъ въ то же время корреспондентомъ изъ Америки „Society for psychical research“ въ Лондонѣ.

— Вашъ другъ Жоржъ Пеламъ хочетъ вамъ что-то сказать, — обратилась ясновидящая къ доктору.

— Пусть говоритъ, — отвѣтилъ Ходжеонъ, удивленный тѣмъ, что слышитъ это имя отъ женщины, которая не могла его знать.

Тогда Ж. Пеламъ, чрезъ посредничество г-жи Пинерсъ, разсказалъ своему другу, что дѣла его послѣ смерти остались въ большомъ безпорядкѣ, что его особенно мучитъ мысль о связкѣ писемъ, лежащихъ въ глубинѣ одного ящика у него въ комнатѣ. Ему очень не хотѣлось, чтобы эти письма попались его семьѣ, и онъ умолялъ Ходжеона тотчасъ же отправиться къ нему и достать ихъ.

Ходжеонъ счелъ все это за басню и не поѣхалъ, но черезъ мѣсяцъ ему пришлось раскаяться въ этомъ: онъ узналъ отъ родителей Пелама, что письма эти дѣйствительно нашлись. Взволнованный такимъ страннымъ совпаденіемъ, Ходжеонъ рѣшилъ продолжать наблюденія надъ ясновидящей. Онъ далъ знать полиціи о случившемся, предполагая, что самъ Пинерсъ, мужъ ясновидящей, втайнѣ разсылалъ агентовъ за свѣдѣніями. Полиція ничего не нашла. Тогда Ходжеонъ началъ приводить къ ясновидящей различныхъ друзей Пелама, которыхъ покойный — продолжая говорить чрезъ посредничество г-жи Пинерсъ—всегда узнавалъ [1]). Мало того, Пеламъ послѣ смерти добился успѣха, который немногимъ сыновьямъ выпадаетъ при жизни: онъ заставилъ своихъ родителей вѣровать, разсказавъ имъ до мельчайшихъ подробностей все, что случилось съ нимъ послѣ смерти. На предложенный вопросъ, касающійся его загробной жизни, Пеламъ, развязно отвѣтилъ, что: „No use kieking up a broil over nothing“. (Не надо безъ причины раздувать огонь).

Вотъ разсказъ, который, во всякомъ случаѣ, не баналенъ. До сихъ поръ толпа лишь вѣрила въ сомнамбуловъ и различныхъ медіумовъ, но никогда еще не приходилось видѣть ученыхъ, собравшихся для того, чтобы подтвердить гипотезу о безсмертіи души, неоспоримую для каждаго вѣрующаго, но все еще недопускаемую матеріалистами. („Рус. Слово“ 1899 г., № 346).

14. Въ журналѣ „Revue philosophique“ за февраль 1889 года д-ръ Дюфе приводитъ множество фактовъ, которые авторъ, по собственному признанію, не рѣшался до сихъ поръ обнародовать. Тамъ разсказывается, между прочимъ, о сомнамбулѣ, которая, будучи усыплена, объявила, что сынъ ея сосѣда, участвовавшій въ крымской кампаніи, умеръ. Проснувшись, она, по обыкновенію, ничего не помнила. Но вскорѣ узнали, что молодой человѣкъ умеръ въ Константинополѣ въ тотъ самый день, когда сомнамбула объявила объ этомъ. Другой случай былъ въ тюрьмѣ города Блуа. Сомнамбулѣ дали въ руки что-то завернутое въ бумагу; она съ ужасомъ отбросила этотъ предметъ, сказавъ, что это галстукъ, на которомъ кто-то повѣсился; на дальнѣйшіе разспросы она отвѣчала, что этотъ человѣкъ убійца, зарѣзавшій свою жертву серпомъ. Все оказалось вѣрнымъ. Скептики, разумѣется, объяснятъ это чтеніемъ мыслей, такъ какъ подробности убійства уже были извѣстны присутствовавшимъ. Эти скептики забыли, что не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возможность чтенія мыслей упорно ими отрицалась; теперь они уже не могутъ отрицать ея, но за то о ясновидѣніи не хотятъ и слышать. Тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ ясновидѣніе проявилось: сомнамбула открыла *нѣчто, чего никто не зналъ,* — что убійца забросилъ орудіе преступленія въ большую лужу; тамъ его, дѣйствительно, нашли.

Далѣе разсказывается о мальчикѣ-лунатикѣ, пришедшемъ однажды во время припадка въ комнату учителя и сообщившемъ ему, что у его маленькаго сына (бывшаго въ другомъ городѣ) прорѣзался четвертый зубъ. Черезъ нѣсколько дней учитель получилъ отъ своего тестя письмо, въ которомъ упоминалось объ этомъ обстоятельствѣ. Въ другой разъ маль-

[1]) Подобный случай мы объясняемъ не явленіемъ души умершаго, но глубокимъ ясновидѣніемъ медіума, духовный взоръ котораго простирался по ту сторону жизни. *Прот. Г. Д—ко.*

чикъ объявилъ учителю, что съ его ребенкомъ случилось несчастіе, но что особенно безпокоиться нечего. Впослѣдствіи узнали, что кормилица ребенка была пьяна, когда кормила его грудью; ребенокъ былъ очень боленъ, но поправился. Тотъ же мальчикъ вскочилъ однажды ночью съ постели, разбудилъ одного изъ товарищей и сталъ ему выговаривать за то, что тотъ оставилъ дверь въ классную отворенной: туда забралась, по его словамъ, кошка, которая опрокинула тарелку, разбившуюся на пять кусковъ. Дѣти пошли посмотрѣть, и оказалось, что сомнамбулъ былъ правъ. Въ слѣдующую ночь онъ сказалъ, что на такой-то улицѣ лежитъ трупъ утопленика; утромъ извѣстіе это подтвердилось.

Въ статьѣ Дюфе упоминается еще о другомъ мальчикѣ-сомнамбулѣ, написавшемъ однажды въ темнотѣ письмо, въ которомъ не было ни одной ошибки и ни одной кривой строки; оно занимало полъ-листа обыкновенной писчей бумаги и было написано съ непонятною быстротою въ 4 — 5 минутъ. Нѣсколько разъ этого мальчика находили лежащимъ въ постели съ книгой и громко повторяющимъ свой урокъ; у него брали книгу, но онъ все-таки продолжалъ повторять заданное, 5—6 страницъ подъ рядъ, не пропуская ни слова. По пробужденіи онъ уже не бывалъ въ состояніи ничего повторить.

Ограничусь этими немногими примѣрами изъ большой статьи д-ра Дюфе, въ которой приводятся случаи магнитическаго соотношенія, пользованія лѣчебными средствами, указанными въ состояніи сомнамбулизма, ясновидѣнія на большомъ разстояніи, предвидѣнія будущаго и т. д. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуютъ люди, до сихъ поръ хранившіе свой опытъ въ тайнѣ изъ боязни показаться смѣшными, но теперь желающіе сдѣлать его всеобщимъ достояніемъ. (См. статью д-ра К. Дю-Преля въ журн. „Sphinx“; сн. „Light“, № 453).

15. *Случай ясновидѣнія у ребенка*. Людовикъ Б.—семилѣтній мальчикъ, живой, веселый и крѣпкій, одаренный при этомъ прекраснымъ здоровьемъ. Онъ положительно свободенъ отъ какихъ-либо признаковъ невроза, равно какъ и его родители, люди спокойнаго нрава и воздержнаго образа жизни. Такимъ образомъ, ни малѣйшаго нарушенія гармоніи спинно-мозговой дѣятельности никогда у него не наблюдалось.

Еще въ пятилѣтнемъ возрастѣ дитя это, казалось, пойдетъ по стопамъ знаменитаго Иноди. Его мать, вздумавши учить его таблицѣ умноженія, не безъ удивленія замѣтила, что онъ знаетъ ее не хуже ея. Вскорѣ ребенокъ шутя достигъ того, что производилъ умственно умноженіе съ весьма большими множителями. Въ настоящее время достаточно ему прочесть на выборъ любую задачу изъ собранія задачъ, чтобы онъ тотчасъ же далъ рѣшеніе. Наприм., если я положу въ карманъ 25 фр. 50 сантимовъ, у меня будетъ втрое больше, чѣмъ я теперь имѣю минусъ 5 фр. 40 сантимовъ. Сколько у меня денегъ? Едва задача произнесена, какъ дитя, не давая себѣ времени на размышленіе, отвѣчаетъ: 15 фр. 45 сант.—что совершенно вѣрно.

Беремъ какую-нибудь задачу въ концѣ книги, изъ болѣе трудныхъ, напр., радіусъ земли равенъ 6,366 километрамъ, найти разстояніе до солнца въ миляхъ, зная что оно равно 24,000 земныхъ радіусовъ? Крошка тотчасъ же даетъ своимъ тоненькимъ голоскомъ требуемый отвѣтъ: 38.196.000 миль.

Отецъ мальчика, занятый своею службою, не обращалъ сначала вниманія на странности своего ребенка. Наконецъ и его это заинтересовало, и какъ ни мало онъ былъ наблюдателенъ, однако жъ вскорѣ замѣтилъ: 1) что дитя очень мало, а иногда и совсѣмъ не слушаетъ чтенія задачи; и 2) мать, присутствіе которой составляетъ необходимое условіе успѣха опыта, должна всегда имѣть передъ глазами или въ умѣ рѣшеніе задачи. Отсюда онъ заключилъ, что его сынъ не вычислялъ, но угадывалъ или, лучше сказать, читалъ въ мысляхъ матери. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ попросилъ г-жу Б. открыть лексиконъ и спросить своего сына, какая страница у нея передъ глазами, и тотъ тотчасъ же отвѣтилъ: страница 456. Десять разъ повторяли этотъ опытъ, и десять разъ получались совершенно вѣрные отвѣты.

Такимъ образомъ ребенокъ изъ математика превращался въ колдуна, или, чтобы не обижать его, скажемъ въ отгадчика. Но его замѣчательная способность ясновидѣнія не ограничивается одними числами. Достаточно г-жѣ Б. отмѣтить ногтемъ въ книгѣ какое-нибудь слово, какъ ребенокъ тотчасъ же называетъ подчеркнутое слово. Въ записной книжкѣ достаточно записать какую-нибудь фразу, даже постороннему лицу, и какъ бы она ни была длинна, достаточно ей пройти передъ глазами матери, какъ дитя повторяетъ фразу слово въ слово, даже не подозрѣвая, что онъ дѣлаетъ что-нибудь необычное. Даже нѣтъ надобности, чтобы число, слово или фраза были написаны на бумагѣ, достаточно, чтобы они были ясно формулированы въ умѣ матери, чтобы ребенокъ прочиталъ ихъ.

Но настоящимъ тріумфомъ ребенка служитъ игра въ карты. Онъ угадываетъ одну за другою всѣ карты. Безъ колебанія называетъ онъ спрятанную вещь. Если спросятъ его,

сколько денегъ въ кошелькѣ, то онъ называетъ одну за другою всѣ монеты, заключающіяся въ немъ. Гдѣ ребенокъ особенно забавенъ — это въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ: можно подумать, что онъ хорошо понимаетъ по-англійски, по-испански, по-гречески. Недавно другъ дома спросилъ его смыслъ латинской загадки: *lupus currebat sine pedibus suis*, и ребенокъ отвѣчалъ совершенно вѣрно. Словомъ, *маленькое чудо* было у всѣхъ на устахъ.

Теперь мы познакомились съ фактами, попробуемъ же, приподнять хоть уголокъ покрывала, за которымъ скрывается это таинственное явленіе „чтенія мыслей". Есть ли это просто внушеніе? Фактъ, что для того, чтобы отгадать, дитя имѣетъ нужду въ матери, какъ въ зеркалѣ, въ которомъ отражаются тѣ мысли, которыя онъ отгадываетъ, даетъ этой гипотезѣ извѣстное основаніе.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь не можетъ быть вопроса о гипнотическомъ внушеніи, такъ какъ никогда не наблюдалось у маленькаго Б. предварительнаго гипноза. Если это и внушеніе, то внушеніе въ состояніи бодрствованія. Но разсмотримъ обстоятельнѣе гипотезу внушенія въ бодрственномъ состояніи. Явленіе внушенія заключается въ проникновеніи мысли экспериментатора въ мозгъ субъекта. Слѣдовательно, для наличности внушенія въ разсматриваемомъ нами случаѣ, необходимо доказать существованіе у матери извѣстнаго психическаго напряженія воли, необходимаго для успѣха опыта. Между тѣмъ чтеніе мыслей происходитъ по большей части помимо ея желанія. Всякое дѣло имѣетъ обратную, неудобную сторону. Когда дитя достигло такихъ лѣтъ, когда можно было приступить къ ученію, мать, взявшая на себя этотъ трудъ, не безъ грусти замѣтила, что подъ ея руководствомъ дитя не дѣлало ни малѣйшихъ успѣховъ. Отгадывая все, маленькій Людовикъ не обнаруживалъ ни малѣйшей самодѣятельности ни сужденія, ни памяти. Необходимо было прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ для того, чтобы вести дѣло обученія. Изъ этого, само собою, понятно, что г-жа Б. не могла имѣть большого расположенія къ внушенію.

Такимъ образомъ, если мы имѣемъ здѣсь дѣло и со внушеніемъ, то во всякомъ случаѣ съ такимъ, которое не сопровождается какимъ-нибудь видимымъ усиліемъ со стороны экспериментатора, такъ что въ настоящемъ случаѣ получается какъ бы непосредственная, прямая передача мысли. Вотъ какое объясненіе обыкновенно дается этому послѣднему факту. Всякое психическое явленіе, какъ извѣстно, сопровождается различными органическими явленіями, мускульными и другими. Эти незамѣтныя измѣненія составляютъ нѣчто въ родѣ языка знаковъ, которые воспринимаются и истолковываются извѣстными субъектами, обладающими чрезмѣрною анормальною чувствительностью. Понимаемое въ такомъ смыслѣ внушеніе можетъ происходить и помимо воли внушителя. Однако жъ, такое толкованіе довольно трудно примѣнить къ данному случаю. Мы видѣли, какъ мало похожъ маленькій Людовикъ на субъекта съ чрезмѣрною возбужденною чувствительностью, и при томъ, ни сколько не стараясь отгадывать по выраженію лица своей матери, онъ одинаково хорошо читаетъ ея мысли какъ съ закрытыми, такъ и съ открытыми глазами. Такимъ образомъ, какъ кажется, необходимо отказаться отъ попытки объясненія этого страннаго явленія посредствомъ гипотезы внущенія, и слѣдуетъ поискать другого пути.

Не легко, однак , оріентироваться въ этой неизвѣданной области. Трудность найти объясненіе служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ отрицанія фактовъ вродѣ ясновидѣнія, со стороны многихъ ученыхъ. Однако жъ едва ли логично отрицать фактъ потому только, что его нельзя объяснить. Нѣкогда подобнымъ же аргументомъ старались воспрепятствовать землѣ двигаться вокругъ солнца. Случаи ясновидѣнія, двойного зрѣнія, чтенія мыслей слишкомъ многочисленны для того, чтобы продолжать игнорировать ихъ.

Въ ожиданіи будущаго объясненія попробуемъ, однако, хоть на одинъ шагъ углубиться въ вопросъ. По примѣру того, что происходитъ въ нашемъ собственномъ тѣлѣ между двумя симпатическими органами, нельзя ли сдѣлать предположеніе, что и между нѣкоторыми отдѣльными личностями можетъ существовать извѣстнаго рода сродство, все равно какъ ни назовемъ его, силою ли, токомъ, месмерическимъ флюидомъ магнитизеровъ, нервною силою Беретти или электродинамизмомъ Филлипса? Извѣстную опору такому предположенію даетъ слѣдующее наблюденіе, сдѣланное самою г-жею Б. Замѣтивъ, что ея сынъ не дѣлаетъ ни малѣйшей ошибки въ чтеніи ея мыслей въ то время, когда она находится непосредственно возлѣ него, она вздумала помѣститься за ширмами, послѣ чего передача сдѣлалась гораздо затруднительнѣе, со многими ошибками. Этотъ фактъ, по моему мнѣнію, проливаетъ нѣкоторый лучъ свѣта въ этотъ темный хаосъ, и при его помощи, быть-можетъ, удастся найти со временемъ разрѣшеніе загадки. („Ann. des Sc. psych. 1894 г., № 6; сн. „Ребусъ" 1895 г. № 16).

16. Достопочтенный Ф. Г. Ли, викарій церкви Всѣхъ Святыхъ въ Ламбетѣ, въ своей

книгѣ „Проблески сверхъестественнаго“ помѣщаетъ слѣдующій разсказъ.

Одна дама со своимъ мужемъ, занимавшимъ довольно высокое положеніе въ Индіи, возвращалась послѣ четырехлѣтняго отсутствія къ своему семейству, состоящему изъ 3 дѣтей, какъ вдругъ въ Египтѣ опасно заболѣла, такъ что, несмотря ни на какія заботы и лѣченіе, не оставалось почти никакой надежды на ея выздоровленіе. Ей сообщили о ея опасномъ положеніи, и она съ истиннымъ благоговѣніемъ готовилась къ послѣдней минутѣ. Ее мучило только одно: сильнѣйшее желаніе увидать еще разъ своихъ отсутствующихъ дѣтей, что она и высказывала часто всѣмъ окружающимъ ее. Въ теченіе болѣе чѣмъ недѣли, день за днемъ, она только и говорила, что объ этомъ желаніи, замѣчая, что она умерла бы спокойно, если бъ только оно исполнилось. Утромъ въ день смерти она впала въ глубокій, но покойный сонъ, изъ котораго ее трудно было вывести. Однако вскорѣ послѣ полудня она вдругъ проснулась, говоря: „слава Богу, я видѣла ихъ всѣхъ“, и затѣмъ снова заснула. Вечеромъ совершенно спокойно и благоговѣйно она скончалась.

Теперь остается разсказать самую замѣчательную часть этого происшествія. Дѣти этой дамы воспитывались въ Торкваѣ подъ наблюденіемъ ея подруги. Въ то самое время, когда мать ихъ заснула, они находились всѣ вмѣстѣ въ одной изъ двухъ занимаемыхъ ими комнатъ и играли въ обществѣ няни, никогда не видавшей ихъ родителей. Вдругъ ихъ мать, въ своемъ обыкновенномъ видѣ, вошла въ бòльшую изъ двухъ комнату, остановилась, посмотрѣла на каждаго изъ дѣтей, улыбнулась имъ, прошла въ сосѣднюю комнату и тамъ исчезла. Трое старшихъ дѣтей узнали ее тотчасъ же, но были смущены и взволнованы ея видомъ и молчаніемъ. Младшій и няня видѣли, какъ женщина въ бѣломъ вошла въ маленькую комнату, затѣмъ медленно прошла мимо ихъ и исчезла.

Время этого явленія было точно замѣчено и впослѣдствіи оказалось, что оба происшествія случились почти одновременно. (См. „Ребусъ“ 1887 г., № 38).

17. Приведемъ здѣсь прекрасный *разсказъ объ одной ясновидящей*, взятый нами въ сокращеніи изъ книги извѣстнаго русск.-галицк. *прот. Наумовича*.

Дѣдъ Онуфрій однажды разсказалъ своему внуку Николаю слѣдующую исторію про ясновидящую, дочь помѣщика того имѣнія, гдѣ онъ жилъ.

— Богаты были наши помѣщики — такъ началъ онъ свой разсказъ — ужасно богаты, и дѣтокъ имъ Богъ посылалъ тоже, но тѣ у нихъ какъ-то все не росли. Бывало, родится ребенокъ дюжій, здоровый, но какъ только вступитъ въ пятый годокъ — вдругъ скоропостижно умираетъ, точно косой его скоситъ. Такъ умерло у нихъ десять человѣкъ дѣтей, и всѣ по пятому году. Сколько покойница барыня ни убивалась, сколько ни раздавала денегъ нищимъ, на церкви, да на свои костелы, — ничто не помогало. Умеръ десятый ребенокъ, и пять лѣтъ послѣ того дѣтей у нихъ уже не было. Ѣдетъ она, бывало, на кладбище, велитъ разобрать каменныя могилки, открыть гробики,—плачетъ надъ ними, убивается — до обморока. Опротивѣли имъ ужъ всякія имѣнія,—да и подлинно: на что жъ человѣку все это, когда нѣтъ у него ни одного ребенка? Но вотъ, разъ приходитъ къ нимъ въ усадьбу старикъ нищій, сѣдой совсѣмъ, старый-престарый. Барыня вышла къ нему, подала серебряную монету, да и говоритъ: „молись, дѣдушка, чтобы Господь насъ помиловалъ“. А дѣдъ-то ей въ отвѣтъ: „помилуетъ васъ Господь милосердый, помилуетъ, только вы покайтесь, не обижайте народъ, будьте къ нему милостивы. Поѣзжайте-ка вы въ Почаевъ, въ лавру, говѣйте тамъ три дня, потомъ исповѣдайтесь и причаститесь, да пусть монахи отслужатъ вамъ обѣдню заказную съ акаѳистомъ Богородицѣ, а вы всю ту службу чтобъ оба стояли на колѣнахъ; только, когда будутъ читать евангеліе, можете съ колѣнъ подняться“. Барыня послушалась, подала дѣдкѣ еще такую же монету, и сама побѣжала къ барину,—а нищій тѣмъ часомъ куда-то исчезъ. — О чемъ тамъ они говорили съ собой—неизвѣстно, но назавтра баринъ велѣлъ запрягать лошадей, и поѣхали они оба въ Почаевъ. Молитвы ли чернецовъ, милость ли Божія, только послѣ того года— великая радость у нашихъ господъ: послалъ имъ Богъ снова дочку, и окрестили они ее Анной. Того дня, когда ее крестили, созвалъ баринъ своихъ управителей, писарей и всѣхъ присмотрщиковъ и сказалъ имъ такъ: „смотрите, чтобы во всѣхъ моихъ имѣніяхъ нигдѣ слѣда не было ни палки, ни плети. Кто изъ васъ посмѣетъ ударить кого-нибудь изъ людей моихъ — лишится мѣста! Кому сдѣлано какое притѣсненіе, обида,—за все наградить; ничьей обиды и притѣсненія я не желаю“.— И растетъ ихъ дѣвочка, растетъ — не ребенокъ, а настоящій ангелъ: такова хороша собой да прекрасна, что, кажется, весь свѣтъ исходи, другой такой нигдѣ не сыщешь. Проходитъ ужъ пятый годъ, въ которомъ всѣ старшія ихъ дѣтки померли, — господа отъ заботъ не знаютъ покоя ни днемъ, ни ночью: все холятъ, да нѣжатъ ее, да берегутъ. На пятомъ же этомъ году везутъ они ее въ Почаевъ, къ тому старенькому монаху, что

предсказалъ имъ Божіе помилованіе. И читаетъ монахъ надъ ней молитву и евангеліе, двѣнадцать другихъ чернецовъ правятъ соборную обѣдню,—и обмываютъ ее родители Почавскою водой, и что кто ни укажетъ—молитву ли какую читать, жертву ли куда принести, все то охотно дѣлаютъ. Господь, точно, ихъ помиловалъ: дѣвочкѣ пошелъ шестой годокъ, а она растетъ себѣ, красуется, на радость родителямъ, что твой маковъ цвѣтъ, — такой красавицы, говорю тебѣ, ни до того, ни послѣ у насъ не видали. Но еще краше была ея душенька. Бывало, всякій день идетъ къ обѣднѣ въ свой костелъ, а по русскимъ праздникамъ — въ нашу церковь, стоитъ тамъ по нашему, степенно и со страхомъ, — какъ сейчасъ вижу ее передъ собой, сердечную! — и молится горячо и съ умиленіемъ; а по окончаніи божественной службы раздаетъ нищимъ деньги и всѣмъ вдовамъ, больнымъ, убогимъ, всѣмъ, что не въ силахъ сами работать и кормиться, велитъ приходить и присылать въ усадьбу за мукой, за крупой, солониной и всякимъ добромъ. Зато у насъ на посадѣ всѣ про нее, про барышню Анну, только и говорили, какъ про настоящаго ангела, хранителя и утѣшителя.

И выросла дѣвица прекрасная, и со всѣхъ сторонъ стали наѣзжать къ ней женихи: тотъ богатъ, этотъ еще богаче, одинъ красавецъ, другой еще лучше; но никто не пришелся ей по сердцу. Она все лишь читаетъ святыя книги, все только молится, да творитъ добрыя, милосердныя дѣла.

Аннѣ минуло восемнадцать лѣтъ, и была она всегда здорова и весела, точно молоденькая серночка въ лѣсной чаще. Никто и не думалъ, чтобъ ей на долю выпала не такая свадьба, о какой мечтали ея батюшка съ матушкой. Въ самую великую пятницу, когда мы сбирались къ плащаницѣ, стали въ народѣ говорить, что барышня Анна разболѣлась. На другой день, коляска за коляской, скачутъ ужъ къ намъ въ усадьбу, доктора изъ Львова; пробыли у насъ нѣсколько дней, думали, гадали и разъѣхались, сказавши, что такой болѣзни никто никогда и не видывалъ. Плакалъ народъ на всемъ посадѣ изъ конца въ конецъ, даже жидовство, и то молилось въ своей „школѣ", и не было человѣка, кто бы горячо объ ней не молился. А болѣзнь ея, точно, была особенная, невиданная. Съ утра говоритъ со всѣми, ни на какую боль не жалуется, только лицомъ стала блѣднѣе, да съ тѣла спала, и такъ была слаба, что руки не могла поднять. А какъ двѣнадцать часовъ пробило, съ полдней значитъ, закроетъ глаза и лежитъ какъ мертвая, губами только шевелитъ, и все говоритъ, говоритъ, говоритъ! И таково чудно, милый мой, говорила такія все слова, что я самъ никогда бы не повѣрилъ, ежели бы своими ушами не слышалъ. Говорила про души человѣческія, куда онѣ по смерти отходятъ, и разсказывала, что она ихъ видитъ и съ ними бесѣдуетъ. Всякаго узнавала, и при томъ всякаго такими словами наставляла, учила, что никто изъ бывшихъ не могъ удержаться отъ слезъ. Хотя глаза у ней постоянно были закрыты, — перстами книгу читала, сказывала сколько времени на часахъ, минута въ минуту, когда часы прикладывали ей къ сердцу, и про каждаго изъ знакомыхъ все знала, и гдѣ что на свѣтѣ дѣется — угадывала. Старые господа оба заболѣли; при ней находилась только ея вѣрная старшая горничная дѣвушка, да другіе слуги, а народъ валилъ къ ней смотрѣть будто на какое диво. Но когда приходилъ человѣкъ тяжко предъ Богомъ грѣшный, напримѣръ, что жилъ обманомъ, кривдой людскою, или безбожникъ какой, въ Бога не вѣрующій, или такой, что любилъ непотребныя, гнилыя слова говорить, или клясть, или такой, что худо въ супружествѣ жилъ, дурной примѣръ подавалъ дѣтямъ,—то человѣкъ этотъ былъ еще на дворѣ, а она уже видѣла его духомъ и говорила: „не пускайте ко мнѣ этого человѣка (или эту женщину): это безбожный человѣкъ, какъ онъ войдетъ, со мной будутъ корчи".

Николай. И ты тоже былъ у ней, и видѣлъ ее, и слышалъ ея разговоръ?

Онуфрій. Разнеслась по всему околодку кругомъ молва, что съ барышней Анной приключилась болѣзнь, да не простая: въ сонномъ видѣніи она все знаетъ и дивныя рѣчи говоритъ. Повалилъ къ ней народъ валомъ, — идутъ и ѣдутъ въ усадьбу, точно гдѣ на базаръ или въ церковь къ явленной иконѣ. Я сначала не повѣрилъ,—знаю вѣдь, народъ нашъ зачастую съ глупа болтаетъ, да еще, какъ говорится, къ былямъ всякія небылицы привирать любитъ,—но потомъ и меня взяла охота побывать въ усадьбѣ. Иду, но тутъ какъ разъ повстрѣчался мнѣ покойный батюшка, отецъ Андрей Левицкій, да и спрашиваетъ: былъ ли, молъ, въ усадьбѣ, видѣлъ ли барышню Анну?

— Сейчасъ вотъ собрался, отвѣчаю. Но не возьму я все, говорю, хорошенько въ толкъ, батюшка, что это народъ къ ней такъ повалилъ? идутъ и ѣдутъ безъ конца!

— Стоитъ итти и ѣхать, мой милый! Есть на что посмотрѣть, есть что и послушать. Такія дѣла не заурядъ дается видѣть и слышать человѣку.

— Что жъ это такое? говорю. Подлинно ли, батюшка, духовный отецъ, она святая?

— По-истинѣ святая, потому что душа чистая и богобоязненная, — отвѣчаетъ батюшка.—Ежели и былъ на ней грѣхъ какой, то лишь самый обыкновенный, и она очистила его своими добрыми дѣлами. Она, понимаешь ли ты, *ясновидящая*.

— А что такое ясновидящая? я этого слова не понимаю.

— Издавна, сынъ мой, бывали люди добродѣтельные и чистые предъ Богомъ, которые получали отъ Бога такую благодать, что не только яснѣе видѣли здѣшнее, земное, но еще при жизни, въ этомъ мірѣ, возносились душой своею превыше земли и зрѣли дѣла загробнаго міра. — Такова ясновидящая и есть Анна. Она, видишь ли, жила все въ Богѣ, въ молитвѣ, въ добрыхъ дѣлахъ милосердія и состраданія, и она поистинѣ была „не отъ міра сего". Потому что міръ нашъ—міръ злой, лукавый, нечистый, грѣшный. Она явилась здѣсь лишь на короткое время, чтобы показать другимъ, какъ жить праведно, богоугодно. Потому-то теперь наступаетъ конецъ земной ея жизни, и отходитъ она въ свое истинное, небесное отечество, къ чистымъ и свѣтлымъ духамъ, но пока еще отойдетъ, говоритъ намъ о небесномъ, чтобы мы покаялись и начали совсѣмъ другую жизнь, коли хотимъ получить спасеніе.

— Вы были ужъ у ней, батюшка?

— Былъ, она велѣла позвать меня къ себѣ, какъ только занемогла, съ перваго дня, и просила, чтобъ я отъ ней не отходилъ. Я пробылъ тамъ четыре дня, но больше не могъ выдержать ея разговора: кто ее ни слушалъ, всѣ были не въ силахъ удержаться отъ плача.

— Что жъ она говорила?

— Въ первый день, какъ только впала она въ этотъ сонъ свой, велѣла позвать барина съ барыней и всѣхъ слугъ, всю дворню, и сказала при мнѣ, что умретъ непремѣнно, но чтобы никто объ ней не плакалъ, потому что отходитъ она въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ ни горя, ни скорбей, а жили бы всѣ по-христіански, въ молитвахъ, въ любви да въ добрыхъ и святыхъ дѣлахъ.

— Это ты, отецъ Андрей, — промолвила она.— Спасибо, что пришелъ провѣдать!—А потомъ къ Тимоѳею служителю: „подойди поближе, Тимоѳеюшка, — ты вѣрный слуга мой и другъ, и братъ мой милый! Не плачь, зачѣмъ плакать! Зачѣмъ всѣ вы плачете?— и ты, отецъ Андрей, плачешь?

Я не могъ вымолвить слова, меня душили слезы, безмѣрная печаль сжала всю душу мою! Выплакавшись вволю, я оправился и сказалъ: „какъ же объ васъ не плакать, когда вы такъ больны! Всѣ мы васъ такъ любимъ, барышня, госпожа наша милая! душа невольно ноетъ и болитъ!"

„Не называй меня ни госпожей, ни барышней, говоритъ, это земныя слова. Тамъ, куда я иду теперь, нѣтъ такихъ словъ. Одинъ Богъ — Господинъ всего міра, а мы всѣ— братья и сестры, и я, видишь, говорю тебѣ „ты".

— И она все такъ, спрашиваю, съ закрытыми глазами говорила?

— Пока бывала въ томъ снѣ, постоянно имѣла глаза закрытые, но видѣла всякаго, кто къ ней приходилъ, всѣхъ узнавала, всякому что-нибудь особенное говорила. Мы даже давали ей книги и запечатанныя письма, и она перстами ихъ читала,—не глазами, а именно перстами, лучше сказать—духомъ своимъ, какимъ-то особымъ чутьемъ. Оттого-то люди въ такомъ снѣ и зовутся ясновидящими, что они видятъ и сквозь переплетъ, что написано въ книгѣ, и сквозь каменныя стѣны, что дѣлается на дворѣ, и за тысячи верстъ, что гдѣ происходитъ на свѣтѣ.

Николай. Какъ такъ? Стало-быть, она знала будущее, что должно случиться?

Онуфрій. Нѣтъ, этого она не знала, будущаго не предсказывала и ни объ чемъ такомъ, что еще только должно случиться, кромѣ смерти своей, не говорила. Когда мы ее спрашивали насчетъ будущаго, — кто сколько лѣтъ проживетъ, напримѣръ, или что другое, она или молчала, или отвѣчала коротко: „Богъ вѣсть".

Николай. Я не понимаю, какъ могло быть, чтобъ она видѣла на такую даль, за тысячи верстъ, гдѣ что на свѣтѣ дѣется!

Онуфрій. Душа безъ тѣла, или, какъ говорится правильнѣе, внѣ тѣла, совсѣмъ иначе видитъ все и знаетъ, чѣмъ какъ душа въ тѣлѣ, потому что земное тѣло грубое, тяжеловѣсное и держитъ душу какъ бы въ темницѣ, въ плѣну, въ неволѣ.

Николай. Ну, а ея жъ душа была развѣ не въ тѣлѣ?

Онуфрій. Такова была Божья воля, что, и не совсѣмъ еще отдѣлившись отъ тѣла, могла она уже вознестись въ другой міръ.

Николай. Мнѣ просто не вѣрится почему-то, чтобы такъ могло быть на самомъ дѣлѣ!

Онуфрій. Если мнѣ не вѣришь, повѣрь св. апостолу Павлу. Онъ тоже разсказываетъ, что зналъ двухъ подобныхъ людей, одного— *восхищена бывша даже до третьяго небесе*, другого — *восхищена бывша въ рай и слышавша неизреченные глаголы, яже не лѣть есть человѣкомъ глаголати*. Значитъ, уже во времена св. апостола Павла, въ числѣ обратившихся ко Христу людей было двое такихъ, что еще при жизни вознеслись духомъ, одинъ до третьяго неба, а другой —

гораздо выше, въ самый рай, и этотъ другой слышалъ тамъ какія-то слова, которыхъ человѣкъ и сказать не можетъ, и не въ силахъ.

Николай. Чудеса ты мнѣ говоришь, дѣдушка! Но продолжай, — что еще разсказывалъ тебѣ покойный отецъ Андрей?

Онуфрій. Передамъ тебѣ лишь вкратцѣ, потому что разсказывать все отняло бы слишкомъ много времени. Говорилъ онъ мнѣ еще, что Анна три дня разсказывала про адъ. Явился ей сейчасъ, въ первый же день болѣзни, духъ, ангелъ-путеводитель, который водилъ ее по тѣмъ бѣдственнымъ мѣстамъ, что мы называемъ адомъ. Разсказывала про тьму и страшныя муки, въ которыхъ пребываютъ великіе грѣшники, тѣ, что при жизни здѣсь, на землѣ, противились Богу и Его заповѣдямъ, но по долгу смотрѣть на это она не могла, только все повторяла: „люди, люди, братья! почитайте образъ Божій—душу свою, любите Бога и ближняго, хвалите Бога и крѣпко держите Его заповѣди, чтобы не прійти въ это несчастное мѣсто! Всякій, кто попадетъ сюда — будетъ безмѣрно и безконечно жалѣть о своемъ неразуміи, потому что здѣсь грѣшникъ проклинаетъ часъ, когда родился; но паче всѣхъ мучатся тѣ, что другихъ доводили до грѣха, наставляли на зло“. Когда говорила про тѣ муки, слезы текли у нея изъ глазъ, а люди, слушая ее, плакали, и много было такихъ, что искренно каялись.

Николай. Однако же, все это она говорила во снѣ?

Онуфрій. Да, во снѣ. Когда сильно уставала и не могла болѣе выносить того, что видѣла, сейчасъ приказывала себя будить.

Николай. Какъ же будить-то?

Онуфрій. Ты вѣрно думаешь — такъ будить, какъ будятъ спящаго? Вовсе не такъ, потому что можно было шевелить ее, даже сильно уколоть чѣмъ-нибудь острымъ,— она ничего не чувствовала. Чтобы пробудиться, она приказывала приложить стекло себѣ къ сердцу, и послѣ того только открывала глаза и была такая измученная, усталая, что не могла промолвить слова. Когда разспрашивали ее про то, о чемъ она во снѣ говорила, она ничего не помнила.

Николай. А про жизнь на небесахъ тоже говорила?

Онуфрій. Про это я и хочу теперь разсказать тебѣ, какъ очевидецъ, потому что я былъ у нея уже на четвертый день, вмѣстѣ съ покойнымъ отцомъ Левицкимъ. Когда мы вошли, она уже лежала во снѣ съ закрытыми глазами, но она сейчасъ обоихъ насъ узнала и проговорила шепотомъ наши имена. Мы подошли къ ней; она лежала на спинѣ со скрещенными руками,—какъ есть покойница, только чуть-чуть замѣтно дышала! Потомъ вдругъ заговорила: „ахъ, вижу свѣтъ, прекрасный свѣтъ! О, какъ тутъ сладко, какъ любо! Слышу вдали тихіе звуки,—ахъ, какое дивное пѣніе! Но это не земное пѣніе, не земныхъ голосовъ, — это такое пѣніе, что и сказать вамъ не могу, потому что въ языкѣ человѣческомъ для этого нѣтъ словъ!“—Видъ ея совсѣмъ измѣнился: грудь тихо воздымалась, на лицѣ было написано великое счастье, блаженство. Покойникъ отецъ Андрей сталъ ее разспрашивать:

— А есть теперь при тебѣ твой путеводитель, Анна?

— Есть, но онъ уже не такой грустный, какъ въ тѣ дни, когда мы носились по мѣстамъ темнымъ, среди темныхъ и несчастныхъ духовъ. Ахъ, какой онъ нынче прекрасный, какой ясный! Не могу наглядѣться на красоту его, не могу надышаться и насытиться тою любовью, что разлита по всему этому небесному воздуху и наполняетъ собою все!

— А зришь ли, Анна, какихъ-нибудь блаженныхъ духовъ?

— Вижу, и сама уже нахожусь между ними.

— Видишь ли кого изъ знакомыхъ?

— Вижу, много знакомыхъ.

— А кого видишь ближе всѣхъ?

— Старую бабушку Семеновну изъ нашего посада, которую мы недавно хоронили, которую никто не хотѣлъ проводить по-христіански до могилы, потому что бѣдна была, не на что было угощенье справить, водки купить, — о, какая мерзость! — Она говоритъ со мной. Она здѣсь не старая, а прекрасная, дивно прекрасная, преображенная!

— А какъ ты ее узнала?

— Души здѣсь всѣ между собой знакомы, потому что всѣ видятъ все ясно.

— Что жъ она тебѣ говоритъ?

— Благодаритъ за то, что я ей рубашку сшила и тѣло ея проводила до могилы.

— Развѣ такое доброе дѣло — проводить покойника до могилы?

— Да, это означаетъ любовь, а любовь выше всего.

Примолкла немного, какъ будто отъ усталости, потомъ опять сильнѣе начала дышать, и снова заговорила.

— Люди, братья мои! Сколько между вами такихъ грѣшниковъ, что не думаютъ никогда о загробной жизни, не ходятъ въ церковь изъ лѣности, не молятся, предаются недобрымъ мыслямъ, творятъ злыя дѣла, ни о чемъ не заботятся кромѣ тѣла! А что такое тѣло наше? Ничтожная оболочка, подобная той, что сбрасываетъ съ себя крылатое на-

сѣкомое, улетая на вольный воздухъ. О, какъ бы мнѣ хотѣлось разсказать вамъ все, что здѣсь вижу, но не могу!

— Почему не можешь, Анна? — спросилъ покойный отецъ Андрей. — Разскажи намъ все, разскажи! Мы хотимъ знать, что тамъ будетъ.

— Невозможно разсказать. У васъ на землѣ нѣтъ для того словъ, а у меня въ груди — силы. Ежели бы всякая капля моей крови превратилась въ тысячу языковъ, да всякимъ изъ тѣхъ языковъ я могла бы говорить такъ, какъ умѣлъ говорить св. Іоаннъ Златоустый, поймите,—я все-таки не въ силахъ была бы высказать и одной стотысячной доли того счастья и той красоты, какія здѣсь вижу. О, просите братьевъ вашихъ, сосѣдей, друзей, молите ихъ, увѣщевайте, — пусть оставятъ грѣшную жизнь, пусть каются и начнутъ вновь жить честно, по-христіански: тогда всѣ будутъ счастливы, блаженны.

— И въ чемъ же заключается это счастье, Анна? — что составляетъ это блаженство?

— Любовь, любовь! святая любовь, что царствуетъ здѣсь между всѣми блаженными духами!

— А еще что?

— Красота и величіе, безконечная глубина, и высота, и широта дѣлъ Божіихъ! Это звѣздное небо вы стараетесь изучать на землѣ—вычисляете, догадываетесь, и все-таки мало знаете о немъ, а здѣсь все видно и все ясно. А какъ безконечны эти свѣтила и красота и величіе ихъ, такъ безконечно блаженство—видѣть и познавать дѣла Божіи и прославлять Бога!

— А духи могутъ возноситься къ этимъ свѣтиламъ, куда ни пожелаютъ?

— Могутъ, куда ни задумаютъ и ни пожелаютъ, но лишь на такую высоту, какая имъ по силѣ: есть и такая красота, которую не можетъ вынести и духъ чистый, доколѣ еще совершеннѣе не очистится, еще болѣе не приблизится къ Богу.

— А ты далеко ль видишь?

— Нѣтъ, теперь еще недалеко, потому что я еще не совсѣмъ свободна отъ тѣла. Оно еще влечетъ меня къ вашей землѣ. Завтра тѣло мое еще болѣе ослабѣетъ, и проводникъ мой поведетъ меня выше. О, какъ я жажду видѣть всѣ чудеса красоты, которыя теперь вынести была бы не въ силахъ!

— Какъ это ты была бы не въ силахъ вынести?

— Да такъ, подобно червяку, привыкшему съ рожденья рыться въ землѣ. Земной червякъ не въ силахъ переносить свѣтъ солнечный, и когда выбросятъ его на солнце, онъ вьется, коробится и погибаетъ: такъ и душа, рожденная на землѣ, не можетъ сразу вынести дѣйствія высшихъ небесныхъ красотъ и блаженства.

— А тамъ всѣ равны между собой?

— Всѣ равны любовію, но не всѣ равны совершенствомъ. И тамъ есть степени совершенства и степени блаженства.

— Кто жъ тамъ выше всѣхъ поставленъ?

— И въ томъ небѣ, гдѣ я теперь, я вижу нѣкоторыхъ духовъ въ вѣнцахъ. Они тутъ болѣе всѣхъ прочихъ блистаютъ. Проводникъ мой говоритъ: „это учители и просвѣтители народовъ!“ Ихъ наибольшая предъ Богомъ заслуга, имъ тутъ наивысшая и честь. Но то учители, что всѣмъ умомъ и всѣмъ сердцемъ учили познавать истину и правду, въ церкви ли или въ школѣ, словомъ или писаніемъ—распространяя свѣтъ Божій и любовь Бога и ближняго между людьми и народами. Но горе тому учителю и тому духовному пастырю, который напрасно лишь занимаетъ свое мѣсто, или дурно учитъ, дурной примѣръ подаетъ собою другимъ! Такіе сюда не пріидутъ!

Когда она это сказала, я вспомнилъ нашего покойнаго учителя Леоновича, и спрашиваю: Анна, скажи мнѣ, не видишь ли ты тамъ моего учителя Леоновича?

— Нѣтъ, не вижу.

— Отчего?

— Оттого, что онъ выше, гораздо выше,— мой проводникъ это говоритъ. Но его можно вызвать сюда.

— Какимъ это образомъ?!

— Духи съ высшихъ небесъ могутъ приходить на низшія ступени, только низшимъ на высшія нельзя.

— И ты вызовешь его, Анна?

— Проводникъ мой вызоветъ. Три минуты времени на это надобно.

Отецъ Левицкій посмотрѣлъ на часы, и когда прошло ровнехонько три минуты, она сказала.

— Вижу его, — прекрасный, увѣнчанный! Всѣ здѣшніе духи воздаютъ ему честь, славятъ его пѣснями.—Ахъ, какъ все это дивно, какъ прекрасно, — не могу и сказать вамъ! О, если бы я могла хоть отчасти описать вамъ то, что здѣсь вижу! Но это невозможно, это не для васъ, земныхъ!

— А къ намъ, въ этотъ міръ, не сходятъ ли иногда духи изъ другого міра?

— Сходятъ и являются инымъ въ сновидѣніи, кто заслужитъ это, присутствуютъ при богослуженіи за ихъ души, хоть они и не имѣютъ нужды въ нашихъ молитвахъ, но радуются нашей любви.—О, иду дальше, возношусь выше и выше, и все сильнѣе и яснѣе чувствую здѣшнее неизреченное счастье, блаженство! Разбудите меня, потому что я не въ силахъ долѣе его выдерживать.

Отецъ Левицкій приложилъ ей стеклянный стаканъ къ груди, она проснулась и открыла глаза. Когда мы стали разсказывать ей, что она говорила,—она ничего не помнила и не могла повторить, потому что душа ея, вступивъ обратно въ тѣло, видѣла уже только земной міръ — комнату, постель и людей, ее окружавшихъ.

Сильно была утомлена и слаба, но, когда предлагали пищу — ничего не принимала, чѣмъ она и жила — непонятно. Но я, сынокъ, никогда бы и не кончилъ, ежели бы все сталъ разсказывать. Потому скажу тебѣ только, что барышня Анна послѣ того еще три дня говорила о небѣ, и все выше и выше возносилась, — видѣла святыхъ, и про нихъ разсказывала, и насъ наставляла почитать ихъ память и ученію ихъ слѣдовать, чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія и небесной жизни. О, кто въ силахъ разсказать, что мы слышали! Отъ ея словъ самый закоснѣлый и жестокосердый грѣшникъ не могъ не плакать, какъ дитя, и много людей обратились на правый путь,—пьяницы перестали пить, насильники и обманщики ближняго и всякіе грѣшники каялись.

Четвертаго дня къ вечеру больная сказала, что ровно въ 7 часовъ и пять минутъ душа ея совсѣмъ отрѣшится отъ тѣла, и велѣла себя разбудить. Когда проснулась, подозвала къ самой постели отца Левицкаго и поцѣловала у него руку, поцѣловала потомъ вѣрную свою подругу и неотступную сидѣлку въ болѣзни — старшую горничную дѣвушку Марью; велѣла обнять и поцѣловать за нее отца и матушку, утѣшить ихъ и попросить, чтобы не плакали, но они лежали оба больные безъ памяти, и врачи никого къ нимъ не допускали; попрощалась со всѣми, велѣла созвать всѣхъ дворовыхъ людей, благодарила ихъ за услуги и всякаго благословила. Тутъ поднялся плачъ безмѣрный: всѣ рыдали, у меня у самого слезы лились въ три ручья, потому что никогда такой кончины я не видѣлъ. Когда часы показывали семь и пять минутъ, больная глубоко вздохнула, и душа ея оставила прекрасное земное ея тѣло. Никогда не видѣлъ я такого прекраснаго, ангельскаго лица, никогда не замѣчалъ у покойника такой свѣтлой и радостной улыбки, какъ у нашей барышни Анны, когда одѣли ее въ бѣлое платье, гробъ и всю ее усыпали цвѣтами...

На похоронахъ Анны премножество было народу со всѣхъ селъ, и множество господъ понаѣхало издалека, и всѣ плакали, потому что всѣ лишились въ ней земного ангела. (Извлечено въ сокращ. изъ кн. протоіерея І. Г. Наумовича: „Четыре путеводителя доброй жизни").

18. *Ясновидѣніе во снѣ.* Въ 1886 году, я, разсказываетъ нѣкто г. Воробьевъ, служилъ въ г. Чистополѣ, Казанской г., въ почтово-телеграфной конторѣ. Какъ-то разъ, придя домой послѣ дневныхъ занятій, я, пообѣдавъ, часа въ 3 дня легъ отдохнуть и заснулъ. Приснилось мнѣ слѣдующее: въ комнатѣ почтовой конторы, гдѣ мы обыкновенно занимались, лежитъ кожаный чемоданъ, приготовленный къ отправленію съ почтою, отходящею въ 3 часа 55 мин. дня и совсѣмъ задѣланный, т.-е. прошнурованный цѣпями и запечатанный. Передъ самымъ отправленіемъ почты, начальникъ конторы, А. В. Рихтеръ, вошелъ въ контору осмотрѣть еще разъ приготовленныя къ отправленію вещи и, приподнявъ одинъ край крышки чемодана, обнаружилъ, совершенно случайно, что одна половина чемодана задѣлана фальшиво, (цѣпи продѣты въ одинъ только край), такъ что можно свободно вынуть все вложенное внутрь. Далѣе я вижу: онъ зоветъ почтальона М—а и приказываетъ ему перезадѣлать чемоданѣ. Въ это время я вхожу въ контору, и А. В. Рихтеръ, обращаясь ко мнѣ, объясняетъ, что, благодаря только случайности и привычкѣ его къ аккуратности, онъ обнаружилъ упущеніе, просмотрѣнное во время задѣлки почты.

На этомъ сновидѣніе мое окончилось, и я проснулся.

Все изложенное видѣлъ я до такой степени ясно и рельефно, что какъ бы все это произошло при мнѣ наяву. Проснувшись, я ничего изъ видѣннаго не помнилъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ тотъ же день, вечеромъ, въ конторѣ А. В. Рихтеръ разсказалъ мнѣ, что сегодня, между 3 и 4 часами дня (т.-е. какъ разъ во время моего сновидѣнія), при отправленіи почты, онъ обнаружилъ неправильную задѣлку чемодана, и, какъ оказалось потомъ, все произошло точно такъ, какъ приснилось мнѣ во снѣ („Ребусъ" 1888 г., № 52).

19. *Наглядность проявленія души въ естественномъ сомнамбулизмѣ.* Докторъ Дебэ въ своемъ сочиненіи о сомнамбулизмѣ говоритъ: „Большинство ученыхъ смотритъ [1]) на состояніе сомбулизма, какъ на особенный видъ мозгового невроза, какъ на особенное нервное состояніе мозга, не измѣняющее физіологическихъ функцій этого органа.

Въ продолженіе сомнамбулическаго сна, гораздо болѣе глубокаго, чѣмъ обыкновенный сонъ, мозгъ сохраняетъ многія свои способности, которыя не только дѣйствуютъ нор-

[1]) Вѣрно ли, это — другой вопросъ. Здѣсь довольно замѣтить, что самыя правдоподобныя гипотезы ученыхъ мѣняются чуть не каждыя 10 лѣтъ, замѣняясь другими, нерѣдко совершенно имъ противоположными. *Прот. Г. Д—ко,*

мальнымъ образомъ, но даже пріобрѣтаютъ особенную точность и остроту. Такъ, писатели и художники въ этомъ состояніи нерѣдко создавали лучшія свои произведенія. Вольтеръ, Кребильонъ, Массильонъ, и Кондильянъ написали нѣкоторыя свои замѣчательныя сочиненія въ этомъ состояніи. Въ этомъ же состояніи знаменитый музыкантъ Тартини написалъ свою знаменитую „сонату діавола", надъ которой онъ тщетно трудился раньше въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Мастеровые, ремесленники и другіе люди труда, нерѣдко исполняютъ въ сомнамбулическомъ состояніи работы съ точностью и искусствомъ, далеко превосходящими ихъ способности въ обыкновенномъ, бодрственномъ состояніи. „Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что сомнамбулъ послѣ своего пробужденія не сохраняетъ ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что онъ дѣлалъ во время своего сна, и это составляетъ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ признаковъ сомнамбулизма.

Бурдахъ неоднократно наблюдалъ такое явленіе: воспоминаніе о томъ, что съ человѣкомъ происходило во время сомнамбулическаго сна, возвращается довольно отчетливо во время обыкновеннаго сна, если онъ слѣдуетъ вскорѣ за сомнамбулическимъ. Онъ разсказываетъ, что одинъ изъ его друзей, докторъ, ночью увидѣлъ однажды свою жену ходящею по крышѣ своего дома. Зная, что она сомнамбула, онъ не очень этому испугался. Послѣ обѣда, когда она спала, онъ спросилъ ее тихо, что она дѣлала ночью, на что она подробно разсказала свое ночное похожденіе на крышѣ, прибавивъ, что сильно уколола лѣвую ногу о гвоздь, торчавшій на крышѣ. Послѣ пробужденія, на вопросъ мужа, не поранена ли у нея нога, она отвѣчала утвердительно, но къ удивленію своему не могла объяснить, гдѣ и когда она себя поранила".

„Сомнамбулы, говоритъ далѣе Дебэ, дѣйствуютъ часто съ закрытыми глазами; органъ зрѣнія въ такомъ случаѣ не дѣйствуетъ, и мозгъ дополняетъ отсутствующій органъ [1]): субъектъ *внутренно видитъ предметъ, который онъ ищетъ*; органы осязанія, достигающіе крайней остроты, чувствуютъ на разстояніи внѣшніе предметы и помогаютъ избѣгать опасности.

Между многими случаями, приводимыми докторомъ, подлинность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, укажемъ на нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ нельзя не признать дѣйствія души, управляющей тѣломъ:

„Въ одну изъ лѣтнихъ ночей, при полномъ свѣтѣ луны, я замѣтилъ на крышѣ высокаго дома человѣческую фигуру, которая, пробираясь по ней въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ стоя, гдѣ ползкомъ, уцѣпилась, наконецъ, за выступъ кровли и усѣлась на зубцѣ стѣны. Чтобы лучше разсмотрѣть это странное явленіе, я вооружился биноклемъ и увидѣлъ, что это была молодая женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, котораго она прижимала къ своей груди. Она оставалась около получаса въ этомъ опасномъ положеніи, затѣмъ спустилась съ удивительною ловкостью съ своего опаснаго пункта и скрылась. Въ слѣдующую ночь, въ тотъ же самый часъ повторилось то же самое явленіе. На другое утро я сказалъ хозяину дома о томъ, что я видѣлъ. Онъ выслушалъ меня съ ужасомъ и сообщилъ мнѣ, что его родная дочь сомнамбула, и что онъ подозрѣваетъ, что это была она, хотя до сихъ поръ ничего не подозрѣвалъ о ночныхъ ея прогулкахъ. Я посовѣтовалъ ему принять всевозможныя предосторожности, для избѣжанія какой-нибудь катастрофы. Наступила ночь, и я опять увидѣлъ молодую женщину, продѣлывающую тѣ же эволюціи. Тогда я пошелъ опять къ ея отцу, котораго засталъ въ сильномъ волненіи. Онъ мнѣ разсказалъ, что, уложивъ свою дочь спать, онъ самъ заперъ замокъ двери, и сверхъ того, изъ предосторожности, повѣсилъ еще висячій замокъ. Увы! говорилъ онъ, бѣдное дитя, не найдя другого выхода, открыло окно, и по выступу карниза отправилось на крышу. По прошествіи четверти часа она возвратилась тѣмъ же путемъ, и найдя окно, закрытое вѣтромъ, вышибла стекло, причемъ слегка себя поранила и, проснувшись съ крикомъ, уронила ребенка. По счастливой случайности, дитя упало на кресло, которое мать приготовила, чтобы легче ей было влѣзать на окно..."

„Во время нашего разговора вышла сомнамбула: это была молодая, худенькая, болѣзненная женщина, Ея интересныя черты носили отпечатокъ печали и предрасположенія къ истеріи".

„Тюремное заключеніе, которому мужъ ея подвергся за политическое преступленіе, было причиною ея горя и нравственной экзальтаціи. Когда я разсказалъ ей о ея ночныхъ похожденіяхъ, она томно улыбнулась, считая все это выдумкой или ошибкой съ моей стороны. Когда я началъ ее разспрашивать о характерѣ ея сновидѣній, она призналась, что уже нѣсколько дней спитъ

[1]) Не гораздо разумнѣе ли сказать, что душа (а не мозгъ) является дѣйствующимъ факторомъ въ этомъ процессѣ; просто дико думать, что мозгъ — это мертвое вещество — само по себѣ, безъ управляющей имъ разумной души, можетъ производить что-либо разумное и свободное. *Прот. Г. Д—ко.*

какимъ-то тяжолымъ сномъ, что ей все снятся какіе-то люди, которые хотятъ арестовать мужа и ее съ ребенкомъ".

Размышляя о физическомъ и нравственномъ состояніи молодой женщины, говоритъ далѣе докторъ, мы найдемъ, что она была по своей организаціи предрасположена къ сомнамбулизму, и что вездѣ ее преслѣдовала мысль о заключеніи мужа. Изъ этой основной идеи, по закону ассоціаціи, развились многія другія. Головной мозгъ, сильно возбужденный, приводилъ въ дѣйствіе психомоторный аппаратъ, который и направлялъ ее на крышу дома. Мотивомъ этого опаснаго восхожденія служила опасность, которой она подвергалась со своимъ ребенкомъ.

Мы сейчасъ разсмотримъ, какую цѣну имѣютъ эти объясненія, но прежде приведемъ еще другой случай.

Профессоръ философіи университета въ Павіи, Зоавъ, описываетъ слѣдующій случай сомнамбулизма:

Одинъ фармацевтъ этого города, ученый химикъ, которому наука обязана многими важными открытіями, каждую ночь вставалъ во снѣ, отправлялся въ лабораторію и додѣлывалъ неоконченныя работы. Онъ зажигалъ спиртовыя лампочки, бралъ различные инструменты, реторты, трубки и продолжалъ свои опыты съ такою точностью и аккуратностью, какія врядъ ли обнаруживалъ даже въ нормальномъ состояніи. Имѣя дѣло нерѣдко съ самыми опасными веществами, съ самыми сильными ядами, ни разу не подвергался онъ ни малѣйшему несчастію. Когда у него не хватало времени приготовить днемъ рецепты докторовъ, онъ ихъ вынималъ изъ ящика, клалъ на столъ и совершалъ ночью, во снѣ, свою работу съ точностью и аккуратностью, какихъ только возможно желать. Замѣчательно, съ какою точностью онъ взвѣшивалъ дециграммы и сантиграммы и вообще самыя минимальныя дозы, какія только употребляются въ аптекахъ, затѣмъ смѣшивалъ ихъ, пробовалъ, вливалъ въ склянки или запечатывалъ въ пакеты, приклеивалъ этикеты, и раскладывалъ въ требуемомъ порядкѣ. Окончивъ работу, онъ приводилъ все въ порядокъ, ставилъ на мѣсто и отправлялся на свою постель, гдѣ спалъ спокойно до утра. Профессоръ Зоавъ прибавляетъ, что у этого сомнамбула глаза бывали постоянно закрыты во время его ночныхъ похожденій, и полагаетъ, что памятью относительно расположенія различныхъ предметовъ и идеею о необходимости докончить задуманную раньше работу возможно объяснить такого рода явленіе, но чтеніе рецептовъ, содержаніе которыхъ ему не бывало извѣстно, остается необъяснимымъ.

Вотъ еще одинъ случай, гдѣ чисто позитивная наука не въ состояніи дать разумнаго объясненія, коль скоро отказывается *признать душу*, какъ реальную и нематеріальную причину явленія. Докторъ Эскироль разсказываетъ объ одномъ фармацевтѣ, который, какъ и въ вышеупомянутомъ случаѣ, вставалъ во снѣ и приготовлялъ по рецептамъ различныя лѣкарства. Желая испытать, дѣйствуютъ ли при этомъ высшія способности души, или же всѣ дѣйствія сомнамбула совершаются чисто автоматическимъ путемъ, одинъ изъ докторовъ положилъ на конторку слѣдующій репептъ:

Ѣдкой сулемы. . . 2 драхмы.
Дистилл. воды . . 4 унціи.
Принять въ одинъ пріемъ.

Фармацевтъ по обыкновенію всталъ въ сомнамбулическомъ снѣ, спустился въ свою лабораторію, взялъ рецептъ, прочелъ его нѣсколько разъ, выражая удивленіе, и произнесъ слѣдующія слова, которыя докторъ, написавшій этотъ рецептъ, скрываясь въ лабораторіи, записалъ слово въ слово: „Невозможно предположить, чтобы со стороны доктора, писавшаго рецептъ, тутъ не было ошибки: двухъ грановъ было бы совершенно достаточно, даже много, а между тѣмъ здѣсь весьма четко стоитъ 2 драхмы—что составитъ больше 150 грановъ... этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отравить двадцать человѣкъ... очевидно докторъ ошибся... я отказываюсь приготовить этотъ рецептъ..."

Затѣмъ сомнамбулъ перешелъ къ другимъ рецептамъ, лежавшимъ на конторкѣ, приготовилъ по нимъ лѣкарства, запечаталъ и разставилъ въ порядкѣ, для выдачи на слѣдующій день.

Вотъ, такимъ образомъ, нѣсколько случаевъ сомнамбулизма, прочно константированныхъ, объясненіе которыхъ немыслимо, если мы не признаемъ существованія духовнаго принципа, управляющаго тѣломъ, который не подвергается дѣйствію сна, подобно послѣднему. Послушаемъ теперь объясненія нашего ученаго доктора.

Докторъ Дебэ замѣчаетъ, что, строго говоря, глазъ не единственный органъ, посредствомъ котораго мы видимъ внѣшніе предметы. Въ этомъ мы вполнѣ согласны съ авторомъ, но расходимся съ нимъ въ объясненіи механизма сомнамбулическаго зрѣнія. Онъ предполагаетъ, что субъектъ можетъ видѣть оконечностью носа, пальцевъ и другими частями тѣла. Не смѣйтесь: докторъ Дебэ увѣряетъ, что это предположеніе не такъ безосновательно, какъ кажется съ перваго взгляда, что, быть-можетъ, существуетъ развѣтвленіе оптическаго нерва, оканчивающееся въ этихъ частяхъ тѣла, и

которое служитъ сомнамбулу для распознанія внѣшнихъ предметовъ. „Не слѣдуетъ,— прибавляетъ онъ,—отрицать все съ плеча, болѣе согласно съ истиною, если мы ограничимся сомнѣніемъ, въ ожиданіи новыхъ, болѣе основательныхъ доказательствъ".

Что можно сказать о подобномъ объясненіи!?

Г. Дебэ пытается объяснить явленія сомнамбулизма сравненіемъ: какъ капитанъ корабля направляетъ ходъ своего судна, разсматривая карту, такъ въ сомнамбулизмѣ память направляетъ тѣло посредствомъ образовъ, сохранившихся въ ней.

Не странно ли слышать подобное сравненіе изъ устъ физіолога: мы не знали до сихъ поръ, что память направляетъ тѣло, мы полагали, что это есть функція воли, возбуждаемой различными вліяніями, часть которыхъ составляетъ и память.

Не легко принять объясненіе г. Дебэ даже въ томъ случаѣ, когда движеніе сомнамбула происходитъ въ мѣстѣ, ему хорошо извѣстномъ, но что сказать, когда онъ движется въ мѣстѣ, ему совершенно неизвѣстномъ, и при томъ съ увѣренностью и точностью, далеко превосходящими его способности въ нормальномъ состояніи. Вспомнимъ сомнамбулическія путешествія дамы съ ребенкомъ. Можно ли предположить, что ею управляла память, когда она ходила по крышѣ дома, обходя опасныя мѣста, гдѣ одинъ невѣрный шагъ могъ грозить гибелью? Невозможно предположить, чтобы она предавалась этимъ упражненіямъ въ нормальномъ состояніи. Но какая же сила управляла ею, предупреждая ее объ опасности, какимъ органомъ видѣла она въ этомъ случаѣ?

Возможно ли допустить объясненія доктора въ другомъ мѣстѣ: что, когда органъ зрѣнія не дѣйствуетъ, мозгъ дополняетъ его функцію внутреннимъ зрѣніемъ, съ помощію котораго онъ видитъ предметы, которые ищетъ. Но какимъ же образомъ онъ можетъ видѣть внутреннимъ зрѣніемъ вещи, которыхъ глаза его никогда не видали?

Предположеніе, что органы осязанія достигаютъ такой остроты, что способны на разстояніи различать тѣла, кромѣ своей произвольности, не обнимаетъ и всѣхъ случаевъ, представляемыхъ явленіями сомнамбулизма.

Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ, разсказанномъ докторомъ Эскиролемъ, развѣ спящій фармацевтъ, приготовлявшій во снѣ лѣкарства по рецептамъ, могъ быть предупрежденъ объ опасности угрожавшей его кліенту, если бы онъ управлялся одними внѣшними стимулами? Онъ разсуждалъ логично, совершенно какъ въ нормальномъ состояніи, о несообразности рецепта. Кто же въ этомъ случаѣ разсуждалъ? Очевидно, дѣятель, который одинъ не спитъ, когда тѣло погружено въ сонъ, который думаетъ, разсуждаетъ, который дѣйствуетъ согласно своему желанію, и этого дѣятеля, бодрствующаго надъ тѣломъ, мы называемъ *душою* („Ребусъ" 1884 г., № 18).

20. *Внутреннее самосозерцаніе сомнамбулъ.* Внутреннее самосозерцаніе сомнамбулъ основывается не на отвлеченныхъ знаніяхъ, а только на усиленной, доходящей до нагляднаго представленія и пластическаго воспроизведенія внутреннихъ частей тѣла ихъ способности ихъ ко внутреннимъ воспріятіямъ, что, согласно Шернеру, можетъ происходить уже въ обыкновенномъ снѣ человѣка. Степень ясности такого рода представленія у различныхъ сомнамбуловъ весьма различна, но она возрастаетъ по мѣрѣ упражненія, и тогда какъ въ началѣ болѣзни сомнамбулы обладаютъ часто только обыкновеннымъ внутреннимъ чувствомъ, впослѣдствіи ихъ показанія достигаютъ нерѣдко точности анатомическихъ описаній, причемъ эти показанія могутъ быть даваемы совершенно необразованнымъ, лишеннымъ всякихъ абстрактныхъ знаній лицомъ, такъ какъ источникомъ ихъ служитъ простое созерцаніе.

Замагнитизированная однимъ духовнымъ лицомъ госпожа У. описала свое ухо, сказавъ, что видитъ въ немъ четыре косточки: одну — въ видѣ молотка, другую — въ видѣ стремени, третью — круглую, четвертую — маленькую, и въ трубѣ его — воду [1]). Одна каталептическая особа сказала Пететену слѣдующія замѣчательныя слова: „Врачъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы заболѣлъ моею болѣзнью хоть на четверть часа; природа открыла бы ему всѣ свои тайны, и если бы онъ любилъ свою науку, то не пожелалъ бы выздоровѣть такъ скоро, какъ того желаю я" [2]).

Только тѣмъ, что внутреннее самосозерцаніе сомнамбулъ не основывается на абстрактныхъ знаніяхъ, и объясняется, почему анатомическія описанія ихъ оставляютъ представителямъ науки желать очень многаго. То же самое имѣло бы мѣсто и относительно всякаго начинающаго изученіе медицины лица, если бы ему, при очень еще недостаточныхъ познаніяхъ его въ ней, пришлось давать отчетъ о результатахъ анатомическаго вскрытія. Поэтому неудовлетворительность описанія сомнамбулами состоянія внутреннихъ органовъ тѣла ихъ не можетъ служить обстоятельствомъ, способнымъ навлечь подозрѣніе на ихъ показанія. Сонъ нашъ можетъ усилить въ насъ способность

1) Kieser: Archiv für den tierischen Magnetismus. VII. 1. 73.

2) Petetin: Electricité animale. 11.

нашу къ внутреннимъ воспріятіямъ, что можетъ повести въ свою очередь къ представленію нами соотвѣтственныхъ органовъ нашего тѣла, но онъ отнюдь не можетъ породить въ насъ абстрактныхъ знаній.

Когда врачъ Делёзъ погрузилъ въ сомнамбулическій сонъ одного своего товарища, то послѣдній описалъ вполнѣ научнымъ языкомъ внутреннюю болѣзнь свою [1]). Было бы чрезвычайно подозрительно, если бы всѣ сомнамбулы говорили какъ профессора; а что въ ихъ показаніяхъ встрѣчаются такъ часто анатомическія и физіологическія погрѣшности, это не можетъ внушить никакого подозрѣнія [2]). Ихъ показанія бываютъ ошибочными какъ разъ тогда, когда у нихъ къ созерцанію присоединяется рефлексія; особенно же это имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда ихъ осаждаютъ вопросами, для отвѣта на которые недостаточно одного внутренняго самосозерцанія. Поэтому понимающіе дѣло врачи настаиваютъ на соблюденіи правила выжиданія отъ сомнамбуловъ добровольныхъ показаній; такія показанія отличаются большею частью опредѣленностью. Послѣдняя служитъ признакомъ того, что способность воспріятія сомнамбула достигла степени внутренняго самосозерцанія. Тогда можно уже посовѣтовать магнитизирующему его врачу раціональною постановкою вопросовъ дать опредѣленное направленіе этому внутреннему самосозерцанію. Преждевременные же вопросы могутъ воспрепятствовать пробужденію у сомнамбуловъ способности самосозерцанія, и тогда будетъ существовать опасность не только того, что они будутъ выдавливать изъ себя отвѣты, которые, не имѣя подъ собою почвы въ самосозерцаніи, непремѣнно будутъ ложны, но даже—и того, что при особенномъ отношеніи, въ которомъ они находятся къ магнитизирующему ихъ врачу, въ ихъ самосознаніе могутъ перейти представленія и разсужденія врача, зеркаломъ котораго они въ этомъ случаѣ и будутъ служить.

Вотъ почему постановка предлагаемыхъ сомнамбулу врачомъ вопросовъ имѣетъ очень большое значеніе. Сомнамбула Ванъ Герта сказала, что, когда врачъ ея участвуетъ съ нею въ ея самосозерцаніи и помогаетъ ей своими мыслями, тогда она ясно видитъ все въ тѣлѣ своемъ [3]). Другая сомнамбула превозносила оказываемое вопросами ея врача на ея способность самосозерцанія вліяніе: стоило ему пожелать или потребовать отъ нея, чтобы она увидѣла свои легкія или какой-либо другой органъ своего тѣла, и предъ нею раскрывались вполнѣ эти органы [1]). Третья видѣла безъ всякой посторонней помощи только больные свои органы, здоровые же—лишь въ томъ случаѣ, когда магнитизеръ накладывалъ на нихъ свои руки [2]). Знаменитый Гуфеландъ приводитъ три разнородныхъ случая внутренняго самосозерцанія, изъ коихъ можетъ быть почерпнутъ и принципъ дѣленія этого самосозерцанія. Какъ только одна изъ его больныхъ ложилась въ постель, она видѣла безъ всякой посторонней помощи свои внутренности; когда же она вставала съ постели, прекращалось и видѣніе. Другая его больная видѣла внутреннія части своего организма, только смежныя съ мѣстами, до которыхъ онъ дотрогивался. Наконецъ, третья видѣла мускулы и вены своей руки только при прикосновеніи своемъ къ магниту, чего она тщательно и избѣгала, такъ какъ такое созерцаніе было ей отвратительно [3]).

Въ высшей степени замѣчательна способность сомнамбулъ узнавать будущее теченіе ихъ болѣзней. Уже Гиппократъ сказалъ, что бываютъ сновидѣнія, предсказывающія тѣлесныя болѣзни. Какъ бы ни сомнѣвался скептикъ въ существованіи у сновидцевъ такой способности, а она вполнѣ констатирована громаднымъ числомъ врачей. Здѣсь можно ограничиться ссылкою на мнѣніе медицинскаго факультета Парижской академіи. Докторъ Дельпи сообщаетъ, что одна эпилептическая особа въ припадкѣ своей болѣзни предсказала минуту своего выздоровленія [4]). Бертранъ въ своемъ „Traité du somnambulisme“ насчитываетъ болѣе шестидесяти опасныхъ припадковъ конвульсій, предусмотрѣнныхъ сомнамбулами и опредѣленныхъ ими какъ относительно времени наступленія, такъ и относительно продолжительности. Тотъ же врачъ сообщаетъ объ одной сомнамбулѣ, которая во время своего сна объявила о наступленіи черезъ 14 дней 43-часового горячечнаго бреда, что совершенно было забыто ею по пробужденіи [5]). Сомнамбула д-ра Бендсона въ точности опредѣлила время освобожденія своего отъ глисты и даже длину послѣдней [6]). Сомнамбулы предвидятъ иногда наступленіе своей смерти, хотя ничего не знаютъ объ этомъ по пробужденіи. Соважъ говоритъ о четырехъ паціентахъ своихъ, предсказавшихъ правильно день и часъ своей смерти, и объ одномъ шестидесятилѣтнемъ старикѣ, предсказав-

[1]) Deleuze: Histoire critique etc. I, 168.
[2]) Beispiele davon bei Morin: Du magnétisme et des sciences occultes. Paris, Baillière 1860. S. 196.
[3]) Kiesers: Archiv II, 1, 69.

[1]) Kiesers: Archiv II. 1, 86.
[2]) Fr. Fischer: Der Somnambulismus. III, 201.
[3]) Hufeland: Über Sympathie, 200, 202, 155, 199.
[4]) Bibl. méd. I, VI, 308.
[5]) Dupotet: Traité etc. 440.
[6]) Kiesers: Archiv XI, 1, 161.

шемъ мѣсяцъ своей смерти и умершемъ отъ лихорадки [1]).

Впрочемъ, предсказанія смерти своей даже такими сомнамбулами, на которыхъ можно положиться во всемъ остальномъ, бываютъ по большей части ошибочны. Делёзъ отказывается отъ объясненія этого явленія и говоритъ, что оно относится къ числу самыхъ загадочныхъ явленій сомнамбулизма. Но кажется, что дѣло объяснится само собою, если принять во вниманіе, что сомнамбулы, какъ и всѣ вообще сновидцы, не рефлективно узнаютъ свое будущее, но созерцаютъ все въ образахъ. Если, теперь, предъ ними является картина очень опаснаго кризиса или глубокаго обморока, то, вслѣдствіе величайшаго сходства своего съ картиною кончины, даже смерти, она и можетъ быть ими за нее принята. Самъ Делёзъ наводитъ на такое объясненіе ложности этихъ предсказаній сомнамбуловъ своимъ признаніемъ принимаемыхъ сомнамбулами за смерть кризисовъ всегда очень страшными и опасными [2]).

И здѣсь органомъ видѣнія служитъ творящая образы фантазія, хотя и не та фантазія, которою мы обладаемъ во время бодрствованія: послѣдняя не отличается даже въ приблизительной степени качествами, обнаруживаемыми фантазіей сомнамбуловъ. Поэтому предсказанія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, представляютъ результатъ возникновенія въ сознаніи сомнамбулъ не абстрактивныхъ знаній, но образовъ, хотя, по видимому, этому часто противорѣчатъ ихъ чрезвычайно точныя указанія времени. Но одна сомнамбула, предсказавшая моментъ наступленія сильнаго припадка своихъ корчей, прибавила: „теперь я вижу себя бѣгущею къ постели“ [3]). Она созерцала въ образахъ не только внутренніе органы своего тѣла, но и будущія событія. „Дѣло обстоитъ совершенно такъ,—говоритъ она,—какъ если бы я видѣла то, что о себѣ говорю... и я вижу всѣ состоянія, въ которыхъ буду находиться въ этотъ день, такъ же ясно, какъ въ зеркалѣ. Когда я предсказываю будущее, то выходитъ какъ разъ такъ, какъ если бы предо мною висѣли картины, которыя представляли бы мои состоянія, а я разсказывала бы ихъ содержаніе“ [4]).

Такимъ образомъ во снѣ сомнамбулическомъ, какъ и въ обыкновенномъ, мысли наши не остаются абстрактными, но переходятъ въ представленіе вещей. Дальнѣйшее доказательство того, что все различіе между видѣніями обыкновеннаго сна и сна сомнамбулическаго — количественное, состоитъ въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ являющіеся сновидцу образы обыкновенно отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ: и въ сомнамбулизмѣ они бываютъ часто аллегорическими, и здѣсь часто имѣетъ мѣсто драмматическое раздвоеніе индивидуума, а именно, когда возникающія у сомнамбулъ мысли влагаются ими въ уста говорящаго съ ними во снѣ посторонняго лица — въ чемъ они уподобляются чревовѣщателямъ, — и когда имъ кажется, что всѣ, возникающія, несомнѣнно, въ нихъ самихъ, представленія приходятъ къ нимъ непрошенными извнѣ. Вся исторія болѣзни вдовы Петерсенъ аллегорически воспроизведена ею во снѣ въ непрерывномъ рядѣ образовъ. Она предвидитъ различныя состоянія, черезъ которыя придется пройти ей въ теченіе ея болѣзни; но она узнаетъ будущее своеобразно и аллегорично, а именно: ее сопровождаетъ голубка, предсказывающая ей ея будущее или своими поступками, или прямо словами, или посредствомъ приносимаго ей въ клювѣ письма [1]). При такой драмматизаціи автодіагноза сомнамбуловъ часто имѣетъ мѣсто не разъ служившее поводомъ къ суевѣрію появленіе ихъ руководителей и духовъ-хранителей въ ихъ снѣ.

Если сомнамбулы созерцаютъ въ образахъ будущее теченіе своихъ болѣзней и нерѣдко опредѣляютъ степень имѣющей произойти для нихъ отъ магнитическаго ихъ лѣченія пользы, то, съ другой стороны, они могутъ созерцать въ образахъ и то, что произошло бы съ ними при отсутствіи такого лѣченія. Такъ, одна больная объявила, что если бы не магнитическое лѣченіе, то у нея отъ сильнаго прилива крови лопнулъ бы одинъ изъ большихъ кровеносныхъ сосудовъ, что произвело бы у нея параличъ, отъ котораго она умерла бы черезъ годъ [2]). Другая видитъ, что при отсутствіи магнитическаго лѣченія она умерла бы черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, такъ какъ у нея появилось бы пять неизлѣчимыхъ нарывовъ [3]). Очевидно, что такія предсказанія не подлежатъ провѣркѣ, почему и имѣютъ ничтожное значеніе. Но сомнамбулы видятъ, хотя далеко не одинаковою ясностью, не только послѣдствія, но и причины своихъ болѣзней: съ одной стороны, часто эти причины только инстинктивно ими чувствуются, а съ другой—часто они видятъ находящійся внутри ихъ организма причиняющій имъ раздраженіе посторонній предметъ. Такимъ образомъ,

[1]) Sauvages: Nosologie II, 738.
[2]) Deleuze: Instruction pratique etc., 422, 426.
[3]) Kerner: Geschichte zweier Somnambulen. Karlsruhe, 1824. S. 100.
[4]) Ib. 67.

[1]) Kiesers: Archiv XI, 2, 82. XI, 3, 67.
[2]) Kiesers: Archiv XI, 1, 22.
[3]) Puységur: Recherches etc. 171.

сомнамбула Кернера видѣла, какъ по неосторожности проглоченный ею за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ кусокъ перламутра вросталъ въ ея желудокъ, а затѣмъ, какъ онъ, по мѣрѣ лѣченія, постепенно выходилъ изъ него и далъ семь трещинъ; при испражненіи, дѣйствительно, у нея вышло семь перламутровыхъ кусковъ [1]). Часто сомнамбулы видятъ поводъ къ своей болѣзни въ томъ, что имѣло мѣсто въ ихъ далекомъ прошломъ, примѣръ чего представляетъ одна сомнамбула, приписавшая свои многолѣтнія головныя боли испугу, испытанному ею пятнадцать лѣтъ назадъ при паденіи ея брата въ закрытый колодезь [2]).

Кто и послѣ всего сказаннаго продолжалъ бы настаивать на абстрактномъ способѣ познанія сомнамбулъ, т.-е. утверждать, что они, благодаря своей усиленной способности воспріятія, могутъ дѣлать логическія заключенія отъ даннаго состоянія своего къ его прошедшей причинѣ и будущимъ слѣдствіямъ, тотъ не достигъ бы своей цѣли сведенія своеобразнаго явленія ясновидѣнія сомнамбулъ на степень излишней гипотезы, такъ какъ предсказанія ихъ нерѣдко простираются на такія событія, которыя хотя и лежатъ на жизненномъ пути ихъ, но не подготовляются жизнью ихъ организма, а порождаются приходящими извнѣ случайностями. Сомнамбулѣ Мейснера приснилось, что она качается на волнахъ и изъ всѣхъ силъ старается не утонуть въ нихъ; на другой день съ ней случился обморокъ въ купальнѣ, и такъ какъ она была одна, то ей грозила опасность утонуть [3]). Другой сомнамбулѣ приснилось, что къ ней подходитъ какой-то незнакомецъ съ вопросомъ: „какъ долго ты больна?“ и что затѣмъ онъ дѣлаетъ надъ ней, въ направленіи отъ головы къ ногамъ, магнитическіе пассы. Черезъ три дня она была позвана въ домъ священника, гдѣ и исполнилось то, что видѣла она благодаря своему двойному зрѣнію [4]). Одна сомнамбула, по имени Гортензія, предсказала во снѣ, что ей угрожаетъ въ опредѣленный часъ паденіе. Въ указанное ею время при ней находились, для предупрежденія опасности, мужъ ея и докторъ. Такъ какъ ей понадобилось выйти изъ комнаты, то мужъ взялъ ее подъ руку, но при этомъ вдругъ подлѣ нея пробѣжала крыса, и она съ крикомъ упала на землю [5]). Нѣчто подобное сообщаетъ и членъ медицинскаго совѣта Клейнъ о сомнамбулѣ Августѣ Мюллеръ.

[1]) Kerner: Geschichte zweier Somnambulen, 94.
[2]) Kiesers: Archiv VII, 1, 100.
[3]) Kiesers: Archiv X, 2, 101.
[4]) Werner: Die Schutzgeister. Stuttgart, 1839, S. 316.
[5]) Charpignon: Physiologie, médecine et metaphysique du magnétisme. Paris, 1848. S. 344.

Января 14 дня 1817 года она объявила своему магнитизеру, что 12 февраля въ 3 или 4 часа пополудни она, если не присмотрятъ за нею, проглотитъ иголку. Поэтому въ указанный ею день ее не спускали съ глазъ и удалили отъ нея всѣ иголки. Несмотря на это, случилось такъ, что она встала и, повернувшись спиною къ наблюдавшимъ за нею лицамъ, отправила въ ротъ скользнувшую у нея межъ пальцевъ золотую шейную булавку, хотя затѣмъ и удаленную ею кашлемъ, но оставившую у нея на язычкѣ царапину [1]). Такого рода случаи, которыхъ можно бы было разсказать сколько угодно, въ достаточной мѣрѣ доказываютъ то, что предсказанія сомнамбулъ основываются не на чемъ иномъ, какъ на ясновидѣніи, съ логическими же операціями ума не имѣютъ ничего общаго. Но у большинства сомнамбулъ поле ясновидѣнія ихъ ограничивается развитіемъ ихъ болѣзней, не распространяясь на факты, порождаемые случаемъ. Напримѣръ, это имѣетъ мѣсто относительно одного изъ наблюдавшихся врачами, членами Парижской академіи, сомнамбула, предсказавшаго рядъ своихъ эпилептическихъ припадковъ, изъ которыхъ не воспослѣдовалъ только послѣдній, а именно, по причинѣ случайнаго событія, имѣвшаго мѣсто до наступленія предсказаннаго времени его и состоявшаго въ томъ, что сомнамбулъ былъ убитъ мчавшеюся мимо него лошадью, которую онъ пытался остановить [2]).

Этимъ сама природа указываетъ намъ на то, что по собственному убѣжденію сомнамбулы могутъ давать показанія только насчетъ своихъ болѣзней. Поэтому врачъ долженъ ограничиваться доведеніемъ до сознанія сомнамбулъ того, что, такъ сказать, вертится у нихъ на языкѣ, т.-е. долженъ поставлять себя въ такое же къ нимъ отношеніе, въ какомъ находился къ своимъ ученикамъ Сократъ, считавшій себя повивальною ихъ въ интеллектуальномъ отношеніи бабкою. Кто добивается отъ сомнамбулъ отвѣтовъ иного рода, тотъ занимается передачею имъ своихъ собственныхъ мыслей, т.-е. занимается, не сознавая того, чѣмъ-то въ родѣ чревовѣщанія, или вызываетъ въ нихъ чуждую имъ и во всякомъ случаѣ вполнѣ неспособную привести къ желаемымъ результатамъ рефлексію. Такія старанія могутъ даже доводить сомнамбулъ до умственнаго разстройства. (См. кн. Дю-Преля: „Философія мистики“, 1895 г.).

21. *Опредѣленіе сомнамбулами чужихъ болѣзней.* Основываясь на изслѣдованіяхъ за-

[1]) Meier und Klein: Geschichte der hellschenden Auguste Müller. Stuttgart, 1818. S. 96.
[2]) Dupotet: Traité etc., 144.

нимавшихся этимъ предметомъ врачей, можно вывести правило, что способные къ внутреннему самосозерцанію сомнамбулы способны вообще видѣть и внутренній организмъ посторонняго имъ лица. Что касается факта обладанія сомнамбулами этою способностью, то мы сошлемся прежде всего на отчетъ парижской медицинской академіи, въ которомъ говорится слѣдующее: „Замагнитизированный субъектъ, погрузившись въ сомнамбулическій сонъ, судитъ о болѣзни лица, съ которымъ вступаетъ въ магнитическое отношеніе, опредѣляетъ характеръ его болѣзни и подаетъ ему врачебную помощь.

Галенъ, обязанный, по собственнымъ его словамъ, частью практическихъ познаній своихъ наблюденіемъ своимъ надъ людьми, находившимися во снѣ, говоритъ о прозорливости своихъ заключеній относительно будущаго теченія болѣзней своихъ паціентовъ такъ, что они напоминаютъ собою предсказанія, дѣлаемыя ясновидящими сомнамбулами. По видимому совершенно здоровому сенатору Сексту онъ предсказалъ, что тотъ заболѣетъ черезъ три дня лихорадкою, что на шестой день она его отпуститъ, на четырнадцатый опять возвратится, наконецъ, на семнадцатый, послѣ общей критической испарины, совершенно прекратится. Все это и исполнилось въ дѣйствительности. Одному страдавшему лихорадкой молодому римлянину онъ отсовѣтовалъ рекомендованное другими врачами кровопусканіе, присовокупивъ, что у него само собою произойдетъ изъ лѣвой ноздри кровотеченіе, за которымъ и послѣдуетъ выздоровленіе[1]). Кто захотѣлъ бы приписать такія предсказанія Галена высокому медицинскому образованію его, тому можно указать на заслуживающее довѣрія сообщеніе Картезія, что двѣ истеричныхъ дѣвочки предсказали другъ другу наступленіе кризиса своей болѣзни[2]).

Въ *Mercure de France* (сентябрь 1720 и іюль 1728 г.) разсказывается о двухъ пріобрѣтшихъ большую извѣстность діагнозами своими португальскихъ дѣвушкахъ. Одна изъ нихъ была высоко почтена португальскимъ королемъ и получала пенсію. Она видѣла, какъ совершаются въ человѣческомъ тѣлѣ процессы кровообращенія и пищеваренія, и опредѣляла такія болѣзни, которыхъ не могли постигнуть искуснѣйшіе врачи[3]).

Что касается новѣйшаго времени, то вотъ что пишетъ Дорову Людовикъ фонъ-Фоссъ. „Не смѣйтесь надо мною, если я скажу вамъ, что могу угадать гдѣ — на диванѣ или на стулѣ — сидѣло извѣстное лицо полчаса назадъ, особенно если это лицо очень живого темперамента. Вчера я угадалъ, что одинъ господинъ пришелъ издалека и очень усталъ; благодаря его вліянію на меня, я чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что онъ послѣ полудня очень много занимался счетоводствомъ, такъ что выбился изъ силъ... Въ моемъ существѣ развилась чудесная и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастная способность усматривать въ находящихся въ самомъ спокойномъ состояніи людяхъ всѣ страданія и слабыя стороны ихъ и видѣть, какъ во время мышленія посторонняго мнѣ человѣка въ мозгу его приходитъ въ дѣятельность малѣйшая фибра. На улицѣ я долженъ далеко обходить людей, особенно находящихся въ болѣзненномъ состояніи.

Примѣры необыкновеннаго развитія способности сомнамбулъ созерцать внутренній организмъ посторонняго имъ лица можно найти у англійскаго врача Гэддока. „Если паціенты пожелаютъ лично быть изслѣдованными Эммой, говоритъ онъ о своей сомнамбулѣ, то я настоятельно прошу ихъ до тѣхъ поръ ничего не сообщать мнѣ о своемъ здоровьѣ, пока ясновидящая не произведетъ надъ ними своего изслѣдованія и не опишетъ внутренняго состоянія ихъ организма и симптомовъ ихъ болѣзни, такъ какъ нерѣдко случается, что они выражаютъ свое удивленіе, когда слышатъ отъ нея, съ какою точностью она описываетъ эти симптомы и съ какою правильностью указываетъ мѣсто, или опредѣляетъ часы періодическаго наступленія ихъ страданій, хотя ни я, ни она не слышали отъ нихъ ни слова о всемъ этомъ... Въ двухъ или трехъ случаяхъ Эмма на своей собственной головѣ заочно указала мѣсто страданія умалишенныхъ, а я, основываясь на ея показаніяхъ и на френологическихъ данныхъ, отважился сдѣлать заключеніе относительно главныхъ симптомовъ ихъ болѣзни. Заключенія мои, какъ подтвердили пользовавшіе больныхъ врачи, оказались вѣрными“[1]).

Нерѣдки и такіе случаи, когда правильность діагнозовъ, даваемыхъ сомнамбулами, подтверждалась вскрытіемъ труповъ. Разумѣется, эти исключительно основывающіеся на внутреннемъ созерцаніи, но отнюдь не на абстрактныхъ анатомическихъ и физіологическихъ свѣдѣніяхъ о человѣческомъ тѣлѣ діагнозы не могутъ отличаться такою научною точностью и такою опредѣленностью выраженій, какими отличаются медицинскія заключенія, даваемыя на основаніи анатомическихъ вскрытій; но опытный врачъ можетъ извлечь и изъ нихъ пользу. Одна замагни-

[1]) Puységur: Recherches etc. 319. 322. Colquhoun: Die geheimen Wissenschaften etc. 113.
[2]) Dupotet: Traité complet du magnétisme animal. 440.
[3]) Le Brun. Histoire critique des pratiques superstitieuses. I. 58. (Amsterdam 1733).

[1]) Haddock: Somnambulismus etc. 192. 193.

тизированная съ цѣлью полученія отъ нея показаній относительно состоянія здоровья ея матери сомнамбула, по фамиліи Лажандре, дала такой діагнозъ: „правое легкое сморщено и сдавлено, облечено тягучею и клейкою оболочкою и плаваетъ въ водянистой влагѣ. Это легкое уже не дышитъ, оно умерло. Въ околосердечной сумкѣ находится нѣкоторое количество воды". Послѣ того, какъ, согласно предсказанію сомнамбулы, на другой день умерла ея мать, врачи Друзаръ и Моро (секретарь королевской медицинской академіи) произвели вскрытіе трупа, и оно вполнѣ подтвердило вышеприведенный діагнозъ [1]).

Если внутреннее самосозерцаніе сомнамбулъ основывается на воспріятіи ими отъ своего организма впечатлѣній, воспринимаемыхъ ими не во время нахожденія ихъ въ нормальномъ состояніи, то способность ихъ видѣть чужой организмъ должна основываться еще на болѣе сильномъ перемѣщеніи порога ихъ сознанія и большемъ обнаруженіи трансцендентальной половины ихъ существа. Если мы допустимъ теперь, на что имѣемъ право, что воспріятіе сомнамбулами впечатлѣній, исходящихъ отъ чужого организма, основывается на матеріальномъ воздѣйствіи на нихъ нѣкотораго тонкаго газообразнаго вещества, то такая ихъ способность ясновидѣнія утратитъ всю свою чудесность и будетъ такою же обыкновенною психическою способностью, какъ и остальныя психическія способности наши, съ тою только разницей, что во время нахожденія человѣка въ нормальномъ состояніи этой его способности для обнаруженія своей дѣятельности недостаетъ психическаго субстрата ея, сознанія. Трансцендентальное наше *я* находится въ иномъ отношеніи къ внѣшнему міру, чѣмъ наше *я* эмпирическое; оно представляетъ какъ бы продолженіе нашего эмпирическаго *я*, корень нашего существа, отношенія котораго къ внѣшнему міру начинаютъ восприниматься нами только тогда, когда жизнь наша изъ надземныхъ частей нашего существа, нашего эмпирическаго *я*, ствола его, и чувственнаго нашего сознанія, его цвѣта, снова уходитъ въ его корень. Это иное отношеніе наше къ внѣшнему міру принято называть „магнитическимъ отношеніемъ".

Магнитическое отношеніе сомнамбулъ къ внѣшнему міру направляется прежде всего на ихъ магнитизера, такъ какъ, по видимому, имъ легче всего видѣть его внутренній организмъ. Сомнамбула ванъ Герта залилась слезами, когда сравнила внутреннее состояніе организма своего съ внутреннимъ состояніемъ организма своего магнитизера, всѣ органы котораго она признала вполнѣ здоровыми [1]). Затѣмъ магнитическое отношеніе сомнамбулъ распространяется на лица, съ которыми они связаны узами любви и симпатіи: они охотно занимаются своими друзьями и стараются увидѣть внутренній организмъ ихъ, чтобы подать имъ помощь. Однако магнитизеръ можетъ сообщить этому отношенію любое направленіе, причемъ тотъ случай, когда сообщеніе магнитическому отношенію опредѣленнаго направленія производится путемъ прикосновенія или при помощи матеріальнаго проводника, напр., волоса, служитъ доказательствомъ того, что сомнамбулическое ясновидѣніе вызывается матеріальнымъ воздѣйствіемъ. Въ основаніи магнитическаго воздѣйствія внѣшняго міра на человѣка долженъ лежать нѣкоторый матеріальный дѣятель, для воспріятія дѣятельности котораго у нормальнаго человѣка не имѣется соотвѣтственнаго чувства. Сомнамбула ванъ-Герта, между которою и всякимъ бравшимся на любомъ отъ нея разстояніи за проведенный отъ нея шнуръ больнымъ устанавливалось магнитическое отношеніе, испытывала на себѣ болѣзнь прикасавшагося къ шнуру лица и могла совершенно правильно и подробно объяснить, въ чемъ состоитъ эта болѣзнь, какова причина ея и какой употреблялся дотолѣ методъ лѣченія [2]). Профессоръ Мейо сообщаетъ слѣдующій интересный съ нимъ случай. „Изъ Боппара, говоритъ онъ, я послалъ одному проживавшему въ Парижѣ и находившемуся въ пріятельскихъ со мною отношеніяхъ американцу срѣзанную у себя съ головы и завернутую во взятую у себя на столѣ писчую бумагу полковникомъ С. прядь волосъ. Американецъ не зналъ полковника даже по имени, а слѣдовательно, не имѣлъ и никакихъ данныхъ для заключенія о томъ, кому принадлежали волоса. Его задача, которую онъ и выполнилъ въ точности, состояла въ томъ, чтобы вручить бумагу съ волосами одной парижской сомнамбулѣ". Далѣе Мейо говоритъ, что эта сомнамбула дала совершенно правильное показаніе, и что это показаніе состояло въ томъ, что полковникъ страдаетъ параличомъ бедръ и лядвій, да сверхъ того еще и другою болѣзнью, противъ которой онъ употребляетъ обыкновенно одинъ хирургическій инструментъ [3]). Когда въ Сальпетрьерѣ, въ Парижѣ, для опредѣленія болѣзни одной особы, погрузили въ сонъ сомнамбулу, то она еще до прибытія больной пришла въ сильное возбужденіе и отказа-

[1]) Gauthier: Histoire du somnambulisme. II. 365.

[1]) Archiv: II. 1. 80.
[2]) Archiv: III. 3. 49. 70.
[3]) Mayo: Wahrheiten im Volksaberglauben. Deutsch von Hartmann. Leipzig 1852. S. 214.

лась дать діагнозъ въ ея присутствіи. Когда же больная удалилась, то сомнамбула, въ противность медицинскому діагнозу, состоявшему въ томъ, что у нея грудная болѣзнь, констатировала у нея болѣзнь сердца и предсказала, что на четвертый день у нея будетъ сильное кровотеченіе, а на девятый она умретъ. Это предсказаніе сомнамбулы исполнилось въ точности, діагнозъ оказался правильнымъ [1]).

Интересенъ діагнозъ знаменитаго въ свое время сомнамбула Алексиса, сдѣланный имъ по просьбѣ столь же знаменитаго престидижитатора Гудэна, обратившагося съ нею къ Алексису въ полной увѣренности, что будетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ одинаковой съ нимъ профессіи, котораго и удастся ему изобличить въ плутовствѣ. Онъ принесъ Алексису волоса своего сына; Алексисъ опредѣлилъ вѣрно возрастъ послѣдняго и прибавилъ, что у него боль въ правой сторонѣ тѣла, но затѣмъ сейчасъ же взялъ свои слова назадъ и сказалъ, что эта боль должна быть у самого Гудэна, о чемъ онъ знаетъ, благодаря тому, что Гудэнъ прикасался къ волосамъ сына. Что же касается сына, то Алексисъ объявилъ его совершенно здоровымъ и, прежде чѣмъ отецъ возразилъ ему, прибавилъ, что такъ безпокоющая его, вслѣдствіе опасенія докторовъ за бѣльмо, легкая опухоль на правомъ глазу его сына вполнѣ безопасна. Читатель не пожалѣетъ о потерянномъ времени, если прочитаетъ всю исторію отношеній Гудэна къ Алексису: она кончилась тѣмъ, что знаменитый престидижитаторъ, послѣ многочисленныхъ искусовъ, которымъ онъ подвергъ сомнамбула, объявилъ, что въ цѣломъ мірѣ не можетъ отыскаться фокусника, который былъ бы въ состояніи продѣлать то, на что способенъ этотъ сомнамбулъ. Если скажутъ, что мнѣніе фокусника не имѣетъ здѣсь никакого значенія и что въ дѣлѣ сужденія о такомъ предметѣ могутъ быть названы компетентными людьми только люди ученые, то на это я скажу, что это еще вопросъ, кого въ данномъ случаѣ считать компетентнымъ. Въ настоящее время трансцендентальную психологію можно обрисовать только въ общихъ чертахъ, а законы сомнамбулизма намъ еще мало извѣстны; не новость ни для кого, что со времени Месмера, т.-е. цѣлое уже столѣтіе, оффиціальная наука держалась въ сторонѣ отъ изученія сомнамбулическихъ явленій, *a priori* объявивъ ихъ невозможными; значитъ, не существуетъ и компетентныхъ въ области сомнамбулизма ученыхъ, да такіе ученые нескоро и появятся, такъ какъ извѣстно, что та же оффиціальная наука только въ послѣднее время, благодаря сеансамъ магнитизера Ганзена, начала пробуждаться отъ своей догматической спячки. Впрочемъ, кто считаетъ сомнамбулическое ясновидѣніе невозможнымъ и смотритъ на него, какъ на плодъ досужаго воображенія, тотъ *eo ipso* долженъ надѣлить фокусниковъ титуломъ компетентныхъ судей въ рѣшеніи вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, а слѣдовательно мнѣнію Гудэна придать большее значеніе, чѣмъ мнѣнію любого ученаго.

Чтобы привести еще одинъ примѣръ правильнаго діагноза сомнамбуловъ изъ недавняго прошлаго, укажемъ на случай, который имѣлъ мѣсто съ президентомъ мюнхенской оберконсисторіи докторомъ фонъ Гарлесомъ и противъ котораго, конечно, нечего будетъ сказать даже записному скептику. Когда у его жены, въ Лейпцигѣ, явилась подозрительная боль въ позвоночномъ столбѣ, то коротко знакомый съ нимъ профессоръ Линднеръ, безъ вѣдома Гарлеса, который не согласился бы на это, обратился за совѣтомъ относительно ея болѣзни къ одной жившей въ Дрезденѣ сомнамбулѣ. „По возвращеніи своемъ, говоритъ Гарлесъ о Линднерѣ, онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее. Онъ спросилъ у сомнамбулы, можетъ ли она какъ-нибудь духовно перенестись въ комнату одной больной, въ близлежащій (извѣстный ей) городъ. Она отвѣтила, что можетъ, если ей будетъ указанъ признакъ, по которому она могла бы отличить домъ, гдѣ находится больная, отъ другихъ, съ нимъ сосѣднихъ. На это онъ отвѣтилъ, что домъ этотъ легко отличить по слѣдующимъ двумъ примѣтамъ: онъ стоитъ противъ дома церковнаго хора, наискось, и какъ разъ противъ него находится единственный въ этой улицѣ насосный колодезь. Эти указанія были признаны сомнамбулой достаточными. Немного погодя, она сказала, что нашла домъ, видитъ и комнату, въ которой находится больная. Теперь она какъ разъ страдаетъ припадкомъ своей болѣзни и не то сидитъ, не то лежитъ на софѣ... Тутъ она описала комнату и костюмъ паціентки. Это описаніе, насколько о томъ могъ судить спрашивавшій, было вѣрно. Затѣмъ онъ спросилъ, можетъ ли больная выздоровѣть. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что это легко можетъ статься, и что болѣзнь произошла отъ простуды и пр.“ [1]).

Для насъ не отзывается мистикой и принимается нами на вѣру утвержденіе астрономовъ о существованіи нѣкотораго матеріальнаго дѣятеля, называемаго эфиромъ и служащаго посредникомъ отношенія между человѣческимъ глазомъ и какою-нибудь от-

[1]) Mirville: Pneumatologie. I. 32. Paris. 1853.

[1]) Harless: Bruchstücke aus dem Leben eines süddeutschen Theologen. 1875. II. 97.

стоящею отъ него на сотни билліоновъ миль неподвижною звѣздою; а между тѣмъ мы считаемъ мистическими бреднями разговоры о матеріальномъ посредникѣ магнитическаго отношенія и, не довольствуясь голословными утвержденіями, требуемъ, чтобы существованіе такого посредника было доказано намъ физическими приборами, упуская при этомъ изъ виду то, что находящееся подъ порогомъ нашего сознанія наше *я* связано съ внѣшнимъ міромъ гораздо большимъ числомъ нитей, чѣмъ наше *я*, нами сознаваемое.

Что дѣйствительно существуетъ нѣкоторый матеріальный дѣятель, служащій посредникомъ магнитическаго отношенія, которое теперь кажется намъ мистическимъ, но для котораго когда-нибудь будетъ изобрѣтенъ своего рода спектроскопъ, это доказано многочисленными наблюденіями. Пюисегюръ разсказываетъ объ одной сомнамбулѣ, которой достаточно было обойти вокругъ одной неизвѣстной ей и даже ему самому больной, чтобы сдѣлать совершенно правильное опредѣленіе ея болѣзни[1]). Но всякое сомнѣніе въ существованіи такого матеріальнаго дѣятеля должно исчезнуть въ виду многочисленныхъ случаевъ, когда при такомъ интуитивномъ созерцаніи органа посторонняго лица духовно берется на себя и чувствуется созерцателемъ болѣзнь этого лица. (Это явленіе послужило основаніемъ къ дѣленію сомнамбуловъ на интуитивныхъ и сенситивныхъ, дѣленію, очевидно, чисто количественному и потому несущественному). Вотъ что говоритъ о своей сомнамбулѣ Шапари: „Чтобы изслѣдовать болѣзнь и прійти къ заключенію о степени ея излѣчимости, ясновидящая должна была всякій разъ сама духовно войти въ больной индивидуумъ и духовно взять на себя всѣ его недуги и страданія. По достиженіи такого состоянія, она видѣла въ своемъ собственномъ тѣлѣ имѣвшія мѣсто въ чужомъ организмѣ болѣзненныя измѣненія, опредѣляла обусловленный ими методъ лѣченія, предписывала приличную болѣзни діэту и соотвѣтствующія характеру болѣзни лѣкарства. Но такое вхожденіе въ чужой организмъ всегда дѣйствовало на нее разслабляющимъ образомъ и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ мучительнѣе и отвратительнѣе была подлежавшая ея изслѣдованію болѣзнь, хотя изъ-за помощи больному она готова была на всякую жертву... Недавно, погрузившись въ сонъ, она начала кашлять, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становился кашель; наконецъ, она раскашлялась такъ, что начала жаловаться на мучительныя въ груди колики. Тогда мнѣ стало ясно, что это явленіе вызывается подобною же болѣзнью находившагося въ магнитическомъ съ нею отношеніи, хотя и жившаго въ то время за десять миль отъ нея врача, что вскорѣ и подтвердилось“[1]). Очень свѣдущій въ этомъ дѣлѣ браминъ Фаріа объясняетъ вышесказаннымъ отвращеніе сомнамбуловъ къ опредѣленію заразительныхъ болѣзней и утверждаетъ, что когда въ памяти находящагося въ своемъ снѣ сомнамбула удается запечатлѣть образъ больного, то онъ узнаетъ такого больного при случайной встрѣчѣ съ нимъ[2]).

Такая способность сомнамбулъ чувствовать болѣзнь находящихся съ ними въ магнитическомъ отношеніи постороннихъ лицъ подтверждается и Вернеромъ, въ нижеприводимомъ разсказѣ котораго магнетизеръ является посредникомъ въ установленіи отношенія между больнымъ и сомнамбулой. „Всѣ производившіеся мною, говоритъ онъ, въ теченіе болѣзни Р. опыты магнитизированія другихъ лицъ узнавались и мучительно чувствовались ею въ первый же послѣ этихъ опытовъ кризисъ ея. Однажды лѣчившаяся у меня родственница моя заболѣла такою сильною головною болью, что ее нѣсколько разъ вырвало. Я положилъ ей руки на лобъ и темя и тѣмъ значительно облегчилъ ей ея страданія. На слѣдующій день я получилъ отъ Р. за это выговоръ, такъ какъ, по милости возложенія мною рукъ на больную, ей самой пришлось испытать на себѣ головную боль послѣдней. На эту боль жаловалась она весь день, слѣдовавшій за кризисомъ[3]).

Такъ какъ у многихъ сомнамбулъ опредѣленіе чужихъ болѣзней основывается на чувствованіи ими этихъ болѣзней, то отказъ ихъ отъ такого опредѣленія представляетъ нерѣдкое явленіе. Они неохотно изслѣдуютъ чахоточныхъ[4]) и съ ужасомъ сторонятся эпилептиковъ и сифилитиковъ[5]). Пюисегюръ сообщаетъ о плохихъ для одной сомнамбулы результатахъ предпринятаго ею изслѣдованія эпилептической болѣзни одной дѣвушки и приводитъ заявленіе этой сомнамбулы, что если бы прикосновенія ея къ больной продолжались долѣе, то хотя дурное вліяніе ихъ на нее усилилось бы, но больная совершенно выздоровѣла бы[6]). Это напоминаетъ извѣстное въ средніе вѣка *transplantatio morborum*.

Конечно, самою замѣчательною изъ всѣхъ извѣстныхъ сомнамбуловъ была „Преворстская ясновидящая“, дѣвица Гауффе.

---

[1]) Puységur: Recherches etc. 365.

[1]) Szapary: Ein Wort über animalischen Magnetismus. 110. 142. Leipzig. Brockhaus 1840.
[2]) Faria: Du sommeil lucide. 240. 460. Paris 1819.
[3]) Werner: Die Schutzgeister, 297.
[4]) Pigeaire: Electricité animale, 244.
[5]) Deleuze: Instr. pratique, 447, 453.
[6]) Puységur: Mémoires. II. 155. 165.

Изъ сообщеній о Гауффе можно заключить, что она была не только интуитивной, но и сенситивной сомнамбулой. Вотъ что говоритъ о ней Кернеръ: „Она отличалась такою тонкою относительно чужихъ болѣзней чувствительностью, что путемъ одного только приближенія, а тѣмъ болѣе прикосновенія, къ больному, не слышавъ отъ него ни одного слова о его болѣзни, тотчасъ же испытывала на себѣ тѣ же, въ той же области тѣла и въ томъ же мѣстѣ его, какъ и онъ самъ, ощущенія и, къ величайшему удивленію его, могла подробнѣйшимъ образомъ разсказать ему о всѣхъ его страданіяхъ. Вмѣстѣ съ физическимъ состояніемъ больного она чувствовала и его состояніе психическое, особенно же внезапно являющіяся настроенія радости, печали и пр. Физическое состояніе больного отражалось на ея тѣлѣ, психическое — на ея душѣ"... „Однажды вечеромъ, продолжаетъ Кернеръ, къ намъ пріѣхала изъ Гёппингена совершенно незнакомая намъ деканша Буркъ и, страдая болью въ области печени, обратилась ко мнѣ съ просьбою предоставить ей возможность быть изслѣдованною бодрствующею Гауффе, причемъ не сказала мнѣ о состояніи своего здоровья, кромѣ вышепоименованнаго, ни одного слова. Чтобы услужить деканшѣ, я повезъ ее къ Гауффе. Послѣдняя ощупала ей животъ, сильно покраснѣла и сказала, что чувствуетъ сердцебіеніе и боль въ области печени, но, что ее сильно встревожило, такъ это то, что она вдругъ почти ничего не стала видѣть правымъ глазомъ. Буркъ пришла въ удивленіе и сказала, что она уже много лѣтъ почти ничего не видитъ правымъ глазомъ, о чемъ она, будучи, конечно, увѣрена, что это застарѣлая, неизлѣчимая болѣзнь, даже и не заикнулась мнѣ ранѣе; я же, не произведши тщательнаго изслѣдованія этого недостатка ея, зависѣвшаго отъ паралича зрительнаго нерва, не могъ знать о немъ ничего ровно. Между тѣмъ Гауффе въ теченіе нѣсколькихъ дней была больна полною слѣпотою праваго глаза, зрачекъ котораго, какъ это бываетъ при темной водѣ, утратилъ всякую раздражительность. Только постепенно, благодаря тому, что ей ежедневно, по нѣсколько минутъ, смотрѣли пристально въ больной глазъ, она пріобрѣла опять способность имъ видѣть"... „Сентября 5 дня 1827 года, говоритъ еще Кернеръ, я далъ Гауффе въ руку ленту съ вышитымъ на ней именемъ одной больной, которая, по всей вѣроятности, сама же сдѣлала на лентѣ вышивку и прикасалась къ ней или носила ее на себѣ до отсылки ея изъ У., мѣста своего жительства. Не успѣла Гауффе продержать ленту въ рукѣ и нѣсколько минутъ, какъ занемогла, у нея появились: тошнота, удушье и сильнѣйшая рвота. Затѣмъ она почувствовала сильную боль въ костяхъ лѣвой ноги, нытье въ груди и какое-то особенное раздраженіе язычка. Вскорѣ всѣ эти болѣзненные симптомы исчезли, но тошнота и страшное удушье продолжались; потребовалось неоднократное мытье руки, державшей ленту, но ничто не помогало, пока на сомнамбулу не нашелъ полный столбнякъ, и она погрузилась въ мнимую смерть... Когда я, въ 6 часовъ вечера, получилъ „Швабскій Меркурій", то прочиталъ въ немъ, что особа, ленту которой держала въ рукѣ Гауффе, умерла за нѣсколько дней до этого"... „Ванъ Гельмонтъ, такъ Кернеръ заключаетъ свой разсказъ, говоритъ объ одной женщинѣ, заболѣвавшей сильными припадками ломоты въ костяхъ всякій разъ, какъ она садилась на стулъ, на которомъ сидѣлъ умершій пять лѣтъ тому назадъ братъ ея" [1]).

Какъ и внутреннее самосозерцаніе, внутреннее созерцаніе чужого организма бываетъ критическимъ и нерѣдко сопровождается какъ открытіемъ причины, такъ и предсказаніемъ будущаго хода болѣзни его. Одна сомнамбула на вопросъ, предложенный ей ея отцомъ относительно болѣзни его помѣшанной тетки, сказала, что больная 12 или 13 лѣтъ тому назадъ упала съ верхней ступеньки лѣстницы, что̀ и было первоначальною причиною ея болѣзни. Хотя отецъ не могъ припомнить этого случая, но разспросы домашнихъ подтвердили его дѣйствительность [2]). Сомнамбула Бертрана сказала одному приведенному къ ней больному, что рана на его головѣ произошла, какъ оно и оказалось въ дѣйствительности, отъ проникшей ему въ ротъ, выбившей ему зубы и вышедшей черезъ заднюю часть его шеи пули [3]). Вотъ что Александръ Дюма въ 13 книгѣ своихъ „Мемуаровъ", а равно д-ръ Фодере въ своей „Пневматологіи" разсказываютъ объ одной молодой дамѣ, погруженной въ сомнамбулическій сонъ съ цѣлью опредѣленія болѣзни ея матери. Поблѣднѣвъ и со слезами на глазахъ, она объявила, что мать ея должна умереть на слѣдующій день. Она подробнѣйшимъ образомъ описала состояніе внутреннихъ органовъ больной: ея легкихъ, печени и внутренностей. Вскрытіе умершей на слѣдующій день матери сомнамбулы подтвердило правильность ея діагноза. Хотя это событіе произошло на глазахъ членовъ академіи, однако ни одинъ изъ нихъ не

---

[1]) Kerner: Die Seherin von Prevorst. Stuttgart 1877. S. 113. 115.
[2]) Archiv XI. 2, 42.
[3]) Gauthier: Hist. du somn. II, 303.

удовольствовался столь блистательнымъ доказательствомъ ясновидѣнія сомнамбулы; всѣ они предпочли обозвать ее обманщицей и тѣмъ доказали, что отождествляли границы познаваемаго съ границами умственнаго горизонта своего.

Итакъ, если мы не хотимъ, чтобы теоріи наши отставали отъ фактовъ, то мы должны признать, что находящееся подъ психофизическимъ порогомъ нашего сознанія наше *я*, такъ называемое безсознательное, безсознательно не само по себѣ, а только относительно, только для нашего *я*, находящагося надъ этимъ порогомъ; эта, лежащая за предѣлами нашего нормальнаго сознанія, трансцендентальная половина нашего существа находится въ другихъ отношеніяхъ къ вещамъ, чѣмъ человѣкъ пяти чувствъ, и обладаетъ другими, чѣмъ онъ, путями воспріятія, равно какъ и измѣненными пространственной и временной мѣрами людей, находящихся въ бодрственномъ состояніи. Но когда во снѣ и сомнамбулизмѣ начинаетъ сознаваться нами дѣятельность этого трансцендентальнаго нашего *я*, то его воспріятія нерѣдко принимаютъ для насъ аллегорическую и символическую формы, а также форму драматическаго раздвоенія *я*, что отнюдь не можетъ служить для насъ основаніемъ къ суевѣрному сопричисленію этихъ простыхъ формъ познанія къ реальностямъ. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. Дю-Преля: „Философія мистики", 1895 г.)

22. *Врачебныя предписанія сомнамбулъ.* Къ недоразвившимся сомнамбуламъ принадлежатъ средневѣковые бѣсноватые, причисленные тогдашнею, ничего не знавшею о существованіи сомнамбулъ медициною къ одержимымъ нечистою силою людямъ. Такъ, напримѣръ, представляющія отличительныя черты сомнамбулизма—предсказываніе хода своей болѣзни и прописываніе себѣ лѣкарствъ производились аннабергскими бѣснующимися дѣтьми, о которыхъ читаемъ слѣдующее: „Сильное бѣснованіе дѣтей начиналось страшными корчами конечностей и всего тѣла... часто у нихъ прекращалось дыханіе, и тогда они находили и требовали себѣ лѣкарство, по пріемѣ котораго чувствовали моментально облегченіе... Какъ они страдали бы и когда прекратились бы ихъ страданія, если бы имъ не было дано лѣкарство, это они знали напередъ" [1]).

Лѣкарства прописывали себѣ и унтерцелльскія бѣсноватыя монахини, игуменья которыхъ Марія Рената была, какъ вѣдьма, сожжена въ 1749 году [2]). Что бѣсноватые могутъ говорить языкомъ врача, это было извѣстно и Тертулліану; но такъ какъ онъ, согласно духу своего времени, могъ приписать это явленіе только вліянію демоновъ, то онъ приходитъ къ слѣдующему очень искусственному толкованію его: „Если демоны излѣчиваютъ болѣзни, то это происходитъ только отъ того, что они и причиняютъ ихъ; изъ того, что прописанное ими лѣкарство помогло больному, выводятъ заключеніе, что они вылѣчили болѣзнь, тогда какъ они только перестали причинять ее" [1]).

Такъ какъ врачебныя самопредписанія дѣлаются сомнамбулами, способными какъ къ самосозерцанію, такъ и къ опредѣленію чужихъ болѣзней, то уже въ силу одного этого на способность прописыванія себѣ лѣкарствъ надобно смотрѣть, какъ на послѣднюю ступень развитія инстинктивной способности, а значитъ, какъ на полный расцвѣтъ дѣятельности цѣлебной силы природы.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ послѣдовательнаго развитія въ человѣческомъ организмѣ этой силы служитъ исторія болѣзни Марнитцъ, которую болѣе двадцати врачей, въ теченіе многихъ лѣтъ тщетно лѣчили отъ болѣзни сердца, но которая, сдѣлавшись сама собою сомнамбулой, постигла свою болѣзнь, опредѣлила ея ходъ и выздоровѣла вслѣдствіе исполненія своихъ собственныхъ врачебныхъ предписаній [2]).

Подобно знанію внутренняго строенія своего собственнаго организма, врачебныя предписанія являются у сомнамбулъ результатомъ не абстрактнаго ихъ мышленія, но нагляднаго ими насквозьвидѣнія его. Во время глубокаго сомнамбулическаго сна совершается столь сильное перемѣщеніе порога сознанія человѣка, что инстинктивное чувствованіе имъ потребности въ лѣкарствѣ переходитъ у него въ ясное его видѣніе. Профессоръ Эннемозеръ зналъ одну сомнамбулу, у которой представленіе ея о лѣкарствѣ приняло образъ большого, наполненнаго молокомъ орѣха; согласно ея описанію, онъ былъ величиною съ голову и окруженъ волокнистымъ мясомъ. Только основываясь на точномъ описаніи сомнамбулою дерева, догадались, что она видѣла во снѣ кокосовый орѣхъ, выписали этотъ плодъ изъ Гамбурга и стали давать ей его, вслѣдствіе чего она стала съ каждымъ днемъ поправляться въ здоровьѣ [3]).

Тогда какъ абстрактное опредѣленіе сомнамбулами лѣкарства представляетъ рѣдкое явленіе, даваемыя ими описаніе его и

[1]) Hauber: Bibliotheca magica. III. 28. 47.
[2]) Horst: Zauberbibliothek. V. 206.

[1]) Tertullian: De praescr. c. 35.
[2]) D-r A. Schmidt: Bericht von der Heilung der Frau Marnitz. Berlin 1816. Im Auszug bei Perty: Mystische Erscheinungen I. 30.
[3]) Ennemoser: Der Magnetismus. 140. Leipzig. 1819.

указаніе на его врачебныя свойства часто бываютъ столь опредѣленны, что нерѣдко его можетъ угадать врачъ. Въ случаѣ же возникновеніе сомнѣнія, сомнамбулы часто требуютъ, чтобы имъ давали въ руки лѣкарственныя вещества, изъ которыхъ, путемъ простого къ нимъ прикосновенія, выбираютъ для себя пригодное [1]) и тѣмъ доказываютъ, что остающіяся у нормальныхъ людей подъ порогомъ сознанія воздѣйствія достигаютъ ихъ сознанія и возбуждаютъ въ нихъ инстинктивную къ себѣ склонность или таковое же отвращеніе. Сомнамбула Вингольта говорила о своемъ лѣкарствѣ, что оно должно быть приготовлено изъ одной травы, растущей въ находящейся за городскими воротами болотистой мѣстности; она описываетъ видъ и величину этой травы и требуетъ, чтобы ее покрошили, отварили и дали ей этотъ отваръ съ молокомъ. Что касается примѣтъ травы, то она только и могла сказать, что на ней есть зерна, величиною съ анисовыя, каштановаго цвѣта, морщинистыя и вкусомъ похожія на перецъ. Изъ многихъ предъявленныхъ ей сѣмянъ она выбрала *grana paradisi*. Въ другомъ случаѣ, когда никто не отгадалъ потребованной этой сомнамбулой травы, она настоятельно просила уговаривать ее во время нахожденія ея въ состояніи бодрствованія дѣлать частыя прогулки на валъ, чтобы въ послѣдующемъ своемъ сомнамбулическомъ снѣ она могла указать мѣсто, гдѣ должны были искать траву [2]). Врачъ Билло говоритъ о сомнамбулѣ, предписавшемъ больной употребленіе одного растенія и объяснившемъ, что оно находится въ лѣсу, въ 400 метрахъ отъ такого-то дома, подъ дубомъ. Сомнамбула повели въ лѣсъ, но тамъ онъ не нашелъ такого растенія. Вернувшись домой, онъ легъ въ постель, заснулъ и, проснувшись, сказалъ, что его надобно искать въ сѣверо-восточномъ направленіи. Тогда отмѣрили отъ указаннаго имъ дома вышеозначенное разстояніе и подъ дубомъ нашли искомое растеніе [3]).

Такую высшую ступень развитія способности нагляднаго представленія, при которой созерцается и мѣстонахожденіе лѣкарства, приходится наблюдать очень часто.

Одна сомнамбула Пюисегюра предписала себѣ употребленіе травы, назвать и описать которую ей не удавалось. Тогда она потребовала отъ своего магнитизера, чтобы онъ, во время нахожденія ея въ бодрственномъ состояніи, отправился съ нею въ садъ, въ которомъ она, при видѣ травы, почувствуетъ-де инстинктивное влеченіе нарвать ея. Проснувшись, она — какъ это въ большинствѣ случаевъ и бываетъ — все забыла, но затѣмъ, во время прогулки по саду, принялась рвать одно растеніе, причемъ не могла дать другого объясненія такого образа своихъ дѣйствій, кромѣ того, что „такъ ей нравится“, и продолжала это свое занятіе до тѣхъ поръ, пока у нея образовался на столько большой пучекъ травы, что изъ него можно было приготовить прописанное ею себѣ лѣкарство [1]). Одинъ сомнамбулъ Пюисегюра же опредѣлилъ разстояніе мѣстонахожденія отъ своего дома полезнаго для него растенія въ одну милю; названіе же растенія этого онъ не зналъ, а могъ сказать только, что оно—горькое [2]). Другому своему сомнамбулу, по пробужденіи его отъ сна, Пюисегюръ повторилъ его собственное предписаніе и сказалъ, съ его же словъ, что кустъ, въ которомъ должно быть набрано лѣкарство, находится отъ нихъ въ разстояніи одного часа, чѣмъ привелъ сомнамбула въ великое удивленіе [3]).

Одна сомнамбула Рейхеля заявила, что лѣкарство ея находится въ непосѣщаемой ею уже 8 лѣтъ аптекѣ, на такой-то полкѣ [4]). Сомнамбула Рёмера прописывала себѣ все сама. Однажды она потребовала изъ аптеки лѣкарство, опредѣлила цвѣтъ банки, въ которой находилось оно, и занимаемое этой банкой на полкѣ мѣсто, въ направленіи справа налѣво и наоборотъ. Встрѣтивъ въ окружающихъ колебаніе въ исполненіи ея требованія, она пришла въ тревожное состояніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока врачъ не пошелъ въ аптеку за лѣкарствомъ и, найдя его цѣлесообразнымъ, не разрѣшилъ ей его употребленія. Другое лѣкарство было потребовано ею изъ такой аптеки, которой она никогда не посѣщала, изъ покрытой пылью и паутиной фарфоровой банки. Когда врачъ принесъ ей два завернутыхъ въ бумагу лѣкарства, то по запаху она узнала свое. Изъ той же аптеки, изъ стоявшей на шестнадцатой ея полкѣ банки она потребовала лѣкарство и для одного изъ своихъ больныхъ, о самомъ же лѣкарствѣ могла сказать только то, что оно — густое и черное [5]). За достовѣрность такого же случая ручается и Карусъ [6]).

Съ увеличеніемъ ясности внутренняго пробужденія представленіе лѣкарства пріобрѣтаетъ все бо́льшую опредѣленность. Д-ръ Ганакъ сообщаетъ, что одинъ сомнамбулъ

[1]) Kluge: Versuch einer Darstellung etc. 165.
[2]) Wienholt: Heilkraft etc. III. 3. 26. 45. 47. 75. 188.
[3]) Billot: Recherches psychologiques etc. II. 317.

[1]) Morin: Du magnétisme etc. 200.
[2]) Puységur: Recherches etc. 81.
[3]) Тамъ же. 145. 147.
[4]) Reichel: Entwicklungsgesetz des magnetischen Lebens. 67. Leipzig 1829.
[5]) Römer: Historische Darstellung einer höchst merkwürdigen Somnambule 17. 19. 31. Stuttgart 1821.
[6]) Carus: Lebensmagnetismus 93.

прописалъ себѣ корень дягиля и одну траву чернаго цвѣта, съ продолговатыми листьями, но какую именно, онъ не могъ сказать, а указалъ гору, на которой она находится. Когда ему принесли съ указанной имъ горы *Gentiana Amarella Linnaei*, то онъ сейчасъ же призналъ въ ней уже не разъ и прежде являвшееся ему въ его магнитическомъ снѣ растеніе [1]).

У одной больной врача Бенде возникло представленіе ея лѣкарства, мускуснаго порошка, такъ, что сперва она увидѣла въ своемъ снѣ невиданную ею до тѣхъ поръ выхухоль, изъ живота выронившую ея лѣкарство и описанную ею такъ, что она свѣтлокаштановаго цвѣта, величиною съ маленькую козулю. Въ слѣдующемъ сомнамбулическомъ снѣ больной это ея представленіе пріобрѣтаетъ бо̀льшую ясность: мускусъ выпадаетъ уже изъ сумки выхухоли, несмотря на то, что до того времени она говорила въ бодрственномъ состояніи своемъ о мускусѣ, какъ о растеніи [2]). Нерѣдко сомнамбулы созерцаютъ въ образахъ и самое лѣченіе, которое должно быть надъ ними предпринято. Одна сомнамбула, увидѣвъ въ своемъ снѣ, что на груди ея дѣлаютъ свое дѣло 10 пьявокъ, сообщила объ этомъ своему магнитизеру, а тотъ воспользовался ея сообщеніемъ [3]). Другая сомнамбула увидѣла въ своемъ снѣ, что врачъ ея для излѣченія ея отъ глухоты магнитизируетъ въ теплой водѣ ея ноги; когда она разсказала ему объ этомъ видѣніи своемъ, то онъ воспользовался имъ, и воспользовался, какъ оказалось потомъ, съ полнымъ успѣхомъ [4]).

Въ этомъ отношеніи – какъ и во многихъ другихъ — очень замѣчательна была сомнамбула Гэддока, Эмма. Однажды къ Гэддоку пришелъ одинъ господинъ, дочь котораго страдала не поддававшеюся никакому медицинскому лѣченію болѣзнью мозга, и попросилъ у него для нея совѣта Эммы; при немъ была, въ качествѣ посредника магнитическаго отношенія, только бумага съ карандашными набросками его дочери. Гэддокъ далъ Эммѣ эту бумагу и спросилъ ее, можетъ ли она указать на сдѣлавшую наброски личность и описать состояніе ея здоровья. Она скоро указала на дочь господина, принесшаго Гэддоку бумагу, и въ точности описала какъ наружные симптомы болѣзни ея, такъ и внутреннее состояніе ея мозга, въ которомъ одномъ, по мнѣнію ея, заключалась причина недуга. Порекомендовавъ различные месмерическіе пассы, сомнамбула, указывая на потолокъ комнаты, воскликнула: „тамъ находится то, что вмѣстѣ съ месмеризмомъ вылѣчитъ дѣвушку!“ Затѣмъ она сказала, что лѣкарство послѣдней находится въ видѣ шариковъ въ той манчестерской лабораторіи, на окнѣ которой стоитъ бюстъ. Тогда Гэддокъ, вспомнивъ объ одной гомеопатической аптекѣ въ Манчестерѣ съ бюстомъ Ганемана на окнѣ, позволилъ взять оттуда одинъ изъ содержавшихъ въ себѣ, какъ то надобно было полагать, основываясь на словахъ сомнамбулы, лѣкарство больной футляровъ. По доставленіи футляра, онъ далъ его запечатаннымъ въ руки Эммы. Подержавъ его, она въ точности обозначила мѣсто, занимаемое въ немъ лѣкарствомъ (имъ оказалась ипекакуана). Когда ей предъявили одну изъ пилюль, она опредѣлила ея составъ (молочный сахаръ, мука и растворенная въ винномъ спиртѣ ипекакуана) и сказала, что въ ней искомое лѣкарство находится въ соединеніи съ двумя другими веществами и еще съ чѣмъ-то сладкимъ. Лѣченіе больной этими пилюлями увѣнчалось полнымъ успѣхомъ [1]). Усматриваніе Эммою присутствія нужныхъ ей веществъ въ гомеопатическихъ растворахъ указываетъ на высокую степень перемѣщенія порога ея сознанія; кромѣ того, если даже совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ о достоинствѣ аллопатическаго и гомеопатическаго методовъ лѣченія, онъ доказываетъ, что на насъ дѣйствуютъ не только аллопатическія дозы, но и гомеопатическіе растворы, причемъ вся разница въ воздѣйствіи ихъ на насъ заключается только въ томъ, что, тогда какъ дѣйствія на насъ аллопатическихъ дозъ преступаютъ порогъ нашего чувственнаго сознанія, дѣйствія на насъ гомеопатическихъ растворовъ остаются подъ этимъ порогомъ; а это обстоятельство отнимаетъ у насъ всякую возможность отрицанія гомеопатіи.

Взглядъ, по которому врачебныя предписанія сомнамбуловъ представляютъ продуктъ дѣятельности вступающей въ область ихъ представленія цѣлебной силы природы, получаетъ очень вѣское подтвержденіе въ томъ, что являющійся имъ въ ихъ снѣ сперва въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ образъ лѣкарства мало-по-малу пріобрѣтаетъ ясность въ послѣдующихъ ихъ видѣніяхъ. Это понятно само собою. Если уже обыкновенный сонъ нашъ усиливаетъ растительныя функціи нашего организма и если магнитическое лѣченіе, увеличивая глубину этого сна, только повышаетъ дѣятельность цѣлебной силы природы, то изъ этого вытекаетъ то неизбѣжное заключеніе, что возбужденіе способности представленія цѣлебною силою

[1]) Hanak: Geschichte eines natürlichen Somnambulismus 86. 91. Leipzig 1833.
[2]) Archiv XI, 3. 37. 40. 87.
[3]) Dupotet: Manuel etc. 73.
[4]) Charpignon: Physiologie etc. 324.

[1]) Haddok: Somnambulismus etc. 183. 187.

природы можетъ производиться только постепенно, по мѣрѣ теченія магнитическаго лѣченія и соединеннаго съ нимъ усиленія дѣтельности цѣлебной силы, что, слѣдовательно, являющійся во время сомнамбулическаго видѣнія образъ лѣкарства можетъ пріобрѣсти ясность только постепенно. Ясность внутренняго пробужденія и сопровождающихъ его видѣній прямо пропорціональна глубинѣ сна и степени имѣющаго въ немъ мѣста перемѣщенія порога сознанія. Прописавъ больному лѣкарство, Августа Мюллеръ замѣтила, что способъ употребленія его приснится ей только въ слѣдующую ночь [1]). Узрѣніе сомнамбулами лѣкарства совершается путемъ перехода отъ общаго къ частному. У ясновидящей Вольфарта явилось сперва представленіе воды, содержавшей въ себѣ нѣкоторое количество земли и соли; затѣмъ, мало-по-малу изъ этого представленія развился образъ щелочнаго и углекислаго цѣлебнаго источника съ выдающимися мѣстными его особенностями и только затѣмъ уже было произнесено слово Эмсъ [2]). Очень часто наблюдается то явленіе, что въ данное время сомнамбулы ничего не знаютъ о лѣкарствѣ, но чувствуютъ, что найдутъ его въ одномъ изъ послѣдующихъ сновидѣній своихъ [3]). Значитъ, въ жизни человѣка во снѣ имѣетъ мѣсто процессъ развитія, подобный имѣющему въ бодрственной жизни его, когда, какъ, напр., при развитіи второго зрѣнія, неопредѣленное чуяніе дѣлается яснымъ видѣніемъ. Наконецъ, бываютъ и такіе сомнамбулы, которые въ состояніи обыкновеннаго сомнамбулизма не видятъ лѣкарствъ, узрѣваемыхъ ими въ усиленномъ, или, какъ говорятъ, въ высокомъ сомнамбулическомъ снѣ [4]).

Врачъ Гейнекенъ говоритъ, что одна сомнамбула на его вопросы относительно свойства и способа ея внутренняго самосозерцанія и прописыванія ею лѣкарствъ дала слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: „Всѣ мои члены какъ будто наполняются свѣтомъ; я вижу насквозь свое тѣло; всѣ части его кажутся мнѣ прозрачными; я вижу, какъ течетъ кровь въ моихъ жилахъ; я замѣчаю малѣйшій безпорядокъ въ отправленіяхъ того или другого моего органа и старательно думаю о средствахъ къ его устраненію, и вотъ тогда кто-то, откуда-то кричитъ мнѣ: ты должна употребить то-то“ [5]). Отсюда слѣдуетъ, что внезапное нахожденіе сомнамбулами лѣкарствъ представляетъ результатъ ихъ внутренняго критическаго самосозерцанія. Отсюда же вытекаетъ и еще одно слѣдствіе, а именно, что и такое внезапное нахожденіе сопровождается драмматическимъ раздвоеніемъ сновидца, такъ какъ и при немъ внезапно находимое приходитъ изъ области безсознательнаго. Если мы согласимся теперь съ такимъ объясненіемъ возникновенія врачебныхъ предписаній сомнамбуловъ, то должны будемъ *à priori* прійти къ заключенію, что въ томъ случаѣ, когда внутренняя жизнь ихъ не достигаетъ достаточной степени глубины, не должно имѣть мѣста и внезапное нахожденіе ими лѣкарствъ, что, значитъ, должны существовать такіе сомнамбулы, которые, обладая даромъ внутренняго самосозерцанія, не обладаютъ даромъ прописыванія лѣкарствъ, что, дѣйствительно, представляетъ далеко нерѣдкое явленіе, объяснимое только въ томъ случаѣ, если вѣрна вышеупомянутая теорія драмматическаго раздвоенія. Такіе сомнамбулы, у которыхъ способность прописыванія лѣкарствъ продолжаетъ оставаться скрытою въ области ихъ безсознательнаго, предоставляютъ врачу полную свободу предлагать имъ различные медикаменты и одобряютъ тѣ изъ нихъ, кои соотвѣтствуютъ данной болѣзни. Это служитъ въ свою очередь доказательствомъ того, что, собственно говоря, у такихъ сомнамбуловъ способность прописыванія лѣкарствъ не отсутствуетъ, а только остается въ области ихъ безсознательнаго. Точно такъ, какъ поступаютъ сомнамбулы послѣдней категоріи при лѣченіи, поступаемъ и мы при безсознательномъ воспоминаніи. Когда мы не можемъ, напримѣръ, вспомнить названія какого-нибудь мѣста, то, въ силу несознаваемаго нами существованія его въ нашей памяти, мы относимся критически къ послѣдовательнымъ наименованіямъ различныхъ мѣстъ другимъ лицомъ и бракуемъ ихъ до тѣхъ поръ, пока это лицо не произнесетъ вспоминаемаго нами названія, которое мы за таковое тотчасъ же и признаемъ.

Блаженный Августинъ говоритъ, что одного мальчика часто посѣщали видѣнія, въ образованіи которыхъ не принимало никакого участія внѣшнее его воспріятіе, такъ какъ они исчезали сейчасъ же по открытіи имъ глазъ. Этотъ мальчикъ, очевидно сомнамбулъ, говорилъ, что видитъ двухъ мальчиковъ, сообщающихъ ему о ходѣ его болѣзни. Когда врачи стали лѣчить его согласно предписаніямъ этихъ мальчиковъ, онъ началъ поправляться въ своемъ здоровьи, а затѣмъ совершенно выздоровѣлъ [1]). (См. кн. Дю-Преля: „Философія мистики“, 1895 г.).

Въ заключеніе мы должны сказать слѣдующее:

[1]) Meier und Klein: Geschichte der Auguste Müller. 9.
[2]) Wolfart: Jahrbücher II. 2. 69.
[3]) Archiv IX. 2. 126. 127.
[4]) Dupotet: Traité complet etc. 256.
[5]) Heineken: Ideen und Beobachtungen etc. 128.

[1]) Augustinus: De gen. a I. VII. 17.

Кто только былъ свидѣтелемъ феноменовъ сомнамбулизма или телепатіи, тотъ, будь болѣе матеріалистъ, чѣмъ Бюхнеръ или Фогтъ, невольно подтвердитъ слова Гамлета: „другъ Горацio, есть много вещей на свѣтѣ, которыя не снились нашимъ мудрецамъ", тотъ долженъ отказаться отъ своего механическаго міровоззрѣнія и присоединиться къ адептамъ психизма.

Вникнемъ хорошенько въ смыслъ приведенныхъ фактовъ: человѣкъ въ глубокомъ сомнамбулическомъ снѣ проявляетъ такія душевныя способности, которыя у него отсутствуютъ въ бодрственномъ состояніи, или вѣрнѣе—находятся въ скрытомъ состояніи. Другими словами, въ нашемъ эмпирическомъ или чувственномъ сознаніи (внѣшнее „я"), никогда не проявляются тѣ способности или дары, какіе намъ приходится наблюдать въ сомнамбулизмѣ. Извѣстно, что человѣкъ въ бодрственномъ состояніи лишенъ способности ясновидѣнія или дара предвидѣнія. Чѣмъ же это можно объяснить? Когда человѣкъ бодрствуетъ, то подъ вліяніемъ чувственныхъ воспріятій внѣшняго міра выступаетъ на первый планъ его внѣшнее „я": въ это время онъ живетъ исключительно чувственнымъ сознаніемъ, а безсознательная душевная дѣятельность находится въ скрытомъ состояніи, или, какъ выражаются психологи, подъ психо-физическимъ порогомъ. При погруженіи же въ глубокій сомнамбулическій сонъ чувственное сознаніе ослабляется, такъ какъ внѣшній міръ дѣйствуетъ на человѣка слабо или совсѣмъ не дѣйствуетъ, а выступаетъ на сцену безсознательная душевная дѣятельность или все равно внутреннее „я", вслѣдствіе перемѣщенія психо-физическаго порога. Въ этой-то безсознательной или вѣрнѣе сверхсознательной душевной дѣятельности и кроются всѣ тѣ чудесныя способности, которыя намъ приходится наблюдать у сомнамбулъ въ глубокомъ снѣ, а также въ телепатіи.

Въ глубокомъ снѣ сомнамбулы говорятъ съ воображаемымъ постороннимъ лицомъ, называя по имени и считая его своимъ хранителемъ или руководителемъ, — это, конечно, не болѣе, какъ иллюзія. Въ этомъ случаѣ, сомнамбулы бесѣдуютъ сами съ собою, вѣрнѣе бесѣда происходитъ между двумя лицами субъекта. Нужно знать, что трансцендентальный субъектъ, вслѣдствіе перемѣщенія психофизическаго порога, раздвояется на два лица (внѣшнее или чувственное, внутреннее или трансцендентальное я). Упомянутыя выше чудесныя способности человѣка безспорно принадлежатъ внутреннему или трансцендентальному „я". (См. кн. „Среди безбожниковъ" проф. д-ра Шилтова. Харьковъ, изд. 1895 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. О сомнамбулизмѣ.

Сомнамбулизмъ, собственно говоря, есть древнѣйшее изъ извѣстныхъ проявленій месмеризма. Что такое сомнамбулъ? Этимологія слова показываетъ, что это человѣкъ, который ходитъ во снѣ. Это опредѣленіе кажется, на первый разъ, довольно правильнымъ; но вскорѣ мы замѣчаемъ, что оно не достаточно обще и должно быть пополнено. Сомнамбулъ не всегда ходитъ, и часто совершаетъ такія вещи, которыя не менѣе удивительны, чѣмъ ночныя прогулки. Попробуемъ на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, наиболѣе достовѣрныхъ, выяснить главныя черты сомнамбулизма. Изучая его различныя проявленія, мы составимъ себѣ понятіе о его природѣ и происхожденіи.

Слѣдующій случай произошелъ, въ началѣ этого столѣтія, въ Сан-Жан-де-Вержэ, деревушкѣ въ окрестностяхъ Фуа. Г-жа Л., отъ дочери которой авторъ узналъ объ этомъ случаѣ, будучи еще молодой дѣвушкой, прохлопотала однажды цѣлый день, приготовляя, наканунѣ мѣстнаго праздника, все необходимое по хозяйству, но, несмотря на все свое стараніе, она не успѣла вычистить кухонной посуды. Она ушла спать, расчитывая встать пораньше, чтобъ окончить свое дѣло; среди ночи она встаетъ, идетъ въ кухню, собираетъ всѣ кастрюли въ корзинку и несетъ ихъ на рѣчку, не вдалекѣ отъ дома, на то мѣсто, гдѣ она обыкновенно чистила свою посуду. Вымывъ кастрюли, она возвращается домой, ставитъ ихъ на мѣсто и ложится въ кровать. На утро она встаетъ пораньше, чтобъ заняться своей посудой, но видитъ, къ удивленію, что все уже сдѣлано; за разспросами она обращается къ родителямъ. Тѣ отвѣчаютъ ей, что они слышали, какъ она среди ночи встала, сошла въ кухню, забрала кастрюли, вышла изъ дому и пошла на рѣку. Они думали, что уже свѣтаетъ, и она только встала пораньше. Оказалось, что все это она продѣлала въ припадкѣ сомнамбулизма.

Приведемъ еще два случая, разсказанныя свидѣтельницей, г-жей С. Хозяйка, у которой квартировала г-жа С., въ Памьэ, откармливала своихъ гусей; къ великому ея горю они стали хворать, отказываться отъ пищи, и зоба ихъ оставались набитыми зерномъ. Впослѣдствіи оказалось, что ни кто другой какъ сама хозяйка кормила и окармливала ихъ по ночамъ въ припадкѣ сомнамбулизма. Около того же времени, другая женщина въ Памьэ, занимавшаяся вязаніемъ шерстяныхъ куртокъ, замѣтила, что работа ея подвигалась и по ночамъ. Послѣ напрасныхъ розысковъ, сосѣдки ея замѣтили, что она сама вставала ночью и вязала свои куртки въ совершенной темнотѣ.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что помянутыя лица сдѣлались сомнамбулками только

случайно, подъ вліяніемъ озабочивающей мысли. «Ловкость, съ которою онѣ выполняли свою работу, показываетъ, что ихъ члены повиновались внутренней, разумной силѣ, которая руководила ими такъ же вѣрно, какъ и та, которая управляла ими въ бодрственномъ состояніи. Когда умственное напряженіе, вызывающее сомнамбулизмъ, имѣетъ мѣсто у человѣка, занятаго мысленной работой, тогда замѣчаются явленія еще болѣе удивительныя: ученики встаютъ по ночамъ, чтобъ готовить на завтра уроки свои; математики находятъ рѣшенія задачъ, которыя наканунѣ напрасно искали; лица, не занимающіяся поэзіей, пишутъ превосходные стихи и т. д. Физіологическія трактаты полны подобныхъ разсказовъ».

«Всѣ дѣйствія *случайныхъ* сомнамбулъ руководятся, по видимому, самою строгою логикою, но не всегда бываетъ такъ у естественныхъ сомнамбуловъ. *Бурдахъ* говоритъ въ своей «Физіологіи», что они совершаютъ иногда вещи и противныя здравому смыслу, и приводитъ для примѣра субъекта, лично ему извѣстнаго, который отъ 18 до 30 лѣтъ былъ подверженъ припадкамъ сомнамбулизма. Однажды утромъ онъ увидалъ себя безъ рубашки, она оказалась запрятанною въ шкапъ сосѣдней комнаты. Въ другой разъ этотъ субъектъ, надѣвши сапоги, садился верхомъ на окно и пришпоривалъ стѣну, воображая, что ѣдетъ верхомъ. Сюда относятся и ночныя прогулки нѣкоторыхъ сомнамбулъ: они ходятъ по краямъ крышъ, перескакиваютъ съ одной на другую съ поразительной ловкостью. Замѣчательно, что наяву сомнамбулы ничего не помнятъ о томъ, что продѣлываютъ во снѣ, но въ слѣдующемъ припадкѣ разсказываютъ все, что было съ ними въ предшествовавшемъ».

Изъ этихъ фактовъ можно вывести слѣдующія заключенія:

1) «Сомнамбулизмъ, свободно проявляющійся у нѣкоторыхъ лицъ, находится у другихъ въ скрытомъ состояніи. У этихъ послѣднихъ онъ обнаруживается не полнымъ образомъ, но можетъ достичь и полнаго развитія подъ вліяніемъ сильнаго умственнаго напряженія, нравственнаго потрясенія или иной физіологической причины. Эти проявленія, частыя, но неполныя въ дѣтствѣ, становятся опредѣленнѣе въ молодости, съ годами уменьшаются, и въ старости, по видимому, пропадаютъ».

2) «Удивительныя вещи, совершаемыя сомнамбуломъ, особенно въ умственной области, указываютъ на существованіе въ немъ дѣйствующей, разумной силы, т.-е. внутренней личности. Эта личность совершенно разнится отъ обыкновенной и мѣстомъ пребыванія своего имѣетъ, по видимому, нервные узлы эпигастрической области. Этимъ объясняется, почему сомнамбулъ не узнаетъ голоса самыхъ близкихъ ему лицъ и ничего не помнитъ о томъ, что было съ нимъ во снѣ».

3) «Личность, которая обнаруживается въ сомнамбулизмѣ, изобличаетъ разумную силу, равную, а иногда и выше той же силы въ обыкновенной личности. Но она, какъ и эта послѣдняя, имѣетъ свое личное уравненіе, свои неясныя, слабыя стороны».

«Сомнамбулизмъ происходитъ отъ анормальнаго выдѣленія нервнаго эфира; разныя причины могутъ вызвать его: испугъ, умственное напряженіе, избытокъ молодыхъ силъ, — словомъ все, что можетъ нарушить равновѣсіе тѣхъ физіологическихъ отправленій, коихъ корень лежитъ въ нервной системѣ. Когда выдѣленіе нервнаго эѳира незначительно, проявленія сомнамбулизма сказываются неясно, какъ бы сливаются со сномъ. Но какъ только выдѣленіе совершается въ достаточномъ количествѣ, такъ внутренняя личность выступаетъ, и сомнамбулъ представляетъ тогда всѣ черты бодрствующаго человѣка, ибо онъ имѣетъ въ себѣ руководителя, обладающаго всѣми способностями разума и движенія».

Перейдемъ теперь къ обзору явленій, наблюдаемыхъ въ магнитическомъ снѣ.

«Когда нервный эѳиръ, дѣйствующій на субъекта, исходитъ отъ другого лица, тогда начинаются явленія другого порядка. Субъектъ, подвергающійся вліянію магнитическихъ пассовъ, засыпаетъ, становится ясновидящимъ и отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы. Его, по аналогіи, также называютъ сомнамбуломъ, но выраженіе это невѣрно; такимъ образомъ, рядомъ съ сомнамбулизмомъ естественнымъ явился и сомнамбулизмъ магнитическій, — выраженіе, которое поэтому точно также невѣрно, но обычай взялъ верхъ, и названіе это удержалось».

«Магнитическій сомнамбулизмъ былъ впервые замѣченъ въ 1784 году ученикомъ Месмера — Пюйсегюромъ. Это открытіе, какъ и многія другія, было дѣломъ случая. Садовникъ Пюйсегюра, Викторъ Рассъ, заболѣлъ, и хозяинъ сталъ его магнетизировать. Послѣ нѣсколькихъ пассъ, когда глаза у Виктора закрылись, Пюйсегюръ спросилъ его, не спитъ ли онъ? Къ великому его удивленію, больной, не просыпаясь, отвѣтилъ ему и сталъ говорить съ нимъ о болѣзни своей, указалъ пораженные органы и необходимыя лѣкарства. Тогда Пюйсегюръ понялъ, что больной его впалъ въ какое-то небывалое физіологическое состояніе, которое онъ сравнилъ съ сомнамбулизмомъ. Извѣстіе объ этомъ открытіи скоро распространилось, и сомнамбулизмъ сдѣлался предметомъ всесторонняго изученія».

«Первое явленіе, коимъ сопровождается магнитическій сонъ, это измѣненіе въ отправленіяхъ нервной системы. Чувствительность уничтожена. Субъектъ слышитъ только голосъ магнитизера и тѣхъ лицъ, съ которыми онъ поставилъ его въ сношеніе. Глухота его полная; никакихъ шумовъ онъ не слышитъ». Тѣло его нечувствительно къ физической боли; можно даже совершать надъ нимъ хирургическія операціи съ полнымъ успѣхомъ. «Эта потеря чувствительности напоминаетъ намъ

таковую же въ то время, когда человѣкъ раздвояется. Это первый пунктъ сходства между явленіями сомнамбулизма и раздвоенія».

«Вторая черта магнитическаго сна — ясновидѣніе. Далеко не всѣ магнитизируемые доходятъ до него. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, явленія имѣютъ градацію, простирающуюся отъ нуля до безконечности. Нѣкоторые субъекты вовсе не поддаются магнитизму, другіе тотчасъ засыпаютъ; засыпающіе не всегда переходятъ въ сомнамбулизмъ; явленіе это обнаруживается мало-по-малу... Нѣкоторыя привиллегированныя натуры доходятъ до поразительнаго ясновидѣнія, которое, однако, не простирается на все, какъ полагали, но имѣетъ свои предѣлы. Ближайшее и наиболѣе любопытное приложеніе оно находитъ въ распознаваніи и болѣзней. Если сомнамбулъ хвораетъ, онъ видитъ, съ удивительной ясностью, пораженный органъ, предсказываетъ задолго возвращеніе припадковъ, указывая день, часъ и минуту ихъ появленіи, и ихъ продолжительность; также требуемыя лѣкарства и срокъ выздоровленія... Такую же способность распознаванія оказываютъ сомнамбулы и относительно тѣхъ больныхъ, въ сношеніе съ которыми ихъ ставитъ магнитизеръ»...

«Мы находимъ и въ магнитическомъ сомнамбулѣ тѣ черты, на которыя мы указывали у сомнамбула естественнаго. Подъ вліяніемъ нервнаго тока обычная личность какъ бы исчезаетъ, и на ея мѣстѣ появляется личность месмерическая... Когда дѣйствіе магнитизма достигаетъ полнаго развитія, сомнѣніе становится невозможнымъ. Месмерическая личность представляется съ такими особенностями, которыя явно отличаютъ ее отъ личности нормальной. Какъ и сомнамбулъ естественный, такъ и магнитическій не узнаетъ болѣе голоса своихъ близкихъ; просыпаясь, не сознаетъ того, что дѣлалъ во снѣ; о себѣ самомъ говоритъ, какъ о человѣкѣ ему постороннемъ, и очень часто въ третьемъ лицѣ. Если спросить у таинственнаго собесѣдника его имя, онъ не знаетъ что отвѣтить, лепечетъ какъ трехлѣтній ребенокъ, котораго спрашиваютъ о его происхожденіи. Делёзъ приводитъ примѣръ одной женщины, называвшейся Аделаидой, которая въ сомнамбулизмѣ не отзывалась на это имя; она называла себя *Малюткой* (Petite), а объ Аделаидѣ отзывалась, какъ о чужой; другіе называли себя демономъ, духомъ, душою покойника. Подобное мы встрѣчаемъ у медіумовъ и одержимыхъ. Однимъ словомъ та личность, которую вызываетъ месмерическій эѳиръ, совершенно отлична отъ той, которая подвергается магнитическимъ пассамъ».

«Эта личность имѣетъ еще отличительную черту не менѣе замѣчательную, которая довершаетъ ея обособленность отъ обыкновенной личности. Тогда какъ послѣдняя имѣетъ своимъ центромъ головной мозгъ, вторая, по видимому, локализирована въ томъ сплетеніи нервныхъ узловъ, которое называется *plexus solaris* (солнечнымъ сплетеніемъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ голосъ сомнамбула выходитъ точно изъ эпигастра (изъ подъ ложечки), какъ если бъ месмерическій токъ вносилъ жизнь въ эту область, столь богатую, какъ извѣстно, нервными сплетеніями»... «Въ началѣ замѣчается нѣчто вродѣ борьбы между головною личностью и эпигастрическою. Сомнамбулъ, котораго просятъ прочитать нѣсколько строкъ, завернутыхъ въ бумагу, не знаетъ сначала къ кому адресоваться. Онъ кладетъ бумагу то на лобъ, то подъ ложечку, и большею частью этимъ послѣднимъ способомъ чтеніе и происходитъ. Но когда, вслѣдствіе особаго предрасположенія субъекта или значительнаго притока нервнаго эѳира, месмерическая личность получаетъ полное развитіе, тогда происходитъ явленіе другого рода, довольно частое въ лѣтописяхъ магнитизма. *Это раздвоеніе*. Эпигастрическая личность, чувствуя въ себѣ достаточно силы, чтобъ порвать узы, приковывающія ее къ тѣлу, освобождается отъ него. Сомнамбулъ впадаетъ въ экстазъ и не слышитъ даже голоса своего магнетизера. Это — инертное тѣло, которое жизнь покинула, и напрасно магнитизеръ работаетъ надъ нимъ, чтобъ вызвать ее. Такая летаргія длится иногда нѣсколько часовъ. Когда сомнамбулъ приходитъ въ себя, онъ разсказываетъ о своихъ чудесныхъ видѣніяхъ и далекихъ странствіяхъ по невѣдомымъ мірамъ».

«И, наконецъ, какъ у естественнаго сомнамбула, такъ и у магнитическаго, ясновидѣніе его не всегда ясно; оно имѣетъ также свои пятна, свои слабыя и темныя стороны, такъ что никогда нельзя имѣть полной вѣры словамъ ясновидца — даже и въ распознаніи и лѣченіи болѣзней, которыя какъ бы составляютъ его спеціальность. Случается, говоритъ Дю-Потэ, что сомнамбулы рядомъ съ несомнѣнною истиною говорятъ и непостижимую ложь. Делёзъ говоритъ, что на сто человѣкъ, консультирующихъ сомнамбула, девяносто пять остаются недовольными. Эта смѣсь прозрѣнія и ошибокъ являлась постояннымъ камнемъ преткновенія при изученіи магнитизма, и дискредитовала его. Ту же черту мы находимъ и у говорящихъ столовъ и у медіумовъ».

«Какимъ причинамъ можно приписать эти темныя стороны ясновидѣнія? Къ главнымъ относятся, по видимому, слѣдующія. Прежде всего личное уравненіе самого магнитизера. Его вліяніе на сомнамбула таково, что въ умѣ послѣдняго безсознательно отражаются мысли перваго. Если у магнитизера есть установившееся убѣжденіе, относящееся до вопроса, поставленнаго сомнамбулу, то оно непремѣнно скажется въ отвѣтѣ послѣдняго»... «Очень часто случается и такъ, что къ личному уравненію магнитизера присоединяется и личное уравненіе сомнамбула, и тогда получаемые отвѣты еще болѣе удаляются отъ истины».

«Но предположимъ, что операторъ и субъектъ одинаково свободны отъ личнаго уравненія. Ка-

кую степень ясновидѣнія можно будетъ предположить у послѣдняго? Разсмотримъ прежде, что надо разумѣть подъ магнитическимъ ясновидѣніемъ. Мы полагаемъ что его можно, вообще, опредѣлить такъ: видѣніе на разстояніи. Вы подаете сомнамбулу вещь, принадлежавшую лицу, живущему въ Лондонѣ, а сами вы находитесь въ Парижѣ, и просите сомнамбула войти съ этимъ лицомъ въ сношеніе, чтобы что-нибудь узнать про него. Это значитъ—надо проложить телеграфную нить между двухъ станцій, коихъ электрическія баттареи состоятъ: на одномъ концѣ изъ нервнаго аппарата сомнамбула, на другомъ—изъ того лица, съ которымъ онъ долженъ войти въ сношеніе; а дѣятелемъ служитъ то флюидическое вещество, которое они выдѣляютъ. Это вещество образуетъ вокругъ каждаго изъ нихъ атмосферу, волны которой простираются очень далеко, по случаю тонкости месмерическаго агента. Атмосфера магнитическаго субъекта, будучи болѣе дѣятельна, чѣмъ другая, идетъ ей какъ бы навстрѣчу, и сношеніе между обоими полюсами тотчасъ устанавливается. Изъ этого видно, въ чемъ должны состоять условія этой телеграфической системы, чтобъ она дѣйствовала отчетливо. Сомнамбулъ будетъ видѣть тѣмъ яснѣе, чѣмъ чувствительность его будетъ выше, т.-е. болѣе способной къ воспринятію эфирныхъ волнъ, идущихъ съ противоположнаго полюса, чѣмъ волны эти будутъ опредѣленнѣе, и чѣмъ разстояніе между станцій будетъ короче. Чтобъ депеша не встрѣтила никакихъ помѣхъ, которыя могли бы извратить ея смыслъ, необходимо, чтобъ на эту нить не повліялъ никакой другой противоположный токъ месмерическаго происхожденія. Для избѣжанія этого вы вначалѣ и подаете сомнамбулу предметъ, принадлежащій тому лицу, въ сношеніе съ которымъ вы его приводите. Этотъ предметъ, насыщенный эманаціями своего владѣльца, дѣйствуетъ на магнитическаго субъекта такимъ же образомъ, можно сказать, какъ слѣдъ отъ дичи на охотничью собаку. Какъ только, прикоснувшись къ нему, онъ познакомился съ спеціальными свойствами месмерическаго эѳира указаннаго ему лица, онъ идетъ по этому слѣду и различаетъ его волну среди безчисленныхъ эѳирныхъ вибрацій, перекрещивающихся вокругъ него».

Лѣтописи магнитизма полны разсказовъ о случаяхъ видѣнія на разстояніи, иногда крайне поразительныхъ. Авторъ приводитъ по этому поводу одинъ случай, бывшій съ нимъ самимъ. Въ 1871 году онъ былъ въ Котерэ. Пріятель его, находившійся въ Парижѣ, присутствуя однажды на магнитическомъ сеансѣ, подалъ сомнамбулѣ письмо, полученное имъ отъ нашего автора, и просилъ сказать, что онъ дѣлаетъ. Поискавъ его нѣсколько минутъ, она отвѣтила, что видитъ его въ комнатѣ второго этажа, сидящаго за столомъ, читающаго газету, съ озабоченнымъ лицомъ. Всѣ эти указанія и данное ей описаніе комнаты оказались совершенно вѣрными.

Сомнамбулы постоянно представляютъ подобнаго рода примѣры. Они разсказываютъ окружающимъ ихъ лицамъ, что дѣлали они въ этотъ день или предшествующіе; иногда они сообщаютъ давно прошедшее и даже такія вещи, которыя никому неизвѣстны, кромѣ того лица, до котораго касаются. Какимъ образомъ, естественно спросить, могутъ они чувствовать вибраціи, давно прекратившіяся? Никакое движеніе въ природѣ не пропадаетъ; оно только превращается въ другое, а потому оставляетъ слѣды, и этихъ-то слѣдовъ достаточно, чтобы возбудить вниманіе ясновидящаго (См. «Позитивизмъ въ области спиритуализма», А. Аксакова, Спб., 1884 г.).

Б. Значеніе сомнамбулизма.

Если на сомнамбулизмъ смотрѣть съ философической точки зрѣнія, то онъ оказывается интереснымъ уже потому, что съ исчезновеніемъ чувственнаго сознанія нашего наступаетъ внутреннее наше пробужденіе, при которомъ, вслѣдствіе перемѣщенія порога нашего сознанія, воспринимается нами скрытая отъ насъ въ другое время дѣятельность внѣшняго міра, почему обнаруживаются и скрытыя въ насъ въ другое время способности нашего субъекта. Эти способности такъ замѣчательны, что еще и теперь подвергаются нападкамъ со стороны раціоналистическаго скептицизма. Здѣсь можно ограничиться указаніемъ на два примѣра того, что часто, такъ называемый, скептицизмъ бываетъ слѣдствіемъ недостатка философской разсудительности, причемъ эти примѣры будутъ взяты мною изъ области ясновидѣнія и инстинктивнаго самоврачеванія, двухъ сомнамбулическихъ способностей, вызывающихъ наибольшее сомнѣніе.

Отличительнѣйшая способность ясновидѣнія состоитъ въ томъ, что оно преодолѣваетъ узы пространства и времени, соотвѣтственно являясь въ формѣ провидѣнія и предвидѣнія. Раціоналистъ считаетъ это невозможнымъ. Однако, очевидно, что мы, не зная, что такое пространство и время, не имѣемъ и никакого права утверждать, что побѣда человѣка надъ ними при помощи нѣкоторыхъ анормальныхъ познавательныхъ процессовъ невозможна. Только невѣжда думаетъ, что знаетъ, что такое пространство и время, философъ же сознается въ своемъ относительно ихъ невѣдѣніи. Если же онъ по-кантовски посмотритъ на нихъ только, какъ на формы нашего познаванія, то съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія трансцендентальнаго идеализма, для него сейчасъ же сдѣлается вполнѣ возможнымъ ясновидѣніе, почему и вѣрилъ въ него смотрѣвшій на него именно такъ Шопенгауеръ.

Еще болѣе сильнымъ нападкамъ со стороны врачей подвергается обнаруживающійся у сомнамбуловъ инстинктъ самоврачеванія. Но для признанія его достаточно только обратить вниманіе на повседневныя явленія голода и жажды. Чувства

голода и жажды побуждаютъ организмъ къ возстановленію временно израсходованныхъ силъ, но вызываемое ими ощущеніе потребности въ устраненіи ихъ имѣетъ вполнѣ общій характеръ, т.-е. стремленіе къ устраненію голода и жажды не направлено на опредѣленныя химическія вещества. Поэтому голодъ и жажда представляютъ легкія болѣзни, для врачеванія которыхъ природа и возбуждаетъ въ насъ общее, не переходящее еще въ представленіе объ опредѣленномъ лѣкарствѣ, ощущеніе потребности въ лѣченіи. Но когда они достигаютъ высокой степени, тогда возбуждается способность представленія и наступаетъ узрѣніе лѣкарства. Такъ, томящійся жаждой степной путникъ видитъ вокругъ себя источники и ручьи; такъ предъ Тренкомъ рисовался въ магдебургскомъ звѣздчатомъ шанцѣ роскошно уставленный кушаньями столъ. Но когда перемѣщается порогъ сознанія, т.-е. утончается способность воспріятія, тогда опредѣляется и вызываемое голодомъ и жаждой ощущеніе потребности въ устраненіи ихъ, являются въ видѣ симпатій и антипатій опредѣленно направленные инстинкты, характеризующіе извѣстныя болѣзни или беременность, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, симпатіи и антипатіи даже противорѣчатъ обыкновеннымъ склонностямъ женщины и вызываются потребностями ребенка. У сомнамбулъ, при высоко усиленной внутренней жизни ихъ, ощущеніе потребностей организма опредѣляется еще болѣе: такъ какъ у нихъ перемѣщеніе порога сознанія очень значительно, то ихъ сознаніе воспринимаетъ такія потребности, которыя у другихъ людей или остаются подъ порогомъ ихъ сознанія, или воспринимаются сознаніемъ ихъ только въ видѣ неопредѣленныхъ ощущеній. Значитъ, тотъ, кто считаетъ инстинктъ самоврачеванія сомнамбулъ непонятнымъ чудомъ, долженъ, если желаетъ оставаться послѣдовательнымъ, признать столь же непонятными такіе же, какъ и этотъ инстинктъ, только количественно отличные отъ него и менѣе опредѣленные самоврачевательные инстинкты людей, испытывающихъ голодъ и жажду. Послѣдніе инстинкты понятны для насъ только потому, что мы приглядѣлись къ явленію и принимаемъ обычность его за его ясность. Мы, какъ говоритъ Цицеронъ [1]), не ищемъ ничего позади того, что постоянно видимъ.

Инстинктъ самоврачеванія присущъ не только сомнамбуламъ, но и людямъ, находящимся во многихъ другихъ состояніяхъ, отличительной чертой которыхъ служитъ перемѣщеніе порога сознанія (въ чемъ лучшее доказательство того, что онъ основывается на этомъ перемѣщеніи), а именно: обыкновеннымъ сновидцамъ, горячечнымъ больнымъ, сумасшедшимъ и бѣсноватымъ, которыхъ включаю сюда на основаніи одного примѣра, приведеннаго Горстомъ [2]). Не всегда инстинктъ самоврачеванія бываетъ направленъ на лѣкарственныя вещества. Напримѣръ, у бѣсноватыхъ часто является вдругъ потребность въ быстромъ вращательномъ движеніи [1]). Это движеніе при такъ называемой пляскѣ дервишей является средствомъ къ возбужденію сомнамбулизма; если же обратить вниманіе на то, что его нерѣдко предписываютъ себѣ и сомнамбулы, то станетъ ясно, что въ основаніи его лежитъ потребность усилить сомнамбулизмъ, т.-е. углубить сонъ.

Подобнымъ же образомъ можно доказать и относительно прочихъ способностей сомнамбуловъ, что онѣ представляютъ собою только развитіе способностей, въ зачаточномъ видѣ наблюдаемыхъ у человѣка, находящагося уже въ состояніи обыкновеннаго сновидѣнія, даже бодрствованія, напримѣръ, при идіосинкразіяхъ, такъ, что только тотъ, кому неизвѣстны эти низшія ступени лѣстницы, одну изъ высшихъ ступеней которой представляетъ сомнамбулизмъ, можетъ думать, что надобно относиться скептически къ послѣднему. Но существованіе этихъ низшихъ ступеней служитъ также доказательствомъ того, что сомнамбулизмъ не рождаетъ въ человѣкѣ новыхъ способностей, но, перемѣщая порогъ его сознанія, только даетъ возможность уже существующимъ у него способностямъ выходить изъ скрытаго состоянія.

Что касается органа и образа воспріятія сомнамбулъ, то это еще очень темный вопросъ. Такъ какъ сознаніе головного мозга ихъ находится въ полномъ бездѣйствіи, и такъ какъ между психическими функціями ихъ и происходящими въ ихъ ганглiозной системѣ измѣненіями наблюдается такая же параллельность, какая существуетъ между психическими функціями бодрствующаго человѣка и происходящими въ его головномъ мозгу измѣненіями (хотя матеріалисты думаютъ, что на эту послѣднюю параллельность можно смотрѣть, какъ на причинность), то ганглiозная система съ центральнымъ узломъ ея, солнечнымъ сплетеніемъ, считается органомъ ихъ воспріятія.

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы въ сужденіи о сомнамбулизмѣ не впасть въ такую же погрѣшность, въ какую впали матеріалисты въ сужденіи о духѣ бодрствующаго человѣка. Матеріализмъ принимаетъ условіе развитія духовной дѣятельности человѣка за причину ея возникновенія. Онъ считаетъ обнаруживающій при посредствѣ органовъ нашего тѣла дѣятельность свою духъ нашъ функціей этихъ органовъ. При здоровомъ состояніи головного мозга, духовная дѣятельность наша нормальна, при нездоровомъ — ненормальна; отсюда матеріалисты выводятъ заключеніе о тождествѣ нашего духа и дѣятельности нашего головного мозга. Но если скрипачъ на хорошо настроенной скрипкѣ играетъ хорошо, а на плохо настроенной — дурно, то отсюда нельзя заключить о тождествѣ артиста и скрипки. По-

[1]) Cicero: De natura deorum. II. 38.
[2]) Horst: Zauberbibliothek. V. 206.

[1]) Görres: Die christliche Mystik. IV. 174.

этому психологіи никогда не удастся лучше выразить отношеніе духа къ нервно-мозговой системѣ (чувствамъ и головному мозгу), чѣмъ то сдѣлалъ уже Платонъ, сказавъ, что мы познаемъ душою посредствомъ чувствъ [1]). Про отношеніе между глазомъ и очками каждый скажетъ, что мы черезъ очки, т.-е. посредствомъ очковъ, видимъ глазомъ, тогда, какъ по матеріалистической логикѣ должно бы выйти такъ, что зрѣніе есть функція очковъ.

По видимому, существующая между психическими отправленіями бодрствующаго человѣка и соотвѣтственными измѣненіями въ области его чувствъ и головного мозга параллельность существуетъ и между трансцендентально-психологическими функціями нашими и соотвѣтственными измѣненіями въ гангліозной системѣ нашей, центральный узелъ которой, солнечное сплетеніе, уже въ древнія времена былъ названъ брюшнымъ мозгомъ. У сомнамбулы врача Пететена появилось подъ ложечкой шаровидное вздутіе [2]). Сомнамбула Бертрана, указывая себѣ на животъ, сказала, что у нея тамъ что-то такое, что говоритъ съ нею, и съ чѣмъ она можетъ совѣтоваться. Въ то время, какъ ея инстинктъ принималъ такую форму драматическаго сновидѣнія, она наклонялась къ животу, слегка потирала его указательнымъ пальцемъ и отвѣчала тогда на всѣ вопросы, предлагавшіеся ей, какъ ею самой, такъ и посторонними лицами [3]).

Яснѣе изображается обнаруживающаяся при погруженіи въ сомнамбулическій сонъ борьба между головнымъ мозгомъ и солнечнымъ сплетеніемъ одною сомнамбулой у Вернера. Погружаясь уже въ сомнамбулическій сонъ, но не утративъ еще чувствительности, она сказала: «гдѣ я? у меня какъ будто нѣтъ головы. Страшная борьба между головой и сердцемъ! Оба хотятъ безраздѣльной власти, оба хотятъ и чувствовать, и видѣть. Этого не можетъ быть, это какая-то междуусобная война! Выходитъ такъ, что для того, чтобы что-нибудь видѣть, я должна помѣстить голову подъ ложечку. Когда я думаю головой, то у меня болитъ подъ ложечкой, а, между тѣмъ, то, чѣмъ я вижу подъ ложечкой, видитъ еще недостаточно ясно. Мнѣ приходится удивляться тому, что у меня хотя и есть голова, но она какъ будто перешла въ желудокъ» [4]).

Что гангліозная система можетъ замѣнять мозговую, это обнаруживается уже въ животномъ царствѣ, напримѣръ, у моллюсковъ и у такихъ насѣкомыхъ, которыя при недостаточно развитыхъ чувствахъ обладаютъ высоко развитыми инстинктами.

Но головной мозгъ и солнечное сплетеніе, эти фокусы двухъ нервныхъ системъ, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ части человѣческаго организма, которыя магнитизируются самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Ихъ антагонизмъ изображенъ уже ведаической философіей. Основное ученіе Ведъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ, у котораго умерщвлены чувства, въ «лонѣ сердца» вмѣщаетъ всевѣдѣніе. Оттого и восхваляется іоги, что онъ достигъ единенія (*joga*) съ сердцемъ (*manas*). Вообще, между показаніями о своемъ состояніи нашихъ сомнамбулъ и тѣмъ, что сказано въ Ведахъ о іоги, можно провести такъ много параллелей, что, очевидно, въ обоихъ случаяхъ говорится объ одномъ и томъ же. Такъ напримѣръ, въ Ведахъ говорится: «Сонъ для всѣхъ остальныхъ существъ—для подвижника бодрствованіе, день же остальныхъ существъ — ночь для созерцающаго муни» [1]). Подобнымъ же образомъ говоритъ и преворстская ясновидящая. «Въ такомъ состояніи, — говоритъ она, — я не грежу; нѣтъ, нельзя считать за сонъ такого состоянія; оно можетъ быть названо сномъ по отношенію къ внѣшнему міру, относительно же міра внутренняго это наияснѣйшее бодрствованіе» [2]). Точно то же заявляетъ и другая сомнамбула, говоря: «всего менѣе можетъ быть названо сномъ такое состояніе; это — наияснѣйшее бодрствованіе» [3]). Когда говорится въ Ведахъ, что «кто соединился съ Брамой, у того взоръ направленъ къ межбровію» [4]), то уже по этому внѣшнему признаку можно догадаться, что здѣсь рѣчь идетъ о сомнамбулизмѣ, въ которомъ зрительныя оси всегда бываютъ направлены къ переносицѣ.

Въ такомъ состояніи экстаза, согласно Ведамъ, пробуждается въ «лонѣ сердца» внутреннее лицо (*Peruscha*), отличное отъ лица, живущаго бодрственной жизнью: тогда какъ первое сознаетъ свое тождество со всѣми существами (*Tat twam asi*), послѣднее есть гордое, занятое собою *я* — *Ahankara* [5]). Въ Ведахъ даже намѣчена уже теорія Месмера, ибо тотъ самый эфиръ, который находится внѣ человѣка въ міровомъ пространствѣ, существуетъ въ маломъ пространствѣ, внутри человѣка, въ сердцѣ его. «Это *все* есть духъ (*Peruscha*)... Кто въ лонѣ сердца вмѣщаетъ знаніе этого *всего*, тотъ сбрасываетъ съ себя здѣсь, на землѣ, оковы невѣдѣнія» [6]). Такимъ образомъ, Веды ясны насчетъ того, что внутренно пробуждающееся въ сомнамбулизмѣ сознаніе есть нѣчто другое, чѣмъ чувственное сознаніе нашего *я*. Но и сомнамбулическое сознаніе нуждается въ носителѣ его, а такъ какъ лицо чувственнаго сознанія, наше *я*, не есть этотъ носитель, то мы должны различать *я* и душу, лицо и субъектъ, ибо, какъ говоритъ Аристотель, въ вопросѣ о существованіи души имѣетъ рѣшающее значеніе вопросъ о томъ, не встрѣчаются ли въ числѣ

[1]) Platon: Theatet. 185.
[2]) Fr. Fischer: Der Somnambulismus. III. 110.
[3]) Bertrand: Traité du somnambulisme. 137.
[4]) Werner: Symbolik der Sprache. 124.

[1]) Baghavadgita. II. 69.
[2]) Kerner: Die Seherin v. Prevorst. I. 149.
[3]) Kerner: Geschichte zweier Somnambulen. 87.
[4]) Baghavadgita Y. 21.
[5]) Windischman: Philosophie im Fortnang der Weltgeschichte. I. 1570.
[6]) Atharva Veda. mundaka I. cap. 1.

дѣйствій и страдательныхъ состояній нашего субъекта такія, которыя не принадлежатъ тѣлу [1]). Но существованіе такихъ функцій доказывается многими явленіями сомнамбулизма; поэтому доставляемыя сомнамбулизмомъ доказательства существованія души имѣютъ гораздо большую убѣдительность, чѣмъ тѣ, которыя содержатся въ системахъ философіи. Содержащемуся въ системахъ философіи ученію о душѣ долженъ быть данъ другой видъ, ибо сомнамбулизмъ доказываетъ, что между душою и *я*, субъектомъ и лицомъ, существуетъ большое различіе, тогда какъ въ системахъ философіи они отождествляются. Естественно, что послѣдній взглядъ на душу не могъ устоять въ борьбѣ съ матеріализмомъ, утверждающимъ, что чувственное сознаніе, какъ связанное съ организмомъ, должно вмѣстѣ съ нимъ и уничтожиться, что *я* представляетъ собою не реальное существо, а только состояніе, продуктъ нашего организма. Возразить противъ этого нечего, съ этимъ согласны даже пантеистическія системы философіи. Но матеріализмъ остается побѣдителемъ только въ борьбѣ съ ученіемъ о душѣ, отождествляющимъ душу и *я*; онъ безсиленъ въ борьбѣ съ тѣмъ ученіемъ о душѣ, которое полагаетъ душу въ основаніе и несознаваемыхъ нашимъ *я* функцій нашего тѣла, которое смотритъ на нее, какъ на производителя, а не какъ на произведеніе тѣла, весь же организмъ, купно съ чувственнымъ сознаніемъ, считаетъ преходящею формою явленія этой души. Передъ такой, лежащей за предѣлами нашего самосознанія душой [1]), обнаруживающеюся съ полнѣйшею ясностью въ сомнамбулизмѣ, матеріалистическіе аргументы вполнѣ безсильны. (См. кн. Карла Дю-Преля «Философія мистики»).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гипнотизмъ.

I. Понятіе о гипнотизмѣ. Если помѣстить передъ глазами какого-либо субъекта, говоритъ Мори, на небольшомъ разстояніи отъ его лица блестящій предметъ, напримѣръ, изъ полированнаго металла, или, пристально глядя ему въ глаза, мѣшать ему видѣть окружающіе предметы, или же стараться поразить чѣмъ-нибудь воображеніе, — то, если это лицо обладаетъ слабымъ, нервнымъ сложеніемъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе на мерцающемъ предъ нимъ предметѣ, оно впадаетъ въ каталептическое состояніе, аналогичное тому, какое наблюдается при вдыханіи анэстезирующихъ веществъ. Члены его становятся ригидными (оцѣпенѣлыми) или приходятъ въ состояніе болѣе или менѣе полнаго разслабленія, болевая чувствительность понижена или совсѣмъ уничтожена, между тѣмъ какъ нѣкоторыя чувства, напр., слухъ и осязаніе, въ нѣкоторыхъ областяхъ тѣла становятся особенно воспріимчивы къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Воспринимаются самые слабые звуки, получаются реакціи на самыя слабыя раздраженія. Какъ при нѣкоторыхъ каталептическихъ состояніяхъ, возникаютъ грезы и галлюцинаціи [2]).

Явленія, описанныя Мори и происходящія при указанныхъ имъ условіяхъ, получили наименованіе *гипнотическихъ*.

Они недавно только стали изучаться съ научной и строго раціональной точки зрѣнія. Болѣе всего свѣта пролили на этотъ любопытный отдѣлъ патологіи нервной системы труды Брэда, Филипса, Жиро-Телона, Демаркэ, Азама [2]), Шарко, Дюмонпалье и Маньена, Кюллерра [3]), Бони [4]) и др.

а) *Историческій очеркъ.* Если изученіе гипнотическихъ явленій стало на научную почву только недавно, то самые факты извѣстны уже давно. Въ древности, въ средніе вѣка, въ прошломъ столѣтіи гипнотизмомъ часто пользовались магики и колдуны, приписывавшіе божескому или діавольскому вмѣшательству галлюцинаціи и другія явленія, наблюдавшіяся у гипнотизированныхъ субъектовъ. Различные виды гаданія древнихъ — *гидромантія* или ворожба посредствомъ воды, *катоптромантія* — ворожба посредствомъ зеркалъ, *леканомантія* — ворожба посредствомъ бассейна, въ который кидали золотыя или серебряныя пластинки, *лихномантія*—ворожба посредствомъ лампъ, *кристалломантія* — ворожба посредствомъ кристалла, — основаны были, очевидно, на впечатлѣніи, производимомъ блестящими предметами при сосредоточенномъ созерцаніи ихъ прорицателемъ, приведеннымъ въ особое душевное состояніе усиліемъ собственной воли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вдыханіемъ извѣстныхъ веществъ.

Апулей [5]) разсказываетъ по Варрону, что траллійцы во время войны съ Митридатомъ обратились къ прорицателямъ, и ребенокъ,

[1]) Aristoteles: de anima I c. 1.
[2]) Maury. La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au Moyen âge. Paris, 1863.

[1]) Лучше сказать духомъ. Замѣчательно, что св. писаніе учитъ о тройственномъ составѣ человѣка изъ души, духа и тѣла. Г. Д-ко.
[2]) Azam. Hypnotisme, double conscience et altérations de la personnalité. Paris, 1887.
[3]) Cullerre. Magnétisme et hypnotisme. 2 edition, Paris, 1887.
[4]) Beaunis. Le Somnambulisme provoqué. Paris, 1887. Переведено на русск. яз. Мокіевскимъ.
[5]) Апулей, *Апологія*.

глядя на опущенное въ воду изображеніе Меркурія, въ ста шестидесяти стихахъ предсказалъ имъ результатъ войны.

Въ самомъ дѣлѣ, древняя магія пользовалась для своихъ цѣлей преимущественно дѣтьми; точно также дѣтьми пользуются для своихъ чаръ талебы на востокѣ. Выборъ этотъ съ нашей точки зрѣнія вполнѣ основателенъ: впечатлительныя организаціи, каковы организаціи дѣтей и женщинъ, особенно благопріятны для произведенія явленій этого рода. Названный мною сейчасъ древній писатель, Апулей, задаетъ себѣ вопросъ, почему дѣти оказываются особенно пригодными для ворожбы, и даетъ на него отвѣтъ, соотвѣтствующій философскимъ и религіознымъ возрѣніямъ того времени. Но мы, видя ежедневно, съ какою легкостью лица нѣжнаго сложенія — женщины, дѣти, — приводятся въ гипнотическое состояніе, понимаемъ, почему древніе маги пользовались для своихъ цѣлей преимущественно дѣтьми.

Ворожба посредствомъ зеркалъ сопровождалась обрядами, имѣвшими цѣлью привести прорицателя въ состояніе, благопріятное для появленія галлюцинаціи. По видимому для этого употреблялись постъ, благовонныя куренія и заклинанія, до сихъ поръ еще употребляемыя преемниками древнихъ маговъ на востокѣ. Зеркало обливается духами, прорицатели постятся въ теченіе семи дней, пребываютъ все это время въ полномъ уединеніи и во время заклинаній видятъ собственными глазами или глазами дѣвушекъ и дѣтей—ангеловъ, къ которымъ и обращаются съ вопросами [1]).

На основаніи фактовъ, сообщаемыхъ итальянскимъ біографомъ извѣстнаго Каліостро, можно думать, что знаменитый авантюристъ—чудодѣй, объѣздившій Грецію, Египетъ, Персію, Аравію, познакомился тамъ съ различными способами ворожбы, тѣсно связанными съ гипнотизмомъ. У него была „голубка“ — т.-е. невинный ребенокъ. Стоя передъ графиномъ, этотъ ребенокъ получалъ отъ наложенія на него рукъ великаго Кофты даръ общенія съ ангелами и видѣлъ въ графинѣ все, чего отъ него требовали. Впрочемъ, на востокѣ, не понимая истинной причины появленія галлюцинаторныхъ образовъ, были по видимому знакомы съ гипнотическими явленіями обстоятельнѣе, чѣмъ маги древности, и давали себѣ довольно ясный отчетъ въ самихъ фактахъ.

„Такъ какъ зрѣніе, пишетъ Ибнъ-Халдунъ, есть благороднѣйшее изъ чувствъ, то они (прорицатели) и отдаютъ ему предпочтеніе. Сосредоточивая свой взглядъ на предметахъ съ гладкой поверхностью, они внимательно созерцаютъ ихъ, пока не увидятъ того, что имъ нужно возвѣстить. Нѣкоторые полагаютъ, что видимый при этомъ образъ обрисовывается на поверхности зеркала, но это невѣрно.

„Прорицатель пристально глядитъ на поверхность зеркала, пока она не исчезнетъ, и пока между нимъ и зеркаломъ не явится какъ бы завѣса изъ тумана. На этой завѣсѣ выступаютъ образы, которые онъ желаетъ видѣть, что позволяетъ ему давать положительные или отрицательные отвѣты на предложенные ему вопросы. Тогда онъ разсказываетъ, что видитъ. Прорицатели въ этомъ состояніи не видятъ того, что можно, дѣйствительно, видѣть въ зеркалѣ, у нихъ является совершенно особый родъ воспріятія [1])“.

Этотъ отрывокъ крайне любопытенъ. Явленія здѣсь описаны замѣчательно вѣрно, а тотъ особый родъ воспріятія, о которомъ говоритъ авторъ, есть, конечно, не что иное, какъ галлюцинація.

Къ области гипнотизма же относятся опыты, производившіеся алжирскимъ колдуномъ Ахмедомъ въ Каирѣ въ присутствіи лорда Прэдоэ и Лаборда [2]). Въ нихъ, какъ и во всѣхъ опытахъ этого рода, участвовалъ ребенокъ. На ладонь ему налиты были чернила, и мальчикъ-египтянинъ скоро увидѣлъ на нихъ движущіяся, возникавшія и исчезавшія человѣческія фигуры. Эти опыты часто производились въ присутствіи Лаборда и потомъ были повторены имъ самимъ съ полнымъ успѣхомъ. Не рѣшаясь дать объясненіе этимъ явленіямъ, ученый академикъ признаетъ за ними полную достовѣрность.

„Изъ всѣхъ этихъ вполнѣ согласныхъ наблюденій и опытовъ, говоритъ онъ, вытекаетъ тотъ положительный фактъ, что подъ вліяніемъ особой организаціи и извѣстныхъ обрядовъ — въ которыхъ трудно отдѣлить обряды, вліяющіе на полученіе результата, отъ церемоній, составляющихъ только внѣшній аксессуаръ — дѣти, взятыя съ улицы, безъ всякой предварительной подготовки, безъ возможности какого-либо обмана, видятъ на ладони съ такою же ясностью, какъ въ окно, движущихся, появляющихся и исчезающихъ людей, которыхъ они вызываютъ, и которые являются на ихъ зовъ, съ которыми они разговариваютъ и о которыхъ сохраняютъ воспоминаніе послѣ опыта. Я привожу факты, но не объясняю ихъ. Даже произведя надъ самимъ собой этотъ опытъ съ полнымъ успѣхомъ, я не могъ дать себѣ отчетъ въ

[1]) См. Reinaud. Description du cabinet Blacas.

[1]) Ibn Khaldoun, Prolégomènes, trad. de Plane, приведено у Мори.

[2]) Léon de Laborde, Commentaire sur l'Exode, Paris 1841 in-folio.

полученныхъ результатахъ. Я только утверждаю самымъ положительнымъ образомъ, что все сказанное мною вѣрно. Я дѣлаю это спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ покинулъ востокъ, потому что, не говоря уже объ абсолютной реальности явленія и даже точности нѣкоторыхъ отвѣтовъ, не могу допустить, чтобы былъ обманутъ или самъ обманывался во время опытовъ, производившихся около двадцати разъ на моихъ глазахъ, по моему требованію, въ присутствіи множества различныхъ лицъ, въ двадцати различныхъ мѣстахъ,—то въ четырехъ стѣнахъ моей комнаты, то подъ открытымъ небомъ, то на моей лодкѣ у береговъ Нила".

Изъ описанія Лаборда, изъ приведенныхъ выше словъ Ибнъ-Халдуна мы должны заключить, что видѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь въ этихъ случаяхъ, относятся къ числу видѣній галлюцинаторнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ Ибнъ-Халдунъ, фигуры являются не въ самомъ зеркалѣ, а на завѣсѣ какъ будто изъ тумана, появляющейся между зеркаломъ и прорицателемъ. Зеркало исчезло—т.-е. прекратились внѣшнія воспріятія, и другіе образы—образы, связанные съ идеями, на которыхъ сосредоточилась мысль загипнотизированнаго субъекта—заняли ихъ мѣсто.

Точно также субъекты, наблюдавшіеся Лабордомъ, видятъ на ладони съ такою же ясностью, какъ въ слуховое окно. Слѣдовательно, и здѣсь образъ не совпадаетъ съ предметомъ, обусловливающимъ видѣніе, а находится—на этотъ разъ—позади его. Мы имѣемъ здѣсь проэктированный во внѣшній міръ фантастическій образъ, какъ всегда бываетъ при объективирующихся мозговыхъ образахъ. Кромѣ того, самый характеръ образовъ заставляетъ отнести ихъ къ числу образовъ галлюцинаторныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, многочисленные, описанные въ литературѣ, факты говорятъ за то, что воспринятый образъ обнаруживаетъ соотвѣтствіе съ душевнымъ настроеніемъ воспринимающаго субъекта, съ его привычками, идеями, предшествующимъ душевнымъ опытомъ.

Такъ, одинъ римлянинъ, часто посѣщавшій игры цирка и постоянно терпѣвшій пораженіе на бѣгахъ, видѣлъ въ наполненной водою вазѣ коней и колесницы [1]). Лица, гадавшія въ среднія вѣка о будущемъ посредствомъ зеркалъ, видѣли обыкновенно ангеловъ или злыхъ духовъ. Наконецъ, индійскія вдовы, восходя на костеръ, видятъ въ зеркалѣ, которое передаетъ имъ жрецъ, сцены изъ переселенія душъ.

Достаточно ли одного фиксированія взглядомъ зеркала, воды, блестящихъ предметовъ,

[1]) Maury, La Magie etc.

чтобы возникла галлюцинація,—или же мы должны приписать извѣстную долю вліянія различнымъ сопутствующимъ церемоніямъ: заклинаніямъ, куреніямъ и т. д.?

Мы думаемъ, что заклинанія, молитвы и т. д. оказываютъ несомнѣнное вліяніе на получаемый результатъ. Талисманы, заклинанія, молитвы служатъ, очевидно, для того, чтобы привести субъекта, надъ которымъ производится опытъ, въ состояніе, благопріятное для появленія галлюцинацій и притомъ—галлюцинацій опредѣленнаго характера. Это — родъ внушенія, вызывающаго видѣніе, которое желаютъ получить. Благовонныя куренія, сожигаемыя обыкновенно на жаровнѣ и вдыхаемыя субъектомъ, надъ которымъ производится опытъ, оказываютъ по всей вѣроятности нѣкоторое анэстезирующее дѣйствіе, тоже способствующее появленію галлюцинаторныхъ образовъ.

Мы видѣли, что для приведенія субъекта въ особое нервное состояніе, при которомъ легко возникаютъ галлюцинаторные образы, пользуются блестящими предметами, зеркаломъ, водой, металломъ. Но, какъ выше указано, нѣтъ абсолютной необходимости въ фиксированіи блестящихъ предметовъ. Фиксированіе любого предмета при извѣстномъ душевномъ настроеніи ведетъ къ тѣмъ же результатамъ.

б) *Методы гипнотизированія*. Одинъ изъ способовъ гипнотизаціи состоитъ въ фиксированіи глазами бѣлой черты, проведенной мѣломъ, или зачерненнаго круга. Первымъ изъ этихъ методовъ описавшій его патеръ Кирхеръ [1]) пользовался для приведенія куръ въ каталептическое состояніе. Связанная курица кладется на землю. На полу передъ ея глазами проводятъ мѣломъ бѣлую черту. Когда она успокоилась, ее развязываютъ, но она остается неподвижною на томъ же мѣста. Чермакъ, повторившій опыты патера Кирхера, убѣдился, что курицу можно и не связывать, что достаточно придержать ее рукой. „Бѣлая черта служитъ для того, чтобы фиксировать взглядъ животнаго, а по прошествіи нѣкотораго времени замѣчаются явленія, тождественныя съ тѣми, которыя изучались подъ именемъ гипнотизма. Животное, будучи совершенно свободно, не дѣлаетъ никакихъ попытокъ убѣжать. Оно сохраняетъ приданное ему положеніе, какъ бы оно ни было неудобно. Глаза его иногда широко раскрыты, въ большинствѣ же случаевъ полузакрыты вѣками. Это состояніе длится отъ одной до пяти минутъ" [2]).

Опыты эти не проходятъ безслѣдно для животныхъ, надъ которыми они произво-

[1]) Kircher. Ars magna lucis et umbrae.
[2]) Mat. Duval. Nouveau Dictionnaire de médecine et de chirurgie pratiques, tome XVIII, статья «Гипнотизмъ».

дятся, какъ видно изъ сообщенія, читаннаго Гартингомъ въ парижской академіи наукъ. „Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, говоритъ Гартингъ, я произвелъ множество опытовъ надъ животными, гипнотизированными по извѣстному методу—надъ курами, голубями, кроликами, морскими свинками, лягушками. Если одно и то же животное подвергалось гипнотизаціи нѣсколько разъ, его нервная система оказывалась сильно расшатанной. У меня были куры, подвергавшіяся гипнотизаціи въ промежуткахъ отъ двухъ до трехъ дней. По прошествіи трехъ недѣль одна курица начала хворать, обнаружилась гемиплегія (параличъ половины тѣла), и животное издохло. То же произошло и съ остальными пятью курицами: всѣ, одна за другой, поражались гемиплегіей, хотя и по прошествіи различныхъ промежутковъ времени. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ куры подохли. Этотъ опытъ, прибавляетъ Гартингъ, долженъ внушить намъ нѣкоторую осторожность при производствѣ гипнотическихъ опытовъ надъ людьми" [1]). Вернемся къ изложенію методовъ гипнотизаціи.

Для того, чтобы привести человѣка въ гипнотическое состояніе, фиксируемый предметъ не долженъ обязательно быть блестящимъ или бѣлымъ, какъ въ описанныхъ опытахъ. Пристальное созерцаніе чернаго круга приводитъ къ тѣмъ же результатамъ. „Я очерчиваю кускомъ угля, говоритъ Жиго-Сюаръ, на квадратной доскѣ кругъ 10 сантиметровъ въ діаметрѣ и совершенно зачерчиваю его. Потомъ я приглашаю г-жу X. пристально смотрѣть на черный кругъ такъ же, какъ она смотрѣла за нѣсколько дней передъ тѣмъ на свѣчу и тѣмъ сама привела себя въ гипнотическое состояніе. По прошествіи одной минуты она была загипнотизирована и находилась въ сомнамбулическомъ состояніи" [2]). Этотъ опытъ показываетъ, что самое главное здѣсь — пристальность взгляда, внимательное и продолжительное созерцаніе одного предмета.

Усыпить субъекта можно, производя быстрыя движенія передъ его глазами съ цѣлью помѣшать ему видѣть окружающіе предметы. Этотъ методъ гипнотизаціи примѣняется рѣже, чѣмъ фиксированіе блестящихъ предметовъ, хотя онъ не менѣе успѣшно приводитъ къ цѣли.

Въ заключеніе скажу, что гипнотическій сонъ можетъ быть вызванъ также повторными однообразными звуковыми впечатлѣніями. Такъ какъ способъ этотъ менѣе извѣстенъ и пользуется меньшимъ распространеніемъ, то я и ограничусь однимъ этимъ заявленіемъ. Прибавлю только, что появленіе гипнотическаго сна вслѣдствіе преграждfestенія доступа слуховымъ впечатлѣніямъ не представляетъ ничего страннаго. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: въ этомъ случаѣ, какъ и въ вышеописанныхъ, все сводится къ сосредоточенію вниманія на одномъ впечатлѣніи, къ утомленію чувства, играющаго выдающуюся роль въ душевной жизни. По Гайденгайну, тотъ же результатъ достигается осязательными раздраженіями [1]).

в) *Явленія анэстезіи и гиперестезіи въ области общаго чувства.*

Просматривая различныя сочиненія по гипнотизму, мы находимъ, что у однихъ гипнотизированныхъ замѣчается анэстезія, у другихъ — гиперэстезія въ области общаго чувства. Въ опытахъ, производившихся Демаркэ и Жиро-Телономъ въ муниципальной больницѣ, общая гиперэстезія наблюдалась всего одинъ разъ. Азамъ, не отмѣчая количественнаго отношенія случаевъ анестэзіи у гипнотизированныхъ къ случаямъ гиперэстезіи, говоритъ, что часто наблюдалъ первую. Въ случаѣ, описанномъ докторомъ Герино въ Пуатье, болевая чувствительность была подавлена, тогда какъ тактильная была сохранена. Аналгезія (невоспріимчивость къ болевымъ раздраженіямъ) была настолько сильна, что, когда раненому отрѣзали ногу, онъ заявлялъ, что находится въ раю, хотя съ точностью могъ указать моментъ, когда былъ произведенъ разрѣзъ мягкихъ тканей. Точно также при операціи, произведенной Брока и Фолленомъ, больная, женщина сорока лѣтъ, не ощущала ни малѣйшей боли. Я не буду останавливаться на этихъ наблюденіяхъ, общеизвѣстныхъ и вызвавшихъ въ хирургическомъ мірѣ надежды, которымъ не суждено было оправдаться. Прибавлю, однако же, что въ случаяхъ, приводимыхъ Демаркэ и Жиро-Телономъ, у многихъ больныхъ, страдавшихъ различными болѣзнями, боли проходили благодаря гипнотизаціи.

Если гипнотизація часто влечетъ за собой анэстезію различныхъ степеней, то съ другой стороны она нерѣдко вызываетъ гиперэстезію. Въ опытахъ, производившихся въ муниципальной лѣчебницѣ, у одной больной наблюдалась сильно выраженная общая гиперэстезія. У одной дѣвушки, усыпленной докторомъ Азамомъ, наблюдалось то же явленіе въ очень высокой степени. Она, напр., ощущала теплоту обнаженной руки, помѣщенной за ея спиной на разстояніи 40 сантиме-

[1]) Harting, Comptes rendus de l'Acad. des sciences, засѣданіе 13 февраля 1882.

[2]) Gigot-Suard, Les mystères du magnétisme animal et de la magie dévoilés ou la vérité démontrée par l'Hypnotisme. Paris 1860.

[1]) Chambard. L'Encéphale, 1881, p. 236.

тровъ; ощущеніе холоднаго предмета при тѣхъ же условіяхъ воспринималось ею съ одинаковой ясностью.

г) *Гиперэстезія нѣкоторыхъ чувствъ.* Воспріятіе зрительныхъ впечатлѣній въ гипнотическомъ состояніи обыкновенно отсутствуетъ. Что касается до другихъ высшихъ чувствъ, то здѣсь часто обнаруживается пониженіе воспріимчивости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Это доказывается почти полнымъ отсутствіемъ реакціи у больныхъ Демаркэ и Жиро-Телона, которымъ давали нюхать амміачные растворы или же смачивали этими растворами губы и языкъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако же наблюдается повышеніе воспріимчивости этихъ чувствъ. Нѣкоторыя лица въ состояніи гипноза воспринимаютъ такія обонятельныя раздраженія, какихъ не замѣчаетъ никто. Иногда достаточно задолго передъ тѣмъ прикоснуться къ какому-нибудь пахучему предмету, чтобы гипнотизированный замѣтилъ это и опредѣлилъ запахъ.

Наибольшую остроту пріобрѣтаетъ въ состояніи гипноза, безспорно, слухъ. Всѣ наблюдатели согласны въ этомъ отношеніи. Одна больная въ муниципальной лѣчебницѣ отчетливо слышала слова, произносимыя слабымъ шепотомъ у ея ногъ, тогда какъ окружающіе, несмотря на всѣ свои усилія, ничего не слышали. Дѣвушка, о которой сообщаетъ Азамъ, слышала разговоръ, происходившій этажомъ ниже, различала тиканіе часовъ на разстояніи двадцати пяти футовъ. Гиперэстезія слуха не всегда бываетъ выражена такъ рѣзко, но наблюдается постоянно и при томъ въ значительной степени. Демаркэ и Жиро-Телонъ[1]) не безъ основанія объясняютъ этой гиперэстезіей слуха тѣ случаи внушенія, которые иногда приписываются вліянію воли гипнотизера,—власти, которую онъ получаетъ надъ гипнотизируемымъ субъектомъ. Но, объясняя сохраненіемъ нормальной воспріимчивости или даже гиперэстезіей ея нѣкоторые случаи внушенія, эти авторы не придаютъ внушенію того значенія, какимъ оно обладаетъ въ дѣйствительности. Все сводится, по ихъ мнѣнію, къ приказу, произносимому вполголоса и произвольно исполняемому гипнотизированнымъ. Они не допускаютъ даже возможности внушенія посредствомъ извѣстныхъ позъ, что однако же наблюдается несомнѣнно и вполнѣ объяснимо съ физіологической точки зрѣнія.

д) *Каталептическое состояніе. Внушеніе помощью позъ.* Извѣстно, что каталептическія явленія нерѣдко наблюдаются въ гипнотическомъ состояніи, и что при каталепсіи больные въ теченіе долгаго времени сохраняютъ приданное имъ положеніе. Изучая эти явленія, Брэдъ замѣтилъ, что извѣстныя позы, приданныя гипнотизированнымъ субъектамъ, вызывали у нихъ во время каталептическаго періода душевныя состоянія, выражаемыя въ нормальныхъ условіяхъ этими позами. Такъ, придавая имъ молитвенную позу, онъ вызывалъ у нихъ эмоціи религіознаго характера; когда онъ заставлялъ ихъ протянуть руку и сжать ее въ кулакъ и слегка наклонялъ имъ голову впередъ, лицо ихъ принимало угрожающее выраженіе, а вслѣдъ затѣмъ они съ яростью бросались на воображаемыхъ противниковъ[1]). Когда Азамъ сложилъ у г-жи X. руки такъ, какъ ихъ складываютъ при молитвѣ, и оставилъ ее на нѣкоторое время въ этомъ положеніи, дѣвушка отвѣтила на обращенный къ ней вопросъ, что она молится и присутствуетъ при религіозной церемоніи. „Когда ея голову наклоняли впередъ и складывали руки, ею овладѣвало чувство смиренія, сознаніе собственнаго ничтожества; когда голова была поднята высоко—у нея являлось гордое чувство. Эти опыты были повторены множество разъ на различныхъ лицахъ и приводили обыкновенно къ одному и тому же результату“[2]).

Если остановиться на приведенныхъ фактахъ, они покажутся намъ менѣе странными, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Между умственными образами, выражающими ихъ символическими образами и движеніями, служащими для внѣшняго проявленія этихъ образовъ и символовъ, существуетъ столь тѣсная связь, что къ какому бы звену изъ образуемой ими цѣпи мы ни прикоснулись, на это прикосновеніе немедленно отвѣтятъ всѣ прочія звенья. Умственный образъ обыкновенно вызываетъ появленіе символическаго образа, а послѣдній влечетъ за собой движенія голосовыхъ мышцъ, но явленіе можетъ протекать и въ обратномъ направленіи: когда мы произносимъ даже не слово, а хотя бы одинъ изъ составляющихъ его слоговъ, остальные слоги являются сами собой, и въ то же время возникаетъ умственное образное представленіе. То, что наблюдается въ области рѣчи, справедливо и для игры физіономіи и жестовъ, представляющихъ иной видъ выраженія мысли, языкъ особаго рода. Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ обстоятельствѣ, что извѣстныя спеціальныя позы вызываютъ опредѣленныя умственные образы;

[1]) Demarquay et Giraud-Teulon. Recherches sur l'hypnotisme ou sommeil nerveux. Paris 1860.

[1]) J. P. Philips. Cours théorique et pratique de Braidisme ou hypnotisme. Paris 1860.

[2]) Azam, Archives de médecine, Janvier 1860. См. также сочиненіе того же автора: L'Hypnotisme, la double conscience etc. Paris 1887.

опытъ только подтверждаетъ то, что можно было предвидѣть на основанiи теорiи.

е) *Внушенiе посредствомъ словъ.* Относясь къ явленiямъ внушенiя посредствомъ словъ во время гипнотическаго сна со всей осторожностью, необходимой въ научномъ изслѣдованiи, мы не находимъ однако же и здѣсь ничего такого, что могло бы насъ заставить отвергнуть относящiеся сюда и описанные въ литературѣ факты. Самый интересный, наблюдаемый здѣсь фактъ состоитъ въ томъ, что усыпленному субъекту внушаютъ убѣжденiе, будто тотъ или другой предметъ, вызывающiй у него чувственныя впечатлѣнiя, представляетъ нѣчто совершенно иное, что та или другая часть его тѣла подверглась опредѣленнымъ измѣненiямъ. „Я вытягиваю у m-lle X. руки, говоритъ Филипсъ, и говорю ей, что онѣ прiобрѣли ригидность желѣза, что онѣ стали такъ же нечувствительны, какъ ручки кресла. Сказанное мною осуществляется въ дѣйствительности. Гг. Серигъ и Легуэ и многiе изъ ихъ присутствующихъ коллегъ убѣждаются въ полной нечувствительности дѣвушки къ самымъ глубокимъ уколамъ въ теченiе четверти часа; уколы были настолько глубоки, что слѣды ихъ сохранились по прошествiи долгаго времени. Другой опытъ относился къ вкусовымъ впечатлѣнiямъ. Я подаю m-lle X. стаканъ чистой воды съ маленькой ложечкой и говорю: „вотъ вамъ фисташковое мороженое“. Она беретъ стаканъ, смотритъ и заявляетъ, что видитъ чистую воду. Я дѣлаю видъ, будто возвращаю стаканъ обратно, но минуту спустя подаю его гипнотизированной со словами: „такъ вотъ же вамъ ванильное мороженое; оно, надѣюсь, будетъ вамъ по вкусу“. На этотъ разъ иллюзiя въ области зрѣнiя и мышечнаго чувства была достигнута. Дѣвушка взяла ложечку и опустила ее въ стаканъ съ тѣмъ легкимъ усилiемъ и полукруговымъ движенiемъ руки, съ какимъ гастрономъ снимаетъ верхушку мороженаго. Иллюзiя вкусовая однако же не получилась, m-lle X. жалуется, что мороженое — плохо приготовлено“.

Я повторяю: какъ ни осторожно должны мы относиться къ фактамъ этого рода, въ нихъ нѣтъ ничего невозможнаго, ничего такого, что не могло бы быть объяснено на основанiи того, что мы знаемъ изъ патологiи души. Въ сущности гипнозъ это — сонъ, а мы знаемъ, что во время сна подъ влiянiемъ слуховыхъ впечатлѣнiй возникаютъ умственные образы, когда, напр., эти впечатлѣнiя состоятъ изъ словъ, сказанныхъ на ухо спящему. Рейль сообщаетъ, что одна особа видѣла во снѣ все, что ей говорили на ухо, а Мори разсказываетъ, что когда однажды братъ сказалъ ему на ухо во время сна: *возьми спичку*, онъ увидѣлъ сонъ, въ которомъ искалъ спичекъ. Но образы сонныхъ грезъ и галлюцинаторные образы — явленiя одного и того же рода или, вѣрнѣе, одно и то же явленiе. Поэтому галлюцинаторное состоянiе можетъ быть вызвано слуховымъ впечатлѣнiемъ, т.-е. можетъ случиться, что чувства при дѣйствiи на нихъ извѣстныхъ влiянiй придутъ въ такое же физiологическое состоянiе, какъ при реальномъ воспрiятiи. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ обстоятельствѣ, что дѣвушка, усыпленная Филипсомъ, приняла воду за вещество болѣе плотной консистенцiи и получила чувственное впечатлѣнiе, соотвѣтствующее вкусовому галлюцинаторному образу, вызванному въ ея умѣ.

Что касается до ригидности, которую представляли руки m-lle X., то мы полагаемъ, что это явленiе должно быть объясняемо иначе. Въ самомъ дѣлѣ, Филипсъ совѣтуетъ разминать конечность, которой желаетъ придать ригидность, чтобы показать гипнотизируемому субъекту, что онъ ничего не чувствуетъ. Но извѣстно, что при нѣкоторыхъ гипнотическихъ состоянiяхъ наступаютъ мышечныя контрактуры отъ простыхъ механическихъ раздраженiй. По Шарко онѣ возникаютъ въ летаргическомъ перiодѣ при механическомъ раздраженiи сухожилiя, самой мышцы или иннервирующаго ее нерва, въ сомнамбулическомъ перiодѣ — отъ слабыхъ раздраженiй кожи у истеричныхъ женщинъ, гипнотизированныхъ обычнымъ способомъ. Въ виду этого можно думать, что въ первомъ опытѣ Филипса мы имѣемъ дѣло не съ внушенiемъ, что ригидность руки, напоминающая, по словамъ, этого автора, плотность желѣзной полосы, обусловлена особымъ состоянiемъ нервной системы, свойственнымъ летаргическому и сомнамбулическому перiодамъ гипнотическаго сна, причемъ всякое чувственное впечатлѣнiе вызываетъ по рефлексу крайне интенсивныя мышечныя сокращенiя. Впрочемъ, уже до работъ Шарко, установившихъ различiе между явленiями, наблюдаемыми въ каталептическомъ и сомнамбулическомъ стадiяхъ гипноза, было замѣчено, что мышечныя контрактуры легко вызываются разминанiемъ мышцъ у гипнотизированныхъ, и что легкое поглаживанiе вызываетъ почти моментально разслабленiе сокращенныхъ мышцъ. У Филипса и Азама мы находимъ множество фактовъ, не оставляющихъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнiя.

Выше мы видѣли, что гипнотизацiя не проходитъ безслѣдно для подвергающихся ей животныхъ. Можно думать, что она не безвредна и для человѣка. Въ послѣднее

время противъ этого мнѣнія часто протестовали, но изъ фактовъ, приводимыхъ Демаркэ и Жиро-Телономъ видно, что слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ при примѣненіи гипноза, представляющаго неудобства и опасности разнаго рода. (См. кн. д-ра Симона: „Міръ грезъ", Спб. 1890 года, стр. 174—193, откуда въ сокращеніи почерпнуты нами вышеприведенные факты).

2. **Мысленное внушеніе.** Опыты, произведенные недавно (1891 г.) въ клиникѣ Льебо, кажутся намъ наиболѣе ясно разъясняющими это явленіе.

Инціаторомъ этихъ опытовъ былъ Бони, а затѣмъ для дальнѣйшаго изученія присоединился еще Льежуа. Субъектомъ экспериментовъ была одна молодая дѣвушка, Камилла С..., у которой экспериментаторы не наблюдали самопроизвольнаго усыпленія, и которая была очень воспріимчивой сомнамбулой. Прежде всего взялся за дѣло при помощи пассовъ Бони, усыплявшій ее неоднократно, на этотъ разъ пытаясь дѣйствовать изъ одной комнаты въ другую, „причемъ она или, по крайней мѣрѣ, ея сознательное *Я* не подозрѣвала ничего", и ему удалось такимъ образомъ привести ее въ сомнамбулизмъ въ короткое время нѣсколько разъ. Этотъ опытъ онъ повторилъ такимъ же способомъ и надъ тѣмъ же лицомъ и опять безъ ея вѣдома, ставъ въ саду Льебо, на холмикѣ, окруженномъ густой оградой изъ дикаго виноградника и удаленномъ на 29 метровъ отъ такого мѣста, на которомъ находилась сомнамбула. Этотъ холмикъ былъ недоступенъ для глазъ, и сверхъ того небольшая роща отдѣляла Бони отъ усыпляемой дѣвицы. Несмотря на эти препятствія, мѣшавшія найти экспериментатора, Камилла С... впала въ сонъ спустя восемнадцать минутъ послѣ того, какъ онъ направилъ свои пассы съ холмика, на которомъ былъ скрытъ.

Послѣ этого „важнаго испытанія" экспериментаторамъ болѣе не казался спорнымъ вызовъ глубокаго сна на разстояніи и совершенно помимо вѣдома усыпляемаго субъекта. Чтобы однако „придать еще болѣе достовѣрности этому порядку фактовъ", Льебо, когда Бони надолго оставилъ Нанси, попробовалъ произвести опытъ того же рода, какъ и предыдущій, и на той же дѣвицѣ, но только поручивъ усыпленіе одному американскому врачу, никогда не видавшему ея въ гипнозѣ. Дѣйствія этого врача остались безъ результата. Затѣмъ, много спустя, Льебо сдѣлалъ другую попытку при содѣйствіи Льежуа, который, напротивъ, часто приводилъ Камиллу въ сомнамбулизмъ. То же мѣсто, тѣ же условія, что и прежде, только усыпитель дѣйствовалъ не пассами, а простымъ напряженіемъ мысли. На этотъ разъ сонъ обнаружился по истеченіи восьми минутъ, и это особенно важно, когда Льежуа, увѣдомленный о результатѣ, подошелъ къ спящей, она находилась въ сношеніи только съ нимъ однимъ, „какъ случается почти всякій разъ, когда производятъ на комъ-либо сомнамбулизмъ вблизи". Этотъ характерный фактъ „былъ неотразимымъ доказательствомъ того, что дѣвушка впала въ сонъ подъ отдаленнымъ вліяніемъ, исходившимъ отъ личности Льежуа. Противъ предшествующихъ опытовъ можно возразить, что всѣ они были произведены между восьмью и девятью съ половиной часами, и что субъектъ, ожидая усыпленія, засыпалъ по привычкѣ въ этотъ короткій промежутокъ. Это возраженіе не лишено силы, но какъ объяснить то, что она засыпала только въ дни опытовъ, всегда отдаленные одинъ отъ другого?" [1])

Мысленное внушеніе кажется настолько страннымъ, что многіе считаютъ его прямо невозможнымъ. Однако факты такого внушенія были неоднократно засвидѣтельствованы даже тогда, когда ничего не знали ни о гипнотизмѣ, ни о внушеніи. Вѣра въ его существованіе проходитъ черезъ всѣ средніе вѣка [2]). Въ особенности изобилуетъ свидѣтельствами о немъ XVII вѣкъ, столь богатый разными нервными „демонопатическими эпидеміями". Извѣстный заклинатель, отецъ Сюренъ, „человѣкъ добросовѣстный, и котораго никто никогда не подозрѣвалъ во лжи" [3]), увѣряетъ, что „бѣсы (т.-е. одержимыя) *болѣе двухсотъ разъ* открывали ему самыя тайныя вещи, скрытыя въ его мысли или въ его особѣ" [4]). По словамъ Кальмейля, одного изъ лучшихъ исторіографовъ всякихъ повальныхъ нервныхъ болѣзней, „въ *сотнѣ* случаевъ можно думать, что одержимыя читали въ мысляхъ монаховъ, на обязанности которыхъ было изгонять бѣсовъ" [5]). Но что всего лучше, мысленное внушеніе засвидѣтельствовано оффиціальнымъ документомъ, подписаннымъ братомъ короля, „сыномъ Франціи", во всеобщее свѣдѣніе французскаго народа.

„Мы, Гастонъ, сынъ Франціи, герцогъ Орлеанскій, удостовѣряемъ... Желая получить совершенный признакъ одержанія этихъ дѣвицъ, мы согласились секретно и шепотомъ съ о. Транквиллемъ, капуциномъ, приказать бѣсу Сабюлону, одержащему въ настоящее время упомянутую сестру Клару, чтобы она пошла и *поцѣловала правую руку о. Елисея,* своего заклинателя, и названный бѣсъ по-

[1]) La Thérapeutique suggestive, pp. 274—276.
[2]) Soldan, Geschichte der Hexenprozesse, neu bearb. v. Heppe, Stuttg. 1880, II, 366.
[3]) Figuier, L'Histoire du merveilleux, I, p. 255.
[4]) Bertrand, Du Magnétisme etc., p. 321.
[5]) Figuier, l. c. p. 256.

виновался нашему приказанію, согласно нашему желанію, буквально, и это насъ заставило вполнѣ повѣрить, что то, что говорили намъ эти духовныя лица, занимавшіяся изгнаніемъ бѣсовъ изъ названныхъ дѣвицъ, объ одержаніи сихъ послѣднихъ, есть истина, такъ какъ невѣроятно, чтобы такія (странныя) движенія и такія познанія сокровенныхъ вещей могли быть приписаны человѣческимъ силамъ. Желая о семъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, мы соизволили на сіе удостовѣреніе, подписанное нашимъ именемъ и скрѣпленное секретаремъ нашимъ, нашего дома и финансовъ Франціи, 11 мая 1635 г." [1]).

Въ неоффиціальныхъ документахъ подобные случаи удостовѣрены десятками. Мы ограничимся слѣдующими, приведенными въ одной Histoire des diables XVII в. объ Оксонскихъ бѣсноватыхъ монахиняхъ (1652—1662 г.).

„Почти всѣ онѣ засвидѣтельствовали свое знаніе сокровеннаго въ тайнахъ мысли, и это особенно проявилось въ томъ, что онѣ обыкновенно очень точно исполняли *тайныя* (*interieures*) *приказанія,* которыя имъ въ различныхъ случаяхъ давали ихъ заклинатели, *причемъ эти приказанія не были выражены ни словами, ни какимъ-либо инымъ внѣшнимъ знакомъ*. Такихъ опытовъ шалонскій епископъ сдѣлалъ нѣсколько, между прочимъ на Денисѣ Парисе..., которая, когда онъ *ей приказалъ въ глубинѣ своей мысли* притти къ нему для изгнанія изъ нея бѣсовъ, пришла къ нему тотчасъ же, хотя жила въ довольно отдаленной части города, и сказала господину епископу, что она получила приказаніе притти, и это она сдѣлала нѣсколько разъ... И еще на сестрѣ Жаменъ, послушницѣ, которая, уходя послѣ заклинаній, ему сказала *о тайномъ* (*interieur*) *приказаніи,* которое онъ сдѣлалъ бѣсу во время заклинанія. И на сестрѣ Бортонъ, которой онъ *мысленно* (*mentalement*) *приказалъ* во время самыхъ сильныхъ ея корчъ притти и пасть съ распростертыми руками ницъ предъ св. причастіемъ, и которая это приказаніе исполнила въ то же мгновеніе, какъ онъ его сдѣлалъ, съ совершенно необычайной поспѣшностью и быстротою" [2]).

Для правильной оцѣнки этихъ свидѣтельствъ необходимо знать, что у монахинь не могло быть никакого повода обманывать, такъ какъ способность угадывать мысли считалась одной изъ уликъ одержанія, отъ котораго исцѣляли если не всегда на кострахъ, то во всякомъ случаѣ послѣ ряда утомительныхъ заклинаній, и „одержимымъ сестрамъ" не за что было быть признательными сидѣвшимъ въ нихъ бѣсамъ, поспѣшившимъ заявить о себѣ заклинателямъ такъ нагло. Съ другой стороны, нѣтъ причинъ думать, что и заклинатели намѣренно удостовѣряли неправду. Поэтому въ основаніи ихъ свидѣтельствъ должно предполагать дѣйствительный фактъ, хотя, быть-можетъ, и невѣрно истолкованный.

Изъ магнитизеровъ впервые замѣтилъ мысленное внушеніе Пюисегюръ [1]). Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней по этому вопросу накопился весьма значительный матеріалъ, объединенный въ извѣстныхъ уже намъ трудахъ *Гернея, Майерса и Подмора,* Phantasms of the Living и *Охоровича:* De la Suggestion mentale etc.

Большая часть раннихъ свидѣтельствъ не могутъ считаться доказательными, такъ какъ не подтверждены никакими доводами, исключающими возможность иного объясненія. Но опыты, произведенные англійскимъ Society for the Psychical Research, обставлены на столько хорошо и ихъ результаты на столько убѣдительны, что презрительное отношеніе къ вопросу о мысленномъ внушеніи въ настоящее время можетъ быть достояніемъ только ученой рутины.

При опытахъ Society etc. „субъекта съ завязанными глазами сажаютъ въ одномъ изъ залъ Общества передъ столомъ, на которомъ положены карандашъ и нѣсколько листовъ бумаги. Возлѣ него стоитъ членъ Общества, наблюдающій внимательно за тѣмъ, чтобы открыть ту или другую уловку, если такая окажется. Другой членъ комитета уходитъ изъ зала и въ запертой комнатѣ рисуетъ какую-нибудь фигуру. Затѣмъ онъ призываетъ въ эту комнату экспериментатора и, затворивъ дверь, показываетъ ему рисунокъ. Послѣ этого экспериментатора ведутъ съ завязанными глазами въ залъ и ставятъ или сажаютъ *позади* субъекта въ разстояніи приблизительно шестидесяти сантиметровъ. Послѣ короткаго періода *сильной умственной сосредоточенности* экспериментатора субъектъ беретъ карандашъ и среди общаго молчанія воспроизводитъ на лежащей передъ нимъ бумагѣ, на сколько возможно, точно полученное имъ „впечатлѣніе" рисунка" [2]).

Въ какой мѣрѣ вѣрно это „впечатлѣніе" передаетъ рисунокъ, всякій можетъ безъ труда судить по опубликованнымъ чертежамъ, воспроизведеннымъ, между прочимъ, и въ распространенныхъ изданіяхъ, напримѣръ, у

[1]) Figuier, l. c. p. 205.

[2]) Отрывокъ этотъ приведенъ, вѣроятно, по Кальмейлю, у Dupouy, Le Moyen âge médical, Paris, 1888, pp. 215—216, съ указаніемъ страницъ подлинника (57 и 58), но безъ обозначенія автора и года.

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire et à l'établissement du magnétisme animal, 3 éd., Paris, 1820, pp. 22. 29 etc.

[2]) Demicker, La lecture de la Pensée et la Société des recherches psychologiques, Science et Nature, v. IV, p. 243 (1885).

Gessman, Magnetismus und Hypnotismus (Elektrotechnische Bibliothek. B. XXXV), Leipz., 1886, на отдѣльномъ листѣ, p. 204 (на основаніи опытовъ Гюббе-Шлейдена и собственныхъ) и *Cullerre*, Magnétisme etc., pp. 217—219.

Изъ протоколовъ Общества видно, что, между тѣмъ какъ при помощи мысленнаго внушенія удача бываетъ въ одномъ изъ $5^1/_4$ случаевъ, безъ такого внушенія она бываетъ въ одномъ изъ 43.

Объясненіе, предложенное Льебо, есть отголосокъ болѣе разработанной теоріи въ замѣчательномъ трудѣ *P. Despine*, Étude scientifique sur le Somnambulisme etc., Paris, 1880.

Но, быть-можетъ, существуетъ болѣе простое объясненіе засвидѣтельствованныхъ у Льебо фактовъ? Быть-можетъ, въ первомъ случаѣ сомнамбула каждый разъ догадывалась, что ее собираются усыплять, и засыпала вслѣдствіе самовнушенія? Быть-можетъ, она не спала, а притворялась?

Отвѣчать съ увѣренностью въ томъ или другомъ смыслѣ на эти вопросы возможно было бы лишь при личномъ участіи въ опытахъ. Слѣдуетъ однако имѣть нѣкоторое довѣріе къ огромной гипнотической практикѣ Льебо, Бони и Льежуа, хотя съ другой стороны нельзя забывать и того, что лица подобныя Льебо и Льежуа, умъ которыхъ заполненъ одной неотступной идеей, способны порой по ея „внушенію" видѣть то, чего нѣтъ на дѣлѣ.

Косвеннымъ подтвержденіемъ перваго изъ разсматриваемыхъ опытовъ могутъ служить совершенно подобные же эксперименты Жибера, Пьера Жане, Охоровича, обставленные, по ихъ увѣренію, всѣми предосторожностями[1]). Одно изъ послѣднихъ наблюденій этого рода принадлежитъ Веттерстранду.

„Въ настоящее время (пишетъ этотъ вообще осторожный авторъ Шмидкунцу отъ 5 декабря 1890 г.[2]) я пользую 33-лѣтнюю даму, которая спала непрерывно въ теченіе трехъ недѣль. Я могу, не выходя изъ своего дома, ее пробуждать отъ сна сосредоточенной мыслью и затѣмъ усыплять снова, могу заставлять ее дѣлать то или другое движеніе, и когда спрашиваю, почему она его дѣлаетъ, она всегда отвѣчаетъ: „потому что ты этого хочешь". Во время ея сна я заставилъ ее перейти изъ спальни ко мнѣ въ другую комнату, и на мой вопросъ, почему она встала именно теперь, она отвѣчала: „потому что ты этого хочешь". Для меня теперь непосредственное перенесеніе мыслей—доказанный фактъ, въ которомъ я до сихъ поръ сомнѣвался, но теперь увѣрился собственными глазами. Эта передача мыслей можетъ наступить тогда, когда усыпленный ни одной минуты не думаетъ ни о чемъ другомъ, кромѣ гипнотизера, и дѣйствительно, она не думаетъ ни о чемъ, кромѣ меня" и пр.

Позднѣе Веттерстранду пришлось наблюдать другой подобный же примѣръ[1]).

Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что за исключеніемъ опытовъ съ угадываніемъ заранѣе написанныхъ словъ, цыфръ, рисунковъ, экспериментаторы нисколько не заботятся объ установленіи объективныхъ признаковъ мысленнаго внушенія. Почему бы, напримѣръ, не испытать его на психическомъ параличѣ? (См. кн. проф. А. Гилярова: „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко", Кіевъ, 1894 г., стр. 287—298).

3. **Галлюцинаціи и иллюзіи.** Какъ часто намъ приходится слышать и употреблять выраженія: галлюцинація, иллюзія, обманъ чувствъ и т. п., и какъ рѣдко на самомъ дѣлѣ бываетъ, чтобы мы сумѣли дать себѣ отчетъ, чѣмъ, въ сущности, отличается явленіе дѣйствительное отъ кажущагося по отношенію къ нашимъ чувствамъ, другими словами, — какъ отличить ихъ другъ отъ друга?

Въ классическихъ учебникахъ психологіи и психіатріи галлюцинаціей называется чувственное воспріятіе, которому не отвѣчаетъ никакая дѣйствительность; иллюзіею же — такого рода обманъ чувствъ, когда внѣшній объектъ представляется намъ болѣе или менѣе несогласнымъ съ дѣйствительностью. Такимъ образомъ, если бы, проѣзжая черезъ мѣстность, пользующуюся плохою репутаціею, мы приняли, въ сумеркахъ, стоящій около дороги особой формы пень за подкарауливающаго насъ разбойника, или въ падающихъ съ крыши дождевыхъ капляхъ намъ почудились чьи-то шаги, то это было бы примѣромъ иллюзіи; когда же, положимъ, мы увидимъ призракъ несомнѣнно покойника, или находящагося въ данный моментъ на далекомъ разстояніи, услышимъ какой-нибудь голосъ, котораго на самомъ дѣлѣ не было и т. д., въ такомъ случаѣ намъ пришлось, очевидно, быть жертвою галлюцинаціи. Изъ этого видно, что иллюзія имѣетъ происхожденіе внѣшнее, а галлюцинація — внутреннее. Но, какъ и слѣдуетъ ожидать, между обоими этими явленіями существуетъ масса промежуточныхъ стадій, такъ что, строго говоря, подобное различіе далеко не всегда выдерживаетъ критику.

Тѣмъ изъ читателей, которымъ никогда не приходилось испытывать галлюцинацій, и

[1]) Ochorowicz, De la Suggestion mentale, pp. 118—156.

[2]) Schmidkunz, Psychologie der Suggestion, pp. 36—36.

[1]) Тамъ же, p. 352.

которые къ тому же очень мало знакомы съ этимъ явленіемъ теоретически, поставленный вопросъ о томъ, какъ отличить дѣйствительное явленіе отъ мнимаго, могъ показаться довольно страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ что, казалось бы, легче? А между тѣмъ попробуйте-ка сдѣлать это на практикѣ. Представьте себѣ, что вы находитесь гдѣ-нибудь на востокѣ, въ Индіи или Японіи... Передъ вами толпа народа, окружающая одного изъ бродячихъ фокусниковъ, который тутъ же на площади, безъ всякихъ приспособленій, даетъ представленіе. Кромѣ туземцевъ, собравшихся поглазѣть на даровое зрѣлище, тутъ можно видѣть нѣсколькихъ европейскихъ моряковъ и какого-то богатаго англичанина, для котораго, главнымъ образомъ, и дается представленіе. Фокусъ за фокусомъ, одинъ другого поразительнѣе, совершаются передъ глазами собравшейся толпы, все болѣе и болѣе возбуждая ея восторгъ и изумленіе. Наконецъ, черномазый кудесникъ на минуту останавливается, обводитъ толпу своимъ пронизывающимъ насквозь взглядомъ и спрашиваетъ, что бы она пожелала получить въ доказательство его могущества. Раздается нѣсколько голосовъ, предлагающихъ то или другое; въ концѣ-концовъ останавливаются на желаніи попробовать, положимъ, персиковъ.

— Охъ, трудно достать ихъ въ это время года, — говоритъ магъ, — но попытаемся.

Съ этими словами онъ беретъ веревочную лѣстницу или просто веревку, подбрасываетъ ее кверху, и мальчикъ, прислуживающій ему во время нѣкоторыхъ фокусовъ, начинаетъ быстро карабкаться по этой повисшей на воздухѣ лѣстницѣ. Онъ подымается все выше и выше и, наконецъ, скрывается въ облакахъ. Черезъ нѣкоторое время начинается разговоръ между волшебникомъ и посланнымъ „на небо" мальчикомъ, голосъ котораго доносится съ высоты, и вскорѣ оттуда начинаютъ сыпаться персики. Толпа расхватываетъ дорогое лакомство и съ наслажденіемъ ѣстъ...

Вся эта сцена настолько живо и ясно разыгрывается на глазахъ просвѣщеннаго зрителя, что онъ долгое время не можетъ притти въ себя отъ изумленія и недоумѣнія. Болѣе или менѣе аналогичныя чувства испытываетъ и вся остальная толпа. Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Какъ извѣстно, путемъ гипнотическаго внушенія возможно заставить усыпленнаго субъекта дѣлать послѣ пробужденія такія вещи, которыхъ въ нормальномъ состояніи онъ бы ни за что не совершилъ, видѣть, слышать и вообще такъ или иначе чувствовать несуществующее и, наоборотъ, не видѣть, не ощущать находящагося передъ глазами, испытывать опредѣленную страсть къ предмету, вовсе даже неспособному ее возбудить, и т. д. Изъ множества случаевъ подобнаго рода, приводимыхъ разными учеными, возьмемъ наудачу слѣдующій, разсказываемый Бернгеймомъ.

„Паціенту было внушено, что онъ найдетъ у своей кровати даму, которая поднесетъ ему корзинку съ земляникой и получитъ отъ него благодарность, послѣ чего онъ будетъ ѣсть землянику. Спустя полчаса, пробужденный, онъ идетъ къ своей кровати и говоритъ: „здравствуйте, сударыня, весьма вамъ благодаренъ", беретъ у нея руку. Я приближаюсь, онъ показываетъ мнѣ фиктивную корзинку земляники. — „Гдѣ дама?" — говорю я. Онъ отвѣчаетъ: — „Она ушла вотъ въ этотъ коридоръ", — указываетъ мнѣ на нее въ окно, выходящее въ коридоръ. Потомъ онъ ѣстъ землянику, ягоду за ягодой, нѣжно поднося ихъ ко рту, съ пріятностью обсасывая, отбрасывая стебельки, вытирая отъ времени до времени руки съ видомъ такой дѣйствительности, подражать которой весьма трудно. Того же субъекта я заставляю ѣсть то воображаемыя вишни, персики, виноградъ, то даю ему принять, когда у него запоръ, бутылку воображаемой Sedlitz'кой воды. Онъ беретъ фиктивную бутылку, наливаетъ въ фиктивный стаканъ, выпиваетъ ихъ послѣдовательно 3 или 4 стакана, дѣлая при этомъ всѣ глотательныя движенія... и это воображаемое слабительное нѣсколько разъ въ теченіе дня производитъ дѣйствіе".

Галлюцинаціи, вызванныя внушеніемъ, могутъ быть до того ясны, что субъектъ не можетъ отличить ихъ отъ дѣйствительности, хотя бы даже прекрасно зналъ, что это галлюцинація. „Недавно я усыпилъ, — говоритъ Бернгеймъ, — одну молодую дѣвушку замѣчательной интеллигенціи, положительнаго ума, нисколько не истеричную, и за искренность которой могу поручиться. По ея пробужденіи я ей показывалъ фиктивную розу. Она ее видитъ, трогаетъ, чувствуетъ ея запахъ, описываетъ ее мнѣ. Потомъ, зная, что я могъ сдѣлать объ этомъ внушеніе, она спрашиваетъ меня, дѣйствительная ли это роза, или воображаемая. — Для меня абсолютно невозможно, — говоритъ она, — различить это".

Если галлюцинація является человѣку неинтеллигентному, не имѣющему понятія о возможности внушенныхъ обмановъ чувствъ, то никакія старанія разубѣдить его въ ошибкѣ не приводятъ ни къ чему, — онъ стоитъ на своемъ, убѣжденный, что его желаютъ обмануть. То же самое бываетъ и съ отрицательными галлюцинаціями, т.-е. такими, когда внушается отсутствіе пред-

мета, на самомъ дѣлѣ находящагося въ присутствіи галлюцинанта.

Одна дама, которой Бернгеймъ внушилъ, что, по пробужденіи, она не должна его видѣть, потому что его не будетъ въ комнатѣ, безполезно меня искала,—разсказываетъ этотъ докторъ,—и казалась сильно огорченной, что не видитъ меня. — „Я здѣсь,— говорю ей. — Вы меня видите хорошо, я прикасаюсь къ вамъ, я щекочу вамъ лобъ".— Она не трогалась.—„Вы желаете посмѣяться надо мною, играете комедію,—прибавилъ я.— Вы не можете удержаться отъ смѣха; сейчасъ вы разразитесь взрывомъ смѣха".—Она и бровью не поморщила. Иногда въ такихъ случаяхъ бываютъ довольно курьезныя явленія. Такъ, напримѣръ, субъекту, подвергнутому опыту, кажется, что шляпа виситъ на воздухѣ, подымается, опускается, двигается въ разныхъ направленіяхъ, хотя въ дѣйствительности она надѣта на голову человѣка, котораго паціентъ „не долженъ видѣть".

Такимъ образомъ, мы видимъ, что субъектъ, испытывающій галлюцинацію, далеко не всегда можетъ быть увѣренъ, что это не дѣйствительность. Гризингеръ говоритъ, что галлюцинаціи представляютъ собою „дѣйствительныя ощущенія, а не представленія", и если эти обманы чувствъ „желаютъ побѣдить путемъ умозрѣній", то обыкновенно получаются отвѣты вродѣ того, какой получилъ Лере отъ одного больного: „я слышу голоса, потому что—я ихъ слышу. Какъ они образуются, я не знаю, но они для меня настолько отчетливы, какъ и вашъ собственный. Если я долженъ вѣрить въ дѣйствительность вашихъ рѣчей, то вы должны позволить мнѣ вѣрить въ дѣйствительность тѣхъ рѣчей, такъ какъ обѣ онѣ одинаково мною ощущаются". Въ особенности увѣренность въ реальности мнимаго явленія пріобрѣтаетъ силу въ томъ случаѣ, когда оно наблюдается одновременно нѣсколькими лицами, какъ это бываетъ при галлюцинаціяхъ коллективныхъ. Стало быть, вопросъ о томъ, какъ отличить дѣйствительное отъ кажущагося, имѣющій большое значеніе въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія явленій, которыя носятъ общее, крайне неудачное названіе „сверхъестественныхъ"—вовсе не лишній.

Просматривая старыя сочиненія по физіологіи, вамъ, можетъ-быть, пришлось наткнуться на такого рода совѣтъ: для того, чтобы убѣдиться, существуетъ ли видимый предметъ въ дѣйствительности, слѣдуетъ нажать глазное яблоко пальцемъ и вывести такимъ образомъ оптическія оси обоихъ глазъ изъ нормальнаго положенія. Тогда, если передъ нами предметъ реальный, то онъ долженъ удвоиться, въ противномъ случаѣ, при галлюцинаціи, удвоенія изображенія не произойдетъ. Совѣтъ этотъ, основанный на апріорномъ предположеніи, вытекающемъ изъ теоріи мозгового происхожденія галлюцинацій, не отвѣчаетъ однако дѣйствительности. Оказывается, что галлюцинаціи далеко не такъ просты, какъ сначала думали. Бине и Фере, опыты которыхъ обратили на себя вниманіе современнаго ученаго міра, напротивъ, доказываютъ, что безусловно во всякой галлюцинаціи долженъ существовать внѣшній предметъ, вокругъ котораго какъ будто скопляется творческая работа мозговыхъ центровъ. (Бернгеймъ съ этимъ не согласенъ).

Упомянутые изслѣдователи, внушивъ однажды паціенту представленіе о подымающемся въ облакахъ воздушномъ шарѣ, предложили ему смотрѣть на него попеременно то въ обыкновенную зрительную трубу, то въ телескопъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что подвергнутый опыту субъектъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о свойствахъ упомянутыхъ оптическихъ инструментовъ. Казалось бы, что образъ предмета, на самомъ дѣлѣ не существовавшаго, долженъ бы былъ оставаться вполнѣ одинаковымъ, во что бы на него ни смотрѣть. Опытъ однако не оправдалъ такого предположенія. Оказалось, что, смотря въ телескопъ, галлюцинантъ видѣлъ изображеніе воздушнаго шара перевернутымъ, т.-е. такимъ, какъ оно должно бы было быть, если бы смотрѣть въ телескопъ на реальный предметъ.

Не менѣе убѣдительный опытъ былъ сдѣланъ упомянутыми учеными съ совершенно одинаковыми четырехугольными кусками бумаги. Выбравъ одинъ изъ нихъ, ничѣмъ не отличающійся отъ остальныхъ, экспериментируемому субъекту внушили, что это— фотографія господина А. Сдѣлавъ послѣ того на обратной сторонѣ куска бумаги отмѣтку, его смѣшали съ другими, и однако, несмотря на это, паціентъ безъ всякаго труда каждый разъ находилъ между ними мнимую фотографію. Мало того, когда ему подавали кусокъ бумаги перевернутымъ „вверхъ ногами", чего обыкновенный глазъ ни въ какомъ случаѣ замѣтить не могъ, то субъектъ тотчасъ же заявлялъ, что это та же фотографія, но перевернутая.

Убѣдившись такимъ образомъ, что кусокъ бумаги вызываетъ въ паціентѣ ощущеніе вполнѣ реальной фотографіи, Бине и Фере помѣстили передъ его глазами призму исландскаго шпата, обладающаго, какъ извѣстно, свойствомъ удваивать разсматриваемые черезъ нее предметы,—о чемъ паціентъ никогда даже не слышалъ,—и, къ удивленію ученыхъ, онъ заявилъ, что видитъ двѣ фотографіи.

Читатель видитъ, что возможные обманы чувствъ и въ особенности галлюцинаціи, могущія оказать значительное вліяніе на наши заключенія о томъ или иномъ явленіи, заслуживаютъ съ нашей стороны весьма серьезнаго вниманія. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ какъ сама природа галлюцинацій, такъ и условія ихъ возникновенія недостаточно еще изслѣдованы.

Въ настоящемъ случаѣ, мы не станемъ останавливаться на описаніи разнаго рода галлюцинацій, потому что важность этого вопроса требовала бы очень подробнаго его разсмотрѣнія, которое, за недостаткомъ мѣста, не можетъ быть сдѣлано. Но такъ какъ весьма возможно, что нѣкоторые изъ читателей не имѣли случая ознакомиться даже съ наиболѣе часто встрѣчающимися формами галлюцинацій хотя бы только поверхностно, то намъ приходится сказать здѣсь о нихъ нѣсколько словъ.

Прежде всего замѣтимъ, что галлюцинаціи возможны въ сферѣ всѣхъ чувствъ, но слуховыя, зрительныя и общаго чувства встрѣчаются чаще другихъ.

Прежніе колдуны, вѣдьмы и т. п., способность летанія которыхъ по воздуху не только была предметомъ общераспространеннаго повѣрья, но даже встрѣчала подтвержденіе въ ихъ собственномъ глубокомъ убѣжденіи,— представляютъ собою примѣры галлюцинантовъ общаго чувства. Эти представители средневѣковой магіи, безвинно погибавшіе на кострахъ, какъ извѣстно, часто прибѣгали къ разнаго рода натираніямъ, вызывавшимъ специфическія галлюцинаціи.

Въ публикѣ до недавняго еще времени существовало мнѣніе, что галлюцинаціи непремѣнно являются послѣдствіемъ предварительнаго усиленнаго сосредоточенія мысли на опредѣленной идеѣ. Такой взглядъ однако далеко не всегда встрѣчаетъ подтвержденіе со стороны самихъ галлюцинантовъ. Очень часто галлюцинаторный образъ возникаетъ безъ всякаго, по крайней мѣрѣ сознательнаго, предварительнаго размышленія о явленіяхъ, хотя бы только близко соприкасающихся съ предметомъ галлюцинаціи.

Относительно вліянія предварительнаго размышленія на возникновеніе галлюцинацій можно вообще замѣтить, что тѣ изъ нихъ, которыя происходятъ отъ раздраженія органовъ ощущеній въ мѣстѣ ихъ начала,—глазѣ, ухѣ, поверхности тѣла,—или на ихъ протяженіи къ мозгу, т. е. галлюцинаціи такъ называемыя *периферическія*,— врядъ ли сколько-нибудь зависятъ отъ работы мыслящихъ центровъ, которые вліяютъ только на чувствительные центры головного мозга, производя въ нихъ то или иное молекулярное или химическое измѣненіе. Зрительныя галлюцинаціи периферическаго происхожденія, по наблюденіямъ Кандинскаго и др., продолжаются и при закрытыхъ глазахъ, центральныя же въ этомъ случаѣ исчезаютъ или замѣняются другими. При этомъ образы въ периферическихъ галлюцинаціяхъ „слѣдуютъ за движеніемъ глазъ; галлюцинаціи же, происходящія отъ центральныхъ причинъ, обыкновенно исчезаютъ при отводѣ отъ нихъ глазъ, смѣняясь новыми картинами; при обращеніи же быстро глазъ на прежнюю точку виднѣлись прежніе образы“. Здѣсь такимъ образомъ теорія о связи внѣшняго вида съ галлюцинаторными видѣніями, повидимому, пріобрѣтаетъ еще новое подтвержденіе.

Что касается исчезновенія галлюцинаторныхъ явленій, то въ этомъ отношеніи не наблюдается однообразія. Въ однихъ случаяхъ образъ внезапно исчезаетъ, въ другихъ онъ предварительно убѣгаетъ отъ галлюцинанта, наконецъ, бываетъ, что видѣніе постепенно блѣднѣетъ, дѣлается менѣе яснымъ и въ концѣ-концовъ таетъ въ воздухѣ.

Переходя къ вопросу объ условіяхъ, сопровождающихъ возникновеніе галлюцинацій, нельзя не сознаться, что тутъ еще нужны продолжительныя систематическія изслѣдованія. По Гризингеру, таковыми условіями являются: 1) мѣстное заболѣваніе органа чувствъ; 2) состояніе глубокаго тѣлеснаго или духовнаго истощенія; 3) болѣзненное состояніе духа, какъ страхъ; 4) внѣшній покой и тишина между сномъ и бодрствованіемъ; 5) дѣйствіе извѣстныхъ ядовъ, какъ, напримѣръ, гашиша, опія, белладоны и т. п. Къ этому нужно еще прибавить сосредоточеніе мысли на одномъ пунктѣ и возбужденіе въ опредѣленномъ направленіи фантазіи, что можетъ происходить отъ разныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ. Къ послѣднимъ должно отнести разнаго рода внушенія, которыя удаются легче во время гипнотическаго сна, но могутъ быть произведены и въ бодрственномъ состояніи. При этомъ вовсе не обязательно выраженіе внушенія словами,—можетъ быть и мысленное, а иногда, кромѣ того, и безсознательное внушеніе.

Прежде чѣмъ говорить о способахъ отличенія галлюцинаторнаго ощущенія отъ дѣйствительнаго, было бы небезполезно знать, представляютъ ли собою галлюцинаціи явленіе болѣзненное, или могутъ быть у людей психически *совершенно* здоровыхъ даже въ самый моментъ ложнаго воспріятія. Вопросъ этотъ остается до сихъ поръ открытымъ, такъ какъ мнѣнія ученыхъ въ этомъ отношеніи раздѣляются. Одни признаютъ галлюцинаціи явленіемъ безусловно болѣзненнымъ; другіе, напротивъ, значительную ихъ часть считаютъ

за нормальное проявленіе богатой духовной натуры; наконецъ, третьи, какъ, напримѣръ, Айрлендъ, находятъ, что галлюцинаціи „стоятъ на границѣ отъ здороваго состоянія къ болѣзни“. Которое изъ этихъ трехъ мнѣній правильнѣе, — рѣшить трудно, такъ какъ каждое имѣетъ за себя извѣстныя соображенія, но намъ кажется, что первое изъ нихъ, какъ слишкомъ крайнее, врядъ ли близко къ истинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно согласиться, что толпа народа, наблюдающая за дѣйствіями упоминаемаго въ началѣ настоящаго очерка фокусника, испытывающая при этомъ коллективныя галлюцинаціи и не подвергающаяся послѣ того, какъ разойдется, т.-е. выйдетъ изъ сферы вліянія престидижитатора, никакимъ обманамъ чувствъ,—можетъ быть признана хотя бы только на одинъ моментъ больною?

Допущеніе такого рода было бы, на нашъ взглядъ, большою натяжкою, которая къ тому же совершенно безполезна, такъ какъ все-таки нисколько не разъясняетъ вопроса о томъ, какимъ путемъ могла быть вызвана столь поразительная галлюцинація у цѣлой разноплеменной толпы народа. Въ томъ же, что это, дѣйствительно, былъ только обманъ чувствъ, полагаемъ, сомнѣній быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока на нашихъ глазахъ происходили явленія вродѣ поднятія человѣка на „небо“ по веревочной лѣстницѣ, ни къ чему не прикрѣпленной, появленіе неизвѣстно откуда фруктовъ, цвѣтовъ и т. п., мы еще можемъ недоумѣвать, сомнѣваться, но, все-таки, допускать, что присутствуемъ при одномъ изъ тѣхъ чудесныхъ проявленій неизслѣдованной *психической* силы, о которыхъ не разъ приходилось читать. Когда же восточный кудесникъ объявляетъ намъ, что въ наказаніе за дерзновенное желаніе получить предметы, которыхъ сами боги въ это время года не ниспосылаютъ,—ребенокъ, посланный на небо, долженъ умереть, и, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время съ неба летятъ окровавленныя части тѣла мальчика: руки, ноги, голова и т. д., или, въ другихъ случаяхъ, когда чародѣй, показавъ видъ, что разсерженъ на ребенка, вдругъ бросается на него и разрубаетъ на части, а обезумѣвшая отъ ужаса и негодованія толпа народа бросается на преступника, который, насладившись произведеннымъ эффектомъ, потомъ съ улыбкой соединяетъ окровавленные куски мяса и оживляетъ безвременно погибшаго,—тогда у насъ не можетъ уже быть сомнѣній, что видѣнное нами — галлюцинація, навожденіе. Мы видимъ, что это дѣло внушенія, подобнаго тому, какое дѣлаютъ наши ученые въ клиникахъ надъ нѣкоторыми паціентами, но несравненно болѣе совершеннаго, о которомъ намъ приходится пока еще только мечтать.

Тѣмъ не менѣе, для насъ все-таки ясно, что тутъ разница не въ сущности, а только въ степени. Если мы, присутствуя при опытахъ внушенія, такъ называемыхъ, отрицательныхъ галлюцинацій, въ первое время изумляемся тому, что паціентъ не только не видитъ какого-нибудь предмета или лица, но даже, по-видимому, различаетъ сквозь него находящіеся за нимъ другіе предметы, то, по зрѣломъ размышленіи, это вовсе уже не кажется намъ чудеснымъ, такъ какъ нерѣдко подобное явленіе, только въ болѣе слабой степени, приходится намъ наблюдать, когда мы подолгу отыскиваемъ какую-нибудь вещь, беремъ ее въ руки и все-таки не видимъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тою же галлюцинаціею...

Убѣдившись такимъ образомъ въ возможности видѣть несуществующее и не видѣть того, что представляетъ собою вполнѣ реальный предметъ или явленіе, и зная, что достиженіе такого результата возможно путемъ внушенія, мы уже можемъ до извѣстной степени представить себѣ, какимъ путемъ дѣлаются тѣ необыкновенные фокусы, о которыхъ разсказываютъ путешественники по востоку.

Но, спрашивается, что даетъ намъ право думать, что данное явленіе должно быть галлюцинаціею?

Невозможность наблюдаемаго съ точки зрѣнія науки и даже простого здраваго смысла? Но, вѣдь, если намъ приходится изслѣдовать такія явленія, которыя до сихъ поръ считались невозможными и однако въ настоящее время пріобрѣли горячихъ защитниковъ, то апріорное заявленіе о невозможности явленія было бы равносильнымъ отказу изслѣдованія неизвѣстнаго и предрѣшенію вопроса. Очевидно, стало-быть, такого рода критерій степени реальности наблюдаемыхъ явленій не можетъ быть признанъ заслуживающимъ вниманія, тѣмъ болѣе, когда послѣднія не представляютъ собою ничего кажущагося нелѣпымъ.

Галлюцинаціи могутъ иногда удваиваться, при надавливаніи на глазное яблоко или разсматриваніи образа черезъ призму исландскаго шпата, казаться перевернутыми, если наблюдать видѣніе черезъ телескопъ, давать, при особыхъ условіяхъ, послѣдовательные образы и т. д. Къ этому еще прибавимъ способность галлюцинаторныхъ видѣній давать въ зеркалѣ симметричные образы. Словомъ, тамъ, гдѣ наблюдатель пытается такъ или иначе путемъ собственныхъ чувствъ, хотя бы даже и съ помощью разныхъ опти-

ческихъ приборовъ, удостовѣриться въ реальности явленія, результаты оказываются отрицательными; свидѣтельства же лицъ, одновременно съ нимъ производившихъ наблюденіе, не могутъ быть принимаемы во вниманіе, въ виду возможности коллективной галлюцинаціи. Остается, стало-быть, прибѣгнуть къ какому-нибудь способу, при которомъ наши чувства не только бы не принимали участія, но и была бы возможность оставлять и на будущее время вещественное доказательство реальности явленія. При этомъ задача бы значительно упростилась, такъ какъ пришлось бы только позаботиться объ *устраненіи возможности обмана.*

Въ числѣ такого рода средствъ, гарантирующихъ отъ ошибокъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить примѣненіе фотографіи и вообще всякаго автоматическаго графическаго изображенія наблюдаемыхъ явленій; въ области звука той же цѣли можетъ удовлетворять,—опять-таки исключивъ возможность злоупотребленій,—фонографъ и т. д.

И дѣйствительно, примѣненіе фотографіи, съ цѣлью опредѣленія реальности явленій, оказало значительную услугу, хотя случаевъ такого рода примѣненія ея, исключающихъ возможность поддѣлки, было еще очень немного. Тѣмъ не менѣе, и теперь уже можно сказать, что многія поразительныя явленія, совершающіяся по волѣ восточныхъ фокусниковъ, представляютъ собою внушенныя коллективныя галлюцинаціи. Извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. Трое англичанъ, присутствовавшихъ на представленіи одного индуса, который продѣлывалъ подобные вышеописаннымъ фокусамъ поднятія мальчика по брошенной вверхъ веревкѣ или веревочной лѣстницѣ — на небо и т. д.,— для сличенія и контроля своихъ наблюденій примѣнили слѣдующій пріемъ. Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ записывалъ все, что видѣлъ и слышалъ, а другой все это срисовывалъ, третій сдѣлалъ рядъ фотографическихъ снимковъ. Оказалось, что оба первые наблюдателя, пользовавшіеся своими чувствами, представили результаты вполнѣ сходные съ общими ощущеніями толпы, которая видѣла всѣ необыкновенныя явленія поднятія на воздухъ и т. п.; зато третій представилъ снимокъ, на которомъ, кромѣ глазѣющей на фокусника толпы, была лишь фигура послѣдняго, съ приподнятою кверху головой, словно съ кѣмъ-то разговаривающаго, но никакихъ необыкновенныхъ явленій, свидѣтелями которыхъ была толпа зѣвакъ, не оказалось вовсе.

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, въ лицѣ фотографіи, а также фонографа и нѣкоторыхъ другихъ приборовъ, основанныхъ на томъ же принципѣ механическаго „записыванія“ явленій, наука пріобрѣла могущественное средство къ разоблаченію нѣкоторыхъ загадочныхъ феноменовъ [1]). (См. кн. В. Битнера: „Вѣрить или не вѣрить?“. Спб. 1899 г., стр. 32—45).

4. **Научное колдовство.** Въ настоящее время гипнотизеры вызываютъ явленія, весьма схожія съ тѣми, которыя въ средніе вѣка приписывались колдовству и за что виновныхъ предавали пыткамъ и сожженію. Позже, когда наука провозгласила самый фактъ колдовства несуществующимъ, вѣру въ таинственныя явленія признали суевѣріемъ и стали предавать насмѣшкамъ и глумленію. Но прошло еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и эти непризнанные и осмѣянные факты не только не заглохли, но возбудили общій интересъ и обратили на себя вниманіе людей науки, которые все болѣе и болѣе занимаются изслѣдованіемъ и наблюденіемъ этихъ загадочныхъ явленій. Весьма интересные опыты въ этомъ отношеніи были сдѣланы докторомъ Люисомъ (Dr. Luys), членомъ французской академіи и старшимъ врачомъ больницы Сальпетріеръ въ Парижѣ.

Къ затылку загипнотизированной прикладываютъ маленькую скляночку, плотно закупоренную и вдобавокъ еще припечатанную — и съ этой особой дѣлается припадокъ удушья, словно она наглоталась дыму. И это только оттого, что въ пузырькѣ, помимо ея вѣдома, заключалось немного дыму. Далѣе, загипнотизированной прикладываютъ плотно закупоренный пузырекъ съ алкоголемъ, и вскорѣ она начинаетъ проявлять всѣ признаки полнаго опьяненія. Если опьянѣвшая женщина подастъ руку другому загипнотизированному субъекту, мужчинѣ, и магнитомъ проведутъ нѣсколько пассовъ отъ женщины къ мужчинѣ, то и на послѣднемъ окажутся симптомы опьяненія. Это такъ называемый трансфертъ (переносъ) искусственно вызваннаго опьяненія съ одного человѣка на другого. Какъ не вспомнить при этомъ того почтеннаго американскаго сенатора, который, будучи строгимъ послѣдователемъ общества трезвости, не пилъ ничего за обѣдомъ кромѣ воды, а между тѣмъ всталъ изъ-за стола сильно охмѣлѣвшимъ только потому, что ему пришлось сидѣть между двумя пріятелями, изъ которыхъ одинъ пилъ водку, а другой виски (крѣпкое хлѣбное вино).

[1]) Но кромѣ этихъ средствъ различить субъективныя галлюцинаціи отъ объективныхъ, реальныхъ событій есть и другія средства. Если, напр., явившійся образъ указываетъ что-либо или предсказываетъ, и это сбывается, то явно, что это не галлюцинація. Такъ, явленіе ангела сотнику Корнилію съ приказаніемъ пригласить для наставленія въ вѣрѣ ап. Петра, очевидно, не было галлюцинаціей. *Прот. Г. Д—к.*

Но у д-ра Люиса мы находимъ еще гораздо болѣе интересные случаи воздѣйствія на разстояніи нѣкоторыхъ веществъ.

Напримѣръ, загипнотизированному надѣваютъ на голову намагнитизированный желѣзный обручъ, — по объясненію д-ра Люиса — воспринявшій въ себя мысли и идеи больного, страдающаго маніей преслѣдованія и подверженнаго галлюцинаціямъ. Субъектъ, до тѣхъ поръ казавшійся веселымъ и довольнымъ, дѣлается боязливымъ и подозрительнымъ, какъ только обручъ коснулся его головы. — „За мной гонятся! я не могу уйти отъ нихъ, они меня мучаютъ!" кричалъ онъ, но сейчасъ успокоился, когда съ него сняли обручъ. Подобныя свойства магнитическаго кольца сохраняются въ немъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и д-ръ Люисъ утверждаетъ, что въ его практикѣ бывали случаи, гдѣ для излѣченія больныхъ прибѣгали къ употребленію головныхъ уборовъ подобнаго рода, и что такое лѣченіе давало благопріятные результаты.

Подобные опыты объясняютъ возможность вѣры въ прежнее колдовство, а люди, ближе изучавшіе этотъ вопросъ, знаютъ, что бываютъ случаи особенной податливости и безъ гипноза, т.-е. гдѣ субъектъ не переходитъ въ другое состояніе. Особенно высокой чувствительностью, или сенситивностью, какъ напримѣръ, американскій сенаторъ, о которомъ было говорено выше, отличаются всѣ такъ-называемые *психометры*, и это свойство попадается гораздо чаще, чѣмъ вообще думаютъ [1]). У человѣка, ведущаго жизнь умѣренную и согласную природѣ, способность эта усиливается. По всей вѣроятности, большая часть субъектовъ, съ которыми Люисъ производилъ свои опыты, оказались бы податливы и для непосредственной передачи мысли, но этимъ вопросомъ д-ръ Люисъ еще не занимается.

Передача извѣстныхъ чувствъ черезъ посредство желѣзнаго обруча есть только повтореніе давно извѣстнаго опыта Месмера— перенесеніе органическаго (животнаго) магнитизма одного лица на другое или на нѣсколько другихъ лицъ посредствомъ какого-нибудь вещества, заряженнаго магнитизмомъ перваго лица. Чаще всего для этого употребляется вода для питья, но ее можно замѣнить, и вполнѣ успѣшно, частями одежды или другими какими-либо вещами, которыя извѣстное лицо носило на себѣ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. На этомъ и основывается, главнымъ образомъ, дѣйствіе такъ называемаго „талисмана". Всѣ такъ называемыя психометрическія наблюденія основываются на томъ же свойствѣ воздѣйствія магнитизма, причемъ употребляются обыкновенно простыя письма, въ которыхъ бумага заряжается (или насыщается) магнитизмомъ пишущаго въ то время, пока рука его водитъ по ней перо. („Сфинксъ" 1893 г., май; сн. „Ребусъ" 1894 г. № 23).

[1]) Сенситивность у психометровъ доходитъ до такой высокой степени, что они могутъ, напримѣръ, опредѣлять характеръ человѣка не по его почерку, какъ дѣлаютъ графологи, а прямо подъ магнитическимъ вліяніемъ письма ощущаемымъ ими въ то время, пока они его держатъ въ рукѣ.

5. Выдающійся случай гипнотическаго внушенія.

(Письмо въ редакцію «Ребуса» [1]).

М. г.! Позвольте подѣлиться съ вашими читателями фактомъ, имѣющимъ научный интересъ и касающимся важнаго вопроса науки — примѣненія гипнотическаго внушенія къ лѣченію болѣзней. Въ общей прессѣ очень мало говорилось отъ имени самыхъ лицъ, воспользовавшихся этимъ новымъ и еще малоизвѣстнымъ способомъ лѣченія. Позвольте же мнѣ поговорить о себѣ, о томъ важномъ для меня пріемѣ лѣченія, который сдѣлалъ меня изъ несчастной 15-лѣтней страдалицы совершенно здоровымъ человѣкомъ. Всѣ страшныя операціи, которымъ я подверглась, оказались совершенно напрасными, и только одно гипнотическое внушеніе вернуло меня къ жизни. Вотъ моя правда.

Еще до замужества я страдала разстройствомъ нервовъ, а послѣ замужества, въ 1868 г., заболѣла женскою болѣзнью, которая усилилась послѣ родовъ, и съ тѣхъ поръ я почти не переставала лѣчиться. Морскія купанья, лиманъ, гидропатія, массажъ и проч., смѣняли другъ друга. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я пользовалась у профессора Снегирева, который съ большимъ сочувствіемъ относился къ моимъ страданіямъ, испробовалъ всевозможные способы лѣченія, дѣлалъ небольшія операціи и, наконецъ, рѣшилъ, что операція laparatomiae необходима. Того же мнѣнія были и профессора Славянскій и Красовскій.

16 ноября 1889 г. проф. Ольсгаузенъ въ Берлинѣ сдѣлалъ мнѣ эту серьёзную операцію (laparatomiae), но страданія не прекратились.

Профессора Снегиревъ и Кожевниковъ, д-ръ Ротъ и др., старались уменьшить мои страданія, но напрасно. Я уже едва вставала съ постели, и произвести даже маленькое движеніе стоило мнѣ невѣроятныхъ усилій. Тогда проф. Снегиревъ 3 декабря 1891 года сдѣлалъ мнѣ еще болѣе ужасную операцію— extirpatio uteris totalis, т.-е. вырѣзалъ окон-

[1]) Газеты «Новости дня».

чательно всѣ внутренніе органы. Операція прошла благополучно, но страданія не уменьшились. Изъ клиники проф. Снегирева меня перевели въ клинику проф. Черинова, но здѣсь положеніе мое настолько ухудшилось, что меня стали возить въ креслѣ. Ходить я уже не могла.

Домой меня перевезли вотъ въ какомъ положеніи: невыносимыя боли всего позвоночника, поясницы, въ области печени, головы и въ сердцѣ, невральгія половины лица, почти полное онѣмѣніе лѣвой половины тѣла съ повышенной чувствительностью, безсонница, ежедневно нѣсколько истерическихъ припадковъ, отвращеніе къ пищѣ; желудокъ не дѣйствовалъ по десяти и болѣе дней, почки дѣйствовали плохо. Кромѣ того, едва я закрывала глаза, я испытывала ужасное чувство паденія, — и точно летѣла куда-то внизъ. Чтобы хотя немного уменьшить мои страданія, мнѣ впрыскивали морфій, и я уже не могла жить безъ него. Расположеніе духа постоянно угнетенное и апатичное. Вотъ въ какомъ положеніи находилась я въ тотъ моментъ, когда вздумала примѣнить къ себѣ гипнотическое внушеніе. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года мужъ мой обратился къ извѣстному гипнотизатору О. И. Фельдману съ просьбой примѣнить ко мнѣ его опытность.

Уже послѣ первыхъ сеансовъ я почувствовала значительное облегченіе, а послѣ цѣлаго ряда систематическихъ сеансовъ и окончательно выздоровѣла. 12-е іюля 1892 г. было днемъ, который навсегда останется въ моей памяти. Мои слишкомъ 15-лѣтнія страданія исчезли, и я въ настоящее время совершенно здоровый человѣкъ. Хожу много, сонъ мой, аппетитъ, желудокъ прекрасны, и вообще я чувствую себя бодрой, какъ никогда во всю свою жизнь. О существованіи же морфія я давно забыла.

Примите и проч.

Жена инженеръ-технолога *Р. И. Хессинъ*. („Ребусъ“ 1893 г., № 8).

6. **Разсказы о гипнотическихъ внушеніяхъ.** Въ книгѣ Е. Блаватской разсказанъ замѣчательный случай гипнотизма. Одинъ индусъ, знакомый съ тайными науками своей родины, по имени Такуръ-Саиба, могъ *заставить* силою воли другое лицо (художника) видѣть и рисовать не то, что было предъ его глазами, а тотъ именно видъ, который задумалъ этотъ индусъ. Приведемъ небольшую выдержку изъ этого разсказа.

— Я кончилъ, — вздохнулъ У*** (художникъ),—торопливо собирая папку и краски.

— Дайте посмотрѣть,—лѣзли къ нему проснувшаяся Б*** и подошедшій полковникъ.

Мы взглянули на свѣжій, еще мокрый рисунокъ, и остолбенѣли; вмѣсто озера съ его синѣющимъ въ бархатистой дали вечерняго тумана лѣсистымъ берегомъ, предъ нами являлось прелестное изображеніе морского вида. Густые оазисы стройныхъ пальмъ, разбросанные по изжелта-бѣлому взморью, заслоняли приземистый, похожій на крѣпость, туземный бѣнглоу, съ каменными балконами и плоской крышей. У дверей бѣнглоу—слонъ, а на гребнѣ пѣнящейся бѣлой волны — привязанная къ берегу туземная лодка.

— Да гдѣ же вы взяли *этотъ* видъ? — недоумѣвалъ полковникъ. — Для того чтобы рисовать виды изъ головы не стоило и сидѣть на солнцѣ...

— Какъ изъ головы? — отозвался возившійся съ папкой У***. — Развѣ озеро не похоже?

— Какое тутъ озеро! Вы рисовали видно во снѣ.

Въ это время вокругъ полковника столпились всѣ наши спутники, и рисунокъ переходилъ изъ рукъ въ руки. И вотъ Нараянъ (спутникъ индуса Такуръ-Саиба), въ свою очередь ахнулъ и остановился въ полномъ изумленіи.

— Да это „Дайри-боль“, помѣстье Такуръ-Саиба! — провозгласилъ онъ. — Я узнаю его. Въ прошломъ году, во время голода, я жилъ тамъ два мѣсяца.

Я (Е. Блаватская) первая поняла въ чемъ дѣло, но молчала. Уложивъ вещи, У*** подошелъ, наконецъ, по своему обыкновенію, вяло и не торопясь, какъ будто сердясь на глупость зрителей, не узнавшихъ въ морѣ озера.

— Полноте шутить и выдумывать; пора ѣхать. Отдайте мнѣ эскизъ...—говорилъ онъ намъ.

Но, получивъ его, онъ при первомъ взглядѣ страшно поблѣднѣлъ. Жаль было смотрѣть на его глупо-растерянную физіономію. Онъ поворачивалъ злополучный кусокъ бристоля во всѣ стороны: вверхъ, внизъ, на изнанку и не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Затѣмъ онъ бросился, какъ угорѣлый, къ уложенной уже папкѣ и, сорвавъ завязки, разметалъ въ одну секунду сотню эскизовъ и бумагъ, какъ бы ища чего-то... Не найдя желаемаго, онъ снова принялся за рисунокъ, и вдругъ, закрывъ лицо руками, обезсиленный и точно сраженный, опустился на песокъ.

Мы всѣ молчали, изрѣдка переглядываясь и даже забывая отвѣчать Такуру, стоявшему уже на паромѣ и звавшему насъ ѣхать.

— Послушайте У***,—ласково заговорилъ съ нимъ добродушный полковникъ, словно обращаясь къ больному ребенку. — Скажите, вы помните, что *вы* рисовали этотъ видъ?..

Англичанинъ долго молчалъ, наконецъ, произнесъ хриплымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Да, помню все. Конечно, я его рисовалъ съ натуры, *рисовалъ то что видѣлъ во все время предъ своими глазами.* Вотъ это-то и есть самое ужасное [1]).

— Но почему же „ужасное"? Просто временное вліяніе одной могучей воли надъ другою, менѣе мощною. Вы просто находились подъ „біологическимъ вліяніемъ", какъ говорятъ д-ръ Карпентеръ и Круксъ.

— Вотъ это именно и страшитъ меня. Теперь припоминаю все. Болѣе часа я рисовалъ этотъ видъ: я его увидалъ съ первой минуты на противоположномъ берегу озера и, видя его *во все время,* не находилъ въ этомъ ничего страннаго. Я вполнѣ сознавалъ или скорѣе воображалъ, что рисую то, что всѣ видятъ предъ собою. Я совершенно утратилъ воспоминаніе о берегѣ, какъ я его видѣлъ за минуту до того и какъ я его снова вижу. Но какъ объяснить это? Великій Боже! неужели эти проклятые индусы дѣйствительно обладаютъ тайной такого могущества? Полковникъ, я сойду съ ума если бы мнѣ пришлось вѣрить всему этому!..

— Но за то, шепнулъ ему Нараянъ съ блескомъ торжества въ пылающихъ глазахъ,— вы теперь не въ состояніи болѣе отвергать великую, древнюю науку *йогъ-видъи* моей родины!.. (См. соч. Е. П. Блаватской: „Изъ пещеръ и дебрей Индостана").

Приведемъ еще нѣсколько разсказовъ о гипнотическихъ состояніяхъ, заимствованныхъ нами изъ сочиненія д-ра Карпентера: „Физіологія ума", т. II.

Можно придать необыкновенную силу тому или другому комплексу мускуловъ гипнотизированнаго субъекта, увѣривъ его, что требуемое отъ него дѣйствіе можетъ быть выполнено имъ безъ всякаго усилія. Авторъ видѣлъ, какъ одинъ изъ субъектовъ м-ра Брэда,—человѣкъ, отличавшійся такою слабостью физическаго развитія, что въ обыкновенномъ состояніи не могъ поднять двадцатифунтовой гири,—подымалъ на мизинцѣ двадцатипятифунтовую висячую гирю и вертѣлъ ее вокругъ своей головы съ величайшей видимой легкостью только потому, что его увѣрили въ томъ, что гиря очень легка.

Въ другой разъ онъ взялъ пятидесятифунтовую гирю послѣднимъ суставомъ указательнаго пальца и поднялъ ее до колѣнъ. Личный характеръ этого индивидуума ставилъ его во мнѣніи людей, хорошо его знавшихъ, выше всякихъ подозрѣній въ обманѣ, невозможность котораго въ данномъ случаѣ была для опытнаго глаза очевидна уже и изъ того, что если бы господинъ этотъ практиковался въ подобныхъ штукахъ (которыя весьма немногіе даже сильные люди могли бы продѣлать безъ предварительной подготовки), то результатъ практики обнаружился бы въ его мускульномъ развитіи. Слѣдовательно, когда тотъ же субъектъ объявилъ потомъ, что, несмотря на всѣ усилія, онъ не можетъ взять со стола платокъ, послѣ того, какъ его увѣрили, что онъ не въ силахъ сдвинуть платокъ съ мѣста, то не было причины сомнѣваться въ искренности его убѣжденія, основаннаго на такой же внушенной ему извнѣ идеѣ, какъ и первое, заставившее его выполнить дѣйствія, считавшіяся для него совершенно невозможными. Всякому физіологу извѣстно, что при обыкновенномъ волевомъ сжатіи мускуловъ мы употребляемъ только небольшую часть своей силы, между тѣмъ какъ при конвульсивномъ сжатіи (какъ долженъ знать всякій опытный врачъ) обнаруживается гораздо болѣе силы, нежели могла бы вызвать къ дѣйствію воля.

Точно также и другія движенія мускуловъ могутъ быть вызываемы посредствомъ исключительнаго сосредоточенія вниманія гипнотизируемаго субъекта на ихъ выполненіи, къ которому въ состояніи бодрствованія тотъ же индивидуумъ можетъ быть совершенно неспособенъ. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ примѣровъ этихъ явленій представляетъ точное подражаніе вокальнымъ упражненіямъ небезызвѣстной пѣвицы, Дженни Линдъ, одной фабричной дѣвушки, которая не получила никакого музыкальнаго развитія и даже на своемъ родномъ языкѣ говорила неправильно. Автора увѣряли очевидцы, которымъ можно вполнѣ вѣрить, что эта дѣвушка въ гипнотическомъ состояніи повторяла пѣсни шведскаго соловья на различныхъ языкахъ такъ быстро и такъ вѣрно —и слова и музыку,—что трудно было различить оба голоса между собою. Чтобы испытать, до чего можетъ дойти способность къ подражанію этой сомнамбулы, Дженни Линдъ импровизировала при ней трудное хроматическое упражненіе, которое та переняла съ совершенной точностью, хотя въ состояніи бодрствованія, разумѣется, не осмѣлилась бы и пытаться выполнить что-нибудь подобное.

Равнымъ образомъ, авторъ много разъ былъ свидѣтелемъ того, до какой невѣроятной степени можетъ доходить чувствительность гипнотизированнаго субъекта къ какому-нибудь отдѣльному классу впечатлѣній; это явленіе, какъ и предшествующія, вытекаетъ изъ полнаго поглощенія вниманія своимъ предметомъ. Такъ, авторъ видѣлъ, какъ одинъ юноша въ гипнотическомъ состояніи

[1]) У*** сохраналъ этотъ рисунокъ, но никогда не намекаетъ на его происхожденіе.

нашелъ по запаху владѣльца перчатки въ обществѣ изъ шестидесяти или болѣе человѣкъ; онъ нюхалъ каждаго по очереди до тѣхъ поръ, пока не напалъ на владѣльца перчатки. Въ другой разъ собственникъ кольца, снятаго съ пальца прежде, чѣмъ въ комнату ввели гипнотизированнаго субъекта, былъ указанъ между двѣнадцатью особами. Въ иныхъ случаяхъ, изъ которыхъ многіе авторъ тоже наблюдалъ лично, необыкновенно сильно развивается чувство температуры: самыя легкія колебанія температуры, неощутимыя для обыкновеннаго осязанія, опредѣляются сразу, а болѣе значительныя измѣненія, напримѣръ, пущенная въ открытую дверь струя холоднаго воздуха, вызываютъ самыя болѣзненныя ощущенія.

Но есть еще одинъ пунктъ, — пунктъ весьма важный, вслѣдствіе своего отношенія къ предполагаемой *цѣлительной* силѣ месмеризма и спиритизма. Знающіе физіологи вполнѣ допускаютъ вліяніе „выжидательнаго вниманія“ на органическія отправленія нашего тѣла, поэтому не трудно допустить и дальнѣйшее положеніе, а именно: что большая степень *сосредоточенія* вниманія, достигаемая въ гипнотическомъ состояніи, должна произвести и болѣе поразительные результаты. Пульсаціи сердца и дыхательныя движенія могутъ быть ускоряемы и замедляемы; различныя выдѣленія могутъ видоизмѣняться, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ. Вотъ поразительные примѣры этого рода:

Одна дама, бросившая кормить вслѣдствіе потери молока, когда ребенку было тринадцать мѣсяцевъ, была загипнотизирована м-ромъ Брэдомъ и, пока она находилась въ гипнотическомъ состояніи, онъ дѣлалъ пассы надъ ея правой грудью, чтобы привлечь ея вниманіе на эту грудь. Черезъ нѣсколько минутъ она приняла такую позу, какую принимаютъ женщины, когда держатъ ребенка у груди, и вскорѣ грудь наполнилась молокомъ, при видѣ чего, проснувшись, она выразила величайшее удивленіе. Приливъ молока къ правой сторонѣ продолжался, и чтобы возстановить симметрію ея фигуры, м-ръ Брэдъ произвелъ ту же манипуляцію и надъ другой грудью, послѣ чего у нея еще въ теченіе девяти мѣсяцевъ былъ обильный запасъ молока.

Авторъ знаетъ и другіе случаи, въ которыхъ выдѣленія, пріостановленныя вслѣдствіе какого-нибудь болѣзненнаго процесса, бывали возобновляемы этимъ способомъ. Авторъ убѣжденъ, что, если примѣнить этотъ способъ съ разборомъ и знаніемъ дѣла, онъ займетъ мѣсто одного изъ наиболѣе могущественныхъ методовъ лѣченія, находящихся во власти врача. Проводникъ вліянія тутъ, очевидно *сосудо-двигательная* нервная система, которая хотя и не подчиняется прямо волевому контролю, но находится въ сильной зависимости отъ эмоціональныхъ состояній. (См. „Физіологію ума“, д-ра Карпентера, т. II, стр. 167—170).

7. **Самовнушеніе.** Внушенія могутъ итти не только отъ лицъ постороннихъ субъекту, но и отъ самого субъекта. Такія внушенія извѣстны подъ именемъ самовнушеній (autosuggestion). Примѣромъ ихъ могутъ служить вызванныя „мнительностью“ болѣзни. Самая обыкновенная и общественная изъ нихъ — психическое половое безсиліе. Всѣмъ также извѣстно, что студенты медики, занимающіеся изученіемъ той или другой болѣзни, нерѣдко считаютъ себя страдающими ею [1]).

Самовнушенія могутъ происходить и посредствомъ галлюцинацій. Въ этихъ случаяхъ самовнушеніе иногда ведетъ къ болѣзненнымъ результатамъ, но иногда оно можетъ имѣть и исцѣляющее дѣйствіе. Въ примѣръ можно привести разсказъ сестры Жанны Дезанжъ (XVII в.) объ исцѣленіи ея св. Іосифомъ.

Эта сестра нѣсколько дней страдала сильной болью въ боку, которую врачъ не могъ исцѣлить никакими средствами. Сестра уже собиралась умирать, какъ вдругъ узрѣла св. Іосифа „въ образѣ и подобіи человѣка. Онъ сіялъ (разсказываетъ сестра) ярче солнца, у него были длинные волосы, каштановая борода. Съ несвойственнымъ людямъ величіемъ онъ положилъ руку на мой правый бокъ, гдѣ у меня была самая сильная боль; мнѣ казалось, что онъ сдѣлалъ въ этой части помазаніе, послѣ чего я почувствовала, что жизнь моя возвратилась, и я совершенно выздоровѣла“ [2]) и пр.

Изъ явленій, вызываемыхъ самовнушеніемъ, обращаютъ на себя особое вниманіе анестезія и анальгезія (отсутствіе общей чувствительности и болевой чувствительности). Самовнушенными анестезіей и анальгезіей объясняется нечувствительность различнаго рода экстатиковъ и фанатиковъ къ страданіямъ при самоистязаніяхъ, мукахъ и пыткахъ, напримѣръ, безболѣзненное самоистязаніе факировъ и другихъ аскетовъ, стойкость средневѣковыхъ вѣдьмъ и колдуновъ при пыткахъ и пр. [3]). Самовнушеніе можетъ даже замѣнить муки блаженствомъ. (Экстазы при мукахъ). (См. кн. проф. А. Гилярова: „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко“, Кіевъ 1894 г., стр. 177—178).

[1]) Bernheim, Hypnotisme, p. 27.

[2]) Gilles de la Tourette, Soeur Jeanne des Anges, pp. 190—199.

[3]) Bernheim, De la Suggestion, p. 125 — 127.

8. **Примѣры гипнотическихъ исцѣленій.** Выбирать примѣры исцѣленій изъ современной практики нѣтъ возможности. Случаевъ засвидѣтельствовано такъ много и столь многими авторами, что выборъ становится затруднительнымъ. Однако оставлять безъ фактическихъ объясненій столь важный вопросъ было бы нецѣлесообразнымъ.

Мы ограничимся случаями исцѣленія контрактуръ, параличей, слѣпоты, нѣмоты, глухоты, разстройства обонянія, примѣрами дѣйствія на сосудодвигательную и секреторную системы,—предоставляя во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ слово Брэду [1]).

а) *Исцѣленіе контрактуры руки.* „Вѣсною 1842 года ко мнѣ была привезена одна дѣвица при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ее внезапно схватили сильныя и чрезвычайно болѣзненныя тоническія судороги руки, кулакъ былъ крѣпко сжатъ, рука согнута. Мужская и женская прислуга гостиницы напрягали всѣ усилія, чтобы раскрыть пальцы и разогнуть руку, но не были въ состояніи этого сдѣлать. Одинъ очень почтеный врачъ прописалъ лѣкарство и большую мушку къ затылку; но такъ какъ симптомы ухудшались, позвали меня. Я тотчасъ же понялъ, что имѣю дѣло съ случаемъ истеріи, загипнотизовалъ больную и вызвалъ щекотаніемъ кожи надъ разгибающими мышцами дѣйствіе послѣднихъ и этимъ уменьшилъ сокращенія сгибающихъ мускуловъ, такъ что мнѣ въ нѣсколько минутъ удалось раскрыть пальцы и разогнуть руку и слѣдовательно исполнить то, что понапрасну старались сдѣлать сильные люди, несмотря на величайшее напряженіе. Больная послѣ этого выздоровѣла и больше никогда не испытывала такого припадка“ [2]).

б) *Исцѣленіе контрактуры шеи.* „Около мѣсяца спустя, ко мнѣ была привезена шестнадцатилѣтняя очень образованная дѣвушка изъ Ньюэрка въ Нотингэмширѣ. Она прибыла въ сопровожденіи доктора Чоунера и своего отца, которые мнѣ сообщили, что голова больной уже полгода пригнута къ лѣвому плечу, къ которому прилегла такъ плотно, что не было возможности просунуть карты между ней и плечомъ. Врачомъ были употреблены понапрасну всѣ средства; судорога продолжалась непрерывно день и ночь даже и тогда, когда сонъ бывалъ вызванъ опіумомъ. Точно также осталась безуспѣшной консультація съ сэромъ Бенжаменомъ Броди, и когда я увидалъ больную, она находилась въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Голова была такъ крѣпко притянута къ плечу, что мнѣ при всѣхъ усиліяхъ было невозможно отогнуть ее хотя немного. Поэтому я загипнотизовалъ больную, попросивъ ее пристально смотрѣть на новый ланцетный футляръ, который я держалъ въ разстояніи отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ надъ ея лбомъ. Вѣки очень быстро закрылись при наступленіи дрожанія, которое такъ характеристично для перехода въ гипнотическую стадію. Тогда я поднялъ ея руки и ноги, чтобы привести ихъ въ каталепсію и ускорить циркуляцію, и породилъ такимъ образомъ состояніе возбужденія въ чувствилищѣ и спинномъ мозгу. Когда она, спустя нѣсколько минутъ, пришла въ состояніе удобное для воздѣйствія на мускульную систему, я началъ слегка щекотать кожу на правой сторонѣ шеи и такимъ образомъ возбудилъ къ дѣятельности подлежащіе мускулы, такъ какъ зналъ, что такимъ способомъ всего скорѣе и легче могутъ быть устранены контрактуры лѣвыхъ шейныхъ и затылочныхъ мускуловъ. Такимъ образомъ мнѣ удалось искусствомъ, а не силою, отогнуть голову отъ лѣваго плеча и склонить ее къ правому плечу. Мнѣ удалось столь же легко дать головѣ измѣненное положеніе, какъ удается матери склонить съ одной стороны на другую голову спящаго ребенка. Предоставивъ больную самой себѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ измѣненнымъ положеніемъ головы, я ее разбудилъ легкимъ ударомъ позади уха, и къ изумленію больной и ея друзей голова приняла совершенно прямое положеніе. Когда я ее посѣтилъ на слѣдующее утро, она читала книгу, держа голову прямо. Но такъ какъ оставался легкій изгибъ позвоночнаго столба, я ее загипнотизировалъ въ стоячемъ положеніи и старался во время сна выпрямить спинной хребетъ манипуляціями. Послѣ того, какъ это мнѣ удалось, я ее разбудилъ, и голова и спинной хребетъ сохранили и впослѣдствіи нормальное положеніе“ [1]).

в) *Исцѣленіе параличей и контрактуръ ноги.* „11 августа 1853 года д-ръ Джонстонъ прислалъ ко мнѣ 23-лѣтнюю даму изъ Вервича на Твидѣ, страдавшую въ теченіе четырехъ лѣтъ неполнымъ параличомъ лѣвой нижней конечности, которую она волочила позади правой. Несмотря на стараніе д-ра Джонстона и на письменный совѣтъ сэра Бенжамена Броди, болѣзнь все ухудшалась, и профессоръ Саймъ въ Эдинбургѣ, который внимательно изслѣдовалъ позвоночный хребетъ и нашелъ его здоровымъ, могъ лишь посовѣтовать улучшеніе общаго положенія и частое пользованіе свѣжимъ воздухомъ...

---

[1]) Цитаты по Preyer, Der Hypnotismus, Ausgewählte Schriften von Braid, Berl. 1882. Оригинальныя сочиненія Брэда давно стали библіографической рѣдкостью.

[2]) Observations on the nature and treatment of certain forms of paralysis, Lond., 1855, pp. 248—249 Preyer.

[1]) Pp. 249—250.

Больная посѣтила меня въ сопровожденіи своей матери. Она была высокая, красивая и образованная молодая дама, хорошо сложенная, и производила, когда сидѣла, впечатлѣніе юности и свѣжести. Но, когда она пыталась ходить, бросался въ глаза параличъ лѣвой ноги, которую она дотаскивала лишь до пятки другой ноги, причемъ ступня была выворочена. Мнѣ было не трудно узнать природу болѣзни, такъ что я тотчасъ же могъ дать матери и дочери увѣреніе что съ этимъ случаемъ скоро справлюсь. Посадивъ больную въ удобное кресло, я ее загипнотизовалъ, выпрямилъ члены и пытался своими манипуляціями вызвать измѣненіе въ состояніи мускуловъ. Послѣ того, какъ я ее разбудилъ черезъ десять минутъ, она была въ состояніи пройти по комнатѣ, приподняла при этомъ лѣвую ногу и поставила ее, какъ слѣдуетъ, впереди другой, чего она не была въ состояніи дѣлать цѣлые четыре мѣсяца. Хотя она нѣсколько еще хромала, однако и она и мать были сильно поражены улучшеніемъ и легкостью, съ которой оно было произведено. Повтореніе гипнотизированія на другое утро сдѣлало улучшеніе еще очевиднѣе, и послѣ слѣдующаго повторенія, вечеромъ того же дня, она была въ состояніи безъ всякаго затрудненія ходить по комнатѣ. Послѣ четвертаго гипнотизированія на слѣдующее утро больная стала ходить съ граціей королевы и подвижностью сильфиды, поѣхала непосредственно послѣ этого въ городъ и посѣтила нѣсколько магазиновъ на различныхъ улицахъ, какъ будто у нея никогда не было паралича. Такъ какъ мускулы на другой нижней конечности точно также были нѣсколько поражены, то я пользовалъ даму еще мѣсяцъ, чтобы упрочить результаты лѣченія, послѣ чего она возвратилась домой сильной и крѣпкой и въ теченіе года была совершенно здорова.

Лѣтомъ 1854 года она настолько окрѣпла, что была въ состояніи взбираться на Шотландскія горы такъ же храбро, какъ ея подруги, но въ теченіе осени ея силы истощились вслѣдствіе частыхъ выѣздовъ и заботъ, такъ что въ концѣ сентября снова обнаружился параличъ. Такъ какъ онъ не прекращался въ теченіе трехъ недѣль, то больную снова привезли ко мнѣ, причемъ ея мать выразила опасеніе, что гипнотизированіе поможетъ не такъ скоро, какъ прежде, такъ какъ общее состояніе было менѣе благопріятно. Онѣ прибыли въ Манчестеръ въ 8 часовъ вечера, и послѣ того какъ нѣсколько отдохнули, я сказалъ имъ, что больная получитъ способность ходить, прежде чѣмъ ляжетъ спать. Мать больной не повѣрила, но я загипнотизировалъ послѣднюю и поступилъ при этомъ такъ же, какъ въ первый разъ, такъ что по истеченіи четверти часа параличъ совершенно исчезъ, и больная была въ состояніи ходить по комнатѣ безъ всякаго затрудненія. По вторичномъ загипнотизированіи на слѣдующее утро больная чувствовала себя такой же крѣпкой, какъ прежде; точно также было устранено ухудшеніе общаго состоянія, внушавшаго матери такое большое опасеніе, и параличъ съ тѣхъ поръ не возвращался" [1]).

Возможность быстраго устраненія истерическихъ контрактуръ и параличей, какъ при помощи гипнотизма, такъ и безъ него, въ настоящее время такой общеизвѣстный фактъ, что частныя сопоставленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ были бы излишни. Вмѣсто ссылокъ на томы и страницы достаточно отослать къ извѣстнымъ работамъ Шарко и его школы по истеріи.

Заслуживаетъ вниманія, что Брэдъ въ объясненіи и способѣ исцѣленія психическихъ контрактуръ и параличей стоитъ на одной почвѣ съ школой Шарко.

„Лицамъ, незнакомымъ съ гипнотическимъ лѣченіемъ, эти исцѣленія (говоритъ онъ) могутъ показаться чудесными, и однако же они, съ моей точки зрѣнія на подобныя страданія, могутъ быть объяснены естественнымъ образомъ. Если больной находится во власти опредѣленныхъ идей, подъ вліяніемъ которыхъ невольно сокращаются извѣстные мускулы, то послѣдніе понемногу становятся оцѣпенѣлыми. Сила воли паціентовъ въ этихъ случаяхъ бываетъ неспособна преодолѣть болѣзненное состояніе, и при употребленіи механической силы болѣзнь вслѣдствіе раздраженія мускуловъ усиливается еще болѣе; напротивъ, въ состояніи гипноза можно безъ труда уничтожить контрактуры... Если возбудить антагонисты сокращенныхъ мускуловъ щекотаніемъ кожи, то контрактура послѣднихъ исчезаетъ. Такимъ образомъ нервный сонъ самъ собою не производитъ исцѣленія, но лишь позволяетъ, пока продолжается, подавить неотвязныя идеи, невольно дѣйствующія на данный мускулъ, а затѣмъ и вовсе устранить эти идеи" [2]).

г) *Исцѣленіе слѣпоты.* „19 іюня 1854 г. обратилась ко мнѣ за совѣтомъ миссъ R. За годъ передъ этимъ она страдала воспаленіемъ глазъ, заставившимъ ее въ теченіе мѣсяца оставаться въ комнатѣ. Впослѣдствіи она получила поврежденіе лѣвой стороны головы вслѣдствіе паденія на нее бревна; спустя два дня послѣ этого обнаружились сильныя боли въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ,

---

[1]) Pp. 250—253.

[2]) Hypnotic therapeutics, Monthly Journal of Medical Science, July 1853, p. 203 Preyer.

и она вдругъ ослѣпла на лѣвый глазъ при расширеніи зрачка. Благодаря врачебной помощи, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ зрѣніе отчасти возстановилось. Въ началѣ января 1854 года она вдругъ во время чтенія ослѣпла на другой глазъ точно также при расширеніи зрачка. Спустя немного дней, она нагнулась у камина и, вставая, ударилась о карнизъ камина тѣмъ же мѣстомъ головы, которое было раньше повреждено, послѣ чего лѣвый глазъ вновь ослѣпъ, такъ что она потеряла зрѣніе на оба глаза. Тогда она была отправлена своимъ домашнимъ врачомъ къ знаменитому глазному врачу сэру Уильду въ Дублинѣ, вслѣдствіе помощи котораго ея состояніе настолько улучшилось, что зрачекъ снова началъ реагировать, и она могла различать большіе предметы, но не была способна ни читать, ни писать. Она возвратилась домой, но такъ какъ улучшеніе не дѣлало успѣховъ, то просили меня испытать на ней дѣйствіе гипнотизма. При изслѣдованіи глаза я не могъ открыть физической причины разстройства зрѣнія, и кромѣ того не было болей ни въ глазу, ни въ головѣ. Глаза высматривали наподобіе того, какъ бываетъ при начинающейся темной водѣ, только зрачки не были расширены такъ сильно. Такъ какъ я думалъ, что слѣдуетъ искать причины уменьшенія зрительной способности въ пониженной чувствительности ретины, то я надѣялся на быстрый успѣхъ отъ гипнотическаго лѣченія. Но чтобы имѣть возможность судить объ его дѣйствіи, я положилъ передъ ея глазами страницу самой крупной печати, какая у меня была, и оказалось что она не была въ состояніи читать печать, которой буквы длиной доходили до четверти дюйма. Загипнотизировавъ больную, я старался направить дѣятельность нервной системы на глаза приведеніемъ въ движеніе воздуха надъ ними и легкимъ къ нимъ прикосновеніемъ и въ то же время этимъ обратить вниманіе больной на глаза. Когда я ее разбудилъ по истеченіи десяти минутъ и показалъ ей ту же самую печать, то она тотчасъ же съ изумленіемъ и величайшей радостью воскликнула: „я вижу слово „торговля“, и въ то же время указала на него. Я увѣрилъ ее, что она скоро будетъ видѣть еще лучше, и послѣ короткой паузы она вскрикнула: „я вижу „касающійся торговли“; потомъ „я вижу „лексиконъ“, и вскорѣ затѣмъ „я вижу „Макъ Эйлохъ“ (имя автора). Хотя она и не была въ состояніи тотчасъ же видѣть больше, но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ могла прочесть „Лондонъ, Лонгменъ, Гринъ и Лонгменсъ“. Таковъ былъ результатъ перваго сеанса. На слѣдующій день послѣ второго сеанса она могла по пробужденіи прочитать весь заглавный листъ брошюры, а еще пять минутъ спустя, двѣ строки текста. Послѣ второго сеанса въ тотъ же день она по пробужденіи читала мелкую печать „Приложенія“, и могла въ тотъ же вечеръ, въ первый разъ по прошествіи года, написать домой письмо, въ которомъ говорила о своихъ успѣхахъ. Послѣ того какъ она была загипнотизована еще два раза, она была въ состояніи читать мельчайшую газетную печать. Она оставила меня совершенно оправившейся и съ тѣхъ поръ оставалась здоровой.

Когда всѣ эти паціентки пользовались моимъ лѣченіемъ, онѣ не употребляли никакихъ внутреннихъ и внѣшнихъ медицинскихъ средствъ, и при той скорости, съ какой совершилось ихъ выздоровленіе, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что оно вызвано исключительно гипнотизмомъ“.

д) *Исцѣленіе глухоты и нѣмоты.* „Точно также (продолжаетъ Брэдъ) гипнотизмъ бываетъ весьма успѣшенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нервной глухоты.

Меня просили лѣчить глухую отъ рожденія девятилѣтнюю дѣвочку. До этого времени, насколько было извѣстно, она не слышала ни одного звука даже въ томъ случаѣ, если стояли возлѣ нея и кричали изо всѣхъ силъ. Я загипнотизировалъ эту дѣвочку и направилъ ея вниманіе на ея уши. Послѣ этого ея слухъ въ короткое время сталъ настолько острымъ, что она легко могла слышать слова, произносимыя умѣреннымъ голосомъ, и даже могла послѣ повторительныхъ попытокъ имъ подражать, хотя и не видала движенія губъ говорящаго. Въ короткое время успѣхи были такіе, что ее отправили въ школу учиться по обыкновенному способу чтенію и письму, въ чемъ она тоже сдѣлала хорошіе успѣхи. По выходѣ изъ школы она долго служила посыльной, получала приказанія и давала отвѣты обыкновеннымъ способомъ, исключительно посредствомъ языка. Удивительно то, что она не могла слышать нѣкоторыхъ звуковъ, напримѣръ, высокихъ нотъ рояля, хотя слышала все, что лежало въ предѣлахъ ея голоса, такъ что была въ состояніи правильно подражать пѣнію. Точно также она не могла слышать самыхъ низкихъ нотъ инструмента; напротивъ, между тѣмъ какъ она не могла слышать звука рѣзкаго колокольчика, она хорошо слышала глухой звукъ колокола, точно такъ же какъ стукъ въ дверь или легкій ударъ по столу.

Слѣдующій фактъ, касающійся глухонѣмого мальчика, интересенъ во многихъ отношеніяхъ.

Я демонстрировалъ мальчика на публичномъ чтеніи въ Лондонѣ послѣ того, какъ

въ своемъ лѣченіи дошелъ до момента, который считалъ для дѣла важнымъ. Аудиторія пожелала, чтобы больной былъ освидѣтельствованъ присутствующимъ врачомъ, который считалъ себя въ этомъ компетентнымъ. Онъ изслѣдовалъ и объявилъ, что мальчикъ вообще не можетъ слышать. Между тѣмъ я доказалъ, что онъ обладалъ въ ограниченномъ объемѣ слухомъ, такъ какъ былъ въ состояніи меня слышать, если я особенно громкимъ голосомъ говорилъ ему на разстояніи отъ его ушей отъ 6 до 8 дюймовъ, причемъ онъ дѣлалъ усилія подражать нѣсколькимъ словамъ, хотя при этомъ не могъ видѣть движенія моихъ губъ.

Я продолжалъ гипнотизировать этого больного ежедневно и упражнять его въ томъ, чтобы онъ, не видя моихъ губъ, подражалъ произносимымъ словамъ. Въ результатѣ было то, что мальчикъ, когда я его представилъ нѣсколько недѣль спустя на публичномъ чтеніи въ Ливерпулѣ, оказался способнымъ въ совершенствѣ подражать словамъ, произносимымъ какъ мною, такъ и главнымъ учителемъ Ливерпульской школы глухонѣмыхъ, такъ что многіе изъ присутствовавшихъ были склонны отрицать возможность, чтобы этотъ мальчикъ былъ когда-нибудь глухонѣмымъ" [1]).

е) *Исцѣленіе извращенія обонянія.* „Мистрисъ X, мать многочисленнаго семейства, чувствовала себя вполнѣ хорошо, когда въ іюлѣ 1849 года отправилась поклониться тѣлу своей подруги, находившемуся уже въ состояніи усиленнаго разложенія. Послѣ этого ее сталъ мучить трупный запахъ, который ее преслѣдовалъ въ теченіе многихъ дней, даже по ночамъ, когда она просыпалась, и ничѣмъ не могъ быть изгнанъ. Она прибѣгала къ рѣзкимъ запахамъ всякихъ сортовъ, нюхала нашатырный спиртъ и табакъ, держала подъ носомъ курительныя свѣчи и дымящійся табакъ—все понапрасну, запахъ продолжалъ быть одинаково сильнымъ и отвратительнымъ. Я загипнотизировалъ ее и вселилъ въ ней во время сна увѣренность, что она наслаждается благовоніемъ, затѣмъ по истеченіи пяти минутъ разбудилъ, когда она еще находилась подъ дѣйствіемъ этихъ идей, и она по пробужденіи выразила мнѣ чувство восхищенія благовоніями, которыми, казалось ей, она была окружена и наслаждалась. Напротивъ, отвратительный запахъ не возвращался даже и тогда, когда она пыталась его вообразить. Спустя годъ и два мѣсяца, я ту же самую даму загипнотизировалъ въ присутствіи многихъ ученыхъ друзей, которымъ сказалъ, что попытаюсь во время сна снова вызвать ощущеніе испытаннаго раньше отвратительнаго запаха и сохранить его въ сознаніи дамы и въ бодрственномъ состояніи послѣ пробужденія. Вскорѣ послѣ того какъ дама, ничего не знавшая о моемъ намѣреніи, впала въ сонъ, я сталъ держать свой палецъ возлѣ ея носа и дѣлать ей нюхательныя вдыханія, между тѣмъ какъ другой рукой морщилъ ея брови и сдвигалъ ихъ къ переносицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ дама начала нюхать и тотчасъ же выразила неудовольствіе на непріятный трупный запахъ — „старый запахъ снова возвращается". Такъ какъ экспериментъ вполнѣ удался, я ее тотчасъ же загипнотизовалъ снова и вызвалъ въ ней обонятельныя ощущенія противоположнаго рода, такъ что послѣ пробужденія она стала наслаждаться благовоніями Аравіи" [1]).

ж) *Вызовъ и прекращеніе желудочно-кишечныхъ отправленій.* Дѣйствіе внушенія на сосудодвигательную и секреторную системы ярче всего выступаетъ изъ возможности прекращать и вызывать желудочно-кишечныя отправленія, регулировать менструаціи, увеличивать отдѣленіе молока, производить выкидыши.

„У многихъ гипнотиковъ мнѣ удавалось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вызывать обильныя испражненія, направляя вниманіе больныхъ на это дѣйствіе и дѣлая въ то же время вдоль кишки концами пальцевъ легкое движеніе, чтобы вызвать перистальтическія движенія. Слѣдующій примѣръ служитъ этому удивительнымъ доказательствомъ и показываетъ сверхъ того, что пробужденныя во время сна ощущенія могутъ продолжаться долгое время и послѣ пробужденія. Въ моемъ пользованіи былъ одинъ господинъ, страдавшій эпилептическими припадками, неподдававшимися никакому лѣченію, и котораго я гипнотизировалъ съ благопріятнымъ успѣхомъ. Однажды, въ то время, какъ онъ былъ загипнотизированъ, я сталъ двигать своими губами, подражая дѣйствію глотанія, чему онъ тотчасъ же сталъ подражать, какъ скоро замѣтилъ связанный съ этимъ звукъ. Когда я высказалъ предположеніе, что онъ принялъ нѣсколько алоэ, онъ тотчасъ жестами и словами выразилъ отвращеніе къ извѣстному горькому вкусу этого лѣкарства. Я затѣмъ сказалъ ему, что пріемъ этого средства долженъ вскорѣ произвести у него еще большее дѣйствіе, и дѣйствительно, по истеченіи короткаго времени онъ началъ ежиться, какъ будто сильное слабительное вызвало у него боли. Я больше ничего не говорилъ, но по истеченіи четырехъ или пяти минутъ онъ всталъ, отправился по лѣстницѣ въ ватеръ-клозетъ и спустился оттуда все еще въ состояніи гипноза, послѣ того какъ оста-

[1]) Hypnotic therapeutics, pp. 200—201.

[1]) Стр. 212—213.

вилъ несомнѣнныя доказательства успѣха моего опыта. Когда я его разбудилъ, онъ болѣе не зналъ о томъ, что произошло, но жаловался на горькій вкусъ во рту. Посѣтивъ меня снова на слѣдующій день, онъ мнѣ сообщилъ, что горькій вкусъ для него сталъ такимъ роковымъ, что онъ напрасно пытался удалить его полосканіемъ рта водою. Кушаніе и питье всякаго рода и на слѣдующее утро имѣли нестерпимо горькій вкусъ, который прошелъ лишь по истеченіи дня вслѣдствіе волненія, которое случайно было вызвано у паціента" [1]).

Часто у загипнотизированныхъ лицъ я вызывалъ обильную рвоту, давая имъ проглотить ложку воды и увѣряя ихъ при этомъ, что они приняли рвотное; иногда бывало даже достаточно просто заставить ихъ повѣрить, что они приняли рвотное, чтобы вызвать рвоту [2]).

Равнымъ образомъ мнѣ во многихъ случаяхъ удавалось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на долгое время пріостановлять сильные болѣзненные поносы, послѣ того какъ я въ гипнозѣ внушалъ больнымъ увѣренное ожиданіе, что они будутъ освобождены отъ своихъ страданій" [3]).

Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о терапевтическомъ значеніи гипнотизма и внушенія. Но правильная оцѣнка гипнотерапіи и психотерапіи возможна лишь изъ внимательнаго изученія всего собраннаго по этому вопросу матеріала.

Отсылая интересующихся къ трудамъ Льебо, Бернгейма, Веттерстранда и другихъ, необходимо сдѣлать оговорки.

Во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что сообщаемые этими (и другими) авторами наблюденія не суть протоколы всей вообще ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи, но ограничиваются лишь болѣе или менѣе типичными случаями; неполные и неудачные случаи остаются, за рѣдкими исключеніями, въ сторонѣ.

Во-вторыхъ, мы по большей части слышимъ лишь объ исцѣленіи больныхъ во время лѣченія и не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ ихъ состояніи спустя значительное время послѣ лѣченія, такъ что въ большинствѣ случаевъ неизвѣстно, устраняетъ ли гипнотизмъ болѣзнь или только ея симптомы въ данное время.

Въ-третьихъ, слѣдуетъ помнить, что и при добросовѣстной передачѣ фактовъ заинтересованнымъ лицомъ многое выходитъ лучше, чѣмъ на дѣлѣ, вслѣдствіе того, что

[1]) Стр. 211—212.
[2]) Стр. 211
[3]) Стр. 215—216,

отъ заинтересованнаго могутъ ускользать такія подробности, которыя не могутъ быть незамѣчены равнодушнымъ глазомъ.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, исцѣленіе только въ рѣдкихъ случаяхъ достигается сразу, по большей же части въ теченіе довольно продолжительнаго времени, и капитальный вопросъ о томъ, не способствовали ли исцѣленію другія причины, помимо гипнотизма и внушенія, (хотя бы, напримѣръ, исцѣляющее дѣйствіе самой природы), остается, обыкновенно, невыясненнымъ.

Вообще же невозможно не признать, что гипнотерапіей и психотерапіей достигнуты въ пользованіи многихъ болѣзней, преимущественно нервныхъ, весьма значительные успѣхи, въ которыхъ невозможно сомнѣваться. (См. кн. проф. А. Гилярова: „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко", Кіевъ 1894 г., стр. 235—253).

9. **Разсказъ Е. Блаватской о вредномъ дѣйствіи гипнотизма.** Мы опишемъ чары одного мулукурумба надъ мальчикомъ, котораго мы лично знали на „Голубыхъ горахъ" (въ Индіи), говоритъ Е. Блаватская. Между Каттагири и Утти живетъ семейство евразіевъ, людей довольно зажиточныхъ. Оно состояло нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ старухи-матери, двухъ сыновей и сироты-племянника, воспитаннаго съ колыбели старухой, въ память ея младшей умершей сестры.

Старуха, г-жа Симпсонъ, была женщина добрая и очень набожная. Сыновья служили въ канцеляріи губернатора, а мальчикъ, которому было тогда лѣтъ одиннадцать, ходилъ въ школу миссіонеровъ. Говоря другими словами, послѣ полудня онъ былъ совершенно свободенъ и дѣлалъ, что ему хотѣлось.

Какъ и всѣхъ дѣтей на здоровыхъ живописныхъ горахъ Нильгири, его оставляли бродить одного по аллеямъ и чащамъ „города" по собственному усмотрѣнію. Утти — городъ только на картахъ Мадраса; въ европейскомъ смыслѣ, это городъ только по имени. Кромѣ маленькаго туземнаго квартала въ большомъ провалѣ, на днѣ котораго тянутся двумя рядами деревянныхъ сараевъ базаръ и лавки, а кругомъ, по крутымъ бокамъ провала, лѣпятся, будто гнѣзда ласточекъ, туземныя лачуги, въ Уттакамандѣ нѣтъ ни одной улицы. Тамъ есть великолѣпная ратуша, соборъ, больницы, клубы и даже магазины въ лѣтнее время, но улицъ все-таки нѣтъ. Дачи, коттеджи, виллы разбросаны оазисами, какъ попало, на неровной поверхности сотни небольшихъ и высокихъ холмовъ, густо покрытыхъ большими деревьями, а мѣстами заросшихъ настоящимъ лѣсомъ. Зданія построены обыкновенно у

подошвы холма или большой скалы, для защиты отъ вѣтра, среди огромныхъ садовъ, парковъ и плантацій, отгороженныхъ отъ дорогъ живою изгородью. Отъ задовъ частныхъ зданій тропинки ведутъ, часто, почти въ непроходимыя чащи на склонѣ сосѣдней горы, куда рѣдко заходитъ нога европейца.

По вечерамъ и ночью довольно опасно пѣшему выходить изъ дома, особенно безъ оружія, и переходить эти чащи. Неожиданная встрѣча съ леопардомъ, а иногда и съ тигромъ, не говоря о свирѣпыхъ дикихъ кошкахъ, удерживаетъ дома всѣхъ, кто живетъ далеко отъ расчищеннаго центра города или не имѣетъ экипажа.

Домъ старухи Симпсонъ находился далеко отъ главныхъ аллей Утти, и какъ разъ за домомъ начиналась такая чаща. Мальчику было запрещено ходить въ нее. Но онъ страстно любилъ птицъ. У него былъ цѣлый сарай, освѣщенный большими окнами и уставленный кадками съ растеніями, превращенный имъ въ птичникъ. Тамъ у него находились всевозможныя породы птицъ, отъ попугаевъ до *колибри* „Голубыхъ горъ", крошечнаго *„юй-му"*. Не было только нильгирійской ласточки. Это маленькое желтое созданіе, чрезвычайно дикое и хитрое, летаетъ очень высоко, и его почти невозможно заманить въ силки.

Однажды, увлекаемый своею страстью, онъ забрелъ очень далеко отъ дома, въ самую глубь чащи. Предъ нимъ прыгала съ одного дерева на другое „ласточка", и онъ старался поймать ее. Такъ онъ пробѣгалъ за нею до заката солнца.

Если сумерекъ нѣтъ въ долинахъ Индіи, то въ Утти, окруженномъ со всѣхъ сторонъ большими горами и скалами, переходъ отъ дня къ темной ночи совершается почти мгновенно.

Увидя себя въ густомъ лѣсу, почти въ совершенной мглѣ, мальчикъ испугался и поспѣшилъ домой. Но съ его обувью случилось дорогой нѣчто, заставившее его сѣсть въ первой просѣкѣ на камень и снять сапогъ. Пока онъ опорожнялъ его и разглядывалъ, стараясь найти уколовшую ему ногу колючку, съ дерева соскочила ему почти на голову дикая кошка. Тогда, видя, какъ не менѣе его самого испуганный звѣрь, съ дѣтенышемъ во рту, ощетинился, приготовляясь атаковать его, несчастный мальчикъ страшно испугался и закричалъ на весь лѣсъ. Но, въ ту же минуту, двѣ стрѣлы, вонзясь въ бокъ звѣря, заставили его, выронивъ изъ пасти котенка, покатиться кубаремъ внизъ, въ глубокій ровъ. Два курумба, грязные, полунагіе, отвратительные, выскочивъ изъ засады, тотчасъ же овладѣли убитымъ животнымъ и заговорили съ мальчикомъ, смѣясь надъ его трусостью...

Муллу-курумбы не диковинка въ Утти. Ихъ можно всегда найти на базарахъ. Въ то время, какъ „медовые" *тейна-курумбы* никогда не приближаются къ жилымъ мѣстамъ, ихъ братья „муллу" (курумбы *терновника*) какъ бы ищутъ сношеній съ бѣлыми, между которыми они часто живятся *аннами* и *пейсами* (копейками) за разную черную работу и услуги. Поэтому и маленькій евразій, вмѣсто испуга, почувствовалъ, напротивъ, благодарность къ двумъ курумбамъ, такъ кстати избавившимъ его отъ когтей дикой кошки.

Онъ говорилъ на ихъ языкѣ, какъ и всѣ евразіи, родившіеся на этихъ горахъ. Боясь итти далѣе одинъ, онъ уговорилъ ихъ довести его до дому, обѣщая имъ рису и водки дома. Они согласились, и всѣ трое отправились внизъ. Дорогой онъ имъ разсказалъ о своемъ затрудненіи насчетъ „ласточки", и курумбы обѣщали ему, за небольшое вознагражденіе, заманить нѣсколько этихъ птичекъ въ его сѣти. Курумбы славятся своимъ искусствомъ, какъ охотники: они ловятъ такъ же легко малую птицу и звѣрька, какъ убиваютъ тигра и слона. Какъ звѣроловы, они первые на горахъ. Они условились встрѣтиться на другой же день въ долинѣ и итти на ловъ пташекъ. Словомъ, они подружились.

Вернувшись домой, мальчикъ разсказалъ теткѣ объ услугѣ, оказанной ему карликами. Та дала имъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ и немного водки, но тотчасъ же отослала ихъ. Старуха, какъ и всѣ евразіи, была очень брезглива относительно негровъ вообще. Она запретила племяннику всякія съ ними сношенія, и мальчикъ, боясь потерять случай добиться, наконецъ, для своей коллекціи желаннаго экземпляра птицы, не сказалъ ей поэтому ни слова о своемъ проектѣ охоты съ ними на другой день.

Они встрѣтились, и онъ вернулся въ тотъ же вечеръ съ парой желтыхъ ласточекъ. Увлекаемый своею страстію къ птицамъ и возбужденный охотой, бѣдный мальчикъ забылъ въ тотъ день всякое чувство отвращенія, даже и не замѣтилъ, какъ часто его руки приходили въ соприкосновеніе съ руками курумбовъ, которые его нѣсколько разъ трогали. Подъ предлогомъ похвалы его клѣтчатому, яркаго цвѣта, пиджаку, они проводили нѣсколько разъ по его спинѣ. Бѣдный мальчикъ, онъ былъ еще ребенокъ! Имѣвъ до того весьма мало сношеній съ туземцами, которыхъ его пріучали презирать съ малыхъ лѣтъ, какъ идолопоклонниковъ и „негровъ",

онъ, вѣроятно, и не слыхивалъ, до какой степени боятся карликовъ тѣ, чья кровь текла на пятьдесятъ процентовъ и въ ихъ жилахъ.

Здѣсь слѣдуетъ разсказать, какъ курумбы ловятъ птицъ. Для поверхностнаго наблюдателя эта операція весьма проста и незамысловата. Для внимательнаго, — она представляетъ любопытное явленіе.

Карликъ беретъ небольшую жердочку и, повертѣвъ ее въ рукахъ, словно полируя ее, онъ ее прикрѣпляетъ фута на два отъ земли, на первомъ попавшемся кустѣ. Затѣмъ онъ ложится въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда на землю, спиною вверхъ, и, устремивъ глаза на заранѣе выбранную имъ птицу, если она только скачетъ тамъ, *гдѣ онъ ее можетъ видѣть*, курумбъ терпѣливо ждетъ. Вотъ что разсказываетъ К. Бетлоръ, бывшій не разъ очевидцемъ такой *охоты*.

„Въ это время глаза курумба принимаютъ странное выраженіе... Я замѣчалъ такое же только во взглядѣ змѣи, когда она, поджидая добычу, устремляетъ его на жертву, *очаровывая* ее, а также въ глазахъ черныхъ жабъ Майсура. Неподвижный, стеклянный взглядъ этотъ сіяетъ словно внутреннимъ холоднымъ свѣтомъ, притягиваетъ къ себѣ и вмѣстѣ отталкиваетъ. За нѣсколько рупій одинъ курумбъ согласился дозволить мнѣ присутствовать при его ловлѣ. Птица порхаетъ и чирикаетъ беззаботная, веселая, дѣятельная. Вдругъ, она останавливается и точно прислушивается. Склонивъ головку на бокъ, она остается нѣсколько секундъ неподвижною; потомъ, встрепенувшись, видимо силится улетѣть. Она иногда и улетаетъ, но весьма рѣдко. Обыкновенно, ее словно что-то притягиваетъ въ очарованный кругъ, и она начинаетъ бочкомъ приближаться къ жердочкѣ. Ея перышки взъерошены; она тихо и жалобно пищитъ, а все же подвигается маленькими, нервными скачками... Наконецъ, она возлѣ „очарованной“ жерди. Однимъ скачкомъ, она перепрыгиваетъ на нее и — судьба ея свершилась!.. Она уже не можетъ сдвинуться съ жерди и сидитъ на ней точно приклеенная. Курумбъ бросается на бѣдное очарованное созданіе съ быстротой, какой позавидовала бы любая змѣя; дайте ему только нѣсколько мѣдныхъ грошей вдобавокъ условленной платы, и онъ пожретъ птицу живую на мѣстѣ, съ когтями и перьями!“... [1]).

Такимъ образомъ, двое курумбовъ поймали пару желтыхъ ласточекъ для маленькаго Симпсона. Но они *поймали* вмѣстѣ съ этимъ и самого мальчика. Одинъ изъ курумбовъ „очаровалъ“ его, какъ очаровывалъ птицъ. Онъ завладѣлъ его волей, сталъ управлять помышленіями, сдѣлалъ изъ него положительно безсознательную вещь, которою и орудовалъ по волѣ.

Съ того дня съ мальчикомъ произошла видимая перемѣна. Онъ сдѣлался скученъ, вялъ, пересталъ играть и бѣгать. Здоровье его не измѣнилось, и аппетитъ оставался здоровымъ, но онъ какъ будто постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ, и домашніе часто замѣчали, что онъ ходитъ точно во снѣ. Скоро въ домѣ стали пропадать серебряныя вещи, ложки, сахарницы, даже серебряное распятіе, а затѣмъ и золотыя вещи г-жи Симпсонъ, Между домашними поднялась тревога. Не взирая на всѣ предосторожности и стараніе поймать вора, вещи пропадали одна за другою изъ крѣпко запертаго шкафа, ключъ отъ котораго никогда не покидалъ старухи... Полиція, къ которой обратились, оказалась безсильною напасть на слѣды вора. Подозрѣніе падало на всѣхъ и не могло остановиться ни на комъ. Прислуга въ домѣ была старая, и г-жа Симпсонъ ручалась за нее, какъ за самое себя.

Однажды вечеромъ, получивъ изъ Мадраса пакетъ, въ которомъ было тяжелое золотое кольцо, старуха, спрятавъ его въ желѣзный шкафъ и положивъ ключъ отъ него подъ подушку, рѣшилась не спать всю ночь.

Мальчикъ спалъ въ чуланчикѣ, возлѣ ея спальни. Часа въ два пополуночи, дверь изъ чулана отворилась, и, при свѣтѣ ночника, она увидала входившаго племянника. Она чуть было не спросила громко, что ему нужно; но разомъ спохватилась и съ страшнымъ замираніемъ сердца притаила дыханіе. Онъ дѣйствовалъ точно во снѣ. Глаза его были широко раскрыты, а лицо имѣло, какъ она разсказывала на судѣ, выраженіе суровое, почти звѣрское. Онъ прямо подошелъ къ ея кровати, тихо вынулъ ключъ изъ-подъ подушки, такъ тихо и ловко, что она скорѣе видѣла, нежели чувствовала его руку подъ собою. Затѣмъ онъ отперъ шкафъ, пошарилъ въ немъ, заперъ, снова возвратилъ ключъ подъ подушку и ушелъ въ чуланъ.

Таково было присутствіе духа у г-жи Симпсонъ, что она осталась неподвижною послѣ этого нѣсколько времени. Ея любимый племянникъ, ребенокъ — воръ! Но куда же онъ дѣваетъ украденныя вещи? Она рѣшилась ждать до конца и узнать тайну во всей ея полнотѣ.

Тихо и быстро одѣвшись, она заглянула въ чуланъ. Племянника тамъ не было, но дверь во дворъ была отворена. Послѣдовавъ

[1]) Бетлоръ — извѣстный охотникъ въ Мадрасѣ, родомъ канадецъ. Вмѣстѣ съ У. Девидсономъ, они путешествовали нѣсколько лѣтъ по порученію Орнитологическаго Общества. См. журналъ «*Stray Feathers*, издаваемый этимъ Обществомъ, и *Birds of India*.

за нимъ по горячимъ слѣдамъ, она тоже вышла и увидала его мелькающую тѣнь у птичника. Ночь была лунная, свѣтлая. Она ясно замѣтила, что, нагнувшись у окна, онъ что-то зарываетъ въ землю. Тогда она рѣшилась ждать до утра. „Мальчикъ — лунатикъ, — подумала она, — вѣроятно, и всѣ остальныя вещи тамъ найдутся. Будить его и пугать теперь напрасно“...

Она вернулась къ себѣ, но не прежде, чѣмъ убѣдилась, что ребенокъ тоже вернулся въ свой чуланъ. Проходя мимо его комнатки, она убѣдилась, что онъ спитъ крѣпко, хотя его глаза были такъ же широко открыты, какъ и тогда, когда онъ подошелъ къ ея постели за ключомъ. Это ее изумило и страшно испугало. Она долго стояла надъ нимъ, но рѣшеніе ея „ждать до утра“ не покинуло ее.

На другое утро, призвавъ сыновей, она разсказала имъ подробно ночную сцену. Они отправились съ нею къ замѣченному ею мѣсту у птичника и скоро нашли свѣже — разрытое мѣсто. Но тамъ ничего не оказалось. Очевидно, у мальчика были сообщники.

Какъ только онъ вернулся изъ школы, умная старуха, понявъ, что, разспрашивая его, она, вѣроятно, ничего не узнаетъ и только затруднитъ еще болѣе раскрытіе темнаго дѣла, приняла его по обыкновенію, накормила завтракомъ и только зорко наблюдала за нимъ. Вставая по окончаніи завтрака, чтобъ умыть руки, она сняла съ себя кольцо и нарочно оставила его на столѣ. При видѣ золотой вещицы, глаза мальчика загорѣлись, и, полуотвернувшись, г-жа Симпсонъ ясно видѣла, какъ онъ быстро препроводилъ кольцо въ карманъ. Затѣмъ онъ всталъ и равнодушно вышелъ изъ дому. Но тутъ она его остановила.

— Гдѣ мое кольцо, Томъ? — спросила она. — Зачѣмъ ты взялъ его?..

— Какое кольцо? — равнодушно отвѣтилъ мальчикъ. — Я не видалъ вашего кольца...

— Но оно у тебя въ карманѣ, маленькій негодяй! — закричала она, давъ ему полновѣсную пощечину. И, бросясь на спокойно стоявшаго мальчика, она вынула кольцо изъ его кармана и показала ему. Мальчикъ не сопротивлялся.

— Какое же это кольцо?..— сердито спросилъ онъ ее. — Это горсточка золотого зерна... Я взялъ его для своихъ птицъ... За что вы бьете меня?..

— А всѣ серебряныя и золотыя вещи, которыя ты укралъ у меня за эти два мѣсяца, тоже только зерна по-твоему, негодный лгунъ и воришка? Куда ты ихъ дѣвалъ?.. Говори сейчасъ, или я пошлю за полиціей!.. — кричала старуха въ ярости.

— Никакихъ вещей я у васъ не кралъ... Я никогда ничего не бралъ безъ позволенія, кромѣ какъ немного зерна и хлѣба... для птицъ...

— Гдѣ ты воровалъ зерно?

— У васъ въ шкафу... Но вѣдь вы сами позволили мнѣ брать его. Такого золотого зерна нѣтъ на базарѣ, иначе я и этого бы у васъ не просилъ...

Мистриссъ Симпсонъ поняла, что она находится лицомъ къ лицу съ какою-то непонятною ей загадкой, со страшною тайной, разъяснить которую она не можетъ, но, что мальчикъ — припадокъ ли то съ нимъ безумія или хроническаго сомнамбулизма — говоритъ лишь правду или то, чему онъ самъ вполнѣ вѣритъ...

Она догадалась, что сдѣлала промахъ. Тайна далеко не разъяснилась. У мальчика должны быть сообщники, и она ихъ откроетъ... Она притворилась, будто ошиблась и сознаетъ свою ошибку. Сердце ея обливалось кровью, но она довела свой опытъ до конца.

— Скажи мнѣ, Томъ, — начала она уже ласково, — ты не помнишь, когда я дала тебѣ позволеніе брать для твоихъ птицъ золотое зерно изъ желѣзнаго шкафа?..

— Въ тотъ день, когда я добылъ своихъ желтыхъ пташекъ — объяснилъ сурово мальчикъ. — За что же вы побили меня?.. Вы сами сказали мнѣ: бери ключъ у меня подъ подушкой, когда тебѣ нужно, бери золотое зерно, — оно здоровѣе для твоихъ птицъ серебрянаго... Ну, я и бралъ... да его ужъ и мало осталось тамъ, добавилъ онъ съ сожалѣніемъ, — а безъ него мои птички всѣ умрутъ!..

— Кто это тебѣ сказалъ?

— *Онъ*, тотъ, кто поймалъ для меня пташекъ и помогаетъ мнѣ кормить ихъ.

— Кто же этотъ *онъ?*

— *Не знаю*, — съ усиліемъ отвѣчалъ ребенокъ, потирая себѣ лобъ. — Не знаю... *онъ*, вы же его много разъ видали... Онъ былъ здѣсь и три дня тому назадъ, во время обѣда, когда я взялъ на тарелкѣ дяди серебряное зерно, которое онъ положилъ на нее для меня... *Онъ* сказалъ: бери; дядя кивнулъ мнѣ головой, и я взялъ.

Мистриссъ Симпсонъ вспомнила, что въ тотъ день, то-есть за три дня до того, таинственно пропали со стола десять серебрянныхъ рупій, которыя ея сынъ только-что вынулъ, чтобы заплатить счетъ. То была самая таинственная, необъяснимая изъ всѣхъ случившихся пропажъ.

— Кому же ты отдалъ зерно? Вѣдь вечеромъ не кормятъ птицъ...

— Я его отдалъ *ему*, за дверью. *Онъ* вышелъ до окончанія обѣда. Да вѣдь тотъ день мы обѣдали днемъ, а не вечеромъ...

— Какъ днемъ, въ восемь часовъ вечера развѣ день?

— Не знаю; но то было днемъ... ночи совсѣмъ не было... Да ея и давно уже нѣтъ!

— Господи! — заплакала старуха, всплеснувъ руками въ ужасѣ. — Ребенокъ сошелъ съ ума, онъ совсѣмъ обезумѣлъ!..

Но вдругъ ее озарила мысль.

— Ну, такъ возьми и это золотое зерно, — сказала она, подавая ему свою брошку. — Возьми и покорми птицъ, а я посмотрю...

Мальчикъ схватилъ брошку и радостно побѣжалъ въ птичникъ. Тамъ, по разсказу его тетки, произошла сцена, которая убѣдила ее окончательно въ разстройствѣ умственныхъ способностей ея маленькаго племянника. Онъ бѣгалъ вокругъ клѣтокъ и сыпалъ воображаемое зерно. Многія изъ клѣтокъ были пусты. Вѣроятно, птицы часто кормились такимъ образомъ. Но мальчикъ, очевидно, не замѣчалъ отсутствія птицъ: онъ *теръ брошку* между пальцами, какъ бы ссыпая съ нея зерно, говорилъ съ несуществующими птицами, свисталъ имъ и радовался.

— Теперь, *aunty* (тетя), я отнесу остальное на сохраненіе *ему*... Онъ прежде велѣлъ зарывать остатки вотъ тутъ, подъ окномъ, но сегодня утромъ приказалъ приносить ему туда... Только вы не ходите за мной, а то онъ не придетъ.

— Хорошо, мой другъ. Ты пойдешь одинъ, — притворилась старуха.

Задержавъ его подъ какимъ-то предлогомъ на полчаса, она послала тихонько отъ мальчика за сыщикомъ и, посуливъ хорошую плату, приказала ему слѣдовать незамѣтно за ребенкомъ, куда бы онъ ни пошелъ.

— Если онъ что кому передастъ, — распорядилась она, — то арестуйте того человѣка: онъ воръ.

Сказано — сдѣлано. Сыщикъ, призвавъ на помощь товарища, слѣдовалъ цѣлый день за мальчикомъ. Подъ вечеръ, они увидали его идущаго по направленію чащи. Вдругъ изъ-за кустарниковъ выскочилъ уродливый карликъ и поманилъ къ себѣ мальчика, который направился къ нему тотчасъ же, какъ автоматъ. Увидѣвъ, что ребенокъ *сыплетъ* ему что-то на руки, сыщики, въ свою очередь, выскочили изъ своей засады и арестовали курумба съ поличнымъ въ рукахъ — золотою брошкою.

Курумбъ, впрочемъ, отдѣлался нѣсколькими днями ареста. Противъ него не было ни малѣйшихъ уликъ, кромѣ брошки, которую мальчикъ, какъ онъ объявилъ, отдавалъ ему добровольно: но его увѣренію, „неизвѣстно по какой причинѣ“. На судѣ показанія маленькаго Симпсона, который бредилъ про „золотое зерно“ и не узнавалъ курумба, оказались неподходящими. Во-первыхъ, онъ былъ малолѣтній, а затѣмъ врачъ объявилъ его *неизлѣчимымъ идіотомъ*. Его свидѣтельство, равно какъ и спутанныя показанія г-жи Симпсонъ, которая знала лишь то, что ей говорилъ этотъ же невмѣняемый мальчикъ, пошли за ничто. Даже свидѣтельство сыщика, которое имѣло бы вѣсъ, такъ какъ онъ зналъ этого курумба за укрывателя украденныхъ вещей, не могло быть заявлено. Въ день ареста сыщикъ заболѣлъ, а чрезъ недѣлю, за нѣсколько дней до суда, онъ умеръ. Его товарищъ, поставленный на очную ставку съ курумбомъ, котораго онъ же помогалъ арестовать, клялся и божился, что не видалъ ничего, и ничего поэтому не можетъ сказать. Сыщикъ приказалъ задержать человѣка, онъ и помогъ задержать. Кромѣ этого, онъ не могъ показать ровно ничего. Такъ этимъ исторія и кончилась.

Мы видѣли несчастнаго мальчика, которому теперь, впрочемъ, лѣтъ двадцать. Когда его намъ показали, мы увидѣли толстаго съ отвислыми щеками евразія, который, сидя на скамейкѣ за воротами, стругалъ палочки для клѣтокъ. Птицы все еще — его преобладающая страсть, какъ и прежде. Онъ кажется умственно здоровымъ въ отношеніи всего, кромѣ денегъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя продолжаетъ называть „зерномъ“. Впрочемъ, послѣ того, какъ родные отправили его въ Бомбей, гдѣ онъ провелъ подъ присмотромъ нѣсколько лѣтъ, и эта манія начинаетъ у него проходить.

Кажется, было бы лишнимъ доказывать, что „одуреніе“, насылаемое курумбами на человѣка, и „гипнотизація“ *одна и та же сила*, пусть ее называютъ чѣмъ угодно. (См. кн. Е. П. Блаватской „Изъ пещеръ и дебрей Индіи“. „Загадочныя племена“).

10. **Неотразимыя идеи и побужденія.** Мы знаемъ, что во время сомнамбулизма можно внушать различные образы, которые преслѣдуютъ субъекта всюду, куда онъ переноситъ взоръ. По требованію внушенія, такіе образы не оставляютъ субъекта въ покоѣ и послѣ пробужденія.

„Локализованное мозговое впечатлѣніе — поясняетъ Рише — продолжаетъ существовать, не смотря на возвращеніе сознанія, и больная, хотя и обладаетъ вновь чувствами и сознаніемъ на столько, что, по-видимому, располагаетъ своимъ разумомъ совершенно такъ же, какъ до опыта, тѣмъ не менѣе не перестаетъ бредить относительно пункта, стоящаго въ связи съ вызванной галлюцинаціей. Такимъ образомъ, она продолжаетъ, напримѣръ, видѣть птицу, образъ которой былъ вызванъ во время гипнотическаго сна. Относительно всякаго другого предмета ея

разумъ и чувства совершенно здравы, но, несмотря на разувѣренія окружающихъ, она видитъ и осязаетъ птицу съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что слова тѣхъ, кто утверждаетъ противное, принимаетъ за насмѣшку надъ собою. Это мозговое впечатлѣніе можетъ оставаться нѣкоторое время, но въ концѣ сглаживается и исчезаетъ, увлекая съ собою убѣжденіе, которое имъ поддерживалось. Тогда любопытно видѣть, какъ изумленная больная ищетъ, куда исчезла птица, и спрашиваетъ себя, не была ли она обманута воображеніемъ, хотя и не можетъ отдать себѣ во всемъ этомъ точнаго отчета".

Можно внушать не только иллюзіи и галлюцинаціи, но и различныя дѣйствія, какъ во время гипнотизма, такъ и въ состояніи бодрствованія, и при томъ на различные сроки: день, мѣсяцъ, годъ. Эти дѣйствія, если внушеніе сдѣлано опредѣленно и авторитетнымъ тономъ, исполняются обыкновенно съ большою точностью и по большей части (на взглядъ многихъ авторовъ) съ „роковою необходимостью".

„Мы показываемъ (говоритъ Фере, на котораго ссылается Рише) сомнамбулѣ на ровномъ одинаковомъ фонѣ воображаемую точку, которую мы сами можемъ найти лишь при помощи неоднократныхъ измѣреній, и приказываемъ ей послѣ пробужденія вонзить въ эту точку перочинный ножикъ; она исполняетъ приказаніе безъ колебанія, съ безусловной точностью относительно зрительной галлюцинаціи. Съ такою же точностью можетъ быть исполнено и преступное дѣйствіе".

„Если—говоритъ тотъ же авторъ—приказаніе сдѣлано слабо, мягко, то сомнамбула по пробужденіи бываетъ въ расположеніи духа очень интересномъ для изученія. Видно, что она безпокоится, одолѣваемая неотвязной идеей совершить смѣшной или непріятный поступокъ, напримѣръ, пойти и поцѣловать черепъ; она долго колеблется, иногда даже выражаетъ свою нерѣшительность. „Должно-быть, я сошла съ ума! Мнѣ очень хочется поцѣловать этотъ черепъ. Это нелѣпо, я бы хотѣла не итти, но чувствую, что не совладаю съ собою". Въ концѣ она исполняетъ внушеніе.

Эти факты показываютъ — продолжаетъ Фере,—что гипнотикъ можетъ сдѣлаться орудіемъ преступленія, дѣйствующимъ съ ужасающею точностью и тѣмъ болѣе страшнымъ, что непосредственно послѣ совершенія акта все забывается: побужденіе, сонъ и тотъ, кто его вызвалъ.

Такимъ образомъ, гипнотикъ становится *субъектомъ* экспериментатора и потому не подлежитъ никакой нравственной отвѣтственности".

Необходимо, однако, замѣтить, что это пассивное послушаніе допускаетъ исключенія.

Сомнамбула можетъ совершенно отказаться отъ совершенія *нѣкоторыхъ* дѣйствій. Она разсуждаетъ, спрашиваетъ основаніе, говоритъ: „нѣтъ". Обыкновенно это сопротивленіе слабо и уступаетъ настояніямъ экспериментатора, но иногда оно не можетъ быть побѣждено.

Рише приводитъ въ доказательство слѣдующее наблюденіе Фере.

„Одна изъ нашихъ больныхъ почувствовала сильное влеченіе къ одному человѣку и отъ этого очень страдала, но ея страсть не угасала. Если ей внушали присутствіе этого человѣка, она тотчасъ же обнаруживала знаки сильной скорби и хотѣла бѣжать, но ее невозможно было заставить согласиться на какое нибудь дѣйствіе, вредное для того, чьей она была жертвой, несмотря на то, что всякому другому приказанію она повиновалась автоматически".

Вообще многими примѣрами доказано, что въ состояніи сомнамбулизма воля не вполнѣ уничтожена. Въ тѣхъ случаяхъ, когда внушеніе идетъ въ разрѣзъ съ постоянными привычками и склонностями или же съ господствующимъ въ данное время настроеніемъ, оно можетъ быть и не выполнено. (См. кн. профес. Гилярова: „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко").

11. **Стигматы.** Посредствомъ внушенія можно производить *стигматы*, или опредѣленной формы знаки на тѣлѣ. Но подъ стигматами подразумѣваются иногда кровоточивые знаки. Нижеслѣдующіе эксперименты показываютъ, что и такіе стигматы могутъ быть вызваны силою внушенія.

Впервые опытъ съ кровоточивыми стигматами былъ произведенъ въ 1885 году Буррю и Бюро, профессорами Медицинской школы въ Рошфорѣ, надъ однимъ истеричнымъ больнымъ. Докладъ объ этомъ былъ сдѣланъ Французскому обществу для поощренія наукъ въ Греноблѣ, въ августѣ 1885 г. Вотъ что мы узнаемъ изъ доклада [1]):

„Этотъ больной, гемиплегичный и геміанестесичный съ правой стороны, былъ воспріимчивъ къ гипнотизму и способенъ принимать всякаго рода внушенія.

Его усыпилъ одинъ изъ названныхъ экспериментаторовъ и начертилъ тупымъ концомъ ножа свое имя на обоихъ его запястьяхъ, говоря: „сегодня вечеромъ въ четыре часа ты заснешь, и у тебя пойдетъ кровь на рукахъ изъ тѣхъ линій, которыя я начертилъ".

[1]) По Berjon, La grande Hystérie chez l'Homme, Paris, 1886, p. 36. Приводимъ въ сокращеніи.

Въ назначенный часъ субъектъ заснулъ, начерченныя на кожѣ буквы выступили ярко-красными выпуклыми линіями, и во многихъ мѣстахъ не анестесичной стороны показались капли крови. Буквы оставались видными въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, хотя въ концѣ нѣсколько поблѣднѣли".

Подобный же опытъ былъ повторенъ надъ тѣмъ же субъектомъ докторомъ Мабиллемъ въ Ларошелѣ, куда былъ перевезенъ больной. 2 іюля 1885 года, Мабилль начертилъ букву на каждомъ запястьѣ больного, взялъ его за руки и приказалъ: „въ четыре часа у тебя пойдетъ кровь вотъ изъ этой руки и изъ этой". „У меня не можетъ течь кровь съ правой стороны", — отвѣчалъ больной. (Эта сторона была парализована). Въ назначенное время выступила кровь на лѣвой сторонѣ, а не на правой.

Эти опыты были повторены передъ собраніемъ изъ сорока врачей. 4 іюля, когда субъектъ былъ въ сомнамбулизмѣ, Мабилль начертилъ букву на лѣвомъ запястьѣ его руки, давъ ему приказаніе, чтобы у него тотчасъ же начала течь кровь въ этомъ мѣстѣ. — „Это заставитъ меня сильно страдать", — отвѣчалъ больной. — „Все-таки я тебѣ приказываю, чтобы кровь текла".— Вслѣдъ за этимъ мускулы запястья сокращаются, членъ распухаетъ, буква обозначается выпуклыми красными чертами, наконецъ, выступаютъ капли крови, которыя и констатированы всѣми свидѣтелями. Тѣмъ не менѣе необходимо замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ опытѣ произошла ошибка: кровь точилась изъ буквы, начерченной рядомъ наканунѣ. Быть можетъ, внушеніе не было достаточно точно, быть можетъ, выполненіе было слишкомъ близко ко времени приказанія, такъ какъ этотъ разъ былъ первымъ, когда внушеніе не было сдѣлано на срокъ въ нѣсколько часовъ.

Если возможность внушать кровоточивые стигматы и покажется въ этомъ опытѣ не вполнѣ доказанной, то всякія сомнѣнія устраняются при сопоставленіи съ нижеслѣдующимъ опытомъ Бонжана, произведеннымъ въ присутствіи Жермэна, главнаго директора начальнаго образованія въ Бельгіи:

„Дѣло происходило 16 іюля 1891 года.

M-lle S... усыплена. Мы ей внушаемъ, что, спустя десять минутъ послѣ пробужденія, у нея не только появятся красныя пятна на задней сторонѣ обѣихъ рукъ, но что выступитъ также на кожѣ кровь.

По истеченіи десяти минутъ мы удостовѣряемъ существованіе двухъ красновато-синихъ пятенъ большаго размѣра, чѣмъ въ предыдущихъ опытахъ, и съ болѣе замѣтной опухолью. Сверхъ того, на кожѣ показались капли крови. Зрѣлище было поразительно. Результаты этого внушенія были еще поразительнѣе.

Обѣ руки на всемъ протяженіи, въ особенности правая, раздулись до размѣровъ, почти внушавшихъ опасеніе, и эта опухлость продолжалась нѣсколько дней.

Правда, внушеніе справилось и съ этимъ случаемъ, и молодая дѣвушка, загипнотизированная поочередно Малларомъ и мною, перестала чувствовать боль, и ея руки пришли въ нормальное состояніе" [1]). (См. кн. проф. А. Гилярова: „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко", Кіевъ. 1894 г., стр. 160—162).

12. **Внушенныя анестесіи и аналгесіи.** При полныхъ параличахъ внушеніемъ уничтожается дѣятельность какъ двигательныхъ, такъ и чувствующихъ нервовъ. Но можно внушеніемъ парализовать только эти послѣдніе. Въ такомъ случаѣ происходятъ, сообразно съ характеромъ внушенія, внушенныя потери общей чувствительности, или *анестесіи*, и потери болевой чувствительности, или *аналгесіи*...

Особенно наглядны внушенныя потери чувствительности при *аналгесіяхъ*. Вслѣдствіе этого аналгесирующаго свойства гипнотизмомъ можно иногда замѣнять хлороформъ. За послѣднее пятидесятилѣтіе у загипнотизированныхъ больныхъ было сдѣлано нѣсколько сотъ хирургическихъ операцій. Одинъ Исдэль въ Калькуттѣ произвелъ ихъ болѣе трехсотъ въ теченіи шести лѣтъ (въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ). Наиболѣе выдающіяся изъ сдѣланныхъ европейскими хирургами слѣдующія: въ 1829 году Клокэ вырѣзалъ у одной дамы грудь; въ 1845 году Луазель ампутировалъ у одной дѣвицы ногу; въ томъ же году Фонтанъ ампутировалъ у одного молодого человѣка ногу, а Жоли — у одной дамы руку. Около того же времени Тозуелемъ была отнята у одной дамы нога. Въ 1859 году Герино ампутировалъ у больного ногу. Во время этой операціи больной не только не ощущалъ никакой боли, но на вопросъ, какъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: „какъ въ раю" и сталъ цѣловать у хирурга руку. Подобныя же операціи были произведены въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Наиболѣе обыкновенныя—безболѣзненное выдергиваніе зубовъ. Иногда также гипнотизмомъ пользуются въ акушерской практикѣ для безболѣзненныхъ родовъ. Послѣднія хирургическія операціи у загипнотизированныхъ были сдѣланы въ 1886, 1887, 1889—1890 годахъ Поцци, Люисомъ, Фортомъ, Вудомъ, Тильо, Ничемъ, Верландеромъ, Ауардомъ, Мартинецъ Діазомъ, Кэртеромъ, Тэрнеромъ и пр. [2]).

[1]) Hypnotisme, pp. 104—105.

[2]) Cullere, La Thérapeutique suggestive, pp. 246—266. Foveau de Courmelles, L'Hypnotisme, pp. 279—288. Bernheim, De la Suggestion, pp. 168—169.

Всѣ эти безболѣзненныя операціи могутъ служить лучшимъ объективнымъ доказательствомъ подлинности гипнотической анестезіи.

13. Внушенія на долгій срокъ. Внушенія на долгій срокъ изучены почти исключительно Психологической школой. Школа Шарко приводитъ собственные эксперименты лишь на короткій срокъ [1]), а относительно внушеній на долгій срокъ обыкновенно ссылается на опыты Психологической школы. Для насъ достаточно привести нижеслѣдующіе опыты Бернгейма, стяжавшіе себѣ всеобщую извѣстность.

1. „Въ субботу 22 декабря 1883 года я говорю загипнотизированной Г.: „во вторникъ черезъ три недѣли, то-есть черезъ двадцать пять дней, когда я буду проходить съ утреннимъ визитомъ возлѣ вашей постели, вы увидите со мною моего коллегу В. П. Онъ освѣдомится о вашемъ здоровьѣ, вы разскажете ему подробности вашей болѣзни и будете съ нимъ говорить о томъ, что васъ интересуетъ". Пробудившись, больная не помнитъ ничего; съ своей стороны, я не дѣлалъ никакого намека на это внушеніе, не посвятилъ въ него ни одного изъ своихъ учениковъ. Въ промежутокъ ее гипнотизировали нѣсколько разъ и дѣлали другія внушенія. Во вторникъ 15 января, во время визита, я останавливаюсь какъ обыкновенно, безъ всякой аффектаціи, у ея постели, она смотритъ налѣво и почтительно привѣтствуетъ: „ахъ, г. В. П.!" Послѣ нѣсколькихъ мгновеній она отвѣчаетъ на мнимый вопросъ: „мнѣ гораздо лучше; я не чувствую боли. Къ несчастью, колѣно все еще свихнуто, и я могу ходить только на костыляхъ". Она снова вслушивается въ слова мнимаго собесѣдника и затѣмъ отвѣчаетъ: „очень вамъ благодарна. Вы знаете, что я кормила дѣтей Б., помощника мэра, вашего коллеги. Не можете ли напомнить ему обо мнѣ; быть можетъ, онъ будетъ способствовать мнѣ поступить въ богадѣльню"! Она вновь слушаетъ, затѣмъ благодаритъ, кланяется и слѣдитъ глазами до дверей за призракомъ моего коллеги. „Знали-ли вы,—спросилъ я ее,—что В. П. придетъ сегодня"?—„Нѣтъ"—отвѣчала она. Она утверждала, что у нея не было никакой мысли и никакого предчувствія объ этомъ визитѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ выполненіе сложной галлюцинаціи, спустя двадцать пять дней послѣ внушенія.

2. Въ августѣ 1883 года я говорю загипнотизированному сомнамбулу С..., бывшему сержанту: „Въ какой день вы будете свободны на первой недѣлѣ октября?" Онъ мнѣ отвѣчаетъ: „въ среду".—„Ну, такъ слушайте: въ первую среду октября вы пойдете къ Льебо (который ко мнѣ его направилъ), вы встрѣтите тамъ президента республики, и онъ вручитъ вамъ медаль и пенсію". — „Я пойду", — отвѣчалъ онъ. Больше я ему не говорю ничего. По пробужденіи, онъ не помнитъ ничего. Въ промежутокъ я дѣлаю ему другія внушенія и ни разу не напоминаю объ этомъ. 3 октября (63 дня спустя послѣ внушенія) я получаю отъ Льебо слѣдующее письмо: „Сомнамбулъ С... пришелъ ко мнѣ сегодня въ одиннадцать часовъ безъ десяти минутъ. Поздоровавшись при входѣ съ Ф..., онъ направляется къ лѣвому шкафу моей библіотеки, не обращая вниманія ни на кого, почтительно кланяется и произноситъ: „Ваше превосходительство!" Такъ какъ онъ говорилъ довольно тихо, я подошелъ прямо къ нему; въ это время онъ протянулъ правую руку и сказалъ: „благодарю, ваше превосходительство". Тогда я его спросилъ, съ кѣмъ онъ разговариваетъ. — „Да съ президентомъ республики". Надо замѣтить, что впереди его не было никого. Послѣ того онъ снова обернулся къ шкафу и поклонился, а затѣмъ возвратился къ Ф... Свидѣтели этой странной сцены, послѣ ухода С..., обратились ко мнѣ съ естественнымъ вопросомъ, что это за полоумный? Я отвѣчалъ, что это не полоумный, а такой же здравомыслящій, какъ они и я, но что въ немъ дѣйствуетъ другой.

Прибавлю, что, когда я, нѣсколько дней спустя, увидалъ С..., онъ утверждалъ, что мысль итти къ Льебо у него явилась внезапно 3 октября въ 10 часовъ утра, что въ предшествовавшіе дни онъ не зналъ того, что долженъ итти, и не имѣлъ никакого представленія о предстоящей ему встрѣчѣ [1]).

Подобные же факты засвидѣтельствованы Бони и Льежуа. Первый удостовѣряетъ исполненіе внушенія черезъ 172 дня, второй—черезъ годъ [2]). Но эти опыты, за исключеніемъ своей долгосрочности, не вносятъ ничего новаго. Достаточно лишь замѣтить, что внушеніе Льежуа отличается значительною сложностью и было исполнено довольно точно, хотя и не вполнѣ.

Говоря о внушеніяхъ на долгій срокъ, Бернгеймъ замѣчаетъ:

„Сколь ни странны, сколь ни необъяснимы внушенія на долгій срокъ, выполняемыя въ заранѣе назначенное время и подготовляемыя мозгомъ субъекта безъ его вѣдома, я не колебался ихъ засвидѣтельствовать; я бы ко-

[1]) Binet et Féré, Magnetisme animal, pp. 212—220 и пр. Pitres, Leçons cliniques, II, pp. 167—176.

[1]) De la Suggestion, pp. 78—80.

[2]) Beaunis, Le Somnambulisme provoqué, pp. 233—246. Liégeois, De la Suggestion, pp. 339—342.

лебался, если бы фактъ былъ единичнымъ, но я производилъ этихъ опытовъ такъ много на различныхъ сомнамбулахъ, что не питаю ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ реальности [1])".

Послѣдователи Шарко всѣ безъ исключенія признаютъ результаты только что приведенныхъ опытовъ за вполнѣ достовѣрные факты, не подвергаютъ ихъ никакому сомнѣнію, но и не подтверждаютъ никакими объективными доказательствами. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ подобныхъ фактахъ, на первый взглядъ мало вѣроятныхъ, доказательства особенно важны.

Впрочемъ, какъ скоро доказана объективность внушеній на короткій срокъ, нѣтъ основанія сомнѣваться и въ реальности внушеній на долгій срокъ. (Проф. А. Гиляровъ: „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко, Кіевъ 1894 г., стр. 169—175).

14. **Симпатеизмъ и экстеріоризація.** Скажемъ нѣсколько словъ объ экстеріоризаціи и симпатеизмѣ. Если во время гипноза чувствительнаго субъекта взять, положимъ, стаканъ съ водою и поставить его на разстояніи иногда даже нѣсколькихъ метровъ отъ послѣдняго, то между субъектомъ, представляющимъ собою нѣчто вродѣ магнитическаго источника, вокругъ котораго воздухъ словно насыщенъ магнитизмомъ, и предметомъ, — въ данномъ случаѣ стаканомъ, помѣщеннымъ въ этотъ заколдованный кругъ, — устанавливается какое-то соотношеніе: каждый ударъ, уколъ, разлитіе воды и т. п., совершаемые безъ вѣдома загипнотизированнаго субъекта, вызываютъ въ немъ разнаго рода ощущенія, иногда имѣющія даже весьма бурный характеръ.

Для иллюстраціи этой удивительной связи, устанавливающейся между человѣкомъ и неодушевленнымъ предметомъ, приведемъ здѣсь случай, имѣвшій мѣсто у полковника де-Роша. Онъ поставилъ стаканы съ водою въ кругъ дѣйствія магнитической силы двухъ гипнотиковъ, надъ которыми онъ экспериментировалъ. Произведя нужные ему опыты съ водою, Роша потомъ вылилъ ее за окно, совершенно забывъ о возможныхъ отъ этого послѣдствіяхъ. Ночь была морозная, вода замерзла, и, представьте себѣ, у обоихъ гипнотиковъ всю ночь были сильнѣйшія колики и жесточайшій ознобъ, отъ котораго они ничѣмъ не могли согрѣться.

Вотъ еще болѣе поразительный опытъ. Въ магнитическій кругъ помѣщался фотографическій аппаратъ, которымъ снималась фотографія съ усыпленнаго. Если затѣмъ на снимкѣ дѣлалась царапина или уколъ, то субъектъ ощущалъ боль въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, за которыя онъ съ крикомъ хватался, а по пробужденіи на тѣлѣ оказывались покраснѣвшіе слѣды. При этомъ, повторяемъ, усыпленный не могъ видѣть, что и гдѣ дѣлается со снимкомъ. Если же послѣдній дѣлался внѣ „магическаго" круга, то эффекта не замѣчалось. Наконецъ, паціенты могутъ быть приводимы въ такъ называемый „раппортъ" съ любымъ лицомъ простымъ прикосновеніемъ къ предметамъ, находившимся незадолго передъ тѣмъ въ соприкосновеніи съ этимъ лицомъ, и т. д., и т. д. Къ этому, надо полагать, тѣсно примыкаетъ явленіе специфическаго дѣйствія медикаментовъ на разстояніи и въ закрытыхъ къ тому же склянкахъ.

Сопоставляя всѣ явленія экстеріоризаціи и симпатеизма другъ съ другомъ, а также не забывая того частнаго случая экстеріоризаціи чувствительности, на которомъ основано симпатическое лѣченіе и колдовство, при помощи разнаго рода мумій (mumies—всякія части и выдѣленія нашего тѣла: волосы, ногти, потъ, кровь, мокрота и т. п.), наузъ и пр., и имѣя въ виду вполнѣ доказанный фактъ излученія изъ человѣческаго тѣла, магнитовъ и др. тѣлъ какого-то свѣтящагося въ темнотѣ вещества, намъ становятся понятными многіе казавшіеся необъяснимыми случаи телепатіи.

Въ самомъ дѣлѣ, говоря словами знаменитаго стариннаго шотландскаго ученаго Максуэля, „каждое тѣло выдѣляетъ тѣлесныя излученія", обладающія извѣстною силою и энергіею. По-видимому, во снѣ, въ гипнагогическомъ и въ особенности въ гипнотическомъ состояніи они выдѣляются сильнѣе, вокругъ паціента образуется пространство, насыщенное этими излученіями, которыя могутъ пропитывать всѣ окружающіе предметы.

Муміи, представляющія собою вещества, напитанныя этою выдѣляемою человѣкомъ разрѣженною матеріею, обладающею особыми специфическими свойствами; субъекты, приведенные съ нимъ въ магнитическій раппортъ; тѣла, на которыя перенесена его чувствительность, и пр., — всѣ они, какъ увѣряютъ старинные писатели, выдѣляютъ эту разрѣженную матерію, которая циркулируетъ между связанными посредствомъ нея тѣлами, безразлично — одушевленными или нѣтъ; причемъ разстояніе, по-видимому, не прекращаетъ этого взаимнаго обмѣна, а лишь ослабляетъ его. Для того, чтобы легче представить себѣ процессъ образованія связи между какою-нибудь „муміею", „экстеріоризированнымъ" предметомъ, приведеннымъ въ раппортъ человѣкомъ, и т. д., приходится предположить, что всѣ они, удаляясь отъ

[1]) De la Suggestion, pp. 80—81.

субъекта, оставляютъ за собою слѣдъ на подобіе, скажемъ, кометнаго хвоста, состоящаго изъ выдѣляемой ими „сущности", какъ говорится въ старыхъ сочиненіяхъ. Здѣсь, такимъ образомъ, по-видимому, устанавливается, такъ сказать, родъ подвижнаго равновѣсія, основаннаго на постоянной циркуляціи матеріи, — приливахъ и отливахъ сущности, или жизненнаго принципа Парацельса и др. старинныхъ ученыхъ. Если это равновѣсіе будетъ тѣмъ или инымъ способомъ нарушено, то субъектъ долженъ это почувствовать.

Дѣйствіе медикаментовъ на разстояніи объясняется при помощи этой старой теоріи, начинающей понемногу пріобрѣтать сторонниковъ даже среди самыхъ серьезныхъ современныхъ ученыхъ, тѣмъ, что во время гипноза, когда изъ человѣческаго тѣла съ особенною силою излучается упомянутая энергія, а изъ даннаго медикамента выдѣляются тончайшія, скажемъ, испаренія, между субъектомъ и лѣкарствомъ устанавливается при помощи этой посредствующей матеріальной среды сообщеніе, и, стало-быть, дѣйствіе медикамента теряетъ значительную долю своей загадочности.

Съ точки зрѣнія этой теоріи, давно подмѣченная таинственная связь между магнитизеромъ и паціентомъ, странная „симпатія" между близнецами и пр. находятъ свое оправданіе въ существованіи непрерывной связи между этими лицами. Простое рукопожатіе, полученіе письма, играющаго роль „муміи" и т. п. сношенія, не говоря уже о кровномъ родствѣ, позволяютъ допустить существованіе болѣе или менѣе сильной циркуляціи неизвѣстной энергіи, которая, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, способна принять ощутительные размѣры. Странная иронія судьбы! — Давно-ли высказываніе подобнаго рода мыслей считалось-бы признакомъ полнаго невѣжества и грубѣйшаго суевѣрія?! А въ настоящее время самые серьезные толстые иностранные журналы открываютъ свои страницы для изложенія этихъ старыхъ, казалось, на вѣки похороненныхъ средневѣковыхъ теорій!

Знаменитый профессоръ Круксъ въ чрезвычайно интересной и легко написанной статьѣ, помѣщенной въ мартовскомъ № „Bulletin de la S-té Astronomique de France", 1898, высказываетъ слѣдующія соображенія о возможной природѣ телепатіи.

„Всѣ явленія въ мірѣ, по всей вѣроятности, сплетаются между собою въ нѣчто цѣлое, и нѣкоторыя, выхваченныя, такъ сказать, изъ самаго сердца природы, должны послужить намъ къ постепенному раскрытію другихъ, сокрытыхъ глубже въ ея нѣдрахъ". Для того, чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этой мысли въ примѣненіи къ вопросу о телепатіи, небезполезно припомнить, что въ мірѣ повсюду: въ тѣлахъ твердыхъ, жидкостяхъ, воздухѣ и другихъ газахъ, а также и въ эѳирѣ, происходятъ безпрестанныя колебанія или вибраціи. Эти колебанія, различныя по числу и скорости, сообщаются, конечно, и живымъ существамъ отъ внѣшнихъ источниковъ, независимо отъ собственнаго молекулярнаго движенія. Если за исходную точку взять маятникъ, отбивающій въ воздухѣ секунды, то, удваивая послѣдовательно число ударовъ, мы получимъ въ первой степени 2 колебанія въ секунду, во второй — 4, въ третьей — 8, дальше — 16 и т. д. При 32 колебаніяхъ, соотвѣтствующихъ 5-й степени, „мы вступаемъ въ область, гдѣ колебанія атмосферы являются намъ въ формѣ *звука*, — мы находимъ здѣсь самую низкую музыкальную ноту. Въ пятнадцатой степени число колебаній доходитъ до 32.768 въ секунду; это предѣлъ звуковъ, доступныхъ обыкновенному человѣческому уху, хотя, конечно, нѣкоторыя животныя способны слышать и болѣе высокіе звуки. Учащая число колебаній, мы получимъ въ 35-й степени 34.359.738.368 вибрацій въ секунду, что соотвѣтствуетъ *электрическимъ* лучамъ, совершающимся не въ грубой средѣ, подобной нашему воздуху, а въ тончайшемъ эѳирѣ. Слѣдующая область, между 35-й и 45-й степенями, заключающая отъ 34 милліардовъ 359 милліоновъ до 35 билліоновъ 184 милліардовъ колебаній въ сек. (въ круглыхъ числахъ), — намъ *неизвѣстна*, хотя дѣйствіе подобныхъ вибрацій не можетъ оставаться безъ вліянія. Область тепла, свѣта и химическихъ лучей заключается между 45-й и 51-й степенями. Тѣ 1.875 билліоновъ колебаній, которые соотвѣтствуютъ 51-й степени, выражаются въ самыхъ крайнихъ изъ извѣстныхъ намъ ультра-фіолетовыхъ лучей спектра; собственно же свѣтъ, т.-е. колебанія, воспринимаемыя глазомъ, заключается между 450 билліонами (красный) и 750 билліонами (фіолетовый). Далѣе слѣдуетъ опять неизвѣстная область, часть которой, заключающаяся между 58-й и 61-й степенями, выражающаяся въ непостижимыхъ цифрахъ — 288.220.376.151.711.744 и 2.305.763.009.213.693.952 колебаній, надо полагать, относится къ иксъ-лучамъ Рентгена. Что существуютъ еще болѣе быстрыя колебанія, это можно заключать даже на основаніи изученія свойствъ тѣхъ же X-лучей".

Итакъ, стало-быть, „въ представленномъ ряду мы видимъ двѣ огромныхъ неизвѣстныхъ области, относительно роли которыхъ въ міровомъ хозяйствѣ мы должны признать полное свое невѣжество... Можно, мнѣ кажется, предположить, что возрастаніе ско-

рости колебаній параллельно возрастанію ихъ значенія. Несомнѣнно, что очень большая скорость отнимаетъ у лучей много свойствъ, кажущихся несовмѣстимыми съ ихъ ролью *мозговыхъ волнъ*. Лучи сосѣдніе съ 62-ю степенью не преломляются, не отражаются и не поляризуются; они проходятъ черезъ такъ называемыя тѣла непрозрачныя, и чѣмъ быстрѣе колебанія, тѣмъ меньше преградъ для лучей". Не требуется слишкомъ большого напряженія научнаго воображенія, чтобы понять, что преграды, задерживающія лучи 61 степ., перестаютъ вліять на лучи между 62-й и 63-й степенями... „Мнѣ кажется, что подобными лучами возможна передача мысли. Съ нѣкоторыми допущеніями мы найдемъ здѣсь ключъ ко многимъ тайнамъ психологіи. Допустимъ, что эти лучи или другіе, еще большей скорости, могутъ проникать въ мозгъ и дѣйствовать на нѣкоторый нервный центръ. Вообразимъ, что мозгъ содержитъ центръ, дѣйствующій этими лучами, какъ голосовыя струны—звуковыми колебаніями (въ обоихъ случаяхъ повелѣваетъ разсудокъ), и посылаетъ ихъ со скоростью свѣта произвести впечатлѣніе (impressionner) на воспринимающій центръ другого мозга.

„Такимъ образомъ, нѣкоторыя явленія телепатіи и передачи мысли черезъ большія пространства, по-видимому, входятъ въ область научныхъ законовъ, и мы можемъ ими пользоваться. Сенситивомъ (чувствительнымъ объектомъ) былъ бы индивидуумъ, владѣющій болѣе развитымъ телепатическимъ узломъ (отсылающимъ или воспринимающимъ) и, вслѣдствіе постоянной практики, сдѣлавшійся болѣе чувствительнымъ къ этимъ волнамъ огромной скорости" [1]) (см. „Журналъ журналовъ" и „Энциклопедич. обозр." 1898, № 6).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Значеніе гипнотизма.

Гипнотизмъ учитъ насъ, что внушеніемъ могутъ быть произведены органическія измѣненія, что имъ, съ одной стороны, могутъ быть устранены болѣзненныя состоянія, а съ другой, могутъ быть подготовлены разные органическіе процессы. При помощи внушенія мы можемъ управлять физіологическими нашими функціями, совершающимися въ насъ для насъ безсознательно, независимо отъ нашего произвола, напримѣръ: кровообращеніемъ, выдѣленіемъ и пр. Уже изъ сказаннаго явствуетъ, что на гипнотическое внушеніе отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на какого-то чудодѣйственнаго, проникающаго при помощи магической формулы въ организмъ паціента, врача. Дѣйствіе этого внушенія объясняется просто-на-просто дѣйствіемъ сильнѣйшей воли внушителя на слабѣйшую волю паціента, чѣмъ первый и пользуется, погружая послѣдняго въ гипнотическій сонъ, въ состояніе психической зависимости. Отсюда—возможность даже преступныхъ внушеній. Такимъ образомъ, дѣйствіе внушенія объясняется тѣмъ, что оно превращается въ самовнушеніе, которому, собственно говоря, и принадлежитъ активная роль. Внушеніе даетъ власть представленію паціента надъ его органическою жизнью, что и служитъ доказательствомъ господства духа надъ тѣломъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опроверженіемъ матеріализма, смотрящаго на духъ, какъ на простую функцію тѣла, и видящаго, значитъ, дѣйствительность въ совершенно превратномъ видѣ.

Изъ факта, что путемъ самовнушенія могутъ быть производимы у загипнотизированныхъ лицъ органическія измѣненія, вытекаетъ первымъ дѣломъ логическая возможность того, что и у нормальныхъ людей органическія функціи сопровождаются и управляются несознаваемо ими трансцендентальнымъ ихъ представленіемъ.

Въ виду незаконченности и неполноты въ изученіи фактовъ гипнотизма, выводы изъ нихъ, разумѣется, могутъ имѣть характеръ лишь относительный; но съ этими фактами и съ дѣлаемыми изъ нихъ выводами все-таки приходится считаться богослову и философу, разъ эти выводы, неблагопріятные для религіи, дѣлаются. Впрочемъ, гипнотизмъ имѣетъ не одно только отрицательное, но и положительное значеніе, по крайней мѣрѣ, для философіи (спиритуалистической): изъ фактовъ гипнотизма могутъ быть сдѣланы правильные выводы въ пользу различныхъ положеній философіи. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ ними въ настоящее время обязательно для богослова и философа.

Начнемъ съ отношеній гипнотизма къ философіи.

Въ состояніи гипноза развиваются „тѣ загадочныя психическія явленія, которыя въ отдѣльности мы разсматривали по поводу *телепатіи* и *вѣщихъ сновъ*, т.-е. явленія *ясновидѣнія*, какъ: *чтеніе мыслей*, *двойное зрѣніе* (способность видѣть съ закрытыми глазами сквозь непроницаемыя тѣла и получать зрительныя ощущенія отъ предметовъ путемъ осязанія, т.-е. видѣть ихъ носомъ, подбородкомъ и т. п. чрезъ ихъ прикладываніе къ этимъ членамъ, — явленіе, обыкновенно называемое *перенесеніемъ чувствъ*), далѣе — *прозрѣніе въ своемъ и чужомъ* организмѣ (точное воспріятіе самомалѣйшихъ состояній организма и его отправленій и отсюда способность

---

[1]) Изложенную здѣсь грубо-физіологическую теорію передачи мыслей составитель этой книги ни въ какомъ случаѣ не раздѣляетъ, такъ какъ онъ почти всю область таинственныхъ явленій относитъ къ дѣятельности души, какъ самостоятельной, независимой отъ тѣла, духовной сущности. Здѣсь же приведена означенная теорія для того, чтобы показать, что и невѣрующіе не отвергаютъ всѣхъ явленій телепатіи, хотя даютъ имъ физіологическое объясненіе.

къ самодіагнозу и самовračеванію, а также безошибочное опредѣленіе чужихъ болѣзней), *умственное внушеніе* (напримѣръ, заочное гипнотизированіе субъекта на большихъ разстояніяхъ, и другого рода различныя воздѣйствія на него однимъ усиліемъ мысли и воли безъ внѣшнихъ посредствъ), наконецъ—*предсказаніе будущаго*, чтобы не говорить еще о другихъ нѣкоторыхъ загадочныхъ явленіяхъ (къ категоріи ясновидѣнія слѣдуетъ отнести, напримѣръ, и такъ называемую *глоссолалію*, даръ новыхъ языковъ и ихъ пониманіе). Всѣ этого рода факты служатъ положительнымъ подспорьемъ спиритуализму и рѣшительно разрушаютъ матеріалистическую психологію; ихъ значеніе и цѣна обусловливаются особенно тѣмъ, что здѣсь представляются самыя наглядныя и всѣмъ доступныя и столь же убѣдительныя доказательства истинности спиритуализма и лжи матеріализма. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно только констатировать фактъ вродѣ того, что загипнотизированный видитъ безъ глазъ, слышитъ безъ ушей и т. п., т.-е. воспринимаетъ безъ посредства органовъ внѣшнихъ чувствъ, чтобы ниспровергнуть матеріализмъ съ его объясненіемъ психическаго изъ матеріальнаго, т.-е. молекулярныхъ движеній въ нервахъ и мозгу, и заявленіемъ, что эти послѣднія—причина ощущеній: есть, очевидно, въ насъ иной источникъ психическихъ явленій, иной агентъ, независимый отъ матеріальныхъ физіологическихъ процессовъ въ организмѣ, —то, что называемъ душою. Однако, чтобы воспользоваться этими фактами, спиритуалистическая психологія должна прежде твердо обосновать ихъ достовѣрность и доказать невозможность иного объясненія ихъ, т.-е. *теологическаго* (католическаго, вѣрнѣе, объясненія дѣйствіемъ злыхъ духовъ) и *научнаго*, психофизіологическаго, сводящаго чудесные факты гипнотическаго ясновидѣнія къ простымъ фактамъ нормальнаго теченія психической жизни (многое выводится изъ дѣйствій внушенія и самовнушенія, гиперэстезіи, неточности наблюденій, случайнаго совпаденія и т. п.). Задачу эту, однако, выполнить не легко въ виду того, что изученіе этихъ фактовъ далеко не закончено и подвигается впередъ туго, вслѣдствіе укоренившихся противъ нихъ предразсудковъ въ ученой средѣ; такъ многіе изслѣдователи, какъ Бернгеймъ, Бони, Реньяръ, не охотно занимаются ими и уклоняются отъ ихъ объясненія: съ другой стороны, выросла на почвѣ такого отношенія къ «чудесному» въ наукѣ довольно значительная по объему литература съ *научнымъ* объясненіемъ фактовъ и отрицаніемъ *метафизическаго* ихъ объясненія. Съ нею необходимо посчитаться спиритуализму, и въ случаѣ его успѣха въ этомъ, ему предстоитъ одержать полный тріумфъ надъ матеріализмомъ.

Такое же значеніе могутъ имѣть для спиритуализма и такъ называемыя *отрицательныя галлюцинаціи*, т.-е. внушенная неспособность воспринимать тѣ или иные предметы и лица или даже части ихъ, т.-е. видѣть ихъ, слышать и проч., такъ что они перестаютъ существовать для загипнотизированнаго (можно, напримѣръ, внушить частичное исчезновеніе присутствующей особы, такъ что субъектъ будетъ ее видѣть и не будетъ слышать, и наоборотъ). Матеріалистическая психологія выводитъ, обыкновенно, явленія сознанія изъ матеріи, для нея сознаніе есть *слѣдствіе*, а матерія — *причина*. Проф. *А. Козловъ* справедливо обращаетъ вниманіе на то, что «въ гипнотизмѣ бываетъ *наоборотъ*. Напримѣръ, въ случаѣ «отрицательныхъ галлюцинацій» гипнотизеръ внушаетъ только *одну* (и при томъ совершенно ложную) *мысль*, что «нѣтъ предмета А», который до сего мгновенія дѣлалъ впечатлѣніе на гипнотизируемаго, т.-е. посредствомъ происходящихъ отъ него движеній эфира и матеріи производилъ перемѣны въ положеніи атомовъ и молекулъ его мозга, перемѣны, соотвѣтствующія зрительнымъ, слуховымъ, мускульнымъ и проч. ощущеніямъ, а также и представленіямъ отъ предмета А. Послѣ же внушенія, которое есть *только мысль*, матеріальныя причины, повидимому, остаются, т.-е. предметъ А матеріально-эфирными движеніями по-прежнему *дѣйствуетъ* на мозгъ, но *эффекты, слѣдствія* исчезаютъ. Ощущеній уже нѣтъ, предметъ невидимъ, неслышимъ и т. п.: происходитъ нѣчто чудесное, матерія не дѣйствуетъ, вся ея причинность обращается въ ничто и обращается причинною силою, т.-е. силою мысли, или силою психическою»[1]). Впрочемъ, спиритуализмъ вправѣ будетъ толковать въ свою пользу отрицательныя галлюцинаціи только тогда, когда докажетъ несостоятельность объясненій, даваемыхъ имъ наукою, напримѣръ, у *Рише*, *Бине* и *Фере*[2]).

Вообще гипнотизмъ, взятый въ цѣломъ и въ существѣ своемъ, служитъ сильнымъ препятствіемъ стремленіямъ матеріализма сводить всѣ тайны жизни къ механическимъ, физическимъ и химическимъ законамъ: имъ рельефно выдвигается господственное положеніе психическаго начала въ организмѣ, особенно посредствомъ характернаго явленія гипноза — *внушенія*. Внушеніемъ наглядно заявляется о власти души надъ тѣломъ и о большей зависимости послѣдняго отъ первой, чѣмъ какая обычно принимается. Если дѣйствіемъ одной мысли производятся параличи, контрактуры, стигматы и другія разстройства въ организмѣ, а равно эти же самыя и другія разстройства мгновенно устраняются (излѣчиваются) тѣмъ же самымъ путемъ, если дѣйствіемъ мысли ослабляется, прекращается, видоизмѣняется дѣятельность организма, то не значитъ ли это, что не въ тѣлѣ, а въ сознаніи или душѣ заключается самый

[1]) Проф. А. А. Козлова. *Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики*. Кіевъ 1887, стр. 35.
[2]) Объясн. прив. въ кн. *проф. А. Гилярова*, стр. 150—153.

источникъ жизни, оживляющее и творческое начало въ организмѣ, что душа не только не есть слѣдствіе, но наоборотъ — причина самаго тѣла? И мы видимъ, что, благодаря этому живому и наглядному напоминанію гипнотизма о правахъ души и ея преимуществахъ передъ матеріею, все болѣе и болѣе начинаетъ проникать теперь даже въ медицину спиритуалистическая идея о господственномъ значеніи души въ организмѣ и уже приноситъ свои плоды въ ней въ такъ называемой *психотерапіи*, разрабатываемой особенно въ Нансійской школѣ Льебо и Бернгеймомъ: эта идея дала начало новому плодотворному методу въ медицинѣ, — *лѣченію болѣзней психическимъ вліяніемъ* или воздѣйствіемъ на организмъ, и начинаетъ уже оказывать здѣсь свое благотворное дѣйствіе на пользу страждущаго человѣчества

Даетъ собою гипнотизмъ и другое напоминаніе и полезное назиданіе обще-научнаго и философскаго характера, цѣнное особенно для упорныхъ приверженцевъ самодовольнаго и узко-ограниченнаго позитивизма. Позитивизмъ, кажется, навсегда хотѣлъ бы успокоиться въ узкихъ границахъ, отведенныхъ имъ разуму, его познавательной дѣятельности, чтобы никогда и нигдѣ не выступать за нихъ. Но вотъ, въ гипнотизмѣ онъ наталкивается даже въ собственной своей области, въ области явленій, подлежащихъ его вѣдѣнію, на факты и явленія иного порядка, напоминающіе громко объ иномъ мірѣ, иной области, и при томъ — такъ, что позитивная наука здѣсь не можетъ отдѣлаться отъ нихъ, обойти ихъ, не рискуя оставить безъ изслѣдованія явленія собственной своей области. Прекрасное напоминаніе— особенно въ настоящее время, когда уже начинаетъ сознаваться мыслью тяжелый гнетъ произвольно наложеннаго на нее въ позивитизмѣ ограниченія, столь несвойственнаго ея природѣ, ея вѣчному стремленію впередъ, въ ширь и въ глубь вещей, ея безпредѣльной любознательности! Прекрасный урокъ и напоминаніе вообще узкому ученому самодовольству, ограниченности и нетерпимости, всегда необходимые! И не мы одни обращаемъ вниманіе на эту сторону дѣла, но и другіе; такъ на эти же самыя мысли гипнотизмъ наводитъ почтеннѣйшаго проф. *А. А. Козлова* [1]) и проф. *А. Н. Гилярова*, причемъ послѣдній извлекаетъ ихъ изъ самой исторіи гипнотизма, имѣющей «крупное значеніе для общей научной методологіи» (не отвергать ничего и ничего не осмѣивать безъ изслѣдованія, чтобы потомъ самому не подвергнуться осмѣянію, — non ridere, sed intelligere — таковъ урокъ, извлекаемый изъ исторіи гипнотизма!) [2]). Этимъ путемъ гипнотизмъ оказываетъ весьма важную и несомнѣнную услугу разуму въ его научно-философской дѣятельности. Можно и должно за симъ разсмотрѣть столь же несомнѣнную услугу его психологіи, болѣе или менѣе всѣми также признаваемую, безъ различія партій и направленій.

Гипнотизмъ или, точнѣе, *внушеніе* полагаетъ, думаютъ, начало новой истинно-экспериментальной психологіи, такъ какъ онъ, по выраженію *Бони*, «является настоящимъ методомъ экспериментальной психологіи», и этотъ методъ, по его мнѣнію, будетъ имѣть то же значеніе для философа, какое вивисекція имѣетъ для физіологіи» [1]). Внушеніе позволяетъ производить психологическіе эксперименты, т.-е. произвольно воспроизводить и изолировать для изученія нѣкоторыя явленія, — вещь, невозможная для одного *наблюденія*, или самонаблюденія. Бони думаетъ, что «при помощи гипнотическихъ пріемовъ можно производить настоящую *вивисекцію души*...; наблюдать отправленія душевнаго механизма и даже *заставлять* этотъ механизмъ дѣйствовать передъ своими глазами, подобно тому какъ физіологъ наблюдаетъ и заставляетъ дѣйствовать передъ своими глазами тѣлесный механизмъ» [2]). Въ наглядное поясненіе такого значенія гипнотизма въ психологіи Бони производитъ слѣдующій примѣръ, показывающій, какое подспорье оно можетъ представлять для изученія чувствованій, страстей, характера: «Я присутствовалъ при одномъ изъ самыхъ интересныхъ опытовъ подобнаго рода, произведенномъ моимъ товарищемъ, докторомъ Бернгеймомъ, надъ молодою сомнамбулой, служащей при госпиталѣ. За одинъ часъ мы заставили ее пройти чрезъ всевозможныя душевныя состоянія: гордость, гнѣвъ, чувствительность, благожелательность, живость ума, любовь, зависть и т. п.; мы заставили ее пройти всю гамму чувства и ума; мы дѣлали ее послѣдовательно веселою, серьезною, легкомысленною, трудолюбивою, болтливою, остроумною, набожною, и т. п., и при каждомъ новомъ внушеніи возникала новая картина высокаго психологическаго интереса. Однимъ словомъ, можно играть на человѣческой душѣ, какъ играютъ на какомъ-нибудь инструментѣ, и какъ бы ни показалось страннымъ это сравненіе, его вѣрность признаютъ всѣ, которые увидятъ подобные опыты» [3]). Важное значеніе гипнотизма для психологіи признается всѣми въ большей или меньшей мѣрѣ, даже врагами гипнотизма и учеными, далекими отъ того преувеличенія, которое слышится въ словахъ Бони. «Главное значеніе внушенія, говоритъ, напримѣръ, *Форель*, это— *психологическое* и *психо-физіологическое*. Оно даетъ въ руки психологу естественно-научный психологическій методъ, котораго ему до сихъ поръ недоставало», и который позволяетъ ему произвольно видоизмѣнять для изученія «всѣ свойства души до ихъ тончайшихъ оттѣнковъ логики, этики, эстетики» [4]). (См. кн. свящ.

[1]) Проф. *А. А. Козлова* стр. 34.
[2]) Проф. *А. Н. Гилярова*, стр. 393—395.

[1]) *Бони*, стр. 53.
[2]) *Бони*, стр. 52.
[3]) *Бони*, стр. 72.
[4]) *Forel. Der Hypnotismus*, p. 91.

Свѣтловъ «Мистицизмъ конца XIX в.», Спб. 1897 г., стр. 84—95)).

Невѣріе пользуется гипнотизмомъ, какъ средствомъ объяснить чудеса библейскія и церковно-историческія. Но провѣрка иллюзій и галлюцинацій чрезъ фотографію,— съ одной стороны, съ другой — событія, совершившіяся по указанію чудесныхъ явленій—и, наконецъ, съ третьей — ограниченная область исцѣленій гипнотизмомъ только нервныхъ болѣзней, даютъ возможность отличить чудо отъ гипнотическаго внушенія.

Б. Примѣненіе гипнотизма къ педіатріи и педагогіи.

Возможность пользоваться гипнотизмомъ въ общей терапіи навела на мысль испробовать его спеціальное примѣненіе къ педіатріи и педагогіи. Современное положеніе этого вопроса всего лучше видно изъ заключеній, предложенныхъ Берилліономъ на обсужденіе перваго международнаго гипнотическаго конгресса, собравшагося въ 1889 году въ Парижѣ, и принятыхъ имъ единогласно.

«Наши личныя наблюденія (говоритъ этотъ авторъ), согласныя съ наблюденіями... Бернгейма, Льебо, Огюста Вуазена, Ванъ-Рентергема, Ванъ-Ейдена, Ладама, Йонга, Веттерстранда, Молля, Герреро, насъ уполномочиваютъ формулировать слѣдующіе выводы:

1. Внушеніе, разумно употребляемое опытными и свѣдущими врачами, представляетъ собою терапевтическій агентъ, допускающій часто полезное примѣненіе къ педіатріи.

2. Болѣзни, въ которыхъ дѣйствіе внушенія на дѣтей установлено строго провѣренными фактами, слѣдующія: *ночное недержаніе мочи, ночное и дневное недержаніе испражненій, нервный тикъ, картавость, ночной страхъ, ритмическая виттова пляска, онанизмъ, судороги вѣкъ, конвульсивные припадки истеріи, чисто функціональныя разстройства нервной системы.*

3. Внушеніе до сихъ поръ не дало замѣтныхъ результатовъ при пользованіи *идіотіи, кретинизма, глухонѣмоты.*

4. Внушеніе, разсматриваемое съ педагогической точки зрѣнія, служитъ прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ при воспитаніи порочныхъ или выродившихся дѣтей.

5. Примѣненіе внушенія должно быть прибережено для тѣхъ случаевъ, когда педагоги признаютъ свою полную немощь. Оно въ особенности пригодно для противодѣйствія *порочнымъ инстинктамъ, привычкѣ лгать, жестокости, привычкѣ красть, застарѣлой лѣни, нечистоплотности, непослушанію, малодушію.*

6. Одинъ только врачъ можетъ быть судьею того, насколько умѣстно примѣненіе внушенія противъ тѣхъ умственныхъ обнаруженій, которыя зависятъ отъ дѣйствительнаго патологическаго состоянія, *по большей части наслѣдственнаго,* и ни въ какомъ случаѣ нельзя совѣтовать пользоваться внушеніемъ, если дитя способно къ исправленію обычными воспитательными пріемами» [1]).

Изъ всѣхъ этихъ выводовъ самый главный тотъ, что *примѣненіе гипнотизма къ педагогіи дѣло врача, а не педагога.*

Примѣрами гипнотической педіатріи и педагогіи могутъ служить наблюденія у *Льебо,* Thérapeutique suggestive, pp. 113—127. 140—141. 151. 153—159. 182—183. 256—267, и *Кюллера,* La Thérapeutique suggestive, pp. 288—315. Подобныя же наблюденія у Бернгейма, Веттерстранда и другихъ. Болѣе подробныя указанія по этому вопросу въ статьѣ Берилліона, откуда нами заимствованы приведенныя выше заключенія. Заслуживаютъ также вниманія наблюденія Льебо надъ отраженіемъ на дѣтяхъ идей, занимающихъ беременныхъ [2]). (Проф. А. Гиляровъ: «Гипнотизмъ по ученію школы Шарко», Кіевъ 1894 г., стр. 256—257).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Явленія душевной жизни человѣка послѣ его тѣлесной смерти.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кончина людей.

Таинственныя предзнаменованія кончины людей. а) Мой отецъ, разсказываетъ г. Тепловъ, былъ крѣпкій старикъ, — онъ умеръ 4 октября 1877 года, имѣя отъ роду 63 года. За всю свою жизнь онъ почти что ничѣмъ не хворалъ.

Мой старшій братъ, занимавшій дипломатическій постъ въ Константинополѣ, совершенно случайно тогда пріѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, хотя незадолго до того уже былъ здѣсь въ отпуску, и никто изъ домашнихъ не расчитывалъ его такъ скоро увидѣть снова.

Отецъ умеръ отъ апоплексіи мозга; онъ заболѣлъ 3 октября, приблизительно въ шесть

[1]) Premier Congrès International de l'Hypnotisme, ect., pp. 176—178.

[2]) Le Sommeil etc., pp. 166—187.

часовъ утра, а 4 октября, промучившись весь день и всю ночь, скончался ровно въ это же время. Утомленный безсонною ночью, братъ заснулъ въ сосѣдней комнатѣ. За нѣсколько минутъ до шести часовъ, повинуясь какъ бы какому-то внушенію, онъ вскочилъ съ дивана и бросился въ комнату умирающаго; благодаря этому обстоятельству, онъ могъ присутствовать при послѣднемъ вздохѣ отца.

Прошло нѣсколько минутъ; мы съ братомъ вышли въ гостиную, чтобы переговорить о предстоящихъ похоронахъ.

Братъ попросилъ узнать, который теперь часъ на кухонныхъ часахъ, такъ какъ каминные часы въ гостиной почему-то остановились и показывали только шесть, т.-е., остановились на моментѣ смерти отца.

Горничная отвѣтила, что въ кухнѣ часы стоятъ на шести часахъ. Это было тѣмъ удивительнѣе, что часы эти были съ гирями, которыя, въ данное время, едва спустились до половины запаса своихъ намотанныхъ цѣпей и, слѣдовательно, могли бы итти, не останавливаясь. Тогда братъ сказалъ, чтобы я взглянулъ на часы во второй гостиной. Я тотчасъ же отправился туда, но находившіеся тамъ старинные бронзовые часы показывали тоже шесть, и маятникъ ихъ не двигался. Надо замѣтить, что въ первой гостиной часы были мѣсячнаго завода, а во второй — недѣльнаго. Подобное совпаденіе насъ заинтересовало, и мы сейчасъ же пересмотрѣли всѣ часы, какіе только были въ нашей квартирѣ, считая въ томъ числѣ карманные; всѣ они показывали тоже шесть часовъ.

Предположеніе, что всѣ часы были не заведены, не выдерживало критики, такъ какъ достаточно было дотронуться до ихъ маятниковъ или стержней заводовъ, какъ они немедленно же начинали итти. Мы подивились этой странной, необъяснимой связи между часами и жизнью человѣка и не могли не разсказать о ней псаломщику Исаакіевскаго собора — старику лѣтъ за семьдесятъ, — который явился читать надъ покойникомъ псалтирь.

— Васъ это удивляетъ? — спросилъ онъ. — Между тѣмъ, для меня вашъ случай очень обыкновененъ и бывалъ на моихъ глазахъ нерѣдко. Почему это происходитъ — я не знаю, но самъ былъ неоднократно свидѣтелемъ, что часы въ домѣ, со смертью хозяина, иногда останавливаются безъ всякой видимой причины!..

Съ тѣхъ поръ прошло уже двадцать лѣтъ, но этотъ случай, по-прежнему, остается для насъ неразгаданнымъ.

Подлинность вышеизложеннаго свидѣтельствуемъ нашими подписями, съ приложеніемъ фамильной гербовой печати. („Ребусъ“ 1897 г., № 51).

6, *Письмо миссъ Бэль изъ Гольстона (въ Англіи).* „Въ іюнѣ 1880 г. я пріѣхала въ одно имѣніе въ качествѣ гувернантки. Въ первый же день моего пребыванія тамъ, ложась спать, я услышала около себя странный шумъ, похожій на тиканье часовъ, которыхъ, однако, въ комнатѣ не было. Скоро я убѣдилась, что этотъ шумъ преслѣдовалъ меня повсюду, прекращаясь только, когда я была не одна; я даже привыкла къ этому странному явленію и перестала обращать на него вниманіе. 12 іюля со мной случилось нѣчто еще болѣе странное: выходя изъ столовой, я увидѣла въ дверяхъ какую-то темную фигуру съ распростертыми руками. Въ испугѣ я зажмурила на секунду глаза, когда же открыла ихъ, видѣніе уже исчезло. Черезъ два съ половиной мѣсяца (23 сентября) я получила отъ родственниковъ моихъ письмо съ извѣстіемъ, что въ тотъ день, когда явился мнѣ призракъ, утонулъ мой братъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала эту печальную вѣсть, тиканіе невидимыхъ часовъ совершенно прекратилось“.

Изъ приложеннаго къ этому письму удостовѣренія посторонняго лица, находившагося на пароходѣ въ моментъ несчастья съ Уильямомъ Бэлемъ, видно, что день и часъ, когда оно произошло, совпали съ видѣніемъ миссъ Бэль. Послѣдняя прибавила къ разсказанному ею еще слѣдующее:

„Незадолго до полученія мною вѣсти о кончинѣ брата (числа не помню) случилось еще нѣчто, о чемъ я не упомянула въ первомъ моемъ письмѣ, не думая, чтобы это обстоятельство имѣло отношеніе къ постигшему меня горю. Едва я легла спать, какъ вблизи меня раздался сильный трескъ, точно упало и разбилось вдребезги что-нибудь изъ посуды. Я не рѣшилась сейчасъ же встать и посмотрѣть, что разбилось; на слѣдующее же утро, къ удивленію своему, убѣдилась, что все цѣло и на своихъ мѣстахъ. Три ночи подрядъ я слышала этотъ ужасный трескъ и ни разу не могла доискаться до его причины. Я никогда не имѣла никакихъ видѣній до того дня, когда увидѣла фигуру, о которой вамъ писала. Я тогда не успѣла разсмотрѣть ее, и замѣтила только, что на ней было верхнее платье, похожее на то, въ которомъ я при прощаньи видѣла брата“.

Почти каждому, вѣроятно, приходилось слышать или читать о „часахъ смерти“, т.-е. о таинственномъ шумѣ, похожемъ на тиканье часовъ, раздающемся иногда въ жилыхъ помѣщеніяхъ, чаще всего въ тишинѣ ночи, и будто бы предвѣщающемъ чью-либо

смерть. Несмотря на широкое распространеніе этого „суевѣрія“, образованные люди не находятъ нужнымъ поближе его изслѣдовать, и до сихъ поръ серьёзно продолжаютъ считать единственнымъ его виновникомъ—одного жучка изъ породы Xylophagae. Жучокъ этотъ гнѣздится въ деревьяхъ, преимущественно въ дубахъ, и еще чаще въ старой мебели; онъ имѣетъ обыкновеніе привлекать свою самку оригинальной музыкой: спрятавъ переднія ножки и щупальцы, онъ ритмически ударяетъ о дерево головой и краемъ шейнаго щитка, производя шумъ, очень похожій на тиканье большихъ часовъ. Очень возможно, что во многихъ случаяхъ безпокойный этотъ жучокъ, дѣйствительно, давалъ поводъ для суевѣрныхъ опасеній, но имѣемъ ли мы право заключить, что распространенное повѣрье о часахъ смерти возникло единственно благодаря этому насѣкомому? Мнѣ случилось однажды предложить это естественно-научное объясненіе одному крестьянину, слышавшему, по его словамъ, часы смерти, и онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ самымъ возраженіемъ, котораго я ожидалъ: что и внѣ дома, когда по близости не было ни мебели, ни строеній, онъ продолжалъ слышать тотъ же шумъ. „Вѣдь не въ старой же моей шапкѣ сидѣлъ этотъ жучокъ!“ — замѣтилъ онъ не безъ ироніи.

Мистика и особенно спиртуализмъ издавна признаютъ, что элементарная форма, въ которой проявляется для насъ трансцендентальный міръ — это разнаго рода стуки. Такое воззрѣніе существовало и прежде у самыхъ разнообразныхъ народовъ — у индѣйцевъ, египтянъ, грековъ, римлянъ и др., продолжаетъ существовать и въ наше время. Столь прочно укоренившееся „суевѣріе“ гораздо легче осмѣять, чѣмъ найти для него сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе. По мнѣнію Жана - Поля, „невозможно считать лишенными основанія факты, съ давняго времени и повсемѣстно извѣстные; вѣдь никакая нація, — говоритъ онъ, — не станетъ утверждать, что имѣетъ короля или ведетъ войну, если этого въ дѣйствительности нѣтъ“. Самый фактъ — стуки, извѣстные подъ названіемъ „часовъ смерти“, и не оспаривается почти никѣмъ; сложилось же это повѣрье, я полагаю, не потому, что есть на свѣтѣ стучащій жучокъ, а вслѣдствіе безсознательнаго, можетъ - быть, вывода, сдѣланнаго въ разное время множествомъ людей изъ отдѣльныхъ своихъ наблюденій. Выводъ этотъ можетъ, конечно, быть и ложнымъ, и ссылаться на то, что „гласъ народа — гласъ Божій“, научная мистика не имѣетъ никакого основанія; ей скорѣе подобаетъ помнить слова Джордано Бруно: „La verita amata la compagnia dei pochi e sapienti, odia la moltitudine [1]).

Для насъ, живущихъ въ концѣ XIX вѣка, только съ переходомъ въ иной міръ могутъ вполнѣ разъясниться эти тайны; но раньше или позже настанетъ, вѣроятно, день, когда онѣ раскроются и передъ земной наукой.

„Опрометчиво поступаетъ тотъ, кто внѣ области чистой математики рѣшается объявить что-либо невозможнымъ“, говорилъ астрономъ Араго. Предоставляемъ самому читателю рѣшить, слѣдуетъ ли считать математически и вообще логически невозможными нижеслѣдующіе случаи:

в, Весной 1863 г. супруги Сьюэль схоронили свою маленькую дочь Лили. Вотъ что пишетъ мать умершей.

„Незадолго до смерти нашей Лили мужъ мой, я и нашъ маленькій сынъ сидѣли въ комнатѣ больной и старались ее развлечь, какъ вдругъ вниманіе наше было привлечено звуками музыки; она раздавалась какъ будто въ углу комнаты и напоминала эолову арфу. „Слышишь музыку, Лили?“ — спросила я, но, къ удивленію нашему, она отвѣтила: „Нѣтъ“. Звуки, между тѣмъ, все росли и, наконецъ, наполнили всю комнату, не уступая по силѣ полному тону органа; затѣмъ они стали удаляться — какъ будто игравшіе спускались съ лѣстницы — и, наконецъ, умолкли. Старшая дочь наша была въ это время въ кладовой, а служанка въ кухнѣ, т.-е. двумя этажами ниже насъ, и, тѣмъ не менѣе, обѣ онѣ также слышали музыку и говорили о ней другъ съ другомъ. Это случилось около четырехъ часовъ дня. На другой день было воскресенье; въ комнатѣ больной, кромѣ моего мужа, сидѣли двѣ гостьи: одна наша родственница и прежняя няня Лили. Въ тотъ же самый часъ, какъ и наканунѣ, опять раздались тѣ же звуки, и всѣ слышали ихъ, въ томъ числѣ и я, занятая въ кухнѣ приготовленіемъ молочнаго кушанья для больной. На слѣдующій день музыки не было, но во вторникъ, опять въ то же время, она возобновилась, и въ этотъ же день ребенокъ нашъ умеръ. Ни одинъ инструментъ не способенъ издавать въ человѣческихъ рукахъ тѣхъ нѣжныхъ, жалобныхъ звуковъ, которые намъ троекратно пришлось слышать.

М-ръ Сьюэль прибавилъ съ своей стороны слѣдующее: „Я убѣжденъ, что слышанные нами музыкальные звуки не могли доноситься съ улицы, отъ которой домъ нашъ, расположенный въ глубинѣ большого сада, отстоялъ ярдовъ на 50. Въ сосѣднемъ домѣ никто въ то время не жилъ. Музыка продолжалась всякій разъ съ полминуты; замѣ-

---

[1]) «Истина охотно пребываетъ среди немногихъ просвѣщенныхъ людей и ненавидитъ толпу».

чательно, что больной ребенокъ, очень любившій музыку, не слышалъ ни единаго звука".

г) Въ сочиненіи „Euthanasia" изъ надежнаго источника приведенъ слѣдующій разсказъ о смерти восьмидесятидвухлѣтняго прелата Хохштэтера.

„Наканунѣ его смерти, послѣдовавшей 7 ноября 1720 г., всѣ бывшіе въ его комнатѣ услышали пѣніе чуднаго голоса, сопровождаемое тихой, благозвучной музыкой; казалось, звуки проникали въ окна съ улицы. Ихъ слышали два раза: въ 9 ч. вечера и въ 3 ч. утра. Выраженіе блаженства на лицѣ умирающаго позволяло думать, что онъ больше другихъ наслаждался этой музыкой, растрогавшей всѣхъ, кому удалось ее услышать. Хохштэтеръ былъ большой любитель духовной музыки и еще за два дня до смерти ослабѣвающимъ голосомъ пѣлъ хвалу Богу".

д) Подобный примѣръ мы находимъ въ некрологѣ нѣмецкаго поэта Мерике.

„8-го сентября 1874 г. поэту исполнилось 70 лѣтъ. Скромно отпраздновавъ этотъ день, онъ рано легъ спать, но сестра его Клара и дочь Марія еще не ложились. На улицахъ той отдаленной части Штутгарда, гдѣ жила эта маленькая семья, уже водворилась полная тишина, но вотъ ее внезапно прервалъ громкій аккордъ, и комнаты огласились звуками арфы. Это продолжалось недолго: музыка прекратилась такъ же неожиданно, какъ и началась. Клара подошла къ окну посмотрѣть на музыкантовъ, пожелавшихъ сдѣлать сюрпризъ поэту, но ни на улицѣ, ни въ домѣ ихъ не оказалось. Старикъ спросилъ изъ своей комнаты: кто это игралъ? Услышавъ отъ сестры и отъ дочери, что никого не было видно, онъ задумался и потомъ замѣтилъ: „для меня уже не наступитъ болѣе день рожденія". Слова его оправдались".

Если мы желаемъ поступать научно, то должны принять простѣйшее изъ всѣхъ объясненій, возможныхъ для подобныхъ фактовъ, не допуская, чтобы личныя наши чувства и желанія одерживали верхъ надъ требованіями разсудка. Предсмертныя галлюцинаціи могутъ быть во многихъ случаяхъ вполнѣ удовлетворительно объяснены чисто-физіологическими причинами: разстройствомъ кровообращенія, мозговой дѣятельности и т. д. Въ силу закона психологической реакціи, галлюцинаціи человѣка, измученнаго болѣзнью, могутъ быть и пріятнаго характера. Извѣстны, что жертвы инквизиціи иногда во время пытокъ впадали въ экстазъ (Wonneschlaf), и что умирающіе отъ голода и жажды часто передъ смертью видятъ во снѣ роскошные пиры.

Но если не одинъ умирающій, а и другіе слышатъ мистическую музыку? Тогда приходится уже допустить, что впечатлѣнія умирающаго могутъ телепатически передаваться другимъ лицамъ. Для тѣхъ же случаевъ, когда музыку слышали *послѣ* чьей-либо смерти, даже и такое объясненіе оказывается недостаточнымъ, если мы не предположимъ, что тутъ смерть наступила позже, чѣмъ ее констатировали. Это предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; слухъ, напримѣръ, остается очень долго дѣятельнымъ, иначе не былъ бы возможенъ тотъ ужасный фактъ, что иногда рыданія и крики отчаянія окружающихъ возвращаютъ на нѣсколько моментовъ къ жизни тѣхъ, отъ кого она, повидимому, уже отлетѣла.

Однако, и при такомъ предположеніи все-таки остаются непонятными случаи, въ которыхъ самъ умирающій не слышитъ музыки. Въ поискахъ за ихъ разгадкой нѣкоторые смѣлые психологи еще болѣе углубляются въ область мистики; даже такіе научно и философски образованные люди, какъ гг. Перти и Шиндлеръ [1]), прибѣгли для объясненія ихъ къ метафизическому понятію о душѣ, какъ объ особой сущности, выходящей за предѣлы знакомаго намъ (феноменальнаго) *я*. Предполагается, что дѣятельность души при обычныхъ условіяхъ какъ бы не существуетъ для нашего мозгового сознанія, точно такъ же, какъ для пробудившагося сомнамбула не существуютъ совершенные во снѣ поступки. Такой взглядъ на душу не заключаетъ въ себѣ логическаго противорѣчія; въ этомъ убѣждаютъ насъ такія общеизвѣстныя свойства нашей природы, какъ раздвоеніе сознанія во снѣ [2]), память, совѣсть, а также извѣстное въ мистикѣ „раздвоеніе личности". Душѣ, понятой такимъ образомъ, и приписывается интересующее насъ загадочное явленіе; при наличности неизвѣстныхъ намъ условій, дѣятельность ея телепатическимъ путемъ передается сознанію умирающаго и близкихъ къ нему лицъ. („Ребусъ", 1890 г. №№ 43—44).

е) Я проводилъ и это Рождество, какъ и во многіе предыдущіе года, въ помѣстьи старыхъ друзей, гдѣ постоянно собирались одни и тѣ же члены дружной семьи. Но въ этотъ разъ наша праздничная встрѣча была омрачена великой утратой: нашъ добрый другъ, нашъ веселый хозяинъ, центръ и душа нашего общества, внезапно покинулъ насъ во цвѣтѣ лѣтъ. Незначительная болѣзнь въ продолженіе недѣли... и мы, такъ весело разставшіеся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сошлись опять въ этомъ домѣ, не на радость, а чтобъ раздѣлить общее горе и наговориться о покинувшемъ насъ другѣ.

[1]) Г. Шиндлеръ — д-ръ медицины, авторъ книги «Das magische Geistesleben».

[2]) См. *Дюпрель*: «Монистическое ученіе о душѣ». («Ученіе Аристотеля о душѣ») и его же «Философія мистики».

Не мало странныхъ обстоятельствъ пришлось мнѣ узнать изъ разговоровъ осиротѣвшей семьи.

Такъ, приблизительно за мѣсяцъ до смерти нашего друга, молодая дѣвушка, нѣмка, гувернантка его дѣтей, встрѣтивъ В. во время прогулки, внезапно ощутила какое-то странное не то предчувствіе, не то представленіе, какъ будто онъ долженъ скоро умереть, хотя въ это время онъ былъ еще совершенно здоровъ.

Впечатлѣніе это было въ ней такъ сильно, что у нея невольно вырвалось то, о чемъ она думала.

— Какъ странно, — отвѣтилъ ей В., — въ эту именно минуту я точно то же чувствовалъ самъ.

Во время его болѣзни та же молодая нѣмка и также внезапно увидала предъ собою сцену, точно повторившуюся на яву, послѣ его смерти. Въ ея видѣніи ей представился гробъ, совершенно незнакомой ей формы, нисколько не похожій на тѣ, которые ей приходилось видѣть у себя на родинѣ. Нѣмецкіе гроба въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются отъ нашихъ.

Слѣдующіе факты узналъ я отъ одной знакомой дамы, друга означеннаго семейства, жившей довольно далеко отъ ихъ помѣстья. Я передаю ихъ подлинными словами двухъ ея писемъ ко мнѣ.

„Первое извѣстіе, которое мы имѣли о В., было письмо Л., увѣдомлявшее насъ о его смерти. Получено оно 9 апрѣля. *Въ продолженіе многихъ недѣль передъ тѣмъ мы не имѣли объ нихъ никакихъ извѣстій ни прямыхъ, ни косвенныхъ.*

„По меньшей мѣрѣ, двѣ или три недѣли до полученія письма Л. мы обѣ, моя мать и я, почувствовали одновременно, какъ будто что-то нехорошее случилось съ семьею В. Чувство это было особенно сильно у моей матери и такъ угнетало ее, что, не считая удобнымъ въ данномъ случаѣ писать имъ съ единственной цѣлью узнать, что у нихъ происходитъ, я вздумала поискать у себя какую-нибудь гравюру, чтобы, посылая имъ ее, написать кстати, но день-ото-дня откладывала свое намѣреніе. Все это время намъ обѣимъ было что-то не по себѣ, какъ ни старались увѣрить другъ друга, что все это вздоръ, воображеніе, безпокойное состояніе наше не уменьшалось, напротивъ... За ночь или за двѣ передъ его смертью, я два раза просыпалась отъ ощущенія холодной руки, прикасавшейся къ моему лицу, и при этомъ будто слышался чей-то вздохъ.

„Я испытала почти то же самое незадолго до смерти моего брата, но тогда я не придала этому никакого значенія. Наконецъ, въ ночь на воскресенье, день, въ который извѣстіе о смерти В. дошло до насъ, я была разбужена колокольнымъ звономъ въ нашей сельской церкви, викарій которой въ это время былъ опасно боленъ. Звонъ начался около полуночи, такъ какъ было ровно десять минутъ перваго, когда, досадуя на помѣху моему сну, я посмотрѣла на часы, послѣ чего крѣпко заснула. Звонъ этотъ произвелъ на меня тягостное впечатлѣніе, хотя я объяснила его возобновленіемъ стараго обычая звонить при смерти духовнаго лица и подумала, какое можетъ произвести это дурное впечатлѣніе на нашего больного сосѣда, жившаго какъ разъ противъ церкви, что я и сказала моей горничной, когда та взошла утромъ ко мнѣ. Отправившись затѣмъ въ комнату матери, я застала ее съ письмомъ Л., извѣщавшимъ насъ о смерти В. Нисколько не приписывая колокольнаго звона какому либо предзнаменованію, я попросила молодую дѣвушку, гостившую у насъ въ это время, пойти узнать отъ церковнаго старосты, въ которымъ часу скончался викарій, и что заставило ихъ возобновить такъ некстати старинный обычай? Оказалось, что викарій не умиралъ и никакого звона не было“.

Сообщаю эти странные факты такъ, какъ они происходили, безъ всякихъ комментаріевъ, исключая развѣ перваго, который можно еще объяснить „передачей мыслей“ отъ моего покойнаго друга В. къ молодой нѣмкѣ. („Light“, сн. „Ребусъ“ 1884 г., № 34).

ж) „Пет. Лист.“ передаетъ о слѣдующемъ происшествіи, случившемся въ С.-Петербургѣ. У купца Антона Павловича С...ва, живущаго на Литейномъ проспектѣ, висѣлъ въ роскошномъ кабинетѣ въ позолоченой рамѣ портретъ отца его, проживающаго въ Москвѣ. Отецъ его, хотя и старикъ, но очень бодрый и совершенно здоровый человѣкъ, отличался крѣпкимъ вообще организмомъ. По возвращеніи съ дачи, у всѣхъ картинъ, а въ томъ числѣ и у портрета отца г. С...ва, шнуры, на которыхъ они висѣли, замѣнены были новыми и крѣпкими. На-дняхъ вечеромъ, когда г. С...овъ съ семействомъ пилъ чай въ столовой, въ сосѣднемъ кабинетѣ раздался стукъ отъ упавшаго на полъ предмета; всѣ бросились въ кабинетъ, и тамъ оказалось, что портретъ отца г. С...ва упалъ на полъ со стѣны, вслѣдствіе того, что шнуръ лопнулъ. На г. С...ва это обстоятельство произвело крайне непріятное впечатлѣніе, и ему невольно представилось, что въ этотъ моментъ умеръ его отецъ въ Москвѣ. И дѣйствительно, предчувствіе его сбылось: на другой день утромъ получена была телеграмма, извѣщавшая, что наканунѣ вечеромъ отецъ г. С...ва скоропостижно скончался. („Пет. Лист.“; сн. „Ребусъ“ 1885 г. № 49).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исходъ души изъ тѣла.

1. **Разсказы объ исходѣ души изъ тѣла, почерпнутые изъ твореній св. Григорія Великаго.** Въ древнѣйшихъ житіяхъ и сказаніяхъ о святыхъ, восточныхъ и западныхъ, находимъ слѣдующія картины исхода души. Въ житіи Антонія Великаго, составл. св. Аѳанасіемъ Вел., которое въ IV вѣкѣ было уже переведено и на латинскій языкъ (Евагріемъ, антіохійскимъ пресвитеромъ), приводится разсказъ о видѣніи Антоніемъ „души Аммонія Нитрійскаго, въ сопровожденіи ангеловъ восходившей на небо“ [1]). Блаженный Іеронимъ сообщаетъ о подобномъ же видѣніи Антонія Вел.—о видѣніи души Павла Ѳиваидскаго, восходившей на небо [2]). О смерти самого Антонія въ его житіи говорится, что „ясность его лица въ минуту смерти указывала уже на присутствіе ангеловъ, сошедшихся для отнесенія его души“ (на небо) [3]).

Сульпицій Северъ (IV—V в.) въ разсказахъ о жизни и кончинѣ бл. Мартина сообщаетъ, что ему было сонное видѣніе: „казалось мнѣ,—пишетъ онъ,—что предо мною предстоитъ бл. Мартинъ, въ бѣломъ одѣяніи, съ огненнымъ ликомъ, съ звѣздными взорами. Въ рукахъ у него я увидѣлъ книжечку его житія, составленную мною; я поклонился ему, принялъ благословеніе, и вслѣдъ затѣмъ онъ скрылся въ высотѣ. Спустя немного, по тому же пути, на которомъ я видѣлъ бл. Мартина, отправился и его ученикъ св. Кларъ. Дѣйствительно, какъ оказалось, въ это именно время бл. Мартинъ оставилъ земную жизнь“ [4]). Въ другомъ мѣстѣ Сульпицій Северъ прибавляетъ къ этому разсказу, что еще задолго до кончины бл. Мартинъ предсказалъ часъ своей смерти, а въ минуту смерти, видя подлѣ себя діавола, воскликнулъ: „зачѣмъ ты здѣсь, свирѣпое животное? Ничего не найдешь ты во мнѣ,—лоно Авраамово пріемлетъ мя“.

Въ такихъ же точно чертахъ изображается отшествіе душъ въ загробный міръ и въ разсказахъ „Собесѣдованій“ Григорія Великаго.

„Многіе изъ *нашихъ*—изъ лицъ близкихъ намъ по времени и по отношеніямъ,—говоритъ св. Григорій Вел.,—вѣрою чистою и пламенной молитвой очистившіе око ума своего, неоднократно видѣли души, исходившія изъ тѣла“ (Діал. IV, 7),—и вотъ, большею частію разсказы-сообщенія такихъ именно лицъ онъ и приводитъ, разсказы „самовидцевъ“ или переданное съ ихъ словъ другими...

Св. Бенедиктъ, жизнь котораго съ такимъ глубокимъ воодушевленіемъ св. Григорій Вел. изложилъ во 2-й кн. „Собесѣдованій“,—этотъ великій подвижникъ—„отецъ и вождь“ западнаго иночества, имѣлъ видѣніе исхода души Германа, епископа капуанскаго. Обстоятельства, при которыхъ происходило видѣніе, и самый разсказъ объ немъ св. Григорія запечатлѣны трогательной сердечностью и чарующей прелестью агіологическаго стиля. „Сервандъ, діаконъ и настоятель монастыря,—разсказываетъ онъ,—устроеннаго въ предѣлахъ Кампаніи нѣкіимъ патриціемъ Либеріемъ, имѣлъ обыкновеніе часто посѣщать монастырь св. Бенедикта. Тотъ и другой были очень близки, такъ какъ и сей мужъ, какъ и св. Бенедиктъ, исполненъ былъ ученія небесной благодати, и потому они взаимно насыщали другъ друга бесѣдами о вѣчной жизни и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ сердцемъ, вкушали сладостную пищу небеснаго отечества, которою еще не могли совершенно насладиться (находясь здѣсь, на землѣ). Когда же наступалъ часъ покоя, то въ верхнюю часть монастырской башни уходилъ достопочтенный Бенедиктъ, а въ нижнихъ частяхъ помѣщался діаконъ Сервандъ; тутъ была и проходная лѣстница, которая вела снизу наверхъ. Предъ самой башней, на нѣкоторомъ разстояніи, находилось жилище, въ которомъ покоились ученики того и другого. Однажды, въ то время, какъ братья еще спали, Бенедиктъ всталъ на ночную молитву и молился у окна Всемогущему Богу; вдругъ онъ увидѣлъ въ самую глубокую полночь осіявшій всю ночную мглу свѣтъ, который такъ блестѣлъ, что ночь сдѣлалась свѣтлѣе дня. Чрезвычайно изумительное событіе послѣдовало за этимъ освѣщеніемъ: весь міръ, какъ самъ онъ разсказывалъ послѣ, собранъ былъ предъ его глазами какъ бы подъ однимъ лучомъ солнца. Достопочтенный отецъ устремилъ внимательный взглядъ на этотъ блескъ небеснаго свѣта и увидѣлъ въ огненномъ сіяніи несомую ангелами душу Германа, епископа капуанскаго. Тогда пожелалъ онъ имѣть для себя свидѣтеля такого чуда и громкимъ голосомъ призывалъ діакона Серванда, два-три раза повторяя его имя. Сервандъ тотчасъ былъ пробужденъ необычайнымъ крикомъ сего мужа, взошелъ наверхъ, посмотрѣлъ и увидѣлъ

---

[1]) Migne, Patrol. lat. t. 73 col. 153; 1098.
[2]) Acta ss. januar. X, tom. I, p. 606.
[3]) Migne, Patr. lat. t. 73, col. 167.
[4]) Epist. II, Migne, t. XX, col. 169—170; ср. въ житіи св. Антонія—Migne, Patr. lat. t. 73 col. 153.

только небольшую часть свѣта. Онъ изумился чуду, а святой мужъ по-порядку разсказалъ ему, что происходило, и немедленно послалъ въ Капую узнать, что дѣлается съ епископомъ Германомъ, — оказалось, что онъ уже умеръ, и умеръ въ ту самую минуту, въ которую св. мужъ видѣлъ его восшествіе на небо"...

О кончинѣ самого св. Бенедикта было открыто также въ чудесномъ видѣніи двумъ изъ его учениковъ, находившимся въ разныхъ мѣстахъ и вдали одинъ отъ другого: „Въ этотъ самый день (въ день его кончины),— разсказываетъ св. Григорій,—двумъ изъ его учениковъ, одному, оставшемуся въ монастырѣ, и другому, находившемуся вдали, было совершенно одинаковое видѣніе. Видѣли они, какъ тянулась дорога, устланная одеждами и освѣщенная множествомъ сіяющихъ свѣтильниковъ, по направленію къ востоку отъ монастыря, до самаго неба. Мужъ въ свѣтлыхъ одеждахъ предсталъ предъ каждымъ изъ нихъ свыше и спрашивалъ, чья эта дорога, которую они видѣли. Они отвѣчали, что не знаютъ. Явившійся мужъ сказалъ: это путь, по которому восходитъ на небо возлюбленный Господу Бенедиктъ"... (кн. II, гл. 37,—рус. пер. стр. 149; ср. кн. IV, гл. 9).

Иногда люди праведной жизни провидятъ близость кончины и заранѣе готовятся къ ней, или бываютъ извѣщены особыми чудесными явленіями, знаменующими и ихъ загробную участь. Въ доказательство этого св. Григорій приводитъ разсказъ о своей теткѣ Ѳарсиллѣ, сообщенный имъ также и въ одной изъ бесѣдъ на евангеліе... „Отецъ мой,—разсказываетъ онъ,—имѣлъ трехъ сестеръ, которыя всѣ три были священными дѣвами (въ монашествѣ): изъ нихъ одна называлась Ѳарсиллою, другая Гордіаною, третья Эмиліаною. Всѣ воспламененныя одною ревностью, посвященныя въ одно и то же время, живя подъ установленнымъ надзоромъ, онѣ проводили жизнь внѣ монастыря, въ собственномъ домѣ. И когда онѣ долго были въ этомъ сожительствѣ, то Ѳарсилла и Эмиліана начали возрастать въ ежедневныхъ приращеніяхъ любви къ Создателю своему и, будучи единой плоти, переходить духомъ въ вѣчность. Напротивъ же того, душа Гордіаны начала охлаждаться отъ жара внутренней любви ежедневными ея утратами и мало-по-малу возвращаться къ любви вѣка сего... Въ одну ночь теткѣ моей Ѳарсиллѣ, которая была почтеннѣе и выше сестеръ своихъ силою постоянной молитвы, тщательнымъ изможденіемъ плоти, необыкновеннымъ воздержаніемъ и важностью высокой жизни, явился, какъ *она сама разсказывала*, прапрадѣдъ мой Феликсъ, настоятель сей римской церкви, и, показавъ ей жилище непрестаемаго свѣта, сказалъ: „иди, я приму тебя въ это жилище свѣта"... Она заболѣла и чрезъ нѣсколько времени умерла, наканунѣ Рождества Господня, а черезъ день въ сонномъ видѣніи явилась сестрѣ своей Эмиліанѣ и сказала: „я пришла затѣмъ, чтобы, проведши безъ тебя день Рождества Господня, провести уже съ тобою святой день Богоявленія". Та, заботясь о спасеніи сестры своей Гордіаны, тотчасъ отвѣчала ей: „если я одна приду, то на кого оставлю сестру нашу Гордіану"? Ей, какъ *сама передавала*, со скорбью отвѣчала явившаяся: иди, Гордіана же, сестра наша, перечислена къ мірскимъ... За этимъ видѣніемъ тотчасъ послѣдовала болѣзнь тѣлесная, и за день до Богоявленія она скончалась". (Діал. 4, 16; Бесѣды на еванг. 39, рус. пер. стр. 286--290)...

При одрѣ умирающихъ происходятъ различныя явленія, знаменующія исходъ души, наступленіе для нея новой жизни, явленія, доступныя даже внѣшнему воспріятію окружающихъ смертный одръ и ими засвидѣтельствованныя въ многочисленныхъ разсказахъ... Такъ, со словъ одного достопочтеннаго мужа, св. Григорій разсказываетъ о кончинѣ Спея, пресвитера и настоятеля одного монастыря въ Нурсіи: „Находясь среди созванныхъ имъ братій, причастился онъ тѣла и крови Господнихъ, потомъ началъ съ ними таинственное пѣніе псалмовъ и во время самаго пѣнія братіи съ молитвою предалъ духъ Богу. Всѣ присутствовавшіе братія видѣли, какъ вылетѣла изъ устъ его голубка, которая немедленно, сквозь отверстіе кровли храма, въ виду братіи, полетѣла на небо"... „Должно вѣрить,—замѣчаетъ по этому поводу св. Григорій, — что въ образѣ голубки явилась душа его, — и самымъ этимъ видомъ Богъ показалъ, съ какою простотой служилъ ему отшедшій мужъ"... О смерти другого пресвитера, который не названъ по имени, но который всѣмъ былъ извѣстенъ святою подвижнической жизнью, Григорій Великій передаетъ разсказъ (гл. 11), что „въ минуту смерти, окруженный своими близкими и родными, онъ началъ восклицать: „добро пожаловать, господіе мои, добро пожаловать!.. Но зачѣмъ вы удостоиваете меня, раба вашего, своимъ посѣщеніемъ"? А когда окружающіе спросили, къ кому онъ обращается съ вопросомъ, онъ отвѣтилъ: „развѣ вы не видите, что сюда пришли св. апостолы? Развѣ не видите первыхъ изъ апостоловъ— Петра и Павла?" Затѣмъ, произнося слова: „я иду, иду!" испустилъ духъ". Приводя этотъ и другіе разсказы о явленіи умирающимъ праведникамъ самого Господа Іисуса, Богоматери и святыхъ, Григорій Великій го-

ворйтъ, что „часто случается праведнымъ, умирая, видѣть подлѣ себя святыхъ, дабы въ ихъ присутствіи безъ печали и боязни освободиться отъ оковъ плоти“...

Минута кончины праведнаго, кромѣ указанныхъ чудесныхъ явленій, сопровождается многими другими — какъ въ самомъ праведникѣ (напр. прозрѣніе въ будущее), какъ бы предвкушающемъ уже наступленіе высшей духовной жизни, такъ даже во внѣшней окружающей природѣ: необыкновенное блистаніе свѣта, благовоніе, землетрясенія, бури. Въ подтвержденіе этого въ III кн. „Діалоговъ“ приводится, между прочимъ, разсказъ о кончинѣ Павлина Ноланскаго: „когда онъ былъ уже при послѣднихъ минутахъ, вдругъ потряслась земля, и ложе, на которомъ онъ возлежалъ, поколебалось, между тѣмъ самый домъ оставался непоколебимымъ“ [1])...

Духи тьмы, въ образѣ личныхъ и страшныхъ существъ—чудовищъ, также появляются предъ одромъ умирающихъ, стараясь овладѣть ихъ душою, — въ образѣ „черныхъ людей, мавровъ — эѳіоповъ“, или въ видѣ „дракона“, съ разинутой пастью, готовящагося поглотить умирающаго. „Нѣкто Хрисаоргій, — по разсказу человѣка, близко знакомаго св. Григорію, настоятеля одного монастыря,—предъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ душѣ выйти изъ тѣла, открытыми глазами увидѣлъ черныхъ и страшныхъ духовъ, которые стояли предъ нимъ и готовы были схватить душу его и отнести въ адскую темницу. Онъ затрепеталъ, поблѣднѣлъ, громко сталъ просить отсрочки и страннымъ и смущеннымъ голосомъ звалъ сына своего Максима... Собралось все семейство съ плачемъ и трепетомъ. Злыхъ духовъ, отъ которыхъ онъ такъ сильно страдалъ, домашніе не могли видѣть, но узнали о присутствіи ихъ изъ смущенія больного, блѣдности и трепета. Со страха отъ ихъ черныхъ лицъ Хрисаоргій обращался на постелѣ туда и сюда; лежалъ на лѣвомъ боку — и не могъ удалить ихъ отъ взора; поворачивался къ стѣнѣ, и тамъ они были. Стѣсненный ими до чрезвычайности, онъ отчаявался уже въ своемъ освобожденіи отъ нихъ и сталъ громкимъ голосомъ кричать: „отсрочку хоть до утра! хоть до утра!“ Но во время самаго этого крика душа была взята изъ тѣла“... Передавая этотъ разсказъ, св. Григорій говоритъ, что видѣніе это служило „предостереженіемъ для насъ, которыхъ еще ожидаетъ долготерпѣніе Божіе“, такъ какъ для самого умиравшаго оно уже не могло имѣть пользы—его душа была взята изъ тѣла. По другому разсказу, одинъ умиравшій, за котораго окружавшіе его возсылали усердныя молитвы, чтобы Господь отпустилъ ему согрѣшенія, — „вдругъ громкимъ голосомъ закричалъ, прервавъ молитву: отойдите, отойдите, я отданъ на съѣденіе дракону, но онъ не можетъ пожрать меня по причинѣ вашего присутствія. Голову мою онъ проглотилъ уже; дайте ему мѣсто, чтобы не мучилъ меня болѣе, но сдѣлалъ со мной, что хочетъ. Если я отданъ ему для пожранія, то зачѣмъ изъ-за васъ терплю, замедленіе“? Тогда братія стали говорить ему: „что это ты говоришь, братъ? Положи на себѣ знаменіе святаго креста“. Съ великимъ крикомъ отвѣчалъ онъ: „хочу перекреститься, но чешуя дракона препятствуетъ мнѣ“. Услышавъ объ этомъ, братія простерлись на землю со слезами и стали еще усерднѣе молиться объ его избавленіи. Вдругъ больному сдѣлалось получше, и онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: „благодареніе Богу! Драконъ, намѣревавшійся пожрать меня, бѣжалъ; отгоняемый вашими молитвами, онъ не могъ стоять здѣсь. Молитесь только за мои грѣхи, потому что я готовъ раскаяться и совсѣмъ оставить мірскую жизнь“. Такимъ образомъ, человѣкъ, который, какъ сказано было, сталъ уже холодѣть въ оконечностяхъ своего тѣла, сохраненный для жизни, всѣмъ сердцемъ обратился къ Богу; послѣ того, измѣнивши свои мысли, онъ долго подвизался съ сокрушеніемъ сердца, и тогда только душа его разрѣшилась отъ тѣла“ (Dial. l. IV, cap. 38; Hom. in evangel XIX, col. 1156. 76).

2. **Кончина праведниковъ по разсказамъ въ письмахъ очевидныхъ свидѣтелей.** а) *Кончина Новоспасскаго іеромонаха Филарета, въ схимѣ Ѳеодора* [1]). 28-го августа (1842 г.) въ 7 часовъ утра этотъ старецъ мирно и свято почилъ отъ всѣхъ трудовъ своихъ. Богъ удостоилъ меня въ продолженіе десятидневной его болѣзни ему послужить и быть свидѣтелемъ многихъ дивныхъ происшествій, которыя вамъ единому, какъ духовному другу, желаю открыть. Когда старецъ сталъ ощущать слабость, безболѣзненную еще, онъ сказалъ: близка кончина моя. Эти слова узналъ митрополитъ Ф. и поспѣшилъ посѣтить старца. Много утѣшительнаго и назидательнаго сообщилъ старецъ владыкѣ, который со слезами внималъ словамъ покойнаго. 29-го въ Успенскомъ соборѣ я узналъ, что отецъ мой очень труденъ, и поспѣшилъ въ Новоспасскій монастырь. И точно, нашелъ его въ самомъ страдальческомъ состояніи, онъ стоналъ очень тяжело; ибо внутренній антоновъ огонь, особенно въ мочевомъ пузырѣ, начи-

[1]) Dial. 1. 4, cap. 22 и 27; Бесѣды на Еванг. 37.

[1]) Изъ письма князя Д. Н. У-ва къ ректору Казанской семинаріи арх. Платону (послѣ архіеп. костромскому), писаннаго 10 сентября 1842 г.

налъ его палить. 24-го ему сдѣлали операцію, и отъ сильнаго кровотеченія онъ получилъ нѣкое облегченіе: терзанія его уменьшились, и онъ началъ живѣе молиться; съ каждымъ его дыханіемъ повторялось имъ: „Іисусе, Спасе сладчайшій"; даже когда онъ засыпалъ, дѣйствіе сердечной молитвы въ немъ не умолкало. На 26-е въ ночь, можетъ-быть, въ часу третьемъ утра, старецъ вдругъ воодушевился; невидимая сила его подняла, онъ всталъ и, указывая перстомъ въ дверь, воскликнулъ: „вотъ Спаситель, вотъ Спаситель! Къ Спасителю меня!" Лицо его просіяло, и рѣки слезъ потекли изъ очей его; онъ пожелалъ пріобщиться. Когда святые Дары внесли въ его келлію, онъ заплакалъ. По принятіи оныхъ, онъ началъ простирать руки; ему поднесли теплоту, но онъ головою указывалъ на потиръ и, взявъ его въ руки, прижалъ его къ сердцу, началъ его лобызать и горько рыдать. Послѣ соединенія со Христомъ, онъ еще живѣе сталъ молиться и среди ежеминутнаго призыванія имени Іисуса обращался къ намъ, предстоящимъ, и говорилъ: „спасайтесь, спасайтесь".—Не только жители Москвы, но и сосѣднихъ деревень и городовъ приходили къ старцу на поклоненіе, ибо слухъ о его болѣзни вездѣ распространился. Въ такомъ дивномъ молитвенномъ состояніи онъ пробылъ почти 50 часовъ. Отъ 27-го на 28-ое онъ видимо сталъ слабѣть, дыханіе стало прерываться; въ 7-мъ часу медленно стали читать отходную, и при чтеніи послѣдняго стиха мирно и свято предалъ онъ духъ свой Господу Богу.

Въ теченіе четырехъ дней толпа народа не выходила изъ обители, надгробное пѣніе не умолкало, слезы любви и благодарности орошали останки праведника. Митрополитъ его погребалъ; во время отпѣванія онъ горько плакалъ и нѣсколько разъ при прощаніи цѣловалъ съ благоговѣніемъ десницу мужа, исполнившаго законъ Христовъ и исполненнаго Божественной благодати. До вечерни не могли закрыть его могилы, потому что, можетъ-быть, 2.000 человѣкъ стремились лобызать его гробъ и поручить себя его предстательству.

б) *Кончина Задонской старицы Евфиміи Григорьевны*[1]). Старица Божія Евфимія Григорьевна,—пишетъ о. Зосима,—скончалась 15 января (1860 г.) въ 9 часовъ вечера, а 18 января о. архимандритъ соборнѣ служилъ позднюю обѣдню за упокой ея души въ царствѣ небесномъ, и съ 14 іеромонахами въ облаченіи отправилъ по ней погребеніе и тѣло ея предалъ землѣ. Могилка ея въ часовнѣ, рядомъ съ затворникомъ Георгіемъ по лѣвую сторону, а съ правой покоится схимонахъ Митрофанъ, котораго она тоже лично знала и бывала у него, и пользовалась его совѣтами и наставленіями. О мѣстѣ ея покоя, чтобы ее въ часовнѣ похоронили, приказалъ еще покойный батюшка, затворникъ Георгій, и великій старецъ отецъ Иларіонъ изъ Троекурова, гдѣ нынѣ женская община. Да я ее и самъ много любилъ, почиталъ и уважалъ вотъ уже 25 лѣтъ; зато взаимно и она меня любила нѣжно, какъ сына, и берегла, какъ свою душу. Въ духовномъ отношеніи ей открыты были отъ Господа всѣ мои чувства и мое сердце. Чего, бывало, самъ я за собою не досмотрю, а она меня предостережетъ и наставитъ. По ея собственному желанію, я ее 9 января, въ субботу, въ 4 часа вечера, соборовалъ святымъ елеемъ, въ воскресенье, 10-го, послѣ ранней обѣдни исповѣдалъ ее и причастилъ святыхъ таинъ тѣла и крови Христовыхъ; въ четвертокъ, 14-го, еще пріобщилъ ее святыхъ таинъ и прочелъ отходную. Въ пятницу, за часъ до смерти, я былъ у ней, и все время она была въ чистой памяти и говорила, За четыре дня до смерти она стала очень хорошо слышать, много лѣтъ бывши крѣпка на ухо. Скончалась, какъ заснула. Стояла въ теплой комнатѣ, но запаху никакого тяжелаго не было отъ нея и не распухла, а напротивъ, еще мертвая похудѣла: лицо ея было чистое, пріятное и свѣтло-желтое, какъ восковое. Она почила, потрудившись на семъ свѣтѣ 115 лѣтъ. Но удивительно то, что на головкѣ ея волосы не посѣдѣли, но черные. Она съ нетерпѣніемъ все желала поскорѣе переселиться въ вѣчность и о семъ часто просила Господа Бога. Жизнь старицы во всемъ была преисполнена чудесъ. Она была вродѣ юродивой, но не всегда, а это на нее находило временно. Назадъ тому 65 лѣтъ, когда она жила въ своемъ селѣ въ келейкѣ, вдругъ случился ночью пожаръ. Это было зимою; зазвонили тревогу; она встала и побѣжала по селу босая въ одномъ бѣльѣ и, подойдя къ дому, приказываетъ огню со властію такъ: огонь, иди сюда, жги этотъ домъ: тутъ живутъ великіе грѣшники и нераскаянные. Огонь повиновался ей рабски; съ мѣста пожара сейчасъ же летѣли головни съ огнемъ, и зажигался домъ, какъ бы далеко отъ пожара ни былъ. И такъ нѣсколько домовъ вымела она, и это все она дѣлала внѣ себя. Опомнилась она въ домѣ священника, и, когда увидѣла себя полураздѣтою, ей стало совѣстно всѣхъ: она одѣлась. Это вѣрная исторія; она сама мнѣ разсказывала и еще многіе [1]).

---

[1]) Изъ письма Задонскаго іеромонаха Зосимы къ В. А. К., отъ 21 января, 1860 г.

[1]) Подробныя свѣдѣнія о ея жизни, изложенныя *А. Ковалевскимъ*, см. въ декабр. книжкѣ «Душеп. чтенія», 1871 г.

в) Въ дополненіе къ разсказаннымъ случаямъ приведемъ еще два подобныхъ случая праведной кончины по разсказу лица достовѣрнаго.

Въ 1860-хъ годахъ,—пишетъ Пр. Ф—ій,—въ г. Владимірѣ умирала благочестивая и многострадальная старушка, жена священника. Предъ кончиною захотѣла она принять елеосвященіе. Приглашены два священника съ причтами. На особорованіи масломъ больная ирмосы канона повторяла пѣніемъ за духовенствомъ сама и все таинство приняла бодренно. По совершеніи елеопомазанія, священники (о. Максимъ В. и Н. Ф.) спросили больную: какъ чувствуете себя?—„Въ груди боль у меня прежняя,—отвѣчала она,—но на душѣ радостно, несмотря на болѣзнь. Часа за два до прихода вашего, видѣла я вотъ здѣсь предъ столомъ (стоявшимъ у дивана больной) Божію Матерь и предъ нею преп. Зосиму и Савватія". Спустя два дня по особорованіи, благочестивая старица преставилась, удостоившись благодатнаго утѣшенія, которое испрашивается въ молитвѣ къ Богоматери въ концѣ повечерія: „Предстани мнѣ, Пречистая Дѣво, Богоневѣсто, Владычице, и во время исхода моего, окаянную мою душу соблюдающи, и темныя зраки лукавыхъ бѣсовъ далече отъ нея отгоняющи".

Кстати присовокупимъ замѣтку о кончинѣ старца Парѳенія, замѣчательной по ея времени. Подъ изображеніемъ извѣстнаго многимъ подвижника, о. схіеромонаха Парѳенія (Кіевской лавры, ближнихъ пещеръ), начерчана подпись изъ записокъ покойнаго: „буди благословенъ, преблагословенъ и треблагословенъ день благовѣщенія Богородицы, несомнѣнной моей надежды, отнынѣ 1845 рока и до вѣка. Аллилуіа! Неключимый рабъ, схимонахъ Парѳеній". Благочестивый и незабвенный старецъ записалъ эти слова для себя, для всегдашняго себѣ напоминанія о о чудесномъ явленіи ему Пречистой Приснодѣвы, въ самый праздникъ Благовѣщенія ему бывшемъ. Замѣчательно, что и скончался онъ, много годовъ спустя послѣ видѣнія, въ праздникъ Благовѣщенія. (См. „Душ. чт." 1877 г., ноябрь).

3. **Предзнаменованія кончины людей изъ болѣе близкаго намъ времени.** а) „Въ пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ заболѣла родная моя тетка Елизавета Петровна Смалланъ, разсказываетъ г-жа Т. Пассекъ. Болѣзнь ея, сначала казавшаяся ничтожной, какъ-то странно развивалась. Ни на что не жалуясь, тетушка слабѣла, и, наконецъ, слегла въ постель. Лѣчилъ ее другъ нашего дома, извѣстный медикъ, Константинъ Ивановичъ Скологорской, одинъ изъ лучшихъ людей, человѣкъ добрый, религіозный. Болѣзнь тетушки съ каждымъ днемъ усиливалась, наконецъ, больная стала впадать въ бредъ и безпамятство. Видя ее въ такомъ положеніи, я однажды осталась у нея на ночь. Это было во время святокъ. Кровать тетушки въ началѣ болѣзни переставлена была изъ спальни въ гостиную, съ которой она, какъ заболѣла, такъ и не вставала до кончины. У внутренней стѣны гостиной находился большой диванъ, на которомъ, съ наступленіемъ ночи, я прилегла, не раздѣваясь. На другомъ концѣ дивана, прислонясь къ подушкамъ, полулежала невѣстка моя, жена моего брата. Подлѣ дивана на скамейкѣ сидѣла молодая женщина Александра, находившаяся у тетушки въ услуженіи, и горничная, дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, Маша, дочь крѣпостного ея человѣка, служившаго у тетушки съ самаго ея замужества. Между ними на стулѣ стояла свѣча подъ зонтикомъ, чтобы не тревожить излишнимъ свѣтомъ больную. Больная была въ безсознательномъ состояніи, временами бредила, временами стихала. Спать мы никто не могли и тихонько разговаривали. Изъ гостиной дверь выходила въ залу, изъ залы въ переднюю, оттуда въ сѣни и на большой дворъ. Домъ былъ деревянный, комнатъ въ десять, одноэтажный. Улица тихая. Наступила минута, въ которую мы всѣ какъ-то смолкли и вдругъ услыхали необыкновенно громкій стукъ въ дверь, выходившую изъ сѣней въ переднюю. Въ этомъ стукѣ было что-то до такой степени странное, что мы невольно переглянулись.

— Кто бы могъ притти въ такую пору и стучать такъ сильно,—сказала я.

— Должно быть, пріѣхалъ Константинъ Ивановичъ,— сказала Александра,—я пойду посмотрю.— И отправилась.

Ждемъ, ждемъ, является Александра съ изумленнымъ, разстроеннымъ лицомъ и говоритъ:

— Никого нѣтъ. Я вышла на дворъ, по двору ходитъ сторожъ, ворота заперты, на дворѣ нѣтъ никого. Спрашиваю сторожа, не пріѣзжалъ ли кто, или не проходилъ ли кто къ хозяевамъ, большой каменный домъ которыхъ находился въ глубинѣ двора. Сторожъ сказалъ, что онъ никуда не отлучался, и во дворъ никто не приходилъ. Ночь стояла тихая, свѣтилъ полный мѣсяцъ. На дворѣ сильно морозило. Было ясно, точно днемъ.

Поговорили, потолковали мы и размѣстились по-прежнему. Но едва только немного успокоились, какъ такой же самый вызывающій стукъ, или, скорѣе, грохотъ въ дверь, послышался изъ передней въ залу, куда Александра и бросилась, говоря:

— Константинъ Ивановичъ.

И тотчасъ же возвратилась блѣдная, разстроенная.

— Никого нѣтъ. Что это за стукъ? Ни въ передней ни въ сѣняхъ нѣтъ никого.

Молча мы посмотрѣли другъ на друга.

Больная лежала безъ сознанія, не открывая глазъ, и временами произносила невнятныя слова. Мы опять сѣли. Я и невѣстка моя прилегли на двухъ противоположныхъ концахъ дивана, горничныя усѣлись на скамейкѣ подлѣ насъ, и только что у насъ начался разговоръ, какъ надъ самымъ диваномъ раздался въ карнизѣ такой оглушительный грохотъ, что мы моментально вскочили съ дивана; казалось, карнизъ и потолокъ разрушаются. Другія также бросились съ своихъ мѣстъ; всѣ были блѣдны, у всѣхъ на лицахъ выражался ужасъ. Остатокъ ночи никто уже не ложился, къ дивану мы боялись приступить. Съ наступленіемъ дня тетушка пришла въ себя, слабымъ голосомъ передала мнѣ нѣкоторыя распоряженія и къ обѣду опять стала впадать въ забытье. Одна изъ самыхъ близкихъ къ тетушкѣ дамъ подошла ко мнѣ, говоря:

— Видите, близокъ конецъ. Хорошо бы заранѣе заготовить все, что надо, въ чемъ положить. Вы бы съѣздили въ городъ и купили.—И сказала, что купить.

Я немедленно отправилась, по пути на минуту зашла въ свой домъ — взглянуть на дѣтей и кой о чемъ распорядиться. Но не прошло и четверти часа, какъ ко мнѣ прибѣжали отъ тетушки и сказали:

— Не извольте ѣздить въ городъ. Катерина Петровна поѣхала. Пожалуйте къ намъ.

Я тотчасъ отправилась. Вхожу во дворъ, меня поразилъ сильный запахъ ладона.

Въ сѣняхъ, въ передней, запахъ былъ еще сильнѣе.

— Вѣрно все кончено? — спросила я вышедшую ко мнѣ навстрѣчу горничную.

— Нѣтъ еще, они не скончались,—отвѣчала она.

— Что жъ это ладономъ вы накурили?

— Да у насъ ладона и въ домѣ-то нѣтъ,—отвѣчала она. — А вотъ, какъ вы ушли, то по дому и даже по двору ладономъ запахло, и сами не знаемъ, откуда этотъ запахъ взялся.

Я прошла въ гостиную. По всему дому былъ сильный запахъ ладона.

Тетушка лежала въ агоніи, съ закрытыми глазами. Вскорѣ пріѣхала съ покупками Катерина Петровна, женщина глубоко вѣрующая, и сказала мнѣ:

— Видите, какъ тетушка страдаетъ, а умереть не можетъ. Вѣроятно, надъ нею тяготѣетъ чье-нибудь неудовольствіе или клятва. Въ нашей церкви есть молитвы, которыя разрѣшаютъ и примиряютъ.

— Очень хорошо, пригласите священника,— отвѣчала я.

Тотчасъ послали за священникомъ. Въ углу спальни на маленькомъ столикѣ затеплили небольшую восковую свѣчку. Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина, несмотря на то, что было человѣкъ до десяти присутствующихъ. Слышалось только тяжелое дыханіе умирающей.

Вошелъ старичокъ священникъ съ молитвенникомъ въ рукахъ, благословилъ умирающую, сталъ передъ образомъ и началъ читать примирительныя молитвы. Я слышала ихъ въ первый разъ; онѣ поразили меня глубиной содержанія и трогали душу простотой и искренностью любви. Чѣмъ долѣе читалъ священникъ, тѣмъ дыханіе больной становилось тише. Съ послѣднимъ словомъ молитвы, вѣроятно, примиренный духъ ея отлетѣлъ въ вѣчность [1]). („Ребусъ" 1887 г. № 27).

б) Миссъ Хатти Доути, 21 года отъ роду, старшая дочь м-ра Доути изъ Уэйланда, болѣе года страдала страшнымъ недугомъ, называемымъ въ медицинѣ чахоткой, но въ постель слегла она не болѣе, какъ за недѣлю до кончины. Я видѣлъ ее ежедневно, а иногда и по-нѣскольку разъ въ день, бесѣдовалъ съ ней о разнаго рода житейскихъ предметахъ и вполнѣ убѣжденъ, что она была психически нормальна, сохранила свои умственныя способности до послѣднихъ минутъ жизни. Въ религіозныхъ вопросахъ она была до нѣкоторой степени скептична и, какъ я слышалъ, не любила говорить о теоріяхъ, касающихся загробной жизни.

Въ продолженіе утра 14 августа миссъ Доути начала быстро угасать, и любящая мать ни на минуту отъ нея не отходила. Около полудня она видимо ослабѣла, и многочисленные друзья ея собрались вокругъ ея кровати, каждую минуту ожидая ея послѣдняго вздоха. Обильный холодный потъ покрывалъ все ея тѣло, большіе глаза сдѣлались мутны, вѣки закрылись, губы и оконечности пальцевъ похолодѣли, какъ мраморъ, а вскорѣ пульсъ остановился и дыханіе прекратилось. Благодаря смущенію и горю присутствующихъ родственниковъ и друзей, думавшихъ, что все уже кончено, никто не замѣтилъ по часамъ, сколько времени продолжалось это состояніе. Но вдругъ, безъ всякой предварительной перемѣны, миссъ Доути открыла глаза, провела нѣсколько разъ руками по лицу, приподнялась на постели

[1]) Сколько мнѣ помнится, родительница тетушки кончила жизнь въ неудовольствіи на нее. Тетушку я очень любила, это была замѣчательно умная, строго нравственная женщина, глубоко уважаемая всѣми, кто ее зналъ.

и, обратя къ матери испуганный взглядъ, проговорила яснымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Гдѣ я была, объясни мнѣ, мама. Я ничего не понимаю. О, зачѣмъ я вернулась сюда! Я не хочу... не хочу...

Сестра первая спросила ее:

— Что ты видѣла, Хатти?

— Я была далеко, далеко отсюда и видѣла великое множество народа, много незнакомыхъ лицъ пожимали мнѣ руку, и такъ были они рады меня видѣть. Они сняли съ меня кожу безъ малѣйшей боли, и я почувствовала себя гораздо лучше. Мама, я опять вернусь къ нимъ.

Мать возразила: — Какъ же я разстанусь съ тобою, Хатти?

— Зачѣмъ разставаться? Мой духъ всегда будетъ съ тобою, я буду знать все, что вы дѣлаете. Затѣмъ она попросила, чтобы ей дали поѣсть, съѣла кусочекъ и запила глоткомъ вина. Ей попробовали предложить нѣсколько вопросовъ, но голосъ ея такъ ослабѣлъ, что отвѣтовъ не разслыхали.

Когда же въ комнату вошелъ ея докторъ, больная весело спросила:

— Что вы думаете теперь, докторъ?

— О, все идетъ прекрасно. Вы скоро выздоровѣете.

— Посмотрите, докторъ. Я дышу такъ свободно, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ такъ холодно, холодно.

Вскорѣ послѣ этихъ словъ, она подняла пальцы обѣихъ рукъ къ ушамъ и сказала: — Я не слышу, что вы говорите, докторъ, — и черезъ минуту прибавила: — я теряю и зрѣніе, я васъ болѣе не вижу.

Докторъ, видя, что конецъ приближается, вышелъ, чтобы позвать недостающаго члена семьи, а умирающая, обративъ свой потухшій взглядъ въ сторону матери, проговорила радостнымъ и необыкновенно нѣжнымъ голосомъ: — „Я должна теперь итти къ нимъ, прощай, мама“. Затѣмъ еще одинъ послѣдній вздохъ, и ея не стало.

Кто осмѣлится утверждать, что больная бредила, а не получила, по милосердію Творца, возможность заглянуть въ ожидавшій ее міръ блаженства и принесть оттуда радостную вѣсть для утѣшенія скорбящихъ близкихъ. Осиротѣлая мать говоритъ, что ничто такъ не облегчаетъ ея горя, какъ воспоминаніе о послѣднихъ минутахъ ея дорогой Хатти. („Ban. of Light“, т. XLV, № 26; сн. „Ребусъ“ 1890 г., № 45).

в) Въ своихъ запискахъ („Русскій архивъ“, № 6 за 1897 годъ) графъ М. Д. Бутурлинъ разсказываетъ два слѣдующихъ замѣчательныхъ случая:

Около масленицы или въ началѣ поста того 1828 г. умеръ мощный еще по лѣтамъ московскій старожилъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ при странномъ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Онъ самъ предсказалъ свою кончину нѣсколько дней впередъ, потому что явился ему давно умершій пріятель его, обѣщавшій (какъ увѣрялъ Степанъ Степановичъ) при жизни исполнить такое предувѣдомленіе въ подлежащее время. Это разсказывали тогда по Москвѣ, и помнится мнѣ, что тогда говорилъ о томъ въ домѣ Чернышевыхъ Яковъ Федоровичъ Скарятинъ, когда С. С. Апраксинъ былъ труденъ, но еще живъ. Объ ожиданіи С. С. Апраксинымъ явленія ему того лица передъ кончиною я зналъ съ дѣтства моего изъ разсказовъ о томъ Мальцевыхъ. Понимайте, какъ хотите, но это такъ.

Бывалъ я иногда у княгини Елизаветы Ростиславны Вяземской, матери павлоградскаго моего товарища. Княгиня Елизавета Ростиславна, урожденная Татищева, внучка извѣстнаго историка этой фамиліи, разсказывала слѣдующее о смерти дѣда. Жилъ онъ въ своей подмосковной и, хотя былъ преклонныхъ уже лѣтъ, но пользовался хорошимъ здоровьемъ. Вставъ утромъ въ одно изъ воскресеній, онъ пошелъ въ церковь и передъ обѣдней сказалъ священнику, что желаетъ немедленно исповѣдываться и причаститься Св. Таинъ, потому что видѣлъ во снѣ, что онъ долженъ умереть въ этотъ самый день, хотя вовсе не чувствуетъ себя больнымъ. Исполнивъ этотъ христіанскій долгъ, онъ послѣ обѣдни пошелъ домой, напился, по обыкновенію, чаю, послѣ чего, сдѣлавъ послѣднія распоряженія, созвалъ всѣхъ своихъ семейныхъ и прислугу, простился съ ними, прилегъ и послалъ за священникомъ, чтобы соборoваться или читать отходную надъ нимъ молитву, и вскорѣ потомъ испустилъ духъ.

Сообщено мнѣ это старицею Натальей Федоровной Крыловой, слышавшей этотъ разсказъ отъ самой княгини Елизаветы Ростиславны. („Рус. арх.“ 1897 г., № 6).

г) Помѣщенная ниже исторія произошла во Франціи, въ городѣ Марселѣ, много лѣтъ тому назадъ и извѣстна между тамошними жителями, какъ дѣйствительный фактъ. Послѣдствіемъ его было то обстоятельство, что всѣ часы города были переставлены на часъ впередъ.

Въ окрестности Марселя жилъ одинъ состоятельный человѣкъ по фамиліи Валетъ. Онъ происходилъ изъ стариннаго рода и женился на дочери марсельскаго мэра, которая славилась своей красотой и была прозвана „Марсельскою розою“. Отъ этого брака родилось двѣ дочери и два сына, и, когда дѣти стали подростать, семья перебралась

въ Парижъ для ихъ воспитанія. Тамъ у нихъ образовался большой кругъ знакомыхъ, и веселая свѣтская жизнь требовала большихъ расходовъ. Марсельскимъ помѣстьемъ Валета послѣ отъѣзда владѣльца сталъ управлять нѣкто Лебрёнъ и вслѣдствіе частыхъ требованій присылки денегъ притѣснялъ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ возбудилъ въ нихъ ненависть къ себѣ. Если бы Валетъ зналъ, какою дорогою цѣною оплачивается его веселая жизнь, онъ, вѣроятно, перемѣнилъ бы образъ жизни, но, ничего не подозрѣвая, онъ и не думалъ мѣнять ее.

Однажды, ночью, Валетъ видитъ сонъ такого рода: ему является его управляющій, покрытый кровью, и говоритъ, что онъ убитъ возмутившимися крестьянами, и что трупъ его зарытъ подъ деревомъ, которое онъ тутъ же описываетъ очень подробно. Лебрёнъ проситъ при этомъ г. Валета немедленно пріѣхать въ Марсель и предать его тѣло землѣ по христіанскому обычаю, такъ какъ иначе душа его не будетъ имѣть покоя. Сперва этотъ сонъ испугалъ Валета и удивилъ его своими точными указаніями, но затѣмъ онъ убѣдилъ себя, что все это пустяки, и не стоитъ обращать вниманія. Черезъ недѣлю онъ видитъ то же: передъ нимъ появляется разсерженный Лебрёнъ и упрекаетъ его за то, что онъ не исполнилъ его просьбы. Валетъ обѣщаетъ немедленно все сдѣлать, но, съ наступленіемъ утра, ему кажется нелѣпымъ придавать значеніе сну, и онъ ограничивается тѣмъ, что пишетъ своему управляющему. Между тѣмъ, видѣніе это снова повторяется, и опять Лебрёнъ повторяетъ свою мольбу объ успокоеніи его души. Въ заключеніе онъ даетъ Валету обѣщаніе, если онъ исполнитъ его желаніе, предупредить его, Валета, за двадцать четыре часа о предстоящей ему смерти, для того чтобы онъ не умеръ неподготовленнымъ. Валетъ обѣщалъ все исполнить и на слѣдующій день поѣхалъ въ Марсель, гдѣ онъ не былъ уже въ продолженіе десяти лѣтъ. Семьѣ своей онъ сказалъ, что ѣдетъ туда по важному, неотлагаемому дѣлу.

Оказалось, что Лебрёнъ былъ дѣйствительно убитъ, и трупъ его зарытъ подъ деревомъ на краю лѣса, какъ то было указано въ видѣніи. Всѣ труды его разыскать убійцъ были тщетны, но зато онъ убѣдился въ бѣдственномъ положеніи своихъ подчиненныхъ и не остался равнодушнымъ къ ихъ нуждамъ. Переѣздъ всей семьи изъ Парижа въ Марсель послѣдовалъ вслѣдъ за его возвращеніемъ домой, и Валетъ снова сталъ жить въ своемъ имѣніи и самъ вести дѣла.

Прошло восемь лѣтъ, и, когда въ имѣніи понадобилась перестройка, вся семья переѣхала въ городъ къ отцу г-жи Валетъ. Самъ Валетъ давно пересталъ думать объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ его переѣздъ, и о бывшемъ когда-то видѣніи.

Однажды, вечеромъ, когда вся семья сидѣла за ужиномъ и весело разговаривала, послышался сильный стукъ во входную дверь. Прислуживающій за столомъ лакей пошелъ посмотрѣть, но никого не нашелъ. Стукъ повторился съ большею силою, и старшій сынъ Валета самъ пошелъ отворить дверь. Но, какъ и прежде лакей, онъ никого не увидалъ. Когда стукъ раздался въ третій разъ и еще сильнѣе прежняго, Валетъ вспомнилъ о бывшемъ у него видѣніи и всталъ со словами: „я самъ пойду; кажется, я знаю, кто стучитъ". Когда онъ отворилъ дверь, то увидалъ призракъ своего бывшаго управляющаго, который ему прошепталъ, что въ слѣдующую ночь, въ тотъ же часъ, т.-е. въ полночь, онъ долженъ будетъ покинуть міръ.

Валетъ вернулся блѣдный и разстроенный и, уступая общей просьбѣ, разсказалъ о томъ, что съ нимъ было восемь лѣтъ тому назадъ и что сейчасъ произошло. Семья страшно перепугалась, жена и дѣти наперерывъ обнимали его и сами въ слезахъ старались его успокоить. Тесть Валета, скептикъ, хотѣлъ повернуть все дѣло въ смѣшную сторону и вмѣстѣ съ тѣмъ старался придумать средство, которое могло бы разсѣять вредныя послѣдствія страха смерти и, наконецъ, далъ приказаніе перевесть всѣ часы въ городѣ на часъ впередъ. Такимъ образомъ, думалъ онъ, когда пробьетъ назначенный часъ и Валетъ увидитъ, что роковой часъ миновалъ и что ему не грозитъ никакая опасность, онъ успокоится и все дѣло будетъ кончено.

На слѣдующій день Валетъ занялся приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ, причастился и совершенно подготовился къ смерти. Вечеромъ сидѣлъ онъ въ кругу своей семьи и прощался съ нею, когда вдругъ пробило 11 часовъ. Всѣ молчали. Когда черезъ часъ начало бить двѣнадцать, Валетъ всталъ и произнесъ: „да помилуетъ Господь мою душу, часъ мой насталъ!" Онъ ясно слышалъ бой всѣхъ городскихъ часовъ. „Неужели это былъ обманъ"? сказалъ онъ, наконецъ, видя, что смерти нѣтъ. „Духъ обманулъ тебя, сказала съ насмѣшкой его теща, не думай болѣе объ этой глупой исторіи". „Да будетъ воля Божія! —отвѣтилъ Валетъ — я пойду къ себѣ въ комнату и буду благодарить Бога за спасеніе". Данвиль, тесть его, порадовался, что его хитрость такъ хорошо удалась, и простился съ зятемъ, не подозрѣвая, что прощается съ нимъ навѣки.

Приблизительно около часу пробылъ Валетъ въ своей комнатѣ, когда вдругъ вспо-

мнилъ, что въ одномъ изъ шкафовъ осталась неподписанной одна важная бумага. На пути къ шкафу ему приходилось проходить мимо лѣстницы, ведущей въ подвалъ. Услыша внизу какой-то странный шумъ, онъ направился по лѣстницѣ въ подвалъ. Какъ только онъ туда вступилъ, чья-то рука вонзила ему кинжалъ въ сердце, и въ ту же минуту раздался бой городскихъ часовъ, бившихъ часъ вмѣсто двѣнадцати, предсказанныхъ призракомъ.

Въ подвалъ дома Данвиля прокрались воры и, когда они увидали, что ихъ могутъ открыть, они поспѣшили покончить съ несчастнымъ Валетомъ. Такимъ образомъ, они оказались орудіемъ судьбы. (См. „Ребусъ" 1899 г. № 26).

4. **Мысли о смерти.** а) „Разбитый колоколъ издаетъ непріятные звуки; необходимо его перелить, чтобы онъ звучалъ пріятно: такъ и человѣкъ чрезъ грѣхи пришелъ въ разладъ не только съ другими, но и самъ съ собою; и вотъ, черезъ смерть онъ преобразуется на лучшее существо, способное къ стройной, пріятной жизни, которая настанетъ послѣ всеобщаго воскресенія мертвыхъ". (Кириллъ, еп. мелитопольскій).

б) „Что для человѣка всего ужаснѣе? Смерть. Да, смерть. Всякій изъ насъ не можетъ безъ ужаса представить, какъ ему придется умирать и послѣдній вздохъ испускать. А какъ терзаются родители, когда умираютъ ихъ любезныя дѣти, когда они лежатъ предъ ихъ глазами бездыханными! Но не страшитесь и не скорбите, братія, чрезъ мѣру! Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, Своею смертью побѣдилъ нашу смерть и Своимъ воскресеніемъ положилъ основаніе нашему воскресенію, и мы каждую недѣлю, каждый воскресный день, торжествуемъ во Христѣ воскресшемъ наше общее будущее воскресеніе, и предначинаемъ вѣчную жизнь, къ которой настоящая временная жизнь есть краткій, хотя тѣсный и прискорбный путь; смерть же истиннаго христіанина есть не болѣе, какъ сонъ до дня воскресенія, или какъ рожденіе въ новую жизнь. Итакъ, торжествуя каждую недѣлю воскресеніе Христово и свое воскресеніе изъ мертвыхъ, учитесь непрестанно умирать грѣху и воскресать душами отъ мертвыхъ дѣлъ, обогащайтесь добродѣтелью и не скорбите безутѣшно о умершихъ; научайтесь встрѣчать смерть безъ ужаса, какъ опредѣленіе Отца небеснаго, которое, съ воскресшемъ Христовымъ изъ мертвыхъ, потеряло свою грозность". (Изъ кн.: „Моя жизнь во Христѣ" прот. кронштадтскаго Іоанна Сергіева, т. II, изд. 1. 1892 года, стр. 178).

в) *Живи такъ, чтобы всегда быть готовымъ къ смерти.* „Видишь, говоритъ святитель Тихонъ задонскій, что часы, заведенные, непрестанно идутъ и, хотя спимъ или бодрствуемъ, дѣлаемъ или не дѣлаемъ, непрестанное движеніе имѣютъ и приближаются къ предѣлу своему. Такова наша и жизнь — отъ рожденія до смерти непрестанно течетъ и убавляется; упокоеваемся или трудимся, бодрствуемъ или спимъ, бесѣдуемъ съ кѣмъ или молчимъ, непрестанно теченіе свое совершаетъ и къ концу своему приближается, и уже къ концу ближе стала нынѣ, чѣмъ вчера и третьяго дня, — сего часа, нежели прошедшаго. Такъ нечувствительно наше житіе сокращается! такъ проходятъ часы и минуты! А когда окончится цѣпочка, и перестанетъ ударять маятникъ, не знаемъ того. Промыслъ Божій скрылъ отъ насъ это, да всегда готовы будемъ ко исходу, когда ни позоветъ насъ къ себѣ Владыка нашъ Богъ. Блаженъ тотъ, его же Господь обрящетъ бдяща (Лук. XII, 37). Окаяненъ тотъ, кого Онъ въ грѣховномъ снѣ погруженнымъ обрящетъ!

Этотъ случай и разсужденіе научаютъ тебя, христіанинъ: 1) что время жизни нашей безпрестанно уходитъ, 2) что прошедшаго времени возвратить невозможно, 3) что прошедшее и будущее не наше, но только то, которое теперь имѣемъ, 4) что кончина наша намъ неизвѣстна, 5) слѣдовательно, всегда, на всякій часъ, на всякую минуту, быть намъ готовыми къ исходу должно, если хочешь блаженно умереть, 6) отсюда заключается, что христіанинъ въ непрестанномъ покаяніи, подвигѣ вѣры и благочестія находиться долженъ, 7) какимъ кто хочетъ быть при исходѣ, такимъ долженъ стараться быть на всякое время своей жизни, потому что никто не знаетъ, отъ утра дождется ли вечера и отъ вечера дождется ли утра. Мы видимъ, что тѣ, которые съ утра ходили здоровы, къ вечеру лежатъ на одрѣ смертномъ бездыханными: и тѣ, которые съ вечера засыпаютъ, поутру не встаютъ и будутъ спать до трубы архангельской. А что случается съ другими, то же самое тебѣ и мнѣ случиться можетъ, ибо всѣ подлежатъ всякимъ случаямъ" (Изъ „Твореній св. Тихона задонскаго", изд. 2, т. 2, стр. 48).

г) *Для чего сокрыто отъ насъ время нашей смерти?* Св. Іоаннъ Златоустъ, толкуя слова апостола: *день Господень якоже тать въ нощи, тако пріидетъ* (1 Сол. 5, 2), говоритъ: „Если же хотимъ знать, для чего сокрытъ этотъ день, и почему, якоже тать въ нощи, тако пріидетъ, то я, какъ мнѣ кажется, справедливо скажу вамъ: никто никогда во всю жизнь свою не сталъ бы заботиться о добродѣтели, если бы этотъ день былъ извѣстенъ и не былъ сокрытъ, но вся-

кій, зная послѣдній день свой, совершалъ бы безчисленныя преступленія, и уже въ тотъ день приступалъ бы къ купели, когда бы сталъ отходить отъ міра сего". И, дѣйствительно: если мы, не зная ни дня ни часа скончанія своего, несмотря на страхъ ожиданія его, рѣшаемся на безчисленныя и тяжкія грѣховныя дѣянія; то на что не рѣшились бы, если бы знали, что еще проживемъ много лѣтъ на землѣ и не скоро умремъ? А такъ какъ мы не знаемъ, когда, въ какой день и часъ умремъ, то и должны каждый день такъ проводить, какъ бы ожидали ежедневно смерти, и при наступленіи дня помышлять: „не сей ли день будетъ послѣднимъ днемъ жизни моей?" И при наступленіи ночи говорить самому себѣ: „не сія ли ночь будетъ послѣднею ночью моего пребыванія среди живыхъ?" Отходя ко сну ночному, говори себѣ мысленно: „встану ли живымъ съ ложа моего? Увижу ли еще свѣтъ дневной? Или уже сей одръ будетъ гробомъ моимъ?" Равно и воспрянувъ отъ сна и увидѣвъ первые лучи свѣта дневного, помышляй: „доживу ли до вечера, до наступленія ночи, или часъ смертный наступитъ для меня въ теченіе сего дня?" Помышляя такъ, проводи весь день, какъ бы уже готовясь умереть, и вечеромъ, отходя ко сну, исправляй свою совѣсть такъ, какъ бы имѣлъ ты въ сію нощь предать Богу духъ свой. Погибеленъ сонъ того, кто заснулъ въ грѣхѣ смертномъ, — небезопасенъ сонъ и того, чей одръ окружаютъ бѣсы, выжидая случая увлечь душу грѣшника въ дебрь огненную; худо тому, кто отошелъ ко сну, не примирившись съ Богомъ, ибо если въ томъ случаѣ, когда мы чѣмъ-либо оскорбили ближняго, апостолъ говоритъ: „солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ" (Ефес. 4, 26), то тѣмъ болѣе прогнѣвавшему Бога должно заботиться о томъ, чтобы не зашло солнце во гнѣвѣ Божіемъ, чтобы не уснуть ему, не примирившись съ Богомъ, ибо часъ кончины нашей неизвѣстенъ: какъ бы внезапная смерть не похитила насъ неготовыми? Не говори, человѣче: завтра примирюся съ Богомъ, завтра покаюсь, завтра исправлюсь; не отлагай со дня на день твоего обращенія къ Богу и покаянія, ибо никто тебѣ не сказалъ, доживешь ли до вечера".

д) *Смерть, какъ наказаніе прародителей за совершеніе въ раю грѣха, допущена Богомъ не для одного наказанія, но и для пользы или блага падшаго человѣка.* Эту мысль развиваютъ, между прочимъ, св. *Ѳеофилъ антіохійскій и св. Кириллъ александрійскій.*

Первый говоритъ: „Богъ оказалъ великое благодѣяніе человѣку тѣмъ, что не оставилъ его вѣчно связаннымъ грѣхомъ, но, какъ бы осудивъ въ ссылку, изгналъ его изъ рая, дабы онъ этимъ наказаніемъ очистилъ въ продолженіе извѣстнаго времени грѣхъ и, исправившись потомъ... могъ быть возвращенъ..., что имѣетъ совершиться послѣ воскресенія и суда. Ибо какъ сосудъ, когда послѣ устройства его окажется въ немъ какой-либо недостатокъ, переливается или передѣлывается, чтобы онъ сдѣлался новымъ и неповрежденнымъ: такъ бываетъ и съ человѣкомъ чрезъ смерть, потому что онъ нѣкоторымъ образомъ разрушается, чтобы при воскресеніи явиться здоровымъ, т.-е. чистымъ, праведнымъ и безсмертнымъ" („Exposit. in Psalm." 6. n. 1).

Второй отецъ церкви говоритъ объ этомъ слѣдующее: „смертію Законодатель останавливаетъ распространеніе грѣха и въ самомъ наказаніи являетъ человѣколюбіе. Такъ какъ Онъ, давая заповѣдь, съ преступленіемъ ея соединилъ смерть, и поелику преступникъ подпалъ сему наказанію, то и устрояетъ такъ, что самое наказаніе служитъ ко спасенію. Ибо смерть разрушаетъ эту животную нашу природу и, такимъ образомъ, съ одной стороны, останавливаетъ дѣйствіе зла, а съ другой, избавляетъ человѣка отъ болѣзней, освобождаетъ отъ трудовъ, прекращаетъ его скорби и заботы и оканчиваетъ страданія. Такимъ-то человѣколюбіемъ растворилъ Судія самое наказаніе". (О вочелов. Господа въ „Христ. чтен." 1847 г., ч. 3, стр. 171 и 172. Сравн. Григор. наз. Orat. 38 n. 12, сн. „Опытъ прав. догм. богосл." еп. Сильвестр. Кіевъ. 1884 г., т. III, стр. 494—495).

5. За рубежомъ земной жизни [1]).

(Разсказъ).

Хотя я имѣлъ надежду на выздоровленіе, но былъ уже нѣсколько лѣтъ боленъ, страдая тягостнымъ хроническимъ недугомъ, который только время, хорошій климатъ и постоянный уходъ могли излѣчить.

А теперь доктора сказали мнѣ, что для ускоренія хода моего выздоровленія необходима операція.

Хотя родители мои еще были живы, я пребывалъ одинъ за границей. Ради горнаго воздуха и особаго лѣченія, требуемаго моимъ разстройствомъ, я жилъ въ Швейцаріи, въ частной санаторіи.

Названія кантона и мѣстечка читателю безразличны, да и не въ нихъ суть.

Легко себѣ представить, что сообщеніе о необходимости операціи оказалось не особенно пріятнымъ, но бороться съ неизбѣж-

[1]) Разсказъ этотъ, за достовѣрность котораго не ручаемся, помѣщаемъ здѣсь, какъ превосходную иллюстрацію чувствованій, испытываемыхъ при переходѣ въ загробную жизнь. *Прот. Г. Д—ко.*

нымъ было безполезно. Операція была серьезная. Мои виды на выздоровленіе—не особенно блестящи съ нею или безъ нея. Поэтому я рѣшилъ пренебречь рискомъ неудачнаго или даже рокового ея исхода, такъ какъ однообразное существованіе на положеніи больного становилось невыносимымъ.

День, назначенный для операціи, приблизился необыкновенно скоро. Заранѣе я привелъ всѣ свои дѣла въ порядокъ, на случай сквернаго исхода. Операцію долженъ былъ сдѣлать извѣстный хирургъ, профессоръ университета.

Наканунѣ были закончены всѣ мои приготовленія. Поужинавъ легко въ началѣ вечера, я приступилъ къ длинному посту передъ операціей, которую, разумѣется, должны были произвести подъ наркозомъ. До нея я уже не долженъ былъ ни пить, ни ѣсть.

Хотя я и былъ ослабленъ болѣзнью, однако мнѣ рѣдко приходилось оставаться въ постели. Поэтому вечеръ удалось провести довольно пріятно, въ гостиной, въ бесѣдѣ со знакомыми — товарищами по несчастью. Но, разговаривая, я воздержался отъ всякаго намека о томъ, что предстояло на завтра.

Въ десять часовъ я взялъ ванну и затѣмъ ушелъ спать немного раньше обыкновеннаго.

Странно, но я не чувствовалъ ни безпокойства, ни опасенія. Мнѣ пришлось въ прошедшемъ перенести пустяшную операцію подъ хлороформомъ, и воспоминаніе объ этомъ опытѣ скорѣе служило къ моему успокоенію.

Мой сонъ былъ безмятеженъ, и я проснулся на другой день въ восемь часовъ утра. Стояла зима; день былъ тусклый и темный: свинцовое небо тяжело нависло надъ долиной, окрестныя горы были заволочены тучами, обѣщавшими снѣгъ. Когда я отворилъ окно, нѣсколько порошинокъ снѣга проникло ко мнѣ въ комнату. День не предрасполагалъ къ веселымъ думамъ, и теперь, впервые, я почувствовалъ, что меня оставляетъ моя бодрость духа, и что-то похожее на безпокойство закрадывается въ мою душу.

Однако, нельзя уже было терять времени. Надѣвъ халатъ, я принялся умываться и затѣмъ вернулся въ постель, чтобы дождаться прихода профессора, котораго я еще не видалъ.

Ровно въ девять часовъ я заслышалъ сдержанный говоръ въ коридорѣ и шаги нѣсколькихъ человѣкъ, приближавшихся къ моей комнатѣ. Шаги двоихъ изъ нихъ были знакомы моему уху. Я различилъ хромающую поступь главнаго врача заведенія и легкіе шаги его молодого ассистента. Другіе шаги, твердые и тяжелые, были мнѣ незнакомы.

„Такъ вотъ, это, должно-быть, профессоръ, который долженъ меня вскорѣ оперировать!“ — промелькнуло въ моей головѣ.

Въ короткій промежутокъ времени, отдѣлявшій моментъ прихода докторовъ отъ перваго шума ихъ приближенія, я старался представить себѣ, какимъ окажется профессоръ, его наружность, манеры.

Но всякія размышленія были прерваны рѣзкимъ стукомъ въ дверь.

— Войдите,—сказалъ я и затѣмъ окинулъ знаменитость внимательнымъ, долгимъ взглядомъ.

— Господинъ В., профессоръ Рейнхеймъ,— сказалъ мой докторъ, представляя насъ другъ другу.

Профессоръ былъ высокій, атлетически сложенный мужчина, возрастомъ около пятидесяти лѣтъ. Его довольно длинные волосы были зачесаны за уши. Подъ массивнымъ лбомъ съ глубокими бороздами, за мохнатыми бровями глядѣли сѣрые, спокойные, умные и не лишенные доброты глаза. Его челюсть была довольно сильно развита, но ротъ и подбородокъ скрывали густые усы и борода.

Я пожалъ всѣмъ руки. Затѣмъ профессоръ принялся меня изслѣдовать, съ особеннымъ вниманіемъ выслушивая мое сердце, такъ какъ отъ послѣдняго зависѣлъ въ большой степени успѣхъ операціи. Результаты осмотра, должно-быть, были удовлетворительны, и, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и двухъ-трехъ ободряющихъ словъ, знаменитый хирургъ спустился внизъ вмѣстѣ съ другими, чтобы докончить свои послѣднія приготовленія. Меня должны были позвать черезъ полчаса.

Нервное чувство овладѣло мною. Возможность смерти подъ наркозомъ—всякая операція сопровождается этимъ рискомъ — не особенно безпокоила меня. Но я теперь находился въ состояніи сравнительнаго физическаго удобства. Хотя я и былъ нездоровъ болѣе трехъ лѣтъ, однако моя болѣзнь никогда не причиняла мнѣ чувствительнаго страданія. Мое сердце упало при мысли, что изъ кажущагося здоровья, безъ промежуточнаго приготовленія, я буду погруженъ черезъ нѣсколько часовъ въ состояніе сильной физической боли, которое могло продолжаться нѣсколько дней.

Эти размышленія, въ связи съ непривычнымъ постомъ, повлекли за собою мое настоящее угнетенное настроеніе. Усиліемъ воли я постарался вернуть себѣ хладнокровіе, мысленно обсуждая положеніе и размышляя о своемъ настоящемъ и возможномъ будущемъ.

Мнѣ это настолько удалось, что теперь я могъ уже дожидаться призыва съ полнымъ

внѣшнимъ спокойствіемъ. Все же мой пульсъ бился учащеннѣе обыкновеннаго. Секунды этого получаса, казалось, превращались въ минуты, минуты—въ часы. Но, наконецъ, приходъ сестры милосердія, явившейся позвать меня въ операціонную комнату, прекратилъ томительное ожиданіе. Надѣвъ халатъ и туфли, я послѣдовалъ за нею внизъ...

Всѣ обитатели лѣчебницы или ушли на утреннюю прогулку, или отправились на террасы, чтобы провести на нихъ утро, какъ это было заведено. Все было совершенно такъ, какъ всегда, и чувство одиночества охватило меня, когда мнѣ стало ясно, сколь мало мое предстоящее испытаніе интересуетъ весь остальной міръ. Хотя послѣднее и было вполнѣ естественно, все-таки безсознательно—равнодушное отношеніе этихъ сравнительно чужихъ мнѣ людей болѣзненно отразилось во мнѣ. Однако, я былъ радъ, что, проходя черезъ лѣстницы и коридоры, мы никого не встрѣтили.

Ко мнѣ въ пріемную сейчасъ вошелъ одинъ изъ ассистентовъ. Онъ пощупалъ мой пульсъ: сто ударовъ въ минуту. „Не безпокойтесь, мы дадимъ вамъ кое-что для успокоенія нервовъ", сказалъ онъ. Едва эти слова были сказаны, какъ шприцъ съ морфіемъ укололъ мнѣ руку.

Черезъ нѣсколько секундъ, неподдающееся описанію чувство какого-то отупѣнія и вмѣстѣ успокоенія начало меня охватывать, и возбужденіе улеглось. Я сталъ странно равнодушенъ и началъ думать о томъ, что должно послѣдовать, съ вялымъ любопытствомъ: какъ будто мнѣ не предстояло подвергнуться самому серьезной и опасной операціи, а присутствовать при интересномъ научномъ опытѣ!

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ профессоръ сказать, что пора. Онъ былъ одѣтъ съ ногъ до головы въ бѣлое, и его сильныя мускулистыя руки, красныя отъ многократнаго мытья и карболки, были оголены по локоть. Стоя передо мной во всей своей грубой, мужественной силѣ, одѣтый въ балахонъ и передникъ, онъ мнѣ напоминалъ атлетическаго мясника, собирающагося приняться за убой. Это непривлекательное умственное сравненіе вызвало на моихъ губахъ насмѣшливую улыбку, которая удивила даже меня самого. Право, морфій творилъ чудеса!..

Я теперь находился въ свѣтлой, чистой, полной воздуха операціонной. Среди комнаты стоялъ роковой столъ, покрытый бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ. Рядомъ были разставлены стеклянные столы съ внушительной батареей блестящихъ инструментовъ, перевязочныхъ матеріаловъ, лоханокъ; въ углу, надъ газовымъ рожкомъ, кипѣли въ металлическомъ ящикѣ другіе инструменты. На отдѣльномъ столикѣ я замѣтилъ маску для хлороформированія и фляжечку-капельникъ съ наркозомъ. Въ помѣщеніи было очень тепло, и воздухъ насыщенъ запахомъ карболовой кислоты и другихъ сильныхъ снадобій. Кругомъ стояли двѣ чистенькія католическія монахини, сестры милосердія, главный операторъ, его помощники.

Я взлѣзъ на столъ и улегся. Меня накрыли одѣяломъ и урегулировали подвижныя части стола, чтобы мнѣ было поудобнѣе. Въ слѣдующее мгновеніе, приказавъ мнѣ дышать глубоко и равномѣрно и наложивъ пальцы на мой пульсъ, ассистентъ началъ хлороформировать. Первыя капли произвели на меня дѣйствіе сильнаго удара по носу и почти оглушили. Затѣмъ туманъ опять разсѣялся; я почувствовалъ себя слабымъ, мнѣ было несказанно гадко и тошно отъ сильныхъ, захватывавшихъ, проникающихъ паровъ наркоза. Они, казалось, прокрадывались въ самую средину моего мозга, наполняли моя члены невыразимымъ чувствомъ слабости и истомы.

Барабаны начали выбивать ритмическую дробь въ ушахъ. Я началъ терять свою способность чувствовать, хотя я еще могъ слышать и видѣть. Сознаніе затѣмъ начало меня покидать. Моя способность мыслить, казалось, была ограничена пространствомъ, величиной въ булавочную головку, въ самой срединѣ моего мозга. Вдругъ я почувствовалъ, какъ чья-то рука приподняла мнѣ вѣко. На мгновеніе мнѣ вернулось сравнительное сознаніе, я различилъ операціонную; тѣ же лица стояли кругомъ; до моего слуха стали долетать звуки страннаго, непрерывно болтающаго голоса. Голосъ спрашивалъ, кончена ли операція, какъ она сошла, послѣ чего слѣдовала полнѣйшая безсмыслица, наборъ словъ на нѣсколькихъ языкахъ въ перемежку. Сначала я не могъ сообразить, кто это говоритъ, пока вдругъ меня осѣнила мысль, что это я самъ, и что профессоръ грозно приказываетъ мнѣ замолчать и спать...

Опять маску наложили, послѣдній оглушающій ударъ этихъ страшныхъ барабановъ поразилъ мой слухъ, я почувствовалъ, какъ все уплываетъ, послѣдній остатокъ сознанія меня покинулъ, и все померкло.

Сколько времени прошло до моего вторичнаго возвращенія къ сознанію — я не могу сказать.

Но вотъ, я опять пришелъ въ себя. Странное чувство легкости наполняло мое существо. Я не могъ ни видѣть, ни слышать, ни чувствовать, я могъ только думать, послѣднее

же — съ ясностью, никогда не испытанною дотолѣ. Это новое ощущеніе продолжалось не болѣе сотой доли секунды, и въ слѣдующее мгновеніе я опять сталъ и видѣть, и слышать.

Нѣчто странное и необъяснимое открылось моему взору. Я находился въ той же операціонной, тутъ же стояли профессоръ, его помощники; но было еще другое лицо, котораго я раньше не замѣтилъ. Оно лежало на столѣ и казалось болѣзненно-блѣднымъ. Я сталъ въ него внимательно вглядываться съ того возвышеннаго положенія, въ которомъ находился. Черты лица казались мнѣ знакомы. Вдругъ коченѣющее чувство страха охватило меня: я самъ былъ этимъ человѣкомъ, лежавшимъ тамъ, на столѣ. Я или, вѣрнѣе, мое тѣло не подавало признаковъ жизни.

Полу-досадливое, полу-огорченное выраженіе было нарисовано на энергическомъ лицѣ профессора. Онъ стоялъ рядомъ съ тѣломъ и правой рукой щупалъ область сердца, въ лѣвой же еще держалъ какой-то инструментъ. Докторъ, который до того хлороформировалъ, отложилъ маску въ сторону и растерянно перешептывался съ другими врачами. Сестры милосердія стояли тутъ же, не понимая хорошенько, что случилось; одна держала въ рукахъ ватные тампоны, другая — лохань.

— Параличъ сердца! — сказалъ профессоръ. — Это очень скверно, господа, но иной разъ не убережешься отъ подобной случайности, какія мѣры ни принимай!

Тѣло же по-прежнему продолжало лежать неподвижно. Глубокій взрѣзъ зіялъ въ правой сторонѣ груди. Пинцеты, защемлявшіе перерѣзанныя артеріи, которыхъ еще не завязали, были на своихъ мѣстахъ. Нѣсколько кусочковъ удаленной кости лежало на боковомъ столикѣ. Простыни были слегка забрызганы кровью.

Нѣкоторое время я не могъ сообразить, что именно случилось, затѣмъ страшная правда стала мнѣ ясной: смерть наступила подъ хлороформомъ! То, что лежало передо мною, былъ мой трупъ. То, что я мысленно называлъ собой, было мое внутреннее самосознаніе, однимъ словомъ, то, что въ общежитіи принято называть душою.

Во время моей жизни я держался безусловно матеріалистическихъ мнѣній. Неожиданное открытіе, что существуетъ сознаніе послѣ смерти, — ошеломило меня, я былъ къ нему такъ неподготовленъ, оно такъ противорѣчило всѣмъ моимъ предвзятымъ взглядамъ!

Но вскорѣ весь ужасъ случившагося сталъ слишкомъ подавляющимъ, и я чувствовалъ, что не въ силахъ долѣе глядѣть на тяжелое зрѣлище. Я хотѣлъ скрыть отъ себя картину этого изрѣзаннаго тѣла, лежащаго среди чужихъ мнѣ людей, и печальное, но непреодолимое желаніе посмотрѣть на лица, дорогія мнѣ, овладѣло моей душой. Безсознательно я пожелалъ перенестись на мою далекую родину, въ Соединенные Штаты, въ домъ моихъ родителей. Къ моему крайнему удивленію, настоящая картина растаяла, исчезла, и безъ сотрясенія, но также и безъ паузы, моему духовному взору открылась наша гостиная. Мать моя сидѣла въ любимомъ креслѣ и занималась вышиваніемъ, отецъ читалъ газету у лампы, Хотя предшествовавшая картина была освѣщена дневнымъ свѣтомъ, здѣсь былъ вечеръ. Нѣсколько минутъ это было мнѣ непонятно, но затѣмъ я вспомнилъ, что такъ и должно быть, благодаря огромной разницѣ въ долготѣ.

Глядя на эту мирную и знакомую сцену, я позабылъ на время о происшедшей со мною перемѣнѣ. Я заговорилъ съ матерью, но мой голосъ былъ беззвученъ и не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія. Сознаніе неумолимости настоящей дѣйствительности вернулось ко мнѣ съ удвоенной силой, и я понялъ, какъ безполезны мои старанія. Но я не хотѣлъ сдаться безъ борьбы и сосредоточилъ всю свою волю въ одномъ желаніи сообщить ей о своемъ невидимомъ присутствіи. Неспокойное, озабоченное выраженіе проскользнуло по ея лицу, и, обратившись въ сторону моего отца, мать замѣтила, что ее безпокоитъ, какъ-то я перенесу операцію, и скоро ли прибудетъ телеграмма съ извѣщеніемъ объ ея исходѣ. Отецъ взглянулъ на часы и сказалъ, что надо ожидать депешу черезъ три-четыре часа, но что онъ лично не сомнѣвается въ благополучномъ окончаніи. Но моей матери было уже совсѣмъ не по себѣ, и говоря, что она слишкомъ нервно настроена, чтобы продолжать рукодѣліе, она взялась за книгу, но не могла сосредоточиться на ней.

Мнѣ было невыразимо тяжело при мысли, что моихъ родителей вскорѣ должно поразить извѣстіе о моей смерти и внести горе въ ихъ тихую жизнь.

Безпокойное чувство усилилось во мнѣ, и я захотѣлъ повидать моего брата. Онъ былъ лейтенантомъ флота и въ ту минуту находился съ нашей летучей эскадрой гдѣ-то въ Караибскомъ морѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ. Но я уже успѣлъ освоиться немного съ моимъ положеніемъ, и разстояніе уже не было болѣе препятствіемъ. За зарожденіемъ мысли слѣдовало ея исполненіе съ быстротою свѣта. Опять декораціи перемѣнились, какъ и раньше, плавно, безъ остановки или какого-либо толчка.

На этотъ разъ я очутился на капитанскомъ мостикѣ одного изъ нашихъ крупныхъ океанскихъ крейсеровъ. Была безлунная, но тихая, звѣздная ночь. Кругомъ, за кормой и носомъ огромнаго судна разстилалось безбрежное пространство глубокихъ, синихъ водъ, переходившихъ въ черное, гдѣ горизонтъ сливался съ небомъ. Темная ширь освѣщалась лишь нашими отличительными огнями, да искрилась тѣмъ фосфористымъ отблескомъ, который присущъ тропическимъ морямъ. Корабль, подвигаясь величественно впередъ, оставлялъ за собой длинный путь сверкающихъ, серебристыхъ водоворотовъ и пѣны, гдѣ воду бурлили винты.

Идя экономическимъ ходомъ, мы почти-что беззвучно прорѣзали воду; никакое сотрясеніе не доходило до нашей вышки. По временамъ звуки глубокой, ритмической пульсаціи машинъ долетали въ нашу сторону. Черный дымъ медленно и лѣниво клубился изъ высокихъ трубъ и тянулся темной полосой на цѣлыя мили за нами въ тихомъ воздухѣ. Волны не было, лишь могучая, никогда не стихающая зыбь океана сообщала огромному крейсеру равномѣрную качку. Высокія мачты, съ ихъ боевыми марсами, казались маятниками огромныхъ часовъ.

Мой братъ стоялъ въ плащѣ около штурвальной рубки и глядѣлъ впередъ. Только одни вахтенные были видны, остальная команда находилась внизу. Я сталъ напротивъ брата и опять сосредоточилъ на немъ свои мысли. Вдругъ онъ отступилъ отъ фальшборта и провелъ рукой передъ лицомъ, какъ будто что-то закрыло его взоръ. Я замѣтилъ, какъ онъ поблѣднѣлъ, при свѣтѣ компасныхъ фонарей. „Не можетъ быть, — пробормоталъ онъ: — должно-быть, мнѣ померещилось!..“ И, постоявъ въ раздумьи съ минуту, поднялъ свой ночной бинокль и опять сталъ вглядываться въ даль. Приближеніе разсвѣта давало о себѣ знать острой свѣжестью въ воздухѣ, такъ какъ братъ, завернувшись поплотнѣе въ шинель, сталъ шагать по мостику въ молчаливомъ раздумьи... Я долго еще продолжалъ глядѣть на него... Пробило четыре склянки. Черезъ минуту вахту смѣнили, и мой братъ исчезъ внизу, чтобы предаться заслуженному отдыху.

Я началъ терять всякій интересъ къ вещамъ этого міра, членомъ котораго я уже болѣе не состоялъ. Даже сочувствіе и любовь къ моимъ самымъ близкимъ начали испаряться, и я съ каждой минутой становился все болѣе и болѣе равнодушнымъ.

Я былъ невыразимо одинокъ и страстно желалъ какого нибудь общества. Несказанно обрадовался бы я встрѣчи съ товарищемъ-духомъ, но я былъ одинъ. Мое отчужденіе отъ всего и всѣхъ было полное и окончательное, и сознаніе его становилось все болѣе и болѣе устрашающимъ. Я былъ совершенно покинутъ въ безконечныхъ пространствахъ вселенной, совершенно одинокъ!

Меня начала ужасать мысль о существованіи въ подобной обстановкѣ годы, столѣтія, вѣчность. Это слово: „вѣчность“ имѣло страшный смыслъ теперь, который раньше былъ мнѣ недоступенъ. Я сталъ понимать до нѣкоторой степени его значеніе.

Покой былъ для меня недосягаемъ. Какъ я желалъ того забвенія, которое я раньше предполагалъ за гробомъ и котораго я такъ боялся!.. Нѣтъ выхода! Нѣтъ спасенія отъ самого себя!.. Дикая мысль самоубійства промелькнула, но тутъ же я сообразилъ ея полное безсмысліе и несуразность. У меня уже не было тѣла, у котораго я могъ бы отнять жизнь! Вѣдь я только что его покинулъ!

Обратиться къ Божеству? Въ своемъ отчаяніи я старался молиться, но мои мысли отказывались слагаться въ какой-либо порядокъ, въ какую-нибудь послѣдовательность. Я испытывалъ умственную муку, какую счелъ бы раньше невозможной.

Что, если я совершенно заблуждался въ своихъ прежнихъ понятіяхъ?! Что, если, въ самомъ дѣлѣ, я былъ все время неправъ въ своемъ матеріализмѣ?! Что, если все то, чему религія меня научила въ дѣтствѣ, было истиной, если мои позднѣйшія сомнѣнія были слѣдствіемъ какого-нибудь умственнаго разстройства?! Что, если моя хваленая логика, которою я такъ гордился, была лишь чадомъ больного мозга?!...

Затѣмъ явилась страшная мысль, что мое настоящее состояніе, съ еще болѣе ужасной перспективой въ будущемъ, было наказаніемъ, ниспосланнымъ мнѣ оскорбленнымъ Божествомъ, наказаніемъ, выбраннымъ именно мнѣ — невѣрующему! Какъ оно подходило къ моему случаю!

Въ моемъ безпредѣльномъ ужасѣ я опять старался молиться. Мои страданія уже не поддавались описанію. Все завертѣлось въ головокружительномъ водоворотѣ...

— Сдѣлайте ему еще вспрыскиваніе! Гдѣ шприцъ? — услышалъ я далекій голосъ. Затѣмъ кто-то раскрылъ мнѣ лѣвый глазъ, и сквозь облако я различилъ профессора и своего доктора и понялъ, что нахожусь въ постели...

Я не могъ сообразить, что случилось. Моя голова кружилась...

— Ага, зрачокъ сокращается, онъ приходитъ въ себя! — продолжалъ все тотъ же бодрый, сильный голосъ. — Ну, какъ вы себя чувствуете? Довольно скверно, а?

Итакъ, это былъ только сонъ! Я не могъ сразу постигнуть правды. Я уже такъ успѣлъ привыкнуть къ мысли объ оставленіи міра навсегда, что это неожиданное возвращеніе къ жизни ошеломило меня.

— Что случилось? — спросилъ я. Затѣмъ я все вспомнилъ. — Какъ сошла операція? Была ли она удачна, профессоръ? — былъ мой слѣдующій вопросъ.

— Вы можете успокоиться, — послѣдовалъ отвѣтъ, — вы отлично перенесли ее и черезъ нѣсколько недѣль будете на ногахъ.

Я опять погрузился въ молчаніе.

Реакція была слишкомъ сильна... Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ сознаніе все болѣе и болѣе возвращалось, я сталъ ощущать глухую, подавляющую, все усиливающуюся боль въ боку, которая съ каждымъ мгновеніемъ становилась все сильнѣе и сильнѣе.

Но испытываемое нравственное облегченіе было неизмѣримо глубоко, и я чувствовалъ, что могу переносить острую физическую боль съ полнымъ спокойствіемъ, почти-что съ удовольствіемъ.

Мое выздоровленіе протекло скоро и со временемъ оказалось полнымъ.

Но яркое воспоминаніе моего страшнаго видѣнія — видѣнія ли? — долго оставалось запечатлѣннымъ въ моей памяти, и я до часа моей смерти не забуду тѣ ужасныя минуты, которыя мнѣ пришлось пережить. („Ребусъ", 1899 г., №№ 1 — 2).

6. **Жизнь по отсѣченіи головы**. Уже не разъ было говорено о томъ, что человѣкъ, когда ему отрубаютъ голову, не сразу прекращаетъ жить, а что его мозгъ продолжаетъ соображать, и мускулы двигаться, пока, наконецъ, кровообращеніе совсѣмъ не остановится, и онъ не умретъ окончательно. „Mutter Erde" приводитъ нѣсколько случаевъ такой смерти изъ среднихъ вѣковъ. Король Людвигъ Баварскій въ 1336 г. приговорилъ къ смертной казни Дица фонъ-Шаунбурга вмѣстѣ съ четырьмя его ландскнехтами за то, что они возстали противъ него и тѣмъ нарушили спокойствіе страны. Когда приговоренныхъ къ смерти привели на мѣсто казни, то Дицъ фонъ-Шаунбургъ попросилъ короля поставить ихъ всѣхъ въ рядъ, на разстояніи 8 шаговъ другъ отъ друга, затѣмъ начать съ него и отрубить ему голову, по окончаніи чего онъ встанетъ и побѣжитъ мимо своихъ ландскнехтовъ, и тѣ, мимо которыхъ онъ успѣетъ пробѣжать, пусть будутъ помилованы.

Король, смѣясь, обѣщался ему все исполнить въ точности, принимая эту выходку за шутку и въ полной увѣренности, что человѣкъ безъ головы не можетъ бѣгать.

Дицъ фонъ-Шаунбургъ поставилъ своихъ ландскнехтовъ по порядку одинъ за другимъ, самыхъ любимыхъ поближе къ себѣ, самъ же всталъ позади всѣхъ и опустился на колѣни, ожидая смертельнаго удара. Когда голова его была отрублена, онъ быстро вскочилъ на ноги и, пробѣжавъ мимо всѣхъ своихъ ландскнехтовъ, замертво упалъ на землю.

Ландскнехты были, конечно, помилованы.

Подобный же случай былъ съ однимъ средневѣковымъ полководцемъ, который спасъ 8 товарищей, пробѣжавъ мимо нихъ съ отрубленною головой.

Одна нѣмецкая газета XVII стол. сообщаетъ объ удивительномъ случаѣ, происшедшемъ въ 1528 г. въ гор. Родштадтѣ. Одного монаха-проповѣдника приговорили сначала къ отрубленію головы, а затѣмъ къ сожженію его тѣла на кострѣ. Онъ обѣщался послѣ смерти дать какое-нибудь доказательство своей невиновности.

И дѣйствительно, послѣ того, какъ монаху отрубили голову, онъ плашмя упалъ на землю и пролежалъ такъ минуты 3 безъ движенія; затѣмъ онъ медленно перевернулся грудью кверху, положилъ правую ногу на лѣвую, скрестилъ руки на груди и больше уже не двигался.

Тѣло его уже побоялись предать сожженію. („Русск. лист." 1900 г. № 34).

7. **Психологія ощущенія наступающей смерти**. „Мнѣ кажется, что, съ уменьшеніемъ моей дѣятельной силы, я дѣлаюсь болѣе духовнымъ. Все дѣлается для меня прозрачнымъ, я вижу типы, основу существъ, смыслъ вещей.

Всѣ личныя событія представляются мнѣ только частными опытами, только предлогами для размышленія, фактами для обобщенія ихъ въ законы, реальностями для преобразованія ихъ въ мысли; жизнь представляется мнѣ только документомъ, который надо растолковать, матеріей, которую надо одухотворить. Такова жизнь мыслителя; онъ все болѣе и болѣе обезличивается съ каждымъ днемъ. Если онъ соглашается испытывать и дѣйствовать, то только для того, чтобы лучше понимать. Если онъ чего хочетъ, то только для того, чтобы познать волю. Хотя ему пріятно быть любимымъ, и онъ не знаетъ ничего столь радостнаго, но и тутъ ему кажется, что онъ только поводъ для явленія, но не цѣль его. Онъ созерцаетъ зрѣлище любви, и любовь остается для него зрѣлищемъ. Онъ не считаетъ даже своего тѣла своимъ; онъ чувствуетъ проходящимъ чрезъ себя жизненный вихрь, который данъ ему на время только для того, чтобы онъ могъ познавать вибраціи міра. Онъ только мыслящій субъектъ и удерживаетъ только форму вещей, онъ не приписываетъ себѣ никакой

матеріальной собственности, онъ требуетъ отъ жизни для себя только мудрости. Это настроеніе дѣлаетъ его непонятнымъ для всего наслаждающагося, властвующаго, захватывающаго. Онъ воздушенъ, какъ привидѣніе, которое можно видѣть, но нельзя схватить. Я еще не умеръ, но уже привидѣніе. Люди кажутся мнѣ сновидѣніями, и я представляюсь имъ сномъ.

Категорія времени уже не существуетъ для моего сознанія, и вслѣдствіе этого всѣ перегородки, которыя дѣлаютъ изъ жизни дворецъ въ тысячу комнатъ, падаютъ для меня, и я не выхожу изъ первобытнаго, одноклѣточнаго состоянія. Я знаю себя только въ состояніи монады и чувствую, что мои способности вновь возвращаются въ ту субстанцію, которую онѣ индивидуализировали. Всѣ выгоды животности такимъ образомъ откинуты, уничтожено также все то, что дало изученіе и культура. Птица вернулась въ яйцо, организмъ въ зародышъ. — Это психологическое явленіе есть предвареніе смерти; оно изображаетъ жизнь загробную, возвращеніе къ тому, изъ чего я вышелъ, или скорѣе укрощеніе личности, которая, откинувъ всѣ случайности, существуетъ уже только въ состояніи нераздѣльности, въ состояніи точки, въ состояніи потенціи, въ состояніи нуля, но нуля плодотворнаго. Это ничто есть все...

Что такое жолудь, какъ не дубъ, лишенный своихъ вѣтвей, листьевъ, ствола, корней, т.-е. всѣхъ своихъ приспособленій, всѣхъ формъ, всѣхъ особенностей, но который сосредоточенъ въ своей сущности, въ своей производительной силѣ, которая вновь можетъ завоевать все, что она отбросила. Это обѣднѣніе, стало-быть, есть только внѣшнее сокращеніе.

Возвратиться къ своей вѣчности это-то и значитъ умереть, но не уничтожиться, это значитъ возвратиться къ своей потенціальности“ (См. кн. „Изъ дневника Аміеля“, перев. съ франц. подъ ред. графа Л. Толстого).

7. Тѣлесная смерть.

а) *Въ чемъ состоитъ тѣлесная смерть, составляетъ ли она для человѣка необходимый законъ, откуда и какъ она произошла, и какое значеніе имѣетъ для человѣчества?*

Смерть тѣлесная есть распаденіе союза между духомъ и тѣломъ, или отдѣленіе души отъ тѣла, возвращеніе послѣдняго въ землю,— изъ которой взято (Быт. 3, 19). При созданіи человѣка Богъ для образованія тѣла его беретъ персть земли, мертвое вещество, подлежащее закону разрушенія и измѣненія, какъ и все вещественное; но это мертвое вещество одухотворяется жизненнымъ началомъ—душою, которую Богъ создалъ духовною и живою, разумною и свободною, которая съ тѣломъ составила одинъ живой организмъ человѣка. Теперь, если душа—это жизненное начало въ организмѣ человѣка, оставляетъ его, то человѣкъ умираетъ: тѣло безъ души мертво. Въ св. писаніи смерть представляется подъ разными образами, которые находятся въ соотношеніи съ нравственнымъ состояніемъ умирающаго. Въ то время какъ для нераскаявшагося нечестивца смерть представляется царствомъ ужаса, таинственными и мрачными вратами, которыя ведутъ его къ праведному Судіи для услышанія приговора его участи,—для праведника, умершаго съ раскаяніемъ и надеждою на милосердіе Божіе, смерть представляется, какъ переходъ изъ разрушенной хижины въ домъ нерукотворенный, вѣчный, который на небесахъ (2 Кор. 5, 1), какъ оставленіе разрушенной тѣлесной храмины, отшествіе изъ здѣшней жизни и радостный переходъ въ будущую жизнь (2 Тим. 4, 6—8); какъ преобразованіе перстнаго и смертнаго сего тѣла въ небесное, нетлѣнное и безсмертное (1 Кор. 15, 40—54), какъ врагъ Христа, который истребится Христомъ (1 Кор. 15, 26). Изъ этихъ мѣстъ видно, что тѣлесная смерть есть: а) страшное для грѣшныхъ и радостное для праведныхъ прекращеніе земной жизни; б) вслѣдъ за этою жизнью для души слѣдуетъ другая высшая, вѣчная, которая будетъ блаженствомъ для однихъ, мученіемъ для другихъ; в) что смерть будетъ нѣкогда истреблена. Такимъ образомъ, смерть представляется явленіемъ временнымъ и ненормальнымъ.

б) *Здѣсь возникаетъ другой вопросъ: откуда смерть, если она есть явленіе временное и ненормальное, которое современемъ должно исчезнуть?*

Смерть не есть установленный отъ Бога законъ для человѣка; смерть, какъ бы мы ни разсматривали ее, есть зло, а зла Богъ не сотворилъ. Напротивъ, все сотворенное Богомъ, найдено Имъ прекраснымъ: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори, се добра зѣло* (Быт. 1, 31). Уже самый способъ созданія человѣка, природа котораго, духовная и физическая, образуетъ одно существо—человѣческое, показываетъ, что смерть, какъ расторженіе двухъ природъ его, не входила первоначально въ планы Божіи. По творческому плану Бога, сущность человѣческаго существа должна состоять не изъ одного духа и не изъ одного тѣла, но изъ того и другого вмѣстѣ, въ неразрывномъ союзѣ и согласіи: *и созда Богъ человѣка персть вземъ отъ земли и вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. 2, 7). И св. писаніе

ясно показываетъ, что человѣкъ даже и по тѣлу созданъ для жизни безсмертной, когда говоритъ о древѣ жизни посреди рая, вкушая отъ плодовъ котораго человѣкъ и тѣломъ былъ бы безболѣзненъ и безсмертенъ навсегда (Быт. 3, 19, 22). Несомнѣнно, что плоды древа жизни производили таинственнымъ образомъ на физическую природу человѣка самое благотворное дѣйствіе, предохраняя ее отъ болѣзней и процесса разложенія, или смерти. Далѣе, тѣлесная смерть человѣка не согласна съ откровенною идеею о Богѣ, какъ источникѣ жизни и свѣта. Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ (Лук. 20, 38).

Затѣмъ изъ первой заповѣди, данной нашимъ прародителямъ въ раю, видно, что смерть не есть неизбѣжный законъ для человѣка: если бы она была закономъ, то его нельзя было бы избѣжать. Между тѣмъ, Самъ Богъ, давая заповѣдь нашимъ прародителямъ (Быт. 2, 17) о невкушеніи отъ древа познанія добра и зла подъ угрозою смерти, тѣмъ самымъ показываетъ, что люди могутъ избѣжать смерти, если они будутъ исполнять данную имъ заповѣдь. Такъ всегда понимала эту заповѣдь и православная церковь. Такъ, напр., въ 123 правилѣ карѳагенскаго собора (418 г.), котораго постановленія имѣютъ силу наряду съ постановленіями вселенскихъ соборовъ, сказано: *признано всѣми епископами карѳагенскія церкви, представшими на св. соборъ, яко Адамъ не смертнымъ отъ Бога сотворенъ. Аще же кто речетъ, яко Адамъ, первосозданный человѣкъ, сотворенъ смертнымъ, такъ что, хотя бы онъ согрѣшилъ, хотя бы не согрѣшилъ, умеръ бы тѣломъ, т.-е. вышелъ бы изъ тѣла, не въ наказаніе за грѣхъ, но по необходимости естества: «да будетъ анаѳема»*. Подобную же мысль выражаетъ блаженный Августинъ, когда говоритъ: *между христіанами, содержащими истинно-каѳолическую вѣру, признается несомнѣннымъ, что самая даже смерть тѣлесная постигла насъ не по закону природы, потому что Богъ не сотворилъ для человѣка смерти, но вслѣдствіе грѣха* [1]). Наконецъ, та истина, что смерть не есть естественное явленіе, подтверждается, кромѣ того, и фактами изъ исторіи жизни человѣческой. Она показываетъ, что смерть для всѣхъ людей, за исключеніемъ немногихъ новозавѣтныхъ праведниковъ, представляется чѣмъ-то ужаснымъ, чѣмъ-то такимъ, что противорѣчитъ всей нашей духовной и физической организаціи. Въ продолженіе всѣхъ вѣковъ изъ устъ людей слышатся жалобы, что нѣтъ на землѣ никого несчастнѣе человѣка, который, несмотря на свою сильную жажду жизни, долженъ однако умирать [1]). Величайшіе ветхозавѣтные праведники страшатся одного представленія смерти (Пс. 88).

Далѣе, смерть противна совѣсти, потому что совѣсть требуетъ безпредѣльнаго совершенствованія, недостижимаго въ этомъ мірѣ, — волѣ, которая хочетъ жизни и дѣятельности тѣла и духа, — сердцу, которое способно къ вѣчной привязанности къ предметамъ любви, разлука съ которыми невыразимо терзаетъ его,—разуму, для котораго смерть представляется величайшею загадкою, дѣлающею невозможнымъ понять и признать соотношеніе между нашею природою и ея назначеніемъ. Такимъ образомъ, еще разъ повторимъ, что смерть не могла входить въ творческіе планы Бога при созданіи человѣка. По волѣ всемогущаго и премудраго Бога вся тѣлесная организація человѣка, если бы онъ остался святымъ, могла бы все болѣе и болѣе утончаться, просвѣтляться и усовершенствоваться и, наконецъ, дойти до такого духовнаго тѣла, которое явилось у Іисуса Христа по Его воскресеніи, тѣло Котораго не нуждалось ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, и не было въ тѣсной зависимости отъ пространства и времени. Подобные примѣры можно находить еще въ вознесеніяхъ Еноха и Иліи. Наконецъ, новозавѣтное ученіе о воскресеніи мертвыхъ и измѣненіи живущихъ предъ страшнымъ судомъ очевидно приводитъ къ истинѣ, что смерть не необходима. Поэтому мнѣніе тѣхъ [2]), которые утверждаютъ, что смерть есть дѣйствіе жизненнаго процесса, неизбѣжный законъ человѣческой природы, въ виду сказаннаго, не выдерживаетъ никакой критики. Такъ, напр., раціоналисты, опираясь на изслѣдованія строенія земли геологовъ, которые въ различныхъ напластованіяхъ предшествовавшихъ человѣку формацій находятъ безчисленные остатки погребенныхъ въ нихъ живыхъ тварей, утверждаютъ, что смерть существовала въ мірѣ и прежде грѣхопаденія людей, что геологическія изслѣдованія уничтожили понятіе о смерти, какъ о наказаніи за грѣхъ [3]). Что можно сказать противъ этого? Прежде всего то, что всѣ выводы геологовъ о строеніи земли, о продолжительности и послѣдовательности періодовъ въ образованіи ея нужно принимать не какъ безусловную истину, а какъ гипотезу, болѣе или менѣе вѣроятную. Исторія всѣхъ наукъ, кромѣ математическихъ, показываетъ, что то, что въ одно время считалось

[1]) De civitate Dei XIV, 15.

[1]) См. напр. Иліаду 17, 44 ст.; Одисс. 18, 130.

[2]) Мнѣніе древнихъ пелагіанъ и новѣйшихъ раціоналистовъ.

[3]) См. соч. Лекки: Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ, стр. 220 и др.

за непреложно истинное, въ другое время, другими учеными, при новыхъ, болѣе точныхъ и вѣрныхъ изслѣдованіяхъ, отвергалось, какъ ложное. Но затѣмъ, противъ указаннаго вывода, который дѣлаютъ раціоналисты изъ изслѣдованій геологовъ относительно смерти, какъ закона природы, а не какъ наказанія за грѣхи, должно сказать то, что всѣ подобныя открытія геологіи никоимъ образомъ не подрываютъ той библейской истины, что смерть есть наказаніе за грѣхи. Это потому, что смерть есть *наказаніе за грѣхъ только человѣка,* а не всѣхъ живыхъ существъ, населявшихъ и населяющихъ землю. Только человѣкъ есть разумно-нравственное существо и за свое преступленіе могъ быть такъ или иначе наказанъ, напр., смертью; далѣе, только одному человѣку была предложена заповѣдь съ угрозою подвергнуться смерти за нарушеніе ея; только тѣло человѣка было принято въ теснѣйшій союзъ съ духомъ человѣческимъ, созданнымъ по образу Божію, ограждавшему самое тѣло отъ тлѣнія,—наконецъ, только одинъ человѣкъ получилъ въ плодахъ древа жизни средства противъ болѣзней и смерти тѣла. Относительно животнаго царства ничто подобное не имѣетъ мѣста и нигдѣ въ откровенномъ ученіи не говорится, что и животныя предназначены къ безконечной жизни по тѣлу. Подвергаясь закону видоизмѣненія чрезъ разложеніе или разрушеніе составныхъ частей и сочетаніе въ новыя соединенія, животныя должны были умирать или подвергаться всеобщему закону вещественнаго міра. Правда, эта смерть животныхъ, до грѣхопаденія Адамы и Евы и проклятія земли, не могла представлять собою ничего ужаснаго. „На землѣ, не пораженной проклятіемъ, твари, теряя отдѣльное бытіе, возвращались бы въ общую жизнь природы, или изъ однѣхъ формъ бытія переходили бы въ другія, путемъ совершенно безболѣзненнымъ, не такимъ, каковъ настоящій, страшный и зловонный путь тлѣнія и разложенія тѣлъ, но путемъ, сообразнымъ съ первобытною красотою и гармоніею природы, подобно тому какъ, напр., и нынѣ земляной червь преобразуется въ крылатую бабочку, или ладонъ, брошенный на огонь, возвращается въ общую жизнь природы въ благоуханіяхъ"[1]).

Если такимъ образомъ смерть не есть неизбѣжный законъ людей, то спрашивается: откуда и какъ она произошла?

Слово Божіе, къ которому мы теперь, какъ и всегда, должны прежде всего обратиться, показываетъ намъ, что смерть есть *естественное наказаніе за грѣхъ нашихъ прародителей,* наказаніе, сначала постигшее ихъ самихъ, а затѣмъ и все происшедшее отъ нихъ человѣчество.

Мы сказали, что смерть есть наказаніе и притомъ естественное, т.-е. такое, которое само собою вытекало изъ совершеннаго первыми людьми грѣха, какъ его прямое слѣдствіе, и сопровождалось неизбѣжнымъ лишеніемъ ихъ средствъ для безсмертія и по тѣлу (т.-е. возможности вкушенія отъ плодовъ древа жизни). Что она является для человѣка наказаніемъ за грѣхъ, это ясно видно изъ угрозы за нарушеніе заповѣди: въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертью умрешь (Быт. II, 17). Сюда же относится и распоряженіе Божіе объ изгнаніи Адама изъ рая и объ удаленіи его отъ древа жизни, плоды котораго сообщали ему безсмертіе по тѣлу (Быт. III, 22—23). И ап. Павелъ учитъ: возмездіе за грѣхъ—смерть, а даръ Божій—жизнь вѣчная во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ (Рим. VI, 23). Но смерть, какъ мы сказали, есть наказаніе естественное, которое само собой вытекало изъ природы грѣха падшаго человѣка, а не было искусственно установлено Богомъ.

Если педагогъ даетъ своему воспитаннику наставленія не вкушать незрѣлыхъ плодовъ, подъ опасеніемъ болѣзни, то очевидно, что не онъ устанавливаетъ болѣзнь наказаніемъ за ослушаніе со стороны воспитанника, но эта болѣзнь есть естественное слѣдствіе, вытекшее изъ устройства его организма и только опытнымъ наставникомъ предусмотрѣнное и предупрежденное.

Таковъ характеръ естественнаго наказанія.

Изъ сказаннаго ясно, что не Богъ причина смерти, а *грѣхъ человѣка произвелъ смерть,* или смерть произошла вслѣдствіе злоупотребленія свободою человѣка, которую неизмѣняемый Богъ не могъ отнять, разъ давши ее человѣку.

Богъ только установилъ *строгое соотвѣтствіе* между грѣхомъ и смертью, которое только въ томъ случаѣ должно было обнаружиться, когда грѣхъ былъ бы совершенъ. Въ противномъ случаѣ, эта связь грѣха со смертью для людей, если бы они до сихъ поръ оставались святыми, не была бы, по всей вѣроятности, извѣстна, какъ и многое другое, что находится въ планахъ Божіихъ; но, всматриваясь въ это соотвѣтствіе грѣха и смерти, мы не можемъ не поражаться глубиною премудрости и благости Божіей, установившей въ смерти, какъ естественномъ наказаніи за грѣхи, могущественное средство, при помощи котораго человѣчество дѣлалось способнымъ къ принятію спасенія и могло снова возродиться къ жизни. Смерть есть дѣло величайшей премудрости Божіей,

[1]) Премудрость и благость Божія, стр. 235.

ибо что другое, кромѣ смерти, можетъ уничтожить грѣховную дѣятельность человѣка, состоящаго изъ души и тѣла? Только разобщеніе тѣла отъ души, т.-е. смерть, можетъ лишить человѣка того органа, при помощи котораго главнымъ образомъ грѣшилъ человѣкъ, того тѣлеснаго состава, который и самъ, проникнутый грѣхомъ во всѣхъ частяхъ—въ плоти и крови, предрасполагалъ человѣка ко грѣху. Самое возникновеніе въ душѣ первыхъ людей грѣховнаго желанія произошло не безъ посредства тѣхъ органовъ тѣла, при помощи которыхъ человѣкъ вступилъ въ непосредственное отношеніе къ міру: зрѣнія (похоть очесъ) и плоти вообще (похоть плоти). Лишеніе тѣлеснаго состава, что происходитъ въ смерти и чрезъ смерть, избавляетъ человѣка отъ множества грѣховныхъ движеній, пороковъ и страстей. Духъ человѣка, оторвавшись отъ тѣлесной оболочки, лишается своего важнѣйшаго грѣховнаго орудія. Въ тѣлесной смерти человѣка, полное существо, жизнь и дѣятельность котораго состоитъ изъ души и тѣла, заключено премудростью Божіею и великое преимущество человѣка предъ безплотными духами—*на случай грѣхопаденія его.*

Первый грѣшитъ на землѣ по преимуществу тѣломъ, по крайней мѣрѣ и для духовныхъ страстей человѣка матеріалы доставляются отъ міра и плоти; съ прекращеніемъ жизни, въ тѣлѣ прекращаются грѣховныя стремленія и возникновенія новыхъ грѣховъ; вторые, безплотные духи, изъ которыхъ нѣкоторая часть по своемъ грѣхопаденіи сдѣлалась злыми духами, будучи по своему существу одной духовной природы, которая умирать не можетъ, грѣшатъ духовными грѣхами, которые продолжаются вѣчно и способны къ безконечному развитію. Вотъ почему грѣхъ діавола, возникшій разъ и не подавленный имъ, развивался постепенно и достигъ такой страшной степени зла, при которой сдѣлалось невозможнымъ обращеніе къ Богу. Кромѣ того, грѣхъ человѣка, будь онъ даже чисто духовнаго происхожденія (напр. зависть, гордость и т. п.), болѣзненными перемѣнами въ тѣлѣ, которыя являются какъ слѣдствіе его, и наконецъ, смертью ослабляется и не доходитъ до сатанинской степени зла; грѣхъ же діавола, не встрѣчая преградъ ни въ болѣзни, ни въ смерти, развивается до безконечности; для перваго возможно спасеніе, для второго—нѣтъ.

в) *Смерть есть величайшее дѣло милосердія и любви Божіей къ роду человѣческому.* Въ самомъ дѣлѣ, что сталось бы съ человѣкомъ, если бы онъ, не получивъ заслуженнаго имъ наказанія послѣ нарушенія заповѣди Божіей, оставался навсегда жить? Не повліяла ли бы на него самымъ гибельнымъ образомъ надежда на безнаказанность? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сталъ бы все смѣлѣе и смѣлѣе совершать грѣхи и, наконецъ, дошелъ бы до такой нравственной порчи, до такого возстанія и ожесточенія противъ Бога, до котораго ниспалъ нѣкогда свѣтлый, высокій, безплотный духъ, сдѣлавшись потомъ сатаною.

Но, получивъ въ свой удѣлъ болѣзни и смерть, какъ наказаніе за грѣхъ, человѣкъ смирился предъ Богомъ и призналъ надъ собою карающую десницу всемогущаго Творца.

Вмѣстѣ съ тѣмъ при краткой, хотя и грѣховной жизни, онъ не могъ дойти до такого нравственнаго паденія, которое сдѣлало бы для него невозможнымъ принять и усвоить ту спасительную помощь, которая ему нѣкогда будетъ подана премудрымъ и всеблагимъ Богомъ. Такимъ образомъ, смерть, какъ естественное наказаніе за грѣхи, тѣсно связана съ планами Божіими о спасеніи людей. Ея вступленіе въ историческую жизнь рода человѣческаго, происшедшее не по волѣ всеблагаго Бога и не составлявшее для людей естественнаго закона, сдѣлалось въ рукахъ премудраго Промысла, послѣ грѣхопаденія человѣка, самымъ сильнымъ средствомъ какъ къ уменьшенію количества грѣховъ, такъ и самымъ могущественнымъ препятствіемъ къ безконечному ихъ развитію (Рим. 6, 7) [1]).

8. Смерть — только метаморфоза. [2])

«Кто здѣсь страдалъ, боролся,
Какъ друга смерть ждетъ—
Она ему свободы
Святую вѣсть несетъ».

Всѣ мы со страхомъ относимся къ смерти, что доказывается и обычнымъ восклицаніемъ невольно вырывающимся у насъ при извѣстіи о чьей либо кончинѣ: „Ахъ, бѣдный, онъ умеръ!“ говоримъ мы, внутренно радуясь отъ сознанія, что „мы еще живы“, а тотъ „несчастный пересталъ жить“. Отъ умирающаго скрываютъ, что „часъ“ его насталъ; близкіе тщательно оберегаютъ его покой,

1) См. наше историко-богословское и философское изслѣдованіе: о приготовленіи рода человѣческаго къ принятію христіанства. Свящ. Гр. Дьяченко.

2) *Примѣчаніе составителя.* Помѣщаемая статья г-жи Сабуровой, отличаясь необыкновенною живостью изложенія, и вѣрная въ главныхъ чертахъ основнымъ пунктамъ христіанскаго ученія о смерти и загробномъ мірѣ, въ частностяхъ заключаетъ нѣкоторыя крайности спиритуалистическаго ученія, съ которыми невозможно согласиться. Таково ученіе объ астральномъ тѣлѣ души, получаемомъ тотчасъ по смерти души (вмѣсто прославленнаго тѣла послѣ всеобщаго воскресенія), таковы выраженія: экс-человѣкъ (вм. духъ усопшаго), духи миссіонеры (вм. ангелы-хранители) и пр. Необходимо имѣть это въ виду при чтеніи настоящей статьи.

неосторожнымъ словомъ боясь намекнуть на предстоящій его переходъ „туда“. Высшее наказаніе, налагаемое на преступника — „отнятіе у него жизни“.

Посмотримъ, насколько мы правильно относимся къ тому, что обойти не во власти нашей. Посмотримъ, не сами ли мы, — кто отъ страха вдумываться въ этотъ „ужасный вопросъ“, кто по легкомыслію,—добровольно отворачиваемся отъ „просвѣтовъ“, время отъ времени пропускающихъ, хотя и слабые, а все же лучи, сквозь густую „завѣсу“, отдѣляющую отъ глазъ нашихъ слѣдующую стадію нашего бытія, то-есть отъ „лучшаго міра“, о близости къ намъ котораго большинство изъ насъ и знать ничего не желаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться безпечности, съ какою почти всѣ мы относимся къ самому важному вопросу: жить или не жить послѣ смерти? Только тогда, когда ударъ судьбы отнимаетъ отъ насъ дорогое намъ существо, въ тоскѣ своей по немъ мы впервые начинаемъ задавать себѣ вопросы: „Гдѣ теперь онъ или она?.. И въ самомъ дѣлѣ, существуетъ-ли *нѣчто* за предѣлами гроба?.. Быть-можетъ, все кончено?.. И никогда, по всей вѣроятности, мы не увидимся?!. Но, впрочемъ, кто знаетъ, быть-можетъ, и не все со смертію кончается?.. А если не все здѣсь на землѣ кончается, если „душа“ переживаетъ тѣло свое, то какимъ путемъ убѣдиться въ безсмертіи, а главное въ томъ, что дорогое существо, продолжая жить, помнитъ насъ и тамъ?..“ И вотъ, начинается исканіе. И открывается истина тѣмъ, кто самъ идетъ ей навстрѣчу, зорко вглядываясь въ „лучи свѣта“, которыхъ вовсе не такъ мало, и не столь они рѣдки, какъ мы полагаемъ. Пусть искренніе искатели только постараются прислушиваться, присматриваться къ намекамъ, служащимъ доказательствомъ тѣсной связи того міра съ нашимъ. Чѣмъ зорче мы будемъ присматриваться, чѣмъ пристальнѣе станемъ прислушиваться къ этимъ намекамъ, тѣмъ скорѣе удастся намъ убѣдиться въ великой истинѣ того, что земля служитъ только первою ступенью къ индивидуализаціи нашего вѣчнаго *я*.

Въ поискахъ за истиной, прежде всего слѣдуетъ понять, что мы напрасно привыкли относиться слишкомъ метафизически къ „сути“ оживляющей нашъ бренный организмъ. „Суть“ эта вполнѣ *реальное* существо, одаренное формой и волей; но, принадлежа по своей крайне эѳирной вещественности [1]) къ предметамъ настолько тонкимъ, что они не могутъ быть уловимы нашими земными пятью ограниченными чувствами, она ускользаетъ отъ нашего зрѣнія, какъ и многое другое, чего мы не видимъ и не слышимъ, и что, тѣмъ не менѣе, существуетъ въ экономіи природы. „Суть“ эта *самостоятельно и болѣе полною жизнью живетъ* послѣ отпаденія съ нея грубо матеріальнаго тѣла, стѣснявшаго ея волю, ея движенія. Выдѣлившись изъ бренной оболочки, приспособленной только *влачить* свою жизнь, ползая по землѣ, „суть“ оказывается живущей въ иной степени бытія, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе полной, болѣе интенсивной, нежели земное ея существованіе.

Проникнувшись тѣмъ, что „суть“ реальное существо, имѣющее образъ и одаренное волей, мы не будемъ такъ скептически улыбаться, если намъ удастся видѣть ея проявленія въ тѣхъ случаяхъ, когда она найдетъ нужнымъ и возможнымъ такъ или иначе доказать намъ свою близость и тѣмъ дать полную увѣренность въ своемъ загробномъ существованіи, *въ чемъ, главнымъ образомъ, и состоитъ цѣль экс-человѣковъ* (т.-е. умершихъ людей), когда они видимо или осязательно проявляютъ намъ себя.

Во всѣ времена экс-человѣки являлись въ человѣческой формѣ. По *ихъ* увѣренію, они *могутъ* стать намъ иногда видимыми, употребляя на то правила своихъ законовъ, намъ, земнымъ, неизвѣстныхъ. Хотя экс-человѣки находятся съ нами въ постоянномъ общеніи [1]) мы, однако, ничего о ихъ близости не подозрѣваемъ, пока не наступитъ часъ видимаго доказательства тѣсной связи ихъ съ землей, по разнымъ причинамъ продолжающей ихъ притягивать.

Одни, по своей матеріальности, еще тяготѣютъ къ грубымъ ея радостямъ и не могутъ подняться до болѣе высокихъ, болѣе духовныхъ радостей, пока имъ еще недоступныхъ. Другихъ около насъ держитъ ихъ привязанность къ намъ. Лучшіе изъ нихъ, то-есть тѣ, кто „тамъ“ уже достигъ извѣстнаго духовнаго усовершенствованія, *получаютъ миссію* къ близкимъ своимъ, пока еще живущимъ на землѣ. Приведу примѣры, наглядно объясняющіе дивную метаморфозу, которую принято называть смертью.

Экс-человѣки, а также и сомнамбулы, говорятъ о тройственности нашего существа: 1) видимое, земное тѣло; 2) внутренній эѳирно-вещественный организмъ; 3) „духъ“— божественная безсмертная искра, *вѣчное начало*, оживляющее все существо. Съ отпаденіемъ грубо-матеріальнаго—видимаго намъ

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о безплотной душѣ и астральной (эѳирной) оболочкѣ ея, о чемъ мы оговорились въ примѣчаніи къ началу этой статьи (см. стр. 587-ю).

[1]) Преувеличеніе, ибо только по особому изволенію Божію бываютъ рѣдкіе случаи явленій умершихъ.
Прот. Г. Д—ко.

тѣла, внутренній эѳирный обликъ его остается,—говорятъ они, связаннымъ съ „духомъ", образуя по-прежнему его отличительную характеричность, составляя его индивидуальность, обособляя его *я*.

Надѣленные *особымъ*, внутреннимъ зрѣніемъ[1]) люди, которыхъ принято называть „медіумичными", или чуткими къ „сверхчувственному", иногда, видя больше, нежели большинство изъ насъ, наглядно убѣждаются въ превращеніи, происходящемъ въ существѣ человѣка въ моментъ смерти, когда внутренній духовный организмъ выдѣляется изъ умирающаго, отжившаго свой вѣкъ тѣла. Извѣстный ясновидецъ А. Дэвисъ (A. I. Davis) обладаетъ способностью самопроизвольно впадать въ трансъ (сомнамбулическій сонъ). Въ моментъ давно имъ ожидаемой смерти старушки, близко знакомой ему, погрузивъ себя въ трансовое состояніе, при которомъ человѣкъ получаетъ возможность видѣть „очами неземными", онъ могъ наблюдать за выдѣленіемъ изъ умирающаго тѣла парообразнаго вещества, вскорѣ сложившагося въ образъ, молодой и прелестный, хотя во всемъ схожій съ чертами лица умирающей старушки. Этотъ новый обликъ, полный жизни, постепенно выдѣлившись изъ бреннаго тѣла, еще держался за него тонкой свѣтовой струей. Съ послѣднимъ вздохомъ порвалась и эта послѣдняя связь неземного съ земнымъ[2]). Къ разсказу объ этомъ дивномъ видѣніи своемъ, Дэвисъ прилагаетъ рисунокъ: изъ темени умирающей выдѣлился молодой обликъ, ноги котораго какъ бы еще не вполнѣ образовались и сливаются съ *струей чего-то,* что еще соединено съ головой земного организма.

Издатель „Borderland'a" г. Стэдъ (Stead) печатаетъ въ своемъ журналѣ нѣсколько случаевъ *нагляднаго доказательства* выдѣленія „сути" въ моментъ отпаденія отъ нея земной ея „скорлупы". Вотъ одинъ изъ такихъ *случаевъ*:

„Это было письменно сообщено мнѣ одной моей знакомой писательницей, до той поры не имѣвшей никакихъ религіозныхъ убѣжденій. Сидя возлѣ кроватки умирающаго, нѣжно любимаго ею младенца, ея племянницы, она мысленно говорила себѣ: „если, въ самомъ дѣлѣ, въ человѣкѣ есть душа,—если дѣйствительно существуетъ „будущее",—да будетъ дано мнѣ увидѣть, *какъ* жизнь уходитъ изъ этого маленькаго, дорогого мнѣ существа!.." Ребенокъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ... Послѣдній вздохъ вырвался изъ его груди. Онъ былъ мертвъ. Но въ эту самую минуту пораженная удивленіемъ тетка его увидѣла, что сѣроватое, туманное облачко выдѣлилось изъ головы младенца и, постепенно принявъ форму и черты умершаго ребенка, этотъ болѣе нѣжный, болѣе эѳирный его обликъ, плавно поднявшись къ потолку, исчезъ изъ вида"[1]).

Письмо свое она закончила такъ: „повѣрите вы или не повѣрите моему разсказу, мнѣ это будетъ совершенно безразлично, такъ какъ *теперь я знаю, что у насъ есть душа*: я ее видѣла!"

М-ръ Стэдъ продолжаетъ:

А вотъ еще такой-же случай; о немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на митингѣ сообщила женщина-врачъ:

„Я знаю, что принято говорить: „я вѣрю въ продолженіе существованія за гробомъ"... Что касается меня, то я *видѣла* „душу", отдѣлившуюся въ минуту смерти отъ своего тѣла!"[2]).

Эти слова были встрѣчены сомнѣніями; но она спокойно и увѣренно продолжала:

„Не такъ давно въ мое лѣчебное заведеніе привезенъ былъ совершенно мнѣ незнакомый человѣкъ, недугъ котораго настолько уже подточилъ его организмъ, что я сразу рѣшила, что нѣтъ ни малѣйшей возможности излѣчить его. Протянувъ еще день-другой, больной угасалъ на моихъ глазахъ, пока я стояла возлѣ его кровати, погруженная въ тяжелыя думы единственно только о томъ, что я не въ силахъ ничѣмъ помочь несчастному.

Когда все кончилось и послѣдній вздохъ вылетѣлъ изъ груди умершаго, я еще простояла нѣсколько минутъ у его койки, размышляя о томъ, что слѣдовало бы увѣдомить его родныхъ о его кончинѣ, какъ вдругъ почувствовала чье-то присутствіе возлѣ себя. Обернувшись въ сторону этого ощущенія, я была поражена какъ бы громовымъ ударомъ, увидя рядомъ со мной стоящее совершенное подобіе только-что умершаго человѣка. Обликъ этотъ какъ бы не замѣчалъ меня. Онъ смотрѣлъ на свой трупъ съ выраженіемъ недоумѣнія, удивленія и какъ бы досады. Я тоже повернулась къ трупу, глядя на безучастное, тупое выраженіе его лица. Затѣмъ опять посмотрѣла въ сторону двойника, но

[1]) Намъ всѣмъ это зрѣніе присуще, но у большинства оно находится въ скрытомъ состояніи, т.-е. не проявляетъ себя при «соматеріальномъ», земномъ состояніи человѣка.

[2]) «The Magic Staff» A. I. Davis, стр. 349, и болѣе подробное описаніе въ его же «Great Harmonia», часть I, стр. 163.

[1]) Иконы (православной церкви) Успенія Божіей Матери, гдѣ душа Богоматери изображена въ видѣ младенца на рукахъ Спасителя, въ извѣстной степени, и только въ извѣстной, дѣлаютъ это предположеніе до нѣкоторой степени правдоподобнымъ. *Г. Д—ко.*

[2]) Замѣтимъ, что нѣкоторые святые, напр. Антоній Великій и др., удостоивались видѣть въ чувственномъ образѣ души умирающихъ. (См. разсказы въ началѣ этой главы). *Прот. Г. Д—ко.*

его уже не было; тѣмъ не менѣе, теперь я знаю, что видѣла „душу" человѣка!"

Ближайшіе слушатели разсказа, женщины-врачи, примолкли на нѣсколько минутъ. Затѣмъ одна изъ нихъ презрительно улыбнулась и, обращаясь къ разсказчицѣ, сказала:

„Вы, надо полагать, спиритуалистка,—не такъ-ли?"

Въ отвѣтъ ей она сказала:

„Нѣтъ, я не спиритуалистка. Но съ того момента, какъ я своими глазами узрѣла „душу", жизнь получила для меня совершенно новый смыслъ и значеніе".

Далѣе г. Стэдъ приводитъ еще слѣдующій разсказъ г-жи С., мужъ которой недавно умеръ:

„Въ апрѣлѣ удушье еще болѣе усилилось, и положеніе больного моего настолько внушало опасеніе за его жизнь, что я не ложилась спать, проведя ночь около его постели. Однако, къ полуночи онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Взбивъ его подушки повыше, я помогла ему улечься, послѣ чего онъ крѣпко заснулъ почти-что въ сидячемъ положеніи, а я усѣлась въ отдаленной отъ его кровати части комнаты, тщательно спустила абажуръ на лампу и принялась за книгу, время отъ времени отрываясь отъ чтенія, наблюдая за каждымъ движеніемъ моего мужа.

„Такимъ образомъ я просидѣла до разсвѣта. Мой дорогой страдалецъ продолжалъ спать спокойно, какъ дитя. Потушивъ лампу, я потихоньку, на цыпочкахъ, вышла изъ комнаты, чтобы кое-чѣмъ распорядиться по хозяйству. Вскорѣ, вернувшись, я была поражена страннымъ положеніемъ больного, скатившагося съ подушекъ и плашмя лежащаго на матрацѣ. Ощупавъ сердце и пульсъ, я убѣдилась, что они перестали биться, и что наступила смерть... Въ сильномъ горѣ я металась по комнатѣ, громко говоря: „о, дорогой мой! Какъ могъ ты покинуть меня, не сказавъ мнѣ ни единаго слова?"... Еще не вполнѣ вѣря его смерти, я обращалась къ нему, какъ къ живому, бросаясь то сюда, то туда. Дойдя, однажды, до окна, я повернулась въ глубь комнаты и, о удивленіе!—немного выше головы безжизненнаго тѣла, я ясно увидѣла,—что-бы вы думали?—радостно смотрѣвшій на меня и полный жизни другой обликъ моего умершаго дорогого друга, но напоминавшій лучшіе годы его молодости, только несравненно красивѣе, живѣе и сіяющій теперь неземнымъ восторгомъ. Онъ казался просвѣтленнымъ!.. Находясь приблизительно на пятнадцати дюймахъ разстоянія отъ головы умершаго, этотъ живой обликъ соединялся съ этой теперь безжизненной головой, какъ бы вырастая изъ нея. Изумленная, но не испуганная явленіемъ, я ни на секунду не теряла присутствія духа и только спрашивала себя:—„Не иллюзія-ли это? Быть-можетъ, это галлюцинація?.. Я хочу знать, правда-ли это или только обманъ чувствъ?" Съ этою цѣлью я подошла къ окну, открыла его и посмотрѣла на улицу; затѣмъ опять повернулась въ сторону кровати... И опять увидѣла дорогое, радостью сіяющее лицо, съ устремленнымъ на меня спокойнымъ взоромъ, полнымъ выраженія удовлетворенности, доходящей до восторженнаго, священнаго экстаза".

„Повѣрите ли вы, если я скажу, что и тутъ я все еще продолжала сомнѣваться: трогала свой пульсъ, подходила къ безжизненному тѣлу, все еще спрашивая себя — не жертва ли я собственнаго воображенія?.. Но, куда бы я ни шла, эти глаза слѣдовали за мной и въ выраженіи любимаго лица, столь мнѣ знакомаго, я читала:—„Вотъ видишь—смерть не уничтожаетъ сознанія! Я все тотъ же и все такъ же люблю тебя!"

„Получивъ, наконецъ, полную увѣренность, меня охватилъ избытокъ чувства благодарности, душевнаго подъема и успокоенія, вслѣдствіе совершеннаго теперь убѣжденія въ томъ, что я, дѣйствительно, видѣла „душу" моего мужа, и въ томъ, что онъ получилъ право и возможность разсѣять мои сомнѣнія. Отъ полноты сердца уста мои заговорили, и я воскликнула: „дорогой мой, я вижу, я узнаю тебя! Смерти нѣтъ! Спасибо тебѣ, что ты не безъ привѣта оставляешь меня!.. Уходи теперь и жди меня *тамъ*".

„По выраженію ласки, озарившей этотъ одухотворенный ликъ, я видѣла, что онъ меня слышитъ. Но постепенно, какъ бы тая, обликъ исчезъ, и я вернулась къ сознанію дѣйствительности и пошла дѣлать распоряженія, объявивъ прислугѣ о кончинѣ хозяина дома. Возвратясь въ комнату, я увидѣла, что теперь передо мной лежалъ только бездыханный трупъ".

Такія очевидныя доказательства выхода „сути" изъ своей земной оболочки должны служить средствомъ отучать насъ отъ ложнаго страха смерти, открывая намъ совершенно иное, *правильное пониманіе* этого дивнаго превращенія, совершающагося въ свое время въ существѣ каждаго изъ насъ. Не съ ужасомъ, а *съ любовію* должны мы думать о моментѣ перехода нашего въ загробную жизнь. И, въ самомъ дѣлѣ, „тамъ" нѣтъ ни холода, ни голода, ни физическихъ болѣзней, ни всякаго рода разочарованій, ни разлуки: все это только землѣ присущія достоянія; тамъ, по изображенію св. ап. Павла, уготованы всѣмъ святымъ столь великія блаженства, что око не видѣло, ухо не

слышало, и на сердце не приходило то, что уготовалъ Богъ любящимъ Его. Чего же въ сущности боимся мы? Мы боимся неизвѣстности, часто вовсе не вѣря въ существованіе продолженія жизни послѣ смерти бреннаго тѣла. *Насъ страшитъ небытіе.* Во всѣхъ насъ вложена любовь къ жизни, а поэтому смерть, въ моментъ которой мы въ большинствѣ случаевъ наглядно не можемъ уловить разъединеніе души съ тѣломъ, *представляется намъ концомъ* всего нашего существа.

Но вотъ являются вѣскіе *факты* проявленій, доказывающіе, что, помимо видимаго намъ міра, дѣйствительно существуетъ, и совсѣмъ рядомъ съ нами, иная сфера бытія, неуловимая нашими органами чувствъ, но которая, время отъ времени, *врывается* въ нашу область, съ цѣлью напомнить намъ о томъ, что жизнь наша безконечна и что она, послѣ совершившейся въ существѣ нашемъ *перемѣны*, продолжается, но уже въ болѣе усовершенствованныхъ условіяхъ бытія.

Доказательства эти даются намъ различными путями, но всѣ эти пути исходятъ изъ одной и той же области, обитатели которой, время отъ времени и при удобныхъ къ тому условіяхъ, стараются намъ, погруженнымъ въ матеріальномъ мракѣ понятій о вещахъ, напоминать о лучшемъ мірѣ, гражданами котораго неминуемо станемъ и мы.

Одинъ изъ *просвѣтовъ*, дающій намъ средство заглянуть „туда", это сомнамбулизмъ. Въ сущности, человѣкъ представляетъ изъ себя, вѣдь, такого же „духа", какъ и обитатель лучшаго міра, съ тою только разницею, что мы еще *отягчены* своей грубо матеріальной скорлупой. Тѣ изъ насъ, которые обладаютъ свойствомъ засыпать „высшимъ сномъ", т.-е. сномъ сомнамбулическимъ или трансовымъ (что одно и то же), въ *этомъ* состояніи настолько, отчасти, „духомъ" своимъ находятся на рубежѣ слѣдующей, *внѣ матеріальной* стадіи бытія, что въ это время какъ-бы омертвѣнія тѣла они получаютъ возможность кое-что видѣть и кое-что слышать въ области сверхземной, о чемъ они иногда говорятъ въ сонномъ своемъ состояніи. *На рубежѣ двухъ міровъ* сомнамбулы находятся потому, что, вслѣдствіе глубокаго обморока [1]), ихъ тѣло, находясь въ состояніи близкомъ къ полусмерти, до извѣстной степени, даетъ временную свободу „духу", который тогда можетъ слышать и видѣть *кое-что* въ области сверхземной. Находясь въ такомъ состояніи раздвоенія, человѣкъ-сомнамбулъ иногда дѣлается ясновидящимъ и яснослышащимъ. Смотря по меньшей или большей его способности впадать въ состояніе „абматеріальное" (по терминологіи д-ра Жибье), т.-е. смотря по степени временнаго отдѣленія „сути" сомнамбула отъ своего земного, грубо матеріальнаго тѣла, онъ находится въ бóльшемъ или меньшемъ соприкосновеніи съ *инымъ* міромъ. Нѣкоторые сомнамбулы видятъ только земные, сокрытые отъ большинства людей, предметы, напр., могутъ опредѣлить гнѣздящуюся въ человѣкѣ болѣзнь и иногда давать средства противъ недуговъ, какъ-бы получая высшее знаніе вещей. Нѣкоторые могутъ „сутью" переноситься на большія разстоянія и, видя, что тамъ происходитъ, давать намъ вѣсти о далекихъ нашихъ друзьяхъ, письма которыхъ вскорѣ *подтверждаютъ* сказанное сомнамбуломъ во время оцѣпенѣнія его тѣла. Иные говорятъ *отъ себя*, видя много больше духовными очами. Во время сомнамбулическаго усыпленія человѣкъ становится *выше* своего нормальнаго состоянія; нерѣдко онъ тогда говоритъ, а иногда и пишетъ (медіумы) о вещахъ, неизвѣстныхъ ни ему самому, ни присутствующимъ людямъ, а потому о „внушеніи" ему мыслей окружающими его личностями не можетъ быть и рѣчи. Всѣ экспериментаторы этой интереснѣйшей области „духа" человѣческаго [1]) непремѣнно натыкаются на *двойственность человѣческаго существа*, на основаніи которой они основываютъ выводы свои о вѣчности человѣческаго „духа" и о его существованіи отдѣльно отъ земного тѣла, послѣ смерти сего послѣдняго.

Разоблаченія сомнамбуловъ въ главныхъ чертахъ всѣ сходятся между собой, но каждый субъектъ говоритъ своимъ языкомъ, своими словами и насколько каждому доступно выразить видѣнное и слышанное ими въ сверхземной сферѣ. Передать вполнѣ точно касающееся неземныхъ вещей имъ бываетъ трудно, что, впрочемъ, не должно удивлять насъ, если мы понимаемъ, что наши слова могутъ выразить только земныя вещи, земныя чувствованія, для которыхъ слова эти только и приспособлены.

Вотъ, для примѣра, бесѣда съ сомнамбуломъ:

„*Случай видѣнія духовнаго міра*" (переводъ съ нѣмецкаго). Авторъ статьи пасторъ Вернеръ (Werner). Разговоръ происходитъ между нимъ и его субъектомъ Р. [2]).

Вернеръ. Вы говорите, что магнитическій сонъ близокъ смерти или схожъ съ нею. Можете-ли объяснить мнѣ, что общаго между ними?

[1]) Слово «обморокъ» достаточно говоритъ о состояніи *обмиранія* человѣка.

[1]) Изъ числа ихъ назовемъ: д-ра Кёрнера, д-ра Жибье, барона Гелленбаха, дю-Преля.

[2]) Статья написана въ 1847 г., Вернеръ въ то время былъ пасторомъ въ мѣстечкѣ Beckelsberg-Stulz на Рейнѣ.

Р. „Могу. Магнитическій сонъ тѣмъ подобенъ смерти, что „душа“ выходитъ изъ тѣла совершенно одинаковымъ способомъ. Какъ это совершается, я не могу сейчасъ точно объяснить вамъ. Могу только картинно представить свои ощущенія. Въ моемъ *теперешнемъ* состояніи я отношусь къ тѣлу моему, какъ къ *жилищу души*, въ окна котораго, при бодрственномъ, нормальномъ состояніи, я могу выглядывать то въ одно, то въ другое его окно. Въ сомнамбулическомъ состояніи чувствую, что душа моя *вышла* изъ „дому“ и за собой притворила дверь своего обиталища; поэтому я теперь вижу васъ и тѣло свое такъ, какъ третье лицо видитъ группу лицъ, постороннюю отъ себя. Стою по вашу лѣвую сторону и смотрю на васъ и на свое собственное тѣло, сознавая себя отдѣльнымъ существомъ отъ васъ и отъ него“.

В. Развѣ послѣ смерти это такъ бываетъ?

Р. „Совершенно такъ. Разница только въ томъ, что тогда возвращеніе въ тѣло уже невозможно: „дверь“ совсѣмъ закрыта. Но такъ какъ „духъ“ никогда не обходится безъ „души“, бывъ съ нею связанъ на подобіе души съ тѣломъ, то вполнѣ *возстать* онъ безъ нея не можетъ... А „душа“ не такъ легко отдѣляется отъ тѣла, какъ „духъ“, который по существу своему божественъ; только вслѣдствіе усилій „душа“ оставляетъ тѣло, имѣя съ нимъ много сродственнаго. *Любя* тѣло, *тяготѣя* къ нему, она, покидая его, уноситъ за собой его свойства (не всегда возвышеннаго качества), потому что свойства эти сжились, сроднились, срослись съ нею во-едино, составляя какъ бы одно съ нею“.

В. А не можете ли вы объяснить, какимъ образомъ духъ и душа связаны съ тѣломъ?

Р. „Постараюсь. Душа—это *внутреннее чувствилище* человѣка. Посредствомъ ея духъ выражаетъ свою дѣятельность. Онъ даетъ ей импульсъ, чтобы внѣшнимъ образомъ она выразила его проявленія: но для того, чтобы душа могла наружными органами проявить дѣйствіе духа, необходимо *нѣчто*, что служитъ проводникомъ, приводящимъ въ движеніе тѣло и придающимъ ему жизненность. Это очень тонкое вещество, составляющее часть души; оно вмѣстѣ съ нею пропитываетъ и наполняетъ всѣ самыя мельчайшія частицы земного тѣла и служитъ связью ея съ нимъ“.

В. Не есть ли это такъ-называемая „нерво-психическая сила“?

Р. „По мысли это вѣрно. Это то, что тѣлу даетъ жизненность и силу для дѣйствія. Но не въ имени дѣло“.

В. Куда же послѣ смерти человѣка дѣвается эта „нерво-психическая“ сила?

Р. „Исходя изъ самой сути души, сила эта, вслѣдствіе ея постояннаго воздѣйствія на тѣло и близкаго къ нему соприкосновенія, болѣе сродственна становится тѣлу. Она служитъ средствомъ для внѣшняго выраженія побужденій „души“ черезъ органы тѣла. Когда душа покидаетъ тѣло, это тонкое вещество слѣдуетъ за ней. Если бы оно оставалось въ тѣлѣ, это послѣднее сохраняло бы свою жизненность, несмотря на то, что душа его оставила [1]). Примѣромъ тому служитъ теперешнее состояніе моего земного тѣла. Послѣ смерти тѣла „*нерво-психическая сила*“ постепенно теряетъ свою грубость, почерпнутую ею изъ матеріальнаго организма, и, наконецъ, она совсѣмъ *изнашивается* душой, предназначеніемъ имѣющая окончательно и всецѣло слиться съ духомъ, достигнувъ одинаковаго съ нимъ просвѣтленія“.

В. Но зачѣмъ же силѣ этой оставаться при душѣ?.. Какую обязанность исполняетъ она послѣ смерти тѣла?..

Р. „Она продолжаетъ составлять принадлежность души и, хотя несравненно тяжелѣе и грубѣе ея, а все же она не поддается земному зрѣнію нашему. По переходѣ въ новое свое состояніе, душа вѣдь не сейчасъ же можетъ освободиться отъ этой грубоватой частицы своей: каждая душа съ собой захватываетъ долю земныхъ своихъ свойствъ и стремленій, почему этой нерво-психической силой влечется, придерживается къ покинутой землѣ. Души, еще очень земныя, любятъ облекаться въ нерво-психическую силу и посредствомъ ея придаютъ себѣ нѣкоторую матеріальность. При помощи только вещественной субстанціи онѣ могутъ *сдѣлать себя видимыми, слышимыми* для обитателей земли. Посредствомъ этой силы онѣ производятъ и звуки въ земной атмосферѣ“.

Умирая, человѣкъ уже не страдаетъ, потому что главные пункты соединенія тѣла съ душой порваны предсмертной болѣзнью; подергиванія въ лицѣ и членахъ тѣла происходятъ вслѣдствіе *стараній духа выдѣлиться* изъ своей земной скорлупы, которая при этомъ *машинально* содрогается, на подобіе того, какъ вздрагиваетъ и ежится отжившая шкурка червяка тогда, когда она *стаскивается живою ея содержимостью,* готовящеюся выскользнуть изъ этой уже омертвѣвшей оболочки, *дававшей ей образъ червяка,* и покинувъ которую, тотъ же

[1]) Полагать надо, что частица, хотя и малая, этой *жизненной силы* все же остается въ трупѣ, судя по тому, что, пока онъ еще не разложился, въ немъ продолжаетъ дѣйствовать растительная жизнь: ногти, а также и волосы на бритомъ лицѣ находятъ немного выросшими на трупахъ, почему-либо вырытыхъ черезъ нѣкоторое время послѣ погребенія ихъ.

субъектъ является въ новой формѣ, въ образѣ кокона, унесшаго съ собою „жизнь". Съ окончательнымъ уходомъ изъ нея *жизни*, шкурка червяка перестаетъ шевелиться, такъ какъ въ движеніе приводило ее то, что изъ нея вылупилось.

Превращеніе червяка въ коконъ, а затѣмъ кокона въ бабочку, конечно, только *слабое подобіе великой метаморфозы*, превращающей земное существо въ эксъ-земное, а все же это *намекъ*, служащій намъ нагляднымъ доказательствомъ того, что, съ перемѣной въ оболочкѣ, индивидуальная жизнь не прекращается. Все живущее на землѣ проходитъ рядъ превращеній, изъ которыхъ смерть есть высшая и послѣдняя метаморфоза, совершающаяся въ предѣлахъ земной области. Дальнѣйшія перемѣны продолжаютъ совершаться въ индивидѣ уже за гранью намъ доступнаго и служатъ къ большей и большей одухотворяемости человѣка, получившаго жизнь для достиженія полнаго блаженства, но посредствомъ собственныхъ о томъ стараній на землѣ, при условіи живой вѣры въ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, надежды на Него и пламенной любви къ Нему и нашимъ ближнимъ, а также при условіи живого единенія съ православной церковью Христовою.

Итакъ, нормальный процессъ превращенія человѣка въ эксъ-человѣка совершается безболѣзненно, но при насильственной смерти или при смерти отъ утопленія, когда болѣзнь не подточила связи тѣла съ душой, *разрывъ* между ними, по крайней мѣрѣ, въ моментъ, предшествующій наступленію смерти, долженъ сопровождаться страшными муками, конечно, тѣла, а не души, такъ какъ душа физическихъ болей испытывать не можетъ.

Событія, совершающіяся въ средѣ людей, не понимающихъ всего величія явленія, особенно знаменательны, когда дѣйствующими орудіями являются маленькія дѣти, какъ, напримѣръ, и слѣдующій случай, происшедшій въ средѣ уже совсѣмъ безграмотныхъ людей.

Въ 1892 году, въ числѣ нашей деревенской прислуги жила нѣкая Анна Стузина, при которой находился ея сынъ Коля, которому еще не было четырехъ лѣтъ. На Аннѣ, молодой и здоровой крестьянкѣ, лежала вся черная работа въ домѣ, и жила она въ одномъ помѣщеніи съ кухаркой, Макаровной, полюбившей Колю и всегда разсказывавшей мнѣ о томъ, какъ онъ „не по годамъ смышленъ". Изъ этихъ разсказовъ вытекало, что большеглазый, съ пухлыми розовыми щечками Колюшка былъ преисполненъ „житейскою мудростью" и, несмотря на свой нѣжный возрастъ, умѣлъ уже хитрить, льстить, когда это ему было нужно. Чтобы выманить сладкій кусочекъ, онъ, ласкаясь, шепталъ кухаркѣ: „Макавна, я маму не люблю! Я люблю тебя!" И сердце бездѣтной Макаровны таяло, и передъ мальчикомъ, очень склоннымъ, вообще, къ чрезмѣрной ѣдѣ, являлась чашка съ творогомъ или кусочекъ жаренаго мяса. То же самое продѣлывалъ Коля и съ матерью: когда хотѣлъ у нея выманить что-либо, то цѣловалъ ее, увѣряя, что „Макавна не холосая, а мама холосая", и что онъ ее, маму, одну только и любитъ.

Все это я разсказываю для характеристики Коли. Любуясь, бывало, на здороваго, красиваго ребенка, мнѣ думалось: „этотъ долго проживетъ! *Такія* дѣти не умираютъ — это комочекъ ходячей матеріи!" А на дѣлѣ вышло, что Колюшка, проболѣвъ только одну недѣлю, въ ту же осень перешелъ въ иной, лучшій міръ. Сначала болѣзнь казалась не опасною, но Анна, не послушавъ моего совѣта, позволила сыну, скучавшему въ постели, итти играть въ кухню, гдѣ полъ каменный и холодный, и наружная дверь безпрестанно оставалась неплотно затворенною, пропуская свѣжій воздухъ съ улицы, и ребенокъ еще болѣе простудился и окончательно слегъ, заболѣвъ горломъ. За два дня до смерти своей Коля сказалъ своей матери: „вонъ *дуса*, видись, мама!" — Гдѣ, сынокъ?.. Какая душа? — спрашиваетъ удивленная Анна. „А вонъ летаетъ!.. *Она* изъ насихъ — я ее не боюсь!" — отвѣчаетъ Коля и пальцемъ указываетъ къ потолку.

Услыша отъ Макаровны о видѣніи маленькаго больного, я велѣла Аннѣ еще разъ спросить Колю объ этой „душѣ", а сама встала за дверью, такъ что Коля меня видѣть не могъ, а я сквозь щель двери могла за нимъ наблюдать.

Анна, ставшая теперь ласковѣе къ своему ребенку, прилегла къ нему на свою большую кровать, гдѣ онъ лежалъ, и, поглаживая его, спросила: „сыночекъ! душа-то все еще тутъ?" — „Нѣтъ, она улетѣла!" отвѣчалъ Коля; но вдругъ мальчикъ улыбнулся и, указывая пальчикомъ вверхъ, радостно воскликнулъ: „А вотъ, она опять прилетѣла! Она холосая!.. Видись, мама?"

Является вопросъ, откуда могъ Колюшка почерпнуть мысль о летающей надъ нимъ душѣ?!.. А также и о томъ, что *„она изъ нашихъ*, то-есть, что это *не чужое, а близкое къ ихъ семьѣ* существо?!.. Ужъ, конечно, ни Анна, ни Макаровна не могли внушить ему понятія о летающей душѣ, такъ какъ ни та, ни другая религіозностью не отличались, и мальчикъ отъ нихъ могъ научиться только браннымъ словамъ, которыми эти женщины, обѣ задорнаго характера, другъ друга частенько угощали, ссорясь изъ-за

самыхъ ничтожныхъ причинъ... и вдругъ — такое видѣніе!.. Ребенокъ этотъ цѣлыми часами занятъ былъ ѣдой; мать, которая имъ тяготилась, была довольна, когда Коля, удобно усѣвшись на низенькую скамеечку у стѣны въ кухнѣ, всецѣло погружался въ поглощеніе большой порціи каши съ молокомъ. Поэтому, когда мальчику явился *свѣтлый посланникъ, получившій*, какъ надо думать, *порученіе* присутствовать при пробужденіи Коли въ ихъ мірѣ, для меня стало ясно, что ребенокъ непремѣнно умретъ.

Въ слѣдующемъ проявленіи одной недавно умершей особенно ясно видна намѣченная цѣль — покинутому на землѣ мужу ея дать вѣское доказательство того, что она продолжаетъ существовать, и что проявилась *именно она*. Въ 1874 г., въ Парижѣ умерла сестра моего мужа, Екатерина Андреевна Ш — ская. Въ то время въ нашемъ губернскомъ городѣ Симбирскѣ проживала одинокая старушка, г-жа Узатисъ, пользующаяся покровительствомъ и нѣкоторою помощью со стороны гг. Ш — скихъ, но, по слабости зрѣнія, а главное — по плохой своей грамотности, не бывшая съ ними въ перепискѣ и потому не знавшая о только-что случившейся кончинѣ г-жи Ш — ской.

Однажды, въ сумерки, г-жа Узатисъ видитъ кого-то, входящаго къ ней въ комнату. — „Это ты, Ариша?“ — спросила она, думая, что это пришла женщина, прислуживавшая ей, но, не получая отвѣта, старушка стала вглядываться въ подвигающуюся къ ней ближе особу и, узнавъ вошедшую, пошла ей навстрѣчу, радостно воскликнувъ: — „Голубушка моя, Екатерина Андреевна, давно ли вы пріѣхали?!...“ — Но та, къ которой относились эти слова, попятилась немного назадъ отъ распростертыхъ объятій старушки, почти касавшихся ея, и вдругъ исчезла. Видѣніе свое г-жа Узатисъ тогда же разсказала нѣскольким лицамъ, описывая, въ какомъ костюмѣ ей „почудилась“ Е. К. Ш — ская:

...„Широкій, распашной сѣрый капотъ, отдѣланный малиновымъ... На головѣ бѣлый чепчикъ...“

Нѣсколько времени спустя, мужъ покойной, имѣя помѣстье въ нашей губерніи, проѣздомъ черезъ Симбирскъ, навѣстилъ г-жу Узатисъ. Когда она стала ему разсказывать о томъ, что, не зная еще о смерти его покойной жены, она видѣла Е. А. вошедшею въ комнату, гдѣ никого, кромѣ самой г-жи Узатисъ, не было, и стала описывать одѣяніе покойной, Ш — скій рѣзко остановилъ старушку:

„Тутъ, во всякомъ случаѣ, не все вѣрно! — сказалъ онъ. — Правда, покойную одѣли въ сѣрый шелковый капотъ, дѣйствительно, отдѣланный малиновымъ, который я, по ея желанію, готовымъ купилъ ей незадолго до ея кончины, но она носила его всегда съ кушакомъ, купленнымъ при капотѣ, и умершая была имъ, конечно, подпоясана. Если предположить, что, дѣйствительно, это она вамъ явилась въ томъ именно одѣяніи, въ которомъ ее положили въ гробъ (чепецъ тюлевый, дѣйствительно, былъ на нее надѣтъ), то на ней непремѣнно долженъ бы быть и кушакъ!..“

— „Ужъ не знаю, почему она явилась мнѣ безъ кушака, но я видѣла ее въ капотѣ, который не былъ подпоясанъ и широко развѣвался на ней!“ — стояла на своемъ г-жа Узатисъ.

По возвращеніи въ Петербургъ къ своей осиротѣвшей семьѣ, переѣхавшей туда послѣ кончины матери, г-нъ Ш — скій, котораго все-таки поразило то, что его покойная жена показалась въ томъ, приблизительно, костюмѣ, въ который ее одѣли уже мертвую, обратился къ горничной, бывшей при Е. А. до самой послѣдней минуты ея жизни:

„Дуняша, капотъ, въ который ты одѣла покойную, имѣлъ кушакъ, и ты имъ, вѣдь, подпоясала ее, — не такъ ли?“ спросилъ онъ.

Немного оторопѣвъ, Дуняша отвѣчала:

— „Да, — кушакъ, дѣйствительно, былъ... Но... я забыла надѣть его на Е. А... Я была такъ растеряна, что позабыла о кушакѣ... Пожалуйста, простите меня!“

— „Гдѣ же этотъ кушакъ?!“ болѣе и болѣе удивленный, спросилъ г. Ш — скій.

Дуняша пошла въ комнату, гдѣ хранились сундуки съ вещами, и принесла именно тотъ малиновый шелковый шнуръ съ кистями, составлявшій принадлежность достаточно хорошо знакомаго г-ну Ш—му капота, пріобрѣтеннаго имъ самимъ, по желанію уже почти умирающей жены, вдругъ пожелавшей имѣть новое платье, временно почувствовавъ нѣкоторое улучшеніе, какъ это бываетъ съ чахоточными.

Въ то время я была въ Петербургѣ и разсказъ этотъ слышала отъ самого г. Ш., находившагося тогда подъ первымъ впечатлѣніемъ этого факта, сильно поразившаго его.

Подробности туалета въ этомъ случаѣ имѣютъ огромное значеніе. Явись Е. А. Ш — ская въ какомъ-либо знакомомъ г-жѣ Узатисъ платьѣ, г. Ш. могъ бы подумать, что старушка заснула и во снѣ видѣла его покойную жену. Но въ томъ-то и дѣло, что о *сѣраго цвѣта капотѣ, именно распашного фасона,* и, главное, объ отсутствіи кушака г-жа Узатисъ ничего не знала. Эти детали туалета проявившейся г-жи Ш. послужили вѣрнымъ доказательствомъ (дали

„*test*“, какъ выражаются англичане) появленія именно этой отшедшей. „Кушакъ“, какъ ничтоженъ онъ ни былъ самъ по себѣ, *сыгралъ большую роль* въ жизни г. Ш., взгляды котораго внезапно получили другой оборотъ, и умеръ онъ, вполнѣ вѣря, что индивидуальная жизнь не имѣетъ предѣла.

Кстати упомяну о томъ, что за нѣсколько дней до своей кончины г. Ш. предсказалъ день и часъ своего перехода въ иной міръ, объясняя это тѣмъ, что его „Катя“ обѣщала ему (онъ видѣлъ ее во снѣ) за нимъ прійти именно тогда-то; и что, по видимому, покойная исполнила свое обѣщаніе, потому что, радостно произнеся ея имя, умирающій испустилъ свой послѣдній вздохъ.

Для тѣхъ, кто живетъ внѣшнею жизнью, кто исключительно занятъ обыденными предметами, *все это* покажется „чепухой“, на которой не стоитъ останавливаться ни единой секунды. Пусть они такъ думаютъ до поры, до времени. Настанетъ и для нихъ „часъ“, когда мысли ихъ примутъ *болѣе духовный оборотъ*, и они перестанутъ считать „вздоромъ“ все то, что не относится исключительно къ вопросамъ о хлѣбѣ насущномъ и о земномъ благополучіи.

Прочитавъ о явленіи покойной Е. А. Ш—ской, читатели въ правѣ возразить.

„Почему же, вмѣсто того, чтобы проявиться старушкѣ Узатисъ, она не показала себя своему мужу, самому ей близкому человѣку на землѣ?.. Почему не дѣтямъ своимъ?..“

Всѣхъ условій своей сферы бывшіе эксъ-человѣки не открываютъ намъ, такъ какъ *многое должно оставаться тайной для насъ*, говорятъ они. Однако, изъ того, что имъ *дозволено* сообщать намъ, мы знаемъ, что стать видимыми они могутъ только тѣмъ изъ насъ, кто одаренъ способностью, которую мы называемъ медіумичностью, т.-е. той особой чуткостью, дающей возможность улавливать или воспринимать проявленія эксъ-человѣковъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что покойная Е. А. Ш—ская имѣла самое горячее желаніе показать себя своему мужу, и что цѣль ея проявленія имѣла намѣреніемъ именно, такъ или иначе, да подѣйствовать на сознаніе г. Ш., но что на него, *не одареннаго* способностью чуять присутствіе неземныхъ существъ, она не имѣла возможности, *не въ силахъ была прямо воздѣйствовать*, а потому *избрала иной путь*, явившись г-жѣ Узатисъ, обладающей даромъ воспринимать проявленія „оттуда“, и такимъ путемъ, хотя бы косвеннымъ образомъ, заявить ему о себѣ и объ иной жизни.

Что до того, почему Е. А. не показала себя своимъ дѣтямъ, то, вѣдь, она не хуже насъ понимала, насколько дѣтскимъ разсказамъ, вообще, мало придаютъ значенія, не довѣряя ихъ правдивости. Покажись она своимъ дѣтямъ, старшіе сказали бы, что „это имъ почудилось“, и строго запретили бы имъ повторять „такой вздоръ“, боясь, чтобы „воображеніе дѣтей не растроило нервы ихъ“ и, вообще, не подѣйствовало бы на ихъ здоровье.

Проявленія сенситивности и связанныхъ съ нею фактовъ ясновидѣнія въ средѣ безграмотныхъ людей, *торжественностью своихъ откровеній*, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ явленій, по временамъ врывающихся въ нашу тусклую земную область, чтобы напомнить намъ о существованіи рядомъ съ нами страны, гдѣ все повинуется закону любви, въ высшемъ ея значеніи.

Село Шишмарево [1]), тянущееся вдоль узенькой рѣчки, на протяженіи четырехъ верстъ, недавно еще принадлежало моимъ родственникамъ Б—мъ. Въ сторонѣ отъ крестьянскихъ домовъ, на окраинѣ села, въ кельѣ своей, жила Матрена Ильинишна, престарѣлая крестьянка, съ юныхъ лѣтъ добровольно отказавшаяся отъ замужества, посвятивъ себя служенію своей семьѣ. Впослѣдствіи, похоронивъ всѣхъ своихъ близкихъ, она стала заботиться о томъ, какъ бы всякому постороннему быть въ помощь. Добрыя дѣла ея стали извѣстны, такъ какъ въ деревнѣ трудно скрыть ихъ. Сначала къ ней за совѣтомъ приходили изъ окрестныхъ селъ и деревень, а потомъ стали пріѣзжать и издалека. И не одни простые люди искали у Матрены Ильинишны себѣ нравственную поддержку, такъ какъ она была настоящій „врачъ души“: каждый уходилъ отъ нея утѣшенный, или, по крайней мѣрѣ, успокоенный. Постепенно въ М. И. развилась *прозорливость*, усилившаяся съ годами, въ ущербъ ея физическимъ силамъ, въ особенности зрѣнія; ослабѣвшее земное тѣло еще заживо, до нѣкоторой степени, давало по временамъ свободу ея душѣ, освобождая ее отъ своихъ путъ, позволяя ей провидѣть обстоятельства посѣщавшихъ ее лицъ и предсказывать имъ будущее; подтверждавшіяся предсказанія ея еще болѣе упрочивали ея репутацію—„угодной Богу“. Самъ помѣщикъ, а также и мѣстный священникъ охотно навѣщали мудрую старушку, просиживая у нея часокъ—другой, бесѣдуя о религіи и удивляясь ея природному уму, когда она толковала не только о молитвѣ, но и о житейскихъ дѣлахъ своихъ почитателей и знакомыхъ. Матрена

[1]) Я перемѣняю названіе мѣстности по желанію гг. Б—хъ.

Ильинишна имѣла и видѣнія. Она предсказала священнику этого села близкую его кончину, и онъ являлся къ ней послѣ смерти, бесѣдуя съ нею о своемъ новомъ состояніи. Предсказала она и смерть самого владѣльца этого имѣнія. Но я хочу разсказать объ одномъ случаѣ ея сновидѣнія.

Въ барской усадьбѣ села Шишмарева умирала давно уже жившая на покоѣ старушка-экономка Еликонида Маркеловна. Три дня уже она была безъ языка и лежала съ закрытыми глазами; только рѣдкое дыханіе доказывало, что жизнь въ ней не совсѣмъ еще угасла. Вдругъ, приходитъ племянница Матрены Ильинишны, прислуживающая ей, и, подойдя къ умирающей, поклонилась ей въ поясъ, а затѣмъ проговорила: — „Тетенька приказала поздравить васъ съ приходомъ дорогихъ гостей—Божьихъ свѣтлыхъ посланниковъ!“ Умирающая медленно приподняла вѣки, три дня уже сомкнутыя, и, къ удивленію присутствующихъ, отвѣчала: — „Спасибо!.. Вижу!“—Затѣмъ она вновь впала въ забытье и вскорѣ испустила духъ. Присутствовавшіе при этомъ сами мнѣ объ этомъ разсказывали.

Теперь являются вопросы: что-же это за посланники?.. Зачѣмъ пришли они?.. Откуда могла бы выдумать ихъ эта крестьянка, не будь она ясновидящей, и если бы присутствіе *миссіонеровъ,* дожидавшихся момента перехода души этой въ ихъ область, не было наивѣрнѣйшей, наивеличайшей изъ истинъ. Если бъ въ дѣйствительности не существовали „посланники“, зачѣмъ придумала бы ихъ эта богобоязненная, набожная старушка, которая малѣйшую неправду считала великимъ проступкомъ передъ Всевышнимъ? Откуда эта тождественность откровеній, если бъ все было только плодъ воображенія? Неужели это „однѣ бабьи бредни?“ Эти повторяющіеся „проблески“, по смыслу своему всегда одинаковые, развѣ не *служатъ они яркимъ лучомъ свѣта* среди мрака, въ которомъ мы живемъ, вдругъ озаряющимъ мысль тѣхъ изъ насъ, чей интеллектъ способенъ воспринять, уловить этотъ свѣтъ. Повторяю: я бы очень желала, чтобы господа матеріалисты на нѣкоторое хотя бы время отложили свое высокомѣріе, дали себѣ трудъ поразмыслить, а затѣмъ добросовѣстно отвѣтить на вопросъ: почему во всѣхъ концахъ земли, среди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, въ хроникахъ почти каждой семьи найдутся воспоминанія о явленіяхъ, подобныхъ тѣмъ, что я имѣла возможность наблюдать?.. Конечно, собираніе такихъ *фактовъ* требуетъ не мало настойчивости и любви къ дѣлу, но вѣдь оно стóитъ не меньше вниманія и затраты времени, чѣмъ какой-нибудь микробъ или фибръ въ организмѣ насѣкомаго, надъ изученіемъ которыхъ такъ усидчиво трудятся гг. ученые. Вѣдь рѣчь идетъ о продолженіи нашего бытія и за предѣлами земной жизни, а рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ со стороны корифеевъ науки совершенно измѣнило бы воззрѣнія большинства, нравственный уровень котораго, вслѣдствіе полнѣйшаго невѣрія въ будущую жизнь, вызваннаго одностороннимъ объясненіемъ законовъ природы этими самыми учеными,—въ настоящее время настолько невысокъ, что иныхъ стремленій у нихъ нѣтъ, кромѣ желаній ублажать свои физическія и корыстныя побужденія. Развѣ рѣдко приходится слышать: „какая охота, какая необходимость ломать себя и думать о такъ называемомъ „ближнемъ“?!.. Къ чему ваше пресловутое самоусовершенствованіе?!.. Зачѣмъ я стану ломать себя и заботиться о духовной сторонѣ своей, которая, рано или поздно, должна же погибнуть, такъ какъ со смертью все кончается!“ Совершенно иначе, съ удесятеренной энергіей, зажило бы новое поколѣніе, если бъ впереди оно видѣло разумную цѣль для борьбы съ своимъ эгоизмомъ!

Пусть бы отрицатели безсмертія нашего „я“, напр., г. Битнеръ, вынужденный признавать явленія, но, *не долго задумываясь* надъ ихъ глубокимъ смысломъ, безповоротно рѣшившій, что они всѣ объясняются телепатіей и силой электричества, насыщающаго организмъ человѣка (подумаешь, что до г. Битнера никто до этого не додумался!) — и что вскорѣ можно будетъ совсѣмъ откинуть всякое участіе „духовъ“ при этихъ явленіяхъ,—пусть бы онъ однимъ электричествомъ, одною телепатіею, т.-е. *однѣми этими неразумными* силами, безъ участія мыслящихъ существъ, орудующихъ ими, *толково* объяснилъ бы намъ — откуда старица Матрена Ильинишна взяла „свѣтлыхъ посланниковъ“, и почему она, живя на двѣ версты отъ барскаго дома, не за два дня и не за день, а именно почти *въ моментъ смерти* старой экономки прислала свою племянницу поздравить ее съ приходомъ дорогихъ гостей? Почему умирающая, нѣсколько дней уже лежавшая какъ живой трупъ, могла открыть глаза и сказать, что она „видитъ ихъ?..“

Гг. „Битнеры“ *авторитетно* утверждаютъ, что „со смертью все, все кончается“, и полагаютъ, что имѣютъ разумное право однимъ взмахомъ пера рѣшать вопросъ, *въ который никогда серьезно не вникали* и не давали себѣ труда заглянуть „по ту сторону медали“, занимаясь исключительно внѣшней ея стороной. Нельзя же отвергать фактъ только потому, что онъ намъ не нравится, а главнымъ

образомъ потому, что мы еще не можемъ вмѣстить его. Зачѣмъ уподоблять себя извѣстному астроному, не хотѣвшему признавать паденія аэролитовъ, такъ какъ-де „съ неба падать не можетъ ни камень, ни желѣзо!?..“ (Извлеч. въ сокращ. изъ „Ребуса“ 1899 г., №№ 13—17; 19—21; 23—24; 26; 28—30; 45; 47).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разсказы о явленіяхъ душъ умершихъ людей, удостовѣряющіе въ бытіи загробной жизни.

1. **О явленіяхъ душъ по разлученіи ихъ съ тѣломъ, по Священному Писанію.** Такъ какъ продолженіе существованія души по разлученіи ея съ тѣломъ и ея безсмертіе есть несомнѣнная истина, такъ какъ самъ Спаситель утвердилъ ее противъ непризнававшихъ ея саддукеевъ, то уже по этому одному возвращеніе отшедшихъ душъ и явленіе ихъ живущимъ на землѣ людямъ, по допущенію или повелѣнію Бога, вполнѣ возможны и не представляютъ ничего невѣроятнаго. У іудеевъ, современныхъ Спасителю, вѣра въ это возвращеніе и это явленіе была всеобщею вѣрою. Іисусъ Христосъ предполагалъ ее уже, какъ несомнѣнную, и никогда не говорилъ ничего такого, изъ чего бы можно было заключать, что Онъ не одобрялъ или осуждалъ эту вѣру. Онъ только училъ, что духи, являясь, не имѣютъ ни плоти, ни костей, какъ имѣлъ ихъ Онъ по Своемъ воскресеніи: *духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* [1]). Если св. Ѳома усомнился въ воскресеніи своего Учителя и въ дѣйствительности Его явленія, то усомнился онъ въ этомъ единственно потому, что зналъ, что часто явленія духовъ бываютъ только кажущіяся, мнимыя, что часто люди, слишкомъ занятыя какими нибудь мыслями, воображаютъ, что видятъ и слышатъ то, чего на самомъ дѣлѣ не бываетъ; и если бы Іисусъ Христосъ явился Своимъ ученикамъ не въ тѣлѣ, никакой другой образъ явленія не могъ бы доказать имъ истинности Его воскресенія; духъ можетъ являться и тогда, когда его тѣло находится въ землѣ, или уже само превратилось въ землю. Апостолы не сомнѣвались въ возможности явленія духовъ: увидѣвши Спасителя, идущаго къ нимъ по водамъ озера Геннисаретскаго, они думали сначала, что видятъ духа [2]). Евангельскій богачъ, находясь въ адскихъ мученіяхъ, проситъ Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тотъ предостерегъ его братьевъ отъ опасности подвергнуться тому ужасному состоянію, въ какомъ онъ самъ мучится [3]). Слѣдовательно, онъ несомнѣнно вѣрилъ, что души умершихъ могутъ возвращаться въ міръ, являться людямъ и говорить съ ними.

[1]) Луки XXIV, 37—39.
[2]) Матѳ. XI. 16. Мар. VI. 49.
[3]) Лук. XXI. 14. 15.

Во время преображенія Іисуса Христа на Ѳаворѣ, явились Моисей и Илія, умершіе нѣсколько столѣтій тому назадъ, и вели разговоръ со Христомъ [1]). По воскресеніи Спасителя возстали многія, давно умершія лица и явились многимъ въ Іерусалимѣ [2]).

Въ ветхомъ завѣтѣ царь Саулъ обращается къ волшебницѣ аэндорской и проситъ ее вызвать духъ Самуила [3]); Самуилъ являлся и говорилъ съ Сауломъ. Мы предвидимъ тѣ безчисленныя возраженія, которыя представятъ противъ этого разсказа. Но являлся ли Самуилъ или нѣтъ, дѣйствительно ли вызывала его волшебница, или же его явленіе было только кажущееся, мнимое, во всякомъ случаѣ изъ этого событія мы можемъ заключать, что іудеи вѣрили, что души умершихъ могутъ являться людямъ и открывать имъ сокровенное и будущее.

Блаженный Августинъ [4]) писалъ Симплицію въ отвѣтъ на его разсужденіе объ этомъ предметѣ: „какимъ образомъ Самуилъ могъ быть вызванъ посредствомъ волшебства, понять это такъ же трудно, какъ и то, какимъ образомъ діаволъ можетъ говорить, какимъ образомъ онъ могъ искушать святого мужа Іова, или просить позволенія совершить свои козни противъ апостоловъ, или какимъ образомъ онъ могъ Самого Христа перенесть на кровлю храма Іерусалимскаго“. „Должно полагать, что духъ Самуила дѣйствительно былъ вызванъ и объявилъ Саулу имѣвшее съ нимъ случиться, не вслѣдствіе силы заклинанія или власти діавола, но единственно по волѣ и допущенію Бога“.

Августинъ прибавляетъ къ этому: „можно даже думать, что не Самуилъ, а только призракъ, произведенный обманомъ и силою демона, являлся Саулу. Если же св. Писаніе называетъ этотъ призракъ именемъ Самуила, то въ этомъ случаѣ оно слѣдуетъ тому свойству обыкновеннаго человѣческаго языка, по которому часто именемъ дѣйствительныхъ предметовъ называютъ то, что на самомъ

[1]) Лук. IX. 30.
[2]) Матѳ. XII. 13. 14.
[3]) 1. Цар. XXVIII. 12. 13. 14.
[4]) Augustin. de diversis quaestionib. ab Simplicium quaest. 111.

дѣлѣ есть только ихъ образъ или представленіе".

„Если же спросятъ, какимъ образомъ этотъ призракъ могъ открыть будущее, возвѣстить Саулу его близкую смерть, то да позволено будетъ намъ отвѣчать на это такимъ вопросомъ: какимъ образомъ діаволъ могъ узнать въ Іисусѣ Христѣ истиннаго Бога, или какимъ способомъ дѣвушка, о которой разсказывается въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, узнала въ апостолахъ посланниковъ Бога?"

Въ заключеніе св. Августинъ говоритъ, что онъ не понимаетъ надлежащимъ образомъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь, и потому отказывается произнести рѣшительное сужденіе о томъ, можетъ ли діаволъ посредствомъ силы заклинанія вызывать души умершихъ, такъ чтобы онѣ являлись въ тѣлесномъ образѣ и способны были говорить и открывать сокровенное и будущее.

Первосвященникъ Онія, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своей смерти, являлся Іудѣ Маккавейскому [1]) въ образѣ мужа съ поднятыми вверхъ руками, молящагося за народъ Божій. Вмѣстѣ съ нимъ явился Іудѣ также давно уже умершій пророкъ Іеремія. Онія при этомъ сказалъ Іудѣ: „вотъ святый мужъ, защитникъ и покровитель своихъ братьевъ, неусыпно ходатайствующій за народъ Божій и за святой городъ Іерусалимъ". При этихъ словахъ Іеремія обратился къ Іудѣ и, вручая ему золотой мечъ, сказалъ: „прими этотъ мечъ, какъ даръ Божій; имъ ты сокрушишь враговъ моего народа—Израиля".

4. Во второй книгѣ Маккавейской [2]) разсказывается слѣдующее: во время сраженія Іуды Маккавея съ Тимоѳеемъ, начальникомъ войска сирійскаго, явились вдругъ пять мужей; они были на богато убранныхъ лошадяхъ и стали во главѣ іудейскаго войска. Два изъ этихъ мужей неотступно сопровождали Іуду Маккавея въ битвѣ и своимъ оружіемъ защищали его, а на враговъ его метали стрѣлы и молніи и такимъ образомъ ослѣпляли ихъ и устрашали.

Эти пять вооруженныхъ всадниковъ, которые сражались за израильтянъ, были, очевидно: Маттаѳія, отецъ Іуды Маккавея [3]), и четыре его сына, всѣ въ это время уже умершіе; ибо изъ семи сыновей Маттаѳіи въ то время оставались въ живыхъ только три: Іуда, Іонаѳанъ и Симонъ. Можно также принять этихъ мужей за ангеловъ, посланныхъ на помощь Іудѣ Маккавею. Достоинство книги и свидѣтельство цѣлаго войска ручаются за подлинность этого явленія.

[1]) 2. Макк. XV. 14—15.
[2]) 2. Макк. X. 29.
[3]) 1. Макк. X, 1—2.

Изъ всего сказаннаго очевидно, во-первыхъ, то, что іудеи не сомнѣвались въ возможности возвращенія на землю душъ умершихъ и вѣрили, что онѣ, дѣйствительно, являются и открываютъ людямъ много такого, что превышаетъ обыкновенное человѣческое разумѣніе; во-вторыхъ, то, что возможность и дѣйствительность этихъ явленій утверждается Св. Писаніемъ.—Моисей запрещаетъ вопрошать мертвыхъ [1]): *да не обрящется въ тебѣ (во Израилѣ)... вопрошаяй мертвыхъ*.

Души усопшихъ, конечно, являются и могутъ являться на землю не по своей собственной волѣ, а только по повелѣнію и допущенію Божію. Богъ повелѣваетъ и допускаетъ имъ являться только для какихъ-нибудь особенныхъ, достойныхъ Его, цѣлей. Если бы онѣ могли являться по своему собственному произволу, въ такомъ случаѣ ихъ явленія были бы, конечно, гораздо чаще, чѣмъ какъ есть на самомъ дѣлѣ; въ такомъ случаѣ, конечно, мало нашлось бы между ними такихъ, которыя бы не стали являться на землю по разнымъ личнымъ побужденіямъ, изъ побужденія, напр., родственнаго чувства, изъ желанія свиданія съ своими близкими и пр. — Такое мнѣніе высказываетъ блаженный Августинъ, говоря о своей матери, св. Моникѣ [2]), которая его такъ нѣжно любила. Евангельскій богачъ непремѣнно бы посѣтилъ своихъ братьевъ и родственниковъ, чтобы извѣстить ихъ о той несчастной участи, которая постигла его въ загробной жизни. Но Богъ по Своему милосердію и всемогуществу дозволяетъ являться душамъ усопшихъ только очень рѣдко. Поэтому ко всему тому, что говорятъ и пишутъ о явленіяхъ усопшихъ, должно относиться съ большою осторожностью и осмотрительностью.

2. **Явленія отшедшихъ душъ, представляемыя церковною исторіею.** а) Блаженный Августинъ [3]) признаетъ, что часто умершіе, дѣйствительно, являлись живымъ людямъ, указывали имъ мѣста, гдѣ были зарыты ихъ тѣла безъ должнаго погребенія, и просили для нихъ такого погребенія. При этомъ онъ замѣчаетъ, что часто во храмахъ, въ которыхъ похоронены были умершіе, слышенъ бываетъ шумъ, и что часто видали, что мертвые входили въ дома, въ которыхъ они жили на землѣ.

б) Въ ту ночь, когда умеръ Юліанъ, св. Василій [4]) имѣлъ видѣніе, что св. мученикъ Меркурій получилъ отъ Бога повелѣніе умертвить Юліана. Вскорѣ по полученіи этого повелѣнія, св. Меркурій опять явился

[1]) Второз. XVIII. 11.
[2]) August. de cura gerenda pro mortuis, cap. 13.
[3]) Ibidem. cap. 10.
[4]) Amphilo, vita s. Basil. et Chronic. Alex. pag. 296.

къ Василію и сказалъ: Юліанъ раненъ насмерть. Наутро св. Василій объявилъ объ этомъ народу.

в) Св. Игнатій, епископъ антіохійскій, послѣ своей мученической кончины въ 107 г. [1]), являлся своимъ ученикамъ, привѣтствовалъ ихъ и оставался съ ними долгое время. Когда они начинали усердную молитву, св. Игнатій являлся имъ, увѣнчанный короною и облитый свѣтомъ, какъ воинъ, вышедшій побѣдителемъ изъ опаснаго сраженія.

г) По смерти св. Амвросія, въ ночь, когда крещены были оглашенные, многіе изъ новокрещенныхъ дѣтей видѣли св. епископа [2]) и указывали его своимъ родителямъ, но тѣ не могли видѣть его, потому, какъ говоритъ св. Павлинъ, (ученикъ этого святителя, написавшій его жизнь), что глаза ихъ не были достаточно чисты для этого. Св. Павлинъ прибавляетъ, что въ день смерти св. Амвросія онъ явился многимъ св. мужамъ на востокѣ, молился вмѣстѣ съ ними и возлагалъ на нихъ руки. Когда прислано было извѣстіе объ этомъ съ востока въ Медіоланъ, оказалось, что день явленія святого на востокѣ былъ, дѣйствительно, днемъ его смерти. Письмо это сохранилось ко времени св. Павлина, который сообщаетъ обо всемъ этомъ. Много разъ видѣли св. епископа уже послѣ его смерти на молитвѣ въ такъ называемой Амвросіанской церкви, которую онъ обѣщалъ еще при жизни посѣщать. Во время осады Медіолана, св. Амвросій явился одному гражданину и обѣщалъ ему на другой день подать помощь осажденнымъ. Одинъ слѣпецъ, узнавши, посредствомъ видѣнія, о прибытіи въ Медіоланъ тѣлъ св. мучениковъ Сизиннія и Александра и увидѣвшій при этомъ видѣніи епископа Амвросія выходившимъ навстрѣчу этимъ св. тѣламъ, обратился къ нему съ молитвою о возвращеніи ему зрѣнія. Амвросій отвѣчалъ: иди въ Медіоланъ, тамъ встрѣтишь моихъ братій, они прибудутъ туда очень скоро и дарують тебѣ зрѣніе. Слѣпецъ отправился въ Медіоланъ, въ которомъ прежде ни разу не былъ, и, прикоснувшись ко гробу свв. мучениковъ, прозрѣлъ. Разсказъ этотъ св. Павлинъ записалъ со словъ самого исцѣленнаго. Житія святыхъ наполнены подобными явленіями, и много книгъ можно бы наполнить ими.

д) Эводій [3]), епископъ Упсальскій, другъ св. Августина, былъ также убѣжденъ въ дѣйствительности явленій умершихъ и передаетъ нѣкоторые примѣры этихъ явленій. — Эводій говоритъ: „имѣетъ ли душа, по отдѣленіи отъ тѣла, какое нибудь тончайшее тѣло, въ которомъ она является и посредствомъ котораго можетъ перемѣнять мѣста? Не имѣютъ ли сами ангелы какой-нибудь тѣлесной оболочки? Если они безтѣлесны, то какъ можно опредѣлить число ихъ? Какъ могъ Самуилъ явиться Саулу, если бы онъ не имѣлъ никакого тѣла? Я помню, какъ Профутурусъ, Приватусъ и Сервицій, которыхъ я зналъ еще въ монастырѣ, явились мнѣ послѣ своей смерти и говорили со мною, и все сказанное ими исполнилось. Являлись ли мнѣ ихъ души, или это былъ какой-нибудь другой духъ, принявшій ихъ образъ?“ Эводій полагаетъ, что души усопшихъ несовершенно безтѣлесны, такъ какъ одинъ только Богъ есть чистѣйшій духъ.

Но Августинъ, къ которому Эводій обращался съ указанными вопросами, не допускаетъ, чтобы душа, и по отдѣленіи отъ тѣла, соединена была съ какой-нибудь матеріальной субстанціей. Впрочемъ, онъ сознается, что очень трудно найти объясненіе для многаго, происходящаго въ нашей душѣ какъ въ бодрственномъ, такъ и въ сонномъ состояніи, когда мы видимъ, слышимъ, ощущаемъ и дѣлаемъ то, что, очевидно, можетъ бь вызвано въ насъ только вліяніемъ отъ дѣйствительныхъ предметовъ,—трудно именно потому, что духъ не заключаетъ въ себѣ ничего матеріальнаго. И какъ возможно, продолжаетъ онъ далѣе, объяснить такія вещи, какъ явленія отшедшихъ душъ, — когда мы многаго и изъ нашей обыкновенной, обыденной жизни не въ силахъ объяснить?

е) Св. Сульпицій Северъ, однажды, находясь вдали отъ города Тура, погрузился въ легкій сонъ. Во снѣ явился ему св. Мартинъ въ бѣлой одеждѣ, съ сіяющимъ лицомъ и глазами и пурпуровыми волосами; Сульпицій узналъ его. Св. Мартинъ держалъ въ рукѣ книгу, въ которой Сульпицій Северъ описалъ его жизнь. Сульпицій палъ къ ногамъ его, обнялъ его колѣна и просилъ его благословенія, которое святой и далъ ему. Когда св. Мартинъ поднялся на воздухъ, Сульпицій Северъ увидѣлъ, что съ нимъ возносится на небо также и ученикъ его, священникъ Кларусъ. Въ эту минуту Сульпицій пробудился и увидѣлъ подлѣ себя мальчика, своего слугу, который объявилъ ему, что изъ Тура пришли два монаха и принесли извѣстіе, что св. Мартинъ умеръ.

ж) Церковь свято чтитъ день открытія мощей св. Стефана, перваго христіанскаго мученика. Оно случилось въ 415 г. такимъ образомъ: въ Іерусалимѣ одному священнику, по имени Люцію, который обыкновенно спалъ въ церковномъ притворѣ, гдѣ совершался обрядъ крещенія, для охраненія священныхъ сосудовъ, во снѣ явился Гамаліилъ, учитель

[1]) Acta sincera Mart. p. II. et 22. Edit. 1713.
[2]) Paulin. Vita s. Ambros. n. 47, 48.
[3]) Evod. Uzal. apud. Aug. Epist. CLVIII. Idem Aug. Epist: CLIX.

апостола Павла до его обращенія, и сказалъ ему, что тѣло его и тѣло св. Стефана, перваго мученика, погребены въ Кафаргамалѣ, предмѣстіи Дилагабиса. Видѣніе повторилось три раза. И Іоаннъ, патріархъ Іерусалимскій, бывшій въ то время на соборѣ въ Діосполисѣ, отправился къ указанному мѣсту, открылъ святыя мощи и перенесъ ихъ въ Іерусалимъ, гдѣ при этомъ произошло отъ нихъ много чудесъ.

з) Св. дѣвица Поталина [1]), принявшая мученическую смерть въ Александріи, являлась послѣ своей смерти очень многимъ и обратила многихъ изъ нихъ ко Христу. Въ особенности она являлась одному воину, именемъ Василію, защитившему ее отъ насилія черни въ то время, какъ она шла на смерть. Однажды, явившись, она возложила вѣнецъ на главу Василія; по ея наставленію онъ принялъ крещеніе и вѣнецъ мученическій.

и) *Явленіе Богоматери преп. Сергію.* Однажды, въ глубокую ночь, преподобный Сергій совершалъ свое келейное правило и предъ иконою Богоматери пѣлъ акаѳистъ, что онъ дѣлалъ, по своему обычаю, ежедневно. Часто взиралъ онъ на святую икону и усердно молилъ Матерь Божію о своей обители. „Пречистая Мати Христа моего", взывалъ святой старецъ, „ходатаица, заступница и крѣпкая помощница рода человѣческаго! Буди и намъ недостойнымъ ходатаицей, — присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призритъ Онъ милостиво на святое мѣсто сіе, посвященное въ похвалу и честь Его святаго имени навѣки! Тебя, Матерь сладчайшаго моего Христа Іисуса, призываемъ на помощь рабы Твои, ибо Ты имѣешь великое дерзновеніе у Сына Твоего и Бога! Будь же всѣмъ спасительное упокоеніе и пристанище!"

Такъ молился преподобный; его чистое сердце горѣло благодатнымъ пламенемъ, его смиренный умъ весь погруженъ былъ въ молитву, и онъ, какъ дитя, въ простотѣ души бесѣдовалъ съ пречистой Матерью всѣхъ, возлюбившихъ чистымъ сердцемъ Ея Божественнаго Сына.

Окончивъ молитву, онъ сѣлъ для отдохновенія: но вдругъ его святая душа ощутила приближеніе небеснаго явленія, и онъ сказалъ своему келейному ученику, преподобному Михею: „бодрствуй, чадо: мы будемъ въ сей часъ имѣть чудесное посѣщеніе". Едва сказалъ онъ это, какъ послышался голосъ: „се, пречистая грядетъ!.."

Тогда старецъ всталъ и поспѣшно вышелъ въ сѣни; здѣсь осіялъ его свѣтъ паче солнечнаго, и онъ узрѣлъ преблагословенную Дѣву, сопровождаемую апостолами: Петромъ первоверховнымъ и Іоанномъ дѣвственникомъ — Богословомъ... Не въ силахъ будучи вынести этого чуднаго сіянія и неизреченной славы Матери Свѣта, преподобный Сергій палъ ницъ; но благая Матерь прикоснулась къ нему рукою и ободрила его словами благодати: „не бойся, избранниче Мой", изрекла Она, „Я пришла посѣтить тебя; услышана молитва твоя объ ученикахъ твоихъ; не скорби больше и объ обители твоей: отнынѣ она будетъ имѣть изобиліе во всемъ, и не только при жизни твоей, но и по отшествіи твоемъ къ Богу Я неотступна буду отъ мѣста сего, и всегда буду покрывать его"... Сказала такъ и — стала невидима...

Вострепеталъ старецъ отъ страха и радости; нѣсколько минутъ былъ какъ бы въ восторженномъ состояніи, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что ученикъ его Михей лежитъ на полу, какъ бы умершій: великій наставникъ могъ видѣть Царицу небесную и слышалъ голосъ Ея; ученикъ же, пораженный ужасомъ, не въ состояніи былъ видѣть все и видѣлъ только свѣтъ небесный...

— „Встань, чадо мое", кротко сказалъ старецъ. Михей пришелъ въ чувство, поднялся, но тутъ же упалъ къ ногамъ пр. Сергія. „Скажи, отче, Господа ради", говорилъ онъ: „что это за чудное видѣніе? Душа моя едва не раздѣлилась отъ тѣла"...

Но Сергій и самъ еще не могъ говорить отъ душевнаго волненія, только лицо его цвѣло небесною радостью. „Подожди, чадо", сказалъ онъ ученику: „и моя душа трепещетъ отъ этого видѣнія".

Когда, наконецъ, старецъ нѣсколько успокоился, то послалъ Михея пригласить двоихъ благоговѣйныхъ мужей изъ братіи — Исаакія молчальника и Симона экклесіарха. Тѣ поспѣшили на зовъ своего старца-игумена, и онъ разсказалъ имъ все, что сейчасъ было у него въ келліи. И всѣ вмѣстѣ совершили они молебное пѣніе Богоматери, а пр. Сергій всю ночь провелъ безъ сна, внимая умомъ Божественному видѣнію, которое было вѣнцомъ его подвиговъ еще здѣсь, на землѣ. „Не гаданіемъ, не въ сонномъ видѣніи, а наяву видѣлъ онъ Матерь Божію, какъ видѣлъ Ее нѣкогда преподобный Аѳанасій аѳонскій", замѣчаетъ при семъ лѣтописецъ.

По древнему преданію, записанному въ Никоновой лѣтописи, это небесное посѣщеніе было въ постъ Рождества Христова, въ ночь съ пятницы на субботу, и, какъ думаютъ, въ 1384 году.

Въ благодарное воспоминаніе сего чуднаго посѣщенія, въ обители преп. Сергія установлено каждую пятницу, съ вечера, совершать всенощное бдѣніе, съ акаѳистомъ Богоматери,

[1]) Euseb. Hist. Eccles. Lib. 6. c. 8.

въ югозападномъ притворѣ Троицкаго собора, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стояла келлія пр. Сергія, и гдѣ красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествіе небесной Гостьи. А каждую субботу, послѣ ранней литургіи, въ церкви пр. Никона—въ томъ же притворѣ совершается молебное пѣніе во славу Богоматери, причемъ поется нарочито составленный, по образу пасхальнаго, канонъ въ воспоминаніе сего посѣщенія (попеременно съ двумя другими канонами). (Изъ кн.: „Житіе и подвиги преп. Сергія", архимандр. Никона).

і) Св. Іоанну Златоусту, на пути его въ ссылку, въ г. Команахъ явился епископъ Василискъ, умершій сто лѣтъ тому назадъ, и сказалъ: „мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ." Св. Іоаннъ повѣрилъ этому видѣнію, одѣлъ на себя чистыя одежды, пріобщился св. таинъ и, дѣйствительно, какъ ему было сказано, почилъ смертью праведника.

к) Врачъ Геннадій, всегда милостивый къ бѣднымъ и страждущимъ, недоумѣвалъ и сомнѣвался, какъ будетъ жить человѣкъ послѣ смерти?

Господь, видя его любовь къ ближнимъ, вразумилъ его о продолженіи загробной жизни слѣдующимъ образомъ. Однажды, во снѣ Геннадію явился незнакомый юноша и велѣлъ ему итти за собою. Вошли они въ какой-то городъ. Здѣсь Геннадій увидѣлъ великолѣпные дома, украшенные золотомъ, слышалъ торжественное пѣніе, наполнившее душу его невыразимою радостью.

— Что это за городъ, и кто это поетъ? спросилъ онъ у юноши. — „Это городъ Божій," отвѣчалъ юноша, „а поютъ и веселятся въ немъ жители этого города, святые Божіи!"

Послѣ этого Геннадій проснулся, скоро позабылъ про свой сонъ, не придавая ему особаго значенія. Но вотъ, въ другой разъ, также во снѣ, является ему тотъ же юноша и спрашиваетъ: „Узнаешь ли ты меня?" — Узнаю—отвѣчалъ Геннадій. „А гдѣ ты меня видѣлъ?" — Я былъ съ тобою въ томъ неизвѣстномъ городѣ, гдѣ еще такъ хорошо пѣли.—„Какъ же ты видѣлъ меня и городъ, и какъ слышалъ пѣніе: во снѣ или на яву?"— Во снѣ. И теперь я сознаю, что вижу тебя и говорю съ тобою также во снѣ.—„А гдѣ же теперь твое тѣло?"—Въ моей комнатѣ.— „И ты сознаешь, что въ настоящее время глаза твои закрыты въ тѣлѣ, и ничего не видятъ; что слухъ твой и языкъ также не дѣйствуютъ? Какими же глазами смотришь на меня; какъ слышишь мой голосъ, какъ говоришь?.. Итакъ, вразумись, что и по смерти, и безъ тѣлесныхъ очей, ты будешь видѣть и безъ тѣла будешь жить до всеобщаго воскресенія. Вѣрь этому и не сомнѣвайся о жизни души по смерти тѣла". Юноша сталъ невидимъ: это былъ ангелъ Божій. (Повѣсть бл. Августина въ письмѣ къ Еводію, у Баронія, подъ 411-мъ год.).

л) Жила нѣкогда богатая, знатная и благочестивая вдова. Звали ее Клеопатра.

Въ то же время и въ томъ же городѣ проповѣдывалъ Христову вѣру нѣкто Уаръ и, послѣ жестокихъ мученій, былъ преданъ смерти. Тѣло мученика, по приказанію его мучителей, было выброшено за городъ, на добычу хищныхъ звѣрей и птицъ. Благочестивая Клеопатра тайно взяла святые останки въ свой домъ и вскорѣ построила на свои деньги церковь во имя мученика Уара.

Во время первой литургіи, въ день освященія новаго храма, Клеопатра на колѣняхъ предъ мощами св. Уара усердно молилась, прося св. мученика Христова испросить у Бога для нея и ея единственнаго сына такую милость, которая послужила бы имъ обоимъ на пользу.

Послѣ освященія храма, Клеопатра сдѣлала угощеніе духовенству и народу, созвала нищихъ и странниковъ, и сама вмѣстѣ съ сыномъ, только что опредѣленнымъ на царскую службу, усердно служила гостямъ. Сдѣлавъ доброе дѣло, Клеопатра радовалась и утѣшалась имъ. Но на землѣ нѣтъ прочной радости.

Во время пира сынъ ея заболѣлъ и слегъ въ постель. Съ нимъ сдѣлалась сильнѣйшая горячка, и въ ту же ночь онъ умеръ.

Гдѣ искать помощи и утѣшенія матери въ такомъ неожиданномъ, такомъ внезапномъ горѣ!..

И вотъ, она идетъ въ новый храмъ Божій, въ церковь св. Уара, и, упавъ на колѣни предъ его мощами, въ слезахъ изливаетъ всю свою душу и жалобно говоритъ: „такъ-ли ты, угодникъ Божій, воздалъ мнѣ за мои труды и попеченія о тебѣ? Такой ли милости я ждала отъ тебя? Отнялъ у меня сына, мою единственную надежду! Кто теперь меня прокормитъ въ старости? Кто положитъ въ гробъ мои кости? Лучше бы ужъ мнѣ самой умереть, чѣмъ лишиться такого молодого и прекраснаго сына! Угодникъ Божій! Или возврати мнѣ сына, какъ нѣкогда — Илія вдовѣ сарептской, или пусть и я умру! Не могу я жить безъ любимаго сына".

Долго такъ рыдала мать при гробѣ мученика и, утомленная слезами, наконецъ, заснула.

Во снѣ ей является св. мученикъ Уаръ, держа за руку ея сына; оба они одѣты въ бѣлыхъ блестящихъ одеждахъ, съ драгоцѣнными вѣнцами на головахъ. Св. Уаръ ска-

залъ Клеопатрѣ: „усердная почитательница мучениковъ! я не забылъ твоихъ благодѣяній, оказанныхъ моему тѣлу, и умолилъ Бога, чтобы твоего сына Онъ причислилъ къ ангельскому лику. Ты сама молилась въ день освященія храма, чтобы я испросилъ у Бога тебѣ и сыну, что вамъ обоимъ полезно и что угодно Богу. Вотъ я исполнилъ твое желаніе. Посмотри на славу твоего сына: онъ теперь одинъ изъ предстоящихъ престолу Божію. О чемъ же ты такъ скорбишь, о чемъ такъ плачешь? Или не хочешь, чтобы твой сынъ наслаждался небесными благами, *которыя не видѣлъ глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку* (1 Кор. 2, 9)? Если такъ, то возьми его!" При этихъ словахъ Іоаннъ крѣпко прижался къ св. Уару и сказалъ матери: „если ты любишь меня, то радуйся моему блаженству и не сѣтуй предъ Господомъ!" Тогда Клеопатра воскликнула: „о, блаженныя души! Возьмите и меня съ собою"... проснулась и возвратилась домой съ радостью. (Чет.-Мин. 19 окт.).

м) Одна вдова, лишась зрѣнія и не найдя помощи у врачей, задумала итти въ Іерусалимъ, поклониться св. мѣстамъ и искать исцѣленія у угодниковъ Божіихъ. Вмѣстѣ съ нею отправился и ея единственный сынъ. Пришли въ Іерусалимъ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, горе живетъ съ людьми. Вдову поразило новое несчастье: ея сынъ захворалъ и умеръ. Кто не пойметъ отчаяннаго положенія больной вдовы и любящей матери! Теперь она осталась въ чужой землѣ, никого не имѣя знакомыхъ, безъ глазъ и проводника.

Во время ея скорби явился ей св. Логгинъ въ видѣніи и сказалъ: „не скорби, ты получишь зрѣніе и увидишь въ небесной славѣ своего сына, если только потрудишься выйти за городъ и отыщешь мою голову, отсѣченную по приказанію Пилата и брошенную внѣ города".

Вѣрующая вдова наняла за городъ проводника; остановилась на указанномъ мѣстѣ, и, разгребая своими руками кучу мусора, нашла голову святого Логгина и сразу прозрѣла.

Съ великою радостью возвратилась вдова въ городъ, славя Бога и Его угодника.

Въ слѣдующую ночь ей снова явился святый Логгинъ, окруженный небеснымъ свѣтомъ, ведя съ собою ея сына, одѣтаго въ свѣтлую одежду.

„Посмотри на своего сына, — сказалъ мученикъ Логгинъ, — въ какой онъ чести и славѣ! Посмотри и утѣшься! Онъ причтенъ къ лику св. Божіихъ!" (Чет.-Мин. 16 окт.).

н) Однажды, отроковицѣ Музѣ во снѣ явилась Божія Матерь, окруженная множествомъ отроковицъ. Обрадовалась сильно Муза такому видѣнію и подумала: „какъ весело бы было жить съ такими подругами подъ покровительствомъ Матери Божіей!"

И вотъ Божія Матерь спрашиваетъ ее: „хочешь ли жить съ отроковицами, которыхъ видишь со Мною?"

Муза отвѣчала, что очень желаетъ этого и готова хоть сейчасъ итти за Матерью Господа. Тогда Божія Матерь обѣщала прійти къ ней чрезъ 30 дней, чтобы взять ее съ Собою, и заповѣдала ей въ это время воздержаться отъ дѣтскихъ забавъ, не смѣяться и ничего не дѣлать дурного.

Послѣ этого видѣнія Муза проснулась. Родители замѣтили эту перемѣну въ дочери и спрашивали: „отчего ты такъ вдругъ измѣнилась?" Муза разсказала имъ свой сонъ и какую она получила заповѣдь отъ Божіей Матери. Съ вѣрою приняли родители ея объясненіе и ждали событія.

Черезъ 25 дней Муза захворала и на 30-й день, когда Божія Матерь обѣщала притти за ней, больная съ радостью обратилась къ невидимой для другихъ посѣтительницѣ и, сказавъ тихо: *„се гряду, Госпоже, се гряду!"* скончалась. (Чет.-Мин. 16 мая).

Вѣруя въ будущую жизнь, намъ бы слѣдовало ждать смерти, какъ особенной милости Божіей, и, по крайней мѣрѣ, не плакать надъ умершими, какъ надъ пораженными несчастіемъ. Смерть, разлучая насъ съ тѣломъ, только разрываетъ узы, которыя душѣ всегда были въ тягость, — узы, которыми связывались наши добрыя желанія; — разлучая насъ съ міромъ, выводитъ изъ мѣста постоянной борьбы со страстями и, взамѣнъ того, намъ даетъ вѣчныя блага, *которыя не видѣлъ глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку.*

о) *Святые нерѣдко, по изволенію Божію, являлись мученикамъ для укрѣпленія ихъ въ ихъ страдальческомъ подвигѣ.* Когда св. Анастасія Узорѣшительница (умерла около 304 г.) была брошена въ мрачную темницу и тамъ въ продолженіе 30 дней мучима голодомъ, въ это время каждую ночь являлась ей св. мученица Ѳеодотія, наполняла веселіемъ сердце ея и укрѣпляла ее. Въ бесѣдѣ о разныхъ предметахъ Анастасія однажды спросила Ѳеодотію о томъ, какъ она можетъ приходить къ ней по смерти? Ѳеодотія сказала ей, что душамъ мучениковъ дана отъ Бога та особенная благодать, что онѣ, по разлученіи отъ земного, приходятъ, къ кому пожелаютъ, бесѣдуютъ съ ними и утѣшаютъ ихъ. Затѣмъ, послѣ вторыхъ 30 дней, проведенныхъ Анастасіею въ темницѣ, она осуждена была на смерть, именно повелѣно было вмѣстѣ съ другими осужденными за разныя преступленія потопить ее въ морѣ.

Между этими осужденными былъ нѣкоторый благочестивый мужъ, именемъ Евтихіанъ, который ради Христа лишенъ былъ напередъ всего своего имѣнія. Посадивши осужденныхъ въ корабль, воины повезли ихъ въ море. На довольно большомъ разстояніи отъ берега воины сѣли въ лодку, приготовленную для нихъ, а корабль съ осужденными во многихъ мѣстахъ пробили такъ, чтобы онъ могъ потонуть, и сами поплыли къ берегу. Когда корабль уже готовъ былъ покрыться волнами, бывшіе въ кораблѣ увидѣли вдругъ св. мученицу Ѳеодотію, устраивавшую паруса и направлявшую корабль къ берегу. Видя это чудо и самихъ себя спасенными отъ потопленія, осужденные, вышедши на берегъ, пали къ ногамъ двухъ христіанъ: Евтихіана и Анастасіи, желая быть христіанами. Отъ тѣхъ же Евтихіана и Анастасіи, научившись вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа, они приняли крещеніе; всѣхъ ихъ, спасшихся отъ потопленія и увѣровавшихъ, было 120 человѣкъ. Правитель области, узнавши объ этомъ, схватилъ ихъ всѣхъ и погубилъ различнымъ образомъ, а св. мученицу Анастасію повелѣлъ сжечь огнемъ, растянувъ между четырьмя столбами и привязавъ къ нимъ. („Чет.-Мин." 22 дек.).

п) *Святые являлись для исправленія погрѣшностей, допущенныхъ при написаніи ихъ житія.* Списатель житія св. мученика Ореста, св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, составивъ его житіе, приготовилъ уже къ изданію его. Въ одну ночь св. мученикъ явился ему и сказалъ: „я больше пострадалъ за Христа, чѣмъ сколько ты написалъ". Сказавъ это, онъ открылъ свою грудь и, показавши въ лѣвомъ боку рану насквозь до внутренностей, сказалъ: „это мнѣ желѣзомъ прожгли"; далѣе, показавши раны на правой и лѣвой рукѣ, сказалъ: „это мнѣ перерѣзали"; потомъ, наклонившись, открылъ обѣ ноги до колѣнъ и, показавши на нихъ раны, сказалъ: „а это мнѣ косою подсѣкли. — Видишь, — сказалъ онъ, наконецъ, — я больше пострадалъ, чѣмъ сколько ты написалъ". („Чет.-Мин." ноября 10 д.).

р) *Святые являлись для обличенія и наказанія беззаконниковъ и враговъ церкви Христовой.* Одинъ купецъ шелъ поклониться мощамъ св. Мины, неся съ собою въ даръ въ церковь его мѣшокъ золота. На пути убилъ его хозяинъ дома, въ которомъ онъ остановился ночевать. Разрубивъ на части тѣло, убійца скрылъ его на время во внутренней комнатѣ своего дома и соображалъ, гдѣ бы найти сокровенное мѣсто, чтобы похоронить убитаго. Въ это время явился въ его домъ св. Мина и спрашивалъ хозяина о гостѣ. Этотъ говорилъ, что у него никого не было. Тогда Мина вошелъ во внутреннюю комнату и, взявъ оттуда корзину съ разсѣченными частями тѣла, показалъ убійцѣ и спросилъ: „это что такое?" Убійца затрепеталъ и палъ къ ногамъ святого. Святой же Мина, составивъ разсѣченныя части, по молитвѣ къ Богу, воскресилъ убитаго и повелѣлъ ему продолжать путь къ нему. („Чет.-Мин." ноября 11 д.).

с) *Святые иногда являлись для того, чтобы предупредить христіанъ отъ невольнаго принятія участія въ служеніи идоламъ.* По вступленіи на престолъ, Юліанъ богоотступникъ въ числѣ другихъ враждебныхъ противъ христіанъ дѣйствій замыслилъ и слѣдующее. Зная, въ какой чистотѣ и воздержаніи проводятъ св. четыредесятницу христіане, богоотступникъ призываетъ градоправителя константинопольскаго и велитъ ему тайно удалить на слѣдующіе дни съ торжища всѣ обыкновенныя снѣди, а предложить одно то, что было уже принесено въ жертву идоламъ и потому христіанами почиталось за оскверненное. Никто не зналъ замысла: посему многія тысячи душъ въ самые святые дни осквернились бы вкушеніемъ того, что растворено было (такъ повелѣлъ Юліанъ) кровію идоложертвенною. Это составило бы для нихъ предметъ сожалѣнія на всю жизнь, а для Юліана, или, паче сказать, сатаны, имъ двигавшаго, это была бы радость и торжество веліе. Тотъ же отступникъ, по исполненіи замысла, не преминулъ бы разгласить вслухъ всего свѣта, что послѣдователи Іисуса Назарянина (такъ называлъ онъ Господа) во время самаго поста ихъ употребляли въ пищу идоложертвенное.

Но Тотъ, Кто, яко зѣницу ока, хранитъ души простыя и смиренныя и всегда запинаетъ премудрыхъ въ коварствѣ ихъ, не далъ и теперь совершиться умыслу вражію. Среди ночи, но не во снѣ, является внезапно тогдашнему епископу константинопольскому нѣкій свѣтозарный воинъ и говоритъ, чтобы онъ, не медля собравъ духовное стадо свое, далъ ему знать объ угрожающей опасности, съ повелѣніемъ не покупать въ слѣдующіе дни ничего на торжищѣ. „Чѣмъ же пропитается въ сіи дни столько людей, вопросилъ святитель, ибо у многихъ нѣтъ ничего въ дому?" — Коливомъ или вареною пшеницею, отвѣтствовалъ явившійся, которую ты, нашедъ у нѣкоторыхъ, долженъ раздать всѣмъ. — „Кто же ты, вопросилъ патріархъ, вся вѣдущій и пекущійся такимъ образомъ о братіи своей?" — Христовъ мученикъ Ѳеодоръ Тиронъ, отвѣтствовалъ явившійся. То-есть, это былъ тотъ святый подвижникъ Христовъ, который, будучи воиномъ за много лѣтъ до сего, въ царствованіе злочестиваго **Макси-**

міана, претерпѣлъ за имя Христово множество ужасныхъ мукъ и тѣмъ заслужилъ себѣ въ церкви Христовой имя великомученика.

Святитель, не медля, исполнилъ повелѣнное свыше; и христіане константинопольскіе сохранились отъ оскверненія; а злочестивый Юліанъ, видя, что замыселъ его разрушенъ, велѣлъ предоставить прежнюю свободу торжищамъ. (Изъ Сочиненій Иннокентія, архіеп. херсонскаго и таврическаго, т. III, 1873 г. стр. 51—53).

т) *Святые угодники Божіи иногда посылались Богомъ на землю для устраненія споровъ церковныхъ и водворенія мира и единодушія.* Праздникъ во имя трехъ вселенскихъ учителей учрежденъ по особенному, весьма примѣчательному обстоятельству. Вскорѣ послѣ ихъ кончины между православными чтителями ихъ великихъ подвиговъ, заслугъ и чудесъ нерѣдко возникалъ вопросъ: который изъ трехъ святителей больше и выше? Распря объ ихъ добродѣтеляхъ возросла наконецъ до того, что чрезъ нѣсколько вѣковъ произошло рѣшительное раздѣленіе въ обществѣ христіанъ, и одни начали называться Василіанами, другіе Григоріанами, третьи Іоаннитами. Тогда, въ отклоненіе такого соблазна, сами святители, всѣ трое вмѣстѣ, явились Іоанну, епископу евхаитскому, и сказали ему: „всѣ мы имѣемъ у Бога равное достоинство. Объяви христіанамъ, чтобы оставили споръ относительно сего. Какъ при жизни болѣе всего мы заботились о единодушіи, такъ и по преставленіи нашемъ болѣе всего желаемъ единомыслія вѣрующимъ. Установи для насъ одинъ общій праздникъ“. Праздникъ установленъ; споръ давно прекращенъ, и мы нынѣ трехъ святителей, „яко апостоловъ единонравныхъ“ и между собою единочестныхъ, призываемъ на молитвенное ходатайство, „да даруетъ Господь миръ вселенной и душамъ нашимъ велію милость“. (Изъ кн. „Слова“ Сергія, епископа курскаго, Москва 1870 г. стр. 377—8).

3. Нѣсколько разсказовъ о явленіяхъ душъ умершихъ обыкновенныхъ людей. 1. „У меня былъ товарищъ по семинаріи, съ которымъ былъ я друженъ и въ продолженіе богословскаго курса вмѣстѣ квартировалъ, разсказываетъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ протоіерей о. Соколовъ. Это—сынъ болховскаго священника Николай Семеновичъ Веселовъ. По окончаніи курса семинаріи, онъ остался учителемъ уѣзднаго училища, а я, по окончаніи академіи, поступилъ священникомъ въ Херсонъ. Но въ одно время приснился онъ мнѣ такъ, что я понялъ, что его нѣтъ въ живыхъ. Написалъ къ отцу его и получилъ отвѣтъ, что сынъ его умеръ, какъ разъ въ тотъ день и часъ, когда видѣлъ его во снѣ. Мнѣ снилось, что будто я нахожусь на херсонскомъ кладбищѣ подлѣ одного ветхаго пирамидальнаго памятника, въ которомъ отъ вывалившихся камней образовалось отверстіе шириною около пяти вершковъ. Изъ любопытства я влѣзъ черезъ отверстіе во внутрь памятника. Потомъ хочу вылѣзти назадъ, но не нахожу отверстія въ темнотѣ. Я сталъ ломать каменья, и блеснулъ свѣтъ. Проломавъ отверстіе больше, я вышелъ и очутился въ прекрасномъ саду. На одной изъ аллей вдругъ навстрѣчу Веселовъ.

— Николай Семеновичъ, какими судьбами?—воскликнулъ я.

— Я умеръ, и вотъ видишь... — отвѣчалъ онъ.

Лицо его сіяло, глаза блестѣли, грудь и шея были обнажены. Я бросился къ нему, чтобы поцѣловать его, но онъ отскочилъ назадъ и, устраняя меня руками, сказалъ: „я умеръ, не приближайся“.

Я какъ-будто повѣрилъ, что онъ на томъ свѣтѣ, и испугался. Я взглянулъ на него и замѣтилъ, что лицо его было весело. Страхъ мой пропалъ. Веселовъ прошелъ мимо меня, я пошелъ съ нимъ рядомъ, не дотрогиваясь до него.

— Я живъ, хотя и умеръ, умеръ и живъ—все равно,—сказалъ онъ.

Слова его показались мнѣ такъ логичны, что я ничего не могъ возразить на нихъ. Когда мы приблизились къ старому пирамидальному памятнику, Веселовъ сказалъ: „прощай, ты пойдешь домой“, и указалъ мнѣ на отверстіе. Я полѣзъ и тутъ же проснулся“. (Прибавл. къ „Херсон. Еп. Вѣд.“ 1891 г. № 11).

2. „Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, я зналъ двухъ молодыхъ людей, разсказываетъ одинъ изъ военныхъ ветерановъ, они служили въ переяславскомъ конно-егерскомъ полку оберъ офицерами: г. А., православнаго вѣроисповѣданія, и Ш.— лютеранскаго. Эти два молодые мои пріятеля были друзьями между собою. Они дали другъ другу обѣтъ, что тотъ, кто изъ нихъ прежде умретъ, придетъ къ оставшемуся въ живыхъ и скажетъ, что бываетъ съ человѣкомъ, по исходѣ души, и что ожидаетъ ихъ въ будущей жизни.

Нѣсколько лѣтъ я не видалъ ни того ни другого, однако же зналъ, что одинъ изъ нихъ, именно Ш., умеръ. Въ 1836 году мнѣ предстояла надобность быть въ Тамбовѣ, откуда въ 25 верстахъ проживала въ одномъ селѣ тетка моя. Я пріѣхалъ къ ней съ намѣреніемъ пробыть у ней нѣсколько дней. Въ первый день моего пріѣзда она разсказала мнѣ объ одномъ странникѣ, посвятившемъ себя Богу. Онъ ведетъ самую строгую

жизнь, говорила она, такъ что, почитая себя недостойнымъ входить въ храмъ, часто становится у порога и, не смотря на холодъ, стоитъ босикомъ, носитъ монашеское полукафтанье и опоясывается ремнемъ. Не хотите ли видѣть его?—спросила она меня, онъ теперь у меня. Я попросилъ познакомить меня съ нимъ. Странникъ, по приглашенію моей тетки, пришелъ, и что же? Это былъ А. Я вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ нему и вскричалъ: „А., это вы?"—Да, это я, отвѣчалъ мнѣ странникъ, и мы съ нимъ обнялись.

— Какими судьбами ты сдѣлался такимъ?

Онъ объяснилъ мнѣ, что, по данному обѣту, его другъ явился ему не въ сновидѣніи, а наяву, разсказалъ, что испытываетъ душа по исходѣ изъ тѣла, а что именно, говорить мнѣ запрещено,—прибавилъ А.—„Но чтобы сколько-нибудь понять, что это такое, достаточно тебѣ видѣть на мнѣ вотъ эту свитку. Вотъ причина, по которой я, продавъ свое богатое имѣніе, употребилъ деньги на богоугодныя дѣла и хожу, какъ бѣдный грѣшникъ, умоляя Господа о прощеніи грѣховъ. Надѣюсь, Господь меня не оставитъ". (Душеполезное чт., 1861 г., ч. I).

3. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ одномъ изъ губернскихъ городовъ проживалъ нѣкто Н., отставной чиновникъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, человѣкъ добрый и истинно благочестивый. Онъ былъ очень друженъ съ В., сотоварищемъ своего дѣтства и сослуживцемъ, одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ и однихъ воззрѣній на вещи. Когда умеръ В., товарищъ его усердно молился Богу объ упокоеніи своего друга, причемъ время отъ времени раздавалъ милостыню за спасеніе его души. Часто онъ думалъ о загробной участи друга.

Въ сороковой день послѣ кончины В., другъ его, сидя въ своей комнатѣ, услышалъ скрипъ дверей. Приподнявъ глаза, видитъ входящаго въ комнату умершаго своего друга В.—Благодарю тебя, другъ,—сказалъ тихимъ голосомъ явившійся,—за твои усердныя обо мнѣ молитвы и за милостыни, которыя много помогли мнѣ. По милости Божіей, я избавленъ отъ ада: обитель моя покойна". Съ ужасомъ и изумленіемъ слушалъ Н. чуднаго пришельца, не смѣя его прерывать. „Прости, другъ, до свиданія въ вѣчности,—промолвилъ явившійся,—уповаю, что скоро мы свидимся, будемъ обитать вмѣстѣ, а пока потрудись еще для вѣчнаго своего спасенія",—и съ этими словами скрылся за дверью.

Набожный Н. усилилъ свои благочестивые подвиги, предоставивъ всѣ житейскія попеченія старшимъ своимъ дѣтямъ. Спустя два года послѣ своего видѣнія, онъ, колѣнопреклоненный, на молитвѣ тихо и мирно скончался. („Душеполезн. чт." 1868 г., ч. I).

4. Въ одномъ селѣ жила почтенная чета: старикъ, заштатный священникъ, отецъ Г., и старушка, жена его. Жили они очень долго на свѣтѣ и, какъ говорится, душа въ душу между собою. Отецъ Г. пріобрѣлъ своею жизнью уваженіе у многихъ въ окрестности. Это былъ человѣкъ добраго стараго времени, хлѣбосолъ, привѣтливый и ласковый со всякимъ, а главное, благочестивый и добрый. Но всему бываетъ на свѣтѣ конецъ: отецъ Г. занемогъ, слегъ въ постель, и, напутствованный христіанскими таинствами, тихо и мирно перешелъ въ вѣчность, оставивъ горько оплакивавшую спутницу его жизни. Вотъ уже минулъ и годъ послѣ его смерти. Старушка, жена его, наканунѣ годичнаго о немъ поминовенія, послѣ разныхъ хлопотъ, легла немножко отдохнуть. И вотъ, видитъ во снѣ покойнаго мужа. Съ радостью бросилась она къ нему и начала его разспрашивать: что съ нимъ, и гдѣ онъ теперь находится?—Покойникъ отвѣчалъ:—Хотя я и не обязанъ съ тобою говорить, но такъ какъ при жизни не было у меня отъ тебя никакихъ тайнъ, то скажу, что, по милости Божіей, я не въ аду; скоро и ты послѣдуешь за мною, готовься къ смерти черезъ три недѣли послѣ этого дня.

Покойникъ медленно удалился, какъ бы не желая съ нею разстаться, а старушка, проснувшись, радостно стала всѣмъ разсказывать о своемъ свиданіи съ покойнымъ мужемъ. И, дѣйствительно, ровно черезъ три недѣли она мирно скончалась. („Душеп. чт." 1868 г., ч. I).

5. Въ ночь съ 28 на 29 сентября снилось мнѣ, передаетъ графъ М. В. Толстой, будто стою я у себя въ залѣ и слышу—изъ гостиной раздаются голоса дѣтей. Смотрю,—проходятъ мимо меня въ залу разныя дѣти и между ними Володя, нашъ недавно умершій сынъ. Я съ радостью кинулся къ нему, онъ улыбается мнѣ своей прежней ангельской улыбкой. Я протянулъ къ нему руки: Володя, это ты? Онъ кинулся мнѣ на шею и крѣпко, крѣпко обнялъ меня.

— Гдѣ ты, моя радость, ты у Бога?—Нѣтъ, я еще не у Бога, я скоро буду у Бога.—Хорошо ли тебѣ?—Хорошо, лучше, чѣмъ у васъ. А у васъ я часто бываю, все около васъ. Я все почти одинъ, только Марія Магдалина со мною бываетъ. Иногда мнѣ дѣлается скучно.—Когда тебѣ скучно?—Особенно когда плачутъ обо мнѣ. А меня утѣшаетъ, когда обо мнѣ молятся, когда даютъ бѣднымъ за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за васъ, за братьевъ, за Пашу (сестру), за всѣхъ, кто меня любитъ. Милую мою мамашу обнимите за меня, вотъ

такъ, крѣпко.—Ты съ ней повидался бы, моя радость.—И повидаюсь, непремѣнно повидаюсь.—Когда же?—Когда плакать перестанетъ.

Тутъ послышался голосъ моей жены изъ коридора, я обернулся туда къ ней, потомъ взглянулъ назадъ — его уже нѣтъ.

Я проснулся съ усиленнымъ біеніемъ сердца, въ такомъ волненіи, что не могъ удержаться отъ громкихъ рыданій, которыми разбудилъ жену свою. Въ ту же минуту я набросалъ на бумагу видѣнное во снѣ слово въ слово такъ, какъ было. (М. Погодинъ — „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ").

6. Въ „Могилевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" помѣщенъ слѣдующій случай изъ жизни митрополита Платона. Въ моей жизни,— говоритъ преосвященный,—есть одинъ случай, при которомъ я видѣлъ тѣнь другого человѣка, да притомъ такъ живо и отчетливо, какъ васъ вижу теперь, обращаясь къ своимъ слушателямъ. Это было въ 30-хъ годахъ, когда я состоялъ инспекторомъ С.-Петербургской Духовной Академіи. У насъ былъ въ числѣ другихъ студентовъ Иванъ Крыловъ, изъ орловской семинаріи, извѣстный мнѣ, когда я былъ тамъ наставникомъ. Учился онъ недурно, былъ хорошаго поведенія, благообразнаго вида. Разъ онъ приходитъ ко мнѣ и проситъ, чтобы я позволилъ ему отправиться въ больницу. Я думаю себѣ: вѣрно, онъ истощалъ, пусть тамъ покормятъ его получше, и онъ поправится. А можетъ-быть, и курсовое сочиненіе тамъ напишетъ. Проходитъ нѣсколько времени, я объ немъ ничего не слышу, докторъ ничего не говоритъ. Но вотъ, однажды, лежу я на диванѣ и читаю книгу, смотрю — стоитъ Крыловъ и прямо смотритъ на меня. Лицо его вижу такъ ясно, вотъ какъ васъ, но тѣло его было какъ бы въ туманѣ или облакѣ. Я взглянулъ на него. Онъ... Меня передернуло. Призракъ точно понесся къ окну и скрылся. Я еще раздумывалъ, что бы это значило,—слышу стукъ въ мою дверь, входитъ больничный сторожъ и говоритъ мнѣ: „студентъ Крыловъ Богу душу отдалъ".

— Давно ли?—спросилъ я въ изумленіи.

— Да вотъ минутъ пять, я только собрался къ вамъ.

„Вотъ извольте разгадать эту тайну", сказалъ архипастырь, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ при разсказѣ. Всѣ молчали. „Все это,—заключилъ владыка,—несомнѣнно доказываетъ намъ какую-то таинственную связь между нами и душами умершихъ". (Могилев. Епарх. Вѣд., 1883 г.).

7. Въ 1851 году, апрѣля 20 дня, въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ умеръ іеромонахъ о. Симеонъ, котораго похоронили съ подобающею честію. На другой день послѣ погребенія одинъ изъ духовныхъ его дѣтей М. рано утромъ, сидя у себя на кровати, занятъ былъ грѣховными помыслами. Но вотъ чувствуетъ, что кто-то около него; поднявъ голову, онъ увидѣлъ о. Симеона, который, подойдя къ нему съ веселымъ лицомъ и покачавъ головою, сказалъ: „полно тебѣ грѣховнымъ помысламъ предаваться,—борись и сопротивляйся имъ, а обители обѣими руками держись". Еще что-то назидательное онъ говорилъ, но М. такъ перепугался, что не могъ запомнить всего сказаннаго. (Монастыр. письма, XXIX).

8. Лордъ Томасъ Эрскинъ разсказываетъ о слѣдующемъ видѣніи.

Когда я былъ молодымъ человѣкомъ, мнѣ случилось на нѣкоторое время отлучиться изъ Шотландіи. Въ день моего возвращенія въ Эдинбургъ, утромъ, спускаясь изъ книжнаго магазина, я встрѣтилъ стараго дворецкаго нашего семейства. Я нашелъ въ его наружности сильную перемѣну: онъ былъ блѣденъ, худъ и мраченъ.

— А, старина, ты зачѣмъ сюда?

— Чтобы встрѣтить вашу милость,—отвѣчалъ онъ,—и просить вашего заступничества передъ милордомъ: нашъ управляющій обсчелъ меня при послѣднемъ расчетѣ.

Пораженный его видомъ и тономъ, я велѣлъ ему слѣдовать за собою въ магазинъ книгопродавца, куда и вошелъ обратно; но когда я обернулся, чтобы заговорить съ старикомъ, его уже не было. Я вспомнилъ домъ и квартиру, гдѣ онъ жилъ, и потому отправился къ нему. Но каково же было мое удивленіе, когда я вошелъ въ квартиру его и увидѣлъ жену его въ траурѣ. „Мужъ мой умеръ,—говорила она,—уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Передъ смертью онъ сказалъ мнѣ, что нашъ управитель обсчиталъ его, но вы, вѣрно, поможете сыскать слѣдуемыя деньги". Я обѣщалъ это сдѣлать и вскорѣ, по моему настоянію, недоплаченная сумма была вручена вдовѣ. (Спорн. обл. между двумя мірами, Р. Д. Оуэнъ).

9. Затворникъ Георгій (Машуринъ) разсказываетъ въ собственноручной запискѣ, найденной въ его бумагахъ послѣ смерти, слѣдующій фактъ. Когда все покоилось въ мирной тишинѣ въ самую глухую ночь, и мать моя почивала на ложѣ своемъ, вдругъ озарился весь ея покой свѣтомъ. Отворилась дверь, увеличился свѣтъ; явился священникъ, бывшій ея духовникомъ и уже три года почивавшій во гробѣ, и принесъ на рукахъ своихъ святую икону. Тихо онъ приблизился къ одру ея и благословилъ образомъ стоявшую въ радостномъ трепетѣ и объятую страхомъ свою духовную дочь и возвѣстилъ

ей вожделѣнныя слова сіи: „во имя Отца и Сына и Св. Духа. Богъ дастъ тебѣ сына Георгія. Вотъ тебѣ и образъ св. великомученика Георгія". Несказанно обрадованная Божіимъ благословеніемъ, она приложилась къ св. образу и, принявъ на свои руки, поставила въ божницу. Тѣмъ видѣніе окончилось. Дивный сонъ этотъ сбылся: отъ Анны родился сынъ Георгій. Исторію чуднаго сновидѣнія затворникъ Георгій оканчиваетъ словами: „все это я имѣлъ счастіе слышать отъ самой родительницы моей". (Посмертныя записки затворника Георгія).

10. Въ концѣ прошлаго столѣтія помѣщикъ З., человѣкъ еще не старый, обремененный многочисленнымъ семействомъ и имѣвшій при этомъ довольно ограниченное состояніе, служилъ для семьи своей единственной опорой.

Но вотъ, однажды, З. отчаянно заболѣлъ и видимо началъ приближаться къ смерти; врачи отказались лѣчить. Убитая горемъ жена оплакивала больного мужа, какъ умершаго, представляя себѣ безвыходное положеніе съ кучею малолѣтнихъ дѣтей. Видя все это, безнадежный больной началъ мысленно просить Бога продлить ему жизнь, пока онъ пристроитъ своихъ старшихъ сыновей и, такимъ образомъ, оставитъ на ихъ попеченіе другихъ младшихъ своихъ дѣтей. Послѣ этой молитвы онъ уснулъ и проспалъ довольно долго. Проснувшись, немедленно зоветъ къ себѣ жену и радостно сообщаетъ ей, что видѣлъ во снѣ архипастыря бѣлгородскаго Іосифа Горленко, котораго помнилъ еще въ живыхъ. Архипастырь въ сонномъ видѣніи сказалъ ему, что по милосердію Божію, ради невинныхъ малютокъ, дается ему еще двадцать лѣтъ жизни. Но чрезъ 20 лѣтъ, ровно въ этотъ день, Господь призоветъ его къ Себѣ.

Разсказавъ свое сновидѣніе, больной попросилъ жену все это со словъ его записать въ молитвенникъ, что и было исполнено, и безнадежный дотолѣ больной З. началъ, къ удивленію семьи и лѣчившихъ его врачей, быстро поправляться и вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Ровно чрезъ 20 лѣтъ, въ назначенный день, З. почилъ вѣчнымъ сномъ на рукахъ своихъ сыновей и дочерей, уже пристроенныхъ и обезпеченныхъ, съ благодарной молитвой на устахъ.

Молитвенникъ его съ записью доселѣ хранится у его потомковъ, какъ фамильная рѣдкость. (Душеполезн. чтен. 1868 г., ч. 1—3).

11. „Въ одномъ приходѣ, по случаю смерти священника, мѣсто было занято другимъ. Вновь поступившій на мѣсто умершаго чрезъ нѣсколько дней померъ, вмѣсто его поступилъ другой, но и сей тоже чрезъ нѣсколько дней померъ. Такимъ образомъ, приходъ въ самое короткое время лишился трехъ священниковъ.

Два эти событія устрашили кандидатовъ священства, почему означенный приходъ оставался немалое время вакантнымъ. Духовное начальство само назначило кандидата на это мѣсто. Поступившій священникъ, войдя въ первый разъ во храмъ и затѣмъ въ алтарь, увидѣлъ здѣсь, въ сторонѣ отъ св. престола, незнакомаго священника въ полномъ священническомъ облаченіи, но окованнаго по рукамъ и ногамъ тяжелыми желѣзными цѣпями. Новый служитель алтаря не потерялъ присутствія духа: онъ началъ обычное священнодѣйствіе съ проскомидіи, а по прочтеніи 3-го и 6-го часовъ совершилъ и всю божественную литургію, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ посторонняго, загадочнаго лица, которое, по окончаніи службы, стало невидимо. Теперь новый пастырь понялъ, что видѣнный имъ скованный священникъ есть обитатель загробнаго міра. Не понималъ онъ только причины его явленія, но это скоро объяснилось. Скованный священникъ, въ продолженіе всей службы, не вымолвилъ ни слова и только время отъ времени приподнималъ скованныя цѣпями руки и указывалъ ими на одно мѣсто помоста въ алтарѣ. То же самое повторилось и въ слѣдующую службу, во время которой, при входѣ въ алтарь, священникъ обратилъ особенное вниманіе на то мѣсто, на которое, какъ прежде, такъ и теперь, указывало привидѣніе. Всматриваясь пристально въ ту сторону, священникъ замѣтилъ лежавшій тамъ на полу у стѣны ветхій небольшой мѣшокъ. Онъ поднялъ этотъ мѣшокъ, развязалъ его и нашелъ въ немъ немалое число записокъ съ именами умершихъ и живыхъ лицъ, какія обыкновенно подаются служащему священнику для поминовенія на проскомидіи о упокоеніи душъ отошедшихъ въ вѣчность и о здравіи и спасеніи живыхъ.

Теперь священникъ понялъ, что записки эти при жизни стоявшаго тутъ окованнаго собрата его, бывшаго тутъ прежде настоятелемъ этой же церкви, вѣроятно, остались непрочитанными имъ во время совершавшихся имъ божественныхъ литургій. Посему, начавши службу, онъ началъ поминать на проскомидіи имена живыхъ и умершихъ, означенныхъ въ запискахъ найденнаго имъ мѣшка, и лишь только онъ окончилъ чтеніе ихъ, какъ тяжелыя желѣзныя цѣпи, коими окованъ былъ загробный узникъ, въ одно мгновеніе съ шумомъ спали съ рукъ и ногъ

его и рухнулись оземь; а самъ онъ, сдѣлавшись свободнымъ отъ узъ, подошелъ къ служащему священнику и, не говоря ни слова, поклонился ему въ ноги до лица земли. Затѣмъ, вдругъ, ни его, ни желѣзныхъ оковъ не стало видно. Послѣ сего существо загробное не являлось уже болѣе во время божественныхъ службъ. (Странникъ, за 1867 г., мартъ мѣс., стр. 125).

12. Дочь сенатора Резанова, Анна Дмитріевна, вскорѣ послѣ смерти своей матери, увидѣла ее во снѣ; умершая сказала ей: „долго ли тебѣ, другъ мой, плакать обо мнѣ? Утѣшься: 15 апрѣля мы соединимся навсегда“. Анна Дмитріевна разсказала этотъ сонъ своимъ роднымъ и друзьямъ, а они увѣрили ее, что этотъ сонъ—пустая греза, и въ іюлѣ мѣсяцѣ она вышла замужъ. Но наступило 15 число апрѣля 1822 г., день, когда отъ ней благополучно родилась дочь. Помня слово матери, А. Дм. наканунѣ 15 апрѣля исповѣдалась и пріобщилась, а 15-го апрѣля благословила новорожденную дочь свою и сказала: „не мнѣ тебя воспитывать“, и вечеромъ того же дня скончалась. (Душеп. чт., 1862 г., апр. кн., 463—468).

13. Въ первыхъ числахъ сентября 1848 г., о. протоіерей Е—въ увидѣлъ во снѣ знакомаго ему умершаго священника Посельскаго, который сказалъ ему: „напиши твоей знакомой, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, чтобы она приготовилась къ смерти.“ Но протоіерей не повѣрилъ сну и не писалъ графинѣ. Спустя недѣлю, опять приснился ему тотъ же священникъ и повторилъ ему то же самое. Но протоіерей и на этотъ разъ не рѣшился писать. Наконецъ, умершій еще разъ приснился, сдѣлалъ ему выговоръ за неисполненіе и прибавилъ: если ты пропустишь хотя одну почту и не напишешь ей: то твое извѣстіе уже не застанетъ ея въ живыхъ, и Богъ взыщетъ съ тебя. Протоіерей проснулся, подумалъ, опять заснулъ, и вотъ—новый сонъ: онъ—какъ будто на кладбищѣ, въ томъ краю, гдѣ жила графиня, а графиня въ толпѣ народа проситъ у какого-то старичка денегъ; но тотъ отказалъ, а протоіерей далъ ей столько денегъ, сколько было нужно, и послѣ того увидѣлъ на томъ же кладбищѣ небольшую комнату графини. Пробудившись отъ сна, онъ сряду же написалъ графинѣ письмо и совѣтовалъ ей каждый часъ быть готовою къ смерти. Она показала это письмо своему духовнику и въ тотъ же день исповѣдалась, а на другой день пріобщилась св. Таинъ и вскорѣ послѣ пріобщенія въ тотъ же день внезапно скончалась, 6 октября 1848 г. (Душеп. чт., 1862 г., февр. кн., 242—245).

14. Въ книгѣ В. Желиховской подъ заглавіемъ: „Необъяснимое или необъясненное“ мы находимъ слѣдующій очень интересный разсказъ.

Весной 1867 г., я ѣздила въ Петербургъ, чтобы привести сестру Лизу, кончившую курсъ въ институтѣ. Разумѣется, я не преминула заѣхать и въ вѣчно милый мнѣ Псковъ, гдѣ, несмотря на всю пережитую въ разлукѣ жизнь, и теперь еще найдутся у меня друзья. Тогда же ихъ было еще много!..

Самыми дорогими изъ всѣхъ я считала семью П—выхъ, состоявшую изъ четырехъ сестеръ. Что это были за милыя, умныя, образованныя и привѣтливыя женщины! Я, какъ и многіе другіе, не знала лучшаго удовольствія, какъ бывать въ ихъ деревнѣ Щеглицахъ, верстахъ въ 25 отъ Пскова, при устьѣ р. Великой. Какое прекрасное мѣсто, что за виды съ широкой террасы и изъ сада, сбѣгающаго по крутизнѣ къ рѣкѣ на Псковское озеро, по которому плавно идутъ пароходы, скользятъ парусныя лодки!.. Ихъ свѣтлый, уютный, просторный домъ всегда гостепріимно вмѣщалъ въ себѣ много друзей и посѣтителей. Онъ былъ въ этомъ сходенъ съ сердцами своихъ владѣлицъ, умѣвшихъ вмѣстить въ себѣ много честныхъ чувствъ и много горячихъ привязанностей.

Какъ искренне я была опечалена, узнавъ, что старшая сестра, Анна Петровна, недавно умерла! Какъ-то странно было представить себѣ Щеглицкій домъ, Щеглицкихъ хозяекъ—безъ нея! Казалось, онѣ должны были, осиротѣвъ, представлять изъ себя нѣчто въ родѣ красиваго зданія—безъ крыши, храма—безъ купола!.. Да оно такъ и было. Несмотря на радостный привѣтъ, которымъ меня встрѣтили на подъѣздѣ, на веселый, оживленный говоръ трехъ сестеръ, я тотчасъ же увидала, что на всемъ домѣ еще лежитъ траурная печать, гнететъ долу вся и всѣхъ великое горе, скорбь, не успѣвшая притупиться!..

Не прошло и десяти минутъ, какъ разговоръ самъ собой обратился на вѣчную тему воспоминаній о дорогой, незабвенной отшедшей. Не скрывая слезъ, милыя мои старушки пустились разсказывать мнѣ о ея послѣднихъ дняхъ на землѣ. Потомъ перешли къ ея жизни, вѣчно дѣятельной на пользу другимъ, чистой, какъ лазурь той рѣки Великой, на которой она вся прошла!.. Я и сама съ ними искренно поплакала. И сама готова была вспоминать и разспрашивать безъ конца о ея послѣднихъ годахъ. Такъ мы проговорили неустанно до полночи. Это былъ поздній часъ для рано встававшихъ сестеръ. Мы простились.

— А мы васъ и не спросили!—спохватилась одна изъ сестеръ. — Вамъ не будетъ непріятно спать въ комнатѣ Анюты? Въ ней все такъ и осталось, какъ было, уютно и удобно...

— О, нисколько!—отвѣчала я, съ убѣжденіемъ.—Что же можетъ въ этомъ быть для меня непріятнаго? Вы знаете, какіе мы были съ ней друзья.

— Да... Но вы намъ писали, помните, что у васъ иногда бывали эти спиритическія явленія,—замѣтила другая сестра.

— А развѣ тамъ бываетъ что-нибудь подобное?—спросила я, не совсѣмъ пріятно удивленная.

— О, нѣтъ! Никогда! — поспѣшили меня увѣрить.

— Горничная покойной сестры говорила, что слышала тамъ какъ-то стукъ... Вотъ такой же, какъ бывало у вашей сестрицы,— добросовѣстно прибавила Екатерина Петровна, самая младшая. Но вѣдь вамъ это не въ диковинку! Вы не испугаетесь?..

— Не испугаюсь; но лишь бы не такъ громко, чтобъ помѣшать заснуть.

Сказать по правдѣ, сестры слишкомъ много расчитывали на мою „привычку". Усталой еще съ дороги и отъ слезъ, безсонная ночь мнѣ совсѣмъ не улыбалась.

Впрочемъ, двѣ старшія сестры на перерывъ начали укорять Екатерину Петровну въ ея довѣріи къ болтовнѣ прислуги и увѣрять меня, что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ комнатѣ, гдѣ такъ свято жила и столько молилась ихъ дорогая усопшая.

Мы простились, но Екатерина Петровна вошла со мной, и мы еще съ полчаса побесѣдовали съ нею.

— Чуть что,—сказала она мнѣ, уходя,— пожалуйста не церемоньтесь. Моя комната, вы знаете, рядомъ. Постучитесь, и мы помѣняемся спальнями.

Она ушла, но вскорѣ затѣмъ вошла въ комнату старушка-горничная, давно мнѣ знакомая.

— Вы не спите, Аграфена?—сказала я.— Ужъ поздно! Идите, пожалуйста!.. Вы мнѣ совсѣмъ не нужны.

Но, къ удивленію моему, Аграфена объявила, что со времени смерти „старой барыни" она всегда спитъ тутъ, за перегородкой, на диванѣ.

— Если вамъ, сударыня, не противно, такъ я и теперича...

Я поспѣшила сказать, что, напротивъ, очень рада. Я, въ самомъ дѣлѣ, была довольна, что возлѣ меня, за ситцевой занавѣской, будетъ находиться живое существо.

Итакъ, она улеглась. Нѣкоторое время, пока я раздѣвалась, мы съ ней переговаривались кое о чемъ, вспоминая прошлое.

Пробилъ часъ.

Аграфена сладко зѣвнула, и я умолкла.

Вокругъ меня всѣ вещи и мебель покойной стояли точно въ томъ же порядкѣ, какъ и при ея жизни. Проведенные мною здѣсь съ нею часы еще такъ были живы въ моей памяти, что мнѣ такъ и казалось, что вотъ-вотъ она войдетъ, или раздастся ея добрый, веселый голосъ... Такъ думала я, умываясь, расчесывая волосы, вынимая изъ моего несессера нѣкоторыя вещи, безъ которыхъ я не умѣла обходиться и, между прочимъ, маленькое свое завѣтное евангеліе, которое бывало здѣсь и въ прежніе годы. Я положила его на ночной столикъ, на *ея* ночной столикъ, готовясь, прежде чѣмъ лечь на *ея* постель, помолиться у *ея* кіота...

„А что? Испугалась бы я, если бъ увидала *ее?* вдругъ вошло мнѣ въ голову; думаю, что *нѣтъ*"...

Вдругъ, точно въ отвѣтъ на мою мысль, въ ночномъ столикѣ Анны Петровны явственно раздались три рѣзкихъ, отчетливыхъ удара, словно кто крѣпко простучалъ ногтемъ. Я знала, что это значитъ: да! да! да!.. Я не испугалась, но отступила отъ столика, изумленная, въ недоумѣніи.

„Неужели это... *ея* отвѣтъ?"...

Нѣтъ-нѣтъ! Нѣтъ-нѣтъ!.. въ ту же секунду раздались сразу, съ нѣсколькихъ сторонъ, отрицательные, двойные удары.

Въ ту же минуту я услыхала, какъ за перегородкой поднялась Аграфена.

Невидимые дѣятели будто этого только и ждали! Стуки начали раздаваться во всей комнатѣ и даже за ея стѣнами, въ ставни, въ оконныя стекла, вездѣ и отовсюду. Удары были не громкіе, но рѣзкіе, точно кто выбивалъ дробь маленькими палочками, во всѣхъ углахъ и на всѣ лады.

„Эге!.. Это плохо! Не дадутъ заснуть"!..

— Вотъ еще напасть какая! Что жъ это такое?..—какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль раздался шопотъ горничной.

— А что?.. Развѣ прежде этого не бывало?—спросила я.

— Было какъ-то, разъ... А потомъ ничего не стало слышно... А это что же?... совсѣмъ не хорошо!

Аграфена поднялась. Осмотрѣла всѣ стѣны, ощупала окна и столы, заглянула ко мнѣ.

— Вамъ, сударыня, не боязно?

— Боязно-то не боязно, положимъ. Да только спать нельзя!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло!.. Какъ же тутъ быть?.. Аль сбѣгать въ садъ, посмо-

трѣть?.. Ишь ихъ какъ въ ставни отколачиваетъ... что за диво?!..

— Диво, дѣйствительно, диво; но въ садъ ходить не зачѣмъ, вѣдь ничего не увидишь!.. Можетъ, и такъ угомонится, Давай-ка лучше помолимся да ляжемъ, Аграфенушка, авось, заснемъ!

Но я не могла заснуть!

Тысячи мыслей наполняли мою голову. Я стояла передъ образами, облитыми тихимъ сіяніемъ неугасимой лампады, и думала, думала... Что это?.. Зачѣмъ это?.. Кому это нужно?.. Кто этимъ руководитъ?.. Положимъ, тамъ, гдѣ призываютъ, гдѣ есть медіумъ... Наконецъ, ради какой-нибудь цѣли, со смысломъ—чтобъ убѣдить кого нибудь, или въ чемъ предупредить... Но такъ,—ни съ того, ни съ сего, — мѣшая спать, пугая иныхъ, всѣмъ досаждая!.. Зачѣмъ это допускается?

И вдругъ я возмутилась духомъ.

„Вѣдь это *не она?..* Не можетъ быть, чтобы она — такая добрая, разумная, деликатная! Чтобы она сама или съ ея согласія... Нѣтъ, нѣтъ!.. Но если *не* она, если она не знаетъ, что творится въ этомъ мѣстѣ, гдѣ она провела всю свою земную жизнь, — я *хочу,* чтобъ она услышала, увидала! Чтобы *ея волей прекратился этотъ шумъ*“!..

Я встала, одушевленная необычайнымъ приливомъ воли, и начала усердно молиться. Я была увѣрена, что эта „недостойная кутерьма“ сейчасъ же должна будетъ прекратиться!

И она, дѣйствительно, начала утихать... Удары становились все слабѣе, будто уходили вдаль, и наконецъ замерли... Я помолилась, какъ всегда, быть-можетъ, нѣсколько горячѣй обыкновеннаго и снова задумалась.

Задумалась я глубоко, устремивъ пристальный взглядъ на озаренныя колебавшимся свѣтомъ иконы, совсѣмъ забывъ о времени и о томъ, что я стою на молитвѣ. Передать моихъ мыслей я не умѣю! Знаю лишь то, что всѣ онѣ сводились къ одному:

„*Точно ли любовь переживаетъ все?... Отшедшіе видятъ ли, понимаютъ ли, любятъ ли насъ, живыхъ*“?..

Я такъ углубилась въ свои мысли, что не сразу отвлекъ меня отъ нихъ раздававшійся за мною шорохъ. Услыхавъ его, я не только не испугалась, а даже въ первую минуту не обратила на него вниманія...

Шорохъ послышался снова, явственнѣй.

Мнѣ показалось, что за моей спиной кто-то открываетъ книгу, точно шелеститъ листами...

Тогда только я опомнилась, повернулась назадъ, отъ кіота къ кровати, и увидала, что на ночномъ столикѣ лежитъ *открытое* уже евангеліе... Въ изумленіи, съ сильно бьющимся сердцемъ, подошла я, взглянула въ открытую страницу, и первая строка, бросившаяся мнѣ въ глаза, служила прямымъ отвѣтомъ на мои думы.

...„*Богъ не есть Богъ мертвыхъ, — но живыхъ!*“ прочла я.

Я заснула поздно въ эту ночь, но спала спокойно. Послѣдней мыслью моей, на сонъ грядущій, было:

„Вотъ *это* ея дѣло! Это сдѣлала *она!*“

И я до сихъ поръ такъ думаю и твердо въ это вѣрю. Въ свое время случай этотъ былъ мною разсказанъ всѣмъ моимъ близкимъ. Сестры П—вы узнали о немъ въ то же утро. Раньше еще, чѣмъ я поднялась, разсказъ Аграфены о непонятныхъ ночныхъ стукахъ сильно смутилъ богобоязненныхъ старушекъ; но когда я разсказала имъ заключительныя подробности этой замѣчательной ночи, онѣ немного успокоились, вполнѣ раздѣливъ мой взглядъ на все происшествіе. („Необъяснимое или необъясненное“ В. Желиховской, Спб. 1885 г., стр. 62—70).

На этомъ мѣстѣ нашего общаго съ читателемъ пути, полагаю, не лишнее будетъ осмотрѣться и привести въ ясность, чего до сихъ поръ успѣли мы достигнуть. Читатель, можетъ - быть, допуститъ, что у насъ, дѣйствительно, установлена теперь на достаточно твердыхъ основаніяхъ возможность появленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ (чрезъ посредство ли колокольчиковъ, или инымъ путемъ) разныхъ шумовъ, которые мы можемъ логически приписать только сверхміровымъ или спиритуальнымъ причинамъ; но чего же, спроситъ онъ, достигаемъ мы этимъ доказательствомъ? Онъ въ правѣ далѣе замѣтить, что доказательства загробной жизни должны бы, по существу дѣла, имѣть характеръ торжественный и внушать благоговѣніе, а не выражаться въ такихъ пустякахъ и шалостяхъ, какъ звонъ колокольчиковъ или удары въ стѣну.

Можно бы отвѣтить на это однимъ общимъ соображеніемъ. Между явленіями окружающей насъ природы, какъ бы низко иныя изъ нихъ ни ставилъ человѣкъ, нѣтъ ничего мелкаго и ничтожнаго въ глазахъ Того —

Кто съ высоты Своей державной мощи,
Какъ Богъ всего, что только есть—живого
И не живого, смотритъ равнымъ окомъ
На все творенье... Падаетъ ли съ вѣтки
Подстрѣленная птица,— иль герой,
Сраженный въ битвѣ, испускаетъ духъ;
Одинъ ли атомъ гибнетъ, или съ нимъ
Кончается система; исчезаетъ
Съ лица воды набухшій пузырекъ,
Иль рушится внезапно въ прахъ и пепелъ
Прекрасная планета... все равно!

Но, минуя эту великую истину, спрошу васъ: есть ли что нибудь торжественное или внушающее благоговѣніе для обыкновеннаго ума, напримѣръ, въ паденіи яблока съ дерева,

его вскормившаго? Ребенокъ видитъ паденіе и бьетъ въ ладошки; простой крестьянинъ принимаетъ его за признакъ, что плодовый садъ начинаетъ дозрѣвать, но Ньютона оно наводитъ на слѣдъ закона, управляющаго движеніемъ планетъ и дѣйствующаго въ большей половинѣ всѣхъ естественныхъ явленій, какія встрѣчаются въ мірѣ.

На вопросъ, чего достигаемъ мы установленіемъ такихъ фактовъ, отвѣчу замѣчаніемъ Соути. Въ своей книгѣ „Жизнь Уэсли", говоря о подобныхъ же безпокойствахъ въ пасторскомъ домѣ Самуэля Уэсли и о томъ, какую добрую цѣль можно предполагать въ подобныхъ явленіяхъ, онъ очень основательно замѣчаетъ: хорошо уже будетъ и то, если „констатированная истинность хоть одной такой исторіи, какъ бы мелочна и безцѣльна ни была самая исторія въ другихъ отношеніяхъ", заставитъ порой задуматься когонибудь изъ этихъ несчастныхъ скептиковъ, не видящихъ ничего за узкимъ кругомъ своего земного существованія, и приведетъ его къ вѣрѣ въ безсмертную жизнь.

Мы ступимъ еще на шагъ далѣе. Между міромъ, въ которомъ мы теперь живемъ, и тѣмъ, въ который переходимъ по смерти, нѣтъ вѣрнаго, постояннаго сообщенія: только по временамъ, очень рѣдко, обитатели одного міра замѣчаютъ жителей другого. Мы представляемся безсмертнымъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь вродѣ привидѣній, такъ же точно, какъ и они намъ — въ тѣ минуты, когда посѣщаютъ землю. Но если кто когда-нибудь истинно любилъ и допускаетъ будущую жизнь, для того не можетъ быть сомнѣнія, что лучшія изъ существъ, отошедшихъ съ земли и оставившихъ здѣсь своихъ друзей и родныхъ, нѣкоторое время еще ищутъ ихъ близости и сочувствуютъ имъ. Мы видимъ множество примѣровъ тому, даже на этихъ страницахъ, что часто они горячо желаютъ убѣдить насъ, — убѣдить до полной несомнѣнности, — въ своемъ продолжающемся бытіи, въ своемъ благополучіи и въ своей не умирающей любви. Примѣры свидѣтельствуютъ, что они очень усиленно добиваются общенія съ нами, иногда по чувству любви, иногда и по другимъ побужденіямъ; но достигаютъ до насъ только съ большимъ трудомъ. И эти трудности поставлены между нами и ими, конечно, не безъ мудрой цѣли: потому что, если бы духовныя сношенія были такъ же просты, какъ мірскія связи, кто же согласился бы еще жить и томиться въ этомъ смутномъ и трудномъ мірѣ?

Къ нимъ приходитъ по временамъ желаніе посѣтить насъ. Но, являясь изъ своего духовнаго міра, въ своемъ духовномъ образѣ, незримомъ для нашихъ глазъ и безмолвномъ для нашего слуха, какъ обнаружить имъ передъ нами свое присутствіе? Какъ привлечь имъ на себя наше вниманіе?

Что дѣлаетъ путникъ, подходящій въ глухую ночь къ дверямъ запертаго дома, если хочетъ проникнуть къ живущимъ въ немъ, — хочетъ заявить имъ о своемъ присутствіи? Не достигаетъ ли онъ своей цѣли стукомъ или звономъ.

Почему не допустить, что слова Писанія читаются и на томъ свѣтѣ, что они и тамъ тоже находятъ себѣ примѣненіе? И почему бы безсмертная любовь, тоскующая по земному, не могла слѣдовать этимъ словамъ Христа: „ищите и найдете; стучите и отворится вамъ!"

Жители дома, въ который просится путникъ, не видя никого во мракѣ, могутъ сначала его стукъ или звонъ оставлять безъ вниманія, — и путникъ на тотъ разъ, пожалуй, и отойдетъ, обманувшись въ ожиданіяхъ. Такъ это и могло быть въ случаяхъ, подобныхъ разсказанному выше. Во многихъ, пожалуй, и во всѣхъ такихъ случаяхъ, какой-нибудь духъ искалъ, быть-можетъ, сообщенія съ землею. (Робертъ Дэль-Оуэнъ: „Спорная область между двумя мірами", Спб. 1881 г., стр. 51—67).

15. Подъ заглавіемъ „Телепатія", журналъ „Annales des Sciences Psychiques" даетъ описаніе замѣчательнаго случая, повидимому, вполнѣ удостовѣреннаго. Онъ сообщенъ г-мъ Ріондель, живущимъ въ Монтелимарѣ. Мы здѣсь приводимъ самую существенную часть письма, написаннаго Ріонделемъ редактору „Annales", 23-го мая 1894 г., спустя семь или восемь недѣль послѣ происшествія.

„У меня былъ младшій братъ, который умеръ сорока лѣтъ отъ роду, 2-го апрѣля этого года. Онъ служилъ при телеграфѣ въ Марселѣ, а также былъ агентомъ „Messageries Maritimes".

Мой братъ страдалъ сильнымъ малокровіемъ и болотной лихорадкой, которую пріобрѣлъ, благодаря продолжительному пребыванію въ колоніяхъ; однако, смерть его была совершенной неожиданностью; никто не могъ предполагать такого быстраго, рокового исхода болѣзни. Въ воскресенье, 1-го апрѣля, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, говорилъ, что чувствуетъ себя отлично.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ я былъ внезапно разбуженъ необычайнымъ и сильнымъ шумомъ; казалось, будто цѣлая каменная плита съ грохотомъ катится по паркету моей комнаты; я спалъ одинъ, и двери спальни были заперты на ключъ. Я посмотрѣлъ на часы и на будильникъ,

стоящій въ спальнѣ. Они показывали безъ четверти два часа.

Само собою разумѣется, я утромъ тщательно, но тщетно, искалъ по комнатѣ предмета, который такъ сильно испугалъ меня ночью.

Въ восемь часовъ утра я получилъ телеграмму отъ близкаго пріятеля моего брата, который занималъ сосѣднюю съ братомъ квартиру въ домѣ № 35, Rue de la République, въ Марселѣ.

Телеграмма извѣщала меня о серьезной болѣзни брата и требовала моего немедленнаго пріѣзда къ нему.

Когда я прибылъ въ Марсель, мнѣ сказали, что братъ сегодня ночью умеръ, безъ агоніи, безъ страданій, не произнеся передъ смертью ни одного слова.

Я освѣдомился о точномъ часѣ его смерти у друга, на рукахъ котораго онъ умеръ; оказалось, что братъ скончался ровно безъ четверти два.

Моя старушка мать, слѣпая уже въ теченіе пятнадцати лѣтъ, также слышала три ночи сряду сильный шумъ у дверей своей спальни, но это произошло нѣсколько ночей спустя послѣ смерти ея сына.

Необходимо прибавить, что я счелъ нужнымъ скрыть отъ нея смерть брата; она сама такъ слаба, что это извѣстіе убило бы ее. Она и до сихъ поръ не знаетъ, что ея милаго сына нѣтъ болѣе въ живыхъ.

По возвращеніи моемъ съ похоронъ, мать моя, подъ вліяніемъ слышанныхъ ею шумовъ, сказала мнѣ въ присутствіи моей жены: „въ теченіе нѣсколькихъ ночей я получала предостереженія на счетъ здоровья твоего брата. Ты долженъ немедленно ѣхать къ нему, онъ, навѣрно, очень боленъ, и отъ тебя это скрываютъ“. Мнѣ удалось успокоить мать и убѣдить ее въ неосновательности ея предчувствій.

Вотъ факты буквально такъ, какъ они произошли. Вы можете, если найдете нужнымъ, напечатать полностью мое имя и мой адресъ“.

(Подпись) А. Ріондель. Адвокатъ. („Ann. des Sc. Psych“. 1895 г., № 4, сн. „Ребусъ“, 1895 г., № 44).

16. Въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, проживала въ собственномъ помѣстьѣ помѣщица Муромцева, урожденная графиня Т—тая, живущая и по настоящее время въ Данковскомъ уѣздѣ. У графини было два родныхъ брата, оба военные и оба участники славной Крымской кампаніи. На первыхъ же порахъ военныхъ дѣйствій въ Севастополѣ, одинъ изъ братьевъ былъ или убитъ въ началѣ кампаніи, или, заболѣвъ опасно, умеръ въ госпиталѣ; другой братъ находился постоянно въ Севастополѣ. Таинственное явленіе, о которомъ я хочу сказать, случилось въ первый день Св. Пасхи и произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: г-жа Муромцева, возвратясь утромъ изъ церкви и чувствуя утомленіе, пожелала отдохнуть. Едва она улеглась въ постель, какъ услышала совершенно ясно и отчетливо чьи-то шаги, которые явно направлялись къ ея кровати, закрытой пологомъ. Вотъ кто-то остановился и вдругъ открылъ пологъ; она взглянула и остолбенѣла отъ ужаса: передъ нею стоялъ *умершій братъ*, который сказалъ ей: „Христосъ воскресе, сестра, поздравляю тебя съ праздникомъ! Я пришелъ сказать тебѣ, что нашъ братъ сегодня убитъ въ Севастополѣ!“ Сказавши эти слова, призракъ такими же шагами вышелъ изъ спальни. Все это длилось нѣсколько мгновеній, и вотъ, когда призракъ брата скрылся, графиня, дрожа всѣмъ тѣломъ, разразилась истерическимъ плачемъ. На крикъ и рыданія ея тотчасъ же явилась ея прислуга и приняла немедленно всѣ мѣры, чтобы успокоить барыню. Придя въ себя, графиня разсказала о случившемся съ нею. Исторія эта вскорѣ сдѣлалась извѣстна всему населенію города Данкова и Данковскаго уѣзда и дошла до мѣстныхъ властей. Исправникомъ тогда въ Данковскомъ уѣздѣ былъ полковникъ *Никаноръ Петровичъ Бѣлокопытовъ*, нынѣ почтеннѣйшій старецъ, проживавшій въ отставкѣ въ городѣ Боровскѣ, Калужской губерніи. Онъ и его жена неоднократно разсказывали это таинственное происшествіе, случившееся почти на ихъ глазахъ и замѣчательное тѣмъ, что, спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго происшествія, графиня получила извѣстіе, что въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ то именно самое время, когда къ ней являлся призракъ, второй ея братъ, дѣйствительно, былъ убитъ во время предпринятой тогда имъ, вмѣстѣ съ другими офицерами, вылазки противъ непріятеля. (Изъ „Петерб. листка“, сн. „Ребусъ“, 1884 г., № 25).

17. Въ Луцкѣ настоятельницею „шарытокъ“ была панна Ядвига Поляновская, внучка извѣстнаго Поляновскаго, который вмѣстѣ со Станиславомъ Лещинскимъ ставили свои кандидатуры на польскій престолъ... Панна Поляновская была извѣстною опекуншею несчастныхъ вдовъ и сиротъ, и къ ней со всѣхъ сторонъ обращались за помощью. Часто случалось, что даже среди ночи къ ней прибѣгали, прося помощи, и когда пришедшій стучалъ въ двери, то прислуживающая маленькая дѣвочка отворяла ихъ, не спрашивая барыни. Панна Поляновская занимала въ монастырѣ двѣ комнатки на второмъ этажѣ.

За несколько дней передъ описываемымъ случаемъ умеръ капеланъ шарытокъ, ксендзъ Слезнинскій. И вотъ однажды, поздно вечеромъ, когда настоятельница ходила по комнатѣ, читая молитву, а прислуга стлала постель, постучали въ двери; по обыкновенію, служанка побѣжала отворять. Но въ то же мгновеніе настоятельницею овладѣло какое-то удивительное чувство, котораго даже впослѣдствіи она не умѣла опредѣлить; поэтому она сказала служанкѣ:

— Не отворяй! спроси, кто такой?

Служанка исполнила приказаніе — спросила,—тотчасъ же изъ-за дверей послышался голосъ:

— Ксендзъ Слезнинскій.

Панна Поляновская, ничего не пугаясь, отвѣчала:

— Прошу къ окну.

Она хорошо знала, что если это была простая мистификація, то она не удастся, такъ какъ окно было на второмъ этажѣ. Однако, она обратила вниманіе на удивительный, неопредѣлимый звукъ голоса. Это не былъ обыкновенный голосъ, какой слышится, когда мы съ кѣмъ-нибудь разговариваемъ,—но такой же, какой иногда приходится слышать *въ мысли,* голосъ хорошо извѣстныхъ, но отсутствующихъ лицъ, однако, онъ слышится такъ ясно, какъ если бъ мы имѣли говорящаго передъ собой.

Итакъ, она подошла къ окну и подняла спущенную занавѣску; въ то же мгновеніе въ окнѣ показался ксендзъ Слезнинскій въ той же одеждѣ, въ какой былъ похороненъ.

— Что вамъ угодно?

— Заупокойной обѣдни за мою душу.

— Такъ идите сами къ пріору,—онъ мнѣ не повѣритъ, если скажу ему, что вы были у меня.

Сказавши это, она опустила занавѣску. Осмотрѣвшись вокругъ и не увидѣвъ нигдѣ служанки, она начала искать ее и нашла подъ кроватью въ обморокѣ. Когда она ее оттуда вытащила и привела въ чувство, то спросила:

— Что съ тобою?

— Ай, барыня! ксендзъ Слезнинскій былъ въ окнѣ!

Панна Поляновская ничего не отвѣчала и стала ходить по комнатѣ, кончая прерванную молитву. Потомъ она совершенно спокойно легла въ постель. На другой день она пошла къ ранней обѣднѣ и нашла у алтаря смертельно блѣднаго пріора, который служилъ заупокойную обѣдню. Послѣ обѣдни къ настоятельницѣ подошелъ церковнослужитель, сообщая, что пріоръ проситъ ее къ себѣ на нѣсколько словъ. Когда панна Поляновская вошла въ закрыстію, пріоръ воскликнулъ, ломая руки:

— Г-жа настоятельница, развѣ это хорошо насылать на меня покойниковъ?

— А развѣ вы, ксендзъ пріоръ, повѣрили бы мнѣ, если бъ я сказала, что у меня былъ ксендзъ Слезнинскій и просилъ обѣдни?!

Пріоръ ничего не отвѣчалъ и только опустилъ на грудь голову. Бѣдняга со страху заболѣлъ тифозною горячкою и едва не умеръ (См. кн. В. Битнера: „Вѣрить или не вѣрить?“ Спб. 1899 г., стр. 94—96).

18. Въ 1853 году, въ г. Р., въ Массачусэтѣ, жила очень уважаемая и достаточная семья, имя которой, хотя оно и извѣстно мнѣ, я не уполномоченъ здѣсь открывать, говоритъ Робертъ Оуэнъ. Пусть это будутъ г. и г-жа Л.

Г-жа Л., когда ей было около двѣнадцати лѣтъ (въ 1830 г.), была очевидцемъ одного изъ такихъ явленій, которыя не забываются никогда и оказываютъ сильное вліяніе на образъ мыслей и чувствованія человѣка во всю послѣдующую жизнь.

Въ то время жила въ домѣ ея матери, уже въ послѣднемъ періодѣ безнадежной болѣзни, одна дама, по фамиліи Маршаль, которой изъ побужденій милосердія дали временный пріютъ.

Цецилія,—такъ звали г-жу Л.,—засидѣлась однажды вечеромъ позднѣе обыкновеннаго и, по-дѣтски, прилегла и заснула на диванѣ въ гостиной.

Проснувшись черезъ нѣсколько времени, она сообразила, что должно быть уже поздно, потому что огонь въ каминѣ догоралъ, и въ комнатѣ было пусто. Сдѣлавъ движеніе, чтобы подняться, она вдругъ увидѣла, что фигура г-жи Маршаль, одѣтая въ бѣломъ, наклоняется надъ нею. „О, г-жа Маршаль“,—воскликнула она,—„зачѣмъ вы сошли сюда? Вѣдъ вы можете простудиться!“ Фигура улыбнулась, не отвѣчала ничего, но, направляясь къ двери, сдѣлала знакъ Цециліи, чтобы она слѣдовала за нею. Та повиновалась не безъ нѣкотораго чувства страха, и еще съ большимъ страхомъ наблюдала, какъ этотъ образъ, который все еще принимала она за г-жу Маршаль, поднимался обратно вверхъ по лѣстницѣ, медленнымъ скользящимъ движеніемъ, къ дверямъ своей спальни. Цецилія шла слѣдомъ, и когда была уже на площадкѣ лѣстницы, образъ г-жи Маршаль на ея глазахъ, не поворачивая замка и не отворяя двери въ комнату, прошелъ туда, какъ будто бы черезъ вещество стѣны, и пропалъ такимъ образомъ у нея изъ виду.

Крикъ дѣвочки привлекъ къ ней мать, которая, вышедши изъ комнаты г-жи Маршаль, спросила ее, въ чемъ дѣло. „О мама, мама“,—

воскликнуло испуганное дитя, — „развѣ это было привидѣніе?..“

Мать побранила ее сперва за глупыя фантазіи; но когда Цецилія передала ей подробно то, что видѣла, мать содрогнулась. И было отъ чего. Прошло не болѣе получаса, какъ г-жа Маршаль скончалась на ея глазахъ!

Ей вспомнилось и то, что за нѣсколько минутъ передъ смертью г-жа Маршаль поминала про Цецилію, которая была ея любимица, и выражала горячее желаніе съ нею повидаться. Но г-жа Ф., опасаясь слишкомъ сильнаго дѣйствія такой сцены на ребенка, остереглась позвать ее.

Горячее желаніе не созрѣло ли вдругъ въ дѣйствіе, когда сброшены были земныя путы? Предсмертный порывъ не былъ ли всетаки удовлетворенъ, не смотря на предосторожности матери?

Вотъ еще какой сонъ или видѣніе имѣла г—жа Л. разъ ночью, въ началѣ ноября 1853 года. Ея сестра Эсѳирь, незадолго передъ тѣмъ вышедшая замужъ, нѣсколько недѣль назадъ выѣхала съ своимъ мужемъ въ Калифорнію, и родные ожидали въ скоромъ времени извѣстій о ея прибытіи. И вотъ, эта сестра какъ будто подошла къ ея постели и сказала: „Цецилія, отправимся со мною въ Калифорнію“. Г-жа Л. въ своемъ снѣ возразила ей, что не можетъ оставить мужа и дѣтей для такого длиннаго и тяжелаго путешествія.

— Мы очень скоро туда прибудемъ, — сказала Эсѳирь, — и ты возвратишься домой къ утру.

Предложенное путешествіе во снѣ не показалось ей невозможнымъ. Она встала съ постели, взялась за руку сестры,—и чувствовала, что, вотъ, онѣ поднялись и быстро пронеслись черезъ огромное пространство. Спустились онѣ у жилища, очень простого и грубаго по виду, какого въ своемъ воображеніи никогда не отвела бы она сестрѣ въ этой новой странѣ, куда та поѣхала съ мужемъ искать счастья. Сестры вошли, и Цецилія узнала своего зятя; онъ былъ грустенъ и одѣтъ въ трауръ. Тогда Эсѳирь ввела ее въ комнату, посреди которой стоялъ открытый гробъ, и указала на лежавшее въ немъ тѣло. Это было собственное тѣло Эсѳири, мертвенно-блѣдное на видъ. Г-жа Л. взглянула въ нѣмомъ изумленіи сперва на лежавшій передъ нею трупъ, потомъ на тотъ образъ, видимо сіяющій жизнью и умомъ, который привелъ ее сюда. На ея вопросительный и изумленный взглядъ этотъ живой образъ отвѣчалъ: „да, сестра, это тѣло было моимъ; но болѣзнь сразила его. Я заболѣла холерой и перешла въ другой міръ. Мнѣ хотѣлось показать это тебѣ, чтобы приготовить васъ къ вѣсти, которую скоро вы обо мнѣ получите.“

Черезъ нѣсколько времени г-жа Л., какъ ей казалось, снова поднялась на воздухъ, опять перенеслась черезъ огромное пространство и наконецъ вошла въ свою спальню. Скоро она проснулась, съ такимъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго сна, что долго не могла уяснить себѣ, во снѣ ли, или наяву совершила она это путешествіе.

— Какой я видѣла сонъ!—тотчасъ сказала она мужу.

Но неодобрительное: „ахъ, ты вѣчно со своими снами!“ замкнуло ей ротъ; и она не сказала о томъ ни слова больше—ни ему и никому другому въ семьѣ.

Недѣли четыре спустя, калифорнійская почта принесла письмо отъ мужа Эсѳири, которымъ тотъ извѣщалъ родныхъ о внезапной смерти его жены отъ холеры—наканунѣ той самой ночи, какъ г-жа Л. видѣла свой сонъ.

Когда, мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ того, возвратившійся въ Массачусэтъ зять услышалъ отъ г-жи Л. описаніе грубаго жилья, въ которое она видѣла себя перенесенною во снѣ, онъ подтверждалъ, что описаніе соотвѣтствуетъ во всѣхъ подробностяхъ тому дому, въ которомъ жена его дѣйствительно умерла. (Робертъ Дэль-Оуенъ: „Спорная область между двумя мірами“ Спб. 1881 г.

19. *Кающаяся служанка.* Есть нѣкто миссъ В., молодая дѣвушка, моя близкая и добрая знакомая, характера прямого, развитая и образованная, отрасль одной изъ старыхъ нью-йоркскихъ фамилій. Нѣсколько лѣтъ назадъ она прогостила недѣлю или двѣ у своей тетки, гостепріимной хозяйки обширнаго и прекраснаго стараго дворца на рѣкѣ Гудсоновой. Въ этомъ дворцѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ старинныхъ замкахъ Европы, была одна комната, которая давно уже слыла „непокойною“. Говорили объ этомъ мало, но комнатою не пользовались, кромѣ случаевъ самой настоятельной надобности. Въ пору пребыванія тамъ миссъ В. гостей собралось особенно много, и хозяйка, извиняясь, обратилась къ своей племянницѣ съ просьбой, не уступитъ ли она свою комнату на день или на два вновь прибывшимъ гостямъ, рискуя выдержать въ другой посѣщеніе привидѣнія. Миссъ В. отвѣчала, что она не боится посѣтителей съ того свѣта, — и дѣло было рѣшено.

Дѣвушка легла спать спокойно и безъ всякаго страха. Проснувшись около полуночи, она увидѣла, что по ея комнатѣ ходитъ пожилая женщина, въ опрятномъ, немного старомодномъ платьѣ,—очевидно, изъ старшихъ служанокъ; но лицо ея было не-

знакомо. Сначала миссъ В. не почувствовала никакой тревоги, рѣшивъ, что это одна изъ служанокъ дома, пришедшая сюда за какою-нибудь надобностью; но, по минутномъ раздумьи, она вспомнила, что, ложась спать, замкнула дверь. Это смутило ее, и ея ужасъ еще возросъ, когда фигура подошла къ постели, наклонилась къ ней и видимо дѣлала усилія, хотя и напрасныя, заговорить. Въ страшномъ испугѣ, миссъ В. натянула одѣяло себѣ на голову; а когда, немного спустя, рѣшилась выглянуть, фигуры уже какъ не бывало. Она бросилась къ двери, и дверь оказалась по-прежнему замкнутою изнутри.— „Но развѣ возможны такія вещи, какъ привидѣнія?“ размышляла она, улегшись опять въ постель; „это было нѣчто реальное, если только вѣрить своимъ глазамъ“. Въ такомъ убѣжденіи, спустя два-три безсонныхъ часа, она заснула. Но на утро, при яркомъ свѣтѣ дня, этотъ выводъ уже не казался ей такимъ несомнѣннымъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ перешелъ,—какъ это бываетъ съ молодыми людьми,—въ чувство какой-то смутной вѣры.

Затѣмъ, однако жъ, случилось обстоятельство, оживившее эту вѣру въ реальность ея полуночной гостьи до степени уже непоколебимой увѣренности. Принявъ приглашеніе одной короткой своей пріятельницы погостить у нея нѣсколько дней, она открыла, что хозяйка ея предается очень спокойнымъ образомъ спиритуалистическимъ опытамъ. Миссъ В., заинтересованная предметомъ, по части котораго слышала много толковъ, но наблюдала сама еще очень мало, приняла участіе въ нѣсколькихъ сеансахъ своей знакомой.

При одномъ изъ этихъ случаевъ, объявившійся духъ назвалъ себя Сарою Клэркъ,— именемъ, которое обѣимъ дамамъ было незнакомо. Сущность сообщенія состояла въ томъ, что она, Клэркъ, за много лѣтъ назадъ служила ключницей въ семействѣ тетки миссъ В.; что пыталась, но безуспѣшно, войти въ непосредственное сношеніе съ миссъ В., когда та въ послѣдній разъ гостила въ старомъ дворцѣ; что цѣлью ея тогда было повиниться въ одномъ преступленіи, ею совершенномъ, и испросить у своей бывшей госпожи прощеніе. Непобѣдимое желаніе исполнить это (прибавила она) побуждало ее посѣщать комнату, которую она занимала при жизни. Далѣе, она сообщила, что, бывъ ключницей, соблазнилась похитить и скрыть нѣсколько вещицъ семейнаго сервиза, въ томъ числѣ серебряную сахарницу и другіе предметы, которые всѣ перечитала, и что она была бы очень благодарна миссъ В., если бы та сказала обо всемъ этомъ своей теткѣ и выразила ей глубокое сожалѣніе ея, Клэркъ, о своемъ поступкѣ и надежду получить прощеніе.

Въ первый же за тѣмъ пріѣздъ къ своей теткѣ, м. В. спросила ее, знала ли она когда нибудь личность, по имени Сара Клэркъ.

— Еще бы,—отвѣчала та:—Клэркъ служила ключницей у насъ въ семействѣ, что-то тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ.

— Что это была за личность?

— Хорошая, заботливая, аккуратная женщина.

— Не пропало ли у васъ, тетушка, въ то время какихъ-нибудь серебряныхъ вещей?

Тетка подумала.

— Да, кажется, такъ: серебряная сахарница и нѣсколько другихъ вещей исчезли какимъ-то необъяснимымъ образомъ. Съ какой стати ты спрашиваешь?

— Подозрѣвали вы когда нибудь Сару въ этой покражѣ?

— Нѣтъ. Конечно, она имѣла доступъ къ вещамъ, но мы считали ее слишкомъ честной, чтобы провиниться въ воровствѣ.

Тогда миссъ В. передала извѣстіе, полученное ею и ея знакомой; и, по сличеніи свѣдѣній, оказалось, что перечень вещей, сообщенный Сарою обѣимъ дамамъ, точно отвѣчалъ дѣйствительной пропажѣ, насколько тетка могла ее припомнить. Что эта дама думала насчетъ разсказа своей племянницы, я не знаю; она высказала только одно,— что, если Сара, дѣйствительно, взяла тѣ вещи, она очень охотно ее прощаетъ.

Замѣчательную черту этой исторіи остается еще досказать. Съ этого времени „непокойная“ комната сдѣлалась совершенно покойной. Сара Клэркъ ни разу больше не являлась никому изъ ея обитателей.

Зная положеніе и характеръ прикосновенныхъ лицъ, я могу ручаться за достовѣрность этого разсказа. Посмотримъ же, что онъ намъ откроетъ относительно будущей жизни.

Тамъ есть тревожное сокрушеніе по тяжелымъ грѣхамъ, совершеннымъ въ этой жизни.

Тамъ есть страстное исканіе прощенія со стороны тѣхъ, къ кому духъ несправедливъ былъ на землѣ. Иначе сказать, естественныя послѣдствія злыхъ дѣлъ преслѣдуютъ насъ и въ той фазѣ существованія.

Обращаю также вниманіе на сильное доказательство „личнаго тожества“, которое представляетъ разсказъ миссъ В. Имя ключницы не было извѣстно обѣимъ дамамъ, когда объявившійся ея духъ сдѣлалъ свое сообщеніе. Рѣшительно ничто не наводило ни на это имя, ни на сдѣланное признаніе. И, между тѣмъ, по повѣркѣ, и имя, и при-

знаніе оказались вполнѣ отвѣчающими тому, что было въ дѣйствительности лѣтъ тридцать или сорокъ назадъ; не говоря уже о новомъ фактѣ, вполнѣ подошедшемъ ко всему остальному: о прекращеніи духомъ его посѣщеній, какъ только у посѣтителя не стало болѣе поводовъ являться людямъ. (См. кн. Роберта Дэль Оуэна: „Спорная область между двумя мірами“, Спб., 1881 г., стр. 17—31).

20. Одинъ нашъ знакомый, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, заслуживающій полнаго довѣрія, А. Н. С—инъ, разсказалъ намъ слѣдующій случай изъ своей жизни.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — говорилъ онъ,—полюбилъ я одну дѣвушку, съ которой имѣлъ намѣреніе вступить въ законный бракъ, и уже былъ назначенъ день нашей свадьбы Но за нѣсколько дней до брака невѣста моя простудилась, получила скоротечную чахотку и черезъ три-четыре мѣсяца умерла. Какъ ни великъ былъ для меня ударъ, но время свое взяло—я забылъ о невѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, не скорбѣлъ о ней уже такъ, какъ въ первое время послѣ ея смерти.

Случилось мнѣ, однажды, по дѣламъ службы проѣзжать черезъ одинъ городъ нашей Я—ской губерніи, гдѣ были у меня родные, у которыхъ я и остановился на однѣ сутки. На ночь мнѣ отвели отдѣльную комнату. При мнѣ была собака, умная и преданная. Ночь была, какъ теперь помню, лунная, хоть читай. Только что я было началъ засыпать, какъ слышу, моя собака начинаетъ ворчать. Зная, что она никогда напрасно не ворчитъ, я подумалъ, что, вѣроятно, въ комнатѣ нечаянно заперли кошку, или пробѣжала мышь. Я приподнялся съ постели, но ничего не замѣтилъ, собака же сильнѣе и сильнѣе ворчала, видимо чего-то пугалась; смотрю—а у ней шерсть дыбомъ стоитъ. Началъ было успокаивать ее, но собака болѣе и болѣе пугалась. Вмѣстѣ съ собакою безотчетно я испугался чего-то, хотя отъ природы не былъ трусомъ, да такъ испугался, что на головѣ моей волосы дыбомъ стали. Замѣчательно, испугъ мой усиливался по мѣрѣ испуга моей собаки и дошелъ до такой степени, что, кажется, еще одна минута, я, навѣрное, лишился бы чувствъ. Но собака моя стала утихать, а вмѣстѣ съ нею и я сталъ успокаиваться и въ то же время началъ какъ бы ощущать чье-то присутствіе и ожидать появленія, самъ не зная какого. Когда совершенно успокоился, вдругъ ко мнѣ подходитъ моя невѣста и, цѣлуя меня, говоритъ: „здравствуй А. Н.! Ты не вѣришь, что за гробомъ есть жизнь, вотъ я явилась тебѣ, смотри на меня, видишь — я жива, даже цѣлую тебя. Вѣрь же, мой другъ, что со смертью не прекращается жизнь человѣка“. При этомъ она указала мнѣ, что прочитать изъ Священнаго Писанія о загробной жизни и изъ другихъ разныхъ духовныхъ сочиненій. Она сообщила мнѣ еще нѣчто, о чемъ запретила разсказывать другимъ. Когда я всталъ на другой день, то увидѣлъ себя совершенно посѣдѣвшимъ за одну ночь, такъ что мои родные испугались, когда увидѣли меня за утреннимъ чаемъ. Я долженъ при этомъ сознаться,—продолжалъ нашъ знакомый, — что до сего случая я ни во что не вѣрилъ—ни въ Бога, ни въ безсмертіе души, ни въ загробную жизнь; нѣсколько лѣтъ не ходилъ въ церковь, оставаясь безъ исповѣди и св. причастія, смѣялся надъ всѣмъ священнымъ; посты, праздники и священные обряды православной церкви для меня не существовали. Но теперь, по милости Божіей, я сдѣлался опять христіаниномъ, человѣкомъ вѣрующимъ, и не знаю, какъ благодарить Господа, что Онъ исторгъ меня изъ бездны пагубныхъ заблужденій.

Мы прибавимъ отъ себя, что А. Н. С—инъ въ настоящее время, состоя мировымъ судьею въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ сѣверозападнаго края, до того набоженъ, что, кажется, не было случая, когда бы онъ пропустилъ службу Божію. („Изъ загробн. міра“, свящ. Д. Булгакова).

21. Н. Н. М., личность высокоинтеллигентная, сообщаетъ слѣдующій случай. „Одна моя знакомая курсистка А. К. отравилась, и я считалъ себя виновникомъ ея самоубійства. Первые дни послѣ ея смерти меня такъ мучили терзанія совѣсти, что я доходилъ до отчаянія и впадалъ въ безпамятство. Припадки скоро прекратились, но я сталъ очень нервенъ. При малѣйшемъ волненіи у меня *вставали дыбомъ волоса на головѣ*. Пароксизмы отчаянія такъ отравляли мнѣ жизнь, что я съ трудомъ удерживался отъ самоубійства, которое считалъ нечестнымъ и слабохарактернымъ поступкомъ. Но критическая мысль во мнѣ не слабѣла, я могъ наблюдать надъ собою, и лѣчившій меня докторъ хвалилъ мою объективность. Однако, несмотря на пріемы разныхъ успокоительныхъ и снотворныхъ средствъ, нервность и безсонница усиливались. Только, бывало, задремлешь, какъ вновь проснешься, словно кто толкнетъ тебя.

„Однажды, недѣли три спустя послѣ того, какъ умерла А. К., я проснулся и почувствовалъ ея присутствіе. Я приписалъ это сновидѣнію. Но на другую ночь я вновь проснулся съ тою же мыслью о ея близости. Лампа еще горѣла, и товарищъ мой, ночевавшій у меня въ эту ночь, ложился спать.

„Какъ будто кто вошелъ въ комнату",— сказалъ я.

— Взойти некому, а вотъ вѣтромъ откуда-то понесло,—замѣтилъ онъ; затѣмъ спокойно задулъ лампу и легъ.

„Всю ночь я не спалъ и думалъ. Съ одной стороны, во мнѣ было чрезвычайно живо чувство присутствія А. К., съ другой—я не могъ допустить существованія души послѣ смерти. Вдумываясь въ свое ощущеніе и его причины, я пришелъ къ мысли, что слышалъ шорохъ въ коридорѣ, и этотъ шорохъ былъ шорохъ платья и шаговъ А. К. На другой день послѣ обѣда, передъ сумерками, я легъ на кровать и задремалъ. Очнулся отъ того же шелеста и сразу рѣшилъ: гляди и не двигайся. Стиснувъ зубы, крѣпко впившись ногтями правой руки въ лѣвую и широко открывъ глаза, я глядѣлъ на дверь. Отворилась она или нѣтъ, не помню, не замѣтилъ, но ясно увидѣлъ А. К. Она была въ бѣломъ платьѣ, съ синими цвѣточками, и медленно шла ко мнѣ отъ двери. Лицо привидѣнія было блѣдно и грустно. Подойдя къ самой постели, она протянула руку, чтобы положить мнѣ ее на лобъ. Отчетливо помню, что у меня мелькнуло непріятное представленіе о мертвой, холодной рукѣ; но, когда она коснулась и довольно тяжело легла мнѣ на лобъ, я ощутилъ живую, теплую, слегка влажную руку. Тѣнь сказала мнѣ нѣсколько словъ тихимъ голосомъ съ особенно убѣдительной интонаціей. Эти слова и тонъ я до сихъ поръ представляю себѣ очень живо. Тогда я вообразилъ себѣ, что она жива, вскрикнулъ, вскочилъ, хотѣлъ схватить ее, но тѣнь пропала. Мой крикъ слышалъ шедшій ко мнѣ другъ.—Я думалъ, что ты зарѣзался,— сказалъ онъ мнѣ, вскочивъ съ испуганнымъ лицомъ въ комнату.—Я видѣлъ С., сказалъ я ему.—Галлюцинація!—замѣтилъ онъ, но внимательно осмотрѣлъ комнату и, помолчавъ, добавилъ: „ты озонъ добывалъ, что ли? У тебя сильно пахнетъ озономъ". Дѣйствительно, озономъ пахло сильно, но онъ былъ смѣшанъ *съ еще какимъ-то* запахомъ, опредѣлить котораго *мы не могли*. Помню, что мой другъ сказалъ что-то о новой *способности человѣческаго организма выдѣлять электричество, превращающее кислородъ воздуха въ озонъ* [1]), но, обнюхавъ меня, *усомнился въ своей гипотезѣ*". (В. Битнеръ, „Вѣрить или не вѣрить?" Спб. 1899 г., стр. 239—240).

22. Въ 1871 году, состоявшій въ пѣвческомъ хорѣ А. Я., проживъ не болѣе 24 лѣтъ,—разсказываетъ ярославскій архіепископъ Нилъ,—умеръ отъ эпидемической холеры. Черезъ десять дней послѣ смерти именно утромъ 16 іюля, явился онъ мнѣ во снѣ.

На немъ былъ знакомый мнѣ сюртукъ, только удлиненный до пятъ. Въ моментъ явленія я сидѣлъ у стола гостиной своей, а онъ вошелъ изъ залы довольно скорымъ шагомъ, какъ это и всегда бывало, показавъ знаки уваженія ко мнѣ, приблизился къ столу и, не сказавъ ни слова, началъ высыпать на столъ изъ-подъ жилета мѣдныя деньги съ малой примѣсью серебра.

Съ изумленіемъ спросилъ я: „Что это значитъ?" Онъ отвѣчалъ: „на уплату долга" [1]).

Это меня очень поразило, и я неоднократно повторилъ: „нѣтъ, нѣтъ, не нужны твои деньги; самъ заплачу твой долгъ".

При сихъ словахъ Я. съ осторожностью сказалъ мнѣ: „говорите потише, чтобы не слыхали другіе".

На выраженную же мою готовность уплатить за него долгъ, онъ не возражалъ, а деньги не замедлилъ сгрести рукою со стола. Но, куда положилъ онъ ихъ, не удалось мнѣ замѣтить, а, кажется, тутъ же онѣ исчезли.

Затѣмъ, вставши со стула, я обратился къ Я. съ вопросомъ: „гдѣ находишься ты, отшедши отъ насъ?"

— Какъ бы въ заключенномъ замкѣ.

— Имѣете ли вы какое либо сближеніе съ ангелами?

— Для ангеловъ мы чужды.

— А къ Богу имѣете ли какое отношеніе?

— Объ этомъ послѣ когда-нибудь скажу.

— Не въ одномъ ли мѣстѣ съ тобою Миша? [2]).

— Не одномъ.

— Кто же съ тобою?

— Всякій сбродъ.

— Имѣете ли вы какое развлеченіе?

— Никакого. У насъ даже звуки не слышатся никогда; ибо духи не говорятъ между собою.

— А пища какая-либо есть у духовъ?

— Ни-ни... Звуки эти произнесены были съ явнымъ неудовольствіемъ и, конечно, по причинѣ неумѣстности вопроса.

— Ты же какъ чувствуешь себя?

— Я тоскую.

— Чѣмъ же этому помочь?

— Молитесь за меня, вотъ донынѣ не совершаются обо мнѣ заупокойныя литургіи.

При сихъ словахъ душа моя возмутилась, и я сталъ передъ покойникомъ извиняться, что не заказалъ сорокоуста, но что непре-

---

[1]) Всѣ слова подчеркнуты нами, а не авторомъ разсказа.

[1]) Надобно замѣтить, что наканунѣ приходили отъ фотографа Г., объявивъ, что по книгамъ значится за Я. четыре рубля.

[2]) Миша—тоже пѣвчій, мальчикъ, жившій въ одной комнатѣ съ Я. и скончавшійся года за четыре передъ тѣмъ.

мѣнно это сдѣлаю. Послѣднія слова видимо успокоили собесѣдника.

За симъ онъ просилъ благословенія, чтобы итти въ путь свой. При этомъ я спросилъ его: „нужно ли испрашивать у кого-либо дозволенія на отлучку?“ Отвѣтъ заключался только въ одномъ словѣ: *да*. И слово это было произнесено протяжно, уныло и какъ бы по принужденію.

Тутъ онъ вторично попросилъ благословенія, и я благословилъ его. Вышелъ онъ отъ меня дверью, обращенной къ Туговой горѣ, на которой покоится прахъ его. („Душеп. размышленія“ 1880—1881 г.).

23. Въ 1851 году, въ ноябрѣ, наши пѣвчіе отправились отъ насъ въ Іерусалимъ,—разсказываетъ святогорецъ о. Серафимъ. Въ драгоманы данъ былъ имъ монахъ Н., кототорый немного ранѣе этого хотѣлъ оставить обитель. Богъ вѣсть, какова была жизнь его и особенно въ Іерусалимѣ, только впослѣдствіи было открыто его злоупотребленіе именемъ обители: онъ сдѣлалъ ложную подпись игумена на листѣ съ казенной монастырской печатью и съ этимъ листомъ производилъ сборъ въ Палестинѣ. Счастливо кончался срокъ ихъ странствованія; протекла Пасха, наши пѣвчіе уѣхали изъ Яффы на Синай, и Н. въ числѣ русскихъ поклонниковъ сѣлъ на корабль, отправлявшійся изъ Яффы къ намъ на Аѳонъ.

Въ первую ночь, когда улеглись всѣ по мѣстамъ на кораблѣ, въ ночной темнотѣ, во время качки, Н., одѣтый въ русскую шубу, зачѣмъ-то пробрался на переднюю часть корабля и, Богъ вѣсть какъ, оборвался и полетѣлъ въ море... Раза три доносился до корабля умоляющій его голосъ: „спасите, спасите!“, но черезъ нѣсколько минутъ эти слова замерли въ отдаленіи, и самый звукъ голоса слился съ воемъ вѣтра и бури. Н. утонулъ.

Спустя недѣлю послѣ этого несчастія, именно въ концѣ ноября, одинъ изъ монашествующей братіи С. вдругъ былъ пораженъ видѣніемъ. Утопленикъ Н. входитъ въ его келью и только что переступилъ порогъ, сказалъ: „не пугайся меня, я не привидѣніе, а, дѣйствительно, Н.“ Братъ С. всмотрѣлся въ лицо покойнаго и съ недовѣрчивостью спросилъ: „да не бѣсъ ли ты?“

— Нѣтъ, отвѣчалъ явившійся, я истинно Н.

— А прочитай: „Да воскреснетъ Богъ“,— сказалъ ему С.,—и перекрестись, тогда повѣрю, что ты не бѣсъ.

— Ты перекрести меня,—замѣтилъ на это явившійся,—ты и прочитай: „Да воскреснетъ Богъ“, тогда и убѣдишься, что я точно Н.

С. перекрестился и началъ читать молитву. Когда дошло до словъ: „тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога“, Н. перебилъ его и прочиталъ: „тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся“ и, глубоко вздохнувъ, задумался. Потомъ онъ смиренно началъ просить, чтобы помолились о немъ.

— Развѣ ты нуждаешься въ нашихъ молитвахъ? спросилъ С.

— Ахъ, и какъ еще нуждаюсь! отвѣчалъ онъ со вздохомъ и, взявши С. за руку и крѣпко сжавши, продолжалъ: помолитесь, пожалуйста, обо мнѣ.

— Да я и о себѣ-то не знаю, какъ молиться, возразилъ С., объ этомъ надо просить духовника.

— И попроси, сказалъ явившійся, попроси и всю братію, чтобы помолились обо мнѣ.

— Да садись же, сказалъ ему С.

— Ахъ, нѣтъ, мнѣ вѣдь дано немного времени, и я издалека, издалека летѣлъ сюда, и спѣшилъ...

Тутъ вдругъ пришло на мысль С. просить Н. о томъ, чтобы онъ примирился съ братіею.

Н. задумался, потомъ, вздохнувъ, съ печалію произнесъ: „не то ужъ теперь время“.

Между тѣмъ С. замѣтилъ, что у покойника пробитъ головной черепъ.

— Это что у тебя? отъ чего?—спросилъ онъ явившагося, указывая на раны.

— А когда принесло меня по волнамъ къ берегу, голова моя разбилась о камень.

Затѣмъ, еще попросивъ, чтобы молились о немъ, Н. торопливо произнесъ, что ему уже время возвращаться, и исчезъ. (Соч. Святогорца—Письма къ друзьямъ, т. III).

24. А вотъ случай, бывшій недавно въ Парижѣ. Однажды утромъ къ священнику явилась дама и просила его отправиться вмѣстѣ съ нею въ приготовленной каретѣ для напутствованія св. тайнами умирающаго ея сына. Взявъ запасные дары и все нужное для пріобщенія, священникъ, въ сопровожденіи дамы, скоро прибылъ въ указанный домъ. Но когда онъ поднимался въ квартиру, дама незамѣтно скрылась. На звонокъ священника вышелъ молодой человѣкъ-офицеръ, цвѣтущаго здоровья. „Что вамъ угодно, батюшка?“ спросилъ онъ вошедшаго пастыря.

— Меня пригласила сюда какая-то дама къ умирающему ея сыну, чтобы исповѣдать и пріобщить его, отвѣтилъ священникъ.

— Тутъ явное недоразумѣніе, возразилъ офицеръ: я одинъ живу въ этой квартирѣ и не посылалъ за вами, я вполнѣ здоровъ.

Собесѣдники, между тѣмъ, вошли въ гостиную. Висѣвшій надъ диваномъ большой портретъ пожилой женщины невольно обратилъ вниманіе священника, и онъ сказалъ:

— Да вотъ эта самая дама была у меня, она и указала мнѣ на вашу квартиру.

— Помилуйте, отвѣтилъ хозяинъ, это портретъ моей матери, умершей 20 лѣтъ тому назадъ.

Пораженный такимъ обстоятельствомъ, офицеръ выразилъ желаніе исповѣдаться и пріобщиться, и на другой день скончался отъ разрыва сердца. („Изъ области таинственнаго“ свящ. Д. Булгаковскаго, изд. 1895 г.).

25. *Изъ воспоминаній В. И. Панаева.* Осенью 1796 года тяжкая болѣзнь родителя вызвала отца моего въ Турпнскъ. Онъ поспѣшилъ къ нему вмѣстѣ съ своею супругою, нѣжно имъ любимою, и почти со всѣми дѣтьми, и имѣлъ горестное утѣшеніе лично отдать отцу послѣдній долгъ; но черезъ нѣсколько дней (26 октября) на возвратномъ пути изъ Сибири скончался отъ желчной горячки въ Ирбитѣ, гдѣ и погребенъ у соборной церкви.

Супружескій союзъ моихъ родителей былъ примѣрный; они жили, какъ говорится, душа въ душу. Мать моя, и безъ того огорченная недавнею потерею, лишившись теперь неожиданно нѣжно любимаго супруга, оставшись съ восемью малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ старшему было 13 лѣтъ, а младшему одинъ только годъ, впала въ совершенное отчаяніе, слегла въ постель, не принимая никакой пищи, и только изрѣдка просила пить. Жены ирбитскихъ чиновниковъ, видя ее въ такомъ положеніи, учредили между собою дежурство и не оставляли ее ни днемъ ни ночью. Такъ проходило 13 уже дней, какъ въ послѣдній изъ нихъ, около полуночи, одна изъ дежурныхъ барынь, сидѣвши на постланной для нея на полу перинѣ и вязавшая чулокъ (другая спала подлѣ нея), приказала горничной запереть всѣ двери, начиная съ передней, и ложиться спать въ комнатѣ передъ спальнею, прямо противъ незатворенныхъ дверей, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было ее позвать скорѣе. Горничная исполнила приказаніе: затворила и защелкнула всѣ двери; но только что, постлавъ на полу постель свою, хотѣла прикрыться одѣяломъ, какъ звукъ отворившейся двери въ третьей комнатѣ остановилъ ее; оперпись на локоть, она стала прислушиваться. Черезъ нѣсколько минутъ такой же звукъ раздался во второй комнатѣ и при ночной тишинѣ достигъ до слуха барыни, сидѣвшей на полу въ спальнѣ; она оставила чулокъ и тоже стала внимательно прислушиваться. Наконецъ, щелкнула и послѣдняя дверь, ведущая въ комнату, гдѣ находилась горничная... И что же? Входитъ недавно умершій отецъ мой, медленно шаркая ногами, съ поникшею головою и стонами, въ томъ же халатѣ и туфляхъ, въ которыхъ скончался. Дежурная барыня, услышавъ знакомые ей шаги и стоны, потому что находилась при отцѣ моемъ въ послѣдніе два дня его болѣзни, поспѣшила, не подымаясь съ пола, достать и задернуть откинутый для воздуха пологъ кровати моей матери, которая не спала и лежала лицомъ къ двери, — но, объятая ужасомъ, не могла успѣть въ томъ. Между тѣмъ, *онъ* вошелъ съ тѣми же болѣзненными стонами, съ тою же поникшею головою, блѣдный, какъ полотно, и, не обращая ни на кого вниманія, сѣлъ на стулъ, стоявшій подлѣ двери, въ ногахъ кровати. Мать моя, не заслоненная пологомъ, въ ту же минуту его увидала, но отъ радости, забывъ совершенно, что онъ скончался, воображая его только больнымъ, съ живостью спросила: *что тебѣ надобно, другъ мой?* и спустила уже ноги, чтобы итти къ нему, какъ неожиданный отвѣтъ его: подай мнѣ лучше ножъ—отвѣтъ, совершенно противный извѣстному образу его мыслей, его высокому религіозному чувству, остановилъ ее и привелъ въ смущеніе. Видѣніе встало и, по прежнему, не взглянувъ ни на кого, медленными шагами удалилось тѣмъ же путемъ. Пришедъ въ себя отъ охватившаго всѣхъ оцѣпенѣнія, дежурившая барыня разбудила свою подругу, и вмѣстѣ съ нею и горничною пошли осматривать двери: всѣ онѣ оказались отворенными!

Событіе непостижимое, необъяснимое, а для людей, сомнѣвающихся во всемъ сверхъестественномъ, и невѣроятное; но вѣдь оно подтверждается свидѣтельствомъ трехъ лицъ! Если бъ видѣніе представилось только одной матери моей, то, пожалуй, можно бы назвать его слѣдствіемъ разстроеннаго воображенія женщины больной и огорченной, которой всѣ помышленія сосредоточены были на понесенной ею потерѣ. Здѣсь, напротивъ, являются еще двѣ стороннія женщины, неимѣвшія подобнаго настроенія, находившіяся въ двухъ разныхъ комнатахъ, но видѣвшія и слышавшія одно и то же. Смиримся предъ явленіями духовнаго міра, пока недоступными изслѣдованіямъ ума человѣческаго и, по видимому, совершенно противными законамъ природы, намъ извѣстнымъ. А развѣ мы вполнѣ ихъ постигли? („Вѣстн. Европы“ 1866 г., сент.).

26. *Скупой, навѣщающій свое сокровище.* Слѣдующій разсказъ сообщенъ миссъ Блякъ, изъ Манвилль-гарденса въ Эдинбургѣ, которая записала его со словъ одной старинной, глубоко уважаемой ею пріятельницы, очень почтенной старушки, бывшей очевидицей страннаго происшествія.

„Въ 1839 или 40 году, когда я была еще молодой женщиной, братъ мой для поправленія здоровья жены нанялъ домъ на югѣ

Шотландіи. Вскорѣ по переѣздѣ ихъ туда, двое изъ дѣтей заболѣли корью, и братъ написалъ мнѣ, приглашая пріѣхать помочь имъ въ уходѣ за больными дѣтьми. Онъ нанялъ домъ черезъ агента и ничего не зналъ о его предыдущихъ обитателяхъ. Въ день моего пріѣзда мы засидѣлись довольно поздно; было уже около полуночи, когда мы разошлись. Хотя я, очень утомленная, и поспѣшила лечь въ постель, но, безпокоясь о дѣтяхъ, долго не могла уснуть. Такъ прошло приблизительно около часа; я лежала съ открытыми глазами, когда мое вниманіе обратилось на мерцаніе свѣта, подымавшагося какъ будто снизу по лѣстницѣ. Предполагая, что это, можетъ-быть, няня, идущая сказать мнѣ что-нибудь о дѣтяхъ, я сѣла на постели и стала прислушиваться. Свѣтъ остановился у моей двери, ручка которой тихо повернулась, и на порогѣ показалась очень странная фигура: маленькій старичокъ, съ однимъ плечомъ выше другого, съ огромной головой, покрытой торчащими волосами съ просѣдью, вошелъ въ комнату, крадучись и хромая. Въ одной рукѣ у него былъ подсвѣчникъ изъ зеленой мѣди, очень оригинальной формы. Не взглянувъ ни разу въ сторону моей кровати, онъ прямо направился въ уголъ комнаты, примыкавшій къ моему изголовью, и, сдвинувъ панель съ мѣста, началъ считать золотыя монеты, лежавшія кучками въ открывшемся углубленьи, бормоча что-то про себя и покачивая головою. Я не особенно испугалась, была только очень поражена неожиданностью этого появленія, и все время наблюдала за нимъ, пока часы не пробили два. Тогда онъ задвинулъ панель, запахнулъ свой старый шлафрокъ и медленно захромалъ, направляясь къ двери. Я соскочила съ постели, и послѣдовала за нимъ, но не могла заговорить, какъ собиралась, такъ какъ языкъ мой точно прилипъ къ гортани. Все что-то бормоча, старикъ пошелъ внизъ, я за нимъ, и вдругъ на половинѣ лѣстницы онъ мгновенно исчезъ изъ моихъ глазъ, а мнѣ попалась навстрѣчу помощница няни, блѣдная, видимо взволнованная и спѣшившая наверхъ. „Видѣли вы кого-нибудь на лѣстницѣ, Дженъ?“ — спросила я. Она отвѣтила отрицательно. Ее послали ко мнѣ сказать, что съ однимъ изъ дѣтей сдѣлались конвульсіи. На другой день ребенокъ умеръ, а я перемѣнила спальню и ни разу не спала болѣе въ той комнатѣ. Вечеромъ послѣ похоронъ, я разсказала брату о странномъ явленіи, и мы оба рѣшили, что это былъ очень замѣчательный своею живостью сонъ. Я прожила у брата нѣсколько недѣль. Однажды; деревенскій докторъ, обѣдая у насъ, разсказалъ, что домъ, нами занимаемый, слыветъ въ окрестности неблагополучнымъ, что въ немъ будто бы ходитъ покойный его хозяинъ и стережетъ свое сокровище. Его всѣ знали за большого скупца, прибавилъ докторъ, и на наши вопросы о его наружности описалъ его кривобокимъ и очень сходнымъ съ видѣнною мною таинственною личностью“.

„Братъ прожилъ въ этомъ домѣ недолго, а нѣсколько лѣтъ спустя случайно прочиталъ въ газетахъ, что во время передѣлокъ въ домѣ, начатыхъ новымъ владѣльцемъ, рабочіе нашли въ одной комнатѣ подвижную на шарнирахъ панель и въ углубленіи кучу золота въ монетахъ, а что еще страннѣе, въ газетѣ упоминалось, что вмѣстѣ съ золотомъ нашелся старинный подсвѣчникъ изъ зеленой мѣди, похожій по описанью на тотъ, который я видѣла въ рукахъ привидѣнья“. („Light“, сн. „Ребусъ“ 1885 г, № 16).

27. *Черная дама.* Извлекаемъ изъ мемуаровъ графа Ностица, бывшаго долгое время генералъ-адъютантомъ императора Николая I, разсказы о призракѣ, именуемомъ „Черная дама“, появляющемся уже болѣе ста лѣтъ во дворцахъ Дармштадта и Мюнхена.

а) Великому герцогу гессенскому Людвигу I дежурный адъютантъ доложилъ однажды, что въ прошлую ночь часовые объявили начальнику дворцоваго караула о своемъ рѣшеніи лучше быть растрѣлянными, чѣмъ еще разъ очутиться лицомъ къ лицу съ ужаснымъ призракомъ черной женщины, который въ полночь прошелъ мимо нихъ на маленькій дворъ, куда выходитъ дворцовая капелла. Вмѣстѣ съ тѣмъ адъютантъ доложилъ, что одинъ молодой гренадеръ хочетъ просить милостиваго позволенія герцога стать въ слѣдующую ночь на дежурство у капеллы, чтобы отбить у призрака, такъ напугавшаго его товарищей, охоту къ дальнѣйшимъ появленіямъ.

Великій герцогъ охотно далъ свое разрѣшеніе на просьбу браваго солдата, приказавъ ему послѣ троекратнаго оклика стрѣлять въ подозрительное видѣніе, если оно не обратитъ вниманія на окликъ; самъ же герцогъ пригласилъ къ себѣ своихъ приближенныхъ и, незадолго до полуночи, вмѣстѣ съ ними, въ сопровожденіи лакеевъ, несшихъ факелы, отправился въ капеллу. Часы не успѣли пробить полночь, какъ съ сосѣдняго двора раздались три оклика, и за ними послѣдовалъ выстрѣлъ. Герцогъ, сопровождаемый приближенными и лакеями, поспѣшилъ изъ капеллы и во дворѣ увидѣлъ распростертымъ молодого гренадера, не раненаго, но мертваго; возлѣ него лежало ружье съ оторваннымъ отъ приклада стволомъ.

б) Король баварскій Людвигъ I имѣлъ обыкновеніе проводить лѣто со своей супругой, королевой Терезой, въ замкѣ близъ Ашаффенбурга — обыкновеніе, котораго король придерживался и послѣ того, какъ сталъ „частнымъ человѣкомъ". Въ 1854 году въ Мюнхенѣ свирѣпствовала холера, и, изъ опасенія за супругу, король уѣхалъ въ Ашаффенбургъ, гдѣ частымъ его гостемъ былъ великій герцогъ Людвигъ III гессенъ-дармштадтскій.

Весело разговаривая, сидѣли ихъ величества за чайнымъ столомъ въ обществѣ великаго герцога, ихъ зятя, и гофмаршала барона де-Ларошъ-дю-Жарисъ, какъ вдругъ, почти одновременно, всѣ трое мужчинъ, поблѣднѣвъ, остановили взоры на королевѣ, за стуломъ которой они увидѣли закутанную въ черное одѣяніе фигуру, которая медленно скрылась въ дверяхъ, ведшихъ въ комнату дежурнаго гофъ-фурьера.

Мучимый необъяснимымъ предчувствіемъ, герцогъ всталъ изъ-за стола и поспѣшилъ вслѣдъ за скрывшейся фигурой въ сосѣднюю комнату, гдѣ и набросился на бывшаго тамъ гофъ-фурьера съ гнѣвнымъ выговоромъ:

— Какъ вы можете впускать къ ихъ величествамъ безъ доклада постороннюю даму?

Гофъ-фурьеръ съ изумленіемъ отвѣчалъ:

— Ваше величество, я уже три часа на дежурствѣ, и во все это время ни одинъ человѣкъ не входилъ и не выходилъ изъ комнаты.

— Но та дама, которая только-что вошла сюда изъ зала? — взволнованно допытывался герцогъ.

— Здѣсь не было никакой дамы, — увѣренно повторялъ гофъ-фурьеръ.

Еле преодолѣвъ свое смущеніе, герцогъ вернулся къ обществу.

— Отчего ты такъ поспѣшно вышелъ? — спросила своего зятя королева, отъ которой не укрылась происшедшая въ его лицѣ перемѣна.

Герцогу ничего не оставалось, какъ разсказать ей о загадочномъ происшествіи.

Королева въ ужасѣ вскочила со своего стула и воскликнула:

— Это касается меня!

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, дворъ переѣхалъ изъ Ашаффенбурга въ Мюнхенъ, гдѣ эпидемія уже прекратилась. Но королева Тереза заболѣла и сдѣлалась ея жертвой, — единственной изъ всего королевскаго дома.

в) Въ послѣднихъ числахъ марта 1864 года дежурный офицеръ королевской лейбъ-гвардіи дѣлалъ ночной обходъ по коридорамъ мюнхенской резиденціи. Приблизившись къ узкому боковому ходу, ведшему на половину придворныхъ дамъ королевы Маріи, въ то время, какъ колоколъ старой дворцовой капеллы билъ полночь, онъ увидѣлъ одѣтую въ черное даму, которая, миновавъ главную лѣстницу, направилась къ Бѣлому залу, соединенному нѣсколькими ступеньками со старой капеллой. Офицеръ, полагая, что дама возвращалась отъ графини дю-Мулэнъ или отъ баронессы Редвицъ и заблудилась, вѣжливо сказалъ ей, указывая на парадную лѣстницу:

— Вотъ отсюда вамъ ближе къ выходу, сударыня.

Не обращая на эти слова ни малѣйшаго вниманія, дама продолжала итти по прежнему направленію.

Офицеръ, заподозрѣвъ въ этомъ что-то неладное, ускорилъ шаги и увидѣлъ черную фигуру уже на маленькой лѣстницѣ по ту сторону Бѣлаго зала.

— Задержать ее! — крикнулъ онъ стоявшему у дверей капеллы караулу и сбѣжалъ съ маленькой лѣстницы.

На его вопросъ, куда направилась дама въ черномъ, только-что спустившаяся съ лѣстницы, солдаты доложили, что мимо нихъ никто не проходилъ.

Вѣсть о явленіи „черной дамы" разнеслась по Мюнхену и служила темой самыхъ оживленныхъ толковъ; никто не зналъ, чему приписать это вторичное появленіе призрака, предвѣщавшаго несчастіе королевскому дому, такъ какъ всѣ члены королевской фамиліи пользовались превосходнымъ здоровьемъ. Но 9 марта Мюнхенъ облетѣла страшная вѣсть: король Максимиліанъ II, одѣваясь для обычной прогулки верхомъ, опасно заболѣлъ, а на другой день государственный герольдъ возвѣщалъ жителямъ столицы о восшествіи на престолъ Людвига II. Король скончался. („Ребусъ" 1894 г., № 38).

28. *Видѣніе Софіи Александровны Аксаковой.* Нижеслѣдующій разсказъ относится ко времени перваго замужества моей покойной жены (сообщаетъ А. Аксаковъ) и былъ написанъ ею, по моей просьбѣ, въ 1872 г.; воспроизвожу его здѣсь дословно по ея рукописи. Когда въ 1873 г., будучи въ Бернѣ, мы познакомились съ профессоромъ Перти, который, какъ извѣстно, спеціально изучалъ подобныя явленія, онъ очень заинтересовался этимъ разсказомъ; получивъ его отъ жены въ нѣмецкомъ переводѣ, онъ помѣстилъ его въ „Psychische Studien" (1874 г., стр. 122 и 166), со своимъ примѣчаніемъ, въ которомъ поясняетъ, почему это видѣніе не могло быть чисто субъективнымъ; тутъ же помѣщено и мое, сколь мнѣ кажется, довольно подходящее объясненіе для таинственнаго „пергаментнаго свертка". Этотъ разсказъ появился потомъ и на англійскомъ языкѣ въ

журналѣ „Spiritualist“ 1874 г., т. I, стр. 183, и книжкѣ: „Spirits before our eyes“, изданной въ Лондонѣ, въ 1879 г., Гаррисономъ.

Это было въ маѣ 1855 г. Мнѣ было девятнадцать лѣтъ. Я не имѣла тогда никакого понятія о спиритизмѣ, даже этого слова никогда не слыхала. Воспитанная въ правилахъ греческой православной церкви, я не знала никакихъ предразсудковъ и никогда не была склонна къ мистицизму или мечтательности. Мы жили тогда въ городѣ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Ярославской губерніи. Золовка моя, теперь вдова по второму браку, полковница Варвара Ивановна Тихонова, а въ то время бывшая замужемъ за докторомъ А. Ф. Зенгирѣевымъ, жила съ мужемъ своимъ въ городѣ Раненбургѣ, Рязанской губерніи, гдѣ онъ служилъ. По случаю весенняго половодья, всякая корреспонденція была сильно затруднена, и мы долгое время не получали писемъ отъ золовки моей, что, однако жъ, нимало не тревожило насъ, такъ какъ было отнесено къ вышеозначенной причинѣ.

Вечеромъ, съ 12 на 13 число мая, я помолилась Богу, простилась съ дѣвочкой своей (ей было тогда около полугода отъ роду, и кроватка ея стояла въ моей комнатѣ, въ четырехъ-аршинномъ разстояніи отъ моей кровати, такъ что я и ночью могла видѣть ее), легла въ постель и стала читать какую-то книгу. Читая, я слышала, какъ стѣнные часы въ залѣ пробили двѣнадцать часовъ. Я положила книгу на стоявшій около меня ночной шкафикъ и, опершись на лѣвый локоть, приподнялась нѣсколько, чтобъ потушить свѣчу. Въ эту минуту я ясно услыхала, какъ отворилась дверь изъ прихожей въ залу и кто-то мужскими шагами взошелъ въ нее; это было до такой степени ясно и отчетливо, что я пожалѣла, что успѣла погасить свѣчу, увѣренная въ томъ, что вошедшій былъ не кто иной, какъ камердинеръ моего мужа, идущій, вѣроятно, доложить ему, что прислали за нимъ отъ какого-нибудь больного, какъ случалось весьма часто, по занимаемой имъ тогда должности уѣзднаго врача; меня нѣсколько удивило только то обстоятельство, что шелъ именно камердинеръ, а не моя горничная дѣвушка, которой это было поручено въ подобныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, облокотившись, я слушала приближеніе шаговъ,—не скорыхъ, а медленныхъ, къ удивленію моему, — и когда они, наконецъ, уже были слышны въ гостиной, находившейся рядомъ съ моей спальной, съ постоянно отворенными въ нее на ночь дверями, и не останавливались, я окликнула: „Николай (имя камердинера), что нужно?“ Отвѣта не послѣдовало, а шаги продолжали приближаться и уже были совершенно близко отъ меня, вплоть за стеклянными ширмами, стоявшими за моей кроватью; тутъ уже, въ какомъ-то странномъ смущеніи, я откинулась навзничь на подушки.

Передъ моими глазами приходился стоявшій въ переднемъ углу комнаты образной кіотъ съ горящей передъ нимъ лампадой всегда умышленно настолько ярко, чтобы свѣта этого было достаточно для кормилицы, когда ей приходилось кормить и пеленать ребенка. Кормилица спала въ моей же комнатѣ за ширмами, къ которымъ, лежа, я приходилась головой. При такомъ лампадномъ свѣтѣ я могла ясно различить, когда входившій поровнялся съ моей кроватью, по лѣвую сторону отъ меня, что то былъ именно зять мой, А. Ф. Зенгирѣевъ, но въ совершенно необычайномъ для меня видѣ—въ длинной, черной, какъ бы монашеской рясѣ, съ длинными по плечи волосами и съ большой окладистой бородой, каковыхъ онъ никогда не носилъ, пока я знала его. Я хотѣла закрыть глаза, но уже не могла, чувствуя, что все тѣло мое совершенно оцѣпенѣло; я не властна была сдѣлать ни малѣйшаго движенія, ни даже голосомъ позвать къ себѣ на помощь; только слухъ, зрѣніе и пониманіе всего, вокругъ меня происходившаго, сохранялись во мнѣ вполнѣ и сознательно, — до такой степени, что на другой день я дословно разсказывала, сколько именно разъ кормилица вставала къ ребенку, въ какіе часы, когда только кормила его, а когда и пеленала, и проч. Такое состояніе мое длилось отъ 12 часовъ до 3 часовъ ночи, и вотъ что произошло въ это время.

Вошедшій подошелъ вплоть къ моей кровати, сталъ бокомъ, повернувшись лицомъ ко мнѣ, по лѣвую мою сторону, и, положивъ свою лѣвую руку, совершенно мертвенно-холодную, плашмя на мой ротъ, вслухъ сказалъ: „цѣлуй мою руку“. Не будучи въ состояніи ничѣмъ физически высвободиться изъ-подъ этого вліянія, я мысленно, силою воли, противилась слышанному мною велѣнію. Какъ бы провидя намѣреніе мое, онъ крѣпче нажалъ лежавшую руку мнѣ на губы, и громче и повелительнѣе повторилъ: „цѣлуй эту руку“. И я, съ своей стороны, опять мысленно еще сильнѣе воспротивилась повторенному приказу. Тогда, въ третій разъ, еще съ большей силой, повторились то же движеніе и тѣ же слова, и я почувствовала, что задыхаюсь отъ тяжести и холода налегавшей на меня руки; но поддаться велѣнію все-таки не могла и не хотѣла. Въ это время кормилица въ первый разъ встала къ ребенку, и я надѣялась, что она почему-нибудь подойдетъ ко мнѣ и увидитъ, что дѣлается со мной; но ожиданія мои не сбылись:

она только слегка покачала дѣвочку, не вынимая ее даже изъ кроватки, и почти тотчасъ же опять легла на свое мѣсто и заснула. Такимъ образомъ, не видя себѣ помощи и думая почему-то, что умираю,— что то, что дѣлается со мною, есть не что иное, какъ внезапная смерть, — я мысленно хотѣла прочесть молитву Господню „Отче нашъ“. Только что мелькнула у меня эта мысль, какъ стоявшій подлѣ меня снялъ свою руку съ моихъ губъ и опять вслухъ сказалъ: „ты не хочешь цѣловать мою руку, такъ вотъ что ожидаетъ тебя“—и съ этими словами положилъ правой рукой своей на ночной шкафчикъ, совершенно подлѣ меня, длинный пергаментный свертокъ, величиною въ обыкновенный листъ писчей бумаги, свернутой въ трубку; и когда онъ отнялъ руку свою отъ положеннаго свертка, я ясно слышала шелестъ раздавшагося наполовину толстаго пергаментнаго листа, и лѣвымъ глазомъ даже видѣла сбоку часть этого листа, который, такимъ образомъ, остался въ полуразвернутомъ или, лучше сказать, въ легко свернутомъ состояніи. Затѣмъ, положившій его отвернулся отъ меня, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, сталъ передъ кивотомъ, заграждая собою отъ меня свѣтъ лампады, и громко и явственно сталъ произносить задуманную мною молитву, которую и прочелъ всю отъ начала до конца, кланяясь по-временамъ медленнымъ пояснымъ поклономъ, но не творя крестнаго знаменія. Во время поклоновъ его, лампада становилась мнѣ видна каждый разъ, а когда онъ выпрямлялся, то опять заграждалъ ее собою отъ меня. Окончивъ молитву однимъ изъ вышеописанныхъ поклоновъ, онъ опять выпрямился и сталъ неподвижно, какъ бы чего-то выжидая; мое же состояніе ни въ чемъ не измѣнилось, и когда я вторично мысленно пожелала прочесть молитву Богородицѣ, то онъ тотчасъ такъ же внятно и громко сталъ читать и ее; то же самое повторилось и съ третьей задуманной мною молитвой — „Да воскреснетъ Богъ“. Между этими двумя послѣдними молитвами былъ большой промежутокъ времени, въ который чтеніе останавливалось, покуда кормилица вставала на плачъ ребенка, кормила его, пеленала и вновь укладывала. Во все время чтенія я ясно слышала каждый бой часовъ, не прерывавшій этого чтенія; слышала и каждое движеніе кормилицы и ребенка, котораго страстно желала какъ-нибудь инстинктивно заставить поднести къ себѣ, чтобы благословить его передъ ожидаемой мною смертью и проститься съ нимъ; другого никакого желанія въ мысляхъ у меня не было, но и оно осталось неисполненнымъ.

Пробило три часа; тутъ, не знаю почему, мнѣ пришло на память, что еще не прошло шести недѣль со дня Свѣтлой Пасхи, и что во всѣхъ церквахъ еще поется пасхальный стихъ—„Христосъ воскресе!“ И мнѣ захотѣлось услыхать его... Какъ бы въ отвѣтъ на это желаніе, вдругъ понеслись откуда-то издалека божественные звуки знакомой великой пѣсни, исполняемой многочисленнымъ полнымъ хоромъ въ недосягаемой высотѣ... Звуки слышались все ближе и ближе, все полнѣе, звучнѣе, и лились въ такой непостижимой, никогда дотолѣ мною не слыханной, неземной гармоніи, что у меня замиралъ духъ отъ восторга; боязнь смерти исчезла, и я была счастлива надеждой, что, вотъ, звуки эти захватятъ меня всю и унесутъ съ собою въ необозримое пространство... Во все время пѣнія я ясно слышала и различала слова великаго ирмоса, тщательно повторяемыя за хоромъ и стоявшимъ предо мною человѣкомъ. Вдругъ внезапно вся комната залилась какимъ-то лучезарнымъ свѣтомъ, также еще мною невиданнымъ, до того сильнымъ, что въ немъ исчезло все — и огонь лампады, и стѣны комнаты, и самое видѣніе... Свѣтъ этотъ сіялъ нѣсколько секундъ при звукахъ, достигшихъ высшей, оглушительной, необычайной силы, потомъ онъ началъ рѣдѣть, и я могла снова различить въ немъ стоявшую предо мною личность, но только не всю, а начиная съ головы до пояса; она какъ будто сливалась со свѣтомъ и мало-по-малу таяла въ немъ, по мѣрѣ того, какъ угасалъ или тускнѣлъ и самый свѣтъ; свертокъ, лежавшій все время около меня, также былъ захваченъ этимъ свѣтомъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ. Съ меркнувшимъ свѣтомъ удалялись и звуки, также медленно и постепенно, какъ въ началѣ приближались.

Я стала чувствовать, что начинаю терять сознаніе и приближаюсь къ обмороку, который, дѣйствительно, и наступилъ, сопровождаемый сильнѣйшими корчами и судорогами всего тѣла, какія только когда-либо бывали со мной въ жизни. Припадокъ этотъ своей силой разбудилъ всѣхъ окружавшихъ меня и, не смотря на всѣ принятыя противъ него мѣры и поданныя мнѣ пособія, длился до девяти часовъ утра; тутъ только удалось, наконецъ, привести меня въ сознаніе и остановить конвульсіи. Трое послѣдовавшихъ затѣмъ сутокъ я лежала совершенно недвижима отъ крайней слабости и крайняго истощенія вслѣдствіе сильнаго горлового кровотеченія, сопровождавшаго припадокъ. На другой день послѣ этого страннаго событія было получено извѣстіе о болѣзни Зенгирѣева, а спустя двѣ недѣли и о кончинѣ его, послѣдовавшей, какъ потомъ ока

залось, въ ночь на 13-е мая, въ 5 часовъ утра.

Замѣчательно при этомъ еще слѣдующее: когда золовка моя, недѣль шесть послѣ смерти мужа, переѣхала со всей своей семьей жить къ намъ въ Романовъ, то однажды, совершенно случайно, въ разговорѣ съ другимъ лицомъ, въ моемъ присутствіи, она упомянула о томъ замѣчательномъ фактѣ, что покойнаго Зенгирѣева хоронили съ длинными по плечи волосами и съ большой окладистой бородой, успѣвшими отрости во время его болѣзни; упомянула также и о странной фантазіи распоряжавшихся погребеніемъ — чего она не была въ силахъ дѣлать сама,—не придумавшихъ ничего приличнѣе, какъ положить покойнаго въ гробъ въ длинномъ, черномъ суконномъ одѣяніи, вродѣ савана, нарочно заказанномъ ими для этого.

Характеръ покойнаго Зенгирѣева былъ странный; онъ былъ очень скрытенъ, мало общителенъ; это былъ угрюмый меланхоликъ; иногда же, весьма рѣдко, онъ оживлялся, былъ веселъ, развязенъ. Въ меланхолическомъ настроеніи своемъ онъ могъ два, три, даже восемь, десять часовъ просидѣть на одномъ мѣстѣ, не двигаясь, не говоря даже не единаго слова, отказываясь отъ всякой пищи, покуда подобное состояніе само собою, или по какому-нибудь случаю, не прекращалось. Ума не особенно выдающагося, онъ былъ по убѣжденіямъ своимъ, быть-можетъ, въ качествѣ врача, совершенный матеріалистъ; ни во что сверхчувственное—духовъ, привидѣнія и тому подобное—онъ не вѣрилъ; но образъ жизни его былъ весьма правильный. Отношенія мои къ нему были довольно натянуты вслѣдствіе того, что я всегда заступалась за одного изъ его дѣтей, маленькаго сына, котораго онъ съ самаго его рожденія совершенно безпричинно постоянно преслѣдовалъ; я же, при всякомъ случаѣ, его защищала; это его сильно сердило и возстановляло противъ меня. Когда, за полгода до смерти своей, онъ, вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ своимъ, гостилъ у насъ въ Романовѣ, у меня вышло съ нимъ, все по тому же поводу, сильное столкновеніе, и мы разстались весьма холодно. Эти обстоятельства не лишены, быть-можетъ, значенія для пониманія разсказаннаго мною необыкновеннаго явленія. (См. „Ребусъ“, 1890 г., № 13).

29. *Доказательство загробнаго существованія.* Наканунѣ Рождества, 24 декабря 1890 года, въ 6 часовъ пополудни, сообщаетъ г. Гладкевичъ, я съ нынѣ уже покойной младшей сестрой и 10-лѣтнимъ братомъ возвратился переутомленнымъ съ похоронъ. Хоронили мы одну нашу хорошую знакомую даму, пожилыхъ лѣтъ, которая, проболѣвъ весьма недолго, скончалась 22 числа отъ такъ называемой „сахарной болѣзни“. Спустя три часа послѣ нашего прибытія съ похоронъ и прихода моего родственника съ женою, мы сѣли ужинать, во время котораго мой отецъ, любившій иногда пошутить, спросилъ: „а что сдѣлали бы вы, если бы вдругъ между нами появилась умершая Елена Константиновна?“—„Ну, что жъ, отвѣтилъ я, — пригласилъ бы сѣсть возлѣ себя и разспросилъ, какъ она чувствуетъ себя послѣ смерти и какъ вообще въ томъ мірѣ живется“[1]). Сестра же моя, бывшая на похоронахъ и видѣвшая въ гробу покойницу, которая своимъ ростомъ и видомъ произвела на нее непріятное впечатлѣніе, запротестовала всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ и потребовала прекратить столь непріятный для всѣхъ разговоръ на ночь, что, конечно, и было исполнено. Ужинъ, къ удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ, прошелъ при веселомъ и единодушномъ настроеніи. Послѣ ужина, около 11 часовъ, отецъ, мать, сестры и братъ разошлись по комнатамъ, а я съ родственникомъ остались сидѣть за столомъ, продолжая нашъ разговоръ, который, въ концѣ концовъ, принялъ характеръ упрека по моему адресу за то, что я не пріобрѣлъ ему билетовъ въ оперу, гдѣ онъ расчитывалъ, какъ любитель музыки, провести пріятно праздничное время и послушать лучшія оперныя силы. И дѣйствительно, на этотъ разъ, благодаря похоронамъ, я не позаботился о билетахъ, а репертуаръ оперы былъ отборный и привлекательный. Чтобы исправить свою ошибку и удовлетворить желаніе родственника, я углубился въ размышленіе, какъ бы завтра достать необходимое количество билетовъ на лучшія представленія, зная хорошо, что касса будетъ открыта въ то время, когда я буду занятъ. Въ моментъ моихъ соображеній, какъ пріобрѣсти билеты, я вздрогнулъ отъ какого-то страннаго треска, послышавшагося мнѣ не то по сосѣдству въ кухнѣ, гдѣ находились мать и прислуга, не то въ гостиной, расположенной противъ насъ, не то въ моей комнатѣ, гдѣ толпились мои три сестры, ведя какой-то оживленный разговоръ, — однимъ словомъ, я не могъ опредѣлить, гдѣ и какъ произошелъ этотъ странный трескъ, который вывелъ меня изъ задумчивости и который былъ всѣми услышанъ, но для каждаго въ различныхъ мѣстахъ, какъ объяснилось впослѣдствіи. Мнѣ показалось, что въ кухнѣ служанка ломаетъ щепки. При этомъ я поднялъ голову и взглянулъ въ открытыя двери неосвѣщенной го-

[1]) Самъ я въ то время сомнѣвался въ загробной жизни.

стиной, гдѣ, къ ужасу своему, увидѣлъ, какъ по краямъ скатерти круглаго предъ-диваннаго столика извиваются красные языки огня, а секунду спустя, на этомъ же столѣ, среди увеличивавшихся огненныхъ языковъ, я увидѣлъ живой бюстъ покойницы, лицо которой показалось мнѣ все въ поту и красное, глаза испуганно смотрѣли на меня, а волосы на лбу были въ безпорядкѣ, т.-е. она мнѣ представилась въ такомъ видѣ, въ какомъ я никогда ее не видѣлъ при жизни, несмотря на то, что бывали времена, когда я посѣщалъ ея домъ довольно часто. Это зрѣлище, совсѣмъ неожиданное, поразило меня настолько, что я не могъ промолвить ни одного слова въ теченіе 10—15 секундъ, и что странно,—я не ощущалъ никакого испуга, а только удивлялся и соображалъ, думая, что это такое? Наконецъ, я повернулся къ наклонившемуся надъ обѣденнымъ столомъ родственнику, который тоже о чемъ-то думалъ, и сказалъ ему: „смотри, что это такое происходитъ надъ столомъ?“ А такъ какъ я не пояснилъ, гдѣ и надъ какимъ столомъ „происходитъ“, то онъ сталъ осматривать столъ, за которымъ мы сидѣли, и повторять—„ничего, ничего не вижу“. Меня это возмутило, и я направилъ свой взглядъ опять на видѣніе, но... его уже не было, не было и огненныхъ языковъ.

Понятно, я сейчасъ же разсказалъ о видѣніи всѣмъ домашнимъ, а спустя часъ или полтора легъ спать. Вмѣсто сна, который былъ для меня необходимъ, я почти всю ночь ломалъ себѣ голову—что бы это могло быть? Знаю отлично, что я не страдаю галлюцинаціями, не позволилъ себѣ излишняго „возліянія Бахусу“ за ужиномъ, а въ моментъ видѣнія вовсе не думалъ о покойницѣ. Лишь только подъ утро я вспомнилъ, что однажды вечеромъ я зашелъ къ ней, —какъ помнится мнѣ, это было лѣтомъ, — и она пригласила меня пить чай, за которымъ мы наединѣ бесѣдовали о непонятныхъ явленіяхъ въ мірѣ и т. п., а послѣ, когда разговоръ коснулся и загробнаго бытія человѣчества, — она, недолго думая, протянула мнѣ свою руку и сказала: „я уже стара, а вы, хотя и молоды, но имѣете слабое здоровье; кто изъ насъ раньше умретъ, тотъ постарается проявиться другому и этимъ доказать *дѣйствительное существованіе загробной жизни,* если оно только существуетъ“. Въ свою очередь, я пожалъ ей руку и обѣщался явиться съ того міра, если умру раньше, чѣмъ она. Когда я все это вспомнилъ, во мнѣ затрясся весь организмъ, и я въ теченіе нѣсколькихъ дней ходилъ, какъ убитый: не зналъ, что думать, что дѣлать и куда итти; хотя образъ видѣнія меня не преслѣдовалъ, но мысль о загробномъ бытіи, доказанномъ умершею, дѣлала меня равнодушнымъ ко всему окружающему. Съ тѣхъ поръ я измѣнилъ образъ жизни. („Ребусъ“ 1897 г., № 41).

30. *Гостья изъ иного міра.* Весною 1868 г., сообщаетъ м-съ Августа Дуинельсъ изъ Бостона, я провела нѣсколько недѣль въ домѣ достопочтеннаго м-ра Кимбаля, въ городѣ Брентудѣ, для поправленія своего здоровья, пошатнувшагося отъ жестокихъ испытаній, мною недавно перенесенныхъ. О ихъ отшедшихъ въ иной міръ родственникахъ и друзьяхъ я не имѣла никакого понятія.

Меня помѣстили въ большой комнатѣ, отдаленной отъ жилыхъ покоевъ, напротивъ которой находилась другая такая же комната, соединенная съ небольшой залой.

Въ одну ночь, когда м-съ Кимбаль, жена архидіакона, поцѣловавъ меня на прощанье, оставила одну въ моей спальнѣ, я вдругъ почувствовала какое-то особенное чувство страха. Если бы я могла сбросить съ себя овладѣвшую мною силу, то убѣжала бы изъ комнаты; сознавая же, что это внѣ моей власти, я могла только запереть дверь и поспѣшила погасить свѣчу, лечь въ постель, надѣясь заснуть, что мнѣ сперва и удалось. Но не прошло болѣе десяти минутъ, какъ меня что-то разбудило, и тутъ я почувствовала себя какъ бы въ нормальномъ состояніи: давившая меня передъ сномъ сила точно отлетѣла. Но вотъ, къ великому моему ужасу, запертая дверь тихо отворилась, и черезъ нее медленно скорѣе вплыла, чѣмъ вошла, въ комнату необыкновенно эѳирная фигура красивой молодой дѣвушки, лѣтъ двадцати; веселое, счастливое, улыбающееся розовенькое личико смотрѣло на меня привѣтливо. На ней было свѣтло-желтое платье съ небольшой перелиночкой такого же цвѣта и матеріи, какъ и ея платье. Я опять не могла ни пошевелиться, ни сказать ни одного слова, и только страстно желала, чтобы дѣвушка скорѣе ушла. Но она, напротивъ, стала приближаться, остановилась фута на три отъ моей кровати и заговорила яснымъ, нѣсколько грустнымъ голосомъ: „не пугайтесь, я меньшая дочь м-ра Кимбаля. Я умерла отъ скарлатины и горловой болѣзни въ комнатѣ, напротивъ вашей. Мнѣ было два года, но теперь, если бы я осталась жива, было бы двадцать-одинъ. Скажите матери и отцу, что я приходила къ вамъ, скажите еще, что смерти нѣтъ, и я очень счастлива“. Сказавъ это, она исчезла а я почти въ ту же минуту крѣпко заснула.

Желая провѣрить это странное явленіе, на слѣдующее утро, по окончаніи завтрака, я попросила моихъ хозяевъ предложить имъ нѣ-

сколько вопросовъ, на которые прошу отвѣчать мнѣ коротко: да или нѣтъ. Когда они обѣщали, я спросила: „была ли у васъ маленькая дочка, умершая отъ скарлатины и горловой болѣзни?“ — „Да“, — отвѣтили мнѣ оба. „Ей было два года“? — „Да“, — опять отвѣтили оба. „Если бы она осталась жива, было бы ей теперь двадцать-одинъ годъ, и отличалась ли она особенно живымъ цвѣтомъ лица?“ — „Да, о, да“! — воскликнули оба. „Прекрасно, теперь скажите еще, послѣднее платье, бывшее на ней передъ болѣзнью, не было ли свѣтло-желтаго цвѣта и съ перелинкой?“

Архидіаконъ отодвинулся отъ стола; изъ груди его вырвался легкій стонъ. „Да, да, на нашемъ сокровищѣ было именно такое платье!. Развѣ вы ее видѣли? Если она придетъ опять, скажите ей, чтобы она пришла къ папѣ, папа такъ желаетъ ее видѣть!“ М-съ Кимбаль, вся въ слезахъ, сказала: „да, это было послѣднее платье, которое мы на ней видѣли. Пойдемте ко мнѣ, я покажу вамъ его“. И когда она показала мнѣ платьице и перелинку, я передала имъ порученіе отъ ихъ дорогой дочки изъ иного міра. („Facts“, т. VI, № 1; сн. „Ребусъ“ 1890 г., № 34).

31. *Посмертное явленіе.* Нѣкто Б—скій, нынѣ отставной артиллерійскій поручикъ, пользующійся въ средѣ своихъ знакомыхъ глубокимъ уваженіемъ, передалъ мнѣ слѣдующій случившійся съ нимъ въ концѣ сентября мѣсяца, 1864 г., фактъ, который имѣлъ мѣсто въ домѣ его дальнихъ родственниковъ, зажиточныхъ помѣщиковъ тогдашняго времени, деревни Целесцѣвъ, Минской губ., Мозырскаго уѣзда. Въ сентябрѣ 1864 г. онъ задумалъ совершить поѣздку изъ Житомира въ Минскую губ. къ своимъ весьма уважаемымъ родственникамъ, гг. Л—скимъ, у которыхъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ умерла отъ чахотки 18-лѣтняя дочь Камилла, красивая и образованная особа, имѣвшая при жизни нѣкоторое неравнодушіе къ личности г. С—цкаго. Послѣдній, зная отлично, какъ лично, такъ и письменно, ея неизлѣчимую болѣзнь, игнорировалъ этимъ расположеніемъ и сознавалъ вполнѣ, что въ близкомъ будущемъ она умретъ.

Получивъ отпускъ, г. С—кій отправился въ путь при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ осенняго времени: дороги сухія, ночи лунныя и безоблачныя, а лошади, что называется, орлы. Прибылъ къ мѣсту, — какъ онъ разсказываетъ, — въ очень хорошемъ расположеніи духа и былъ принятъ весьма радушно. Не смотря даже на поздній вечерній часъ, заставлявшій пожелать другъ другу покойной ночи, радушный хозяинъ и его уважаемое семейство, увеличившись · какъ разъ въ это время еще пріѣхавшимъ родственникомъ — докторомъ съ женою, — расположились пить чай и бесѣдовать о текущихъ житейскихъ дѣлахъ. Когда наговорились вдоволь и пожелали взаимной покойной ночи, всѣ разошлись по своимъ спальнямъ; мнѣ же, за неимѣніемъ свободной комнаты, приготовили постель на диванѣ, въ залѣ, гдѣ, конечно, я остался наединѣ и, пользуясь совершенной свободой, усталый послѣ путешествія, снялъ мундиръ, добылъ изъ чемодана табакъ и сталъ крошить его чуть ли не на весь столъ, съ цѣлью просушки. Занимаясь этимъ дѣломъ при зажженой свѣчѣ, я вдругъ услышалъ позади себя, около тропическихъ цвѣтовъ и возлѣ рояля, шелестъ шелковаго платья, что заставило меня выйти изъ нѣкоторой задумчивости и обернуться. Но не успѣлъ я вполнѣ обернуться и сообразить, отчего происходитъ въ пустой комнатѣ шелестъ какъ бы отъ шелковаго платья, какъ вдругъ вижу реальную женскую фигуру, одѣтую въ черное длинное шелковое платье и съ краснымъ бантикомъ на шеѣ, которая не то идетъ, не то плыветъ по воздуху вдоль рояля, и, пройдя послѣдній, исчезла въ простѣнкѣ между роялемъ и дверьми, ведущими въ комнату пріѣхавшаго доктора и его жены. Покуда я всматривался въ таинственную посѣтительницу и не могъ еще разглядѣть лица, во мнѣ существовали бодрость и та воинственная храбрость, которой гордится каждый военный человѣкъ, а тѣмъ болѣе офицеръ; но когда я увидалъ профиль лица посѣтительницы и узналъ въ немъ умершую Камиллу, вся энергія и самообладаніе во мнѣ исчезли: пошелъ морозъ по всему тѣлу, волосы приподнялись, и, схвативъ инстинктивно въ одну руку мундиръ, я автоматически выбѣжалъ изъ комнаты въ коридоръ. Сколько по счету дверей я пробѣжалъ — не помню; кажется, передъ послѣдними я остановился и вспомнилъ, что нахожусь въ чужомъ домѣ, гдѣ было бы неприлично бѣгать съ мундиромъ въ рукахъ. Наскоро надѣвъ въ потьмахъ мундиръ, я кой-какъ привелъ въ равномѣрность дыханіе, придалъ себѣ, какъ мнѣ казалось, бодрый и геройскій видъ, взялся за ручку дверей и, отворивъ послѣднія, безъ всякаго разрѣшенія, вошелъ въ комнату. Комната эта, которую я мало зналъ, оказалась дѣтской, и, къ моему большому счастью, въ ней находились, кромѣ двухъ моихъ малолѣтнихъ кузинъ, старуха-мать, жена и совершеннолѣтній, здоровый и рослый кузенъ Э., сынъ г. Л—скаго. Они еще не спали. Послѣдняго я вызвалъ въ коридоръ и заявилъ ему, что одинъ въ залѣ не буду ночевать, вслѣдствіе нѣкотораго нездоровья. „Да, — сказалъ онъ съ нѣкоторымъ

смущеніемъ, — видно по блѣдному твоему лицу, что ты нездоровъ и, кромѣ того, ты взволнованъ", причемъ онъ просилъ объяснить причину моего замѣтнаго волненія, и что именно случилось со мною, ударяя на „случилось". Не имѣя возможности дать себѣ отчетъ, было ли это, дѣйствительно, сверхъестественное, для меня непостижимое явленіе или просто-на-просто послѣдствія моего пути, который неожиданно могъ разстроить нервную систему, — я его успокоилъ тѣмъ, что завтра объясню подробно, но подъ большимъ секретомъ. Г. Э., какъ и слѣдовало ожидать, согласился провести ночь на кушеткѣ въ залѣ; не успѣлъ я вполнѣ еще улечься и погасить свѣтъ, какъ онъ уже захрапѣлъ, что меня очень ободрило. Потушивъ свѣтъ, я улегся, какъ ни въ чемъ не бывало, хотя мысль въ незначительной степени работала надъ объясненіемъ случившагося, и поневолѣ пришлось подыскивать мотивы такого небывалаго въ жизни со мною случая, который могъ имѣть мѣсто только у человѣка, страдающаго галлюцинаціями, или склоннаго къ алкоголизму. Лежа и разсуждая подобнымъ образомъ, наконецъ, я погрузился въ пріятное сонное оцѣпенѣніе, которое продолжалось недолго, потому что мнѣ пришлось обратить вниманіе на шумъ, приближающагося на средину комнаты мягкаго кресла, стоявшаго передъ тѣмъ гдѣ-то у моего изголовья, возлѣ рояля или стѣны. Медленно направилъ я взоръ свой, не вставая съ постели, по направленію къ движущемуся самопроизвольно креслу и, къ ужасу своему, увидѣлъ, какъ эта самая фигура, въ черномъ платьѣ съ краснымъ бантикомъ на шеѣ, движетъ кресло по направленію ко мнѣ; когда кресло уже стало какъ разъ противъ меня, фигура садится въ него, кладетъ обѣ руки на спинку, а на руки склоняетъ голову и упорно смотритъ на меня своими тусклыми глазами, при бѣломъ, какъ мраморъ, лицѣ, освѣщенномъ луной. Я былъ ни живъ, ни мертвъ; тогдашнее состояніе мое трудно объяснить словами: пробую мысленно молиться—путаюсь, хочу закричать—языкъ омертвѣлъ и челюсти застыли; холодъ, дрожь по всему тѣлу и непреодолимый страхъ обуяли моимъ существомъ, чего никогда въ жизни еще не испытывалъ. Однако, благодаря сильному своему темпераменту, мнѣ удалось преодолѣть себя и произнести испуганнымъ гробовымъ голосомъ раза три имя спавшаго племянника: „Эдвардъ?! Эдвардъ?!" Одновременно съ пробужденіемъ Эдварда, который вскочилъ на ноги, какъ ужаленный, вышелъ изъ спальни докторъ со свѣчой въ рукахъ, и оба они стали спрашивать, что случилось со мной? Тогда я долженъ былъ заявить имъ, въ чемъ дѣло, и просить Эдварда немедленно переселить меня на остальную часть ночи куда-нибудь въ другую комнату. Выслушавъ мое заявленіе, докторъ иронически улыбнулся и, повернувшись къ своей комнатѣ, сказалъ, что я галиматью несу, а Эдвардъ просилъ, ради всего, не разсказывать объ этомъ домашнимъ, особенно хранить въ секретѣ передъ матерью и бабушкой. Такъ какъ разсказъ самъ по себѣ былъ и для меня весьма непріятнымъ, то я далъ кузену честное слово, что буду хранить въ секретѣ, но изъ озабоченнаго и измѣнившагося его лица я подмѣтилъ, что и онъ хорошо знакомъ съ явленіемъ этого призрака. Недолго думая, мы оба переселились въ столовую и улеглись на одномъ широкомъ диванѣ; несмотря на проведенныя мною въ дорогѣ нѣсколько безсонныхъ ночей, я не могъ уснуть до 5 или 6 часовъ утра. Проснулся я въ 10 часовъ дня, и какъ разъ въ это время вошелъ ко мнѣ съ вычищенными сапогами старый лакей-полякъ, который съ нѣкоторой ему присущей фамильярностью присталъ съ вопросомъ, почему я не спалъ въ залѣ, а перешелъ съ паничемъ вмѣстѣ въ столовую. Я не сталъ давать ему объясненій, но онъ не унимался и сталъ назойливо говорить, что онъ догадывается, въ чемъ дѣло, и знаетъ хорошо, что причиной всему этому покойная „паненка", которая часто является и которую не только „вы, паничъ,—продолжалъ онъ,—видѣли, но и мы всѣ, точно также панъ и дѣти панскіе видѣли панну, то въ залѣ, то на балконѣ, то въ саду на террасѣ, и она намъ ничуть не страшна". („Ребусъ" 1895 г., № 20).

32. *Явленіе въ минуту смерти.* „Въ 1855 г. г-жа Ш. была класной дамой въ одномъ институтѣ, въ Одессѣ. Ея любимый братъ находился при арміи въ Севастополѣ, и они аккуратно переписывались каждую недѣлю. Разъ,—это было 25 мая,—г-жа Ш. проснулась утромъ по первому звонку колокольчика, будившаго институтокъ. Воспитанницы, съ которыми она спала въ одной комнатѣ, лѣниво приподнимались.

— Вставайте скорѣе, дѣти,—сказала г-жа Ш.,—смотрите, какое чудесное утро.

Ея постель стояла очень близко къ окну. Оно не запиралось всю ночь. Подъ этимъ окномъ шла крыша институтскаго лазарета, невысокое зданіе котораго образовывало прямой уголъ со зданіемъ самаго института. Г-жа Ш., говоря о погодѣ, взглянула въ окно и вдругъ увидѣла странную перемѣну декораціи: вмѣсто лазаретной крыши, передъ ея глазами поднимался зеленый валъ съ рвомъ внизу. По валу бѣжалъ офицеръ въ фуражкѣ. Онъ бѣжалъ прямо къ окну, и

г-жа Ш. съ изумленіемъ узнала въ немъ брата. Молодой человѣкъ вскочилъ въ окно, подошелъ къ ней и, крѣпко взявъ ее обѣими руками за плечи, такъ же крѣпко поцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Что ты? какъ сюда попалъ?—воскликнула она съ удивленіемъ.

Но онъ въ ту же минуту повернулся, выскочилъ опять въ окно и побѣжалъ обратно по валу. Добѣжавъ до средины, молодой человѣкъ вдругъ сильно покачнулся, фуражка слетѣла у него съ головы, и вслѣдъ за нею онъ самъ скатился въ ровъ... И все исчезло. Подъ окномъ институтской спальни опять тянулась лазаретная крыша.

Г-жа Ш. протирала глаза, думая, не сонъ ли ей приснился. Но на обѣихъ щекахъ горѣли крѣпкіе поцѣлуи брата, а на плечахъ оставались знаки отъ его пальцевъ.

Она взглянула на дѣвочекъ. Онѣ сидѣли молча и во всѣ глаза смотрѣли на нее.

— Дѣти, я не спала сейчасъ?—въ смущеніи спросила г-жа Ш.

— Нѣтъ, — отвѣчали онѣ, — вы смотрѣли въ окно, а потомъ съ кѣмъ-то разговаривали.

Въ эту недѣлю г-жа Ш., вмѣсто обычнаго письма отъ брата, получила извѣстіе о его смерти. Онъ былъ убитъ 25 мая, въ тотъ утренній часъ, когда его видѣла сестра. („Ребусъ" 1884 г., № 35).

33. *Ограбленная могила.* Самымъ лучшимъ гульбищемъ въ лѣтнее время служитъ для жителей г. Симбирска такъ-называемая Киндяковская роща, находящаяся въ трехъ верстахъ отъ города, по Саратовскому тракту. Въ этой рощѣ въ самой глуши деревьевъ красуется и до нынѣ, хотя и крайне попорченная непогодами и годами, каменная массивная бесѣдка, въ видѣ довольно большого (вродѣ языческаго) храма съ колоннами и съ каменными урнами на четырехъ столбахъ вокругъ круглаго купола. Съ этою бесѣдкою соединено у старожиловъ города много легендарныхъ разсказовъ, и многіе кладоискатели, полагая, что подъ бесѣдкою сокрытъ кладъ, нерѣдко подрывались подъ фундаментъ или портили каменный полъ. Но вотъ истинный разсказъ, слышанный мною лично отъ стараго владѣльца села Киндяковки, умершаго въ шестидесятыхъ годахъ столѣтнимъ старикомъ, Льва Васильевича Киндякова. Вышеупомянутая бесѣдка, по его словамъ, сооружена еще въ срединѣ прошлаго, XVIII-го, столѣтія, надъ прахомъ одной родственницы семейства Киндяковыхъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, и самъ Киндяковъ, служившій при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, не помнитъ времени этой постройки. Вотъ что случилось съ нимъ самимъ въ 1835 году. Однажды, собрались въ домѣ у г. Киндякова въ селѣ Киндяковкѣ, въ лѣтнее время, гости и играли въ карты. Часу въ первомъ пополуночи вошелъ въ комнату лакей и доложилъ Льву Васильевичу, что какая-то старая дама вошла изъ сада чрезъ террасу въ лакейскую и неотступно требуетъ о себѣ доложить, имѣя сообщить важное дѣло. Г. Киндяковъ всталъ изъ-за стола, вышелъ въ прихожую и, дѣйствительно, увидалъ высокаго роста, блѣдную старушку, одѣтую въ старомодный костюмъ. На вопросъ о томъ, что ей угодно въ такое позднее время, и кто она, старушка отвѣтила: „я Эмилія N., родственница твоя, схороненная въ саду подъ бесѣдкой. Сегодня въ одиннадцать часовъ двое грабителей сняли съ меня золотой крестъ и золотое обручальное кольцо и потревожили прахъ мой". Съ этими словами старушка быстро пошла въ отворенныя двери террасы и скрылась въ саду. Г. Киндяковъ, сроду ничего не боявшійся, счелъ все это явленіе за продуктъ разстроеннаго картежною игрою воображенія, велѣлъ подать себѣ умыться холодной воды, и, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился къ гостямъ метать банкъ. Но каково же было его удивленіе, когда на другой день, въ десять часовъ утра, явились къ нему караульщики сада и доложили, что полъ въ бесѣдкѣ выломанъ, и какой-то скелетъ выброшенъ изъ полусгнившаго гроба на землю. Тутъ поневолѣ пришлось уже вѣрить, и г. Киндяковъ, предварительно удостовѣрясь, что и лакей въ прошлую ночь видѣлъ то же видѣніе и слышалъ ясно (отъ слова до слова) все произнесенное привидѣніемъ, немедленно обратился къ бывшему въ то время въ Симбирскѣ полицеймейстеру, полковнику Орловскому. Тотъ энергически принялся за розыски, и, дѣйствительно, обнаружено было, что два симбирскихъ мѣщанина ограбили трупъ и заложили золотые крестъ и кольцо въ одномъ изъ кабаковъ; главною же цѣлью ихъ было отысканіе клада. Этотъ же разсказъ слышали лично отъ г. Киндякова симбирскій помѣщикъ Сергѣй Николаевичъ Нейковъ, докторъ Евлановъ и многіе другіе.

Изъ числа подобныхъ фактовъ фактъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что привидѣніе не только явилось, но и отчетливо говорило, что рѣдко встрѣчается, и что, наконецъ, посмертный призракъ явился отнюдь не ранѣе, какъ лѣтъ чрезъ сто послѣ смерти. Къ этому мы можемъ присовокупить, что г. Киндяковъ былъ старикъ, въ высшей степени правдивый и не вѣрящій ни во что сверхъестественное, и пользовался до самой смерти прекраснымъ здоровьемъ. („Ребусъ", 1886 г., № 11).

34. Покойный лордъ М. отправился въ концѣ прошлаго столѣтія въ Шотландію, оставивъ жену свою совершенно здоровою въ Лондонѣ. Ночью, въ первый же день пріѣзда въ свое шотландское помѣстье, онъ былъ разбуженъ яркимъ свѣтомъ, озарившимъ его спальню. Пологъ кровати раздвинулся, и лордъ М. увидалъ призракъ своей жены, стоявшій у кровати. Онъ позвонилъ и спросилъ у вошедшаго слуги: „что ты видишь?" Испуганный лакей съ ужасомъ воскликнулъ: это миледи. Лэди М. скоропостижно умерла въ ту же ночь въ Лондонѣ. Исторія эта надѣлала въ то время много шуму. Георгъ III послалъ за лордомъ М. и, получивъ отъ него подтвержденіе этого происшествія, попросилъ его изложить письменно всѣ обстоятельства этого дѣла, что и было исполнено, а слуга подписью своею удостовѣрилъ правильность описанія.

Около года спустя послѣ того, пятилѣтняя младшая дочь лорда М. опрометью вбѣжала въ дѣтскую съ крикомъ: „я видѣла маму! Она стояла наверху на лѣстницѣ и манила меня къ себѣ". Въ ту же ночь дитя это, маленькая Арабелла М., заболѣла и умерла.

Я могу вполнѣ ручаться за достовѣрность обоихъ этихъ случаевъ, ибо получилъ письменное изложеніе этихъ происшествій отъ одного изъ членовъ семейства лорда М. (Робертъ дэль-Оуэнъ: „Замогильн. отголоски").

35. *Осязаемое привидѣніе.* Винчестерскій епископъ Вильберфорсъ, одинъ изъ высшихъ сановниковъ англійской церкви, котораго имя произносится съ уваженіемъ всюду, гдѣ говорятъ по-англійски, получилъ однажды приглашеніе къ обѣду въ одинъ изъ семейныхъ домовъ центральнаго графства. Придя нѣсколько ранѣе назначеннаго часа, когда хозяйка еще не вышла изъ своихъ комнатъ, онъ засталъ въ гостиной неизвѣстнаго католическаго священника, который, сидя на диванѣ, внимательно читалъ толстую книгу.

Когда епископъ зашелъ въ гостиную, священникъ поднялъ глаза, странно и молча поклонился ему и затѣмъ снова погрузился въ чтеніе. Это былъ человѣкъ стройнаго и крѣпкаго сложенія, серьезнаго вида, но лицо его носило выраженіе такой усталости и безпокойства, что невольно привлекло вниманіе епископа, возбуждая его любопытство узнать — кто это былъ такой и почему онъ въ этомъ домѣ?

Послѣ того какъ собрались и другіе приглашенные, епископъ, сидя возлѣ хозяйки, спросилъ ее потихоньку:

— Кстати, вы не представили мнѣ этого священника, у котораго такая замѣчательная наружность, и которого я засталъ въ гостиной, когда пріѣхалъ. Кто это такой? Его теперь не видно между гостями.

При этомъ вопросѣ странное выраженіе показалось на лицѣ хозяйки, которая быстро и тихимъ голосомъ сказала ему:

— Какъ, неужели и вы его видѣли?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ епископъ,— но простите меня, если я невольно коснулся какой-нибудь семейной тайны. Я думалъ, что этотъ священникъ былъ просто гостемъ, какъ и я, и наружность его меня такъ поразила, что я пожелалъ быть ему представленнымъ. Но если по какой-нибудь причинѣ вы пожелаете, чтобы его личность осталась неизвѣстной, то можете расчитывать на мою скромность.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше преосвященство,— отвѣчала хозяйка все тѣмъ же тихимъ голосомъ,—вы заблуждаетесь, такъ какъ мнѣ нечего скрывать, хотя мой мужъ и желалъ бы, чтобъ это не разглашалось. Я только удивляюсь, что этотъ священникъ показался вамъ, тогда какъ до сихъ поръ онъ показывался только глазамъ нашего семейства. Тотъ, кого вы видѣли, не былъ гость, но — призракъ.

— Какъ! призракъ?

— Да, именно, продолжала хозяйка,—призракъ, въ существованіи котораго нельзя усомниться, ибо въ продолженіе двухъ лѣтъ, что мы здѣсь живемъ, этотъ призракъ является нѣсколько разъ мнѣ и моему мужу при такихъ условіяхъ, что всякая ошибка и подозрѣніе чего либо другого невозможны. Мы его видѣли съ десятокъ разъ и, не будучи въ состояніи объяснить это явленіе какими либо естественными причинами, мы рѣшились объ этомъ молчать. Но такъ какъ и вы были очевидцемъ этого привидѣнія, то не могу ли я, ваше преосвященство, просить вашей помощи?

— Я готовъ помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ только могу, — отвѣчалъ епископъ.

— Мнѣ часто приходило на умъ, что если бы у кого либо хватило смѣлости съ нимъ заговорить, то этимъ, быть-можетъ, можно было бы избавиться отъ его посѣщеній. Вы можете, если хотите, подъ какимъ-либо предлогомъ вернуться въ гостиную и, если онъ тамъ, попросить его оставить нашъ домъ; однимъ словомъ, сдѣлать заклинаніе.

Послѣ небольшого колебанія епископъ согласился. Онъ извинился передъ гостями въ необходимости выйти на минуту и вышелъ изъ столовой.

При входѣ въ гостиную его охватилъ внезапный страхъ, когда онъ увидѣлъ того же священника, по-прежнему погруженнаго въ чтеніе. Овладѣвъ собою, онъ рѣшительно

направился къ призраку. Такъ же, какъ и въ первый разъ, тотъ молча поклонился епископу, но вмѣсто того, чтобы снова погрузиться въ чтеніе, его глаза съ безпокойствомъ остановились на вошедшемъ.

Послѣ минутнаго колебанія, епископъ медленнымъ и торжественнымъ голосомъ произнесъ:

— Во имя Бога, кто вы и что вы хотите?

Въ отвѣтъ на это заклинаніе священникъ закрылъ свою книгу, приподнялся и, стоя передъ епископомъ, послѣ минутнаго колебанія, отвѣчалъ глухимъ и медленнымъ голосомъ:

— До сихъ поръ никто не заклиналъ меня такимъ образомъ. Я вамъ скажу, кто я и чего я желаю. Какъ видите, я священникъ католической церкви, и 80 лѣтъ тому назадъ этотъ домъ принадлежалъ мнѣ. У меня была страсть къ охотѣ, и я пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поохотиться. Однажды я готовился отправиться по сосѣдству, какъ вдругъ молодая дама, высокаго происхожденія, пріѣхала просить моей исповѣди. Я вамъ не повторю того, что я услышалъ, но это близко касалось чести одного изъ самыхъ знаменитыхъ домовъ Англіи. Ея признанія показались мнѣ столь важными, что я рѣшился записать ихъ. Это, безъ сомнѣнія, была нескромность и — даже скажу — грѣхъ такъ какъ подобная вещь строго воспрещается нашей церковью. Когда исповѣдь была окончена, и кающаяся получила разрѣшеніе, я замѣтилъ, что мнѣ оставалось очень мало времени. Уѣзжая изъ дому, я тщательно спряталъ записанное въ секретной нишѣ, сдѣланной въ стѣнѣ. Я помѣстилъ эти замѣтки въ книгу, которую читалъ въ то время, и положилъ все это въ нишу, задѣлалъ отверстіе кирпичами, нарочно для этого вынимавшимися, съ намѣреніемъ, по возвращеніи домой, уничтожить компрометтирующую запись. Къ несчастію... смерть помѣшала мнѣ исполнить это намѣреніе, такъ какъ въ этотъ день я убился, упавъ съ лошади. Съ тѣхъ поръ мнѣ какъ бы предопредѣлено посѣщать этотъ домъ, чтобы предупреждать послѣдствія моей ошибки, препятствуя тому, чтобы эти фатальныя замѣтки попали въ чьи-нибудь руки. До сихъ поръ никто не осмѣлился обратиться ко мнѣ такъ смѣло, какъ вы; никто еще мнѣ не могъ и даже не подалъ надежды достигнуть моей цѣли... Хотите ли вы помочь мнѣ? Если я вамъ скажу, гдѣ эта книга,— поклянитесь мнѣ всѣмъ святымъ для васъ уничтожить эту бумагу, не читавши и не позволяя никому прочесть ее. Даете ли вы мнѣ слово сдѣлать это?

— Клянусь,— отвѣчалъ торжественно епископъ, — что буквально исполню вашу просьбу.

— Въ такомъ случаѣ, слѣдуйте за мною.

Съ этими словами священникъ пошелъ впередъ и спустился съ епископомъ сначала по парадной лѣстницѣ, потомъ по черному ходу въ подвалъ. „Здѣсь", сказалъ священникъ, опершись рукой о стѣну. Епископъ осмотрѣлъ внимательно указанное мѣсто и, обратившись къ своему собесѣднику, чтобы задать ему вопросъ, увидѣлъ, что онъ остался одинъ въ плохо освѣщенномъ подвалѣ. Взволнованный до нельзя, онъ поспѣшно возвратился въ столовую.

Въ заключеніе этой исторіи скажемъ, что въ указанномъ призракомъ мѣстѣ, дѣйствительно, была найдена пожелтѣвшая отъ времени книга съ замѣтками священника, и епископъ свято исполнилъ клятву, уничтоживши въ присутствіи хозяевъ компрометтирующія замѣтки. Излишне прибавлять, что съ этихъ поръ посѣщенія призрака прекратились. („Messager" 1889 г., № 20; сн. „Ребусъ" 1890 г., № 12).

36. *Призракъ огорченной матери.* Въ еженедѣльномъ журналѣ „Женщина" (Woman), одномъ изъ многочисленныхъ изданій, успѣхъ которыхъ свидѣтельствуетъ о быстромъ развитіи женскаго вопроса, появилась слѣдующая статья:

„Я слышалъ недавно интересный разсказъ о привидѣніи, сообщенный мнѣ однимъ изъ моихъ друзей, человѣкомъ правдивымъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія и, насколько мнѣ извѣстно, никогда не отличавшимся пылкимъ воображеніемъ или особой впечатлительностью. Нѣсколько времени тому назадъ, онъ гостилъ въ Ирландіи у одного пріятеля, недавно женившагося во второй разъ.

Первый вечеръ, проведенный моимъ другомъ въ этомъ домѣ, прошелъ очень оживленно, и онъ удалился въ свою комнату въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, легъ въ постель и вскорѣ заснулъ. Спустя немного времени, его разбудилъ шумъ отворявшейся двери, онъ проснулся и увидалъ, что на порогѣ появилась освѣщенная яркимъ свѣтомъ фигура женщины, по-видимому глубоко огорченной. Онъ заговорилъ съ ней и, не получивъ отвѣта, поспѣшно зажегъ свѣчу. Въ ту же минуту и женщина, и свѣтъ исчезли, и мой другъ убѣдился, что дверь была по-прежнему заперта.

Сильно пораженный этимъ таинственнымъ явленіемъ, м-ръ Г. не могъ болѣе заснуть и старался убѣдить себя, что все видѣнное имъ было не что иное, какъ сонъ; но вотъ, часа два спустя, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что дверь опять медленно и въ этотъ разъ безшумно отворяется, и въ комнату входитъ та же самая женщина. Теперь онъ могъ разглядѣть ея лицо, и въ ту же минуту узналъ

въ вошедшей оригиналъ портрета, висѣвшаго въ столовой на стѣнѣ. Слезы струились по щекамъ женщины; она, видимо, находилась подъ вліяніемъ отчаяннаго горя; быстрыми шагами приблизилась она къ окну, и въ ту же минуту раздался плачъ ребенка, доносившійся, какъ будто, изъ-за окна. Не помня себя, мой другъ вскочилъ и хотѣлъ заговорить съ ней, но, какъ и въ первый разъ, видѣніе моментально исчезло. М-ръ Г. не былъ трусомъ, но онъ сознался мнѣ впослѣдствіи, что никогда прежде не приходилось ему испытать подобнаго страха, какъ въ эту ночь.

На другой день за завтракомъ онъ разсказалъ хозяину дома о своемъ ночномъ приключеніи, и тотъ объяснилъ его значеніе. Портретъ, висѣвшій на стѣнѣ въ столовой, изображаетъ его первую жену. Она умерла отъ горя, послѣ смерти ихъ единственнаго ребенка, упавшаго изъ окна той самой комнаты, гдѣ спалъ гость. Несчастная мать, пока ей позволяли силы, постоянно ходила въ комнату, въ которой лишилась обожаемаго сына, а послѣ ея кончины, по увѣренію многихъ лицъ, эти явленія и звуки повторяются почти каждую ночь.

Мой другъ ночевалъ въ этой комнатѣ, благодаря незнанію недавно поступившаго слуги, такъ какъ послѣ смерти хозяйки она оставалась неприкосновенной. Такимъ образомъ приходится заключить, что если привидѣнія дѣйствительно существуютъ, то они не принадлежатъ исключительно ко временамъ давно минувшимъ, но и послѣдняя половина нашего прозаическаго девятнадцатаго вѣка можетъ внести новые факты въ область сверхъестественныхъ явленій". (Light", № 619, сн. „Ребусъ", 1894 г., № 1).

37. *Разсказы Камилла Фламмаріона.* а) Изъ числа многихъ другихъ, мнѣ припоминается разсказъ, слышанный мною отъ одного изъ старыхъ друзей моей юности, Жана Беста, основавшаго въ 1833 г., вмѣстѣ со своимъ знаменитымъ другомъ Эдуардомъ Чартономъ, *Живописный магазинъ* и умершаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ вполна солидный, разсудительный и хладнокровный человѣкъ. Всѣмъ знавшимъ его извѣстно, насколько крѣпки были его нервы, и насколько онъ по своему темпераменту былъ чуждъ всего фантастическаго. Такъ вотъ съ нимъ-то и случилось, по его словамъ, слѣдующее приключеніе, когда ему было всего лишь пять или шесть лѣтъ.

Мѣстомъ дѣйствія была его родина Туль. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ легъ въ свою постельку и прежде, чѣмъ заснулъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ комнату вошла его мать и перешла чрезъ нее въ сосѣднюю залу, двери куда были отворены, и гдѣ его отецъ игралъ въ карты съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Но въ этотъ моментъ его больная мать находилась далеко отсюда—въ По. Онъ тотчасъ вскочилъ съ постели и побѣжалъ за матерью въ залу, гдѣ и сталъ искать ее, но, разумѣется, безуспѣшно. Отецъ нѣсколько раздражительно закричалъ на него и велѣлъ итти спать, говоря, что все это ему приснилось.

Послѣ этого ребенокъ, повѣривъ, что это, дѣйствительно, было во снѣ, легъ опять и старался заснуть. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ, смотря во всѣ глаза, снова и на этотъ разъ совершенно ясно увидѣлъ свою мать, проходившую мимо него. Онъ бросился къ ней, стараясь ее обнять, но она тотчасъ же исчезла. Тогда онъ не захотѣлъ уже ложиться спать и остался въ залѣ, гдѣ отецъ его продолжалъ играть.

Послѣ оказалось, что мать его умерла въ По въ этотъ день и въ этотъ именно часъ.

Разсказъ этотъ я слышалъ отъ самого Беста, неизгладимо сохранившаго его въ своей памяти. Какъ его объяснить? Можно сказать, что ребенокъ, зная о болѣзни матери, часто о ней думалъ, и что это вызвало галлюцинацію зрѣнія, случайно совпавшую со смертью матери. Такое объясненіе возможно; но можно также думать, что въ этомъ случаѣ между матерью и ребенкомъ существовала нѣкоторая симпатическая связь, и что въ печально-торжественный моментъ смерти душа матери находилась въ дѣйствительномъ общеніи съ душою своего ребенка. Но какимъ же образомъ?—спросятъ меня. Я этого не знаю, и немудрено, потому что между тѣмъ, чего мы не знаемъ, и тѣмъ, что знаемъ, такое же отношеніе, какъ между океаномъ и дождевой каплей.

Галлюцинаціи! Это легко сказать, а сколько медицинскихъ трактатовъ написано по этому вопросу? Всѣмъ извѣстно сочиненіе Бріера де-Буамона. Изъ безчисленнаго множества наблюденій, собранныхъ въ немъ, приведемъ здѣсь два слѣдующихъ:

б) Когда король Іаковъ возвратился въ Англію и, по случаю моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Лондонѣ, жилъ въ имѣніи сэра Роберта Коттона вмѣстѣ со старымъ Камбденомъ, онъ увидалъ во снѣ своего старшаго сына, остававшагося въ Лондонѣ, съ кровавымъ крестомъ на лбу, какъ будто бы онъ былъ раненъ саблей. Испуганный этимъ видѣніемъ, король началъ молиться и, какъ настало утро, пришелъ въ комнату Камбдена и разсказалъ ему о видѣнномъ снѣ. Сэръ Камбденъ увѣрилъ монарха, что

это не болѣе, какъ сонъ, и что по этому поводу нечего безпокоиться. Но въ тотъ же день король получилъ письмо отъ своей жены, извѣщавшей его о смерти ребенка, сдѣлавшагося жертвой моровой язвы. Когда ребенокъ явился отцу, онъ имѣлъ ростъ и видъ взрослаго человѣка.

в) „Дѣвица Р., обладавшая большою разсудительностью, религіозная, но безъ всякаго ханжества, жила до замужества у своего дяди Д., извѣстнаго медика и члена Академіи наукъ. Ея мать проживала въ провинціи и въ это время довольно опасно заболѣла. Въ одну ночь молодой дѣвушкѣ приснилось, что мать ея стояла передъ ней блѣдная, страшная, почти испускающая духъ; она горько жаловалась на то, что около нея нѣтъ теперь сыновей, изъ которыхъ одинъ жилъ въ Парижѣ, а другой, бывшій приходскимъ священникомъ тоже въ Парижѣ, переселился въ Испанію. Дѣвушкѣ послышалось, что мать нѣсколько разъ назвала ее по имени, и она увидѣла, что окружавшіе мать люди, думая, что она зоветъ свою внучку, носившую то же имя, пошли за ней въ сосѣднюю комнату, но больная знаками показала имъ, что ея слова относились не къ внучкѣ, а къ дочери, жившей въ Парижѣ, которую хотѣлось бы ей увидать. Было видно, что отсутствіе дочери для нея очень прискорбно. Вдругъ, лицо ея покрылось смертельною блѣдностью, черты ея измѣнились, и умирающая упала на постель уже безъ всякихъ признаковъ жизни.

Поутру Д., замѣтивъ, что племянница его очень печальна, попросилъ ее сообщить ему о причинѣ своего горя. Она со всѣми подробностями разсказала ему такъ напугавшій ее сонъ. Тогда Д., видя, что она уже приготовлена къ печальному извѣстію, ласково обнялъ ее и сказалъ, что все это, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно, что мать ея, дѣйствительно, скончалась, но никакихъ подробностей при этомъ не сообщилъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того г-жа Р., воспользовавшись отсутствіемъ своего дяди, стала приводить въ порядокъ его бумаги, къ которымъ онъ, подобно многимъ другимъ ученымъ, не позволялъ вообще касаться; случайно ей попалось на глаза письмо, извѣщавшее дядю о смерти матери. Каково же было ея удивленіе, когда въ этомъ письмѣ она прочла всѣ подробности своего сна!“

Галлюцинація! Случайное совпаденіе! Но достаточно ли, удовлетворительно ли такое объясненіе? Во всякомъ случаѣ, оно ровно ничего не объясняетъ.

Фактъ остается фактомъ, и его нельзя не допустить, хотя бы при настоящемъ состояніи нашихъ знаній и невозможно было его объяснить.

г) Генералъ Пармантье, одинъ изъ нашихъ самыхъ выдающихся ученыхъ, сообщилъ мнѣ слѣдующій фактъ, происшедшій въ его семействѣ [1]).

Нѣсколько человѣкъ собрались къ завтраку на дачѣ въ Андлау, въ Эльзасѣ. Долго поджидали хозяина дома, отправившагося поохотиться, но въ назначенный часъ сѣли за столъ безъ него, такъ какъ хозяйка дома увѣряла, что мужъ ея не замедлитъ вернуться къ завтраку. Приступили къ завтраку среди веселой болтовни, ожидая, что съ минуты на минуту явится запоздавшій членъ, черезчуръ усердный любитель охоты. Однако, время шло, и всѣ стали удивляться такой долгой проволочкѣ, какъ вдругъ при самой ясной, тихой погодѣ окно въ столовой, открытое настежъ, захлопнулось съ сильнымъ стукомъ и тотчасъ же опять открылось. Гости были тѣмъ болѣе удивлены и поражены, что это движеніе оконныхъ рамъ должно было опрокинуть графинъ съ водою, стоявшій на столикѣ передъ окномъ, а, между тѣмъ, графинъ остался на мѣстѣ нетронутымъ. Всѣ, кто видѣлъ и слышалъ это движеніе, не могли понять, какъ оно произошло.

— Навѣрное, случилось несчастіе! — воскликнула, вскочивъ съ мѣста, перепуганная хозяйка.

Завтракъ былъ прерванъ. Три четверти часа спустя принесли на носилкахъ тѣло охотника, которому попалъ весь зарядъ въ грудь. Онъ умеръ почти немедленно, успѣвъ произнести только слова: „жена моя, бѣдныя мои дѣти!“

Вотъ совпаденіе, требующее объясненія. На первый взглядъ оно покажется намъ пустяшнымъ и нелѣпымъ. Что значитъ это странное движеніе окна, и съ чѣмъ оно вяжется? Стоитъ ли терять время на серьезное обсужденіе такого незначительнаго происшествія?

Лягушки Гальвани также казались пустяками, котелъ Папина—тоже. А между тѣмъ, электричество и паръ далеко не пустяки. Недавно ударомъ молніи свалило человѣка въ полѣ, онъ остался невредимъ, но съ него сорвало обувь и отбросило ее на двадцать шаговъ, причемъ повыскакали изъ нея гвозди, всѣ до одного. Въ другой разъ та же молнія

---

[1]) Пармантье, инженеръ, дивизіонный генералъ, президентъ французскаго союза для распространенія французскаго языка за границей, вице-президентъ астрономическаго общества Франціи и географическаго общества, бывшій президентъ комитета фортификаціи, воспитанникъ политехнической школы, офицеръ Большого креста Почетнаго Легіона и т. д. Я нарочно привожу всѣ эти титулы для читателей, лично незнакомыхъ съ его характеромъ и трудами. *К. Фламмаріонъ.*

сорвала платье съ молодой крестьянки, раздѣвъ ее до-нага. Одежду ея нашли потомъ висящей на деревѣ. А вотъ вамъ еще случай. Ударомъ молніи убило наповалъ мужика въ тотъ моментъ, когда онъ подносилъ ко рту кусокъ хлѣба. Онъ остался недвижимъ. Къ нему подходятъ, трогаютъ его, онъ разсыпается въ прахъ. Платье его осталось цѣлымъ. Причуды природы не должны препятствовать намъ изучать ея явленія. Напротивъ.

Безъ сомнѣнія, услыхавъ разсказъ о происшествіи съ охотникомъ въ Андлау, намъ первымъ дѣломъ приходитъ на мысль отрицать просто-на-просто фактъ. Конечно, нельзя предположить, чтобы исторія была вымышленная цѣликомъ и лжива съ начала до конца; этого никакъ не позволяютъ обстоятельства, при которыхъ она разыгралась, и почтенность самого повѣствователя. Но можно сказать, что было легкое движеніе оконной рамы, вызванное какой-нибудь посторонней пустяшной причиной: порывомъ вѣтра, толчкомъ, кошкой—мало ли еще чѣмъ. Совпаденіе этого движенія съ трагическимъ случаемъ придало ему впослѣдствіи серьезное значеніе. Предположеніе, трудно допустимое однако, такъ какъ хозяйка дома и ея гости были имъ такъ сильно потрясены.

Съ большею вѣроятностію мы должны допустить, что причиной явленія была психическая сила умирающаго, того человѣка, котораго ждали за столомъ въ этотъ часъ, человѣка, который перенесся туда мысленно и направилъ въ это мѣсто всю свою предсмертную энергію. Телеграфъ безъ проволоки...

Почему эта сила проявилась такимъ образомъ? Какъ могло мозговое впечатлѣніе быть коллективнымъ? Почему?.. почему?.. Насъ окружаетъ полнѣйшая тайна, и мы можемъ только строить гипотезы. О, конечно, будь этотъ случай единичнымъ въ своемъ родѣ, тогда онъ могъ бы пройти незамѣченнымъ, но это лишь одинъ изъ множества другихъ, которые предстоитъ намъ привести въ нашемъ изслѣдованіи. Пока не будемъ останавливаться на томъ, какимъ образомъ объяснить явленіе и пойдемъ дальше.

д) Андре Блокъ, молодой, очень талантливый музыкантъ, посланный на казенный счетъ въ Римъ, членъ Парижскаго астрономическаго общества, недавно обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ разсказомъ о фактѣ, случившемся съ нимъ въ 1896 году:

„Дѣло происходило въ іюнѣ 1896 года. На послѣдніе два мѣсяца пребыванія моего въ Италіи мать моя пріѣхала ко мнѣ въ Римъ и поселилась неподалеку отъ французской академіи въ пансіонѣ на Via Gregoriana, тамъ же, гдѣ вы сами когда-то жили.

Такъ какъ въ то время я долженъ былъ окончить одну спѣшную работу до возвращенія во Францію, то матушка по утрамъ осматривала городъ одна, безъ меня, и возвращалась на виллу Медичи только въ 12 часовъ, къ завтраку. Но однажды она явилась въ восемь часовъ утра, страшно разстроенная. На мои разспросы она отвѣчала, что, одѣваясь утромъ, она вдругъ увидала возлѣ себя своего племянника, Рене Кремера; онъ смотрѣлъ на нее и, смѣясь, говорилъ ей: „ну, да, я въ самомъ дѣлѣ умеръ!“ Очень испуганная этимъ явленіемъ, она поспѣшила ко мнѣ. Я успокоилъ ее, какъ умѣлъ, потомъ перевелъ разговоръ на другіе предметы. Двѣ недѣли спустя, мы оба вернулись въ Парижъ, осмотрѣвъ часть Италіи, и узнали о смерти моего кузена Рене, послѣдовавшей въ пятницу, 12 іюня, 1896 года, въ квартирѣ, занимаемой его родителями, въ улицѣ Москвы, 31. Ему было 14 лѣтъ.

Благодаря одной работѣ, занимавшей меня тогда въ Римѣ, я могъ аккуратно провѣрить день и даже часъ, въ которые происходило это явленіе. Оказалось, что какъ разъ въ тотъ самый день мой маленькій кузенъ, больной воспаленіемъ брюшины, впалъ въ агонію съ шести часовъ утра и скончался въ 12 часовъ; передъ смертью онъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе повидаться съ тетей Бертой, т.-е. съ моей матерью.

Надо замѣтить, что ни въ одномъ изъ многочисленныхъ писемъ, получаемыхъ нами изъ Парижа, никто не обмолвился ни единымъ словомъ о болѣзни моего кузена. Всѣ знали, что мать моя питала особенную привязанность къ этому ребенку, и что она непремѣнно вернулась бы въ Парижъ при малѣйшемъ его недомоганіи. Намъ даже не телеграфировали о его смерти. Прибавлю еще, что когда въ Парижѣ шесть часовъ, то часы въ Римѣ показываютъ семь, вслѣдствіе разницы въ долготѣ этихъ мѣстностей, и что именно въ этотъ моментъ моя мать и имѣла это видѣніе“.

Фактъ, наблюденный г-жей Блокъ, принадлежитъ къ такому же порядку, какъ и предыдущій. Въ тотъ часъ, когда ея племянникъ терялъ сознаніе всего земного, онъ горячо помышлялъ о той, которую любилъ какъ мать, и которая, съ своей стороны, любила его не меньше сына родного. И вотъ, психическая сила умирающаго проявилась даже въ соотвѣтствіи съ характеромъ четырнадцатилѣтняго мальчика; тотъ, дѣйствительно, могъ сказать, смѣясь:

„Ну, да, я умеръ!“

Можно все отрицать, отрицать съ плеча. Но что докажетъ такое отрицаніе? Не лучше ли быть откровеннымъ и сознаться, что это

замѣчательныя совпаденія, хотя и не объяснимыя при настоящемъ состояніи нашихъ познаній? Гипотеза о безпричинной галлюцинаціи, право, ужъ черезчуръ не серьезна.

е) М. В. Керковъ писалъ мнѣ въ февралѣ, 1889 года:

25-го августа, 1874 года, я находился въ Техасѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, и послѣ обѣда около солнечнаго заката курилъ трубку въ столовой нижняго этажа, съ видомъ на море. Направо отъ меня помѣщалась дверь, обращенная на сѣверо-востокъ. Я сидѣлъ въ пунктѣ А.

×A B

Вдругъ, въ дверяхъ В я отчетливо вижу своего стараго дѣдушку. Я находился въ полусознательномъ состояніи благодушнаго покоя, какъ человѣкъ съ хорошимъ желудкомъ, сытно пообѣдавшій. При видѣ дѣда я не испыталъ ни малѣйшаго удивленія. Въ сущности, я жилъ въ этотъ моментъ чисто растительной жизнью и ни о чемъ не помышлялъ. Однако, у меня промелькнуло въ головѣ слѣдующее соображеніе: „странно, какъ лучи заходящаго солнца окрашиваютъ всѣ предметы золотомъ и пурпуромъ, забираются во всѣ складки одежды и въ морщины на лицѣ моего дѣда“.

Дѣйствительно, солнце садилось совсѣмъ багровымъ и бросало снопъ лучей по діагонали сквозь дверь столовой. У дѣдушки было добродушное выраженіе лица, онъ улыбался, казался счастливымъ. Вдругъ онъ исчезъ вмѣстѣ съ солнцемъ, и я очнулся, какъ отъ сна, съ убѣжденіемъ, что мнѣ являлось видѣніе. Шесть недѣль спустя, мнѣ сообщили письмомъ, что дѣдушка умеръ въ ночь съ 25-го на 26-е августа между часомъ и двумя пополуночи. Какъ извѣстно, между Бельгіей, гдѣ онъ умеръ, и Техасомъ, моимъ мѣстопребываніемъ, существуетъ въ долготѣ разница на пять съ половиной часовъ—какъ разъ время солнечнаго заката, около 7 часовъ.

ж) 10-го ноября, 1890 года, мнѣ было адресовано слѣдующее письмо изъ Христіаніи:

„Дорогой учитель!

„Ваше сочиненіе „Уранія“ подало мнѣ поводъ сообщить вамъ объ одномъ происшествіи, слышанномъ мною лично отъ того человѣка, съ которымъ оно случилось. Это г. Фоглеръ, докторъ, датчанинъ, живущій въ Гудумѣ, близъ Альборга (въ Ютландіи). Фоглеръ человѣкъ вполнѣ здоровый—тѣломъ и духомъ, характера прямодушнаго и положительнаго, безъ малѣйшей склонности къ неврастеніи или фантазерству,—скорѣе напротивъ. Будучи молодымъ студентомъ-медикомъ, онъ путешествовалъ по Германіи вмѣстѣ съ графомъ Шиммельманомъ, очень извѣстнымъ среди голштинскаго дворянства. Они были почти ровесники. Въ одномъ изъ германскихъ университетскихъ городовъ они рѣшили прожить нѣкоторое время и наняли себѣ отдѣльный домикъ. Графъ занималъ нижній этажъ, а Фоглеръ поселился наверху. Входныя двери улицы и лѣстница были у нихъ отдѣльныя: они одни пользовались ими. Однажды ночью Фоглеръ уже улегся, но еще продолжалъ читать въ постели. Вдругъ, онъ услыхалъ, что входная дверь внизу отперлась и опять затворилась; онъ не обратилъ на это вниманія, подумавъ, что возвращается его другъ. Однако, черезъ нѣсколько минутъ онъ услыхалъ чьи-то шлепающіе, какъ будто усталые шаги по лѣстницѣ, затѣмъ кто-то останавливается у двери его комнаты. Онъ увидалъ, какъ дверь отворилась, но никто не вошелъ; шумъ шаговъ, однако, не прекращался, онъ ясно слышалъ шарканье по полу, шаги приближались къ его постели. Но никого не было видно, хотя свѣча ярко освѣщала комнату. Когда шаги остановились у самой постели, онъ услышалъ глубокій вздохъ и сразу узналъ вздохъ своей бабушки, которую оставилъ въ Даніи совершенно здоровой. Въ то же время онъ узналъ и ея походку: то были точь-въ-точь шаркающіе, старческіе шаги его бабушки. Фоглеръ замѣтилъ въ точности часъ этого явленія, потому что у него сразу мелькнуло въ головѣ предчувствіе, что его бабушка умерла, и все это записалъ. Позднѣе, письмомъ изъ отцовскаго дома его извѣстили о неожиданной кончинѣ бабушки, которая его любила больше всѣхъ своихъ внучатъ. Смерть послѣдовала какъ разъ въ замѣченный часъ. Такимъ образомъ, бабушка простилась съ внукомъ, даже не подозрѣвавшимъ о ея болѣзни.

Эдуардъ Гамбро“.

(Кандидатъ правъ, секретарь департамента общественныхъ работъ въ городѣ Христіаніи).

Итакъ, этотъ молодой человѣкъ былъ извѣщенъ о смерти своей бабушки впечатлѣніемъ шаговъ и вздоха. Съ этимъ трудно не согласиться.

з) Г-жа Ферре, изъ Жювизи, мать начальницы почтовой конторы, не такъ давно написала мнѣ слѣдующее письмо (въ декабрѣ 1898 года):

„Случай, о которомъ я хочу разсказать, относится къ далекому прошлому, но я помню его такъ ясно, какъ будто онъ произошелъ вчера, потому что это происшествіе тогда сильно поразило меня, и, проживи я хоть сто лѣтъ, я никогда не забуду

его. Это было во время Крымской кампаніи, въ 1855 году. Я жила въ улицѣ Туръ, въ Пасси. Однажды, передъ завтракомъ, часовъ въ двѣнадцать я спустилась въ погребъ. Лучъ солнца пробивался сквозь слуховое окно и падалъ на земляной полъ. Это освѣщенное пространство представилось мнѣ вдругъ побережьемъ моря, а на пескѣ лежалъ мертвымъ мой двоюродный братъ, батальонный командиръ. Перепуганная, я не могла итти дальше и съ трудомъ поднялась на верхъ. Мои родные, замѣтивъ мою блѣдность и разстроенный видъ, стали приставать ко мнѣ съ вопросами. И когда я разсказала о своемъ видѣніи, меня подняли на смѣхъ. Двѣ недѣли спустя, мы получили печальное извѣстіе о кончинѣ майора Содье. Онъ умеръ, высадившись въ Варнѣ, и дата его смерти соотвѣтствовала тому дню и часу, когда онъ представился мнѣ лежащимъ на земляномъ полу нашего погреба".

Займемся дальнѣйшимъ разсмотрѣніемъ фактовъ. Теоріи и обобщенія явятся послѣ. Чѣмъ больше мы наберемъ фактовъ, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ наше разслѣдованіе.

и) На-дняхъ я получилъ слѣдующее письмо отъ депутата-поэта, хорошо извѣстнаго и всѣми уважаемаго за искренность его убѣжденій и безкорыстіе всей его жизни.

„Любезный учитель и другъ!

„Случай этотъ произошелъ со мной въ 1871 году. Я былъ тогда въ томъ возрастѣ, когда юноши любуются цвѣточками въ полѣ, точь въ точь какъ вы наблюдаете звѣзды въ безконечномъ пространствѣ. Но разъ какъ-то, позабывъ о цвѣточкахъ, я написалъ статью, за которую меня упрятали на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму св. Петра въ Марсели. Тамъ же сидѣлъ и Гастонъ Кремье, приговоренный къ смерти. Я очень полюбилъ его, потому что мы оба питали однѣ и тѣ же мечты и натолкнулись на одну и ту же печальную дѣйствительность. Въ тюрьмѣ, на прогулкѣ, мы съ нимъ вели безпрестанныя бесѣды, между прочимъ, о Богѣ и безсмертіи души. Однажды, нѣсколько товарищей по заключенію съ особеннымъ паѳосомъ провозгласили себя атеистами и матеріалистами, а я возразилъ имъ, что неприлично щеголять своими отрицаніями передъ человѣкомъ, приговореннымъ къ смерти, притомъ передъ человѣкомъ, вѣрующимъ въ Бога и въ безсмертіе души. Приговоренный сказалъ мнѣ, улыбаясь:

— Спасибо, другъ мой! Вотъ, погодите, когда меня будутъ разстрѣливать, я вамъ подамъ о себѣ вѣсть.

30 ноября, на разсвѣтѣ, я былъ внезапно разбуженъ легкими, глухими стуками, ударявшими въ мой столъ. Я обернулся, шумъ прекратился, и я опять заснулъ. Нѣсколько минутъ спустя, опять повторился тотъ же шумъ. Тогда я соскочилъ съ койки и, окончательно пробудившись, всталъ передъ столомъ: шумъ продолжался. То же самое повторялось два или три раза, все при тѣхъ же условіяхъ.

Каждое утро, вставъ съ постели, я имѣлъ привычку отправляться, пользуясь поблажкой добраго тюремщика, въ камеру Гастона Кремье и пилъ съ нимъ вмѣстѣ кофе. Въ этотъ день, какъ и въ предыдущіе, я отправился на наше дружеское свиданіе. Увы! Дверь была запечатана. Уставивъ глаза въ слуховое оконце, я убѣдился, что заключеннаго тамъ не было. Едва успѣлъ я удостовѣриться въ этой страшной истинѣ, какъ добрый тюремщикъ бросился мнѣ на шею, весь въ слезахъ: „ахъ, вѣдь его разстрѣляли нынче на разсвѣтѣ; но онъ умеръ героемъ".

Сильное волненіе охватило заключенныхъ. Въ тюремномъ дворѣ, гдѣ мы обмѣнивались нашими грустными впечатлѣніями, я вдругъ вспомнилъ слышанные мною шумы. Вздорный страхъ встрѣтить насмѣшки помѣшалъ мнѣ разсказать моимъ товарищамъ по несчастію то, что происходило въ моей камерѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Кремье палъ, сраженный двѣнадцатью пулями въ грудь. Однако, я довѣрился одному изъ нихъ, Франсуа Рустану; но тому представилось вдругъ, ужъ не сошелъ ли я съ ума отъ горя?

„Вотъ разсказъ, который для васъ я изложилъ на бумагѣ. Воспользуйтесь имъ, какъ вамъ будетъ угодно для своихъ изысканій, но не подумайте о моемъ состояніи духа того, что думалъ мой пріятель Рустанъ; горе не могло свести меня съ ума въ тотъ моментъ, когда я еще даже не зналъ о грустномъ фактѣ, который былъ причиной моего горя. Я находился въ совершенно нормальномъ состояніи, я даже не подозрѣвалъ о казни и ясно слышалъ поданный мнѣ знакъ. Вотъ вамъ голая, неприкрашенная истина.

Кловисъ Гюгъ".

і) Одинъ извѣстный ученый, Альфонсъ Берже, докторъ естественныхъ наукъ, лаборантъ по физикѣ въ Сорбоннѣ, передавалъ мнѣ слѣдующій случай:

„Мать моя была въ то время молодой дѣвушкой, невѣстой моего отца, тогда служившаго въ пѣхотѣ въ чинѣ капитана; жила она въ Шлесштадтѣ у своихъ родителей. У матушки была когда-то подруга дѣтства, молодая дѣвушка, по имени Амелія М. Эта дѣвушка, слѣпая, была внучкой одного стараго полковника, служившаго въ драгунахъ при имперіи. Оставшись сиротой, она жила

съ дѣдушкой и бабушкой. Она была хорошая музыкантша и часто пѣвала дуэты съ моею матерью. Восемнадцати лѣтъ она почувствовала влеченіе къ монашеской жизни и постриглась въ одномъ Страсбургскомъ монастырѣ. Первое время она часто переписывалась съ моей матушкой; потомъ письма стали получаться все рѣже и рѣже, наконецъ, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, она совершенно перестала писать своей бывшей подругѣ.

„Прошло года три послѣ ея постриженія; однажды, мать моя отправилась на чердакъ разыскивать что-то въ старомъ хламѣ. Вдругъ она прибѣжала назадъ въ гостиную, съ громкими криками, и упала въ обморокъ. Къ ней поспѣшили на помощь, подняли ее, она очнулась и воскликнула, рыдая:

„— Это ужасно! Амелія умираетъ, она умерла, — я слышала ее поющей такъ, какъ можетъ пѣть только умершая!

„И опять нервный припадокъ, такой сильный, что она лишилась чувствъ.

„Полчаса спустя, полковникъ М. какъ сумасшедшій прибѣжалъ къ моему дѣду съ депешей въ рукахъ. Она была отъ настоятельницы Страсбургскаго монастыря и содержала слѣдующія слова: „пріѣзжайте, ваша внучка при смерти“. Полковникъ бросается на первый поѣздъ, ѣдетъ въ монастырь и узнаетъ, что „сестра скончалась ровно въ три часа“, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда съ матушкой случился нервный припадокъ.

„Этотъ случай часто разсказывался мнѣ моею матерью, бабушкой, отцомъ, присутствовавшими при этой сценѣ, а также теткой и дядей, очевидцами этого происшествія“.

Этотъ фактъ достоинъ вниманія.. Имя разсказчика служитъ порукой его достовѣрности. Здѣсь нѣтъ ничего фантастическаго или романическаго. Очевидно, подруга г-жи Берже, умирая, въ самый моментъ кончины съ большимъ жаромъ, любовью и, вѣроятно, съ сожалѣніемъ думала о своей подругѣ дѣтства, и отъ Страсбурга до Шлесштадта душевное волненіе молодой дѣвушки перенеслось моментально и поразило мозгъ г-жи Берже, сообщивъ ему впечатлѣніе небеснаго голоса, поющаго дивную мелодію. Но какъ? Какимъ путемъ? Этого мы не знаемъ. Было бы, однако, ненаучно отрицать реальное совпаденіе, отношеніе причины къ слѣдствію, явленіе психическаго порядка, отрицать только потому, что мы не умѣемъ его объяснить себѣ.

к) Г-жа де-Фонвіель разсказала мнѣ 17 января 1899 года о слѣдующемъ случаѣ, испытанномъ ею самой и извѣстномъ всей ея роднѣ.

Она жила въ Роттердамѣ. Однажды вечеромъ, часовъ около 11, всей семьей въ сборѣ были вслухъ прочитаны вечернія молитвы, а потомъ всѣ разошлись по своимъ спальнямъ. Г-жа Фонвіель только что успѣла улечься, какъ вдругъ увидала, что въ ногахъ ея постели полюгъ раздвигается, и передъ ней является съ ясностью живого человѣка одна подруга ея дѣтства, съ которой она разсталась года три тому назадъ, послѣ какого-то неделикатнаго поступка съ ея стороны. Она была въ длинной бѣлой одеждѣ, черные волосы ея были распущены по плечамъ; она пристально уставилась на подругу своими большими черными глазами, протягивала руку и говорила на голландскомъ языкѣ.

— Я умираю. Неужели вы не простите меня?

Г-жа де-Фонвіель приподнялась на постели и въ свою очередь протянула ей руку, но видѣніе вдругъ исчезло. Комната была освѣщена ночникомъ, и всѣ предметы были отчетливо видны. Вслѣдъ затѣмъ часы пробили двѣнадцать.

На другое утро г-жа Фонвіель разсказывала своей племянницѣ объ этомъ странномъ видѣніи, какъ вдругъ раздался звонокъ у входной двери. Принесли телеграму изъ Гаги, гласившую: „Мари скончалась вчера, въ одиннадцать часовъ и сорокъ пять минутъ“. Г. де-Фонвіель съ своей стороны подтвердилъ мнѣ фактъ видѣнія; совпаденіе не подлежитъ сомнѣнію. Что касается объясненія, то онъ такъ же усердно доискивается его, какъ и мы.

л) Баронесса Стафе, авторъ прелестныхъ повѣстей, сообщила мнѣ слѣдующій фактъ:

„Г-жа М..., по замужеству сдѣлавшаяся француженкой и принадлежавшая къ многочисленной медицинской семьѣ, была воплощенной правдивостью. Мнѣ кажется, она скорѣй умерла бы, чѣмъ согласилась выговорить ложь. Вотъ что она передавала мнѣ.

„Въ отроческіе годы она жила въ Англіи и въ шестнадцать лѣтъ сдѣлалась невѣстой молодого офицера изъ индійской арміи. Однажды весной въ портовомъ городѣ, гдѣ жилъ ея отецъ, она стояла на балконѣ и, естественно, задумалась о своемъ женихѣ. Вдругъ она видитъ его передъ собой, въ саду—блѣднаго, измученнаго. Тѣмъ не менѣе, обрадовавшись, она кричитъ: Гарри! Гарри! Сбѣгаетъ, какъ вихрь, съ лѣстницы и распахиваетъ двери, ожидая на порогѣ увидѣть своего возлюбленнаго. Но никого тамъ не оказалось. Она бѣгаетъ по саду, шаритъ по кустамъ, осматриваетъ то мѣсто, гдѣ видѣла его. Гарри нѣтъ какъ нѣтъ. Домашніе обступаютъ ее, стараются успокоить, убѣдить,

что это иллюзія, но она все повторяетъ: „я видѣла, видѣла его!“ и остается опечаленной и встревоженной. Нѣсколько времени спустя, молодая дѣвушка узнаетъ, что ея женихъ погибъ на морѣ, отъ внезапной болѣзни, какъ разъ въ тотъ день и въ тотъ часъ, когда онъ привидѣлся ей въ саду“.

м) Г. Бине, типографъ въ Суассонѣ, разсказалъ мнѣ о слѣдующемъ видѣніи, явившемся ему лично.

„Моя родина, Мезьеръ, подверглась бомбардировкѣ въ теченіе всего 36 часовъ, но при этомъ погибло много жертвъ. Между прочими была опасно ранена маленькая дочь нашего домохозяина; ей было 11—12 лѣтъ, а мнѣ всего 15. Я часто игрывалъ съ Леонтиной,—такъ звали дѣвочку.

„Въ началѣ марта я поѣхалъ гостить въ Доншери. Передъ отъѣздомъ я узналъ, что дѣвочка въ безнадежномъ состояніи. Но, благодаря перемѣнѣ мѣста и безпечности, свойственной моему возрасту, я развлекся и забылъ о вынесенныхъ бѣдахъ.

„Спалъ я одинъ въ длинной, узкой комнатѣ, окно которой выходило въ поле. Разъ, улегшись спать по обыкновенію въ 9 часовъ, я никакъ не могъ заснуть. На небѣ свѣтила полная луна, бросая довольно сильный свѣтъ въ комнату.

„Сонъ не являлся, я слышалъ, какъ били часы, и время тянулось безконечно долго. Я размышлялъ, глядя на окно, приходившееся какъ разъ противъ моей постели. Вдругъ, около половины перваго мнѣ показалось, что лучъ луны движется на меня, потомъ принимаетъ очертанія длинной бѣлой одежды и останавливается у самой моей постели. Чье-то исхудалое лицо улыбается мнѣ... Я вскрикиваю: „Леонтина!“ Но лучезарная тѣнь, все скользя, исчезаетъ въ ногахъ постели. Нѣсколько дней спустя, я вернулся къ родителямъ и, прежде чѣмъ успѣли со мной заговорить, я разсказалъ о своемъ видѣніи: это была та самая ночь, тотъ самый часъ, когда дѣвочка умерла“.

н) Вотъ что случилось съ моимъ отцомъ, флотскимъ капитаномъ въ отставкѣ. Онъ былъ въ плаваніи и около полуночи сталъ на вахту. Прохаживаясь по мостику, онъ вдругъ увидалъ мелькнувшую у него передъ глазами фигуру ребенка, одѣтаго въ бѣлое и какъ будто собирающагося улетѣть.

— Ты ничего не видалъ? — спросилъ онъ у матроса, бывшаго при немъ.

— Ничего,—отвѣчалъ тотъ.

Тогда отецъ разсказалъ ему о своемъ видѣніи, прибавивъ: „навѣрное у меня дома неблагополучно“. Онъ тщательно записалъ день и часъ, а вернувшись домой, узналъ что въ тотъ самый день умерла его маленькая племянница. Отецъ мой не разъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ и еще на-дняхъ повторилъ, читая вашу статью.

М. Шейльянъ. Арзевъ.

о) Г. Пасса, долгое время бывшій священникомъ въ Версали, передавалъ мнѣ слѣдующій случай: однажды, въ бытность его студентомъ въ Страсбургѣ, находясь въ бодрствующемъ, вполнѣ сознательномъ состояніи, онъ увидѣлъ брата своего, офицера тюркосовъ въ Африкѣ, лежащимъ на днѣ глубокой ямы съ раскроенной, окровавленной головой. Хотя это видѣніе произвело на него сильное впечатлѣніе, однако онъ ни одной минуты не допускалъ мысли, чтобы оно предвѣщало дѣйствительность, и вспомнилъ о немъ только тогда, когда получилъ по почтѣ слѣдующее роковое извѣстіе: въ тотъ самый день, когда братъ явился ему, онъ подвергся нападенію одного изъ своихъ рядовыхъ, который разсѣкъ ему черепъ и бросилъ трупъ въ яму.

А. Е. Моно.
97, улица Дракона, въ Марселѣ.

п) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ супруги В. посѣтили своего знакомаго больного старика, нѣкоего Сентъ-Обена, человѣка очень образованнаго и большого оригинала. Среди разговора старикъ, убѣжденный, что ему недолго остается жить, обѣщалъ г. В. подать о себѣ вѣсть, когда придетъ его послѣдній часъ. В. съ своей стороны далъ такое же обѣщаніе.

Прошло лѣто, и супруги больше не видѣлись съ больнымъ. Разъ зимнимъ вечеромъ послѣ ужина г. В. читалъ газету, вдругъ онъ невольно поднялъ голову и сказалъ женѣ: „Сентъ-Обенъ умеръ“. Та не повѣрила и спросила, отъ кого онъ объ этомъ узналъ?— Мнѣ никто ничего не говорилъ о Сентъ-Обенѣ, — отвѣчалъ В., — но вотъ сейчасъ какъ будто что-то ударило меня въ голову, и въ тотъ же моментъ я невольно подумалъ о смерти Сентъ-Обена. На другое утро г-жа В. услыхала въ церкви вѣсть о кончинѣ Сентъ-Обена, послѣдовавшей наканунѣ вечеромъ. Г. В. (мой дядя), передававшій мнѣ объ этомъ случаѣ, говорилъ, что невозможно опредѣлить свойства полученнаго имъ легкаго удара, — никогда въ жизни онъ потомъ не испытывалъ подобнаго ощущенія. Онъ вовсе не суевѣренъ, — совершенно напротивъ.

Гусси ванъ-деръ-Гаге, въ Рулерѣ.

р) Дѣдъ мой съ материнской стороны, человѣкъ серьезный, солидный, спокойный и строгій, прогуливался однажды по улицамъ Лондона, погруженный въ размышленія, какъ вдругъ протискивается сквозь толпу и направляется къ нему одинъ изъ его близкихъ друзей дѣтства, полковникъ индійской арміи, который, судя по сообщеніямъ газетъ, былъ

занятъ въ то время усмиреніемъ бунта сипаевъ. Дѣдъ мой, внѣ себя отъ удивленія, протянулъ руку пріятелю и собирался задать ему вопросъ, но тотъ исчезъ такъ же внезапно, какъ и появился. Вернувшись домой, дѣдушка освѣдомился, не приходилъ ли полковникъ и, получивъ отъ прислуги отрицательный отвѣтъ, нѣсколько встревоженный отправился въ свой клубъ. Тамъ тоже никто не видалъ полковника. Прошло нѣсколько недѣль: въ ту пору средства сообщенія были еще очень плохи. Однажды, пробѣгая столбцы еженедѣльнаго журнала, выходившаго въ Индіи, дѣдушка съ огорченіемъ наткнулся въ спискѣ убитыхъ, благодаря предательству сипаевъ,—на имя своего дорогого друга. Сравнивъ даты, онъ пришелъ къ убѣжденію, что кончина этого друга совпадала съ появленіемъ его на многолюдныхъ улицахъ Лондона, гдѣ въ прежнее время оба пріятеля особенно любили бродить, изучая характерные уличные типы столицы.

Е. Азинелли. Женева.

с) Случилось это около 1850 года въ знакомомъ мнѣ семействѣ. Двѣ сестры только что улеглись въ постель; вдругъ одна изъ нихъ вскрикиваетъ: „Боже мой! Отецъ!..“

Мать воображаетъ, что это галлюцинація или сонъ, и старается успокоить дочь, но та отвѣчаетъ: „я увѣрена, что видѣла папу, онъ даже тронулъ меня за руку“.

Надо вамъ знать, что отецъ нѣсколько дней тому уѣхалъ въ Туръ строить балаганы для тамошней ярмарки. На другой день семья получила письмо, извѣщающее, что отецъ убился, свалившись съ постройки. Видѣніе явилось дочери какъ разъ въ моментъ его смерти.

Делану, домовладѣлецъ, улица Замка, 28, въ Лошѣ.

т) Мой братъ, надзиратель надъ сосланными въ Кайенѣ, находясь въ отпуску въ Болленѣ, разсказалъ мнѣ слѣдующее происшествіе. Онъ былъ очень друженъ съ другимъ надзирателемъ, нѣкіимъ Ренуччи. У того была дочурка, сильно привязавшаяся къ моему брату и невѣсткѣ. Дѣвочка заболѣла. Однажды ночью братъ мой просыпается. Въ глубинѣ комнаты онъ вдругъ видитъ маленькую Лидію, устремившую на него пристальный взоръ. Затѣмъ она исчезла. Въ волненіи мой братъ разбудилъ жену и сказалъ ей: „Диди (Лидія) умерла, я только что видѣлъ ее совершенно ясно“. Ни мужъ ни жена не могли послѣ этого заснуть.

На слѣдующій день мой братъ поспѣшилъ къ г. Ренуччи. Дѣвочка, дѣйствительно, умерла ночью; часъ явленія совпадалъ съ ея смертью.

Режина Жюлліанъ, начальница пансіона въ Морнасѣ. (Вокаюзъ). (См. стат. К. Фламмаріона „Невѣдомое“ въ прибавл. къ „Новому Времени“ за 1900 г., №№ 8688—8722).

Мы могли бы неопредѣленно увеличить число этихъ *достовѣрныхъ* разсказовъ. Случаи сообщеній на разстояніи въ моментъ ли смерти, или при жизни и при нормальныхъ условіяхъ, подобные вышеприведеннымъ, не настолько рѣдки,—хотя, конечно, и не особенно часты—чтобы каждый изъ нашихъ читателей не слыхалъ о нихъ и даже лично не наблюдалъ чего-нибудь подобнаго, можетъ-быть, еще и не разъ. Съ другой стороны, опыты, произведенные въ области животнаго магнитизма, показываютъ точно также, что въ извѣстныхъ психологическихъ случаяхъ экспериментаторъ можетъ дѣйствовать на своего субъекта на разстояніи не только нѣсколькихъ саженъ, но нѣсколькихъ верстъ и даже сотенъ верстъ—смотря по чувствительности субъекта и его способности къ ясновидѣнію, а также, безъ сомнѣнія, и по силѣ воли самого магнитизера. При всемъ этомъ нужно сказать, что разстояніе или пространство вовсе не таково, какимъ мы его себѣ представляемъ. Для пѣшехода разстояніе отъ Парижа до Лондона очень велико; до изобрѣтенія судовъ оно было даже непроходимымъ, но для электричества оно не существуетъ. Разстояніе отъ земли до луны очень велико при нашихъ теперешнихъ средствахъ передвиженія, но оно нуль для тяготѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, съ абсолютной точки зрѣнія разстояніе, отдѣляющее насъ отъ Сиріуса, составляетъ такую же ничтожную часть безконечности, какъ и разстояніе между Парижемъ и Версалемъ или даже между вашимъ правымъ глазомъ и лѣвымъ.

Мало того: промежутокъ, существующій, по видимому, между землею и луной, между землею и Марсомъ, или даже между землею и Сиріусомъ, не что иное, какъ чистѣйшая иллюзія, происходящая отъ нашей недостаточной воспріимчивости. Луна постоянно дѣйствуетъ на землю и безпрестанно пошевеливаетъ ее такъ или иначе. Притяженіе Марса равнымъ образомъ чувствуется нашею планетой, а мы въ свою очередь замѣтно сворачиваемъ самого Марса съ его пути, заставляя его чувствовать вліяніе луны. Мы дѣйствуемъ даже на самое солнце, принуждая его вздрагивать, какъ будто бы мы къ нему прикасались. Благодаря притяженію, луна ежемѣсячно заставляетъ землю вращаться около ихъ общаго центра тяжести, находящагося въ пространствѣ, на разстояніи полуторы тысячи верстъ отъ поверхности земного шара; равнымъ образомъ и земля

изъ года въ годъ заставляетъ солнце вращаться около общаго центра тяжести, расположеннаго въ 430 верстахъ отъ солнечнаго центра. Всѣ міры непрестанно дѣйствуютъ другъ на друга, такъ что на самомъ дѣлѣ они вовсе не разъединены, не изолированы одинъ отъ другого. Пространство не только не представляетъ собою бездны пустоты между мірами, а скорѣе является связью, посредствующимъ звеномъ между ними. Но, если, такимъ образомъ, сила тяготѣнія устанавливаетъ дѣйствительное, постоянное, не подлежащее никакому сомнѣнію, доказываемое всею точностью астрономическихъ наблюденій—общеніе между землею и другими родственными ей тѣлами въ пространствѣ, то мы вовсе не видимъ, по какому праву, такъ называемые, позитивисты могутъ утверждать, что невозможно никакое сообщеніе между двумя болѣе или менѣе удаленными другъ отъ друга существами—на землѣ ли, или на двухъ различныхъ мірахъ.

Два мозга, вибрирующіе однообразно, въ одинъ тонъ, на нѣсколькихъ верстахъ взаимнаго разстоянія, не могутъ развѣ приводиться въ движеніе одною и тою же психической силой? Возбужденіе извѣстной части мозга не можетъ развѣ, подобно тяготѣнію, перенестись чрезъ эѳиръ и передаться другому мозгу, вибрирующему на какомъ бы то ни было разстояніи, какъ звукъ, извлеченный въ одномъ углу комнаты, заставляетъ дрожать струны рояля или скрипки—въ другомъ ея углу? Не забудемъ при этомъ, что нашъ мозгъ составленъ изъ неприкасающихся между собою и постоянно колеблющихся частицъ [1]).

Да и для чего говорить о мозгѣ? Мысль, воля, вообще психическая сила одного существа, въ чемъ бы ни состояла ея сущность, не можетъ развѣ дѣйствовать чрезъ разстояніе на другое существо, связанное съ первымъ симпатическими и нерасторжимыми узами интеллектуальнаго родства. И развѣ біеніе одного сердца не передается внезапно другому, бьющемуся съ нимъ въ унисонъ?

Что же, ужели мы должны допустить, что въ приведенныхъ выше случаяхъ явленій духъ умершаго дѣйствительно принималъ тѣлесный видъ и находился около наблюдателя? Для большей части случаевъ въ такомъ предположеніи, по видимому, нѣтъ никакой надобности. Во время сна мы бываемъ увѣрены, что видимъ разныхъ людей, хотя ихъ вовсе нѣтъ передъ нашими, впрочемъ закрытыми, глазами. Мы видимъ ихъ столь же ясно, какъ и наяву, слушаемъ ихъ, отвѣчаемъ имъ, разговариваемъ съ ними. Очевидно, мы видимъ ихъ не съ помощью сѣтчатой оболочки, не съ помощью оптическаго нерва, точно такъ же, какъ и слышимъ ихъ вовсе не ушами;—все это дѣло лишь однѣхъ мозговыхъ клѣточекъ.

Нѣкоторыя видѣнія могутъ быть объективными, внѣшними, вещественными, другія же—чисто субъективны; въ послѣднемъ случаѣ являющееся существо можетъ дѣйствовать чрезъ разстояніе на существо видящее, и такое вліяніе на мозгъ послѣдняго можетъ произвести внутреннее видѣніе, которое, оставаясь чисто субъективнымъ и внутреннимъ, могло бы показаться внѣшнимъ, какъ это бываетъ въ сновидѣніяхъ, не будучи въ то же время простымъ обманомъ чувствъ.

Опыты, произведенные въ послѣднее время относительно явленій внушенія, гипнотизма и сомнамбулизма, указываютъ, кажется, путь, если не къ объясненію, то по крайней мѣрѣ къ раціональному взгляду на нѣкоторые изъ фактовъ этой области. Сущность подобныхъ явленій заключается въ томъ, что здѣсь мысль одного лица дѣйствуетъ на мысль другого. Разумѣется, душа не переносится чрезъ разстояніе и не принимаетъ въ дѣйствительности человѣческаго образа [1]); передъ тѣмъ, кому является видѣніе, нѣтъ человѣческаго существа въ одеждѣ, сшитой портнымъ или швеей, закутаннаго въ плащъ, въ женское платье, въ широкое или узкое пальто со всѣми принадлежностями мужского или женскаго одѣянія, съ тросточкой или зонтикомъ въ рукахъ и т. п. Но, можетъ-быть, имѣющая явиться душа дѣйствуетъ непосредственно на душу другого лица, производя въ послѣднемъ такое ощущеніе, что ему кажется, будто онъ видитъ, слышитъ, даже осязаетъ представляющееся ему существо въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было извѣстно ему раньше.

Какъ мысль или воспоминаніе вызываетъ въ нашей душѣ образы, достигающіе большой живости и яркости, такъ и человѣкъ, дѣйствующій на другого, можетъ заставить послѣдняго увидѣть какой-нибудь субъективный образъ, который на мгновеніе покажется ему вполнѣ реальнымъ. Занимающіеся гипнотизмомъ и внушеніемъ въ настоящее время уже могутъ по произволу вызывать подобныя явленія, и хотя такого рода опыты еще

---

[1]) Признавая бытіе души, какъ самостоятельной духовной сущности, созданной по образу Божію, надѣленной дивными способностями, какъ это мы показали въ предшествующемъ изложеніи, мы не можемъ вполнѣ согласиться здѣсь съ терминологіей К. Фламмаріона, полагающаго, что безъ мозговой вибраціи невозможно объяснить воздѣйствіе одной души на другую. Самъ же онъ, ниже, какъ видитъ читатель, допускаетъ возможность иныхъ объясненій. *Прот. Г. Д—ко.*

[1]) Отрицать категорически эту возможность мы не имѣемъ разумныхъ основаній. *Прот. Г. Д—ко.*

только что начались, но полученные результаты уже заслуживаютъ величайшаго вниманія какъ съ психологической, такъ и съ физіологической точки зрѣнія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ не сѣтчатая оболочка возбуждается внѣшнею дѣйствительностью, а возбуждаются прямо оптическіе слои мозга дѣйствіемъ психической силы. Здѣсь получаетъ впечатлѣніе непосредственно само мыслящее начало, но—какимъ образомъ?—мы этого не знаемъ.

Таковы наиболѣе раціональные[1]), какъ намъ кажется, индуктивные выводы изъ только что разсмотрѣнныхъ явленій—явленій необъяснимыхъ, но извѣстныхъ съ незапамятныхъ временъ, потому что примѣры ихъ встрѣчаются въ исторіи всѣхъ народовъ съ самой глубокой древности, и ихъ трудно было бы отрицать или замалчивать.

Такъ неужели—возразятъ намъ—въ нашъ вѣкъ экспериментальнаго метода и положительнаго знанія мы должны допустить, что умирающій или прямо мертвецъ можетъ имѣть съ нами общеніе?

Но что такое мертвецъ?

Въ каждую секунду умираетъ по одному человѣческому существу на нашемъ земномъ шарѣ, значитъ около 86400 въ сутки, то-есть около 31 милліона въ годъ или болѣе 3 милліардовъ въ столѣтіе. Въ теченіе десяти вѣковъ было зарыто въ землю и пущено въ общее обращеніе въ видѣ воды, газовъ, паровъ и различныхъ другихъ веществъ—болѣе 30 милліардовъ труповъ. Если мы примемъ во вниманіе всю убыль человѣческаго населенія за историческіе вѣка, то найдемъ, что въ теченіе десяти тысячъ лѣтъ *по меньшей мѣрѣ двѣсти милліардовъ человѣческихъ тѣлъ были созданы изъ земли и атмосферы путемъ дыханія и питанія и вновь возвратились въ землю и воздухъ.* Частицы кислорода, водорода, угольной кислоты, азота, составлявшія всѣ эти тѣла, утучнили собою почву и поступили въ воздушный кругооборотъ.

Да, обитаемая нами нынѣ земля составлена между прочимъ и изъ этихъ милліардовъ нѣкогда мыслившихъ мозговъ, изъ этихъ милліардовъ нѣкогда жившихъ организмовъ. Мы попираемъ ногами нашихъ предковъ, какъ и по насъ будутъ ходить потомъ. Умы мыслителей, очи, созерцавшія красоту, уста, воспѣвавшія любовь, улыбки и плачъ, розовыя губки и мраморные бюсты красавицъ, утробы матерей, руки трудящихся или носящихъ мечъ, кровь побѣжденныхъ, дѣти и старцы, добрые и злые, богатые и бѣдные—все, что жило и мыслило, все лежитъ теперь въ этой сырой землѣ. Мы не можемъ сдѣлать ни одного шага на нашей планетѣ, чтобы не наступить на прахъ мертвыхъ; не можемъ взять въ ротъ куска, проглотить одного глотка жидкости, не вводя въ себя того, что уже было съѣдено и выпито милліоны разъ; не можемъ дохнуть, не принимая въ себя дыханія мертвецовъ. Составные элементы человѣческихъ тѣлъ, взятые изъ природы, возвратились въ нее вновь, и каждый изъ насъ носитъ въ себѣ атомы, принадлежавшіе раньше другимъ тѣламъ.

Что же? Ужели вы думаете, что въ этомъ заключается все, что осталось отъ всего человѣчества? Ужели вы думаете, что отъ него не осталось ничего, болѣе благороднаго, болѣе высокаго и болѣе духовнаго? Ужели каждый изъ насъ, испуская послѣдній вздохъ, возвращаетъ природѣ только эти шестьдесятъ или восемьдесятъ килограммовъ мяса и костей, которыя сейчасъ же разложатся и обратятся въ элементы? Ужели оживляющая насъ душа не можетъ продолжать своего существованія точно такъ же, какъ любая изъ частицъ кислорода, азота или желѣза? Ужели жившія нѣкогда души не могутъ жить всегда?

Мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что человѣкъ состоитъ изъ однихъ только матеріальныхъ элементовъ и что мыслительная способность есть лишь свойство его организаціи. Напротивъ, очень важныя причины заставляютъ насъ допустить, что индивидуальную сущность и составляетъ именно душа, что она-то и управляетъ матеріальными частицами, образуя изъ нихъ живое человѣческое тѣло[1]).

Свѣтлая радость, какъ будто даже улыбка, появляющаяся на лицѣ только что скончавшагося человѣка, спокойствіе, разливающееся подобно сіянію счастія вслѣдъ за предсмертными страданіями, не показываетъ ли это намъ, что въ торжественный моментъ разлуки съ тѣломъ послѣднее впечатлѣніе души бываетъ впечатлѣніемъ свѣта, сознаніемъ освобожденія?

Безусловно неоспоримъ слѣдующій историческій и научный фактъ. Во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, подъ самыми разнообразными религіозными формами, непоколебимо оставалась въ глубинѣ сознанія идея о безсмертіи. Воспитаніе дало ей лишь тысячи разныхъ формъ, но не оно изобрѣло ее. Эта

[1]) Едва ли это можно сказать по отношенію ко всѣмъ выводамъ; скорѣе, они могутъ удовлетворить только людей, стоящихъ на распутьи между матеріалистическими и спиритуалистическими воззрѣніями. *Прот. Г Д—ко.*

[1]) Все предшествовавшее изложеніе этой книги, какъ и все дальнѣйшее, имѣетъ цѣль доказать бытіе богоподобной души человѣческой, переживающей свое земное тѣло и назначенной къ безсмертной и блаженной жизни въ безконечной вѣчности. *Прот. Г. Д—ко.*

неискоренимая идея существуетъ сама по себѣ. Всякое человѣческое существо, являясь въ міръ, приноситъ съ собою въ болѣе или менѣе смутной формѣ и это внутреннее ощущеніе, это желаніе, эту надежду. (См. кн. К. Фламмаріона: „Въ небесахъ“, Спб., 1896 г., стр. 122—153).

38. *Изъ монастырскихъ писемъ*. (Намѣстника Троицко-Сергіевой лавры архимандр. Антонія митрополиту моск. Филарету).

а) Монахъ Іона, жившій прежде на гостиницѣ, а теперь служащій на св. кладезѣ, имѣлъ сына Косму, жившаго въ послушникахъ въ Чудовѣ монастырѣ, и въ постъ умершаго въ больницѣ московской.

Въ пятницу, на Лазареву субботу, около полуночи, отецъ всталъ поправить лампадку, очень нагорѣвшую. Хочетъ ложиться опять въ постель и видитъ, что дверь отворилась, и сынъ входитъ въ бѣлой рубашкѣ, а за нимъ два маленькіе мальчика, прекрасно одѣтые.

Отецъ, испугавшись, говоритъ: „Косма, зачѣмъ ты пришелъ? Не тронь меня: я боюсь тебя.“—Не бойся, батюшка, я ничего тебѣ не сдѣлаю. — Тогда отецъ поцѣловался съ нимъ, а мальчики стали у дверей. Іона, въ страхѣ еще, говоритъ мальчикамъ: ребятушки, вы не уходите отсюда, не оставляйте его одного. Они ни слова не сказали и остались, какъ пришли. Сынъ Іоны вмѣстѣ съ отцомъ пошли въ передъ кельи, отецъ сѣлъ на стулъ, а сынъ подлѣ него на полъ. Отецъ говоритъ: „каково тебѣ, Косма, тамъ?“—Сынъ говоритъ: — слава Богу, батюшка, мнѣ хорошо.—Отецъ говоритъ: „чай—муки-то тамъ какія?“ Сынъ говоритъ:—адъ разрушенъ. Но, тяжело вздохнувъ, прибавилъ: только тамъ рѣка огненная, и рѣдкій кто минуетъ ее; а сколько въ ней народу! Ужасъ какъ много!

Отецъ хотѣлъ еще спросить о рѣкѣ, но сынъ всталъ, поспѣшно говоритъ: прости, батюшка, мнѣ нужно навѣстить старца, а не сказалъ кого, и пошелъ съ мальчиками вмѣстѣ вонъ изъ кельи. Это было просто наяву.

Старецъ, мнѣ думается, — Аммоній, который въ этотъ день скончался, бывъ на ногахъ, а онъ съ нимъ былъ знакомъ близко, а, можетъ-быть, и другой, но ни отъ кого не слышно, кто бы въ этотъ день видѣлъ Косму хотя во снѣ.

б) Идя по скиту, зашелъ я къ умирающему Вуколу — послушнику покойнаго схимонаха Моисея. Нынѣ его соборовали масломъ; чахотка неизлѣчимая у него. Увидѣвъ его въ такомъ благодушномъ состояніи, я спросилъ: что, о. Вуколъ, видно, въ путь собираешься?—Да, батюшка, помолитесь, да пошлетъ мнѣ грѣшному Свою милость и помощь. Господь.—Кланяйся отъ меня старцу своему, о. Моисею. — Я нынѣ, говоритъ, видѣлся съ нимъ, онъ былъ у меня, и вотъ здѣсь читалъ акаѳистъ Богоматери: а меня, какъ и прежде бывало, заставилъ пѣть припѣвы, и такъ все правило совершилъ у меня. И съ радостію говоритъ: мы съ тобою и тамъ вмѣстѣ будемъ жить; мнѣ позволено притти проводить туда отселѣ тебя.—Помолились мы еще съ нимъ, и я какъ бы совершенно былъ здоровый. Перекрестилъ онъ меня и отошелъ. Такъ я, батюшка, жду не дождусь, когда пошлетъ Господь перевести меня отсюда. А о. Моисей сказалъ, что тамъ несказанно хорошо.

Господи! Какія получаетъ человѣкъ утѣшенія отъ вѣры въ безсмертіе.

в) Какое непонятное соединеніе живыхъ съ мертвыми! Гдѣ же находятся умершіе, которые такъ удобно съ живыми и вновь умирающими сносятся? Гдѣ находятся души, которыя изъ одной губерніи въ другую въ одну почти минуту переносятъ вѣсти?

Въ Екатеринославлѣ былъ архимандритъ Симеонъ, который недавно (въ 1843 г.), переведенъ въ Воронежъ. Онъ былъ друженъ съ старымъ отцомъ (С. М. Н.) одного благороднаго семейства. Отецъ этотъ умеръ прошлаго 1844 года въ февралѣ. Въ числѣ его семейства была дочь, которой участь была не по сердцу, отъ чего въ тихомъ страданіи получила она чахотку. 6 дня прошедшаго августа все семейство было еще въ траурѣ по отцѣ. Больная пріобщалась въ этотъ день, не снимая траура; мать ей это замѣтила, на что она отвѣчала: я 15-го наряжусь. И точно, въ день Успенія Божіей Матери потребовала ванну, надѣла полное вѣнчальное убранство, послала за священникомъ, пріобщилась святыхъ таинъ. По принятіи святыни, береглась, чтобы ничто не прикоснулось къ ея устамъ. Со всею свѣжестію голоса и улыбающагося лица, просила читать отходныя молитвы, и во время чтенія относилась какъ бы къ невидимому лицу: папенька милый, папенька, подождите. Съ послѣднимъ словомъ отходной улетѣла безсмертная ея душа. Того же дня и часа отецъ Симеонъ въ Воронежѣ видитъ С. М. Н., который говоритъ ему: *вамъ въ Екатеринославлѣ надобно утѣшать скорбныхъ; а Любинька со мной, но вы и насъ не забывайте.*

Какъ это разительно! какъ непонятна наша жизнь! И что значитъ жить на этой землѣ? Но гдѣ бы то ни было, только бы жить такою жизнію, какую Богъ опредѣлилъ, какъ бы многотрудно ни было. (Монастырскія письма, Москва, изд. 2. 1898 г.).

39. *Исполненное обѣщаніе.* „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—разсказывалъ г. М.,—по окончаніи курса въ одномъ изъ высшихъ

учебныхъ заведеній, я проживалъ въ Москвѣ, думая въ то время посвятить себя сценѣ, и пробовалъ свои силы на этомъ поприщѣ, участвуя въ многочисленныхъ любительскихъ спектакляхъ. Само собою разумѣется, что, благодаря такому образу жизни, у меня вскорѣ образовался довольно многочисленный кругъ знакомыхъ, изъ среды которыхъ особенно дорога мнѣ была семья г-жи Б., гдѣ я встрѣтилъ самый теплый, родственный пріемъ и участіе. Однажды, проводя вечеръ въ этой милой семьѣ, я завелъ съ хозяйкою дома разговоръ о различныхъ таинственныхъ явленіяхъ, которымъ, къ слову сказать, ни я, ни собесѣдница моя не вѣрили. Полушутя, мы съ г-жею Б. дали другъ другу обѣщаніе, что тотъ изъ насъ, кто раньше умретъ, долженъ будетъ явиться оставшемуся въ живыхъ, чтобы доказать этимъ, что существуетъ загробная жизнь. „Разумѣется, это будете вы“, прибавила, смѣясь, г-жа Б., цвѣтущая молодая женщина, глядя на меня, въ то время хилаго и съ виду болѣзненнаго молодого человѣка. Разговору этому въ то время не придавали мы никакого значенія, не вѣря въ возможность какихъ-нибудь посмертныхъ проявленій личности умершаго, и смотря на наши взаимныя обѣщанія, какъ на простую шутку.

Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришлось покинуть Москву и прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ провинціи. Переписываясь съ нѣкоторыми московскими знакомыми, я съ удивленіемъ и грустью узналъ о неожиданной смерти г-жи Б., цвѣтущее здоровье которой обѣщало, по видимому, многіе годы жизни. Погоревавъ искренно о своей доброй знакомой, я, сколько мнѣ помнится, въ то время даже и не вспомнилъ о нашемъ взаимномъ обѣщаніи, до такой степени считалъ его вещью несбыточной. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, я возвратился въ Москву и снова принялся за прерванную сценическую дѣятельность. За это время впечатлѣніе понесенной мною утраты успѣло окончательно во мнѣ изгладиться, и, увлекаемый волною жизни, я рѣдко когда и вспоминалъ о своей знакомой.

Разъ я вернулся домой довольно поздно вечеромъ, и такъ какъ черезъ нѣсколько дней предстоялъ спектакль, въ которомъ я долженъ былъ участвовать, то принялся изучать свою роль, которую я зналъ плохо, при томъ же и спать еще не хотѣлось. Занималъ я въ то время небольшую меблированную комнату, а напротивъ меня, черезъ коридоръ, была другая такая же комната, занимаемая въ то время моимъ хорошимъ знакомымъ г. Т., у котораго въ этотъ вечеръ собрался кружокъ, по большей части также моихъ хорошихъ знакомыхъ, которые, усѣвшись за зелеными столами, усердно винтили. Такъ какъ на совѣсти моей лежала плохо заученная роль, а спектакль былъ близокъ, то я не пошелъ къ пріятелю, несмотря на его приглашенія, и принялся, какъ сказалъ, долбить свою роль. Въ комнатѣ моей горѣла висячая лампа съ краснымъ абажуромъ, свѣтъ которой былъ настолько силенъ, что я, не утомляя глазъ, могъ свободно читать свою роль. Прошелъ, можетъ-быть, часъ, я лежалъ на кровати и усердно штудировалъ роль, забывъ обо всемъ на свѣтѣ. Прямо противъ меня, въ нѣсколькихъ шагахъ, стояла этажерка, а на ней, на верхней полкѣ, кабинетный фотографическій портретъ г-жи Б., подаренный ею лично. Портретъ этотъ оправленъ былъ въ рамку, состоявшую изъ одного толстаго стекла на подставкѣ, какія въ то время только что появились. Хорошо помню, что, увлеченный своею ролью, я рѣшительно ни о чемъ другомъ не думалъ, а всего менѣе, конечно, о покойницѣ, такъ какъ житейскія заботы всецѣло поглощали меня въ это время. Во время моего занятія своею ролью взоръ мой нѣсколько разъ падалъ на упомянутый выше портретъ. Постепенно я сталъ взглядывать на него чаще и чаще, самъ не зная почему, хотя въ портретѣ не замѣчалось ничего особеннаго, и онъ стоялъ на обычномъ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, это непонятное, похожее на какую-то навязчивую идею, чувство до такой степени стало меня безпокоить, что я для того, чтобы не смотрѣть на портретъ, всталъ съ кровати и, вынувъ карточку изъ рамки, обернулъ ее лицевою стороною назадъ, вложивъ портретъ въ такомъ положеніи обратно въ рамку. Но непонятное ощущеніе, тѣмъ не менѣе, продолжалось, мѣшая мнѣ, какъ слѣдуетъ, сосредоточиться на изученіи своей роли. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сталъ замѣчать на стѣнѣ, близъ которой стояла этажерка съ портретомъ, какой-то блуждающій свѣтъ, который можно было сравнить съ отраженіемъ отъ зеркала, извѣстнымъ подъ именемъ „зайчиковъ“. Внимательно оглядывая комнату, я убѣдился, что въ комнатѣ не заключалось ничего, что могло бы служить причиною подобнаго свѣтового явленія. Полагая, что свѣтъ проникаетъ изъ окна сквозь неаккуратно спущенную штору, я подошелъ къ окну. Но на дворѣ была непроглядная темень темной и сырой осенней ночи, и ни въ одномъ окнѣ не свѣтилось, такъ какъ было уже далеко за полночь. Возвратясь на свое мѣсто, я снова принялся читать свою роль, полагая, что все это мнѣ померещилось, но явленіе продолжалось. Постепенно свѣтлое фосфорическое пятно, образовавшееся на стѣнѣ, стало разростаться,

принимая видъ свѣтлой женской фигуры, которая стала, наконецъ, отдѣляться отъ стѣны, и я увидѣлъ передъ собою покойную Б. Помню хорошо, что, какъ въ этотъ моментъ, такъ и въ послѣдующіе, пока длилось явленіе, я не чувствовалъ ни испуга, ни даже удивленія, а скорѣе чувство, похожее на какое-то оцѣпенѣніе, нѣчто вродѣ столбняка.

Призракъ, отдѣлившись отъ стѣны, подошелъ къ этажеркѣ, вынулъ изъ рамки свой фотографическій портретъ, обращенный мною назадъ, и снова вставилъ его въ рамку въ его естественномъ положеніи. Затѣмъ призракъ открылъ деревянную, не запертую на ключъ шкатулку, вынулъ изъ нея золотой медальонъ г-жи Б. съ ея портретомъ, подаренный мнѣ на память ею самою, и раскрылъ его. Затѣмъ видѣніе стало блѣднѣть, постепенно расплываясь въ какомъ-то туманѣ, пока не исчезло въ той же стѣнѣ, изъ которой оно появилось. Теперь только исчезло мое оцѣпенѣніе, и меня охватилъ такой ужасъ, что я въ испугѣ бросился изъ комнаты, въ попыхахъ ударившись обо что-то головою довольно чувствительно. Какъ безумный, влетѣлъ я въ комнату своего пріятеля, гдѣ все еще продолжалась карточная игра, и переполошилъ своимъ видомъ всю компанію. Долго не могъ я ничего отвѣтить на тревожные разспросы моихъ знакомыхъ, и разразился, наконецъ, сильнѣйшимъ истеричнымъ припадкомъ, чего ни раньше, ни послѣ никогда со мною не бывало, такъ какъ человѣкъ я нисколько не нервозный и никогда ни нервозностью, ни, тѣмъ болѣе, истеріей не страдалъ. Наконецъ, знакомымъ моимъ удалось меня кое-какъ успокоить, и я разсказалъ все, со мною бывшее. Разумѣется, меня принялись увѣрять, что все это мнѣ померещилось, что, вѣроятно, я заснулъ и мнѣ все это приснилось. Я увѣрялъ ихъ, что я ни минуты не спалъ, что ни малѣйшаго расположенія ко сну у меня не было, и что я все время былъ занятъ самымъ старательнымъ изученіемъ роли. Чтобы убѣдить меня, что все это либо сонъ, либо галлюцинація, всею гурьбою отправились въ мою комнату, но пріятели мои невольно призадумались, когда увидѣли, что портретъ былъ, дѣйствительно, въ томъ положеніи, которое было дано ему призракомъ, а золотой медальонъ вынутъ изъ шкатулки и раскрытъ. Кое-какъ проведя ночь, (одинъ изъ знакомыхъ, чтобы успокоить меня, согласился остаться у меня ночевать), я на другой день пошелъ посовѣтоваться съ извѣстнымъ въ то время спеціалистомъ по нервнымъ болѣзнямъ, докторомъ X. Докторъ, съ своей стороны, успокоивалъ меня и съ своей научной точки зрѣнія объяснялъ все происшедшее со мною самопроизвольнымъ гипнозомъ. По его мнѣнію, я самопроизвольно впалъ въ гипнозъ, самъ внушилъ себѣ видѣніе призрака Б., самъ привелъ ея фотографическій портретъ въ первоначальное положеніе и вынулъ изъ шкатулки, и раскрылъ ея медальонъ, воображая, что все это дѣлаетъ вызванный мною въ моемъ воображеніи призракъ. Какъ ни остроумно показалось мнѣ тогда объясненіе профессора, но меня и до сихъ поръ смущаетъ то обстоятельство, что никогда рѣшительно, ни до этого случая, ни послѣ него, я не страдалъ ни малѣйшими нервными разстройствами, въ гипнозъ не впадалъ, а напротивъ, обладаю совершенно здоровыми, нормальными нервами. Если бы это былъ самогипнозъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть въ самый этотъ день я долженъ былъ бы ощущать хоть какую-нибудь ненормальность, какое-нибудь недомоганіе, вродѣ тяжести въ головѣ, сонливости, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, а то ничего, рѣшительно ничего не ощущалъ, но былъ въ самомъ обычномъ, нормальномъ состояніи и духа, и тѣлеснаго здоровья. Откуда же было взяться самогипнозу, вѣдь отъ чего-нибудь же онъ долженъ былъ развиться, изъ какихъ-нибудь органическихъ или психическихъ причинъ? А потому, несмотря на всю научность объясненій почтеннаго доктора, я не могу вполнѣ удовлетвориться ими и принужденъ, вмѣстѣ со многими другими, думать, что въ природѣ есть многое, чего не снилось нашимъ мудрецамъ. (См. „Ребусъ“ 1896 г.).

40. *Вразумленіе умершей матери непочтительному сыну.* Изъ Ярославля въ „Рыбинскій Бирж. листокъ“ пишутъ, что въ одной деревнѣ, въ 15 верстахъ отъ этого города, жила вдова, бѣдная крестьянка, мать двоихъ сыновей. Старшій сынъ успѣлъ какъ-то разбогатѣть, жилъ отдѣльно отъ матери и отказывалъ ей даже въ кускѣ хлѣба; младшій былъ бѣденъ, но честенъ и почтителенъ къ матери. Вдругъ старуха умираетъ, нужно ее похоронить, а денегъ нѣтъ ни копейки. Сноха покойницы, жена младшаго сына, отправилась къ старшей снохѣ за помощью, въ отсутствіе мужа послѣдней, и послѣ долгихъ просьбъ успѣла выпросить у нея на погребеніе одинъ рубль. Когда старшій сынъ покойницы, возвратившись домой, узналъ объ этомъ, то пришелъ въ страшную ярость, разругалъ и поколотилъ жену, зачѣмъ она дала безъ него денегъ, и, наконецъ, отправился въ братнину избу, гдѣ подъ божницей лежала его мать, готовая къ выносу въ церковь. Не обращая вниманія на тѣло матери, еще не успѣвшее остыть, этотъ непочтительный и дерзкій сынъ, забывшій

страхъ Божій и стыдъ человѣческій, бросился съ кулаками на жену своего брата, требуя назадъ данный ей рубль. Бѣдная женщина въ испугѣ показала, что деньги лежатъ подъ божницей. „Возьми ихъ, если хочешь, доставай самъ, а я не буду: грѣшно!"— проговорила она. — Дура ты, вотъ что! — воскликнулъ злой сынъ и потянулся къ божницѣ, чтобы взять деньги. При этомъ онъ нѣсколько наклонился къ трупу умершей. Въ это время мертвая вдругъ схватила его за руку и крѣпко-крѣпко стиснула, открывъ на мгновеніе глаза, послѣ чего опять заснула сномъ смерти. Говорятъ, что сынъ сошелъ съ ума отъ испуга и едва ли останется въ живыхъ. (Изъ „Волог. Еп. Вѣд.").

41. Одинъ изъ сотрудниковъ газеты „Chicago Tribune" приводитъ изъ старинной книги о *духовидѣніи*, вышедшей въ 1729 году, слѣдующій разсказъ о докторѣ богословія Шкоттѣ, человѣкѣ извѣстномъ въ свое время какъ ученостью, такъ и замѣчательнымъ умомъ, безукоризненною нравственностью и правдивостью. Свидѣтельство его въ пользу таинственнаго происшествія имѣетъ не малую цѣну.

Докторъ, какъ съ его словъ разсказывается въ старинномъ изданіи, сидѣлъ однажды въ своемъ кабинетѣ у камина, съ книгой въ рукахъ, при затворенной и даже запертой двери, и, стало-быть, вполнѣ увѣренный, что въ комнатѣ, кромѣ его, никого быть не могло. Случайно поднявъ голову, онъ увидалъ по ту сторону камина сидящаго въ большомъ креслѣ стараго господина въ длинномъ, черномъ парикѣ очень почтенной наружности, одѣтаго въ черный бархатный камзолъ, ласково на него смотрящаго и какъ будто готовящагося заговорить.

Затѣмъ, между докторомъ и его таинственнымъ гостемъ начался разговоръ, который сотрудникъ газеты сполна не передаетъ, а только кратко излагаетъ его содержаніе, а именно просьбу, чтобы Шкоттъ отправился въ его бывшее помѣстье и отыскалъ тамъ духовное завѣщаніе, такъ хорошо запрятанное, что его никакъ не могли найти, въ виду чего сынъ его, законный наслѣдникъ, рискуетъ лишиться большой части своего имущества.

„На чердакѣ, въ кладовой, продолжалъ призракъ, находится складъ разныхъ старыхъ ненужныхъ вещей, какъ-то: ломаной мебели, столовъ, ящиковъ, комодовъ. Въ одномъ углу, въ глубинѣ увидишь старинный сундучокъ со старымъ, изломаннымъ замкомъ и торчащимъ въ немъ ключемъ, который напрасно пробовали повернуть или вынуть изъ замочной скважины". Сундучекъ этотъ призракъ описалъ очень подробно какъ снаружи, такъ и внутри, и точно указалъ мѣсто, которое придется вскрыть топоромъ, иначе не проникнуть въ него.

Докторъ Шкоттъ обѣщалъ отправиться въ указанное помѣстье и сдержалъ свое слово.

Молодой хозяинъ не только радушно принялъ его, но и сообщилъ, что въ предыдущую ночь онъ видѣлъ во снѣ, что къ нему пріѣхалъ незнакомый гость и нашелъ пропавшее завѣщаніе.

„Быть-можетъ, вы и есть тотъ гость", заключилъ онъ свою рѣчь. Докторъ улыбнулся и попросилъ, чтобы его свели въ кладовую на чердакѣ, гдѣ сложенъ старый хламъ. Придя туда, онъ прямо указалъ на старинный сундучекъ и спросилъ: искали ли въ немъ? Ему отвѣтили, что искали, но безуспѣшно. Онъ потребовалъ, чтобы поискали еще разъ. Опять ничего не нашли, тогда докторъ спросилъ долото, молотокъ и началъ стучать въ дно сундучка, оно оказалось двойнымъ, и когда было вскрыто, то тамъ въ пыли и грязи нашлось завѣщаніе, необходимое для утвержденія въ правахъ наслѣдства молодого хозяина.

42. Есть вѣрное преданіе, что жившій въ концѣ XI вѣка парижскій докторъ, Раймундъ Діокръ, человѣкъ ученый, но самообольщенный, возмечталъ о себѣ до богохульства. Въ этомъ состояніи застигнутый смертію, Раймундъ, среди своихъ собратій, которые уже готовились нести его тѣло въ могилу, внезапно всталъ и произнесъ: (Justo Dei judicio accusatus sum): „я предстою уже предъ судомъ Божіимъ",— и снова умеръ. Чрезъ нѣсколько времени, онъ снова пробудился отъ смертнаго сна и, вставши, сказалъ: (Justo Dei judicio judicatus sum): „на праведномъ судѣ Божіемъ я истязанъ", и опять палъ мертвый на свой одръ. Наконецъ всталъ и въ послѣдній разъ произнесъ: (Justo Dei judicio damnatus sum): „праведнымъ судомъ Божіимъ я уже осужденъ",— и болѣе не пробуждался къ жизни.

Такія поразительныя явленія расположили Брюна, епископа гербиполенскаго, ученика Раймундова, и нѣкоторыхъ изъ его товарищей удалиться въ Шартрскую уединенную, дикую пустыню и поставить самыя строгія правила для своего общества, извѣстнаго подъ именемъ Картезіанскаго ордена.

Не знаемъ, какъ бы отозвалось такое событіе въ людяхъ раціоналистическаго направленія? По крайней мѣрѣ, нельзя думать, чтобы они были къ нему равнодушны; много бы, конечно, оно надѣлало шуму, много толковъ, но все это порѣшили бы тѣмъ, „что покойникъ былъ крѣпкой натуры, что эти необычайныя вспышки догоравшей жизни, трикратно энергически повторившіяся, съ

значительными разстановками времени, были слѣдствіемъ избытка внутреннихъ его силъ".

И всѣ остались бы этимъ довольны и покойны. И многіе, чтобъ не показаться отсталыми отъ прогрессистовъ, выразили бы имъ свое сочувствіе!.. Надо признаться, что отъ мусора и копоти суемудраго просвѣщенія загробная жизнь такъ стала для многихъ темна, какъ вода во облацѣхъ воздушныхъ. („Прибавл. къ твор. св. отцовъ" 1855 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Опроверженіе мнѣнія, будто явленія душъ умершихъ невозможны.

Нѣкоторые ученые богословы отвергаютъ возможность явленія душъ умершихъ людямъ еще живущимъ на землѣ. Таковъ, напр., Штребель. По его мнѣнію, явленіе отшедшихъ душъ невозможно, ни одна душа не можетъ выйти изъ ада, не разрушивъ въ то же время затворовъ смерти; а ключи ада и смерти въ рукахъ Воскресшаго (Апок. 1, 18). Деличъ, оспаривая это положеніе, говоритъ, что хотя ни одна душа не можетъ освободится отъ ада и оковъ смерти безъ этого ключа, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что всѣ явленія умершихъ, поэтому, должны непремѣнно быть явленіями воскресшихъ. Святые, упоминаемые у Матѳея (27—52, 53), были воскресшіе, но Самуилъ, явившійся Саулу, не былъ воскресшимъ; не былъ воскресшимъ и Моисей, бесѣдовавшій съ Іисусомъ Христомъ на Ѳаворѣ. Что Самуилъ и Моисей воскресли только затѣмъ, чтобы явиться и снова умереть (Штребель называетъ ихъ bis mortui), это, какъ справедливо замѣчаетъ Деличъ, чудовищный вымыселъ. Далѣе Штребель, отрицая возможность явленія душъ умершихъ, высказываетъ недоумѣніе относительно того, какъ могутъ быть видимы души умершихъ, когда они не имѣютъ тѣла?

«Точно такъ же, отвѣчаетъ ему Деличъ, какъ могутъ быть видимы ангелы, хотя они также не имѣютъ тѣла».

«Но Богу не угодно это», возражаетъ Штребель, ссылаясь на притчу о богатомъ и Лазарѣ.

«Изъ этой притчи, говоритъ Деличъ, видно только, что наставленіе относительно воли Божіей, какое мы имѣемъ въ словѣ Божіемъ, не нуждается въ томъ, чтобы исполнять его проповѣдью людей воскрешенныхъ для этой цѣли изъ мертвыхъ и посланныхъ къ живымъ людямъ. Но можемъ ли мы отсюда заключить, что вообще умершіе не возвращаются къ жизни, чтобы провести еще нѣкоторое время между живыми въ качествѣ свидѣтелей божественной чудотворной силы и, слѣдовательно, божественнаго откровенія? Мертвые, воскрешенные Іисусомъ Христомъ, свидѣтельствуютъ противное. Но не должны ли мы именно отсюда заключить, что души умершихъ не могутъ являться прежде воскресенія мертвыхъ безъ воскрешенія и ихъ тѣлъ? Явленія Самуила и Моисея доказываютъ противное».

Такъ Деличъ опровергаетъ мнѣніе о невозможности явленія душъ послѣ смерти. Для насъ не важно то, что онъ, для объясненія явленія душъ послѣ смерти, принимаетъ произвольно составленное имъ понятіе о «не матеріальной тѣлесности» души въ переходномъ ея состояніи; для насъ важно то, что этотъ глубокій знатокъ писанія выступаетъ въ данномъ случаѣ прямымъ противникомъ мысли Лютера, который говорилъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, еще никогда въ дѣйствительности не являлась душа умершаго», и въ «шмалькальденскихъ членахъ» утверждалъ (II. 2. 26), что «подъ видомъ человѣческихъ душъ являются демоны».

Есть другіе богословы, которые болѣе осторожно высказываются о возможности явленія душъ умершихъ людей. Таковы Шплиттгерберъ, Мартенсенъ и др. Шплиттгерберъ хотя и говоритъ, что „души отшедшихъ движутся въ совершенно замкнутой, потусторонней сферѣ, которая можетъ приходить въ соприкосновеніе съ нашей земной жизнью только въ высшей степени рѣдко, въ качествѣ исключенія, — хотя и говоритъ, что новѣйшая теологія вообще держится, и не безъ основанія, того положенія, что писаніе нигдѣ не даетъ положительнаго основанія для признаній дѣйствительности явленій умершихъ»,—однако жъ припоминаетъ тѣмъ изъ своихъ читателей, которые склонны признавать явленія душъ умершихъ за призраки, создаваемые возбужденною фантазіею, извѣстныя слова Гамлета: есть много на землѣ и на небѣ такого, что не снилось вашимъ мудрецамъ. Мартенсенъ говоритъ: «всякое догматическое утвержденіе или отрицаніе въ данномъ случаѣ значило бы только учить, *яже не увѣдѣ* (Колос. 2, 18)». Такимъ образомъ, Мартенсенъ прямо уклоняется отъ категорическаго рѣшенія вопроса.

Что касается православной церкви, то она, строго держась ученія писанія, признаетъ явленія умершихъ. И, дѣйствительно, писаніе не только ясно говоритъ о явленіяхъ ангеловъ (Быт. 18, 2—22; 28, 12; Іис. Нав. 5, 13,—14; Лук. 1, 11. 26. 28; Матѳ. 2, 13, Дѣян. 5, 19; 10, 3; 12, 7) и умершихъ праведниковъ (1 Цар. 28, 8—20; Лук. 9, 30—32), но ясно даетъ разумѣть, что и души грѣшниковъ, по волѣ Бога духовъ и всякія плоти (Числ. 16, 22), являются иногда своимъ ближнимъ, и при томъ какъ во снѣ, такъ и въ бодрственномъ состояніи, «хотя, говоритъ одинъ изъ православныхъ писателей, эти явленія душъ изъ ада случаются очень рѣдко, но тѣмъ не менѣе вѣрно, дѣйствительно бываютъ, ибо отвергать или считать явленіе ихъ совершенно невозможнымъ —значитъ ограничивать неизреченное чело-

вѣколюбіе и силу Того, Кто имѣетъ ключи ада (Апок. 1, 18), т.-е. имѣетъ власть отверзать и заключать врата ада, —имѣетъ власть изводить изъ ада и низводить въ оный (1 Цар. 2, 6)», — значитъ быть упорнымъ скептикомъ, или имѣть психологическія познанія самыя ограниченныя (Странникъ 1873 г.).

Б. Объясненіе фактовъ явленія умершихъ.

Передавая разсказы о видѣніяхъ и явленіяхъ, доказывающихъ бытіе загробнаго міра и «жизнь души послѣ смерти тѣла», Григорій Вел. приводитъ сообщаемые въ нихъ видимые, осязательные «примѣры», какъ свидѣтельства и факты, которые для людей «мятущихся духомъ» бываютъ болѣе «убѣдительны», нежели отвлеченныя разсужденія, доказательства или доводы разума (Діал. IV, 7), хотя предварительно разсматриваетъ и нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ.

Такъ, между прочимъ, собесѣдникъ св. Григорія Вел. (въ «Діалогахъ»), діаконъ Петръ, представляя въ своемъ лицѣ неутвержденныхъ въ вѣрѣ и выходя изъ той мысли, что обыкновеннымъ людямъ, какъ онъ самъ испыталъ это, не случается видѣть чувственными глазами исходъ души изъ тѣла при смерти человѣка, — выражаетъ сомнѣніе — «какъ повѣрить бытію существа, котораго никто не *можетъ видѣть* (гл. 5)?»—Вопросъ, такимъ образомъ, ставился относительно бытія души и продолженія жизни за гробомъ, въ связи съ однимъ изъ самыхъ существенныхъ ея свойствъ — *невидимостію* или *нематеріальностію*. Положимъ, — разсуждаетъ собесѣдникъ св. Григорія, — о бытіи души въ тѣлѣ мы можемъ заключать изъ движеній, совершаемыхъ имъ, — «потому что, если бъ не было въ тѣлѣ души, члены тѣла не могли бы двигаться» (гл. VI),—но возможно ли выводить отсюда безсмертіе души, какъ выводятъ путемъ философскихъ умозаключеній— «возможно ли отъ видимыхъ предметовъ (присутствіе души въ тѣлесныхъ движеніяхъ) заключать къ бытію того, чего я не могу видѣть» (жизнь души по смерти тѣла)?

Отвѣчая на вопросъ, Григорій Вел. не входитъ въ подробное разсмотрѣніе его съ философской стороны, но тѣмъ не менѣе излагаетъ путемъ умозаключеній. А именно - Григорій Вел. указываетъ на бытіе Божіе, какъ на фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и отъ него дѣлаетъ заключеніе и къ бытію безсмертной души человѣка. Какъ душа животворное начало въ тѣлѣ, такъ и сила или присутствіе Божіе въ мірѣ — сила, все создающая, животворящая и всѣми управляющая, — «и такъ какъ, говоритъ онъ, ты не сомнѣваешься, что есть Богъ, творящій и правящій, все наполняющій и объемлющій, все превышающій и поддерживающій, неописуемый и невидимый, то не долженъ также сомнѣваться и въ томъ, что Онъ имѣетъ невидимо служащихъ Ему. Служащимъ же подобаетъ уподобляться тому, кому служатъ, такъ что и сомнѣнія не можетъ быть, что существуютъ невидимо служащіе невидимому. Но кто это невидимые слуги, въ бытіе которыхъ вѣруемъ, какъ не святые ангелы и души праведныхъ?.. И какъ, видя движеніе тѣла, ты допускаешь жизнь души, пребывающей въ тѣлѣ, такъ отъ малаго и высокое мыслить долженъ о жизни души, исходящей изъ тѣла, что можетъ жить невидимо душа, долженствующая пребывать въ служеніи невидимаго Творца» (гл. V).

Это первое изъ доказательствъ противъ возраженія относительно жизни души, невидимо исходящей изъ тѣла и невидимо продолжающей жить за гробомъ. Нѣкоторая своеобразность въ его построеніи невольно обращаетъ на себя вниманіе: *если Богъ существуетъ и невидимо управляетъ всѣмъ въ мірѣ, то должны быть и служащіе Ему и быть, по подобію Его — также невидимы.* Казалось бы, аргументація, выставляемая Кассіодоромъ (а также и многими другими отцами церкви относительно безсмертія души) ближе и прямѣе отвѣчала мысли: «Богъ создалъ человѣка по образу и подобію Своему, а Онъ духъ невидимый и вѣчно живый, слѣдовательно и душа человѣческая, какъ подобіе Его, также можетъ быть невидимой и жить вѣчно, — иначе въ чемъ бы состояло уподобленіе ея природы Творцу?»... Обращаясь къ бл. Августину и, при этомъ, не къ спеціальнымъ его изслѣдованіямъ о душѣ и безсмертіи, а къ его творенію «О градѣ Божіемъ», мы находимъ, какъ намъ думается, объясненіе указанной своеобразности, такъ какъ едва ли можно сомнѣваться, чтобы Григорій Вел. не имѣлъ въ виду слѣдующаго мѣста изъ бл. Августина. Указывая на чудеса, совершаемыя тѣлами мучениковъ, какъ на свидѣтельство безсмертія и въ частности будущаго воскресенія тѣлъ, бл. Августинъ (въ XXII кн., гл. 9) пишетъ, что все промышленіе Божіе о мірѣ служитъ живымъ свидѣтельствомъ безсмертія и вѣчной жизни. «Самъ ли Богъ, чудеснымъ образомъ, будучи вѣчнымъ, временныя вещи творитъ, чрезъ Своихъ ли слугъ дѣлаетъ, и то самое, что творитъ чрезъ слугъ, дѣлаетъ ли также что чрезъ души мучениковъ какъ и чрезъ людей, живущихъ еще въ тѣлѣ, или все это творитъ чрезъ ангеловъ, которыми невидимо, неизмѣнно и невещественно повелѣваетъ, такъ что чудеса, о которыхъ говорятъ, что они совершаются мучениками, бываютъ только по ихъ посредничеству и молитвамъ, а не черезъ ихъ дѣйствіе, — или же, наконецъ, въ иныхъ случаяхъ однимъ, въ другихъ другимъ непонятнымъ человѣку способомъ дѣйствуетъ и проявляется сила Божія въ мірѣ, но все, совершаемое ею, служитъ свидѣтельствомъ той вѣры, въ которой проповѣдуется воскресеніе плоти для

вѣчной жизни». У Григорія Вел., въ вышеприведенномъ доказательствѣ, проходятъ тѣ же мысли, только взятыя съ нѣкоторымъ ограниченіемъ соотвѣтственно особой постановкѣ вопроса. Кромѣ того, въ подтвержденіе своего доказательства, и онъ ссылается, какъ бл. Августинъ въ указанной главѣ,—на свидѣтельство мучениковъ, запечатлѣвшихъ вѣру въ загробную жизнь мученичествомъ, и на чудеса, бываемыя при ихъ мощахъ: «неужели св. апостолы и мученики Христовы, говоритъ онъ, стали бы презирать настоящую жизнь и предавать себя на смерть, еслибъ не были твердо увѣрены, что за ней послѣдуетъ жизнь души?.. Къ умершимъ тѣламъ ихъ приходятъ живые больные и получаютъ исцѣленіе; приходятъ клятвопреступники и овладѣваютъ ими демоны; приходятъ бѣсноватые и освобождаются» (отъ демоновъ) и пр. А бл. Августинъ, разсказавши (въ гл. 2) о цѣломъ рядѣ чудесныхъ исцѣленій при мощахъ мучениковъ, пишетъ (въ 9 гл. 22 кн.): «Сіи чудеса какую вѣру свидѣтельствуютъ, если не ту, въ которой Христосъ проповѣдуется воскресшимъ во плоти и на небеса вознесшимся? Ибо и самые мученики этой вѣры *мучениками,* т.-е. свидѣтелями были, этой вѣры свидѣтельство подавая, вражду и жестокость міра претерпѣли, и міръ побѣдили, не оружіе противъ него употребляя, но побѣдили умирая...»

И второе изъ доказательствъ, приводимыхъ Григоріемъ Великимъ противъ поставленнаго возраженія, также находимъ у бл. Августина, при томъ въ той же 22 кн. «О градѣ Божіемъ» (гл. 29), хотя и въ особой нѣсколько постановкѣ.

Опредѣливши вѣру словами апостола, какъ—«уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ», Григорій Вел. говоритъ, что «должно вѣрить тому, чего нельзя видѣть». Мало того,—«чтобы уничтожить сомнѣніе, продолжаетъ онъ,—скажу, что ничего видимаго нельзя видѣть безъ невидимаго», равно какъ «ничто въ этомъ видимомъ мірѣ не можетъ устрояться безъ посредства невидимаго», т.-е. безъ участія души—духа, невидимо проявляющагося во внѣшнихъ дѣйствіяхъ человѣка,—приводитъ примѣръ, подтверждающій эту мысль [1]) и говоритъ въ заключеніи: какъ всемогущій Богъ Своимъ дыханіемъ и проникновеніемъ оживотворяетъ и движетъ невидимыя существа, такъ и невидимыя существа проникновеніемъ движутъ и животворятъ видимыя тѣла». Очевидно, однако, что изъ этого обобщенія еще не слѣдуетъ, чтобы «невидимое или душа, обитающая въ тѣлѣ, необходимо существовала и по смерти тѣла»: по крайней мѣрѣ, для «несовершенныхъ», «колеблющихся» или «неутвержденныхъ» въ вѣрѣ, точнѣе—для людей просто невѣрующихъ въ бытіе души за гробомъ, отъ лица которыхъ ставился вопросъ (см. конецъ гл. IV и VI),—для нихъ вопросъ оставался далеко неразрѣшеннымъ. Въ одной изъ бесѣдъ на евангеліе (бес. II) Григорій Великій, по видимому, яснѣе излагаетъ возраженіе и отвѣтъ на него, хотя въ тѣхъ же почти словахъ, какъ и въ «Собесѣдованіяхъ»: «какимъ образомъ,—спрашиваетъ онъ отъ лица невѣрующихъ («людей міра и плоти»),—могу я искать, желать или стремиться къ духовному свѣту (къ будущей блаженной жизни, къ которой прямой путь—вѣра), котораго мы *не можемъ видѣть?* Откуда мнѣ извѣстно, что есть такой свѣтъ, который не сіяетъ для очей тѣлесныхъ?—Такому помыслу каждый можетъ отвѣчать кратко: и все то, что онъ чувствуетъ тѣломъ, не тѣломъ чувствуетъ, а душою. Никто, вѣдь, не видитъ души своей, однако, не сомнѣвается, что имѣетъ душу, которой не видитъ. Невидимо душа управляетъ видимымъ тѣломъ. Если же это невидимое (душа) отдѣляется, тотчасъ же падаетъ въ прахъ и видимое разрушается, которое видимо стояло...» Но значитъ ли отсюда, что «невидимое» продолжаетъ существовать и послѣ такого акта: «оно заключено въ тѣлѣ, въ немъ и чрезъ него живетъ и дѣйствуетъ, хотя и невидимо для насъ, рушится тѣло—и оно прекращаетъ жизнь?» Такъ могли сказать ставившіе возраженіе матеріалисты-скептики. Однако, Григорій Вел. тѣмъ не менѣе находитъ возможнымъ взятую имъ аналогію (отъ настоящаго къ загробной жизни, отъ видимаго къ невидимому) считать достаточной для заключительнаго вывода: «Итакъ, заключаетъ онъ, если въ сей видимой жизни существо человѣка оживляется (живетъ) невидимымъ, то возможно ли сомнѣваться въ бытіи жизни невидимой?..» Для людей, идущихъ въ жизни *путемъ вѣры,* конечно, тутъ не можетъ быть сомнѣнія, но отъ таковыхъ не можетъ послѣдовать и возраженія противъ бытія души въ невидимомъ, духовномъ мірѣ. Слѣдовательно, какъ въ этихъ словахъ, такъ и въ вышеприведенныхъ изъ «Собесѣдованій», взятая аналогія для доказательства безсмертія души не достаточно ясно и убѣдительно поставлена и проведена до заключительнаго вывода.

Бл. Августинъ въ указанномъ мѣстѣ (De civit. Dei, lib. XXII cap. 29) пользуется для доказательства такой же аналогіей, какъ и Григорій Вел., но у него вопросъ берется шире, и аналогія прямѣе вытекаетъ изъ его постановки. Онъ спрашиваетъ: «что имѣютъ дѣлать святые въ тѣлахъ безсмертныхъ и духовныхъ, когда будутъ жить не только духовно, какъ еще теперь живутъ (послѣ смерти), но и тѣлесно» (по воскресеніи)?—И отвѣчаетъ: «объ ихъ дѣйствіяхъ, или, лучше—каковъ будетъ ихъ миръ и покой, по справедливости говоря, я не знаю, потому что никогда не видѣлъ этого чувственными очами, а умомъ или мысленно также не могу достаточно уразумѣть всего, потому что тотъ міръ—*міръ Божій,* по слову апостола, *превосходитъ вся-*

[1]) Dial. l. IV, cap. VI (рус. пер. стр. 270) бл. Августинъ, О безсмертіи души, рус. пер. кіевск. ак., стр. 303.

кій разумъ (Фил. IV, 7), не человѣческій только, но и ангельскій...» Поэтому, если и возможно говорить объ немъ, то — по вѣрѣ: *вѣровахъ тѣмъ же возглаголахъ* (Пс. 115, 10). И вотъ, съ одной стороны, руководясь ученіемъ слова Божія и на основаніи нѣкоторыхъ чудесныхъ явленій, засвидѣтельствованныхъ также словомъ Божіимъ, а съ другой стороны—изъ существенныхъ свойствъ настоящей, земной природы человѣка и взаимоотношеній въ ней между душою и тѣломъ,—бл. Августинъ пробуетъ, по сравненію и аналогіи, насколько это возможно, показать и разъяснить не только бытіе души въ мірѣ Божіемъ, наслаждающейся блаженнымъ лицезрѣніемъ Бога, *бытіе* (по воскресеніи) тѣломъ и духомъ, но и свойства этого бытія; аналогія съ земными свойствами человѣческой природы являлась при этомъ неизбѣжно, потому что иначе мысль не въ состояніи даже представить — чѣмъ можетъ быть существо человѣка въ томъ новомъ и просвѣтленномъ бытіи. Да и ученіе слова Божія даетъ основаніе для такой аналогіи, когда научаетъ насъ, что и *теперь мы отчасти разумѣемъ, отчасти пророчествуемъ* (1 Кор. XIII, 9—10),—что *видимъ и нынѣ яко зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицомъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 12), — и этимъ показываетъ, что между познаніемъ нашимъ, въ его основныхъ свойствахъ (а слѣдовательно и природой человѣка вообще), допускается связь между «нынѣ» и «тогда», въ будущей жизни, когда уже не «отчасти», а «лицомъ къ лицу» наступитъ жизнь во свѣтѣ познаваемаго. Отсюда разъясненіе по аналогіи столько же естественно и неизбѣжно, сколько и оправдывается вѣрою, которой единственно доступно проникновеніе въ тайны того міра. Но существовало и особаго рода *философское умствованіе, которымъ отвергалась самая возможность видѣть (познавать) чувственное, тѣлесное духовно или умомъ, и наоборотъ—духовное при посредствѣ чувственныхъ или внѣшнихъ органовъ,* умствованіе, противорѣчащее, по словамъ бл. Августина, и здравому смыслу, и слову пророческому. Поэтому, указывая на пророка Елисея, который, будучи въ этомъ тлѣнномъ и немощномъ тѣлѣ нашего земного бытія, могъ духовными очами, а не тѣломъ видѣть, какъ его слуга принималъ дары отъ исцѣленнаго имъ (пророкомъ) Неемана сиріянина, хотя и находился вдали отъ него—какъ на примѣръ, показывающій, какую силу духовнаго видѣнія могутъ имѣть святые даже и теперь, въ земной жизни, что не тѣломъ только, но и духомъ можно познавать и *видѣть* тѣлесное, — бл. Августинъ обращается къ нашему теперешнему познанію и проводитъ аналогію между нимъ и будущимъ обновленнымъ состояніемъ духа и тѣла: «Итакъ, если доказано, что тѣлесное бываетъ видимо духомъ, то отчего не допустить, что сила духовной жизни (по воскресеніи тѣла) будетъ такъ велика, что и тѣломъ можно будетъ увидѣть духъ? Ибо Богъ есть духъ. Да и *собственную жизнь, которою каждый живетъ въ семъ тѣлѣ, и которая животворитъ наши духовные члены, мы познаемъ только внутреннимъ чувствомъ, а не тѣлесными очами, между тѣмъ какъ жизнь другихъ,* хотя она и невидима, видимъ чрезъ тѣло. И можемъ ли мы иначе отличать живыя тѣла отъ не живыхъ, если не будемъ вмѣстѣ съ тѣлами видѣть и ихъ жизнь, которую не иначе можно видѣть, какъ только тѣломъ? Жизни же безъ тѣлъ мы не видимъ тѣлесными очами...» Такъ, на основаніи этихъ данныхъ, мы можемъ до нѣкоторой степени судить и о состояніи или о свойствахъ человѣческаго тѣла и духа, когда наступитъ, послѣ всеобщаго воскресенія, царство славы, что бл. Августинъ и показываетъ затѣмъ въ дальнѣйшемъ разсужденіи, настоятельно предупреждая, что разсуждать объ этомъ теперь крайне трудно и можно умозаключать лишь гадательно, такъ какъ «никакими примѣрами и свидѣтельствами св. писанія свои разсужденія онъ подтвердить не можетъ», между тѣмъ и св. апостолъ внушаетъ: «не судите никакъ прежде времени, пока не прійдетъ Господь, Который и освѣтитъ сокрытое во мракѣ, и обнаружитъ сердечныя намѣренія, и тогда каждому будетъ похвала отъ Бога» (1 Кор. 4, 5).

Григорій Вел., такимъ образомъ, въ вышеприведенныхъ доказательствахъ больше доказываетъ, что загробный, невидимый міръ души *можетъ и долженъ* существовать, нежели то, что онъ доступенъ внутреннему или внѣшнему видѣнію или познанію, что такое познаніе возможно и съ точки зрѣнія раціональной. Относительно «доступности» его познанію человѣка онъ указываетъ главнымъ образомъ на необходимость вѣры — условіе, при которомъ возраженія со стороны «невѣровавшихъ» несомнѣнно уже падали сами собою. (См. кн. А. Пономарева: «Собесѣдов. св. Григорія Велик. о загробной жизни»).

В. Въ какихъ тѣлахъ являлись души умершихъ?

Что касается того вопроса, въ какихъ тѣлахъ являлись отшедшія души, то объ этомъ, равно какъ и вообще о свойствѣ тѣлъ, въ какихъ являлись чисто духовныя существа, намъ не даютъ никакихъ опредѣленныхъ указаній ни слово Божіе, ни опытъ, ни тѣмъ болѣе разумъ нашъ, который самъ по себѣ, независимо отъ слова Божія и исторіи, ничего не можетъ сказать. Нѣкоторые учители церкви имѣли то мнѣніе, что души, и по разлученіи съ тѣломъ, имѣютъ нѣкоторую матеріальную оболочку. Такъ св. Ириней вѣрилъ[1]), что душа и по разлученіи съ тѣломъ удерживаетъ его образъ. Тертулліанъ[2]) приписываетъ душѣ протяженность и утверждаетъ,

[1]) Irineus 1, 2. § 62, 63.
[2]) De anima.

что она есть нѣчто тѣлесное. Оригенъ[1]) считаетъ душу за нѣчто матеріальное и имѣющее образъ; онъ сходится въ этомъ мнѣніи съ Платономъ и, вѣроятно, у него заимствовалъ его. Подобнаго же мнѣнія были Лактанцій, св. Иларій и многіе другіе учители церкви.

Св. Ириней считалъ за несомнѣнную истину, что душа по смерти тѣла принимаетъ нѣкоторое другое тѣло, которое имѣетъ образъ прежняго и тѣмъ напоминаетъ ей всѣ дѣла и поступки, которые содѣлала она въ сей жизни. Но съ этимъ мнѣніемъ, будто наша душа и по разлученіи съ тѣломъ не чужда нѣкоторой матеріальности, нельзя согласиться, потому что оно не имѣетъ никакого основанія въ св. писаніи и противорѣчитъ самой природѣ нашей души, какъ чисто духовной. Мы вѣримъ, что, по допущенію Божію, отшедшія души могутъ являться, но что за тѣла, въ которыхъ онѣ являются, объ этомъ по недостатку основаній и данныхъ мы не можемъ имѣть никакого рѣшительнаго сужденія.

Главная цѣль, для которой являются на землю отшедшія души,—это, какъ говоритъ св. Григорій Великій[2]), то, чтобы просить совершенія за нихъ, для ихъ успокоенія, безкровной жертвы и молитвъ. Опытъ показываетъ, что христіанскія души всегда являются именно за тѣмъ, чтобы просить за себя молитвъ, или раздачи милостыни, или путешествій ко св. мѣстамъ, или уплаты ихъ неуплаченныхъ долговъ, или же за тѣмъ, чтобы побудить живыхъ къ добродѣтели, къ исправленію жизни и вообще къ богоугодной жизни. Часто они при своемъ явленіи сообщаютъ о состояніи, въ какомъ находятся умершіе въ другой жизни, и при этомъ они просятъ о помощи и предостерегаютъ живущихъ на землѣ о тѣхъ несчастіяхъ, какія ожидаютъ грѣшниковъ въ загробной жизни. Онѣ разсказываютъ объ адѣ, о добрыхъ и злыхъ ангелахъ, о строгости суда Божія къ грѣшникамъ и о Божіемъ милосердіи къ праведникамъ.

Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что явленіе душъ отшедшихъ живымъ бываетъ преимущественно во время сна. Сообщаясь съ живыми людьми, по изволенію Божію, онѣ преимущественно являются ихъ духовному оку, безъ посредства тѣлеснаго образа.

Къ фактамъ явленія умершихъ принадлежатъ также, конечно, факты воскресенія умершихъ. А фактовъ этого послѣдняго рода представляетъ довольно и св. писаніе, и исторія церкви. Несомнѣннѣйшимъ, важнѣйшимъ и разительнѣйшимъ фактомъ этого рода служитъ воскресеніе Спасителя нашего. Дѣйствительность воскресенія Его выше всякихъ сомнѣній. Что Онъ дѣйствительно умиралъ, что смерть Его была дѣйствительная, а не мнимая, это засвидѣтельствовали не только Его ученики, но и сами враги Его и ихъ. Воины, пришедшіе къ распятому Іисусу за тѣмъ, чтобы перебить Ему голени, нашли Его уже и безъ того мертвымъ и потому не стали перебивать ихъ; а одинъ изъ воиновъ, для большаго удостовѣренія въ Его смерти, пронзилъ копіемъ Его ребро, причемъ въ Немъ не обнаружилось уже никакихъ признаковъ жизни, а только изъ прободеннаго ребра потекла кровь и вода. Отъ одного этого столь сильнаго удара прервалась бы, безъ сомнѣнія, слабая жизнь Божественнаго Страдальца, если бы Онъ былъ еще въ это время живъ. Сами враги Христа, какъ во время Его смерти, такъ и послѣ, никогда не сомнѣвались въ ея дѣйствительности, между тѣмъ какъ они всѣми силами и средствами старались о томъ, чтобы возбудить въ народѣ невѣріе въ дѣйствительность воскресенія Христова. Слѣдовательно, для нихъ возбудить сомнѣніе въ дѣйствительности самой смерти Спасителя было бы очень важно, а потому, если бы были какія-нибудь обстоятельства, на которыхъ бы можно было основать это послѣднее сомнѣніе, — они, конечно, не преминули бы разгласить эти обстоятельства, но они не указываютъ никакихъ такихъ обстоятельствъ; это уже одно доказываетъ, что такихъ обстоятельствъ совершенно не было. Дѣйствительность смерти Спасителя была слишкомъ несомнѣнна для того, чтобы можно было подвергнуть ее сомнѣнію. Слѣдовательно, если Спаситель дѣйствительно возсталъ послѣ Своей смерти, то Его воскресеніе было дѣйствительное воскресеніе, воскресеніе дѣйствительно умершаго, и самая Его смерть была дѣйствительная, а не мнимая какая-нибудь. Но что Онъ дѣйствительно воскресъ послѣ смерти, это засвидѣтельствовано свидѣтелями-очевидцами въ такомъ числѣ и съ такою ясностію, какъ больше и желать нельзя для того, чтобы признать Его воскресеніе несомнѣннымъ фактомъ. Спаситель воскресилъ Лазаря. Это тоже несомнѣнный фактъ дѣйствительнаго воскресенія изъ мертвыхъ; Лазарь воскрешенъ Іисусомъ Христомъ уже черезъ четыре дня послѣ своей смерти тогда, когда уже начало тлѣть его тѣло, слѣдовательно воскрешенъ послѣ дѣйствительной смерти. Такъ же несомнѣнны и всѣ другіе передаваемые книгами ветхаго и новаго завѣта факты воскресенія изъ мертвыхъ; таковы, напр., совершенное пророкомъ Елисеемъ воскрешеніе сына вдовы самонитянки, воскресеніе мертваго чрезъ прикосновеніе къ костямъ этого же пророка и пр.

Исторія христіанской церкви представляетъ также не мало фактовъ воскресенія мертвыхъ. Вотъ какое, напр., событіе извѣстно изъ жизни преп. Макарія Египетскаго: въ одномъ селеніи случилось убійство, въ которомъ, по ложнымъ подозрѣніямъ, обвинили совершенно невиновнаго въ семъ. Случилось такъ, что обвиненный, убѣгая отъ преслѣдованій, былъ схваченъ близъ кельи преп. Макарія. Несчастный началъ клясться въ

[1]) Contra Celsum, l. 2.
[2]) L. 4. Dialog. c. 55.

своей невинности, но сбѣжавшійся народъ единогласно призналъ его убійцею. Услышавъ сильный шумъ, Макарій вышелъ къ народу и, узнавъ въ чемъ дѣло, спросилъ, гдѣ погребенъ убитый, и вмѣстѣ съ народомъ отправился на его могилу, и здѣсь, ставши на колѣна и вознесши пламенную молитву къ Богу, праведникъ сказалъ окружающимъ: «нынѣ явитъ Господь, сей ли человѣкъ совершилъ убійство». Потомъ онъ громкимъ голосомъ назвалъ убитаго по имени и сказалъ ему: «вѣрою Іисусъ Христовою повелѣваю тебѣ, открой намъ, сей ли, котораго народъ обвинилъ, умертвилъ тебя?» Мертвецъ громогласно отвѣтилъ изъ-подъ земли: «не онъ убійца мой». Народъ въ изумленіи и ужасѣ палъ на землю. Потомъ всѣ, повергшись къ стопамъ праведника, стали умолять его, чтобы онъ повелѣлъ открыть мертвецу своего убійцу, но св. Макарій отвѣчалъ: «сего принять на себя не могу; для меня довольно — избавить отъ наказанія невиннаго, а предать суду виновнаго не мое дѣло».

Г. Опроверженіе возраженій противъ фактовъ явленія умершихъ.

Такъ какъ чистый духъ по самой своей природѣ и по своимъ законамъ существенно отличенъ отъ природы и законовъ міра земного, и такъ какъ отшедшія души суть существа чисто духовныя, то понятно, что какъ вообще жизнь и дѣятельность этихъ существъ, такъ и въ частности ихъ явленія въ мірѣ земномъ должны представлять много непонятнаго и необъяснимаго по законамъ этого міра. Отсюда люди, которые признаютъ для разума непреложнымъ закономъ такое положеніе, что будто возможнымъ и дѣйствительнымъ можетъ быть и должно быть признаваѐмо только то и на столько, что и на сколько можетъ быть понято и объяснено по законамъ этого міра, отвергаютъ возможность и дѣйствительность этихъ явленій.

1. Указаніе на необъяснимость этихъ явленій по законамъ земного міра и составляетъ главное возраженіе противъ возможности и дѣйствительности первыхъ.

Если вникнуть въ дѣло повнимательнѣе, то это возраженіе оказывается въ высшей степени несостоятельнымъ, въ высшей степени ложнымъ и даже положительно нелѣпымъ. Во-первыхъ, въ этомъ возраженіи высказывается совершенное непониманіе законовъ здравой исторической критики. Дѣйствительность извѣстныхъ фактовъ и способъ и законы ихъ совершенія совсѣмъ не одно и то же, а двѣ совершенно разныя вещи. Для того, чтобы извѣстныя явленія были признаны несомнѣнно дѣйствительными, совершенно нѣтъ еще необходимости понимать уже и самый способъ и законы ихъ совершенія. Для этого совершенно достаточно уже имѣть достаточныя доказательства именно ихъ дѣйствительности; способъ совершенія ихъ при этомъ можетъ быть и не понятъ, это, кажется, слишкомъ ясно. Совершенно возможная и самая обыкновенная вещь — имѣть несомнѣнныя доказательства въ пользу дѣйствительнаго существованія извѣстныхъ предметовъ и въ то же время совершенно не понимать, какъ, отъ какихъ причинъ и по какимъ законамъ существуютъ эти предметы. Большинство людей, напр., и по настоящее время не имѣетъ понятія о томъ, что такое небесныя тѣла, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, о ихъ дѣйствительномъ видѣ и устройствѣ, о ихъ законахъ; и однако жъ существованіе небесныхъ тѣлъ для всѣхъ составляетъ несомнѣнный фактъ, и это совершенно законно, каждый имѣетъ право и необходимо долженъ признавать эти тѣла несомнѣнно существующими, потому что они подлежатъ непосредственному наблюденію каждаго. Можно даже въ области предметовъ, самыхъ близкихъ къ намъ, указать много такихъ вещей, дѣйствительность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но образа и законовъ существованія которыхъ мы не понимаемъ. Во всякомъ случаѣ, отвергать дѣйствительность фактовъ на томъ одномъ основаніи, что для насъ непонятны законы ихъ совершенія, совершенно нельзя, совершенно незаконно. Первое необходимое и достаточное условіе для того, чтобы мы могли и должны были признать дѣйствительнымъ извѣстный фактъ, это—или наше собственное непосредственное наблюденіе его, или же вѣрно переданное намъ непосредственное наблюденіе его другими людьми. Если это условіе выполнено, если извѣстный предметъ или подлежитъ нашему собственному наблюденію, или мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства о непосредственномъ наблюденіи его другими, въ такомъ случаѣ мы не только имѣемъ полнѣйшее право, но и необходимо должны, обязаны признать этотъ предметъ несомнѣнно дѣйствительнымъ, независимо отъ того, понимаемъ ли мы при этомъ законы существованія этого предмета, или не понимаемъ ихъ; по крайней мѣрѣ непониманіе этихъ законовъ совершенно не должно быть препятствіемъ для этого признанія. Такимъ образомъ, и для того, чтобы мы имѣли право и обязаны были признать дѣйствительными передаваемыя намъ св. писаніемъ и церковію явленія духовъ, необходимо и достаточно уже того одного, чтобы были несомнѣнно вѣрны свидѣтельства объ этихъ явленіяхъ. Если эти свидѣтельства несомнѣнно вѣрны, то мы уже по этому одному необходимо должны признать и эти явленія несомнѣнно дѣйствительными, хотя бы мы и не понимали образа и законовъ ихъ совершенія. Непониманіе этихъ явленій не должно быть препятствіемъ для этого признанія. И, слѣдовательно, отвергать дѣйствительность этихъ явленій на основаніи одной ихъ непонятности, одной необъяснимости ихъ по какимъ-нибудь законамъ, значитъ отвергать ихъ дѣйствительность безъ всякихъ удовлетворительныхъ основаній. И значитъ, возраженіе противъ ихъ дѣйствительности, основываемое исключительно на одной ихъ непонятности,

не есть собственное возраженіе, потому что всякое заслуживающее вниманія возраженіе противъ этой дѣйствительности должно состоять въ указаніи какого-нибудь дѣйствительнаго препятствія къ признанію ея, а это возраженіе указываетъ на то, что вовсе и не составляетъ такого препятствія. А что свидѣтельства объ этой дѣйствительности несомнѣнно истинны, это выше всякаго сомнѣнія; но разбираемое возраженіе вовсе и не касается этихъ свидѣтельствъ, а потому, для опроверженія его, нѣтъ и надобности доказывать ихъ истинность; оно вполнѣ опровергается и независимо отъ ихъ истинности.

Далѣе, указанное возраженіе основываютъ на той, дѣйствительно, несомнѣнной истинѣ, что все дѣйствительно существующее необходимо должно быть согласно съ законами бытія, и что, слѣдовательно, только то можетъ быть признано возможнымъ и дѣйствительнымъ, что согласно съ этими законами; но основываютъ совершенно незаконно. Если судить и съ точки зрѣнія этой истины, то опять таки это возраженіе оказывается совершенно несостоятельнымъ и даже положительно нелѣпымъ. Истина эта не только не заключаетъ въ себѣ никакого основанія и оправданія для этого возраженія, а напротивъ, служитъ опроверженіемъ его. Все дѣйствительно существующее существуетъ по извѣстнымъ законамъ. Это такъ. Но не все существующее подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ; а все существующее въ этомъ отношеніи раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ областей, изъ которыхъ въ каждой, кромѣ законовъ общихъ всѣмъ имъ, есть много законовъ, свойственныхъ только исключительно ей одной и совершенно чуждыхъ всѣмъ другимъ. Есть міръ физическій и міръ нравственный. Есть законы общіе этимъ обоимъ мірамъ; таковъ, напр., законъ причинности, тотъ законъ, что каждое явленіе необходимо имѣетъ свою причину. Но въ то же время есть много такихъ законовъ, которые свойственны только какому-нибудь одному изъ этихъ міровъ и совершенно несвойственны другому. Такъ, напр., духовному міру свойственны: законъ свободы, законы мышленія, но эти законы совершенно несвойственны чисто физическимъ явленіямъ; съ другой стороны, и эти послѣднія явленія въ свою очередь имѣютъ, очевидно, много такихъ законовъ, которымъ вовсе не подчиняется свободная дѣятельность духа; таковы, напр., чисто механическіе и химическіе законы. Каждый изъ этихъ міровъ въ свою очередь раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ областей, которыя опять, при законахъ общихъ всѣмъ имъ, имѣютъ и каждая свои особые законы, принадлежащіе только ей одной и совершенно непринадлежащіе всѣмъ другимъ. Есть законы, которые свойственны мысли, но которые совершенно чужды чувству; есть законы, которымъ подчиняется чувство, но которымъ не подчиняется мысль. Есть законы, которымъ подчиняется органическая жизнь, напр., растительная, и которымъ вовсе не подчиняются чисто механическія явленія. Есть законы, по которымъ живетъ растеніе и которымъ вовсе не подчиняется камень. Значитъ, все существуетъ по законамъ, но не все существуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ. Слѣдовательно, та истина, что все дѣйствительно существующее необходимо подчиняется законамъ бытія,—необходимо должна имѣть такое ограниченіе, что всякій дѣйствительно существующій предметъ подчиняется не всѣмъ существующимъ законамъ бытія и не какимъ бы то ни было изъ нихъ, а только нѣкоторымъ и извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ, именно тѣмъ только законамъ, которымъ подчиняется та область бытія, та область предметовъ, къ которымъ онъ самъ принадлежитъ. Растеніе, напр., подчиняется не всѣмъ существующимъ законамъ и не какимъ-нибудь, а именно законамъ растительной жизни. Камень въ своемъ паденіи подчиняется законамъ именно механическаго движенія, а не какимъ-нибудь другимъ законамъ, напр., химическимъ или физіологическимъ. И, слѣдовательно, если судить о возможности и дѣйствительности на основаніи согласія съ законами, то для того, чтобы извѣстные предметы мы могли и должны были признать возможными и дѣйствительными, нужно, чтобы эти предметы были согласны не со всѣми вообще законами, это вовсе не нужно и это совершенно невозможно, и не съ какими-нибудь, а именно только съ тѣми законами, какіе свойственны той области бытія, къ какой принадлежатъ эти предметы по своей природѣ. Такъ, напр., при такомъ основаніи, въ области растительной жизни можетъ и должно быть признаваемо возможнымъ и дѣйствительнымъ все то, и только то, что согласно съ законами именно растительной жизни, а не съ какими-нибудь другими законами, не съ законами, напр., однихъ чисто механическихъ и математическихъ отношеній вещей, или съ законами духовной жизни. Для того, чтобы мы имѣли право признать возможными и дѣйствительными въ этой области извѣстныя явленія, нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы эти явленія подчинялись законамъ жизни чисто духовной, и несогласіе ихъ съ этими законами, конечно, не даетъ никакого права отвергать ихъ возможность и дѣйствительность въ области растительной жизни. Изъ того, что камень не подчиняется законамъ растительной жизни, не слѣдуетъ, что онъ не существуетъ и невозможенъ. Изъ того, что жизнь нравственная не подчиняется законамъ математическимъ, не слѣдуетъ, что она невозможна и не существуетъ. Всякія величины нужно измѣрять только однородными, а не разнородными съ ними единицами или мѣрами. Тяжести нужно измѣрять пудами, фунтами и проч., а не аршинами, и пространства нужно измѣрять верстами и аршинами, а не фунтами и пудами. Такъ точно и о дѣйствительности и возможности извѣстныхъ предметовъ

нужно судить по тѣмъ законамъ, которые свойственны именно этимъ предметамъ, а не по такимъ законамъ, которые совершенно чужды имъ, которые принадлежатъ какимъ-нибудь другимъ, совершенно разнороднымъ съ ними явленіямъ.

По видимому, все это такая простая и ясная истина, что даже странно и говорить о ней; а между тѣмъ, можетъ-быть, по тому самому, что она слишкомъ проста и ясна, какъ часто она не понимается и нарушается на самомъ дѣлѣ! Вотъ иные вообразятъ себѣ, что возможно и дѣйствительно только то, что подчиняется однимъ законамъ матеріальнаго міра, что все, чего нельзя объяснить по однимъ этимъ законамъ, невозможно и не существуетъ, и потому отвергаютъ существованіе духа, такъ какъ онъ непонятенъ и необъяснимъ по однимъ матеріальнымъ законамъ. Поступать такимъ образомъ не значитъ ли то же самое, что мѣрять тяжести аршинами, или отвергнуть существованіе камней на томъ основаніи, что они не подчиняются законамъ растительной жизни? Совершенно то же самое. Духъ по самой своей природѣ существенно отличается отъ матеріи; слѣдовательно, судить о возможности и дѣйствительности духовнаго нужно по законамъ свойственнымъ духу, а не по совершенно чуждымъ ему законамъ чисто матеріальнымъ. Если законно отвергать бытіе духа на томъ одномъ основаніи, что его существованіе и дѣятельность необъяснимы по однимъ законамъ матеріальныхъ явленій, то съ совершенно одинаковымъ правомъ нужно уже отвергнуть возможность и дѣйствительность всего существующаго; потому что такъ же точно, какъ духъ не согласуется съ законами матеріальнаго міра, такъ же точно и всякій другой предметъ не согласуется съ законами какихъ-нибудь другихъ предметовъ, камень, напр., не согласуется съ законами растеній и пр.

Существа чисто духовныя, отшедшія души, конечно, тоже подчиняются извѣстнаго рода законамъ; но такъ какъ они по самой своей природѣ, какъ чисто духовной, существенно отличаются отъ предметовъ міра земного, то они необходимо и существенно отличаются отъ этихъ предметовъ и по своимъ законамъ. Есть законы общіе этимъ существамъ со всѣми этими предметами, таковъ, напр., хоть опять законъ причинности. Но въ то же время по самому существу дѣла необходимо должно быть много такихъ законовъ, которые были бы свойственны этимъ предметамъ, но совершенно несвойственны этимъ существамъ, равно какъ и такихъ, которые принадлежали бы исключительно только этимъ существамъ и совершенно чужды были этимъ предметамъ. Такъ, дѣйствительно, и есть на самомъ дѣлѣ, и потому эти существа въ своей природѣ, въ своей жизни и дѣятельности и въ своихъ явленіяхъ необходимо должны представлять много такого, чего нельзя объяснить по однимъ законамъ земного міра, такъ же точно, какъ и всякіе другіе предметы непремѣнно представляютъ что-нибудь такое, чего нельзя объяснить по законамъ какихъ-нибудь другихъ предметовъ. Слѣдовательно, если принять основаніемъ для признанія возможности и дѣйствительности явленій согласіе ихъ съ законами бытія, то мѣрой для опредѣленія возможнаго и дѣйствительнаго въ области существъ чисто духовныхъ и ихъ явленій и дѣйствій должно быть не согласіе ихъ съ чуждыми этой области законами міра земного, а согласіе ихъ съ законами, свойственными именно этой области. Признавать здѣсь мѣрою согласіе съ одними законами земного міра такъ же незаконно, какъ вообще незаконно судить о предметахъ по совершенно чуждымъ имъ законамъ, какъ незаконно мѣрять пространства мѣрами тяжестей. И отвергать возможность и дѣйствительность явленій и дѣйствій духовъ на томъ одномъ основаніи, что они необъяснимы по законамъ земного міра, такъ же совершенно незаконно, какъ незаконно было бы отвергать возможность и дѣйствительность всякихъ другихъ предметовъ на томъ основаніи, что они представляютъ много необъяснимаго по законамъ какихъ-нибудь другихъ предметовъ, какъ незаконно, напр., было бы отвергать возможность и дѣйствительность явленій физіологическихъ на томъ основаніи, что они необъяснимы по однимъ законамъ чисто механическихъ явленій. Такимъ образомъ, разбираемое возраженіе противъ дѣйствительности явленій духовъ въ той самой истинѣ, на которой оно основываетъ себя, т.-е. въ той истинѣ, что все возможное и дѣйствительно существующее необходимо должно быть согласно съ законами бытія, на самомъ дѣлѣ имѣетъ для себя не основаніе, а опроверженіе. Потому что, какъ видѣли мы, эта истина можетъ и должна быть признана истиною не иначе, какъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что каждый дѣйствительный предметъ необходимо долженъ быть согласенъ не со всякими законами, а только съ законами той одной области предметовъ, къ которой онъ самъ принадлежитъ по своей природѣ. А въ такомъ видѣ этою истиною, какъ мы видѣли, вполнѣ опровергается это возраженіе.

Итакъ, первое и главное возраженіе противъ возможности и дѣйствительности представляемыхъ намъ св. писаніемъ и церковію фактовъ явленія духовъ совершенно несостоятельно. Неудобопонятность этихъ явленій вовсе не служитъ и не можетъ служить основаніемъ для отверженія ихъ возможности и дѣйствительности. Такъ же точно не служитъ и не можетъ служить основаніемъ для этого и несогласіе этихъ явленій съ законами міра земного. Можно сказать, что эта непонятность и это несогласіе составляютъ главное изъ всего того, на чемъ основываютъ отверженіе дѣйствительности этихъ явленій; въ нихъ уже заключается если не основаніе, такъ по крайней мѣрѣ побужденіе и для всѣхъ другихъ возраженій противъ этой дѣйствительности.

2. Изъ другихъ возраженій болѣе извѣстныя слѣдующія: во-первыхъ, говорятъ, передаваемыя намъ св. писаніемъ и церковію явленія духовъ были не болѣе, какъ чисто субъективнымъ дѣйствіемъ собственнаго воображенія тѣхъ людей, которые будто бы видѣли эти явленія. На чемъ основано это мнѣніе? Въ самыхъ извѣстіяхъ объ этихъ явленіяхъ не заключается для него никакихъ основаній, потому что въ нихъ ясно и опредѣленно говорится, что это были дѣйствительныя явленія духовныхъ существъ, а не что-нибудь только мнимое, воображаемое. При томъ самый характеръ этихъ явленій не допускаетъ мысли объ ихъ призрачности. Они имѣютъ такую ясность и опредѣленность, представляютъ такія подробности и обстоятельства, которыя возможны только въ дѣйствительныхъ происшествіяхъ и совершенно невозможны при однихъ призрачныхъ видѣніяхъ. Возьмемъ, напр., хоть явленіе ангеловъ Аврааму; находясь совершенно въ здравомъ, трезвомъ состояніи духа, свободный отъ всякой болѣзненной возбужденности воображенія, онъ принимаетъ ангеловъ въ видѣ странниковъ, угощаетъ ихъ, ведетъ съ ними разговоръ, все это продолжается довольно долгое время и имѣетъ ясность и опредѣленность, свойственныя только дѣйствительности; и какъ въ продолженіе всего этого, такъ и послѣ Аврааму никогда и въ голову не приходило, чтобы все это было только дѣйствіемъ его собственнаго воображенія. Допустить, чтобы подобныя явленія могли быть дѣйствіемъ одного воображенія, по крайней мѣрѣ со стороны совершенно здравыхъ людей, совершенно нельзя. Очевидно, это мнѣніе имѣетъ своимъ главнымъ основаніемъ тотъ уже опровергнутый нами взглядъ, что будто эти явленія невозможны. Оно есть только необходимое логическое слѣдствіе этого взгляда. Если бы эти явленія, какъ дѣйствительныя явленія духовъ, были бы невозможны, въ такомъ случаѣ, конечно, оставалось бы смотрѣть на нихъ не иначе, какъ на субъективныя произведенія человѣческаго воображенія. И люди, раздѣляющіе этотъ взглядъ, поневолѣ уже должны смотрѣть на нихъ не иначе, какъ такъ. Отвергнувъ возможность и дѣйствительность этихъ явленій, какъ дѣйствительныхъ явленій духовныхъ существъ, нужно же дать и какой-нибудь положительный взглядъ на нихъ; а при такомъ отверженіи, взглядъ на нихъ возможенъ не иной, какъ только тотъ, что они субъективныя произведенія человѣческой фантазіи. А такъ какъ это отверженіе совершенно безосновательно, совершенно невѣрно, какъ мы уже видѣли, то, значитъ, этотъ взглядъ остается безъ всякаго основанія, потому что другого основанія, кромѣ этого взгляда, для него нѣтъ. Такъ какъ эти явленія совершенно возможны, и такъ какъ мы имѣемъ несомнѣнныя историческія свидѣтельства о томъ, что они были дѣйствительно, то, очевидно, при этомъ нѣтъ никакого права, никакихъ основаній признавать ихъ одними субъективными произведеніями человѣческаго духа.

3. Говорятъ, наконецъ, въ опроверженіе защищаемой нами истины такъ: извѣстно, что существуетъ безчисленное множество такихъ разсказовъ о явленіяхъ духовъ, равно какъ и о другихъ чудесныхъ происшествіяхъ, относительно которыхъ уже съ несомнѣнностью доказано, что они суть чистыя выдумки, порожденныя народнымъ невѣжествомъ, суевѣріемъ и предразсудками; это даетъ основаніе думать, что къ этой же категоріи разсказовъ относятся и тѣ разсказы о явленіяхъ духовъ, которые передаются св. писаніемъ и церковію. Умозаключеніе совершенно произвольное. Что существуетъ безчисленное множество разсказовъ о явленіяхъ духовъ вымышленныхъ, ложныхъ, это совершенная правда. Но этотъ фактъ самъ по себѣ даетъ ли какое-нибудь право признавать вымышленными и разсказы, сообщаемые намъ св. писаніемъ и церковію? Конечно, не даетъ никакого права. Изъ того, что объ извѣстнаго рода предметахъ могутъ быть и есть разсказы ложные, вовсе нельзя заключать, чтобы и всѣ вообще свѣдѣнія объ этихъ предметахъ были ложны. Это, кажется, слишкомъ ясно для того, чтобы нужно было даже доказывать это. Едва ли найдутся такіе предметы въ цѣломъ мірѣ, о которыхъ бы когда-нибудь и гдѣ-нибудь не существовало какихъ-нибудь ложныхъ понятій, вымысла, лжи; значитъ, если судить по той логикѣ, по которой дѣлается указанное умозаключеніе, то нужно бы отвергнуть вѣрность всякихъ свѣдѣній и о всѣмъ предметахъ.

Что касается того вопроса, что были за тѣла, въ которыхъ являлись отшедшія души, были ли это дѣйствительныя тѣла, или только призрачныя, мнимыя, то, какъ уже сказали мы, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Но неудоборѣшимость этого вопроса, очевидно, вовсе не даетъ никакого основанія сомнѣваться въ самой дѣйствительности явленій этихъ существъ такъ же точно, какъ вообще непонятность образа совершенія факта не даетъ никакого права отвергать самую его дѣйствительность. Этотъ вопросъ касается не дѣйствительности этихъ явленій, а только способа ихъ совершенія, слѣдовательно, и неудоборазрѣшимость его ничего не говоритъ противъ ихъ дѣйствительности.

Итакъ, дѣйствительность передаваемыхъ намъ св. писаніемъ и церковію фактовъ явленій отшедшихъ душъ такъ же несомнѣнна, какъ несомнѣнно истинны сами сообщающіе ихъ источники. И, слѣдовательно, въ однихъ уже этихъ фактахъ мы имѣемъ неопровержимое доказательство дѣйствительнаго бытія міра духовнаго и полнѣйшее опроверженіе такъ распространеннаго въ настоящее время отрицанія этого бытія. (См. кн.: «О явленіи духовъ». «Тайны загробнаго міра», А. Калмета, пер. съ нѣм., 1877 г.)

Д. Призраки и наука.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ въ майской 1888 г. книжкѣ всемірно-распространеннаго журнала *Revue des deux Mondes*, въ которомъ, какъ извѣстно, сотрудничаютъ лучшіе передовые умы Франціи, появилась статья, трактующая объ извѣстномъ уже нашимъ читателямъ трудѣ гг. Майерса, Гёрнея и Подмора о «Призракахъ» (Phantasmes). Давно ли было то время, когда не только для ученаго, но и для всякаго сколько-нибудь образованнаго человѣка считалось совершенно непозволительнымъ и немыслимымъ серьёзно говорить о такихъ предметахъ, какъ симпатія, пророческіе сны, дѣйствіе мысли на разстояніи, а тѣмъ болѣе «призраки». А между тѣмъ мы видимъ, какъ относится теперь къ тѣмъ же предметамъ солиднѣйшій европейскій журналъ.

«Къ счастію, говоритъ авторъ статьи, находятся отважные изслѣдователи, которые не боятся ни противорѣчій, ни сарказмовъ, и которые осмѣливаются выходить изъ избитой колеи, что и составляетъ, по мнѣнію Шарля Рише, существенный признакъ истиннаго ученаго. Въ этомъ отношеніи авторы «Phantasmes» дѣйствительно настоящіе ученые. Они не побоялись показаться смѣшными, не отступили передъ трудностями вопроса, и ихъ любознательность привела ихъ къ одной изъ величайшихъ тайнъ человѣческой жизни.

«Существуютъ ли вокругъ насъ высшія, или, лучше сказать, отличающіяся отъ насъ существа? Съ самаго нашего дѣтства мы такъ хорошо освоились съ значеніемъ такихъ словъ, какъ призракъ, привидѣніе, выходецъ съ того свѣта, что всякое дальнѣйшее разъясненіе этихъ словъ излишне. Привидѣніе или призракъ есть образъ, не имѣющій тѣла, и который, однако, говоритъ, движется и дѣйствуетъ, какъ живой человѣкъ. Подобными исторіями насъ убаюкивали еще въ колыбели. Если старыя няньки и вѣрятъ въ выходцевъ съ того свѣта, то ученые давно въ нихъ перестали вѣрить, и нельзя не сознаться, что на первый взглядъ очень странно звучитъ сопоставленіе словъ: «призракъ» и «наука», и подчиненіе призрака научному изслѣдованію. Но, однако жъ, почему же бы и не подвергнуть научному изслѣдованію явленія призраковъ? Кто же можетъ ограничить пути для истины и на основаніи узкаго, такъ называемаго, «здраваго смысла» рѣшить, что такая-то вещь возможна, а такая невозможна? Что касается насъ, то мы очень признательны гг. Майерсу, Гёрнею и Подмору за ихъ безстрашіе».

Желая ближе познакомить читателей со смысломъ, придаваемымъ авторами слову призракъ, «Revue des deux Mondes» приводитъ на выдержку нѣсколько фактовъ, заимствованныхъ изъ книги авторовъ «Phantasmes».

«25 марта 1880 г., говоритъ нѣкто г. Вингфильдъ, я собирался ложиться спать, почитавши довольно долго книгу, лежа на диванѣ. Я еще не всталъ съ дивана и оканчивалъ свое чтеніе, какъ вдругъ я очень явственно увидѣлъ своего брата Ричарда, сидящаго на стулѣ противъ меня. Мнѣ казалось, что я ему говорилъ что-то, и онъ мнѣ отвѣчалъ наклоненіемъ головы. Наконецъ онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Когда я вполнѣ пришелъ въ себя, я увидалъ себя одною ногою на диванѣ, другою на полу, безсознательно повторяющаго имя своего брата. Впечатлѣніе было такъ сильно и такъ живо, что я вышелъ изъ спальни и сталъ искать брата въ залѣ. Я осмотрѣлъ стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, и, ничего не найдя, легъ спать, но до самаго утра не могъ заснуть. Когда я, наконецъ, проснулся, то впечатлѣніе отъ моего видѣнія оставалось еще очень сильно. Я записалъ въ своей записной книжкѣ объ этомъ случаѣ. Три дня спустя я получилъ извѣстіе, что мой братъ Ричардъ скончался въ восемь часовъ вечера 25 марта, вслѣдствіе паденія съ лошади на охотѣ».

«Г. С. и Л., служащіе въ администраціи, въ продолженіе послѣднихъ восьми лѣтъ были связаны самыми тѣсными узами дружбы. Въ понедѣльникъ 19 марта 1883 г., г. Л., отправляясь на службу, почувствовалъ себя нехорошо; онъ зашелъ въ аптеку, гдѣ ему дали лѣкарство, объяснивъ, что у него болѣзнь печени. Въ среду онъ все еще чувствовалъ себя нездоровымъ. Въ субботу онъ не являлся на службу. Г. С. узналъ отъ доктора, что его другъ не совсѣмъ здоровъ, причемъ докторъ объяснилъ, что ничего серьёзнаго нѣтъ. Вечеромъ въ субботу г. С., страдая головною болью, сказалъ женѣ, что чувствуетъ небольшой жаръ. Послѣ этого онъ легъ и минуту спустя увидѣлъ своего друга Л., стоящаго передъ нимъ, одѣтаго въ свой обычный костюмъ. Онъ замѣтилъ даже такія мелкія подробности, какъ черный крепъ на его шляпѣ, цвѣтъ жилета и трость въ рукѣ. Л. пристально посмотрѣлъ на С. и вышелъ. Послѣдній позвалъ жену и спросилъ: «который часъ?» Та отвѣчала: «безъ десяти минутъ девять». «Я спрашиваю объ этомъ потому, что Л. умеръ, я его сейчасъ видѣлъ». Жена пыталась разувѣрить его, объясняя все галлюцинаціей, но С. объявилъ, что никакія разсужденія не заставятъ его перемѣнить свое мнѣніе».

Таковъ разсказъ самого г. С., который узналъ о смерти своего друга только на другой день, въ три часа пополудни. Л. дѣйствительно умеръ въ субботу около 9 часовъ безъ 10 минутъ, потому что его братъ сидѣлъ у него до восьми часовъ сорока минутъ, и когда въ девять часовъ его жена вошла въ комнату, то застала его уже мертвымъ, отъ разрыва аорты, по свидѣтельству врача. Прибавимъ къ этому, что правдивость г. С. извѣстна хорошо всѣмъ его знакомымъ, и что онъ во всю свою жизнь не испытывалъ никакихъ галлюцинацій.

Пропустимъ то, что говорится авторомъ относительно приложенія научной критики и теоріи вѣроятностей къ подобнымъ, хорошо засвидѣтельствованнымъ фактамъ, простирающимся до многихъ сотенъ. Скажемъ только, что теорія вѣроятностей, приложенная въ этомъ случаѣ, даетъ безконечно малую вѣроятность, почти равную нулю, для объясненія подобныхъ фактовъ одною случайностью. Приведемъ только окончательное заключеніе автора статьи въ «Revue des deux Mondes».

«Итакъ, оставимъ объясненіе случайностью. Не можетъ быть случайности при подобныхъ условіяхъ. Если бы кто желалъ настаивать на этой случайности, мы могли бы ему въ видѣ возраженія привести старинный примѣръ шрифта, брошеннаго на воздухъ. Никто не рѣшится предположить, чтобы подброшенныя на воздухъ буквы, упавши на землю, могли случайно уложиться такимъ образомъ, чтобы составить цѣлую Иліаду. Итакъ, ни недобросовѣстностью разсказчиковъ, ни случайнымъ совпаденіемъ нельзя объяснить этихъ фактовъ. Какъ ни невѣроятны и удивительны эти факты, но они существуютъ. Они стали твердою ногою на почвѣ науки и останутся на ней, какъ бы это ни казалось неудобнымъ для кого-либо».

«Что еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что гг. Майерсъ, Гёрней и Подморъ установили, дѣйствительно, новый научный фактъ, такъ это то, что если хорошенько оглянуться вокругъ себя, то всякій безъ труда найдетъ нѣсколько фактовъ, схожихъ съ тѣми, о которыхъ говорятъ англійскіе ученые, случившихся если не лично съ нимъ, то съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ ему близкихъ или знакомыхъ. Часто не осмѣливаются разсказывать о нихъ во всеуслышаніе изъ боязни показаться смѣшнымъ. Но будемъ откровенны хоть съ самими собой. Кто изъ насъ не знаетъ или не слышалъ о подобныхъ фактахъ? Я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что большинство читателей согласится со мною. Итакъ, я съ полнымъ убѣжденіемъ могу сказать читателямъ «Revue»: попробуйте сдѣлать рядъ изслѣдованій вокругъ себя, и вы будете удивлены количествомъ фактовъ одного и того же рода: правдивыхъ галлюцинацій, симпатій, проявляющихся на разстояніи, оправдавшихся сновидѣній, касающихся чьей-нибудь смерти, пожаровъ, паденій, и т. п. важныхъ случаевъ».

«Если бы все это было произведеніемъ одного воображенія, то, безъ сомнѣнія, не существовало бы столько совершенно сходныхъ разсказовъ о подобныхъ фактахъ у всѣхъ народовъ, несмотря на различіе странъ, времени, нравственнаго и умственнаго ихъ склада».

Заключимъ наши извлеченія слѣдующимъ обращеніемъ автора статьи къ наукѣ:

«Что касается нашего мнѣнія, то мы полагаемъ, что новый путь, проложенный авторами «Phantasmes», для науки въ высшей степени плодотворенъ, хотя и опасенъ, такъ какъ мы здѣсь входимъ въ область глубоко таинственную и загадочную».

«Но кому же и вступать въ эту область, какъ не наукѣ? Горе той наукѣ, которая совершенно удовлетворяется тѣмъ, что уже пріобрѣтено ею, которая заключилась въ опредѣленныя рамки, изъ которыхъ не можетъ и не хочетъ выйти, и полагаетъ, что природа сказала уже ей свое послѣднее слово. Горе наукѣ, которая не возрождается постоянно, иначе она вскорѣ впадаетъ въ безсиліе. Если наша наука откажется углубиться въ новую область, до сихъ поръ бывшую ей недоступною, она рискуетъ черезъ сотню-другую лѣтъ сдѣлаться столь же безплодною, какъ схоластика Абеляра и мистика Парацельса».

Вполнѣ присоединяясь къ этому послѣднему заключенію автора, мы не можемъ при этомъ случаѣ не вспомнить о нашемъ покойномъ ученомъ Бутлеровѣ, такъ краснорѣчиво призывавшемъ науку къ изслѣдованію загадочныхъ явленій человѣческой природы, который какъ бы заранѣе предначерталъ тотъ путь, тѣ этапы по пути науки, которыми она должна будетъ подойти къ полному признанію реальности явленій, относимыхъ къ области медіумизма. Предвидѣніе его шагъ за шагомъ оправдывается на нашихъ глазахъ въ эти послѣдніе годы. Давно ли было то время, когда учеными подвергались сомнѣнію такія несомнѣнныя въ настоящее время вещи, какъ гипнотизмъ и его явленія! Самые невѣроятные факты гипнотическаго внушенія теперь окончательно признаны и дѣятельно изслѣдуются наукою, сдѣлавшись моднымъ вопросомъ ея. За гипнотизмомъ и его явленіями настала очередь для явленій, доказывающихъ дѣйствіе и вліяніе человѣческой мысли на разстояніи. Недавнія изслѣдованія такихъ ученыхъ, какъ Ш. Рише, Охоровичъ, П. Жане, Герикуръ и многихъ другихъ, открыто заявляющихъ реальность этого глубоко-таинственнаго по своей сущности дѣйствія мысли на разстояніи и поддерживающихъ свои взгляды на страницахъ такого серьезнаго научнаго и философскаго органа, какъ «Revue Philosophique» (изд. Рибо), — все это доказываетъ, что фактъ дѣйствія мысли на разстояніи сталъ почти признаннымъ фактомъ. Теперь настала очередь для такихъ, еще болѣе на первый взглядъ таинственныхъ и загадочныхъ явленій, какъ призраки умирающихъ людей, явленія симпатіи, пророческіе сны и т. п. Благодаря упорному труду гг. Майерса, Гёрнея и Подмора, собравшихъ и критически провѣрившихъ громадную массу фактовъ этого рода, факты эти становятся уже достояніемъ науки. Она уже не чувствуетъ себя въ силахъ сопротивляться передъ напоромъ такой массы свидѣтельствъ людей самыхъ почтенныхъ и заслуживающихъ полнаго уваженія и довѣрія къ своему свидѣтельству.

Между собранными и провѣренными свидѣтельствами о явленіяхъ призраковъ умирающихъ людей попадаются такія, гдѣ явленіе этихъ призраковъ имѣло мѣсто уже много времени спустя послѣ смерти этихъ лицъ. Если явленіе призраковъ умирающихъ объясняется телепатіей, т.-е. духовнымъ взаимодѣйствіемъ между умирающимъ человѣкомъ и тѣмъ лицомъ, которому является его призракъ, то въ случаяхъ явленій посмертныхъ призраковъ мы логически приходимъ къ великому вопросу о существованіи въ другомъ мірѣ. Такимъ образомъ на нашихъ глазахъ совершается великій переворотъ въ наукѣ, расширеніе ея сферы, и она вступаетъ на тотъ путь, на который такъ краснорѣчиво и убѣдительно призывали ее люди, подобные Бутлерову, Круксу, Уоллесу, и другимъ поборникамъ истины. (См. «Ребусъ» 1888 г., № 23).

Е. Наука и загробная жизнь.

(Рѣчь, произнесенная Гербертомъ Бюррозомъ).

Высшая и лучшая часть современной науки выказываетъ сильное тяготѣніе къ «оккультизму» въ широкомъ смыслѣ этого слова: не только къ спиритизму, но и ко всѣмъ психическимъ силамъ природы, которыя въ послѣднее время понемногу начинаютъ все настойчивѣе и настойчивѣе врываться въ современную жизнь.

«Какія бы скудныя понятія не имѣлъ я о спиритуализмѣ, но общее опредѣленіе ему далъ бы такое: спиритуализмъ есть вѣра въ индивидуальное и сознательное существованіе «духовъ» умершихъ людей въ иной сферѣ бытія, причемъ «духи» эти могутъ — можетъ-быть, и очень нерѣдко — сообщаться съ живущими въ физической сферѣ. То, что подразумѣвается подъ словомъ «наука», опредѣлить нѣсколько труднѣе. Можно выразить это понятіе такъ: строгое изслѣдованіе путемъ опыта, индукціей, дедукціей, провѣркой факта теоріей и теоріи фактомъ, одной какой-либо отрасли или всѣхъ отраслей того, что подразумѣвается подъ словомъ «природа»; и вотъ, когда подобное изслѣдованіе производилось достаточно долгое время, то выводы его и принимаются мыслящими и разумными людьми, какъ выводы «науки». Теперь я постараюсь разсмотрѣть, какое отношеніе существуетъ къ такъ называемому спиритуализму съ его основнымъ положеніемъ со стороны людей науки въ Англіи и прочихъ цивилизованныхъ странахъ. Сильно поражающій и бросающійся въ глаза фактъ заключается въ томъ, что, несмотря на усилія такихъ умовъ, какъ Круксъ и Уоллесъ, несмотря на всѣ ихъ работы, такъ называемая наука и такъ называемый спиритуализмъ (или оккультизмъ) въ общемъ вполнѣ антагонистичны одно другому. Мнѣ думается, что тутъ виновны одинаково обѣ стороны».

Въ продолженіе 30 лѣтъ м-ръ Бюррозъ тщательно работалъ въ той области, которую охватываетъ терминъ спиритуализма; онъ много читалъ, много изучалъ «психическую силу» и пришелъ къ такому выводу: пора бы спиритуализму, наконецъ, перестать довольствоваться «Джонами Кингами», «Львами» и тому подобными увеселеніями столоверченія, которыя, между прочимъ, много уронили спиритуализмъ въ глазахъ научныхъ и серьезныхъ людей. 30 лѣтъ лекторъ слѣдилъ за литературой спиритуализма, 30 лѣтъ читалъ онъ сообщенія, полученныя черезъ медіумовъ, слышалъ много соображеній на тему, какова должна быть жизнь «духовъ» и—положительно прогресса не видалъ! Много невѣжественныхъ, необразованныхъ людей, по своей нервной организаціи одаренныхъ медіумическими способностями, встрѣчалъ онъ въ спиритическихъ кружкахъ, знавалъ ихъ годы и годы въ этой роли и не замѣтилъ ни малѣйшаго прогресса въ умственномъ или нравственномъ отношеніяхъ. «Не пора ли», думаетъ онъ,—«выработать что-нибудь опредѣленное, законченное, какую-нибудь спиритуалистическую философію? Вѣдь всякая жизнь—индивидуальная, соціальная, національная — окажется несостоятельной, разъ она не будетъ имѣть основаніемъ какую-нибудь опредѣленную идею: научную, философскую или религіозную—нѣчто гармоничное, способное заявить себя міру. И чѣмъ опредѣленнѣе та или иная форма, въ которую эта идея выльется, тѣмъ полнѣе и законченнѣе она явится».

«Съ другой стороны, человѣкъ науки (прошу замѣтить, что здѣсь я не говорю объ ученыхъ позднѣйшаго времени, посвящающихъ очень не мало времени оккультизму — я говорю о тѣхъ матеріалистахъ, которыхъ принято называть людьми науки) съ высоты своихъ точныхъ наукъ тотчасъ же сошлется на цѣльность и гармоничность своихъ воззрѣній, вовсе не нуждающихся для этой своей гармоніи въ какихъ-либо спиритуалистическихъ данныхъ. Онъ, поэтому, ихъ тотчасъ же отвергнетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, какъ ни велики были ошибки со стороны спиритовъ, онѣ ничтожны въ сравненіи съ ошибками матеріалистовъ. Спириты неоднократно стремились подвергнуть свои наблюденія строгой критикѣ научнаго изслѣдованія и получали неизмѣнно въ отвѣтъ, что разъ они приглашаютъ изслѣдователя, то этотъ послѣдній имѣетъ полное право выбора способовъ изслѣдованія. Спириты, зная природу наблюдаемыхъ ими явленій, отказывали въ этомъ, и матеріалисты признавали изслѣдованіе невозможнымъ на томъ основаніи, что для этой цѣли ими не были пущены въ ходъ тѣ самые пробирки и инструменты—тотъ матеріалъ, однимъ словомъ, которымъ они привыкли изслѣдовать матерію».

«Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, это обстоятельство, а съ другой—очень большую группу спиритическихъ явленій, изслѣдованіе которыхъ подобнымъ способомъ невозможно, приходишь, разумѣется, къ убѣжденію, что между научнымъ матеріализмомъ и спиритуализмомъ лежитъ глубокая бездна. Общей почвы нѣтъ — это

очевидно, однако, можно бы было подать другъ другу руку въ изслѣдованіи хотя бы ничтожной части явленій, допускающихъ примѣненіе обычныхъ способовъ и инструментовъ. Научные матеріалисты ссылаются на изреченіе Ньютона, что чѣмъ рѣже происходитъ какое-либо явленіе, тѣмъ болѣе доказательствъ оно требуетъ для признанія, — и они правы, но, конечно, это доброе правило до крайнихъ предѣловъ не должно быть доводимо, и не слѣдовало бы, какъ это мы видимъ сплошь и рядомъ, оглушать, какъ молотомъ по головѣ, какого-либо скромнаго и робкаго изслѣдователя съ первыхъ же его шаговъ восклицаніемъ: «это нелѣпость! Это вырожденіе, глупость, безуміе!» только потому, что этотъ фактъ не вяжется съ ихъ предвзятымъ представленіемъ объ этомъ предметѣ. Представьте себѣ, что Гальвани, когда жена пришла ему сообщить, что ноги лягушки двигаются, вмѣсто того, чтобы пойти и посмотрѣть, ограничился бы восклицаніемъ: «это нелѣпость!» Или Франклинъ и многіе другіе изобрѣтатели поступили бы подобнымъ же образомъ и вмѣсто того, чтобы тщательно разобраться въ неожиданно встрѣтившемся имъ незнакомомъ фактѣ, отдѣлывались бы лишь пренебреженіемъ и крикомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ многія полезныя открытія были бы отсрочены на много лѣтъ, а нѣкоторыя и никогда бы не увидѣли свѣта. Очень неблагоразумно утверждать что-либо бездоказательно, но не менѣе неблагоразумно и отвергать все лишь по незнанію, лишь за неимѣніемъ опыта. Вотъ это соображеніе и должно бы было быть тезисомъ научности, ибо одинъ фактъ, утвержденный на опытѣ, стоитъ болѣе, чѣмъ милліонъ теорій и гипотезъ, утвержденныхъ на вѣрѣ или на довѣріи, что одно и то же.

Какъ уже сказано, наука давно приняла чисто матеріалистическое направленіе, и думаю я, что не безынтересно будетъ прослѣдить причину такого теченія. Для этого необходимо сопоставить науку временъ до реформаціи съ наукой современной. Какъ извѣстно, наука того времени была, собственно, теологія плюсъ наука и сосредоточивалась въ рукахъ католической церкви, причемъ, далеко не безопасно было касаться ея космологіи, иначе можно было подвергнуться преслѣдованію и даже сожженію на кострѣ. И вотъ, физическія научныя изысканія сослужили великую службу: онѣ освободили человѣчество изъ-подъ гнета средневѣковыхъ предразсудковъ и, какъ всегда бываетъ, впали въ другую крайность. Наука до реформаціоннаго времени смотрѣла на человѣка, какъ на центръ всей вселенной: солнце, луна, звѣзды были созданы лишь для его пользованія и все тогдашнее научное міровоззрѣніе зиждилось на благородномъ человѣчествѣ. Но астрологія дала новыя знанія, расширила это міросозерцаніе, и тогда произошло курьезное превращеніе: не только исчезло понятіе о человѣкѣ, какъ о центрѣ вселенной, но и самъ человѣкъ со всѣми его высшими, благороднѣйшими свойствами былъ даже выключенъ изъ предѣловъ схемы природы — онъ былъ поставленъ ниже, чѣмъ микрокосмъ въ макрокосмѣ. Мало-по-малу у человѣка отняли всѣ прирожденныя ему высшія качества, онъ былъ низведенъ на степень груды протоплазмы, на степень игрушки слѣпыхъ силъ природы съ перспективой, наконецъ, полнаго уничтоженія—смерти».

«Въ настоящее время преобладающій взглядъ на человѣка со стороны матеріалистической науки заключается въ томъ, что жизнь его и сознаніе находятся въ полной зависимости отъ электрической, химической и молекулярной дѣятельности мозга, и съ разрушеніемъ этого органа прекращаются и жизнь, и сознаніе, и мышленіе. Во всѣ историческія времена были двѣ школы мыслителей: школа натуралистическая или матеріалистическая и школа умозрительная или спиритуалистическая, утверждавшая, что человѣкъ—существо духовное, находящееся въ тѣсной связи съ духовной стороной природы. Очень ошибочно предполагать (какъ многіе предполагаютъ), что только ничтожная горсточка людей раздѣляетъ воззрѣнія школы спиритуалистической. Наоборотъ, вопреки всѣмъ доводамъ матеріалистической школы, огромное большинство людей склоняется въ сторону признанія духа, доказательствомъ чего служитъ живучесть христіанства, буддизма, и, вообще, мѣсто, какое занимаетъ религія въ исторіи и культурѣ народовъ. По видимому, борьба этихъ двухъ школъ ученія въ скоромъ времени сведется на рѣшеніе трехъ или четырехъ вопросовъ и главнѣйшимъ изъ нихъ будетъ: признавать или не признавать доктрину сознательнаго существованія послѣ смерти?»

Научный матеріалистъ основывается на гипотезѣ отрицательной, которая вполнѣ законна, если допустить предварительно то положеніе, что жизнь, мыслительныя способности и сознаніе вполнѣ зависятъ отъ химическихъ, электрическихъ и молекулярныхъ измѣненій, происходящихъ въ мозгу. Конечно, если это все допустить, то съ разрушеніемъ мозга неизбѣжно должны исчезнуть и жизнь, и мысль, и сознаніе. Нельзя отвергать, что множество фактовъ повседневной жизни какъ бы подтверждаетъ законность именно этой гипотезы. Представьте себѣ, если бы сейчасъ, сію минуту, кто-нибудь изъ присутствующихъ здѣсь умеръ: матеріалистъ имѣлъ бы многое сказать въ защиту своей гипотезы. Онъ могъ бы сказать: «смотрите, минуту тому назадъ это былъ человѣкъ, полный жизни и мысли, а теперь это трупъ безжизненный, безчувственный, безъ мысли и сознанія! Если вы, оккультистъ, спиритуалистъ или теософъ, утверждаете, что эта жизнь, это сознаніе продолжаютъ существовать, то на васъ лежитъ обязанность доказать это».— Положеніе получится довольно затруднительное. Для того, чтобы отвѣтить и противопоставить отрицательной гипотезѣ гипотезу положительную,

не менѣе научно обоснованную, я постараюсь на время отрѣшиться отъ всякой идеи о психическихъ явленіяхъ. Не всѣ люди науки, однако, согласны съ приведенной выше матеріалистической гипотезой; напр., профессоръ Джонъ Фиске въ своемъ сочиненіи «Экскурсіи эволюціониста», разсматривая положеніе о «мыслительной матеріи» профессора Клифорда, говоритъ:

«Этимъ прекраснымъ методомъ представленія сразу освѣтились многія философскія истины, и грубыя матеріалистическія понятія стали невозможны; напр., положеніе, сдѣлавшееся ходячимъ, вошедшее въ обиходный языкъ — именно, что измѣненія сознанія *зависятъ* отъ физіологическихъ измѣненій въ организмѣ. Матеріалисты утверждаютъ, что мысли порождаются мозгомъ, и публика, обыкновенно, настолько проникается этимъ представленіемъ, что, когда вы пробуете объяснять замѣчательно обоснованное соотношеніе психическихъ явленій и мозговой дѣятельности, открытое современными психологами, она сейчасъ же испуганно прячется и начинаетъ думать, не упразднили ли вы умъ окончательно? Публика воображаетъ, что для низложенія матеріализма необходимо отвергнуть тотъ фактъ, что идеи появляются одновременно съ прохожденіемъ молекулярнаго движенія по клѣточкамъ сѣраго мозгового вещества. Волна молекулярнаго движенія въ мозгу не можетъ произвести чувство или состояніе сознанія: эта волна не можетъ ничего произвести, кромѣ возбужденія другихъ молекулярныхъ волнъ въ сѣромъ веществѣ гангліи или же въ бѣломъ веществѣ нервовъ. Во всякомъ случаѣ, всякая физическая сила въ организмѣ можетъ выразиться только физической же силой, и всякая фаза, и всякое проявленіе, въ которомъ эта сила себя проявитъ, неизбѣжно должна выразиться въ границахъ физической силы, иначе законъ сохраненія энергіи будетъ нарушенъ. Вводить сознаніе или чувство куда-нибудь въ циклъ производящихъ или непроизводимыхъ дѣйствій въ мозгу или нервахъ—это значитъ, какъ сказалъ бы Клифордъ, «не только утверждать неправду, но даже просто болтать вздоръ».

«Затѣмъ, въ другой своей книгѣ: «Назначеніе человѣка съ точки зрѣнія его природы», тотъ же авторъ говоритъ:

«Ничто не можетъ быть болѣе грубо, не научно, какъ знаменитое заключеніе Кабаниса, будто бы мозгъ выдѣляетъ мысль такъ же, какъ печень — желчь. Неправильно будетъ даже такое положеніе, будто мысль проходитъ черезъ мозгъ. Въ мозгу проходитъ лишь поразительный комплексъ цѣлыхъ серій молекулярнаго движенія, съ которымъ мысль и чувство извѣстнымъ образомъ находятся въ соотношеніи, но не какъ результатъ (effet) этого движенія или причина его, а лишь какъ ему сосуществующія. Вотъ все, что намъ извѣстно; но церебральная физіологія объ иной жизни ничего не говоритъ. Да, вѣдь, ее это и не касается. Разумѣется, я никогда бы не обратился за справками о положеніи вещей, при коемъ бы могли существовать мысль и чувство при отсутствіи мозга — къ церебральной физіологіи, ибо это совсѣмъ не ея дѣло. Но матеріалистическое убѣжденіе, что такого положенія вещей быть не можетъ, и что жизнь духа прекращается вмѣстѣ съ жизнью тѣла, есть, пожалуй, наиколоссальнѣйшій примѣръ ни на чемъ не основаннаго убѣжденія во всей, до сего времени извѣстной, исторіи философіи. Никакого доказательства къ поддержанію этого убѣжденія нѣтъ, кромѣ лишь того факта, что намъ извѣстенъ духъ *только* въ его соединеніи съ тѣломъ, а констатировать существованіе духа внѣ тѣла намъ до сего времени не удавалось. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, приходить къ отрицательному выводу только потому, что доказательства противнаго мы не можемъ получить путемъ опыта».

«Конечно, я не согласенъ съ профессоромъ Фиске относительно недостатка положительныхъ данныхъ въ области спиритуализма, но я оставлю эту сторону дѣла и постараюсь, не затрагивая области психологической и оккультической, построить мостъ черезъ пропасть, раздѣляющую матеріализмъ и спиритуализмъ».

«Въ прежнее до-реформаціонное время понятіе о каждой извѣстной тогда людямъ силѣ природы— теплѣ, свѣтѣ, движеніи, магнитизмѣ—было какъ о чемъ-то самостоятельномъ и другъ отъ друга не зависимомъ. Современная наука своими открытіями доказала единство этихъ силъ, а стало-быть, и единство всей вселенной. Было признано, что всѣ эти силы суть проявленія одной общей силы; было найдено, что эти силы способны быть переводимы одна въ другую: тепло въ движеніе и наоборотъ, электричество въ свѣтъ, свѣтъ въ движеніе и т. д. Потомъ возникла великая идея сохраненія энергіи: ничто не пропадаетъ, никакая сила не растрачивается безъ возбужденія соотвѣтствующей реакціи. Такимъ образомъ, явились три великіе принципа: единство вселенной, единство силъ, сохраненіе энергіи».

«Затѣмъ было доказано, что въ основаніи физической науки лежитъ гипотеза объ эфирѣ. Въ прежнее время матерія была извѣстна лишь въ одной или двухъ формахъ, теперь же начинаютъ признавать, что матерія есть нѣчто сложное: она можетъ быть твердой, жидкой, газообразной и парообразной. Изслѣдовать эфиръ тѣмъ путемъ, какимъ изучились другія субстанціи, оказалось невозможнымъ — столь тонкаго инструмента изобрѣсти до сихъ поръ еще не удалось. А между тѣмъ, безъ эѳира все сооруженіе физической науки окажется несостоятельнымъ, не будетъ имѣть никакого основанія. И, такимъ образомъ, всякій оккультистъ, обвиняемый матеріалистомъ въ томъ, что вѣра его основана только на гипотезѣ, имѣетъ полное право отвѣтить: —«Ваше ученіе основано

тоже на гипотезѣ — на гипотезѣ эѳира». Но почему принята эта гипотеза матеріализмомъ? Потому, что она одна даетъ достаточное объясненіе всѣмъ явленіямъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло; при отсутствіи этой гипотезы очень многія задачи, касающіяся физической жизни, окажутся абсолютно неразрѣшимыми. Точно также и оккультизмъ только при помощи своей гипотезы объясняетъ явленія, съ которыми имѣетъ дѣло, и они получаютъ при этомъ естественное и гармоническое объясненіе. Оккультизмъ также провѣряетъ теоріи опытомъ и наоборотъ—опытъ объясняетъ теоріи. Возьмемъ три принципа: единство мірозданія, единство силъ и сохраненіе энергіи—три базиса, на которыхъ зиждется современная наука, «Нелѣпость!» сказалъ бы древній ученый, если бы услыхалъ, что солнце и звѣзды состоятъ изъ одинаковыхъ съ землею элементовъ, а между тѣмъ истина этого положенія доказана, какъ и истина существованія и остальныхъ двухъ началъ— между прочимъ, и сохраненія энергіи. Теперь возьмемъ жизнь, мысль, сознаніе въ ихъ наипростѣйшей формѣ, какъ силу, заключенную въ индивидуумы; какъ силы — онѣ неизбѣжно должны продолжать свое существованіе такъ или иначе и послѣ разрушенія организма, ихъ заключающаго. Профессоръ Клифордъ призналъ это, но принять представленіе о продолженіи индивидуальнаго существованія никакъ не могъ и нашелъ болѣе для себя удобнымъ идею объ умственной матеріи — тончайшемъ силовомъ матеріалѣ, разсѣевающемся въ пространствѣ послѣ смерти заключавшаго его въ себѣ индивидуума».

«Современная наука стремится теперь доказать существованіе такихъ силъ въ природѣ, которыя недоступны изслѣдованію невооруженныхъ пяти чувствъ. Всякій ученый въ наше время знаетъ, что, кромѣ міра, доступнаго воспріятію этихъ чувствъ, есть міръ совершенно еще намъ неизвѣстный, но, можетъ-быть, и еще болѣе обширный и прекрасный. Профессоръ Гексли въ своемъ сочиненіи, между прочимъ, говоритъ о растительныхъ клѣточкахъ: если бы ухо наше могло воспринимать шумъ отъ движенія этихъ живыхъ клѣточекъ, то величественная тишина тропическаго лѣса превратилась бы въ шумъ сильнѣйшій, чѣмъ шумъ большого люднаго города. Ухо наше способно воспринимать только извѣстное число колебаній въ секунду; глазъ воспринимаетъ тоже только извѣстное число колебаній. Профессоръ Стокэй открылъ ультрафіолетовые лучи въ спектрѣ и доказалъ ученому міру качество цвѣта, извѣстное какъ флуоресценція. Почему эти ультра - фіолетовые лучи были скрыты отъ глаза? Потому что колебанія свѣта свыше количества 789 билліоновъ вибрацій въ секунду недоступны ему. Эти факты вполнѣ доказываютъ намъ, какой міръ силъ, формъ, красоты, свѣта и гармоніи существуетъ, хотя онъ и неизвѣстенъ намъ».

«Вотъ каковы положенія ученаго матеріалиста: вселенная едина, подлежитъ одному общему закону. Сила тоже едина, постоянна, неизмѣнна въ общемъ составѣ своемъ, хотя и можетъ измѣнять направленіе. Пятичувственный міръ есть лишь часть великаго цѣлаго, матерія лишь причина извѣстнаго состоянія сознанія, сознаніе послѣ смерти индивидуума индивидуально. А далѣе — пропасть отрицанія. Перекинуть мостъ черезъ эту пропасть и дать опредѣленный и рѣшительный отвѣтъ по этому вопросу долженъ спиритуализмъ».

«Когда покойный Тиндаль доказывалъ, что матерія заключаетъ въ себѣ всю земную жизнь въ потенціи, то онъ очень избѣгалъ выраженія «мертвая матерія». Человѣку науки хорошо извѣстно, что подобной вещи не существуетъ; въ дѣйствительности основа всей вселенной есть *жизнь*, и каждый атомъ матеріи—есть проявленіе этой жизни въ той или иной формѣ. Но что такое жизнь?—никто не знаетъ, и въ разныя историческія времена ей давали различныя наименованія. Такимъ образомъ, возможно уничтожить пропасть: можно принимать всѣ выводы физической науки, проникающей понемногу, шагъ за шагомъ, въ невидимый міръ, и путемъ строго научнымъ создать положительную гипотезу вмѣстѣ съ отрицательной. Представьте себѣ человѣка въ состояніи настолько подобномъ состоянію смерти, что физіологъ не въ силахъ различить ихъ: тѣло этого человѣка не чувствительно, холодно, неподвижно, кровообращеніе какъ бы совсѣмъ прекратилось, и электрическая и химическая дѣятельность измѣнена соотвѣтствующимъ образомъ. И вопреки всему этому жизнь, мысль, сознаніе не только могутъ быть настолько же дѣятельны, какъ и во всякомъ живомъ человѣкѣ, но даже еще дѣятельнѣе, усиленнѣе, такъ какъ при этомъ человѣкъ можетъ видѣть и воспринимать происходящее за сотни верстъ отъ него. Если подобный фактъ можетъ быть доказанъ, то имъ будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ матеріалистическому ученію, утверждающему, будто бы мозговая дѣятельность есть и сознаніе, и мысль, и жизнь. А между тѣмъ, именно вышеописаннымъ образомъ выражается состояніе «высокаго ясновидѣнія». Вѣроятно, большинству извѣстно существованіе такого факта, многіе, можетъ-быть, сами даже убѣдились въ существованіи его на опытѣ. Слѣдовательно, этимъ фактомъ вполнѣ доказывается, что жизнь, мысль, сознаніе не зависятъ всецѣло отъ дѣятельности мозга и, слѣдовательно, хотя дальнѣйшее, послѣ разложенія мозга, существованіе мысли и сознанія и не доказано, но вполнѣ допустимо. Кромѣ того, спиритуализмъ имѣетъ не мало фактовъ и явленій способныхъ быть базисомъ положительной гипотезы, матеріализмъ же не имѣетъ абсолютно ни одного факта, утверждающаго гипотезу отрицательную. Во всякомъ случаѣ матеріалистъ долженъ доводить до конца выводы физической науки; было

бы очень непослѣдовательно брать лишь одну сторону въ соображенiе и упускать изъ виду другую—относительно конечной судьбы человѣчества. По этому вопросу есть двѣ научныя теорiи: согласно одной наша планета должна охладѣть и, наконецъ, замерзнуть, согласно другой - она будетъ втянута и сожжена солнцемъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что земля приближается къ солнцу, хотя настолько медленно, что очень возможно, что сперва земля замерзнетъ, потомъ вновь населится людьми и будетъ цѣлая эра еще до того времени, когда ее поглотитъ солнце. Что бы тамъ ни было, но эти обѣ теорiи, хотя и совершенно разныя, по существу, тожественны: уничтоженiе и гибель человѣчества неизбѣжны. Другого исхода нѣтъ,—таковъ логическiй выводъ физической философiи. Выводъ этотъ очень пессимистическiй и не изъ особенно прiятныхъ для воображенiя человѣка, а потому люди науки съ мужествомъ, достойнымъ лучшаго примѣненiя, принимая этотъ выводъ, съ презрѣнiемъ смотрятъ на спиритуалиста или оккультиста и обвиняютъ его въ томъ, что онъ вѣритъ въ безсмертiе потому только, что желаетъ безсмертiя, а подобное желанiе есть вѣрный признакъ умственной слабости, даже просто идiотизма. Но мнѣ странно, очень странно, что жажда жить, воззрѣнiе на жизнь, какъ на нѣчто желательное, признается учеными за недостойное воззрѣнiе и желанiе. Если возможно въ этомъ случаѣ обвиненiе въ слабоумiи и идiотизмѣ, то оно несомнѣнно падаетъ на головы тѣхъ, кто не видитъ и не понимаетъ всей прелести жизни съ ея привязанностями, безконечной красотой, безконечнымъ, безграничнымъ прогрессомъ и совершенствованiемъ. Дѣйствительно, надо быть очень умственно ограниченнымъ, чтобы не понимать жизни, а слѣдовательно, и не тяготѣть къ ней. Я лично не представляю себѣ ничего возвышеннѣе, благороднѣе, какъ это, присущее человѣку, стремленiе впередъ къ вѣчному прогрессу и за предѣлами физическаго бытiя, наоборотъ, мнѣ думается, что признакомъ великой души служитъ это стремленiе развивать лучшiя способности человѣка и другихъ при помощи убѣжденiя въ существованiи иныхъ формъ сознанiя, убѣжденiя въ совершенствованiи не только тѣла, но и души. Въ сущности, спиритуалисты и оккультисты борются за возвращенiе человѣку утраченнаго наслѣдства. Человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ силы, всѣ свойства вселенной, она вся отразилась въ немъ какъ въ фокусѣ; если существуетъ законъ вселенной, если она едина, то человѣкъ есть часть этого закона и этого единства. Философiя бытiя признающая человѣка лишь физическимъ существомъ, унижаетъ его умственно, морально и духовно, и истинное назначенiе физической науки должно заключаться въ созиданiи лѣстницы, при помощи которой человѣкъ достигнетъ самыхъ оконъ вселенной и черезъ нихъ уловитъ свѣтъ, *свѣтъ истинный, иже во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ!* (См. «Ребусъ» 1898 г., №№ 51—52).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мытарства (частный судъ по смерти).

1. **Загробная стезя.** О посмертномъ состоянiи нашихъ душъ открыто намъ въ словѣ Божiемъ и ученiи церкви столько, сколько нужно для насъ; а неоткрытое потому не открыто, что и не нужно, что излишне для насъ въ настоящей нашей жизни, и потому, что осталось бы для насъ непонятнымъ, невмѣстимымъ для насъ. Св. апостолъ Павелъ, при земной еще жизни удостоившiйся проникнуть въ тайны будущей, когда восхищенъ былъ въ рай, сказалъ, что слышалъ тамъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать (2 Кор. XII, 4).

Православная церковь учитъ, что душа человѣка, по разлученiи съ тѣломъ, приводится къ Богу на судъ, который, въ отличiе отъ всеобщаго, послѣдняго суда, называется *частнымъ*, потому что совершается не торжественно предъ лицомъ всего мiра и имѣетъ цѣлiю опредѣлить участь души не на цѣлую вѣчность, какъ судъ послѣднiй, а только до всеобщаго воскресенiя. А что этотъ судъ дѣйствительно будетъ происходить, мы увѣряемся изъ священнаго писанiя. Ап. Павелъ сказалъ: *людямъ положено однажды умереть, а потомъ судъ* (Евр. IX, 27). Изъ притчи Спасителя о богатомъ и Лазарѣ также ясно открывается, что по смерти тотчасъ слѣдуетъ извѣстное рѣшенiе участи (Лук. XVI, 23), смотря по дѣламъ умершаго, слѣдовательно, происходитъ судъ. Несомнѣнная дѣйствительность такого суда вытекаетъ еще какъ изъ понятiя о земной жизни, поприщѣ испытанiя, такъ и изъ понятiя о Богѣ, Творцѣ, Судiи и Мздовоздаятелѣ нашемъ; потому и говоритъ сынъ Сираховъ, приводя вѣрованiе церкви ветхозавѣтной: *яко удобно есть предъ Богомъ въ день смерти воздати человѣку по дѣломъ его* (Сир. XI, 26).

Частный судъ Божiй надъ душами, по ученiю церкви, предваряется истязанiемъ или испытанiемъ ихъ въ такъ называемыхъ *мытарствахъ,* чрезъ кои онѣ, въ сопровожденiи ангеловъ проходятъ въ области воздушной, и гдѣ злые духи, находясь въ своей области (Еф. VI, 12), задерживаютъ ихъ и обличаютъ всѣ грѣхи, содѣянные ими въ

жизни. Ученику преподобнаго Василія Новаго (жившаго въ первой половинѣ 10-го вѣка), Григорію, были открыты въ видѣніи обстоятельства смертнаго часа и хожденія по мытарствамъ блаженной Ѳеодоры. Вотъ что блаженная Ѳеодора говорила ему:

„Когда я приблизилась къ концу своей жизни, и насталъ для меня часъ разлученія съ тѣломъ, то увидѣла я множество эѳіоповъ, стоявшихъ около моей постели; лица ихъ были черны, какъ сажа и смола, очи—какъ раскаленные угли, а взглядъ страшный до того, что и сказать нельзя. Они, яростно смотря на меня, скрежетали зубами, какъ будто хотѣли пожрать меня. Тутъ же они приготовляли бумаги, какъ бы ожидая какого судію, и развертывали свитки, въ которыхъ были записаны всѣ мои злыя дѣла. Бѣдная душа моя была въ несказанномъ страхѣ и трепетѣ. Страшный видъ эѳіоповъ былъ для меня лютѣе самой смерти. Я отворачивалась туда и сюда, но не могла не видѣть эѳіоповъ и не слышать голосовъ ихъ. Изнемогши до конца, я увидѣла, наконецъ, двухъ свѣтлыхъ ангеловъ Божіихъ, которые подошли ко мнѣ въ видѣ красивыхъ юношей. Одежды ихъ сіяли свѣтомъ, и они препоясаны были крестообразно на груди золотыми поясами. Приблизившись къ моей постели, они стали съ правой стороны, тихо бесѣдуя между собою, а я обрадовалась и весело смотрѣла на нихъ. При видѣ ихъ, эѳіопы содрогнулись и отступили. Тогда одинъ изъ свѣтоносныхъ юношей строго сказалъ имъ: „о, безстыдные, проклятые и злобные враги рода человѣческаго! Зачѣмъ всегда спѣшите приходить къ умирающимъ и своимъ крикомъ смущаете душу, разлучающуюся съ тѣломъ? Не радуйтесь; тутъ вы ничего для себя не найдете: Богъ помиловалъ эту душу, и вамъ нѣтъ ничего общаго съ нею!“ Эѳіопы неистово закричали и начали показывать записки о злыхъ дѣлахъ, отъ юности мною содѣланныхъ, говоря: „мы не имѣемъ дѣла до ней? А это чьи грѣхи? Не она ли творила ихъ?“ — Крича такимъ образомъ, они выжидали смерти моей. И вотъ, пришла смерть, и изъ устъ моихъ излетѣлъ послѣдній вздохъ, а свѣтоносные ангелы взяли мою душу на руки свои. Я оглянулась назадъ и увидѣла, что мое тѣло лежитъ безъ чувства и движенія. Подобно тому, какъ если бы кто, сбросивши съ себя одежду, смотрѣлъ на нее, такъ и я смотрѣла на свое тѣло, будто на одежду, и очень удивлялась этому. Между тѣмъ какъ святые ангелы держали меня, бѣсы, въ видѣ эѳіоповъ, окружили насъ и кричали: „эта душа имѣетъ много грѣховъ, пусть отвѣчаетъ за нихъ!“ И начали показывать мои грѣхи, а святые ангелы начали искать добрыхъ моихъ дѣлъ и обрѣтали благодатію Божіею все, что при помощи ея сдѣлано мною. Они собирали все, что я сдѣлала когда-либо доброе: дала ли милостыню убогимъ, или накормила алчущаго, или напоила жаждущаго, или одѣла наготующаго, или страннаго ввела въ домъ и упокоила, или послужила рабамъ Божіимъ, или посѣтила больного и въ темницѣ сидѣвшаго и утѣшила его; приходила ли съ усердіемъ въ храмъ Божій и молилась съ умиленіемъ и слезами, или внимательно слушала чтеніе и пѣніе церковное, или приносила въ храмъ ладонъ и свѣчи, или наполняла масломъ церковныя лампады на освѣщеніе святыхъ иконъ и лобызала иконы съ благоговѣніемъ; или постилась и воздерживалась въ среды, пятки и во всѣ святые посты, или клала поклоны и ночь проводила въ бдѣніи, или воздыхала къ Богу и плакала о грѣхахъ своихъ, или исповѣдывала грѣхи свои предъ отцомъ духовнымъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ о нихъ, и старалась дѣлать за нихъ удовлетвореніе; или оказывала что-нибудь доброе ближнимъ, не гнѣвалась на враговъ, не памятозлобствовала и кротко переносила досажденія и укоризны, за зло воздавала добромъ, смирялась, жалѣла о чужой бѣдѣ и сострадала страждущимъ, утѣшала плачущаго и подавала ему руку помощи, споспѣшествовала кому въ добромъ дѣлѣ, а отъ худого отвращала; или сама отвращала очи мои отъ суеты и удерживала языкъ отъ клятвы, лжи, клеветы и суесловія, — и всѣ иныя, самыя малѣйшія добрыя мои дѣла, одно за другимъ, святые ангелы собирали и готовили положить на вѣсы противъ злыхъ моихъ дѣлъ. Эѳіопы, смотря на это, скрежетали на меня зубами своими, потому что хотѣли тотчасъ вырвать меня изъ рукъ ангельскихъ и низвести на дно ада. Въ это самое время нечаянно явился тамъ преподобный отецъ Василій и сказалъ святымъ ангеламъ: „святые ангелы! Эта душа много послужила къ упокоенію старости моей, а потому я молился объ ней къ Богу, и Богъ даровалъ ее мнѣ“. Сказавши это, онъ вынулъ изъ-за пазухи какъ бы мѣшочекъ съ золотомъ и отдалъ его ангеламъ, со словами: „вотъ сокровище молитвъ предъ Господомъ объ этой душѣ! Когда будете проходить воздушныя мытарства, и лукавые духи начнутъ истязывать ее, то вы искупляйте ее этимъ отъ долговъ ея“. Послѣ сего ушелъ, лукавые же духи, увидѣвъ даръ преподобнаго Василія, сперва стояли въ недоумѣніи, потомъ подняли плачевные крики и сдѣлались невидимы. Тогда снова явился угодникъ Божій Василій, неся съ собою много сосудовъ чистаго елея и драгоцѣннаго мура, которые всѣ, одинъ за

другимъ, вылилъ на меня, отчего я исполнилась благоуханія духовнаго и почувствовала, что я перемѣнилась и сдѣлалась очень свѣтлою. И опять сказалъ ангеламъ преподобный: „когда вы, святые ангелы, сдѣлаете все, необходимое для этой души, тогда введите ее въ приготовленную мнѣ отъ Господа обитель, пусть тамъ и остается". Послѣ сего сталъ невидимъ; а святые ангелы взяли меня, и мы по воздуху пошли на востокъ.

(*Мытарство 1*). Когда мы шли отъ земли къ высотѣ небесной, то вначалѣ срѣтили насъ воздушные духи *перваго мытарства*, на которомъ истязуются грѣхи *празднословія*, то-есть бесѣдъ безразсудныхъ, скверныхъ, безчинныхъ. Мы остановились, и предъ насъ вынесены были многіе свитки, гдѣ записаны были всѣ слова, произнесенныя мною отъ юности моей непотребно и безразсудно, а особенно если они выражали что-нибудь срамное или кощунственное, какъ нерѣдко бываетъ на языкѣ людей молодыхъ. Я видѣла записанными тамъ всѣ свои буесловія, сквернословія, всѣ мірскія безстыдныя пѣсни, безчинные крики, смѣхъ и хохотъ. Всѣмъ этимъ злые духи обличали меня, указывая на время и мѣсто, когда, гдѣ и съ кѣмъ занималась я суетною бесѣдою и прогнѣвала Бога своими непристойными словами, не считая этого грѣхомъ, а потому не исповѣдывалась въ нихъ духовному отцу и не раскаивалась. Я молчала, какъ безгласная, не будучи въ состояніи отвѣчать, потому что лукавые духи правильно обличали меня. Когда я молчала, стыдилась и отъ страха трепетала, святые ангелы положили нѣчто изъ моихъ добрыхъ дѣлъ, а недостающее восполнили изъ сокровища, подареннаго преподобнымъ отцомъ Василіемъ, и этимъ выкупили меня.

(*Мытарство 2*). Оттуда пошли мы выше и приблизились къ *мытарству лжи*, на которомъ истязуется всякое слово ложное, то-есть клятвопреступленіе, напрасное призываніе имени Божія, лжесвидѣтельство, неисполненіе данныхъ Богу обѣтовъ, неискреннее и неистинное исповѣданіе грѣховъ и тому подобное. Духи этого мытарства злы и свирѣпы; они остановили насъ и начали подробно испытывать. Но я обличена была только въ двухъ: первое, что случалось мнѣ иногда солгать въ неважныхъ вещахъ, и я даже не считала того за грѣхъ; второе, что изъ ложнаго стыда я, бывало, неискренно исповѣдывалась предъ отцомъ моимъ духовнымъ. А клятвопреступленія, лжесвидѣтельства и тому подобныхъ беззаконій не нашли во мнѣ, по милости Христовой. Святые ангелы на этомъ мытарствѣ противъ моихъ грѣховъ положили нѣчто изъ моихъ добрыхъ дѣлъ, а болѣе молитвы духовнаго отца моего выкупали меня,—и мы пошли выше.

(*Мытарство 3*). Достигли мы мытарства, истязующаго *осужденіе* и *клевету*. Тутъ остановили насъ, и я уразумѣла, какъ тяжекъ грѣхъ осужденія ближняго, и какъ велико зло клеветать на кого-либо, осуждать, безславить, хулить, браниться и смѣяться надъ чужими недостатками. Такихъ грѣшниковъ лютые истязатели истязуютъ, какъ антихристовъ, предвосхитившихъ себѣ право суда надъ другими. Но во мнѣ, по благодати Христа, немного нашли этихъ грѣховъ, потому что я во всѣ дни жизни моей прилежно старалась никого не осуждать, ни на кого не клеветать, ни надъ кѣмъ не смѣяться и не бранить никого. Только иногда, слушая иныхъ, какъ они осуждаютъ, клевещутъ или смѣются надъ кѣмъ-нибудь, случалось и мнѣ немного соглашаться съ ними мыслію или по неосторожности прибавлять свое слово, и тотчасъ зазирала себя и останавливалась; но и самое поползновеніе истязатели вмѣняли мнѣ въ осужденіе и клевету. И тутъ ангелы, выкупивши меня дарованіемъ молитвъ преподобнаго Василія, пошли со мною выше.

(*Мытарство 4*). Дошли мы до мытарства *чревоугодія*, и тотчасъ выбѣжали навстрѣчу злые духи въ надеждѣ найти добычу себѣ. Лица ихъ были скаредныя, похожія на лица сластолюбивыхъ обжоръ и мерзкихъ пьяницъ. Обойдя насъ, какъ псы, они тотчасъ показали счетъ всѣхъ случаевъ обжорства когда, я тайно ѣла или сверхъ нужды, или съ утра, не помолившись и не оградивши себя крестнымъ знаменіемъ, принималась за пищу, или во святые посты ѣла до совершенія церковнаго богослуженія. Представили и всѣ случаи моего пьянства, даже показывали тѣ самыя чаши, рюмки и прочіе сосуды, изъ коихъ я упивалась въ такое-то время, на такомъ-то пиру, съ такими-то собесѣдниками. И всякое мое чревоугодіе до подробности поставили на видъ и радовались, какъ бы уже получивъ меня въ свои руки. Я трепетала, видя такое обличеніе, и не знала, что отвѣчать вопреки. Но святые ангелы, вынувъ довольно изъ дарованія преподобнаго Василія, положили то противъ моихъ грѣховъ и выкупили меня. Увидѣвши выкупъ, злые духи вскричали: горе намъ! пропали наши труды и надежды! И бросили на воздухъ свои записи о моемъ чревоугодіи, а я радовалась,—и мы пошли далѣе.

Когда мы шли, святые ангелы бесѣдовали между собою такъ: „истинно, великую помощь эта душа имѣетъ отъ угодника Божія Василія, и если бы не его молитвы, то много

нужды претерпѣла бы она въ воздушныхъ мытарствахъ“. А я, принявши смѣлость, сказала имъ: „мнѣ кажется, святые ангелы, что никто изъ живущихъ на землѣ не знаетъ, что здѣсь происходитъ и что ожидаетъ душу по смерти“. Но ангелы отвѣчали мнѣ: „а развѣ не свидѣтельствуетъ обо всемъ этомъ Божественное писаніе, читаемое въ храмахъ и проповѣдуемое священнослужителями? Только люди, пристрастившіеся къ земной суетѣ, небрегутъ о томъ, и, считая величайшимъ удовольствіемъ ежедневное объяденіе и пьянство, всегда ѣдятъ безъ мѣры и упиваются, забывши страхъ Божій. Имѣя чрево свое вмѣсто Бога, они не помышляютъ о будущей жизни и не припоминаютъ себѣ сказаннаго въ писаніи: *горе вамъ, пресыщенные нынѣ, ибо взалчете* (Лук. VI, 25), *и упивающіеся, потому что возжаждете* (Ис. V, 12—13). Впрочемъ, кто изъ нихъ милостивъ и милосердъ къ нищимъ и убогимъ и помогаетъ требующимъ помощи, тотъ легко получаетъ отъ Бога прощеніе грѣховъ своихъ и ради милосердія своего къ ближнимъ проходитъ мытарства безъ остановки. Сказано въ писаніи: *милостыня отъ смерти избавляетъ, и тая очищаетъ всякъ грѣхъ*; *творящіи милостыни и правды исполнятся жизни* (Тов. XII, 9). А кто не старается милостынями очищать грѣхи свои, тому невозможно избѣгнуть темныхъ мытарей, которые низводятъ ихъ въ адъ и держатъ въ узахъ до страшнаго суда Христова. И тебѣ не избѣжать бы здѣсь лютой участи, если бы не получила ты сокровища молитвъ преподобнаго Василія“.

(*Мытарство 5*). Въ такой бесѣдѣ мы достигли мытарства *лѣности*, гдѣ истязуются грѣшники за всѣ дни и часы, проведенные въ праздности. Тутъ же задерживаются тунеядцы, жившіе чужими трудами, а сами не хотѣвшіе трудиться, и наемники, бравшіе плату, но не исполнявшіе своихъ обязанностей, принятыхъ на себя. Тамъ же истязуются и тѣ, кои нерадятъ о прославленіи Бога, лѣнятся въ праздничные и воскресные дни ходить въ храмъ на утреннее богослуженіе, на Божественную литургію и другія священныя службы. Тамъ же испытывается вообще уныніе и небреженіе какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ людей, и разбирается нерадѣніе каждаго о душѣ своей, и многіе оттуда низводятся въ пропасть. И я была тамъ много испытываема, и нельзя бы мнѣ было освободиться отъ долговъ, если бы святые ангелы не восполнили моихъ недостатковъ дарами преподобнаго Василія.

(*Мытарство 6*). Оттуда пришли мы къ мытарству *воровства*, гдѣ хоть и были остановлены на нѣкоторое время, но, давши немного выкупа, пошли далѣе: потому что не обрѣлось на мнѣ воровства, кромѣ весьма маловажныхъ случаевъ въ моемъ дѣтствѣ, происшедшихъ отъ неразумія.

(*Мытарство 7*). Мытарство *сребролюбія и скупости* прошли мы безъ задержанія, потому что я, по милости Божіей, никогда въ жизни моей не заботилась о многомъ пріобрѣтеніи и не была сребролюбива, довольствовалась тѣмъ, что Богъ давалъ, и не была скупою, но, что имѣла, усердно раздавала нуждающимся.

(*Мытарство 8*). Поднявшись выше, мы встрѣтили мытарство *лихоимства*, гдѣ истязуютъ дающихъ деньги за противозаконные проценты, и всѣхъ другихъ, наживающихся насчетъ своихъ ближнихъ, взяточниковъ и присвоителей чужого. Истязатели, не сыскавши на мнѣ лихоимства, скрежетали зубами отъ досады, а мы, благодаря Бога, пошли выше.

(*Мытарство 9*). Предъ нами открылось мытарство *неправды*, гдѣ истязуются несправедливые судьи, изъ корысти оправдывающіе виновныхъ и осуждающіе невинныхъ,— также люди, не дающіе наемникамъ условленной платы, или въ торговлѣ употребляющіе неправильный вѣсъ или мѣру, и вообще всѣ, дѣлающіе какую-нибудь несправедливость. Но мы, по милости Божіей, прошли это мытарство безбѣдно и очень мало дали для искупленія моихъ грѣховъ.

(*Мытарство 10*). Мытарство *зависти* мы прошли ничего не заплативши, потому что я никогда не завидовала. Тутъ же истязуютъ за нелюбовь, братоненавидѣніе, недружелюбіе и ненависть; но, по милосердію Христа Бога нашего, я оказалась невинною въ этихъ грѣхахъ, и хотя видѣла ярость скрежетавшихъ противъ меня бѣсовъ, но уже не боялась ихъ, и мы, радуясь, пошли выше.

(*Мытарство 11*). Прошли мы и мытарство *гордости*, гдѣ надменные духи истязуютъ за тщеславіе, самонадѣянность, презрѣніе къ другимъ и величаніе; тутъ истязуются души людей и за невоздаваніе должной чести родителямъ, правительству и начальству, поставленнымъ отъ Бога, и неповиновеніе имъ. Мы тутъ очень мало положили для моего искупленія, и я была свободна.

(*Мытарство 12*). Потомъ достигли мытарства *гнѣва и ярости*, и хотя тамъ воздушные истязатели очень свирѣпы, но мало что отъ насъ получили, и мы пошли далѣе, радуясь о Господѣ, подъ покровомъ молитвъ преподобнаго отца моего Василія.

(*Мытарство 13*). За симъ открылось предъ нами мытарство *злопомнѣнія*, гдѣ безъ ми-

лосердія испытуются тѣ, которые въ сердцахъ своихъ питаютъ злобу на ближняго и воздаютъ зломъ за зло. Милосердіе Господне и здѣсь спасло меня, потому что ни противъ кого не злобствовала и не помнила нанесенныхъ мнѣ обидъ, а, напротивъ, всегда, по силѣ, оказывала любовь и незлобіе къ обижавшимъ меня, побѣждая зло добромъ. Мы здѣсь ничего не заплатили и, радуясь о Господѣ, пошли далѣе.

Тогда я осмѣлилась спросить ведшихъ меня ангеловъ: скажите мнѣ, откуда эти страшные властители воздушные знаютъ такъ подробно всѣ злыя дѣла людей и не только явныя, но и тайныя? Ангелы отвѣчали мнѣ такъ: „всякій христіанинъ, послѣ святого крещенія, получаетъ отъ Бога приставленнаго къ нему ангела-хранителя, который, невидимо храня человѣка, наставляетъ его днемъ и ночью на всякое доброе дѣло и записываетъ всѣ добрыя дѣла его, за которыя человѣкъ могъ бы получить отъ Господа милость и вѣчное воздаяніе въ царствѣ небесномъ. И князь тьмы, желающій привлечь къ своей погибели весь родъ человѣческій, также назначаетъ одного изъ лукавыхъ духовъ, чтобы онъ, ходя вслѣдъ за человѣкомъ, замѣчалъ всѣ злыя дѣла его, и, поощряя его своими кознями къ такимъ дѣламъ, записывалъ все худое, что человѣкъ сдѣлаетъ. Такой лукавый духъ разноситъ по мытарствамъ всѣ грѣхи человѣка, и оттого они извѣстны воздушнымъ князьямъ. Когда же душа разлучится и хочетъ итти къ Создателю своему на небо, то лукавые духи возбраняютъ это, показывая ей содѣянные ею грѣхи, и если душа имѣетъ болѣе добрыхъ дѣлъ, чѣмъ грѣховъ, то они не могутъ удержать ее; а грѣховъ если найдется больше, сравнительно съ дѣлами добрыми, то они удерживаютъ душу на нѣкоторое время, затворяютъ ее въ темницѣ невидѣнія Бога и мучатъ, сколько сила Божія позволитъ имъ мучить ее, пока та душа, посредствомъ молитвъ церкви и милостыни ближнихъ, не получитъ прощенія. Если же какая душа окажется такъ грѣшною и нечистою предъ Богомъ, что не будетъ для нея никакой надежды спасенія, то злые духи тотчасъ низводятъ ее въ бездну, гдѣ и для нихъ самихъ уготовано мѣсто вѣчнаго мученія. Тамъ погибшія души содержатся до второго пришествія Господня, и потомъ, по соединеніи съ своими тѣлами, будутъ съ діаволами мучиться въ гееннѣ огненной. И то еще замѣть, — сказали ангелы, — что этимъ путемъ восходятъ и подвергаются испытанію въ мытарствахъ только тѣ, которые просвѣщены вѣрою и святымъ крещеніемъ, а невѣрующіе сюда не приходятъ, потому что, еще до разлученія отъ тѣла, душами своими принадлежатъ аду, и когда умираютъ, то бѣсы безъ всякаго испытанія берутъ ихъ души, какъ свою надлежащую добычу, и низводятъ въ пропасть“.

(*Мытарство 14*). Бесѣдуя такъ, мы достигли мытарства *убійства*, на которомъ истязуютъ не только за разбой, но и за всякую рану, за всякій ударъ, нанесенный ближнему, за пханіе со гнѣвомъ и толчки. Мало нѣчто давъ тутъ, мы пошли далѣе.

(*Мытарство 15*). Прошли мимо мытарства *чародѣйства*, обаянія, отравленія, призыванія бѣсовъ. Здѣшніе духи видомъ похожи на гадинъ, змѣй и жабъ, страшны и отвратительны. По милости Божіей во мнѣ не нашли они ничего, и мы пошли далѣе, провожаемые крикомъ демоновъ: вотъ, придешь въ мытарство блуда, увидимъ, какъ освободишься оттуда!

Когда мы поднимались выше, я осмѣлилась спросить святыхъ ангеловъ: всѣ ли христіане проходятъ чрезъ эти мытарства, и нѣтъ ли возможности пройти тутъ безъ истязанія и испытанія на мытарствахъ? Ангелы отвѣчали: „нѣтъ иного пути для душъ, восходящихъ на небо, всѣ идутъ этою дорогою, но не всѣ бываютъ такъ истязуемы, какъ ты, а только подобные тебѣ грѣшники, которые творили не полное исповѣданіе грѣховъ своихъ, изъ ложнаго стыда утаивая предъ отцомъ духовнымъ срамныя дѣла свои. Ибо кто чистосердечно разсказываетъ на исповѣди всѣ свои худыя дѣла, и жалѣетъ и кается о сдѣланномъ, того грѣхи невидимо заглаждаются Божіимъ милосердіемъ. И когда такая покаявшаяся душа приходитъ сюда, воздушные истязатели, разогнувши свои книги, не находятъ въ нихъ ничего записаннаго, и такая душа, радуясь, восходитъ къ престолу Божію. Если бъ и ты сотворила совершенную исповѣдь о твоихъ грѣхахъ и получила въ нихъ разрѣшеніе, стараясь потомъ сдѣлать возможное за нихъ удовлетвореніе добрыми дѣлами, то не подверглась бы этимъ грознымъ истязаніямъ въ мытарствахъ. Впрочемъ, тебѣ много помогло то, что ты давно уже перестала грѣшить смертно и прочія лѣта жизни своей проводила добродѣтельно, а особенно помогли тебѣ молитвы преподобнаго Василія, которому ты много и усердно послужила“.

(*Мытарство 16*). Бесѣдуя такимъ образомъ, мы подошли къ мытарству *блуда*, на которомъ истязуется не только всякое любодѣяніе, но и блудныя мечты, мысленное услажденіе въ томъ, блудныя воззрѣнія, порочныя осязанія и страстныя прикосновенія. Князь этого мытарства былъ облеченъ въ нечистую и смрадную одежду, запачканную кровавой пѣной, и множество бѣсовъ стояло

около него. Увидѣвши меня, они удивились, что я успѣла уже пройти столько мытарствъ, и, вынесши записки о всѣхъ моихъ блудныхъ дѣлахъ, обличали меня, указывая на лица, на мѣста, на время — съ кѣмъ, когда и гдѣ я грѣшила въ юности моей. Я молчала и трепетала отъ стыда и страха; но святые ангелы сказали бѣсамъ: „она давно уже оставила блудныя дѣла, и послѣднее время жизни своей провела въ чистотѣ, воздержаніи и постѣ". А бѣсы отвѣчали: „и мы знаемъ, что она давно уже перестала грѣшить, но не искренно исповѣдывалась предъ своимъ духовнымъ отцомъ и не получила отъ него надлежащей заповѣди объ удовлетвореніи за грѣхи, потому она наша! Или оставьте ее намъ, или выкупите добрыми дѣлами". Ангелы положили много изъ моихъ добрыхъ дѣлъ, а еще больше отъ дарованія Василія преподобнаго, и едва я избавилась отъ лютой бѣды.

(*Мытарство 17*). Дошли мы до мытарства *прелюбодѣянія*, гдѣ истязуются грѣхи людей, живущихъ въ супружествѣ, но не хранящихъ супружеской вѣрности другъ другу и не соблюдающихъ ложа своего несквернымъ, также блудныя похищенія и насилія. Здѣсь же строго истязуются блудныя грѣхопаденія лицъ, посвятившихъ себя Богу и обѣщавшихъ жить для Христа, но не соблюдшихъ чистоты. И я много должна была на этомъ мытарствѣ; лукавые духи уже обличили меня и хотѣли вырвать изъ рукъ ангеловъ, но ангелы долго спорили съ ними, представляя всѣ мои послѣдующіе труды и подвиги, и едва искупили меня — не столько моими добрыми дѣлами, которыя положили тутъ всѣ до послѣдняго, сколько сокровищемъ отца моего Василія, котораго также очень много положили на вѣсы противъ моихъ беззаконій, — и, взявши меня, пошли далѣе.

(*Мытарство 18*). Приблизились мы къ мытарству *содомскихъ грѣховъ*, на которомъ истязуются всякіе противоестественные грѣхи, кровосмѣшенія и другія скверныя дѣла, совершаемыя тайно, о коихъ даже и вспоминать стыдно и страшно. Князь этого мытарства былъ мерзостнѣе всѣхъ бѣсовъ, опачканъ гноемъ и смрадомъ, таковы же и слуги его, смрадъ отъ нихъ былъ нестерпимъ, злообразіе невообразимо, ярость и лютость невыразима. Они окружили насъ, но, по милости Божіей, ничего не найдя во мнѣ, побѣжали отъ насъ со стыдомъ, а мы прошли дальше.

И сказали мнѣ святые ангелы: „ты видѣла, Θеодора, страшныя и мерзкія мытарства блудныя! Знай же, что мало какая душа проходитъ ихъ безъ остановки и выкупа, потому что весь міръ лежитъ во злѣ соблазновъ и скверны, и всѣ люди сластолюбивы. Мало кто бережетъ себя отъ нечистотъ блудныхъ и умерщвляетъ въ себѣ похоть плотскую. Потому и мало кто проходитъ тутъ свободно; весьма многіе, достигши блудныхъ мытарствъ, здѣсь погибаютъ. Начальники блудныхъ мытарствъ хвалятся, что они болѣе всѣхъ здѣшнихъ истязателей наполняютъ душами людей огненную пропасть ада. А ты, Θеодора, благодари Бога, что вотъ уже прошла блудныя истязанія, по молитвамъ преподобнаго Василія, отца твоего, и болѣе не увидишь страха".

(*Мытарство 19*). Послѣ сего мы подошли къ мытарству *ересей*, гдѣ истязуются неправыя мудрованія о вѣрѣ, отступничество отъ православнаго исповѣданія вѣры, невѣріе, сомнѣнія о вѣрѣ, порицаніе святыни и прочее тому подобное. Я прошла это мытарство безъ испытанія, и вотъ мы уже были недалеко отъ вратъ небесныхъ.

(*Мытарство 20*). Но насъ встрѣтили злобные духи послѣдняго мытарства — *немилосердія и жестокосердія*. Жестоки тутъ истязатели, и князь ихъ лютъ, съ виду сухой и унылый. Тутъ безъ милости истязуются души немилосердыхъ. Если бы кто совершалъ и самые великіе подвиги, изнурялъ себя постами, непрестанно молился и сохранялъ чистоту тѣлесную, но былъ немилостивъ: таковый изъ этого мытарства низвергается въ адскую бездну и не получаетъ милости во вѣки. Но мы, благодатію Христовою, прошли безбѣдно чрезъ это мѣсто, при помощи молитвъ преподобнаго Василія.

Такимъ образомъ, избавившись отъ страшныхъ мытарствъ, мы съ радостію приблизились, наконецъ, къ самымъ вратамъ небеснымъ. Небесныя врата были какъ будто изъ свѣтлаго кристалла и дивно сіяли. Въ нихъ стояли свѣтлые, какъ солнце, юноши, которые, увидѣвъ меня съ ангелами, радовались, что я милосердіемъ Божіимъ избавилась отъ воздушныхъ мытарствъ, и, привѣтливо срѣтивши насъ, ввели меня внутрь. Но что я тамъ видѣла и что слышала, чадо Григорій, того нельзя и высказать. Я видѣла то, чего никогда не видѣло око человѣческое, и слышала, чего ухо никогда не слышало и чего никому изъ живущихъ на землѣ не представляло желаніе или воображеніе.

И приведена я была къ престолу Божію славы неприступной, окруженному херувимами, серафимами и множествомъ воиновъ небесныхъ, всегда славящихъ Бога неизреченными пѣснями. Падши, я поклонилась невидимому и непостижимому Богу, а небесныя силы воспѣли сладкую пѣснь, прославляя Божіе милосердіе, непобѣждаемое грѣхами человѣческими. И пришелъ гласъ

отъ велелѣпной славы, повелѣвавшій приведшимъ меня ангеламъ показать мнѣ всѣ обители святыхъ и потомъ всѣ муки грѣшниковъ, послѣ чего водворили бы меня въ обители преподобнаго Василія. Итакъ, водили меня всюду, и я видѣла прекрасныя обители апостольскія, пророческія, мученическія, святительскія и проч. Всѣ онѣ были красоты неизреченной и пространны, и вездѣ я слышала гласъ духовной радости и веселія, вездѣ видѣла торжество святыхъ. Всѣ они, увидѣвши меня, радовались о моемъ спасеніи и прославляли Бога, избавившаго меня отъ сѣтей вражіихъ.

По обхожденіи свѣтлыхъ обителей, низведена я была въ преисподнюю, и видѣла тамъ страшныя и нестерпимыя муки грѣшниковъ. Показывая ихъ мнѣ, ангелы сказали: смотри, Ѳеодора, отъ какихъ мукъ избавилъ тебя Господь, по молитвамъ угодника своего Василія! Я слышала тамъ вопли, плачъ и рыданіе мучившихся. Иные изъ нихъ страшно кричали и проклинали день рожденія своего, но никто не оказывалъ имъ милосердія. Оттуда провели меня ангелы въ эту видимую тобою обитель и водворили меня тутъ, сказавъ: сегодня преподобный Василій творитъ о тебѣ память. И поняла я, что тогда былъ сороковой день по разлученіи моемъ отъ тѣла, и въ этотъ день я пришла въ это мѣсто успокоенія". (Четьи-Минеи 26 марта, въ житіи преп. Василія Новаго).

О состояніи праведныхъ душъ до всеобщаго суда такъ говоритъ священное писаніе: во-первыхъ, онѣ вслѣдъ за исходомъ изъ сей жизни награждаются за подвиги жизни земной блаженствомъ; такъ, праведный Лазарь тотчасъ по смерти отнесенъ былъ на лоно Авраама (Лук. XVI, 22), и на крестѣ покаявшемуся разбойнику сказалъ Господь: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43). Во-вторыхъ, онѣ будутъ наслаждаться покоемъ (Лук. XIV, 25; 2 Кор. V, 8), или свободою отъ скорбей и страданій (Ап. VII, 16—17), находиться въ общеніи съ праведниками и ангелами (Мѳ. VIII, 11. Лук. XVI, 22), и служить Богу (Ап. V, 8—9; VII, 9—10) хвалебнымъ славословіемъ и молитвеннымъ ходатайствомъ о живущихъ на землѣ. Но это состояніе еще не есть состояніе окончательное. Полная слава и блаженство каждаго, по его заслугамъ (1 Кор. III, 8), послѣдуютъ только послѣ всеобщаго воскресенія и всеобщаго суда, когда пріидетъ Господь въ назначенный день (Дѣян. XVII, 31) и объявитъ судъ рѣшительный, котораго приговоры никогда не перемѣнятся (Мѳ. XXV, 46).

О состояніи душъ грѣшныхъ открыто, что онѣ удалены отъ лица Божія (Мѳ. VII, 21; VIII, 12), заключены въ темницу падшихъ духовъ (1 Петр. III, 18), или въ адъ — мѣсто темное и мучительное (Лук. XVI, 22), сознаютъ и чувствуютъ потерю блаженства (Лук. XVI, 24, 23), чувствуютъ упреки совѣсти и напрасно стараются сами улучшить свое бѣдственное положеніе (Лук. XVI, 24—25). Но неодинаково будетъ состояніе ихъ, а соотвѣтственное нравственному состоянію каждой отдѣльной души (Мѳ. V, 22). И опять, это состояніе ихъ не есть рѣшенное навсегда и окончательное, а переходное — для однихъ въ ожесточеніе и вѣчную нераскаянность во злѣ, а для другихъ — въ упованіе на помилованіе отъ Бога и жизнь вѣчную (Фил. II, 10—11; 1 Петр. III, 18—19). Послѣдніе—это тѣ грѣшники, которые на землѣ не принесли плодовъ, достойныхъ покаянія, но умерли съ сѣменами вѣры и благочестія, потому они и не терпятъ страданій, какія терпятъ грѣшники нераскаянные, и остаются съ возможностію получить помощь отъ церкви. Ибо такъ учитъ апостолъ: *если кто видитъ брата своего, согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то-есть согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти; не о томъ говорю, чтобы онъ молился* (1 Іоан. V, 16).

Значитъ, кто не отторгся окончательно отъ церкви, тѣла Христова (Еф. 1, 23), тотъ, какъ членъ тѣла, можетъ надѣяться на помощь со стороны другихъ членовъ и самъ способенъ принять эту помощь. *Страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены* (1 Кор. XII, 26). По такой тѣсной связи христіанъ между собою, они имѣютъ возможность помогать своимъ ближнимъ, отдаленнымъ отъ нихъ огромными пространствами, находящимся въ плѣну или темницѣ, удручаемымъ болѣзнями, молитвами о нихъ къ Богу (Фил. I, 4, 19; Кол. I, 9; 2 Тим. I, 3). Молитва, по ученію писанія, можетъ оказывать вліяніе и на міръ отшедшихъ отъ насъ душъ, простираетъ свою силу и на область ада. Мы привели выше слова апостольскія о грѣхѣ смертномъ; и Спаситель сказалъ, что есть грѣхъ, который не прощается ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ (Мѳ. XII, 32). Слѣдовательно, какъ есть грѣхъ смертный, о которомъ безполезно и молиться, который не простится ни въ настоящей, ни въ будущей жизни, такъ есть грѣхи не смертные, о которыхъ молитва можетъ-быть вполнѣ благоплодна, не тщетна. „Каждый человѣкъ, имѣвшій въ себѣ малую закваску добродѣтелей, но не успѣвшій превратить оную въ хлѣбъ, поелику, несмотря на свое желаніе, не могъ сего сдѣлать или по лѣности, или по безпечности, или потому,

что отлагалъ это со дня на день, но сверхъ чаянія постигнутъ и пожатъ смертію — не будетъ забытъ праведнымъ Судіею и Владыкою. Господь, по смерти его, возбудитъ его родныхъ, ближнихъ и друзей, направитъ ихъ мысли, привлечетъ сердца и преклонитъ души къ оказанію пособія и помощи ему. И когда Богъ подвигнетъ ихъ, и Владыка коснется сердца ихъ, они поспѣшатъ вознаградить опущеніе умершаго" (Св. Іоанна Дамаскина слово „объ усопшихъ въ православной вѣрѣ"). Такимъ образомъ въ жизни загробной узники ада получаютъ помилованіе не за собственное покаяніе, а за благотворенія людей, находящихся въ живыхъ, за молитвы, возсылаемыя о нихъ церковію во имя Господа Іисуса Христа, взявшаго на Себя грѣхи міра и давшаго намъ неложное обѣщаніе: *если о чемъ попросите во имя Мое, Я то содѣлаю* (Іоан. XIV, 14). (См. „Аѳонск. лист." № 32).

2. **Разсказы о частномъ судѣ вслѣдъ за смертію человѣка.** Въ житіяхъ святыхъ содержатся подробныя свѣдѣнія о мытарствахъ. И хотя свѣдѣнія эти представляются часто въ очень яркихъ вещество-и человѣко-образныхъ картинахъ, но они не могутъ отвергать той главной мысли, что злые духи принимаютъ свое злое участіе въ судьбѣ души человѣка, тотчасъ по разлученіи ея съ тѣломъ.

а) Св. Іосифъ Пѣснописецъ, приготовляясь къ исходу изъ сей жизни, молился: Господи Боже мой! соблюди до конца духъ мой и даруй мнѣ невредно избѣгнуть князя тьмы и воздушныхъ страшилищъ [1]).

б) Человѣкъ, воскрешенный св. ап. Филиппомъ, припалъ къ ногамъ его и сказалъ: благодарю тебя, слуга Божій, что ты отъ многихъ золъ избавилъ меня въ часъ сей: два черные эѳіопа влекли меня, и если бы ты не предварилъ, то ввергли бы меня въ тартаръ лютый [2]).

в) Св. Андрей Юродивый видѣлъ душу одного мертвеца, окруженную бѣсами, которые плясали и смѣялись, провожая ее [3]).

г) Воинъ Таксіотъ совершилъ въ жизни своей грѣхъ прелюбодѣянія и въ немъ умеръ. Оживлій чрезъ нѣсколько дней онъ, разсказалъ тутъ бывшимъ, что на этомъ мытарствѣ у него не оказалось соотвѣтственныхъ грѣху добрыхъ дѣлъ, и лукавые духи повели душу его въ темницы адовы, гдѣ души грѣшныхъ находились въ вѣчной тьмѣ, гдѣ плачъ неутѣшный, гдѣ плачутъ онѣ—и никто ихъ не жалѣетъ и не утѣшаетъ, гдѣ взываютъ о помощи, и никто ихъ не слушаетъ [4]).

[1]) Апр. 4.
[2]) Ноябр. 14.
[3]) Окт. 2.
[4]) Марта 28.

д) Преподобный Агаѳонъ цѣлые три дня передъ смертію пробылъ съ открытыми глазами. Братья рѣшились тронуть его и спросили: „гдѣ ты?" Онъ отвѣтилъ: „стою предъ судилищемъ Божіимъ" [1]).

е) Св. Іоаннъ Лѣствичникъ разсказываетъ объ одномъ подвижникѣ, который цѣлыя сорокъ лѣтъ подвизался, такъ что и звѣри ему повиновались. Стефанъ (было имя подвижника) также еще живымъ подвергался суду: это было за день до его смерти. Глаза его оставались открытыми. Онъ осматривался то въ ту, то въ другую сторону и, какъ бы оговариваемый кѣмъ, отвѣчалъ или такъ: „признаюсь, это правда; но я постился за настоящій грѣхъ столько-то лѣтъ"; или „нѣтъ, я не дѣлалъ этого, вы лжете"; или наконецъ: „такъ, истинно такъ, но я плакалъ и служилъ братьямъ". По видимому оговариваемый и уступалъ: „по-истинѣ такъ, и не знаю, что сказать на это; но у Бога есть милость". Всѣ эти отвѣты умирающаго ясно слышали братья, которые окружали его постель. Св. Лѣствичникъ, окончивъ настоящій разсказъ, дѣлаетъ отсюда прямое заключеніе о судѣ послѣ смерти каждаго человѣка [2]).

ж) О важности истиннаго покаянія по отношенію къ мытарствамъ св. Григорій Двоесловъ разсказываетъ слѣдующій замѣчательный примѣръ: къ одному пресвитеру пришли просить его къ больному, находящемуся при смерти, чтобы исповѣдать и причастить его. Пресвитеръ, занявшись обрѣзываніемъ винограда, позамедлилъ, и когда пошелъ къ больному, то попавшіеся ему навстрѣчу сказали, что больной померъ. Тяжко и скорбно было пресвитеру, что больной померъ безъ напутствія вслѣдствіе его промедленія. Пришедши въ домъ умершаго, онъ повергся предъ нимъ и плакалъ, считая себя виновнымъ въ томъ. Въ это время умершій ожилъ. Въ страхѣ и вмѣстѣ въ радости стали спрашивать: что съ нимъ было, и какъ душа снова возвратилась въ тѣло? Ожившій отвѣчалъ: „пришли ко мнѣ нѣкоторые страшные эѳіопы, изъ ноздрей коихъ исходилъ пламень, и взяли меня силою и повлекли меня въ какія-то темныя и страшныя мѣста... Но вдругъ явился пресвѣтлый юноша съ другимъ таковымъ же и сказалъ къ ведшимъ меня: возвратите его,—священникъ плачетъ о немъ, и ради его слезъ Господь возвращаетъ ему жизнь". Воскресшій мертвецъ послѣ сего исповѣдался, причастился св. таинъ, семь дней пребылъ въ непрестанной молитвѣ и въ 8-ой день скончался [3]).

[1]) Достопам. сказ. 33, 29.
[2]) Въ сл. 7.
[3] Іюн. 27.

(См. кн. прот. А. Свирѣлина: „Правосл. исповѣд. христ. вѣры въ чет. мин. св. Димитрія Ростовск.)“.

3. **Какъ происходитъ частный судъ?** Судъ этотъ бываетъ одновременно съ тѣмъ, какъ душа проходитъ отъ земли въ духовный міръ. Душа же должна совершить свой путь чрезъ воздухъ, или, точнѣе сказать, тѣмъ пространствомъ, которое находится между землей и небомъ. Здѣсь-то, по ученію св. отцовъ, и нужно видѣть мѣсто для частнаго суда [1]). А какъ знаемъ изъ слова Божія, въ воздушномъ пространствѣ вращаются злые духи [2]). Слѣдовательно, душа, стремящаяся въ небесное отечество, встрѣчается съ злыми духами. Святой Аѳанасій Великій и говоритъ о воздушномъ пространствѣ въ этомъ именно смыслѣ, равно какъ приводитъ здѣсь слова апостола Павла о служителяхъ князя власти воздушныя. Бѣсы препятствуютъ душѣ достигнуть того мѣста (т.-е. неба), котораго сами лишились, и въ которомъ сами не надѣются быть болѣе. Какое право они имѣютъ останавливать душу? То же самое, въ силу котораго являлись къ грѣшнику при разлученіи души его отъ тѣла, т.-е. что грѣшникъ совершалъ одинаковыя съ ними дѣла, слѣдовательно, долженъ пойти въ одно съ ними мѣсто, подвергнуться одинаковой съ ними участи. Они готовы сказать въ это время на душу все (какъ и слышали ихъ святые Божіи говорящими въ минуты своихъ особенныхъ видѣній), напримѣръ, „это душа наша; до самой смерти она грѣшила, оскверняласъ не только естественными, но и чрезъестественными грѣхами; къ тому же она осуждала ближняго, а что всего хуже — умерла безъ покаянія“ [3]). По крайней мѣрѣ, „свободный ли доступъ бѣсы даютъ душамъ праведнымъ?“ Нельзя сказать и этого; потому что одни изъ праведниковъ вначалѣ также были тяжкими грѣшниками, а другіе съ добрыми своими дѣлами соединяли также дѣла грѣшныя. А злые духи радуются только о неправдѣ, радоваться же о истинѣ [4]) не способны. Имъ былъ бы только поводъ, къ чему сдѣлать притязаніе, чѣмъ бы обвинить душу. Антоній Великій говоритъ о собственной душѣ, которую видѣлъ отдѣлившеюся отъ тѣла и возносимою на небо. Бѣсы усиливались выставить грѣхи, которые онъ допустилъ отъ самаго рожденія. Но напрасно было ихъ усиліе, потому что грѣхи юныхъ лѣтъ преподобный давно очистилъ покаяніемъ и строгимъ подвижничествомъ. Послѣ этого они прямо слагали на него небывалые грѣхи [1]). И святой Кириллъ іерусалимскій учитъ: „особеннымъ нѣкіимъ образомъ (діаволъ) истязуетъ душу, представляя и исчисляя всѣ грѣхи и беззаконія, сдѣланные нами дѣломъ, словомъ, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, отъ юности до дня кончины, когда душа вземлется на судъ Божій“ [2]). Всѣ эти нападенія бѣсовъ на душу согласны съ ученіемъ слова Божія, потому что „день лютъ“, котораго мы должны опасаться со стороны ихъ (пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ) [3]), по мнѣнію толковниковъ [4]), относится также и къ частному суду. Брань христіанской души съ духами злыми бываетъ въ это время, такъ сказать, лицомъ къ лицу, и душа можетъ защитить себя только лишь запаснымъ всеоружіемъ, т.-е. обиліемъ добрыхъ дѣлъ.

„Одни ли злые духи встрѣчаютъ въ воздушномъ пространствѣ, какъ бы въ своей области, души мертвецовъ, стараясь затѣмъ обвинить эти души, или же нѣтъ?“ Нѣтъ, въ свою очередь и св. ангелы сходятъ съ неба къ этимъ душамъ, чтобъ сопутствовать имъ и защитить ихъ отъ клеветъ бѣсовскихъ. О Лазарѣ—нищемъ сказано прямо, что, когда онъ умеръ,— ангелы понесли его душу въ рай [5]). И если ангелы (какъ извѣстно) являются къ праведнымъ душамъ въ минуты разлученія ихъ отъ тѣлъ: не тѣмъ ли болѣе надобно ожидать, что они окажутъ свою помощь этимъ душамъ во время тайнаго суда надъ ними? Церковь выражаетъ свое вѣрованіе на сей разъ во множествѣ своихъ молитвъ: „ко ангеломъ очи возводящи бездѣльно молится, къ человѣкомъ руцѣ простирающи, не имать помогающаго“ [6]). Такъ и св. угодники, молясь передъ смертію своею противъ напастей со стороны духовъ злыхъ, которыя предвидѣли для себя на судѣ тотчасъ послѣ смерти, просили Бога, чтобъ Онъ не оставилъ ихъ въ это время Своею защитою чрезъ ангеловъ [7]) Св. Златоустъ учитъ: „тогда нужны намъ... многіе помощники..., великое заступленіе отъ ангеловъ при шествіи чрезъ воздушное пространство“. Тотъ же вселенскій учитель говоритъ отъ лица умершихъ младенцевъ: „мы имѣли благонадежныхъ руководителей; руководившіе насъ ангелы возрадовались“ [8]). Св. Кириллъ александрійскій еще учитъ: „небесныя силы стоятъ противъ не-

[1]) Макарій вел., св. Златоустъ и др. См. также Добротол. ч. 2 о трезвл. гл. 149; въ прологѣ подъ 27 окт. житіе преп. Евагрія.
[2]) Ефес. 6, 12.
[3]) Въ житіи св. епископа Нифонта (Четьи-мин. 23 дек.).
[4]) 1 Коринѳ. 13, 6.

[1]) Четьи-мин. 17 янв.
[2]) Въ сл. объ исх. души.
[3]) Ефес. 6, 13.
[4]) Блаж. Іеронимъ.
[5]) Лук. 16, 22.
[6]) Стих. при погр. священ.
[7]) Ѳеод. печер. (Четьи-мин. подъ 3 мая) и мн. др.
[8]) Въ словѣ о памяти усопшихъ (въ Маргар.).

чистыхъ духовъ и приносятъ добрыя дѣянія души...; между добрыми и злыми ангелами стоитъ душа въ страхѣ и трепетѣ...: смотря (на духовъ злыхъ) она смущается, приходитъ въ волненіе, мечется, старается укрыться, чтобъ не видѣть ихъ, прибѣгая къ ангеламъ Божіимъ“ [1]).

Сколько извѣстно въ Четіяхъ-минеяхъ откровеній, которыми ясно доказывается сопребываніе душамъ на судѣ св. ангеловъ. Такъ, въ жизни того же Антонія Великаго говорится, что, когда бѣсы клеветали на его душу вслѣдъ за смертію, ангелы останавливали клеветниковъ. Св. Нифонтъ поставляетъ на видъ преніе ангеловъ съ духами злыми изъ-за душъ судимыхъ. Именно: злые духи, обвиняя одного мертвеца, говорили, что этотъ мертвецъ тяжко грѣшилъ на землѣ, да и умеръ безъ покаянія. Ангелы же отвѣтили: „не повѣримъ ни вамъ, ни отцу вашему — сатанѣ, доколѣ не спросимъ ангела-хранителя этой души“. Ангелъ-хранитель и сказалъ: „точно, много согрѣшилъ этотъ человѣкъ, но, только что сдѣлался боленъ, началъ плакать и исповѣдывать свои грѣхи“ [2])

„Долго ли продолжается надъ душою послѣсмертный судъ?“ Сорокъ дней [3]), какъ вѣруетъ православная церковь. Особо этотъ судъ начинается для каждой души, особо же и слѣдуетъ до самаго конца, потому что каждый человѣкъ умираетъ въ свое опредѣленное время. Некрещенные же люди прямо (безъ суда) поступаютъ во власть діавола [4]).

Наконецъ, „чѣмъ оканчивается этотъ судъ?“ Ту душу, которая устоитъ на немъ, встрѣчаетъ множество св. ангеловъ. Такъ св. Нифонтъ видѣлъ, что ангелы выходили изъ вратъ небесныхъ навстрѣчу къ одной праведной душѣ и, привѣтствуя эту душу, прославляли Бога, Который не предалъ ея въ руки враговъ. Богоносные отцы открываютъ намъ: „если душа окажется по благочестивой жизни достойною..., то принимаютъ ее ангелы Божіи, и уже безъ печали совершаетъ она свое шествіе, имѣя спутниками святыя силы... [5]); если побѣдятъ ея дѣла, ангелы воспѣваютъ ей пѣснь хвалы и ведутъ ее съ веселіемъ предъ лицо Божіе: въ тотъ часъ она забываетъ все, принадлежащее къ земной жизни, и всѣ понесенные ею труды“ [6]); и еще: „когда это совершилось (т.-е. когда душа достигла до неба), руководившіе насъ ангелы возрадовались: они начали лобызать насъ“ [7]). Что же до душъ грѣшныхъ, то и эти души вначалѣ сопровождаются ангелами. Но въ послѣдующемъ пути своемъ онѣ рѣшительно задерживаются и затѣмъ по насилію отъ бѣсовъ бываютъ низводимы во адъ. Такъ, тотъ же преподобный Нифонтъ видѣлъ низведеннымъ во адъ человѣка, который былъ и блудникомъ, и волшебникомъ, и грабителемъ, наконецъ, — и умеръ безъ покаянія „Если какая душа окажется жившей въ небреженіи и распутствѣ (говоритъ св. Кириллъ александрійскій), св. ангелы оставляютъ ее, и она подвергается власти мрачныхъ демоновъ“ [8]).

Когда же обѣ стороны для судимой души будутъ въ равновѣсіи, т.-е. когда и ангелы представятъ добрыя дѣла ея къ оправданію, и злые духи припомнятъ столько же грѣховъ ея къ осужденію: тогда побѣждаетъ человѣколюбіе Божіе. Тѣмъ же милосердіемъ Божіимъ восполняется недостатокъ добрыхъ дѣлъ противъ преобладающаго количества злыхъ [9]). (См. брош. прот. Е. Попова: „Судъ Божій надъ человѣкомъ вслѣдъ за смертію его“).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Загробная жизнь вообще.

1. **Вопросъ о тѣлесности души въ первый періодъ загробной жизни.** Душа и тѣло человѣка, хотя связаны въ органическое единство, тѣмъ не менѣе представляютъ отдѣльныя, самостоятельныя сущности. Смерть раздѣляетъ ихъ другъ отъ друга, послѣ чего тѣло обращается въ міровую матерію, а душа продолжаетъ жить самостоятельно. Отсюда можно бы было признать не требующею дальнѣйшихъ доказательствъ мысль, что душа

[1]) Въ словѣ объ исходѣ души.

[2]) Чет.-мин. по 23 декабря. Въ житіи того же Нифонта говорится, что бѣсы, видя защиту со стороны св. ангеловъ душѣ судимой, сказали: «если душа эта достойна милости Божіей, то возьмите грѣшниковъ всего міра; намъ нечего здѣсь трудиться».

[3]) Въ продолженіе этого же времени душа является на поклоненіе Богу до трехъ разъ. Первое поклоненіе бываетъ на третій день послѣ смерти. Затѣмъ въ продолженіе шести дней душа осматриваетъ по волѣ Божіей обители рая. Въ девятый день она снова возносится для поклоненія Богу. Потомъ видитъ мученія ада въ продолженіе 30 дней. Наконецъ, въ 40 день снова является для поклоненія Богу, и — тогда-то получаетъ себѣ опредѣленное мѣстопребываніе.—Можемъ привести здѣсь примѣръ и изъ жизни современной намъ. Одна благочестивая женщина (въ Харьковской губерніи) не была похоронена въ обычное время въ ожиданіи пріѣзда ея духовника къ погребенію. Духовникъ прибылъ, но хоронить ее не рѣшались, потому что она оставалась во гробѣ, какъ живая. Въ такомъ видѣ она пролежала до 10 дней, а затѣмъ въ присутствіи многихъ лицъ вдругъ стала читать молитву: «вѣрую, Господи, и исповѣдую...», и — ожила. Отъ нея-то потомъ и узнали всѣ, какъ въ продолженіе этихъ дней были показаны ей обители рая и затѣмъ мученія грѣшниковъ (Церк. вѣстн. 1884 г., № 21).

[4]) Откровеніе св. Ѳеодоры о мытарствахъ.

[5]) Св. Кириллъ александрійскій въ словѣ объ исходѣ души.

[6]) Іоаннъ карпаѳ.

[7]) Св. Златоустъ.

[8]) Въ сл. объ исходѣ души.

[9]) Св. Дам. въ сл. о усопш. въ вѣрѣ.

послѣ смерти безтѣлесна. Тѣмъ не менѣе, еще въ отеческой литературѣ мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ, что душа послѣ смерти не только сохраняетъ форму земного тѣла, которымъ она была облечена [1]), но имѣетъ и нѣкотораго рода тѣлесность [2]).

Священное писаніе не представляетъ никакихъ данныхъ для принятія „нематеріальной тѣлесности", тѣмъ не менѣе, оно не утверждаетъ и абсолютной духовности души. Уже на основаніи соображеній разума мы должны признать, что абсолютнымъ духомъ можетъ быть только Богъ, всѣ же прочіе сотворенные духи представляютъ низшую степень духовности и стоятъ по своему существу ближе къ матеріальному міру. Какъ мы должны представлять эту матеріальность и насколько она оправдываетъ ученіе о „нематеріальной тѣлесности" души, рѣшеніе этого вопроса едва ли можетъ быть удовлетворительнымъ. Слова Іисуса Христа: *духъ плоти и костей не имѣетъ* (Лук. XXIV, 39), говорятъ о тѣлѣ, которымъ облеченъ человѣкъ во время земной жизни, но не могутъ быть приводимы противъ матеріальности или, вѣрнѣе, противъ неабсолютной духовности души человѣка. Ученики сочли явленіе Іисуса Христа за призракъ, который, какъ нереальность, не имѣетъ никакой плоти. Но изъ невещественности призраковъ еще нельзя дѣлать никакихъ выводовъ относительно абсолютной духовности души. Наконецъ, если ученики и приняли явившагося Христа за дѣйствительное явленіе Его духа, то и при этомъ предположеніи неосязаемость являющагося духа, о которой говоритъ Господь, не можетъ служить основаніемъ отрицать относительную матеріальность души, потому что и въ природѣ не всякаго рода матерія доступна осязанію и вообще чувствительному воспріятію. (См. кн. свящ. *Апол. Темномѣрова:* „Учен. свящ. пис. о загробн. жизни", Спб. 1899 г., стр. 134, 139—140).

2. **Мѣсто пребыванія душъ умершихъ послѣ сошествія Іисуса Христа во адъ.** Послѣ сошествія Іисуса Христа во адъ, новый завѣтъ опредѣленно различаетъ мѣста пребыванія душъ умершихъ праведниковъ и грѣшниковъ. Относительно первыхъ мы слышимъ слова Господа въ Его молитвѣ къ Богу Отцу: *Отче, которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною, да видятъ славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ* (Іоан. XVII, 24). Эти и подобныя имъ слова: *гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ* (XII, 26), имѣютъ отношеніе ко всему загробному существованію праведниковъ, обнимаютъ собою не только жизнь по воскресеніи, но и первый періодъ загробной жизни, что несомнѣнно свидѣтельствуется обѣтованіемъ благоразумному разбойнику: *нынѣ же будешь со Мною въ раю* (Лк. XXIII, 43). Согласно съ этимъ и ап. Павелъ разсматриваетъ жизнь души по смерти тѣла, какъ пребываніе со Христомъ (Фил. I, 23). Но если Христосъ и души праведниковъ находятся у Бога Отца (Іоан. XIV, 12, 18; XVI, 16, 28), въ Его небесныхъ обителяхъ (XIV, 2—3), то мы не можемъ мыслить находящимися тамъ же и души грѣшниковъ, отринутыхъ отъ блаженнаго единенія со Христомъ. Пребываніе въ небесныхъ обителяхъ обѣщается только избраннымъ, о грѣшникахъ же говорится, что они должны отойти отъ Спасителя (Мѳ. VII, 23), что они будутъ изгнаны изъ небеснаго царства (Мѳ. VIII, 12; Лк. XIII, 28; Мѳ. XXV, 30 и пр.) Что здѣсь разумѣется не только лишеніе нравственнаго единенія съ Богомъ, но вмѣстѣ и пространственное удаленіе отъ мѣста блаженнаго пребыванія праведниковъ, можно видѣть изъ словъ кн. Дѣяній объ удавившемся Іудѣ предателѣ, что онъ пошелъ *въ свое мѣсто*) (εἰς τὸν τόπον τὸν ἴδιον I, 25). Греческое ἴδιος указываетъ не просто на принадлежность предмета кому-либо, но и на качественное соотвѣтствіе предмета свойствамъ лица, которому онъ принадлежитъ (срав. 1 Кор. XV, 23), и въ данномъ случаѣ даетъ право заключать, что души умершихъ пребываютъ до своего воскресенія въ такихъ пространствахъ, которыя соотвѣтствуютъ ихъ нравственному состоянію.

Мѣсто пребыванія душъ грѣшниковъ носитъ въ новомъ завѣтѣ наименованіе ада. Это греческое слово выражаетъ понятіе темноты, что совершенно соотвѣтствуетъ ветхозавѣтному представленію о шеолѣ, какъ царствѣ тьмы. Мѣсто пребыванія душъ нечестивыхъ называется въ новомъ завѣтѣ также преисподними мѣстами земли (Еф. IV, 9), преисподнею (Фил. II, 10).

Въ основѣ метафорическаго значенія употребляемаго въ писаніи названія ада преисподними мѣстами земли, находящимися гдѣ-то значительно ниже послѣдней, можетъ лежать общее всѣмъ народамъ представленіе находящагося надъ головою человѣка неба сферою свѣта, болѣе чистою и совершенною, чѣмъ земля. Отсюда вполнѣ естественно метафорическое представленіе хорошаго и худого, совершеннаго, славнаго и уничиженнаго подъ образомъ высокаго и низкаго. Такого рода метафору несомнѣнно представляютъ слова,

[1]) Тертулліанъ (De anima, cap. IX; Migne, s. l. t. II, col. 661) замѣчаетъ, что душа за гробомъ имѣетъ образъ того тѣла, которымъ была одѣта. Также Ириней («Противъ ересей», кн. 2, гл. XXXIV, 1).

[2]) Оригенъ рѣшительно утверждалъ, что душа послѣ смерти одѣвается нѣкоторымъ тѣломъ, которое сохраняетъ до воскресенія. (Fragmenta ex libris de resurrectione; Migne, s. gr., t. XI, col. 96).

Самое наименованіе Бога Всевышнимъ уже метафора, указывающая не на высоту Его жилища, такъ какъ Богъ вездѣ, а скорѣе на Его безконечныя совершенства сравнительно съ человѣкомъ.

Мѣстопребыванію душъ праведниковъ до всеобщаго воскресенія обычно усвояется наименованіе рая. Въ новомъ завѣтѣ слово это встрѣчается только два раза въ обѣтованіи Господа благоразумному разбойнику: *нынѣ же будешь со Мною въ раю* (Лк. XXIII, 43), и у ап. Павла, который *былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать* (2 Кор. XII, 4). Въ другихъ мѣстахъ писанія мѣстопребываніе душъ праведниковъ называется царствомъ небеснымъ (Мѳ. VIII, 11; срав. V, 3, 10), царствомъ Божіимъ (Лк. XIII, 28—29; 1 Кор. XV, 50), домомъ Отца небеснаго (Іоан. XIV, 2), горою Сіономъ, градомъ Бога живаго, Іерусалимомъ небеснымъ (Евр. XII, 22), Іерусалимомъ вышнимъ (Гал. IV, 26), небесами (Лк. XII, 33—34; Евр. X, 34). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ ясна одна идея близости душъ праведниковъ къ Богу, и только наименованіями: „небо", „небесный" дается представленіе, что души умершихъ праведниковъ пребываютъ на небесахъ (См. кн. свящ. *Апол. Темномѣрова*: „Учен. священ. писан. о загробн. жизни", Спб. 1899 г., стр. 125—131).

3. **Достовѣрность загробной жизни**. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на ряду съ вѣрой въ Божество, всегда существовала вѣра и въ будущую загробную жизнь. Древніе греки и римляне, персы и арабы, дикари Полинезіи, Меланезіи, центральной и южной Африки, американскіе алеуты и проч. — всѣ такъ или иначе вѣрили и вѣрятъ, что жизнь человѣка не кончается вмѣстѣ съ его смертію, а продолжается въ той или другой формѣ и по ту сторону гроба. Эта всеобщность вѣры въ существованіе загробнаго міра имѣетъ глубоко-знаменательное и поучительное значеніе: она краснорѣчиво говоритъ о томъ, что будущая жизнь, дѣйствительно, существуетъ, такъ какъ вѣра въ нее непосредственно заложена въ самой природѣ человѣка и есть существенный элементъ религіознаго сознанія. То же, что всеобще и составляетъ неотъемлемое, необходимое достояніе человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда бываетъ и достовѣрно.

Показанія здраваго разума также съ несомнѣнностію удостовѣряютъ насъ въ томъ, что земнымъ существованіемъ не оканчивается бытіе человѣка, и что кромѣ настоящей жизни есть жизнь будущая, загробная. Обратимъ вниманіе на видимую, внѣшнюю природу. „Въ цѣломъ мірѣ нельзя, говоритъ почившій знаменитый русскій іерархъ Филаретъ, найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы ни приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы ни велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ ней только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, чтобы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земного зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ, и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябаній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни: человѣкъ ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падаетъ въ гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?!" (Сочин. Филарета, митр. моск., т. II, изд. 1879 г., стр. 210).

Другія доказательства дѣйствительнаго существованія загробнаго міра см. на стр. 415—419-й нашей книги.

Но для вѣрующаго человѣка гораздо важнѣе, нежели доказательства разума человѣческаго, свидѣтельства свящ. писанія о загробной жизни. Слово Божіе, какъ истина, и есть и должно быть источникомъ всѣхъ нашихъ познаній и въ такой великой тайнѣ, какъ будущая жизнь человѣка. Въ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгахъ мы находимъ довольно ясное указаніе на то, что душа продолжаетъ свое существованіе и по отдѣленіи ея отъ тѣла. *И возвратится персть въ землю, якоже бѣ,* говоритъ Екклизіастъ, *и духъ возвратится къ Богу, Иже даде его* (Еккл. XII, 7). Это ученіе о нашей жизни по смерти, которое люди первыхъ временъ такъ часто забывали и поэтому проводили земную жизнь весьма грубымъ, гнуснымъ и постыднымъ образомъ, Господь весьма часто возобновлялъ въ ветхомъ завѣтѣ посредствомъ Своихъ избранныхъ людей—пророковъ, чтобы еврейскій народъ и всѣ другіе, бывшіе въ связи или въ сношеніяхъ съ нимъ, не теряли вѣры въ жизнь будущую.

Самъ Сынъ Божій, Котораго Богъ Отецъ благоволилъ послать на нашу землю, между прочимъ, для того, чтобы научить насъ истинѣ (Іоан. XVIII. 37), многоразлично увѣрялъ насъ въ безсмертіи нашей души и въ будущей жизни, напримѣръ, ясно говоря: *грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. V, 25). *Грядетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіе благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіе злая въ воскрешеніе суда* (— ст. 28). *Азъ есмь воскрешеніе и животъ: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ; и всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки* (Іоан. XI, 25—26) и т. п.

То же говорили и святые апостолы. Св. ап. Павелъ писалъ къ солунянамъ: *да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія*, т.-е. язычники (1 Сол. IV, 13). На вѣрѣ въ жизнь будущую святые апостолы основывали въ своихъ посланіяхъ всѣ свои увѣщанія, угрозы, утѣшенія и ободренія для тѣхъ, къ кому писали: такъ, убѣжденный въ истинѣ будущей жизни, св. ап. Павелъ сказалъ о себѣ: *мнѣ еже жити, Христосъ; и еже умрети, пріобрѣтеніе есть* (Фил. I, 21); *желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти* (—ст. 23). Исходнымъ пунктомъ своего ученія о загробной жизни святые апостолы брали величайшій изъ всемірно - историческихъ фактовъ — воскресеніе изъ мертвыхъ Христа Спасителя. Это чудо изъ чудесъ составляетъ основу всего христіанства, стоящаго и падающаго вмѣстѣ съ нимъ; на немъ же основываются всѣ наши надежды на вѣчную жизнь послѣ всеобщаго воскресенія и истребленія послѣдняго врага нашего — смерти.

„Если о Христѣ проповѣдуется, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ“, говоритъ ап. Павелъ, въ посланіи къ коринѳянамъ, „то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. При этомъ мы оказались бы и лжесвидѣтелями о Богѣ, потому что свидѣтельствовали бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, Котораго Онъ не воскрешалъ, если, то-есть, мертвые не воскресаютъ. Ибо если мертвые не воскресаютъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна: вы еще во грѣхахъ вашихъ. Поэтому и умершіе во Христѣ погибли. И если мы въ сей только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ. Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе изъ мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ живутъ... Какъ мы носили образъ перстнаго (Адама), такъ будемъ носить и образъ небеснаго (Христа)“ (I Кор. XV, 12—22, 49).

Воскресеніе Іисуса Христа есть не только предметъ нашей живѣйшей вѣры: оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрнѣйшее, удовлетворительнѣйшимъ образомъ засвидѣтельствованное историческое событіе.

„Какъ Христосъ воистину воскресе,— говоритъ тотъ же знаменитый первосвятитель московскій Филаретъ, — такъ воистину воскреснемъ и мы.

Христіанство есть религія Воскресшаго, Умертвившаго смерть. Настоящая смерть есть только неизбѣжный переходъ къ безсмертію:“ „то, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ“ (1 Кор. XV, 36). Въ этихъ словахъ великаго апостола заключается прекрасная, полная глубокаго смысла аналогія безсмертія человѣка, взятая изъ естественной жизни. Посѣянныя зерна, сгнивая въ землѣ, сохраняютъ нетлѣннымъ свой ростокъ-зародышъ будущаго растенія, совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое произвело его. Здѣсь не простая передача жизни отъ одного растенія другому, но полное сохраненіе зародышемъ своей жизни и проявленіе ея въ новой формѣ. Зерно—это человѣкъ въ нынѣшнемъ его состояніи, существо единичное, особое, отличающееся извѣстными качествами, имѣющее свою личную жизнь. Но вотъ это существо умираетъ, идетъ въ землю, сѣется, какъ зерно. Погибаетъ ли оно безслѣдно, сгнивши, разложившись на составныя части? Нѣтъ! Какъ зерно явится прекраснымъ растеніемъ, которое не отлично отъ брошеннаго въ землю зерна, но есть то самое зерно, которое сгнило въ землѣ: такъ и человѣкъ, истлѣвшій въ землѣ, превратится въ прекрасное существо, съ новымъ духовнымъ тѣломъ, но не отличное отъ того человѣка, который умеръ,—оно будетъ тотъ же самый человѣкъ, только ставшій нетлѣннымъ [1]).

Наконецъ, есть и опытное доказательство дѣйствительности существованія загробняго міра - явленіе душъ умершихъ людей. Эти примѣры въ достаточной степени должны уже быть извѣстны читателямъ.

---

[1]) «Мысли о безсмертіи души и будущ. воскр. мертвыхъ», ст. *пр. Дьяченко* «Уроки и примѣры христ. надежды», стр. 629.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Загробная участь праведниковъ.

1. **Особенныя откровенія Божіи о вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ.** Святые Божіи любили размышлять о блаженствѣ праведниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ и удостоились особенныхъ откровеній о райской жизни. И такъ мы, для подкрѣпленія духа шествующихъ путемъ скорбнымъ и узкимъ въ рай, извлечемъ изъ житій ихъ Божіи откровенія о царствѣ небесномъ.

1. Кто же между святыми, живя на землѣ, ближе всѣхъ находился къ вѣчному блаженству, какъ не Божія Матерь? И—вотъ, когда Она, умирая, прощалась съ каждымъ изъ св. апостоловъ, которые чудеснымъ образомъ собрались на погребеніе Ея, когда, значитъ, имѣла уже лицомъ къ лицу блаженную вѣчность, уготованную праведникамъ, — въ самыхъ трогательныхъ словахъ выразила апостоламъ, что желаетъ имъ вѣчнаго блаженства, а о Себѣ Самой произнесла: „помяни Мя, Господи, въ безконечномъ царствѣ Твоемъ!"

Взирая на пресвѣтлое лицо дражайшаго Сына Своего и Господа, *явившагося во славѣ пріять душу* Матери Своей, пресвятая Дѣва Богородица, безъ всякаго тѣлеснаго страданія, *какъ бы засыпая,* предала въ руцѣ Его пречистую Свою душу. Лицо Богоматери, освященное „добротою Божества", сіяло славою Божественнаго дѣвства (Служба 14 авг., канонъ п. 8, троп. 2), а отъ тѣла разливалось дивное благоуханіе.

Въ день погребенія, вечеромъ, св. апостолы были удивлены явленіемъ имъ Царицы небесной, Которую узрѣли стоящею на воздухѣ, окруженною ангельскими силами и сіяющею неизреченною славою. Она сказала имъ: „радуйтесь! Я съ вами есмь во вся дни!" Это явленіе такъ обрадовало св. апостоловъ и бывшихъ съ ними, что они всѣ воскликнули: „пресвятая Богородица, помогай намъ!" Послѣ этого не оставалось никакого сомнѣнія, что гробъ пресвятой Дѣвы сдѣлался лѣствицею къ небеси (Служб. 15 авг., веч. стихъ „на Господи воззвахъ"). (Четьи-Мин. подъ 15 августа).

2. Преподобный Маркъ, подвижникъ IV и начала V в., говоритъ о двухъ откровеніяхъ одному святому, которыя, безъ сомнѣнія, предызображали вѣчную участь праведниковъ. Въ первый разъ святой видѣлъ, что къ нему были принесены во время его молитвы три хлѣба; „чѣмъ болѣе онъ вкушалъ (эти хлѣбы), тѣмъ болѣе они увеличивались". (Не предзнаменованіе ли это неистощимыхъ наслажденій на томъ свѣтѣ, которыхъ удостоятся праведники?) Въ другой разъ святой увидѣлъ самого себя въ свѣтломъ одѣяніи по примѣру одеждъ Іисуса Христа на Ѳаворѣ, и — ужаснулся отъ радости. (Въ „словѣ девятомъ о трезвеніи" по р. п.).

3. Преподобный Ефремъ, размышляя о суетѣ нынѣшней жизни, однажды душевнымъ взоромъ своимъ усмотрѣлъ Господа, сидящаго въ славѣ небесной, и Господь сказалъ его душѣ: „для чего ты, душа, возгнушалась небеснымъ своимъ чертогомъ..., благимъ какія я уготовалъ тебѣ?" (По свидѣтельству Григорія нисскаго).

4. Самаго же продолжительнаго по времени и, слѣдовательно, самаго отчетливаго видѣнія блаженной участи въ томъ свѣтѣ праведниковъ удостоился св. Андрей, Христа ради юродивый, — тотъ самый, который видѣлъ въ храмѣ влахернскомъ „покровъ Божіей Матери", празднуемый церковью. Андрей жилъ (въ Константинополѣ) въ половинѣ V вѣка. Жизнь его (кстати сказать) описалъ самый близкій къ нему человѣкъ,—духовникъ его, священникъ Никифоръ. Жизнеописатель слышалъ объ немъ еще и то, чего самъ лично не зналъ, отъ другого ближайшаго къ нему лица, — Епифанія. (А это былъ ученикъ Андрея, видѣвшій вмѣстѣ съ нимъ чудное откровеніе въ храмѣ, впослѣдствіи же патріархъ Цареграда). Епифаній въ иночествѣ сталъ быть подъ именемъ Поліевкта (пам. его въ греч. мин. 5 февраля).

Вотъ разсказъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ своемъ восхищеніи въ рай блаженный Андрей. „Что со мною было, говоритъ блаженный, не понимаю. По волѣ Божіей, я пребывалъ въ сладкомъ видѣніи двѣ недѣли такъ же, какъ бы кто всю ночь спалъ сладко, а утромъ всталъ. Я видѣлъ себя въ раю весьма красивомъ и дивномъ и, восхищаясь духомъ, размышлялъ: что это значитъ? Мнѣ извѣстно, что мое обиталище въ Константинополѣ; но какою силою перенесенъ сюда, не знаю, да и не понималъ себя, съ тѣломъ ли былъ я, или внѣ тѣла? Богу это извѣстно. Но видѣлъ себя облеченнымъ въ пресвѣтлую одежду, вытканную какъ бы изъ молніи, опоясанъ былъ царскимъ поясомъ, и вѣнецъ, сплетенный изъ чудно-прекраснаго цвѣта, былъ сверху главы моей. Чрезмѣрно удивляясь неизглаголанной этой красотѣ, я восхищался умомъ и сердцемъ отъ невыразимой красоты Божіяго рая и, пребывая въ немъ, исполнялся веселія. Я видѣлъ тамъ много садовъ съ высокими деревьями, они

колебляся своими вѣтвями, чрезвычайно услаждали зрѣніе, и великое благоуханіе разливалось отъ ихъ вѣтвей. Одни изъ деревьевъ непрестанно цвѣли, а другія были украшены златовидными листьями, иныя были обременены различными плодами неизреченной красоты. Нельзя уподобить деревъ райскихъ ни одному дереву земному, самому красивому: ибо Божія рука насадила ихъ, а не человѣческая. Въ этихъ садахъ было безчисленное множество птицъ, однѣ изъ нихъ имѣли крылья золотыя, другія подобно снѣгу бѣлыя, иныя были испещрены различными цвѣтами. Сидя на вѣтвяхъ райскихъ деревьевъ, эти птицы пѣли такъ прекрасно и усладительно, что отъ пріятнаго пѣнія ихъ я доходилъ до самозабвенія, и мнѣ казалось, что голосъ пѣнія ихъ былъ слышенъ на самой небесной высотѣ. Такъ услаждалось сердце мое!

А тѣ прекрасные сады стояли въ удивительномъ порядкѣ, подобно полку, стоявшему противъ полка. Когда же съ веселіемъ сердца ходилъ я въ этихъ райскихъ садахъ, то увидѣлъ тамъ великую рѣку, протекавшую среди садовъ и орошавшую ихъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки росли виноградныя лозы, которыя украшены были золотыми листьями и златовидными плодами. Съ четырехъ сторонъ дулъ тихій и благоухающій вѣтеръ, дуновеніемъ коего колебались сады, а сотрясеніемъ листьевъ они производили дивный шелестъ.

Потомъ напалъ на меня нѣкоторый ужасъ; представилось мнѣ, что я стою выше тверди небесной, а какой-то юноша, одѣтый въ багряницу, съ лицомъ солнцеобразнымъ, ходилъ окрестъ меня. Слѣдуя за нимъ, я увидѣлъ великій и красивый крестъ, который видомъ былъ подобенъ радугѣ небесной. Окрестъ его стояли огнезрачные пѣвцы и, пламенѣя любовію ко кресту, пѣли дивную и пресладкую пѣснь, коею прославляли Господа, распятаго на крестѣ. Пламеннообразный юноша, сопутствовавшій мнѣ, приступивъ ко кресту, лобызалъ его; потомъ онъ сдѣлалъ знакъ мнѣ, чтобы и я лобызалъ крестъ. Мгновенно припадши къ св. кресту, я облобызалъ его съ трепетомъ и великою радостію. Какъ скоро я прикоснулся къ нему устами, то пресытился потокомъ неизреченной сладости духовной и обонялъ гораздо большее благоуханіе, нежели въ райскихъ садахъ.

Оставя крестъ и посмотрѣвъ внизъ, я увидѣлъ подъ собою какъ бы бездну морскую; мнѣ же казалось, что я ходилъ по воздуху и, убоявшись бездны, возгласилъ къ руководителю моему: „ужасъ объемлетъ меня при мысли упасть въ эту бездну“. — Спутникъ мой, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „не бойся! намъ должно взойти еще выше“. Онъ подалъ мнѣ руку — и мы явились выше второй тверди. Я видѣлъ тамъ дивныхъ мужей, ихъ покой, всегдашнюю радость празднованія ихъ — предметы, невыразимые для языка человѣческаго. Потомъ мы взошли въ удивительный пламень, который не опалялъ насъ, а только просвѣщалъ: я пораженъ былъ страхомъ, но путеводитель мой, обратясь ко мнѣ, подалъ мнѣ руку и сказалъ: „еще выше намъ должно взойти“; и съ этимъ словомъ мы очутились выше третьяго неба, гдѣ я видѣлъ и слышалъ безчисленное множество небесныхъ силъ, поющихъ и славящихъ Бога. Приближаясь къ нѣкоторой завѣсѣ, блиставшей подобно молніи, предъ которою стояли великіе, страшные пламеннообразные юноши, коихъ лица блистали свѣтлѣе солнца, съ огненными оружіями въ рукахъ, я узрѣлъ необъятное множество небеснаго воинства, предстоявшаго со страхомъ. Сопутствовавшій мнѣ (небесный) юноша сказалъ: „когда откроется таинственная завѣса, тогда ты увидишь Владыку Христа и преклонись престолу славы Его“. Услышавъ это, я трепеталъ и радовался: ужасъ и неизреченная радость наполняли сердце мое, я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ дотолѣ, пока отъята была завѣса. Когда же какая-то пламенная рука отдернула завѣсу, тогда я, подобно пророку Исаіи, узрѣлъ Господа моего, сѣдящаго на высокомъ и превознесенномъ престолѣ; серафимы стояли окрестъ Его; Онъ былъ облеченъ въ багряную ризу, лицо Его было пресвѣтло, Онъ взиралъ на меня милостиво. Узрѣвъ Господа, я въ невыразимомъ волненіи духа палъ предъ Нимъ ницъ и поклонился пресвѣтлому и страшному престолу славы Его. О! здѣсь уста нѣмѣютъ, языкъ отказывается выражать духовные предметы, духовную радость въ чувственныхъ видахъ. Какая радость и восторгъ объяли сердце мое отъ видѣнія лица Его, изъяснить нельзя, такъ что и нынѣ, воспоминая объ этомъ видѣніи, исполняюсь неизреченной радости! Въ великомъ ужасѣ падши предъ Владыкою моимъ, я удивлялся столь великому милосердію Его, по которому Онъ допустилъ мнѣ, — человѣку грѣшному и нечистому, предстать предъ Себя и видѣть божественную красоту Его. Проникнутый чувствомъ умиленія и размышляя о непостижимомъ величествѣ и благости Владыки моего и о собственномъ недостоинствѣ, я произнесъ въ себѣ слова пророка Исаіи: „горе мнѣ! погибъ я! ибо я человѣкъ съ нечистыми устами... и глаза мои видѣли Царя, Господа Саваоѳа“ (Исаіи VI, 5). Небесное воинство, взирая на такое человѣколюбіе и снисхожденіе къ падшему человѣчеству, воспѣло пѣснь предивную и неизреченную“.

Насладившись созерцаніемъ горнихъ красотъ духовнаго міра, блаженный Андрей находился въ тревожной думѣ о томъ, что среди необъятнаго сонма ангеловъ и святыхъ не сподобился видѣть пречистой Богородицы. Мгновенно святой узрѣлъ нѣкотораго, подобно облаку, пресвѣтлаго мужа, носящаго крестъ. Чудный мужъ сей, понявъ мою мысль, сказалъ мнѣ: „ты хочешь видѣть пресвѣтлую Царицу небесныхъ силъ; но теперь Ея здѣсь нѣтъ: Она отошла въ многобѣдственный міръ помогать страждущему человѣчеству и утѣшать скорбныхъ. Я бы показалъ тебѣ Ея святую обитель, но нѣтъ нынѣ времени: ты долженъ опять возвратиться туда, откуда восхищенъ былъ. Такъ повелѣваетъ тебѣ Владыка всѣхъ!" Послѣ этого чудное видѣніе райской жизни кончилось, и св. Андрей опять увидѣлъ себя на землѣ. (Извлеч. изъ „Чет.-Мин." октября 2 дня).

5. Упомянемъ здѣсь объ откровеніи небеснаго рая святителю Тихону задонскому. Св. Тихонъ въ награду за свое богомысліе и благочестіе даже дважды удостоился видѣть царство небесное, каждый разъ въ часы ночи.

Первое видѣніе ему было еще до иноческаго званія его. Однажды онъ вышелъ на крыльцо, чтобъ насладиться тихою и свѣтлою ночью. Отъ красотъ майской ночи онъ перешелъ къ размышленію о вѣчномъ блаженствѣ. И—вотъ, вдругъ открылось предъ нимъ небо: онъ увидѣлъ на небѣ необыкновенныя сіяніе и свѣтлость! Черезъ минуту небо уже приняло свой прежній, обыкновенный видъ. Несмотря, однако, на краткость времени, которое продолжалось видѣніе, онъ — когда только вспоминалъ объ этомъ видѣніи — приходилъ въ великій восторгъ.

Въ другой разъ, состоя уже въ санѣ архіерейскомъ и прогуливаясь по обычаю своему въ ночное время кругомъ монастырской церкви, онъ остановился у алтаря. Здѣсь-то, послѣ нѣсколькихъ пламенныхъ молитвенныхъ словъ къ Господу Богу о томъ, чтобъ ему было показано вѣчное блаженство праведниковъ, онъ снова увидѣлъ свѣтъ съ неба, простиравшійся на весь монастырь. Послѣдовалъ къ нему и гласъ съ неба: „виждь уготованное любящимъ Бога!" Послѣ настоящаго видѣнія праведникъ уже повергся на землю и едва-едва могъ дойти до своей кельи. („Записки Іоанна келейн.").

6. Одинъ благочестивый мужъ-воинъ умиралъ и видѣлъ зеленѣющій лугъ, украшенный цвѣтами пахучихъ травъ, на которомъ виднѣлись собранія людей, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды. Такой былъ пріятный запахъ въ этомъ мѣстѣ, что самая пріятность запаха насыщала живущихъ и гуляющихъ тамъ. Тамъ же строился удивительной красоты домъ, по видимому изъ золотыхъ кирпичей. Золотые кирпичи для строенія дома несли старцы и юноши, дѣвы и отроки.

А другой мужъ имѣлъ видѣніе такое, что домъ для него строился, но работающіе его являлись строить его только по субботамъ. Послѣ имѣвшему видѣніе было откровеніе для уясненія видѣнія, что домъ этотъ строился только по субботамъ потому, что этотъ мужъ имѣлъ обычай относить въ субботній день въ церковь блаженнаго Петра и раздавать нищимъ то, что изъ выработаннаго въ прочіе дни оставалось отъ пищи и одежды (Св. Григор. Двоесл. Изд. 1858 г., стр. 328 и 331).

7. Было видѣніе св. Маврѣ: предсталъ ей чудный мужъ, лицо его сіяло, какъ солнце; онъ, взявши ее за руку, возвелъ на небо, показалъ ей престолъ устланный и на немъ лежащую бѣлую одежду и прекрасный вѣнецъ. Она, удивляясь красотѣ, — спросила водившаго мужа: „чье это, господинъ?"—Онъ отвѣтилъ ей: это воздаяніе тебѣ за твои подвиги, тебѣ приготовленъ престолъ, одежда на немъ и вѣнецъ. Онъ возвелъ ее еще выше, показалъ ей другой престолъ, такъ же устланъ, одежду и вѣнецъ; опять она спросила его: чье это?—„Твоего мужа Тимоѳея",—отвѣтилъ проводникъ. А зачѣмъ они отстоятъ одинъ отъ другого? — „Великая разница между тобою и твоимъ мужемъ: ты отъ мужа получила увѣщаніе на подвигъ мученичества, и онъ виновникъ твоего вѣнца" (Мая 3 дн.).

8. Однажды праведная Марѳа, мать св. Симеона дивногорца, прибывши къ сыну на дивную гору для прощанія съ нимъ, остановилась у него переночевать. Въ сонномъ видѣніи она (т.-е. душа ея) восхищена была на высоту небесную и видѣла пресвѣтлую и чудную палату, которую описать невозможно. Когда она ходила по палатѣ сей, увидѣла тамъ Пресвятую Дѣву Богородицу съ двумя свѣтлыми ангелами. Богоматерь сказала ей: „что удивляешься?" Она со страхомъ, съ радостію и благоговѣніемъ поклонилась Ей и сказала: „о, Владычице!—я удивляюсь красотѣ палаты, ибо во всю свою жизнь не видывала такихъ палатъ". Богородица спросила ее: „кому, думаешь, она готовится?"—Она: „не знаю, о, Госпоже!" Богоматерь: „не знаешь ли, что сей покой тебѣ уготованъ, въ которомъ отнынѣ будешь во вѣки пребывать: сынъ твой пріобрѣлъ его тебѣ". Богоматерь велѣла ангеламъ поставить посреди дивный престолъ и сказала ей: „сія слава дарствуется тебѣ, потому что богоугодно пожила въ страхѣ Господнемъ"; потомъ при-

совокупила: „хочешь ли видѣть еще лучше? И велѣла ей за Собою слѣдовать. Онѣ взошли на высочайшія небесныя мѣста, гдѣ Богоматерь показала ей чуднѣйшую и пресвѣтлѣйшую, лучше первой палату, преисполненную небесной славы, которую умъ человѣческій постигнуть не можетъ и языкъ высказать. Богоматерь сказала: „сію палату создалъ сынъ твой для себя и началъ строить третью“. Богоматерь опять повела ее выше къ востоку солнечному и показала ей съ высоты райскія селенія, въ которыхъ ликовало множество веселящихся мужей и женъ, и сказала: „сіи мѣста сынъ твой даровалъ тѣмъ, которые живутъ въ соблюденіи заповѣдей Господнихъ, цѣломудренно и праведно, съ усердіемъ творятъ милостыни, за то отъ Господа сами сподобятся милости: блажени милостивіи“... (4 іюля, ж. Мареы).

9. Въ житіи преп. Евпраксіи дѣвы говорится: „мать игуменья повѣдала видѣніе такъ: я, взявши Евпраксію, приведена была свѣтлыми мужами къ нѣкоторымъ пречуднымъ вратамъ, онѣ сами отворились; мы вошли внутрь, увидѣли палату нерукотворенную неописанной красоты и высокій престолъ; на немъ сидѣлъ свѣтлый Царь: я не могла войти на средину, а Евпраксію ангелы взяли и привели къ Царю, они поклонились Ему и попѣловали Его ноги; я видѣла тамъ тьмы темъ ангеловъ и безчисленное множество святыхъ; всѣ стояли и смотрѣли на Евпраксію; я видѣла Матерь Божію, Которая взяла Евпраксію за руку и показала ей чертогъ прекрасный и уготованный вѣнецъ, сіяющій славою и чистотою, и слышала гласъ: „Евпраксія! — вотъ воздаяніе твое и покой, нынѣ возвратись и чрезъ 10 дней насытишься всѣхъ сихъ безконечныхъ благъ“ (іюля 25).

10. По смерти Филарета милостиваго одинъ благочестивый мужъ удостоился видѣть нерукотворенную обитель его. Онъ такъ разсказывалъ: „въ восхищеніи я узрѣлъ себя въ пресвѣтломъ мѣстѣ, гдѣ увидалъ пресвѣтлаго и благообразнаго мужа, который показалъ мнѣ рѣку огненную, текущую съ такимъ шумомъ и страхомъ, что человѣкъ стерпѣть не можетъ. По ту сторону рѣки виденъ былъ прекрасный рай, исполненный неизреченной радости и веселія, все то мѣсто было наполнено благоуханія; прекрасныя большія, многоплодныя деревья колебало тихимъ вѣтромъ, и было тамъ прекрасно все, что Богъ приготовилъ любящимъ Его. Тамъ, среди людей въ бѣлыхъ одеждахъ, радующихся и веселящихся и плодами наслаждающихся, я увидѣлъ и Филарета милостиваго, но не узналъ его; онъ былъ въ свѣтлой одеждѣ и сидѣлъ на золотомъ престолѣ посреди садовъ; съ одной стороны предстояли ему дѣти, державшія свѣщи въ рукахъ, а съ другой — тѣснились нищіе и убогіе. Явился тутъ одинъ юноша, свѣтлый лицомъ, съ золотымъ жезломъ въ рукѣ, и я осмѣлился спросить его: „господинъ, — кто это сидитъ на пресвѣтломъ престолѣ среди тѣхъ свѣтлообразныхъ мужей, не Авраамъ ли?“ Юноша отвѣтилъ: Филаретъ амніатскій, любитель нищихъ, честнымъ своимъ житіемъ подобный Аврааму. Св. Филаретъ посмотрѣлъ на меня и началъ тихо звать меня, говоря: „чадо! пріиди и ты сюда, да насладишься сихъ благъ“. Я ему сказалъ: не могу, огненная рѣка возбраняетъ и устрашаетъ меня, чрезъ нее путь узокъ и мостъ неудобенъ, боюсь, чтобы и мнѣ туда не попасть. Филаретъ сказалъ: „иди безбоязненно, всѣ этимъ путемъ пришли сюда и нѣтъ иного пути; я помогу тебѣ“, и простеръ руку. Я началъ было проходить огненную рѣку безъ вреда и, когда подошелъ къ его рукѣ, видѣніе кончилось, и я проснулся (Ч.-М. 1 дек.).

11. *О. Панкратій, инокъ Аѳонскій.* О. Панкратій, въ мірѣ Парамонъ, былъ господскій человѣкъ. Въ дѣтствѣ его жестокая госпожа заставляла его ходить босикомъ въ глубокую осень, когда ужъ снѣгъ и ледъ покрывали землю, отчего ноги его стали сильно болѣть. Бѣдный отрокъ не вытерпѣлъ; онъ тайно убѣжалъ отъ своей барыни, и, во что бы то ни стало, рѣшился выбраться за границу, и ушелъ за Дунай, гдѣ нѣсколько времени оставался въ услуженіи у русскихъ, тоже перебѣжавшихъ за границу.

Случай прихода Панкратія на св. гору страненъ: онъ былъ задушевнымъ другомъ одного изъ малороссовъ, который почему-то покончилъ съ собою самоубійствомъ: несчастный удавился. Чувствительный Панкратій былъ сильно тронутъ и пораженъ вѣчною потерею сердечнаго друга; онъ пламенно молился Богу о помилованіи несчастнаго и, видя, какъ суетна мірская жизнь, бросилъ ее и удалился на св. гору. Здѣсь, въ Русикѣ, нашелъ онъ желаемое спокойствіе духа, несмотря на то, что нога его ужъ сгнивала отъ ранъ, которыя были слѣдствіемъ жестокой простуды въ дѣтствѣ. Впрочемъ, какъ ни ужасны страданія о. Панкратія, онъ ликуетъ себѣ и часто даже говоритъ мнѣ: „повѣрь, что я согласенъ сгнить всѣмъ тѣломъ, только молюсь Богу, чтобъ избавилъ меня отъ сердечныхъ страданій, потому что они невыносимы. Я на тебя иногда смотрю и жалѣю тебя: ты бываешь временемъ самъ не свой отъ внутреннихъ волненій. Охъ! если сердце заболитъ — бѣдовое дѣло! это адское мученіе; а мои раны, будь ихъ въ десятеро болѣе — пустошь: я не нарадуюсь своей бо-

лѣзни, потому что, по мѣрѣ страданій, утѣшаетъ меня Богъ. Чѣмъ тяжелѣе моей ногѣ, чѣмъ значительнѣе боль, тѣмъ я веселѣе, оттого что надежда райскаго блаженства покоитъ меня, надежда царствовать въ небесахъ—всегда со мною. А въ небесахъ вѣдь очень хорошо!“ съ улыбкою иногда восклицаетъ Панкратій.

— Какъ же ты знаешь это?—спросилъ я его однажды.

— Прости меня, — отвѣчалъ онъ, — на подобный вопросъ я бы не долженъ тебѣ отвѣчать откровенно; но мнѣ жаль тебя въ твоихъ сердечныхъ страданіяхъ, и я хочу доставить тебѣ хоть малое утѣшеніе моимъ разсказомъ. Ты видалъ, какъ я временемъ мучусь; охъ, не даромъ я вьюсь змѣей на моей койкѣ; мнѣ бываетъ больно, больно тяжело — невыносимо! Зато, что бываетъ со мною послѣ, это знаетъ вотъ оно только, таинственно замѣтилъ Панкратій, приложивъ руку къ сердцу; ты помнишь, какъ я однажды, не вынося боли, метался на моей постелькѣ, и даже что-то похожее на ропотъ вырвалось изъ моихъ поганыхъ устъ. Но боль притихла, я успокоился, вы разошлись отъ меня по своимъ кельямъ, и я, уложивши мою ногу, сладко задремалъ. Не помню, долго ли я спалъ или дремалъ, только мнѣ видѣлось, и Богъ вѣсть къ чему... Я и теперь, какъ только вспомню про то видѣніе, чувствую на сердцѣ неизъяснимое, райское удовольствіе, и радъ бы вѣчно болѣть, только бы повторилось еще хоть разъ въ моей жизни незабвенное для меня видѣніе. Такъ мнѣ было хорошо тогда!

— Что жъ ты видѣлъ? — спросилъ я о. Панкратія.

— Помню, — отвѣчалъ онъ, — когда я задремалъ, подходитъ ко мнѣ удивительной, ангельской красоты отрокъ и спрашиваетъ: „тебѣ больно, о. Панкратій?“ — Теперь ничего, — отвѣчалъ я, слава Богу! — „Терпи, — продолжалъ отрокъ, ты скоро будешь свободенъ, потому что тебя купилъ господинъ, и очень, очень дорого“...

— Какъ, я опять купленъ?—возразилъ я.

— Да, купленъ, — отвѣчалъ съ улыбкою отрокъ,—за тебя дорого заплачено, и господинъ твой требуетъ тебя къ себѣ. Не хочешь ли пойти со мной? — спросилъ онъ.

Я согласился. Мы шли по какимъ-то слишкомъ опаснымъ мѣстамъ; дикіе, огромные псы готовы были растерзать меня, злобно кидаясь на меня, но одно слово отрока — и они вихремъ неслись отъ насъ. Наконецъ, мы вышли на пространное, чистое и свѣтлое поле, которому не было, кажется, и конца.

— Теперь ты безопасенъ, — сказалъ мнѣ отрокъ; иди къ господину, который вонъ, видишь, сидитъ вдали. — Я посмотрѣлъ и, дѣйствительно, увидѣлъ трехъ человѣкъ, рядомъ сидѣвшихъ. Удивляясь красотѣ мѣста, радостно пошелъ я впередъ; неизвѣстные мнѣ люди въ чудномъ одѣяніи встрѣчали и обнимали меня; даже множество прекрасныхъ дѣвицъ, въ бѣломъ, царственномъ убранствѣ, видѣлъ я: онѣ скромно привѣтствовали меня и молча указывали на даль, гдѣ сидѣли три незнакомца. Когда я приблизился къ сидѣвшимъ, двое изъ нихъ встали и отошли въ сторону; третій, казалось, ожидалъ меня. Въ тихой радости и въ какомъ-то умилительномъ трепетѣ, я приблизился къ незнакомцу.

— Нравится ли тебѣ здѣсь?—кротко спросилъ меня незнакомецъ. — Я взглянулъ на лицо Его: оно было свѣтло; царственное величіе отличало моего новаго Господина отъ людей обыкновенныхъ. Молча упалъ я въ ноги къ Нему и съ чувствомъ поцѣловалъ ихъ; на ногахъ Его были насквозь пробиты раны. Послѣ того я почтительно сложилъ на груди мои руки, прося позволенія прижать къ моимъ грѣшнымъ устамъ и десницу Его. Не говоря ни слова, Онъ подалъ ее мнѣ. И на рукахъ Его были также глубокія раны. Нѣсколько разъ облобызалъ я десницу незнакомца, и въ тихой, невыразимой радости смотрѣлъ на него. Черты моего новаго Господина были удивительно хороши; онѣ дышали кротостью и состраданіемъ; улыбка любви и привѣта была на устахъ Его; взоръ выражалъ невозмутимое спокойствіе сердца Его.

— Я откупилъ тебя у госпожи твоей, и ты теперь навсегда уже Мой, началъ говорить мнѣ незнакомецъ.—Мнѣ жаль было видѣть твои страданія; твой дѣтскій вопль доходилъ до Меня, когда ты жаловался Мнѣ на госпожу твою, томившую тебя холодомъ и голодомъ; и вотъ ты теперь свободенъ навсегда. За твои страданія Я вотъ что готовлю тебѣ.

Дивный незнакомецъ указалъ мнѣ на отдаленіе: тамъ было очень свѣтло; красивые сады, въ полномъ своемъ расцвѣтѣ, рисовались тамъ, и великолѣпный домъ блестѣлъ подъ ихъ эдемской сѣнью. — Это твое, продолжалъ незнакомецъ, только не совсѣмъ еще готово, потерпи. Когда наступитъ пора твоего вѣчнаго покоя, Я возьму тебя къ себѣ; между тѣмъ побудь здѣсь, посмотри на красоты мѣста твоего, и терпи до времени: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ!

— Господи!—воскликнулъ я внѣ себя отъ радости, я не стою такой милости! — При этихъ словахъ я бросился Ему въ ноги, облобызалъ ихъ; но, когда поднялся, предо

мною никого и ничего не было. Я пробудился. Стукъ въ доску на утреню раздался по нашей обители, и я всталъ тихонько съ постели на молитву. Мнѣ было очень легко, а что я чувствовалъ, что было у меня на сердцѣ — это моя тайна. Тысячи лѣтъ страданій отдалъ бы я за повтореніе подобнаго видѣнія. Такъ оно было хорошо! (Изъ „Писемъ святогорца").

2. **Новый Іерусалимъ (Апок. XXI).** Св. Іоаннъ Богословъ изображаетъ рай или жилище праведныхъ подъ видомъ новаго Іерусалима.

1. „И увидѣлъ я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нѣтъ. 2. И я, Іоаннъ, увидѣлъ святой городъ Іерусалимъ, новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный какъ невѣста, украшенная для мужа своего. 3. И услышалъ я громкій голосъ съ неба, говорящій: се, скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними: они будутъ Его народомъ, и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ. 4. И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее прошло. 5. И сказалъ сидящій на престолѣ: се, творю все новое. И говоритъ мнѣ: напиши; ибо слова сіи истинны и вѣрны. 6. И сказалъ мнѣ: совершилось! Я есмь Алфа и Омега, начало и конецъ; жаждущему дамъ даромъ отъ источника воды живой. 7. Побѣждающій наслѣдуетъ все, и буду его Богомъ, и онъ будетъ Мнѣ сыномъ. 8. Боязливыхъ же и невѣрныхъ, и скверныхъ, и убійцъ, и любодѣевъ, и чародѣевъ, и идолослужителей, и всѣхъ лжецовъ участь въ озерѣ, горящемъ огнемъ и сѣрою. Это смерть вторая. 9. И пришелъ ко мнѣ одинъ изъ седми ангеловъ, у которыхъ было седмь чашъ, наполненныхъ седмью послѣдними язвами, и сказалъ мнѣ: пойди, я покажу тебѣ жену, невѣсту Агнца. 10. И вознесъ меня въ духѣ на великую и высокую гору, и показалъ мнѣ великій городъ, святой Іерусалимъ, который нисходилъ съ неба отъ Бога. 11. Онъ имѣетъ славу Божію. Свѣтило его подобно драгоцѣннѣйшему камню, какъ бы камню яспису кристалловидному. 12. Онъ имѣетъ большую и высокую стѣну, имѣетъ двѣнадцать воротъ и на нихъ двѣнадцать ангеловъ; на воротахъ написаны имена двѣнадцати колѣнъ сыновъ израилевыхъ. 13. Съ востока трое воротъ, съ сѣвера трое воротъ, съ юга трое воротъ, съ запада трое воротъ. 14. Стѣна города имѣетъ двѣнадцать основаній, и на нихъ имена двѣнадцати апостоловъ Агнца. 15. Говорившій со мною имѣлъ золотую трость для измѣренія города и воротъ его и стѣны его. 16. Городъ расположенъ четвероугольникомъ, и длина его такая же, какъ и широта. И измѣрилъ онъ городъ тростью на двѣнадцать тысячъ стадій. Длина и широта и высота его равны. 17. И стѣну его измѣрилъ во сто сорокъ четыре локтя, мѣрою человѣческою, какова мѣра и ангела. 18. Стѣна его построена изъ ясписа, а городъ былъ чистое золото, подобенъ чистому стеклу. 19. Основанія стѣны города украшены всякими драгоцѣнными камнями. Основаніе первое ясписъ, второе сапфиръ, третье халкидонъ, четвертое смарагдъ. 20. Пятое сардониксъ, шестое сардоликъ, седьмое хризолиѳъ, восьмое вириллъ, девятое топазъ, десятое хрисопрасъ, одиннадцатое гіацинтъ, двѣнадцатое аметистъ. 21. А двѣнадцать воротъ—двѣнадцать жемчужинъ. Каждыя ворота были изъ одной жемчужины; улица города чистое золото, какъ прозрачное стекло. 22. Храма же я не видѣлъ въ немъ, ибо Господь Богъ Вседержитель храмъ его и Агнецъ. 23. И городъ не имѣетъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего; ибо слава Божія освѣтила его, и свѣтильникъ его Агнецъ. 24. Спасенные народы будутъ ходить во свѣтѣ его, и цари земные принесутъ въ него славу и честь свою. 25. Ворота его не будутъ запираться днемъ, а ночи тамъ не будетъ. 26. И принесутъ въ него славу и честь народовъ. 27. И не войдетъ въ него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только тѣ, которые написаны у Агнца въ книгѣ жизни".

3. **Описаніе святыми отцами блаженства праведниковъ.** Самое картинное описаніе такого рода встрѣчается у Ефрема Сирина, Златоуста и Василія Великаго изъ отцовъ восточной церкви; у Лактанція и Амвросія Медіоланскаго изъ древнихъ отцовъ и учителей запада. Особенно замѣчательно по живости и яркости красокъ описаніе Ефрема Сирина: оно находится въ его знаменитыхъ „гимнахъ о раѣ", проникнутыхъ глубокимъ восторженнымъ чувствомъ его святой души и отмѣченныхъ величавой прелестью оригинальнаго высоко-поэтическаго дарованія [1])

---

[1]) Irin. adv. haeres. V, 5: рай, въ которомъ обиталъ Адамъ, находится внѣ и поверхъ земли, — въ него были перенесены Энохъ и Илія, которые и пребудутъ въ немъ до скончанія міра, въ него былъ восхищенъ ап. Павелъ (2 Кор. XII, 4), въ немъ жилище блаженныхъ,—Tertul. Apolog. cap. 49,—Lactant. Instit. div. 1. II, cap. 12 и др. См. Thilo, Codex apocriph. N. T. p. 748 и сл. прим.—Мысль о томъ, что земной рай находится на востокѣ, далеко за океаномъ, представителемъ которой является въ VI в. Козьма Индикопловъ, сдѣлавшій описаніе его въ своей «Христіанской топографіи», вѣроятно, перешла отъ іудеевъ, у которыхъ была подобная мысль (ср. Ioseph. Flav. de bello judaico II, 8. 11) или, гораздо прямѣе — отъ грековъ, которые Элизіумъ и острова блаженныхъ помѣщали за океаномъ. — Одис. IV, 561; Гезіодъ, Theog. 731; Op. et. D. 167 и сл,

Рай онъ называетъ „Эдемомъ“, „садомъ“, „мѣстомъ свѣта и блеска“, „мѣстомъ радостей“, „пристанищемъ побѣдителей“ и т. п., и помѣщаетъ его „по ту сторону океана, омывающаго землю“. Въ раю четыре рѣки, воды которыхъ подземными каналами проходятъ на землю и образуютъ здѣсь водные потоки. По формѣ онъ представляетъ высокую гору — „превыше всѣхъ горъ земныхъ“ и такъ обширенъ по величинѣ, что можетъ вмѣстить всѣхъ праведныхъ, — гора раздѣляется на три отдѣленія: нижнее — отъ подошвы до средины, средняя часть и вершина горы, надъ которой обитаетъ самъ Богъ, — праведные же, переходящіе въ рай по смерти, размѣщаются по степенямъ ихъ заслугъ по тремъ различнымъ отдѣленіямъ райской горы. Рай имѣетъ врата, которыя для вступающихъ въ него служатъ мѣстомъ испытанія, такъ какъ только люди вполнѣ достойные могутъ проходить черезъ нихъ, а недостойные остаются внѣ вратъ, и въ этомъ смыслѣ, по словамъ Ефрема Сирина, каждый человѣкъ обладаетъ ключами рая. Въ раю среди множества райскихъ деревьевъ возвышаются — „древо познанія добра и зла“ и „древо жизни“, — послѣднее Ефремъ Сиринъ называетъ „солнцемъ рая“, — его листья всюду распространяютъ свѣтъ, „всѣ деревья райскаго сада преклоняются предъ нимъ, какъ предъ своимъ царемъ“, его красота и блескъ выше всякаго описанія. И древо жизни также отличается необыкновенными достоинствами и красотой, — подъ нимъ и вокругъ него цвѣты, „образующіе цѣльный цвѣточный коверъ“, на его вѣтвяхъ „роскошные плоды“, составляющіе какъ бы его прикрытіе, „его небо...“ Кромѣ этихъ деревьевъ, въ раю множество другихъ, множество растеній и травъ, обладающихъ необыкновенными свойствами: „число ихъ и блескъ превосходитъ число и блескъ небесныхъ звѣздъ“, ихъ благоуханіе подобно цѣлительному бальзаму... Райскіе сады омываются кристальной водой изъ роскошныхъ ручейковъ и источниковъ, протекающихъ по разнымъ направленіямъ [1]). Воздухъ рая Ефремъ Сиринъ называетъ „источникомъ сладости“ и говоритъ, что „все прекрасное въ раю соединено въ немъ — соединено все находящееся внѣ его“; „онъ оживляетъ и услаждаетъ, даетъ духовную пищу и питье блаженнымъ душамъ, въ немъ движутся духи, купаются въ немъ, для нихъ онъ — море радостей...“ [2]) Подъ нѣжнымъ дуновеніемъ воздуха въ раю все цвѣтетъ и растетъ: здѣсь царствуетъ вѣчная весна [3]). Такова внѣшняя природа, среди которой пребываютъ обитатели рая — „сыны свѣта“. Ихъ жилища „сотканы изъ облаковъ“, распространяютъ вокругъ себя необыкновенно пріятное благоуханіе, „окружены цвѣтами и обвѣшаны драгоцѣнными плодами“. По наружному виду эти жилища не всѣ одинаковы: одни выше, другія ниже, одни отличаются большимъ блескомъ, другія меньшимъ, смотря по степенямъ достоинствъ и заслугъ ихъ обитателей. Всѣ святые и праведные, по отшествіи изъ земной жизни, переходятъ въ рай, и такъ какъ, по словамъ Ефрема Сирина „Іисусъ Христосъ и Его ученіе — ключъ и врата рая“, то въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ апостолы, распространившіе на землѣ слово Божіе: „съ того дня, когда Святый Духъ сошелъ на апостоловъ, они уже вступили въ рай“ [1]), — за ними слѣдуютъ пророки и мученики, потомъ дѣвственники и дѣвственницы и т. д. Въ описаніи блаженной жизни праведныхъ, какъ въ описаніи райской природы, Ефремъ Сиринъ употребляетъ также самыя яркія краски, хотя въ томъ и другомъ случаѣ онъ даетъ понять, что картинность, или, если можно такъ выразиться, *поэтичность его восточной живописи* не слѣдуетъ принимать въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, отдѣльно отъ того высокаго духовнаго содержанія, для котораго она служитъ только средствомъ конкретно передать мысль и облечь въ живые образы вдохновенное чувство любви къ предмету почти недосягаемаго духовнаго созерцанія — къ отечеству всѣхъ радостей, надеждъ и стремленій святыхъ душъ. Пребывая въ раю, среди роскошной, неописуемой природы, праведные наслаждаются обѣтованнымъ наслѣдіемъ — блаженствомъ райской жизни: „облеченные въ одѣяніе свѣта“, они свободны отъ всякихъ позывовъ, страстей и потребностей, неизбѣжныхъ въ земномъ и тѣлесномъ существованіи, имъ чужды прежнее горе и страданія земли, какъ и земныя радости: „ихъ блаженство, ихъ пища — хвала Бога, ихъ одѣяніе — свѣтъ, ихъ видъ — величіе и высота“, все въ нихъ духовно или одухотворено высшей духовной силой, поставляющей ихъ въ ближайшее общеніе съ Богомъ и съ ангелами. Вся ихъ жизнь — безпрестанная хвала и прославленіе Бога, безпрестанное пѣніе — „святъ, святъ, святъ Господь“, почему и самое мѣсто ихъ пребыванія Ефремъ Сиринъ называетъ „мѣстомъ Осанны или Аллилуія“; они прославляютъ благость Божію, и въ ихъ устахъ — рѣки премудрости, въ ихъ сердцѣ — миръ, въ познаніи — истина, въ испытаніи — благоговѣніе, въ ихъ хвалебномъ пѣніи — любовь“ [2]).

[1]) Uhleman, Ephrems des Syrers Ansichten von dem Paradiese, pag. 171.
[2]) Uhleman, ib. 173.
[3]) Ibid. 177.

[1]) Ibid. 215.
[2]) Uhleman ib. 303.

Приведенное описаніе рая у Ефрема Сирина, несмотря на яркій восточный колоритъ, въ существенныхъ чертахъ безусловно гармонируетъ съ тѣмъ общимъ мнѣніемъ о мѣстопребываніи и о жизни отшедшихъ праведныхъ душъ, которое существуетъ съ первыхъ вѣковъ христіанства, на западѣ и на востокѣ, и которое у отцовъ церкви, у христіанскихъ ораторовъ и поэтовъ, выражалось, какъ и у Ефрема Сирина, въ цѣломъ рядѣ живописныхъ образовъ и картинъ, восторгающихъ чувство и вводящихъ мысль христіанина въ горнія обители загробной жизни. На западѣ, кромѣ Лактанція, Амвросія Медіоланскаго и другихъ, почти такое же, какъ у Ефрема Сирина, и при томъ также высоко-поэтическое описаніе рая встрѣчается въ гимнахъ его знаменитаго современника Клим. Аврелія Пруденція. Вотъ, напр., какими чертами въ одномъ изъ своихъ гимновъ онъ описываетъ блаженное мѣстопребываніе праведныхъ: тамъ (въ раю), говоритъ онъ, земля, усѣянная розами и разноцвѣтною травою, разливаетъ благоуханіе и, орошаемая журчащими ручейками, производитъ пахучія фіалки и нѣжныя кроки, — тамъ струится бальзамъ, истекающій изъ нѣжныхъ вѣтокъ, тамъ распространяютъ благоуханіе драгоцѣнный киннамонъ (коричное дерево) и другія рѣдкія растенія... Тамъ блаженныя души, ступая непорочными стопами по лиліямъ, оглашаютъ зеленѣющія поля согласнымъ пѣніемъ сладостныхъ гимновъ".

Сравнимъ эти поэтическія изображенія съ однимъ изъ видѣній въ мученическихъ актахъ св. Фелицитаты и Перпетуи, древность которыхъ засвидѣтельствована Тертулліаномъ. „Четыре ангела, разсказываетъ св. мученикъ (Сатуръ), вывели насъ изъ темницы, и вмѣстѣ съ ними направились мы къ востоку. Мы поднимались вверхъ, но не прямо-перпендикулярно, а какъ бы по склону прекраснаго и незамѣтно возвышавшагося холма. Лишь только мы удалились немного отъ земли, какъ насъ окружило блистаніе свѣта. Я сказалъ тогда Перпетуѣ, бывшей подлѣ меня: „сестра моя, обѣтованіе Господне исполняется: вотъ то, что Господь обѣщалъ намъ!" Пройдя еще немного, мы вступили въ садъ, въ которомъ было множество разнаго рода цвѣтовъ: тутъ были кусты розъ, высокіе какъ кипарисъ, бѣлые и красные цвѣты которыхъ, движимые дуновеніемъ нѣжнаго зефира, сыпались и представляли изъ себя какъ бы падавшій густымъ слоемъ пахучій, разноцвѣтный снѣгъ... Четыре ангела, еще болѣе блестящіе, чѣмъ тѣ, которые были съ нами, вышли навстрѣчу и привѣтствовали насъ... Мы пошли по этимъ обширнымъ и прекраснымъ садамъ и встрѣтили здѣсь Секунда, Сатурнина и Артакса, которые пострадали за вѣру — были сожжены живыми, и Квинта, который умеръ въ темницѣ также за вѣру. И когда мы спросили, гдѣ находятся другіе мученики, пострадавшіе за вѣру, — ангелы сказали намъ: войдите и привѣтствуйте домовладыку этого прекраснаго сада... Предъ нами былъ великолѣпный чертогъ, стѣны котораго, казалось, были сдѣланы изъ чистыхъ алмазовъ, — мы вошли въ него, и въ одной изъ комнатъ, которая была несравненно прекраснѣе и богаче всѣхъ другихъ, чрезъ которыя мы проходили, ангелы каждому изъ насъ подали бѣлыя одежды, — раздавались голоса, сливавшіеся въ единогласномъ пѣніи и безпрестанно повторявшіе: „святый, святый, святый!"... Сатуръ разсказываетъ далѣе, что они были представлены предъ престоломъ Господа Іисуса, „около Котораго по правую и по лѣвую сторону, на золотыхъ сѣдалищахъ, возсѣдали двадцать четыре старца", — Господь принялъ ихъ въ Свои объятія и дозволилъ остаться „въ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ", пользуясь всѣмъ, что находилось въ нихъ. „Мы остались, говоритъ мученикъ, и нашей пищей служило благоуханіе райскихъ цвѣтовъ и растеній" [1])... (См. кн. проф. А. Пономарева: „Собесѣд. св. Григ. Вел. о загроб. жизни").

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Высокія приготовительныя условія къ блаженству святыхъ. Судъ и прославленіе святыхъ.

1. Люди всѣхъ возрастовъ, положеній и націй, отъ начала сотворенія міра до извѣстнаго одному лишь Богу дня должны будутъ явиться на судъ и услышать свой приговоръ. Страшный день! Счастливый день! Страшный для тѣхъ, которые забыли о пришествіи Спасителя своего, — счастливый для тѣхъ, которые надѣялись и ожидали Его.

Тогда каждый долженъ будетъ дать отчетъ въ своей жизни, именно, какъ онъ пользовался дарами, полученными отъ Бога: временемъ, здоровьемъ, разумомъ, благодатію, скорбями, помощію и внушеніями. Грѣхи юности, забытые грѣшниками, со всѣми частными паденіями, откроются предъ людьми и ангелами. Они оскорбляли Спасителя Іисуса Христа, не слушая Его словъ, оскорбляли Его служителей, преслѣдовали Его послѣдователей; они увидятъ Его тогда сѣдящимъ, какъ Судію своего. Ихъ совѣсти будутъ обвинять ихъ и напоминать имъ объ ихъ преступленіяхъ. Куда скроется несчастный грѣшникъ? Кто пойметъ смущающія его сердце мысли? Ни міръ, ни его прежніе друзья не въ силахъ помочь ему. Было время, грѣшникъ, когда Іисусъ Христосъ желалъ спасти тебя, а ты не хотѣлъ этого; теперь ты

[1]) Ruinart, Acta Martirum, t. I, 202 и сл.

желалъ бы этого, но Онъ уже не хочетъ. Ты напрасно будешь теперь восклицать: *горы, падите на меня и закройте меня отъ лица Сѣдящаго на престолѣ и гнѣва Агнца!* Итакъ, я требую отъ тебя предъ Богомъ и Спасителемъ Іисусомъ Христомъ, Который долженъ судить живыхъ и мертвыхъ, когда явится въ царствѣ Своемъ, серьезно поразмыслить обо всемъ этомъ.

Но зачѣмъ смущаться тебѣ, душа смиренная и благочестивая? Спасшій Ноя отъ потопа и Лота при разрушеніи Содома, забудетъ ли Онъ тебя въ этотъ день? *Сумѣетъ Господь избавить благочестивыхъ отъ напастей и соблюсти грѣшниковъ для наказанія въ день суда* (2 Петр. II, 9). Въ тотъ день Онъ поразитъ ужасомъ Своихъ враговъ и покажетъ Своему народу неизглаголанное счастіе. *Тутъ нѣтъ осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ живутъ не по плоти, а по духу. Кто будетъ обвинять избранныхъ Божіихъ? Богъ оправдаетъ ихъ. Кто осудитъ, если судія не осуждаетъ* (Рим. VIII, 1, 33, 34)? *Исповѣдующихъ Меня предъ людьми Я исповѣдую предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ* (Мѳ. X, 32).

Невыразимая радость! Спаситель нашъ, любящій насъ и любимый нами, будетъ нашимъ Судіей. Христіанинъ! Іисусъ Христосъ будетъ судить тебя, Тотъ, Который сошелъ на землю, терпѣлъ, плакалъ, проливалъ Свою кровь и умеръ за тебя,—Тотъ, Который былъ судимъ, осужденъ и принесенъ въ умилостивительную жертву за тебя. И послѣ того, какъ Онъ исполнилъ самую большую часть Своего служенія въ искупленіи, возрожденіи, освященіи и спасеніи тебя, разрушитъ ли Онъ все Свое дѣло? Торжественность и величіе этого дня такъ представлены апостоломъ: *Праведно предъ Богомъ оскорбляющимъ васъ воздать скорбію, а вамъ оскорбляемымъ—отрадою вмѣстѣ съ нами въ явленіе Господа Іисуса съ неба съ ангелами силы Его, въ пламенѣющемъ огнѣ совершающаго мщеніе не познавшимъ Бога и непокоряющимся благовѣствованію Господа нашего Іисуса Христа, которые подвергнутся наказанію, вѣчной погибели, отъ лица Господа и отъ славы могущества Его, когда Онъ придетъ прославиться во святыхъ Своихъ, и явиться дивнымъ въ день оный во всѣхъ вѣровавшихъ, такъ какъ вы повѣрили нашему свидѣтельству* (2 Ѳесс. I, 6—10).

2. Другія приготовительныя мѣры къ блаженству святыхъ состоятъ въ ихъ торжественномъ прославленіи и участіи въ царствѣ Божіемъ; потому что, какъ Христосъ, ихъ глава, былъ царемъ и первосвященникомъ, такъ и избранные Его сдѣлаются *царями и священниками Бога* (Апок. V, 10), чтобы царствовать и всегда пѣть хвалу Ему. *Вѣнецъ правды, сохраненный для нихъ, данъ будетъ имъ въ тотъ день Господомъ, праведнымъ Судіей* (2 Тим. IV, 8). Они были вѣрными до смерти, и за это Онъ дастъ имъ *вѣнецъ жизни* (Апок. II, 10). Дѣлая ихъ участниками, Онъ обратится къ нимъ съ слѣдующими словами: „*хорошо, вѣрный и добрый рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многимъ поставлю тебя; войди въ радость Господина своего*“ (Мѳ. XXV, 23). Онъ скажетъ имъ слѣдующія утѣшительныя слова: *придите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ созданія міра* (Мѳ. XXV, 34), — слова исполненныя жизни и радости. (См. кн. «Вѣчное блаженство святыхъ» Ричарда Бакстра, пер. съ франц. Изд. 1882 г.).

Б. **Преимущества блаженства святыхъ.**

Посмотримъ далѣе, какія преимущества соединяются съ блаженствомъ святыхъ. Преимущества этого блаженства: это наслѣдіе пріобрѣтенное, — даръ, данный не по заслугамъ,—даръ, преимущественный для святыхъ, — общеніе со святыми и ангелами, — непосредственное происхожденіе всѣхъ радостей отъ Бога, наконецъ, совершенный и вѣчный покой.

1. Почесть, въ высшей степени замѣчательная по отношенію къ блаженству святыхъ — это наслѣдство пріобрѣтенное (Ефес. I, 14), т.-е. цѣною крови Сына Божія. Это самое величайшее выраженіе любви — отдать жизнь свою за любимыхъ. И какой безпрерывной радости мы будемъ исполнены, когда будемъ имѣть предъ глазами непрерывно Іисуса Христа, нашего Искупителя, и въ своихъ сердцахъ глубокое сознаніе любви, потерпѣвшей смерть за насъ! Съ какимъ восторгомъ святые будутъ вѣчно созерцать своего милосердаго Искупителя! Созерцаніе Его ранъ любви не откроетъ нашихъ ранъ скорби. Тотъ, Который тотчасъ послѣ Своего воскресенія обратился къ бѣдной грѣшницѣ съ сими утѣшительными словами: «жена, зачѣмъ плачешь ты?» — можетъ пробуждать радость и любовь безъ малѣйшаго признака скорби.

2. Другое преимущество блаженства святыхъ— это то, что оно есть даръ Божій. Оно дорого стоитъ для Христа, но туне даровано намъ. Мы получаемъ и наслѣдуемъ его даромъ, безъ серебра и всякой цѣны. Какимъ высокимъ вѣчнымъ благоговѣніемъ должны проникаться святые, при мысли объ этомъ дарѣ! Что такого во мнѣ, что Спаситель удостоилъ меня такой участи, что облекъ меня, бѣднаго, жалкаго, такою высокою славою,—возвелъ меня, персть земную, на такую высоту, — что наполнилъ сердце мнѣ радостію? Кто можетъ измѣрить эту безконечную любовь?

Пусть это блаженство было бы даровое и независимое отъ нашей заслуги,—это уже предметъ достойный изумленія; но оно дано намъ вопреки нашимъ дѣламъ, наперекоръ тѣмъ усиліямъ, которыя мы предпринимали для нашего собственнаго

паденія. Какимъ изумленіемъ будемъ мы объяты при одной мысли о безмѣрномъ разстояніи между нашими дѣлами и даромъ получаемымъ! Какую любовь пробудитъ въ насъ слѣдующая мысль: «вотъ мѣсто, куда грѣхъ велъ меня, и мѣсто, куда привелъ меня Христосъ! Тамъ смерть, возмездіе за мой грѣхъ,—здѣсь жизнь вѣчная, даръ Божій чрезъ Іисуса Христа, нашего Спасителя».

3. Это блаженство, особенное для святыхъ, принадлежитъ только имъ изъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ и обще всѣмъ святымъ. Оно состоитъ въ общеніи блаженныхъ духовъ, святыхъ и ангеловъ, подъ главенствомъ Іисуса Христа; оно состоитъ въ общеніи святыхъ во всей своей полнотѣ. Если надежда быть вмѣстѣ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ Божіемъ пробуждаетъ въ насъ радость законную, то въ большей мѣрѣ пользованіе и обладаніе этимъ благомъ будутъ исполнять насъ радостнымъ чувствомъ. Единеніе съ Моисеемъ, Давидомъ и всѣми искупленными, вѣчно поющими пѣснь Агнцу, — видѣніе Еноха, ходящаго предъ Богомъ, Ноя, получившаго награду за свое благочестіе, — Іосифа за свое цѣломудріе, Іова — за свое терпѣніе, и всѣхъ святыхъ, — все это составляетъ награду за вѣру ихъ. Мы тамъ не только узнаемъ нашихъ предковъ, но и всѣхъ святыхъ всѣхъ временъ, которыхъ мы никогда не знали во плоти; мы узнаемъ ихъ и будемъ наслаждаться ихъ присутствіемъ. Да и ангелы, подобно святымъ, будутъ друзьями нашими. *Радуясь на небѣ* (Лук. XV, 7—10) о нашемъ обращеніи, они возрадуются вмѣстѣ съ нами о нашемъ прославленіи.

4. Еще преимущество блаженства святыхъ состоитъ въ томъ, что они будутъ принимать всѣ виды радостей непосредственно отъ Бога. Теперь христіанинъ знаетъ по опыту, что самыя высокія наслажденія суть вмѣстѣ и самыя дорогія, особенно происходящія непосредственно отъ Духа. Христіане чѣмъ болѣе предаются молитвѣ и созерцанію, тѣмъ болѣе проникаются жизнію и радостнымъ чувствомъ, потому что они получаютъ все непосредственно отъ самого Бога. Это не то значитъ, что намъ можно было бы поэтому пренебрегать проповѣдью, чтеніемъ или всякимъ другимъ благодатнымъ средствомъ, установленнымъ отъ Бога, но, пользуясь этими средствами, христіанинъ долженъ поставить себя выше ихъ. Есть радость и въ этихъ несовершенныхъ общеніяхъ, но полнота ея состоитъ въ непосредственномъ присутствіи Бога. Тогда мы будемъ наслаждаться свѣтомъ безъ свѣтильника и непрестаннымъ днемъ безъ солнца. *Городъ этотъ не имѣетъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего; слава Божія—свѣтъ его, и Агнецъ—свѣтильникъ. Не будетъ тамъ ночи и не будетъ нужды въ свѣтѣ отъ свѣтильника и солнца, потому что Господь Богъ будетъ освѣщать ихъ, и будутъ царствовать во вѣки вѣковъ* (Апок. XXI, 23; XXII, 5).

5. Блаженство это будетъ совершенно. Радость наша будетъ безъ всякой примѣси печали. Въ этой пристани мы будемъ подъ защитою отъ волнъ, обуревающихъ насъ здѣсь. Мы будемъ свободны отъ всего злого, какъ отъ грѣха, такъ и отъ скорби. На небѣ не будетъ совершенно грѣха. *Не войдетъ туда ничего сквернаго; не будетъ тамъ предающагося мерзости и лжи* (Апок. XXI, 27). Зачѣмъ бы Христу умирать, если бы небо могло быть обителію душъ несовершенныхъ. *Сынъ Божій пришелъ для того, чтобы разрушить дѣла діавола* (I Іоан. III, 8). Его кровь и Его Духъ не должны оставлять насъ съ нашими сквернами. Христіанинъ! ты на небѣ не будешь болѣе грѣшить; не благая ли это вѣсть для тебя, такъ долго молившагося и трудившагося, чтобы обезопасить себя отъ грѣха? Твои желанія будутъ исполнены; ты освободишься навсегда отъ этого грубаго сердца, этихъ дурныхъ мыслей, которыя преслѣдовали тебя при исполненіи почти всѣхъ твоихъ обязанностей.

Тамъ мы будемъ защищены противъ всѣхъ искушеній сатаны. Какъ горько для христіанина, хотя бы онъ не поддавался искушеніямъ, быть непрестанно возбуждаемымъ къ отрицанію своего Господа! Какъ прискорбно смотрѣть на себя, подверженнаго такимъ страшнымъ возмущеніямъ, осаждаемаго такими нечистыми помыслами, — сомнѣваться иногда въ благости Божіей, унижать жертву Іисуса Христа, сомнѣваться въ истинности писаній, возмущаться противъ Провидѣнія! Какъ горько быть возбуждаемымъ къ тому, чтобы обращаться къ предметамъ міра, увлекаться грѣховными стремленіями, предаваться плотскимъ удовольствіямъ и иногда даже отрицаться Бога! Какъ скорбно предаваться этимъ искушеніямъ, особенно, когда мы сознаемъ ложное направленіе своихъ сердецъ, знаемъ, какъ они воспріимчивы воспламеняться отъ прикосновенія къ одной изъ этихъ искръ! Сатана можетъ увлекать насъ здѣсь, но для него недоступенъ святой градъ.

Такъ, не будетъ тамъ мѣста никакимъ искушеніямъ міра и плоти. О, какими опасностями мы окружены здѣсь постоянно! Всѣ наши чувства, всѣ члены, всѣ творенія служатъ кознями для насъ. Мы едва можемъ открывать глаза, чтобы не быть въ опасности завидовать высшимъ насъ и презирать низшихъ, желать богатствъ и почестей какихъ-нибудь, съ гордостью смотрѣть на отрепья и бѣдность другихъ. Красота пробуждаетъ въ насъ зависть, безобразіе—отвращеніе и презрѣніе. Какой постоянной и активной дѣятельности требуютъ наши желанія! Обладаемъ ли пріятностью и красотой, — сколько пищи для гордости! Одарены ли мы разсудкомъ и дарами знаній, — сколько поводовъ къ гордости, къ искательству похвалъ и къ презрѣнію братьевъ! Возвысились ли въ авторитетѣ? Сколько искушенія къ злоупотребленію нашимъ значеніемъ, къ при-

знанію закономъ нашей воли! Оказались ли мы въ униженномъ положеніи? какъ мы дѣлаемся склонными завидовать возвышенію другихъ, подвергать ихъ дѣйствія собственному осужденію! Богаты ли мы? сколько гордости! Бѣдны ли?— какое искушеніе для недовольства! Не Богъ служитъ причиною затрудненій для насъ въ этомъ, но наша собственная поврежденная природа, и мы сами дѣлаемся для себя вредными. Главное наше утѣшеніе въ томъ, что мы будемъ защищены отъ всѣхъ этихъ искушеній. На небѣ все соединится, чтобы мы возносили хвалы нашему великому Избавителю.

Будемъ также покойны отъ всѣхъ нашихъ бѣдствій. Малозначащимъ это кажется тѣмъ, которые живутъ въ радости и довольствѣ; но для души, всегда скорбной, это ожиданіе дѣлаетъ утѣшительною самую мысль о небѣ. О, душа моя! перенеси немощи своей земной храмины: онѣ лишь недолго будутъ продолжаться; грядущій Искупитель поможетъ тебѣ достигнуть цѣли.

6. Послѣднюю ступень нашего прославленія составляетъ вѣчное продолженіе этого блаженства, безъ чего прочее ничего бы не значило. Одна мысль о прерывности его отравила бы всѣ наши радости. Но, о, блаженная вѣчность, гдѣ такія мысли не будутъ омрачать нашей жизни, такія опасенія не будутъ нарушать нашихъ радостей! О, душа моя! Оставь всѣ прелести настоящаго счастія, разстанься съ землей, отрѣшись отъ плоти, чаще думай и разсуждай объ одномъ словѣ *вѣчность*. Почему же? Жить и никогда не умирать, радоваться и радоваться непрестанно! Счастливыми почитали бы себя осужденные на геенскія мученія, если бы они могли надѣяться освободиться отъ нихъ послѣ милліоновъ вѣковъ! Несчастны были бы святые на небѣ, если бы они были лишены этого послѣ продолжительности милліона міровъ!

Вѣчный!—пусть грѣшникъ вспоминаетъ это слово, и да пробудитъ оно его отъ смертнаго сна; пусть душа благочестивая думаетъ о немъ и да воодушевляется имъ среди самой глубокой агоніи.

Такимъ образомъ я старался открыть предъ тобой славу будущаго; но какъ недостаточно мое слово къ выраженію ея превосходства! Читатель! если ты смиренный и кроткій вѣрующій, если ты стремишься къ этому блаженству всѣми желаніями и усиліями, то скоро почувствуешь истину всего этого, скоро убѣдишься, что все, сказанное мною, выше реальности. А видѣнное тобою пусть воспламеняетъ твои желанія и пробуждаетъ усилія. Встань и отдайся труду: стремленію, борьбѣ безпрестанной, усилію; предъ тобой награда вѣрная и славная. Не предавайся колебаніямъ, и все будетъ твое. Сколько людей сдѣлалось бы христіанами въ жизни и исполненіи обязанностей, если бы они всегда помнили объ этой славѣ, представляющейся ихъ мысли! Въ какомъ расположеніи были бы они, если бы ихъ надежды небесныя были живы и полны вѣры! Были ли бы ихъ сердца такъ невоспріимчивы? Искали ли бы они себѣ утѣшеній на землѣ? Исцѣли, Господи, наши плотяныя сердца, а то какъ бы наша невѣрность не лишила насъ этого божественнаго блаженства. (См. кн. «Вѣчное блаженство святыхъ», Ричарда Бакстра, перев. съ французск., 1882 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Загробная участь грѣшниковъ.

1. **Видѣнія мукъ грѣшниковъ.** а) Одинъ благочестивый воинъ былъ при смерти и, возвратившись къ жизни, разсказывалъ: „я видѣлъ темную и мрачную рѣку, чрезъ которую былъ мостъ; по этому мосту былъ творимъ искусъ, или испытаніе: кто грѣшенъ, тотъ упадалъ въ эту темную и зловонную рѣку, а кто праведенъ, тотъ проходилъ по нему свободно и безпечально. По ту сторону этой рѣки видѣнъ былъ зеленѣющій лугъ, благоухающіе травы и цвѣты, и видны были обители съ живущими въ нихъ въ бѣлыхъ одеждахъ мужами. Однѣ обители стояли ближе къ рѣкѣ и мосту, а другія дальше, до однѣхъ обителей доходилъ смрадный запахъ рѣки этой, а до другихъ нѣтъ. Еще строилась одна свѣтлая обитель, чудная и благодатная, изъ однихъ золотыхъ камней, а для кого — неизвѣстно. Такое было благоуханіе въ томъ мѣстѣ, что переходившіе чрезъ то мѣсто и жившіе тутъ отъ одного обонянія и благоуханія его насыщались. Близъ той страшной рѣки я видѣлъ умершаго 4 года уже назадъ нѣкоего мужа, именемъ Петра, висящаго стремглавъ въ страшныхъ тѣхъ мѣстахъ, связаннаго великими, тяжелыми желѣзами. Я спросилъ его: „за что онъ такъ страждетъ?“ — Онъ отвѣтилъ: за то, что когда мнѣ велѣно было кого наказывать за преступленія, такъ я наказывалъ не столько изъ-за послушанія, сколько по жестокости и безчеловѣчію характера. (Прол. мая 23 дня).

б) Одинъ разслабленный, изнемогая въ духѣ терпѣнія, съ воплемъ просилъ Господа прекратить его страдальческую жизнь.

— Хорошо, сказалъ явившійся больному ангелъ,—Господь, будучи неизреченно благъ, соизволяетъ на твою молитву,—Онъ прекращаетъ твою временную жизнь, только съ условіемъ: вмѣсто одного года страданій на землѣ, которыми каждый человѣкъ очищается, какъ золото въ огнѣ, согласенъ ли ты пробыть три часа въ адскихъ мученіяхъ? Твои грѣхи требуютъ очищенія въ страданіяхъ

собственной твоей плоти, ты долженъ бы быть въ разслабленіи еще годъ, потому что какъ для тебя, такъ и для всѣхъ вѣрующихъ, нѣтъ другого пути къ небу, кромѣ крестнаго, проложеннаго безгрѣшнымъ Богочеловѣкомъ. Этотъ путь тебѣ наскучилъ на землѣ, — испытай эти муки только въ теченіе трехъ часовъ, а послѣ, молитвами св. церкви, ты будешь спасенъ.

Страдалецъ задумался: годъ страданій на землѣ — это ужасное продолженіе времени! лучше же я вытерплю три часа въ этихъ безконечныхъ мукахъ, — сказалъ онъ себѣ, — чѣмъ годъ на землѣ.

— Согласенъ въ адъ! — сказалъ онъ, наконецъ, ангелу.

Ангелъ тихо принялъ его страдальческую душу и, заключивши ее въ преисподнихъ ада, удалился отъ страдальца съ словами утѣшенія: „черезъ три часа явлюсь я за тобою!“

Господствующій повсюду мракъ, тѣснота, долетающіе отовсюду звуки неизъяснимыхъ грѣшническихъ воплей, видѣніе духовъ злобы въ ихъ адскомъ безобразіи, — все это слилось для несчастнаго страдальца въ невыразимый страхъ и томленіе. Онъ всюду видѣлъ и слышалъ только страданіе и вопли и ни ползвука радости въ необъятной безднѣ ада; одни лишь огненные глаза демоновъ сверкали въ преисподней тьмѣ, и носились предъ нимъ ихъ исполинскія тѣни, готовыя сдавить его и сжечь своимъ геенскимъ дыханіемъ. Бѣдный страдалецъ затрепеталъ и закричалъ; но на его крикъ и вопли отвѣчала только адская бездна своимъ замирающимъ вдали эхомъ и клокотаніемъ геенскаго пламени, которое клубилось въ виду трепетавшаго заключенника. Ему казалось, что протекли уже цѣлые вѣка страданій; съ минуты на минуту ждалъ онъ къ себѣ свѣтоноснаго ангела, — но ангела не было. Наконецъ, страдалецъ отчаялся въ его райскомъ появленіи и, скрежеща зубами, застоналъ; но никто не внималъ его воплямъ. Всѣ грѣшники, томившіеся въ безднѣ геенской, были заняты собою, своимъ собственнымъ только мученіемъ, и ужасные демоны въ адской радости издѣвались надъ мученіями грѣшниковъ.

Наконецъ тихій свѣтъ ангельской славы разлился надъ бездною. Съ райскою улыбкою приступилъ ангелъ къ добровольному страдальцу и спросилъ о его состояніи.

— Не думалъ я, чтобы въ устахъ ангельскихъ могла быть ложь, — прошепталъ едва слышнымъ, прерывающимся отъ страданій голосомъ страдалецъ. — Ты обѣщался взять меня отсюда чрезъ три часа, а между тѣмъ цѣлые годы, цѣлые вѣка протекли въ моихъ невыразимыхъ страданіяхъ.

— Что за годы, что за вѣка? — кротко отвѣчалъ ангелъ. — Часъ, одинъ только часъ прошелъ со времени моего отсутствія, и два часа еще быть тебѣ здѣсь.

— Два часа? — въ испугѣ спросилъ страдалецъ, — два часа? а это часъ только протекъ? Охъ, не могу болѣе терпѣть, нѣтъ силы! Если только можно, если только есть воля Господня, — умоляю тебя: возьми меня отсюда! Лучше на землѣ буду я страдать годы и вѣка, даже до послѣдняго дня, до самаго пришествія Христова на судъ, — только выведи меня отсюда. Невыносимо! Пожалѣй меня! — со стономъ воскликнулъ страдалецъ, простирая руки къ свѣтлому ангелу.

— Богъ, какъ отецъ щедротъ и утѣхи, — отвѣчалъ ангелъ, — являетъ на тебѣ благодать Свою, исполняя прошеніе твое. Но ты долженъ знать и помнить, сколь жестоки и невыносимы адскія мученія. (Извлеч. изъ „Писемъ святогорца“, стр. 224, письмо 15).

2. **Въ чемъ будутъ состоять муки грѣшниковъ?** (по ученію св. отцовъ). Мученія, на которыя будутъ осуждены грѣшники праведнымъ судомъ Божіимъ, слово Божіе изображаетъ разными чертами и съ разныхъ сторонъ. Оно упоминаетъ:

1. *Объ удаленіи грѣшниковъ отъ Бога и ихъ проклятіи.* „Идите отъ Меня проклятіи (Матѳ. XXV, 41), скажетъ имъ грозный Судія, — *не вѣмъ васъ..., отступите отъ Мене вси дѣлателіе неправды*“ (Лук. XIII, 27; снес. Матѳ. VII, 21). И это удаленіе отъ Бога и проклятіе будетъ для несчастныхъ само по себѣ величайшимъ наказаніемъ. „Для имѣющаго чувство и разумъ, замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, быть отверженнымъ отъ Бога значитъ вытерпѣть уже геенну“. (На Римл. бесѣд. V, стр. 95 по русс. пер.). „Нестерпима геенна и мученіе въ ней, впрочемъ, если представить и тысячи гееннъ, то все это ничего не будетъ значить въ сравненіи съ несчастіемъ лишиться оной блаженной славы, возненавидѣннымъ быть отъ Христа и слышать отъ Него: не вѣмъ васъ, и обвиненіе, что мы, видя Его алчущаго, не напитали! Ибо лучше подвергнуться безчисленнымъ ударамъ молніи, нежели видѣть кроткое лицо Господа, отъ насъ отвращающееся, и ясное око Его, не могущее взирать на насъ“. (На „ев. Матѳ. бесѣд. XXIII“, т. 1, стр. 495).

2. О томъ, что *грѣшники будутъ лишены всѣхъ благъ царствія небеснаго,* которыхъ удостоятся праведники. Самъ Спаситель засвидѣтельствовалъ, что, тогда какъ мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ въ царствіи небеснѣмъ, недостойные сынове царствія изгнаны будутъ во тьму кромѣшнюю (Матѳ. VIII, 11—12; снес. 22, 13); и,

находясь въ мукахъ, будутъ зрѣть Авраама издалеча и праведниковъ на лонѣ его (Лук. XVI, 23). „Это лишеніе благъ, разсуждаетъ св. Златоустъ, причинитъ такую муку, такую скорбь и тѣсноту, что, если бы и никакая казнь не ожидала согрѣшающихъ здѣсь, то оно само по себѣ сильнѣе геенскихъ мукъ можетъ растерзать и возмутить наши души“... И далѣе: „многіе безразсудные желаютъ только избавиться геенны, но я считаю гораздо мучительнѣйшимъ геенны наказаніемъ не быть въ оной славѣ; и тому, кто лишился ея, думаю, плакать должно не столько о геенскихъ мученіяхъ, сколько о лишеніи небесныхъ благъ; ибо это одно есть жесточайшее изъ всѣхъ наказаніе“. (Слов. 1 къ Ѳеодору падш., въ Хр. чт. 1844, 1, 370, 375).

3. *О мѣстѣ, куда удалены будутъ грѣшники, и объ ихъ сообществѣ.* Мѣсто это называется то бездною, страшною и для самихъ демоновъ (Лук. VIII, 31), то адомъ (Лук. XVI, 22), или землею тьмы вѣчныя, идѣже нѣсть свѣта (Іов. X, 22), то геенною огненною (Матѳ. V, 22—28), пещію огненною (—13,—50) езеромъ огненнымъ и жупельнымъ (Апок. XIX, 20; XX, 14; XXI, 8). И въ такомъ-то мѣстѣ грѣшники, въ продолженіе цѣлой вѣчности, не будутъ видѣть вокругъ себя никого, кромѣ отверженныхъ духовъ злобы, бывшихъ главною причиною ихъ погибели (Матѳ. XXV, 41). „Кто на землѣ грѣшилъ, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, и оскорблялъ Бога, и скрывалъ дѣла свои, тотъ будетъ вверженъ во тьму кромѣшнюю, гдѣ нѣтъ ни луча свѣта; кто таилъ въ сердцѣ своемъ лукавство, и въ умѣ своемъ зависть, того скроетъ страшная глубина, полная огня и жупела; кто предавался гнѣву и не допускалъ въ сердце свое любви, даже до ненависти къ ближнему, тотъ преданъ будетъ на жестокое мученіе аггеламъ“ („О страхѣ Бож. и о послѣдн. судѣ“, въ тв. св. отц. XV, 308).

4. *О внутреннихъ мученіяхъ грѣшниковъ во адѣ.* Тогда исполнится на нихъ во всей обширности слово апостола: скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка, творящаго злое (Римл. II, 9). Воспоминаніе протекшей жизни, которую такъ безразсудно погубили они на порочныя дѣла, непрестанные укоры совѣсти за всѣ когда-либо содѣланныя беззаконія, позднее сожалѣніе о томъ, что не воспользовались богодарованными средствами ко спасенію, тягостнѣйшее сознаніе, что уже нѣтъ возможности покаяться, исправиться и спастись,—все это будетъ терзать несчастныхъ непрестанно. „Тѣ,—пишетъ св. Василій Великій, которые дѣлали зло, воскреснутъ на поруганіе и стыдъ, чтобы увидѣть въ самимъ себѣ мерзость и отпечатлѣніе содѣланныхъ ими грѣховъ. И можетъ-быть, страшнѣе тьмы и вѣчнаго огня тотъ стыдъ, съ которымъ увѣковѣчены будутъ грѣшники, непрестанно имѣя предъ глазами слѣды грѣха сдѣланнаго во плоти, подобно какой-то невыводимой краскѣ, навсегда остающейся въ памяти душъ ихъ“. („Бесѣд. на пс. XXXIII, 6, въ тв. св. отц.“ V, 293).

5. *О внѣшнихъ мученіяхъ грѣшниковъ во адѣ.* Эти мученія представляются въ св. писаніи подъ образами червя неумирающаго и гораздо чаще огня неугасающаго. Христосъ Спаситель, предохраняя насъ отъ соблазновъ, сказалъ между прочимъ: „аще нога твоя соблазняетъ тя, отсѣцы ю: добрѣе ти есть внити въ животъ хрому, неже двѣ нозѣ имущу ввержену быти въ геенну, во огнь неугасающій, идѣже червь ихъ не умираетъ, и огнь не угасаетъ“ (Марк. IX, 45—46) въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ замѣтилъ, что богачъ, находящійся по смерти своей во адѣ, страждетъ во пламени (Лук. XVI, 24), и на всеобщемъ судѣ произнесетъ грѣшникамъ: „идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный“ (Матѳ. XXV, 41).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ объ этомъ адскомъ огнѣ такъ: „грѣшники преданы будутъ огню вѣчному, не такому вещественному, какой у насъ, но такому, какой извѣстенъ одному Богу“. („Точ. изл. прав. вѣры“, кн. IV, гл. 27).

„Услышавши объ огнѣ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, не думай, будто тамошній огонь похожъ на здѣшній: этотъ, что захватитъ, сожжетъ и измѣнитъ на другое; а тотъ, кого однажды обыметъ, будетъ жечь всегда и никогда не перестанетъ, почему и называется неугасимымъ. Ибо и грѣшникамъ надлежитъ облечься безсмертіемъ — не въ честь, но чтобы быть всегдашнимъ напутіемъ тамошняго мученія: а сколько это ужасно, того и представить умъ никогда не можетъ; развѣ изъ опытнаго познанія маловажныхъ бѣдствій можно получать малое понятіе о тѣхъ великихъ мученіяхъ“. (Св. Іоаннъ Златоустъ. „Слово 1-е къ Ѳеодору падшему“).

„О, коль страшенъ тотъ огонь, котораго и самъ сатана трепещетъ! восклицаетъ св. Димитрій, митрополитъ ростовскій. Если для бѣсовъ бездна геенская страшна, кольми паче для людей должна быть ужасна и трепетна. Если и здѣсь огненная казнь, на которую когда человѣкъ бываетъ осужденъ, страшна, то несравненно страшнѣе то наказаніе, которое послѣдуетъ въ гееннѣ огненной. Бѣсы не боятся здѣшняго огня такъ же, какъ и мы не боимся огня, изображеннаго на доскѣ (на картинѣ), — а геенскаго огня

трепещутъ. Этотъ огонь сожигаетъ только тѣлесное вещество, а тотъ жжетъ и мучитъ и безплотныхъ духовъ. Этотъ огонь, при недостаткѣ горючаго вещества, угасаетъ; а геенскій никогда не угаснетъ, по свидѣтельству Самого Господа: „червь ихъ (грѣшниковъ) не умираетъ и огнь не угасаетъ“ (Марк. IX, 45). Здѣшній огонь, когда горитъ, свѣтитъ, а пламя того огня, когда горитъ, только жжетъ, но нисколько не освѣщаетъ тьмы внѣшней; а если бы сколько-нибудь и освѣтило, то для большаго страха и трепета осужденныхъ, — для того, чтобы видѣть мучимыя лица грѣшниковъ, съ которыми въ жизни сей грѣхами своими вмѣстѣ прогнѣвали Господа. Здѣшній огонь, объявши человѣка, вверженнаго въ него, тотчасъ умерщвляетъ и въ одинъ часъ сожигаетъ и обращаетъ въ пепелъ; а тотъ, геенскій огонь, жжетъ, но не умерщвляетъ: грѣшники, вверженные въ геенскій огонь, не умрутъ, будучи жегомы и мучимы вѣчно. И если одинъ часъ быть жегомымъ мученіе великое и нестерпимое, — помыслимъ, сколь ужасно будетъ мученіе тѣхъ, которые будутъ горѣть и не сгорать въ безконечные вѣки!“ („Лѣтопись“, объ огнѣ геенскомъ, стр. 122—123).

6. *О слѣдствіяхъ всѣхъ этихъ мученій, внутреннихъ и внѣшнихъ,* каковы: плачь и скрежетъ зубовъ, отчаяніе, погибель вѣчная. Тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубомъ, не разъ повторялъ Спаситель о гееннѣ (Матѳ. VIII, 12; XIII, 42, 50; XXV, 30). „Когда отойдемъ туда, разсуждаетъ св. Златоустъ, то, если покажемъ и самое сильное раскаяніе, никакой ужъ не получимъ отъ того пользы; но, сколько ни будемъ скрежетать зубами, сколько ни будемъ рыдать и молить тысящекратно, никто и съ конца перста не капнетъ на насъ, объятыхъ огнемъ: напротивъ, мы услышимъ то же, что и евангельскій богачъ, — что пропасть велика между нами и вами утвердися (Лук. XVI, 28). Будемъ скрежетать зубами отъ страданій и мукъ нестерпимыхъ, но никто не поможетъ. Будемъ крѣпко стенать, когда пламень сильнѣе станетъ охватывать насъ, но не увидимъ никого, кромѣ мучимыхъ вмѣстѣ съ нами и кромѣ великой пустоты. Что сказать о тѣхъ ужасахъ, которые мракъ будетъ наводить на наши души?“ (Сл. къ Ѳеод. падш. 1, въ „Хр. чт.“ 1844, 1, 361. 366—367).

Св. Антоній Вел. говоритъ: „что означаютъ плачъ и рыданіе, какъ не величайшее сожалѣніе о грѣхахъ? Тогда начнемъ негодовать на самихъ себя, раскаиваться, скрежеща зубами.., когда покаяніе не будетъ имѣть мѣста“ (Отечн. еп. Игн., стр. 2).

Сдѣлаемъ и здѣсь сравненіе. Вотъ у насъ раздирается сердце, когда мы слышимъ громкій плачъ только лишь нѣсколькихъ несчастныхъ лицъ (наприм., когда мать и дѣти плачутъ на могилѣ своего мужа, отца): что же сказать о плачѣ, стонахъ и скрежетѣ зубовномъ, которые будутъ исходить отъ множества людей? Каждый изъ мучимыхъ грѣшниковъ и самъ будетъ испускать плачевные стоны, и кругомъ себя будетъ слышать тотъ же плачъ.

Приведемъ здѣсь *примѣръ* изъ современной жизни, который сдѣлался извѣстенъ по особенному Божію откровенію. Одна благочестивая женщина девять дней была въ загробномъ мірѣ, а потомъ чудесно ожила. Ей были показаны рай и адъ. Когда послѣ рая она была низведена во адъ, то „услышала здѣсь такой вопль, такой стонъ, что описать невозможно“. Поэтому она крѣпко стала молить Бога, чтобъ милосердный Господь возвратилъ ее къ жизни для покаянія. („Церк. вѣст.“ 1884 г. № 21).

3. **Огонь неугасающій.** Что такое огонь неугасающій? — Прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ ни въ св. писаніи, ни въ ученіи церкви. Поэтому св. Іоаннъ Дамаскинъ объ огнѣ адскомъ выражается такъ: грѣшники преданы будутъ огню вѣчному, не такому вещественному, какой у насъ, но такому, какой извѣстенъ одному Богу“ [1]). И блаженный Августинъ: „каковъ огонь, какого рода и въ какомъ мѣстѣ вселенной, того, думаю, никто изъ людей не можетъ знать, кромѣ развѣ того, кому откроетъ Духъ Божій“ [2]).

Какъ ни трудно уразумѣніе этого предмета, но мысль человѣческая, ищущая разгадки всего таинственнаго для ней, не оставила совсѣмъ не затронутымъ рѣшеніе занимающаго насъ вопроса. Рѣшеніе его распадается на два вида: одни думали и думаютъ, что огонь неугасающій и червь неумирающій могутъ быть понимаемы въ смыслѣ переносномъ, какъ символы жесточайшихъ адскихъ мученій, что червь выражаетъ преимущественно внутреннія угрызенія совѣсти, а огонь — страшныя мученія внѣшнія. Такъ думали: Оригенъ [3]), Амвросій [4]), Іеронимъ [5]) и Августинъ [6]); такъ думали и думаютъ и прежде и теперь многіе, пытавшіеся опредѣлить таинственный пред-

---

[1]) Точное изложеніе православн. вѣры, кн. IV, гл. 27, стр. 308.
[2]) De civit. Dei XX, 16.
[3]) De princip. II, 10 n. 4. 5.
[4]) Jn Luc. lib. VII, n. 205.
[5]) Jn Ephes. V, 6.
[6]) De civit. Dei. XXI, 9. n. 2; 10 n. 1.

метъ [1]). Другіе, напротивъ, понимаютъ слова писанія совершенно буквально, вывѣскою чего могутъ служить картины страшнаго суда, на которыхъ мучащіеся въ адѣ представляются горящими въ пламенѣющихъ кострахъ, зацѣпленные желѣзными крюками — кто за языкъ, кто за бокъ, кто за ноги, или сидящими въ котлахъ съ кипящею смолою, или стоящими на раскаленномъ желѣзѣ. Большинство христіанъ, особенно изъ низшаго, необразованнаго или малообразованнаго класса, смотритъ, кажется, на адскія мученія именно такъ, а не иначе.

Изъ этихъ двухъ взглядовъ на адскія мученія церковь не приняла перваго, хотя онъ высказывался и высказывается лицами высокаго образованія, оставляя его въ ряду частныхъ мнѣній. Да и не могла церковь принять его, такъ какъ крайности не свойственны точному ученію православной вѣры; а таковое, безъ ущерба истинѣ, не можетъ принимать словъ Христовыхъ объ адскихъ мученіяхъ за метафору: Христосъ много разъ съ точностію и опредѣленностію говоритъ, что мученіями грѣшниковъ во адѣ будутъ — огонь и червь [2]). Апостолы говорятъ то же [3]). Общій голосъ церкви таковъ же. Этотъ голосъ преосвященнѣйшій Антоній, въ своемъ Догматическомъ богословіи, сокращенно выражаетъ такъ: „множество свидѣтельствъ священнаго писанія, очевидно, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что огонь геенскій должно понимать не въ какомъ-нибудь переносномъ смыслѣ, или иносказательномъ, а въ смыслѣ собственномъ“ [4]).

Не придавая значенія точнаго ученія первому взгляду на адскія мученія, оставляя его въ ряду частныхъ мнѣній, церковь тѣмъ болѣе не можетъ принять послѣдняго, какъ переводящаго на будущую обновленную жизнь грубыя понятія теперешней жизни, скрывающія отъ нашихъ очей высокій образъ любвеобильнаго Бога христіанскаго. Грубыя понятія объ адскихъ мученіяхъ могутъ быть приличны религіямъ, составляющимъ произведеніе человѣческаго ума, и людямъ, мыслящимъ въ духѣ такихъ религій. Такія понятія ничѣмъ не выше магометанскаго ученія объ адѣ, которое, по Корану, таково: „Какое страшное жилище (геенна)! Когда грѣшники будутъ ввержены (туда), то услышатъ ее рыкающею, а огонь загорится съ силой. Адъ чуть не треснетъ отъ ярости“.—„Кожа мучащихся истребится огнемъ, но мы одѣнемъ ихъ другою, чтобы заставить ихъ испытать наказаніе“.—„Мы заставимъ его (грѣшника) жариться на огнѣ сакара (адскаго огня). Онъ ожигаетъ тѣло человѣка. Онъ не оставляетъ ничего, не истребивши, не оставляетъ ничего цѣлымъ, ничему не даетъ скрыться“.— „Осуждаемый на жилище въ огнѣ, имѣя тѣло сверху покрытымъ слоями огня, будетъ напоенъ кипящей смолой, которая изорветъ ему внутренности; онъ покроется вонючей водой“. „Нечестивые еще будутъ накормлены деревомъ Цаккумъ. Это дерево растетъ изъ глубины ада; его вершины какъ будто демонскія головы. Отверженные будутъ имъ питаться и наполнять желудокъ“. „Сверхъ того увидимъ ихъ обремененными по рукамъ и ногамъ цѣпями. Ихъ туники будутъ изъ смолы, огонь покроетъ ихъ лица, потому что Богъ распредѣляетъ каждую душу по дѣламъ ея“ [1]). Эти буквальныя выдержки изъ Корана не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что магометанство разумѣетъ адскія мученія въ грубо-чувственномъ смыслѣ.

Если же ни одинъ изъ двухъ приведенныхъ взглядовъ на адскія мученія не можетъ быть принятъ за точное ученіе вѣры православной, а церковь сочла за лучшее оставить вопросъ объ адскомъ огнѣ безъ опредѣленнаго отвѣта, который, по выраженію блаженнаго Августина, вѣдомъ только Духу Божію и тому, кому благоволитъ открыть этотъ Духъ, то не слѣдуетъ ли, въ виду молчанія церкви и замѣчанія блаженнаго учителя оной, отказаться отъ уясненія довольно нелегкаго для пониманія предмета? Слѣдовало бы, если бы Духъ Божій Самъ не поднималъ завѣсы, прикрывающей будущее отъ нашихъ глазъ. Заглянемъ же за эту завѣсу, насколько она приподнята Духомъ Божіимъ вѣрующимъ во Христа и приникающимъ съ благоговѣніемъ къ Его Божественному слову, къ ученію церкви и къ книгѣ природы. Что же читаемъ въ этихъ органахъ вѣщаній Духа Божія?

Слово Божіе, говоря объ огнѣ геенскомъ, усвояетъ ему странныя, по видимому, свойства. Оно, во-первыхъ, называетъ его огнемъ неугасимымъ [2]); во-вторыхъ — огнемъ, опаляющимъ свои несчастныя жертвы и никогда не сожигающимъ ихъ [3]); въ третьихъ — огнемъ, въ которомъ не будетъ ни луча свѣта, который будетъ непроглядною тьмою [4]). На

[1]) Изъ новѣйшихъ богослововъ такъ думаетъ, напр., епископъ Михаилъ и излагаетъ свои мысли въ объясненіи притчи «о богатомъ и Лазарѣ». См. его Толковое евангеліе на Луку, изд. 1871 г., стр. 483.—Также въ объясненіи словъ Іисуса Христа изъ 25 гл. Матѳ. ст. 41—43 объ участи грѣшниковъ, гдѣ говоритъ: «огонь изображаетъ высшую степень мученій, такъ какъ огнемъ казнь (сожженіе) есть самая жестокая казнь». Стр. 496.

[2]) Матѳ. 5, 22. 30. 13, 50. 25, 41. Марк. 9, 43—50. Лук. 16, 24 и др.

[3]) 2 Солун. 1, 8. Евр. 10, 21. Апок. 20, 15 и др.

[4]) Догм. богослов. Антонія, изд. 1862 г., стр. 271.

[1]) Коранъ Магомета въ русскомъ перев. Николаева, изд. 1864 г.

[2]) Марк. 9, 45. 46. 48. Матѳ. 25, 41.

[3]) Апок. 20, 10.

[4]) Матѳ. 8, 11. 12. 22. 13 и др.

этихъ чудныхъ свойствахъ адскаго огня, какъ свойствахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія размышляющихъ о немъ, останавливались многіе отцы и учителя церкви, напр.: Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ, Августинъ, Тертулліанъ, Минуцій Феликсъ, Лактанцій, Василій Великій и др. Послѣдній, напр., говоритъ: „тамошній огонь будетъ огонь несвѣтлый, который во тьмѣ содержитъ попаляющую силу, но лишенъ свѣтозарности“ [1]), въ которомъ, по Ефрему Сирину, „нѣтъ ни луча свѣта“ [2]), который совсѣмъ не похожъ на настоящій: этотъ, что захватитъ, сожжетъ и измѣнитъ на другое, а тотъ, кого однажды обыметъ, будетъ жечь всегда и никогда не перестанетъ, почему и называется неугасимымъ“,—говоритъ святой Златоустъ [3]). Лактанцій пишетъ: „этотъ (адскій) огонь будетъ весьма отличенъ отъ употребляемаго нами огня. Нашъ огонь потухаетъ, какъ скоро не достаетъ топлива для поддержки его; но огонь, который Богъ возжетъ для казни нечестивыхъ, будетъ огнемъ, не имѣющимъ надобности ни въ какомъ топливѣ; онъ будетъ безъ дыма, будетъ чистъ и жидокъ, какъ вода, не будетъ подниматься вверхъ, какъ нашъ огонь, котораго земляныя части и грубыя испаренія принуждаютъ подниматься къ небу неровными и нестройными волнами. Этотъ огонь будетъ имѣть силу вмѣстѣ и жечь нечестивыхъ, и сохранять ихъ; ибо, служа самъ для себя пищею, онъ будетъ уподобляться баснословному коршуну, который гложетъ Титія, не умерщвляя его, какъ то поэты повѣствуютъ. Онъ будетъ жечь и мучить тѣла, не истребляя ихъ.— Тѣ, которыхъ добродѣтель будетъ совершенна, нисколько не коснутся этого огня, потому что будутъ имѣть въ себѣ силу, отъ него ихъ устраняющую. Огню этому Богъ даруетъ власть мучить преступныхъ, но щадить непорочныхъ“ [4]). И нельзя мыслящей душѣ не остановиться вниманіемъ на свойствахъ адскаго огня! Въ природѣ, намъ извѣстной, мы знаемъ огонь угасающій, огонь истребляющій вещи, подвергающіяся его дѣйствію, огонь, въ обыкновенномъ видѣ сопровождающійся пламенемъ. Разница, очевидно, громадная. Какъ же понимать чудныя свойства адскаго огня и какое составить понятіе о немъ?

Ключъ къ разрѣшенію этого вопроса мы думаемъ видѣть въ словахъ Самого Іисуса Христа, заимствуемыхъ изъ Его притчи „о богатомъ и Лазарѣ“. Въ этой притчѣ, извѣстной всякому христіанину, внимательному къ слову Божію,—говорится, что богатый, находясь въ адѣ, въ мукахъ, увидѣлъ вдали отъ себя Авраама и Лазаря на лонѣ его и, *возгласивъ, рече: отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой: яко стражду въ пламени семъ. Рече же Авраамъ: чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши.* Изъ этихъ словъ притчи прежде всего видно, что мученіе богача въ геенскомъ огнѣ состоитъ въ тѣснѣйшей, внутренней связи съ земною его жизнью: *помяни, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ,* — говоритъ ему Авраамъ; въ замѣнъ чего — *нынѣ страждеши.* — Что же это за *благая, яже* богатый *воспріялъ въ животѣ своемъ?* Во время земной своей жизни, — какъ сказано въ началѣ притчи, богатый каждый день пиршествовалъ блистательно: *по вся дни веселяся свѣтло.* Послѣ такого рода земной жизни, какой родъ мученія выпалъ на долю богача? У него опаляется нестерпимо жгучимъ огнемъ гортань; для ней проситъ прохлажденія у Авраама несчастный страдалецъ. Чѣмъ грѣшилъ онъ во время земной своей жизни, то и опаляется адскимъ огнемъ; страдалецъ былъ сластолюбецъ, и страждетъ у него органъ сластолюбія, языкъ; страдалецъ любилъ на землѣ искусственный, изысканный способъ удовлетворенія своего вкуса,— въ адѣ видитъ единственное средство къ прохлажденію этого органа чувствъ въ самомъ естественномъ предметѣ утоленія жажды, въ водѣ; онъ говоритъ: *отче Аврааме, посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой: яко стражду во пламени семъ.* Чтобы геенскій огонь опалилъ все тѣло страдальца, этого изъ притчи не видно [1]).

Какое же понятіе объ адскомъ огнѣ, имѣющемъ опалять нераскаянныхъ грѣшниковъ, слѣдуетъ изъ притчи Христа Спасителя?— Приточный страдалецъ горитъ въ огнѣ своей земной страсти; огонь получаетъ свою пищу въ искусственности, изысканности, ненормальности употребленія грѣшившаго органа; источникъ прохлажденія для него усматривается въ самомъ простомъ, естественномъ предметѣ, назначенномъ для удовлетворенія опаляемой части тѣла; словомъ— *ими же* страдалецъ *согрѣшалъ, сими и мучится* [2]). Отсюда такъ естественно слѣ-

---

[1]) Василія Великаго, бесѣда на Псал. XXXIII.— Слово о будущемъ судѣ, въ изд. 1826 г., стр. 214.

[2]) Ефрема Сирина слово — о страхѣ Божіемъ и послѣднемъ судѣ, въ Твор. св. отц. XV, 308.

[3]) Златоуста, слово 1 къ Ѳеодору падшему.

[4]) Лактанція, въ переводѣ Корнѣева, кн. VII, о блаженной жизни, XXI, стр. 16.

[1]) Притча эта находится въ евангеліи отъ Луки, гл. 16, ст. 19—31.

[2]) Премудр. Соломон. 11, 17.

дуетъ, что всякій нераскаянный грѣшникъ будетъ опаляться въ гееннѣ огнемъ своей страсти, опаляться настолько, насколько органы страсти уклонялись отъ естественнаго употребленія ихъ къ неестественному, отъ простого къ искусственному, отъ нормальнаго къ ненормальному, отъ законнаго къ незаконному; эта ненормальность, эта незаконность и будутъ очагомъ адскаго огня, который могъ бы быть погашенъ только тѣмъ, что составляло простой, безыскусственный, нормальный, законный способъ удовлетворенія грѣшившихъ органовъ, но поздно. Каждый изъ отходящихъ въ геенну будетъ вопіять подобно приточному страдальцу: *стражду въ пламени семъ*, въ пламени моей земной страстной наклонности. Въ этомъ источникѣ будетъ заключаться и разнообразіе адскаго огня для разнаго рода грѣшниковъ, о чемъ святой Ефремъ Сиринъ говоритъ такъ: „иначе мучится прелюбодѣй, иначе убійца, иначе воръ и пьяница" и т. д. [1]).

Чтобы выводъ, извлеченный нами изъ притчи Спасителя, получилъ прочность, и понятіе объ адскомъ огнѣ — бо́льшую опредѣленность и ясность, обратимся за разъясненіемъ занимающаго насъ предмета къ книгѣ природы и прочитаемъ изъ ней необходимое для насъ при пособіи науки. Это необходимое будетъ относиться къ обстоятельнѣйшему разсмотрѣнію устройства нашего тѣла, насколько оно имѣетъ значенія въ нашей нравственной жизни. Что же мы черпаемъ изъ этого источника?

а) „По всему нашему тѣлу, вездѣ, гдѣ только есть признаки ощущенія и движенія, распространяется сѣть нервовъ, получающихъ свое начало въ центрахъ нервной системы — головномъ и спинномъ мозгу, находящихся въ костяныхъ хранилищахъ".

б) „Нервныя нити сами по себѣ не обладаютъ ни силою возбуждаться и дѣйствовать, ни способностью чувствовать, мыслить и хотѣть, но посредствомъ ихъ и не иначе душа управляетъ всѣми жизненными отправленіями, онѣ не что иное, какъ безсознательные проводники возбужденій, которыя производятся душою, или получаются ею отъ внѣшняго міра. Когда порывъ какой-нибудь страсти волнуетъ душу человѣка, тогда возбужденное состояніе ея сообщается нервной системой, какъ бы телеграфными проволоками, всѣмъ членамъ человѣческаго тѣла" [2]).

в) „Нервъ, возбуждаемый душою къ извѣстной дѣятельности, отъ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій, не только легче выполняетъ эти дѣйствія, но можетъ получить и нерѣдко получаетъ къ нимъ физическую наклонность, даетъ чувствовать эту наклонность душѣ, которая ощущаетъ нервный организмъ съ его особенностями и тѣми физическими наклонностями, которыя въ немъ установились отъ частаго повторенія той или другой дѣятельности. Такимъ образомъ, сначала намъ нужно употреблять значительное напряженіе сознанія и воли, чтобы дать то или другое направленіе той или другой дѣятельности нашихъ нервовъ, а потомъ мы принуждены бываемъ употреблять такое же усиліе сознанія и воли, чтобы противодѣйствовать наклонности нервовъ, которую мы сами же въ нихъ укоренили: сначала мы ведемъ свои нервы, куда хотимъ, а потомъ они ведутъ насъ, куда, быть-можетъ, мы совсѣмъ не хотимъ итти". „Правда, сознаніе и воля всегда остаются при насъ и, какъ бы сильно ни было влеченіе нервнаго организма въ какомъ-нибудь направленіи, мы всегда можемъ противодѣйствовать ему, но дѣло въ томъ, что, тогда какъ сознаніе наше и воля дѣйствуютъ почти моментально, урывками, нервный организмъ, съ своими наклонностями и привычками, вліяетъ на насъ постоянно. Какъ только воля наша ослабѣетъ на мгновеніе, или сознаніе займется другимъ предметомъ, такъ нервы и начинаютъ подталкивать насъ на тотъ образъ дѣйствія, къ которому они привыкли, и „мы, по выраженію Рида, увлекаемся привычкою, какъ потокомъ, когда плывемъ, не сопротивляясь теченію". Только напряженное вниманіе къ самому себѣ и время могутъ измѣнить настроеніе нервнаго организма".

г) „Опыты показываютъ, что одинъ и тотъ же нервъ можетъ порождать только одного рода ощущенія, хотя и въ различной степени. Мы, напр., замѣтно устаемъ живо представлять себѣ, т.-е. выражать въ нервныхъ движеніяхъ какую-нибудь одну картину, такъ что картина эта, несмотря на всѣ усилія нашей воли, начинаетъ блѣднѣть все болѣе и болѣе, тогда какъ въ то же самое время мы можемъ представить себѣ живо другую картину. Но пройдетъ нѣсколько времени, и мы можемъ представить себѣ прежнюю съ прежнею живостью".

д) Изъ этого поясненія о способности извѣстнаго рода нервовъ производить только извѣстную работу поясняется новое положеніе: „нервы отъ дѣятельности устаютъ, но, отдохнувъ, снова продолжаютъ свою работу". Объ этомъ свойствѣ нервовъ замѣтимъ себѣ слѣдующее: „правильная смѣна утомленія отдыхомъ составляетъ нормальную дѣятельность нервовъ и даетъ себя чувствовать

[1]) Ефрема Сирина, слово на честной крестъ и на второе пришеств. Господа, въ Твор. св. отец. XIV, стр. 50.

[2]) Космосъ. Библія природы, Бенера, кн. IX, гл. 221, стр. 13.

всему существу человѣка хорошо. Но когда нервы выведены изъ своей нормальной дѣятельности, то какъ бы перестаютъ уставать, продолжаютъ работать съ необыкновенною энергіею и часто мучатъ насъ своею непрошенною дѣятельностью. Ненормальная дѣятельность раздраженныхъ нервовъ, повторяясь часто и продолжаясь долго, истощаетъ силы тѣла, — это общеизвѣстный фактъ"[1]).

е) Если же ненормальная дѣятельность нервной системы и всегда сказывается болѣзненно, то не можемъ изъ опыта не видѣть, что такая болѣзненность съ большею силою заявляетъ себя въ ненормальномъ раздраженіи нервовъ противозаконными, безнравственными поступками людей. Возьмемъ для примѣра распутство: до чего доводитъ оно предающихся ему? — При продолжающемся удовлетвореніи страсти, т.-е. при гашеніи пожара масломъ, жертвы распутства не всегда замѣчаютъ опасность своего положенія. Впрочемъ, и при этомъ дѣло доходитъ иногда до такого неестественнаго настроенія нервнаго организма, при которомъ жертвы страсти являются фуріями, выходящими изъ границъ всякаго приличія[2]). А что, если бы онѣ вздумали остановиться отъ своихъ страстныхъ подвиговъ? О, тогда онѣ испытали бы то, что испытала Марія Египетская, со всею добросовѣстностью исповѣдавшая грѣховныя дѣянія своей жизни, не задолго до своей смерти. Она говоритъ: „седмьнадесять лѣтъ пребыхъ въ пустыни сей, яко со звѣрьми лютыми, съ моими безумными похотьми борющися: егда бо пищи вкушати начинахъ, желахъ мясъ и рыбъ, яже ми бяху во Египтѣ. Желахъ же и питія вина вожделѣннаго мнѣ: много бо вина піяхъ въ мірѣ сущи: бываше же ми и желаніе блудныхъ пѣсней, зѣло смущающее и понуждающее мя пѣти пѣсни бѣсовскія, имже навыкохъ". При этомъ „огнь внутрь сердца моего страстнаго возгарашеся и всю отвсюду опаляше мя, и къ желанію смѣшенія понуждаше... И тако скончахъ седмьнадесять лѣтъ, безчисленныя бѣды пострадавши"[3]). Изъ этихъ словъ преподобной Маріи для насъ важно ея признаніе въ томъ что ее нестерпимо опалялъ огонь привычныхъ страстей, съ прекращеніемъ удовлетворенія ихъ. Эти слова признанія даютъ намъ возможность понять, что и всѣ фуріи сладострастія потому и являются фуріями, что горятъ въ огнѣ своей страсти, возженномъ ими самими и поддерживаемомъ непрекращающимся удовлетвореніемъ страстныхъ требованій. Да едва ли не испытывалъ внутренняго горѣнія и всякій, кто состоялъ когда-нибудь подъ вліяніемъ сильно возбужденной плотской страсти. — Прислушаемся также къ заявленію горькихъ пьяницъ, когда имъ отказываютъ въ рюмкѣ водки на похмѣлье. По собственному признанію этихъ несчастныхъ, они сгораютъ внутренно опаляющимъ ихъ огнемъ. Это признаніе пьяницъ св. Василій Великій выражаетъ такъ: „въ утробахъ безмѣрно піющихъ вино горитъ пламень, который погасить они не въ состояніи. О такихъ людяхъ пророкъ Исаія проливаетъ слезы, говоря: *горе возстающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера: вино бо сожжетъ я*"[1]).

Что сказано объ однихъ страстяхъ, то же бываетъ и при всѣхъ, съ наступленіемъ невозможности удовлетворять имъ; что на высшей степени ненормальнаго раздраженія нервовъ сказывается такъ наглядно, то же совершается и на низшихъ степеняхъ, только въ меньшей мѣрѣ. Св. Василій Великій говоритъ: „живущіе страстно имѣютъ собственный огонь страстей, какъ и богачъ имѣлъ внутри себя причину, которая палила его жаждою"[2]). Или: „сами себя пріуготовляемъ къ тому, чтобы стать годными къ сожженію, и, какъ искры огненныя, возгнетаемъ въ себѣ душевныя страсти для возгорѣнія гееннскаго пламени, какъ и палимый жаждою въ пламени богатый"[3]). Или еще: „сладостное для тебя въ настоящемъ будетъ имѣть горькій конецъ; это, нынѣ отъ удовольствія происходящее въ нашемъ тѣлѣ, щекотаніе породитъ ядовитаго червя, который будетъ безконечно мучить насъ въ гееннѣ, и это раздраженіе плоти будетъ матерью вѣчнаго огня"[4]).

ж) Что же сказать объ этомъ огнѣ, жгущемъ людей, приводящихъ свой нервный организмъ въ ненормальное страстное раздраженіе: есть ли этотъ огонь метафорическое выраженіе болѣзненнаго, мучительнаго состоянія организма подъ вліяніемъ страсти, или это дѣйствительный огонь? Приходится, отстранивъ всякую мысль о метафоричности, сказать: да, это дѣйствительный огонь, а не огонь, въ переносномъ смыслѣ понимаемый.— Объяснимся.— Мы сказали, что уставшіе нервы, по отдыхѣ, опять являются способными къ дѣятельности. Что же дѣлается съ ними во время отдыха? Что за сущность отдыха?— Во время его въ нервы поступаютъ новые

[1]) Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, Ушинскаго, томъ I, гл. XIII, X и XI, стр. 104, 84, 85 изд. 1871 г.

[2]) Кто не слыхалъ о безпутствахъ— Мессалины, Поппеи, Лукреціи Борджіо и многихъ другихъ?

[3]) Житіе препод. Маріи Египетской въ Чет.-Минеи, подъ 1 числомъ апрѣля.

[1]) Нравственныя слова Василія Вел. изд. 1855 г., въ словѣ противъ пьяницъ, стр. 224 и 226. — Исаіи 5, 11.

[2]) Собран. твореній Василія Вел. т. II, стр. 241, въ толкованіи на 23 ст. V гл. Исаіи.

[3]) Собраніе твореній Василія Вел. т. II, стр. 90, въ толков. на 31 ст. I гл. Исаіи.

[4]) Въ томъ же собран. т. IV, стр. 43.

матеріалы изъ питательнаго процесса, вмѣсто израсходованныхъ, матеріалы, пополняющіе убыль и, — вслѣдствіе того, возобновляющіе крѣпость и силу уставшаго организма.—Что же это за расходуемый матеріалъ, восполняемый изъ питательнаго процесса? — Это электричество, присутствіе токовъ котораго въ нервахъ положительно доказано Дюбуа—Раймономъ [1]) и принято наукою, какъ фактъ уже не подлежащій сомнѣнію. При нормальной дѣятельности нервовъ, во время отдыха въ нихъ поступаетъ новаго матеріала столько, сколько нужно для продолженія таковой дѣятельности. Но если извѣстный отдѣлъ нервовъ раздраженъ ненормально, если, потому, количество электричества, притекающаго изъ питательнаго процесса, не можетъ соотвѣтствовать силѣ и напряженности возбужденныхъ нервовъ, то этотъ недостатокъ восполняется изъ наличныхъ средствъ организма такимъ образомъ: наука, на основаніи опыта, принимаетъ солидарность между всѣми физическими силами, по которой одна изъ нихъ можетъ переходить въ другую: движеніе въ тепло, тепло въ движеніе, то и другое въ электричество, электричество въ магнитизмъ и т. д. Отсюда становится понятнымъ, что чрезмѣрно, ненормально раздраженные нервы могутъ превращать въ необходимое для нихъ электричество другія силы, потребныя для другихъ отправленій организма, вслѣдствіе чего, какъ сказано выше, и бываетъ истощеніе тѣла при нормальной дѣятельности нервовъ того или другаго отдѣла [2]).

Сообразивъ все сказанное о нервномъ организмѣ, и зная, что люди воскреснутъ въ томъ же самомъ тѣлѣ, въ какомъ теперь живутъ на землѣ, въ томъ же, хотя оно явится по воскресеніи въ обновленномъ видѣ, тѣлѣ, съ тою же нормальностью или ненормальностью отправленій, какая выработана въ немъ душою на землѣ, и которая, потому, окажется сродною ей и по воскресеніи, — сообразивъ все это, мы полагаемъ, что будущій адскій огонь будетъ огонь не метафорически понимаемый, но огонь дѣйствительный, матеріальный, только огонь не совнѣ опаляющій грѣшника, но жгущій его извнутри, тотъ самый, который составляетъ основу жизнедѣятельности нервнаго организма, огонь электрическій. При чрезмѣрной, ненормально раздраженной дѣятельности нервовъ, служившихъ той или другой грѣховной наклонности, количество этого огня явится въ нихъ несравненно больше того, чѣмъ сколько слѣдуетъ для нормальнаго состоянія организма, явится на основаніи перехода силъ одной въ другую, вслѣдствіе ихъ солидарности. Увеличеніе количества огня въ грѣховно-настроенныхъ нервахъ и сдѣлаетъ то, что человѣкъ будетъ горѣть именно въ огнѣ своей страсти, горѣть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе ненормальное раздраженіе нервовъ, чѣмъ обильнѣе, потому, будетъ переходъ силъ страдающаго организма, вслѣдствіе ихъ солидарности, въ электричество ненормально раздраженныхъ нервовъ. Этотъ огонь будетъ жечь человѣка—грѣшника, но не сожжетъ, потому что онъ (огонь) есть самая основа жизнедѣятельности нервнаго организма, будетъ горѣть и никогда не угаснетъ по той же причинѣ, подробнѣе разъясняемой немного ниже, будетъ горѣть, но не свѣтить, даже скорѣе отуманивать сознаніе человѣка, вслѣдствіе своей невыразимо мучительной жгучести. Чтобы горѣть человѣку въ этомъ огнѣ, не нужно ни пламенѣющихъ костровъ, ни прислуги, возжигающей костры и поддерживающей силу пламени прибавкою новаго горючаго матеріала, вмѣсто израсходованнаго, ни кипящихъ котловъ съ смолою, ни другихъ какихъ-либо орудій казни грѣшниковъ. Съ этимъ огнемъ, куда бы ни былъ помѣщенъ нераскаянный грѣшникъ на жительство, вездѣ будетъ мучиться, хотя бы даже помѣстили его въ рай, по прекрасному выраженію покойнаго Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія [1]).

Въ настоящее время излишнее количество огня въ ненормально возбужденныхъ нервахъ уменьшается чрезъ разнаго рода органическія выдѣленія, слѣдствіемъ чего бываетъ усталость нервовъ, а не жженіе ихъ привлеченнымъ въ излишествѣ огнемъ,—хотя и теперь, какъ сказано выше, какъ бы въ показаніе будущаго огня, бываютъ случаи горѣнія въ огнѣ страсти. Теперешнія выдѣленія ненормально возбужденнаго огня, носящія на себѣ печать нравственнаго поврежденія, образуютъ нравственно растлѣнную атмосферу, растлѣвающую міръ и подготовляющую матеріалъ для огня, имѣющаго преобразовать и обновить вселенную, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Но когда міръ преобразится и обновится, когда въ предѣлы его, по писанію, не можетъ уже войти ничто скверное и нечистое [2]), не можетъ, иначе снова нарушилась бы гармонія природы и явилась бы не соотвѣтствующею блаженному состоянію праведниковъ, тогда выдѣленія ненормально возбужденнаго и излишне накопленнаго внутренняго огня грѣшниковъ не

[1]) Учебная физіологія Германа стр. 176, 228.

[2]) См. объ этомъ у Ушинскаго въ книгѣ: Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, гл. XI, §§ 5, 6, стр. 87; у Секки, въ книгѣ: «Единство физическихъ силъ».

[1]) См. сборникъ лекцій профессоровъ Кіевской Дух. Академіи, изд. по случаю юбилея Академіи.

[2]) Апок. 21, 27.

будетъ, слѣдовательно, не будетъ и усталости нервовъ, тогда внутренній огонь останется безысходно въ своемъ внутреннемъ очагѣ и составитъ для собравшаго его мученіе неослабляющееся, непрекращающееся, вѣчное, всегда равное самому себѣ.

Этотъ огонь, какъ плодъ нарушеннаго равновѣсія силъ, привлеченныхъ въ излишествѣ къ ненормально-настроеннымъ нервамъ, въ ущербъ другимъ, естественнымъ образомъ и необходимо произведетъ физическое безобразіе въ организмѣ, которое увеличится еще въ слѣдствіе болѣзненныхъ потрясеній внутренно горящаго страдальца. Поясненіе на это можемъ привести изъ явленій теперешней жизни, со словъ св. Василія Великаго. Этотъ святой отецъ, изображая состояніе гнѣвающагося человѣка на высшей степени раздраженія, говоритъ: „у тѣхъ, кои желаютъ мщенія, въ сердцѣ кровь кипитъ, какъ отъ огня, волнуясь и шумя; вышедши же наружу, въ иномъ образѣ гнѣвающагося показуетъ: очи гнѣвающихся свойственныя и обыкновенныя не познаются; взоръ свирѣпъ и огневиденъ; они зубы острятъ, какъ свиніи во время ярости; лицо синее и кровавое, голосъ жестокъ и паче мѣры напряженъ, слова не ясно, безразсудно, не подробно, ниже благочинно и благознаменито произносимыя. Когда же неисцѣльно, какъ пламень отъ многаго подгнета, разжется человѣкъ, тогда можно видѣть позорище еще большее, кое ни словомъ объяснить, ни дѣломъ показать нельзя“ [1]). Если же человѣкъ такъ сильно обезображивается отъ внутренно-дѣйствующаго огня страсти теперь, когда равновѣсіе силъ можетъ снова возстановиться, то что будетъ съ прекращеніемъ этой возможности? Естественно заключать, что степень безобразія обнаружится тогда въ несравненно большей мѣрѣ.

Поясненіе на то, что адскій огонь останется безвыходно внутри страдальца, а вслѣдствіе своей безвыходности — безъ возможности прохлажденія адскаго жженія, можно находить въ слѣдующемъ церковномъ повѣствованіи. Изъ этого повѣствованія усматриваемъ, что язвы, мучащія грѣшника во адѣ, сокрыты отъ всего окружающаго, — что выражается покрывающею ихъ одеждою, — и, если дѣлаются замѣтными для принимавшаго откровеніе тайны о загробной жизни, то только по особому устроенію Божію, для вразумленія нерадящихъ о своемъ спасеніи [2]). Повѣсть эта передается такъ: „Двое друзей вошли въ храмъ Божій, и какъ разъ попали на трогательное, сильное истинами и сладостію рѣчи слово проповѣдника, который доказывалъ спасительность самоотверженія и всю опасность мірской суетности. Одинъ изъ нихъ такъ тронутъ былъ силою этого слова, что его сердце не выносило упрековъ потрясенной совѣсти и теплоты умилившихся чувствъ: онъ горько плакалъ о своемъ положеніи и, въ этихъ горючихъ слезахъ души кающейся, далъ обѣщаніе Господу — разлюбить все и пойти въ монахи; напротивъ, другой былъ совершенно въ иномъ расположеніи. Вмѣсто того, чтобы убѣдиться справедливостью слова Божія и, при искренности покаянія, рѣшиться исправить свое развращенное сердце, онъ ожесточился и жестоко издѣвался надъ евангельскими истинами. Эти друзья въ церкви еще разстались между собою духомъ, а по выходѣ изъ нея—и тѣломъ: одинъ, дѣйствительно, роздалъ все имѣніе свое по нищей братіи и сдѣлался монахомъ, а другой жилъ роскошно и въ точномъ исполненіи сердечныхъ прихотей, какъ евангельскій богачъ, *веселяся по вся дни свѣтло*. Случилось, что монахъ пережилъ мірянина, и когда этотъ послѣдній скончался, другъ его пожелалъ узнать положеніе загробной судьбы его, и въ этомъ желаніи искренно и съ вѣрою молился Господу Богу, предоставляя Его святой волѣ исполненіе своей дѣтской молитвы. Богъ услышалъ его, и чрезъ нѣсколько дней въ тонкомъ снѣ ему является умершій другъ его. — Что, братецъ, каково тебѣ, — хорошо ли? спросилъ обрадованный видѣніемъ монахъ.—Ты хочешь знать это?— со стономъ отвѣчалъ мертвецъ. — Горе мнѣ, бѣдному! Червь неусыпающій точитъ меня и не даетъ покою чрезъ цѣлую вѣчность.— Что жъ это за мученіе?–продолжалъ вопрошать монахъ.—Это мученіе невыносимо, но дѣлать нечего: нѣтъ возможности избѣжать гнѣва Божія. Мнѣ теперь дана свобода ради твоихъ молитвъ и, если хочешь, я тебѣ покажу мое мученіе, только совершенно ли хочешь ты видѣть и чувствовать то, или отчасти? Вполнѣ моего мученія ты не можешь вынести, итакъ, нѣкоторую часть испытай и виждь... При этихъ словахъ онъ приподнялъ подолъ своего платья по колѣно, и—ужасъ и невыносимый смрадъ такъ поразили всѣ чувства спящаго, что онъ въ то же мгновеніе проснулся... Вся нога, которую открылъ ему другъ его, была покрыта страшнымъ червемъ, и отъ ранъ его выходилъ такой зловонный смрадъ, что нѣтъ слова и пера для выраженія того... И этотъ адскій смрадъ такъ охва-

[1]) Слово «противу гнѣвающихся» въ собраніяхъ нравственныхъ словъ Василія Великаго, избранныхъ Симеономъ Метафрастомъ, въ рус. перев. изд. 1855 г., стр. 149.

[2]) Хотя въ предлагаемой повѣсти говорится о червѣ неусыпающемъ, а не объ огнѣ неугасающемъ, но мы приводимъ ее здѣсь, какъ повѣсть, подтверждающую наши мысли о томъ, что адскія мученія будутъ замкнуты внутри мучащихся грѣшниковъ. О самомъ червѣ неусыпающемъ рѣчь будетъ ниже.

тилъ келью и монаха того, что онъ едва могъ выскочить изъ нея, не успѣвши даже захлопнуть дверь за собою, отъ чего смрадъ не переставалъ распространяться на весь монастырь; всѣ кельи переполнились имъ, и переполошенные иноки не понимали, что это значитъ... Въ теченіе долгаго времени этотъ адскій воздухъ не исчезалъ, и братія по-неволѣ должны были оставить монастырь и въ другомъ мѣстѣ искать себѣ пріюта, а другъ покойнаго не могъ ничѣмъ и никакъ избавиться отъ разъ вдохнутаго зловонія, ни омыть, ни заглушить ароматическими эссенціями этого запаха" [1]).

О замкнутости внутри страдальца адскаго огня и невозможности ослабленія адскаго жженія говоритъ и св. писаніе въ приведенной нами притчѣ Христа Спасителя „о богатомъ и Лазарѣ". Несчастный страдалецъ опаляется огнемъ своей страсти, дѣйствующимъ внутри его, и ни въ чемъ не находитъ облегченія своему мученію. Въ этой невозможности и заключается вѣчная отдѣленность ада отъ рая, или, по евангельскому выраженію, *пропасть велика*, которой никому нельзя перейти [2]).

Слабое подобіе состоянія имѣющихъ страдать въ адскомъ огнѣ можно видѣть на землѣ въ людяхъ, страдающихъ горячкою. Всѣ мы по опыту знаемъ, что правильное распредѣленіе теплоты въ организмѣ, соединенное съ правильнымъ и своевременнымъ выдѣленіемъ всего излишняго, производитъ пріятное ощущеніе, составляетъ удовольствіе для организма. Но лишь только организмъ станетъ въ ненормальное положеніе, лишь только поры его, въ слѣдствіе какой-нибудь причины, закроются для испаренія, что тогда происходитъ въ человѣкѣ? Внутренній огонь, благодѣтельно согрѣвавшій его, начинаетъ мучительно жечь; жженіе этого огня замѣтно и для окружающихъ больного. При этомъ горѣніи пламени однако нѣтъ; тьма огня увеличивается помраченіемъ самаго ума, при которомъ страждущій мечется во всѣ стороны, готовъ бы броситься и въ огонь и въ воду, если бы его не удерживали, не замѣчая даже опасности для себя.

Этимъ сравненіемъ пользуется св. Іоаннъ Златоустъ при разсужденіи объ адскомъ огнѣ, который понималъ онъ, кажется, одинаково съ нами. Онъ говоритъ: „Услышавши объ огнѣ вѣчномъ, не думай, будто тамошній огонь похожъ на здѣшній: этотъ, что захватитъ, сожжетъ и измѣнитъ на другое, а тотъ, кого однажды обыметъ, будетъ жечь всегда и никогда не перестанетъ, почему и называется неугасимымъ... Если ты будешь когда въ сильной горячкѣ, то перенесись умомъ къ оному (геенскому) пламени [1]). Ибо если горячка мучитъ и безпокоитъ насъ, то что мы будемъ чувствовать, когда попадемъ въ огненную рѣку, которая будетъ течь предъ страшнымъ судилищемъ [2])!

4. **Червь неумирающій.** Что это за червь? — И на этотъ вопросъ, какъ на вопросъ объ огнѣ геенскомъ, не находимъ прямого отвѣта ни въ писаніи, ни въ ученіи церкви. Отстраняя мысль объ исключительно духовномъ пониманіи этого рода адскаго мученія, имѣющаго, по словамъ нѣкоторыхъ богослововъ, символическій смыслъ и обозначающаго терзанія совѣсти при воспоминаніи о гнусныхъ дѣлахъ, совершенныхъ въ этой жизни [3]), богомудрые отцы и учители церкви признаютъ буквальный смыслъ ученія о неумирающемъ червѣ, хотя и не объясняютъ, что это за червь. Такъ, напр., св. Василій Великій въ словѣ „о будущемъ судѣ" говоритъ: „вообрази себѣ червей родъ нѣкій ядовитый и плоти снѣдающій, который всегда ястъ и никогда насыщенъ быть не можетъ, нестерпимыя болѣзни угрызеніями своими причиняя" [4]).

Имѣя за собою авторитетъ отцовъ и учителей церкви, и мы признаемъ евангельское ученіе о неумирающемъ червѣ не символическимъ выраженіемъ угрызеній совѣсти, но ученіемъ буквально понимаемымъ. Желая придать своему убѣжденію возможную основательность, обратимся опять къ даннымъ, добытымъ наукою и дающимъ матеріалъ для уясненія евангельскаго ученія, предлагаемаго въ формѣ положительной истины. Чѣмъ же наука даритъ насъ для разъясненія разсматриваемаго предмета?

У Катрфажа, напр., читаемъ: „большое число пузырчатыхъ червей живутъ въ кишечномъ каналѣ; тремалоты встрѣчаются почти во всѣхъ внутренностяхъ, пузырчатые

---

[1]) Собраніе сочиненій и писемъ Святогорца о св. горѣ Аѳонской, т. I, гл. 36, стр. 162—164.

[2]) Лук. XVI, 26.

[1]) Трудно самому больному горячкой переноситься умомъ отъ обдержащей ею болѣзни къ геенскому пламени, даже едва ли это возможно; удобнѣе наблюдать надъ больными этого рода со стороны.

[2]) Слово 1 къ Ѳеодору падшему въ Хр. чт. 1844 г. 1, 336.

[3]) Блажен. Ѳеофилактъ, напр., въ своемъ толкованіи на слова евангелія о червѣ неумирающемъ и огнѣ неугасающемъ говоритъ: «червь и огонь терзающіе грѣшниковъ, есть совѣсть каждаго и воспоминаніе о гнусныхъ дѣлахъ, содѣянныхъ въ сей жизни». Цит. у епископа Михаила, въ его толковомъ евангеліи на евангелиста Марка гл. IX, ст. 49—50. Самъ Михаилъ однихъ мыслей съ бл. Ѳеофилактомъ. — Тоже у Августина въ его de civit. Dei XXI, 9 п. 2; 10 п. 1; у Оригена, Амвросія и Іеронима.

[4]) Нравств. слова Василія Великаго, избран. Симеономъ Метафрастомъ, въ русск. переводѣ, по изд. 1854 г. стр. 161. Православная церковь, согласно съ Васил. Велик., признаетъ червя неумирающаго въ буквальномъ же смыслѣ. Чит. въ Догм. богословіи Макарія и Антонія.

глисты, кажется, предпочитаютъ самыя ткани, почему и встрѣчаются въ мышцахъ, центрѣ мозга“ и т. д.

„Мы видимъ, что всѣ эти и подобныя имъ животныя питаются и даже дышатъ насчетъ животнаго, въ которомъ обитаютъ. Всякое животное, имѣющее свойственное ему питаніе, свою температуру, свои собственныя жидкости, представляетъ вмѣстѣ съ симъ совокупность различныхъ условій, а потому и особенный міръ для гельминитовъ. Поэтому, эти чужеядныя существа должны распредѣляться сообразно ихъ натурѣ и не могутъ безъ различія жить во всѣхъ животныхъ. Наблюденіе подтверждаетъ эти теоретическія соображенія. Всякій родъ животнаго питаетъ ему лишь свойственнаго гельминита. Чтобы перечесть всѣхъ безъ исключенія чужеядныхъ, надо было бы разсмотрѣть всѣ творенія и перебрать всѣхъ животныхъ“.

„Эти странныя животныя иногда миріадами наполняютъ внутренности и ткани, проникаютъ въ самую черепную часть и въ полость глазного яблока[1]).

Въ книгѣ: „Богъ въ природѣ, по Камиллу Фламмаріону“, читаемъ: „жизнь разлита во всей природѣ, материкъ для нея слишкомъ тѣсенъ; она рвется во всѣ стороны, она населяетъ воды и неорганическое царство... Такимъ образомъ, эта сложная, непостижимая, разнообразная жизнь населяетъ животными каждую породу существъ и всякаго рода вещества... Знаемъ ли мы, сколько различныхъ родовъ животныхъ и растеній есть въ нашемъ тѣлѣ?“

„Со времени изобрѣтенія микроскопа, увидѣли, что паразиты живутъ въ нашей крови, въ нашемъ мясѣ, въ груди, въ зубахъ, въ ушахъ, подъ яблокомъ глаза, даже подъ сосочками носовыхъ нервовъ. Мы питаемъ и плотоядныхъ и травоядныхъ животныхъ, въ нашихъ венахъ плаваютъ прѣсноводныя рыбы, а въ артеріяхъ находятся такія, которыя живутъ только въ соленой водѣ... Незамѣтныя насѣкомыя проникаютъ въ наши легкія и разводятся тамъ цѣлыми поколѣніями. Вообще, сколько породъ животныхъ находится въ живыхъ органическихъ существахъ, такъ что они этого не замѣчаютъ! Одинъ философъ сказалъ, что каждая часть животнаго существа живетъ сама по себѣ, самостоятельною жизнью, теперь уже не считается большой смѣлостью сказать, что высшія животныя похожи на зданія, раздѣленныя на множество комнатъ, наполненныхъ множествомъ элементарныхъ животныхъ. Если это такъ, то въ природѣ все живетъ. Не только воздухъ, но вода, летающія пылинки, органическіе и неорганическіе элементы, все населено невидимою жизнью, существами, подвергающимися тремъ метаморфозамъ; вездѣ мы видимъ ихъ въ той или другой формѣ, сообразно съ условіями температуры, окружающей ихъ, сообразно теплотѣ и влажности“ [1]).

Что говорится въ этихъ выпискахъ, не есть частное мнѣніе поименованныхъ авторовъ, они передаютъ результаты опытной науки, не перестающей все болѣе и болѣе постигать и уяснять міру тайны созданной Богомъ природы.

Какой же выводъ сдѣлаемъ изъ предложенныхъ вниманію читателей данныхъ, пріобрѣтенныхъ наукою?

Если человѣческое тѣло, въ своихъ большихъ и малыхъ частяхъ, въ тканяхъ и мускулахъ, въ костяхъ и жидкостяхъ, есть совокупность неисчислимаго міра живыхъ существъ, то оно живетъ совокупною жизнью всѣхъ этихъ живыхъ существъ. Но какъ живыя, микроскопически малыя существа населяютъ не безразлично всякій живой организмъ высшаго живого существа, но микроскопическія существа однихъ родовъ и видовъ живутъ въ однихъ высшихъ организмахъ, другія — въ другихъ, то и человѣческое тѣло есть аггрегатъ извѣстныхъ только родовъ и видовъ микроскопическаго міра существъ. Эти живыя существа населяютъ человѣческое тѣло потому, что природа ихъ находится во внутреннѣйшемъ согласіи съ условіями, представляемыми жизнью человѣческаго организма. Но человѣкъ, управляясь свободною волею, можетъ правильныя, нормальныя условія своей органической жизни измѣнить, исказить и коснѣть въ измѣненныхъ условіяхъ жизни, дѣлаясь въ концѣ-концовъ рабомъ своей несчастной привычки. Напримѣръ: правильно развивающаяся природа призываетъ человѣка къ цѣломудрію, воздержанію, честности, уваженію правъ другихъ людей, человѣкъ можетъ исказить себя, сдѣлавшись неудержимымъ развратникомъ, всегдашнимъ сластолюбцемъ и кутилою, примѣрнымъ плутомъ и негодяемъ, бѣшенымъ презрителемъ всякаго человѣческаго права и достоинства. Если же человѣкъ, управляясь свободною волею, можетъ радикально измѣнить условія нормальной человѣческой жизни, дѣлаясь въ концѣ-концовъ рабомъ новыхъ, хотя и ненормальныхъ условій, то необходимо слѣдуетъ заключить, что и міръ микроскопическихъ существъ, населяющихъ его организмъ, приноровляется къ измѣненнымъ условіямъ жизни и, приноровившись, до того свыкается съ ними, что прекращеніе этихъ условій

[1]) Превращенія въ мірѣ животныхъ, А. Катрфажа, изд. 1859 г. стр. 145.

[1]) Богъ въ природѣ по Камиллу Фламмаріону, изд. подъ редакціею Чистякова, стр. 124—126.

необходимо должно произвести въ нихъ болѣзненное раздраженіе, сопровождающееся болѣзненнымъ томленіемъ всего организма. Только повтореніе ненормальностей, вошедшихъ въ привычку, заглушаетъ нѣмой, но неудержимый вопль микроскопическихъ обитателей уклонившагося отъ правильныхъ условій жизни организма, — заглушаетъ, чтобы этотъ вопль впослѣдствіи усилился еще болѣе. Нужно ли ходить за примѣрами въ поясненіе этого? Желающій имѣть таковые пусть оглянется окрестъ себя и увидитъ желаемое во всякомъ мѣстѣ. Даже, быть-можетъ, достаточно будетъ вниманія къ самому себѣ, къ явленіямъ собственной жизни: всякая, даже мелочная привычка, въ случаѣ неудовлетворенія ея требованій, отзывается болѣе или менѣе значительнымъ томленіемъ въ организмѣ.

Представимъ теперь положеніе человѣка, пріучившаго міръ микроскопическихъ существъ своего организма къ измѣненнымъ, ненормальнымъ условіямъ жизни,—положеніе въ будущей загробной жизни. Міръ-то микроскопическихъ существъ останется въ немъ тотъ же самый, какой былъ на землѣ, потому что есть основа организма, но пріученный къ измѣненнымъ, ненормальнымъ условіямъ жизни, которыхъ не будетъ въ обновленномъ мірѣ, онъ съ силою заговоритъ противъ своего владыки. Заглушить этотъ вопль внутреннихъ обитателей организма такъ, какъ мы заглушаемъ его здѣсь повтореніемъ ненормальностей, невозможно будетъ, потому что обновленный міръ не дастъ матеріала для повторенія ненормальностей, иначе опять произошло бы разстройство въ мірѣ такое же, какое существуетъ нынѣ, тѣ же несчастія и бѣдствія, которыя давятъ человѣчество нынѣ, иначе все дѣло нашего спасенія обратилось бы въ ничто. Остается страдать отъ выработанной свободно ненормальности, страдать безъ надежды видѣть когда-либо конецъ страданію, потому что конецъ его былъ бы равнозначущъ прекращенію бытія, страдать тѣмъ жесточѣе, чѣмъ больше были искажены нормальныя условія органической жизни здѣсь, на землѣ, — страдать, имѣя необходимымъ спутникомъ страданія этого рода скрежетъ зубовъ [1]). Что скрежетъ зубовъ будетъ необходимо сопутствовать воплю микроскопическаго внутренняго міра, это можно нѣсколько понять изъ примѣра страдающихъ теперь глистами, у которыхъ скрежетъ зубовъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ болѣзнію.

На эту тему покойный преосвященнѣйшій Иннокентій предлагаетъ такія соображенія: „Еще видъ мученія, говоритъ онъ, это терзаніе неусыпающихъ червей: всѣ почитаютъ это за метафору; но, пристально смотря на натуру, едва ли не слѣдуетъ утверждать, что эти черви дѣйствительно тамъ будутъ. Физіологи замѣтили, что основаніе, или же первые элементы всѣхъ тѣлъ, состоятъ изъ червяковъ (инфузорій); такъ какъ это составныя части всѣхъ тѣлъ, то они никогда не истребятся. Теперь они находятся въ нашемъ тѣлѣ въ нормальномъ сочетаніи съ нимъ и между собою, и потому не мучатъ насъ; у нечестивыхъ же, подвергшихся вѣчной мукѣ, они составятъ дисгармоническія группы и будутъ терзать ихъ. Это весьма естественно, и писаніе, говоря объ этомъ, кажется, употребило не подобіе, а самую вещь; иначе оно выразилось бы лучше, нашло бы выраженіе болѣе благородное“ [1]).

О, человѣкъ! приникни твоимъ умомъ и сердцемъ къ мысли о таинственной посмертной судьбѣ твоей, къ мысли объ указанныхъ адскихъ мученіяхъ, которая, конечно, смущаетъ духъ твой при воспоминаніи о той страшной порѣ бытія нераскаянныхъ грѣшниковъ. А приникнувъ, ты, конечно, отбросишь неосновательную боязнь ада, — отбросишь, зная, что адъ не есть что-либо внѣшнее для нечестиваго, но его внутреннее, благопріобрѣтенное достояніе, составляющее одно цѣлое съ самымъ его организмомъ, а потому не могущее оставить его нигдѣ, ни на одну минуту, пойдетъ ли онъ на небо, или въ преисподнюю, или еще куда. Дѣла человѣка, по писанію, идутъ во слѣдъ его [2]). Вмѣсто напрасной боязни ада, ты долженъ всѣми силами стараться возбудить въ себѣ страхъ и ненависть къ грѣху и всѣмъ дѣламъ, запечатлѣннымъ его печатію. Долженъ, говоримъ, потому что, послѣ сказаннаго нами, тебѣ долженъ быть основательно понятенъ смыслъ нравственныхъ требованій слова Божія въ родѣ такихъ: *или не вѣсте, яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ? Не льстите себѣ: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни таті̇е, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* [3]). Или: *дѣла плоти извѣстны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, соблазны, ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчинство и тому подобное. Предваряю васъ, какъ и*

[1]) И неключимаго раба вверзите во тьму кромѣшнюю: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

[1]) Сборникъ лекцій профессоровъ Кіевской духовной академіи Кіевъ. 1869 г. стр. 210—211.

[2]) Апок. 14, 13.

[3]) 1 Коринѳ. 6, 9—10.

прежде предварялъ, что поступающіе такъ царствія Божія не наслѣдятъ [1]). Теперь тебѣ понятно, о человѣкъ, что эти божественныя наставленія не требованія своевольнаго господина, но насущная потребность твоей природы; въ ней заключается неотразимое побужденіе для тебя отвращаться отъ скверныхъ дѣлъ и прилѣпляться къ Господу. Противный образъ дѣйствій возжетъ въ тебѣ адскій неугасающій огонь, пробудитъ и воспитаетъ неусыпающаго червя. *Ими же будешь согрѣшать* въ этой жизни, данной тебѣ для приготовленія къ жизни будущей, *сими будешь и мучиться* [2]).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Доказательства вѣчности мученій.

Еще въ книгахъ ветхозавѣтнаго писанія нерѣдко упоминается о вѣчной мукѣ... Злой не безъ мученія будетъ, сказано въ притчахъ Соломоновыхъ [3]). По словамъ пророка Исаіи огнь грѣшниковъ не угаснетъ [4]), т.-е. вѣчно будетъ пылающимъ. Пророкъ Даніилъ говоритъ о студѣніи вѣчномъ для однихъ людей и противоположнымъ состояніемъ другихъ полагаетъ вѣчную жизнь [5]): то и другое онъ предвѣщаетъ послѣ воскресенія мертвыхъ.

Въ новомъ завѣтѣ впервые проповѣдалъ о вѣчной мукѣ Предтеча Христовъ. Онъ поставляетъ предъ нами на этотъ разъ такую картину. Когда жатва хлѣба окончится, пшеница будетъ сложена въ житницу и гумно очистится: тогда рѣшаютъ дѣло и съ плевелами, или съ мякиной. Мякину собираютъ въ кучу и, какъ ни къ чему негодный матеріалъ, сожигаютъ огнемъ. Мякина—это и есть нераскаянные грѣшники, которыхъ Судія сожжетъ огнемъ неугасающимъ [6]). Самъ премилосердый пастырь Христосъ неоднократно говорилъ объ адѣ [7]), о гееннѣ огненной [8]), о пещи огненной [9]) и о тьмѣ кромѣшной [10]). По Его ученію, будущая казнь грѣшникамъ рѣшительно не имѣетъ себѣ предѣла. Такъ, когда Онъ внушаетъ намъ предусматривать и преодолѣвать опасные соблазны, то въ одной этой рѣчи много разъ повторяетъ слова: идѣже червь ихъ (грѣшниковъ) не умираетъ и огнь не угасаетъ [11]). Не особенная ли это настойчивость Его проповѣди? Всего же яснѣе Онъ проповѣдалъ о вѣчной мукѣ за нѣсколько дней до страданій Своихъ, когда пророчески описалъ послѣднія событія міра. Изображая страшный судъ, Онъ сначала назвалъ вѣчнымъ адскій огонь: отыдите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный. А потомъ и горѣнье въ этомъ огнѣ призналъ вѣчнымъ: идутъ сіи въ муку вѣчную [1]). Идутъ, безъ сомнѣнія, означаетъ такое дѣйствіе, которое какъ бы уже совершается. Но хоть страшные шаги къ гееннѣ грѣшниковъ еще далеки отъ насъ, можетъ-быть, послѣдуютъ еще черезъ тысячу лѣтъ послѣ этого: однако жъ предъ Іисусомъ Христомъ и тысяча лѣтъ, яко день вчерашній [2]). Какъ Богочеловѣкъ, Онъ и видѣлъ ясно то время, когда грѣшники съ мѣста судилища двигнутся во адъ. Такимъ образомъ рѣчь Его въ настоящемъ случаѣ особенно положительна: тутъ нѣтъ никакого условія. А поэтому, кто бы и какъ бы ни толковалъ изреченія Его объ огнѣ вѣчномъ и мукѣ вѣчной, остается несомнѣнною та истина, что будутъ вѣчный огонь и вѣчная мука, что не одни духи злые будутъ горѣть въ томъ огнѣ, но и нѣкоторые изъ людей. Не существуетъ вѣчная мука для всѣхъ людей, это совершенная правда. Но непремѣнно она должна быть для нѣкоторыхъ, потому что Божіе рѣшеніе о ней уже состоялось и не измѣнится, хоть ни одинъ изъ тѣхъ, до кого это рѣшеніе относится, не пострадаетъ какъ-либо случайно, по злосчастью, по неизбѣжной судьбѣ, но самъ одинъ будетъ причиною своей погибели. Какіе же это несчастные люди, теперь мы не можемъ указать кромѣ немногихъ, напримѣръ, будущаго антихриста, Нерона, гонителя христіанъ, и другихъ.

Апостолы Христовы также проповѣдывали о вѣчной мукѣ. Погибель вѣчную грѣшникамъ предсказываютъ и строгій Петръ [3]), и терпѣливѣйшій Павелъ [4]), и полный любви къ ближнему Іоаннъ Богословъ. Изъ писаній ихъ приведемъ хоть слова послѣдняго въ Апокалипсисѣ: дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходимъ [5]). Такъ говоритъ апостолъ-богословъ о грѣшникахъ, и именно изъ числа людей. Казалось бы, довольно было привести въ ужасъ душу и однимъ этимъ словомъ: *во вѣки*. Но онъ прибавляетъ: *вѣковъ*. Что же остается сказать противъ этой точности? Понимать: во вѣки вѣковъ не въ смыслѣ вѣчнаго и безконечнаго времени, а въ значеніи только нѣсколькихъ столѣтій, какъ нынѣ словомъ «вѣкъ» означаетъ сто лѣтъ, — нельзя и потому, что въ той же своей богодухновенной книгѣ апостолъ и еще употребляетъ тѣ же слова. Но вездѣ онъ выражаетъ ими несомнѣнную безконечность времени, наприм., что Богъ вѣчно существуетъ [6]), что вѣчно будетъ продолжаться царство Христово [7]).

¹) Галат. 5, 19—21. Снес. Ефес. 5, 3—5 и др.
²) Премуд. Солом. 11, 17. (См. «Орловск. Епарх. Вѣд.» за 1878 г., № 10 и др.
³) — 28, 20.
⁴) — 66, 24.
⁵) — 12, 2.
⁶) Матѳ. 13, 40.
⁷) Лук. 16, 23.
⁸) Матѳ. 5, 22.
⁹) — 13, 42.
¹⁰) — 8, 12.
¹¹) Марк. 9, 43-48.

¹) Матѳ. 23, 41—46.
²) Псал. 89, 5.
³) 2 посл. 3, 7.
⁴) 2 Солун. 1, 9.
⁵) — 14, 11.
⁶) — 4, 9—10; 10, 6; 15, 7.
⁷) — 11, 15.

Святые толкователи писанія, отцы и учители церкви, всѣ не иначе принимали ученіе слова Божія объ участи нераскаянныхъ грѣшниковъ на томъ свѣтѣ, какъ въ смыслѣ безконечной муки ихъ. Одинъ изъ древнихъ церковныхъ писателей, весьма знаменитый своею ученостью и трудами на пользу церкви, нѣкто Оригенъ, допустилъ было такую мысль, что послѣ нѣкотораго времени мученія грѣшниковъ и окончатся. Но святая церковь признала его ученіе ложнымъ и на цѣломъ вселенскомъ соборѣ (пятомъ) осудила его [1]). Много размышлялъ и бесѣдовалъ о вѣчномъ осужденіи грѣшниковъ особенно Ефремъ Сиринъ.

За тѣмъ о мукѣ вѣчной говорили святые мученики на мѣстахъ своей казни. Значитъ, высказывали свое убѣжденіе въ ней въ такіе часы, когда говорить ложь и не имъ только, но и другому кому, было бы страшно, и когда притомъ съ ними пребывала особенная благодать Божія, которая, сколько укрѣпляла ихъ духъ и тѣло въ мукахъ, столько же и просвѣщала ихъ умъ истиною. Такъ священномученикъ Поликарпъ на угрозу мучителя — сжечь его на кострѣ, отвѣчалъ проповѣдью о вѣчномъ огнѣ, въ которомъ будутъ горѣть подобные мучителю злодѣи [2]).

Пусть и послѣ этихъ доказательствъ еще иные будутъ отвергать вѣчную муку. Пусть дѣлаютъ тѣ и другія, умныя и неразумныя, возраженія противъ настоящаго догмата вѣры. Пусть съ насмѣшкою говорятъ: «развѣ кто возвращался съ того свѣта?» Пусть шутятъ надъ адомъ и огнемъ адскимъ, называя все это вѣрованіемъ однихъ простолюдиновъ и сами хвалясь какою-то неустрашимостью. Но истина, которая столько разъ и въ столь ясныхъ словахъ проповѣдана въ словѣ Божіемъ и изъяснена св. отцами, останется непреложной истиной: она ничего не потеряетъ отъ неправильныхъ толкованій, разныхъ смягченій, отъ остротъ и шутокъ. За это-то самое, т.-е. что нѣкоторые не вѣрятъ ей и такимъ образомъ безъ всякаго страха Божія проводятъ здѣшнюю жизнь, и постигнетъ невѣрующихъ вѣчный огонь. — Другіе нарочито отдаляютъ отъ себя мысль объ адѣ, чтобъ совсѣмъ не безпокоить себя. Но это значитъ повторять ропотъ нечистыхъ духовъ, которые говорили къ Іисусу Христу въ бѣсноватомъ: пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ [3]). Это значитъ тѣмъ скорѣе дойти до вѣчнаго безпокойства, потому что тотъ только менѣе грѣшитъ каждый день, кто предполагаетъ о каждомъ своемъ днѣ, что это можетъ быть послѣдній день въ его жизни, что затѣмъ настанутъ для него судъ и вѣчность.— Третьи хоть и не уклоняются отъ размышленія о будущей участи грѣшника, но таятъ въ душѣ своей сожалѣніе, что Богъ слишкомъ правосуденъ. Такъ и жена Лотова хоть боялась содомскаго пламени, но еще не всѣмъ сердцемъ отверглась Содома, еще сердце ея стремилось къ Содому, и — за это самое превратилась въ соляной столпъ. Нѣтъ, дорогой читатель, мы должны здѣсь обратить свое сожалѣніе только на то, что нераскаянностью-то своею навлекаемъ на себя вѣчный гнѣвъ Божій.

[1]) Опред. 5 вселен. соб.
[2]) О мучен. его гл. 11.
[3]) Мѳ. 8, 29.

Б. Изображеніе ада и будущихъ мученій въ немъ грѣшника.

Представьте себѣ самую широкую, обрывистую пропасть [1]), представьте ее съ такимъ глубокимъ дномъ, что и ничего не можетъ быть глубже [2]), что и немыслимо выйти изъ нея. Или представьте себѣ самой огромной величины горящую печь, у которой вмѣсто стѣнъ кругомъ были бы высочайшія горы. Еще ближе сказать, вообразите себѣ цѣлое озеро [3]), только наполненное не водой, а огнемъ: изъ этого огненнаго озера пламень съ страшнымъ ревомъ взвивается клубами въ воздухъ. Таковъ и будетъ адъ! Таково будетъ помѣщеніе для грѣшниковъ послѣ нынѣшнихъ палатъ или, положимъ, и бѣдныхъ хижинъ, но такихъ, гдѣ также каждый почти день шумно веселились, проводили жизнь въ развратѣ, Бога не боялись и человѣкъ не срамлялись [4]).

На это мѣсто Богъ пошлетъ, какъ бы капли дождя, вѣчный огонь [5]). Огонь тотъ надобно понимать въ буквальномъ смыслѣ. Толкованіе, будто это будетъ мука для одной совѣсти, называемая по причинѣ невыносимой боли огнемъ,— ни на чемъ не основано и противно слову Божію.—Адскій огонь будетъ тонкій и не свѣтлый, впрочемъ, дымъ отъ него не будетъ столько затемнять пропасти, чтобъ грѣшники не могли видѣть другъ друга. Что же до его силы и дѣйствія, то онъ будетъ еще сильнѣе нынѣшняго. Но, сожигая до костей, онъ не отниметъ у человѣка сознанія и чувствъ, чего съ радостью пожелали бы грѣшники, утопающіе въ безднѣ его. Когда нынѣ съ кѣмъ бываетъ страшный жаръ (наприм., во время сильной горячки), тогда человѣкъ въ бреду еще не ясно ощущаетъ свою боль. Если даже кто попадетъ и въ самый огонь (какъ во время пожара), то несчастный бьется, кричитъ и стонетъ только вначалѣ, или же при медленномъ дѣйствіи на него огня, а затѣмъ ничего уже не помнитъ. Грѣшникъ же, мучимый въ огнѣ адскомъ, сохранитъ всѣ свои чувства, тѣлесныя и душевныя. Оттого страданія его будутъ ужасны: каждымъ своимъ чувствомъ какъ бы особо онъ будетъ страдать.

Такъ, глазами своими онъ будетъ видѣть и другихъ подобныхъ себѣ грѣшниковъ, у которыхъ въ лицѣ отчаяніе, на глазахъ слезы.

[1]) Іезек. 32, 25.
[2]) Іов. 11, 8.
[3]) Апок. 20, 15.
[4]) Лук. 8, 4.
[5]) Псал. 10, 6.

Ушами будетъ непрестанно слышать и собственные стоны и зубной скрежетъ другихъ: «какой поднимутъ плачъ (говоритъ св. Кириллъ александрійскій), какой вопль и рыданіе ведомые на горькія вѣчныя мученія! какъ будутъ стонать, биться и терзаться!» [1]).

Обоняніемъ своимъ грѣшникъ будетъ чувствовать зловоніе отъ составныхъ частей адскаго огня, наприм., жупела, или горючей сѣры [2]).

Осязаніемъ будетъ онъ ощущать только жгучую силу огня. Тѣло его со всѣхъ сторонъ будетъ объято и, такъ сказать, облито огнемъ: яко стражду въ пламени семъ, сказано о богачѣ. И что еще? Огонь будетъ проникать до самыхъ внутренностей его. Какъ человѣка, утонувшаго въ рѣкѣ, окружаетъ и тѣснитъ отовсюду вода: вода давитъ его снаружи, вода же наполняетъ его внутренность, такъ и во адѣ грѣшникъ весь будетъ проникнутъ противоположною стихіею, огнемъ. Разница будетъ здѣсь только та, что совсѣмъ утонувшій въ водѣ не чувствуетъ давленія на него воды, а грѣшникъ будетъ вполнѣ чувствовать опаляющій его огонь. Отъ силы огня всѣ члены у него какъ бы будутъ трещать, жилы подвергнутся стягиванію. Мучителенъ для осязанія грѣшника будетъ и червь неусыпающій. Это опять будетъ не угрызеніе только совѣсти, но дѣйствительный червь, который будетъ постояно укалывать грѣшника. Среди огненнаго пламени червь будетъ чернѣться на огромномъ пространствѣ, будетъ волноваться, какъ вода во время бури; наружный видъ его тоже будетъ отвратителенъ: «гнойна площадь зрѣлища..; жаръ невыносимый..; червь смраденъ и зловоненъ», скажу опять словами одного изъ св. отцовъ [3]).

Наконецъ, и чувство вкуса у грѣшника не останется безъ мучительной боли. Вкусомъ своимъ онъ будетъ испытывать отвратительную горечь отъ адскаго огня, и вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимую жажду, такъ какъ огонь, опаляющій его снаружи, будетъ и для внутренности его какъ бы пищей: пошли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего и устудитъ языкъ мой [4]), слезно просилъ изъ преисподней Авраама богачъ. Будетъ грѣшникъ чувствовать вкусомъ своимъ и ядъ аспидовъ подъ устнами своими [5]),—можетъ-быть, за то, что недостойно причащался тѣла и крови Христовой.

Что грѣшникъ сохранитъ чувства души, видно изъ словъ Спасителя: убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ [6]). Если погубляется въ гееннѣ не только тѣло, но и душа, значитъ, душа тамъ останется живою и сознательною; значитъ, будетъ припоминать, мыслить и чувствовать. Да, въ одномъ и томъ же вѣчномъ времени соединится для грѣшника дѣйствительная жизнь и прошедшимъ и настоящимъ и будущимъ временемъ. Чтобъ приблизительно представить себѣ, что онъ будетъ чувствовать тамъ душевными способностями, допустимъ его разговоръ во адѣ съ самимъ собой, или предположимъ будущія его воспоминанія, будто произносимыя вслухъ.

Обратимъ прежде вниманіе на прошедшее его время. Такъ, наприм., безбожникъ, вспомнивъ свою жизнь, скажетъ себѣ: «еще и намѣренно я подавлялъ въ себѣ религіозныя убѣжденія». Истины вѣры сами о себѣ говорили моей душѣ, но я искалъ такихъ книгъ и такихъ людей, которые бы убѣдили меня въ противномъ, т.-е. что будто нѣтъ Бога и будущей жизни. Теперь же я вижу, что есть Богъ. Не хотѣлъ я знать Его добровольно: теперь познаю Его невольно. Теперь самымъ дѣломъ я убѣждаюсь въ безуміи прежнихъ моихъ разсужденій, наприм., будто «душа ничего не значитъ, будто человѣкъ только матерія, или составъ плоти и крови, которыя навсегда разрушаются съ его смертію». Еще: «какъ многихъ я заразилъ своимъ вольномысліемъ и невѣріемъ! Какъ безстрашно входилъ въ церковь, въ которую между тѣмъ другіе входили съ благоговѣніемъ! Какъ презиралъ священниковъ, смѣялся надъ всякой святыней, и такимъ образомъ безумно лишалъ самъ себя спасительной благодати»!—Упорный раскольникъ припомнитъ себѣ: «Сколькими увѣщаніями пренебрегъ я! не хотѣлъ вѣрить и самымъ очевиднымъ доказательствамъ православной истины! отвергъ и предъ самою смертью исповѣдь и св. причащеніе, которыя предлагали мнѣ принять мои близкіе, но отъ которыхъ отклоняли меня «наставники» по расколу. Былъ я призываемъ въ церковь, какъ въ ковчегъ Ноевъ: но вмѣсто законныхъ священниковъ захотѣлъ лучше слушать такихъ же невѣждъ или по крайней мѣрѣ мірскихъ людей, какъ и я самъ. И — вотъ, теперь я очутился за спасительнымъ ковчегомъ, утопаю въ потопѣ огненномъ»!

Идолопоклонникъ [1]) вспомнитъ о бездушныхъ истуканахъ, которымъ поклонялся вмѣсто Бога...— Вспомнитъ и сребролюбецъ о своихъ деньгахъ и имуществѣ, которыя теперь также полагаетъ себѣ вмѣсто Бога, почему и называется идолопоклонникомъ [2]). — Сластолюбецъ, который въ этой жизни веселится на вся дни свѣтло [3]), смотритъ на эту жизнь, какъ только на срокъ для того, чтобъ наслаждаться всевозможнымъ образомъ, тамъ почувствуетъ на самомъ дѣлѣ силу свящ. текста: плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ [4]). Онъ спроситъ самъ себя: «гдѣ эти пиры съ музыкой? гдѣ повседневные вечера для ненужнаго отдыха, съ игрою въ карты, съ бѣгствомъ отъ своей семьи? гдѣ тѣ, ко-

[1]) Въ словѣ объ исходѣ души и страшн. судѣ.
[2]) Апок. 9, 17—18.
[3]) Слова св. Кирилла александрійскаго.
[4]) Лук. XVI, 24.
[5]) Псал. 139 3.
[6]) Матѳ. X, 28.

[1]) Галат. 5, 20; 1 Коринѳ. 6, 9.
[2]) Ефес. 5, 5.
[3]) Лук. 16, 19.
[4]) 1. Коринѳ. 15, 50.

торые гостили у меня въ столь великомъ довольствѣ, что и обливались виномъ? гдѣ женская красота?»—Упорный гордецъ вспомнитъ, сколько отъ его гордости, которую теперь онъ проявляетъ различно и властолюбіемъ, и недоступностью, и раздражительностью, и честолюбіемъ, и презрительнымъ обхожденіемъ съ другими, — вспомнитъ, сколько же отъ его сатанинской гордости пострадали другіе. Въ настоящее время онъ и минуты не хочетъ послушать, когда кто думаетъ пробудить въ немъ совѣсть, начнетъ высказывать ему правду прямо или только въ скромныхъ выраженіяхъ: онъ бѣжитъ отъ правдивой рѣчи и затворяетъ за собой дверь, такъ что и нѣтъ возможности когда-либо передать ему истину, вывести его изъ заблужденія. Но тамъ онъ будетъ связанъ по рукамъ и ногамъ, тамъ уже по-неволѣ выслушаетъ всѣ обличенія отъ своей совѣсти.

Богохульникъ вспомнитъ, какъ онъ небрежно и дерзко употреблялъ имя Божіе въ разговорахъ, письмѣ и напрасной божбѣ; какъ даже скверно-словилъ имя Божіе, оставшись по долготерпѣнію Божію не пораженнымъ въ ту жъ минуту; какъ называлъ своимъ «ангеломъ» женское лицо, къ которому имѣлъ нечистую любовь и съ которымъ даже жилъ развратно. — Клятвопреступнику прійдутъ на память его многія присяги, которыя онъ безъ всякаго страха принималъ и съ сознаніемъ нарушалъ, еще его обѣты предъ Богомъ и увѣренія другихъ въ чемъ именемъ Божіимъ, которыхъ и не думалъ исполнить. — Кощунникъ вспомнитъ всѣ случаи, когда обращалъ въ шутку и смѣхъ церковныя службы, святыя иконы и священнослужителей.

Непочитающіе воскресныхъ дней и праздниковъ приведутъ себѣ на память, какъ въ то время, когда добрые христіане спѣшили въ церковь, они, напротивъ, отправлялись на полевыя работы или — еще хуже — собирались въ домы пира и разврата, какъ подъ праздничные дни, будто нарочито, составляли у себя пѣніе и лики, а то собирались всѣ въ одномъ домѣ (клубъ) для веселья; какъ и все праздничное время проводили только въ разгулѣ. Эти же люди вспомнятъ, какъ кромѣ двухъ-трехъ дней говѣнья, которое выполняли только по обычаю, ни разу въ продолженіе всего года не бывали въ церкви, какъ, вставъ утромъ и отходя ко сну вечеромъ, каждый разъ и не подумали помолиться Господу Богу. — Нарушители постовъ припомнятъ себѣ мяса и вина, которыми пресыщали свое чрево, между тѣмъ какъ другіе (даже и слабѣе ихъ силами) оставались на сухоядeніи или совсѣмъ не помышляли о пищѣ (наприм., въ великій пятокъ).—Хулители Духа Святаго, выражавшіе свою хулу, наприм. тѣмъ, что не признавали святыхъ мощей и чудесъ, которыя, можетъ-быть, совершались предъ ихъ глазами, увѣрятся, что хула на Духа Святаго не отпускается и въ будущемъ вѣкѣ [1].

[1]) Матѳ. 12, 32.

Непокорныя дѣти припомнятъ, какъ своими грубыми словами, своимъ противленіемъ и развратною жизнью заставляли родителей своихъ скорбѣть и плакать объ нихъ. Но тяжело будетъ и самимъ родителямъ вспомнить, какъ они явно соблазняли своихъ дѣтей беззаконною жизнью, какъ не старались воспитать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, а такимъ образомъ и ихъ привели вмѣстѣ съ собой на мѣсто сіе мученія [1]). — Вспомнитъ на томъ свѣтѣ священникъ о своей благодати и скажетъ: «сколько разъ я отпускалъ другимъ грѣхи, а себѣ не заслужилъ прощенія! Чѣмъ высшее блаженство въ раю долженъ бы я получить, тѣмъ теперь ниже мое паденіе во глубины ада». — Тяжелы будутъ воспоминанія для начальниковъ, которые ни въ чемъ не соблюдали справедливости, дѣйствуя по видимому на законномъ основаніи, на самомъ же дѣлѣ они не полагали для себя никакихъ законовъ, кромѣ собственнаго взгляда и произвола; требуя себѣ отъ другихъ только безпрекословнаго послушанія и ничего не предоставляя свободѣ и правамъ ближняго, сами же нисколько не покорялись ни евангелію, ни правиламъ св. церкви. Горько имъ будетъ вспомнить, какъ они людямъ достойнымъ, состоящимъ подъ ихъ властью и вліяніемъ, завидовали и по зависти не давали даже вздохнуть свободно, а недостойныхъ и льстецовъ награждали и возвышали. Такъ какъ они были сильными, то за свои злоупотребленія и сильнѣ истязаны будутъ [2]).

Сколь ужасны будутъ воспоминанія самоубійцъ, которые вольны были погубить свои души, легко и самовластно распорядились со своею жизнью, но не въ силахъ будутъ прекратить свои мученія во адѣ новымъ самоубійствомъ! Съ какимъ ужасомъ припомнятъ свои преступленія и прочіе убійцы, особенно тѣ, которые подняли убійственныя свои руки на самихъ родителей, или пролили кровь священника, или же мучили собственныхъ женъ и дѣтей, какъ нѣкогда гонители за Христа, или еще лишали жизни беременныхъ и младенцевъ! — Страшны будутъ воспоминанія ненавистниковъ, досадителей, жестокихъ богачей, соблазнителей, вообще всѣхъ тѣхъ, которые убивали ближняго медленно, тѣлесною или душевно-нравственною смертью! Сознанію этихъ людей предстанутъ всѣ слезы, которыя отъ ихъ жестокостей пролили невинные. И они тѣмъ сильнѣе будутъ плакать, чѣмъ болѣе слезъ отъ нихъ самихъ пролили въ этой жизни другіе.

Блудники и прелюбодѣи вспомнятъ на томъ свѣтѣ, какъ они смѣялись надъ цѣломудріемъ другихъ, какъ съ раннихъ лѣтъ оскверняли себя блудомъ, какъ соблазнили къ тому же многихъ невинныхъ; какъ расторгали законныя супружества своими преступными связями, какъ обольщали вдовъ; какъ имѣли наложницъ или налож-

[1]) Лук. 16, 28.
[2]) Прем. Соломон. 6, 6.

никовъ до самой старости и даже умирая не хотѣли прекратить постыдной связи; какъ доходили до такихъ грѣховъ плотской страсти, что срамно есть и глаголати[1]);—вспомнятъ, что они не удерживались отъ своей страсти даже въ великіе свѣтлые праздники, въ строжайшіе посты и постные дни. При этомъ имъ прійдутъ на память скверныя слова и столь же скверныя пѣсни ихъ, музыка и театральныя представленія, отъ которыхъ изнѣживалась ихъ душа и воспламенялось воображеніе. Смрадъ отъ адскаго огня тѣмъ болѣе будутъ чувствовать эти-то люди.

Грабителю и вору припомнятся ихъ грабежи и кражи, равно какъ самыя вещи, которыя они пріобрѣли и которыми пользовались неправедно. Страшно будетъ вспомнить поджигателямъ объ ихъ поджогахъ, потому что эти злодѣи оставили безъ крова и богатыхъ и бѣдныхъ, престарѣлыхъ и младенцевъ; изъ-за ихъ злобы добрые христіане лишились храмовъ Божіихъ, и можетъ-быть нѣкоторые погибли въ огнѣ! Страшнымъ образомъ будетъ опалять ихъ-то самихъ огонь адскій. Лѣнивые припомнятъ свои таланты, которые зарыли въ землѣ[2]): огненный пламень, какъ бичъ какой, будетъ уязвлять ихъ за лѣность.

Клеветнику придутъ на память его напрасныя подозрѣнія на другихъ, его пересуды, его злой языкъ, отъ котораго погибли многіе, его лживые доносы и показанія, самая уклончивость отъ защиты человѣка праваго и невиннаго, вообще всегдашнее благоволеніе его только къ неправдѣ и лжи[3]).

Завистникъ вспомнитъ, какъ онъ злорадовался неудачамъ ближняго, сколько разъ останавливалъ по своей зависти добрыя начинанія другихъ, а самъ между тѣмъ ничего полезнаго не предпринималъ; какъ желалъ одинъ бы обладать всѣмъ; какъ распыхался своимъ сердцемъ[4]), когда видѣлъ умъ, достоинства и успѣхи другого, и какъ послѣ этого мстилъ этому человѣку, самъ не зная за что; сколько своими кознями и завистливымъ преслѣдованіемъ отнялъ онъ у другихъ спокойныхъ ночей, здоровья и лѣтъ жизни. За это самое и будетъ онъ на томъ свѣтѣ сильно снѣдаться отъ своей совѣсти и какъ бы выть, подобно тому, какъ воетъ одурѣвшій песъ.

Вотъ вамъ примѣры, какъ грѣшники въ будущей жизни будутъ вспоминать свое прошедшее![5]).

«Но ужели, скажете, и за одинъ какой-либо грѣхъ человѣкъ подвергнется вѣчной мукѣ? Напримѣръ, ужели досадители вѣчно будутъ мучиться?»

[1]) Ефес. 5, 12.
[2]) Матѳ. 25, 18.
[3]) 2 Сол. 2, 12.
[4]) Дѣян. 7, 54.
[5]) Какъ видите, читатели,—мы привели эти воспоминанія по порядку всѣхъ десяти заповѣдей Божіихъ. Теперь-то эти воспоминанія могутъ составлять для грѣшника «исповѣдь» предъ Богомъ, которая и не будетъ отвергнута, которой даруй всѣмъ намъ, Господи!

Въ томъ-то и бѣда, что одна страсть въ человѣкѣ (когда достигнетъ развитія въ высшей степени) рѣдко бываетъ безъ другихъ страстей и грѣховъ. Скажемъ, напримѣръ, о тѣхъ же досадителяхъ. Подъ именемъ ихъ разумѣются люди злорѣчивые и ругатели, а также должны быть понимаемы тѣ, которые дѣлаютъ въ чемъ-либо препятствіе другимъ и вообще нарушаютъ доброе спокойствіе ближняго. Но не слѣдуетъ ли и еще предположить въ этихъ людяхъ какіе-либо тяжкіе грѣхи, по связи съ которыми они досаждаютъ другимъ? Да, въ нихъ, напримѣръ, много гордости: сокрушу досажденіе гордыни вашея[1]), сказано. Сердце у нихъ злое: они не щадятъ ближняго иной разъ и въ болѣзни его. Въ нихъ нѣтъ страха Божія, потому что они часто не уважаютъ и священнаго мѣста, гдѣ дѣлаютъ досаду другимъ. Вотъ сколько эти люди соединяютъ съ главнымъ своимъ порокомъ иныхъ пороковъ!

Еще замѣчу о будущихъ воспоминаніяхъ грѣшника. Приводя себѣ на память здѣшнюю нечестивую жизнь, онъ увидитъ, что и грѣховныя удовольствія не всегда ему доставались легко, но часто были соединяемы съ суетой, болѣзнями, трудностями и даже страданіями своего рода.

Что же будетъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ воспоминаній? Что отъ нихъ останется грѣшникамъ? Раскаяніе самое мучительное. Грѣшники сознаютъ свою вину, не будутъ обвинять кого-либо другого въ своей погибели: увидятъ, что ключи отъ царства небеснаго находились въ ихъ собственныхъ рукахъ. Особенно же горько имъ будетъ сознаніе, что они давно-давно слышали объ адѣ и вѣчныхъ мученіяхъ, но не вѣрили ничему или оставались безпечными. Однако жъ глубокаго и смиреннаго раскаянія въ нихъ не будетъ: во адѣ же кто исповѣстся Тебѣ[2]), сказано. Раскаяніе ихъ будетъ подобно раскаянію закоснѣлаго убійцы, который взятъ на самомъ преступленіи или совершилъ преступленіе на глазахъ другихъ: этотъ преступникъ, положимъ, и не запирается въ своемъ преступленіи, но нисколько же не смягчается своимъ сердцемъ и не проситъ себѣ прощенія. Раскаяніе грѣшниковъ на томъ свѣтѣ будетъ еще подобно раскаянію отчаяннаго Іуды-предателя.

Припоминая вообще свое прошедшее время, грѣшники обратятъ вниманіе и на тѣ годы, которые со времени страшнаго суда провели уже во адѣ. Но пріятно вспомнить о тяжеломъ времени, когда прожито это время и настали дни спокойные. А для грѣшниковъ въ томъ свѣтѣ и послѣ тысячи горькихъ дней не настанетъ ни одного отраднаго. Для нихъ ничего не будетъ значить начало адской муки въ сравненіи съ продолженіемъ ея, съ одной стороны — потому, что и послѣдующіе дни ихъ жизни во адѣ будутъ подобны первымъ, а съ другой — адъ до того

[1]) Лев. 26, 19.
[2]) Псал. 6, 6.

будетъ мучителенъ, что къ нему нисколько нельзя будетъ привыкнуть.

Итакъ, страшно, ужасно страшно будетъ во всѣхъ отношеніяхъ прошедшее время для тѣхъ, кого постигнетъ вѣчная мука! Бѣдная душа грѣшника! Сколько и она будетъ страдать вмѣстѣ съ тѣломъ! Это-то самое, братья мои, и значитъ погубить свою душу въ той жизни! [1]).

В. О послѣдующемъ времени въ жизни грѣшниковъ на томъ свѣтѣ.

Если взять въ примѣръ нынѣшнюю жизнь, то въ своемъ будущемъ нѣкоторую отраду находятъ себѣ иногда и самые злосчастные люди.

Пусть, напримѣръ, иному на землѣ назначено пробыть въ каторгѣ тысячу дней. Если онъ проведетъ только первый день, то навѣрное знаетъ, что остается ему жить въ каторгѣ уже не тысячу дней, а 999, онъ и говоритъ про себя, что «сдѣлалъ шагъ впередъ». Другой осужденъ на 10—15 лѣтъ каторжной работы. Вяло, тоскливо проходятъ его годы. Но со временемъ онъ скрѣпляется духомъ и отдаетъ себя ожиданію, начиная отсчитывать въ остальныхъ годахъ своего срока по одному мѣсяцу. Пусть кто ссылается въ работы и безсрочнымъ или до конца своей жизни. И такой человѣкъ (кромѣ того, что смерть когда-либо избавитъ его отъ тяжелаго состоянія) нерѣдко еще питаетъ себя надеждою освободиться. Бываютъ между безсрочно-ссыльными и просто мечтатели. Имъ нѣтъ нужды, что ихъ мечты несбыточны. Но они знали въ судьбѣ своихъ товарищей случаи неожиданнаго освобожденія отъ работъ, и—вотъ мечтаютъ о собственной свободѣ, и мечтою-то услаждаютъ себя.

Но для вѣчно-осужденнаго грѣшника, не останется никакихъ надеждъ. Не надѣются иже во адѣ, сказано [2]). Выхода изъ ада ни для кого не будетъ: это будетъ какъ море безъ пристани. «Непроходима дебрь и неизмѣрима пропасть...; не будетъ выхода заключеннику, непроходима темничная стѣна...; оковы не снимаемы». Пусть бы кто сказалъ безбожнику, горящему въ огнѣ: «ты будешь мучиться еще тысячу лѣтъ»; или пусть бы было объявлено зажигателю: «тебѣ остается мучиться еще пять тысячъ лѣтъ». Они и стали бы ожидать окончанія этихъ сроковъ. Но только, къ сожалѣнію, ни другой кто не пообѣщаетъ имъ ничего, ни они сами не могутъ предаться какой-либо отрадной мечтѣ или безотчетному ожиданію лучшаго времени. Напротивъ, ихъ сознанію ясно будетъ представляться одна мучительная вѣчность. Они сто разъ пожелаютъ умереть, но не дождутся смерти. Въ нынѣшней жизни иногда говорятъ о человѣкѣ, для котораго со смертью прекратились долговременная его болѣзнь или иныя долговременныя страданія: «помучился свой вѣкъ; не будетъ болѣе, несчастный, мучиться!» Но въ будущемъ свѣтѣ глаза грѣшника, полные слезъ, никогда не закроются; стоны его никогда не затихнутъ тамъ, и могила болѣе не ждетъ его. Въ этомъ отношеніи онъ будетъ подобенъ человѣку, котораго постигла безсонница, который, сколько ни старается заснуть — далекъ отъ сна, и отъ того весь разстроенъ. Наконецъ, состояніе грѣшника будетъ не жизнь, но и не смерть, понимаемая въ смыслѣ отдѣленія души отъ тѣла. Это будетъ вѣчное умираніе, или, какъ говорится въ апокалипсисѣ, смерть вторая [1]).

Итакъ, въ прошедшемъ времени отверженные грѣшники найдутъ одно мучительное сожалѣніе, въ настоящемъ — одно мучительное страданіе, а въ представленіи себѣ будущаго времени — одни ужасы. Оттого они будутъ проклинать день своего рожденія и самихъ себя. Отчаяніе, страшная болѣзнь души и въ этой жизни, будутъ болѣзнью ихъ нескончаемою. Одни въ отчаяніи будутъ скрежетать зубами, а другіе непрерывно плакать. Ни откуда не будетъ имъ состраданія. Не помогутъ имъ діаволъ и прочіе злые духи, которыхъ волю они выполняли здѣсь, и съ которыми иные, какъ напримѣръ, волшебники находились въ самомъ близкомъ общеніи. Злые духи и сами будутъ крѣпко связаны [2]), сами будутъ гораздо въ большемъ унынiи и отчаяніи сравнительно съ настоящимъ временемъ. Даже нельзя допустить и того, чтобъ діаволъ сталъ выражать такое же злорадованіе въ отношеніи къ грѣшникамъ, какое выражаетъ онъ теперь, когда видитъ чье-либо страданіе или чью-либо погибель по душѣ. Злая радость есть частію усладительное чувство, какъ и всякій грѣхъ въ этой жизни доставляетъ грѣшнику сладость, хоть и временную, хоть иногда на одну минуту. Но въ будущей жизни грѣшники будутъ пить не сладкую чашу, а одну только горесть отъ своихъ грѣховъ.

Г. О степеняхъ мученій.

Христосъ Спаситель угрожалъ нѣкоторымъ городамъ и селеніямъ еврейскимъ страшною участью въ будущемъ вѣкѣ. Это были тѣ города и селенія, которыя хоть слышали Его проповѣдь и видѣли Его необычайныя чудеса, но ничему не повѣрили и ничѣмъ не тронулись. Онъ сопоставлялъ этимъ городамъ другихъ упорныхъ грѣшниковъ, которые жили раньше, или если и одновременно съ ними, то за предѣлами Палестины. И вотъ, въ сравненіи съ послѣдними Онъ ясно выразилъ высшую степень наказанія для нихъ: отраднѣе будетъ земли содомстѣй и гоморстѣй..., неже граду тому [3]); Тиру и Сидону отраднѣе будетъ..., неже вамъ [4]). И указалъ Онъ при этомъ именно на казнь послѣ суда послѣдняго (въ день судный!..) Въ другое время Онъ прямо велъ рѣчь о второмъ пришествіи Своемъ, послѣ

[1]) Марк. 8, 35—36. См. кн. прот. Попова: «Вѣчная мука грѣшн.»
[2]) Псал. 38, 18.

[1]) Апок. 21, 8.
[2]) Апок. 20.
[3]) Мѳ. 10, 15.
[4]) — 11, 22.

котораго однимъ будутъ награды, а другимъ казни. И что же Онъ проповѣдалъ? Рабъ вѣдѣвый волю господина своего... и не сотворивъ... біенъ будетъ много, невѣдѣвый же біенъ будетъ мало [1]). Хоть ни для кого неизвинительно невѣдѣніе воли Божіей, изложенной въ откровеніи, но кто имѣетъ полное знаніе этой воли и между тѣмъ не прилагаетъ своихъ знаній къ дѣлу, тотъ заслужитъ бо́льшую казнь.

Св. отцы о разности мученій для грѣшниковъ разсуждаютъ: «есть разные роды мученій... И сказанное въ притчахъ: во днѣ ада [2]) даетъ разумѣть, что нѣкоторые, хотя въ адѣ, но не во днѣ ада, терпятъ легчайшее наказаніе [3]); иначе мучится прелюбодѣй, иначе блудникъ, иначе убійца, иначе воръ и пьяница [4]); не должно сомнѣваться въ томъ, что самыя наказанія, которымъ подвергнутся грѣшники, по различію преступленій будутъ различны» [5]).

Въ словѣ Божіемъ (кромѣ ученія о рабѣ вѣдѣвшемъ и невѣдѣвшемъ), а также и у св. отцовъ, и еще находимъ указанія на то, кто болѣе и кто менѣе будетъ мучиться на томъ свѣтѣ. Апостолъ Павелъ, предлагая ученіе о воздаяніи людямъ въ день... откровенія праведнаго суда Божія [6]) (слѣдовательно въ будущемъ вѣкѣ), говоритъ: скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое, іудея же прежде и еллина [7]). Іудею было дано полное понятіе о Богѣ и заповѣдяхъ Божіихъ, а язычникъ лишенъ былъ этого понятія. Итакъ, онъ будетъ наказанъ строже въ сравненіи съ послѣднимъ. Только въ отношеніи къ тому и другому имя «творящаго злое» по переводу съ греческаго означаетъ «злодѣя нераскаяннаго» [8]). Св. Златоустъ учитъ: «кто большее получилъ наставленіе, тотъ долженъ вытерпѣть большую казнь за преступленіе; чѣмъ мы свѣдущѣе..., тѣмъ тяжелѣй будемъ наказаны» [9]). Посему-то къ книжникамъ іудейскимъ и фарисеямъ, которые почивали на законѣ [10]), а между тѣмъ не хотѣли сдѣлать движенія и перстомъ [11]), чтобъ исполнить его, было сказано: лишшее пріимете осужденіе [12]). Большимъ мученіямъ подвергнутся также тѣ, которые обладаютъ тѣмъ большею силою противодѣйствовать злу въ себѣ самихъ и въ другихъ (иногда одно слово ихъ или одна черта письма ихъ могли бы поддержать правду, воодушевить невинность, дать ходъ добрымъ предпріятіямъ), но которые между тѣмъ всегда только покровительствовали пороку и сами-то угнетали правду: ему же дано... много, много взыщется отъ него [1]).

«Чѣмъ же будутъ различаться самыя мученія?». Разность ихъ (въ смыслѣ большей или меньшей лютости) можемъ выводить изъ нѣкоторыхъ евангельскихъ изреченій. Такъ, св. Златоустъ отъ мученій богача, который просилъ послать къ нему Лазаря, обращается къ каждому подобному грѣшнику: «но какою мѣрою мѣрите, такою возмѣрится вамъ; ты не давалъ крупицъ, не получишь и капли» [2]). Св. Ефремъ Сиринъ примѣняетъ мученія къ качеству тѣхъ грѣховъ и страстей, которыми кто согрѣшалъ здѣсь: «кто таилъ въ сердцѣ своемъ лукавство и въ умѣ своемъ зависть, того сокроетъ страшная глубина» [3]). По ученію того же отца «тьма кромѣшная въ особой странѣ...; скрежетъ зубомъ особое мѣсто; тартаръ также особое мѣсто» [4]). А священномученикъ Патрикій говоритъ: «тартаръ глубже всѣхъ прочихъ безднъ, находящихся подъ землею» [5]). Противъ того же тартара молился св. Кириллъ александрійскій: «ужасаюсь тартара, гдѣ нѣтъ и малой теплоты» [6]). Св. Іосифъ персидскій сказалъ своему судьѣ-мучителю: «гонители христіанъ будутъ осуждены на вѣчный плачъ и скрежетъ зубовъ» [7]).

Души, вѣрующія и благоговѣющія предъ грознымъ правосудіемъ Божіимъ! Это вѣрно, что подвергнуться и самой легкой мукѣ на томъ свѣтѣ будетъ великою бѣдою. Въ нынѣшнихъ темницахъ иные противъ своихъ сотоварищей пользуются же лучшимъ помѣщеніемъ и болѣе снисходительнымъ обращеніемъ съ ними стражи темничной: но не тягостно ли для нихъ и одно лишеніе свободы? Итакъ, будемъ избѣгать не только чрезмѣрныхъ преступленій, прямо приближающихъ насъ ко аду, но и такихъ грѣховъ, которые считаются нами какъ бы повседневными, но которыми однако оскверняются наша душа и тѣло, и за которые, наконецъ, (какъ наприм., за ругательство въ злобѣ ближнему) евангеліе также угрожаетъ геенной [8]).

---

1) Лк. 12, 47—48.
2) Притч. 9, 18.
3) Василій Вел. при толков. словъ. Лк. 12, 47—48.
4) Ефремъ Сир. въ словѣ на втор. пришествіе Христово.
5) Блаж. Августинъ.
6) Римл. 2, 5.
7) — ст. 9.
8) Блаж. Ѳеофилактъ въ толк. на эти слова.
9) Въ толкованіи на посл. къ римл.
10) Римл. 2, 17.
11) Мѳ. 23, 4.
12) — ст. 14.

1) Лк. 12, 48.
2) Въ бес. о Лазарѣ второй.
3) Въ словѣ о всеобщемъ воскресеніи.
4) Тамъ же.
5) Память 19 мая.
6) Въ словѣ объ исходѣ души.
7) Маруѳ. въ опис. муч. св. Акепсимы.
8) Мѳ. 5, 22. См. кн. прот. Е. Попова «Вѣчная мука грѣшниковъ».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О ходатайствѣ живыхъ за умершихъ.

1. **Основанія ученія церкви о ходатайствѣ живыхъ за умершихъ въ священномъ писаніи.** Какъ праведники, вслѣдъ по смерти тѣла и частномъ судѣ надъ ними, восходятъ душами своими на небо и удостоиваются блаженства, точно такъ же грѣшники отходятъ душами своими во адъ—мѣсто печали и скорби, хотя какъ первые не чувствуютъ еще совершеннаго блаженства, такъ и послѣдніе до всеобщаго суда не терпятъ совершеннаго мученія. Впрочемъ, преподавая ученіе, что всѣ грѣшники, послѣ смерти своей и частнаго суда надъ ними, равно отходятъ во адъ, православная церковь въ то же время исповѣдуетъ, что для тѣхъ изъ нихъ, которые до разлученія съ настоящею жизнію покаялись, только не успѣли принести плодовъ, достойныхъ покаянія (каковы: молитва, сокрушеніе, утѣшеніе бѣдныхъ и выраженіе въ поступкахъ любви къ Богу и ближнимъ), остается еще возможность получить облегченіе въ страданіяхъ и даже вовсе освободиться отъ узъ ада. Такое облегченіе и освобожденіе грѣшники могутъ получать не по собственнымъ какимъ-либо заслугамъ или чрезъ раскаяніе (ибо послѣ смерти и частнаго суда нѣтъ мѣста ни для покаянія, ни для заслугъ), но только по безконечной благости Божіей, чрезъ молитвы церкви и благотворенія, совершаемыя живыми за умершихъ, а особенно силою безкровной жертвы, которую въ частности приноситъ священнослужитель для каждаго христіанина о его присныхъ, вообще же за всѣхъ повседневно приноситъ каѳолическая и апостольская церковь [1]).

Утѣшительное ученіе православной церкви о возможности для грѣшниковъ, умершихъ съ покаяніемъ, получать облегченіе и даже совершенное освобожденіе отъ мученій ада, по молитвамъ еще живущихъ братій и ихъ благотвореніямъ (цѣль этихъ благотвореній есть также возбужденіе въ другихъ молитвы о преставшихся) или, что то же, по молитвамъ церкви, силою безкровной жертвы,— это ученіе имѣетъ основаніе въ священномъ писаніи.

Св. апостолъ Іаковъ заповѣдуетъ намъ *молиться другъ за друга* (Іак. V, 16); и св. апостолъ Павелъ проситъ *совершать молитвы за всѣхъ человѣковъ* (1 Тим. II, 1; см. Ефес. VI, 18—19). И тотъ и другой апостолъ заповѣдуетъ молиться другъ за друга и за всѣхъ безъ ограничительнаго обозначенія мѣста, времени и другихъ обстоятельствъ. Мы должны, слѣдовательно, молиться за ближнихъ нашихъ и тогда, когда они находятся вмѣстѣ съ нами, и тогда, когда они бываютъ въ отсутствіи, и тогда, когда они живутъ еще на землѣ, и тогда, когда они чрезъ смерть переселяются въ другой міръ, потому что *живемъ ли мы или умираемъ, мы всегда Господни* (Римл. XIV, 8), и умершіе, какъ и живые, для Бога всѣ равно живы (Лук. XX, 38).

Предостерегая насъ отъ молитвы за ближнихъ, неугодной Богу и безплодной для нихъ, св. апостолъ Іоаннъ Богословъ даетъ намъ другую заповѣдь: *если кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то-есть, согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ молился* (1 Іоан. V, 16). Но всѣ, умершіе съ истиннымъ раскаяніемъ, свободны отъ смертнаго грѣха уже по тому одному, что они раскаялись: „ибо грѣхъ къ смерти есть (говорятъ отцы 7 Вселенскаго собора), когда нѣкіе, согрѣшая, въ неисправленіи пребываютъ и жестоковыйно (упорно) возстаютъ на благочестіе и истину... Въ таковыхъ нѣсть Господа Бога, аще не смирятся и не истрезвятся отъ своего грѣхопаденія" (правило 5). Слѣдовательно, всѣ умершіе съ истиннымъ покаяніемъ, хотя бы прежде и находились въ смертныхъ грѣхахъ, а тѣмъ болѣе, если не находились,—принадлежатъ къ числу тѣхъ ближнихъ нашихъ, за которыхъ намъ заповѣдано молиться безъ всякаго сомнѣнія и колебанія. По этой заповѣди апостольской, одни умершіе въ смертныхъ грѣхахъ, въ нераскаянности и внѣ общенія съ церковію, не удостоиваются ея молитвъ.

По ученію апостольскому, молитвы наши за ближнихъ могутъ быть для нихъ вообще благотворны даже въ нравственномъ отношеніи (2 Сол. I, 11—12; Ефес. VI, 18—19), въ особенности *много можетъ усиленная молитва праведнаго* (Іак. V, 16), и въ частности наши молитвы за братій, не находящихся въ смертномъ грѣхѣ, могутъ подавать имъ *жизнь* (1 Іоан. V, 16). Слѣдовательно, хотя мы не понимаемъ, какимъ образомъ дѣйствуютъ наши молитвы на ближнихъ нашихъ, пока они находятся еще въ настоящей жизни, тѣмъ не менѣе молитвы наши дѣйственны и спасительны для

---

[1]) Православное исповѣданіе, ч. I, отв. на вопросы 64, 65. Посланіе восточн. патріарховъ о прав. вѣрѣ, членъ 18. Православно-Догматическое Богословіе Макарія, т. II, § 258.

нихъ. Точно такъ же, не постигая и того, какъ могутъ дѣйствовать наши молитвы на братій нашихъ, скончавшихся съ истиннымъ покаяніемъ, мы не вправѣ сомнѣваться въ дѣйствительности и спасительности для нихъ этихъ молитвъ.

Если чего попросите во имя Мое, говоритъ Христосъ Спаситель, *то Я сдѣлаю* (Іоан. XIV, 14). Итакъ, всякая наша молитва къ Богу, а слѣдовательно и молитва за ближнихъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, можетъ быть сильна и дѣйственна только тогда, когда возносится во имя Господа Іисуса, Который есть единый Посредникъ между Богомъ и человѣками (1 Тим. II, 5). Іисусъ Христосъ примирилъ насъ съ Богомъ и искупилъ отъ всякаго грѣха, когда принесъ Ему на крестѣ въ умилостивительную жертву Самого Себя — собственное тѣло и собственную кровь (Евр. IX, 14,—26; X, 10); и въ таинствѣ Евхаристіи доселѣ приносится Богу та же самая умилостивительная жертва, преломляется то же самое честное тѣло нашего Искупителя *за жизнь міра* (Іоан. VI, 51) и проливается та же самая честная кровь Его *во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. XXVI, 26—28; Лук. XXII, 19—20). Слѣдовательно, если когда наша молитва какъ за живыхъ, такъ равно и за умершихъ братій нашихъ, можетъ быть угодна Богу и благотворна для нихъ, то, преимущественно, въ то время, когда она бываетъ соединена съ приношеніемъ за нихъ безкровной умилостивительной жертвы.

Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: *если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится Ему; если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ* (Матѳ. XII, 32). Отсюда прямой выводъ, что отпущеніе грѣховъ грѣшникамъ возможно и по смерти ихъ.

Въ Апокалипсисѣ говорится, что Господь Іисусъ Христосъ *имѣетъ ключи ада и смерти* (Апок. I, 18), слѣдовательно, Онъ можетъ отверзать ими затворы адовы и освобождать оттуда грѣшниковъ.

Но такъ какъ по смерти для самихъ грѣшниковъ не останется мѣста ни для покаянія, ни для заслугъ, то объяснить возможность отпущенія грѣховъ грѣшникамъ и освобожденія ихъ отъ узъ ада нѣтъ другого способа, кромѣ того, что Господь совершаетъ это по молитвамъ церкви и въ силу безкровной умилостивительной жертвы, приносимой за умершихъ. О скончавшихся съ хулою на Духа Святаго, или—что то же— въ смертномъ грѣхѣ, и не раскаявшихся церковь не молится, — и вотъ потому то, какъ сказалъ Спаситель, хула на Духа Святаго не отпустится человѣку ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ.

Во второй книгѣ Маккавейской повѣствуется о доблестномъ и благочестивомъ вождѣ іудейскомъ, Іудѣ Маккавеѣ, слѣдующее: „Выступилъ Іуда съ тремя тысячами пѣшихъ и четырьмя стами конныхъ. Когда они вступили въ сраженіе, случилось пасть немногимъ изъ іудеевъ... Такъ какъ наступалъ седьмой день, то они очистились по обычаю и праздновали субботу. На другой день бывшіе съ Іудою пошли, какъ требовалъ долгъ, перенести тѣла падшихъ и положить ихъ вмѣстѣ съ сродниками въ отеческихъ гробницахъ. И нашли они у каждаго изъ умершихъ подъ хитонами посвященныя Іамнійскимъ идоламъ вещи, что законъ запрещалъ іудеямъ: и сдѣлалось всѣмъ явно, по какой причинѣ они пали. И такъ всѣ прославили праведнаго Судію, Господа, открывающаго сокровенное, и обратились къ молитвѣ, прося, да будетъ совершенно изглаженъ содѣланный грѣхъ; а доблестный Іуда увѣщевалъ народъ хранить себя отъ грѣховъ, видя своими глазами, что случилось по винѣ падшихъ. Сдѣлавъ же сборъ по числу мужей до двухъ тысячъ драхмъ серебра, онъ послалъ въ Іерусалимъ, чтобы принесть жертву за грѣхъ, и поступилъ весьма хорошо и благочестно, помышляя о воскресеніи. Ибо если бы онъ не надѣялся, что падшіе въ сраженіи воскреснутъ, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвыхъ. Но онъ помышлялъ, что скончавшимся въ благочестіи уготована превосходная награда,—какая святая и благочестивая мысль!—Посему принесъ за умершихъ умилостивительную жертву, да разрѣшатся отъ грѣха“ (2 Макк. XII, 33—34, 38—45).

2. Поминовеніе усопшихъ существуетъ въ церкви христіанской со временъ апостоловъ. Поминовеніе усопшихъ, какъ преданіе апостольское, существуетъ въ церкви христіанской съ самаго ея начала. Доказательство этого мы находимъ въ древнихъ литургіяхъ и въ свидѣтельствахъ святыхъ отцовъ и учителей церкви.

Всѣ древнія литургіи, какъ тѣ, которыя употребляются или употреблялись въ церкви восточной, православной, извѣстныя подъ именами: св. апостола Іакова, брата Господня [1]), св. Василія Великаго, св. Іоанна

[1]) Въ литургіи св. апостола Іакова находится слѣдующая молитва за умершихъ. «Господи, Боже духовъ и всякія плоти! помяни православныхъ, которыхъ мы помянули и которыхъ не помянули, отъ Авеля праведнаго до сего дня, Самъ упокой ихъ въ селеніи живыхъ, въ царствіи Твоемъ, въ сладостяхъ рая, въ нѣдрахъ Авраама, и Исаака, и Іакова, св. отецъ нашихъ, откуда отбѣгла болѣзнь, печаль и воздыханіе, гдѣ присѣщаетъ свѣтъ лица Твоего и освѣщаетъ всегда».

Златоустаго, св. Григорія Двоеслова, — такъ и литургія церкви западной: римская, испанская или мозарабская, галликанская и др., наконецъ, литургія различныхъ неправославныхъ сектъ, издревле существующихъ на востокѣ: яковитовъ, коптовъ, армянъ, эѳіоповъ, сирійцевъ, несторіанъ и прочихъ, какъ онѣ ни многочисленны и ни разнообразны, содержатъ въ себѣ молитвы за умершихъ. А это непререкаемо свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что отъ дней самихъ апостоловъ, предавшихъ церкви чинъ Божественной литургіи, не было времени, когда бы христіане не молились за своихъ усопшихъ братій и при томъ при совершеніи важнѣйшаго изъ своихъ божественныхъ богослуженій.

Св. Григорій Нисскій пишетъ: „Ничего безъ разсужденія, ничего безполезнаго не предано отъ Христовыхъ проповѣдниковъ и учениковъ и не принято повсемѣстною церковію Божіею, но это есть дѣло весьма богоугодное и полезное — при Божественномъ и преславномъ таинствѣ совершать поминовеніе объ усопшихъ въ правой вѣрѣ“ [1]).

Св. Іоаннъ Златоустъ, говоря о пользѣ молитвъ за умершихъ, пишетъ: „Не напрасно узаконено апостолами творить предъ страшными тайнами поминовеніе объ усопшихъ: они знали, что великая бываетъ отъ сего польза для усопшихъ, великое благодѣяніе“ [2]). — „Не напрасно бываютъ приношенія за усопшихъ, не напрасно моленія, не напрасно милостыни: все это установилъ Духъ Святый, желая, чтобы мы получили пользу другъ чрезъ друга“ [3]).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ: „Таинники и самовидцы Слова, покорившіе кругъ земной, ученики и божественные апостолы Спасителя не безъ причины, не напрасно и не безъ пользы установили при страшныхъ, пречистыхъ и животворящихъ тайнахъ совершать поминовеніе о вѣрныхъ усопшихъ, что отъ конецъ до конецъ земли владычествующая апостольская и свободная церковь Христа и Бога и содержитъ твердо и безпрекословно съ того времени даже донынѣ и до кончины міра содержать будетъ. Ибо вѣра христіанская, чуждая заблужденій, ничего безполезнаго не приняла и не стала бы ненарушимо содержать во вѣки, но все полезное, богоугодное и весьма спасительное“ [4]).

Кипріанъ: „Епископы, наши предшественники, благочестиво разсуждая и заботясь о спасеніи, опредѣлили, чтобы ни одинъ умирающій братъ не возлагалъ послѣ себя попечительства и покровительства на священнослужителя, и если бы кто сіе сдѣлалъ, то не творили бы за того приношенія, и жертва о успеніи его не совершалась бы: ибо не заслуживаетъ именоваться въ молитвѣ священниковъ предъ алтаремъ Божіимъ тотъ, кто хотѣлъ отвлечь отъ него священниковъ и слугъ алтаря“ [1]).

Евсевій: „Весь народъ, вмѣстѣ съ священнослужителями, не безъ слезъ и глубокихъ воздыханій, возносилъ къ Богу молитвы о душѣ Царя и этимъ исполнялъ желаніе боголюбезнаго“ [2]).

Св. Кириллъ Іерусалимскій: „Поминаемъ и прежде почившихъ, во-первыхъ, патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, чтобы ихъ молитвами и предстательствомъ принялъ Богъ моленіе наше; потомъ молимъ о преставившихся святыхъ отцахъ и епископахъ и, вообще, о всѣхъ изъ насъ прежде почившихъ, вѣруя, что превеликая будетъ польза душамъ, о которыхъ моленіе возносится въ то время, какъ святая предлежитъ и страшная жертва“ [3]).

Св. Ефремъ Сиринъ: „Если подзаконные священники служебными приношеніями очищали грѣхи убіенныхъ на брани, какъ оскверненныхъ беззаконіями, о коихъ упоминается въ писаніи (2 Макк. гл. XII), то кольми паче священники новаго завѣта Христова могутъ дѣйствительно очищать долги отшедшихъ отъ земли грѣшниковъ святыми приношеніями и молитвами устъ своихъ“ [4]). — И въ другомъ мѣстѣ: „Неотступно будемъ умолять Его (Бога), чтобы изгладилъ вины паствы Своей — чадъ избранной и святой церкви Его, и чтобы очистилъ грѣхи умершихъ, почившихъ въ уповании на Него“ [5])!

3. **Святоотеческія объясненія, почему и какъ наши молитвы могутъ быть благотворны для умершихъ.** Въ писаніяхъ древнихъ отцовъ и учителей церкви мы находимъ сообразныя съ словомъ Божіимъ объясненія того, почему и какъ наши молитвы могутъ быть благотворны и спасительны для скончавшихся въ вѣрѣ и покаяніи.

Св. Кириллъ Іерусалимскій въ 5 тайноводственномъ поученіи говоритъ: „Хочу я васъ и примѣромъ увѣрить, — ибо, я знаю, многіе говорятъ: какая польза душѣ, съ грѣхами или безъ грѣховъ отходящей отъ міра сего, если она поминается въ молитвѣ? — А что, если бы какой царь послалъ досадившихъ ему въ ссылку, а ихъ ближніе потомъ,

---

[1]) Привод. у *св. Іоанна Дамаскина* въ словѣ объ усопшихъ въ вѣрѣ.
[2]) Бесѣда III на посланіе къ Филиппійцамъ.
[3]) Бесѣда XXI на Дѣянія апостольскія.
[4]) Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ. Христ. чтеніе 1827 г., XXVI, 309.

[1]) Посланіе LXVI къ клиру и народу.
[2]) О жизни блаж. царя Константина, кн. IV, гл. 71, стр. 272 по русск. перев.
[3]) Поуч. тайноводств. V.
[4]) Завѣщаніе въ Христ. чтеніи 1827 г., XXVII, 294.
[5]) О покаяніи XXXVIII въ Твор. св. отецъ XVI, 343.

сплетши вѣнецъ, принесли бы ему оный за терпящихъ наказаніе,—то не сдѣлалъ ли бы онъ имъ облегченіе наказанія? Такимъ образомъ и мы за усопшихъ, если они и грѣшники, принося Богу молитвы, не вѣнецъ соплетаемъ, но Христа, закланнаго за наши согрѣшенія, приносимъ, умилостивляя за нихъ и за насъ человѣколюбца Бога".

Св. Іоаннъ Златоустъ въ бесѣдѣ III на посланіе къ филиппійцамъ пишетъ: „Когда весь народъ и священный соборъ стоятъ съ простертыми къ небу руками и когда предлежитъ страшная жертва, — какъ не умилостивимъ мы Бога, молясь за нихъ (умершихъ)? Но это о тѣхъ только, которые въ вѣрѣ умерли". И въ другомъ мѣстѣ (въ бесѣдѣ XXI на Дѣянія апостольскія): „Есть еще, поистинѣ есть возможность, если хотимъ, облегчить наказаніе скончавшагося грѣшника. Если будемъ творить о немъ частыя молитвы и раздавать милостыни, то, хотя бы онъ былъ и недостоинъ самъ по себѣ, Богъ услышитъ насъ. Если Онъ ради апостола Павла спасъ другихъ и ради однихъ щадилъ другихъ, то какъ не сдѣлаетъ того же самаго и для насъ?"

Блаженный Августинъ учитъ (Слово CLXXII): „Не должно сомнѣваться, что молитвы св. церкви, спасительная жертва и милостыни, совершаемыя за души умершихъ, вспомоществуютъ имъ къ тому, чтобы Господь былъ къ нимъ милостивѣе, нежели сколько заслужили они по грѣхамъ своимъ. Ибо вся церковь соблюдаетъ это, какъ преданное отъ отцовъ, чтобы за скончавшихся въ общеніи тѣла и крови Христовой молиться, когда воспоминаются они въ свое время при самомъ жертвоприношеніи, и выражать, что жертва приносится и за нихъ. Кто также усомнится, что и дѣла милосердія, совершаемыя для умилостивленія за нихъ, приносятъ пользу тѣмъ, за которыхъ не всуе возсылаются Богу молитвы?"

Во всѣхъ приведенныхъ отеческихъ изреченіяхъ раскрывается та мысль, что если Богъ многократно благоволилъ являть милость Свою однимъ по вѣрѣ и предстательству другихъ (Матѳ. VIII, 13; IX, 2; XV, 28), то нѣтъ основанія сомнѣваться и въ томъ, что Онъ не отвергнетъ нашихъ молитвъ за нашихъ умершихъ братій, нуждающихся въ милосердіи Божіемъ. Другіе отцы указывали на то, что наши молитвы могутъ помогать и умершимъ точно такъ же, какъ онѣ помогаютъ живущимъ еще на землѣ, но разлученнымъ съ нами по тѣлу братіямъ нашимъ, находящимся въ путешествіи, въ плѣну, въ заточеніи, въ темницѣ, и какъ помогаютъ молитвы родителей ихъ немощнымъ дѣтямъ (Филип. I, 4,—19; Колос. I, 9; 2 Тим. I, 3; 2 Кор. I, 11; Дѣян. XII, 5,—12).

Наши молитвы могутъ дѣйствовать на души скончавшихся непосредственно, если только они скончались въ правой вѣрѣ и съ истиннымъ раскаяніемъ, то-есть въ общеніи съ церковію и съ Господомъ Іисусомъ, — такъ какъ въ этомъ случаѣ, несмотря на видимое удаленіе отъ насъ, они продолжаютъ вмѣстѣ съ нами принадлежать къ одному и тому же тѣлу Христову (Ефес. I, 23; Колос. I, 18), въ которомъ точно такъ же не можетъ не сохраняться сочувствія и взаимнаго вліянія между членами, какъ естественно существуетъ оно между всѣми членами нашего тѣла (1 Кор. XII, 26) и какъ обнаруживается оно и во внѣшней природѣ между существами одного рода, живущими хотя отдѣльно, но одною жизнію.

„Для умершихъ—говоритъ св. Ефремъ Сиринъ — благодѣтельны поминовенія, совершаемыя святыми во время ихъ жизни. Смотрите, вотъ и примѣръ сему представляютъ нѣкоторыя творенія Божіи, какъ-то: виноградъ — его зрѣющіе грозды въ полѣ и выдавленное вино въ сосудахъ: когда созрѣютъ ягоды на виноградной лозѣ, тогда вино, стоящее въ домѣ неподвижно, начинаетъ пѣниться и волноваться, какъ бы желая убѣжать. То же бываетъ, кажется, и съ растеніемъ — лукомъ: ибо какъ скоро начнетъ созрѣвать лукъ, посаженный въ полѣ, въ то же время даетъ отпрыски и лукъ, въ домѣ находящійся. Итакъ, если и растенія имѣютъ между собою такое соощущеніе, то не болѣе ли для умершихъ ощутительны молитвенныя приношенія? Когда же благоразумно соглашишься на то, что сіе происходитъ сообразно съ природою тварей, то представляй себѣ, что ты—начатокъ тварей Божіихъ" [1]).

Равнымъ образомъ и другой св. отецъ замѣчаетъ: „Какъ бываетъ съ заключеннымъ въ сосудѣ виномъ, которое, когда цвѣтетъ виноградъ въ полѣ, слышитъ запахъ и цвѣтетъ вмѣстѣ съ нимъ, — такъ думай, учитъ св. Аѳанасій Вел., и о душахъ грѣшниковъ: онѣ получаютъ нѣкоторое благодѣяніе отъ приносимой за нихъ безкровной жертвы и благотворенія, какъ знаетъ и повелѣваетъ единый Владыка живыхъ и мертвыхъ, Богъ нашъ" [2]).

Наконецъ, наши молитвы могутъ быть благотворны для скончавшихся въ правой вѣрѣ и съ истиннымъ раскаяніемъ потому, что, отшедши въ другой міръ въ общеніи съ церковію, они при томъ въ самихъ себѣ перенесли туда начатокъ добра, или сѣмя но-

[1]) Завѣщаніе, въ Христ. чтеніи 1827 г., XXVII, 293.

[2]) *Аѳанасія Вел.* Посл. къ антіох., отв. на вопр. 34, въ Хр. чт. 1842 г., II, 28.

вой жизни, котораго только не успѣли сами раскрыть здѣсь, и которое, подъ вліяніемъ нашихъ теплыхъ молитвъ, при благословеніи Божіемъ, можетъ мало-по-малу развиться и принести плодъ, какъ развивается доброе сѣмя въ землѣ подъ живительнымъ вліяніемъ солнца, при благораствореніи воздуха, — между тѣмъ какъ для скончавшихся въ нечестіи и нераскаянности и совершенно погасившихъ въ себѣ духъ Христовъ (1 Сол. V, 19) ничего не помогутъ никакія молитвы живущихъ еще братій, подобно тому, какъ ничего не могутъ сдѣлать для оживленія гнилыхъ сѣмянъ, потерявшихъ начало растительной жизни, ни вліяніе солнца, ни благорастворенный воздухъ, ни питательная влага.

Такого рода разсужденія мы встрѣчаемъ у блаж. Августина и у св. Іоанна Дамаскина.

Блаженный Августинъ говоритъ: „Ни мало не должно сомнѣваться, что (молитвы св. церкви, спасительное жертвоприношеніе и милостыни) приносятъ пользу умершимъ,— но лишь тѣмъ, которые прежде смерти жили такъ, чтобы по смерти все это могло быть для нихъ полезнымъ. Ибо для отшедшихъ безъ вѣры, споспѣшествуемой любовію, и безъ общенія въ таинствахъ напрасно совершаются ближними дѣла того благочестія, коего залога они не имѣли въ себѣ, когда находились здѣсь, не пріемля или всуе пріемля благодать Божію, и сокровиществуя себѣ не милосердіе, а гнѣвъ. Итакъ, не новыя заслуги пріобрѣтаются для умершихъ, когда совершаютъ за нихъ что-либо доброе знаемые, а только извлекаются послѣдствія изъ прежде положенныхъ ими началъ“ [1]).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ: „Каждый человѣкъ, имѣвшій въ себѣ малую закваску добродѣтелей, но не успѣвшій превратить оную въ хлѣбъ,—поелику, несмотря на свое желаніе, не могъ сего сдѣлать или по лѣности, или по безпечности, или по тому, что отлагалъ со дня на день, и сверхъ чаянія постигнутъ и пожатъ кончиною,—не будетъ забытъ праведнымъ Судіею и Владыкою, но Господь по смерти его возбудитъ его родныхъ, ближнихъ и друзей, направитъ мысли ихъ, привлечетъ сердца и преклонитъ души къ оказанію ему пособія и помощи. И когда Богъ подвигнетъ ихъ, а Владыка коснется сердецъ ихъ, они поспѣшатъ вознаградить опущеніе умершаго. А тотъ, кто велъ жизнь порочную, которая была вся усѣяна терніемъ и исполнена скверну и нечистотъ, который никогда не внималъ совѣсти, но съ безпечностію и ослѣпленіемъ погружался въ мерзость похотей, удовлетворяя всѣмъ пожеланіямъ плоти и ни мало не заботясь о душѣ, — котораго всѣ мысли заняты были плотоугодіемъ, и который въ таковомъ состояніи постигнутъ кончиною, — сему никто не простретъ руки, но такъ будетъ съ нимъ поступлено, что ему не подадутъ помощи ни супруга, ни дѣти, ни братія, ни родственники, ни друзья: поелику Богъ не призритъ на него“ [1]).

[1]) Слово CLXXII.

4. **Частное поминовеніе умершихъ.** Св. церковь молится постоянно о *всѣхъ* прежде-почившихъ отцѣхъ и братіяхъ нашихъ; но она совершаетъ также особое молитвенное поминовеніе о *каждомъ* усопшемъ отцѣ и братѣ нашемъ, по нашему благочестивому желанію и вызову.

Къ частному поминовенію умершихъ относятся: *третины, девятины, сорочины* и *годовщина* [2]).

а) Третій день.

Поминовеніе усопшихъ въ третій день послѣ смерти есть преданіе апостольское. Оно совершается, *во-первыхъ*, потому, что скончавшійся крещенъ былъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, Бога единаго въ Троицѣ, хранилъ невредимою вѣру, принятую во св. крещеніи, и такъ какъ онъ въ теченіе жизни молился объ отпущеніи грѣховъ единому въ Троицѣ Богу, то и по преставленіи его св. церковь творитъ о немъ поминовеніе въ третій день; *во-вторыхъ*, потому, что онъ сохранилъ три богословскія добродѣтели, служащія основаніемъ нашего спасенія, именно: вѣру, надежду и любовь; *въ-третьихъ*, потому, что существо его имѣло тройственный составъ— духъ, душу и тѣло, которыя согрѣшаютъ вмѣстѣ и потому, по переходѣ человѣка въ загробный міръ, требуютъ очищенія отъ грѣховъ.

Кромѣ такого богословскаго значенія поминовенія усопшихъ въ третій день, оно имѣетъ еще значеніе таинственное, касающееся загробнаго состоянія души. Когда св. Макарій Александрійскій просилъ ангела, сопровождавшаго его въ пустынѣ, объяснить ему значеніе церковнаго поминовенія въ третій день, то ангелъ отвѣчалъ ему: „когда

[1]) Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ.

[2]) Обычай творить поминовенія объ умершихъ преимущественно въ третій, девятый и сороковой дни послѣ ихъ кончины существуетъ въ церкви издревле. Объ немъ ясно говорится еще въ книгѣ Постановленій апостольскихъ; потомъ болѣе или менѣе ясно—у св. Ефрема Сирина (въ его завѣщаніи), Макарія Александрійскаго (въ словѣ объ исходѣ души), св. Амвросія Медіоланскаго (въ словѣ на смерть Ѳеодосія), Палладія (въ Лавсаикѣ, гл. 26), Исидора Пелусіота (Посланія, кн. I, посланіе 114)—учителей четвертаго или начала пятаго вѣка; далѣе со всею ясностію—въ новеллахъ императора Іустиніана (новелла 133), у Евстратія, константинопольскаго пресвитера (560), у св. Іоанна Дамаскина (въ словѣ объ усопшихъ въ вѣрѣ) и другихъ. Объясненіе этого обычая какъ у приведенныхъ, такъ и у позднѣйшихъ писателей, хотя неодинаковое, впрочемъ вообще согласно съ духомъ благочестія.

въ третій день бываетъ въ церкви приношеніе, тогда душа умершаго получаетъ отъ стрегущаго ее ангела облегченіе въ скорби, которую чувствуетъ отъ разлученія съ тѣломъ,—получаетъ потому, что славословіе и приношеніе въ церкви Божіей за нее совершено, отъ чего въ ней рождается благая надежда, ибо въ продолженіе двухъ дней позволяется душѣ, вмѣстѣ съ находящимися при ней ангелами, ходить на землѣ, гдѣ хочетъ. Посему душа, любящая тѣло, скитается иногда около дома, въ которомъ положено тѣло, и такимъ образомъ проводитъ два дня, какъ птица, ища себѣ гнѣзда. Добродѣтельная же душа ходитъ по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ имѣла обыкновеніе творить правду. Въ третій же день Тотъ, Кто Самъ воскресъ въ третій день изъ мертвыхъ, повелѣваетъ, въ подражаніе Его воскресенію, вознестись христіанской душѣ на небеса, для поклоненія Богу всяческихъ".

б) Девятый день.

Въ девятый день св. церковь совершаетъ молитвы и безкровную жертву объ усопшемъ, также по преданію апостольскому. Она молитъ Господа, чтобы душа усопшаго удостоилась быть причтенною къ лику святыхъ молитвами и предстательствомъ девяти ангельскихъ чиновъ. Св. Макарій Александрійскій, по откровенію ангельскому говоритъ, что, послѣ поклоненія Богу въ третій день, повелѣвается показать душѣ различныя пріятныя обители святыхъ и красоту рая. Все это разсматриваетъ душа шесть дней, удивляясь и прославляя Творца всяческихъ, Бога. Созерцая все это, она измѣняется и забываетъ скорбь, которую чувствовала, находясь въ тѣлѣ. Но если она виновна въ грѣхахъ, то, при видѣ наслажденій святыхъ, она начинаетъ скорбѣть и укорять себя, говоря: „увы мнѣ! Сколько я осуетилась въ томъ мірѣ! Увлекшись удовлетвореніемъ похотей, я провела большую часть жизни въ безпечности и не послужила Богу какъ должно, дабы и мнѣ удостоиться сей благодати и славы. Увы мнѣ, бѣдной!" По разсмотрѣніи же въ теченіе шести дней всей радости праведныхъ, она опять возносится ангелами на поклоненіе Богу.

в) Сороковой день.

Дни плача по умершимъ въ самой глубокой древности продолжались сорокъ дней. Такъ израильтяне оплакивали Моисея сорокъ дней.

Вообще число сорокъ есть число знаменательное, часто встрѣчающееся въ священномъ писаніи. Евреи питались въ пустынѣ манною сорокъ лѣтъ; Моисей постился сорокъ дней и сорокъ ночей, пріемля законъ отъ Бога; Илія провелъ сорокъ дней и сорокъ ночей въ путешествіи къ горѣ Хориву; Господь Іисусъ Христосъ послѣ Своего крещенія провелъ въ пустынѣ сорокъ дней и сорокъ ночей, а послѣ Своего воскресенія также въ продолженіе сорока дней училъ апостоловъ тайнамъ царствія Божія.

Основываясь на преданіи апостоловъ, узаконившихъ въ церкви Христовой древній обычай іудеевъ — оплакивать умершихъ сорокъ дней, св. церковь справедливо и благочестно съ древнѣйшихъ временъ постановила правиломъ творить поминовеніе по усопшимъ въ продолженіе сорока дней (сорокоустъ) и особенно въ сороковой день (сорочины). Какъ Христосъ побѣдилъ діавола, пробывъ сорокъ дней въ постѣ и молитвѣ, такъ точно и св. церковь, принося въ продолженіе сорока дней молитвы, милостыни и безкровныя жертвы объ усопшемъ, испрашиваетъ ему у Господа благодать побѣдить врага, воздушнаго князя тьмы, и получить въ наслѣдіе царство небесное.

Святой Макарій Александрійскій, разсуждая о состояніи души человѣческой по смерти тѣла, продолжаетъ: „послѣ вторичнаго поклоненія, Владыка всѣхъ повелѣваетъ отвести душу въ адъ и показать ей находящіяся тамъ мѣста мученій, разныя отдѣленія ада и разнообразныя нечестивыхъ мученія, въ которыхъ души грѣшниковъ непрестанно рыдаютъ и скрежещутъ зубами. По этимъ разнымъ мѣстамъ мукъ душа носится тридцать дней, трепеща, чтобы и самой ей не быть заключенной въ оныхъ. Въ сороковой день она опять возносится на поклоненіе Господу Богу, и теперь уже Судія опредѣляетъ приличное ей по дѣламъ мѣсто заключенія".

Симеонъ Солунскій пишетъ (глава 372): „Сорокоусты совершаются въ воспоминаніе вознесенія Господня, случившагося въ сороковой день послѣ воскресенія, и съ тою цѣлію, чтобы и умершій, возставъ изъ гроба, вознесся въ срѣтеніе Господу, бывъ восхищенъ на облацѣхъ, и тако былъ всегда съ Господомъ" [1]).

г) Годины и годовщины.

День смерти христіанина есть день рожденія его для новой, лучшей жизни. Вотъ почему мы празднуемъ память нашихъ братій, по истеченіи года со дня ихъ кончины. Празднуя второе рожденіе ихъ для неба, мы умоляемъ благоутробіе Божіе, да милостивъ будетъ Господь душамъ ихъ, да подастъ имъ вожделѣнное отечество въ вѣчное наслѣдіе и сотворитъ ихъ паки жителями рая.

---

[1]) Новая скрижаль, часть IV, § 2.

Такъ какъ *любовь*, по слову апостола, *никогда не прекращается* (1 Кор. XIII, 8), то смерть не расторгаетъ нашего союза любви съ усопшими нашими братіями: они живутъ духомъ съ нами, пребывающими на землѣ, и мы сохраняемъ въ сердцахъ своихъ живую память объ нихъ. Съ особенною живостью возобновляется въ насъ память ихъ во дни кончины ихъ — годовщины, и мы прибѣгаемъ въ эти дни къ молитвѣ, вѣры и любви, какъ къ дѣйствительнѣйшему средству съ одной стороны удовлетворить требованію своего горящаго любовію сердца, а съ другой — доставить отраду и облегченіе душамъ переселившихся отъ насъ въ горній міръ.

„*Годины*, или поминовеніе покойника въ день его смерти, спустя годъ послѣ нея, и *годовщины*, повторяющія поминовеніе съ возвращеніемъ этого дня и въ послѣдующіе годы, надо совершать непремѣнно подъ управленіемъ той мысли живой вѣры, что ради совершившагося подчиненія Самого Господа, по Его вочеловѣченіи, человѣческимъ условіямъ времени, для насъ годовыя и многогодовыя возвращенія или какъ бы повторенія дня отшествія покойнаго въ другую жизнь, имѣютъ живой смыслъ и соотношеніе къ его душѣ и судьбѣ. Надо вѣрѣ и человѣколюбію нашему пользоваться этимъ для споспѣшествованія успокоенію усопшихъ“ [1]).

5. Разсказы о спасительности молитвъ за умершихъ. Блаженный киръ-Лука разсказываетъ о самомъ себѣ, что, когда умеръ родной его братъ въ крайнемъ небреженіи, онъ просилъ Бога открыть ему участь умершаго. Стоя однажды на молитвѣ, старецъ увидѣлъ душу брата своего въ рукахъ бѣсовскихъ. Тогда онъ послалъ нѣкоторыхъ изъ братій осмотрѣть келью умершаго. Посланные нашли золото и дорогія вещи, которыя старецъ приказалъ отнести въ ближайшій городъ и раздать бѣднымъ и нищимъ. Сдѣлавъ это, старецъ опять сталъ молиться и увидѣлъ судилище Божіе и ангеловъ свѣта, спорящихъ съ бѣсами за душу его брата. Бѣсы вопіяли: „Ты праведенъ, такъ суди же: душа наша, ибо она творила дѣла наши“. Ангелы говорили, что она избавлена милостынею, розданною за нее. Бѣсы противились и восклицали: „да развѣ онъ роздалъ милостыню? Не сей ли старецъ?“ Устрашенный подвижникъ отвѣчалъ: „да, я сотворилъ милостыню, но не за себя, а за сію душу“. Тогда бѣсы исчезли, и видѣніе кончилось (Прологъ, августа 24 дня).

Преподобный Макарій, сдѣлавъ вопросъ сухому черепу, узналъ важныя истины касательно состоянія умершихъ. Онъ, между прочимъ, спросилъ: „ужели вы никогда не чувствуете никакого утѣшенія“? (Преподобный обыкновенно совершалъ молитвы за усопшихъ и желалъ знать, служатъ ли онѣ въ пользу). Милосердующій о душахъ Господь восхотѣлъ открыть объ этомъ Своему угоднику и, чтобы увѣрить раба Своего, вдохнулъ изсохшему черепу слова истины: „когда — отвѣтствовалъ черепъ — ты приносишь молитвы за мертвыхъ, то мы чувствуемъ нѣкое утѣшеніе“ (Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ).

Свят. игуменія Аѳанасія завѣщала сестрамъ своего монастыря, незадолго до своей кончины, творить нищимъ трапезу въ теченіе сорока дней послѣ ея смерти, въ память ея. Но сестры исполняли это завѣщаніе только въ теченіе десяти дней, и такое забвеніе ея воли вызвало святую изъ другого міра. Явившись въ сопровожденіи двухъ ангеловъ нѣкоторымъ изъ сестеръ она сказала: „для чего преступили вы заповѣдь мою? Да будетъ вамъ извѣстно, что творимая до сорока дней за душу милостыня, питаніе алчущихъ и молитвы священниковъ умилостивляютъ Бога: если души усопшихъ грѣшны, то чрезъ это онѣ получаютъ отъ Господа отпущеніе грѣховъ, а если безгрѣшны, то благотворительность за нихъ служитъ ко спасенію благотворителямъ“ (Четіи-Минеи и Прологъ 12 апрѣля).

Св. мученица Перпетуя, во время общей молитвы въ темницѣ, нечаянно произнесла имя своего умершаго брата Динократа. Вразумленная этою нечаянностію, она стала молиться о немъ Богу и въ слѣдующую ночь удостоилась видѣнія. Она видѣла брата выходящимъ изъ темнаго мѣста, въ сильномъ пламени, мучимаго жестокою жаждой, нечистаго видомъ и съ раною на лицѣ, съ которою онъ умеръ. Между нимъ и св. мученицей была глубокая пропасть, такъ что они не могли приблизиться другъ къ другу, а подлѣ того мѣста, гдѣ стоялъ Динократъ, былъ полный водоемъ (колодезь), край котораго былъ гораздо выше его роста, такъ что братъ ея никакъ не могъ достать напиться изъ него. Изъ этого св. мученица уразумѣла, что братъ ея находится въ мукахъ, и съ сильнымъ воплемъ и слезами стала ежедневно молиться о спасеніи его. Вскорѣ она удостоилась второго видѣнія: темное мѣсто, въ которомъ находился ея братъ, сдѣлалось свѣтлымъ, и братъ ея, чистый лицомъ и въ прекрасной одеждѣ, наслаждался прохладою; гдѣ у него была рана, тамъ остался только слѣдъ ея, край водоема былъ только по поясъ ему, и на краю водоема стояла полная золотая чаша, изъ которой онъ пилъ, и потомъ сталъ веселиться. Этимъ и кончилось видѣніе, изъ

[1]) *А. Бухаревъ*, «Объ упок. усопш.», стр. 40.

чего св. Перпетуя поняла, что онъ освобожденъ отъ мукъ (Дѣянія мучениковъ *Рюикара*. Изд. 1802 г. III, гл. 7 и 8: страданія святой Перпетуи).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ повѣствуетъ, что „у одного изъ святыхъ мужей былъ ученикъ, жившій безпечно. Что же? Смерть застигла его въ таковой безпечности. Милосердый Отецъ небесный, подвигнутый слезами и воплями старца, открылъ ему того юношу горящимъ въ пламени даже до выи, подобно немилосердому богачу, упоминаемому въ притчѣ о Лазарѣ. Когда же святой подвергъ себя строгимъ подвигамъ поста и молитвы, съ крѣпкимъ воплемъ умоляя Бога, то увидѣлъ его, объятаго пламенемъ до пояса, наконецъ, когда св. мужъ присоединилъ болѣзни къ болѣзнямъ (то-есть еще болѣе усилилъ свою молитву), то Богъ въ видѣніи явилъ его (юношу) старцу изъятымъ изъ пламени и совершенно свободнымъ“ (въ Словѣ объ усопшихъ въ вѣрѣ).

Въ одномъ селѣ скоропостижно умеръ дьячекъ-старикъ. У него былъ сынъ—чиновникъ. Нечаянная смерть отца поразила сына. Загробная участь умершаго не давала покоя доброму сыну почти въ теченіе года. Зная, что въ литургіи самое важное время для поминовенія умершихъ есть время пѣнія: „Тебе поемъ, Тебе благословимъ“... печальный сынъ, находясь въ это самое время въ церкви (это было въ Духовъ день), съ особеннымъ усердіемъ сталъ молиться Богу объ упокоеніи своего отца. И что же? Въ ночь на вторникъ онъ видитъ во снѣ своего отца, который три раза поклонился ему до земли и при послѣднемъ поклонѣ сказалъ: „благодарю тебя, сынъ мой“ („Странникъ“ 1864 г., декабрь).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ и недоумѣній относительно молитвъ за умершихъ [1]).

Нельзя оставить безъ разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ и недоумѣній, которые или сами собою возникаютъ въ умѣ при разсматриваніи церковнаго ученія о молитвахъ за умершихъ, или предлагаются и высказываются неправомыслящими.

1) «О всѣхъ ли умирающихъ безъ покаянія и пріобщенія святыхъ Христовыхъ таинъ не должно молиться?» Нѣтъ, св. церковь строго различаетъ тѣхъ, которые умираютъ въ нераскаянности и безъ пріобщенія Христовыхъ таинъ по собственной винѣ и упорству, и тѣхъ, которые только не успѣваютъ предъ своею кончиною сподобиться таинства покаянія и евхаристіи потому, что подвергаются, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, внезапной или насильственной смерти. Вслѣдствіе этого, — тогда какъ, напримѣръ, о вольныхъ самоубійцахъ или нераскаявшихся еретикахъ церковь не молится, — о всѣхъ чадахъ своихъ, скончавшихся напрасною смертію, она, съ сокрушеніемъ истинной матери, умоляетъ Господа помиловать ихъ.

2) «Для чего молиться за тѣхъ умершихъ, которые покаялись предъ смертію и, слѣдовательно, получили уже отъ Господа чрезъ таинство покаянія прощеніе и разрѣшеніе грѣховъ своихъ?» Но, во-первыхъ, всѣ ли кающіеся предъ смертію приносятъ надлежащее покаяніе, искреннее, глубокое, живое, вполнѣ достаточное для того, чтобы удостоиться отъ праведнаго Судіи совершеннаго разрѣшенія отъ грѣховъ? Всѣ ли даже бываютъ способны къ такому покаянію въ тяжкія и страшныя минуты смерти? Для всѣхъ этихъ покаявшихся, очевидно, необходимо предстательство церкви, которое бы могло восполнить то, чего у нихъ недоставало. Во-вторыхъ, отъ приступающихъ къ таинству покаянія требуется, чтобы они не только исповѣдывали предъ Богомъ свои грѣхи, но потомъ дѣйствительно обратились отъ нихъ и принесли плоды, достойные покаянія (Іезек. XVIII, 21—22; Матѳ. III, 8; Дѣян. III, 19; Апок. II, 5). А всѣ, умирающіе, вскорѣ послѣ принесеннаго ими покаянія, не успѣваютъ самымъ дѣломъ оправдать и докончить то, чему въ покаяніи полагаютъ только начало. Вотъ это-то недостающее у всѣхъ, умирающихъ вскорѣ послѣ покаянія, и восполняетъ мало-по-малу церковь своими молитвами (Посл. восточныхъ патріарховъ о православной вѣрѣ, членъ 18). Въ-третьихъ, для того, чтобы удостоиться по смерти небеснаго блаженства, недостаточно только получить отъ Бога прощеніе грѣховъ, а необходимо дѣйствительно очиститься отъ грѣховъ и исцѣлиться, ибо грѣшникъ, и прощеный, но остающійся со грѣхами своими, чувствовалъ бы себя не на мѣстѣ посреди праведныхъ небожителей предъ лицомъ Святѣйшаго святыхъ и былъ бы даже неспособенъ, по духовной разстроенности своей, ко вкушенію райскаго блаженства. Но молитвы церкви, благотворенія, совершаемыя живыми за умершихъ, и особенно приношеніе безкровной жертвы, могутъ способствовать всѣмъ, скончавшимся съ сѣменемъ новой жизни, чтобы это доброе сѣмя мало-по-малу раскрылось въ нихъ, возросло въ древо, принесло плодъ, и чтобы такимъ образомъ они всецѣло обновились и совлеклись ветхаго человѣка.

3) «Какъ согласить предстательство церкви и молитвы живыхъ за умершихъ съ ученіемъ слова Божія, что Христосъ есть *единый Посредникъ между Богомъ и человѣками*

[1]) Заимствовано изъ «Православнаго Догматическаго Богословія» *Макарія*. Т. II, § 258.

(1 Тим. II, 5) и принесъ совершенное удовлетвореніе за всѣхъ грѣшниковъ» (Галат. III, 13; Евр. VII, 28)? Точно такъ же, какъ соглашаются предстательство церкви и молитва живыхъ за живыхъ, которыя заповѣдуетъ само же слово Божіе (Іак. V, 17). Церковь предстательствуетъ предъ Богомъ за умершихъ, какъ и за живыхъ, не собственнымъ именемъ, а именемъ Господа Іисуса (Іоан. XIV, 13—14) и силою Его же безкровной жертвы, которую не перестаетъ приносить о спасеніи всѣхъ живущихъ и умершихъ. Церковь заботится своими молитвами и ходатайствомъ только усвоить чадамъ своимъ безконечныя заслуги *единаго Посредника между Богомъ и человѣками, предавшаго Себя для искупленія всѣхъ* (1 Тим. II, 5—6).

4) «Какъ согласить ученіе о благотворномъ вліяніи молитвъ церковныхъ за умершихъ съ ученіемъ слова Божія, что *человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ* (Евр. IX, 27), и что на судѣ Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его» (Римл. II, 6)? По смерти, дѣйствительно, бываетъ для каждаго судъ Божій и мздовоздаяніе еще нерѣшительное. И въ этомъ-то снова обнаруживается безконечная благость и милосердіе къ намъ Господа, что даже по смерти, послѣ частнаго суда, Онъ не окончательно наказываетъ грѣшниковъ, а только предначинательно, и оставляетъ еще длинный періодъ времени, въ продолженіе котораго сѣмя добра, съ какимъ переходятъ покаявшіеся грѣшники въ вѣчность, могло бы развиться въ нихъ и очистить ихъ отъ всякой скверны, подъ благотворнымъ вліяніемъ молитвъ церкви. По истеченіи уже этого періода, когда безконечная благость Господа успѣетъ, такъ сказать, совершить все, что можно совершить для блага искупленныхъ Его честною кровію, безконечная правда Его произведетъ всеобщій и послѣдній судъ, на которомъ окончательно воздастъ каждому по заслугамъ [1]).

5) «Если и по смерти отпущаются нѣкоторымъ христіанамъ грѣхи, вслѣдствіе молитвъ церкви, то какъ же исполнится слово апостола, что въ день послѣдняго суда *каждый получитъ соотвѣтственно тому, что дѣлалъ, живя въ тѣлѣ* (2 Кор. V, 10)»? Слово апостола непреложно, и оно исполнится какъ на всѣхъ людяхъ, такъ точно и на христіанахъ, которые, по смерти, силою молитвъ церковныхъ удостоятся получить отпущеніе грѣховъ. Ибо эти христіане сами, находясь еще въ тѣлѣ, положили начало къ тому собственнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ предъ своею кончиною и такимъ образомъ еще въ тѣлѣ сдѣлались достойными молитвъ церковныхъ и способными воспользоваться ими за гробомъ.

6) «Если и умершіе съ покаяніемъ грѣшники находятся во адѣ, то какъ же вспомоществуютъ освобожденію ихъ молитвы церкви, когда изъ ада нѣтъ избавленія и на небо оттуда *не преходятъ*» (Лук. XVI, 27)? Правда въ одномъ мѣстѣ свящ. писанія говорится, что изъ ада нѣтъ избавленія и перехода на лоно Авраамово; но въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что Христосъ Спаситель нисходилъ, по смерти, душою Своею въ адъ, яко Богъ, чтобы *проповѣдать* тамъ избавленіе, и, какъ вѣруетъ церковь, извелъ оттуда всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, или всѣхъ увѣровавшихъ въ Него (1 Петр. III, 19, «Правосл. испов.», ч. I, отв. на вопр. 49). Что же отсюда слѣдуетъ? То, что, если для однихъ, каковъ былъ евангельскій богачъ (Лук. XVI, 25), нѣтъ избавленія изъ ада, то для другихъ, именно вѣрующихъ въ Господа Іисуса, оно сдѣлалось возможнымъ послѣ того, какъ Онъ уже разрушилъ адъ и извелъ оттуда многихъ. Какъ на небѣ, соотвѣтственно нравственному состоянію праведниковъ, есть *обители многи* и различныя мздовоздаянія (Іоан. XIV, 2), такъ, безъ сомнѣнія, и во адѣ, соотвѣтственно неодинаковому нравственному состоянію грѣшниковъ, есть свои разныя обители, затворы и хранилища душъ (3 Ездры IV, 32. 35. 41); и тогда какъ въ одной изъ этихъ страшныхъ обителей, подобно евангельскому богачу, страждутъ во пламени умершіе въ нераскаянности и невѣрующіе (Лук. XVI, 23), въ другихъ могли обитать, — конечно, безъ подобныхъ страданій, — даже ветхозавѣтные праведники до самаго пришествія къ нимъ Христова, и могутъ обитать умершіе съ истиннымъ покаяніемъ и вѣрою въ Господа Іисуса грѣшники. Какъ изъ первыхъ обителей или затворовъ адскихъ нѣтъ избавленія для узниковъ по самому ихъ нравственному состоянію, такъ изъ обителей послѣдняго рода такое избавленіе уже было для праведниковъ ветхозавѣтныхъ и можетъ быть для скончавшихся въ вѣрѣ и покаяніи грѣшниковъ. И въ темницахъ обыкновенныхъ бываютъ преступники такіе, для которыхъ, по законамъ, невозможно избавленіе и уже опредѣлена смертная казнь, и преступники менѣе виновные, которые, при помощи ближнихъ, могутъ получать и часто получаютъ свободу: то же самое должно представлять и о *темницѣ духовъ* — адѣ (1 Петр. III, 19). По сему-то православная церковь молитъ Господа объ избавленіи именно изъ ада, а не изъ какого-либо

[1]) «Изреченія: *яко Ты воздаси комуждо по дѣломъ его*, и: *всякъ пожнетъ, что посѣялъ*, и симъ подобныя, безъ сомнѣнія, относятся къ пришествію Творца, къ имѣющему быть тогда страшному суду и скончанію міра сего, ибо тогда не будетъ мѣста никакой помощи, и всякое моленіе будетъ не дѣйствительно. Ибо, когда кончится торгъ, тогда уже поздно заниматься торговлею. Ибо тогда гдѣ будутъ бѣдные? Гдѣ священнослужители? Гдѣ псалмопѣнія? Гдѣ милостыни? Гдѣ благотворенія? И такъ прежде наступленія онаго часа будемъ помогать другъ другу, и любящему братство, человѣколюбивому и милосердующему о душахъ Богу приносить жертвы братолюбія» (*Іоан. Дамаск.* Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ).

другого мѣста [1]) душъ, отшедшихъ изъ міра съ покаяніемъ, какъ это особенно видно изъ молитвы ея на вечернѣ дня св. Пятидесятницы.

7) «Не суетны ли наши молитвы за умершихъ, когда мы съ достовѣрностью не знаемъ, какая ихъ постигаетъ участь, и, можетъ-быть, многіе, за которыхъ мы молимся, находятся уже въ царствіи небесномъ, а другіе, по частному суду Божію, принадлежатъ къ числу отверженныхъ»? Несмотря на все это, наши молитвы объ умершихъ не суетны. Церковь научаетъ насъ молиться за всѣхъ, скончавшихся въ православной вѣрѣ и съ покаяніемъ, исключая явныхъ нечестивцевъ и нераскаянныхъ; но о комъ принять, о комъ отвергнуть наши молитвы—это уже принадлежитъ Господу, Который знаетъ *сущія Своя* и достойныя Его милости (2 Тим. II, 19). Наши молитвы о тѣхъ, которые, быть-можетъ, находятся уже на небеси или въ числѣ отверженныхъ, если не полезны имъ, за то и не вредны. Но наши молитвы о всѣхъ, благочестиво скончавшихся, только не успѣвшихъ принести плодовъ, достойныхъ покаянія, и потому не удостоившихся еще царствія небеснаго, безъ всякаго сомнѣнія, имъ полезны. А кромѣ того, молитвы за умершихъ во всякомъ случаѣ полезны самимъ молящимся, по слову псалмопѣвца: *молитва моя въ нѣдро мое возвратится* (Псал. XXXIV, 13) и Спасителя: *миръ вашъ къ вамъ возвратится* (Матѳ. X, 13).

8) «Если церковь молится за всѣхъ, съ покаяніемъ скончавшихся, и ея молитвы сильны предъ Богомъ и благотворны для нихъ, то всѣ, за кого она молится, спасутся и никто не лишится блаженства». На это скажемъ вмѣстѣ съ св. Іоанномъ Дамаскинымъ: «Пусть такъ, и — о, если бы сіе исполнилось! Ибо сего-то и жаждетъ, и хощетъ, и желаетъ, о семъ радуется и веселится преблагій Господь, да никто не лишится божественныхъ даровъ Его. Ибо неужели ангеламъ Онъ уготовалъ награды и вѣнцы? Неужели для спасенія духовъ Онъ пришелъ на землю, нетлѣнно воплотился отъ Дѣвы, содѣлался человѣкомъ, вкусилъ страданія и смерть? Неужели ангеламъ Онъ скажетъ: *пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе?* Ты не можешь сего сказать, противникъ; но все Онъ уготовалъ для человѣка, за котораго и пострадалъ. Ибо кто, составивъ пиръ и созвавъ друзей, не пожелаетъ, чтобы они всѣ пришли и насытились благъ его? Иначе для чего ему и пиршество готовить, какъ не для того, чтобы угостить друзей своихъ? И если мы о семъ только заботимся, то что сказать должно о Великодаровитомъ, Единомъ по естеству, преблагомъ и человѣколюбивомъ Богѣ, Который, раздавая и подавая, болѣе радуется и веселится, нежели тотъ, кто пріемлетъ и пріобрѣтаетъ себѣ величайшее спасеніе» [1]). Надобно также не забывать, что *обители* у Отца небеснаго *многи* и степени блаженства вѣчнаго будутъ весьма различны, соотвѣтственно самому достоинству тѣхъ, которые удостоятся этого блаженства.

9) Древніе еретики аріане выставляли противъ пользы молитвъ за умершихъ слѣдующее возраженіе: «если молитвы, приносимыя за усопшихъ, для нихъ полезны, то пусть никто не живетъ благочестиво и не творитъ добра, а снискиваетъ себѣ друзей какимъ угодно образомъ — щедрымъ ли раздаяніемъ денегъ, или просьбою предъ концомъ жизни — молиться за него Богу, чтобы ему не страдать въ другой жизни и не подвергнуться казни за великіе грѣхи».

Когда въ землю брошено зерно, потерявшее начало растительной жизни еще въ житницѣ и внутренно повредившееся до того, что неспособно изникнуть изъ земли, тогда, сколько бы ни орошали это гнилое зерно, сколько бы ни старались подвергать его вліянію животворнаго солнца и благорастворенію воздуха, оно не разовьется и не сдѣлается прекраснымъ растеніемъ. Такъ и молитвы друзей и сродниковъ не могутъ помочь душѣ того умершаго, который во-время земной жизни пороками и нечестіемъ *погасилъ въ себѣ духъ Христовъ* (1 Сол. V, 19), который, называясь христіаниномъ, былъ по душѣ язычникъ, а по жизни и дѣламъ фарисей; не могутъ молитвы ихъ помочь душѣ его выйти изъ вѣчной тьмы въ царство святыхъ, гдѣ присѣщаетъ свѣтъ лица Божія, ибо отверженному *нѣтъ части со святыми* (2 Кор. VI, 15).

Б. Въ мірѣ загробномъ люди узнають ли другъ друга?

Ученіе о томъ, что люди взаимно узнаютъ другъ друга въ мірѣ загробномъ, было предметомъ почти всемірнаго вѣрованія. Всѣ народы земные придерживались этого ученія. Въ означенную истину вѣровалъ какъ древній міръ, такъ вѣруетъ и современный—еврей и язычникъ, христіанинъ и варваръ, грекъ и римлянинъ, фило-

---

[1]) «Прав. испов.», ч. I, отв. на вопр. 64—66. «Посланіе восточн. патріарховъ о прав. вѣрѣ», чл. 18. Такъ же учили Маркъ ефесскій, Гавріилъ филадельфійскій и другіе православные учители востока. Поэтому нельзя согласиться ни съ тѣми, которые говорятъ, будто души, по молитвамъ церкви, освобождаются не изъ ада, а отъ мытарствъ, составляющихъ такимъ образомъ какъ бы особое, среднее или третье мѣсто между небомъ и адомъ (см. «Камень вѣры», кн. II, стр. 440 — о благотвор. престав., ч. II, гл. 3); ни съ тѣми, которые хотя допускаютъ, что души освобождаются изъ ада, но признаютъ адъ за одно съ мытарствами, какъ особое, среднее мѣсто между небомъ и геенною. Нельзя, говоримъ, согласиться ни съ тѣми, ни съ другими потому, что средняго состоянія душъ по смерти, третьяго мѣста между небомъ и адомъ, или геенною, православная церковь не допускаетъ («Прав. испов.», ч. I, отвѣтъ на вопросы, 64, 67, 68).

[1]) Слово объ усопш. въ вѣрѣ, «Христ. чтен.», 1827 г., стр. 326.

софъ и поэтъ, самые образованные народы и самыя дикія племена равно держались этого ученія. Это вѣрованіе во взаимное свиданіе за гробомъ съ близкими намъ людьми особенно дорого чадамъ Божіимъ въ минуты самыхъ тяжкихъ ихъ испытаній. Оно неизреченно дорого душѣ человѣческой именно тогда, когда разрушаются самыя дорогія ея земныя надежды, и болѣзненно порываются узы сердечныхъ ея привязанностей. Тогда вѣрованіе, о которомъ идетъ рѣчь, является истинно цѣлебнымъ врачевствомъ для наболѣвшаго духа и становится великимъ утѣшеніемъ для измученнаго и разбитаго сердца; потому что оно научаетъ «не скорбѣть, какъ прочіе, не имѣющіе надежды». Оно увѣряетъ, что разрушеніе тѣла порождаетъ только временную разлуку, что дорогія существа отняты не на вѣки, а только на то малое время, пока продолжится его земная жизнь.

Но основательно ли это вѣрованіе? Да, мы можемъ быть твердо убѣждены, что Творецъ, создавшій наше существо, не вложилъ бы въ нашу душу столь глубокую вѣру и столь глубокое желаніе этого святого взаимнаго свиданія, если бы оно было не истинно, и Духъ Святый не допустилъ бы таковой мысли возрастать и укрѣпляться въ сердцахъ вѣрующихъ, въ часъ ихъ самыхъ тяжкихъ страданій и скорби, если бы сказанная мысль была заблужденіемъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ священнаго писанія, утверждающихъ истину того, что люди вновь узнаютъ другъ друга въ загробной жизни, укажемъ прежде всего тѣ мѣста пятокнижія Моисея, въ которыхъ говорится, что ветхозавѣтные патріархи «приложились къ народу своему».

Такъ, въ книгѣ Бытія XXV, 8, сказано: что *Авраамъ* умеръ, и *приложился къ народу своему*. Но этотъ образъ выраженія, конечно, не можетъ относиться къ *погребенію* патріарха, потому что въ такомъ случаѣ означенное выраженіе было бы не вѣрно, такъ какъ Авраамъ не былъ погребенъ тамъ, гдѣ были могилы его народа. Его предки жили и умерли въ Урѣ халдейскомъ; Ѳарра, его отецъ, умеръ въ Харанѣ, и тамъ былъ погребенъ; а Авраамъ былъ похороненъ въ новомъ мѣстѣ погребенія,—и именно, въ пещерѣ поля въ Махпелѣ, противъ Мамре, что нынѣ Хевронъ, въ землѣ ханаанской (см. Быт. XXIII, 19, и XXV, 9—10),—пещерѣ, которую Авраамъ пріобрѣлъ отъ сыновъ Хетовыхъ, и которая находилась далеко отъ гробницъ его отцовъ. Однако, не бывъ погребенъ съ «своимъ народомъ», онъ все же *приложился къ нему*, то-есть, хотя его тѣло не покоилось съ ихъ тѣлами, но то, что составляло самое *его существо*, а именно безсмертный духъ «приложился къ его народу»—вступилъ въ тѣсное, братское единеніе и былъ возвращенъ ихъ дружбѣ. Также объ Исаакѣ мы читаемъ (Быт. XXV, 29): «и испустилъ Исаакъ духъ, и умеръ, и *приложился къ народу своему*, и погребли его Исавъ и Іаковъ, сыновья его.

Замѣтьте, что здѣсь говорится, что Исаакъ «приложился къ народу своему» тотчасъ *послѣ* своей кончины, но *до* своего погребенія. Этимъ, очевидно, преподается то ученіе, что, какъ скоро духъ престарѣлаго праведника покинулъ тѣло, и прежде чѣмъ это тѣло было погребено, освобожденный отъ узъ плоти, онъ вступилъ въ общеніе со своими благочестивыми предками, которые до него перешли въ шеолъ. То же выраженіе употреблено и относительно Іакова въ книгѣ Бытія XLIX, 33, гдѣ слова: *приложился къ народу своему*, не могли, конечно, означать, что онъ былъ погребенъ съ ними, такъ какъ погребеніе Іакова совершилось только черезъ сорокъ дней послѣ того, какъ онъ «скончался и приложился къ народу своему».

Въ XXXII главѣ пророчества Іезекіиля мы также удостовѣряемся въ сказанной страшной истинѣ, *что души погибшихъ на вѣки грѣшниковъ узнаютъ другъ друга*. Здѣсь, въ грозно-величественномъ повѣствованіи, царь египетскій изображенъ сошедшимъ во адъ, находящимся тамъ среди князей и необрѣзанныхъ, а въ 21 ст. означенной главы намъ сказано о фараонѣ:

„*Среди преисподней будутъ говорить о немъ* и о союзникахъ его первые изъ героевъ; они пали и лежатъ тамъ между необрѣзанными, сраженные мечомъ».

Это мѣсто св. писанія изображаетъ предъ нами жилище ада и указываетъ, что души отшедшихъ въ міръ загробный неистовыхъ мучителей, ихъ союзниковъ и ихъ полчища *находятся вмѣстѣ*, и мы видимъ ихъ *говорящими съ фараономъ во адѣ*, когда и онъ сошелъ туда къ нимъ. А что царь египетскій узналъ ихъ, это несомнѣнно, такъ какъ вслѣдъ за перечисленіемъ царей и народовъ, о которыхъ сказано, что они *сошли въ преисподнюю*, и о которыхъ утверждается (ст. 27), что «осталось беззаконіе ихъ на костяхъ ихъ, потому что они, какъ сильные, были ужасомъ на землѣ живыхъ», въ ст. 31 мы читаемъ: *увидитъ ихъ фараонъ* и утѣшится о всемъ множествѣ своемъ, пораженномъ мечомъ, фараонъ и все войско его, говоритъ Господь Богъ». Изъ означеннаго мѣста книги пророка Іезекіиля мы узнаемъ, что царь египетскій не только будетъ видѣть тѣхъ царей и народы, которыхъ онъ зналъ на землѣ, но что видъ этихъ несчастныхъ, преданныхъ вѣчнымъ мученіямъ, доставитъ ему родъ діавольскаго радованія, разъ онъ узнаетъ, что тѣ, которые были соучастниками его преступленій, станутъ сотоварищами его страданій.

Той же истинѣ, утѣшительной для благочестивыхъ и страшной для беззаконныхъ, что люди *взаимно узнаютъ другъ друга во адѣ и будутъ обречены на вѣчное сотоварищество*. мы научаемся и 31 главой Іезекіиля, ст. 16 и 17, гдѣ Богъ говоритъ о царѣ ассирійскомъ.

Закончивъ разсмотрѣніе свидѣтельствъ, представляемыхъ ветхимъ завѣтомъ, мы теперь приступимъ къ изслѣдованію того свидѣтельства, которое дается относительно сказанной истины въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о земномъ служеніи нашего Господа.

Въ еванг. Луки XVI гл., 19—21 ст. мы читаемъ о богачѣ жестокосердномъ и бѣдномъ Лазарѣ слѣдующее: «нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ, одѣвался въ порфиру и виссонъ, и каждый день пиршествовалъ блистательно. Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ, и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умеръ нищій, и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраамово. Умеръ и богачъ, и похоронили его. И въ адѣ, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его. И, возопивъ, сказалъ: отче Аврааме, умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой, ибо я мучусь въ пламени семъ. Но Авраамъ сказалъ: чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жизни твоей, а Лазарь злое, нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ всего того, между вами и нами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ». Очевидно, что въ этомъ повѣствованіи Христомъ сказано многое о безсмертіи. Онъ приподнимаетъ, такъ сказать, завѣсу, скрывающую отъ насъ міръ духовный, и даетъ намъ взглянуть минутно на состояніе душъ въ загробномъ мірѣ. Быть-можетъ, ни въ одномъ изъ мѣстъ священнаго писанія не изображены столь живо различныя состоянія отшедшихъ и ихъ взаимныя другъ къ другу отношенія. Намъ дано видѣть одновременно небо и адъ, и то, что тамъ происходитъ, повѣдано намъ Тѣмъ, Который есть не только «Начальникъ жизни», но и «Имѣющій ключи ада и смерти».

Разсмотримъ же, что намъ сказано Христомъ относительно той истины, что люди узнаютъ другъ друга, и что общеніе между ними возобновится въ томъ *мірѣ духовномъ*, который Онъ раскрываетъ предъ нами въ сказанномъ повѣствованіи. Притча эта учитъ насъ тому, что святые, находящіеся въ царствѣ славы, не только взаимно узнаютъ другъ друга, но что между ними существуетъ самая *искренняя* дружба и *общеніе*, такъ какъ мы слышимъ, что Лазарь не только *узналъ* Авраама, но что ему дозволено было и *возлежать на лонѣ его*, то-есть, дано было блаженство самаго преискренняго общенія съ «отцомъ вѣрующихъ и другомъ Божіимъ».

Далѣе, мы узнаемъ изъ означеннаго повѣствованія еще и то, что *спасенные и погибшіе могутъ узнать другъ друга*, хотя *общенія дружбы* не можетъ существовать между ними; такъ богачъ, находившійся въ аду, могъ узнать и Авраама, и Лазаря, которые были на небесахъ, и они также видѣли его. Но хотя они, такимъ образомъ, могли *видѣть* другъ друга *издалека*, все же не было никакой возможности *взаимнаго между ними общенія*, такъ какъ между ними была «утверждена великая пропасть», преграждавшая на вѣки всякое между ними общеніе. И это, что нераскаянные грѣшники будутъ видѣть славу святыхъ, — будетъ усиливать въ теченіе всей вѣчности мученія ихъ и увеличивать ужасъ и мракъ ихъ мѣста осужденія.

В. О различіи пола въ будущей жизни.

Свойственное человѣку стремленіе открыть завѣсу, отдѣляющую настоящее отъ будущаго, и насколько возможно проникнуть въ тайны загробной жизни, это присущее человѣчеству стремленіе ставитъ такой вопросъ: существуетъ ли различіе половъ въ будущей жизни? Явленія святыхъ на землѣ мужского и женскаго пола не оставляютъ никакого сомнѣнія въ существованіи двухъ половъ за гробомъ. Загробная жизнь уже не земная, а ангельская, гдѣ нѣтъ нужды, да и невозможенъ уже, напримѣръ, бракъ; онъ необходимъ былъ на землѣ для поддержанія рода человѣческаго. Духовныя же отношенія людей, начавшіяся на землѣ, сохраняются, иначе и быть не можетъ, и въ загробномъ мірѣ, для котораго эти отношенія и предназначались. Братъ останется и тамъ братомъ относительно своей сестры, если она только была на землѣ, и если тоже участница райской жизни; жена останется относительно своего мужа женой, ея права на это при ней; ея духовныя отношенія къ мужу опредѣлены Самимъ Богомъ. Если не кончается бытіе души тѣлесною смертію, если ей предстоитъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, напримѣръ, въ исполненіи или неисполненіи обязанности жены, — отдавая отчетъ, душа должна сохранить и полъ свой.

Не согласно съ здравымъ разсудкомъ, чтобы безразличное существо—душа отдавала бы отчетъ въ дѣйствіяхъ, ей не принадлежащихъ или ей не свойственныхъ. Слово Божіе научаетъ насъ, что въ въ воскресеніи тѣла соединятся со своими душами, слѣдовательно, всякая душа опять на вѣки соединится со своимъ тѣломъ. Тѣло есть органъ души, орудіе ея видимаго проявленія. Не должно думать, чтобы различіе половъ заключалось только въ видимомъ тѣлѣ. Характеръ, свойство того и другого пола принадлежитъ не тѣлу, а душѣ. Съ этими естественными свойствами, отличающими одну душу отъ другой, душа переходитъ съ земли въ загробный міръ. Еще безъ тѣла несчастный богачъ въ аду узналъ тоже безтѣлеснаго Авраама и Лазаря. Значитъ, почему же нибудь не смѣшалъ ихъ, напр., съ Саррою, Ревеккою и другими женами, въ раю находящимися. Справедливо на землѣ говорятъ: такой-то съ характеромъ женскимъ, а такая-то съ характеромъ мужскимъ; однако ни тотъ — не женщина,

ни та — не мужчина; здѣсь только говорится о нѣкоторомъ сходствѣ характеровъ, точно такъ же, какъ бываетъ, что и мужчины имѣютъ женское лицо, и женщины—мужское, сохраняя, однако же, при себѣ свой полъ—естественный характеръ души.

О существованіи половъ въ загробной жизни блаженный Августинъ пишетъ такъ: «тогда изгнано будетъ изъ плоти лишь недостаточное, а сама природа ея сохранится». Но полъ женщины вовсе не есть недостатокъ (какъ учили догматики среднихъ вѣковъ о несовершенствѣ женскаго пола), но природа, которая, конечно, тогда не будетъ ни зачинать, ни рождать, посему не будетъ и бракосочетанія, но будетъ продолжать существовать въ своихъ женскихъ членахъ не для прежняго употребленія, но для новаго украшенія, и никогда не будетъ она возбуждать похоти того, кто будетъ созерцать сіе... напротивъ, она послужитъ новою причиною прославлять мудрость и благость Бога, Который нѣкогда сотворилъ то, чего не было, избавилъ отъ истлѣнія то, что сотворилъ. Кто, такимъ образомъ, сотворилъ оба пола, «Тотъ и сохранитъ ихъ» (См. соч.: «Наши друзья на небѣ», Killen).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Антихристъ.

1. Время кончины міра. Несмотря на то, что въ словѣ Божіемъ не указано время кончины міра, люди всегда дѣлаютъ попытки съ точностію опредѣлить этотъ великій моментъ, за которымъ послѣдуетъ всеобщее воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ Христовъ. Общественныя бѣдствія вродѣ голода, войны, повальныхъ болѣзней — холеры, чумы, моровой язвы, всегда способствовали распространенію въ народной массѣ убѣжденія въ томъ, что міръ нашъ доживаетъ свои послѣдніе дни. Но едва ли когда было такъ сильно и всеобще ожиданіе конца міра на западѣ, какъ въ исходѣ перваго тысячелѣтія нашей христіанской эры, основаніемъ чему служили слѣдующія слова Апокалипсиса: черезъ тысячу лѣтъ діаволъ выйдетъ изъ своей темницы и соблазнитъ народы, находящіеся въ четырехъ странахъ земли. Книга жизни будетъ открыта; море извергнетъ своихъ мертвыхъ; каждый будетъ судимъ сообразно съ своими дѣлами Тѣмъ, Который возсѣдаетъ на великомъ сіяющемъ престолѣ. И будетъ новое небо и новая земля.

Бернардъ тюрингенскій (около 960 г.) назначилъ даже день конца міра: вселенная, по его мнѣнію, должна разрушиться, когда Благовѣщеніе совпадетъ со страстною пятницею. Это совпаденіе случилось въ 992 году, — и ничего необычайнаго изъ этого не послѣдовало.

Въ теченіе X столѣтія королевскія хартіи начинались слѣдующими характеристическими словами: *такъ какъ приближается конецъ міра*...

Въ 1186 году астрологи напугали Европу, объявивъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ разразятся великія бури, произойдетъ землетрясеніе, появится смертность между людьми, возмущенія и распри, революціи во всѣхъ государствахъ, уничтоженіе и погибель всего живущаго. Но ничто не оправдало ихъ предсказаній.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1198 году, разнесся слухъ о концѣ міра. Но на этотъ разъ міру предстояло разрушиться безъ посредства небесныхъ явленій; предсказали, что въ Вавилонѣ народится антихристъ, и черезъ него погибнетъ родъ человѣческій.

Въ концѣ XIII столѣтія алхимикъ Арно де-Вильневъ объявилъ, что антихристъ народится въ 1335 году.

Винцентъ Ферве, знаменитый испанскій проповѣдникъ, увѣряетъ, что міръ просуществуетъ столько лѣтъ, сколько стиховъ въ псалтири, т.-е. около 2537 лѣтъ.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ математиковъ Европы, по имени Стофлеръ, усердно работавшій надъ разборкою календаря, предсказалъ, что въ 1524 году будетъ всемірный потопъ. Этотъ потопъ долженъ былъ случиться въ февралѣ мѣсяцѣ, потому что тогда Сатурнъ, Юпитеръ и Марсъ должны были соединиться въ знакѣ Рыбы. Всѣ народы Европы, Азіи и Африки, прослышавшіе объ этомъ предсказаніи, были поражены уныніемъ и страхомъ. Не взирая на радугу, всѣ ожидали потопа. Многіе писатели того времени передаютъ, что жители приморскихъ провинцій Германіи рѣшили продавать по самой низкой цѣнѣ свои земли, и что люди, имѣющіе деньги и не очень довѣрявшіе предсказаніямъ, скупали эти земли. Каждый запасался лодкою на манеръ ковчега. Докторъ Тулузы, по имени Оріонъ, заказалъ для себя, своего семейства и своихъ пріятелей ковчегъ, отличавшійся большими размѣрами. Подобныя же предосторожности принимались въ большей части Италіи. Наконецъ, наступилъ февраль мѣсяцъ, — и не выпало ни одной капли дождя. Никогда, ни въ одномъ мѣсяцѣ, не было такой засухи, и никогда астрологи не чувствовали такого смущенія. Однако, эти достойные люди не упали духомъ, и имъ не переставали вѣрить. Тотъ же Стофлеръ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Регіомонтаномъ, снова предсказали, что въ

1588 году будетъ конецъ міру, или, по крайней мѣрѣ, послѣдуютъ какія-нибудь важныя происшествія, долженствующія всколебать землю.

Новое предсказаніе—и новое разочарованіе! И 1588 годъ не ознаменовался никакимъ необычайнымъ происшествіемъ. Въ 1572 г. было, правда, явленіе весьма странное, которое могло оправдать всѣ опасенія: неизвѣстная звѣзда внезапно зажглась въ созвѣздіи Кассіопеи, эта звѣзда отличалась ослѣпительнымъ свѣтомъ и была видна даже днемъ. Астрологи объявили, что это была звѣзда волхвовъ, вторично появившаяся возвѣстить послѣднее пришествіе Христово.

Предсказаніе о погибели вселенной въ 1840 году долго служило предметомъ всеобщихъ ожиданій и страховъ. 1840 г. былъ отмѣченъ роковымъ. Предсказанія самыя грозныя и ужасныя сыпались со всѣхъ сторонъ. На шестое января назначена была послѣдняя развязка человѣческой драмы. Весьма многіе приготовлялись къ роковому событію, покончили со всѣми своими дѣлами и съ твердостію ожидали конечной погибели.

Парижскій священникъ, Пьеръ-Луи, жившій въ 1840 г., изъ своеобразнаго толкованія апокалипсиса пришелъ къ тому убѣжденію, что конецъ міра послѣдуетъ въ 1900 г. [1]).

Что касается нашего отечества, то мысль о скорой кончинѣ міра особенно распространена была между русскими въ XV столѣтіи. Такъ, ее встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ у митрополита Кипріана, митрополита Фотія и другихъ учителей. Въ Софійской лѣтописи подъ 1459 годомъ написано: „здѣ страхъ, здѣ скорбь велика: якоже въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть 23, луны 13, сіе лѣто на концы явися, въ онь же чаемъ всемірное пришествіе Христово. О, Владыко! умножишася беззаконія наша на земли, пощади, Владыко!“ Пасхалии не доводили далѣе 7000 (1492) года, за этимъ годомъ ставили кружокъ и приписывали: „горе достигшимъ до конца временъ!“ [2]).

И въ наши дни не прекращаются слухи о скорой кончинѣ міра, основывающіеся на тѣхъ или другихъ признакахъ или событіяхъ... 1899 году въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось; многіе положительно были убѣждены, что міръ не просуществуетъ далѣе ноября этого года...

При неизвѣстности дня Господня, намъ все-таки открыты нѣкоторые признаки его наступленія, предъ нами ясно выступаютъ два предсказанія въ священномъ писаніи. Одно состоитъ въ томъ, что евангеліе должно быть проповѣдано всему міру, и всѣ язычники и народъ израильскій должны вступить въ церковь. Второе говоритъ о великомъ отпаденіи вступившихъ, изъ котораго развивается послѣдній образъ грѣха. О томъ, что христіанство сдѣлается всемірной религіей, не можетъ быть вопроса. Какъ бы медленно ни шелъ трудъ миссіи, чрезъ всѣ языческія религіи проходитъ чувство сознанія, что часы ихъ сочтены. Хотя въ магометанствѣ все еще горитъ огонь древняго фанатизма, но именно это возбужденіе противъ всего христіанскаго показываетъ, что евангеліе подвергаетъ его опасности. Конечно, побѣду евангелію не вездѣ доставляетъ убѣжденіе въ истинѣ его, но чего не сдѣлаетъ миссія, то сдѣлаетъ господство европейской цивилизаціи. Съ нимъ христіанство войдетъ повсюду, какъ религія господствующихъ народовъ. Такимъ образомъ въ рукѣ Божіей и свѣтскіе интересы будутъ служить средствомъ къ собиранію народовъ въ союзъ христіанской церкви, дабы концы земли сдѣлались границами церкви.

Страннѣе всего можетъ казаться надежда на то, чтобы и Израиль преклонился предъ Распятымъ; но мы должны сказать, что самое существованіе этого удивительнаго народа показываетъ, что Богъ сберегъ его для будущности; если же будущность принадлежитъ Іисусу Христу, то Ему принадлежитъ и Израиль. Въ пророчествѣ сказано, что это будетъ обращеніе не отдѣльныхъ лицъ, но всего народа. И та связь, въ которой находятся между собою отдѣльныя части этого народа, ясно показываетъ, что если имъ разъ завладѣетъ религіозное движеніе, то оно легко можетъ сдѣлаться всеобщимъ. Одинъ Богъ знаетъ, когда это случится; теперь еще закрыты ихъ глаза и помраченъ умъ, и они не узнаютъ въ Іисусѣ Христѣ Того, къ Кому обращаются ихъ молитвы и ихъ надежды. Израиль служитъ мамонѣ и мимолетнымъ интересамъ вѣка, но въ глубинѣ души хранитъ надежду своихъ предковъ. Если тяжелая школа, которую имъ предназначилъ Господь, достигнетъ относительно ихъ своей цѣли, тогда какъ бы струпья спадутъ съ ихъ глазъ, и они узнаютъ, Кого распяли. И чѣмъ дольше ругались они надъ Тѣмъ, Который былъ исполненіемъ ихъ надеждъ, тѣмъ глубже будетъ ихъ колѣнопреклоненіе и тѣмъ вѣрнѣе ихъ вѣра и любовь [1]).

1) Исторія неба, Фламмаріона.
2) Русская исторія, проф. П. В. Знаменскаго.

1) Несомнѣнно, что это событіе совершится въ послѣднія времена, что іудеи обратятся ко Христу послѣдними, послѣ того какъ войдетъ въ церковь полное число язычниковъ. Но нѣтъ указанія на то, что іудеи обратятся ко Христу до пришествія антихриста. Вѣроятно, что іудеи обратятся ко Христу при антихристѣ, а не до него. Намекъ на это мы находимъ въ словахъ Іисуса Христа: *Я пришелъ во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, а если*

Съ этою будущностью Израиля, по словамъ пророка, будетъ совпадать эпоха распространенія безбожія по всей землѣ. Эта злосчастная во всѣхъ отношеніяхъ година, безпримѣрная по силѣ и повсемѣстности распространенія безбожія, небывалая по тяжести, продолжительности и широтѣ распространенія бѣдствій, которыя будутъ поражать человѣчество, наступитъ предъ вторымъ пришествіемъ Іисуса Христа, предъ кончиной міра. Прямо и ясно сказано: Сынъ человѣческій, пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ (Лук. XVIII, 8)? Въ священномъ писаніи эта година называется: послѣдніе дни (2 Петр. III, 3), послѣдня времена (1 Тим. IV, 1), послѣднее время (Дан. XI, 4, 9). Продолжительность ея въ писаніи не опредѣлена. Конецъ ея совпадаетъ съ пришествіемъ Іисуса Христа и концомъ міра; но начало ея будетъ наступать постепенно, и потому его трудно разграничить отъ предыдущаго времени, нельзя указать опредѣленнаго момента времени, съ котораго она начнется. Изъ книги пророка Даніила и изъ апокалипсиса видно, что послѣдній и самый страшный періодъ этой годины продолжится три съ половиною года,— разумѣемъ время царствованія антихриста. Но злосчастная година страшныхъ бѣдствій и необычайнаго распространенія нечестія и безбожія начнется раньше начала царствованія антихриста, какъ это видно изъ рѣчи Іисуса Христа о кончинѣ міра, изъ второго посланія апостола Павла къ ѳессалоникійцамъ и изъ апокалипсиса. Царствованіе антихриста будетъ только завершеніемъ и концомъ этой годины, послѣднимъ періодомъ ея. Но какъ продолжителенъ будетъ предшествующій царствованію антихриста періодъ этой годины — это не извѣстно. Чрезвычайное распространеніе невѣрія и нечестія по всей землѣ; всеобщая взаимная вражда между людьми и народами, которая еще задолго до кончины міра усилится до того, что возстанетъ народъ на народъ и царство на царство (Мѳ. XXIV, 6—7), что люди другъ друга будутъ предавать и возненавидятъ другъ друга (Мѳ. XXIV, 10), такъ что даже предастъ братъ брата на смерть, и отецъ дѣтей, и возстанутъ дѣти на родителей и умертвятъ ихъ (Марк. XIII, 12); большія землетрясенія по мѣстамъ, и глады, и моры, и ужасныя явленія, и великія знаменія съ неба (Лук. XXI, 11); великая скорбь, какой не было отъ начала міра до нынѣ, и не будетъ (Мѳ. XXIV, 21), когда люди будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную (Лук. XXI, 26); умноженіе беззаконія и сопровождающее его охлажденіе любви къ людямъ (Мѳ. XXIV, 12); преданіе на мученія и на смерть христіанъ и ненависть къ нимъ со стороны всѣхъ народовъ за имя Христа (Мѳ. XXIV, 9); мерзость запустѣнія, реченная чрезъ пророка Даніила, стоящая на святомъ мѣстѣ (Мѳ. XXIV, 15; Дан. IX, 27) — все это и вызоветъ кончину міра, подобно тому, какъ ядъ, отравляя всѣ соки живого существа, причиняетъ послѣднему смерть. Господь Іисусъ Христосъ прямо сказалъ, что если бы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть (Мѳ. XXIV, 22). Это значитъ, что если бы Іисусъ Христосъ и не пришелъ тогда, чтобы произвесть окончательный судъ надъ человѣческимъ родомъ (Мѳ. XXV, 31—46), чтобы разрушить и обновить огнемъ небо и землю (Мѳ. XXIV, 29; 2 Петр. III, 7—12), все-таки существованіе человѣческаго рода прекратилось бы.

Предъ кончиной міра владычество, дерзость и распространенность безбожія, глубина и общераспространенность нравственнаго растлѣнія и физическая захудалость въ человѣческомъ родѣ будутъ столь же необыкновенны и чрезвычайны, какъ будутъ необычайны многія физическія явленія и другія событія, которыя тогда совершатся, какъ необыкновенна сама кончина міра. Это будетъ эпоха во всѣхъ отношеніяхъ, и въ частности въ отношеніи къ безбожію, исключительная, единственная, безпримѣрная, страшная и злосчастная.

Столь же исключительны и причины необычнаго распространенія безбожія предъ кончиной міра. На основаніи священнаго писанія и ученія отцовъ церкви, мы можемъ высказать частію предположенія, частію и положительныя сужденія о причинахъ страшнаго распространенія и необыкновеннаго владычества безбожія предъ кончиной міра; отмѣтимъ также и характерныя черты безбожнаго духа тогдашняго времени.

Въ священномъ писаніи есть нѣкоторыя указанія на то, что безнравственность, нечестіе и безбожіе послѣдней годины будутъ подготовляться постепенно, быть-можетъ, въ теченіе очень долгаго времени. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ уже о своемъ времени говорилъ: „какъ вы слышали, что прійдетъ

иной придетъ во имя свое, его приметe (Іоанн. V, 43). На основаніи этихъ словъ можно полагать, что іудеи сначала примутъ антихриста за ожидаемаго ими Мессію. Но скоро, видя его кровожадную жестокость, отрицаніе Бога и самообоготвореніе, они разувѣрятся въ его мессіанскомъ достоинствѣ, поймутъ и сознаютъ, что они ошиблись. Этотъ ужасный обманъ, въ который они будутъ введены антихристомъ, образумитъ ихъ, привлечетъ ихъ сердца къ Тому, Которому антихристъ будетъ врагомъ и противникомъ, т.-е. ко Христу. Сознаніе своей тяжкой ошибки внушитъ имъ мысль, что вообще ожиданіе ими Мессіи напрасно, и что Мессія уже давно пришелъ въ лицѣ Іисуса Христа. Но болѣе всего на нихъ подѣйствуетъ проповѣдь пророка Иліи. *Онъ обратитъ сердца отцовъ къ дѣтямъ и сердца дѣтей къ отцамъ ихъ* (Малах. 4, 5, 6).

антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ, то мы и познаемъ изъ того, что послѣднее время" (1 Іоан. II, 18). Въ то же время и апостолъ Павелъ писалъ, что тайна беззаконія уже въ дѣйствіи, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь (2 Сол. II, 7). Однако протекло уже девятнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ сказаны были тѣ и другія слова, и кончина міра все еще не наступила. Но, съ другой стороны, апостолы, какъ писатели боговдохновенные, не могли высказать въ своихъ посланіяхъ, принятыхъ въ канонъ священнаго писанія, ошибочныхъ мыслей, и при томъ о предметѣ столь важномъ. Какъ же нужно понимать приведенныя слова? Въ нихъ выражается не то, что во времена апостоловъ приближалась кончина міра, а указывается на сходство событій гражданской и церковной тогдашней жизни, тогдашняго духа времени съ тѣмъ, что будетъ происходить предъ концомъ міра, и современная апостоламъ година изображается ими, какъ начало печальнаго и страшнаго конца,—начало не по близости времени, а по сходству явленій жизни. Въ словахъ апостола Павла это высказано очень ясно. Онъ вовсе не говорилъ, что наступаетъ кончина міра. Совсѣмъ напротивъ: онъ самое посланіе-то свое пишетъ къ ѳессалоникійцамъ съ тою преимущественно цѣлію, чтобы нѣкоторыхъ изъ нихъ, ожидавшихъ скораго наступленія конца міра, разубѣдить въ этомъ мнѣніи. Онъ соглашается съ тѣмъ и утверждаетъ, что тайна беззаконія—того беззаконія, которое во всей силѣ и наготѣ обнаружится предъ концомъ міра, уже дѣйствуетъ, но оно дѣйствуетъ именно, какъ тайна, прикровенно, мало замѣтно, какъ мало замѣтенъ ростокъ, который только черезъ многіе годы становится виднымъ для всѣхъ, огромнымъ деревомъ. Подобнымъ образомъ и кончина міра не настанетъ до тѣхъ поръ, пока тайна беззаконія, уже начавшаяся, не совершится, т.-е., пока не обнаружится и не осуществится въ полнотѣ и во всей силѣ. Когда это будетъ, апостолъ указываетъ, но только не прямо, а таинственно: это будетъ тогда, когда будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь; но что такое удерживающій, и когда онъ будетъ взятъ изъ среды, этого апостолъ не изъясняетъ. Не указывая ясно, когда послѣдуетъ конецъ міра, онъ, однако же, убѣждаетъ солунянъ не вѣрить слухамъ, распускаемымъ неблагонамѣренными людьми, что конецъ міра уже наступаетъ.

Разъясненіе истиннаго смысла приведенныхъ словъ апостола Павла даетъ ключъ къ пониманію словъ Іоанна Богослова, которыя въ свою очередь проливаютъ свѣтъ на слова апостола Павла. Слова того и другого апостола параллельны и соотвѣтственны; мысль въ нихъ приблизительно одна и та же, и только выражена она различно. Антихристами евангелистъ Іоаннъ Богословъ называетъ людей, отвергающихъ Отца и Сына (1 Іоан. II, 22); онъ же говоритъ, что всякій духъ, который не исповѣдаетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь есть уже въ мірѣ (1 Іоан. IV, 3), объ антихристахъ онъ говоритъ еще, что они вышли отъ насъ, но не были наши (1 Іоан. II, 19). Ясно, что подъ антихристами онъ разумѣетъ еретиковъ своего времени—гностиковъ, отвергавшихъ боговоплощеніе и не признававшихъ Христа Богомъ, [1]) эвіонитовъ, признававшихъ Христа только человѣкомъ, и другихъ еретиковъ, а можетъ-быть также и лжехристовъ (много лжепророковъ появилось въ мірѣ, 1 Іоан. IV, 1). Приписывая всѣмъ таковымъ людямъ духъ антихриста, имѣющаго притти предъ кончиною міра, евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что онъ, т.-е. настоящій антихристъ, теперь есть уже въ мірѣ. Но такъ какъ въ его время настоящаго антихриста не было, и онъ зналъ это, то ясно, что и объ явленіи настоящаго антихриста въ его время, и о наступленіи послѣдняго времени (дѣти! послѣднее время, 1 Іоан. II, 18) Іоаннъ Богословъ говоритъ въ томъ же смыслѣ, какъ и апостолъ Павелъ о тайнѣ беззаконія, какъ начавшей дѣйствовать, но еще не совершившейся, не осуществившейся, т.-е., онъ указываетъ предшественниковъ имѣющаго притти антихриста, но предшественниковъ не по непосредственному, а по отдаленному преемству, не по времени, а по духу. Еретики отвергли Христа, какъ Богочеловѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ если и не отвергли Бога, то по крайней мѣрѣ неизбѣжно извращали ученіе о Немъ, на мѣсто христіанства поставляли свое лжехристіанство, и настоящій антихристъ будетъ отвергать Христа и совращать христіанъ въ свою вѣру (Апок. II, 17; XIII, 5—8; XVII, 14). Только онъ далеко и безмѣрно превзойдетъ еретиковъ степенью, дерзостію, силой и успѣхами въ отрицаніи Христа и христіанства: онъ будетъ истреблять христіанъ, богохульствовать, называть себя Богомъ и владычествовать на всей землѣ (Апок. XIII, 2, 3—12). Между тѣмъ какъ еретики предызображаютъ обольщенія и соблазны, которыми антихристъ будетъ отторгать христіанъ отъ Христа (2 Ѳессал. II, 10—11), гонители христіанства изъ іудеевъ и язычниковъ были и бываютъ

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ желающіе могутъ почерпнуть въ сочиненіи Д. Богдашевскаго: «Лжеучители, обличаемые въ первомъ посланіи апостола Іоанна». Кіевъ 1890 года.

предшественниками антихриста въ его истребительной войнѣ противъ святыхъ (Апок. XIII, 7). Поэтому, не безъ основанія подъ тайной беззаконія, которая, по словамъ апостола Павла, уже въ дѣйствіи, нѣкоторые отцы церкви, напр., Златоустъ, разумѣли Нерона, какъ прообразъ антихриста. „Ибо, говоритъ вселенскій учитель, и тотъ (т.-е. Неронъ) хотѣлъ, чтобы его считали Богомъ. Хорошо сказалъ онъ (т.-е. апостолъ)—тайна, ибо Неронъ не такъ явно и безстыдно выдавалъ себя за Бога, какъ антихристъ". [1]) А другіе отцы церкви и подъ тайной беззаконія разумѣютъ еретиковъ, и въ такомъ случаѣ сходство и параллелизмъ двухъ изъясняемыхъ мѣстъ — изъ перваго посланія евангелиста Іоанна Богослова и изъ второго посланія апостола Павла къ солунянамъ—будетъ еще ближе. Такъ, блаженный Ѳеодоритъ говоритъ: „иные утверждали, что Нерона назвалъ апостолъ тайною беззаконія и дѣлателемъ злочестія. Но думаю, что апостолъ означилъ симъ породившіяся ереси; потому что ими діаволъ доводитъ многихъ до отступленія отъ истины. Наименовалъ же ихъ тайною беззаконія потому, что сѣть беззаконія въ нихъ сокрыта, самъ же діаволъ явно ведетъ людей къ богоотступничеству. Посему-то пришествіе его апостолъ назвалъ открытіемъ. Ибо, что всегда пріуготовлялъ втайнѣ, провозгласитъ тогда открыто и ясно" [2]). Эти разнорѣчивыя толкованія можно примирить предположеніемъ, что апостолъ Павелъ подъ тайной беззаконія разумѣлъ Нерона только преимущественно, какъ наиболѣе типическаго и при томъ современнаго ему прообраза антихриста, но не исключительно его одного. Пиша свои посланія въ отвѣтъ на потребности своего времени, апостолы, тѣмъ не менѣе, предназначали ихъ для всѣхъ временъ. Какъ евангелистъ Іоаннъ Богословъ, говоря о современныхъ ему еретикахъ—антихристахъ, подразумѣвалъ и еретиковъ послѣдующихъ временъ, какъ выразителей антихристіанскаго духа: такъ и апостолъ Павелъ словами: тайна беззаконія, обозначилъ предшественниковъ антихриста всякаго рода и всѣхъ временъ: еретиковъ, безбожниковъ, невѣрующихъ и лжевѣрующихъ, гонителей христіанства. Самый способъ выраженія апостола Павла даетъ понять, что дѣйствіе тайны беззаконія будетъ не кратковременное, не единократное, какова была дѣятельность Нерона, а постоянное, имѣющее продолжаться до того времени, пока она не обнаружится явно, дерзко, во всей силѣ и страшной широтѣ, пока антихристіанскій духъ всѣхъ временъ, воплощающійся и дѣйствующій въ разнообразныхъ противникахъ Христа, не сосредоточится въ антихристѣ, пока онъ не достигнетъ завершенія высшей степени развитія и вмѣстѣ своего конца въ безбожіи, безнравственности и антихристіанствѣ предъ кончиною міра. Не одинъ Неронъ, а цѣлый рядъ Нероновъ — этихъ гордыхъ самообожателей, жестокихъ деспотовъ, кровожадныхъ, какъ тигры, завоевателей, безнравственныхъ распутниковъ, нечестивыхъ безбожниковъ, сумасшедшихъ попирателей истины и страшныхъ гонителей христіанства—пройдетъ, въ теченіе вѣковъ до конца міра. Иродъ, такъ называемый Великій, избившій четырнадцать тысячъ виѳлеемскихъ младенцевъ (Мѳ. II, 16); римскій императоръ Калигула, безумно говорившій, что если бы у человѣчества была одна голова, то онъ отсѣкъ бы ее; Домиціанъ, Діоклитіанъ, Юліанъ Отступникъ и другіе жестокіе гонители христіанъ, Аттила, названный бичомъ Божіимъ; Чингисъ-ханъ и Тамерланъ, превращавшіе многолюдные города въ груды мусора и цѣлыя царства въ пустыни и воздвигавшіе вмѣсто памятниковъ огромныя пирамиды изъ отрубленныхъ головъ; Наполеонъ и другіе Тамерланы новаго времени, изъ-за честолюбія и властолюбія погубившіе милліоны людей—кто они, какъ не предшественники по духу, какъ не прообразы по жизни и дѣятельности того звѣря, выходящаго изъ моря, которому дано вести войну со святыми и побѣдить ихъ, которому будетъ дана власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ, и языкомъ, и племенемъ, котораго даже образъ, одушевленный чародѣйской силой его помощника-звѣря, выходящаго изъ земли, будетъ говорить и дѣйствовать такъ, что будетъ убиваемъ всякій, кто не будетъ поклоняться образу звѣря (Апок. XIII, 1. 7. 11. 15)? Далѣе, если евангелистъ Іоаннъ Богословъ назвалъ антихристами гностиковъ, отрицавшихъ боговоплощеніе (докетовъ), іудействующихъ, не признававшихъ Христа Богомъ, отступниковъ отъ христіанства, принявшихъ истинную вѣру, но не устоявшихъ въ ней, лжепророковъ и лжехристовъ, поставлявшихъ себя на мѣсто истиннаго Христа, то не должны ли быть названы антихристами всѣ позднѣйшіе еретики, а также и имѣющіе явиться впослѣдствіи? Не антихристы ли, не предшественники ли апокалипсическаго антихриста гностики второго и третьяго вѣка, манихеи, антитринитаріи, аріане, аполлинаристы, несторіане, монофизиты и моноѳелиты, пелагіане, иконоборы, богомилы и павликіане, социніане, жидовствующіе, древніе и новые

[1]) Бесѣды на второе посланіе св. апостола Павла къ ѳессалоникійцамъ. Бесѣда 4-я, § 1, перев. при С.-Петербург. Духовной Академіи.

[2]) Творенія блаженнаго Ѳеодорита, епископа кирскаго, часть 7-я. Толкованіе на четырнадцать посланій святого апостола Павла, 548 стр.

антиномисты, наши раскольники, особенно безпоповцы, наши хлысты и прочіе сектанты, ирвингіане и другіе безчисленные толки мистическаго сектантства? Не антихристы ли крайніе раціоналисты прошлаго и нашего вѣка, вродѣ Павлюса, Штрауса, Ренана?.. Не антихристы ли деисты, пантеисты, радикальные скептики и агностики, матеріалисты и безбожники? Не антихристы ли будутъ и всѣ имѣющіе явиться еретики, отступники отъ вѣры, лжевѣры, отрицатели, враги и гонители религіи и христіанства, враги истины и добра, закоренѣлые въ грѣхахъ, богохульники и безбожники? Всѣ таковые были и будутъ предшественниками, прообразами и предуготовителями апокалипсическаго звѣря-антихриста въ тѣхъ дѣйствіяхъ послѣдняго, въ которыхъ онъ явится лжецомъ и обманщикомъ, явнымъ, сильнымъ, дерзкимъ врагомъ Бога, христіанства, религіи и всего святого, и будетъ требовать божескаго поклоненія только одному себѣ. Еретичество, кровожадная жестокость, нравственное беззаконіе, богохульство и безбожіе и соединенные съ ними умственный упадокъ и физическое вырожденіе, проявляясь въ теченіе вѣковъ въ разныхъ формахъ, то ослабѣвая, то усиливаясь, но никогда не прекращаясь, замирая въ однѣхъ формахъ и въ однихъ мѣстахъ и возгораясь съ новой силой въ другихъ видахъ и въ другихъ мѣстахъ и народахъ, будутъ постепенно накопляться въ человѣческомъ родѣ; зло, антихристіанство, вражда противъ Бога, хотя и чрезъ промежутки, но все-таки будутъ усиливаться, пока не возрастутъ до всепоглощающаго потопа зла предъ кончиной міра. Эта почва произраститъ и антихриста, а главное — она будетъ благопріятствовать безмѣрнымъ, всемірнымъ успѣхамъ его безбожной дѣятельности. Конечно, главной причиной необыкновенной быстроты и широты успѣховъ его пропаганды безбожія будетъ то, что онъ будетъ хотя человѣкъ, но въ немъ сосредоточится вся сила сатаны. Самое пришествіе его будетъ по дѣйствію же сатаны, и по дѣйствію же сатаны оно будетъ сопровождаться всякою силою, и знаменіями, и чудесами ложными, и всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ (2 Θессал. II, 9—10). Но и самъ сатана, и антихристъ, въ котораго онъ вложитъ всю свою силу, не могли бы въ столь короткое время, именно въ сорокъ два мѣсяца (Апок. XIII, 5), распространить безбожіе по всей землѣ, если бы успѣхи ихъ дѣятельности не были подготовлены предшествующимъ погруженіемъ человѣчества во зло, предшествующимъ распространеніемъ въ человѣчествѣ антихристіанскаго и богопротивнаго духа, если бы человѣчество уже не было предрасположено къ отпаденію отъ Бога и Христа и къ переходу въ царство сатаны. А такое безбожное и противо-христіанское предрасположеніе человѣческаго рода, имѣющее быть предъ концомъ міра, предъ явленіемъ антихриста, подготовится постепенно, частію самимъ историческимъ ходомъ развитія и накопленія зла, частію скрытою дѣятельностію діавола, напряженность котораго будетъ усиливаться по мѣрѣ приближенія земной исторіи человѣчества къ концу и предугадыванія діаволомъ конца своей власти на землѣ. Вотъ это-то противохристіанское и безбожное предрасположеніе человѣчества, имѣющее быть и усилиться прежде явленія антихриста и имѣющее начаться, быть-можетъ, даже задолго до него, и будетъ ближайшей причиной и естественнымъ источникомъ безбожія, которое при антихристѣ распространится по всей землѣ; а раннѣйшія безбожныя эпохи, какъ, напр., безбожныя эпохи прошлаго и текущаго вѣка, равно какъ всякаго рода антихристы и всякаго рода антихристіанство всѣхъ временъ и мѣстъ, могутъ быть признаны отдаленными причинами печальнаго нравственнаго и религіознаго состоянія человѣчества предъ пришествіемъ антихриста и, чрезъ подготовку этого состоянія, отдаленными источниками безбожія послѣдней страшной годины [1]).

2. **Личность антихриста**. Скажемъ теперь о лицѣ антихриста. Кого надо разумѣть подъ этимъ именемъ? Протестанты [2]) и раскольники безпоповщинскаго согласія [3]) стараются доказать, что подъ именемъ антихриста, упоминаемаго въ священномъ писаніи, должно разумѣть или цѣлое общество беззаконниковъ, или ихъ преемственность, или антихристіанскій духъ и ученіе, или же, наконецъ, все это вмѣстѣ.

Но такое мудрованіе ложно. Ясное ученіе какъ св. писанія, такъ и церкви вселенской, обличая неправоту заблуждающихся, несомнѣнно показываетъ, что антихристъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, будетъ одно опредѣленное лицо, а не какое-либо

---

[1]) См. Тр. Кіевск. Дух. Акад. 1869 г. окт., О безбожіи и антихристѣ, профес. Бѣляева.

[2]) Magdeburgenses Centur 1. l. 2 cap 4 col. 435. «Апостолы учатъ, что антихристъ будетъ не одно какое-нибудь лицо, а цѣлое царство, устрояемое дѣйствіемъ и хитростію діавола, подъ управленіемъ лживыхъ учителей, предсѣдательствующихъ въ церкви Божіей» Подобныя мысли раскрываются и въ другихъ протестантскихъ сочиненіахъ: Uh. 1 aller. Deutsch. Bücher Dr. M. Luther. Altenburg. in Meissen. 1661 S. 454. — Annotata ad epist. et Apocal. T. VII p. 3146.

[3]) «Иже (т.-е. антихристъ) не человѣкъ видимый, говорятъ безпоповцы, но въ человѣцѣхъ сущее отступленіе, въ нихъ же, аки въ сосудѣ своемъ, обрѣтается и живетъ, и обладаетъ» (Кн. объ антихр. ст. 2).

общество или противо-христіанское направленіе. „Хотя антихристъ (училъ св. І. Дамаскинъ) есть и всякій неисповѣдующій, что Сынъ Божій пришелъ во плоти, что Онъ есть совершенный Богъ, и сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ, не преставая быть Богомъ, но въ собственномъ смыслѣ и преимущественно называется антихристомъ тотъ, который придетъ при кончинѣ вѣка... человѣкъ, имѣющій... принять на себя все дѣйство сатаны" [1]).

Въ св. писаніи находятся ясныя и несомнѣнныя указанія на то, что, кромѣ многихъ антихристовъ или противниковъ І. Христа, будетъ еще антихристъ, какъ лице особенное.

1) Это можно видѣть въ словахъ І. Христа, сказанныхъ къ невѣрующимъ іудеямъ: *Азъ пріидохъ во имя Отца Моего, и не пріемлете Мене: аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріемлете* (Іоан. V, 43). Нѣкоторые изъ неправомыслящихъ утверждаютъ, что здѣсь слово *инъ* относится вообще ко всякому лживому пророку или учителю, и имѣетъ значеніе неопредѣленное, а весь смыслъ этихъ словъ Спасителя нужно излагать такъ: „Я пришелъ во имя Отца Моего, и вы не принимаете Меня: а если какой-нибудь лживый учитель придетъ къ вамъ отъ своего имени, такого вы примете" [2]). Но къ антихристу, какъ особенному и чрезвычайному противнику Христову, относятъ эти слова св. Кириллъ александрійскій [3]), бл. Θеодоритъ [4]), Θеофилактъ, архіеп. болгарскій [5]) и св. Златоустъ, который ихъ такъ изъясняетъ: „о комъ это Христосъ говоритъ: *пріидетъ во имя свое?* здѣсь Христосъ указываетъ на антихриста... Если вы преслѣдуете Меня, говоритъ Онъ, изъ любви къ Богу, то гораздо болѣе слѣдовало бы такъ поступить съ антихристомъ... онъ насильственно будетъ похищать все ему не принадлежащее и называть себя Богомъ надъ всѣмъ" [6]). Подобно восточнымъ, и западные древніе отцы и учители церкви видѣли въ этихъ словахъ Спасителя предреченіе объ антихристѣ, какъ особенномъ и чрезвычайномъ противникѣ Христовомъ, котораго іудеи примутъ за Мессію. Такъ изъясняютъ слова эти, между прочимъ, св. Амвросій медіоланскій [7]), блаж. Іеронимъ [8]) и бл. Августинъ [9]).

[1]) Точн. изл. Прав. вѣры стр. 299—300, въ русск. пер. 1844.
[2]) Musculus et calvin. apud Marloratum. Vid. Bellarm. T. 1. De Summo Pontifice. L. III. c. 2.
[3]) Catena Graec. Patr. in. S. Iohann. pag. 168.
[4]) Epitom. divin. decret. in cap. antichr.
[5]) Comm. in Ioan. 5, 43.
[6]) Бесѣд. на ев. Іоан., въ русск. пер. 1855. Часть 2, стр. 83.
[7]) Opp. S. Ambros. T. 1 p. 896 ed. Par. 1686.
[8]) Epist. ad Algas. quaest. II.
[9]) In. Iohann. Tract. 29.

2) Апостолъ Павелъ въ своемъ второмъ посланіи къ солунскимъ христіанамъ оставилъ ясное ученіе о лицѣ и свойствахъ этого врага Христова. *Откроется человѣкъ беззаконія,* свидѣтельствуетъ онъ, *сынъ погибели, противникъ (2 Сол., II, 2—3)... явится беззаконникъ..., его же пришествіе по дѣйству сатанину* (ст. 8—9). Самый образъ выраженія греческой рѣчи въ этихъ словахъ представляетъ антихриста, какъ опредѣленнаго человѣка. Апостолъ называетъ его человѣкомъ беззаконія, то-есть, чрезвычайнымъ беззаконникомъ, злодѣемъ-безбожникомъ въ особенномъ и крайнемъ значеніи этого слова: предъ каждымъ же изъ этихъ наименованій антихриста поставляетъ опредѣленный членъ: ὁ. А „греческіе члены, замѣчаетъ святой Епифаній, придаютъ предмету опредѣленное значеніе; такъ, напримѣръ, слово ἄνθρωπος — означаетъ человѣка вообще, ὁ ἄνθρωπος— одного только опредѣленнаго человѣка" [1]).—Кромѣ того апостолъ здѣсь же говоритъ, что антихристъ сядетъ въ церкви Божіей, будетъ выдавать себя за Бога, творить знаменія и чудеса, для обольщенія тѣхъ, которые не пріяли *любве истины.* Свойства эти не могутъ быть относимы къ обществу, а приличествуютъ одному лицу.—Разсматриваемыя слова апостола относили къ антихристу, какъ лицу особенному, святый Ириней [2]) и ученикъ его, святой Ипполитъ [3]). Святый Кириллъ Іерусалимскій, предложивъ вопросъ объ антихристѣ: „кто же это такой?" — отвѣчаетъ, что въ семъ случаѣ нужно прибѣгнуть къ ученію апостола Павла (2 Солун. II), и при семъ разсуждаетъ объ антихристѣ, какъ особенномъ человѣкѣ и орудіи діавола [4]). Святый Златоустъ на основаніи словъ апостола Павла (2 Сол. II, 3) говоритъ объ антихристѣ: „кто же таковъ онъ? сатана ли? никакъ: но человѣкъ нѣкоторый, пріемлющій все его дѣйство" [5]).—Блаж. Іеронимъ [6]), Θеодоритъ кирскій [7]), святой Іоаннъ Дамаскинъ [8])—всѣ, на основаніи этихъ словъ апостола, единогласно говорятъ объ антихристѣ, какъ особенномъ человѣкѣ.

3) Святой апостолъ и евангелистъ Іоаннъ, которому открыты были послѣднія судьбы міра, пишетъ: *дѣти, слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша* (1 Іоан. II, 18). Святой Іоаннъ въ этихъ словахъ указываетъ христіанамъ

[1]) Haeres. 9. Samaritanorum. Ed. Petav. T. 1 p. 26.
[2]) S. Iren. adv. haeres. Lib. V. cap. 25. p. 438—439.
[3]) Opp. S Hippol. Demonstr. de Antichr. p. 7 et 31. ed. Fabrik. 1716.
[4]) Оглас. сл. XV, 14, 11. Твор. св. отц. T. XXV.
[5]) Opp. S. Chrysost. T. XI. p. 525. ed. Montfauc.
[6]) Epist. ad. Algas. Quaest. II.
[7]) Interpr. in 2 Thess. Opp. T. III. p. 386.
[8]) Точн. изл. прав. вѣры, въ русс. пер. стр. 299.

признаки послѣдняго времени. Такими признаками поставляетъ онъ, во-первыхъ, имѣющаго явиться антихриста, во-вторыхъ, уже появившихся противниковъ Христовыхъ: о первомъ говоритъ въ числѣ единственномъ, а о вторыхъ — во множественномъ. А это показываетъ, что онъ различаетъ антихристовъ вообще отъ антихриста въ смыслѣ особенномъ.—Кромѣ того, объ одномъ антихристѣ апостолъ говоритъ только какъ объ имѣющемъ притти, но еще не существующемъ: *антихристъ грядетъ*; напротивъ, о многихъ антихристахъ свидѣтельствуетъ, что они уже появились: *быша*. Тайнозритель, конечно, зналъ, что и послѣ него въ Христовой церкви появятся многіе еретики и лжеучители, подобные появившимся при немъ: слѣдовательно, если бы хотѣлъ указать здѣсь подъ именемъ антихриста не лицо особенное, а только вообще лжеучителей, то или совсѣмъ не упомянулъ бы о немъ, или сказалъ бы такъ же, какъ и о существовавшихъ въ его время, то-есть, что „антихристъ грядетъ", въ числѣ множественномъ.

При томъ апостолъ Іоаннъ, когда говоритъ о многихъ появившихся антихристахъ, то не поставляетъ предъ ихъ наименованіемъ члена, и этимъ даетъ знать, что онъ разумѣетъ здѣсь всѣхъ вообще противниковъ Христовыхъ въ цѣлой ихъ совокупности [1]). Напротивъ, когда говоритъ о грядущемъ антихристѣ, то поставляетъ предъ его наименованіемъ членъ [2]), показывая этимъ, что онъ разумѣетъ нѣкоторое особенное, опредѣленное лицо. — Это свидѣтельство святого Іоанна объ антихристѣ, какъ опредѣленномъ лицѣ, столь ясно и непререкаемо, что неправомыслящіе проходятъ его молчаніемъ.

Итакъ, священное писаніе ясно научаетъ, что, вопреки лжеученію неправомыслящихъ, подъ именемъ антихриста въ смыслѣ собственномъ должно разумѣть особеннаго и чрезвычайнаго врага Христовой церкви, который по существу своему будетъ лицомъ отдѣльнымъ, человѣкомъ, а не какимъ-либо обществомъ или соборищемъ безбожниковъ [3]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О воскресеніи мертвыхъ.

1. **О воскресеніи мертвыхъ по вѣрованію св. угодниковъ Божіихъ.** Вѣру въ воскресеніе мéртвыхъ св. угодники свидѣтельствовали ясно и несомнѣнно. Св. Антоній исповѣдывалъ: вѣрую въ Господа, что въ воскресеніе мертвыхъ воскреснетъ это тѣло нетлѣннымъ [1]). „Не боюся я смерти, говорилъ св. Іаковъ Персянинъ царю, угрожавшему муками. Временная смерть не есть смерть, но сонъ: какъ отъ сна, возстанутъ изъ гробовъ всѣ люди въ страшное пришествіе Христа моего". Когда сему св. мученику отрѣзали большой перстъ, и приставникъ царскій сталъ увѣщевать его, говоря: пощади себя, Іакове, послушайся повелѣнія царева, поклонись богамъ, и живъ будешь, тогда онъ сказалъ: когда отрѣзаютъ отъ виноградной лозы вѣтви ея, то въ каждомъ отрѣзанномъ мѣстѣ она вновь прозябаетъ и приноситъ плодъ, такъ и человѣкъ, насажденный въ виноградникѣ Бога Вышняго и присоединенный къ истинной Лозѣ — Сыну Божію, отрѣзываемый нынѣ временною смертію, въ будущемъ вѣкѣ воскреснетъ цѣлъ, зеленѣя прозябаніемъ нетлѣнной славы и принося плодъ вѣчнаго воздаянія [2]). Въ Ѳеаидской странѣ въ одномъ монастырѣ нѣкто, именемъ Іераксъ, училъ, что воскресенія теперешнихъ тѣлъ не будетъ, и что Господь дастъ каждому другое, новое тѣло. Случилось тамъ быть св. Епифанію Кипрскому. Сей святитель пришелъ въ монастырь въ то самое время, когда Іераксъ проповѣдывалъ свое лжеученіе. Услышавъ его, святитель, обратившись къ нему, сказалъ: *да заградятся уста твои...* Тотчасъ Іераксъ сдѣлался нѣмъ и не могъ сдвинуться съ мѣста. Тогда св. Епифаній самъ сталъ учить народъ и, на основаніи слова Божія, утверждалъ, что каждый возстанетъ въ томъ тѣлѣ, въ которомъ живетъ въ мірѣ семъ и умретъ. А Іераксу сказалъ: слышишь правую вѣру и теперь самъ скажи слово истины. Отверзлись у Іеракса уста, онъ покаялся въ своемъ заблужденіи и исповѣдалъ слово истины [4]).

Утверждая и возвѣщая истину воскресенія мертвыхъ, св. угодники приводили и основанія для сего воскресенія, указывая на воплощеніе и искупленіе, совершенное Господомъ Іисусомъ Христомъ, и тридневное воскресеніе Его изъ мертвыхъ. Господь же въ вящшее утвержденіе сей истины и въ обличеніе сомнѣвающихся въ ней, по молитвамъ св. угодниковъ, воскрешалъ мертвецовъ еще въ сей жизни. „Христосъ, исповѣдывалъ св. мученикъ Дула, изъ любви къ роду человѣческому содѣлался человѣкомъ

[1]) Νῦν ἀντίχριστοι πολλοὶ γεγόνασιν.
[2]) Ὁ ἀντίχριστος ἔρχεται.
[3]) См. изслѣдов. проф. А. Бѣляева объ антихристѣ; сн. кн. «Загробная жизнь» Г. Орлова, М. 1900 г., стр. 54—87.

[1]) Янв. 17.
[2]) Ноябр. 27.
[4]) Мая 12.

для того, чтобы какъ однимъ первосозданнымъ человѣкомъ смерть вошла въ міръ, такъ однимъ же человѣкомъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, вошло воскресеніе людей".—Чтò ты говоришь, возражалъ ему на это игемонъ, ужели мертвые воскреснутъ?—Ей, воскреснутъ, отвѣчалъ мученикъ;—если мертвые не воскреснутъ, то какъ же Богъ будетъ судить міръ? [1]) Спаситель нашъ, наставляла св. Акилина своихъ сверстницъ, воскресъ въ третій день, утвердивъ симъ ту истину, что во второе Его пришествіе будетъ общее воскресеніе мертвыхъ [2]).

2. **Мысли о воскресеніи мертвыхъ.** „Смерть не что иное есть, какъ долговременный сонъ" (св. Іоаннъ Златоустъ).

„Какъ уснувшій вечеромъ пробуждается утромъ съ обновленною силой жизни, такъ уснувшій смертію тѣлесною пробудится въ новую, безсмертную жизнь въ день всеобщаго воскресенія" (Филаретъ, митроп. московскій).

„Что наши могилы? Нива Божія, куда повергаются тѣлеса, какъ сѣмена, изъ которыхъ невѣдомымъ для насъ образомъ произрастетъ нѣкогда новое, безсмертное тѣло, какъ изъ малаго сотлѣвшаго сѣмени дивно возникаетъ красивый колосъ" (1 Кор. XV, 35—38). (Дух. цв.).

„Червь приготовляетъ для себя гробъ, заключается въ немъ и умираетъ; но съ появленіемъ благодатной весны изъ этого гроба возрождается легкая, блестящая бабочка, — и твореніе, пресмыкавшееся въ прахѣ, порхаетъ среди цвѣтовъ благовонныхъ; зернышко, брошенное въ нѣдра земли, раскрывается, возникаетъ и красуется въ видѣ золотистаго колоса. Все превращается и возрождается на землѣ, все постепенно возвышается къ совершенству. Человѣкъ ли, благороднѣйшее твореніе, подобіе Вседержителя, будетъ несчастнѣе червя пресмыкающагося, бѣднѣе зерна ячменнаго! Нѣтъ! За предѣлами земного бытія простирается лѣствица къ вѣчности" (Дух. цв.).

„Никакія частицы нашихъ тѣлъ, какъ бы ни были онѣ разсѣяны, хотя бы тѣла наши истлѣли, хотя бы были сожжены, не погибаютъ для Бога. Онѣ переходятъ въ тѣ стихіи, изъ коихъ взяты рукою Вседержителя" (Блаж. Августинъ).

„Богу легче, удобнѣе собрать прахъ тѣла человѣческаго, разсѣянный по лицу земли, нежели намъ собрать платье наше, раскиданное по комнатѣ". (Іаковъ, архіеп. нижегородскій).

3. **Примѣры воскрешенія изъ мертвыхъ.** 1. Въ Іоппіи, что нынѣ Яффа, жила одна христіанка, по имени Тавиѳа, извѣстная своимъ трудолюбіемъ и благотворительностью. Во время пребыванія ап. Петра въ Лиддѣ случилось, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили въ горницѣ, и какъ Лидда не далеко была отъ Іоппіи, то вѣрующіе, услышавши, что Петръ находился тамъ, послали къ нему двухъ человѣкъ просить его, чтобы не замедлилъ притти къ нимъ. Петръ тотчасъ пошелъ съ ними, и когда онъ прибылъ, его ввели въ горницу. Всѣ вдовицы со слезами подошли къ нему и показывали рубашки и платья, какія шила Тавиѳа, живя съ ними. Петръ выслалъ всѣхъ вонъ и, ставъ на колѣна, помолился, потомъ, обратившись къ тѣлу, сказалъ: „Тавиѳа, встань!" и она открыла глаза и, увидѣвъ Петра, сѣла. Онъ подалъ ей руку и поднялъ ее. Потомъ, призвавши вдовицъ и прочихъ вѣрующихъ, представилъ ее имъ живую. Чудо имѣло большое вліяніе на жителей Іоппіи, и многіе увѣровали во Христа (Дѣян. IX, 36—42).

2. Одинъ еретикъ старался поколебать истину православной вѣры и прельстилъ уже множество народа. По просьбѣ православныхъ, тяжко скорбѣвшихъ о такомъ бѣдствіи, пришелъ блаженный Макарій, чтобы оградить чистоту вѣры во всемъ Египтѣ отъ волненія невѣрія. Когда еретикъ приступилъ къ нему и хотѣлъ обмануть его невѣдѣніе остротами изъ Аристотеля [1]), блаженный Макарій, ограничивая его многословіе краткостію апостольскою, сказалъ: *„не въ словеси царство Божіе, но въ силѣ* [2]); пойдемъ на гробницы и призовемъ имя Господне на перваго мертвеца, какого найдемъ, и, какъ написано, *покажемъ нашу вѣру отъ дѣлъ* [3]), дабы его свидѣтельствомъ яснѣйшимъ образомъ подтвердить истину правой вѣры и доказать ея несомнѣнность не суетнымъ словопреніемъ, но силою знаменій и показаніемъ безошибочнымъ". Услышавъ это, еретикъ, связанный стыдомъ предъ окружавшимъ ихъ народомъ, притворно согласился на предложенное условіе и обѣщался притти на другой день; но, когда народъ, желая видѣть чудо, собрался на другой день въ назначенное мѣсто и ожидалъ еретика, тотъ, устрашенный сознаніемъ своего невѣрія, скрылся и потомъ вовсе бѣжалъ изъ Египта. Блаженный Макарій, ожидавшій его вмѣстѣ съ народомъ до девятаго часа, когда увидѣлъ, что онъ ушелъ со стыда, взялъ съ собою людей, приведенныхъ имъ въ заблужденіе, и пришелъ къ упомянутымъ гробницамъ. Отъ разлитія Нила весь Египетъ на значительное время обыкновенно

[1]) Іюн. 15.
[2]) Іюн. 13.

[1]) Знаменитый греческій ученый философъ.
[2]) 1 Кор. IV. 20.
[3]) Іак. II. 18.

покрывается водою и уподобляется тогда неизмѣримому морю, такъ что совершенно невозможно человѣческія тѣла зарывать въ землю развѣ по окончаніи разлива. Поэтому у египтянъ вошло въ обычай, набальзамировавъ тѣла умершихъ благовонными мастями, скрывать ихъ въ пещерахъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Итакъ, блаженный Макарій, остановившись предъ однимъ весьма древнимъ трупомъ, сказалъ: „человѣкъ! если бы со мною пришелъ сюда тотъ еретикъ, сынъ погибели, и я въ его присутствіи призвалъ бы имя Христа, Бога моего, скажи, всталъ ли бы ты предъ этими людьми, которые развращены его лжеученіемъ?“ Тогда мертвецъ, приподнявшись, отвѣчалъ утвердительно. Авва Макарій спросилъ его: кто онъ былъ, когда жилъ на свѣтѣ, въ какое время жилъ и зналъ ли тогда имя Христово? Тотъ отвѣчалъ, что жилъ онъ при древнѣйшихъ царяхъ и объ имени Христовомъ въ тѣ времена и не слыхалъ. Тогда авва Макарій сказалъ ему: „почивай въ мирѣ съ прочими въ чинѣ твоемъ, доколѣ не пробудитъ тебя Христосъ въ концѣ временъ“!

Совершить это чудо побудила авву Макарія нужда находившейся въ опасности цѣлой области, полное благоговѣніе ко Христу и искренняя любовь къ Нему. (Изъ сказаній Кассіана римлянина о подвижникахъ 15 гл.).

3. Въ созидаемой, съ царскаго соизволенія, церкви св. Парѳеній, епископъ лампсакійскій (жившій въ IV вѣкѣ), намѣревался престолъ устроить изъ камня, находившагося въ одномъ изъ разоренныхъ языческихъ капищъ, для чего онъ и поручилъ камень этотъ обдѣлать искуснымъ мастерамъ. По окончаніи работы камень повезли къ церкви, но на дорогѣ взбѣсились впряженные волы; возчикъ, по имени Евтихіанъ, не могши сдержать разъяренныхъ животныхъ, упалъ подъ колеса, и повозка съ тяжелымъ камнемъ переѣхала Евтихіана, который тутъ же и умеръ. Узнавъ о несчастіи, Парѳеній съ нѣсколькими гражданами прибылъ на мѣсто происшествія и, увидѣвъ раздавленнаго возчика, сталъ на колѣни и началъ со слезами молиться о возвращеніи жизни Евтихіану. Съ послѣднимъ словомъ молитвы мертвецъ, на глазахъ всего народа, вдругъ воскликнулъ: „слава Тебѣ, Христе Боже, возвращающій жизнь мертвецамъ“, и всталъ исцѣленный, какъ ни въ чемъ не бывало, и довезъ благополучно камень до церкви. Съ той поры въ Лампсакѣ врачамъ нечего было дѣлать: чуть кто чѣмъ заболѣетъ — тотчасъ обращается къ епископу — и тотъ именемъ Божіимъ врачевалъ недуги и болѣзни. (Ч.-Минеи, февраль).

4. Въ III вѣкѣ, во дни нечестиваго царя Декія, лютаго гонителя христіанъ, въ г. Ефесѣ жили семь юношей, по званію своему воины, дѣти городскихъ старшинъ, добрые по жизни христіане. Объ нихъ донесли идолопоклоннику царю, что они не приносятъ идоламъ жертвъ. Декій разгнѣвался, лишилъ ихъ воинскаго званія, но, жалѣя ихъ благородства и красоты, далъ имъ время на размышленіе. Юноши-воины, воспользовавшись даннымъ срокомъ, удалились изъ города въ одну глубокую пещеру, около горы Охланъ, чтобы молитвою приготовиться на предстоящія страданія, взявши нѣсколько сребрениковъ на нужды. По временамъ младшій изъ нихъ тайно пробирался въ городъ за покупкою пищи.

Разъ онъ услышалъ, что по приказанію царя ихъ ищутъ на судъ и на страданія. Въ виду опасности, юноши удалились въ глубину пещеры, такъ что и посланные не могли найти ихъ. Тогда царь приказалъ загородить самый входъ въ пещеру камнями, чтобы совсѣмъ задушить юныхъ христіанъ. При этой работѣ были тайные христіане; они записали имена и страданія юношей на двухъ оловянныхъ дощечкахъ и въ мѣдномъ ящикѣ положили ихъ между камнями.

Послѣ Декія прошло уже 200 лѣтъ, на греческій престолъ вступилъ Ѳеодосій младшій, императоръ-покровитель христіанъ. Онъ по поводу появленія еретиковъ, отвергавшихъ воскресеніе мертвыхъ, тужилъ, скорбѣлъ и молился Богу о вразумленіи заблуждающихся. Господь услышалъ молитву благочестиваго царя — и открылъ тайну ожидаемаго воскресенія мертвыхъ.

Работники владѣльца горы Охланъ, разбирая камни на строившуюся ограду, сдѣлали отверстіе въ пещеру. Въ это время Господь *оживотворилъ семерыхъ юношей, спавшихъ около 200 лѣтъ:* они воскресли, какъ бы пробудившись отъ сна, одежды ихъ были цѣлы, тѣла не измѣнились, сами не постарѣли. Думая, что наступило утро, юноши, по обычаю, послали младшаго брата своего въ городъ за покупкою пищи. Взявши сребреникъ, онъ пошелъ со страхомъ, какъ при Декіи, но когда приблизился къ городскимъ воротамъ и увидалъ на нихъ честные кресты, когда услышалъ громко и открыто исповѣдующихъ имя Христово, то невольно удивился и спросилъ: „какъ этотъ городъ называется?“—Ефесъ, отвѣчали ему. Юноша подошелъ къ торговцу хлѣбомъ и въ уплату за хлѣбъ подалъ сребреникъ. Увидѣвъ монету съ изображеніемъ Декія, вышедшую изъ употребленія, торговцы представили незнакомца городскимъ властямъ. Предъ начальникомъ города юноша открылъ, кто онъ, гдѣ и съ кѣмъ живетъ. Тутъ же случился епископъ, онъ сказалъ начальнику: „пойдемъ съ юношей видѣть чудо!“

Епископъ, начальники и народъ пришли къ пещерѣ, нашли мѣдный ящикъ, прочитали написанное и отыскали другихъ 6 юношей, красивыхъ, веселыхъ и, поклонясь имъ въ ноги, выслушали отъ нихъ самихъ разсказъ о пребываніи въ пещерѣ. Самъ императоръ Ѳеодосій, по письму епископа, прибылъ въ Ефесъ, поклонился и поцѣловалъ воскресшихъ.

Юноши, побесѣдовавъ съ благочестивымъ царемъ и преклонивъ главы, уснули сномъ смерти, по повелѣнію Господа, до второго Его пришествія. (Чет.-Мин. 4 авг.).

5. Во время епископства св. Доната, нѣкая жена лишилась своего мужа. Ко вдовству ея присоединилась новая скорбь: одинъ безчестный заимодавецъ, получивши съ умершаго долгъ, не отдалъ ему расписки въ полученіи долга и сталъ требовать долгъ со вдовы его, не давая безъ того погребсти тѣло умершаго. Вдова обратилась къ помощи епископа. „Вѣрно ты знаешь, спросилъ епископъ, что долгъ уплаченъ?" — Вѣрно знаю, долгъ уплаченъ за нѣсколько дней до смерти, но расписки не получено. Тогда святитель убѣждалъ заимодавца не безпокоить умершаго. Заимодавецъ съ упорствомъ требовалъ своего долга и даже поносилъ святителя. Тогда епископъ, подошедши къ одру умершаго, коснулся его рукою и воззвалъ: „слыши, человѣче!" Мертвецъ ожилъ, открылъ глаза и сказалъ: что, владыко? — „Встань и посмотри—что дѣлать съ твоимъ заимодавцемъ: онъ не даетъ погребать тебя, требуетъ долга и имѣетъ въ томъ расписку твою". Ожившій мертвецъ, грозно посмотрѣвъ на заимодавца, обличилъ его ложь и неправду, указавъ даже, когда и на какомъ мѣстѣ онъ заплатилъ ему долгъ. Заимодавецъ стоялъ, какъ нѣмой. Мертвецъ требовалъ расписки, и когда тотъ отдалъ, то разодралъ ее. Послѣ сего онъ обратился къ святителю и сказалъ: благо сдѣлалъ ты, владыко, что возбудилъ меня на обличеніе сего грѣшника; повели мнѣ уснуть.— Гряди, чадо, въ покой!—и ожившій мертвецъ снова уснулъ сномъ смертнымъ. (Чет.-Мин. апрѣля 30 дня).

6. Одна жена, пришедши къ св. Макарію египетскому, со слезами высказывала ему свою скорбь о томъ, что умершій мужъ ея позабылъ сказать ей, гдѣ онъ положилъ взятое подъ залогъ. Преподобный повелѣлъ откопать гробъ его и спросилъ умершаго: гдѣ онъ положилъ заложенное? Мертвецъ изъ гроба указалъ это мѣсто. Тогда преподобный сказалъ ему: „усни опять до дня воскресенія". (Чет.-Мин. января 19 дня).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Какими тѣлами мы воскреснемъ?

При рѣшеніи вопроса о свойствахъ воскресшихъ тѣлъ обыкновенно сначала говорятъ объ основѣ или сущности тѣла, которое будетъ обладать этими свойствами, а потомъ останавливаютъ вниманіе и на самихъ этихъ свойствахъ.

Тѣло воскресшее будетъ то разрушившееся по смерти тѣло, которое мы имѣемъ при жизни нашимъ собственнымъ тѣломъ. Истина этого положенія столько же слѣдуетъ изъ самаго новозавѣтнаго понятія о воскресеніи тѣла нашего, сколько подтверждается многими частными мѣстами нов. завѣта. Таково изреченіе Спасителя: «сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія» и т. д. Таковы слова апостола: «подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе», въ которыхъ бл. Ѳеодоритъ [1]) видѣлъ указаніе апостола какъ бы перстомъ на ученіе о воскресеніи не другого какого-либо тѣла, а того же самаго смертнаго тѣла, которое подвержено закону тлѣнія. То же ученіе имѣется въ виду у апостола, когда онъ тѣло, имѣющее преобразиться, называетъ «тѣломъ смиренія нашего» [2]), признаетъ въ настоящихъ хотя мертвенныхъ тѣлахъ вѣрующихъ присутствіе Духа Святаго [3]) какъ внутренній, несомнѣнный залогъ ихъ воскресенія; изъ мысли о воскресеніи тѣла [4]) выводитъ правило не употреблять тѣла на нечистыя, плотскія и беззаконныя дѣйствія, чего ни сдѣлалъ бы, если бы будущее тѣло не было то же, которое носимъ въ земной своей жизни.

Но понятіе тожества нашего тѣла не исключаетъ понятія его измѣненія. Такъ, если о нашемъ физіологическомъ тѣлѣ утверждаютъ, что оно въ продолженіе извѣстнаго количества лѣтъ дѣлается совершенно новымъ, оставаясь тѣмъ не менѣе нашимъ собственнымъ тѣломъ, то тѣмъ болѣе это можно и должно сказать о тѣлѣ нашемъ по воскресеніи. Измѣненіе съ нашимъ тѣломъ произойдетъ моментально при самомъ актѣ нашего воскресенія; намекъ на это видятъ [5]) въ изреченіи Господа о тѣлахъ воскресшихъ: «въ воскресеніи они, какъ ангелы Божіи». Указаніе на отличіе воскресшаго нашего тѣла отъ настоящаго, земного тѣла при основномъ тожествѣ обоихъ, находится уже въ томъ сравненіи тѣла, имѣющаго воскреснуть, съ истлѣвающимъ въ землѣ сѣменемъ, которое апостолъ предложилъ коринѳянамъ для изъясненія образа воскресенія. Какъ растеніе по своему внутреннему строенію и внѣшней формѣ отличается отъ своего зерна, сѣющагося въ землю, такъ и тѣло воскресшее по своимъ качествамъ будетъ отличаться отъ тѣла земного и погребеннаго. Отличіе

---

[1]) Migne Patr: Cursus completus T. LXXXII. p. 368.
[2]) Фил. 3, 21.
[3]) Рим. 8, 11.
[4]) I Кор. 6, 14. 15. 19. 20.
[5]) Ibid. p. 107.

это, не безъ отношенія къ сравненію апостольскому, обстоятельно, хотя и сжато, охарактеризовалъ св. Григорій нисскій въ извѣстномъ своемъ словѣ «о душѣ и воскресеніи». «Какъ пшеничное зерно по разложеніи своемъ въ земной глыбѣ, оставивъ количественную малость и въ качествѣ наружнаго вида отличительное свойство свое, не утратило само себя, но само въ себѣ пребывая, дѣлается колосомъ, весьма много отличаясь отъ себя самого величиною, красотою, разнообразіемъ и наружностію: такимъ же образомъ естество человѣческое, оставивъ въ смерти всѣ свои отличительныя свойства, какія пріобрѣло страстнымъ расположеніемъ, разумѣю безчестіе, тлѣніе, немощь, разности возраста, не утратило себя самого; но, какъ бы въ колосъ какой, премѣняется въ нетлѣніе, славу, честь, силу, совершенство во всемъ, и жизнь его не естественными управляется уже свойствами, но переходитъ въ нѣкое духовное и безстрастное состояніе» [1]). Въ этихъ словахъ Григорія нисскаго читатель не можетъ не замѣтить, какъ св. отецъ переходитъ въ таковомъ своемъ размышленіи отъ образнаго сравненія апостольскаго къ собственнымъ словамъ апостола относительно отличительныхъ признаковъ тѣлъ нашихъ по воскресеніи. Собственныя слова и мысли великаго апостола языковъ объ отличительномъ характерѣ тѣлъ воскресшихъ заключаются во всемъ ихъ объемѣ и развитіи въ 12 стихахъ съ 39 по 50 включительно 15 гл. 1 посланія къ коринѳянамъ. Прямымъ переходомъ отъ вышеприведеннаго и разсмотрѣннаго сравненія тѣла нашего воскресшаго съ тѣломъ — растеніемъ, развившимся изъ посѣяннаго въ землю голаго зерна,— переходомъ къ ясному обозначенію характеристическихъ чертъ тѣлъ по воскресеніи служитъ для апостола указаніе на различные организмы земли и неба. Какъ существуетъ плоть человѣковъ, плоть скотовъ, плоть птицъ и плоть рыбъ; какъ есть тѣла небесныя (планеты, но не тѣла ангеловъ, [2]) ибо ангелы не имѣютъ тѣлъ), и тѣла земныя — плоти и организмы различные, точно такъ же тѣла воскресенія будутъ различны отъ тѣлъ погребенныхъ. Къ тому же, слава первыхъ тѣлъ — тѣлъ воскресенія будетъ различна, какъ различна слава солнца, луны и звѣздъ [3]). Различіе, о которомъ рѣчь у апостола въ этихъ словахъ, есть различіе предмета не по существу, а по внѣшнимъ качествамъ и свойствамъ. Апостолъ не хочетъ сказать въ одной части сравнительнаго періода о прямомъ и рѣзкомъ различіи между плотію неразумныхъ животныхъ и плотію разумно-свободнаго существа человѣческаго; упоминая о плоти людей, скотовъ, рыбъ и птицъ, апостолъ присоединяетъ опредѣленіе «ина», каковую инаковость дальше показываетъ среди тѣлъ однородныхъ: «ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ». Живо, такимъ образомъ, напечатлѣвши въ сознаніи читателя мысль о внѣшней различности тѣлъ извѣстныхъ при теперешнемъ земномъ нашемъ существованіи и при здѣшнемъ внѣшнемъ опытѣ и наблюденіи, апостолъ замѣчаетъ въ началѣ второй части сравнительнаго періода: «такожде и воскресеніе мертвыхъ» [1]). Дальнѣйшая [2]) рѣчь апостола показываетъ, какими же именно качествами будетъ различаться тѣло воскресенія отъ теперешняго нашего тѣла. Что и среди этихъ качествъ мы не найдемъ ни одного, которое бы указывало на новое существо или природу тѣла по воскресеніи, — это будетъ ясно изъ слѣдующаго изъясненія.

Первое и главное изъ указанныхъ апостоломъ свойствъ воскресшаго тѣла, составляющее, можно сказать, основной и спеціальный характеръ тѣла воскресенія, есть его духовность, оно и въ перечнѣ свойствъ поставлено апостоломъ въ концѣ, какъ заключающее и обнимающее всѣ остальныя свойства. Духовность будущаго тѣла апостолъ противопоставляетъ [3]) теперешней его душевности: «сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное; есть тѣло душевное и есть тѣло духовное». Понятіе «тѣло душевное (σῶμα ψυχικόν)» и «тѣло духовное (σῶμα πνευματικόν)» стоятъ въ тѣсной связи съ понятіями священныхъ писателей вообще и въ частности ап. Павла о душѣ и духѣ. Душа (ψυχή)—низшая сторона внутренняго существа человѣка, имѣющая отношеніе и къ жизни животныхъ вообще [4]) (ибо и животныя, по писанію, имѣютъ душу); духъ (πνεῦμα) — есть высшая сторона человѣческаго существа, обращенная [5]) къ Духу Божію, насъ возрождающему, освящающему. Соотвѣтственно этому, тѣло душевное есть тѣло приспособленное къ низшей сторонѣ человѣческой жизни — душѣ, ею единственно опредѣляемое и управляемое, — тѣло какъ чувственный органъ души, тѣло матеріальное, или, какъ его еще называетъ св. апостолъ, тѣло перстное (σῶμα χοικόν) [6]), земляное, которое мы носимъ на землѣ (σῶμα ἐπίγειον) [7]). Тѣло духовное есть тѣло, соотвѣтствующее высшей сторонѣ человѣческаго существа — его духу, тѣло, главнымъ образомъ и всецѣло опредѣляемое и управляемое духомъ, какъ органъ духа, назначенное для нашего какъ бы небеснаго жилища (σῶμα ἐπουράνιον [8]). При этомъ, конечно, нельзя думать, чтобы наше будущее духовное тѣло не имѣло той души, которую мы имѣемъ въ нашемъ тѣлѣ здѣсь, на землѣ. Представленіе

[1]) Творенія св. Григорія нисскаго Ч. 4. 321 и 322 стр.
[2]) Противъ A. Wabnitz'a.
[3]) 1 Кор. 15, 39—41.

[1]) Ст. 42.
[2]) Стх. 42—44.
[3]) Ст. 44.
[4]) I Сол. 2, 8; Фил. 2, 30; Римл. 16, 4; Лук. 6, 9; 12, 10.
[5]) Ср. 1 Кор. 2, 14. 15.
[6]) I Кор. 15, 48. 49.
[7]) Ст. 40 ср. 2 Кор. 5, 1. 2.
[8]) 2 Кор. 5 ibid.

о душѣ такъ же мало исключается понятіемъ о духовности нашего тѣла по воскресеніи, какъ нисколько не устраняется мыслію о душевности нашего настоящаго, земного тѣла представленіе о господствующемъ надъ этимъ тѣломъ духѣ. Это уже соображеніе идетъ отчасти противъ тѣхъ толкователей, которые изъ указаннаго апостоломъ признака духовности нашего будущаго тѣла заключали, что ап. Павелъ хотѣлъ сказать о тѣлѣ воскресенія, составленномъ изъ духа (πνεύματος), какъ нѣкоторой тонкой матеріи [1]). Противъ же мнѣнія о духовномъ составѣ или природѣ тѣла по воскресеніи свидѣтельствуетъ и собственное выраженіе апостола: «возстаетъ (ἐγείρεται) тѣло духовное». Возставать, воскресать можетъ только то тѣло, которое посѣяно въ землю, умерло, слѣд., тѣло изъ обычной, чувственной матеріи, хотя и вполнѣ приспособленное по воскресеніи къ потребностямъ духа. Что же касается тѣла фантастически и мнимо созидаемаго изъ духа или другой какой-либо небесной субстанціи, то какъ о немъ можно было бы сказать, что оно возстанетъ или изыдетъ изъ гроба? Усвояя же нашимъ вниманіемъ и памятію мысль новозав. писанія, что воскреснетъ наше тѣло, имѣющее и въ здѣшней земной жизни начатокъ духа, воскреснетъ со свойствомъ полной духовности, мы должны опредѣлить это главное свойство тѣла воскресенія болѣе частными чертами и, такимъ образомъ, вполнѣ и прямо показать отличіе тѣла духовнаго отъ тѣла душевнаго.

Со стороны отрицательной, отличіе тѣла духовнаго отъ тѣла душевнаго характеризуется отсутствіемъ двухъ инстинктовъ настоящаго душевнаго тѣла: инстинкта самосохраненія и инстинкта продолженія рода. Относительно перваго ап. Павелъ свидѣтельствуетъ, что теперешніе органы для матеріальнаго процесса питанія въ будущемъ духовномъ нашемъ тѣлѣ упраздняется «Брашно [2]) чреву, и чрево брашномъ: Богъ же и сіе и сія упразднитъ», и это потому, что «плоть и кровь не могутъ войти въ духовное царство Божіе» [3]). Что касается второго, то Самъ Божественный Учитель нашъ сказалъ: [4]) «въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ». «Въ воскресеніе» этимъ означается не только начальный моментъ новой жизни, но все вообще состояніе воскресшихъ людей въ будущемъ вѣкѣ, какъ показываетъ соотвѣтствующее мѣсто у евангелиста Матѳея. Относительно образа жизни лицъ воскресшихъ у него говорится: «въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели на небеси суть», этимъ ясно обозначается, что воскресшіе не совершенно и во всемъ будутъ подобны ангеламъ, но ихъ жизнь и взаимныя отношенія въ духовномъ тѣлѣ воскресенія будутъ таковы же, какъ отношеніе ангеловъ Божіихъ между собою, дышащее чувствами искреннѣйшей любви и полной симпатіи. Этимъ, впрочемъ, нисколько не отмѣняется въ лицахъ воскресшихъ различіе пола, котораго нѣтъ въ природѣ ангеловъ, а только устраняется теперешнее, физіологическое отношеніе половъ между собою. Всякій, безъ сомнѣнія, согласится, что признакъ пола относится къ индивидуальной особенности человѣка, а каждый человѣкъ, будетъ ли то мужчина или женщина, воскреснетъ, облечется духовнымъ тѣломъ воскресенія въ той же индивидуальности, въ какой былъ и на землѣ, иначе не выполнялось бы требованіе воскресенія того же самаго тѣла, какое было съ нами на землѣ. Для тѣхъ, которые, подобно Оригену и оригенистамъ, стали бы утверждать, что воскресшія духовныя тѣла будутъ рода мужескаго, какъ рода болѣе совершеннаго, можно сослаться на извѣстныя слова Господа нашего І. Христа о царицѣ савской [1]), полагая силу доказательства этихъ словъ въ признакѣ женственности этой южной царицы, при каковомъ условіи мысль, заключающаяся въ доказательныхъ словахъ Господа будетъ выражена съ такимъ оттѣнкомъ: женщина, этотъ слабый «немощнѣйшій [2]) сосудъ», повѣрила мудрости Соломона, и она нѣкогда, какъ женщина, осудитъ невѣрующій іудейскій народъ.

Со стороны положительной, духовное тѣло воскресенія будетъ отличаться отъ душевнаго особою тонкостію и проницательностію. Тонкость эту можно представлять въ отсутствіи грубой твердости и дебелости настоящаго земного тѣла, но не въ лишеніи осязаемости и чувствительности, какъ показываетъ примѣръ воскресшаго тѣла Христова, доступнаго осязанію; и тѣмъ менѣе въ уподобленіи будущаго тѣла пару, облаку или эфиру, какъ хотѣли Евтихій, Оригенъ и даже Златоустъ, производя эпитетъ будущаго нашего тѣла πνευματικόν отъ πνεῦμα воздухъ. Проницательность будущаго тѣла—это такое свойство, въ силу котораго тѣло духовное, не наполняя пространства, можетъ существовать одновременно съ другимъ тѣломъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Проходить чрезъ затворенныя двери, такова, напр., сила свойства проницательности тѣла: объ этой силѣ мы знаемъ изъ случая, бывшаго со Христомъ воскресшимъ. Извѣстно, что Онъ со Своимъ прославленнымъ тѣломъ прошелъ чрезъ «двери заключенныя»; [3]) ничто, кажется, не препятствуетъ принять, что свойство проницательности такъ или иначе обнаружится въ нашемъ будущемъ тѣлѣ, сообразномъ [4]) тѣлу воскресшаго Господа.

Мысль о сообразности нашего тѣла по воскресеніи съ тѣломъ воскресшаго Господа заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченною особо. Эта

[1]) Такъ Zeller, въ D. theologische Iahrbücher, 1852 p. 297. Sabatier. L'Apotre Paul. 1 ed. 1870 p 277.
[2]) 1 Кор. 6. 13.
[3]) Кор. 15, 30; ср. Іоан. 3, 3. 5.
[4]) Лук. 20, 35; ср. Мѳ. 22, 30.

[1]) Мѳ. 12, 42.
[2]) 1 Петр. 3, 4.
[3]) Іоан. 20, 19.
[4]) Фил. 3, 21.

мысль проходитъ красною нитью въ рядѣ мыслей ап. Павла отъ стиха 45 по 49-й 15 гл. 1 посл. къ коринѳянамъ. Изслѣдуя эти стихи посланія, мы наталкиваемся прежде всего на цитатъ изъ ветхозавѣтнаго писанія: «тако и писано есть: бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ [1]). Наименованіе «Адамъ» вызываетъ въ сознаніи мысль о родоначальникѣ, и такъ какъ вообще каковъ родоначальникъ, таковы и его потомки, то и въ частности каковъ второй Адамъ, или прославленный человѣкъ Іисусъ, таковы и будутъ воскресшіе вѣрующіе въ Него. Но что же есть и представляетъ изъ себя второй Адамъ на взглядъ апостола? Онъ есть — духъ животворящъ. Что хочетъ сказать этимъ апостолъ? Судя по связи между 45 и 44 стихами, то, что второй Адамъ не есть (σῶμα ψυχικόν) тѣло душевное, каковымъ было тѣло Іисуса во время земной Его жизни, но что Онъ имѣетъ тѣло, сдѣлавшееся по воскресеніи (πνευματικόν) духовнымъ, и вотъ почему второй Адамъ сталъ (πνεῦμα ζωοποιοῦν) духомъ животворящимъ, т.-е. человѣкомъ, у котораго духъ сообразненъ съ тѣломъ, которое есть тѣло воскресенія [2]). Таковы же, думаетъ ап. Павелъ, будутъ и тѣла воскресшихъ и измѣненныхъ праведниковъ или вѣрующихъ. Что это именно такъ, апостолъ ясно выражаетъ, говоря: «яковъ небесный, тацы же (будутъ) и небесніи» [3]) т.-е. тѣ, которые будутъ носить образъ небеснаго [4]). Этотъ небесный образъ воскресшіе примутъ тогда, когда «вторый Человѣкъ» придетъ съ неба (во время Его пакипришествія [5]). Тогда второй Адамъ оживитъ Своимъ духомъ тѣхъ, кои на Него будутъ похожи [6]). Называя Христа воскресшаго и прославленнаго «вторымъ человѣкомъ съ неба», апостолъ тѣмъ намекаетъ на Его человѣческую, пневматическую природу, съ которою Онъ восшелъ на небо при Своемъ вознесеніи, или, еще, на Его «тѣло славы», о которомъ апостолъ говоритъ въ посланіи къ филиппійцамъ [7]). Конечно, воскресшіе вѣрующіе люди будутъ подобны воскресшему своему Родоначальнику и въ томъ, что тѣла ихъ опредѣлены будутъ для нихъ съ неба отъ Бога.

Наши воскресшія тѣла по признаку духовности будутъ подобны воскресшему тѣлу Христа; но они будутъ подобны Ему и по другимъ своимъ качествамъ, тѣсно связаннымъ съ главнымъ свойствомъ тѣла воскресенія, именно духовностію.

Духовное тѣло воскресенія, какъ не нуждающееся въ тѣлесномъ пропитаніи и другой какой либо матеріальной поддержкѣ и охраненіи, будетъ чуждо дряхлости и слабости и всего того, что носитъ печать старческой хилости. Воскресшее тѣло наше будетъ въ силѣ (ἐν δυνάμει). Строго говоря, трудно опредѣлить это свойство воскресшаго тѣла, «будемъ ли мы въ тѣлѣ воскресенія дѣйствовать подобно солнцу, оживляющему землю чрезъ отдаленное пространство, или будемъ такъ легки, какъ воздухъ, какъ свѣтъ, какъ огонь, раскроется это только на краю вѣчности» [1]) Во всякомъ случаѣ несомнѣнно къ свойству воскресшаго тѣла — силѣ принадлежитъ здравость и полнота жизни тѣла въ связи съ неустаннымъ, благовременнымъ употребленіемъ его членовъ. Между прочимъ къ дѣйствію этого свойства относится и то, что воскресшія и измѣненныя тѣла по движенію воли будутъ имѣть возможность подняться на воздухѣ [2]).

Въ связи со свойствомъ воскресшаго тѣла — силою стоитъ свойство того же тѣла — слава. «Сѣется не въ честь, возстаетъ въ славѣ», т.-е. сѣется въ область безчестія, въ область обычнаго неизбѣжнаго разложенія, возстаетъ окруженное славою. Какъ понятіе безчестія нельзя разсматривать въ смыслѣ обозначенія сущности, изъ которой состоятъ тлѣнныя тѣла, такъ и понятіе славы нельзя признавать за выраженіе сущности, изъ которой образуются тѣла воскресенія. Съ отрицательной стороны, славу воскресшаго тѣла удобно понимать въ смыслѣ удаленія всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ, безобразій и уродствъ, которыя и въ теперешнемъ тѣлѣ признаются за изъянъ, нескрадываемый даже кистью ретушора. Наружное безчестіе извѣстныхъ членовъ тѣла по воскресеніи его также совершенно прекратится. Слава воскресшаго нашего тѣла, хотя не собственная, но отраженіе славы Божіей, будетъ достаточнымъ для него одѣяніемъ, такъ что тѣло наше по воскресеніи не станетъ чувствовать той наготы и пустоты, которая и теперь иногда вызываетъ краску на лицѣ - ясное свидѣтельство раздвоенія между духомъ нашимъ и плотію. Съ положительной стороны, слава будущаго тѣла есть не что иное, какъ необыкновенный свѣтъ этого тѣла, качество, указываемое не разъ съ особенною силою священнымъ писаніемъ какъ ветхаго [3]), такъ и новаго завѣта. Въ новомъ завѣтѣ Самъ Господь говоритъ: [4]) «Праведницы просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ». И апостолъ Павелъ открываетъ намъ, что «Христосъ преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его» [5]). У того же апостола воскресшія тѣла сравниваются съ свѣтилами небесными, причемъ различіемъ свѣта въ этихъ небесныхъ тѣлахъ образно указывается [6]) на различіе свѣтовой славы въ нашихъ тѣлахъ,

---

[1]) Быт. 2, 7; 1 Кор. 15, 45.
[2]) Ср. Wabnitz. Ibid. p. 124.
[3]) 1 Кор. 15, 48
[4]) Ст. 49.
[5]) Ст. 47.
[6]) Ср. ст. 22.
[7]) Фил. 3, 21.

[1]) Хр. чт. 1824 г. Стр. 208.
[2]) 1 Сол. 4, 17.
[3]) Напр., Дан. 12, 3.
[4]) Мѳ. 13, 43.
[5]) Фил. 13, 21; ср. Кол. 1, 12 и 1 Тим. 6, 16.
[6]) 1 Кор. 15, 41—42.

соотвѣтственно различнымъ степенямъ совершенства жизни духовной. Примѣры будущаго прославленія нашего тѣла можемъ видѣть въ обоихъ законодателяхъ ветхаго и новаго завѣтовъ. О Моисеѣ встрѣчаемъ свидѣтельство въ книгѣ Исходъ [1]), буквально изъясненное апостоломъ Павломъ: [2]) «Сыны Израилевы не могли смотрѣть на лицо Моисеево по причинѣ славы лица его», которою онъ былъ облеченъ за время своего сорокадневнаго пребыванія съ Божествомъ, при написаніи закона. О Спасителѣ нашемъ также, при событіи преображенія, извѣстно [3]), что лицо Его просіяло, какъ солнце, въ свѣтовомъ блескѣ, который сильно подѣйствовалъ на учениковъ и повергъ ихъ въ блаженное восхищеніе. Не излишне при этомъ припомнить, что ангелы чувственнымъ, видимымъ образомъ являются въ свѣтлыхъ тѣлахъ. Сходство жизни нашей по воскресеніи съ ангельскою необходимо требуетъ, чтобы и тѣла наши, какъ и временныя тѣла ангеловъ, были свѣтоносны.

Въ силу же духовности воскресшее тѣло наше будетъ и нетлѣнно. «Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи». Нетлѣніе есть такое свойство воскресшаго тѣла, которое заключаетъ въ себѣ два другія качества: славу и силу, и ближе ихъ стоитъ къ главному, характеристическому свойству воскресшаго тѣла, духовности. Воскресшее тѣло, какъ нетлѣнное, будетъ крѣпче и сильнѣе настоящаго, оно не будетъ уже разложимо на свои составныя части или основные элементы. Вмѣстѣ съ душою, которая никогда не выйдетъ изъ духовнаго прославленнаго тѣла, послѣднее будетъ имѣть непрерывное участіе въ безсмертіи, этомъ славномъ свойствѣ вѣчнаго Бога. «Ни умрети ктому могутъ, говоритъ І. Христосъ о тѣхъ, кои улучили вѣкъ онъ, равни бо суть ангеламъ и сынове суть Божіи, воскресенія сынове суще» [4]). Въ этихъ словахъ Господа мысль отрицательная о невозможности умиранія для тѣла воскресшаго доказывается двумя паралельными, взаимно-дополняющими утвердительными предложеніями: «равни суть ангеламъ» и «сыны суть Божіи»; а эти предложенія въ свою очередь сводятся къ положительной мысли, какъ своему доказательству, «потому что сыны воскресенія». Въ новозавѣтномъ выраженіи: «сынъ воскресенія», которое составлено по прямому противоположенію ветхозавѣтному «сынъ смерти», понятіе воскресенія берется въ усиленномъ смыслѣ, въ смыслѣ совершенной, побѣждающей смерть жизни, къ которой призваны будутъ участвовать воскресшіе. Въ силу этого участія воскресшіе суть сыны Божіи (названіе обыкновенное для ангеловъ) и равны ангеламъ. Ангелы, понятно, здѣсь мыслятся какъ духи (πνεύματα) безсмертные, непосредственно участвующіе въ вѣчной жизни Бога Духа; ихъ духовной природѣ являются подобными воскресшіе съ своимъ духовнымъ тѣломъ [1]), но не тожественными. Свойство же нетлѣнія будущаго нашего тѣла ясно обозначается апостоломъ Павломъ въ извѣстныхъ словахъ: «вѣмы, яко, аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ». Мысль, выраженная въ этихъ словахъ у апостола образно, чрезъ противоположеніе, есть та самая мысль, которая иначе выражена у апостола словами: «тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе». Такъ, прежде всего, будущее тѣло наше называется словомъ созданіе; слово означаетъ прочное, долговременное зданіе въ противоположность временной, краткосрочной постройкѣ. Далѣе говорится, что созданіе будетъ, т.-е. наше будущее тѣло произойдетъ, отъ Бога, будетъ стоять въ необходимомъ, существенномъ отношеніи къ Нему, будетъ опредѣлено Самимъ Богомъ; поэтому оно будетъ вѣчно такъ же, какъ вѣченъ произведшій его Богъ. Какъ непосредственно происшедшее отъ Бога, отъ дѣйствія Его всемогущества, будущее наше тѣло воскресенія называется у апостола, въ отличіе отъ настоящаго, первоначально-сотвореннаго изъ персти земной, тѣла, «храминою нерукотворенною», чѣмъ еще разъ указывается на признакъ неразлагаемости будущаго нашего тѣла, его вѣчность. Въ заключеніе замѣчается первоверховнымъ апостоломъ, что и внѣшняя среда, которая будетъ опредѣлена для тѣла воскресенія, есть небо, «на небесѣхъ», среда, подобная той, въ которой обитаютъ ангелы, и нисколько не похожая на тлетворно подчасъ дѣйствующую среду у земного нашего тѣла [2]).

Какъ тѣла праведныхъ облекутся во славу, будутъ сіять невыразимымъ свѣтомъ, такъ въ противоположность тѣла грѣшныхъ одѣнутся въ безчестіе. Они будутъ также нетлѣнны и безсмертны, но эта честь, — по выраженію Златоуста, послужитъ имъ къ мученію и наказанію. Одни, — говоритъ пророкъ, вступятъ *въ жизнь вѣчную, а оніи въ укоризну и въ стыдѣніе вѣчное;* (одни) *просвѣтятся, аки свѣтлость тверди, аки звѣзды, во вѣки* (Дан. 12. 2-3), а другіе омрачатся, какъ ночь и тьма. Это потому, что все будущее состояніе наше разовьется, какъ изъ сѣмени, изъ настоящей жизни. Кто здѣсь омрачилъ, обезобразилъ свое внутреннее существо постыдными волненіями страстей и усилилъ этотъ внутренній мракъ дѣлами преступными, тотъ въ новомъ мірѣ одѣнется всѣмъ существомъ своимъ во тьму и безчестіе; какъ въ душѣ, такъ и по внѣшнему виду окажется мрачнымъ и безобразнымъ, потому что тѣло будетъ образомъ духа; на немъ, какъ въ зеркалѣ,

[1]) Исх. 34, 29 и д.
[2]) 2 Кор. 3, 7.
[3]) Мѳ. 17, 2.
[4]) Лук. 20, 35. 36.

[1]) Такъ Olshausen.
[2]) См. Ученіе св. евангел. и апостола о воскресеніи мертвыхъ. Н. Виноградова.

отразится весь постыдный образъ души, омраченной порокомъ. Беззаконные не будутъ имѣть и той свободы, въ которой увидятъ себя праведные. Отдавши сердце свое землѣ, а не Богу, прилѣпившись къ образамъ міра сего, которые прейдутъ, они увидятъ себя въ тѣснотѣ и скорби; какъ въ душѣ, такъ и въ тѣлѣ для нихъ откроется источникъ болѣзненныхъ, мучительныхъ чувствованій.

Скажемъ теперь о томъ, что послѣдуетъ съ тѣми людьми, которые доживутъ до дня воскресенія. Они, по ученію слова Божія, въ тотъ день вдругъ измѣнятся. «Не всѣ мы умремъ, — говоритъ апостолъ,—но всѣ измѣнимся, вдругъ, во мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ: ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся. Ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе и смертному сему облечься въ безсмертіе» (1 Кор. 15. 51—53). Сперва умершіе воскреснутъ, потомъ живые измѣнятся. «Сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ,—говоритъ апостолъ, — что мы, живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ. Потому что Самъ Господь, при возвѣщеніи, при гласѣ архангела и трубѣ Божіей, сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде; потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ на воздухъ, въ срѣтеніе Господу» (1 Ѳесс. 4. 15—17). Итакъ, всѣ тѣ люди, которые доживутъ до пришествія Господня, уже не испытаютъ смерти, но чуднымъ измѣнененіемъ вдругъ увидятъ себя въ новомъ тѣлѣ, въ новомъ состояніи; не испытавши смерти, совлекутся тлѣнія и смертности и облекутся въ нетлѣніе и безсмертіе, примутъ всѣ тѣ свойства, съ которыми воскреснутъ умершіе. Потому что «плоть и кровь царствія Божія не могутъ наслѣдовать, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія; сему тлѣнному тѣлу должно облещись въ нетлѣніе», чтобы вступить въ новое славное царство Божіе, быть сообразнымъ тому высшему состоянію, въ которое Господь приведетъ Свои творенія, съ открытіемъ будущаго вѣка [1].

Послѣ того какъ совершится воскресеніе мертвыхъ, и послѣдуетъ измѣненіе живыхъ, откроется послѣдній страшный судъ, которымъ окончательно опредѣлится участь духовно-нравственныхъ существъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О второмъ пришествіи І. Христа и страшномъ судѣ.

1. **Второе пришествіе Христово.** 1) Пришествіе Сына человѣческаго *будетъ внезапно* и *поразительно*: *якоже молнія исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго.*

Предъ открытіемъ вѣчнаго царства Христова вся природа испытаетъ необычайныя *измѣненія: будутъ знаменія въ солнцѣ, и лунѣ, и звѣздахъ, и на землѣ туга языкомъ отъ нечаянія, шума морского и возмущенія издыхающимъ человѣкомъ отъ страха и чаянія* бѣдствій, *грядущихъ на вселенную. Абіе же, въ тыя дни, по скорби той, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе, и силы, яже на небесѣхъ, подвижутся.*

Солнце померкнетъ, будучи не уничтожаемо, но побѣждаемо свѣтомъ пришествія Христова, — *звѣзды спадутъ*, ибо какая въ нихъ будетъ уже нужда, когда не будетъ ночи? — силы небесныя *подвижутся*, видя такую перемѣну [1].

2) Всѣ эти ужасныя потрясенія будутъ *предвѣстіемъ* страшнаго и славнаго пришествія Сына человѣческаго: *тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси, и тогда восплачутся вся колѣна земная, и узрятъ Сына человѣческаго грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою.*

Знаменіе Сына человѣческаго, по согласному объясненію св. отцовъ, есть крестъ, который „первый явится на небѣ со всѣмъ воинствомъ ангельскимъ, озаряя всю землю отъ концовъ и до концовъ ея, паче свѣтлости солнечной, и возвѣщая пришествіе Владыки-Христа“ [2]. „Свѣтовидное знаменіе креста предшествуетъ Царю, прежде распятому, конечно, для того, чтобы злоумышлявшіе и пронзившіе Его іудеи, увидѣвъ, восплакали“ [3]), во исполненіе словъ древняго пророка: *воззрятъ нань, Его же прободоша* (Зах. XII, 10). Крестъ приведетъ имъ на память богоубійственное дѣло ихъ и, обличивъ съ непререкаемою силою упорное невѣріе ихъ, сдѣлаетъ безотвѣтными на судѣ правды Божіей [4]). Но восплачутся и всѣ, которые проводили грѣховную и чувственную жизнь, мудрствовали земное (Кол. III, 2), „хотя бы то были и христіане“ [5]). Впрочемъ, это же побѣдное знаменіе — страхъ для враговъ — принесетъ „радость увѣровавшимъ во Христа, или проповѣдникамъ Его, или пострадавшимъ за Него“ [6]).

¹) Душеполезное чтеніе 1862 г. Часть III.

¹) «Толкованіе св. Іоанна Златоустаго. Бесѣд. на еванг. Матѳ.», ч. 3, стр. 398.

²) «Твор. св. Ефрема Сирина», Москва, 1858 г., ч. 2, стр. 399, 328.

³) Выраженіе св. Кирилла іерусал. «Твор. св. отцовъ», Москва, 1855 г., т. 25, стр. 264.

⁴) Толкованіе св. Іоанна Златоустаго. «Бесѣд. на еванг. Матѳ.», ч. 3, стр. 339.

⁵) Толков. блаж. Ѳеофилакта. «Благовѣст.», ч. 1, стр. 419.

⁶) Выраженіе св. Кирилла іеруе. «Твор. ов. отцовъ», т. 25, стр. 265.

3) О послѣднемъ всеобщемъ судѣ возвѣститъ людямъ *послѣдняя* (1 Кор. XV, 52) *Божія труба* (1 Сол. IV, 16), которая служитъ образомъ нѣкоего особеннаго дѣйствія Божія всемогущества, образомъ, заимствованнымъ отъ обыкновенія евреевъ созывать въ собраніе посредствомъ трубныхъ звуковъ (Лев. XXV, 9. Числ. X, 2. Суд. III, 27). *Послетъ ангелы Своя съ трубнымъ гласомъ веліимъ, и соберутъ избранныя Его отъ четырехъ вѣтръ — отъ конца земли до конца неба.* Они соберутъ не только избранныхъ, но также, по изреченію Господню, сказанному прежде, *вся соблазны и творящихъ беззаконіе* (Матѳ. XIII, 41), потому что, въ воскресеніе мертвыхъ, *вси сущіе во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. V, 28 — 29). Утѣшая Своихъ послѣдователей, Господь присовокупилъ: *начинающимъ же симъ бывати, восклонитеся и воздвигните главы ваша, зане приближается избавленіе ваше.*

4) *Что же касается до времени пришествія Сына человѣческаго на страшный судъ,* то,—продолжалъ Господь, *о дни томъ и часѣ никто же вѣсть, ни ангели небесніи, ни Сынъ, токмо Отецъ Мой единъ.* Въ этихъ словахъ, хотя и прикровенно, Господь высказалъ Своимъ ученикамъ ту же самую мысль, которая ясно выражена Имъ впослѣдствіи: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. I, 7). По замѣчанію блаж. Ѳеофилакта, „знаетъ Онъ о днѣ и часѣ томъ какъ это ясно изъ многихъ другихъ мѣстъ, да и какъ не знать Сыну этого дня, когда Онъ знаетъ, что случится въ будущемъ“ [1]), или, по толкованію св. Аѳанасія александрійскаго, „Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, Отецъ же знаетъ день и часъ, то явствуетъ, что и сущій во Отцѣ Сынъ и вѣдущій, что во Отцѣ, Самъ знаетъ день и часъ“ [2]). Но, возбраняя даже и спрашивать о томъ, что не приноситъ нравственной пользы, Онъ указалъ на Свое незнаніе, которое, по объясненію св. отцовъ, нимало не противорѣчитъ всевѣдѣнію Его. Св. Василій Великій говоритъ, что Господь, какъ второе лицо пресвятой Троицы, „первое вѣдѣніе настоящаго и будущаго приписываетъ Отцу, и во всемъ указываетъ на первую причину“ [3]), т.-е. „начало вѣдѣнія въ Сынѣ отъ Отца“ [4]). Св. Григорій Богословъ относитъ незнаніе къ человѣческой природѣ І. Христа: „для всякаго явно, что Сынъ знаетъ, какъ Богъ,— приписываетъ же Себѣ незнаніе, какъ человѣкъ“ [1]). Также выражается и св. Аѳанасій Александрійскій: Господь поступаетъ съ учениками, по словамъ блаж. Ѳеофилакта, какъ мудрый отецъ съ нѣжно-любимыми дѣтьми: „если бы Онъ сказалъ: Я знаю, но не хочу открыть вамъ, въ такомъ случаѣ Онъ опечалилъ бы ихъ, а теперь, когда говоритъ, что ни ангелы не знаютъ, ни Я, Онъ совершенно удерживаетъ ихъ отъ желанія знать и докучать Ему“ [2]).

Причину же умолчанія о времени послѣдняго суда св. Василій Великій находитъ въ томъ, что „неполезно было людямъ слышать о семъ, ибо всегдашнее ожиданіе дѣлаетъ болѣе ревностными въ благочестіи, а знаніе, что до суда еще долго, сдѣлало бы болѣе нерадивыми въ благочестіи по надеждѣ, что можно спастись, покаявшись впослѣдствіи“ [3]).

Вслѣдствіе неизвѣстности времени пришествія Сына человѣческаго, вѣрующіе должны духовно *бодрствовать*: *блюдите, бдите и молитеся: не вѣсте бо, когда время будетъ.*

Эта заповѣдь о духовномъ бодрствованіи есть общая заповѣдь для всѣхъ послѣдователей Христовыхъ, на всѣ времена, до самаго конца міра: *яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю: бдите* (Марк. XIII, 37),—таково рѣшительное слово Господа. *Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той: яко сѣть бо пріидетъ на вся живущія на лицы всея земли; бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убѣжати всѣхъ сихъ хотящихъ быти и стати предъ Сыномъ человѣческимъ* (Лук. XXI, 34 — 36). Господь открылъ имъ то, что полезно знать для того, чтобы сохранить благоразумную осторожность и не увлечься общимъ потокомъ безпечной чувственности. *Якоже бо бысть во дни Ноевы: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго; якоже бо бѣху во дни прежде потопа, ядуще и піюще, женящеся и посягающе, до него же дне вниде Ное въ ковчегъ, и не увѣдѣша дондеже пріиде вода и взятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго. Тогда два будета на селѣ: единъ поемлется, а другій оставляется; двѣ мелющѣ въ жерновахъ: едина поемлется и едина оставляется* (Матѳ. XXIV, 38 — 41). О такой внезапности пришествія Своего на страшный судъ Господь предупреждалъ учениковъ еще

[1]) «Благовѣстн.», ч. 1 стр. 423.
[2]) «Твор. св. отцовъ», Москва, 1852 г., т. 19, стр. 443.
[3]) «Твор. св. отцовъ», Москва, 1848 г., т. 11, стр. 166.
[4]) Тамъ же. стр. 168.

[1]) «Твор. св. отцовъ», Москва, 1844 г., т. 3, стр. 94.
[2]) «Благовѣстн.», ч. 2, стр. 201. См. также св. Іоанна Златоустаго. «Бесѣд. на еванг. Матѳ.», ч. 3, стр. 410.
[3]) «Твор. св. отцовъ», Москва, 1846 г., т. 7, стр. 166. См. также толкованіе св. Исидора Пелусіота. «Твор. св. отцовъ», Москва, 1859 г., т. 34, стр. 79—80.

раньше, указывая имъ на времена не только Ноя, но и Лота (Лук. XVII, 26—30, 35—36). (Извлеч. съ опущ. нѣк. мѣстъ изъ кн.: „Евангельская исторія о Богѣ Словѣ, Сынѣ Божіемъ, Господѣ нашемъ І. Христѣ", прот. П. Матвѣевскаго. Спб. 1890 г. ст. 603—7).

2. **Время жатвы есть изображеніе того времени, въ которое наступитъ конецъ свѣта.** Когда въ полѣ хлѣбъ созрѣлъ и пришла пора сжать, вы говорите: „скоро пройдетъ лѣто, наступитъ осень и кончится годъ". Какъ въ полѣ, такъ и въ цѣломъ мірѣ есть свой годъ,—годъ великій, безмѣрный, заключающій въ себѣ не сто лѣтъ, не тысячу, не пять тысячъ, а много столѣтій и тысячелѣтій, — столько, сколько угодно будетъ Господу,—и этотъ годъ когда-нибудь кончится, т.-е. пройдетъ весна міра, пройдетъ лѣто, міръ своею жизнію и дѣлами склонится къ осени, и тогда ему конецъ.

Въ полѣ у васъ все цвѣтетъ, красуется, спѣетъ до жатвы; въ мірѣ живутъ люди, стоятъ деревни, цвѣтутъ города, красуются царства и народы до той страшной годины, когда волею Господнею положится всему предѣлъ и межа.

Въ полѣ, видя между пшеницею негодную траву, вы говорите: „не тронь ея, не топчи пшеницу, пускай растетъ, пока поспѣетъ пшеница"; въ мірѣ, между людьми добрыми видя людей злыхъ, Господь говоритъ: пускай они живутъ до поры до времени; не стану ихъ наказывать, чтобы вмѣстѣ съ ними не наказать людей добрыхъ".

Наконецъ, въ полѣ, когда хлѣбъ поспѣлъ, пшеница зажелтѣлась, а вмѣстѣ съ нею выросла трава, вы говорите: „все созрѣло, пора за серпы, пора за жниво", такъ и въ мірѣ: когда добрые поспѣютъ въ добрѣ, праведные и святые, какъ пшеница, вызрѣютъ въ правдѣ и святости, а злые во злѣ, порочные и грѣшные почернѣютъ, какъ куколь, во грѣхахъ и порокахъ: тогда Господь скажетъ: „пора Мнѣ взять мечъ правосудія Моего и пожать нечестивыхъ отъ земли, а праведныхъ собрать, какъ пшеницу, въ житницу Мою, т.-е. въ царство небесное. Вотъ какимъ образомъ кончина міра похожа на жатву. („Воскр. чт.")

3. **Въ день всеобщаго суда дѣла каждаго откроются предъ всѣми.** „Святые предъявятъ тогда свои страданія, а грѣшники свои пороки; уста умолкнутъ тогда человѣческія, и не будетъ надобности предлагать вопросы; тѣло будетъ то же, что зеркало, въ коемъ отразятся всѣ дѣянія человѣческія на видѣніе всѣмъ. Тѣла цѣломудренныхъ проявятъ чистоту, а тѣло нечистаго отразитъ безобразіе. Каждый да научится сему изъ природы: плоды древа сокрыты внутри его; но вотъ приходитъ весна, — и то, что тайно содержалось внутри дерева, исходитъ наружу, и всѣ видятъ ихъ. Такъ въ день суда и дѣла выйдутъ наружу, и слова явятся всѣмъ видимы; — дѣла какъ плоды, и слова какъ листья дерева.

Въ самомъ тѣлѣ человѣческомъ есть сокровенное, которое выходитъ наружу въ свое время: въ младенчествѣ — зубы; въ мужествѣ—брада; въ старости—сѣдина; такъ и въ послѣдній день суда: все откроется предъ очами всѣхъ, не только дѣла и слова, но всѣ помышленія, кои нынѣ сокрыты отъ знанія другихъ. Нѣтъ сокровеннаго, что бы не открылось, по слову І. Христа. Такъ какъ извѣстно, что все тайное обнажится въ пришествіе Хистово, то очистимъ себя отъ всякія скверны плоти и духа, творя святыню въ страхѣ Божіи, дабы явленныя всѣмъ дѣла наши доставили намъ честь и славу, а не стыдъ". (Изъ Пролога" 14 марта).

4. **О пользѣ памятованія страшнаго суда Господня.** Св. Іоаннъ Златоустъ учитъ: „если ты хочешь содѣлать душу свою жилищемъ, достойнымъ Бога, то воспоминай безпрерывно о томъ страшномъ днѣ, въ который, собранные у подножія престола Христова, мы должны будемъ дать отчетъ о всемъ, что сдѣлали на землѣ,—въ который грѣхи наши объявлены будутъ передъ цѣлымъ міромъ, и всѣ наши дѣйствія, даже тѣ, которыя давно забыты нами, откроются, — въ который мы увидимъ рѣку огненную и червя неусыпающаго,—въ который разогнутся книги нашихъ сердецъ, и съ высоты судилища прочтется исторія нашей жизни и объявятся всѣ наши дѣянія, какъ тайныя, такъ и явныя, какъ тѣ которыя совершены подъ покровомъ ночей, такъ и тѣ которыя сдѣланы при свѣтѣ солнца. Все, что сдѣлано нами по неразумѣнію, что даже забыто нами, все откроется предъ лицомъ неба и земли!—Тамъ не только наши дѣянія, но слова и даже помышленія составятъ предметъ суда, и тяжкія наказанія будутъ опредѣлены за грѣхи, которые мы считаемъ легкими".

„Размышляйте о семъ прилежнѣе, воспоминайте чаще, имѣйте предъ очами своими безпрерывно и оный неугасающій огонь, и того Судію, Который пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ, окруженный тысячами ангеловъ; представляйте себѣ, что вы уже слышите звукъ послѣдней трубы и осужденіе, поражающее грѣшниковъ: вотъ, одни изъ нихъ, подобно плевеламъ, собраны въ снопы и брошены въ огонь, другіе, связанные по рукамъ и ногамъ, ввержены въ тьму кромѣшнюю, иные преданы червю неусыпающему, плачу и скрежету зубовъ; кто осужденъ за жизнь разсѣянную и всецѣло преданную

міру, кто за обиды причиненныя ближнимъ, кто за соблазнъ братій, кто за преступленія, которыя никому не были извѣстны, кто за слова праздныя, кто за иныя преступленія, — только всѣ грѣшники востанутъ *въ стыдѣніе вѣчное* (Дан. XII, 2) и навсегда лишены будутъ лицезрѣнія Іисуса Христа, Который поразитъ ихъ словами: *аминь глаголю вамъ: не вѣмъ васъ* (Матѳ. XXV, 12)". (Изъ Творен. св. І. Златоуста).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Кончина міра.

Послѣ всеобщаго страшнаго суда надъ существами духовно-нравственными, немедленно въ тотъ же день и часъ послѣдуетъ кончина міра, конецъ на землѣ благодатнаго царства Христова и начало царства славы, начало новой блаженной жизни праведниковъ и вѣчной жизни — страданія грѣшниковъ. Послѣ суда послѣдуетъ конецъ міра, кончина вѣка. Эту истину засвидѣтельствовалъ Самъ Іисусъ Христосъ въ Своей притчѣ о сѣмени: *жатва кончина вѣка есть, а жнецы ангелы суть. Якоже убо собираютъ плевелы, и огнемъ сожигаютъ; тако будетъ въ скончаніи вѣка сего* (Матѳ. XIII, 39—40, 49). Не должно понимать подъ словомъ *конецъ* уничтоженіе міра; бытіе міра не кончится, міръ не уничтожится, но только измѣнится въ соотвѣтствіе тому, какъ не уничтожается человѣкъ, измѣняясь только изъ тлѣннаго въ нетлѣннаго, изъ смертнаго въ безсмертнаго. Съ измѣненіемъ человѣка послѣдуетъ измѣненіе и всего міра, измѣненіе законовъ природы, послѣдуетъ новое устроеніе міра, соотвѣтственно имѣющему настать новому порядку въ царствѣ Христовомъ. Что дѣйствительно, рано или поздно, послѣдуетъ кончина вѣка, конецъ міра объ этомъ свидѣтельствуетъ божественное откровеніе и наука.

Вотъ свидѣтельства слова Божія о дѣйствительности конца міра. Въ ветхомъ завѣтѣ пророкъ и царь Давидъ о концѣ міра такъ писалъ: *въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса; та погибнутъ, Ты же пребываеши, и вся яко риза обветшаютъ, и яко одежду свіеши я* (Пс. CI, 26. 27).

Все было въ мирѣ и согласіи, пока не нарушилъ ихъ самъ человѣкъ — царь природы. Съ паденіемъ человѣка разстроился союзъ всего созданія, и изъ мирнаго согласія послѣдовало враждебное возстаніе, посѣянное въ твореніи Божіемъ врагомъ мира и любви. Новому духовному человѣку должна соотвѣтствовать и природа. Весь видимый, вещественный міръ, во злѣ лежащій, долженъ очиститься отъ гибельныхъ слѣдствій человѣческаго грѣха и обновиться въ соотвѣтствіе обновленному человѣку: *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Римл. VIII, 21 ст.). Обновленіе міра совершится въ послѣдній день, такъ что на новомъ небѣ и на новой землѣ не останется уже ничего грѣховнаго, а будетъ жить одна правда. За измѣненіемъ человѣка немедленно послѣдуетъ и измѣненіе природы, и будетъ тогда новая земля и новое небо, по свидѣтельству Самого Творца неба и земли, ихъ создавшаго и ихъ могущаго измѣнить сообразно ихъ назначенію: *небо и земля прейдутъ,* и въ другомъ мѣстѣ: доколѣ стоитъ міръ, или скорѣе прейдетъ небо и земля, скорѣе міру настанетъ конецъ (Матѳ. V, 18). Изъ всѣхъ словъ Господа Іисуса Христа видно, что небо и земля нынѣшнія только прейдутъ, но не уничтожатся, а, по словамъ Давида, какъ старая одежда измѣнятся въ новую (пс. CI, 26—27), что подтверждаетъ и апостолъ Петръ, говоря: „мы ожидаемъ, по обѣщанію Господа, новаго неба и новой земли, гдѣ будетъ царствовать только одна правда" (2 Петр. III, 13). И Іоаннъ Богословъ дѣйствительно видѣлъ въ откровеніи небо новое и землю новую; *первое бо небо и земля первая преидоша* (Апок. XXI, 1).

Отъ какихъ же причинъ послѣдуетъ конецъ настоящаго состоянія міра и вмѣстѣ съ этимъ рода человѣческаго? Этого вопроса касаются и слово Божіе и наука, показанія которыхъ, въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ неудобосогласимыя, могутъ быть по данному вопросу удачно примирены между собою. Священное писаніе весьма кратко говоритъ о занимающемъ насъ предметѣ: изъ наиболѣе ясныхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится объ образѣ кончины міра и разрушенія настоящаго мірового порядка, мы укажемъ два—Матѳ. XXIV, 29 и 2 Петр. III, 7—12.

„Солнце померкнетъ — говоритъ Христосъ Своимъ ученикамъ о послѣднихъ дняхъ міра, — и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба (т.-е. потеряютъ свой блескъ, а не обрушатся на землю, потому что далѣе (ст. 30) родъ человѣческій представляется еще существующимъ на землѣ и послѣ этого), и силы небесныя поколеблются" (Матѳ. XXIV, 29). Если Господь не сказалъ, что произведетъ окончательное разрушеніе и неба, и земли, то у апостола Петра объ этомъ говорится довольно ясно: „нынѣшнія небеса и земля, — говоритъ апо-

столъ, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивыхъ человѣковъ... Тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ“ (2 Петр. III, 7—10). Изображенное въ первомъ мѣстѣ прекращеніе жизни солнца должно естественно повести за собою и прекращеніе существованія человѣческаго рода, что будетъ составлять первую половину ужаснаго событія—кончины міра; слова же апостола Петра относятся къ разрушенію земли и вообще теперешняго мірового порядка, что послѣдуетъ за страшнымъ судомъ и совершится дѣйствіемъ огненнаго элемента.

Вотъ то немногое, что сообщаетъ намъ Библія объ образѣ кончины міра. Что касается естествознанія, то оно предоставляетъ намъ очень большой выборъ способовъ погибели, изъ разсмотрѣнія которыхъ мы, однако, приходимъ къ тому заключенію, что наиболѣе вѣроятными въ наукѣ признаются тѣ мнѣнія, которыя въ нашемъ вопросѣ сходятся съ словами св. писанія.

Знаменитый Бюффонъ утверждалъ, что земля первоначально находилась въ разгоряченномъ состояніи и только по истеченіи 74,832 лѣтъ съ момента ея появленія она охладилась до настоящей своей температуры, при которой на ней стало возможно жить человѣку. Охлажденіе земли, по мнѣнію Бюффона, не окончилось: наша планета продолжаетъ охлаждаться все болѣе и болѣе и чрезъ 93,291 годъ она охладится до того, что всякая жизнь на ея поверхности должна будетъ угаснуть. Бюффонъ основывалъ эту гипотезу на томъ, что температура земного шара по мѣрѣ углубленія въ его нѣдра постепенно возвышается; именно, углубившись на 30 метровъ внутрь земли, мы нашли бы, что тамъ температура выше на 1% по Цельсію температуры земной поверхности. Это значитъ, по словамъ Бюффона, что охлажденіе земли началось сверху и идетъ постепенно къ центру, по охлажденіи котораго земля обледенѣетъ и не будетъ уже въ состояніи питать людей.

Но основанія гипотезы этой нетверды. По извѣстному физическому закону, всѣ тѣла отъ тепла расширяются, а отъ холода сжимаются. Прилагая этотъ законъ къ земному шару, мы, проводя послѣдовательно мысль Бюффона, должны допустить, что и радіусъ земного шара и весь объемъ его вслѣдствіе охлажденія уменьшаются. Но извѣстно, что съ уменьшеніемъ объема тѣла увеличивается скорость его вращенія (это можно видѣть, напр., когда вертятъ громадный глобусъ и глобусъ не болѣе яблока), а потому вопросъ объ охлажденіи земли превращается въ вопросъ астрономическій, который можно для большей опредѣленности выразить такимъ образомъ: за двѣсти лѣтъ до Рождества Христова (къ этому времени можно относить начало точныхъ астрономическихъ вычисленій), за двѣсти лѣтъ до Рождества Христова обращалась ли земля съ тою же скоростью, съ какою обращается она въ наше время? Луна, — говоритъ Араго[1]), во всѣ времена проходила въ звѣздныя сутки одну и ту же дугу; слѣдовательно, надобно заключить, что и эти сутки въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ ни мало не измѣнились, а какъ звѣздныя сутки измѣряютъ скорость обращенія земли, то эта скорость имѣетъ величину постоянную, и потому объемъ земли также не измѣнился; если же объемъ земли не перемѣнился, то не перемѣнилась и температура всей ея массы. Итакъ, значитъ, земля не охлаждается... Далѣе, если бы внутренняя теплота земли имѣла вліяніе на температуру ея поверхности, то съ предполагаемымъ охлажденіемъ земли и климатъ долженъ бы дѣлаться холоднѣе. Между тѣмъ перемѣны климата не замѣчается. Араго, на основаніи того, что въ долинахъ Палестины, которыя наименѣе потерпѣли перемѣнъ отъ рукъ человѣка, финики и виноградъ росли и зрѣли какъ при Моисеѣ, такъ и тысячи лѣтъ спустя, — на основаніи этого заключаетъ, что въ промежутокъ этихъ двухъ эпохъ климатъ Палестины не измѣнился[2]).

Далѣе, астрономы говорятъ, что родъ человѣческій можетъ исчезнуть съ лица земли вслѣдствіе столкновенія послѣдней съ кометой. Даже прохожденіе земли чрезъ кометный хвостъ многими астрономами признавалось достаточнымъ для того, чтобы жизнь на землѣ угасла совершенно. Если бы хвостъ какой-нибудь кометы,— говоритъ Грегори[3]), или какая-нибудь часть матеріи, которая образуетъ этотъ хвостъ, разлитой въ небесахъ, упала бы сюда (въ нашу сферу, приблизилась къ нашей землѣ), то испаренія ея причинили бы измѣненія очень чувствительныя для животныхъ и растеній, ибо очень вѣроятно, что пары, принесенные изъ странъ отдаленныхъ и столь чуждыхъ и произведенные величайшимъ жаромъ, были бы пагубны для всего того, что находится на землѣ и причинили бы самыя ужасныя бѣдствія.

Но, какъ показываютъ новѣйшія наблюденія, мы не должны особенно бояться столкновенія съ кометой или приближенія ея къ землѣ. Теперь доказано, что самая сильная комета, низвергнувшись на нашу землю, доставила бы послѣдней не болѣе вреда, чѣмъ

[1]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, изд. Фроловымъ т. 3-й, стр. 182.
[2]) Ibidem, стр. 188—190.
[3]) Цитир. у Камилла Фламмаріона.

сколько причиняетъ муха, ударившаяся на несущійся локомотивъ. Дѣло въ томъ, что даже центръ кометъ имѣетъ незначительную плотность, и поэтому-то онѣ не могутъ вредить слишкомъ плотнымъ массамъ. 29 іюня 1861 года, земля оставалась въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ хвостѣ кометы, которая въ этомъ случаѣ показала, что кометы вещи безобидныя. Значитъ, хвостъ кометъ не содержитъ въ себѣ столь пагубныхъ газовъ, которые бы могли задушить все живое на земномъ шарѣ.

Далѣе, геологія съ своей стороны даетъ указаніе на то, какимъ образомъ можетъ прекратиться на землѣ существованіе человѣческаго рода. Именно, нѣкоторые геологи говорятъ, что центральный огонь нашей планеты можетъ совершенно разрушить ее, и Фламмаріонъ находитъ въ этой гипотезѣ долю вѣроятія[1]). Можно почти навѣрное предположить, — говоритъ онъ, что поверхность шара, на которой мы строимъ свои города и жилища, имѣетъ не болѣе десяти лье въ толщину, и что, за этимъ тонкимъ слоемъ, всѣ минералы находятся въ расплавленномъ состояніи. Съ другой стороны доказано, что эта поверхность постоянно колеблется, и что не проходитъ 30 часовъ безъ того, чтобы не было болѣе или менѣе сильнаго землетрясенія, мы, слѣдовательно, живемъ на такомъ плоту, который съ минуты на минуту можетъ пойти ко дну. Минутнаго колебанія почвы достаточно для уничтоженія цѣлыхъ городовъ, чему уже не разъ бывали примѣры. Если заткнуть вулканы, эти предохранительные клапаны земного шара, то развѣ шаръ не можетъ лопнуть и подбросить въ пространство обломки своей исковерканной поверхности?.. Но эта гипотеза не довольно основательна и доказательства въ ея пользу, приводимыя Фламмаріономъ, недостаточно вѣски. Внутренній жаръ земли можетъ выйти чрезъ старые вулканы или образовать новые; для этого нѣтъ надобности взлетать на воздухъ всей землѣ... При томъ, расширительная сила воспламененной массы, по наблюденіямъ геологовъ, все уменьшается и уменьшается, такъ что ей трудно будетъ поднять такую громадную массу, какую представляетъ собою земная кора.

Болѣе вѣроятности представляетъ гипотеза о погибели земли отъ огня внѣшняго. Кромѣ указанной уже выше возможности столкновенія или сближенія земли съ кометою, мы можемъ опасаться того, что наша планета при своемъ движеніи по міровому пространству попадетъ въ страну очень жаркую, или же того, что наша планета приблизится къ солнцу и даже совсѣмъ упадетъ на него.

Въ пользу первой гипотезы говоритъ то обстоятельство, замѣченное астрономами, что звѣздныя системы не кружатся постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, а стремятся непрестанно вдаль. Точно также и наша солнечная система переходитъ изъ одной части неба въ другую и во время этого путешествія наша земля можетъ попасть въ такую жаркую область, что родъ человѣческій не вынесетъ ея и погибнетъ. И вторая гипотеза также имѣетъ основанія. Кометы, — говоритъ Гильеменъ, такъ же, какъ и планеты, притягиваются солнцемъ. Если онѣ не падаютъ прямо на солнце, то это вслѣдствіе того, что онѣ подвержены силѣ верженія, которая, будучи соединена съ силою тяготѣнія, производитъ эллиптическое движеніе вокругъ центра притяженія. Сопротивленіе эфира, который наполняетъ между-планетныя пространства, уменьшаетъ эту силу верженія, дѣйствующую въ направленіи касательной къ орбитѣ кометы. Тогда сила тяготѣнія начинаетъ дѣйствовать съ большей интенсивностью и приближаетъ въ извѣстной степени комету къ солнцу... Такимъ образомъ сопротивленіе среды должно имѣть результатомъ то, что комета въ болѣе или менѣе отдаленную отъ насъ эпоху погрузится въ воспламененную атмосферу солнца[1]). Такъ комета, извѣстная подъ именемъ кометы Энке, замедляется въ своемъ теченіи впередъ сопротивленіемъ эфира; въ 33 года она теряетъ $1/_{100}$ долю своей скорости и со временемъ должна упасть на солнце. Не можетъ ли это сопротивленіе эфира и планеты приближать къ ихъ центральному тѣлу, сдѣлать болѣе короткими ихъ обращенія и, наконецъ, низвергнуть ихъ на солнце? Впрочемъ, это случится не ранѣе, чѣмъ пройдетъ нѣсколько милліоновъ вѣковъ, потому что планеты несравненно плотнѣе кометъ, и сопротивленіе эфира несравненно менѣе для нихъ чувствительно. Далѣе, однородность матеріи, изъ которой состоятъ всѣ планеты, а также одинаковость тѣхъ законовъ, которыми эти планеты управляются, даютъ основаніе думать, что всѣ эти планеты суть не что иное, какъ куски одного первоначальнаго тѣла. Но, по общему закону природы, въ концѣ-концовъ все возвращается туда, откуда произошло: аэролиты, составленные изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и наша земля, падаютъ на землю и возвѣщаютъ ей, что и она нѣкогда будетъ аэролитомъ солнца, возвратится туда, откуда она вышла. Далѣе, опытами Араго и

[1]) Исторія неба, стр. 519.

[1]) Міры. Популярная астрономія, перев. Пальховскаго. 1866, стр. 313.

Бабинэ доказано, что земля постепенно сгущается. Но замѣчено также, что отношеніе между плотностью планетъ и ихъ разстояніемъ отъ солнца таково, какова быстрота ихъ бѣга и вращенія. Такъ Меркурій, самая плотная по отношенію къ своему объему и въ то же время болѣе близкая къ солнцу планета, имѣетъ самое быстрое двоякое вращеніе. Отсюда можно заключать, что и земля, по мѣрѣ своего сжиманія, будетъ все ближе и ближе подходить къ солнцу, вслѣдствіе чего жизнь на ней угаснетъ, и сама она, наконецъ, упадетъ на то тѣло, которое ее прежде оживляло...

Есть еще много гипотезъ о кончинѣ жизни человѣческой на земномъ шарѣ.

Но самою вѣроятною гипотезою о прекращеніи человѣческой жизни на землѣ есть гипотеза, по коей эта жизнь погибнетъ вслѣдствіи истощенія животворной силы солнца. Солнце есть сердце міра, совершенно вѣрно сказалъ одинъ древній астрономъ; а съ прекращеніемъ дѣятельности сердца прекращается и жизнь во всемъ организмѣ. Но можетъ ли этотъ источникъ тепла и свѣта погаснуть?

Что касается до основаній, представляемыхъ въ пользу этой гипотезы наукою, то они довольно тверды. Въ небесной сферѣ, кромѣ свѣтлыхъ звѣздъ, находятъ и такія, которыя, такъ сказать, истощились, угасли и совершенно потемнѣли. Есть звѣзды, у которыхъ мѣняются или блескъ, или цвѣтъ. Астрономъ Леверрье, сравнивъ карты звѣзднаго неба, нарисованныя въ началѣ и въ срединѣ текущаго столѣтія, нашелъ, что на новыхъ картахъ нѣтъ многихъ звѣздъ, которыя были обозначены на старыхъ, и заключилъ, что эти звѣзды исчезли у насъ изъ виду. Значитъ, свѣтъ звѣздъ иногда погасаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ должна погасать жизнь на зависящихъ отъ нихъ планетахъ. Не можетъ ли такимъ образомъ угаснуть и наше солнце, которое есть также небесная звѣзда? Далѣе, случалось иногда, что солнце помрачалось въ такое время, когда не было ни облаковъ, ни затмѣнія (такъ было, напр., по Кеплеру, въ 1547 г.). Не можетъ ли это служить предзнаменованіемъ совершеннаго помраченія солнца? Затѣмъ не менѣе грозными предзнаменованіями являются солнечныя пятна. По мнѣнію однихъ астрономовъ, [1]) эти пятна, число коихъ изъ вѣка въ вѣкъ увеличивается, служатъ знакомъ того, что солнце охлаждается; другіе, на томъ основаніи, что тѣла болѣе горячія даютъ менѣе свѣта, говорятъ, что образованіе пятенъ на солнцѣ сопровождается удвоеніемъ его жара, и что солнце, слѣдовательно, можетъ со временемъ испечь все живое на землѣ. Послѣднее объясненіе хотя и говоритъ противъ охлаждаемости солнца, однако сообщаетъ не менѣе печальное пророчество...

Далѣе, по механической теоріи теплоты англійскаго физика Томсона и нѣмца Гельмгольца, солнце должно дѣлиться своею теплотою со всѣми небесными тѣлами, ея неимущими, напр., съ луною. Если міровое цѣлое, говоритъ эта теорія, будетъ предоставлено спокойному теченію своихъ физическихъ процессовъ, то въ концѣ-концовъ весь запасъ силъ перейдетъ въ теплоту, т.-е. всѣ тѣла, чрезъ взаимное лучеиспусканіе, получатъ одинаковую температуру; когда же всякая возможность къ дальнѣйшему измѣненію будетъ исчерпана, міровое цѣлое предастся вѣчному покою. Какого рода будетъ этотъ покой—объ этомъ одинъ физикъ сказалъ слѣдующее: „послѣднее положеніе теоріи теплоты таково: вся жизнь въ мірѣ идетъ навстрѣчу своей смерти“ [1]), и Фламмаріонъ въ добавленіе къ этому говоритъ: вслѣдствіе уменьшенія солнечной теплоты, дальше раздвинутся области ледяныхъ поясовъ; моря и земли этихъ частей земного шара не будутъ въ состояніи поддерживать жизнь, и жизнь незамѣтно сосредоточится около экваторіальныхъ странъ... Собравшись около экватора, послѣднія дѣти земли вступятъ въ послѣдній бой со смертью, и именно тогда, когда начнетъ приближаться вѣчный мракъ; человѣческій геній, укрѣпленный учеными пріобрѣтеніями прошедшихъ вѣковъ, засіяетъ самымъ яркимъ свѣтомъ; это будетъ какъ бы пѣснь лебедя, какъ бы послѣднее божественное дыханіе на развалинахъ міра. Кто возможетъ изобразить чудеса этой колоссальной борьбы, когда земное человѣчество, стоя обѣими ногами въ могилѣ, подобно могущественному преступнику, будетъ употреблять всѣ усилія, чтобы откинуть роковую крышку, которая готова его прихлопнуть? Наконецъ, земля безсильная, изсохшая, безплодная будетъ изъ себя представлять только громадное кладбище [2]). Такимъ образомъ, наиболѣе вѣроятными въ наукѣ являются тѣ гипотезы, которыя обѣщаютъ людямъ и всему міровому порядку такой же конецъ, о какомъ говоритъ и Библія. Исчезновеніе съ лица земли рода человѣческаго по угасаніи солнца, и великій міровой пожаръ, который произойдетъ отъ столкновенія нашей планетной системы съ другою или отъ иной причины,—вотъ то будущее, которое предстоитъ всему міру, по словамъ Библіи и науки. [3]).

---

[1]) Фламмаріонъ. Исторія неба стр. 523.

[1]) Zech въ A. Aleg. Zeitung. 1869 № 57.

[2]) Исторія неба, стр. 523.

[3]) См. Чтен. въ общ. любителей дух. просв. 1881 г. Часть 2-я.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О спасеніи души.

1. **Мысли о спасеніи души.** Какъ зло дѣлать, такъ и добра не дѣлать — грѣхъ есть (*Св. Тихонъ задонскій*).

Не дѣлать добра потому только, что отъ того можетъ произойти нѣчто неблагопріятное, значитъ отказываться всегда дѣлать добро (*Иннокен., архіеп. херсонск.*).

Сколько трудовъ переноситъ человѣкъ для выполненія грѣшныхъ желаній своихъ! Какимъ тревогамъ, какимъ мукамъ подвергаются искатели честей и славы! Какимъ изнурительнымъ трудамъ подвергаетъ себя, кто хочетъ богатѣть болѣе и болѣе! Ахъ, если бы для благоугожденія Господу подверглись такимъ же трудамъ, какимъ подвергаютъ себя въ угоду страстямъ, то какой высоты совершенства духовнаго достигли бы! (*Филар., архіеп. черниг.*).

Хочешь ли безъ труда творить добродѣтель? Разсуждай о трудѣ, что онъ временный, а о наградѣ, что она вѣчная (*Св. Нилъ синайскій*).

Нужно всегда начинать съ малаго, чтобы быть способнымъ дѣлать великое (*Прот. А. Иванцовъ-Платоновъ*).

Чѣмъ болѣе кто приближается къ Богу, тѣмъ болѣе видитъ себя грѣшнымъ (*Авва Дороѳей*).

Пока человѣкъ не предстанетъ на судъ Божій, не услышитъ рѣшительнаго о себѣ опредѣленія и не увидитъ присужденнаго ему мѣста, до тѣхъ поръ онъ не можетъ знать, угоденъ ли онъ Богу или нѣтъ (*Авва Исаія*).

Пока ты находишься въ тѣлѣ, не будь безпеченъ, и никогда самому себѣ не вѣрь, хотя бы чувствовалъ иногда свободу отъ страстей. Ибо враги съ лукавымъ намѣреніемъ на время прекращаютъ нападенія свои, чтобы мы ослабили ревность свою, тогда они бросаются на насъ, неразумныхъ, схватываютъ бѣдную душу, какъ малую птицу, и ввергаютъ ее въ грѣхи болѣе тяжкіе, чѣмъ тѣ, объ избавленіи отъ которыхъ она прежде молилась (*Авва Исаія*).

Забвеніе добрыхъ своихъ дѣлъ есть самое безопасное ихъ хранилище (*Златоустъ*).

Добрыя дѣла цѣнятся по намѣренію (*Св. Амвр. медіоланск.*).

Дѣлай то, что достойно награды, но не ищи ея.

Глава и сущность (можно сказать, душа) всѣхъ добродѣтелей есть любовь, безъ которой ни постъ, ни бдѣніе, ни труды ничего не значатъ. Діаволъ всему можетъ подражать въ человѣкѣ: назовемъ ли постъ? и онъ ничего не ѣстъ; бдѣніе? но и онъ никогда не спитъ и всегда, *рыкая, ходитъ* (1 Петр. V, 8). Только одна любовь и смиреніе не подражаемы для него (*Блаж. Августинъ*). (Изъ кн. „Доброе слово“, прот. *Гр. Дьяченко*, т. 3, изд. 1-е).

2. **Притча о спасеніи.** *Что нужно дѣлать, чтобы спастися?* „Твори благо, бѣгай злаго, спасенъ будеши“,— сказалъ святитель воронежскій Митрофанъ. Иначе: „люби добродѣтель, бѣгай порока“. Пространнѣе: „знайте и серцемъ содержите все, чему учитъ св. церковь, и, пріемля благодатныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія церкви, идите неуклонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей — учителей церкви, уклоняясь отъ всего противнаго сему, и несомнѣнно спасетесь — достигнете царства небеснаго“. Это всякому извѣстно. Слѣдующее сказаніе еще болѣе пояснитъ дѣло. „Одинъ глубокій старецъ, жившій въ уединенной пустынѣ, впалъ въ уныніе, и тьма помышленій начала сокрушать душу его, внушая ему недоумѣнія, правильно ли идетъ онъ, и есть ли надежда, что труды его увѣнчаются, наконецъ, успѣхомъ? Старецъ сидѣлъ, поникши головою. Сердце ныло, но очи не давали слезъ. Сухая скорбь томила его. Между тѣмъ, какъ онъ такъ убивался горемъ, предсталъ ему ангелъ и сказалъ: „что смущаешься, и зачѣмъ помышленія входятъ въ сердце твое? Не ты первый и не ты послѣдній идешь путемъ симъ. Многіе уже прошли имъ, многіе идутъ, и многіе пройдутъ въ свѣтлыя обители райскія. Ступай за мною, я покажу тебѣ разные пути, какими ходятъ сыны человѣческіе, равно какъ и то, куда приводятъ сіи пути. Смотри и вразумляйся“. Повинуясь мановенію ангела, старецъ всталъ и пошелъ, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ сталъ внѣ себя и погрузился въ созерцаніе дивнаго видѣнія, которое открылось умнымъ очамъ его. Онъ видѣлъ, по лѣвую отъ себя сторону, густой мракъ, какъ стѣну непроницаемую, внутри котораго слышалъ шумъ, тревогу и смятеніе. Всматриваясь внимательно въ мракъ, увидѣлъ онъ широкую рѣку, по которой волны ходили взадъ и впередъ, вправо и влѣво, и кто-то всякій разъ, какъ мелькала предъ очами его волна, какъ бы на ухо внятно произносилъ старцу: это — волна невѣрія, безпечности, холодности; это—немило-

сердія, разврата, взяточничества: это—нѣги, забавы, зависти, раздора, а это — пьянства, нечистоты, лѣности, невѣрности супруговъ и проч. И всякая волна поворачивала на себя предъ нимъ несмѣтное множество людей, поднимала ихъ изъ рѣки и снова погружала въ глубь ея. Въ ужасѣ старецъ воскликнулъ: Господи! ужели всѣ сіи погибнутъ, и нѣтъ имъ надежды спасенія? Ангелъ сказалъ ему: смотри далѣе и узришь милость и правду Божію.

Старецъ взглянулъ еще на рѣку, и увидѣлъ ее по всей широтѣ и по всей долготѣ своей покрытою малыми ладьями, въ которыхъ сидѣли свѣтлые юноши, со всякаго рода орудіями во спасеніе утопающихъ. Они всѣхъ призывали къ себѣ, и инымъ подавали руки, другимъ спускали жерди и доски, тѣмъ бросали верви, а иногда погружали въ глубь багры и крюки — не ухватится ли и тамъ кто? И что же? Рѣдкій — рѣдкій откликался на призывный голосъ ихъ, и еще менѣе было такихъ, которые пользовались, какъ слѣдуетъ, подаваемыми ими орудіями спасенія. Наибольшая же часть съ презорствомъ отвергали ихъ и съ какимъ-то дикимъ услажденіемъ погружались въ рѣкѣ сей, издававшей чадъ, смрадъ и гарь. Старецъ простеръ взоръ свой вдоль рѣки и въ концѣ ея увидѣлъ бездну, въ которую низвергалась она. Юноши въ большомъ количествѣ стремительно плавали въ ладьяхъ туда и сюда, у самаго края бездны, заботливо подавая помощь всякому; но, несмотря на то, каждую минуту, на каждой точкѣ рѣки, цѣлыя тысячи людей, вмѣстѣ съ рѣкою, низвергались въ бездну,— оттуда были слышны одни стоны отчаянія и скрежетанія зубовъ. Старецъ закрылъ лицо свое и зарыдалъ. И былъ къ нему голосъ съ неба: „горько, но кто виноватъ? Скажи, что бы еще могъ Я сдѣлать для спасенія ихъ, чего бы не сдѣлалъ? Но они съ ожесточеніемъ отвергаютъ всякую подаваемую имъ помощь. Они отвергнутъ и Меня, если Я низойду на помощь къ нимъ въ самыя безотрадныя мѣста ихъ страданій“.

Успокоившись нѣсколько, старецъ обратилъ очи свои на правую сторону, къ свѣтлому востоку, и утѣшенъ былъ отраднымъ видѣніемъ. Тѣ, кои, внимая зову свѣтлыхъ юношей, подавали имъ руку или хватались за какое-либо спасительное орудіе, были извлекаемы ими на правый берегъ. Здѣсь принимали ихъ другія лица, вводили въ небольшія стройныя зданія, разсѣянныя въ большомъ количествѣ по всему протяженію берега, гдѣ обмывали ихъ чистою водою, облекали въ чистыя одежды, опоясывали, обували, давали посохъ и, подкрѣпивъ пищею, отсылали въ путь далѣе къ востоку, заповѣдавъ имъ не озираться вспять, итти безъ остановки, внимательно смотрѣть подъ ноги и не пропускать ни одного подобнаго зданія безъ того, чтобы не зайти въ него и не подкрѣпить себя въ немъ пищею и совѣтомъ отъ тѣхъ, чьему попеченію ввѣрены сіи зданія, равно какъ и всѣ заходящіе въ нихъ. Старецъ провелъ глазами по берегу и увидѣлъ, что на всемъ протяженіи его готовятся въ путь эти избавленные. На лицѣ всѣхъ отпечатлѣвались радость и воодушевленіе. Видно было, что всѣ они чувствовали особенную легкость и силу, и съ нѣкоторою неудержимостію устремлялись въ путь, первыя стадіи котораго усѣяны были пріятными цвѣтами.

Старецъ обратилъ потомъ взоръ свой далѣе къ востоку, и вотъ что ему открылось. Пріятный лугъ оканчивался невдали отъ берега, далѣе начинались горы, лежавшія хребтами въ разныхъ направленіяхъ. Онѣ шли — то голыя и утесистыя, то покрытыя кустарниками и лѣсами, поднимаясь все выше и выше и пересѣкаясь пропастями. Повсюду по нимъ видны были путники — труженики. Иной карабкался на крутизну, другой сидѣлъ въ утомленіи или стоялъ въ раздумьѣ, тотъ боролся со звѣремъ или зміею, одинъ шелъ прямо къ востоку, а другой по косвенному направленію, а иной перерѣзывалъ поперечно пути другимъ, только всѣ были въ трудѣ и потѣ, въ борьбѣ и напряженіи силъ — и душевныхъ и тѣлесныхъ. Рѣдкій путникъ всегда видѣлъ дорогу, часто она совсѣмъ пропадала или раздроблялась на распутія; въ иномъ мѣстѣ скрывали ее туманъ и мракъ; въ иномъ пересѣкала пропасть или крутой утесъ; тамъ преграждали ее звѣри изъ дубравы или ядовитые гады изъ ущелій. Но вотъ что дивно! Повсюду по горамъ разсѣяны были красивыя зданія, подобныя тѣмъ, въ которыя принимаемы были въ первый разъ спасенные отъ воды. Коль скоро путникъ заходилъ въ нихъ, какъ ему заповѣдано вначалѣ,—то, какъ бы онъ ни былъ изможденъ до того времени, выходилъ оттуда бодрымъ и полнымъ силъ. Тогда звѣри и гады не могли выносить взора его и бѣжали отъ него, — никакія препоны надолго не останавливали его, и онъ легко и скоро отыскивалъ скрывавшійся какимъ-либо образомъ путь, по тѣмъ указаніямъ, какія получалъ въ тѣхъ зданіяхъ. Всякій разъ, какъ преодолѣвалъ кто препятствіе или одолѣвалъ врага, — становился крѣпче, выше и статнѣе. Чѣмъ кто выше восходилъ, тѣмъ болѣе хорошѣлъ и свѣтлѣлъ. Къ вершинѣ горы мѣстность опять становилась гладкою, цвѣтистою, но ступившіе на нее скоро входили въ свѣтлый облакъ, или туманъ, изъ котораго болѣе уже не показывались. Старецъ приподнялъ очи выше сего облака, и изъ-за

него или изъ-за горы увидѣлъ чудный, неописанной красоты свѣтъ, изъ котораго доносились къ нему сладостные звуки: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ! Старецъ въ умиленіи палъ ницъ, и надъ нимъ звучно пронеслось слово Господне: *тако тецыте, да постигните* (1 Кор. IX, 24).

Поднявшись снова на ноги, старецъ увидѣлъ, что съ разныхъ высотъ горы не малое число путниковъ, въ разныхъ мѣстахъ, стремительно снова бѣжали къ рѣкѣ, то молча, то съ крикомъ и хульными, бранными словами. Къ каждому изъ нихъ, и сверху и снизу, обращаемо было воззваніе: „остановись! остановись!“ Но, гонимые какими-то малорослыми муринами, они не внимали остереженію и снова погружались въ смердящую рѣку. Тогда старецъ воззвалъ: „Господи, что сіе?“ и услышалъ въ отвѣтъ: „плодъ самочинія и непокорливости богоучрежденному порядку!“ Тѣмъ видѣніе кончилось. Ангелъ, показывавшій его старцу, спросилъ его наконецъ: „утѣшенъ ли?“ И старецъ поклонился ему до земли.

Видѣніе старца, взятое изъ одного древняго „Отечника“, понятно само собою. Рѣка есть міръ, погруженные въ ней — люди, живущіе по духу міра, въ страстяхъ, порокахъ и грѣхахъ; свѣтлые юноши въ ладьяхъ суть ангелы и вообще призывающая къ спасенію благодать; бездна, въ которую низвергалась рѣка съ людьми, есть пагуба; красивое на правомъ берегу зданіе — церковь, гдѣ, *чрезъ таинство покаянія или крещенія, обратившіеся грѣшники омываются отъ грѣховъ, облекаются въ одежду оправданія, препоясуются силою свыше, и поставляются на путь ко спасенію*; восходъ на гору съ разными затрудненіями — разные труды въ очищеніи сердца отъ страстей; звѣри и гады — враги спасенія; гладкая къ вершинѣ мѣстность — умиротвореніе сердца; свѣтлое облако, скрывающее путниковъ — покойная смерть; свѣтъ изъ-за горы — рай блаженный; зданія, разсѣянныя по горѣ — храмы Божіи. Кто заходитъ въ сіи зданія на пути, то-есть — принимаетъ таинства и участвуетъ въ священнодѣйствіяхъ и молитвословіяхъ церкви, пользуется свѣтомъ и руководствомъ пастырей, — тотъ легко преодолѣваетъ всѣ препятствія и скоро приходитъ къ совершенству, а кто самочинно отвергаетъ ихъ, не подчиняясь указаніямъ и совѣтамъ пастырей, тотъ скоро падаетъ, и духъ міра снова увлекаетъ его. (Изъ сочин. Ѳеофана — затворника, епископа тамбовскаго).

3. Краткія правила, какъ душу спасать.

1) Покайся и обратись ко Господу, познай свои грѣхи и оплачь ихъ въ сокрушеніи сердца.

2) Пребывай въ Богѣ умомъ и сердцемъ, а тѣломъ трудись въ исполненіи своихъ обязательныхъ дѣлъ.

3) Блюди сердце свое отъ худыхъ помысловъ и чувствъ — гордости, гнѣва, осужденія, пристрастія и проч.

4) Всю жизнь свою принеси въ жертву Богу, и живи уже не для себя, а для Бога, творя одно угодное Ему.

5) Смиренно предай себя въ волю Божію, и въ терпѣніи стой твердо въ порядкахъ спасительной жизни.

6) Подпорою для сего пусть будетъ у тебя всегдашняя забота о стяжаніи живой вѣры, надежды и любви.

7) Орудія такой жизни — молитва, постъ, бдѣніе, уединеніе, трудъ, частое говѣніе, чтеніе слова Божія и проч.

8) Огради себя страхомъ Божіимъ: *помни послѣдняя* — смерть, судъ, адъ, царство небесное.

9) Болѣе всего внимай себѣ: храни умъ трезвымъ и сердце не смущеннымъ.

10) Стяжи духовный огнь благодати Божіей, чтобы онъ попалилъ терніе страстей грѣховъ твоихъ и насадилъ въ сердцѣ твоемъ сѣмена добродѣтелей.

Такъ устройся, и благодатію Божіею спасешься! (См. Сочиненія Іустина, еписк. ряз. и зарайск. т. IX).

4. О пути ко спасенію. а) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ принадлежать единой святой православной церкви, быть ея вѣрнымъ сыномъ,* во всемъ покоряться ея установленіямъ, какъ то: поститься, ходить въ храмъ Божій, почитать духовныхъ пастырей, и т. д. Если кто не повинуется церкви, если кто по духу противленія или гордости отдѣлился отъ церкви, если кто раскольникъ, то, сколько бы онъ ни клалъ поклоновъ, сколько бы ни постился, сколько бы ни молился, ему не спастись. Господь сравнилъ неповинующагося церкви съ идолопоклонникомъ: *аще кто церковь преслушаетъ*, сказалъ Онъ, *буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. XVIII, 17). Раскольникъ и еретикъ чужды смиренія, какъ чуждъ смиренія діаволъ: а потому они чужды спасенія, какъ чуждъ его діаволъ. Нѣкогда преподобному Макарію явился діаволъ и говоритъ: „Макарій! ты много постишься, а я вовсе не ѣмъ; ты мало спишь, а я вовсе не сплю; однимъ только побѣждаешь меня: твоимъ смиреніемъ“. Кто не смирился, тотъ не ученикъ Христовъ, тотъ не подчинился І. Христу. Истинное смиреніе — отъ послушанія, сказалъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, какъ и Господь явилъ Свое смиреніе тѣмъ, что Онъ *послушливъ былъ до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II, 8). Безъ послушанія

церкви нѣтъ смиренія, безъ смиренія нѣтъ спасенія: *смирихся и спасе мя,* сказалъ пророкъ (Пс. CXIV, 5).

б) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ, далѣе, хотя понемногу, но часто молиться Богу.* Въ будни молись Богу дома, если дѣла житейскія и служба не позволяютъ отправиться въ храмъ Божій, утромъ — возставъ отъ сна, на ночь — отходя ко сну, предъ обѣдомъ и предъ ужиномъ. Въ праздничные и воскресные дни должно принимать участіе въ общественныхъ церковныхъ молитвахъ. Великое счастіе для грѣшнаго человѣка, что ему дано посѣщать церковь Божію: онъ можетъ умолить Бога, чтобъ Богъ простилъ ему грѣхи и даровалъ спасеніе. Давидъ былъ славный и богатый царь, былъ вмѣстѣ и пророкъ, но одного просилъ у Господа: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый Его* (Пс. XXVI 4). Святые отцы называютъ молитву матерью всѣхъ добродѣтелей, потому что ею можно испросить у милосердаго Господа всѣ прочія добродѣтели, всѣ блага временныя и вѣчныя, какъ засвидѣтельствовалъ Самъ Господь. *Просите,* сказалъ Онъ, *и дастся вамъ; ищите и обрящете; толцыте и отверзется вамъ.*

в) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ по силѣ своей творить милостыню душевную и тѣлесную и вообще любить ближнихъ, какъ самого себя.* Душевная милостыня состоитъ въ прощеніи ближнимъ ихъ согрѣшеній, т.-е. оскорбленій и обидъ, нанесенныхъ намъ ближними, а также въ заботѣ нашей о спасеніи души ближнихъ, напр., о наученіи ихъ истинѣ и добру. Милостыня тѣлесная состоитъ въ посильномъ вспоможеніи ближнему хлѣбомъ, одеждою, деньгами и страннопріимствомъ. Господь сказалъ: *блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ* (Матѳ. V, 7), то-есть спасутся. Напротивъ того, судъ безъ милости ожидаетъ немилостивыхъ (Іак. II, 13), то-есть, немилостивымъ не спастись.

г) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ приносить Богу, Котораго онъ долженъ любить превыше всего, тщательное раскаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, какъ при ежедневныхъ молитвахъ своихъ, такъ, въ особенности, предъ отцомъ духовнымъ при таинствѣ исповѣди.* Возвѣщаетъ боговдохновенный пророкъ: *беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ; рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. XXXI, 5).— Вникните въ порядокъ словъ, изреченныхъ Святымъ Духомъ: сперва человѣкъ познаетъ грѣхи свои, что достигается благочестивымъ разсматриваніемъ самого себя, потомъ онъ отвергаетъ тѣ оправданія, которыми лукавая совѣсть обыкновенно старается извинить грѣхъ свой, наконецъ, кающійся человѣкъ дѣлается обвинителемъ самого себя и высказываетъ Господу, при свидѣтелѣ-духовникѣ, всѣ согрѣшенія свои, отнюдь не щадя своего самолюбія. Тогда онъ получаетъ отъ Бога прощеніе беззаконій своихъ. Апостолъ сказалъ: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды.* (1 посл. Іоан. I, 9). По очищеніи себя исповѣдію предъ отцомъ духовнымъ, положивъ крѣпкое намѣреніе впредь не грѣшить и во всякомъ случаѣ сильно бороться съ искушеніями къ грѣху, должно со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовію пріобщиться всесвятого тѣла Христова и всесвятой крови Христовой, что вполнѣ необходимо для спасенія. Господь сказалъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ,* т.-е. не имѣете спасенія. *Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный,* т.-е. имѣетъ спасеніе (Іоан. VI, 53—54). Должно исповѣдываться и пріобщаться по крайней мѣрѣ во всѣ четыре поста, четырежды въ годъ. Если жъ, къ сожалѣнію и несчастію, житейскія заботы и до сего не допустятъ, то непремѣнно должно пріобщиться однажды въ годъ.

д) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ великодушно переносить всѣ скорби, которыя будутъ ему попущены во время сего краткаго земного странствованія.* Случится ли неурожай, или и созрѣвшій уже хлѣбъ истребитъ саранча, побьетъ градъ, случится ли падежъ скота, пожаръ, болѣзнь своя и членовъ семейства, смерть кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ, придется ли потерпѣть гоненіе и обиды отъ сильнаго человѣка: все это должно переносить великодушно, безъ ропота, особенно же безъ хуленія. Господь заповѣдалъ намъ *въ терпѣніи нашемъ стяжавать души наши* (Лук. XXI, 19); *претерпѣвый до конца,* сказалъ Онъ, *той спасется* (Матѳ. XXIV, 13). Посылаемыя Богомъ скорби — вѣрный признакъ для человѣка, что человѣкъ тотъ избранъ Богомъ, возлюбленъ Богу. *Азъ,* засвидѣтельствовалъ Господь, *ихже аще люблю, обличаю и наказую* (Апок. III, 19). По этой причинѣ апостолъ такъ утѣшаетъ скорбящаго и страждущаго: *сыне мой, не пренемогай наказаніемъ Господнимъ. ниже ослабѣвай, отъ Него обличаемъ. Его же бо любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына*

его же пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, яко же сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ (Евр. XII, 5, 6 — 7). Таково достоинство скорбей земныхъ, когда онѣ переносятся съ благодушіемъ! онѣ—даръ Божій (Фил. I, 29), онѣ признакъ усыновленія христіанина Богу! — Чтобъ научиться терпѣливому и благодушному перенесенію скорбей, должно встрѣчать каждую приходящую скорбь словами благоразумнаго разбойника: *достойное по дѣломъ моимъ пріемлю: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ* (Лук. XXIII, 42). Такъ же полезно вспоминать и повторять слова многоболѣзненнаго Іова: *благая отъ руки Господни пріяхомъ, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10), *яко Господеви изволися, тако и бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (I, 21).

е) *Желающему спастись необходимо заниматься чтеніемъ божественныхъ книгъ. Блаженъ мужъ*, сказалъ святой пророкъ Давидъ, *иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищѣ губителей не сѣдѣ: но въ законѣ Господни вся воля его, и въ законѣ Его поучится день и нощь* (Пс. I, 1 — 2). Умъ нашъ, какъ омраченный грѣхомъ, никакъ не можетъ удовлетвориться по отношенію къ спасенію собственными помышленіями, немощными, колеблющимися, обманчивыми: ему необходимо — посредствомъ внимательнаго чтенія, или тщательнаго слышанія слова Божія заимствовать изъ него помышленія Божественныя и вразумляться ими. Святые отцы назвали чтеніе и слышаніе слова Божія царемъ всѣхъ добродѣтелей. Слово Божіе открываетъ намъ всѣ грѣховныя страсти, живущія и дѣйствующія въ поврежденномъ естествѣ нашемъ, открываетъ всѣ ухищренія ихъ, разоблачаетъ злобу, когда она, для обольщенія нашего, прикрывается личиною добродѣтели, и научаетъ насъ борьбѣ съ живущимъ въ насъ грѣхомъ.

Спасайтесь, братія, спасайтесь! Земная жизнь каждаго изъ насъ очень коротка, — не видать какъ пройдетъ Не видать, какъ подкрадется къ каждому изъ насъ смерть. (Изъ кн. прот. Гр. Дьяченко: „Полный годичный кругъ краткихъ поученій“, т. II),

5. **Изложеніе заповѣдей, соблюденіемъ которыхъ можно спасти свою душу.** Св. Ерма, мужъ апостольскій, котораго весьма хвалитъ ап. Павелъ (Рим. XVI, 14), извѣстенъ своей книгой подъ названіемъ „Пастырь“, которая въ первые вѣка читалась даже въ церквахъ наряду съ апостольскими посланіями. Думается намъ, будетъ полезно ознакомиться съ тѣми душеспасительными заповѣдями, которыя изложены въ этой книгѣ, исполняя которыя можно спасти свою душу. Думаемъ, что слово апостольскаго мужа будетъ убѣдительнѣе для васъ нашего немощнаго разглагольствія. Къ изложенію ихъ онъ приступаетъ такъ:

„Молился я, говоритъ онъ, у себя дома и сѣлъ потомъ на ложе свое. Вотъ вижу, входитъ мужъ, видомъ своимъ внушавшій уваженіе, въ одеждѣ пастушеской. На немъ накинутъ былъ бѣлый плащъ, котомка висѣла за плечами его и палка была въ рукахъ у него. Онъ привѣтствовалъ меня, привѣтствовалъ и я его. Затѣмъ онъ сѣлъ подлѣ меня и сказалъ: я посланъ къ тебѣ, чтобъ пребыть съ тобою все остальное время жизни твоей.— Когда онъ сказалъ это, мнѣ подумалось, что онъ искушаетъ меня, и я спросилъ его: кто же ты? — ибо того, кому я ввѣренъ, я хорошо знаю. Такъ ты меня не узнаешь? спросилъ онъ. Нѣтъ, отвѣчалъ я. Я и есть тотъ пастырь, которому ты ввѣренъ, сказалъ онъ. Съ этимъ словомъ онъ измѣнился въ лицѣ, и я узналъ въ немъ моего ангела-хранителя. Мнѣ стало стыдно, страхъ и скорбь начали тревожить меня, — но онъ успокоилъ меня, говоря: не бойся! Я посланъ указать тебѣ все, чѣмъ можешь ты спасти душу свою. Выслушай внимательно и запиши все для памяти, чтобъ, перечитывая то время отъ времени, ты освѣжалъ мысли свои тѣмъ и укрѣплялъ шаткую волю твою. Если отъ чистаго сердца будешь сохранять все, открываемое тебѣ, то получишь отъ Господа всѣ блага, какія обѣтовалъ Онъ вѣрнымъ Своимъ. Если же, выслушавъ мои наставленія, ты не только не исправишься, а напротивъ станешь прилагать грѣхи ко грѣхамъ, то бѣду за бѣдою пошлетъ на тебя Господь, пока не сокрушитъ или сердца твоего, или костей твоихъ.

Сказавъ это, пастырь мой, ангелъ покаянія, предложилъ мнѣ двѣнадцать заповѣдей, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Вѣруй во единаго Бога, въ Троицѣ поклоняемаго, Творца неба и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, Который изъ ничего воззвалъ къ бытію всѣ твари и даровалъ имъ столько совершенствъ, сколько каждая изъ нихъ вмѣстить можетъ.

2) Живи въ простотѣ и непорочности, не вреди ближнему даже словомъ, напротивъ, помогай всѣмъ въ нуждахъ ихъ, не разбирая, кто проситъ и кому даешь.

3) Слово гнило да не исходитъ изъ устъ твоихъ: люби истину и убѣгай лжи.

4) Какъ зѣницу ока, храни супружескую вѣрность, ибо это непреложный законъ Творца,—быть чистымъ и непорочнымъ предъ лицомъ Его или въ дѣвствѣ, или въ честно хранимомъ супружествѣ. Женился, не иди разрѣшенія, или другой жены, подожди

быть въ дѣвствѣ, не ищи жены. Тоже когда умретъ мужъ или жена, пережившая половина не грѣшитъ, когда вступаетъ во второй бракъ; но большей сподобляется чести отъ Бога, когда рѣшается хранить вдовство, въ чистотѣ и непорочности.

„При этихъ словахъ, говоритъ Ерма, я спросилъ его: что же дѣлать тому, кто согрѣшитъ?"—Каяться, отвѣчалъ мнѣ ангелъ-пастырь. „Говорю ему: я слышалъ, что кромѣ крещенія нѣтъ другого покаянія, что, погружаясь въ воды пакибытія, мы получаемъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ, и никакъ не должны уже послѣ того грѣшить". Ангелъ отвѣчалъ мнѣ: крещеніе не называется покаяніемъ. Покаяніе Богъ установилъ для тѣхъ, кои, будучи чрезъ крещеніе призваны въ число вѣрующихъ, падаютъ потомъ въ грѣхи, по кознямъ діавола. — Богъ милостивый пріемлетъ покаяніе таковыхъ, но надо знать, что частое паденіе въ грѣхъ, исправляемое даже частымъ покаяніемъ, дѣлаетъ подозрительнымъ самое покаяніе; — и можно, наконецъ, упасть такъ, что послѣ того паденія не будетъ возможности встать снова и начать жить для Бога. Сего да страшится всякій, легкомысленно смотрящій на грѣхи. Сказавъ сіе, пастырь началъ снова продолжать указаніе спасительныхъ для насъ заповѣдей Божіихъ:

5) Идя путемъ заповѣдей, не можешь миновать препятствій и трудовъ. Мужайся и да крѣпится сердце твое: терпи въ дѣланіи добрыхъ дѣлъ и перенесеніи всѣхъ на пути семъ непріятностей.

6) Помни, что при каждомъ человѣкѣ есть два ангела—добрый и злой. Одинъ влечетъ его къ дѣламъ добрымъ, а другой къ грѣхамъ и порокамъ. Внимай же себѣ, и къ первому склоняйся, а второго отрѣвай, по внутреннимъ помысламъ сердца догадываясь, какой изъ нихъ даетъ тебѣ въ ту пору уроки и хочетъ властвовать надъ тобою.

7) Единаго Бога—Творца и Промыслителя и Спасителя твоего бойся, и пустою страшливостію темныхъ силъ не унижай своей дѣтской Ему преданности и своего крѣпкаго на Него упованія.

8) Попекись явить себя ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ безъ исключенія заповѣдей Божіихъ и тщательнымъ творцомъ всѣхъ дѣлъ, какія ангелъ внушитъ сердцу твоему, или укажетъ сочетаніе обстоятельствъ жизни твоей, — и будешь сынъ въ дому Божіемъ, а не рабъ.

9) Молись, преутруждай себя въ молитвѣ, непрестанно молись, чтобъ всякій разъ, какъ нужно, свыше сходила на тебя сила — творить добро, и помощь — уклоняться отъ зла. Молитва дѣлаетъ земнороднаго небожителемъ и одѣваетъ его небесною чистотою и святостію.

10) Бѣгай ложныхъ пророковъ — гадателей и волхвовъ, (кои тогда въ большомъ являлись количествѣ. Изъ числа ихъ былъ и Симонъ волхвъ съ своими учениками), чрезъ коихъ врагъ губитъ рабовъ Божіихъ. Слабые въ вѣрѣ обращаются къ этимъ обманщикамъ, а они, отвѣчая имъ по желанію сердца ихъ, наполняютъ головы ихъ мечтательными надеждами. Тутъ же, къ каплѣ истины примѣшивая море лжи, они обольщаютъ ихъ и снова увлекаютъ къ язычеству. Кто искренно вѣруетъ и предалъ себя Богу, тотъ не пойдетъ къ нимъ. Таковый неба ищетъ; а гадаютъ обычно объ одномъ земномъ.

11) Учительницею, единственною учительницею да будетъ тебѣ церковь Бога жива— столпъ и утвержденіе истины. Въ ней свѣтъ непреложно-истиннаго вѣдѣнія. — Внѣ ея мракъ и тьма. Тамъ князь міра поставилъ учительскую каѳедру свою и ослѣпляетъ разумы внимающихъ ему и не хотящихъ слушать голоса церкви ради того, что они свѣтскіе.

Вотъ тебѣ проба: что разногласитъ съ ученіемъ церкви, то есть голосъ отца лжи! Внимай и блюди себя чистымъ отъ сего паденія. — Вотъ и еще признакъ! слово истины водворяетъ глубокій миръ, покой и сладость въ вѣрующемъ сердцѣ; слово же лживыхъ воздымаетъ мечты и сомнѣнія и, какъ соленая вода, разжигаетъ жажду знанія, запирая умъ, какъ плѣнника, въ неопредѣленной, мрачной пустынѣ.

12) Безъ ближайшихъ руководителей нельзя прожить свято на землѣ. Ты найдешь ихъ въ церкви, гдѣ Духъ Святый поставляетъ ихъ пасти стадо Христово. Умоли Господа даровать тебѣ благопотребнаго. Въ часъ нужный, и безъ спроса твоего, онъ изречетъ тебѣ утѣшительное слово. Духъ Божій научитъ его, что подобаетъ сказать тебѣ, и ты услышишь отъ него, что хочетъ отъ тебя Богъ. Берегись, однако жъ, и здѣсь духовъ лестчихъ. Смиреніе и тихость украшаютъ истиннаго руководителя. Гдѣ же помпа, т.-е. внѣшній блескъ въ словѣ и жизни, тамъ лесть. Внимай сему и спасешься.

„Вотъ всѣ двѣнадцать заповѣдей, которыя далъ мнѣ ангелъ-пастырь", заключаетъ Ерма. — „Выслушавъ ихъ, я сказалъ ему: прекрасныя правила, но есть ли человѣкъ, который могъ бы исполнить ихъ, какъ слѣдуетъ? На это ангелъ отвѣчалъ мнѣ: прими ихъ сердцемъ въ простотѣ, безъ размышленія, и не встрѣтишь въ исполненіи ихъ никакого затрудненія. Но коль скоро станешь разлагать въ умѣ своемъ, можно ли и какъ выполнить то и другое, и нельзя ли какъ-

нибудь высвободиться изъ-подъ сего ига, подкрадется врагъ, сложитъ разслабленіе въ сердце твое и сдѣлаетъ тебя неспособнымъ ни къ какому добру.—Но что много говорить!.. Знай, что, если не исполнишь чего, нѣтъ тебѣ спасенія, нѣтъ спасенія ни тебѣ, ни дѣтямъ твоимъ, ни семейству твоему. Сказавъ сіе, ангелъ измѣнился въ лицѣ своемъ и сдѣлался столь страшнымъ, что я не знаю, есть ли кто, кто бы въ состояніи былъ снести взоръ его въ сію минуту. Я испугался.—Ангелъ, видя мое смущеніе, началъ говорить кротко ко мнѣ, съ лицомъ способнымъ разлить отраду въ сердцѣ:—„какъ это думаешь и говоришь ты?—Забылъ развѣ ты всемогущество Божіе!—Возможно ли, чтобы Тотъ, Кто все покорилъ подъ ноги твои, не далъ тебѣ силъ исполнять заповѣди Его?—Знай же, что, кто имѣетъ всегда Бога въ сердцѣ своемъ, тотъ легко исполнитъ заповѣди сіи. Кто же имѣетъ Его только на концѣ языка своего, тотъ падетъ подъ тяжестію ихъ, считая ихъ невыполнимыми". Я замѣтилъ на это: кто не проситъ у Бога силъ, чтобъ исполнять св. заповѣди Его?—Но врагъ силенъ: онъ искушаетъ рабовъ Божіихъ и держитъ ихъ въ своей власти.—„Нѣтъ, отвѣчалъ на это мнѣ ангелъ, врагъ не имѣетъ никакой власти надъ рабами Божіими. Тѣхъ, кои вѣруютъ въ Бога отъ всего сердца своего, онъ можетъ искушать, но не властвовать надъ ними. Противостань ему съ мужествомъ, и онъ убѣжитъ отъ тебя". Тѣмъ кончились наставленія ангельскія, изложенныя во второй книгѣ св. Ермы подъ названіемъ: „Пастырь".

Съ своей стороны не осмѣливаемся прибавить что-либо ко всему этому!—говоритъ ученикъ апостоловъ, мужъ апостольскій. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему тутъ вялое слово наше?—Одно только скажемъ: какъ утѣшительно знать, что и въ наше время говорятъ то же, что говорили при апостолахъ, непосредственно послѣ апостоловъ, и что, слѣдовательно, въ продолженіе XIX вѣковъ въ церкви Божіей слышится неизмѣннымъ одно и то же слово истины. (См. кн. „Духовные посѣвы", прот. Гр. Дьяченко, изд. 3-е, 1899 года).

КОНЕЦЪ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Предположивъ въ началѣ работы присоединить въ концѣ этой книги приложеніе, гдѣ, при помощи живыхъ разсказовъ и общедоступныхъ по формѣ и содержанію размышленій, читатель, повинуясь одной лишь силѣ неотразимыхъ фактовъ и логическихъ выводовъ, пришелъ бы къ признанію духовнаго міра вообще, т.-е. къ признанію истинъ бытія Божія, бытія ангеловъ и демоновъ, въ ихъ отношеніяхъ къ міру и человѣку, мы, закончивъ печатаніемъ книгу: *Изъ области таинственнаго. Простая рѣчь о бытіи и свойствахъ души человѣческой*, пришли къ необходимости нѣсколько измѣнить свое первоначальное намѣреніе. Означенная книга послѣ набора оказалась такой объемистой, благодаря богатству собраннаго и обработаннаго нами матеріала касательно природы и свойствъ души человѣка, какъ богоподобной духовной сущности, что мы не сочли возможнымъ прибавлять къ ней еще разсказы и размышленія, приводящіе къ признанію духовнаго міра вообще. Это оказалось неудобнымъ и по той простой причинѣ, что въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы значительно увеличить цѣну книги, чего мы вовсе не желаемъ, имѣя въ виду сдѣлать нашу книгу доступною для всѣхъ по цѣнѣ. Мы убѣждены, что всѣ, кто интересуется природою и свойствами души человѣка, у кого не заглохъ вкусъ ко всему духовному, полному неотразимаго интереса, (а такихъ громадное большинство читателей), заинтересуется нашей книгою [1]).

Между тѣмъ, было бы весьма печально, если бы высокая цѣна книги чрезъ прибавленное къ ней приложеніе удержала многихъ отъ возможности удовлетворить своей законной любознательности, чрезъ знакомство съ тѣми фактами бытія и жизни человѣческаго духа, которые хотя отчасти вносятъ свѣтъ въ эту таинственную и крайне важную область человѣческаго знанія. Посему, считая, съ одной стороны, упомянутое приложеніе къ ней весьма важнымъ и достойнымъ появленія въ печати, а съ другой, желая удержать на настоящей книгѣ („Изъ области таинственнаго") низкую и доступную для всѣхъ цѣну, мы рѣшили издать приложеніе къ ней отдѣльной книгой подъ названіемъ „Духовный міръ". Для тѣхъ, кто чрезъ чтеніе настоящей книги заинтересовался бы вопросами психологіи, философіи и богословія и желалъ бы ознакомиться съ тѣми фактами, которые приводятъ къ признанію духовнаго міра вообще, не трудно будетъ пріобрѣсти за недорогую цѣну особую книгу: „Духовный міръ", которая въ слѣдъ за этимъ и печатается. Означенная книга, составляя совершенно законченное цѣлое, стоитъ однако въ тѣсной связи съ первою, служа ея естественнымъ продолженіемъ и добавленіемъ, какъ объ этомъ сказано въ предисловіи къ книгѣ: „Изъ области таинственнаго".

Въ заключеніе просимъ своихъ читателей и особенно критиковъ не слишкомъ строго относиться къ нашему труду. Въ немъ мы желали въ возможной полнотѣ и стройности дать по возможности критически обработанные матеріалы по экспериментальной психологіи и естественно-научной апологетикѣ въ отношеніи къ вопросу о бытіи души и духовнаго міра. Думается, что они обработаны настолько, насколько это необходимо для книги, которую можно съ интересомъ и пользою читать. Думается также и то, что тамъ, гдѣ нужно, составителемъ сдѣлано надлежащее освѣщеніе этихъ матеріаловъ съ точки зрѣнія христіанскаго міровоззрѣнія, а также и тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ нихъ для укрѣпленія нашей христіанской вѣры, нашего упованія на загробную жизнь и нашей любви къ ближнимъ [1]). Faciant meliora potentes.

Прот. Г. Дьяченко.

---

[1]) Съ цѣлью большей общедоступности ея мы прилагаемъ списокъ иностранныхъ словъ и мало понятныхъ выраженій съ объясненіями ихъ.

[1]) Считаемъ долгомъ тѣмъ изъ читателей, которые не отличаются крѣпкими нервами, дать полезный, по нашему мнѣнію, совѣтъ заниматься чтеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ настоящей книги, какъ то: о явленіяхъ телепатіи, сомнамбулизма, видѣній умирающихъ или умершихъ, и пр. не вечеромъ и передъ сномъ, но въ продолженіе дня, когда человѣкъ не такъ волнуется и хладнокровнѣе относится къ окружающему.

Списокъ иностранныхъ малопонятныхъ словъ и техническихъ выраженій, вошедшихъ въ настоящую книгу [1]).

А

Абитуріентъ — собственно: воспитанникъ, оканчивающій курсъ и оставляющій учебное заведеніе; здѣсь: выходецъ съ того свѣта, покойникъ.

Абсолютный — безусловный, совершенный; *абсолютъ*—въ метафизикѣ—безотносительное; то, что лежитъ въ основѣ міра; первая и основная истина.

Абстракція—отвлеченіе, представленіе отдѣльнымъ свойства, которое на самомъ дѣлѣ существуетъ въ природѣ только въ связи съ веществомъ; *абстрактный*—отвлеченный.

Абсурдъ—безсмыслица, нелѣпость.

Автобіографія — собственноручное описаніе своей жизни.

Автодіагнозъ—изслѣдованіе или опредѣленіе (преимущественно болѣзни), произведенное самимъ заинтересованнымъ въ этомъ лицомъ.

Автоматъ—человѣкъ, дѣйствующій, какъ заведенная машина, безъ сознанія и разсужденія.

Авторитетный — вѣскій, убѣдительный; *авторитетъ* — мнѣніе, рѣшеніе знающаго человѣка, принимаемое безъ провѣрки, на слово; убѣдительность, вліяніе.

Автосомнамбула—лицо, могущее засыпать сомнамбулическимъ сномъ по собственному произволу.

Автохѳоны — самородные люди, возникшіе, по мнѣнію эпикурейцевъ, изъ земли, подобно растеніямъ. Стр. 88.

Агапа—вечеря любви, общественный ужинъ у древнихъ христіанъ въ воспоминаніе послѣдней (тайной) вечери Іисуса Христа.

Агаряне — магометане.

Аггрегатъ—собраніе, совокупность.

Агентъ — 1) дѣйствующій, дѣйствующее начало; 2) посредникъ, исполнитель порученій въ какомъ-нибудь предпріятіи.

Агіологія — древнія сказанія о житіи святыхъ.

Агонія — предсмертныя страданія.

Адептъ — послѣдователь, приверженецъ.

Администрація— личный составъ управленія; управленіе; *административный* — правительственный.

Адьютантъ — офицеръ для разныхъ порученій и завѣдыванія канцеляріей.

Азотъ — газъ, входящій въ составъ воздуха; *закись азота*, называемая иначе веселящимъ газомъ, производитъ опьяненіе и нечувствительность къ боли, употребляется при легкихъ хирургическихъ операціяхъ.

А contrario — отъ противоположнаго.

Аксіома — очевидная истина, не требующая доказательствъ.

Актиническіе (лучи)—невидимые лучи солнечнаго спектра, обнаруживающіе себя лишь химическимъ дѣйствіемъ.

Актъ — 1) дѣйствіе, движеніе; 2) запись о какомъ-либо происшествіи; *активный* — дѣятельный.

Alias — иначе.

Аллопатія — названіе, данное основателемъ гомеопатіи, Ганеманомъ, общеупотребительной въ настоящее время системѣ лѣченія. Аллопатія состоитъ въ назначеніи противъ болѣзни такихъ лѣкарствъ, которыя въ организмѣ здороваго человѣка производятъ дѣйствія, противоположныя припадкамъ лѣчимой болѣзни.

Алоэ — тропическое растеніе; сокъ нѣкоторыхъ видовъ его находитъ примѣненіе въ медицинѣ.

Альтруизмъ — философское ученіе о томъ, что нужно жить только для ближнихъ.

Аммiакъ — газъ съ ѣдкимъ запахомъ, дающій въ соединеніи съ водою нашатырный спиртъ.

Ампутація — отнятіе хирургомъ какого-либо члена у больного, напр., руки, ноги.

Амфитеатръ — мѣста для зрителей или слушателей, расположенныя полукругомъ и постепенно возвышающимися рядами.

Аналгезія — нечувствительность къ боли.

Анализъ — разборъ, изслѣдованіе; *спектральный анализъ*—опредѣленіе состава тѣлъ особымъ приборомъ, называемымъ спектроскопомъ, по роду лучей, испускаемыхъ этими тѣлами при ихъ горѣніи или накаливаніи.

Аналогія — сходство; *аналогичный*—сходный.

Анархизмъ — безначаліе; состояніе общества, въ которомъ не признается никакая правительственная власть; вообще безпорядокъ, разладица въ общественной жизни.

Анатомія — наука о строеніи всякаго организма и въ частности человѣческаго тѣла.

Аневризмъ — расширеніе артеріи; также частичныя расширенія сердца, очень опасная и трудно-излѣчимая болѣзнь.

Ане(э)стесія—нечувствительность, потеря чувствительности; *ане(э)стезированный* — лишенный чувствительности.

Анимизмъ, анимистическій—то же, что *психизмъ, психическій;* см. объясненіе на стр. 350. Анимизмомъ назыв.: 1) философское ученіе, по которому душа управляетъ всѣми функціями тѣла; 2) въ антропологіи это понятіе означаетъ склонность первобытныхъ народовъ объяснять дѣйствія всѣхъ вещей присущей имъ душой.

Аномалія—неправильность, отклоненіе отъ общаго закона.

Анормальный — отступающій отъ правилъ; *анормальность* — не нормальность (см. ниже *нормальный, нормальность*).

Антагонизмъ—разладъ, противорѣчіе, противодѣйствіе; *антагоничный* — противоположный, враждебный.

Антиномисты—сектанты, отвергавшіе Божественный законъ, какъ ненужный и излишній.

---

[1]) *Примѣч.* Желая сдѣлать нашу книгу доступною для всѣхъ, мы пришли къ необходимости снабдить ее спискомъ иностранныхъ словъ и техническихъ выраженій съ объясненіемъ ихъ. Это мы сдѣлали въ силу того соображенія, что статьи, вошедшія въ нашу книгу, касающіяся самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни, земной и загробной, принадлежатъ къ области экспериментальной психологіи, философіи, богословія, физіологіи, медицины и другихъ спеціальныхъ наукъ, гдѣ издавна для обозначенія извѣстныхъ понятій установлены опредѣленные термины, обойтись безъ которыхъ нѣтъ никакой возможности. Единственное средство, бывшее въ нашемъ распоряженіи, заключалось въ томъ, чтобы, не избѣгая этихъ спеціальныхъ терминовъ, дать имъ возможно краткое и ясное объясненіе. *Прот. Г. Д—къ.*

Антипатичный — непріятный; *антипатія* — отвращеніе, нерасположеніе.

Антиподъ — собств. житель прямо-противоположнаго на земномъ шарѣ пункта, вообще противоположность.

Антиспиритъ — не признающій спиритизма.

Антитринитаріи—еретики, отвергающіе троичность Лицъ Божества.

Антропологія — собств. наука о человѣкѣ какъ по отношенію къ тѣлу (медицина), такъ и къ душѣ (психологія); въ болѣе узкомъ смыслѣ антропологія занимается изученіемъ человѣческихъ расъ въ связи съ культурнымъ ихъ развитіемъ и выясненіемъ мѣста человѣка въ природѣ.

Аорта — главный артеріальный стволъ, выходитъ изъ лѣваго желудочка сердца и на дальнѣйшемъ пути развѣтвляется на артеріи (см. это слово).

Апатія — вялость, равнодушіе ко всему.

Апогей — высшая степень.

Аполлинаристы—еретики IV вѣка, утверждавшіе, что І. Христосъ не получилъ тѣла отъ пресв. Дѣвы Маріи а имѣлъ лишь видъ тѣла (призрачное тѣло).

Апологія — защитительная рѣчь или сочиненіе; въ частности: сочиненіе въ защиту христіанства; *апологетъ*—защитникъ, составитель апологій, *апологетичный*—защитительный.

Апоплексія — ударъ, внезапное прекращеніе дѣятельности головного и спинного мозга отъ чрезмѣрнаго скопленія крови.

Апострофъ — риторическая фигура, въ которой ораторъ прерываетъ рѣчь, чтобы обратиться къ кому-либо съ вопросомъ.

Аппаратъ—приборъ, снарядъ.

Апперцепировать — воспринимать, получать.

A priori — основанное на одномъ умозрѣніи, независимо отъ опыта (прилагательное—*апріорный*).

Аргументація — совокупность доказательствъ въ защиту какого-либо мнѣнія; *аргументъ* — доводъ, основаніе, доказательство.

Ареопагъ—собств.: высшее судилище въ Аѳинахъ до временъ Перикла; вообще собраніе судей.

Аріане—послѣдователи еретика Арія, осужденнаго на 1-мъ вселенскомъ соборѣ, учившаго, что Сынъ Божій не равенъ Богу Отцу и не вѣченъ (сотворенъ).

Арматура — оправа.

Арсеналъ — складъ оружія.

Артеріи — кровеносныя жилы, по которымъ кровь движется отъ сердца во всѣ органы тѣла.

Археологія — наука, изучающая памятники древней человѣческой культуры (просвѣщенія); *археологъ*—занимающійся этой наукой.

Аскетъ — человѣкъ строгой жизни, изнуряющій плоть свою воздержаніемъ и самоистязаніемъ съ цѣлью дать перевѣсъ духу надъ плотію, достигнуть высшаго нравственнаго совершенства.

Аспидъ—ядовитѣйшая змѣя.

Ассимиляція — превращеніе въ свое собственное вещество матеріаловъ, взятыхъ изъ внѣшняго міра; уподобленіе.

Ассиріологъ—ученый, изучающій древности Ассиріи, города, бывшаго на рѣкѣ Тигрѣ, достигшаго высокой степени культуры.

Ассистентъ — помощникъ, вообще присутствующій при какомъ-либо опытѣ и принимающій живое участіе въ самомъ опытѣ, наблюденіи, испытаніи.

Ассоціація — общество, соединившееся для достиженія одной цѣли, союзъ; *ассоціація идей*—связь понятій, настолько тѣсно соединенныхъ между собой, что представленіе объ одныхъ непосредственно вызываетъ другія; *ассоціонировать*—соединять.

сстма — удушье.

Атральный — собств. звѣздный; призрачный.

Астрологія — средневѣковая наука, занимавшаяся предсказаніемъ будущихъ событій и судьбы человѣка по положенію звѣздъ.

Атеизмъ — безбожіе; *атеистъ*—безбожникъ.

Атлетическій (напр. игры, стр. 177) — требующій силы и ловкости; сильный.

Атмосфера — воздушная оболочка земного шара; газовая оболочка всякаго тѣла; переносно: условія, въ которыхъ приходится жить и дѣйствовать.

Атомъ — безконечно-малая частица матеріи, не дѣлимая никакими извѣстными человѣку средствами; *атомистическая теорія*—ученіе объ образованіи тѣлъ изъ атомовъ и о свойствахъ атомовъ.

Атрофія — исхуданіе, истощеніе; *атрофированный*— потерявшій способность исполнять свое назначеніе.

Аттрибутъ—принадлежность.

Аура — медиц. терминъ—собств. вѣтерокъ; ощущеніе, предшествующее эпилептическимъ припадкамъ.

Афазія — потеря способности говорить, несмотря на сохранившіеся органы рѣчи.

Афонія — потеря голоса.

Афоризмъ — мысль или правило, выраженное въ краткой формѣ, не всегда, впрочемъ, вѣрное.

Аффектъ — страстный порывъ, нарушеніе душевнаго спокойствія подъ вліяніемъ сильныхъ или неожиданныхъ впечатлѣній; *аффектація*— неестественность, рисовка въ разговорѣ, жестахъ или движеніяхъ; *аффектировать* — приводить въ состояніе аффекта.

Аэролитъ — минеральная масса, вродѣ камня, падающая иногда на землю изъ мірового пространства, осколокъ разрушенной планеты.

Б

Базисъ — основаніе.

Бактеріи и **бациллы** — микроскопичныя животныя, которыя производятъ процессъ броженія гніенія, а также и заразныя болѣзни.

Балансировать — сохранять равновѣсіе.

Балассировка — пріемъ при ковкѣ лошадей въ Австріи, изобрѣтенный венгерцемъ Баласса, состоящій въ томъ, что во время ковки пристально смотрятъ въ глаза лошади и поглаживаютъ ладонью по ея лбу и глазамъ; отъ этого она дѣлается спокойной.

Банальный — избитый, пошлый, полный общими мѣстами, успѣвшими всѣмъ надоѣсть.

Баррикада — укрѣпленіе для защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Баталія — сраженіе.

Батарея — собственно: извѣстное число пушекъ вмѣстѣ съ полагающеюся къ нимъ прислугою; въ переносномъ смыслѣ — совокупность какихъ-либо орудій.

Безапелляціонно — не принимая во вниманіе никакихъ свидѣтельствъ противной стороны.

Бемоль — музыкальный знакъ, означаемый ♭, передъ нотой, показывающій, что ее нужно понизить на полъ-тона.

Бёнглоу — туземное названіе дома въ Остъ-Индіи.

Биполярность—двойная полярность (см. ниже это слово).

Біографія — жизнеописаніе; *біографъ* — жизнеописатель.

Біологія — наука, занимающаяся опредѣленіемъ общихъ законовъ органической жизни, т.-е. жизни растеній и животныхъ.

Бонза—языческій жрецъ бога Будды.

Ботаника — наука о растеніяхъ.

Бристоль — родъ толстой, какъ картонъ, бумаги для рисованія.

Брошюра—небольшая книга.

Брэдизмъ — терминъ, которымъ означается то или другое ученіе о гипнотизмѣ и животномъ магнитизмѣ. Это названіе ведетъ свое начало отъ англ. физіолога Брэда.

Бургъ — городъ, мѣстечко; *бургомистръ* — представитель городского сословія, то же, что у насъ городской голова.

Бюстъ — высѣченное изъ мрамора или вылѣпленное изображеніе головы съ частью груди.

В

Вакантный — свободный, незанятый.

Варіировать,-ся — разнообразить,-ся.

Вахта — дежурство на кораблѣ, а также и время этого дежурства (въ суткахъ считается 5 вахтъ).

Веды — священныя книги индусовъ, написанныя на санскритскомъ языкѣ, содержащія въ себѣ ихъ религію и философію; *ведаическій*—содержащійся въ ведахъ.

Вена — жила, проводящая кровь въ сердце.

Веранда — терраса или галлерея, примыкающая къ дому и обсаженная деревьями.

Ветеранъ — старый, заслуженный солдатъ.

Вибрація — колебаніе, дрожаніе; *вибрировать*—дрожать, колебаться.

Вивисекція — разсѣченіе живыхъ животныхъ съ научными цѣлями.

Вилла — дача.

Витта св. пляска — нервная болѣзнь, сопровождаемая непроизвольными движеніями туловища, головы, лица, прыганьемъ и пр., причемъ больной сохраняетъ полное сознаніе.

Vis-a-vis — напротивъ.

Внушеніе—см. объясненіе этого термина на стр. XV предисловія.

Водородъ—безцвѣтный газъ, безъ запаха и вкуса, легчайшій всѣхъ газовъ, составная часть воды.

Вокальный — голосовой.

Волонтеръ — охотникъ, доброволецъ.

Вольтеръ — французскій писатель (1694 — 1778) вольнодумецъ и атеистъ, имѣвшій громадное и при томъ гибельное вліяніе на умы современнаго ему общества; *вольтеріанство* — вольнодумство, послѣдованіе теоріямъ Вольтера.

Вульгарный — грубый, неотесаный.

Г

Галиматья — вздоръ, безсмыслица.

Галлюцинація — см. объясненіе этого слова на стр. 535; *галлюцинантъ* — подверженный галлюцинаціямъ; *галлюцинировать* — видѣть галлюцинаціи.

Гальваническій токъ — электричество, возбуждаемое отъ прикосновенія двухъ разнородныхъ металловъ (напр., цинка и мѣди) къ извѣстной жидкости (напр., къ слабому раствору сѣрной кислоты); одни изъ концовъ металловъ должны быть соединены между собою хотя бы проволокой, обвитой шелкомъ. Дѣйствія и примѣненія гальваническаго тока весьма разнообразны. Для измѣренія силы гальваническаго тока есть приборы, называемые *гальванометрами*, показывающіе силу тока степенью отклоненія магнитной стрѣлки.

Гамма — собств. вся нотная система; объемъ, т.-е. всѣ звуки какого-либо инструмента; переносно: объемъ, содержаніе.

Гангліи — нервные узлы, распространеные въ различныхъ частяхъ организма, образуютъ центры нервовъ, служащихъ для непроизвольныхъ отправленій.

Гангрена — болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ «Антонова огня».

Гарантировать — ручаться, давать обезпеченіе.

Гармонія — созвучность, соразмѣрное сочетаніе, согласованіе, благозвучность, то же значеніе имѣетъ и *гармоничность; гармоническій* — благозвучный, согласный; *гармонировать* — согласоваться.

Гастрономъ — любитель и знатокъ вкусныхъ кушаній.

Гашишъ — смола остъ-индской конопли, употребляется для куренія, производитъ дѣйствіе снотворное и одуряющее.

Гегеліанство — послѣдованіе ученію Гегеля, нѣмецкаго философа (1770—1831).

Гельминиты—черви, глисты.

Гемиплегія—параличъ половины тѣла.

Геміанэстесія—нечувствительность половины тѣла или одного изъ пары одинаковыхъ органовъ.

Геморрагія — наклонность къ истеченію крови.

Генераторъ — родоначальникъ, первоисточникъ.

Генетическій — разъясняющій происхожденіе и ходъ развитія разсматриваемаго предмета.

Геній—1) необыкновенное, поражающее дарованіе 2) духъ.

Геологія—наука, изучающая исторію земного шара и населявшаго его животнаго и растительнаго міра; *геологъ* — изучающій геологію.

Герметически — наглухо, совершенно, вплотную.

Герольдъ — глашатай, вѣстникъ, употребляемый въ торжественныхъ церемоніяхъ.

Гетера — такъ называлась въ древней Греціи женщина легкаго поведенія.

Гетерономія — разнозаконность, подчиненіе неодинаковымъ законамъ.

Гибриды — ублюдки, помѣсь, происходящая отъ различныхъ видовъ животныхъ и растеній.

Гидропатія — способъ лѣченія холодной водою.

Гильотина — машина для казни преступниковъ во Франціи, отрубающая голову спускомъ тяжелаго ножа.

Гимнъ—торжественная пѣснь.

Гипертрофія — болѣзненное увеличеніе объема какихъ-либо органовъ или частей тѣла.

Гиперэмія—переполненіе кровью какой-либо части тѣла.

Гипер(э)естесія—повышенная чувствительность.

Гипнагогическій — см. объясн. на стр. 451.

Гипноскопъ — приборъ, показывающій, способенъ ли человѣкъ къ гипнотическому внушенію, а также и размѣръ этой его способности.

Гипнотизмъ — см. объясненіе на стр. XV предисловія, подробн. на стр. 527 и слѣд.; *гипнотизировать* — приводить въ гипнотическое состояніе; лицо, занимающееся этимъ, называется *гипнотизеръ*.

Гипотеза — предположеніе для объясненія извѣстнаго рода явленій; *гипотетическій* — существующій лишь въ предположеніи, но строго не доказанный; *гипотетичность*—условность.

Гіероглифы — древнія египетскія фигурныя письмена, болѣе 2.000 лѣтъ остававшіяся неразгаданными; вообще всякое неразборчивое писаніе.

Гладіаторы — древне-римскіе публичные борцы или атлеты.

Глоссолалія — даръ говорить на другихъ языкахъ и понимать ихъ.

Гомеопатія — способъ лѣченія, изобрѣтенный Ганеманомъ (1755—1843), основанный на томъ мнѣніи, что болѣзни излѣчиваются лѣкарствами, которыя въ здоровомъ человѣкѣ производятъ дѣйствія, одинаковыя съ симптомами лѣчимой болѣзни.

Гордіевъ узелъ—всякое запутанное дѣло; выраженіе это взято изъ миѳологическаго разсказа объ узлѣ, разрубленномъ Александромъ Македонскимъ.

Горизонтъ — собственно: видимая наблюдателю часть земной поверхности, представляющаяся, обыкновенно, въ видѣ круга, въ центрѣ котораго находится самъ наблюдатель, а окружность ограничена небеснымъ сводомъ; переносно: кругъ понятій.

Гофъ-маршалъ — придворный сановникъ 3 класса, наблюдающій за порядкомъ при торжественныхъ собраніяхъ.

Гофъ-фурьеръ — придворный служитель 8 класса.

Гравитація—тяготѣніе, взаимное притяженіе двухъ тѣлъ.

Гравюра — рисунокъ.

Граммъ — французская мѣра вѣса = $22^1/_2$ долямъ (около $^1/_4$ золотника) нашего фунта.

Грандіозный — величественный, громадный.

Гранъ — единица русскаго аптекарскаго вѣса = $^1/_{60}$ драхмы; въ торговомъ золотникѣ $68^1/_2$ гранъ.

Графологія — см. объясн. на стр. 201.

Группа — рядъ, собраніе предметовъ.

Гуманизмъ — направленіе европейской мысли, возникшее и развившееся въ XV—XVI в., имѣющее цѣлью развивать высшія человѣческія свойства и облагораживать умъ и сердце.

Гусситъ — послѣдователь Яна Гусса (1369—1415), чешскаго реформатора, возставшаго противъ папы и сожженнаго, какъ еретикъ, на кострѣ.

Д.

Дантистъ — зубной врачъ.

Дедукція — философскій пріемъ мышленія, дѣлающій выводы изъ положеній, принимаемыхъ за непреложныя истины; *дедуктивный* — основанный на дедукціи.

Дезертиръ — бѣглый солдатъ.

Деизмъ—ученіе, допускающее бытіе Бога, но непризнающее Откровенія.

Декабристъ — участникъ бунта 14 декабря 1825 г., бывшаго при императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Декадентство — литературное направленіе, возникшее недавно, основное положеніе котораго: смыслъ и жизненная правда не обязательны въ поэзіи, отчего произведенія декадентовъ часто лишены здраваго смысла.

Деканша — жена декана, главнаго изъ десяти священниковъ.

Дематеріализація — исчезновеніе вещества.

Демонологія — средневѣковая наука о злыхъ духахъ и ихъ отношеніяхъ къ людямъ.

Демонстрація—изображеніе, опытъ, показываемый предъ собраніемъ; *демонстрировать*—показывать.

Депутація—собраніе выбранныхъ лицъ, отправляемыхъ съ какими-либо порученіями.

Деспотическій — самовластный, не ограниченный законами.

Деталь — подробность.

Детерминистъ—послѣдователь *детерминизма*, ученія о неизмѣнной связи между явленіями, такъ что каждое явленіе есть слѣдствіе предыдущихъ и влечетъ за собою послѣдующія. Детерминизмъ отвергаетъ свободу воли, чудеса и пр.

Дефицитъ — недостатокъ.

Дециграммъ — $^1/_{10}$ грамма, (см. выше это слово).

Джентльменъ — образованный и нравственно-порядочный человѣкъ; въ Англіи это вѣжливое названіе, какъ у насъ: господинъ или милостивый государь.

Джунгли—названіе болотистыхъ мѣстностей южной Азіи, заросшихъ непроходимымъ лѣсомъ и изобилующихъ дикими звѣрями.

Дивинація — см. объясн. на стр. 1 въ примѣчаніи.

Дилижансъ — карета общественная, ходящая между двумя опредѣленными пунктами, вродѣ нашихъ дачныхъ линеекъ.

Динамическій — обладающій силою или произведенный силою; *динамическое электричество* то же, что *гальванизмъ* (см. выше это слово).

Династія — рядъ лицъ (преимущественно царскаго рода), происходящихъ отъ одного родоначальника.

Дискредитовать — подрывать довѣріе.

Дискъ — кругъ.

Диспозиція — предписаніе войскамъ о расположеніи ихъ, времени и направленіи ихъ движенія.

Диссоціація — разъединеніе сложныхъ тѣлъ на составныя части.

Дисфагія — затрудненное глотаніе.

Дисциплина — строгое подчиненіе низшихъ высшимъ, вообще неуклонная подчиненность; *дисциплинированный* — пріученный къ порядку и повиновенію.

Дифференціальное исчисленіе — область высшей математики, занимающаяся изученіемъ безконечно малыхъ величинъ.

Діабетъ — сахарное мочеизнуреніе, болѣзнь.

Діагнозъ—опредѣленіе (преимущественно болѣзни).

Діагональ — прямая линія, соединяющая вершины двухъ противоположныхъ угловъ въ четыреугольникѣ.

Діаграмма — геометрическій чертежъ.

Діалогъ — разговоръ, бесѣда.

Діаметрально - противоположно — совершенно противоположно.

Діаррея — поносъ.

Діафрагма — грудо - брюшная преграда, толстая перепонка, отдѣляющая грудную полость отъ брюшной.

Діезъ—музыкальный знакъ ♯, означающій, что нота, около которой онъ стоитъ, должна быть повышена на полтона.

Догма и **догматъ** — основное положеніе какого-либо ученія, принимаемое за непреложное и служащее исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ изысканій; въ религіи: основное вѣрованіе, разъ навсегда принятое церковью и не подлежащее измѣненію; *догматизмъ* — выводъ сужденій изъ теоретическихъ началъ, не провѣренныхъ опытомъ, но принимаемыхъ за непреложныя; *догматикъ*—писатель, объясняющій догматы вѣры (стр. 713).

Дожъ—титулъ правителя Венеціанской республики.

Доза — собственно: часть лѣкарства, назначенная для пріема въ одинъ разъ; переносно: часть чего-либо.

Доктринеръ — односторонній, слѣпой приверженецъ какой-нибудь теоріи; *доктрина* — ученіе, теорія.

Domina — госпожа.

Дортуаръ—общая спальня въ учебномъ заведеніи.

Драбанты — придворная стража.

Драгоманъ — оффиціальный переводчикъ при объясненіи съ восточными народностями.

Драгунъ — конный солдатъ, но обученный дѣйствовать и какъ пѣхотинецъ.

Драмматическій—сильно дѣйствующій на чувство, потрясающій. *Драмматическое раздвоеніе сознанія* бываетъ тогда, когда во снѣ человѣкъ видитъ другое лицо, съ которымъ разговариваетъ или вступаетъ въ борьбу. Въ сущности, здѣсь другое лицо есть его собственное я.

Драхма—греческая монета стоющая на наши деньги $22^1/_2$ коп.

Дуализмъ — двойственность.

Дуэтъ — музыка, пѣніе, или то и другое вмѣстѣ, исполняемое одновременно двумя лицами.

Е.

Евразіи — племя на Нильгири (Голубыхъ горахъ) въ Индостанѣ.

Eo ipso — тѣмъ самымъ, въ силу и слѣдствіе того самаго.

Etc— et cetera—и прочее.

Ж.

Жупелъ—горящая сѣра, смѣшанная со смолой.

З.

Загипнотизированный — приведенный въ гипнотическое состояніе; см. *гипнотизмъ*.

Закрыстія (испорченное поляками слово *сакристія*) — церковная ризница.

Зарегистрованный — записанный, засвидѣтельствованный.

Заслонка (сердца)—эластическая перепонка между желудочкомъ сердца и предсердіемъ, направляющая кровь изъ желудочковъ въ артеріи.

Зефиръ — легкій, прохладный вѣтерокъ.

Зигзагъ — ломаная линія.

Зодіакальный свѣтъ — слабый свѣтъ, наблюдаемый на небѣ надъ горизонтомъ, весною по захожденіи, а осенью по восхожденіи солнца, во время равноденствій.

Зуавы — французская пѣхота, набранная преимущественно изъ уроженцевъ Алжира (въ Африкѣ).

Зулусы — племя кафровъ въ землѣ Наталь южной Африки.

И.

Игнорировать — не обращать вниманія, пренебрегать; *игнорированіе* — презрѣніе, нежеланіе замѣтить.

Идеализмъ — философское міровоззрѣніе, разсматривающее дѣйствительность (реальный міръ), какъ наше представленіе, существующее лишь въ нашемъ сознаніи (т.-е. идеально), въ противоположность «міру въ себѣ», существующему внѣ и независимо отъ нашего сознанія и потому намъ невѣдомому, такъ какъ мы познаемъ лишь то, что есть въ нашемъ сознаніи, а не внѣ его.

Идеалъ — образецъ или представленіе совершенства, къ которому человѣкъ стремится приблизиться.

Идентичный—тождественный, вполнѣ одинаковый.

Идеоматеріализація, идеопластія—представленіе мыслей (идей) въ матеріальныхъ образахъ.

Идея — мысль, понятіе.

Идіома — особенность въ выраженіи.

Идіосинкразія—особенность организма нѣкоторыхъ лицъ, выражающаяся или въ ихъ нечувствительности къ какимъ-либо сильно дѣйствующимъ средствамъ, или же, напротивъ, въ слишкомъ развитой чувствительности къ малѣйшимъ возбужденіямъ; въ отвращеніи отъ обыкновенныхъ кушаній и пристрастіи къ употребленію въ пищу глины, мѣла и т. п.

Идіотъ — человѣкъ съ крайне ограниченными умственными способностями; *идіотизмъ* — состояніе умственныхъ способностей, свойственное идіоту.

Изолировать — уединять, отдѣлять.

Иллюзія — см. объясн. на стр. 535.

Иллюстрація — рисунокъ, наглядное изображеніе; *иллюстрировать* — снабдить пояснительными картинами, или живыми, поэтическими описаніями.

Имитація — подражаніе; *имитировать*—подражать.

Импульсъ — 1) толчокъ, побуждающій къ движенію; 2) сильное нравственное побужденіе.

Ингаляторъ — приборъ для вдыханія воздуха или паровъ какого-либо вещества.

Индивидуумъ — особь, отдѣльная личность въ ряду другихъ подобныхъ; *индивидуальный* — личный, частный, составляющій особенную или отличительную черту какого-либо лица; *индивидуальность* — вся сумма качествъ и признаковъ, характеризующихъ ту или другую отдѣльную личность, такъ сказать, нравственная физіономія данной личности.

Индукторъ—то же, что *агентъ*—дѣйствующее лицо.

Индукція — 1) способъ разсужденія или изслѣдованія, противоположный *дедукціи* (см. выше это слово), т.-е. тотъ, при которомъ дѣлаются заключенія отъ частнаго къ общему, отъ отдѣльныхъ фактовъ или явленій переходятъ къ обобщеніямъ, гипотезамъ и законамъ; *индуктивный* (методъ или наука)—такой, въ которомъ примѣняется индукція, основанный на индукціи; 2) возбужденіе электрическаго тока въ проволокѣ посредствомъ приближенія ея къ наэлектризованному тѣлу.

Инертный — недвижимый, бездѣйственный.

Инкогнито — скрывая свое имя и общественное положеніе.

Иннервація — 1) развѣтвленіе нервовъ; 2) вліяніе нервовъ на дѣятельность какихъ-либо частей тѣла.

Инстинктъ — врожденное у животныхъ чувство находить себѣ полезное и избѣгать вреднаго; *инстинктивный*—безотчетный, необъяснимый, машинальный.

Интеллектуальный — умственный.

Интеллигентный — образованный, умственно развитой.

Интенсивность—напряженность, энергичность, сосредоточенность; *интенсивный* — напряженный, сильный, рѣзкій.

Интимный — близкій, задушевный.

Интуиція — см. объясн. на стр. XV.

Инфузоріи — микроскопическія животныя, водятся въ водѣ и сырыхъ мѣстахъ.

Инцидентъ — случай, происшествіе.

Ипохондрія — душевная болѣзнь, состоящая въ томъ, что одержимый ею всегда мраченъ, задумчивъ и до чрезвычайности мнителенъ, напримѣръ, воображаетъ себя опасно больнымъ, предполагаетъ всюду противъ себя козни и пр.; *ипохондрикъ* — больной ипохондріей.

Ирвингіане — послѣдователи шотландца Эдуарда Ирвинга († 1834 г.), учившаго, что родъ человѣческій можетъ быть искупленъ отъ настоящихъ грѣховъ лишь новымъ пришествіемъ І. Христа и появленіемъ новаго апостола.

Ирмосъ — начальный стихъ церковнаго канона, опредѣляющій своимъ складомъ складъ и пѣніе остальныхъ стиховъ.

Иррадіація— разсѣяніе лучей свѣта; *иррадіировать*— расходиться отъ одной точки во всѣ стороны.

Истерика — припадокъ *истеріи*, нервной болѣзни, преимущественно бывающей у женщинъ, происходящей по большей части отъ ненормальностей въ половой сферѣ и выражающейся разстройствомъ чувствительности и движеній, а также психики; истерія характеризуется припадками судорожныхъ рыданій, смѣха и болями въ какой-либо части головы.

І.

Ib., ibidem — тамъ же.

Ignorabimus — не будемъ обращать вниманія.

Idée fixe — неотвязчивая мысль, господствующая надъ всѣми остальными.

Іезуитъ — членъ католическаго религіознаго общества, основаннаго въ 1539 году Игнатіемъ Лойолою. Іезуиты были неоднократно изгоняемы изъ разныхъ государствъ за свои интриги, но продолжаютъ существовать и до сихъ поръ. Основной принципъ ихъ дѣятельности крайне безнравственъ; онъ состоитъ въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, хорошая цѣль оправдываетъ всякія средства, даже самыя гнусныя.

Іерархъ — высшее духовное лицо.

Ipsa persona — самолично.

Іоги — члены браманскаго монашескаго ордена, ведущіе пустынническій образъ жизни въ лѣсахъ и горахъ Индостана.

К.

Кабель — электрическій проводъ.

Калейдоскопъ — приборъ, состоящій изъ трубки закрытой съ обоихъ концовъ стеклами, въ которой находятся два расположенныя другъ къ другу подъ угломъ зеркала и кусочки разноцвѣтныхъ стеколъ, камешки и пр. При легкомъ по-

тряхиваніи трубки, образуется множество красивыхъ узоровъ.

Камеръ-медхенъ—горничная, прислуживающая при одѣваніи.

Камзолъ — старинная одежда, носимая подъ кафтаномъ, имѣвшая форму короткой поддевки безъ рукавовъ или длинной жилетки съ распашными полами.

Кампанія — военный походъ.

Кандидатъ — 1) лицо, желающее занять какую-нибудь должность; 2) ученая степень. *Кандидатура* — исканіе или предъявленіе правъ на какую-нибудь должность.

Каноникъ — титулъ, даваемый въ награду католическимъ священникамъ.

Канонъ — церковная пѣснь въ похвалу праздника или святого, которую поютъ или читаютъ на утренѣ и вечернѣ.

Кантонъ — округъ въ Швейцаріи, а также и во Франціи.

Канторъ — церковный пѣвчій, а также и учитель пѣнія у лютеранъ.

Капелла — придѣлъ или небольшая церковь у католиковъ; священникъ такой церкви называется *капелланъ*.

Капельмейстеръ — управляющій оркестромъ музыкантовъ.

Капилляры, капиллярные сосуды — тончайшіе сосуды, соединяющіе вены съ артеріями, распространенные по всему тѣлу въ видѣ сѣти; чрезъ ихъ стѣнки совершается обмѣнъ веществъ между кровью и тканями тѣла.

Капитуляція — сдача непріятелю на извѣстныхъ условіяхъ, безъ послѣдняго, рѣшительнаго боя.

Капуцинъ — членъ католическаго монашескаго ордена, получившаго такое названіе отъ откидной остроконечной головной покрышки, составляющей одно цѣлое съ плащемъ.

Кардиналъ — высшій духовный санъ въ римской церкви. Число кардиналовъ 70, по примѣру 70 учениковъ Іисуса Христа. Они одни и изъ своей лишь среды имѣютъ право избирать папу.

Карликъ — человѣкъ очень маленькаго роста.

Карре — построеніе пѣхоты четыреугольникомъ, съ цѣлью имѣть возможность обороняться со всѣхъ сторонъ.

Каррикатура — изображеніе кого или чего-либо въ смѣшномъ видѣ.

Каталепсія — нервный припадокъ, обнаруживающійся оцѣпенѣніемъ, съ потерею сознанія и чувствительности.

Катастрофа — несчастный случай, несчастіе.

Категорія — отдѣлъ или разрядъ; понятіе.

Катоптромантія — см. объясненіе на стр. 527.

Каѳолическій — вселенскій.

Киверъ — высокій военный головной уборъ, употреблявшійся въ русской арміи, нынѣ остался въ лейбъ-гвардіи павловскомъ полку.

Килограммъ — 1.000 граммовъ (см. *граммъ*).

Километръ — 1.000 метровъ (см. *метръ*).

Киръ (и **кгръ**) — греческій титулъ архіереевъ, собственно значитъ: владыка, господинъ (стр. 707: *киръ-Лука*).

Кислородъ—безцвѣтный газъ, безъ запаха и вкуса, входящій въ составъ воздуха; необходимъ для дыханія и горѣнія.

Киста — опухоль, имѣющая форму мѣшка.

Классификація — распредѣленіе.

Классическій — образцовый.

Клише — въ фотографіи—негативъ, съ котораго печатаются позитивы или снимки.

Кліентъ—такъ называется лицо, довѣрившее свое дѣло, по отношенію къ тому, кому оно довѣрило; напр, заказчикъ относительно того, кому сдѣланъ заказъ.

Коллега — товарищъ, сослуживецъ.

Коллективный — собств. собирательный; захватывающій многихъ лицъ сразу (напр., *коллективныя галлюцинаціи*).

Коллодій, — іумъ — безцвѣтная сыропообразная жидкость, употребляемая при фотографированіи для обливки стеколъ.

Колонна — столбъ, поддерживающій зданіе.

Колоссальный — огромный.

Комбинація — соединеніе, сопоставленіе; *комбинировать* — сочетать, сопоставлять, видоизмѣнять.

Комендантъ — начальникъ крѣпости.

Комическій — смѣшной.

Комментарій — объясненіе или толкованіе, *комментаторъ* — истолкователь.

Коммерсантъ — торговецъ, купецъ.

Компаньонка — женщина, проживающая въ домѣ для бесѣдъ или выѣздовъ съ хозяйкой, а также для разныхъ мелкихъ услугъ.

Компетентный — свѣдущій, знающій дѣло.

Комплексъ—совокупность однородныхъ элементовъ.

Комплектъ — полное число людей, которому положено быть или собраться.

Композиція — музыкальное сочиненіе; *композиторъ*—сочинитель музыкальныхъ пьесъ.

Компрометтировать — безславить, вредить кому-либо во мнѣніи другихъ; *быть скомпрометтированнымъ* — быть замараннымъ, опороченнымъ, замѣшаннымъ въ какомъ-либо нехорошемъ дѣлѣ.

Компромиссъ — взаимная уступка, соглашеніе.

Комфортабельно — удобно, изящно.

Конвульсіи — судороги; *конвульсивный* — судорожный.

Конгрегаціоналисты—(прилагательное: *конгрегаціонный*, стр. 164 и *конгрегаціонистскій*, стр. 256)—одна изъ распространеннѣйшихъ сектъ въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, требующая участія всѣхъ членовъ церковнаго прихода въ управленіи его религіозными дѣлами и полной независимости каждаго прихода («церкви») отъ какой бы то ни было сторонней власти (напр. епископа).

Конгрессъ — съѣздъ, собраніе.

Конденсироваться — сгущаться.

Конкретный — дѣйствительно существующій, доступный внѣшнимъ чувствамъ.

Консерваторъ — человѣкъ, не желающій нововведеній и стремящійся къ поддержанію и охраненію существующаго порядка вещей.

Консолидація — уплотненіе, стр. 130.

Констатировать—утверждать, удостовѣрять.

Конституція — государственные законы, которыми опредѣляются размѣры власти правительства надъ подданными; составъ, сущность.

Конструированіе — устройство, строеніе.

Консулъ — правительственное лицо, назначаемое въ иностранный городъ для защиты подданныхъ своего государства.

Консультація — совѣщаніе нѣсколькихъ врачей о болѣзни какого-либо лица.

Консьержъ — швейцаръ или старшій дворникъ во Франціи.

Континентъ — материкъ, большое пространство земли; такъ называютъ англичане Европу по отношенію къ своей странѣ — островамъ.

Контрактура — сведеніе членовъ вслѣдствіе сокращеній сухожилій и мышцъ.

Контрастъ — противоположность.

Контроль — повѣрка, наблюденіе.

Контуръ — очертаніе, обликъ.

Конусъ — геометрическая фигура, форма которой напоминаетъ голову сахара.

Конфиденціально — секретно, наединѣ.

Конфликтъ — столкновеніе.

Концентрація—сосредоточеніе; *концентрировать*—сосредоточивать.

Концептъ—планъ, представленіе чего-либо въ умѣ.
Корибанты — жрецы греческой богини Цибелы.
Корифей — первый и лучшій дѣятель въ какой-нибудь области искусства или наукъ.
Корреспонденція — письма, переписка съ кѣмъ-либо.
Кортежъ — процессія, свита, поѣздъ при торжественной церемоніи.
Космологія — ученіе о законахъ, которыми управляется вселенная.
Кофта — магъ, волшебникъ, стр. 528.
Кошмаръ — тяжелый, безпокойный сонъ, сопровождаемый страшными сновидѣніями и ощущеніемъ удушья, тяжести и пр.
Credo — собств. вѣрую; положеніе, принятое на вѣру, безусловно, стр. 339.
Крейсеръ — большой военный корабль.
Крепъ — газовая, подобно кисеѣ, ткань.
Кризисъ — разрѣшеніе болѣзни, высшая степень ея развитія, послѣ чего начинается или выздоравливаніе или окончательное ухудшеніе.
Криптоскопія— см. объясненіе на стр. 213.
Кристалломантія—см. объясненіе на стр. 527.
Кристаллъ — правильная геометрическая форма тѣла, ограниченная плоскостями, сходящимися подъ опредѣленными углами, которую оно принимаетъ при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое; такое же названіе носитъ и чистое стекло, извѣстнымъ образомъ ограненное.
Критика—обсужденіе и разборъ предмета; иногда употребляется въ смыслѣ: порицаніе, стремленіе найти въ предметѣ дурныя стороны; *критическій*— 1) судящій или основанный на извѣстныхъ законахъ и доказательствахъ; 2) опасный, затруднительный; *критерій*—признакъ для распознаванія истины, по которому можно отличить истинное отъ ложнаго.
Крупъ — болѣзнь слизистой оболочки горла, на которой отлагаются налеты.
Ктиторъ — церковный староста.
Куаферъ — парикмахеръ.
Кузенъ — двоюродный братъ; *кузина*—двоюродная сестра.
Кульминаціонный — высшій, достигшій высшаго развитія.
Культивировать — воздѣлывать, развивать; *культивировка* — развитіе.
Культура — образованіе, просвѣщеніе, развитіе и совершенствованіе духовной жизни человѣка; *культурный* — образованный, просвѣщенный.
Культъ — богопочитаніе; форма общественнаго богослуженія.
Кюрэ — католическій сельскій священникъ во Франціи.

Л

Лабораторія — въ аптекахъ: мѣсто, гдѣ приготовляются лѣкарства; *лаборантъ* — завѣдывающій лабораторіей или занимающійся въ ней.
Ландшафтъ — 1) видъ живописной мѣстности; 2) картина, изображающая такую мѣстность.
Ланцетъ — хирургическій обоюдоострый ножичекъ для прокалыванія и разрѣзовъ нарывовъ.
Laparotomia — вскрытіе брюшной полости въ паховой области.
Левитація — уменьшеніе вѣса тѣла.
Легенда — сказаніе о какомъ-либо чудесномъ или невѣроятномъ событіи.
Лейтенантъ — офицерскій чинъ во флотѣ.
Леканомантія — см. объясненіе на стр. 527.
Летаргія или **летаргическій сонъ** — продолжительный (тянущійся нѣсколько дней, даже недѣль) и болѣзненный сонъ, при которомъ замираетъ почти всякая жизненная дѣятельность; очень нерѣдко при глубокой летаргіи больной можетъ быть признанъ мертвымъ и быть заживо похороненнымъ.
Лиманъ — устья рѣкъ на югѣ Россіи при впаденіи ихъ въ море, болотистыя или песчаныя, а также болотистыя соляныя озера близъ Чернаго моря купанье на лиманахъ весьма полезно при нѣкоторыхъ болѣзняхъ.
Линза — оптическое стекло, собирающее свѣтъ (когда выпукло) или разсѣивающее (когда вогнуто).
Литръ — мѣра жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ, заключающая въ себѣ около $1/_{12}$ русскаго ведра или $1/_3$ гарнца.
Лихномантія — см. объясненіе на стр. 527.
Локализація — ограниченіе дѣятельности извѣстнымъ пространствомъ; *локализованный* — ограниченный извѣстнымъ мѣстомъ, находящійся въ извѣстномъ лишь мѣстѣ.
Лордъ (женск. *лэди*) — почетный наслѣдственный титулъ высшаго англійскаго дворянства.
Лупа — выпуклое увеличительное стекло для разсматриванія мелкихъ предметовъ.

М

Магистратъ — городское управленіе.
Магнитъ — 1) естественный — минералъ чернаго цвѣта (такъ называемый магнитный желѣзнякъ), имѣющій свойство притягивать желѣзо; 2) искусственный—намагниченная сталь, въ видѣ полосы или подковы, обладающая тѣмъ же свойствомъ; *магнитизмъ животный* — см. объясн. на стр. XV предисловія; *магнитизеръ*—человѣкъ, вызывающій въ другомъ явленія животнаго магнитизма.
Магъ — жрецъ въ древней Персіи и Халдеѣ; маги отличались своею ученостью и занимались преимущественно астрологіею и другими науками, получившими общее названіе *магіи*; подъ этимъ словомъ разумѣется теперь чародѣйство, знаніе тайнъ природы, искусство производить сверхъестественныя явленія; *магическій* — волшебный.
Макрокосмосъ — см. объясненіе на стр. 331.
Манипуляція — различные пріемы для достиженія намѣченной цѣли.
Манихеи — осужденные въ 377 г. церковью еретики, послѣдователи Манеса, учившаго, что міръ сотворенъ двумя враждебными началами: добрымъ и злымъ, и объявившаго себя Параклитомъ (Духомъ-Утѣшителемъ), упоминаемымъ въ евангеліи св. Іоанна.
Манія — 1) психическая болѣзнь, помѣшательство на какомъ-нибудь одномъ предметѣ; 2) сильное пристрастіе къ чему-либо.
Мантевизмъ — чтеніе или угадываніе чужихъ мыслей.
Мантика — пророчество, предсказаніе.
Марсъ — площадка на верхней части мачты корабля.
Маршрутъ — расписаніе пути; дорога.
Масоны, или вольные каменьщики — члены религіозно-мистическаго общества, задача котораго состояла въ нравственномъ усовершенствованіи людей на началахъ всеобщаго братства и равенства. Цвѣтущимъ временемъ масонства былъ конецъ XVIII вѣка. Дѣятельность этого общества покрыта глубокой таинственностью.
Масса — множество; *массивный* — толстый, тяжелый
Массажъ — лѣченіе механическимъ воздѣйствіемъ рукъ на различныя части тѣла при ревматическихъ страданіяхъ, разстройствѣ пищеваренія и пр. Пріемы массажа очень разнообразны (давленіе, разминаніе, поглаживаніе и т. д.), но цѣль ихъ одна: оживленіе кровообращенія, всасываніе болѣзненныхъ жидкостей.
Матеріализація — проявленіе духа въ чувственномъ видѣ. См. объясненіе этого слова въ предисл. на стр. XV.

Матеріализмъ — лжеученіе, отрицающее въ природѣ все духовное (Бога, душу, свободную волю и пр.), признающее въ мірѣ только одну сущность (субстанцію) — матерію и объясняющее механическимъ движеніемъ частицъ послѣдней какъ происхожденіе міра, такъ и всѣ явленія внѣшней природы и внутренней жизни человѣка. Послѣдователи такого воззрѣнія называются *матеріалистами*.

Машинальный — безотчетный, безсознательный.

Маякъ — башня на морѣ у опасныхъ мѣстъ, для указанія пути кораблямъ.

Медикаментъ — лѣкарство, врачебное средство.

Медіакосмосъ — см. объясненіе на стр. 331.

Медіанный — средній, находящійся или проведенный посреди.

Медіумъ — см. объясненіе на стр. XV предисловія; *медіумизмъ* — это слово обнимаетъ всѣ явленія, бывающія на медіумическихъ сеансахъ.

Меланхолія — 1) тоскливое состояніе, упадокъ духа; 2) душевная болѣзнь, главнымъ признакомъ которой является угнетенное состояніе духа, доводящее иногда до самоубійства. Причина ея — функціональное разстройство мозга (отъ дурного питанія, малокровія и т. п.). *Меланхолическій* — 1) подверженный меланхоліи или склонный къ ней; 2) грустный, унылый.

Мелодія — извѣстное сочетаніе тоновъ звука, которое своимъ благозвучіемъ пріятно дѣйствуетъ на слухъ.

Мемуаръ — 1) историческая записка очевидца какихъ-либо событій; 2) научная статья.

Меркантильный — торговый, промышленный, расчетливый.

Месмеризмъ — то же, что животный *магнитизмъ*; названіе это произошло отъ имени врача Фридриха-Антона Месмера (1734—1815), открывшаго въ человѣкѣ присутствіе особой «магнитической» силы.

Месса — католическая обѣдня.

Метаморфоза — видоизмѣненіе, превращеніе.

Метафизика — наука о сверхъ-чувственномъ или недоступномъ нашему чувству и опыту, напр., о существѣ, бытіи и свойствахъ Бога, о душѣ и пр. Подъ именемъ *метафизиковъ* прежде разумѣли вообще ученыхъ. *Метафизическій* — относящійся къ метафизикѣ, отвлеченный, касающійся внутреннихъ причинъ явленія.

Метафора — иносказательное выраженіе, слово, употребленное въ переносномъ смыслѣ; *метафорическій* — иносказательный, понимаемый въ иномъ, переносномъ смыслѣ.

Метемпсихозъ — ученіе о переселеніи душъ послѣ смерти одного животнаго въ тѣло другого.

Метеоритъ — то же, что *аэролитъ* (см. выше это слово).

Методъ — пріемъ, способъ изслѣдованія или достиженія опредѣленной цѣли.

Метръ — мѣра длины, принятая теперь почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Англіи и Россіи, равная около $1^2/_5$ русскаго аршина.

Мизантропія — ненависть къ людямъ; *мизантропъ* — питающій отвращеніе къ людямъ, человѣконенавистникъ.

Микробы, микроорганизмы — мельчайшіе организмы, напр., *бактеріи*.

Микрокосмосъ — міръ въ маломъ видѣ.

Микромиллиметръ — тысячная доля миллиметра; служитъ для означенія мѣры микроскопическихъ предметовъ.

Микроскопическій — весьма малый, видимый лишь при помощи микроскопа, оптическаго прибора, приближающаго и увеличивающаго разсматриваемый предметъ.

Микроцефалія — малоголовость, ненормально малый, неразвитой черепъ; такіе люди въ большинствѣ идіоты.

Миледи — титулъ, съ которымъ обращаются къ женѣ лорда.

Миллиметръ — тысячная доля метра (см. выше это слово).

Минералъ — неорганическое тѣло, находимое на земной поверхности или выкапываемое изъ земли. Къ минераламъ относятся всѣ металлы, глины, драгоцѣнные и простые камни и проч. *Минералогія* — ученіе о минералахъ, ихъ свойствахъ, происхожденіи и видоизмѣненіяхъ.

Минимальный — наименьшій; *минимумъ* — наименьшая величина.

Миріады — неисчислимое множество.

Миссія — посланіе, посольство.

Миссъ — такъ называютъ въ Англіи дѣвушекъ при обращеніи къ нимъ; *мистеръ* — всякаго нетитулованнаго англичанина, какъ наше: господинъ; *мистриссъ* — замужнюю женщину.

Мистеріи — у древнихъ грековъ и римлянъ: таинственные обряды въ честь боговъ, при которыхъ могли присутствовать только избранные.

Мистика — наука о таинственномъ; *мистическій* — тайный, таинственный; *мистицизмъ* — 1) особое расположеніе души къ впечатлѣніямъ таинственнаго; 2) цѣлое ученіе, сущность котораго состоитъ въ томъ, что обыкновенный путь познанія (синтезъ и анализъ) недостаточенъ, и что возможенъ другой путь высшаго познанія, которое открываетъ намъ невѣдомыя человѣчеству тайны. Мистицизмъ, какъ система, получилъ начало на востокѣ, перешелъ въ Грецію, оттуда въ Александрію (въ Египтѣ), гдѣ онъ вполнѣ развился, и гдѣ греческая философія перемѣшалась съ суевѣріемъ востока, породивъ школы неоплатониковъ и неопиѳагорейцевъ. Кромѣ этихъ двухъ системъ возникли также и другія, изъ которыхъ гностицизмъ и каббала перешли въ Европу и господствовали въ ней въ средніе вѣка.

Мистификація — обманъ, подлогъ; *мистифицировать* — обманывать.

Митингъ — собраніе, сходка.

Мичманъ — первый офицерскій чинъ въ русскомъ флотѣ.

Миѳъ — басня, фантастическій разсказъ.

Модификація — измѣненіе вида, формы.

Мозаика — рисунки, составленные изъ разноцвѣтныхъ камней, мрамора, стекла.

Молекула — мельчайшая частица тѣла, состоящая изъ соединенія нѣсколькихъ атомовъ, могущихъ быть отдѣленными другъ отъ друга только химическимъ путемъ; *молекулярная сила* — сила частичнаго притяженія и отталкиванія; *молекулярный* — частичный.

Моментъ — весьма малая часть времени.

Монизмъ — философское ученіе, разсматривающее міръ, какъ одно цѣлое, не отдѣляющее міра отъ Бога, физическихъ явленій отъ психическихъ; *монистическій* — относящійся къ этому ученію.

Монографія — рукопись, сочиненіе.

Монологъ — сцена или рѣчь, произносимая однимъ лицомъ.

Монополія — исключительное право на извѣстныя дѣйствія; *монопольный* — принадлежащій исключительно одному лицу.

Монофизиты — еретики, признававшіе въ І. Христѣ одно Божеское естество; осуждены на 5-мъ вселенскомъ соборѣ, 451 г.

Монофелиты — еретики, допускавшіе въ І. Христѣ лишь одну волю, а не двѣ — Божескую и человѣческую, какъ учитъ св. православная церковь.

Монументъ — памятникъ.

Моральный — нравственный.

Морфинъ, морфій — снотворное, усыпительное средство, добываемое изъ опіума.
Мотивъ — побужденіе, основаніе къ какому-либо поступку или выводу; въ музыкѣ: основная тема.
Моторный — двигательный.
Мулукурумбы — племя въ Нильгири (Англійской Индіи), слывущее за чародѣевъ, отличающихся къ тому же крайнею злобою.
Мумія — см. объясненіе на стр. 557.
Муниципальный — городской.
Мэръ — начальникъ общины или города.

Н

Наркозъ — усыпленіе при помощи извѣстныхъ медицинѣ средствъ, напр. хлороформа.
Натуралистъ — естествоиспытатель, изучающій природу.
Нація — народъ, племя; *національный* — отечественный, патріотическій.
Неврал(ь)гія — нервная боль.
Неврозъ — болѣзненное разстройство нервной системы.
Неврологъ — спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ.
Негативъ — см. стр. 202; въ фотографіи такъ называется первый снимокъ, проявленный на пластинкѣ, гдѣ предметъ представляется въ обратномъ видѣ, т.-е. освѣщенныя мѣста являются темными, правая сторона лѣвой, и обратно; *негативный*—обратный, отрицательный.
Нейтральный — средній; *нейтрализовать* — уничтожать дѣйствіе одного вещества, соединяя его съ другимъ, отчего образуется новое тѣло, не имѣющее свойствъ тѣхъ веществъ, изъ которыхъ оно составилось.
Некрологъ — краткое жизнеописаніе умершаго.
Некультурный — необразованный, грубый.
Несессеръ — ящичекъ, заключающій въ себѣ необходимые въ путешествіи предметы, напр., для туалета, рукодѣлья и пр.
Несторіане — осужденные въ 431 г. на 3-мъ вселенскомъ соборѣ еретики, послѣдователи Несторія, константинопольскаго патріарха, нечестиво учившаго, что пресв. Богородица родила не Бога, но человѣка, съ которымъ лишь впослѣдствіи соединилось Божество.
Ниша — углубленіе въ стѣнѣ.
Норма — образецъ, правило, порядокъ; *нормальный* — правильный, естественный, обыкновенный.

О

Обсерваторія — зданіе для астрономическихъ, метеорологическихъ и физическихъ наблюденій.
Обскурантизмъ — невѣжество, враждебное отношеніе къ просвѣщенію.
Объективація — представленіе внутреннихъ состояній души подъ видомъ внѣшнихъ, чувственныхъ образовъ; *объектъ* — предметъ изслѣдованія или наблюденія; *объективный* — относящійся къ предмету, дѣйствительный; *объективность* — спокойное, безпристрастное отношеніе.
Объективъ — стекло или система стеколъ въ зрительныхъ трубахъ, обращенное къ разсматриваемому предмету.
Одъ — см. объясненіе на стр. 144.
Озонъ — видоизмѣненіе кислорода, получающееся отъ электризованія этого газа; отличается особымъ запахомъ и весьма полезенъ для дыханія.
Окказія — см. объясненіе на стр. 184.
Оккультизмъ—теорія, признающая существованіе въ природѣ еще неизвѣстныхъ намъ силъ, свойствъ матеріи и способностей человѣка, благодаря которымъ возможны явленія, пока не поддающіяся нашему объясненію; *оккультистъ*—послѣдователь такого мнѣнія.
Окулистъ — глазной врачъ.
Олигархія, олигархическое правленіе — такое, въ которомъ вся власть находится въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ.
Ониксъ—камень съ бѣлыми и черными полосками.
Операторъ — вообще: дѣйствующее лицо; *операція* — всякое дѣйствіе; въ медицинѣ: удаленіе при помощи хирургическихъ инструментовъ поврежденной части организма.
Оппозиція — противодѣйствіе, противоположность.
Оптика — ученіе о явленіяхъ и законахъ свѣта; *оптическій* — относящійся къ оптикѣ, къ зрѣнію, зрительный.
Оптимизмъ — 1) наклонность видѣть во всемъ хорошее и думать, что все идетъ къ лучшему; 2) философское ученіе, признающее нашъ міръ лучшимъ и совершеннѣйшимъ твореніемъ Божества; главнымъ представителемъ этого ученія былъ знаменитый нѣмецкій философъ Лейбницъ.
Орбита — 1) глазная впадина, въ которой помѣщается глазъ; 2) путь, по которому небесное тѣло совершаетъ свое движеніе.
Организмъ — составъ всякаго живого существа, вообще составъ; *организація* — устройство организма; *организовать*—образовать, устраивать.
Органъ — 1) музыкальный инструментъ, въ которомъ звуки получаются изъ системы трубъ; 2) всякая часть тѣла; 3) орудіе дѣятельности.
Ореолъ — кругъ около головы.
Оригинальный — своеобразный, особенный отъ другихъ, странный; *оригиналъ*— первообразъ, подлинникъ.
Оріенталистъ — знатокъ востока (Азіи), его исторіи и литературы.
Оріентироваться — разобраться, освоиться; *оріентировать*—направлять, распредѣлять, стр. 224.
Ортодоксальный — правовѣрный; *ортодоксальная наука* — получившая право гражданства, общепризнанная, въ противоположность новымъ, напр., гипнотизму, спиритизму и пр.
Орѳографія — правописаніе.
Офтальмоскопъ — глазное зеркало, инструментъ, употребляемый при изслѣдованіи глазныхъ болѣзней.
Оффиціальный — правительственный; дѣлаемый по правиламъ и требованію службы; торжественный, парадный.

П

Пажъ — придворный слуга изъ дворянъ.
Пакибытіе — возрожденіе.
Панель — обшивка нижней части стѣнъ въ комнатахъ.
Паника — испугъ, страхъ, охватывающій толпу.
Панна — польск.— госпожа; *паничъ*— молодой баринъ.
Панорама — картина, видъ.
Пансіонъ — 1) частное учебное заведеніе, гдѣ ученики за опредѣленную плату могутъ быть на полномъ содержаніи; 2) гостиница или частная квартира, гдѣ жильцы за плату имѣютъ полное содержаніе.
Пантеизмъ — философское ученіе, отождествляющее міръ съ Божествомъ, разработанное Спинозой, Шеллингомъ и Гегелемъ; Богъ, по этому ученію, есть душа міра, а міръ — тѣло Божества.
Папирусъ — 1) растеніе изъ котораго египтяне приготовляли особую бумагу; 2) древне-египетскія рукописи, писанныя на этой бумагѣ.
Парадоксъ — мнѣніе, противное общепринятымъ понятіямъ.
Паразитъ — низшій, растительный или животный организмъ, живущій въ другомъ организмѣ и питающійся на счетъ этого послѣдняго.
Парализовать — обезсилить кого, мѣшать осуществленію чего-либо.

Параллельный — во всѣхъ точкахъ одинаково отстоящій другъ отъ друга, соотвѣтственный, согласный; *параллелизмъ*— сходство, соотвѣтствіе.

Парамнезія — см. объясн. на стр. 64.

Парацельзистъ — послѣдователь Парацельса, знаменитаго швейцарскаго врача и химика (1493—1541), открывшаго много новыхъ весьма дѣйствительныхъ лѣкарствъ.

Пари — 1) споръ; 2) вознагражденіе тому лицу, которое оказалось правымъ въ спорѣ.

Парламентъ — собраніе лицъ, выбранныхъ изъ народа и облеченныхъ законодательною властью.

Пароксизмъ — приступъ, припадокъ болѣзни.

Пассажъ — въ музыкѣ: гармоническое чередованіе тоновъ.

Пассивный — недѣятельный, не участвующій; это слово по значенію противоположно слову: *активный* (см. выше).

Пассы — медленныя движенія руками съ цѣлью, напр., привести извѣстное лицо въ гипнотическій сонъ, или, напротивъ, разбудить его.

Пасторъ — лютеранскій священникъ.

Патеръ — собств. отецъ; титулъ католическаго священника или монаха.

Patois — испорченное французское нарѣчіе, которымъ говорятъ на югѣ Франціи.

Патологія — наука о причинахъ болѣзней, ихъ признакахъ и лѣченіи; *патологическій* — болѣзненный.

Патрицій — древне-римскій родовой аристократъ.

Патруль—небольшой отрядъ солдатъ для ночного дозора и обхода.

Пауза — перерывъ, промежутокъ; остановка.

Паціентъ (женск. *паціентка*) — 1) больной въ отношеніи къ своему врачу; 2) то же, что *перципіентъ* (см. ниже).

Паѳосъ—одушевленіе, напыщенность.

Падагогика, педагогія — наука о воспитаніи и обученіи дѣтей; *педагогъ* — воспитатель; *педагогическій* — относящійся къ воспитанію; касающійся вопросовъ воспитанія.

Педіатрія — лѣченіе дѣтскихъ болѣзней.

Пейзажъ — то же, что *ландшафтъ* (см. выше это слово).

Пелагіане—еретики, отрицавшіе первородный грѣхъ и учившіе, что спасеніе достижимо безъ содѣйствія благодати Божіей; осуждены на эфесскомъ вселенскомъ соборѣ, 431 г.

Пергаментъ—кожа животныхъ, выдѣланная такъ, чтобы на ней можно было писать. До изобрѣтенія бумаги пергаментъ былъ почти единственнымъ писчимъ матеріаломъ. Теперь приготовляютъ пергаментъ искусственный или растительный изъ той же бумаги.

Перистальтическое движеніе, перистальтика — червеобразное движеніе кишекъ для передвиженія въ нихъ пищи.

Перитонитъ — воспаленіе брюшины.

Периферія — окружность; въ смыслѣ болѣе общемъ: наружныя, внѣшнія части, въ противоположность внутреннимъ, центральнымъ.

Періодъ — извѣстный промежутокъ времени; опредѣленный срокъ; *періодическій* — выходящій въ опредѣленное время (напр. пресса, стр. VIII), бывающій черезъ извѣстные промежутки времени.

Персонизмъ, персонификація—см. объясненіе на стр. XVI предисловія.

Перспектива—1) изображеніе на бумагѣ и вообще на плоскости предметовъ такъ, какъ они представляются глазу въ пространствѣ; 2) будущность или то, что ожидается въ будущемъ.

Перцепція — воспріятіе; *перципіентъ*— воспринимающій, см. объяснен. на стр. 138.

Пессимизмъ—1) философское ученіе, по которому міровое устройство признается во всѣхъ отношеніяхъ дурнымъ, и жизнь — не представляющей ничего истинно отраднаго; глава этой школы Шопенгауэръ; 2) наклонность усматривать во всемъ дурную сторону, представлять все въ мрачномъ свѣтѣ.

Petit mal—то же, что истерія (см. выше это слово).

Пигментъ — красящее вещество.

Пинцетъ — маленькіе, тонкіе щипчики, употребляемые въ хирургіи.

Пирамида— геометрическое тѣло, основаніемъ которому служитъ треугольникъ или многоугольникъ, а сторонами треугольники, сходящіеся въ одной общей точкѣ — вершинѣ пирамиды; *пирамидальный* — имѣющій видъ пирамиды.

Пиѳагоръ — знаменитый греческій философъ-математикъ (жилъ въ VI вѣкѣ до Р. X.), основатель школы *пиѳагорейцевъ*, ведшихъ аскетическій образъ жизни и державшихся мистическихъ воззрѣній.

Піонеръ — всякій, пролагающій новые пути въ какой-либо области человѣческаго знанія или дѣятельности.

Планета — небесное тѣло, получающее свѣтъ и тепло отъ солнца, вокругъ котораго оно обращается по эллиптической орбитѣ. Къ планетамъ принадлежитъ и наша земля; въ настоящее время извѣстны 8 большихъ планетъ.

Планшетка — см. объясненіе на стр. 392.

Пластическій — принимающій опредѣленную форму, стр. 156.

Плевритъ — воспаленіе подреберной оболочки (плевры).

Поза — положеніе тѣла; *позировать* — принимать позу; *позиція* — мѣстоположеніе.

Позитивизмъ, позитивная философія — признающая единственнымъ способомъ познанія — факты, а единственнымъ предметомъ познанія — явленія, т.-е. то, что можно ощущать. Основатель позитивизма — французскій ученый и философъ Огюстъ Контъ (1795—1857).

Позитивъ — прямое фотографическое изображеніе, полученное съ негатива (см. выше это слово).

Полемика — споръ; *полемистъ* — участвующій въ полемикѣ, спорщикъ.

Поликлиника — больница при университетѣ.

Полюсъ (магнитный) — одинъ изъ двухъ концовъ магнита; оконечность.

Поляризація (свѣта) — особое свойство, пріобрѣтаемое, при извѣстныхъ условіяхъ, свѣтовымъ лучомъ и состоящее въ томъ, что у поляризованнаго луча всѣ колебанія эѳира совершаются въ одной плоскости; такой лучъ теряетъ способность отражаться или преломляться въ нѣкоторыхъ плоскостяхъ.

Полярность — различіе въ свойствахъ двухъ точекъ, называемыхъ полюсами, напр., у магнита: если одинъ полюсъ его притягивается, то другой будетъ отталкиваться.

Понтонъ — старый, отслужившій службу корабль, служащій тюрьмой для плѣнниковъ-матросовъ, стр. 147.

Портьера — занавѣсъ изъ матеріи на дверяхъ или окнахъ.

Постъ — приставка въ иностранныхъ словахъ, означающая: послѣ; напр., *постъ-гипнотическій* (стр. 60).

Потенціалъ — такъ называется величина электрическаго (или магнитнаго) напряженія на поверхности проводника, имѣющая большое сходство съ тѣмъ, что въ теплотѣ мы называемъ температурою; *потенціальная энергія*—способность произвести извѣстное дѣйствіе или доставить извѣстное количество силы.

Потенція — возможность.

Потиръ — церковный сосудъ, чаша, изъ которой пріобщаются.

Пресвитеріанская церковь—послѣдователи одного изъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, отвергающіе церковную іерархію и обряды и предоставляющіе прихожанамъ широкія права въ церковномъ управленіи; пресвитеріане особенно распространены въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Пресса — печать, журналистика.

Прессъ-бюваръ — дощечка, обернутая пропускной бумагой для просушиванія написаннаго чернилами.

Престидижитаторъ — фокусникъ, развившій у себя необыкновенную быстроту и ловкость въ пальцахъ рукъ.

Привиллегія — преимущество, жалованное право.

Призма — многогранникъ, основанія котораго состоятъ изъ двухъ равновеликихъ треугольниковъ или многоугольниковъ, лежащихъ въ параллельныхъ плоскостяхъ, а боковыя стороны представляютъ параллелограммы.

Примитивный — первобытный, простой; не очень хорошій, не научный.

Принципалъ — начальникъ, хозяинъ, по отношенію къ своимъ служащимъ.

Принципъ — основное положеніе или правило; *принципіально* — руководствуясь принципами, по принципу.

Пріоръ — настоятель второкласснаго католическаго монастыря, по рангу ниже аббата.

Проблемма — задача, предположеніе, не рѣшенный еще вопросъ.

Прогрессъ — движеніе впередъ, развитіе; *прогрессивный* — двигающійся впередъ, развивающійся, совершенствующійся.

Продуктъ — произведеніе; *продуцировать* — доставлять, производить.

Прозаическій — черствый, холодный, всецѣло подчиняющійся разсудку, не увлекающійся, скучный, неинтересный.

Проицировать, проэктировать — изображать въ пространствѣ.

Проконсулъ — намѣстникъ провинціи въ Римѣ при императорахъ.

Прокураторъ — повѣренный въ дѣлахъ, уполномоченный.

Пропорціональный — соразмѣрный, соотвѣтственный.

Протестанты — 1) лица, принадлежащія къ евангелической церкви, явившейся въ XVI в., какъ протестъ противъ католицизма; главныя вѣтви протестантизма — лютеранское и реформатское вѣроисповѣданія, изъ которыхъ послѣднее, въ свою очередь, имѣетъ нѣсколько подраздѣленій; 2) вообще лица, не соглашающіяся, возражающія противъ чьего-либо мнѣнія; *протестовать* — спорить, не соглашаться, возражать.

Протоколъ — письменное изложеніе хода засѣданія въ ученыхъ собраніяхъ, какихъ-либо обществахъ и пр.

Протоплазма — основное вещество, существенная часть всякой клѣточки; вещества, составляющія протоплазму, называются бѣлковыми, по сходству съ бѣлкомъ яйца.

Профессія — родъ занятій; *профессіональный медіумъ* — добывающій себѣ средства къ существованію своею способностью, показывающій себя за деньги.

Процедура — рядъ сложныхъ дѣйствій.

Процессія — торжественное шествіе.

Процессъ — 1) взаимодѣйствіе, развитіе, теченіе; 2) судебное дѣло.

Психизмъ — то же, что *анимизмъ*, см. объясненіе на стр. 350; *психія* — душа; *психистъ* — знатокъ душевныхъ свойствъ и явленій.

Психіатръ — врачъ душевныхъ болѣзней.

Психологія—наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ; *психологическій* — относящійся къ психологіи.

Психомантическій — заклинающій духовъ; имѣющій власть надъ духами.

Психометрія — см. объяснен. на стр. XV предисловія и на стр. 192.

Психопатологическій — душевно-больной; *психопатологъ* — изучившій душевныя болѣзни.

Психо-физическій — духовно-тѣлесный.

Психофизіологія — наука о связи душевныхъ явленій съ тѣлесными, наименѣе разработанная часть психологіи.

Пульсація — біеніе, послѣдовательное, поперемѣнное сокращеніе и расширеніе сердца и сосудовъ.

Пуническій — карѳагенскій. Карѳагенъ — древній городъ въ сѣверной Африкѣ, нынѣшнемъ Тунисѣ, разрушенный римлянами.

Пунктъ — точка, мѣсто.

Пэръ — титулъ высшаго дворянства въ Англіи.

Пюпитръ — небольшой столикъ для нотъ или рисованія.

Р

Радикально—совершенно, окончательно.

Радіація—лучеиспусканіе.

Раппортъ — духовная связь, сношеніе; см. еще примѣчаніе на стр. 229.

Раціонализмъ — 1) въ философіи: направленіе, признающее такъ называемый «чистый разумъ» единственнымъ источникомъ познанія, могущимъ замѣнить данныя какъ внѣшняго, такъ и внутренняго опыта (такъ учили, напр., Декартъ, Кантъ); 2) въ богословіи: отрицаніе въ религіи всего, что непостижимо для человѣческаго разума или противорѣчитъ его понятіямъ; *раціоналистъ* — послѣдователь раціонализма; *раціональный* — разумный.

Реакція—1) въ химіи: измѣненіе, вызываемое въ одномъ тѣлѣ дѣйствіемъ на него другого; *реагировать*,—подвергаться реакціи; 2) противодѣйствіе, отпоръ.

Реальный — дѣйствительно существующій; *реальность*—дѣйствительность.

Революція — всякій насильственный переворотъ; мятежъ противъ правительства.

Регламентъ — собраніе предписаній и узаконеній для опредѣленной части государственнаго управленія (напр., *духовный регламентъ*, стр. 468).

Регрессивный — возвращающійся назадъ, идущій обратно.

Регулировать—уравнивать, приводить въ порядокъ; *регулярно* — правильно, то же, что *періодически*— чрезъ опредѣленные промежутки.

Редакція — приведеніе въ порядокъ и исправленіе, стр. 453.

Режимъ — 1) форма правленія; 2) предписанный больному образъ жизни.

Резонансъ—отраженіе звука; отзвукъ.

Резонность—основательность, справедливость.

Результатъ — конечный выводъ, итогъ, слѣдствіе.

Резюмировать — дѣлать сжатый, краткій выводъ изъ чего-либо.

Рельефно—отчетливо, ясно.

Репертуаръ—списокъ пьесъ, назначенныхъ для исполненія.

Репетиція—1) пробное исполненіе пьесы; 2) повтореніе, приготовленіе.

Репортеръ—лицо, собирающее для газеты свѣдѣнія о различныхъ происшествіяхъ, имѣющихъ общественный интересъ.

Ретина — оболочка зрачка въ глазу, служитъ для воспринятія изображенія видимыхъ предметовъ.

Реторта — шарообразный сосудъ съ длиннымъ, довольно широкимъ согнутымъ горломъ, употребляемый при химическихъ опытахъ.

Ретроспективный—обращающійся назадъ, относящійся къ прошедшему.

Ретушоръ—художникъ, подправляющій отъ руки фотографическіе портреты.

Рефлексія — мышленіе, постоянно критикующее возникающія въ мозгу представленія, поэтому не увѣренное въ себѣ и сомнѣвающееся; *рефлективный*—1) не произвольный; 2) склонный къ обдумыванію.

Рефлексъ — 1) отраженіе свѣтовыхъ лучей; 2) непроизвольная передача.

Реформація—эпоха религіознаго движенія въ XVI вѣкѣ, направленнаго противъ средневѣкового строя жизни и противъ злоупотребленій католицизма.

Ригидный — твердый, затвердѣлый; *ригидность*—твердость.

Рикошетъ — отпрыгиваніе, напр., пушечнаго ядра, ударившагося о твердое тѣло.

Ритмъ—тактъ, правильная смѣна повышеній и пониженій звука, или ускореній и замедленій движенія; *ритмическій*—правильно повторяющійся.

Роговица—твердая прозрачная оболочка на передней части глазного яблока.

Рубрика—отдѣлъ.

Рупія — остъ-индская монета, по курсу стоющая приблизительно 80 коп.

Рутина — издавна существующій и безъ пониманія усвоенный способъ дѣйствованія или образъ мышленія; *рутинеръ* — человѣкъ, дѣйствующій или думающій по навыку, безъ яснаго пониманія, и не могущій отказаться отъ своихъ затверженныхъ взглядовъ, даже при ихъ очевидной несостоятельности.

С

Саддукеи — 1) древне-еврейская религіозная секта, отрицавшая преданіе, воскресеніе мертвыхъ и будущее возмездіе за добрыя и злыя дѣла; 2) вообще люди матеріалистическаго образа мыслей, не признающіе будущей жизни.

Сангвиникъ—человѣкъ живого, энергическаго характера.

Санскритъ или *санскритскій* языкъ — древнѣйшій языкъ индусовъ, на которомъ написаны ихъ священныя книги; родоначальникъ и нашихъ индоевропейскихъ языковъ.

Сантриграммъ—$^1/_{100}$ грамма (см. выше это слово).

Сантиметръ—$^1/_{100}$ метра (см. выше сл. *метръ*).

Сентимъ—французская мелкая монета, равная $^1/_{100}$ франка, по курсу на наши деньги около $^1/_3$ коп.

Сантонинъ—кристаллы, добываемые изъ цытварнаго сѣмени.

Сарказмъ—ѣдкая насмѣшка; *саркастическій* —язвительный, насмѣшливый.

Сеансъ—засѣданіе, время занятій чѣмъ-либо.

Сезонъ—время года.

Секція — отдѣлъ, отдѣленіе какого-нибудь съѣзда или общества.

Селеній—металлоидъ, сходный съ сѣрою по химическимъ свойствамъ.

Семестръ—учебное полугодіе.

Семитъ — потомокъ Сима, сына Ноя; къ семитамъ принадлежатъ евреи.

Сенсоріальный — чувственный, относящійся къ области чувствъ.

Сеніоръ — испанскій дворянинъ; вѣжливое обращеніе вродѣ нашего «господинъ».

Сенсація—сильное впечатлѣніе, удивленіе.

Сенситивъ, сенситивный человѣкъ—см. объясн. на стр. XVI предисловія.

Сенсуализмъ—философское ученіе, считающее чувство единственнымъ источникомъ познанія (идей) и поставляющее цѣлью жизни чувственныя наслажденія; послѣдователи его называются *сенсуалистами*.

Сервированный—убранный, приготовленный.

Серія—рядъ, отдѣлъ.

Серозный — сывороточный, похожій на сыворотку.

Сикозъ — болѣзнь волосяныхъ шариковъ на лицѣ.

Силуэтъ—очеркъ, тѣнь предмета.

Сильфы и сильфиды—фантастическіе духи, обитающіе въ воздухѣ, отличающіеся красотою и граціозностью движеній.

Символизація — изображеніе чего-либо подъ какимъ-нибудь образомъ; *символическій* — образный, прикровенный.

Символизмъ—литературное направленіе, то же, что *декадентство* (см. выше это слово).

Симметрія—соотвѣтственная равномѣрность; *симметрическій, симметричный* — равномѣрно-соотвѣтственный.

Симпатеизмъ — извѣстное соотношеніе между загипнотизированнымъ и окружающими его предметами, см. объясн. на стр. 537.

Симпатія—1) сочувствіе, расположеніе къ кому; 2) одновременное ощущеніе; *симпатическія средства*—различныя средства, частью основанныя на суевѣріи, а частью расчитанныя на глубокую вѣру больного въ ихъ силу.

Симптомъ—признакъ.

Симулянтъ—притворщикъ; *симулированіе*—притворное изображеніе.

Синергическій—содѣйствующій, выражающій желаніе содѣйствовать.

Синонимъ—такъ называются слова, сходныя по значенію, подобозначащее названіе.

Синтезъ—восхожденіе отъ простого къ сложному; въ логикѣ: способъ образованія сужденій путемъ соединенія простыхъ понятій въ одно новое, сложное понятіе; противоположенъ *анализу* (см. выше это слово); *синтетическій*—свойственный синтезу, получаемый путемъ синтеза.

Система—1) стройный рядъ понятій, основанныхъ на одной общей мысли и развитыхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ; 2) собраніе, совокупность нѣсколькихъ предметовъ, дѣйствующихъ по однимъ и тѣмъ же законамъ или имѣющихъ одинаковое назначеніе; 3) порядокъ, планъ. *Систематическій*—расположенный или сдѣланный по извѣстной системѣ, плану.

Скальпель — небольшой ножъ, употребляемый при хирургическихъ операціяхъ.

Скептицизмъ—философское ученіе, подвергающее все сомнѣнію, на томъ основаніи, что, по ограниченности человѣка, для него недоступно истинное знаніе: *скептикъ*—относящійся ко всему съ недовѣріемъ, сомнѣвающійся во всемъ; *скептическій, скептичный*—недовѣрчивый, сомнѣвающійся.

Склянка—морской терминъ для измѣренія времени по песочнымъ часамъ.

Скорбутъ—то же, что цынга, болѣзнь, происходящая отъ дурной пищи, отъ сырого, холоднаго воздуха и недостатка движенія и тѣлесныхъ упражненій; при цынгѣ является размягченіе десенъ, язвы на нихъ, опухоль ногъ и боли въ спинѣ и груди; она излѣчивается легко соотвѣтственной пищей, особенно кислой, растительной, лимонами и чистымъ, сухимъ воздухомъ.

Скульпторъ — ваятель, высѣкающій изъ мрамора или лѣпящій изъ глины художественныя произведенія.

Солидарность—согласіе, единеніе.

Солидный—степенный, основательный, прочный.

Соматическій — тѣлесный, имѣющій отношеніе къ тѣлу.

Сомнамбулизмъ—см. объясненіе на стр. XVI предисловія и подробн. на стр. 486 и слѣд. Подверженныя сомнамбулизму лица называются *сомнамбулами*.

Софа—широкій турецкій диванъ.

Социніане — ересь, возникшая въ XVI в., отвергавшая божественное происхожденіе І. Христа,

догматъ Троицы, первородный грѣхъ, молитву и пр. Въ настоящее время имѣются въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Соціальный — общественный; *соціологія* — наука о законахъ, по которымъ совершается жизнь и развитіе общества.

Спазмодическій — (стр. 292) и **спазматическій**— (стр. 487)—судорожный.

Спектакль—зрѣлище, театральное представленіе.

Спектръ — цвѣтное изображеніе, получаемое отъ луча свѣта, проходящаго сквозь прозрачную призму; бѣлый солнечный лучъ разлагается при этомъ на 7 лучей: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій, фіолетовый, которые и располагаются въ видѣ удлиненной полосы. Каждое тѣло, сдѣлавшись источникомъ свѣта, даетъ особенный, свойственный этому тѣлу спектръ, съ характерными полосами, особыми для каждаго тѣла. Благодаря этому, является возможность опредѣлять присутствіе какого-либо вещества при помощи такъ называемаго *спектральнаго анализа* (см. выше подъ словомъ *анализъ*).

Специфическій — составляющій исключительное свойство даннаго предмета, исключительно ему принадлежащее.

Спеціализація—сосредоточеніе дѣятельности человѣка на одной какой-либо отрасли занятій; *спеціальность* — родъ занятій или званія усвоеннаго себѣ; *спеціалистъ* – человѣкъ, посвятившій себя исключительно чему-либо, занимающійся исключительно однимъ предметомъ; *спеціальный*—(напр. учебное заведеніе)—такой, гдѣ все вниманіе обращено на одну какую-нибудь отрасль наукъ, напр. техническую, коммерческую, военную и т. д.; *спеціально*—исключительно, преимущественно.

Спиритизмъ — см. объясненіе на стр. XVI предисловія и подробн. на 350.

Спиритуализмъ—ученіе противоположное матеріализму, по которому признается существованіе духовнаго міра, вполнѣ самостоятельнаго и отдѣльнаго отъ матеріальнаго.

Сплинъ—родъ ипохондріи; тоскливое, скучное настроеніе духа.

Стадія — собств. мѣра длины у древнихъ грековъ, равная 125 шагамъ; степень, періодъ (см. выше это слово).

Статистика—фактическія числовыя свѣдѣнія о состояніи извѣстной отрасли государственой жизни или извѣстнаго явленія.

Стенографія — искусство посредствомъ упрощенныхъ буквъ, сокращеній, условныхъ знаковъ и пр., быстро писать, служащее главнымъ образомъ для того, чтобы записывать разговорную рѣчь.

Стереоскопъ — оптическій приборъ, съ помощью котораго плоскія изображенія видны въ рельефѣ (выпукло). Устройство его основано на слѣдующемъ началѣ: если приготовить два изображенія предмета — одно въ томъ видѣ, въ какомъ предметъ представляется правому глазу, другое — лѣвому глазу, и устроить такъ, чтобы каждый глазъ видѣлъ лишь соотвѣтствующее ему изображеніе, то на пересѣченіи оптическихъ осей должно представиться рельефное изображеніе предмета.

Стереотипный -- одинаковый, стр. 381.

Стигматы—знаки на тѣлѣ, преимущественно ранъ; появляются безъ посредства внѣшней причины; *стигматизированый* — имѣющій стигматы.

Стимулъ — побужденіе, побудительная причина.

Стихія — сила природы; одно изъ составныхъ началъ, изъ которыхъ образовался міръ; вообще составная часть; всякое простое, неразложимое тѣло.

Стоики — философы, проповѣдывавшіе равнодушіе къ земнымъ благамъ; отличались строгостью въ нравственныхъ убѣжденіяхъ, твердостью духа и суровымъ образомъ жизни.

Стратегическій — относящійся къ военному дѣлу или искусству.

Стрихнинъ — страшный ядъ, извлекаемый изъ растенія челибухи.

Строфа — часть поэтическаго произведенія, содержащая опредѣленное число стиховъ.

Структура — строеніе, устройство.

Субстанціальность — дѣйствительное существованіе; *субстанціональный* — дѣйствительный.

Субстанція — неизмѣнная и постоянная сущность противополагаемая всему преходящему и случайному.

Субстратъ — основа вещи, ея сущность.

Субъектъ — личность; наше личное начало, сознающее себя отличнымъ отъ остальнаго міра, который по отношенію къ нему является объектомъ (см. выше это слово); *субъективный*—личный.

Sui generis — своего рода.

Сульфатъ — общее названіе сѣрнокислыхъ солей разныхъ веществъ.

Суррогатъ — все, что замѣняетъ другой предметъ; поддѣлка, подобіе.

Сфера — собств. шаръ; область, предѣлы чего-либо.

Схема — общій видъ предмета, планъ; *схематическій* — примѣрный, изображающій лишь существенныя части или свойства предмета.

Схоластика — средневѣковая философія, представлявшая смѣсь богословія съ ученіемъ греческихъ философовъ, преимущественно Аристотеля; она не имѣла самобытности въ изслѣдованіяхъ и не сказала новаго слова; все вниманіе въ ней было обращаемо на внѣшнее, по правиламъ логики и діалектики, построеніе разсужденія; *схоластическій*—сухой, безсодержательный, ставящій форму выше содержанія.

Схимонахъ — монахъ, принявшій схиму; *схима* — это послѣдняя, высшая степень монашества, отличающаяся особо строгими правилами; монахъ священнаго сана, постриженный въ схиму, называется *схіеромонахъ*, стр. 571.

Сэръ — титулъ англійскихъ дворянъ.

Сюрпризъ — неожиданный подарокъ; вообще неожиданность.

Т

Tabula rasa — пустая, чистая дощечка, на которой еще ничего не написано.

Тактильный — осязательный, получаемый чрезъ осязаніе, прикосновеніе.

Талисманъ — какой-нибудь предметъ, изображеніе или знакъ, которому суевѣрные люди приписываютъ чудодѣйственную силу, напр. способность приносить счастье.

Тамбуринъ — музыкальный инструментъ, напоминающій нашъ бубенъ.

Тампоны — затычки изъ корпіи, ваты, марли, употребляемые при операціяхъ.

Тарабарская грамота — все, трудно или совершенно не понимаемое.

Тезисъ — положеніе, которое надо доказать.

Теизмъ — философское ученіе, признающее существованіе единаго личнаго Бога (въ противоположность *пантеизму*) и Божественное Откровеніе (въ противоположность *деизму*). *Теистъ* — послѣдователь этого ученія.

Телекинетія—см. объясненіе на стр. 279.

Телепатія — способность нѣкоторыхъ лицъ ощущать происшествія, отдаленныя отъ нихъ по мѣсту и времени; см. еще стр. 654.

Телескопъ — зрительная труба для разсматриванія очень удаленныхъ предметовъ (свѣтилъ небесныхъ).

Телефонъ — аппаратъ для передачи человѣческой рѣчи на большія разстоянія.

Темпераментъ — душевное настроеніе или характеръ человѣка, зависящій отъ его организма.

Температура — степень теплоты въ тѣлѣ, опредѣляемая термометромъ или градусникомъ.

Тенденція — стремленіе къ опредѣленной цѣли; наклонность, направленіе.

Теологъ — богословъ; *теологія* — богословіе.

Теорія — научное объясненіе, ученіе; *теоретическій* — научный, отвлеченный, противоположный практическому.

Теософія — ученіе о возможности путемъ духовнаго просвѣтленія достигать высшаго познанія Божества; такъ называются и всѣ вообще мистическія ученія; послѣдователи такого ученія наз. *теософы*.

Терапія — наука о лѣченіи болѣзней; *терапевтическій*—1) относящійся къ терапіи; 2) лѣкарственный, цѣлительный.

Терминъ — спеціальное слово или выраженіе, принятое въ извѣстной области знанія или ремесла; *терминологія* — собраніе, совокупность терминовъ; опредѣленіе.

Террорь — царство ужаса, политическая система, достигающая своихъ цѣлей путемъ жестокихъ мѣръ, внушающихъ страхъ. Таковъ былъ террорь во Франціи съ мая 1793 г. до іюля 1794 г.

Теургія — мнимое искусство входить въ сношенія съ духами и пользоваться ихъ услугами.

Тинктура — настой лѣкарственнаго вещества на водѣ, спиртѣ или эфирѣ.

Типъ — первообразъ, соединяющій въ одномъ цѣломъ характеристическія черты цѣлаго ряда однородныхъ предметовъ; отличительный образъ; *типическій*—встрѣчающійся у большинства однородныхъ предметовъ; характерный, своеобразный.

Топографія—описаніе мѣстности; мѣстоположеніе.

Тормазъ — препятствіе, задерживающее движеніе.

Трагическій — ужасный.

Трактатъ — научное сочиненіе, разсужденіе.

Транспирація — выдѣленіе пота, испареніе.

Transplantatio morborum—перенесеніе болѣзней съ одного на другое лицо.

Трансудація — истеченіе, выхожденіе по каплямъ.

Трансфертъ — переводъ, переносъ.

Трансфигурація — см. объясненіе на стр. XVII предисловія.

Трансцендентый, **трансцендентальный** — сверхъчувственный, превышающій предѣлы знанія, выходящій изъ границъ опыта.

Трансъ — см. объясненіе на стр. XVII предисловія.

Траншея — укрѣпленіе изъ рвовъ, закрывающихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Тріумфъ—торжество по случаю одержанія побѣды.

Тропическій — расположенный между тропиками, близко отъ экватора, жаркій; (о растительности) роскошный.

Трофей — побѣдное пріобрѣтеніе; знакъ побѣды.

Туристъ — путешественникъ.

Тюрбанъ — чалма, головной уборъ въ жаркихъ странахъ.

Тюркосы—французскіе солдаты изъ африканскихъ туземцевъ.

У

Ультра-красный, ультра-фіолетовый — лучи, находящіеся за краснымъ и фіолетовымъ лучемъ спектра, невидимые для глаза, но производящіе тепловыя и химическія дѣйствія.

Умозрительный — отвлеченный, независящій отъ данныхъ опыта и наблюденія, но выводимый исключительно разсужденіемъ.

Универсальность — всеобщность, повсемѣстность.

Унція — $^1/_{12}$ аптекарскаго фунта, равна приблизительно 7 золотникамъ.

Урна — сосудъ, похожій на вазу, но только постепенно суживающійся къ верху.

Ф

Фаза, фазисъ — состояніе, положеніе; видоизмѣненіе.

Факиръ — нищенствующій индійскій монахъ, изъ фанатизма подвергающій себя всевозможнымъ истязаніямъ.

Факторъ — вообще: дѣятель, дѣйствующее начало.

Фактъ — дѣйствительное, достовѣрное событіе.

Фанатизмъ — 1) изувѣрство, религіозная нетерпимость; 2) слѣпое, пламенное слѣдованіе какимъ-нибудь убѣжденіямъ.

Фантазія — сила воображенія, мечта; *фантастическій* — несуществующій въ дѣйствительности, порожденный воображеніемъ.

Фантомъ, фантасмъ — призракъ, привидѣніе; *фантасмагорія* — собств. тѣни волшебнаго фонаря; вообще видѣнія, созданныя воображеніемъ.

Фармакодинамика — наука о дѣйствіи лѣкарствъ на организмъ.

Фармакохимія — наука о свойствахъ лѣкарственныхъ веществъ.

Фармацевтическій — аптекарскій; *фармацевтъ*— лицо, приготовляющее лѣкарство въ аптекѣ.

Фасъ-сеансъ — такой медіумическій сеансъ, когда медіумъ сидитъ отдѣленный занавѣской отъ присутствующихъ, стр. 373.

Фатализмъ — вѣра въ предопредѣленіе судьбы, котораго нельзя миновать; *фатальный*—неизбѣжный, роковой.

Фельетонъ — отдѣлъ въ нижней половинѣ газеты, гдѣ помѣщаются новости литературныя, научныя, городскія, общедоступно изложенныя.

Феноменъ — явленіе; *феноменальный* — выражающійся въ проявленіяхъ, стр. 82; необыкновенный.

Фермеръ — хозяинъ или арендаторъ участка воздѣланной земли со всѣми постройками и инвентаремъ.

Фетишъ — предметъ, которому дикіе народы поклоняются, какъ Божеству.

Фибры — волокна, образующія мясо животныхъ.

Физическій — тѣлесный, матеріальный; *физическая природа* — видимый міръ; *физика* — 1) наука о явленіяхъ природы; 2) тѣлесная природа, напр. стр. 239; *физикъ*—изучающій физику.

Физіологія — наука, изслѣдующая различные процессы, происходящіе въ живыхъ тѣлахъ или организмахъ, а также и законы жизни ихъ.

Физіономія—выраженіе лица, лицо; *физіогномика*— искусство по чертамъ лица угадывать характеръ и поступки человѣка.

Фиксировать — закрѣплять, укрѣплять.

Фиктивный — мнимый, кажущійся, не существующій на самомъ дѣлѣ; *фикція* — вымыселъ, выдумка, несуществующее.

Философема — ученіе или міросозерцаніе какого-либо философа.

Флюидическій, *флюидъ*— см. объясненіе на стр. 128 въ примѣчаніи; *флюидистъ* — послѣдователь ученія, что изъ тѣла человѣка истекаетъ особая, мало изслѣдованная сила, стр. 243.

Фоліантъ — книга (преимущественно старинная) форматомъ во весь листъ.

Фонографъ—приборъ, посредствомъ котораго можно всегда воспроизводить человѣческій голосъ и даже цѣлыя рѣчи, сказанныя въ этотъ аппаратъ.

Формація — напластованіе почвы, происходящее съ теченіемъ времени; въ настоящее время всѣхъ такихъ пластовъ (формацій) считается десять.

Формула — выводъ, разъ навсегда сдѣланное опредѣленіе; *формулировать* — опредѣлять, выражать.

Фортификація — наука о возведеніи укрѣпленій.

Фосфатъ — общее названіе фосфорныхъ солей.

Фотосфены — свѣтъ, выходящій изъ предмета и окружающій его въ видѣ сіянія.

Франкъ — французская серебряная монета, стоющая на наши деньги приблизительно 25 коп.
Френологія — наука, старающаяся по устройству и формѣ черепа опредѣлять душевныя свойства и характеръ человѣка.
Фронтальное сѣченіе — раздѣляющее на двѣ части: переднюю и заднюю.
Фронтонъ — украшеніе на верху зданія или надъ входомъ; вообще передняя часть зданія.
Функція — въ физіологіи: отправленіе дѣятельности какого-либо органа, напр., пищевареніе есть функція желудка; *функціонировать* — исполнять, отправлять.
Фурія — злая, бѣшеная женщина.
Фухтель — ударъ плашмя обнаженнымъ клинкомъ сабли по спинѣ.

Х

Ханжество — лицемѣріе.
Хаосъ — состояніе вселенной прежде созданія міра, когда всѣ элементы были смѣшаны между собою и масса не имѣла стройнаго вида; вообще безпорядокъ; *хаотическій* — безпорядочный, неустроенный.
Характеристическій — отличительный, особый, знаменательный.
Хиромантія — см. объясненіе на стр. 202.
Хирургъ — врачъ, дѣлающій операціи.
Хлороформъ — безцвѣтное маслянистое вещество съ особымъ сильнымъ запахомъ, обладающее свойствомъ усыплять и приводить въ безчувственное состояніе.
Х-лучи—лучи спектра, открытые недавно Рентгеномъ, невидимые для глаза, но дающіе возможность фотографировать и то, что недоступно для непосредственнаго зрѣнія, напримѣръ, строеніе костей въ человѣческомъ живомъ организмѣ, находить попавшія въ нихъ пули и пр.
Хоралъ — духовная пѣснь.
Хорея — то же что *Виттова пляска* (см. выше).
Хроматическій — въ музыкѣ: такой, въ которомъ звуки идутъ вверхъ или внизъ полутонами, чрезъ прибавленіе діезовъ или бемолей.
Хроническій—продолжительный, долговременный.
Хронологически — по порядку времени.

Ц

Цезарь — прибавленіе къ титулу римскихъ императоровъ, начиная съ Августа; позднѣе, съ Діоклетіана, это слово было титуломъ наслѣдника престола.
Центиграммъ—то же, что сантиграммъ (см. выше).
Центръ — средина, точка.
Церебрація — безсознательная душевная дѣятельность (стр. 188); *церебральный* — мозговой.
Цефальгія — головная боль.
Цивилизація -- образованность, развитіе умственное, нравственное и общественное.
Цитата — выдержка изъ сочиненія, изреченіе; *цитировать* — приводить слова другого автора.

Ч

Чекъ — переводная денежная записка; родъ векселя, по которому предъявитель можетъ получить деньги.

Ш

Шанцы — земляные окопы, укрѣпленія.
Шарлатанство — мошенничество, обманъ.
Шарниръ — петли съ проходящимъ внутри ихъ шпилемъ, на которыхъ вертятся крышки, дверки и проч.
Шедевръ — образцовое произведеніе.
Шеолъ — еврейское названіе ада.
Шлафрокъ — одежда вродѣ халата.
Шпатъ исландскій — прозрачный кристаллическій минералъ, состоящій изъ углекислой извести.
Шприцъ — маленькій ручной насосъ, посредствомъ котораго впрыскивается жидкость.
Штрихъ — черта.
Штудировать — изучать.
Штурвалъ — колесо, помощью котораго правятъ рулемъ.

Э

Эволюціонизмъ, эволюціонная теорія — ученіе о томъ, что всѣ виды живыхъ существъ образовались отъ немногихъ первоначальныхъ, чрезъ ихъ развитіе и усовершенствованіе.
Эволюція — передвиженіе.
Эгоистъ — себялюбецъ; *эгоистическій* — себялюбивый.
Эдемъ — рай.
Экваторіальныя страны — находящіяся подъ экваторомъ, въ жаркомъ поясѣ земли.
Эквивалентный — равносильный, равнозначащій; *эквивалентъ* — возмѣщеніе (стр. 326 и 327).
Экзальтація — восторженность.
Экзерція — упражненіе.
Экклезіархъ — надзирающій за порядкомъ въ церкви и въ отправленіи богослуженія.
Экономія — хозяйство (стр. 586); бережливость, расчетливость; *экономическій* — бережливый, умѣренный.
Экранъ — рама, затянутая тканью, для защиты отъ свѣта или жара.
Экскурсія — путешествіе, прогулка.
Экспериментъ — опытъ; *экспериментальный* — опытный, основанный на опытахъ; *экспериментація* — наблюденіе посредствомъ опыта; *экспериментаторъ* — лицо, производящее опытъ; *экспериментировать* — производить опытъ.
Эксплоатація — разработка, извлеченіе выгодъ; *эксплоатировать* — получать барыши, пользуясь услугами кого-либо.
Экспозиція — выставленіе.
Экспромптъ — рѣчь или стихотвореніе, сказанное безъ подготовки.
Экстазъ — восторгъ, восхищеніе.
Экстрафизіологическій — выходящій изъ предѣловъ вѣдѣнія физіологіи.
Эксцессъ — излишекъ, излишество.
Экс-человѣкъ — см. примѣчаніе на стр. 585.
Эластичность — упругость.
Элегія — стихотвореніе грустнаго содержанія и настроенія.
Электродъ — оконечность проволоки въ гальваническомъ элементѣ, на которой скопляется электричество.
Электромагнитризмъ — возбужденіе магнитизма посредствомъ электрическихъ токовъ.
Электроскопъ — приборъ для опредѣленія, находится ли въ тѣлѣ свободное электричество.
Электростатическая машина — доставляющая электричество чрезъ треніе стекляннаго круга о металлическія щеточки.
Электротерапія — лѣченіе электричествомъ.
Элементъ — 1) начальное вещество; начало, основаніе; 2) электрическій приборъ для полученія гальваническаго тока.
Эллипс(ис)ъ — кривая линія, представляющая изъ себя нѣсколько растянутый кругъ, овалъ.
Эманація — исхожденіе, выдѣленіе; *эманировать* — выдѣлять.
Эмигрантъ — переселенецъ; *эмигрировать* — переселяться.
Эмоція — душевное движеніе, возбужденіе.
Эмпирическій — опытный, выведенный изъ опыта.
Энергія—1) способность къ дѣятельности; 2) сила воли; *энергичный* — дѣятельный, твердый.

Энтелехія — по-Аристотелю: все то, что образуется изъ себя самого и не требуетъ для своего довершенія пособія извнѣ; по-Лейбницу: совершенная индивидуальность.

Энтузіазмъ — вдохновеніе, воодушевленіе.

Энциклопедистъ — (стр. 245) — участвовавшій въ изданіи энциклопедическаго (всеобщаго) словаря, предпринятомъ во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія, предъ революціей, людьми отличавшимися вольнодумствомъ и республиканскими убѣжденіями.

Эолова арфа — инструментъ, отъ дѣйствія вѣтра издающій музыкальные звуки.

Эпигастрій — мѣсто подъ ложечкой, въ тѣлѣ человѣка, гдѣ находятся печень, желудокъ и селезенка.

Эпиграмма — коротенькое насмѣшливое стихотвореніе; насмѣшка.

Эпидемія — повальная, заразная болѣзнь; *эпидемическій* — заразительный.

Эпизодъ — случай, происшествіе.

Эпикурейцы — послѣдователи философа Эпикура, (жившаго за 4 вѣка до Рожд. Христ.), поставлявшіе главною цѣлью жизни наслажденіе.

Эпилептикъ — подверженный *эпилепсіи*, болѣзни, извѣстной еще подъ именемъ «падучей». Одержимые ею подвергаются припадкамъ, иногда очень продолжительнымъ, сопровождающимся конвульсіями и потерею сознанія.

Эпоха — періодъ времени.

Эра — время, съ котораго народы ведутъ свое лѣтосчисленіе, напримѣръ, христіане съ Рождества Христова, евреи — съ сотворенія міра и т. д.

Эретизмъ — сильное возбужденіе.

Эрудиція — ученость, образованіе.

Эскадра — отрядъ изъ нѣсколькихъ кораблей.

Эскизъ — очеркъ, набросокъ картины.

Эскулапъ — врачъ.

Эссенція — сущность; выжимки.

Этика — философское ученіе о нравственности; *этическій* — относящійся къ нравственности.

Этикетъ — ярлычекъ или бумажка, наклеенная на какой-либо предметъ съ надписью его названія.

Этимологія — словопроизводство.

Этіологія — наука о происхожденіи (стр. 300).

Этюдъ — очеркъ, небольшое сочиненіе; рисунокъ.

Этнографія — описаніе жизни народовъ.

Эффектъ — слѣдствіе; дѣйствіе.

Эѳиръ — 1) тончайшее вещество, наполняющее, по мнѣнію ученыхъ, все небесное пространство; 2) жидкость, обладающая особымъ, свойственнымъ ей запахомъ и способностью быстро испаряться даже безъ нагрѣванія; *эѳирный* — воздушный, летучій.

Ю

Ювелиръ — мастеръ или продавецъ издѣлій изъ благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней.

Юморъ — добродушное подсмѣиваніе; *юмористическій* — заставляющій смѣяться, смѣшной.

Я

Ярдъ — мѣра длины въ Сѣверной Америкѣ и Англіи, равняется около 3 русск. фут.

Ясновидѣніе — см. объясненіе на стр. XVII.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Явленія душевной жизни въ бодрственномъ состояніи человѣка.

Стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Предчувствія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.
Предвидѣніе будущаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.
Вѣщія видѣнія въ бодрственномъ состояніи человѣка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.
Способность души къ безсознательной разумной дѣятельности.

ГЛАВА ПЯТАЯ.
Свобода воли.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Психометрическая способность души.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Способность человѣка къ проявленію магнитическихъ вліяній (животный магнитизмъ).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Духовидѣніе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Свойство нѣкоторыхъ людей накоплять въ себѣ электричество

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Способность къ левитаціи, т.-е. къ произвольному уменьшенію вѣса собственнаго тѣла.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Телекинетія, или способность человѣка на дальнемъ разстояніи производить движенія предметовъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Способность человѣческаго духа вліять на свое тѣло, производя въ немъ тѣ или другія измѣненія.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Способность человѣческаго духа къ сознанію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Способность нѣкоторыхъ лицъ къ обнаруженію такъ называемыхъ медіумическихъ явленій, т.-е. анимизмическихъ и спиритическихъ.

Стр.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Способность духа человѣческаго проявлять въ своей природѣ и дѣятельности образъ и подобіе Божіе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Явленія душевной жизни во снѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Жизнь души во снѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣщіе сны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сомнамбулизмъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гипнотизмъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Явленія душевной жизни человѣка послѣ его тѣлесной смерти.

Стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кончина людей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исходъ души изъ тѣла.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разсказы о явленіяхъ душъ умершихъ людей, удостовѣряющіе въ бытіи загробной жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мытарства (частный судъ по смерти).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Загробная жизнь вообще.

Стр.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Загробная участь праведниковъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Загробная участь грѣшниковъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О ходатайствѣ живыхъ за умершихъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Антихристъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Столб.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
1	2 снизу	лѣвый	это способность	этой способностью
23	10 —	правый	улыбясь	улыбаясь
75	29 —	—	акціому	аксіому
78	9 —	правый	чоловѣкъ	человѣкъ
—	13 —	—	Божіа	Божія
99	23 сверху	—	стремленія	стремленіе
112	6 —	—	вкричалъ	вскричалъ
116	26 —	лѣвый	нидъ	надъ
121	3 снизу	—	примѣчаніе къ § 13	примѣчаніе къ § 14
127	16 —	правый	возращался	возвращался
130	3—4	—	посторонніе	посторонніе
133	21 —	—	сомнабулизма	сомнамбулизма
142	7 —	—	нѣкорые	нѣкоторые
148	18 сверху	—	большал	большая
167	27 —	лѣвый	станцій	изъ станцій
181	14 —	—	24 мая	24 марта
—	26 —	—	противополжномъ	противоположномъ
221	9 —	—	было извѣстно	была извѣстна
—	1 —	—	нлца	лица
241	8 сверху	—	составленной	составленную
264	15—16 сн.	правый	ежемесячное	ежемѣсячное
279	17 снизу	—	электрической	электрической
282	1 —	лѣвый		пропускъ: имъ силы
293	3 —	—	оцепенѣлаго	оцѣпенѣлаго
318	31 —	правый	извлеченія	излѣченія
348	7 сверху	—	это	эти
390	31 снизу	лѣвый	себя	себѣ
—	2 сверху	правый	индентична	идентична
392	3 снизу	лѣвый	которомъ	которой
395	33 —	правый	онъ	одъ
441	20—21 —	—	сомнабулизмѣ	сомнамбулизмѣ
445	13 сверху	—	тишинѣ	тишины
446	24 снизу	лѣвый	но	не
450	сверху	—	540	450
469	1 снизу	правый	способность	способностью
499	20 сверху	—	оути	пути
—	21 —	—	однак	однако
501	23 снизу	лѣвый	чаще	чащѣ
518	3—4 св.	—	возникновеніе	возникновенія
570	12 снизу	—	Григорьвны	Григорьевны
573	2—3 св.	правый	объстоятельствѣ	обстоятельствѣ
—	4 —	—	нѣсколько	за нѣсколько
585	5 снизу	—	по смерти души	по смерти
613	сверху	—	513	613
625	6 снизу	лѣвый	племянника	двоюроднаго брата
—	22 —	правый	класной	классной
671	12 сверху	—	благимъ	благами
730	17 —	—	Хистово	Христово
732	20 снизу	лѣвый	ка 1%	на 1°